This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 022 553 416

Digitized by Google

P Slav 424. 30

Harvard College Library

FROM

Library of St. Petersburg.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СТУДЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА.

Выпускъ первый.

№ 1–3

ПРЕДИСЛОВІЕ. — ГЕРБЕРШТЕЙНЪ. — ТЕОРІЯ НАИБОЛЬШИХЪ И НАИМЕНЬШИХЪ ВЕЛИЧИНЪ ФУНКЦІЙ. — ГЮЛИСТАНЪ СААДИ. — О НОВГОРОДСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТѢ. — УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. — ТЕКСТЪ И ПЕРЕВОДЪ RER. MOSC. COM. ГЕРБЕРШТЕЙНА (ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II-го Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

1857.

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СТУДЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

St. Petersburg, Imp.

УНИВЕРСИТЕТА.

Выпускъ первый.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II-го Отд. Сов. Е. И. В. Канцеляріи.

1857.

Digitized by Google

PSlav 424.30
~~LSoc 3983.85~~
~~Slav 20.3.2~~
1678-38
JAN 13 1911
Library of
University of St. Petersburg.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Октября 2 дня 1857 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

BOUND. 1 APR 1912

Digitized by Google

Составъ редакціи «Сборника».

Профессоръ-редакторъ: *Адъюнктъ М. И. Сухомлиновъ.*

Студенты-редакторы:

Ист.-филол. фак.	*Тихменевъ.*
	Новиковъ.
Фак. восточ. языковъ.	*Богушевичъ.*
	Ивановъ.
Разр. матем. наукъ.	*Коркинъ.*
	Кросновскій.
Разр. естеств. наукъ.	*Фогель.*
	Аверкіевъ.
Разр. юридич. наукъ.	*Глуховъ.*
	Остолоповъ.
Разр. камер. наукъ.	*Андреевъ.*
	Упинъ.

Завѣдывавшій изданіемъ перваго выпуска:
Александръ Тихменевъ.

Выборъ студентовъ-редакторовъ отъ факультетовъ происходилъ 23 февраля 1857 года.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . стр. I—VIII.
I. Сигмундъ баронъ Герберштейнъ, его жизнь и значеніе, какъ писателя о Россіи. Сочиненіе кандидатовъ И. Корелкина, И. Григоровича и студента И. Новикова . . . . . 1—102.
Глава 1. Жизнеописаніе барона Герберштейна стр. 2. 1) *Юношество и образованіе.* 2) *Военная дѣятельность.* 3) *Дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ.* Глава 2. Объясненіе степени достовѣрности извѣстій барона Герберштейна о Россіи, стр. 15. 1) *Лица, сообщавшія б. Герберштейну различныя свѣдѣнія о Россіи.* 2) *Объясненіе степени достовѣрности извѣстій Герберштейна о Россіи, основанныхъ на его личномъ свидѣтельствѣ или переданныхъ ему посторонними лицами: (Пріемъ Пословъ.—Верховная власть и формы правленія. — Религія.—Военное устройство. — Торговля.—Домашняя жизнь.—Народныя увеселенія.—Древности.—Географія и Статистика).*—Глава 3. Объясненіе степени достовѣрности извѣстій б. Герберштейна, почерпнутыхъ имъ изъ письменныхъ источниковъ, стр. 59. *(Исторія.—Юридическіе памятники.—Духовная литература).*—Глава 4. Указаніе мѣста Rerum Moscoviticarum Commentarii въ числѣ иностранныхъ источниковъ о Россіи стр. 83.
II. Теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій. Сочиненіе студента А. Коркина (съ чертежомъ) . . . . . стр. 103—178.
Глава 1. О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ явныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой, стр. 103. Глава 2. О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой, стр. 110. Глава 3. О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, представляющихъ особенныя или какія либо прерывныя величины функцій объ одной перемѣнной независимой, стр. 113. Глава 4. О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой, представляющихъ особенныя величины сихъ функцій, стр. 129. Глава 5. О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ явныхъ функцій многихъ перемѣнныхъ независимыхъ, стр. 134. Глава 6. О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ, стр. 146. Глава 7. О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ, представляющихъ особенныя величины сихъ функцій, стр. 164.
III. Гюлистанъ Слади. Сочиненіе студента Ю. Богушевича. стр. 179—254.
IV. Изслѣдованіе о новгородской судной грамотѣ 1471 года, въ отношеніи къ судопроизводству, преимущественно гражданскому. Сочиненіе студента Ѳ. Панова . . . . . стр. 255—320.

Digitized by Google

Введеніе. А. О судебныхъ властяхъ въ новгородскомъ княжествѣ: I. *О судѣ вѣчевомъ*, стр. 260. II. *О судѣ княжескомъ*, стр. 262. III. *Судъ новгородской*, стр. 267. *(1. О судѣ посадника.—2. О судѣ тысяцкаго.—3. Судебное разбирательство низшихъ новгородскихъ судей).*—IV. *О церковномъ судѣ*, стр. 272. V. *О лицахъ, отправлявшихъ при судахъ низшія должности*, стр. 273. Б. О тяжущихся сторонахъ: I. *Объ истцѣ и отвѣтчикѣ*, стр. 278. II. *О представителяхъ тяжущихся въ судѣ или о повѣренныхъ*, стр. 279. В. О порядкѣ производства суда: I. *О разборѣ судныхъ дѣлъ по общимъ правиламъ. (1. О началѣ тяжбы или иска и вызовѣ къ суду отвѣтчика, стр. 282. 2. О явкѣ отвѣтчика въ судъ, о показаніяхъ тяжущихся въ отношеніи другъ къ другу и къ судьямъ, стр. 287.—3. О судебныхъ доказательствахъ, стр. 292).* II. *Объ особенностяхъ судебнаго разбора: (1. Особенности судебнаго разбора по тяжбамъ за поземельную собственность, стр. 297.—2. Особенности судебнаго разбора въ искахъ по уголовнымъ преступленіямъ, стр. 302).* III. *Объ обсужденіи и рѣшеніи судныхъ дѣлъ*, стр. 306. IV. *Объ исполненіи судебныхъ рѣшеній*, стр. 317. V. *О денежныхъ штрафахъ и судебныхъ пошлинахъ*, стр. 317.

V. Ученo-литературныя замѣтки . . . . . стр. 321—350.
Библіографическія замѣтки по русской литературѣ. А. Лазаревскаго: *1) Матер. для біогр. Н. И. Новикова* стр. 321.—*2) А. Ѳ. Воейковъ* стр. 335.—*3) О службѣ Гоголя въ департ. удѣловъ* стр. 345.—*4) Франц. стихи В. Л. Пушкина* стр. 346.—*5) Стихотв. І. Олова* стр. 347. Майкова: *6) О Д. В. Давыдова* стр. 348.—*7) Ненапеч. стихи А. С. Пушкина* стр. 349.—Николай Павловичъ Корелкинъ, студента А. Тихменева, стр. 350—563. Новое предпріятіе нашихъ студентовъ, студента Ю. Богушевича, стр. 364—374. Бытописатели Германіи, студ. Л. Майкова стр. 374—377. Лѣтопись внутренней жизни Петербургскаго Университета, стр. 374—392.

Приложеніе: Записки о Московскомъ бытѣ (Rerum Moscoviticarum Commentarii), соч. барона С. Герберштейна. Редакція латинскаго текста (по базельскому изданію 1556 года), варіанты, примѣчанія и указатель студента А. Тихменева. Переводъ на русской студента И. Анонимова . . . . . стр. 1—80.

Предисловіе студента А. Тихменева стр. 1—33. Текстъ и переводъ комментарій (13 стр. подлинника) стр. 33—80.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію «Сборника», редакція считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о цѣли его и направленіи.

Цѣль предпринятаго изданія—дѣлать извѣстными публикѣ сочиненія и переводы студентовъ университета, имѣющіе право на гласность, на большее или меньшее вниманіе къ нимъ. Существеннымъ условіемъ каждой статьи, появляющейся на страницахъ «Сборника», поставляется ея дѣльность. Чѣмъ основательнѣе изучены источники, чѣмъ болѣе употреблено самостоятельнаго труда, чѣмъ вѣрнѣе выводы, добытые авторомъ, тѣмъ болѣе правъ имѣетъ трудъ его на помѣщенье въ «Сборникѣ». Сообразно съ раздѣленіемъ нашего университета на факультеты, въ «Сборникѣ» должны быть помѣщаемы статьи по каждому изъ четырехъ факультетовъ с.-петербургскаго университета: историко-филологическому, восточному, физико-математическому, и юридическому, съ ихъ подраздѣленіями на разряды.

Программа изданія нашего слѣдующая:

1) Оригинальныя сочиненія исключительно ученаго содержанія по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ университетскій курсъ: сюда войдутъ между прочимъ нѣкоторыя изъ кандидатскихъ и медальныхъ диссертацій.

Digitized by Google

2) Переводы лучшихъ иностранныхъ книгъ и статей, заслужившихъ авторитетъ въ наукѣ.

3) Всякаго рода учено-литературныя замѣтки, все что не имѣя законченности и полной обработки, тѣмъ не менѣе тѣсно связано съ интересомъ науки. Здѣсь же отъ времени до времени будетъ печататься и лѣтопись внутренней жизни нашего университета.

Не въ каждомъ выпускѣ могутъ быть статьи по всѣмъ разрядамъ, что̀ очевидно уже изъ числа разрядовъ и объема статей, не говоря о другихъ причинахъ. Въ отношеніи къ общему духу и направленію статей, «Сборникъ» нашъ постарается сохранять самое полное безпристрастіе. Не примыкая ни къ какой партіи, не подчиняясь безсознательно чужому вліянію, онъ не будетъ истиною факта жертвовать произвольно составленной теоріи.

Какъ ни широко разрабатываются въ наше время науки, настоящее состояніе ученой дѣятельности въ Россіи не уничтожаетъ въ молодыхъ дѣятеляхъ рѣшимости знакомить публику съ результатами ихъ посильныхъ трудовъ. Напротивъ, оно еще болѣе укрѣпляетъ ихъ въ ихъ намѣреніи, придаетъ ему новую силу. Дѣятельность ученыхъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ сильнѣе возбуждаетъ сочувствіе къ себѣ въ молодомъ поколѣніи, а это сочувствіе въ чемъ же иномъ можетъ выразиться полнѣе, какъ не въ слѣдованіи по пути, пролагаемому двигателями науки? Не смотря на очевидность этой истины, намъ случалось слышать объ опасеніи, чтобы студенты не увлеклись новою дѣятельностью и не уклонились бы отъ своего прямаго призванія, отъ серьезныхъ факультетскихъ занятій. Но направленіе «Сборника» нашего совершенно такое же, какое развивается

Digitized by Google

университетскими курсами, а отнюдь не фельетонное. Статьи для «Сборника» пишутся не на срокъ: онъ будетъ выходить безсрочными выпусками. Это обстоятельство важное; въ немъ—одно изъ ручательствъ дѣльности содержанія статей. Съ цѣлью избѣгать незрѣлыхъ, срочныхъ работъ, редакція рѣшила печатать и статьи окончившихъ уже курсъ студентовъ, какъ напр. сочиненія на медали, и другіе труды, приготовленные авторами во время ихъ университетскаго курса.

Предпріятіе наше возникло между нами вполнѣ самостоятельно, вслѣдствіе долгихъ и долгихъ соображеній и товарищескихъ бесѣдъ о томъ, какимъ образомъ время пребыванія въ университетѣ—лучшее время жизни нашей—употребить съ наибольшею пользою, сообразно съ достоинствомъ университета и съ нашею вѣрою въ его высокое значеніе. Какъ ни самостоятельно и твердо было въ насъ убѣжденіе въ необходимости предпринять изданіе, мы чувствовали потребность представить дѣло наше на судъ людей, высоко стоящихъ въ наукѣ и литературѣ, какъ ученые и писатели, и въ общественномъ мнѣніи, какъ граждане. Съ живѣйшею признательностію приводимъ письма двухъ знаменитыхъ современниковъ нашихъ: Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова и Николая Ивановича Пирогова. Участіе ихъ къ нашему дѣлу такъ дорого намъ, что мы сочли обязанностью передать отзывъ ихъ на память всѣмъ будущимъ поколѣніямъ университета.

Digitized by Google

Письмо С. Т. Аксакова (*).

Милостивый Государь!

Я имѣлъ честь получить письмо отъ имени всѣхъ студентовъ петербургскаго университета, за подписью 12 студентовъ-редакторовъ, предпринятаго ими изданія учено-литературнаго «Сборника».

Скажу прямо и откровенно, что это письмо, въ которомъ выражено столько теплаго сочувствія ко мнѣ, какъ къ русскому литератору и человѣку, я считаю драгоцѣнною наградою для гражданина писателя, всегда высоко цѣнившаго общественное мнѣніе. Я сохраню это письмо и любезныя мнѣ отнынѣ имена людей, его подписавшихъ, какъ видимый знакъ сочувствія студентовъ с.-петербургскаго университета 1857 года—къ студенту казанскаго университета 1805 года. Это письмо тѣмъ дороже для меня, что высказываетъ мысли и чувства молодаго поколѣнія, будущихъ просвѣщенныхъ дѣятелей въ наукѣ, въ литературѣ, въ жизни.

Мысль издавать учено-литературный «Сборникъ», уже сама по себѣ достойная всякаго уваженія, краснорѣчиво говоритъ о благородномъ направленіи къ общеполезнымъ, основательнымъ трудамъ и просвѣщенной дѣятельности университетскаго юношества въ Петербургѣ. Эта мысль встрѣтитъ живое участіе и содѣйствіе отъ всѣхъ образованныхъ людей всей пространной Руси. Да благословитъ Богъ ихъ предпріятіе!

Я съ моей стороны сочту за особенную честь всякаго ро-

(*) Письмо это писано на имя г. профессора-редактора.

Digitized by Google

да участіе и содѣйствіе, какихъ только угодно будетъ редакціи пожелать отъ меня.

Покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, какъ избраннаго посредника для сношеній съ редакціей ученолитературнаго «Сборника», сообщить мое письмо и выраженіе искренней благодарности гг. студентамъ-редакторамъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ гг. студентамъ петербургскаго университета.

Примите увѣреніе, и пр.

Сергѣй Аксаковъ.

1857 г. Марта 25.
Москва.

Письмо Н. И. Пирогова.

Господа редакторы!

Предсказать участь желѣзныхъ дорогъ и литературныхъ предпріятій въ Россіи, по малой мѣрѣ, трудно.

Покуда можно утверждать навѣрное только одно: и тѣ, и другія необходимы.

Покуда и этого убѣжденія достаточно, чтобы начинать.

Дѣятельность, какъ бы ея результаты ни были сомнительны, все-таки отраднѣе для общества, чѣмъ vis inertiae съ ея неизбѣжными и вѣрными слѣдствіями.

Докажите, вспомнивъ Декартово: cogito ergo sum, что Вы живете,—это будетъ уже огромная заслуга, когда еще не пришло время доказать *какъ* Вы живете.

Со временемъ обнаружится и это.

Digitized by Google

Когда чувствуешь, что живешь, нельзя не сочувствовать признакамъ жизни; и я, видитъ Богъ, имъ вполнѣ сочувствую.

Болѣе ничего сказать Вамъ не умѣю и не могу,—да и считаю не нужнымъ.

Если Вы уже научились *имѣть убѣжденія*, и если Вы уже имѣете убѣжденія, что Ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды Ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ Вы хотите, чтобъ они были.

Если нѣтъ, то ни совѣты, ни одобренія не помогутъ.

Дѣло безъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго наукою самопознанія, все равно что дерево безъ корня. Оно годится на дрова, но рости не будетъ.

И такъ, хотите непремѣнно знать будущность Вашего предпріятія? Вникните въ себя поглубже и узнайте повѣрнѣе (что̀ конечно не легко), есть ли въ Васъ убѣжденіе, что Ваши труды должны непремѣнно достигнуть той цѣли, которую Вы имъ предназначаете.

Если да,—начинайте смѣло.

Остальное придетъ само собою, рано или поздно.

А я, благодаря Васъ отъ души за Вашу довѣренность ко мнѣ, буду ожидать, что это именно такъ и случится.

Н. Пироговъ.

1857 г. Апрѣля 27.
Одесса.

Digitized by Google

Не вдаваясь въ предположенія о будущности нашего «Сборника», мы можемъ и должны свидѣтельствовать объ одномъ: мысль, положенная въ основу «Сборника», находится въ живой связи съ назначеніемъ университета. Направленіе «Сборника» вытекаетъ непосредственно изъ духа и направленія университетской науки. Мы далеки отъ самоувѣреннаго желанія стать въ ряды двигателей науки; но сознаніе необходимости дѣйствовать, по мѣрѣ силъ, сообразно съ ея требованіями не можетъ быть чуждо намъ, какъ питомцамъ университета.

Мысль соединиться въ одну дружную семью, работать совокупными силами, имѣя въ виду общій интересъ, глубоко занимала насъ. Въ выполненіи ея мы видимъ залогъ того внутренняго единства, которое необходимо для достиженія благороднѣйшихъ цѣлей.

Университетъ, по самому назначенію своему, приводитъ разнообразные элементы къ единству. Это единство выражается въ томъ, что интересъ науки является главнѣйшимъ двигателемъ университетской жизни, сглаживая другіе интересы, которые могли бы повести не къ единству, а къ разладу. Въ университетѣ нѣтъ различія сословій и состояній: богачъ и бѣднякъ, аристократъ и человѣкъ незнатнаго происхожденія, сближаются между собою, составляютъ одну семью, ищутъ одного блага—знанія. Въ этой семьѣ вѣрное право на уваженіе даетъ сила дарованій и постоянство благороднаго труда. Въ «Сборникѣ» открывается поприще для труда, и кто болѣе усилій употребитъ для общаго дѣла, тому и большій почетъ, и задушевная благодарность, и лучшее, долговѣчное воспоминаніе.

Что касается до успѣха нашего «Сборника», то надежды

Digitized by Google

свои мы основываемъ на вниманіи къ нему просвѣщенныхъ читателей и прежде всего на сочувствіи нашихъ товарищей-студентовъ другихъ университетовъ, которымъ шлемъ братскій привѣтъ и искреннее желаніе быть для нихъ, въ статьяхъ своихъ, небезполезными собесѣдниками.

Не расчетъ на блестящій внѣшній успѣхъ руководитъ нами при изданіи. Оно является вслѣдствіе живо сознаннаго убѣжденія, что пришло время и университетскому юношеству сказать свое слово. Не сомнѣніе въ успѣхѣ, а страхъ апатіи, мертвящаго бездѣйствія тревожилъ насъ. Стремленіе къ дѣятельности—вотъ истинный признакъ жизни; тяжело отказаться отъ него во имя какихъ бы то ни было опасеній. Мы глубоко сочувствуемъ мысли геніальнаго Пирогова, словами котораго и заключаемъ наше предисловіе: «дѣятельность, какъ бы ея результаты ни были сомнительны, все-таки отраднѣе для общества, чѣмъ vis inertiae съ ея неизбѣжными и вѣрными слѣдствіями».

Digitized by Google

СИГИЗУНДЪ БАРОНЪ ГЕРБЕРШТЕЙНЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЗНАЧЕНІЕ, КАКЪ ПИСАТЕЛЯ О РОССІИ.

Сочиненіе кандидатовъ И. Корелкина и И. Григоровича и студента И. Новикова.

Отъ Редакціи.

Предлагаемая монографія о баронѣ Герберштейнѣ составлена изъ трехъ диссертацій, представленныхъ въ 1856 году на соисканіе медали по темѣ, заданной г. профессоромъ С.-Петербургскаго Университета Н. Г. Устряловымъ. Тремъ авторамъ ихъ: гг. Корелкину, Григоровичу и Новикову были присуждены факультетомъ награды на основаніи мнѣнія г. профессора (1).

Гг. авторы диссертацій, исправивъ свои труды и приведя ихъ, такъ-сказать, къ *одному знаменателю*, рѣшились издать ихъ въ общемъ сводѣ. Мы можемъ сказать только, что первая часть разсужденія,—біографія Герберштейна,—заимствована исключительно изъ диссертаціи г. Новикова, остальныя же части составлены преимущественно по труду г. Корелкина и частію—г. Григоровича.

Редакція Сборника, находя, что общій, взаимный трудъ нѣсколькихъ лицъ при составленіи одного сочиненія не мѣшаетъ единству его, воспользовалась этой диссертаціей тѣмъ охотнѣе, что читатели найдутъ въ 1-й же книгѣ Сборника начало перевода знаменитыхъ *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, которыя служатъ главнымъ предметомъ изслѣдованія.

---

(1) Это мнѣніе напечатано въ *Годичномъ Актѣ* въ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1856 годъ стр. 144—149. Изъ трехъ авторовъ двое: Гг. Корелкинъ и Григоровичъ уже окончили курсъ (въ 1856 г.) со степенью кандидата.

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Жизнеописаніе барона Герберштейна.

При составленіи нашего біографическаго очерка, мы руководствовались извѣстнымъ сочиненіемъ Фридриха Аделунга: Siegmund Freiherr von Herberstein etc. Это сочиненіе по справедливости оцѣнено всѣми. Какихъ трудовъ оно стоило автору, можно хорошо видѣть изъ введенія къ этому сочиненію, гдѣ Аделунгъ перечисляетъ 16 источниковъ, откуда онъ могъ почерпнуть одни только отрывочныя свѣдѣнія: онъ долженъ былъ все это согласить и привесть въ систему. Но Аделунгъ только тѣмъ и ограничился; его сочиненію недостаетъ выводовъ, и потому, собственно говоря, сочиненіе Аделунга не можетъ быть названо біографіею: это сборникъ фактовъ,—имѣвшихъ то или другое отношеніе къ обыденной жизни Герберштейна; въ немъ мало обращено вниманія на внутреннюю сторону жизни Герберштейна, и потому читатель, прочтя книгу Аделунга, многое узнаетъ о Герберштейнѣ и нигдѣ не увидитъ самого Герберштейна. Но все сказанное нами нисколько не уменьшаетъ ученыхъ заслугъ Аделунга, и новый біографъ Герберштейна всегда долженъ остаться признательнымъ ему за трудъ, съ которымъ онъ собралъ матеріалы по 16 источникамъ, такъ что сочиненіе Аделунга принимаетъ характеръ источника въ глазахъ изслѣдователя, лишеннаго тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался Аделунгъ.

Все жизнеописаніе мы раздѣлимъ на три части: въ первой изложимъ юношество и образованіе Герберштейна, во второй разсмотримъ его военную дѣятельность, и наконецъ въ третьей—его дипломатическую дѣятельность.

1. Юношество и образованіе Герберштейна.

1486—1506.

Родовое имѣніе Герберштейна—въ Штиріи, въ Грейцскомъ округѣ, при рѣкѣ Фейстрицѣ. Отто фонъ Гарпергъ купилъ его въ 1290 г., и тѣмъ усвоилъ своей фамиліи прозвище Герберштейнъ.

Нашъ Герберштейнъ, указывая на своего старѣйшаго предка Ганса фонъ Герберштейна, бывшаго около 1200 г священникомъ въ Польшѣ (Pölan) (1), говоритъ, что родъ ихъ прежде назывался Герульштейнъ, по имени Геруловъ, завоевавшихъ въ 475 г. подъ предводительствомъ Одоакра Истрію и Панонію.

(1) Подъ названіемъ Pölan разумѣется въ средневѣковой германской поэзіи Польша (въ Нибелунгахъ Pölon und Rjuzen—Поляки и Русскіе).

Digitized by Google

Герберштейнъ пишется на австрійскомъ нарѣчіи—Герберштайнъ; въ русскихъ лѣтописяхъ онъ называется Гербенстернъ, Герберстенс, Гибрестенъ, Гермонстеръ и пр.

Мы видѣли, что извѣстія о дворянскомъ родѣ Герберштейновъ начинаются съ XIII вѣка, но происхожденіе свое фамилія получила отъ поселянъ, въ чемъ съ благородною откровенностью сознается нашъ Герберштейнъ, объясняя значеніе своего фамильнаго герба, гдѣ между прочимъ изображены хомутъ и веревка отъ плуга.

Леонгардъ фонъ Герберштейнъ (Leonhart или Lienhart), мужественный воинъ, два раза сопровождавшій императора въ Римъ, возведенный въ 1469 г. въ рыцарское достоинство, былъ женатъ на Варварѣ (Barbara), дочери Николая Люгера, бургграфа Люэнцкаго и Люгерскаго (Niclas Luegger, Burggraf zu Luenz und Lueg). У нихъ было 5 дочерей и 4 сына, изъ которыхъ Сигизмундъ былъ третьимъ. Онъ родился 23 августа 1486 г. на Карстѣ, въ замкѣ Виппахѣ, подаренномъ отцу его Фридрихомъ III. Его братья Георгъ, Гансъ и Вильгельмъ были возведены за военные подвиги въ рыцарское достоинство и умерли прежде Сигизмунда. Всѣ четыре брата жили въ согласіи, и Сигизмундъ съ величайшимъ уваженіемъ и благодарностью отзывается о Георгѣ, который своимъ примѣромъ и совѣтомъ имѣлъ благодѣтельное вліяніе на его воспитаніе

Сигизмунду было суждено прославить свой родъ.

Не смотря на слабое тѣлосложеніе, онъ началъ уже 7-ми лѣтъ посѣщать школу въ Виппахѣ, а восьми лѣтъ былъ посланъ родителями въ Лонсбахъ, гдѣ научился виндскому (славянскому) языку, который впослѣдствіи ему такъ пригодился. На десятомъ году его отвезли въ Гуркъ къ домпробсту (протопопу) Вильгельму Вельцеру, у котораго учился и Гансъ Герберштейнъ. Сигизмундъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ двухлѣтнемъ пребываніи въ этомъ мѣстѣ. Въ 1497 г. его перевели въ публичную школу въ Вѣну и поручили въ особенности подъ надзоръ Георга Ратценпергера, котораго умъ и благородство Герберштейнъ прославляетъ во многихъ мѣстахъ своего жизнеописанія. Тринадцати лѣтъ, по смерти матери въ 1499 г., онъ пріѣхалъ въ высшую вѣнскую школу, и былъ принятъ ректоромъ Вейкерторфомъ въ число студентовъ. Здѣсь-то, подъ руководствомъ своего покровителя Георга Ратценпергера, онъ обогатилъ свой умъ множествомъ познаній, отразившихся въ его блестящей государственной службѣ. Въ 1502 г., шеснадцатилѣтній Герберштейнъ, послѣ труднаго испытанія, былъ удостоенъ ректоромъ Кальтенмарктеромъ ученой сте-

Digitized by Google

пени баккалавра (baccalaureus artium), и возвратился въ отцовскій домъ.

Скоро представился случаій—употребить въ дѣло пріобрѣтенныя знанія: отецъ послалъ его ко двору императора Максиміліана I, для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ путешествіяхъ, хлопотахъ, но и въ это время не оставлялъ ученыхъ занятій, болѣе и болѣе ознакомляясь съ древними и новыми историками.

2. *Военная дѣятельность Герберштейна.*

1506—1514.

Въ 1506 г. Герберштейнъ отправился въ походъ, но, по случаю вскорѣ послѣдовавшаго мира съ Венгріею, не имѣлъ случая отличиться. Слѣдующіе годы были благопріятнѣе; въ войнѣ противъ Венеціанъ онъ не разъ выказалъ свою храбрость и даже блестящія военныя способности. Послѣ участія при осадѣ и взятіи Распурга, Герберштейнъ былъ принятъ на службу къ самому императору. Онъ оправдалъ такое довѣріе, оттѣснивъ въ слѣдующемъ 1510 г. непріятеля, осаждавшаго Миттербургъ. Въ 1511 г. онъ участвовалъ въ взятіи Тульмейна. Въ этомъ же году умеръ его отецъ, горячо имъ любимый. Это печальное событіе отвлекло его на время отъ военныхъ подвиговъ, а въ слѣдующіе годы ему нужно было заняться устройствомъ домашнихъ дѣлъ императора.

Въ 1514 г. Венеціане осадили крѣпость Маранъ въ Фріулѣ. Жители крѣпости терпѣли величайшій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Максиміліанъ повелѣлъ нашему Сигизмунду и его брату Георгу—собрать въ Штиріи войско и во что бы то ни стало снабдить крѣпость припасами и отстоять ее. Герберштейнъ 12 Іюля разбилъ Венеціанъ, взялъ ихъ предводителя Джіованни Витторіо въ плѣнъ и—спасъ городъ.

Императоръ призвалъ героя въ Инспрукъ, торжественно возвелъ его 26 Октября въ рыцарское достоинство и принялъ въ число своихъ приближенныхъ слугъ, назначивъ жалованье въ 300 флориновъ.

3. *Дѣятельность Герберштейна на дипломатическомъ поприщѣ.*

1515—1556.

Весь 1515 г. Герберштейнъ провелъ въ разъѣздахъ въ Ульмъ, Ейхштедтъ и къ Архіепископу Зальцбургскому по разнымъ порученіямъ Максиміліана. Въ концѣ года, онъ возвратился въ Инспрукъ и былъ награжденъ благоволеніемъ императора за усердное исполненіе службы.

Digitized by Google

Въ слѣдующемъ году, онъ былъ посланъ императоромъ къ датскому королю Христіану II, чтобы побудить послѣдняго къ лучшему обращенію съ супругоіі Изабеллою, дочерью Филиппа и Іоанны, и устранить незаконную связь жестокаго короля съ Дивеке (Dyveke или Columbula), совершенно завладѣвшей волею своего державнаго любовника. Кромѣ этого, по дорогѣ въ Данію, онъ долженъ былъ исполнить еще множество другихъ порученіи. Герберштейнъ съ успѣхомъ исполнилъ свое главное, щекотливое порученіе, и умѣлъ не только не раздражить грознаго монарха, но даже заслужить его благоволеніе. Христіанъ II подарилъ ему свою лошадь съ рыцарскими доспѣхами.

Но едва онъ успѣлъ отдать отчетъ императору о своей поѣздкѣ, какъ получилъ новое порученіе отправиться дипломатическимъ посломъ въ Цюрихъ, Ури, Швицъ, Унтервальденъ и Миттельвальденъ.

Въ концѣ 1516 г. на Герберштеіна было возложено гораздо важнѣйшее дѣло. Онъ долженъ былъ отправиться посломъ въ Москву для того, чтобы расположить сколько можно великаго князя Василія Іоанновича въ пользу польскаго короля Сигизмунда для возстановленія между ними мира, и чтобы, проѣздомъ, побудить Сигизмунда къ браку, который упрочилъ бы союзъ, заключенный между императоромъ и польскимъ королемъ въ Вѣнѣ. Императоръ именно желалъ, чтобы польскій король сочетался бракомъ съ миланскою принцессою Боною, дочерью Іоанна Галеаццо Сфорцы (Sfortia), и потому старался смягчить врага своего будущаго родственника,—умѣрить гнѣвъ Василія Іоанновича, силы котораго угрожали всей Ливоніи.

Такое путешествіе имѣло въ то время для иностранца и дѣйствительныя и воображаемыя физическія препятствія. Отдаленность Москвы, худыя дороги, опасныя переправы чрезъ рѣки (это было весною), суровый климатъ, военное время, незнаніе туземнаго языка и т. п.,—все это принадлежало къ числу дѣйствительныхъ препятствій. Но отъ недостатка свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, иностранецъ созидалъ себѣ еще другія препятствія. Западная Европа съ именемъ Московіи сливала понятіе о Скиѳахъ и варварахъ, о баснословномъ холодѣ и мракѣ и пр.

Такимъ образомъ не мудрено, что путешествіе въ Москву считалось величайшимъ подвигомъ. Само собою разумѣется, что тому, который захотѣлъ бы, не уронивъ своего достоинства,—достичь цѣли посольства въ незнакомоіі землѣ, нужно было обладать огромной, нравственноіі силой духа. Ею вполнѣ обладалъ Герберштейнъ. Благородная, привлекательная осанка, ли-

Digitized by Google

це, выражавшее спокойствіе и сознаніе своего достоинства, разнородныя познанія, рѣдкія для того времени, ловкое обхожденіе, усовершенствовавшееся во время путешествій обращеніемъ со всякаго рода людьми, и наконецъ знаніе славянскаго языка:—такія особенности рѣзко отличали его, и Максиміліанъ не могъ сдѣлать счастливѣйшаго выбора.

Герберштейнъ получилъ въ Прегенцѣ 6 ноября императорскій паспортъ, а 12 декабря въ Гагенау—инструкцію. Помощникомъ его былъ назначенъ Петръ Мракси, который однако вскорѣ заболѣлъ и умеръ въ моравскомъ городѣ Цнаймѣ. Герберштейнъ рѣшился продолжать путешествіе одинъ, что впослѣдствіи было одобрено самимъ императоромъ.

Въ февралѣ 1517 г. онъ достигъ Кракова и спѣшилъ чрезъ Гродно въ Вильно, гдѣ находился Сигизмундъ. Пріемъ императорскаго посла былъ великолѣпный. Герберштейнъ убѣдилъ короля ускорить бракосочетаніе съ Боной, миланской принцессой и, пробывъ 8 дней въ Вильно, поспѣшилъ въ Москву.

По случаю военныхъ обстоятельствъ нужно было безпрестанно избирать проселочные пути, что удлиняло дорогу. Черезъ рѣки переправлялись съ опасностью жизни. Около Опочки надобно было своротить съ большой дороги, по причинѣ осады ея Сигизмундомъ, который, не забудемъ, въ тоже время домогался мира.

Близь Полоцка дорога сдѣлалась невыносимою вслѣдствіе весеннихъ разливовъ. Наконецъ 4 апрѣля, въ Вербное Воскресенье, посольство прибыло въ Новгородъ. Въ продолженіи семидневнаго отдыха, Герберштейнъ успѣлъ многое отмѣтить объ этомъ древнемъ городѣ Ганзы.—Тамошніе нѣмецкіе купцы выпросили его дорожныя сани и поставили ихъ въ свою церковь, на память о знаменитомъ соотечественникѣ. Изъ Новгорода до Вышняго Волочка ѣхали на почтовыхъ. Въ Волочкѣ 12 апрѣля, Герберштейнъ встрѣчалъ Свѣтлое Воскресенье за православной утреней. Изъ Волочка посольство ѣхало водой до Твери, гдѣ его встрѣтилъ посланный отъ Государя приставъ Михайло Шавровъ.

18 апрѣля Герберштейнъ прибылъ въ Москву, и остановился въ нарочно для него приготовленной квартирѣ, въ домѣ князя Петра Ряполовскаго. Здѣсь онъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ русскомъ хлѣбосольствѣ.

Черезъ нѣсколько дней начались переговоры о мирѣ съ Польшею. Слѣдствія ихъ были неудовлетворительны, по случаю несправедливыхъ требованій польскаго короля.

Убѣдясь въ невозможности достиженія мира, Герберштейнъ

Digitized by Google

подалъ 15 ноября свое послѣднее мнѣніе, и на другой же день получилъ рѣшительный отвѣтъ Василья Іоанновича, отвергавшаго всякое дружеское сближеніе съ польскимъ королемъ. Попытка Герберштейна, по порученію императора, къ исходатайствованію освобожденія изъ темницы князя Глинскаго, также не удалась. Такимъ образомъ, видя безполезность своего присутствія въ Москвѣ, онъ просилъ государя о разрѣшеніи отъѣзда, что и сообщено ему было въ торжественной аудіенціи 21 Ноября. Царь подарилъ ему въ знакъ своего благоволенія драгоцѣнный, длинный кафтанъ съ серебряными цвѣтами по золотому полю. (Герберштейнъ велѣлъ себя впослѣдствіи изобразить на гравюрѣ въ этой одеждѣ). Кромѣ почетнаго кафтана, Герберштейнъ получилъ большое количество собольихъ и горностаевыхъ мѣховъ, русскихъ охотничьихъ собакъ, превосходныя сани съ мѣховою полостью, и необыкновеннаго роста красивую лошадь съ царской конюшни. На дорогу велѣно было снабдить его вдоволь съѣстными припасами и дать до границы конвой изъ 200 всадниковъ.

На другой день, Герберштейнъ оставилъ Москву, пробывъ въ ней почти восемь мѣсяцевъ. Во все это время, онъ пользовался большимъ вниманіемъ Царя и часто присутствовалъ при различныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ нашего двора. Между прочимъ, онъ участвовалъ въ соколиной охотѣ и въ большой травлѣ на зайцевъ, которую подробно описалъ. Во время охоты, онъ всего болѣе восхищался быстрыми и красивыми аргамаками. Въ его запискахъ объ этомъ первомъ путешествіи исчисляются преимущественно названія земель и народовъ русскаго царства, и описываются внѣшнія и внутреннія воды.

Съ Герберштейномъ отправились къ императору, для объясненія причинъ, препятствовавшихъ заключенію мира съ Польшею,—посолъ Владиміръ Семеновичъ Племянниковъ и толмачъ—Истома Малый. 25 января 1518 г., Герберштейнъ былъ ласково принятъ польскимъ королемъ въ Краковѣ. Чрезъ мѣсяцъ онъ прибылъ въ Вѣну и, послѣ краткаго отдыха, отправился въ Инспрукъ къ императору. Императоръ благосклонно принялъ его отчетъ, благодарилъ за усердіе, и часто по вечерамъ слушалъ съ кардиналомъ зальцбургскимъ разсказы Герберштейна о незнакомой землѣ. Вскорѣ Максимиліанъ подарилъ Герберштейну, въ знакъ своей признательности, помѣстье Клямъ (die Pflege Klam), и поручилъ ему—наставить совѣтомъ новыхъ пословъ въ Россію, Франциска да Колло и Антонія де Конти, которыхъ старанія были успѣшнѣе: заключено было перемиріе съ Польшею отъ 1518 до 1519.

Digitized by Google

Императоръ, желая отклонить избраніе на венгерскій престолъ штатгальтера Іоанна фонъ Цапса, послалъ Герберштейна въ томъ же году въ Венгрію. По исполненіи этого порученія, Герберштейнъ долженъ былъ отправиться въ Зальцбургъ, для примиренія Архіепископа съ паствой.

Въ началѣ слѣдующаго 1519 года, Императоръ Максимиліанъ заболѣлъ и 12 Января скончался. Имперія живо почувствовала утрату замѣчательнѣйшаго государя. Герберштейнъ потерялъ въ немъ благодѣтеля, умѣвшаго достойно цѣнить заслуги.

Вскорѣ отправилось посольство къ Карлу V, королю испанскому, для врученія ему въ управленіе провинцій Австрійской, Штирійской, Каринтійской, Крайнской и земель на рѣкѣ Энсѣ. Со стороны Штиріи были посланы Гансъ Германъ и Герберштейнъ, бывшій душою всего посольства. При переѣздѣ изъ Италіи въ Испанію, посольство едва не погибло отъ бури. Карлъ V, по коронованіи своемъ въ Ахенѣ, назначилъ 6 Января 1521 г. сеймъ въ Вормсѣ, для возстановленія спокойствія, нарушеннаго реформаціею и для рѣшенія многихъ другихъ дѣлъ. Герберштейну было повелѣно, для приведенія въ исполненіе мысли покойнаго императора—учредить обмѣнъ нѣкоторыхъ императорскихъ земель на частныя. Замокъ Герберштейна и принадлежавшій ему городокъ Меренфельсъ были промѣняны на имѣніе Нейпергъ въ Штиріи, и, для совершеннаго уравненія мѣны ему обѣщаны еще деревни Самерка и Партинъ. Во время пребыванія Герберштейна въ Вормсѣ, императоръ избралъ его въ члены государственнаго совѣта и назначилъ ландратомъ Штиріи. Въ этомъ же году, Герберштейнъ женился на Еленѣ фонъ-Саурау. Въ Латинской біографіи, онъ говоритъ: hoc anno uxorem duxi. но не упоминаетъ о фамиліи своей супруги. Бракъ былъ бездѣтенъ. Супруга его умерла чрезъ 9 лѣтъ послѣ него—17 августа 1575.

Въ слѣдующіе четыре года, императоръ посылалъ Герберштейна въ Швабію, Нидерланды, Богемію, Венгрію и въ Нюрнбергъ. Между тѣмъ Василій Іоанновичъ поздравилъ Карла V съ императорскою короною, чрезъ нарочное посольство. Императоръ, чтобы отвѣчать на такое вниманіе и сохранить дружественныя отношенія между обоими государствами, спѣшилъ въ 1526 г. отправить въ Москву посольство. При этомъ имѣлось еще въ виду новое, прочное примиреніе русскаго царя съ польскимъ королемъ. Карлъ V избралъ съ своей стороны графа Леонарда фонъ-Нугаролиса, а эрцгерцогъ Фердинандъ Герберштейна, которому ввѣрили неограниченное право дѣйствовать по собственному усмотрѣнію въ непредвидѣнныхъ случаяхъ.

Digitized by Google

Обоихъ пословъ сопровождали еще восемь особъ, въ числѣ которыхъ были два племянника Герберштейна, сыновья брата его Георга.

Посольство отправилось чрезъ Моравію и Силезію въ Польшу, присоединившись къ русскому посольству, возвращавшемуся въ отечество. Герберштейнъ получилъ уже на дорогѣ предписаніе отъ эрцгерцога—обратить особенное вниманіе на догматы, обряды и священныя книги греко-россійской церкви, причемъ совѣтовалось имѣть въ виду только-что написанное сочиненіе доктора Іоанна Фабри (Ioh. Fabri Lencurchensis, Episcopi Viennensis, epistola de Moscovitarum juxta mare glaciale religione, seu de dogmatibus Moscorum).

Польскій король съ неудовольствіемъ узналъ, что императорскіе послы ѣдутъ вмѣстѣ съ русскими. Онъ сталъ подозрѣвать, что императоръ согласился дѣйствовать за одно съ великимъ княземъ противъ Польши. Оттого императорскіе послы не нашли въ Польшѣ достойнаго пріема. По выслушаніи причины ихъ пріѣзда, Сигизмундъ на аудіенціи сказалъ имъ, что не нуждается въ посредничествѣ при примиреніи съ великимъ княземъ. Въ отвѣтъ на эти слова, Герберштейнъ спокойно изложилъ побудительныя причины къ предложенію посредничества, разсказалъ случайное столкновеніе съ русскимъ посольствомъ, и въ заключеніе объявилъ, что если король отвергаетъ императорское посредничество, то посольство возвратится назадъ. Смѣлый и убѣдительный отвѣтъ Герберштейна устранилъ недовѣрчивость Сигизмунда: онъ принялъ посредничество, снабдилъ ихъ всѣми средствами для дальнѣйшаго путешествія и, чтобы загладить прежнее обращеніе, подарилъ каждому по 50 гульденовъ.

Посольство продолжало путь свой изъ Кракова во время жестокаго холода чрезъ Люблинъ, Брестъ, Слонимъ, Минскъ, Борисовъ, Могилевъ, Смоленскъ. За Можайскомъ оно было встрѣчено царскими чиновниками. Графъ Нугаролисъ и Герберштейнъ въѣхали въ столицу на присланныхъ отъ великаго князя коняхъ.

Аудіенція была назначена 1 мая. Согласно требованію великаго князя, польскій король прислалъ двухъ уполномоченныхъ: Петра Гиску и Михаила Богутиновича. Кромѣ того пріѣхалъ уполномоченный отъ папы—Іоаннъ Франциск, епископъ скаренскій. Слѣдствіемъ переговоровъ было шестилѣтнее перемиріе.

Во время вторичнаго своего пребыванія въ Москвѣ, Герберштейнъ, какъ и прежде, присутствовалъ на многихъ придвор-

Digitized by Google

ныхъ празднествахъ, которыя подробно имъ описаны. Въ это же время, по случаю бракосочетанія великаго князя съ дочерью князя Василья Глинскаго, былъ освобожденъ братъ послѣдняго, Михаилъ Глинскій, къ полному удовольствію Герберштейна.

Безсмертное твореньe Герберштейна свидѣтельствуетъ, что онъ все время прилежно собиралъ историческія, географическія и статистическія данныя, и изучалъ религію, законы и обычаи русской земли. Наконецъ настало время отъѣзда. Государь прислалъ обоимъ посламъ драгоцѣнныя одежды для послѣдняго представленія ко двору. Каждая одежда состояла въ парчевомъ кафтанѣ, подбитомъ соболями и украшенномъ большимъ собольимъ воротникомъ, въ круглой бѣлой шапкѣ, опушенной соболемъ и перевязанной алой, суконной лентой, и въ башмакахъ, вышитыхъ золотомъ и выложенныхъ на носкахъ и закаблучьяхъ драгоцѣннымъ бисеромъ. Герберштейнъ велѣлъ снять съ себя въ этой одеждѣ портретъ. На этой гравюрѣ надпись: Sigmund Freyherr zu Herberstain in Moscovitischem verehrtem Klaidt. MDxxvj, а на приложенной къ латинской біографіи: Altera legatione a Ferdinando Imperatore tunc archiduce missus ad Moscum, Ille me tali remisit veste.

Въ день своего послѣдняго представленія великому князю, они были опять приглашены къ обѣду, въ концѣ котораго царь пилъ за здравье императора и эрцгерцога. 11 ноября, въ жестокой морозъ, посольство выѣхало изъ Москвы, въ сопровожденіи Ивана Осинина, отправленнаго посломъ къ императору отъ великаго князя. Чрезъ 2 мѣсяца Герберштейнъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ ему представился новый случай употребить въ дѣло свои дипломатическія способности. Узнавъ о смерти венгерскаго короля и будучи увѣренъ, что эрцгерцогъ Фердинандъ, какъ богемскій король, наслѣдуетъ венгерскую корону, онъ рѣшился заранѣе установить благопріятныя отношенія своего государя къ королю польскому, такъ что къ пріѣзду эрцгерцогскаго посла Іоанна Мракси все дѣло было уже подготовлено. И такъ какъ послѣдній вскорѣ заболѣлъ, то Герберштейнъ принялъ на себя исполненіе его порученія. Въ этотъ разъ, онъ получилъ отъ Сигизмунда 1000 гульденовъ, обѣщанныхъ 12 лѣтъ тому назадъ матерью польской королевы за содѣйствіе къ бракосочетанію ея дочери.

24 февраля 1527 г. посольство присутствовало въ Прагѣ при коронованіи эрцгерцога Фердинанда въ богемскіе короли. Фердинандъ, выслушавъ отчетъ Герберштейна объ исполненіи возложенныхъ на него порученій, счелъ нужнымъ отправить Герберштейна снова въ Польшу. Усердный подданный отвѣ-

Digitized by Google

чалъ, что онъ, будучи боленъ, готовъ хотя на носилкахъ исполнить волю его королевскаго величества, но считаетъ новые переговоры, по извѣстнымъ причинамъ, излишними. Фердинандъ уважилъ это мнѣніе, отложилъ посольство и, въ торжественномъ собраніи, благодарилъ Герберштейна за удовлетворительный результатъ переговоровъ въ Москвѣ, за вниманіе къ выгодамъ и правамъ своего государя въ Польшѣ и за готовность совершить новое путешествіе, не смотря на разстроенное здоровье. Герберштейнъ отправился въ Вѣну и пролежалъ тамъ четыре недѣли больнымъ, послѣ чего разрѣшенъ ему отъѣздъ въ помѣстья, для возстановленія своихъ силъ. Въ это время его избрали членомъ нижнеавстріискої камеры.

Въ періодъ времени отъ 1527 г. по 1640, мы видимъ Герберштейна въ постоянныхъ разъѣздахъ, по случаю непріязненныхъ отношеній Фердинанда къ Іоанну Запольскому. Въ 1527 г., онъ ѣздилъ къ польскому королю, для отвращенія союза съ Іоанномъ. По возвращеніи, онъ получилъ отъ короля Фердинанда грамату, въ которої ему и всему его роду даровался эпитетъ: lieber, getreuer.

Узнавъ о внезапної смерти своего брата Георга, Герберштейнъ заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда Солиманъ вторгся въ Венгрію, то Герберштейнъ два раза долженъ былъ совершать путешествіе въ Польшу для поддержанія дружественныхъ отношеній. Въ 1531 г. онъ былъ возведенъ въ баронское достоинство и вслѣдъ за этимъ тотчасъ же былъ отправленъ въ Венгрію, для заключенія перемирія при посредничествѣ польскаго короля. Въ слѣдующемъ году, Герберштейнъ, по случаю новаго вторженія Солимана, находился при войскѣ и былъ въ тоже время занятъ распоряженіями въ столицѣ. Въ началѣ 1534 г., онъ былъ избранъ въ члены комиссіи, учрежденной для опредѣленія государственныхъ расходовъ въ Богеміи, но скоро былъ опять отвлеченъ на дипломатическое поприще и провелъ почти весь этотъ годъ въ разъѣздахъ Въ 1536 г. онъ, вмѣстѣ съ другими лицами, повѣрялъ, по порученію короля, доходы государства. Въ 1539 г., Герберштейна послали въ Польшу, для сисканія посредничества Сигизмундова въ дѣлахъ съ Іоанномъ Венгерскимъ. Во время отсутствія онъ избранъ въ президенты нижнеавстріискої камеры. Въ 1541 г. султанъ, покровительствуя сыну Іоанна Венгерскаго, готовился къ новому походу. Тогда Фердинандъ рѣшился отправить въ турецкій лагерь посла для достиженія мира или, по крайнѣй мѣрѣ, перемирія. Посломъ, разумѣется, былъ назначенъ престарѣлый Герберштейнъ. Ради

Digitized by Google

короля и отечества, онъ предпринялъ путешествіе чрезъ зачумленныя страны къ неумолимому врагу. Въ продолженіи одного мѣсяца, онъ успѣлъ счастливо исполнить порученіе, и тѣмъ увѣнчалъ свои дипломатическіе подвиги.

Но такая безпокойная, полная умственныхъ и физическихъ напряженій жизнь преждевременно совершенно разстроила его силы, и живѣе прежняго пробудилось въ немъ теперь желаніе—провести остатокъ дней въ покоѣ. Онъ просилъ короля объ освобожденіи его отъ трудныхъ занятій и получилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ согласіе на свою просьбу. Но къ несчастію, государство слишкомъ много и слишкомъ часто нуждалось въ его услугахъ, а онъ, при своей любви къ отечеству, готовъ былъ снова тратить для него свои угасавшія силы.

Въ 1542 г. онъ совершилъ два путешествія въ Венгрію и одно въ Польшу, по случаю бракосочетанія польскаго короля съ старшею дочерью Фердинанда Елизаветою, а въ слѣдующемъ году сопровождалъ невѣсту въ качествѣ гофмейстера. По возвращеніи Герберштейна, король назначилъ его членомъ военнаго совѣта, не смотря на отговорки почтеннаго старика, по случаю недавно дарованной грамоты. Къ титулу его прибавили: Нейпергъ и Гутенхагъ. 1544 г. Герберштейнъ провелъ въ постоянныхъ трудахъ по должности члена военнаго совѣта. Въ мартѣ этого года, его избрали на ландтагѣ въ Вѣнѣ—королевскимъ комиссаромъ. Въ слѣдующемъ году, онъ ѣздилъ въ Польшу для доставленія приданаго молодой королевѣ. 1549 г. былъ для него отдыхомъ; его пощадили въ этомъ году отъ чрезвычайныхъ порученій и онъ занимался обработываніемъ своего труда о Россіи, который сдѣлалъ имя его драгоцѣннымъ для каждаго русскаго. Въ слѣдующемъ году, Герберштейнъ встрѣчалъ турецкаго посланника и ѣздилъ въ Польшу, по приглашенію самаго короля, для уничтоженія семейныхъ неудовольствій въ королевской фамиліи. Въ 1552 г., онъ подалъ королю мысль, для избѣжанія неудовольствій съ Польшею, обновить родство съ ея овдовѣвшимъ королемъ, убѣдивъ Сигизмунда жениться на младшей дочери Фердинанда-Катеринѣ, вдовѣ Франца II, герцога Мантуи. Этотъ политическій бракъ состоялся и Герберштейнъ сопровождалъ, какъ и прежде, королевскую невѣсту.

Наконецъ старость превозмогла усердіе; покой былъ необходимъ для поддержанія жизни. Король пожаловалъ ему и всей фамиліи Герберштейновъ вѣчное званіе австрійскаго постельничаго и каринтійскаго кравчаго.

Но появленіе въ 1557 г. его комментаріевъ на нѣмецкомъ

Digitized by Google

языкѣ свидѣтельствуетъ, что онъ и въ отставкѣ не переставалъ трудиться.

На 7 стр. Vitae ac rerum gestarum D. Sigismundi L. B. in Herberstain brevis ennaratio Petri Pagani читаемъ: cujus opera jam aetate confecti et emeriti Caesar Ferdinandus *adhuc in dies in arduis negotiis utitur*, quique annum agens LXXIIII Austriacis proventibus adhuc Praesidens incumbit, ut non sibi, sed domui Austriae, cui se ad extremum vitae articulum devovit, natus esse videatur.

О его крѣпкомъ тѣлосложеніи можно судить потому, что онъ легко переносилъ необыкновенныя трудности и величайшія неудобства въ своихъ многихъ, дальнихъ путешествіяхъ. Этотъ истинный христіанинъ, такъ рѣзко отличенный наружными качествами, сильно выдавался изъ тысячи ему подобныхъ своими рѣдкими, духовными способностями. Не говоря объ его огромной для того времени учености, замѣтимъ, что онъ владѣлъ четырьмя языками: латинскимъ, нѣмецкимъ, венгерскимъ, и итальянскимъ, и кромѣ того былъ знакомъ съ тремя славянскими нарѣчіями: краинскимъ, чешскимъ и русскимъ. Каспаръ Кропацій (въ Soteriis стр. 19) говоритъ о немъ:

—septem linguis discrimina vocum
Flectere, conversoque potest formare palato.

Сверхъ того онъ отличался необыкновеннымъ присутствіемъ духа и рѣдкимъ краснорѣчіемъ:

Et culto clarum superat sermone Periclem, (Кас. Кроп. далѣе).

Не смотря на блестящую дѣятельность, поглотившую много энергіи и жизненныхъ силъ, Герберштейнъ достигъ глубокой старости и умеръ 80 лѣтъ 28 марта 1566 г. въ Вѣнѣ.

Эрцгерцогъ Карлъ штейермаркскій повелѣлъ вырѣзать на его памятникѣ слѣдующую надпись: «28 марта 1566 г. скончался баронъ Сигизмундъ фонъ Герберштейнъ, Нейпергъ и Гветенгахъ, главный постельничій, главный кравчій Каринтіи, совѣтникъ римскаго императора и президентъ нижнеавстрійской камеры». За этимъ слѣдовала эпитафія въ стихахъ: «Здѣсь покоится прахъ барона Сигизмунда фонъ Герберштейна, котораго слава незабвенна въ памяти монарховъ и его соотечественниковъ. Онъ вѣрно служилъ словомъ и дѣломъ четыремъ государямъ. Благодарное отечество будетъ вѣчно воздавать его имени честь и похвалу».

Von Herberstain Herr Sigmund
Hier liegt, welchs Lob zu aller Stund
Wird sein bei Kaisern wohlbekannt,
Auch bei allen Leuten in ihren Lannt.

Digitized by Google

Dann er bei 4 Kaisern hat
Gelebt als getreuer Diener und Rat,
Ums Vatterlandt sich wohl verschuldt,
Davon er bracht hat Ehr und Huldt.

Объемъ и назначеніе сочиненія не дозволили намъ изложить подробнѣе жизнеописаніе этого замѣчательнаго человѣка Его дипломатическіе подвиги упомянуты далеко не всѣ. Въ заключеніе перечислимъ его сочиненія, которыя должны еще болѣе возвысить Герберштейна въ нашихъ глазахъ:

1. Mein Sigmunden Freiherrn zu Herberstain Raittung und Antzaigen meines Lebens.
2. Rerum Moscoviticarum Commentarii.
3. Acta publica von Kaisers Maximilian I Gesandschaft nach Moskau.
4. Relation von Maximilian I. Hofrath, Tod und Leichdisputen.
5. Mein Sigismunds, Freyherrn zu Herberstain etc. Dienst und Reisen mit dem kürtzesten vergriffen.
6. Siegmunds von Herberstain Relation von dem Churfürstentag 1534 und kurz darauf gefolgten Cadanischen Vertrag.
7. Stammtafel des Oesterreichischen Hauses.
8. Epistola ad Georg Wernherum.
9. Schutzschrift für den Baron von Rogendorf und Selbstvertheidigung.
10. Gratae posteritati L. B. in Herberstein actiones suas reliquit etc.
11. Siegmund Freyherr zu Herberstain den vierten Kaiser erlebt etc.
12. Den gegenwärtigen und nachkommenden Freyherrn zu Herberstein, Seines thuns, diensten und Reisens etc.
13. Picturae variae.
14. Ich Sigmund Freyherr zu Herberstein.
15. Sieben kleinere Aufsätze über Familiennachrichten.
16. Beschreibung von der Mosqua und die angränzenden Ländern.
17. Beschreibung seiner Reisen und Gesandschaften.
18. Reisebeschreibung von mitternächtigen Ländern.
19. Erkentnuss und Belonung der wil langen Dienst deren von Herberstein.
20. Gesandschaften.

Всѣ эти сочиненія разобраны у Аделунга (S. F. von Herberstein etc. на страницахъ 309—434. Въ послѣдующихъ главахъ

Digitized by Google

мы пользовались не рѣдко Rerum Moscoviticarum Commentarii по изданію 1556 г. въ Базелѣ. О немъ, какъ и о прочихъ изданіяхъ этой книги, подробнѣе будетъ сказано при переводѣ.

ГЛАВА II.

Объясненіе степени достовѣрности извѣстій барона Герберштейна о Россіи.

1) Лица, сообщавшія б. Герберштейну различныя свѣдѣнія о Россіи.

Одинъ изъ источниковъ для Герберштейна были разсказы нѣкоторыхъ людей *бывалыхъ*, по его словамъ, и достойныхъ довѣрія. Изъ разсказовъ этихъ людей, признается Герберштейнъ, я почерпнулъ бо́льшую часть своихъ свѣдѣній. Ктоже были эти лица? Герберштейнъ въ своемъ сочиненіи приводитъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ онъ упоминаетъ о толмачахъ: Василіи Власѣ, Григоріи Истомѣ и Дмитріи Герасимовѣ, и о боярахъ: Семенѣ Ѳедоровичѣ Курбскомъ и Грекѣ Юріи Маломъ.— Стояли ли эти лица довѣрія, были ли они достаточно образованы и опытны, чтобы могли заинтересовать Герберштейна своими разсказами? Отвѣтъ на это будетъ ясенъ, когда мы изложимъ факты изъ жизни этихъ лицъ.

1) *Василій Власъ* былъ человѣкъ весьма замѣчательный по своему уму и познаніямъ. Познанія его были велики для своего времени: онъ зналъ хорошо латинскій языкъ и отчасти нѣмецкій (1). Первому онъ научился въ бытность свою посломъ при дворѣ датскомъ. Знанія эти были необходимы для него, потому что самая должность требовала того. По вступленіи Карла V на императорскій престолъ, онъ былъ посыланъ вмѣстѣ съ княземъ Ярославскимъ и секретаремъ Трофимовымъ для поздравленія императора отъ имени великаго князя. На возвратномъ пути посольство проживало нѣсколько времени въ Тюбингенѣ при дворѣ короля Фердинанда (2). Фердинандъ, пользуясь этимъ случаемъ, далъ порученіе совѣтнику своему и духовнику Іоанну Фабру собрать отъ проживающаго посольства нѣкоторыя свѣдѣнія о Россіи. Тотъ, не зная русскаго языка, не могъ приступить къ этому дѣлу, но Власъ помогъ ему въ этомъ слу-

(1) Адел. стр. 152.
(2) См. Ubersicht der Reis. in. Russ. Адел. стр. 185.

Digitized by Google

чаѣ, переводя слова пословъ, отчасти на нѣмецкій, отчасти на латинскій языки. Значительную услугу оказалъ Власъ знаніемъ иностранныхъ языковъ Максиму Греку, вызванному Василіемъ съ Аѳонской горы для перевода священныхъ книгъ. Самъ Максимъ въ посланіи своемъ къ великому князю Василію о переводѣ Толковой Псалтыри говоритъ: (1) «Съ трудившихся со мною и причастниковъ дѣла бывшихъ Власа и Митю Толмачей и Михаила Медоварцева и Сильвана Инока . . . . . познати да изволиши и трудовъ поминати.»—Исправляя большею частью должность переводчика, Власъ иногда бывалъ посыланъ и въ качествѣ посла; такъ я упоминалъ уже о пребываніи его въ Даніи.—Путь туда онъ совершилъ Сухоною, Югомъ, Двиною и Бѣлымъ моремъ (2) Зная хорошо теченіе Волги и Двины (3) и бывъ въ Норвегіи и Лифляндіи, онъ могъ служить прекраснымъ источникомъ для Герберштейна.

2) *Григорій Истома*, состоя толмачемъ при царскомъ дворѣ, не разъ ѣздилъ въ этомъ же званіи и къ иностраннымъ дворамъ. Такъ онъ сопровождалъ посла датскаго въ путешествіи его изъ Москвы въ Норвегію и ѣхалъ отъ устья Двины Бѣлымъ моремъ мимо Святаго носа, Семи острововъ и Шведской Лапландіи (4). Стало быть сказанія его могли служить Герберштейну достовѣрнымъ источникомъ при описаніи сѣвера Россіи. Кромѣ того Истома вмѣстѣ съ Владиміромъ Семеновичемъ Племянниковымъ ѣздилъ въ 1517 г. къ императору въ Инспрукъ (5).

3) Толмачъ *Дмитрій Герасимовъ* учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ латинскій, былъ употребляемъ великимъ княземъ въ посольствахъ шведскомъ, датскомъ, прусскомъ, вѣнскомъ, имѣлъ многія свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріятность въ обхожденіи—такъ говоритъ Карамзинъ, (6) ссылаясь на Павла Іовія. Дѣйствительно, Іовій могъ хорошо вызнать этого человѣка, обращаясь съ нимъ ежедневно. Извѣстно, что записки Іовія о Россіи составлены по устнымъ разсказамъ этого Дмитрія. Читая сочиненія Іовія, мы видимъ, что Іовій касается образованія и обычаевъ русскихъ, производительности и торговли областей, говоритъ о Татарахъ, о недавно-завоеванныхъ областяхъ лежащихъ, на сѣверѣ и сѣверовостокѣ и о многомъ другомъ,—свѣдѣнія обо всемъ этомъ онъ заимствовалъ изъ раз-

(1) См. Карамз. Т. VII, прим. 340.
(2) См. Карамз. Т. VII, стр. 25.
(3) См. Адел. стр. 203.
(4) См. Карамз. Т. VII стр. 125.
(5) — VII Т. 172 примѣч.
(6) — VII Т. стр. 86.

Digitized by Google

сказовъ Димитрія. Стало быть, какъ велики были свѣдѣнія самого Димитрія и какую пользу могъ извлечь изъ него Герберштейнъ! Димитрій не былъ только разскащикомъ, онъ былъ и писателемъ ученымъ. Приведемъ тому доказательство: толмачъ Димитрій въ государствованіе великаго князя Іоанна Васильевича писалъ изъ Рима (1) къ Геннадію архіепископу новгородскому о бѣломъ клобукѣ, что Константинъ Великій далъ этотъ клобукъ «римскому» (прибавленіе исторіографа) епископу Сильвестру, потомъ этотъ клобукъ остался въ забвеніи и наконецъ одинъ папа отослалъ его въ Царьградъ къ патріарху Филоѳею, а сей послалъ его къ новгородскому епископу Василію. Но здѣсь Димитрій впалъ въ ошибку, замѣченную на московскомъ соборѣ 1667 г., на которомъ и все извѣстіе его объявлено баснословнымъ. «Повелѣваемъ,» сказано въ дѣяніяхъ собора, «да никто сему писанію вѣру имѣтъ зане лживо и неправо есть и зане писано отъ вѣтра главы своея». Такой же отзывъ сдѣланъ и въ духовномъ регламентѣ.—Уже выше было мною упомянуто объ участіи Димитрія въ переводѣ Толковой Псалтыри (2) и приведены слова Максима, выраженныя имъ въ посланіи къ великому князю. Теперь приведу одно мѣсто изъ Synодальной лѣтописи, (3) гдѣ подъ годомъ 1536 такъ сказано: «преложена бысть Псалтырь Толковая отъ Римскаго писанія и рѣчей на русское писаніе и на русскую рѣчь въ Великомъ Новгородѣ повелѣніемъ Владыки Макарія; преложи ее Димитрій, зовомый Толмачъ, въ старости маститѣ; аще и Схоластика себѣ нарекъ; но Раввуни своему отъ всея души послужи Макарію, и ветхая новови и наполни въ истинну мѣру натканну и потрясну». Приведенные мною факты много говорятъ въ пользу Димитрія, много говорятъ и въ пользу Герберштейна, который особенно искусенъ былъ въ выборѣ людей для своего знакомства. Герберштейнъ не безусловно довѣрялъ Димитрію, какъ это видно по тону, съ которымъ онъ передаетъ анекдотъ о крестьянинѣ и медвѣдѣ, (4) извѣстія о заволжскихъ Татарахъ и т. д., извѣстія полученныя имъ отъ Димитрія. Толмачи: Власъ, Истома и Димитрій болѣе замѣчательны по своему образованію,

(1) См. Карамз. т. IV примѣч. 360.
(2) Карамз. т. VII примѣч. 340.
(3) Карамз. т. VIII примѣч. 71.
(4) Этотъ разсказъ мы находимъ и у Іовія (Paul, Iov. de legatione. 126). Дѣло въ томъ, что будто одинъ крестьянинъ спустился въ борть и едва не утонулъ въ медѣ; но къ счастію его въ ту же борть полезъ медвѣдь задними ногами; крестьянинъ схватилъ его за хвостъ и закричалъ; медвѣдь испугался, бросился назадъ и вытащилъ крестьянина.

Digitized by Google

чѣмъ по положенію своему въ государствѣ; но слѣдующія два лица соединяютъ въ себѣ и эти достоинства. Эти лица суть:

4) *Юрій Малый*, называемый у Карамзина Траханіотомъ, и Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій. Первое извѣстіе, встрѣчающееся въ нашей исторіи объ Юріи Грекѣ есть то, что онъ вмѣстѣ съ Софіею Палеологъ прибылъ въ Россію и поселился здѣсь; но еще ранѣе прибытія Софіи въ Россію, Юрій пріѣзжалъ ко двору Іоанна III, въ качествѣ посла отъ папы Виссаріона съ предложеніемъ Іоанну III руки Софіи. Окончивъ дѣло, онъ возвратился обратно въ Римъ (1). По прибытіи въ Россію онъ занялъ почетную должность и сдѣлался государевымъ печатникомъ. Въ доказательство этому можно привести два мѣста изъ исторіи Карамзина: въ 607 примѣч. къ VI Т. сказано, что Іоаннъ, раздѣливъ вещи по духовному завѣщанію между своими дѣтьми, положилъ ихъ въ ларцы, которые и были вручены казначею Дмитрію Владимірову и печатнику Юрію Дмитріеву Греку. При переговорахъ съ княземъ Василіемъ Стародубскимъ, касательно бракосочетанія его съ дочерью Юрія Сабурова, мы встрѣчаемъ также печатника Юрія Троханіота (2). Находясь въ государевой службѣ, Юрій не однократно былъ отправляемъ въ качествѣ посла къ нѣмецкимъ императорамъ (3), неоднократно присутствовалъ при принятіи иностранныхъ пословъ, и при переговорахъ съ ними. Такъ въ 1517 г. при пріѣздѣ Герберштейна въ первый разъ въ Россію, Юрій вмѣстѣ съ другими велъ отъ имени великаго князя съ нимъ переговоры (4). Служа вѣрно престолу и отечеству нашему при двухъ государяхъ—Іоаннѣ III и Василіѣ, Юрій пользовался чрезвычайнымъ расположеніемъ ихъ. Іоаннъ, желая при жизни своей женить сына своего Василія, обратился за совѣтомъ къ Юрію. Тотъ предложилъ совѣтъ—женить Василія на подданной (5). Говоря это, Юрій имѣлъ въ умѣ своекорыстную цѣль: у него была дочь невѣста. Василій, принявъ совѣтъ его, женился на Соломоніи Сабуровой, дочери простаго дворянина. До какой степени простиралась привязанность государя къ нему, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго Герберштейномъ (6). Юрій, находясь уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, былъ боленъ; Василій, нуждаясь въ его совѣтѣ, приказалъ принести его во дворецъ

(1) Карамз. Т. VI стр. 38.
(2) VII Т. 253 прим.
(3) См. Никонов. лѣт. и Памятн. дип. сношен.
(4) Т. I Памятн. дипл. сношен.
(5) Карамз. Т. VI стр. 207.
(6) R. M. Com. Bas. 1556 p. 43.

Digitized by Google

на носилкахъ, и посовѣтовавшись, такимъ же образомъ отнести, что и было исполнено. Представивъ себѣ личность этого государственнаго мужа и сообразивъ всѣ обстоятельства его жизни, утвердительно мы можемъ сказать, что разсказы его должны были быть чрезвычайно интересны и правдивы.

5) *Князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій*, называвшійся такъ отъ родоваго имѣнія своего Курбы, происходилъ изъ рода князей Ярославскихъ (1). Это былъ человѣкъ чрезвычайно замѣчательный на поприщѣ военномъ. Жизнь его богата военными подвигами. Въ 1499 году совершилось окончательное покореніе Вогуличей и Югры; исполнителями этого дѣла были князья Симеонъ Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболоцкій Брожникъ (2). (Въ Никоновской лѣтописи подъ этимъ годомъ князь Курбскій, вѣроятно по ошибкѣ названъ Кубенскимъ). Два раза участвовалъ Курбскій въ походахъ на Казань и разъ былъ главнымъ начальникомъ надъ судовой ратью; наконецъ мы встрѣчаемъ его въ походѣ противъ польскаго короля. Государь достойно цѣнилъ заслуги и умъ Курбскаго и вскорѣ по взятіи Пскова назначилъ его намѣстникомъ этого города, а въ товарищи ему далъ князя Петра Шуйскаго. Корыстолюбіе прежнихъ намѣстниковъ выходило изъ предѣловъ приличія; въ народѣ возникло волненіе; многіе бѣжали. Курбскій и Шуйскій, мужи правосудные и человѣколюбивые, успокоили гражданъ и народъ; бѣглецы возвратились. Для полноты свѣдѣній о Курбскомъ, приведемъ одно мѣсто изъ сочиненія Герберштейна, которое весьма живо характеризуетъ этого человѣка. «Курбскій», говоритъ Герберштейнъ, «человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, весьма чистосердечный, отличается удивительною воздержностью, чистотою своей жизни и нѣсколько уже лѣтъ воздерживается отъ употребленія въ пищу мяса,—ѣстъ рыбу только въ нѣкоторые дни,— а именно: въ воскресенье, вторникъ и субботу, въ прочіе же дни и во время поста воздерживается отъ рыбы» (3). Изъ этихъ словъ намъ ясно видна личность Курбскаго-Христіанина, въ полномъ смыслѣ этого слова, Карамзинъ упоминая о Курбскомъ, рисуетъ его словами Герберштейна. Бесѣда съ такимъ человѣкомъ имѣла большое значеніе для Герберштейна. Вотъ еще лица, которыя по своему общественному положенію и свѣдѣніямъ, могли быть полезными для заѣзжаго иностранца: 1) *Братья Василій Третьякъ, Федоръ и Захарій Долматовы.* Василій былъ дьякомъ при в. к. Василіѣ Іоанновичѣ, который

(1) Rer. Mosc. Com. Bas. 1556 p. 79.
(2) Караиз. Т. VI стр. 177.
(3) Rer. Mosc. Com. 1556 p. 79.

Digitized by Google

любилъ его и довѣрялся ему. Еще 1493 г. Долматовъ велъ переговоры съ княземъ мазовецкимъ Конрадомъ, который сваталъ одну изъ дочерей Іоанна (1). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1500 г. читаемъ о посольствѣ Василія въ Данію. По случаю жалобъ князя Оболенскаго на чиновниковъ псковскихъ, вмѣшивавшихся будто-бы въ его права и суды, посланы были для изслѣдованія к. Петръ Шуйскій и *Третьякъ Долматовъ*. Угождая планамъ царя, Долматовъ уговорилъ псковитянъ держать имя царское грозно и честно, по старинѣ, взять въ свои города царскихъ намѣстниковъ и снять вѣчевой колоколъ, о чемъ и донесъ государю (2). Но скоро онъ впалъ въ немилость: царь назначилъ его посломъ къ императору Максимиліану и приказалъ готовиться къ отъѣзду «Третьякъ Долматовъ», говоритъ Герберштейнъ со словъ нѣкоего *Ивана* и 2-хъ родныхъ братьевъ Третьяка» «сталъ отговариваться недостатками въ средствахъ на путевыя издержки и т. п. Его тотчасъ схватили и отправили на Бѣлоозеро въ вѣчное заточеніе, гдѣ онъ и умеръ въ самомъ несчастномъ положеніи. Движимое и недвижимое имѣніе его в. к. отобралъ и, не смотря на то, что получалъ до 3-хъ милліоновъ флориновъ доходу наличными деньгами, братьямъ Долматова не далъ ничего» (3). 2) *Иванъ Андреевичъ Челяднинъ*, съ которымъ Герберштейнъ могъ и долженъ былъ видѣться проѣздомъ въ Вильнѣ, гдѣ съ дозволенія короля имѣлъ свиданіе съ плѣнниками, взятыми Константиномъ Острожскимъ въ битвѣ при Оршѣ. Ив. Андр. былъ въ числѣ усмирителей псковитянъ и въ 1510 г. назначенъ намѣстникомъ псковскимъ. Въ 1511 г. онъ былъ посланъ въ Казань къ Мегметъ-Аминю, который желалъ черезъ посла во всемъ открыться царю. Когда въ слѣдующемъ (1512) году, произошелъ разрывъ хана съ царемъ, то Челяднинъ стоялъ съ своимъ полкомъ на Упѣ. Такъ онъ могъ быть интересенъ для Герберштейна: 1) какъ путешествовавшій по Россіи, 2) какъ довѣренный царя, и 3) какъ свидѣтель оршинской битвы. Замѣчательно, что ни Челяднинъ, никто изъ плѣнниковъ не передалъ Герберштейну объ ошибкѣ воеводы Булгакова, къ которому они питали непріязнь и по милости котораго они томились въ плѣну. Судьба Глинскихъ также была коротко извѣстна Челяднину, супруга котораго была въ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ съ Еленою Васильевною Глинскою. Кромѣ того Герберштейнъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ

(1) Карамз. Т. VI стр. 224 и далѣе.
(2) Псков. Лѣт. подъ 1510 и 1511 год. Карамз. Т. VII стр. 33—42.
(3) Rer. Mosc. Com. Bas. 1556 p. 15. А также см. въ Никоновской Лѣт.

Digitized by Google

иностранцахъ, находившихся въ его время въ Россіи. 1) *Іорданъ кузнецъ изъ Инсбрука, рязанскій пушкарь*, (1) защитникъ Рязани отъ нападенія Татаръ и Литовцевъ въ 1521 г., и другъ Хабара Симскаго, который заступался за него противъ разныхъ недоброжелателей.—2) *Никласъ* изъ Спира, служившій въ Россіи тоже по артиллеріи. Какъ Іорданъ, такъ и Никласъ, видя малое вознагражденіе за свои труды, хотѣли оставить Россію; но остались, когда имъ прибавили 10 флориновъ жалованья (2). Отъ Іордана и Никласа Герберштейнъ могъ собрать довольно подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ тогдашняго русскаго войска, которое должно было быть извѣстно имъ по роду ихъ службы. 3) *Вильгельмъ Постель* (Guilhelmus Postellus), который передавалъ Герберштейну разсказы нѣкоего Михаила, толмача съ турецкаго и арабскаго языковъ при венеціанскомъ дворѣ, о Самаркандѣ, татарской области и другихъ странахъ, лежащихъ при восточномъ вѣтрѣ, у Каспійскаго моря. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что въ этихъ странахъ есть нѣжное растеніе, называемое *Самаркандъ*, которое мусульмане кладутъ себѣ на грудь и въ шапки для сообщенія нѣжности тѣлу; но что онъ этого растенія не видѣлъ. Изъ приведенныхъ фактовъ, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: всѣ лица, разсказами которыхъ Герберштейнъ пользовался во время пребыванія своего въ Россіи, были люди весьма достойные довѣрія, опытные и достаточно образованные; нѣкоторые изъ нихъ занимали почетныя должности въ управленіи государствомъ; другіе же были при посольствахъ; въ слѣдствіе всего этого Герберштейнъ могъ и долженъ былъ довѣрять разсказамъ ихъ. Уже самое положеніе удаляло отъ нихъ всякое подозрѣніе въ намѣренной лживости и пристрастіи. Какъ пользовался Герберштейнъ разсказами ихъ? Отвѣтъ на это дастъ намъ самъ Герберштейнъ, говоря: недовольствуясь свидѣтельствомъ одного или двухъ лицъ, я полагался на согласное мнѣніе многихъ (3). Эти слова обозначаютъ въ лицѣ Герберштейна—писателя ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ критика. Приведемъ въ доказательство факты: при описаніи плаванія по Ледовитому морю (4) Герберштейнъ пользовался согласными показаніями трехъ лицъ: Власа, Истомы и Герасимова, и не довѣрялъ разсказамъ каждаго изъ нихъ отдѣльно; при описаніи астраханскаго баранца Герберштейнъ разсказъ толмача Дмитрія повѣрилъ свидѣтельствомъ Вильгельма Постеля; о

(1) Карамз. Т. VII стр. 112.
(2) Rer. Moscov. Com. Bas. 1556 p. 95.
(3) Библ. Иностр. Писат. о Россіи Каллистратова Т. II стр. 8.
(4) Rer. Moscov. Com. Bas. 1556 p. 117.

Digitized by Google

Печорѣ онъ слышалъ разсказы многихъ лицъ; но послѣднее слово принадлежитъ Курбскому. Какія свѣдѣнія почерпнулъ Герберштейнъ отъ каждаго изъ поименованныхъ нами лицъ? Мы не можемъ отвѣчать на это утвердительно, потому что Герберштейнъ, приводя разсказы ихъ, не дѣлаетъ разграниченій между самыми лицами: часто встрѣчается слово: «я слышалъ»; но кто былъ разскащикомъ—неизвѣстно. Только описанія плаванія по Ледовитому морю и астраханскаго баранца, составляютъ исключенія: вслѣдъ за именемъ разскащика помѣщается и самый разсказъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ не имѣетъ большой важности уже потому, что всѣ разскащики были люди благонамѣренные и достойные довѣрія, а самъ Герберштейнъ былъ весьма свѣдущъ, опытенъ и обладалъ замѣчательнымъ тактомъ въ разпознаваніи справедливаго отъ ложнаго. Откуда эти лица могли почерпнуть тѣ свѣдѣнія, которыя они сообщили Герберштейну? Изъ собственнаго опыта и наблюденія—вотъ отвѣтъ. Положеніе этихъ лицъ въ государствѣ даетъ намъ право такъ думать; степень образованности ихъ утверждаетъ наше заключеніе. Приведенные нами факты и случаи изъ жизни ихъ совершенно объясняютъ довѣренность къ нимъ Герберштейна. Дѣйствительно всѣ они были люди бывалые, опытные, нечуждые образованія, и вслѣдствіе этого, вполнѣ достойные довѣрія.

Другимъ источникомъ свѣдѣній о Россіи могло служить Герберштейну его собственныя свидѣтельства, то, чему онъ былъ очевидцемъ. Третьимъ наконецъ—памятники письменности какъ современные такъ и древніе. Разсматривая въ слѣдующихъ главахъ извѣстія Герберштейна о Россіи относительно этихъ 3-хъ источниковъ, мы часто можемъ указывать на источникъ *только* предположительно, а иногда и этого не можемъ за недостаткомъ средствъ. По этому, относя къ отдѣлу письменныхъ источниковъ, непосредственные переводы Герберштейна изъ русскихъ лѣтописей и памятниковъ юридической и духовной литературы, все остальное относимъ къ отдѣлу личныхъ свидѣтельствъ, хотя и здѣсь многое можетъ быть основано на письменныхъ пособіяхъ.

2) *Объясненіе степени достовѣрности извѣстій Герберштейна о Россіи, основанныхъ на его личномъ свидѣтельствѣ или переданныхъ ему посторонними лицами.*

Пріемъ Пословъ.

Герберштейнъ дважды пріѣзжалъ посломъ въ Россію, дважды былъ очевиднымъ свидѣтелемъ церемоній, съ какими при-

Digitized by Google

нимались у насъ иностранные послы и какія соблюдались на аудіенціи у государя и при отпускѣ ихъ. Герберштейнъ не оставилъ этого безъ вниманія, и подробно описалъ въ своихъ запискахъ. Вотъ здѣсь-то онъ и представляется преимущественно писателемъ-очевидцемъ, и въ слѣдствіе этого весьма *много подлежитъ* суду критики. Въ старину посольства иностранныхъ государей заключали въ себѣ особенный,—обще-народный интересъ, и потому не удивительно, что они совершались съ особенными церемоніями и съ особенною торжественностью. Лѣтописи наши, служа яснымъ отголоскомъ всего, происходящаго въ государствѣ, не пропускали случая упоминать объ нихъ; впрочемъ извѣстія лѣтописныя были весьма коротки и ограничивались историческимъ изложеніемъ цѣли посольства. Такъ подъ годомъ 1517 сказано (1): «тоя же весны Апрѣля 18, къ Великому Государю Василью прінде на Москву отъ его брата избраннаго Цесаря и навысшаго Короля Римскаго Максимьяна его посолъ, Жихдимонтъ, именемъ Гербернстернъ, рыцарь, моля и прося, чтобы Великій Государь Василій, для его Государя Цезаря, изволилъ пріѣхати къ себѣ Жихдимонта Польскаго Короля посломъ и съ нимъ примирился, что бы для ихъ брани промежъ ими кровь Хрестьянская не лилася, да и грамоты опасныя на королевыхъ пословъ прошалъ». За тѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ государя и болѣе ничего уже нѣтъ. Но у насъ есть другой источникъ, откуда мы можемъ почерпать самыя подробныя и подлинныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ и на оборотъ, также распоряженія при принятіи и отпускѣ пословъ, переговоры съ ними и проч., это именно такъ называемыя *посольскія дѣла, статейные списки и посольскія книги* (2). Имѣя такой источникъ подъ руками, мы не лишены возможности подвергнуть Герберштейна, какъ очевидца, критикѣ. Та часть его записокъ, въ которой онъ описываетъ обряды и церемоніи русскаго двора при принятіи и отпускѣ пословъ, носитъ заглавіе: «de modo excipiendi et tractandi oratores (3)». Въ ней онъ сообщаетъ намъ результаты своихъ очевидныхъ наблюденій при двукратномъ своемъ путешествіи въ Россію въ качествѣ посла: говоритъ сперва вообще о церемоніяхъ, съ какими принимаются иностранные послы на границѣ государства, потомъ все сказанное вообще примѣняетъ къ себѣ и въ остальномъ описаніи вездѣ является самъ дѣйствующимъ

(1) См. втор. Софіи с. лѣтоп.
(2) См. Памят. дипом. сношѣ. Т. I стр. 1.
(3) Rer. Moscov. Com. p. 120—136.

Digitized by Google

лицомъ, описываетъ чрезвычайную медленность въ пути, пріемъ въ Смоленскѣ, встрѣчу на границѣ города Москвы, приготовленіе къ аудіенціи у государя, путь во дворецъ и самую аудіенцію. Статейные списки даютъ намъ возможность провѣрить эти извѣстія Герберштейна. Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній (1) находится статейный списокъ 1517 г., т. е. списокъ перваго пріѣзда въ Россію Герберштейна. Въ немъ весьма коротко изложены церемоніи, которыя были наблюдаемы при принятіи его; но большое вниманіе обращено на ходъ переговоровъ, гдѣ дипломатическій умъ Герберштейна выказывается въ ясномъ свѣтѣ. Въ слѣдствіе этого, списокъ этотъ мало можетъ служить для повѣрки извѣстій Герберштейна, тѣмъ болѣе, что Герберштейнъ при описаніи своемъ имѣлъ въ виду свое вторичное посольство 1526 г.: онъ часто упоминаетъ о графѣ Нугарольскомъ, который сопутствовалъ ему въ этомъ путешествіи. Списка этого года у насъ нѣтъ; но недостатокъ этотъ неимѣетъ большой важности, потому что при нашемъ дворѣ порядокъ пріема и отпуска пословъ былъ всегда одинъ и тотъ же. На этомъ основаніи мы будемъ въ подтвержденіе извѣстій Герберштейна приводить слова статейнаго списка 1576 г., а иногда и извѣстія Котошихина. Общія замѣчанія Герберштейна касаются принятія пословъ на границѣ государства; вотъ слова его (2): «Посланникъ, приближаясь къ предѣламъ Московіи, отправляетъ кого нибудь изъ своихъ къ начальнику ближайшаго города съ извѣстіемъ, что онъ посланникъ такого-то государя и имѣетъ намѣреніе вступить въ предѣлы великаго князя. Тотчасъ начальникъ тщательно старается разузнать у посланнаго: отъ какого государя идетъ посолъ, какого онъ званія, ранга и какъ велика его свита. Узнавъ и принявъ въ соображеніе важность государя, отъ котораго посолъ идетъ, и важность самаго посла, отправляетъ кого нибудь изъ своихъ со свитою и приказываетъ принять и привести посла. Самъ же тотчасъ доноситъ великому князю о прибытіи посла». Дѣйствительно, когда послы пріѣзжали къ границамъ и увѣдомляли о своемъ прибытіи воеводъ ближайшихъ городовъ, воеводы должны были узнать: какого рода были эти пріѣзжіе, послы, посланники, или простые гонцы и немедленно отправить свѣдѣнія о томъ въ Москву; такъ въ записи, данной отъ Іоанна Васильевича Димитрію Елецкому (3) сказано: «а какъ на рубежѣ

(1) См. Т. I стр. 193.
(2) Rer. Mosc. Com. p. 120.
(3) Памятн. дипл. снош. Т. 1.

Digitized by Google

съ цесарскими послы съѣдутся, и Князю Дмитрію молвити Цесарскимъ посламъ: Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи приказные люди велѣли мнѣ васъ встрѣтити и въ приставѣхъ у васъ быти и кормъ вамъ дорогою давати. А ѣдучи Князю Дмитрію съ ними дорогою развѣдывати: какіе люди послы у Цезаря и о какомъ дѣлѣ чаяти къ Государю идутъ, и послы ли, или посланники, или гонцы и отъ самаго ли Цезаря, или отъ совѣтниковъ идутъ и съ котораго мѣста отъ Цезаря поѣхали? да что о томъ провѣдаетъ и ему о томъ отписати къ Государю». При встрѣчѣ, говоритъ Герберштейнъ, наблюдается слѣдующая церемонія (1):

«Посылаютъ вѣстника къ послу съ тѣмъ, чтобы онъ уговорилъ его слѣзть съ коня, или повозки. Если же посолъ будетъ отговариваться усталостью, или нездоровьемъ, тогда возражаютъ, что неприлично иначе, какъ стоя, предлагать и слушать слова государя.—Посланный также весьма тщательно остерегается, чтобы не сойти первому съ коня, или повозки, и чтобы тѣмъ не унизить достоинства своего государя; но какъ только замѣтитъ, что посолъ уже слѣзъ съ лошади, то въ тоже время и самъ сходитъ». Эти слова Герберштейна находятъ подтвержденіе въ записи, данной Михаилу Далматовичу Карпову (2); въ ней сказано: «а съѣхався съ послы, Михаилу съ товарищи велѣти молвити толмачу, что до нихъ рѣчь Государская, и они бъ изъ санеи вышли. И какъ изъ саней пойдутъ послы, и Михаилу съ товарищи съ санеи выйти же вмѣстѣ съ послы и молвити рѣчь». Въ параллель къ этому извѣстію приведемъ слова Котошихина (3) «А въ наказѣхъ столнику и дьяку пишется: какъ они съѣдутся съ великими послы и онибъ говорили рѣчь по наказу, напередъословъ, а шапокъ бы напередъословъ не снимали и съ лошадеи не ссадились». И такъ мы видимъ, что церемонія эта была утверждена временемъ и обычаемъ народа. Герберштейнъ хотѣлъ поступить противно ему, и потому не удивительно, что на первыхъ порахъ пришлось ему поссориться со своимъ встрѣчникомъ. Герберштейнъ не хотѣлъ уважить просьбы встрѣчника и слѣзть съ коня, отговариваясь усталостію; тотъ не соглашался въ такомъ случаѣ привѣтствовать его отъ имени великаго князя.—Герберштейнъ, не зная еще хорошо обычаевъ нашего двора, и думая, что это капризъ встрѣчника, рѣшительно объявилъ, что онъ первый не сойдетъ. Встрѣчникъ, имѣя на

(1) Rer. Mosc. Com. 121.
(2) Памят. дипл. сношн. Т. 1.
(3) О Россіи въ царств. Алек. Мих. Глава V.

Digitized by Google

своей сторонѣ справедливость, настаивалъ. Наконецъ, Герберштейнъ съ помощью хитрости успѣлъ положить конецъ этой сцѣнѣ: онъ выдвинулъ ногу изъ стремени и показывалъ явное намѣреніе тотчасъ же спрыгнуть съ сѣдла. Встрѣчникъ, не сообразивъ дѣла, быстро соскочилъ и съ удивленіемъ увидѣлъ Герберштейна еще въ сѣдлѣ.—Сцена эта чрезвычайно занимательна и рисуетъ намъ тогдашній этикетъ нашего двора. Для услугъ посламъ, вступающимъ въ предѣлы государства, назначались приставы, всѣ дѣйствія которыхъ опредѣлены были наказами и записями: имъ предписывалось вести пословъ съ особенной торжественностью, останавливаться на опредѣленныхъ мѣстахъ, посылать частыя извѣщенія въ Москву, ожидать приказовъ и заботиться о содержаніи пословъ (1). Этимъ и объясняется та медленность, съ которою было ведено посольство отъ границы до Смоленска. Герберштейнъ пишетъ, что едва на четвертыя сутки попали они въ Смоленскъ, отстоящій отъ границы на 12 германскихъ миль. Сперва послы терпѣливо сносили эту медленность, хотя имъ и приходилось проводить ночи на открытомъ воздухѣ, наконецъ это имъ наскучило, и Герберштейнъ рѣшился поступить противно обычаямъ двора. Считая приставовъ главными виновниками этой медленности и не взирая на ихъ просьбы, онъ рѣшился, минуя мѣсто, назначенное для ночлега, въ тотъ же день прибыть въ Смоленскъ, а потому ускорилъ ѣзду. Правда онъ достигъ Смоленска, но въ крѣпость въ тотъ день небылъ допущенъ, а принужденъ былъ переночевать вдали отъ крѣпости въ столь узкихъ палаткахъ, что ни какъ нельзя было, говоритъ онъ, ввести лошадей, не выломавъ дверей. Слѣдующую ночь они провели тоже внѣ крѣпости и только потомъ уже были впущены въ нее; но здѣсь, какъ бы въ наказаніе за свою поспѣшность, принуждены были прожить десять дней. Приставамъ строго запрещалось измѣнять наказъ, и потому Герберштейнъ ошибался, признавая ихъ главными виновниками медленности. Подобныя сцены случались часто и въ послѣдующее время. Такъ вспомнимъ наказъ Іоанна Васильевича Дмитрію Елецкому (2), въ которомъ предписывалось ему стоять съ послами въ Дорогобужѣ и ждать царскаго указа. Здѣсь повторилось тоже неудовольствіе, какое имѣлъ Герберштейнъ съ приставами въ слѣдствіе ужасной медленности. Вотъ что пишетъ Дмитрій Елецкій великому князю: «А какъ, Государь, сказалъ азъ посламъ то, что имъ въ Дорогобужѣ пробыть до твоего Го-

(1) Т. 1 Памятн. дипл. снош.
(2) Т. 1 Памятн. дипл. снош.

Digitized by Google

сударева указа, и они, Государь, во великое сумнѣніе вошли, а говоритъ мнѣ съ великими гнѣвными словами, а хотятъ ѣхати къ Москвѣ.» Великій князь писалъ въ отвѣтъ, приказывая ему передать посламъ, чтобъ они дѣлали такъ, какъ имъ велятъ: «пріѣхали они неуказывати». Самъ Герберштейнъ немного далѣе какъ бы сознается въ несправедливости обвиненія приставовъ, говоря: «на сколько поспѣшно мы пріѣхали въ Смоленскъ, на столько долѣе были здѣсь удержаны: (1)» Герберштейнъ еще обвиняетъ приставовъ въ томъ, что они весьма худо заботятся о приготовленіи пищи и разсказываетъ, что въ одной деревушкѣ онъ имѣлъ крупное объясненіе съ своимъ приставомъ, который и самъ недавалъ ему пищи, и не позволялъ покупать. Не знаемъ на сколько эта вина пристава можетъ быть признана умышленною, но во всякомъ случаѣ приставъ виноватъ, потому что имъ строго предписывалось заботиться о продовольствіи пословъ, предписывалось «давать кормъ».

Въѣздъ посольства въ Москву Герберштейнъ описываетъ такимъ образомъ: (2) «подъѣзжая къ городу увидѣли мы нѣсколькихъ лицъ, назначенныхъ для встрѣчи насъ, они стояли длиннымъ рядомъ на подобіе воіиска и когда мы приблизились, они слѣзли съ лошадей, что и мы въ свою очередь сдѣлали». Потомъ встрѣчники отъ имени великаго князя спрашивали о здоровьи ихъ государей, далѣе обращались къ самимъ посламъ, спрашивая о здоровьѣ каждаго изъ нихъ, наконецъ предложили отъ имени своего государя Герберштейну и графу двухъ иноходцевъ съ сѣдлами и двухъ простыхъ лошадей. «Когда мы благодарили,» говоритъ Герберштейнъ, «они протянули намъ руки и спрашивали по порядку,—благополучно ли мы ѣхали? Наконецъ сказали, чтобы мы сѣли на подаренныхъ лошадей, и тѣмъ почтили государя ихъ». Въ статейномъ спискѣ 1517 г. (3) сохранилось совершенно согласное извѣстіе о встрѣчѣ Герберштейна предъ городомъ: «Апрѣля 17 дня прислали отъ посла съ останочнаго яма приставове вѣсть, что посолъ Максимьяна Жигимонтъ пріѣхалъ на останочный ямъ и Князь Великій велѣлъ Тимоѳею Хлуденеву встрѣтити Жигимонта на дорозѣ у Николы въ Хинску, Апрѣля 18; а встрѣтивъ велѣлъ его отъ себя о здоровьи вспросити а молвити: Великій Князь Василій, Божьею милостью Царь и Государь всея Русіи и В. Князь велѣлъ мнѣ тебя о здоровьѣ вспросити, по здорову ли еси ѣхалъ? Великій

(1) Rer. Mosc. Com. 123.
(2) Ibid. 124.
(3) Т. 1 Памятн. дипл. снош.

Digitized by Google

Государь Василій и проч. велѣлъ мнѣ тебѣ подворье указати. Да послалъ съ нимъ Князь Василій къ Жигимонту иноходецъ, да съ нимъ же пріѣхалъ сестричичъ его Янъ Фонтурнъ и Князь Великій послалъ къ нему иноходецъ же и проч».—Для услугъ посламъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для наблюденія за ними опредѣлялись приставы, которые поперемѣнно дневали и ночевали на ихъ подворьѣ. Они должны были смотрѣть за порядкомъ въ подворьѣ, чтобы «кормъ выдавали посламъ добрый по росписи,» а еслибы послы спросили чего сверхъ росписи, о томъ докладывать напередъ боярамъ и поступать по ихъ приказамъ.

Такъ въ наказѣ, данномъ въ 1576 г. (1), по случаю пріѣзда цесаревыхъ пословъ сказано:—«и жити у пословъ, перемѣняяся по днемъ и ночевати князю Михаилу и князю Дмитрію, а жити въ свой день безотступно, а дьяку Василью жити по всякоій день. А кормъ давати посламъ Игнатью Зубову да Даніилу Прокофьеву, а князю Дмитрію и князю Михаилу надъ ними того смотрѣти, чтобы кормъ сполна отдавали посламъ по росписи. А чего въ запросъ попросятъ послы цесаревы, а приставамъ давати посламъ въ запросъ, чтобы во всемъ посламъ въ кормѣхъ было довольно». Этими словами наказа совершенно подтверждаются извѣстія Герберштейна, который говоритъ, что по размѣщеніи ихъ на квартиры, приставы опредѣлили къ нимъ по одному чиновнику, которымъ поручено было доставлять посламъ пищу и другія необходимыя вещи. Каждый день приставы являлись и спрашивали у пословъ, все ли нужное они получаютъ? «Приставники, говоритъ Герберштейнъ, имѣютъ опредѣленную письменнымъ образомъ мѣру для всего: сколько давать хлѣба, вина, мяса и проч.»—День назначенный для ауді-енціи объявлялся заранѣе послу (2), и потомъ каждый день посылались повторительныя объявленія. Такъ во время перваго посольства Герберштейна назначенъ былъ вторникъ 21 апрѣля для ауді-енціи, за два дня было уже объявлено объ этомъ Герберштейну и потому 19 и 20 числа приходили нарочные съ повтореніемъ. Въ день представленія присылались бояре на подворье къ посламъ съ тѣмъ, чтобы взять ихъ и привести во дворецъ. Еще ранѣе посылался кто нибудь изъ нижнихъ чиновъ объявить о скоромъ прибытіи бояръ: «а напередъ Тимошки велѣлъ Князь Великій ѣхати къ Жигимонту Власу толмачу, а велѣлъ ему сказати, что великій государь послалъ по тебя къ себѣ на посольство своего *великаго* че-

(1) Т. I Памятн. дипл. снош.
(2) Т. 1 Памятн. дипл. снош.

Digitized by Google

ловѣка, который у него въ избѣ живетъ, да ты бы его почтилъ бы, встрѣтилъ и поѣхалъ бы вмѣстѣ съ нимъ къ нему на дворъ». Сравнивъ это мѣсто статейнаго списка перваго посольства Герберштейна съ соотвѣтственнымъ ему мѣстомъ записокъ Герберштейна, мы найдемъ удивительное согласіе. Герберштейнъ удивляется тоіі медленности, которая соблюдалась при назначеніи дня къ представленію посольства. «Назначатъ день», говоритъ онъ, а потомъ и откладываютъ. Наканунѣ назначеннаго дня два раза приходили ко мнѣ приставы и напоминали, что завтра мы будемъ представлены; въ день аудіенціи тоже два раза приходили они съ тѣмъ же, наконецъ пришелъ приставъ и объявилъ, что скоро придутъ за ними великіе люди и что мы должны ихъ встрѣтить (1)». Замѣтно, что Герберштейнъ не свыкся еще съ этикетомъ нашего двора и не понималъ, что этою медленностью и этими церемоніями предки наши думали придать особенную торжественность посольству. Слѣдуя порядку изложенія Герберштейна, далѣе слѣдуютъ описанные имъ два обычая нашего двора, соблюдаемые при проѣздѣ пословъ во дворецъ: одинъ касается того, что во время проѣзда пословъ по обѣимъ сторонамъ дороги находится множества народа и войска. «У нихъ есть обычай», говоритъ Герберштейнъ, «что когда знаменитые посланники иностранныхъ князей и царей, бываютъ ведены во дворецъ, въ то время изъ близлежащихъ и сосѣдственныхъ областей, призываются, по приказанію князя, всѣ дѣти боярскіе и воины, всѣ въ городѣ лавки и мастерскія запираются на это время, купцы и продавцы разгоняются съ площади и граждане отовсюду сходятся». «Для того это дѣлается», прибавляетъ Герберштейнъ, «чтобы чужестранцы могли видѣть могущество князя, и чтобы народъ изъ великолѣпныхъ посольствъ могъ заключить объ уваженіи, какое къ государю ихъ имѣютъ чужестранные государи» (2). Не знаю на сколько справедливо послѣднее заключеніе. Я думаю, что это скорѣе составляло пріятное зрѣлище для народа, чѣмъ заставляло чрезъ то болѣе уважать своего государя. Съ первымъ заключеніемъ можно согласиться. Дѣйствительно можетъ быть и бывала у великаго князя при томъ мысль показать чужестранцамъ свое могущество. Что касается до самаго факта, то онъ совершенно справедливъ. Въ наказѣ великаго князя Борису Ивановичу, намѣстнику смоленскому, по случаю проѣзда чрезъ этотъ городъ Яна, «сестричича» Герберштейна, сказано (3): «И

(1) Rer. Mosc. Com. p. 125.
(2) Ibid. 120.
(3) *Т. I Памятн. дипл. сношѳ.*

Digitized by Google

какъ тотъ Максимьяновъ человѣкъ въ городъ въѣдетъ, а ты бы сѣлъ во своей избѣ на своемъ мѣстѣ, а у тебя бы были наши воеводы всѣ, да и дѣти боярскіе добрые и князи и бояре Смоленскіе, которымъ пригоже, а иные бъ дѣти боярскіе были у тебя въ сѣняхъ, иные во дворѣ, да и на площади бы дѣти боярскіе были и въ городѣ на улицахъ, чтобы людей много видѣти было». Котошихинъ (1) говоритъ про это слѣдующее: «Да тогожъ дни, какъ послы будутъ въ Москвѣ, велятъ быти на встрѣчѣ спальникамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, дьякамъ, жильцамъ, гостемъ, подъячимъ, стремяннымъ, конюхамъ, дворовымъ людямъ, торговымъ людемъ посотенно и въ городѣ и на площади и до Посольскаго двора испоставлены бываютъ стрѣльцы, по служебному обычаю».— Приведенныя нами мѣста достаточно подтверждаютъ слова Герберштейна, но прямаго указанія на цѣль, съ которою все это дѣлалось, мы не видимъ. Далѣе Герберштейнъ описываетъ обычай, по которому никто не имѣлъ права подъѣхать на лошади къ крыльцу царскому, и въ слѣдствіе этого самъ Герберштейнъ принужденъ былъ слѣзть и итти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Дѣйствительно этотъ обычай существовалъ и имѣлъ примѣненіе не только къ двору царскому, но даже и къ домамъ бояръ. При дворѣ это былъ этикетъ, а при домахъ бояръ этимъ обозначался особенный почетъ хозяину дома. Герберштейнъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ (2), говоря объ отношеніи простаго народа къ боярамъ, высказываетъ такую мысль, что простые люди почти неимѣютъ къ боярамъ доступа и не могутъ въѣхать верхомъ на боярскій дворъ. Этимъ Герберштейнъ хочетъ дать понятіе о высокомѣріи и гордости бояръ; но онъ, кажется, ошибался, дѣлая подобное заключеніе. При дворѣ обычай ходить пѣшкомъ къ крыльцу—строго соблюдался и нарушеніе его считалось нарушеніемъ чести государева дворца и строго наказывалось. Такъ неудивительно, что Герберштейну пришлось слѣзть и пройти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Встрѣчу во дворцѣ Герберштейнъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: (3) «Когда мы пришли на средину лѣстницы, встрѣтили насъ великокняжескіе бояре, которые, взявъ насъ за руки и поцѣловавшись, повели насъ далѣе. Лишь только поднялись мы на лѣстницу, встрѣтили насъ другіе бояре уже высшей степени—первые удалились и, поклонившись, протянули намъ руки. Когда же мы вступили въ палаты, гдѣ кругомъ стояла толпа благо-

(1) См. Главу V.
(2) Rer. Mosc. Com. p. 55.
(3) Ibid. p. 126.

Digitized by Google

родныхъ, тогда первѣйшіе совѣтники встрѣтили насъ и по сказанному порядку привѣтствовали. Потомъ мы были введены въ другую комнату, которая была занята князьями и другими благороднѣйшими особами, которые по порядку и числу бываютъ избираемы въ бояре и наконецъ въ комнату «князя». Встрѣча пословъ во дворцѣ опредѣлялась тоже обычаемъ; но при этомъ наблюдалось достоинство и важность пословъ и согласно съ этимъ бывали посламъ одна, двѣ и даже три встрѣчи. Такъ въ спискѣ 1517 г. (1) въ такихъ словахъ описывается встрѣча Герберштейна: «И какъ пріѣхалъ на дворъ и Князь Василій послалъ его встрѣтити, сшедъ съ лѣстницы у Благовѣщенья въ паперти Шигону Ноджогина да Сумароки Путятина; а какъ взошелъ на переходы большіе палаты и середніе, ино его встрѣтити на переходахъ у середней палаты, у угла Михайло Юрьевъ и проч. да ити съ нимъ въ избу къ Великому Князю». Герберштейнъ въ своемъ описаніи имѣлъ въ виду свой вторичный пріѣздъ; но мы не имѣемъ списка этого года; впрочемъ недостатокъ этотъ не имѣетъ большой важности потому, что и изъ приведеннаго нами мѣста достаточно ясна справедливость показанія Герберштейна. Герберштейнъ удивляется, что когда онъ проходилъ и кланялся кому нибудь, или наконецъ заговаривалъ къ кѣмъ нибудь изъ стоящихъ кругомъ, то никто ему не отвѣчалъ на поклонъ и не отвѣчалъ на его вопросы. «Никто изъ окружающихъ,» говоритъ Герберштейнъ «не оказывалъ намъ ни малѣйшей почести, даже если мы проходили мимо кого нибудь намъ коротко знакомаго и кланялись ему или говорили, то онъ неотвѣчалъ ни слова и какъ будто показывалъ тѣмъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ насъ и не получилъ отъ насъ привѣтствія». Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда это кажется страннымъ; но для объясненія этого приведемъ слова наказа, даннаго Іоанномъ Васильевичемъ при принятіи Кобенцеля въ 1576 г. (2) «А какъ послы поѣдутъ на дворъ, и по улицамъ бы съ пословыми людьми не говорилъ одно лично никто ничего, отъ того имъ ѣдучи улицами, беречь накрѣпко, а кто къ посламъ, или къ ихъ людемъ учнетъ приходити и кто съ ними учнетъ говорити, а Михаилу Далматьевичу съ товарищи того человѣка велѣти поймати и прислати къ Государю». Стало-быть извѣстіе Герберштейна, которое съ перваго взляда кажется вымышленнымъ и нелѣпымъ, на повѣркѣ выходитъ справедливымъ. Все дѣлалось по

(1) Т. 1 Памятн. дипл. сношен.
(2) Т. 1 Памятн. дипл. сношен.

Digitized by Google

приказу государя. Этими словами объясняются слова наказа, а словами наказа подтверждается въ свою очередь извѣстіе Герберштейна. Описывая аудіенцію у великаго князя, Герберштейнъ прежде всего представляетъ изображеніе самого великаго князя, потомъ переходитъ къ описанію церемоній. Описаніе великаго князя въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представился вошедшимъ посламъ, чрезвычайно любопытно (1): «Князь сидѣлъ, говоритъ Герберштейнъ, съ обнаженною головою на возвышенномъ блестящемъ мѣстѣ, надъ нимъ на стѣнѣ блисталъ образъ какого-то святаго. По правую сторону стояла скамейка, на которой лежала его шапка (Koracк), а по лѣвую на другой скамьѣ палка съ крестомъ (Posoch), умывальница и двѣ кружки съ полотенцемъ». При принятіи Кобенцеля въ 1576 г. царь и великій князь сидѣлъ въ брусяной избѣ и въ русскомъ саженомъ платьѣ, въ царской шапкѣ и въ діадемѣ, а въ рукахъ былъ скипетръ.—Въ слѣдъ за этимъ Герберштейнъ помѣщаетъ извѣстіе, которое не только не можетъ быть подтверждено, но даже и объяснено: «Говорятъ, что князь когда протягиваетъ руку послу римской вѣры, то думаетъ, что онъ протягиваетъ ее человѣку неопрятному и нечистому, и потому тотчасъ ее моетъ (2)». Откуда взялъ Герберштейнъ это извѣстіе не извѣстно; но во всякомъ случаѣ оно несправедливо. Антоній Поссевинъ во время разговора съ нашими боярами разъ сослался на это мѣсто Герберштейна. Бояре въ отвѣтъ Антонію объявили Герберштейна, два раза столь обласканнаго въ Москвѣ, неблагодарнымъ клеветникомъ, всклепавшимъ небылицу на государей московскихъ. «А ты Антоній», прибавили они, «къ себѣ почесть всякую самъ видишь, а тебѣ нечего слушати такихъ старыхъ баломутныхъ книгъ (3)».

При дворѣ нашемъ былъ обычай, чтобы при входѣ въ палату пословъ, одинъ изъ придворныхъ представлялъ ихъ царю, говоря: «Великій государь, царь и великій князь всея великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержецъ и проч. такой-то посолъ вамъ, великому государю челомъ бьетъ».—Герберштейнъ признавая это обычаемъ, все таки удивляется, какимъ образомъ чиновникъ этотъ можетъ дѣлать это, не испросивъ у пословъ согласія, а единственно по своей волѣ. Вотъ его слова (4): «Одинъ изъ первыхъ бояръ самъ собою безъ всякой съ нашей стороны просьбы, слѣдуя Русскому обыкновенію, обра-

(1) Rer. Mosc. Com. p. 127.
(2) Ibid.
(3) См. Ист. Карамз. Т. IX стр. 634.
(4) Rer. Mosc. Com. p. 126.

Digitized by Google

тился къ великому князю съ слѣдующими словами: «Великій Государь! Графъ Леонардъ бьетъ челомъ», и проч. Церемоніи, соблюдаемыя на аудіенціяхъ при нашемъ дворѣ, оставались безъ перемѣны; послы говорили привѣтственныя рѣчи. отъ имени государей своихъ *правили поклонъ* и спрашивали о здоровьѣ великаго князя. Государь съ своей стороны также спрашивалъ о здоровьѣ ихъ государей. По окончаніи привѣтствія царь звалъ *пословъ* къ рукѣ и наконецъ сажалъ ихъ на скамьѣ предъ собою. Въ спискѣ 1490 г. (1) такъ описывается пріемъ во дворцѣ посла отъ Максимиліана, короля римскаго, Юрія Делатора: «А какъ пришелъ къ Великому Князю и онъ отъ Короля отъ Максимьяна къ Великому Князю правилъ поклонъ. И Князь Великій всталъ, да вспросилъ его о Королевѣ здоровьѣ, да и руку ему подалъ—стоя, да велѣлъ ему сести на скамейкѣ противу себя близко». Такъ какъ все это совершалось по установленному обычаю, то и неудивительно, что описаніе Герберштейна согласно съ сказаннымъ мною. Вотъ его слова: «Когда мы по порядку высказывали привѣтствіе князю, то переводчикъ толковалъ отъ слова до слова. Слыша между прочимъ имена Карла и Фердинанда, великій князь приподнимался и сходилъ съ скамейки; наконецъ, выслушавъ до конца наше привѣтствіе, сказалъ: «Какъ здравствуетъ братъ нашъ Карлъ, избранный римскій императоръ и верховный царь»? Графъ тогда отвѣчалъ: «здоровъ». Тогда онъ подошелъ къ скамейкѣ и сѣлъ. Также, когда я окончилъ свое привѣтствіе, спрашивалъ о Фердинандѣ. Потомъ каждаго изъ насъ по порядку призывалъ къ себѣ и говорилъ: «дай мнѣ руку»; мы исполняли, онъ протягивалъ свою и спрашивалъ: «благополучно ли каждый изъ насъ пріѣхалъ и проч.».

Не дѣлая никакихъ выводовъ, изъ одного сопоставленія уже достаточно видна вѣрность показанія Герберштейна.—Далѣе Герберштейнъ говоритъ о подаркахъ, или *поминкахъ*, доставляемыхъ литовскими, ливонскими и шведскими послами, о томъ, какъ они предлагаются и бываютъ принимаемы, и заключаетъ свои слова слѣдующими выраженіями: «Напоминали они и намъ о подаркахъ, но мы отвѣчали, что *у насъ нѣтъ такого обычая* (2)». Это выраженіе ни коимъ образомъ не можетъ быть объяснено въ пользу автора, потому что въ статейныхъ спискахъ мы читаемъ совершенно противное, въ спискѣ 1496 г. (3)

(1) Т. I. Памятн. дипл. снош.
(2) Rer. Mosc. Com. p. 127.
(3) Т. I. Памят. дипл. снош.

Digitized by Google

сказано: «а опослѣ грамоты подалъ Юріи Делаторъ отъ Короля Великому Князю поминокъ: бархатъ Венедитцкой, темносинь, гладокъ». Въ спискѣ 1492 г. тотъ же Юріи, по случаю своего вторичнаго пріѣзда въ Россію, говоритъ на аудіенціи: «Наияснѣйшій и Насвѣтлѣйшій Начальникъ и Государь братъ твой Государь Краль-Римскій, на воспоминанье любви драгоій и братству доброхотѣнья, послалъ сесь поминокъ Величеству твоему: единъ поставецъ скорлату и единъ поставецъ адамошки (1)». Въ спискѣ 1576 г.: «Цесаревы послы Янъ Кобендцеля да Даніилъ Принцъ подали Государю Царю и Великому Князю отъ Максимильяна Цезаря поминки ланцугу золоту съ каменьемъ, а на неій имя Цесаря Римскаго и съ его Цесарскимъ вѣнцомъ (2)». И такъ мы видимъ, что и прежде и послѣ Герберштейна существовалъ при императорскомъ дворѣ обычай присылать съ послами поминки. Какъ же послѣ этого понимать выраженіе Герберштейна: *у насъ нѣтъ такого обычая?* За неимѣніемъ статейнаго списка 1526 г., когда представлялись графъ Югорольскій и Герберштейнъ великому князю, нельзя съ увѣренностію сказать, были-ли съ ними поминки. Даже скорѣе и вѣрнѣе можно сказать, что небыло, потому что и въ первомъ посольствѣ 1517 г., статейный списокъ котораго мы имѣемъ, ни слова не упоминается о поминкахъ, Но приведенныя мѣста свидѣтельствуютъ, что поминки бывали ранѣе и были послѣ. Стало быть справедливѣе думать, что Герберштейнъ долженъ былъ сказать, что у нихъ нѣтъ поминковъ съ собою.

Въ концѣ этой главы Герберштейнъ описываетъ тѣ церемоніи, которыя были соблюдены при заключеніи перемирія съ послами польскими и при врученіи имъ докончательныхъ грамотъ. Герберштейнъ, какъ лицо офиціальное, представлявшее собою особу эрцгерцога Фердинанда, самъ присутствовалъ при этомъ, видѣлъ всѣ церемоніи и оставилъ намъ подробное и любопытное описаніе ихъ. Неимѣя статейнаго списка этого года, когда было заключено перемиріе, мы не можемъ ни утвердить его, ни опровергнуть. Еще разъ скажу, что описаніе Герберштейна въ высшей степени любопытно, вслѣдствіе этого позволю себѣ разсказать содержаніе этого мѣста. Послы польскіе и нѣмецкіе, сперва были приглашены въ извѣстную комнату, гдѣ имъ бояре объявили о намѣреніи великаго князя заключить перемиріе и покончательныя грамоты, потомъ послы

(1) Т. 1. Памят. дипл. сношен.
(2) Т. 1. Памят. дипл. сношен.

Digitized by Google

были позваны предъ лицо государя. По приказанію его они сѣли, и тотъ началъ говорить рѣчь, потомъ призвалъ совѣтника и велѣлъ снять со стѣны крестъ. Снявъ крестъ, совѣтникъ держалъ его въ правой рукѣ, между тѣмъ секретарь держалъ въ обѣихъ рукахъ перемирныя грамоты. Тутъ великій князь снова обратился къ посламъ съ рѣчью, по окончаніи которой приложился къ кресту, сперва челомъ, потомъ каждымъ глазомъ; но еще прежде этого онъ отеръ уста полотенцемъ и плюнулъ на землю. Поцѣловавъ крестъ, онъ отступилъ.—Приступили литовскіе послы; но прежде чѣмъ они приложились, русскій читалъ имъ приписку къ грамотамъ, въ которой они обязывались держать твердо то, что постановлено въ грамотахъ. Послы литовскіе повторяли слово за словомъ. Потомъ послы цѣловали крестъ, великій князь снова говорилъ рѣчь, наконецъ призвалъ пословъ къ рукѣ и отпустилъ ихъ (1).

Здѣсь оканчиваются наши выписки и сравненія. Степень достовѣрности этихъ извѣстій Герберштейна уже достаточно ясна изъ приведенныхъ нами сравненій и сопоставленій. По полнотѣ же своей и правдивости, и по интересу изложенія—извѣстія эти могутъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ нашимъ статейнымъ спискамъ.

Верховная власть и формы правленія.

Герберштейнъ даетъ понятіе о правленіи и о неограниченной власти великаго князя. Превосходно обрисовываетъ онъ удивлявшее его самовластіе русскаго государя и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. «Скажетъ и сдѣлано, говоритъ Герберштейнъ: жизнь, достояніе людей свѣтскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависятъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ божества. Русскіе увѣрены, что великій князь исполнитель небесной воли. Такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они. Усердіе подданныхъ невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдаго старца, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ лилъ съ его лица. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко отвѣчалъ: ахъ, господинъ баронъ! мы служимъ государю не по

(1) Rer. Moscov. Com. p. 124—136.

Digitized by Google

вашему. Не знаю, прибавляетъ Герберштейнъ, свойство-ли народа требовало такихъ самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство». Политика Василья Іоанновича выражена коротко и сильно: multas provincias non tam bello, in quo erat infelicior, quam industria imperio suo adjecit. На стр. 15, изображенъ титулъ великаго князя. Мы здѣсь кстати приведемъ небольшое изслѣдованіе о титулѣ нашихъ государей.

До Василія Іоанновича, русскіе государи именовались великими князьями, то есть такими, которые управляли многими княжествами и слѣдовательно имѣли преимущество предъ прочими князьями, владѣвшими отдѣльными княжествами. Иностранные вѣнценосцы дали имъ эпитетъ: magnus dux или magnus princeps. Симеонъ Іоанновичъ и Василій Димитріевичъ именовались великими князьями всея Руси (1). Изяславъ II (2) и Димитрій Донскоій (сказ. о Мам. побоищѣ) назывались царями. Іоаннъ III принималъ имя царя въ сношеніяхъ съ иностранцами (3). Василій Іоанновичъ принялъ окончательно титулъ царя, не выражая однако этимъ идеи неограниченнаго самодержца, въ какомъ смыслѣ принялъ этотъ титулъ Іоаннъ IV. Много спорили о происхожденіи этого слова; одни производили его отъ библеійскихъ именъ: Валтассаръ, Навуходоносоръ и пр., другіе видѣли въ немъ сокращеніе римскаго Caesar. Библеійскій βαβιλευς всегда переводится именемъ царя. Въ лѣтописяхъ и государственныхъ актахъ называются царями: императоры византійскіе, ханы кипчакскіе, султаны турецкіе. Василій Іоанновичъ такъ высоко ставилъ царское достоинство, что, по словамъ Герберштейна, причислялъ королеи къ числу своихъ васcаловъ: Czar solum Caesarem seu Imperatorem dici existimant: unde factum ut Rutheni interpretes audientes Principem suum ab externis nationibus sic appelari, coeperint et ipsi deinceps Imperatorem nominare, nomenque Czar dignius esse quam regis (licet idem significent) existimant etc.

Въ договорѣ, заключенномъ съ Альбрехтомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, противъ Сигизмунда, короля польскаго, Василій Іоанновичъ называетъ себя: Dei Gratia Imperator et Dominator totius Russiæ (4). Франциск да Колло перевелъ, по указанію русскихъ толмачей, титулъ царя такъ: «il Gran Signore per

(1) См. въ собр. госуд. грамотъ духовную Сим. Іоан. съ печатью I, 37, и завѣщаніе В. Д. также съ печатью I, 72.

(2) И. Г. Р. Т. II, стр. 160.

(3) Дѣла Крым. стр. 169.

(4) Bestand des russischen Kaiser-Titels. Riga 1742. 13.

Digitized by Google

Dio Gratia Imperator et Signor di tutta la Russia et gran Duca». Принцъ фонъ Бухау въ соч. Moscoviæ ortus et progressus, на на стр. 204, говоритъ, что по сказанію русскихъ, государи ихъ получили императорское достоинство уже со временъ Владиміра отъ греческихъ императоровъ. Іовій называетъ великаго князя: Magnus Dominus Basilius, Dei Gratia Imperator (De legatione Basilii Magni Principis Moscoviæ ad Clementem VII). Василій Іоанновичъ, въ сообщенномъ Іовіемъ письмѣ къ папѣ, говоритъ о себѣ: Dei Gratia Imperator ac dominator totius Russiæ. Поссевинъ на стр. 7, 82 говоритъ: Magnus Dux sive Rex, sive Imperator nominatur. Въ Relation de trois Ambassades du Comte de Carlisle приводится (стр. 140) письмо Алексѣя Михаиловича, начинающееся такъ: Notre Majesté Czarienne faisant reflexion sur le florissant estat de notre empire, etsur la sincère amitié, que notre Auguste Père de glorieuse mémoire Michel Phedorovitz, Empereur et Grand Duc de toute la Russie etc. Титулъ царя переводился словомъ императоръ, не только въ Россіи, но и вообще за границею. Герберштейнъ самъ говоритъ: cum omnes hunc Imperatorem apellent, и такимъ образомъ противорѣчитъ другому мѣсту нѣмецкой Московіи: aber der Rhaimer gibt jm solchen Titl. Одно это свидѣтельство имѣло бы уже достаточный авторитетъ, если бы мы не имѣли еще множества другихъ доказательствъ.

Древнѣйшіе письменные памятники, гдѣ русскіе великіе князья называются императорами, заключаются въ письмахъ, паспортахъ и другихъ документахъ, выданныхъ рижскимъ магистратомъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Но важнѣе ихъ грамата Максимиліана I къ Василію Іоанновичу, гдѣ послѣдній названъ императоромъ. Она написана 4 августа 1514 г. въ Брунеггѣ или Брунденахѣ въ Тиролѣ, на древненѣмецкомъ языкѣ, за подписью Максимиліана и съ золотою печатью. Эта грамата отпечатана по повелѣнью Петра Великаго въ Петербургѣ 1718 г. Ее можно найти у Щербатова IV, III. 309. Титулъ царя переведенъ: цесарь и обладатель Всероссійскій; Брунеггъ названъ Гундунь (1). Эта грамота содержитъ императорское предложеніе союза русскому государю противъ польскаго короля Сигизмунда. Несмотря на нѣкоторые нападки (2), подлинность ея несомнѣнна, потому что оригиналъ хранится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, а копія должна находиться въ Вѣнѣ.

---

(1) См. библіографію Сопикова ч. II № 3046 и описаніе старопечатныхъ книгъ гр. Ѳ. А. Толстова стр. 525.

(2) Des Kaisers Maxim. I vorgegebener Brief an Basil Ivan. Freistapt 1723 u. Everard Otto de Tit. Imp. Russ. p. 31.

Digitized by Google

Перштейнъ, посланникъ Рудольфа II, привѣтствовалъ въ 1579 г. Іоанна Васильевича словами: Caesar, Princeps et Domine! Въ 1675 г. 9 октября, въ Москвѣ заключенъ договоръ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, между бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ и императорскими послами Батоссомъ и Терлингомъ, чтобы на будущее время въ императорскихъ грамотахъ царь величался не *пресвѣтлѣйшествомъ*, а *величествомъ*. Въ латинской грамотѣ, упомянутой Миллеромъ въ его Saml. Russisch. Gesch. Th. II, S. 30, въ 1685 г. къ китайскому хану, царевичи Іоанна и Петръ назвали себя Imperatores. Вотъ примѣры, что англійскіе короли величали русскихъ государей императорами. Елисавета говоритъ о «the late Emperor Theodor Evanovich», и во многихъ грамотахъ называетъ великаго князя Іоанна Васильевича: «the mighty Emperor of all Russia», и «Your Imperial Majesty» (1). Вилліамъ Камденъ говоритъ въ Vita Elisabethæ ad an. 1567: «Venerunt sub hoc tempus in Angliam Stephanus Twerdico et Theodorus Pogorella, a potentissimo illo Ioanne Basilide, Russorum et Moscorum Imperatore». Іаковъ I называетъ Іоанна Васильевича: «The Great Lord Emperor» (2). Такъ же писалъ Карлъ I въ 1626, 1637, 1631 и 1633 годахъ (тамъ же Th. II Beil. стр. 5, 7, 9, 62). Посолъ Карла II, графъ Карлейль привѣтствовалъ въ 1663 г. царя Алексѣя Михайловича словами: «Très-haut, très-puissant et très-illustre Prince, Grand Seigneur, Empereur et Grand Duc. (3) Французскій король Людовикъ XIII въ 1629 г. назвалъ Михаила Ѳеодоровича въ письмѣ: Sa Majesté Imperiale, а Людовикъ XIV Алексѣя Михайловича въ 1674 г. Empereur de Russie. Голландское посольство, пріѣхавшее въ 1630 г. назвало Михаила Ѳеодоровича: «aller Russen Keyser ende Groot Vorst.» Датскій король, Христіернъ III писалъ 3 Мая 1552 г. къ Іоанну Васильевичу, по случаю отправки въ Россію типографщика Ганса Бохбиндера и лютеранскихъ книгъ, что если *императору* и духовенству эти книги понравятся, то ихъ можно перевести на русскій языкъ (4).

Герберштейнъ подробно описываетъ (p. 19—20), по одной рукописи, которую съ трудомъ досталъ, обрядъ торжественнаго

(1) См. Richter's Gesch. der Medizin in Russland Th. I стр. 430, 434, 436, 447.

(2) См. Рихтера Th. II, Beilagen стр. 3.

(3) Relation de trois Ambassades p. 85, 88, 125.

(4) Латин. письмо Хр. III напечатано въ Theologisk Bibliot. udgivef af Jens Möller, Kopenhagen 1816 T. X. S. 326, и также въ Ergänz. Blätter zur Jen. Allg. Lit. Zeit. 1817 N 25.

Digitized by Google

коронованія Димитрія, внука Іоанна Васильевича, 4 февраля 1497 г. Въ различныхъ мѣстахъ встрѣчаются у Герберштейна описанія должностей придворныхъ чиновниковъ, при чемъ говорится о жалованьи безземельнымъ служащимъ. Нѣкоторые изъ нихъ получали чрезъ три года по 6 золотыхъ (aureos, gulden) за каждый годъ, другимъ производилось ежегодно по 12 золотыхъ, но съ тѣмъ, чтобы они содержали коней и всегда были готовы на всякое ратное дѣло. Исправлявшимъ знаменитѣйшія должности, какъ наприм. посламъ, давались, сообразно ихъ чину и званію, въ аренду воеводства и имѣнія, за которыя они должны были платить въ казну извѣстныя пошлины. Время аренды продолжалось обыкновенно 18 мѣсяцевъ, и только въ знакъ особеннаго благоволенія продолжалось еще нѣкоторое время.

Для исторіи русскаго законодательства въ особенности важны переводы устава Владиміра и судебника Іоанна III, о чемъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

На стр. 54 Rev. Mosc. Com. помѣщены различныя замѣтки о юстиціи. Обыкновенною казнью были пытки и висѣлица. Казнь производилась зимою, такъ какъ лѣтомъ, послучаю войны, дворъ и засѣданія отсутствовали. Въ законахъ о пыткахъ или такъ-называемыхъ губныхъ граматахъ, формы пыткамъ не предписано. Извѣстія Герберштейна о судныхъ пыткахъ подтверждаются еще свидѣтельствами Іовія (р. 128). Въ этихъ жестокихъ пыткахъ, мы должны видѣть остатки татарскаго вліянія. Впрочемъ, въ средніе вѣка, пытки производились почти по всей Европѣ. На 54 стр. есть замѣчанія, относящіяся къ положенію крестьянъ, получавшихъ будто-бы только одинъ день въ недѣлю для обрабатыванія своего участка. Намъ кажется неестественнымъ, чтобы при такихъ условіяхъ, земледѣлецъ могъ прокармливать свою, часто многочисленную семью. Если же крестьянинъ, работая 5 дней на господина, получалъ отъ него содержаніе, то въ такомъ случаѣ работалъ въ это время и на господина и на себя (см. Флетчера листъ 46 на обор.). Есть замѣчанія и о рабахъ (р. 49), пріобрѣтавшихся силою, на войнѣ. Кто худо обращался съ хорошимъ и исправнымъ слугой, тотъ считался безчестнымъ (fit quodammodo infamis) и, вслѣдствіе этого, не могъ владѣть крѣпостными.

Доказательствомъ извѣстія Герберштейна о томъ что свободные земледѣльцы продали себя въ холопство, служитъ 77 статья Судебника, гдѣ сказано: «а который крестьянинъ съ пашни пролается кому въ полную въ холопи и пр». Каждое постановленіе вызывается фактами.

Digitized by Google

Религія.

По желанію Фердинанда, Герберштейнъ изложилъ отдѣлъ о религіи съ особеннымъ стараніемъ. Его извѣстія этого рода относятся къ догматамъ, обрядамъ и чиснамъ іерархіи греко-россійской церкви.

Къ догматамъ можно отнести то, что онъ говоритъ вообще о религіи (стр. 27), о крещеніи (стр. 37), исповѣди (стр. 40), причащеніи (стр. 40), постѣ (стр. 42), почитаніи святыхъ (стр. 41), о праздникахъ (стр. 41), молитвахъ (стр. 20). Сюда же можно отнести буллу папы Александра VI 1501 г., гдѣ члены греческой церкви, переходящіе въ лоно католической, избавляются отъ вторичнаго крещенія; и еще одно посланіе митрополита Іоанна къ папѣ (стр. 30), въ которомъ доказывается, на основаніи постановленій 7-ми вселенскихъ соборовъ, что греческая церковь точнѣе соблюдала христіанскіе догматы, и что несмотря на это, она не называетъ католиковъ лжехристіанами, какъ они называютъ православныхъ. Объ этомъ посланіи мы упомянемъ подробнѣе въ литературномъ отдѣлѣ.

Не рѣшаясь говорить о вѣрности опредѣленія догматовъ, мы только замѣтимъ, что лучше бы было, если бы Герберштейнъ былъ осмотрительнѣе и не помѣщалъ иногда въ своихъ комментаріяхъ несовсѣмъ основательныхъ свѣдѣній, основанныхъ болѣе на устныхъ разсказахъ.

О церковныхъ обрядахъ, онъ говоритъ на стр. 19 и 46, описывая видѣнное имъ торжественное богослуженіе. На стр. 47 упоминаетъ объ обрядѣ при совершеніи таинства брака.

Герберштейнъ говоритъ о нашемъ духовенствѣ вообще (р. 20), о подсудимости его свѣтской власти (стр. 46), о десятой части имущества (стр. 46), объ одеждахъ духовенства (стр. 29, 30), о митрополитѣ (стр. 27). Далѣе упоминается объ архіепископахъ и епископахъ (стр. 28). архимандритахъ (стр. 29), игуменахъ (стр. 29) и объ устройствѣ монастырей.

Герберштейнъ говоритъ, что священникъ не можетъ совершать таинства безъ діакона. Мы знаемъ, что можетъ. Бѣлому духовенству второй бракъ воспрещается, а Герберштейнъ исчисляетъ случаи, въ которыхъ священнику дозволено вторично жениться. При объясненіи, что священники подпадаютъ за уголовныя преступленія свѣтскому суду, Герберштейнъ не дѣлаетъ оговорки, что они предаются свѣтскому суду только по лишеніи духовнаго сана. Судьба Максима Грека изображена не вѣрно. Неизвѣстно, кого разумѣлъ Герберштейнъ подъ именемъ магрицкаго архіепископа въ числѣ архіепископовъ москов-

Digitized by Google

ского государства. Магрицкой епархіи въ Россіи не было, а былъ магрицкой монастырь въ нынѣшней владимірской губерніи, въ 30-ти верстахъ отъ александровской слободы. Разсказъ о чудесномъ горшкѣ въ троицко-сергіевскомъ монастырѣ, безъсомнѣнія, принадлежитъ суевѣрной черни.

Военное устройство.

Военныя силы, разумѣется не могли не обратить на себя вниманіе нашего писателя, и вотъ главнѣйшія черты, показанныя имъ.

Всѣ боярскія дѣти, обязанныя военной службой, считались каждые два или три года (р. 49), чтобы великій князь зналъ, какими силами можно было располагать въ случаѣ нужды. Одни служили безъ жалованья, другіе получали его, хотя и не постоянно (р. 49). Войну вели почти всегда, и даже во время мира стояло оборонительное войско въ 20,000 человѣкъ на границѣ противъ крымскихъ Татаръ, на Днѣпрѣ и Окѣ.

Когда возникала воіина, то герольды сзывали всѣхъ помѣщиковъ съ ихъ людьми, и всѣхъ боярскихъ дѣтей, для сбора на опредѣленномъ мѣстѣ, къ извѣстнымъ воеводамъ. Такимъ образомъ, въ короткое время, собиралось сильное войско отъ 60, до 100,000 вооруженныхъ всадниковъ.

До Василія Іоанновича, продолжаетъ Герберштеіінъ, не знали огнестрѣльнаго оружія, какъ и употребленія пѣхоты (р. 50), и то и другое великій князь ввелъ въ употребленіе въ войнѣ противъ казанскаго хана. Богатая и отличная артиллерія была составлена при помощи нѣмецкихъ и итальянскихъ литейщиковъ. Замѣтимъ, что огнестрѣльное оружіе явилось въ Россіи еще въ 1389 г., когда изъ нѣмецкой земли привезли «арматы и стрѣльбу огненную». При нашествіи Татаръ, во время Василія Темнаго, были выставлены на московскихъ стѣнахъ пушки (1). Въ 1488 г. Павелъ Дебосисъ слилъ въ Москвѣ огромную царь-пушку (2). Слѣдовательно мнѣніе Герберштеіина неосновательно.

При Герберштеіінѣ былъ составленъ пѣхотный корпусъ изъ 1500 Литовцевъ и другихъ иноземцевъ; русскіе служили въ кавалеріи. Лошади были маленькія, легко осѣдланныя и управлялись безъ шпоръ, посредствомъ канчука. Солдатъ, какъ и те-

(1) И. Г. Р. Т. V. стр. 119 и 331.
(2) Тамъ же Т. VI. стр. 50.

Digitized by Google

перь, былъ пріученъ къ всякаго рода трудностямъ и переносилъ жесточайшія лишенія съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Въ походѣ, у каждаго былъ мѣшочекъ толокна отъ 8—10 фунтовъ, ветчина, лукъ, соль и перецъ съ необходимою посудою и орудіями. Оружіе заключалось въ лукахъ, стрѣлахъ, копьяхъ, саблякъ, кинжалахъ, палицахъ; тѣло защищалось панцырной рубашкой и остроконечнымъ шлемомъ. Войско подвигалось быстро и смѣло, и безъ труда уничтожало встрѣчавшіяся препятствія (p. 139); лагерь строился на открытомъ мѣстѣ и ничѣмъ не защищался (p. 51). Нападеніе русскихъ было непреодолимо (p. 51), но не продолжительно. Они какъ-бы говорятъ непріятелю: бѣги или мы сами побѣжимъ! Очертивъ бѣгство татарина и турка, Герберштейнъ продолжаетъ: гонись за русскимъ; онъ уже не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ; но никогда за то не проситъ пощады. Руби, рѣжь его—молчитъ и падаетъ. Каждое, сколько нибудь укрѣпленное мѣсто удерживало непріятеля и осада обходилась ему дорого (p. 50). Сюда же можно отнести общественные поединки (p. 54), русскіе турниры, употреблявшіе всякое оружіе, кромѣ огнестрѣльнаго. Василій Іоанновичъ запретилъ русскимъ состязаться съ иноземцами.

Смотря на замѣтки о нашемъ военномъ искуствѣ и храбрости, нельзя не замѣтить, что Герберштейнъ слишкомъ мало оцѣнилъ военныя доблести русскихъ. Онъ не сообразилъ, что это народъ, который принялъ на себя удары монголовъ, направленные на Европу, перенесъ ихъ безо всякой посторонней помощи, единственно твердостію своего духа, и не только свергъ съ себя ненавистное ярмо, но даже возвратилъ свою прежнюю власть надъ другими народами.

Кстати вспомнимъ разсказъ нашего безсмертнаго врага Баторія о томъ, какъ русскіе отстаиваютъ свои города: «хладнокровно занимаютъ они мѣста убитыхъ или взорванныхъ дѣйствіемъ подкопа и заграждаютъ проломы грудью, сражаясь день и ночь, ѣдятъ одинъ хлѣбъ; умираютъ съ голода, но не сдаются, чтобы не измѣнить своему царю. Самыя ихъ жены мужествуютъ съ ними, гася огонь или пуская въ непріятеля, съ высоты стѣнъ, бревна и каменья. А въ полѣ, эти вѣрные отечеству ратники отличаются чуднымъ терпѣніемъ, снося морозы и вьюги и всякое ненастье подъ своими легкими наметами (1)».

(1) Поссевина Moscovia p. 19, 20.

Digitized by Google

Торговля.

Въ сочиненіи Герберштейна заключается много драгоцѣнныхъ замѣтокъ о нашей древней торговлѣ.

Въ его время невыгодно было торговать въ Россіи иностранцамъ. Въ Москву имѣли право пріѣзжать только литовскіе и польскіе купцы, въ Новгородъ шведскіе, лифляндскіе и нѣмецкіе; и въ одинъ только Хлопигородъ могли пріѣзжать, кромѣ упомянутыхъ, еще турецкіе и татарскіе купцы. Естественно, что при такомъ ограниченіи, къ каждому иноземному посланнику присоединялось множество его земляковъ купцовъ, для доставленія своихъ товаровъ въ Москву. Всѣ ввозимые товары: сукно, шелкъ, всякаго рода матеріи, жемчугъ и драгоцѣнные камни, все это представлялось цѣновщикамъ, опредѣлявшимъ ихъ цѣнность, и за этимъ предлагалось, по назначенной цѣнѣ, великому князю, до разрѣшенія котораго ничего не продавалось. Къ числу вывозимыхъ товаровъ преимущественно принадлежали: мѣха, кожи, воскъ, хлѣбъ, моржовые клюки и пр. Мѣра ржи (р. 79) стоила въ Москвѣ отъ 4 до 6 денегъ, только разъ цѣна возрасла до 14 денегъ. Если мы обратимъ теперь вниманіе на то, что поденьщикъ получалъ въ день отъ 1½ до 2 денегъ, то сознаемся, что тогдашняя задѣльная плата была гораздо выше нынѣшней. На стр. 59 опредѣляется достоинство различныхъ мѣховъ: собольихъ, хорьковыхъ, лисьихъ, бабровыхъ и кошачьихъ. Иной соболіи мѣхъ продавался за 20 и за 30 дукатовъ. Шелковыя матеріи и пряности были въ Москвѣ дешевле, чѣмъ въ Германіи; потому что онѣ въ непомѣрномъ количествѣ вымѣнивались на мѣха. Всѣ лавки въ Москвѣ были уже тогда соединены въ большомъ, каменномъ зданіи, называвшемся купеческимъ дворомъ (curia mercatorum).

Знаменитѣйшими торговыми городами были Новгородъ (р. 73) и Хлопигородъ (р. 78), извѣстный по своей ярмаркѣ, гдѣ мѣновая торговля производилась въ огромныхъ размѣрахъ.

Герберштейнъ описываетъ русскіе рубли довольно подробно и въ заключеніе говоритъ: «*quarum nulla nunc* (т. е. въ началѣ XVI вѣка) *apparet* (1)» Гвагьини пишетъ почти тоже что и баронъ Герберштейнъ (2). Въ кабинетѣ графа Мусина-Пушкина, говоритъ Карамзинъ (3), «есть подобный

(1) См. Rerum Moscov. Com. pag. 42.
(2) Moscoviae descriptio. 1630 anno. pag. 158.
(3) См. Исторія Госуд. Россійскаго Т. IV, примѣч. 250.

Digitized by Google

«же рубль съ изображеніемъ словъ: Волод . . . т. е. имени Вла«диміра, можетъ быть внука Іоанна Калиты, или Владиміра Ря«занскаго, жившихъ въ XIV вѣкѣ».—Въ лѣтописи, подъ 1353 годомъ, сказано, что 5 старыхъ рублеи съ двумя гривнами вѣсили фунтъ. Тоже самое означается и въ нашихъ старинныхъ, рукописныхъ ариѳметикахъ. Но, въ исходѣ XIV вѣка, рубли московскіе состояли изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ и вѣсъ ихъ какъ видно, нѣсколько уменьшился, въ отношеніи къ древнимъ рублямъ или кускамъ серебра, ходившимъ въ то время, когда предки наши употребляли вмѣсто денегъ кожаные лоскуты (1), куны, морды или ушки. Въ Никоновской лѣтописи сказано, что ходили они въ Новгородѣ до XV столѣтія вмѣсто денегъ (2). Герберштейнъ также пишетъ, что русскіе употребляли вмѣсто денегъ морды и ушки бѣлокъ и другихъ животныхъ (3). Гваньини, современникъ царя Іоанна Васильевича, говоритъ въ этотъ смыслѣ о цѣлыхъ шкуркахъ бѣличьихъ, куньихъ и другихъ (4). По сказанію Нейштета, автора хроники ливонской XVI вѣка, монета литовцевъ въ XII вѣкѣ состояла въ бѣличьихъ ушкахъ съ серебряными гвоздиками. Наконецъ самое важное извѣстіе о нашихъ кожаныхъ деньгахъ принадлежитъ монаху Рубруквису (Rubruquis), бывшему въ Россіи около 1253 года; онъ пишетъ (5): *pour les Russiens la monnaie, qui a cours entre eux, est de petites pieces de cuir, marquetées de couleurs.* Карамзинъ говоритъ, что онъ видѣлъ кожаныя деньги въ Александровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, владимірской губерніи, что одни больше, другіе меньше величиною; на однихъ изображенъ крючекъ, на другихъ звѣздочка (6).

Справедливость словъ барона Герберштейна, что въ *гривнѣ* было только 14 денегъ, можно подтвердить словами лѣтописца великаго князя Іоанна Васильевича (7), въ которомъ сказано, что «великій князь захотѣлъ взяти съ обежи (обежа объясняется въ лѣтописяхъ такъ: обжа единъ человѣкъ на единой лошади оретъ) по полугривнѣ, а Владыка со всѣми своими начаша бити

(1) См. ibidem. Томъ I, примѣч. 524.

(2) См. Никоновская лѣтопись. Т. V, 42.

(3) См. Rerum Mosc. Com. p. 42.—См. выше.

(4) Гваньини. См. Rerum Mosc. Auctores varii pag. 158. или Moscoviae Descriptio 1630 a. pag. 74.

(5) См. Изд. Бержерина: Voyages faits princ'palement en Asie. (la Haye. 1735) Tom. I pag. 91.

(6) См. Исторія Госуд. Россійскаго Т. I, примѣч. 524.

(7) См. лѣтописецъ Іоанна Васильевича и Исторія Государства Россійскаго, Томъ VI, примѣч. 171.

Digitized by Google

челомъ, чтобы Государь ималъ дань, какъ бьемъ челомъ, по 7 денегъ съ сохи единова на годъ и великіи князь тѣмъ ихъ пожаловалъ, что имати ему съ сохи по полугривнѣ».—Далѣе Герберштейнъ и Марко Поло пишутъ, что въ московской *серебряной деньгѣ* считалось 60 *пулъ* (1). Это названіе сохранилось до нашего времени въ словѣ полушка, которую отнюдь не слѣдуетъ какъ это многимъ кажется, производить отъ ½ ушка, но прямое его начало лежитъ въ словѣ пула и потому правильнѣе было бы писать «пулушка». Сколько такихъ серебряныхъ денегъ считалось въ рублѣ? Герберштейнъ пишетъ, что при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ, въ рублѣ считалось 200 московскихъ денегъ (2). Такъ же пишетъ и Гваньини (3). Оба они цѣнятъ ихъ въ 2 венгерскіе червонца. Это кажется слишкомъ дорого по отношенію къ нынѣшней дороговизнѣ золота и серебра. Кстати замѣтимъ, что по словамъ Герберштейна, на псковскихъ монетахъ была бычачья голова въ вѣнцѣ. Карамзинъ говоритъ, что это могло случиться вслѣдствіе грубой ихъ отдѣлки (4), но въ другомъ мѣстѣ (5) нашъ историографъ соглашается съ словами Герберштейна.

Дороги были, большею частію, въ хорошемъ состояніи, исключая мѣстностей, пострадавшихъ отъ войны съ Польшею. Почта была очень хорошо устроена (p. 56), но ею пользовались вполнѣ только лица, ѣздившія по волѣ великаго князя. Лошадей вездѣ содержалось болѣе, чѣмъ нужно. За станцію отъ 20—25 верстъ платили по 6 денегъ за лошадь. Нашъ авторъ съ величайшимъ удивленіемъ разсказываетъ о томъ, что одинъ изъ его людей проскакалъ 120 нѣмецкихъ миль, изъ Новгорода въ Москву, на маленькихъ, невзрачныхъ лошаденкахъ, въ 72 часа. Надобно удивляться необыкновенной наблюдательности Герберштейна; отъ него не ускользнулъ даже обычай ямщиковъ разговаривать съ своими конями. Еще и теперь этотъ обычай составляетъ коренное отличіе русскаго ямщика.

Домашняя жизнь.

Домашняя жизнь русскихъ того времени, рѣзко отличалась, въ глазахъ Герберштейна отъ всего видѣннаго имъ въ другихъ

---

(1) Rerum Mosc. Com. p. 41.—Марко-Поло, по изданію Бержерина pag. 79.
(2) См. Rerum Mosc. Commentarii ibidem.
(3) Moschoviae descriptio. p. 158. См. выше.
(4) Томъ VII примѣч. 338 Исторіи Госуд. Россійскаго.
(5) Исторія Госуд. Россійс. Т. VII, стр. 202.

Digitized by Google

земляхъ. Прежде всего поразило его русское гостепріимство, до сихъ поръ сохранившееся во всей своей свѣжести. Ему посвящаетъ онъ особый отдѣлъ въ своемъ сочиненіи (стр. 55). Въ его описаніи изображены: устройство и украшеніе домовъ, встрѣча гостей и одежда (стр. 55), сходная какъ у бояръ, такъ и у простаго народа (51) съ венгерской. Потомъ онъ говоритъ о любимой пищѣ, баняхъ, затворничествѣ женщинъ и о предубѣжденіяхъ противъ нихъ (стр. 48), объ отцовской власти и пр. Нельзя однако не замѣтить, что Герберштейнъ иногда впадалъ въ крайности; напр. утверждая, что русскія жены измѣряютъ любовь мужей не ласками, а побоями, онъ основывается на анекдотѣ кузнеца Іордана. Невѣроятно, чтобы всѣ русскія жены были такъ глупы, какъ жена Іордана. Къ тому же этотъ анекдотъ болѣе рекомендуетъ съ худой стороны самаго разскащика-мужа.

Странно также, что Герберштейнъ такъ смѣло судитъ о расположеніи русскихъ къ рабству Онъ даже усматривалъ это расположеніе въ формѣ нашего хлѣба. При описаніи царскаго угощенія, онъ говоритъ, что хлѣбы, имѣющіе видъ хомута, означаютъ для вкушающихъ жестокое иго и вѣчное рабство: panes praeterea formam helcii equini habentes, mea opinione, omnibus iis vescentibs durum jugum et perpetuam servitutem designant. Никто, кромѣ Герберштейна, не придавалъ такого мистическаго значенія нашимъ калачамъ!

Мы ограничиваемся однимъ перечисленіемъ извѣстій Герберштейна по этому отдѣлу и по нѣкоторымъ другимъ, потому-что для внимательнаго разсмотрѣнія каждаго потребовалось-бы особое разсужденіе. Мы отсылаемъ желающихъ къ переводу и тексту комментаріи о Московіи, которые издаются въ этомъ же Сборникѣ.

Народныя увеселенія.

Для полнаго понятія о характеристикѣ русскихъ, Герберштейнъ упоминаетъ о народныхъ увеселеніяхъ. Придворныя увеселенія и увеселеніе вельможъ ограничивались почти одною охотою и застольными наслажденіями. Герберштейнъ описалъ охоту (р. 130), въ которой онъ участвовалъ, и великокняжескій обѣдъ. (р. 129). Увеселенія низшаго сословія заключались въ качеляхъ, пляскѣ, пѣніи, игрѣ на различныхъ инструментахъ (р. 51), кулачномъ боѣ и, къ несчастію, въ пьянствѣ. Изъ нашихъ лѣтописей видно, что кулаки употреблялись въ древ-

Digitized by Google

ности и въ самыхъ сраженіяхъ, напр. новгородцами 1216 г. въ липецкой битвѣ. Что же касается до пьянства, то оно строго преслѣдовалось правительствомъ. Герберштейнъ самъ говоритъ, что въ будни москвитянамъ запрещалось пить вино; одни иноземные воины, наемщики имѣли право быть невоздержными; отъ чего слобода ихъ за Москвою рѣкою называлась *наленками*. Великій князь, опасаясь дѣйствіи худаго примѣра, не дозволялъ своимъ подданнымъ жить вмѣстѣ въ ними. Но еще раньше, именно въ псковской судной грамотѣ, видна попытка уничтоженія этой вредной наклонности: купля, продажа и мѣна, совершенныя въ пьяномъ видѣ, объявлялись недѣйствительными, а княжескимъ людямъ запрещалось держать корчмы и продавать медъ. Кромѣ этого, Іоаннъ III указомъ запретилъ пьянство. Слѣдовательно, пьянство искони считалось порокомъ. Иностранцы Флетчеръ и Олеаріи также упоминаютъ, что московскому народу дозволялось пить вино только въ извѣстные дни.

Древности.

Древности разбираются Герберштейномъ не только касательно славянской миѳологіи (1), но онъ сообщаетъ также описанія старинныхъ обычаевъ, великокняжеской одежды и пр. (2).

Когда христіанская вѣра озарила Новгородъ и идолъ Перунъ былъ брошенъ въ Волховъ, то онъ поплылъ противъ теченія, бросилъ на мостъ палицу и закричалъ: Это вамъ, новгородцы, на память обо мнѣ! На мосту началась ужасная драка изъ за палицы. До сихъ поръ, продолжаетъ Герберштейнъ въ извѣстное время раздается голосъ Перуна, и на мосту непремѣнно начинается драка, которую обыкновенно принужденъ разнимать воевода.—Эта басня есть также въ степенной книгѣ, а кромѣ того упоминается авторомъ кіевскаго синопсиса и Стрыйковскимъ.

Герберштейнъ говоритъ о статуѣ золотой бабы на рѣкѣ Оби. Эта вызолоченая статуя изображала пожилую женщину, которая держала одно дитя на колѣняхъ, а другое возлѣ, съ боку. Въ ея храмѣ были спрятаны музыкальные инструменты, употреблявшіеся жрецами для убѣжденія народа, что статуя сама собою издаетъ звуки. Герберштейнъ впрочемъ объясняетъ эти звуки дѣйствіемъ вѣтра. Въ несчастныхъ случаяхъ прибѣгали

(1) Rer. Mosc. Com p. 75.
(2) Ib, p. 19, 20, 22, 47.

Digitized by Google

къ оракулу этого идола за совѣтомъ. (1) Изъ Гваньини (2) мы узнаемъ, что ей приносили въ жертву собольи шкуры и др., что люди ѣли сырыя кишки и мясо, въ честь ея заколотыхъ оленей, а жрецъ вопрошалъ между тѣмъ идола о будущемъ. Звукъ происходилъ, по мнѣнію Гваньини, или отъ искуственныхъ орудій, или отъ естественныхъ, подземельныхъ каналовъ и вѣтра.

Касательно великокняжеской одежды, разсмотримъ какъ опредѣляетъ Герберштейнъ бармы. Онъ говоритъ, что бармы есть широкая цѣпь или, лучше, шелковый поясъ, унизанный золотомъ и разноцвѣтными камнями, отнятый Владиміромъ Мономахомъ у какого то генуезца Кафы, или въ городѣ Каффѣ. За нимъ Стрыйковскій написалъ, что Владиміръ отнялъ у генуезцевъ городъ Каффу, въ единоборствѣ побѣдилъ ихъ воеводу, и снялъ съ него золотую цѣпь, хранимую въ сокровищницѣ московскихъ князей, и носимую ими, подъ именемъ бармъ, въ часъ торжественнаго помазанія. Петреій также слышалъ отъ русскихъ, что мономахова одежда привезена изъ Каффы, гдѣ Владиміръ воевалъ съ татарами. Антоній Герера увѣряетъ, что мономаховы митра, ожерелье и скипетръ—трофеи побѣды, одержанной Владиміромъ надъ кафскимъ консуломъ, чему радовался генуезскій патрицій Іеронимъ де Маринисъ: такъ уважаютъ, говорилъ онъ, русскіе нашу знаменитую республику!

Дѣло въ томъ, что въ княженіе Владиміра Мономаха, въ Каффѣ не было ни татаръ, ни генуезцевъ; они завладѣли ею въ XIII вѣкѣ. Татищевъ говоритъ въ своемъ лексиконѣ слѣдующее: «Барма по гречески именуется царская панагія, крестъ съ цѣпью, который при коронаціи возлагается сверхъ платья; иногда же въ томъ заключаютъ всѣ, принадлежащія коронаціи вещи, яко: корону, скипетръ, діадиму и пр., что по латыни инсигнія именуется.»

Въ обрядникѣ постановленія на великое княженіе сказано: «ожерелье, сирѣчь Св. Бармы, яже на плещу свою возлагали.» (3) Въ чинѣ поставленія на царство Алексѣя Михаиловича читаемъ: «Святыя Бармы, еже есть діадима..» (4)

---

(1) Versuch einer slavischen Mythologie von Andreas. v. Kayssarow. Авторъ вѣроятно не зналъ сочиненія и картъ Герберштейна, потому что упоминаетъ о позднѣйшемъ писателѣ Петреѣ.

(2) Rer. Polon. II, 205.

(3) Древ. Вивліоѳ. VII, 3.

(4) Тамъ же VII, 241.

Digitized by Google

По изображенной на бармахъ святынѣ, и онѣ назывались святыми. Рисунокъ съ нихъ находится въ довольно рѣдкой книгѣ: Историческое описаніе древняго Россійскаго Музея, подъ названіемъ Мастерской и Оружейной палаты въ Москвѣ обрѣтающагося. Москва 1807.

Извѣстіе Герберштейна о томъ, что царь умывалъ руки, прикоснувшись къ иновѣрцу, опровергается на листѣ 409 папскихъ дѣлъ, гдѣ между прочимъ сказано: «а того у Государя не ведетца, чтобы руки умывалъ тѣхъ для Пословъ» и т. д.

Флетчеръ и Олеарій подробнѣе Герберштейна распространились объ одеждѣ.

Герберштейнъ пишетъ, что новгородцы, взявъ Херсонъ, вывезли оттуда мѣдныя врата и большой колоколъ.

Вотъ что мы знаемъ про эти бронзовыя двери въ новгородской софійской церкви. Большія наружныя металлическія двери еще до сихъ поръ называются корсунскими. Графъ Румянцовъ, во время своего путешествія 1817 г., велѣлъ срисовать ихъ. Аделунгъ (1) сообщаетъ изъ письма Буссе слѣдующее описаніе этихъ дверей: «я видѣлъ, пишетъ фонъ-Буссе, въ Новгородѣ, въ софійской церкви, металлическія двери, называемыя по преданію корсунскими, въ стѣнѣ, выходящей на западъ. Сомнѣвавшись уже прежде въ подлинности преданія, я, при видѣ дверей, совершенно убѣдился, что онѣ сдѣланы не греческими, а нѣмецкими художниками. Это доказываютъ фигуры и латинскія надписи. Надъ изображеніемъ мужа въ древненѣмецкой одеждѣ написано: Riquin me fec. Надъ головою благословляющаго святителя: Wichmanns Megideburgensis epc. На другой сторонѣ: S. Petrus + Judas tradidit x. p. m. и т. д. На правой половинѣ, во второмъ квадратѣ, сверху отдѣльныя буквы: M. D. L».

Къ этому извѣстію, опровергающему похищеніе этихъ дверей въ 998 г. изъ Херсона, слѣдуетъ еще замѣтить, что Несторъ не упоминаетъ о привезенныхъ изъ Херсона церковныхъ дверяхъ. Татищевъ, безъ приведенія источника, говоритъ, что въ 1336 г. новгородскій архіепископъ Василій купилъ въ Германіи, за дорогую цѣну, металлическія, вызолоченныя двери: «въ Новѣградѣ владыка Василій у святой Софіи устрой двери мѣдяныя золочены, привесше изъ Нѣмецъ, купи цѣною великою (2)». Можно было бы думать, что рѣчь идетъ о корсунскихъ дверяхъ, если бы не противорѣчило одно обстоятельство. Тотчасъ замѣтно, что двери предназначались для большой церкви,

(1) Sieg. Fr. v. Herb. p. 446.
(2) Ист. Рос. С.-Пб. 1784, IV, 134.

Digitized by Google

или, по крайней мѣрѣ, для большаго отверстія: четыреугольники, составляющія ихъ, находятъ краями одинъ на другой, закрывая часть изображеній и надписей. Слѣдовательно, можетъ быть, онѣ дѣйствительно—воинская добыча, но не херсонская, а лифляндская. Далинъ (1) говоритъ, что корелы, разоривъ Сигтунъ, увезли, между прочимъ, серебряныя двери, и прибавляетъ, что ихъ можно видѣть въ большой новгородской церкви предъ алтаремъ, на хорахъ, подъ названіемъ сартунскихъ или сигтунскихъ воротъ. Можетъ быть, что названія: сартунскія и корсунскія—перемѣшаны. Можно также предположить, что сартунскія ворота—такъ называемыя шведскія, которыя впрочемъ не серебряныя, а мѣдныя.

Касательно Вихмана, магдебургскаго архіепископа, можно замѣтить, что онъ умеръ въ 1194 г., увѣковѣчивъ свою память, во время сорока-двухъ-лѣтняго отправленія своей должности, дарованіемъ различныхъ правъ магдебургскимъ гражданамъ. О немъ, какъ о 16-мъ магдебургскомъ архіепископѣ упоминается въ: 1) Ioh. Pomarius Magdeb. Stadtchroniken, Magd. 1581, и 2) Magdeb. Stiftschronica v. Andreas Werner, Magd. 1584.

Карамзинъ (2) говоритъ, что внизу дверей художники изобразили самихъ себя и подписали: мастеръ Аврамъ Ванзмутъ, мастеръ Никвнъ Мепеги; возлѣ Вихмана изображенъ другой святитель и подписанъ: Alexander Epc. de Blucich. Всѣ надписи весьма грубы и неисправны. Въ новгородской лѣт. подъ 1336 г., сказано, что новгородскій архіепископъ Василій сдѣлалъ въ софійской церкви мѣдныя, вызолоченныя двери: не это ли херсонскія? Въ 1528 г., архіепископъ Макарій также дѣлалъ новыя царскія двери въ Софію (3). Миллеръ нашелъ въ женскомъ александровскомъ монастырѣ (влад. губ.) церковныя мѣдныя врата, вывезенныя Іоанномъ Грознымъ изъ Новгорода.

Географія и статистика.

Европа въ первый разъ читала въ сочиненіи Герберштейна полное географическое и статистическое описаніе нашего отечества.

Его три карты Россіи считаются древнѣйшими. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ съ надписью: Moscovia Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain etc. 1549.

---

(1) Schved. Gesch. Th. II, s. 120, подъ 1188 г.
(2) Т. I пр. 458.
(3) Архив. Рост. лѣт. л. 385.

Digitized by Google

Въ срединѣ правой стороны карты, надъ масштабомъ читаемъ: «hanc tabulam absolvit Aug. Hirsfogel. Viennæ Austr. cum gr. et priv.» Этотъ Августинъ Гиршфогель былъ извѣстный нюрнбергскій художникъ.

Миллеръ, въ своемъ извѣстіи о русскихъ ландкартахъ (1) не упоминаетъ объ этой картѣ, а называетъ древнѣйшею—карту, помѣщенную въ космографіи Минстера, которая гораздо недостаточнѣе и нѣсколькими годами моложе герберштейновой. Шмидтъ Физельдекъ, въ своемъ дополненіи къ труду Миллера (2), упоминая объ этой картѣ, ошибочно относитъ ее къ 1546 г. Она была приложена къ изданію 1549 г., и о древнѣйшей какой нибудь картѣ не упоминаютъ ни Дени, ни другіе библіографы. Ошибка, замѣченная Шмидтомъ—Bielogorodalias Nester—произошла отъ недоразумѣнія его самого. Имя Bielogorod напечатано отдѣльно, по сю сторону рѣки, а надъ словами: alias Nester, стоящими на одной линіи съ названіемъ Bielogorod, только по ту сторону рѣки пропущено, по случаю опечатки, имя Tiras, помѣщенное на обѣихъ другихъ картахъ. Къ первому латинскому изданію комментаріевъ Герберштейна была приложена только одна эта карта, но къ первому нѣмецкому, вѣнскому изданію, и къ латинскимъ изданіямъ 1556 г. приложены кромѣ ея еще двѣ другія карты большаго размѣра. На одной изъ нихъ вся Русь одѣта въ густые лѣса.

Значенію имени Россіи Герберштейнъ придаетъ обширный и тѣсный смыслъ. Въ обширномъ смыслѣ, онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ всѣ земли, населенныя русскими. Такимъ образомъ король польскій и великій князь литовскій относятся къ числу русскихъ князей. Въ тѣсномъ смыслѣ, онъ называлъ Россіею земли, подвластныя великому князю московскому. Герберштейнъ говоритъ о границахъ (3), о климатѣ (4), о происходящихъ отъ него болѣзняхъ (5), о плодородіи земли и ея произведеніяхъ—хлѣбѣ (6), лѣсѣ, плодахъ, медѣ и пр.

Здѣшній здоровый воздухъ, говоритъ Герберштейнъ, отвращаетъ многія болѣзни, извѣстныя въ другихъ государствахъ Европы. Чума никогда не распространялась отъ истоковъ Дона на сѣверъ и востокъ. Замѣтимъ, что 1772 г. доказалъ противное. Владимірская и рязанская губерніи отличались, въ быт-

(1) Samml. Russ. Gech. Th. VI, 1.
(2) Beiträge zur Kenntniss der Staatsverfassung von Russland s. 196.
(3) Rer. Mosc. Com. p. 2.
(4) Ibid. p. 61.
(5) Ibid. p. 63.
(6) Ibid. p. 62.

Digitized by Google

ность Герберштейна, особеннымъ плодородіемъ. Въ владимірской губерніи, говоритъ онъ, одна мѣра зерна приносила отъ 20 до 30 мѣръ, а въ рязанской одно зерно пускало два и болѣе колосьевъ и хлѣбъ былъ такъ густъ, что лошади едва могли въ немъ двигаться, а куропатки съ трудомъ взлетали. Меду, воску, рыбы, дичи, продолжаетъ онъ, здѣсь въ изобиліи. Жители отважнѣе и воинственнѣе прочихъ русскихъ.

Касательно чрезвычайнаго обилія и плодородія въ этихъ губерніяхъ, замѣтимъ, что, можетъ быть, это было такъ въ XVI столѣтіи, но теперь плодородіемъ въ особенности отличаются малороссійскій край и земли донскихъ козаковъ. Что же касается до замѣчанія о жителяхъ, то мы рѣшительно не знаемъ, почему Герберштейнъ отдаетъ имъ преимущество предъ другими русскими.

Въ описаніи онъ сперва разсматриваетъ восточныя провинціи, потомъ южныя, западныя и сѣверныя, частію по собственному опыту, а частію по слухамъ и въ особенности по дневникамъ толмачей: Григорья, Власа, Истомы и Дмитрія. Москву онъ относитъ къ границамъ Азіи (1), насчитываетъ въ ней 41,500 домовъ (2), и сообщаетъ интересныя замѣчанія объ ея мѣстоположеніи, архитектурѣ зданій, о церквахъ и прочихъ достопримѣчательностяхъ. Далѣе описывается Новгородъ (3) и живущіе за нимъ черемисы магометанской вѣры, (между тѣмъ какъ въ его время большая часть черемисовъ были язычники), Тверь (4), Владиміръ, Нижній Новгородъ, Рязань, Смоленскъ (5), Псковъ (6), Пермь (7), Астрахань (8) и т. д. По примѣру древнихъ хроникъ, называющихъ Псковъ Опсковомъ, Герберштейнъ называетъ Тверь Отверью (Otfer).

Онъ упоминаетъ о Хлопигородѣ и Ахазѣ, которые для нынѣшней географіи неизвѣстны. Хлопигородъ онъ помѣщаетъ (9) при впаденіи Мологи въ Волгу, въ двухъ миляхъ отъ Углича, и говоритъ, что въ немъ бываетъ величайшая и знаменитѣйшая ярмарка всего государства.

---

(1) Ibid. p. 67.
(2) Ibid. p. 63.
(3) Ibid. p. 73.
(4) Ibid. p. 73.
(5) Ibib. p. 70.
(6) Ibid. p. 76.
(7) Ibid. p. 85.
(8) Ibid. p. 100.
(9) Ibib. p. 78.

Digitized by Google

Сочиненіе гр. Мусина-Пушкина: историческое замѣчаніе о началѣ и мѣстоположеніи древняго Россійскаго, такъ называемаго, Холопья города (Москва 1810), подтверждаетъ бывшее существованіе этого городка. Авторъ приводитъ отрывокъ изъ одной московской рукописи патріаршей библіотеки: о торговлѣ на Мологѣ (¹). Въ этомъ отрывкѣ есть важное указаніе, которое можно отнести къ ярмаркѣ Холопьяго города. Во времена Герберштейна, видны были уже только остатки города, но въ двухъ миляхъ отъ Углича, на берегу Мологи, была еще церковь, которая впрочемъ едва ли могла называться Хлопигородомъ, какъ это утверждаетъ Герберштейнъ.

Въ наше время забыто и имя города и его славная ярмарка, но на основаніи вышеупомянутыхъ розысканій можно предположить, что Холопій городокъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Глѣбова. При этомъ нужно еще имѣть въ виду намекъ Древней Идрографіи, гдѣ, на стр. 144, говорится: «А ниже Углича шестьдесятъ верстъ пала въ Волгу рѣка Молога, а на усть рѣки Мологи два посада дворцовые. А выше тѣхъ двухъ посадовъ на рѣкѣ Мологѣ, на правомъ берегу обитель Пресвятыя и Живоначальныя Троицы Аѳонасьевъ монастырь, что словетъ Хлопей монастырь и пр.». Можно предположить, что въ древнія времена въ этотъ монастырь стеклось множество крѣпостныхъ людей, что и сообщило ему это названіе. Могло также быть, что Герберштейнъ, слышавъ о Нижнемъ Новгородѣ и Макарьевѣ, отстоящемъ отъ Нижняго на столько, на сколько Великій Новгородъ отстоитъ отъ Хлопьяго городка, перемѣшалъ эти свѣдѣнія и связалъ знаменитую макарьевскую ярмарку съ сказаніемъ объ убѣжавшихъ холопяхъ. Но для сообщенія этому предположенію исторической важности, нужно доказать трехъсотлѣтнее существованіе макарьевской ярмарки. Касательно происхожденія названія города, Герберштейнъ говоритъ, что новгородцы семь лѣтъ осаждали Херсонъ, что жены ихъ вышли между тѣмъ замужъ за рабовъ, что рабы встрѣтили возвратившихся господъ съ оружіемъ, но господа, кинувъ мечи и копья, бросились на нихъ съ бичами и такимъ образомъ обратили въ бѣгство своихъ бывшихъ слугъ, которые укрѣпились въ одномъ мѣстѣ, названномъ послѣ Холопьимъ городомъ. Герберштейнъ замѣчаетъ при этомъ: ut annales eorum (русскихъ) referunt, и въ этомъ случаѣ, кажется, напрасно призываетъ наши лѣтописи. Эта басня, повторенная Стрыйковскимъ, Вистеномъ (Noorden Oost-Tar-

(¹) См. рукопись діакона Тимофея Каменевича-Рвовскаго о древностяхъ россійскихъ, хранящуюся въ Синод. Библ. подъ № 529. Кн. 1, Т. 2, л. 517.

Digitized by Google

tarye) и авторомъ Ядра Россійской исторіи, взята изъ древней греческой сказки о скиѳскихъ рабахъ. Геродотъ (1) разсказываетъ, что скиѳы, возвратившись послѣ двадцати-осьмилѣтней войны съ мидянами, нашли своихъ рабовъ, уже завладѣвшими ихъ правами и женами. Рабы хотѣли защититься рвомъ, прорытымъ отъ Тавра до меотійскаго моря, но были однако усмирены.

Дополнимъ наше розысканіе мнѣніемъ историографа Карамзина.

На берегу Мологи въ 60 верстахъ отъ устья сей рѣки, былъ въ XIV, XV и XVI вѣкѣ Холопій городъ, извѣстный по его славнымъ ярмаркамъ; правда, что сіе мѣсто донынѣ именуется Старымъ Холопьимъ и находится въ дачахъ гр. А. И. Мусина-Пушкина (ярослав. губер., въ мологскомъ уѣздѣ); правда, что недалеко оттуда есть два жительства: Станово (гр. М. Пушкина), гдѣ по разсказамъ, находился станъ Холопей и Боронишно (г. Горихвостова), гдѣ они будто-бы оборонялись: но въ лѣтописяхъ новогородскихъ нѣтъ ни слова о семъ мнимомъ возмущеніи рабовъ, и вѣроятно, что названіе мѣстъ, котораго причина въ самомъ дѣлѣ неизвѣстна, подало мысль къ возобновленію греческой сказки, отнесенной послѣ къ Вятчанамъ, будто бы рабамъ новогородскимъ (2).

Городъ Ахазъ (3) Герберштейнъ полагаетъ при устьѣ Дона надъ Азовомъ: «Asoph civitas, quae prius Tanas vocabatur, supra hanc quatuor dierum itinere Achas oppidum est, ad eundem fluvium situm, quam Rutheni Don apellant». Этотъ городъ, который мы должны искать около нынѣшняго Черкаска, не обозначенъ ни на древнѣйшихъ, ни на новѣйшихъ картахъ. Даже на самой герберштейновой картѣ нѣтъ такого имени на означенномъ мѣстѣ. Можетъ быть это испорченное Абхази или Абаза? Карамзинъ думаетъ, что Ахазъ Герберштейна и городъ Орна, (по нашимъ лѣтописямъ Орначь) одно и тоже (4). Орна, какъ разсказываетъ Карпини, былъ потопленъ по запруженьи Дона Батыемъ (Voyage, 47).

О происхожденіи городка Нали (Налей), который должно искать въ окрестностяхъ Москвы, Герберштейнъ говоритъ слѣдующее: «Non procul a civitate trans fluvium non multis retroactis annis Basilius Princeps satellibus suis novam Nali civitatem (quod eorum lingua infunde sonat) exaedificavit, propterea quod cum aliis

(1) Melpomene, c. 1.
(2) И. Г. Р. Т. 1, пр. 458.
(3) Rer. Mosc. Com. p. 66.
(4) И. Г. Р. Т. IV, пр. 4.

Digitized by Google

Ruthenis medonem et cerevisiam libere exceptis paucis diebus in anno, prohibitum sit, iis solis bibendi potestas a Pvincipe sit permissa: atque eam ob rem, ne caeteri eorum convictu corrumperentur, ab reliquorum consuetudine sunt sejuncti» (1). Слѣдовательно Налейками называлась древняя, московская слобода, слѣды имени которой видны въ названіи прихода—у Спаса на Ливкахъ.

Герберштейнъ обратилъ особенное вниманіе на рѣки, обозначая ихъ истокъ и устье, и упоминая ихъ древнія названія. Описывая Волгу, онъ говоритъ, что это птоломеева Ра, что она имѣетъ особый истокъ, а не общій съ Днѣпромъ, и что впадаетъ не въ евксинскій понтъ, а въ каспійское море.

По свидѣтельству Птоломея, Донъ имѣетъ свое начало въ рифейскихъ горахъ; а Герберштейнъ доказываетъ, что въ Россіи нѣтъ рифейскихъ горъ, и что Донъ истекаетъ изъ большаго ивановскаго озера въ тульской губерніи и, пробѣгая около 80 нѣмецкихъ миль, впадаетъ въ азовское море. Краковскій каноникъ Матвѣй Миховскій, бывшій въ Россіи въ началѣ XVI столѣтія, первый сообщилъ это въ Descriptio Sarmatiarum (Cracoviae 1521), и тѣмъ навлекъ на себя негодованіе поклонниковъ древней географіи, а въ особенности императора Максиміліана, который по этому поручилъ Франциску да Колло, посланному въ 1518 г. въ Россію—изслѣдовать этотъ предметъ съ особеннымъ тщаніемъ. Въ введеніи къ описанію своего путешествія, Франциск да Колло говоритъ на 6-ii стр. объ этомъ и, или по незнанію, или въ угодность императору, защищая извѣстіе Птоломея, опровергаетъ показаніе Матвѣя Миховскаго, прибавляя, что послѣдній получилъ это ложное свѣдѣніе отъ русскихъ плѣнниковъ. Карамзинъ сомнѣвается, чтобы греки разумѣли подъ именемъ рифейскихъ горъ наши уральскія, какъ думалъ Герберштейнъ, а за нимъ Штамбергъ и другіе географы (2).

Герберштейнъ говоритъ, что Нарова, принявъ въ себя Псскову, и идущую съ юга Великую рѣку, оставя Псковъ вправѣ, протекаетъ чрезъ Опочку. Но мы знаемъ, что Нарова, вытекая изъ чудскаго озера, впадаетъ въ финскій заливъ, не принимая ни Великой, ни Псковы. Первая выше Пскова 131 верстой, имѣетъ на своемъ островѣ Опочку, подъ Псковомъ принимаетъ съ себя рѣку Пскову, и оставляя Псковъ вправѣ, впадаетъ въ чудское озеро почти противъ истоковъ Наровы, съ

(1) Rer. Mosc. Com. p. 62.
(2) И. Г. Р. Т. 1, пр. 4.

Digitized by Google

другой стороны озера. Дубна впадаетъ не въ Сесть, а въ Клязьму.

Далѣе Герберштейнъ упоминаетъ о Березинѣ, узнавая въ ней древній Борисѳенъ, на основаніи птоломеева описанія и сродства звуковъ; объ Окѣ, Двинѣ, Печорѣ, Нѣменѣ, въ которомъ видитъ птоломеевъ Крононъ, и другихъ рѣкахъ, о Ладожскомъ озерѣ и Ильменѣ, довольно точно опредѣляя положеніе этихъ водъ.

Говоря объ Оби и ея притокахъ, Герберштейнъ упоминаетъ о городахъ Еромѣ и Туменѣ, нынѣ Тюменѣ. Послѣдній лежитъ на Турѣ и 1586 г. вновь укрѣпленъ русскими, а подъ Еромомъ нужно разумѣть Верхотурье, которое у туземцевъ прежде называлось Перомомъ.

Герберштейнъ, услышавъ о причиненіи вреда великому князю тюменскимъ царемъ, шейбанскимъ Мамукъ-Ханомъ, сомнѣвался въ подчиненности Югріи Россіи. Но наши лѣтописи описываютъ подъ 1499 г. походъ для покоренія Югріи при Іоаннѣ III Васильевичѣ (1).

Описанное Герберштейномъ водное сообщеніе между Двиною и Печорою совершенно соотвѣтствуетъ древнимъ и новымъ картамъ (2).

Извѣстія о литовцахъ (3) чрезвычайно рѣдки для его времени. Онъ собралъ ихъ отъ Альбрехта Гастольда, виленскаго воеводы и штатгальтера велик. княжества литовскаго. Далѣе упоминается о татарахъ вообще и въ особенности о ногайскихъ (4), о калмыкахъ, самоѣдахъ (5), черемисахъ (6), лапландцахъ и пр. Укажемъ на нѣкоторыя ошибки: Герберштейнъ утверждаетъ напр., что черкесы говорятъ по славянски; и не ошибается конечно только въ томъ случаѣ, если подъ именемъ черкесовъ подразумѣваетъ донскихъ казаковъ, которые себя такъ называли. Онъ называетъ соловецій монастырь — Соловуки (7), Неву—Хевой. Послѣдняя ошибка произошла вѣроятно отъ одинакой формы латинскаго X(H). и русскаго Н. Орѣшекъ, стоявшій при истокѣ Невы, Герберштейнъ полагаетъ при ея устьѣ, и прибавляетъ, что нѣмцы называли его Нутембургомъ. Но мы знаемъ, что Нотенбургомъ называлась нынѣшняя Охта.

---

(1) Никон., Архив., Врем., Степен. кн., Псковская лѣт.
(2). Ср. книгу большему чертежу 288, 289 и древ. Идрогр. стр. 207.
(3) Rer. Mosc. Com. p. 103, 138.
(4) Ib. p. 86, 87, 91.
(5) Ib. p. 81.
(6) Ib. p. 86.
(7) Ib. p. 77.

Digitized by Google

Подобные промахи встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ отдаленнѣе описываемыя земли. Напр. Герберштейнъ говоритъ, что татары (1), послѣ хорошей добычи, спятъ часто трои, четверы сутки сряду, и въ это время безнаказанно умерщвляются русскими и литовцами. Такъ же забавны разсказы о томъ, что въ каждомъ самогитскомъ семействѣ есть карлики (2), что въ рѣкѣ Тахминѣ водятся рыбы съ человѣческими головами, лишенныя впрочемъ голоса, но употребляемыя въ пищу (3) и пр. Берега Оби преимущественно богаты у Герберштейна такими чудесами. Тамъ живутъ или черные люди (4) или обросшіе шерстью (5) или если бѣлые, то съ собачьими головами, или имѣющіе человѣческое лицо на груди.

Левкоморы, живущіе въ Лукоморіи, ежегодно умираютъ въ георгіевъ день 26 ноября и опять оживаютъ къ новому георгіеву дню 26 апрѣля. Но передъ своимъ летаргическимъ сномъ или спячкой, левкоморы складываютъ товары въ извѣстное мѣсто, для того чтобы ихъ сосѣди грустинцы и серпоновцы замѣнили ихъ своими товарами. Пробудясь, левкоморы спѣшатъ къ этому мѣсту, чтобы убѣдиться выгодно ли промѣняны товары и въ противномъ случаѣ затѣваютъ съ нечестными покупщиками ссоры.

Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о мѣновой торговлѣ и къ тому еще нѣмой, потому что оба народа знали только свой языкъ. Такъ торговали карѳагеняне и мавры съ африканскими неграми, серы въ средней Азіи съ иноземцами (6) подобное же встрѣчалось и въ торговлѣ лапландцевъ, еще въ XVI в. О серпоновцахъ нигдѣ не упоминается, а въ грустинцахъ Лербергъ видитъ (7) гаустинцовъ Штраленберга (8) и евштинцевъ Миллера (9). Доказательствомъ того, что гаустинцы Штраленберга и евштинцы Миллера одинъ и тотъ же народъ, служатъ замѣчанія обоихъ писателей. Первый упоминаетъ объ нихъ при описаніи Сибири и говоритъ, что нашелъ остатокъ этого народа около Томска, въ числѣ 200 или 300 человѣкъ, а Миллеръ въ

---

(1) Ib. p. 89.
(2) Ib. p. 113.
(3) Ib. p. 83.
(4) Ib. p. 82.
(5) Ib. p. 83.
(6) Herodot. Lib. IV cop. 196. Plin. hist. nat. lib. IV p. 17.
(7) Untersuch. zur Erläut. d. alt. Geschichte Russlands. s. 40.
(8) Nord u. Östl. Th. v. Europa u. Asien. 1730 s. 187, 257.
(9) Samml. Russ. Gesch. VI. 523.

Digitized by Google

сибирской исторіи говоритъ также о 3000 евштинцахъ, участвовавшихъ въ сооруженіи Томска.

Касательно названія Лукоморія замѣтимъ, что лукоморьемъ называютъ вообще морской заливъ (луки моря), слѣдовательно это не собственное, а нарицательное имя. Подтвержденіемъ нашихъ словъ могутъ послужить извѣстія лѣтописей. Подъ 1090 г. этимъ именемъ обозначенъ берегъ каріискаго моря (1), подъ 1186 г. берегъ каспійскаго моря (2), подъ 1223 г. берегъ азовскаго моря (3). Подъ лукоморскими горами, Герберштейнъ разумѣлъ вѣроятно малый Алтай (4). Слѣдовательно грустинцы и серпоновцы посѣщали прибрежную страну дальняго сѣвера, гдѣ зимою не показывается солнце, природа мертва отъ ноябрьскаго Георгія до апрѣльскаго и многія животныя подвержены спячкѣ. Это Югрія. Но что касается до ея жителей, то они не спали, а напротивъ были особенно дѣятельны въ это время, охотились за пушнымъ звѣремъ и перевозили на саняхъ свои товары по замерзшимъ болотамъ. Не по поводу ли извѣстія Геродота о Гипербореяхъ, Герберштейнъ заставляетъ ихъ такъ долго спать (5)? Арабскій географъ Бакуи еще раньше Герберштейна зналъ объ этой нѣмой торговлѣ въ Югріи (6). Герберштейнъ относитъ Югрію къ восточнымъ берегамъ Оби. Онъ разсказываетъ о путешествіи князя Семена Ѳедоровича Курбскаго изъ Перми въ Югрію чрезъ печорскія горы (Уралъ) и замѣчаетъ, что князь въ 17 дней не могъ достигнуть ихъ вершины, называемой столпомъ (7).

Приведемъ, въ заключеніе этого отдѣла, основательное замѣчаніе Лерберга (8): «очень жаль, что ученые путешественники, посѣтившіе Сибирь въ прошломъ столѣтіи, пренебрегли сказаніями Герберштейна. Иначе многія изъ его замѣчаній, достойныхъ ученаго изслѣдованія и повѣрки, были бы уже теперь объяснены».

---

(1) Ник. Воскрес.
(2) Воскрес., Рос. Вивліоѳ. 277.
(3) Ник., Воскрес.
(4) Untersuch. Lehrbergs s. 44.
(5) Lib. IV, 25.
(6) Not. et Extr. des Manuscr. de la Bibl. du Roi p. 1789.
(7) Lehrbeg. s. 20.
(8) Untersuch. s. 40.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Объясненіе степени достовѣрности извѣстій Барона Герберштейна, почерпнутыхъ имъ изъ письменныхъ источниковъ.

Третья часть настоящаго отдѣла нашего разсужденія имѣетъ своимъ предметомъ показать достовѣрность тѣхъ извѣстій Герберштейна, которыя заимствовалъ онъ изъ письменныхъ источниковъ. Здѣсь мы, смотря на Герберштейна, какъ на переводчика, должны показать въ какой степени понималъ Герберштейнъ тотъ языкъ, съ котораго переводилъ, и какъ пользовался источниками: переводилъ-ли буквально, или дѣлалъ извлеченія изъ нихъ.

Исторія.

Въ запискахъ Герберштейна въ первый разъ явились выписки изъ нашихъ лѣтописей (1), въ первый разъ явились въ свѣтъ эти сокровища нашей первоначальной исторіи, безъ которыхъ древнѣйшая эпоха нашего государства, должна бы была остаться загадочною, полу-миѳическою. Герберштейнъ, на основаніи лѣтописей, совершенно послѣдовательно, исторически излагаетъ первоначальную эпоху нашего государства, основаніе его и древнѣйшія событія, и доводитъ свое изложеніе до Іоанна III. Съ этого времени къ лѣтописному повѣствованію онъ присоединяетъ разсказы лицъ, достойныхъ довѣрія и тѣмъ придаетъ своему описанію значительный интересъ. Начинаетъ онъ съ происхожденія народа славянскаго и по этому случаю говоритъ слѣдующее (2).

«Народъ славянскій произошелъ отъ колѣна іафетова, въ древности жилъ на Дунаѣ, въ нынѣшней Венгріи и Булгаріи и назывался именемъ Норци». А вотъ слова лѣтописи: (3) «Отъ сихъ 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афетова. Норци еже суть Словѣни. По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни на Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска». Ясно, что Герберштейнъ хорошо понималъ языкъ лѣтописный. Упомянувъ о происхожденіи, Герберштейнъ переходитъ къ описанію мѣстныхъ названій славянъ. При сличеніи

---

(1) Смотр. Адел. стр. 373. При провѣркѣ лѣтописныхъ выписокъ Герберштейна, Лаврент. лѣтопись, гдѣ помѣщенъ древнѣйшій текстъ Нестора, будетъ намъ служить главнымъ источникомъ.

(2) Rer. Mosc. Com. p. 2.

(3) Лавр. лѣт. стр. 2.

Digitized by Google

этого мѣста Герберштейна съ лаврентьевскимъ списком лѣтописи легко замѣтить нѣкоторое различіе. Вслѣдствіе этого мы должны признать, что авторъ имѣлъ подъ рукою какой нибудь другой списокъ. Вотъ слова лѣтописи: (1) «Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ ихъ, Словѣни же ови, пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашеся Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашеся Поляне». Герберштейнъ пишетъ: (2) «Они жили на Дунаѣ, но будучи изгнаны Валахами пришли на Вислу и получили названіе Леховъ, *по имени одного польскаго князя Леха*, отъ котораго поляки и теперь называются лехами». Ясно видно, что курсивныя слова — прибавка Герберштейна, но безъ достаточно-основательной причины онъ не могъ бы этого сдѣлать. Герберштейнъ, какъ бы предугадывая это недоразумѣніе, въ оправданіе свое говоритъ: «такъ свидѣтельствуютъ ихъ лѣтописи». Ручательство важное и неопровержимое! На этомъ основаніи безъ дальнихъ умствованій дѣло можетъ быть объяснено очень просто. Извѣстно, что списковъ лѣтописи Нестора въ настоящее время у насъ находится весьма много, а прежде по всѣмъ вѣроятіямъ было ихъ еще больше; всѣ списки ведутъ свое начало отъ одного корня— подлинной лѣтописи самого Нестора, слѣды которой еще не отысканы. Впрочемъ со времени изданія археографическою комисіею полнаго собранія русскихъ лѣтописей утверждено мнѣніе, что лаврентьевскій списокъ всего болѣе приближается къ оригиналу и содержитъ въ себѣ древнѣйшій текстъ. Ведя свое начало отъ одного корня, списки эти различаются между собою: въ иныхъ встрѣчаются пропуски, въ другихъ дополненія. И такъ, признавая слова Герберштейна «такъ свидѣтельствуютъ ихъ лѣтописи» истинными, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны согласиться, что Герберштейнъ при своемъ изложеніи пользовался однимъ изъ тѣхъ списковъ, которые дошли до насъ съ прибавленіями переписчиковъ. Заключеніе наше подтверждаетъ покойный историографъ Н. М. Карамзинъ (3). Основываясь на слѣдующихъ словахъ Герберштейна: «Рюрикъ получилъ княжество новгородское и мѣстопребываніемъ своимъ избралъ Ладогу», онъ думаетъ, что лѣтопись, которою пользовался Герберштейнъ, была съ поправками, ибо въ древнемъ подлинникѣ не упоминается о Ладогѣ. Признавъ, что Герберштейнъ пользовался при своемъ изложеніи лѣтописью съ поправками, мы должны

(1) См. стр. 2 лѣт.
(2) Rer. Mosc. Com. p. 2.
(3) См. Т. 1. пр. 275.

Digitized by Google

смотрѣть на всѣ уклоненія его отъ древнѣйшаго текста, какъ на слѣдствіе того же. Такъ въ выпискѣ Герберштейна о первоначальномъ разселеніи славянъ и о мѣстныхъ названіяхъ встрѣчаются еще нѣкоторыя измѣненія: р. Припеть названа Петью. «Друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи» (1). Вотъ слова лѣтописи, а у Герберштейна читаемъ: (2) «нѣкоторые жившіе между рѣками Двиною и Петью называется Дреговичами». Рядомъ съ этою опискою слѣдуетъ мѣсто, далеко уклоняющееся отъ соотвѣтственнаго мѣста той лѣтописи, которую мы избрали источникомъ для повѣрки извѣстій Герберштейна. «Другіе же» говоритъ Герберштейнъ, «занявъ землю новгородскую, поставили себѣ княземъ Гостомысла (3)». Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о Гостомыслѣ. Немного далѣе, разсказывая поводъ, побудившій славянъ призвать варяговъ изъ-заморя, опять упоминаетъ о Гостомыслѣ и говоритъ, что по совѣту его совершилось призваніе.—Вотъ слова Герберштейна: «случилось, что между руссами возникъ споръ о верховной власти; воспламененные другъ противъ друга ненавистью, они открыли страшныя междоусобія; тогда Гостомыслъ, мужъ мудрый и имѣвшій въ Новгородѣ большое значеніе, предложилъ совѣтъ—отправить посольство къ варягамъ, и просить трехъ братьевъ, весьма уважаемыхъ въ ихъ отечествѣ, пріити княжить и владѣть надъ ними (4)». Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о Гостомыслѣ. «Рѣша сами къ себѣ», говорится въ лѣтописи, «поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Карамзинъ (5) считалъ преданіе о Гостомыслѣ сомнительнымъ, потому что ни въ несторовой лѣтописи, ни въ никоновской, ни въ степенной книгѣ нѣтъ о томъ ни слова. Послѣдующія извѣстія до смерти Рюрика переданы Герберштейномъ совершенно согласно съ лѣтописями. Выраженіе лѣтописи «и раздая Рюрикъ мужемъ своимъ грады» Герберштейнъ, переводитъ: «Рюрикъ роздалъ города своимъ друзьямъ и приближеннымъ». До сихъ поръ Герберштейнъ дѣлалъ выписки изъ лѣтописи и приводилъ въ переводѣ подлинныя слова лѣтописи. О княженіи Олега встрѣчаемъ у Герберштейна извлеченіе изъ лѣтописи. Вотъ слова Герберштейна: «Олегъ увеличилъ русское царство покореніемъ многихъ областей и перене-

(1) Стр. 3 лѣт.
(2) Rer. Mosc. Com. p. 2.
(3) Ibid. p. 2.
(4) Rer. Mosc. Com. p. 3.
(5) См. Т. прим. 274.

Digitized by Google

ся оружіе въ Грецію, осадилъ самую Византію (1)». Далѣе Герберштейнъ разсказываетъ о баснословной смерти Олега и тѣмъ оканчиваетъ свое извлеченіе. Замѣтно, что Герберштейнъ старался отдѣлаться общими фразами и пропустилъ характеристическіе моменты княженія Олега: поступокъ его съ Аскольдомъ и Диромъ, походъ на грековъ и миръ съ греками. Баснословный разсказъ о смерти Олега, приведенный Герберштейномъ, совершенно согласенъ съ лѣтописью. «По смерти Олега», говоритъ Герберштейнъ, «Игорь, вступивъ въ супружество съ псковитянкою Ольгою, началъ царствовать (2)». Въ лѣтописи подъ годомъ 6411—сказано: «Игореви взрастоши, и хожаше по Олзѣ, и слушаше его и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу». Изъ этого слѣдуетъ, что Игорь не могъ вступить въ бракъ по смерти Олега. Описывая дѣйствія Игоря во время его княженія, Герберштейнъ ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: «идя впередъ съ своимъ воіискомъ, Игорь достигъ до Гераклеи и Никомидіи, наконецъ, побѣжденный въ сраженіи, бѣжалъ (3)». Дѣйствительно, въ лѣтописи подъ годомъ 6449 есть подобное извѣстіе, но оно гораздо подробнѣе, именно тамъ встрѣчается упоминовеніе о греческомъ огнѣ, которымъ Ѳеофанъ истреблялъ русскія ладьи. Герберштейнъ, упоминая согласно съ лѣтописью о смерти Игоря, проходитъ молчаніемъ подробности этого событія. «Игорь убитъ древлянскимъ княземъ Маломъ, гдѣ и погребенъ», но какъ и зачто Игорь былъ убитъ, объ этомъ ни слова не говоритъ Герберштейнъ, несмотря на то, что въ лѣтописи, откуда онъ заимствовалъ самый фактъ, находится подробное описаніе. Вообще и про княженіе Игоря у Герберштейна сказано весьма мало, и опущены важные моменты княженія этого. Описывая княженіе Ольги, Герберштейнъ упоминаетъ о хитрой ея мести древлянамъ за смерть мужа по принятіи ею христіанской вѣры. Первое событіе Герберштейнъ разсказываетъ подробно и совершенно согласно съ тою лѣтописью, которую мы избрали для повѣрки его извѣстій. Значеніе подобныхъ басень для нашей первоначальной исторіи весьма хорошо показано М. П. Погодинымъ (4). О крещеніи Ольги говоритъ Герберштейнъ весьма коротко и въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ важную ошибку, говоря, что въ то время въ Царѣградѣ царствовалъ Іоаннъ Константинопольскій. Достовѣрно

(1) Rer. Mosc. Com. p. 3
(2) Ibid. p. 4.
(3) Ibid. p. 4.
(4) См. изслѣд. замѣч. и лекц. о Русск. Истор. Т. I.

Digitized by Google

извѣстно, что императоромъ былъ тогда Константинъ Багрянородный, который и былъ воспріемникомъ Ольги при святомъ крещеніи. Во всѣхъ спискахъ лѣтописи, служившихъ варіантами при изданіи археографическою коммиссіею лаврентьевской лѣтописи, упоминается, что императоромъ былъ тогда «Константинъ сынъ Леонтовъ», только въ лаврентьевскомъ спискѣ встрѣчается несогласное извѣстіе. «Бѣ тогда царь, именемъ Цѣмьскіи».—вотъ слова этого списка, но объ Іоаннѣ Константинопольскомъ нигдѣ нѣтъ никакого извѣстія.—Сказаніе Герберштейна о характерѣ Святослава довольно согласно съ лаврентьевскимъ спискомъ лѣтописи: «Строгіи и всегда готовый къ перенесенію воинскихъ трудовъ и опасностей, Святославъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, не позволялъ своему войску имѣть при себѣ обозы и сосуды для приготовленія пищи, питался же жаренымъ мясомъ, спалъ на землѣ, сѣдло служило ему изголовьемъ(1)». А вотъ слова лѣтописи: «Князю Святославу възростъши и возмужаше, нача совокупляти многи и храбры и легко ходя аки пардусъ, воины многи твореше. Ходя, возъ по себѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину на углехъ испекъ ядаше, ни шатра имаше, но подъ кладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ». Далѣе Герберштейнъ упоминаетъ о раздѣлѣ Руси, сдѣланномъ Святославомъ между 3-мя своими сыновьями и здѣсь впадаетъ въ одну весьма странную ошибку. Приведу его слова: «Новгородцы сами по совѣту одной женщины,—Добрыни, просили себѣ государемъ Владиміра. Въ Новгородѣ былъ одинъ гражданинъ Комофча, называемый малымъ; онъ имѣлъ двухъ дочерей: «Добрыню и Малушу (2)».—Замѣтно, что Герберштейнъ не могъ хорошо понять слѣдующаго мѣста лѣтописи: «Володиміръ бо бѣ отъ Малуши, ключницы Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ, бѣ Добрыня уи Володиміру». Герберштейнъ назвалъ Добрыню сестрою Малуши, а въ самомъ то дѣлѣ онъ былъ братъ ей. Причину этой ошибки мы объясняемъ въ 1) тѣмъ, что Герберштейна привело въ затрудненіе окончаніе слова Добрыня на *я*; онъ никакъ не думалъ, что тутъ нужно разумѣть родительный или дательный падежъ или окончаніе прилагательнаго имени, а признавалъ за именительный.—Здѣсь кстати замѣтить, что окончаніе *я*, встрѣчается только въ лаврентьевскомъ спискѣ. Въ радзивиловскомъ сказано Добры-

(1) Rer. Mosc. Com. p. 5.
(2) Ibid. p. 5.

Digitized by Google

нѣ, а въ троицкомъ Добрын*ина* (1). 2) Герберштейнъ совершенно не понялъ и въ слѣдствіе этого прошелъ молчаніемъ славянское слово *уй*, что значитъ дядя. Если бы Герберштейнъ понялъ выраженіе лѣтописи, что «бѣ Добрыня уй Володимеру», то не сказалъ бы, что Добрыня былъ сестрою Малуши. Описывая согласно съ лѣтописью войну Святослава съ имперіею, Герберштейнъ приводитъ слова Святослава, сказанныя имъ передъ битвою, переводя ихъ изъ лѣтописи; но здѣсь должно замѣтить, что авторъ жертвовалъ ясности перевода смысломъ самыхъ словъ. Переводъ, можно сказать, довольно далеко отступаетъ отъ подлинныхъ словъ лѣтописи: «уже намъ не камо ся дѣти», говоритъ Святославъ въ лѣтописи, «волею и неволею стати противу, да не посрамимъ земли Русскіѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама неимамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду, аще моя глава ляжетъ, то промыслити собою», и рѣша вои: «идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». «Руссы, я невижу мѣста» говоритъ Святославъ Герберштейна, «гдѣ бы мы могли быть безопасными; *но уступить врагамъ землю русскую я никогда не думалъ*. Остается или умереть, или получить славу, мужественно сражаясь со врагомъ. Если я, храбро сражаясь, паду,—то сдѣлаю имя свое безсмертнымъ, если-жъ побѣгу, то получу вѣчное безславіе. Враги окружили насъ и въ бѣгствѣ уже нѣтъ спасенія; стану крѣпко, пойду на встрѣчу всѣмъ опасностямъ и первый положу голову за отечество (2)». «Гдѣ твоя голова, тамъ и наши», отвѣчаютъ воины.— Подчеркнутыя слова перевода не имѣютъ соотвѣтствующихъ словъ въ подлинникѣ. — Распри между сыновьями Святослава описаны совершенно вѣрно. Замѣчу здѣсь одну ошибку Герберштейна, которая впрочемъ не имѣетъ большаго значенія: упоминая о Рогвольдѣ, Герберштейнъ называетъ его княземъ псковскимъ, (3) между тѣмъ какъ онъ былъ княземъ полоцкимъ. Приступая къ описанію княженія Владиміра, Герберштейнъ сначала перечисляетъ идоловъ, поставленныхъ Владиміромъ въ Кіевѣ: «Первый идолъ назывался Перуномъ, съ серебряною головою, прочія части были деревянныя; другіе назывались *Усладъ*, Корса, Дасва, Стриба, Симерша, Макошъ (Macosch) (4)». Здѣсь опять встрѣчается странная ошибка, которую весьма легко замѣтить, прочтя соотвѣтствующее мѣ-

(1) См. 29 стр. Лѣт. варіанты къ слову Добрыня
(2) Rer. Mosc. Com. p. 5.
(3) Ibid. p. 6.
(4) Ibid. p. 6.

Digitized by Google

сто лѣтописи: «и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребряну, а *усъ златъ* и хорса, дажьбога и стрибога, и симерьгла и макошъ». Герберштейнъ принялъ выраженіе *усъ златъ* за особаго идола и составилъ небывалое имя *усладъ*. Про написаніе послѣдующихъ именъ идоловъ нужно замѣтить, что имена ихъ чрезвычайно испорчены у Герберштейна въ сравненіи съ написаніемъ ихъ въ лѣтописи. Нельзя-ли объяснить и самую вышеприведенную ошибку, и небрежное написаніе именъ дурнымъ написаніемъ того самаго списка лѣтописи, которымъ руководствовался Герберштейнъ при своемъ сочиненіи. Далѣе, перечисляя имена сыновей Владиміра, ошибочно называетъ одного изъ нихъ Станиславомъ (1), вмѣсто Мстислава, какъ онъ названъ въ лѣтописи. Принятіе Владиміромъ христіанской вѣры описано Герберштейномъ очень коротко и даже, можно сказать, не ясно. Въ лѣтописяхъ нашихъ такъ подробно и тщательно описано это важнѣйшее событіе для нашего государства, что мы и отъ Герберштейна вправѣ были ждать болѣе обстоятельнаго описанія. Вотъ слова Герберштейна: «Когда Владиміръ безпрепятственно сдѣлался монархомъ всей Россіи, къ нему пришли послы изъ разныхъ странъ, увѣщавая его принять ихъ вѣроисповѣданіе. Владиміръ, *узнавъ о столь многоразличныхъ исповѣданіяхъ*, самъ отправилъ пословъ отъ себя для изслѣдованія сущности и обрядовъ каждаго исповѣданія. Наконецъ, когда Владиміръ избралъ и предпочелъ всѣмъ вѣрамъ, вѣру христіанскую греческаго исповѣданія, тогда онъ отправилъ *пословъ въ Константинополь къ царямъ Василію и Константину, обѣщаясь вмѣстѣ съ своими подданными принять христіанскую вѣру, и уступить имъ Корсунь и другія свои владѣнія въ Греціи*, если получитъ въ супружество сестру ихъ Анну: для взаимныхъ совѣщаній назначено время и избрано мѣсто—Корсунь (2)». Въ лѣтописяхъ весьма подробно изложено это событіе; Герберштейнъ старался удалить эти подробности и выбрать самую сущность дѣла.—Сущность дѣла, другими словами голый фактъ, затемнилъ собою весь интересъ лѣтописнаго разсказа. Герберштейнъ говоритъ, что Владиміръ, желая получить руку греческой царевны Анны, обѣщалъ за то принять христіанскую вѣру и уступить братьямъ ея Корсунь и другія свои владѣнія въ Греціи. Дѣйствительно по вступленіи въ супружество съ Анною, Владиміръ уступилъ Корсунь: «вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ

(1) *Ibid. p. 6.*
(2) *Ibid. p. 7.*

Digitized by Google

дѣля, а самъ приде къ Кіеву» *ко о другихъ владѣніяхъ въ Греціи*, которыя, по словамъ Герберштейна, Владиміръ хотѣлъ еще уступить, въ лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи ни слова не говорится, да и самый этотъ фактъ по лѣтописи выходитъ нѣсколько отличнымъ. Владиміръ, взявъ Корсунь, «посла къ цареви Василью и Константину, глаголаше сице: се градъ ваю славный взяхъ, слышу же се, яко сестру имати дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ». И такъ не обѣщаніями, но угрозами старался Владиміръ склонить царей выдать за него свою сестру. Угрозы эти подѣйствовали на царей; но они опасались только того, какимъ образомъ сестра ихъ *христіанка—выйдетъ* за язычника. Владиміръ постарался разувѣрить ихъ въ этомъ опасеніи и вотъ тутъ-то далъ обѣщаніе креститься, что дѣйствительно и исполнилъ; наконецъ при отъѣздѣ изъ Греціи отдалъ обратно грекамъ Корсунь. «За вѣно, опять царицѣ дѣля», вотъ сущность самаго факта по лѣтописи. Сравнивъ его съ описаніемъ Герберштейна, мы видимъ, что извѣстія Герберштейна нѣсколько отлично отъ лѣтописнаго; различіе это произошло отъ того, что въ извѣстіи Герберштейна не соблюдена лѣтописная послѣдовательность. Послѣднимъ словомъ Герберштейна о Владимірѣ было то, что Владиміръ построилъ между рѣками Волгою и Окою городъ, назвалъ его своимъ именемъ и сдѣлалъ митрополіею Россіи (1). Эта ошибка должна быть отнесена уже собственно къ Герберштейну, потому что нельзя предполагать чтобы былъ списокъ лѣтописи съ такою грубою ошибкою.—Если же признать это ошибкою Герберштейна, то она въ такомъ случаѣ потеряетъ свою грубость и можетъ быть признана только слѣдствіемъ недосмотрительности и сбивчивости Герберштейна. Не будемъ долго останавливаться на фактическомъ опроверженіи этого извѣстія: оно не справедливо: 1) потому, что Владиміръ (на Клязьмѣ) построенъ не Владиміромъ святымъ, а Мономахомъ (2) и 2) потому, что митрополіею этотъ городъ сдѣлался въ 1299 г., когда Максимъ перенесъ сюда свой престолъ изъ Кіева, тѣсняемаго Монголами (3). Въ лѣтописи подъ годомъ 6499 сказано: «Володиміръ заложи градъ Бѣлъгородъ, и наруби въ не инѣхъ городовъ, и много людій сведе въ онь; бѣ бо любя градъ сь». — Ясно видно что невозможо согласить извѣстія лѣтописныя съ извѣстіемъ Герберштейна; послѣднее должно

(1) Ibid. p. 7.
(2) См. Истор. Н. Г. Устрялова Т. I.
(3) Тамъ же.

Digitized by Google

быть признано явною ошибкою. Событія отъ Владиміра святаго до татарскаго ига проходитъ Герберштейнъ весьма коротко: упоминаетъ о смерти Бориса и Глѣба, а о послѣдующихъ событіяхъ отдѣлывается слѣдующею фразою: «во время несогласій братьями ничего не было сдѣлано достойнаго памяти; но вездѣ встрѣчаются только измѣны, козни, обманы и междоусобныя войны (1)». Здѣсь можно сдѣлать упрекъ Герберштейну за то, что онъ оставилъ безъ вниманія княженіе Ярослава I. О послѣдующихъ событіяхъ онъ имѣлъ право такъ выражаться, потому что для него, какъ для иностранца, худо знакомаго съ причиною, ходомъ и результатомъ нашей удѣльной системы, утомительно было читать въ лѣтописи однообразное описаніе междоусобныхъ войнъ, козней, обмановъ и измѣнъ, чѣмъ дѣйствовали наши князья въ то время одинъ противъ другаго. О Владимірѣ Мономахѣ мы имѣемъ у Герберштейна два короткія извѣстія, именно, что онъ возстановилъ единодержавіе и что отъ него остались царскіе знаки, употребляемые нынѣ россійскими государями при восшествіи ихъ на престолъ. Оба эти извѣстія совершенно справедливы. О событіяхъ отъ смерти Мономаха до татарскаго ига рѣшительно ничего не упоминается, а самихъ князей и ихъ дѣйствія характеризуетъ Герберштейнъ нѣсколькими словами: «они не произвели ничего достойнаго памяти потомства». Замѣтно что Герберштейну надоѣлъ *сухой разсказъ* нашихъ лѣтописей о междоусобныхъ войнахъ этого времени. Татарскій періодъ русской исторіи Герберштейнъ описываетъ гораздо подробнѣе, чѣмъ предъидущій, и приводитъ нѣсколько фактовъ изъ междоусобныхъ войнъ русскихъ князей этого времени; упоминаетъ о князьяхъ: Андреѣ Александровичѣ, Димитріѣ Александровичѣ, Димитріѣ Михайловичѣ, Григоріѣ Даниловичѣ, Симеонѣ Іоанновичѣ и наконецъ о великомъ князѣ Димитріѣ, поразившемъ Мамая на поляхъ Куликовскихъ, гдѣ земля на пространствѣ 13 т. шаговъ была покрыта трупами. Всѣ сообщенные Герберштейномъ факты согласны съ лѣтописью (2). Только нужно замѣтить одну странность: Герберштейнъ говоритъ, что Симеонъ Іоанновичъ просилъ у хана Чанибека для себя тверскаго великокняжескаго престола. Это несправедливо потому, что тутъ рѣчь шла не о тверскомъ престолѣ, а о московскомъ, и еще потому, что ханомъ былъ тогда Узбекъ, а не Чанибекъ (3). О Васильѣ Дмитріевичѣ Герберштейнъ говоритъ,

(1) Rer. Mosc. Com. p. 7.
(2) См. Лавр. и Троиц. лѣтоп.
(3) См. Истор. проф. Н. Г. Устрялова Т. 1.

Digitized by Google

что «онъ имѣлъ единственнаго сына Василія, но, подозрѣвая въ невѣрности жену свою Анастасію, не любилъ и его, и въ слѣдствіе того, умирая, назначилъ по себѣ великимъ княземъ брата своего Георгія»—и что потомъ уже Василій Васильевичъ выхлопоталъ себѣ въ Ордѣ грамоту на великокняжескій престолъ. Послѣднее событіе справедливо; но откуда заимствовалъ Герберштейнъ свои свѣденія о первомъ,—неизвѣстно. Въ лѣтописи ничего не говорится о назначеніи Василіемъ брата своего Георгія великимъ княземъ. Напротивъ вотъ слова лѣтописи: (1) «въ лѣто 6933 преставися христолюбивый князь великыи Василей Дмитріевичъ; того же лѣта сынъ его князь Василеи Васильевичъ сѣде на Великомъ Княженіи». Ни слова про назначеніе Георгія великимъ княземъ.—А что Василій Васильевичъ съ дядею своимъ Георгіемъ ѣздили въ Орду для полученія ханской грамоты на великое княженіе—это совершенно справедливо. Георгій дѣйствительно имѣлъ права на великокняжескій престолъ по силѣ завѣщанія Димитрія Донскаго, а не по завѣщанію Василія Дмитріевича, какъ говоритъ Герберштейнъ. Професоръ Н. Г. Устряловъ (2) прямо говоритъ, что Василій Дмитріевичъ хотѣлъ исправить ошибку отца и наименовалъ своимъ преемникомъ не брата Юрія Дмитрієвича, которому принадлежалъ престолъ по завѣщанію Донскаго, а собственнаго сына Василія. Противно лѣтописи также разсказываетъ Герберштейнъ слѣдующее событіе: «Георгій спокойно княжилъ,» говоритъ онъ, «до самой своей смерти и по завѣщанію предоставилъ престолъ племяннику своему Василію». Въ лѣтописи подъ 6942 г. говорится: «того же лѣта преставися князь великыи Юрьи Дмитріевичъ. Того же лѣта сѣде князь Василеи Васильевичъ на великомъ княженіи». «Юрій торжествовалъ не долго», говоритъ професоръ Н. Г. Устряловъ, «смерть скоро пресѣкла его честолюбивые замыслы и Василій возвратился въ Москву». Про завѣщаніе нигдѣ ни слова. Объ ослѣпленіи Василія Васильевича разсказываетъ Герберштейнъ слѣдующимъ образомъ: «Василій, находившійся въ то время въ монастырѣ св. Сергія, услышавъ объ осадѣ, разослалъ лазутчиковъ и расположивъ гарнизонъ, остерегался, чтобы не было сдѣлано внезапное нападеніе. Когда узнали объ этомъ два упомянутые брата, то, наполнивъ нѣсколько повозокъ вооруженными воинами, отправили оныя, будтобы съ товаромъ. Воины, проникнувъ такимъ образомъ въ монастырь, среди глубокой и ненастной ночи, вышли изъ пово-

(1) См. Софійскую 1 лѣтоп.
(2) См. Т. 1 его исторіи.

Digitized by Google

зокъ, напали на неподозрѣвавшихъ никакой опасности караульныхъ и взяли ихъ въ плѣнъ» (1). Всѣ эти подробности въ разсказѣ Герберштейна о взятіи Василія въ монастырѣ троицкомъ въ плѣнъ находятъ подтвержденіе въ софійской второй лѣтописи, гдѣ подъ годомъ 6954 помѣщенъ подробный разсказъ, но въ софійской первой и псковской первой лѣтописи нѣтъ никакихъ подробностей. Карамзинъ тоже со всѣми подробностями разсказываетъ это событіе. Съ этого времени начинаетъ преобладать въ запискахъ Герберштейна устный разсказъ предъ лѣтописнымъ, и потому здѣсь считаемъ нужнымъ окончить провѣрку историческихъ извѣстій Герберштейна по лѣтописи. Замѣтимъ только, что особенно-отличительными чертами изобилуетъ царствованіе Іоанна III Васильевича и не менѣе достопамятнаго его сына. Здѣсь кромѣ различныхъ анекдотовъ описано подробно сраженіе при Оршѣ, покореніе Рязани, Новгорода, Пскова, Казани, Смоленска и другихъ городовъ; но изъ числа этихъ извѣстій мы должны исключить два—обрядъ коронованія Дмитрія и о десятинахъ Владиміра. Недостаточно будетъ, если мы скажемъ, что въ повѣствованіи Герберштейна объ этихъ предметахъ выдержанъ духъ лѣтописнаго разсказа. Нѣтъ, мы должны признать его за совершенно вѣрный переводъ лѣтописнаго разсказа.—Мы свѣряли описаніе обряда коронованія Димитрія у Герберштейна съ описаніями, находящимися въ софійской второй лѣтописи, въ никоновской лѣтописи и въ древней россійской Вивліоѳикѣ, и въ слѣдствіе этого пришли къ этому заключенію. Слово *вѣрный* мы не понимаемъ въ смыслѣ дословный и не думаемъ, чтобы маленькія перестановки въ изложеніи у Герберштейна могли служить опроверженіемъ нашего заключенія. Для доказательства приведемъ параллельныя мѣста.

«Посреди храма Пресвятыя Богородицы» говоритъ Герберштейнъ (2) «сооружается амвонъ, на которомъ ставятъ три сѣдалища, т. е. для дѣда, внука и митрополита; кромѣ того ставится каѳедра, которую они называютъ аналоемъ: на него кладутъ княжескую шапку и бармы, т. е. княжескія украшенія. Въ постановленное время входятъ, одѣтые въ торжественныя облаченія, митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь священный соборъ. При входѣ въ храмъ великаго князя со внукомъ, діаконы, по обыкновенію, возглашаютъ

(1) Rer. Mosc. Com. p. 8 et 9.
(2) Ibid. p. 19—21.

Digitized by Google

многолѣтіе одному только великому князю Іоанну. За тѣмъ митрополитъ со всѣмъ клиромъ начинаетъ пѣть молебенъ пресвятой Богородицѣ и святому Петру Исповѣднику, котораго они по своему обычаю именуютъ чудотворцемъ. По окончаніи молебна, митрополитъ, великій князь и внукъ восходятъ на амвонъ; первые садятся на назначенныя мѣста, *а внукъ остается* внизу амвона». Вотъ разсказъ лѣтописи: (1) «Средѣ церкви уготовиша мѣсто большое, на чемъ Святителей ставить и учиниша на томъ мѣстѣ три стулы, великому князю Ивану, да внуку его Дмитрію, да митрополиту, и егда доспе время облечеся митрополитъ и архіепископъ и епископы и архимандриты и игумены и весь соборъ въ освященныя одежды и повелѣша среди церкви поставити налой и на немъ положиша шапку мономаха и бармы. И егда вниде князь великій со внукомъ въ церковь и митрополитъ со всѣмъ соборомъ нача молебны Пречистой и Петру Чудотворцу служити и послѣ *Достойна* и *Трисвятой*, и по тропарехъ митрополитъ и князь великій шедъ и сѣдоша на своихъ мѣстахъ, а внукъ сталъ предъ ними у мѣста у вышней ступени, не всходя на мѣсто».

Юридическіе памятники.

Особенно блеснулъ Герберштейнъ своимъ знаніемъ славянскаго языка при переводѣ устава Владиміра (2). Переводу этого памятника Герберштейнъ посвятилъ особенную главу, назвавъ ее «de decimis». Въ ней онъ говоритъ о цѣли, съ которою давались десятины, и о церковномъ судѣ. Въ переводѣ этого памятника всего болѣе высказывается свѣдѣніе Герберштейна въ языкѣ славянскомъ; доказать это можно только сопоставленіемъ параллельныхъ мѣстъ. Для доказательства выбираю повѣствованіе лѣтописи (3) и Герберштейна о церковномъ судѣ. «А се церковные судове, даныя закономъ Божіимъ, по правиламъ Святыхъ Отецъ, крестьян-

(1) См. Соф. втор. Лѣт. стр. 241—242.

(2) Подлинность этого устава, заподозренная Карамзинымъ, доказывается тѣмъ, что уже въ XII в. онъ является распространеннымъ по разнымъ концамъ Россіи по крайней мѣрѣ въ 3-хъ спискахъ, и что внесенный въ кормчіи и въ лѣтописи, онъ несомнымо имѣлъ уже тогда смыслъ дѣйствующаго устава. Точно также по указаніямъ лѣтописи и по внутреннимъ признакамъ устава можно утвердительно сказать, что онъ существовалъ и въ XII и въ XI вѣкѣ. Объ этомъ подробнѣе см. Ист. Рус. Цер. Макарія С.-Пб. 1857 Т. I. *Прим. Ред.*

(3) См. Прибав. ко второй Соф. Лѣт.

Digitized by Google

скими цари и князи: во всѣхъ крестьянскихъ людехъ роспусты, смильное, умычьку, пошибаніе, застатіе, промежи мужемъ и женою о животѣ ихъ, въ племени или въ сватовствѣ поймутся, вѣдьство, зелья, уреканія бляднею и зельи и еретичьствомъ, отца или матерь біетъ сынъ или дочь или кто уречется скверными словы прилыгая отца и матерь, церковная татба, мертвеци сволочать, гробная татба, крестъ посѣкуть, въ церковь скотъ или псы введетъ или что неподобно церкви сдѣетъ, то все церковніи судове». А вотъ переводъ Герберштейна: (1) «Епископы должны рѣшать разводы, также къ суду ихъ относятся слѣдующія случаи: если жена не повинуется мужу, когда кто либо будетъ обличенъ въ блудѣ или прелюбодѣяніи, или кто женится на родственницѣ, если супругъ умышляетъ что нибудь худое противъ своей супруги, гаданія и волшебства, отравы, споры по причинѣ ереси, или прелюбодѣянія, также если сынъ злословитъ и оскорбляетъ родителей или сестеръ. Сверхъ того подлежатъ суду епископа обличенные въ содомскомъ грѣхѣ, святотатцы, кто грабитъ могилы, кто похищаетъ для волшебства что нибудь отъ образовъ святыхъ или отъ изображенія креста, кто введетъ въ церковь или употребитъ въ пищу собаку, птицу, или другое какое нибудь нечистое животное». Дальнѣйшихъ выписокъ мы не будемъ дѣлать; изъ приведенныхъ параллельныхъ мѣстъ уже достаточно ясно, до какой степени былъ свѣдущъ Герберштейнъ въ языкѣ славянскомъ.

Теперь переходимъ къ другому весьма замѣчательному юридическому памятнику, извлеченіемъ изъ котораго, или, лучше сказать, переводомъ нѣсколькихъ мѣстъ, Герберштейнъ упрочилъ за собою видное мѣсто въ нашей древней юридической литературѣ. Я говорю о судебникѣ Іоанна Васильевича III. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только рѣчь зайдетъ объ этомъ судебникѣ, всегда имя Герберштейна является на первомъ планѣ.—Что же сдѣлалъ Герберштейнъ?—Герберштейну принадлежитъ честь перваго ознакомленія насъ съ этимъ памятникомъ; онъ первый сдѣлалъ выписки изъ него. До самаго XIX столѣтія не знали о существованіи этого памятника и довольствовались выписками Герберштейна. Незнаніе породило сомнѣніе: стали сомнѣваться въ достовѣрности выписокъ Герберштейна. Наконецъ, въ 1817 году, стараніемъ нашего знаменитаго, просвѣщеннаго любителя древностей, государственаго канцлера, графа Николая Петровича Румянцова, нашелся современный списокъ іоанновыхъ

(1) Rer. Mosc. Com. p. 45—46.

Digitized by Google

законовъ (1). Теперь памятникъ этотъ изданъ археографическою коммиссіею въ 1 томѣ актовъ историческихъ подъ годомъ 7006. При изданіи, археограф. коммиссія указала на тѣ мѣста, которыя переведены Герберштейномъ, и сдѣлала ихъ варіантами при своемъ изданіи, приведя ихъ на латинскомъ языкѣ (2). Такъ-какъ мы имѣемъ дѣло съ языкомъ перевода Герберштейна, и цѣль наша показать степень свѣдѣній Герберштейна въ языкѣ славянскомъ, то и думаемъ, что не будетъ излишнимъ, если помѣстимъ здѣсь подлинныя слова судебника и соотвѣтственный переводъ Герберштейна.

А имати бояринъ и діаку въ судѣ, отъ рублеваго дѣла на виноватомъ, кто будетъ виноватъ, ищея или отвѣтчикъ, и боярину на виноватомъ два алтына, а діаку осмь денегъ; а будетъ дѣло выше рубли или ниже, и боярину имати по тому расчету.

Когда виновный будетъ обвиняемъ въ одномъ рублѣ, то платитъ судьѣ два алтына, дьяку же 8 денегъ.

А досудятся до поля, а у поля не стоявъ помирятся, а боярину и діаку по тому расчету, боярину съ рубля 2 алтына и діаку 8 денегъ, а окольничему и діаку и недѣлщикамъ пошлинъ полевыхъ нѣтъ.

Если же обѣ стороны, прежде чѣмъ придутъ на мѣсто поединка, примирятся, то платятъ судьѣ и дьяку не менѣе, какъ если бы и самый судъ былъ произведенъ.

А у поля стоявъ помирятся, и боярину и діаку имати по томужъ расчету пошлины свои, а окольничему четверть и діаку четыре алтына съ деньгою, а недѣлщику четверть, да недѣлщику жъ вязчего два алтына.

Если же пришли бы на мѣсто поединка и здѣсь примирились бы, то платятъ столько же судьѣ, окольничему 50 денегъ, недѣльнику тоже 50 денегъ и два алтына; писцу четыре алтына и одну деньгу.

А побіются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ или въ бою, и боярину съ діакомъ взяти на убитомъ противень противу исцева, а окольничему полтина, а діаку четверть, а недѣлщику

Если же пришли бы на мѣсто поединка и одинъ изъ нихъ былъ бы побѣжденъ, тогда виновный платитъ судьѣ столько, сколько отъ него потребуется, окольничему дается полтина и

(1) См. Карамз. Т. VI. прим. 609.
(2) См. Т. 1. Актовъ Истор.

Digitized by Google

полтина, да недѣлщику же вязчего 4 алтына.

А побіются на полѣ въ пожогѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татбѣ, ино на убитомъ исцево доправити, до окольничему на убитомъ полтина да доспѣхъ, а діаку четверть, а недѣлщику полтина, да недѣлщику жъ вязчего 4 алтына, а самъ убитыи въ казни и въ продажѣ, боярину и діаку.

А государскому убоицѣ и коромольнику, церковному татю и головному и подметчику и зажигальщику вѣдомому лихому человѣку живота не дати, казнити его смертною казнію.

А котораго татя поимаютъ съ какою татбою нибуди впервые, опрочѣ церковные татбы и головные, а въ иноі татбѣ въ прежнеі довода на него не будетъ, ино его казнити торговою казнію, бити кнутьямъ, да исцево на немъ доправя, да судіѣ его продати, а не будетъ у того татя статка чѣмъ исцево заплатить, ино его бивъ кнутьемъ, да истцу его выдать въ его гибели головою, а судьѣ не имати ничего на немъ.

оружіе побѣжденнаго, писцу 50 денегъ, недѣльнику полтина и четыре алтына.

Если назначается поединокъ по причинѣ зажигательства, душегубства, грабежа или наконецъ за воровство, и если обвинитель побѣдитъ, то отъ виновнаго получаетъ все чего домогался, окольничему дается полтина, писцу 50 денегъ, недѣльнику полтина, *вязчего* 4 алтына, *оставшееся имѣніе побѣжденнаго продается, и вырученныя деньги даются судьямъ*, виновный же подвергается тѣлесному наказанію, смотря по качеству преступленія.

Подвергаются смертной казни: убіійцы своихъ господъ, измѣнники, святотатцы, продавцы людеі, также тѣ, которые приносятъ вещи въ домъ другаго и послѣ говорятъ, что эти вещи у нихъ украдены. Эти люди называются подмѣтчиками, также тѣ, которые губятъ людей чрезъ зажигательство, наконецъ всѣ открытые злодѣи.

Кто въ первыі разъ будетъ пойманъ въ воровствѣ, если только онъ не будетъ обвиняемъ въ святотатствѣ, или въ похищеніи людей, то такой не подвергается смертной казни, но исправляется посредствомъ публичнаго наказанія, т. е. бываетъ битъ палками и кромѣ того наказывается отъ судьи денежною пенею. Если же снова будетъ схваченъ въ воровствѣ и не будетъ имѣть возможности удовлетворить судью, или

Digitized by Google

А поимаютъ татя вдругые съ татбою, ино его казнити смертною казнію, а исцево заплатити изъ его статка, а досталь его статка судьѣ; а не будетъ у того тати статка съ исцеву гыбель, ино его въ гыбели не выдати, казнити его смертною казнію.

А съ поличнымъ его приведутъ впервые, а взмолветъ на него человѣкъ пять или шесть, по великаго князя крестному цѣлованію, что онъ тать вѣдомой и прежъ того не одинова крадывалъ, ино того казнити смертною казнію, а исцево заплатити изъ его статка.

А съ холопа и съ рабы отъ правые грамоты и отъ отпустныя бояриву имати отъ печати, съ головы по девяти денегъ, а діаку отъ подписи по алтыну съ головы, а подъячему, который грамоту правую напишетъ или отпустную съ головы по три денги.

обвинителя, то наказывается смертью. Если схваченный воръ не можетъ удовлетворить обвинителя, то, битый палками, передается обвинителю.

Если кто нибудь будетъ обвиняемъ въ воровствѣ, и какой нибудь честный человѣкъ подъ присягою утвердительно скажетъ про него, что онъ и прежде этого былъ уже схваченъ въ воровствѣ, но по какой нибудь причинѣ прощенъ, то такой человѣкъ безъ всякаго суда предается смерти, съ имѣніемъ же его поступаютъ какъ сказано выше.

Если же кто нибудь дурнаго поведенія и подозрительной жизни будетъ обвиняемъ въ воровствѣ, то призывается для допроса. Если же не признается, то отдается на поруки и отпускается до дальнѣйшаго изслѣдованія.

За написаніе рѣшенія или открытаго мнѣнія по дѣлу въ одинъ рубль, платится судьѣ девять денегъ; секретарю, который имѣетъ печать,—одинъ алтынъ, дьяку 3 деньги.

Тѣмъ и оканчиваются выписки Герберштейна изъ судебника. И такъ мы видимъ, что едва четвертая часть судебника переведена Герберштейномъ; видимъ также, что Герберштейнъ имѣлъ подъ руками какой нибудь другой списокъ этого памятника. Подчеркнутыя слова и послѣдніе два параграфа подтверждаютъ наше заключеніе. Касательно самаго перевода нужно замѣ-

Digitized by Google

тить, что онъ отличается вѣрностью и точностью, только слово дьякъ переведено Герберштейномъ двоякимъ образомъ: notarius и scriba.

Памятники духовно-юридическіе слѣдуютъ на ряду съ другими памятниками церковной литературы.

Духовная литература.

Въ своихъ комментаріяхъ Герберштейнъ помѣщаетъ переводъ нѣсколькихъ письменныхъ памятниковъ русской духовной литературы, а именно: посланіе митрополита Іоанна къ папѣ, правила Іоанна митрополита и вопросы Кирика.

На славянскомъ языкѣ извѣстны слѣдующія рукописныя посланія: «Архіепископу Римьскому отъ Іоанна Митрополита Русскаго о опрѣсноцѣхъ»:

1. Рукопись библіотеки гр. Толстова Отд. 3 N 65, принадлежащая теперь публичной библіотекѣ (въ С.-Петербургѣ), въ 8-ю долю листа, полууставная, на пергаменѣ, конца XIV или начала XV вѣка, на 150 листахъ. Посланіе митрополита Іоанна находится въ этой рукописи, на л. 138—148. Нач: «Възлюбихъ, Господи, любовь твою, человѣче Божіи!»

2. Рукопись также библіотеки гр. Толстова Отд. 2 N 341, принадлежащая теперь публичной библіотекѣ, въ 4-ку, скорописная, XVI вѣка, на 377 листахъ. Здѣсь на л. 225—227 помѣщены 2 отрывка изъ посланія Іоанна митрополита русскаго къ римскому архіепископу.

3. Кормчая Румянцовскаго Муз. N 238, писанная въ большой листъ, полууставомъ, въ 1620 г. Здѣсь на стр. 545 и слѣд. находится посланіе; «Іоанна Митрополита Русскаго къ Архіепископу Римскому о опрѣсноцѣхъ.»

4. Рукопись моск. синод. библіотеки N 562, подъ заглавіемъ: «Посланія Россійскихъ митрополитовъ и другихъ лицъ», въ 4 долю листа, XVI вѣка. Объ этой рукописи вообще см. въ Дополн. къ Актамъ Историческимъ Т. I N 11 (въ концѣ). О томъ, что въ ней есть посланіе митрополита Іоанна къ римскому архіепископу, см. у Калайдовича (1) и у митрополита Евгенія (2).

5. Кормчая библіотеки московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, Отд. I № 108, XVI вѣка, въ л., полууставная, на 230 листахъ. Посланіе митрополита Іоанна вставлено здѣсь въ грань вторую.

---

(1) Памятники Россійской Словесности XII вѣка.

(2) Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина.

Digitized by Google

Въ книгѣ, несправедливо называемой Кирилловою, напечатанной въ Москвѣ, въ 7152 (1644) г., при патріархѣ Іосифѣ, помѣщена, на л. 257, выписка изъ посланія іоаннова, подъ заглавіемъ: «Указаніе отъ правилъ обличительно на ереси Латинскія Іоанна митрополита Русскаго архіепископа, о опрѣсноцѣхъ». Все посланіе напечатано Калайдовичемъ по списку библіотеки гр. Толстова, Отд. 3. № 65.

На греческомъ языкѣ это посланіе находится въ московской патріаршей библіотекѣ, по каталогу 1805 г. лейпцигскаго профессора Фридерика Маттея, подъ № 353. Гарлесъ, въ новомъ изданіи фабриціевой греческой библіотеки (1), говоритъ, что оно находится и между рукописями библіотекъ: Императорской вѣнской, венеціанской св. Марка, парижской и оксфордской. На латинскомъ языкѣ оно есть въ одномъ греческомъ номоканонѣ или кормчей. Левъ Аллатій (2) приводитъ на греческомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ одно мѣсто изъ этого посланія (объ утвержденіи правилъ шестаго вселенскаго собора, согласіемъ папы Агаѳона). Онъ называетъ папу, къ которому писано посланіе, Климентомъ, основываясь, конечно, на какой нибудь греческой рукописи, изъ которой заимствовалъ приведенное мѣсто.

Три ученые представили изслѣдованія объ этомъ посланіи. Калайдовичъ въ Памятникахъ россійской словесности XII вѣка, въ предисловіи къ изданному тамъ славянскому тексту этого посланія, митрополитъ Евгеній въ «Словарѣ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина» (въ статьѣ: Іоаннъ III, а по счету другихъ каталоговъ IV), и профессоръ Неволинъ въ «Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности» за 1852 и 1853 гг. (въ статьѣ: о митрополитѣ Іоаннѣ II, какъ о сочинителѣ посланія къ архіепископу римскому Клименту о опрѣснокахъ). Калайдовичъ касательно именъ автора посланія и папы, къ которому оно относится, сообщилъ только мнѣнія другихъ, безъ всякаго съ своей стороны сужденія. Митрополитъ Евгеній, сдѣлавши общее замѣчаніе, что «при всѣхъ россійскихъ митрополитахъ Іоаннахъ не было никакого папы Климента современникомъ имъ», полагаетъ однакоже, что «посланіе Іоанново не сомнительно по всѣмъ вышеупомянутымъ свидѣтельствамъ, а ошибка только въ надписи имени папы», приписываетъ посланіе митрополиту Іоанну III, а по счету другихъ каталоговъ IV (1164—1166), и сочинителя этого посланія отли-

(1) Hamburg 1790-1808 T. XI p. 651, T. XII p. 197.

(2) De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione, Coloniae Agrip. 1648, pag. 474.

Digitized by Google

чаетъ отъ митрополита Іоанна II, которому приписываетъ извѣстное правило церковное, надписанное къ Іакову черноризцу. Профессоръ Неволинъ вотъ какимъ образомъ утверждаетъ честь авторства за митрополитомъ Іоанномъ II. Въ изслѣдованіи о лицѣ, говоритъ онъ (1), къ которому писано посланіе митрополитомъ русскимъ Іоанномъ, должно держаться несомнительно надписанія греческихъ рукописей, по которымъ оно показывается писаннымъ къ папѣ Клименту. Не было ли дѣйствительно между римскими папами какого нибудь, съ именемъ Климента, современника одному изъ нашихъ митрополитовъ Іоанновъ XI и XII вѣка? Изъ истинныхъ и признанныхъ римскокатолическою церковью папъ такого, дѣйствительно, не было. Но съ именемъ Климента былъ одинъ антипапа, и притомъ современникъ нашимъ митрополитамъ Іоаннамъ—II и III. Извѣстно, что по настоянію нѣмецкаго короля Генриха IV, бывшаго въ распрѣ съ Григоріемъ VII Гильдебрандомъ, на сеймѣ въ Бриксенѣ 25 іюня 1080 г. избранъ былъ въ папы архіепископъ равенскій, канцлеръ Генриха, Вибертъ, который принялъ наименованіе Климента III. Онъ умеръ въ 1099 г., спустя 20 лѣтъ послѣ своего избранія и сопротивленія тремъ законнымъ папамъ.

Этому папѣ были современны русскіе митрополиты: Іоаннъ II и Іоаннъ III. Къ нему слѣдовательно было писано посланіе однимъ изъ русскихъ митрополитовъ Іоанновъ. Достоинство митрополита Іоанна II, какъ писателя, подтверждается такимъ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ, которое не оставляетъ желать лучшаго, какъ скоро предполагается за достовѣрное, что митрополитъ Іоаннъ III не былъ писатель. При такомъ предположеніи, честь авторства этого посланія принадлежитъ Іоанну II несомнительно.

В. И. Григоровичъ, сравнившій греческій текстъ посланія съ русскимъ, въ «Ученыхъ Запискахъ 2 Отдѣленія Академіи Наукъ за 1854 г.», говоритъ, что изслѣдованіе профессора Неволина подверждается самимъ греческимъ текстомъ. Именно въ самомъ началѣ греческаго текста упомянуто о неблагочестивыхъ поступкахъ предшествовавшихъ папъ и объ умѣренности новаго папы. Это упоминовеніе какъ нельзя лучше относится къ Льву IX и Григорію VII, притязанія которыхъ окончательно нарушили единство церкви и всего болѣе повредили славянамъ. Если при томъ сообразить, что императоръ Генрихъ IV былъ въ родствѣ и сношеніяхъ съ русскими князьями, то не

(1) стр. 72.

Digitized by Google

безъ основанія будетъ предположеніе, что поставленный имъ въ папы, архіепископъ равенскій Wibertus подъ именемъ Климента III (1080—1100), могъ обращаться къ іерархамъ русской церкви. Нельзя также пропустить безъ вниманія и того обстоятельства, что тотъ же папа искалъ приверженцевъ въ Чехіи и Польшѣ. Слѣдственно посланіе Іоанна, отличавшаго умѣренность новаго папы въ сравненіи съ предшественниками его, могло быть внушено обстоятельствами западной церкви, возникшими вслѣдствіе борьбы Генриха IV съ Григоріемъ VII. Поэтому надпись его въ греческомъ текстѣ есть лучшее указаніе на время сочиненія.

Герберштейнъ надписалъ свой латинскій переводъ этого посланія: Ioannes Metropolita Russiae ad Archiepiscopum Romanum. Что Герберштейнъ не имѣлъ греческаго текста, и перевелъ это посланіе съ русскаго языка, то это подтверждается тѣмъ, что 1) онъ не упоминаетъ о греческомъ текстѣ, 2) не называетъ римскаго архіепископа по имени, тогда какъ въ греческихъ рукописяхъ этотъ архіепископъ прямо называется папою Климентомъ, 3) что онъ даже съ сомнѣніемъ выражаетъ, что посланіе писано къ римскому архіепископу: ad archiepiscopum, ut ipsi dicunt, Romanum; 4) что начало посланія у Герберштейна: dilexi decorem tuum, болѣе соотвѣтствуетъ началу славянскаго, нежели греческаго текста, и наконецъ тѣмъ, что 5) многія выраженія русскаго перевода, которыхъ въ греческомъ текстѣ нѣтъ, у Герберштейна переведены, напр. папежеве переведено рарае, между тѣмъ какъ, въ греческомъ текстѣ, вмѣсто слова стоитъ слѣдующій перифразъ: *παντες οἱ προεδροι και διαδοχοι της του κορυφαιου Πετρου καθεδρας*, т. е. вси первовозсѣдници и въ спріемници на сѣдалищи верховнаго Петра; любви твоеи—charitati tuae; цѣлую тя—saluto te, а въ греческомъ текстѣ: *προσαγορευω σου την ἐν Κυριῳ αγαπην* чьту твою о Христѣ любовь; епископи — episcopi, а въ греческ. *μητροπολιται* и пр.

Герберштейновъ переводъ точенъ, исключая незначительныхъ отличій.

И нашу вѣру—чюдишися, переведено—specialiter interrogas, и слѣдовательно, кажется, не понято. — Таковый ту свѧщенникъ бысть. Эти слова относятся къ посланному римскому епископу, а Герберштейнъ отнесъ ихъ къ папѣ: et quia tantus es et talis sacerdos.—И честную главу и рамнѣ противу тѧ цѣлую. Герберштнейнъ прибавилъ и *руки*: honorando caput tuum et deosculando manus tuas et brachia.

Не вѣмъ бо, кый бѣсъ лукавый, завистивъ и истиннѣ

Digitized by Google

врагъ, и благочестію супостатъ, иже таковая премѣни и братьскую вашю и нашю любовь отверже, всего крестьянскаго совокупленья. Не бѣхъ бо рѣку (не Крестьяны вы), но Крестьянъ васъ Божью благодатью изначала знаемъ. Герберштейнъ въ переводѣ, какъ бы оправдываетъ свою вѣру, относя къ ней слова: tota Christiana congregatio, отъ котораго греческая будто отпала: et mirari satis non possum, quis diabolorum tam malus ac invidus, tam veritati inimicus, ac mutuae benevolentiae adversarius fuerit, qui fraternam nostram (вашю—не переведено) charitatem a tota Christiana congregatione alienavit, dicens, nos non esse Christianos (1).—

Іоаннъ II, митрополитъ кіевскій и всея Россіи, прозванный добрымъ, былъ, по замѣчанію кіевскаго каталога, или греческаго или русскаго происхожденія. Онъ былъ хиротонисанъ въ митрополиты въ 1080 г. константинопольскимъ патріархомъ Козьмою, а по другимъ въ 1084 г. Николаемъ Грамматикомъ и скончался въ Кіевѣ 1089 г. Современникъ его Несторъ говоритъ, что «онъ бысть мужъ хитръ книгамъ и ученію, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смиренъ же, молчаливъ и рѣчистъ, книгами Святыми утѣшая печальныя». Въ лаврентьевскомъ спискѣ прибавлено: «и сякаго не бысть прежде въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ». Изъ его сочиненій дошло до насъ, кромѣ посланія къ римскому папѣ объ опрѣснокахъ, еще другое посланіе къ черноризцу Іакову, въ которомъ іерархъ излагаетъ тѣ начала, коими должно руководствоваться при рѣшеніи церковнымъ судомъ тѣхъ дѣлъ, которыя касаются семейныхъ отношеній, особенно брака. Сверхъ того Іоаннъ помѣстилъ здѣсь постановленія о сохраненіи въ церкви благочинія и порядка, и о водвореніи между лицами духовнаго званія той нравственности, которою должны быть проникнуты служители алтаря. За нарушеніе благонравія и цѣломудрія налагается эпитимія.

Этотъ памятникъ, важный для юриста, не менѣе важенъ и для историка и археолога, потому что изъ него можно весьма много узнать о тогдашнемъ бытѣ и духѣ времени. Долгое время мы знали эти правила только по переводу Герберштейна, который изучивъ тогдашнее русское право, помѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: Canones cujusdam Ioannis Metropolitæ, qui dicitur Propheta. Наконецъ Карамзинъ нашелъ эти правила въ древнѣйшей рукописной кормчей книгѣ, относимой къ 1280 г. и хранящейся въ московской синодальной библіоте-

(1) См. Учен. Зап. Ак. Наукъ по 2 Отд. 1854 г. ст. Григоровича.

Digitized by Google

кѣ (1). Въ 1815 г. они изданы были въ русскихъ достопамятностяхъ (2), перепечатанныя съ одного харатейнаго списка, подъ заглавіемъ: «Іоанна митрополита Русскаго, нареченнаго Пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ святыхъ книгъ вкратцѣ Іакову Черноризцу». Вотъ единственное изданіе этого любопытнаго памятника церковнаго русскаго права. Надлежащихъ объясненій его текста до сихъ поръ нѣтъ, что было бы необходимо, потому что при чтеніи правилъ встрѣчаются многія древнія слова и темныя, непонятныя мѣста. Издатели полагаютъ, что темнота слога произошла оттого, что посланіе первоначально было написано по гречески, а на русскій языкъ переведено неискусными людьми.

Герберштейнъ передавалъ правила не совсѣмъ точно, и чаще выражалъ коротко ихъ сущность. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя мѣста.

Святую трапезоу дрѣвяноу соущю, и честныя кресты и иконъ честныхъ аще ветхы боудоуть, постраивати, а не отврещи въписанныхъ образъ святыхъ; в мѣстѣхъ ѡградныхъ, или инѣхъ честьнѣхъ, гдѣ ни человѣкъ, ні ино что животинъ помѣтаемо скверньо нечисто, погребоуться съ всякомъ храненіи. Imagines antiquæ et tabulæ, super quibus consurationes fiunt non comburantur: sed in horto, aut alio honorifico loco, ne injuria afficiatur, aut dedecore, sepeliantur.—Идеже, рече, преставляются древяны церкви и іны на томь мѣстѣ не ставляються; мѣсто въ немже ѡлтарь, идеже ся таина творяше, ѡградити и неприкосновно хранити и честно, нда не отъ ноужа священи приимахоуть и нечестьнѣ святая попіраються. Si in loco sacro domum exaedificaveris, locus ubi erat altare, vacuus relinquatur.—Иже г-ю жену поялъ, и іерѣй благословилъ боудеть, вѣдая или не вѣдая? да извьржеться. Sacerdos si sciens, personam jam tertio expetentem matrimonio conjunxerit, officio privetur.—Тѣмъ болѣе оба посланія надобно приписать одному лицу, что въ сочинителѣ того и другаго посланія выражается равно обширное знаніе церковныхъ законовъ.

Въ заглавіи посланія митрополитъ Іоаннъ II названъ пророкомъ Христа, и Герберштейнъ называетъ его также propheta. Калаіідовичъ (3) сдѣлалъ замѣчаніе, что названіе пророка было нѣкогда общимъ именемъ многихъ архипастыреі греческихъ, и что многіе митрополиты русскіе, прибывшіе изъ Греціи, мо-

(1) И. Г. Р. Т. II, пр. 158.
(2) Ч. I.
(3) Въ Русс. достоп. ч. 1 с. 88.

Digitized by Google

гли его удержать за собою. Митрополитъ Евгеній (1) считаетъ это замѣчаніе несправедливымъ. Но въ пользу Калайдовича можно привести свидѣтельства изъ Дюканжа (2), изъ котораго выписка помѣщана на 73 стр. историческихъ чтеній о языкѣ и словесности за 1852 и 1853 г.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію вопросовъ Кирика.

Нѣкто Кирикъ предлагалъ вопросы духовнымъ властямъ, прося разрѣшенія на нѣкоторыя недоумѣнія, встрѣченныя имъ въ практическомъ примѣненіи церковныхъ правилъ. Іерархи отвѣчали. Вопросы и отвѣты касаются совершенія нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, пресѣченія суевѣрныхъ обычаевъ, соблюденія благочинія и благонравія священниковъ, діаконовъ и женъ ихъ, зачѣмъ смотрѣть повелѣвается неотступно. Кромѣ этихъ предметовъ здѣсь изложены нѣкоторыя постановленія, касающіяся частнаго и уголовнаго права, равно и государственнаго благочинія и благоустройства. Эти вопросы, какъ и правила Іоанна, заключаютъ въ себѣ много любопытнаго. Такъ:

1. Запрещеніе странствованія по святымъ мѣстамъ, которое давало поводъ къ тунѣядству и бродяжничеству. Положено было, для пресѣченія этого вреднаго для государства обыкновенія, чтобы желающіе странствовать просили позволенія.

2. Смерды, жившіе по селамъ, иногда признавались на покаяніи, что ѣдятъ дивиричину (мясо бѣлки), полагая, что этотъ родъ пищи незаконный. Іерархи разрѣшили это такъ: въ церковномъ законѣ запрещается ѣсть только удавленныхъ животныхъ, слѣд. должно болѣе обращать вниманія на то, какъ поймано животное и пр.

Самые вопросы даютъ намъ возможность узнать ихъ историческое происхожденіе. Кирикъ, іеродіаконъ и доместикъ новгородскаго антоніева монастыря, жилъ въ XII столѣтіи. Встрѣтивъ недоразумѣнія и сомнѣнія въ своей практической, церковной дѣятельности и, не имѣя возможности разрѣшить ихъ своею властію, онъ предложилъ оныя на разрѣшеніе верховной духовной власти. Въ числѣ давшихъ отвѣты былъ и знаменитый іерархъ русской церкви, новгородскій епископъ Нифонтъ, «поборникъ всей Рустѣй земли (3)» любимый новгородцами и уважаемый великимъ княземъ. Кромѣ Нифонта, отвѣчали игуменъ Аркадій, Савва и Илія. Первый и послѣдній были преемниками Нифонта въ епископствѣ.

---

(1) См. въ его словарѣ: Іоаннъ II.

(2) См. въ его словаряхъ слова *Προφητης* и prophcta.

(3) Воскр. лѣт. II, 38.

Digitized by Google

Долгое время русскій текстъ оставался неизвѣстенъ; мы знали памятникъ изъ извлеченій на латинскомъ языкѣ барона Герберштейна. Честь открытія русскаго текста принадлежитъ также Карамзину въ той же кормчей книгѣ. Отсюда онъ перепечатанъ въ Памятники россійскоій словесности XII вѣка, подъ заглавіемъ: Вправленіе Кириково, еже вправи епископа Новгородскаго Нифонта и инѣхъ. Издатели частію исключили, а частію смягчили названія нѣкоторыхъ преступленій противъ благонравія и цѣломудрія.

До сихъ поръ еще весьма мало сдѣлано для объясненія и изданія сего памятника, тѣмъ болѣе, что въ текстѣ встрѣчается много описокъ и непонятныхъ мѣстъ.

Достовѣрность и подлинность іоанновыхъ правилъ и кириковыхъ вопросовъ подтверждается внесеніемъ ихъ въ кормчую книгу и тѣмъ, что еще въ XVI вѣкѣ, во время пребыванія барона Герберштейна въ нашемъ отечествѣ, они были въ большомъ употребленіи. Да и нѣтъ никакихъ поводовъ думать, чтобы эти памятники были подложные.

Герберштейнъ помѣстилъ эти извлеченія подъ заглавіемъ: Sequuntur quaestiones Cyrilli cujusdam, ad episcopum Niphontem Novuogardiensem. Ученый путешественникъ очевидно смѣшалъ два русскія имени: Кирика и Кирилла. Чтобы дать понятіе о достоинствѣ перевода, приведемъ примѣры.

Черньца въ скиму постригавъ, не дахъ ясти скорома до осмаго дни. И слышавъ епископъ похвалилъ бяше, яко то горазно створша. Quid si monacho infirmo, Seraphica veste induto, per octo dies nihil dederim ad edendum. R. Bene factum quia erat in Angelico ordine.

Въ отвѣтѣ на вопросъ, можно ли хоронить по захожденіи солнца, сказано, чтобы непремѣнно хоронить тогда, когда солнце еще высоко «то бо послѣднее видитъ солнце до общаго воскресенія». Герберштейнъ не выразилъ этой прекрасной мысли, переведя: videre solem antequam sepeliantur.

Въ чистую недѣлю достоитъ медъ ясти прѣсный, квасъ житный, а икра по все говѣніе бѣлцемъ. Quo cibi genere in ieiunio majore utendum? R. Dominicis et sabbatis diebus, piscibus: aliis vero ikhri, hoc est, piscium intestinis. Un majori hebdomabi, monachi mel edant, et bibant kvuas, id est aquam acetosam. Здѣсь Герберштейнъ поясняетъ точное значеніе коренныхъ русскихъ названій кваса и икры.

Вотъ мѣсто, переведенное точнѣе:

Нѣсть ли въ томъ грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечетъ, а слова будутъ знати. Si forte lace-

Digitized by Google

rata papyrus, quae aliquid sacrarum litterarum continebat, in terram projecta fuerit, an eodem loco deambulare liceat? R. Non.

Кромѣ нифонтовыхъ отвѣтовъ, встрѣчаются у него отвѣты Иліи и Саввы, напр. Иліи: а се есть у женъ: аже не възлюбятъ ихъ мужи, то омываютъ тѣло свое водою, и ту воду даютъ мужемъ. Повелѣ ми дати опитемьи 5 недѣль, в-оже лѣто отъ причащенья. Item, quae viro suo aqua, qua ipsa se lavit ad bibendum, ut se amet, dederit, sex hebdomadis ieiunet.

Ссылаясь на приведенные факты, можно съ полнымъ сознаніемъ сказать, что Герберштейнъ весьма отчетливо зналъ языкъ славянскій, зналъ такъ, что могъ понимать въ большей части случаевъ языкъ лѣтописи и другихъ памятниковъ. Степень его знанія ясна изъ точности, съ какой онъ передалъ лѣтописныя извѣстія и съ какою перевелъ отрывки изъ судебника и изъ памятниковъ духовной литературы XII вѣка, языкъ которыхъ могъ затруднить иного русскаго въ XVI вѣкѣ.

ГЛАВА IV.

Указаніе мѣста Rerum Moscoviticarum Commentarii въ числѣ иностранныхъ источниковъ о Россіи.

Настоящая часть нашего разсужденія имѣетъ своимъ предметомъ указать то мѣсто, которое по справедливости должно занимать сочиненіе барона Герберштейна въ ряду иностранныхъ источниковъ русской исторіи. Въ нашей исторической литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного обстоятельнаго сочиненія, въ которомъ приведена бы была точная оцѣнка, и показано бы было значеніе этихъ источниковъ для исторіи нашего отечества, а между тѣмъ важность ихъ не подвержена сомнѣнію. Въ доказательство сошлемся на авторитетъ: «чѣмъ далѣе я углублялся,» говоритъ Мейнерсъ (1), «въ чтеніе иностранныхъ писателей о Россіи, тѣмъ болѣе убѣждался, что творенія ихъ содержатъ въ себѣ много новыхъ и важныхъ подробностей, которыхъ мы тщетно стали бы искать въ Русскихъ историческихъ сочиненіяхъ или лѣтописяхъ; по показанію первыхъ могутъ быть рѣшены многіе такіе вопросы, о которыхъ ничего нельзя найти въ сочиненіяхъ туземныхъ писателей и въ грамотахъ». Признавая наши лѣтописи драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для узнанія древнѣйшаго періода исторіи нашего оте-

(1) Vergl. des ält. und neuern Russ.

Digitized by Google

чества, мы должны согласиться, что для послѣдующихъ временъ жизни нашего государства, они одни являются уже недостаточными: намъ нуженъ другой источникъ, который показалъ бы внутренній бытъ народа, внутреннюю жизнь его, внутреннее состояніе государства. Такимъ источникомъ могутъ быть названы сочиненія иностранныхъ писателей—путешественниковъ. *Причину такого* превосходства иностранныхъ источниковъ предъ лѣтописями прекрасно объяснилъ покойный академикъ Кругъ (1) въ рецензіи на Библіотеку иностранныхъ писателей о Россіи: «Такъ какъ до временъ Петра I-го», говоритъ онъ, «мало писали въ самой Россіи, исключая канцелярій, то многое, заслуживающее вниманія, особенно о нравахъ и обычаяхъ, и казавшееся туземцамъ совершенно обыкновеннымъ, потому что встрѣчалось ежедневно, можно узнать почти исключительно чрезъ однихъ иностранцевъ, которые лучше видѣли, потому что взглядъ ихъ не притупился привычкой». Упомянувъ кратко о важности этихъ источниковъ, мы теперь переходимъ къ подробному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Никакой изъ образованныхъ народовъ», съ удивленіемъ замѣчаетъ Мейнерсъ, «не былъ столь долго неизвѣстенъ, какъ русскіе, и ни одно европейское государство, въ продолженіе 3 послѣднихъ столѣтій не было столь хорошо и обстоятельно описано чужеземными путешественниками, какъ Россія». Въ самомъ дѣлѣ—первыя болѣе или менѣе обстоятельныя извѣстія о Россіи мы имѣемъ въ запискахъ Іосафа Барбаро и Амвросія Контарини,—пословъ венеціанской республики къ двору персидскаго хана. Оба они жили въ XV столѣтіи. Путешествіе Барбаро относится къ первой половинѣ XV стол. т. е. къ 1436 г., а Контарини—къ 1483.—И такъ, только съ XV вѣка Европа начинаетъ узнавать кое-что о нашемъ отечествѣ. До сихъ поръ Россія въ буквальномъ смыслѣ слова была terra incognita для западной Европы. Этотъ фактъ заслуживаетъ по справедливости удивленія, особенно если вспомнимъ, что уже въ XIII ст. многіе искатели приключеній и послы проходили чрезъ Россію на пути ко двору Чингисхана, что въ томъ же столѣтіи ганзейскіе города основали множество конторъ, и что торговля ихъ процвѣтала. Нѣмецкіе рыцари подобнымъ образомъ основали на границахъ Россіи сильное государство. Около этого же времени генуэзцы и венеціане, безопасно плавая по берегамъ Чернаго моря и входя въ устья рѣкъ, впадающихъ въ это море, основывали тамъ колоніи и производили оттуда дѣятельную торговлю съ ближайши-

(1) См. Forschungen in der ält. Gesch. Russ. 2 т. стр. 641.

Digitized by Google

ми и отдаленными странами. Гораздо ранѣе этого времени смѣлые датчане и норманы по торговымъ дѣламъ, а иногда изъ желанія добычи посѣщали заливы Бѣлаго моря и окрестъ лежащія пустыни (1). Съ перваго взгляда приведенные нами факты кажутся совершенно противорѣчащими нашему заключенію, но въ самомъ то дѣлѣ оно справедливо: всѣ эти путешественники (если можно назвать ихъ этимъ именемъ), пріѣзжая въ Россію по торговымъ дѣламъ, не поставляли себѣ цѣлію наблюдать современное имъ состояніе Россіи, для того, чтобы по возвращеніи описать все видѣнное и передать современникамъ результаты своихъ наблюденій, а дѣлали наблюденія просто безъ всякой цѣли.—Недостаточность извѣстій о Россіи въ это время можно объяснить еще тѣмъ, что въ это время татары составляли предметъ всеобщаго *любопытства:* одни смотрѣли на нихъ со страхомъ, другіе съ любопытствомъ; огромное число любознательныхъ путешественниковъ спѣшило въ Татарію съ цѣлію—удовлетворить своему любопытству. Этимъ объясняется содержаніе записокъ Плано-Карпини, Асцелина, Рубруквиса и проч. Правда, въ этихъ запискахъ встрѣчаемъ кое-что и о Россіи, но она не составляла предмета особеннаго наблюденія этихъ лицъ, а замѣчали они кое-что только потому, что на пути въ Татарію не рѣдко имъ случалось переходить чрезъ нее. Только съ XV столѣтія, (еще разъ повторю) мы встрѣчаемъ въ западной Европѣ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣденія о *Россіи;* но не скажу, чтобы эти свѣденія были полны, подробны, совершенно справедливы и проч. По словамъ Мейнерса, даже въ началѣ XVI вѣка Западная Европа знала гораздо менѣе о Россіи, чѣмъ мы теперь знаемъ о новой Голландіи.—Теперь приступаемъ къ перечню писателей о Россіи, другими словами къ перечню путешественниковъ, бывшихъ въ нашемъ отечествѣ ранѣе и позже Герберштейна. Цѣль наша показать относительныя достоинства и недостатки извѣстій каждаго изъ нихъ. Сдѣлавъ это, мы будемъ въ состояніи опредѣлить то мѣсто, которое занимаетъ сочиненіе Герберштейна въ ряду иностранныхъ источниковъ (подъ которыми я понимаю извѣстія иностранныхъ путешественниковъ) русской исторіи. При изложеніи перечня писателей, мы будемъ руководствоваться сочиненіями Аделунга: Übersicht der Reisenden in Russland, и Мейнерса: Vergleichung des ältern und neuern Russlands.

Герберштейнъ въ предисловіи къ своимъ запискамъ говоритъ о тѣхъ писателяхъ, въ сочиненіяхъ которыхъ находятся болѣе

(1) См. Vergl. des ält. und neuer. Russ.

Digitized by Google

или менѣе подробныя и полныя извѣстія о Россіи. Такъ онъ упоминаетъ о Николаѣ Кузанѣ, Павлѣ Іовіѣ, Іоаннѣ Фабрѣ и Антоніи Бидѣ, и прибавляетъ, что отъ нихъ остались записки и карты; далѣе упоминаетъ о тѣхъ писателяхъ, которые касались Россіи при описаніи смѣжныхъ съ нею странъ: объ Олаѣ Готѣ, о Матвеѣ Мѣховецкомъ, Албертѣ Компенскомъ и Минстерѣ. Изъ жизни Николая Кузана извѣстно, что онъ по порученію папы Евгенія IV ѣздилъ въ Константинополь съ цѣлію стараться о соединеніи греческой церкви съ римскою, и умеръ въ 1464 г. въ званіи кардинала и намѣстника столицы христіанства. Не извѣстно, почему Герберштейнъ ставитъ его въ число писателей о Россіи, тѣмъ болѣе, что отъ него не осталось нетолько полнаго сочиненія о Россіи, но даже и краткихъ замѣтокъ. Не разумѣлъ ли Герберштейнъ, называя Кузана писателемъ о Россіи, его рукописное сочиненіе объ устройствѣ греческой церкви, или не разумѣлъ ли Герберштейнъ tabula Cusani, объясненіе которыхъ сдѣлано Себастіаномъ Минстеромъ (1). Правда, отъ этого Кузана остались письма, которыя собраны и изданы въ трехъ огромныхъ томахъ въ 1565 г., въ Базелѣ. Мейнерсъ говоритъ, что онъ весьма тщательно просматривалъ эти письма, но рѣшительно ничего не нашелъ о Россіи (2). Ниже, слѣдуя хронологическому порядку, мы будемъ говорить о Іовіѣ и Фабрѣ. О сочиненіи Антонія Бида нѣтъ никакихъ извѣстій, мало того: и самая личность этаго писателя загадочна. Мейнерсъ говоритъ, что онъ не могъ собрать никакихъ свѣденій о немъ (3). Даже показанія разнорѣчатъ на счетъ имени этого писателя: называютъ его Bied, Bild, Wied.—Впрочемъ Nic Witsen помѣстилъ въ своемъ сборникѣ карту Россіи 1555 г., и приписалъ ее этому Антонію (4). И такъ неизвѣстно, какое сочиненіе разумѣлъ Герберштейнъ, называя Антонія писателемъ. Олаій Готъ и Минстеръ дѣйствительно помѣстили нѣкоторыя замѣтки о Россіи: первый въ Historia de gentibus Septentrionalibus, а послѣдній въ извѣстной своей космографіи. О Матвеѣ Мѣховецкомъ и Албертѣ Компенскомъ, будемъ говорить ниже.

Кругъ писателей иноземцевъ о Россіи не ограничивается упомянутымъ Герберштейномъ; мы видимъ ихъ въ гораздо большемъ числѣ.—Перечень этихъ писателей необходимъ для показанія относительнаго достоинства и важности записокъ Гербер-

(1) См. Uebersicht Adel. 123 стр. и Herberst. Adel. 314 стр.
(2) См. Verg. des ält. und neuer. Russ. стр. 7.
(3) См. тамъ же.
(4) См. Herberst. Adel. стр. 315.

Digitized by Google

штейна; только этотъ перечень можетъ указать намъ то мѣсто, которое занимаетъ сочиненіе Герберштейна въ ряду иностранныхъ источниковъ русской исторіи. Начнемъ съ половины XV вѣка, когда начинаютъ появляться болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ.

Барбаро (Іосафъ) былъ родомъ венеціанецъ; въ жизни своей онъ совершилъ два путешествія: одно въ Тану, нынѣшній Азовъ, а другое въ Персію. Цѣль перваго путешествія была торговая, а втораго чисто дипломатическая. Описаніе этихъ путешествій издано имъ въ свѣтъ въ 1487 году (1). Только въ двухъ послѣднихъ главахъ говоритъ онъ о Россіи и о татарскихъ земляхъ, лежащихъ на юговостокѣ Россіи, особенно о Цитрахани или Астрахани, и о Казани (2). Въ первое свое путешествіе Барбаро изъѣздилъ совершенно Крымъ и собралъ многія важныя свѣденія о Россіи. Барбаро въ своемъ произведеніи является весьма свѣдущимъ и внимательнымъ наблюдателемъ. При появленіи въ свѣтъ оно надѣлало много шума, и до сихъ поръ оно имѣетъ свою цѣну, какъ дополненіе къ географіи и исторіи торговли среднихъ вѣковъ (3). Пропуская повѣтствованіе о Георгіѣ Интеріанѣ и Энеѣ Сильвіѣ, такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ почти нѣтъ никакихъ извѣстій о нашемъ отечествѣ: (первый писалъ о землѣ черкаской, а второй de Polonia Lithuania et Prussia)—обращусь прямо къ Контарини.

Контарини (Амвросій) принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ патриціискихъ фамилій венеціанскихъ. Въ качествѣ посла отъ своей республики, онъ совершилъ путешествіе чрезъ Польшу и Украйну къ персидскому двору. На возвратномъ пути оттуда онъ заѣзжалъ въ Россію и жилъ 4 мѣсяца въ Москвѣ. Произведеніе Контарини имѣютъ форму дневника, гдѣ говорится обо всемъ, что съ нимъ случилось въ продолженіе времени отъ 24 февраля 1474 года до 10 апрѣля 1477 года. Интересныя замѣчанія о Россіи находятся въ 8 главѣ. Въ 1-й и 9-й онъ тоже касается ея. Въ описаніи Россіи онъ касается положенія и строенія Москвы, говоритъ о тамошнемъ холодѣ, о торговлѣ различными мѣхами, которые приносятся изъ отдаленнаго сѣвера; въ заключеніе дѣлаетъ замѣчаніе объ образѣ жизни и обычаяхъ русскихъ (4). Оба эти путешественника мимоходомъ были въ Россіи и слѣдовательно мимоходомъ дѣлали свои наблюденія; гораздо болѣе вѣрныхъ и подробныхъ сдѣланій вправѣ мы ждать

(1) См. Uebersicht Adel. стр. 139.
(2) См. Библ. иностр. писат. о Россіи т. 1.
(3) См. Uebersicht стр. 140.
(4) См. Библ. иностр. писат. о Россіи т. 1.

Digitized by Google

отъ Поппеля (Никласа), который былъ аккредитованъ Фридрихомъ III къ нашему двору. Поппель начинаетъ собою рядъ дипломатическихъ сношеній римско-императорскаго двора съ русскимъ; онъ два раза былъ въ Россіи. Первое посольство его окончилось весьма неудачно; при вторичномъ прибытіи своемъ въ Москву, Поппель, желая снискать благоволеніе великаго князя, разсказывалъ ему на аудіенціи, что по возвращеніи своемъ изъ перваго посольства, императоръ и всѣ князья съ любопытствомъ распрашивали его о русскомъ государствѣ, и что онъ выставилъ истинное состояніе Россіи, такъ какъ онъ ее видѣлъ, описалъ подвластные Россіи народы и земли, разсказалъ о величіи, богатствѣ и умѣ великаго князя. Дѣйствительно эти подробности должны были быть весьма любопытны для императора, потому что въ Германіи имѣли тогда весьма малое понятіе о Россіи, даже думали, что она состоитъ подъ властію короля польскаго; эти подробности потому были болѣе интересны, что они выходили изъ устъ очевидца; но къ сожалѣнію мы лишены теперь возможности знать эти подробности, потому что онѣ заключены въ рукописномъ сочиненіи этаго Поппеля, а рукопись эта хранится въ императорскомъ вѣнскомъ архивѣ (1). Почти въ слѣдъ за Поппелемъ дважды ѣздилъ въ Москву по дипломатическимъ дѣламъ Георгъ Фонъ Турнъ. О предметахъ посольства мы говорить не будемъ, а скажемъ только, что отъ Турна не дошло до насъ никакого сочиненія о Россіи; сохранилось въ императорскомъ вѣнскомъ архивѣ только донесеніе его о своемъ путешествіи (2). Разумѣется, политическія дѣла, которыя составляли цѣль посольства, занимаютъ большую часть этого донесенія, но нельзя думать, чтобы тутъ не находились какія нибудь замѣтки о нашемъ отечествѣ. Но какъ бы то нибыло донесеніе это недоступно для большинства читателей. По отъѣздѣ Турна (въ 1492 г.) тотчасъ же явилось въ Москву новое австрійское посольство въ лицѣ Михаила Снупса. Предметъ этого посольства былъ совершенно отличенъ отъ предъидущихъ. Ерцгерцогъ Сигизмундъ, отправляя Снупса, поручилъ ему собрать какъ можно болѣе свѣденій о Россіи, и для достиженія этого приказалъ ему изъѣздить средину государства и побывать у р. Оби. Кромѣ того вмѣнилъ ему въ обязанность научиться русскому языку. И такъ мы видимъ, что цѣль этого посольства была чисто ученая. Не имѣя положительныхъ свѣденій о Снупсѣ, т. е. незная до какой степени онъ былъ образованъ, до какой степени живо было его во-

(1) См. Uebersicht стр. 149.
(2) См. тамъ же, стр. 154.

Digitized by Google

ображеніе и вѣренъ тактъ, мы не можемъ утвердительно сказать, въ состояніи ли онъ былъ исполнить благое намѣреніе ерцгерцога. Мы знаемъ, что цѣль не была достигнута, но Снупса мы не имѣемъ права упрекать въ этомъ. Весь упрекъ падаетъ на нашихъ бояръ, которые съ недовѣрчивостью смотрѣли на всѣхъ подобныхъ путешественниковъ. Результатъ былъ таковъ, что Снупса не только не допустили изъѣздить государство и побывать у р. Оби, но даже не позволили ему возвратиться обратно чрезъ Турцію или чрезъ Польшу, такъ что Снупсъ принужденъ былъ возвратиться тою же дорогой, которою и пріѣхалъ, т. е. чрезъ Лифляндію и Германію (1). По всѣмъ вѣроятіямъ Снупсъ, имѣя цѣлію удовлетворить любознательность своего государя и представить вѣрную картину современнаго ему состоянія нашего государства, началъ дѣлать наблюденія съ перваго шага своего съ границы Россіи, и если мы согласимся, что въ слѣдствіе недовѣрчивости нашего двора, онъ не могъ отчетливо и ясно узнать о состояніи нашего государства и составить полное и подробное сочиненіе о немъ; то все-таки онъ имѣлъ случаи и долженъ былъ обогатить свой умъ мелкими замѣтками, болѣе или менѣе интересными. Дѣствительно мы знаемъ, что по возвращеніи въ отечество, онъ составилъ донесеніе о своемъ путешествіи и представилъ его своему государю. По всѣмъ вѣроятіямъ въ донесеніи этомъ должны заключаться интересныя замѣтки о нашемъ отечествѣ, но оно неизвѣстно ученому свѣту, такъ какъ хранится въ рукописи въ Вѣнѣ или Инспрукѣ (2). Чрезъ 13 лѣтъ явилось новое посольство къ нашему двору. Представителемъ его былъ Кантингеръ (Юстусъ). Рядомъ съ ученою цѣлію въ предметъ этого посольства входила и цѣль политическая: Кантингеру поручено было разузнать о состояніи великаго князя и о положеніи дѣлъ въ Россіи; кромѣ того поручено было предложить великому князю помощь императора въ войнѣ его съ лифляндцами. Результатъ исполненія обоихъ порученій изложенъ Кантингеромъ въ донесеніи о своемъ путешествіи, представленномъ императору по возвращеніи въ отечество. Донесеніе это хранится въ рукописи въ императорскомъ вѣнскомъ архивѣ (3). Въ слѣдъ за Кантингеромъ, слѣдуя порядку времени, пріѣзжалъ въ Москву Герберштейнъ съ чисто-дипломатическою цѣлію. Изъ біографическаго очерка этого писателя уже извѣстно, что цѣль посольства не была имъ достигнута, и потому тотчасъ

(1) См. Uebersicht стр. 157.
(2) См. Uebersicht стр. 157.
(3) См. тамъ же, стр. 158.

Digitized by Google

же послѣ Герберштейна по тому же дѣлу пріѣхало новое посольство, состоящее изъ Франциска да-Колло и Антонія де-Конти. О послѣднемъ мы ничего не знаемъ, а о Францискѣ знаемъ, что пребываніе его въ Россіи не было безплодно: онъ собралъ различныя свѣденія о Россіи, и по возвращеніи въ отечество составилъ донесеніе о своемъ путешествіи; донесеніе это извѣстно ученому свѣту на итальянскомъ языкѣ (Франциск ъ самъ былъ родомъ итальянецъ). — Такъ какъ сочиненіе это весьма рѣдко въ настоящее время, то мы и не знаемъ, какіе предметы составили содержаніе его. Изъ отечественныхъ нашихъ историковъ только у одного Карамзина находятся выписки изъ этого сочиненія (1). Слѣдуя порядку времени, мы теперь переходимъ въ Павлу Центуріону, происходящему отъ знаменитой патриціӥской генуэзской фамиліи. Центуріонъ два раза былъ въ Москвѣ: въ первый разъ онъ пріѣзжалъ по торговымъ дѣламъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ папы Льва X къ великому князю Василію. Не имѣя никакого особеннаго порученія, онъ старался воспользоваться временемъ своего пребыванія въ Москвѣ и особенно настаивалъ на открытіе новаго пути для перевозки индіӥскихъ товаровъ; но это ему совершенно неудалось. Въ 1525 г. папа Климентъ VII послалъ его уже отъ своего имени съ подобнымъ предложеніемъ. Цѣль папы была подорвать монополію португальцевъ. Въ томъ же году Центуріонъ въ сопровожденіи русскаго посла Дмитрія Герасимова возвратился къ папскому двору. Центуріонъ самъ описалъ свое путешестіе, и оно напечатано въ Raccolta di Ramusio (2).—Теперь мы переходимъ къ новому писателю о Россіи, изъ сочиненія котораго Европа впервые, можно сказать, узнала кое-что о Россіи и о сопредѣльныхъ татарскихъ земляхъ. Я разумѣю здѣсь Матвѣя Мѣховецкаго и сочиненіе его: «Libellus de duabus Sarmatiis». Неизвѣстно, съ какою цѣлію былъ онъ въ Россіи, но что онъ былъ—въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому что онъ самъ говоритъ, что собственными глазами видѣлъ источники Днѣпра, Дона и Волги. Мѣховецкіӥ былъ ученый докторъ и краковскіӥ каноникъ (3). Большую часть его книжки занимаютъ полусправедливыя сказанія о происхожденіи и мѣстѣ жительства татаръ, объ отечествѣ готѳовъ, вандаловъ, аланъ, шведовъ, турокъ и венгровъ (послѣднихъ онъ называетъ югpами). Онъ отличаетъ Россію отъ Московіи и считаетъ ихъ за двѣ совершенно различныя страны, причи-

(1) См. Uebersicht стр. 175, 176.
(2) См. тамъ же, стр. 177, 178.
(3) См. тамъ же, стр. 179.

Digitized by Google

слаетъ къ Россіи Украйну и Литву; послѣдней странѣ онъ придаетъ такіе обширные предѣлы, что включаетъ въ нее и Новгородъ и Псковъ. Извѣстія его о Московіи и о принадлежащихъ къ ней земляхъ—Perm, Baskird, Cziremissa, Juhra и Corela занимаютъ собою только три листа. Его описаніе Московіи мало того, что неполно и сбивчиво, но иногда даже совершенно противно истинѣ. Такъ онъ упоминаетъ иногда о такихъ областяхъ, объ имени которыхъ никто даже и не слыхивалъ; самую важную ошибку дѣлаетъ Мѣховецкій при разсказѣ о рѣкѣ Волгѣ; по его словамъ Волга впадаетъ *въ Черное море*. Такая ошибка не простительна ему, какъ очевидцу источниковъ Дона, Днѣпра и Волги. Во вступленіи къ своему сочиненію Мѣховецкій горячо оспариваетъ существованіе рифейскихъ или гиперборейскихъ горъ (1). Герберштейнъ въ повѣствованіи своемъ о татарахъ указываетъ на сочиненіе Мѣховецкаго и говоритъ, что онъ повторять этого не намѣренъ. На слѣдующей страницѣ своего сочиненія Герберштейнъ опровергаетъ заключеніе Мѣховецкаго о значеніи слова половцы. Мѣховецкій объясняетъ это словомъ охотники, а Герберштейнъ словомъ полевые (2) Не смотря на всѣ свои недостатки и погрѣшности, книжка Мѣховецкаго имѣла пять изданій и два раза была переведена на итальянскій языкъ (3). До сихъ поръ мы говорили о путешественникахъ-писателяхъ, которые или были сами мимоходомъ въ нашемъ отечествѣ, или нарочно были посланы туда: одни по дипломатическимъ дѣламъ, другіе же съ ученою цѣлію; теперь мы будемъ говорить о такихъ писателяхъ, которые сами не были въ Россіи, а довольствовались разсказами о ней, и по этимъ разсказамъ составили свои сочиненія, таковы: Альбертъ Компензе, Іоаннъ Фабръ и Павелъ Іовій. Герберштейнъ считаетъ ихъ тоже въ числѣ своихъ предшественниковъ. Альбертъ Компензе былъ родомъ голландецъ, но жизнь свою провелъ внѣ отечества, по большей части при польскомъ дворѣ (4). Отъ него осталось письмо, адресованное имъ къ папѣ Клименту VII. Главная цѣль этого письма—побудить папу стараться о соединеніи москвитянъ съ римскою церковью. Чтобы яснѣе выставить всю важность этого подвига и легче побудить папу къ непосредственному принятію участія въ немъ, Компензе описываетъ наше отечество и преимущественно обращаетъ вниманіе на географическое положеніе его.

(1) См. Verg. des ält. und neuer. Russ.
(2) *Rer. Mosc. Com.* 84.
(3) См. Uebersicht стр. 180.
(4) См. Uebersicht. стр. 181.

Digitized by Google

Но прежде чѣмъ приступаетъ къ описанію, дѣлаетъ оговорку, что онъ самъ въ Россіи не бывалъ, и что при изложеніи будетъ руководствоваться разсказами отца, бывшаго лѣтъ 50 тому назадъ въ Россіи, разсказами брата и нѣкоторыхъ купцовъ, бывшихъ въ Россіи. Покойный Н. М. Карамзинъ (1) признаетъ всѣ географическія извѣстія Компензе заимствованными у Матвѣя Мѣховецкаго. Мейнерсъ (2) такого же мнѣнія о Компензе и въ доказательство этого приводитъ слѣдующіе факты: Компензе, согласно съ Матвѣемъ Мѣховецкимъ, отдѣляетъ Московію отъ Россіи, дѣлаетъ списокъ областямъ, принадлежащимъ Московіи и перечисляетъ завоеванныя страны и рѣки; только при описаніи Волги онъ какъ бы исправляетъ ошибку Мѣховецкаго, говоря, что она впадаетъ не въ Черное, *а въ Каспійское море*. Мы уже видѣли какими недостатками отличается сочиненіе Мѣховецкаго о Россіи, теперь тоже самое должны сказать и о Компензе. Повѣствованіе Компензе неполно, сбивчиво и часто совсѣмъ невѣрно; а имена областей, городовъ и народовъ такъ искажены, что весьма трудно, или даже иногда совершенно невозможно догадаться, о чемъ говоритъ авторъ. Такъ отзывается о сочиненіи Компензе переводчикъ его на русскій языкъ (3). Мы же съ своей стороны прибавимъ, что къ числу недостатковъ должно быть отнесено и то, что авторъ на многое смотритъ совершенно пристрастно,—и обо всемъ отзывается съ похвалою. Это можно объяснить тѣмъ, что авторъ хотѣлъ склонить папу къ союзу съ Василіемъ. Мейнерсъ признаетъ письмо Компензе болѣе важнымъ для историковъ, чѣмъ для географовъ (4). Аделунгъ высказываетъ тоже самое и признаетъ письмо Компензе важнымъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ папскимъ и иностранными дворами во время второй половины XV и первой XVI вѣка (5). Рукопись письма Компензе находится въ ватиканской библіотекѣ; въ первый разъ оно издано въ свѣтъ въ 1543 г., а въ 1583 г. повторено то же изданіе, наконецъ оно находится въ Raccolta di Ramusio. Изъ переводовъ извѣстенъ только русскій (6).—Іоаннъ Фабръ былъ совѣтникомъ и духовникомъ римскаго короля Фердинанда, особенно силенъ былъ въ богословіи и былъ врагомъ реформаціи. Во время пре-

(1) См. VII т. прим. 287.
(2) См. Vergl. des ält und neuer. Russ.
(3) См. Библ. иностр. писат. о Россіи т. I.
(4) См. Vergl. des ält und neuer. Russ.
(5) См. Uebersicht стр. 183.
(6) См. тамъ-же.

Digitized by Google

бываніи русскихъ пословъ—Ивана Ѳедоровича Ярославскаго и Семена Борисовича Трофимова, въ Тюбингенѣ, Фабру поручено было отъ ерцгерцога собрать отъ нихъ свѣденія объ ихъ отечествѣ, народѣ, обычаяхъ, обрядахъ и особенно объ ихъ религіи. При разговорѣ съ ними Фабръ дѣйствовалъ чрезъ посредство толмача Василія Власа, знавшаго латинскій и отчасти нѣмецкій языки (1). Но или толмачъ худо понималъ вопросы Фабра, или самые послы были мало свѣдущи, замѣчаетъ Мейнерсъ (2), какъ бы то ни было, а въ результатѣ вышло то, что Фабръ весьма мало могъ узнать о народѣ и государствѣ, за то многое узналъ онъ объ ученіи и обрядахъ русской вѣры. Европа чрезъ сочиненіе Фабра въ первый разъ узналъ объ этихъ предметахъ. Съ появленія своего въ свѣтъ сочиненіе Фабра имѣло четыре изданія.—Павелъ Іовій, родомъ итальянецъ, впослѣдствіе епископъ комскій, самъ не былъ въ Россіи, но заимствовалъ свое описаніе изъ разсказовъ русскаго посла Димитрія, весьма свѣдущаго и опытнаго человѣка, бывшаго посломъ при дворахъ королей датскаго, шведскаго, нѣмецкаго гермейстера и императора Максимиліана, наконецъ въ 1523 г. при дворѣ папы Климента VII (3). Іовій, подъ руководствомъ Димитрія составилъ довольно справедливое и подробное (если взять его относительно къ предъидущимъ писателямъ) описаніе Россіи и замѣчательныхъ ея городовъ, говоритъ о татарскихъ ордахъ, о недавно завоеванныхъ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ областяхъ, объ образованности и обычаяхъ русскихъ, наконецъ о производительности и торговлѣ русскихъ областей. Мейнерсъ признаетъ сочиненіе Іовія болѣе интереснымъ, чѣмъ всѣ предъидущія сочиненія о Россіи. Изданій и переводовъ сочиненія Іовія было довольно много:—такъ въ продолженіе времени отъ 1537 г. до 1600 было шесть изданій. Кромѣ того существуютъ 4 перевода итальянскіе, 3 нѣмецкіе и одинъ русскій (4). Для полноты перечня упомяну еще о трехъ путешественникахъ: о Маркѣ Фоскарини, Томасѣ Шруе и графѣ Эберштейнѣ. Фоскарини принадлежалъ къ одной изъ знаменитыхъ венеціанскихъ фамилій, и въ 1537 г. былъ посланъ республикою въ Россію по торговымъ дѣламъ. Въ русскихъ архивныхъ извѣстіяхъ ничего не упомянуто объ этомъ посольствѣ. Впрочемъ самое описаніе путешествія находится на латинскомъ

(1) См. тамъ же стр. 185.
(2) См. Vergl. des ält. und neuer. Russ.
(3) См. Meiners.
(4) См. Uebersicht стр. 189.

Digitized by Google

языкѣ въ двухъ спискахъ въ римской ватиканской библіотекѣ (1). Отъ Томаса Шруе, который пріѣзжалъ въ Россію въ 1546 г., по торговымъ дѣламъ, сохранилось въ королевской берлинской библіотекѣ рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Ein Russisch Buch». Содержаніе этого сочиненія составляетъ торговля русскихъ и образъ ихъ покупки и продажи (2). Еберштейнъ пріѣзжалъ въ 1550 г. въ Москву съ порученіемъ отъ папы Юлія III стараться о соединеніи церквей и предложить великому князю титулъ короля: но стараніе папы не увѣнчалось успѣхомъ; другое порученіе касалось примиренія польскаго государя съ русскимъ. Успѣхъ этого дѣла не извѣстенъ; донесеніе о результатѣ посольства находится въ рукописи въ ватиканской библіотекѣ (3). Мы не разбираемъ здѣсь Горзея, Флетчера, Бера и другихъ, такъ какъ они были въ Россіи уже послѣ Герберштейна.

Приведенный нами перечень путешественниковъ—писателей о Россіи даетъ намъ право сдѣлать слѣдующее заключеніе: всѣ поименованные нами писатели о Россіи, могутъ быть подведены подъ три категоріи: одни изъ нихъ совсѣмъ не были въ Россіи, таковы: Альбертъ Компензе, Іоаннъ Фабръ и Павелъ Іовій, а писали по разсказамъ лицъ болѣе или менѣе достойныхъ довѣрія; другіе сами были въ Россіи, дѣлали наблюденія, можетъ быть даже и сдѣлали описанія, но они не извѣстны ученому свѣту и составляютъ достояніе государственныхъ архивовъ. Оба эти разряда писателей не подлежатъ суду критики и въ слѣдствіе этого не выдерживаютъ сравненія съ Герберштейномъ. Есть еще третіи разрядъ писателей, каковы: Іосафъ Барбаро, Амвросій Контарини, Матвѣй Мѣховецкій и Франциск да-Колло. Первые два были мимоходомъ въ Россіи, и потому неудивительно, что содержаніе извѣстій ихъ о Россіи самое ничтожное; касательно Мѣховецкаго нужно замѣтить, что сомнительно, чтобы онъ и мимоходомъ былъ въ Россіи. Очевидецъ теченія Дона, Днѣпра и Волги не могъ бы такъ грубо ошибиться, говоря о Волгѣ, что она впадаетъ *въ Черное море*. Выше нами довольно подробно разсмотрѣно абсолютное значеніе и достоинство замѣтокъ Мѣховецкаго о Россіи; изъ этого разсмотрѣнія уже достаточно можно видѣть, что такія замѣтки не выдерживаютъ сравненія съ сочиненіемъ Герберштейна. О Франциск да-Колло мы не можемъ много говорить отчасти потому,

(1) См. тамъ же стр. 186.
(2) См. тамъ же стр. 191.
(3) См. Uebersicht стр. 191.

Digitized by Google

что въ сочиненіяхъ нашихъ историческихъ писателей весьма рѣдко встрѣчаются ссылки на его сочиненіе. Аделунгъ говоритъ, что только одинъ Карамзинъ въ своемъ сочиненіи руководствовался этимъ источникомъ. Приведемъ мнѣніе Карамзина о немъ: Географическія извѣстія Франциска да-Колло, говоритъ историографъ, не выдерживаютъ сравненія съ извѣстіями Герберштейна: онъ часто даже говоритъ нелѣпости (1).

Изъ этого вывода уже довольно ясно видно относительное достоинство и значеніе сочиненія Герберштейна. Теперь мы покажемъ абсолютное достоинство этого сочиненія и посему обратимъ вниманіе на побудительныя причины, содержаніе, объемъ и систему въ изложеніи. Наблюдательность и внимательность ко всему окружающему, эти двѣ врожденныя способности Герберштейна, должны быть признаны главными побудительными причинами, главными руководителями его. Съ самаго ранняго возраста, говоритъ Герберштейнъ, находя удовольствіе и въ отечествѣ и внѣ отечества въ обращеніи съ людьми иностранными, я охотно несъ посольскую службу. Вездѣ, гдѣ мнѣ ни случалось бывать, я не только многое замѣчалъ мимоходомъ, но и тщательно обращалъ вниманіе на то, что безъ всякаго сомнѣнія наиболѣе было достойно упоминовенія и ознакомленія. Малонзвѣстность и отдаленность нашего отечества интересовали Герберштейна узнать что нибудь вѣрное и положительное о томъ государствѣ, которое, не смотря на свое 700 лѣтнее существованіе, оставалось еще загадкою для западной Европы. «Я рѣшился», говоритъ Герберштейнъ, «описать государство московское, потому что оно, во первыхъ, весьма отдаленно и, во вторыхъ, мало знакомо нашему вѣку». Приказъ ерцгерцога Фердинанда обязывалъ его къ добросовѣстному исполненію этого дѣла. Уже на дорогѣ, при вторичномъ отправленіи своемъ въ Московію, получилъ Герберштейнъ приказъ отъ ерцгерцога, чтобы во время пребыванія своего въ Московіи онъ старался ознакомиться съ религіею, церемоніями и божественными книгами россійской церкви, и по возвращеніи сдѣлалъ бы подробное описаніе всего этого. Изложивъ побудительныя причины къ составленію описанія, мы займемся теперь обозрѣніемъ содержанія записокъ Герберштейна. Еще не входя въ подробное обозрѣніе содержанія записокъ Герберштейна, мы уже раздѣлили выше его извѣстія на три части и замѣтили, что въ сочиненіи Герберштейна соединено видѣнное, слышанное и читан-

(1) Карамз. Т. VII, пр. 414.

Digitized by Google

ное. Съ этой точки зрѣнія мы смотрѣли и на сочинителя и на сочиненіе. Теперь считаемъ нужнымъ сдѣлать обозрѣніе содержанія ихъ. Начинаетъ Герберштейнъ свое сочиненіе историческимъ повѣствованіемъ о судьбахъ нашего отечества со времени основанія нашего государства и доводитъ послѣдовательно, на основаніи лѣтописей, свое изложеніе до современной ему эпохи нашего государства. Систематическая исторія нашего отечества въ то время была предметомъ совершенно новымъ не только для современныхъ Герберштейну иностранцевъ, но и для нашихъ предковъ. Не разсказами пользовался Герберштейнъ при описаніи древнѣйшей эпохи нашего государства, а лѣтописями; не сказками наполнилъ свое описаніе, а историческими фактами, не искажалъ событій пристрастнымъ взглядомъ, а писалъ чистую истину. Эти слова наши—не фразы, а логическій выводъ изъ приведенныхъ выше фактовъ.—За историческимъ повѣствованіемъ о судьбахъ нашего отечества сей часъ же слѣдуетъ описаніе нашей религіи. Здѣсь Герберштейнъ обращаетъ вниманіе на состояніе духовенства и на священныя таинства нашей церкви. Какъ то, такъ и другое онъ подтверждаетъ письменными памятниками, для показанія правъ и обязанностей нашего духовенства. Герберштейнъ приводитъ разсказъ лѣтописи о десятинахъ Владиміра; въ подтвержденіе же своихъ словъ о священныхъ таинствахъ нашей церкви, онъ приводитъ въ переводѣ: буллу папы Александра, посланіе Іоанна митрополита къ архіепископу римскому и въ извлеченіи: посланіе Іоанна митрополита къ Іакову черноризцу, вопросы Кирика и отвѣты Нифонта. Всѣ эти памятники мы уже разсмотрѣли выше и пришли къ тому убѣжденію, что Герберштейнъ весьма отчетливо зналъ славянскій языкъ и весьма хорошо понималъ то, что переводилъ. Большую часть сочиненія Герберштейна занимаютъ географическія извѣстія о нашемъ отечествѣ. Пріемы Герберштейна въ этомъ случаѣ чисто ученые: «описавъ Московію, какъ самую замѣчательную мѣстность»,говоритъ онъ, «я приступаю къ описанію другихъ областей, подвластныхъ великому князю московскому, слѣдуя такому порядку: сперва восточныя, потомъ южныя, западныя, сѣверныя, и наконецъ перейду къ равноденному востоку.»—И такъ не географическія замѣтки мы видимъ у Герберштейна, но полное географическое описаніе нашего государства, описаніе составленное съ большимъ знаніемъ дѣла: въ немъ на ряду съ географическими извѣстіями, встрѣчаются и историческія замѣтки. Такъ повѣствуетъ Герберштейнъ о послѣднихъ судьбахъ рязанскаго, сѣверскаго, бѣль-

Digitized by Google

ского княжествъ, и о судьбѣ Великаго Новгорода и Пскова. Послѣ описанія внутреннихъ областей Россіи, Герберштейнъ переходитъ къ повѣствованію о сопредѣльныхъ съ нею народахъ и говоритъ о татарахъ. Начавъ съ происхожденія этого народа и изложивъ прошедшую жизнь его, Герберштейнъ съ большою отчетливостью излагаетъ настоящія событія, внутреннія междоусобія татарскихъ ордъ и неудачныя войны съ московскимъ государемъ. За историческими извѣстіями слѣдуютъ географическія, и здѣсь Герберштейнъ описываетъ татарскія владѣнія: Астрахань, Азовъ, Ахасъ и проч. Отъ татаръ переходитъ Герберштейнъ къ Литвѣ, Мазовіи и Самогитіи, считая эти земли сопредѣльными Россіи съ запада. Считая сѣвернымъ предѣломъ Россіи Ледовитое море, Герберштейнъ описаніемъ плаванія по немъ оканчиваетъ свою географію. Замѣчательно, что при сочиненіи Герберштейна находится карта, гдѣ онъ изобразилъ наглядными образомъ свои географическія свѣденія. Вслѣдъ за географическими извѣстіями приступаетъ Герберштейнъ къ описанію тѣхъ церемоній, которыя соблюдались при нашемъ дворѣ во время пріема и отпуска пословъ. Герберштейнъ здѣсь представляется очевидцемъ и дѣйствующимъ лицемъ. Эта часть сочиненія Герберштейна чрезвычайно интересна и замѣчательна. Мы посвятили выше разсмотрѣнію ея нѣсколько страницъ нашего разсужденія и пришли къ тому убѣжденію, что эти извѣстія Герберштейна достойны всякаго вѣроятія. И такъ историческія событія, прошлыя и современныя, вѣра и религіозныя обряды, церковь и состояніе духовенства, обычаи двора и хорографія государства—вотъ главные предметы содержанія записокъ; но кромѣ ихъ встрѣчаются мелкія замѣтки о состояніи народа—правахъ и обычаяхъ его, о торговлѣ, промышленности, военныхъ силахъ, государственномъ благоустройствѣ и проч. Объемъ сочиненія уже достаточно явствуетъ изъ перечня предметовъ, которые составили содержаніе сочиненія; но ежели прибавить къ этому, что описаніе каждаго изъ этихъ предметовъ составлено Герберштейномъ совершенно обстоятельно и съ надлежащею полнотою, то въ такомъ случаѣ объ объемѣ уже и говорить болѣе нечего. Касательно расположенія предметовъ при описаніи ихъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что не вездѣ видна строгая при этомъ система. Но этого нельзя ставить въ упрекъ автору: Герберштейнъ писалъ не историческое изслѣдованіе и не исторію московскаго государства, а просто замѣтки о немъ. Въ главѣ: «de matrimonio» излагаются слѣдующіе предметы: сватовство, брачные дары, степени, разводы, супружеская любовь, состо-

Digitized by Google

яніе женщинъ, слуги, дѣти боярскія, лошади и верховая ѣзда, оружіе и доспѣхи, образъ войны, пушки и пушкари и проч.; въ главѣ: «de ingressu in alterius domum» Герберштейнъ говоритъ о церемоніяхъ при проводахъ и о почтовой ѣздѣ. Приведенные примѣры подтверждаютъ нѣсколько наше заключеніе. Что же касается до историческаго изложенія древнѣйшихъ событій нашего государства, то характеристическою чертою его должно признать строгій порядокъ и послѣдовательность въ изложеніи фактовъ. Только въ изложеніи царствованія Василія Іоанновича авторъ перерываетъ нить историческаго повѣствованія, говоря: о власти великаго князя, о титулѣ, о названіи *бѣлый царь* и проч. Географическія извѣстія изложены Герберштейномъ ученымъ образомъ—совершенно послѣдовательно и въ надлежащей связи. Сообразивъ все сказанное, мы съ полнымъ сознаніемъ можемъ сказать, что Герберштейнъ въ ряду поименованныхъ нами писателей занимаетъ первое мѣсто.

Отчего же такъ удалось его описаніе Россіи? Отчего оно такъ рѣзко выдается своею основательностію изъ ряда прочихъ подобныхъ сочиненій?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны обратить вниманіе на качества автора, отличавшія его отъ другихъ иноземныхъ наблюдателей.

Эти качества были: 1) его образованность, и 2) его добросовѣстность. Вотъ они-то способствовали къ истинности его описанія.

1. *Его образованность.* Герберштейнъ получилъ самое блестящее образованіе для своего вѣка. Счастливыя способности и трудолюбіе способствовали къ обогащенію его ума всякаго рода свѣдѣніями, которыя послужили къ болѣе чѣмъ удовлетворительному исполненію возлагавшихся на него порученій. Но независимо отъ служебныхъ занятій, его многочисленныя сочиненія даютъ намъ полное понятіе объ учености автора, которое однако въ особенности отразилось въ московскихъ комментаріяхъ. Ни одинъ народъ Европы не могъ въ то время представить такого обстоятельнаго описанія своей страны. Герберштейнъ, такъ сказать, создалъ географію восточной Европы, и первый познакомилъ западныхъ европейцевъ съ русскими лѣтописями, и слѣдовательно съ русскою исторіею, которая до него рисовалась въ глазахъ иностранца еще неопредѣленнѣе, чѣмъ русская земля. Въ учености Герберштейна мы убѣждаемся на каждой страницѣ; въ ней могутъ сравниться съ нимъ развѣ только Поссевинъ и Флетчеръ.

Digitized by Google

Нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей пользовались знатностью своего сана, но не принадлежали къ числу ученыхъ людей. Оттого личныя розысканія и изслѣдованія ихъ мало участвовали въ повѣствованіи. Таковъ Контарини. Въ недостаткѣ образованія можно упрекнуть купца Горзея, и Маржерета, стараго солдата, сдѣлавшагося писателемъ по обстоятельствамъ. Можетъ быть одною изъ причинъ его авторства было желаніе оправдать свою приверженность къ Лжедмитрію. Пасторъ Мартинъ Беръ обнаруживаетъ непониманіе нашей религіи, когда напр. говоритъ, что Хансъ Кенельсенъ принялъ греческую вѣру, отрекшись отъ Бога, котораго съ дѣтства исповѣдывалъ, и обязался покланяться русскому Богу Николаю; или что Шуйскій ѣздилъ осенью въ Троицкую лавру принести Богу Сергію благодареніе за побѣду надъ измѣнниками.

Къ счастію, Герберштейнъ родился и выросъ посреди славянъ. Человѣкъ, съ такою любознательностію какъ онъ, не могъ не поспѣшить ознакомиться съ языкомъ своихъ многочисленныхъ земляковъ. Всякое знаніе, пріобрѣтенное въ юношескомъ возрастѣ, бываетъ болѣе или менѣе прочно; Герберштейнъ, проживавшій въ Россіи самое короткое время, несравненно менѣе искажаетъ названія и собственныя имена, чѣмъ Беръ, который, будучи въ зрѣломъ возрастѣ, не успѣлъ выучиться русскому языку. Знаніе славянскаго языка сообщило извѣстіямъ Герберштейна самостоятельность: онъ могъ непосредственно видѣть минувшія судьбы въ нашихъ лѣтописяхъ, а многія современныя извѣстія могъ узнавать отъ русскихъ, а не отъ иностранцевъ, какъ это дѣлали другіе путешественники. Незнаніе русскаго языка побудило многихъ заимствовать описаніе прошедшихъ временъ Россіи изъ Герберштейна. Маржеретъ начинаетъ свой трудъ общимъ описаніемъ нашего отечества (стр. 1—11), которое изложено по изысканіямъ Герберштейна. Такъ напр. на стр. 3 онъ упоминаетъ о животномъ растеніи, растущемъ близъ Астрахани, и прибавляетъ, что видѣлъ нѣсколько такихъ растеній (1). Мы можемъ упрекнуть въ заимствованіи и Петрея въ отношеніи къ древнѣйшей исторіи нашего отечества и къ статистическимъ свѣденіямъ касательно сѣвернаго края Россіи. Безъ дальнѣйшаго разбора повторяетъ онъ промахи Герберштейна, и даже увеличиваетъ число ихъ, руководимый народнымъ суевѣріемъ и лишенный знанія русскаго языка. Въ примѣръ того, какъ безтолково и безсознатель-

(1) Объ этомъ растеніи упоминаетъ не одинъ Маржеретъ, но и многіе другіе путешественники, какъ напр. Стрюйсъ. *Прим. Ред.*

Digitized by Google

но выписываетъ онъ иногда изъ Герберштейна, напомнимъ разсужденіе о поединкахъ. Онъ писалъ это въ 1620 г., а мы уже изъ Флетчера знаемъ, что въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича въ Россіи не было поединковъ (1). Въ описаніи Петрея вообще мало самостоятельности; онъ не только придерживается извѣстій Бера, но иногда даже по цѣлымъ страницамъ переписываетъ хронику послѣдняго.

Иностранные писатели, желая вѣроятно придать болѣе интереса своимъ описаніямъ, выдавали часто сказки за истинныя происшествія. Беръ разсказываетъ о чудесахъ, бывшихъ при въѣздѣ Димитрія въ Москву и при его смерти, о монахѣ, сражавшемся съ 12,000 чертей, о чернокнижничествѣ Шуйскаго и пр. Петреи также легковѣренъ и зараженъ всякаго рода предразсудками. Нашъ писатель, вслѣдствіе своего отличнаго образованія, разсказывая какое нибудь неосновательное народное вѣрованье или молву о какихъ нибудь чудовищныхъ людяхъ, или о баснословномъ растеніи, обыкновенно обнаруживаетъ сомнѣніе.

Образованіе Герберштейна и знаніе русскаго языка доставили ему еще одно превосходство предъ другими иностранными писателями о Россіи, изъ которыхъ никто не обратилъ вниманія на умственную жизнь русскихъ, проявляющуюся въ словесныхъ произведеніяхъ. Герберштейнъ, для совершенной характеристики русскаго государства, захотѣлъ показать и его умственные успѣхи; а для этого долженъ былъ представить образцы. Онъ перевелъ судебникъ Іоанна III, посланіе и правила митрополита Іоанна II и вопроса кириковы. Три изъ этихъ памятниковъ— юридическіе, къ переводу которыхъ нельзя было приступить иностранцу безъ знакомства съ русскимъ гражданскимъ и церковнымъ правомъ. Но Герберштейнъ преодолѣлъ этотъ трудъ и сдѣлалъ для описанія Россіи все, что отъ него зависѣло.

2. *Добросовѣстность.* Въ предисловіи къ Фердинанду, Герберштейнъ самъ говоритъ о себѣ: «уже съ молодыхъ лѣтъ я любилъ наблюдать обыкновенія иноземцевъ и дома и въ людяхъ; а будучи посломъ, съ тщательнымъ стараніемъ изучалъ характеръ иностранцевъ». Ученость необходима должна сопровождаться любовью къ труду, которымъ занимаемся, иначе не будетъ добросовѣстности. Антоніи Поссевинъ былъ хорошо образованъ, но отъ недостатка добросовѣстнаго изученія иностранныхъ обычаевъ, встрѣчаются у него нелѣпые толки о важнѣйшихъ дѣлахъ. Такъ напр., на стр. 30, 31, онъ разсуждаетъ о

(1) Еще при Іоаннѣ IV въ его судебникѣ началось отмѣненіе поля по нѣкоторымъ родамъ преступленій. См. Судеб. ст. 106. 107 и 114. *Прим. Ред.*

Digitized by Google

мнимомъ правѣ конюшаго—избирать вѣнценосца для Россіи, когда она остается безъ государя.

Сравнивая герберштейново описаніе обряда коронованія съ описаніемъ Флетчера, мы должны удивляться точности перваго. Флетчеръ не такъ вникалъ въ описываемый предметъ: нѣкоторыя молитвы у него соединены вмѣстѣ, другія сокращены, а о поясѣ и великолѣпной мантіи вовсе не упоминается. Герберштейнъ былъ католикъ, и это конечно нисколько не могло ему помѣшать сказать доброе слово о дѣятельности нашихъ миссіонеровъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить его сужденіе о нашихъ миссіонерахъ: «монахи и пустынники обратили въ христіанскую вѣру уже большую часть идолопоклонниковъ, давно и обильно сѣя у нихъ божіе слово. Да и нынѣ отправляются въ различныя страны, лежащія на сѣверѣ и востокѣ, достигая туда съ величайшимъ трудомъ, терпя голодъ и подвергая свою жизнь ежеминутной опасности, при чемъ однако они не ожидаютъ и не требуютъ себѣ никакого вознагражденія, а побуждаются къ этому единственно своимъ усердіемъ и дѣлаютъ это въ угодность Богу, чтобы привести заблудшія души на путь спасенія и посвятить ихъ Христу. Они нерѣдко запечатлѣваютъ свое ученіе смертью».

Флетчеръ, слишкомъ ревностный слуга Елисаветы и слѣдовательно врагъ западной церкви, смотритъ и на уставы нашей церкви съ точки зрѣнія реформатора. Оттого мы встрѣчаемъ у него частые нападки на монастырскіе нравы и пр. Вообще рѣзкость въ выраженіяхъ есть отличительная черта Флетчера.

Добросовѣстность и умѣренность Герберштейна тѣсно связано съ его личнымъ характеромъ, который обнаруживается во всѣхъ его отношеніяхъ къ императору и вообще въ его жизни.

Отличивъ Гербершейна такими чертами, мы должны, хотя кратко, показать причины встрѣчающихся у него невѣрностей.

Въ Россіи XVI вѣка были болѣе другихъ образованы придворные сановники и высшее духовное сословіе. Но какъ тѣ, такъ и другіе съ предубѣжденьемъ смотрѣли на каждаго любознательнаго иностранца и неохотно удовлетворяли его любопытству. Къ этому присоединялось еще то, что, по тогдашнему образу мыслеи, они не смѣли бесѣдовать съ дипломатическимъ лицомъ, безъ особаго дозволенія начальства. Принимая это въ соображеніе, мы вправѣ думать, что Герберштейнъ не всегда могъ почерпать свѣдѣнія отъ знающихъ людей, хотя онъ это и утверждаетъ. Немногіе изъ образованныхъ русскихъ знали иностранные языки, а Герберштнйнъ, хорошо понимая по русски, могъ затрудняться въ живомъ разговорѣ, какъ это обыкновенно

Digitized by Google

бываетъ съ иностранцами. Всѣ эти неудобства, взятыя вмѣстѣ съ кратковременностью его пребыванія въ нашемъ отечествѣ, заставляли его, можетъ быть, выпѣдывать необходимыя свѣдѣнія отъ бывшихъ въ Россіи иностранцевъ, которые, принадлежа большею частію къ классу ремесленниковъ, не могли имѣть вѣрнаго, критическаго взгляда на чуждую для нихъ націю.

Въ его запискахъ мы иногда видимъ что-то похожее на лесть въ отношеніи къ польскому королю и его народу. Герберштейнъ, кажется, соблюдалъ при этомъ выгоды своего государя. Императорскій домъ успѣлъ въ это время породниться съ польскимъ королемъ. Это еще болѣе покажется естественнымъ, если Герберштейнъ дѣйствительно писалъ часть своихъ записокъ въ Польшѣ. Въ его трудѣ видны иногда подтвержденія этого предположенія; напр. Изборскъ названъ Сворцехъ; не есть ли это извращенное польское Скворцехъ, перешедшее и въ кіевскій синопсисъ? Нѣкоторыя мѣста описанія, гдѣ проскваживаетъ какъ-бы недоброжелательность, произошли вслѣдствіе иностраннаго взгляда. Незнакомые обычаи обыкновенно странно поражаютъ насъ, и мы готовы порицать ихъ только потому, что они для насъ новы.

Исторіографъ Карамзинъ, начертавъ 4 главу VII тома своей исторіи почти по однимъ извѣстіямъ Герберштейна, даетъ замѣтить, что многія невѣроятности, находимыя у нашего автора, были разглашаемы самими московскими жителями, и оканчиваетъ VII томъ словами: «вообще герберштейново описаніе Россіи есть важное твореніе для нашей исторіи XVI вѣка, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки».

Трудъ Герберштейна замѣчателенъ и по самой формѣ своей. При такомъ множествѣ самыхъ разнообразныхъ предметовъ, онъ умѣлъ соблюсти въ своемъ описаніи систематическій порядокъ. Языкъ его труденъ для перевода, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличается силой выраженій.

Екатерина Великая, въ лицѣ Россіи, оказала свое высокое уваженіе къ труду Герберштейна, повелѣвъ отпечатать его въ Петербургѣ въ 1795 г., а русская исторія, уже давно присудила ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду своихъ иностранныхъ источниковъ.

Digitized by Google

ТЕОРІЯ НАИБОЛЬШИХЪ И НАИМЕНЬШИХЪ ВЕЛИЧИНЪ ФУНКЦІЙ,

СОЧИНЕНІЕ СТУДЕНТА А. КОРКИНА. (1)

ГЛАВА I.

О НАИБОЛЬШИХЪ И НАИМЕНЬШИХЪ ВЕЛИЧИНАХЪ ЯВНЫХЪ ФУНКЦІЙ ОБЪ ОДНОЙ ПЕРЕМѢННОЙ НЕЗАВИСИМОЙ.

Положимъ, что мы имѣемъ функцію $y=f(x)$ непрерывную между нѣкоторыми предѣлами. При измѣненіи перемѣннаго независимаго количества функція можетъ измѣняться различно. Она можетъ или неопредѣленно возрастать съ увеличеніемъ его и уменьшаться съ его уменьшеніемъ; или же наоборотъ увеличиваться при неопредѣленномъ уменьшеніи перемѣннаго количества, и уменьшаться при увеличеніи его. Первое состояніе функціи называется *возрастающимъ*, а послѣднее *убывающимъ*.

Функція можетъ также одинъ или нѣсколько разъ измѣнять свое состояніе, то есть, переходить изъ возрастающаго состоянія въ убывающее и наоборотъ. При переходѣ изъ возрастающаго состоянія въ убывающее она приметъ величину, которая заканчиваетъ рядъ возрастающихъ ея значеній и начинаетъ рядъ убывающихъ, и которая посему будетъ болѣе всѣхъ смежныхъ ей величинъ функціи. Такая величина функціи называется *наибольшею*. Напротивъ при переходѣ изъ убывающаго состоянія въ возрастающее функція принимаетъ величину меньшую всѣхъ смежныхъ ей значеній функціи, и которая потому называется *наименьшею величиною*.

---

(1) *Отъ редакціи.* Этому сочиненію, писанному по заданной темѣ, Физико-Математическій факультетъ петербургскаго университета присудилъ въ прошломъ $18\frac{56}{57}$ году золотую медаль. Кромѣ того, г. профессоръ В. Я. Буняковскій въ письмѣ своемъ на имя г. профессора-редактора особенно рекомендовалъ эту статью для помѣщенія въ сборникъ. Редакція пріятнымъ долгомъ своимъ считаетъ предложить это изслѣдованіе спеціалистамъ-математикамъ.

Digitized by Google

Розысканіе наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, признаки ихъ существованія, и отличіе однихъ величинъ отъ другихъ составляетъ предметъ одной очень важной и интересной теоріи дифференціальнаго исчисленія, которую мы и постараемся изложить въ настоящемъ разсужденіи.

Изъ опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, сдѣланнаго выше, мы должны заключить, что если мы будемъ измѣнять безконечно мало, но совершенно произвольно перемѣнное количество, то всѣ величины данной функціи, получаемыя при этомъ измѣненіи, будутъ менѣе наибольшей и болѣе наименьшей величины, если только такія величины находятся въ сопредѣльности съ упомянутыми значеніями функціи. Поэтому, если знеченія $x=x_0$ доставляетъ одну изъ этихъ величинъ, и если ε есть какъ угодно малое произвольное количество, то разность $f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)$ должна имѣть отрицательный знакъ въ случаѣ наибольшей, и положительный въ случаѣ наименьшей величины, не смотря на произвольный знакъ и величину, впрочемъ какъ угодно малую, количества ε. Разложивъ упомянутую разность по Тейлоровой теоремѣ ,мы получимъ

$$(1) \qquad f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)=\varepsilon.\ f'(x_0)+\frac{\varepsilon^2}{1.2}f''(x_0+\theta\varepsilon),$$

гдѣ θ есть количество, заключающееся между нулемъ и единицею. Знакъ разности, находящійся въ первой части предъидущаго уравненія долженъ быть, какъ выше было замѣчено, постоянный. Между тѣмъ во второй части онъ зависитъ отъ знака члена $\varepsilon.f'(x_0)$, который, очевидно, можетъ быть сдѣланъ болѣе другаго члена. Такъ какъ количество $f'(x_0)$ есть постоянное, то знакъ члена $\varepsilon.f'(x_0)$ будетъ перемѣняться съ измѣненіемъ знака количества ε; а поэтому и знакъ разности (1) будетъ также измѣняться. Слѣдовательно для того, чтобы этотъ знакъ остался постояннымъ, или, что одно и тоже, чтобы значенію $x=x_0$, соотвѣтствовала наибольшая или наименьшая величина данной функціи, необходимо условіе

$$(2) \qquad f'(x_0)=0,$$

то есть, что значеніе перемѣнной, доставляющее наибольшую, или наименьшую величину функціи, должно непремѣнно быть однимъ изъ корней уравненія $f'(x)=0$. По этому, если упомянутое уравненіе не имѣетъ дѣйствительныхъ и конечныхъ корней, то и данная функція не имѣетъ наибольшихъ и наименьшихъ величинъ. Такъ напримѣръ функція $y=2x^3+3x^2+6x+5$ не имѣетъ ни наибольшей ни наименьшей величины, потому что уравненіе $\frac{dy}{dx}=6(x^2+x+1)=0$, не имѣетъ дѣйствительныхъ корней.

Digitized by Google

Когда выполнено условіе $f'(x_0)=0$, то уравненіе (1) представится въ такомъ видѣ

$$f'(x_0+\varepsilon)-f'(x_0)=\frac{\varepsilon^2}{1.2}f''(x_0+\theta\varepsilon).$$

Теперь знакъ этой разности уже не зависитъ ото знака ε. Онъ постоянный и опредѣляется знакомъ количества $f''(x_0+\theta\varepsilon)$; и такъ какъ величина ε можетъ быть сдѣлана какъ угодно малою, то онъ будетъ зависѣть отъ знака количества $f''(x_0)$.

Слѣдовательно, на основаніи предыдущихъ замѣчаній, мы заключаемъ, что если

$$f'(x_0)<0,$$

то величина $y=f(x_0)$ будетъ наибольшая, а если

$$f''(x_0)>0,$$

то наименьшая.

Положимъ теперь, что $f''(x_0)=0$; тогда мы не будемъ въ состояніи по знаку $f''(x_0)$ заключить, будетъ ли значеніе $y=f(x_0)$ наибольшимъ или наименьшимъ, потому что она обращается въ нуль; поэтому мы должны обратиться къ высшимъ производнымъ. Продолжимъ разложеніе (1) до четвертоіі степени ε; тогда мы получимъ

$$(3)\qquad f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)=\frac{\varepsilon^3}{1.2.3}f'''(x^0)+\frac{\varepsilon^4}{1.2.3.4}f^{IV}(x_0+\theta.\varepsilon).$$

Отсюда мы видимъ, что если количество $f'''(x_0)$ есть величина конечная и не равная нулю, то давъ приращенію ε достаточно малую-величину, для того, чтобы знакъ разложенія (3) зависѣлъ отъ перваго его члена $\frac{\varepsilon^3}{1.2.3.}f'''(x_0)$, мы, очевидно, будемъ въ состояніи измѣнять знакъ разности $f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)$ по произволу, измѣняя знакъ у количества ε. Поэтому тогда не можетъ быть ни наибольшей ни наименьшей величины. Для существованія же такихъ величинъ необходимо должно быть также и

$$(4)\qquad f'''(x_0)=0.$$

Когда и это условіе выполнено, и четвертая производная данной функціи $f^{IV}(x_0)$ имѣетъ величину конечную, то для значенія $x=x_0$, существуетъ наибольшая или наименьшая величина данноіі функціи, потому что въ такомъ случаѣ знакъ разности $f(x_0+\varepsilon)-f(x_0)$ зависитъ единственно отъ знака количества $f^{IV}(x_0)$. Слѣдовательно если имѣемъ

$$f^{IV}(x_0)<0,$$

Digitized by Google

то величина функціи, соотвѣтствующая значенію $x=x_0$ будетъ наибольшая, а если

$$f^{IV}(x_0)>0,$$

то наименьшая.

Совершенно подобнымъ образомъ докажемъ, что если изъ ряда производныхъ

$$f'(x_0), f''(x_0), f'''(x_0)\ldots\ldots f^{(2n+1)}(x_0), f^{(2n+2)}(x_0)\ldots\ldots$$

уничтожаются по порядку $f'(x_0)$, $f''(x_0)$,... и до $f^{(2n)}(x_0)$ включительно, то для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ необходимо, чтобы и количество $f^{(2n+1)}(x_0)$ равнялось нулю, и если это исполнено, то отрицательный знакъ количества $f^{(2n+2)}(x_0)$ опредѣлитъ наибольшую, а положительный наименьшую величину.

Изъ всѣхъ предыдущихъ соображеній мы выводимъ слѣдующее общее правило для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ:

Прежде всего мы находимъ корни уравненія $f'(x)=0$. Между этими корнями должны находиться и тѣ величины x, которыя соотвѣтствуютъ наибольшимъ и наименьшимъ величинамъ данной функціи $y=f(x)$. Потомъ каждый изъ сихъ корней подвергаемъ испытанію. Положимъ, что одинъ изъ нихъ есть $x=x_0$. Если подстановка этой величины въ рядъ производныхъ

$$f'(x), f''(x), f'''(x), f^{IV}(x),\ldots\ldots$$

уничтожитъ нечетное число ихъ или, что одно и тоже, первая изъ неуничтожающихся производныхъ будетъ четнаго порядка, тогда значенію $x=x_0$ будетъ непремѣнно соотвѣтствовать наибольшая или наименьшая величина данной функціи; въ противномъ же случаѣ не будетъ соотвѣтствовать ни той ни другой. Потомъ смотримъ на знакъ первой неуничтожившейся производной, которую предполагаемъ четнаго порядка; если этотъ знакъ положительный, то величина $y=f(x_0)$ будетъ наименьшею; въ противномъ случаѣ она будетъ наибольшею.

Поясним предъидущую теорію примѣрами.

1) *Найти наименьшую величину функціи* $y=ax^2+2bx+c$.

Уравненіе $f'(x)=0$, въ этомъ случаѣ обращается въ слѣдующее $\frac{dy}{dx}=2(ax+b)=0$.

Digitized by Google

откуда получаемъ

$$x = -\frac{b}{a}.$$

Такъ какъ кромѣ того мы имѣемъ: $\frac{d^2y}{dx^2} = 2a$, то въ случаѣ a положительнаго, величина $y = c - \frac{b^2}{a}$, соотвѣтствующая значенію $x = -\frac{b}{a}$ будетъ наименьшею, ибо тогда $\frac{d^2y}{dx^2} > 0$. Въ противномъ случаѣ упомянутая величина будетъ наибольшею.

2) *Найти наименьшую величину функціи* $y = \frac{A^x}{x}$, гдѣ величина A есть положительная.

Дифференцируя данную функцію мы имѣемъ

$$\frac{dy}{dx} = \frac{A^x}{x}\left(\frac{1}{\text{Loge}} - \frac{1}{x}\right)$$

$$\frac{d^2y}{dx^2} = \frac{A^x}{x}\left[\left(\frac{1}{\text{Loge}} - \frac{1}{x}\right)^2 + \frac{1}{x^2}\right].$$

Рѣшая уравненіе $\frac{dy}{dx} = 0$, мы получаемъ $x = \text{Loge}$, гдѣ Loge есть логарифмъ Непера основанія, въ системѣ логарифмовъ, основаніе которой есть число A. Такъ какъ величина $x = \text{Loge}$ обращаетъ количество $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ положительное, то значеніе $y = \frac{e}{\text{Loge}}$ будетъ наименьшее.

Точно также найдемъ, что функціи $y = x^{a-x}$ и $y = \frac{\text{Log}x}{x}$, коихъ соотвѣтствующія производныя суть $e^{a-x}\left(\frac{a-x}{x}\right)$ и $\frac{1}{x^2}(\text{Loge} - \text{Log}x)$, получаютъ наибольшія величины a^{a-a} и $\frac{\text{Loge}}{e}$; первая для $x = a$, а вторая для $x = e$.

3) *Раздѣлить дугу* θ *на двѣ такіе, чтобы произведеніе синусовъ этихъ дугъ были наибольшее.*

Означивъ одну изъ искомыхъ дугъ черезъ x, и слѣдовательно другую черезъ $\theta - x$, мы получимъ функцію $y = \text{Sin}\,x \cdot \text{Sin}\,(\theta - x)$, наибольшую величину которой требуется опредѣлить. Поступая сообразно съ вышеизложенными правилами, мы получимъ

$$\frac{dy}{dx} = \text{Cos}\,x \cdot \text{Sin}\,(\theta - x) - \text{Sin}\,x\,\text{Cos}\,(\theta - x) = \text{Sin}\,(\theta - 2x),$$

$$\frac{d^2y}{dx^2} = -2\,\text{Cos}\,(\theta - 2x).$$

Изъ уравненія $\frac{dy}{dx} = 0$, мы получимъ $x = \frac{\theta}{2}$. Эта величина обра-

Digitized by Google

щаетъ функцію $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ отрицательную, по этому значенію $y=\text{Sin}^2\frac{1}{2}\theta$, соотвѣтствующее величинѣ $x=\frac{1}{2}\theta$ будетъ наибольшее.

4) *Вписать въ прямомъ конусъ цилиндръ наибольшаго объема.* Означивъ черезъ r радіусъ основанія и черезъ h высоту конуса, черезъ x радіусъ основанія и черезъ z высоту искомаго цилиндра, мы, очевидно, получимъ $z=\frac{h}{r}(r-x)$; а потому искомый объемъ, который мы означимъ черезъ V, будетъ

$$V=\frac{\pi.h}{r}x^2(r-x)$$

Но эту функцію можно упростить, отбросивъ постоянный положительный множитель $\frac{\pi.h}{r}$, который войдетъ множителемъ и во всѣ производныя функціи. Такимъ образомъ, если $y=V\frac{r}{\pi.h}$, то функція y будетъ въ одно время возрастать съ функціею V и въ одно время убывать съ нею, а потому, если, для какого либо значенія x, V получитъ величину наибольшую, то для того же значенія сдѣлается наибольшею и функція y. Такимъ образомъ достаточно разыскать наибольшую величину этой послѣдней.

Дифференцируя функцію y мы имѣемъ

$$\frac{dy}{dx}=2rx-3x^2=0, \text{ откуда } x=\frac{2}{3}r, \text{ и } x=0$$

$$\frac{d^2y}{dx^2}=2r-6x.$$

Такъ какъ рѣшеніе $x=0$, соотвѣтствуетъ прямой линіи, то мы его отбросимъ. Другое рѣшеніе $x=\frac{2r}{3}$ обращаетъ $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ количество отрицательное—2r, посему искомый наибольшій объемъ будетъ $V=\frac{4}{27}\pi\ hr^2$.

5) *Если свѣтящаяся точка A можетъ двигаться по перпендикуляру AB къ плоскости BC, то на какой высотѣ надъ плоскостію BC должна она быть, чтобы наивыгоднѣйшимъ образомъ освѣтить безконечно—малую площадку $\alpha\alpha'\beta$, которая находится отъ основанія перпендикуляра $AB=X$, на разстояніи $B\alpha=a$* (См. Фигуру 1-ю) (1).

Предполагаются извѣстными законы свѣта, по которымъ освѣщеніе прямо пропорціонально синусамъ угловъ паденія, и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній свѣтящейся точки отъ точки освѣщаемой.

(1) Чертежи см. въ концѣ статьи.

Digitized by Google

Означимъ уголъ AaB черезъ θ, высоту AB черезъ x, искомое освѣщеніе черезъ y; тогда мы получимъ $y=\frac{\sin\theta}{x^2+a^2}$, если предположимъ, что освѣщеніе на разстояніи единицы есть единица. Но мы имѣемъ кромѣ того

$$\sin\theta=\frac{x}{\sqrt{a^2+x^2}},$$

слѣдовательно $$y=\frac{x}{[x^2+a^2]^{3/2}}.$$

Отсюда получимъ $$\frac{dy}{dx}=\frac{a^2-2x^2}{[x^2+a^2]^{5/2}}$$

$$\frac{d^2y}{dx^2}=-\frac{4x}{[x^2+a^2]^{5/2}}-\frac{5x\ (a^2-2x^2)}{[x^2+a^2]^{7/2}}$$

Величина $x=\frac{a}{\sqrt{2}}$ обращаетъ функцію $\frac{dy}{dx}$ въ нуль, а $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ количество отрицательное, по этому величина освѣщенія есть наибольшая, $y=\frac{2}{3\sqrt{3}.\ a^2}$

6) Найти изъ всѣхъ равнобедренныхъ треугольниковъ, имѣющихъ одинаковый периметръ 2 p, треугольникъ съ наибольшею площадью.

Означивъ одну изъ двухъ равныхъ сторонъ черезъ x, искомую площадь черезъ y, мы будемъ имѣть

$$y=\sqrt{p\,(p-x)^2\,(2x-p)}.$$

Отбросивъ постоянный множитель $\sqrt{p}$, и означивъ черезъ z функцію $\frac{y}{\sqrt{p}}$, мы получимъ

$$z=(p-x)\sqrt{2x-p}$$

$$\frac{dz}{dx}=\frac{2p-3x}{\sqrt{2x-p}}$$

$$\frac{d^2z}{dx^2}=\frac{p-3x}{(2x-p)^{3/2}}.$$

Величина $x=\frac{2p}{3}$ обращаетъ $\frac{dz}{dx}$ въ нуль, а $\frac{d^2z}{dx^2}$ въ количество отрицательное. По этому искомая наибольшая площадь будетъ

$$y=\frac{p^2}{3\sqrt{3}},$$

и равносторонній треугольникъ удовлетворитъ вопросу.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой.

Когда функція не дана непосредственно, но дано только уравненіе, связывающее эту функцію съ перемѣнною независимою величиною, въ такомъ случаѣ упомянутая функція называется *нелвною*. Для разысканія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ ея, можно было бы вывести ея величину изъ даннаго уравненія, т. е. обратить ее въ явную, и тогда поступать по вышеизложеннымъ правиламъ. Но рѣшеніе уравненія въ буквахъ почти всегда затруднительно, и даже въ большей части случаевъ невозможно, слѣдовательно, для нахожденія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ неявной функціи нужно употребить другой пріемъ.

Положимъ, что данное уравненіе, связывающее функцію y съ перемѣнною независимою величиною x есть

$$F(x, y) = 0. \tag{1}$$

Для упомянутой цѣли нужно найти послѣдовательныя производныя $\frac{dy}{dx}$, $\frac{d^2y}{dx^2}$, . . . Чтобы этого достигнуть мы поступаемъ слѣдующимъ образомъ:

Дифференцируемъ уравненіе (1), изъ котораго получаемъ

$$\frac{dF}{dx} + \frac{dF}{dy} \cdot \frac{dy}{dx} = 0. \tag{2}$$

Откуда имѣемъ $\frac{dy}{dx} = \frac{-\left(\frac{dF}{dx}\right)}{\left(\frac{dF}{dy}\right)}$.

Если функція $\frac{dF}{dy}$ не обращается ни въ нуль, ни въ безконечность, то $\frac{dy}{dx}$ будетъ равно нулю, если

$$\frac{dF}{dy} = 0.$$

Это уравненіе въ соединеніи съ даннымъ $F(x, y) = 0$, доставитъ систему величинъ $x = x_0$, $y = y_0$.

Теперь по предыдущимъ правиламъ нужно подвергнуть эти величины испытанію, т. е. посмотрѣть обращаютъ ли они величину $\frac{d^2y}{dx^2}$ въ количество конечное и неравное нулю; если же они уничтожаютъ функцію $\frac{d^2y}{dx^2}$, то нужно узнать какого по-

Digitized by Google

рядка будетъ первая изъ неуничтожившихся производныхъ. Чтобы найти количество $\frac{d^2y}{dx^2}$, дифференцируемъ уравненіе (2) и получаемъ

$$(3) \qquad \frac{d^2F}{dx^2}+\left(2\frac{d^2F}{dxdy}+\frac{d^2F}{dy^2}\cdot\frac{dy}{dx}\right)\frac{dy}{dx}+\frac{dF}{dy}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}=0.$$

Замѣчая, что $\frac{dy}{dx}=0$, и предполагая производныя $\frac{d^2F}{dxdy}$, $\frac{d^2F}{dy^2}$ величинами конечными, мы вмѣсто уравненія (3) получимъ слѣдующее

$$(4) \qquad \frac{d^2F}{dx^2}+\frac{dF}{dy}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}=0$$

Откуда получаемъ

$$\frac{d^2y}{dx^2}=-\frac{\left(\frac{d^2F}{dx^2}\right)}{\left(\frac{dF}{dy}\right)}.$$

Подставляя сюда величины $x=x_0$, $y=y_0$, мы по знаку производной $\frac{d^2y}{dx^2}$ тотчасъ узнаемъ, будетъ ли значеніе $y=y_0$, соотвѣтствующее величинѣ $x=x_0$, наибольшимъ или наименьшимъ, или же ни тѣмъ ни другимъ.

Если функція $\frac{d^2F}{dx^2}$ обращается въ нуль при $x=x_0$, $y=y_0$, то и производная $\frac{d^2y}{dx^2}$ также уничтожится, а потому слѣдуетъ обратиться къ производнымъ высшихъ порядковъ. Чтобы получить ихъ, составляемъ послѣдовательныя дифференціальныя уравненія, дифференцируя уравненіе (1) нѣсколько разъ сряду; тогда мы получимъ величины послѣдовательныхъ производныхъ функціи y по x. По правиламъ изъясненнымъ въ главѣ 1, мы легко докажемъ присутствіе или отсутствіе наибольшихъ и наименьшихъ величинъ въ функціи y, и отличимъ одни изъ нихъ отъ другихъ.

Объяснимъ эту теорію нѣкоторыми примѣрами.

1) *Найти наибольшую величину ординаты кривой линіи, отнесенной къ прямоугольнымъ координатамъ, и опредѣляемой уравненіемъ.*

$$x^2+\log(y)=0.$$

Дифференцируя два раза это уравненіе мы имѣемъ

$$2x+\frac{1}{y}\cdot\frac{dy}{dx}=0$$

$$\frac{1}{y}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}-\left(\frac{1}{y}\cdot\frac{dy}{dx}\right)^2=\frac{1}{y}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}-\frac{1}{y^2}\cdot\frac{dy^2}{dx^2}=-2.$$

Digitized by Google

Изъ перваго уравненія получаемъ $\frac{dy}{dx} = -2xy$. Уравнявъ функцію $\frac{dy}{dx}$ нулю, имѣемъ $x=0$, $y=1$. Изъ втораго уравненія имѣемъ $\frac{d^2y}{dx^2} = -2 < 0$; посему величина $y = 1$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наибольшая.

Мы достигли бы точно тѣхъ же результатовъ, если бы рѣшили данное уравненіе относительно y. Мы получили бы $y=e^{-x^2}$ и поступали бы по правиламъ, изложеннымъ въ главѣ 1.

2) *Два тѣла движутся по линіямъ AC и BD, пересѣкающимся между собою въ точкѣ O, и составляющимъ уголъ θ, одно со скоростію* m, *а другое со скоростію* n *въ единицу времени. Первое начинаетъ двигаться изъ точки A, а второе изъ точки B. Разстояніе $A0=a$ и $B0=b$. Оба тѣла выходятъ въ одно и то же время, первое изъ A, а второе изъ B. Спрашивается, когда разстояніе между тѣлами будетъ наименьшее?* (См. фигуру 2-ю)

Означимъ искомое разстояніе *DC* черезъ x, время которое протекаетъ отъ момента выхожденія точекъ, перваго изъ точки A, а втораго изъ точки B, до того момента, когда первое будетъ въ точкѣ C, а второе въ точкѣ D, черезъ t, мы, очевидно, получимъ $AC=mt$, $BD=nt$, $OC=mt-a$, $OD=nt-b$, и такъ какъ уголъ $DOC=\theta$, то

$$x^2=(nt-b)^2+(mt-a)^2-2(nt-b)(mt-a)\cos\theta.$$

Отсюда

$$x\frac{d^2x}{dt}=(m^2-2mn\cos\theta+n^2)t+n(a\cos\theta-b)+m(b\cos\theta-a)$$

По предыдущимъ правиламъ нужно положить $\frac{dx}{dt}=0$, откуда выводимъ

$$(\alpha) \qquad t=\frac{n(b-a\cos\theta)+m(a-b\cos\theta)}{m^2-2mn\cos\theta+n^2}$$

Такъ какъ x для этой величины t не обращается ни въ нуль, ни въ безконечность, то предположивъ $x\frac{dx}{dt}=0$, вмѣсто $\frac{dx}{dt}=0$, мы не сдѣлали ошибки. Поступая далѣе по предыдущимъ правиламъ находимъ

$$\frac{d^2x}{dt^2}=m^2+n^2-2mn\cos\theta.$$

Такъ какъ величина $\frac{d^2x}{dt^2}$ постоянно положительная, потому что $\cos\theta$ всегда менѣе единицы или только равенъ ей, то зак-

Digitized by Google

лючаемъ, что величина x, соотвѣтствующая значенію t выраженному формулою (α), есть наименьшая.

Можетъ также случиться, что функція, наибольшія и наименьшія величины которой слѣдуетъ разыскать, заключаетъ нѣсколько перемѣнныхъ, изъ которыхъ всѣ кромѣ одной суть зависимыя, и эта зависимость опредѣляется нѣкоторыми уравненіями. Такъ какъ этотъ случай будетъ разобранъ въ общемъ видѣ, при изложеніи способовъ опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ неявныхъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ, то мы до времени его оставимъ.

ГЛАВА III.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, представляющихъ особенныя или какія либо прерывныя величины функцій одной перемѣнной независимой.

Въ предыдущихъ главахъ мы вывели правила для распознаванія и опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ въ томъ предположеніи, что какъ сама данная функція, такъ и послѣдовательныя ея производныя, входящія въ вычисленіе, непрерывны въ сопредѣльности съ частнымъ значеніемъ перемѣнной, соотвѣтствующимъ величинамъ данной функціи, о коихъ идетъ рѣчь.

Если же сама функція, или ея производныя будутъ прерывны, то мы по вышеизложеннымъ правиламъ не можемъ знать, будетъ ли прерывная величина самой функціи или значеніе ея, соотвѣтствующею, разрыву непрерывности ея производныхъ наибольшимъ или наименьшимъ. Слѣдовательно нужно вывести правила для распознаванія подобныхъ значеній между особенными величинами функцій.

Положимъ, что мы имѣемъ функцію $y=f(x)$, имѣющую особенную величину для значенія $x=x_0$. Тогда всѣ случаи такихъ величинъ относительно наибольшихъ и наименьшихъ можно подвести подъ два слѣдующіе отдѣла.

1) Къ первому мы отнесемъ такую величину $y=f(x_0)$, для которой значенія $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ суть величины дѣйствительныя и безконечно мало другъ отъ друга разнящіяся, но функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ есть прерывная, имѣющая для $x=x_0$ два значенія, тогда какъ для прочихъ значеній x, сопредѣльныхъ съ x_0, она имѣетъ по одному значенію. Такая функція будетъ напримѣръ

Digitized by Google

$y=x \arctang\left(\frac{1}{x}\right)$, имѣющая особенную величину перваго отдѣла для $x=0$.

2) Ко второму отдѣлу мы отнесемъ такое значеніе $f(x_0)$, для котораго одна изъ величинъ $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ есть дѣйствительная, а другая мнимая, или же обѣ суть дѣйствительныя, и значенія первой производной, имъ соотвѣтствующія, суть дѣйствительныя, но $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ разнятся другъ отъ друга не безконечно мало. Такія величины будутъ имѣть напримѣръ функцію $\log x$, x^x для $x=0$; также функція $\arctang\left(\frac{1}{x}\right)$ для $x_0=0$ имѣетъ величину принадлежащую ко второму отдѣлу, потому что $f(-\varepsilon)=-\frac{\pi}{2}+\alpha$ и $f(+\varepsilon)=+\frac{\pi}{2}+\beta$ разнятся не безконечно мало и обѣ суть величины дѣйствительныя, если α и β суть какъ и ε безконечно малыя величины. Значенія производной $\frac{dy}{dx}$ соотвѣтствующія величинамъ пр. $[f(-\varepsilon)]$ и пр. $[f(+\varepsilon)]$ суть величины дѣйствительныя и равны отрицательной единицѣ.

Первый отдѣлъ особенныхъ величинъ.

Такимъ образомъ къ первому отдѣлу относятся такія величины функціи, которыя сами принадлежатъ къ непрерывнымъ ихъ значеніямъ, но соотвѣтствующія имъ величины производныхъ суть величины прерывныя. Чтобы отличить наибольшія и наименьшія величины функцій между особенными величинами такого рода, мы разсмотримъ предметъ этотъ съ нѣсколько иной точки зрѣнія, нежели разсматривали его до сихъ поръ, потому что разложеніе въ рядъ по Тейлоровой теоремѣ въ этомъ случаѣ невозможно, по причинѣ прерывности данной функціи или ея производныхъ.

Мы уже замѣтили выше, что наибольшія и наименьшія величины функціи соотвѣтствуютъ переходу ихъ изъ возрастающаго состоянія въ убывающее и наоборотъ. Изъ правилъ дифференціальнаго исчисленія извѣстно, что, при возрастающемъ состояніи функціи, ея первая производная всегда имѣетъ знакъ положительный, а при убывающемъ отрицательный. Если бы эта производная была непрерывна въ сопредѣльности съ частнымъ значеніемъ перемѣнной, соотвѣтствующимъ наибольшей или наименьшей величинѣ данной функціи, то она перешла бы черезъ нуль изъ положительнаго состоянія въ отрицательное въ то же самое время, когда данная функція перейдетъ изъ возрастающаго состоянія въ убывающее. Такимъ образомъ наи-

Digitized by Google

большія и наименьшія величины данной функціи соотвѣтствуютъ значенію первой ея производной, равному нулю.

Этотъ же результатъ мы вывели и прежде, на основаніи разложенія данной функціи по Тейлоровой теоремѣ. Но если первая производная функція имѣетъ величину прерывную, тогда она можетъ и не пройдя черезъ нуль перемѣнить знакъ. Въ такомъ случаѣ она переходитъ отъ одной конечной или безконечно большой величины къ другой, вовсе не проходя черезъ среднія величины. Первое условіе существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ будетъ поэтому то, по которому упомянутыя двѣ величины должны быть различнаго знака. Если же онѣ сохраняютъ одинаковый знакъ, то данная функція оставаясь постоянно возрастающею или убывающею, никакъ не приметъ наибольшей или наименьшей величины, соотвѣтствующей разрыву непрерывности ея производной, но такая величина ея будетъ простою особенною величиною, относящеюся къ первому отдѣлу.

Такимъ образомъ мы заключаемъ, что если $x=x_0$ есть значеніе перемѣнной, соотвѣтствующее подобной величинѣ данной функціи $y=f(x)$, то особенныя величины перваго отдѣла характеризуются тѣмъ, что для нихъ количества $f'(x_0-\varepsilon)$ и $f'(x_0+\varepsilon)$ разнятся на величину конечную или безконечно большую. Здѣсь количество ε предполагается безконечно малымъ.

Такъ какъ переходъ функціи $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ изъ положительнаго состоянія въ отрицательное соотвѣтствуетъ переходу данной функціи $y=f(x)$ изъ возрастающаго состоянія въ убывающее, то условіе наибольшей величины будетъ

(1) $$f'(x_0-\varepsilon)>0,\ f'(x_0+\varepsilon)<0.$$

Когда же первая производная проходитъ изъ отрицательнаго состоянія въ положительное, тогда функція $y=f(x)$ принимаетъ наименьшую величину. По этому условіе послѣдней величины будетъ

(2) $$f'(x_0-\varepsilon)<0,\ f'(x_0+\varepsilon)>0.$$

Чтобы лучше объяснить себѣ предыдущія правила, разсмотримъ этотъ предметъ въ геометрическомъ смыслѣ.

Положимъ, что мы имѣемъ кривую линію AMM'B, отнесенную къ прямоугольнымъ координатамъ, и опредѣляемую уравненіемъ $y=f(x)$ (см. фигуры 3, 4 и 5).

Въ такомъ случаѣ первая производная функція $y=f(x)$ есть тангенсъ угла, составляемаго касательною къ кривой съ осью x—овъ. Когда этотъ тангенсъ положительный, то есть когда

Digitized by Google

упомянутый уголъ менѣе прямаго, или болѣе двухъ прямыхъ и менѣе трехъ, очевидно, кривая линія опредѣляемая уравненіемъ $y=f(x)$ будетъ восходить, и ордината ея y увеличиваться съ увеличеніемъ x. Если же этотъ уголъ болѣе прямаго, тогда тангенсъ его будетъ отрицательный, кривая будетъ нисходить, и слѣдовательно ордината y будетъ уменьшаться при увеличеніи абсциссы x. Такимъ образомъ наибольшая или наименьшая величина ординаты будетъ соотвѣтствовать переходу кривой изъ восходящаго состоянія въ нисходящее, или наоборотъ, или же переходу тангенса угла, составляемаго касательною къ кривой съ осью x—овъ, изъ положительнаго состоянія въ отрицательное и наоборотъ. Если этотъ тангенсъ есть непрерывная функція координатъ, то упомянутый переходъ онъ можетъ совершить только пройдя черезъ нуль, и слѣдовательно тогда касательная къ кривой будетъ параллельна съ осью x—овъ. Если же функція координатъ, опредѣляющая этотъ тангенсъ для каждой точки, лежащей на данной кривой линіи, становится для нѣкотораго значенія $x=x_0=0_P$ (фиг. 1 и 2) прерывною, то тангенсъ можетъ перемѣнить знакъ и не пройдя черезъ нуль. Въ такомъ случаѣ онъ для одного значенія $x=x_0$ будетъ имѣть двѣ величины, а слѣдовательно и $\operatorname{arctang}\frac{dy}{dx}$, также будетъ имѣть двѣ величины, разнящіяся между собою не безконечно мало. Одна изъ этихъ величинъ будетъ уголъ MTx, а другая $MT'x$. Тангенсы этихъ угловъ соотвѣтственно выразятъ количества, которыя мы обозначали черезъ $f'(x_0-\varepsilon)$ и $f'(x_0+\varepsilon)$. Если эти тангенсы имѣютъ различные знаки, то ордината $y=f(x_0)$ будетъ наибольшею, когда $\operatorname{tang} MTx>0$, а $\operatorname{tang} MT'x<0$ (фиг. 1), напротивъ она будетъ наименьшею, если $\operatorname{tang} MTx<0$, а $\operatorname{tang} MT'x>0$, (фиг. 4).

Когда оба тангенса имѣютъ знаки одинаковые, то небудетъ ни наибольшей ни наименьшей величины (фиг. 5).

Заключенія наши будутъ справедливы независимо отъ знака y, т. е. будетъ ли кривая надъ осью x—овъ или подъ осью x—овъ, предыдущія правила предлагаются безъ исключенія.

Когда обѣ величины $f'(x_0-\varepsilon)$ $f'(x_0+\varepsilon)$ сдѣлаются безконечными, тогда обѣ касательныя сольются въ одну, которая будетъ перпендикулярна къ оси x—овъ. Здѣсь также выведенныя нами заключенія прилагаются вполнѣ, но существуетъ также и особенный признакъ, отличающій такія величины отъ другихъ величинъ перваго отдѣла. Если будемъ разсматривать эти особенныя величины въ геометрическомъ смыслѣ, то, очевидно, что если ордината будетъ наибольшею, то кривая будетъ выпукла къ низу, и слѣдовательно будетъ тогда

$$f''(x_0)>0;$$

Digitized by Google

если же ордината будетъ наименьшею, то вогнутость кривой будетъ обращена къ низу; а потому будетъ

$$f''(x_0) < 0.$$

Это же можно доказать и помощію слѣдующаго разсужденія: Будемъ увеличивать непрерывно x, начиная отъ значенія меньшаго количества x_0. Тогда, если $y=f(x_0)$ есть наибольшая величина функціи $y=f(x)$, то функція $f'(x)$ будетъ неопредѣленно возрастать съ приближеніемъ x къ x_0, до тѣхъ поръ, пока при $x=x_0$ не обратится въ положительную безконечность. Для $x=x_0+\varepsilon$, гдѣ ε есть безконечно малая положительная величина, значеніе $y'=\frac{dy}{dx}$ будетъ менѣе всякой данной величины, потому что это значеніе будетъ отрицательная безконечность. При дальнѣйшемъ увеличеніи x, числовая величина значеній функціи $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ будетъ уменьшаться, и слѣдовательно, такъ какъ значенія эти отрицательныя, они сами будутъ увеличиваться. По этому функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ показываетъ вездѣ возрастающее состояніе, и слѣдовательно должно быть

$$f'(x_0) > 0.$$

Точно также докажемъ, что для наименьшей величины будетъ

$$f'(x_0) < 0.$$

Такъ какъ оба значенія фукціи $f'(x)$ для $x=x_0$ суть безконечныя, то и значеніе $f''(x_0)$ будетъ также безконечное; а потому функція $f'(x)$ обращается въ отрицательную безконечность, если значенію $x=x_0$ соотвѣтствуетъ наименьшая величина, и въ положительную безконечность, если эта величина есть наибольшая.

Точно также можно доказать и геометрически, что въ этомъ случаѣ величина $f''(x_0)$ будетъ безконечная. Дѣйствительно радіусъ кривизны, соотвѣтствующій особенной точкѣ, которую мы разсматриваемъ, долженъ имѣть конечную величину. Общее выраженіе радіуса кривизны есть

$$\rho = \pm \frac{\left[1+\frac{dy^2}{dx^2}\right]^{\frac{3}{2}}}{\left(\frac{d^2y}{dx^2}\right)}.$$

Въ настоящемъ случаѣ числитель этого выраженія есть величина безконечная; такъ какъ ρ должно имѣть конечное значеніе, то знаменатель $\frac{d^2y}{dx^2}$ долженъ быть безконечнымъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ къ первому отдѣлу особенныхъ величинъ принадлежатъ случаи выходящихъ точекъ (points saillants) и точекъ возврата перваго рода, въ томъ случаѣ, когда касательная перпендикулярна къ оси x—овъ, если разсматривать предметъ съ геометрической точки зрѣнія.

Нужно замѣтить, что случаи выходящихъ точекъ очень похожи на случаи точекъ кратныхъ (points multiples), гдѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть наибольшей или наименьшей величины. Для точки кратной также функція $f'(x)$ можетъ имѣть двѣ различныя величины, если разсматриваемая точка есть двойная; и эти величины могутъ имѣть различный знакъ. Но легко отличить выходящую точку отъ кратной, руководствуясь слѣдующимъ замѣчаніемъ:

Положимъ, что кривая (см. фиг. 6 и 7) $AMM\,B$ изображаетъ графически данную функцію $y=f(x)$, и что она отнесена къ прямоугольнымъ координатамъ XOY. Легко видѣть, что если возмемъ значенія $f'(x)$ въ сопредѣльности съ значеніями ея, соотвѣтствующими кратной точкѣ M, которая опредѣляется координатами $x=x_0=OP$ и $y=f(x_0)=MP$, то число величинъ ея, соотвѣтствующихъ кратной точкѣ не будетъ болѣе, чѣмъ число величинъ соотвѣтствующихъ какому либо другому сопредѣльному значенію x. Напримѣръ (на фигурѣ 6) какъ значенію $x=OP$ соотвѣтствуютъ двѣ величины функціи $f'(x)$, такъ и значеніемъ $x=OP'$ и $x=OP''$, близкимъ къ $x=OP$. Точно также (на фигурѣ 5) функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ имѣетъ три величины какъ для $x=OP$, такъ и для $x=OP'$ и $x=OP''$.

Между тѣмъ въ случаѣ выходящихъ точекъ для самой такой точки, количество $f'(x)$ имѣетъ большее число значеній, нежели для какой либо сопредѣльной точки (фиг. 3 и 4).

Поясним предыдущую теорію примѣрами.

1) Найти наименьшую величину функціи

$$y=x\,\mathrm{arctg}\left(\tfrac{1}{x}\right)+\tfrac{1}{2}\log(1+x^2)+1.$$

Дифференцируя мы имѣемъ

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=\mathrm{arctang}\left(\tfrac{1}{x}\right).$$

Здѣсь функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ принимаетъ два значенія для $x=0$

$$\text{пр. } f'(-\varepsilon)=-\frac{\pi}{2} \text{ и пр. } f'(+\varepsilon)=\frac{\pi}{2},$$

гдѣ ε есть безконечно малая положительная величина. Такъ какъ $f'(-\varepsilon)$ и $f'(+\varepsilon)$ имѣютъ различные знаки, и притомъ

$$f'(-)=-\frac{\pi}{2}<0 \text{ и } f'(+\varepsilon)=+\frac{\pi}{2}>0,$$

Digitized by Google

то по предъидущимъ признакамъ величина $y=1$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наименьшая.

2) *Найти наименьшую величину функціи.*

$$y=\frac{1}{x}\left[1+2\sqrt{x^2+x^2}\right]$$

Здѣсь у количества $\sqrt{x^2}$ принимается одинъ положительный знакъ. Дифференцируя мы получаемъ

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=x+\frac{x}{\sqrt{x^2}}.$$

При $x=0$ функція $f'(x)$ имѣетъ двѣ величины,

$$\text{пр. } f'(-\varepsilon)=-1 \quad \text{пр. } f'(+\varepsilon)=+1.$$

Такъ какъ эти двѣ величины имѣютъ различные знаки, и притомъ пр. $f'(-\varepsilon)=-1<0$, а пр. $f'(+\varepsilon)=+1>0$, то величина $y=\frac{1}{x}$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наименьшая.

Если данное уравненіе принять за уравненіе кривой линіи, отнесенной къ прямоугольнымъ координатамъ, то оно представитъ двѣ вѣтви параболы, пересѣкающіяся подъ угломъ 90° на оси y-овъ.

Еслибы одно изъ значеній функціи $y'=\frac{dy}{dx}=f'(x)$ обратилось въ нуль, то слѣдовало бы также найти: положительнымъ или отрицательнымъ величинамъ служитъ онъ предѣломъ, и соотвѣтственно этому приписать ему знакъ. Напримѣръ разберемъ функціи $y=\frac{x}{1+e^{\frac{1}{x}}}$ 1-ая производная которой есть

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=\frac{1}{1+e^{\frac{1}{x}}}+\frac{e^{\frac{1}{x}}}{x\left(1+e^{\frac{1}{x}}\right)^2}.$$

Величинѣ $x=0$, соотвѣтствуютъ два значенія функціи y одно пр. $f'(-\varepsilon)=+1$, и пр. $f'(+\varepsilon)=0$. Но послѣднее значеніе есть предѣлъ положительныхъ значеній данной функціи, по этому приписавъ величинѣ пр. $f'(+\varepsilon)=0$ положительный знакъ, мы по предыдущему тотчасъ увидимъ, что для $x=0$ данная функція не имѣетъ ни наибольшихъ ни наименьшихъ величинъ, потому что знаки количествъ $f'(-\varepsilon)$ и $f'(+\varepsilon)$ одинакіе.

3) *Найти наименьшую величину функціи* $y=\sqrt[5]{x^4}$.

Дифференцируя мы имѣемъ $\frac{dy}{dx}=f'(x)=\frac{4}{5}\cdot\frac{1}{\sqrt[5]{x}}$ и

$$\frac{d^2y}{dx^2}=f''(x)=-\frac{4}{10}\cdot\frac{1}{x\sqrt[5]{x}}$$

Digitized by Google

Здѣсь при $x=0$, $f'(x)$ имѣетъ два значенія $f'(-\varepsilon)=-\infty$ и пр. $f'(+\varepsilon)=+\infty$.

Точно также какъ и прежде заключаемъ, что величина $y=0$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наименьшая, что еще подтверждается знакомъ второй производной, ибо мы имѣемъ $\frac{d^2y}{dx^2}=f''(0)=-\infty<$.

4) *Опредѣлить наибольшую величину функціи* $y=\frac{1}{\log(x^2)}$.

Дифференцируя два раза мы получаемъ

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=\frac{-2}{x[\log(x^2)]^2} \text{ и } \frac{d^2y}{dx^2}=f''(x)=\frac{2[1+\log(x^2)]}{x^2[\log(x^2)]^3}.$$

Здѣсь значенію $x=0$ соотвѣтствуютъ двѣ величины функціи $f'(x)$: одна пр. $f'(-\varepsilon)=+\infty$, и другая пр. $f'(+\varepsilon)=-\infty$. По этому величина $y=0$, которую принимаетъ данная функція при $x=0$, есть наибольшая, что еще видно изъ знака количества $f''(0)=+\infty$.

5) *Опредѣлить наибольшую величину функціи.*

$$y=\frac{x}{1-e^{\frac{1}{x}}}$$

производная которой есть $\frac{dy}{dx}=f'(x)=\frac{1}{1-e^{\frac{1}{x}}}-\frac{e^{\frac{1}{x}}}{x\left(1-e^{\frac{1}{x}}\right)^2}$.

Въ этомъ случаѣ при $x=0$ два значенія функціи $f'(x)$ суть.

$$\text{пр. } f'(-\varepsilon)=+1 \text{ и пр. } f'(+\varepsilon)=0.$$

Послѣднее значеніе функціи $f'(x)$ есть предѣлъ отрицательныхъ значеній ея. Посему приписавъ ему знакъ отрицательный, мы заключимъ, что данная функція принимаетъ для $x=0$ наибольшую величину $y=0$.

Второй отдѣлъ особенныхъ величинъ.

Ко второму отдѣлу особенныхъ величинъ мы отнесли такія величины функцій, въ сопредѣльности съ которыми находятся мнимыя значенія этихъ функцій, или же сопредѣльныя значенія съ особенною величиною разнятся отъ нея на нѣкоторую конечную или безконечно большую величину.

Положимъ, что функція $y=f(x)$ имѣетъ, для значенія $x=x_0$, особенную величину, относящуюся ко второму отдѣлу. Тогда которая либо изъ функцій $f(x_0+\varepsilon)$ или $f(x_0-\varepsilon)$ будетъ мнимая, или же обѣ эти величины будутъ разниться другъ отъ друга на величину конечную или безконечно большую.

Digitized by Google

Разсмотримъ сначала первый случай, который мы раздѣлимъ на два:

1) Когда $f(x_0-\varepsilon)$ есть величина дѣйствительная, а количество $f(x_0+\varepsilon)$ есть мнимое.

2) Когда количество $f(x_0+\varepsilon)$ есть дѣйствительное, а количество $f(x_0-\varepsilon)$ мнимое.

Положимъ сначала, что данная функція $y=f(x)$ имѣетъ для всякой величины сопредѣльной съ x_0 только одно значеніе. Въ такомъ случаѣ если величина $f(x_0-\varepsilon)$ есть дѣйствительная, а $f(x_0+\varepsilon)$ мнимая, то особенная величина $f(x_0)$ будетъ наибольшею, если въ сопредѣльности съ нею данная функція $y=f(x)$ будетъ показывать возрастающее состояніе, потому что тогда она будетъ заканчивать рядъ возрастающихъ значеній функцій, и потому будетъ болѣе каждаго изъ нихъ.

Напротивъ величина $f(x_0)$ будетъ наименьшею, если функція $y=f(x)$ показываетъ въ сопредѣльности съ нею убывающее состояніе. По этому условіе наименьшей величины будетъ

$$(1)\begin{cases} f'(x_0)<0 \\ f'(x_0)>0. \end{cases}$$

а наибольшей

Нужно замѣтить, что если функція $y=f(x)$ имѣетъ одно дѣйствительное значеніе для одного дѣйствительнаго значенія x, въ сопредѣльности съ $x=x_0$, то всегда величина $f'(x_0)$ будетъ наибольшею или наименьшею. Когда же данная функція имѣетъ для каждаго значенія x по двѣ дѣйствительныя величины, то необходимо чтобы оба ряда значеній y, соотвѣтствующіе одному ряду возрастающихъ величинъ x, показывали возрастающее состояніе, для того чтобы величина $y=f(x_0)$ была наибольшая, и убывающее, для того чтобы она была наименьшая. Поэтому двѣ величины функціи $y'=f'(x)$, соотвѣтствующія значенію $x=x_0$, должны имѣть одинаковый знакъ. Это первое и самое главное условіе, общее какъ для наибольшихъ, такъ и для наименьшихъ величинъ, во второмъ отдѣлѣ особенныхъ величинъ функцій. Когда двѣ величины $f'(x_0)$ равны между собою и одинаковаго знака, то предыдущее условіе выполняется само собою.

Во второмъ случаѣ втораго отдѣла особенныхъ величинъ количество $f(x_0-\varepsilon)$ есть мнимое, а $f(x_0+\varepsilon)$ дѣйствительное.

Поэтому, если $y=f(x_0)$ есть наибольшее значеніе данной функціи, то эта функція должна показывать убывающее состояніе. Дѣйствительно, тогда величина $f(x_0)$, начиная рядъ убывающихъ значеній функцій $y=f(x)$, будетъ болѣе каждаго изъ нихъ.

Если же значеніе $y=f(x_0)$ есть наименьшее, то данная функція должна возрастать, начиная съ $x=x_0$ при возрастающихъ

Digitized by Google

величинахъ x. Такимъ образомъ условіе наименьшей величины будетъ

$$(2)\begin{cases} f'(x_0)>0 \\ f'(x_0)<0. \end{cases}$$

а наибольшей

Въ этомъ случаѣ нужно сказать совершенно тоже о функціяхъ, имѣющихъ два ряда значеній для одного ряда величинъ x, что и въ первомъ случаѣ, т. е. двѣ величины производной $f'(x)$ должны имѣть одинакіе знаки.

Разсмотримъ теперь тотъ случай, когда $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ суть величины дѣйствительныя, но разнящіяся на величину конечную или безконечно большую. Здѣсь функція $y=f(x)$ принадлежитъ совершенно къ тому же роду, къ какому относится функція $\frac{dy}{dx}=f'(x)$ въ первомъ отдѣлѣ особенныхъ величинъ, потому что здѣсь данная функція переходитъ отъ одной конечной величины къ другой конечной или же безконечной большой, вовсе не переходя черезъ средніе величины. Такимъ образомъ, если мы будемъ увеличивать x, начиная отъ величинъ меньшихъ $x=x_0$, то для $x=x_0$ данная функція приметъ двѣ различныя между собою величины. Если значеніе пр. $f(x_0-\varepsilon)$ будетъ заканчивать рядъ убывающихъ величинъ функціи, то оно будетъ наименьшее, а если оно закончитъ рядъ величинъ возрастающихъ, то оно будетъ наибольшее. Поэтому величина $y=$ пр. $f(x_0-\varepsilon)$ будетъ относиться къ первому случаю втораго отдѣла. Точно также значеніе $y=$ пр. $f(x_0+\varepsilon)$ будетъ начинать рядъ возрастающихъ или убывающихъ значеній данной функціи, и потому будетъ относиться ко второму случаю втораго отдѣла особенныхъ величинъ функцій.

Въ геометрическомъ смыслѣ, къ этому отдѣлу относятся точки прекращенія (points d'arret), точки возврата втораго рода (points de rebroussement), перваго рода, исключая тотъ случаій, когда касательная перпендикулярна къ оси x—овъ, и о которомъ было говорено выше; также во многихъ случаяхъ выходящія точки.

Изъяснимъ предыдущую теорію геометрическимъ образомъ.

Положимъ, что имѣемъ кривую линію AMB, отнесенную къ прямоугольнымъ координатамъ и опредѣляемую уравненіемъ $y=f(x)$.

Данная кривая имѣетъ точку M, относящуюся ко второму отдѣлу, если ординаата ея по одну или по другую сторону этой точки дѣлается мнимою (фигура 8 и 9), или же ординаты сопредѣльныя съ этою точкою разнятся другъ отъ друга на величину конечную или безконечно большую. Это видно на фигурѣ 10, гдѣ ординаты QR и $Q'R'$ разнятся на конечную величину, хотя

Digitized by Google

и соотвѣтствуютъ двумъ безконечно близкимъ значеніямъ абсциссы $x=OP-PR=x_0-\varepsilon$ и $x=OP+PR'=x_0+\varepsilon$.
Здѣсь, во второмъ отдѣлѣ особенныхъ точекъ, нужно отличать два случая: 1) ордината y дѣлается мнимою, когда увеличиваемъ x, начиная отъ $x=x_0=OP$; 2) она становится мнимою, когда уменьшаемъ x, начиная отъ того же значенія.

Въ первомъ случаѣ (фиг. 8) наибольшая величина будетъ соотвѣтствовать значенію $x=x_0$, если обѣ вѣтви кривой восходятъ. Ордината будетъ имѣть наименьшую величину, если обѣ онѣ нисходятъ. Поэтому для наибольшей величины мы должны имѣть

$$\text{tang } MTx>0 \text{ и tang } MT'x>0,$$

или иначе, обѣ величины функціи $\frac{dy}{dx}=f'(x)$, соотвѣтствующія наибольшей величинѣ ординаты MP, должны имѣть знакъ положительный. Для наименьшей же величины ординаты $M'P'$, мы должны имѣть

$$\text{tang } M'Tx<0 \text{ и tang } M'T'x<0,$$

то есть обѣ упомянутыя величины производной $f'(x)$ должны имѣть отрицательный знакъ

Во второмъ случаѣ (фиг. 9) условія, очевидно, должны быть обратныя, потому что здѣсь наибольшая величина MP ординаты будетъ соотвѣтствовать тому случаю, когда обѣ вѣтви кривой нисходятъ, а наименьшая, когда онѣ восходятъ.

Если бы вмѣсто двухъ мы имѣли одну вѣтвь кривой, или двѣ вѣтви, касающіяся другъ къ другу въ особенной точкѣ, принадлежащей ко второму отдѣлу, то въ этомъ случаѣ, очевидно, правила остаются тѣ же самыя, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь всегда такой точкѣ будетъ соотвѣтствовать наибольшая или наименьшая величина ординаты; однако исключается одинъ случай, когда особенная точка будетъ точка возврата перваго рода, въ которой касательная параллельна оси x-овъ.

Можетъ случиться, что ординаты, соотвѣтственно выражающія величины $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$, не будутъ ни одна мнимыми, но будутъ только разниться не безконечно мало (фиг. 10). Въ такомъ случаѣ данная кривая $AMM'B$ имѣетъ двѣ точки прекращенія M и M', сотвѣтствующія одной величинѣ абсциссы $x=x_0=OP$. Здѣсь ордината $MP=$пр. $f(x_0-\varepsilon)$ заканчиваетъ рядъ значеній N S, Q R,.... и слѣдовательно относится къ первому случаю втораго отдѣла особенныхъ величинъ, а ордината $M'P$ начинаетъ рядъ значеній Q' R', N' S',... и по этому принадлежитъ ко второму случаю того же отдѣла.

Digitized by Google

Такимъ образомъ мы выводимъ слѣдующія правила для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ въ томъ случаѣ, когда имѣемъ величину $y=f(x_0)$, относящуюся ко второму отдѣлу особенныхъ величинъ:

Сначала смотримъ, которое изъ количествъ $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ есть мнимое. Если первое дѣйствительное, а второе мнимое, то опредѣляемъ такъ знакъ первой производной $f'(x)$, соотвѣтственно значенію $x=x_0$. Если этотъ знакъ есть положительный, то величина $y=f(x_0)$ есть наибольшая, а если отрицательный, то наименьшая. Когда количество $f'(x_0-\varepsilon)$ есть мнимое, а $f'(x_0+\varepsilon)$ дѣйствительное, то условія будутъ обратныя. Можетъ случиться, что производная $f'(x_0)$ имѣетъ два значенія при $x=x_0$; тогда необходимо для существованія наибольшихъ величинъ, чтобы знаки двухъ значеній функціи $f'(x_0)$ были одинакіе.

Когда функція $y=f(x)$ имѣетъ двѣ особенныхъ величины, соотвѣтствующія $x=x_0$, и относящіяся ко второму отдѣлу, тогда можетъ случиться, что обѣ величины $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ суть дѣйствительныя. Въ такомъ случаѣ относимъ величину пр. $f(x_0-\varepsilon)$ къ первому случаю отдѣла, а величину пр. $f(x_0+\varepsilon)$ ко второму, и разбираемъ ихъ по предъидущимъ правиламъ.

Объяснимъ эту теорію примѣрами.

1) *Найти наибольшую величину функціи*

$$y=\frac{1}{\mathrm{Log}x}.$$

Эта функція становится мнимою при $x<0$. Слѣдовательно положивъ $x_0=0$, и дифференцируя, мы получимъ

$$y=\frac{dx}{dy}=\frac{1}{x\,[\mathrm{Log}x]^2}.$$

Такъ какъ пр. $f'(x^0+\varepsilon)=-\infty$, то по признакамъ втораго отдѣла особенныхъ величинъ, мы заключаемъ, что значеніе $y=0$, соотвѣтствующее величинѣ $x=0$, есть наибольшее.

2) *Опредѣлить наименьшую величину функціи*

$$y=x\,\mathrm{Sin}\,x\,[1\pm\sqrt{x}\,],$$

которая дѣлается мнимою для $x<0$. Положивъ $x_0=0$, мы увидимъ, что въ настоящемъ случаѣ $f(x_0-\varepsilon)$ есть мнимая величина, а $f(x_0+\varepsilon)$ дѣйствительная. Поэтому данная функція относится ко второму случаю втораго отдѣла. Дифференцируя ее, имѣемъ

$$\frac{dy}{dx}=f'(x)=(1\pm\sqrt{x})\,\mathrm{Sin}\,x+x\,\mathrm{Cos}\,x)+\tfrac{1}{2}x^{\frac{1}{2}}\,\mathrm{Sin}\,x.$$

Digitized by Google

Въ настоящемъ случаѣ функція y имѣетъ, въ сопредѣльности съ величиною $x=0$, два значенія для каждаго значенія x, по причинѣ двойнаго знака радикала $\sqrt{x}$. Легко видѣть, что въ настоящемъ случаѣ обѣ величины производной $\frac{dy}{dx}$ обращаются въ нуль и обѣ имѣютъ знакъ положительный, когда будетъ $x=0$. Слѣдовательно, по признакамъ втораго случая, величина $y=0$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, есть наименьшая.

3) *Найти наименьшую величину функціи* $y=x\,(1 \pm \sqrt[4]{x})$, коей производная есть $\frac{dy}{dx} = 1 \pm \frac{5}{4}\sqrt[4]{x}$.

И здѣсь точно также какъ и въ предъидущемъ случаѣ при $x<0$ данная функція становится мнимою. Тогда также $x_0=0$, мы заключимъ что функція $f(x_0+\varepsilon)$ есть дѣйствительная, а $f(x_0-\varepsilon)$ мнимая. Слѣдовательно величина $y=0$, данной функціи, соотвѣтствующая значенію $x=0$, относится ко второму случаю втораго отдѣла. Притомъ въ сопредѣльности съ $x=x_0$, данная функція имѣетъ по два значенія для каждой величины x. Такъ какъ обѣ величины $\frac{dy}{dx}$, соотвѣтствующія двумъ различнымъ рядамъ величинъ функціи y, при $x=0$, сливаются въ одну величину $\frac{dy}{dx} = +1$ большую нуля, то по признакамъ (2) втораго случая, значеніе $y=0$, соотвѣтствующее значенію $x=0$ есть наименьшее.

4) *Найти наименьшую величину функціи* $y=1+e^{\frac{1}{x}}$, которой производная есть $\frac{dy}{dx} = f'(x) = \frac{1}{x^2} \cdot e^{\frac{1}{x}}$

Здѣсь функція y не дѣлается ни въ какомъ случаѣ мнимою, но при $x=0$ имѣетъ двѣ величины, одну пр. $f(x_0-\varepsilon)=\infty$, а другую пр. $f(x_0+\varepsilon)=1$, полагая $x_0=0$. Такъ какъ двѣ величины принимаетъ данная функція только при $x=0$, а въ другихъ случаяхъ имѣетъ только одну величину для одного значенія x, и притомъ $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ дѣйствительныя, то заключаемъ, что величина пр. $f(x_0-\varepsilon)=\infty$ относится къ первому случаю втораго отдѣла, а величина пр. $f(x_0+\varepsilon)=+1$ ко второму, какъ было говорено и выше при изложеніи правилъ опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ во второмъ отдѣлѣ особенныхъ величинъ функцій. Но значеніе $y=\infty$ не можетъ быть принято за наибольшее или наименьшее, потому что есть

Digitized by Google

безконечное; величина же $y = +1$, для которой соотвѣтствующее значеніе производной есть пр. $f'(x_0 + \varepsilon) = 0$, есть наименьшая по признакамъ (2) втораго случая, ибо производная остается постоянно положительною.

5) *Опредѣлить наибольшую и наименьшую величину функціи*

$$y = \operatorname{arctang}\left(\frac{1}{x}\right),$$

производная коей есть $\frac{dy}{dx} = f'(x) = -\frac{1}{1+x^2}$.

Въ этомъ случаѣ при $x_0 = 0$ также какъ и въ предыдущемъ $f'(x_0 - \varepsilon)$ и $f'(x_0 + \varepsilon)$ суть величины дѣйствительныя и разнящіяся на конечную величину. По этому данная функція имѣетъ двѣ величины пр. $f(x_0 - \varepsilon) = -\frac{\pi}{2}$ и пр. $f(x_0 + \varepsilon) + = \frac{\pi}{2}$, и относится по первой величинѣ къ первому случаю втораго отдѣла, а по второй ко второму.

Такъ какъ $f'(x_0) = f'(0)$ есть отрицательная какъ для $x =$ пр. $(-\varepsilon) = 0$, такъ и для $x =$ пр. $(+\varepsilon) = 0$, то по признакамъ (1) перваго случая находимъ, что значеніе $y = -\frac{\pi}{2}$ есть наименьшее, а по признакамъ (2) втораго случая значеніе $y = +\frac{\pi}{2}$ наибольшее.

6) *Найти наибольшую величину функціи* $y = x^x$, производная которой есть $\frac{dy}{dx} = x^x (1 + \log x)$.

При $x = x_0 - \varepsilon = 0 - \varepsilon$ данная функція становится мнимою, и слѣдовательно относится ко второму случаю. Такъ какъ пр. $f'(x_0 - \varepsilon) = -\infty$ есть величина отрицательная, то по условіямъ (2) втораго случая величина $y = 1$, соотвѣтствующая значенію $x_0 =$ пр. $(+\varepsilon) = 0$, есть, наибольшая.

7) *Найти наибольшую и наименьшую величину функціи*

$$y = \frac{1}{1 + e^{\frac{1}{x-1}}}.$$

Дифференцируя эту функцію мы имѣемъ

$$\frac{dy}{dx} = \frac{e^{\frac{1}{x-1}}}{\left[(x-1)\left(1 + e^{\frac{1}{x-1}}\right)\right]^2}.$$

Въ настоящемъ случаѣ данная функція при $x_0 = 1$ имѣетъ двѣ величины $y =$ пр. $f'(1-\varepsilon) = +1$ и $y =$ пр. $f'(1+\varepsilon) = 0$. Величины $f'(x_0 + \varepsilon)$ и $f'(x_0 - \varepsilon)$ суть дѣйствительныя и разнящіяся на положительную единицу. По этому значеніе $y = 1$ относится къ первому случаю, а $y = 0$ ко второму. По признакамъ (1) перваго

Digitized by Google

случая находимъ, что величина $y=1$ есть наибольшая, потому что производная $\frac{dy}{dx}$ остается постоянно положительною; а по признакамъ (2) втораго случая величина $y=0$ есть наименьшая.

8) *Опредѣлить наименьшую величину функціи*

$$y = x^2 e^{\frac{1}{x}},$$

для которой

$$\frac{dy}{dx} = e^{\frac{1}{x}} (2x-1).$$

При $x_0=0$ функція y имѣетъ два значенія: одно, соотвѣтствующее величинѣ $x_0=$пр. $(-\varepsilon)=0$, есть $y=0$, другое, соотвѣтствующее величинѣ $x_0=$пр. $(+E)=0$, есть $y=+\infty$. Такъ какъ величины $f(x_0-\varepsilon)$ и $f(x_0+\varepsilon)$ суть дѣйствительныя, то значеніе $y=0$ относится къ первому случаю.

Другое же значеніе $y=+\infty$ неможетъ быть принимаемо за наибольшее или наименьшее. Такъ какъ производная $\frac{dy}{dx}$, для $x=$пр. $(-\varepsilon)=0$ обращается въ нуль, сохраняя отрицательный знакъ, то величина $y=0$ по признакамъ перваго случая есть наименьшая.

9) *Опредѣлить наибольшую величину функціи* $y=x\log x.$, *для которой*

$$\frac{dy}{dx} = 1 + \log x.$$

При $x=$ пр. $(-\varepsilon)=0$ функція становится мнимою, поэтому величина ея $y=0$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, относится ко второму случаю. Такъ какъ при $x=0$, $\frac{dy}{dx} = -\infty < 0$, то по признакамъ втораго случая величина $y=0$ есть *наибольшая.*

10) *Найти наименьшую величину функціи*

$$y = \frac{\log(x)}{1+\log(x)}$$

у коей

$$\frac{dy}{dx} = \frac{1}{x[1+\log(x)]^2}.$$

Эта функція также относится ко второму случаю, потому что она есть мнимая для значеній x-меньшихъ нуля. Величина производной пр. $f'(+\varepsilon)=+\infty$ показываетъ, что разсматриваемоя значеніе $y=+1$, соотвѣтствующее значенію $x=0$, есть наименьшее.

Digitized by Google

Два нами разсмотрѣнные отдѣла совершенно обнимаютъ всѣ случаи особенныхъ величинъ, могущихъ сдѣлаться наибольшими и наименьшими. Такимъ образомъ изъ предыдущихъ соображеній выходитъ, что если разсматривать предметъ въ геометрическомъ смыслѣ, то наибольшими и наименьшими величинами могутъ сдѣлаться ординаты точекъ выходящихъ, точекъ возврата перваго и втораго рода, и точекъ прекращенія. Напротивъ ординаты другихъ особенныхъ точекъ какъ то: точекъ изгиба, точекъ кратныхъ и точекъ сопряженныхъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть наибольшими или наименьшими. Хотя повидимому и можно бы было принимать величину ординаты сопряженной точки за наибольшую или наименьшую, въ томъ случаѣ, когда эта точка находится непосредственно надъ кривою линіею или подъ нею, но такой *maximum* или *minimum* не подойдетъ подъ общее опредѣленіе этихъ величинъ, по которому онѣ должны соотвѣтствовать переходу изъ функціи возрастающаго состоянія въ убывающее или наоборотъ, или же въ случаѣ особенныхъ величинъ начальному или конечному значенію ея, причемъ функція должна показывать какое либо состояніе возрастающее или убывающее. Но въ случаѣ сопряженныхъ точекъ функція никакого состоянія не показываетъ, и слѣдовательно величина ординаты подобной точки не можетъ быть ни наибольшею ни наименьшею.

Г. Коши, въ сочиненіи «Léçons sur les applications du calcul infinitésimal à la Géometrie», причисляетъ еще къ особеннымъ точкамъ такія, для которыхъ направленіе касательной есть совершенно неопредѣленное. Напримѣръ, если уравненіе

$$(a) \qquad y = x \operatorname{Sin}\left(\frac{1}{x}\right)$$

означаетъ уравненіе кривой, отнесенной къ прямоугольнымъ координатамъ, то подобная особенная точка будетъ соотвѣтствовать значенію $x = 0$. Очевидно, что ординаты такихъ точекъ также не могутъ быть наибольшими или наименьшими, по совершенной неопредѣленности величинъ сопредѣльныхъ съ ними ординатъ кривой линіи. Такъ напримѣръ въ уравненіи (a) величина y, соотвѣтствующая значенію $x = 0$ есть совершенно опредѣленная, и равна нулю; но сопредѣльныя съ нею величины функціи $y = \varepsilon \sin\left(\frac{1}{\varepsilon}\right)$, при ε очень маломъ, суть совершенно неопредѣленныя, и могутъ быть положительными и отрицательными, хотя также суть очень малыя.

Нужно замѣтить, что раздѣленіе особенныхъ величинъ на два отдѣла относительно наибольшихъ и наименьшихъ, совер-

Digitized by Google

шенно различно отъ естественнаго ихъ раздѣленія. Такъ напримѣръ относительно наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, выходящія точки могутъ относиться и къ первому и ко второму отдѣлу, смотря по положенію ихъ относительно координатъ.

Что касается до тѣхъ случаевъ, гдѣ данная функція и первая ея производная непрерывны въ сопредѣльности съ наибольшею или наименьшею величиною, а вторая производная обращается въ безконечность, то легко видѣть, что правила остаются тѣже, что и для непрерывныхъ функцій вообще. Дѣйствительно въ сопредѣльности съ наибольшею или наименьшею величиною, первая производная должна сохранять возрастающее или убывающее состояніе, и неможетъ показывать безразличнаго состоянія, въ какомъ случаѣ подобныхъ величинъ не будетъ. Поэтому вторая производная можетъ обратиться и въ безконечность; но она удержитъ непремѣнно опредѣленный знакъ, который будетъ показывать состояніе первой производной, этотъ знакъ покажетъ также, какъ и вообще въ случаѣ непрерывныхъ функцій наибольшую или наименьшую величину. Такъ напримѣръ функція $y=x^2\log(x^2)$, которой производныя суть $\frac{dy}{dx}=2x\ (1+\log x^2)$, и $\frac{d^2y}{dx^2}=2\ \log\ (x^2)+6$, имѣетъ наибольшую величину $y=0$, соотвѣтствующую значенію $x=0$, потому что для этого значенія $\frac{dy}{dx}=0$, и $\frac{d^2y}{dx^2}=-\infty<0$.

ГЛАВА IV.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій объ одной перемѣнной независимой, представляющихъ особенныя величины сихъ функцій.

Когда функція, коей особенная величина можетъ быть наибольшею или наименьшею, связана съ перемѣнною независимою уравненіемъ

(1); $$u=F(x,y)=0$$

то, замѣтивъ, какая величина x дѣлаетъ ее прерывною, нужно стараться найти соотвѣтствующую величину функціи $\frac{dy}{dx}$, и тогда поступать по правиламъ, изложеннымъ выше для функцій явныхъ.

Чтобы найти величину $\frac{dy}{dx}$, соотвѣтствующую значенію $x=x_0$,

Digitized by Google

дѣлающую данную функцію или ея производныя прерывными, дифференцируемъ уравненіе (1); тогда мы получаемъ

(2) $\frac{du}{dx} + \frac{du}{dy}\frac{dy}{dx} = 0$, откуда имѣемъ

$$\frac{dy}{dx} = -\frac{\left(\frac{du}{dx}\right)}{\left(\frac{du}{dy}\right)}$$

Такимъ образомъ получимъ значеніе $\frac{dy}{dx}$...Если $\frac{du}{dx} = 0$ и $\frac{du}{dy} = 0$, то дифференцируемъ уравненіе (2), и получаемъ

(3) $$\frac{d^2u}{dx^2} + 2\frac{d^2u}{dxdy}\frac{dy}{dx} + \frac{d^2u}{dy^2}\frac{dy^2}{dx^2} + \frac{du}{dy}\frac{d^2y}{dx^2} = 0.$$

Если функція $\frac{d^2y}{dx^2}$ есть величина конечная для $x = x_0$, то изъ уравненія (3) мы имѣемъ.

(4) $$\frac{d^2u}{dx^2} + 2\frac{d^2u}{dxdy}\frac{dy}{dx} + \frac{d^2u}{dy^2}\frac{dy^2}{dx^2} = 0.$$

Отсюда получаемъ двѣ величины для функціи $\frac{dy}{dx}$, которыя въ частномъ случаѣ могутъ быть и равными. Вообще очень часто случается, а для нѣкоторыхъ функцій (именно, если функція $u = F(x, y)$ будетъ цѣлою алгебрическою функціею отъ x и y) это бываетъ и всегда, что $\frac{du}{dx} = 0$ и $\frac{du}{dy} = 0$, или въ частныхъ случаяхъ $\frac{du}{dx} = \infty$ и $\frac{du}{dy} = \infty$. Въ такомъ случаѣ обращаемся къ уравненію (4), изъ котораго получимъ два значенія для функціи $\frac{dy}{dx}$. Если же и оно обращается въ тожество $0 = 0$, т. е. если $\frac{d^2u}{dx^2} = 0$, $\frac{d^2u}{dxdy} = 0$ и $\frac{d^2u}{dx^2} = 0$, то слѣдуетъ дифференцировать уравненіе (3) и найти слѣдующія дефференціальныя уравненія отъ уравненія (1). Узнавъ такимъ образомъ всѣ величины которыя имѣетъ $\frac{dy}{dx}$, мы будемъ поступать по правиламъ, изложеннымъ въ главѣ III. Также изъ даннаго уравненія нужно узнать, сколько имѣетъ значеній функція для одного значенія x въ сопредѣльности съ $x = x_0$, и для $x = x_0$.

Когда функція и есть цѣлая алгебрическая функція количествъ x и y, то для всякой особенной ея величины должно быть $\frac{du}{dx} = 0$ и $\frac{du}{dy} = 0$, или же $\frac{du}{dx} = \infty$ и $\frac{du}{dy} = \infty$. Поэтому полезно, при разсматриваніи функціи, опредѣлять величины x и y изъ этихъ уравненій, потомъ подставить ихъ въ данное

Digitized by Google

уравненіе $F(x, y) = 0$ и посмотрѣть, удовлетворяютъ ли ему эти величины. Если удовлетворяютъ, то нужно поступать какъ выше было сказано. Если удовлетворяютъ, то нужно поступать какъ выше было сказано. Если же не удовлетворяютъ, то нужно эти рѣшенія отбросить, какъ постороннія.

Въ томъ нѣсколько примѣровъ, чтобы объяснить теорію.

1) *Найти наименьшую величину функціи y, опредѣляемой уравненіемъ:*

$$u = (a^2 - y^2)(a + y)^2 - x^2 y^2 = 0$$

Мы имѣемъ $\frac{du}{dx} = -2xy^2$, $\frac{du}{dy} = 2(a^3 - 3ay^2 - 2y^3 - x^2 y)$

Величины $x = 0$, $y = -a$, обращаютъ въ нуль производныя $\frac{du}{dx}$ и $\frac{du}{dy}$. Подставивъ эти величины въ данное уравненіе $u = 0$, мы находимъ, что онѣ ему удовлетворяютъ. Второе диффференціальное уравненіе отъ даннаго $u = 0$, будетъ.

$$a^2 + 4xy\frac{du}{dx} + 6(ay + y^2 + x^2)\frac{dy^2}{dx^2} = 0.$$

Отсюда ничего мы не узнали бы не рѣшивъ даннаго уравненія. Рѣшивъ же его мы лучше опредѣлимъ функцію $\frac{dy}{dx}$ по формулѣ

$$\frac{dy}{dx} = -\frac{\left(\frac{du}{dx}\right)}{\left(\frac{du}{dy}\right)}$$

Изъ даннаго уравненія получаемъ

(a) $$x = \sqrt{\frac{(a+y)^2}{y^2}} \cdot \sqrt{a+y} \cdot \sqrt{a-y}.$$

Потомъ помощію нѣсколькихъ преобразованій находимъ.

$$\frac{dy}{dx} = \frac{2xy^2}{2a^2 - 6ay^2 - 4y^3 - 2x^2 y} = \frac{\sqrt{a-y}}{\sqrt{a+y}} \cdot \frac{y^2}{a + (a-1)y - 2y^2}$$

Изъ уравненія (a) видно, что при $x > 0$ радикалъ $\sqrt{a^2 - y^2}$ долженъ быть взятъ вообще со знакомъ отрицательнымъ, а при $x < 0$ соотвѣтствуютъ различные знаки радикаловъ $\sqrt{a+y}$ и $\sqrt{a-y}$, а значенію $x > 0$ одинаковые. Такъ какъ функція $\frac{dy}{dx}$ есть дѣйствительная, какъ для $x < 0$, такъ и для $x > 0$, и притомъ для перваго значенія обращается въ $-\infty$, а для втораго въ $+\infty$, то заключаемъ, что функція y относится къ первому отдѣлу, и величина ея $y = -a$ есть наименьшая.

Digitized by Google

2) *Опредѣлить наибольшую величину функціи y данной по уравненію*

$$\text{Sin}\,(\log y) + e^{-\frac{1}{x}} = 0.$$

Очевидно, что величины $x = \text{пр.}\,(+\varepsilon) = 0$ и $y = +1$ удовлетворяютъ этому уравненію. При $x < 0$ функція y дѣлается мнимою. По этому она относится ко второму случаю втораго отдѣла. Дифференцируя данное уравненіе, мы получаемъ

$$\frac{dy}{dx} = -\frac{y\, e^{-\frac{1}{x}}}{x^2 \cdot \text{Cos}\,(\log y)}$$

Производная $\frac{dy}{dx}$ при $x = 0$ также обращается въ нуль, но нуль этотъ есть предѣлъ отрицательныхъ ея значеній; по этому на основаніи признаковъ втораго случая втораго отдѣла особенныхъ величинъ, находимъ, что упомянутое значеніе ея $y = +1$ есть наибольшее.

3) *Найти наибольшую величину функціи y, опредѣляемой уравненіемъ*

$$\log(2 + y) - e^{\frac{1}{x}} + xy = 0$$

Отсюда мы имѣемъ $\frac{dy}{dx} = -\dfrac{\frac{1}{x^2}\, e^{\frac{1}{x}} + y}{\frac{1}{2+y} + x}$

При $x = \text{пр.}\,(+\varepsilon) = 0$, $y = \infty$, а при $x = \text{пр.}\,(-\varepsilon) = 0$ $y = -1$, слѣдовательно такъ какъ здѣсь $f'(x_0 - \varepsilon)$ и $f'(x_0 + \varepsilon)$ тоже также и $f(x_0 - \varepsilon)$ и $f(x_0 + \varepsilon)$ суть величины дѣйствительныя, и послѣднія величины разнятся не на безконечно малую величину, то величина $y = -1$, относится къ первому случаю втораго отдѣла. По признакамъ этого случая заключаемъ, что по причинѣ величины $\frac{dy}{xd} = +1$, соотвѣтствующей значенію $x = \text{пр.}\,(-\varepsilon) = 0$, значеніе $y = -1$ есть наибольшее.

4) *Опредѣлить наименьшую величину функціи y, данной по уравненію*

$$u = y^7 - x^6 =,$$

изъ котораго имѣетъ $\frac{dy}{dx} = -6x^5$, $\frac{du}{dy} = 7y^6$ и $\frac{dy}{dx} = \frac{6}{7}\frac{x^5}{y6}$

Digitized by Google

Уравненіямъ $\frac{du}{dx} = 0$, $\frac{du}{dy} = 0$ и $u = 0$ удовлетворяютъ величины $x=0$, $y=0$. Онѣ обращаютъ функцію $\frac{dy}{dx}$ въ безконечную. Легко видѣть, что величина $y=0$, относится къ первому отдѣлу особенныхъ величинъ. Такъ какъ притомъ $\frac{dy}{dx} = -\infty$ при $x=$ пр. $(-\varepsilon)=0$; а при $x=$пр. $(+\varepsilon)=0$, $\frac{dy}{dx} = +\infty$, то по признакамъ перваго отдѣла заключаемъ, что величина $y=0$ есть наименьшая. Это также видно по отрицательному знаку производной $\frac{d^2y}{dx^2} = \frac{6}{7}\left(5\frac{x^4}{y^6} - 6\frac{x^5}{y^7}\cdot\frac{dy}{dx}\right)$, потому что здѣсь обѣ величины функціи $\frac{dy}{dx}$ обращаются въ безконечныя.

5) *Найти наибольшую величину функціи y связанной съ перемѣнною независимою x уравненіемъ* $u = \log\left(y + e^{\frac{1}{x}}\right) - y \operatorname{Sin} x = 0$,

изъ котораго имѣемъ $\frac{dy}{dx} = \dfrac{\frac{1}{x^2}\cdot\dfrac{y+e^{\frac{1}{x}}}{e^{\frac{1}{x}}} + y\log x}{\dfrac{1}{y+e^{\frac{1}{x}}} - \operatorname{Sin} x}$

Въ настоящемъ случаѣ функція y имѣетъ при $x=0$ двѣ величины: одну, соотвѣтствующую значенію $x=$пр. $(-\varepsilon)=0$, $y=+1$, другое $y=\infty$, соотвѣтствующее значенію $x=$пр. $(+\varepsilon)=0$. По этому величина $y=+1$ относится къ первому случаю втораго отдѣла особенныхъ величинъ.

Такъ какъ значеніе $\frac{dy}{dx} = +1$, соотвѣтствующее величинѣ $x=$пр. $(-\varepsilon)=0$, есть положительное, то по признакамъ упомянутаго случая, находимъ, что величина $y=+1$ есть наибольшая.

6) *Найти наименьшія ординаты циклоиды, отнесенной къ прямоугольнымъ координатамъ и опредѣляемой уравненіями*

$$x = r(\varphi - \operatorname{Sin}\varphi)$$
$$y = r(1 - \operatorname{Cos}\varphi)$$

Дифференцируя эти уравненія мы получаемъ

$$\frac{dy}{dx} = \frac{\operatorname{Sin}\varphi}{1-\operatorname{Cos}\varphi} = \operatorname{Cotang}\frac{1}{2}\varphi \text{ и } \frac{d^2y}{dx^2} = -\frac{r}{y^2}$$

При $\varphi=0$, $\varphi=2\pi v$, $\varphi=4\pi v$,.... $\varphi=2m\pi v$....., гдѣ m есть какое либо цѣлое число, $x=0$, $y=0$, $x=2\pi r$, $y=0$, $x=4\pi r$, $y=0$,... $x=2m\pi r$, $y=0$,... Кромѣ того при упомянутыхъ значеніяхъ φ, $\frac{dy}{dx}$ обращается или въ $-\infty$ если $\varphi=$пр. $(-\varepsilon)=0$, $\varphi=$пр. $(2\pi-\varepsilon)=2\pi$,... $\varphi=$пр. $(2m\pi-\varepsilon)=2m\pi$

Digitized by Google

или въ $+\omega$, если $\varphi=\text{пр}\,(+\varepsilon)=0$, $\varphi=\text{пр}\,(2\pi+\varepsilon)=2\pi$.... $\varphi=\text{пр.}\,(2m\pi+\varepsilon)=2m\pi$. Отсюда заключаемъ, что всѣ величины $y=0$, относятся къ первому отдѣлу и суть наименьшія, что еще видно изъ знака количества $y=-\omega<0$. Мы имѣемъ право здѣсь взять послѣдній признакъ, потому, что объ величины $\frac{dy}{dx}$ суть безконечныя.

Такимъ образомъ циклоода имѣетъ безчисленное множество точекъ возврата перваго рода, лежащихъ на оси x—овъ, на разстояніи одна отъ другой равномъ $2\pi r$.

ГЛАВА V.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ явныхъ функцій многихъ перемѣнныхъ независимыхъ.

Наибольшими и *наименьшими* величинами функціи нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ называются величины *сихъ* функцій большія или меньшія всѣхъ сопредѣльныхъ имъ величинъ, то есть, такихъ, которыя получаются, измѣняя безконечно мало перемѣнныя количества.

Мы разсмотримъ здѣсь способы опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ двояко: разсматривая каждую перемѣнную порознь и всѣ вмѣстѣ. Первый образъ воззрѣнія намъ нуженъ будетъ впослѣдствіи, а второй есть болѣе общій и обнимающій предметъ со всѣхъ сторонъ.

И такъ положимъ сначала, что имѣемъ функцію $u=f(x, y)$ двухъ перемѣнныхъ независимыхъ x и y, непрерывную между нѣкоторыми предѣлами, относительно обѣихъ перемѣнныхъ. Опредѣлимъ сначала наибольшія и наименьшія величины функціи u предполагая одно y перемѣннымъ, и считая x количествомъ постояннымъ. Въ такомъ случаѣ данная функція есть функція объ одной перемѣной y. Общее условіе существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, по предъидущему будетъ (1) $\frac{du}{dy}=0$

При томъ для наибольшей должно быть

а для наименьшей $\left.\begin{array}{l}\frac{d^2u}{dy^2}<0\\ \frac{d^2u}{dy^2}>0\end{array}\right\}$ (2)

Изъ уравненія (1) мы опредѣлимъ величину y въ функціи x. Подставивъ ее въ данную функцію, мы выразимъ эту функцію

Digitized by Google

въ одномъ x, и такое выраженіе ея будетъ наибольшая или наименьшая ея величина относительно y. Теперь уже можно разсматривать функцію u, какъ зависящую отъ одной перемѣнной x. Такимъ образомъ мы для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ теперь будемъ имѣть условіе

$$\frac{du}{dx}+\frac{du}{dy}\cdot\frac{dy}{dx}=0, \tag{3}$$

которое получится, если мы продифференцируемъ данную функцію u, относительно x, и производную ея по x уравняемъ нулю. Кромѣ того для наибольшей величины должно быть

$$\frac{d^2u}{dx^2}+2\frac{d^2u}{dx.dy}\cdot\frac{dy}{dx}+\frac{d^2u}{dy^2}\cdot\frac{dy^2}{dx^2}+\frac{du}{dy}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}<0 \tag{4}$$

а для наименьшей

$$\frac{d^2u}{dx^2}+2\frac{d^2u}{dxdy}\cdot\frac{dy}{dx}+\frac{d^2u}{dy^2}\cdot\frac{dy^2}{dx^2}+\frac{du}{dy}\cdot\frac{d^2y}{dx^2}>0 \tag{5}$$

Вслѣдствіе уравненія (1) условіе (3) приводится къ слѣдующему

$$\frac{du}{dx}=0 \tag{6}$$

Потомъ замѣчая, что величина y, какъ функція, x опредѣляется условіемъ (2), мы получаемъ

$$\frac{d^2u}{dxdy}+\frac{d^2u}{dy^2}\cdot\frac{dy}{dx}=0, \text{ откуда}$$

$$\frac{dy}{dx}=-\frac{\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)}{\left(\frac{d^2u}{dy^2}\right)} \tag{7}$$

На основаніи уравненіи (1), (6) и (7), условія (4) и (5) приводятся къ слѣдующимъ

$$\begin{cases}\dfrac{d^2u}{dx^2}-\dfrac{\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2}{\left(\frac{d^2u}{dy^2}\right)}<0 \text{ и}\\ \dfrac{d^2u}{dx^2}-\dfrac{\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2}{\left(\frac{d^2u}{dy^2}\right)}>0\end{cases} \tag{8}$$

При томъ по условіямъ (2) должно быть $\frac{d^2u}{dy^2}<0$ въ случаѣ наибольшей и $\frac{d^2u}{dy^2}>0$, въ случаѣ наименьшей величины, поэтому оба условія (8) приведутся къ одному

$$\frac{d^2u}{dy^2}\cdot\frac{d^2u}{dx^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2>0 \tag{9}$$

Digitized by Google

Неравенство (9) можетъ остаться только тогда, когда количества $\frac{d^2u}{dx^2}$ и $\frac{d^2u}{dy^2}$ имѣютъ одинаковые знаки, и потому, соображаясь съ условіями (2), условіе существованія наибольшей величины, будетъ

$$(10) \qquad \frac{d^2u}{dx^2}<0,\ \frac{d^2u}{dy^2}<0,\ \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2>0,$$

и условіе наименьшей

$$(11) \qquad \frac{d^2u}{dx^2}>0,\ \frac{d^2u}{dy^2}>0\ \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2>0.$$

Такимъ образомъ для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій двухъ перемѣнныхъ независимыхъ, слѣдуетъ частныя производныя ея по одной и по другой перемѣнной уравнять нулю; изъ двухъ уравненій, которыхъ такимъ образомъ получится, опредѣлятся величины перемѣнныхъ, могущія сдѣлать данную функцію наибольшею или наименьшею. Потомъ нужно посмотрѣть, удовлетворяютъ ли вторыя частныя производныя данной функціи условіямъ (10) или (11), когда въ нихъ подставимъ упомянутыя величины перемѣнныхъ независимыхъ, и если удовлетворяютъ, то условія (10) опредѣлятъ наибольшую, а условія (11) наименьшую величину данной функціи. Въ противномъ же случмѣ не будетъ ни той ни другой.

Замѣтивъ ходъ разсужденій, легко уже будетъ подобнымъ же образомъ вывести правила для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ въ случаѣ функцій трехъ, четырехъ, и т. д. перемѣнныхъ независимыхъ, и потому мы неостанавливаемся на этомъ способѣ воззрѣнія, тѣмъ болѣе, что изложенныхъ правилъ будетъ совершенно достаточно для объясненія послѣдующихъ предметовъ.

Разсмотримъ тотъ же предметъ съ болѣе общей точки зрѣнія.

Положимъ, что имѣемъ функцію $u=f(x, y, z....)$, сколькихъ угодно перемѣнныхъ независимыхъ x, y, z,...., непрерывную относительно каждой перемѣнной между нѣкоторыми предѣлами. Положимъ также, что система величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,..., гдѣ x_0, y_0, z_0,.... суть конечныя и опредѣленныя количества, изъ которыхъ каждое заключается въ тѣхъ предѣлахъ соотвѣтствующей перемѣнной, для которыхъ непрерывна данная функція u, дѣлаетъ эту функцію наибольшею или наименьшею. Тогда означивъ черезъ $F(\epsilon)$ приращенную функцію $f(x_0+\epsilon p, y_0+\epsilon q, z_0+\epsilon r,...)$, въ которой ϵ есть безконечно малая величина, а p, q, r,.. . суть постоянныя произвольныя количества, или дифференціалы перемѣнныхъ независимыхъ x, y, z,...., мы заключаемъ, что для частной величины $\epsilon=0$, функція $F(\epsilon)$ полу-

Digitized by Google

чаетъ наибольшую или наименьшую величину; по этому, на основаніи правилъ изложенныхъ въ главѣ I, должно быть

$$(a) \qquad F'(0)=0$$

При томъ для наибольшей величины, мы должны имѣть

$$F''(0)<0$$

а для наименьшей $F''(0)>0$

Но, на основаніи правилъ дифференціальнаго исчисленія,

$$F'(0)=du=\frac{du}{dx}p+\frac{du}{dy}q+\frac{du}{dz}r+\ldots$$

$$F''(0)=d^2u=\frac{d^2u}{dx^2}p^2+2\frac{d^2u}{dxdy}pq+\frac{d^2u}{dy^2}q^2+2\frac{d^2u}{dxdz}pr+\ldots.$$

Поэтому для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ необходимо должно быть

$$(6) \qquad du=\frac{du}{dx}p+\frac{du}{dy}q+\frac{du}{dz}r+\ldots.=0,$$

каковы бы нибыли величины произвольныхъ количествъ p, q, r,.... что приводится къ слѣдующимъ условіямъ

$$(12) \qquad \frac{du}{dx}=0,\ \frac{du}{dy}=0,\ \frac{du}{dz}=0,\ldots$$

Кромѣ того, по предъидущему, количество.

$$(13) \qquad d^2u=\frac{d^2u}{dx^2}p^2+\frac{d^2u}{dy^2}q^2+\frac{d^2u}{dz^2}r^2+\ldots.+2\frac{d^2u}{dxdz}pq+$$

$$2\frac{d^2u}{dxdz}pr+2\frac{d^2u}{dydz}qr+\ldots.$$

должно сохранять постоянно положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаѣ наибольшей величины, независимо отъ постоянныхъ произвольныхъ количествъ p, q, r,...., входящихъ въ d^2u.

Если мы будемъ имѣть $F''(0)=d^2u=0$, т. е. если

$$\frac{d^2u}{dx^2}=0,\ \frac{d^2u}{dy^2}=0,\ \frac{d^2u}{dz^2}=0,\ldots\frac{d^2u}{dxdy}=0,\ldots$$

то необходимо также, чтобы тожественно обратилось въ нуль и количество $F'''(0)=d^3u=\frac{d^3u}{d^3x}p^3+3\frac{d^3u}{dx^2dy}p^2q+$

$3\frac{d^3u}{dx^2dy}pq^2+\frac{d^3u}{dy^3}q^3+\ldots.$, что требуетъ слѣдующихъ условій

$$\frac{d^3u}{dx^3}=0,\ \frac{d^3u}{dy^3}=0,\ldots\frac{d^3u}{dx^2dx}=0,\ \frac{d^3n}{dy^2dx}=0,\ldots.$$

Тогда, если количество $F^{IV}(0)=d^4u$ не уничтожается тоже-

Digitized by Google

ственно, и предъидущія условія удовлетворяются, то необходимо, чтобы количество $F^{IV}(0)$ или

$$d^4u=\frac{d^4u}{dx^4}p^4+4\frac{d^4u}{dx^3dy}p^3q+6\frac{d^4u}{dy^2dx^2}p^2q^2+4\frac{d^4u}{dxdy^3}pq^3+\frac{d^4u}{du^4}q^4+\ldots..$$

сохраняло постоянно положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаи наибольшей какова бы нибыла величина количествъ p, q, r, ...

Вообще, если изъ ряда количествъ $du, d^2u, d^3u, \ldots. d^{(2n-1)}u, d^{(2n)}u, \ldots.$ уничтожаются сряду $2n-1$ дифференціаловъ, или, что одно и тоже, первый изъ неуничтоживающихся дифференціаловъ будетъ четнаго порядка, то положительный знакъ этого послѣдняго дифференціала опредѣлитъ наименьшую, а отрицательный наибольшую величину данной функціи.

Если количество d^2u, сохраняя постоянный знакъ, обращается въ нуль для нѣкоторыхъ частныхъ величинъ количествъ p, q, r,...., то необходимо также, чтобы и количество d^3u, для этихъ же величинъ, уничтожилось, а количество d^3u сохраняло одинакій такъ съ d^2u. Если постановленія частныхъ значеній p, q, r, . . ., для которыхъ дифференціалъ d^2u обращается въ нуль, въ дифференціалы d^3u и d^4u, найдетъ, что первый изъ нихъ не уничтожается, а послѣдній не сохраняетъ одинаковаго знака съ d^2u, то заключимъ, что данная функція u, для системы величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,... неимѣетъ ни наибольшей ни наименьшей величины.

Означимъ величины $\frac{d^2u}{dx^2}, \frac{d^2u}{dxdy}, \frac{d^2u}{dy^2}, \frac{d^2u}{dxdz}, \frac{d^2u}{dydz}, \frac{d^2u}{dz^2}, \ldots.$

соотвѣтственно буквами A, B, C, D, E, F,.... тогда задача о розысканіи наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, приводится къ слѣдующему вопросу:

Найти условія, при которыхъ бы многочленъ второй степени

$$Ap^2+2Bpq+Cq^2+2Dpr+2Eqr+Fr^2+\ldots.$$

сохранялъ одинъ и тотъ же знакъ, каковы бы нибыли величины количествъ p, q, r.....

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы докажемъ слѣдующее свойство многочлена второй степени: такой многочленъ будетъ сохранять постоянно положительный или постоянно отрицательный знакъ, если онъ будетъ имѣть наименьшую положижительную величину въ первомъ случаѣ, и наибольшую отрицательную во второмъ, относительно постоянныхъ произвольныхъ количествъ p, q,...

Дѣйствительно, если многочленъ этотъ имѣетъ положитель-

Digitized by Google

вый *minimum*, то, чтобы перейти въ отрицательное состояніе, онъ долженъ имѣть по крайнѣй мѣрѣ еще одинъ *maximum*, но этого быть не можетъ, потому что первый дифференціалъ его въ отношеніи количествъ p, q, r, .,.., будетъ линейный, и слѣдовательно, уравненный нулю, двухъ системъ величинъ для этихъ количествъ дать не можемъ. Поэтому не возможно и то, чтобы разсматриваемый полиномъ, имѣя положительный *minimum*, обратился въ отрицательное состояніе.

Такимъ образомъ означивъ его черезъ φ (p, q, r,....) мы будемъ увѣрены, что онъ сохранитъ постоянно положительный знакъ, если функція φ (p, q, r,....) имѣетъ относительно количествъ p. q, r,.... положительный *minimum*

Что касается до того, чтобы функція φ (p, q, r,...) сохраняла постоянно отрицательный знакъ, то достаточно перемѣнить знаки у коэффиціэнтовъ A, B, C,... если она сохраняетъ уже положительный знакъ. Поэтому мы будемъ выводить условія, при которыхъ эта функція будетъ постоянно положительною, независимо отъ постоянныхъ произвольныхъ количествъ p, q, r,...

При опредѣленіи наименьшей положительноіі величины, будемъ слѣдовать порядку, изложенному въ началѣ этоіі главы; а именно: дифференцируемъ функцію φ относительно p, тогда мы получаемъ

$$\frac{1}{2}\frac{d\varphi}{dp}=Ap+Bq+Dr+\ldots=0, \text{ откуда}$$

$$p=-\frac{Bq+Dr+\ldots}{A}=p_0$$

Кромѣ того мы имѣемъ условіе $\frac{1}{2}\frac{d^2\varphi}{dp^2}=A>0$.

Представимъ величину p, выведеную изъ уравненія $\frac{d\varphi}{dp}=0$ въ функцію φ (p, q. r,...), тогда мы приведемъ ее къ такому виду

$$(14)\qquad \varphi\left(-\frac{Bq+\ldots}{A},\ q,\ r,\ldots\right)=Lq^2+2Mqr+Nr^2+\ldots.$$

Эта величина будетъ наименьшимъ значеніемъ функціи φ (p, q,...) относительно p. Потомъ слѣдуя тѣмъ же правиламъ дифференцируемъ найденную величину по q, и получаемъ уравненіе

$$Lq+Mr+\ldots.=0, \text{ откуда } q=-\frac{Mr+\ldots.}{L}=q_0$$

и условіе $L>0$.

Подставляя величину q, выведенную изъ предъидущаго уравненія, мы исключимъ q, получимъ въ результатѣ многочленъ, несодержащій p и q, который при условіяхъ $A>0$, $L>0$, будетъ наименьшею величиною функціи φ (p, q, r, . . .) относи-

Digitized by Google

тельно p и q. Поступая совершенно также съ нимъ, какъ мы поступали съ многочленами φ (p, q, r, . . .) и $\varphi\left(-\frac{Bq+..}{A}, q, r.\right)$, мы получимъ условіе $T > 0$, гдѣ T есть коэфиціэнтъ при второй степени r въ этомъ многочленѣ. Такимъ образомъ мы исключимъ мало по малу количества p, q, r, ... и въ результатѣ получимъ функцію вида $Q s^2$, гдѣ s есть послѣднее постоянное произвольное количество. Условіе $Q > 0$, также будетъ послѣднимъ, для существованія положительнаго *minimum*. Такимъ образомъ условія

(15) $$A > 0, L > 0, T > 0, \ldots Q > 0.$$

Опредѣлятъ постоянный положительный знакъ даннаго многочлена $\varphi(p, q, r, \ldots) = Ap^2 + 2Bpy + Cq^2 + 2Dpr + Eqr + Fr^2 + \ldots$

Если мы перемѣнимъ знаки коэфиціэнтовъ A, B, C, ... Тогда условія (15) обратятся въ слѣдующія

(16) $$A < 0, L < 0, T < 0, \ldots Q < 0.$$

и данный многочленъ будетъ сохранять постоянно отрицательный знакъ.

Легко видѣть, что этотъ многочленъ тожественно равенъ такому $A(p-p_0)^2 + L(q-q_0)^2 + T(r-r_0)^2 + \ldots + Qs^2$.

гдѣ $p_0 = -\frac{Bq + Dr + \ldots}{A} q_0 = -\frac{Mr + \ldots}{L}$, . . . Это очевидно, потому что подвергая тѣмъ же дѣйствіямъ, какимъ подвергали данный многочленъ при разысканіи положительнаго minimum, получимъ $p = -\frac{Bq + Dr + \ldots}{A}$, $q = -\frac{Mr + \ldots}{L}$

т. е. тоже самое, что мы получили и прежде.

Такой видъ многочлена ясно показываетъ, что если всѣ коэфиціэнты A, L, T, . . . Q положительные, то и знакъ его будетъ постоянно положительный, а если они — отрицательные, то и знакъ этотъ будетъ отрицательный.

Возмемъ для примѣра многочленъ

$$d^2 u = Ap^2 + 2Bpq + Cq^2$$

Поступая по предидущимъ правиламъ найдемъ

$$p_0 = -\frac{B}{A} q \text{ и } A > 0.$$

Подставивъ величину p_0 въ данный многочленъ мы будемъ имѣть

$$Ap^2 + 2Bpq + Cq^2 = \left(C - \frac{B^2}{A}\right) q^2$$

условіе $C - \frac{B^2}{A} > 0$, соединенное съ первымъ $A > 0$, опредѣлять

Digitized by Google

постоянный положительный знакъ разсматриваемаго многочлена, условія же $A<0$, $C-\frac{B^2}{A}<0$, опредѣлятъ отрицательный его знакъ. Въ обоихъ случаяхъ условія $C-\frac{B^2}{A}>0$ и $C-\frac{B^2}{A}<0$, можно замѣтить однимъ $AC-B^2>0$. По предыдущему, мы также имѣемъ равенство

$$Ap^2+2Bpq+Cq^2=A(p-p_0)^2+Lq^2=A\left(p+\frac{B}{A}q\right)^2+\left(C-\frac{B^2}{A}\right)q^2.$$

Если бы данъ былъ многочленъ

$$d^2u=Ap^2+2Bpq+Cq^2+2Dpr+2Eqr+Fr^2$$

то мы, поступая по изложеннымъ правиламъ, получили бы

$$p_0=-\frac{Bq+Dr}{A},\quad q_0=-\frac{E-\frac{BD}{A}r}{C-\frac{B^2}{A}}\text{ и }A=A,\ L=C-\frac{B^2}{A},$$

$$T=F-\frac{D^2}{A}-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}$$

Такимъ образомъ условія $A>0$, $L>0$, $T>0$, опредѣлятъ положительный знакъ даннаго многочлена, а условія $A<0$, $L<0$ $T<L$, отрицательный. Но замѣтивъ, что въ первомъ случаѣ $A>0$, а во второмъ $A<0$, мы имѣемъ слѣдующія условія

$$A>0,\ AC-B^2>0,\ (AF-D^2)(AC-B^2)-(AE-BD)^2>0$$

въ первомъ случаѣ, и $A<0$ $AC-B^2>0$, $(AF-D^2)(AC-B^2)-(AE-BD)^2>0$, во второмъ. Очевидно также, что данный многочленъ можетъ быть представленъ въ видѣ

$$A(p-p_0)^2+L(q-q_0)^2+T(r)^2=A\left(p+\frac{B}{A}q+\frac{D}{A}r\right)^2+\left(C-\frac{1}{A}.B^2\right)\left(q+\frac{E-\frac{1}{A}.BD}{C-\frac{1}{A}.B^2}r\right)^2+\left[F-\frac{D^2}{A}-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}\right]r.$$

Возмемъ еще полиномъ

$$d^2u=Ap^2+2Bpq+Cq^2+2Dpr+2Eqr+F(r)^2+2Gps+2Hqs+2Jrs+Ks^2$$

Точно также, какъ и прежде, найдемъ

$$p_0=-\frac{Bq+Dr+Gs}{A},\quad q_0=-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}r\right)+\left(H-\frac{BS}{A}\right)s}{C-\frac{B^2}{A}},$$

Digitized by Google

$$r_0=\frac{-\left[\left(J-\frac{DG}{A}\right)-\frac{1}{C-\frac{1}{A}\cdot B^2}\left(E-\frac{BD}{A}\right)\left(H-\frac{BG}{A}\right)\right]}{\left[\left(F-\frac{D^2}{A}\right)-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}\right]}$$

$$A=A,\ L=C-\frac{B^2}{A},\ T=\left[\left(F-\frac{D^2}{A}\right)-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}\right],$$

$$Q=\left[\left(H-\frac{D^2}{A}\right)-\frac{\left(H-\frac{BG}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}\right]-\frac{\left[\left(J-\frac{BG}{A}\right)-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)\left(H-\frac{BG}{A}\right)}{C-\frac{B^2}{A}}\right]^2}{F-\frac{D^2}{A}-\frac{\left(E-\frac{BD}{A}\right)^2}{C-\frac{B^2}{A}}}$$

По этому условія, общія положительному и отрицательному знаку даннаго многочлена, будетъ

$$\left.\begin{array}{l}AC-B^2>0,\ (AC-B^2)\ (AF-D^2)-(AE-BD)^2>0,\ [(AC-B^2)\ (AK-G)^2-\\ (AH-BS)^2]\ [(AC-B^2)\ (AF-D^2)-(AE-BD)^2]-[(AC-B^2)\ (AJ-DG)-\\ (AE-BD)\ (AH-BG)]^2\end{array}\right\}>0.$$

При этомъ положительный знакъ даннаго многочлена опредѣлится условіемъ $A>0$, и отрицательный условіемъ $A<0$

Очевидно, также, что данный полиномъ можетъ быть представленъ въ видѣ

$$A\ (p-p_0)^2+L\ (q-q_0)^2+T\ (r-r_0)^2+Qs^2$$

Мы достигли бы тѣхъ же результатовъ, если бы разыскивали условія мнимости корней уравненія $\varphi\ (p,\ q,\ r,\ldots)=0$, Тогда, легко видѣть, что эта функція не обратится въ нуль и будетъ постоянно сохранять одинъ и тотъ же знакъ. Но мы не останавливаемся на этомъ предметѣ.

Замѣтимъ, что если нѣкоторое изъ коэфиціентовъ A, L, T, Q,... обращаются въ нуль, то это не помѣшаетъ данному многочлену сохранять постоянный знакъ. Если же всѣ они обращаются въ нуль, тогда нужно обратиться къ высшимъ дифференціаламъ, какъ было показано выше, потому что тогда d^2u уничтожается тожественно. Чтоже касается до условій, по которымъ четвертый дифференціялъ d^4u сохраняетъ постоянный знакъ, то объ этомъ можно читать интересную статью Г. Академика В.

Digitized by Google

Я. Буняковскаго, помѣщенную въ Mémoires de l'Académie impériale des Sciences de St. Pétersbourg; année 1829.

Возмемъ нѣсколько примѣровъ, чтобы объяснить предъидущую теорію.

1) *Раздѣлить данное число* 3*a*, *на такія три части, чтобы произведеніе ихъ было наибольшее.*

Означимъ черезъ x, y, z, искомыя части, тогда мы будемъ имѣть

$$x+y+z=3a \text{ и } z=3a-x-y,$$

а функція наибольшую величину которой требуется опредѣлить будетъ $u=xy\,(3a-x-y)$

Дифференцируя ее мы имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=y\,(3a-x-y)-xy,\ \frac{du}{dy}=x\,(3a-x-y)-xy$$

Изъ уравней $\frac{du}{dx}=0$ и $\frac{du}{dy}=0$, получаемъ $x=y=z=a$. Вторыя же частныя производныя функціи u будетъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=-2y,\ \frac{d^2u}{dxdy}=3a-2\,(x+y)\ ,\ \frac{d^2u}{dy^2}=-2x$$

По подставленіи величинъ $x=y=a$, получимъ $\frac{d^2u}{dx^2}=-2a=\frac{du^2}{yd^2}$ и $\frac{d^2u}{dxdy}=-a$. Очевидно, эти производныя удовлетворяютъ условіямъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=\frac{d^2u}{dy^2}=-3a<0 \text{ и } \frac{d^2u}{d^2x}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2=3a^2>0,$$

поэтому величина $u=a^3$ будетъ наибольшая.

2) *Изъ всѣхъ треугольниковъ одинаковаго периметра* 2*p*, *найти треугольникъ съ наибольшею площадью.*

Означивъ стороны искомаго треугольника черезъ x, y, z, площадь его выразится такъ $V=\sqrt{p\,(p-x)\,(p-y)\,(x+y-p)}$. Отбросивъ постояннаго множителя $\sqrt{p}$, мы получимъ

$$u=\sqrt{(p-x)\,(p-y)\,(x+y-p)}$$

Слѣдуя предыдущимъ правиламъ мы получимъ

$$\frac{du}{dx}=\frac{2p-2x-y}{2u}=0,\ \frac{du}{dy}=\frac{2p-x-2y}{2u}=0,$$

откуда находимъ $x=y=z=\frac{2}{3}p$. Далѣе мы имѣемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=-\frac{1}{2}\,\frac{2u+(2p-2x-y)\cdot\frac{du}{dx}}{u^2}=-\frac{3\sqrt{3}}{\sqrt{p^3}}$$

Digitized by Google

$$\frac{d^2u}{dy^2}=-\frac{1}{2}\cdot\frac{2u+(2p-x-2y).\frac{du}{dy}}{u^2}=-\frac{3\sqrt{3}}{\sqrt{p^3}}$$

$$\frac{d^2u}{dxdy}=-\frac{1}{2}\cdot\frac{u+(2p-2x-y).\frac{du}{dy}}{u^2}=-\frac{3\sqrt{3}}{2\sqrt{p^3}}.$$

Очевидно, что мы здѣсь имѣемъ условія

$$\frac{d^2u}{dx^2}=\frac{d^2u}{dy^2}=-\frac{3\sqrt{3}}{\sqrt{p^3}}<0 \text{ и } \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2=\frac{27}{p^3}\left(1-\frac{1}{4}\right)>0,$$

которыя опредѣлятъ наибольшую величину функціи u, и что одно и тоже функціи V, которая будетъ равна количеству $V=\frac{p^3}{3\sqrt{3}}$. Изъ равенства $x=y=z=\frac{2}{3}p$ видно, что равносторонній треугольникъ удовлетворяетъ вопросу.

3) *Провести черезъ точку, опредѣляемую координатами x′, y′ и z′, плоскость, такъ чтобы треугольная пирамида, составляемая ею съ плоскостями координатъ имѣла наименьшій объемъ.*

Уравненіе плоскости, проходящей черезъ точку (x′, y′, z′) будетъ

$$(x-x')+a(y-y')+b(z-z')=0$$

Части же координатныхъ осей x, y, z, заключающіяся между началомъ координатъ и этою плоскостію соотвѣтственно будутъ

$$x'+ay+bz',\ \frac{x'+ay'+bz'}{a},\ \frac{x'+ay'+bz'}{b}.$$

Искомый объемъ будетъ $u=\frac{1}{6ab}(x'+ay'+bz')^3$. Дифференцируя же эту функцію по a и b получимъ

$$\frac{du}{da}=(x'+ay'+bz')^2\cdot\frac{3a^2y'-a(x'+ay'+bz')}{6a^3b}=(x'+ay'+bz')^2\cdot\frac{3ay'-x'-ay'-bz'}{6a^2b}=0$$

$$\frac{du}{db}=(x'+ay'+bz')^2\cdot\frac{3bz'-x-ay'-bz'}{6ab^2}=0,$$

Откуда получаемъ $a=\frac{x'}{y'}$ и $b=\frac{x'}{z}$. Взявъ вторыя производныя функціи u по a и по b, мы увидимъ, что онѣ удовлетворяютъ условіямъ $\frac{d^2u}{da^2}>0,\ \frac{d^2u}{db^2}>0,\ \frac{d^2u}{da^2}\cdot\frac{d^2u}{db^2}-\left(\frac{d^2u}{da.db}\right)^2>0$, слѣдовательно величина $u=\frac{9}{2}x'y'z'$, соотвѣтствующая значеніямъ $a=\frac{x'}{y'}$ и $b=\frac{x'}{z'}$ есть наименьшая. Уравненіе же искомой плоскости будетъ $(x-x')+\frac{x'}{y'}(y-y')+\frac{x'}{z'}(z-z')=0$.

Digitized by Google

4) *Найти кратчайшее разстояніе двухъ прямыхъ линій въ пространствѣ, опредѣляемыхъ уравненіями*

$$y=ax+b$$
$$z=a'x+b'$$
$$y'=\alpha x'+\beta$$
$$z'=\alpha' x'+\beta'$$

Въ такомъ случаѣ искомое разстояніе выразится слѣдующимъ образомъ $r=\sqrt{(x-x')^2+(b-\beta+ax-\alpha x')^2+(b'-\beta'+a'x+\alpha' x')^2}$.

Съ этою функціею въ одно время наибольшею и наименьшею будетъ слѣдующая $u=\frac{1}{2}(x-x')^2+\frac{1}{2}(b-\beta+ax-\alpha x')^2+\frac{1}{2}(b'-\beta'+a'x-\alpha' x')^2$

Поэтому дифференцируя эту послѣднюю функцію по x и x' получимъ $\frac{du}{dx}=(x-x')+a(b-\beta+ax-\alpha x')+a'(b'-\beta'++a'x-\alpha' x')=0$

$$\frac{du}{dx'}=-(x-x')-\alpha(b-\beta+a\,x-\alpha x',)-\alpha'(b'-\beta'+a'\,x-\alpha' x',)=0$$

$$\frac{d^2u}{dx^2}=1+a^2+a'^2,\ \frac{d^2u}{dx'^2}=1+x^2+\alpha^2,\ \frac{d^2u}{dxdx'}=-1-ax-a'\alpha'$$

Система величинъ x и x', получаемая изъ уравненій $\frac{du}{dx}=0$ и $\frac{du}{dx'}=0$, дѣлаетъ данную функцію наименьшею, потому что выполняются условія $\frac{d^2u}{dx^2}=1+a^2+a'^2>0$, $\frac{d^2u}{dx^2}=1+\alpha^2+\alpha'^2>0$,

$$\frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dx'^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdx'}\right)^2>0.$$

Послѣднее условіе можно привести къ слѣдующему

$$(a-\alpha)^2+(a'-\alpha')^2+(a\alpha'-a'\alpha)^2>0,$$

что, очевидно, справедливо. Такимъ образомъ искомое наименьшее разстояніе будетъ

$$r=\frac{(b-\beta)(a'-\alpha')-(b'-\beta')(a-\alpha)}{\sqrt{(a-\alpha)^2+(a'-\alpha')^2+(a\alpha'-a\alpha)^2}}$$

Можетъ случиться, что уравненія $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dy}=0$, $\frac{du}{dz}=0$, ... будутъ принадлежать къ числу неопредѣленныхъ. Въ такомъ случаѣ иногда бываетъ, что системы величинъ, вытекающія изъ этихъ уравненій, по видимому доставляютъ наибольшую или наименьшую величину для данной функціи. Но такъ какъ, такая величина будетъ соотвѣтствовать безконечному множеству системъ величинъ x, y, z,..., то, кажется, естественнѣе не принимать ее за наибольшую или наименьшую, потому что она не подходитъ подъ общее опредѣленіе такихъ величинъ. Дѣйствительно для каждой системы, удовлетворяющей упомянутымъ уравненіямъ $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dy}=0$, ... соотвѣтствуетъ равная ве-

Digitized by Google

личина данной функціи u. Поэтому въ сопредѣльности съ такою величиною, другія значенія функціи и не всѣ будутъ менѣе или болѣе ея, но найдутся и равныя. Слѣдовательно она уже не будетъ въ строгомъ смыслѣ наибольшею или наименьшею. Такъ напримѣръ для функціи $u=(cy-bz+l)^2+(az-cx+m)^2+(bx-ay+n)^2$ уравненія $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dz}=0$, доставляютъ только слѣдующія два

$$\frac{1}{a}(cy-bz+l)=\frac{1}{b}(az-cx+m)=\frac{1}{c}(bx-ay+n)$$

По этому величина $u=\frac{(al+bm+cn)^2}{a^2+b^2+c^2}$, которая есть по видимому наименьшая, не можетъ быть принимаема въ строгомъ смыслѣ за наименьшую, потому что соотвѣтствуетъ безчисленному множеству величинъ x, y, z.

ГЛАВА VI.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ неявныхъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ.

Положимъ, что имѣемъ уравненіе

$$(1) \qquad f(u, x, y, z, \ldots)=0,$$

и требуется опредѣлить наибольшія и наименьшія величины функціи u, которая въ настоящемъ случаѣ есть неявная. Вопросъ приведется къ функціямъ явнымъ, если можно исключить функцію u, и представить ее въ видѣ $u=\varphi(x, y, z \ldots)$. Но такъ какъ такое исключеніе не всегда возможно, то мы и покажемъ правила, по которымъ опредѣляются наибольшія и наименьшія величины въ подобныхъ случаяхъ.

Дифференцируемъ уравненіе (1) послѣдовательно въ отношеніи къ перемѣннымъ x, y, z, ... принимая ихъ за независимыя, а функцію u, какъ функцію этихъ перемѣнныхъ независимыхъ.

Въ такихъ предположеніяхъ, мы получаемъ слѣдующія уравненія:

$$(a)\ \frac{df}{dx}+\frac{df}{du}\cdot\frac{du}{dx}=0,\ \frac{df}{dy}+\frac{df}{du}\cdot\frac{du}{dy}=0,\ \frac{df}{dz}+\frac{df}{du}\cdot\frac{du}{dz}=0,\ldots.$$

Откуда непосредственно получаемъ

$$\frac{du}{dx}=-\frac{\left(\frac{df}{dx}\right)}{\left(\frac{f}{du}\right)},\quad \frac{du}{dy}=-\frac{\left(\frac{df}{dy}\right)}{\left(\frac{df}{du}\right)},\quad \frac{du}{dz}=-\frac{\left(\frac{df}{dz}\right)}{\left(\frac{df}{du}\right)}$$

Digitized by Google

Для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, какъ мы видѣли выше, необходимыя условія будутъ $\frac{du}{dx}=0, \frac{du}{dx}=0, \frac{du}{dz}=0,\ldots$. Если количество $\frac{df}{du}$ не обращается ни въ нуль, ни въ безконечность, то эти условія приведутся къ слѣдующимъ

$$(b) \qquad \frac{df}{dx}=0, \frac{df}{dy}=0, \frac{df}{dz}=0,\ldots$$

Изъ уравненій (b), соединенныхъ съ уравненіемъ (1), получаемъ систему величинъ $u=u_0$, $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0,\ldots$. Чтобъ узнать есть ли величина u_0 наибольшая или наименьшая, поступаемъ слѣдующимъ образомъ: Дифференцируемъ уравненія (a); тогда получаемъ.

$$(c)\begin{cases}\frac{d^2f}{dx^2}+2\frac{d^2f}{dxdu}\cdot\frac{du}{dx}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\left(\frac{du}{dx}\right)^2+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dx^2}=0\\ \frac{d^2f}{dy^2}+2\frac{d^2f}{dy.du}\cdot\frac{du}{dy}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\left(\frac{du}{dy}\right)^2+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}=0\\ \frac{d^2f}{dz^2}+2\frac{d^2f}{dz.du}\cdot\frac{du}{dz}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\left(\frac{du}{dz}\right)^2+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dz^2}=0\\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\\ \frac{d^2f}{dxdy}+\frac{d^2f}{dxdu}\cdot\frac{du}{dy}+\frac{d^2f}{dy.du}\cdot\frac{du}{dx}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\frac{du}{dx}\cdot\frac{du}{dy}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dxdy}=0\\ \frac{d^2f}{dxdz}+\frac{d^2f}{dxdu}\cdot\frac{du}{dz}+\frac{d^2f}{dz.du}\cdot\frac{du}{dx}+\frac{d^2f}{du^2}\cdot\frac{du}{dx}\cdot\frac{du}{dz}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dxdz}=0\\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\end{cases}$$

Изъ этихъ уравненій выводимъ величины частныхъ производныхъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}, \frac{d^2u}{dy^2}, \frac{d^2u}{dz^2},\ldots\ldots \frac{d^2u}{dxdy}, \frac{d^2u}{dxdz}, \frac{d^2u}{dydz},\ldots\ldots$$

Предъидущія уравненія представятся въ простѣйшемъ видѣ, если замѣтимъ, что $\frac{du}{dx}=0, \frac{du}{dy}=0, \frac{du}{dz}=0,\ldots$ и также, что вторыя производныя функціи $f(u, x, y, z,\ldots)$ непрерывны. Дѣйствительно тогда вмѣсто этихъ уравненій получимъ слѣдующія

$$\frac{d^2f}{dx^2}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dx^2}=0, \frac{d^2f}{dy^2}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}=0,\ldots \frac{d^2f}{dxdy}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dxdy}=0, \frac{d^2f}{dxdz}+\frac{df}{du}\cdot\frac{d^2u}{dxdz}=0,\ldots$$

Подставляя въ полученныя величины частныхъ производныхъ функцій и, систему величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0,\ldots u=u_0$, мы получимъ нѣкоторыя опредѣленныя количества $\frac{d^2u}{dx^2}=A$, $\frac{d^2u}{dxdu}=B, \frac{d^2u}{dy^2}=C, \frac{d^2u}{dxdz}=D, \frac{d^2u}{dydz}=E, \frac{d^2u}{dz^2}=F,\ldots$. Тогда смотримъ сохраняетъ-ли постоянный знакъ многочленъ.

$$Ap^2+2Bpq+Cq^2+2Dpr+2Eqr+Fr^2+\ldots$$

Digitized by Google

независимо отъ величины произвольныхъ количествъ p, q, r,.... Если условія, опредѣляющія постоянный его знакъ, выполнены, то система величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,.... доставляетъ для данной функціи наибольшую или наименьшую величину $u=u_0$, смотря потому будетъ ли знакъ упомянутаго полинома отрицательный или положительный. Когда этотъ знакъ будетъ иногда положительный, иногда отрицательный, смотря по частнымъ значеніямъ количествъ p, q, r,...., то величина $u=u_0$ не будетъ ни наибольшею ни наименьшею.

Правила останутся тѣже самыя, если перемѣнныя x, y, z,... приведутся къ одному x. Въ такомъ случаѣ функція u будетъ зависѣть только отъ одного перемѣннаго x. Тогда многочленъ $Ap^2+2Bpq+\ldots$ обратится въ $Ap^2=\frac{d^2u}{dx^2}p^2$, и слѣдовательно знакъ производной $\frac{d^2u}{dx^2}$ прямо опредѣляетъ наибольшую или наименьшую величину функціи u. Въ случаѣ уничтоженія дифференціала d^2u, обращаемся къ высшимъ дифференціаламъ d^3u, d^4u... Чтобы найти частныя производныя, ихъ составляющія, дифференцируемъ нѣсколько разъ уравненія (c) относительно каждой перемѣнной, подобнымъ же образомъ, какъ мы поступали прежде. Найдя d^3u, d^4u, . . . нужно слѣдовать правиламъ изложеннымъ въ главѣ V. Объяснимъ предыдущую теорію примѣромъ.

Найти наименьшую величину радіуса вектора и эллипсоида, даннаго по уравненію $u^2-\frac{a^2-c^2}{a^2}x^2-\frac{b^2-c^2}{b^2}y^2-c^2=0$, гдѣ a, b и c суть полуоси эллипсоида, написанныя по порядку ихъ величинъ. Поэтому $a>b>c$. Дифференцируя данное уравненіе мы получаемъ $\frac{du}{dx}=\frac{a^2-c^2}{a^2u}\cdot x$, $\frac{du}{dy}=\frac{b^2-c^2}{b^2u}\cdot y$.

Изъ уравненій $\frac{du}{dx}=0$, $\frac{du}{dy}=0$, соединенныхъ съ даннымъ, находимъ $x=0$, $y=0$, $u=c$. Кромѣ того мы имѣемъ.

$$\frac{d^2u}{dx^2}=\frac{a^2-c^2}{a^2u}-x\frac{(a^2-c^2)\frac{du}{dx}}{a^2u^2}$$

$$\frac{d^2u}{dxdy}=-\frac{(a^2-c^2)x}{a^2u^2}\cdot\frac{du}{dy}$$

$$\frac{d^2u}{dy^2}=\frac{b^2-c^2}{b^2u}-y\frac{(b^2-c^2\frac{du}{dy}}{b^2u^2}$$

Такъ какъ система величинъ $x=0$, $y=0$, $u=c$, дѣлаетъ $\frac{d^2u}{dxdy}=0$ и притомъ $a>b>c$, то, очевидно, выполняются условія

Digitized by Google

$$\frac{d^2u}{dx^2}>0,\ \frac{d^2u}{dy^2}>0,\ \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)>0,$$

почему заключаемъ, что величина u=c есть наименьшая.

Перейдемъ теперь къ тому случаю, когда перемѣнныя, входящія въ данную функцію, сами связаны уравненіями.

Положимъ, что мы имѣемъ функцію u=f (x, y, z,...t, v), n перемѣнныхъ x, y, z,...t, v, наибольшія и наименьшія величины которой требуется разыскать, и предположимъ, что n перемѣнныхъ въ нее входящихъ связаны такими m уравненіями

(1) $f_1(x,y,z,....t,v)=0, f_2(x,y,z,...t,v)=0, f_3(x,y,z,...t,v)=0...f_m(x,y,z,...)=0.$

Дифференцируя эти уравненія, мы имѣемъ

$$\begin{aligned}
&\frac{df_1}{dx}dx+\frac{df_1}{dy}dy+\frac{df_1}{dz}dz+..+\frac{df_1}{dt}dt+\frac{df_1}{dv}.dv=0\\
&\frac{df_2}{dx}dx+\frac{df_2}{dy}dy+\frac{df_2}{dz}dz+...+\frac{df_2}{dt}dt+\frac{df_2}{dv}dv=0\\
(2)\qquad&\frac{df_3}{dx}dx+\frac{df_3}{dy}dy+\frac{df_3}{dz}dz+...+\frac{df_3}{dt}dt+\frac{df_3}{dv}dv=0\\
&\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\\
&\frac{df_m}{dx}dx+\frac{df_m}{dy}dy+\frac{df_m}{dz}dz+...+\frac{df_m}{dt}dt+\frac{df_m}{dv}dv=0.
\end{aligned}$$

Отсюда находимъ m какихъ угодно дифференціаловъ, напримѣръ dr, dt,..... въ линейныхъ функціяхъ другихъ. Такимъ образомъ, подставивъ эти m дифференціаловъ, которые мы принимаемъ за зависимые отъ другихъ, въ количество

$$du=\frac{du}{dx}dx+\frac{du}{dy}dy+\frac{du}{dz}dz+...+\frac{du}{dt}dt+\frac{du}{dv}dv$$

мы исключимъ въ du всѣ зависимые дифференціалы, и останутся только тѣ, которыхъ мы принимаемъ за независимые.

Слѣдовательно количество du приведется къ виду

$$(3)\qquad du=Pdx+Qdy+Rdz+.....,$$

гдѣ P, Q, R,.... суть функціи перемѣнныхъ x, y, z,....t, v. Такъ какъ коэффиціэнты передъ независимыми дифференціалами должны быть, по предыдущему, уравнены нулю, то мы имѣемъ n—m уравненій

$$(4)\qquad P=0,\ Q=0,\ R=0,....$$

которые по соединеніи съ m уравненіями (1), дадутъ величины $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,...$t=t_0$, $r=r_0$ всѣхъ n перемѣнныхъ, могущія доставить данной функціи наибольшія и наименьшія величины.

Потомъ подвергаемъ полученную систему $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$

Digitized by Google

..... испытанію. Для этого дифференцируемъ, выраженіе (3); мы получаемъ

$$d^2u=\left(\frac{dP}{dx}dx+\frac{dP}{dy}dy+\ldots+\frac{dP}{dv}dv\right)dx+\left(\frac{dQ}{dx}dx+\frac{dQ}{dy}dy+\ldots+\frac{dQ}{dv}dr\right)dy$$
$$+\left(\frac{dR}{dx}dx+\frac{dR}{dy}dy+\ldots+\frac{dR}{dv}dv\right)dz.....$$

Подставивъ сюда величины dr, dt,.... выведенныя изъ уравненій (2), мы приведемъ количество d^2u, къ виду

$$d^2u=Adx^2+2Bdxdy+Cdy^2+2Ddxdz+2Edydz+Fdz^2+.....$$

гдѣ A, B, C, D, E, F,... суть постоянныя опредѣленныя количества.

По правиламъ, изложеннымъ въ главѣ V, легко будетъ узнать сохраняетъ ли дифференціалъ d^2u постоянно одинъ и тотъ же знакъ, независимо отъ величинъ постоянныхъ произвольныхъ количествъ dx, dy, dz,... Если онъ имѣетъ постоянно отрицательный знакъ, то величина $u=f(x_0, y_0, z_0,\ldots t_0, v_0)$ есть наибольшая, и если положительный, то наименьшая. Когда же знакъ его зависитъ отъ величинъ dx, dy, dz,....., то эта величина не будетъ ни наибольшею, ни наименьшею.

Въ томъ случаѣ, когда число m приводится къ единицѣ, т. е. когда перемѣнныя связаны однимъ уравненіемъ, то уравненія (2) приведутся къ одному

$$\frac{df_1}{dx}dx+\frac{df_1}{dy}dy+\frac{df_1}{dz}dz+\ldots.+\frac{df_1}{dv}dv=0$$

Принимая здѣсь который либо изъ дифференціаловъ dx, dy, dz,...dv, напримѣръ dv за зависимый, получаемъ

$$(a)\qquad dv=-\left(\frac{\frac{df_1}{dx}}{\frac{df_1}{dv}}dx+\frac{\frac{df_1}{dy}}{\frac{df_1}{dv}}dy+\frac{\frac{df_1}{dz}}{\frac{df_1}{dv}}dz+\ldots..\right).$$

Подставляя эту величину dv въ первый дифференціалъ

$$du=\frac{du}{dx}dx+\frac{du}{dy}dy+\frac{du}{dz}dz+\ldots.+\frac{du}{dv}dv,$$

находимъ

$$du=\left(\frac{du}{dx}-\frac{\frac{du}{dv}\cdot\frac{df_1}{dx}}{\frac{df_1}{dv}}\right)dx+\left(\frac{du}{dy}-\frac{\frac{du}{dv}\cdot\frac{df_1}{dy}}{\frac{df_1}{dv}}\right)dy+\left(\frac{du}{dz}-\frac{\frac{du}{dv}\cdot\frac{df_1}{dz}}{\frac{df_1}{dv}}\right)dz+\ldots$$

Уравнявъ нулю порознь каждый изъ коеффиціэнтовъ передъ dx, dy,..., получаемъ

$$(5)\qquad \frac{\frac{du}{dr}}{\frac{df_1}{dr}}=\frac{\frac{du}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{du}{dy}}{\frac{df_1}{dy}}=\frac{\frac{du}{dz}}{\frac{df_1}{dz}}=.....$$

Digitized by Google

Этихъ уравненій будетъ числомъ n—1, которые по соединеніи съ даннымъ $f_1(x, y, z, \ldots t, v)=0$, дадутъ n величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0, \ldots t=t_0$, $v=v_0$, могущихъ доставить данной функціи наибольшую или наименьшую величину.

Такой способъ, который мы сей часъ предложили, кажется есть самый естественный и очень легкій въ приложеніяхъ, который представляется самъ собою при первомъ взглядѣ на предметъ.

Объяснимъ этотъ способъ примѣрами.

1) *Найти кратчайшее разстояніе начала координатъ, отъ плоскости, опредѣляемой уравненіемъ*

$$Ax+By+Cz=D$$

Искомое разстояніе выразится такъ

$$r^2=x^2+y^2+z^2$$

Очевидно, что r будетъ наибольшимъ и наименьшимъ съ функціею $u=x^2+y^2+z^2$, въ одно время, и потому мы разыщемъ наименьшую величину этой послѣдней функціи. Изъ уравненія

(a) получаемъ $$dz=-\frac{A}{C}dx-\frac{B}{C}dy$$

Уравненія же (5) въ этомъ случаѣ обращаются въ слѣдующія

$$\frac{x}{A}=\frac{y}{B}=\frac{z}{C}=\frac{u}{D}=\frac{D}{A^2+B^2+C^2},$$

откуда получаемъ

$$x=\frac{AD}{A^2+B^2+C^2},\ y=\frac{BD}{A^2+B^2+C^2},\ z=\frac{CD}{A^2+B^2+C^2},\ u=\frac{D^2}{A^2+B^2+C^2}$$

Также мы очевидно имѣемъ

$$\frac{1}{2}du=xdx+ydy+zdz=\left(x-\frac{A}{C}z\right)dx+\left(y-\frac{B}{C}z\right)dy$$

$$\frac{1}{2}d^2u=\left(dx-\frac{A}{C}dz\right)dx+\left(dy-\frac{B}{C}dz\right)dy=\left(1+\frac{A^2}{C^2}\right)dx^2+2\frac{AB}{C^2}dxdy+\left(1+\frac{B^2}{C^2}\right)dy^2$$

или $$\frac{C^2}{2}d^2u=(A^2+C^2)dx^2+2ABdxdy+(B^2+C^2)dy^2$$

Такъ какъ мы имѣемъ

$$A^2+C^2>0,\ B^2+C^2>0\ (A^2+C^2)(B^2+C^2)-A^2B^2=C^4+(A^2+B^2)C^2>0,$$

то величина $u=\frac{D^2}{A^2+B^2+C^2}$ есть наименьшая, и искомое наименьшее разстояніе, по этому будетъ $r=\frac{D}{\sqrt{A^2+B^2+C^2}}$

2) *Изъ всѣхъ прямыхъ параллелепипедовъ, имѣющихъ одинаковый объемъ a^3, найти параллелепипедъ съ наименьшею поверхностію.*

Digitized by Google

Означивъ черезъ x, y, z, три взаимно пресѣкающіяся ребра параллелепипеда, мы получимъ

$$u=xy+xz+yz$$
$$f_1=xyz-a^3=0.$$

Поступая по предыдущимъ правиламъ, мы получимъ

$$dz=-\frac{z}{x}dx-\frac{z}{y}dy$$

Уравненія же (5) дадутъ $\frac{y+z}{yz}=\frac{x+z}{xz}=\frac{x+y}{xy}$, откуда $x=y=z=a$

По этому $dz=-\frac{z}{x}dx-\frac{z}{y}dy=-dx-dy$. Притомъ мы имѣемъ

$$du=(y+z)dx+(x+z)dy+(x+y)dz=\frac{xy-yz}{x}dx+\frac{xy-xz}{y}dy$$

$$d^2u=\left[\frac{yz}{x^2}dx+\left(1-\frac{z}{x}\right)dy-\frac{y}{x}dz\right]dx+\left[\frac{xz}{y^2}dy+\left(1-\frac{z}{y}\right)dx-\frac{x}{y}dz\right]dy$$

Замѣчая что $x=y=z=a$, и $dz=-(dx+dy)$ мы получимъ

$$d^2u=2dx^2+2dxdy+2dy^2$$

Такъ какъ здѣсь соблюдаются условія $2>0$, $2>0$ и $2.\ 2-1^2=3>0$, то величина $u=3a^2$ есть наименьшая. Наименьшая же поверхность будетъ $=6a^2$, и кубъ удовлетворяетъ данному вопросу.

3) *Найти наибольшую величину функціи* $u=x^m y^n z^t$ причемъ дано условіе $ax+by+cz-k=0$

Уравненія (5) даютъ

$$\frac{m}{ax}=\frac{n}{by}=\frac{t}{cz}=\frac{m+n+t}{k}\text{, откуда}$$

$$x=\frac{mk}{a(m+n+t)}\text{, }y=\frac{nk}{b(m+n+t)}\text{, }z=\frac{tk}{c(m+n+t)}$$

$$\frac{du}{u}=m\frac{dx}{x}+n\frac{dy}{y}+t\frac{dz}{z}$$

$$\frac{d^2u}{u}-\frac{du^2}{u^2}=-m\frac{dx^2}{x^2}-n\frac{dy^2}{y^2}-t\frac{dz^2}{z^2}$$

Откуда видимъ, что если a, b, c, m, n, t суть постоянныя положительныя количества, то $d^2u<0$ и слѣдовательно величина u, соотвѣтствующая найденнымъ значеніямъ x, y и z, есть наибольшая.

4) *Найти наибольшую величину функціи* $u=xyz$, при чемъ дано условіе $xy+xz+yz-3a^2=0$

Въ этомъ случаѣ уравненія (5) даютъ

$$\frac{yz}{y+z}=\frac{xz}{x+z}=\frac{xy}{x+y}$$

Digitized by Google

По этому выводимъ $x=y=z=a$. Кромѣ того изъ условнаго уравненія имѣетъ $dz=-\frac{y+z}{x+y}dx-\frac{x+z}{x+y}dy=-(dx+dy)$

Дифференцируя же функцію u, получимъ

$$du=yzdx+xzdy+xydz=(yz-xy)\,dx+(xz-xy)dy$$

$$d^2u=[(z-x)\,dy-2ydx-y\,dy]\,dx+[(z-y)dx-2xdy-xdx]\,dy$$
$$=-2a\,dx^2-2adxdy-2ady^2$$

Такъ какъ мы имѣемъ $-2a<0$, $-2a<0$, $4a^2-a^2>0$, то предполагая a количествомъ положительнымъ, заключаемъ что величина $u=a^3$ есть наибольшая.

Изложимъ теперь другіе способы, относящіеся къ томуже предмету. Сдѣлаемъ прежнія положенія, то есть положимъ, что имѣемъ функцію $u=f(x, y, z, \ldots t, v)$, n перемѣнныхъ и m условныхъ уравненій $f_1=0$, $f_2=0$, $f_3=0 \ldots f_m=0$. Дифференцируемъ сначала функцію u по x, по y, по z,..., принимая эти перемѣнныя за независимыя, а m перемѣнныхъ какихъ угодно, напримѣръ, t, v, . . . за функціи, названныхъ перемѣнныхъ независимыхъ. Тогда, сообразуясь съ правилами, изложенными въ главѣ V, получимъ

$$(a)\quad \begin{cases} \frac{du}{dx}=\frac{df}{dx}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{df}{dv}\cdot\frac{dv}{dx}+\ldots\ldots=0 \\ \frac{du}{dy}=\frac{df}{dy}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{df}{dv}\cdot\frac{dv}{dy}+\ldots\ldots=0 \\ \frac{du}{dz}=\frac{df}{dz}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{df}{dv}\cdot\frac{dv}{dz}+\ldots\ldots=0 \end{cases}$$

Всѣхъ этихъ уравненій числомъ есть n — m, сколько перемѣнныхъ независимыхъ. Теперь дифференцируемъ условныя уравненія послѣдовательно въ отношеніи къ перемѣннымъ независимымъ x, y, z, . . . Тогда мы получаемъ слѣдующія системы уравненій

$$(A)\quad \begin{cases} \frac{df_1}{dx}+\frac{df_1}{dt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{df_1}{dv}\cdot\frac{dv}{dx}+\ldots\ldots=0 \\ \frac{df_2}{dx}+\frac{df_2}{dt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{df_2}{dv}\cdot\frac{dv}{dx}+\ldots\ldots=0 \\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \\ \frac{df_m}{dx}+\frac{df_m}{dt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{df_m}{dv}\cdot\frac{dv}{dx}+\ldots=0 \end{cases}$$

$$(B)\quad \begin{cases} \frac{df_1}{dy}+\frac{df_1}{dt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{df_1}{dv}\cdot\frac{dv}{dy}+\ldots\ldots=0 \\ \frac{df_2}{dy}+\frac{df_2}{dt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{df_2}{dv}\cdot\frac{dv}{dy}+\ldots\ldots=0 \\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \\ \frac{df_m}{dy}+\frac{df_m}{dt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{df_m}{dv}\cdot\frac{dv}{dy}+\ldots\ldots 0 \end{cases}$$

Digitized by Google

$$(C)\quad \begin{cases} \frac{df_1}{dz}+\frac{df_1}{dt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{df_1}{dv}\cdot\frac{dv}{dz}+\ldots\ldots=0 \\ \frac{df_2}{dz}+\frac{df_2}{dt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{df_2}{dv}\cdot\frac{dv}{dz}+\ldots\ldots=0 \\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \\ \frac{df_m}{dz}+\frac{df_m}{dt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{df_m}{dv}\cdot\frac{dv}{dz}+\ldots=0 \\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \end{cases}$$

Такимъ образомъ получаемъ системы уравненій (A), (B), (C),..., которыхъ числомъ будетъ n—m и въ каждой изъ нихъ m уравненій, т. е. столько же сколько перемѣнныхъ зависимыхъ t, v,.. Очевидно, что исключивъ производныя $\frac{dt}{dx}$, $\frac{dv}{dx}$, ... между системою (A), и первымъ изъ уравненій (a), получимъ нѣкоторое уравненіе φ_1 (x, y z, ... t, v) = 0, гдѣ уже не будетъ производныхъ $\frac{dt}{dx}$, $\frac{dv}{dx}$, ... Точно также, исключивъ производныя $\frac{dt}{dy}$, $\frac{dv}{dy}$, ... изъ уравненій (B) и втораго изъ уравненій (a) получимъ уравненіе φ_2 (x, y, z, ... t, v) = 0. Поступая подобнымъ образомъ съ системою (C), мы будемъ имѣть уравненіе φ_3 (x, y, z, ... t, v) = 0.

Такъ какъ системъ (A), (B), (C), ... есть числомъ n — m, то и получаемыхъ уравненій φ_1 (x, y, z, ...) = 0, φ_2 (x, y, z, ...) = 0, φ_3 (x, y, z, ...)=0, ... будетъ также n—m. Эти уравненія, по соединеніи съ m данными, послужатъ для опредѣленія величинъ $x = x_0$, $y = y_0$, $z = z_0$, ... $t = t_0$, $v = v_0$, могущихъ доставить данной функціи наибольшія и наименьшія значенія.

Теперь слѣдуетъ эти значенія $x = x_0$, $y = y_0$, $z = z_0$, ... $t = t_0$, $v = v_0$ подвергнуть испытанію, и узнать дѣйствительно ли они соотвѣтствуютъ наибольшимъ или наименьшимъ величинамъ данной функціи. Для этого дифференцируемъ уравненія (a) и получаемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=\frac{d^2f}{dx^2}+2\frac{d^2f}{dxdt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{d^2f}{dt^2}\cdot\frac{dt^2}{dx^2}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{d^2t}{dx^2}+\ldots.$$

$$+2\frac{d^2f}{dxdr}\cdot\frac{dr}{dx}+\frac{d^2f}{dr^2}\cdot\frac{dr^2}{dx^2}+\frac{df}{dr}\cdot\frac{d^2r}{dx^2}+\ldots.$$

$$\frac{d^2u}{dy^2}=\frac{d^2f}{dy^2}+2\frac{d^2f}{dydt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{d^2f}{dt^2}\cdot\frac{dt^2}{dy^2}+\frac{df}{dt}\cdot\frac{d^2t}{dy^2}$$

$$+2\frac{d^2f}{dydr}\cdot\frac{dr}{dy}+\frac{d^2f}{dr^2}\cdot\frac{dr^2}{dy^2}+\frac{df}{dr}\cdot\frac{d^2r}{dy^2}+\ldots.$$

. . . . . .

Digitized by Google

$$\frac{d^2u}{dxdy}=\frac{d^2f}{dxdy}+\frac{d^2f}{dxdt}\cdot\frac{dt}{dy}+\frac{d^2f}{dydt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{d^2f}{dt^2}\cdot\frac{dt}{dr}\cdot\frac{dt}{dy}$$
$$+\frac{d^2f}{dxdr}\cdot\frac{dr}{dy}+\frac{d^2f}{dydr}\cdot\frac{dr}{dx}+\frac{d^2f}{dr^2}\cdot\frac{dr}{dx}\cdot\frac{dr}{dy}$$
$$+\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$
$$\frac{d^2u}{dxdz}=\frac{d^2f}{dxdz}+\frac{d^2f}{dxdt}\cdot\frac{dt}{dz}+\frac{d^2f}{dzdt}\cdot\frac{dt}{dx}+\frac{d^2f}{dt^2}\cdot\frac{dt}{dx}\cdot\frac{dt}{dz}$$
$$+\frac{d^2f}{dxdr}\cdot\frac{dr}{dz}+\frac{d^2f}{dzdr}\cdot\frac{dr}{dx}+\frac{d^2f}{dr^2}\cdot\frac{dr}{dx}\cdot\frac{dr}{dz}+\ldots$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$

Въ эти частныя производныя функціи u входятъ неизвѣстныя производныя $\frac{dt}{dx}$, $\frac{dv}{dx}$,... $\frac{dt}{dy}$, $\frac{dv}{dy}$,...., $\frac{dt}{dz}$, $\frac{dv}{dz}$,....., которыя можно получить изъ уравненій (A), (B), (C),... коихъ числомъ всѣхъ будетъ m (n—m) т. е, столько же сколько и неизвѣстныхъ. Что касается до вторыхъ производныхъ $\frac{d^2t}{dx^2}$, $\frac{d^2v}{dx^2}$,... $\frac{d^2t}{dy^2}$, $\frac{d^2v}{dy^2}$,.... $\frac{d^2t}{dxdy}$, $\frac{d^2v}{dxdy}$,..... которыя также входятъ въ частныя производныя $\frac{d^2u}{dx^2}$,.... $\frac{d^2u}{dxdy}$,... функціи u, то число ихъ есть $m(n-m)+m.\frac{(n-m)(n-m-1)}{2}$. Чтобы получить ихъ дифференцируемъ системы уравненій (A), (B), (C),... въ отношеніи всѣхъ перемѣнныхъ независимыхъ. Производныя $\frac{d^2t}{dx^2}$, $\frac{d^2v}{dx^2}$,.... $\frac{d^2t}{dy^2}$, $\frac{d^2v}{dy^2}$,.... $\frac{d^2t}{dz^2}$, $\frac{d^2v}{dz^2}$,... получатся, дифференцируя систему (A) по x, систему (B) по y, систему (C) по z и т. д. Такъ какъ системъ этихъ числомъ n—m, и въ каждой по m уравненій, то всего во всѣхъ системахъ будетъ m (n—m) уравненій, столько же сколько неизвѣстныхъ величинъ $\frac{d^2t}{dx^2}$,... $\frac{d^2t}{dy^2}$,... $\frac{d^2t}{dz^2}$,... Кромѣ того намъ нужны величины $\frac{d^2t}{dxdy}$, $\frac{d^2v}{dxdy}$,... $\frac{d^2t}{dxdz}$, $\frac{d^2v}{dxdz}$, . . . $\frac{d^2t}{dydz}$, $\frac{d^2v}{dydz}$,... Чтобы получить ихъ, дифференцируемъ каждое изъ уравненій, заключающихся въ системахъ (A), (B), (C),... по всѣмъ перемѣннымъ независимымъ, исключая той, относительно которой составлено это уравненіе. Такъ какъ уравненій всѣхъ числомъ есть m (n—m), а всѣхъ перемѣнныхъ безъ одной будетъ n—m—1, то вновь полученныхъ дифференціальныхъ уравненій будетъ

$$m(n-m)(n-m-1)$$

Digitized by Google

Кромѣ того, очевидно, что въ ряду $m(n-m)(n-m-1)$ уравненій каждое уравненіе будетъ имѣть одно совершенно себѣ подобное; слѣдовательно всѣхъ различныхъ уравненій будетъ $\frac{m(n-m)(n-m-1)}{2}$.

Легко видѣть, что число этихъ уравненій равно числу неизвѣстныхъ $\frac{d^2t}{dxdy}, \frac{d^2v}{dxdy}, \ldots \frac{d^2t}{dxdz}, \frac{d^2v}{dxdz}, \ldots \frac{d^2t}{dydz}, \frac{d^2v}{dydz}, \ldots$.

Дѣйствительно такихъ производныхъ для одной только перемѣнной зависимой t, будетъ столько, сколько можно сдѣлать различныхъ комбинацій изъ $n-m$ буквъ x, y, x,... по двѣ, слѣдовательно это число будетъ $\frac{(n-m)(n-m-1)}{1.2}$. Но перемѣнныхъ зависимыхъ t, v,... числомъ m, слѣдовательно всѣхъ неизвѣстныхъ будетъ $m.\frac{(n-m)(n-m-1)}{1.2}$, т. е. столько же сколько мы имѣемъ, для ихъ опредѣленія, уравненій.

Слѣдовательно мы будемъ имѣть возможность найти всѣ неизвѣстныя, входящія во вторыя частныя производныя функціи u. Означивъ эти послѣднія производныя, какъ мы и прежде дѣлали, буквами A, B, C,.... мы составимъ полиномъ

$$Adx^2+2Bdxdy+Cdy^2+2Ddydz+2Edydz+Fdz^2+\ldots.$$

и по знаку его, точно также заключимъ, будетъ ли значеніе функціи $u_0=f(x_0, y_0, z_0,\ldots t_0, v_0)$ наибольшимъ или наименьшимъ, или ни тѣмъ ни другимъ.

Если $m=1$, то уравненія (a) обратятся въ слѣдующія

$$\frac{du}{dx}=\frac{df}{dx}+\frac{df}{dv}.\frac{dv}{dx}=0, \frac{du}{dy}=\frac{df}{dy}+\frac{df}{dv}.\frac{dv}{dy}=0, \frac{du}{dz}=\frac{df}{dz}+\frac{df}{dv}.\frac{dv}{dz}=0,\ldots$$

а системы уравненій (A), (B), (C),... обратятся въ простыя уравненія

$$\frac{df_1}{dx}+\frac{df_1}{dv}.\frac{dv}{dx}=0, \frac{df_1}{dy}+\frac{df_1}{dv}.\frac{dv}{dy}=0, \frac{df_1}{dz}+\frac{df_1}{dv}.\frac{dv}{dz}=0,\ldots.$$

Уравненія же $\varphi_1(x, y, z,\ldots)=0$, $\varphi_1(x, y, z\ldots)=0$, $\varphi_2(x, y, z,\ldots)=0,\ldots$.будутъ

$$\frac{df}{dx}.\frac{df_1}{dv}-\frac{df_1}{dx}.\frac{df}{dv}=0, \frac{df}{dy}.\frac{df_1}{dv}-\frac{df_1}{dy}.\frac{df}{dv}=0, \frac{df}{dz}.\frac{df_1}{dv}-\frac{df_1}{dz}.\frac{df}{dv}=0,\ldots$$

которыя дадутъ $\frac{df}{dv}.\frac{1}{\frac{df_1}{dy}}=\frac{\frac{df}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{df}{dy}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{df}{dz}}{\frac{df_1}{vd}}=\ldots$. Эти уравненія тожественны съ уравненіями (5), выведенными посредствомъ перваго способа.

Digitized by Google

Объяснимъ способъ примѣрами

1) *Найти наибольшую и наименьшую величину функціи.*

$$u=ax+by+cz$$

гдѣ, a, b и c суть постоянныя положительныя количества. При этомъ условіе $x^2+z^2+y^2-r^2=0$,

гдѣ r есть также постоянное положительное количество.

Принимаемъ которую либо перемѣнную, напримѣръ z, за зависимую. Тогда уравненія $\frac{\frac{df}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{df}{dy}}{\frac{df_1}{dy}}=\frac{\frac{df}{dz}}{\frac{df_1}{dz}}$ дадутъ

$$(\beta)\qquad \frac{a}{x}=\frac{b}{y}=\frac{c}{z}=\frac{\sqrt{a^2+b^2+c^2}}{r}=\frac{u}{r^2}$$

Ищемъ вторые дифференціальные коэффиціэнты функціи u. Мы получаемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=c.\frac{d^2z}{dx^2},\quad \frac{d^2u}{dy^2}=c.\frac{d^2z}{dy^2},\quad \frac{d^2u}{dxdy}=c.\frac{d^2z}{dxdy}.$$

Изъ уравненіи (β) получаемъ

$$x=\frac{ar}{\sqrt{a^2+b^2+c^2}},\ y=\frac{br}{\sqrt{a^2+b^2+c^2}},\ z=\frac{cr}{\sqrt{a^2+b^2+c^2}},\ u=r\sqrt{a^2+b^2+c^2}.$$

Притомъ дифференцируя условное уравненіе получимъ

$$\frac{dz}{dx}=-\frac{x}{z},\ \frac{dz}{dy}=-\frac{y}{z},\ \frac{d^2z}{dx^2}=-\frac{x^2+z^2}{z^3},\ \frac{d^2z}{dxdy}=-\frac{xy}{z^3},\ \frac{d^2z}{dy^2}=-\frac{y^2+z^2}{z^3},$$

поэтому мы имѣемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=-\frac{c}{z^3}.(x^2+y^2),\ \frac{d^2u}{dxdy}=-\frac{c}{z^3}.xy,\ \frac{d^2u}{dy^2}=-\frac{c}{z^3}.(y^2+z^2).$$

Предполагая у радикала $\sqrt{a^2+b^2+c^2}$ знакъ положительный, мы имѣемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}<0\ \frac{d^2u}{dy^2}<0,\ \frac{d^2u}{dx^2}.\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2>0.$$

Слѣдовательно величина $u=r\sqrt{a^2+b^2+c^2}$ есть наибольшая. Еслибы мы приняли у радикала $\sqrt{a^2+b^2+c^2}$ знакъ отрицательный, то точно также нашли бы, что величина $u=-r\sqrt{a^2+b^2+c^2}$ есть наименьшая.

Для сравненія обоихъ изложенныхъ способовъ рѣшимъ вопросъ о наименьшей поверхности параллелепипеда изъ всѣхъ параллелепипедовъ, имѣющихъ одинаковый объемъ a^3. Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ и по первому способу. Мы имѣли

$$u=xy+xz+yz,\ f_1=xyz-a^3=0.$$

Дѣйствуя по второму способу, мы получимъ

$$\frac{du}{dy}=x+z+(x+y)\frac{dz}{dy}=0,\ \frac{du}{dx}=y+z+(x+y)\frac{dz}{dx}=0$$

Digitized by Google

Откуда находимъ $\frac{dz}{dy}=-\frac{x+z}{x+y}$, $\frac{dz}{dx}=-\frac{y+z}{x+y}$. Кромѣ того мы имѣемъ

$$(\gamma)\qquad \frac{df_1}{dy}=xz+xy\frac{dz}{dy}=0,\ \frac{df_1}{dx}=-yz+xy\frac{dz}{dx}=0.$$

Изъ четырехъ уравненіи, которые мы получили, выводимъ

$$xy\,(y+z)-yz\,(x+y)=0$$
$$xy\,(x+z)-xz\,(x+y)=0$$

Откуда получаемъ $x=y=z=a$. Дѣйствуя далѣе по второму же способу получаемъ

$$\frac{d^2u}{dx^2}=z\frac{dz}{dx}+(x+y)\frac{dz^2}{dx^2},\ \frac{du^2}{dxdy}=1+\frac{dz}{dx}+\frac{dz}{dy}+(x+y)\frac{d^2z}{dxdy},$$
$$\frac{d^2u}{dy^2}=z\frac{dz}{dy}+(x+y)\frac{d^2z}{dy^2}$$

Потомъ дифференцируя уравненія (γ), мы получимъ неизвѣстныя $\frac{d^2z}{dx^2}$, $\frac{d^2z}{dy^2}$, и $\frac{d^2z}{dxdy}$. Подставивъ въ нихъ величины $x=y=z=a$, найдемъ

$$\frac{d^2z}{dx^2}=\frac{d^2z}{dy^2}=\frac{2}{a},\ \frac{d^2z}{dxdy}=\frac{1}{a}$$

слѣдовательно $\frac{d^2u}{dx^2}=+2.\frac{d^2u}{dy^2}=+2$, и $\frac{d^2u}{dxdy}=+1$.

Поэтому мы опредѣляемъ полиномъ $2dx^2+2dxdy+2dy^2$, который сохраняетъ постоянно положительный знакъ, потому что

$$\frac{d^2u}{dx^2}=2>0,\ \frac{d^2u}{dy^2}=2>0,\ \frac{d^2u}{dx^2}\cdot\frac{d^2u}{dy^2}-\left(\frac{d^2u}{dxdy}\right)^2=2.2-1^2>0.$$

Отсюда находимъ, что величина $u=3a^2$ есть наименьшая.

Способъ, который мы теперь изложили, не такъ удобенъ какъ первый по причинѣ множества уравненіи и неизвѣстныхъ, которыхъ нужно исключать. Въ первомъ способѣ нужно исключить всего m зависимыхъ дифференціаловъ; а во второмъ первыхъ производныхъ $\frac{dt}{dx}$, $\frac{dv}{dx}$, ... $\frac{dt}{dy}$, ... $m\,(n-m)$, да еще вторыхъ производныхъ $m\,(n-m)+\frac{m\,(n-m)\,(n-m-1)}{1.2}$, слѣдовательно всего нужно исключить $2\,m\,(n-m)+\frac{m\,(n-m)\,(n-m-1)}{1.2}$ неизвѣстныхъ.

Изложимъ теперь способъ неопредѣленныхъ множителей, который обыкновенно излагается во всѣхъ курсахъ дифференціальнаго исчисленія; но такъ какъ тамъ не показываются обыкновенно способы отличія наибольшихъ величинъ отъ наименьшихъ при способѣ неопредѣленныхъ множителей, то мы представимъ этотъ предметъ нѣсколько въ иномъ видѣ.

Digitized by Google

Предположимъ, какъ и прежде, что имѣемъ функцію $u=f(x, y, z....)$, n перемѣнныхъ, связанныхъ m уравненіями

$$(\delta)\qquad \begin{aligned} f_1(x, y, z,...)&=0\\ f_2(x, y, z,...)&=0\\ &\cdots\cdots\\ f_m(x, y, z,...)&=0 \end{aligned}$$

Чтобы исключить m дифференціаловъ въ первомъ дифференціалѣ du функціи u и во второмъ d^2u, возмемъ m опредѣленныхъ функцій

$$(\psi)\qquad \begin{aligned} &a+a_1p+a_2q+a_3r+.....\\ &b+b_1p+b_2q+b_3r+.....\\ &c+c_1p+c_2q+c_3r+.....\\ &\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\\ &i+i_1p+i_2q+i_3r+.....\\ &k+k_1p+k_2q+k_3r+.....\\ &l+l_1p+l_2q+l_3r+.....\end{aligned}$$

гдѣ a, a_1,.... b, b_1,.... суть неопредѣленные множители, и количества p, q, r,.... соотвѣтственно изображаютъ дифференціалы dx, dy, dz,... Сначала мы посмотримъ сколькимъ условіямъ мы должны будемъ удовлетворить.

Въ первомъ дифференціалѣ функціи u, мы должны будемъ исключить m членовъ съ зависимыми дифференціалами. Легко видѣть, что въ количествѣ d^2u, зависимые дифференціалы войдутъ въ $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ членовъ. Дѣйствительно число всѣхъ перемѣнныхъ есть n, и слѣдовательно каждое изъ нихъ войдетъ въ n членовъ. Такимъ образомъ зависимые дифференціалы заняли бы mn членовъ, если бы не совокуплялись между собою.

Но отъ совокупленія между собою по два они войдутъ въ $\frac{m(m-1)}{1.2}$ членовъ, которые уже заключаются лишніе въ числѣ поименованныхъ mn членовъ; по этому они войдутъ только въ $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ членовъ втораго дифференціала d^2u.

Теперь посмотримъ сколько мы имѣемъ неопредѣленныхъ коэффиціэнтовъ въ функціяхъ (ψ). Въ каждой изъ нихъ, заключается n+1 неопредѣленныхъ множителей; всѣхъ же этихъ функцій числомъ m, слѣдовательно всѣхъ неопредѣленныхъ коэффиціэнтовъ будетъ $m(n+1)=m+mn$. Такъ какъ число условій, которымъ мы должны удовлетворить, есть $m+mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$, то у насъ будетъ $\frac{m(m-1)}{1.2}$ лишнихъ коэффиціэнтовъ. Относительно этихъ послѣднихъ можно сдѣлать различныя

Digitized by Google

предположенія; но удобнѣе ихъ уравнять другимъ неопредѣленнымъ множителямъ слѣдующимъ образомъ

$$a_1=b_1=c_1=\ldots.=i_1=k_1=l_1$$
$$a_2=b_2=c_2=\ldots..=i_2=k_2$$
$$a_3=b_3=c_3=\ldots..=i_3$$
$$\ldots\ldots\ldots$$

Легко видѣть, что уравнивая именно такимъ образомъ, мы уравняемъ ровно $\frac{m(m-1)}{1.2}$ лишнихъ неопредѣленныхъ множителей другимъ. Въ первомъ ряду мы уравняли $m-1$ множителей количеству l_1; во второмъ $m-2$ количеству k_2; въ третьемъ $m-3$ количеству i_3,.... въ послѣднемъ одинъ множитель извѣстному другому; слѣдовательно всего $m-1+m-2+m-3+\ldots+2+1=\frac{m(m-1)}{1.2}$.

Мы увидимъ далѣе, что количества a, b. c,...i, k, l, которые не умножены на p, q, r, ... должны быть всѣ различны.

Разсмотрѣвши эти условія приступимъ къ изложенію самаго способа. Разлагаемъ какъ данную функцію такъ и всѣ условныя уравненія по Тейлоровой теоремѣ. Мы получаемъ

$$f(x+p,\ +q,\ z+r,\ldots)=u+\frac{1}{1}\left(\frac{du}{dx}p+\frac{du}{dy}q+\frac{du}{dz}r+\ldots\right)+\frac{1}{1.2}\left(\frac{d^2u}{dx^2}p^2+\ldots\right)$$

$$V_1=f_1\ (x+p,\ y+q,\ z+r,\ldots)=\frac{1}{1}\left(\frac{df_1}{dx}q+\frac{df_1}{dy}q+\ldots.\right)+\frac{1}{1.2}\left(\frac{d^2f_1}{dx^2}p^2+\ldots..\right)+\ldots.$$

$$V_2=f_2\ (x+p,\ y+q,\ z+r,\ldots)=\frac{1}{1}\left(\frac{df_2}{dx}p+\frac{df_2}{dy}q+\ldots.\right)+\frac{1}{1.2}\left(\frac{d^2f^2}{dx^2}.p^2+\ldots...\right)+\ldots.$$

$$V_m=f_m(x+p,y+q,\ z+r,\ldots)=\frac{1}{1}\left(\frac{df_m}{dx}p+\frac{df_m}{dy}q+\ldots.\right)+\frac{1}{1.2}\left(\frac{d^2f_m}{dx^2}p^2+\ldots...\right)+\ldots.$$

По уравненіи $\frac{m(m-1)}{1.2}$ лишнихъ неопредѣленныхъ множителей въ функціяхъ (ψ), мы умножимъ соотвѣтственно эти функціи на количества $V_1, V_2, V_3,\ldots V_m$, и потомъ сложимъ произведенія между собою и съ функціей $f(x+p,\ y+q,\ z+r,\ldots)$. Тогда мы получимъ сумму

$$f(x+p,y+q,z+r\ldots)+(a+l_1p+k_2q+\ldots)V_1+(b+l_1p+k_2q+\ldots)V_2+\ldots..$$
$$+(c+l_1p+k_2q+\ldots)V_3+\ldots+(l+l_1p+l_2q+\ldots)V_m.$$

Теперь мы можемъ принять всѣ перемѣнныя за независимыя, потому что можемъ удовлетворить всѣмъ выше упомянутымъ условіямъ, т. е. можемъ исключить всѣ зависимые дифференціалы. Отобравъ въ предыдущей суммѣ члены первой степени относительно количествъ p, q, r,... и члены второй степени мы получимъ функцію вида

$$n+Ap+Bq+Cr+\ldots+\alpha p^2+2\beta pq+\gamma q^2+2\delta pr+2\varepsilon qr+\xi p^2+\ldots$$

Digitized by Google

Здѣсь m членовъ перваго измѣренія и $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ втораго должны быть уравнены нулю. Легко видѣть, что

$$A=\frac{du}{dx}+a\frac{df_1}{dx}+b\frac{df_2}{dx}+c\frac{df_3}{dx}+\ldots+l\frac{df_m}{dx}$$
$$B=\frac{du}{dy}+a\frac{df_1}{dy}+b\frac{df_2}{dy}+c\frac{df_3}{dy}+\ldots+l\frac{df_m}{dy}$$
$$C=\frac{du}{dz}+a\frac{df_1}{dz}+b\frac{df_2}{dz}+c\frac{df_3}{dz}+\ldots+l\frac{df_m}{dz}$$
$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$

Такъ какъ, по выключеніи m зависимыхъ дифференціаловъ въ первомъ дифференціалѣ функціи u, коеффиціэнты передъ остальными должны быть равны нулю, то мы имѣемъ уравненія

$$(x) \qquad A=0,\ B=0,\ C=0,\ \ldots.$$

которыхъ будетъ столько же сколько и перемѣнныхъ т. е. n. Исключивъ изъ m которыхъ либо уравненій количества a, b, c, ... l мы получимъ n—m уравненій независимыхъ отъ этихъ количествъ, и которые по соединеніи съ данными m уравненіями дадутъ системы величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$, ... могущихъ доставить данной функціи наибольшія или наименьшія значенія.

Мы уже замѣтили раньше, что коеффиціэнты a, b, c, ... k, l, должны быть всѣ различные. Если бы нашлись между ними одинаковые, то мы исключили бы ихъ изъ числа уравненій меньшаго m, и слѣдовательно получили бы болѣе чѣмъ n уравненій для опредѣленія величинъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$, ...

Опредѣливъ величины коэфиціэнтовъ a, b, c, ... k, l, подставимъ ихъ въ члены втораго измѣренія упомянутой суммы. Потомъ уравняемъ нулю во второй разъ $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ членовъ втораго измѣренія съ m дифференціалами, какими угодно, изъ количествъ p, q, r, ... Такимъ образомъ мы получимъ еще $mn-\frac{m(m-1)}{1.2}$ уравненій, которыя дадутъ возможность опредѣлить величины остальныхъ неопредѣленныхъ множителей. Подставивъ эти величины въ остальные члены втораго измѣренія, мы изъ этихъ послѣднихъ членовъ составимъ извѣстный полиномъ второй степени, и поступая по правиламъ, изложеннымъ въ главѣ пятой, легко узнаемъ какая величина данной функціи u, соотвѣтствуетъ значеніямъ $x=x_0$, $y=y_0$, $z=z_0$,....

Въ томъ случаѣ когда $m=1$, т. е. когда перемѣнныя входящія въ функцію u связаны однимъ уравненіемъ, число $\frac{m(m-1)}{1.2}=0$; слѣдовательно лишнихъ коеффиціэнтовъ въ функціяхъ (ψ), которыя въ настоящемъ случаѣ приведутся къ одной, небудетъ.

Digitized by Google

Исключивъ же количество a мы очевидно получимъ

$$(б) \qquad -a=\frac{\frac{du}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{du}{dy}}{\frac{df_1}{dy}}=\frac{\frac{du}{dz}}{\frac{df_1}{dz}}=\ldots.$$

Число полученныхъ уравненій будетъ $n-1$, которыя по соединеніи съ даннымъ $f_1(x, y, z,\ldots)=0$, дадутъ систему величинъ $x=x_0$ $y=y_0,\ldots$ Этотъ же результатъ мы получили и посредствомъ другихъ способовъ.

Чтобы сравнить всѣ три способа мы здѣсь возмемъ два примѣра, которые рѣшены были прежде.

1) *Найти кратчайшее разстояніе начала координатъ отъ плоскости опредѣляемой уравненіемъ*

$$Ax+By+Cz=D$$

Искомое разстояніе можетъ выразиться такъ $r=\sqrt{x^2+y+z^2}$. Но возмемъ, какъ и прежде, за данную функцію

$$u=x^2+y^2+z^2$$

Тогда изъ уравненій (б) получимъ

$$\frac{x}{A}=\frac{y}{B}=\frac{z}{C}=\frac{D}{A^2+B^2+C^2}=\frac{u}{D}, \text{ откуда}$$

$$x=\frac{AD}{A^2+B^2+C^2},\ y=\frac{BD}{A^2+B^2+C^2},\ z=\frac{CD}{A^2+B^2+C^2},\ u=\frac{D^2}{A^2+B^2+C^2}$$

Пишемъ разложеніе функціи u по Тейлоровой теоремѣ до втораго ея дифференціала включительно; мы получаемъ

$$(x+p)^2+(y+q)^2+(z+r)^2=x^2+y^2+z^2+\frac{2}{1}(xp+yq+zr)+\frac{2}{1.2}(p^2+q^2+r^2)+\ldots$$

Точно также разложимъ функцію $Ax+By+Cz-D$; но замѣтивъ что второй дифференціалъ ея тожественно равенъ нулю, мы, помноживъ разложеніе этой функціи на неопредѣленное количество $\alpha+\beta p+\gamma q+\delta r$, получимъ произведеніе $(\alpha+\beta p+\gamma q+\delta r)(Ap+By+Cr)$, которое нужно придать къ разложенію данной функціи. Обративъ вниманіе только на члены втораго измѣренія, потому что прочіе уже приняты во вниманіе, мы получимъ

$$\begin{array}{|cc|cc|cc|}
A\beta & p^2+B\beta & pq+B\gamma & q^2+C\beta & pr+C\gamma & qr+C\delta \\
1 & +A\gamma & +1 & +A\delta & +B\delta & +1
\end{array} \Big| r^2$$

Исключимъ отсюда какой угодно дифференціалъ, напримѣръ p. Тогда коэфиціэнты передъ p^2, pq и pr должны быть равны нулю; а потому мы имѣемъ $A\beta+1=0$, $B\beta+A\gamma=0$, $C\beta+A\delta=0$, откуда $\beta=-\frac{A}{1}$, $\gamma=\frac{B}{A^2}$, $\delta=\frac{C}{A^2}$. Поэтому полиномъ, который намъ нужно разсмотрѣть, будетъ

$$\frac{A^2+B^2}{A^2}q^2+2\frac{BC}{A^2}qr+\frac{A^2+C^2}{A^2}\cdot r^2.$$

Digitized by Google

Такъ какъ мы имѣемъ

$$\frac{A^2+B^2}{A^2}>0,\ \frac{A^2+C^2}{A^2}>0,\ \frac{(A^2+B^2)(A^2+C^2)-B^2C^2}{A^2}>0,$$

то величина $u=\frac{D^2}{A^2+B^2+C^2}$ есть наименьшая. Искомое же разстояніе будетъ

$$r=\frac{D}{\sqrt{A^2+B^2+C^2}}$$

2) *Найти изъ всѣхъ параллелепипедовъ, имѣющихъ одинаковый объемъ a^3, параллелепипедъ съ наименьшею поверхностію.*

Мы имѣли прежде

$$u=xz+xy+yz,\ f_1=xyz-a^3=0$$

Изъ уравненіи (б) мы имѣемъ

$$\frac{y+z}{yz}=\frac{x+z}{xz}=\frac{x+y}{xy}$$

откуда имѣемъ $x=y=z=a$

Потомъ придаемъ къ разложенію функціи u по Тейлоровой теоремѣ произведеніе

$$(yzp+xzq+xyr+zpq+ypr+xqr)(\rho+\lambda p+\mu q+\nu r),$$

суммы $df_1+\frac{1}{1.2}d^2f_1$; на неопредѣленную функцію $\rho+\lambda p+\mu q+\nu r$, и обращаемъ вниманіе только на члены втораго измѣренія. Тогда отобравъ эти члены мы получимъ

$$\lambda yz\begin{vmatrix} p^2+1 & pq+1 \\ +\rho z & +\rho z \\ +\lambda xz & +\lambda xy \\ +\mu yz & +\nu yz \end{vmatrix} pr+\mu xz\begin{vmatrix} q^2+1 & qr+\nu xy \\ +\rho x & \\ +\lambda xy & \\ +\nu xz & \end{vmatrix} r^2$$

Такъ какъ изъ уравненій (б) имѣемъ

$$-\rho=\frac{\frac{du}{dx}}{\frac{df_1}{dx}}=\frac{\frac{du}{dy}}{\frac{df_1}{dz}}=\frac{\frac{du}{dz}}{\frac{df_1}{dz}}=\frac{y+z}{yz}=\frac{x+z}{xz}=\frac{x+y}{xy}=\frac{2}{a}$$

то подставивъ величину $\rho=-\frac{2}{a}$ въ коеффиціэнты предыдущаго полинома, мы должны исключить какоій либо дифференціалъ напримѣръ r. Такимъ образомъ получимъ уравненія

$$\lambda yz=\lambda a^2=0,\ 1+\rho z+\lambda xz+\mu yz=1-2+\lambda a^2+\mu a^2=0,$$

$$1+\rho y+\lambda xy+\nu yz=1-2+\lambda a^2+\nu a^2=0.$$

Откуда находимъ $\lambda=0$, $\mu=+\frac{1}{a^2}$, $\nu=+\frac{1}{a^2}$. Слѣдовательно предыдущій полиномъ приводится къ такому

$$q^2+qr+r^2,$$

который сохраняетъ постоянно положительный знакъ, потому что $1>0$, $1>0$, $1^2-\left(\frac{1}{2}\right)^2=\frac{3}{4}>0$. Посему величина $u=3a^2$ есть наименьшая.

Digitized by Google

Способъ неопредѣленныхъ множителей довольно легкій, когда имѣется не большое число условныхъ уравненій и неопредѣленныхъ коеффиціэнтовъ, становится затруднительнымъ, когда условныхъ уравненій большое число, по причинѣ большихъ умноженій, которыя при этомъ нужно дѣлать. Всѣ способы, служащіе для опредѣленія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, основываются на исключеніи зависимыхъ дифференціаловъ, если перемѣнныя связаны условными уравненіями.

ГЛАВА VII.

О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ, представляющихъ особенныя величины сихъ функцій.

Прежде мы видѣли, что функціи нѣсколькихъ перемѣнныхъ, при розысканіи наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, легко сводятся на функціи одной перемѣнной. Въ настоящемъ случаѣ можно сдѣлать тоже.

Положимъ, что имѣемъ функцію $u=F(x, y, z, \ldots)$ нѣсколькихъ перемѣнныхъ независимыхъ $x, y, z, \ldots$, которая принимаетъ для значеній $x = x_0$, $y = y_0$, $z = z_0, \ldots$ особенную величину, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшая или наименьшая. Означимъ приращенную функцію $F(x_0 + \varepsilon p, y_0 + \varepsilon q, z_0 + \varepsilon r, \ldots)$ черезъ $\varphi(\varepsilon)$, принимая здѣсь за перемѣнную количество ε. Въ такомъ случаѣ разсматриваемая функція $\varphi(\varepsilon)$ принимаетъ особенную величину, которая есть притомъ и наибольшая или наименьшая, для частнаго значенія $\varepsilon = 0$. Она должна принадлежать или къ первому или ко второму отдѣлу особенныхъ величинъ, которые были разсмотрѣны въ главѣ III. Положимъ, что она принадлежитъ къ первому отдѣлу. Тогда необходимое условіе существованія наибольшей величины будетъ

(1) $$\varphi'(-\varepsilon) > 0, \quad \varphi'(+\varepsilon) < 0$$

и наименьшей

(2) $$\varphi'(-\varepsilon) < 0, \quad \varphi'(+\varepsilon) > 0$$

Такимъ образомъ необходимо и здѣсь, чтобы $\varphi'(\varepsilon)$ перемѣнила знакъ съ перемѣною знака ε при прохожденіи послѣдняго черезъ нуль.

На основаніи извѣстной формулы дифференціальнаго исчисленія мы имѣемъ $\varphi'(0) = \dot{du} = \frac{du}{dx} p + \frac{du}{dy} q + \frac{du}{dz} r + \ldots$.

Digitized by Google

Такимъ образомъ по подстановленіи въ дифференціалъ du величинъ $x = x_0 + \varepsilon p$, $y = y_0 + \varepsilon q$, $z = z_0 + \varepsilon r$, ... , въ случаѣ наибольшей или наименьшей величины, онъ долженъ перемѣнять знакъ съ перемѣною знака количества ε, совершенно независимо отъ величинъ произвольныхъ количествъ p, q, r, ... Это же условіе, по причинѣ неопредѣленности этихъ послѣднихъ количествъ, приводится къ тому условію, по которому каждая частная производная $\frac{du}{dx}$, $\frac{du}{dy}$, $\frac{du}{dz}$, ... должна отдѣльно перемѣнить знакъ, при прохожденіи соотвѣтственной перемѣнной черезъ величину этой перемѣнной, дѣлающую данную функцію $u = F(x, y, z, ...)$ наибольшею или наименьшею. Слѣдовательно условія наибольшей величины будутъ

для $x < x_0$ $\frac{du}{dx} > 0$; для $y < y_0$ $\frac{du}{dy} > 0$; для $z < z_0$ $\frac{du}{dz} > 0$, ...

..... $x > x_0$ $\frac{du}{dx} < 0$; — $y > y_0$ $\frac{du}{dy} < 0$; ..... $z > z_0$ $\frac{du}{dz} < 0$, ...

Условія же наименьшей величины будутъ обратныя.

Если которое либо изъ условій не исполняется, тогда данная функція не будетъ имѣть наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, соотвѣтствующихъ значеніямъ $x = x_0$, $y = y_0$, $z = z_0$, ... Но бываютъ случаи, гдѣ наибольшая или наименьшая величина функціи не зависитъ отъ значенія которой либо перемѣнной или же не зависитъ отъ значеній нѣсколькихъ перемѣнныхъ, въ нее входящихъ; въ такомъ случаѣ, предъидущія условія могутъ быть только исполнены относительно тѣхъ перемѣнныхъ, отъ которыхъ собственно зависитъ упомянутая наибольшая или наименьшая величина, а относительно прочихъ перемѣнныхъ могутъ быть и неисполнены. Такъ напримѣръ, функція $u = \sqrt{\frac{x^6}{x^4 + y^4}}$, имѣетъ наименьшую величину при $x = 0$, которая вовсе не зависитъ отъ значенія, приписаннаго перемѣнной y; по этому при опредѣленіи этой наименьшей величины можно вовсе и не разсматривать перемѣнной y.

Вообще должно данную функцію разбирать относительно каждой перемѣнной порознь по правиламъ, изложеннымъ въ главѣ III, для особенныхъ величинъ перваго отдѣла. Если по всѣмъ перемѣннымъ функція принимаетъ наибольшую величину, или по всѣмъ принимаетъ наименьшую, то такая величина функціи дѣйствительно существуетъ. Если же по одной или по нѣсколькимъ перемѣннымъ она не можетъ принять ни той, ни другой, то функція ни наибольшей, ни наименьшей величины не имѣетъ. Исключается изъ этого правила одинъ случай, о кото-

Digitized by Google

ромъ мы выше упомипали, т. е. тотъ, когда наибольшая или наименьшая величина данной функціи вовсе не зависитъ отъ значенія какой либо перемѣнной.

Объяснимъ теорію нѣкоторыми примѣрами.

1) *Найти наименьшую величину функціи.*

$$u=\sqrt{x^2+y^2+z^2+\ldots}$$

Дифференцируя ее мы имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=\frac{x}{\sqrt{x^2+y^2+z^2+\ldots}},\quad \frac{du}{dy}=\frac{y}{\sqrt{x^2+y^2+z^2+\ldots}},\quad \frac{du}{dz}\frac{z}{\sqrt{x^2+y^2+z^2\ldots}}\ldots$$

Такъ какъ здѣсь выполняются условія

при $x<0$, $\frac{du}{dx}<0$; при $y<0$, $\frac{du}{dy}<0$; при $z<0$, $\frac{du}{dz}<0$,....

при $x>0$, $\frac{du}{dx}>0$; при $y>0$, $\frac{du}{dx}>0$; при $z>0$, $\frac{du}{dz}>0$,....

то значеніямъ $x=0$, $y=0$, $z=0$,... соотвѣтствуетъ наименьшая величина функціи $u=0$.

Абсолютная величина частныхъ производныхъ есть совершенно неопредѣленная. Дѣйствительно поставивъ на мѣсто x, y, z,... соотвѣтственно величины εp, εp, εr,... мы получимъ

$$\frac{du}{dx}=\frac{p}{\sqrt{p^2+q^2+r^2+\ldots}},\quad \frac{du}{dy}=\frac{q}{\sqrt{p^2+q^2+r^2+\ldots}},\quad \frac{du}{dz}=\frac{r}{\sqrt{p^2+q^2+r^2+\ldots}}$$

При p, q, r,..., совершенно произвольныхъ, эти величины обращаются въ нѣкоторыя среднія произвольныя величины между отрицательною и положительною единицею. Такимъ образомъ условясь обозначать съ Г. Коши черезъ M (a, b) нѣкоторую произвольную величину заключающуюся между предѣлами a и b, мы получимъ $\frac{du}{dx}=M(-1,+1)$, $\frac{du}{dy}=M(-1,+1)$,

$\frac{du}{dz}=M(-1,+1)$,....

2) *Найти наименьшую величину фучкціи.*

$$u=\sqrt{\frac{x^6}{x^4+y^4}},$$

коей производныя суть $\frac{du}{dx}=x^5\frac{x^4+3y^4}{u\,(x^4+y^4)^2}$, $\frac{du}{dy}=-y^3\frac{2x^6}{u(x^4+y^4)^2}$

Такъ какъ здѣсь величина $u=0$, соотвѣтствующая значенію $x=0$, вовсе не зависитъ отъ значенія, которое можно приписать перемѣнной y, то можно разсматривать для особенной величины $u=0$ одну только перемѣнную x. Такъ какъ при $x<0$, $\frac{du}{dx}<0$, и при $x>0$, $\frac{du}{dx}>0$, то величина $u=0$, есть наименьшая. Еслибы

Digitized by Google

мы разсматривали x какъ количество постоянное, то по y функція u приняла бы наибольшую величину $u=\sqrt{x^2}$.

3) *Найти наибольшую величину функціи*

$$u=\frac{1}{\log(x^2+y^2)}$$

Дифференцируя ее по x и по y имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=-\frac{2x}{(x^2+y^2).[\log(x^2+y^2)]^2},\quad \frac{du}{dy}=-\frac{2y}{(x^2+y^2)[\log(x^2+y^2)]^2}$$

здѣсь при $x=0$ и $y=0$ исполняются условія

для $x<0, \frac{du}{dx}>0$; для $x>0, \frac{du}{dx}<0$; для $y<0, \frac{du}{dy}>0$, для $y>0, \frac{du}{dy}<0$,

слѣдовательно величина $u=0$, соотвѣтствующая значеніямъ $x=0$, $y=0$ будетъ наибольшая. Въ настоящемъ случаѣ производныя $\frac{du}{dx}$ и $\frac{du}{dy}$ обѣ обращаются въ безконечныя.

4) *Найти наименьшую величину функціи*

$$u=\log(1+\sqrt{x^2+y^2}),$$

которой частныя производныя суть

$$\frac{du}{dx}=\frac{x}{\sqrt{x^2+y^2}}\cdot\frac{1}{1+\sqrt{x^2+y^2}};\quad \frac{du}{dy}=\frac{y}{\sqrt{x^2+y^2}}\cdot\frac{1}{1+\sqrt{x^2+y^2}}.$$

Такъ какъ для $x=0$, $y=0$, выполняются условія

при $x<0, \frac{du}{dx}<0$; при $y<0, \frac{du}{dy}<0$; при $x>0, \frac{du}{dx}>0$; при $y>0, \frac{du}{dy}>0$,

то величина $u=0$, соотвѣтствующая значеніямъ $x=0$, $y=0$, есть наименьшая. Въ настоящемъ случаѣ количества $\frac{du}{dx}$ и $\frac{du}{dy}$ обращаются въ совершенно неопредѣленныя величины.

Если особенная величина данной функціи относится по всѣмъ перемѣннымъ ко второму отдѣлу, то и въ этомъ случаѣ правила, выведенныя въ главѣ III, прилагаются безъ исключенія.

Для того, чтобы данная функція имѣла наибольшую или наименьшую величину, необходимо, чтобы она показывала характеръ такой величины относительно каждой перемѣнной отдѣльно. Поэтому и здѣсь нужно разбирать данную функцію по каждой перемѣнной порознь. Если она по какой либо перемѣнной, или же по нѣсколькимъ вмѣстѣ, не показываетъ характера наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, то она подобныхъ величинъ не имѣетъ. Но и здѣсь точно также, какъ и въ первомъ отдѣлѣ особенныхъ величинъ, можетъ случиться, что наибольшая или наименьшая величина данной функціи не будетъ вовсе зависѣть отъ значенія, приписаннаго нѣкоторымъ перемѣннымъ. Въ такомъ случаѣ и здѣсь можно не разсматривать этихъ

Digitized by Google

послѣднихъ, а брать во вниманіе нужно только тѣ перемѣнныя, отъ которыхъ подобная величина зависитъ. Такъ напримѣръ функція $u=\frac{1+y^2+z^3+\ldots}{\log(x)}$ имѣетъ наибольшую величину для $x=0$, каковы бы нибыли величины другихъ перемѣнныхъ y, z,... лишь бы только небыли онѣ безконечныя. Впрочемъ во всѣхъ такихъ случаяхъ, по причинѣ произвольности нѣкоторыхъ перемѣнныхъ, *maximum* или *minimum* данной функціи будетъ относительный; и именно относительно тѣхъ только перемѣнныхъ, отъ которыхъ онъ зависитъ, его можно принимать за абсолютный.

Бываютъ также случаи, гдѣ особенная величина данной функціи, по нѣкоторымъ перемѣннымъ относится къ первому, а по нѣкоторымъ ко второму отдѣлу. Тогда ее нужно разбирать относительно однихъ перемѣнныхъ по правиламъ перваго отдѣла, а относительно другихъ по правиламъ втораго. И въ этомъ случаѣ данная функція должна по всѣмъ перемѣннымъ показывать характеръ наибольшей или наименьшей величины. Въ случаѣ противномъ она не будетъ имѣть ни тѣхъ ни другихъ величинъ.

Такимъ образомъ въ случаѣ функціи нѣсколькихъ перемѣнныхъ правила для розысканія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ остаются тѣже, которые были изложены въ главѣ III для функціи одной перемѣнной независимой.

Возмемъ нѣсколько примѣровъ.

1) *Найти наименьшую величину функціи.*

$$u=(1+e^{\frac{1}{x}}).\frac{\log y}{1+\log y}$$

Эта функція принимаемъ особенную величину $u=1$, для значеній $x=0$, $y=0$. Но для $y<0$ она становится мнимою, и потому по y она относится ко второму случаю втораго отдѣла. Относительно перемѣнной x, она имѣетъ двѣ величины: одну, соотвѣтствующую значенію $x=$ пр. $(-\varepsilon)=0$, равную $\frac{\log y}{1+\log y}$, другую, соотвѣтствующую значенію $x=$пр. $(+\varepsilon)=0$, равную безконечности. По этому мы разсмотримъ первую величину u относительно x, которая относится къ первому случаю втораго отдѣла. Кромѣ того мы имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=-\frac{\log y}{1+\log y}.\frac{e^{\frac{1}{x}}}{x^2},\quad \frac{du}{dy}=1+e^{-\frac{1}{x}}\frac{1}{y(1+\log y)^2},$$

Такъ какъ въ сопредѣльности съ значеніями $x=$пр. $(-\varepsilon)=0$, $y=$пр. $(+\varepsilon)=0$ функція $\frac{du}{dx}$ показываетъ отрицательное состоя-

Digitized by Google

ніе, а $\frac{du}{dy}$ положительное, то данная функція u показываетъ по x, на основаніи правилъ перваго случая втораго отдѣла, характеръ наименьшей величины, и тоже самое относительно y, по правиламъ втораго случая втораго отдѣла. Слѣдовательно упомянутая особенная величина u=1, есть дѣйствительно наименьшая.

2) *Найти наибольшую и наименьшую величину функціи.*

$$u=\frac{x^x}{1-e^{\frac{1}{y}}}.$$

Здѣсь предложенная функція имѣетъ двѣ особенныя величины: одна, равная единицѣ, соотвѣтствуетъ значеніямъ x=пр. $(+\varepsilon)=0$, и y=пр. $(-\varepsilon_1)=0$; другая равная нулю, соотвѣтствуетъ значеніямъ x=пр. $(+\varepsilon_1)=0$, y=пр. $(+\varepsilon_1)=0$. Первая по перемѣнной x относится къ второму случаю втораго отдѣла, а по y къ первому. Вторая по обѣимъ перемѣннымъ относится ко второму случаю втораго отдѣла особенныхъ величинъ. Частныя производныя данной функціи суть

$$\frac{du}{dx}=(1+\log x)\frac{x^x}{1-e^{\frac{1}{y}}};\quad \frac{du}{dy}=\frac{x^x\cdot e^{\frac{1}{y}}}{y^2(1-e^{\frac{1}{y}})^2}$$

Для значеній x=пр. $(+\varepsilon)=0$, y=пр. $(-\varepsilon_1)=0$, $\frac{du}{dx}$ есть отрицательная, а $\frac{du}{dy}$ положительная; по этому величина u=1, соотвѣтствующая упомянутымъ значеніямъ, есть по обѣимъ перемѣннымъ наибольшая. При x=пр. $(+\varepsilon)=0$, и y=пр. $(+\varepsilon_1)=0$, какъ $\frac{du}{dx}$, такъ и $\frac{du}{dy}$ суть положительныя величины; слѣдовательно величина u=0, по обѣимъ перемѣннымъ есть наименьшая.

3) *Опредѣлить наименьшую величину функціи*

$$u=\sqrt{x^2+y^2}-\frac{1}{\log z}$$

Функція u имѣетъ особенную величину u=0, соотвѣтствующую значеніямъ x=0, y=0, z=0, относящуюся по x и y къ первому отдѣлу особенныхъ величинъ, а по z ко второму случаю втораго отдѣла. Диффиренцируя ее мы имѣемъ

$$\frac{du}{dx}=\frac{x}{\sqrt{x^2+y^2}},\quad \frac{du}{dy}=\frac{y}{\sqrt{x^2+y^2}},\quad \frac{du}{dz}=\frac{1}{z(\log)^2}$$

Относительно x и y выполнены здѣсь условія

при $x<0$, $\frac{du}{dx}<0$, пр $x>0$, $\frac{du}{dx}>0$; при $y<0$, $\frac{du}{dy}<0$, при $y>0$, $\frac{du}{dy}>0$,

слѣдовательно по x и по y предложенная функція имѣетъ наи-

Digitized by Google

меньшую величину. Производная $\frac{du}{dz}$, для значенія $z=\text{пр}(+\varepsilon)=0$, есть положительная, поэтому и по переменной z данная функція принимаетъ наименьшую величину. Отсюда заключаемъ, что упомянутая величина $u=0$ есть наименьшая.

Вопросы о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, относящіеся къ исчисленію Варіаціи.

Положимъ, что мы имѣемъ функцію $V=f(x, y, y', y'', \ldots)$, гдѣ $y'=\frac{dy}{dx}$, $y''=\frac{d^2y}{dx^2}$,... суть различныя производныя y относительно x. Требуется узнать, какою функціею отъ x должно быть количество y, чтобы интегралъ $\int V dx$ былъ наибольшимъ, при томъ условіи, что онъ долженъ быть равенъ нулю, когда $x=a$, и наибольшимъ или наименьшимъ, когда $x=b$.

Дадимъ количеству y произвольное приращеніе $\omega=\varphi(x)$. Въ такомъ случаѣ необходимо, для существованія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, чтобы интегралъ разности

$$K=f(x, x+\omega, y'+\omega', y''+\omega'', \ldots) - f(x, y, y', y'', \ldots)$$

имѣлъ постоянно положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаѣ наибольшей величины. Разложимъ эту разность въ рядъ по Тейлоровой теоремѣ. Мы получимъ

$$(1)\quad K=\omega.\frac{dV}{dy}+\omega'.\frac{dV}{dy'}+\omega''\frac{dV}{dy''}+\ldots+\frac{1}{1.2}\left(\omega^2.\frac{d^2V}{dy^2}+2\omega.\omega'.\frac{d^2V}{dydy'}+\omega'^2\frac{d^2V}{dy'^2}+\ldots\right)+\ldots$$

Положимъ теперь $\omega=i\mu$, и гдѣ i есть постоянное произвольное количество, которое можно сдѣлать какъ угодно малымъ. Тогда предъидущее разложеніе все будетъ помножено на i. Точно также и интегралъ этого количества будетъ умноженъ на i. Поэтому, такъ какъ i есть какъ угодно малая величина, очевидно, что упомянутый интегралъ будетъ перемѣнять знакъ съ перемѣною знака i, если не будетъ условія, по которому интегралъ количества

$$L=\omega\frac{dV}{dy}+\omega'\frac{dV}{dy'}+\omega''\frac{dV}{dy''}+\ldots,$$

равенъ нулю. Слѣдовательно это условіе будетъ общее, какъ для наибольшихъ, такъ и для наименьшихъ величинъ. Кромѣ того должно быть еще условіе, по которому интегралъ суммы

$$M=\omega^2\frac{d^2V}{dy^2}+\omega\omega'\frac{d^2V}{dydy'}+\omega'^2\frac{d^2V}{dy'^2}+\ldots.$$

Digitized by Google

долженъ сохранить постоянно положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаѣ наибольшей величины, независимо отъ произвольнаго количества ω.

Сначала удовлетворимъ первому условію. Мы замѣтимъ, что по причинѣ неопредѣленности ω, интегралъ количества L долженъ быть вида

$$a+\omega\beta+\omega'\gamma+\omega''\delta+\ldots\ldots$$

Взявъ производную этого послѣдняго и сравнивъ ее съ количествомъ L, мы очевидно имѣемъ равенства

$$\alpha=0, \frac{d\beta}{dx}=\frac{dV}{dy}\ ,\ \beta+\frac{d\gamma}{dx}=\frac{dV}{dy'}\ ,\ \gamma+\frac{d\delta}{dx}=\frac{dV}{dy''},\ldots$$

Изъ этихъ уравненій непосредственно получаемъ

$$\frac{d\beta}{dx}=\frac{dV}{dy}\ ,\ \frac{d\beta}{dx}+\frac{d^2\gamma}{dx^2}=\frac{d^2V}{dxdy'}\ ,\ \frac{d^2\gamma}{dx^2}+\frac{d^3\delta}{dx^3}=\frac{d^3V}{dx^2dy''}\ ,\ldots\ldots$$

Отсюда же имѣемъ

$$(2)\qquad \frac{dV}{dy}-\frac{d^2V}{dx.dy'}+\frac{d^3V}{dx^2.dy''}-\frac{d^4V}{dx^3.dy'''}+\ldots\ldots=0$$

Это есть условное уравненіе для наибольшихъ и наименьшихъ величинъ, откуда можно вывести y въ функціи x. Оно будетъ двойнаго порядка въ сравненіи съ предложенною функціею V.

Теперь написавъ рядъ уравненій

$$\beta+\frac{d\gamma}{dx}=\frac{dV}{dy'}\ ,\ \frac{d\gamma}{dx}+\frac{d^2\delta}{dx^2}=\frac{d^2V}{dx.dy''}\ ,\ \frac{d^2\delta}{dx^2}+\frac{d^3\varepsilon}{dx^3}=\frac{d^3V}{dx^2.dy'''}\ ,\ \ldots\ldots$$

имѣемъ $$\beta=\frac{dV}{dy'}-\frac{d^2V}{dx.dy''}+\frac{d^3V}{dx^2dy'''}-\ldots\ldots$$

Точно также $$\gamma=\frac{dV}{dy''}-\frac{d^2V}{dx\,dy'''}+\ldots\ldots$$

$$\delta=\frac{dV}{dy'''}-\ldots\ldots\ldots\ldots$$

По причинѣ $\alpha'=\frac{d\alpha}{dx}=0$, количество α есть постоянное произвольное.

Положимъ теперь $\omega\beta+\omega'\gamma+\omega''\delta+\ldots\ldots = \Phi(x)$. Тогда въ силу условія, по которому интегралъ $\int V dx$, долженъ быть равенъ нулю при x=a, имѣемъ $\Phi(a)+\alpha=0$; откуда $\alpha=-\Phi(a)$. Въ силу другаго условія количество $\Phi(x)-\Phi(a)$ должно быть равно нулю при x=b, слѣдовательно мы имѣемъ условіе

$$(3)\qquad \Phi(b)-\Phi(a)=0$$

которому нужно удовлетворить посредствомъ постоянныхъ произвольныхъ величинъ, входящихъ въ функцію y, выведенную изъ уравненія (2). Если по условіямъ вопроса даны значенія y для x=a и для x=b, то количество ω равно нулю какъ при x=a,

Digitized by Google

такъ и при x=b. Слѣдовательно нужно положить ω=0, какъ въ количествѣ Φ (b), такъ и въ Φ (a). Если бы величины $y'=\frac{dy}{dx}$, были также даны для x=a и x=b, то въ тѣхъ же количествахъ $\omega'=0$, и т. д. Уничтоживъ ω, ω', ... въ количествахъ Φ (b) и Φ (a), смотря по числу функцій y, y', y'',...., данныхъ по смыслу вопроса, коеффиціэнты передъ остальными должны быть равны нулю, чтобы равенство (3) состоялось независимо отъ произвольныхъ количествъ ω, ω', ω'',...

Теперь слѣдуетъ удовлетворить второму условію, по которому интегралъ $\int Mdx$, долженъ сохранять положительный знакъ въ случаѣ наименьшей и отрицательный въ случаѣ наибольшей величины, между предѣлами x=a и x=b, независимо отъ перемѣнныхъ произвольныхъ функцій ω, ω', υ'',.... Впрочемъ всѣ изъ нихъ зависятъ отъ одной ω, съ которой они связаны уравненіями $\omega'=\frac{d\omega}{dx}$, $\omega''=\frac{d^2\omega}{dx^2}$,....

Чтобы удовлетворить упомянутому условію, замѣтимъ, что интегралъ какой либо функціи, между предѣлами a и b, будетъ постоянно положительный или постоянно отрицательный, если подъ интегральная функція сохраняетъ между тѣми же предѣлами постоянно положительный или постоянно отрицательный знакъ и если она между предѣлами a и b непрерывна.

На основаніи этого замѣчанія, легко будетъ удовлетворить упомянутому условію. Отдѣлимъ отъ функціи M часть, которая дѣйствительно остается постоянно положительною или постоянно отрицательною между предѣлами a и b. Пусть будетъ эта часть

$$A\omega^2+2B\omega\omega'+C\omega'^2$$

Вычтя ее изъ M и уравнявъ нулю интегралъ этой разности между предѣлами a и b, мы этимъ сдѣлаемъ $\int Mdx$ между тѣми же предѣлами постоянно положительнымъ или постоянно отрицательнымъ, отъ x=a до x=b. Упомянутая разность есть

$$\left(\frac{d^2V}{dy^2}-A\right)\omega^2+2\left(\frac{d^2V}{dydy'}-B\right)\omega\omega'+\left(\frac{d^2V}{dy'^2}-C\right)\omega'^2.$$

Такъ какъ ω есть количество совершенно произвольное, то интегралъ этой разности долженъ быть всегда $\theta(x)=\mu+\omega\nu$. Взявъ производную функціи θ(x) и сравнивъ ее съ упомянутою разностью находимъ

$$\frac{d\mu}{dx}=0,\ \frac{d\nu}{dx}=\frac{d^2\nu}{dy^2}-A,\ \nu=\frac{d^2\nu}{dydy'}-B,\ 0=\frac{d^2\nu}{dy'^2}-C,\ \text{откуда}$$

Digitized by Google

$$A=\frac{d^2\nu}{dy^2}-\frac{d\nu}{dx};\ B=\frac{d^2\nu}{dydy}-\nu;\ C=\frac{d^2\nu}{dy^2}.$$

Величины A, B и C, по правиламъ главы V, должны удовлетворять условьямъ

$$A>0,\ C>0,\ AC-B^2>0$$

для наименьшей величины, и

$$A<0,\ C<0,\ AC-B^2>0$$

для наибольшей. Изъ уравненія $\frac{d\mu}{dx}=0$, находимъ, что μ есть постоянное произвольное количество. Величина ν зависитъ отъ условія $AC-B^2>0$. Проще положить $AC-B^2=0$ и отсюда вывести величину ν, но тогда можетъ случиться, что которое либо изъ количествъ A, B и C обратиться въ безконечность. Въ такомъ случаѣ наши заключенія будутъ несправедливы. Если величина ν, выведенная изъ уравненія $AC-B^2=0$ есть прерывная, то нужно такъ опредѣлить ν, чтобы оно удовлетворяло неравенству $AC-B^2>0$.

Потомъ нужно удовлетворить условію, по которому количество $\mu+\omega^2\nu$ равно нулю при $x=a$, и положительное въ случаѣ наименьшей, отрицательное въ случаѣ наибольшей величины, когда $x=b$.

Означивъ $\omega^2\nu$ черезъ $\psi(x)$, изъ уравненія $\mu+\psi(a)=0$ имѣемъ $\mu=-\psi(a)$.

Потомъ мы будемъ имѣть условіе $\psi(b)-\psi(a)\leqq 0$ для наибольшей и $\psi(b)-\psi(a)\geqq 0$ для наименьшей величины, независимо отъ произвольной величины ω. Если величины ν даны для $x=a$ и $x=b$ то мы имѣемъ $\psi(a)=0$ и $\psi(b)=0$, и условіе $\psi(b)-\varphi(a)=0$ будетъ выполнено само собою, какъ для наибольшей, такъ и для наименьшей величины. Если же эти величины ν не даны, то должно быть $\nu\leqq 0$, при $x=b$ и $\nu\geqq 0$, при $x=a$, для наибольшей величины; а $\nu\geqq 0$ при $x=b$ и $\nu\leqq 0$ при, $x=a$, для наименьшей.

Если бы часть разложенія разности K, содержащая вторыя измѣренія количествъ $\omega\ \omega',\ldots$ содержала и ω'', т. е. была бы

$$M=\omega^2\frac{d^2\nu}{dy^2}+2\omega\omega'\frac{dy^2}{dydy'}+\omega'^2\frac{d^2\nu}{dy'^2}+2\omega\omega''\frac{d^2\nu}{dydy''}+2\omega'\omega''\frac{d^2\nu}{dy'dy''}+\omega''^2\frac{d^2\nu}{dy''^2}$$

тогда означивъ часть этого количества, удерживающую постоянный знакъ между предѣлами a и b черезъ

$$S=A\omega^2+2B\omega\omega''+C\omega'^2+2D\omega\omega''+2E\omega'\omega''+F\omega''^2$$

Digitized by Google

мы нашли бы, что интегралъ разности M—S, долженъ быть вида

$$\mu+\omega^2\nu+2\omega\omega'\pi+\omega'^2\rho$$

и поступая совершенно также, какъ и прежде, мы вывели бы подобныя же условія для наибольшихъ и наименьшихъ величинъ.

Для примѣра рѣшимъ вопросъ: найти кратчайшее разстояніе между двумя данными точками; т. е. какая кривая, соединяющая двѣ эти точки, будетъ кратчайшая.

Извѣстно изъ правилъ дифференціальнаго исчисленія, что безконечно малый элементъ дуги равенъ $dx\sqrt{1+y'^2}$. Слѣдовательно

$$V=\sqrt{1+y'^2}.$$

Откуда имѣемъ $\frac{dV}{dy}=0, \frac{dV}{dy'}=\frac{y'}{\sqrt{1+y'^2}}, \frac{d^2V}{dy^2}=0, \frac{d^2V}{dydy'}=0,$ и $\frac{d^2V}{dy'^2}=\frac{1}{\sqrt{1+y'^2}}$. Въ силу уравненія (2) имѣемъ

$$\frac{d\left(\frac{y'}{\sqrt{1+y'^2}}\right)}{dx}=0, \text{ откуда}$$

$$y=Cx+C',$$

гдѣ C и C′ постоянныя произвольныя количества, которыя легко опредѣлятся изъ условій вопроса, по которымъ двѣ точки, соединенныя искомою линіею, даны. Такъ какъ количество

$$M=\frac{\omega'^2}{\sqrt{1+y'^2}}$$

остается постоянно положительнымъ, то и $\int Mdx$ останется также положительнымъ между предѣлами a и b. Отсюда заключаемъ, что прямая линія, опредѣляемая уравненіемъ $y=Cx+C'$, соединяющая двѣ данныя точки, будетъ короче всѣхъ линій, которыя можно провести между этими точками. Условія $\Phi(b)-\Phi(a)=0$ и $\psi(b)-\psi(a)=0$ исполняются сами собою, потому что координаты упомянутыхъ точекъ даны по смыслу вопроса.

Найдемъ еще наименьшую величину интеграла функціи

$$V=y'^2+2myy'+n^2y^2,$$

гдѣ n есть постоянное количество. Положимъ также величины y даны для значеній $x=a$ и $x=b$. Очевидно мы имѣемъ

$$\frac{dV}{dy}=2(n^2y+my'), \quad \frac{dV}{dy'}=2(my+y'), \quad \frac{d^2V}{dy^2}=2n^2, \frac{d^2V}{dydy'}=2m, \frac{d^2V}{dy'^2}=2.$$

Digitized by Google

По этому въ силу уравненія (2) имѣемъ

$$n^2y-y''=0, \text{ откуда}$$

$$y=pe^{+nx}+qe^{-nx}$$

гдѣ p и q суть постоянныя произвольныя количества, легко опредѣляющіяся изъ условій вопроса. Уравненія $\Phi(b)-\Phi(a)=0$, удовлетворяется само собою потому, что въ настоящемъ случаѣ $\Phi(b)=0$ и $\Phi(a)=0$, отдѣльно. Кромѣ того, удерживая предъидущія означенія имѣемъ $A=2n^2-\frac{d\nu}{dx}$, $B=2m-\nu$, $C=2$. Слѣдовательно нужно еще удовлетворить условію

$$2\left(2n^2-\frac{d\nu}{dx}\right)-(2m-\nu)^2>0,$$

что, очевидно удовлетворяется положеніемъ $\nu=2m$, которое сверхъ того даетъ $A>0$ и $C>0$.

Такъ какъ уравненія $\psi(b)-\psi(a)=0$, также выполняется само собою, то величина $y=pe^{nx}+qe^{-xn}$ даетъ наименьшую величину интегралу $\int V dx$ между предѣлами $x=a$ и $x=b$.

Случается, что количества $y, y', \ldots$ не даны для $x=a$ и $x=b$ непосредственно, но между ними существуетъ условіе $\varphi(x, y, y', y'', \ldots)=0$, которое должно существовать для обоихъ предѣловъ. Тогда къ количеству, которое должно удерживать постоянный знакъ, или, что все равно, къ интегралу разложенія разности K, нужно придать количество $\omega\varphi'(y)+\varphi'\omega'(y')+\ldots$

$$\frac{1}{1.2.}[(\omega^2\varphi''(y)+2\omega\omega'\varphi''(y, y')]+\ldots,$$

гдѣ $\varphi'(y)=\frac{d\varphi}{dy}$, $\varphi'(y')=\frac{d\varphi}{dy'}, \ldots \varphi''(y)=\frac{d^2\varphi}{dy^2}$, $\varphi''(y, y,')=\frac{d^2\varphi}{dydy'}$ ..... , умноженное на неопредѣленный коэффиціэнтъ λ. Тогда уже можно разсматривать величины $\omega, \omega', \ldots$ какъ независимыя.

Точно также можетъ случиться, что требуется разыскать наибольшія и наименьшія величины интеграла $\int V dx$, при условіи

$$\int_a^b \varphi(x, y, y', y'', \ldots)\, dx=N$$

Въ такомъ случаѣ опредѣляемъ по предъидущимъ правиламъ наибольшія и наименьшія величины интеграла $\int \nu\, dy+\lambda\int \varphi(x, y, \ldots)\, dx$, гдѣ λ есть неопредѣленный коэфиціэнтъ. Мы будемъ имѣть

$$\frac{dx}{dy}-\frac{d^2\nu}{dx.dy'}+\frac{d^2\nu}{dx^2dy''}-\ldots+\lambda\left(\frac{d\varphi}{dy}-\frac{d^2\varphi}{dxdy'}+\frac{d^2\varphi}{dx^2dy''}-\ldots\right)=0$$

Digitized by Google

Отсюда выводимъ y въ функціи x, считая λ количествомъ постояннымъ. Чтобы опредѣлить λ, мы, зная y въ функціи x, приведемъ функцію $\varphi(x, y', y'', \ldots)$ къ одной перемѣнной x. Итакъ положимъ $\varphi(x, y, y' y'', \ldots) = \varkappa(x)$. Тогда мы имѣемъ $\int_a^b \varkappa(x)\,dr = N = R(\lambda)$, гдѣ $R(\lambda)$ есть нѣкоторая функція λ. Изъ уравненія $R(\lambda) = N$ опредѣлимъ λ.

Случаи функцій нѣсколькихъ перемѣнныхъ.

Если мы имѣемъ функцію $V = f(x, y, y', \ldots z, z', \ldots)$ гдѣ y и z суть перемѣнныя зависимыя отъ x, то давъ y и z соотвѣтственно произвольныя приращенія ω и ξ, мы, разсуждая совершенно подобнымъ образомъ, какъ и прежде, найдемъ, что общее условіе наибольшихъ и наименьшихъ величинъ будетъ

$$(1)\qquad \begin{cases} \frac{dV}{dy} + \frac{d^2V}{dx\,dy'} + \frac{d^3V}{dx^2dy''} - \frac{d^4V}{dx^3dy'''} + \ldots = 0 \\ \frac{dV}{dz} + \frac{d^2V}{dx\,dz'} + \frac{d^3V}{dx^2dz''} - \frac{d^4V}{dx^3dz'''} + \ldots = 0 \end{cases}$$

Изъ этихъ уравненій опредѣлимъ y и z въ функціи x. Означивъ черезъ $\Phi(x)$ функцію $\omega\beta + \omega'\gamma + \omega''\delta + \ldots$, гдѣ $\beta, \gamma, \delta, \ldots$ означаютъ тоже что и прежде, и черезъ $\Phi_1(x)$ функцію $\xi\beta + \xi'\gamma + \xi''\delta + \ldots$, въ которой $\beta, \gamma, \delta, \ldots$ суть количества аналогическія съ $\beta, \gamma, \delta, \ldots$ мы совершенно также найдемъ условія

$$(2)\qquad \Phi(b) - \Phi(a) = 0,\ \Phi_1(b) - \Phi_1(a) = 0,$$

которымъ нужно удовлетворить независимо отъ $\omega, \omega', \ldots \xi, \xi', \ldots$ помощію постоянныхъ произвольныхъ количествъ, входящихъ въ выраженія z и y въ функціяхъ x. Если даны какъ y, такъ и z для $x=a$ и $x=b$, то величины ξ и ω должны быть уравнены нулю, въ количествахъ $\Phi(a)$, $\Phi_1(a)$, $\Phi(b)$, $\Phi_1(b)$. Если сверхъ того даны величины y' и z' для $x=a$ и $x=b$, то ω' и ξ' должны быть въ тѣхъ же выраженіяхъ равны нулю, и такъ далѣе.

По уравненіи нулю столькихъ функцій $\omega, \omega', \ldots \xi, \xi', \ldots$ сколько позволяютъ условія вопроса, коеффиціэнты передъ остальными должно уравнять также нулю, чтобы удовлетворить уравненіямъ (2) независимо отъ произвольныхъ количествъ ω и ξ.

Члены втораго измѣренія въ разложеніи разности

$$f(x, y+\omega, y'+\omega', \ldots z+\xi, z'+\xi' \ldots) - f(x, y, y', \ldots z, z' \ldots)$$

будутъ $\omega^2\frac{d^2V}{dy^2} + 2\omega\omega'\frac{d^2V}{dy\,dy'} + \omega'^2\frac{d^2V}{dy'^2} + 2\omega\xi'\frac{d^2V}{dy\,dz'} + 2\omega'\xi\frac{d^2V}{dy\,dz} + 2\omega'\xi'\frac{d^2V}{dy'dz'}$

$$+ 2\omega\xi\frac{d^2V}{dy\,dz} + \xi^2\cdot\frac{d^2V}{dz^2} + 2\xi\xi'\frac{d^2V}{dy\,dz'} + \xi'^2\frac{d^2V}{dz'^2}$$

Предполагаемъ, что въ эти члены входятъ только количества ω, ξ, ω' и ξ'. Положимъ теперь, что часть этой суммы, сохраняющая постоянный знакъ, будетъ

$$A\omega^2 + 2B\omega\omega' + C\omega'^2 + 2D\omega\xi + 2E\omega'\xi + F\xi^2 + 2G\omega\xi' + 2H\omega'\xi' + 2I\xi\xi' + K\xi'^2$$

Digitized by Google

Вычитая изъ суммы всѣхъ членовъ втораго измѣренія эту часть, мы найдемъ, что по причинѣ совершенной неопредѣленности ω и ξ интегралъ этой разности долженъ быть вида

$$\mu+\omega^2\nu+2\omega\xi\pi+\xi^2\rho.$$

Взявъ производную этого количества и сравнивъ ее съ функціею

$$A\omega^2+2B\omega\omega'+C\omega'^2+2D\omega\xi+\ldots.$$

получимъ величины коэффиціэнтовъ A, B, C,....J, K. Поступая совершенно также, какъ и прежде, и руководствуясь формулами главы V, найдемъ подобныя уловія, какъ и прежде.

Еслибы случилось, что количества y и z были связаны уравненіемъ $\varphi(x, y, y', \ldots z, z' \ldots)=0$,

то означивъ черезъ λ неопредѣленный коэффиціэнтъ, мы имѣли бы

$$\frac{d\nu}{dy}-\frac{d^2\nu}{dxdy'}+\ldots+\lambda\left(\frac{d\varphi}{dy}+\frac{d^2\varphi}{dxdy'}+\ldots\right)=0$$

$$\frac{d\nu}{dz}-\frac{d^2\nu}{dxdz'}+\ldots+\lambda\left(\frac{d\varphi}{dz}+\frac{d^2\varphi}{dxdz'}+\ldots\right)=0,$$

откуда исключивъ λ имѣли бы уравненіе $\psi(x, y, y', \ldots z, z', \ldots)=0$, которое по соединеніи съ даннымъ $\varphi(x, y, y', \ldots z, z', \ldots)=0$, послужитъ для опредѣленія y и z въ функціяхъ отъ x.

При разысканіи условій постояннаго знака въ извѣстномъ полиномѣ, слѣдуетъ къ нему прибавить подобный же полиномъ, соотвѣтствующій функціи φ и умноженный на λ.

Закончимъ эту теорію рѣшеніемъ извѣстнаго вопроса о кривой наискорѣйшаго ската. Этотъ вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: даны двѣ точки въ пространствѣ; отъ одной изъ нихъ къ другой катится по нѣкоторой кривой тяжелое тѣло, единственно въ слѣдствіе тяжести. Спрашивается, какая кривая должна соединять данныя точки, чтобы время, протекающее отъ момента выхожденія тѣла изъ одной точки, до момента вступленія въ другую было наименьшее?

При этомъ предполагаются извѣстными законы механики, по которымъ первая производная времени равна первой производной пространства, раздѣленной на скорость движенія, и скорость свободно падающихъ тѣлъ, пропорціональна корню квадратному изъ высотъ, съ которыхъ тѣла эти падаютъ. Такимъ образомъ, отнеся искомую кривую къ тремъ прямоугольнымъ координатамъ x, y, и z и предполагая x вертикальною ординатою, мы будемъ имѣть

$$\nu=\frac{\sqrt{1+y'^2+z'^2}}{\sqrt{h+x}},$$

гдѣ h есть разстояніе начала координатъ отъ поверхности земли,

Digitized by Google

считаемое по вертикальной линіи. Мы, очевидно, имѣемъ $\frac{dv}{dx}=0$, $\frac{dv}{dy'}=\frac{y'}{\sqrt{h+x}.\sqrt{1+y'^2+z'^2}}$; $\frac{dv}{pz}=0$, $\frac{dv}{dz'}=\frac{z'}{\sqrt{h+x}\sqrt{1+y'^2+z'^2}}$.

Поэтому уравненія (1) дадутъ

$$\frac{d\left(\frac{dv}{dy'}\right)}{dx}=0, \quad \frac{d\left(\frac{dv}{dz'}\right)}{dx}=0, \text{ откуда}$$

$$(\alpha) \qquad \frac{y'}{\sqrt{h+x}.\sqrt{1+y'^2+z'^2}}=p, \quad \frac{z'}{\sqrt{h+x}.\sqrt{1+y'^2+z'^2}}=q,$$

гдѣ p и q суть постоянныя произвольныя количества. Изъ предыдущихъ уравненій получаемъ

$$qy'=pz' \text{ откуда}$$

$$y=\frac{p}{q}z+m,$$

гдѣ m есть новое постоянное количество. Послѣднее уравненіе показываетъ, что искомая кривая есть плоская и заключается въ вертикальной плоскости, потому что уравненіе $y=\frac{p}{q}z+m$ есть уравненіе подобной плоскости. Помѣстя въ ней ось y-овъ, получимъ $z=0$, $z'=0$. По этому будемъ только имѣть

$$y'=\frac{p\sqrt{x+h}}{\sqrt{1-p^2(x+h)}}$$

что слѣдуетъ изъ уравненія (α). Это выраженіе y' показываетъ, что искомая кривая есть циклоида, у которой координаты y нужно считать по направленію ея оси, а координаты x перпендикулярно къ этой оси. Условіе $\Phi(b)-\Phi(a)=0$ здѣсь, очевидно, выполняется само собою.

Сверхъ того мы имѣемъ

$$\frac{d^2v}{dy'^2}=\frac{1+z'^2}{\sqrt{h+x}[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}}; \quad \frac{d^2v}{dy'dz'}=-\frac{y'z'}{\sqrt{h+x}[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}},$$

$$\frac{d^2v}{dz'^2}=\frac{1+y'^2}{\sqrt{h+x}.[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}}$$

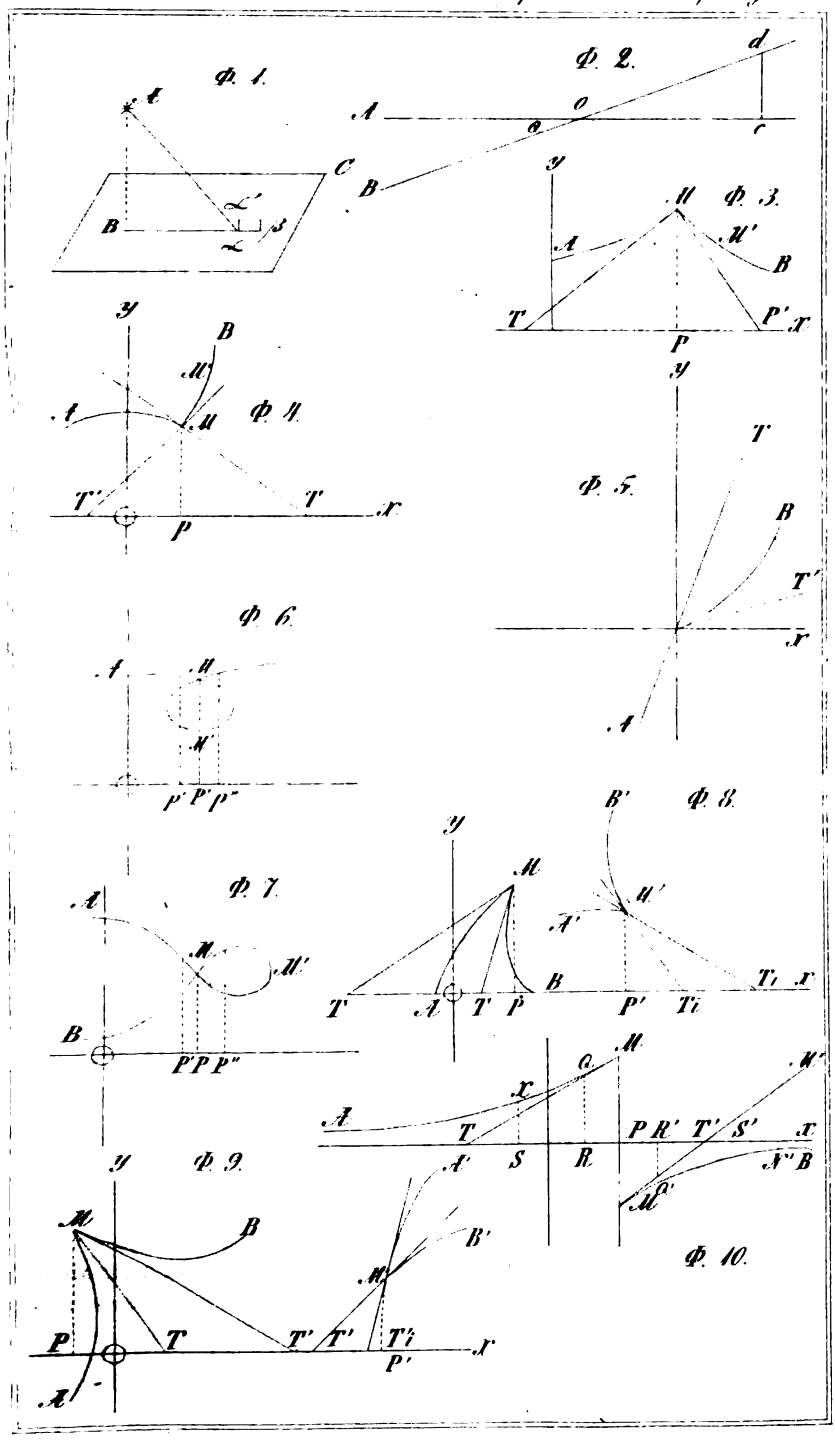
прочія вторыя производныя функціи v равны нулю. Поэтому извѣстный полиномъ второй степени, въ настоящемъ случаѣ, приведется къ такому

$$\omega'^2\frac{d^2v}{dy'^2}+2\omega'\xi'\frac{d^2v}{dy'dz'}+\xi'^2\frac{d^2v}{dz'^2}=\frac{\omega'^2(1+z'^2)-2\omega'\xi'y'z'+(1+y'^2)\xi'^2}{\sqrt{h+x}[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}}$$

$$=\frac{\omega'^2+\xi'^2+(\omega'z'-\xi'y')^2}{\sqrt{h+x}.[1+y'^2+z'^2]^{\frac{3}{2}}}.$$

Такъ какъ этотъ многочленъ постоянно удерживаетъ знакъ положительный, и условіе $\psi(b)-\psi(a)=0$ выполняется само собою, то заключаемъ, что циклоида удовлетворяетъ данному вопросу.

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

ГЮЛИСТАНЪ САДИ.

Сочиненіе студента Ю. Богушевича.

Alles hat seine Zeit!
Goethe's West-östlicher Divan.
Noten.

Въ богатой персидской литературѣ, золотой вѣкъ которой обнимаетъ нѣсколько столѣтій, есть много именъ, озаренныхъ непомрачаемымъ до сихъ поръ блескомъ, неизмѣнно и безпрепятственно переходящихъ изъ устъ одного поколѣнія въ уста другаго,—не смотря на то, что народъ, на умственномъ горизонтѣ котораго засвѣтились эти имена, часто подвергался внѣшнимъ и внутреннимъ переворотамъ. Можетъ быть это обстоятельство не говоритъ въ пользу умственнаго развитія у персовъ, которое необходимо увлекаетъ народъ впередъ и заставляетъ его покидать старину, уступая мѣсто новымъ взглядамъ, понятіямъ и ихъ выраженіямъ; но, не вдаваясь пока въ разсужденія по этому предмету, нельзя не согласиться безусловно, что словесное произведеніе, пережившее многіе вѣка въ неувядаемой славѣ и сохранившее живой интересъ въ глазахъ народа, должно быть въ самомъ дѣлѣ замѣчательно,—пожалуй относительно, по понятіямъ этого народа, — и слѣдовательно все-таки замѣчательно.

У персовъ нашего времени такихъ произведеній много. Украшенныя именами творцовъ своихъ: Фердауси, Низами, Саади, Анвари, Хафиза, Джами, Дехлеви и мн. др., они служатъ предметомъ всеобщаго глубокаго уваженія и доставляютъ обильную пищу людямъ всѣхъ сословій—и бѣдняку во время работы на знойномъ полѣ или въ хижинѣ во время отдыха, и вельможѣ во время безконечныхъ кейфовъ или государственныхъ занятій, и даже женщинѣ среди нѣги роскошнаго восточнаго гарема. Между многими другими, сэръ Джонъ Малькольмъ, въ своихъ прекрасныхъ Sketches of Persia, или А. Ходзько въ предисловіи къ своей Grammaire persanne, говорятъ, что нерѣдко можно слы-

Digitized by Google

шать звучный стихъ персидскаго поэта въ устахъ простаго погонщика муловъ или водоноса, въ сулейской комнатѣ кади, въ шумной юношеской пирушкѣ,—или въ упоительную ночь, сквозь тихій древесный шелестъ, изъ высокаго таинственнаго окна.

Такимъ образомъ, будучи неотлучными спутниками народа, произведенія эти невольно сдѣлались выраженіемъ его духовной жизни, и всѣ вмѣстѣ составляютъ книгу, въ которой вписаны всѣ помышленія этого народа, его чувствованія, вѣрованія, воззрѣніе на міръ,—все то, что составляетъ его характеристическую особенность, и что опредѣляетъ степень его развитія, которое даетъ ему извѣстное мѣсто среди другихъ народовъ.

Разбирая названныхъ выше писателей съ этой точки, мы могли бы составить, такъ сказать, формулу, выражающую жизнь персидскаго народа и представляющую, слѣдовательно, результаты его жизни прошедшей и основаніе будущей.

Можно бы было подумать, что эти писатели *отстали*, потому что жили за нѣсколько вѣковъ до нашего времени, и, какъ всякій писатель, были выраженіемъ жизни современной имъ, слѣдовательно должны имѣть мало общаго съ жизнію позднѣйшею, которая могла развиться болѣе и измѣниться во многомъ. Этотъ вопросъ неизбѣженъ для насъ, европейцевъ, привыкшихъ къ прогрессу въ общественной жизни и ея выраженіи — литературѣ.

Но кто не знаетъ жизни мусульманскаго востока послѣднихъ столѣтій? Замкнутая въ себѣ самой, чуждая міровой дѣятельности, она была неподвижна на пути усовершенствованій и прогресса.

Какія были причины этого—сказать нелегко. Отъ великаго факта историческаго до ничтожнаго климатическаго факта—все вліяетъ на народъ, все въ совокупности даетъ направленіе его жизни. Но между всѣми этими обстоятельствами важнѣйшее, безъ сомнѣнія, есть религія. Она бываетъ неотлучнымъ спутникомъ человѣка и раскрываетъ предъ нимъ сокровищницу тѣхъ истинъ, которыя онъ слагаетъ въ идею своей жизни и развиваетъ съ теченіемъ времени, до могилы.

Разсмотрѣть эту вліятельность всесторонне—огромная задача, требующая глубокаго изученія исторіи въ самомъ обширномъ ея значеніи; потому мы оставимъ эту задачу будущему и, опустивъ другія обстоятельства, которыя могли имѣть вліяніе на жизнь востока, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какое вліяніе имѣлъ на нее исламъ.

Исламъ, по сущности своихъ основаній, есть бѣдная религія,

Digitized by Google

вполнѣ выливщаяся въ коранѣ, который есть не только кодексъ идей религіозныхъ, но и кодексъ приведенныхъ въ параллель съ этими идеями положительныхъ правилъ жизни частной и общественной, такъ-что послѣдующимъ законодателямъ мусульманскимъ оставалось только развивать однажды данныя фактическія начала, (потому и Магомета гораздо правильнѣе называть *законодателемъ*, чѣмъ учителемъ вѣры, *пророкомъ*). Правила эти составили ту тѣсную, неподвижную рамку, тѣ узкіе, вѣчные предѣлы, въ которыхъ были заключены болѣе или менѣе высокія отвлеченныя религіозныя идеи, составившія собою такимъ образомъ замкнутую среду, въ которой только и могъ вращаться умъ человѣческій. Натурально, замкнутость эта перешла и на самую жизнь. И жизни духовной востока исламъ назначилъ такіе же тѣсные предѣлы, далъ ей такой же извѣстный, осязательно опредѣленный смыслъ—и запретилъ своимъ послѣдователямъ, подъ страхомъ потери роскошнаго рая Магомета, переходить за эти предѣлы, развиваться самой, развивая этотъ смыслъ. Послѣ первыхъ вѣковъ бурной жизни, когда исламъ разливался кровавою лавою, съ быстротою и неудержимостью горнаго весенняго потока, потрясая умы своимъ палящимъ фанатизмомъ и возбуждая ихъ къ новой жизни и дѣятельности,—послѣ этихъ первыхъ вѣковъ, когда страшный потокъ разлился въ разныя стороны и потерялъ единство своей идеи и цѣли,—все застыло и превратилось, подобно лавѣ, въ твердую, почти безжизненную, бѣдно производительную массу, такъ-что тотъ же исламъ, который прежде двинулъ востокъ такъ далеко впередъ, на извѣстныхъ предѣлахъ остановилъ его, повисъ надъ нимъ неодолимою *судьбою* и надолго запечатлѣлъ его роковою печатью неподвижности. За гранью видимаго міра, даже видимаго окружнаго кругозора, не было мѣста для вопросовъ: отважный философъ-мусульманинъ сразу покончилъ со всякою философіею:—своимъ послѣдователямъ онъ или положительно объяснилъ кое-что изъ будущаго и неизвѣстнаго, не стѣсняясь разнообразіемъ и многосторонностью вопросовъ; или сказалъ и поставилъ въ законъ разъ навсегда, что неизвѣстное было и будетъ извѣстно только Богу, и человѣку не слѣдъ заглядывать дальше и иначе, чѣмъ сказалъ вдохновенный божественнымъ откровеніемъ учитель. При Шахъ-Аббасѣ вспыхнулъ послѣдній пламень духовнаго очага, когда шіитская секта торжественно открылась и подняла голову предъ суннитами, когда по этому поводу загремѣла религіозная полемика между этими двумя сектами, и чрезъ то умы были возбуждены къ дѣятельности. Большая часть лучшихъ персидскихъ писателей были порожде-

Digitized by Google

ніемъ этого временнаго движенія умовъ. А движеніе это было именно временное, также какъ полемика, которая разумѣется не могла измѣнить возникшаго порядка вещей: права обѣихъ сторонъ были равны, и преимущества въ какой бы то ни было силѣ не имѣла ни одна изъ нихъ. Потому, прошла для мусульманъ пора *политическаго* торжества—и мусульманскій міръ почилъ на своихъ лаврахъ и пріобрѣтеніяхъ, удивляясь самъ себѣ и своему прошлому, и благоговѣйно вспоминая объ немъ. Въ будущемъ не было вопросовъ, не было задачъ для выполненія.

И теперь восточные мусульманскіе народы почерпаютъ для себя правила жизни, понятія о ея значеніи и цѣли—не изъ себя самихъ, какъ результаты духовной самостоятельной дѣятельности, а изъ корана и изъ твореній своихъ безсмертныхъ поэтовъ и философовъ, которые писали разумѣется въ духѣ своего учителя и потому не умрутъ до тѣхъ поръ, пока будетъ жить міръ мусульманскій.

Такимъ образомъ творенія эти и теперь заключаютъ возможность предположенной выше формулы; они и теперь служатъ выраженіемъ жизни востока, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ,—хотя въ обоихъ этихъ случаяхъ относительное значеніе ихъ различно: въ первое время своего существованія *они* представляли картину, списанную съ восточной жизни, а въ послѣднее—уже жизнь востока представляетъ картину, написанную по началамъ, изложеннымъ въ нихъ.

Я позволю себѣ высказать въ нѣсколькихъ словахъ свое мнѣніе о томъ, какъ исламъ подѣйствовалъ на умъ восточнаго человѣка и потомъ отразился въ литературѣ.

Мусульманская религія имѣла неотвратимое и самое гибельное вліяніе на своихъ послѣдователей. Заключая въ себѣ, какъ уже сказано выше, разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ міра духовнаго, она по этому самому не могла порядочно разрѣшить ни одного вопроса, сваливая всѣ на слѣпую, безусловную, бездоказательную вѣру, которая не могла вызвать со стороны человѣка никакой попытки къ объясненію невѣдомаго, къ объясненію и сознанію самого себя, къ уразумѣнію задачи и требованій жизни. Моменты и факты настоящаго были для него опредѣлены такъ точно, что только настоящее, близкое и могло привлекать на себя его вниманіе, не оставляя никакой возможности доступа къ нему идеѣ высокаго, безконечнаго,—идеѣ, которая непремѣнно должна вплетаться въ нить человѣческой жизни, чтобы эту жизнь осмыслить и показать далекую цѣль ея въ будущемъ, къ которой ведетъ одинъ непрерывный, систематическій путь мысли, и которая только одна объясняетъ и улаживаетъ часто стран-

Digitized by Google

ные факты настоящаго. Для мусульманина этой сознательной цѣли нѣтъ, слѣдовательно и въ настоящемъ нѣтъ ладу и даже сознанія, что этотъ ладъ необходимъ для чего нибудь, кромѣ настоящаго, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—видимаго, матеріальнаго. Изъ всего этого понятна безладица, которая должна господствовать въ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ мусульманина и въ самой его жизни, а слѣдовательно и искать тамъ порядка и системы было бы совершенно напрасно.

Идея религіи Магомета согласовалась, какъ нельзя лучше, съ самою природою востока, и потому была весьма по нраву его жителямъ.

Жизнь мусульманина обстановлена такъ роскошно и великолѣпно, матерія и чувственность вырѣзались на всемъ окружающемъ такими яркими и выразительными буквами, что въ головѣ его не можетъ быть мѣста для основательнаго и систематическаго мышленія, пока въ жизни его (при настоящемъ развитіи его гражданскаго общества) не будетъ мѣста для серьезнаго, постояннаго труда, который только одинъ своею логичностью въ развитіи и послѣдовательностью пріучаетъ мыслить логично и послѣдовательно. И этотъ-то пораженный вещественнымъ, безконечно разнообразнымъ богатствомъ, окружающимъ восточнаго человѣка, смущенный и изнемогающій отъ этого богатства умъ его — былъ вдругъ захваченъ въ расплохъ схоластическимъ и безпорядочнымъ, но пламеннымъ и оригинальнымъ ученіемъ честолюбиваго и необузданнаго фанатика!.... Надъ жизнью восточнаго человѣка повисла *рука судьбы*, которая, съ одной стороны, была здѣсь не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, потому что все земное казалось слишкомъ прекраснымъ для того, чтобы можно было покинуть его равнодушно, по волѣ этой судьбы; а съ другой, давала полную и необузданную свободу страстямъ, которыя не-обусловливаются разумной борьбой и потому не ведутъ къ послѣдовательности и анализу, и не представляютъ въ то же время для человѣка никакой свободы благородному и высокому сознанію своего внутренняго достоинства, своихъ внутреннихъ силъ.

И умъ восточнаго человѣка былъ совершенно парализированъ этимъ ученіемъ. Онъ изнемогалъ отъ избытка силъ, и силамъ этимъ была дана неблагодарная работа двигать безсмысленный камень невѣдѣнія, страха, невѣрія подъ обманчивой формой абсолютнаго вѣрованія—фатализма; и навѣкъ положенъ былъ зарокъ этимъ силамъ пытливо разобрать и уразумѣть свою ношу. И вышли умственныя силы безъ мысли, безъ единства, безъ направленія. Душею овладѣла глубокая апатія.

Digitized by Google

которую пробуждало только безсознательное, врожденное всякому человѣку, стремленіе къ дѣятельности, разумѣется безпорядочной. Жизнь отпечатлѣвала въ умѣ свои образы, но безъ связи; умъ порождалъ мысли, но безъ гармоніи, мысли случайныя, не имѣющія одна съ другою ничего общаго, отрѣшенныя отъ вѣчнаго, и потому не могущія быть примѣнимыми къ временному и мѣстному.

Основаніе нашей религіи, христіанская любовь къ ближнему, заставило европейцевъ заботиться объ улучшеніи своего быта; отсюда для человѣка опытъ жизни и систематическое изученіе самого себя и всего окружающаго; отсюда далекій взглядъ на будущее; отсюда прогрессъ въ нашемъ духовномъ развитіи и сознательное пониманіе различныхъ явленій жизни, надъ которыми потому мы постоянно можемъ господствовать. А главное — отсюда терпимость къ прегрѣшеніямъ ближняго и опытное, систематическое, логичное усовершенствованіе его путемъ *науки*.

Значеніе ислама совершенно другое. Слѣпая безусловная вѣра въ *намѣстника Божія на землѣ*, во главу религіи, слѣдовательно и народа, и совершеннѣйшая покорность этой главѣ— составляютъ отличительный характеръ ислама. Богъ есть, но онъ говоритъ только сердцемъ и устами пророка и земнаго владыки (первый пророкъ и преемники его были вмѣстѣ и духовные и свѣтскіе владыки, какъ теперь владыка свѣтскій произвольно считается и главою вѣры), который совмѣщаетъ въ себѣ Его тѣнь. Господь такимъ образомъ отразился въ *земномъ* могуществѣ,—и на вершинѣ *его* (земнаго могущества) слѣдовательно почило счастіе жизни, стяжатели котораго раздѣляютъ между собою землю и ея сокровища и наслѣдуютъ ихъ даже въ загробной жизни. Стяжаніе близко; разстояніе его можно измѣрить, какъ извѣстное протяженіе времени, пространства; оно въ данной точкѣ, въ данномъ моментѣ. Зачѣмъ же долгое систематическое наблюденіе и изученіе настоящаго въ отношеніи его къ прошедшему и будущему, когда оно такъ просто и опредѣленно? зачѣмъ вѣчность при моментѣ? что такое непостижимый духъ, идея—предъ осязательностью матеріи, внѣшности, формы? Зачѣмъ долгое усовершенствованіе при случайной силѣ? Зачѣмъ система при произволѣ, случайности? наука при *ученіи*?

И какъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ души восточнаго человѣка, одаренной божественными началами, не могло быть отнято стремленіе къ совершенству; потому, хоть не *видя* въ себѣ самомъ, но *чувствуя* безсознательно бѣдность и несовершенство своей

Digitized by Google

жизни, и видя все это съ избыткомъ въ своихъ собратахъ и родичахъ, — онъ могъ только *поучать* ихъ, касаясь разумѣется въ своихъ поученіяхъ преимущественно внѣшней, формальной и матеріальной стороны жизни, случайныхъ фактовъ ея и явленій.—Его собственная жизнь была преимущественно основана на этихъ началахъ, и потому на степень ихъ онъ долженъ былъ низводить даже свои смутно сознаваемыя понятія о мірѣ духовномъ, выражая ихъ болѣе нежели простымъ и осязательнымъ образомъ, или на оборотъ, самыя простыя понятія о мірѣ вещественномъ облекая въ отвлеченную, мистическую форму, въ слѣдствіе несознаннаго стремленія своего къ высшей духовной дѣятельности и истинѣ.

Изъ всего сказаннаго можно составить нѣкоторое понятіе о содержаніи и изложеніи произведеній восточныхъ (мусульманскихъ) писателей. Они совершенно чужды всякой *системы* и логической цѣлости и стройности идеи. Они съ жадностію схватываютъ случайные, отрывочные факты и образы жизни, и набрасываютъ ихъ въ одну безпорядочную массу, не осмысливая ихъ одною общею идеею, а давая каждому тотъ смыслъ, который прежде другихъ взбредетъ на умъ. Если нужно соединить нѣсколько фактовъ въ одно повѣствованіе, они не затруднятся соединить ихъ какими нибудь простыми, случайными союзами, вмѣсто логической связи. Нѣсколько мыслей лучше всего, по ихъ мнѣнію, соединяется созвучіемъ цѣлыхъ фразъ или ихъ окончаній.

Такое же отсутствіе логическаго и граматическаго порядка ощущается и въ способѣ выраженія, который составляетъ у мусульманскихъ писателей едва ли не главную часть труда. Поэтъ преклоняется предъ звучностью фразы, и всѣ—предъ ея витіеватостью, оригинальностью и глубокомысліемъ,—или вообще предъ всѣми качествами фразы, наиболѣе затемняющими мысль и дѣлающими уразумѣніе ея наитруднѣйшимъ. Потому силлогизмы, разнаго рода тропы и фигуры доходятъ у нихъ до чудовищной, можно сказать, уродливости. Всѣмъ извѣстны восточныя гиперболы и аллегоріи—не всегда по своей оригинальной красотѣ.—Вообще, читая восточнаго писателя, нельзя не видѣть, до какой степени въ немъ господствуетъ уваженіе къ формѣ, къ матеріи, въ слѣдствіе отсутствія глубокой и развитой мысли, украшающей свое выраженіе безъ всякаго вспомогательнаго посторонняго искусства,—уваженіе, которое переходитъ въ страсть, и здѣсь какъ вездѣ, необузданную.

Впрочемъ восточный писатель имѣетъ свои достоинства, которыхъ отрицать нельзя. Въ выраженіи своихъ мыслей онъ не

Digitized by Google

всегда прибѣгаетъ къ принужденію и насилію себя; въ благословенныя минуты натуральности онъ говоритъ живо, наивно, увлекательно; слогъ его часто бываетъ полонъ жизни, красокъ, силы; неограниченная фантазія невольно поражаетъ насъ своимъ богатствомъ, смѣлостью и граціею. Его сближенія міра духовнаго съ вещественнымъ, въ уподобленіяхъ одного другому, также часто бываютъ поразительны по своей вѣрности или игривой оригинальности. А Саади съ нѣкоторыми современными ему писателями персидскими—вообще неповинѣе писателей позднѣйшихъ въ изысканной и безобразной фигуральности языка, которая съ теченіемъ времени принимала все большіе и большіе размѣры. Вообще языкъ Саади довольно ясенъ при всей несостоятельности его граматическихъ понятій, при всей его претензіи на изящество и красоту, которую онъ, какъ истый мусульманинъ, видѣлъ въ наибольшемъ количествѣ словъ и выраженій арабскихъ, и въ *созвучіи* словъ и даже цѣлыхъ фразъ,—въ созвучіи, отъ котораго не рѣдко страдаетъ смыслъ. Читающіе по арабски и персидски знаютъ это очень хорошо.

Я совершенно сознаю, что все высказанное мною, высказанное въ видѣ замѣчаній, касающихся характера мусульманской литературы,—слишкомъ неполно, недостаточно и поверхностно. Но отъ замѣчаній вообще, и притомъ по поводу одного произведенія, требовать большаго, полнѣйшаго нельзя. Кто предприметъ трудъ изобразить судьбы цѣлой персидской литературы, чрезвычайно богатой (численно покрайней мѣрѣ), на томъ будетъ лежать обязанность обсудить и разобрать критически и неупустительно, со всѣхъ сторонъ, всѣ тѣ вопросы, которые связаны съ этимъ предметомъ, и оцѣнить достойно всякое произведеніе *по отношенію* его къ цѣлой литературѣ. А я въ настоящемъ случаѣ, желая сообщить читателямъ только маленькій отрывокъ изъ огромной книги персидской литературы, ограничиваюсь мимолетными замѣтками, которыя впрочемъ могутъ относиться ко всѣмъ писателямъ, принадлежащимъ къ одной категоріи съ Саади. А такихъ писателей у персовъ много: мораль для всякаго очень доступна, отвѣтственности никакой, а имя наставника-философа, моралиста, такъ почетно!

А сообщаю я этотъ отрывокъ вотъ почему и для чего.

Намъ востокъ извѣстенъ очень мало, и потому мало насъ интересуетъ. Изъ отчетовъ и описаній туристовъ мы имѣемъ понятіе о климатѣ различныхъ восточныхъ странъ, о произведеніяхъ естественныхъ, кое-что о бытѣ жителей,—т. е. знаемъ

Digitized by Google

внѣшнюю сторону, форму, въ которой часто не выражается никакой идеи, и которая, не смотря на это, часто бываетъ даже привлекательною. Намъ нравится красивое, выразительное, энергическое лице азіатскаго уроженца, и мы не догадываемся, что подъ этимъ смуглымъ, высокимъ, благороднымъ челомъ нѣтъ ни выразительности, ни истинной энергіи, той великой энергіи, которая даетъ жизни героевъ,—нѣтъ и быть не можетъ; что тамъ, въ головѣ, гнилая суевѣрная старина, нравственное безсиліе, духовная руина многихъ вѣковъ, неподвинувшихся въ человѣкѣ ни на шагъ впередъ, потерявшихъ производительную способность, наложившихъ на душу печать неподвижности, тупости и апатіи. Мы не догадываемся, что мозгъ подъ этимъ высокимъ челомъ складывался подъ вліяніемъ истинъ, четыре, пять, шесть вѣковъ переходившихъ преемственно изъ одного поколѣнія въ другое, безъ всякаго измѣненія, развитія, усовершенствованія,—подъ вліяніемъ истинъ, которыя столь же слабы, недѣйствительны, недостаточны, и даже ложны и вредны для воспитанія человѣческаго духа, сколько стары.

Однимъ словомъ, мы не знаемъ восточнаго человѣка или знаемъ весьма поверхностно, потому что не знаемъ сокровищницы, изъ которой онъ почерпаетъ матеріалы для своего духовнаго развитія,—не знаемъ восточной литературы, которая блюдетъ и хранитъ и отражаетъ въ себѣ духовное значеніе и совершенство своего народа. А чтобы узнать восточнаго человѣка съ этой стороны, для этого нѣтъ надобности ѣздить на востокъ,—на который только *послѣ* этого нужно ѣхать.

Кто хочетъ заглянуть въ душу востока, пусть заглянетъ въ предлагаемый отрывокъ, въ приведенныя далѣе мѣста изъ Гюлистана. Взглядовъ своихъ, которыми я ихъ сопровождаю, я не навязываю никому, кто хотѣлъ бы *самъ* смотрѣть на нихъ, слѣдовательно *по-своему:* я очень хорошо знаю, что у всякаго свой взглядъ или вкусъ. Но полагаю, что и въ моихъ замѣчаніяхъ будетъ частица одинаковой для всѣхъ правды, которая можетъ быть кому нибудь на что нибудь пригодится (1).

---

(1) Если я, касаясь *персидской литературы,* говорю вообще о *восточномъ* человѣкѣ, то я подразумѣваю *мусульманина,* который, какъ мусульманинъ, національности не имѣетъ: Арабъ, Турокъ, Персъ по своему духовному развитію безразличны.

Digitized by Google

Шейхъ Муслигед-Динъ Саади Ширази (*) родился въ концѣ VI в. геджры или XII христіанскаго лѣтосчисленія, въ Ширазѣ, главномъ городѣ персидской провинціи того же имени, откуда онъ получилъ и свое прозваніе *ширазскій*. Онъ жилъ около 100 лѣтъ, и своею жизнію, полною приключеній, пріобрѣлъ себѣ громкую славу въ отечествѣ и сосѣднихъ странахъ. Первую треть жизни онъ провелъ въ занятіяхъ науками; вторую въ путешествіяхъ и военной службѣ, и остальную—въ уединеніи, безмолвномъ созерцаніи природы, воспоминаніи прошедшаго и поученіи. Онъ четырнадцать разъ ходилъ на богомолье въ Мекку въ качествѣ дервиша (монаха); сражался съ послѣдователями Брагмы въ Индіи и съ христіанами въ Малой Азіи, и взятъ былъ въ плѣнъ франками въ Сиріи, которые отправили его на крѣпостныя работы въ Триполи. Какой-то алепскій купецъ выкупилъ его и даже выдалъ за него свою дочь съ изрядnымъ приданымъ; но Саади не былъ счастливъ съ этою женою: она доставляла ему много огорченій, и потому изъ подъ его пера нерѣдко изливалась затаенная печаль.

Его веселость и разгульный характеръ въ молодости, и путешествія въ возрастѣ зрѣломъ доставляли ему много случаевъ знакомиться близко съ людьми разныхъ сословій и званій, съ ихъ нравами и обычаями, добродѣтелями и пороками,—и все видѣнное и слышанное онъ собралъ въ своихъ произведеніяхъ съ чисто поучительною цѣлью, и потому облекъ ихъ въ форму апологовъ, притчъ, нравоученій, анекдотовъ, и проч. Говоря выше о вліяніи ислама на духовныя воззрѣнія мусульманъ, мы указали на идею *поученія*, какъ на результатъ этого воззрѣнія. И Саади выбралъ *поученіе* для выраженія своихъ воззрѣній на жизнь. Такому направленію вѣроятно много способствовалъ также и образъ жизни Саади въ послѣдній періодъ, жизни отшельнической. Уединеніе, преклонныя лѣта и слѣдовательно въ перспективѣ—близость роковаго перехода, размышленія о назначеніи жизни и его выполненіи,—все это приводило его къ мысли о человѣческомъ несовершенствѣ, о потребностяхъ исправленія, и проч. Наконецъ, этому поучительному направленію способствовало также много политическое положеніе Персіи во время Саади. «Онъ явился на поприщѣ литературы въ половинѣ XIII ст., въ то самое время, когда природа человѣка на востокѣ принуждена была напрягать свои силы, устремлять свою дѣятельность, такъ сказать, къ выраженію болѣзни и стра-

(*) Bibliothèque orientale, par M. Dherbelot.

Digitized by Google

даній, когда геній долженъ былъ оплакивать участь человѣчества! Это было вскорѣ послѣ нашествія монголовъ на Персію.

«Судьба этой страны и до того времени была довольно печальна: по ослабленіи силы халифовъ, мусульманскій востокъ былъ раздробленъ на части; намѣстники халифовъ въ разныхъ странахъ успѣли присвоить себѣ верховную власть; несоблюденіе шаріата (закона), неимѣніе государственныхъ законовъ и отсутствіе порядка, а при этомъ нерѣдкая перемѣна династій,—привели всю страну въ печальное положеніе. Народъ не находилъ защиты въ правосудіи, войска не получали ни платы, ни продовольствія, отчего и не подвергались взысканіямъ за пріобрѣтеніе того и другаго *силою*. Чувство патріотизма и понятія о правахъ собственности постепенно сдѣлались чужды ново-персамъ, и выраженія того и другаго исчезли изъ лексикона ихъ языка (3)».

Понятно, почему геній долженъ былъ оплакивать участь человѣчества и поучать его.

Это же обстоятельство имѣло и другое важное вліяніе на Саади, какъ и на всѣхъ его литературныхъ и нелитературныхъ собратій.

«Отъ безпрерывныхъ угнетеній (продолжается въ упомянутой рукописи) наконецъ совершенно измѣнились нравы и характеръ древнихъ персовъ, и это измѣненіе явно выразилось въ ихъ жизни, въ ихъ языкѣ. Законность, такъ сказать, притѣсненія, необходимость лести, униженіе предъ высшими, неимѣніе никакой собственности,—все это вошло въ сознаніе народа: въ общемъ какъ книжномъ, такъ и разговорномъ языкѣ всѣхъ сословій—*притѣснитель* (взяточникъ) выражалъ чиновника; *господинъ*, *властитель* замѣняли мѣстоименія 2-го л. (ты, вы); *рабъ*, *ничтожный*, *нижайшій* (постоянно предъ равными, а тѣмъ болѣе предъ высшими лицами)—замѣняли мѣстоименіе *я; мой*, *моя собственность* (говоря о вещахъ и предметахъ богатства) выражались словами: *вашъ*, *султанскій*, и т. п! Всѣ эти *учтивыя* выраженія употребляются и донынѣ въ краснорѣчивомъ языкѣ (!)».

Это послѣднее вліяніе выразилось на Саади весьма рѣшительно: онъ поддается ему на каждомъ шагу, особенно въ эпитетахъ, которые онъ щедро расточаетъ всѣмъ, кто стоитъ въ жизни выше его.

Саади имѣетъ еще другой весьма важный характеръ, мистическій, который конечно образовался подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, о которыхъ упомянуто выше. Но, къ сожалѣнію, я, какъ вѣроятно и всякій читающій Саади, долженъ

(3) Изъ рукописи пр. Мирзы Казимъ-Бека.

Digitized by Google

сказать, что этотъ мистицизмъ только запутываетъ дѣло и поставляетъ Саади нерѣдко въ весьма невыгодное положеніе. Мистицизмъ этотъ, не выработанный, такъ сказать, тщательнымъ систематическимъ мышленіемъ, нисходитъ иногда на степень идей совершенно непопятныхъ, или теряетъ всю свою глубину и таинственное значеніе, будучи выраженъ болѣе нежели просто и осязательно. Въ послѣдствіи, читая разныя страницы Гюлистана, мы найдемъ много тому примѣровъ.

Первое свое произведеніе, *Гюлистанъ* (садъ розъ или цвѣтовъ, цвѣтникъ), Саади написалъ, когда ему было около 60 лѣтъ. Это есть собраніе поученій, нравственныхъ и политическихъ, басень, анекдотовъ, эпиграммъ, и проч., отчасти въ прозѣ, отчасти въ стихахъ, но такъ, что то и другое постоянно перемѣшивается: всякая мысль, выраженная въ прозѣ, поясняется или повторяется въ особыхъ куплетахъ стиховъ арабскихъ и персидскихъ, что для европейскаго просвѣщеннаго читателя можетъ казаться весьма страннымъ.—Черезъ нѣсколько времени послѣ Гюлистана вышелъ въ свѣтъ *Бостанъ* (фруктовый садъ), по содержанію и характеру сходный съ предъидущимъ сборникомъ, кромѣ мѣстъ, касающихся началъ религіозныхъ, которыя Бостанъ излагаетъ съ большею строгостью. Далѣе слѣдовали *Пенд-Намэ* или *книга совѣтовъ*, нравоучительная поэма, и *Совѣты царямъ*, въ прозѣ. Кромѣ этихъ значительнѣйшихъ, есть еще много мелкихъ сочиненій.

Проживъ около 100 лѣтъ (*), Саади умеръ въ концѣ VII в. г. (691) или XIII хр. л. (1291),—т. е. за *пять съ половиною вѣковъ до нашего времени*.

Но не смотря на эти 5½ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ Саади-писателя, мы будемъ смотрѣть на его произведеніе, какъ на живую намъ современность, потому что оно дѣйствительно принадлежитъ XIX вѣку столько же, сколько XIII, по своей извѣстности, даже больше; потому что оно въ нашъ XIX в. пользуется на своей территоріи бо́льшею популярностію, чѣмъ напр. Крыловъ, Пушкинъ, Гете, Шекспиръ. Значеніе Гюлистана или Саади въ исторіи литературы персидской мы предоставляемъ указать тому, кто будетъ излагать такую исторію. Мы, пожалуй, будемъ имѣть въ виду собственно не Гюлистанъ и не Саади, которыхъ значеніе въ историческомъ смыслѣ можетъ быть велико и несомнѣнно;—мы будемъ разбирать одну изъ настольныхъ книгъ, любимое чтеніе всякаго порядочнаго

(*) Годъ рожденія Саади въ точности неизвѣстенъ, и потому встрѣчаются у всѣхъ писателей нѣкоторыя противорѣчія, такъ-что продолжительность жизни Саади опредѣляется въ 90—120 лѣтъ.

Digitized by Google

и грамотнаго мусульманина-персіянина (и даже не персіянина, потому что Гюлистанъ переведенъ на турецкій и, кажется, на арабскій языкъ), чтобы опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ, по своему духовному развитію, такой писатель или читатель мусульманинъ, такой народъ на лѣстницѣ человѣчества, въ данный моментъ. Мѣриломъ для такого опредѣленія намъ конечно должны служить лучшія, истиннѣйшія понятія о жизни, выработавшіяся до нашего времени въ человѣчествѣ. Понятія такія безъ сомнѣнія принадлежатъ европейцамъ. Потому и на Гюлистанъ мы будемъ смотрѣть съ точки зрѣнія чисто европейской, предъявляя всѣ тѣ требованія европейскаго ума, которыя въ дѣлѣ мысли считаются у насъ совершенно законными.—Такой взглядъ одностороненъ? онъ не допуститъ историческихъ причинъ, не допуститъ законности факта, который исторически всегда законенъ? при такомъ взглядѣ не будетъ сказано ни единаго слова о возможности и вѣроятности лучшаго исхода, послѣдствій разбираемаго факта? Съ этимъ я вполнѣ соглашаюсь и не претендую выполнить всѣ эти строгія требованія строгой критической науки, что̀ далеко превосходитъ мои силы. Я готовъ согласиться, что я разбираю только частный историческій результатъ безъ отношенія его къ причинамъ и слѣдствіямъ,—готовъ согласиться, потому что такой разборъ не только позволителенъ, но даже необходимъ—для того чтобы *вызвать* критическую науку на опредѣленіе причинъ и слѣдствій,—вызвать хоть тѣми односторонними, крайними, рѣзкими заключеніями, которыя одни только при такомъ разборѣ возможны.

Гюлистанъ раздѣляется на *предисловіе*, которое имѣетъ свое подраздѣленіе, и восемь *главъ* или частей, обнимающихъ разные предметы человѣческой жизни: 1) *о правахъ государей*, 2) *о качествахъ дервишей*, 3) *о превосходствѣ довольствованія* (тѣмъ, что есть, умѣренности), 4) *о пользѣ молчанія*, 5) *о любви и юности*, 6) *о слабости и старости*, 7) *о вліяніи воспитанія*, 8) *о правилахъ общежитія*.

Въ предисловіи авторъ высказываетъ не только причины, побудившія его написать Гюлистанъ, но всѣ тѣ задушевныя понятія, которыя взлелѣяли его и руководили на пути жизни и литературной дѣятельности; высказываетъ воззрѣніе на міръ—свое, слѣдовательно и своихъ соотечественниковъ и сотоварищей. Оно, какъ всякое восточное письменное произведеніе, начинается славословіемъ Богу, которое заслуживаетъ нашего вни-

Digitized by Google

манія по своей дѣйствительно высокой красотѣ, хотя и не всегда совершенной, и нерѣдко заставляющей насъ сожалѣть о томъ гибельномъ вліяніи, которое произведено на умъ восточный тяжелымъ и безжизненнымъ исламомъ (5).

«Во имя Бога милостиваго и милосердаго!

Признательность Богу—да будетъ Онъ прославленъ и возвеличенъ—Которому повиновеніе есть средство приближенія (къ Нему), и благодарностію Которому увеличивается (Его) благость! Всякое дыханіе, которое входитъ въ насъ (б. идетъ внизъ), продолжаетъ жизнь, а когда выходитъ—услаждаетъ бытіе; потому въ каждомъ дыханіи заключаются двѣ милости, и за каждую милость необходимо благодареніе.

Бейтъ (6).

«Рукою и языкомъ (т. е. жертвами и молитвами) кто вознесется (такъ), | чтобы выдти (съ честію) изъ долга благодарности? | *Творите благодареніе, потомки Давидовы* (вѣщаетъ Богъ, ибо) *не многіе изъ рабовъ моихъ благодарны* (7).

---

(5) Переводъ я представляю возможно—*буквальный*, какъ для того, чтобы каждый читатель могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о красотахъ и недостаткахъ строя персидскаго языка, и могъ видѣть самое вѣрное и точное выраженіе мысли персидскаго писателя, и болѣе или менѣе—ея стройность; такъ и для того—и это было для меня важнѣйшимъ побужденіемъ—чтобы переводъ мой могъ служить пособіемъ для начинающихъ переводить съ персидскаго языка. Съ этою цѣлію впослѣдствіи будетъ изданъ отдѣльно персидскій текстъ Гюлистана въ тѣхъ отрывкахъ, которые переведены здѣсь.—Прошу читателей не быть на меня въ претензіи за предпочтеніе того тяжелаго и часто нескладнаго языка, которымъ я передаю разбираемое произведеніе. Я хотѣлъ быть, по простому требованію истины, какъ можно болѣе вѣрнымъ подлиннику, что было бы невозможно при малѣйшей вольности. Это предпочтеніе тѣмъ позволительнѣе, что я вовсе не имѣлъ въ виду—только *плѣнять* читателей *красотами* Саади. . . . А смыслъ, сколько я понимаю, переданъ вѣрно.

Слова и выраженія въ скобкахъ, суть поясните́льныя или дополнительныя, въ подлинникѣ не имѣющіяся; въ скобкахъ же обозначенныя: б, представляютъ выраженія буквальныя, которыя я считалъ неудобными для передачи на русскомъ языкѣ въ сплошномъ переводѣ.

При переводѣ я пользовался персидскимъ текстомъ англійскаго изданія (The Gulistan of Sâdy, published by Francis Gladwin, Lond. 1809) и рукописнаго, по увѣренію природныхъ персіянъ, весьма вѣрнаго экземпляра. Въ пособіе у меня были буквальный переводъ: французскій (Gulistan ou le Parterre-de-Fleurs, trad. par N. Semelet, Paris, 1834) и вольный русскій переводъ (въ рукописи) пр. Мирзы Каземъ-Бека.

(6) Въ подлинникѣ каждые стихи, имѣющіе свойственные своему размѣру и рифмѣ названіе, озаглавлены имъ; даже стихи одного и того же рода, но разнаго содержанія, часто озаглавливаются отдѣльно. Для наглядности я представляю въ началѣ нѣсколько примѣровъ.

Бейтъ—двустишіе, состоящее изъ двухъ рифмованныхъ полустишій (строчекъ).

Кат'а—строфа.

Незмъ—стихотворный отрывокъ, и проч.

(7) Курсивомъ обозначены арабскіе стихи или изрѣченія, заимствованные большею частію изъ корана.

Digitized by Google

Кат'а. (*)

«Лучше только, чтобы рабъ въ немощи своей | извинился предъ Престоломъ Божіимъ; а если нѣтъ, — достойное Его Существа кто можетъ совершить? | Дождь неисчислимаго милосердія Его достигаетъ всѣхъ, | и всюду распростертъ столъ щедрыхъ благодѣяній Его. | Завѣсы славы (добраго имени) рабовъ онъ не раздираетъ за постыдную вину | и не отнимаетъ (б.: не отсѣкаетъ) дневнаго даянія (б.: порціи, опредѣленной части) за безчестное преступленіе.

Кат'а

«О, Прещедрый! который изъ тайной сокровищницы | надѣляешь пищею и гебровъ и невѣрныхъ,— | какъ Ты лишишь (этой пищи) друзей, | Ты, который къ врагамъ имѣешь вниманіе (б.: взглядъ)!

«Онъ говоритъ утреннему зефиру-феррашу (1), чтобы онъ разстилалъ (по полямъ) изумрудный коверъ, и весеннимъ кормилицамъ—облакамъ повелѣваетъ воспитывать малютокъ—растеній въ колыбели земли. Деревьямъ, какъ халь'атъ (9) наўруза (10), надѣваетъ на грудь тунику изъ зеленыхъ листьевъ, а дѣтямъ (ихъ), вѣтвямъ, по приближеніи весенняго времени, возлагаетъ на голову цвѣтистый тюрбанъ. Могуществомъ Его сокъ камыша становится превосходнымъ медомъ, и попеченіемъ Его сѣмячко финика дѣлается высокимъ деревомъ.

Кат'а.

«Облако и вѣтеръ и луна и солнце и небо дѣйствуютъ, | чтобы ты доставалъ хлѣбъ и не вкушалъ его съ безпечностію. | Все движется (б.: вращаетъ голову) и повинуется (б.: несетъ повелѣніе) ради тебя; | не будетъ условія справедливости (справедливо), чтобы ты не повиновался. |

«Въ преданіи есть (говорится) о главѣ творенія, (который есть) слава сущаго, милосердіе сотворенныхъ (б.: мірянъ, живущихъ въ мірѣ), непорочность людей, дополненіе (совершенство) круга времени (11), Мохеммедъ Мустафа—благословеніе и миръ на него!—

Бейтъ.

«Заступникъ, внимательный, пророкъ великодушный,
щедрый, великій, любезный, запечатлѣнный (12).

---

(1) *Феррашъ*—придворный слуга, котораго главная обязанность состоитъ въ разстиланіи ковровъ въ царскихъ покояхъ.

(9) *Халь'атъ*—великолѣпная одежда, жалуемая царями подданнымъ.

(10) *Наўруза*—б: новый день,—первый день новаго года, день весенняго равноденствія, 9 марта, который персіяне празднуютъ, надѣвая лучшія платья: халь'атъ наўруза.

(11) и (12) Мусульмане считаютъ Мохеммеда послѣднимъ изъ пророковъ (которыхъ всѣхъ, какъ говоритъ Chardin, мусульмане насчитываютъ сто двадцать четыре тысячи), *дополненіемъ, печатью*, пророковъ. Въ эпитетѣ *запечатлѣнный* Chardin видитъ намекъ на преданіе, что Мохеммедъ былъ осѣненъ особеннымъ пророческимъ знакомъ, свѣтлымъ ореоломъ. Все это—эпитеты, изъ девяносто девяти придаваемыхъ мусульманами Мохеммеду.

(*) Черточки (|) отдѣляются здѣсь стихи подлинника одинъ отъ другаго.

Digitized by Google

Бейтъ.

«Какая забота (чего бояться) стѣнѣ народа вѣрныхъ, когда будетъ такая, какъ ты, подпора! | Чего бояться волны морской тому, у кого кормчимъ будетъ Ной.....

Незмъ.

«*Онъ достигъ своимъ совершенствомъ высочайшей степени величія, | онъ разогналъ мракъ ночной своими достоинствами. | Всѣ его качества прекрасны.—Благословляйте его и потомство его!*

«(. . . . . говорится) что всегда, когда кто нибудь изъ рабовъ, грѣшникъ, разсѣянной (безпорядочной) жизни, въ надеждѣ услышанія, воздѣнетъ руку раскаянія къ Престолу Бога—да будетъ Онъ прославленъ и превознесенъ!—(и) когда Всевышній не воззритъ на него, онъ снова воззоветъ къ Нему, (и Господь) снова отвратится, (и рабъ) снова воззоветъ къ Нему съ моленіемъ и стенаніемъ,—Богъ—слава Ему, и да будетъ Онъ вознесенъ!—скажетъ: *о, Ангелы Мои! Я скорблю о рабѣ Моемъ, и нѣтъ у него господина, кромѣ Меня, потому Я уже простилъ его;* молитву его Я услышалъ и нужду его удовлетворилъ (б.: нужду его унесъ), потому что отъ множества молитвъ и стенаній (его) Я устыдился.

«Пойми (б.: вижь) великодушіе и благость Господа: | рабъ грѣшитъ, а Онъ стыдится (за него)!

«Ревнители каабы (храма) (13) Его величія сознаются въ несовершенствѣ (своего) богослуженія (говоря): *мы не поклонялемся Тебѣ по истинѣ Твоего поклоненія* (такъ, какъ тебѣ должно покланяться)! Описывающіе блескъ (б.: украшеніе) Его красоты удивляются (б.: принадлежатъ удивленію): *мы не постигаемъ Тебя, по истинѣ Твоего постиженія* (какъ Тебя должно постигать)!

«Если бы кто спросилъ у меня описанія Его, | (я сказалъ—бы:) смущенный (б.: безъ сердца,—потерявшій сердце, себя) что скажетъ о безплотномъ (неимѣющемъ знака, безъ чертъ, очертаній)? | Влюбленные убиты предметами любви, | (а) изъ убитыхъ не исходитъ звука (т. е. убитые ничего не могутъ сказать о предметахъ любви).

«Одинъ изъ мудрецовъ (б.: владѣтелей сердца) преклонилъ голову на лоно (б.: въ пазуху, въ воротникъ) размышленія и погрузился въ море мудрости. Когда онъ очнулся (б.: возвратился) изъ того состоянія, одинъ изъ товарищей сказалъ весело (б.: путемъ веселости): какой подарокъ великодушія принесъ ты намъ изъ того сада, въ которомъ былъ? (Мудрецъ) сказалъ: я имѣлъ въ мысли, что когда приду къ дереву (кустарнику) розъ, наполню полу (розами, чтобы сдѣлать) подарокъ пріятелямъ; (но) когда дошелъ, запахъ розъ такъ упоилъ меня, что пола моя вышла изъ рукъ.

---

(13) *Кааба*—черный камень (аэролитъ) въ храмѣ въ Меккѣ, извѣстный священнѣйшій предметъ поклоненія арабовъ (а потомъ и всѣхъ мусульманъ) съ незапамятныхъ до нашихъ временъ. Подробное описаніе см. въ Description de l'Arabie par Niebuhr, T. II. p. 226.

Digitized by Google

«О, птица утра (соловей)! учись любви у мотылька: | у обожженнаго душа ушла,—и звукъ (жалобы) не вылетѣлъ. | Эти надменные Его познаніемъ—не знаютъ Его, | потому что тѣмъ, которые знали, познаніе не возвратилось (14). | О (Ты, который) превыше мечты, разсужденія, думы и воображенія, и всего, что говорили, (что) мы слышали и читали! | Засѣданіе (поприще) наше совершилось и жизнь дошла до конца, | (а) мы все еще остались въ началѣ Твоего описанія!....»

Кто можетъ не найти здѣсь чудныхъ красотъ? кого не тронетъ чудная мелодія этого благоговѣйнаго рокота сердечныхъ струнъ, эта пѣсня умиленнаго сердца?.... Въ цѣломъ этомъ славословіи дышетъ любовь, любовь горячая и безпредѣльная къ Творцу, славу Котораго щебечетъ сердце, не могшее обнять всего величія и благости своего Создателя. Славословіе это производитъ на читателя такое сильное впечатлѣніе, что потомъ съ послѣдующихъ страницъ невольно возвращаешься къ началу Гюлистана, чтобы поласкать чувства мелодіею первыхъ его страницъ.—*Но*, вслушавшись въ эту мелодію, начинаешь чувствовать мало-по-малу, что она выливается только изъ сердца, которое, пораженное и охваченное со всѣхъ сторонъ сладостями и великолѣпіемъ жизни, упивается ими, не умѣя отдать себѣ въ нихъ отчета, отстраняя отъ себя всякіе вопросы о значеніи, возможности и результатахъ этихъ наслажденій, удаляя всѣхъ другихъ своихъ двигателей, кромѣ инстинкта наслажденія. Полагаемъ, что не неумѣстно требовать отъ разумнаго человѣка даже въ наслажденіи—нѣкотораго сознанія .... Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить обстоятельнѣе объ этомъ предметѣ, о религіозныхъ воззрѣніяхъ восточнаго человѣка, а теперь перейдемъ къ слѣдующей главѣ предисловія, которую чрезвычайно странно видѣть въ такомъ близкомъ сопоставленіи съ главою прочитанною.

Глава эта называется:

Добродѣтели государя ислама—да увѣковѣчитъ Богъ его царствованіе!

«Добрую молву (о) Саади, которая раздается въ устахъ народа (б.: упала въ уста народа), и славу его рѣчей, которая разошлась по поверхности земли, и милое перо (б.: камышъ) его разсказовъ, которое вкушаютъ

---

(14) Намекъ на духовное ясновидѣніе Бога, возможное только въ минуты особенной экзальтаціи духа, проходящей и не оставляющей послѣ себя никакого сознательнаго воспоминанія.

Въ первыхъ двухъ строчкахъ стиховъ параллель между соловьемъ, громко, хвастливо поющимъ о своей любви къ розѣ, и мотылькомъ, умирающимъ безмолвно жертвою любимой свѣчи.

Digitized by Google

подобно сахарному тростнику, и листы его сочиненій, которое носятъ какъ золотое письмо ([15]),—нельзя приписывать (б.: возлагать на) совершенству искусства и краснорѣчію его (Саади), но (тому, что) властитель міра и полюсъ круга времени, намѣстникъ Соломона ([16]), покровитель вѣрныхъ (б.: народа вѣры), величайшій царь царей, Атабекъ великій, Мюзаффарудднн-вед-дунья ([17]), Абубекръ, сынъ Саада, сына Зенгія ([18]), тѣнь Божія на землѣ—*Господи! окажи благосклонность и попеченіе ему и его народу!*—воззрѣлъ (на Саади) и соизволилъ высказать (б.: приказалъ) сильное одобреніе и оказалъ искреннее расположеніе, (почему) безъ сомнѣнія (и) всѣ люди, вельможи и чернь склонились на любовь къ нему, потому что *люди* (основываются) *на опредѣленіи своихъ государей.*

«Съ тѣхъ поръ, какъ ты взглянулъ на меня бѣднаго, | слѣды мои стали явственнѣе солнца. | Хотя бы даже всѣ пороки были въ этомъ рабѣ,— | всякій порокъ, который султанъ одобряетъ, есть добродѣтель. | Однажды въ банѣ благовонная глина ([19]) | попалась мнѣ въ руки изъ рукъ пріятеля. | Я сказалъ ей: мускусъ ты или амбра, | что плѣнительнымъ благовоніемъ твоимъ я упоенъ? | Она сказала: долгое время я оставалась съ розою: | достоинство собесѣдницы сдѣлало на меня вліяніе, | а еслибы не (была я съ нею), я была бы такою же (простою) землею, какою была. | *О, Боже! окажи милость мусульманамъ продолжительностью его* (Атабека) *жизни,* | *и удвой награду за его прекрасныя качества и добродѣтели, и возвысь степень* (знатности) *друзей его и помощниковъ,* | *и порази враговъ его и ненавистниковъ,*—(заклинаемъ Тебя) *тѣмъ, что читается въ стихахъ алкорана!* | *О, Боже! дай миръ его странѣ и храни его семейство!*

«*Міръ счастливъ имъ — да продлится его счастіе!* | *и да вспомоществуетъ ему Господь знаменами побѣды,* | *и да возрастаетъ также вѣтвь, которой онъ есть корнемъ* (наслѣдникъ его), | *ибо растенія земли стали прекрасны отъ доброты сѣмени.*

([15]) Gentius въ своемъ латинскомъ переводѣ Гюлистана (Rosarium Politicum) говоритъ, что кагиан-зеръ, золотое письмо, есть жалованная персидскимъ царемъ грамата, съ которою пожалованный, являясь къ правителямъ провинцій, имѣлъ право на извѣстную подать, особо по этому случаю собираемую съ жителей.

([16]) Считая Атабека (см. далѣе примѣчаніе) преемникомъ царской власти въ Персіи отъ Кира (хотя 17 промежуточныхъ вѣковъ оставили развѣ только ту тѣнь связи между этими двумя государями, что Ширазъ, Cyropolis, резиденція Атабека, считается Персіянами также и столицею Кира, какъ говоритъ Gentius), Персіяне (такъ же неосновательно) считаютъ Кира преемникомъ Соломона, жившаго до него за 4 вѣка. Отсюда мусульманская фантазія выводитъ небывалое политическое родство между Атабекомъ и Соломономъ.

([17]) *Побѣдитель вѣры и міра,* т. е. стяжавшій духовную и мірскую силу.

([18]) Атабекъ Сюнкуръ, правитель Фарса, сынъ сельджукскаго генерала Сюльгура, освободился (543 г. Г.) изъ-подъ власти Сельджукидовъ. Ему наслѣдовалъ братъ, Мюзаффаруд-динъ Зенги, а этому сынъ его Тохла, потомъ другой сынъ Саадъ (591), отецъ Атабека Абубекра, который списалъ себѣ расположеніе Чингизъ-хана, и потому царствовалъ спокойно, какъ Саади говоритъ далѣе.

([19]) *Гиль*—глина, илъ, земля (по Semelet nem[illegible], служащая очистительнымъ средствомъ въ баняхъ въ Персіи, Турціи, Египтѣ, и проч.

Digitized by Google

«Да сохранитъ Всевышній и Пресвятой святую ширазскую область, до времени воскресенія мертвыхъ, въ безопасности, подъ властію (б. въ стражѣ) правосудныхъ правителей и попеченіемъ просвѣщенныхъ ревнителей!

«Не знаешь ты, въ чуждыхъ странахъ почему я медлилъ (долгое) время? | Я бѣжалъ отъ нечестія турокъ (90), потому что видѣлъ | міръ впавшимъ въ смятеніе подобно волосамъ негра. | Всѣ были дѣти Адама (люди), но подобные кровожадным волкамъ съ острыми когтями. | Внутри (городовъ) народъ подобенъ (былъ) ангелу добраго свойства, | внѣ—войско подобилось свирѣпымъ львамъ. | Когда я возвратился, я увидѣлъ страну успокоившеюся; | тигры оставили нравъ тигра. | Такъ было въ первое время, которое я видѣлъ: | міръ (былъ) полонъ безпорядка, смятенія и бѣдствія. | Такъ (хорошо, когда я возвратился) стало во дни правосуднаго султана | Атабека Абубекра, сына Саада-Зенги (91).

«Нѣтъ персидской странѣ заботы отъ ударовъ (б. смятенія) судьбы,— | пока во главѣ ея будетъ подобная тебѣ тѣнь Божія! | Теперь никто не укажетъ на поверхности земли | безопаснаго мѣста удовольствія, подобнаго порогу твоей двери. | На тебѣ (лежитъ) покровительство угнѣтенныхъ, благодарность | на насъ, а на Богѣ Творцѣ міра—награда. | О, Боже! сохраняй землю персидскую отъ вѣтра смятенія, | пока будутъ земля и вѣтеръ (б. столь (долго), какъ существованіе землѣ и вѣтру!»)

Чтобы польстить своему государю, Саади представляетъ высшимъ существомъ, имѣющимъ нечеловѣческія силы, отражающимъ въ себѣ самого Бога («тѣнь Божія»), имѣющимъ власть даже *порокъ обращать въ достоинства*.—Какое заключеніе можно вывести изъ этого славословія? Едва ли не то, что Саади положительно призналъ свое абсолютное ничтожество, призналъ себя какимъ то существомъ не имѣющимъ ничего человѣческаго, уничтожилъ всякое разумное, человѣческое отношеніе свое къ своему повелителю, всякое свое человѣческое значеніе. Какая мысль водила перомъ Саади въ то время, когда онъ писалъ этотъ монологъ? Не нужно даже класть руки на сердце, чтобы сказать, что не было тамъ никакой мысли, покрайней мѣрѣ мысли, свойственной человѣку, сколько нибудь сознающему свое достоинство. Было желаніе громкими и созвучными фразами польстить неразборчивому самолюбію персидскаго повелителя, — и онъ вѣроятно остался имъ совершенно доволенъ,—не смотря даже на третье еще славословіе: «*разсказъ о великомъ вельможѣ Фяхруд-динѣ Абубекрѣ, сынѣ Абунесра*», который былъ везиремъ, и которому поэтъ приписываетъ такія качества, какими могъ бы похвастать лю-

(90) Т. е. Монголовъ, разорявшихъ Персію.
(91) См. примѣч. 18.

Digitized by Google

бой изъ всѣхъ бывшихъ и будущихъ шаховъ. Объ этомъ нельможѣ Саади говоритъ, напр., что «онъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ совершенства», и что «небесный сводъ распрямился отъ радости, когда мать времени произвела сына, подобнаго ему!»

Въ чудовищномъ панегирикѣ шаху Абубекру встрѣчаются однакожъ мѣста, трогающія и увлекающія читателя своею прелестью и изяществомъ, какъ напр. басня о благовонной глинѣ, или заключительные стихи: на тебѣ лежитъ покровительство угнѣтенныхъ, и проч. Здѣсь даже дышетъ мысль глубокая и живая, которая вылилась изъ неподдѣльнаго воодушевленія. Вообще, относительно способа выраженія, Саади является здѣсь, какъ и въ послѣдующихъ частяхъ предисловія, достойнымъ своей долговѣчной славы. Даже мысли недостойныя великаго поэта, какъ мы его понимаемъ, выражены Саади такъ живо и увлекательно, что недостатки ихъ значительно скрываются прелестью выраженія. Вообще, всякая *отдѣльная* мысль выражается прекрасно въ отдѣльной фразѣ, которая почти всегда была бы безукоризненна, если бы не должна была связываться съ предыдущимъ и послѣдующимъ, въ которыхъ выражается уже болѣе или менѣе полная идея,—если бы она осталась только фразою. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай неоднократно подтвердить эту мысль.

Панегирикъ вельможѣ Фяхруд-дину во всемъ подобенъ приведенному; потому я и не выпишу его здѣсь, а перейду къ слѣдующей части предисловія, въ которой говорится о *«причинѣ сочиненія книги Гюлистанъ»*.

Тутъ уже Саади касается близкихъ вопросовъ человѣческой жизни, потому что заглядываетъ въ самого себя, желая изъ самого себя объяснить причину, побудившую его написать Гюлистанъ, т. е. въ первый разъ высказать человѣчеству идеи, вынесенныя изъ своей долгой и многоопытной жизни. Тутъ уже дѣло идетъ о самой жизни человѣческой, о томъ какъ Саади смотрѣлъ на нее, на ея значеніе и выраженіе.

«Въ одну ночь я размышлялъ о прошедшихъ дняхъ, печалился о потерянной жизни и рѣзалъ камень оболочки сердца алмазомъ слезъ, и повторялъ эти стихи, сообразные моему положенію:

«Каждую минуту одно дыханіе уходитъ отъ жизни: | какъ посмотрю—(ея) осталось немного. | О (ты, котораго) пятдесятъ (лѣтъ) прошло, а ты въ усыпленіи; | можетъ быть возмешь (возьми) пять дней (которые тебѣ остались). | Стыдно тому, кто ушелъ и (б. дѣла) ничего не сдѣлалъ; | въ походный барабанъ ударили, а онъ не приготовилъ ноши. | Въ утро похода сладкій сонъ удерживаетъ пѣшехода отъ дороги».

Саади высказываетъ здѣсь мысли, совершенно сообразныя

Digitized by Google

своему положенію, какъ положенію человѣка, проведшаго жизнь зрѣлую—собственно ни въ чемъ. Въ этомъ именно онъ сознается, и это сознаніе дѣлаетъ ему честь и возбуждаетъ къ нему сочувствіе читателя.

«Всякій, кто приходилъ (въ міръ), дѣлалъ новое зданіе; | уходилъ и жилище оставлялъ другому, | а тотъ другой устроивалъ также по своему желанію, | и это зданіе никто не довелъ до конца. | Не дружись съ непостояннымъ другомъ (міромъ): | этотъ обманщикъ не стоитъ дружбы».

Интересъ увеличивается: предполагая подъ *новымъ зданіемъ* общее, цѣлое дѣло жизни человѣка, которое онъ, вступая въ міръ, начинаетъ безсознательно, съ теченіемъ времени измѣняетъ его ходъ и планъ, подчиняясь новымъ стремленіямъ и цѣлямъ, и потому не приводитъ его къ желаемому окончанію, мы невольно сочувствуемъ поэту, высказывающему искренно свои грустныя мысли о жизни, такъ какъ онъ ее понялъ: мы полагаемъ, что онъ именно понялъ ее, въ слѣдствіе размышленія объ ней, выразившагося въ приведенныхъ стихахъ. Но вотъ далѣе поэтъ указываетъ и на цѣль человѣческаго зданія или жизни. Цѣль эта—добродѣтель.

«Если добрый и дурной должны умереть, | (то) блаженъ тотъ, кто унесетъ шаръ добродѣтели. | (Самъ) пошли въ свою могилу запасъ (для) будущей жизни, | потомъ никто не принесетъ; пошли прежде. | Жизнь есть снѣгъ; въ лѣтнее солнце | мало осталось, а господинъ еще безпеченъ. | О ты, отправившійся на базаръ съ пустыми руками! | боюсь за тебя—не принесешь (и) передника. | Кто посѣвъ свой ѣстъ въ зелени, | тотъ во время жатвы его будетъ собирать (только) колосья. | Послушай ухомъ души совѣта Саади: | таковъ (истинный) путь: будь человѣкъ (мужественный) и иди».

И на все это мы не имѣемъ замѣтить ничего, кромѣ нѣкоторой угловатости и непослѣдовательности въ переходѣ мыслей. Послѣдній же совѣтъ: будь мужественъ и иди—восхищаетъ насъ, потому что онъ въ высшей степени прекрасенъ, такъ какъ мы его понимаемъ; онъ совершенно согласуется съ тѣми убѣжденіями, которыя мы стараемся вынести изъ жизни. Потому читатель ждетъ объясненія этого совѣта и съ любопытствомъ читаетъ далѣе.

«Послѣ обмышленія этого значенія (стиховъ), я призналъ за лучшее—сѣсть въ уединеніи (б.: въ гнѣздѣ уединенія), удалиться общества (б. подбирать полы отъ общества), омыть книгу (жизни) отъ безпорядочныхъ (пустыхъ) словъ и затѣмъ—пустаго не говорить.

«Лишенные языка (б.: отрѣзанный языкъ) глухой и нѣмой, сидящіе въ углу, | лучше человѣка, котораго бы языкъ не былъ во власти (разума)».

Какимъ образомъ Саади изъ приведенной выше массы болѣе

Digitized by Google

или менѣе прекрасныхъ идей пришелъ къ такому заключенію,— понятно вѣроятно только ему одному, да и то подлежитъ большому сомнѣнію, Броженіе какихъ то безпокойныхъ и пытливыхъ мыслей, стремленіе къ отвлеченности, для опредѣленія своего тревожнаго и непонятнаго душевнаго состоянія, при первой попыткѣ вылиться въ нѣчто сознательное, не смотря на обиліе и богатство этихъ мыслей, или можетъ быть именно по ихъ обилію и богатству,—представило въ цѣломъ нѣчто такое, изъ чего выведенъ результатъ самый неестественный.

Этотъ разладъ мышленія съ логикою, къ глубокому сожалѣнію ревностныхъ читателей и почитателей литературы восточной, составляетъ самый важный недостатокъ какъ Саади, такъ и всѣхъ *правовѣрныхъ* поэтовъ и мыслителей. Грустно видѣть отсутствіе всякаго логическаго мышленія, технической, такъ сказать, его обработки и анализа, при такомъ богатствѣ умственныхъ сокровищъ,—а это отсутствіе ощущается на каждомъ шагу; на любой страницѣ Саади видишь много чудныхъ золотыхъ песчинокъ, но—увы!—песчинки эти нигдѣ не сливаются въ цѣлое драгоцѣнное зерно, а напротивъ, представляютъ какую-то безпорядочную смѣсь, пересыпаны и часто совершенно засыпаны и поглощены грубымъ пескомъ или грязною землею. Природа произвела здѣсь все, что было хорошаго въ ея сокровищницахъ, и человѣкъ былъ только простымъ орудіемъ природы!

Прочитывая приведенное начало главы о причинѣ сочиненія Гюлистана, понимаемъ, что голова автора дѣйствительно была обуреваема множествомъ мыслей, съ которыми онъ однако же не могъ справиться; онъ подчинялся имъ какъ дитя, и потому нигдѣ не могъ высказать ни одного порядочнаго полнаго убѣжденія—которое даромъ не дается, а требуетъ болѣе или менѣе тщательной выработки. Начавши такъ здраво напоминаніемъ себѣ о томъ, что жизни осталось уже немного, и что нужно же наконецъ что нибудь *сдѣлать*, и сдѣлать именно что нибудь доброе; убѣдивши по видимому въ этомъ себя цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ изрѣченій,—Саади высказываетъ наконецъ свое убѣжденіе, отъ котораго читателю становится какъ-то неловко, потому что на его глаза убѣжденіе это совершенное противорѣчіе тому, чего онъ ожидалъ. Саади рѣшился молчать и ничего не дѣлать, подтверждая это рѣшеніе твердымъ и рѣшительнымъ увѣреніемъ, что онъ ничего путнаго сказать не можетъ! эта идея такъ странна, что мы послѣдуемъ далѣе за Саади, предлагающимъ намъ, въ слѣдъ за своими размышленіями, разсказъ, который—дастъ дѣлу надлежащій оборотъ.

Digitized by Google

«(Я такъ сидѣлъ) до тѣхъ поръ пока не вошелъ изъ дверей, по старому обычаю, одинъ изъ друзей моихъ, который былъ моимъ товарищемъ на верблюдѣ (въ путешествіяхъ) и собесѣдникомъ въ комнатѣ. Сколько онъ ни рѣзвился и ни шутилъ, и (какъ) ни разстилалъ коверъ любопытства (узнать, что со мною),—я не отвѣчалъ и не подымалъ головы отъ колѣнъ благоговѣнія. Огорчившись, онъ посмотрѣлъ (на меня) и сказалъ:

«Теперь, когда тебѣ есть возможность говорить, | говори, о братъ, ласково и пріятно, | потому что завтра, когда придетъ вѣстникъ смерти, | будешь молчать (б. вытянешь языкъ) по неволѣ.

«Одинъ изъ приближенныхъ моихъ объяснилъ ему обстоятельство случившагося (такъ): онъ сдѣлалъ такое-то предположеніе, и твердое намѣреніе—остатокъ жизни въ мірѣ молиться (б. сидѣть молящимся) и избрать молчаніе; если можешь, возьми свою голову и удались (б. и предпримн путь удаленія). (Пріятель мой) сказалъ: (клянусь) величіемъ великаго и прежняго (нашимъ) дружествомъ, что не переведу духа (не извлеку звука, слова) и ноги не занесу (за порогъ) иначе, какъ когда онъ заговоритъ по (своему) привычному обыкновенію и извѣстнымъ способомъ,—потому что оскорблять друзей есть невѣжество, а нарушеніе клятвы (очистить) легко [32]. Противно пути истины и мнѣнію мудрецовъ—зюльфакару Алія [33] (оставаться) въ ножнахъ, а языку Саади въ подпебьи.

«О, умный человѣкъ! что такое языкъ во рту? | ключъ (отъ) двери сокровища обладателя достоинствомъ. | Если дверь будетъ заперта, какъ узнаетъ кто нибудь, | продавецъ ли онъ (обладающій ключемъ) жемчуга или мелкаго товара? | Хотя молчаніе предъ умными есть учтивость, | (но) въ надлежащее время лучше говорить (б. стараться о словѣ). | Двѣ вещи есть безуміе: молчать (б. запирать внизу дыханіе) | во время (необходимости) говорить, и говорить во время молчанія.

«Однимъ словомъ я не имѣлъ силы отвлекать языкъ отъ бесѣды, и не имѣлъ твердости отвращать лицо отъ его разговора, потому что онъ былъ пріятный (мнѣ) другъ, и дружба (была) искренняя.

«Когда ты будешь сражаться, сражайся съ тѣмъ, | отъ кого у тебя будетъ средство или бѣгство (кого можно побѣдить или бѣжать отъ него).

«Поневолѣ я сталъ говорить, и въ веселомъ расположеніи духа (б. веселясь) мы вышли. (Это было) во время весны, когда суровость холода прошла и наступило царство цвѣтовъ.

«На деревьяхъ (была) зеленая туника, | подобная праздничному платью счастливыхъ (богатыхъ).

«(Былъ) первый (день) ардабегишта, мѣсяца джеляльскаго [34]. | Соло-

---

[32] Чтобы очистить обѣтъ, который нельзя выполнить, нужно поститься три дня или накормить десять нищихъ (Gentius), или, прибавляетъ коранъ, одѣть ихъ или выкупить плѣнника.

[33] Собств. имя меча Алія.

[34] Ардабегишта второй мѣсяцъ персидскаго года, который начинается въ день весенняго равноденствія, апрѣль. Это лѣтосчисленіе установлено Джеляль-ад-ди-

Digitized by Google

вей распѣвалъ (б. говорилъ) на вершинѣ вѣтвей; | на красную розу упали перлы росы, | подобные поту на ланитахъ застѣнчивой (по Semelet: разгнѣванной) красавицы.

«Ночью ночлегъ случился мнѣ въ саду съ однимъ изъ друзей моихъ (упомянутымъ выше). Мѣсто было прекрасное и веселое, и плѣняющія сердце деревья вмѣстѣ (обнимались): сказалъ бы, что на ихъ почву пролиты были капельки эмали, и ожерелья плеядъ свѣсились съ молодыхъ виноградныхъ побѣговъ.

«(Это былъ) *садъ* (въ которомъ была) *вода источника Сельсаби* (25), | *огородъ* (б. фруктовый садъ, въ которомъ раздавалось) *стройное пѣніе птицы*. | Тамъ полно тюльпановъ разноцвѣтныхъ, | здѣсь полно разнообразныхъ плодовъ. | Вѣтеръ въ тѣни деревьевъ его | разстилалъ коверъ хамелеоновый.

«Утромъ, когда желаніе возвратиться взяло верхъ надъ намѣреніемъ остаться (б.: сидѣть), я увидѣлъ его (пріятеля) собиравшаго въ полу розы и васильки и гіацинты и другія душистыя растенія, и вознамѣрившись возвратиться въ городъ, я сказалъ: розамъ сада, какъ ты знаешь, не будетъ прочности, и время цвѣтника измѣнчиво (б. не вѣрно, скоро проходитъ); и мудрецы говорятъ: все, что непрочно, не должно быть предметомъ (б. неприлично) сердечной привязанности. Онъ сказалъ: потому—что же? Я сказалъ: для увеселенія читателей (б. зрителей) и удовольствія просвѣщенныхъ (знатныхъ, горожанъ, б. присутствующихъ) я могу сочинить книгу цвѣтникъ, на листы которой осенній вѣтеръ не будетъ имѣть вліянія (б. у осенняго вѣтра не будетъ руки разрушенія), и весеннюю прелесть ея прахъ времени не измѣнитъ въ безпорядочность зимы.

«Къ чему тебѣ пригодится полная чаша цвѣтовъ? | возьми одинъ листъ изъ моего цвѣтника. | Роза будетъ только пять или шесть дней, | а этотъ цвѣтникъ всегда будетъ прекрасенъ.

«Какъ только я сказалъ эти слова, онъ высыпалъ цвѣты изъ полы, и схватившись меня за полу (б.: вцѣпившись въ мою полу, сказалъ): *благородный человѣкъ, если обѣщаетъ—исполняетъ* (обѣщаніе)».

Весь разсказъ очень хорошъ—живъ, блестящъ, цвѣтистъ, и представляетъ въ иныхъ мѣстахъ прекрасные образцы пластической поэзіи; только заключеніе немножко круто и построено не по всѣмъ правиламъ логики и риторики; но безъ этого заключенія можетъ быть не было бы и Гюлистана.

«Въ тѣ нѣсколько дней случайно были готовы (б. упали въ тетрадь) одна—двѣ главы о хорошемъ сообществѣ и учтивомъ разговорѣ, языкомъ (б. въ украшеніи, въ уборѣ), который пригодится витіямъ и прибавитъ краснорѣчія ученымъ.»

комъ (царств. съ 475 г. Г.), потому и мѣсяцы называются джелальскими, какъ у европейцевъ иногда грегоріанскіе или юліанскіе. Gentius, d'Herbelot.

(25). Имя одного изъ семи райскихъ источниковъ.

Digitized by Google

Здѣсь авторъ указываетъ на новое достоинство Гюлистана, на изобиліе въ немъ — нравственныхъ и поэтическихъ выраженій, облеченныхъ въ звучную форму стиха, которыя повторяются тысячами устъ, пересыпающихъ ими рѣчь свою и кстати и некстати. И въ этомъ отношеніи Саади въ своемъ Гюлистанѣ совершенно достигаетъ цѣли: его изрѣченія въ поэтической формѣ могутъ дѣйствительно служить драгоцѣннымъ украшеніемъ рѣчи въ устахъ правовѣрныхъ, потому что изрѣченія эти, часто при глубокой и основательной мысли, выражены по большой части чрезвычайно тщательно и разборчиво. На каждой изъ разобранныхъ нами страницъ такихъ примѣровъ много, и много ихъ увидимъ еще впереди.

«Однимъ словомъ, цвѣты сада еще оставались (б.: отъ цвѣтовъ находился остатокъ), какъ книга Гюлистанъ была уже окончена,—вполнѣ же (б.: по истинѣ) окончится тогда, когда поправится во дворцѣ шаха, *прибѣжища міра, тѣни Творца, сіянія милостей Божіихъ* (и проч., и проч.,— еще пятнадцать эпитетовъ!.... и наконецъ довольно остроумное заключеніе:)

«Уменя есть надежда, что онъ не нахмуритъ лица печали! | потому что цвѣтникъ не мѣсто тоски, | тѣмъ болѣе (тотъ) котораго счастливое украшеніе къ имени Саада, сына Бекра (сына) Саада, сына Зенгія (96).»

Въ этой главѣ мы надѣялись встрѣтить разрѣшеніе весьма интереснаго вопроса: какъ Саади смотрѣлъ на жизнь и понималъ ее?—Какое же разрѣшеніе мы встрѣчаемъ тамъ?—Не знаю, какъ другіе, а я этого разрѣшенія тамъ не нахожу.—Шестдесятъ лѣтъ живой, разгульной, полной развлеченій жизни, своею пустотою въ результатахъ привели Саади къ тому заключенію, что живя на землѣ, нужно что нибудь сдѣлать для этой жизни. И онъ удаляется въ уединеніе и предается благочестивымъ размышленіямъ. Если бы только это и сказалъ Саади въ своемъ предисловіи, если бы только это мы и могли извлечь изъ него,—мы были бы совершенно удовлетворены. Прекрасно и благородно желаніе маститаго ветерана жизни, убѣдившагося въ пустотѣ своихъ прошедшихъ лѣтъ, сойти съ занимаемой имъ безъзнаменательной сцены и, удалившись въ отчужденный отъ всего міра уголокъ, заглянуть въ свою душевную глубину и, хоть немножко и поздно, постараться разрѣшить самые близкіе, насущные вопросы, которые должны бы были занять его при самомъ началѣ его житейскаго поприща. Мы поняли бы это и были бы признательны за такое скромное и благородное сознаніе старца: онъ не разрѣшилъ бы нашего вопроса, но покрайней мѣрѣ призналъ бы его возможность.

(96) Гюлистанъ посвященъ Сааду, сыну шаха Абубекра.

Digitized by Google

Но, къ сожалѣнію, мы не можемъ ограничиться этимъ, какъ не ограничился этимъ Саади. Рѣшившись удалиться отъ міра, Саади весьма неосторожно и откровенно высказываетъ нѣкоторыя особенныя причины, побудившія его къ такому удаленію. Причины эти были такъ близки его сердцу, что онъ не ограничился нѣсколькими фразами, которыя мы уже видѣли, а написалъ еще цѣлую главу:

Извиненіе недостаточности службы (моей) и причина избранія уединенія.

«Нерѣшительность и медленность, которыя произошли въ выполненіи придворной государевой службы (во вступленіи моемъ въ службу), основаны на томъ, что̀ индійскіе мудрецы разсказывали о достоинствахъ Бузюрчумахра (97): они не видѣли въ немъ другаго недостатка, кромѣ того, что онъ медленъ въ разговорѣ, т. е. очень медлитъ, (и) слушатель долженъ много ждать, пока онъ изложитъ рѣчь; Бузюрчумахръ услышалъ (это) и сказалъ: думать о томъ, что я скажу, лучше, чѣмъ раскаяваться—зачѣмъ я (это) сказалъ.

«Краснорѣчивый (б. знающій слово), воспитанный опытнымъ старикомъ, | подумаетъ (и) потомъ заговоритъ. | Не говори безъ размышленія. | Хорошо говори; если говоришь медленно—что за бѣда? | Подумай и потомъ говори, | и перестань (б. сдѣлай довольно) прежде, чѣмъ (тебѣ) скажутъ: довольно! | Говоромъ человѣкъ лучше скота,—(но) скотъ лучше тебя, когда ты говоришъ несправедливо (неблагоразумно)».

Очевидно большая часть этихъ фразъ вставлена для рифмы или созвучія.

«Потому, какъ я предстану на глаза вельможъ повелителя—да прославятся его побѣды!—который есть соединеніе людей умныхъ и центръ ученыхъ, (когда) если и осмѣлюсь заговорить,—сдѣлаю дерзость (невѣжество)? (и какъ бы) понесъ я малоцѣнный товаръ въ присутствіе величества? Мелкій стеклянный товаръ на рынкѣ ювелировъ не стоитъ овсянаго зерна; и свѣча предъ солнцемъ не имѣетъ свѣта; и высокій минаретъ кажется низкимъ у подошвы горы Алвенда (98).

«Кто подымаетъ шею притязаніемъ (гордостію), | на того врагъ устремляется со всѣхъ сторонъ. | Саади, который ничтоженъ (б.: упалъ), свободенъ (отъ заботъ): | никто не приходитъ на споръ съ ничтожнымъ. | Прежде подумай и потомъ говори: | прежде дѣлается фундаментъ, потомъ стѣна. | Я привью пальму, но не въ саду. | Я красавецъ, но не въ Ханаанѣ. (99)

---

(97) Везирь и любимецъ Хосроу Нуширвана, занимающій важное мѣсто въ исторіи и одинъ изъ любимыхъ героевъ народныхъ разсказовъ. Объ немъ подробнѣе см. у d'Herbelot и въ исторіи Малькольма.

(98) Высочайшая вершина въ горахъ Демавенда близъ Тегерана.

(99) Іосифъ прекрасный называется ханаанскимъ красавцемъ.

Digitized by Google

«Мудрецу Локману сказали: отъ кого ты научился мудрости? Онъ сказалъ: отъ слѣпыхъ, которые, пока не увидятъ (не ощупаютъ) мѣста, не поставятъ ноги. *Выходъ пусть предшествуетъ входу* (т. е. подумай о выходѣ прежде, чѣмъ войдешь), (прежде) испытай мужескія силы, потомъ женись.

«Хотя пѣтухъ ловокъ (б.: хитеръ) на битву, | что онъ сдѣлаетъ предъ соколомъ, у котораго мѣдныя когти? | Кошка есть левъ въ изловленіи мыши, но она мышь на полѣ битвы съ тигромъ».

Прочитавъ эту диковинную вѣчную память, которую пропѣлъ самъ себѣ живой человѣкъ, да и пропѣлъ-то такъ нескладно, и оправившись отъ смущенія, недоумѣнія и какой-то тяжести въ головѣ, невольно покачаешь этою головой и скажешь: суета суетъ! . . . . Саади здѣсь весьма ясно высказываетъ, что онъ удалился въ уединеніе для созерцанія своего внутренняго міра и благочестивыхъ размышленій—не потому, чтобы видѣлъ въ этомъ крайнюю нужду или пользу, а потому что онъ не могъ между умными людьми сказать что нибудь умное — по своей *глупости* и *ничтожеству*! Въ устахъ обыкновеннаго человѣка, европейца, слова эти звучали бы для насъ голосомъ оскорбленнаго самолюбія, злобной, колкой иронія; въ устахъ же Саади слова эти должны знаменовать или искренность сознанія, или обычную форму вѣжливости, которая произносится однакожъ съ убѣжденіемъ въ надлежащей степени, такъ-что вообще слова эти достаточно показываютъ намъ, что восточный человѣкъ, въ лицѣ Саади, жертвуетъ своею личностью съ полнымъ самоотверженіемъ, не оставляя себѣ ничего, что бы могло поддержать его человѣческое достоинство въ собственныхъ глазахъ. Изъ этого же слѣдуетъ, что истинное понятіе о человѣческомъ достоинствѣ для него было чуждо, и Саади, удаляясь отъ свѣта, стремился стяжать себѣ шаръ добродѣтели, предполагая его не только не въ добромъ, но и ни въ какомъ дѣяніи, а въ какомъ-то размышленіи о предметахъ, для самого Саади неизвѣстныхъ и недоступныхъ и чуждыхъ. Неосновательность и несумѣстность всѣхъ этихъ прекрасныхъ, но нисколько не идущихъ къ дѣлу изрѣченій, равно какъ и изумительную шаткость своихъ убѣжденій—самъ Саади доказалъ положительно дѣломъ: тѣмъ, что написалъ и Гюлистанъ и Бостанъ и еще нѣсколько другихъ книгъ, которыя онъ однако не называетъ *пустословіемъ*.

Слѣдовательно и напрасно мы будемъ искать у него разрѣшенія тѣхъ насущныхъ вопросовъ, которые мы надѣялись найти: Саади они не занимали, а если иногда и пробивались кое-гдѣ, то это случайно и какъ бы безъ его вѣдома,—покрайней мѣрѣ ни-

Digitized by Google

когда не привлекали на себя его сосредоточеннаго вниманія,— потому что къ такому сосредоточенію онъ былъ неспособенъ, какъ мы это видѣли въ приведенныхъ страницахъ его предисловія, и какъ мы увидимъ далѣе.

Такимъ образомъ, окончивши или почти окончивши обзоръ предисловія, касающагося по немножку различныхъ предметовъ, мы вынесли изъ него идеи, совершенно чуждыя намъ,—идеи или устарѣвшія, или не могущія никогда быть новыми, какъ высказанныя схоластически, безъ убѣжденія и аналитическаго умственнаго изслѣдованія, и противорѣчащія тѣмъ истинамъ, которыя нами уже усвоены. Всѣ эти идеи могутъ быть выражены въ слѣдующемъ сжатомъ извлеченіи:

«Наслаждайся жизнію и удивляйся Божіей благости, которая расточаетъ съ такою щедростію, и достойнымъ и недостойнымъ, сокровища міра; пользуйся этими сокровищами и превознося величіе падишаха, потому онъ на землѣ всемогущъ и всевластенъ надъ тобою. Не забывай и прочихъ великихъ міра сего, всѣхъ тѣхъ, кто сильнѣе тебя чѣмъ нибудь, предъ которыми ты червь, предъ которыми единственная защита твоя — твоя слабость и ничтожество. И смотри на жизнь, какъ на неразгаданную и во всѣхъ отношеніяхъ недоступную намъ тайну, объ которой нужно размышлять въ торжественныя минуты, т. е. находиться въ безсознательномъ состояніи, понуривъ приличнымъ образомъ голову, и на всѣ отвлеченные вопросы отвѣчать глубокомысленно: Богъ великъ, онъ лучше знаетъ!....»

Мы полагаемъ, что извлекли изъ цѣлаго предисловія все существенное, и къ извлеченію этому прибавлять ничего не нужно: оно говоритъ само за себя достаточно-краснорѣчиво. И на послѣдующихъ страницахъ ничто не отвергнетъ ни одной его мысли.

Обзоръ предисловія къ Гюлистану мы заключимъ словами самого Саади, относящимися уже непосредственно къ самому Гюлистану.

«Но въ упованіи (на) возвышенность (б. ширину, объемистость) качествъ людей знатныхъ, которые закрываютъ глаза на недостатки подвластныхъ, и не стараются обнаруживать проступки (людей) маленькихъ, мы ввели въ эту книгу нѣсколько словъ, способомъ сокращенія (краткихъ), о вещахъ рѣдкихъ, изъ преданій, разсказовъ и стиховъ, о нравахъ прошедшихъ государей, и употребили на нее часть драгоцѣнной жизни. Это была причина книги Гюлистанъ,—*и на Бога* (возлагаю надежду на) *помощь*!

«Эти стихи и (ихъ) расположеніе останутся годы (многіе), | когда отъ насъ отпадутъ всѣ атомы праха. | Цѣль (этой) картины (книги) есть (та),

Digitized by Google

чтобы она осталась отъ насъ памятникомъ,— | потому что я не вижу твердаго существованія (долгой для себя жизни,—скоро умру). | (Можетъ быть) иной мудрецъ изъ состраданія, когда нибудь | помолится о дервишахъ (б. о пользахъ дервишей, вѣроятно, въ будущей жизни)!»

Зная, что самый Гюлистанъ есть собраніе правоучительныхъ басень, мы, взглянувши на названіе первой главы, *о правахъ государей*, имѣемъ полное право предполагать, что эта первая глава представитъ намъ рядъ разсказовъ, характеризующихъ государей персидскихъ и выражающихъ изъ-подъ пера Саади общественное мнѣніе объ этомъ предметѣ, и вообще понятія персовъ о правахъ и обязанностяхъ государей, объ отношеніи къ нимъ ихъ подданныхъ, о мѣстѣ, занимаемомъ ими среди людей государства.

Мы по прежнему будемъ заставлять говорить прежде всего самого Саади, приводя изъ каждой главы по нѣсколько разсказовъ, которыхъ совершенно достаточно будетъ для того, чтобы составить положительное мнѣніе о разсматриваемомъ произведеніи.

Начнемъ съ перваго разсказа первой главы.

«Я слышалъ объ одномъ государѣ, что онъ приказалъ убить плѣнника (б. указалъ плѣнника на убіеніе). Безнадежный, въ этомъ отчаянномъ положеніи, началъ на своемъ природномъ языкѣ (б. на языкѣ, который онъ имѣлъ) поносить и ругать государя; ибо говорятъ: всякій кто умываетъ руки отъ жизни (кто разстается съ жизнію), говоритъ все, что имѣетъ на сердцѣ.

«*Если человѣкъ отчаявается, языкъ его дѣлается длинным, | подобно какъ побѣжденная кошка бросается на собаку.*

«Во время необходимости, когда побѣгъ невозможенъ, | рука хватается за лезвее остраго меча.

«Государь спросилъ: что онъ говоритъ?—О, повелитель! сказалъ одинъ изъ добродѣтельныхъ везирей,—онъ говоритъ, что (вѣчное блаженство предназначено) *тѣмъ, которые удерживаютъ гнѣвъ, ибо Богъ любитъ добродѣтельныхъ*. Царю пришло состраданіе къ нему (плѣннику), и онъ удалился отъ крови его (простилъ). Другой везирь, который былъ противникомъ его (перваго везиря), сказалъ: сынамъ нашего сословія нельзя въ присутствіи государей говорить иначе какъ по правдѣ; этотъ плѣнникъ поносилъ царя и говорилъ неблагопристойное. Государь нахмурилъ (б.: сморщилъ) лицо отъ этой рѣчи и сказалъ:—намъ эта ложь пришлась пріятнѣе той правды, которую ты сказалъ, потому что на-

Digitized by Google

мѣреніе той (лжи) было на пользу, а этой (правды) основаніе на злобѣ; и мудрецы говорятъ: ложь, смѣшанная съ пользою, лучше правды, возбуждающей смуту.

«Когда шахъ дѣлаетъ то, что кто нибудь говоритъ, | несправедливость была бы (вредъ), чтобы онъ говорилъ противное добру. | На сводѣ залы Фериду на (30) было написано: | Міръ, о братъ! не останется никому. | Сердце заключи въ Творцѣ міра, и только. | На обладаніе міромъ не облокачивайся и не опирайся спиною, | потому что онъ воспиталъ и умертвилъ много людей такихъ, какъ ты. | Когда чистая душа (человѣкъ) намѣревается уйти (изъ этого міра), | все равно умереть ли (ему) на престолѣ или на землѣ (б. на лицѣ праха)».

Въ этомъ разсказѣ мы встрѣтили именно то, чего желали: авторъ представилъ намъ прекрасный примѣръ *всемилосердія* государя. Но—всемилосердіе это мы видимъ здѣсь безъ всякаго отношенія къ *правдѣ*, къ справедливости, къ добру, и потому требовательность читателя, желающаго извлечь изъ разсказа полезную мысль, не удовлетворяется. Мы признаемъ великость безусловнаго милосердія, но здѣсь оно какъ-то такъ поставлено, что мы видимъ въ немъ только *произволъ*, какоіі видимъ и въ прешедствующемъ осужденіи плѣнника на казнь; мы не видимъ здѣсь рѣшенія разумнаго, вытекающаго изъ убѣжденія или побужденія добраго, являющаго правильную идею, извлеченную изъ житеіскаго факта, и могущую потому имѣть приложеніе въ жизни, могущую поучить насъ. Все это случайно, безсмысленно, и потому для насъ безынтересно.

Еще болѣе затемняетъ и роняетъ дѣло изложеніе разсказа, которое въ нашихъ глазахъ никуда не годится. По поводу одного предмета насказано здѣсь такъ много, что идея царскаго милосердія стоитъ совсѣмъ не на первомъ планѣ, на которомъ не стоитъ и никакой идеи. Саади сначала доказываетъ такъ убѣдительно (т. е. повторительно), что приговоренный къ казни можетъ ругать всѣхъ, кого и какъ ни попало, ни объ чемъ не заботясь. Странная идея!—Затѣмъ онъ выводитъ на сцену правду и ложь, высказываетъ здѣсь можетъ быть глубокую идею, но опять безотносительную къ жизни, къ факту, потому что фактъ, представленный здѣсь, слишкомъ неопредѣленный, и до него идея эта не можетъ касаться. И разсказъ заключается разсужденіемъ о добрѣ, о непрочности мірскаго и проч. И идея царской милости не только не стоитъ на первомъ планѣ, но едва пробивается между указанными нами тремя главными идеями.

И вообще разсказъ этотъ не есть одинъ изъ разсказовъ о нравахъ государей, а разсказъ—собственно ни объ чемъ, сборъ

(30) Седьмой царь первой персидской династіи, внукъ Джемшида, свергнувшій съ престола тирана Зохака.

Digitized by Google

фразъ, причисленный къ разсказамъ о нравахъ государей потому, что въ немъ государь говоритъ нѣсколько словъ.

Историкъ изъ этого разсказа вынесетъ нѣкоторое понятіе о судѣ и правосудіи персидскихъ царей,—а вы не забудьте, что Гюлистанъ написанъ съ *поучительною* цѣлью, и состоитъ весь изъ нравоучительныхъ разсказовъ. А какъ мало поучительнаго можно вывести изъ прочитаннаго разсказа—очевидно. Чтобы государи дѣйствовали по такому поученію, очевидно нужно; чтобы они приговаривали плѣнниковъ къ смерти ни-за-што ни-про-што; чтобы плѣнники были такіе отчаянные люди, какъ показано намъ въ этомъ разсказѣ; чтобы возлѣ государя были такіе мудрые везири или министры-философы; чтобы государи были подобными выведенному въ разсказѣ.

Пойдемъ далѣе и прочтемъ второй разсказъ.

«Одинъ изъ царей хорасанскихъ видѣлъ во снѣ султана Махмуда Сюбуктегина чрезъ сто лѣтъ послѣ его смерти: все существо его разрушилось и стало прахомъ, а глаза его все—еще продолжали двигаться въ глазныхъ чашкахъ и смотрѣли. Прохожіе мудрецы не могли растолковать (б. остались безсильны въ толкованіи) этого, кромѣ одного дервиша, который выполнилъ почтеніе (привѣтствіе) и сказалъ: онъ еще (до сихъ поръ) смотритъ, что царство его у другихъ (въ другой династіи).

«Подъ землею погребены многіе знаменитые, | отъ существованія которыхъ на лицѣ земли не осталось никакого знака. | И тотъ старый трупъ, который ввѣрили подъ-землю,— | прахъ изъѣлъ его такъ, что кости отъ него не осталось. | Благословенное имя Нушырвана живетъ по (тому) добру (которое онъ сдѣлалъ), | хотя много (лѣтъ) прошло, какъ Нушырвана нѣтъ. | Дѣлай добро, о (ты) такой-то! и считай жизнь добычею (пользуйся жизнью), | прежде чѣмъ поднимется голосъ (говоря): такого-то нѣтъ».

Не знаю, какъ другіе читатели, а я этого разсказа совершенно не понимаю, какъ не понималъ, кажется, ни одинъ изъ переводчиковъ, которыхъ труды были у меня подъ рукою (покрайней мѣрѣ переводовъ ихъ *я* такъ же не понимаю, какъ и подлинника). Потому, вздохнувши о томъ, что я не Персіянинъ, который одинъ только и можетъ вѣроятно понять такую диковинку (а если и не понять, то совершенно остаться ею довольнымъ), перехожу къ третьему разсказу.

«Я слышалъ объ одномъ царевичѣ, который былъ малъ (ростомъ) и дуренъ (лицомъ), а другіе братья его высоки и красивы. Однажды отецъ взглянулъ на него съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Сынъ понялъ (это) съ проницательностью и сказалъ: о отецъ! умный малорослый лучше высокаго дурака; не все, что ростомъ больше, цѣною лучше. *Овца* (мала и) *чиста, а слонъ* (великъ и) *поганъ.*

Digitized by Google

«*Самая маленькая гора на землѣ—Синай, однако онъ | высочайшій предъ Богомъ достоинствомъ и почетомъ.* | Слышалъ ли ты, что худощавый ученый | сказалъ однажды тучному глупцу?— | арабская лошадь хотя и тоща— | все-таки лучше (цѣлой) конюшниословъ.

«Отецъ засмѣялся; столпы государства (вельможи) похвалили, а братья въ душѣ оскорбились.

«Пока человѣкъ не заговоритъ, | недостатокъ и доблесть его будутъ скрыты. | Не думай, чтобы всякій лѣсъ былъ пустъ;— | можетъ быть тамъ и тигръ спитъ.

«Я слышалъ, что въ то время явился царю опасный врагъ. Когда оба войска сошлись лицомъ къ лицу, первый человѣкъ, который погналъ коня на поле битвы, былъ юноша, и сказалъ (онъ):

«Я не тотъ, котораго тылъ увидишь въ день сраженія; | я тотъ, котораго голову увидишь въ срединѣ пыли и крови;— | потому что тотъ, кто сражается, играетъ своею кровію, | (а) кто въ день побоища побѣжитъ— кровію войска.

«Сказалъ это и ударилъ на непріятельскихъ воиновъ; опрокинулъ нѣсколькихъ изъ людей опытныхъ. Когда пришелъ къ отцу, поцѣловалъ землю почтенія и сказалъ:

«О ты, которому особа моя показалась презрѣнною! | *да не считай* крупность (тѣла) доблестью. | Въ дѣло идетъ поджарая лошадь | въ день бытвы, не раскормленный волъ.

«Разсказываютъ, что непріятельскихъ воиновъ было много, а этихъ мало. Нѣсколько человѣкъ (б. толпа, масса) вознамѣрились бѣжать. Юноша закричалъ и сказалъ: о герои! постарайтесь, чтобы вы не надѣли платья женщинъ! У всадниковъ отъ словъ его прибавилось отваги, и они вдругъ сдѣлали нападеніе. Я слышалъ, что въ тотъ день получили надъ врагомъ побѣду. Царь поцѣловалъ его голову и глаза и схватилъ его въ объятія, и каждый день взиралъ на него (дѣлался внимательнымъ, благосклоннымъ) болѣе, до того что сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ. Братья позавидовали и положили (б. сдѣлали) ядъ въ его кушаньѣ. Сестра увидѣла (это) изъ верхней комнаты (и) захлопнула окно. Молодой человѣкъ понялъ и руку отъ пищи отнялъ и сказалъ: нелѣпо, чтобы достойные люди умирали, а недостойные захватывали ихъ мѣсто.

«Никто не пойдетъ подъ тѣнь (покровительство) совы, | хотя бы гумаи (31) и былъ потерянъ изъ міра.

«Объ этомъ обстоятельствѣ увѣдомили отца. Онъ позвалъ братьевъ его и наказалъ, какъ должно; каждому назначилъ достаточную часть изъ пограничныхъ городовъ —такъ что смута осѣла и раздоръ поднялся (уле-

(31) Гума или гумаи—священная (баснословная) птица Персіянъ, живущая въ высшихъ небесныхъ кругахъ, къ землѣ никогда не прикасающаяся. Тѣнь ея приноситъ тому счастіе, на кого падаетъ. Въ особенности покровительствуетъ царямъ, откуда и производное слово: *гумаюнъ*—благородный, августѣйшій, счастливый. D'Herbelot.

Digitized by Google

тѣлъ вверхъ—игра словъ). И говорятъ: десять дервишей будутъ спать на одномъ коврѣ, а два государя не совмѣстятся въ одной странѣ.

«Если человѣкъ Божій—(монахъ, священно-служитель) ѣстъ половину хлѣба,— | другую половину онъ даритъ дервишамъ. | Государь (же) захватитъ власть надъ одною страною, | (и) все-таки желаетъ (б. въ желаніи) другой».

Разсказъ этотъ еще болѣе чѣмъ первый снабженъ разнообразіемъ содержанія, такъ-что и не знаешь, что и сказать объ этомъ разсказѣ—съ духомъ собраться трудно.

Несомнѣнно можно высказать здѣсь одну мысль (которая относится равно къ первому и слѣдующимъ разсказамъ), что этотъ третій разсказъ изображаетъ нравы царей, общіе не только всякому прочему человѣку, но даже и всѣмъ прочимъ существамъ одушевленнымъ: кстати же въ этомъ разсказѣ и приведены въ подтвержденіе этого лошадь, оселъ, овца и слонъ.. Плохое поученіе для государей, плохое понятіе могутъ составить правовѣрные читатели о своихъ повелителяхъ, — если какое нибудь понятіе они желаютъ и могутъ составить.

Для насъ въ содержаніи нѣтъ уже ровно никакого интереса; но я совѣтую читателю прочесть еще разъ этотъ разсказъ, чтобы постигнуть всю глубину его нелогичности и непослѣдовательности. Съ первой строчки что фраза, то новая мысль, не имѣющая ничего общаго съ предъидущимъ или послѣдующимъ. И весь разсказъ Саади вѣнчаетъ двумя удивительными изрѣченіями, которыя онъ если и приводитъ въ доказательство какой нибудь истины, то безъ сомнѣнія той, что онъ имѣетъ рѣдкое искуство и присутствіе духа сплочивать самымъ дикимъ и неестественнымъ образомъ различныя фразы и мысли, и составлять такимъ образомъ цѣлые разсказы, изъ которыхъ составлены цѣлыя книги!.... Содержаніе этого разсказа чрезвычайно напоминаетъ извѣстныя русскія популярныя книжицы: Бова-Королевичъ, Еруслань-Лазаревичъ, и т. п.; впрочемъ, по порядку и отчетливости изложенія мыслей — разсказъ этотъ далеко уступаетъ тѣмъ книжицамъ.

Мы разсмотрѣли уже три разсказа, оцѣнили ихъ, по нашимъ понятіямъ, и если читатели вынесли изъ нихъ одну общую идею, что въ послѣдующихъ разсказахъ они не встрѣтятъ ничего новаго, то ошибаются очень сильно, именно на половину: тамъ все или очень много новаго,—конечно, по достоинству отрицательному. Саади въ этомъ случаѣ дастъ намъ удивительное доказательство того, что умъ и духъ человѣка, въ своемъ содержаніи и проявленіяхъ, безконечно сложенъ, безконечно разнообразенъ—даже до противорѣчія.... Хотите ли видѣть образчикъ противорѣчія въ проявленіяхъ одного и того же духа?

Digitized by Google

Четвертый разсказъ

«Шайка арабскихъ воровъ расположилась на вершинѣ горы и преграждала путь караванамъ; жители городовъ были устрашаемы ихъ козними и султанское войско преодолѣваемо, по той причинѣ, что они владѣли неприступнымъ убѣжищемъ на вершинѣ горы и сдѣлали себѣ безопасный пріютъ и жилище. Правители областей той страны совѣщались объ удаленіи вреда ихъ: если эта шайка такимъ образомъ будетъ продолжать существовать, то сопротивленіе ей будетъ невозможно.

«Дерево, которое теперь (недавно) пустило корни, | вырвется силою одного человѣка; | а если оставишь его такъ нѣкоторое время— | воротомъ не оторвешь его отъ корня. | Начало источника можно перехватить соломенкою, | когда же онъ станетъ полнымъ, нельзя перейти слономъ.

«Разговоръ на томъ порѣшили, что отправили одного (человѣка) на изслѣдованіе ихъ (воровъ) и выжидали удобнаго случая до тѣхъ поръ, когда (воры) отправились на грабежъ (б. устремились на людей), и пещера осталась пустою. Послали нѣсколько человѣкъ изъ мужей опытныхъ и воинственныхъ, чтобы спрятались въ ущельи горъ. Ночью, когда воры возвратились, совершивши путь и принесши награбленное, разбросали оружіе и расклали добычу. Первый врагъ, который палъ на ихъ голову, былъ сонъ.

«Кругъ солнца пошелъ во мракъ, | Іона пошелъ во чрево китово. (99) (т. е. наступила ночь).

«Какъ скоро прошла одна стража (четверть) ночи, храбрые мужи выскочили изъ засады и руки всѣхъ поодиночкѣ связали на спину. Утромъ привели (воровъ) во дворецъ царя. Онъ указалъ всѣхъ на убіеніе. Случайно въ той средѣ былъ юноша, который (еще) плода начала юности не достигнулъ, и мурава цвѣтника ланиты ново-распустилась. Одинъ изъ везиреи поцѣловалъ подножіе царскаго трона, положилъ на землю лицо ходатайствованія и сказалъ: этотъ юноша не вкушалъ такъ (какъ другіе) плода изъ сада жизни и отъ цвѣта юности не получалъ наслажденія; надежда на великодушіе и благородныя качества повелителя (т. е. вашего величества)—что онъ возложитъ на раба (на меня) милость дарованіемъ его крови (окажешь мнѣ милость дарованіемъ его). Царь нахмурился отъ этихъ словъ, и не пришло ему согласіе совѣта сановника, и сказалъ:

«Тотъ, у кого дурное основаніе, не принимаетъ свѣта (совѣта) добрыхъ. | Воспитаніе у негодяевъ (б. -нелюдей)—подобно орѣху на куполѣ (незамѣтно).

«Самое лучшее—истребить племя и семейство ихъ, и лучше вырвать корень ихъ и основаніе, потому что гасить огонь и оставлять уголь, убивать змѣю и сохранять (ея) дитя—не есть дѣло умныхъ.

Еслибы облако дождило воду жизни, | ты никогда не будешьесть

---

(99) Здѣсь указывается на двойную темноту, отсутствіе свѣта солнца и мудрости Іоны, исчезнувшаго въ китѣ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ стихи эти не имѣютъ никакого смысла, по мнѣнію проф. Казембека.

Digitized by Google

плодовъ отъ вѣтвей ивы. | Не проводи времени съ подлымъ, | потому что изъ дикаго тростника ты не будешь ѣсть сахара.

«Везирь выслушалъ эти слова, покорно и невольно одобрилъ (ихъ) и на прекрасное мнѣніе царя произнесъ похвалу, и сказалъ: то что повелитель—*да продлится вѣчно его царствованіе!*—изволилъ сказать, есть источникъ истины: если бы онъ получилъ воспитаніе въ нити сообщества тѣхъ злыхъ—сдѣлался бы однимъ изъ нихъ; но рабъ надѣется, что въ сообществѣ честныхъ онъ пріобрѣтетъ воспитаніе и приметъ нравы умныхъ, потому что онъ еще ребенокъ, и (хотя) та толпа положила на него видъ нечестія и упорства, но онъ еще не утвердился (въ этомъ). И въ преданіи есть, что *нѣтъ никого изъ рожденныхъ, кто бы родился не по природѣ ислама: дѣлаютъ ихъ потомъ родители евреями, христіанами и огнепоклонниками.*

«Жена Лотова подружилась со злыми, | и семейство ея лишилось пророчества. | Собака товарищей пещеры нѣсколько дней | перенимала слѣды добрыхъ и сдѣлалась человѣкомъ. (33)

«Онъ сказалъ это, и нѣкоторые изъ царскихъ придворныхъ помогали ему въ ходатайствѣ, такъ-что царь удалился отъ головы крови его (плѣнника) и сказалъ: я простилъ, хотя пользы не видѣлъ.

«Знаешь ли, что сказалъ Залъ храброму Рустему (34)?— | не должно считать врага презрѣннымъ и слабымъ. | Мы видѣли довольно воды изъ начала источника: | когда увеличится—унесетъ верблюда съ поклажею.

«Наконецъ везирь привелъ юношу домой и воспитывалъ въ ласкѣ и милости; опредѣлилъ для воспитанія его учителей и наставниковъ; они научили его краснорѣчивому разговору (о прелести вопроса и силѣ отвѣта) и другимъ придворнымъ учтивостямъ, такъ-что въ глазахъ товарищей онъ заслужилъ одобреніе. Однажды везирь разсказывалъ кое-что о его свойствахъ и качествахъ въ присутствіи государя, какъ подѣйствовало на него попеченіе умныхъ, и прежнее невѣжество изъ его природы исторгнуто. Царю отъ этихъ словъ пришла улыбка, и онъ сказалъ:

«Въ заключеніе волченокъ сдѣлается волкомъ, | хотя выростетъ съ человѣкомъ.

«Прошло года два, толпа бродягъ (того) мѣста сошлась съ нимъ (съ юношей) и заключила союзъ товарищества,—такъ-что въ удобное время онъ убилъ везиря съ двумя его сыновьями, утащилъ несмѣтное богатство, поселился въ разбойничьей пещерѣ на мѣстѣ отца и сдѣлался бун-

---

(33) Извѣстное на востокѣ преданіе о *семи спящихъ отрокахъ*, дошедшее отъ первыхъ вѣковъ христіанства, его гоненія. Семеро юношей (христіанъ), спасаясь отъ преслѣдованій Даціана или Деція, скрылись въ пещерѣ (которую мѣстныя восточныя повѣрья полагаютъ близъ Эфеса, въ Натоліи, въ Емесѣ) и умерли тамъ, съ собакою, съ которою вмѣстѣ и удостоились вѣчной жизни въ Раю. Это преданіе записано и въ Коранѣ. Подробности: у Chardin (L. X, p. 70; edit 1723), въ Chrestomathie de Sacy (L. III, p. 253), въ dictionnaire de Moréri (m. Dormants), въ description de l'Arabie par Niebuhr (L. II, p, 77). (Notes de la traduct. de Semelet, p. 128).

(34) Залъ и Рустемъ — герои Шах-нама.

Digitized by Google

товщикомъ. Извѣстили царя. Царь схватилъ зубами палецъ удивленія и сказалъ:

«Если сдѣлаетъ кто нибудь хорошій мечъ изъ дурнаго желѣза, | то негодяй чрезъ воспитаніе не сдѣлается человѣкомъ, о мудрецъ! | Дождь, въ пріятной природѣ котораго нѣтъ противорѣчія, | въ саду возращаетъ тюльпанъ, а на болотѣ волчецъ. | Болотистая земля не произведетъ благовоннаго цвѣтка: | не теряй въ ней сѣмени и труда. | Добро дѣлать злымъ—то же, | что хорошимъ людямъ дѣлать зло вмѣсто добра.»

Предметомъ разсказа мы опять видимъ царское *милосердіе*, какъ и въ первомъ разсказѣ; — но что общаго между идеями этого милосердія тамъ и здѣсь? И какая одна главная его идея?

А каково понятіе Саади о воспитаніи?!...

Вотъ *пятый* разсказъ изъ той же первой главы, который нетолько самъ по себѣ непонятенъ, какъ второй разсказъ, но и по видимости нисколько не относится въ предмету первой главы—къ нравамъ государей.

«При дворѣ Углумыша я видѣлъ одного сына чиновника, который имѣлъ умъ, остроуміе, понятливость, проницательность выше описанія; даже съ малолѣтства знаки величія видны были на его челѣ.

«Надъ головою его, отъ ума, | блистаетъ звѣзда величія.

«Однимъ словомъ, онъ понравился царю, потому что имѣлъ прелесть фигуры и совершенство мысли. И мудрецы говорятъ: могущество въ достоинствѣ, не въ имѣніи; величіе въ умѣ, не въ возрастѣ. Сыны его сословія (его сверстники) возъимѣли къ нему зависть и обвинили въ какомъ-то дурномъ поступкѣ,—и объ убіеніи его употребляли безполезныя старанія.

«Что сдѣлаетъ врагъ, когда защитникомъ будетъ другъ!

Какая причина ненависти ихъ въ отношеніи тебя (спросилъ государь)? Онъ сказалъ: въ тѣни могущества повелителя я удовлетворялъ всѣхъ, кромѣ завистника, который удовольствуется только упадкомъ моего благополучія. Да продлится неизмѣнно власть и счастіе повелителя!

«Я могу не огорчать чьего нибудь сердца (б. внутренности), | а что я сдѣлаю завистнику, который самъ отъ себя полонъ огорченія? | Что бы избавиться—умри, о завистникъ, потому что это есть страданіе, | потому что отъ этого мученія нельзя спастись иначе какъ смертію. | Злосчастные (низкіе) страстно желаютъ | счастливымъ потери богатства и сана. | Если глазъ летучей мыши днемъ не видитъ, | какая вина источнику солнца? | Хочешь правды?—тысяча глазъ такихъ | слѣпыхъ (пусть будетъ) лучше, чѣмъ темное солнце».

Разсказъ *шестой*, чисто относящійся къ государю и государствованію.

«Разсказываютъ объ одномъ изъ царей персидскихъ, что онъ руку несправедливости протягивалъ къ имѣнію подданныхъ и сталъ дѣлать насиліе и притѣсненіе. Народъ отъ козней его тиранства пошелъ по-міру и отъ огорченія его притѣсненія взялъ путь скитальческій. Когда подданные

Digitized by Google

уменьшились, возвышеніе доходовъ получило уменьшеніе, и казна опустѣла; и враги потѣснили со всѣхъ сторонъ.

«Всякому, кто желаетъ помощи на день бѣдствія, | скажи: во дни благополучія заботься о добрыхъ дѣлахъ. | Если не приласкаешь раба съ кольцомъ въ ухѣ,—онъ уйдетъ; | дѣлай милость,—милость, чтобы чужестранецъ сдѣлался кольцомъ въ ухѣ.

«Однажды въ обществѣ его (царя) читали книгу шах-намэ о паденіи царства Зохакова и времени Феридуна. Везирь спросилъ государя: Феридунъ не имѣлъ ни сокровищъ, ни владѣній, ни слугъ;—какимъ образомъ утвердилось на немъ падишахство? (Государь) сказалъ: такъ какъ ты слышалъ: народъ съ расположеніемъ сходился вокругъ него и оказывалъ ему помощь,—(и) онъ получилъ падишахство. Везирь сказалъ: когда стеченіе народа есть причина падишахства, зачѣмъ ты разгоняешь народъ? развѣ не имѣешь желанія царствовать?

«Самое лучшее, чтобы ты отъ души заботился о войскѣ, | потому что султанъ царствуетъ съ войскомъ.

«(Государь) сказалъ: какое средство для стеченія военныхъ и подданныхъ? (Везирь) сказалъ: падишаху необходимо правосудіе, чтобы въ тѣни власти его сидѣли безопасно; а у тебя нѣтъ этихъ двухъ (качествъ).

«Тиранъ не дѣлаетъ султанства, | какъ отъ волка не произойдетъ присмотра за стадомъ. | Падишахъ, который заводитъ (б. бросаетъ учрежденіе) тиранство | выкапываетъ основаніе стѣны своего царства.

«Совѣтъ вѣрнаго везиря не пришелся по нраву царю. Онъ приказалъ (его) сковать и отправить въ темницу. Немного прошло (времени), какъ племянники султана поднялись на ссору (съ нимъ), и приготовили войско для сопротивленія, и требовали отцовскаго царства. Народъ, который отъ руки тиранства его дошелъ до крайности (б. до послѣдняго вздыханія) и разсѣялся, сошелся къ нимъ и оказалъ помощь, такъ-что царство изъ власти его вышло и утвердилось за ними.

«Который падишахъ считаетъ справедливостью жестокость надъ подвластными, | друзья въ день (его) бѣдствія становятся сильными врагами. | Утверждай миръ съ подданными—и будь безопасенъ (не бойся) отъ войны противника, | оттого что для правосуднаго монарха народъ есть войско».

Въ этомъ разсказѣ есть, пожалуй, смыслъ, только условный: если государь такъ безразсуденъ, и если народъ можетъ такъ удобно переходить изъ одного государства въ другое, вообще—смыслъ восточной жизни, въ которомъ едва ли есть что нибудь прямо поучительное, такъ-что и для восточнаго человѣка вѣроятно не было бы никакой потери, если бы онъ вовсе не читалъ такого нравоученія. Царямъ персидскимъ было-бы полезно прочитать его, и убѣдиться въ немъ,—но отъ чтенія до убѣжденія очень далеко, особенно у такихъ царей, какихъ образчики мы видѣли выше.

Digitized by Google

Но вотъ побасенка *(седьмая)* и въ Европѣ весьма знакомая.

«Падишахъ съ персидскимъ слугою помѣстился на кораблѣ. Мальчикъ еще не видѣлъ моря и не испыталъ бѣдствія на кораблѣ; (потому) началъ плачь и крикъ, и дрожь овладѣла его членами, (и) сколько ласкъ ни дѣлали, онъ не успокоивался. У царя отъ него жизнь (расположеніе духа?) возмутилась; а средства (никакого) не знали. На томъ кораблѣ былъ одинъ докторъ; онъ сказалъ: если ты прикажешь, я его заставлю молчать. Падишахъ сказалъ: (это) будетъ чрезвычайная милость (для меня). Докторъ приказалъ бросить мальчика въ море. (Когда) онъ нѣсколько разъ окунулся: его схватили за волоса и притащили къ кораблю; онъ обѣими руками схватился за корму корабля, (и) когда взошелъ (на него), сѣлъ въ уголъ и успокоился. Царю (это обстоятельство) понравилось; онъ сказалъ: какое въ этомъ нравоученіе?»

«(Докторъ) сказалъ: (кто) не испыталъ несчастья утонуть, (тотъ) не знаетъ цѣны безопасности; такимъ образомъ, цѣну невредимости узнаетъ (только) человѣкъ, который попадется въ бѣду.»

Этого мало: вотъ вамъ Саади уже прямо отъ себя прибавляетъ кое-что въ назиданіе, что̀ не имѣетъ ничего общаго ни со смысломъ разсказаннаго преданія, ни съ мудростію мудреца.

«О сытый! тебѣ ячменный хлѣбъ не кажется хорошимъ; | для меня (же) любимъ (и) тотъ, который для тебя отвратителенъ. | Для райскихъ гурій чистилище было бы адомъ; | спроси у жителей ада,—(они скажутъ) что чистилище рай.»

А вотъ еще четвертый смыслъ, который, по нашему мнѣнію, удачнѣе предыдущихъ можетъ подойти къ преданію,—только едва ли подходитъ къ Саади.....

«Есть различіе между тѣмъ, кто друга своего (держитъ) въ объятіяхъ, | и тѣмъ, котораго оба глаза ожиданія его (друга) у дверей.»

Какой нибудь нѣмецкій философъ нашелъ бы можетъ быть аналогію между моремъ и тѣмъ, кто не знаетъ его и потому къ нему *неравнодушенъ*, съ одной стороны, и любовникомъ, такъ же неравнодушно *ожидающимъ* свою любезную, съ другой.—Не правда ли, однако, что это для Саади слишкомъ большая тонкость? Вѣроятнѣе предположить, что и это поучительное изрѣченіе привязано къ разсказу такъ же безъ претензій, какъ и первыя два или три.

Восьмой разсказъ.

«Гермюзу Таджлару [35] сказали: какую ты видѣлъ вину отъ везирей отца (твоего), что приказалъ ихъ заточить? Онъ сказалъ: я никакой вины не узналъ, но я видѣлъ, что страхъ ко мнѣ въ сердцѣ ихъ безпредѣленъ, и они не имѣютъ полной вѣры въ мое обѣщаніе; я боялся, что изъ опасенія своего вреда они покусятся на мою погибель. Потому я исполнилъ слова мудрецовъ, которые говорятъ:

---

[35] Сынъ Хосроу-Нуширвана, отецъ Хосроу-Парвиза.

Digitized by Google

«О мудрецъ! бойся того, который тебя боится, | хотя бы ты и на сто такихъ, какъ онъ, пошелъ (могъ пойти) войною. | Не видишь ли, что когда кошка ослабѣваетъ, | (то) когтями выцарапываетъ глаза тигру? | Оттого змѣя поражаетъ пастуха въ ногу, | что боится—голову ея разобьетъ палкой.»

Чрезвычайно назидательно? Особенно для тѣхъ, которые имѣютъ счастливый даръ внушать къ себѣ такой знаменательный страхъ!—Великими мудрецами должны быть всѣ *свободные* везири, если они умѣютъ выбирать трудную средину между везирями восьмаго и шестаго разсказовъ.

Пробѣжавъ взглядомъ слѣдующія страницы Гюлистана и сравнивъ ихъ съ предыдущими, я пришелъ къ тому убѣжденію, что читатель самъ для себя ничего не потерялъ бы если бы эти слѣдующія страницы остались для него неизвѣстными: они по своему характеру и внутреннему значенію въ нашихъ глазахъ—совершенно тождественны съ видѣнными уже нами; а *достоинство* (отрицательное?) этихъ видѣнныхъ страницъ намъ положительно извѣстно; слѣдующія страницы въ этомъ случаѣ представляютъ только нѣкоторое колебаніе: однѣ уступаютъ въ своемъ достоинствѣ предыдущимъ, другія превосходятъ ихъ,—и колебаніе это едва ли не склоняется на сторону послѣднихъ.

Еще одинъ разсказъ *(девятый)* изъ той же главы я приведу для полной характеристики—не слѣдующихъ страницъ и помѣщенныхъ на нихъ разсказовъ, о которыхъ мы уже можемъ судить *вообще*, болѣе или менѣе основательно, а для характеристики личности персидскаго государя: мы видѣли уже отношеніе государя къ подданнымъ и къ везирямъ; теперь слѣдуетъ отношеніе государя къ наслѣднику. Сложите все это въ одно, и выйдетъ—типическая личность!

«Одинъ изъ царей арабскихъ былъ боленъ на старости и оставилъ (б. отсѣкъ) надежду на жизнь. Вдругъ изъ двери вошелъ всадникъ и принесъ радостную вѣсть, что такую-то крѣпость мы взяли (б. отворили) во власть повелителя, и непріятели въ плѣну, и военные и подданные той страны всѣ сдѣлались покорны повелѣніямъ (вашимъ). (Падишахъ), когда эти слова услышалъ, испустилъ холодный вздохъ и сказалъ: эта радостная вѣсть не для меня, (а) для враговъ моихъ, т. е. наслѣдниковъ царства.

«Драгоцѣнная жизнь, увы! стала у предѣла (своего) въ надеждѣ, | что то, что есть въ моемъ сердцѣ, исполнится (б. изъ двери моей возвысится); | затворница-надежда вышла (на волю, исполнилась), а что пользы?—потому что | надежды нѣтъ, чтобы жизнь пропадшая воротилась! . . .

Digitized by Google

«Рука судьбы ударила въ барабанъ походъ смерти. | О, мои два глаза! проститесь съ головою! | О, ладонь руки, и рука (36) и мышца— | всѣ проститесь другъ съ другомъ. | На меня пала смерть, (по) желанію врага (какъ желалъ врагъ). | Наконецъ, уйдите, о друзья! | Вѣкъ мой пошелъ на глупости; | я не дѣлалъ (предосторожности, не употреблялъ его, вѣкъ свой, въ пользу)—вы остерегитесь».

Нечего уже говорить о томъ, въ какой степени умѣстны и позволительны для государя предсмертныя жалобы и сѣтованія о жизни: государь, не понимающій значенія человѣка, подданнаго своего, совѣтника, наслѣдника,—имѣетъ полное право не понимать и своего собственнаго, царскаго значенія.

Повторяю, что читатель ничего вѣроятно самъ для себя не потерялъ бы, еслибы прекратилъ свое ознакомленіе съ Гюлистаномъ на послѣднемъ приведенномъ разсказѣ: часть даетъ слишкомъ ясное понятіе о цѣломъ. Но—только *понятіе*. А я хочу вашего убѣдительнаго *знанія*, безъ котораго можетъ быть *востокъ* мой потерялъ бы много. Я хочу, чтобы вы полюбили его—хоть ради того что тамъ любить нечего: любить *достойное* любви—не трудно. ..... Потому приглашаю читателя далѣе, обнадеживая его, что какъ всякій предметъ, такъ и Гюлистанъ—имѣетъ множество сторонъ, и съ каждой стороны бьютъ новые лучи мысли восточнаго человѣка. Однообразія, въ содержаніи покрайней мѣрѣ, не будетъ, а будетъ много новыхъ вопросовъ, которые откроютъ востокъ съ неизвѣстныхъ еще для васъ сторонъ.

Думаю однако, что для первой главы (въ которой 41 разсказъ) читатель удовлетворенъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что можно свободно перейти ко второй главѣ: *о качествахъ дервишей*. Я начну ознакомленіе читателя съ нею также съ перваго разсказа; я хотѣлъ сначала брать разсказы какъ нибудь наудачу, но боясь, чтобы не обвинили меня въ пристрастіи, я беру ихъ попорядку,—что, впрочемъ, рѣшительно все равно, потому что въ расположеніи разсказовъ Саади не руководствовался никакою системою, порядкомъ, связью.

«Изъ великихъ (кто-то, какой-то вельможа) сказалъ одному благочестивому: что ты скажешь касательно такого-то богомола, о которомъ другіе говорятъ съ охужденіемъ? Онъ сказалъ: въ наружности его вины я невижу, а скрытаго во внутренности его не знаю.

«Всякаго, на комъ увидишь святое платье, благочестивымъ считай и добродѣтельнымъ, хотя и не знаешь, что въ натурѣ его: какое дѣло полицейскому чиновнику внутрь дома»?

---

(36) Отъ ладони до локтя.

Digitized by Google

(Новая сторона востока, благочестіе).

Сказавъ о первой половинѣ разсказа, что тамъ взглядъ слишкомъ односторонній, потому что отсутствіе, и тѣмъ болѣе только невидимость пороковъ не есть еще добродѣтель,—мы считаемъ излишнимъ говорить что нибудь о второй половинѣ, которая до такой степени противорѣчитъ всякому *нашему* здравому смыслу, что ее могъ написать только мусульманскій дервишъ (каковымъ былъ Саади). И это для всякаго читателя очень ясно.

Но зная русскую пословицу, *у всякаго свой вкусъ*, мы бы пожалуй не произнесли никакого порицанія на такую мысль, если бы она была тверда въ головѣ мыслившаго, еслибы понятія, подобныя приведеннымъ выше, были плодомъ извѣстной дѣятельности мысли и полученнаго оттуда убѣжденія; но—что всего страннѣе въ Саади, это то, что для него ни-почемъ противорѣчить самому себѣ діаметрально, какъ это мы видѣли въ началѣ первой главы Гюлистана. Вотъ новый, весьма положительный примѣръ, для котораго я беру *шестнадцатый* разсказъ второй главы.

«Одинъ изъ благочестивыхъ видѣлъ во снѣ падишаха въ раю, а богомольца въ аду; спросилъ: что за поводъ степени повышенія того и что за причина степени пониженія этого? мы думали напротивъ этого. Сказали: тотъ падишахъ въ раю по любви къ дервишамъ, а этотъ богомолецъ въ аду по короткости съ падишахомъ.

«Къ чему годится платье дервиша и четки и рубище?— | отъ дѣлъ безчестныхъ имѣй себя удаленнымъ. | Нѣтъ надобности, чтобы ты имѣлъ (б. въ имѣніи тобою) шапку (изъ) листьевъ: | качествами будь дервишъ и носи (хоть) татарскую шапку.»

Или вотъ еще—позволяя себѣ нарушить принятый Саади порядокъ разсказовъ—въ разсказѣ *пятомъ*.

«Нѣсколько человѣкъ изъ путешественниковъ согласились (на) странствованіе и (быть) соучастниками печали и радости. Я хотѣлъ сотовариществовать. Они не согласились. Я сказалъ: чуждо великодушія (б. отъ велик. . . .) и высокихъ свойствъ великихъ (людей) отвращать лицо отъ сообщества бѣдныхъ и отвергать пользу, потому что я знаю въ себѣ столько крѣпости и силы, что въ службѣ людямъ я буду смышленнымъ помощникомъ, не тяжестію сердца.

«*Если я не пду на верховомъ скотѣ*, | (то) *я постараюсь нести для васъ поклажу*.

«Одинъ изъ той среды сказалъ: отъ этихъ словъ, которыя ты слышалъ, не имѣй печальнаго сердца, потому что въ эти дни (недавно) одинъ воръ въ видѣ (въ платьѣ) дервишей пришелъ и устроилъ себя въ нити нашего общества.

«Какъ узнаютъ люди, кто въ платьѣ: | (только) написавшій знаетъ, что (какой смыслъ) въ имени (въ словѣ).

Digitized by Google

«Такъ какъ (б. отъ того мѣста, что) состояніе дервишей есть спокойствіе (безпечность, свобода),—мы излишняго подозрѣнія объ немъ не несли (не имѣли) и безъ мысли (безъ размышленія) согласились.

«Наружность состоянія *знающихъ* (87) есть платье дервишей: | этого довольно, потому что (это какъ) лицо въ твореніи. | О дѣлахъ старайся, а надѣвай все что хочешь. | Положи корону на голову и знамя на шею: | благочестіе не въ грубой одеждѣ. | Благочестивый, будь чистъ и надѣвай атласъ. | Оставленіе міра и плоти и сластолюбія есть | святость, не оставленіе платья и только. | Въ бронѣ долженъ быть мужественный человѣкъ; | воинское оруженіе на женоподобномъ—что пользы?

«Однимъ сдовомъ, въ одинъ день мы шли до ночи, и ночью заснули у подножія укрѣпленія. Несчастный (б. лишенный Божія благословенія) воръ взялъ рукомойникъ товарища, (сказавши) что иду на омовеніе, самъ пошелъ на грабежъ.

«Смотри (на этого) богомольца, который на груди сдѣлалъ (надѣлъ) рубище: | онъ одѣяніе каабы сдѣлалъ попоною осла.

«Какъ скоро скрылся отъ взгляда дервишей, онъ взошелъ на одинъ дворъ и укралъ ларчикъ, (и) пока день сдѣлался свѣтлымъ, это темное сердце (этотъ негодяй) прошелъ нѣкоторое количество дороги, а невинные товарищи спали. Утромъ всѣхъ повели въ крѣпость и посадили (б. сдѣлали) въ тюрьму. Съ той исторіи мы приняли (порѣшили, б. сказали) удаленіе (отъ) общества и предприняли путь уединенія, потому что *безопасность въ уединеніи.*

«Когда одинъ изъ общества сдѣлалъ глупость— | не осталось достоинства ни маленькимъ, ни большимъ (опозорилъ всѣхъ); | не видишь ли ты, что одинъ быкъ (блудливый) въ паствѣ | оскверняетъ всѣхъ быковъ деревни?

«Я сказалъ: хвала Богу—да будетъ Онъ возвеличенъ и прославленъ!—что я не остался удаленнымъ отъ пользъ дервишей, хотя сталъ отъединеннымъ отъ ихъ общества: я воспользовался этимъ разсказомъ, и наставленіе это идетъ на всю жизнь въ дѣло моимъ разсказамъ (съ мои разсказы).

«Однимъ невоспитаннымъ въ обществѣ | оскорбляется сердце многихъ умныхъ. | Если прудъ сдѣлаютъ полнымъ розовой воды, | (и) собака упадетъ въ него,—(весь) сдѣлается нечистымъ.»

Послѣ приведенныхъ трехъ разсказовъ, всякій читатель вѣроятно весьма сомнѣвается насчетъ благочестія дервишей—мусульманскихъ монаховъ. Я полагаю, что можно даже и не сомнѣваться, а быть совершенно увѣреннымъ въ его отсутствіи, потому что нигдѣ, конечно, не нужно столько высокаго сознанія и пониманія жизни и человѣка, какъ въ истинномъ служеніи Богу; мы же видѣли, какъ далекъ самъ Саади, одинъ изъ столповъ мусульманской мудрости и краснорѣчія, отъ

(87) Одинъ изъ мистическихъ эпитетовъ дервишей, людей благочестивыхъ.

Digitized by Google

вѣрнаго, яснаго и глубокаго пониманія чего-бы то ни было. Наконецъ, въ этомъ можетъ убѣдить насъ и неосторожно затронутый Саади вопросъ о нравственности его собратовъ.

Во *второмъ* и *третьемъ* разсказахъ Саади даетъ понятіе о молитвѣ правовѣрныхъ, святой нити, связывающей Бога съ человѣкомъ,—о молитвѣ въ смыслѣ *моленія*, не обряда. Разсказы эти дополнятъ наше понятіе о религіозныхъ воззрѣніяхъ Саади, слѣдовательно, какъ мы предполагаемъ, болѣе или менѣе и цѣлаго народа мусульманскаго.

«Я видѣлъ нѣкотораго дервиша, который, положивши голову на порогъ каабы, стенялъ и говорилъ: прощающій и милостивый! Ты знаешь, что̀ выйдетъ приличнаго Тебѣ изъ несправедливости и невѣжества (моего).

«Я выполняю (б. несу службу) извиненіе преступленія (моего), | потому что я не имѣю увѣренности въ (своей) покорности (Тебѣ, въ своемъ благоговѣніи, благочестіи). | Непокорные раскаяваются въ грѣхахъ, | знающіе (законъ—дѣлаютъ) испрашиваніе прощенія въ своемъ Богопочитаніи (несовершенномъ).»

Какъ ясно выразилась многозначительная и задушевная идея мусульманина, что дѣла не суть необходимы для *Вѣры*! что вѣру, истинное благочестіе, можетъ замѣнить какое-то благочестіе обрядное, наружное, словами, извѣстными движеніями и положеніями тѣла (которыя кажется замѣщаютъ въ ихъ умѣ понятіе настоящихъ *дѣлъ*), и т. п.!.... Какъ иначе объяснить сказанное Саади? какъ отыскать въ его словахъ великую истину: Вѣра безъ дѣлъ мертва есть? какъ въ нихъ отыскать самую Вѣру?.... Если бы даже допустить истинность и глубину скорби мусульманскаго грѣшника, то гдѣ же надежда на исправленіе его въ жизни, которое безъ дѣлъ невозможно? гдѣ плоды этой скорби и долженствующаго слѣдовать за нею раскаянія? гдѣ самое раскаяніе?

Наконецъ, какъ дѣтски наивна послѣдняя фраза: грѣшники каются въ грѣхахъ, а благочестивые люди просятъ прощенія въ своихъ недостаткахъ (не раскаяваясь въ нихъ?)! Очевидно, по мнѣнію Саади—благочестивые люди сознаютъ свое благочестіе, считая его, по всей вѣроятности, совершенно удовлетворительнымъ. Какое же это благочестіе?.... Мысль для насъ совершенно новая и подтверждающая только сказанное выше, какъ подтверждаютъ его и слѣдующія далѣе слова того же разсказа.

«Богомольцы просятъ награды покорности ихъ, а купцы цѣны товарамъ; а я, рабъ, несу надежду, не покорность, и пришелъ за милостію, не за торгомъ.»

Тутъ сверхъ того мы видимъ новое, оригинальное понятіе о *наградѣ* богомольцевъ за ихъ служеніе, которую они требуютъ

Digitized by Google

самн!.... и совершенную безнадежность грѣшника въ своемъ исправленіи, въ чемъ ясно выражается плохая заботливотливость объ этомъ исправленіи.—И все, и все это подтверждаетъ вышесказанное и еще другое, извѣстное намъ, положеніе: отсутствіе сознанія своихъ человѣческихъ силъ, своихъ духовныхъ сокровищъ, данныхъ Господомъ, не подозрѣваемыхъ людьми и не обращающихъ на себя ихъ вниманія;—слѣдовательно—ничтожность, упадокъ этихъ силъ, ничтожность, упадокъ человѣка.....

«Дѣлай со мною то, что Тебя достойно, и не дѣлай со мною того, что я достоинъ.

«Умертвишь ли меня или даруешь вину—лицо и голова моя на порогѣ (покорности); | повелѣніе рабу не пристойно; понесу все, что Ты повелишь (т. е. у раба не можетъ быть своей воли, онъ исполнитъ твою). | «Я видѣлъ нищаго у двери каабы, | который все говорилъ и плакалъ крѣпко (б. хорошо): | я не говорю—прими покорность мою,— | перо прощенія вытяни на грѣхъ мой.»

И этотъ прекрасный отрывокъ, противъ котораго, по видимому, трудно сказать что нибудь,—и онъ выдаетъ Саади: «у раба не можетъ быть своей *воли*, онъ исполнитъ Твою»!—Если бы могъ подозрѣвать Саади, что этою незначительною, кажется, фразою, кроткою, смиренною,—онъ произноситъ страшный приговоръ надъ собою и себѣ подобными: у меня нѣтъ *(разумной) воли*, (или, что то же) у меня нѣтъ *разума*!!....

Третій разсказъ похожъ на второй, только гораздо умѣреннѣе и глаже его, за исключеніемъ послѣдней фразы, воззванія къ Богу, въ которой звучитъ недовѣріе къ Всевышней Благости, которую такъ превозносилъ Саади въ самомъ началѣ своего произведенія.

«Абдуль-Кадиръ Гилянскій (38), въ тайникѣ каабы лицо на камень положивши, говорилъ: о Повелитель! о прости! а если будетъ (б. есть) необходимость наказанія моего въ день воскресенія, воздвигни (воскреси) меня слѣпымъ, чтобы я не былъ пристыженъ предъ лицомъ добрыхъ.

«Лицо на прахъ безсилія (положивши), я говорю | на всякой зарѣ, когда идетъ вѣтерокъ: | о (Ты), котораго я никогда не забываю! | Тебѣ придетъ ли что нибудь на память о рабѣ?»

Не довольно ли для характеристики второй главы? Читатель въ нѣсколькихъ ея разсказахъ могъ найти отвѣты на нѣкоторые важные вопросы, вызванные ея названіемъ: о нравахъ дервишей. Отвѣтовъ этихъ, каковы бы они ни были (а они по преимуществу отрицательные) смѣю увѣрить читателя, далеко не опровергаютъ слѣдующіе за тѣмъ разсказы (которыхъ всѣхъ

(38) По мнѣнію Semelet это извѣстный багдадскій ученый и учитель, котораго слушалъ и Саади.

Digitized by Google

49); они возбудили бы только новые вопросы и новые, неутѣшительные отвѣты, отъ которыхъ едва ли была бы какая нибудь существенная польза.—А впрочемъ, для лучшаго убѣжденія въ этомъ, я приведу еще нѣсколько разсказовъ, слѣдующихъ, по порядку.

И въ *четвертомъ*, напр., разсказѣ читатель найдетъ такое высокое понятіе о добродѣтели, до которой она едва ли когда нибудь доходила или дойдетъ въ несравненно гуманнѣйшей Европѣ.

«Воръ вошелъ въ домъ одного благочестиваго; сколько ни искалъ онъ (украсть что нибудь), ничего не нашелъ, и огорчился. Благочестивый узналъ, и коверъ, на которомъ онъ спалъ, бросилъ на дорогѣ прохода вора, чтобы онъ не остался лишеннымъ (добычи)

«Я слышалъ, что люди Божьяго пути | не оскорбляютъ сердецъ враговъ; | какъ же для тебя возможно будетъ это достоинство, | когда (у тебя) съ *друзьями* твоими противорѣчіе и ссора.

«Любовь чистыхъ людей, въ лицо ли или за глаза (б. въ затылокъ),—не такая, чтобы безъ тебя порицали (тебя), а предъ тобою готовы были умереть (б. умирали).

«Въ глаза, какъ кроткая овца, | за глаза какъ волкъ людоѣдъ.

«Кто недостатки другихъ приноситъ къ тебѣ и пересчитываетъ, | несомнѣнно понесетъ къ другимъ твои недостатки».

Что по поводу этой добродѣтели Саади дѣлаетъ всю вторую половину разсказа не относящеюся къ первой—къ этому мы должны привыкнуть. И кое-какъ утѣшиться можемъ, находя въ концѣ разсказа интересное указаніе на *сплетни*, которыя слѣдовательно могутъ гордиться глубокою, историческою древностію, и притомъ—родствомъ съ мусульманско-персидскою мудростію и благочестіемъ.

Вотъ еще оно, мусульманское благочестіе.

Шестой разсказъ.

«Одинъ монахъ былъ въ гостяхъ у падишаха. Когда сѣли за столъ, онъ ѣлъ меньше, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе, а встали на молитву—творилъ (молитву) больше обыкновеннаго, чтобы увеличили мнѣніе о его добродѣтели.

«О, Арабъ! я боюсь, ты не достигнешь каабы, | потому что дорога, которою ты идешь, (лежитъ) въ Туркистанъ.

»Когда онъ возвратился въ свое жилище, потребовалъ обѣденный столъ, чтобы поѣсть. Онъ имѣлъ сына, полнаго проницательности, (который) сказалъ: отецъ! ты ничего не ѣлъ на приглашеніи султана? (Отецъ) сказалъ: въ ихъ глазахъ я ничего не ѣлъ, что бы насытило (было полезно, б. пошло въ дѣло). (Сынъ) сказалъ: совершн также молитву, потому что ты (и для нея) ничего не сдѣлалъ, что бы было полезно.

«О ты, положившій добродѣтели на ладонь руки (на показъ), | а пороки

Digitized by Google

схватившій подъ мышки!— | что же ты хочешь покупать, гордецъ! | въ день бѣдствія, на поддѣльное серебро?»

Седьмой разсказъ.

«Помню, что во время дѣтства я былъ благочестивъ, встающій по ночамъ и жадный благочестія и воздержанія. Въ одну ночь сидѣлъ я къ услугамъ отца, всю ночь не смыкалъ глазъ и держалъ въ объятіяхъ несравненное писаніе (коранъ). А толпа вокругъ насъ спала. Я сказалъ отцу: изъ этихъ ни одинъ не поднимет головы, чтобы совершить повтореніе (молитвы),—такъ спятъ, что ты сказалъ бы—умерли. (Отецъ) сказалъ: милый мой (б. душа отца)! если бы ты также заснулъ, (было бы) лучше, чѣмъ осуждать другихъ (б. лучше того, что ты упалъ на кожу творенія т. е. осудилъ).

«Надмѣнный не видитъ (ничего), кромѣ себя, | потому что имѣетъ завѣсу себялюбца предъ (собою, своими глазами). | Еслибы дано ему было Божіе видящее око,— | онъ не увидѣлъ бы никого слабѣе себя.»

Если шестой разсказъ написанъ въ назиданіе лицемѣрнымъ дервишамъ, то, для назиданія, онъ совершенно приличенъ, за то въ слѣдующемъ разсказѣ Саади такъ умилительно говоритъ о своемъ дѣтскомъ благочестіи, что невозможно заподозрить недостаточности его. Только немножко сбиваетъ съ толку неожиданное стихотворное заключеніе, о самолюбіи, несогласующееся какъ-то, въ устахъ одного человѣка, съ видѣннымъ выше воспоминаніемъ дѣтства.

А вотъ смиреніе паче гордости, въ *восьмомъ* разсказѣ.

«Одного знатнаго человѣка въ собраніи хвалили и превозносили прекрасныя его качества. Онъ поднялъ голову и сказалъ: я то, что я знаю.

«*Устранишь ли ты мои пороки, высчитывая мои достоинства? | Это моя наружность, а внутренности моей ты не знаешь.*

«Особа моя въ глазахъ міранъ есть прекрасный образъ. | а отъ внутренняго моего зла голова стыдливости поникла долу. | Павлина, за рисунокъ и краски, которыя (на немъ) сдѣланы | хвалятъ, а самъ онъ стыдится своихъ безобразныхъ ногъ».

Зато въ подлинникѣ персидскомъ какъ это хорошо—звучно!

А вотъ разсказъ (*девятый*) объ томъ, отъ чего сталъ въ тупикъ (или правильнѣе—упалъ въ колодезь) даже славный какой-то отшельникъ (слѣдовательно мудрецъ) изъ горъ Ливанскихъ.

«Одинъ изъ праведниковъ горъ Ливанскихъ, котораго духовныя совершенства извѣстны были въ странахъ арабскихъ, и чудеса славны, пришелъ въ дамасскую мечеть, и на краю колодца кюлиса началъ дѣлать омовеніе. Нога его поскользнулась, и онъ упалъ въ водоемъ и съ большимъ затрудненіемъ освободился оттуда. Когда окончили молитву, одинъ изъ товарищей сказалъ: у меня есть затрудненіе (затруднительный

Digitized by Google

вопросъ). Шейхъ (39) сказалъ: что такое? Онъ сказалъ: я помню, что ты ходилъ по поверхности западнаго моря (40) и ноги не замочилъ, а сегодня въ этой водѣ (которая только) въ одинъ ростъ (человѣческій), ты чуть не погибъ (б. ничего не оставалось отъ твоей погибели;) какое въ этомъ таинство? Онъ склонилъ голову на грудь размышленія и послѣ долгаго раздумья голову поднялъ и сказалъ: не слышалъ ты, что *повелитель міра, Мохеммедъ-Мустафа—да благословитъ и хранитъ его Богъ!*—сказалъ?—*для меня у Бога есть время, когда не сравнится со мною ближайшій ангелъ* (Его), *ни посланный пророкъ*,—а не сказалъ: *всегдашнее время;*—такъ же какъ онъ изволилъ сказать: (что онъ и) на Гавріила и Михаила (41) не тратитъ (времени), а иногда проводить его съ Хафазой и Зейнебой (42);—*потому что созерцанія праведныхъ бываютъ между явленіемъ и скрытіемъ* (явныя и тайныя): являются и изчезаютъ.

«Ты показываешь свой образъ и воздерживаешься (отъ показанія); | (и тѣмъ) товаръ свой (оживляешь) и огонь нашъ (любви) воспламеняешь. | *Я смотрю на того, кого я люблю, безпрепятственно.* | *Онъ вверяетъ меня въ состояніе* (такое, какъ бы) *я потерялъ дорогу.* | *Онъ воспламенятъ мой огонь, а потомъ гаситъ его водою.* | *Оттого ты видишь, что я сожигаюсь и тону* (въ его любви).»

Въ томъ же родѣ и *десятый* разсказъ.

«Нѣкто спросилъ у того (который) потерялъ сына: | о свѣтлая жемчужина! мудрый старикъ! | ты услышалъ запахъ его (сына твоего) рубашки изъ Египта, | почему ты не увидѣлъ его въ колодцѣ ханаанскомъ? (43) | Онъ сказалъ: состояніе наше (вдохновенное) есть быстрая молнія: | одну минуту явно, а другую минуту скрытно. | Иногда я сижу на высочайшемъ сводѣ (небесномъ), | иногда дальше ноги своей не вижу, | Еслибы дервишъ оставался въ одномъ состояніи,— | оконечность руки оторвалъ бы отъ двухъ міровъ (т. е. лишился бы счастія и въ здѣшнемъ и въ будущемъ мірѣ).»

Тутъ особенно интересно извѣстіе, что Іаковъ былъ *дервишъ* (*мусульманскій* монахъ)!! Удивляться впрочемъ такому извѣстію не слѣдуетъ очень сильно: по Гюлистану же—дервишемъ былъ и *Локманъ*, мусульманиномъ былъ и *Моисей*.

Позвольте *заключить* эту главу *тридцать седьмымъ* ея разсказомъ, заслуживающимъ вниманія читателя по своему остроумію, нисколько впрочемъ не относящемуся къ качествамъ дервишей.

«Ученикъ сказалъ старику: что я сдѣлаю? меня безпокоятъ люди, многіе, которые приходятъ ко мнѣ на посѣщеніе (б. я въ безпокойствѣ отъ людей, отъ многихъ.....), и отъ ихъ безпорядка (прихода и ухода) раз-

(39) Титулъ человѣка почтеннаго, пожилаго, ученаго.

(40) А отъ насъ—южное,—Средиземное.

(41) Высшіе Ангелы, по признанію ислама.

(42) Любимыя жены Мохеммеда,—у котораго, нужно замѣтить, было *двадцать четыре жены*, вмѣсто тѣхъ *четырехъ*, которыхъ онъ предписываетъ правовѣрнымъ въ своемъ коранѣ. Gentius.

(43) Преданіе о Іаковѣ, потерявшемъ Іосифа.

Digitized by Google

влекается драгоцѣнное время.—(Старикъ) сказалъ: когда деревни — давай имъ въ долгъ, а когда знатные—проси отъ нихъ чего нибудь,—другой разъ вокругъ тебя не соберутся.

«Еслибы нищіе были предъ лицомъ (начелѣ) исламскаго войска, | невѣрный отъ страха надежды (на его подаяніе) ушелъ бы даже въ Китай.»

Нельзя не пожалѣть, почему изъ-подъ пера Саади выливались не всегда такія многозначительныя вещи, каково объясненіе отношеній къ бѣднымъ и богатымъ!.... Тогда бы мы имѣли вѣроятно удовольствіе говорить не то, что теперь, и многіе нашли бы нашъ Гюлистанъ чудесною книгою, содержащею въ себѣ высокіе уроки практической философіи.—А за неимѣніемъ этого, читатель да позволитъ перейти мнѣ къ слѣдующей главѣ: *О превосходствѣ довольствованія* (тѣмъ, что есть).

Судя по этому названію, можно предполагать, что Саади хочетъ доказывать извѣстную и несомнѣнную истину: кто довольствуется тѣмъ, что есть, тому хорошо жить на свѣтѣ. Хоть эта истина дѣйствительно извѣстна всякому, но Саади можетъ быть откроетъ загадочный способъ достигать этого благополучія, откроетъ въ этой истинѣ вообще какую нибудь новую сторону (въ ней же есть много сторонъ, требующихъ изслѣдованія),—въ поискѣ за которою мы и обратимся къ *первому* разсказу.

«Нищій африканецъ, (ходя) по ряду алепскихъ вѣтошниковъ, говорилъ: о владѣтели богатства! если бы у васъ была справедливость, а у насъ довольство (настоящимъ),—обычай просить исчезъ бы изъ міра.

«О умѣренность! сдѣлай меня богатымъ, | потому что безъ тебя нѣтъ никакого богатства. | Выборъ Локмана есть уголъ терпѣнія. | У кого нѣтъ терпѣнія—нѣтъ мудрости.»

Въ первой половинѣ разсказа Саади, влагаетъ въ уста африканца такую мысль, какую едва ли интересно было знать даже людямъ, жившимъ за шесть вѣковъ до него,—мысль, что еслибы не нуждались въ милостынѣ (если бы были надѣлены всѣмъ нужнымъ), то и не просили бы ее. Затѣмъ уже, во второй половинѣ, желая подтвердить стихомъ сказанное въ прозѣ, высказываетъ совершенно безсознательно довольно дѣльную мысль, плохо согласующуюся конечно съ высказанною прежде, но тѣмъ не менѣе дѣльную,—что истиннымъ богатствомъ есть довольство тѣмъ, что есть. Но эта мысль, ясная и прекрасная сама по себѣ, затемняется слѣдующею фразою, приводящею въ примѣръ Локмана, который терпѣніе считалъ лучшимъ богатствомъ (терпѣніе вѣроятно въ нуждѣ?). Для насъ и то и другое истинно; мы, хоть призвавши на помощь силу софизма, сумѣемъ доказать, что нищета можетъ быть богатствомъ, потому что нищета научаетъ терпѣнію, сквозь призму котораго можно видѣть вокругъ себя довольство, составляющее истинное богат-

Digitized by Google

ство; но у Саади даже это не клеится. И будучи по природѣ софистомъ великимъ, онъ такъ мало былъ знакомъ даже съ шаткою логикою софизма, что у него все какъ-то распадается врозь, ничто не имѣетъ внутренней связи, съ помощію которой софизмъ покрайней мѣрѣ вызываетъ какую нибудь болѣе или менѣе здравую мысль.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Саади не показываетъ, почему или чѣмъ довольство настоящимъ хорошо. Перейдемъ ко *второму* разсказу.

«Въ Египтѣ были два царевича: одинъ изучалъ науку, а другой собиралъ имѣніе, одинъ сталъ ученѣйшимъ (своего) вѣка, другой сдѣлался правителемъ Египта. Потому этотъ богачъ взглянулъ на ученаго глазами презрѣнія и сказалъ: я достигъ султанства, а ты все еще остаешься въ бѣдности. (Тотъ) сказалъ: о братъ! на мнѣ (лежитъ долгъ) благодарности Всевышнему Творцу, потому что я получилъ наслѣдіе пророковъ, т. е. знаніе, а ты наслѣдіе Фараона и Гамана (44), т. е. египетское царство.

«Я тотъ муравей, котораго давятъ ногами, | не оса, отъ ужаленія которой стенаютъ. | Какъ я выполню даже благодарность этой милости, | что (по которой) не имѣю силы огорчать людей!»

Очевидно этотъ разсказъ написанъ съ цѣлію навести читателя на счастливую мысль, что наука составляетъ богатство. Но почему такъ? вотъ вопросъ! Отвѣтъ прямо слѣдуетъ въ конечныхъ стихахъ, которые говорятъ безъ запинки: *ученый бѣденъ и ничтоженъ и не имѣетъ даже возможности* дѣлать другимъ зла!! Вотъ чѣмъ хороша наука! Радуетъ ли васъ, юноши, перспектива вашего ученаго поприща и значенія? отдаете ли вы должное почтеніе великимъ мужамъ восточной мудрости, которые были такъ безкорыстны, такъ мало для нея стяжали?... Закройте глаза и почтительно предъ ними преклоните голову, а главное—закройте глаза!

Но Саади никогда не ограничивается одною мыслію въ разъ, какъ бы ни была велика эта мысль; онъ, пожалуй, не выскажетъ никакой другой мысли прямо, но тонко дастъ почувствовать ее, какъ чувствуется такая мысль въ концѣ стиховъ втораго разсказа: послѣ *я, я*, очевидно должно слѣдовать противоположное *ты*, о которомъ Саади, должно быть изъ скромности, умолчалъ. А это *ты* относится къ великимъ міра сего, къ богатымъ, которые имѣютъ (слѣдовательно и употребляютъ) всѣ средства оскорблять другихъ и заставлять страдать. Таково назначеніе богатства!

А къ этимъ двумъ мыслямъ я приставлю свою третью, что еслибы Саади былъ богатъ, то былъ бы очень далекъ и первой мысли и второй.

(44) Лицо неизвѣстное; можетъ быть—Іосифъ?

Digitized by Google

И Саади и не подозрѣвалъ, что наука можетъ научить терпѣнію, т. е. дать человѣку то сокровище, которое выбралъ себѣ мудрый Локманъ,—такъ-что, взглянувши внимательно на стихи, невольно сомнѣваешься въ томъ, что Саади считалъ терпѣніе особенно драгоцѣннымъ сокровищемъ.

А вопросъ, почему или чѣмъ довольство настоящимъ хорошо, все-таки не разрѣшенъ.

Третій разсказъ.

«Я слышалъ объ одномъ дервишѣ, что онъ сгаралъ въ огнѣ бѣдности и нашивалъ лоскутъ на лоскутъ, и утѣшалъ свое сердце этимъ стихомъ: «Будемъ довольствоваться сухимъ хлѣбомъ и рубищемъ, | потому что тяжесть своего горя лучше, чѣмъ бремя человѣческихъ одолженій. |

«Кто-то сказалъ ему: что ты сидишь, когда въ этомъ городѣ такой-то имѣетъ великодушную натуру и высокую щедрость; онъ препоясывается на службу свободнымъ (45) и пребываетъ у двери сердецъ. Если бы онъ извѣстился о твоемъ положеніи, возъимѣлъ бы милость, изъ уваженія къ людямъ достойнымъ (какъ ты). (Дервишъ) сказалъ: молчи: лучше умереть въ ничтожествѣ, чѣмъ нести къ кому нибудь нужду (свою), какъ говорятъ:

«Даже сшиваніе лоскутьевъ необходимостьугла терпѣнія лучше, | чѣмъ изъ-за (ради) платья писать письмо къ именитымъ. | По истинѣ, равняется съ мученіями ада | идти въ рай ногами человѣка-сосѣда.»

Наконецъ, хоть весьма косвенно, разрѣшается отчасти искомый нами вопросъ: довольство настоящимъ хорошо потому, что, довольствуясь, не имѣешь грустной необходимости просить милости у богатыхъ. Но, собственно, главная мысль здѣсь та, что лохмотья и чорствый кусокъ хлѣба лучше этой милости. Зная великость и святость этой истины, мы не можемъ однакожъ не замѣтить, что она высказана въ этомъ разсказѣ какъ-то совершенно бездоказательно, безотносительно къ разумному, убѣдительному факту; потому и разсказъ и мысль едва ли могутъ произвести на читателя удовлетворительное впечатлѣніе. Тѣмъ болѣе, что въ концѣ разсказа слышится какой-то упрекъ богатымъ, который скорѣе можетъ навести на мысль, что вышеописанный дервишъ чувствовалъ не столько свое нравственное достоинство и цѣну независимости, сколько зависть и тайную злобу къ щедрому богачу.

Въ *четвертомъ* разсказѣ Саади отвѣчаетъ наконецъ сколько нибудь прямо на вопросъ, приводя въ примѣръ воздержныхъ людей, которые, благодаря своему воздержанію, не нуждаются въ докторѣ.

---

(45) Свободный отъ заботъ—эпитетъ дервишей.

Digitized by Google

«Одинъ изъ царей персидскихъ послалъ на службу къ Мустафѣ—миръ ему!—искуснаго врача. Онъ (врачъ) былъ нѣсколько лѣтъ въ арабской странѣ, (но) никто не пришелъ къ нему для опыта и не просилъ отъ него исцѣленія. Однажды онъ пришелъ ко главѣ пророковъ—миръ ему!—и жаловался, что—меня прислали для излеченія сподвижниковъ (твоихъ), а въ это продолженіе времени никто мнѣ не оказалъ вниманія, такъ что—какъ я выполню службу, которая возложена на этого раба (на меня)? Посланникъ (Божій)—миръ ему!—изволилъ сказать: у этихъ людей есть обыкновеніе ничего не ѣсть, пока голодъ не восторжествуетъ, и отнимать руку отъ пищи, когда еще голодъ остается. Докторъ сказалъ: это есть причина тѣлесной крѣпости (ихъ). Потому землю почтенія поцѣловалъ и отправился.

«Мудрецъ тогда начинаетъ рѣчь, | или протягиваетъ концы пальцевъ къ куску (пищи), | когда отъ молчанія его рождается вредъ, или (когда) онъ умираетъ, еслибы не ѣлъ. | Безъ сомнѣнія слово его будетъ мудро, | (и) ѣда его принесетъ плодъ здоровья.»

Все это хорошо и болѣе или менѣе складно, и мы бы ничего *не сказали*, еслибы въ первомъ стихѣ Саади не предлагалъ наставленія, когда долженъ говорить мудрецъ. А въ этомъ наставленіи выражается слишкомъ узкій и односторонній, да наконецъ и непонятный взглядъ на пользу слова: говорить тогда когда молчаніемъ своимъ причиняешь вредъ! Стало быть человѣческое слово можетъ только устранять вредъ, а не приносить пользу?

Въ *пятомъ* разсказѣ Саади ничего не нашелъ сказать въ пользу довольствованія настоящимъ, и трактуетъ уже о вредности невоздержанія.

«Нѣкто дѣлалъ много покаянія (и обѣтовъ) и опять нарушалъ (ихъ), такъ-что одинъ изъ почтенныхъ старцевъ такъ ему сказалъ: я знаю, что ты привыкъ много ѣсть, и цѣпь чувственности, т. е. раскаяніе, тоньше волоса; и что чувственныя страсти, какъ ты ихъ воспитываешь, разорвутъ цѣпь, и придетъ день, когда растерзаютъ тебя.

«Нѣкто воспитывалъ волченка: | когда онъ выросъ, растерзалъ (своего) господина».

Въ *шестомъ* разсказѣ Саади предлагаетъ наставленіе, *сколько* нужно ѣсть и *для чего* нужно жить. Сомнительно однако, чтобы кто нибудь научился тому или другому.

«Въ жизнеописаніи Ардешира Бабекана вошло (преданіе), что онъ спросилъ у арабскаго доктора: сколько пищи нужно ѣсть въ день? (Тотъ) сказалъ: сто драхмъ вѣсомъ довольно. (Ардеширъ) сказалъ: это количество какую дастъ силу? Докторъ сказалъ: *это количество тебя понесетъ, а то что сверхъ этого—понесешь ты*, т. е. (по персидски): это количество тебя поддержитъ на ногахъ, а все что прибавишь, то понесешь ты (на себѣ).

Digitized by Google

«Ѣсть нужно для жизни и молитвы; | (а) ты полагаешь, что жить (нужно) для ѣды.»

Въ слѣдующихъ разсказахъ Саади разсуждаетъ о томъ, что не нужно много ѣсть, а если ѣсть очень хочется и нечего, то просить все-таки не нужно, и проч.

Главу эту Саади вѣнчаетъ слѣдующимъ *двадцать девятымъ* разсказомъ, какъ нельзя болѣе гармонирующимъ съ духомъ и значеніемъ цѣлаго Гюлистана.

«Я видѣлъ дервиша, (который) сидѣлъ въ пещерѣ и затворилъ къ себѣ двери отъ міра, и царямъ и богачамъ въ глазахъ его склонности не представлялось величія.

«Всякій, кто откроетъ себѣ двери просьбы, пребудетъ— | нуждающимся, пока не умретъ. | Оставь жадность и царствуй (будь независимъ): | голова (б. шея) безъ алчности возвышается (достоинствомъ).

«Одинъ изъ царей той страны повелѣлъ (предложилъ ему): надѣюсь на великодушіе качествъ достопочтенныхъ особъ (т. е. вашихъ), что согласятъ на хлѣбъ и соль съ нами? Старецъ согласился, потому что *принятіе* предложенія есть священное правило. Царь пришелъ на *другой день*, во изъявленіе своего къ нему почтенія. Отшельникъ всталъ и схватилъ царя въ объятія и оказывалъ ему любезности. Когда царь удалился, одинъ изъ товарищей спросилъ шейха: столько ласкъ съ султаномъ было (прежде) противно (твоему) обыкновенію? какой въ этомъ смыслъ (тайный)? (Шейхъ) сказалъ: не слышалъ ты, что говоритъ:

«Къ кому за столъ сѣлъ, | для оказанія тому почтенія необходимо вставать.

«Ухо можетъ во всю свою жизнь | не слышать звука барабана, лютни и флейты; | глазъ стерпитъ отъ (желанія) удовольствія сада; | безъ розъ и нарциссовъ обоняніе дойдетъ до конца (проживетъ); | если нѣтъ подушки, наполненной перьями, | спать можно, подложивши камень подъ голову; | и если нѣтъ плѣнительной наложницы предъ (тобою), | руки могутъ обнимать самого себя; | а этотъ негодный желудокъ, постоянно дѣйствуя, | не имѣетъ терпѣнія привыкнуть ни къ чему».

Хотите ли знать о неисчислимыхъ пользахъ и даже необходимости молчанія? Вотъ вамъ четвертая глава: *о пользахъ молчанія*, которой *первый* разсказъ гласитъ:

«Я сказалъ одному изъ друзей: потому выбрано мною молчаніе (б. воздержаніе отъ произнесенія словъ), что часто въ словахъ случается хорошее и дурное, а глаза враговъ направляются только на дурное. Онъ сказалъ: о братъ! тотъ врагъ лучше, который не видитъ хорошаго.

«Достоинство въ глазахъ ненависти есть величайшій недостатокъ. | Саади роза, а въ глазахъ враговъ терніе. | Братъ злобы не пройдетъ мимо добраго, | не досадивши ему злымъ обманомъ. | Свѣтъ, освѣщающій вселенную изъ источника солнца, | отвратителенъ для глазъ слѣпаго крота.»

Digitized by Google

Глубокій смыслъ этого разсказа налагаетъ печать молчанія на уста всякаго болѣе или менѣе порядочнаго человѣка; и чѣмъ человѣкъ порядочнѣе, молчаніе безгласнѣе. Но другой еще болѣе глубокій смыслъ этого разсказа касается предмета болѣе высокаго и серьезнаго—добра въ человѣческихъ дѣяніяхъ, которое, собственно, оказывается такъ неумѣстнымъ, что непремѣнно вызываетъ противодѣйствіе, зло.... Драгоцѣнная новость! практическая, назидательная! Драгоцѣнная философія!...

И въ этой главѣ философія такая высказывается особенно рельефно, съ различныхъ новыхъ сторонъ, въ новыхъ и оригинальныхъ образахъ.—Вотъ одинъ изъ нихъ, во *второмъ* разсказѣ, представляющій поразительный примѣръ высокой, благородной человѣческой гордости:

«У одного купца пропала тысяча динаровъ. Онъ сказалъ своему сыну: не нужно, чтобы ты эти слова разсказывалъ между кѣмъ нибудь. (Сынъ) сказалъ: приказаніе тебѣ (подобаетъ); я не скажу, но объясни мнѣ выгоды этого, ибо какая польза въ скрываніи? (Отецъ) сказалъ: чтобы небыло двухъ непріятностей: одной—потери капитала, а другой—радости врага о нашемъ несчастіи.

«Не говори врагамъ о своей заботѣ | потому что они говорятъ *ля хауль*!—(46) радуясь.»

Вотъ другой, въ *третьемъ* разсказѣ, показывающій какое мудрое употребленіе можно сдѣлать изъ учености, и какъ легко быть ученымъ,—нужно только *молчать*:

«Одинъ умный юноша, который имѣлъ (получилъ отъ Бога) обильный удѣлъ изъ превосходнѣйшихъ средствъ (умственныхъ), сколько разъ ни сидѣлъ въ собраніи ученыхъ, ни единаго слова не говорилъ. Однажды отецъ его сказалъ: о сынъ! почему ты также не говоришь о томъ, что знаешь? Онъ сказалъ: боюсь, что меня спросятъ о томъ, чего не знаю, и понесу стыдъ.

«Слышалъ ли ты объ томъ, что нѣкоторый суфи вколачивалъ | нѣсколько гвоздей подъ свои башмаки; | какой-то чиновникъ схватилъ его за рукавъ | (говоря:) поди подкуй мою лошадь. | Пока не говоришь, съ тобою никто не будетъ имѣть дѣла, | а когда ты заговорилъ—приводи тому доказательства.»

Вотъ въ *четвертомъ* разсказѣ еще новый взглядъ, новая идея, которую да возметъ на себя трудъ опредѣлить самъ читатель.

«Одному изъ достойныхъ ученыхъ выпалъ споръ съ однимъ изъ еретиковъ, (но ученый) не вышелъ съ нимъ на доказательства, бросилъ щитъ (своей правоты?) и удалился. Кто-то сказалъ ему: ты съ такими познаніями, воспитаніемъ, съ достоинствомъ и мудростію—не вышелъ съ невѣрующими (на доказательства)? Онъ сказалъ: мои познанія суть коранъ, пре-

(46) Везирь Махмуда. См. D' Herbelot.

данія и толкованія богослововъ, а онъ къ вѣрованіямъ не привержепъ, и не слушаетъ, и мнѣ какое дѣло слушать его кощунство?

«Тому человѣку, отъ котораго ни кораномъ, ни извѣстіями (преданіями,) | (лучшій) отвѣтъ—не давай отвѣта.»

И такъ далѣе, и такъ далѣе, до четырнадцатаго разсказа, которымъ и оканчивается глава.

Переходимъ къ главѣ, которой предметомъ есть *любовь и юность*, и которая слѣдовательно должна быть для насъ очень интересна.

«Хасану Мейменди (47) сказали: султанъ Махмудъ столько имѣетъ красавцевъ-рабовъ, что всякій есть рѣдкость міра и чудо времени; какимъ образомъ ни къ одному изъ нихъ онъ не имѣетъ такой привязанности и любви, какъ къ Аязу, у котораго нѣтъ большой красоты? Онъ сказалъ: все, что опустится въ сердце, (понравится) въ глазахъ кажется хорошимъ.

«Всякій, къ кому султанъ будетъ доброжелателенъ, | хотя бы дѣлалъ все дурное, будетъ хорошимъ; | а того, кого падишахъ оттолкнетъ, | никто изъ придворныхъ не обласкаетъ. | Если кто нибудь смотритъ (на человѣка) глазами отвращенія, | черты наружности Іосифа обращаетъ (б. даетъ) въ безобразіе; | а если глазами расположенія смотритъ на Дива (48)— | (дивъ) ангеломъ ему кажется съ глазами херувима».

Любовь, стало быть, капризъ, который даже объяснить Саади порядочно не умѣлъ. Пойдемъ искать во *второмъ* разсказѣ объясненія темнаго, туманнаго и—заманчиваго предмета любви.

«Говоритъ, у одного господина былъ рабъ рѣдкой красоты, и (господинъ) былъ къ нему расположенъ искренно (б. имѣлъ на него воззрѣніе путемъ дружбы и чести). Онъ сказалъ одному изъ друзей: ахъ! если бы этотъ рабъ, съ такою красотою и душевными качествами, какія онъ имѣетъ, не былъ длинноязычнымъ и невѣжественнымъ! Другъ сказалъ: о братъ! когда ты утвердилъ дружбу (съ кѣмъ нибудь), не имѣй надежды на (его) службу, потому что когда влюбленный съ любимымъ соединяются,—власть и подчиненность подымаются вверхъ (исчезаютъ).

«Господинъ съ рабою, у которой лицо пери, когда войдетъ въ игру и смѣхъ, | что удивительнаго, если (раба) подобно господину дѣлаетъ нѣжности, | а этотъ несетъ бремя нѣжности, какъ рабъ. | Слуга долженъ (быть) таскающимъ воду и бьющимъ (приготовляющимъ) кирпичъ, | (а не то—)кулачный боецъ будетъ рабомъ прелести».

Мы искали *любви*, а нашли Богъ знаетъ что такое: привязанность господина къ красавцу-слугѣ. Это не любовь, и потому

---

(46) Восклицаніе сѣтованія, сожалѣнія, ахъ! увы! Буквально значитъ: нѣтъ могущества! нѣтъ силы!

(48) *Дивъ*—демонъ. Въ обширнѣйшемъ значеніи—геній, духъ.

Digitized by Google

дальше.—Впрочемъ если бы на мѣстѣ этого слуги была красавица - служанка - раба, и совершенно глупая притомъ (какъ раба), то сказанное во второмъ разсказѣ было бы довольно основательно.

Третій разсказъ.

«Я видѣлъ одного благочестиваго, плѣненнаго любовью къ одной особѣ, и тайна котораго обнаружилась (б. изъ-подъ завѣсы упала на толпу). Сколько ни видѣлъ онъ порицаній и ни переносилъ пеней (страданій душевныхъ), не оставлялъ страсти и говорилъ:

«Я не отниму руки отъ полы твоей, | еслибы ты даже поразила меня острымъ мечемъ. | Послѣ тебя у меня нѣтъ убѣжища и пріюта: | если прибѣгаю—все прибѣгаю къ тебѣ.

«Однажды я укорялъ его и сказалъ: что сталось съ твоимъ отличнымъ умомъ, что низкая страсть восторжествовала надъ нимъ? Онъ погрузился на нѣкоторое время въ свою мысль и сказалъ:

«Нигдѣ, куда пришелъ царь любви, не остается | мѣста силѣ мышцы *благочестія*. | Какъ будетъ чиста пола несчастнаго, | упавшаго въ грязь *по воротникъ*»?

Ну, вотъ тутъ, пожалуй, любовь,—носящая на себѣ всѣ признаки любви восточнаго человѣка; любовь возведенная (или низведенная?) на степень страсти—не нашей, временной, минутной, а постоянной, въ которой человѣкъ забывается и отрицается себя не на мигъ,—забывается такъ, что долженъ навѣкъ проститься съ силою благочестія и разсудка; любовь, въ которой, при всей ея неумѣстности, восточный человѣкъ, и отшельникъ притомъ, сознается безъ стыда. Что нибудь изъ двухъ: или благочестіе весьма сомнительно, или любовь дѣйствительно неумѣстна совершенно.—А каково заключеніе: можетъ ли быть чиста пола человѣка, увязшаго въ грязи по горло? Любовь, такимъ образомъ, по мнѣнію Саади, грязь, которой, благодаря живости восточной фантазіи, и омыть рѣшительно ничто не можетъ! Хороша же эта любовь! А на другую у Саади нѣтъ и малѣйшаго намека.

Но вотъ вамъ еще, *четвертый* разсказъ, въ которомъ любовь достигаетъ послѣдней, nec plus ultra степени.

«У нѣкого сердце ушло изъ рукъ (влюбился), и онъ сказалъ оставленіе душѣ (сказалъ душѣ или жизни—прости). Тамъ, куда привлекались взоры его, было опасное мѣсто и пропасть погибели, (и не было) ни куска (*хлѣба*), ни птицы (б. ни куска, который *былъ воображаемъ*, что придетъ въ ротъ, ни птицы, которая упала бы въ сѣть).

«Когда твое золото не идетъ въ глаза (не нравится) прекрасной особѣ, | золото и земля для тебя должны показаться одинаковыми.

«Друзья въ назиданіе ему сказали: удались отъ этой несбыточной меч-

Digitized by Google

ты, потому что (многіе) люди, по этой же страсти, какую ты имѣешь, суть плѣнники, и ноги (ихъ) въ цѣпяхъ. Онъ зарыдалъ и сказалъ:

«Друзья, сказалъ, наставленія мнѣ не дѣлайте, | потому что меня видятъ (предавшагося) на его волю. | Желающіе войны—силою ладони (и) плеча | убиваютъ враговъ, прекрасные—друга (убиваютъ прелестями?)

«Не есть условіе дружбы—по мысли о душѣ (изъ заботы, страха за свою душу, жизнь), отторгать сердце отъ любви любезныхъ.

«Ты, который будешь въ привязанности самого себя (будешь привязанъ самъ къ себѣ), | ты играешь любовью, ты будешь лжецъ. | Если нельзя нести путь къ другу, | законъ дружбы—въ исканіи (отыскивая) друга умереть. | Я встаю, такъ какъ впереди не остается (ничего, кромѣ) этого моего рѣшенія,—еслибы всѣ враги били меня мечемъ или стрѣлою. | Если рука достанетъ, чтобы я схватилъ рукавъ ея (я останусь живъ); | если же нѣтъ—пойду, умру на ея порогѣ.

«Приближенные къ нему, которые смотрѣли за его поступками и несли состраданіе къ его судьбѣ, дали ему совѣтъ и положили ему преграду (препятствовали любви). Пользы никакой не имѣлось,

«Жаль, что врачъ предписываетъ терпѣніе, | а этой жаждущей душѣ ну женъ сахаръ. | Слышалъ ли ты о томъ, что красавица по секрету | говорила сердцу, ушедшему изъ рукъ (влюбленному): | пока тебѣ твое собственное достоинство будетъ (дорого), | какое будетъ мое достоинство предъ твоими глазами?

«Царевича, который былъ предметомъ его страсти, извѣстили, что нѣкоторый юноша, прекрасной натуры и сладкаго языка, постоянно находится на краю этой площади, (и) мы слышимъ отъ него пріятныя слова и необыкновенныя остроты. Такимъ образомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ имѣетъ смятеніе въ головѣ и пламень въ сердцѣ, потому что оказываетъ свойства помѣшаннаго. Юноша (царевичъ) узналъ, что сердце (его) привязано къ нему, и что онъ поднялъ эту пыль его несчастія. Онъ погналъ лошадь къ нему. Когда увидѣлъ юноша, что царевичъ имѣетъ намѣреніе идти къ нему, то онъ заплакалъ и сказалъ:

«Тотъ человѣкъ, который убилъ меня, возвращается предъ (меня), | какъ будто сердце его сгорѣло (сжалилось) надъ убитымъ имъ самимъ.

«Сколько ласкъ (царевичъ ни) дѣлалъ, и спрашивалъ, откуда ты и какое имѣешь имя, и какое знаешь искуство,—юноша такъ былъ погруженъ на днѣ моря дружбы и любви, что дышать не имѣлъ никакой возможности.

«Еслибы даже ты читалъ наизусть семь седьмыхъ (корана), | когда ты влюбленъ, ты не знаешь алифъ, ба, та (49)

«Царевичъ сказалъ: почему ты мнѣ ни слова не говоришь? я изъ круга дервишей,—болѣе, я кольцо въ уши ихъ (я самъ дервишъ). Тогда силою снизхожденія возлюбленнаго, изъ среды бушеванія волнъ любви вознесъ голову и сказалъ:

---

(49) Первыя буквы арабской азбуки.

Digitized by Google

«Удивительно, что въ присутствіи твоемъ существованіе мое остается! | ты говоришь (б. ты идешь въ разговорѣ) и мнѣ (еще) остается слово!

«Сказалъ это и вскрикнулъ, и духъ вручилъ Богу.

«Удивительно, если (человѣкъ) не будетъ убитъ (не умретъ) въ дверяхъ палатки друга! | удивительно, если будетъ живъ, когда унесетъ здоровую душу.»

Такъ много высказываетъ Саади въ этомъ длинномъ разсказѣ, что могъ бы больше ничего не говорить: мудрено было бы сказать что нибудь новое. Но Саади продолжаетъ, пишетъ еще семнадцать новыхъ разсказовъ, въ которыхъ, варьируетъ ту же тему и на одинъ ладъ. Саади изображаетъ любовь не ту, которая нужна для полноты и сознанія цѣпы жизни человѣка, которая служитъ для него крѣпчайшимъ звеномъ, связывающимъ его съ жизнію, а напротивъ, любовь, для которой жизнь есть вспомогательное средство; которая не привязываетъ человѣка къ жизни (высокой, человѣческой), а напротивъ, отрываетъ отъ нея, отрывая отъ всего дѣйствительнаго, разумнаго, помрачая и парализируя въ немъ всѣ его силы, все то, что дѣлаетъ его человѣкомъ, высокимъ существомъ, выполняющимъ въ жизни цѣли и предначертанія Творца, необходимымъ труженикомъ на ея обширномъ полѣ. Не удивительно, впрочемъ, почему понятія Саади—или вообще восточнаго человѣка, для котораго онъ можетъ служить зеркаломъ,—такъ противорѣчатъ нашимъ понятіямъ. Мы здѣсь, также какъ и во всемъ предыдущемъ, можемъ видѣть эгоизмъ человѣка настоящей минуты, котораго умъ не могъ окинуть и обнять однимъ взглядомъ прошедшаго и чрезъ то постигнуть будущаго, чтобы, съ помощію того и другаго, уразумѣть только переходный, посредствующій смыслъ настоящаго и, затѣмъ, значеніе человѣка въ жизни—не для человѣка (личности), а для жизни (въ обширномъ смыслѣ человѣка или человѣчества).—Конечно, задача эта была слишкомъ многосложна и потому тяжела и неудобовыполнима для ума восточнаго человѣка.

Что касается до рода любви, изображаемой Саади, матеріальности или платоничности ея, то тутъ трудно сказать что нибудь положительно. Собственно, какъ любовь чуждая всякимъ логическимъ законамъ (которые вообще незнакомы восточному человѣку), любовь Саади не можетъ подойти ни подъ одинъ изъ этихъ двухъ родовъ, имѣющихъ какое нибудь теоретическое основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ природу восточнаго человѣка, въ которой господствуетъ матерія, можно было бы съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что тамъ и любовь должна быть чисто матеріальная, грубая; но съ

Digitized by Google

другой стороны мы видимъ, что тамъ и мышленіе, идея, имѣетъ иногда мѣсто, въ видѣ какого-то причудливаго и своевольнаго каприза души, который создаетъ иногда теоріи—такія же причудливыя и своевольныя, которыя разрушаютъ даже простую теорію животнаго, скотскаго матеріализма, и потому являютъ иногда такіе факты, которые могутъ поставить въ тупикъ самаго рьянаго нѣмецкаго строителя теорій и системъ. Впрочемъ, по всей вѣроятности, матерія и здѣсь не теряетъ совершенно своего господства....

Однимъ словомъ, Саади въ своей главѣ о любви и юности не представляетъ ничего, что бы могло разъяснить вопросъ о любви. Что же касается до *юности*, словѣ — вопросительто читатель можетъ поставить при этомъ интересномъ для насъ ный знакъ: въ главѣ о любви и юности нѣтъ даже и вопросительнаго знака объ этомъ предметѣ, хотьона и заключаетъ 21 разсказъ. Можетъ быть въ головѣ Саадидва понятія о любви и юности были безразличны, какъ и понятія *о слабости и старости*, которыя служатъ предметомъ шестой главы.—Безразличіе это, въ первомъ случаѣ, мы не только прощаемъ ему, но даже поставляемъ въ особенную заслугу и благодаримъ въ душѣ за то, что любовь онъ не отдѣлилъ отъ юности.

Понятія старика о своей потухающей жизни вѣнчаютъ понятія его о жизни въ юный, мужественный и зрѣлый періоды, заключаютъ собою ту книгу, которую во время жизни написалъ онъ, предметомъ которой—жизнь. Потому воззрѣнія восточнаго человѣка на жизнь лучше всего опредѣлятъ намъ его мысли, понятія о его старости.

Посмотримъ, что говоритъ старикъ въ *первомъ* разсказѣ предстоящей шестой главы *о слабости и старости*.

«Въ дамасскомъ соборѣ я разсуждалъ съ обществомъ ученыхъ. Вдругъ изъ двери вошелъ молодой человѣкъ и сказалъ: есть ли между вами человѣкъ, который знаетъ персидскій языкъ? Указали на меня. Я сказалъ: такъ (знаю). Онъ сказалъ: сто пятидесятилѣтній старикъ отходитъ и говоритъ что-то на персидскомъ языкѣ, что намъ не понятно; если бы, по великодушію, ты потрудился пойти, получилъ бы награду: можетъ быть онъ дѣлаетъ завѣщаніе.—Когда я подошелъ къ его изголовью, онъ говорилъ слѣдующее:

«Я говорилъ (себѣ): я проведу (еще) нѣсколько минутъ по (своему) желанію, | (а между тѣмъ) увы! путь дыханія перехваченъ. | Какъ жаль, что на разнообразной трапезѣ жизни | мы ѣли (только) нѣсколько минутъ, и (намъ) сказали: довольно!

«Я пересказалъ дамаскинцамъ по арабски значеніе этихъ словъ. Они удивились его долгому вѣку и горестнымъ стенаніямъ о земной жизни. Я сказалъ ему: каково теперь твое состояніе? Онъ сказалъ: что я скажу?

Digitized by Google

«Не видѣлъ ли ты, какая мука приходитъ къ человѣку, | когда изо рта его выдергиваютъ зубъ?— | вообрази же, какое состояніе ея будетъ въ тотъ часъ, | когда выходитъ душа изъ прекраснаго его существа.

«Я сказалъ: выбрось изъ воображенія мысль о смерти и не дѣлай опасенія господствующимъ надъ характеромъ, потому что философы говорятъ: хотя бы сложеніе было крѣпко (б. прямо), не нужно имѣть увѣренности въ твердомъ существованіи, и болѣзнь, хотя бы была страшною, не совсѣмъ указываетъ на смерть; если прикажешь, мы позовемъ врача, чтобы онъ излечилъ, что бы ты чувствовалъ себя лучше. Онъ сказалъ: нѣтъ!

«Хозяинъ заботится о росписаніи зала, | (а) домъ разрушается съ основанія. | Веселый врачъ хлопаетъ въ ладоши, | когда увидитъ бредъ падающаго паціента . . . . . | Старикъ стоналъ отъ послѣдняго издыханія, | (а) старуха терла его сандаломъ! | Когда равновѣсіе организма нарушено,— | не сдѣлаетъ впечатлѣнія ни заговоръ (заклинаніе), ни лекарство».

Великія ожиданія наши увѣнчались очень небольшимъ пріобрѣтеніемъ. Жалкая старость, въ которой человѣкъ не можетъ сказать *ничего* больше, какъ жаль, жаль жизни,—въ которой я уже не могу наслаждаться!....

Во *второмъ* разсказѣ Саади указываетъ, *чѣмъ* бы желалъ наслаждаться старикъ.

«Одинъ старикъ разсказывалъ: я желалъ (въ супружество) дѣвицу. Комнату я убралъ цвѣтами, сѣлъ съ нею (съ дѣвицею) въ уединеніи и прилѣпилъ къ ней глаза и сердце. Долгую ночь я не спалъ и говорилъ шутки и любезности, чтобы она не набралась страха и приняла дружеское обращеніе. Въ одну изъ всѣхъ тѣхъ ночей я говорилъ: высокая судьба тебѣ благопріятствуетъ и глаза счастія бодрствуютъ (надъ тобою), потому что ты попала въ сообщество старика опытнаго и видѣвшаго свѣтъ, отвѣдавшаго и жара и холода жизни, испытавшаго и хорошее и худое; онъ знаетъ обязанности сообщества и законы любви исполняетъ,—нѣжный и благосклонный, добраго нрава и пріятнаго языка.

«Пока могу, буду плѣнять твое сердце, | и если ты меня оскорбишь, я не оскорблюсь. | И еслибы, какъ для попугая, сахаръ былъ твоею пищею, | сладкая жизнь (моя была бы) искупленіемъ твоего питанія.

«Ты не досталась плѣнницею въ руки юноши себялюбиваго, буйной мысли, легкомысленной головы и вѣтреныхъ ногъ, который всякую минуту измѣняетъ склонность, всякое мгновеніе перемѣняетъ намѣреніе, всякую ночь спитъ (на новомъ) мѣстѣ, всякій день беретъ (себѣ иного) друга.

«Юноши веселы и прекрасны лицомъ, | однако въ вѣрности ни съ кѣмъ не идутъ (не могутъ идти въ соперничество). | Не ожидай отъ соловьевъ постоянства (въ любви), | потому что они всякую минуту поютъ о другомъ цвѣткѣ.

«Но поколѣніе старыхъ живетъ съ умомъ и благовоспитанностью, не по требованію (не по правиламъ) юношескаго невѣжества.

«Ищи (человѣка) лучше себя и цѣни случай (встрѣчи съ такимъ человѣкомъ), | потому что съ подобными себѣ (только) потеряешь время.

Digitized by Google

«Онъ сказалъ (продолжалъ): столько я говорилъ такимъ образомъ, и думалъ, что сердце ея въ моихъ оковахъ и добыча моя. Вдругъ она испустила холодное дыханіе изъ сердца полнаго боли и сказала: столько сказанныхъ тобою словъ на вѣсахъ моего разума не имѣютъ вѣса того одного слова, которое я слышала отъ своей кормилицы,—что для молодой женщины,—еслибы стрѣла сидѣла въ боку, лучше (бы было), чѣмъ старикъ (у бока). Однимъ словомъ, не было возможности согласія, и разлука совершилась. Прошло много времени. Ее соединили брачными узами съ юношей грубымъ, суровымъ наружностью, бѣднякомъ (б. пусторукимъ), злаго характера. Видѣла она обиду и оскорбленіе, переносила печаль и огорченіе, и—такъ благодарила за милость Всевышняго: слава Богу, что я избавилась отъ этой болѣзненной муки (прежняго замужества) и достигла до этого твердаго счастія.

«Со всею этою обидою и грубостью характера, | я буду наслаждаться твоими ласками, потому что ты прекрасенъ лицомъ. | Горѣть съ тобою въ мукахъ (въ аду)—для меня | лучше, чѣмъ быть съ другимъ въ раю. | Запахъ чеснока изъ устъ красавца | пріятнѣе, чѣмъ запахъ цвѣтка изъ рукъ безобразнаго».

Седьмую главу, *о вліяніи воспитанія*, Саади начинаетъ (*первый* разсказъ)—отрицаніемъ этого вліянія на человѣка.

«Нѣкоторый везирь имѣлъ слабоумнаго сына, котораго послалъ къ одному изъ ученыхъ (говоря): воспитай мнѣ его, можетъ быть онъ сдѣлается умнымъ. (Учитель) обучалъ его нѣкоторое время, (но) послѣдствій не было. (Учитель) послалъ къ отцу его одного человѣка (сказать), что этотъ (сынъ его) не умнѣетъ и меня свелъ съ ума.

«Если бы основное начало было перломъ способности (т. е. если кто отъ природы одаренъ богатою способностью), | въ немъ воспитанію будетъ слѣдъ. | Никакая полировка не сдѣлаетъ хорошимъ | желѣза, когда оно будетъ дурнаго свойства (закалки). | Не мой собаки въ семи моряхъ, | потому что она нечистѣе, когда мокра... | Оселъ (даже) Іисуса, хотя бы его водили въ Мекку, | когда придетъ—все будетъ осломъ».

Сравненія съ собакой и осломъ особенно назидательны и убѣдительны.

А вотъ второй разсказъ—исключеніе изъ разсказовъ Саади.

Одинъ мудрецъ давалъ сыновьямъ совѣтъ: милыя дѣти (б. душа отца)! учитесь (какому нибудь) искусству, потому что нельзя быть увѣреннымъ въ мірской власти и богатствѣ: знатность уйдетъ изъ дверей, и серебро и золото могутъ (подвергнуться) опасности (уйти въ далекій) путь, —или воръ утащитъ разомъ, или господинъ съѣстъ понемножку. Но искусство (знаніе) есть (вѣчно) живой источникъ и твердое богатство, (такъ что) если бы искусный человѣкъ обѣднѣлъ (б. упалъ изъ счастія)—печали не будетъ, потому что знаніе въ собственной душѣ есть богатство. Искусный, куда бы ни пришелъ, вездѣ видитъ уваженіе и садится на первомъ мѣстѣ, а неискусный (неучь), куда бы ни пришелъ, — подбираетъ куски и видитъ горе.

Digitized by Google

«Несчастіе—послѣ знатности нести (получать, исполнять) приказанія; | привыкши къ ласкамъ, нести оскорбленія человѣка. | Однажды въ Сиріи случилось возмущеніе; | всѣ разошлись изъ домовъ (б. изъ угловъ). | Умные сыновья поселянъ | дошли до везирства (у) царя; | малолѣтнія дѣти везирей | дошли до бѣдности поселянъ. | Желаешь ты отцовскаго наслѣдства?—научись отцовскому знанію, | потому что богатство отца (матеріальное) можетъ быть издержано въ десять дней.»

Хоть изъ этого разсказа (какъ изъ предыдущаго и послѣдующихъ) нельзя составить себѣ никакого понятія, что̀ именно Саади разумѣлъ подъ словомъ искуство, знаніе, и т. п., но это уже тонкости такія, какихъ отъ Саади требовать нельзя. Все же прочее въ этомъ разсказѣ обстоитъ благополучно; потому, какъ исключеніе, мы отмѣтимъ его похвалою и переїдемъ къ *третьему* разсказу, въ которомъ возбуждается нѣсколько интересныхъ вопросовъ о воспитаніи, разрѣшаемыхъ Саади преоригинально.

«*Одинъ* изъ высокихъ мудрецовъ воспитывалъ царевича и билъ (его) *безъ милости* и оказывалъ непомѣрную жестокость. Мальчикъ, отъ нестерпимости, принесъ жалобу отцу и снялъ платье съ больнаго (избитаго) тѣла. У отца сердце сжалось. Онъ позвалъ наставника и сказалъ: для дѣтей каждаго подданнаго ты не считаешь приличнымъ столько жестокости и наказаній, какъ для моего сына;—что за причина? (Учитель) сказалъ: говорить съ размышленіемъ и дѣлать похвальные поступки должно всему народу, особенно (же) царямъ, потому что все, что пройдетъ чрезъ царскія руки и языкъ (все что пари дѣлаютъ и говорятъ), всегда перескажется устами (подданныхъ), а слову и дѣлу простаго народа не будетъ столько вниманія.

«Если отъ дервиша произойдетъ сто дурныхъ поступковъ— | товарищи его ни объ одномъ изъ ста не узнаютъ; | если же отъ султана пройдетъ одинъ дурной поступокъ— | онъ дойдетъ изъ страны въ страну.

«Потому объ исправленіи (дурныхъ) свойствъ сыновей властителя должно стараться больше, чѣмъ въ отношеніи простаго народа.

«Кого не воспитаютъ въ малолѣтствѣ, | въ большомъ возрастѣ мужикъ возвысится надъ нимъ. | Гни какъ хочешь свѣжее (молодое) дерево; | сухое же (старое) не выпрямится, развѣ огнемъ. | Если будешь выпрямлять вѣтви, онѣ дѣлаются прямыми, | но не будетъ тебѣ пользы отъ выпрямленія толстаго дерева.

«Прелесть разсужденія образованнаго (человѣка) и убѣдительность его словъ пришлись царю (по) мысли; онъ подарилъ ему платье и богатство и *мѣсто* (его) сдѣлалъ выше того, которое было.»

Какой способъ воспитанія самый лучшій?—съ помощію битья и истязаній. Въ чемъ состоитъ воспитаніе?—въ томъ, чтобы говорить обдумавши и имѣть хорошій характеръ. Для кого такое воспитаніе необходимо?—для людей знатныхъ и богатыхъ;

Digitized by Google

людиже низшаго званія могутъ не только говорить всякій вздоръ, но даже быть негодяями: они пользуются тою привилегіею, что изо ста ихъ дурныхъ поступковъ можетъ не быть извѣстенъ ни одинъ!... Счастливцы!... И такая привилегія дѣлаетъ совершенно неумѣстнымъ сравнительное сужденіе мудраго учителя, что о воспитаніи знатныхъ нужно заботится *больше*, чѣмъ о незнатныхъ: да о послѣднихъ совсѣмъ не нужно заботиться.....

Саади должно быть такъ нравились, такъ были имъ усвоены высказанныя выше понятія о воспитаніи, что онъ не ограничился однимъ разсказомъ, въ которомъ впрочемъ онъ вполнѣ высказалъ свое воззрѣніе на этотъ предметъ, а написалъ тотчасъ же другой, *четвертый*.

«Въ Африкѣ (б. въ западной странѣ) я видѣлъ школьнаго (б. книжнаго) учителя, (который имѣлъ) угрюмое лицо, горькую рѣчь, дурной характеръ, (былъ) человѣко-мучитель, подлой (б. бѣдной, нищей) натуры и невоздерженъ, такъ что удовольствіе (хорошее расположеніе духа) мусульманъ разстроивалось при видѣ его, а его чтеніе корана огорчало человѣческое сердце (б. дѣлало чернымъ). Собраніе невинныхъ мальчиковъ и непорочныхъ дѣвочекъ, плѣнники въ рукахъ его жестокости, не смѣли ни смѣяться ни говорить (б. не имѣли отваги смѣха и смѣлости рѣчи), потому что одного онъ билъ по серебрянной щекѣ, а иногда—пстязалъ (пыталъ) другому кристальныя ножки. Наконецъ я слышалъ, что узнали часть его вѣроломства (злобы), отколотили его и прогнали, и дали училищу его, для приведенія въ порядокъ, человѣка благочестиваго, мирнаго, добраго, кроткаго, который слова не говорилъ, развѣ по нуждѣ, и побужденія обиды человѣка не приходило на его языкъ. У дѣтей страхъ къ прежнему учителю вышелъ изъ головы; видѣли ангельскія качества втораго учителя—и одинъ за другимъ стали демонами; по увѣренности въ кротости учителя, они оставили науку, большее время сидѣли вмѣстѣ въ дѣтской забавѣ, и доски (письменныя), не сдѣлавши вполнѣ (заданнаго), разбивали о головы другъ друга.

«Когда ученый наставникъ будетъ мало суровъ— | дѣти будутъ играть въ кости на базарѣ.

«Чрезъ двѣ недѣли я проходилъ мимо дверей той мечети, (и) увидѣлъ прежняго учителя, котораго сердце обрадовали, и посадили его опять на свое мѣсто. Отъ такой несправедливости я вознегодовалъ, и воскликнувъ: о горе! сказалъ: за чѣмъ сатану сдѣлали опять наставникомъ ангеловъ? Видѣвшій свѣтъ (опытный) старикъ услышалъ и сказалъ: не слышалъ ты что разсказываютъ?

«Падишахъ отдалъ сына въ школу, | (и) положилъ ему въ объятія серебряную доску;— | на верху доски его написано было золотомъ: | жестокость учителя лучше нѣжности отца.»

На этомъ разсказѣ и должна бы была окончиться глава о воспитаніи, потому что далѣе слѣдуютъ различные житейскіе предметы, по большей части къ воспитанію вовсе не относящіе-

Digitized by Google

ся, такъ напр.: вредъ расточительности (5 разск.), о забвеніи человѣкомъ Бога (7), о томъ что по воскресеніи будутъ спрашивать о дѣлахъ человѣка, а не объ отцѣ его (8); о скорпіонѣ, что̀ именно—не могу знать (9), о томъ что дервишъ просилъ однажды Бога, чтобы его беременная жена родила ему сына: она дѣйствительно и родила сына, который сдѣлался негодяемъ,—изъ чего и выведено чрезвычайно мудрое и назидательное заключеніе, что «беременной женщинѣ лучше родить змѣю, нежели злаго сына» (10), и проч., и проч., еще 7 разсказовъ о подобныхъ же предметахъ.

Послѣдняя, восьмая глава отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что состоитъ не изъ разсказовъ, а почти исключительно изъ голословныхъ нравоученій, не поясняемыхъ примѣрами, взятыми изъ жизни, какъ это дѣлалъ Саади въ предшествовавшихъ главахъ. Потому вы можете догадываться, что глава эта совершеннѣе другихъ. Легче составить цѣлую стройную теорію жизни, нежели построить жизнь по этой теоріи или сдѣлать ее къ жизни удобоприложимою. А Саади въ этой восьмой главѣ и теоріи не составляетъ. Житейскій фактъ производилъ на него впечатлѣніе, производившее съ своей стороны умозаключеніе, да не одно, а нѣсколько, цѣлый рой, которыя онъ и высказывалъ.

Вникая въ эти умозаключенія, мы должны придти къ тому убѣжденію, что Саади составлялъ ихъ по отдѣльнымъ фактамъ, попадавшимся ему на глаза случайно, отрывочно, и не обнимавшимъ даннаго житейскаго вопроса со всѣхъ сторонъ; или можетъ быть даже не по цѣлымъ фактамъ, а только по отдѣльнымъ точкамъ, проявленіямъ одного и того же факта; потому Саади, какъ мы видѣли не однажды, даже противорѣчитъ самъ себѣ, высказывая идеи, образовавшіяся мгновенно, и неимѣющія всѣ между собою никакой связи, никакой единой мысли, которая образуется только при полномъ, многостороннемъ обзорѣ и обсужденіи предмета. Потому-то при малѣйшемъ желаніи Саади объяснить эту идею примѣромъ, воплотить ее въ наглядный, практическій фактъ,—выходитъ непремѣнно разладъ мысли съ дѣломъ, затемняющихъ и всячески искажающихъ другъ друга. Понятно слѣдовательно, что рѣзкость идей Саади бросается въ глаза наиболѣе въ какомъ нибудь приложеніи; стоящія же отдѣльно, имѣющія только характеръ отвлеченности, онѣ иногда могутъ даже поражать насъ своею оригинальностью или глубиною—конечно одностороннею.

Таково преимущественное достоинство послѣдней главы Гюлистана *о правилахъ общежитія*, обнимающей различные,

Digitized by Google

весьма разнообразные предметы жизни, и имѣющей по существу своему самое точное заглавіе изъ всѣхъ заглавій предыдущихъ главъ. Мы приступимъ такимъ образомъ къ этой главѣ съ оживленнымъ любопытствомъ, и будемъ за него вознаграждены хоть тѣмъ, что содержаніе ея выражено въ сколько нибудь сносной формѣ.

Первое нравоученіе.

«Имѣніе служитъ для покоя (наслажденія) жизни, не жизнь для собиранія имѣнія. Я спросилъ у одного умнаго человѣка: кто счастливъ и кто несчастливъ? онъ сказалъ: счастливъ тотъ, который вкушаетъ и сѣстъ, а несчастливъ тотъ, кто умираетъ и оставляетъ (свое имѣніе безъ употребленія—какъ объясняетъ Semelet).

«Не твори молитвы о томъ, кто ничего не сдѣлалъ, | потому что онъ жилъ въ желаніи собиранія богатства и не вкушалъ (его).»

Идея пожалуй хорошая, но только относительно вѣрная,—вѣрная только въ томъ случаѣ, когда наслажденіе (матеріальное) будетъ единственнымъ выраженіемъ жизни, съ чѣмъ *мы* согласиться не можемъ, но что впрочемъ составляетъ задушевную идею Саади, отражающаго въ себѣ вообще восточнаго человѣка. Даже и Саади не хочетъ быть въ ней убѣжденнымъ и косвенно отклоняетъ ея исключительность, высказывая, весьма впрочемъ неясно, что наслаждаться значитъ дѣлать добро. Можно сказать положительно, что Саади не сознавалъ твердо этого положенія, потому что эти два понятія не могли сливаться въ умѣ его въ одно, по самому существу природы человѣка вообще и восточнаго человѣка въ особенности. Только вслѣдствіе несогласной двойственности своей природы, Саади смѣшалъ два совершенно различныя понятія добра и наслажденія, придавая имъ вдругъ совершенно равное значеніе—цѣли жизни, и слѣдовательно противорѣча высказанному мнѣнію, что наслажденіе должно служить выраженіемъ жизни, противорѣча даже самой основной идеѣ мусульманской вѣры (непримѣняемой впрочемъ никогда къ жизни), что наслажденіе (вѣроятно такое роскошное, что на землѣ объ немъ и фантазировать нельзя) умѣстно только въ будущемъ мірѣ.

Опять скажу, замѣчательно здѣсь то, что повторялось такъ часто,—что двѣ идеи, сколько нибудь относящіяся къ одному предмету, никогда вполнѣ не согласуются другъ съ другомъ: до такой степени господствуетъ въ Саади исключительная способность видѣть предметъ только въ одной его *точкѣ*, даже не съ одной только *стороны*, отсутствіе всякаго сколько нибудь обширнаго и разносторонняго взгляда и умѣнья слагать различныя впечатлѣнія одного и того же предмета въ нѣчто цѣлое, систематическое, одно.

Digitized by Google

Второй разсказъ или поученіе замѣчателенъ разнообразіемъ содержанія, почему онъ и выигралъ бы гораздо болѣе, если бы былъ раздѣленъ на нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга частей.

«Августѣйшій Моисей—да будетъ надъ нимъ миръ!—совѣтовалъ Карену: *благотвори, какъ благотворитъ тебѣ Богъ;* онъ не послушалъ, и ты слышалъ его конецъ.

«Тотъ кто съ динарами и диргемами не собираетъ добра духовнаго, | послѣднее благо (будущее блаженство) будетъ полагать въ благѣ динаровъ и диргемовъ. | Хочешь наслаждаться благами міра? | Оказывай щедрость людямъ, какъ Богъ тебѣ оказываетъ щедрость.

«Арабъ говоритъ: *дѣлай добро и не считай* (этого) *за одолженіе, ибо польза* (его) *къ тебѣ возвратится*, т. е. (по-персидски) давай и дари и не хвались (не попрекай этимъ) потому что польза этого къ тебѣ возвратится.

«Дерево великодушія гдѣ бы ни пустило корни, | вѣтви и вершина его сдѣлались (выше) небесъ. Если имѣешь надежду, что будешь отъ него вкушать, | похвальбой (упрекомъ) не клади пилы на его ноги (корни). | *Благодари* Бога, потому что ты былъ споспѣшествуемъ къ добру, | не былъ оставленъ благодѣяніями Его совершенства. | Не хвались, что служишь царю: | считай милостію его, что имѣетъ (тебя) въ службѣ.»

Здѣсь Саади подтверждаетъ между прочимъ высказанную выше мысль, что истинное наслажденіе есть благодѣяніе. Повторяемъ, что плохо вѣрится этому въ устахъ Саади, написавшаго напримѣръ, главу о слабости и старости, въ которой онъ о наслажденіи даетъ совсѣмъ другое понятіе. Даже память, какъ видите, у Саади была плоха.

Другая мысль о даяніи безъ одолженія прекрасна, только не относится къ предыдущему, и слѣдуетъ за нею опять новая, и очень оригинальная мысль—о царскомъ *одолженіи*.

Нравоученіе *третье* и *четвертое* безукоризненно хороши—по-крайней мѣрѣ сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли прежде.

«Два человѣка печалятся попусту и стараются безполезно: тотъ который собираетъ имѣніе (и) не пользуется (имъ), и другой тотъ, который изучаетъ науку и не поступаетъ (по ней).

«Какъ много ты ни обучался бы знанію (ни читалъ бы), | когда дѣлъ въ тебѣ нѣтъ—ты невѣжда (незнающій). | Не будетъ воспитаннымъ и ученымъ | четвероногое, на которомъ (положено) нѣсколько книгъ: | какое знаніе и свѣдѣніе у этого пустомозгаго (какъ онъ знаетъ), | что на немъ дрова или книги?

«Ученіе нужно для воздѣланія вѣры, а не для вкушанія мірскихъ благъ.

«Всякій кто воздержаніемъ и наукою и благочестіемъ похвалился (б. продалъ)— | (похожъ на того, кто) собралъ жатву и всю сжегъ.»

Въ *пятомъ* ложная идея; мы не знаемъ *ученаго*, который бы

Digitized by Google

не былъ добродѣтельнымъ,—иначе это не ученый. А стихи приведены совсѣмъ некстати.

«Ученый нецѣломудренный (недобродѣтельный) есть слѣпой; *онъ руководитъ и не руководится* (т. е. показываетъ дорогу другимъ, а не себѣ).

«Кто безполезно игралъ жизнію— | ничего не купилъ и золото бросилъ.»

Шестое нравоученіе.

«Царство получаетъ блескъ отъ умныхъ (ученыхъ) людей, а вѣра совершенство отъ цѣломудренныхъ. Цари болѣе нуждаются въ совѣтахъ людей мудрыхъ, нежели въ довѣренности (б. въ приближеніи) царей.

«Если послушаешь моего совѣта, о царь!— | во всѣхъ книгахъ лучше этого совѣта нѣтъ: | кромѣ мудрыхъ (никому) не поручай дѣла (службы), | хотя служба не есть дѣло мудрыхъ.»

Совѣтъ принимать въ службу ученыхъ—прекраснѣйшій,—только едва ли въ устахъ Саади, на востокѣ, гдѣ ученый тотъ, кого много били. Развѣ по пословицѣ: за одного битаго двухъ небитыхъ даютъ. Притомъ Саади нисколько не затрудняется смѣшивать два совершенно разнородныя понятія *ученаго* и *умнаго*,—какъ будто и умнымъ могъ быть только тотъ, кого много били. Это уже слишкомъ немилостиво.

Седьмое нравоученіе.

«Три вещи безъ трехъ вещей нетверды: богатство безъ торговли, знаніе безъ состязанія и государство безъ наказанія».

Опять дикій разладъ понятій: торговля и состязаніе суть необходимыя, естественныя слѣдствія имѣнія и знанія, между тѣмъ какъ наказаніе есть случайное, совсѣмъ неестественное исключеніе изъ обыкновеннаго порядка жизни государственной, такъ-что отношенія между двумя послѣдними сравниваемыми предметами и предыдущими—совершенно противоположны.

Мысль эту о наказаніи Саади дополняетъ другою мыслію въ слѣдующемъ, *восьмомъ*, нравоученіи.

«Простирать милосердіе на злыхъ есть обида для добрыхъ, и прощать притѣснителей значитъ притѣснять (наказывать) угнетенныхъ.

«Если ты злому будешь оказывать расположеніе и льстить— | онъ будетъ дѣлать проступки подъ твоею властію (покровительствомъ), въ твоемъ сообществѣ,»

И здѣсь Саади не могъ понять, что обходиться милосердо или немилосердо и прощать или наказывать—не все равно. Вообще у Саади понятія родоваго, видоваго, части, цѣлаго—безразличны.

Девятое нравоученіе.

«Нельзя довѣряться дружбѣ царей и не должно прельщаться пріятнымъ голосомъ дѣтей: онъ испортится въ одинъ сонъ (эротическій, когда физически дитя уже выходитъ изъ дѣтскаго возраста: объясн. Semelet).

Digitized by Google

«(Женщинѣ) любимой тысячью друзей (всѣми) не отдавай сердца, | а если отдашь сердце—приготовься къ разлукѣ».

Высказанная здѣсь тщета надеждъ справедлива, только односторонняя въ отношеніи къ надѣющемуся; что же касается до голоса, то со стороны его весьма неосновательно — капризничать, въ чемъ конечно никто не найдетъ для себя поучительнаго. И параллель сравненія съ красавицеіі неправильна, потому что отношеніе влюбленнаго человѣка къ красавицѣ, имѣющей тысячу обожателей, не имѣетъ никакоіі аналогическоіі параллели съ предыдущимъ: легкомысленность и непостоянство въ дружбѣ — есть неотъемлемое свойство такихъ женщинъ.

Въ *девятомъ* нравоученіи Саади ратуетъ во имя таіны и скрытности. При томъ себялюбіи, которое господствуетъ въ восточномъ человѣкѣ, это весьма понятно. Жаль только, что Саади даетъ скрытности обширные размѣры—до неопредѣленности. Если бы слѣдовать его совѣту, то всему человѣчеству *пришлось* бы пожалуй молчать до скончанія міра. А прекрасное наставленіе объ отношеніяхъ къ врагу вставлено опять некстати.

«Всякую ту тайну, которую ты имѣешь, не открывай (б. не клади въ середину) другу: какъ ты знаешь, что въ извѣстное время онъ (не) сдѣлается твоимъ врагомъ? И всякое зло, которое ты можешь сдѣлать врагу, не дѣлай: можетъ быть, что когда нибудь онъ сдѣлается другомъ. Тайну, которую ты хочешь скрыть (б. чтобы она осталась скрытою), ни одному человѣку не открывай, хотя бы онъ былъ (человѣкъ) надежный, потому что никто на тайну твою не будетъ осторожнѣе (тебя).

«Молчаніе лучше, чѣмъ чувство сердца твоего | кому нибудь разсказывать, и говорить: не говори (объ этомъ никому). | О праводушный! преграждай воду у начала источника, | потому что когда станетъ полною—преградить рѣку будетъ невозможно. | Втайнѣ не должно говорить ни одного слова, | котораго нельзя сказать во всякомъ собраніи».

А въ *одиннадцатомъ* нравоученіи, такъ скоро послѣ десятаго, о врагѣ говорится совсѣмъ другое.

«У слабаго врага, который приходитъ въ покорность и показываетъ дружбу, нѣтъ другаго желанія кромѣ (того), чтобы сдѣлаться сильнымъ врагомъ. И говорятъ: нѣтъ увѣренности въ дружбѣ (даже) друзей,—что же остается (б. приходитъ) ласкательству враговъ. Всякій, кто считаетъ презрѣннымъ маленькаго врага, подобенъ тому, который малый огонь оставляетъ безъ вниманія.

«Сегодня потуши (его), когда можно потушить, | потому что когда огонь увеличится—міръ сожжетъ. | Не позволяй, чтобы тетиву натягивалъ (б. дѣлалъ) на лукъ | врагъ, когда можетъ пустить стрѣлу.»

Сначала какъ будто указывается на то, чтобы не довѣрять

Digitized by Google

лести врага; но потомъ предостереженія о врагѣ такъ сильны, что дѣло идетъ уже не о лести.

О врагахъ вообще Саади говоритъ очень много. Можетъ быть тутъ отъ него можно было бы и научиться многому, если бы онъ объяснилъ причины и возможности вражды, если бы онъ показалъ, кого и за что нужно считать своимъ врагомъ. А какъ этого Саади не высказалъ, то и всѣ его наставленія ни къ чему не ведутъ, или еще хуже—могутъ повести къ совершенно ложнымъ ихъ пониманіямъ и приложеніямъ въ жизни. Да наконецъ и то, что говоритъ Саади, такъ изложено безпорядочно, безсвязно, что рѣшительно нѣтъ возможности составить себѣ одно общее ясное пониманіе идеи; отсутствіе въ Саади общаго, по возможности многосторонняго взгляда, указанное уже нами не однажды, подтверждается здѣсь самымъ поразительнымъ образомъ; предоставляю читателямъ самимъ изъ понятій Саади о врагахъ вывести свое заключеніе.

Двѣнадцатое правоученіе (которое впрочемъ поучительно и безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ).

«Промежду двухъ враговъ говори такое слово, чтобы ты не былъ пристыженнымъ, если они сдѣлаются друзьями.

«Когда ссора между двухъ людей стала огнемъ,— | несчастный сплетникъ (б. подбирающій слово) таскаетъ дрова (которыми огонь воспламеняетъ). | Этотъ и тотъ (враждующіе) помирятся, (и) онъ между ними (будетъ) несчастнымъ и пристыженнымъ. | Воспламенять огонь между двумя людьми | не есть умъ: (это значитъ) жечь себя въ срединѣ (ихъ). | Въ разговорѣ съ друзьями будь остороженъ, | чтобы кровожадный врагъ не слышалъ (б. не имѣлъ уха). | Знай (б. имѣй умъ), что говоришь предъ стѣною, | чтобы не было за стѣною шпіона (б. уха)».

Тринадцатое.

«Всякій кто съ врагами друзей своихъ живетъ въ мирѣ (б. держитъ миръ), имѣетъ желаніе оскорбленія друзей.

«Умный человѣкъ, умой руки отъ того друга, | который бы сидѣлъ вмѣстѣ съ врагами твоими».

Четырнадцатое.

«Когда въ исполненіи (въ выборѣ) дѣла ты будешь въ недоумѣніи, выбирай ту сторону (то дѣло), которая выйдетъ незатруднительнѣе.

«Не говори грубо съ человѣкомъ кроткорѣчивымъ; | не ищи ссоры съ тѣмъ, который стучится въ дверь мира».

Едва ли кто нибудь найдетъ и тѣнь связи между прозою и стихами.

Пятнадцатое.

«Пока дѣло удается (б. идетъ), за золото не должно повергать жизнь въ опасность.

Digitized by Google

«Когда рука оторвана отъ всѣхъ средствъ, | позволительно заносить руку къ мечу».

Съ этимъ нельзя не согласиться.

Шестнадцатое.

«Не дѣлай состраданія къ слабости врага, потому что онъ не сдѣлаетъ (состраданія къ тебѣ), когда сдѣлается сильнымъ.

«Когда увидишь врага безсильнымъ, не хвались своею силою (б. усами): | въ каждой кости есть мозгъ, въ каждой рубашкѣ человѣкъ.

«Всякій, кто убьетъ дурнаго человѣка, избавитъ людей отъ бѣдствія и его отъ наказанія Божія.

«Прощеніе похвально, но | не клади пластыря на рану оскорбителя людей. | Тотъ кто сжалился надъ змѣею, не зналъ, | что это есть жестокость для сыновъ человѣка».

Семнадцатое.

«Принимать совѣтъ отъ врага есть ошибка, но слушать прилично, чтобы ты дѣлалъ (могъ дѣлать) напротивъ того (что онъ говоритъ), потому что это есть прямой способъ (дѣйствовать).

«Остерегайся того, что говоритъ тебѣ врагъ: дѣлай то-то,— | потому что (если сдѣлаешь такъ) ударишь по колѣну рукою обмана (оплошности, —будешь раскаяваться). | Если онъ показываетъ тебѣ дорогу правую (прямую), какъ стрѣла,— | вороти отъ нея и принимай дорогу лѣвую».

Осьмнадцатое.

«Гнѣвъ безпредѣльный (б. больше предѣла) наводитъ ужасъ, а безвременная (несвоевременная, неумѣстная) кротость устраняетъ (отъ тебя, б. уноситъ) почтеніе. Не дѣлай столько суровости, чтобы тобою пресытились (чтобы ты надоѣлъ), ни столько мягкости, чтобы сдѣлались противъ тебя дерзкими.

«Суровость и мягкость вмѣстѣ прекрасны: | такъ цирюльникъ (дѣлаетъ) рану и (въ то же время) кладетъ пластырь (исцѣляющій). | Умный человѣкъ не употребляетъ много суровости, | ни нѣжности (кротости), потому что (этимъ) повредилъ бы своему достоинству; | онъ не кладетъ на себя излишняго величія, | ни поддается когда нибудь униженію. | Пастухъ говорилъ своему отцу: умный человѣкъ! | дай мнѣ наставленіе, совѣтъ одинъ, постарчески. | Онъ сказалъ: не оказывай столько человѣколюбія, | чтобы сдѣлался смѣлымъ волкъ острозубый».

Все хорошо, кромѣ—старческаго совѣта, который касается только доброты, и очень неясенъ.

Девятнадцатое.

«Два человѣка враги государства и вѣры: падишахъ безъ милосердія и богослужитель (б. благочестивый, монахъ) безъ науки.

«Да не будетъ во главѣ царства тотъ царь повелѣвающій, | который Богу не будетъ рабомъ, несущимъ (исполняющимъ) повелѣніе (Его)».

Двадцатое.

«Падишахъ не долженъ устремлять гнѣвъ на враговъ до такой степени,

Digitized by Google

чтобы друзьямъ не оставалось надежды (на его милость), потому что огонь гнѣва падаетъ прежде въ разгнѣваннаго (б. владѣтеля гнѣва), (а) потомъ (уже) пламя (его) достигаетъ противника или (а можетъ быть и) не достигаетъ.

«Не слѣдуетъ прахорожденному (рожденному изъ праха) сыну человѣка | класть на голову (б. дѣлать на головѣ) высокомѣріе, лютость и суетность;— | тебя, съ такимъ жаромъ и упорствомъ (обладающаго жаромъ и проч.), | я не считаю (б. не думаю) изъ земли (сдѣланнымъ), а изъ огня. | Въ землѣ Балканской я пришелъ къ отшельнику | (и) сказалъ: очисти меня отъ невѣжества наставленіемъ своимъ. | Онъ сказалъ: иди, претерпѣвай подобно землѣ, о ученый! | или все, что ты изучилъ (б. прочелъ), все брось въ землю».

Много прекрасныхъ мыслей, и не будь непонятнаго загадочнаго наставленія отшельника, все нравоученіе было бы очень хорошо.

Далѣе слѣдуютъ нравоученія, заслуживающія нашего вниманія въ одинаковой степени съ прочтенными, которыхъ характеръ и значеніе читатель, надѣюсь, достаточно понялъ, и потому могъ бы окончить здѣсь чтеніе этого оригинальнаго произведенія, называемаго въ Персіи *солью трапезы персидскихъ поэтовъ*. Глава эта, какъ и достоинство ея, больше предыдущихъ главъ, состоитъ изъ 106 нравоученіи и еще *заключенія* книги. Мы приведемъ нѣсколько послѣднихъ нравоученіи и самое заключеніе, какъ дѣйствительно вѣнчающее достойнымъ образомъ цѣлую книгу.

Сто третье.

«У всякаго человѣка зубы оскомляются отъ кислоты, только у кади (судьи) отъ сладкаго.

«Кади, который съѣлъ въ подарокъ пять огурцовъ, | присудитъ тебѣ десять арбузныхъ грядъ».

Чрезвычайно характеристично!

Сто четвертое.

«Старая распутная женщина отъ нечего-дѣлать, что будетъ дѣлать, какъ не раскаяваться (о своихъ грѣхахъ)? а отставленный губернаторъ—о при тѣсненіи людей?

«Юноша сидящій въ углу есть мужественный левъ на дорогѣ Божіей, | потому что старикъ даже не можетъ подняться изъ угла».

(т. е. даже сидящій въ углу юноша есть левъ въ сравненіи со старикомъ).

Плохой почетъ былъ старикамъ отъ Саади.

Сто пятое.

«У мудреца спросили: столько славныхъ деревьевъ, которыя сотворилъ Богъ Всевышній, высоки и плодоносны, (а) ни одно не называютъ свободнымъ, кромѣ кипариса, который не имѣетъ плодовъ; какое въ этомъ таинство? Всякому (дереву) опредѣленъ доходъ (прибытокъ), и въ извѣст-

Digitized by Google

ное время, во время существованія его (прибытка, плодовъ), они зелены, во время его отсутствія—цвѣтущи, а у кипариса ничего этого нѣтъ, и во всякое время онъ зеленъ; и это есть достоинство свободныхъ (—подразумѣваются дервиши).

«Не полагай сердца (не привязывайся) на то, что проходитъ, потому что Тигръ | будетъ долго протекать въ Багдадѣ послѣ халифовъ (т. е. потому что даже и халифы прошли). | Если тебѣ можно (б. если тебѣ выходитъ изъ рукъ)—будь великодушенъ какъ пальма, | а если нельзя —будь свободенъ какъ кипарисъ».

Смыслъ—таинственный.

Сто шестое.

«Два человѣка умираютъ и печалятся (б. несутъ печаль): тотъ, который имѣлъ и не вкушалъ, и тотъ, который зналъ и не дѣлалъ.

«Никто не видѣлъ скупаго, превосходнаго (въ другихъ отношеніяхъ), | о недостаткахъ котораго не старались бы говорить; | а если щедрый имѣетъ двѣсти грѣховъ,—щедрость его покрываетъ недостатки».

Между стихами и прозой никакой связи, и въ добавокъ—такое милое и полезное значеніе щедрости!

Заключеніе книги.

«Окончена книга Гюлистанъ, и Богъ помощникъ (былъ мнѣ). Во всемъ этомъ не было увеличенія (книги) способомъ заимствованія изъ стиховъ предшественниковъ (моихъ), по обычаю писателей (другихъ).

«Надѣвать свое старое рубище | лучше, чѣмъ новое платье просить.

«Рѣчь Саади по большей части возбуждаетъ веселость и смѣшана (съ) шуткой, и у близорукихъ (умственно, б. коротковзглядыхъ) по этой причинѣ языки порицанія сдѣлаются длинными (и они скажутъ): напрасно употреблять (б. нести) мозгъ (мозговое вещество, б. мозгъ-мозгъ) и глотать дымъ безполезной лампы не есть дѣло умныхъ; но да не останется скрытымъ предъ свѣтлою мыслью мудрецовъ, къ которымъ есть (обращено) лицо слова (этой книги), что (въ ней) жемчугъ спасительныхъ наставленій нанизанъ на нитку слова (б. изъясненія), и горькое лекарство совѣта смѣшано съ сладостію остроты (шутки, тонкости), чтобы натура читателей не утомилась, и книга не осталась удалена (б. лишена) отъ счастія принятія (ея читателями).

«Мы дали (б. сдѣлали) въ своемъ мѣстѣ добрый совѣтъ | и употребили на это нѣкоторое время; | если онъ не придетъ въ чье нибудь ухо желанія (не понравится), | на посланныхъ будетъ извѣщеніе и только (т. е. на посланныхъ лежитъ только обязанность извѣстить о томъ, что знаютъ). | О, читатель (б. о смотрящій въ нее, т. е, въ книгу)! проси у Бога милосердія | для сочинителя и прощенія (грѣховъ) переписчику, | и проси душѣ своей изъ благъ желаемое ею, | послѣ этого проси прощенія владѣтелю ея (этой книги).

«Книга окончилась съ помощію щедраго Царя (Господа)».

Digitized by Google

Я полагаю, что изъ того, что прочли вы (изъ отрывковъ Гюлистана), можно составить себѣ нѣкоторое мнѣнія объ нихъ понятіе обо всѣхъ этихъ названныхъ предметахъ. Ясно, что мнѣнія объ нихъ не могутъ быть въ ихъ пользу,—но этого и не нужно!—Зачѣмъ смотрѣть на предметъ сквозь призму непонятнаго пристрастія, образовавшагося преданіемъ, сквозь призму мечтательнаго, своенравнаго взгляда, усвоеннаго нами потому, что мы плохо знаемъ предметъ, что онъ окруженъ прекрасною, великолѣпною обстановкою, внѣшностью?

А что мы плохо знаемъ востокъ, это несомнѣнно. Безпристрастная, строгая и здравая наука едва касалась его. Мы *знаемъ*, что тамъ были поэты, философы, которыхъ даже мы называемъ почетнымъ именемъ мудрецовъ; мы знаемъ, что эти поэты и мудрецы оставили намъ огромную литературу, что они слѣдовательно много работали для человѣчества; но что же они сдѣлали? какою мудростію надѣлили міръ эти мудрецы?—внесли ли они хоть одну новую, плодотворную идею въ сокровищницу человѣческой мысли? на полѣ науки возрастили ли они хоть одно общеполезное знаніе? подвинули ль они хоть на шагъ прогрессъ общечеловѣческій, которымъ можетъ хвалиться Европа?—Мы этихъ вопросовъ не разрѣшали, потому что не могли разрѣшить, потому что не изучали безпристрастно востока, восточной литературы, восточной мысли. И не разрѣшивши этихъ вопросовъ, мы питаемъ старовѣрческое уваженіе ко всему тому, что называется восточнымъ! Мы придаемъ пресловутымъ восточнымъ писателямъ эпитеты—великихъ, славныхъ, знаменитыхъ, не подозрѣвая, что они знамениты и славны только у себя дома, а для насъ рѣшительно все равно, хоть бы ихъ и совсѣмъ не было, потому что написанное ими—въ Европѣ давно уже было расписано и обработано и переработано, и выработаны такія чудесныя вещи, что прежняго какъ будто и слѣдовъ не осталось,—такъ оно измѣнено, усовершенствовано; что позднѣйшіе восточные писатели отъ своихъ корифеевъ научились только бездарности и получили въ наслѣдіе горы книгъ, которыхъ они ни понять, ни замѣнить новыми, понятнѣйшими, не умѣли. И въ горахъ этихъ не было истинной жизни, производительной силы ни на-волосъ,—до такой степени, что даже прекрасныя, самыя удоборастительныя сѣмена европейской мысли—къ этимъ горамъ не прививались, или перерождались тамъ въ какія-то уродливыя растенія. Если въ этомъ и виноваты много сами европейцы, то все-таки больше виноваты люди восточные, мусульманскіе.

А мы все-таки признаемъ тамъ и мыслителей и поэтовъ, и

Digitized by Google

литературныя творенія ихъ, и уважаемъ то и другое безусловно. А на какомъ основаніи?—Въ цѣлой Европѣ можно пересчитать по пальцамъ нѣсколько плохихъ политическихъ исторіи разныхъ мусульманскихъ народовъ, написанныхъ по двумъ-тремъ источникамъ, и въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни одной исторіи литературы ни одного мусульманскаго народа! А у насъ, русскихъ, нѣтъ политическихъ исторіи востока даже плохихъ. Кто же знаетъ востокъ? Что жъ вы скажете на это, почтенные его почитатели?

А между тѣмъ знать его необходимо. Съ одной стороны крылья европейскаго ума крѣпнутъ и расправляются шире и шире, и требуютъ для своего полета все болѣе и болѣе обширной сферы, все болѣе и болѣе обширнаго изученія; а съ другой—летаргія востока продолжается слишкомъ долго, и отъ нея вѣетъ безжизненностью, холодомъ на духовную почву человѣчества.

Мы прочли кое-что изъ Гюлистана,—прочли столько, что можемъ составить нѣкоторое понятіе о духовной сторонѣ восточнаго человѣка, о духовныхъ его воззрѣніяхъ и о томъ, какъ эти воззрѣнія выражаются въ жизни.

Мы не ошибемся, если скажемъ, какъ уже сказали и въ началѣ нашей статьи, что основная идея, на которой построилъ мусульманскій человѣкъ все зданіе своей духовной жизни,—есть матеріализмъ, идея внѣшности, формы, идея настоящаго, близкаго, дѣйствительнаго;—матеріализмъ не тотъ стройный, логическій, который развивала аристотелева школа пластиковъ, или развиваютъ нынѣ—повидимому въ ущербъ отвлеченной идеѣ—нѣкоторые изъ новѣйшихъ германскихъ философовъ; нѣтъ: философы эти обязаны своею системою силѣ той же самой отвлеченной идеи, которую они преслѣдуютъ, и которая однако научила ихъ мыслить логично и строить логичныя системы..... У мусульманина отвлеченная идея никогда не была исходною точкою умственной дѣятельности. Магометъ, этотъ земной владыка, окрещенный мечемъ и кровью, не могъ на своемъ побѣдоносномъ знамени не помѣстить прежде всего неизгладимыхъ, вѣковыхъ начертаній силы земной и земной власти, эмблемы грубой силы. И съ тѣхъ поръ для мусульманина путеводною звѣздою стала земная власть и сила. Понятно, что дальше земли она никуда не могла провести мусульманина.

Мы читали прекрасное славословіе Саади Всевышнему, читали и восхищались имъ, но и чувствовали вмѣстѣ съ тѣмъ, что отъ него вѣетъ какимъ-то земнымъ, безмысленнымъ холодомъ; что это славословіе открываетъ какой-то узкій, тѣсный, духовно-бѣдный міръ; что оно похоже на безсознательный дѣт-

Digitized by Google

скій лепетъ, сложившійся изъ всего того, что дитя когда-то слышало, не понимая и *вѣря* только, что слышанное имъ прекрасно,—не пытаясь понять и, слѣдовательно, плохо вѣря.—Всмотритесь внимательно. Въ цѣломъ славословіи опредѣлительно выражается малосложная и немногосторонняя, а главное—удобоприложимая въ жизни философія сердца; *наслаждайся и благодари*—колѣнопреклоненіемъ, почтительнымъ и благоговѣйнымъ наклоненіемъ головы, чтеніемъ молитвъ—какъ вѣроятно думалъ авторъ этого славословія, наслаждайся всѣмъ, что есть въ мірѣ, потому что весь міръ существуетъ для тебя одного.... благодари же за все только одного Создателя, Который и ближнихъ твоихъ сотворилъ для твоего счастія, удовольствія, какъ сотворилъ Онъ животныхъ, растенія, воздухъ, и Котораго, главное, словомъ или наклоненіемъ головы благодарить не трудно.... Вотъ та философія, которая звучитъ въ гармоническихъ персидскихъ стихахъ и прозѣ первыхъ страницъ Гюлистана, которую мы встрѣчали не однажды на слѣдующихъ его страницахъ (см. разсказы о дервишахъ, о старости, и т. п.), на которыхъ мы никогда не встрѣчали, какъ не встрѣтили въ приведенномъ славословіи, ничего, что бы могло навести насъ на другую идею, на другія понятія о Верховномъ Существѣ и Его твореніи—человѣкѣ. И въ славословіи философія эта оперлась очень твердо на двухъ крайнихъ его пунктахъ, на его началѣ и концѣ: предположивъ, что благодарность человѣка Творцу усугубляетъ Его благость, едва ли можно было человѣку подвинуться дальше заглавія Богопознанія.

Впрочемъ и эта философія могла бы имѣть какое нибудь положительное значеніе, если бы она была сознана и приведена въ убѣжденіе. Но не до того, видно, было восточному человѣку, очарованному и поглощенному прелестями жизни матеріальной; нѣкогда было ему плестись по скучной и трудной дорогѣ систематическаго и логичнаго мышленія, нѣкогда было разрѣшать терпѣливо вопросы: что? и какъ? и почему? и для чего?.... И онъ наслаждался, потому что это дѣлалось безъ труда, и—только наслаждался искренно, хоть безсознательно.... Затѣмъ, на вопросъ, кому онъ обязанъ этимъ наслажденіемъ? онъ положительно отвѣтилъ—Богу всеблагому и всемилосердому, Котораго «дождь неисчислимыхъ милостей нисходитъ на всѣхъ», и Который «за преступленія не лишаетъ насущнаго хлѣба».

А какъ человѣкъ привыкаетъ ко всякому благополучію очень легко, то и восточный человѣкъ легко привыкъ къ этой благости Божіей, которой онъ не понималъ, и которую понять не заботился, потому что былъ въ ней совершенно увѣренъ. Не удивительно послѣ этого, что сдѣлавши такъ мало успѣховъ

Digitized by Google

въ Богопознаніи, онъ считалъ весьма достаточнымъ для благодарности Богу—нѣсколько молитвъ и поклоновъ.

Но, будучи покоенъ насчетъ неисчерпаемой благости Всевышняго, восточный человѣкъ не былъ однако жъ совершенно покоенъ въ другихъ отношеніяхъ. Его драгоцѣнныя блага земныя могъ отнять его ближній, всякій сильнѣйшій, и потому вотъ куда были направлены его задушевные помыслы. Повелитель его былъ для него олицетвореніемъ высшей земной, и слѣдовательно всякой силы; потому и Саади, послѣ славословія Богу, почелъ необходимымъ помѣстить славословіе своему падишаху, которое и составляетъ въ предисловіи къ Гюлистану особую главу подъ названіемъ: добродѣтели государя ислама.

Согласитесь, что глава эта написана съ гораздо большимъ сознаніемъ и искренностью, чѣмъ глава предшествующая? Согласитесь, что понятіе земной силы плохо связывается съ понятіемъ о силѣ высшей, Божественной?

Такими пониманіями воспитывались тѣ люди, которые не хотѣли говорить правды царю, боясь потерять голову; которые уважали только то, что было сильно и могло быть вреднымъ, которые дорожили только выгодами своей личности, потому что не любили и не могли любить никого, кромѣ себя; которые и въ воспитаніи дѣтей видѣли только науку подчиненности; которые, умирая въ глубокой старости, сожалѣли только о томъ, что не могутъ уже вкушать сладостей жизни—объѣдаться вкусными яствами, обнимать юную, свѣжую красавицу.....

Оттого на духовной нивѣ востока и не выросло ничего стройнаго, вѣчнаго, прогрессивнаго, чтобы могло обогатить сокровищницу человѣческаго разума. Въ періодъ гоненія греческихъ философскихъ школъ, греческая и александрійская ученость была занесена европейскими изгнанниками въ Аравію и Персію и принялась тамъ довольно хорошо. Но встрѣтившись съ безжизненною идеею ислама, она переродилась въ тяжелый мертвенный обскурантизмъ, который непроглядным облакомъ задернулъ горизонтъ мысли восточнаго человѣка. Науки, пожалуй, развивались, имѣли свой золотой вѣкъ (Гарунъ ар-Рашидъ), который соперничалъ съ вѣкомъ Карла В. и даже много превосходилъ его литературною и ученою дѣятельностью. Но едва ли не правильнѣе было бы назвать этотъ вѣкъ позолоченнымъ: позолота скоро сошла, и подъ нею оказался металлъ низкаго достоинства, негодный ни къ какому производительному употребленію. Облекшись двойною мантіею схоластики и мистики, науки въ этотъ золотой вѣкъ представляли чудную дисгармоническую смѣсь: медицина, астрономія, математика, геогра-

Digitized by Google

фія, химія, алхимія, кабалистка, астрологія,—все это вмѣстѣ составляло ученый курсъ. Въ Европѣ эта смѣсь перебродилась и вылилась въ стройныя формы современной науки; на мусульманскомъ востокѣ она не пошла впередъ: утомилась въ тяжелой и неблагодарной работѣ въ заколдованномъ кругу ислама, ослабѣла и—задремала непробудною дремотою, прерываемою по временамъ безсвязнымъ бредомъ.

Въ Европѣ есть немного произведеній мусульманскихъ писателей въ точныхъ переводахъ; нѣсколько изъ нихъ—историческія и географическія сочиненія; образчикъ другихъ, если не по формѣ, то по смыслу, мы видѣли въ Гюлистанѣ. И эти-то послѣдніе переведены по большей части *въ пособіе къ переводамъ* съ восточныхъ языковъ!—Намъ укажутъ на нѣкоторыя восточныя произведенія, переданныя европейскими писателями въ прекрасной художественной формѣ: но по формѣ переданнаго нельзя судить о формѣ и достоинствѣ подлинниковъ: Байронъ, Гете, Шиллеръ, Вольтеръ, Ламартинъ, Жуковскій—не знали ни одного восточнаго языка; они были геніальными художниками, которые изъ безобразныхъ массъ глины, принесенной съ востока, лѣпили свои высоко-прекрасныя, идеальныя группы; они творили не для востока, не для критической науки; имъ нужна была не идея, не форма востока, а только глина, которой они придавали свои новѣйшія, европейскія, поэтическія формы и идею; имъ нужны были восточные костюмы, декорація, сцена,—а *слово* они проповѣдывали *свое*, отъ кого бы они прежде ни слышали его.

Примѣчаніе. Впослѣдствіи мы, студенты восточнаго факультета, надѣемся познакомить просвѣщенныхъ читателей съ другими отрывками мусульманской литературы, которые бы такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Гюлистаномъ, представили въ возможной полнотѣ факты духовной жизни востока.

Digitized by Google

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О

НОВГОРОДСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТѢ

1471 года,

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СУДОПРОИЗВОДСТВУ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ГРАЖДАНСКОМУ.

Сочиненіе студента Ѳедора Панова, писанное для полученія степени кандидата въ 1856 году.

Введеніе.

Задача предлагаемой статьи—раскрыть содержаніе новгородской судной грамоты въ отношеніи къ судопроизводству, преимущественно гражданскому. Но прежде нежели мы приступимъ къ разрѣшенію этой задачи, считаемъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя предварительныя понятія о новгородской судной грамотѣ, служащія какъ-бы краткимъ обозрѣніемъ ея внѣшней исторіи.

Текстъ новгородской судной грамоты въ томъ видѣ, какъ онъ помѣщенъ въ нашемъ изслѣдованіи, взятъ изъ тома I Акт. Археогр. Эксп., гдѣ эта грамота помѣщена подъ N° 92 и названа новгородскою судною грамотою. Она имѣетъ тѣсную связь съ двумя мирными договорными грамотами новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III и съ сыномъ его Іоанномъ, также помѣщенными въ т. I Акт. Арх. Эксп. подъ N° 91, и вмѣстѣ съ этими грамотами она была утверждена взаимною присягою (крестнымъ цѣлованьемъ) и скрѣплена подписью и печатью великаго князя (1), 11 августа 1471 года.

Грамоту эту мы не можемъ считать за ограниченіе правъ судебной власти «господина Великаго Новагорода», потому что въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, она не предоставляетъ

---

(1) Акты Арх. Эксп., т. I. N° 91, II: «А что грамота докончалная *промежи собя о суде*, ино у той грамоты быти *имени и печати Великихъ Князей*».

Digitized by Google

Іоанну III, какъ новгородскому князю, такихъ правъ въ судебномъ разбирательствѣ, какихъ-бы уже не имѣли его предшественники, какъ князья новгородскіе: судебная власть намѣстника и тіуновъ, которыхъ Іоанну III было предоставлено держать въ новгородскомъ княжествѣ, въ этой грамотѣ ничѣмъ не отличается отъ той власти, которая была предоставлена намѣстнику и тіунамъ польскаго короля Казиміра IV (1), договоръ съ которымъ нельзя признавать за ограниченіе правъ людей вольныхъ (2): этотъ договоръ былъ нечто иное, какъ письменное изложеніе всѣхъ тѣхъ отношеній новгородцевъ къ князю, которыя существовали изстари и назывались пошлиною, стариною. Въ договорныхъ грамотахъ новгородцевъ съ князьями не всѣ эти отношенія излагаются, потому что они предполагаются уже извѣстными всѣмъ русскимъ князьямъ; но какъ польскій король не могъ знать новгородской старины, то въ договорѣ съ нимъ она по большей части и была означена.

Новг. с. грамота ограничивается судомъ надъ одними новгородскими людьми (3), такъ что о судѣ смѣстномъ или общемъ въ ней вовсе не говорится (4).

Новг. с. грамота, по нашему мнѣнію, была вызвана стремленіемъ новгородскаго правительства къ ограниченію самоуправства частныхъ лицъ въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ оно являлось для общества наиболѣе вреднымъ, а не отношеніями новгородцевъ къ Іоанну III послѣ шелонской битвы. Новгородское правительство, желая подчинить большую часть тяжебныхъ споровъ между частными лицами судебному разбирательству, старается искоренить дѣйствіе права сильнаго въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ оно, по понятіямъ народа, удобно могло быть употребляемо какъ средство рѣшенія спора. Къ числу такихъ дѣлъ

(1) Акты Арх. Эксп., т. I, № 87.

(2) См. С. Соловьева: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. Москва, 1846 г. стр. 86.

(3) См. выноску на предъидущей страницѣ.

(4) Судъ смѣстный или общій былъ учрежденъ на Городищѣ (село, которое и теперь подъ тѣмъ-же именемъ находится въ разстояніи одной версты отъ Новгорода, вверхъ по Волхову, на правомъ берегу его) для разбирательства судн. дѣлъ, возникавшихъ между новгородск. и великокняжескими подданными. Судьями назначались два боярина, одинъ со стороны вел. князя, другой отъ новгородск. правительства. (См. Акты Арх. Эксп., т. I № 91, II). А. П. Куницынъ въ своемъ сочиненіи: «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи», стр. 28, считаетъ учрежденіе смѣстнаго суда за уступку со стороны новг. правительства въ пользу Іоанна III, происшедшую не ранѣе 1471 года и бывшую слѣдствіемъ несчастнаго для новгородцевъ сраженія на Шелони, 1471 г., 14 іюля (см. Софійск. Временникъ, часть II, стр. 103); но это несправедливо, потому что о существованіи такого суда въ Акт. Арх. Эксп. (т. I, № 58) упоминается уже ранѣе, именно подъ годомъ 1456.

Digitized by Google

принадлежали въ то время тяжбы за поземельную собственность и иски по уголовнымъ преступленіямъ, совершаемымъ противъ частныхъ лицъ (delicta privata). Поэтому новг. правительство для такихъ дѣлъ издастъ разныя постановленія, въ которыхъ излагаются правила суда и назначаются тяжкіе денежные штрафы за употребленіе насилія въ тѣхъ случаяхъ, кои по предписанію закона должны подлежать судебному разбирательству. Постановленія эти, быть можетъ, существовали уже и прежде (подобно тому, какъ большая часть постановленій псковской судной грамоты въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ (1), дѣйствовали уже и прежде 1467 г.) (2); но по случаю заключенія Новгородомъ мирнаго договора съ великими князьями (Іоанномъ III и сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ), съ соизволенія этихъ князей, были преданы письму, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы служить руководствомъ намѣстнику и тіунамъ великокняжескимъ при рѣшеніи ими (совмѣстно съ новгородскими судьями) тѣхъ дѣлъ, для которыхъ эти узаконенія были назначены (3). Эти постановленія состоялись на вѣчѣ, какъ видно изъ начала новг. с. грамоты:

§ 1. Доложа господы Великихъ Князей, Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его Великого Князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на архіепископство Великого Новагорода и Пъскова священноинока Ѳеофила. Се покончаша посадникы Ноугородцкіе, и тысятцкіе Ноугородцкіе а), и бояря, и житьи люди, б) и купци, и черные люди, вся пять Концовъ, весь государь Велики Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ.

а) Посадники и тысяцскіе носили наименованіе степенныхъ или старыхъ (въ одной новг. грамотѣ употреблено даже названіе *изстарinныхъ*). Степеннымъ посадникомъ или тысяцскимъ назывался тотъ бояринъ новгородскій, который въ то время, какъ о немъ идетъ рѣчь, исправлялъ означенную должность; старыми-же посадниками и тысяцскими назывались бояре, прежде отправлявшіе подобныя должности. Иногда старые посадники снова избирались въ должность степенныхъ. б) Житьи люди,—богатые, зажиточные собственники,—именитые граждане.

---

(1) См. Псковская судная грамата, составленная на вѣчѣ въ 1467 году, изданная Н. Мурзакевичемъ въ Одессѣ, 1847 года.

(2) Гражданскіе законы Псковской судной грамоты, сочиненіе Ивана Энгельмана, С.-Пбургъ, 1855 года (см. стр. 8—11).

(3) Гдѣ писались постановленія новгородскаго вѣча?—неизвѣстно. Мы знаемъ

Digitized by Google

Будучи утверждены великими князьями вмѣстѣ съ мирнымъ договоромъ 11-го августа 1471 г., эти узаконенія составили правила «о судѣ и о закладѣ, на наѣздщики и на грабещики» (¹), которыя въ настоящее время образуютъ новг. с. грамоту. Поэтому, если мы примемъ во вниманіе такое заглавіе новг. с. грамоты, то должны будемъ допустить, что она не могла составлять общаго для судопроизводства въ новгородск. княжествѣ узаконенія; ограничиваясь-же тою ея частію, которая дошла до насъ, мы можемъ высказать слѣдующія общія положенія о н. с. грамотѣ, которыя выводятся изъ нашего сочиненія:

1) Новг. с. грамота исключительно содержитъ въ себѣ судопроизводство по тяжбамъ за поземельную собственность съ проистекающими изъ нихъ исками о насильственныхъ дѣйствіяхъ въ недвижимомъ имѣніи (иски «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ») и по искамъ объ уголовн. преступленіяхъ, совершаемыхъ противъ частныхъ лицъ.

2) Форма производства суда по новг. с. грамотѣ, подобно тому, какъ и во всѣхъ нашихъ законодательныхъ памятникахъ того времени, есть исковая или обвинительная, но не слѣдственная.

3) Только присяга обѣщательная прямо высказана новг. с. грамотою, и имѣетъ значеніе полнаго судебнаго доказательства тогда только, когда истецъ или отвѣтчикъ отказывается принять ее. Въ искахъ же уголовныхъ даже и отказъ отъ присяги несоставляетъ доказательства къ обвиненію отказавшагося отъ нея.

4) Акты, заключающіе въ себѣ рѣшеніе новгородскихъ судовъ по тяжбамъ и искамъ, суть грамоты судныя или безсудныя; слѣдовательно это такіе акты, которые были общеупотребительны въ современной н. с. грамотѣ Руси.

5) Главное наказаніе обвиненныхъ по суду состоитъ въ денежныхъ штрафахъ и взысканіяхъ.

только то, что вѣче издавало отъ себя грамоты вѣчныя (см. Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 32 и 42), которыя уже по договору новгородцевъ съ Василіемъ Темнымъ, 1456 г., положено отмѣнить (Акты Арх. Эксп., т. I, № 58) и которыя также отмѣняются договоромъ новгородцевъ съ Іоанномъ III, 1471 г. (Акты Арх. Эксп., т. I, № 91, 11); мы знаемъ еще, что вѣче имѣло своего дьяка, который назывался *вѣчнымъ* (см. примѣч. 147 къ т. VI Исторіи Государства Росс. Карамзина и Акты Арх. Эксп., т. I, № 59); но не болѣе. Впрочемъ вѣроятно, что при дьякахъ состояло особое учрежденіе, соотвѣтствовавшее канцеляріи настоящаго времени, въ которомъ писались *вѣчныя* грамоты (см. Ив. Красова: о мѣстоположеніи древняго Новгорода, Новгородъ, 1851 г. стр. 88—89).

(¹) Надпись, сдѣланная въ сборникѣ новгородскихъ и двинскихъ грамотъ (принадлежащемъ Император. публичн. библіотекѣ) въ началѣ новг. с. грамоты.— См. Акты Арх. Эксп., т. I, № 92, стр. 72.

Digitized by Google

Источники и ученыя пособія, которыми мы пользовались для изслѣдованія новг. с. грамоты, указаны тамъ, гдѣ сдѣланы на нихъ ссылки. Здѣсь мы замѣтимъ только, что во многихъ мѣстахъ нашего сочиненія, при объясненіи нѣкоторыхъ постановленій н. с. грамоты и при выводѣ нѣсколькихъ заключеній о новгородскомъ судопроизводствѣ, мы принимали въ соображеніе законы псковскаго государства (въ томъ видѣ, какъ они помѣщены въ изданіи г. Мурзакевича (1) и объяснены въ сочиненіи г. Энгельмана (2), и изъ нихъ приблизительно старались дѣлать заключеніе о сходствѣ въ подобныхъ случаяхъ новгородскихъ законовъ съ псковскими, основываясь на тождествѣ бо́льшей части государственныхъ учрежденій въ обоихъ княжествахъ и на сходствѣ правъ, предоставляемыхъ своимъ подданнымъ Новгородомъ и Псковомъ. Это сходство мы думаемъ основать на томъ обстоятельствѣ, что Псковъ долгое время, именно до 1348 года, находился въ зависимости отъ Новгорода и получалъ отъ него посадниковъ, хотя и имѣлъ свое отдѣльное вѣче. Только съ 1348 г. онъ пріобрѣлъ отъ Новгорода право называться его «молодшимъ братомъ», послѣ чего самъ сталъ избирать себѣ посадниковъ; но тѣмъ не менѣе по отношенію къ церковному суду псковитяне всегда зависѣли отъ новгородскаго архіепископа, который имѣлъ у нихъ своего особаго намѣстника, называемаго владычнымъ.

Что касается до *системы* нашего сочиненія, то она можетъ быть усмотрѣна изъ заглавія отдѣловъ. Для удобства ссылокъ на разныя постановленія новг. с. грамоты, мы раздѣлили текстъ ея на §§, къ которымъ приложили замѣчанія, заключающія въ себѣ переводъ древнихъ словъ на нынѣшній русскій языкъ.

Впрочемъ, такъ какъ постановленія новг. с. грамоты изложены въ ней безъ всякой системы, то часто случалось, что два, по видимому однородныя узаконенія, непосредственно слѣдующія въ грамотѣ одно за другимъ, размѣщались нами по разнымъ отдѣламъ нашего сочиненія, потому что правила въ этихъ узаконеніяхъ выраженныя, принадлежатъ различнымъ моментамъ судопроизводства.

А. О СУДЕБНЫХЪ ВЛАСТЯХЪ ВЪ НОВГОРОДСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

Судъ, производимый въ новгородскомъ княжествѣ, можно раздѣлить на два главные рода: 1) судъ постоянный и 2) судъ

(1) Пск. суди. грамата, изд. Мурзакевичемъ въ Одессѣ, 1847 г.

(2) Гражданскіе законы Псковской суди. грамоты, соч. Ив. Энгельмана, С.-Пбургъ, 1855 г.

Digitized by Google

временной. Первый состоялъ изъ опредѣленныхъ мѣстъ и лицъ, установленныхъ для изслѣдованія и рѣшенія бо́льшей части тяжебныхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ; послѣдній имѣлъ мѣсто только относительно нѣкоторыхъ немногихъ дѣлъ, и притомъ производился не всегда, а въ особо для того назначенное время. Къ такому временному суду принадлежатъ: 1) судъ самого великаго князя; 2) судъ порубежный и 3) судъ проѣзжій. Но какъ о временномъ судѣ въ новг. с. грамотѣ не говорится, то мы изложимъ здѣсь только постоянный судъ новг. княжества и притомъ такъ, какъ онъ можетъ быть выведенъ изъ словъ этой судной грамоты.

Постоянный судъ въ новг. княжествѣ былъ четырехъ родовъ: 1) судъ вѣчевой; 2) судъ княжескій; 3) судъ новгородскій и 4) судъ церковный.

I. О судѣ вѣчевомъ.

Вѣче въ Новгородѣ собиралось или по распоряженію князя, и такое вѣче называется княжескимъ; или оно созывалось независимо отъ усмотрѣнія князя, часто даже противъ его воли. Вѣче собиралось на дворѣ Ярослава, и въ немъ могли принимать участіе всѣ свободные новгородскіе люди (1). Главою вѣча были: или князь (если вѣче созывалось по его усмотрѣнію), или посадникъ (степенный) и тысяцкій (степенный), если они созывали вѣче. Впрочемъ посадники и тысяцскіе, какъ степенные, такъ и старые присутствовали и на княжескомъ вѣчѣ. Но кромѣ князя, посадника и тысяцскаго, вѣче могло быть собираемо каждымъ гражданиномъ вообще, который созывалъ своихъ согражданъ для принесенія имъ жалобы. Такое вѣче называется суднымъ. Жалоба разсматривалась и рѣшалась собравшеюся такимъ образомъ толпою, которая получала значеніе вѣча, и приводила свое рѣшеніе въ исполненіе, если имѣла на то достаточно силы. Противъ такого вѣча не рѣдко собиралось другое, недовольное поступками перваго. Это новое вѣче открытою силою старалось или воспрепятствовать приведенію въ исполненіе рѣшенія перваго вѣча, или-же имѣло цѣлію отмстить первымъ вѣчникамъ за зло, причиненное ими извѣстнымъ гражданамъ. Отъ такихъ самоуправныхъ поступковъ народа въ городѣ не рѣдко происходили гражданскіе смуты: грабежи, зажигательство, убійство. Впрочемъ какъ вѣче, созываемое княземъ, или посадникомъ и тысяцскимъ (слѣдовательно составлявшееся по

(1) См. § 1. Также это видно изъ разныхъ другихъ новгородскихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Т. 1 Акт. Арх. Эксп. подъ NN№ 32, 42, 57 и 62.

Digitized by Google

распоряженію высшихъ новгородскихъ сановниковъ), такъ равно и вѣче, собиравшееся по волѣ прочихъ гражданъ, имѣло одинаковое значеніе: постановленія послѣдняго имѣли такую-же силу, какъ и опредѣленія перваго, и даже самъ князь признавалъ ихъ законными (1).

Изъ лѣтописей видно, что судное вѣче предоставляло себѣ право рѣшать слѣдующія дѣла: 1) преступленія, признаваемыя государственною измѣною; 2) случаи притѣсненія народа государственными сановниками и 3) убійство, разбой, грабежъ и др. подобныя преступленія, какъ дѣйствія возмущающія общую тишину и спокойствіе (2).

Изъ этого перечисленія видно, что новгородскіе граждане считали себя въ правѣ рѣшать, безъ испрошенія на то соизволенія князя, такія дѣла, которыя возмущали общую тишину и спокойствіе въ городѣ, которыя нарушали его *наряды* внутренній или внѣшній; слѣдовательно они считали себя въ правѣ судить преступленія общественныя (delicta publica), какъ нарушающія благо цѣлаго государственнаго союза, заботиться о пользахъ котораго новгородскіе граждане считали для себя обязанностію, и вмѣстѣ съ тѣмъ признавали за собою право карать нарушителей этого общественнаго порядка, видя въ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преступниковъ противъ самихъ себя, какъ противъ частныхъ лицъ.

Пріобрѣтеніе вѣчемъ такой судебной власти основывается на ослабленіи великокняжеской власти отъ споровъ и усобицъ князей въ такъ-называемый удѣльный періодъ. Слѣдствіемъ упадка этой власти было и ослабленіе княжеской власти въ Новгородѣ, который, около половины XII вѣка, пріобрѣлъ возможность избирать себѣ князя изъ множества князей (3). Эти избранные князья принимались *на всей волѣ* новгородской: они должны были соглашаться на условія, *господиномъ великимъ Новымъ-городомъ* имъ предлагаемыя (4), должны были спокойно смотрѣть на самовластіе народа, выражавшееся въ постановленіяхъ вѣча, и должны были признавать силу и дѣйствіе вѣчевыхъ постановленій, потому что то-же самое вѣче, которое дѣлало эти постановленія, было виновникомъ избранія князя; вѣчу точно

(1) См. въ соч. Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ» стр. 2 и 6—7.

(2) См. напр. въ соч. Куницына «Историч. изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи» стр. 15, выноски M—P, и въ соч. Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. кн.» стр. 5—6.

(3) См. вышеприведенное соч. Соловьева, въ особенности стр. 36—37.

(4) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ, Т. I NN° 1—20.

Digitized by Google

также принадлежало право изгнать князя, если онъ не нравился народу. На этомъ-то основаніи,—на основаніи сильнаго вліянія вѣча на общественныя и политическія дѣла новгородской державы, князь новгородскій, если хотѣлъ удержаться въ Новгородѣ, долженъ былъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ вѣчеваго народовластія.

Обратимся теперь къ новг. с. грамотѣ, предмету нашего изслѣдованія. О судебной власти вѣча въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее только что представили, въ этой грамотѣ нѣтъ и рѣчи; впрочемъ въ періодъ времени, нами разсматриваемый, подобной судебной власти вѣче и не могло уже имѣть безъ опасенія навлечь чрезъ то на Новгородъ неминуемый гнѣвъ велик. князя московскаго, теперь вполнѣ могущественнаго для того, чтобы смирить непокорныхъ и наказать буйныхъ вѣчниковъ. Доказательствомъ этому можетъ служить первый походъ Іоанна III на Новгородъ (1470—1471 г.), предпринятый имъ для приведенія этого города въ покорность Москвѣ, потому что буйные новгородцы, собравъ вѣче, положили отдаться въ подданство вел. кн. Литовскаго (вмѣстѣ съ тѣмъ и короля польскаго), Казиміра IV, съ которымъ и былъ ими заключенъ упомянутый уже нами договоръ (Акты Арх. Эксп. Т I, № 87) отъ имени всего великаго Новагорода (1).

Судебная власть вѣча на основаніи н. с. грамоты ограничивается двумя случаями: 1) заботою о скоромъ движеніи и рѣшеніи тяжбъ за поземельную собственность и 2) наказаніемъ ослушниковъ судебныхъ опредѣленій. Въ первомъ случаѣ вѣче посылало своихъ приставовъ въ судъ великокняжескаго тіуна, (2) подъ наблюденіемъ которыхъ докладчики обязаны были съ возможною скоростію изслѣдовать дѣло и представить тіуну способъ рѣшенія его (т. е. сдѣлать докладъ), а тіунъ долженъ былъ въ присутствіи этихъ приставовъ рѣшить дѣло (3). Во второмъ случаѣ вѣче изрѣкало обвинительный приговоръ надъ истцомъ въ судномъ дѣлѣ, если онъ, предъявивъ суду свою жалобу, въ теченіе узаконеннаго времени не вступалъ въ переговоры съ отвѣтчикомъ или судьею и скрывался отъ приставовъ, которые по истеченіи этого времени посылались съ вѣча для представленія его къ суду (4).

II. О судѣ княжескомъ.

Княжескій судъ былъ двоякого рода: его производили или

(1) Вышеприведенное соч. Соловьева, стр. 85—87.
(2) Ст. § 62 и статью о Княж. судѣ.
(3) См. §§ 62 и 75.
(4) См. § 19.

Digitized by Google

1) княжескій (т. е. великокняжескій) намѣстникъ или 2) его тіуны (1). О судѣ великокняжескаго намѣстника въ н. с. грамотѣ отдѣльно не говорится, потому что всѣ дѣла этотъ намѣстникъ долженъ былъ рѣшать по согласію съ новгородскимъ посадникомъ, который въ свою очередь не могъ кончать никакого судебнаго дѣла, безъ согласія на то княжескаго намѣстника (2). Послѣ этого понятно, что всѣ дѣла, которыя въ н. с. грамотѣ отнесены къ вѣдомству новгор. посадника, принадлежали въ то же время и къ вѣдомству великокняжескаго намѣстника. Впрочемъ изъ самаго образа выраженія н. с. грамоты (3) слѣдуетъ заключить, что главное лицо въ судѣ былъ посадникъ, а не великокняжескій намѣстникъ, который, кажется, обращалъ главное свое вниманіе на судебные штрафы и пошлины, изъ коихъ первые слѣдовали въ великокняжескую казну, (4) а послѣднія въ его собственную пользу (5).

Другое, по н. с. грамотѣ болѣе замѣчательное лицо въ судебномъ отношеніи, былъ княжескій тіунъ, который находился въ Новгородѣ при великокняжескомъ намѣстникѣ.

---

(1) Мы здѣсь не говоримъ о непосредственномъ судѣ самого князя, потому что о такомъ судѣ въ н. с. грамотѣ не упоминается. Судъ самого князя (именно великаго) въ это время былъ только временной; онъ производился или самимъ великимъ княземъ или его близкимъ родственникомъ, когда тотъ или другой находился въ Новгородѣ (Акты Арх. Эксп. т. I, № 91). Примѣръ такого суда помѣщенъ Куницынымъ въ его сочиненіи «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи», въ прибавленіи I, стр. 139—141. Но въ тотъ періодъ времени, когда новгородцы по своему произволу избирали себѣ князя, непосредственный княжескій судъ могъ считаться постояннымъ, если князь жилъ большею частію въ Новгородѣ, а не въ своемъ какомъ нибудь удѣлѣ (въ какомъ случаѣ онъ производилъ судъ чрезъ своего намѣстника и тіуновъ); такой судъ могъ уже распространяться на всѣ вообще дѣла и на всѣ лица безъ изъятія и былъ окончательный, т. е. не имѣлъ надъ собою другаго высшаго суда, въ который-бы дѣло могло перейти по апелляціи или на ревизію (см. Соловьева: Объ отношеніяхъ Новгорода къ велик. кн., стр. 3—5, 10, 11 и др.). Впрочемъ, если судебная власть князя обнимала собою судныя дѣла всякаго рода и простиралась на всѣ вообще лица, то послѣ этого вѣчу не оставалось-бы никакого участія въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ, такъ какъ рѣшеніе ихъ зависѣло исключительно отъ князя; а между тѣмъ мы видѣли, что вѣче обладало обширными правами судебной власти въ періодъ возрастанія могущества новгородской державы и въ эпоху полнаго его развитія. Даже и во время составленія новг. с. грамоты вѣче имѣло еще нѣкоторую судебную власть (см. §§ 19, 62 и 75);—слѣдовательно право вѣча производить судъ признавалось дѣйствующимъ и при Іоаннѣ III, во время совершеннаго ослабленія могущества *господина Великаго Новагорода*, но еще не окончательнаго его покоренія московской державѣ. Причиною такого сопоставленія судебныхъ правъ вѣча судебной власти князя было ослабленіе княжеской власти въ Новгородѣ вслѣдствіе пріобрѣтенія народомъ права избирать и изгонять князя по произволу, какъ объ этомъ мы уже говорили.

(2) См. § 2.

(3) См. §§ 2 и 83.

(4) См. §§ 36, 74, 80 и др.

(5) См. § 83.

Digitized by Google

Такъ какъ этотъ намѣстникъ занимался главнымъ образомъ политическими дѣлами новгор. державы, то власть судебная принадлежала преимущественно великокняжескому тіуну. Этотъ тіунъ (1) съ новгородскими докладчиками судилъ въ Новгородѣ (2) въ особой одринѣ (3), а потому такой тіунскій судъ можетъ быть названъ судомъ смѣстнымъ, т. е. княжесконовгородскимъ, но какъ великокняжескій тіунъ упоминается въ немъ какъ главное лицо, то мы и говоримъ объ этомъ судѣ въ настоящемъ мѣстѣ, а не въ статьѣ о Новгородскомъ судѣ.

Составъ этого суда былъ многосложный; въ него входили слѣдующія лица: 1) великокняжескій тіунъ, который считался предсѣдателемъ этого суда, (4) 2) десять докладчиковъ и 3) два пристава. Впрочемъ рѣшительную власть по отношенію къ разбираемымъ дѣламъ въ этомъ судѣ имѣли великокняжескій тіунъ и докладчики; приставы же обязаны были только наблюдать за соблюденіемъ тяжущимися тишины и порядка при судопроизводствѣ. Докладчики были главные дѣятели въ этомъ су-

---

(1) Слово «тіунъ» въ новгор. с. грамотѣ не встрѣчается; его мы находимъ въ договорѣ новгородцевъ съ польск. королемъ Казимиромъ IV:» А *тіуну* твоему (Король) судити въ одринѣ съ новгородскими приставы» (Акты Арх. Экспед. т. I № 87). Этотъ договоръ относится къ 1470 или 1471 г.

(2) Кромѣ этого тіуна Іоанну III, на основаніи договорн. грамоты (первой) съ новгородцами (Акт. Арх. Экспед. т. I. № 91, I) было предоставлено имѣть еще своего тіуна въ Торжкѣ. О немъ см. ниже статью: Судебное разбирательство высшихъ новгородскихъ судей, стр. 271.

(3) Одрина на древнемъ русскомъ языкѣ означаетъ жилой покой, избу. (Ак. Сл.) Въ юридическомъ отношеніи одрина имѣла значеніе судебной комнаты, судебной палаты (см. договоръ новгородцевъ съ польскимъ королемъ Казимиромъ IV: «А тіуну твоему (король) судити въ одринѣ съ новгородцкими приставы» (Акты Арх Экспед., т. I, № 87) Въ новгородской с. грамотѣ эта одрина прямо названа тіунскою: «А въ *тіунѣ* одринѣ....» (См. § 4). Прилагательное тіунь, (а въ женскомъ родѣ тіуня), легко могло образоваться изъ сл. тіунъ, подобно тому, какъ отъ сл. истецъ произошло прилагательное истець, которое одинъ разъ встрѣчается въ н. с. грамотѣ (См. § 67). Въ актахъ послѣдующаго времени мы находимъ, что тіуня одрина дѣйствительно называлась тіунскою избою. Такъ въ т. IV историч. актовъ въ № 259 мы встрѣчаемъ слѣдующее: «И о томъ (о производствѣ ставленическихъ дѣлъ и о сборѣ съ поповъ и діаконовъ разн. пошлинъ) на Москвѣ, въ *тіунскую избу* послать память». Куницынъ судъ вел. княж. тіуна несправедливо называетъ судъ одринъ, принимая сл. одринъ въ смыслѣ прилагательнаго отъ одръ-тронъ, престолъ, и вм. словъ н. с. грамоты «А въ тіунѣ одринѣ....» (см. § 4) предлагаетъ читать «а въ судѣ одринѣ», (см. вышеприведенное соч. Куницына, стр. 33—37). Эта ошибка Куницына была повторяема даже въ новѣйшее время (сочиненіе Куницына «Историч. изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи» писано прежде 1826 г.), какъ напр. г. Чеглоковымъ въ его статьѣ «объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича», помѣщенной въ юридич. сборникѣ Мейера (Казань, 1855 г.), и профессоромъ моск. университета Соловьевымъ, въ его сочиненіи «Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ». стр. 162 примѣч. 27.

(4) См. на этой стр. выноску 3.

Digitized by Google

дѣ и на нихъ возлагалась обязанность изслѣдовать дѣло и представить свое мнѣніе о рѣшеніи его въ видѣ доклада великокняжескому тіуну (1).

Для занятій по изслѣдованію дѣла они были обязаны собираться три раза въ недѣлю:

§ 2. А докладчикомъ садиться на недѣлю по трижды, въ понедѣльникъ, въ середу и въ пятокъ.

Докладъ по оконченнымъ производителями (т. е. докладчиками) дѣламъ происходилъ въ престольной комнатѣ новгор. архіепископа, куда допускались также и тяжущіеся или ихъ повѣренные, но только не постороннія по отношенію къ рѣшаемому дѣлу лица:

§ 3. А докладу быти во владычнѣ комнатѣ а); а у докладу быть изъ конца по боярину да по житьему б), да кои люди въ судѣ сидѣли в), да и приставомъ, а иному никому же у доклада не быть.

а) Престольная комната новгор. архіепископа. (См. вышеприведенное сочин. Куницына, стр. 34). б) Докладчики. в) Тяжущіеся (см. также § 13 примѣч. б).

Какъ видно изъ этого §, докладчики назначались изъ обоихъ почетныхъ классовъ новгор. людей; числомъ ихъ было 10, потому что изъ каждаго конца назначалось по 2 докладчика, а Новгородъ раздѣлялся на 5 главныхъ концовъ: славенскій, плотенскій, неревскій, загородскій и гончарскій (первоначально людинъ). Такимъ образомъ докладчики, которыхъ мы можемъ назвать засѣдателями въ судѣ тіунскомъ, были сословные судьи, избираемые изъ почетныхъ классовъ новгородскихъ людей. Цѣль ихъ назначенія — возможно справедливое рѣшеніе судныхъ дѣлъ, котораго правительство въ правѣ ожидать отъ лучшихъ своихъ гражданъ.

Мы замѣтили, что приставы, упоминаемые въ составѣ тіунскаго суда, въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ участія не принимали, и были только блюстители порядка во время судопроизводства. Этому, по видимому, противорѣчитъ слѣдующій §, который даетъ имъ значеніе судеи:

§ 4. А въ тіунѣ одринѣ быти по приставу съ сторону, людемъ добрымъ, да судити имъ въ правду крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ.

Для соглашенія такого противорѣчія съ принятымъ нами значеніемъ приставовъ тіунскаго суда, мы прежде всего замѣтимъ,

(1) См. ниже статью: Объ обсужденіи и рѣшеніи судныхъ дѣлъ, стр. 306.

Digitized by Google

что слова этого S, «по приставу съ сторону» относятся не къ тяжущимся, а къ великому князю и новг. правительству, которые въ этомъ мѣстѣ н. с. грамоты являются договаривающимися. До этого времени (т. е. до составленія н. с. грамоты) при тіунской одринѣ состояли только новгород. приставы (1); но съ этихъ поръ вел. князь получилъ право назначать въ эту одрину одного своего пристава (другаго избирало новг. правительство), подобно тому, какъ князья во Псковѣ имѣли право держать при каждомъ псковскомъ судѣ своего подверника (2). Подверникъ этотъ не былъ судья: онъ долженъ былъ наблюдать за порядкомъ при судопроизводствѣ, а иногда, въ силу судебн. рѣшенія, обязанъ былъ содержать подсудимыхъ подъ стражею. На основаніи послѣдняго права ему вмѣняется въ обязанность «праваго не погубити, а виноватаго не оправити (3)».

Приставы въ тіунскомъ судѣ могли имѣть по отношенію къ подсудимымъ подобное же право ареста, а потому имъ вмѣняется въ обязанность поступать съ этими подсудимыми справедливо: «да судити (4) имъ въ правду крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ».

Къ вѣдомству тіунскаго суда н. с. грамота относитъ только тяжбы за поземельную собственность; но какъ эти же тяжбы составляли предметъ судебнаго вѣдомства посадника (5), то и трудно опредѣлить, какія условія требовались для того, чтобы дѣло было разсмотрѣно судомъ тіунскимъ, и какія для рѣшенія его посадникомъ. Кажется однако, что тѣ тяжбы за поземельную собственность, которыя были соединены съ исками «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ», всегда принадлежали вѣдомству посадника.

Куницынъ относитъ къ вѣдомству такъ называемаго имъ суда одрина, по нашему правильнѣе—суда тіунскаго, всѣ дѣла, которыя считались въ вѣдомствѣ посадника (6); но никакихъ доказательствъ тому не представляетъ. Тіунскій судъ находился въ зависимости отъ вѣча, которое по жалобѣ истца на медленность рѣшенія дѣла тіуномъ или на бездѣятельность докладчиковъ посылало отъ себя приставовъ, которые обязаны были понудить того или другихъ къ скорѣйшему окончанію дѣла (7).

---

(1) См. выноску 3 на стр. 264.
(2) Псковск. с. грамота, изданная Мурзакевичемъ, стр. X, строки 20—28.
(3) См. сочиненіе г. Энгельмана, § 69, примѣч. б.
(4) Здѣсь слово «судити» можетъ имѣть значеніе «дѣйствовать».
(5) См. §§ 72, 73 и 74.
(6) См. вышеприведенное соч. Куницына, стран. 34.
(7) См. выше статью: «О судѣ вѣчевомъ», стр. 262, и также §§ 62 и 75.

Digitized by Google

III. СУДЪ НОВГОРОДСКІЙ.

Подъ новгородскимъ судомъ мы разумѣемъ тотъ судъ, который производился новгородскими судьями, т. е. тѣми новгородцами, которые пріобрѣли судебную власть или по волѣ вѣча—избраніемъ ихъ въ извѣстныя должности съ утвержденіемъ въ нихъ великимъ княземъ, или-же по согласію тѣхъ общинъ, въ коихъ они дѣлались судьями. На этомъ основаніи мы принимаемъ, что судъ новгородскій былъ 3-хъ родовъ: 1) судъ посадника; 2) судъ тысяцскаго и 3) судъ нисшихъ новгородскихъ судей.

1. О судѣ посадника.

Около половины XII столѣтія сами новгородцы начинаютъ избирать себѣ посадника, въ качествѣ народнаго чиновника, ограничивающаго судебную власть князя (1), хотя до этого времени посадникъ назначался имъ княземъ и имѣлъ значеніе княжескаго намѣстника (2).

Это право,—право избирать посадника по собственной волѣ, новгородцы пріобрѣли въ слѣдствіе ослабленія княжеской власти въ Новгородѣ, какъ объ этомъ мы уже говорили выше; они сохраняли это право во все время самостоятельности новгородской державы; оно изчезло только вмѣстѣ съ паденіемъ Новгорода,—въ 1478 году.

Посадникъ избирался на вѣчѣ изъ новгород. бояръ, на неопредѣленное время, (3) и въ числѣ прочихъ должностныхъ преимуществъ ему, какъ первому сановнику новгородскаго государства, принадлежала и власть судебная въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Впрочемъ въ тотъ періодъ времени, къ которому относится н. с. грамота, посадникъ не могъ произносить окончательнаго рѣшенія по судному дѣлу безъ согласія великокняжескаго намѣстника на судебный приговоръ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ н. с. грамоты:

§ 5. А посаднику судити судъ свой съ намѣстники а) Великого Князя, по старинѣ б); а безъ намѣстниковъ Великого Князя посаднику суда не кончати в).

(а) Здѣсь говорится о нѣсколькихъ великокняжескихъ намѣстникахъ, хотя великій князь имѣлъ въ новгородскомъ княжествѣ преимущественно одного только намѣстника, именно въ самомъ Новгородѣ. Въ другихъ городахъ этого княжества если князь и получалъ право держать своихъ судей (к. напр. въ Торжкѣ), то это были тіуны, а не намѣстники

(1) См. вышеприведенное соч. Соловьева стр. 38—39.

(2) Тамъ же стр. 29—30.

(3) Посадникъ отправлялъ свою должность до тѣхъ поръ, пока не былъ снимаемъ по волѣ князя или народа.

Digitized by Google

въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. (б) По древнему обычаю или изстари принятому правилу. Значеніе этого слова взято изъ Академическаго словаря («Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, изданный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, С.-Петербургъ, 1847)., (в) «Кончать судъ» значитъ окончить судебное разбирательство, т. е. рѣшить дѣло.

Къ вѣдомству посадника н. с. грамота относитъ: 1) тяжбы за поземельную собственность (1); 2) иски «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ» (2) и 3) разныя уголовныя преступленія, (3) совершаемыя противъ частныхъ лицъ.

Впрочемъ судебное вѣдомство посадника, подобно тому какъ и вѣдомство суда вѣчеваго, въ н. с. грамотѣ опредѣлено не вполнѣ, по тоіі весьма естественной причинѣ, что н. с. грамота въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, не составляетъ общаго для судопроизводства узаконенія. Изъ источниковъ указанныхъ въ сочиненіи Куницына (4) видно, что посадникъ судилъ разнаго рода гражданскіе иски и тяжбы и всѣ уголовн. преступленія, совершаемыя противъ частн. лицъ,—delicta privata (въ отличіе ихъ отъ преступленіій противъ государства, delicta publica).

2) *О судѣ тысяцскаго.*

Второе лицо послѣ посадника въ новгородскомъ государствѣ былъ тысяцкіій, который также какъ и посадникъ избирался въ эту должность на вѣчѣ изъ новгородскихъ бояръ. Какія были его служебныя права и обязанности, съ точностію не извѣстно; знаемъ только, что онъ вмѣстѣ съ посадникомъ участвовалъ во всѣхъ политическихъ дѣлахъ новг. державы и имѣлъ свое особое судебное вѣдомство, въ которое даже самъ князь не долженъ былъ вмѣшиваться, какъ это видно изъ договора новгородцевъ съ великимъ княземъ литовскимъ (польск. королемъ) Казиміромъ IV (5).

Новг. с. гр. также говоритъ о судѣ тысяцскаго, какъ объ отдѣльномъ и самостоятельномъ судебномъ вѣдомствѣ:

---

(1) См. §§ 72, 73, и 74.

(2) § 77. Здѣсь посадникъ разумѣется подъ общимъ родовымъ названіемъ—судья.

(3) § 52. Хотя въ немъ не говорится, что дѣла этого рода подлежатъ суду посадника; но это можно вывести, какъ справедливо замѣчаетъ Куницынъ (на стран. 31, примѣчаніе аа) изъ другой новгородской грамоты, ближайшей по времени ея составленія къ н. с. грамотѣ, а именно изъ договора новгородцевъ съ тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ, 1426 г.: «А приведутъ Тверитина съ поличнымъ къ Новгородскому Посаднику, или къ Новоторжскому, судити его по крестному цѣлованію, а посула не взяти съ обѣ половины.» (Собр. государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, № 18).

(4) См. вышепр. сочин. Куницына, стран. 27 и 31.

(5) Акты Арх. Эксп., т. I, № 87. «А во владычень судъ и въ *тысяцкого*, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды, по старинѣ».

Digitized by Google

§ 6. А тысецкому судить свой судъ.

Изъ дѣлъ, подлежащихъ суду тысяцского, н. с. грамота упоминаетъ объ искахъ вообще (1) и о тяжбахъ за поземельную собственность (2). Изъ этого должно заключить, что судъ тысяцскаго былъ особенный по сословію подсудимыхъ ему лицъ (forum privilegiatum personale). Какія же лица были подсудны тысяцскому? Этотъ вопросъ старается рѣшить Куницынъ. Онъ говоритъ, что самое названіе тысяцскаго заставляетъ думать, что онъ былъ начальникъ надъ сотниками или сотскими, которые въ свою очередь были начальники сотень, на которыя раздѣлялись купцы и черные люди (ремесленники и вообще низшій классъ свободныхъ новгородцевъ); слѣдовательно судебныя дѣла этихъ лицъ и принадлежали разбирательству тысяцскаго. Намъ хотѣлось-бы согласиться съ мнѣніемъ Куницына; но въ этомъ отношеніи затрудненіе представляетъ одна статья въ договорной грамотѣ (второй) новгородцевъ съ Іоанномъ III, запрещающая сотскимъ производить судъ безъ намѣстника великаго князя и безъ посадника (3), тогда какъ по мнѣнію Куницына сотскіе были подсудимы тысяцскому, а въ его судъ даже самъ князь не долженъ былъ вмѣшиваться. Чтобы устранить это противорѣчіе мы предлагаемъ слѣдующее объясненіе: Сотскіе, какъ начальники городскихъ сотень, хотя зависѣли отъ тысяцскаго, какъ главы всѣхъ сотень вообще, но тѣмъ не менѣе имѣли свое судебное вѣдомство, которое ограничивалось маловажными тяжбами и исками между членами сотень; по этимъ то дѣламъ договорная грамота новгородцевъ съ вел. кн. Іоанномъ III запрещаетъ сотскимъ производить судъ безъ участія въ немъ великокняжескаго намѣстника и новгородскаго посадника. Тысяцскій же разбиралъ дѣла болѣе важныя самъ непосредственно, и по отношенію къ нимъ ни посадникъ, ни даже самъ князь не могли вмѣшиваться въ судъ его. Какъ мы уже упомянули, дѣла эти состояли въ тяжбахъ за поземельную собственность и въ искахъ. По отношенію къ послѣднимъ должно допустить, что преступленія, исчисленныя въ § 52, принадлежали судебному разбирательству тысяцскаго, если были совершаемы людьми ему подсудными; въ особенности же суду тысяцскаго должны были подлежать иски о холоп-

(1) § 71. Въ немъ употреблено сл. орудье въ значеніи иска вообще. Но мы значеніе этого слова ограничиваемъ только тѣми исками, о которыхъ говорится въ н. с. грамотѣ.

(2) § 74.

(3) Акты Арх. Эксп. т. I, № 91, II: «А сотскимъ и рядовичемъ, безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника, не судити нигдѣ».

Digitized by Google

ствѣ, потому что притязанія на свободу людей всего чаще могли относиться къ лицамъ низшихъ сословій, а они были подсудны тысяцскому (1).

3) Судебное разбирательство низшихъ новгородскихъ судей.

Судъ посадника и тысяцскаго, какъ новгородскихъ судей, былъ судъ высшей инстанціи, который всегда производился въ самомъ Новгородѣ. Теперь считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о судебномъ разбирательствѣ низшихъ судей, современныхъ н. с. грамотѣ, которые находились въ волостяхъ новгородскихъ и въ самомъ Новгородѣ въ сословіи купцовъ и черныхъ людей.

Новгород. с. грамота не поименовываетъ этихъ низшихъ судей; но послѣ посадника и тысяцскаго въ ней два раза встрѣчаются слова «и ихъ судьямъ, и инымъ судьямъ» (2) и часто просто говорится о *иныхъ судьямъ* (3). Она также не опредѣляетъ въ подробности предметовъ вѣдомства этихъ судей, такъ что намъ приходится ограничиться очень скудными свѣдѣніями о нихъ.

Въ *самомъ Новгородѣ* были *сотскіе*, какъ начальники городскихъ сотень, на которыя раздѣлялись купцы и черные люди. Эти сотскіе имѣли судебную власть, которая ограничивалась разбирательствомъ маловажныхъ дѣлъ (о чемъ мы уже сказали выше). Постановленіе договорной грамоты (второй) новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III, которое было выше приведено нами (стран. 269, выноска 3), ограничило судебную власть этихъ сотскихъ тѣмъ, что имъ запрещено было производить судъ безъ совмѣстнаго участія въ немъ посадника и великокняжескаго намѣстника. Такое постановленіе съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ и навести на ту мысль, что сотскіе были какіе либо болѣе значительные судьи, а не простые выборные представители сотень двухъ низшихъ городскихъ сословій. Но оно вполнѣ объясняется стремленіемъ великаго князя имѣть участіе во всякомъ новгородскомъ судѣ, который служилъ для него источникомъ дохода, и ощутительнымъ значеніемъ сословія купцовъ въ Новгородѣ, который въ это время вполнѣ процвѣталъ какъ городъ

(1) Полезно было-бы прослѣдить дѣятельность тысяцскаго во время военныхъ походовъ; но трудъ этотъ мы предоставляемъ сдѣлать болѣе насъ опытнымъ въ историко-юридическихъ изслѣдованіяхъ.

(2) См. §§ 71 и 84.

(3) §§ 35, 36, 51.

Digitized by Google

торговый. Поэтому сотскіе, въ качествѣ судей, могли пріобрѣсти вліяніе на общественныя дѣла новгородскаго государства, тѣмъ болѣе, что у лицъ торгующихъ не рѣдко встрѣчались такія судебныя дѣла, которыя не легко могли быть рѣшаемы одними сотскими, и которыя въ то же время по закону не принадлежали къ вѣдомству тысяцскаго. Эти причины, вмѣстѣ взятыя, могли послужить основаніемъ къ изданію запрещенія судить сотскимъ подвѣдомыя имъ дѣла безъ новгородскаго посадника и безъ великокняжескаго намѣстника.

Въ *волостяхъ* (1) новгородскихъ были посадники, назначаемые въ это званіе княземъ и новгородскимъ посадникомъ. Они избирались изъ новгородцевъ и безъ вины не могли быть удаляемы княземъ, равно какъ и новгородцы не имѣли права смѣнять ихъ безъ согласія на то князя. Судебному вѣдомству этихъ посадниковъ принадлежали тяжбы и иски, какъ гражданскіе такъ и уголовные. Надъ виновниками въ послѣднихъ они имѣли даже право произносить смертный приговоръ и приводить его въ исполненіе. За производство суда они сбирали опредѣленныя пошлины въ свою пользу, а съ обвиненныхъ по суду взыскивали денежные штрафы въ казну великокняжескую. Въ Торжкѣ вмѣстѣ съ посадникомъ занимался судопроизводствомъ особо для того назначенный *великокняжескій тіунъ*, который имѣлъ тѣже судебныя права, какими пользовались областные новгородскіе посадники.

Во всѣхъ пригородахъ новгородскихъ, по примѣру самого Новгорода, два нисшіе класса свободныхъ лицъ раздѣлялись на сотни, начальниками коихъ были *сотскіе*, пользовавшіеся тѣмиже судебными правами, какія принадлежали сотскимъ въ самомъ Новгородѣ. Кажется впрочемъ, что ограниченіе въ судопроизводствѣ, постановленное въ договорной грамотѣ (второй) новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III, на нихъ не распространялось, потому что по волостямъ княжескихъ намѣстниковъ не было, если только слово намѣстникъ будемъ принимать въ тѣсномъ смыслѣ, и не станемъ разумѣть подъ нимъ всякаго судью, назначаемаго княземъ вмѣсто себя.

---

(1) Въ договорной грамотѣ (первой) новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III, 1471 г., волостьми новгородскими поименованы слѣдующія: Торжокъ, Бѣжецкъ, Городецъ, Палецъ (кажется слѣдуетъ читать Городецъ-Палецъ), Шипино, Мелеча, Егна, Заволочье, Теръ, Пермь, Печора, Югра (Ак. Арх. Эксп., Т. I №91, 1). Кромѣ того къ волостямъ Новгорода принадлежали Руса, Вологда и Ладога. Странно только, что ни въ этой грамотѣ, ни во второй не говорится о Волокѣ, въ которомъ для разбирательства судныхъ дѣлъ отъ князя назначался тіунъ, а отъ новгородскаго правительства посадникъ, какъ это видно изъ большей части договорныхъ грамотъ новгородцевъ съ князьями, а также и изъ договора новгородцевъ съ великимъ княземъ литовскимъ (польскимъ королемъ) Казиміромъ IV (см. Ак. Арх. Эксп., Т. I, № 87, стр. 63).

Digitized by Google

Погосты новгородскіе были въ зависимости отъ *старостъ*, которые въ отношеніи къ жителямъ ихъ имѣли, кажется, туже судебную власть, какою пользовались сотскіе по отношенію къ состоящимъ въ ихъ сотняхъ людямъ.

Вотъ всѣ тѣ лица, которыя встрѣчаются какъ нисшіе свѣтскіе судьи новгородской державы въ современныхъ н. с. грамотѣ актахъ и въ лѣтописяхъ среди одновременныхъ съ нею событій. Говоря о судебныхъ правахъ волостныхъ посадниковъ, мы упомянули и о тѣхъ судебныхъ пошлинахъ и штрафахъ, кои они взимали, тогда какъ объ этомъ должно бы было сказать ниже въ статьѣ: о денежныхъ штрафахъ и судебныхъ пошлинахъ; но мы сдѣлали это на томъ основаніи, что эти лица въ н. с. грамотѣ не упоминаются прямо, а потому и разсмотрѣніе ихъ судебныхъ правъ и обязанностей не можетъ войти въ общую систему нашего сочиненія: оно встрѣчается тамъ, гдѣ является къ тому случай.

IV. О церковномъ судѣ.

Судъ церковный въ новгородскомъ княжествѣ составлялъ отдѣльное, самостоятельное вѣдомство, въ которое ни посадникъ новгородскій, ни даже самъ князь не могли вмѣшиваться (1). Онъ принадлежалъ новгородскому архіепископу и назывался судомъ владычнымъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ н. с. грамоты:

§ 7. Нареченному (а) на архіепископство Великого Новагорода и Пскова священному иноку Ѳеофилу судити судъ свой, судъ святительски, по Святыхъ Отець правилу, по Манакануну (б).

(а) Ѳеофилъ, будучи нареченъ на архіепископскій престолъ Новгорода 1470 г., ноября 5, во время составленія н. с. грамоты не былъ еще посвященъ въ этотъ санъ; хиротонія его послѣдовала 15 декабря 1471 года. (См. 38-е и 40-е прибавленія къ тому 1 Акт. Арх. Эксп.). Поэтому онъ называется въ н. с. грамотѣ не владыкою новгородскимъ, а только нареченнымъ на архіепископство священноинокомъ. (б) т. е. по номоканону.

Но какъ новгородскій архіепископъ самъ суда не производилъ, то для разбирательства судныхъ дѣлъ отъ него назначался особый намѣстникъ, называемый владычнымъ. Одинъ разъ этотъ намѣстникъ въ н. с. грамотѣ названъ владычнымъ посадникомъ (2).

(1) Это видно изъ словъ договора новгородцевъ съ Казиміромъ IV (приведенныхъ на стр. 268, въ выноскѣ 5) и изъ слѣдующихъ словъ псковской с. грамоты: «и владычню намѣстнику судъ, и на судъ не судитъ князю, ни судьямъ» (см. сочиненіе г. Энгельмана, § 73).

(2) См. § 71.

Digitized by Google

Суду церковному подлежали: 1) Лица свѣтскаго званія всѣхъ свободныхъ состояній (1) по дѣламъ религіознымъ (2) и по тѣмъ семейственнымъ отношеніямъ, которыя въ церковныхъ уставахъ и по новгор. номоканону были отнесены къ церковному разбирательству; 2) лица духовнаго званія по всѣмъ суднымъ дѣламъ ихъ, какъ должностнымъ, такъ и вообще тяжебнымъ и уголовнымъ, если только въ дѣлѣ не было замѣшано лицо свѣтскаго званія, въ какомъ случаѣ производился смѣстный или общій судъ (3) т. е. вмѣстѣ съ намѣстникомъ новгородскаго архіепископа или назначенными отъ него судьями судилъ посадникъ новгородскій и великокняжескій намѣстникъ или ихъ судьи; 3) крестьяне и вообще всѣ люди, какъ высшаго, такъ и нисшаго чина (т. е. званія), жившіе на церковныхъ земляхъ, если только судебное дѣло не подлежало смѣстному суду.

Не вмѣшиваясь въ вѣдомство церк. суда, н. с. грамота постановляетъ только сроки, въ продолженіе которыхъ намѣстникъ новг. архіепископа или другіе церковные судьи обязаны были оканчивать каждое судное дѣло (4), и опредѣляетъ количество денежнаго взысканія, слѣдующаго съ владычня намѣстника въ случаѣ невыполненія имъ этого правила (5).

Рѣшенія намѣстника новгородскаго владыки получали силу не прежде, какъ по утвержденіи ихъ самимъ архіепископомъ (6).

Нисшими судьями въ церковномъ судѣ были судьи монастырскіе и старбсты поповскіе (7).

V. О лицахъ, отправлявшихъ при судахъ нисшія должности.

Лица эти существовали въ новг. княжествѣ подъ различными наименованіями, опредѣлялись частію отъ князя, частію отъ новгородскаго правительства, и своею обязанностію имѣли вызовъ или представленіе тяжущихся и свидѣтелей ихъ къ суду, а иногда и задержаніе обвиненныхъ. За трудъ свой они получа-

(1) См. § 69.

(2) Замѣтимъ, что рѣшенія новгородскаго архіепископа по этимъ дѣламъ шли на разсмотрѣніе и утвержденіе московскаго митрополита.

(3) Это видно изъ псковск. с. грамоты: «А будетъ одинъ человѣкъ простый истецъ міряниниъ, а не церковный человѣкъ съ церковнымъ, то судити князю и посаднику съ владычнымъ намѣстникомъ вопчи, такожь и судіямъ». См. въ изданіи Мурзакевича стран. XVII, строки 3—6. Здѣсь кстати замѣтимъ, что подъ римск. цифрами мы будемъ разумѣть въ изданіи Мурзакевича страницы, а подъ арабскими—строки.

(4) См. §§ 71, 72.

(5) См. § 74.

(6) См. соч. Куницына, стран. 46.

(7) ibid стр. 46.

Digitized by Google

ли денежное вознагражденіе; только для приставовъ и ятцевъ его не назначалось.

Разсмотримъ-же ближе всѣ такія лица:

1. Шестникъ и ятцы. Ихъ не должно принимать за особый классъ судейскихъ служителей; вѣроятно шестникъ назначался, по усмотрѣнію суда, изъ числа позовниковъ, а ятцы избирались изъ среды того сословія, къ которому принадлежалъ подсудимый. Въ сущности обязанности ихъ состояли въ слѣдующемъ:

Шестникъ посылался отъ суда для представленія въ судъ свидѣтеля, на котораго ссылалась одна или обѣ тяжущіяся стороны и на путевыя издержки получалъ денежное вознагражденіе:

§ 8. А кто съ кѣмъ пошлется на послуха (а), ино взять закладъ (б) шестнику на сто верстъ по старинѣ (в).

а) Послухъ—свидѣтель. б) Закладъ означаетъ взысканіе или штрафъ (денежный), какъ это видно изъ разныхъ постановленій н. с. грамоты (см. напр. примѣч. г. къ § 11). в) См. примѣч. б. къ § 5. Древній обычай въ Новгородѣ былъ тотъ, что посылаемые отъ князя позовники получали по 5-ти кунъ за трудъ свой, а отправляемые тіуномъ—по 2 куны (см. стран. 276 вын. 4).

Это денежное вознагражденіе платила, кажется, та сторона, которая первая ссылалась на свидѣтеля (послуха); но если другая сторона не хотѣла сослаться на того-же свидѣтеля, то должна была отъ себя назначить свидѣтеля, и въ такомъ случаѣ для представленія его въ судъ обязывалась дать «закладъ шестнику»:

§ 9. А (а) закладъ дать виноватому (б) истцю на сто верстъ шестнику.

а) Частица «а» показываетъ, что это постановленіе есть только продолженіе другаго, которое помѣщено нами въ §§ 39 и 38. б) Куницынъ въ виноватомъ истцѣ видитъ отвѣтчика (см. вышепр. его сочин. стр. 105) и думаетъ, что во всякомъ случаѣ онъ, а не истецъ обязанъ былъ давать «закладъ шестнику». Но намъ кажется, что правильнѣе будетъ считать обязаннымъ къ уплатѣ этого закладатого изъ тяжущихся, который не согласился сослаться на послуха, предложеннаго его противникомъ: онъ, какъ виновный въ посылкѣ шестника за другимъ свидѣтелемъ, долженъ былъ нести и путевыя издержки, необходимыя на доставленіе послуха къ суду.—Пахманъ въ своемъ сочиненіи: «О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи,» Москва, 1851 г., подъ виноватымъ истцомъ разумѣетъ обвиненнаго по суду тяжущагося (стр. 172); но намъ это кажется несправедливымъ, потому что при посылкѣ позовника (здѣсь шестникъ) за свидѣтелемъ ни-тотъ, ни другой изъ тяжущихся еще не признавался обвиненнымъ по суду.

Digitized by Google

Ятцы. Такъ назывались тѣ два человѣка, которые представляли къ суду отвѣтчика, принадлежавшаго къ одному изъ 5-и концовъ новгородскихъ, или къ одной изъ улицъ новгородскихъ концовъ, или къ какой либо сотнѣ (купцовъ), или наконецъ къ извѣстному ряду (1):

§ 10. А отъ Конца, или отъ улици и отъ ста и отъ ряду, итти ятцомъ[a] двѣма человѣкомъ.

а) Ятецъ—тотъ, кто беретъ кого нибудь для представленія въ судъ (Ак. Сл.); вѣроятно слово ятецъ происходитъ отъ глагола «ять» (брать).

Этимъ людямъ за ихъ трудъ въ н. с. грамотѣ не назначается денежнаго вознагражденія.

Куницынъ подъ словомъ «ятцы» разумѣетъ двухъ понятыхъ, которые отправлялись въ помощь позовнику отъ того пригорода или селенія, въ которомъ сей послѣдній долженъ былъ производить позывъ. Но намъ кажется, что правильнѣе будетъ считать ятцами тѣхъ поручителей, которые обязаны были въ назначенный срокъ представлять взятыхъ ими на поруки подсудимыхъ къ суду. Слѣдовательно ятцы не были низшіе служители суда въ собственномъ смыслѣ; но какъ они въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняли ихъ собою, представляя подсудимыхъ въ судъ, то мы и упоминаемъ о нихъ въ настоящей статьѣ.

Ятцы были обязаны исполнять свой долгъ безпрекословно и не вредить, хотя-бы и чрезъ другихъ, дѣйствіямъ правосудія. Поэтому ятцы должны были доставлять подсудимыхъ къ суду съ соблюденіемъ, по возможности, наибольшей тишины и порядка; если-же отъ ихъ вины происходило возстаніе цѣлаго конца, улицы, или сословія людей, имѣвшее цѣлію открытою силою напасть на судей или на противника того подсудимаго, котораго ятцы представляли въ судъ (2), и такимъ самоуправствомъ воспрепятствовать судебному разбирательству дѣла или же исполненію судебнаго приговора надъ обвиненнымъ, который былъ взятъ ятцами на поруки;—то за такое нарушеніе условій, требуемыхъ отъ ятцевъ при исполненіи ими взятыхъ на себя обязанностей, законъ предписываетъ подвергать ихъ тяжкимъ денежнымъ

---

1) Два низшіе класса свободныхъ новгородскихъ людей — «молодшіе люди», а именно: купцы и черные люди (см. § 36, примѣч. г), раздѣлялись на *сотни* и *ряды* (см. напр. уставъ Ярослава о мостовыхъ, въ Ист. Гос. Росс. Карамзина, т. II, примѣч. 108). Впрочемъ купцы не дѣлились на *ряды* (они состояли только въ сотняхъ), а изъ *черныхъ людей* раздѣленію на *ряды* подлежали, кажется, тѣ простолюдины, которые занимались ремеслами или отправляли по найму разныя работы (отъ чего они могли получить названіе *рядовичей*).

(2) См. § 36.

Digitized by Google

штрафамъ, смотря по ихъ званію (1). По крайней мѣрѣ намъ кажется, что такъ должно понимать слѣдующее постановленіе н. с. грамоты:

§ 11. А[а] будетъ наводка[б] отъ конца или отъ улици или ото ста или отъ ряду; ино Великимъ Княземъ и Великому Ноугороду на тыхъ дву человѣкѣхъ, по Ноугородской грамотѣ[в] *закладъ*[г].

а) Если. б) Нападеніе цѣлымъ скопищемъ людей съ употребленіемъ физической силы противъ нападаемыхъ. (См. соч. Куницына, стр. 84). Сравни это объясненіе съ толкованіемъ слова «наводка» въ статьѣ: «Объ уставахъ и управленіи Новгорода въ средніе вѣки» въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1840 г. кн. 27-я. в) Слогомъ «грам» въ Акт. Арх. Эксп. окапчивается н. с. грамота. Мы дополнили смыслъ этой статьи по сравненію ея съ словами § 57. г) Штрафъ денежный. Такое значеніе имѣетъ слово «закладъ» во второй договорной грамотѣ новгородцевъ съ вел. князь Іоанномъ III (см. выноску 5 на стр. 318) и въ заглавіи н. с. грамоты (см. введеніе, стран 258).

2) *Подвойскіе и позовники.* Обязанность тѣхъ и другихъ состояла въ вызовѣ къ суду отвѣтчиковъ и обвиняемыхъ, также послуховъ, за что они получали денежное вознагражденіе; различіе-же между ними заключалось въ томъ, что въ самомъ Новгородѣ позывъ производили *подвойскіе*, а по волостямъ эту обязанность исполняли *позовники*. Тѣ и другіе назначались отъ вел. князя и отъ новгор. правительства, по равному числу отъ каждаго (2). Великокняжескіе позовники были извѣстны подъ именемъ дворянъ, какъ это можно видѣть и изъ новг. с. грамоты (3). Такъ какъ подвойскіе производили позывъ только въ Новгородѣ, то ихъ всего было двое: одинъ великокняжескій, другой новгородскій; позовниковъ же было множество. Цѣль совмѣстнаго существованія великокняжескихъ подвойскихъ и позовниковъ съ новгородскими была та, чтобы доставить людямъ московскаго великаго князя возможность пользоваться въ новгор. княжествѣ судебными доходами.

Какое вознагражденіе получали подвойскіе за свой трудъ,— этого изъ дошедшихъ до насъ грамотъ не видно; позовники-же получали по пяти кунъ, если посылались отъ вел. князя, и по двѣ куны, если ихъ посылалъ великокняжескій тіунъ (4).

---

(1) См. § 36.

(2) Акты Арх. Эксп., т. I, № 58, стр. 44 и № 91, стр. 68.

(3) См. § 24.

(4) Акты Арх. Эксп., т. I №№ 58 и 91, I: «А дворяномъ нашимъ (великіе князи), какъ пошло, погонъ имати отъ князя по пяти кунъ, а отъ тивуна по двѣ куны.» По-

Digitized by Google

3) *Софьяне*. Подобно тому какъ подвойскіе и позовники были разсыльщиками отъ свѣтскихъ новгородскихъ судовъ, софьяне исполняли эту обязанность при церковномъ новгородскомъ судѣ и при особѣ новгородскаго архіепископа (1).

4) *Биричи и извѣтники*. Обязанность *биричей*, какъ видно изъ новг. с. грамоты, состояла въ томъ, чтобы кликать на площадяхъ скрывшихся и неизвѣстныхъ по жительству отвѣтчиковъ въ судн. дѣлѣ, объявляя предъ народомъ о необходимости явиться этимъ лицамъ въ опредѣленное время къ суду. *Извѣтники* были обязаны разузнавать о совершеніи или несовершеніи извѣстныхъ дѣяній, на которыя кѣмъ либо предъявленъ искъ, и доносить о томъ суду. Слѣдовательно мы не должны разумѣть извѣтниковъ въ смыслѣ прокуроровъ, которые ex officio обязаны открывать и изслѣдовать совершаемыя въ ихъ вѣдомствѣ преступленія и наблюдать за справедливымъ рѣшеніемъ гражданскихъ исковъ: извѣтники были такія лица, которыя посылались судомъ для слѣдствія не иначе, какъ съ согласія одного или обоихъ тяжущихся (2), потому что форма судебнаго разбора по уголовнымъ преступленіямъ, о которыхъ говорится въ н. с. грамотѣ (3), была обвинительная, а не слѣдственная (4).

Какъ мы уже замѣтили выше (стран. 274), нисшіе служители правосудія получали за свой трудъ денежное вознагражденіе отъ тяжущихся, по дѣлу которыхъ они производили позывъ или слѣдствіе:

§ 12. А подвойскимъ, и Софьяномъ, и биричемъ, и извѣтникомъ, на сто верстъ четыре гривны (a).

a) Новгородскій рубль содержалъ въ себѣ 140 денегъ (см. вышеприведенное сочиненіе Куницына, стран. 36, примѣч. е. и стран. 132) и раздѣлялся на 10 гривенъ. Такую гривну должно отличать отъ старой гривны кунами (см. вышепривед. соч. Куницына, стр. 136—137, примѣч. X; сравни также примѣч. в къ § 36 настоящей статьи).

5. *Приставы* посылались съ вѣча въ тіунскій судъ для понужденія княжескаго тіуна или докладчиковъ къ скорѣйшему

добное же постановленіе находимъ и во многихъ другихъ новгородскихъ грамотахъ, помѣщенныхъ въ т. I. Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ (NN° 1—20). Въ гривнѣ, по справедливому замѣчанію Карамзина, содержалось 25 кунъ. (См. «Исторія Росс. Гражд. Закон.» соч. Неволина, т. III, статья о займѣ простомъ, стр. 125).

(1) См. вышепр. соч. Куницына, стран. 69.

(2) См. напр. §§ 56 и 58.

(3) См. ниже статью: Особенности судеб. разбора въ искахъ по уголовн. преступленіямъ, стр. 302.

(4) Въ древней Руси, почти до времени Петра Вел., гражданское судопроизводство не отдѣлялось и не различалось отъ уголовнаго. Сравни соч. г. Михайлова: «Исторія образованія и развитія системы Русскаго гражданскаго судопроизводства до уложенія 1649 г.» С П. бургъ, 1848 года.

Digitized by Google

окончанію и рѣшенію дѣла; они-же были обязаны брать подъ стражу явныхъ ослушниковъ судебной власти и доказанныхъ ябедниковъ и представлять ихъ въ судъ (1). Особое назначеніе имѣли приставы, бывшіе при тіунскомъ судѣ; но о нихъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ (2).

Б. О тяжущихся сторонахъ.

Здѣсь мы будемъ говорить: во 1-хъ) объ истцѣ и отвѣтчикѣ и во 2-хъ) о представителяхъ тяжущихся предъ судомъ или о повѣренныхъ.

I. Объ истцѣ и отвѣтчикѣ.

Право иска въ новгородскомъ государствѣ было равно для всѣхъ его свободныхъ гражданъ: судьи обязывались производить равномѣрно-справедливый судъ для лицъ всѣхъ состояній. Это прямо выражено въ договорѣ новгородцевъ съ польск. кор. Казиміромъ IV (3), но мы можемъ вывести тоже самое изъ одного постановленія н. с. грамоты, которое предписываетъ архіепископу судить всѣхъ гражданъ равно, не обращая вниманія на разность ихъ состояній (4).

Изъ н. с. грамоты не видно, чтобы рабы имѣли право иска; но какъ въ ней встрѣчается дозволеніе рабу быть свидѣтелемъ противъ раба (5), то это дозволеніе мы относимъ къ искамъ о холопствѣ, т. е. къ тѣмъ судебнымъ случаямъ, въ которыхъ извѣстное лицо доказывало свои права господской власти на человѣка, выдававшаго себя за свободнаго (6). Этотъ обвиняемый во время судопроизводства по его дѣлу разсматривался какъ человѣкъ зависимый, и свидѣтелемъ противъ него могъ быть рабъ, который въ подобномъ случаѣ легко могъ знать причину, послужившую обвиняемому основаніемъ къ побѣгу отъ своего настоящаго господина и къ переходу въ имѣніе другаго землевладѣльца (на правахъ раба или только зависимаго человѣка).

Обѣ тяжущіяся стороны называются въ н. с. грамотѣ истцами (7), и каждая изъ нихъ въ одно и тоже время могла быть и

(1) См. § 19.

(2) См. § 4. и стран. 265—266.

(3) Акты Арх. Эксп. т. I, № 87: «А намѣстнику твоему (король) судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина такъ и житьего такъ и молодшего такъ и селянина; а судити ему въ правду, по крестному цѣлованью, в'ѣхъ равно».

(4) См. § 69.

(5) См. § 42.

(6) См. § 52.

(7) См. §§ 26, 35, 36, 39, 47 и др.

Digitized by Google

истцомъ и отвѣтчикомъ (1). Каждая тяжущаяся сторона могла состоять только изъ одного лица физическаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ н. с. грамоты:

§ 13. А сажати (а) въ суду по два человѣка (б).

а) Здѣсь рѣчь обращена къ судьямъ, которымъ дается это повелѣніе. б) Куницынъ подъ этими двумя человѣками разумѣетъ не тяжущихся, а посредниковъ, которыхъ каждый изъ тяжущихся выбиралъ изъ сословія бояръ и житьихъ людей (по два отъ каждаго сословія) съ тѣмъ, чтобы они присутствовали въ судѣ при разбирательствѣ и рѣшеніи дѣла и заботились о сохраненіи интересовъ своего избирателя (см. соч. Куницына, стран. 22—27). Не входя въ разборъ мнѣнія Куницына, мы замѣтимъ, что правильнѣе будетъ считать этихъ двухъ человѣковъ за самыхъ тяжущихся, а не за ихъ посредниковъ. Это выводится: 1) изъ смысла слѣдующаго 14 § и 2) изъ современнаго н. с. грамотѣ повсемѣстнаго на Руси судебн. обычая допускать тяжущихся къ присутствію въ судѣ во время производства въ немъ ихъ дѣла (см. напр. пск. с. грамоту, въ изданіи Мурзакевича, X, 20).

Истецъ, опредѣливъ въ своемъ искѣ, кто долженъ быть по нему отвѣтчикомъ, былъ обязанъ со всѣми своими требованіями, какъ встрѣчавшимися во время производства суда, такъ и изъ рѣшенія суднаго дѣла возникавшими, обращаться исключительно къ нему (т. е. къ отвѣтчику), не вмѣшивая въ дѣло людей посторонніихъ:

§ 14 (а). А (б) кто кого въ суду пасадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и вѣдается (в).

а) § этотъ есть продолженіе предъидущаго (13-го §). б) Если. в) Вѣдаться или увѣдаться—значитъ раздѣляться. Здѣсь это слово имѣетъ значеніе судебной расправы.

II. О представителяхъ тяжущихся въ судѣ или о повѣренныхъ.

Н. с. грамота допускаетъ въ судѣ вмѣсто самихъ тяжущихся ходатайство ихъ повѣренныхъ, которыхъ она называетъ *отвѣтчиками* (2), не исчисляя впрочемъ тѣхъ качествъ, которыми сіи послѣдніе должны были обладать для успѣшнаго дѣйствія. Нѣкоторыя лица по словамъ самаго закона были ближайшими повѣренными тяжущихся; такъ сынъ «старѣйшей» и «житьей» вдовы могъ даже присягать за мать свою по всѣмъ ея суднымъ дѣламъ (3), на что прочіе довѣренные права не имѣли (4), а бо-

(1) См. § 26.
(2) См. напр. § 17.
(3) См. § 29.
(4) См. ниже, стр. 282, статью о началѣ тяжбы или иска.

Digitized by Google

яре, житьи люди и купцы имѣли право быть повѣренными въ тяжбахъ женъ ихъ за поземельную собственность (1). Они въ подобныхъ дѣлахъ были повѣренными не только сами лично, но могли даже дѣйствовать чрезъ своихъ довѣренныхъ (2). Вообще кажется, что мужья за женъ, а сыновья за матерей всегда могли быть повѣренными во всѣхъ ихъ тяжбахъ и искахъ, потому что знаніе законовъ и формъ дѣлопроизводства было у насъ исключительною принадлежностію мужчинъ, и вмѣшательство женщинъ въ дѣла подобнаго рода считалось излишнимъ и даже неприличнымъ, если у нихъ были близкіе родственники, каковы сынъ для матери и мужъ для жены, которые почитались ихъ законными защитниками.

Права и обязанности повѣренныхъ опредѣляются н. с. грамотою. Изъ нея видно, что они могли производить по отношенію къ судебному дѣлу всѣ тѣ дѣйствія и принимать всѣ тѣ мѣры, которыми могли бы располагать сами довѣрившія ихъ лица. Такимъ образомъ каждый повѣренный имѣлъ право и обязанность:

1) Вчинать искъ вмѣсто своего довѣрителя и представлять въ подтвержденіе своего права разные доводы, если онъ былъ уполномоченъ для ходатайства истцомъ, или онъ былъ обязанъ приводить оправданія въ защиту противъ обвиненій и требованій истца, если онъ былъ довѣренный отвѣтчика (3).

2) Повѣренный имѣлъ право скрѣплять своею печатью судейскіе протоколы, писанные съ его словъ (4).

3) Онъ могъ назначать своему противнику и самъ принимать отъ него срокъ для явки обоихъ въ судъ къ показаніямъ (5).

Наконецъ 4). Онъ долженъ былъ принимать присягу въ томъ, что будетъ давать предъ судомъ справедливыя показанія:

§ 15. А (а) отвѣтчику съ послухомъ на учанѣ (б) крестъ цѣловать.

(а) § этотъ есть продолженіе § 50, какъ показываетъ частица «а». (б). Мы не можемъ съ точностію опредѣлить значеніе этого слова. Куницынъ вмѣсто «учанъ» читалъ «учинъ», какъ это видно изъ выноски г на стран. 87 и выноски о на стран. 107 его сочиненія, и принималъ это слово въ значеніи начала иска (см. его соч. стран. 106). Поэтому если мы согласимся съ его мнѣніемъ, то должны будемъ заключить, что повѣренные, тотчасъ по принятіи ими на себя этой обязанности, приводились судомъ къ присягѣ, которая должна была служить ручательствомъ въ добросовѣстномъ

(1) См. § 49.
(2) См. § 50.
(3) См. §§ 30 и 50.
(4) См. § 30.
(5) См. § 34.

Digitized by Google

выполненіи имп этой обязанности. Впрочемъ на правильность текста н. с. грамоты, приводимаго въ сочиненіи Куницына, какъ и вообще на точность его чтенія, положиться нельзя: въ своихъ выноскахъ онъ дѣлаетъ частыя отступленія отъ текста тѣхъ грамотъ, на которыя ссылается; такъ напр. и на стран. 103, въ выноскѣ b, вмѣсто принятаго прежде (стран. 87, вын. г.) и повтореннаго впослѣдствіи (стран. 107, вын. о.) слова «учинъ» онъ помѣстилъ «учанъ.» Въ областномъ словарѣ великорусскаго языка, изданномъ въ 1852 г. вторымъ отдѣленіемъ Императ. Ак. наукъ, слово «учинъ» имѣетъ значеніе предѣла, границы, межи. Если бы послѣ этого можно было доказать, что употребленное въ настоящемъ § сл. «учанъ» есть искаженіе слова «учинъ», то § этотъ (§ 15) должно бы было помѣстить въ числѣ особенностей судебнаго разбора по тяжбамъ за поземельную собственность. Пахманъ (въ своемъ соч. «О судебныхъ доказательствахъ по древнему Русск. праву) вмѣсто «учанъ» читаетъ «учинъ», принимая это слово въ смыслѣ начала иска (стр. 175); но никакихъ доказательствъ въ пользу своего чтенія не приводитъ. Въ н. с. грамотѣ, помѣщенной Карамзинымъ въ 404 прибавленіи къ V т. Ист. Гос. Россійскаго (изданіе Эйнерлинга) мы встрѣчаемъ слово «учанъ», а не «учинъ». Вообще въ Ист. Гос. Россійскаго н. с. грамота помѣщена въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается въ Акт. Арх. Экспедиціи: это потому, что Карамзинъ выписалъ н. с. грамоту изъ пушкинскаго собранія двинскихъ грамотъ, которое теперь принадлежитъ Императ. публичн. библіотекѣ, и изъ котораго эта грамота напечатана въ Акт. Арх. Эксп. (см. здѣсь выноску 1 на стр. 258).

В. О порядкѣ производства суда.

Такъ какъ новг. с. грамота, не вполнѣ до насъ дошедшая, содержитъ въ себѣ только судопроизводство по тяжбамъ за поземельную собственность (вмѣстѣ съ исками «наѣзда и грабежа въ земномъ дѣлѣ») и по искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ, то мы и должны будемъ ограничиться ими въ нашемъ изслѣдованіи. Но какъ тотъ и другой виды судопроизводства имѣютъ въ ней кромѣ общаго имъ обоимъ характера еще особыя, свойственныя каждому въ отдѣльности черты, то мы здѣсь изложимъ во 1-хъ: общія правила судопроизводства по н. с. грамотѣ, свойственныя какъ тяжбамъ за поземельную собственность, такъ и искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ; затѣмъ во 2-хъ: покажемъ особенности каждаго изъ этихъ двухъ видовъ судопроизводства; въ 3-хъ: представимъ правила, которыми должны были руководствоваться судьи при обсужденіи дѣла, и опредѣлимъ правила н. с. грамоты для рѣшенія судныхъ дѣлъ; въ 4-хъ: покажемъ правила для исполненія су-

Digitized by Google

дебныхъ рѣшеній и наконецъ въ 5-хъ: исчислимъ тѣ денежные штрафы и судебныя издержки, которые встрѣчаются въ н. с. грамотѣ.

I. О разборѣ судныхъ дѣлъ по общимъ правиламъ.

Здѣсь мы будемъ говорить:

Во 1-хъ: О началѣ тяжбы или иска и о вызовѣ къ суду отвѣтчика.

Во 2-хъ: О явкѣ отвѣтчика къ суду, о показаніяхъ тяжущихся, о срочныхъ грамотахъ и объ обязанностяхъ тяжущихся въ отношеніи другъ къ другу и къ судьямъ.

Въ 3-хъ: О судебныхъ доказательствахъ.

1. *О началѣ тяжбы или иска и о вызовѣ къ суду отвѣтчика.*

По началамъ, принятымъ н. с. грамотою, тяжба или искъ (какъ гражданскій, такъ и уголовный) всегда *начинается* по волѣ истца, объявленіемъ въ судѣ требованій на отвѣтчика, что производилось истцомъ изустно, послѣ присяги на справедливость своихъ показаній (если только онъ не присягалъ на это уже прежде: вѣроятно при всеобщемъ утвержденіи н. с. грамоты на вѣчѣ):

§ 16. А кто на комъ какого дѣла поищетъ, а креста не цѣловавъ на сей грамотѣ, ино крестъ поцѣловавъ одинова,[а] да искать.

а) Однажды, т. е. каждый новгородскій гражданинъ долженъ былъ присягнуть на этой судной грамотѣ однажды и навсегда, а не при каждомъ новомъ искѣ. Послѣ слова «одинова», для большей раздѣльности и ясности смысла, мы поставили запятую, чего въ текстѣ н. с. грамоты (въ Акт. Арх. Эксп.) нѣтъ.

Если истецъ присылалъ вмѣсто себя повѣреннаго въ судъ, то тѣмъ не менѣе присягать обязанъ былъ самъ лично:

§ 17 [а]. А отъ коего истца отвѣтчикъ[б] станетъ на судъ, а истецъ тотъ будетъ креста не цѣловалъ на сей грамотѣ, ино тому истцю крестъ цѣловать одинова, а отвѣтчику въ его мѣсто отвѣчивать.

а) Это постановленіе одинаково относится какъ къ истцу, такъ и къ отвѣтчику, потому что обѣ тяжущіяся стороны въ н. с. грамотѣ называются истцами (см. выше стран. 278); но мы помѣстили его здѣсь для удобства изложенія текста н. с. грамоты и потому еще, что рѣчь теперь идетъ объ истцѣ. б) Повѣренный (см. выше, стр. 279).

Digitized by Google

Впрочемъ повѣренный также долженъ былъ присягать въ томъ, что будетъ дѣйствовать и давать свои показанія справедливо (1); но только онъ не могъ присягать за своего довѣрителя, какъ это допускалось для сыновей боярскихъ и житьихъ вдовъ (2).

Если истецъ отказывался подтвердить присягою свое требованіе на отвѣтчика, то терялъ право иска:

§ 18 а). А б) не поцѣлуетъ в) креста, ино тѣмъ его и обинить.

а) Постановленіе это есть продолженіе § 17. б) Если. в) Здѣсь подразумѣвается слово «истецъ» (см. § 17).

По предъявленному истцомъ иску судъ выдавалъ ему такъ называемую судную (3) грамоту, на основаніи которой онъ обязанъ былъ въ продолженіе мѣсяца войти съ отвѣтчикомъ или судьею въ переговоры, результатомъ которыхъ было или миролюбивое окончаніе дѣла, безъ судебнаго разбирательства (если истецъ успѣвалъ въ переговорахъ), или же приступъ къ формальному судопроизводству (когда эти переговоры не имѣли успѣха). Если же въ продолженіе этого мѣсячнаго срока дѣло не было приведено къ тому или другому результату, то вѣче посылало отъ себя приставовъ для поимки и представленія истца въ судъ, какъ ложнаго доносчика и ябедника, и если онъ въ подобномъ случаѣ скрывался отъ приставовъ, то былъ наказываемъ по приговору вѣча какъ ослушникъ судебныхъ распоряженій:

§ 19. А кто на кого возметъ грамоту судную а), а будетъ ему дѣло до судьи или до истца б), ино ему переговариваться съ ними мѣсяць: а не почнетъ переговариватьця въ тотъ мѣсяць, ино взять на него приставы съ вѣча да имать в) его въ городѣ и въ селѣ съ тыми приставы; а почнетъ хорониться отъ приставовъ, ино его казнить г) всимъ Великимъ Новымгородомъ.

а) Въ объясненіи *судной грамоты*, которое мы только что дали (предъ изложеніемъ текста н. с. гр. въ § 19) мы слѣдовали мнѣнію Куницына (см. его соч., стран. 84). Г. Энгельманъ эту грамоту называетъ безсуд-

(1) См. § 15.

(2) См. § 29.

(3) Эту судную грамоту должно отличать отъ той, которую судъ обыкновенно выдавалъ тяжущейся сторонѣ, оправданной имъ въ такомъ судномъ дѣлѣ, которое разбиралось по суду. Сравни здѣсь стр. 313—316 и въ соч. Соловьева: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 5.

Digitized by Google

ною (см. вышеприведенное его соч., стр. 124); но какъ онъ не приводитъ доказательствъ въ пользу своего предположенія, то мы и не можемъ съ нимъ согласиться. б) т. е. отвѣтчика. в) Взять, схватить (Ак. Сл.). г) Наказать (Ак. Сл.).

И такъ, если истецъ, начавъ переговоры съ отвѣтчикомъ, въ теченіе мѣсяца оканчивалъ съ нимъ дѣло полюбовною сдѣлкою, то судъ считалъ этотъ искъ оконченнымъ и не приступалъ къ разбирательству его; но если истецъ не успѣвалъ въ подобной сдѣлкѣ, то по истеченіи этого времени отвѣтчику дѣлался *вызовъ къ суду* по этому иску. Вызовъ этотъ былъ различенъ, смотря потому, въ самомъ-ли Новгородѣ или въ волости имѣлъ отвѣтчикъ свое жительство. Въ первомъ случаѣ къ нему посылался подвойскій, въ послѣднемъ-позовникъ. Вызовъ однако дѣлался только свободнымъ новгородскимъ гражданамъ; если несвободные и вообще зависимые люди были отвѣтчиками въ уголовныхъ преступленіяхъ, то представлялись къ суду ихъ господами и вообще землевладѣльцами (1), а во всѣхъ прочихъ судныхъ дѣлахъ—самимъ истцомъ, безъ помощи господъ или землевладѣльцевъ, подвойскихъ или позовниковъ:

§ 20. А[а] о иныхъ дѣлѣхъ[б], ино[в] знать истцю истца.

а) Если. б) Здѣсь подразумѣвается «будетъ судъ». в) То. Вообще этотъ § есть продолженіе § 59.

Когда отвѣтчикъ (разумѣя подъ нимъ свободнаго новгородскаго гражданина) по объявленіи ему срока для явки въ судъ давалъ обѣщаніе явиться, тогда къ нему не посылалось увѣдомленія о днѣ его явки къ суду; оно присылалось ему только въ томъ случаѣ, когда производство суда было отложено до другаго опредѣленнаго дня:

§ 21. А[а] кто обѣчается къ суду къ коему дни, ино послѣ обѣта[б] отсылки[в] къ нему не слать; а не сядетъ судья того дни, ино коли[г] судья сядетъ ино тогды къ нему отсылка [д].

а) Если. б) Обѣщаніе (Ак. Сл.). в) Увѣдомленіе, повѣстка. г) Когда (Ак. Сл.). д) Здѣсь слѣдуетъ прибавить «слать».

Но если отвѣтчикъ, не взирая на увѣдомленіе, старался избѣгнуть сдѣланнаго ему позыва и скрывался, тогда подобное объявленіе посылалось трижды къ нему на домъ, а въ публичныхъ мѣстахъ (какъ напр. на торговищѣ, т. е. на торговой площади въ Новгородѣ) оно провозглашалось биричемъ.

(1) См. § 54.

Digitized by Google

§ **22.** А не видитъ отсылки, а почнетъ хорониться, ино слать къ нему отсылка въ дворъ трижды, да и бпричемъ кликать.

Наконецъ если и этого было недостаточно, тогда къ нему отсылалась обѣтная грамота, за присылку которой онъ платилъ штрафъ въ три деньги:

§ **23.** А не станетъ къ суду[а], ино дать на него грамота обѣтная[б], а обѣту[в] болши трехъ денегъ не быти.

(а) Въ тотъ день, въ который «судья сядетъ» (см. § 21). (б) Обѣтный—основанный на обѣщаніи (Ак. Сл.). Слѣдовательно обѣтная грамота была такой актъ, который напоминалъ лицу о данномъ имъ обѣщаніи явиться въ судъ. (в) Плата за присылку обѣтной грамоты. Куницынъ подъ сл. «обѣтъ» разумѣетъ взысканіе, которому подвергался вызываемый, если по присылкѣ къ нему обѣтной грамоты онъ не являлся въ судъ (см. его соч.. стр. 133). Едва ли можно согласиться съ этимъ, потому что вызываемый въ томъ случаѣ, если не являлся въ судъ послѣ присылки къ нему обѣтной грамоты, признавался виновнымъ въ судебномъ дѣлѣ, какъ это слѣдуетъ заключить изъ примѣч. б. къ § 33.

Для представленія отвѣтчика въ судъ позовникамъ назначался срокъ, считая на каждыя 100 верстъ пути по двѣ недѣли:

§ **24.** А[а] кто кого[б] позоветъ въ селѣ позовкою[в] или дворяниномъ[г], ино дать срокъ на сто верстъ двѣ недѣли, а далѣ и ближе а то по числу.

(а) Если. (б) Слова эти относятся къ тяжущимся, а не къ позовникамъ, равно какъ и весь этотъ § можетъ быть отнесенъ къ нимъ (къ тяжущимся). (в) Позовка—тоже, что въ иск. с. гр. позывница или позовница, объявленіе вызываемому о явкѣ ему къ суду. (г) Великокняжескій позовникъ, въ отличіе отъ новгородскаго см. выше тр. 276.

За истязанія и вообще за противозаконныя поступки съ позовникомъ вызываемые объявлялись виновными безъ судебнаго изслѣдованія ихъ дѣла, и въ этомъ случаѣ кто либо изъ родственниковъ или друзей позовника получалъ на нихъ безсудную грамоту, на основаніи которой обязывался задержать ихъ и представить въ судъ для исполненія надъ ними судебнаго рѣшенія:

§ **25.** А примутъ позовника въ селѣ, а почнутъ надъ нимъ силу дѣять а), ино дать въ позовниково мѣсто грамота безсудная б) племеннику в) его или другу.

Digitized by Google

а) Причинять насиліе (Ак. Сл.) б) Грамота на поимку одного изъ тяжущихся, который по опредѣленію суда долженъ быть наказанъ. Ср. стр. 316. в) Родственникъ вообще, и въ частности также племянникъ.

Для отвращенія сложности судныхъ дѣлъ и для пресѣченія ябедничества н. с. грамота постановляетъ, что нельзя одно и тоже лицо въ одно и тоже время сдѣлать отвѣтчикомъ по двумъ искамъ, хотя каждый гражданинъ имѣлъ право въ одно и тоже время быть истцомъ по одному, а отвѣтчикомъ по другому дѣлу:

§ 26. А въ которомъ дѣлѣ позоветъ истецъ истца, а поищетъ своего дѣла, а будетъ тому истцю до своего истца дѣло, ино ему позвати своего истца, а поискать ему одиного жъ дѣла, а [а] иныхъ позовъ на него не класти въ иномъ дѣлѣ, ни Ноугородцовъ не научивати безъ хитрости по крестному цѣлованью, доколѣ тѣ суды кончаютъ.

а) Отсюда постановленіе это относится къ судьямъ. Это доказывается во 1-хъ тѣмъ, что вызовъ отвѣтчика къ суду производился не иначе, какъ по распоряженію самого суда и во 2-хъ это подтверждаютъ слѣдующія слова настоящаго §: «доколѣ тѣ суды кончаютъ» (пока тѣ дѣла рѣшаютъ). Кончать судъ могли только судьи, какъ это видно изъ §§ 60, 73, 74 и 75 н. с. грамоты. Такимъ образомъ смыслъ настоящаго § можно передать слѣдующими словами: Если вслѣдствіе предъявленнаго истцомъ иска будетъ сдѣланъ вызовъ къ суду отвѣтчика, которому встрѣтится дѣло съ третьимъ лицомъ, то ему (первому отвѣтчику) не воспрещается позвать къ суду своего отвѣтчика (второй отвѣтчикъ) и искать на немъ по своему дѣлу; судьямъ-же воспрещается вызывать его (перваго отвѣтчика, который въ этомъ встрѣчномъ искѣ является истцомъ) къ отвѣту по другимъ суднымъ дѣламъ (которыя они сами могли имѣть съ нимъ) или научать новгородцевъ къ предъявленію на него новыхъ исковъ до тѣхъ поръ, пока они (судьи) не кончатъ уже начатыхъ ими двухъ судныхъ дѣлъ этого лица (т. е. 1-го отвѣтчика). Куницынъ объясняетъ этотъ § иначе (см. его соч. стр. 122); но мы не можемъ согласиться съ его толкованіемъ.—Вообще замѣтимъ, что образъ изложенія рѣчи этого § съ частымъ повтореніемъ частицы «а» (въ смыслѣ намъ современномъ и мѣстоимѣній «тотъ» и «онъ» былъ употребителенъ въ древнемъ судебномъ словосочиненіи (см. напр. пск. с. грамота въ изданіи Н. Мурзакевича, VI, 15—20; VIII, 18—22 и др. [1]).

---

[1] Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи XVII, 24—26, гдѣ слова «ино ему» относятся къ отвѣтчику, которому по пск. законамъ предоставлялось право избрать присягу или судебный поединокъ средствомъ для рѣшенія дѣла въ излагаемомъ здѣсь (т. е. въ XVII, 24—26) случаѣ.

Digitized by Google

2. О явкѣ отвѣтчика въ судъ, о показаніяхъ тяжущихся, о срочныхъ грамотахъ и объ обязанностяхъ тяжущихся въ отношеніи другъ къ другу и къ судьямъ.

Какъ скоро отвѣтчикъ *являлся въ судъ*, то прежде всего онъ приводился къ присягѣ (если только уже прежде не принималъ ея) (1), которая должна была служить ручательствомъ въ справедливости всего того, что онъ скажетъ въ оправданіе себя предъ судомъ:

§ 27. А кому будетъ отвѣчивать, а креста не цѣловавъ на сей грамотѣ, ино ему крестъ поцѣловавъ да отвѣчать.

Если отвѣтчикъ отказывался отъ присяги, то признавался виновнымъ въ искѣ, предъявленномъ на него истцомъ:

§ 28 а). А б) не поцѣлуетъ креста в), тѣмъ его и обинить.

а) § этотъ въ н. с. грамотѣ составляетъ продолженіе предъидущаго (27-го) §. б) Если. в) Тотъ, «кому будетъ отвѣчивать», т. е. отвѣтчикъ.

Если искъ былъ предъявленъ на вдову боярина или житьего человѣка, слѣдовательно на женщину, принадлежавшую къ одному изъ почетныхъ сословій новгородскихъ гражданъ, то къ отвѣту вмѣсто нея могъ быть допущенъ ея сынъ, который признавался ея законнымъ повѣреннымъ и долженъ былъ присягать на справедливость своихъ показаній. Если-же сынъ отказывался присягать за мать свою, тогда присяга принималась матерью на дому, въ присутствіи истца и приставовъ новгородскихъ, а не въ судѣ, гдѣ обязаны были присягать всѣ прочіе граждане, если они являлись туда въ качествѣ тяжущихся.

§ 29. А кому будетъ какое дѣло до старѣйшей а) жены или до житьей, кои вдовы, а у коей есть сынъ, ино сыну ее цѣловать крестъ на сей грамотѣ за собя и за матерь б) однова: а не поцѣлуетъ креста сынъ за матерь, ино цѣловать крестъ матери в) однова у собя въ дому, передъ истцомъ и передъ приставы Ноугородскими.

а) Старѣйшими людьми считались первые новгородскіе сановники,—посадники и тысяцкіе, какъ степенные, такъ и старые, и вообще всѣ бояре, потому что изъ нихъ избирались эти сановники. б) Какъ мы показали выше (на стр. 282 и въ § 17), присяга принималась самими тяжущимися, а не ихъ повѣренными; но въ настоящемъ случаѣ, когда самъ законъ предписывалъ производить дѣло чрезъ повѣреннаго, онъ требовалъ отъ

(1) См. стр. 282.

Digitized by Google

него какъ-бы двойной присяги: за себя, какъ за повѣреннаго и за мать, какъ за отвѣтчика въ искѣ. Однако эта двойная присяга соединялась вмѣстѣ и принималась одинъ только разъ («одинова»). в) Здѣсь прямо предписывается приводить въ подобномъ случаѣ такую вдову къ присягѣ, безъ оговорки «а будетъ креста не цѣловала на сей грамотѣ», какая встрѣчается въ §§ 16 и 17. Это потому, что на вѣчѣ женщины не участвовали, а потому онѣ и не присягали на н. с. грамотѣ до тѣхъ поръ, пока имъ не встрѣчалась необходимость быть истцомъ или отвѣтчикомъ въ какомъ либо судномъ дѣлѣ.

По приведенію тяжущихся къ присягѣ, съ нихъ (или съ ихъ повѣренныхъ) *снимались показанія* въ присутствіи суда, и со словъ ихъ записывались однимъ изъ дьяковъ въ протоколъ (судные списки), который они скрѣпляли своими печатями, привѣшивая ихъ на шнурахъ къ концу бумаги:

§ 30. А судьямъ какъ росказщики [а] укажутъ, ино коему ни есть судьѣ велѣти своему дьяку тое дѣло записать, а розказщикомъ къ тѣмъ спискомъ свои печати приложить.

а) Сами тяжущіеся или ихъ повѣренные, равно какъ и свидѣтели. По этому настоящій (30-тый) § можетъ быть отнесенъ и къ статьѣ: свидѣтельство послуха, стр. 292.

Впрочемъ если тяжущимся, по разнымъ уважительнымъ причинамъ, было невозможно являться къ суду въ то время, которое назначено судьями для разбирательства ихъ дѣла, тогда имъ предоставлялось право просить судъ объ отсрочкѣ изслѣдованія ихъ дѣла до болѣе удобнаго для нихъ времени. Въ такомъ случаѣ судъ выдавалъ *срочную грамоту* тому изъ нихъ, кто просилъ объ отсрочкѣ, а если оба тяжущіеся желали пріостановить ходъ ихъ суднаго дѣла, то оба и получали такія грамоты. Иногда рѣшеніе суднаго дѣла или даже и все судопроизводство по предъявленному иску отсрочивалось до времени по усмотрѣнію судьи, независимо отъ желанія тяжущихся.

Новгородская с. грамота содержитъ въ себѣ нѣсколько постановленій о срочныхъ грамотахъ, изъ которыхъ видно, что акты эти выдавались не только для отсрочки въ производствѣ суднаго дѣла, но и въ томъ случаѣ, когда являлась необходимость въ такихъ судебныхъ доказательствахъ, для представленія которыхъ въ судъ требовалось достаточное количество времени (1) Къ срочной грамотѣ прикладывалась судейская печать (2), за что взыскивалась опредѣленная пошлина.

Въ срокъ, назначенный, въ срочныхъ грамотахъ, тяжущіеся

(1) См. § 51.
(2) См. § 81.

Digitized by Google

обязаны были явиться къ суду во всякомъ случаѣ, хотя—бы даже судья, выдавшій имъ эти грамоты, перемѣнился: въ этомъ послѣднемъ случаѣ новый судья долженъ былъ изслѣдовать и рѣшить начатое его предшественникомъ судное дѣло:

§ 31. *А которы*[а] и истци у коего судьи возмутъ срокъ и срочныя [б] за печатми, а той судья перемѣнится, а кто будетъ судья на его мѣсто, ино тымъ истцомъ стать передъ тыми судьями да и срочныя [б] свои положити на той срокъ, а тому судьѣ судити той судъ да и кончати.

а) Это дополненіе сдѣлано нами. Въ текстѣ новгородской с. грамоты здѣсь небольшой пробѣлъ, по видимому въ одно слово. Начальное наше —А означаетъ если. У Карамзина (404 прибавл. къ V т. Ист. Гос. Росс. изд. Эйнерлинга) означенный пробѣлъ дополненъ также самопроизвольно словами: «А *буде ли истци.*» б) т. е. срочныя грамоты, см. § 33.

Для всѣхъ-ли дѣлъ срокъ, назначаемый въ срочныхъ грамотахъ, былъ одинаковъ?—это неизвѣстно. Кажется впрочемъ, что онъ былъ различенъ по роду дѣлъ. Такъ изъ § 51 видно, что срокъ этотъ по тяжбамъ за поземельную собственность былъ назначенъ въ три недѣли на каждыя сто верстъ (для представленія судебныхъ доказательствъ); по другимъ-же дѣламъ онъ назначался иначе, на основаніи принятыхъ судебнымъ обычаемъ правилъ:

§ 32. А [а] о иныхъ дѣлѣхъ срокъ по старинѣ [б].

а) § этотъ есть продолженіе § 51. б) По древнему обычаю. (См. примѣчаніе б къ § 5).—Смыслъ всего этого постановленія тотъ, что для другихъ судныхъ дѣлъ (кромѣ тяжбъ за поземельную собственность) въ срочныхъ грамотахъ назначается такой срокъ, какой для нихъ принятъ судебнымъ обычаемъ.

Если одинъ изъ тяжущихся къ назначенному въ срочной грамотѣ времени не являлся, то на него давалась обѣтная грамота, къ которой присоединялась и срочная грамота, но увѣдомленія о днѣ для явки въ судъ («отсылка», см. § 21) ему не посылалось:

§ 33. А одинъ истець станетъ на той срокъ передъ судьею да и срочную свою грамоту положитъ, а другой не станетъ, ино тому судьѣ дати на него (а) грамота (б) да и срочная грамота къ той же ему грамотѣ припечатать, а отсылки ему не отсылати.

(а) На того, кто не явился къ суду на срокъ. (б) Что эта грамота была обѣтная, то можно вывести изъ словъ § 23: обѣтная грамота посылалась

Digitized by Google

къ тому, кто обѣщалъ явиться къ суду на извѣстный срокъ и не выполнялъ этого. Въ настоящемъ случаѣ каждый изъ тяжущихся предполагается давшимъ свое согласіе на явку къ суду въ срокъ, означенный въ срочной грамотѣ, и потому по наступленіи этого срока къ неявившемуся судъ посылалъ обѣтную грамоту, цѣль которой—понудить скрывающагося явиться къ суду, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть обвиненнымъ безъ судебнаго разбирательства.

Если вмѣсто самого тяжущагося дѣйствовалъ его повѣренный, который, взявъ отъ судьи срочную грамоту, умиралъ до наступленія срока явки къ суду, то вмѣсто него тяжущійся долженъ былъ прислать къ сроку или другаго повѣреннаго, или явиться къ суду самъ:

§ 34. А во чье будетъ мѣсто[а] отвѣтчикъ срокъ взялъ, а до того сроку сведется отвѣтчику смерть, ино на той срокъ стать самому истцю, или иного отвѣтчика поставить въ свое мѣсто.

(а) Во чье мѣсто—вмѣсто кого или за кого.

Во все время судопроизводства *тяжущіеся были обязаны не вредить другъ другу* насиліемъ *и не препятствовать дѣйствіямъ суда* открытою силою, какъ это видно изъ запрещенія самоуправныхъ поступковъ съ обвиняемымъ въ уголовномъ преступленіи несвободнымъ человѣкомъ («а до суда надъ нимъ силы не дѣять») (1) и изъ слѣдующаго общаго постановленія н. с грамоты:

§ 35. А истцю на истца наводки[а] не наводить, ни на посадника, ни на тысесского, ни на владычня намѣстника, ни на иныхъ судей, ни на докладшиковъ.

(а) Нападеніе скопищемъ людей, съ употребленіемъ физической силы противъ нападаемыхъ (см. § 11, примѣч. б.).

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ здѣсь доказательствъ можно, кажется, вывести то общее положеніе, что н. с. грамота, подобно современнымъ ей узаконеніямъ (напр. псковск. с. грамотѣ и судебнику Іоанна III), запрещаетъ тяжущимся употреблять всякое самоуправство вмѣсто судебнаго разбирательства (2) и предписываетъ имъ соблюдать правила благопристойности какъ въ отношеніи другъ къ другу, такъ и въ отношеніи къ судьямъ. Не выполнявшіе этой обязанности обвинялись по суду («а кто силу доспѣетъ, ино тѣмъ его и обинить») (3) въ самоуправствѣ и подвергались различнымъ взысканіямъ; въ особенности же тѣ, которые открытою силою, при содѣйствіи имъ цѣлаго скопища людей злонамѣренныхъ, покушались вре-

(1) См. § 55.
(2) Это видно также изъ § 45.
(3) См. § 55.

Digitized by Google

дить своимъ противникамъ или судьямъ, осуждались къ уплатѣ тяжкихъ по тому времени денежныхъ штрафовъ, какъ это видно изъ слѣдующаго постановленія н. с. грамоты:

§ 36. А кто наведетъ паводку на посадника, или на тысетцкого, или на владычна намѣстника, или на иныхъ судей, или на докладшиковъ, или истець на истца у суда или у доклада или у поля [а], ино взять Великимъ Княземъ [б] и Великому Новугороду на виноватомъ, на боярине 50 рублевъ [в], а на житьемъ двадцять рублевъ, а на молодшемъ [г] десять рублевъ за паводку, а истцю убытки подойметъ [д].

а) Поле-судебный поединокъ. б) Іоанну III и сыну его Іоанну Іоанновичу, потому что оба они въ договорной грамотѣ съ новгородцами названы великими князьями. (См. введеніе, стр. 255, вынос. 1). в) По словамъ Куницына, рубль въ началѣ XV ст. равнялся 6 нынѣшнимъ рублямъ серебромъ (см. вышеприведенное его сочиненіе стр. 4 и 84). Г. Энгельманъ замѣчаетъ, что рубль въ XV столѣтіи, по количеству содержащагося въ немъ серебра, равнялся пяти нынѣшнимъ рублямъ; но серебро въ то время имѣло гораздо высшую цѣну, нежели теперь (см. вышеприведенное его сочиненіе стр. 24). Оба мнѣнія могутъ быть признаны относительно-справедливыми. Что серебро въ XV вѣкѣ имѣло гораздо высшую цѣну, нежели теперь, то могутъ доказать древніе акты: такъ изъ № 68 Акт. Арх. Эксп., т. I, видно, что тверской князь Борисъ Александровичъ за 10 рублей и за 10 воловъ продаетъ Колязину монастырю цѣлое село, со всѣми находящимися при немъ угодьями. Въ Акт. Юр. № 71 (новгородскія купчія XIV и XV ст.) грамоты II, XXV и XXVII показываютъ, что за нѣсколько рублей тогдашнихъ можно было пріобрѣсти значительную часть земли: поль-села и даже ⅓ его. Чтобы дать болѣе точное понятіе о вѣсѣ, пробѣ и формѣ древнихъ новгородскихъ рублей, помѣщаемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ и о новгородской гривнѣ изъ статьи Н. Муравьева: «Описаніе древней Новгородской серебряной гривны и ея рублей», Москва, 1826 г. Вотъ что говоритъ авторъ этой статьи: Гривна ни что иное, какъ слитокъ серебра, могущій вмѣститься въ горсть, вѣсомъ отъ 43 до 44 нынѣшнихъ золотниковъ; а рубль половина гривны, поперегъ разрубленной самымъ грубымъ образомъ, иногда даже и безъ надлежащей точности. Длина гривны 4 дюйма, 8 или 8½ линій; ширина ея при концахъ (а къ концамъ гривна выливалась толще, нежели въ срединѣ) 4¾ лин.; высота при концахъ 5 лин.; проба серебра 70-ая Представленные авторомъ на чертежѣ рубли различны по вѣсу и пробѣ: такъ одинъ изъ нихъ длиною 2 дюйма 3½ лин., другой—2 д. 2½ л.; вѣсомъ первый 22½ золотн., второй—21½ зол.; проба серебра въ первомъ 79-ая, во второмъ—74 ая. (См. въ статьѣ Муравьева стр. 6 и надпись на приложенномъ къ этой статьѣ чертежѣ).—Изъ этого описанія мы можемъ зак-

Digitized by Google

лючить, что серебро въ новгородскихъ рубляхъ (а слѣдовательно и въ гривнахъ) не было одинаковой доброты, хотя по вѣсу рубли эти (а потому и гривны) были приблизительно равны. Вѣроятно цѣнность денегъ въ то время опредѣлялась преимущественно количествомъ содержавшагося въ нихъ благороднаго метала, а на качество его обращалось менѣе вниманія. Такъ Куницынъ (въ сочиненіи своемъ «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи», стр. 31, примѣч. вв.) приводитъ свидѣтельство лѣтописи о томъ, что въ 1447 г. посадникъ новгородскій Сѣкира судилъ монетчиковъ за неполный вѣсъ отчеканенной ими монеты. (г) Слѣдовательно къ молодшимъ людямъ должно относить купцовъ и черныхъ людей (см. § 1). (д) Вознаградитъ (Ак. Сл.)

Другое, болѣе общее правило новгородскоіі с. грамоты запрещаетъ всѣмъ вообще силою или хитростію препятствовать судьямъ въ производствѣ суда:

§ 37. А посадника и тысецкого и владычня намѣстника и ихъ судей, съ суда не сбивати.

3. О судебныхъ доказательствахъ.

Чтобы показанія тяжущихся были приняты въ судѣ за справедливыя, для этого они должны основываться на различныхъ судебныхъ доказательствахъ, для представленія которыхъ въ судъ истцу и отвѣтчику назначались опредѣленные сроки.

Общими судебными доказательствами по н. с. грамотѣ можно признавать слѣдующія: 1) присягу, 2) показанія послуха и 3) судебный поединокъ.

1. Присяга. Она употреблялась истцомъ и отвѣтчикомъ какъ дѣйствіе, предшествующее ихъ показаніямъ, и имѣла цѣлію принудить ихъ говорить предъ судомъ только истину. Такимъ образомъ это была присяга обѣщательная (jusjurandum promissorium), и взятая сама въ себѣ, она не имѣла силы судебнаго доказательства; но безусловный отказъ отъ нея со стороны истца велъ за собою недѣйствительность его иска (1), а со стороны отвѣтчика—обвиненіе его судомъ по этому иску (2). На этомъ послѣднемъ основаніи такая присяга можетъ быть принята нами въ число судебныхъ доказательствъ н. с. грамоты, но только какъ доказательство отрицательное.

Обрядъ совершенія присяги состоялъ въ цѣлованіи св. креста, который вмѣстѣ съ судною грамотою возлагался на блюдо (3).

2. *Свидѣтельство послуха* есть единственное судебное доказа-

(1) См. § 18.
(2) См. § 28.
(3) См. §§ 16, 27, 29 и др.

Digitized by Google

тельство, *прямо* выраженное въ н. с. грамотѣ. На представленіе послуха къ суду былъ назначенъ трехнедѣльный срокъ на каждыя сто верстъ въ оба конца пути:

§ 38. А (а) срокъ ему (б) взять на послуха на сто верстъ по три недѣли.

(а) § этотъ есть продолженіе слѣдующаго 39 §, какъ показываетъ и частица а. (б) Тому, кто сослался на послуха: истцу или отвѣтчику.

Если одинъ изъ тяжущихся ссылался на послуха, жившаго далѣе чѣмъ за 100 верстъ отъ мѣста суда, то другой тяжущійся могъ и не согласиться на признаніе этого лица въ качествѣ послуха; въ такомъ случаѣ однако онъ былъ обязанъ съ своей стороны представить къ суду послуха, жившаго, вѣроятно, въ болѣе близкомъ отъ суда разстояніи:

§ 39. А кой истець скажетъ послуха далѣ ста верстъ, а похочетъ и другой истець слаться на того послуха, ино слаться на него: а не всхочетъ другой истець слаться далѣ ста верстъ, ино поставить ему своего послуха у суда.

Послухъ былъ всегда одинъ (1), и тяжущимся не дозволялось выставлять новаго свидѣтеля (послуха) для изобличенія перваго въ несправедливости его показаній:

§ 40. А послуху на послуха не быть.

Впрочемъ допуская въ судѣ послушество только одного лица, мы не думаемъ распространять его (т. е. послушество) въ *этомъ видѣ* на всѣ судныя дѣла, а относимъ только къ искамъ по уголовнымъ преступленіямъ и къ искамъ «наѣзда и грабежа въ земномъ дѣлѣ» (подобно тому, какъ въ пск. с. грамотѣ свидѣтельство послуха допускалось только въ дѣлахъ «о боѣ и грабежѣ (2)», тогда какъ въ тяжбахъ за поземельную собственность доказательную силу имѣли показанія тѣхъ лицъ, которыя въ видѣ свидѣтелей подписывались на актахъ, содержавшихъ въ себѣ распоряженія владѣльца на счетъ его поземельной собственности (3). Большею частію этихъ лицъ было трое, и они также называются послухами.

Послухомъ противъ свободнаго новгородца могъ быть только ему подобный, т. е. также свободный новгородскій гражданинъ.

(1) Это видно изъ всѣхъ постановленій н. с. грамоты о послушествѣ: вездѣ, гдѣ она допускаетъ свидѣтельство послуха, онъ является какъ одно лицо.—Болѣе общее правило объ этомъ выражено въ псковской с. грамотѣ: «А послуху быти одному»—(См. въ изд. Мурзакевича XVII—26 и въ сочиненіи Г. Энгельмана стр. 131).

(2) См. соч. Г. Энгельмана, стр. 131.

(3) Акты Юрид. NN 1, 71 и др.

Digitized by Google

Не только рабы, но и псковитяне, ближайшіе къ новгородцамъ по правамъ своимъ, не могли быть допускаемы къ такому послушеству.

§ 41. А Пъсковитину не послуховать [а], ни одерноватому холопу [б].

(а) Куницынъ (также и Пахманъ, въ соч: О судебныхъ доказательствахъ, стр. 57) не постигаетъ, почему въ н. с. грамотѣ запрещено псковитянамъ быть свидѣтелями противъ свободныхъ новгородскихъ людей, тогда какъ въ договорѣ новгородцевъ съ ганзейскимъ союзомъ свидѣтелями противъ новгородцевъ въ дѣлахъ судныхъ могли быть и чужеземные инородцы (См. вышеприведенное соч. Куницына, стр. 104). На это мы замѣтимъ во 1), что документъ, принимаемый Куницынымъ за договоръ Новгорода съ ганзейскимъ союзомъ (см. въ соч. Куницына «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи» стр. 143—148), не есть подлинный договоръ, а только проэктъ договора (см. соч. И. Е. Андреевскаго: О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ ь. С.-Петербургъ, 1855 г., стр. 7—15). Самый же договоръ, заключенный въ 1270 г., постановляетъ о послушествѣ слѣдующее: «Въ случаѣ, когда двое, именно нѣмецъ и новгородецъ, должны представить свидѣтелей, и оба представятъ въ свидѣтели одно и тоже лицо, то таковому должно вѣрить. Но, если поссорятся и не представятъ одного и того же свидѣтеля, то они должны бросить жребіи, и чей жребій выпадетъ, на сторонѣ его свидѣтеля и право». (См. вышеприведенное сочиненіе Андреевскаго, стр. 32, пунктъ договора XIX:) Во 2), хотя, такимъ образомъ, свидѣтелемъ противъ новгородца могъ быть и иностранецъ (готландецъ или вообще нѣмецъ); но это не удивительно, потому что н. с., грамота имѣла силу закона для однихъ только новгородскихъ людей, въ предѣлахъ новгородскаго княжества (см. введеніе, стр. 255, вын. 1), а потому въ ней могло быть допущено какъ общее правило, что всѣ не новгородцы устраняются отъ права быть послухами противъ новгородскихъ гражданъ; тогда какъ договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ распространялъ свое дѣйствіе и за предѣлы новгородскаго княжества: какъ внѣшній трактатъ новгородцевъ съ Ганзою, онъ имѣлъ обязательную силу закона для гражданъ обѣихъ договорившихся державъ, на всемъ пространствѣ ихъ территоріи. (б) Одерноватый холопъ—человѣкъ укрѣпленный въ рабство изъ людей свободныхъ (Ак. Сл.). По законамъ новгородскимъ каждый свободный человѣкъ могъ дать на себя «*грамоту одерноватую*», послѣ чего дѣлался рабомъ (см. вышеприведенное сочиненіе Куницына стр. 40 также здѣсь § 58, примѣчаніе в). Постановленіе этого § можно бы было выразить болѣе общими словами «а Пъсковитину не послуховать, ни холопу».—Но запрещеніе холопамъ быть свидѣтелями противъ людей свободнаго состоянія было общеизвѣстно въ Новгородѣ, а потому и не требовало для себя подтвержденія въ законѣ (ибо н. с. грамоту нельзя считать собраніемъ древнихъ новго-

Digitized by Google

родскихъ судебныхъ обычаевъ, «пошлинъ», какимъ представляется намъ псковская с. грамота). Однако касательно тѣхъ лицъ, которыя прежде были свободны и впослѣдствіи сдѣлались рабами, настояло сомнѣніе въ томъ: допускать ли ихъ къ свидѣтельству противъ свободныхъ новгородскихъ людей, или нѣтъ, такъ какъ они, находясь въ прежнемъ своемъ состояніи, могли знать условія и подробности нѣкоторыхъ дѣлъ? Этотъ-то вопросъ и рѣшаетъ (отрицательно) настоящее постановленіе н. с. грамоты, называя такихъ рабовъ, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, одерноватыми.— Впрочемъ это только наше предположеніе, исключительно относящееся до н. с. грамоты: слово «одерноватый холопъ» имѣетъ другое значеніе,— значеніе полнаго, *обѣльнаго* раба (см. рѣчь Ординарнаго Профессора С.-Петербургскаго Университета П. Д. Колмыкова «О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности». С.-Петербургъ, 1839 г.).

Если одинъ изъ тяжущихся былъ рабъ (1), то свидѣтелемъ противъ него могъ быть также человѣкъ рабскаго сословія:

§ 42. А холопъ на холопа послухъ.

Если свидѣтель въ своихъ показаніяхъ оговаривалъ или изобличалъ тяжущагося въ томъ, въ чемъ онъ былъ обвиняемъ своимъ противникомъ, то этотъ оговоренный былъ обязанъ въ теченіе двухъ недѣль кончить дѣло съ свидѣтелемъ судебнымъ порядкомъ:

§ 43. А кого опослушествуетъ (а) послухъ, ино (б) съ нимъ (в) увѣдается (г) въ двѣ недѣли.

а) Изобличитъ (Ак. Сл.) б) для полноты смысла здѣсь слѣдуетъ прибавить слово «тотъ», т. е. изобличаемый или обвиняемый; в) т. е. съ послухомъ. Впрочемъ можно и не дѣлать этихъ приставокъ; но тогда слова «съ нимъ» будутъ относиться къ обвиняемому, «а увѣдается» къ послуху. Въ томъ и другомъ случаѣ смыслъ постановленія не измѣнится; но какъ мы принимаемъ (въ сейчасъ слѣдующемъ объясненіи), что право выбора въ подобномъ рѣшеніи суднаго дѣла зависѣло отъ обвиняемаго послухомъ, то мы и предпочитаемъ такое чтеніе. г) Раздѣлается судебнымъ порядкомъ (см. примѣч. в къ § 14).

Но въ чемъ состояла эта судебная расправа?—съ точностію неизвѣстно. Хотя изъ одного постановленія н. с. грамоты (2) видно, что свидѣтели должны были присягать на справедливость своихъ показаній; но присяга эта была только обѣщательная (см. стр. 292), она принималась свидѣтелями прежде снятія съ нихъ показаній, и не составляла положительнаго судебнаго доказательства: мы знаемъ, что только отказъ тяжущагося отъ

(1) Судебные случаи, въ которыхъ рабы и вообще зависимые люди были отвѣтчиками, исчислены въ нижеслѣдующей статьѣ: «особенности судебнаго разбора въ искахъ по уголовнымъ преступленіямъ», стр. 302. См. также выше статью «объ истцѣ и отвѣтчикѣ, стр. 278.

(2) См. § 15.

Digitized by Google

присяги велъ за собою обвиненіе его по суду (вѣроятно тоже относилось и къ свидѣтелямъ). Впрочемъ, если мы примемъ мнѣніе Куницына, который утверждаетъ, что свидѣтели были иногда обязаны подверждать присягою справедливость своихъ показаній (1), и затѣмъ допустимъ, что законы новгородскіе въ этомъ отношеніи имѣли сходство съ законами псковскими, то судебная расправа послуха съ тяжущимся представится возможною или въ видѣ поединка, или въ видѣ присяги подтвердительной (jusjurandum assertorium). Тотъ и другая въ выборѣ ихъ зависѣли отъ обвиняемаго (2).

Если послухъ, давъ показаніе, въ теченіе двухъ недѣль не являлся въ судъ для окончанія дѣла съ оговореннымъ имъ, то для этого туда призывался тяжущійся, въ пользу котораго послухъ свидѣтельствовалъ:

§ 44. А въ тѣ двѣ недѣли не дастъся послухъ позвати, ино позвати истця.

Средства для рѣшенія дѣла въ подобномъ случаѣ вѣроятно были тѣ-же, какія предоставлялось оговоренному употребить противъ обвинившаго его послуха.

Изложивъ постановленія н. с. грамоты о послушествѣ и высказавъ наше мнѣніе о послухѣ, не лишнимъ считаемъ замѣтить, что до конца XV вѣка послухъ былъ мѣстною особенностію новгородскаго и псковскаго судопроизводства; но съ изданіемъ судебника Іоанна III онъ получилъ болѣе обширный кругъ обращенія. Отъ послуховъ отличались «людіе», «сторонніе людіе, окольные сусѣды», къ показаніямъ которыхъ не рѣдко также прибѣгали въ дѣлахъ судныхъ, и эти «людіе» свидѣтельствовали о томъ, что знали по наслышкѣ; послухъ-же всегда было такое лицо, которое лично присутствовало при совершеніи извѣстнаго дѣянія, и въ судебникѣ Іоанна III ему запрещается «невидѣвъ послушествовати».

Въ такомъ значеніи послухъ принимается новгородскою и псковскою с. грамотами, въ которыхъ также встрѣчаются постановленія о показаніяхъ сторонніхъ людей (3). Съ теченіемъ времени, при постепенномъ совершенствованіи судебныхъ доказательствъ, изъ свидѣтельства сторонніхъ людей возникли

(1) См. соч. Куницына, стр. 106.

(2) См. вышеприведенныя сочиненія: г. Энгельмана, стр. 132; Пахмана, стр. 162, 172, выноска 2.

(3) Въ псковской с. грамотѣ показанія сторонніхъ людей часто принимаются за судебныя доказательства (см. напр. въ изданіи Мурзакевича: IX, 22—27; IX, 28; X, 3; IX, 9—14; V, 4—18 и др.). Въ н. с. грамотѣ къ числу такихъ показаній могутъ быть отнесены показанія сябровъ, о которыхъ упоминается въ § 51.

Digitized by Google

правила повальнаго обыска, а изъ показаній послуха образовались свидѣтели въ значеніи настоящаго времени (1).

3. *Судебный поединокъ или поле.* Употребленіе его въ числѣ судебныхъ доказательствъ было повсемѣстно въ современный н. с. грамотѣ періодъ времени; но какъ она упоминаетъ о немъ только вскользь (2), то мы и не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь о подробностяхъ этого поединка, тѣмъ болѣе, что о немъ издано нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій (3), изъ которыхъ новѣйшее принадлежитъ И. Д. Бѣляеву. Мы замѣтимъ только, что полю подлежалъ и послухъ, когда оговоренный имъ тяжущійся избиралъ судебный поединокъ какъ способъ рѣшенія дѣла.

II. Объ особенностяхъ судебнаго разбора.

Какъ мы уже неоднократно замѣчали, н. с. грамота, не вполнѣ до насъ дошедшая, заключаетъ въ себѣ исключительно судопроизводство по тяжбамъ за поземельную собственность и по искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ. Оба рода судопроизводства въ ней рѣзко отличаются своими особенностями, а потому мы здѣсь покажемъ сперва особенности въ судопроизводствѣ по тяжбамъ за поземельную собственность, а потомъ изложимъ отличительныя черты судопроизводства по искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ.

1. *Особенности судебнаго разбора по тяжбамъ за поземельную собственность.*

Съ тяжбами за поземельную собственность были тѣсно связаны иски противъ насильственныхъ дѣйствій, которыми сопровождалось противозаконное завладѣніе землею. Поэтому о такихъ искахъ, которые въ н. с. грамотѣ названы исками «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ», мы скажемъ также въ этой статьѣ.

Поземельная собственность въ новгородскомъ княжествѣ имѣла большое значеніе, какъ видно изъ н. с. грамоты. Право владѣть землею на правахъ частной собственности принадлежало духовенству, разнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ, но только изъ трехъ первыхъ классовъ новгородскихъ подданныхъ, т. е. право это принадлежало боярамъ, житьимъ людямъ

(1) Сличи соч. Энгельмана, стр. 135—141.

(2) См. 836, также упоминается о полѣ въ договорѣ новгородцевъ съ Казиміромъ IV (Ак. Арх. Эксп., т. I, N 87).

(3) Такъ напр. Качановскаго: «Разсужденіе о судебныхъ поединкахъ», помѣщено въ трудахъ общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, М. часть I, 1815 г. Калайдовича: «Разсужденіе о поединкахъ въ Россіи вообще, и въ особенности о судебныхъ», помѣщено въ Русск. Историч. сборникѣ, изданномъ Обществомъ Ист. и Древн. Россійскихъ, М. 1838 г., кн. 4.—Можно также получить точное понятіе о судебномъ поединкѣ изъ соч. Куницына: «Историч. изображеніе древн. судопроизводства въ Россіи» (стр. 114—116) и изъ сочин. Пахмана «О судебн. доказательствахъ....» (стр. 105—117 и 178—187).

Digitized by Google

и купцамъ. Простолюдины же брали отъ нихъ земли въ содержаніе, и за право пользованія платили имъ опредѣленный оброкъ, преимущественно естественными произведеніями обрабатываемой ими земли (1). Владѣлецъ земли имѣлъ нѣкоторыя особыя обязанности по отношенію къ живущимъ на ней поселянамъ (которыя мы изложимъ ниже), а духовенство даже пользовалось правомъ исключительнаго суда надъ ними въ дѣлахъ менѣе важныхъ: дѣла болѣе значительныя, по которымъ отвѣтчиками были люди, жившіе на монастырскихъ и вообще на церковныхъ земляхъ, рѣшались судомъ смѣстнымъ, т. е. составленнымъ изъ свѣтскихъ и церковныхъ судей.

Въ слѣдствіе такого особенно важнаго значенія поземельной собственности въ новгородскомъ княжествѣ, и судопроизводство по тяжбамъ за нее должно было пріобрѣсти нѣкоторыя отличительныя черты отъ тѣхъ общихъ формъ дѣлопроизводства, которыя были приняты закономъ при изслѣдованіи каждаго суднаго дѣла.

На этомъ основаніи н. с. грамота въ видѣ отдѣльнаго постановленія излагаетъ запрещеніе самоуправно овладѣвать землею, за которую идетъ споръ, предписывая въ такомъ случаѣ обращаться къ судебному разбирательству:

§ 45. А кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ или о дву, или болши или меншн, нно ему (a) до суда на землю не наѣзщать, ни людей своихъ не насылать, а о землѣ позвати къ суду.

(a) Тому, «кому будетъ о землѣ дѣло», т. е. истцу.

Если истецъ не хотѣлъ повиноваться предписанію закона и силою овладѣвалъ спорнымъ имѣніемъ, (которое въ этомъ случаѣ предполагается населеннымъ) (1), то отвѣтчику предоставлялось право предъявить на него встрѣчный искъ о насильственномъ завладѣніи и объ ущербѣ, понесенномъ имуществомъ и жителями его отъ насилія завладѣвшаго имъ.—Первоначально судомъ разсматривался и рѣшался этотъ послѣдній искъ, а за нимъ уже слѣдовалъ разборъ спорнаго права на поземельную собственность:

§ 46. А кто на комъ попщетъ наѣзда или грабежа въ земномъ дѣлѣ, нно судити напередъ наѣздъ и грабежъ, а о земли послѣ судъ.

---

(1) Такъ было и въ псковскомъ княжествѣ; объ этомъ см. въ изданіи Мурзакевича статьи объ изорникахъ.

(1) См. § 45, въ немъ слово «село» прямо указываетъ, что спорная земля есть населенная.

Digitized by Google

Цѣль этого постановленія, по нашему мнѣнію, состояла въ стремленіи новгор. правительства подчинить дѣйствію закона споры частныхъ лицъ за поземельную собственность, тѣ споры, которые не рѣдко рѣшались самими тяжущимися посредствомъ самоуправства, которое въ видѣ завладѣнія могло быть удобно примѣняемо къ тяжбамъ за поземельную собственность.

Хотя при объявленіи встрѣчнаго иска о насильственномъ завладѣніи недвижимымъ имуществомъ разборъ спорнаго права на поземельную собственность долженъ былъ пріостановиться до окончанія этого иска; но законъ не воспрещалъ истцу просить о производствѣ обоихъ дѣлъ разомъ:

§ 47. А кои [а] истець похочетъ искать наѣзда или грабежа и земли вдругъ, ино другому истцю ему отвѣчать.

(а) Читай «кой», т. е. который.

Цѣль этого постановленія, какъ намъ кажется, та, чтобы доставлять тяжущимся возможно-скорое рѣшеніе ихъ судныхъ дѣлъ. Если истецъ встрѣчнаго иска проситъ судъ о разборѣ спорн. права за поземельную собственность одновременно съ изслѣдованіемъ иска «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ», то слѣдуетъ предположить, что онъ, а не его противникъ имѣетъ на эту землю болѣе правъ.

Какъ по этому встрѣчному иску, такъ и по тяжбѣ за поземельную собственность судъ всегда производился въ самомъ Новгородѣ, хотя изслѣдованіе границъ спорной земли (межеваніе), въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оно являлось необходимымъ, происходило конечно тамъ, гдѣ имѣніе находилось:

§ 48 [а]. А о землѣ [б] судъ, а не будетъ суда [в] въ Новѣгородѣ, а о наѣздѣ и о грабежѣ судъ [г].

(а) § этотъ служитъ продолженіемъ § 46, который въ своей послѣдовательности прерывается § 80. Отъ того начало настоящаго § («А о землѣ судъ») кажется стоящимъ не на своемъ мѣстѣ; но смыслъ всего постановленія тотъ, что когда производится судъ за землю, то для изслѣдованія границъ спорнаго имѣнія на мѣсто нахожденія его посылался межевщикъ, какъ это мы увидимъ на стран. 301 (см. также §§ 73 и 74).—б) Здѣсь должно подразумѣвать слово: будетъ. в) т. е. если судъ за землю и пріостановится на время, которое необходимо для опредѣленія границъ спорной земли; но судопроизводство по иску, «наѣзда и грабежа въ земномъ дѣлѣ» чрезъ то останавливаться было не должно: дѣла этого рода должно было производить и рѣшать безъ всякаго замедленія, съ возможною скоростію. г) т. е. «будетъ судъ».

Digitized by Google

Кромѣ этихъ отличительныхъ свойствъ, тяжбы за поземельную собственность заключали въ себѣ еще слѣдующія особенности:

1) Истцомъ въ нихъ могъ быть мужъ за жену, который въ этомъ случаѣ самимъ закономъ признавался ея повѣреннымъ и вмѣсто нея приводился къ присягѣ:

§ 49. А цѣловать боярину и житьему и купцю, какъ за свою землю, такъ и за женню.

Онъ могъ явиться за жену свою въ судъ къ отвѣту или самъ, или уполномочить къ тому кого заблагоразсудитъ:

§ 50. А позовутъ боярина и житьего и купца въ его землѣ или въ женнѣ, ино ему отвѣчать, или отвѣтчика (а) послать въ свое мѣсто и въ женне, по тому (б) крестному цѣлованью.

(а) Повѣреннаго. (б) О которомъ упомянуто въ предъидущемъ 49 §.

2) Въ тяжбахъ за поземельную собственность къ свидѣтельству допускались также сосѣди по спорному имѣнію и товарищи или соучастники въ общей собственности, если на нихъ ссылался одинъ изъ тяжущихся и бралъ для того отъ судьи срочную грамоту:

§ 51. А кто съ кѣмъ ростяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы (а) или на шабъры (б), ино ему дать одинъ срокъ на сто верстъ три недѣли, а далѣ и ближе а то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кѣмъ управы лежатъ, по крестному цѣлованью, да и по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ (в); а посаднику приложить къ срочной грамотѣ своя печать; а иному сроку не быть; также и инымъ судьямъ давать срокъ по томужъ (г).

(а) Судебныя доказательства вообще; но здѣсь это слово слѣдуетъ принимать въ болѣе тѣсномъ смыслѣ,—въ смыслѣ письменныхъ документовъ, какъ это и сдѣлалъ Пахманъ въ св. сочиненіи «о судебныхъ доказательствахъ», стр. 207. (б) Сосѣди (Ак. Сл.); также соучастники въ общей собственности. (в) Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что отъ тяжущихся за поземельную собственность въподобныхъ случаяхъ требовалась такая-же торжественная форма соглашенія, какая была необходима для истца, чтобы подтвердить землевладѣльцу свой искъ объ уголовномъ преступленіи, предъявленный имъ на одного изъ людей, въ имѣніи этого землевладѣльца проживавшихъ (см. § 52). (г) «по тому-жъ»—по тѣмъ же правиламъ, какія здѣсь предписаны въ руководство посаднику.

Digitized by Google

3) Въ дѣлахъ этого рода употреблялись межевщики (1), которые были обязаны заниматься опредѣленіемъ границъ земли по показаніямъ тяжущихся и окончательнымъ отводомъ земли сторонѣ, оправданной по суду, причемъ за основаніе отвода принимались грамоты тяжущихся на право владѣнія землею, о которыхъ въ н. с. грамотѣ прямо не упоминается. Она говоритъ только объ «управахъ», какъ о необходимыхъ судебныхъ доказательствахъ при тяжбѣ за поземельную собственность, не опредѣляя ихъ въ подробности (2).

Впрочемъ опредѣленіе спорнаго участка земли производилось слѣдующимъ образомъ (3): отводчики, (которые были княжескіе чиновники), требовали отъ каждой тяжущейся стороны, чтобы она въ присутствіи ихъ и старожиловъ указала границы принадлежащей ей земли, которыя при этомъ обозначались особыми межевыми знаками,—«*потесами*» (вѣроятно представлявшими собою наши спорные столбы настоящаго времени); на основаніи такихъ *потесовъ* опредѣлялась спорная часть земли, на которую составлялся планъ (4) и вмѣстѣ со всѣмъ производствомъ дѣла препровождался къ тому судьѣ, которому было предоставлено изслѣдовать и рѣшить эту тяжбу. Судья предварительно спрашивалъ тяжущихся, признаютъ-ли они планъ, снятый межевщиками, соотвѣтствующимъ ихъ грамотамъ (5), и если они признавали его таковымъ (6), тогда судья приступалъ къ изслѣдованію и обсужденію доказательствъ, тяжущимися представленныхъ, на основаніи которыхъ онъ рѣшалъ дѣло, послѣ чего земля отводилась оправданной сторонѣ въ томъ видѣ, какъ она была снята на планъ (на основаніи указаній этой оправданной стороны),

(1) См. §§ 73 и 74.

(2) Это доказываетъ только, что н. с. грамота, слѣдуя обыкновенію древнихъ законодательныхъ памятниковъ, не входитъ въ подробное исчисленіе всѣхъ тѣхъ условій, которыя въ судебной практикѣ считались необходимыми для производства различныхъ судебныхъ дѣлъ; но такъ какъ многія изъ этихъ условій для судопроизводства были безусловно—необходимы, то о нихъ н. с. грамота прямо не упоминаетъ, предполагая ихъ общеизвѣстными (какъ напр. о грамотахъ на право владѣть землею, которыя должны были представляться тяжущимися въ судъ въ случаѣ спора за поземельную собственность). Въ этомъ отношеніи псковск. с. грамота имѣетъ преимущество предъ новгородскою: она представляетъ собою успѣхъ законодательства, которое старается съ большею противъ прежняго точностію подробно опредѣлить всѣ условія судопроизводства.

(3) Акты Юрид. № 11, стр. 22—23.

(4) Планъ этотъ снимался на лубъ. См. акты юрид., N 2, стр. 3.

(5) См. акты юрид., въ N 2, стр. 2, выраженіе: «снимаете ль съ межниковъ межничьства» и объясненіе на него въ соч. г. Энгельмана: «Гражданскіе законы Псковской судной грамоты» стр. 128 (примѣчаніе къ § 88).

(6) Въ томъ случаѣ, если-бы тяжущіеся признали планъ не соотвѣтствующимъ ихъ грамотамъ, вѣроятно, слѣдовало приступить ко вторичной и болѣе правильной его съемкѣ.

Digitized by Google

причемъ такой землѣ производилась окончательная межа, которая состояла въ граняхъ и ямахъ.

2. *Особенности судебнаго разбора въ искахъ по уголовнымъ преступленіямъ.*

Особенности въ судопроизводствѣ по дѣламъ этого рода главнымъ образомъ были двоякія: онѣ относились въ 1-хъ) до истца и во 2-хъ) до землевладѣльцевъ, въ имѣніи которыхъ обвиняемые въ этихъ преступленіяхъ люди имѣли свое жительство.

Что касается до *особенностей перваго рода*, то въ нихъ различались два случая:

Во 1-хъ): Если въ искѣ по уголовн. преступленію истцомъ было такое лицо, которое предварительно присягало на справедливость своихъ показаній, то искъ его принимался, и истецъ долженъ былъ только подтвердить его особой торжественной формою—удареніемъ по рукамъ съ тѣмъ землевладѣльцемъ, въ имѣніи котораго обвиняемый имѣлъ свое жительство (1):

§ 52. А кому будетъ дѣло до владычня человѣка, или до боярьского, или до житейского, или до купетцкого или до монастырьского, или до кончанского; или до улитцкого, въ волости о татбѣ а), и о розбоѣ, и о грабежи, и о пожозѣ б), и о головщинѣ в), и о холопствѣ г), а кто будетъ крестъ цѣловалъ на сей грамотѣ, ино ему речи правое слово д) а рука дать по крестному цѣлованью, что тотъ человѣкъ тать и розбойникъ, или грабезшикъ, или пожегщикъ, или душегубецъ, или холопъ.

а) Татба или татьба-воровство. (Ак. Сл.) б) Пожога—зажигательство. (Ак. Сл.) в) Головшина или головщина—убійство. (Ак. Сл.) г) Холопство—состояніе рабства. (Ак. Сл.) Истецъ доказывалъ въ своемъ искѣ, что человѣкъ, выдающій себя за свободнаго, есть рабъ. д) «Речи правое слово»—говорить правду. (Ак. Сл.) Слѣдовательно этими словами предписывается нравственная обязанность истцу показывать въ своемъ искѣ только истину.

Во 2-хъ): Если истецъ предварительно не подтверждалъ присягою справедливости своего иска, то обязанъ былъ судиться

(1) Въ ст. грамоты не сказано, кому истецъ долженъ былъ дать руку въ подтвержденіе своего иска. Изъ § 51 видно, что ударить по рукамъ истецъ обязанъ былъ съ отвѣтчикомъ; но какъ въ приводимыхъ здѣсь случаяхъ защитниками обвиняемыхъ были ихъ землевладѣльцы (какъ это видно изъ слѣдующихъ §§ этой статьи), то изъ этого, кажется, и слѣдуетъ заключить, что истецъ обязанъ былъ подтвердить землевладѣльцу свой искъ, удареніемъ съ нимъ по рукамъ. Это-же доказываетъ и настоящій § 52.

Digitized by Google

непосредственно съ самимъ отвѣтчикомъ, безъ участія въ этомъ его землевладѣльца:

§ 53. А кто на кого взговоритъ на владычня человѣка, или на боярьского, или на житьего, или на купетцкого, или на монастырьского, или на кончанского, или на улитцкого, а будетъ самъ креста не цѣловалъ на сеи грамотѣ, и онъ самъ увѣдается [а] съ своимъ истцомъ по своеи исправѣ [б], опричь осподаря [в].

а) Раздѣлается, разсудится. (Ак. Сл.) б) Слова «по своеи исправѣ» не означаютъ самоуправства, которое строго запрещено н. с. грамотою. «Исправа» означаетъ разбирательство, также судебную расправу вообще (Ак. Сл.), и въ частности употребляется въ смыслѣ доказательства (пск. с. грамота въ изслѣдованіи г. Энгельмана, стр. 161, примѣч. в). Здѣсь, кажется, слова «по своеи исправѣ» означаютъ, что истецъ можетъ рѣшить дѣло избраннымъ для того доказательствомъ. Но какія доказательства могли быть для этого избираемы?,—н. с. грамота не опредѣляетъ. Впрочемъ если мы допустимъ, что псковское судопроизводство имѣло сходство съ новгородскимъ, то по отношенію къ доказательствамъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, въ обоихъ княжествахъ легко могли существовать сходныя узаконенія. Если послѣ этого мы изложимъ постановленія пск. с. грамоты объ этомъ предметѣ, то изъ нихъ по аналогіи можно будетъ составить себѣ приблизительное понятіе о новгородскихъ узаконеніяхъ по этому предмету. Пск. с. грамота средствами для рѣшенія судныхъ дѣлъ въ подобныхъ случаяхъ признаетъ или очистительную присягу, которую истецъ могъ предложить отвѣтчику (пск. с. гр. въ изданіи Мурзакевича: VI, 22—27; VII, 1—3 и XVII, 22—23), или свидѣтельство послуха, котораго истецъ представлялъ въ свою пользу (пск. с. грам. въ изданіи Мурзакевича: отъ IV, 17 до V, 3 и вышеприведен. сочин. г. Энгельмана §§ 92—95) и съ которымъ отвѣтчикъ долженъ былъ рѣшить дѣло или присягою, или судебнымъ поединкомъ (см. настоящ. статьи стр. 296). в) «Осподарь» или «господарь», также «государь», здѣсь означаетъ землевладѣльца, въ имѣніи котораго подсудимый проживалъ, или его управителя (см. §§ 57, 58, 59); вообще-же слово государь или господарь означало отношеніе служебное, зависимость безусловную.

Такимъ образомъ изъ выведенныхъ нами правилъ для рѣшенія уголовнаго иска въ томъ случаѣ, когда истецъ не подтверждалъ его присягою, должно заключить, что общее правило н. с. грамоты о необходимости присяги со стороны истца (см. §§ 16 и 18) на право вчинанія иска не распространялось на иски по уголовнымъ преступленіямъ.

Особенности втораго рода были также двоякія:

Во 1-хъ): Землевладѣльцы обязывались представлять къ суду жившихъ у нихъ въ имѣніи людей, если послѣдніе были обви-

Digitized by Google

пяемы въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ (въ § 52) уголовн. преступленіи, и если истцомъ противъ нихъ было такое лицо, которое уже присягало на н. с. грамотѣ («кто будетъ крестъ цѣловалъ на сей грамотѣ» (1). Если земля была церковная или же принадлежала какому либо обществу, то обязанность представлять обвиняемыхъ въ судъ падала на управителя имѣніемъ:

§ **54.** Ино а) въ коей волости будетъ отъ владыки волостель б) или поселникъ, в) ино имъ поставить того человѣка у суда; а боярину и житьему и купцю, и манастырьскому заказщику г) и поселнику, д) и кончанскому и улистцьскому, также своихъ людей ставить у суда.

а) Постановленіе это есть продолженіе § 52. «Ино» означаетъ то. б) Начальникъ или управитель надъ волостью (Ак. Сл.) в) Управитель или прикащикъ въ селѣ (Ак. Сл.) г) Управитель или прикащикъ. Слово это употребляется только для архіерейскихъ домовъ и монастырей (Ак. Сл.).

Для представленія обвиняемыхъ въ судъ землевладѣльцамъ или ихъ управителямъ назначались поверстные сроки по тому же расчисленію, какъ и для другихъ судныхъ дѣлъ; но причинять насиліе подсудимымъ до судебнаго рѣшенія дѣла этимъ лицамъ строго воспрещалось:

§ **55.** а) А срокъ взять на сто верстъ три недѣли, а ближе и далѣ по числу; а до суда надъ нимъ б) силы не дѣять в), а кто силу доспѣетъ г), ино тымъ его и обинить.

а) Это постановленіе можетъ быть разсматриваемо какъ вообще запрещеніе тяжущимся употреблять другъ противъ друга насиліе, о чемъ мы уже упомянули на стран. 290. б) т. е. надъ обвиняемымъ. в) Силу дѣять—дѣлать, употреблять насиліе. (Ак. Сл.) г) доспѣть—дѣлать, причинять. (Ак. Сл.).

Если-бы кто изъ землевладѣльцевъ (равно какъ и изъ ихъ управителей) въ отвѣтъ на требованія истца возразилъ, что обвиняемый не находится въ его имѣніи, а по слѣдствію оказалось-бы противное, то за такое укрывательство виновный долженъ былъ вознаградить всѣ убытки, понесенные отъ этого истцомъ:

§ **56.** А не скажетъ кто того человѣка у собя по крестному цѣлованью а) да и руку дастъ б), что тамъ ему не быть, а уличатъ, что у него въ волости, ино той господарь тому истцю убытки подойметъ в).

(1) См. § 52.

Digitized by Google

а) На основаніи присяги, которую они однажды и навсегда приняли при общенародномъ утвержденіи н. с. грамоты. б) Поручится (Ак. Сл.), т. е. ударенiемъ по рукамъ съ истцомъ торжественно объявитъ, что обвиняемаго въ его имѣніи нѣтъ. в) Вознаградитъ (Ак. Сл.).

Если обвиняемый скрывался изъ имѣнія своего господина и уходилъ въ помѣстье другаго землевладѣльца, то сей послѣдній обязанъ былъ не укрывать его, а представить къ суду; за ослушаніе онъ подвергался тяжкому денежному взысканію, смотря по своему званію (1):

§ 57. А къ коему господарю въ иную волость прибѣжитъ, ино тому господарю поставить его у суда по крестному цѣлованью [а]: а кто не поставитъ, ино взять на томъ закладъ [б] по Новгородской грамотѣ.

а) См. § 56, примѣч. а. б) Денежный штрафъ; ср. § 11, примѣч. г.

Во 2-хъ): Обвиненныхъ по суду людей своихъ землевладѣльцы обязывались не держать у себя (они, кажется, должны были представлять ихъ куда слѣдуетъ для исполненія надъ ними судейскаго приговора):

§ 58. А кого [а] утяжутъ [б], а дался въграмоту [в], ино ему у того осподаря въ волости не жить: а иметъ жить у того осподаря въ волости, а доличятъ, ино той господарь тѣ убытки подойметъ.

а) Изъ людей владычнихъ, монастырскихъ, боярскихъ и т. д (см. § 52). б) Уличатъ, изобличатъ и вообще обвинятъ по суду (Ак. Сл.). в) Даться или отдаться въ грамоту значитъ сдѣлаться рабомъ. Это объясненіе мы заимствуемъ изъ сочиненія Куницына, который говоритъ, что свободный человѣкъ могъ дать на себя грамоту одерноватую, послѣ чего онъ дѣлался холопомъ (см. соч. Куниц. стр. 40). Мы съ своей стороны замѣтимъ, что въ то время очень легко могло случаться, что виновный въ уголовномъ преступленіи, стараясь какимъ либо образомъ избѣжать наказанія, отдавался другому въ рабство, въ надеждѣ за это получить отъ него защиту и убѣжище отъ преслѣдованій правосудія. Въ предупрежденіе такихъ продѣлокъ н. с. грамота и запрещаетъ господамъ держать у себя обвиненныхъ по суду людей, хотя бы даже это были ихъ рабы.

Если виновный скрывался изъ имѣнія своего господина и укрывался въ имѣніи другаго землевладѣльца, то сей послѣдній обязывался не держать его у себя и не способствовать къ его дальнѣйшему бѣгству, а долженъ былъ представить его къ тому, кто его ищетъ:

(1) Что количество этого штрафа сообразовалось съ званіемъ виновника, то видно изъ §§ 36 и 80.

Digitized by Google

§ 59. А бѣжитъ въ иную во чью волость, ино тому государю выдать его тому истцю (а), а въ иную ему волость не отсылати по крестному цѣлованью, ни его людемъ (б).

(а) Здѣсь подъ истцомъ можно разумѣть какъ господина раба и вообще землевладѣльца, такъ равно и истца въ искѣ о преступленіи. (б) Это показываетъ, что «господарь» ни самъ непосредственно, ни чрезъ своихъ людей не долженъ былъ укрывать виновнаго раба или способствовать его бѣгству.

Примѣчаніе: Люди, о которыхъ мы говорили въ этой статьѣ и которые перечтены въ § 52, были по преимуществу люди зависимые отъ землевладѣльцевъ, у которыхъ они жили по условіямъ, а не крѣпкіе землѣ. Это простолюдины, поселившіеся на владѣльческихъ земляхъ и обработывавшіе ихъ за опредѣленный оброкъ, состоявшій преимущественно въ естественныхъ произведеніяхъ воздѣлываемой ими почвы. Быть можетъ подобнымъ же правиламъ въ новг. княжествѣ подлежали и тѣ свободные люди, которые отправляли по найму разныя хозяйственныя работы; но о нихъ не говорится въ н. с. грамотѣ. § 58 подъ общія правила о зависимыхъ людяхъ подводитъ и рабовъ.

III. Объ обсужденіи и рѣшеніи судныхъ дѣлъ.

Какъ скоро тяжущіеся представляли въ судъ необходимыя по дѣлу судебныя доказательства, то они разсматривались и служили основаніемъ для рѣшенія дѣла. Въ тіунскомъ судѣ эти доказательства разсматривались докладчиками, которые на основаніи ихъ выводили свое мнѣніе о рѣшеніи дѣла и въ видѣ доклада предлагали его судьѣ, который былъ обязанъ руководствоваться имъ при рѣшеніи тяжбы. Общее правило въ н. с. грамотѣ по отношенію къ докладчикамъ было то, что они не могли перемѣняться во все время судопроизводства по тяжбѣ, при нихъ начатой; но какъ великъ былъ срокъ ихъ службы, объ этомъ въ н. с. грамотѣ не говорится:

§ 60. А при которыхъ докладчикѣхъ судъ роскажетъ (а), ино тѣмъ докладчикомъ тотъ судъ кончать.

(а) Истецъ или отвѣтчикъ, также ихъ повѣренные или же свидѣтель.

Докладчики были обязаны сбираться въ одрину для обсужденія и изслѣдованія дѣлъ еженедѣльно 3 раза (1); если же кто изъ нихъ не исполнялъ этого, то подвергался уплатѣ денежнаго штрафа, количество котораго назначалось по сословію докладчика:

(1) См. § 2.

Digitized by Google

§ 61. А кой докладчикъ не сядетъ въ тотъ день, ино взять на бояринѣ два рубля, а на житьемъ рубль.

Срокъ для разсмотрѣнія и обсужденія докладчиками тяжбы (которая всегда была за поземельную собственность) полагался двумѣсячный; если же въ теченіе этого времени они не успѣвали привести дѣла въ надлежащую ясность и представить судьѣ о немъ своего мнѣнія, то по жалобѣ судьи (т. е. великокняжескаго тіуна) и истца наряжались приставы отъ вѣча для понужденія ихъ къ этому:

§ 62. А не укажутъ судъ докладшики въ тую два мѣсяца, ино итти судьѣ съ истцомъ къ Великому Ноугороду да взяти приставы на докладшиковъ, а докладшикомъ указати [а] судъ и тое дѣло передъ тыми приставы.

(а) «судьѣ», какъ видно изъ послѣдующихъ словъ этого постановленія (см. § 75), т. е. докладчики въ присутствіи приставовъ, присланныхъ съ вѣча, обязывались «указати судьѣ судъ и тое дѣло».

Докладчики присягали на н. с. грамотѣ въ вѣрности ихъ службы, и на основаніи этой присяги обязаны были не принимать отъ тяжущихся предлагаемыхъ имъ противозаконныхъ подарковъ (взятокъ) и вообще не оказывать пристрастія къ кому либо изъ тяжущихся. На обязанность перваго рода указываетъ слѣдующая статья н. с. грамоты:

§ 63. А кому сѣсти на докладѣ, ино ему крестъ цѣловать на сей на крестной грамотѣ однова.

Обязанности-же докладчиковъ въ отношеніи къ тяжущимся изложены въ слѣдующихъ словахъ н. с. грамотою:

§ 64. А докладшикомъ отъ доклада посула [а] не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью, по крестному цѣлованью.

(а) Посулъ-обѣщаніе противозаконныхъ подарковъ и самые подарки, иначе говоря-взятки.

Примѣчаніе: Говоря здѣсь о докладчикахъ мы замѣтили, что они упоминаются н. с. грамотою только въ тіунскомъ судѣ. Поэтому, казалось-бы, намъ слѣдовало помѣстить исчисленныя здѣсь постановленія о докладчикахъ въ статью «о судѣ княжескомъ» (см. стр. 264); но мы не можемъ этого сдѣлать на основаніи принятой нами системы, которая не допускаетъ излагать подробностей судебнаго разбирательства въ томъ отдѣлѣ сочиненія, который назначенъ для изслѣдованія состава, предметовъ вѣдомства и степени власти новгородскихъ судовъ. Можно-бы

Digitized by Google

было помѣстить всѣ эти постановленія о докладчикахъ въ числѣ особенностей судебнаго разбора по тяжбамъ за поземельную собственность (см. стр. 297—302); но какъ эти постановленія главнымъ образомъ относятся къ обсужденію судныхъ дѣлъ докладчиками, то мы и предпочли изложить ихъ въ настоящей статьѣ, цѣль которой—показать результатъ судебнаго изслѣдованія каждаго дѣла.

По разсмотрѣніи суднаго дѣла (которое составлялось во 1-хъ: изъ показаній тяжущихся, внесенныхъ въ протоколъ судебнаго мѣста и скрѣпленныхъ ихъ печатями (1) и во 2-хъ: изъ разныхъ судебныхъ доказательствъ) (2), выводилось заключеніе о виновности и невинности или справедливости каждаго изъ тяжущихся.

Законными причинами *къ обвиненію отвѣтчика* считались слѣдующія (3):

1) Собственное признаніе отвѣтчика предъ судомъ въ виновности по предъявленному на него иску.

2) Отреченіе его отъ присяги.

3) Изобличеніе его въ виновности послухомъ, подтвердившимъ свои показанія однимъ изъ принятыхъ для этого средствъ.

4) Превосходство силы, оказанное истцомъ на поединкѣ противъ отвѣтчика (4).

5) Уклоненіе отвѣтчика отъ присланныхъ за нимъ позовниковъ съ требованіемъ его къ суду или причиненіе имъ насилія.

6) Отказъ отвѣтчика отъ представленія судебныхъ доказательствъ, требуемыхъ отъ него судомъ:

§ 65 (а). **А кой истець** (б) **не возметъ срочной** (в) **за печатью, ино тѣмъ его и обинить тому судьѣ, передъ копмъ судъ былъ, а сроку не ждать** (г).

(а) § этотъ есть продолженіе § 51. (б) Какъ мы уже не однократно замѣчали, слово «истецъ» въ н. с. грамотѣ употребляется для каждаго изъ тяжущихся, т. е. какъ для истца, такъ равно и для отвѣтчика. Поэтому настоящій § можно относить и въ число законныхъ причинъ, обвиняю-

(1) См. § 30.

(2) См. здѣсь статьи: О судебныхъ доказательствахъ (см. стр. 292—297) и объ особенностяхъ судебнаго разбора по тяжбамъ за поземельную собственность (стр. 297—302).

(3) Мы упоминаемъ только о тѣхъ изъ нихъ, которыя встрѣчаются въ н. с. грамотѣ или которыя непосредственно вытекаютъ изъ вышеприведенныхъ нами судебныхъ доказательствъ.

(4) Это-же правило относится и къ наймитамъ тяжущихся, если мы, руководствуясь постановленіями пск. с. грамоты, допустимъ, что и новгородскіе законы дозволяли тяжущимся при извѣстныхъ условіяхъ ставить вмѣсто себя наймитовъ на поединокъ.

Digitized by Google

щихъ истца. (в) т. е. срочной грамоты. (г) «Сроку не ждать»—значитъ считать его виновнымъ съ того времени, какъ онъ отказался отъ представленія доказательствъ въ судъ, а не со времени наступленія срока, назначеннаго для представленія судебныхъ доказательствъ въ срочной грамотѣ истца, который согласился на представленіе новыхъ и вообще добавочныхъ доказательствъ.

7) Неявка отвѣтчика къ суду въ срокъ, назначенный въ срочной грамотѣ или непредставленіе имъ вмѣсто себя къ этому времени повѣреннаго:

§ 66. (а) А не станетъ самъ (б), или иного отвѣтчика не поставитъ, ино тымъ его и обвинить.

(а) Въ текстѣ н. с. грамоты этотъ § составляетъ продолженіе § 34. (б) Истецъ или отвѣтчикъ, потому что это правило можетъ быть также какъ и постановленіе предъидущаго § 65 отнесено какъ къ отвѣтчику, такъ равно и къ истцу.

Основанія, по которымъ *искъ или жалоба истца признавалась несправедливою*, были слѣдующія (1):

1) Собственное признаніе истца предъ судомъ въ несправедливости сдѣланнаго имъ иска.

2) Отреченіе его отъ присяги подтвердительной.

3) Свидѣтельство послуха, вовсе несогласное съ показаніями истца.

4) Уклоненіе послуха отъ присяги или поединка, которыми онъ былъ обязанъ доказать справедливость своего показанія по требованію отвѣтчика:

§ 67. А послухъ истець (а) хоронится (б), ино то послушство не въ послушство, а другого истця тымъ и оправить (в).

(а) Слово это употреблено здѣсь въ смыслѣ прилагательнаго; послухъ истець—послухъ со стороны истца. §§ 44 и 43, въ которыхъ также говорится о послухѣ и которымъ настоящій 67 § служитъ продолженіемъ, разумѣютъ, кажется, послуха со стороны отвѣтчика. Это должно заключить изъ сравненія настоящаго § съ § 78, изъ котораго видно, что тяжущійся обвинялся по суду, когда онъ въ теченіе двухъ недѣль не заботился о вызовѣ къ суду послуха, оговорившаго его въ своихъ показаніяхъ, или тяжущагося, въ пользу котораго этотъ послухъ свидѣтельствовалъ. Но къ чему-же было отвѣтчику стараться о вызовѣ къ суду скрывшагося истца или его послуха, когда въподобномъ случаѣ самъ законъ оправдывалъ его?—Для устраненія въ постановленіяхъ н. с. грамоты такого противорѣчія мы находимъ возможнымъ одно только средство: считать упоминае-

(1) Они, какъ и причины къ обвиненію отвѣтчика, выведены нами или изъ самыхъ словъ н. с. грамоты, или изъ тѣхъ судебныхъ доказательствъ, о которыхъ мы говорили выше.

Digitized by Google

мыхъ въ §§ 43, 44 и 78 послуховъ—за свидѣтелей со стороны отвѣтчика, а встрѣчаемаго въ настоящемъ 67 § послуха за свидѣтеля со стороны истца. Въ такомъ только случаѣ намъ будетъ понятно постановленіе н. с. грамоты, изложенное въ § 78. (б) Скрывается, прячется (Ак. Сл.). (в) Оправдать (Ак. Сл.).

5) Невызовъ истцомъ къ суду въ продолженіе узаконеннаго (двупедѣльнаго) срока послуха, обвинившаго его, или отвѣтчика (въ пользу котораго послухъ свидѣтельствовалъ) (1).

6) Превосходство силы отвѣтчика надъ истцомъ или его послухомъ, оказанное во время судебнаго поединка.

7) Отказъ со стороны истца въ представленіи судебныхъ доказательствъ, требуемыхъ отъ него судомъ (2).

8) Неявка истца въ судъ къ сроку, назначенному въ срочной грамотѣ или непредставленіе къ этому времени вмѣсто себя повѣреннаго.

Кромѣ этихъ общихъ причинъ, служившихъ основаніемъ къ обвиненію истца или отвѣтчика, были еще нѣкоторыя другія, о которыхъ мы при случаѣ упоминали въ разныхъ мѣстахъ нашего сочиненія (3).

На основаніи всѣхъ исчисленныхъ причинъ, служившихъ къ обвиненію истца или отвѣтчика, судьи должны были рѣшить дѣло. Н. с. грамота въ отношеніи къ рѣшенію дѣла содержитъ въ себѣ слѣдующія правила: 1) она вмѣняетъ судьямъ въ обязанность рѣшать всѣ дѣла справедливо; 2) постановляетъ сроки и порядокъ для рѣшенія судныхъ дѣлъ; 3) исчисляетъ средства, которыя были приняты закономъ для понужденія судей къ скорѣйшему окончанію дѣла и 4) указываетъ на акты, въ которыхъ излагались судебныя рѣшенія.

Разсмотримъ по порядку всѣ эти правила, какъ они встрѣчаются въ н. с. грамотѣ:

1. *На нравственную обязанность судей рѣшать всѣ судныя дѣла право*, сообразно съ данною ими присягою, указываетъ слѣдующее постановленіе н. с. грамоты:

§ 68. А посаднику и тысятцкому и владычню намѣстнику и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ, всимъ крестъ цѣловать, да (а) судить имъ въ правду.

(а) Что.

Такимъ образомъ всѣ судьи въ новгородскомъ княженіи,

(1) См. § 78.

(2) См. § 65.

(3) См. выше статью: Особенности судебнаго разбора въ искахъ по уголовнымъ преступленіямъ, стр. 302—306.

Digitized by Google

при вступленіи въ должность, должны были дать присягу въ томъ, что будутъ судить по справедливости.

Это общее правило повторяется грамотою еще два раза: оно отдѣльно выражено для суда новгородскаго архіепископа и точно также самостоятельно встрѣчается для суда посадника и тысяцскаго:

§ 69. А судити ему (а) всѣхъ ровно, какъ боярина такъ и житьего такъ и молодчего человѣка.

(а) т. е. «Нареченному на архіепископство Великого Новагорода и Пскова священному иноку Ѳеофилу», какъ это видно изъ § 7, которому настоящее постановленіе служитъ продолженіемъ.

§ 70. А судить имъ (а) право, по крестному цѣлованью.

(а) Посаднику и тысяцскому, какъ это видно изъ §§ 5 и 6, которымъ настоящее постановленіе служитъ продолженіемъ.

2. *Сроки для рѣшенія судныхъ дѣлъ* были двоякіе:

Во 1-хъ: Искъ «наѣзда и грабежа въ земномъ дѣлѣ», иски по уголовнымъ преступленіямъ и вѣроятно тяжбы за всякую движимую собственность судья долженъ былъ рѣшить въ продолженіе одного мѣсяца со дня вступленія ихъ:

§ 71. А орудье (а) судить посаднику, и тысецкому, и владычню посаднику (б), и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ мѣсяць, а далѣ того имъ орудья не волочить.

(а) Дѣло (Ак. Сл.); но въ Н. с. грамотѣ это слово для тяжбъ за поземельную собственность употребляется не иначе, какъ съ прилагательнымъ «земное», которое всегда ставится прежде существительнаго «орудье». (См. слѣд. §). (б) т. е. намѣстнику. Намѣстникъ новгородскаго архіепископа («владычень намѣстникъ») только одинъ разъ названъ въ н. с. грамотѣ посадникомъ владычнимъ, именно въ настоящемъ 71 §.

Во 2-хъ: Для рѣшенія тяжбъ за поземельную собственность срокъ назначался двумѣсячный:

§ 72. А земное орудье судити два мѣсяця, а болши дву мѣсяць не волочити.

Но если тяжба была такого рода, что для изслѣдованія ея необходимо было произвести измѣреніе границъ земли и вообще прибѣгнуть къ помощи межевщиковъ (1), то судопроизводство по ней могло продолжаться два мѣсяца до начала дѣйствій межевщиковъ и два-же мѣсяца полагалось для рѣшенія ея по окончаніи этихъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ намъ кажется, что такъ должно понимать слѣдующее постановленіе н. с. грамоты:

(1) См. стр. 301.

Digitized by Google

§ 73. А какъ межникъ пріѣдетъ съ межи, ино той [а] судъ кончати посаднику въ другіе два мѣсяця томужъ посаднику [б], а далѣ не волочить.

(а) Тотъ судъ, о которомъ говорилось въ предъидущемъ (72 §), т. е. судъ за поземельную собственность. (б) Слова «томужъ посаднику», какъ повтореніе слова «посаднику» показываютъ, что тяжбу за поземельную собственность, которая изслѣдовалась при участіи межевщика, необходимо долженъ былъ кончать тотъ самый посадникъ, который послалъ межевщика для опредѣленія границъ спорнаго владѣнія. Это видно изъ слѣдующаго 74 §, который служитъ продолженіемъ § настоящему (т. е. 73).

Нѣкоторымъ образомъ н. с. грамота указываетъ и на *порядокъ при рѣшеніи судныхъ дѣлъ*. Именно она постановляетъ, что если вмѣстѣ съ тяжбою за поземельную собственность предъявленъ искъ на насильственныя дѣйствія при самовольномъ завладѣніи недвижимымъ имуществомъ, то прежде разсматривалась жалоба на насилія, а потомъ уже приступали къ изслѣдованію тяжбы за поземельную собственность [1]. Впрочемъ по желанію истца производство обоихъ дѣлъ могло быть начато одновременно [2].

3. *Понудительныя средства*, которыя употреблялись противъ судей въ случаѣ нерѣшенія ими въ срокъ судныхъ дѣла, были двоякія: 1) они состояли или въ денежныхъ штрафахъ, которые взимались съ виновныхъ судей и раздѣлялись между великими князьями (Іоанномъ III Васильевичемъ и сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ) и новгородскимъ правительствомъ; 2) или средства эти состояли въ присылкѣ приставовъ съ вѣча для понужденія судьи къ немедленному окончанію дѣла.

Взысканію *перваго рода* подвергались: посадникъ, тысяцкій и намѣстникъ новгородскаго архіепископа, если они уѣзжали изъ Новгорода «не кончавъ суда» (т. е. не рѣшивъ начатаго ими суднаго дѣла). Судъ этотъ по н. с. грамотѣ ограничивается только тяжбами за поземельную собственность [3].

§ 74. А кой посадникъ, межника давъ, и поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ того суда [а], ино Вели-

(1) См. § 46.

(2) См. § 47.

(3) Н. с. грамота опредѣляетъ понудительныя мѣры противъ судей только за медленность въ рѣшеніи тяжбъ о поземельной собственности; о взысканіяхъ за проволочку прочихъ судныхъ дѣлъ она не говоритъ. Однако на основаніи § 71 слѣдуетъ предполагать, что подобнымъ же взысканіямъ подвергалась медленность въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ всякаго рода; но мѣра взысканія, т. е. количество денежнаго штрафа, опредѣлялась, вѣроятно, сообразно съ сословіемъ судьи, подобно тому, какъ въ § 36 она назначена съ «наводщиковъ» (съ боярина 50 рублей, съ житьего 20, а съ молодшаго 10 рублей).

Digitized by Google

кимъ Княземъ и Великому Новугороду на томъ посадникѣ пятдесятъ рублевъ, а истцю убытки подойметъ; или тысетцкой поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ суда, или владычень намѣстникъ, ино взять Великимъ Княземъ и Великому Новугороду пятдесятъ рублевъ, а истцю убытки подойметъ.

(а) Судъ—дѣло (Ак. сл.). «Кончать судъ» или «орудье»—рѣшить дѣло. Употребленіе слова «тотъ» предъ существительнымъ «судъ» указываетъ на § 72, которому настоящій 74 § служитъ продолженіемъ; § же 72 говоритъ о тяжбѣ за поземельную собственность.

Какъ видно изъ этого 74 §, виновный судья, сверхъ взысканія съ него денежнаго штрафа, долженъ былъ вознаградить истца за всѣ убытки, понесенные имъ отъ безполезной проволочки дѣла.

Понужденія *втораго рода* употреблялись только противъ великокняжескаго тіуна по просьбѣ истца:

§ 75. А не кончаетъ судья (а) земнаго орудья въ два мѣсяца, ино истцю взять на него приставы у Великого Новагорода, ино ему тотъ судъ кончати передъ тыми приставы.

(а) Такъ называется великокняжескій тіунъ, когда онъ разумѣется въ смыслѣ предсѣдателя тіунскаго суда.

4. Акты, содержащіе въ себѣ судебное рѣшеніе дѣлъ были грамоты 1) судныя и 2) безсудныя.

А) *Судная* грамота выдавалась оправданной тяжущейся сторонѣ въ такомъ дѣлѣ, которое было разбираемо и рѣшено по суду. Отъ этихъ судныхъ грамотъ должно отличать тѣ грамоты, которыя давались истцу для переговоровъ съ отвѣтчикомъ и судьею, еще до начала судебнаго разбора, тотчасъ послѣ объявленія истцомъ въ судѣ своихъ требованій на отвѣтчика. Такія грамоты въ новгородской с. грамотѣ также называются судными (1); но цѣль послѣднихъ—миролюбивое окончаніе возникающаго суднаго дѣла, при посредствѣ судьи; назначеніе-же первыхъ (т. е. тѣхъ судныхъ грамотъ, о которыхъ мы теперь говоримъ)—возстановленіе нарушеннаго права и вознагражденіе обвиненнымъ всѣхъ убытковъ, причиненныхъ оправданному.

Новгородская с. грамота три раза говоритъ о выдачѣ судныхъ грамотъ:

(1) См. § 19.

Digitized by Google

α) Она предписываетъ выдавать судную грамоту сторонѣ, оправданной по суду въ тяжбѣ за поземельную собственность, т. е. тому изъ тяжущихся, которому спорная земля будетъ присуждена:

§ 76. А утяжетъ [а] въ землѣ, ино взять ему [б] грамота [в] у судьи въ землѣ и въ убыткѣ на истцѣ.

а) Истецъ, какъ видно изъ § 45, которому это постановленіе служитъ продолженіемъ. Впрочемъ нѣтъ никакого основанія считать это узаконеніе дѣйствующимъ только по отношенію къ истцу: оно могло быть примѣняемо къ обоимъ тяжущимся. б) истцу; но точно также на это могъ имѣть право и отвѣтчикъ, если онъ былъ оправданъ по суду (см. примѣч. а). в) Что это грамота была судная, то видно изъ § 79.

β) Новгородская с. грамота вмѣняетъ судьямъ въ обязанность выдавать судныя грамоты тѣмъ изъ тяжущихся, коихъ искъ «о наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ» признанъ судомъ за справедливый и которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ присуждена спорная земля:

§ 77. А утяжетъ [а] въ землѣ и въ наѣздѣ и въ грабежи, и судьѣ дать на него грамота [б] въ землѣ и въ наѣздѣ и въ грабежи.

а) Истецъ въ судномъ дѣлѣ за «наѣздъ и грабежъ». (см. § 46). б) Эта грамота была судная (см. § 79).

γ) Новгородская с. грамота предписываетъ судьямъ выдавать судную грамоту на истца, если онъ въ продолженіи узаконеннаго времени не приступалъ къ вызову послуха, оговорившаго его въ своихъ показаніяхъ предъ судомъ, или къ вызову отвѣтчика, въ пользу котораго этотъ послухъ свидѣтельствовалъ:

§ 78. А кто [а] не почнетъ позывать въ тѣ двѣ недѣли послуха или истца [б], ино дать на него грамота судная по тому послушству. [в]

а) Слово «кто» здѣсь относится къ истцу, а не къ подвойскимъ и позовникамъ, обыкновенно производившимъ вызовъ тяжущихся къ суду. Это видно изъ §§ 43, 44 и 67, которые въ текстѣ новгородской с. грамоты составляютъ постановленія, непосредственно предшествующія настоящему §. Тоже самое должно будетъ заключить объ употребленіи здѣсь слова «кто» изъ сравненія этого § съ §§ 16, 24, 26 и др. б) отвѣтчика. в) т. е. въ такомъ случаѣ истецъ обвинялся въ томъ, въ чемъ оговаривалъ его послухъ.

Digitized by Google

Впрочемъ изъ этихъ трехъ постановленій новгородской с. грамоты не слѣдуетъ заключать, что судныя грамоты выдавались только тогда, когда главный предметъ спорнаго права составляла земля; такія грамоты давались при рѣшеніи каждаго суднаго дѣла, и новгородская с. грамота упоминаетъ о нихъ также при рѣшеніи исковъ объ уголовныхъ преступленіяхъ (1). Причинаже, по которой Новгородская с. грамота не постановляетъ общаго правила о выдачѣ судныхъ (также и безсудныхъ) грамотъ по всѣмъ вообще судебнымъ дѣламъ, заключается въ томъ, что она (т. е. новгородская с. грамота) въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, не составляетъ общаго для всѣхъ судныхъ дѣлъ узаконенія, а представляетъ только законоположеніе для нѣкоторыхъ дѣлъ, и то не полное. По этому одинъ только затруднительный вопросъ представляется намъ по отношенію къ суднымъ грамотамъ, а именно: Выдавалась-ли судная грамота (т. е. признавался-ли отвѣтчикъ виновнымъ, потому что выдача судной грамоты обусловливалась виновностью того, на кого она давалась) въ томъ случаѣ, когда истецъ былъ оправданъ, а отвѣтчикъ обвиненъ въ искѣ «о наѣздѣ и грабежѣ» въ такомъ недвижимомъ имуществѣ, которое истецъ почиталъ своимъ, тогда какъ право собственности на него по суду было признано за отвѣтчикомъ? На этотъ вопросъ новгородская с. грамота не даетъ никакого отвѣта; она говоритъ, что обвиненный по этому иску платитъ штрафъ въ пользу великихъ князей и новгородскаго правительства) «а истцю убытки подоймети» (2). И такъ хотя отвѣтчикъ не подвергался взысканію за порчу недвижимаго имѣнія, право собственности на которое по суду было признано за нимъ; но онъ обязывался вознаградить тѣ убытки, которые своимъ самоуправствомъ причинилъ истцу. Слѣдовательно въ подобномъ случаѣ на отвѣтчика также давалась грамота судная, которую можно назвать «грамота въ убыткѣ на истцѣ» (3), (т. е. на отвѣтчикѣ).

Изъ всего этого можно вывести то заключеніе, что новгородская с. грамота, имѣя главною цѣлію искорененіе самоуправства во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя по предписанію закона должны были подлежать судебному разбирательству, но по воззрѣнію на нихъ народа удобно могли быть рѣшаемы самоуправствомъ, полагаетъ тяжкія денежныя взысканія даже за тѣ самоуправные поступки, основаніемъ для которыхъ обвиненному

(1) См. § 82.

(2) Слова эти составляютъ окончаніе § 80; но мы помѣщаемъ ихъ здѣсь потому, что они принадлежатъ настоящему вопросу, а не слѣдующей статьѣ.

(3) Сравни § 76.

Digitized by Google

послужило его дѣйствительное право. Такимъ образомъ мы видимъ, что стараясь о пресѣченіи самоуправства новгородскіе законы принимали такія мѣры противодѣйствія ему, которыя достойны даже настоящаго времени и которыхъ мы не находимъ въ современныхъ новгородской с. грамотѣ узаконеніяхъ.

Б) *Безсудная* грамота выдавалась тому изъ тяжущихся, который оправдывался судомъ въ слѣдствіе неявки другаго тяжущагося къ суду безъ основательныхъ на то причинъ. Эта грамота выдавалась еще въ томъ случаѣ, когда требуемый къ суду самъ, или чрезъ своихъ сообщниковъ причинялъ насиліе присланному за нимъ позовнику (1), а къ суду не являлся.

Такимъ образомъ значеніе безсудной грамоты—исполненіе обвинительнаго судейскаго приговора надъ тѣмъ, на кого она давалась, безъ судебнаго разбирательства спорнаго дѣла.

Изложивъ и цѣль форму судныхъ и безсудныхъ грамотъ, намъ слѣдуетъ показать *сущность каждаго* отдѣльнаго рѣшенія или *судейскаго приговора* соотвѣтственно предмету суднаго дѣла. Принимая въ соображеніе разныя постановленія новгородской с. грамоты и изслѣдованія Куницына о наказаніяхъ виновныхъ (2), мы можемъ изъ нихъ сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Рѣшеніе тяжбы за поземельную собственность состояло въ присужденіи спорной земли одному изъ тяжущихся и въ вознагражденіи обвиненнымъ всѣхъ убытковъ оправданному (3).

2) Рѣшеніе иска «о наѣздѣ и грабежѣ» имѣло цѣлію вознаградить оправданному по суду всѣ понесенные имъ отъ того убытки (4) и взыскать въ пользу великихъ князей и новгородскаго правительства значительный денежный штрафъ (5). Оба эти взысканія падали на обвиненнаго.

3) Рѣшенія по искамъ объ уголовныхъ преступленіяхъ были различны:

а) если оправдывался истецъ, то отвѣтчикъ или выдавался ему головою (когда, напримѣръ, послѣдній былъ обвиненъ въ холопствѣ), или же наказывался по приговору суда, причемъ оправданный иногда могъ получать денежное вознагражденіе отъ него или отъ его землевладѣльца (такъ напримѣръ въ случаѣ воровства или разбоя);

б) если-же оправдывался отвѣтчикъ, то истецъ долженъ былъ заплатить ему или его землевладѣльцу денежное возна-

(1) См. § 25.
(2) См. выше пр. соч. Куниц., стр. 125.
(3) См. § 76.
(4) См. стр. 315.
(5) См. § 80.

Digitized by Google

гражденіе за безчестье. Быть можетъ обвиненный истецъ подвергался еще и другому наказанію, по усмотрѣнію вѣча, если мы распространимъ дѣйствіе § 19 и на иски по уголовнымъ преступленіямъ.

IV. Объ исполненіи судебныхъ рѣшеній.

Изъ новгородской с. грамоты не видно, чтобы рѣшеніе суднаго дѣла приводилось въ исполненіе судомъ; вѣроятно объ исполненіи этого рѣшенія долженъ былъ заботиться самъ оправданный, которому, если онъ собственными средствами не могъ успѣть въ томъ, помогало правительство чрезъ назначенныхъ для того судейскихъ служителей (1).

Впрочемъ и само правительство заботилось объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по тѣмъ дѣламъ, которыя заключали въ себѣ общественный интересъ (2).

Изъ н. с. грамоты видно, что исполненіе рѣшенія по тяжбѣ за поземельную собственность состояло въ томъ, что оправданный, получивъ судную грамоту на землю, могъ ѣхать въ имѣніе и безпрепятственно владѣть имъ:

§ 79. А кто кого утяжетъ въ землѣ и судную грамоту возметъ, ино ему ѣхать на свою землю по судной грамотѣ, да и володѣть ему тою землею, а въ томъ пени нѣтъ (а).

(а) Т. е. за то (что оправданный вступилъ во владѣніе бывшею въ спорѣ землею) не полагается взысканія.

Цѣль этого постановленія—показать, что оправданный на основаніи судной грамоты можетъ владѣть и распоряжаться присужденной ему землею, а всѣ его дѣйствія надъ нею не принимаются за самоуправство, какъ въ томъ случаѣ, когда землевладѣлецъ самовольно наѣзжалъ на землю, не прибѣгая къ судебному разбирательству (см. § 80).

V. О денежныхъ штрафахъ и судебныхъ пошлинахъ.

I. Денежные штрафы. Они взыскивались не только съ обвиненныхъ по суду тяжущихся, но и съ неисправныхъ судей. Тяжущійся платилъ штрафъ, когда былъ обвиненъ въ нападеніи на своего противника или на судей открытою силою, при помощи цѣлаго скопища людей («наводка») (3) или когда онъ укры-

(1) Это предположеніе мы выводимъ изъ сравненія новгородскихъ законовъ съ псковскими. Послѣдніе въ большей части случаевъ заботу объ исполненіи судейскаго приговора возлагали на оправданнаго (см. въ изданіи Муравьевича XII, 12—19; XV, 10—12 и др.).

(2) См. выше пр. сочиненіе Куницына, стр. 125.

(3) См. § 36.

Digitized by Google

валъ у себя обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи (1); судьи подвергались штрафу за проволочку въ рѣшеніи дѣла (2), а поручители (ятцы),—когда по ихъ наущенію или вообще отъ ихъ вины происходило возмущеніе народа, имѣвшее цѣлію избавить открытою силою взятаго ятцами на поруки подсудимаго отъ судопроизводства по его дѣлу или отъ исполненія надъ нимъ обвинительнаго судейскаго приговора (3). Штрафы эти носили общее названіе «закладъ» (4) и шли въ пользу великихъ князей и новгородскаго правительства, раздѣляясь между ними пополамъ (5). Количество взысканія сообразовалось съ званіемъ виновнаго (6).—Сверхъ всѣхъ исчисленныхъ здѣсь лицъ денежному штрафу подлежалъ еще обвиненный по суду «въ наѣздѣ и въ грабежи въ земномъ дѣлѣ», и въ этомъ случаѣ величина взысканія также зависила отъ состоянія виновнаго:

§ 80. А кого утяжутъ въ наѣздѣ и въ грабежи, ино взять Великимъ Княземъ и Великому Ноугороду на виноватомъ, на бояринѣ пятдесятъ рублевъ, а нажитьемъ двадцать рублевъ, а на молодчемъ десять рублевъ.

II. Судебныя издержки въ собственномъ смыслѣ. Онѣ были двоякія: 1) пошлины съ грамотъ и 2) пошлины за производство суда.

1. Пошлина съ грамотъ за письмо и приложеніе печати. Грамоты, за выдачу которыхъ взималась опредѣленная пошлина, были слѣдующія: 1) срочныя грамоты, 2) обѣтныя грамоты и 3) судныя и безсудныя грамоты.

Срочная грамота выдавалась судьею каждому изъ тяжущихся (или ихъ повѣреннымъ) и имѣла различное назначеніе (7). Она скрѣплялась судейскою печатью (8), и за выдачу ея взималась гривна пошлины:

§ 81. А отъ сроку (а) взять (б) гривна.

(а) Т. е. за назначеніе тяжущимся для явки въ судъ срока, который

(1) См. § 57.

(2) См. Сн. §§ 74 и 75.

(3) См. § 11.

(4) См. §§ 11 и 57. также слѣдующую здѣсь выноску 4).

(5) Что этотъ штрафъ раздѣлялся пополамъ между великими князьями и новгородскимъ правительствомъ, то видно изъ слѣдующихъ словъ второй договорной грамоты Новгородцевъ съ Іоанномъ III и съ сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ: «А что закладъ въ той въ Ноугородской грамотѣ (т. е. въ судной) въ докончалной написано на наѣзщиковъ, и на грабезщиковъ, и на новодщиковъ, ино Княземъ Великимъ взяти половина отъ сего докончанія, а Великому Ноугороду половина взяти.» (Акты Арх. Эксп., т. I, № 91, II).

(6) См. §§ 36 и 80.

(7) См. стр. 288 и §§ 31—34.

(8) См. § 51.

Digitized by Google

опредѣлялся въ срочн. грамотѣ. (б) Здѣсь подразумѣвается слово «судьѣ.»

Обытная грамота выдавалась для вызова къ суду одного изъ тяжущихся, когда онъ по первымъ тремъ повѣсткамъ не являлся; за выдачу этой грамоты взыскивалось пошлины три деньги [3].

Съ судной грамоты, выдаваемой оправданному при рѣшеніи иска объ уголовн. преступленіи, взыскивалась пошлина въ четыре гривны, а *съ безсудной грамоты*—въ двѣ гривны:

§ 82. А кто кого утяжетъ въ татбѣ съ поличнымъ (а), или въ розбоѣ, или въ грабежи, или въ поголовщинѣ (б), или въ холопствѣ, или о полевой грамотѣ (в), ино взять судьямъ отъ судной грамоты четыре гривны, а отъ безсудной двѣ гривны.

(а) Поличное—украденная вещь (Ак. Сл.) б) Поголовщина тоже, что головщина—убійство. (в) Полевая грамота—крѣпостной актъ на половника (см. соч. Куниц, стр. 108). Такимъ образомъ слова н. с. грамоты «А кто кого утяжетъ о полевой грамотѣ, ино судьямъ....» имѣютъ слѣдующій смыслъ: Если истецъ изобличитъ отвѣтчика въ половничествѣ (т. е. докажетъ судебн. порядкомъ, что человѣкъ, выдающій себя за свободнаго, есть его половникъ) то судьи за судную грамоту получаютъ 4 гривны, а за безсудную 2 гривны.—*Половникомъ* назывался земледѣлецъ, жившій на чужой землѣ и платившій владѣльцу ея (за ея обработку) натурою или по цѣнѣ половину выращеннаго имъ хлѣба, овощей и т. п. (Ак. Сл). Слѣдовательно это былъ человѣкъ хотя и свободный, но связанный съ землевладѣльцемъ нѣкоторыми условіями, которыя онъ долженъ былъ выполнить въ его пользу. Въ силу этихъ условій онъ дѣлался обязаннымъ поселяниномъ. Подобныхъ же обязанныхъ крестьянъ мы видимъ въ Псковскомъ Княжествѣ, гдѣ они носятъ названія *изорниковъ, четниковъ* и *огородниковъ* (въ одномъ мѣстѣ также «*исполовникъ*»). Они всегда почитались людьми лично свободными, и отбывательство ихъ отъ землехозяевъ подвергало ихъ только имущественнымъ невыгодамъ, а не личнымъ наказаніямъ (см. въ изданіи Мурзакевича статьи объ изорникахъ).

О пошлинахъ съ судныхъ и безсудныхъ грамотъ, выдаваемыхъ по другимъ дѣламъ, не упоминается, и вѣроятно потому, что въ такомъ случаѣ судебная пошлина взималась за самое производство суда, съ цѣны объявленнаго иска, какъ это мы теперь увидимъ.

2. Пошлина за самое производство суда. Пошлина этого рода назначалась съ цѣны иска и шла въ пользу всѣхъ вообще судей; по отношенію къ великокняжескимъ судьямъ она названа пересудомъ:

---

[3] См. § 23.

Digitized by Google

§ 83. А намѣстникомъ Великого Князя и тіуномъ пересудъ [а] свой вѣдати по старинѣ.

(а) Пошлина съ цѣны иска. См. соч. Куниц., стр. 75 и 132.

Пошлина эта взималась при выдачѣ судныхъ и безсудныхъ грамотъ, и съ первыхъ изъ нихъ окладъ въ пользу церковныхъ судей былъ назначенъ бо́льшій, нежели для судей свѣтскихъ:

§ 84. А отъ судного рубля [а] взять владыкѣ и его намѣстнику и ключнику [б] отъ печати гривна, а отъ безсуднаго рубля [в] отъ грамоты взять владыкѣ и его намѣстнику и ключнику три денги; а посаднику и тысесскому и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ имати отъ суднаго рубля по семи денегъ [г], а отъ безсуднаго рубля по три денги.

(а) Судный рубль—единица цѣнности для каждаго дѣла, по суду рѣшаемаго, сообразно съ которою взыскивается пошлина за приложеніе къ судной грамотѣ архіепископской печати. (б) Ключникъ—тоже, что ларникъ,—архиваріусъ или лицо, хранившее ключь отъ архива, въ которомъ сберегались оконченныя церковнымъ судомъ дѣла. (в) Безсудный рубль,—единица цѣнности для дѣлъ, рѣшенныхъ безъ судебнаго разбирательства, за неявкою въ судъ одного изъ тяжущихся. (г) Въ гривнѣ считалось 14 денегъ. Поэтому свѣтскіе судьи отъ судныхъ грамотъ получали въ подобныхъ дѣлахъ только половинную пошлину противъ той, которая назначалась въ пользу церковныхъ судей. Но пошлина съ «безсуднаго рубля» для тѣхъ и другихъ судей была одинаковая.

Когда тяжба шла за поземельную собственность, то съ цѣнности земли судья не получалъ пошлины:

§ 85. А отъ земли судьѣ кунъ [а] не взять.

(а) Куны—здѣсь употреблены въ смыслѣ денегъ вообще.

Вотъ всѣ пошлины, встрѣчаемыя въ Новг. с. грамотѣ. Мы здѣсь не упомянули только о закладѣ шестнику; но это потому, что о немъ уже было говорено на стр. 274.

Digitized by Google

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Наши «Замѣтки», какъ видно изъ самаго названія, будутъ состоять изъ отрывочныхъ свѣдѣній о русской литературѣ, какъ новой, такъ и древней.

Въ старыхъ журналахъ, въ старыхъ и малоизвѣстныхъ книгахъ, наконецъ въ рукописяхъ попадается много интересныхъ фактовъ для исторіи нашей словесности, которые остаются необнародованными больше потому, что всѣ эти матеріалы для большинства интересующихся предметомъ бываютъ недоступны. Только Петербургъ даетъ всѣ средства библіографу знакомиться съ старой литературой; публичная библіотека въ этомъ отношеніи составляетъ такой кладъ, которому настоящую цѣну могутъ дать одни только библіографы; но кромѣ ея, есть много и другихъ собраній, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, которыя въ совокупности заключаютъ въ себѣ почти все, что произвело русское книгопечатаніе, начиная съ 1563 года.

Библіографическое изученіе русской литературы началось не давно, но пользы принесло уже довольно. Чтобы не повторять здѣсь сказаннаго уже другими, отсылаемъ читателя къ первой статьѣ «Библіографическихъ Записокъ» г. Лонгинова, бывшаго студента нашего университета (Соврем., 1856, № 5).

I. Матеріалы для біографіи Н. И. Новикова.

Знаменитый Новиковъ до сихъ поръ не оцѣненъ у насъ по его, почти безпримѣрнымъ, заслугамъ въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. А не давно пошелъ 40-й уже годъ со дня его смерти.... Впрочемъ можетъ быть не настала еще и пора для всесторонней оцѣнки заслугъ Новикова. Здѣсь мы сообщаемъ нѣсколько біографическихъ фактовъ о Новиковѣ, имѣя въ виду пополнить

Digitized by Google

свѣдѣнія о немъ, находящіяся въ «Словарѣ» м. Евгенія и въ статьѣ г. Билевича (1).

Какъ извѣстно, Новиковъ род. въ 1744 г., 27 апрѣля, въ с. Тихвинскомъ, бронницкаго уѣзда. Хотя отецъ его и былъ человѣкъ съ достаткомъ, но Н. Ив., проживъ въ деревнѣ до 18-тилѣтняго возраста, учился только у своего деревенскаго дьячка. Въ 18-ть лѣтъ онъ былъ отправленъ въ С.-Петербургъ на службу и поступилъ здѣсь въ Измайловскій полкъ. Это было въ 1762 году, когда со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, въ исторіи русскаго просвѣщенія началась новая эпоха.

Въ С.-Петербургѣ Новиковъ прежде всего началъ учиться. Занятія его, видно, шли очень успѣшно, если черезъ 7 лѣтъ Н. Ив. является уже издателемъ «Трутня» и вслѣдъ за нимъ, цѣлой вереницы журналовъ, которые и теперь не лишены еще литературнаго достоинства, не говоря уже о значеніи ихъ историческомъ.

Еще прежде изданія «Трутня», Новиковъ оставилъ службу, съ чиномъ поручика арміи. Скоро Новиковъ сдѣлался извѣстенъ Государынѣ, которая удостоивала его даже приглашеніями на свои знаменитые эрмитажные вечера (2).

Въ числѣ новиковскихъ журналовъ особенно замѣчателенъ «Кошелекъ», который издавался (1774) подъ наблюденіемъ самой Императрицы и при содѣйствіи княгини Дашковой. Главная цѣль журнала состояла въ томъ, чтобы «быть насмѣшниками французелюбцевъ» (3).

Около этого времени (1774 г.), люди близкіе Новикову убѣдили его вступить въ одно изъ существовавшихъ тогда обществъ, составлявшихся у насъ по западнымъ образцамъ. Мы заимствуемъ этотъ фактъ изъ одной рукописи, въ которой онъ разсказанъ такъ: «однажды нѣкоторые изъ посѣщавшихъ его (Новикова) пріятелей собравшись у него въ домѣ, послѣ предварительнаго вступленія, не требуя отъ него обѣта, прочли ему принятіе и противъ ожиданія его, поздравили членомъ своего общества. Мы знаемъ тебя, говорили они, знаемъ, что ты честный человѣкъ и увѣрены, что не нарушишь тайны». Общество это слыло у насъ подъ названіемъ *Общества Елагинской системы;* собственно же говоря, это была главная масонская ложа, называвшаяся «Великою Провинціальною». Президентомъ (великимъ

(1) Московск. Городской Листокъ, 1817 г., N N 43—46.

(2) Объ этихъ вечерахъ см. статью г. Тихонравова: «Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и литература въ 1812 году», Отеч. Зап. 1854 г., N 7, отд. II, стр. 4—5.

(3) Подробности о «Кошелькѣ» см. Отеч. Зап. 1839 г., N 1, отд. VIII, стр. 26—39

Digitized by Google

провинціальнымъ мастеромъ) ея былъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ (4), отъ котораго общество и получило свое названіе.

Вступленіе Новикова въ масонскую ложу имѣло огромное вліяніе на всю остальную его жизнь: онъ сдѣлался мистикомъ и до смерти оставался имъ. Между тѣмъ «Кошелекъ», начавшійся при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, надѣлалъ издателю много непріятностей. Говорили, что эпиграмы на французовъ дошли до свѣдѣнія французскаго посольства и посланникъ началъ смотрѣть на Новикова, какъ на орудіе англичанъ. Какъ бы то ни было, но девятымъ листкомъ «Кошелекъ» кончился. Самъ издатель долженъ былъ оставить С.-П-бургъ; послѣ чего вскорѣ поселился въ Москвѣ (5).

Съ этого времени для Н-ва начался новый періодъ жизни. Безъ дѣла онъ оставаться не могъ, и вотъ въ Москвѣ является *типографская компанія*, учрежденная съ дозволенія правительства. Мысль учрежденія *компаніи*, мысль, для того времени, великая, и одна она уже дѣлаетъ имя Н-ва безсмертнымъ. Но при всемъ своемъ умѣ, Н-въ слишкомъ поддался вліянію окружавшихъ его людей и всѣ его дѣйствія, съ этого времени, отличались тѣмъ мистическо-религіознымъ характеромъ, который составлялъ необходимую принадлежность всѣхъ истыхъ масоновъ. Оттого многія мѣры Новикова, которыя предпринимаемы были единственно съ благою цѣлію—водворять просвѣщеніе въ русской землѣ, получали какой-то подозрительный для правительства оттѣнокъ.

Въ Москвѣ на Н-ва имѣлъ большое вліяніе—одинъ изъ его сотрудниковъ, Шварцъ. О своемъ знакомствѣ съ нимъ самъ Н-въ разсказывалъ такъ: «Въ одно утро пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ Ив. Егор. Шварцъ» (6). Откуда Шварцъ былъ родомъ—не знаемъ. Извѣстно только, что онъ нѣсколько разъ ѣздилъ за границу, вѣроятно вошелъ въ близкія сношенія съ тамошними масонами, и подъ вліяніемъ ихъ началъ дѣйствовать въ Россіи.

Ко времени знакомства Н-ва съ Шварцомъ относится учрежденіе такъ называемаго *Дружескаго Общества*. Составъ послѣд-

---

(4) Авторъ «Опыта повѣствованія о Россіи» (М. 1803, 8) и переводчикъ извѣстныхъ «Приключеній маркиза Г.» Великимъ провинціальнымъ секретаремъ былъ Василій Ивановичъ Майковъ (1725—78), авторъ поэмы «Елисей или раздраженный Вакхъ». Здѣсь же кстати замѣтимъ, что извѣстный екатеринеискій писатель Вл. Иги. Лукинъ былъ «мастеромъ» ложи музы Уранін.

(5) См. указанную статью о «Кошелькѣ».

(6) Изъ той же рукописи. О Шварцѣ см. въ 2-мъ т. «Біографич. Слов. Моск. Проф.»

Digitized by Google

няго былъ не многочисленъ; каждый изъ членовъ долженъ былъ внести посильный капиталъ. Внесенные капиталы въ совокупности дали средства къ основанію нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій (7).

Одною изъ задачъ общества было противодѣйствіе ученію энциклопедистовъ; для этого оно старалось по возможности распространять чтеніе библіи и вообще религіозныхъ книгъ, писанныхъ и перевозимыхъ, большею частію, его членами. Съ этого же цѣлію Шварцъ открылъ въ Москвѣ публичныя лекціи, на которыхъ разбиралъ ученіе экциноклопедистовъ и старался показывать несостоятельность его (8).

Выписываемъ изъ интересныхъ записокъ Ив. Вл. Лопухина то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ оцѣли общества: «цѣль сего общества была: издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности и истинѣ евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія, чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества нужныя къ оному званію. Для чего и воспитывались у насъ больше 50 семинаристовъ, которые были отданы отъ самыхъ эпархіальныхъ архіереевъ съ великого признательностію».

«Члены общества сего упражнялись: *въ познаніи самаго себя, творенія и Творца по правиламъ той науки*, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ премудрости (гл. 7, ст. 17, 21), содержащихся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственно просвѣщенныхъ откровеніемъ отъ Бога, науки, открывающей начало всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей не можетъ быть истинно извѣстна . . . . . ».

«Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились; это казалось многимъ смѣшно; но простая пословица: *вѣкъ живи и вѣкъ учись*—будетъ гораздо умнѣе такого смѣха. Когда человѣкъ сколько нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ. Какъ мало люди, слывущіе самыми разумными, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой

(7) Заведены были школы, больницы, аптеки и т. п; для аптеки общество вызвало изъ заграницы ученаго врача Фрейнзелема. Замѣчательно, что провизоры его: Кубе, Линродъ, Берзъ и Эйнбродтъ, по закрытіи «Дружескаго Общества», завели собственныя аптеки, которыя были родоначальницами теперешнихъ московскихъ аптекъ.

(8) Объ этомъ между прочимъ см. Сіонскій Вѣстн., 1818 г., февраль, стр. 222—228.

Digitized by Google

здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто человѣка лишить не можетъ» и т. д.

Дѣйствія «Типографской Компаніи» заключались въ печатаніи книгъ, какъ говорено уже, большею частію религіознаго содержанія. Здѣсь собственно и былъ Н-въ главнымъ дѣятелемъ.

Взявъ на откупъ университетскую типографію (*), онъ выписалъ для нея новые шрифты (9), завелъ книжныя лавки не только въ Москвѣ, но и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ. (**) Молодыхъ людей заставлялъ переводить книги съ иностранныхъ языковъ за хорошую плату; за оргинальныя статьи платилъ еще дорожс; однимъ словомъ сдѣлалъ литературный трудъ заманчивымъ, какъ честное средство бѣдняку добыть кусокъ хлѣба .... Безъ всякаго сомнѣнія, подобныя мѣры имѣли огромное вліяніе на развитіе нашей литературы.

Къ этому времени относятся московскіе журналы: «Утренній Свѣтъ» (1777—780), «Московское Ежемѣсячное Изданіе на 1781 г.,» «Вечерняя Заря» (1782) и «Покоящійся Трудолюбецъ» (1784), такъ сказать, новой редакціи: всѣ они, по своему содержанію, діаметрально были противоположны петербургскимъ журналамъ того же издателя. Московскіе журналы лучше всего показываютъ, какая нравственная перемѣна произошла въ Н-вѣ, съ переселеніемъ его въ Москву.

Между тѣмъ Общество начало обращать на себя вниманіе правительства; на Н-ва стали смотрѣть, какъ на человѣка подозрительнаго. Причинъ тому было много; между прочимъ, вотъ одна изъ нихъ: въ числѣ членовъ «Дружескаго Общества» былъ какой-то баронъ Шредеръ, внесшій въ кассу его значительную сумму; но потомъ, по какимъ то причинамъ, онъ не поладилъ съ сочленами и сталъ требовать отъ Н-ва возвращенія своего капитала. Н-въ не могъ удовлетворить его тре-

(9) Типографія Н-ва находилась частію въ домѣ Ив. Вл. Лопухина, близъ Никольскихъ Воротъ, а частію въ домѣ компаніи, который прежде принадлежалъ Гендрикову.

(*) Типографія взята была въ 1778 г., на 10-ть л.; по истеченіи срока, Н-въ хотѣлъ возобновить контрактъ, но Императрица не согласилась. Въ «Запискахъ» Храповицкаго, 15 окт., 1788 г., замѣчено: «Новикову не отдавать университетской типографіи. *C'est un fanatique.*»

(**) Въ 1762 г., въ Москвѣ была только одна книжная лавка: въ 9-й ч. своихъ «Записокъ», Андр. Тим. Болотовъ (письмо 100-е) говоритъ: «удовольствіе мое было велико, когда при распровѣдываніи о томъ: нѣтъ ли въ Москвѣ книжной и такой лавки, гдѣ бъ продавались не однѣ русскія, но вкупѣ и иностранныя книги, услышалъ я, что есть точно такая у Воскресенскихъ Воротъ. Съ превеликою поспѣшностію побѣжалъ я въ оную, но сколь радость и удовольствіе мое увеличилось еще болѣе, когда нашелъ тутъ лавку подобную почти во всемъ такой, какую видѣлъ я въ Пруссіи, въ Кенигсбергѣ, и въ которой продавалось великое множество нѣмецкихъ и французскихъ книгъ.»

Digitized by Google

бованію, на томъ основаніи, что капиталъ, вмѣстѣ съ другими, находился въ оборотѣ, и выдать его сполна общество не имѣло средствъ. Вскорѣ послѣ этого Шредеръ уѣхалъ за границу и, зная, что правительство начинаетъ подозрѣвать Н-ва, началъ писать къ нему оттуда, по почтѣ, письма, которыя содержаніемъ своимъ непремѣнно должны были еще болѣе убѣдить правительство въ основательности его подозрѣній. Н-въ писемъ Шредера не получалъ и узналъ о существованіи ихъ только впослѣдствіи. . . . . .

Впрочемъ много было причинъ, повидимому незначительныхъ, но въ общей ихъ сложности составившихъ благовидный предлогъ для закрытія Общества. Вотъ что говоритъ объ этомъ Лопухинъ: «Порочили особливо таинственность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ: для чего въ собраніяхъ такъ называемыхъ лучшихъ людей или публики не только никогда не говорятъ, да и не удобно говоритъ: о себѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ какъ порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.»

«Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представлять насъ подозрительными и для спокойствія общаго не безопасными . . . . .».

«И такъ въ 1784 года открывались давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность, а это дѣлалось около времени французской революціи; третьи,—что мы превлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря притомъ существованію духовъ, и разныя разглашали нелѣпости . . . . Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны, ибо и святые, и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики—всего этого разсудя, нельзя связать хорошенько. . . .»

«Много также дѣйствовали предубѣжденіе и ненависть, которыми исполнены были люди съ невѣжествомъ противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги».

«Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ, въ 1789 году, произведеніе которой тогда приписывали таинымъ обще-

Digitized by Google

ствамъ и системѣ философовъ. Въ этомъ заключеніи ошибка была только та, что и общество и система ихъ были совсѣмъ не похожи на наши. Предметъ нашего общества былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигнуть ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; и система наша была та, что Христосъ начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей. . . . . .»

И такъ съ 1784 г. Новикова начали преслѣдовать уже явно, что̀ продолжалось до начала 1786-го, когда м. Платону поручено было испытать его въ вѣрѣ. (10)

Общество было закрыто, но Новикова не преслѣдовали. Такъ дѣло оставлено было до 1791 г., около этого времени главнокомандующимъ въ Москву назначенъ былъ князь Прозоровскій, человѣкъ чрезвычайно подозрительный и недалекій. Дѣло было снова поднято. Въ началѣ 1791 г., въ Москву былъ отправленъ князь Безбородко, вмѣстѣ съ Н. П. Архаровымъ, чтобы произвести надъ «мартинистами» (11) слѣдствіе, если онъ признаетъ это нужнымъ. Но Безбородко нашелъ, что всѣ опасенія на ихъ счетъ совершенно неосновательны и возвратился въ С.-Пбургъ, не произведя надъ ними оффиціальнаго слѣдствія. Наконецъ, въ апрѣлѣ уже слѣдующаго года, типографія и книжныя лавки Новикова были опечатаны и онъ самъ взятъ подъ арестъ, въ своемъ Тихвинскомъ. Оттуда̀ онъ былъ привезенъ въ Москву, гдѣ пробылъ три недѣли, а потомъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ. Въ «Запискахъ» Храповицкаго, 2 мая, 1772 г., говорится: «съ московской почты получено секретное донесеніе князя Прозоровскаго о взятіи Новикова изъ его деревни; онъ уже допрашиванъ и содержится въ своемъ домѣ подъ присмотромъ. На вопросъ: гдѣ взялъ имѣніе, онъ объявилъ о типографскомъ обществѣ, въ 14 человѣкахъ состоящемъ и признался въ продажѣ прежде напечатанныхъ запрещенныхъ книгъ церковныхъ.» Лопухинъ разсказываетъ, въ своихъ запискахъ, что кн. Прозоровскій приказалъ приставу Новикова везти его

---

(10) Объ этомъ см. Москвит. 1842 г. II, стр. 521—524, III, 129—146; V, 137—151; 1843 г. I, 211—212.

(11) Такъ называли тогда всѣхъ масоновъ. Объ этомъ см. въ Современ., 1857 г., № 4, отд. V, стр. 252—267, статью г. Ловягина и «Histoire religieuse des peuples Slaves,» par le C-te V. Krasinski, (Paris, 1853, 8°), p. 276—280. Въ «Запискахъ» Храповицкаго, 30 янв., 1791 г., сказано только: «уѣхалъ графъ Безбородко въ Москву на двѣ недѣли.» Императрица особенно недовольна была на «мартинистовъ» послѣ появленія извѣстной книги Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.» Въ тѣхъ же «Запискахъ,» 26 іюня, 1790 г., говорится: «говорено о книгѣ «Путеш. изъ Пет. въ Москву»; тутъ разсѣваніе заразы французской, отвращеніе отъ начальства; авторъ *мартинистъ*.» 7 іюля, того же года: «сказывать наполняли, что онъ (Радищевъ) бунтовщикъ хуже Пугачева.»

Digitized by Google

въ Шлиссельбургъ окольными дорогами, чрезъ Ярославль и Тихвинъ, и при переѣздѣ чрезъ первый, принять всѣ предосторожности, ибо въ этомъ городѣ *нѣкогда* существовала масонская ложа, подъ предсѣдательствомъ А. П. Мельгунова. Впрочемъ въ то время ни его, ни ложи нѣсколько лѣтъ не было уже на свѣтѣ. Въ Шлиссельбургѣ Новиковъ былъ допрашиваемъ Шишковскимъ, послѣ чего содержаніе заключеннаго было несколько улучшено. Четыре года прожилъ Новиковъ въ Шлиссельбургѣ, скучая бездѣйствіемъ и страдая отъ болѣзней; единственнымъ развлеченіемъ для него были куры, которыхъ онъ разводилъ въ своемъ тѣсномъ жильѣ.

Освобожденъ былъ Новиковъ въ концѣ 1796 г., и 19 ноября былъ уже въ Тихвинскомъ, гдѣ въ это время жилъ С. И. Гамалѣя, сотоварищъ его по «Дружескому Обществу.» Вотъ письмо послѣдняго, гдѣ онъ описываетъ пріѣздъ Новикова на родину: «Н. Ив. отправился отсюда въ С.-Петербургъ, получа третьяго дня чрезъ московскаго главнокомандующаго, по письму генералъ-прокурора Его Императорскаго Величества, повелѣніе быть въ С.-Петербургѣ. Онъ прибылъ къ намъ 19 ноября по утру, дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодраномъ тулупѣ и проч. Докторъ (12) и слуга его крѣпче его. Дивны дѣла милосердаго Господа Бога нашего. Да будетъ Ему честь, слава и благодареніе за вся вѣчно. Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимая съ радостными слезами Н. И-ча, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній. Вы желали знать, какъ дѣти Н. И-ча встрѣтили?— сынъ въ безпамятствѣ подбѣжалъ, старшая дочь въ слезахъ подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что онъ отецъ ея. При томъ Высочайшій указъ уже воспослѣдовалъ объ отдачѣ всего имѣнія Н. И-чу сколько онаго въ казенномъ вѣдомствѣ находится; къ принятію имѣнія развѣ по возвращеніи изъ Петербурга приступлено будетъ. P. S. По написаніи сего, я получилъ письмо Н. Ив-ча, что онъ 5-го числа (13) послѣ полудня въ 5-ть часовъ представленъ былъ Монарху и весьма милостиво принятъ, такъ что описать не можетъ—слава Богу!» Послѣдніе годы Новиковъ провелъ въ Тихвинскомъ, вмѣстѣ съ Гамалѣею. Въ это время онъ писалъ къ князю Николаю Никитичу Трубецкому: (*) «что

(12) М. И. Багрянскій. одинъ изъ воспитанниковъ «Дружескаго Общества».

(13) Декабря.

(*) И. Н. Тр-ой былъ тоже сотоварищемъ И-ва по «Дружескому Обществу» О немъ см «Библіогр. Записки» г. Лонгинова въ Соврем. 1857 г., N 7, стр. 77.

Digitized by Google

касается до меня, до моего состоянія и обстоятельствъ, то я получаю безпрестанно новые кресты; силы мои изнурились и изнуряются подъ тяжкимъ бременемъ крестовъ сихъ: я такъ одряхлѣлъ, что вы бы теперь меня не узнали; . . . но лишь бы мы несли хоть огненный, только очистительный, а не наказательный крестъ.»

Умеръ Н-въ въ 1818 году, 31 іюня; вотъ отрывокъ изъ письма того же Гамалѣи, неизвѣстно къ кому: «а васъ прошу увѣдомить бр., что здѣшній хозяинъ Н. И., будучи болснъ параличемъ съ 5 іюля по 31 число, сегодня поутру въ 5 часу испустилъ духъ.»

Послѣднія письма взяты нами изъ книги «Письма С. И. Г.», которая довольно рѣдка. Книги этой было два изданія:

1. Письма С. И. Г. М. 1832. Въ Университетской типографіи Въ 12 д. л. 2 ч. I: 240 и II: 293 стр. съ тремя эпиграфами:

> Читай такія книги, кои болѣе производятъ сердечнаго сокрушенія, нежели занятія.
>
> Кто желаетъ достигнуть жизни внутренней и духовной, тотъ долженъ по примѣру Іисуса Христа уклоняться отъ толпы. Ѳом. Кемп. о подр. І. Х., кн., I, гл. 20.
>
> Labora, obedi, tace.

2. Письма С. И. Г. Изд. второе умноженное. М. Въ Университетской типографіи. Въ 24 д. л. 3 ч. I: 1836, 250; II: 1836, 298; III: 1839, 242, XCVI (изъясненіе текстовъ приводимыхъ въ письмахъ) и XVIII (содержаніе писемъ С. И. Г.) стр. Съ тѣми же тремя эпиграфами.

Подъ буквами С. И. Г. нужно читать Семена Ивановича Гамалѣи. Онъ былъ правителемъ канцеляріи московскаго главнокомандующаго гр. З. Гр. Чернышева и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Дружескаго Общества». Въ названной книгѣ заключается переписка Гамалѣи съ кн. Н. Н. Трубецкимъ, Ѳ. П. Ключаревымъ и другими, такъ можно догадываться по начальнымъ буквамъ именъ и отчествъ, находящихся въ нѣкоторыхъ письмахъ. Всѣ же они безъ надписи и безъ означенія года. Содержаніе писемъ, почти безъ исключенія,—разсужденія о религіозныхъ вопросахъ. Въ II части Писемъ (по 2 изд.) мы нашли четыре письма Н. И. Новикова: два къ Карамзину и два къ Трубецкому; первые два, по рѣдкости книги и по ихъ занимательности, прилагаемъ здѣсь. Въ двухъ же послѣднихъ интересенъ только отрывокъ, выписанный нами выше.

Digitized by Google

«Письма Н. И. къ Н. М. К.....ну.

1. Изъ сочиненій вашихъ 6-й и 7-й томы я съ возможнымъ мнѣ вниманіемъ прочиталъ отъ доски до доски; о пріятномъ, хорошемъ и прекрасномъ говорить теперь ничего не буду, но что касается до философіи, о томъ хочу нѣсколько словъ сказать. Извините меня, мой любезный, что я съ нею не совсѣмъ согласенъ; я нахожу въ ней болѣе пылкости воображенія и увлеканія въ царство возможностей, нежели основательности. Но я думаю, что нынѣ и вы сами не будете на все согласны. Скажите мнѣ угадалъ ли я, что въ письмахъ *Мелодора къ Филалету, и Филалета къ Милодору*, также и въ разговорѣ о щастіи между Филалета и Мелодора, подъ именемъ Мелодора вы, а подъ именемъ Филалета покойный молодой человѣкъ П.....; потому что при чтеніи піесъ мнѣ казалось, что обоихъ васъ вижу. Молодой Филалетъ со стоическою холодностію философствуетъ, а философія холодная мнѣ не нравится; истинная философія, кажется мнѣ, должна быть огненна, ибо она небеснаго происхожденія; однако, любезнѣйшій мой, не забывайте, что съ вами говоритъ Ідіотъ (невѣжда), незнающій никакихъ языковъ, нечитавшій никакихъ школьныхъ философовъ, и они никогда не лезли въ мою голову; это странность, однако истинно было такъ, но о семъ въ другое время.—И у меня есть свой Филалетъ, Англичанинъ, Философъ среднихъ вѣковъ, но не школьный. Въ одномъ изъ своихъ писаній говоритъ онъ между прочимъ: «покажите мнѣ науку, которая была бы совершеннымъ, а не поддѣланнымъ отпечаткомъ творенія!—которая могла бы вести меня прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога! чрезъ которую могъ бы я изслѣдовать всеобщія и невидимыя сущности ему подвластныя!—науку, чрезъ которую могу я вѣрно приидти къ познанію всѣхъ тайнъ, въ наукѣ сокрытыхъ!—такова есть та наука, въ которой Физика Адама и всѣхъ патріарховъ состояла и которая ему была открыта».

Ежели кто захочетъ согласиться умомъ и сердцемъ со мнѣпіемъ моего Филалета, что̀ кажется и должно сдѣлать, ибо онъ это не выдумалъ, но только переговорилъ слова другихъ; такъ Философія вашего Филалета должна остановиться и призадуматься. Я такъ думаю, что пока двое бесѣдующихъ не будутъ совершенно согласны въ началахъ и основаніи, то всѣ разговоры ихъ будутъ безполезны. Какія же начала? а вотъ какія: что есть Богъ?—что есть Богъ въ единицѣ? что есть Богъ въ Троицѣ? что есть натура? одна ли есть натура, или болѣе?—таковымъ ли видимый или чувственный міръ вышелъ изъ рукъ Божіихъ, какимъ мы его видимъ, или былъ инаковъ?

Digitized by Google

что̀ есть небо и одно ли оно, или болѣе? впечатлѣна ли троичность Божія во всей Его твари, или нѣтъ, и какъ мы сіе разумѣть должны? какъ сотворенъ человѣкъ, изъ чего, и изъ какихъ частей, и почему сказано объ немъ, что онъ *сотворенъ по образу Божію и по подобію?* Казалось бы и одного выраженія довольно было, но положено два. Также почему Моисей сказалъ, что Богъ сотворилъ Адама въ мужа и жену (*), а извѣстно по его же словамъ, что Адамъ уже существовалъ, когда Евы еще не было, и что Ева уже сотворена была изъ ребра Адамова, тогда когда Адаму уже нужно было спать (**)? о какихъ верхнихъ водахъ и нижнихъ сказываетъ Моисей, что Богъ отдѣлилъ верхнія воды отъ нижнихъ? какъ мы это должны разумѣть? Замѣчательно также, что не философъ, но простой рыбакъ, ученикъ Христовъ Петръ, пишетъ: *ибо сокрыто отъ насъ, хотящихъ знать, что небеса изперва изъ воды и водою составлены Словомъ Божіимъ.*—Какая же была тогда чудная вода, изъ которой сотворены небеса, а не одно только небо? да и Апостолъ Павелъ сказываетъ, что онъ восхищенъ былъ духомъ даже до третьяго неба! Одинъ ли существуетъ видимый или чувственный міръ, или есть другіе міры? Солнце и всѣ планеты и звѣзды принадлежатъ къ видимому міру; гдѣ же обитаютъ Ангелы? гдѣ Божественный престолъ? Съ позволенія нашихъ почтенныхъ Астрономовъ, одни изволятъ бредить, находя болѣе седми планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды, и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что̀ не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наиблѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что̀ не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія. Какъ же мы должны разумѣть слова Давидовы, который говоритъ, что Богъ въ солнцѣ положилъ селеніе Свое; и далѣе, что солнце, яко женихъ, выходитъ изъ чертога своего, и яко исполинъ, предпріемлетъ путь отъ края небесе до края небесе, и нѣтъ мѣста, которое бы укрылось отъ теплоты его, и проч. Что̀ есть философія и откуда она? Изобрѣтена ли человѣкомъ, или дана отъ Бога человѣку? Ежели она изобрѣтеніе человѣческое, то она чело-

(*) *Примѣч. 1.* Въ Св. Писаніи сказано: «сотворя Богъ Адама: по образу Божію сотвори его. Мужа и жену сотвори ихъ». (Быт. V, 1, 2).

(**) *Примѣч. 2.* Въ Св. Писаніи сказано: «наложи Богъ изступленіе на Адама, и успе» (Быт. II, 21). Эти и подобныя невѣрности и уклоненія произошли отъ мистическаго направленія писемъ.

Digitized by Google

вѣческа, а мнѣнія человѣческія суть весьма перемѣнчивы. На моемъ вѣкѣ во всѣхъ наукахъ нѣсколько системъ перемѣнилось; да я увѣренъ, что и нынѣ существующія системы не долго устоятъ, и перемѣнятся въ другія новыя; намъ любезнѣе всего новое, новое и новое. Нынѣшніе Физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыя Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что по ихъ высокой наукѣ, что̀ можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота, и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы.—И кто можетъ всѣ ихъ бредни изчислить? не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя. Любезные древніе Философы и Патріархи не такъ разумѣли Философію; но о семъ много бы говорить было надобно, а потому я сію матерію окончу, сказавъ еще нѣсколько словъ. Древніе гораздо замѣчали, что Моисей исторію творенія начинаетъ симъ видимымъ міромъ, а о томъ, что̀ было прежде, не упоминаетъ ни слова,—откуда же бы взялось мнѣніе о падшихъ Ангелахъ,— а о нихъ въ Новомъ завѣтѣ много говорено, да и въ Ветхомъ Моисей сказываетъ, что падшій Ангелъ въ видѣ змія обольстилъ Еву, изъ чего кажется, что должно быть нѣчто существовавшее прежде сотворенія сего видимаго міра. Древніе прекрасно сіе изъясняли; они даже и въ человѣкѣ находили извлеченіе изъ трехъ міровъ, и учили, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа. Отсюда произошло то, что они поставляли надпись надъ дверьми храма: *Познай себя*, и пр.

Извините меня, *Л. Д.*, что я кое что сказалъ смутно и безпорядочно, что только по слабости моей въ мысль пришло, и что только женская рука писать могла: онѣ до прекраснаго видомъ великія охотницы, бѣдный Адамъ былъ бы доволенъ знаніемъ одного добра; но Евѣ захотѣлось отвѣдать и съ запрещеннаго древа знанія добра и зла.— Но полно, полно; а то опять завседетъ.»—(Стр. 268—276.)

---

2. «Сердечно сожалѣю, любезнѣйшій другъ мой, Н. М., о худомъ здоровьѣ вашемъ, равно и о томъ, что не сказали вы мнѣ о болѣзни вашей: можетъ быть я нѣсколько и помогъ бы вамъ, ибо по благости Господней имѣю въ медицинѣ, хотя небольшое, однако изрядное основаніе. Ежели еще вы не уѣхали въ Петербургъ, то скажите мнѣ о болѣзни вашей коротко. И ваше письмо застало меня очень нездоровымъ; но въ моихъ припадкахъ одно только лѣкарство—терпѣніе.

Digitized by Google

Вы меня обрадовали, сказавъ, что не стоите за философію и пр. Я думаю, что тотъ можетъ назваться прямо ищущимъ, который, хотя и ошибаясь, однако искалъ истину, и наконецъ воистину найдетъ истину; ибо Христосъ Спаситель нашъ сказалъ: *Ищите и обрящете, толкайтесь и отворится вамъ, просите и дастся вамъ.* И въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *ищите прежде Царствія Божія и правды его, а прочее все пріобрѣтено вамъ будетъ.*

Вамъ 49 лѣтъ; это годъ климатеричный; вамъ сей годъ, есть годъ полной чести и славы, а мнѣ этотъ годъ былъ полонъ скорби и печали. Какъ различно поступаетъ съ нами милосердіе Божіе! одного ласкою, другаго розгою влечетъ къ себѣ: блаженъ, кто и то и другое употребляетъ въ пользу свою!

Вы сказали мнѣ въ письмѣ вашемъ: *одинъ Богъ знаетъ Бога совершенно.* Мнѣ кажется, что познаніе Бога должно раздѣлить: *познаніе Бога въ Единицѣ Его*, человѣку *можетъ быть* и невозможно; но *познаніе Бога въ Троицѣ* или *тройствѣ Его*, не токмо что возможно, (*) но и необходимо. Апостолъ Павелъ сказалъ весьма замѣчательныя слова: *душевный человѣкъ непріемлетъ Духа Божія, ибо оное кажется ему безуміемъ, и не можетъ разумѣть, почеже духовно возтязуется*, и пр. Я совѣтую вамъ Л. Д. прочитать со вниманіемъ всю 2 главу 1-го Посланія къ Коринѳ.: она весьма, весьма замѣчательна; не могу также удержаться, чтобъ не посовѣтовать вамъ прочесть со всевозможнымъ и глубокимъ вниманіемъ всю 17 главу Евангелія Іоаннова: это якорь нашъ, на которомъ должно утверждаться вѣчное наше блаженство. Много бы можно было о сей матеріи сказать *неопровержимаго*, но краткости ради умолчу.

Вы также говорите, что у насъ теперь и Библія въ модѣ. Подлинно, что только въ модѣ. Признаюсь вамъ Л. Д., что не могу безъ душевнаго огорченія читать въ газетахъ и журналахъ текстовъ Св. П. Видно, что сіи писатели текстовъ думаютъ, что всеравно сказать текстъ, или исполнить его дѣйствительно, и видно, что не встрѣтилось съ ними сказанное Христомъ Спасителемъ, что Царствіе Божіе не въ словахъ состоитъ, но въ силѣ или исполненіи.

Сердечно жалѣю, и буду сожалѣть, ежели не увижу васъ до отъѣзда вашего въ Петербургъ. Я желалъ бы дня два провести съ вами въ искренней и сердечной бесѣдѣ о томъ, что для насъ нужнѣе всего; но мы должны во всемъ покоряться волѣ Божіей. Теперь по крайней мѣрѣ желаю того, чтобъ вы возвратились въ Москву въ Августѣ, такъ можетъ быть Господь благоволилъ бы дозволить мнѣ увидѣться съ вами. Вы говорили так-

(*) См. стр. 331, прим. 2.

Digitized by Google

же, что желали бы поговорить со мною о нѣкоторыхъ статьяхъ моего письма послѣдняго; а я сердечно бы этого желалъ, наипаче потому, 1) что пишу не своею рукою, и къ диктатурѣ не привыкъ, сказываю, какъ мысль приходитъ, а не въ порядкѣ, какъ бы я желалъ; 2) что слабость моя мѣшаетъ сказывать, и малѣйшее слово, въ то время мнѣ сказанное, прерываетъ нить. Но когда я говорю лично, слабость моя изчезаетъ и я дѣлаюсь крѣпокъ, что я многажды замѣчалъ. Духъ нашъ наружными обстоятельствами угнетается, и какъ бы упадаетъ, но когда онъ вступитъ въ дѣйствованіе, выступя изъ состоянія страдательнаго, тогда и наружная машина наша укрѣпляется и дѣлается свободною.

Кстати: вы упомянули въ письмѣ вашемъ о меланхоліи; я принималъ это слово, въ сочиненіяхъ вашихъ нерѣдко употребляемое, за обыкновенное выраженіе *пріятной задумчивости*, но въ письмѣ выражено такъ, будто вы подвержены сей болѣзни, что̀ меня опечалило; но я надѣюсь подать вамъ средство къ истребленію оной. Древніе Философы изъ глубокаго познанія своего, особенно въ натурѣ человѣческой, опредѣляли, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа, а изъ того выводили и болѣзни человѣческія: они всѣ болѣзни, относящіяся къ тѣлу, наружныя и внутреннія, лѣчили лѣкарствами изъ трехъ царствъ натуры, которыя и наша медицына кой-какъ лѣчить умѣетъ, и называли сіи болѣзни *болѣзнями тѣла*. Другія болѣзни, которыя извѣстны у нашихъ медиковъ подъ именемъ нервозной системы, они называли *болѣзнями души*, наши медики, ежели захотятъ истинно признаться, то должны сказать, что они ихъ лѣчить не умѣютъ; а древніе совершенно лѣчили, едвали не одними минеральными лѣкарствами. Третьи болѣзни называли они *болѣзнями духа;* къ симъ болѣзнямъ причислили они и *меланхолію*, которой корень полагали въ невѣріи, и сіи болѣзни лѣчили они лѣкарствами духовными, т. е. чистымъ ученіемъ *истинной философіи*, которая есть вѣрная послѣдовательница ученію Ветхаго и Новаго завѣта, или вообще Слова Божія. Апостолъ Павелъ превосходно говоритъ: *основанія иного никто не можетъ положить, кромѣ того, которое уже лежитъ, и которое есть Іисусъ Христосъ; на семъ основаніи каждый да строитъ.* Прочтите Л. Д. 3-ю главу 1-го посланія къ Коринѳ. Богъ есть свѣтъ, Слово Божіе есть свѣтъ; Христосъ Спаситель нашъ сказалъ о себѣ: *Я есмь свѣтъ міру* и пр. Все, что не изъ Бога, что не изъ Слова Божія, что не изъ ученія І. Х., все то есть тьма, а посему и меланхолія есть изъ тьмы. Посмотримъ напримѣръ въ Физикѣ: когда небо покрываютъ черныя, густыя

Digitized by Google

и непроницаемыя тучи, тогда и самый крѣпкій, здоровый человѣкъ чувствуетъ какую-то неловкость, скуку, даже грусть, не имѣя къ тому никакой причины; больной же, слабый, дряхлый, чувствуетъ сіе сто разъ сильнѣе: отъ чего же это? отъ того, что физическая тьма дѣйствуетъ на свое подобно. Когда же вдругъ возсіяетъ солнце въ полномъ свѣтѣ своемъ и блескѣ, тогда мгновенно тьма изчезаетъ и солнечный свѣтъ дѣйствуетъ на свое подобное, и на нашу физику; человѣкъ веселится и радуется, и самъ не зная отъ чего. Отъ того, что физическій свѣтъ солнца дѣйствуетъ на свое подобное въ насъ. Что же скажемъ о Солнцѣ правды, Іисусѣ Христѣ?—Не будетъ ли сей свѣтъ тысячекратно сильнѣе дѣйствовать на нашу духовность? Читайте Л. Д. наипаче Новый завѣтъ, читайте чаще, замѣчайте отличнѣйшіе тексты, а ежели дѣйствительно подвержены вы ипохондріи, то она отъ сего лѣкарства совершенно истребится. Послушайтесь совѣта отличнѣйшаго *ученика любви*, Св. Іоанна; онъ въ 4-й главѣ 1-го Посланія совѣтуетъ испытывать духовъ; прочитайте не только всю сію главу, но и всѣ его Посланія и самое Евангеліе, имъ написанное; что касается до его Апокалипсиса, то онъ для насъ весьма, весьма высокъ. Многіе марали бумагу, пиша изъясненіе онаго; но ежели бы они воистину разумѣли только главу, или и часть только оной, то никогда бы не дерзнули изъяснять онаго. Моисей описалъ намъ твореніе и паденіе человѣка, а Св. Іоаннъ въ Откровеніи своемъ описалъ возстановленіе и возведеніе человѣка гораздо въ высшую степень, нежели въ какой онъ былъ въ раѣ; кратко сказать, Моисей показалъ намъ Альфу, а Св. Іоаннъ Омегу.

Кажется мнѣ, что я никогда бы не переставалъ писать къ вамъ и изливать на бумагу мысли и сердце мое, исполненное искренней любви къ вамъ и желанія вамъ всего добра или блага, не только временнаго, но паче вѣчнаго; однакожъ и сему положить должно границы». (стр. 376—284.)

Письмо это писано, какъ видно, въ 1814 г., считая годомъ рожденія Карамзина 1765-й г. (*)

П. А. Ѳ. Воейковъ.

Сочиненія Воейкова до сихъ поръ еще не имѣли полнаго изданія; всѣ они разбросаны по журналамъ и полное ознакомленіе съ ними возможно только тогда, когда у насъ будутъ состав-

(*) Хотя эти два письма и были уже перепечатаны г. Старчевскимъ въ его монографіи «Н. М. Карамзинъ,» но не вполнѣ вѣрно, почему мы и позволяемъ себѣ издать ихъ снова.

Digitized by Google

лены указатели ко всѣмъ старымъ періодическимъ изданіямъ. А. Воейковъ имѣетъ значеніе въ исторіи русской словесности, особенно какъ переводчикъ и журналистъ. Встарину же его ставили почти наравнѣ съ Жуковскимъ и Батюшковымъ (14).

Біографическія свѣдѣнія о Воейковѣ тоже скудны; мы имѣемъ только коротенькое извѣстіе о его службѣ въ «Опытѣ истор. русск. лит.» г. Греча, да некрологъ, (15) перепечатанный г. Старчевскимъ въ Справоч. Энциклоп. Лекс. (т. III, стр. 276). Вотъ нѣсколько дополненій къ нимъ, собранныхъ изъ разныхъ книгъ.

А. Ѳ. Воейковъ род. въ Москвѣ въ 1773 г., 15 ноября. Воспитывался тамъ-же, въ Универс. Благородн. Пансіонѣ и считался въ числѣ лучшихъ его воспитанниковъ: имя Воейкова написано было на золотой доскѣ, на ряду съ именемъ Жуковскаго (16). Здѣсь вѣроятно, подъ вліяніемъ извѣстнаго «Собранія воспитанниковъ благородн. универс. панс.», у него развилась первая любовь къ литературѣ. Печатался ли Воейковъ раньше 1806 г.—не знаемъ, но къ этому году относится его «Сатира къ С. (перанскому) объ истинномъ благородствѣ, (17)» которою онъ собственно и прославился (18). Впрочемъ она болѣе замѣчательна по рѣзкому тону, нежели по литературному достоинству. Вотъ напр. нѣсколько строкъ:

. . . . . не могу я вытерпѣть никакъ,
Чтобы воспитанный французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался,
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцовъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и грамоты въ глазахъ честныхъ людей—
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не вожгутъ къ честямъ соревнованья.
Когда безъ славныхъ дѣлъ тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ;
А между тѣмъ сей князь, боярин этотъ гордой,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ будто онъ насъ царствомъ подарилъ,—
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ....

(14) «Мелочи» М. А. Дмитріева, Москвит., 1854 г., N 16, стр. 174.
(15) Сынъ Отеч. 1839 г., N 9.
(16) Воспом. о Моск. Благор. Панс., въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др., г. 4-й кн. 1-я, стр. 103.
(17) Вѣстн. Евр. 1806 г., N 19, стр. 195—201.
(18) «Мелочи, стр. 174.

Digitized by Google

Вѣроятно, что и до этой сатиры Воейковъ писалъ уже, а м. б. и печаталъ. Въ одномъ стихотвореніи своемъ, которое относится къ 1814 г., Воейковъ говоритъ:

Я опекунъ твой, старше вдвое,
Едваль не опытнѣе втрое,
И въ стихотворной цѣхъ давно
Въ одномъ разрядѣ съ Тредьяковскимъ,
Записанъ маклеромъ Жуковскимъ (19).

Въ 1808 г. онъ издалъ переводъ Вольтеровой «Исторіи царствованія Людовика XIV» (М. 4 ч. 8). Все время до войны XII года, Воейковъ жилъ въ Москвѣ, переводилъ «Сады» Делиля и былъ постояннымъ членомъ кружка московскихъ литераторовъ. У одного изъ послѣднихъ, Ѳ. Ѳ. Иванова, бывали литературные вечера (20), куда собирались Батюшковъ, Мерзляковъ, Кокошкинъ, Смирновъ, переводчикъ Шиллера, и другіе; въ числѣ ихъ постоянно бывалъ и Воейковъ, часто игравшій здѣсь съ Мерзляковымъ въ карты на стихи, которые послѣдній долженъ былъ переводить изъ «Садовъ» (21).

Война XII года, какъ дѣло народное, нашла глубокое сочувствіе въ кругу тогдашнихъ литераторовъ; по крайней мѣрѣ бо́льшая и лучшая половина ихъ вступила въ ряды русской арміи; между ними былъ и Воейковъ; это видно изъ посланія къ нему Жуковскаго:

Ты былъ подъ знаменами славы,
Ты видѣлъ, другъ, слѣды кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,
Ихъ казнь, и ужасъ ихъ побѣга (22).

По изгнаніи французовъ, Воейковъ вышелъ въ отставку и, вѣроятно желая отдохнуть отъ военныхъ трудовъ, объѣздилъ чуть ли не всю Россію; объ этомъ говоритъ Жуковскій въ томъ же посланіи, которое относится къ 1813 году; подробнѣе разсказываетъ самъ Воейковъ, тоже въ стихахъ (23).

Возвратившись изъ путешествія, онъ жилъ по прежнему въ Москвѣ. Къ этому времени относится извѣстное его стихотворе-

---

(19) Славянинъ на 1827 г., N 50, стр. 432.

(20) Объ этихъ вечерахъ см. статью Мерзлякова объ Иванові, Труды Общ. Люб. Рос. Слов., ч. VII, стр. 101—104.

(21) Біографич. Слов. Профессор. Московск. Унив., т. II, стр. 77.

(22) Стихотв. В. А. Жуковскаго, изд. 1849 г., т. II, стр. 41.

(23) См. Славянинъ 1827 г. № 38, стр. 450—462 «Къ М. М. Михайлову о пользѣ путешествія по отечеству».

(24) Москвит. 1852 г., № 18, 120.

Digitized by Google

ніе «Домъ Сумасшедшихъ» написанное осенью 1814 г. въ деревнѣ А. Н. Арбеньевой. Но о немъ будетъ ниже. Въ 1815 г. Воейковъ, женившись на племянницѣ Жуковскаго Ал. Андр. Протасовой (Свѣтланѣ), переѣхалъ на житье въ Дерптъ, куда назначенъ былъ въ университетъ профессоромъ русской словесности (24). Здѣсь онъ оставался до 1820 г.; литературныя занятія его не прекращались: въ это время отъ участвовалъ въ изданіи «Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій», вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Тургеневымъ, продолжалъ переводить «Сады» Делиля и «Георгики» Виргилія, писалъ поэму «Искусства и науки» и разныя стихотворенія, которыя потомъ, въ С. Пбургѣ, печаталъ въ своихъ журналахъ (25). Что дѣлалъ Воейковъ по своей каѳедрѣ не знаемъ; можетъ быть къ этому времени относится извѣстное его открытіе спондеевъ въ русскомъ стихосложеніи. Для образца приводимъ нѣсколько строкъ воейковскихъ quasi-спондеевъ:

Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!
Мы ихъ найдемъ, исчисляя подробно дѣянія Россовъ:
Галлъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ, Шведъ, Венгръ, Турокъ, Сарматъ и Саксонецъ—
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли, и всѣхъ охраняемъ.

Въ 820-мъ году Воейковъ оставилъ профессуру, переѣхалъ въ С.-Петербургъ и вскорѣ поступилъ здѣсь на мѣсто инспектора Артиллеріискаго Училища. Въ промежутокъ 21—25 гг. онъ напечаталъ 2-е изд. «Образцовыхъ Сочин.,» а вслѣдъ за тѣмъ и новое собраніе ихъ (см. Роспись Смирдина, NN 6074—76).

Съ переселеніемъ въ Спб., Воейковъ вступилъ на поприще для него совершенно еще новое—журналиста. Сначала онъ издавалъ «СынъОтеч.,» вмѣстѣ съ Н. И. Гречемъ, потомъ «Русск. Инв.,» «Новости Литературы» (26) и «Славянинъ.»

Почти во все время своего журнальнаго поприща, онъ велъ жаркую борьбу съ Полевымъ и въ особенности съ издателемъ Сѣв. Пчелы (27).

Какъ журналистъ, Воейковъ пользовался большимъ значеніемъ,—его боялись. Между прочимъ, по выходѣ «Вечеровъ» Гоголя, Пушкинъ обратился съ просьбою къ нему поддержать

(25) Полный переводъ Садовъ былъ напечатанъ въ 1816 г. (Спб. 4°) а «Георгики», въ отрывкахъ, помѣщались въ журналахъ, преимущественно въ Вѣстн. Евр. 816 и 817 г.

(26) Въ «Новост. Литер.» онъ помѣстилъ, между прочимъ, интересную статью о Вл. Ив. Лопухинѣ и его «Запискахъ», подъ заглавіемъ «Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ и о добродѣтельномъ его хозяинѣ». 1825 г., маій, стр. 65—90.

(27) См. въ Славянинѣ отдѣлъ «Хамелеонистики».

Digitized by Google

начинающаго: «ради Бога, возьмите его (Гоголя) сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на *дурной* тонъ и проч.»

Умеръ Воейковъ въ 1839 г.

Теперь обратимся къ «Дому Сумасшедшихъ.» Написано это стихотвореніе, какъ уже говорено, въ 1814 году; но потомъ нѣсколько разъ дополнялось въ 1826, 36, 37 и наконецъ въ 1838 г.; первоначально стихотвореніе названо было «Новый Бедламъ». До сихъ поръ оно извѣстно только въ рукописяхъ, за исключеніемъ трехъ отрывковъ ([28]); но содержаніе его исполнено такой невинной ироніи, что мы рѣшились напечатать «Домъ Сумасшедшихъ» въ своихъ «Замѣткахъ»; но только первой редакціи, которая составляетъ теперь довольно замѣчательную рѣдкость.

Позднѣйшая редакція, по нашему мнѣнію, гораздо ниже первой: въ ней много натяжекъ, потому что Воейковъ слишкомъ растянулъ свою эпиграмму. «Домъ Сумасшедшихъ» интересенъ тѣмъ, что знакомитъ насъ съ слабыми сторонами, (на сколько стало у автора способностей подмѣтить ихъ), русскихъ литераторовъ двадцатыхъ годовъ. Воейковъ былъ въ дружескихъ связяхъ со многими изъ тѣхъ, которыхъ онъ посадилъ въ свой домъ сумасшедшихъ; Жуковскій, Батюшковъ, Мерзляковъ, Глинка, первые любовались его шуткою.

La vie de l'homme n'est qu'un songe:
Un songe agréable est préferable à une triste réalité.

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ;
Не игра воображенья,
Не паровъ смѣшенье онъ.
Нѣтъ, но мщенью предъидущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

Въ вечеру, простившись съ вами,
Въ уголку сидѣлъ одинъ,
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ;
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ, о Мерзляковъ,
Изъ Амура по сю пору
Недописанныхъ стиховъ.

([28]) Первый отрывокъ (о Шаликовѣ) напечатанъ въ 3 статьѣ г. Гаевскаго о Дельвигѣ, Соврем. 1854 г., № 1, отд. III, стр. 18 и 19, въ примѣч. Второй (о Сладковскомъ) въ статьѣ г. Пекарскаго «Русск. Мемуары,» Соврем., 1855 № 4, отд. II, стр. 57. ретій въ Отеч. Зап., 1856 г. № 11, стр. 30, при разборѣ стихотвореній Славина.

Digitized by Google

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
Но въ награду крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ . . .
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ —
И вступаю въ желтый домъ (29).

Отъ любови сумасшедшихъ,
Въ списокъ было я взглянулъ,
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ я вспомянулъ,
О Кокошкинъ (а)! долгъ романамъ
Весь тобою заплаченъ;
Но, сказавъ «прости» обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ.

Ахъ, и я. . . но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу:
Во второе отдѣленье
Я чиннѣхонько вхожу:
Тутъ одинъ желаетъ трона,
А другой владѣть луной,
И портретъ Наполеона
Намалеванъ какъ живой.

Я поспѣшными шагами
Черезъ залу перешелъ,
И увидѣлъ надъ дверями
Очень четко сей отдѣлъ:
«Прозаистамъ и поэтамъ,
«Журналистамъ, авторамъ
«Не по чину, не по лѣтамъ,
«Здѣсь мѣста по номерамъ.»

Двери настежь надзиратель
Отворя, мнѣ говоритъ:
«Номеръ первый. вашъ пріятель
«Каченовскій (б) здѣсь сидитъ.
Букву э на эшафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ сжетъ;
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поетъ.

То кавыки созерцаетъ,
То обнюхивая гниль,
Духу розъ предпочитаетъ,
То смѣтаетъ съ книжекъ пыль;

(29) До перевода дома умалишенныхъ на петергофскую дорогу, онъ помѣщался въ Обуховской больницѣ, которая выкрашена была желтою краскою. Обыкновенно желтымъ домомъ называется больница умалишенныхъ.

Digitized by Google

И въ восторгѣ восклицая,
Набивая ею ротъ:
«Соръ славянскій! пыль родная!
«Слаще ты, чѣмъ медъ изъ сотъ.»

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ (в) въ слезахъ,
Разрумяненый, въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ;
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ
И мяуча сладострастно,
Розмазню безъ масла ѣстъ.

Номеръ третій, на лежанкѣ
Истый Глинка (г) возсидитъ;
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ;
Книга кормчая отверста,
А уста отворены;
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.

О Расинъ! откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ!
Изъ россійскаго стоглава
Ты Гофолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженье, красота
Въ Андромахѣ—подражанье
Погребенію кота.

Ты, Хвостовъ (д)! къ нему дошедши
Вскрикнулъ я,—тебѣ ль здѣсь быть?
Ты . . . . . , не сумасшедшій:
Не съ чего тебѣ сойтить.
«Въ Буало я мысль добавилъ,
«Лафонтена я убилъ
«И Расина обезславилъ.»
Быстро онъ проговорилъ.

И читать мнѣ началъ оду;
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя; но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицемъ печальнымъ
Буквъ славянскихъ красоту,
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую *виту*.

И на мебеляхъ повсюду
Коронованное—*кси*,

Digitized by Google

Старовѣрскихъ книжицъ груду
И въ окладѣ *юсъ* и *пси*;
Томъ въ сафьянъ переплетенный
Тредьяковскаго стиховъ . . . .
Я увидѣлъ изумленный
И узналъ, что то Шишковъ.

Вотъ Сладковскій (е) восклицаетъ:
«Се, се Россы, се самъ Петръ,
«Се со всѣхъ сторонъ сілетъ
«Молнія изъ тучныхъ нѣдръ.
«И чрезъ Ворсклу при преправѣ
«Градовъ на сушѣ творецъ,
«Съ дрогостью пошелъ онъ ко славѣ,
«А поэмѣ сей конецъ.»

Вотъ Жуковскій, въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянувши чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьму воображаетъ,
И глазкомъ ей подмигнетъ
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и реветъ. (30)

Вотъ Кутузовъ. Онъ зубами (ж),
Бюстъ грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ ручьями,
Кровью грудь обагрена;
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Время только тратитъ онъ—
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

А Станевичъ, (з) въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
«Міръ, потомство!—за меня!
«Злому критику отмстите,
«Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
«Монументъ соорудите!
«Я заслугами великъ!

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ,
Крошка Батюшковъ сидитъ,
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ,
И поетъ пѣвецъ согласно:
«Такъ спокоенъ сверху видъ,
«Но спустись туда, ужасно!
«Крокодилъ на днѣ лежитъ.»

Digitized by Google

Вотъ Грузинцовъ (и)!— онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ, какъ царь,
Гордъ въ мишурномъ онъ хитонѣ;
Держитъ греческій букварь.
— «Вѣрно ваше сочиненье?»
Скромно сдѣлалъ я вопросъ.
«Нѣтъ, Софоклово творенье—»
Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.

И бѣгомъ безъ дальнихъ сборовъ . . . .
«Вотъ еще—сказали мнѣ.
Я взглянулъ: Максимъ Невзоровъ (і)
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
«Еслибъ такъ, какъ на Вольтера
«Былъ на мой журналъ расходъ,
«Пострадала бъ горько вѣра:
«Я вреднѣй,чѣмъ Дидеротъ.»

Отъ досады и отъ смѣху,
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ
Горькую прервать утѣху;
Но смотритель доложилъ:
«Рады ль вы, или не рады,
«Но указъ ужъ полученъ;
«Вамъ отсель нельзя ни пяди.
И указъ тотчасъ прочтенъ:

«Тотъ Воейковъ, что Делиля
«Столь безбожно исказилъ,
«Истерзать хотѣлъ Эмиля
«И Виргилію грозилъ,—
«Долженъ быть, какъ сумасшедшій,
«Вовсе запертъ въ желтый домъ;
«Темя все обрить поспѣшнѣй
«И тереть почаще льдомъ.« (к)

Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,—
И проснувшись не очнулся,
Не повѣрилъ самъ, что спалъ.
Други! вашего совѣту!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать—не жить поэту,
А писать начать—боюсь!

Для поясненія, предлагаетъ здѣсь нѣсколько примѣчаній.

(а) *Θ. Θ. Кокошкинъ*, переводчикъ мизантропа и авторъ нѣсколькихъ комедій; былъ предсѣдателемъ Общ. люб. русск. слов. См. «Мелочи» М. А. Дмитріева, Московит., 1854 г., № 12, стр. 165—169. Это обращеніе относятъ и къ *Д. А. Кавелину*, переводчику нѣсколькихъ англійскихъ романовъ.

Digitized by Google

(б) *М. Тр. Каченовскій* извѣстный профессоръ московскаго университета.

(в) *Кн. Петръ Ив. Шаликовъ*—переводчикъ, журналистъ и сантиментальный поэтъ. См. о немъ «Мелочи,» Москвит. 1854, N1—2, стр. 197—200.

(г) *С. Н. Глинка* издатель Русскаго Вѣстника (1808—24 г. г.) и первый ратникъ московскаго ополченія XII года. См. тамъ же, тр. 203—205.

(д) *Графъ Дм. Ив. Хвостовъ* извѣстный своею метроманіею; его стихи называли «le sublime du galimatias.» См. «Мелочи,» Москвит. 1854 г., N 6, стр. 97—98 и «Улей» 1811 г., N 2, стр. 115, гдѣ напечатанъ *полный* перечень соч. Хв-ва до 1811-го г.

(е) *Романъ Сладковскій*, авторъ единственный поэмы «Петръ Великій.» (Спб. 1803. 4).

(ж) *Павелъ Ив. Голенищевъ-Кутузовъ*, переводчикъ Пиндара, Гезіода, Теокрита и Сафо.

(з) *Евст. Ив. Станевичъ*—писалъ стихи и прозу; сочиненія его изданы въ 1805 г. (Спб. 16°). Онъ былъ жаркимъ приверженцемъ Шишкова и по выходѣ въ свѣтъ «Разсужденія о Русск. Слогѣ,» написалъ, между прочимъ, слѣдующій панегирикъ, который можетъ дать понятіе и объ авторѣ.

Отъ книги твоея, Шишковъ! о русскомъ слогѣ,
Ты видишъ всѣхъ въ тревогѣ,
Одни тебя благодарятъ,
Другіе же язвятъ:
А кто изъ нихъ на то имѣетъ больше права,
Рѣшитъ въ потомствѣ то твоя не лжива слава.
А солнышко когда выводитъ красный день,
Не такъ ли мгла и тѣнь
Ему противятся съ начала?
Но солнышко взошло, и мгла уже пропала. (Соч. стр. 89.)

(и) *Александръ Никол. Грузинцовъ*—писалъ трагедіи изъ греческой жизни: «Эдипъ Царь,» «Электра и Орестъ» и друг. Сочиненія его изданы въ 1811—15 г. г. (Спб. 2 ч.)

(і) *Макс. Ив. Невзоровъ*—воспитанникъ «Дружескаго Общества» и издатель журнала «Другъ Юношества.» См. его біографію, написанную г. Безсоновымъ, Русск. Бесѣда, 1856 г. кн. III и Моск. Вѣд. 1857 г., N 9, статью Г. М. Третьякова.

(к) Послѣ Воейкова остался портретъ, на которомъ онъ, по собственному желанію, написанъ въ полосатомъ халатѣ и мѣховой шапкѣ, въ домѣ сумасшедшихъ. Наверху надпись: «Домъ Сумасшедшихъ. Отд. III, N 27;» передъ нимъ листъ бумаги со слѣдующими четырьмя стихами:

Digitized by Google

Вотъ Воейковъ, что бранился,
Вѣкъ съ Б . . . . . возился,
Честь свою тѣмъ запятналъ
И въ безумной домъ попалъ.

III. О службѣ Гоголя въ Департаментѣ Удѣловъ.

Въ ноябрской книжкѣ Отечеств. Зап. прошлаго года, при разборѣ «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя,» было, между прочимъ, сказано: «время опредѣленія Гоголя на службу означено у Николая М. (Кулиша), кажется, неточно. Онъ говоритъ, что Гоголь опредѣлился на службу (въ департаментъ удѣловъ, столоначальникомъ ([31]) въ апрѣлѣ 1830 («Зап.» I, 84), но въ письмѣ къ матери отъ 2-го апрѣля 1830, помѣщенномъ на стр. 94-й, Гоголь говоритъ, что жалованья *за декабрь 1829 года* не получалъ, по причинѣ вычета за переименованіе въ чинъ, на инвалидовъ, на госпиталь и проч., а *за январь 1830 получилъ жалованья 30 рублей*. Откуда же получалъ онъ жалованье? Гдѣ служилъ до апрѣля? Конечно, это обстоятельство не значительное, но все же лучше было бы, еслибъ и оно объяснилось.» ([32]) Дѣйствительно изъ приложеннаго г. Кулишомъ реестра доходовъ и расходовъ Гоголя, выходитъ что послѣдній поступилъ на службу въ 1829 г. Но здѣсь ошибка издателя «Зап.», или можетъ быть и самого Гоголя: вмѣсто «за декабрь 1829 и январь 1830 года,» нужно читать: «за декабрь 1830 и январь 1831 г.». Гоголь поступилъ на службу дѣйствительно только въ 1830-мъ г., что̀ доказываетъ слѣдующій отрывокъ изъ аттестата, выданнаго ему при отставкѣ изъ департамента: «По окончаніи курса ученія въ Гимназіи Высшихъ наукъ кн. Безбородко съ правомъ на чинъ XIV класса, поступилъ на службу въ Деденартаментъ Удѣловъ *1830 г., апрѣля 10*. Указомъ Правительствующаго Сената того же года іюня 3, утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора со старшинствомъ со дня вступленія въ службу, а 10 іюля помѣщенъ на вакансію помощника столоначальника. Прошлаго же 1831 г., марта 9, по прошенію его, изъ департамента удѣловъ уволенъ. По служеніи его въ семъ департаментѣ поведенія былъ отличнаго и должность свою исправлялъ съ усердіемъ. Нынѣ ему 24 года. Выданъ аттестатъ 25 января 1832 г.»

([31]) Въ «Запискахъ» сказано помощника столоначальника, какъ дѣйствительно и было. Т. I, ст. 84.

([32]) Отд. II, ст. 18.

Digitized by Google

IV. Французскіе стихи В. Л. Пушкина.

Французскіе стихи русскаго поэта—не новость; примѣръ Тредьяковскаго ([33]) не остался безъ послѣдствій. Приводимъ здѣсь «couplets» В. Л. Пушкина, которые были напечатаны въ 192-мъ N газеты «Le Conservateur Jmpartial», 1814 г., и въ полное собраніе сочиненіи В. А. Пушкина не внесены.

1.

Messieurs, nous sommes à Paris,
Les Russes sont honnêtes;
Vous avez vu notre pays,
Nous allons voir vos fêtes,
La tragédie, et les ballets,
Brunet, le vaudeville,
Et nous vous ferons des couplets
Sans brûler votre ville.

2.

Au Gros-Gaillou, nos chers Amis,
Nous nous rendrons sans faute,
Boire à longs traits, du bon Chablis,
Manger la Matelotte.
Livrez-nous tous vos arsenaux,
Sans crainte de surprises;
Vous ne verrez point nos chevaux,
Messieurs, dans vos Eglises.

3.

Qu'ils sont jolis vos Boulevards,
Et vos Champs-Elisees!
Nous aimons aussi les Beaux-Arts,
Montrez—nous vos Musées.

([33]) Извѣстно, что Тредьяковскій писалъ довольно много французскихъ стиховъ и послѣдніе у него выходили даже лучше русскихъ. Сочиненіе ихъ относится къ времени пребыванія Тредьяковскаго въ Парижѣ. Въ первый разъ французскіе стихи его напечатаны въ книжкѣ «Ѣзда на островъ любви, переведена съ французскаго на русской. Чрезъ студента Василья Тредьяковскаго и приписана его сіятельству князю Александру Борисовичу Куракину. Напечатана 1730.» 160—207 стр. Для примѣра вотъ начало одного изъ нихъ, которое носитъ заглавіе: «Объявленіе любви французской работы:»

Il est un berger sincère
Delicat, constant, discret,
Qui vous adore en secret,
Et qui mourrait pour vous plaire.
Je n'en dirai pas le nom:
Je crains toujours votre colère
Je n'en dirai pas le nom:
Mais ecoutez ma chanson etc. (стр. 175).

Digitized by Google

Soyez—bien sûrs que de Paris,
Nous connaissons la carte,
Allons, la Paix! vive Louis!
Et point de Bonaparte.
Basile Pouchkine.

V. Стихотворенія Іосифа Олова.

Проѣзжая лѣтомъ 1855 г. чрезъ Москву, я счелъ непремѣнною обязанностью побывать у извѣстнаго тамъ книгопродавца—библіомана Ив. Гр. Кольчугина. Между прочими книгами, онъ показалъ мнѣ «Разныя стихотворенія Іосифа Олова» (М. 1832 въ 32-ю д. л., 2 ч. I: 98 стр. II: 57+VIII стр.) ([34]), говоря, что настоящій авторъ этой книжки—Н. В. Гоголь, отдавшій будто-бы самъ г. Кольчугину эту книжку на коммиссію; но потомъ отобравшій всѣ экземпляры назадъ. Я пріобрѣлъ «Разныя стихотворенія», но тогда же усумнился въ принадлежности ихъ Гоголю, потому собственно, что съ меня взяты были за нее деньги слишкомъ небольшія для сочиненія автора «Мертвыхъ Душъ». Тѣмъ не менѣе при случаѣ я началъ наводить справки, желая узнать истину.—Разумѣется, прежде всего я обратился къ книгамъ г. Кулиша, но ни въ «Опытѣ», ни въ «Запискахъ» не нашелъ ничего, что хотя бы намекало на принадлежность «Стихотвореніи» Гоголю. Можно только предполагать, по письмамъ къ Данилевскому ([35]), что послѣ изданія «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», Гоголь сознавалъ уже, что вещи подобныя Ганцу Кюхельгартену—не его призваніе. Но письма эти еще не говорили, что «Разныя Стихотворенія» писаны не имъ.—Потомъ я обращался за рѣшеніемъ этого вопроса къ людямъ, которые *могли* знать истину, но отвѣты ихъ были ни pro, ни contra. Предлагая теперь его на рѣшеніе нашихъ библіографовъ, считаю нелишнимъ съ своей сторыны сдѣлать одно замѣчаніе.

Въ концѣ перваго стихотворенія («Пиршество боговъ парнасскихъ») помѣщено слѣдующее примѣчаніе: «Сіе стихотвореніе, также Карандъ, отрывокъ изъ Парида и нѣкоторыя другія, здѣсь помѣщенныя, суть плоды 16-лѣтняго возраста, первые порывы воображенія. Онѣ оставлены, по причинѣ моей болѣзни, въ такомъ видѣ, въ какомъ вышли изъ пера юноши, хотя пламеннаго, но робкаго, и не оживленнаго драгоцѣнымъ вниманіемъ публики».—Вспомнимъ предисловіе къ Ганцу Кюхельгартену: «Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣтъ, еслибъ обстоятельства важныя для одного только автора, не

([34]) Цензурное позволеніе дано (въ М. 1832 г. 4-го апрѣля) г. Снегиревымъ.
([35]) Зап. о жизни Гоголя Т. I, стр. 108—115.

Digitized by Google

побудили его къ тому. Это произведеніе его 18-лѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и представляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли» и т. д. ([36]) И тамъ и здѣсь есть что-то сходное въ уловкѣ автора привлечь вниманіе публики на свою сторону; по крайней мѣрѣ такъ намъ кажется. Припомнимъ также, что въ «Ганцѣ» авторъ скрылъ свою фамилію подъ псевдонимомъ *Алова*.—Очень можетъ быть, что Гоголь рѣшился «Разными стихотвореніями» въ послѣдній разъ испытать свои стихотворныя способности, и увидѣвъ, какъ и въ первый разъ, неудачу—съумѣлъ закрыть всѣ слѣды второй попытки, если это въ первый разъ не совсѣмъ ему удалось ([37]).—Замѣтимъ также, что въ концѣ книжки приложенъ списокъ «особъ благоволившихъ подписаться на сію книгу». Это обстоятельство нѣсколько противорѣчитъ характеру предполагаемаго автора, но онъ могъ это сдѣлать для большей маскировки, чрезъ другія руки. Между подписчиками встрѣчаемъ и имя нашего поэта А. С. Хомякова.

Въ каталогѣ Ольхина (С.-Пб. 1846 г.) стихотворенія Олова названы подъ № 5241-мъ.

Ал. Лазаревскій.

VI. Поправки къ смирдинскому изданію сочиненій Д. В. Давыдова.

Послѣдне изданіе сочиненій Д. В. Д-ва заключаетъ въ себѣ нѣсколько пропусковъ. Указаніе ихъ нелишне для будущихъ издателей.

Изъ числа стихотвореній недостаетъ слѣдующихъ: 1) «Отвѣтъ на вызовъ написать стихи,» 2) «Утро,» элегія. Они помѣщены были въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина «Сѣверная Звѣзда,» (С.-Пб. 1829) съ подписью *Д. Д.*, *Д. Д-въ;* первое на стр. 67-й, а второе на 293-й. Принадлежность ихъ Давыдову очевидна изъ того, что здѣсь же находится два другія стихотворенія, съ такими же подписями, перенесенныя въ полн. собраніе; обо всѣхъ четырехъ пьесахъ издатель въ предисловіи говоритъ, что это—произведенія одного изъ лучшихъ нашихъ писателей того времени и писаны за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, т. е. предъ 1829-мъ г. (стр. VI). 3) «Е. Ѳ. С—ну, убѣждавшему меня написать что нибудь,» «Спріусъ, собраніе сочин. и перевд. въ прозѣ и стихахъ,» изд. М. А. Бестужева-Рюмина, (С.-Пб.) на

([36]) Зап. о жизни Н. В. Г., Т. I. стр. 68.
([37]) Тамъ же, стр. 66 и 67.

Digitized by Google

стр. 71-й, съ подписью: *Давыдовъ* и помѣткою: *Дрезденъ. 1814.* 4) «*Глаза скосивъ: на усъ кудрявый*» и 5) «*Въ ужасахъ войны кровавой.*» Эти два стихотворенія напечатаны въ книжкѣ: «Эвтерпа или собраніе новѣйшихъ романовъ, балладъ и пѣсень извѣстнѣйшихъ и любимыхъ русскихъ поэтовъ,» (М. 1831), первое на стр. 39—42, второе 124—126, съ подписью *Д. Давыдовъ*, «Эвтерпа» издана какимъ-то спекуляторомъ и потому можно сомнѣваться въ принадлежности названныхъ стихотвореній знаменитому партизану.

Изъ числа прозаическихъ прозведеній Давыдова пропущены двѣ выписки изъ дневника партизана Д-ва, помѣщенныя въ Отеч. Зап. П. Свиньина: 1821 г., VIII, 25—41: 1822 г., IX, 324—336.

Послѣ изданія 1848 г. напечатаны: 1) Письмо къ гр. Хвостову о Суворовѣ, Москвит. 1850 г., № 4. 2) Письмо къ М. Н., Загоскину, «Раутъ» изд. Н. В. Сушкова, въ статьѣ издателя: «Обозъ къ потомству.» Изъ послѣдняго письма видно, что Загоскинъ просилъ Д-ва сообщить ему свѣдѣнія о партизанѣ Фигнерѣ *для* романа «Рославлевъ». Д-въ исполнилъ просьбу романиста; вѣроятно это и была «характеристика партизана Фигнера», хранящаяся теперь въ рукописи въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда поступила изъ погодинскаго древлехранилища. (См. Отчетъ Публ. Б-ки за 1852 г., стр. 39.)

При изданіи стихотвореній Д-ва 1832 г. и при двухъ собраніяхъ сочиненій (1840 и 48 г. г.) приложенъ очеркъ его жизни. Этотъ очеркъ, впервые напечатанный въ «Русскомъ Зрителѣ,» 1830 г., по бойкости пера, считали за автобіографію; но въ изд. 1840 г., самъ Д-въ разъясняетъ это дѣло: по его словамъ, это произведеніе его сослуживца и друга, О. Д. О-го, т. е. *Осипа Даниловича Ольшевскаго*, бывшаго въ 1815 г. командиромъ Гусарскаго принца Оранскаго полка и скончавшагося въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

VII. Ненапечатанные стихи А. С. Пушкина.

Послѣ выхода сочиненій Пушкина въ изданіи П. В. Анненкова, въ разныхъ журналахъ стали появляться его стихотворенія или вовсе не бывшія въ печати, или напечатанныя прежде, но не внесенныя въ новое изданіе. Недавно объявлено было, что г. Анненковъ готовитъ къ изданію седьмой, дополнительный томъ, куда должны войти всѣ названныя стихо-

Digitized by Google

творенія знаменитаго поэта. Въ ожиданіи его, сообщаемъ слѣдующія строки Пушкина, не имѣющіяся у Анненкова.

1.

Къ К. Б., при посылкѣ одного стихотворенія.

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею радостно дышалъ.
Но васъ я вижу, вамъ внимаю....
И что же?—слабый человѣкъ,
Свободу потерялъ навѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю. (Молодикъ СПб. 1844 г.)

2.

Поэтъ Невѣдомскій, невѣдомый никѣмъ,
Печатаетъ стихи невѣдомо зачѣмъ.

Николай Васильевичъ Невѣдомскій, противъ котораго направлена эта эпиграмма, былъ авторъ нѣсколькихъ стихотворныхъ произведеній, напечатанныхъ отдѣльно, или помѣщенныхъ въ журналахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

3.

Всѣмъ извѣстна прекрасная надпись Пушкина къ портрету Шишкова; это двустишіе составляетъ отрывокъ изъ одного большаго посланія, до сихъ поръ не изданнаго. Вотъ то мѣсто посланія, гдѣ находится это двустишіе:

. . . . . Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра новаго намъ новый Царь избралъ.
Шишковъ уже наукъ ученье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ—онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.
Одинъ среди вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ,
Отъ хлада нашихъ лѣтъ онъ—лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.

Л. Майковъ.

Николай Павловичъ Кореликинъ.

Исторія университета, какъ и дѣятельность его, должна искать себѣ матеріаловъ и въ зауниверситетской жизни питомцевъ его, которые вносятъ въ жизнь добытое ими съ помощью молодыхъ силъ на почвѣ науки, истины и товарищества. Тѣмъ лучше и яснѣе поймемъ мы взаимную связь добра съ наукой,

Digitized by Google

связь, составляющую сущность университетскаго воспитанія, чѣмъ внимательнѣе будемъ знакомиться съ плодами этого воспитанія, перенесенными въ среду общественной дѣятельности, какъ бы ни была она тѣсна.

Николай Павловичъ Корелкинъ—имя не громкое въ литературѣ и наукѣ, но тѣмъ не менѣе дорогое для каждаго, знавшаго его хоть нѣсколько. Долгомъ считаемъ подѣлиться съ товарищами нашими воспоминаніями о немъ.

Онъ родился въ Вологдѣ 3 марта 1830 года, отъ небогатыхъ родителей изъ купеческаго сословія. Патріархальное воспитаніе, полученное имъ дома, оставило на немъ лучшіе слѣды, какіе могло оставить: любовь къ семейству своему и къ семейственности, мягкость и скромность характера.—Замѣчательно, что постепенность, какая соблюдается въ умственномъ образованіи дѣтей купцовъ, постепенность скорѣе внѣшняя, чѣмъ основанная на педагогическомъ изученіи воспитанника, все таки ведетъ къ основательному образованію, если только оно доводится до конца. Я говорю о томъ, что купцы начинаютъ обучать своихъ дѣтей съ самыхъ низшихъ учебныхъ заведеній, т. е. съ приходскаго или уѣзднаго училища. Такъ началъ и Н. П. Прилежный мальчикъ, оказавъ отличные успѣхи въ вологодскомъ училищѣ, былъ отданъ въ тамошнюю же гимназію. Этотъ переходъ открывалъ уже болѣе широкую дорогу надеждамъ и стремленіямъ молодаго Корелкина, котораго прилежаніе увеличивалось соразмѣрно кругу дѣятельности. Онъ обратилъ на себя вниманіе начальства и учителей: участіе именно такихъ лицъ, какъ директоръ вологодской гимназіи г. Башинскій и оба учителя русскаго языка и словесности Иваницкій (*) и Титовъ, имѣли вліяніе на будущность его. Будучи только 15 лѣтъ, безъ денежнаго обезпеченія, безъ видимой возможности и, какъ казалось ему, безъ права удовлетворять своимъ внутреннимъ стремленіямъ, Н. П. жертвовалъ призывами ума въ пользу своего семейства.—По окончаніи курса въ гимназіи (въ 1845 году) онъ искалъ себѣ мѣста уѣзднаго учителя въ Грязовцѣ. Но 15-лѣтнему юношѣ дали силы и надежду его благородные воспитатели. А безъ нихъ тяжело было бы такой еще не взрослой душѣ упрочить въ себѣ корни, пущенные истиной науки! Слишкомъ рано и поспѣшно заходить за ученіе всегда бываетъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Такъ въ воспитаніи гимназическомъ, такъ еще болѣе въ воспитаніи университетскомъ, потому что въ немъ всего необходимѣе участіе самопознанія и развитой са-

(*) Нынѣ директоръ псковской гимназіи.

Digitized by Google

модѣятельности. — Картина университетской жизни, которую обрисовали Корелкину его друзья-воспитатели, пробудила въ немъ энергію, достойную молодости. И вотъ начался подвигъ, подвигъ, передъ которымъ стоитъ благоговѣть всякій разъ, какъ его встрѣчаешь. Это первый трудъ юноши, трудъ всегда энергическій—для науки и образованія, это—первая борьба молодыхъ силъ съ старыми, но крѣпкими мышцами житейскихъ препятствій. Корелкинъ, продолжая заниматься науками, началъ давать уроки, чтобъ было съ чѣмъ отправиться въ университетъ. Здѣсь, въ этой борьбѣ, первое сомнѣніе въ собственныхъ силахъ и первое сознаніе ихъ, здѣсь первая радость, первое торжество, первое чувство уваженія и истинной любви къ труду. Намъ, какъ и всѣмъ, вѣроятно, не разъ случалось дивиться этому величію молодыхъ силъ въ юношахъ 15-ти, 16-ти лѣтъ, которые съ непрерывной энергіей, кропотливымъ трудомъ, откладывая по мелочи отъ скудныхъ доходовъ, среди бѣдности и всѣхъ волнующихъ, испытующихъ, тяжелыхъ результатовъ ея, съ торжествомъ достигали до цѣли своей въ какой нибудь годъ или полтора. И эти силы, эта энергія тратились на одни поиски желаемаго. А какіе плоды могли бы онѣ принести на болѣе широкомъ поприщѣ, еслибъ оно только было имъ предоставлено! Благодаря тѣмъ же гг. Башинскому, Иваницкому и Титову, Корелкинъ зналъ всѣ условія студентской жизни и поступленія въ петербургскій университетъ, что̀ для многихъ въ его положеніи бываетъ совершенно terra incognita. Такъ, начавши на 16-мъ году педагогическія занятія и пріучивъ себя къ труду, въ 1846 году Н. П. отправился въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ по филологическому факультету. Изъ предметовъ факультетскихъ всего болѣе заняли его славянскія нарѣчія и русская словесность тѣмъ болѣе, что уроки г. Иваницкаго оставили на немъ глубокое впечатлѣніе, а лекціи И. И. Срезневскаго и А. В. Никитенко поддерживали его. Со всѣмъ увлеченіемъ и трудолюбіемъ юноши принялся онъ за дѣло, удѣляя время на уроки. Товарищи любили и уважали его, не смотря на то, что онъ рѣдко могъ участвовать въ бесѣдахъ съ ними, по недостатку времени. Эта любовь товарищей была его жизнью, его наслажденіемъ, потребностью его души—до самой смерти. Съ начала университетскаго курса Корелкинъ не могъ, конечно, опредѣлить свою спеціальность. Любовь къ труду рано пробудила въ немъ стремленіе къ исходу этого труда. Для студента этотъ исходъ видѣлся единственно только въ конкурсѣ на медаль. Въ 184⅞ г., бывши во 2-мъ курсѣ, Корелкинъ написалъ и подалъ диссер-

Digitized by Google

тацію на тему, заданную А. В. Никитенко: *разсмотрѣть сочиненія И. Крылова и А. Пушкина*»; ему присужденъ былъ похвальный отзывъ на основаніи слѣдующаго мнѣнія г. профессора:

«Въ этой диссертаціи съ девизомъ: *въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?* и проч., начало сочиненія обременено изслѣдованіями, къ рѣшенію задачи не относящимися и написанными тяжелымъ языкомъ. Но послѣ того, когда сочинитель перешелъ къ главному своему предмету, онъ сохранялъ строгій порядокъ задачи во всѣхъ частяхъ диссертаціи. Каждую сторону сочиненій Крылова и Пушкина онъ разбираетъ внимательно и справедливо. Правда, что у него чувствуется какое-то многорѣчіе, отвлекающее читателя отъ послѣдованія за главными мыслями автора; за то въ сужденіяхъ его есть много обдуманности и новыхъ взглядовъ. Полное изученіе Крылова и Пушкина доставило автору средства не упустить изъ вида почти ни одной замѣчательной черты въ ихъ созданіяхъ. Но онъ, по видимому, не умѣетъ отличать существеннаго отъ мелочнаго, необходимаго отъ излишняго, а потому и встрѣчаются въ его сочиненіи неровности, какъ въ выборѣ предметовъ, о которыхъ онъ говоритъ, такъ и въ самыхъ выраженіяхъ его. Относя эти недостатки къ неопытности сочинителя въ литературномъ дѣлѣ, Отдѣленіе положило, что авторъ его, студентъ 2 курса разряда Общей Словесности *Николай Корелкинъ*, заслуживаетъ *почетный отзывъ*» (*).

Впослѣдствіи онъ самъ сознавалъ недостаточность этого ранняго труда своего. Въ 1849 г., неутомимый Корелкинъ получилъ золотую медаль за сочиненіе по темѣ И. И. Срезневскаго о лѣтописи Нестора. Вотъ мнѣніе г. профессора объ этой диссертаціи:

«Разсужденіе о языкѣ лѣтописи Нестора, подъ девизомъ: «а Словѣньскъ языкъ и Рускый одинъ» заключаетъ въ себѣ слѣдующія отдѣльныя части: 1) *Введеніе*, въ которомъ авторъ доказываетъ, почему ограничился въ своемъ разсужденіи разборомъ только второй половины лѣтописи, приписываемой Нестору, именно временемъ отъ 1054 до 1110 года, и вслѣдъ за тѣмъ объясняетъ методу, которой слѣдовалъ въ трудѣ своемъ; 2) *Фонетику* языка Нестора, гдѣ соединено обозрѣніе отдѣльныхъ звуковъ съ обозрѣніемъ корней, и сдѣланы общіе выводы о фонетическомъ строѣ языка лѣтописи; 3) *Этимологію* этого языка, въ коей обозрѣваются словоизмѣненія и слова неизмѣняемыя, и съ полнымъ вниманіемъ разсматриваются всѣ фор-

(*) Актъ въ СПб. Университетѣ за 1848 г., стр. 45 и 46.

Digitized by Google

мы склоненій и спряженій; 4) *Синтаксисъ* языка Нестора, гдѣ авторъ ограничился самыми примѣчательными его особенностями, и наконецъ 5) *Этимологическій Словарь* лѣтописи. Читая разсужденіе это, нельзя не замѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостатка опытности автора; тѣмъ не менѣе трудъ этотъ есть чрезвычайно замѣчательный опытъ разбора древняго памятника русской письменности, столь важнаго и для исторіи и для филологіи,—опытъ, до сихъ поръ единственный въ своемъ родѣ: такъ разобраны были только небольшіе памятники древняго чешскаго нарѣчія Шафарикомъ и Палацкимъ, а у насъ только одно Остромирово Евангеліе академикомъ Востоковымъ. Это сочиненіе молодаго человѣка заслуживаетъ полное вниманіе и одобреніе сколько по обширности и усердію къ работѣ, очень тяжелой, сколько и потому, что оно составляетъ прекрасное пособіе для изученія древняго русскаго языка. Поэтому диссертація, здѣсь разсмотрѣнная, признана факультетомъ достойною изданія въ свѣтъ иждивеніемъ университета, а сочинитель ея, студентъ 3-го курса разряда общей словесности, Николай *Корелкинъ*, по опредѣленію совѣта университета, награждается *золотою медалью*» (*).

Этотъ трудъ былъ несравненно серіознѣе перваго; самъ авторъ былъ уже болѣе приготовленъ къ спеціальности. Это подтверждается между прочимъ тѣмъ, что нѣкоторые товарищи его оставили на этотъ разъ намѣреніе свое конкурировать, узнавъ, что Корелкинъ принялся за это дѣло. «Задача филологическаго анализа языка лѣтописи Нестора,— говоритъ онъ въ своей запискѣ (*),—обнимала собой только внѣшнюю сторону языка: фонетику, этимологію, синтаксисъ съ показаніемъ особенностей языка церк. слав. и русскаго народнаго. Первый филологическій трудъ мой, служившій отвѣтомъ на эту задачу, былъ принятъ съ такимъ лестнымъ вниманіемъ, какого я никогда не смѣлъ ожидать». Усидчивыя занятія не мѣшали юношѣ разливать въ себѣ тѣ живыя, нравственныя начала, которыя необходимы для общественной жизни и которыя лучше всего пріобрѣтаются посредствомъ университетскаго воспитанія. Преимущественно въ первые года своего студентства, Корелкинъ имѣлъ случай дать должное направленіе своимъ чувствамъ и энергически упрочить ихъ въ себѣ, повѣряя самого себя философскими теоріями, съ которыми онъ знакомился по лекціямъ профес-

(*) Актъ въ СПб. Унив. за 1849 г. Къ сожалѣнію трудъ этотъ остался ненапечатаннымъ.

(*) Эта записка написана г. Корелкинымъ около 1853 г. Далѣе мы не разъ будемъ пользоваться ею.

Digitized by Google

сора Фишера. Оживленность университетской жизни и столкновеніе съ товарищами, отличавшимися пылкимъ, современнымъ взглядомъ, помогало Корелкину возрастать душею подъ руководствомъ этихъ лучшихъ воспитателей юноши. Во 2-й половинѣ своего университетскаго курса онъ предался исключительно кабинетнымъ занятіямъ наукою. Тутъ росли его ученыя способности подъ непосредственнымъ руководствомъ Срезневскаго, который задавалъ ему частныя работы, знакомившія юношу съ древними памятниками нашей словесности и пріучавшія его къ ученымъ пріемамъ. Эти работы, какъ и послѣдняя диссертація его, опредѣлили въ немъ спеціальность. Въ 1850 году онъ окончилъ курсъ въ университетѣ со степенью кандидата и съ надеждою на магистерство. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ псковскую гимназію. Здѣсь началась его педагогическая и общественная дѣятельность. Живымъ словомъ съ разу привлекъ онъ къ ссбѣ своихъ слушателей; онъ развилъ въ нихъ любовь къ истинѣ, проводя идею ея *въ наукѣ, въ жизни и въ искусствѣ*. Онъ самъ со всей искренностью братской, молодой дружбы полюбилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ воспитанниковъ, и въ этихъ товарищескихъ отношеніяхъ съ врожденнымъ тактомъ умѣлъ сохранять къ себѣ полное уваженіе. Вмѣстѣ съ своими друзьями-гимназистами, онъ началъ изучать народъ, собирать пѣсни, областныя слова, объѣзжать монастыри, добывать старинныя рукописи и проч. «Историческое значеніе города,—говоритъ онъ въ своей запискѣ, — въ которомъ я жилъ первый годъ службы, завлекло меня заняться его исторіей. Разумѣется, не много успѣлъ я собрать и сдѣлать здѣсь. Результатъ моихъ изысканій въ Псковѣ и поѣздка въ Изборскъ и Печёры, которую и совершилъ вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ по службѣ, г. Гейдельбергомъ, и воспитанникомъ VII класса В. Гагелемъ, — постараюсь привести въ порядокъ .... Кромѣ того я занимался тамъ по порученію палаты государственныхъ имуществъ разборомъ монетъ временъ Іоанна III, Василья Іоанновича и Іоанна IV». Можно себѣ представить, какое благотворное вліяніе имѣла на гимназистовъ такая близость съ человѣкомъ умнымъ и искренно любящимъ науку. Въ бытность свою во Псковѣ, Н. П. началъ свой магистерскій трудъ о Лаврентьевской лѣтописи. «Согласно указаніямъ г. профессора И. И. Срезневскаго, я рѣшился,—пишетъ онъ,—сдѣлать филологическій анализъ языка всей лѣтописи Нестора, которой половину разобралъ въ моей медальной диссертаціи. Кромѣ того, вмѣсто словоуказателя, составленнаго

Digitized by Google

по образцу словоуказателя при Остр. Ев. изд. Востокова, я составляю словарь всего языка лѣтописи съ опредѣленіемъ всѣхъ встрѣчающихся словъ. Только по опыту можно узнать всю кропотливость и медленность подобной работы!....» По смерти Н. П. остался словарь этотъ, обработанный вчернѣ. Чрезъ годъ, благодаря вниманію къ молодому учителю тогдашняго попечителя петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина, Корелкинъ былъ переведенъ въ 4-ю с.-петербургскую ларинскую гимназію на мѣсто учителя русской словесности. Еще съ большею энергіей сталъ онъ трудиться въ столицѣ. Чувствуя свои обязанности къ семьѣ, къ матери, которая дала ему всѣ зависѣвшія отъ нея средства для воспитанія, онъ началъ трудиться вдвое сверхъ своихъ слабыхъ физическихъ силъ, которымъ вредилъ въ добавокъ петербургскій климатъ. Правда, онъ успѣлъ достичь до такихъ доходовъ, на которые онъ могъ перебиваться какъ нибудь, покупать книги, нужныя для его ученыхъ и педагогическихъ занятій, и еще кромѣ того удѣлять семьѣ своей и даже друзьямъ. Но онъ достигъ этого трудами, поколебавшими его здоровье, а слѣдовательно и энергію..... Его изслѣдованіе о Лаврентьевской лѣтописи, которую онъ зналъ чуть не наизустъ, остановилось на собраніи матеріаловъ; все было почти готово, но окончательный трудъ требовалъ спокойной мысли, свободнаго времени, сосредоточенія. У него не находилось ни того, ни другаго, ни третьяго: съ одной стороны уроки частные и казенные, съ другой—житейскія заботы и все болѣе и болѣе усиливающаяся боль въ груди—не давали ему покоя. Не смотря на все это, мыслящая способность его и любознательность искали дѣла, исхода. Поэтому онъ радъ былъ заняться, когда «Отечественныя Записки» предложили ему черезъ одного изъ литераторовъ, близко съ нимъ знакомаго, писать рецензіи и критическія статьи по предмету русскаго языка и словесности. Онъ напечаталъ въ 1852—1855 г. нѣсколько рецензій безъ подписи фамиліи о вновь выходящихъ книгахъ, напр. объ Опытѣ объясненія неизданной монеты Беккера, о Общесравнительной Грам. Давыдова, объ Ученыхъ Зап. Акад. по I и III отд., о диссертаціи Лавровскаго и т. п. Кромѣ того съ необыкновеннымъ при его занятіяхъ рвеніемъ принялся онъ въ началѣ 1855 года за уроки санскритскаго языка, которые давалъ намъ почтенный ученый К. А. Коссовичъ по просьбѣ общества студентовъ-филологовъ. Скорѣе всѣхъ насъ выучился онъ читать по-санскритски и понимать грамматическія формы; санскритская азбука, переписанная имъ самимъ, висѣла надъ его конторкой, и онъ ежедневно удѣлялъ

Digitized by Google

нѣсколько времени на занятія этимъ любопытнымъ для славянскаго филолога предметомъ. Единственный свободный вечеръ въ недѣлю, Корелкинъ посвящалъ бесѣдѣ съ друзьями, товарищами и близкими людьми, которые аккуратно собирались къ нему по понедѣльникамъ. Въ задушевныхъ разговорахъ, веселыхъ разсказахъ и серіозныхъ спорахъ разнообразно проходило время далеко за полночь. Тутъ толковалось о новыхъ явленіяхъ литературныхъ и ученыхъ, объ университетской дѣятельности прошлой и настоящей, о вопросахъ жизни, которые, особенно въ послѣднее время, искали себѣ своеобразной системы въ умѣ Корелкина. Онъ былъ убѣжденъ, что «человѣкъ, развитый всесторонне, не долженъ чуждаться ни одного изъ явленій міра дѣйствительнаго, которое способно затронуть въ немъ ту или другую струну его разумности»(*). Тутъ собирались къ нему студенты, его прежніе ученики, университетскіе товарищи, чиновники, художники, ученые и т. п. Здѣсь близко принимались къ сердцу живые, современные вопросы, здѣсь радовались успѣхамъ науки и всякой мысли безъ пристрастія и предубѣжденія. Такъ не одинъ понедѣльникъ прошелъ въ толкахъ о заслугахъ А. Х. Востокова, юбилей котораго скромно, но знаменательно былъ отпразднованъ Академіею Наукъ 29 декабря 1854 года (**). Здѣсь высказано было обществомъ студентовъ желаніе имѣть портретъ Востокова, здѣсь открылась подписка на этотъ портретъ, тутъ же нашелся художникъ, съ охотой взявшійся за работу. И Н. П. радовался этой мысли такъ искренно, съ такой любовью къ наукѣ и ея представителямъ, что въ самихъ студентахъ съумѣлъ поддержать энергію... Въ своей монографіи о Востоковѣ, помѣщенной въ 1 № Отеч. Зап. за 1855 годъ, онъ высказалъ свой взглядъ на заслуги этого ученаго. Разсматривая стихотворную дѣятельность Востокова, Корелкинъ находитъ, что молодой филологъ, хотя и особенно сочувствовалъ и подражалъ классической литературѣ (онъ писалъ въ 1-е двадцатилѣтіе XIX вѣка), но не былъ чуждъ и русской народности. Всестороннее развитіе началъ, необходимое для всякой дѣятельности, замѣтно въ стихотвореніяхъ его. Разобравъ ученыя заслуги академика, Корелкинъ заключаетъ статью свою такъ: «Счастливъ писатель, прошедшій свое поприще такъ, какъ прошелъ Востоковъ. Оглянувшись на это поприще, много увидитъ онъ тамъ свѣтлаго и отраднаго».

Здоровье Н. П. хилѣло, боль въ груди усиливалась, кашель уча-

(*) См. статью его о Востоковѣ въ Отеч. Зап. N 1-й 1855 г.
(**) См. объ этомъ въ той же статьѣ.

Digitized by Google

щался, морщины и сѣдина замѣтно показались на немъ, не смотря на его 25 лѣтъ; мысли одна мрачнѣе другой тревожили его больной организмъ: онъ сдѣлался раздражителенъ и нетерпимъ; болѣзненная тоска мучила его. Единственнымъ спасеніемъ для него могла быть поѣздка на югъ. Репутація отличнаго учителя, которою онъ пользовался у начальства, доставила ему ходатайство попечителя округа Мусина-Пушкина, который просилъ г. министра отпустить Корелкина на югъ съ сохраненіемъ жалованья. Но болѣзнь не ждала отпуска; быстро развиваясь, она наконецъ заставила Корелкина прекратить всѣ занятія, которыя до тѣхъ поръ онъ продолжалъ съ какимъ-то твердымъ сознаніемъ въ неизбѣжности долга. Въ послѣднее время, кромѣ гимназіи и частныхъ уроковъ, онъ занимался преподаваніемъ въ училищѣ кантонистовъ. Въ апрѣлѣ 1855 года, Н. П. слегъ, докторъ переставалъ надѣяться, а друзья и близкіе начинали предвидѣть грустныя послѣдствія. Самъ больной жаждалъ жизни тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе терялъ надежду жить. Больной организмъ страдалъ, сердце мучительно билось отъ множества неразрѣшенныхъ вопросовъ, стремленій, цѣлей. Эту повѣсть душевныхъ страданій высказывалъ намъ самъ больной. За нѣсколько дней до кончины боли увеличились такъ, что Н. П. едва могъ говорить; но способность мышленія не покидала его. Такъ въ послѣдніе дни жизни своей онъ разсуждалъ о значеніи только что тогда открытаго памятника Крылова и съ любопытствомъ разспрашивалъ о внѣшнемъ его видѣ. . . . 19 мая 1855 г., около полудня не стало Корелкина. И умерла мысль въ этой скромной комнатѣ 3-го этажа, въ которой кропотливый труженикъ, умный воспитатель и незабвенный другъ пробивалъ себѣ честный путь къ истинѣ не громкими, не блестящими трудами! Не стало одного изъ тѣхъ питомцевъ университета, къ которымъ невольно лежитъ сердце студента, не стало одного изъ немногихъ подобныхъ питомцевъ, хотя имя его не было громко, прославлено . . . Въ смерти именно *такого* темнаго человѣка—много затрогивающаго, возбуждающаго на мысль. Борясь съ нуждой, трудясь и предъявляя строгія требованія своему труду, онъ похищенъ былъ раннею смертью можетъ быть вслѣдствіе усиленныхъ занятій, вынужденныхъ любовью къ наукѣ съ одной и обстоятельствами съ другой стороны, занятій тамъ, гдѣ такъ вреденъ былъ для него климатъ. Можетъ быть, къ несчастію, этотъ примѣръ повторяется нерѣдко . . . Лучшею посмертною наградой для Ник. Пав., безъ сомнѣнія, была та любовь его воспитанниковъ, которая выразилась во время грустныхъ церемоній погребенія. По единодушному желанію его

Digitized by Google

учениковъ, они открыли между собой подписку на покрытіе расходовъ по погребенію, такъ какъ въ квартирѣ Корелкина послѣ его смерти нашлось только нѣсколько рублей. А за что и откуда такая любовь? Причину должно искать въ педагогическихъ способностяхъ покойнаго и въ его взглядѣ на преподаваніе. Мы считаемъ нелишнимъ сообщить при этомъ случаѣ нѣсколько отрывковъ изъ записки, составленной Корелкинымъ въ 1853 году (на 3-мъ году службы) и содержащей въ себѣ изложеніе его методы преподаванія русскаго языка и словесности въ послѣднихъ 4-хъ классахъ гимназіи, и взгляда его на этотъ предметъ. Тѣмъ болѣе находимъ мы это нелишнимъ, что Ник. Пав. считался въ ряду лучшихъ преподавателей и что образъ воззрѣнія своего онъ, по собственному признанію, вынесъ непосредственно изъ университетскихъ занятій, которыя легли краеугольнымъ основаніемъ всей послѣдующей его дѣятельности.

«Преподаваніе русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ,—*пишетъ Н. П.* Корелкинъ въ помянутой запискѣ,—по своему содержанію должно быть направлено къ изученію быта русскаго народа. Такимъ образомъ русскій умъ будетъ развиваться русскимъ же содержаніемъ . . . . Человѣкъ тогда только можетъ быть вполнѣ человѣкомъ, когда приведетъ въ дѣйствіе всѣ свои духовныя силы, а это для него возможно только при самопознаніи. Такъ и для народа нужно изученіе самого себя. Преподаваніе русскаго языка и словесности важно именно въ этомъ смыслѣ».

Затѣмъ Корелкинъ разсматриваетъ преподаваніе по классамъ и по предметамъ: «Грамматическое изученіе современнаго русскаго языка въ гимназіяхъ ограничивается первыми тремя классами такъ, что преподавателю въ высшихъ классахъ, начиная въ 4-го, остается только поддерживать въ ученикахъ ихъ знаніе. Для этого у него средствъ очень много: говоритъ ли онъ съ ученикомъ, читаетъ ли въ классѣ ученическое сочиненіе—всюду ему представляется случай дѣлать замѣчанія и поправки относительно этимологіи, сиктаксиса, орѳографіи ... Кромѣ того грам. рус. яз. будетъ повторяться сравнительно при изученіи формъ языка старо-славянскаго и русскаго въ его историческомъ развитіи. Подобное сравненіе даетъ мѣсто собственнымъ соображеніямъ учениковъ и, какъ показываетъ опытъ, очень интересно. Здѣсь обращается особое вниманіе при чтеніи памятниковъ: 1) на особенности языка со стороны развитія его формъ, 2) на особенности въ употребленіи словъ и 3) на особенности слога писателя. При преподаваніи старо-славянскаго языка

Digitized by Google

между прочимъ особое вниманіе должно быть обращено на то, чтобы ученики знакомились съ рукописями различныхъ вѣковъ и умѣли ихъ читать. Это имѣетъ практическую цѣль: на Руси такъ много рукописей, что они могутъ попадаться всякому, а при нѣкоторомъ навыкѣ гимназистъ можетъ прочесть и оцѣнить ее хоть нѣсколько. При всей скудости библіотеки псковской гимназіи относительно палеографіи, я умѣлъ даже пріохотить воспитанниковъ къ этому занятію.

«Ученикамъ высшихъ классовъ надобно представить изученіе внутренней стороны русскаго языка, т. е. его богатства и силы, что̀ будетъ основаніемъ *общей теоріи* словесности. *Въ введеніи*, въ общихъ чертахъ изъясняется важность и необходимость изученія народа. Въ 1-й части курса объясняется происхожденіе слова и языка съ изложеніемъ краткой исторіи языка. Все это удобно дѣлается въ 5 кл. гимназіи, гдѣ воспитанники знаютъ формы 4 или 5 языковъ. 2-ю часть курса составляетъ *общая теорія словесности*, имѣющая характеръ объяснительный, а не догматическій. Она объясняетъ то, что̀ есть и бываетъ; здѣсь излагаются тѣ качества, которыя пріобрѣтаетъ языкъ писателя отъ личнаго умѣнья совладать съ этою силою. Въ заключеніи курса излагается *ученіе о слогѣ*. Теорія произведеній прозаическихъ и поэтическихъ проходится въ 6 классѣ. Главныя черты преподаванія этой части теоріи заключается въ томъ, что ученіе объяснительное проникается элементомъ историческимъ, изученіемъ *духа времени*. Но при всѣхъ измѣненіяхъ своихъ, духъ человѣческій постоянно сохранялъ свои *существенныя* черты неизмѣнными,—и эта неизмѣнность ихъ отразилась и въ литературѣ . . . Огромно разстояніе въ характерѣ и направленіи Одиссея и Евгенія Онѣгина, но мы ставимъ ихъ въ одинъ разрядъ поэзіи эпической. Это-то общее, происходящее изъ общихъ началъ человѣческаго духа и составляетъ теорію въ тѣсномъ смыслѣ . . . При изложеніи теоріи, вниманіе учениковъ должно быть обращено на писателей отечественныхъ и на тѣхъ иностранныхъ, которые служатъ представителями извѣстной эпохи литературы. Въ этомъ случаѣ достаточно знакомить учениковъ съ иностранною литературой хотя по тѣмъ немногимъ переводамъ, которые существуютъ на нашемъ языкѣ. *Исторія словесности русской* есть самая главная часть гимназическаго курса словесности, прочія части науки—приготовительныя и воспомогательныя. Только грамматическое знаніе современнаго русскаго языка и пріобрѣтеніе учениками навыка владѣть языкомъ письменнымъ, составляютъ исключеніе, потому что имѣютъ практическую примѣняемость. Только отчасти такое значеніе имѣетъ изу-

Digitized by Google

ченіе языка церк.-славянскаго За недостаткомъ времени, опредѣленнаго на русскую словесность въ 7 классѣ, необходимо болѣе или менѣе систематически знакомить учениковъ съ памятниками русской словесности, начиная съ 4 класса и до 7. Только при такомъ приготовленіи возможно пройти курсъ исторіи литературы... При изложеніи исторіи литературы и при чтеніи памятниковъ, учитель долженъ разсматривать русскихъ допетровскихъ писателей относительно языка и тѣхъ данныхъ, которыя служатъ для объясненія современной имъ жизни, и послѣ Петра обращать преимущественно вниманіе на произведенія сатирическія.

«Относительно самаго способа преподаванія, учитель долженъ сообразоваться съ общею степенью развитія своихъ учениковъ. Пріемы при преподаваніи теоретическаго курса должны быть слѣдующіе: 1) Бесѣда съ учениками, при чемъ поддерживается общее вниманіе, понятіе усвоивается въ сознаніи учениковъ, а учитель узнаетъ всѣ ли его поняли. 2) При повтореніяхъ, которыя назначаются по окончаніи всего курса или только части его, снова бываютъ изустныя объясненія въ той же формѣ бесѣды съ учениками. 3) Объясненіе новаго *непремѣнно* въ связи съ пройденнымъ.—Въ случаѣ неразвитости нѣкоторыхъ учениковъ сравнительно съ развитіемъ большинства товарищей, учитель заставляетъ ихъ отвѣчать урокъ и каждому отдѣльно объясняетъ непонятное, разумѣется если классъ не многочисленъ. Кромѣ того полезно сближать такихъ учениковъ съ товарищами болѣе развитыми, которые должны объяснять непонятое и вообще помогать имъ при занятіяхъ.

«Къ практическимъ занятіямъ русскаго языка и словесности относится: 1) правильное чтеніе и писаніе подъ диктовку; 2) объяснительное чтеніе. Учитель или читаетъ медленно или даже заставляетъ писать на доскѣ мѣсто изъ писателя и останавливаетъ вниманіе ученика на замѣчательныхъ словахъ и оборотахъ, требуя объясненія ихъ: неудачное объясненіе вызываетъ другое, болѣе удачное до тѣхъ поръ, пока данное мѣсто не будетъ объяснено вполнѣ. При этомъ особое вниманіе учениковъ обращается: 1) на языкъ со стороны его грамматической точности и правильности, 2) на мысль и на выразительность языка, 3) на смыслъ цѣлаго произведенія и 4) на личность писателя. Учитель долженъ поступать осторожно въ задаваніи заучивать наизустъ слишкомъ много образцовъ, 1) потому что при этомъ тратиться понапрасну время и 2) потому что не ведетъ ни къ какой практической, примѣнимой цѣли.—3) Изложеніе мыслей изустно не можетъ составить особыхъ занятій; это замѣняется бесѣдой. 4) Не слѣдуетъ заставлять писать примѣры на прави-

Digitized by Google

ла теоріи словесности; но слѣдуетъ указывать на недостатки и ошибки противъ этихъ правилъ въ сочиненіяхъ самихъ учениковъ и разныхъ писателей. 5) Самое главное вниманіе учителя должно быть обращено на то, чтобъ всѣ гимназисты (начиная съ 4 класса) писали сочиненія, при чемъ соблюдается: a) постепенность перехода отъ легчайшаго къ труднѣйшему и b) задаваніе темъ историческаго, этнографическаго и т. п. содержанія по предмету, уже знакомому ученику. Никакъ не слѣдуетъ задавать пустыя описанія природы, разсужденія о томъ, *что есть порокъ* и т. д., гдѣ все сочиненіе состоитъ изъ нелегкаго для ученика набора словъ. Но сочиненія и описанія мѣстъ, обрядовъ, случаевъ, имѣющихъ историческое значеніе, разсужденія о томъ, какъ гимназисты проводятъ праздники, или о томъ, кому лучше можно учиться: пансіонеру или вольноприходящему, такія сочиненія гимназистовъ читаются даже съ интересомъ. Для литературныхъ бесѣдъ сочиненія учениковъ имѣютъ характеръ болѣе серіозный; содержаніемъ ихъ можетъ быть не иначе, какъ то, что̀ извѣстно ученику по источникамъ. Такъ въ $18\frac{50}{51}$ году въ псковской гимназіи особенно замѣчательны были сочиненія: 1) Поученіе Влад. Мономаха (по лавр. лѣт.), 2) О первомъ нашествіи Татаръ на Русь (по своду лѣтописей, изд. въ 4 томахъ Полн. Собр. Р. Л.), 3) О мѣстничествѣ (по Кошихину, по актамъ и по ст. Соловьева въ Моск. Сбор.), 4) О волхвахъ въ Россіи (по лѣт. и сказ. рус. нар. Сахарова), 5) О гаданьяхъ и примѣтахъ (по опис. Рум. М. Востокова, по Сахарову и собств. замѣчаніямъ автора), 6) Разборъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, 7) нѣсколько сочиненій о псковскомъ княжествѣ (по псков. лѣт.)

6) Переводы съ языковъ иностранныхъ предлагаются преимущественно тѣмъ воспитанникамъ, для которыхъ русскій языкъ не есть языкъ родной.

«При настоящемъ распредѣленіи уроковъ по предметамъ и по классамъ невозможно преподавать всѣ части гимназическаго курса словесности съ одинаковою подробностію. Такъ въ одинъ урокъ въ недѣлю, назначенный для старо-славянскаго языка, невозможно даже при малочисленности класса ознакомить учениковъ съ памятниками; также 1 урокъ русскаго языка, назначенный для учениковъ 4 кл., слушающихъ латинскій языкъ, слишкомъ недостаточенъ тѣмъ болѣе, что 4 кл. есть именно то мѣсто, гдѣ ученики должны пріобрѣсть сознательное понятіе о строѣ языка. Въ 5 и 6 кл. 1 урокъ въ недѣлю изъ 3 необходимо нужно отдѣлить на практическія занятія. Въ 7 классѣ, отдѣливъ 40 уроковъ въ годъ на повторенія и только 17 на практическія

Digitized by Google

занятія, въ остальные 45 нужно пройти всю исторію русской литературы, что̀ почти невозможно, считая этотъ предметъ весьма важнымъ въ курсѣ, и требуя отъ преподаванія его полноты. Кромѣ того значительнымъ препятствіемъ къ отчетливому преподаванію ист. рус. лит. служитъ то, что гимназисты до 7 кл. вовсе не знакомы съ рус. исторіей. Это незнаніе налагаетъ тяжелыя узы на учителя словесности, который не можетъ произнести имени Владиміра Мономаха, Іоанновъ, даже Петра Великаго, не боясь быть непонятымъ. Учить исторію литературы какого нибудь народа безъ знанія политической исторіи его—хуже, чѣмъ строить храмину на сыпучемъ пескѣ. Если бы исторія Россіи преподавалась съ 4 кл., то и исторію литер. можно было бы проходить отчетливѣе, ознакомляя съ ней учениковъ съ 4 кл. такъ, что въ 7 кл. имъ оставалось бы пройти только новую литературу. Такимъ образомъ гимназисты и исторію Россіи знали бы основательнѣе. Мы не говоримъ уже о недостаткѣ учебниковъ, вмѣсто которыхъ учитель съ большою тратой времени долженъ составлять свои записки. Этотъ недостатокъ ощущается во всемъ курсѣ русскаго языка и словесности».

Вотъ сущность взгляда и методы Корелкина. Мы не осмѣлились прибавить къ этой запискѣ ни единаго слова отъ себя. Скажемъ только, что по свидѣтельству его учениковъ, онъ совершенно добросовѣстно слѣдовалъ убѣжденіямъ, изложеннымъ здѣсь. Въ результатѣ оказывалась въ ученикахъ сознательная любовь къ наукѣ, стремленіе усвоить ее себѣ университетскимъ образованіемъ, привязанность къ учителю и вѣчная память о немъ.

Я полагаю, что не заслужу упрека за разсказъ мой о Корелкинѣ, за длинныя выписки изъ его замѣтокъ: онъ былъ *нашъ*, его умъ и сердце принадлежали университету, исторія котораго слагается изъ дѣятельности его благородныхъ питомцевъ на какомъ бы то ни было поприщѣ. Корелкинъ обращаетъ на себя вниманіе наше, какъ педагогъ, какъ молодой, усердный труженикъ науки, какъ жертва даже труда, какъ благородный человѣкъ и товарищъ, какъ сынъ нашего университета, какъ братъ нашъ.

А. Тихменевъ.

Digitized by Google

НОВОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ НАШИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ здѣсь извѣстіе о новомъ предпріятіи нѣкоторыхъ студентовъ нашихъ, именно восточнаго факультета. Хотя предпріятіе это остается еще пока мыслью, но, судя по тому сочувствію, съ которымъ она принята цѣлымъ факультетомъ, мы увѣрены, что она мыслью останется недолго. Мысль эта, впрочемъ, уже изложена на бумагѣ, въ особой запискѣ, прочтенной и одобренной гг. профессорами факультета: въ этомъ мы уже можемъ видѣть нѣкоторое фактическое проявленіе этой мысли въ дѣйствительности. Объ этомъ дѣлѣ лучше всего будетъ говорить сама упомянутая записка, составленная 12 іюля.

«1. Недостатокъ, или вѣрнѣе—совершенное неимѣніе учебниковъ по нашему факультету, дѣлаетъ изученіе восточныхъ языковъ въ высшей степени труднымъ и далеко не позволяетъ студентамъ удовлетворять требованіямъ программы, составленной для преобразованнаго факультета восточныхъ языковъ.

«2. Пересмотрѣвши учебники, которыми мы въ настоящее время пользуемся, мы увидимъ, что

«а) для арабскаго языка (который между языками *мусульманскими* есть основной языкъ, будучи языкомъ *корана*) есть азбука и грамматическія таблицы Болдырева: и то и другое можетъ служить съ пользою только для преподавателей, никакъ не для учащихся; пространная грамматика на французскомъ языкѣ С. де-Саси (равно какъ на латинскомъ Эвальда) можетъ служить руководствомъ также только для преподавателя, какъ по изложенію, такъ и по рѣдкости изданія. Вслѣдствіе чего профессоръ, не имѣющій никакихъ средствъ издать читаемую имъ грамматику, долженъ болѣе года *диктовать* (!) намъ ее, начиная съ азбуки. Пособій для практическихъ занятій (разговора) нѣтъ никакихъ, кромѣ знанія практическихъ преподавателей, которые, не будучи приготовлены научно къ своимъ занятіямъ, могутъ приносить самую ничтожную пользу безъ книжныхъ пособій. Словарь арабско-русскій г. Болдырева слишкомъ кратокъ, такъ что съ нимъ нельзя прочесть ни одного отрывка, не помѣщеннаго въ хрестоматіи арабской г. Болдырева. Прекрасный словарь Фрейтагане доступенъ для большей части учащихся, потому что составленъ на латинскомъ языкѣ (который нужно знать совершенно *основательно*, чтобы пользоваться такимъ пособіемъ, какъ словарь), и потомъ—дорогъ. Словаря же на арабскій языкъ, необходимаго для практическихъ переводовъ съ русскаго языка на арабскій, нѣтъ никакого.

Digitized by Google

«б) Для персидскаго языка есть прекрасная грамматика на русскомъ языкѣ пр. Березина, но она слишкомъ пространна для начальнаго обученія языку, и будучи необходима студентамъ III и IV к., она не устраняетъ потребности краткаго учебника для студентовъ I и II к. Персидскій словарь г. Болдырева недостаточенъ такъ же, какъ и арабскій. И больше для персидскаго языка нѣтъ ничего.

«в) Для турецкаго языка элементарная грамматика пр. Казембека, палитографированная въ его курсѣ для офицеровъ военной академіи, оттиснута въ такомъ маломъ числѣ экземпляровъ, что въ продажѣ ея нѣтъ; превосходная грамматика турецко-татарская пр. Казембека учебникомъ служить не можетъ, какъ произведеніе учено-филологическое; словарь при христоматіи, изданный въ названномъ курсѣ, очень кратокъ. Впрочемъ, далѣе турецкій языкъ представляетъ значительное преимущество предъ прочими. Въ скоромъ времени мы будемъ имѣть словарь пр. Мухлинскаго, безъ сомнѣнія удовлетворительный для насъ совершенно. Отдѣлъ практическій, разговорный даже богатъ: кромѣ разговоровъ, изданныхъ въ послѣднее время, Мсеріанца и Цилоссани, г. Будаговъ подарилъ насъ недавно своимъ прекраснымъ руководствомъ по методѣ Робертсона, составленнымъ собственно для адербиджанскаго нарѣчія, но могущимъ служить довольно близкимъ пособіемъ и для языка турецкаго.

«г) Для татарскаго языка ничего нѣтъ, кромѣ названной выше пространной турецко-татарской грамматики пр. Казембека, и издаваемой нынѣ пр. Березинымъ татарской христоматіи.

«д) Для монгольскаго и калмыцкаго языковъ нѣтъ христоматіи, а для послѣдняго и грамматики.

«е) Для еврейскаго, манчжурскаго и китайскаго нѣтъ на русскомъ ровно ничего (кромѣ грамматикъ прот. Павскаго и о. Іакинфа, весьма неудовлетворительныхъ), а для послѣднихъ и на другихъ европейскихъ языкахъ немного.

«3. Потому студентъ съ самаго начала курса долженъ ограничивать свои занятія только прилежнымъ посѣщеніемъ лекцій, на которыхъ онъ только и можетъ, по изустному по большей части изложенію профессора, пріобрѣтать первыя свѣдѣнія объ языкахъ, изученію которыхъ онъ желаетъ себя посвятить. Это, конечно, не можетъ удовлетворить любознательнаго юношу. Онъ сначала принимается съ жаромъ за дѣло, но потомъ, не имѣя возможности; заниматься независимо отъ профессора, узнать и усвоить въ короткое время (посредствомъ чтенія) основ-

Digitized by Google

ные элементы языка, онъ естественно долженъ охладѣвать мало-по-малу къ предмету, для него какъ ученику недоступному; сами по себѣ элементы эти для него непонятны, потому что еще не представляются ему въ стройной, живой, органической системѣ, одушевляемой самобытною идеею языка, а между тѣмъ интересъ этихъ элементовъ, этой идеи онъ чувствуетъ,—и чѣмъ живѣе чувствуетъ, тѣмъ тяжелѣе, непріятнѣе для него эта пассивность въ занятіяхъ, которой онъ непремѣнно долженъ подпасть. И нужно много твердости, самоотверженія, много безотчетнаго увлеченія, чтобы проходить не смущаясь мимо тысячи безотвѣтныхъ вопросовъ при каждомъ новомъ шагѣ впередъ, чтобы интересоваться предметомъ неизвѣстнымъ, чтобы не охладѣть къ нему и не подчиниться тому вялому, формальному порядку занятій, который механически разсчитанъ и опредѣленъ лекціями, чтобы не *привыкнуть* къ той пассивности въ занятіяхъ, которая названа выше. Потому при всемъ желаніи и способностяхъ студентовъ, въ первый годъ далеко не дается того, что можно было бы сдѣлать, имѣя учебники; а затѣмъ и въ слѣдующіе годы возможность эта нисколько не выигрываетъ, при естественномъ, изложенномъ выше, охлажденіи студентовъ къ занятіямъ. Вообще наши грамматическія и даже лексическія понятія и познанія должны находиться очень долгое время въ какомъ-то смутномъ, чуждомъ нашему сознанію представленіи, именно потому, что мы сначала познакомились не съ основными началами только, а прямо были введены въ необъятный міръ новаго языка, отъ разнообразія котораго, совершенной непонятности, множества неразрѣшимыхъ вопросовъ, мы должны были смутиться духомъ и нѣкоторымъ образомъ потерять голову. И грустно, конечно, взякому учащемуся въ восточномъ фак. видѣть, что при всей возможности (со стороны студентовъ) вынести изъ перваго курса совершенно точныя и твердыя понятія объ основныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ правилахъ языка и множество словъ (связанныхъ мыслію, усвоенныхъ систематически), — ни одинъ студентъ этимъ не можетъ похвалиться (*).

«4. Такимъ образомъ на основаніи предъидущаго, требуютъ изданія: 1) арабская граматика, 2) арабско-русскій словарь, 3) русско-арабскій словарь, 4) краткая персидская грамматика, 5) словари: персидско-русскій, 6) русско-персидскій, 7) краткая

(*) Въ подлинной запискѣ на поляхъ у этого пункта замѣчено однимъ изъ гг. профессоровъ, читавшихъ ее: «Все это сущая правда, и я вполнѣ сочувствую этому замѣчанію гг. студентовъ.»

Digitized by Google

турецкая грамматика, 8) краткая татарская грамматика (языка Абуль-гази, Шеïбаніады, Баберъ-намэ), 9) русско-татарскій и 10) татарско-русскій словари, 11) арабская христоматія, 12) персидская христоматія, 13) турецкая христоматія, 14) монгольская краткая грамматика, 15) калмыцкая грамматика, 16) калмыцкая христоматія, 17) словарь русско-монгольскій, 18) словарь калмыцко-русскій, 19) словарь русско-калмыцкій, 20) манчжурская грамматика, 21) манчжурская христоматія, 22) манчжурско-русскій и 23) русско-манчжурскій словарь, 24) учебникъ китайскаго языка, 25) китайская христоматія, 26) еврейская грамматика, 27) еврейско-русскій словарь, 28—36) по всѣмъ названнымъ языкамъ легкій текстъ, приспособленный къ первоначальному переводу.

«Вслѣдъ за этимъ намъ должны представиться два вопроса: *кто составитъ такіе учебники? и на какія средства они могутъ быть изданы?*

«5. Профессоры, высшіе воздѣлыватели науки, конечно не могутъ посвятить себя составленію такихъ элементарныхъ сочиненьицъ: этого имъ не позволятъ ни ихъ спеціальныя занятія, ни драгоцѣнное для нихъ и для науки время. Съ другой стороны, студенты III и IV к. имѣютъ уже на столько знанія въ изучаемыхъ ими языкахъ, чтобы названныя руководства составить по настоящимъ лекціямъ гг. профессоровъ, или перевести и скомпилировать изъ сочиненій, имѣющихся на иностранныхъ языкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и гг. профессоры не отказались бы участвовать въ этомъ дѣлѣ указаніемъ, совѣтомъ, наблюденіемъ, исправленіемъ (*).

«6. Предполагая этотъ вопросъ рѣшеннымъ, мы приступаемъ ко второму съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, потому что онъ кажется гораздо затруднительнѣйшимъ. Въ факультетѣ нѣтъ такихъ суммъ, которыя можно бъ было обратить на этотъ предметъ, а студенты, которыхъ въ нашемъ факультетѣ такъ мало (**), по видимому также не въ состояніи покрыть всѣхъ издержекъ по изданію. Но говорятъ: міръ великъ, человѣкъ,—міръ т. е. та единица, которую составляетъ какое нибудь общество. И дѣйствительно, великій человѣкъ міръ! Какъ бы, по видимому 10 рабочихъ на булавочной фабрикѣ могли сдѣлать въ день 48000 булавокъ, т. е. по 4800 бул. на брата? какъ 30 рабочихъ на карточной фабрикѣ могутъ сдѣлать въ день 15000 картъ, когда одинъ рабочій не сдѣлалъ бы пожалуй и одной карты?—Дѣ-

(*) Нѣкоторые профессоры изъявили готовность принять непосредственное участіе въ этихъ трудахъ, приглашая студентовъ только *помогать* имъ.

(**) Въ прошломъ учебномъ году было 44, нынче вновь поступило 16, вышло 8.

Digitized by Google

лаютъ, потому что работаютъ міромъ (*). И крошечные муравьи, работая *міромъ*, въ нѣсколько недѣль наносятъ всякой всячины такую гору, которая въ 50 разъ больше ихъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ! Такова всякая работа міромъ. Такіе же огромные результаты увѣнчали бы и наше предполагаемое дѣло, если бы за него принялись міромъ всѣ студенты нашего факультета. А тутъ и не много вдругъ нужно, и если бы студенты пожелали искренно приносить въ факультетъ только частичку того, что они *могутъ* приносить, изданіе всѣхъ названныхъ учебниковъ, по мѣрѣ ихъ составленія, было бы совершенно обезпечено.

«И что пожертвованіе такое (или правильнѣе — законная дань) лежитъ именно на студентахъ, это совершенно очевидно: осуществленіе этого дѣла нужно только для *студентовъ* (настоящихъ или будущихъ—это все равно въ понятіи живаго человѣка-гражданина); они рабочіе на полѣ науки, а учебники для нихъ орудія, которыя облегчаютъ ихъ работу; они истинные (основные) граждане университетскаго общества: у нихъ нѣтъ и не должно быть другой цѣли, кромѣ науки, другой привязанности, кромѣ жажды знанія; слѣдовательно и повинности тяжелыя, матеріальныя должны нести они,—повинности, которыми они покупаютъ имѣніе и право собирать потомъ на полѣ жизни жатву.—Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что помочь этому дѣлу не откажется никто изъ оріенталистовъ, находящихся даже внѣ университета. Въ случаѣ крайней надобности, можно было бы просить пособія изъ экономическихъ суммъ университета или министерства, хоть заимообразно, разсчитывая на кое-какую продажу издаваемыхъ книгъ.

«7. По поводу вопроса о распродажѣ учебниковъ нельзя не замѣтить, что во всякой литературѣ есть два непреложныхъ закона, взаимно дѣйствующихъ другъ на друга: съ одной стороны потребности общества вызываютъ литературную дѣятельность, извѣстныя литературныя произведенія, извѣстныя книги, долженствующія удовлетворить этимъ потребностямъ; съ другой — появленіе извѣстныхъ произведеній, извѣстныхъ книгъ приводитъ во всеобщее вниманіе и сознаніе тѣ потребности, которымъ такія книги могутъ удовлетворить, развиваетъ эти потребности. Этимъ двумъ началамъ обязана всякая литература своимъ развитіемъ. Что вопросъ о востокѣ, объ изученіи его, о сближеніи съ нимъ начинаетъ занимать въ общественномъ сознаніи все болѣе и болѣе важное мѣсто, это доказываютъ: учрежденіе нашего факультета, учрежде-

(*) О распространеніи знаній въ Россіи, Ламанскаго, стр. 31, 32.

Digitized by Google

ніе весьма серіозное, и политическое движеніе Россіи внутрь Азіи—на Амуръ, на Сыръ-Дарью, въ центральную Азію. Факультету восточному, слѣдовательно, какъ вообще и всѣмъ русскимъ оріенталистамъ, предлежитъ задача поддержать и развить общественную мысль дѣятельностію литературною, направляя эту мысль путемъ правильнымъ, испытаннымъ наукою, и тѣмъ, которые за влеченіемъ этой мысли направятъ дѣйствительное движеніе въ новыя страны, способствовать своими свѣдѣніями къ лучшему съ ними знакомству. Послѣ азіятскаго журнала, который, какъ мы слышали, имѣетъ быть издаваемъ при азіятскомъ департаментѣ, общество и правительство должно обратить вниманіе на учебники языка, безъ котораго невозможно правильное и успѣшное знакомство ни съ какою страною. Такимъ образомъ, предполагаемые нами учебники могутъ и должны найти потребителей въ Восточной Сибири, Оренбургскомъ краѣ, провинціяхъ Кавказскихъ, (въ особенности) между чиновниками, военными и статскими, по всѣмъ вѣдомствамъ (*).

«8. Учебники такіе не иначе должны быть печатаемы, какъ съ одобренія конференціи факультета восточныхъ языковъ.»

Для пополненія изложеннаго, и для доказательства, съ какимъ сочувствіемъ принята эта мысль студентами факультета восточнаго, приведемъ здѣсь три письменныхъ замѣчанія студентовъ, сдѣланныхъ ими по прочтеніи записки, предложенной имъ студентами-редакторами по восточному факультету, выбранными для изданія студентскаго «Сборника». Замѣчанія эти выражаютъ довольно хорошо общую мысль студентовъ нашихъ объ этомъ дѣлѣ.

«Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я эту статью, показывающую, что студенты нашего факультета заботятся объ облегченіи товарищамъ изученія восточныхъ языковъ. Но тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, взглядъ на студента, занимающагося упомянутыми языками, и самый способъ изученія восточныхъ языковъ, здѣсь слишкомъ односторонень. Студентъ, поступающій въ нашъ факультетъ съ горячимъ расположеніемъ узнать восточные языки, здѣсь выставленъ только какъ ученикъ, или лучше сказать—какъ школьникъ: у него здѣсь совершенно отнимаютъ и желаніе въ первые два года узнать поподробнѣе свойства языковъ, для знакомства съ которыми онъ приходитъ въ нашъ университетъ, и здравый смыслъ, при помощи котораго студентъ, хотя разъ со вниманіемъ прочитавшій одно изъ

(*) «Пока десять экземпляровъ,» (!)—замѣчаніе одного профессора. Неужели это правда?

Digitized by Google

тѣхъ прекрасныхъ и полныхъ руководствъ, о которыхъ упоминается въ этой статьѣ, легко можетъ отличить нужное и полезное для него отъ ненужнаго и безполезнаго на первое время. И наконецъ считаю не излишнимъ сдѣлать автору этой статьи вопросъ: неужели способъ изложенія грамматики арабской Саси можетъ помѣшать студенту, уже въ среднемъ учебномъ заведеніи развившему свои понятія, изучить эту грамматику? И такъ, принявъ въ соображеніе, что молодой человѣкъ, поступающій въ нашъ факультетъ, во первыхъ, не школьникъ, которому нужна только азбука; во вторыхъ, имѣетъ здравый смыслъ, и въ третьихъ, имѣетъ понятія, развитыя на столько, чтобы извлечь себѣ пользу изъ грамматики Саси,—устраняется необходимость въ грамматикахъ: арабской, персидской, турецко-татарской, монгольской: всѣ эти руководства на русскомъ языкѣ есть.

«По моему мнѣнію, если есть необходимость, такъ это въ лексиконахъ, въ особенности съ русскаго языка на восточные.

« . . . . . Все что буду въ состояніи сдѣлать для общей пользы—сочту за счастіе».

Отзывъ другаго студента:

«Товарищи мои! вотъ предпріятіе, которое не менѣе важно для восточнаго факультета, какъ *Сборникъ* для всего университета. Не знаю какъ благодарить избранныхъ нами въ редакторы товарищей за изложенный выше проектъ объ изданіи *учебниковъ*. И тутъ они стоятъ во главѣ насъ и такъ прекрасно выражаютъ общее желаніе; ихъ голосъ первый раздается между нами о самыхъ первыхъ потребностяхъ нашего бѣднаго факультета. Да будетъ лучшею нашею благодарностью братская любовь къ нимъ и благородное соревнованіе къ исполненію ихъ благородной мысли!

«*Студенты не школьники*, говоритъ г. М.; студенты не школьники, говорю и я; но тѣмъ не менѣе учебники необходимы. Нужно составлять учебники именно для того, чтобы студенты не были школьниками, которыми они останутся безъ учебниковъ. Не школьникъ ли студентъ, которому и *азбуку* нужно читать съ университетской кафедры? Не школьникъ ли студентъ, когда онъ, какъ ребенокъ за нянькой, осужденъ слѣдовать шагъ за шагомъ за профессоромъ, записывать за нимъ слова, самыя коротенькія изрѣченія; когда онъ ничего не можетъ сдѣлать самъ для себя, и когда его дѣятельность внѣ университета, по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ курсахъ, равняется почти нулю?

У насъ нѣтъ арабской грамматики. Въ отвѣтъ на это г. М.

Digitized by Google

указываетъ на грамматику *Саси*, но такая обширная и подробная грамматика написана не для *начинающаго*. Въ ней изложены всѣ тонкости арабскаго языка, тонкости, до которыхъ на первыхъ порахъ нѣтъ дѣла начинающему, хотя онъ и студентъ. Ему нужны самыя главныя, общія правила, а ихъ нужно выбирать въ грамматикѣ Саси; выбирать же самое трудное дѣло. Чтобы выбирать, нужно прежде знать что выбирать, не говоря уже о томъ, что на это нужно убить много драгоцѣннаго времени.

«Наши учебники могли бы имѣть еще другое назначеніе. Молодые люди, воспитываемые дома, и ученики гимназіи, даже отдаленныхъ, вообще всѣ, которые намѣреваются вступить въ восточный факультетъ, могли бы заранѣе приготовляться къ этому, и восточные языки въ университетѣ не были бы для нихъ terra incognita. А это, право, такъ важно! Тогда студенты и восточнаго факультета носили бы по законному праву свое имя, — которое теперь они едва ли могутъ принять вмѣстѣ съ мундиромъ: теперь они начинаютъ азбукой и очень не скоро съ нею разстаются. Мои слова можетъ быть слишкомъ рѣзки, но тѣмъ не менѣе истинны. Изъ насъ только тѣ, которые пріѣхали изъ Казани, занимаются съ успѣхомъ восточными языками, потому что они слушали ихъ въ гимназіи 4 года. На прочихъ же въ началѣ курса жалко смотрѣть. Разумѣется не ихъ вина, если ихъ успѣхи медленны; но грѣхъ великій падетъ на тѣхъ, которые нѣсколько опередили насъ въ знаніи восточной мудрости—и не подумаютъ объ облегченіи труда своихъ товарищей, хоть будущихъ, которые также ихъ товарищи по наукѣ, по университету, хоть бы они и вѣкъ никого изъ нихъ въ глаза не видали. Впрочемъ, мнѣ нечего говорить о грѣхѣ, ибо я увѣренъ, что никто изъ моихъ товарищей не прочь участвовать въ благомъ начинаніи.

«Я скажу здѣсь нѣсколько словъ о самыхъ учебникахъ, о содержаніи, планѣ и проч.

«Я возьму какой нибудь языкъ, положимъ арабскій, и скажу, что нужно сдѣлать для него; а сказанное объ немъ можно примѣнить и къ другимъ.

«Учебникъ арабскаго языка можетъ состоять изъ *одной* только книги. Ее должны составить:

«1. Грамматика, въ началѣ которой будетъ азбука и образцы для чтенія съ транскрипціями и безъ нихъ. Потомъ общія и самыя важныя правила арабскаго языка, какъ этимологическія, такъ и синтаксическія, съ примѣрами, состоящими изъ полныхъ изрѣченій, пословицъ, такъ чтобы примѣры составляли цѣлую

Digitized by Google

рѣчь, имѣющую полный смыслъ, а не отрѣзанныя отъ рѣчи слова.

«2. Христоматія. Для христоматіи я беру въ образецъ руководство Фрейнда къ первоначальному изученію латинскихъ и греческихъ классиковъ, его *Schüler-Bibliothek*. Его метода состоитъ въ томъ, что онъ беретъ періодъ изъ текста и разбираетъ его грамматически и лексически, приводитъ въ естественный порядокъ запутанную, допускаемую въ поэзіи разстановку словъ, переводитъ и объясняетъ трудныя мѣста, трудныя выраженія.—То же можно сдѣлать съ арабскимъ. Взять, напримѣръ, сначала краткія изрѣченія, помѣщенныя въ началѣ христоматіи Болдырева, и разбирать каждое слово. Прежде всего объяснить его корень, потомъ часть рѣчи, грамматическую форму, значеніе. Потомъ сдѣлать подстрочный переводъ изрѣченія, а потомъ и плавный переводъ. Такимъ образомъ начинающій видитъ, въ чемъ дѣло, на что нужно обратить вниманіе, и пріучается къ самой строгой отчетливости. Такая метода въ арабскомъ необходима, потому что начинающіе не могутъ справиться съ лексиконами арабскими, по той причинѣ, что въ нихъ слова расположены по алфавитному порядку корней, а не самыхъ словъ, а до корня добраться начинающему очень трудно. Потомъ перейти къ баснямъ, къ жизни Гаруна-ар-Рашида, и поступать съ ними такъ же, только ужъ не съ такою подробностью, и не повторяя сказаннаго прежде. Здѣсь ужъ слова должны отыскивать учащіеся, а только трудныя слова нужно толковать имъ, да трудныя конструкціи. Потомъ взять какую нибудь суру изъ корона, хоть вторую, и объяснить ее такимъ же путемъ, только оставляя все больше и больше занятія учащемуся. Этимъ можно закончить христоматію.

«3. Глоссарій. Это спеціальный лексикончикъ къ помѣщеннымъ въ хрестоматіи статьямъ.

«Вотъ, по моему мнѣнію, модель учебника для всѣхъ восточныхъ языковъ.

«Нельзя ограничиваться такимъ учебникомъ. Еще многаго многаго не достаетъ намъ, еще многое напрашивается на наше вниманіе, на нашъ трудъ; часть этого многаго изложена въ прочитанной нами запискѣ. Нечего говорить о частностяхъ, а въ цѣломъ я совершенно согласенъ съ нею.

«Нѣкоторые изъ насъ задумались надъ словомъ *средства*. Вопросъ о средствахъ *теперь* долженъ занимать второе мѣсто,—или никакого мѣста не долженъ занимать онъ въ нашемъ предпріятіи. Долгъ велитъ намъ совершить прежде самое нужное

Digitized by Google

изъ задуманнаго, именно то, что̀ мы можемъ, что̀ намъ по плечу, а о средствахъ Богъ попечется.

«За дѣло! скорѣе за дѣло!»

Третій студентъ писалъ:

«Нельзя не сказать дай Богъ, чтобъ скорѣе исполнилось все что̀ изложено въ прочитанномъ проектѣ! — Обращая вниманіе на огромность труда и на скудость средствъ, нельзя не призадуматься о приведеніи въ дѣло этой мысли при самомъ ея зарожденіи, нельзя не сознаться, что это такой трудъ, который при настоящемъ нашемъ положеніи Богъ знаетъ, въ какой мѣрѣ по силамъ намъ; который одною только громадностью невольно вселяетъ страхъ въ душу. Но—бояться волковъ, такъ и въ лѣсъ не ходить . . . . . Трудъ дѣйствительно огроменъ и почти не початъ. Но если его такъ оставить—такъ и проваляется, Богъ знаетъ до какихъ поръ. А между тѣмъ нужда ощутительная; рано или поздно, намъ или не намъ, а все-таки кому нибудь приведется же почать этотъ непочатый уголъ. Почнемъ же мы! Ляха бѣда только почать, а тамъ само собой пойдетъ. Стоитъ только показать тропинку, а потомъ уже легко проложимъ и дорогу.....

«Обращая вниманіе на форму, въ которой предполагается издавать учебники, нельзя не удивиться, почему краткіе предпочитаются подробнымъ? Если потому, что чтеніе полной, напримѣръ, грамматики убиваетъ много времени, такъ это бѣда не велика. Стоитъ только отмѣтить на полѣ карандашемъ что̀ необходимо и безъ чего нельзя обойтись, и неудобства не стало, какъ и поступаютъ большею частію съ обширными учебниками. Поступающіе въ университетъ достигли, предполагается, такого развитія, чтобы отличить нужное отъ несовсѣмъ нужнаго. Изъ большой посуды, говоритъ пословица, не выпрыгнетъ; изъ большаго малое сдѣлать можно, изъ малаго же большое—никогда. Если браться за дѣло, такъ уже дѣлать такъ, чтобъ и самимъ было пріятно, и другіе сказали бы спасибо! Нѣкоторыя пособія (напр. лексиконы) непремѣнно требуютъ возможно большей полноты, въ противномъ же случаѣ они не могутъ удовлетворить всѣ и всему, и такимъ образомъ не достигнутъ своей цѣли.

« . . . . . Дай Богъ, чтобъ этотъ проектъ осуществился, *ваби-л-лагп-т-тауфикъ!* на Бога надежда!»

Вопросъ этотъ до сихъ поръ еще вообще не успѣлъ опредѣлиться. Но судя потому, сколько успѣло сложиться общее мнѣніе, можно съ достовѣрностью предположить, что въ скоромъ времени студенты примутся за составленіе нѣкоторыхъ назван-

Digitized by Google

ныхъ выше учебниковъ, ограничиваясь тѣмъ, въ чемъ предстоитъ насущная потребность, именно словарями и текстами. Не сомнѣваемся, что въ слѣдующей книжкѣ «Сборника» мы будемъ имѣть пріятную возможность помѣстить извѣстіе о трудахъ предпринятыхъ и оконченныхъ, или даже печатаемыхъ и уже напечатанныхъ.

Здѣсь кстати упомянуть о подобномъ трудѣ студента восточнаго факультета, Цивилькова, уже оконченномъ: о манчжурско-русскомъ словарѣ, ожидающемъ изданія, и о грамматикѣ манчжурской, составляемой имъ же по запискамъ и подъ руководствомъ профессора китайской и манчжурской словесности Васильева.

Ю. Богушевичъ.

«DIE GESCHICHSCHREIBER DER DEUTSCHEN VORZEIT» бытописатели прошедшаго Германіи. Собраніе источниковъ по германской исторіи до конца XV вѣка, въ нѣмецкомъ переводѣ, издаваемое Г. Пертцомъ, Яковомъ Гриммомъ, К. Лахманомъ, Л. Ранке и К. Риттеромъ.

16 іюня 1843 года Г. Пертцъ, извѣстный издатель Monumentorum Germaniae, представилъ прусскому министру Эйхгорну записку о томъ, какъ полезно было бы для чтенія всѣмъ, кто не знакомъ съ латынью, издать въ нѣмецкихъ переводахъ важнѣйшіе источники исторіи Германіи, писанные на латинскомъ языкѣ (каковы бо́льшая часть средневѣковыхъ лѣтописей). Онъ предложилъ, чтобы правительство назначило нѣкоторое вознагражденіе переводчикамъ, а изданіе предоставило бы какому нибудь книгопродавцу, который долженъ продавать экземпляры по возможно дешевымъ цѣнамъ для наибольшаго распространенія въ массѣ читателей. Министръ одобрилъ предложеніе и представилъ проектъ королю, который разширилъ программу изданія нѣкоторыми сочиненіями по географіи и церковной исторіи. 10 іюля 1844 года переводъ сочиненій и приготовленіе ихъ къ изданію было поручено самому г. Г. Пертцу и гг. Як. Гримму, К. Лахману, Л. Ранке и К. Риттеру, членамъ королевской берлинской академіи наукъ. Въ 1847 году вышелъ первый выпускъ этого изданія.

Издатели предположили помѣщать въ своемъ собраніи источники достовѣрнѣйшіе, и, по возможности, современные описываемымъ событіямъ. Нѣкоторые источники печатаются не вполнѣ, а изъ нихъ берутъ только описаніе происшествій, совре

Digitized by Google

менныхъ повѣствователю. Выборъ сочиненій распространяется на всю область исторіи Германіи до XVI вѣка. Что именно вошло въ составъ собранія, видно изъ слѣдующаго списка:

а) Древнѣйшее время.

1) Войны германцевъ съ римлянами, изъ Плутарха, Цезаря, Веллея Патеркула, Светонія и Тацита.

2) Тацитово описаніе Германіи.

3) Извлеченіе изъ Амміана Марцеллина.

4) Жизнь епископа Северина.

б) Шестое столѣтіе по Р. Х.

1) Жизнь короля Теодориха.

2) Іорнандова исторія готовъ и отрывки изъ іорнандовой же исторіи римской.

3) Извлеченіе изъ византійскихъ писателей Прокопія и продолжателя его Агапія, объ отношеніяхъ Византійской имперіи къ остъ-готамъ.

4) Десять книгъ франкской исторіи, соч. Григорія Турскаго.

в) Седьмое столѣтіе.

1) Жизнь аббата Коллумбана.

2) Исидорова исторія готовъ, вандаловъ и свевовъ. Похвала Испаніи.

3) Лѣтопись Фредегара.

г) Осьмое столѣтіе.

1) Жизнь аббатовъ Гамса и Отмера.

2) Жизнь архіепископа Бонифація.

3) Жизнь епископа Виллегада.

4) Исторія лонгобардовъ, соч. Павла Діакона.—Отрывки изъ исторіи мецкихъ епископовъ.

д) Девятое столѣтіе.

1) Лѣтописи Ейнгарда съ ссылками на лоршскія лѣтописи.

2) Жизнь Карла Великаго, соч. Ейнгарда.

3) Стихотворенія Ермольда Нигелла.

4) Жизнь Людовика Благочестиваго, соч. Тегона.

5) Жизнь Людовика Благочестиваго, соч. неизвѣстнаго автора.

6) Четыре книги исторіи, соч. Нитарда.

7) Перенесеніе мощей св. Александра.

8) Жизнь архіепископа Анекарія.

9) Лѣтописи Фульдскія.

10) Лѣтописи Ксантенскія.

11) Лѣтописи Пруденція и Гинкмара Реймскихъ.

12) Лѣтописи монастыря св. Бааста.

13) Дѣянія Карла Великаго, соч. сенъ-гаминскаго монаха.

14) Вторая книга лѣтописей аббата прюмскаго монастыря, Реймо.

е) Десятое столѣтіе.

1) Продолженіе Реймо.

2) Ліутпрандова исторія императора Оттона I.

3) Жизнь архіепископа Бруно.

4) Жизнь королевы Матильды.

Digitized by Google

5) Жизнь Оттона Великаго, соч. Гаросвиты.

6) Саксонская исторія, соч. Видукинда.

7) Жизнь епископа Адальберта.

8) Жизнь императрицы Адельгейды.

9) Послѣдняя часть кведлинбургскихъ лѣтописей.

10) Четыре книги исторіи, соч. Рихера, монаха монастыря Св. Ремигія.

ж) Одиннадцатое столѣтіе.

1) Лѣтопись Титмара Мерзебургскаго.

2) Жизнь епископа Бернвальда.

3) Жизнь епископа Годегарда.

4) Жизнь императора Конрада Салійскаго, соч. Вимо.

5) Хроника Германна фонъ Рейхенау (Hermann Contractus).—Бертольдъ и Бернольдъ до 1100 года.

6) Лѣтописи Ламберта Герсфельдскаго (Амафенбургскаго).

7) Гамбургская церковная исторія соч. Адама Бременскаго.

з) Двѣнадцатое столѣтіе.

1) Аугсбургскія лѣтописи.

2) Жизнь императора Генриха IV.

3) Екигардъ фонъ Урахъ (1056—1125).

4) Ерфуртскія лѣтописи.

5) Лѣтописи гильдегеймскія съ 1100 г.—Отрывки изъ саксонскихъ лѣтописей.

6) Жизнь епископа Оттона Бамбергскаго.

7) Исторія славянъ, соч. Гельмгольда.

8) Седьмая книга хроники Оттона Фрейзингенскаго.

9) Жизнь императора Фридриха I, соч. Оттона Фрейзингенскаго, съ продолженіемъ Радевика.

10) Штетербургская хроника.

и) Тринадцатое столѣтіе.

1) Лѣтописи Готфрида кельнскаго.

2) Лѣтопись Лютихская.

3) Лѣтопись Арнольда Любекскаго.

4) Альбертъ Штадскій.

5) Отрывки изъ хроники Матьё Парй.

6) Лѣтопись Германа фонъ Альтаійхъ, съ продолженіемъ.

7) Лѣтопись и хроника кольмарская.

і) Четырнадцатое столѣтіе.

1) Жизнь императора Генриха VII.

2) Николаій Бутринтскій, извѣстіе о Генрихѣ VII.—Итальянскій походъ.

3) Жизнь Людовика IV.

4) Людовикъ Баварскій, соч. Адальберта Муссата.

5) Жизнь Карла IV.

6) Матвѣй Нейенбургскій.

7) Лѣтописи ребдорфскія.

8) Фюрстенбергскій монахъ.

9) Іоаннъ Виктринкій.

к) Пятнадцатое столѣтіе.

1) Жизнь Сигизмунда, соч. Эбергарда Виндека.

2) Исторія императора Фридриха III, соч Энея Сильвія Пикколомини.

3) Жизнь императоровъ Фридриха III и Максимиліана, соч. Іосифа Грюнбека.

Digitized by Google

Каждое изъ сихъ произведеній переведено и снабжено историко-критическими, историческими и географическими примѣчаніями. Каждому предшествуетъ введеніе, которое содержитъ въ себѣ біографію автора и оцѣнку его труда. Тексты памятниковъ, съ которыхъ дѣлаются переводы, большею частью уже изданы въ Monumentis Germaniae; для памятниковъ, не вошедшихся въ этомъ собраніи, пользуются другими изданіями. Переводъ и объясненіе сочиненій поручены ученымъ, спеціально занимавшимся тѣмъ или другимъ писателемъ. Порядокъ изданія хронологическій, но его иногда нарушаютъ въ видахъ скорѣе окончить изданіе коллекціи. Каждый памятникъ составляетъ отдѣльный томъ и продается отдѣльно.

Изъ обозрѣнія программы видно, что изъ «Бытописателей прошедшаго Германіи» можно познакомиться не только съ исторіею собственной Германіи до конца XV вѣка, но и съ исторіею всѣхъ германскихъ народовъ, вошедшихъ въ составъ монархіи Карла Великаго, до смерти его. Такъ Григорій Турскій и Фредегаръ изображаютъ франковъ, Павелъ Діаконъ—лонгобардовъ и проч. Занимающійся исторіею славянъ и особено Руси обратитъ вниманіе на Гельмгольда, Титмара, Ламберта, Ліутпранда и проч.

Принимая въ соображеніе обширную пользу этого изданія и достоинство его, за что ручаются имена издателей, мы позволяемъ себѣ думать, что имѣли нѣкоторое право указать его тѣмъ, кому оно незнакомо. Въ заключеніе прибавимъ, что со стороны внѣшней изданіе красиво и по цѣнѣ очень доступно.

Л. Майковъ.

ЛѢТОПИСЬ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА (*).

Замѣчательную эпоху переживаетъ теперь Россія. Это эпоха нравственнаго обновленія ея. Послѣ войны, всѣ какъ бы очнулись отъ продолжительной дремоты и стали видѣть то, чего прежде не видѣли. Всмотрѣвшись въ окружающее, сбросили съ себя ненавистную маску гордоіи самоувѣренности и торжественно сознались въ томъ, что мы не далеко еще ушли въ дѣлѣ цивилизаціи. Это осужденіе самихъ себя было произнесено не по увлеченію, не безотчетно, а совершенно сознательно. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ русское общество заговорило съ негодова-

(*) На первый разъ мы ограничиваемся лишь краткимъ обзоромъ внутренней дѣятельности унив.; въ послѣдующихъ выпускахъ мы надѣемся говорить съ большею подробностью и съ точностью *лѣтописи*.

Digitized by Google

ніемъ о своихъ вопіющихъ недостаткахъ, которыхъ прежде не замѣчало или на которые смотрѣло ровнодушно. Оно поняло, что эти-то слабости и составляли преграду для его развитія. Неудовольствіе послышалось во всѣхъ классахъ. Такое общее негодованіе пробудило общественное мнѣніе, которое стало выражаться и устно и письменно. Никогда русская литература не служила такимъ вѣрнымъ выраженіемъ интересовъ мыслящаго сословія, никогда она не отзывалась такъ полно на всѣ вопросы, волнующіе общество, какъ въ настоящее время. Общественныя раны оказались такъ многочисленны и такъ многообразны, что литература не могла уже довольствоваться узкими размѣрами минувшаго времени и раздвинула свои предѣлы, увеличивъ число періодическихъ изданій и поднявъ совершенно новые, въ нашемъ отечествѣ, вопросы, въ необходимости разрѣшенія которыхъ прежде убѣждены были только немногіе. Писатели не успѣваютъ откликаться на эти общественные вопросы, а потому не представляя художественно заключенныхъ произведеній, показываютъ намъ рѣзко очерченные этюды, изображающіе извѣстные симптомы жизни различныхъ сословій нашего отечества. Грустно читать ихъ.

Негодованіе не столь сильно дѣйствуетъ на падшихъ братьевъ, какъ состраданіе, но пока уже достаточно и того, что мы не хвастаемъ, не гордимся, а негодуемъ на себя. Нравственная жизнь, какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго народа, развивается такъ же послѣдовательно, какъ и физическая. Со временемъ наступитъ и пора состраданія, которое, облекшись въ фактъ, одно въ состояніи исцѣлить общественныя раны.

Юношескій періодъ, когда все представляется въ розовомъ свѣтѣ, и въ каждомъ несчастіи находишь утѣшеніе въ собственномъ воображеніи, проходитъ для русскаго общества; оно начинаетъ думать само за себя. Настаетъ пора мужества, когда разумъ вступаетъ въ свои права.

Возрастъ общества высказывается въ духѣ его учрежденій. До сихъ поръ развитіе нашего общества вѣрнѣе всего опредѣлялось на молодомъ поколѣніи. Условія нашего быта таковы, что по окончаніи образованія, мы рѣдко принуждаемъ работать свой мозгъ.

Натуры, выходящія изъ этого ряда, составляютъ исключенія, и находятся въ постоянной борьбѣ съ собою, потому что вращаются въ лѣнивой средѣ. Но, безъ сомнѣнія, онѣ будутъ встрѣчаться чаще и чаще, когда идея труда получитъ у насъ право гражданства.

Въ настоящее же время, мы поступимъ, какъ намъ кажется,

Digitized by Google

совершенно справедливо, если примемъ за норму развитія русскаго общества степень развитія университетскаго юношества. Его интересы могутъ указать ту степень зрѣлости, которая въ настоящее время возможна для русскаго общества.

Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на то, когда и какъ измѣнялась численность студентовъ нашего университета, начиная съ 1835 г.

Годы.	*Число студентовъ.*
1835	200
1836	266
1837	334
1838	301
1839	331
1840	326
1841	353
1842	401
1843	459
1844	519
1845	539
1846	588
1847	648
1848	650
1849	503
1850	387
1851	369
1852	358
1853	383
1854	379
1855	399
1856	478
1857	600 (¹)

Предлагаемая табличка даетъ поводъ къ различнаго рода соображеніямъ, которыя бы насъ отвлекли отъ предмета. Число студентовъ постоянно возрастало до 1848 г., послѣ чего оно стало уменьшаться, пока наконецъ опять съ 1855 г. не начало быстро возрастать, вслѣдствіе Высочайшаго разрѣшенія на пріемъ неограниченнаго числа студентовъ. И мы увѣрены, что цифра будетъ расти, не смотря на то, что высшее гражданское образованіе предлагается петербургскому юношеству, кромѣ университета, еще въ педагогическомъ институтѣ, училищѣ правовѣденія и лицеѣ.

(¹) Къ 1 сентября поступило еще прошеній болѣе 100 такъ, что назначенъ вторичный пріемный экзаменъ 6—13 сентября.

Digitized by Google

А вотъ численность студентовъ по факультетамъ въ прошломъ и настоящемъ году:

		1856 г.	1857 г.
На факультетѣ историко-филологическомъ		30 —	49
На фак. восточныхъ языковъ		42 —	51
На фак. физико-математическомъ	разр. мат. наукъ	63 —	91
	разр. естес. наукъ	55 —	69
На факультетѣ юридическомъ	разр. юрид. наукъ	147 —	179
	разр. камер. наукъ	141 —	161
		478	600

Юридическій факультетъ, сообщая болѣе, такъ сказать, утилитарное образованіе, привлекаетъ самое большее число слушателей. Всего менѣе студентовъ на факультетѣ историко-филологическомъ, сообщающемъ, между тѣмъ, классическое образованіе. Причины этого явленія очевидны. Во первыхъ, для поступленія на этотъ факультетъ необходимо знаніе греческаго языка, между тѣмъ какъ этотъ языкъ преподается только въ гимназіяхъ тѣхъ губернскихъ городовъ, гдѣ есть университетъ, а изъ петербургскихъ гимназій, въ одной 3-й. При такихъ условіяхъ, многіе невольно лишаются филологическаго образованія. Впрочемъ г. министръ народнаго просвѣщенія высказалъ уже намъ на одномъ изъ экзаменовъ 1854 г. свое желаніе принять мѣры къ удаленію этого препятствія. Во вторыхъ, ист.-филол. факультетъ обнимаетъ собой въ нынѣшнемъ его составѣ такое множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ, что представляетъ огромныя трудности для добросовѣстнаго изученія ихъ. И на устраненіе этого обстоятельства, какъ говорятъ, обращено вниманіе начальства. Въ третьихъ, ист.-фил. факультетъ представляетъ теперь менѣе интереса, чѣмъ прежде, когда онъ знакомилъ съ философіею, въ полномъ ея объемѣ, когда читались: опытная психологія, логика, метафизика, исторія философіи и литература философіи. Теперь же студенты этого факультета слушаютъ психологію и логику наравнѣ съ студентами прочихъ факультетовъ, какъ бы въ дополненіе къ курсу богословія. Потребность въ философіи успѣла совершенно опредѣленно выразиться въ прошедшемъ академическомъ году. Нашъ профессоръ А. А. Фишеръ, окончивъ передъ Пасхой свои чтенія о педагогикѣ для 3 курса ист.-фил. факультета, посвятилъ остальныя лекціи разбору матеріалистическаго ученія, такъ сильно распространяющагося на западѣ. Для большаго убѣжденія слушателей въ несостоятельности этого ученія, онъ допустилъ со стороны ихъ непосредственное участіе. Разрѣшеніе многихъ вопросовъ,

Digitized by Google

столь близкихъ къ природѣ человѣка, не могло не заинтересовать студентовъ. Число слушателей возрастало съ каждой лекціей; профессоръ былъ вынужденъ избрать одну изъ самыхъ обширныхъ аудиторій; но, не смотря на эту мѣру, мѣста занимались уже за полчаса до начала лекціи, некуда было въ буквальномъ смыслѣ упасть яблоку; слушатели стояли около кафедры, на окнахъ, у дверей . . . . Такое явленіе само говоритъ за себя.

Н. Г. Устряловъ тѣмъ не менѣе не перестаетъ трудиться: первые томы его исторіи Петра выйдутъ, говорятъ, очень скоро въ свѣтъ. М. М. Стасюлевичъ, пр. всеобщей исторіи, находится нынѣ за границей съ лѣта 1856 года; говорятъ, что онъ останется тамъ еще на годъ. Пребываніе его въ университетскихъ городахъ, въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи, лицемъ къ лицу съ современной наукой исторіи и вмѣстѣ съ древними памятниками ея, увеличитъ интересъ будущихъ лекцій его.—Пр. слав. нар. И. И. Срезневскій, въ январѣ настоящаго года предложилъ слушателямъ своимъ заняться *общими* силами исторіей средневѣковой народной поэзіи европейскихъ народовъ. Знакомый съ этимъ предметомъ, онъ сообщилъ намъ на частныхъ совѣщаніяхъ, бывшихъ у него на дому, планъ и пособія для этого труда. При помощи профессора студенты раздѣлили между собой весь трудъ; но скоро наступила пора экзаменовъ, такъ что дѣло еще далеко не приведено къ концу.

Вновь учрежденный факультетъ восточныхъ языковъ, единственный во всей Россіи, привлекъ слушателей изъ другихъ университетовъ, прежде заключавшихъ въ себѣ этотъ факультетъ; нѣсколько инородцевъ изъ восточныхъ племенъ, населяющихъ Россію (у насъ теперь *трое* евреевъ),—получаютъ здѣсь свое образованіе. Огромное значеніе въ жизни и наукѣ предстоитъ факультету; студенты сознаютъ это. Мы отсылаемъ читателей къ проекту о составленіи учебниковъ для восточныхъ языковъ, выражающему это плодотворное сознаніе и напечатанному на 364 стр. перваго выпуска «Сборника».

Факультетъ естественныхъ наукъ постоянно обогащается новыми профессорами, изъ которыхъ г. Цѣньковскій (пр. ботаники) теперь за границей. Его пріѣздъ ожидается съ петерпѣніемъ, отъ его лекцій ждутъ усовершенствованія самой свѣжей современности. Между тѣмъ студенты усердно, общими силами производятъ опыты, дѣлаютъ микроскопическія наблюденія на общихъ собраніяхъ, которымъ посвящаютъ свободные вечера.

Digitized by Google

Интересуясь современными вопросами своей науки, они по возможности слѣдятъ за движеніями ея и на западѣ.

Юридическій факультетъ понесъ въ послѣднее время нѣсколько чувствительныхъ потерь. Неволинъ, (*) Мейеръ, Жиряевъ, профессора одной и той же кафедры, одинъ за другимъ сошли въ могилу. Имена этихъ людей сами говорятъ за себя, указываютъ на значеніе потери ихъ для университета. Они—жертва добросовѣстнаго труда, они—заслужили славу, какъ граждане и какъ ученые и какъ профессора....Мы постараемся въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ «Сборника» поговорить о каждомъ изъ нихъ отдѣльно. Утѣшительно было узнать намъ, что выборъ совѣта, при замѣщеніи этой вакантной кафедры, палъ на К. Д. Кавелина, бывшаго (лѣтъ 10 тому назадъ) профессоромъ московскаго университета, а въ послѣднее время служившаго по гражданской службѣ. По пріѣздѣ изъ-за границы (**) онъ начнетъ свои лекціи гражданскаго права. Съ нетерпѣніемъ ожидаетъ весь университетъ, не одни юристы, услышать съ кафедры того, кто былъ причиной живительнаго движенія въ наукѣ, кто былъ одинъ изъ первыхъ, положившихъ начало юридической разработки русской старины.

Въ средѣ студентовъ всегда постоянно высказывалось стремленіе къ самостоятельному выраженію своего общаго мнѣнія. Это стремленіе выражалось различно, смотря по обстоятельствамъ, постоянно имѣя въ виду общительность и товарищество. Не обращаясь къ давнопрошедшему, имѣющему для насъ свою цѣну. вспомнимъ объ изданіи портрета знаменитаго Востокова по случаю 50-лѣтняго юбилея его ученой дѣятельности. Этотъ портретъ былъ поднесенъ студентами почтенному старцу—8 февраля 1855 г. на университетскомъ актѣ съ привѣтственною рѣчью отъ имени филологическаго факультета. Кромѣ того, мы знаемъ нѣсколько трудовъ, предпринимавшихся цѣлымъ кружкомъ студентовъ.

Но самымъ выпуклымъ выраженіемъ направленія нашихъ студентовъ служитъ идея о печатаніи своихъ учено-литературныхъ трудовъ. Мы не будемъ спорить, въ которомъ изъ университетовъ мысль о подобномъ изданіи родилась раньше; но можемъ засвидѣтельствовать, что у насъ она явилась самостоятельно, какъ могла явиться въ другихъ университетахъ, и мы даже слышали, что подобное же изданіе предпринимается сту-

(*) Сочиненіе покойнаго Неволина, вмѣстѣ съ біографіей и портретомъ покойнаго, выйдутъ скоро въ свѣтъ подъ редакціей пр. И. Е. Андреевскаго.

(**) Въ то время, когда мы писали эти строки, К. Д. Кавелинъ уже пріѣхалъ изъ-за границы, и 11-го сентября началъ свои лекціи.

Digitized by Google

дентами одного изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ. Это, по нашему мнѣнію, служитъ осязательнымъ доказательствомъ преимущества университетскаго образованія предъ всякимъ другимъ. Идея о «Сборникѣ», высказанная однимъ изъ насъ, чрезвычайно легко и быстро успѣла привиться ко всему студентскому кружку. Извѣстно, что самая благотворная идея только тогда встрѣчаетъ сочувствіе общества, когда она высказана своевременно, когда она является плодомъ стремленій цѣлаго общества; однимъ словомъ, подобная идея вырабатывается не отдѣльною личностью, а цѣлымъ обществомъ. Личность, ее провозгласившая, созданіе того же общества, и заслуживаетъ особеннаго вниманія только по воспріимчивости и чуткости своего организма.

Въ іюлѣ 1856 г. одинъ изъ нашихъ товарищей высказалъ опредѣленно эту мысль въ частномъ письмѣ. Неумѣстно было бы теперь приводить все письмо, тѣмъ болѣе, что достаточно нѣсколькихъ строкъ, чтобы видѣть до какой степени авторъ его былъ проникнутъ тою идеею, которую развивалъ. «Дѣло это,—пишетъ онъ, изложивъ уже планъ его,—не выходитъ у меня изъ головы, и вотъ теперь сплю и вижу его, и кричу, какъ одержимый какою нибудь лихою болѣстью. Если бы кто нибудь подхватилъ этотъ крикъ, который раздается въ моемъ сердцѣ такъ громко, то я былъ бы совершенно доволенъ и успокоился бы,—для того, чтобы, внимая отзывамъ сотоварищей, и сподвижниковъ, приняться ретиво за новое дѣло.—Всякое и самое великое дѣло нужно начать, чтобы потомъ вполнѣ совершить, и не останавливаться надъ его неизвѣстною будущностью....» Отвѣтъ товарища на это письмо начинается такъ: «Ваше письмо возбудило во мнѣ полное сочувствіе къ тому благородному дѣлу, которое вы предполагаете начать. Степень участія моего въ немъ: весь запасъ моихъ силъ, способностей и знаній.—Отъ плановъ вашихъ я пришелъ въ совершенный восторгъ, потому что они во всѣхъ подробностяхъ соглашались съ моими мечтами, которыя давно заходили мнѣ въ голову, оставаясь большею частью безплодными»..... Такъ точно, почти тѣми же словами, отвѣтила бы большая часть изъ насъ на пламенный призывъ товарища.—Въ сентябрѣ того же года уже ходилъ по всему университету въ нѣсколькихъ экземплярахъ окончательно составленный проектъ студентскаго изданія, а 26 октября было подано, за подписью 7 студентовъ (*), прошеніе въ совѣтъ университета. 30 января 1857 г. вышло разрѣшеніе г. министра

(*) Богушевичъ, Тихменевъ, Коркинъ, Фаминцынъ, Мамонтовъ, Андреевъ и Горловъ.

Digitized by Google

народнаго просвѣщенія. Профессоромъ-редакторомъ избранъ по единодушному желанію студентовъ адъюнктъ-профессоръ русской словесности М. И. Сухомлиновъ, который вслѣдствіе отношенія г. исправляющаго должность ректора, отъ 6-го февраля 1857 г., приступилъ къ трудамъ по редакціи, составленной изъ 12 студентовъ-редакторовъ, избранныхъ студентами же. 23 февраля, ординарный профессоръ русской словесности Никитенко прочелъ лекцію, въ которой выразилъ мнѣніе профессоровъ о цѣли и значеніи «Сборника». Предметъ рѣчи и авторитетъ профессора не могъ не произвесть живѣйшаго восторга въ слушателяхъ-студентахъ. На другой день въ редакцію прислано было нѣсколько анонимныхъ писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заключали въ себѣ стихотворенія. Всѣ они вызваны были рѣчью, сказанною наканунѣ.

Вскорѣ была открыта подписка, по факультетамъ, на составленіе капитала для изданія «Сборника», а чрезъ нѣсколько времени «С. П. Вѣдомости» извѣстили публику о нашемъ изданіи. Прочіе петербургскіе журналы также выразили свое полное сочувствіе къ новому изданію. По подпискѣ студентовъ и профессоровъ собрано болѣе тысячи рублей; внѣ университета, по частнымъ подпискамъ, почти столько же. Частныхъ пожертвованій было немного, но за то эти немногіе дѣлались людьми, проникнутыми искреннымъ сочувствіемъ къ дѣлу. Многіе сами, безъ особеннаго приглашенія составляли между знакомыми подписку и пересылали собранную сумму въ редакцію. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ: директоръ 2-й с.-петербургской гимназіи А. С. Вороновъ, директоръ псковской гимназіи Н. И. Иваницкій, инспекторъ 5-й с.-петербургской гимназіи А. Н. Бѣляевъ, преподаватель 2-го кадетскаго корпуса Озембловскій и другіе. Были подписки, составлявшіяся, такъ сказать, экспромптомъ. Такъ напр. нѣсколько бывшихъ студентовъ, обѣдая вмѣстѣ, въ день годовщины нашего университета, составили подписку и переслали собранную сумму на другой день къ инспектору студентовъ, для передачи въ редакцію. Нѣкоторые изъ бывшихъ студентовъ, присылая пожертвованіе, скрывали свое имя. Были и иногородные жертвователи, такъ напр. нѣсколько жителей Екатеринбурга и лицъ, служащихъ на тамошнихъ заводахъ (*).

Его Сіятельство, г. управляющій учебнымъ округомъ, принимая во вниманіе ограниченность средствъ редакціи и имѣя

(*) Добровольныя пожертвованія на капиталъ «Сборника» продолжаютъ приниматься, будучи адресованы на имя М. И. Сухомлинова въ университетъ.

Digitized by Google

между прочимъ въ виду благородную цѣль изданія доставить бѣднымъ студентамъ возможность *задѣльной платы*, просилъ графа Дмитрія Николаевича Блудова объ исходатайствованіи у Государя Императора соизволенія на безвозмездное печатаніе «Сборника» въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше разрѣшить напечатать, безъ платы, первыя двѣ книги предпринимаемаго студентами петербургскаго университета изданія. Такимъ образомъ расходы редакціи ограничиваются на этотъ разъ только покупкою бумаги, брошуровкой, переплетомъ и разсылкой книгъ.

Сходки студентовъ-редакторовъ бываютъ обыкновенно чрезъ каждыя двѣ недѣли на квартирѣ у профессора редактора, потому что особаго помѣщенія редакція до сихъ поръ еще не имѣетъ.

Всѣ статьи не иначе печатаются, какъ съ одобренія того изъ профессоровъ, по кафедрѣ котораго писано сочиненіе. Въ силу такого правила, мы считаемъ себя обязанными привести здѣсь отзывы профессоровъ о тѣхъ статьяхъ, которыя вошли въ предлагаемый первый выпускъ нашего «Сборника». Изслѣдованіе о Герберштейнѣ есть сводъ трехъ диссертацій; вотъ какъ отозвался пр. Н. Г. Устряловъ о каждой изъ нихъ: 1) Г. Корелкинъ тщательно разсмотрѣлъ источники, изъ которыхъ баронъ Герберштейнъ почерпалъ свои свѣдѣнія, повѣрилъ ихъ съ русскими документами, изданными въ послѣднее время, и въ особенности основательно разсмотрѣлъ бывшіе у Герберштейна древніе акты. 2) Сочиненіе г. Григоровича имѣетъ также много достоинствъ; въ немъ разсмотрѣны всѣ лица, сообщавшія ему свѣдѣнія о Россіи, и основательно оцѣнены бывшіе въ рукахъ его русскіе памятники. 3) Г. Новиковъ изложилъ жизнь и труды барона Герберштейна, равно оцѣнилъ достоинства его записокъ, почти исключительно по сочиненію Аделунга; но много встрѣчается основательныхъ замѣчаній автора, въ особенности въ статьѣ о духовной литературѣ, гдѣ разсмотрѣны упоминаемые Герберштейномъ памятники по новымъ источникамъ и изслѣдованіямъ.

Вотъ отзывъ профессора Буняковскаго о математической диссертаціи студента Коркина, изложенный въ письмѣ по поводу этого сочиненія: «Le mémoire de m. Korkine, dernièrement couronné de la medaille d'or par le conseil de l' université, est consacré á l'exposition de la théorie des *maxima* et *minima*. Dans ce travail assez étendu, l'auteur passe successivement en revue les différents cas qui se présentent dans cette doctrine. Ainsi il traite, avec tous

Digitized by Google

es détails qu'on peut désirer, d'abord les *maxima* et les *minima* d'une fonction à une seule variable, et ensuite celui d'une fonction contenant un nombre quelconque de variables indépendantes. Il développe d'une manière circonstanciée les méthodes à suivre pour résoudre ces mêmes questions pour les *maxima* et *minima* relatifs. Un grand nombre d'exemples parfaitement choisis et appropriés aux differents cas qu'il traite, ne laissent rien à désirer sous le rapport de la clarté, et souvent même del'élégance de l'exposition. Mais ce qui constitue un vrai mérite du mémoire de m. Korkine, ce sont les développements nouveaux qu 'il a présentés relativement aux *maxima et minima singuliérs* des fonctions à une seule et à plusieurs variables indépendantes, ou liées entr'elles par des conditions quelconques. En général, ce sujet est peu développé dans les cours de calcul infinitésimal; aussi, m. Kokine a-t-il rendu un service réel à l'enseignement en développant avec soin ce chapitre du calcui différentiel. Nous nous faisons un véritable plaisir de l'en féliciter. En terminant, je crois devoir ajouter que, d'après mon avis, son mémoire se préte parfaitement à l'impression dans un journal de mathématiqes, consacré à l'instruction».

О сочиненіи г. Богушевича «Гюлистанъ Саади», профессоръ Березинъ отозвался, что, «не смотря на недостатокъ въ немъ историческаго изученія, общій почти всѣмъ первымъ трудамъ, оно вполнѣ заслуживаетъ быть напечатаннымъ, какъ плодъ своеобразнаго занятія по восточнымъ подлинникамъ, даже и въ такомъ случаѣ, если признать въ статьѣ увлеченіе и невѣрную яркость красокъ. Можно не соглашаться во многомъ съ авторомъ, но нельзя не отдать должной справедливости его искусному изложенію и занимательности его взгляда».

Адъюнктъ-профессоръ И. Е. Андреевскій прислалъ въ редакцію слѣдующее мнѣніе о юридической диссертаціи студента Панова.

«*Изслѣдованіе новгородской судной грамоты 1471 г. въ отношеніи къ судопроизводству, преимущественно гражданскому*, написанное г. студентомъ IV к. юридическаго факультета, разряда наукъ юридическихъ (нынѣ кандидатъ) *Ѳедоромъ Пановымъ* для полученія степени кандидата, представляетъ трудъ, на которомъ съ удовольствіемъ остановитъ вниманіе не только юристъ, но и каждый, кому интересно взглянуть поближе на исторію Новгорода.—Новгородская судная грамота относится къ 1471 г., слѣд. во время ея составленія пробивали послѣдніе часы самостоятельности Новгорода, ею накрывается юридическая дѣятельность новгородской общины; какъ послѣдняя форма дѣятельности, она заключила въ себѣ и предъидущія формы;

Digitized by Google

встрѣчаемое въ ней не все обязано своимъ происхожденіемъ концу XV ст., многое помѣстилось въ нее изъ предъидущихъ, древнихъ временъ, многое изъ ея содержанія осталось дѣйствующимъ и по уничтоженіи новгородской самостоятельности; эта грамота—одна изъ цѣпей, которыми связаны двѣ совершенно различныя исторіи Новгорода: доивановская и позднѣйшая; оттого эта грамота полна интереса относительно вопросовъ не только юридическихъ, но и политическихъ, такъ какъ въ ней на многія государственныя учрежденія даются если не прямыя, то косвенныя поясненія; но главное богатсво ея содержанія касается судопроизводсва, и особенно гражданскаго. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она имѣетъ значеніе, подобное псковской судной грамотѣ, разработка которой, одолженная трудамъ двухъ питомцевъ петербургскаго же университета, разъяснила нѣкоторые вопросы исторіи русскаго права и для бо́льшаго ихъ разъясненія ожидала подобной же разработки и новгородской судной грамоты. И этому ожиданію удовлетворяетъ сочиненіе г. Панова. Онъ взглянулъ на новгородскую грамоту вѣрно, взглядомъ талантиваго юриста; онъ понялъ, что отъ перваго объяснителя этой грамоты требуется принести ея данныя въ вѣрную, отчетливую систему, сравнить ее по возможности съ другими современными ей актами, отгадать то, что̀ пропущено въ этой грамотѣ, что̀ похищено у нея рукою времени и что̀ не было въ нее вставлено, потому что считалось обычаемъ, всѣмъ извѣстнымъ; онъ понялъ, что многія мѣста, многія выраженія требуютъ историко-юридическихъ и филологическихъ объясненій, и онъ старался удовлетворить и этой обязанности, на сколько дозволяли силы его молодой учености. Изслѣдованіе этой грамоты онъ представилъ въ трехъ частяхъ: въ первой сказалъ о судебныхъ властяхъ, во второй—о тяжущихся сторонахъ, и въ третьей—о производствѣ суда. Всѣ эти части, какъ въ построеніи ихъ, такъ и въ изложеніи, исполнены совершенной гармоніи; юридическая точность, вѣрность, логическая послѣдовательность, стремленіе къ критическому разбору мнѣній писателей, сказавшихъ что нибудь объ этой грамотѣ, наконецъ ясность изложенія, — вотъ признаки этой статьи, которая, надѣюсь, будетъ оцѣнена въ ученой русской литературѣ, какъ вкладъ добросовѣстный, исполненный энергіи и дышущій уваженіемъ къ труду».

Такъ какъ «Сборникъ» составляетъ общее дѣло студентовъ, то статьи, присужденныя къ печатанію, будутъ читаться въ общемъ собраніи студентовъ самими авторами, которые должны отстаивать свои положенія. Одно такое чтеніе происходило вечеромъ

Digitized by Google

20 апрѣля нынѣшняго года. Въ числѣ присутствующихъ были: г. исправляющій должность попечителя с.пб. учебнаго округа, исправляющій должность ректора, гг. профессора: Березинъ, Казембекъ, также Кавелинъ и Рѣдкинъ. Кромѣ того были тутъ и дамы . . . Изъ нихъ одна высказала впечатѣнія свои въ анонимномъ письмѣ, адресованномъ на имя редакціи. Мы осмѣливаемся привести здѣсь нѣсколько прекрасныхъ строкъ изъ этого письма, вообще проникнутаго порывами благородства и теплоты душевной.

«Я только что возвратилась изъ университета.

«Не разъ слышала я прежде о проектѣ составить періодическое изданіе, въ которомъ бы участвовали собственно студенты. Изданіе это всѣ единодушно признали прекрасною идеей, много обѣщающею въ будущемъ.

«Скажу откровенно, я не вѣрила, чтобы студенты могли предъявить что нибудь заслуживающее такого восторженнаго, единодушнаго участія.

«По человѣку, а тѣмъ болѣе женщинѣ, свойственно ошибаться; мнѣ—еще простительнѣе, потому что невольное заблужденіе замѣнилось полнымъ раскаяніемъ и сознаніемъ въ неправотѣ своей. Я поѣхала въ университетъ изъ любопытства,—но съ какимъ чувствомъ возвратилась я!....

«Я видѣла молодость добрую, умную, полную жизни и энергіи, видѣла какъ молодость эта горячо отозвалась на горячо сказанное слово.

«И я впервые поняла, что не знала студентовъ, которымъ теперь такъ отъ души сочувствую . . . .

«Я вполнѣ сознала, чего можно ожидать отъ всѣхъ этихъ пылкихъ головъ, отъ этихъ орлятъ, пробующихъ крылья,—и много можетъ сдѣлать добраго журналъ (*), если всегда сотрудники его будутъ такъ же горячо принимать къ молодому сердцу все истинное, все полезное. И—закралась во мнѣ мысль, что въ журналѣ этомъ скажется слово и за женщину, что захочетъ молодое поколѣніе и въ будущихъ спутницахъ своихъ найти достойныхъ сотрудницъ, потому что вѣдь дѣло вѣковъ поправлять не легко.

«И позаботится молодое поколѣніе заранѣе научить женщину быть счастливою, основывая свое счастіе на счастьи всѣхъ ея окружающихъ, научитъ женщину сбросить пустую жизнь,

(*) Т. е. «Сборникъ».

Digitized by Google

убивающую всякую нравственную дѣятельность. Скажетъ женщинѣ, что пора понять, что она воспитательница человѣчества, что она прежде всего мать-гражданка, а не модная кукла.

«Скажетъ, какъ у насъ, на Руси, страдаютъ отъ невѣжества, какъ много силъ гибнетъ, силъ неразвитыхъ, или дурно направленныхъ, и все оттого, что женщины не вдумываются въ свое назначеніе, не воспитываютъ себя, не уважаютъ себя. Пора, давно пора сказать это, да не только сказать, пора приняться за дѣло. Говорятъ теперь много объ женщинахъ, но только *говорятъ*, а дороги не показываютъ, и средствъ не даютъ».

Изслѣдованіе о запискѣ Герберштейна вызвало нѣсколько любопытныхъ замѣчаній, изъ которыхъ одно принадлежало пр. Кавелину. Статья г. Богушевича о Гюлистанѣ Саади произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Едва замолкъ авторъ, какъ послѣдовалъ единодушный взрывъ рукоплесканій, но лишь только остылъ этотъ первый пылъ увлеченія, вызванный краснорѣчивымъ изложеніемъ автора, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія и замѣчанія. Слушатели-студенты высказали при этомъ много, много прекрасныхъ, задушевныхъ мыслей, обличавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстныя знанія. Со стороны г. Богушевича отвѣты отличались логичностяю и послѣдовательностью мысли. Общій смыслъ замѣчаній былъ тотъ, что статья не выдерживаетъ исторической критики.

«Журналъ для Воспитанія» представилъ въ V-мъ N° очень характерный очеркъ этой бесѣды.

23-го февраля получено отъ парижскихъ студентовъ частное приглашеніе—участвовать въ предпринятой ими газетѣ Voix des Ecoles. *Принципъ*, побудившій парижскихъ студентовъ обратиться между прочимъ и къ намъ, студентамъ петербургскаго университета, не могъ не возбудить въ насъ искренняго сочувствія.

«Quelques étudiants de Paris viennent de fonder une feuille, писали они, avec la pensée d'en faire le rendez-vous des sympathies, des idées, des aspirations *litteraires* (les seules, vous le savez, qu'il nous soit permis de manifester aujourd'hui) de tous les étudiants de l'Europe. La Voix des Écoles, imprimée en France, sera redigée à Berlin, Vienne, Oxford, Edinbourg, Turin, Gand, aussi bien qu'à Paris.

« Nous faisons un appel, un appel fraternel et plein de confiance à nos camerades de Petersbourg; il aura une réponse, nous en som-

(*) Письмо было адресовано на имя редактора нѣмецкихъ С.-Пб. Вѣдомостей.

Digitized by Google

mes sûrs.—Dites bien (*) aux é'tudiants de Petersbourg, que nous serions heureux d'echanger avec eux un serrement de main».

За этимъ слѣдовала подпись трехъ студентовъ-редакторовъ журнала: Деланда, Биччіо и Гольта.

Наше мнѣніе о значеніи этого журнала вотъ какое: издаваясь совершенно въ видѣ газеты (еженедѣльными листами), онъ и направленіе имѣетъ фельетонное. Его Courrier du quartier latin или Bouffées de cigare, даже разборы профессоровъ Сорбоны и Collége de France, отличаются, къ сожалѣнію, отсутствіемъ серіознаго направленія. Повѣсти и стихи, а также біографическіе очерки (Гейне напр.) замѣтно обработаны невнимательно. Тѣмъ не менѣе, интересуясь положеніемъ нашихъ западныхъ товарищей, свѣдѣнія о которыхъ сообщаетъ газета, и сочувствуя принципу ея, задачи быть «*union littéraire*» для всего европейскаго юношества, мы еще разъ благодаримъ Voix des Écoles за призывъ, обращенный къ намъ, какъ благодаримъ за извѣщеніе о нашемъ «Сборникѣ», напечатанное въ 8 № этой газеты.

Въ прошедшемъ академическомъ году было нѣсколько ученыхъ диспутовъ лицъ, искавшихъ высшихъ ученыхъ степеней. Вотъ перечень ихъ: 1856 г. 1) 8 сентября Мендѣлѣевъ на степень магистра химіи (Удѣльные объемы), 2) 16 сентября Будаевъ на степень магистра мат. наукъ (Общая теорія равновѣсія твердыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость), 3) 21 октября Мендѣлѣевъ pro venia legendi (О строеніи кремнекислыхъ соединеній), 4) 18 ноября Скобликовъ на степень магистра технологіи (Изслѣдованіе краснльнаго вещества, эфирнаго масла и летучей кислоты, найденной въ цвѣткахъ желтой ромашки), 5) 9 декабря Мерклинъ на степень магистра ботаники (Объ анатомическихъ признакахъ стебля въ различныхъ родахъ и видахъ деревъ въ Россіи); 1857 г.: 6) 10 февраля Бобчинскій на степень магистра физики (Теорія мультипликатора), 7) 24 марта Пыпинъ на степень магистра русской словесности (Очеркъ литературной исторіи стар. пов. и сказокъ русскихъ), 8) 31 марта Спасовичъ pro venia legendi (Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, 9) 31 марта Пещуровъ на степень магистра астрономіи (Изслѣдованія движенія малой планеты Фортуны), 10) 1 мая Гиппіусъ на степень магистра химіи (Объ извести обыкновенной и гидравлической), 11) 4 мая Пузыревскій на степень магистра минералогіи и геогнозіи (О составѣ канкринита), 12) 11 мая Соколовъ на степень магистра химіи (О перидотѣ, какъ продуктѣ металлургической операціи), 13) 7 іюня Запасникъ на степень магистра полит. эконо-

Digitized by Google

мін, 14 и 15) 6 іюня на степень магистра восточныхъ наукъ: Безобразовъ (Историч. очеркъ османскаго законодательства) и Мелыгуновъ (Ача-Мугамедъ-ханъ). Изъ нихъ особенно любопытны были три дистута: Пыпина, Спасовича и Соколова. У г. Пыпина оппонентами были профессора Никитенко и Срезневскій. Въ числѣ возраженій прочихъ лицъ, бывшихъ на диспутѣ, мы слышали замѣчаніе А. Д. Галахова, касательно дѣленія исторіи русской литературы на періоды по внутренней жизни народа. Г. Соколовъ отстаивалъ свои положенія съ достоинствомъ опытнаго ученаго. На диспутѣ г. Спасовича возражали Ивановскій, Чайковскій, и между прочими присутствовавшими г. Кавелинъ, высказавшій нѣсколько любопытныхъ замѣчаній объ отношеніи христіанства и національности славянской къ общественному положенію женщины. Изъ 15 диспутантовъ 2 вышли изъ главнаго педагогическаго института, 1 изъ дерптскаго университета и 12 изъ здѣшняго. На слѣдующій годъ, какъ слышно готовится нѣсколько любопытныхъ диспутовъ: по каѳедрѣ русской слов., славянскихъ нарѣчій, математики, политической экономіи, исторіи и проч.

Нельзя не упомянуть о новой прекрасной мысли, уже давно возникшей между нами, но не успѣвшей еще организоваться,— это мысль помогать бѣднымъ нашимъ товарищамъ и такимъ образомъ устранять физическія препятствія для ихъ развитія. Уже написано студентами нѣсколько проектовъ объ этомъ важномъ учрежденіи, которое, безъ сомнѣнія, скоро успѣетъ осуществиться: гдѣ мысль, тамъ и дѣло.

Многіе думали, что уничтоженіе разрядовъ въ гражданской службѣ повлечетъ за собой уменьшеніе числа студентовъ въ университетахъ. Ничуть не бывало: число студентовъ увеличивается и будетъ увеличиваться. Теперь въ университетъ поступаютъ не для пріобрѣтенія правъ, а для того, чтобы посредствомъ плодотворныхъ истинъ науки развить всѣ добрые зачатки духовной природы чесовѣческой и приготовить себя такимъ образомъ къ успѣшной дѣятельности на невоздѣланной еще почвѣ. Монопольныя выгоды, дарованныя просвѣщенію, оказались лишними уже потому, что общество начинаетъ сознавать необходимость просвѣщенія и безкорыстно любить его. Устанавливается связь между обществомъ и проводниками просвѣщенія. Общество начинаетъ сочувствовать университетскому сословію, которое въ свою очередь заботится о развитіи въ себѣ общественнаго элемента.

Результаты такого воспитанія должны выражаться въ общественной дѣятельности питомцевъ университета, которымъ

Digitized by Google

предоставлено право избирать какое угодно поприще, не говоря ужъ о гражданскомъ, на которомъ они уже успѣли заслужить довѣріе благонамѣренныхъ людей; военно-учебныя заведенія въ кандидатахъ университета находятъ себѣ знающихъ педагоговъ; въ числѣ офицеровъ генеральнаго штаба и горнаго вѣдомства, бывшіе воспитанники университета пріобрѣтали къ себѣ заслуженное уваженіе; наконецъ многіе изъ нашихъ товарищей, и не изъ купеческаго сословія, съ успѣхомъ посвящали себя коммерческимъ дѣламъ. Вездѣ и во всемъ можно и должно примѣнять результаты, добытые наукою. Идея гражданственности, развитое убѣжденіе о чести и долгѣ человѣка, твердо укоренясь въ молодомъ поколѣніи, внесется имъ и въ жизнь, и станетъ твердымъ оплотомъ противъ тѣхъ общественныхъ язвъ и недостатковъ, противъ половины которыхъ уже рѣзко выразилось общественное негодованіе въ современной литературѣ и гласномъ сознаніи . . .

С.-Петербургъ.
17 Сентября 1857 г.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ О МОСКОВСКОМЪ БЫТѢ.

(Rerum Moscoviticarum Commentarii).

Сочиненіе Сигмунда барона Герберштейна,

Редакція латинскаго текста (по базельскому изданію 1556 г.), варіанты, примѣчанія и указатель студента А. Тихменева. Переводъ студента И. Анонимова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1857.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Только съ недавняго времени историческая литература наша стала обращать должное вниманіе на писателей иностранныхъ о Россіи, и только съ помощію строгой критики можно дать имъ мѣсто среди источниковъ, не впадая въ ошибку. Изученіе этихъ писателей въ высшей степени любопытно и обильно плодами для русской исторіи. Оно даетъ путь къ сравнительному изслѣдованію русской старины съ современнымъ положеніемъ запада и, кромѣ того, оно служитъ непосредственно въ помощь исторіи, потому что многіе факты русской жизни записаны и объяснены только иностранцами. Притомъ у этихъ писателей мы встрѣчаемъ изложеніе русскоіі *исторіи* по большеіі части по русскимъ источникамъ въ той формѣ и съ тоіі точки зрѣнія, которая господствовала на западѣ современно автору.

Не все множество писателей о Россіи заслуживаетъ одинаковаго вниманія, тѣмъ болѣе, что часто они повторяли другъ друга. Свѣдѣнія, сообщенныя разъ писателемъ, пользовавшимся извѣстностью и довѣріемъ, частью компилировались, частью цѣликомъ переносились въ другія сочиненія. Къ такимъ писателямъ, пользовавшимся заслуженнымъ авторитетомъ, принадлежитъ и Герберштейнъ. Его *Rerum Moscoviticarum Commentarii* служили на западѣ долго неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній о Россіи, чему они обязаны извѣстноіі учености автора и отчасти блистательному положенію его въ обществѣ и при австрійскомъ дворѣ. Занимая высшія государственныя должности и находясь при дворѣ, Герберштейнъ легко могъ снискать себѣ громкую славу и вдохновить такихъ поэтовъ, какъ Розинъ или Брассиканъ; онъ могъ этого достичь и безъ того таланта и добросовѣстности, которые имѣлъ. Происходя изъ знатной фамиліи и постоянно обращаясь въ свѣтскомъ кругу, онъ отличался рыцарскимъ честолюбіемъ, которое тогда теряло уже свой средневѣковой смыслъ. Прочтите его автобіографію, его родословную, которою онъ утѣшался и гордился, сравнивая себя съ Цинциннатомъ и т. п.; прочтите его памфлетъ (Defensio etc.), исполненный надменнымъ тономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пора рыцарской самостоятельности проходила; потому Герберштейнъ,

Digitized by Google

сдѣланный рыцаремъ на 28 году жизни своей, не оставилъ своей придворной угодливости. Не знаемъ до какой степени плодотворно и дѣльно велъ Герберштейнъ свои дѣла въ нижнеавстрійской камерѣ или по контролю, которымъ управлялъ, но дипломатическая дѣятельность его, чисто политическая, по нашему мнѣнію, не богата результатами. Живя во время сильнаго и общаго движенія политико-религіознаго, онъ по большей части ограничивался *личными* дѣлами своихъ государей или отправленіемъ придворныхъ должностей. Впрочемъ, какъ человѣкъ умный и ловкій, онъ былъ прекраснымъ представителемъ своего двора. Для насъ важно это въ томъ смыслѣ, что изъ положенія общественнаго Герберштейна можетъ опредѣлиться взглядъ его на вещи въ «Запискахъ». Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ уже и по самому содержанію ихъ, что въ Россіи онъ входилъ въ непосредственныя сношенія преимущественно только съ людьми высшаго сословія (*), съ которыми имѣлъ дѣло по обязанности. Поэтому-то, не смотря на нѣкоторое сочувствіе, замѣтное въ «Запискахъ», къ интересамъ массы народа, Герберштейнъ особенно подробно и вѣрно передаетъ обычаи придворные; свѣдѣнія историческія, географическія, этнографическія, въ высшей степени любопытныя, обязаны любознательности Герберштейна и бесѣдѣ его съ русскими людьми, которые могли доставить ему письменные источники; на бытъ же народа онъ смотрѣлъ, такъ-сказать, *сверху*. Нѣкоторое сочувствіе его къ интересамъ народа объясняется его образованностью; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ зналъ народъ и вѣрно понималъ его бытъ. Свѣдѣнія о религіи, собранныя имъ по порученію Фердинанда, отличаются полнотой и знакомствомъ съ духовною литературою русской. Во всякомъ случаѣ, важность «Записокъ» для исторіи Россіи несомнѣнна по своей полнотѣ, добросовѣстности и умному изложенію. Мы отсылаемъ читателей къ «Изслѣдованію о Герберштейнѣ» товарищей нашихъ, гдѣ сдѣланъ критическій обзоръ комментаріи.

«Записки» Герберштейна написаны и изданы были слишкомъ черезъ 20 лѣтъ послѣ его втораго путешествія въ Россію. Написаны онѣ могли быть и въ Миланѣ, какъ на это указываетъ Курбскій (**); но изданы въ 1-й разъ въ Вѣнѣ. Матеріаломъ для нихъ

(*) См. 1 вып. «Сборника» студентовъ стр. 15—22.

(**) Сказ. к. Курбскаго Н. Устрялова. Пад. 2 С.-Пб. 1842 г.: «ныже (кронницу) латинскимъ языкомъ, въ Медіоланѣ, славномъ градѣ, будучи, написалъ». Въ примѣч. 8 на стр. 313 той-же книги, Н. Г. Устряловъ, говоритъ, что онъ «нигдѣ не могъ отыскать свѣдѣнія объ изданіи Медіоланскомъ»; но Курбскій здѣсь говоритъ о мѣстѣ *написанія*, а не *изданія* комментарій; въ Миланъ же часто ѣзжалъ Герберштейнъ и слѣдовательно могъ написать тамъ свое сочиненіе.

Digitized by Google

служилъ, между прочими бумагами, его дневникъ [Herbersteins Selbstbiographie (*)], содержащій въ себѣ маршрутъ вмѣстѣ съ разными замѣтками. Въ послѣдствіи онъ составилъ для Фердинанда записку о религіи Руссовъ, присовокупивъ исторію ихъ. Къ изданію же, сдѣланному по желанію императора, онъ присоединилъ еще географическія свѣдѣнія, а также и маршруты свои. Такимъ образомъ вышло первое изданіе (1549 г.) въ 3-хъ отдѣлахъ. Слава комментаріи не замедлила распространиться по Европѣ между учеными и свѣтскими людьми. Изъ сотерій, посвященій и множества изданій видимъ, какъ читались въ то время комментаріи. О нихъ знала вся Европа; Россія также интересовалась ими: уже князь Курбскій въ своей исторіи Іоанна упоминаетъ о *Герберштейнѣ* (**), говоря о Семенѣ Курбскомъ, о которомъ читаемъ въ комментаріяхъ на стр. 79 (изд. 1556 г.).

Выдержавъ множество изданій, послужившихъ матеріаломъ для многихъ монографіи о Россіи, помѣщенныхъ въ историческихъ или этнографическихъ сборникахъ XVI—XVII вѣка на различныхъ языкахъ, Герберштейнъ съ своимъ трудомъ сдѣлался наконецъ въ XVIII в. достояніемъ и источникомъ русской науки. Неутомимый Миллеръ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» на 1761 г., въ статьѣ: «О князьяхъ новгородскихъ» пользуется Герберштейномъ, критически указывая на его ошибки. — Весьма замѣчательное библіографическое явленіе было въ 1795 году (***), когда нѣмецкій переводъ «Записокъ» Герберштейна (по изд. 1567 г.) былъ перепечатанъ по повелѣнію Екатерины II, которая случайно прочитала это сочиненіе, (вѣроятно, по указанію какихъ-нибудь спеціалистовъ, Бакмейстера или Миллера), нашла весьма любопытнымъ и вознамѣрилась издать. Придворный книгопродавецъ Вейтбрехтъ взялъ на себя это изданіе, а Бакмейстеръ занялся редакціей его. Вейтбрехтъ съ любовью принялся за дѣло, заказалъ въ Парижѣ особую желтоватую бумагу, которая цвѣтомъ подходила бы къ

(*) Fontes rerum austriacarum, 1 Bd. S. 69—396.

(**) См. Сказанія кн. Курбскаго изд. Н. Устрялова С.Пб. 1842 стр. 5 «О немъ же (о Семенѣ Курбскомъ) и о святомъ жительствѣ его не токмо тамо Русская земля вѣдома, но и Герберштейнъ, нарочитый мужъ цесарскій и великій посолъ, на Москвѣ былъ и увѣдалъ, и въ кроницѣ своей свидѣтельствуетъ, иже Латинскимъ языкомъ, въ Медіоланѣ, славномъ градѣ, будучи, написалъ. Той Герберштейнъ приходилъ два кратъ къ Москвѣ, посломъ великимъ отъ славнаго цесари христіанскаго, Карлуса, о великихъ дѣлѣхъ, или паче, постановляющи миръ вѣчный между царствы христіанскими, и вооружающи ихъ и подвизающи сопротивъ погановъ; и аще мужъ былъ искусный въ шляхетныхъ наукахъ и дѣлѣхъ, но въ варварскихъ языцѣхъ глубокихъ ради ихъ и жестокихъ обычаевъ, не возмогъ сего достохвальнаго дѣла до конца исправити».

(***) См. Sig. Fr. v. Herberstein v. Adelung S. 364—367.

Digitized by Google

подлинной; шрифтъ выбранъ былъ самый старый, какой находился въ типографіи, и который все-таки впрочемъ отличался отъ оригинала. Черезъ годъ издатель окончилъ уже печатаніе и доложилъ Государынѣ о скоромъ выпускѣ въ свѣтъ книги: оставалось сдѣлать карты и рисунки. Но смерть Екатерины остановила дѣло; книга валялась въ типографіи, пока наконецъ въ 1802 г. не умеръ самъ Вейтбрехтъ, а его заведеніе не перешло въ руки его прежняго фактора, Лисснера, который успѣлъ съ огромными издержками и трудомъ окончить все изданіе (въ 1804 г.) въ числѣ около 100 экземпляровъ.—Точность перепечатки самая библіографическая; все отличіе отъ подлинника состоитъ въ томъ, что въ петербургскомъ изд. форматъ бумаги больше, шрифтъ новѣе,—и на заглавномъ листѣ подлѣ льва отпечатанъ маленькій черный двуглавый орелъ. Точностью своей изданіе обязано прекрасному, ученому редактору своему—Бакмейстеру, который какъ добросовѣстный спеціалистъ, знающій библіографъ (онъ служилъ при библіотекѣ Академіи Наукъ) цѣнилъ значеніе хорошихъ библіографическихъ изданій такихъ памятниковъ, каковы Rer Mos. Com., съ которыми онъ былъ знакомъ давно по нѣсколькимъ изданіямъ, и между прочимъ по изд. 1551 (лат. базел.), находящемуся въ библ. Ак. Наукъ. Онъ самъ указываетъ на это изданіе, называя его *рѣдкимъ*, въ своемъ «Опытѣ о библ. и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной СПб. Имп. Ак. Наукъ» (*). Послѣ того ученый Фр. Аделунгъ издалъ прилежный, нелегкій трудъ свой: Siegmund Freiherr von Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland. Mid zwey Kupfern und einer Karte. Petersb. 1818. Хотя на свидѣтельства Аделунга, какъ относительно библіографіи, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, безусловно полагаться нельзя за совершеннымъ отсутствіемъ критики, а иногда и добросовѣстнаго вниманія, но тѣмъ не менѣе эта драгоцѣнная книга богата указаніями. Изслѣдователю остается повѣрять ихъ.—До сихъ поръ Аделунгъ былъ единственнымъ пособіемъ при изученіи Герберштейна, но съ тѣхъ поръ здѣшняя публичная библіотека пріобрѣла себѣ почти всѣ изданія знаменитаго путешественника, съ тѣхъ поръ историками нашими въ отдѣльныхъ монографіяхъ и цѣльныхъ сочиненіяхъ положено основаніе критической его оцѣнки, которая сдѣлалась возможна со времени изданія отечественныхъ памятниковъ. Книга Аделунга и вообще усиливавшійся въ русскомъ обществѣ интересъ къ исторіи отечества, сдѣлали комментаріи Герберштейна извѣстными въ публикѣ. По сви-

(*) Стр. 48.; это сочиненіе написано Бакмейстромъ на французскомъ языкѣ и потомъ переведено Костыловымъ на русскій въ 1779 г.

Digitized by Google

дѣтельству С. Русова, около 30-хъ годовъ существовали «въ нѣ «которыхъ русскихъ библіотекахъ переводы книги довольно любопытной, подъ названіемъ *Московскія записки Герберштейна*» (*). Не печатались они потому, что въ нихъ между прочимъ есть много «ложныхъ, оскорбительныхъ для слуха и «часто нелѣпыхъ извѣстій, что безъ смѣха читать ихъ не мож«но...За всѣмъ тѣмъ оная книга... какъ въ иностранныхъ го«сударствахъ, такъ наипаче въ Россіи читается, перечиты«вается, и даже часто употребляется во свидѣтельство другими «писателями». Не знаемъ та ли причина въ самомъ дѣлѣ задерживала рукописи въ библіотекахъ и не пускала ихъ въ печать; но во всякомъ случаѣ истиннаго значенія для науки и для общества не могъ имѣть переводъ до критической оцѣнки сочиненія. Маленькое изслѣдованіе Мусина-Пушкина о Холопьемъ городѣ, вышедшее въ 1810 г., примѣчанія къ исторіи Карамзина—всего этого еще было слишкомъ недостаточно для общей оцѣнки. Поэтому, собственно критика Герберштейна началась съ скептическаго труда С. Русова, помѣщеннаго въ его «Воспоминаніяхъ на 1832 годъ». Мы говоримъ о «Замѣчаніяхъ» Русова на переводъ комментаріи и о самомъ переводѣ, найденномъ будто издателемъ; вѣрнѣе, что онъ сдѣланъ самимъ Русовымъ или подъ его руководствомъ съ базельскаго изданія 1556 года. Переводъ сдѣланъ не точно и довольно тяжелымъ языкомъ. Примѣчанія при всей односторонности, проникнутыя недовѣріемъ къ Герберштейну, все таки весьма любопытны и вообще отличаются тѣмъ критическимъ направленіемъ, которое такъ необходимо для науки и ярче всего бросается въ глаза при зарожденіи вопроса, когда предметъ критики еще новъ и необработанъ. Русовъ съ свойственнымъ ему тактомъ чувствовалъ недостаточность современнаго ему взгляда на русскую исторію, чувствовалъ въ немъ пробѣлы,—и энергически высказывалъ это чувство во множествѣ критическихъ статейкахъ (**). Въ этомъ живомъ сочувствіи къ вопросамъ русской науки заключалась вся дѣятельность Русова, до сихъ поръ мало приведенная въ извѣстность и вовсе еще не оцѣненная (***). Доказательства, при-

(*), Воспоминанія на 1832 г. С. Русова. Февраль стр. 17.

(**) *Степанъ Васильевичъ Русовъ* (ум. 21 Марта 1842 г.), членъ Импер. Рос. Акад. и почетный членъ II Отд. Ак. Наукъ, писалъ очень много съ 10-тыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Такъ извѣстны его: Обозрѣніе критики Ходаковскаго, Опытъ о идолахъ, Варяжскіе законы, Историч. розысканіе о дочеряхъ Ярослава, статьи въ «Славянинѣ» за 1830 г., Замѣчанія на исторію Полеваго. Самостоятельный взглядъ и сочувствіе къ своей народности оживляютъ скептическое направленіе этихъ статей.

(***) Въ отчетѣ II Отд. Ак. Наукъ за 1842 г. въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1842 № 3, стр. 26, 27—сказано слишкомъ мало о Русовѣ. Дѣятельность его стоитъ вниманія монографовъ.

Digitized by Google

водимыя Русовымъ для подтвержденія своихъ мнѣній, часто не выдерживаютъ критики. Тѣмъ не менѣе этотъ дѣятельный труженикъ науки оставилъ по ней слѣдъ, незамѣтный только при первомъ взглядѣ. Критическое направленіе неминуемо приносило свои плоды тѣмъ болѣе, что Русовъ говорилъ о Герберштейнѣ, объ одномъ изъ иностранныхъ писателей о Россіи, до которыхъ тогда еще мало касалась критика.—Странная судьба постигла потомъ изданія Герберштейна, дѣлаемыя въ Россіи. Ихъ было *два:* въ 1841 г. А Старчевскій издалъ 2 тома Historiae Ruthenicae scriptores exteri, saeculi XVI. Berolini et Petropoli; вслѣдствіе какихъ-то особыхъ обстоятельствъ (*) эта книга существуетъ въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Впрочемъ, врядъ ли могла она во всякомъ случаѣ служить вѣрнымъ пособіемъ для ученыхъ по той типографической небрежности и невнимательности издателя, съ какимъ напечатаны напр. въ 1-мъ томѣ на стр. 3—100 Rer Mosc. Com., по видимому съ изд. 1556 г. Издатель позволялъ себѣ ни къ чему не ведущія отступленія отъ правописанія подлинника (Wolodimerus вм. Vuolodimerus, Czechi вм. Oczechi, Rutheni см. Rhuteni и т. д.); а типографія надѣлала пропасть опечатокъ, что̀ весьма неудобно для изданія памятниковъ.—Въ 1847 г. въ I-мъ отдѣленіи II-го тома «Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи» изд. Калистратова и Семенова, вышло 32 стр. латинскаго текста по изд. 1551 г. (=1—25 стр. по изд. 1556 г.) и 128 стр. перевода на русскій языкъ, соотвѣтствующаго 1—51 стр. по 1556 г. Но трудъ этотъ во 1) недоконченъ, во 2) не хорошъ тѣмъ, что выбранъ менѣе полный текстъ 1551 г., 3) потому что текстъ напечатанъ совершенно отдѣльно отъ перевода, 4) переводъ тяжеловатъ и во многихъ мѣстахъ не точенъ. При переводѣ предполагались примѣчанія, судя по ссылкамъ, которыхъ въ изданномъ выпускѣ болѣе 100...За границей свѣдѣнія о Герберштейнѣ ограничивались статьями въ энциклопедическихъ словаряхъ, заимствованныхъ изъ Аделунга, указаніями каталоговъ антикварныхъ библіотекъ и наконецъ, благодаря вѣнскому археологическому обществу, изданіемъ автобіографіи Герберштейна и его переписки съ герцогомъ Альбертомъ (**).

Въ 1851 г. переведены Герберштейновы записки на англійскій языкъ, подъ заглавіемъ: Notes upon Russia etc. translated and edited with notes and introduction by R. H. Major. Lond. (Print. or the Hakl. Soc.) 1851 in 8-o. 2 vol но, къ сожалѣнію, я ничего

(*) Пожаря, если не ошибаюсь.

(**) *Voigt*, Briefwechsel des Freiherrn Sig. V. Herb. mit Herz. Albrecht v. Preussen. Wien. 1856. въ XVII т. Archiv f. Kunde österreich. Geschichtsquellen.

Digitized by Google

не могу сказать объ этомъ переводѣ, такъ какъ по особымъ обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ меня, я не имѣлъ его подъ руками. Извѣстный библіоманъ, Августинъ Голицынъ, предпринимаетъ, говорятъ, переводъ Герберштейна на французскій языкъ. Указавъ на «Uebersicht d. Reisenden» Аделунга, гдѣ есть статья о Герберштейнѣ, сокращенная изъ монографіи о немъ того же автора, и на примѣчанія къ V т. исторіи Соловьева я долгомъ считаю упомянуть объ «Изслѣдованіи о Герберштейнѣ» помѣщенномъ въ предлагаемомъ первомъ выпускѣ студентскаго «Сборника». Этотъ трудъ, вызванный предложеніемъ Н. Г. Устрялова, представляетъ, кромѣ добросовѣстнаго изложенія содержанія книги Аделунга и Rer. Mosc. Com., и критическую оцѣнку нѣкоторыхъ главъ «Записокъ» (*).

Имѣя въ рукахъ вполнѣ добросовѣстный переводъ товарища нашего, И. Анонимова (нынѣ, съ 1856 г., кандидата), мы предлагаемъ возможно полное и отчетливое изданіе комментарій. Зная всю важность ихъ и рѣдкость библіографическую, мы старались удовлетворить изданіемъ нашимъ всѣмъ требованіямъ науки, какія сами съумѣли себѣ задать. Взявъ на себя это дѣло, мнѣ казалось необходимымъ сравненіе изданій, иногда существенно различествующихъ между собой. Принявъ за норму латинское базельское изданіе 1556 г., какъ самое полнѣйшее, я выписалъ къ нему варіанты преимущественно по изд. латинскимъ 1549 и 1551, нѣмецкимъ 1557 и 1563 и итальянскому 1550, выбирая изъ нихъ тѣ различія, которыя измѣняютъ или поясняютъ смыслъ текста. Впрочемъ, боясь пропусковъ, я помѣщалъ иногда и менѣе важные варіанты и печаталъ постранично въ выноскахъ, означенныхъ въ текстѣ латинскими буквами (a, b и т. д.). Кромѣ того, считая нужнымъ указать на источники тѣхъ или другихъ извѣстій Герберштейна, на мнѣнія нашихъ историковъ о ихъ справедливости,—мнѣнія, разбросанныя по разнымъ монографіямъ, въ концѣ изданія я прилагаю примѣчанія, въ которыхъ стараюсь давать оцѣнку каждому извѣстію, сравнивать съ источниками русскими и иностранными, чтобъ приготовить матеріалы для будущихъ критиковъ Герберштейна. Ссылки на эти примѣчанія отмѣчены въ текстѣ и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ перевода цифрами. Текстъ и переводъ мы издаемъ, для бо̀льшаго удобства—en regard. Текстъ печатается съ изданія 1556 г. съ буквальной точностью; на поляхъ отмѣчаются страницы подлинника; правописаніе стараго изданія соблюдается, исключая сокращеній, которыя затруднили бы чтеніе.—Переводъ, сдѣланный по

(*) См. стр. 22—35, 59—70, 75—83, 86—102 выпуска 1-го студентскаго «Сборника».

Digitized by Google

изд. 1556 г., я пополнилъ въ самомъ текстѣ варіантами, означивъ ихъ курсивомъ. Если эти варіанты только *пополняютъ* смыслъ текста 1556 г., то я вставлялъ ихъ цѣликомъ, если же *измѣняютъ*, то писалъ курсивомъ рядомъ въ скобкахъ. Такимъ образомъ мы стремились къ тому, чтобъ нашимъ изданіемъ замѣнить, по возможности вполнѣ, для спеціалистовъ и неспеціалистовъ пользованіе старинными изданіями, во всей массѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что достать ихъ почти невозможно. Незнакомымъ съ латинскимъ языкомъ, мы представляемъ русскій переводъ, въ которомъ принуждены были иногда жертвовать легкостью слога въ пользу точности. Въ концѣ, кромѣ примѣчаній, прилагается указатель къ комментаріямъ. Нашъ трудъ будетъ вознагражденъ, если достигнетъ своей цѣли—облегчитъ занятія ученыхъ и ознакомитъ неспеціалистовъ съ драгоцѣннымъ источникомъ русской исторіи XVI столѣтія. Еще нѣсколько словъ о заглавіи, которое мы дали комментаріямъ: «Записки о московскомъ бытѣ». За вѣрность его ручается содержаніе «Записокъ» и неопредѣленность слова *res* въ латинскимъ заглавіи: Rerum Moscov. Com. Нѣмцы переводили его: Warhafftige historien—разсказы, что не предполагаетъ того серіознаго тона, который долженъ быть и есть въ *Rerum Commentarii*. Здѣсь не одна исторія, не одна религія и географія, здѣсь все вмѣстѣ, полная картина жизни въ ея прошедшемъ и настоящемъ положеніи, на сколько ее зналъ и понималъ Герберштейнъ, здѣсь весь *бытъ московскій*, *московщина*, moscovitica, res moscoviticae. Слову Commentarii нельзя давать значенія замѣчаній; это есть сочиненіе, составленное по памятнымъ запискамъ автора, изъ которыхъ одна была даже подана императору. Соображая все это и ознакомливаясь болѣе съ духомъ комментарій Герберштейна, въ современною ему западною литературой и языкомъ, мы сочли всего болѣе соотвѣтствующимъ названіе, которое и дали «Запискамъ».

II.

Приступая къ изданію текста Rerum Moscoviticarum Commentarii Герберштейна, мнѣ кажется необходимымъ предпослать возможно полныя библіографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ его, съ которыми мнѣ удалось познакомиться, благодаря доступности здѣшней публичной библіотеки къ сокровищамъ ея, неоцѣненнымъ именно по отношенію къ иноязычнымъ писателямъ о Россіи.

Публичная библіотека обладаетъ изданіями, по большей части сохранившимися въ ихъ полнѣйшемъ, первоначальномъ видѣ. Нѣкоторыя она имѣетъ даже въ двухъ экземплярахъ. Можно

Digitized by Google

безошибочно сказать, что въ ея рукахъ *всѣ* изданія Герберштейна, по крайней мѣрѣ *всѣ* тѣ, на которыя есть точныя указанія библіографовъ.

Всѣ старинныя изданія Герберштейна можно раздѣлить на 2 главные извода: на *вѣнскій* (лат. 1549 и нѣм. 1557) и *базельскій* (лат. 1566 и нѣм. 1563), около которыхъ болѣе или менѣе тѣсно группируются всѣ остальныя изданія.

И такъ, I) *Изводъ вѣнскій* отличается слѣдующими общими признаками: a) комментаріи начинаются тою статьей, которая въ нашемъ изданіи (по 1556 г.) предпослана имъ подъ особымъ заглавіемъ: *ad lectorem*, и которая начинается словами: Moscovuiam mihi descripturo, а далѣе содержитъ въ себѣ изложеніе способа правописанія русскихъ словъ латинскими буквами; b) отсутствіе нѣсколькихъ мѣстъ, находящихся въ базельскихъ изданіяхъ; c) въ вѣнскихъ изданіяхъ нѣтъ о значеніи слова *разсѣяніе* по употребленію его въ св. писаніи, сравненія слова Россія съ греческимъ Ῥῶς и аналогіи его съ названіемъ галловъ и умбровъ (по баз. изд. 1556 г. стр. 1, Notum—gentem.); d) также нѣтъ оправданія противъ слуховъ, что будто Герберштейнъ привезъ русскому князю грамоты, которыми присвоенъ ему царскій титулъ (по баз. изд. 1556 стр. 17—19 Non dubitarunt—adducturi). Это статья была въ первый разъ написана уже послѣ 1-го опориновскаго базельскаго изд. 1561 г. и напечатана въ Вѣнѣ, сначала на латинскомъ (безъ года, а потомъ и на нѣмецкомъ въ 1560 г.) подъ заглавіемъ: Defensio etc, e) нѣтъ разсказа о богемцѣ Еразмѣ (по баз. изд. 1556 г. стр. 43—45 Gloriantur Mosci—traiectus occubuit), f) правописаніе вообще запутанно; опечатокъ типографскихъ множество, g) картины, имѣющіяся при изданіяхъ этого извода, обращены лицами, изображенныхъ на нихъ людей и звѣрей, налѣво отъ читателя; h) кромѣ того важно еще то, что на собственно вѣнскихъ изданіяхъ лежитъ отпечатокъ непосредственнаго участія самого Герберштейна.

II) *Изводъ базельскій* имѣетъ слѣдующія отличительныя особенности: a) комментаріямъ, кромѣ предисловія и посвященія Фердинанду, предпосылается статья *ad lectorem*, начинающаяся словами: Moscovuiam mihi descripturo и т. д.; b) полнота и бо́льшая исправность изданія относительно вѣнскаго извода; c) присоединеніе къ комментаріямъ сочиненія Павла Іовія съ особымъ заглавіемъ: Pavli Iovii Novocomensis de legatione Basilii Magni etc., liber, а позднѣе и de admirandis Hungariae aquis, Hypomnemation, Georgio Vuernhero authore (посв. Герберштейну). Не говоримъ уже о тѣхъ изданіяхъ комментарій, которыя помѣщены въ особыхъ сборникахъ (см. далѣе); d) въ нѣмецкихъ

Digitized by Google

изд. базельскаго извода, передъ статьей: Modus inaugurandi principes (стр. 19 по 1556 г.), помѣщается Appendix oder angehengte Historien von der Moscoviten letsten Handlungen; e) картины лицами изображенныхъ на нихъ людей и звѣрей обращены вправо отъ читателя, f) къ комментаріямъ прибавляется указатель.

Къ вѣнскому изводу, кромѣ собственно вѣнскихъ, 1 (2?) латинскаго и 1 нѣмецкаго, мы причисляемъ еще венеціянское изд. итальянскаго перевода.

1) Вѣнское изданіе латинское 1549 года. Этимъ рѣдкимъ *первымъ* изданіемъ комментарій, который самому Аделунгу былъ извѣстенъ только по письму Копитара (*), обладаетъ наша публичная библіотека. Вотъ его описаніе: Rerum Moscoviticarum commentarii. In his commentarijs sparsim conténta habebis candide Lector. Russiae et que nunc eius Metropolis est, Moscoviae brevissimam descriptionem. De Religione quáque varia inserta sunt: Et quae nostra cum Religione non conveniunt. Chorographiam denique totius imperij Moscici: Et vicinorum quorundam mentionem. Quis denique modus excipiendi et tractandi orotares: disseritur. Itineraria quoque duo, in Moscoviam sunt adiuncta.—In fol., безъ означенія года, 2 л безъ отмѣтки + XII (A—C) + XXIX (A—E) + XXXVII (A—G) (=8 о л.). Страницы обозначены римскими цифрами съ нѣмецкой припиской *Fol.* Шрифтъ всего изданія обыкновенный латинскій, форматъ бумаги средней величины.—На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Герберштейна, затѣмъ 4 раскрашенныя картины. Fol. II—Посвященіе Фердинанду. Fol. III и IV—сотерія. Fol. V—Itinera in Moscoviam до Fol. XV (=136—154 р. 1556 г.). Здѣсь на Fol. VIII, нѣтъ сравнительно съ базельскимъ изданіемъ 1556 г. всего, что въ этомъ послѣднемъ находится на стр. 143 отъ слова Admonit до reuertor. Также нѣтъ того, что находится на стр. 145—149 (изд. 1556 г.) отъ Caeterum cum in regni Hungariae до Iter secundae legationis.—Во 2-й серіи пагинаціи, на Fol. 1 заглавіе· Moscovvia Sigismvndi liberi Baronis Herberstain Neyperg et Gvetnhag. Fol. II—Moscouuiam mihi descripturo etc. (=ad lectorem 1556 г.) съ маленькими измѣненіями. Затѣмъ—пропуски, общіе вѣнскому изводу. Fol. V—серіи 3-й: Nvnc Chorographiam etc.; далѣе слѣдуетъ почти также какъ въ изд. 1556 г. стр. 60—136. Судя по заглавію и по изд. итальянскому (черезъ годъ въ 1550 г.), порядокъ *серій* перемѣшанъ здѣсь переплетчикомъ: сначала должна быть 2-я, потомъ 3-я и наконецъ 1-я изъ этихъ 3-хъ серіи, во всякомъ случаѣ только послѣднія 2 составляютъ собственно систематическое сочине-

(*) Adelung. S. Fr. H. S. 317—321.

Digitized by Google

ніе. Нельзя ли этимъ самымъ объяснить слова Лорета Глареана въ его примѣчаніяхъ на 8 книгу К. Курція (печатаемыхъ обыкновенно между Herbersteniana), гдѣ говорится, что о скиѳахъ и сарматахъ Герберштейнъ издалъ *duo iusta volumina*. Экземпляръ, принадлежащій публичной библіотекѣ и принесенный ей въ даръ отъ нашего библіографа Геннади (*), заключаетъ въ себѣ всѣ 3 серіи пагинаціи, между тѣмъ какъ вѣнскій экземпляръ этого изданія, по описанью Копитара, имѣетъ только 1-ю и 3-ю серіи; за то онъ заключаетъ въ себѣ послѣ 1-й серіи, 3 стр. опечатокъ и карту Москвы, которыхъ нѣтъ здѣсь.

Экземпляръ публичной библіотеки содержитъ въ себѣ нѣсколько рукописныхъ отмѣтокъ на поляхъ, болѣе или менѣе любопытнаго содержанія. На заглавномъ листѣ обозначено чернилами Zach. F. Tinnin., и другимъ почеркомъ что-то въ родѣ G. Bronsky. Всѣ отмѣтки замѣтно дѣлаемы были католикомъ, и, вѣроятно, полякомъ, судя по односторонности сужденій въ религіозномъ отношеніи.—Что это изданіе относится къ 1549 г.—видно изъ указанія самого Герберштейна, сдѣланнаго имъ въ своемъ сочиненіи: Gratae posteritati Sig. lib. Baro in Herberstain. Тамъ именно подъ 1549 г. онъ говоритъ: Historiam Moscoviae stilo simplice congessi, eandemque Typis excudi curaui. Тогда, по свидѣтельству того-же сочиненія, онъ находился въ Вѣнѣ. Въ Appendix Bibliot. Conr. Gesneri 1555 г. на стр. 97 читаемъ: Sigism. Liber, Baro in Herberstein etc. scripsit Rerum Moscoviticarum commentarios, excusos *Viennae primum Austriae*. Изъ всего сказаннаго видно, что изданіе 1549 г., по своей неполнотѣ и неисправности не можетъ быть принято за норму, хотя и издавалось подъ наблюденіемъ самого автора.

2) Черезъ восемь лѣтъ послѣ перваго изданія, Циммерманъ издалъ въ Вѣнѣ переводъ комментаріи, сдѣланный самимъ Герберштейномъ. Это весьма любопытное изданіе носитъ слѣдующее заглавіе: Moscouia der Hauptstadt in Reissen, durch Herrn Sigmunden Freyherrn zu Herberstein, Neyperg und Guetengag obristen Erbcamrer, vnd obristen Erbtruckhsessen in Kärnto Römischer zu Hungern und Behaim Khü. May. etc. Rat, Camrer vnd Presidenten der Niederösterreichischen Camer zusamen getragen. Sambt des Moscouiter gepiet, vnd seiner anrainer beschreibung vnd anzaigung, in weu (?) sy glaubens halb mit vns nit gleichhellig. Wie die Potschaften oder Gesandten durch sy emphangen vnd gehalten werden, sambt zwayen vnderschidlichen Raisen in die Mosqua. Mit Rö. Khü. May. gnad vnd Priuilegien. Getruckt

(*) Сынъ г. Геннади пріобрѣлъ этотъ экземпляръ на толкучемъ рынкѣ въ С.-Петербургѣ.

Digitized by Google

zu Wienn in Osterreich durch Michael Zimmermann in S. Anna Hoff 1557., in folio, малаго формата. Кромѣ картъ и заглавнаго листа—л. A—Z. Форматъ бумаги—средній. Этотъ переводъ сдѣланъ авторомъ и поэтому изобилуетъ вольностями, прибавками и выпусками относительно оригинала такъ, что трудно рѣшить, какимъ именно изданіемъ пользовался тогда Герберштейнъ. Отсутствіе такихъ мѣстъ, какъ Notum—gentem (1556 Б. стр. 17—19), отсутствіе, служащее отличіемъ вѣнскаго извода, заставляетъ предполагать, что скорѣе всего авторъ придерживался преимущественно изданія 1549, вѣнскаго. Впрочемъ, такъ-какъ Герберштейнъ самъ участвовалъ въ исправленіяхъ базельскихъ изданій, бывшихъ до 1557 года, то и здѣсь встрѣчаемъ много добавленій, а также и измѣненіе порядка главъ. Отсылаемъ читателей къ нашему изданію, гдѣ между варіантами указаны вольности, допущенныя Герберштейномъ въ этомъ изданіи 1557 года, и служащія къ объясненію и дополненію текста 1556 г.—При изданіи 1557 года мы находимъ предисловіе самого Герберштейна на нѣмецкомъ языкѣ. Такъ какъ оно нигдѣ болѣе не встрѣчается, то мы и считаемъ долгомъ сообщить его читателямъ: «(*) Сигмундъ Баронъ Герберштейнъ,

(*) Вотъ подлинникъ этого предисловія.

Sigmund Freyherr zu Herberstain, Neyperg und Guetenhag, Obrister Erbcamrer und öbrister Erbtrucksess in Kärntn, etc. wünscht dem güettigen Leser glückh und hayl.

Nach dem vil von örttern der Welt so gegen Mitternacht gelegen, geschriben, und gesagt haben, sonderlich von den gepürgen und ursprungen der namhafften flüssen, auch der Völcker Sitn und wesen, und als hieuor etliche Potschafftn von Kayser Maximlian hochloblichister gedechtnuss zu dem Grossfürsten in die Mosqua gesandt worden, die vil wunderbarlichs auch etlichs unglaublichs davon gesagt, So sich dann begeben, das mir auch aufgelegt ward, in dieselben Landt Poln und Litn, zu Khünig Sigmunden und in die Mosqua zu Basilio dem Grossfürsten in Potschafft zuraisen, Hat herr Matheus Lang Cardinal zu Saltzpurg ain hochberümbter erfarner und geliebter Herr, mich ernstlichen angesprochen und ermont, was warhafftis derselben Landort zuerjndern, das ich auf solch ermonen auch sunst für mich selb mit Vleiss gethon, und mit dem besten, so ich vermügt, verzaichnet, derhalb zu meiner widerkhunfft hat ermelter Herr Cardinal, bey dem Kayser in meinem beisein erworbeu, ausser seines beisein mich in meiner Verrichtung nit zuhörn, das also beschehen. Aber nach absterben Khaiser Maximilians durch yetzigen Römischen Khünig, Ferdinanden und meinen allergenedigisten Herrn, bin ich abermals an die ort verordent, und mir sonderlichen bevolhen und aufgelegt, mich neben der Khay. May. gesandten Graf Leonharden Nugarolis, des Glaubens Ceremonien, und ander des Volckhs sittn und gebreuch, auch des Landes gelegenhait zuerkhündigen, darauf ich des sohievor verzaichnet von newem erforscht und erjndert, welches ich dann mit vil zeügen dermassen gleich bestendig befunden, dasselb für ain gwisshait angenomen. So ich dan nach erzellung meiner handlung und erjnderung erfaren, der Khay. May. etc. und dem herrn Cardinal dieselben angenam und gefellig hab ich des alles hochstgedachter jetziger Römischer Khu. May. etc. Lateinisch zuegeschriben, und also in Drukh khomen, das von vil gelerten gelobt, auch pald durch etliche in das Wällisch gleichermassen in den drukh gebracht, das Lateinisch zu Basl zwaymal von newem durch mich in etlichen gemert, auch in etlichen gebessert, gedruckht unnd zu Franckfurt in der Mess oder gemainen Marckt grosse anzal verhandlt, deren man noch an vil orta suecht und nit bekhomen mag, der ursachen bin ich auf etlicher freundt ersuechen

Digitized by Google

Нейпергъ и Гвстенгагъ и проч. желаетъ благосклонному читателю счастія и блага. Матвѣй Лангъ, кардиналъ въ Зальцбургѣ, человѣкъ извѣстный, опытный и любимый, убѣждалъ и уговаривалъ меня настойчиво, чтобъ я добросовѣстно запоминалъ все относящееся къ Польшѣ и Руссіи послѣ того, какъ много было писано и говорено о странахъ свѣта, лежащихъ къ сѣверу, особенно о горахъ и источникахъ знаменитыхъ рѣкъ, о нравахъ и бытѣ народовъ, и послѣ того, какъ уже были отправляемы многія посольства отъ блаженной памяти царя Максимиліана къ велико-

---

bewegt worden, den gemainen Teütschen die nit Latein khünnen, und doch begierig sein dergleichen sachen ainen grundt zuwissen, in Teutsche Sprach zu bringen. Und wiewol ich zuvor und hernach vil weite raisen, alles in ansehlichen Potschafftn gethon hab, Als von Khayser Maximilian zu Khünig Cristiern in Denmarkht, zu den Chur vnd Fürsten Mentz, Sachssen, Brandenburg, und zwayen gebrüdern Hertzogen zu Mechelburg an ainer Raiss, auch Saltzpurg, Eystet, Bayrn, etliche mal in die Aidgnoschafft und dan gehn Hungern, so aber der Guettigist Khaiser Maximilian starb, durch mein Vatterlandt dz Hertzogthum Steyr, durch Venedig, Ferrar, Bononia, Rom und Neapolis zu Pherdt vondan in Hispanien geschifft, Sardinien Minoricám, dan Ibitzam und Maioricam, mit grosser ungestüme antroffen, herwider durch Franckhreich, Piemont, Mailandt, Bressa, Beern, Vincentz, und durch das Friaul anhaims, Aber von yetziger Rom. Khü. May. Khünig Ferdinanden meinem Allergenedigisten Herrn, villmal in Hungern und Behaim, villmal in Poln, und Litthn, auch zu Teutschen Fürsten, dan zu dem Grossmechtigisten und Glückhofftigisten Suleyman Türggischen Khaiser gesandt wo den, von deren Landtorten, der Völckher sitten, und gewonhaiten, ich nichts geschriben, um des willen, das vil Ehrliche auch beruemte und gelerte daselbsten gewest, und täglichen sein, davon lautter beschriben, das ich den selben fürgreiffen soll, erkhen ich mich nit darfür, aber von den ortn, dahin hievor als zuglauben, deren, die davon geschriben haben, khainer khomen ist, und noch wenig khumen, hab ich aus beuelch und treuer vermonung, des so ich gesehen, und von villn in einhälliger bestättung erindert, in gemain khundt thuen wellen. Verhoff wer an die ort mit fueg khumen wirdt muügen, oder von denen die der ortn herkhumen, das der oder die aus disem meinem vertzaichnen vrsach haben, ain gewissers zuerindern, damit man doch das so lang verporgen gewest in meinigelichs gewisse wissenhait bringen müge, so aber in meiner beschreibnng vil fäl befunden werden, als in der lartzal nach der Welt beschaffung, und anders so ich aus derselben ort geschichtschberchreibuug genomen und herein gesetzt, welle ain treuer Leser die sachen versteen, das ich in ertzellung des, so ich daselbsten her hab, in nichte verändern, auch die gewisshait, und jren Irrthum antzaigen willen, zu solcher erkhündigung haben mich die Lateinisch und Windisch sprachn vasst geholffen, und mich dess ergetzt, des ich in meiner lugent derhalben beschwärt bin worden, wann umb der windischen sprach willen, von unerfarnen vill bekhürmliche wort hören nuessen, wie mich dan etlich auch der Latein halben dergleichen jrs vermainens spötlichen ain Doctor genent, des ich mir doch für ain Ehr angenomen, wan ich mich des wirdig erkent hette, und mit vil andern spizigen wortn, die mich aber von den sprachen nie abgetzogen, sonder wo ich vrsach gefunden, dieselben zereden mich nit geschichen, oder geschämbt, weil ich es ainem andern für Ehr und wolstand geachtet, und hat gleichwol dise arbait mir neben mainem taglichen dienst und alter, des ich nun in ainemundsiebentzigisten lar bin etwas muehe, aber aller maist die beschwärnuss zuverteutschen geben, weil ich meines taglichen diensts halben so mir vertraut, nit bequeme zeit gehaben mugen, offter zuersehen, damit das alles besser geteutscht und zierlicher gestelt wär worden.

Bitt derhalb alle menigelich, denen diso mein arbait (wie sy dann ist) fürkhomen mag, sy wellen die zum guetten annemen, und ausslegen, nud sich meiner muesamen erfarung, zu jrem pesstn gebrauchen, mit zu argemkhern, und ausslegen, dan ich das von gmaines nutz wegen gleichwol schlechtlich, aber getreulich znsamen getragen hab.

Digitized by Google

му князю московскому и какъ эти посольства разсказывали много удивительнаго, даже невѣроятнаго о происходящемъ тамъ, послѣ того наконецъ, какъ и на меня была возложена поѣздка въ Польшу въ качествѣ посланника къ королю Сигизмунду и къ великому князю Василью. Этимъ я и занялся прилежно сколько по убѣжденію Ланга, столько и для самаго себя, и пополнилъ объясненіями по мѣрѣ силъ. Поэтому упомянутый кардиналъ выпросилъ у императора при мнѣ, чтобъ онъ не выслушивалъ моихъ разсказовъ въ его отсутствіи, что̀ такъ и исполнялось. Но послѣ смерти императора Максимиліана, я снова былъ посланъ туда же теперешнимъ римскимъ королемъ Фердинандомъ, моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, который приказалъ и поручилъ мнѣ особо изслѣдовать религіозные обряды, и другіе народные обычаи и нравы, а также положеніе страны. Тогда я снова узналъ и замѣчалъ все, что̀ прежде отмѣтилъ и что̀ подтвердивши многими свидѣтельствами, принялъ за положительную правду. Когда я узналъ, что мои разсказы о моихъ дѣлахъ и воспоминаніяхъ были съ удовольствіемъ и благосклонно приняты е. в. и кардиналомъ, то я и посвятилъ все это по латыни благочестивѣйшему нынѣшнему римскому королевскому величеству и въ такомъ видѣ напечаталъ. Заслуживъ похвалы отъ многихъ ученыхъ, сочиненіе мое вскорѣ было переведено нѣкоторыми людьми на италіянскій языкъ и также напечатано; по латыни два раза издано исправленное и умноженное мною, распродано въ Базелѣ и на франкфуртской ярмаркѣ или, просто, рынкѣ во многихъ экземплярахъ такъ, что теперь его многіе ищутъ, но нигдѣ получить не могутъ. Поэтому, я по просьбѣ нѣкоторыхъ друзей принялся переводить свое сочиненіе на нѣмецкій языкъ для простыхъ нѣмцевъ, которые не знаютъ по латыни, но желаютъ основательно ознакомиться съ этимъ предметомъ. Прежде и послѣ я совершалъ дальнія путешествія, все по важнымъ порученіямъ. Такъ императоръ Максимиліанъ посылалъ меня къ королю Христіерну въ Данію, къ курфирстамъ менцкому, саксонскому, брандербургскому и къ обоимъ братьямъ герцогамъ Мехельбургскимъ, ко всѣмъ зàразъ, также въ Зальцбургъ, Эйстетъ, Баварію, нѣсколько разъ въ союзъ и потомъ въ Венгрію; по смерти его милости императора Максимиліана, я ѣздилъ на родину, въ герцогство Штирію, черезъ Венецію, Феррару, Бононію, Римъ и Неаполь по сушѣ, оттуда по морю въ бури и непогоды — въ Испанію, Сардинію, Минорку, Ибицу, Майорку, оттуда черезъ Францію, Пьемонтъ, Миланъ, Брессу, Бернъ, Винцентъ и черезъ Фріуль домой. Также нынѣ царствующій его римск. корол. вел. король Фердинандъ, мой всемилости

Digitized by Google

нѣйшій государь, посылалъ меня нѣсколько разъ въ Венгрію и Богемію, много разъ въ Польшу и Литву, также къ нѣмецкимъ князьямъ и всемогущему и благополучному Сулейману, турецкому царю. Но объ этихъ земляхъ, о ихъ нравахъ и обычаяхъ, я ничего не писалъ потому, что многіе добросовѣстные и извѣстные ученые бывали тамъ и теперь часто бываютъ описывали что видѣли такъ, что я долженъ былъ бы заимствовать изъ нихъ, къ чему я не способенъ Но о тѣхъ странахъ (о Россіи?) какъ кажется, никто не издалъ въ свѣтъ даже и того, что написано, и еще мало издается; поэтому я по приказанію и дружескимъ убѣжденіямъ дѣлаю общеизвѣстнымъ все что видѣлъ и что узналъ отъ многихъ съ достовѣрностью. Я надѣюсь, что кто поѣдетъ въ тѣ страны для изученія и кто оттуда вернется, тотъ по поводу моихъ комментаріи сдѣлаетъ замѣчанія для того, чтобъ привести въ бо́льшую извѣстность то, что до сихъ поръ было такъ долго скрыто. Въ тѣхъ случаяхъ, когда что найдется въ моемъ описаніи невѣрнаго, въ лѣтосчисленіи отъ сотворенія міра или въ другомъ чемъ, взятомъ мною изъ тамошнихъ лѣтописей и помѣщено сюда-же, то да поіметъ благосклонный читатель, что я въ пересказѣ по тамошнимъ источникамъ ничего измѣнить не могъ, и хотѣлъ передать и правду и заблужденія ихъ. Въ такихъ свѣдѣніяхъ помогъ мнѣ латинскій и виндскій языкъ; это вознаградило меня за то, что эти языки затрудняли меня въ юности. За мои познанія въ виндскомъ языкѣ, я долженъ былъ выслушивать отъ нѣкоторыхъ невѣжъ (?) много обидныхъ словъ, также какъ за латынь многіе называли меня въ насмѣшку докторомъ, что я считалъ бы за честь, еслибъ находилъ себя достоіннымъ того, — и многими другими острыми именами, что однако никогда меня не отвлекало отъ языковъ. Напротивъ, я никогда не уклонялся и не стыдился говорить на нихъ, гдѣ только находилъ случаі, потому что другому я приписалъ бы это къ чести и образованію. Я принялся и за эту работу среди моихъ ежедневныхъ, служебныхъ занятіи, на старости, несмотря на то, что я нѣсколько утомляюсь на моемъ 71 году. Я прилагалъ всѣ возможеныя старанія къ переводу, хотя преданный моей ежедневной службѣ, я и не могу выбрать удобнаго времени и чаще обращать вниманія, чтобъ все было лучше и изящнѣе переведено на нѣмецкій языкъ. Поэтому я прошу всѣхъ и каждаго, кому попадется моя работа (въ этомъ видѣ), принять и объяснять ее благосклонно, употребить себѣ на пользу мой кропотливый опытъ и снисходительно убѣдиться, что я для общей пользы изложилъ предметъ добросовѣстно, хотя и не изящно».

(*) Это карта, равно и портретъ, изданы у Adelung'a S. Fr. v. Herb. и о важнѣйшихъ изданіяхъ Герберштейна *(Любойки)* 1818 г. С.-Пб.

Digitized by Google

У насъ подъ руками 2 экземпляра этого замѣчательнаго изданія: 1) принадлежащій публичной библіотекѣ, 2) (**) румянцовскому музею. Послѣдній нѣсколько полнѣе перваго и, какъ видно по надписи на заглавномъ листѣ и другимъ отмѣткамъ, принадлежалъ роду Герберштейна.—До начала пагинаціи изданіе заключаетъ въ себѣ: 1) заглавный листъ; на экз. рум. м. подпись чернилами: Max. Sigs. frh. von herbetstein съ росчеркомъ, 2) портретъ Герберштейна въ овальной рамѣ: съ надписью кругомъ: Sigmvnd Freiher Zv Herberstain Neiperg vnd Gvetenhag 1847 и съ подписью:

Sexaginta annos fveram iam natvs et vnvm
Effigies similis cum fvit ista mihi.

Этого портрета въ экз. пуб. биб. нѣтъ. 3) 2 карты въ нѣмецкомъ переводѣ: a) Москвы и b) московскаго государства (см. далѣе *о картахъ* подъ N 1). Послѣдней въ экз. пуб. бил. нѣтъ. 4) Предисловіе. 5) Портретъ князя Василья. 6) Карта московскаго государства (N 2) на латинскомъ, чего также нѣтъ въ экз. пуб. биб. 7) Картина, всадникъ и осѣдланный конь. 8) На обор. малый, но полный гербъ Герберштейна. 9) Родословная австрійскаго дома по нѣмецки (въ экз. пуб. биб. нѣтъ). Затѣмъ счетъ страницъ начинается съ картинъ, изображающихъ случаи изъ жизни Герберштейна. Ихъ четыре. Комментаріи начинаются: Mosqua wirdet Teütsch, auch Reissisch gleich, aber auf Latein Moscouia genant etc. На об. л. Pjjj и на л. Q—изображеніе бизонта и быка въ маломъ видѣ. Послѣ л. U—три картины, относящіяся къ описанію Московіи. Далѣе гербъ издателя и наконецъ, въ экз. рум. м.: Etliche wordt vnd Buchstaben zu endern (опечатки)—на 4-хъ стр. Къ экз. рум. м. пришито, какъ видно очень давно, другое сочиненіе Герберштейна: Sigmund Freyherr zu Herberstein etc. Seines thuns diensten unnd Raisens mit trewer vermanung sich zu Tugenden und guetten weesn schicken. Gedruckt zu Wienn in Osterreich durch Raphaeln Hoffhalter. На об. раскрашенный, малый гербъ Герберштейна. Далѣе самое сочиненіе на Ajj — Fjj. Здѣсь встрѣчается пять раскрашенныхъ картинъ, изображающихъ парадные костюмы Герберштейна. На л. F, чернилами приписка: den 28 Martij.. ist Herberstein, in die Nacht....selliglich gestorben. По окончаніи этого сочиненія слѣдуетъ рескриптъ Фердинанда Гербершейну отъ 1542 года. Далѣе съ новымъ счетамъ страницъ и съ особымъ заглавіемъ: Gratae

(**) Въ то время, когда я писалъ это, дѣятельный директоръ пуб. библ. баронъ М. А. Корфъ выписалъ изъ-за границы еще 2 экз. этого изданія; одинъ изъ нихъ почти также полонъ, какъ экз. рум. музея.

Digitized by Google

posteritati Sig. Lib. Baro in Herberstein etc. Immunitate meritorum ergo donatur, actiones suas à puero ad annum usque aetatus 74, brevi conmentariolo notatus reliquit. На заглавномъ-же листѣ раскрашенный гербъ Viennae Austriae excudebat Raph. Hofhalter. Anno 1560, форматъ также in folio; (*) A—Pjjj. Съ стр.

(*) Въ этихъ сочиненіяхъ слѣдующіе отрывки относятся къ воспоминаніямъ о Московіи: 1517 Der Khayser was mit dem Khünig Sigmunden in Poln ain zeit lang in vnwillen, Darumb der khayser sich mit dem Moscoviter in freundtschafft eingelassen. Als aber solcher vnwillen in freundtschafft zu Wien verkert ward, schickt mich der Khayser zu dem Khünig heyrats halben mit Bona Hertzog Hansen Galeatzn zu Maylandt tochter. Vnnd fürter in die Mosqua fridens halben zwischen des Khünigs und grossfürstn zu handeln. Bin zu Hagenaw abgevertigt worden am 14 tag Decembris.

Von Augspurg mit Gregorien Demetri Sagrewcki des Moscoviter gesauten, Crisostomo Columno der Hertzogin von Meylandt geschickhtn und Hannsen vom Turn der mir als aussgeber zuegeordent, und Georgn Rämenschissl als wegweiser am 27 tag verritten.

Den Künig erraicht ich zu der Wild in Lithn, von dan nach Polotzkho dahin ich auff der Duna viel meil am Eyss mit grosser geuer gefarn, Daun gen Grossneugartn khomen Mein schlittn so ich von Augspurg bracht, den Teutschen Khauffleuten auff jr bit geben. Ich bin an der posst in die Mosqua geraisst an dem namhafftn wasser Rha des Sy Volga nennen, gefarn. Mein mitverordenter Peter Mraxi ist ehe ich zu im khomen gestorben, Herr Veit Strein au sein Stadt verordent erkranckt, dan Fridrich Strassaur kam auch nit, habs allein verricht.

In der Mosqua hab ich nicht verricht, daun der Künig in Polln schickht sein Kriegsvolck für das Schloss Opotzkha khundt das nit gewinnen Winters halben nit lenger im veldt bleiben, Derhalben wolt der Grossfürst, ob gleich die Littischen Potn auf das Glaidt so ich jnen zugeschickt het darkhammen kain austandt annemen, bin 31 wochen daselbstn gelegen, Mein Raiss heraus auf Mosaisco, Viesma, Drohowusch, Schmoleutzkho, Dobrowna, Orsa gen der Wild genomen, meine Pherdt sein durch Leifflandt wider zu mir khumen. *S. F. zu Herb. Seines thuns dienstn etc. изд. вѣнское in f-io p. Cjjj.*

1526.... In Polln zu dem Künig auch in die Mosqua zu dem Grossfürstn Basilio am zweiffln Jenners aus Wienn verruckht, Graff Leonhart Nugarolis vom Römischen Khayser Carln, und ich von jetziger Römischer Khayserlichen Mayt. der zeit noch nit Khünig gesante, daun der Grossfürst hette seine gesandtn in Hispanien, Die aber zu Fürstlicher durchleuchtigkait abzufertigen beschieden worden, die zogen also mit vns.

Zu Kraccau was der Khünig, vnd wir nit wie der prauch daselbstn ist, den andern Februarij emphangen, vns nyembt entgegen geschickht, khain herberg noch vnderhalt geben, sonder zweifl aines verdachts vmb der mitraesenden willen, Als wir aber verhort vnnd vnserer Herrn gewüet verstandeu worden, geman es ain bessere gestalt, vnd sein also durch Lithn zu Brieste nach Camenetz Miensco Borisow, Orssa vnnd Dobrowna, von dannen auff des Moscouiter gebiet vnnd gen Smolensco den 25 Martij, Drohowusch, Viesma, Mosaisco und in die Mosqua deu 26 Aprilis komen, mit grossen Ehrn vor der Stat emphaugen, vnd mit Pherdtn verehrt, auch also darauff in die Stadt beglaidt vnd gefüert worden, daselbstn den austand gehandlt vnd dann zu Mosaisco um aindlefften Novembris verricht vnd abgeuertigt.

An der Rays sein Herr Rueprecht Freyherr zu Herberstain, vnd Frantz Fitzien mit mir vnd Herr Günther Rueprechts Brüeder mit dem Grauen Nugarolis geraist.

Als wir abgeuertiqt warn, lies der, Grossfürst vns fragen, welchen weg wir anhaims nemen woltn. Dann jme warn von Seinen Granitzn kundtschafftn khumen, wie der Türck zu Ofen gewest, Wiste aber nicht was der aussgericht hette, damit wir vns darnach zurichtn wissen.

Wie wir das Littisch erraichtn, haben wir des Khünig Ludwigs in Hungern abbleiben vernomen, Bald erinderten wir meines Herrn erwelung zu Khünign in Behaim.

So wiste ich auch das mein Herr rechtlichen gen Hungern zu Khünig erwelt solte werden, Darvmb ich wol bedachte was bey dem Künig zu Polln derhalben zu handln wäre, des ich dann gehandlt hab, So khumbt meines Herrn Potschafft zu dem Künig geu

Digitized by Google

Ejjjj до конца идутъ сотеріи. У Дени (**) описанъ экземпляръ вѣнскоіі библ., но менѣе полный, чѣмъ экз. рум. м. Въ Bulletin du bibliophile. Iuin. 1857, князь Августинъ Голицынъ указываетъ на экз., къ которому также присовокуплено Seines thuns, dienstn und Raisens etc.; но, какъ кажется, картинъ въ этомъ экз. менѣе, чѣмъ даже въ экз. публ. библ.—По указанію Штукка (*) изданіе 1557 г. перепечатано было въ Вѣнѣ-же въ 1618 г. Это извѣстіе повторяется Аделунгомъ и Языковымъ въ Энцикл. словарѣ (**). Болѣе-же точныхъ указаніи мы не имѣемъ,

3) Черезъ годъ послѣ перваго выхода въ свѣтъ комментаріи, они были переведены на итальянскіи языкъ подъ заглавіемъ: «Comentari della Moscovia, Et parimente della Russia, et delle altre cose belle et notabili, composti gia latinamente per il signuor Sigismondo libero Barone in herberstain. Neiperg et Guetenhag, tradotti nouamente di latino in lingua nostra uuolgare Jtaliana. Simelmente viti tratta della religione delli Moscouiti, et in che parte quella sia differente dalla nostra benche si chiamino christiani. Jtem una discrittione particolare di tutto L'imperio Moscovitico, toccando ancora bi alcuni luoghi uicini, come sono de Tartari, Lituuani, Poloni, et àltri molti riti et ordini di que popoli. In Venetia per Gioan Battista Pedrezzano. Cnm Priuilegio del Jllustriss. Senato Venetiano. Per anni M. DL. Въ 8-ю долю. 7 стр.+А—У (90 стр) На заглавномъ листѣ неполный гербъ Герберштеіна. Посвященіе—дону діегу Гуртадо Мендозѣ, посвященіе Герб.—Фердинанду, указатель къ комментаріямъ. Затѣмъ комментаріи начинаются съ статьи ad lectorem. Послѣ 90 стр., послѣсловіе издателя, заключающее въ себѣ краткое описаніе содержанія книги и приложенныхъ къ неіі рисунковъ, которыхъ съ изображеніемъ Василья—пять. Кромѣ того въ началѣ экз. пуб. библ. находится особенно замѣчательная карта Московіи (№ 1), исправленная какимъ-то Giacomo gastoldo Piemontese.

Переводчикомъ, вѣроятно, былъ тотъ-же Гостольдъ пьемонтскій; хотя о немъ въ послѣдствіи и упоминается въ 3-мъ лицѣ. По отсутствію всякихъ похвалъ при упоминаніи о немъ, какъ

Craccau Herr Ian Mraxi mit etlichen beuelchen zu handln, deren sachen etliche ich zuuor gehandlt hette.

In Craccau als wir aus der Mosqua khomen warn anders weder am Erstn ja gar wol gehaltn, dann aus vnser handlung befande sich die bestündigkhait vnnd trewe freundtschafft vnserer Herrn.—*S. F. zu Herb. Seines thuns dienstn etc.* вѣнское изд. p. Djjj об.

(**) Wiens Buchdruckergeschichte S. 540.

(*) Got. Heinr Stuck's Verzeichniss von ält. u. neuern Land—und Reisebeschreibengen 1. S. 142. № 662.

(**) Adel. Uebers. d. Reisenden S. 174. Энцикл. Слов. изд Плюшара, подъ словомъ: *Герберштейнъ.*

Digitized by Google

исправители карты, заставляетъ насъ думать такъ.—Издатель въ посвященіи своемъ почему-то говоритъ, что будто Герберштейнъ ѣздилъ въ Россію 3 раза, и раздѣляетъ какъ-бы понятіе о Московіи съ понятіемъ о Россіи, говоря: i commentarij della Moscovia et della Russia.

Это изданіе цѣликомъ перепечатано въ Raccolta di Navigazioni e Viaggi di Ramusio, Venezia 1583 г. In f—io, въ 2-мъ томѣ, стр. 137, по указанію Аделунга (*).

Вотъ тѣ 3 изданія, которыя относятся собственно къ вѣнскому изводу. Изданіе, занимающее середину между вѣнскимъ и собственно базельскимъ изводомъ есть

4) Изданіе латинское 1551 г. въ Базелѣ. По неполнотѣ своего содержанія оно скорѣе подходитъ къ вѣнскому изводу: нѣтъ тѣхъ-же мѣстъ, какъ и въ изд. 1549 г. По внѣшности-же и по присоединенію Павла Іовія—оно походитъ на базельскій изводъ, къ которому мы его и причисляемъ. Тѣмъ болѣе это такъ, что характеристическія исправленія, отличающія базельскій изводъ, уже начаты здѣсь; статья *ad lectorim* отдѣлена, прибавленъ указатель, опечатокъ менѣе чѣмъ въ вѣнскомъ изданіи.—Въ самомъ заглавіи замѣтна эта особенность: Rerum Moscoviticarum Commentarij *Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein, Neyperg et Guettenhag*, (In his Commentarijs sparsim contenta habebis, candide Lector); (Russiae, et quae nunc eius Metropolis *est*, Moscoviae, brevicsima(m) desriptio(nem). De religione quoque varia inserta sunt, et quae nostra cum religione non conveniunt. Chorographia(m) denique totius imperij Moscici, et uicinorum quorundam mentio(nem). Quis denique modus excipiendi et tractandi oratores, disseritur. Itineraria quoque duo in Moscouiam, sunt adiuncta. *Accessit etiam locuples rerum et uerburum in his memorabilium Jndex.* Basilcae. Per Joannem Oporinum. 1551. In folio. Форматъ узкій. Шрифтъ нѣсколько иной, чѣмъ въ изд. 1556 г. Ком. 157 стр. Далѣе Іовій до 175 стр. и 3 л. указателя.—(курсивомъ мы отмѣтили мѣста, исправленныя противъ изданія 1549 г., а въ скобки заключили то, чего нѣтъ въ изд. 1556 г., гдѣ кромѣ того есть еще прибавка). На 2-мъ л. изд. 1551 г. письмо Вольфганга Лація, (*) вѣнскаго медика, къ издателю Опорину (**) при присылкѣ комментарій въ 1551 г. На

(*) Ubers. der Reis. I. S. 270. S. Fr. v. Herb. p. 341.

(*) Лацій род. въ Вѣнѣ 1514 г.; будучи 14 лѣтъ, онъ уже читалъ погречески, а впослѣдствіи изучалъ медицину, философію и исторію. Умеръ въ Вѣнѣ 1565 г. Онъ печаталъ свои сочиненія у Опорина (Com. Reipub. Rom. in exter. prov. et. 1551 г., Chronogr. Pannoniae, Decadus de var. gent. immigrationibns in Illyr. etc.). Съ Герберштейномъ, живя въ Вѣнѣ, конечно онъ былъ знакомъ.

(**) Опоринъ или, собственно. *Гербстъ* (nach Martials Verse: Si daret Autumnus mihi nomen, Οπωρινός essem), былъ сначала корректоромъ, потомъ вмѣстѣ съ Вин-

Digitized by Google

3-мъ л. посвященіе Фердинанду; на 5-мъ сотеріи; долѣе карта Московіи, в. к. Василій; тутъ-же начало счета страницъ (внизу—A). Затѣмъ статья *ad lectorem*, и самые комментаріи. Послѣ Павла Іовія на стр. 175—гербъ или значекъ типографіи Опорина (Аріонъ, стоящій на дельфинѣ и играющій на арфѣ). Въ самомъ концѣ большой гербъ Герберштейна.

Нормой не только базельскаго извода, но и вообще, по общепринятому мнѣнію, нормой текста герберштейновыхъ комментарій, должно безъ сомнѣнія считать—

5) Изданіе латинское, въ базелѣ 1556 г. In folio. 156 стр., съ 3 картами, съ потретомъ в. к. Василья, 4 рисунками въ концѣ и изображеніемъ бизонта и быка на 111 и 112 стр. На заглавномъ листѣ значекъ типографіи Опорина; на оборотѣ посвященіе или посланіе Опорина: Danieli Mavchio, claris. i. v doctori, ac singvlari bonarum literarum Mecoenati etc. amico suo, Joan. Oporinus. Calend. Iulij 1556; посвященіе Фердинанду; грамота Фердинанда отъ 1526 г. при отправленіи Герберштейна въ Россію; сотеріи; Глареана примѣчанія на 8 кн. Курція; статья *ad lectorem*—и самыя комментаріи. На 157—177, П. Іовій; на 178—194 de admirandis Hvngariae aqvis, Hypomnemation: Georgio Vuernhero (*) authore, посвященное Герберштейну. На 194—205, сотеріи. Родословная москов., польск. и литов. князей, составленная Герберштейномъ для соотчича своего Брассикана; родословная австрійскаго дома, составленная имъ-же въ 1553; большой, но неполный гербъ Герберштейна. На 17 стр. Index rerum et verborum. Въ самомъ заглавномъ листѣ говорится, послѣ содержанія книги: *Ad haec, non solum nouae aliquot Tabulae, sed multa etiam alia nunc demum ab ipso autore adiecta sunt: quae, si cui prima editione* (т. е. 1551 г.) *conferre libeat, facile deprehendet.* Это изданіе отличается бо́льшей полнотой и аккуратностью, чѣмъ всѣ другія. Оно содержитъ въ себѣ *первоначальный текстъ комментаріи*, (писанныхъ по латыни), *исправленный и дополненный самимъ авторомъ или, по крайней мѣрѣ, не безъ его вѣдома.* Прибавки базельскаго извода, которыя всѣ здѣсь находятся, по нашему мнѣнію, не принадлежатъ лично Герберштейну, который опустилъ ихъ въ изданіи своего перевода въ 1557 г. *Aliquot tabulae, et alia ab ipso autore adiecta* относится, вѣроятно, къ родословнымъ, къ одной изъ картъ, къ сотеріямъ и, можетъ быть, вообще къ участію, которое Герберштейнъ принималъ въ изд.; иначе трудно объяснить опущеніе прибавокъ въ нѣмецкомъ

теромъ завелъ типографію, но разорился. Не имѣя ученой степени, онъ не могъ занять каѳедры, не смотря на свои познанія. Онъ умеръ въ 1568 г. См. у Деви и Фалькенштейна.

(*) Этотъ Вернеръ былъ родственникъ Герберштейна.

Digitized by Google

пер. 1557 г.—Тѣмъ не менѣе, *нельзя не признать текстъ 1556 г. лучшимъ, полнѣйшимъ, отчетливѣйшимъ и ближайшимъ по времени къ оригиналу,—изъ всѣхъ латинскихъ текстовъ; нельзя не признать его нормой текстовъ.* Желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ изданіемъ, отсылаемъ къ нашему тексту, печатанному съ экз. здѣшней университетской библіотеки.

Къ этому изданію группируются всѣ остальныя позднѣйшія латинскія; все разнообразіе ихъ состоитъ въ заглавномъ листѣ, въ посвященіи, въ бо́льшемъ или мѣньшемъ количествѣ опечатокъ, иногда въ форматѣ, а потому и въ счетѣ страницъ; кромѣ того, само собою разумѣется, при каждомъ изданіи новое посвященіе издателя, бо́льшее или мѣньшее количество рисунковъ, картъ, сохранившихся и несохранившихся при различныхъ экземплярахъ сотеріи и пр. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ встрѣчаются вмѣсто рисунковъ—выписки, сочиненныя издателями для поясненія текста.—Изъ такихъ изданій бо́льшая часть находится въ сборникахъ, носящихъ различныя заглавія. Вотъ изданія, которыя мы имѣли въ рукахъ.

6) Антверпенское 1557 г. Rerum Moscov. Com. etc. Antverpiae in aedibus Ioannis Steelsij. 1557. Cum gratis et priuilegio Caesareo. 162 стр. въ 8-ю долю. Шрифтъ нѣсколько готическій; правописаніе болѣе нѣмецкое (w вм. vu) въ концѣ: Typis Ioannis Latii, котораго значекъ—на заглавномъ листѣ до пагинаціи—слѣд. статьи: 1 стр. посвященіе Фердинанду, на 4 стр. грамота Фердинанда; на 5—ad lectorem. Затѣмъ съ 162—198 стр. П. Іовій, de admirandis Hungariae aquis Вернера, оглавленіе книги и наконецъ часть карты Московіи (N 1) и изображеніе Василья, и то и другое начерченное неромъ (въ экз. пуб. биб.)

7) Базельское 1571 года. Въ заглавномъ листѣ, кромѣ обыкновеннаго титула Rer. Mosc. Com., слѣдуетъ: His nunc primum accedunt. Seriptum recens de Graecorum f.de, sequitur: et Commentarius de bellis Moscorum adversus f nitimos, Polonos, Lituanos, Suedos, Liuonios, et .lios gestis, ad annum usque LXXI, seriptus ab Ioanne Leuuenclaio. Cum Caes. ex R. Mai. gratia et priuil ad decenn.ium. Basileae ef officina Oporiniana. 1571. In f—io. Всего 327 стр.—На заглавномъ листѣ между прочимъ значекъ опориновской типографіи.—И такъ это изданіе имѣетъ видъ болѣе похожій на сборникъ, чѣмъ предыдущія: здѣсь кромѣ П. Іовія и Вернера есть еще XII quaestiones cl. cardinalis Guisani et Graecorum ad eos responsiones, пер. Левенклавія и его же (Левенкл.) de Moscorum bellis aduersus finitimos gestis ab annis iam LXX, commentarius. Рисунки тѣ-же какъ и въ изд. 1556; изъ картъ—только одна (N 1). Счетъ страницъ совершен-

Digitized by Google

но тотъ же какъ и въ изд. 1556 г. Въ концѣ гербъ Герберштейна, и на послѣднемъ листѣ: Basileae, ex officina Oporiniana, per Polycarpam et Hieronymun Gemusacos, et Balthasarum Han, anno salutis humanae 1571. Meuse Martio.

8) Наконецъ въ 1600 году мы находимъ комментаріи въ книгѣ, имѣющей совершенно видъ сборника, во франкфуртскомъ изданіи RerumMosouiticarum Auctores varii unum in corpus nunc primum congesti. Quibus et gentis historia continetur: et Regionum accurata descriptio. Francofurti apud haeredes Andrei, Weheli, Cloud. Marnium et Ioan. Aubrium. 1600. In f—io 114 стр. На заглавномъ листѣ значекъ типографскій. Въ посвященіи издателей Marquardo Frehero Palat. Consiliario сказано: Sed quae hic congessimus, haec sunt....: Rerum Mosc. Com. S. l. B. in Herbestain et editi a I. Oporino Basilcae, et alibi.—Далѣе нѣсколько грамотъ Фердинанда Герберштейну, доселѣ напечатанныхъ только въ Gratae posteritatati; затѣмъ Genealogia magni Mosc. ducis breuis epitome, ex ipsorum monuscriptis annalibus excerpta: edita Coloniae apud Maternum Cholinum 1576.; наконецъ изображеніе Василья и 3 карты.

9 и 10) Какъ нормоіи для изданіи нѣмецкихъ базельскаго извода, служатъ два, быстро одно за другимъ слѣдовавшія изданія Николая Бриссингера и Макса Рюссингера въ Базелѣ въ 1563 и 1567 г. Переводчикомъ былъ нѣкто Генрихъ Панталеонъ, уже извѣстный своими трудами. (*) Оба изданія имѣютъ слѣдующее заглавіе: Moscouiter wunderbare Historien. In welcher dess treffenlichen Grossen land Reüssen, sampt der haupstatt Moscauw, vnd anderer nammhaftigen vmliegenden Fürstenthumb vnd stetten gelegenheit, Religion, vnd seltzame gebreüch: Auch dess erschrockenlichen Grossfürsten zu Moscauw härkommen, mannliche tathen, gewalt, vnd lands ordnung, auff das fleyssigest ordenlichen begriffen: so alles bis här bey vns in Teütscher nation vnbekandt gewesen. Erstlich durch den wolgebornen herren Sigmundeu Freyherren zu Herberstein, Neyperg und Gutenhag etc. welcher zu etlichen malen Röm Kay. vnd Künig. May. in selbigen landen Legat gewesen, fleyssig zu latein beschriben. Ietz zu malen aber, zu ehren vnd wolgefallen dem wolgebornen herren Iohans Grauen zu Nassau (zu ehren и т. д. въ изд. 1567 нѣтъ) etc. dureh Heinrich Pantaleon der Freyen künsten vnd Artzney doctorn zu Basel, auff das treuwlichest verteutschet vnd in truck verfertiget: Alles gantz

(*) Панталеонъ былъ человѣкъ извѣстный учености и дарованій: въ 1540 г. его вѣнчали торжественно какъ поэта. Онъ окончилъ курсъ въ Ингольштатѣ и Гейдельбергѣ, былъ магистромъ діалектики, физики, математики, занимался богословіей и медициной. Онъ особенно знаменитъ своей «Прозографіей» и трудами богословски—историческими; умеръ въ 1595 г. 73-хъ лѣтъ.

Digitized by Google

wunderbar, nutzlich, vnd kurtzweylig zu lesen. Mit sampt H. Pauli Iouij Moscouitischer Landen, (**въ изд. 1567 прибавлено:** Vnd h. Heinrich Pantaleon Litthauwischen: Polnischen, Nordwegischen, Vngarischen, Türckischen, vnd Tartarischen völckeren, so zu ringharum an dieMoscouiter stossend) vnd H. Georgen Wernhern Vngarischer wunderbaren wasseren beschereibung, auch etlichen schönen Figuren und Landstaflen, darzu einem vollkommen Register bezieret. (Alles gantz wunderbar, nutzlich, und kurtzweylig zu lesen **прибавлено въ изд. 1567 г.,**) Getruckt zu Basel, Anno 156 3 (67). In f—io. **215 стр. (1563) и 246+5 указателя (1567 г.). Въ концѣ обоихъ изданій:** Getruckt zu Basel bey Niclauss Brillinger (erben **прибавл.** 1567 г.) vnnd Marx Russinger 1563 (67).

Посвященіе 1563 г. графу Нассоускому, 1567 г. барону Мерсберу и Бефорту. Въ обоихъ изданіяхъ находятся въ переводѣ: грамота Фердинанда, посвященіе Фердинанду, ad lectoren (an gutwilligen Läser); 3 карты (**на латинскомъ**), еще на обор. **заглавнаго листа изображеніе Василья, далѣе бизонтъ и быкъ, 4 картины изъ русской жизни; затѣмъ П. Іовій по нѣмецки, за которымъ въ изд. 1567 г. слѣдуютъ прибавленія о московскомъ государствѣ, Литвѣ, Польшѣ, и проч., составленныя самимъ Панталеономъ, по разнымъ источникамъ и посвященныя:** H. Iohann Hool Commenthür S. Iohanser Ordens zu Straasburg. **Это прибавленіе занимаетъ 35 стр. (192—226) и содержитъ въ себѣ:** 1) von der Moscouiten Feldzug in Littauw, **2**) Basilij des grossfürsten in Moscouw Leben, 3) Moscou. Land beschreybung aus mancherley historien und Cosmographen gezogen, **4**) von dem Künigreich Poland, 5) von d. herz. Littauw, 6) Von Samogetia und Reüssen oder Podolia, 7)Von Leyffland, Gothland vnd Nordwegen, 8) von dem Reich Schwedien, Finland, Cappeland vnd Grünland, 9) von dem künigreich Vngaren **и** 10) von den Türcken vnd iren fürsten. **Наконецъ въ обоихъ изданіяхъ Вернера** Vngarischer wunderdaren wasseren beschrebemg.—**Самые комментаріи называются:** Von der Moscouiten vnd anderer vmliegenden völckeren gewonhaiten, vnd nambhafftigen tathen (so bisshär vnbekandt) warhafftige Historien. **Передъ главоій:** ***обрядъ вѣнчанія князя на царство*** (modus inaug. principes **стр. 19 по 1556 и XX стр. 1563) вставляется во всѣхъ переводахъ Понталеона особая статья:** Appendix oder angelengte historien von der Moscouiten letsteu handlungen, **служащая продолженіемъ исторіи московскаго государства и составленная самимъ Панталеономъ по разнымъ источникамъ, какъ это имъ указано въ его переводѣ Кромера:** Mitnächtischer Völckeren Historien **изд 1562 въ Базелѣ.** In f—io. **Тамъ на стр. 455. въ статьѣ подъ заглавіемъ:** Kurtzer

Digitized by Google

begriff was sich volgen der zeyt weyte in Poland vnd bey anderen vmbligenden völckeren namhafftiges zügetragen, есть все что находится и въ *Appendix;* начиная съ 1518 г. Подъ каждымъ извѣстіемъ подписанъ источникъ его, почему мы и узнаемъ, что для *Appendix* Панталеону служили: Кромеръ, Мюнстеръ, Іовій, Слейданъ и Фригій.

Переводъ Панталеона отличается отъ перевода самого Герберштейна буквальною точностью, съ какою переданъ латинскій текстъ по базельскому изводу, а по внѣшнему виду—означеніемъ содержанія статей, помѣщеннымъ на поляхъ. Изд. 1567 года послужило прототипомъ извѣстнаго петербургскаго изданія 1795—1804 г. (см. выше). 11 и 12) Скоро и переводъ этотъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ П. Іовія сталъ озаглавливаться собирательнымъ именемъ: Die Moscovitische chronika, d. i. Beschreibung des Grossfürsten in der Moscau sammt dessen Ländern etc. erstlich von Paul Iovio und Sigm Herberstain in Latein, hernach von Pantaleon ins teutsche übersetzt. Сюда вошли комментаріи Герберштейна безъ всякихъ измѣненій по изд. 1567 г. Такихъ изданій московской хроники мы имѣемъ подъ руками два, оба въ Франкфуртѣ на Майнѣ,—1576 и 1579 годахъ. In f—io.— Со смертью автора (1566 г.) комментаріи, какъ мы видимъ, стали достояніемъ различныхъ издателей; въ заглавіи перестали выписывать длинный титулъ барона, забыли о сотеріяхъ и громкихъ посвященіяхъ. Вскорѣ стали приводить въ различныхъ спеціальныхъ сборникахъ только отрывки изъ Герберштейна, иногда даже безъ указанія на автора и въ измѣненномъ видѣ. Sic pereat gloria mundi!—

Уже въ 1583 г. сборникъ польскихъ историковъ Писторія: Polonicae historiae Corpus etc. (Basileae 1582 fol.) заимствовалъ два отрывка изъ Герберштейна: 1) Descriptio Lithuaniae— T. 1, p. 151—157) и 2) Fragmentum de bello Poloni et Moschi (T. III. 13—15). Descriptio Lithuaniae встрѣчается также въ Alex. Guagnini Res polonicae. Francofurti a. M. 1584. III vol. In 8—o. (T. III, p. 550) и въ Historiae Polonicae et magni ducatus Lithuanie scriptorum collectio magna ed. Laur. Mitzler de Kolof. Varsaviae. 1761. IV vol In f—io (T. 1, c. 7) Въ извѣстномъ изданіи Эльзевира Respublica Moscoviae Lugd. Batav. Ex offic. Ioan Maire1. 630 in 16—o., находимъ нѣсколько главъ изъ комментарій Герберштейна, напр.: p. 17 de titulis mag Mosc. dvcis (=p. 15 et squ. 1556), p. 266. Modus inaug. princ., p. 272—ordinat. Ioan. Bas., p. 277—de ingressu in alterius domum и т. д.

Въ 1590 г. въ Прагѣ вышелъ чешскій сборникъ подъ заглавіемъ: Kronyka Mo:kewská wypsanij přednich zemj Kragin, Ná-

Digitized by Google

rodůw, Knjžetstwi, Měst, zám.ůw, Rzěk a Gezer welikemu knižěti Mozkewskěmu poddaných. O Mrawich, obyčegjch, zwykbostech a Náboženstwi národu Mozkewskeho. Těž o neslychanèm Tyranstwj Iwana Wasilowice Knižeti Mozkewskěho kterèz on za paměti nassj nad poddanými prowozowal. Dwogj cesta do Moskwy, gednaz Widně, druha z Prahy. To wsse z gazyka Latinskèho w Czesky přeloženo, od Motausse Hosia z Wysokèho Meyta. Leta Pane 1590. in 8-o узкаго формата. Всего стр. 334; въ концѣ: Wylissteno w starem Miste pruzskem v Mistra Danyeii Adama z Weleslawijna Leta Panie 1589. На стр. 288—308 этого сборника мы находимъ: Zygmunda swobodnèho Pàna z Herbersteina, cesta (т. е. itinera) do Knižetstwij Moskewskeho; на стр. 308—320.—Nawračenij ginau cestau z Moskwy, и на стр. 320—334.—Cesta druheho Poselstwij do Moskwy tehoz Zyhmunda z Herbersteina. Эти статьи соотвѣтствуютъ стр. 136—154 латинскаго текста по базельскому изданію 1556 года. Предыдущія главы о религіи и исторіи написаны отчасти съ помощью Герберштейна или, собственно, Гваньини. Этотъ чешскій сборникъ извѣстенъ Аделунгу по другому изданію, также пражскому,—1786 г. подъ заглавіемъ: (Frant. Faustun Proházka) Weytach z Kronyky Mozkewskè nekdu Latine od Alexandra Gwagnyna sepsané, potom w Český gazyk prelozenè od Motausse Hosya z Wysokého Meyta. Přidana gest Zygmunda z Herbersteina dwogj cesta do Mozkwy. (w Praze) 1786. in 8-o. Здѣсь отрывки изъ Герберштейна помѣщены на стр. 144—175.

Подобныхъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ бытописаніе Московіи, очень много; бо́льшая часть писателей о Россіи входили или съ перваго или съ послѣдующихъ изданій въ такіе сборники. Таковы: Speculum Винкентія, сборникъ Гваньини, Рейнека, Гаклюита, Эльзевира, Боксгорнія, Витсена и т. д. До самаго XVIII вѣка эти книги сохраняли интересъ современности; только съ прошлаго столѣтія они получаютъ значеніе историческихъ памятниковъ, сперва какъ путешествія вообще, и наконецъ относительно стариннаго быта того народа, о которомъ шла рѣчь.—Безъ сомнѣнія герберштейновы комментаріи часто служили пособіемъ при составленіи статей о Московіи для этихъ сборниковъ; въ нѣкоторыхъ—это несомнѣнно. Такъ въ одномъ нидерландскомъ сборникѣ (неизвѣстномъ Аделунгу и находящемся въ публ. биб.) съ заглавіемъ: Het Ellendigh Leven der Turcken, Moskoviters en Chinesen, aende Christenheyt vertoont. Ofte Korte Beschryvinge van yder int bysonder zijn Regeringh, Handel en wandel etc. In' s Graven-hage, by Iohannes Tongerloo,

Digitized by Google

Anno 1663 (изд. 2-е было въ 1664 г. безъ перемѣнъ) in. 4—o; стр. 94-4-4 ненумерованныхъ, кромѣ заглавнаго листа,—мы встрѣчаемъ на стр. 60 слѣдующія статьи о Московіи, подъ общимъ заглавіемъ: Aenvangh der Regeringe van Ruslant en Moscovien beginnende na haer tellinghe vande scheppinghe 6370, of na Christi geboorte 961 (ошибка: 862), tot het laer 1663 etc. 1) о религіи, 2) о таинствахъ, 3) о бракѣ, 4) объ оружіи, 5) о пищѣ, одеждѣ и пр.; 6) на 74 стр. отрывки изъ Canonas Ioannes Mitropolitae qui dicitur propheta (sic!) и 22 Vragen ad Episcopum Niphontem Nowogardiensem, безъ сомнѣнія заимствованные изъ комментаріи (33—37 стр. изд. 1556), и наконецъ 7) о пріемѣ пословъ, совершенно сходное съ de modo excip. et. tract oratores Герберштейна (120 стр. изд. 1556 г.) (*).

Къ изданіямъ комментаріи обыкновенно прилагаются: 1) карты, 2) рисунки, 3) гербъ Герберштейна, 4) посвященія, грамоты, похвальныя стихотворенія (сотеріи), 5) другія сочиненія Герберштейна-же и разныхъ писателей тѣмъ болѣе, чѣмъ позднѣе изданіе, чѣмъ похожѣе оно на сборникъ.

1) Картъ находится при комментаріяхъ 3 въ 3-хъ различныхъ редакціяхъ: латинской, нѣмецкой и итальянской. Всего чаще встрѣчается латинская редакція, отъ которой нѣмецкая отличается почти единственно только тѣмъ, что подписи сдѣланы нѣмецкими буквами. Нѣмецкая редакція встрѣчается рѣже латинской, которая бываетъ иногда и при нѣмецкихъ переводахъ.—Итальянская редакція, весьма любопытная, существуетъ только для одной карты.

N 1) Карта эта въ латинской редакціи встрѣчается въ двухъ видахъ; въ изд. 1549 г. она сдѣлана на полулистѣ поперекъ, съ подписью съ боку: Moscovia Sigismvndi Liber Baronis in Herberstein. Neiperg et Gvtenhag. Anno 1549; по 4-мъ сторонамъ надписи: Septentrio. Oriens. Meridies. Occidens. Влѣво малый, неполный гербъ Герберштейна; съ права масштабъ въ 90 миль подъ масштабомъ: hanc tabulam absolvit Avg. Hirsfogel, Viennae Austriae cum gra: et privi-Imp. Въ базельскомъ изводѣ эта же карта in gr. f-io, гораздо шире и безъ послѣдней подписи, вмѣсто которой читаемъ подъ масштабомъ: distantia per miliaria.

Въ старинной нѣмецкой редакціи (въ изд. 1557 г.) эта карта

(*) На послѣдней страницѣ этого сборника встрѣчается любопытная вещь. Это *Отче нашъ* на славянскомъ и на турецкомъ языкахъ съ подстрочнымъ переводомъ на голландскій. Het vader onse, op de slavonische spraeck: Nass otsse, ki qessi na nebessi, ssuetiβe tuoie ime poidi tuoie kralyeuβtuo, budi tuoia volia, Kako na nebu i na Zemlij, naβega ssagdaniega *Kruha* (?)—dar namga danass, i odpuscai nam nasse dugeh, kako i mi odpvsciano nassijm dusmikon, i nati nepeliai i napast, da izbaui nats od nepriazni, Amen. Читатель видитъ здѣсь сербскія формы.

Digitized by Google

вся переведена, позднѣе же при нѣмецкихъ изданіяхъ, она оставлена безъ перемѣны съ прибавленіемъ только слѣдующей надписи: Erste landtaffel: in ueleher das gantz Moscouiter laud, mit sampt den anstossendeu völckeren, nach rechter Geographischer art beschriben.—Итальянская редакція (въ изд. 1550 г.) совершенно отлична отъ прочихъ, потому-что *исправлена*, какъ гласитъ послѣсловіе изданія: qual carta é stata poi designata e ampliata cum summa deligentia da M. Iacomo gastoldo piemontese. Вотъ внѣшній видъ этой карты, которая размѣщена на большемъ полулистѣ поперекъ. Рамка раздѣлена на 50 до 90° долготы и 46—66° широты, чего нѣтъ ни въ какихъ другихъ картахъ. По 4-мъ сторонамъ надпись: Tramontana. Oriente. Mezo Giorno. Occidente. Въ серединѣ: Descriptione de la Moscouia per Giacomo gastaldo piamontese Cosmographo in Venetia M. D. L. Сравненіе ея съ герберштейновой картой говоритъ въ пользу гастольдовой. Очертанія береговъ сдѣланы вѣрнѣе, менѣе угловато, бобѣе извилисто; на ней изображено бо̀льшее пространство, чѣмъ на латинской редакціи, какъ и вообще она подробнѣе другихъ. Въ примѣчаніяхъ къ нашему изданію мы обратимъ особое вниманіе на эту карту тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ она не была извѣстна ни одному изслѣдователю, и только голословно указывалась въ картографіяхъ.

N 2) Самая подробная карта, но болѣе всѣхъ запутанная, носитъ заглавіе: Moscovia Sigismvndi Liberi Baronis in Herberstain. Desigпatae syluae non carent suis incolis. In gr f-io; кругомъ съ различными украшеніями изъ быта московитовъ, внизу изображенія въ маломъ видѣ и подпись: Bisons. Vrvs. По 4-мъ сторонамъ надписи: Septentrio. Oriens. Meridies. Occidens· Въ нѣмецкой редакціи, заглавіе такое: Andere Landtaffel: In weleher der Moscouiten gebiiet mit sampt den welden vnd bergen, auch etlichen gebreüchen vnnd allen vmliegenden Landschafften. Внизу: Bisont oder Danthier. Aurox.

Самая карта съ латинскими надписями. Эта карта встрѣчается: въ изд. 1551, 1556, 1600 и въ переводныхъ съ нѣмецкой надписью—1563 и 1567 г. Вся эта карта покрыта лѣсомъ и вообще испещрена; рѣки сдѣланы шире чѣмъ, на картѣ N 1; прибавлены названія нѣкоторыхъ городовъ напр. Revel, Precop, Grustina (за Обью) и пр.

N 3) Moscovia, qvatenus moenibus inctvditur, arx vocatur: extra moenia ingens lignearum aedium numerus, ciuitas dicitur. In gr. f-io. Внизу: Hoc fivvio (Москва) eivsdem nominis navigatvr in Occam, Rha, et Caspium mare. На самой картѣ планъ Москвы, весьма неподробный и весь наполненный маленькими домиками

Digitized by Google

и нѣсколькими церквами, вокругъ которыхъ стѣна или кремль, за кремлемъ—рѣка съ мостомъ, за рѣкой снова домики и деревца. Въ серединѣ крупная надпись: Arx Moscowie. Изъ такого плана, конечно, нельзя получить отчетливаго понятія о Москвѣ.

Эти карты, по всей вѣроятности, сдѣланы по указанію Герберштейна, но не самимъ имъ, судя по невѣрности ихъ. Впрочемъ въ то время картографія стояла на такой степени, что всякій, даже хорошо знающій географію легко могъ ошибиться, перенося свои понятія на бумагу.—Во всякомъ случаѣ, карта Герберштейна имѣетъ для насъ огромное значеніе: она—вторая по времени, изъ извѣстныхъ до сихъ поръ. Первая была издана въ Cosmographio Себастіана Мюнстера въ 1544 г.; черезъ 5 лѣтъ явилась герберштейнова, если не вѣрить Шмидту Физельдеку, который говоритъ, что она сдѣлана еще въ 1546 г. (*).

2) Рисунковъ при комментаріяхъ встрѣчается собственно 7; выше мы указали простое различіе между ними по вѣнскому и базельскому изводу, состоящее въ томъ, что въ вѣнскомъ лица обращены на лѣво, а въ базельсаомъ на право. 1) Изображеній великаго князя Василья два рода: малое и большое, съ комнатными украшеніями и безъ нихъ, съ московскимъ гербомъ съ боку и безъ него.
Этотъ портретъ находится почти во всѣхъ изданіяхъ. 2 и 3) Бизонтъ и быкъ также почти во всѣхъ изданіяхъ, въ серединѣ комментарій, съ надписью: Vrvs sum, Polonis Tvr, Germanis avrox: ignari bisontis nomen dederaut и Bisons svm, Polonis Svber, germanis Bisont: ignati vri nomen dederant. 4 и 5) Всадники. 6) Катанье на саняхъ и 7) сѣдла и оружія. Всѣ эти послѣдніе рисунки помѣщаются обыкновенно въ концѣ комментарій. Въ вѣнскомъ изд. 1549 г. они раскрашены. Позднѣйшіе сборники (изд. 1576 и 1579 г.) наполнены различнаго рода виньетками, присочиненными только для украшенія книги.

3) Гербъ Герберштейна прилагается обыкновенно къ комментаріямъ иногда въ большемъ, иногда въ маломъ видѣ, иногда съ нижней арматурой (полный гербъ), иногда безъ нея (неполный). Подробное геральдическое описаніе его находится въ S. F. v. Herberstein Аделунга стр. 439—441.

4) Изданія Герберштейна обыкновенно посвящались какому нибудь вельможѣ по тогдашнему обыкновенію. Эти посвятительныя посланія въ каждомъ изданіи обращены къ различнымъ лицамъ и состоятъ какъ изъ похвалъ меценату, такъ и изъ пох-

(*) Beiträge zur Kenntn. d. Staatsverfas. v. Bussland. s. 196. Также въ Ж. М. Н. Пр. XXVI. II стр. 20 и слѣд.

Digitized by Google

валъ Герберштейну. Но послѣднихъ всего болѣе находимъ въ такъ называемыхъ *сотеріяхъ*, похвальныхъ стихотвореніяхъ и посланіяхъ придворному чиновнику, какимъ былъ Герберштейнъ. Лесть, искательство и педантизмъ наполняютъ эти сотеріи, авторы которыхъ или сами были вельможи (какъ Логъ напр., принадлежавшій къ фамиліи пфальцграфовъ) или люди бѣдные (какъ Брассиканъ, который былъ учителемъ въ Вѣнѣ). Вотъ напр. четверостишіе Брассикана:

Tydidem socium coniungit Homerus Vlyxi:
Nempe manum menti, nempe animum gladio.
Aurea nobilit nitidum tibi porrigit ensem,
Doctrina at certam monstrat ubique uiam.

Длинные гекзаметры Розина и Брассикана въ томъ же родѣ.

Вотъ таблица посвященій, грамотъ и сотерій, находящихся въ изданіяхъ, имѣвшихся у насъ подъ руками:

I) Посвященія:

1. Mavchio, doct. et Moecenati—Oporinus (1556 г. 1600 г.).
2. Heinr. Freih. zu Mörsperg und Befort-Pantaleon (1567 г.).
3. Hans Georg. v. Münster, fürstl. Wirtzburgischen Raht und Amptmaun zu Arnstein—Sig. Feierabend (книгопродавецъ 1576 и 1579 г.).
4. Marqvardo Frehero, Elatoris Palatini Cousiliario-Claudius Marnluss et Ioh Aubrius (1600 г.).
5) Graven u. Her. Ioh. zu Nassauw-Pantaleon (1563 г.).
6. Oporino-Lazius (1551 г.).
7. Al signor don diego Hurtado de Mendoza—Battista Pedrezza (1550 г.).

II) Грамоты: 1) Ferd. Dei Gratia 1526 (Въ изд. 1556, 57, 63, 67, 71, 76, 79 и 1600 г.).

2. Maxim. 1517
3. Caroli 1519
4. Ludow. 1520
5. Ludow. 1526
6. Ferdin. . . . . 1526 (Въ изд. 1600 г.).
7. Ferdin. 1526
8. Carol. 1526
9. Ferd. 1526
10. Sig. rex Pol . . . 1526

III) Сотеріи. 1. *Itala nunc primo* etc.—a Rosino (Въ изд. 1549, 51, 56, 71, 1600 г.

2. Non moror etc.—a Brassicano (Въ изд. 1549, 51, 56, 71, 1600г.).

Digitized by Google

3. 3 четверостишія и 2 двустишія (Въ изд. 1549, 51, 56 ,71 и 1600 г.).

4. *Cui mittam breue* etc. a Brassicano
5. *Phoenix sive luctus Austriae*—a Brassicano (7 p.)
6. *Legationes S. Herb.*—a Brassic.
7. *Colloquium Sig. et mortis* (4 p.).

} (Въ изд. 1556 и др.).

5) Опуская разсмотрѣніе статей другихъ авторовъ, помѣщаемыхъ при комментаріяхъ: Вернера о Венгріи, Павла Іовія и т. д., укажемъ на сочиненія, принадлежащія собственно Герберштейну и иногда пришиваемыя къ «Запискамъ». Это: Gratae posteritati S. L. B. in Herb. etc. Immunitate meritorum ergo donatus actiones suas a puero ad annum usque aetatis suae 74, breui commentariolo notatus reliquit. Viennae Austriae excudebat Raph. Hofhalter a. M. D. L. X. (находится при изд. 1557 г.; въ рум. м.). In f-io. Другое изд in 4-o 1558 г. Оно заключаетъ въ себѣ біографію, родословную и дневникъ Герберштейна, что почти совершенно буквально повторяется въ другомъ сочиненіи Герберштейна: Sigmund Fr. zu Herber. etc. Seines thuns diensten unnd Raisens mit treuer vermannug sich zu Tugenden und guetten weesn schicken. Getruckt zu Wien in Osterreich dureh Raphaelu Hoffhalter (безъ году). In f-io (при изд. 1557 г. въ Рум. М.) Это сочиненіе въ свою очередь есть сокращеніе обширноіі автобіографіи: Mein Sigmunden Freyherrn zu Herberstain, Neyperg und Guttenhag, Raittung und Antzaigen meines Lebens und wesens wie hernach volgt, изданное не вполнѣ въ 1-ій разъ въ сборникѣ Ковачича, а во 2-ій разъ съ филологической точностью въ прекрасномъ сборникѣ: FontesRerum Austriacarum. (*) Такъ какъ Аделунгъ а за нимъ и другіе изслѣдователи, не знали этого послѣдняго изданія, то мы долгомъ считаемъ обратить особое вниманіе на этотъ памятникъ при комментированіи «Записокъ». Важность этой автобіографіи или, скорѣе, дневника для Rer. Mosc. Com. очевидно тѣмъ болѣе, что дневникъ какъ бы вкратцѣ представляетъ конспектъ всѣхъ комментарій. Намъ кажется даже, что дневникъ служилъ для Герберштейна главнымъ матеріаломъ при составленіи записки о Россіи, которую онъ подалъ Фердинанду и которая потомъ издана была съ прибавленіями подъ заглавіемъ Rer. Mosc. Com.—Другое сочиненіе Герберштейна Deffensio iniuste delatorum (по нѣмецки: Beschuzung der Unrecht beschuldigten vnd sein selbs Fuersehung 1560) во-

(*) См. 1 тамъ стр. S. 69—396. Bigraphie Siegmunds Freih. v. Herberstein 1486—1553.; изд. подъ редакціей Карайяна.

Digitized by Google

шло по содержанію своему въ позднѣйшій базельскій изводъ комментарей (стр. 17. 19 изд. 1556 г.)—Кромѣ того укажемъ на родословную таблицу московскихъ, литовскихъ и польскихъ князей, составленную Брассиканомъ и прилагаемую при комментаріяхъ. Мы воспользуемся ею въ примѣчаніяхъ нашихъ, гдѣ случится говорить о генеалогіи.

Объемъ предисловія не позволялъ намъ вдаться въ библіографическія подробности, которыя мы считаемъ немаловажными для такого драгоцѣннаго памятника, каковы Rer Mosc. Com. Мы отсылаемъ читателей отчасти къ статьѣ о Герберштейнѣ, напечатанной въ 1-мъ выпускѣ «Сборника» нашего, и отчасти къ нашимъ примѣчаніямъ къ «Запискамъ». Прибавимъ одно, что изученіе Герберштейна вообще важно не только для русской исторіи, но и для исторіи Литвы, Польши, Чехіи, что для этого нужно знакомство не съ одними Rer. Mosc. Com., но и съ автобіографіей и «Gratae posteritati», что для окончательной оцѣнки комментарій, нужна критика на добросовѣстность Герберштейна,—критика подробная, внимательная ко *всѣмъ* извѣстіямъ, сообщаемымъ имъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ.

Въ нашей библіографіи изданій, мы опускали описаніе тѣхъ, которыхъ не имѣли въ рукахъ и которыхъ существованіе ничѣмъ положительно не доказано, кромѣ голословныхъ указаній Дени и Гебауера, а за ними и Аделунга. Для наглядности представляемъ хронологическую таблицу всѣхъ изданій, отмѣчая не видѣнныя нами и подверженныя сомнѣнію курсивомъ.

1) 1549 г. латинское въ Вѣнѣ, изд. самого автора. Находится въ вѣнской и Имп. публ. библ. (въ описаніи нашемъ № 1).

2) 1550 г. итальянское въ Венеціи, изд. Иванъ Баптистъ Педреццано. Полный экз. въ Имп. публ. библ. (въ опис. № 3).

3) 1551 г. латинское въ Базелѣ, изд. Іоаннъ Опоринъ (въ опис. № 4).

4) 1556 г. латинское въ Базелѣ, изд. тотъ же (въ опис. № 5).

5) 1557 г. нѣмецкое въ Вѣнѣ, пер. самого Герберштейна, изд. Михаила Циммермана (въ опис. № 2).

6) 1557 г. латинское въ Антверпенѣ, изд. Іоаннъ Стельзій (въ опис. № 6).

7) *1557 г. латинское въ Антверпенѣ.* (Abel. Sieg. Sr. v. Herb. S. 332).

8) *1560 г. латинское во Франкфуртѣ.* (Adel. S. 333).

9) 1563 г. нѣмецкое въ Базелѣ, пер. Генриха Панталеона, изд. Николая Бриллингера и Маркса Рюссингера (въ опис № 9).

10) 1567 г. нѣмецкое въ Базелѣ, пер. и изд. тѣхъ же (въ опис. № 10).

Digitized by Google

11) *1567 г. нѣмецкое въ Прагѣ* (Adel. S. 333).

12) *1567 г. латинское въ Базелѣ* (Adel. S. 333).

13) 1571 г. латинское въ Базелѣ, изд. наслѣдниковъ Опорина (въ опис. № 7).

14) *1573 г. латинское въ Базелѣ* (Adel. S. 335).

15) *1574 г. латинское въ Базелѣ* (Adel. S. 336).

16) 1576 г, нѣмецкое во Франкфуртѣ на М. пер. Панталеона. (въ опис. № 11).

17) 1579 г. нѣмец., во Франкфуртѣ, пер. того же (въ опис. № 12).

18) 1582 г. латинское въ Базелѣ, изд. Писторія (Polonicae hist. corpus (см. наше *Предисловіе* стр. 26).

19) 1583 г. италіянское въ Венеціи, изд. Рамузія (въ опис. см. № 3).

20) 1584 г. латинское во Франкфуртѣ (Alex. Guagnini Res Polonicae).

21) *1589 г. нѣмецкое во Франкфуртѣ, изд. Георгія Мюнстера.*

22) 1590 г. чешское въ Прагѣ, изд. Матвѣя Госія (см. наше *Предисловіе* стр. 26—27).

23) 1600 г. латинское въ Франкфуртѣ, изд. наслѣдники Андрея Вехелія, Клавдіи Марніи и Іоаннъ Аубріи (въ опис. № 8).

24) *1618 г. нѣмецкое въ Вѣнѣ, пер. самого Герберштейна, съ изд. 1557 г.* Adel. Ueber. d. Reis. 1. 174. Энцикл. Сл.)

25) 1663 г. нидерландское въ Гравене-Гаге, изд. Іоаннъ Тонгерлу (въ опис. № 8).

26) 1786 г. чешское (2-е изд.) въ Прагѣ, изд. Ф. Фаустуна Прохазка (см. наше *Предисловіе*, стр. 27).

27) 1795—1804 г. нѣмецкое въ С.-Петербургѣ, изд. Вейтбрехта и Бакмейстера съ изд. 1557 г., по повелѣнію Екатерины II.

28) 1832 г, русское въ С.-Петербургѣ, пер. и изд. С. Русова въ «Воспоминаніяхъ на 1832 годъ».

29) 1841 г. латинское въ Берлинѣ и С.-Петербургѣ, изд. А. Старчевскіи.

30) 1847 г. латинское въ С.-Петербургѣ, изд. Каллистратовъ и Семеновъ (неконч.).

31) 1847 г. русское въ С.-Петербургѣ, изд. тѣхъ же (неконч.).

32) 1851 г. англіійское.

Въ нашемъ изданіи при варіантахъ мы употребляли слѣд. сокращенія: изданія мы означали годомъ ихъ и заглавною буквой мѣста изданія (Б.—базельское, В.—вѣнское, Ф.—франкфуртское) и буквой И.—италіянское. Если варіантъ прибавляетъ смыслъкъ тексту, то мы писали передъ нимъ: *приб.*; если же замѣняетъ текстъ, то: *в.м.* (вмѣсто).

Александръ Тихменевъ.

Digitized by Google

Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neyperg, et Guettenhag:

Russiae, et quae nunc eius metropolis est, Moscouiae, breuissima descriptio. Chorographia denique totius imperij Moscici, et uicinorum quorundam mentio. De religione quoque uaria inserta sunt, et quae nostra cum religione non conueniunt. Quis denique modus excipiendi et tractandi Oratores, disseritur. Itineraria quoque duo in Moscouiam, sunt adiuncta. Cum Caes. et Regiae Maiest. gratia et priuilegio ad decennium. Basileae, per Ioannem Oporinum. (на оборотѣ:) Calend. Iulij 1556.

Записки о московскомъ бытѣ Сигизмунда вольнаго барона Герберштейна, Нейперга, Гветенгага,

содержащія въ себѣ: краткое описаніе Россіи и столицы ея Москвы; хорографію всего государства московскаго и нѣкоторыхъ сосѣднихъ областей; кое-что о религіи и о несогласіи ея съ нашею; образъ пріема и обхожденія съ послами; также описаніе двухъ путешествій въ Московію. Съ позволенія его царскаго и королевскаго величества и съ десятилѣтней привилегіей. Базель, изд. Іоанна Опорина. (на оборотѣ:) въ іюлѣ 1556 г.

Digitized by Google

SERENISSIMO PRINCIPI

ET DOMINO, DOMINO

FERDINANDO,

ROMANORVM, HVNGARIAE et BOHEMIAE etc. REGI, INFANTI HISPANIARUM ARCHIDUCI AUSTRIAE, DUCI BURGUNDIAE et VUIRTENBERGAE, ET MULTARUM PROUINCIARUM DUCI, MARCHIONI, COMITI, et DOMINO, DOMINO MEO CLEMENTISSIMO,

---

Romanos olim ferunt legatis, quos ad longinquas ac incognitas nationes miserant, id etiam negotij dedisse, ut mores, instituta, totamque uiuendi rationem eius gentis, apud quam legationis nomine uersabantur, diligenter literis consignarent. quod adeo deinceps solenne fuit, ut renunciata legatione commentarij eiusmodi in aedem Saturni ad instituendam posteritatem reponerentur, quod institutum si fuisset à nostrae uel paulo superioris m moriae hominibus obseruatum, fortasse plus lucis in historia, certè minus uanitatis haberemus. Ego uerò, qui ad ineunte aetate externorum hominum consuetudine domi forisque; delectabar, libenter tuli meam operam in legationibus, non solum ab auo Maiestatis uestrae, D. Maximiliano, Principe prudentissimo, uerùm etiam á Maiestate uestra requiri: cuius iussu non semel Septentriones perlustraui, praecipuè uerò iterum Moscouiam, unà cum dignitatis et itineris comite, tum Caesareo oratore, Leonardo Comite à Nugarola accessi: quae regio inter eas quae initjs sacrosancti baptismatis tinctae sunt, moribus, institutis, religione, ac disciplina militari à nobis non mediocriter differt. Licet itaque uoluntate et mandato diui Maximiliani, orator, Daniam, Hungariam, Poloniamque accessissem: post obitum autem suae Maiestatis, patrio nomine ad potentissimum et inuictissimum D. Carolum v. Ro: Imperatorem, germanum fratrem Maiestatis uestrae, per Italiam, Galliam, terra marique usque Hispanias profectus: iussu deinde Maiestatis uestrae denuò Hungariae et Poloniae reges, postremò uerò cum Nicolao Comite à Salmis, etc. ipsum Solymanum Turcarum principem adijssem,

Digitized by Google

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ФЕРДИНАНДУ

КОРОЛЮ РИМСКОМУ, ВЕНГЕРСКОМУ, БОГЕМСКОМУ И ПРОЧ., ИНФАНТУ ИСПАНСКОМУ, ЭРЦГЕРЦОГУ АВСТРІЙСКОМУ, ГЕРЦОГУ БУРГУНДСКОМУ И ВИРТЕМБЕРГСКОМУ И МНОГИХЪ ОБЛАСТЕЙ ГЕРЦОГУ, МАРК-ГРАФУ, ГРАФУ, ГОСУДАРЮ МОЕМУ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ.

Говорятъ, въ древности, римляне, отправляя пословъ къ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ народамъ, поставляли имъ, между прочимъ, въ обязанность вести вѣрныя записки о нравахъ, постановленіяхъ и образѣ жизни того народа, у котораго они жили подъ видомъ посольства. Эта обязанность была до такой степени священна, что, по изложеніи результата посольства, записки такого рода полагались въ храмъ Сатурна для назиданія потомству. Если бы это постановленіе было соблюдаемо людьми нашего времени, или нѣсколько прежде бывшими, то мы имѣли бы въ исторіи болѣе свѣта или по крайней мѣрѣ менѣе пустоты. Я же, съ самаго ранняго возраста, находя удовольствіе и въ отечествѣ и внѣ отечества въ обращеніи съ людьми иностранными, охотно несъ службу посольскую, которую возлагали на меня сначала дѣдъ Вашего Величества, блаженной памяти Максиміліанъ, мудрѣйшій государь, а потомъ также и Ваше Величество.—По повелѣнію Вашего Величества я неоднократно обозрѣвалъ сѣверныя страны, преимущественно же, когда вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ графомъ Леонардомъ Нугарольскимъ (Nugarola), моимъ товарищемъ по службѣ и путешествіямъ, я вторично пріѣзжалъ въ Московію, которая между странами, просвѣщенными таинствомъ животворящаго крещенія, весьма много отличается отъ насъ и нравами, и постановленіями, и исповѣданіемъ, и воинскою дисциплиною. По волѣ императора Максиміліана, я былъ посломъ въ Даніи, въ Венгріи и Польшѣ; по смерти Его Величества отечество отправило меня чрезъ Италію, Францію, моремъ и сухимъ путемъ въ Испанію къ родному брату Вашего Величества, сильному и непобѣдимому императору римскому Карлу V. По повелѣнію Вашего Величества, я снова былъ у королей венгерскаго и польскаго, наконецъ вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Салмскимъ (Salmiz), у самого Солимана, турецкаго султана, и во всѣхъ этихъ мѣстахъ

Digitized by Google

multaque alias non solum obiter, sed etiam accuratè inspexissem, quae dubio procul commemoratione ac luce dignissima fuissent: nolui tamen in illo meo ocio, quod à publicis consiliis succiditur, quicquam istarum rerum in literas referre, quòd partim prius fuissent illa ab aliis luculentè ac diligenter tractata, partim, in oculis ac quotidiano conspectu Europae posita. Res uerò Moscouiticas multo interiores, ac cognitioni istius aetatis non ita obuias, praetuli, easque describere aggressus sum, maximè duabus rebus fretus, perquirendi scilicet diligentia, ac linguae Slauonicae peritia, qnae magnum mihi adiumentum ad hoc qualecunque scripti genus attulerunt. Et quamuis de Moscouia plures, plerique tamen alieno relatu scripserunt. ex antiquioribus, Nicolaus Cusanus: nostra aetate, Paulus Iovius (quem summae eruditionis ac incredibilis in me studij causa nomino) eleganter sane, et magna cum fide (usus enim est interprete locupletissimo:) Ioannes Fabri, et Antonius Bied cùm tabulas, tum commentarios reliquerint: nonnulli etiam non ex professo, sed dum proximas regiones describunt, ex quorum numero est Olaus Gothus in Suetiae descriptione, Matthaeus Mechouita, Albertus Campensis et Munsterus attigerint, me tamen illi quidem minimè à scribendi proposito deterruerunt: Tum quòd earum rerum oculatus fuerim testis, tum quòd nonnulla ex fide dignis relationibus coràm praesens hauserim, denique quòd diu multumque ijs de rebus cum pluribus ex quauis occasione disseruerim. quo factum est, ut copiosius fusiusque (absit uerbis inuidia) nonnunquam ea explicare necesse habuerim, quae ab alijs quasi per transennam proposita uerius quàm explicata sint. Accedit ad hoc, quòd ab alijs ne tacta quidem scribo, quae à nullo nisi oratore cognosci potuerunt. Hanc uerò cogitationem meam ac studium, Maiestas uestra confirmauit, meque ut inchoatum opus aliquando absoluerem, cohortata est, et ultrò etiam currenti calcar (ut dicitur) addit: à quo tamen legationes, aliaque Maiestatis uestrae negotia saepissimè auocarunt, quo minus hactenus praestare, quod institueram, potui. Nunc uerò, dum ad interceptum negotium quoquo modo interdum quotidianis Austriaci fisci negocijs respirans redeo, Maiestatique uestrae pareo, minus uereor in istius emunctissimae aetatis acumine parum aequos lectores, qui maiorem dictionis florem fortasse

Digitized by Google

не только многое замѣчалъ мимоходомъ, но и тщательно обращалъ вниманіе на то, что̀, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе было достойно упоминанія и ознакомленія; впрочемъ я не хотѣлъ посвятить своего досуга отъ дѣлъ службы на повѣствованіе о какихъ либо изъ этихъ предметовъ, отчасти потому, что они прежде были изложены другими ясно и тщательно, отчасти потому, что они находятся въ глазахъ Европы и постоянно могутъ быть ею видимы. Государство же московское, гораздо отдаленнѣйшее и не такъ знакомое нашему вѣку, я предпочелъ описать и приступилъ къ тому, всего болѣе надѣясь на два обстоятельства: на тщательность моего изслѣдованія и на опытность въ языкѣ славянскомъ, что̀ великимъ мнѣ послужило пособіемъ въ трудѣ такого рода. Хотя многіе писали о Московіи, однако бо̀льшая часть писала по чужимъ разсказамъ: изъ древнѣйшихъ Николай Кузанъ, а въ наше время Павелъ Іовій (котораго я называю по причинѣ высокой его учености и чрезвычайной любви ко мнѣ) писалъ весьма изящно и съ великой вѣрностію (ибо онъ пользовался толкователемъ весьма свѣдущимъ), также Іоаннъ Фабръ и Антоній Бидъ, оставившіе карты и записки. Нѣкоторые же, не имѣя цѣлію описывать Московію, касались ее при описаніи странъ ближайшихъ къ ней, таковы: Олай Готъ въ описаніи Швеціи, Матвѣй Мѣховецкій, Альбертъ Кампенскій и Минстеръ; однако они нимало не отклонили меня отъ намѣренія писать, какъ потому, что я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ описываемыхъ событій, такъ и потому, что я нѣкоторое почерпнулъ изъ источниковъ достойныхъ вѣроятія, имѣя ихъ у себя, наконецъ потому, что я съ многими лицами разсуждалъ объ этихъ дѣлахъ при всякомъ случаѣ. Оттого произошло, что я почиталъ иногда нужнымъ излагать подробнѣе и многорѣчивѣе (да не оскорбится кто моими словами) то, что̀ другими скорѣе замѣчено было какъ бы мимоходомъ, чѣмъ основательно изъясиено. Притомъ я описываю и то, чего другіе не касались, и что̀ могло быть извѣстно только послу. Ваше Величество одобрили это мое намѣреніе и желаніе, и совѣтовали привести къ концу начатое сочиненіе; но посольства и другія дѣла, возлагаемыя на меня Вашимъ Величествомъ, часто отвлекали меня отъ предпринятаго труда и были причиною того, что я до сихъ поръ не могъ исполнить моего намѣренія. Теперь же, находя по временамъ часы свободные отъ ежедневныхъ моихъ занятій по австрійскому государственному казначейству, снова возвращаюсь къ предпринятому мною труду и, повинуясь волѣ Вашего Величества, не страшусь неблагосклонности читателей, въ этотъ вѣкъ самаго тонкаго остроумія, которые, можетъ

Digitized by Google

desiderabunt. Satis enim sit, et me re ipsa (uerbis enim paria facere non possum) uoluntatem utcunque instruendae posteritatis ostendere: ac Maiestatis uestrae iussis, quibus mihi aequè nihil antiquum est, parêre uoluisse. Nuncupo itaque Maiestati uestrae hos de Moscouia commentarios, à me ueritatis inuestigandae, ac in lucem proferendae longè maiore, quàm dicendi studio scriptos: meque in clientelam Maiestatis uestrae, in cuius iam officijs consenui, suppliciter dedico ac commendo: oroque Maiestas uestra dignetur ipsum librum ea clementia ac benignitate complecti, qua authorem semper complexa est. Viennae Austriae, prima Martij M. D. XLIX.

Eiusdem Maiestatis uestrae
fidelis Consiliarius Camerarius,
et Praefectus fisci Austriaci,
Sigismundus Liber Baro
in Herberstayn, Neyperg
et Guettenhag.

Digitized by Google

быть, желали бы болѣе цвѣтовъ краснорѣчія. Довольно, что я самымъ дѣломъ (чего впрочемъ я не могъ сдѣлать своимъ словомъ) хотѣлъ выразить мое желаніе быть сколько нибудь полезнымъ потомству, и вмѣстѣ исполнить священную для меня волю Вашего Величества. И такъ я посвящаю Вашему Величеству эти мои записки о Московіи, написанныя мною болѣе вслѣдствіе желанія достигнуть истины и вывести ее на свѣтъ, нежели въ слѣдствіе желанія краснорѣчія; я посвящаю и поручаю себя покровительству Вашего Величества, въ службѣ котораго я уже состарѣлся и прошу Ваше Величество удостоить самую книгу той благосклонности, которую Вы всегда являли къ автору. Вѣна, 1 марта 1549 года. Вашего Величества

вѣрный Совѣтникъ-Камергеръ и начальникъ Австрійскаго Государственнаго Казначейства Сигизмундъ Баронъ Герберштейнъ-Нейпергъ-Гутенгагъ.

Digitized by Google

AD LECTOREM.

Moscoviam mihi descripturo, quae Russiae caput est, suamque ditionem per Scythiam longè latèque extendit, pernecessarium erit, candide Lector, multas in hoc opere Septentrionis parteis attingere, quae non solum priscis, sed etiam nostrae aetatis authoribus, non satis cognitae fuerunt: quo fiet, ut nonnunquam ab eorum scriptis dissentire cogar. Ne cui tamen uel suspecta uel arrogans uideatur mea, in hac re sententia, equidem fateor me non semel, sed iterum, dum Diui Maximiliani Imperatoris, ac eius Nepotis Rom. Regis Domini Ferdinandi legationibus fungerer, Moscovuiam tanquam in re praesenti (ut dici solet) uidisse ac perlustrasse: maiorem tamen partem ex eius loci hominibus, tum peritis, tum fide dignis cognouisse, nec unius alterius uerelatu fuisse contentum, sed multorum constantibus sententiis fretum, ac etiam Slavonicae linguae (quae cum Ruthenica et Moscovuitica eadem est) cognitione beneficioque adiutum, haec non solum ut auritum, sed etiam oculatum testem, non fucato orationis genere, sed aperto et facili perscripsisse, ac posteritatis memoriae prodidisse.

Caeterùm, quemadmodum quaelibet natio suum quendàm pronunciandi morèm habet: ita et Rhuteni facere, litterasque suas uarie connexas, coniunctasue, nobis inusitata quadam ratione, proferre solent: adeo ut qui eorum pronunciationem non singulari diligentia obseruauerit, is neque sciscitari quicquam commode, neque cognoscere certi aliquid ab illis poterit. Equidem in Russiae descriptione, cum Rhutenicis uocabulis in rerum, locorum, ac fluuiorum appellatione non temere usus sim, uolui iam inde ab initio literarum quarundam connexionem ac uim paucis ostendere, qua animaduersa, Lector pleraque facilius cognoscere, et aliquando plura fortasse inquirere poterit.

Basilius et si Rhuteni per vu consonantem scribant et proferant, cum tameu apud nos inoleuerit per B, scribi et proferri: non uidebatur mihi per vu scribendum.

C. aspirationi praeposita, non per Ci, uel Schi, ut pleraeque nationes solent, sed per khi germanorum quodammodo more, est exprimenda: ut in dictione chiovuia, chan, chlinovuua, chlopigrod etc.

Praeposita uero Z duplae, sonorius aliquando proferenda: ut czeremisse. czernigo, czlima, czuncas, etc.

G: Rhuteni praeter aliorum Slauorum morem, per h aspirationem

Digitized by Google

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

При моемъ намѣреніи описывать Московію, которая есть глава Россіи и которая распространила свои владѣнія вдоль и поперегъ Скиѳіи, мнѣ необходимо будетъ, благосклонный читатель, коснуться въ этомъ трудѣ многихъ сѣверныхъ странъ, мало извѣстныхъ не только прежнимъ, но и нынѣшняго времени писателямъ; оттого можетъ случиться, что я иногда принужденъ буду противорѣчить ихъ сказаніямъ. Впрочемъ, чтобы кому нибудь не показалось мое мнѣніе въ этомъ дѣлѣ подозрительнымъ, или дерзкимъ, я признаюсь, что я не разъ, а дважды видѣлъ Московію, такъ какъ она есть, и проѣхалъ ее въ качествѣ посла отъ императора Максимиліана и его внука римскаго короля Фердинанда; бо́льшую же часть свѣдѣній я собралъ отъ людей тѣхъ мѣстъ, или бывалыхъ, или достойныхъ довѣрія. Не довольствуясь свидѣтельствомъ одного, или двухъ лицъ, я полагался только на согласное мнѣніе многихъ и, пользуясь благодѣтельнымъ знаніемъ славянскаго языка (который одинаковъ съ русскимъ и московскимъ), описалъ это и предалъ памяти потомства не по слухамъ, а какъ очевидецъ, и неразукрашенною рѣчью, а ясною и легкою.

Русскіе, какъ и всякій народъ, имѣютъ свой особенный образъ произношенія и обыкновенно произносятъ буквы свои въ различныхъ сочетаніяхъ и соединеніяхъ какимъ-то необыкновеннымъ образомъ, такъ что тому, кто не наблюдалъ за ихъ произношеніемъ съ особеннымъ вниманіемъ, не легко и спрашивать ихъ о чемъ нибудь и узнавать отъ нихъ что нибудь вѣрное. Такъ какъ въ описаніи Россіи я употреблялъ русскія слова въ названіи предметовъ, мѣстъ и рѣкъ не безъ основанія, то я и намѣренъ уже въ началѣ, въ краткихъ словахъ, указать сочетанія и значеніе нѣкоторыхъ буквъ, замѣтивъ которыя, читателю легче будетъ многое узнать, а можетъ быть и многое изслѣдовать.

Слово Basilius хотя русскіе пишутъ и произносятъ чрезъ согласную W; но такъ какъ унасъ въ обыкновеніи писать и произносить чрезъ B, то мнѣ казалось не нужнымъ писать чрезъ W, буква *C*, предшествуя придыханію, должна быть выражаема не звукомъ *ci* (ци) или Schi (ши), какъ у многихъ народовъ; но звукомъ khi (хи) нѣсколько по образцу нѣмецкому, какъ напримѣръ въ словахъ: Chan, Chlinovua, Chlopigorod и проч.

Но передъ двойною Z, C произносится нѣсколько звучнѣе, напр. Czeremissa, Czernigo, Czilma, Czunkas и проч.

Букву *g* русскіе, противъ обыкновенія другихъ славянъ, про-

Digitized by Google

Bohemico propemodum more proferunt. ut cum iugra, vuolga scribunt: iuhra, vuolha pronunciant.

I. litera ut plurimum uim consonantis obtinet: ut in iausa, iaroslavu, iamma, ieropolchus etc.

Th: fere per ph proferunt: ita Theodorum ipsi Pheodorum seu Feodorum appellant.

V: quando uim consonantis habet, eiusdem loco vu literam quam Germani per duplex b sc. ꝏ. exprimunt posui, ut in vuolodimeria. vuorothin vuedrasch vuiesma, vuladislaus. Eadam uero in medio uel fine dictonis posita, uim seu sonum obtinet, literae graecae phi, quae est, nobis ph, ut Oczakovu, Rostovu. Azovu, Ovuka. Diligenter igitur observabit lector huius literae, uim, ne una et eadam dictione deprauate prolata, diuersas res interrogasse, intellexisseue videatur.

Precterea m Rhutenorum Annalibus, origine, rebusque gestis uertendis, non eo, quo nos, sed quo ipsi utuntur, annorum numero usi sumus: ne, dum ab ipsorum scriptis discreparemus, correctores uerius quam fidi interpretes uideremur.

Digitized by Google

износятъ почти на манеръ богемцевъ, какъ придыхательное *h*, такъ что пишутъ Jugra, Wolga, а произносятъ Juhra, Wolha.

Буква *J* по большей части имѣетъ значеніе согласной, напр. Jausa, Jaropolchus, Jaroslaw, Jamma и проч.

Th. произносится почти какъ Ph., такъ Ѳеодора (Theodorum) называютъ Федоромъ (Pheodorum) и Феодоромъ (Feodorum).

Вмѣсто буквы *V*, когда она принимается за согласную, я всегда ставилъ *Vu*, которую нѣмцы выражаютъ двойнымъ W: такъ напр. въ словахъ Vuolodimeria, Vuorotin, Vuedrasch, Vuiesma, Vuladislaus.—Постановленная же въ срединѣ и на концѣ слова, она имѣетъ значеніе, или звукъ греческій phi, нашего ph, напр. Oczakovu, Rostovu.—Посему читатель долженъ внимательно замѣтить свойство этой буквы, чтобы отъ неправильнаго произношенія какого нибудь слова не подумали, что ты спрашиваешь и разумѣешь нѣчто другое.

Разсказывая по лѣтописямъ о происхожденіи народа и событіяхъ, мы употребляли не то лѣтосчисленіе, которое у насъ; а то, которое они сами употребляютъ, чтобы, не сходствуя съ ихъ сказаніями, не показаться скорѣе исправителями, нежели вѣрными переводчиками.

Digitized by Google

стр. 1. # RERUM MOSCOVITICARUM COMMENTARII, SIGISMUNDO LIBERO BARONE IN HERBERSTAIN, NEUPERG ET GUETENHAG, AUTORE.

Russia [a] unde nomen habeat, uariae extant opiniones. Sunt enim qui eam à quodam Russo [1], fratre seu nepote Lech, principe Polonorum, perinde ac si ipse Rhutenorum princeps fuisset, [b] nomen accepisse uolunt. Alij autem a quodam uetustissimo oppido, [c] Russo dicto, non longe a Novuogardia [d] magna [2]. Quidam uero a fusco eius gentis colore [3]. Plerique nomine mutato, a Rocsolania Russiam cognominatam esse putant. Verum eorum qui hasce asserunt opiniones, tanquam uero haud consonas, Mosci refutant, asserentes Rosseiam antiquitus appellatam, quasi gentem dispersam, seu disseminatam:[e4] id quod nomen ipsum indicat. Rosseia etenim, Ruthenorum lingua, disseminatio, seu dispersio intepretatur. quod uerum esse, uarij populi incolis etiamnum permixti, et diversae prouinciae Russiae passim intermixtae ac interjacentes, aperte testantur. Notum est autem historias sãcras legentibus, disseminationis uocabulo etiam Prophetas uti, cum de dispersione populorum loquuntur. Nec tamen desunt, qui Russorum nomen ex graeca, atque adeo ex Chaldaica origine, non multum dissimili ratione trahant. a fluxu nimirum, qui Graecis est ῥοῦς. vel à quadam quasi guttulata dispersione, qui Arameis dicitur Resissaia siue Ressaia: quo modo Galli et Vmbri a fluctibus imribus et, inundationibus, hoc est, à Gall et Gallim, item ab Vmber, Hebraeis sunt appellati, quasi dicas fluctuantes seu procellosos populos, uel scaturiginum gentem[e5]. Sed undecunque tandem Russia nomen acceperit, certè populi omnes qui lingua Slauonica[h] utuntur, ritum ac fidem christi graecorum more sequuntur, gentiliter Russi, Latinè Rutheni appellati ad tantam multitudinem excreuerunt, ut omnes intermedias gentes aut expulerint, aut in suum uiuendi morem pertraxerint: adeó ut omnes nunc uno et communi uocabulo Rhuteni dicantur [6].

Slauonica[j] porró lingua, quae hodierno die corrupto nonnihil uocabulo Slauonica appellatur, latissimé patet [7] :ut qua Dalmatae, Bossnenses, Chroati[k], Jstrij[l], longoque secundum mare Adriati-

a) 1557 B. приб. lateinisch, wird zu Teütsch Reissen genannt b) 1557 B. вм. welcher der Reissen Landts Fürst gewesen sein sol. 1563 Б. вм. gleich als wann dieser über die Ruthener geherschet. c) 1557 B. вм. Flegkhen oder Stätlein. d) 1557 B. 1563 Б. постоянно gross Neugarten e) 1557 B. вм. Das vermainen sy (die Reissen) mit dem zu bekrefftigen, das jr Nation „indert gar beyeinander, sunder etc. f) 1549 B. 1551 Б. 1557 B. 1550 Нт. отъ слова Notum до gentem—нѣтъ. Эта явная вставка сдѣлана въ первый разъ во второмъ базельскомъ изданіи (1556) и, по всей вѣроятности, не самимъ Герберштейномъ. g) 1563 Б. приб. von welchem vil andere jren Vrsprvng entpfangen. h) 1557 B. приб. oder Windisch. Такъ часто называется славянскій языкъ въ нѣмецкихъ переводахъ i) 1557 B. приб. und Teütsch Reissen genandt. j) 1557 B. приб. das ist dz Windisch Sprach k) 1557 B. Chrabaten. 1563 Б. Croatien oder Crabaten. 1550 Нт. Chroatij l) 1557 B. jstevreicher 1563 Б. Jstepeich.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ О МОСКОВСКОМЪ БЫТѢ, СОЧИНЕНІЕ СИГИЗМУНДА ВОЛЬНАГО БАРОНА ГЕРБЕРШТЕЙНА, НЕЙПЕРГА И ГВЕТЕНГАГА.

Существуютъ различныя мнѣнія о томъ, отъ чего Руссія [1] *(Russia по-латыни, а по-нѣмецки Reissen)* получила свое названіе. Нѣкоторые думаютъ, что она получила имя отъ Русса, брата или племянника Леха, князя польскаго, *который будто княжилъ* и въ Россіи; по другимъ отъ одного очень древняго *мѣстечка или городка*, именемъ Русса, недалеко отъ великаго Новгорода [2]; по третьимъ—отъ смуглаго цвѣта этого народа [3]. Многіе полагаютъ, что Руссія прозвалась отъ Роксоланіи черезъ перемѣну звуковъ. Но московиты отвергаютъ эти предлагаемыя имъ мнѣнія, какъ несогласныя съ истиной, подтверждая тѣмъ, что ихъ народъ издревле названъ Россія, *такъ какъ онъ никогда не жилъ вмѣстѣ, а напротивъ* въ разсыпку или разсѣянно [4], на что указываетъ самое имя, потому что Россея, на языкѣ Рутеновъ, значитъ разсѣяніе. Справедливость этого ясно доказывается тѣмъ, что и теперь еще разные народы живутъ въ Руссіи перемѣшанно другъ съ другомъ, и что различныя области Руссіи тамъ и сямъ смѣшаны и перерѣзываемы другими. Извѣстно также читающимъ священное писаніе, что и пророки употребляютъ слово разсѣяніе, когда говорятъ о разсѣяніи народовъ. Многіе однако ведутъ названіе Руссовъ отъ греческаго и даже отъ халдейскаго корня, имѣющаго подобное же значеніе, а именно отъ теченія, которое у грековъ называется ῥοῆς, или разсѣянія, опрыскиванія, которое у арамейцовъ называется *Risissaia* или *Ressaia:* такимъ же образомъ галлы и умбры названы евреями отъ волнъ, дождей и наводненій, т. е. отъ *Gall* и *Gallim*, также отъ *Umber*, какъ будто народы волнующіеся и бурные (непостоянные и измѣнчивые), *отъ которыхъ многіе другіе получили свое начало* [5]. Но наконецъ, откуда бы ни получила Россія свое имя, извѣстно только то, что всѣ ея народы, употребляющіе языкъ славянскій, и слѣдующіе обрядамъ и вѣрѣ христіанской по греческому закону, по народному прозвищу руссы, по-латини утены, *а по нѣмецки Reissen*, размножились до того, что или вытѣснили народы, жившіе между ними, или принудили ихъ принять свой образъ жизни, такъ что теперь всѣ называются однимъ общимъ именемъ руссовъ [6].

Славянскій, *то есть виндскій* языкъ, который въ настоящее время называется не много испорченнымъ именемъ *склавянскаго*. распространенъ на весьма большомъ пространствѣ [7], такъ что его употребляютъ далматы, боснійцы, кроаты, истрійцы, даже фріоульцы на большомъ протяженіи по Адріати-

Digitized by Google

cum tractu Forumiulij usque, Carni, quos Veneti[m] Charsos appellant, item Carniolani, Carinthij, ad Dravum[n] fluuium usque: Stirij[o] ueró infra Gretzium, secundum Mueram Danubium[p] tenus[o], indeque[r] Mysij[s], Seruij, Bulgari[t], alijque Constantinopolim usque habitautes: Bohemi[u] praeterea, Lusacij, Silesij, Morauí[v], Vagique[x] fluuij in regno Hungariae accolae: Poloni item, et Rhuteni latissimè imperantes[y], et Circasi Quinquemontani[z] ad Pontum,[aa]denique per Germaniam ultra Albim in septentrionem Vuandalorum[bb] reliquiae sparsim habitantes utuntur[cc]. Hi etsi omnes se Slauos esse
стр. 2. fatentur, Germani tamen a solis Vuandalis denominatione sumpta, omnes Slouonica lingua utentes, Vuenden, Vuinden, et Vuindisch, promiscuè appellant[a].

Caeterùm Russia montes Sarmaticos haud longè à Cracovia attingit: et secundum fluuium Tyram, quem incolae Nistrum vocant, ad Pontum Euxinum[b] atque Borysthenem[c] usque fluuium protendebatur[9]: sed ante aliquot annos Albam[d], quae aliàs Moncastro appellatur, quaeque ad ostia Tyrae sita, sub ditione Vualachi[e] Moldauiensis erat, Thurca occupauit[10]. Praeterea rex Thauriciae[f] Borysthenem transgressus, latéque[g] omnia uastans, duo ibi castra exaedificauit: quorum alterum Oczakovu[h] nomine, non longè ab ostijs Borysthenis situm, nune Thurca pariter occupat: ubi solitudines hodie sunt inter utriusque fluuij ostia[i]. Porrò ascendendo iuxta Borysthenem, deuenitur ad oppidum Circas, occidentem uersus situm: atque inde a uetustissimam civitatem Chiovuiam, quondam Russiae metropolim[j]: ubi traiecto Borysthene, est pro-

---

m) 1557 B. venedigisch oder Wälhisch n) 1563 Б. Trab o) 1557 B. приб. Steyrer vier meil unterhalb Grätz. 1563 Б. Steüermarcker. p) 1563 Б. Thünauw q) 1550 Ит. вм. secundum—tenus: fino al Danubio. r) 1557 B. приб. über die Traa und Saw s) 1550 Ит. i Masy t) 1557 B. приб. welche wir jetzo in gemain die Serven und Rätzen nennen. u) 1557 B. Die Beham. Такъ часто называются богемцы въ нѣмец. пер. Также Behaim. v) 1563B. Merrhen. x) 1557 B. приб. die Winden an der Waag. 1550 Ит. dal fiume Vago. y) 1557 B. lat. imp.-нѣтъ. z) 1563 Б. приб. oder Fünffbürger. 1550 Ит. нѣтъ quinquem. ad Pon. aa) 1557 B. приб. Am schwarzen Mör, so man lateinisch Pontum nennt. bb) 1563 Б. приб. oder wendisch. cc) 1557 B. приб. und Dörffer haben, als uberbleibling der Wenden, die derselben ortn etwan gewont haben. a) 1557 B. приб. So gebrauchen sich auch dieser sprach in Schrifften und im Gottes Dienst die Moldauer und die andern anraynenden Wallachen wiewol dieselben ain andere Sprach in gemain haben. Vil wöllen mit Schrifften darbringen, das Macedonia auch die Slauonische sprach, die man Syrvisch der orten nent, fui jr Muetter sprach ye gebraucht und noch brauchen. b) 1557 B. приб. das man sonstn das schwartz oder auf wälhisch das grösser Mör nent. 1550 Ит. приб. cioe il mar maggiore. c) 1557 B. приб. auf Reissisch Nieper genent. d) 1557 B. вм. Weissenburg. e) 1557 B. вм. so dem Voyuoden in der Molda zuegehört. 1563 Б. вм. fürsten. f) 1557 B. приб. Reissisch im Precop, aber lateinisch Tauricagenant. g) 1557 B. и вообще по нѣмецки *latè* переводится weit und breit (prait). h) 1563 Б. Okazoven—явная опечатка. i) 1557 B. приб. zwischen bayder Flüss der Nister und Nieper biss an das Mör. j) 1557 B. вм. gen Caynow und Chiow, da vor zeiten der Reissen Haubtstat gewesen, auch der Fürsten Sitz und das Regiment gehalten worden. *Metropolis* въ 1563 Б.—hauptstat, въ 1550 Ит. la principale.

Digitized by Google

ческому морю, карны, которыхъ *по-венеціански или по-валахски* называютъ карсами, также карніольцы, каринтійцы до рѣки Дравы, штиріійцы *на четыре мили* ниже Греца, по Муерѣ до Дуная, далѣе, *черезъ Драву и Саву*, мизійцы, сербы, болгары, *которыхъ теперь мы называемъ общимъ именемъ сербовъ и ретцовъ*, и другіе до Константинополя; кромѣ того богемцы, лужичане, силезцы, моравы и жители береговъ Вага, *винды*, въ венгерскомъ королевствѣ, также поляки и русскіе, властвующіе на обширномъ пространствѣ, и пятигорскіе черкесы у Чернаго моря, *которое по-латыни называется также Понтомъ;* наконецъ по Германіи за Эльбою на сѣверъ остатки вандаловъ *или виндовъ*, живущихъ по разнымъ мѣстамъ *и имѣющихъ деревни (какъ остатокъ вендовъ, которые когда-то обитали въ этихъ мѣстахъ)*. Хотя всѣ они признаютъ себя славянами, однако германцы, взявъ названіе отъ однихъ вандаловъ, всѣхъ, у кого въ употребленіи славянскій языкъ, безъ разбора называютъ вендами, виндами и виндишами. *Этотъ языкъ употребляется также въ письменности и въ богослуженіи молдованъ и другихъ сосѣднихъ валаховъ, хотя они и употребляютъ обыкновенно* (въ просторѣчіи) *другой* (свой собственный) *языкъ. Многіе хотятъ доказать сочиненіями, что Македонія употребляла издревле, и до сихъ поръ употребляетъ, какъ свой родной, языкъ славянскій, который въ тѣхъ мѣстахъ называется сербскимъ* (Syrvisch) [8].

Россія граничитъ съ сарматскими горами недалеко отъ Кракова, и прежде простиралась по теченію Тиры, которую туземцы называютъ Нистромъ, до Евксинскаго Понта, *который иначе называется чернымъ, а по-валахски большимъ моремъ*, и до рѣки Борисѳена, *называемаго по-русски Днѣпромъ* [9]; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ турки заняли городъ Альбу, *Бѣлгородъ*, который называется иначе Монкастро и который, находясь при устьяхъ Тиры, былъ подъ властью валахо-малдавскихъ *воеводъ* [10]. Кромѣ того царь Таврициі, *называемой по-русски Перекопомъ*, перешедши Борисѳенъ и опустошивъ всю землю на большомъ пространствѣ, выстроилъ тамъ двѣ крѣпости: одною изъ нихъ, Очаковымъ, недалеко отъ устьевъ Борисѳена, теперь владѣютъ также турки. Нынѣ между устьями обѣихъ рѣкъ, *Днѣстра и Днѣпра, до самаго моря* находятся пустыни (степи). Если все подниматься по Борисѳену, то придешь къ городу Циркасъ, лежащему на западъ, а оттуда къ весьма древнему городу Кіеву, нѣкогда столицѣ Руссіи, *гдѣ также была резиденція князя, и гдѣ находилось управленіе;* тамъ, за Борисѳеномъ, лежитъ об-

Digitized by Google

uincia Sevuera,[k] adhuc habitata: ex qua rectá in orientem procedenti occurrunt[l] Tanais[m] fontes. Longo deinde secundum Tanaim, ad confluxum scilicet Occae et Rha[n] fluuiorum, itinere emenso, transeundo denique Rha longissimo tractu in mare usque Septentrionale, pòst inde redeundo, circa populos regi Svuetiae subditos, et ipsam Finlandiam, sinumque Livuonicum, atque per Livuoniam, Samogithiam,[o] Masovuiam denique et Poloniam usque reuertendo, Sarmaticis tandem montibus terminatur, duabus duntaxat prouincijs, Lithvuania scilicet et Samogithia interiectis: quae duae prouinciae licet Rhutenis intermixtae sint,[p] ac proprio idiomate rituque Romano utantur, earum tamen incolae ex bona parte sunt Rhuteni[11q].

Principum qui nunc Russiae imperant, primus est, Magnus dux Moscovuiae,[r] qui maiorem eius partem obtinet: secundus, magnus dux Lithvuaniae: tertius est rex Poloniae, qui nunc et Poloniae et Lithvuaniae praeest.[12]

De origine autem gentis, nihil habent praeter annales infrà scriptos:[13s] gentem scilicet hanc Slauonicam esse ex natione Iaphet, atque olim consedisse ad Danubium,[t] ubi nunc Hungaria est et Bulgaria, et tum Norci[u] appellatam: tandem dispalatam, et per terras dispersam, nomina à locis accepisse, utpote Moravui à fluuio:[v] alij Ozechi,[x] hoc est Bohemi: item Chorvuati,[y] Bieli, Serbli, id est Seruij,[z] Chorontani[aa] dicti, qui ad Danubium[bb] consederant, à Vualachis expulsi, uenientes ad Istulam,[cc] nomen Lechorum á quadam Lecho[dd] Polonorum principe, à quo Poloni etiamnum Lechi uocantur, acceperunt. Alij Lithvuani, Masouienses, Pomerani: alij sedentes per Borysthenem, ubi nunc Chiovuia est, Poleni dicebantur: alij Drevuliani,[ee] in nemoribus[ff] habitantes: alij inter[gg] Dvuinom et Peti, dicti Dregovuici: alij Poleutzani,[hh] ad fluuium Poltae, qui influit Dvuinam: alij circa lacum Jlmcn, qui Novuogardiam occupauerunt, sibique principem Gosto-

---

k) 1550 Ит. Sanuera. l) 1557 B. прим. des gar nambhafften. m) 1563 Б. при б. oder Don. n) 1557 B. прим. Volga, das man griechisch Rha nent. o) 1557 B. Sameitn. p) 1557 B. licet Rhut. intermix. sint—нѣтъ. q) 1557 B. вм. earum-Rhuteni: Gleichwol sein gar vil der underthanen derselben Fürstenthumber und in Lythen auch in der Haubtstat der Wilda (Вильно), die Reissen sein. r) 1563 Б. прим. der aller fürnemest. s) 1563 Б. вм. de origine—scriptos: habend sy nicht anderst dann etliche volgende Puncten von jar zu jar auffgezeichnet. 1550 Ит. вм. gli annali over historie quasi annuali infra scritta. t) 1563 Б. Thunauw. Такъ постоянно называется этотъ переводъ Дунай. u) 1550 Ит. Norici. v) 1557 B. вм. von dem Fluss der March. x) 1549 B. 1557 и 1550 Ит. Czechi; только въ базельскихъ изданіяхъ и другихъ послѣдующихъ встрѣчается Oczechi. y) 1557 B. Crabaten. z) 1557 B Sirven. aa) 1557 B. Chorothani 1563. Б. Chorontarter. bb) 1563 Б. Thlunaw. cc) 1557 B. и 1563 Б. Weixl *(Weixel)*. dd) 1550 Ит. locho. ee) 1550 Ит. Dravuliani (оп. вм. Drevuliani, какъ вездѣ далѣе). ff) 1549 B. memoribus—явная опечатка. gg) 1551 Б. вм. *inter*—in. hh) 1550 Ит. poleuvezani.

Digitized by Google

ласть Севера, доселѣ обитаемая: если изъ нея пойдешь прямо на востокъ, то встрѣтишь истоки Танаиса. Потомъ надобно проѣхать длинный путь по теченію *знаменитаго* Танаиса *или Дона*, доѣхать до сліянія рѣкъ Оки и *Волги, называемой по-гречески Ра*, перейти рѣку Ра: тогда, пройдя длиннѣйшее пространство, достигнешь наконецъ до сѣвернаго моря. Потомъ русская граница возвращается оттуда назадъ, мимо народовъ, подвластныхъ королю Швеціи, около самой Финляндіи и ливонскаго залива, черезъ Ливонію, Самогитію, Мазовію къ Польшѣ, и напослѣдокъ оканчивается сарматскими горами, такъ что внутри ея лежатъ только двѣ области, Литва и Самогитія. Хотя эти двѣ провинціи врѣзываются въ русскія области и имѣютъ собственное нарѣчіе и римскую вѣру, однакожъ бо́льшая часть жителей этихъ княжествъ, равно и Литвы и ея столицы Вильды (Вильно), суть Рутены [11].

Изъ государей, которые нынѣ владѣютъ Руссіей, главный есть великій князь московскій, который имѣетъ подъ своей властью бо́льшую ея часть; второй—великій князь литовскій, третій—король польскій, который теперь правитъ и въ Польшѣ и въ Литвѣ [12].

О происхожденіи же народа они не имѣютъ никакихъ извѣстій, кромѣ лѣтописныхъ, приводимыхъ ниже [13]; именно, что это народъ славянскій изъ племени Яфета, что прежде онъ сидѣлъ на Дунаѣ, гдѣ нынѣ Венгрія и Булгарія, и назывался тогда норцами, что наконецъ онъ разсѣялся по разнымъ землямъ, и получилъ названія отъ мѣстъ поселенія; такъ одни прозвались моравами отъ рѣки, другіе очехами т. е. богемцами; такимъ же образомъ прозвались хорваты, бѣлы, серблы т. е. сервіи, и хоронтаны, которые остались жить на Дунаѣ, но, выгнанные валахами и пришедши къ Истулѣ, получили имя леховъ, отъ нѣкоего Леха, польскаго князя, отъ котораго поляки и теперь называются также лехами. Другіе назывались литвинами, мазовами, померанами; третьи, живущіе по Борисѳену, гдѣ нынѣче Кіевъ, поленами; четвертые древляне, живущіе въ рощахъ; живущіе между Двиною и Петью названы дреговичами, другіе полочане, по рѣкѣ Полтѣ, которая впадаетъ въ Двину; другіе около озера Ильменя, которые заняли Новгородъ и поставили у себя *по своей волѣ* князя именемъ Гостомысла;

Digitized by Google

missel nomine[ii] constituerunt: alij per Desnam et Sulam fiuuios, Sevueri[jj] seu Sevuerski appellati: alij uerò super fontes Volhe[kk] et Borysthenis, Chrivuitzi nominati: horum arx et caput[ll] Smolensco[mm] est. Haec annales[nn] ipsorum testantur.[14]

cap 3. Qui initio Rhutenis imperauerint, incertum est. characteribus enim carebant, quibus res gestae memoriae mandari potuissent. Posteaquam ueró Michael rex Constantinopolitanus, literas[a] Slouonicas in Bulgariam anno mundi 6406.[b] misisset, tum primum, non ea duntaxat quae tum gerebantur,[c] uerùm etiam quae à maioribus acceperant, et per longam memoriam retinuerant, scribi, inque Annales[d] eorum referri coepta sunt: [15] ex quibus constat, Coseros populum, à nonnullis Rhutenis tributi nomine aspreolorum pelliculas [e] de singulis aedibus exegisse, item Vuaregos ipsis imperauisse. [16] De Coseris, unde, aut quinam fuerint, nihil praeter nomen ex Annalibus: de Vuaregis itidem, certi quicquam ab illis cognoscere non potui. Caeterùm cum ipsi [f] mare Baltheum [g], et illud quod Prussiam, Livuoniam, indeque post ditionis suae partem à Svuetia diuidit, mare Vuaregum appellarent: putabam equidem, aut Svuetenses, aut Danos, aut Prutenos, ob uicinitatem, principes illorum fuisse. Iam uerò, cum Vuagria, famosissima quondam Vuandalorum [h] ciuitas et prouincia, Lubecae et ducatui Holsatiae finitima fuisse, maréque hoc quod Baltheum dicitur, ab ea nomen, [i] quorundam sententia, [j] accepisse uideatur: [k] illudque ipsum, et sinus [l] ille qui Germaniam à Dania, item Prussiam, Livuoniam, maritimam denique Moscouitici imperij partem à Svuetia separet, et adhuc apud Rhutenos nomen suum retineat, atque Vuaretzokoie morie, hoc est, Vuaregum mare appelletur: [m] ad haec, quòd Vuandali [n] ea tempestate potentes erant, Rhutenorum denique lingua, moribus atque religione utebantur: uidentur itaque mihi Rhuteni ex Vuagrijs, seu Vuaregis potius, principes suos euocasse, quàm externis, et à religione sua, moribus, idiomateque diuersis,

ii) 1550 Ит. приб. voluntariamente. jj) 1550 Ит. Sauueri. kk) 1549 B. vuolhae. 1551 Б. vulhae. ll) 1557 B. вм. a. e. c. Haubtschloss und Stat. mm) 1563 Б. Smolenchen. nn) 1563 Б. вм. jre historien und Chroneckbücher. 1550 Ит. приб. Annali *di questa gente Slauonica queste cose amplamente* confermano. a) 1563 Б. buchstaben uud geschrifft. b) 1563 Б. приб. nach jhrer rechnuug 6406 jar (welches nach der geburt Christi 898 jar gewesen). Такая прибавка встрѣчается почти при каждомъ хронологическомъ указаніи въ нѣмец. пер. c) 1563 Б. вм. nit allein die geschichten, so man zu derselbigen zeyt gehandlet. d) 1563 Б. *ordenliche* Chroneck. e) 1557 B. ain pälgle oder heutle der vech (=Eichhörnchen *nörd.*) oder Grabwerchen (=grauwerk). 1550 Ит. вм. le pelli di queli animali chiamati Aspreolij. f) 1557 B. приб. die Reissen. g) 1557 B. приб. das Teutsch Mör, so man Lateinisch Baltheum und die Teutschen den Peld nennen. h) 1563 Б. приб. oder Wenden. i) 1557 B. вм. nach jrersprach. j) 1557 B. вм. so hab ich mich seid erjndert. k) 1557 B. приб. und denselben Namen nachmals bey den Reissen erhalten. Далѣе отъ *illudque* do *appelletur*—нѣтъ. l) 1563 Б. grosser Meerschooss. m) 1557 B. отъ *iludque* do *appelletur*—нѣтъ. n) 1557 B. приб. oder Wenden.

Digitized by Google

другіе по рѣкамъ Деснѣ и Сулѣ названы северами или северскими; другіе же около истоковъ Волги и Борисѳена прозваны кривичами; ихъ столица и крѣпость есть Смоленскъ. Объ этомъ *вполнѣ* свидѣтельствуютъ ихъ собственныя лѣтописи *и хроники* [14].

Кто сначала властвовалъ надъ рутенами, неизвѣстно, потому что у нихъ не было *ни азбуки, ни письменности*, посредствомъ которыхъ ихъ дѣянія могли бы быть переданы памяти; но послѣ того, какъ Михаилъ, царь константинопольскій, прислалъ славянскій алфавитъ въ Булгарію въ 6406 году отъ сотворенія міра (898 по Р. Х.), тогда въ первый разъ они начали записывать и вносить въ свои лѣтописи не только то, что происходило въ то время: но также и то, что они слышали отъ предковъ и долго удерживали въ памяти[15]. Изъ этихъ лѣтописей извѣстно, что народъ козеры требовалъ отъ нѣкоторыхъ рутеновъ ежегодной дани съ каждаго дома по *бѣличьему мѣху* или шкуркѣ, и что также вареги властвовали надъ ними[16]. Я не могъ узнать, кромѣ имени, ничего вѣрнаго изъ лѣтописи ни о козерахъ, ни о варегахъ, кто такіе были они, или изъ какой земли. Впрочемъ, такъ какъ *русскіе* называютъ моремъ вареговъ—*нѣмецкое* море, *называемое по-латини балтійскимъ и по-нѣмецки Пелдъ (Peld)* и то, которое отдѣляетъ Пруссію, Ливонію и часть ихъ владѣнія отъ Швеціи: то я полагалъ, что ихъ государи были по сосѣдству или шведы или датчане или пруссы. Но такъ какъ довольно извѣстно, что Вагрія, нѣкогда весьма славный городъ и область вандаловъ *или вендовъ*, была въ сосѣдствѣ съ Любекомъ и герцогствомъ Голзаціею; то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и самое море, которое называется балтійскимъ, *въ послѣдствіи* получило свое имя *у русскихъ* отъ Вагріи. Это море и тотъ *большой* заливъ, который отдѣляетъ Германію отъ Даніи, также Пруссію, Ливонію и приморскую часть московитскаго государства отъ Швеціи, до сихъ поръ удерживаетъ у рутеновъ свое имя и называется варежскимъ моремъ т. е. моремъ вареговъ. Сверхъ того вандалы *или венды* были въ это время могущественны и наконецъ имѣли языкъ, нравы и религію рутеновъ. По всему этому мнѣ кажется, что рутены скорѣе вызвали себѣ князей изъ вагріевъ или вареговъ, нежели предложили власть иностранцамъ, чуждымъ ихъ религіи, нравовъ и нарѣчія.[17]

Digitized by Google

imperium detulisse. [17] Cum itaque Rhuteni aliquando inter se de principatu contenderent, ac mutuis odiorum facibus inflammati, exortis denique qrauissimis seditionibus decertarent: tum Goctomissel, [18] uir et prudens, et maguae in Novuogardia authoritatis, in medium consuluit, ut ad Vuaregos mitterent, atque tres fratres [o], qui illic magni habebantur, ad suscipiendum imperium hortarentur. mox audito consilio, legatis missis, principes germani fratres accersuntur: [p] uenientesque eò, [q] imperium ipsis ultrò delatum, [r] inter se diuidunt. Rurick principatum Novuogardiae obtinet, sedemque suam ponit in Ladoga, [s] XXXVI miliaribus Germanicis infra Novuogardiam magnam. Sinaus consedit in Albo lacu [t]. Truvuor uerò in principatu Plescouiensi, [u] in oppido Svuortzech [v]. Hosce fratres originem à Romanis traxisse, gloriantur Rhuteni [x]: à quibus etiam praesens Moscovuiae princeps, [y] se genus duxisse sunm asserit. Horum autem fratrum ingressus in Russiam, iuxta Annales, [z] fuit anno mundi 6370 [19]. Duobus sine haeredibus defunctis, principatus omnes Rurick superstes obtinuit, castra inter amicos et famulos diuisit. moriens filium iuuenem [aa] Igor nomine, unà cum regno commendat cuidam Olech propinquo suo: [bb] qui id, deuictis multis prouincijs, auxit: arma in Graeciam usque transferens, Bisantium [cc] etiam obsedit. et cum triginta
стр. 4. tribus annis regnasset, atque in caput seu cranium sui equi iam olim mortui, pede fortè impegisset, uermis uenenosi morsu lensus occubuit. [20] Mortuo Olech, Igor [b] ducta ex Plescovuia uxore Olha, imperare coepit: qui cum exercitu suo longius progrediens, Heracleam et Nicomediam usque peruenisset, tandem bello superatus aufugit. post à Malditto Drevulianorum principe, in quodam loco Coreste nomine, ubi etiam sepultus est, occididur. [21] Filius autem Svuatoslsus, quem infantem reliquit, cum per aetatem imperare non posset, interim mater Olha regno praefuit: ad

o) 1557 B. прим. die daselbsten gross geacht gewest schikhen, damit sy das Regiment oder Regierung annämben. 1563 Б. прим. welche bei denselbigengross gehalten, dass sy jr Reich welten annemen. 1550 Ит. прим. quali in quel luogo in grandissimo pregio et riputatione erano hauuti, a pigliare l'Impero, et il dominio di quelli. p) 1563 Б. прим. Als bald man diesen rathschlag verstanden hat man die legaten abgefertiget, und dise brüder für jre fürsten berüffet. 1550 Ит. il che molto piacque alli Rhuteni, et cosi sopra di cio mandati illoro Ambasciatori, li tre fratelli Germani per Prencipi et Signori fuorno chiamati. q) 1550 Ит. вм. *eò:* al luogo ordinato. r) 1563 Б. прим. das Reich, welches jnen freywillig angebotten. 1550 Ит. прим. con uolunta di tutti fudato loro l'imperio, et la signoria sopra li Rhuteni. s) 1550 Ит. in la doga (опеч.) citta. t) 1557 B. zum weis B. see. u) 1550 Ит. in plesco Vuiense (опеч.) v) 1563 Б. прим. hat—Hoff gehalten. x) 1557 вм. *Rhuteni: diese drey gerbrueder* rüembten sich. y) 1557 B. вм. *praes. Mosc. pr:* der gross Fürst Basilius, zu dem ich geschickt war. z) 1563 Б. Chroneck-abtheilung. aa) 1557 B. *juvenem*—имѣтъ. bb) 1550 Ит. прим. huomo nel arte militare ualente. cc) 1550 Ит. прим. *la itta* Bisantio. a) 1557 B. vergifftsthier. b) 1550 Ит. прим. figliulo gia del principe Rurick.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, когда рутены спорили между собою о княжеской власти и, воспламенясь взаимною ненавистью, при возникшихъ тяжкихъ раздорахъ, взялись наконецъ за оружіе: тогда Гостомыслъ[18], мужъ мудрыій, пользовавшіійся большимъ уваженіемъ въ Новгородѣ, далъ совѣтъ, чтобы они отправили пословъ къ варегамъ, и склонили бы къ принятію *управленія и* власти, трехъ братьевъ, которые тамъ весьма уважались. *Уразумѣвъ этотъ совѣтъ*, новгородцы тотчасъ отправили пословъ, и призвали на княжество *и владычество трехъ* разныхъ братьевъ, которые пришли туда и раздѣлили между собою власть, врученную имъ добровольно *надъ русскими*. Рюрикъ получилъ княжество новгородское, и поставилъ свой престолъ въ Ладогѣ, въ 36 нѣмецкихъ миляхъ ниже великаго Новгорода. Синаусъ утвердился на Бѣломъ озерѣ; Труваръ же въ княжествѣ псковскомъ, въ городѣ Свортцехѣ. *Эти три брата* хвалились, что они ведутъ свое происхожденіе отъ Римлянъ; даже *великій князь Василій, къ которому я былъ посланъ*, утверждаетъ, что онъ ведетъ свой родъ отъ нихъ. Пришествіе этихъ братьевъ въ Руссію, по лѣтописямъ, было въ 6370 году отъ сотворенія міра (862 по Р. Х.)[19]. Когда умерли двое изъ нихъ безъ наслѣдниковъ, оставшійся въ живыхъ Рюрикъ получилъ всѣ княжества, и роздалъ города друзьямъ и слугамъ. Умирая, онъ поручилъ своего юнаго сына, Игоря, вмѣстѣ съ царствомъ, одному изъ своихъ родственниковъ, *искусному въ военномъ дѣлѣ* Олегу, который увеличилъ царство, покоривъ многія области, и, внеся оружіе въ Грецію, осадилъ даже Византію. Послѣ тридцати-трехлѣтняго царствованія онъ умеръ отъ ядовитаго червя, который укусилъ его, когда онъ неосторожно наступилъ ногою на черепъ своего коня, умершаго еще прежде[20]. По смерти Олега, Игорь, *внукъ князя Рюрика*, началъ править, взявъ въ супруги Ольгу изъ Пскова. Онъ проникъ весьма далеко съ своимъ войскомъ, достигъ даже Гераклеи и Никомедіи, но побѣжденный, бѣжалъ. Послѣ онъ былъ убитъ Малдитомъ, княземъ древлянскимъ, на мѣстѣ, называемомъ Коресте, гдѣ и былъ похороненъ[21]. Покуда сынъ его Святославъ, котораго онъ оставилъ ребенкомъ, по своему возрасту не могъ управлять царствомъ, правила мать его Ольга.

Digitized by Google

quam cum Drevuliani uiginti internuncios misissent, cum mandatis, ut eorum principi nuberet: Olha nuncios Drevulianorum uiuos obrui iussit: suosque interim legatos ad eos misit, nimirum si se principem et dominam expeterent, ut plures atque praestantiores procos mitterent. mox alios selectos quinquaginta viros ad se missos, in balneo combussit: aliosque legatos iterum misit, qui aduentum suum annunciarent, iuberentque apparare aquam mulsam, [c] aliaque ex more ad parentandum marito defuncto necessaria. Porrò ad Drevulianos cum uenisset, maritum deplanxit, Drevulianos inebriauit, quinque millia illorum occidit. mox Chiovuiam reuersa, exercitum conscripsit: contra Drevulianos progressa, uictoriam reportauit, fugientes in castrum persecuta, obsidione ad integrum annum pressit [d]. pòst interpositis conditionibus, tributum illis de qualibet domo, tres uidelicet columbas, totidemque passeres imperat: acceptasque in tributum aues, continuò alligatis sub alas igneis quibusdam instrumentis, dimittit: auolantes columbae, ad aedes consuetas redeunt, reuolantque, [e] castrum incendunt. inflammato iam castro diffugientes, aut occiduntur, aut capti uenduntur. Occupatis itaque omnibus Drevulianorum castris, [f] ulta mariti mortem, Chiovuiam reuertitur. Dein anno mundi 6463 in Graeciam profecta, baptismum sub rege Ioanne Constantinopolitano suscepit: commutatoque nomine Olhae, Helena uocata est: ac magnis post baptismum à rege muneribus [g] acceptis, domum reuertitur. Haec prima inter Rhutenos Christiana fuit, ut Annales corum testantur, qni eam Soli aequiparant. Sicuti enim sol ipsum mundum illuminat, ita et ipsa Russiam fide Christi illustrasse dicitur. [22] Svuatoslaum autem filium ad baptismum nequaquam perducere potuit. qui cum adoleuisset, strenuus ac promptus statim omnes bellicos labores, periculaque consueta, non detrectauit: in bello nulla impedimenta, [h] ne uasa quidem coquinaria, exercitui suo permisit. carnibus tostis duntaxat utebatur, humi requiescens, sella capiti subiecta. Vicit Bulgaras, ad Danubium usque progressus: inque ciuitate Pereaslavu, sedem [i] suam posuit, ad matrem atque consiliarios suos dicens: Haec enim sedes [j]

c) 1563 Б. прик. oder Mät. d) 1563 Б. прик. nach diesem hat sy einen friden mit jnen gemachet. 1550 Ит. прик. da poi uenuti a gli acordi. e) 1563 Б. прик. auch hin uud wider gesprun gen. f) 1563 Б. Rüstungen. g) 1563 Б. вм. reichlichen—verehret. h) 1563 Б. geschirr oder Hausrath. i) 1557 В. Sitz oder Stuel. 1563 Б. fürstlichen Sitz. j) 1563 Б. fürstlich Sitz. k) 1557 В. прик. Swatoslaw. l) 1563 Б. Neüwmonat. a) 1557 В. прик. Burger oder Invoner. 1550 Ит. прик. un cittadino. b) 1557 В. вм. war im Frawenzimmer der olha oben vermeld. 1563 Б. frawenzimmer. 1550 Ит. al seruitio. c) 1557 В. прик. damit sy auch eriodern mochten. 1550 Ит. прик non per altra cagione, ecceto di poter cognoscere etc. d) 1557 В. des volgk's. 1563 Б. gezeüg. п *volk* и *gezeug* употр. часто вм. *exercitus*. e) 1563 Б. knechten. f) 1563 Б. knechten. g) 1557 В. прик. die zwen khünig (Basil et Constant.). h) 1557 В. ritterlich. i) 1563 Б. ritterlichen sterben.

Digitized by Google

Когда древляне прислали къ ней двадцать пословъ съ предложеніемъ выйти замужъ за ихъ князя, Ольга приказала древлянскихъ пословъ зарыть живыми въ землю; между тѣмъ къ нимъ отправила своихъ пословъ объявить, чтобы они прислали больше сватовъ и болѣе знаменитыхъ, если желаютъ имѣть ее княгинею и госпожею. Вскорѣ послѣ того она сожгла въ банѣ пятьдесятъ другихъ избранныхъ мужей, присланныхъ къ ней, а къ древлянамъ отправила новыхъ пословъ, чтобы они возвѣстили ея прибытіе и велѣли приготовить медовую воду *или медъ* и все необходимое по тогдашнему обычаю для поминокъ по умершимъ мужѣ. Потомъ, пришедши къ древлянамъ, она оплакала мужа, напоила до пьяна древлянъ, и умертвила изъ нихъ 5000. Вскорѣ послѣ того, возвратясь въ Кіевъ, она собрала войско, пошла противъ древлянъ, одержала побѣду и преслѣдовала бѣгущихъ до крѣпости, которую осаждала цѣлый годъ. Потомъ она заключила съ ними мирныя условія и потребовала у нихъ дани, именно съ каждаго дома по три голубя и по три воробья: птицъ, полученныхъ въ дань, она распустила, привязавъ имъ подъ крылья огненные снаряды. Улетѣвшія птицы возвратились къ своимъ старымъ обычнымъ жилищамъ, и, *перелетая съ мѣста на мѣсто*, зажгли крѣпость: бѣглецы изъ загорѣвшейся крѣпости были или убиты, или взяты въ плѣнъ и проданы. Такимъ образомъ, занявъ всѣ древлянскія *укрѣпленія* и, отмстивъ за смерть мужа, она возвратилась въ Кіевъ. Потомъ, въ 6463 году отъ сотворенія міра (955 по Р. Х.), отправившись въ Грецію, Ольга приняла крещеніе въ правленіе Іоанна, царя константинопольскаго: перемѣнивъ свое имя, она была названа Еленой, и возвратилась домой, получивъ послѣ крещенія много *богатыхъ* подарковъ отъ царя. Она первая изъ рутеновъ сдѣлалась христіанкой, какъ свидѣтельствуютъ ихъ лѣтописи, которыя уподобляютъ ее солнцу, потому что какъ солнце освѣщаетъ весь міръ, такъ она, по ихъ словамъ, озарила Русь вѣрою Христа [22]. Но никакъ не могла она склонить къ крещенію сына своего Святослава. Когда онъ пришелъ въ юношескій возрастъ, — мужественный и отважный, онъ тотчасъ подъялъ (принялъ на себя) всѣ воинскіе труды и соединенныя съ ними опасности: своему войску онъ не позволилъ имѣть на войнѣ никакой *посуды или домашней утвари*, даже котловъ; питался только жаренымъ мясомъ, покоился на землѣ, подкладывая подъ голову сѣдло. Онъ побѣдилъ булгаровъ, дошедши даже до Дуная, и основалъ свое мѣстопребываніе въ городѣ Переяславѣ, говоря матери и своимъ совѣтникамъ: «Вотъ подлинно мой *кня-*

Digitized by Google

mea,in medio regnorum meorum: ex Graccia ad me adferuntur Panodocki, aurum, argentum, uinum, uarijque fructus: ex Hungaria, argentum et equi: ex Russia, Schora, cera, mel, serui. Cui mater: Iam iam moritura sum, tu me ubicunque uolueris sepelito, itaque póst triduò moritur, atque à nepote ex filio [k] Vuolodimero iam baptisato in numerum sanctorum refertur, diesque undecimus Iulij [l] sacer illi dicitur.

crp. 5. Svuatoslaus, qui post obitum matris regnabat, diuisit prouincias filijs: Ieropolcho Chiovuiam, Olegae Drevulianos, Vuolodimero Novuogardiam magnam. Nam Novuogardenses impulsu cuiusdam mulieris Dobrinae, Vuolodimerum principem impetrarunt. erat enim Novuogardiae ciuis quidam [a] Calufza paruus dictus, qui habuit duas filias, Dobrinam et Maluscham. Maluscha erat in gynaecio [b] Olhae, quam impraegnauerat Svuatoslaus, et ex ea Vuolodimerum susceperat. Svuatoslaus cum filijs prospexisset, pergit iu Bulgariam, Pereaslavu ciuitatem obsidet, capitque: Basilio et Constantino regibus bellum denunciat. at hi legatis missis pacem poscebant[c] , et quantum exercitum [d] haberet, cognosceri ab eo propterea cupiebant, quòd tributum daturos se iuxta numerum exercitus [e], sed falso, pollicebantur. mox cognito militum numero, exercitum scripserunt. [f] Pòst cum uterque exercitus conueniset, Rhuteni Graecorum multitudine terrentur: quos cum panidos uideret Svuatoslaus, inquit: Quia locum non uideo, Rhuteni, qunos tutò capere posset: terram autem Russiae tradere inimicis, nunquam in animum induxi: fortiter [h] contra illos pugnando, aut mortem [i] oppetere, aut gloriam reportare, certum est. Etenim[j] si strenuè pugnando occubuero, nominis immortalitatem: si uerò fugiam, perpetuam inde ignominiam sum relaturus. et cum hostium multitudine circumuentus effugere non liceat, stabo ergo firmiter, caputque meum in prima acie, pro patria, omnibus periculis obijciam. Cui milites: Vbi caput tuum, ibi et nostrum. Mox confirmato milite, in ade uersum hostem raptus, magno impetu facto, uictor euadit Terram dein Graecorum uastantem, reliqui Graeciae principes muneribus oppugnant. aurum autem et panadockmi (ut est in Annalibus) [k] munera cum spreuisset, recusassetque, uestimenta autem et arma Graecis iam denuò sibi missa accepisset: tanta eius uirtute, Graeciae populi permoti, reges suos conuenientes: Et nos, inquiunt, sub eiusmodi rege esse cupimus, qui non aurum, sed arma magis amat.

---

j) 1557 B. ritterlich. k) 1557 B. *ut e. i. an.*—ивтъ. 1563 Б. вм. *panadockmi et.*: reiche gaben (so in jhren Chronecken Panadockim genennet). 1550 Нт. вм. et uedendo li popoli che Vulodislauo uittorioso capitano (come è scitto ne gli Annali) Disprazzaua l'oro etc.

Digitized by Google

жескій столъ въ серединѣ моихъ царствъ: изъ Греціи ко мнѣ привозятъ паволоки (Panadocki), золото, серебро, вино и различные плоды, изъ Венгріи—серебро и лошадей, изъ Руси—шкуры (мѣха), воскъ, медъ и рабовъ». Мать отвѣчала ему: «Уже скоро я умру; такъ ты похорони меня, гдѣ тебѣ угодно». Спустя три дня она умерла, и была причислена къ лику святыхъ внукомъ отъ сына *Святослава*, Владиміромъ, который уже крестился; сіи посвященъ 11-й день іюля.

Святославъ, царствовавшій по смерти матери, раздѣлилъ области сыновьямъ: Ярополку — Кіевъ, Олегу—древлянъ, Владиміру—великій Новгородъ, такъ какъ сами новгородцы, побужденные одною женщиною, Добрынею, испрашивали въ князья Владиміра. Въ Новгородѣ былъ одинъ гражданинъ, Калуфча, по прозванью Малый, который имѣлъ двухъ дочерей: Добрыню и Малушу; Малуша была *въ услуженіи* при теремѣ Ольги, и Святославъ прижилъ съ нею Владиміра. Устроивъ своихъ сыновей, Святославъ отправился въ Булгарію, осадилъ городъ Переяславъ и взялъ его. Потомъ онъ объявилъ войну царямъ Василію и Константину. Но они черезъ пословъ просили міра и желали узнать сколько у него войска, обѣщаясь, но ложно, дать дань по числу войска. Какъ скоро узнали они число его воиновъ, то оба царя (Василій и Константинъ) собрали войско. Когда оба войска сошлись, рутены устрашились многочисленности грековъ, и Святославъ, видя ихъ страхъ, сказалъ: «Русскіе, такъ какъ я не вижу мѣста, которое бы могло принять насъ подъ свою защиту, а предать врагамъ землю русскую я никогда не думалъ, то рѣшено, что мы или умремъ *рыцарскою смертью* или вынесемъ славу, *рыцарски* сражаясь противъ непріятелей. Ибо, если я паду, сражаясь мужественно, то пріобрѣту безсмертное имя; если же побѣгу, то вѣчное безчестіе,—и такъ какъ окруженному многочисленными врагами бѣжать нельзя, то я стану крѣпко, и въ первомъ ряду, за отечество подставлю свою голову всѣмъ опасностямъ». Воины отвѣчали ему: «гдѣ твоя голова, тамъ и наши». Какъ только воины ободрились, онъ съ великимъ усиліемъ устремился на стоявшихъ противъ него враговъ, и вышелъ побѣдителемъ. Когда онъ потомъ опустошалъ землю грековъ, то остальные греческіе князья умилостивляли его дарами; когда же онъ съ презрѣніемъ отвергъ золото и *богатые дары, которые въ ихъ лѣтописяхъ названы* Panadockmi (паволоки?), а принялъ одежды и оружіе, предложенныя ему греками во второй разъ: то народы Греціи, восхищенные такою его доблестью, пришли къ своимъ царямъ, говоря: И мы хотимъ быть подъ властью такого царя, который любитъ болѣе — не золото, а оружіе.

Digitized by Google

Appropinquante Constantinopolim Svuatoslao, Graeci magno se redimentes tributo, eum à finibus Graeciae auertunt. quem tandem anno mundi 6480, Cures princeps Pieczenigorum, ex insidijs interfecit. et ex cranio eius poculum faciens, auro circundato, literis in hanc sententiam signauit: Quaerendo aliena, propria amisit [23]. Mortuo Suatoslao, quidam ex eius primoribus Svuadolt nomine, Chiovuiam ad Ieropolchum profectus, maxmo eum sollicitans opere atque studio, quo Olegam fratrem regno expelleret, quòd filium suum Lutam necasset. Ieropolchus eius persuasione adductus, bellum fratri infert: exercitumque eius, Drevulianos scilicet, profligat. [l] Olega autem fugiens in quoddam castrum, à suis exclusus, impetuque facto, [m] ex quodam ponte detrusus ac deiectus, multis super eum cadentibus, miserè adobruitur. Ieropolchus castro occupato fratrem quaerens, corpus eius inter cadauera repertum, et ad suum conspectum allatum aspiciens: Svuadolte, inquit, ecce hoc tu concupiuisti. pòst sepelitur. Interfectum sepultumque Olegam, [n] cum
стр. 6. Vuolodimerus accepieset, relicta Novuogardia, ultra mare ad Vuaregos profugit. [24] Ieropolchus autem Novuogardiae suum locum tenentem [a] imponens, totius Russiae monarcha efficitur. [b] Vuolodimerus Vuaregorum auxilio comparato, reuersus, locum tenentem fratris Novuogardia expulit, fratrique bellum prior denunciat. sciebat enim, ipsum contra se arma sumpturum. Interea temporis mittit ad Rochvuolochdam principem Pescovuiae [d] (nam et ipse ex Vuaregis illuc commigrauerat) et filiam suam Rochmidam uxorem petit. filia autem non Vuolodimero, quòd eum ex illegitimo thoro natum [e] sciebat, sed Ieropolcho fratri, quem breui se pariter expetiturum putabat, nubere uoluit. Vuolodimerus, quòd repulsam passus esset, Rochvuolochdae bellum infert: eumque unà cum duobus filijs occidit. Rochmidam uerò filiam sibi iungit, atque post Chiovuiam contra fratrem progreditur. Ieropolchus cum fratre inire praelium cum non auderet, occlusit se Chiovuiae [f]. Vuolodimerus dum Chiovu [g] oppugnat, occultum mittit nuncium ad Blud [h] quendam Ieropolchi intimum consiliarium: quem patris appellatione dignatus, rationem interficiendi fratrem ex eo petit. intellecta petitione Vuolodimeri, pollicetur Blud semet dominum suum interfecturum, consulens Vuolodimero, castrum [i] ut oppugnet: Ieropol-

---

l) 1559 Ит. прим. et distrusse. m) 1563 Б. Wie nun ein gross getreng gewesen ist. n) 1563 Б. прим. sein Bruder Olega. a) 1557 B. seinen Stathalter. b) 1550 Ит. прим. in breue spatio di tempo. c) 1557 B. Stathalter. d) 1549 B. Plescovuiae. 1550 Ит. Plescouuia. e) 1550 Ит. essere bastardo. f) 1550 Ит. прим. alla quale Voulodimero pose l'assedio. g) 1563 Б. Chiova oder Kiaw. h) 1550 Ит. Bluol (также и далѣе). i) 1550 Ит. castello over fortezza.

Digitized by Google

Когда Святославъ приблизился къ Константинополю, греки откупились отъ него большою данью, и такимъ образомъ удалили его отъ границъ Греціи. Наконецъ въ 6480 году отъ сотворенія міра (972 по Р. Х.) Куресъ, князь печенѣговъ, умертвилъ его изъ засады, и, сдѣлавъ изъ его черепа чашу съ золотою обдѣлкой, вырѣзалъ на ней надпись такого содержанія: «Ища чужаго, онъ потерялъ» [20]. По смерти Святослава, одинъ изъ его вельможъ, по имени Сватольдъ, пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку и съ большимъ стараніемъ побуждалъ его изгнать изъ царства брата Олега за то, что онъ умертвилъ его сына, Люта. Ярополкъ, увлеченный его убѣжденіями, пошелъ войною на брата и разбилъ его войско, т. е. древлянъ. Олегъ же искалъ убѣжища въ одномъ городѣ, но не былъ пущенъ своими же; и такъ какъ въ то время было сдѣлано нападеніе *(была ужасная тѣснота)*, то онъ былъ столкнутъ или сброшенъ съ одного мѣста, и жалостнымъ образомъ погибъ, заваленный многими трупами, падавшими на него. Ярополкъ, занявъ городъ, искалъ брата, и при видѣ его тѣла, найденнаго между трупами и принесеннаго къ нему, сказалъ: «Сватольдъ, вотъ чего ты хотѣлъ!» Послѣ того Олегъ былъ похороненъ. Владиміръ, узнавъ о томъ, что *его братъ* Олегъ убитъ и похороненъ, изъ Новгорода бѣжалъ за море къ варягамъ [21]; а Ярополкъ, поставивъ въ Новгородѣ своего намѣстника, сдѣлался въ короткое время монархомъ всей Руссіи. Снискавъ помощь варяговъ и возвратившись въ отечество, Владиміръ изгналъ изъ Новгорода братняго намѣстника и первый объявилъ войну брату, ибо зналъ, что онъ подниметъ противъ него оружіе. Тѣмъ временемъ онъ послалъ къ Рогвологду, князю псковскому, (который также переселился сюда отъ варяговъ), и просилъ въ супруги его дочь Рогниду; но дочь желала выйти замужъ не за Владиміра, потому что знала, что онъ незаконнорожденный, но за брата его, Ярополка, который, полагала она, скоро также будетъ просить ее въ супруги. Владиміръ, получивъ отказъ, пошелъ войною на Рогволога и умертвилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями; съ Рогнидой же, дочерью, вступилъ въ супружество, и потомъ пошелъ на Кіевъ противъ брата. Не смѣя сразиться съ братомъ, Ярополкъ заключился въ Кіевѣ, который и былъ осажденъ Владиміромъ. Во время осады Кіева, Владиміръ послалъ тайнаго гонца къ нѣкоему Блуду, ближайшему совѣтнику Ярополка, и, почтивъ его названіемъ отца, спрашивалъ у него совѣта, какъ извести Ярополка. Обдумавъ просьбу Владиміра, Блудъ обѣщался, что онъ самъ убьетъ своего господина, совѣтуя Владиміру осадить городъ; Ярополка же

Digitized by Google

chum autem monet, in castro[j] ne maneat, exponens multos ex suis [k] ad Vuolodimerum defecisse. Ieropolchus consiliario suo fidem habens, fugit Roden, ad ostia Iursae, seque ibi aduersus fratris uim tutum fore putat. Vuolodimerus deuicta Chiovuia, Roden exercitum transferens, longa et graui obsidione Ieropolchum premit. Pòst longa inedia exhausti, cum obsidionem tolerare diutius non possent, consulit Blud Ieropolcho, ut pacem cum fratre, se longè potentiore, faciat: Vuolodimero autem interim nihilominus nunciat, se sibi fratrem suum mox traditurum, adelecturumque. Ieropolchus secutus consilium ipsius Blud, fratris se arbitrio atque potestati permittit, conditionem hanc ultro offerens, nempe, quicquid ex gratia sua sibi rerum concessurus esset, in eo sese gratum futurum. Vuolodimero conditio oblata, haudquaquam displicet. Mox Blud monet dominum, ut ad Vuolodimerum iret: quod tamen Vuerasco pariter Ieropolchi consiliarus prorsus dissuadet. sed huius consilium negligens, ad fratrem pergit. ingrediens per portam, à duobus Vuaregis, Vuolodimero interim ex quadam turri[l] despiciente[m], occiditur. quo facto, fratris uxorem natione Graecam stuprauit: quam Ieropolchus pariter, priusquam in uxorem duxisset, monialem impregnauerat[n25]. Hic Vuolodimerus multa idola Chiovuae instituit. primum idolum, Perum[o] dictum, capite argenteo, caetera lignea erant[p]. alia, Vslad, Corsa, Dasvua, Striba, Simaergla[q], Macosch, uocabantur: quibus inmmolabat, quae aliàs Cumeri appellabantur[r26]. Vxores habuit plurimas[s]. ex Rochmida autem suscepit Isoslaum, Ieroslaum, Servuoldum[t], et duas filias. Ex Graeca, Svuetopolchum. Ex Bohema[u], Saslaum[v]: item ex alia Bohema, Svuatoslaum, Stanislaum. Ex Bulgara, Boris et
стр. 7. Chleb. Habebat praeterea in alto castro trecentas concubinas[a]: in Bielgrad[b], similiter trecentas[c]: in Berestovuo[d], Selvui ducentas[27]. Vuolodimerus cum sine impedimento totius Russiae esset monarcha factus, uenerant ad eum ex diuersis locis Oratores, hortantes, ut se eorum sectae adiungeret. Varias autem cum uideret sectas, misit et ipse Oratores suos, qui perquirerent conditiones et ritus singularum sectarum. tandem cum alijs omnibus fidem Christianam Graeco ritu praetulisset, elegissetque, missis orato-

---

j) 1550 Ит. fortezza k) 1550 Ит. soldati. 1563 Б. auss seinem volck. l) 1557 B. zu dem fenster m) 1550 Ит. вм. *Vuolod.—despiciente:* et mentre tal fatto scellerato et tristo si facena, Vuolodimero carnefice del proprio fratello, da una certa torre eminente era del tutto crudele et impio spettatore. n) 1550 Ит. прнб. ora stata uiolata, et fatta grauida. o) 1549 B. Perun. 1550 Ит. peruno p) 1557 B. вм. ain silbrens haubt auff einen hültzen Pottich. 1550 Ит. Simaerga. r) 1550 Ит. *qu. a. C. ap.*—нѣтъ. s) 1557 B. *ux. h. pl.*—нѣтъ. t) 1549 B. и 1550 Ит. вм. *Serv:* Vseuuoldum. u) 1557 B. Behaimin (также и далѣе). v) 1563 Б. *ex Boh. Sasl.*—нѣтъ. a) 1563 Б. Rebsweiber. b) 1550 Ит. Bidgrado (вмѣ. он.). c) 1563 Б. *in Bilgr., simil. trec.*—нѣтъ. d) 1563 Б. Berestomer land.

Digitized by Google

убѣдилъ не оставаться въ крѣпостцѣ, выставляя на видъ, что многіе изъ его войска перешли къ Владиміру. Повѣривъ своему совѣтнику, Ярополкъ удалился въ Роденъ, къ устьямъ Юрсы, и думалъ, что тамъ онъ будетъ безопасенъ отъ насилія со стороны брата. Покоривъ Кіевъ, Владиміръ передвинулъ войско къ Родню, и долго тѣснилъ Ярополка тяжкою осадою. Потомъ, когда городъ, истощенный голодомъ, не могъ дольше выдерживать осады, Блудъ совѣтывалъ Ярополку заключить миръ съ братомъ, который гораздъ сильнѣе его, и въ то же время извѣстилъ Владиміра, что онъ скоро приведетъ и предастъ ему его брата. Ярополкъ, слѣдуя совѣту Блуда, отдался въ волю и власть брата, предлагая отъ себя, что онъ будетъ благодаренъ Владиміру, если онъ изъ милости уступитъ ему что нибудь изъ владѣній. Предложенное условіе очень понравилось Владиміру. Потомъ Блудъ уговорилъ своего господина, чтобы онъ пошелъ къ Владиміру; Вераско, тоже совѣтникъ Ярополка, ревностно отговаривалъ его отъ этого. Но пренебрегши его совѣтомъ, Ярополкъ отправился къ брату и, входя въ ворота, былъ убитъ двумя варягами, между тѣмъ какъ Владиміръ смотрѣлъ съ одной башни въ окно. Послѣ того Владиміръ изнасиловалъ *и сдѣлалъ беременною* супругу брата, племенемъ гречанку, съ которою и Ярополкъ жилъ до супружества, когда она была еще монахинею [25]. Этотъ Владиміръ поставилъ много идоловъ въ Кіевѣ: первый идолъ, называвшійся Перуномъ, былъ съ серебряной головой, а остальные члены были у него изъ дерева; другіе идолы назывались: Усладъ, Корса, Дасва, Стриба, Симергла, Макошъ; имъ приносилъ онъ жертвы; иначе они называются кумирами [26]. У Владиміра было очень много женъ. Отъ Рогмилы онъ имѣлъ Изяслава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; отъ гречанки—Святополка; отъ богемки—Заслава; потомъ отъ другой богемки—Святослава и Станислава; отъ булгарки—Бориса и Глѣба. Кромѣ того онъ имѣлъ въ Вышгородѣ триста наложницъ, въ Бѣлградѣ—тоже триста, въ Берестовѣ селѣ—двѣсти [27]. Когда Владиміръ безпрепятственно сдѣлался монархомъ всей Руссіи, то пришли къ нему послы изъ разныхъ мѣстъ, убѣждая принять ихъ вѣру. Когда онъ узналъ различныя вѣроисповѣданія, то и самъ отправилъ своихъ пословъ изслѣдовать ученіе и обряды каждой вѣры. Наконецъ, предпочтя всѣмъ другимъ—вѣру христіанскую по греческому закону, онъ отпра-

Digitized by Google

ribus Constantinopolim ad Basilium et Constantinum reges, Annam sororem, uxorem sibi si darent, se fidem Christi, cum omnibus subditis suis suscepturum: et restituturum illis Corsun, et alia omnia, quae in Graecia possideret, pollicetur. re impetrata, constituitur tempus, eligitur Locus Corsun: quò cum uenissent reges[e], baptisatus est Vuolodimerus. commutatoque nomine Vuolodimeri, Basilio illi nomen imponitur. Nuptijs celebratis, Corsum unà cum alijs, sicuti promiserat, restituit.. Haec acta sunt anno mundi[f] 6469. à quo tempore Russia in fide Christi permansit[28]. Anna moritur XXIII anno post nuptias: Vuolodimerus uerò anno post obitum uxoris quarto decessit[29]. Is ciuitatem intra Vuolham et Occam fluuios sitam condidit[g], quam à suo nomine Vuoladimeriam nominauit, eamque. Rhussiae metropolim[h] constituit[30]. Inter sanctos tanquam Apostolus, solenni die uidelicet 15 Iulij[i], quotannis ueneratur. Mortuo Vuolodimero, dissidentes inter se filij eius, uariè de regno praesumentes, decertabant: adeò ut qui potentior esset, alios se inferiores imbecillioresue opprimeret, regnoque pelleret [j]. Svuatopolchus, qui principatum Chiovuiensem ui occupauerat, constuerat sicarios, qui fratres suos Boris et Chleb conficerent. Interfecti, commutatis nominibus, hic Dauid, ille uerò Romanus uocati, in sanctorum numerum connumerati sunt: quibus etiam XXIIII dies Iulij[k] sacer est constitutus. Fratribus porrò sic dissidentibus, nihil dignum memoria interim ab eis gestum est: nisi proditiones, insidias, simultates, intestinàque bella audire uelles[31]. Vuolodimerus Sevuoldi filius, cognomento Monomach; uniuersam Russiam rursus in monarchiam redegit, relinquens post se insignia[l] quaedam, quibus hodierno die in inaugurandis principibus utuntur[32]. Moritur Vuolodimerus, anno mundi 6633. nec post eum filij eius, neque nepotes quicquam posteritate dignum, usque ad tempora Georgij et Basilij gesserunt: quos Bati rex Tartararum bello uicit, interemitque: Vuolodimeriam, Moscovuiam, atque bonam Russiae partem exussit, et depraedatus est. Ab eo tempore, anno scilicet mundi 6745[m]. usque ad praesen-

---

e) 1557 B. прив. von Constantinopl. f) 1557 B. прив. als man vor anfang der welt geschriben hat. 1563 Б. прив. wie man zalt (какъ часто встрѣчается и далѣе). g) 1550 Ит. прив. auante che fusse battezzato. h) 1557 B. das Haubt und Fürsten Gesäss. i) 1563 Б. Neüwmonat. j) 1557 B. прив. als volodimer von wegen der Anna die Tauff angenumen, im 990 Jar, also auch der Miesco in Poln von wegen Dobrowkha des Boleslai Fürsten in Behaim Tochter in 965. Auch Jagello gross Fürst in Litten, von wegen Hedwigen Künig Ludwigs zu Hungern und Poln Tochter, Der aber uberkam das Kunigreich Poln mit seiner Praut im 1383 Jar. k) 1567 Б. Neüwmonat. l) 1567 Б. kleinoter und gezierden. 1550 Ит. прив. ornamenti et ordini. m) 1563 Б. прив. und nach Christi geburt 1237.

Digitized by Google

вилъ пословъ въ Константинополь къ царямъ Василію и Константину, и обѣщался принять христіанскую вѣру со всѣми своими подданными и возвратить имъ Корсунъ и все остальное, чѣмъ владѣлъ въ Греціи, если они дадутъ ему въ супруги сестру свою, Анну. По окончаніи переговоровъ, условились во времени и мѣстомъ выбрали Корсунъ; когда прибыли туда цари *константинопольскіе*, Владиміръ крестился и, перемѣнивъ имя, былъ нареченъ Василіемъ. Отпраздновавъ свадьбу, онъ возвратилъ Корсунъ и все остальное, какъ обѣщалъ. Это произошло *по ихъ счисленію* въ 6496 году отъ сотворенія міра (988 по Р. Х.), и съ этого времени Россія пребываетъ въ Христіанствѣ [28]. Анна умерла черезъ 23 года послѣ свадьбы, Владиміръ же скончался на четвертый годъ послѣ смерти супруги [29]. Онъ *прежде своею крещенія* построилъ городъ, лежащій между рѣками Волгой и Окой, называлъ его по своему имени Владиміромъ и сдѣлалъ его *главнымъ и стольнымъ городомъ* Россіи [30]. Каждый годъ, въ день 15 Іюля торжественно празднуютъ его память въ числѣ святыхъ, какъ Апостола. По смерти Владиміра, его сыновья ссорились, споря между собою и не соглашаясь въ раздѣленіи царства, такъ что кто былъ сильнѣе, тотъ угнѣталъ слабѣйшихъ и изгонялъ ихъ изъ государствъ. *Какъ Владиміръ ради Анны принялъ крещеніе въ 990 г., такъ и Мешко въ Польшѣ ради Добровки, дочери богемскаго князя Болеслава, въ 965 г. Также и Ягелло великій князь Литовскій* (принялъ Христіанство) *ради Гедвиги, дочери Людвига, короля венгерскаго и польскаго; ему досталось и польское королевство за невѣстой въ 1383 году.* Святополкъ, который насильно овладѣлъ княжествомъ Кіевскимъ, расположилъ убійцъ, чтобы умертвить своихъ братьевъ, Бориса и Глѣба. По смерти перемѣнили имъ имена, и одинъ названъ Давидомъ, а другой Романомъ, и оба причислены къ лику святыхъ; имъ посвященъ 24-й день іюля. При такихъ ссорахъ, братья ничего достойнаго памяти не совершили, исключая измѣнъ, казней, вражды и междоусобныхъ войскъ [31]. Владиміръ, сынъ Севолода (Всеволода), по прозванію Мономахъ, соединилъ опять всю Россію въ монархію; онъ оставилъ послѣ себя нѣкоторыя украшенія (регаліи), которыя употребляются въ настоящее время при коронованіи князей [32].

Владиміръ умеръ въ 6633 году отъ сотворенія міра (1125 по Р. Х.), и послѣ него его сыновья и внуки не совершили ничего достойнаго памяти потомства до самыхъ временъ Георгія и Василія: Батый, царь Татаръ, побѣдилъ и умертвилъ ихъ, выжегъ и разграбилъ Владиміръ, Москву и большую часть Россіи. Съ этого времени, т. е. съ 6745 года отъ сотворенія міра (1237 по Р. Х.) до нынѣшняго князя Василія, *у котораго я былъ посломъ*,

Digitized by Google

tem Basilium[n] omnes ferè[o] Russiae principes Tartarorum non solum tributarij[p] erant, uerum etiam Tartarorum arbitrio Rhutenis ambientibus singuli principatus deferebantur. Lites denique int r illos de successione principatuum, aut haereditatum gratia exortas, licet[q] Tartari discernentes, cognoscentaeque decidebant[r], nihilominus tamen bella sæpe inter Rhutenos et Tartaros oriebantur: inter fratres autem varij tumultus, expulsiones et permutationes regnorum et ducatum erant[s33]. Nam dux[t] Andreas Alexandri, impetrarat magnum ducatum: quem cum occupasset Demetrius, frater Andreas impetrato Tartarorum exercitu, illum expulit, multàque nepharia per Russiam perpetrauit[a34]. Item dux Demetrius Michaelis, interfecit apud Tartaros ducem Georgium Danielis[b] Asbeck Tartarorum rex, arrepto Demetrio, capitali eum poena affecit. [c35]— Contentio erat de magno ducatu[d] Tvuerensi, quem dux Simeon Ioannis[e] cum à Tartarorum rege Zanabeck peteret, annuum ab eo tributum poscebat: quodne, penderet primores largitione corrupti, pro eo intercedentes effecerant[36] Deinde anno 6886, magnus dux Demetrius uicit bello magnum Tartarorum regem, nomine Mamaij.[f] Item tertio anno pòst, eundem iam denuò usqueadeò fudit, ut plus quàm tredecim mil ibus passuum terra cadaueribus obruta esset.[37] Anno post eundem conflictum secundo, superueniens Tachctamisch[g] rex Tartarorum, Demetrium profligauit, Moscovuiam[h] obsedit et occupauit. interempti ad sepeliendum octoginta uno rublo redimedantur: summa computata 3000. rublorum fuit[38i]. Magnus dux Basilius, qui praesidebat anno 6907, Bulgariam, quae ad Vuolhiam sita est, occupauit, Tartarosque eieicit. Is Bassilus Demetrij reliquit unicum fiium Basilium: quem, cum non diligeret, quòd Anastasiam uxorem, ex qua illum susceperat, adulterij suspectam haberet, magnum ducatum Moscovuiae non filio moriens, sed Georgio fratri suo reliquit.—Cum autem plerique Boiaronum[k] filío eius, tanquam legitimo haeredi atque successori, adhaererent: animadvertens hoc Georgius, ad Tartaros properat: supplicat regi, ut Basilium accersat, atque utri iure ducatus debeatur, decernat. Rex impulsu cuiusdam, consiliarij sui,

n) 1557 B. Basilium, bey dem ich in Potschafft ge west. o) 1557 B. u 1550 Ит. ferè—нѣтъ. p) 1557 B. приб. oder zinsspar. q) 1549 B. licet нѣтъ. r) 1557 B. вм. auhh die Fürsten der Reissen nach der Tattern gefallen, gesetzt und die zwiespatigen, es sey Erbschafft oder andern Sachen halben, mit derselben Vrtayllen worden. s) 1549 B. erant—нѣтъ. t) 1557 B. Hertzog. a) 1557 B. *multaquae-perpetravit* —нѣтъ. b)1550 Ит. Demialla. c) 1557 B. вм. und nam jm sein leben. 1563 Б. вм. und von dem leben zu dem tod gerichtet. d) 1557 B. Fürstenthumb- e) 1550 Ит. приб. il quol ducato dapoi dal Duca Sim. Giov. Aranabeck Re delli Tartari riechiesto, esso Re l'ucisse etc. 1557 B. Ionnis-нѣтъ. f) 1550 Ит. Marnai (опеч.). g) 1563 Б. Tachamisch (опеч.). h) 1563 Б. приб. auhh die statt Moscauw. i) 1563 Б. приб. also dass der erchlagenen zaal zweymalen hundert und viertzig tausent gewesen. j) 1550 Ит. Anastas.—нѣтъ. k) 1557 B. die underthonen. 1365 Б. mertheil Boiaronen von der ritterschafft.

Digitized by Google

почти всѣ князья Руссіи не только были данниками татаръ, но и отдѣльныя княжества давались по волѣ татаръ тѣмъ изъ русскихъ, которые у нихъ домогались этого. Хотя татары разбирали и рѣшали споры, возникавшіе между ними о преемствѣ власти въ княжествахъ или о наслѣдствахъ *или по другимъ дѣламъ*, тѣмъ не менѣе однакожъ войны между русскими и татарами происходили часто; а между братьями были волненія, изгнанія и мѣны царствъ и княжествъ [35]. Такъ князь Андрей Александровичъ домогался великаго княжества; когда имъ овладѣлъ Димитрій, братъ Андрей съ помощью татарскаго войска изгналъ его и совершилъ много постыдныхъ дѣлъ въ Руссіи [34]. Также князь Димитрій Михайловичъ убилъ у татаръ князя Георгія Даніиловича. Узбекъ, царь татаръ, захватилъ Димитрія, казнилъ его смертью [35]. Былъ (также) споръ о великомъ княжествѣ тверскомъ; когда князь Симеонъ Іоанновичъ просилъ его себѣ у Чанибека, царя татарскаго, то Чанибекъ требовалъ отъ него годовой дани: вельможи, подкупленные богатыми подарками Симеона, вступились за него и отдѣлали дѣло такъ, что онъ не заплатилъ дани [36]. Потомъ въ 6886 году (1378 по Р. Х.) великій князь Димитрій побѣдилъ Мамая, великаго царя татаръ. На третій годъ послѣ того Димитрій снова разбилъ его, такъ что земля была покрыта трупами болѣе, чѣмъ на 13.000 шаговъ [37]. На второй годъ послѣ этого сраженія неожиданно сдѣлалъ нашествіе царь татарскій Тохтамышъ, поразилъ Димитрія, осадилъ и взялъ *городъ* Москву. Убитыхъ выкупали для погребенія—восемдесятъ человѣкъ за одинъ рубль: вся сумма выкупа, по счету, оказалась въ три тысячи рублей, *такъ что число убитыхъ было двѣсти сорокъ тысячъ* [38]. Великій князь Василій, правившій въ 6907 году (1399 п. Р. Х.), овладѣлъ Булгаріей, которая лежитъ по Волгѣ, и изгналъ (изъ нея) татаръ. Этотъ Василій Димитріевичъ оставилъ единственнаго сына Василія; такъ какъ онъ не любилъ его, потому что подозрѣвалъ въ прелюбодѣйствѣ супругу свою, Анастасію, отъ которой родился у него Василій, то умирая оставилъ великое княжество московское не сыну, а своему брату, Георгію. Когда же большая часть бояръ *(подданныхъ, бояръ изъ рыцарскаго сословія)* приняли старину сына Василія, какъ законнаго наслѣдника и преемника: то Георгій, увидѣлъ это, поспѣшилъ къ татарамъ и умолялъ царя, чтобы онъ призвалъ Василія и рѣшилъ, кому изъ нихъ должно принадлежать княжество по праву. Когда царь, подъ вліяніемъ одного изъ своихъ совѣтниковъ,

Digitized by Google

qui partes Georgij fouebat,[l] praesente Basilio, cum sententiam pro Georgio diceret: prouolutus ad genua regis Basilius, orat, fas ut sit sibi loqueni.[m] Mox annuente rege, inquit: Quanquam tu sententiam super literis mortuis tulisti, spero meas tamen, quas mihi sigillo aureo communitas dedisti, quòd uelles me magno ducatu inuestire, adhuc uiuas, longè maioris efficaciae atque authoritatis esse[n]. rogatque regem, ut uerborum suorum esset memor, promissisque stare dignetur. Ad haec rex, iustius esse respondit, uiuarum literarum promissa seruare, quàm mortuarum rationem habere. Tandem Basilium dimittit, ducatùque inuestiuit. Molestè id ferens Georgius, exercitu congregato, Basilium expulit: quod Basilius susque deque tulit: sèque in principatum Vglistz, sibi à patre relictum, recepit. Georgius magno ducatu, quoad uixit, quietè potitus est, quem testamento nepoti suo Basilio legauit[39]: quod Andreas et Demetrius, filij Georgij, ceu priuati haereditate, grauiter tulerunt. atque ideò Moscovuiam obsederunt. Basilius, qui monasterium sancti Sergij ingressus erat, cum haec audiret, illico exploratores constituit: praesidijsque dispositis cauit, ne ex improuiso opprimeretur. Quod cum auimaduerterent duo illi fratres, inito consilio, certos currus armato milite complent, ac ueluti mercibus onustos eò mittunt. qui hinc inde ducti,[o] demum sub noctem iux-
cap. 9. ta uigilias consistere. Qua occasione adiutus miles, intempesta nocte subitò se curribus expediens, excubitores nihil periculi suspicantes inuadit, capitque[a]. Capitem et Basilius in monasterio, atque excaecatus ad Uglistz unà cum coniuge mittitur[40]. Pòst Demetrius, ubi infestam sibi communitatem nobilium,[b] eamque ad Basilium caecum deficere uidet, mox Nuvuogardiam ptofugit, relinquens filium Ioannem: ex quo postea natus est Basilius Semeczitz qui etiam me tum in Moscovuia existente, in uinculis detinebatur, de quo infrà plura. Demetrius autem dictus fuit cognomento Semecka, unde omnes ab eo descendentes Semeczitzi[d] cognominantur[41e]. Tandem Basilius caecus, Basilij filius, quietè magno ducatu potitus est. Pòst Vuolodimerum Monomach, usque ad hunc Basilium, Russia carebat monarchis[f]. Filius autem huius Basilij, Ioan-

---

l) 1557 B. qui par. G. fovebant—иѣтъ. m) 1557 B. вм. jme sein notturfft furzubringen zu vergonnen. n) 1557 B. вм. und dabey handheben dieselben Brieff sein noch lebendig und krefftiger weder die todten. o) 1 49 B. 1551 Б. вм. qui h. inde ducti: ibique cum hinc inde ducerentur и черезъ нѣсколько строкъ далѣе: iuxtaque vigilias noctu constitissent. a) 1549 B. вм. *Qua-capitque:* intempesta nocte curribus sese expromentes, milites vigilias nihil periculi suspicantes invadunt, copiuutque. 1557 B. Этого мѣста нѣтъ. b) 1557 B. die Underthonen und gemain des Adels. 1563 Б. der adel und gemein ritterschafft. c) 1549 B. Schemecka. 1563 Б. Semecka. d) 1549 B. Schemecziczi. e) 1557 B. *undecognominantur*—нѣтъ. f) 1557 B. öbrern и прав. sunder ainsichtig Fürsten, darüber die Tartern oberer waren.

Digitized by Google

благопріятствовавшаго сторонѣ Георгія, въ присутствіи Василія произнесъ свое мнѣніе въ пользу Георгія,—Василій, павъ къ ногамъ царя, просилъ, чтобы ему было позволено *высказать свою просьбу*. Когда царь изъявилъ согласіе, онъ сказалъ: «Хотя ты сдѣлалъ приговоръ на основаніи грамоты умершаго человѣка, однако я надѣюсь, что гораздо дѣйствительнѣе и важнѣе моя грамота, скрѣпленная золотою печатью, которую ты, живой человѣкъ, далъ мнѣ въ удостовѣреніе того, что хочешь облечь меня великокняжескимъ достоинствомъ». Затѣмъ онъ просилъ царя, чтобы онъ помнилъ свои слова и удостоилъ сдержать свои обѣщанія. Царь отвѣчалъ на это, что справедливѣе соблюсти то, что обѣщано въ грамотѣ живаго человѣка, чѣмъ принимать въ разсужденіе грамоту умершаго (завѣщаніе). Наконецъ онъ отпустилъ Василія и облекъ его великокняжескимъ достоинствомъ. Съ огорченіемъ принялъ это Георгій и, собравъ войско, изгналъ Василія. Василій перенесъ это кое-какъ и удалился въ княжество Угличь, оставленное ему отцемъ. Георгій до конца жизни спокойно владѣлъ великимъ княжествомъ, и завѣщаніемъ отказалъ его своему племяннику, Василію [39]. Андрей и Димитрій, сыновья Георгія, какъ лишенные наслѣдства, съ досадой смотрѣли на это и потому осадили Москву. Пришедъ въ монастырь св. Сергія и услышавъ объ этомъ, Василій немедленно поставилъ стражеи, размѣстилъ гарнизонъ и остерегался, чтобы не напали на него внезапно. Примѣтивъ это и посовѣтовавшись между собою, Андреи и Димитрій наполнили нѣсколько повозокъ вооруженными воинами и послали ихъ къ монастырю подъ видимъ купеческаго обоза. Доѣхавъ туда, повозки остановились подъ ночь вблизи стражи. Вспомоществуемые этимъ обстоятельствомъ, воины въ глубокую ночь внезапно выскочили изъ телѣгъ, напали на караульныхъ, не подозрѣвавшихъ никакой опасности, и схватили ихъ. Въ монастырѣ взятъ былъ и Василій, ослѣпленъ и отосланъ въ Угличь вмѣстѣ съ своею супругою [40]. Вскорѣ потомъ Димитріи, увидѣвъ, *что подданные и простые дворяне* ему непріязненны, и что они переходятъ на сторону слѣпаго Василія, бѣжалъ въ Новгородъ, оставивъ сына Іоанна, отъ котораго потомъ родился Василій Шемячичъ, въ бытность мою въ Москвѣ содержавшійся въ оковахъ; болѣе скажу о немъ ниже. Димитріи былъ прозваніемъ Шемяка, отчего всѣ его потомки называются Шемячичами [41]. Наконецъ Василій Васильевичъ Темный спокойно овладѣлъ великимъ княжествомъ. Послѣ Владиміра Монамаха до этого Василія, въ Руссіи не было монарховъ, *но были отдѣльные князья, надъ которыми владычествовали татары*. Сынъ же

Digitized by Google

nes nomine, felicissimus fuit. nam simul ubi Mariam, sororem magni ducis Michaelis Tvuerensis [g], uxorem duxisset, sororium expulit, et occupauit magnum ducatum Tvuerensem, deinde etiam Novuogardiam magnam: cui postea omnes alij principes, magnitudine rerum à se gestarum commoti, seu timore perculsi, seruiebant. Rebus deinde feliciter pro cedentibus, titulum magni ducis Vuolodimeriae, Moscovuiae et Novuogardiae [h] sibi usurpare, monarcham denique se totius Russiae appellare coepit. [42] Hic Ioannes suscepit ex Maria filium Ioannem nomine, cui in consortem iunxerat filiam Stephani illius magni Vuaiuodae [i] Moldauiae: qui Stephanus Mahumetem Thurcarum, Matthiam Hungariae, et Ioannem Albertum Poloniae, reges prostrauerat. Mortua priore coniuge Maria, Ioannes Basilij alteram uxorem duxit, Sophiam [43], filiam Thomae, latè quondam in Peloponneso regnantis: filij inquam Emanuelis, regis Constantinopolitani, ex Palaeologorum genere: ex qua suscepit quinque filios, Gabrielem, Demetrium, Georgium, Simeonem, et Andream: eisque uiuens adhuc patrimonium diuisit. Ioanni primogenito [j] monarchatum [k] reseruauit, Gabrieli Novuogardiam magnam consignauit, caeteris alia iuxta arbitrium suum attribuit. Primogenitus Ioannes moritur, relicto filio Demetrio: quem auus in patris mortui locum, iuxta consuetudinem monarchatu inuestiuerat. Aiunt Sophiam hanc fuisse astutissimam, cuius impulsu dux multa fecit. Inter caetera induxisse maritum perhibetur, ut Demetrium nepotem monarchatu moueret, inque eius locum praeficeret Gabrielem. Persuasus namque dux ab uxore, Demetrium in uincula conijcit, detinetque. tandem moriens, [l] eidem ad se adduci iusso: [m] Chare, inquit, nepos, peccaui in Deum et te, quòd carceribus mancipatum te afflixi, teque iusta haereditate spoliaui. iniuriam igitur à me tibi illatam, obsecro mihi remitte: liber abi, iurèque tuo utere. Demetrius hac oratione permotus, noxam auo facilè condonat. Egressus autem, Gabrielis patrui iussu comprehenditur, inque carceres conijcitur. Alij fame illum ac frigore, pars fumo suffocatum putant. [44] Gabriel, uiuente Demetrio, gubernatorem se gessit: eo uerò mortuo, principatum tenuit, non inauguratus, Gabrielis duntaxat in Basilij nomine commutato. Erat

---

g) 1557 B. zu Twer oder Otwér. h) 1557 B. *mag. duc. v., M. et Nov.*—цѣтъ i) 1557 B. Weyda. j) 1557 B. и 1550 Нт. прнб. dem von der ersten frauen (della prima moglie). k) 1557 B. das Grossfürstenthumb и прнб. und nach ordnung bey seinem leben eingesetzt. l) 1557 B. прнб. So aber der Grossfürst Hans an seinem letzten gelegen, und die Geistliche jne der gwissen vermant. m) 1549 B. вм. *eidem ad se ad. iusso:*—eundem ad se adduci iubet.

Digitized by Google

этого Василія, Іоаннъ, былъ весьма счастливъ, потому что вскорѣ послѣ своего брака съ Маріею, сестрою Михаила *великаго князя* тверскаго, онъ изгналъ зятя и овладѣлъ великимъ княжествомъ Тверскимъ; потомъ завоевалъ также великій Новгородъ. Послѣ того всѣ другіе князья стали служить ему, пораженные величіемъ его дѣяній, или изъ страха. Потомъ при постоянно счастливомъ ходѣ дѣлъ, онъ началъ употреблять титулъ великаго князя владимірскаго, московскаго и новгородскаго и наконецъ сталъ называться монархомъ (единодержцемъ) всей Руссіи.[42] Этотъ Іоаннъ имѣлъ отъ Маріи сына, по имени Іоанна, которому избралъ въ супруги дочь Стефана Великаго, того малдавскаго воеводы, который побѣдилъ Магомета, султана турецкаго, Матвѣя, короля венгерскаго, и Іоанна Альберта, короля польскаго. По смерти первой своей супруги, Маріи, Іоаннъ Васильевичъ вступилъ въ другой бракъ съ Софіею[43], дочерью Ѳомы, нѣкогда имѣвшаго обширныя владѣнія въ Пелопонезѣ: я говорю о сынѣ Емануила, царя константинопольскаго, изъ рода Палеологовъ. Отъ нея онъ имѣлъ пять сыновей: Гавріила, Димитрія, Георгія, Симеона и Андрея, и имъ раздѣлилъ наслѣдство еще при своей жизни: Іоанну старшему *отъ первой жены* онъ оставилъ *великокняжество и утвердилъ его при жизни по закону*, Гавріилу назначилъ великій Новгородъ, остальнымъ далъ другія владѣнія по своему желанію. Первенецъ его, Іоаннъ, умеръ, оставивъ сына Дмитрія, которому дѣдъ предоставилъ монархію, по обычаю, вмѣсто его умершаго отца. Говорятъ, что эта Софія была весьма хитра и подъ вліяніемъ ея князь много дѣлалъ. Между прочимъ утверждаютъ, что она побудила мужа лишить внука Димитрія монархіи и назначить на его мѣсто Гавріила. Князь, убѣжденный супругою, велѣлъ бросить Димитрія въ оковы, и долго держалъ его въ нихъ. Наконецъ, *когда великій князь Іоаннъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи и духовные усовѣщевали его*, онъ приказалъ привесть его къ себѣ и сказалъ ему: «Милый внукъ, я согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою, заключивъ тебя въ темницу и лишивъ тебя законнаго наслѣдства; заклинаю тебя прости мнѣ обиду; будь свободенъ, иди и пользуйся своимъ правомъ». Димитрій, растроганный этой рѣчью, охотно простилъ вину дѣда. Но когда онъ выходилъ, его схватили по приказанію дяди Гавріила и бросили въ темницу. Одни полагаютъ, что онъ погибъ отъ голоду и холоду, другіе—что онъ задушенъ дымомъ[44]. Гавріилъ при жизни Димитрія выдавалъ себя только за правителя государства, по смерти же его принялъ княжеское достоинство, хотя и не былъ коронованъ, а только перемѣнилъ имя Гавріила на имя Василія.

Digitized by Google

стр. 10. Ioanni magno duci ex Sophia, filia Helena, [a] quam collocauit Alexandro magno duci Lithuaniae, qui postea rex Poloniae declaratus est. Sperabant Lithuani iam grauissimas utriusque principis discordias eo matrimonio sopitas fore: at longè graviores inde exortae sunt. In sponsalibus namque conclusum erat, ut templum Rhutenico ritu [b] in castro Vuilnensi, [c] destinato loco exaedificaretur, eique certae matronae ac uirgines eiusdem ritus iungerentur. quae cum aliquanto tempore fieri negligerentur, sumit socer causam belli contra Alexandrum: et triplici exercito instructo, contra eum progreditur. primum uersus prouinciam Sevueram in meridiem, secundum uerò in Occidentem contra Toropecz et Biela [d] instituit, tertium in medio uersus Drogobusch et Smolenczko [e] collocat. ab ijs exercitum [f] in subsidijs retinet, quò ei maximè, contra quem Lithvuanos pugnaturos animaduerteret, succurrere posset. Postquam [g] autem ad fluuium quendam Vuedrasch [45] uterque exercitus uenisset, Lithuani duce Constantino Ostroskij [h] maxima procerum et nobilium frequentia septo, [i] ex quibusdam captiuis numerum hostem ac ducum quoque cum cognouissent, magnam spem profligandi hostem concipiunt. Porrò cum fluuiolus conflictum impediret, ab utrisq ue transitus seu uadum quaeritur. [j] Primi autem Mosci aliquot, superata ripa, Lithuanos ad pugnam lacessunt: atque illi haud timidi resistunt, eosque insequuntur, fugant, ultraque fluuiolum pellunt. mox utrinque acies committuntur, praeliumque atrox oritur. [k] Interea dum utrinque eodem ardore animorum acriter certarent, exercitus in insidijs collocatus, quem paucissimi Rhuteni ad futurum sciebant, ex latere in medios hostes inducitur. Lithuani metu perculsi, dilabuntur: [l] imperator exercitus unà cum plerisque nobilibus [m] capitur: reliqui perterriti, castra hosti concedunt: [n] se et arces, Drogobusch, Toropecz, et Biela pariter dedunt. Exercitus uerò qui meridiem uersus processerat, cui praeerat dux Machmethemin Tartarus rex Casani, [o] fortè Brensko ciuitatis praefectum, [p] quem uernacula lingua Vuaivuodam uocant, comprehendit, Brenskoque ciuitate potitur. Duo pòst germani fratres, Basilij patrueles, [q] alter de Staradub, [r] alter uerò Semeczitz dicti, bonam

---

a) 1557 B. просто sein Tochter. b) 1557 B. прив. unnd gebrauch der Fürsten. c) 1557 B. im Schloss zu der Wild. d) 1557 B. *et Bella*—нвтъ. e) 1563 Б. Smolenchen (такъ часто и далѣе). f) 1563 Б. den vierdten hauffen. g) 1557 B. прив. das Fittisch heer sich für Smolensco, und fort auch für Drohobusch geruckt. h) 1557 B. прив. ain Reiss. i) 1557 B. *maxima—septo*—нвтъ. j) 1557 B. *ad utrisque-quaer.*—нвтъ. k) 1557 B. вм. *atque—oritur:* und triben also ainer den andern hin und wider herüber l) 1557 B. вм. *Interea-dilabuntur:* So nun die Littu sich gar uber den Pach geben hetten, rugkht der harffen aus der Hallt und khumbt den Littn an ainer Seiten zue, des die Littn erschracken und flogen. m) 1557 B. guete Leut. n) 1557 B. *reliqui-concedunt*—нвтъ. o) 1557 B. прив. von Casan abergetauffi. p) 1563 Б. den landvogt. q) 1557 B. Bas. patruel.—нвтъ. r) 1563 Б. Starodeli.

Digitized by Google

У великаго князя Іоанна отъ Софіи была дочь Елена, которую онъ выдалъ за Александра, великаго князя литовскаго, избраннаго потомъ королемъ польскимъ. Литовцы уже надѣялись, что важныя несогласія обоихъ князей будутъ прекращены этимъ бракомъ; а произошли отъ него гораздо важнѣйшія. Ибо въ брачномъ договорѣ было положено выстроить храмъ по русскому закону *и обычаю князей* въ городѣ Вильно на назначенномъ для того мѣстѣ, и причислить къ нему боярынь и дѣвицъ русскаго вѣроисповѣданія, сопровождавшихъ Елену. Когда нѣсколько времени пренебрегали исполненіемъ этого условія, тесть воспользовался этимъ, какъ поводомъ войны противъ Александра, и, устроивъ три арміи, выступилъ противъ него: первую онъ послалъ на югъ, въ область северскую, другую на западъ, противъ Торопца и Бѣлы, третью поставилъ посрединѣ, по направленію къ Дорогобужу и Смоленску; изъ нихъ онъ удержалъ въ резервѣ еще войско (*четвертый отрядъ*) для того, чтобы послать его на помощь той арміи, противъ которой будутъ сражаться литовцы. Послѣ того, *какъ литовцы двинулись къ Смоленску и далѣе въ Дорогобужу*, когда оба непріятельскія войска сошлись у рѣки Ведроши [43], литовцы, бывшіе подъ предводительствомъ *нѣкоего русскаго* Константина Острожскаго, окруженнаго большимъ множествомъ вельможъ и знати, возъимѣли большую надежду поразить враговъ, когда узнали отъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ число непріятелей и ихъ вождей. Потомъ, такъ какъ рѣчка препятствовала схваткѣ, съ обѣихъ сторонъ стали искать переправы или брода. Однакожъ нѣсколько московитовъ, взобравшись на противуположный берегъ, первые вызвали литовцевъ на бой; но они безстрашно отразили ихъ, преслѣдовали, обратили въ бѣгство и прогнали за рѣчку. Вскорѣ сошлись оба войска, и началось ужасное сраженіе, *въ которомъ они тѣснились другъ за другомъ*. Между тѣмъ, какъ съ обѣихъ сторонъ сражались съ одинаковою храбростью, войско, помѣщенное въ засадѣ, о прибытіи котораго знали весьма немногіе изъ русскихъ, съ боку врѣзалось въ средину враговъ; литовцы пораженные страхомъ, побѣжали; предводитель войска вмѣстѣ со многими вельможами былъ взятъ въ плѣнъ; остальные отъ страха оставили непріятелю лагерь, сдались сами и также отдали крѣпости Дорогобужъ, Торопецъ и Бѣлевъ. Войско же, которое пошло на югъ. и надъ которымъ предводительствовалъ Михметъ-Аминь, татарскій царь Казани, случайно захватило правителя (на ихъ языкѣ воеводу) города Брянска, и овладѣло Брянскомъ. Послѣ того два родныхъ брата, двоюродные братья Василія, одинъ—Стародубскій, другой—

Digitized by Google

partem prouinciae Sevuerae possidentes, alioqui Lithvuaniae ducibus obedientes, [a] imperio Mosci se tradunt. Sic unico conflictu, et eodem anno adeptus erat Moscus, quae Vnitoldus magnus dux Lithvuaniae multis annis, maximisque laboribus obtinuerat. [46] Porrò cum hisce captiuis Lithvuanis, Moscus crudelius egit[47], grauissimis cathenis uinctos detinuit: egitque cum Constantino duce, ut relicto domino naturali, sibi seruiret. qui cum aliam spem elabendi non haberet, conditionem accepit, obstrictusque grauissimo iuramento, liberatus est. Huic porro quamuis pracdia possesionesque pro status sui conditione attributae essent, ijs tamen placari ac detineri adeò non poterat, ut ad primam occasionem, per inuias syluas redierit. Alexander rex Poloniae, magnus dux Lithvuaniae, qui perpetuò magis pace quàm bello gaudebat, relictis omnibus prouincijs et castris à Mosco occupatis, libaratione suorum contencrp. 11. tus[i], pacem cum socero fecit. Is Ioannes Basilij adeò fortunatus erat, ut praelio Novuogardenses, ad fluuium Scholona[48] superarit. uictos adegit, certis conditionibus propositis, se ut dominum et principem agnoscerent: magnam eis pecuniam imperauit: unde etiam constituens prius ibi Iocum tenentem suum, abijt[b]. quò, exactis tandem septem annis, reuersus, ciuitatem ingreditur auxilio archiepiscopi Theophili: incolas ad miserrimam seruitutem[c] redegit: arrepto argento et auro: ablatis denique omnibus ciuium bonis, inde ultra trecenta plaustra[d] bene onusta abuexit[49]. Ipse semel duntaxat bello interfuit; cum principatus Novuogardiae et Tvuerensis occupabantur. aliàs praelio nunquam adesse solebat, et tamen uictoriam semper reportabat[e]: adeò, ut magnus ille Stephanus Moldavuiae palatinus[50] crebro in conuiuijs eius mentionem faciens[f], diceret: Illum domi sedendo et dormitando[g] imperium suum augere, se uerò pugnando quotidie uix limites defendere posse. Ille etiam reges Casani ex uoluntate sua constituit, aliquando captiuos reduxit, à quibus tamen postremò senex maxima strage profligatus est[51]. Ille idem primus castrum Moscovuiae, suamque sedem[h], ut hodie cernitur, muro[i] communiuit[52]. Mulieribus porrò usque adeò infensus erat, ut eius conspectu, si quae fortè obuiam

---

a) 1557 B. *alioqui-obedientes*—нвтъ. i) 1557 B. relictis-contentus—нвтъ.a) 1563 Б. прнб. Schatzung. b) 1557 B. *unde-abijt*—нвтъ. c) 1557 B. прнб. ewige. d) 1557 B. прнб, seindt wol khlaine wägen, mit zwayen Phärdtn gar gering. e) 1557 B. прнб. und sein Gebiet erweittert. f)1557 B. вм. *magnus-faciens:* Also das Steffan Weydain der Molda offt gesagt. g) 1557 B. *et dorm.*—нвтъ. h) 1557 B. Stuel oder Gesäss. 1563 Б.fürstlichen Sitz.

Digitized by Google

Шемячичъ, владѣвшіе доброю частью области северской и прежде подвластные князьямъ литовскимъ, передались подъ власть московскаго князя. Такъ однимъ сраженіемъ и въ одинъ годъ московскій князь пріобрѣлъ то, чѣмъ завладѣлъ Витолдъ, великій князь литовскій, въ продолженіи многихъ лѣтъ и съ величайшимъ трудомъ [46]. Съ этими литовскими плѣнниками московскій князь поступилъ весьма жестоко [47], держалъ ихъ въ самыхъ тяжелыхъ оковахъ и уговаривалъ князя Константина поступить къ нему въ службу, оставивъ природнаго государя. Не имѣя надежды уйти другимъ способомъ, Константинъ принялъ условіе и былъ освобожденъ, обязавшись величайшею клятвой. Хотя ему назначены были помѣстья и владѣнія сообразно его положенію въ обществѣ, но онѣ не могли его привлечь и удержать, такъ что при первомъ случаѣ черезъ непроходимые лѣса онъ возвратился въ отечество. Александръ, король польскій и великій князь литовскій, постоянно желалъ мира болѣе чѣмъ войны, отказался отъ всѣхъ областей и городовъ, занятыхъ московскимъ княземъ, и заключилъ съ тестемъ миръ, довольствуясь освобожденіемъ своихъ плѣнныхъ. Этотъ Іоаннъ Васильевичъ былъ такъ счастливъ, что побѣдилъ новгородцевъ въ битвѣ у рѣки Шелони [48]; онъ принудилъ побѣжденныхъ принять нѣкоторыя условія и признать его своимъ господиномъ и княземъ, взялъ съ нихъ большія деньги и *сокровища*, и потомъ удалился, поставивъ тамъ своего намѣстника. По истеченіи семи лѣтъ, онъ снова воротился туда, вошелъ въ городъ при помощи архіепископа Ѳеофила, обратилъ жителей въ самое жалкое *вѣчное* рабство, отнялъ серебро и золото, наконецъ и всѣ имущества гражданъ и увезъ оттуда болѣе трехсотъ хорошо нагруженныхъ *маленькихъ* телѣгъ, *запряженныхъ двумя лошадьми* [49]. Самъ онъ присутствовалъ на войнѣ только однажды, когда были завоеваны княжества новгородское и тверское; въ другое время онъ обыкновенно никогда самъ не присутствовалъ въ сраженіи и однакожъ всегда одерживалъ побѣду *и распространялъ свои владѣнія*, такъ что великій Стефанъ, *воевода* Молдавіи [50], часто вспоминая о немъ на пиршествахъ, говаривалъ: «Іоаннъ, сидя дома и покоясь, увеличиваетъ свое царство, а я, ежедневно сражаясь, едва могу защитить границы». Онъ также ставилъ по своей волѣ царей казанскихъ, иногда отводилъ ихъ плѣнными, но напослѣдокъ (самъ) потерпѣлъ отъ нихъ большое пораженіе въ своей старости [51]. Онъ первый обвелъ стѣною *городъ Москву и свое жилище*, какъ это можно видѣть и нынѣ [52]. Женщинамъ онъ былъ до того страшенъ, что если какая нибудь случайно показалась ему на встрѣчу, то отъ его

Digitized by Google

sibi uenissent, tantum non exanimarentur. Pauperibns à potentioribus oppressis, iniuriàque affectis, aditus ad eum non patebat. in prandio plerunque adeò se potu ingurgitabat, ut somno opprimeretur: inuitatis interim omnibus timore perculsis silentibusque: experrectus, oculos tergere, ac tum primùm iocari, et hilarem se conuiuis exhibere solebat[53]. Caeterum etsi potentissimus erat, Tartaris tamen obedire cogebatur. Aduenientibus namque Tartarorum Oratoribus, extra ciuitatem obuiam procedebat, eosque sedentes stans audiebat. quam rem uxor eius Graeca tam grauiter tulit, ut quotidie diceret, sese Tartarorum seruo nupsisse: atque ideo hauc seruilem consuetudinem, ut aliqnando abijceret, marito persuasit, ut aegritudinem Tartaris aduenientibus simularet. Erat in castro Moscovuiae domus, in qua habitabant Tartari, ut omnia quae Moscovuiae agerentur, intelligerent. quod cum ferre uxor pariter non posset[j], certos Oratores instituit, munera ampla Reginae Tartarorum mittit, supplicando, ut eam sibi domum concederet, donaretque: uisione etenim diuina commonitam, templum se eò loci aedificaturam: ita tamen, ut aliam domum Tartaris se assignaturam polliceretur. Consentit hoc regina: diruitur domus, templumque eo loco extruitur. sic castro eiecti Tartari, domum aliam nec uiuentibus adhuc nec mortuis iam ducibus consequi poterant[54].

Moritur autem Ioannes ille magnus, anno mundi 7014.[k] cui filius Gabriel, postea Basilius dictus, magnus dux successit,[l] habens in cartiuitate Demetrium nepotem ex fratre, qui auo adhuc uiuente iuxta gentis consuetudinem legitimus monarcha creatus erat: et ob id uiuo adhuc, atque etiam mortuo pòst nepote, solenniter Basilius creari monarcha noluit[55 m]. Patrem multis rebus imitatus est: ea quae sibi reliquerat pater, integra custodiuit: ad haec multas prouincias[a] non tam bello, in quo erat infoelicior, quàm industria,[b] imperio suo adiecit.quemadmodum pater Novuagardiam magnam in seruitutem suam redegerat, ita et ipse Plescovuiam, sociam urbem:[c] item insignem principatum Smolenczko, qui plus quàm centum annis sub ditione Lithvuanorum fuerat, adeptus est.

стр 12.

---

i) 1563 B. rinckmauer j) 1557 B. вм. *quod-posset:* die Fürstin erdacht jr auch einen Sin. k) 1563 B. прид. und nach Christi geburt 1506. l) 1563 B. прид. und Grossfürst in Moscau worden. m) 1557 B. *magnus dux-noluit*—имѣть. a) 1557 B. прид. und leut. b) 1557 B. Schicklichkait. c) 1557 B. derselben Neugartner befreundte Stat.

Digitized by Google

взгляда, только что не лишалась жизни. Доступъ къ нему не былъ открытъ для бѣдныхъ, обиженныхъ и притѣсненныхъ сильными. За обѣдомъ онъ большею частью до того напивался, что засыпалъ, а всѣ приглашенные между тѣмъ отъ страху молчали; проснувшись онъ протиралъ глаза, и только тогда начиналъ шутить и былъ веселъ съ гостями [53]. Впрочемъ хотя онъ и былъ весьма могущественъ, но однако принужденъ повиноваться татарамъ. Когда приближались татарскіе послы, онъ выходилъ къ нимъ на встрѣчу за городъ и выслушивалъ ихъ стоя, тогда какъ они сидѣли. Его супруга, которая была родомъ изъ Греціи, съ большою досадою принимала это, и ежедневно говорила, что она вышла замужъ за раба татаръ; потому она убѣдила супруга притвориться больнымъ при приближеніи татаръ для того, чтобы наконецъ когда нибудь уничтожить этотъ рабскій обрядъ. Въ московскомъ кремлѣ былъ домъ, въ которомъ жили татары для того, чтобы знать все происходившее въ Москвѣ. Такъ какъ супруга князя равнымъ образомъ не могла стерпѣть и этого, то *она придумала замыселъ противъ нихъ* и отправила нѣсколькихъ пословъ съ богатыми подарками татарскій царицѣ—почтительно просить ее, чтобы она уступила и подарила ей этотъ домъ; а она выстроитъ на этомъ мѣстѣ храмъ сообразно съ божественнымъ указаніемъ, полученнымъ ею въ видѣніи. Впрочемъ она обѣщалась назначить татарамъ другой домъ. Царица согласилась на это: домъ былъ разрушенъ и на его мѣстѣ выстроенъ храмъ; татары, удаленные такимъ образомъ изъ кремля, не могли получить другого дома ни при жизни князя и княгини, ни по ихъ смерти [54].

Умеръ Іоаннъ Великій въ 7014 году отъ сотворенія міра (1506 п. Р. Х.); въ достоинствѣ великаго князя *московскаго* наслѣдовалъ ему сынъ Гавріилъ, потомъ называвшійся Василіемъ. Онъ содержалъ въ заключеніи своего племянника Димитрія, который еще при жизни дѣда *былъ вѣнчанъ на царство*, сообразно народному обычаю; поэтому и при жизни, и по смерти племянника, Василій не хотѣлъ торжественно вѣнчаться на царство [55]. Онъ во многомъ подражалъ своему отцу, сохранилъ въ цѣлости доставшееся ему отъ отца, и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ многія области *и народы* не столько войною, въ которой былъ весьма несчастливъ, сколько *хитростью*.

Какъ отецъ привелъ въ зависимость отъ себя Новгородъ, такъ онъ покорилъ прежде дружественный ему Псковъ, также пріобрѣлъ знаменитое княжество смоленское, которое болѣе ста лѣтъ было въ подданствѣ литовцевъ. Ибо по смерти короля польскаго и *великаго князя литовскаго*

Digitized by Google

mortuo etenim Alexandro rege Poloniae,[d] etsi belli causam contra Sigismundum regem Poloniae et magnum ducem Lithvuaniae nullam haberet, tamen quia regem ad pacem magis quàm bellum inclinatum, Lithvuanos uerò bellum pariter abhorrentes uideret, occasionem belli inuenit. Sororem uidelicet suam, Alexandri relictam, dicebat ab eis minimè pro dignitate tractari: Regem praeterea Sigismundum insimulabat, Tartaros contra se concitauisse. Quare bellum indicit, Smolenczko obsidet, admotis tormentis: nequicquam tamen oppugnat[56 e]. Interea Michael Linczky,[57] ex principum Rhutenorum nobili stemmate et famila ortus, qui quondam summam rerum apud Alexandrum tenebat, ad magnum ducem Moscovuiae profugit, quemadmodum infrà patebit: mox Basilium ad arma hortatur, eique promittit, se Smolenczko, si iam denuò obsideretur, expugnaturum: ea tamen lege, ut sibi hunc principatum Moscus concedat. Pòst .cum ad conditiones à Michaele propositas assensus esset Basilius, atque Smolenczko graui iam denuò premeret obsidione,[f] Lynczky pactionibus[g] seu largitione uerius urbe potitus, militiaèque praefectus omnes secum in Moscovuiam duxit: uno duntaxat excepto, qui ad dominum suum, milo proditionis crimine sibi conscius, redierat. reliqui uerò centuriones corrupti pecunia et muneribus, redire in Lithvunaniam non audebant. et ut culpae suae patrocinium praetenderent, iniecerunt metum militibus, dicentes, Si Lthvuaniam uersus iter arripiemus, passim aut spoliabimur, aut occidemur. quo malo perculsi milites, omnes in Moscovuiam profecti sunt, stipendioque Principis aluntur.[58]

Hac uictoria elatus Basilius, exercitum suum continuò in Lithvuaniam progredi iubet: ipse uerò in Smolenczko manet. Dein cum aliquot propinquiora castra et oppida[h] deditione capta essent, tum prinuim Sigismundus rex Poloniae obsessis in Smolenczko, coacto exercitu auxilium, sed tardius, misit. mox occupato Smolenczko, ubi Lithvuaniam uersus Mosci exercitum ire animaduertit, ipse Borisovu[59] iuxta fluuium Beresina situm, aduolat, atque inde exercitum suum Constantino Ostroskij duce dimittit. qui cum attigisset Borysthenem,[i] circa Orsam oppidum, quod à Smolenczko XXIIII miliaribus Germanicis distat, aderat tum iam exercitus Mosci circiter[j] octoginta milia: Lithvuanicus antem non excede-

---

d) 1557 B. прим. und grossfürst in Litten e) 1563 E. вм. doch hat er dise veste umsonst gestürmet. f) 1557 B. Post *cum-obsidione*— цѣтъ. g) 1557 B. прим. bey den diensteuten..., bey denen er auch in grossem ansehen gewest. h) 1563 E. flecken und stett i) 1557 B. прим. Nieper, lateinisch Boristhenes. j) 1557 B. вм. *circiter*—wie mon sagt.

Digitized by Google

Александра, хотя Василій и не имѣлъ никакой причины воевать противъ Сигизмунда, короля польскаго и великаго князя литовскаго, но видя, что король болѣе склоненъ къ миру, нежели къ войнѣ, а равно и литовцы страшатся войны, онъ нашелъ предлогъ къ разрыву. Именно онъ говорилъ, что съ его сестрою, вдовою Александра, обходятся вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ по ея достоинству. Кромѣ того онъ обвинялъ короля Сигизмунда въ томъ, что онъ вооружалъ противъ него татаръ. Поэтому онъ объявилъ войну, осадилъ Смоленскъ, придвинулъ стѣнобитныя машины, *но безъ успѣха осаждалъ эту крѣпость*[56]. Между тѣмъ Михаилъ Глинскій[57], происходившій отъ благородной отрасли русскихъ князей, нѣкогда занимавшій у Александра высшія должности, бѣжалъ къ великому князю московскому, какъ это будетъ изложено ниже. Вскорѣ онъ склонилъ Василія къ войнѣ и обѣщалъ ему, что онъ покоритъ Смоленскъ, если онъ снова будетъ осажденъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы московскій князь отдалъ ему это княжество. Потомъ, когда Василій согласился на предложенныя Михаиломъ условія, и снова уже тѣснилъ Смоленскъ тяжкою осадою, Глинскій овладѣлъ городомъ *(въ которомъ пользовался большимъ уваженіемъ)* чрезъ переговоры или справедливѣе чрезъ подкупъ, и привелъ съ собою въ Москву всѣхъ начальниковъ войска, исключая только одного, который воротился къ своему государю, не зная за собой никакой измѣны; остальные же офицеры, подкупленные деньгами и подарками, не смѣли воротиться въ Литву, и чтобы предоставить нѣкоторое оправданіе своей винѣ, навели страхъ на воиновъ, говоря: «Если мы возьмемъ путь къ Литвѣ, то на всякомъ мѣстѣ насъ могутъ или ограбить, или убить». Воины, страшась этихъ бѣдствій, всѣ отправились въ Москву и были приняты на жалованье князя.[58]

Гордясь этой побѣдой, Василій приказалъ своему войску тотчасъ вступить въ Литву, а самъ остался въ Смоленскѣ. Потомъ когда сдались нѣсколько ближайшихъ *мѣстечекъ* и городовъ, тогда только Сигизмундъ, король польскій, собралъ войско и послалъ его на помощь осажденнымъ въ Смоленскѣ, но уже поздно. Вскорѣ по взятіи Смоленска, узнавъ, что московское войско идетъ въ Литву, онъ прибылъ въ Борисовъ, лежащій на рѣкѣ Березинѣ [59], и оттуда отправилъ противъ непріятеля свое войско подъ предводительствомъ Константина Острожскаго. Когда Константинъ достигъ *Днѣпра, по латыни* Борисѳена, у города Орши, который стоитъ отъ Смоленска на 24 германскихъ мили,—туда уже прибыло московское войско числомъ, *какъ говорятъ*, около восьмидесяти тысячъ: литовское же вой-

Digitized by Google

bat triginta quinque milia hominum, adiunctis famen aliquot bellicis tormentis: Constantinus mense Septemb.[k] die 8. anni 1514.[60] strato ponte, peditem ultra Borysthenem, iuxta Orsam oppidum, transfert: equitatus autem angustum uadum sub ipso castro Orsa superat. Mox ubi dimidia pars exercitus Borysthenem transisset, nunciatur Ioanni Andreae Czeladin,[61] cui summa
стр. 18. rerum à Mosco erat commissa,[m] ut hanc exercitus partem [n] inuaderet, contereretque. At ille respondit: Si partem hanc exercitus oppresserimus, superrit altera pars, cui fortè aliae iungi copiae possent,[a] atque ita nobis maius periculum immineret. exepectemus tantisper, dum totus exercitus transferatur: tantae enim sunt nostrae uires, ut sine dubio, nec magno labore, hunc exercitum aut opprimere, aut cricumuentum Moscovuiam usque, ueluti iumenta agere possimus. Tandem, quod unicum restat, totam occupemus Lithvuaniam.[c] Interim appropinquabat exercitus Lithvuanicus, Polonis et externo milite mixtus:[d] et cum quatuor millibus passuum ab Orsa processisset, uterque subsistit. Moscorum duae alae[e] longius ab exercitu recesserant, ut hostem à tergo circumuenirent: acies autem instructa in medio stabat, subductis quibusdam in fronte, qui hostem ad pugnam lacesserent. Ex aduerso Lithvuanus diuersas copias, ordine longo collocabat singuli etenim principatus, sua egentis copias, et ducem miserant. atque ita singulis suus in acie dabatur locus.[f] Tandem cohortibus in fronte constitutis,[g] Mosci classicum canentes, primi in Lithvuanos impetum faciunt. illi haud timidi resistunt, eosque repellunt. quibus mox alij in auxilium missi, uicissim Lithvuanos in fugam conuertunt. sic aliquoties utraque pars nouis subsidijs aucta, alteram repellebat. Postremò maxima ui certatur. Lithvuani studio cedentes ad locum, ubi tormenta bellica collocauerant, ea in Moscos insequentes conuertunt: extremamque aciem eorum in subsidijs arctius collocatam feriunt, turbant, dirimuntque. Hoc nouo belli genere Mosci, qui primos duntaxat in acie cum hoste confligentes, in perculo esse putabant, terrentur: turbatique, primam aciem iamiam fusam putantes, fu-

---

k) 1563 Б. Herbstmonat. l) 1563 Б. прим. als mon zalt von Christi geburt. m) 1557 В. вм. *cui summa-commissa:* zu obristen Haubtman. n) 1557 В. вм. *exerc-part.*—просто die Litten. a) 1557 В. *cui-possent*—нѣтъ. b) 1557 В. вм. *atque ita-immineret:* und ain newen Khrieg machen. c) 1557 В. вм. *expectemus-Lithv:* So die aber gar uberkhumen waren sy so starck, das sudie all wie das Viech in die Mosqua trieben und dur gantz Littner landdamit einnemen wolten. d) 1549 В. и 1551 Б. *Pol.-mixtus*—нѣтъ. 1557 В. *Interim-mixtus*—нѣтъ. e) 1563 Б. geschuader. f) 1557 В. *atque-locus*—нѣтъ. g) 1563 Б. прим. und etliche fendlein zu vorderest gestellet.

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ г. Коркина: *Теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій*, стр. 103—178 перваго выпуска «Сборника» вкрались опечатки, изъ которыхъ важнѣйшія, слѣдующія:

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
105	3 сверху	$f'(x_0+\varepsilon)-f'$.	$f(x_0+\varepsilon)-f$
110	7 снизу	$\frac{df}{dy}=0$	$\frac{df}{dx}=0$
120	6 сверху	$-\omega <$.	$-\omega <0$
137	17 —	$+2\frac{d^3u}{dxdz}$	$+2\frac{d^2}{dxdy}$

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЦѢНА БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ 1 Р. 25 К.

При редакціи «Сборника» можно получать оставшіеся въ *небольшомъ* числѣ экземпляры литографированнаго портрета академика *Александра Христофоровича Востокова*, изд. студентами историко-филологическаго факультета петербургскаго университета къ 8 февраля 1855 г. Цѣна экземпляру 1 рубль; при «Сборникѣ»—75 коп. сер. Адресоваться можно къ студентамъ-редакторамъ истор.-филологич. факультета.

Digitized by Google

L Roc 3983,85

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СТУДЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА.

Выпускъ второй.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II-го Отд. Сов. Е. И. В. Канцеляріи.

1860.

gle

Digitized by Google

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СТУДЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА.

Выпускъ второй.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II-го Отд. Сов. Е. И. В. Канцеляріи.

1860.

Digitized by Google

JAN 13 1961

Library of
University of St. Petersburg.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Февраля 8 дня 1860 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. **РАБОЧІЕ ЛЮДИ.** — Сочиненіе Студента Г. Генерозова-Смыкова . . . . . 1— 18.

II. **ОРГАНИЗМЫ НА ГРАНИЦѢ ЖИВОТНАГО И РАСТИТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.**—Статья Кандидата А. Фаминцына . 18— 62.

III. **ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГУМБОЛЬДТЪ.**—Сочиненіе Студента Дмитрія Писарева . . . . . 65—171.

Глава I. Біографія В. Гумбольдта стр. 65. 1) Родители Вильгельма. — Его воспитаніе. — Университетскій курсъ. — Якоби.—Дружба съ Форстеромъ. — Поѣздка въ Парижъ и Швейцарію.—Лафатеръ.—Переворотъ въ Берлинѣ.—Служебная дѣятельность В. Г.—Его отставка и женитьба. — Дальбергъ.—Первое политическое сочиненіе В. Г.—Занятія древней филологіею.—Знакомство съ Шиллеромъ.—Дѣятельность В. Г. во время пребыванія въ Іенѣ.—Отъѣздъ въ Берлинъ.—Вторичное пребываніе В. Г. въ Іенѣ.—Сближеніе съ Гете.—Рецензія «Германа и Доротеи». — Смерть матери В. Г.—Путешествіе по Европѣ.—Пребываніе въ Парижѣ.—Поѣздка въ Испанію. — Возвращеніе В. Г. въ Берлинъ и назначеніе его посланникомъ въ Римъ. 2) Отъѣздъ въ Римъ.—Тоска по родинѣ.—Смерть старшаго сына В. Г.—Впечатлѣніе, произведенное Римомъ на В. Г.—Переводы Эсхила и Пиндара.—Дѣятельность В. Г. въ управленіи Департаментомъ.—Назначеніе В. Г.—посланникомъ въ Вѣну.—Дипломатическая дѣятельность В. Г. 1813—1815 годовъ. — Посольство въ Лондонъ. — Проэктъ конституціи. — Окончательная отставка В. Г. 3) Семейная жизнь В. Г.—Его ученая дѣятельность.—Опредѣленіе народнаго характера древнихъ Грековъ.—Изученіе Индѣйской древности.—Смерть госпожи Гумбольдтъ.—Новыя должности В. Г.—Общество любителей искуствъ.—Новая характеристика Гете.—Изданіе писемъ Шиллера.—Сонеты.—Болѣзнь и смерть В. Г.—Заключеніе.

Глава II. Лингвистическіе труды В. Гумбольдта стр. 138. 1) Научный методъ Гегеля и В. Гумбольдта. 2) Основныя положенія языкознанія Гумбольдта. 3) Идея языка или идея совершенства языка.

IV. **ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ.**—Изслѣдованіе П. П. Шафарика.—Переводъ съ чешскаго Викентія Макушева . . . . . 173—212.

Digitized by Google

стр.

1) Предисловіе переводчика стр. 172. 2) Вступленіе стр. 178. 3) Разборъ имени числительнаго стр. 187. 4) Собирательныя и другія стр. 203. 5) Заключеніе стр. 207. Примѣчанія стр. 211.

V. **О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.** Соч. Студента Ал. Пятковскаго . . . . . 213—234.

Статья 1. Матеріалы для біографіи Веневитинова стр. 213.

VI.—1) Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ—Л. Майкова . . . . 235—244.

2) Дополненіе къ статьѣ «Новое предпріятіе нашихъ Студентовъ» помѣщенной въ первомъ выпускѣ Сборника. — Студентовъ Восточнаго Факультета, Монголо - Калмыцкаго разряда . . . . . 245.

3) Лѣтопись внутренней жизни Университета . . . 1—19.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Замѣтки о Московскомъ бытѣ (Rerum Moscoviticarum Comentarii) барона С. Герберштейна.—Редакція латинскаго текста (по базельскому изданію 1556 г.), варіанты, примѣчанія и указатель А. Тихменева. — Переводъ на Русской И. Анонимова (продолженіе) . . . . . 81—128.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. О провинціальномъ бытѣ Франціи въ эпоху Людовика XIV.—Публичныя лекціи Пр. М. Стасюлевича, читанныя въ залѣ Петербургскаго Университета 1859 г. 1—45.

1-я лекція стр. 9. 2-я лекція стр. 22. 3-я лекція стр. 29.

II. Ювеналъ.—Двѣ публичныя лекціи Пр. Н. М. Благовѣщенскаго . . . . . 1—50.

1-я лекція стр. 1. 2-я лекція стр. 26.

Digitized by Google

РАБОЧІЕ ЛЮДИ.

Сочиненіе Студента Е. Генерозова-Смыкова.

Въ рукахъ правосудія и вѣрныхъ исполнителей дѣлъ безнравственность можетъ потерять свой вредный характеръ и приблизиться къ нравственности. Граждане вредные, по своей порочности, могутъ сдѣлаться полезными. Это положеніе-аксіомически вѣрно въ своемъ основаніи. Человѣкъ, по своей природѣ,—существо свободно-нравственное, а слѣдовательно безнравственность въ нѣкоторыхъ свободно-нравственныхъ существахъ есть уклоненіе отъ нормы,—болѣзнь. Вѣрная въ своемъ основаніи, эта истина сознается всѣми образованными юристами. Съ понятіемъ о благоустроенномъ государствѣ неразлучно соединена мысль, что въ немъ наказаніе преступника не должно быть только карою за сдѣланное преступленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ къ его нравственному улучшенію. Правительства всѣхъ образованныхъ государствъ, въ слѣдствіе сознанія этой истины, при опредѣленіи наказанія, уважаютъ въ преступникѣ человѣка и имѣютъ въ виду ту цѣль, чтобы наказаніе послужило преступнику исправленіемъ, чтобы потомъ онъ могъ самъ, собственными средствами вести себя къ нравственному улучшенію, и, по прошествіи времени, опредѣленнаго въ наказаніе, могъ возвратиться снова въ гражданское общество безвреднымъ, нравственно—добрымъ и полезнымъ членомъ общества. Различныя средства, употребляемыя правительствами для исправленія нравственности своихъ преступныхъ гражданъ, состоятъ большею частью не только въ исключеніи преступниковъ изъ общества, но и въ удаленіи ихъ отъ сообщества съ людьми. Для этого устроиваютъ въ государствахъ тюрьмы, рабочіе дома, смирительныя, или такъ называемыя, исправительныя заведенія, арестанскія роты и друг. Найдя эти средства совершенно достаточными для исправленія нравственности преступниковъ, правительства всѣхъ почти Европейскихъ государствъ начали заботиться о томъ, чтобы усовершенствовать эти средства хоро-

Digitized by Google

шимъ устройствомъ тюрьмъ. (*) Они нашли, что нравственное улучшеніе преступниковъ, находящихся въ заключеніи, весьма затрудняется болѣе или менѣе продолжительнымъ пребываніемъ ихъ въ тюрьмѣ: такъ что склонные къ улучшенію арестанты, отъ обращенія съ менѣе способными, слабѣютъ въ своей рѣшимости къ исправленію, и менѣе порочные, въ сферѣ закоренѣлыхъ пороковъ, дѣлаются безнравственнѣе, и оставляютъ тюрьму болѣе развращенными, чѣмъ каковы были вступая въ нее. Англія первая изъ Европейскихъ государствъ разрѣшила этотъ вопросъ и ввела у себя *Пенсильванскую* (**) систему, «систему уединеннаго заключенія» (solitary confinement). Англіи послѣдовали Нидерланды, Франція, Швейцарія, Пруссія, Австрія и друг. Въ новѣйшее время нашли эту систему неудовлетворительною. Арестанты, лишенные свободы, и тѣлесной, и духовной, совершенно отчужденные отъ всякаго сношенія съ людьми, либо сходили съ ума, либо еще болѣе ожесточались въ своихъ порокахъ. По этому Пенсильванская система въ недавнее время была преобразована раздѣленіемъ арестантовъ на классы по степени склонности ихъ къ исправленію. (***) Но хорошій результатъ такого устройства тюрьмъ для исправленія нравственности преступниковъ можетъ обусловливаться только высоко—нравственнымъ образованіемъ тѣхъ лицъ, которымъ правительство ввѣряетъ нравственный надзоръ надъ преступниками; надобно, чтобы должностныя лица имѣли добрую совѣсть и сами чувствовали въ себѣ силы и умѣнье для выполненія этой святой обязанности.

(*) Въ Россіи мѣстомъ исправленія преступниковъ служитъ Сибирь. Тюрьмы же, исключая долговыхъ, предназначаются для содержанія арестантовъ до рѣшенія ихъ дѣлъ.

(**) Пенсильванская система есть одинъ изъ видовъ системы пенитенціарной; она получила такое названіе отъ страны, которой она обязана преимущественнымъ развитіемъ. Пенитенціарная система обязана своимъ происхожденіемъ Фламандцамъ и Англичанамъ, именно: въ цитадели Гентской, въ области Фландріи, въ 1775 г. была учреждена первая тюрьма, основанная на требованіяхъ пенитенціарной системы. Первое сочиненіе объ этомъ предметѣ, написанное въ томъ же 1775 г., принадлежитъ Графу Вилену IV, подъ заглавіемъ: «Mémoires sur le moyen de corriger les «malfaiteurs et les fainéants, à leur propre avantage, et de les rendre utiles à l'Etat».

(***) Пенсильванская система преобразована во Франціи циркуляромъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 17 Февр. 1853 г. и замѣнена содержаніемъ арестантовъ по отдѣленіямъ или артелямъ (séparation par quartiers). Французская система въ сущности не держалась безусловнаго заточенія арестантовъ: при одиночествѣ днемъ и ночью, она допускала работу, чтеніе, прогулку и посѣщенія со стороны служащихъ при тюрьмѣ лицъ. Не смотря на это, слѣдствіемъ строгаго разобщенія арестантовъ были: притупленіе ума, помѣшательство и даже самоубійство. На этомъ основаніи Министръ отказываетъ системѣ строго одиночнаго заключенія въ томъ филантропическомъ характерѣ, которымъ она столько лѣтъ обращала на себя вниманіе законодателей, правовѣдовъ и публицистовъ.

Digitized by Google

Пристрастіе къ личностямъ, происходящее отъ необразованности должностыхъ лицъ, дѣлаетъ тюрьму для однихъ преступниковъ роднымъ пріютомъ; грубость же и неумѣнье обращаться съ преступниками подавляютъ въ другихъ, часто навсегда всѣ человѣческія чувства. Всѣ другія средства, предпринимаемыя правительствомъ для исправленія нравственности преступниковъ, какъ-то: рабочіе дома, имѣющіе цѣлію пріучить безнравственныхъ къ труду и арестантскія роты, имѣющія характеръ болѣе карательный, чѣмъ исправительный, имѣютъ болѣе или менѣе тоже свои неудобства, какъ и тюрьмы. Односторонность занятій въ рабочихъ домахъ, и притомъ такихъ занятій, съ которыми преступнику не придется потомъ встрѣтиться въ жизни, ведетъ его, по выходѣ изъ рабочаго дома, къ бѣдности, къ лѣни и—опять къ большей безнравственности. Строгій-же надзоръ въ арестантскихъ ротахъ и пріученіе арестантовъ къ механическому труду могутъ сдѣлать изъ преступниковъ людей дѣятельныхъ, но ничего не прибавятъ къ ихъ нравственности и не всегда сдѣлаютъ изъ нихъ дѣйствительныхъ гражданъ, которые-бы, вступивъ снова въ общество, приносили ему своею жизнью надлежащую пользу.

Вообще Пенсильванская система имѣетъ то достоинство, что по ея началамъ цѣль наказанія не только кара, но раскаяніе и преобразованіе духовнаго состоянія преступника; этимъ, она сдѣлала значительный шагъ впередъ въ уголовномъ правѣ, но—только шагъ. Средства и мѣры, которыя пенитенціарная система предписываетъ для выполненія своей задачи, далеко не соотвѣтствуютъ цѣли ея. Главнымъ условіемъ, при опредѣленіи средствъ для достиженія какой либо цѣли должно служить то, чтобы эти средства имѣли во первыхъ: основаніе въ природѣ, во вторыхъ: не были бы въ разладѣ съ практикою; чтобы эти средства существовали въ практикѣ, какъ дѣйствительныя и полезныя средства. Что противорѣчитъ основнымъ законамъ природы, то неистинно: теорія, неповѣренная практикою—химера. Но средства пенитенціарной системы: «совершенное уединеніе и лишеніе свободы» не имѣютъ основанія въ природѣ и слѣд. они неистинны. Практика, съ своей стороны отказываетъ этимъ средствамъ въ ихъ пользѣ. (*) Несмотря, впрочемъ на эти недос-

(*) Замѣчательный фактъ въ этомъ отношеніи представляетъ отчетъ г. Перро главнаго инспектора тюрьмъ во Франціи. Въ немъ сказано, что на 20,643 заключенныхъ въ главныхъ тюрьмахъ, было 6,075 неисправленныхъ преступниковъ, попавшихся послѣ освобожденія ихъ второй разъ въ совершеніи преступленій. Изъ его же отчета видно, что усиленіе промышленныхъ работъ въ тюрьмахъ и исправитель-

Digitized by Google

статки пенитенціарной системы, основная мысль ея, какъ совершенно вѣрная, остается неприкосновенною; но самое учрежденіе, основанное на этой мысли, требуетъ тщательныхъ улучшеній и преобразованій. *Покаланно-исправительныя колоніи*, заведенныя уже въ каждомъ департаментѣ Франціи, для исправленія нравственности малолѣтнихъ преступниковъ, суть первыя попытки къ преобразованію пенитенціарной системы.

Особенныя средства для исправленія нравственности преступниковъ, средства болѣе вѣрныя и дѣйствительныя представляетъ намъ исторія.

Давно извѣстно было, а въ новѣйшее время окончательно доказано (*), что *человѣкъ созданъ для общества; въ обществѣ онъ развивается, оттуда выноситъ первые уроки нравственности; безъ общества онъ также гибнетъ, умираетъ нравственно, какъ безъ воздуха не можетъ существовать физически.* Вотъ одно изъ тѣхъ естественныхъ началъ, на которыхъ исторія основываетъ средства для исправленія нравственности! Это начало—*общественность*. Оно прямо противоположно началу пенитенціарной системы, но совершенно раціонально, что очень просто доказывается *a contrario*. Вѣрная своему началу, пенитенціарная система, чрезъ уединеніе и лишеніе свободы, должна исправить преступника. Но отъ кого же безнравственный научится нравственности, находясь въ уединеніи? Какимъ же образомъ будетъ развиваться нравственная свобода;—эта основа гражданскаго благосостоянія, въ человѣкѣ, предназначаемомъ быть гражданиномъ, когда вся его дѣятельность подчиняется сторонему вліянію? Правда, при тюрьмахъ, на должностныхъ лицъ налагается обязанность учить нравственности преступниковъ. Но эти должностныя лица часто стоятъ, по своему образованію, ниже преступниковъ и слѣд. они или не въ состояніи будутъ подѣйствовать на волю безнравственныхъ, или будутъ научать ихъ нравственности, обязывающей жить по правиламъ не того общества, къ которому преступникъ будетъ (или можетъ) принадлежать. Но говоря все это, я чуждъ филантропическихъ идеи и того заключенія, что преступленіе должно оставаться ненаказаннымъ, что отъявленный негодяй и честный гражданинъ должны жить подъ однимъ кровомъ, или служить на одномъ поприщѣ. Я хо-

---

пыхъ заведеніяхъ вредно и въ экономическомъ отношеніи. Въ 1846 г. напр. декретъ отмѣнилъ работы въ тюрьмахъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что работы 15,000 заключенныхъ, во всѣхъ тюрьмахъ, могутъ вредить общей народной производительности.

(*) Особенно Нѣмецкимъ мыслителемъ *Фихте*.

Digitized by Google

чу сказать, что только общество въ состояніи сдѣлать изъ преступника настоящаго гражданина, что только при вліяніи общественности можетъ быть преобразовано нравственное состояніе преступника. До тѣхъ поръ, пока гражданскія общества не сформируются въ одно цѣлое, такъ что всѣ члены его будутъ проникнуты одною общею идеею и будутъ стремиться къ одной общей цѣли, ясно сознавая свое отношеніе къ обществу; до тѣхъ поръ, пока эти общества не будутъ на столько образованы, чтобъ сознать ту важную истину, что удаленіемъ порочныхъ и преступныхъ гражданъ изъ своей среды они подрываютъ свои собственные интересы и что они должны заботиться для собственной-же своей пользы, какъ объ исправленіи своихъ преступныхъ гражданъ, такъ и о предупрежденіи преступленій,—до тѣхъ поръ безнравственность не уничтожится, преступленія будутъ итти своимъ чередомъ, а преступленіямъ будутъ сопутствовать наказанія, опредѣляемыя правительствомъ. Между тѣмъ, правительство, при своихъ средствахъ и отношеніи къ обществамъ, не можетъ предпринимать иныхъ мѣръ къ исправленію преступниковъ, какъ принимая наказаніе въ смыслѣ исправленія. Такимъ образомъ, наказанія, при настоящемъ состояніи и устройствѣ обществъ необходимы.

Но не тамъ, не внѣ человѣческой природы нужно искать основаніе наказаній. Наказанія въ этихъ видахъ (какіе мы отчасти и показали) не могутъ исправить нравственности. Наказанія, въ смыслѣ внѣшняго побужденія,—не дѣйствительныя средства къ преобразованію внутренняго состоянія преступника. Уголовная статистика (*) и исторія живыя доказательства того, что наказанія не исправляютъ нравственности.

Начало наказанія находится въ самомъ человѣкѣ, сокрыто въ глубинѣ его природы. *Природа надѣлила человѣка совѣстью, такою способностью души, которая есть его «законъ и судъ», и за неисполненіе этого закона опредѣлила ему въ наказаніе стыдъ и позоръ.* Это второе начало, на которомъ исторія основываетъ свои средства для исправленія безнравственности; т. е. дѣйствованіе на чувство совѣсти преступника. Преступникъ укрывается отъ общества, не столько изъ опасенія попасть въ руки правосудія, сколько мучимый угрызеніями совѣсти, и страхомъ чувствовать стыдъ, живя въ обществѣ. Преступникъ часто рѣшается на самоубійство, чтобъ не подвергнуться этому жесточайшему изъ наказаній—стыду.

(*) Напримѣръ въ отчетѣ г. Перро сказано: въ 1830 г. населеніе главныхъ тюремъ и исправительныхъ заведеній состояло изъ 16,500 ч. а въ 1851 г. оно возросло до 22,398.

Digitized by Google

На этихъ-то двухъ, самою природою опредѣленныхъ началахъ, т. е. на общественности и дѣйствованіи на совѣсть преступника, основываются средства для наказанія порочныхъ и исправленія нравственности нарушителей общественныхъ законовъ.

Мы остановимъ здѣсь наше вниманіе на таковыхъ средствахъ, представляемыхъ исторіею, для исправленія только порочныхъ, но еще непреступныхъ гражданъ. Попытки въ примѣненіи этихъ средствъ и къ исправленію преступниковъ еще слабы и неразвиты; напр. покаянно-исправительныя колоніи во Франціи и ссылка въ Сибирь на поселеніе въ Россіи. Эти средства состоятъ въ ограниченіи нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ преступнаго лица, въ лишеніи его права на уваженіе другихъ, въ ссылкѣ, въ опубликованіи его проступковъ. Особенно же замѣчательно образованіе изъ такихъ порочныхъ гражданъ особаго класса лицъ, который мало по малу при вліяніи общественности, образованія, труда и надзора полиціи можетъ слиться съ другими классами и передать своихъ членовъ въ общую государственную сферу, какъ членовъ не только небезполезныхъ, но достойныхъ и настоящихъ. Подобное представляетъ исторія русскаго права въ исторіи одного класса городскихъ обывателей, который до сихъ поръ остается незамѣченнымъ, ни наукою, ни практикою, но въ устройствѣ и развитіи котораго заключается, можетъ быть, залогъ будущаго благоденствія Русскихъ городовъ, особенно, если примемъ во вниманіе увеличеніе народной безнравственности и увеличеніе именно въ одномъ классѣ городскихъ обывателей—мѣщанъ, (1) а слѣдовательно необходимость къ принятію со стороны полиціи самыхъ дѣятельныхъ мѣръ для предупрежденія такихъ опасностей въ будущемъ и для ослабленія такого вреда въ настоящемъ. Законодательство называетъ этотъ классъ городскихъ обывателей *рабочими людьми*.

«Рабочими людьми называются приписываемые къ городамъ, съ обложеніемъ въ мѣщанскій окладъ изъ неспособныхъ къ военной службѣ, дурнаго поведенія заграничныхъ выходцевъ, коихъ общества имѣть у себя не пожелаютъ, а также причисленные къ городамъ лица другихъ званій, приписываемые въ рабочіе люди за пороки ихъ и неисправный платежъ податей и другихъ сборовъ» (2).

---

(1) Въ отчетахъ Министра Юстиціи нерѣдко замѣчается, что преступленія особенно часты между мѣщанами (Журн. Мин. Внутр. Д. за 1836 г.). Въ отчетѣ Общества Попечительнаго о Тюрьмахъ за 1836 г. сказано, что большая часть людей въ уѣздныхъ тюрьмахъ мѣщане, впавшіе въ преступленіе въ первый разъ.

(2) Свод. Зак. Росс. Имперіи. Т. IX ст. 466.

Digitized by Google

Такое опредѣленіе рабочихъ людей вызываетъ слѣдующее возраженіе: рабочіе люди не составляютъ-ли категоріи порочныхъ лицъ, которымъ вмѣняется въ наказаніе ссылка въ уѣздные города (такъ какъ по первому указу въ рабочіе записываются жители столичныхъ и губернскихъ городовъ); обложеніе же ихъ мѣщанскимъ окладомъ не есть ли слѣдствіе финансовыхъ расчетовъ правительства? Но это возраженіе опровергается подробною исторіею рабочихъ людей. 1) Только одинъ первый указъ о рабочихъ людяхъ, дастъ объ нихъ понятіе, какъ о преступникахъ, вся-же послѣдующая ихъ исторія показываетъ ихъ людьми сомнительной или неизвѣстной нравственности. 2) Рабочіе люди положены въ мѣщанскій окладъ; но преступники не платятъ податей. 3) Рабочіе люди могутъ вести мѣщанскую торговлю, записываются, по силѣ 56 § Городов. Положенія, въ городовую обывательскую книгу и могутъ пріобрѣтать свою недвижимую собственность въ городѣ (1);—преступники лишены всѣхъ этихъ правъ.

Мысль устроить классъ рабочихъ людей въ Россіи принадлежитъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Исторія русскаго права нигдѣ неупоминаетъ о рабочихъ людяхъ прежде изданія указа о записке въ рабочіе публично-наказанныхъ. Указъ, которымъ Екатерина II выразила свою мысль сформировать классъ рабочихъ людей, не опредѣливъ въ тоже время положеній, на которыхъ долженъ онъ существовать, дастъ право заподозрѣвать существованіе рабочихъ людей до 1787 г. Августа 27 (2). Но всѣ источники русскаго права отказываютъ въ данныхъ, на которыхъ бы можно было начать исторію рабочихъ людей прежде 1787 г. Въ древнемъ законодательствѣ нѣтъ и намека на рабочихъ людей. Это мысль мудрой политики Екатерины II.

Только одно предположеніе, довольно впрочемъ основательное, дастъ ключъ къ открытію причины: почему Императрица Екатерина не высказала о положеніяхъ, на которыхъ долженъ существовать классъ рабочихъ людей, именно то предположеніе, что Екатерина повелѣла устроить его по образцу уже существовав-

---

(1) Полн. Собр. Зак. № 14,361 Март. 17-го 1841 г.

(2) Если даже записку въ рабочіе люди принять въ смыслѣ наказанія ссылкою, то и въ этомъ случаѣ нельзя найдти въ древнемъ законодательствѣ ничего, чтобы говорило въ пользу той мысли, что исторія рабочихъ людей начинается прежде нами начатой. Наказаніе ссылкою, *confinatio* только однажды встрѣчается въ древнемъ правѣ—въ Судебникѣ Грознаго, и то какъ политическая мѣра, сопровождавшаяся, обыкновенно, царскою опалою. Къ концу же царствованія Іоанна это *confinatio* принимаетъ характеръ уголовнаго наказанія. Въ Уложеніи *confinatio* перемѣняетъ опять свой характеръ и является предохранительною мѣрою противъ повторенія преступленій. Производится въ городъ Украйны.

Digitized by Google

шаго въ Россіи класса людей на такихъ же положеніяхъ, на какихъ потомъ стали существовать рабочіе люди. Классъ людей, отдѣльныій отъ всякой корпораціи, и несоставляющій своей собственной, давно существовалъ въ Россіи,—въ присоединенныхъ къ ней литовскихъ губерніяхъ и Остзейскомъ краѣ, подъ именемъ *вольныхъ людей*. Вольные люди—это классъ людей сомнительной или неизвѣстной нравственности, которыхъ ни одно общество не принимаетъ въ свою среду,—это такой классъ людей, которымъ правительство не могло дозволить устройства своего собственнаго отдѣльнаго общества, по той простой причинѣ, что люди, отвергнутые обществомъ, не могутъ составить и своего отдѣльнаго безъ вреда другимъ обществамъ; такъ какъ между этими людьми были многіе, вышедшіе изъ за-границы, и преслѣдуемые, можетъ быть, правосудіемъ. Такъ въ литовскихъ губерніяхъ были издавна поселены выходцы изъ Пруссіи и Цесарін, (1) между которыми могли быть разнаго рода эмигранты—преступники (2). Такой классъ разнородныхъ лицъ, съ разными понятіями и взглядами на общественные интересы, и не могъ составить отдѣльной корпораціи, какъ по недостатку единства цѣлей своихъ членовъ, такъ и по недостатку нравственности, той благотворной и производительной силы духа, которою живетъ корпорація,—той дѣйствующей пружины, которая направляетъ всѣ органы общественнаго состава къ гармонической дѣятельности,—того главнаго условія, при которомъ возможно стремленіе общества впередъ—къ усовершенствованію. Такіе люди, невошедшіе въ составъ ни одного общества, свободные отъ крѣпостной и общественной зависимости, объявлены вольными людьми (3) Они могли проживать въ городахъ и селеніяхъ, не принадлежа, ни къ сельскимъ, ни къ городскимъ обществамъ. Но когда такая монополія, дарованная вольнымъ людямъ, оказалась вредною для другихъ обществъ и безполезною для государства въ финансовомъ отношеніи, то, со времени учрежденія подушной податной системы, вольные люди были положены въ окладъ. Жившіе въ селеніяхъ и водворенные на собственныхъ или владѣльческихъ земляхъ платили крестьянскія подати; водворенные въ городахъ состояли въ мѣщанскомъ окладѣ (4). Тѣ и другіе находились въ завѣдываніи и охраненіи

(1) Полн. Собр. Зак. № 18,871 Ук. 1799 г. Февр. 23.

(2) Могли быть выходцы знатныхъ фамилій, которые не могли войдти въ составъ корпорацій, стоявшихъ ниже ихъ состоянія.

(3) Полн. Собр. Зак. № 18,871. Ук. 1799 г. Февр. 23.

(4) Полн. Собр Зак. № 16,166. Ук. 1785 г. Март. 18.

Digitized by Google

земской полиціи; (1) при ревизіяхъ, вольные люди могли приписываться къ обществамъ, если общества ихъ принимали (2). Политическія и частію историческія обстоятельства образовали и—собственно въ Россіи подобный классъ людей подъ названіемъ рабочихъ людей. И вотъ какъ начинается ихъ исторія.

Генералъ Еропкинъ, бывшій въ Москвѣ главнокомандующимъ, представилъ на разрѣшеніе Сената вопросъ: «могутъ ли публично-наказанные за преступленія, жители столичныхъ и губернскихъ городовъ, проживать въ столицахъ?» Вопросъ этотъ вѣроятно, вызванъ былъ новыми преступленіями публично-наказанныхъ. За разными мнѣніями въ Сенатѣ, этотъ вопросъ поступилъ на Высочайшее разсмотрѣніе, послѣ котораго, именнымъ указомъ, даннымъ Сенату *въ 27 день Августа 1787 г.* (3), повелѣно: «таковыхъ публично наказанныхъ по суду за ихъ преступленія не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ не держать; а отсылать для пребыванія по уѣзднымъ городамъ, гдѣ написать ихъ *въ рабочіе люди*». Вотъ первый случай, при которомъ наше законодательство упоминаетъ о рабочихъ людяхъ;—это первый вопросъ, вызвавшій къ дѣятельности еще новый классъ городскихъ обывателей. Такое повелѣніе Императрицы Екатерины, краткое и неопредѣленное, неразъ вызывало недоумѣнія губернскаго правительства при размѣщеніи людей, имѣющихъ поступить въ классъ рабочихъ, (4) и—только послѣдующее законодательство яснѣе опредѣлило положенія о рабочихъ людяхъ, и цѣль,—съ которою повелѣно устроить этотъ классъ по уѣзднымъ городамъ губерній. Какъ видно (изъ вышеприведеннаго указа) въ рабочіе люди записываются публично наказанные за преступленія жители столичныхъ и губернскихъ городовъ. Къ таковымъ публично—наказаннымъ могли принадлежать люди разныхъ состояній и сословій; между ними

---

(1) Полн. Собр. Зак. № 13,811. Ук 1840 г. Сент. 23.

(2) Представленное мною здѣсь понятіе о вольныхъ людяхъ, составлено по слѣдующимъ указамъ: Ук. 1783 г. Окт. 10; 1785 г. Февр. 4; 1784 г. Дек. 3; 1785 г. Февр. 4; Март. 18; 1799 г. Янв. 18 и 14 Февр. 23; 1798 г. Февр. 25; 1804 г. Апр. 18; 1805 г. Ноябр. 16; 1821 г. Іюля 19; 1824 г. Мая 8; Іюня 24 и Мая 4; 1840 г. Сент. 23. Историческое развитіе этаго состоянія т. е. вольныхъ людей находится въ сочиненіи знаменитаго «Бунге» подъ загл. «Forschungen auf dem gebiete der Liv-Ehst-und Curländischen Rechtsgeschichte». Dorpat 1839.

(3) Полн. Собр. Зак. № 16,566.

(4) См. Указы Сената въ формѣ частныхъ предписаній Черниговскому Губернскому Правленію отъ 9 Марта 1820 г. и Тверскому Губернскому Правленію отъ 21 Марта 1821 г.

Digitized by Google

могли быть ремесленники, художники и мѣщане. Само собою разумѣется, что преступленія этихъ людей были прощены манифестомъ, или имѣли характеръ проступковъ, невлекущихъ за собою лишенія правъ и состоянія. Между тѣмъ общества не принимали ихъ въ свою среду, какъ лицъ, которыхъ явный и довѣріе нарушающій порокъ всѣмъ извѣстенъ. Между этими преступниками могли быть бѣдные, только выпущенные изъ тюрьмы, неимѣвшіе никакихъ средствъ приписаться къ обществу, если бы общества и согласились принять ихъ. Дневное-же пропитаніе ремесломъ и работою, по силѣ городоваго положенія, никому не запрещается. Въ крѣпостную зависимость они тоже не могли быть зачислены: правительство гораздо прежде еще стало заботиться о томъ, чтобъ вольныхъ людей и вообще всѣхъ вышедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія, не дѣлать вновь крѣпостными (1).

Такимъ образомъ общества могли и имѣли право не принять къ себѣ таковыхъ людей; въ крѣпостную работу и рабочіе дома они не могли быть отправлены, потому что такая мѣра наказанія опредѣляется за преступленія, а не за проступки; притомъ же манифестомъ заглаживаются всѣ слѣды преступленій. И вотъ въ слѣдствіе этихъ-то причинъ, въ слѣдствіе такой необходимости Екатерина II вызываетъ изъ небытія новый классъ людей, создаетъ его изъ преступныхъ и порочныхъ гражданъ; она назначаетъ мѣстомъ промысла этого класса людей—города, какъ центры разнообразной промышленности, гдѣ эти лица, между прочимъ, могутъ состоять подъ покровительствомъ магистрата;—назначаетъ для этого уѣздные города, въ которыхъ мѣстная полиція удобнѣе можетъ смотрѣть за ними, нежели въ многолюдныхъ губернскихъ и столичныхъ городахъ. Въ подушный окладъ Екатерина не полагаетъ этихъ людей, какъ потому, что между столичными жителями преступниками могли быть граждане художники, такъ и для скорѣйшаго поправленія и упроченія благосостоянія бѣдныхъ. Такъ сформировался новый классъ городскихъ обывателей—рабочихъ людей, классъ людей свобод-

---

(1) Такъ еще въ 1773 г. Января 10 былъ изданъ Императрицею Екатериною указъ, запрещающій крѣпить плѣнныхъ Турокъ и Польскихъ Конфедератовъ (*); такъ Манифестомъ 17 Марта 1775 года вольноотпущеннымъ недозволено ни за кѣмъ записываться, а при ревизіи объявлять желаніе приписываться въ гильдіи или мѣщанство; (**) наконецъ указомъ 1783 г. Окт. 20 окончательно запрещено крѣпить всѣхъ вообще вольныхъ людей (***).

(*) Полн. Собр. Зак. № 13,935.

(**) Тамъ же, № 14,275.

(***) Тамъ же, № 15,853.

Digitized by Google

ныхъ, не составляющіи отдѣльной корпораціи и свободный отъ податей (1).

Въ послѣдствіи, когда такая свобода рабочихъ людей отъ податей могла подать поводъ нерадивымъ изъ нихъ къ ничего нелѣланію, а смѣтливымъ—возможность и пользу на всегда остаться въ этомъ состояніи въ ущербъ государственнымъ финансамъ, то правительство вскорѣ обратило вниманіе на этотъ вопросъ,—и, желая самимъ рабочимъ, чрезъ право занятія мѣщанскимъ промысломъ, доставить наибольшія средства къ ихъ благосостоянію, обложило рабочихъ людей мѣщанскимъ окладомъ. Въ царствованіе Императора Павла I-го именнымъ указомъ отъ 15 Апрѣля 1799 г. (2) повелѣно записывать, по манифесту прощенныхъ преступниковъ, въ рабочіе люди, по уѣзднымъ городамъ, *со включеніемъ въ мѣщанскій окладъ*. Повелѣніе это распространено и на будущихъ выходцевъ изъ-за границы, (3) по Манифесту, изъ числа тѣхъ, которыхъ общества въ свои сословія не примутъ, и кои къ военной службѣ окажутся неспособными.

Въ царствованіе Императора Александра I-го именнымъ указомъ, даннымъ Сенату въ 20 день Іюля 1816 г. (4) «о правилахъ, по коимъ слѣдуетъ поступать съ выходцами изъ-за границы, по манифесту», повелѣно: выходцевъ изъ-за границы, являющихся, по манифесту 30 Августа 1814 года, (5) приписывать въ градскія или сельскія общества тѣхъ только, коихъ общества принять къ себѣ согласятся; всѣхъ тѣхъ, которыхъ общества не пожелаютъ имѣть у себя, и которые окажутся негодными къ военной службѣ, приписывать въ *рабочіе люди* по уѣзднымъ городамъ, не близкимъ, однакожъ къ границѣ для удержанія, ихъ, разумѣется, вновь отъ побѣговъ. Потому что, большая часть этихъ

---

(1) Умѣстно—бы здѣсь бросить критическій взглядъ на это новое учрежденіе, но дальнѣйшая исторія рабочихъ людей сама откроетъ намъ необходимость существованія этого класса въ Россіи при настоящемъ состояніи въ ней городскихъ обществъ и покажетъ всю пользу, которую можетъ принести государству развитіе и образованіе этого класса.

(2) Указъ 1799 г. Апрѣля 15 въ хронологическомъ указателѣ къ полному Собр. Законовъ не отмѣченъ, и потому неотысканъ въ Полномъ Собраніи; но содержаніе его извлечено мною изъ указа 21 Марта 1821 г. № 28,597, въ которомъ есть ссылка на указъ 1799 г. Апр. 15; именно въ немъ сказано: «поименованнаго въ указѣ 1799 г. Апр. 15 преступника Уланова, вышедшаго изъ за-границы, оставить при городѣ Грязовцахъ въ рабочихъ людяхъ, въ мѣщанскомъ окладѣ. На будущее время съ таковыми выходцами поступать по точнымъ словамъ указа 15 Апр. 1799 г. т. е. распредѣлять таковыхъ въ рабочіе люди по уѣзднымъ городамъ своей губерніи, съ обложеніемъ въ мѣщанскій окладъ».

(3) Выходцевъ русскихъ, бѣжавшихъ за границу.

(4) Полн Собр. Зак. № 26,363.

(5) Тамъ же, № 25671.

Digitized by Google

выходцевъ, приписавшихся, по силѣ манифеста 30 Августа 1814 г. къ сельскимъ и градскимъ обществамъ, убѣгали опять за границу, особенно изъ мѣстъ пограничныхъ, отягощая между тѣмъ общества поставкою за нихъ рекрутъ и платежемъ податей. Это послѣднее обстоятельство было представлено правительству на видъ мѣстными начальствами и было побудительною причиною къ изданію этого указа «о правилахъ, по которымъ слѣдуетъ поступать съ выходцами изъ-за границы». Если эти выходцы, и въ новомъ своемъ состояніи будутъ безполезны и отяготительны, въ такомъ случаѣ, правиломъ 3-мъ того же указа повелѣно: отсылать ихъ, по приговорамъ обществъ, (1) въ Сибирь на винокуренные заводы безъ зачета за рекрутъ.

Кромѣ того указомъ 20 Іюля 1816 (выше приведеннымъ) отмѣнено положеніе манифеста 30 Августа 1814 года, которымъ на основаніи указа 9 Сентября 1805 г. (2), даннаго начальникамъ пограничныхъ губерній, повелѣвалось: «выходцевъ, являющихся послѣ срока, опредѣленнаго манифестомъ, по освобожденіи отъ крѣпостной работы, селить при казенныхъ селеніяхъ». Выходцы, являющіеся и послѣ срока, опредѣленнаго манифестомъ, подходятъ подъ правила изложенныя въ этомъ указѣ, т. е. записываются въ рабочіе люди, если они оказались негодными къ военной службѣ и непринятыми обществами.

Безъ статистическихъ данныхъ нельзя сказать съ достовѣрностью, какъ много было выходцевъ изъ-за границы и преступниковъ, по манифесту прощенныхъ, которые поступили въ классъ рабочихъ; можно предположить только, что число ихъ было весьма ограниченно: 1) потому, что нѣкоторые изъ нихъ годные обращались въ военную службу, 2) другихъ, общества, находя способными къ труду и слѣд. къ состоятельности въ уплатѣ податей, принимали къ себѣ. Такимъ образомъ оставалось не много такихъ, которые поступали собственно въ рабочіе люди. По всей вѣроятности—это были остатки всего неспособнаго, люди, не знавшіе, ни ремесла, ни искусства и бѣдные,—которымъ, разумѣется, Магистратъ, подъ покровительствомъ котораго они должны были стоять, назначалъ, сообразныя съ ихъ способностями, *службы*, напр. въ ратушскіе и другіе сторожа и разсыльщики, гдѣ они иногда могли получать обыкновенные, доходы для пропитанія и платить положенную подать. Увѣчные

(1) Замѣчательно, что только этотъ указъ подвергаетъ рабочихъ людей приговору обществъ. Изъ другихъ же видно, что они стоятъ внѣ зависимости городскихъ обществъ. (См. Ук. 1841 г. Март. 17 № 14,361).

(2) Полн. Собр. Зак. № 21,910.

Digitized by Google

же изъ нихъ, и потому ни къ чему неспособные, распредѣлялись въ дома призрѣнія бѣдныхъ и больницы.

Такимъ образомъ, классъ рабочихъ людей сформировывался весьма слабо. Правительство многихъ губерній могло не знать объ этихъ людяхъ и только по указамъ догадываться о существованіи ихъ по уѣзднымъ городамъ другихъ губерній и затруднялось въ распредѣленіи своихъ выходцевъ, непринятыхъ обществами. Это побудило Правительствующій Сенатъ, указомъ Марта 21-го 1821 г. (1) вновь подтвердить всѣ прежде изданные указы касательно рабочихъ людей, напомнивъ также объ нихъ отдѣльными предписаніями Черниговскому и Тверскому правленію (2), потому что они своими недоумѣніями и неправильнымъ распредѣленіемъ выходцевъ вызвали это подтвержденіе Правительствующаго Сената. Подъ предлогомъ неимѣнія по уѣзднымъ городамъ своей губерніи класса рабочихъ людей, Черниговское Губернское Правленіе отсылало выходцевъ изъ-за границы въ Екатеринославское губернское правленіе, для размѣщенія ихъ на казенныя фабрики и заводы. Тверское Губернское Правленіе, подъ тѣмъ же предлогомъ отсылало своихъ выходцевъ въ рабочій домъ, входя въ Правительствующій Сенатъ съ запросомъ объ окончательномъ поступленіи съ ними (3).

Но вскорѣ потомъ расширился кругъ рабочихъ людей записку въ этотъ классъ Евреевъ. Указомъ Сената отъ 29 Іюля 1824 г. (4) по Высочайшему утвержденію положенія Комитета Министровъ, повелѣно: записать *въ рабочіе люди*, со включеніемъ въ мѣщанскій окладъ всѣхъ, вышедшихъ на жительство въ Россію Евреевъ, которые не приписаны еще ни къ какому со-

---

(1) Полн. Соб. Зак. № 28,597.

(2) Ук. 9 Март. 1820 г. и 21 Март. 1821 г. См. Полн. Собр. Зак. № 28,597.

(3) Замѣчательно дѣло Тверскаго Губерскаго Правленія объ одномъ выходцѣ. Выходецъ этотъ Кононъ Лопухинъ въ 1816 г. явясь въ Тверское Губернское Правленіе и представя данный ему изъ Бессарабскаго Областнаго Правленія паспортъ о добровольномъ его выходѣ изъ-за границы, показалъ (что и по справкѣ подтвердилось), что онъ былъ крестьянинъ, отданъ въ рекруты, бѣжалъ, преступленія при побѣгѣ не учинилъ, а теперь имѣетъ желаніе приписаться Корчевскаго уѣзда, Юрьевской волости въ деревню Сурцово, въ крестьяне. Но голова, староста и всѣ волостные люди, за умаленіемъ земли и по случаю уже удобрѣнія оной, несогласны на принятіе Лопухина. Лопухинъ отосланъ въ Казенную Палату, которая найдя его, по старообразному виду, неспособнымъ къ военной службѣ, обратила опять въ Губернское Правленіе. Губернское Правленіе, на основ. ук. 16 Іюля 1816 должно бы было записать его въ рабочіе люди, но какъ рабочаго класса людей не состояло по уѣзднымъ городамъ Тверской Губерніи, то это обстоятельство и представлено было на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената. Лопухинъ былъ отправленъ въ рабочій или смирительный домъ и содержался тамъ 5 лѣтъ, пока послѣдовалъ указъ Правительствующаго Сената 1821 г. зачислить его, по точнымъ словамъ указа 1799 г. въ рабочіе люди въ мѣщанскомъ окладѣ.

(4) Полн. Собр. Зак. № 30,004.

Digitized by Google

стоянію и которыхъ общества принять не пожелаютъ. Съ этого времени характеръ исторіи рабочихъ людей перемѣняется. Въ рабочіе люди записываются не преступники, по манифесту прощенные, но лица неизвѣстной нравственности; граждане, вредные относительно финансовъ государственныхъ и относительно интересовъ обществъ, въ которыхъ они находились. Нѣкоторый вредъ со стороны Евреевъ въ Россіи еще давно обращалъ на себя вниманіе правительства; но, ни великодушная терпимость, выраженная напр. въ резолюціи Императрицы Елисаветы, на донесеніе: «о незаконной торговлѣ Евреевъ», *отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли* (Указъ 1743 г. Дек. 16 (1)); ни постановленія, изданныя въ облегченіе имъ уплаты недоимокъ и доставленіе льготъ; ни самыя строгія мѣры правительства, каковы напр. изъятіе ихъ отъ права свободнаго водворенія въ Россіи наравнѣ съ другими иностранцами, по манифесту 1762 г. Декаб. 4; (2) или: нетерпимость Евреевъ нигдѣ въ Россіи по указу Дек. 24 дня 1804 г., (3) если они не приписаны въ одно изъ 4-хъ состояній: земледѣльческое, фабричное, купеческое и мѣщанское; или наконецъ обложеніе ихъ двойными податьми противъ людей равныхъ съ ними званіи (что и продолжалось до 1807 г. Августа 28) (4) ничто не помогало,—не могло исправить ихъ. Они были отяготительны для обществъ и мало полезны для казны; почему правительство окончательно запретило вновь переселеніе Евреевъ въ Россію, записавъ вышедшихъ уже сюда на жительство въ рабочіе люди, въ мѣщанскомъ окладѣ. Помѣщаю здѣсь извлеченіе изъ записки Министра Финансовъ, представленной имъ въ Комитетъ Министровъ 19 Января 1824 г. (5), изъ которой видны причины, побудившія запретить переселеніе Евреевъ въ Россію и записать находящихся здѣсь въ рабочіе люди.

«Въ пограничныхъ губерніяхъ», какъ видно изъ записки Министра Финансовъ, гдѣ Евреямъ дозволено имѣть постоянное водвореніе, наравнѣ съ прочими иностранными выходцами, т. е. съ льготою отъ государственныхъ податей въ первое десятилѣтіе, Евреи чрезвычайно размножились. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1804 г. Евреевъ состояло не болѣе 175,000; нынѣ, въ теченіи 20 лѣтъ, оно возросло до 400,000, не включая пропущенныхъ по ревизіи, доселѣ безпрестанно обнаруживаемыхъ.

(1) Полн. Собр. Зак. № 8840.
(2) Тамъ же № 11,720.
(3) Тамъ же № 21,547.
(4) Тамъ же № 22,600.
(5) Тамъ же № 30,004.

Digitized by Google

Между тѣмъ новые поселенцы эти по роду ихъ промысловъ, состоящихъ большею частію въ мелочной, внутренней торговлѣ и въ содержаніи арендъ на правилахъ разорительныхъ для вѣрителей ихъ и поселянъ, не могутъ приносить существенной пользы государству. Выходцы эти, большею частію, бѣдные, нерѣдко встрѣчаютъ препятствія въ своемъ желаніи приписаться къ какому либо состоянію; общества уклоняются отъ пріема ихъ, во избѣжаніе отвѣтственности за подати такихъ людей. Поэтому они скитаются по мѣстечкамъ и селеніямъ, снискивая себѣ пропитаніе презрѣнными и часто непозволительными средствами; либо, подавъ лично о себѣ ревизскія сказки, уходятъ опять за границу. Отъ этого возникаетъ пространная переписка Губернскихъ Начальствъ, Казенныхъ Палатъ и Полицейскихъ мѣстъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Министръ Финансовъ признаетъ полезнымъ запретить Евреямъ, самовольно отлучившимся, возвратъ изъ-за границы, а прочимъ переселеніе оттуда, даже и въ тѣ губерніи, гдѣ имъ позволено имѣть постоянную осѣдлость.

Зачисленіе Евреевъ въ рабочіе люди—мѣра лучшая для извлеченія изъ сего племени пользы государству и благодѣтельная для Евреевъ. Въ уѣздныхъ городахъ они будутъ на виду у правительства, которому тамъ удобнѣе будетъ слѣдить за родомъ ихъ промысла, состоящаго большею частію въ содержаніи по селеніямъ шинковъ и арендъ и въ тѣхъ вѣтвяхъ промышленности, которыя болѣе сродны съ контрабандою. Удаленіе Евреевъ изъ пограничныхъ губерній предупредитъ для нихъ возможность заниматься контрабандою; приписка къ классу рабочихъ людей доставитъ имъ право вести мѣщанскую торговлю, къ которой Евреи привыкли и безъ которой не могутъ имѣть не только возможности платить подати, но и доставать себѣ пропитаніе. По крайней мѣрѣ сколько правительство ни заботилось пріучить Евреевъ къ жизни осѣдлой и преимущественно сельской, предоставивъ имъ льготы, съ тѣмъ, чтобы они занимались земледѣліемъ,—Евреи остаются при своемъ упорномъ стремленіи къ торговлѣ. Будучи приписаны къ классу земледѣльцевъ, они и тамъ не оставляютъ торговли, дѣйствуя вредно на общества, ихъ окружающія.

Разсматривая далѣе исторію рабочихъ людей, мы находимъ, что въ этотъ классъ поступаютъ люди разныхъ званій; всѣ отпущенные на волю люди, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; уволенные церковники; купленныя или вымѣненныя у Киргизовъ, Калмыковъ и другихъ азіятцевъ дѣти и разнаго званія свободные люди; дѣти личныхъ дворянъ и дѣти приказно—слу-

Digitized by Google

жителей, не имѣющихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ, вымороч-ные дворовые люди, незаконорожденные; иновѣрцы, принявшіе христіанскую вѣру и друг. Но всѣ эти разнаго званія люди не прямо поступаютъ въ рабочіе люди. Это изъ числа тѣхъ, кото-рые, приписавшись по указу 22 Декабря 1832 г. (1) къ город-скимъ обществамъ безъ согласія обществъ, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, неполучили согласія обществъ на окончатель-ное принятіе ихъ. Но, какъ общества могутъ отказывать тако-вымъ людямъ въ окончательномъ принятіи, только за пороки и неисправный платежъ ими податей, по силѣ того же указа, то слѣд. въ рабочіе записываются лица порочныя и неплатящія податей. Такимъ образомъ, классъ рабочихъ людей продолжаетъ сохранять характеръ исправительнаго заведенія; въ рабочіе про-должаютъ зачисляться люди порочные или сомнительной нрав-ственности. Цѣль такого распоряженія очевидна, именно: облег-чить возможность поправить благосостояніе неплатящихъ пода-тей гражданъ; съ другой стороны подѣйствовать на нравствен-ное чувство порочныхъ, лишивъ ихъ права голоса въ город-скихъ собраніяхъ и исключивъ изъ корпораціи, какъ членовъ недостойныхъ. Весьма вѣроятно, что изъ числа таковыхъ раз-наго званія людей, приписавшихся въ мѣщанство безъ согласія общества, не смотря на пятилѣтнюю льготу, очень многіе мо-гутъ оказываться несостоятельными къ платежу податей и дру-гихъ сборовъ. Правда, что пять лѣтъ, кажется, достаточный срокъ для того, чтобъ совершенно-лѣтнему стать на степень по-лезнаго гражданина, но эта возможность обусловливается пред-варительнымъ подготовленіемъ такого лица къ жизни граждан-ской. Притомъ большая часть этихъ людей, какъ-то: дѣти лич-ныхъ дворянъ и церковники записываются въ мѣщанство несо-вершеннолѣтними,—часто не чувствуя себя способными быть въ этомъ состояніи, а единственно изъ опасенія подпасть подъ рекрутскій наборъ. Между тѣмъ и здѣсь ихъ ожидаетъ тоже. По непривычкѣ къ новому роду промысловъ, они нескоро пріобрѣ-таютъ возможность уплачивать подати; общества смотрятъ на нихъ невыгодно, находятъ ихъ ненадежными и при первомъ рекрутскомъ наборѣ, стараются освободиться отъ нихъ. Тоже можно сказать о вольно отпущенныхъ, дѣтяхъ Киргизовъ, Калмыковъ и другихъ азіатцевъ. Послѣдніе хотя и зачисляются въ мѣщане по достиженіи ими совершеннолѣтія, на нихъ мо-жетъ имѣть невыгодное вліяніе, въ отношеніи ихъ промышлен-ности, незнаніе русскаго языка и незнакомство съ образомъ про-

(1) Полн. Собр. Зак. N 5842.

Digitized by Google

мысловъ русскихъ городовъ. Опасеніе попасть въ рекруты побуждаетъ этихъ лицъ нерѣдко прибѣгать для уплаты податей къ непозволительнымъ средствамъ и чрезъ то дѣлаетъ ихъ преступниками. Такимъ образомъ, если нѣкоторые изъ таковыхъ, приписавшихся къ обществу безъ согласія его, могутъ оказаться несостоятельными къ платежу податей по несчастію, неуспѣвши еще въ новомъ своемъ званіи избрать родъ занятій по своимъ способностямъ, то такіе люди, предоставленные, чрезъ записку ихъ въ рабочіе люди, самимъ себѣ, идутъ по пути гражданственности тою дорогою, которую указали имъ природа, воспитаніе и способности. Дѣйствительно, человѣкъ часто забрасывается случаемъ или и своимъ свободнымъ, но неопытнымъ произволомъ въ такое общество, въ которомъ не только не находитъ сферы для своей дѣятельности, но напротивъ, подчиняясь требованіямъ и условіямъ общества, принужденъ бываетъ стѣснять свою собственную дѣятельность.

Чрезъ записку въ рабочіе люди, порочные граждане не лишаются возможности исправиться: все нужное для ихъ исправленія остается при нихъ, и личная свобода, и личная собственность ихъ остается неприкосновенною. Отнимается у рабочихъ людей только одно право,—право голоса въ городскихъ собраніяхъ, но все таки не отнимается возможность со временемъ имѣть это право. И если иные дѣйствительно попали въ классъ рабочихъ по несчастію или неопытности, то у нихъ всегда достанетъ энергіи выйдти изъ этого состоянія; благотворное самолюбіе, замѣтное даже въ чисто животныхъ натурахъ, побудитъ ихъ стать въ среду настоящихъ гражданъ. Съ другой стороны собственные интересы побудятъ рабочихъ людей заботиться о причисленіи себя къ мѣщанскимъ и купеческимъ обществамъ, а также и къ цехамъ. Что касается до общественныхъ и государственныхъ интересовъ, то чрезъ записку гражданъ въ рабочіе люди не страдаютъ интересы ни той, ни другой стороны. Общества, выдѣляя изъ себя неплатящихъ податей гражданъ, имѣютъ на своей сторонѣ ту выгоду, что избавляются потомъ отъ необходимости налагать на трудолюбивыхъ, но небогатыхъ гражданъ, обязанность платить подати за полторы или за двѣ души, когда тѣ съ трудомъ могутъ платить за свою собственную. Отсылка же мѣщанъ дурнаго повсденія въ Сибирь на поселеніе соединена съ большими издержками для обществъ: общество обязано выдавать таковымъ на вспомоществованіе 60 руб. серебр. Отдача ихъ въ рабочіе дома или въ крѣпостныя работы невыгодна въ томъ отношеніи, что при ограниченности платы за труды несвободнаго человѣка, долго не могутъ быть оплачены подати

Digitized by Google

и недоимки съ другихъ повинностей, если предположить неплатежъ за пятилѣтіе.

Если рабочіе люди не будутъ платить податей, лежащихъ на ихъ собственной отвѣтственности, то они, по распоряженію правительства, могутъ быть отсылаемы для заработковъ въ крѣпостныя работы. Въ такомъ случаѣ будутъ страдать на время интересы цѣлаго государства, а не одного отдѣльнаго общества.

Итакъ все, что доселѣ наше законодательство установило, а правительство опредѣлило относительно рабочихъ людей, можно выразить слѣдующими словами: классъ рабочихъ людей составился 1) изъ публично-наказанныхъ за преступленія жителей столичныхъ и губернскихъ городовъ; 2) изъ преступниковъ, по манифесту 1814 г. Августа 30 (1), прощенныхъ и выходцевъ изъ заграницы, непринятыхъ прежними обществами, а такъ же высланныхъ изъ обществъ уже приписавшихся къ нимъ; 3) изъ Евреевъ, водворившихся въ Россіи и 4) наконецъ изъ мѣщанъ, дурныхъ по поведенію и неплатящихъ податей, изъ числа тѣхъ, которые приписались къ городамъ безъ согласія обществъ съ льготою отъ платежа податей на 5 лѣтъ. Классъ рабочихъ людей началъ составляться изъ преступниковъ, а въ 1832 г. окончился порочными и неплатящими податей мѣщанами. Классъ рабочихъ не есть классъ преступниковъ: правительство избавляетъ ихъ отъ строгаго и непосредственнаго надзора полиціи (2). Рабочіе люди находятся къ полиціи въ такомъ же отношеніи, какъ и всѣ граждане вообще. Правда, что всякій нарушитель общественнаго закона есть преступникъ, но не всякій преступникъ есть преступникъ злоумышленный и потому достойный строгаго наказанія. Что касается до рабочихъ людей, то скорѣе это люди порочные, нежели преступные, а *порочный и преступный* понятія не синонимическія. Преступный заслуживаетъ наказанія, порочный требуетъ исправленія. Преступный исключается изъ общества людей, порочный обязывается жить по правиламъ общества. И само законодательство, имѣетъ такое понятіе о рабочихъ людяхъ, оставляя ихъ въ числѣ другихъ классовъ городскихъ обывателей. Правительство хочетъ видѣть въ нихъ настоящихъ гражданъ, требуетъ, чтобы они приносили пользу государству, на сколько позволяютъ имъ быть полезными ихъ силы и способности. Это недоросли въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, которыхъ правительство охраняетъ и которымъ помогаетъ.

(1) Полн. Собр. Зак. № 25,671.
(2) Полн. Собр. Зак. № 28,597.

Digitized by Google

ОРГАНИЗМЫ НА ГРАНИЦѢ ЖИВОТНАГО И РАСТИТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.

Статья Кандидата А. Фаминцына.

Вопросъ о границѣ между животными и растеніями принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ вопросовъ естественныхъ наукъ. Общепринятое, укоренившееся опредѣленіе животныхъ и растеній состоитъ въ томъ, что животныя чувствуютъ и движутся произвольно, растенія же не чувствуютъ и остаются неподвижными. Въ самомъ дѣлѣ, при разсматриваніи организмовъ животныхъ и растительныхъ, попадающихся на глаза человѣку въ его домашнемъ быту, это опредѣленіе кажется несомнѣннымъ. Если же обратимъ вниманіе и на простѣйшіе микроскопическіе организмы животные и растительные, то увидимъ, что не-только предполагаемая грань недостаточна, но что, вообще, и другіе признаки, столь рѣзко отличающіе болѣе высоко организованныхъ животныхъ и растеній, здѣсь слиты во всевозможныхъ пропорціяхъ. Отъ розысканій надъ низшими организмами нужно, слѣдовательно, ожидать разрѣшенія вопроса о существованіи границы между обоими царствами. Изученіе ихъ я и избралъ предметомъ предстоящей статьи, стараясь, на основаніи сдѣланныхъ надъ ними изслѣдованій, оцѣнить стойкость установленной грани.

Новѣйшія изслѣдованія показали, что какую бы часть животнаго или растенія не разсмотрѣли подъ микроскопомъ, мы увидѣли бы, что она состоитъ изъ клѣтокъ или пузырьковъ. Въ каждой клѣткѣ можно отличить оболочку и слизистое содержимое. Оболочка клѣтки цѣльная, безъ отверстій; содержимое представляетъ слизистую выстилку, прилегающую къ оболочкѣ съ внутренней стороны непрерывнымъ слоемъ. Въ центрѣ клѣтки или съ боку, въ самой слизистой выстилкѣ, находится обыкновенно твердое, шарообразное тѣло, называемое зерномъ (nucleus). Остальная полость клѣтки выполнена жидкостью, такъ называемымъ клѣточнымъ сокомъ (Zellsaft). Узнавъ посредствомъ микроскопа, что всякій организмъ животный и растительный есть ничто иное, какъ одна клѣтка или аггрегатъ

Digitized by Google

клѣтокъ, мы видимъ что всѣ вопросы физіологическіе, вопросы о жизни организма, сводятся на изученіе того, что такое клѣтка.

Чѣмъ больше число клѣтокъ въ организмѣ и разнообразнѣе ихъ форма, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе проявленіе жизни ихъ, т. е. отправленія организма. Въ высшихъ организмахъ, животныхъ и растительныхъ, каждому отправленію предстоитъ отдѣльная группа клѣтокъ или, другими словами, отдѣльный органъ или система органовъ. Переходя постепенно отъ самыхъ сложныхъ формъ къ болѣе простымъ, мы увидимъ, что органы, предстоящіе различнымъ отправленіямъ организма, столь ясно отличные въ высшихъ формахъ, теряютъ мало по малу свою индивидуальность. Наконецъ мы дойдемъ до такихъ формъ, гдѣ весь организмъ представляетъ въ продолженіи всеи жизни своеи одну клѣтку.

Въ послѣднее время особенно одноклѣтчатые организмы обратили на себя вниманіе весьма многихъ ученыхъ и розысканія надъ ними, хотя еще весьма неполныя и отрывочныя, привели уже къ весьма любопытнымъ результатамъ.

Къ простѣйшимъ организмамъ относятся: Грегарины (Gregarina), Корненогія (Rhizopoda), Инфузоріи (Infusoria), Грибы (Fungi), Лишаи (Lichenes), и Водоросли (Algae). Здѣсь я буду говорить только о корненогихъ, инфузоріяхъ и формахъ связывающихъ ихъ съ водорослями и подъ названіемъ: *простѣйшіе организмы* буду обозначать только эти двѣ группы.

Простѣйшіе организмы большею частію до того малы, что могутъ быть изслѣдуемы только съ помощію микроскопа. Гиганты между инфузоріями едва видимы простымъ глазомъ. Отъ этого и исторія постепеннаго распознаванія ихъ тѣсно связана съ успѣхами оптики и усовершенствованіемъ микроскопа.

Первый естествоиспытатель, наблюдавшій простѣйшіе организмы, былъ Левенгукъ, изобрѣтатель микроскопа. Но ни онъ и ни одинъ изъ его послѣдователей до Мюллера не изслѣдовали низшихъ организмовъ строго ученымъ образомъ. Сочиненія ихъ наполнены только восклицаніями и удивленіями, внушаемыми имъ новооткрывшимся, едва видимымъ, міромъ живыхъ существъ. Отто Мюллеръ первый привелъ ихъ въ систему и установилъ многіе роды и виды. Работая съ весьма несовершенными микроскопами, онъ не имѣлъ яснаго понятія о строеніи инфузоріи, и во многихъ изъ нихъ видѣлъ только продолговатые, овальные пузырьки. Отличительные признаки, заимствованные имъ для отличія одного рода отъ другаго, весьма неопредѣлен-

Digitized by Google

ны. Далѣе, къ одному роду онъ относилъ животныхъ не имѣющихъ ничего общаго между собою, кромѣ формы контура, или отличающихся отсутствіемъ извѣстныхъ органовъ, которыхъ въ нихъ онъ не былъ въ состояніи подмѣтить.

По этимъ же причинамъ и система Ламарка, которая есть только модификація системы Мюллера, и система Бори-де-Санъ-Винцента замѣчательны теперь только въ историческомъ отношеніи.

Эпоху въ періодѣ классификаціи низшихъ организмовъ сдѣлалъ Берлинскій ученый Эренбергъ, своимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ Die Jnfusionsthierchen als vollkommende Organismen.

Въ этомъ сочиненіи, къ инфузоріямъ онъ причислилъ и многіе несомнѣнно растительныя формы, предполагая въ нихъ весьма сложную организацію, какъ то: зубы, пищепріемный каналъ, съ отверстіями рта и задняго прохода, различныя желѣзки, систему мускуловъ, половые органы, слѣды системы кровообращенія, нѣкоторыя части нервной системы, глаза, а у нѣкоторыхъ внутренніе органы, похожіе на органы дыханія. Впрочемъ описанные Эренбергомъ у инфузорій органы, по изслѣдованію новѣйшихъ ученыхъ, относятся къ области фантазіи; слѣдовательно и его дѣленіе инфузорій, основанное на видоизмѣненія хъ предполагаемаго имъ пищепріемнаго канала, не можетъ быть теперь принято.

Живую оппозицію встрѣтилъ онъ во французскомъ ученомъ Дюжардэнѣ (Dujardin), который первый рѣшился противостать авторитету Эренберга; отрицая въ сочиненіи своемъ: Histoire naturelle des Zoophytes (Infusoires) существованіе органовъ признанныхъ Эренбергомъ, онъ развиваетъ свое ученіе о саркодѣ (о веществѣ сокращающемся). По его мнѣнію, все тѣло инфузоріи состоитъ изъ аморфнаго, подвижнаго вещества способнаго образовать по всей массѣ своей шарообразныя пустоты, наполненныя прозрачною жидкостію, которыя Эренбергъ и принималъ за желудки. По Дюжардэну, питательныя вещества проникаютъ въ инфузорію чрезъ отверстіе рта или прилипаютъ къ поверхности тѣла, и погружаются въ него постепенно, какъ на примѣръ посторонній предметъ, вдавленный въ густую и вязкую массу дегтя. Не принимая никакой организаціи въ инфузоріяхъ, Дюжардэнъ дѣлитъ ихъ по наружному виду на двѣ группы: 1)не симметрическія инфузоріи, 2) симметрическія. Первая группа подраздѣлена у него по органамъ движенія на 5 отдѣловъ, въ каждомъ отдѣлѣ по нѣсколько семействъ. Вторая группа заключаетъ только 4 рода и не подраздѣляется на отдѣлы. Система

Digitized by Google

эта, какъ видно, въ высшей степени искуственна и, какъ самъ Дюжардэнъ сознается, еще весьма недостаточна. Въ 1839 году Мейенъ (1) показалъ аналогію инфузоріи съ животной и растительною клѣткою. Идею эту разработали въ послѣдствіи Зибольдъ (2) и Кёлликеръ(3). По ихъ мнѣнію, каждая инфузорія представляетъ одну клѣтку и состоитъ изъ оболочки и тягучаго, слизистаго содержанія. Заключенное въ слизистомъ содержаніи твердое тѣло, которое Эренбергъ принималъ за сѣмянную желѣзку, они принимаютъ за ядро клѣтки. Въ послѣднее время наконецъ—въ 1856 году, Либеркюнъ (4) и Лахманъ (5), опять приписываютъ всѣмъ инфузоріямъ организацію довольно сложную, именно: систему сосудовъ, центръ которыхъ есть пульзирующее пространство, полость пищеваренія съ заднепроходнымъ отверстіемъ, а иногда даже съ пищеводомъ. Главнымъ образомъ ихъ воззрѣніе отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что они принимаютъ за паренхимъ тѣла инфузоріи, то что Зибольдъ считаетъ оболочкою, а тягучую жидкость, заключенную въ оболочкѣ—не за содержаніе клѣтки, а за желудочный сокъ (chylus) животнаго. Въ то время, какъ зоологи изслѣдовали инфузоріи и переходные низшіе растительные организмы, ботаники именно Харвей (Harvey) (1841), Агардтъ (Agardth) (1842), Декэнъ (Decaisne) (1842), Эндлихеръ (Endlicher), Хассаль (Hassal), Негели (Nägeli), Кютцингъ (Kützing) и друг. занимались изученіемъ низшихъ, несомнѣнно растительныхъ, организмовъ, причисляя, въ свою очередь, къ растеніямъ переходныя формы, считаемыя зоологами за животныхъ. Въ классификаціи своей они не были счастливѣе зоологовъ. Неудачи эти, главнымъ образомъ, произошли отъ того, что они старались построить системы свои, основываясь только на наружныхъ признакахъ вполнѣ развитыхъ организмовъ, совершенно упуская изъ виду исторію развитія. Не имѣя притомъ строгихъ данныхъ, они относили одни и тѣже организмы не только къ различнымъ видамъ и родамъ, но и классамъ системъ своихъ, имѣя ручательствомъ за вѣрность классификаціи только авторитетъ свой въ наукѣ. Въ новѣйшее время открытіе явленій періодично-смѣняющихся поколѣній (Generationswechsel), ясно показало неустойчивость системъ, построенныхъ на этомъ

(1) Müllers Archiv 1839 pg. 74.
(2) Sieb. und Köll. Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie I. pg. 270 etc.
(3) Ebendas, I. pg. 200. Die Lehre von der thierischen Zelle in Schleiden und Nägeli Zeitschrift für wissenschaftliche Botanik. 1845 etc.
(4) См. Beiträge zur Anatomie der Infusorien—Müllers Archiv. 1856. Heft. 1, 2.
(5) Ueber die Organisation der Infusionsthierchen etc—Müllers Archiv. 1856. Heft. 4.

Digitized by Google

принципѣ: формы, совершенно другъ отъ друга отличныя, распредѣленныя въ различные классы, оказались только различными фазами развитія одного и тогоже недѣлимаго; слѣдовательно, мы теперь не имѣемъ никакаго права два другъ на друга вовсе непохожіе организма относить, a priori, нетолько къ двумъ различнымъ классамъ, но даже родамъ и видамъ. Исторія развитія есть единственный вѣрный руководитель въ этомъ отношеніи. Системы, составленныя по наружнымъ признакамъ, не смотря однако на ихъ искуственность и даже невѣрность, весьма способствуютъ легчайшему обозрѣнію формъ.

Въ основаніе своего изложенія я взялъ подраздѣленіе инфузорій Зибольда, видоизмѣненное нѣсколько Фохтомъ въ его зоологическихъ письмахъ, и систему Рабенхорста для низшихъ растительныхъ организмовъ (водорослей).

Порядокъ изложенія, избранный мною въ систематическомъ обозрѣніи, слѣдующій:

1) корненогія.
2) инфузоріи.
3) переходныя формы.
4) водоросли.

Классъ корненогія (Rhizopoda) (1). Тѣло животныхъ этаго класса состоитъ исключительно изъ студенистаго вещества, въ которомъ, то появляются, то исчезаютъ пузыристыя пустоты, принимаемыя прежде за желудки. Жидкія вещества просачиваются внутрь тѣла, а твердыя давленіемъ на поверхность слизистой массы животнаго, мало по малу, погружаются въ него, такъ что, чрезъ нѣсколько времени мы видимъ ихъ внутри животнаго. Попавшіе въ тѣло животнаго предметы иногда до того велики, что животное облекаетъ ихъ только тоненькимъ слизистымъ слоемъ Кромѣ пульзирующаго пространства, которое отъ времени до времени сокращается, и болѣе плотнаго тѣла, зерна, не удалось открыть въ нихъ никакой внутренней организаціи. Они двигаются, вытягивая однообразную массу тѣла своего въ длинные отроги, болѣе или менѣе вѣтвистые. Наружный видъ корненогихъ весьма разнообразенъ. Большая часть изъ нихъ снабжена болѣе или менѣе твердою роговою или известковою скорлупкою, называемою панцыремъ. Панцырь окружаетъ или одно только животное, или представляетъ полипникъ, заключающій въ себѣ нѣсколько недѣлимыхъ. Въ панцырѣ бываетъ одно большое

(1) Желающимъ наглядно ознакомиться съ этими формами рекомендуемъ атласы Эренберга, Дюжардена, Куторги и др.

Digitized by Google

или много мелкихъ отверстій, изъ которыхъ животное выпускаетъ слизистые отроги. За исключеніемъ немногихъ, всѣ корненогія обладаютъ известковымъ панцыремъ; этимъ рѣзко отличаются они отъ инфузорій, окруженныхъ роговою или кремнистою скорлупою. Корненогія живутъ, и въ прѣсной, и въ соленой водѣ. Цѣлые пласты земной коры, напр. мѣлъ, составлены исключительно почти изъ ихъ скорлупокъ. Изъ нихъ замѣтимъ слѣдующіе роды: Amoeba, Actinophrys, Acineta, Arcella, Difflugia.

Классъ Инфузорій (Infusoria). Классъ инфузорій заключаетъ въ себѣ маленькихъ животныхъ величиною отъ 3 mil. до $^1/_{3000}$ mil. Они живутъ преимущественно въ стоячей водѣ, заросшей травою, въ сырыхъ мѣстахъ между мхомъ и, какъ паразиты, въ другихъ животныхъ. Размножаясь чрезвычайно быстро, они плаваютъ иногда по водѣ въ видѣ клочковъ бѣловатой пыли, или, наполнивъ собою всю массу воды, окрашиваютъ ее иногда весьма ярко зеленымъ или краснымъ цвѣтомъ. Появленіе и исчезаніе различныхъ родовъ инфузоріи такъ быстро и, повидимому, такъ мало зависитъ отъ воли человѣка, что часто нужно бываетъ довольствоваться безсвязно подмѣченными явленіями, неимѣя возможности опредѣлить всей важности ихъ для жизни животнаго. Движеніе инфузоріи подъ микроскопомъ кажется весьма быстрымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ движутся посредствомъ одной или нѣсколькихъ весьма длинныхъ рѣсничекъ, находящихся на переднемъ концѣ тѣла или разбросанныхъ по всей поверхности ихъ тѣла, другіе напротивъ того снабжены для движенія особенными крючьями.

Зибольдъ дѣлитъ инфузорій на два отряда: 1) *Stomatoda*, имѣющія отверстіе рта и задняго прохода и 2) *Astoma*, не имѣющія отверстія рта и питающіяся всею поверхностію своего тѣла.

Отрядъ 1-й *Stomatoda*. Отдѣлъ *Vorticellida*, форма тѣла ихъ весьма измѣнчивая. Они весьма быстро сокращаются, принимая неправильно шарообразную форму, и потомъ опять, мало по малу, развертываются и вытягиваются въ видѣ конусовъ, колокольчиковъ или охотничьяго рога. На верхнемъ концѣ они снабжены вѣнкомъ рѣсничекъ, расположенныхъ по спирали. Сокращаясь, они втягиваютъ весь рѣсничный аппаратъ въ массу тѣла. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ стебелекъ весьма гибкій, другіе — неподвижный, третьи-же вовсе его не имѣютъ. Отдѣлъ Vorticellida подраздѣляютъ на два семейства А., собственно *Vorticellina* — имѣющія перепончатаго панцыря.

Digitized by Google

Роды Vorticella, Carchesium, Epistylis, Trichodina, Stentor и B. *Ophrydina* — снабженныя панцыремъ. Роды: Vagenicola, Cothurnia.

Отдѣлъ *Trichodida* заключаетъ въ себѣ изъ остальныхъ Stomatoda тѣхъ, которые движутся только посредствомъ рѣсничекъ и не имѣютъ крючьковъ и шиповъ. Въ этомъ отдѣлѣ отличаютъ три семейства:

A. Сем. *Enchelina*. Тѣло не покрыто почти совсѣмъ рѣсничками, за исключеніемъ передняго конца, который иногда вытянутъ въ видѣ длинной шеи; на немъ, вокругъ рта, расположенъ вѣнецъ рѣсничекъ. Заднепроходное отверстіе находится у всѣхъ, на противуположномъ концѣ тѣла. Вытянутую переднюю часть тѣла они изгибаютъ во всѣ стороны. Она, какъ кажется, служитъ имъ органомъ движенія и осязанія. Роды: Lacrymaria, Trichoda, Enchelys, Leucophrys.

B. Сем. *Trachelina*. Все тѣло или большая часть его покрыто рѣсничками, которыя расположены долевыми рядами; у рта они нѣсколько длиннѣе. Ротъ лежитъ на нижней поверхности тѣла въ долевой щели, подъ болѣе или менѣе выдающеюся верхнею губою. Заднепроходное отверстіе находится на концѣ тѣла или нѣсколько съ боку. Роды: Trachelius, Chilodon, Amphileptus, Spirostomum, Glaucoma, Paramœcium, Bursaria.

C. Сем. *Nassulina* отличается отъ двухъ предъидущихъ зубнымъ аппаратомъ, который окружаетъ входъ въ отверстіе рта. По положенію этаго зубнаго аппарата, отличаютъ нѣсколько родовъ: Nassula, Prorodon, Chilodon.

3-й Отдѣлъ, *Setifera*; имѣютъ болѣе или менѣе сплюснутую форму и на плоской поверхности тѣла, кромѣ рѣсничекъ, которыя развиты близъ отверстія рта, еще щетинки и крючки для ползанія и прыганья по твердымъ предметамъ, находящимся въ водѣ. Ротъ и заднепроходное отверстіе находятся на брюшной части тѣла, часто весьма близко одно отъ другаго въ одномъ углубленіи. Этотъ отдѣлъ подраздѣляютъ на слѣдующія семейства:

A. Сем. *Oxytrichina*; тѣло мягкое, гибкое, часто расплывается все, за исключеніемъ только щетинокъ. Роды: Oxytricha, Stylonychia, Urostyla.

B. Сем. *Euplota*; спинка ихъ прикрыта плоскимъ щитикомъ довольно плотнымъ. Роды. Euplotes, Himantophorus, Chlamidodon.

Къ инфузоріямъ относятъ еще Сем. *Opalinida*—паразитовъ, которые живутъ въ кишкахъ лягушекъ и ленточныхъ червей. Кромѣ рѣсничекъ, посредствомъ которыхъ они двигаются

Digitized by Google

въ слизистой жидкости кишекъ, нельзя отличить въ прозрачномъ довольно большемъ тѣлѣ ихъ никакой организаціи. Рѣснички расположены въ прямыхъ рядахъ. Родъ Opalina.

Водоросли (Algae).

Водоросли представляютъ растенія, состоящія изъ одной клѣтки или изъ ряда клѣтокъ; изъ клѣтокъ расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ въ одной плоскости и, наконецъ, изъ цѣлой группы клѣтокъ расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ по всѣмъ тремъ направленіямъ. Клѣтки простѣйшихъ водорослей всѣ межу собой равнозначущія, между тѣмъ какъ въ болѣе сложныхъ формахъ одни клѣтки служатъ исключительно для питанія, а другія для воспроизведенія. Отличаютъ два рода репродуктивныхъ или воспроизводительныхъ клѣтокъ: 1) покоющіяся воспроизводительныя клѣтки или покоющіяся споры (ruhende Sporen), которыя совершенно неподвижны, обыкновенно бураго цвѣта, зимою остаются безъ перемѣны и только весною прорастаютъ; 2) подвижныя воспроизводительныя клѣтки (Schwärmsporen) или гонидіи, которые образуются по нѣскольку изъ одной клѣтки, чрезъ распаденіе содержимого ея на нѣсколько партій или частей. Части содержимаго, отдѣляясь другъ отъ друга яснѣе и яснѣе, приходятъ съ начала въ медленное дрожаніе, затѣмъ скорость движенія ихъ постепенно увеличивается. Чрезъ образовавшіяся въ это время отверстія въ материнской клѣткѣ, онѣ, одна за другою, выскользаютъ въ наружу и съ неимовѣрною быстротою двигаются въ окружающей ихъ жидкости; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія, останавливаются и выростаютъ въ новыя недѣлимыя. Въ началѣ движенія онѣ неимѣютъ оболочки и снабжены одною или двумя рѣсничками или покрыты ими по всей поверхности; по прекращеніи движенія, на слизистой поверхности ихъ высачивается оболочка, рѣснички отпадаютъ и затѣмъ онѣ начинаютъ прорастать.

Нѣкоторыя водоросли имѣютъ двоякаго рода гонидіи: a) macrogonidia, которыя прорастаютъ и b) microgonidia, гораздо мѣнѣе предъидущихъ; значеніе ихъ неизвѣстно.

Водоросли распространены по всей поверхности земнаго шара. Они живутъ и въ прѣсной, и въ соленой водѣ; прѣсноводныя водоросли обыкновенно зеленаго цвѣта, морскіе—же розоваго или фіолетоваго. Не всѣ водоросли однако живутъ въ водѣ, нѣкоторые покрываютъ кору деревьевъ, сырыя стѣны домовъ зеленымъ пластомъ или растилаются въ видѣ зеленаго дерна по сырой почвѣ, у основанія деревьевъ. Теперь извѣстно до 1000 видовъ

Digitized by Google

водорослей, большая часть изъ нихъ суть морскіе. Классъ водорослей заключаетъ въ себѣ самыя маленькія и самыя огромныя формы изъ всего растительнаго царства. Нѣкоторые виды Protoccocus не достигаютъ болѣе $^1/_{2000}$ линіи въ діаметрѣ, между тѣмъ какъ виды близкіе къ Fucus имѣютъ до 2000 футовъ длины. Гигантскіе водоросли особенно изобилуютъ около южной Америки, въ Магелановомъ проливѣ. Количество недѣлимыхъ водорослей возрастаетъ иногда до баснословныхъ чиселъ. Protoccocus nivalis напр. имѣющій едва $^1/_{150}$ линію въ діаметрѣ, покрываетъ бѣлоснѣжныя вершины Альповъ Швейцаріи на протяженіи отъ 15 до 20 футовъ красною пеленою, въ нѣсколько футовъ толщины. Россъ и Парри разсказываютъ, что видѣли окрашенныя, на протяженіи нѣсколькихъ миль, этимъ же организмомъ скалы, которыя и назвали по ихъ цвѣту crimson cliffs (червленныя скалы). Однажды у Португальскаго берега море на цѣлую милю было окрашено краснымъ цвѣтомъ отъ Protoccocus atlanticus, не имѣющемъ болѣе $^1/_{160}$ линіи въ діаметрѣ (*). На одну квадратную линію должно было приходиться около 100,000 недѣлимыхъ. Какое же, наконецъ, число морскихъ водорослей потребно, чтобы составить извѣстные всѣмъ плавающіе острова, простирающіеся иногда на 60,000 квад. миль?

Прѣсноводные водоросли имѣютъ только чисто научный интересъ, морскіе же, богатые натромъ, іодомъ, бромомъ, красильнымъ веществомъ и питательной студенью, важны и въ техническомъ отношеніи. Изъ семействъ водорослей замѣтимъ только слѣдующія:

Сем. *Palmellaceae*, составляютъ шаровидныя, грушевидныя и клиновидныя однокдѣтчатыя растенія, которыя обыкновенно живутъ цѣлою семьею, заключенною въ слизистой студени. Роды: Protoccocus, Tetraspora.

Сем. *Vaucheriaceae*, одноклѣтчатыя растенія. Клѣтка длинная, вѣтвистая, хлорофиль расположенъ мелкими зернышками. Роды: Vaucheria, Hydrogastrum.

Сем. *Nostochineae*, клѣтки шаровидныя, цилиндрическія или эллиптическія, соединены на подобіе нитіи жемчуга; нити ихъ обыкновенно сплетены между собою и лежатъ въ аморфной слизистой студени. Впослѣдствіи нити распадаются на отдѣльные членики (клѣтки). Каждый членикъ можетъ выростать въ новую членистую нить; между рядами обыкновенныхъ клѣтокъ разсѣяны большія—это суть споры. Родъ: Nostoc.

(*) См. Rabenhorst. Cursus für Kryptogamenkunde стр. 79.

Digitized by Google

Сем. *Oscillarineae*. Они сходны съ предъидущимъ семействомъ въ томъ, что также состоятъ изъ членистыхъ, не развѣтвляющихся нитей. Членики нитей, весьма короткіе, плоскіе, плотно прилегаютъ одинъ къ другому. Они одѣты тонкимъ слоемъ студенистой массы, которая иногда отвердѣваетъ въ перепонку, не достигая никогда такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ у предъидущаго семейства. Родъ: Oscillatoria.

Сем. *Scytonemeae*. Нити ихъ весьма похожи на нити Oscillarineae и отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что онѣ вѣтвисты и не обнаруживаютъ колебательнаго движенія. Оболочка ихъ отвердѣваетъ, образуя открытыя съ обоихъ концевъ ножны, прорванныя часто еще съ боку выходящими вѣтвями. Ножны состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ слоевъ отвердѣвшей студени. Родъ: Scytonema.

Сем. *Ulotrichineae*. Нити тонкія, слизистыя, простыя или развѣтвленныя, съ кроткими члениками. Нѣкоторыя клѣтки, обыкновенно самыя нижнія, пускаютъ отростки на подобіе корешковъ. Зеленое содержаніе, расположенное поперечными полосками, распадается на 3 или 4 отдѣльности по направленію—же полосокъ. Роды: Ulotrix и Drapanaldia.

Сем. *Confervaceae*. Нити, простыя или развѣтвленныя, состоятъ изъ ряда большихъ цилиндрическихъ клѣтокъ, одѣтыхъ общею трубчатою оболочкою. Роды: Oedogonium, Conferva, Cladophora.

Сем. *Zygnemaceae*. Нити ихъ состоятъ изъ одного ряда клѣтокъ, одѣтыхъ общею, весьма нѣжною и ломкою, оболочкою, отъ чего онѣ и распадаются весьма легко на части, такъ что довольно трудно вынуть Zygnema изъ воды, не разорвавъ ея. Отличительный признакъ Zygnemaceae состоитъ въ томъ, что хлорофиль ихъ расположенъ правильно въ спиральныхъ нитяхъ или образуетъ шары и звѣздообразныя лучистыя массы. Роды: Zygnema, Spirogyra.

Сем. *Ectocarpeae*. Всѣ представители его живутъ въ морѣ и состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ конфервовидныхъ клѣтокъ. Плоды ихъ суть боковыя, темнокоричневаго цвѣта споры, развивающіяся изъ конечной клѣтки вѣтви. Родъ Ectocarpus.

Сем. *Ulvaceae*. Клѣтки его, расположенныя въ одной плоскости, срастаются въ листоватый изогнутый слой или образуютъ трубчатое или пузыристое, внутри полое, тѣло. Споры разбросаны безъ порядка. Роды: Prasiola, Enteromorpha, Porphira.

Сем. *Batrachospermeae*. Развѣтвленныя растеньеца, живутъ въ водѣ; у основанія онѣ расплываются въ слизистую массу, которая въ видѣ коры облекаетъ поверхность предметовъ, на которыхъ они сидятъ. Изъ этой слизистой массы подымается

Digitized by Google

къ верху главный побѣгъ, который состоитъ изъ одного ряда клѣтокъ, окруженнаго снаружи еще слоемъ клѣтокъ. Образованіе этаго слоя клѣтокъ весьма замѣчательно: боковыя вѣтви, достигнувъ полнаго развитія, посылаютъ внизъ по стеблю до слѣдующаго круга вѣтокъ отроги, которые плотно прилегаютъ къ стеблю и между собой сливаются въ одинъ наружный, отовсюда сомкнутой слой клѣтокъ. Плоды развиваются на боковыхъ вѣтвяхъ, отгораживаніемъ послѣдней клѣтки вѣтки; находясь въ большомъ количествѣ, онѣ скучиваются въ клубки. Родъ Batrachospermum.

Сем. *Fucaceae*. Растенія морскія, прикрѣпляются къ предметамъ расширеннымъ основаніемъ, изъ котораго выдвигается стебель, расширяющійся въ видѣ листа. Онъ плотной консистенціи, оливковаго, зеленаго или бураго цвѣта, дихотомически развѣтвляется. Родъ Fucus.

Сем. *Florideae*, исключительно живутъ въ морѣ и отличаются своимъ яркимъ, краснымъ цвѣтомъ. Споры обыкновенно сидятъ по 4 въ одной оболочкѣ, оставшейся въ материей клѣткѣ, всегда краснаго или буровато—краснаго цвѣта. Ихъ называютъ *tetrachocarpia* (Vierlingssporen). Кромѣ ихъ находятся еще другаго рода споры, соединенныя въ неопредѣленномъ числѣ въ отдѣльныхъ полостяхъ, такъ называемыхъ cystocarpia. Роды: Callithamnion, Ceramium, Sphaeroccocus.

Переходныя формы.

Огромный пробѣлъ, замѣчаемый между простѣйшими инфузоріями и водорослями, выполняется цѣлою группою, такъ называемыхъ, переходныхъ животно-растительныхъ организмовъ. Организація ихъ представляетъ нѣчто среднее между водорослями и инфузоріями. Во всѣхъ изъ нихъ есть сокращающіяся пространства и всѣ, въ извѣстный періодъ жизни, плаваютъ совершенно свободно. Движенія ихъ до того сходны съ движеніями инфузорій, что тѣ естествоиспытатели, которые принимаютъ произвольное движеніе непремѣннымъ признакомъ животнаго организма считаютъ ихъ за инфузорій. Исторія развитія, напротивъ того, показываетъ такую безспорную аналогію съ развитіемъ несомнѣнно растительныхъ организмовъ, что Конъ и др. считаютъ организмы эти водорослями. Представляя въ жизни своей то неподвижныя, то подвижныя формы, они въ первомъ состояніи описаны были ботаниками за растенія, а подвижныя ихъ формы зачислены были въ инфузоріи. Совершенное недоумѣніе овладѣло естествоиспытателями,

Digitized by Google

когда доказано было, что предполагаемыя животныя и растенія суть различныя степени развитія только однаго и тогоже организма. Не знали куда ихъ отнести. Зоологи считали ихъ все-таки животными, ботаники—водорослями. Чѣмъ болѣе изучали низшіе организмы, тѣмъ болѣе оказывалось переходныхъ формъ, тѣмъ рѣзче выказывалась неестественность и искуственность рубежа, проводимаго естествоиспытателями между обоими царствами. Главные представители этой группы слѣдующіе:

Сем. *Monadineae*. Тѣло ихъ состоитъ изъ клейкаго, по видимому однообразнаго, вещества, способнаго измѣнять свою форму. Въ однообразной массѣ отличаютъ только сокращающія пространства. Рѣсничекъ одна или нѣсколько; кромѣ того они иногда еще снабжены прибавками боковыми или въ видѣ хвоста. Роды: Monas, Uvella, Anthophisa.

Сем. *Thecamonadina* Dnj; недѣлимыя, обыкновенно окрашенныя, одѣтыя несокращающимся перепончатымъ или твердымъ и хрупкимъ панцыремъ. Не имѣютъ другихъ органовъ, движенія, кромѣ однаго или нѣсколькихъ нитевидныхъ бичей, какъ и Astoma. Въ тѣлѣ ихъ невидно никакихъ органовъ, кромѣ сокращающихся пространствъ. Роды: Cryptomonas, Phacus.

Сем. *Peridineae* отличается твердымъ роговымъ кремнистымъ черепкомъ, который вытянутъ иногда въ длинные концы. На черепкѣ замѣтна косвенная щель, усѣянная кругомъ рѣсничками, и еще нитевидный хоботокъ, выпускаемый изъ опредѣленной точки черепка. Въ ископаемомъ состояніи черепки ихъ находятся въ кремняхъ. Родъ: Peridium.

Для наблюденія ископаемыхъ панцырей Peridinida и вообще ископаемыхъ инфузоріи поступаютъ слѣдующимъ образомъ: берутъ мѣлъ или кремень, размельчаютъ ихъ и положивъ нѣсколько порошка на стеклянную пластинку, выливаютъ на него каплю канадскаго бальзама. Покрываютъ все это еще тоненькимъ стеклышкомъ (Deckblättchen) и осторожно нагрѣваютъ надъ пламенемъ свѣчи. Капля бальзама расплывается и, проникая въ тоже время порошокъ мѣла или кремня, дѣлаетъ его прозрачнымъ. Нагрѣваніе надо вести осторожно и никогда не доводить до кипѣнія бальзама. Положивъ потомъ препаратъ подъ микроскопъ, мы увидимъ, что каждая отдѣльная частичка есть скопленіе черепковъ нѣсколькихъ ископаемыхъ организмовъ.

Сем. *Astasia*. Тѣло гладкое, снабженное спереди только одною или двумя рѣсничками; оно весьма измѣнчивой формы. Отличается весьма большею сократительностью. Бываетъ обыкновенно

Digitized by Google

краснаго или зеленаго цвѣта, иногда еще съ краснымъ пятномъ съ переди.Роды: Dinobryon, Astasia, Euglena, Chlorogonium.

Сем. *Volvocineae*. Недѣлимыя живутъ отдѣльно или цѣлыми обществами; они обыкновенно зеленаго цвѣта. Каждое недѣлимое имѣетъ одну или двѣ рѣснички. Тѣло каждаго недѣлимаго состоитъ изъ смѣшенія плазмы съ хлорофилемъ или же краснымъ маслянистымъ веществомъ. Въ немъ ничего нельзя отличить за исключеніемъ nucleus'a, нѣсколькихъ зернышекъ крахмала и сокращающихся пространствъ. Два бича, идущіе отъ слизистаго содержимаго, проходятъ сквозь перепончатую оболочку тѣла, гдѣ они представляютъ два соприкасающіяся отверстія. Конъ (*) дѣлитъ все семейство Volvocineae на два отдѣла: самую простую форму перваго отдѣла представляетъ Chlamydomonas; для втораго—Chlamydoccocus. Разница между ними заключается въ томъ, что въ первомъ родѣ облекающая оболочка плотно прилегаетъ къ содержимому, какъ въ большей части растительныхъ клѣтокъ, между тѣмъ какъ у Chlamidoccocus между слизистымъ содержаніемъ и оболочкою находится еще довольно толстый слой воды. Отъ слизистой массы идутъ лучистыя удлиненія къ стѣнкамъ оболочки клѣтки. Роды: 1) по типу Chlamydomonas, Gonium Eudorina. 2) по типу Chlamydoccocus, Volvox.

Сем. *Diatomaceae*. Маленькіе, микроскопическіе большею частію одноклѣтчатые организмы, живутъ отдѣльно или соединены въ колоніи, плавающія свободно или сидящія на одномъ общемъ развѣтвляющемся стебелькѣ. Они живутъ во всѣхъ сырыхъ мѣстахъ, въ чистой рѣчной водѣ и въ грязныхъ канавахъ и особенно замѣчательны своимъ кремнистымъ черепкомъ, не измѣняющимся ни отъ краснокалильнаго шара, ни отъ гніенія. Панцырь представляетъ правильныя, весьма разнообразныя формы. Отличаясь съ одной стороны отъ всѣхъ остальныхъ водорослей своимъ кремнистымъ панцыремъ, Diatomaceae характеризуются еще отсутствіемъ хлорофиля. Окрашивающее ихъ вещество золотисто-желтаго цвѣта, показываетъ относительно основаній и кислотъ другія реакціи чѣмъ хлорофиль, и называется по этому діатоминомъ. Отдѣльно живущія недѣлимыя свободно движутся. Теперь извѣстно до 2000 формъ Diatomaceae, изъ коихъ большая часть живетъ въ морѣ. Значительное число ихъ найдено въ ископаемомъ состояніи, такъ что они имѣютъ большое значеніе въ Геогнозіи. Роды. Diatoma, Achnanthes Gomphonema Bacillaria.

(*) См. Annales des sciences naturelles. T.V №6 page c. 323.

Digitized by Google

Сем. *Desmidiaceae*, маленькія микроскопическія формы, живутъ отдѣльно или соединены въ колоніи, не имѣютъ кремнистаго панцыря и слѣдовательно совершенно уничтожаются отъ сильнаго жара. Содержимое ихъ состоитъ изъ хлорофиля, раздѣленнаго центральнымъ зерномъ на двѣ половины. Въ каждой половинѣ находится одинъ или нѣсколько пузырьковъ хлорофиля. Роды Desmidium, Closterium, Pediastrum.

Въ видѣ прибавленія я упомяну здѣсь еще объ организмахъ до того мелкихъ, что, при самыхъ сильныхъ увеличиваніяхъ микроскопа, они кажутся точками или мелкими тѣлами съ неясными очертаніями.

Ихъ соединяютъ въ одно семейство—называемое *Vibrioneae*. О нихъ ничего еще не извѣстно. Тѣмъ не менѣе, однако важно обратить на нихъ вниманіе, ибо они развиваются въ огромномъ количествѣ во всякой разлагающейся жидкости и весьма часто попадаются при изслѣдованіяхъ микроскопическихъ. По формѣ, величинѣ и движенію ихъ, отличаютъ слѣдующіе роды: Bacterium, Vibrio, Spirillum.

Разсматривая внимательно какую нибудь изъ большихъ инфузорій напр. Paramecium, Stylonychia и т. п. можно отличить въ тѣлѣ ея слѣдующія части: 1) свѣтлые кружки, заключающіе въ себѣ проглоченную пищу животныхъ, которые одни называютъ вакуолями, другіе желудочками; 2) пульзирующія пространства; 3) круглое или продолговатое, болѣе твердое тѣло—nucleus; 4) и наконецъ, въ нѣкоторыхъ инфузоріяхъ, красное пятно, которое Эренбергъ принималъ за глазъ.

Разберемъ каждую часть отдѣльно: 1) Вакуоли наполненныя пищею, или Эренберговы желудки. Чтобы видѣть образованіе и строеніе вакуолей весьма удобно распустить въ водѣ, содержащей инфузоріи, какой нибудь безвредной растительной краски напр. индиго или кармину. Инфузоріи жадно поглащаютъ ее; приведенныя рѣсничками въ быстрое вращательное движеніе, частички краски ясно обозначатъ форму водоворота, произведеннаго инфузоріею. Вода съ силой ударяетъ объ основаніе отверетія рта и, привлекая съ собою мелкія частички краски, частію осаждаетъ ихъ на внутреннихъ стѣнкахъ его, частью вымываетъ. Осажденныя крупинки, проникая далѣе, скручиваются въ шарикъ, который, достигнувъ значительной величины, втѣсняется въ тѣло животнаго (или по номенклатурѣ Лахмана въ большую

Digitized by Google

пищепріемную полость—Verdauungshöhle). Образованіе одного шарика за другимъ слѣдуетъ весьма быстро, такъ что чрезъ нѣкоторое время все тѣло инфузоріи наполняется шарообразными окрашенными вакуолями. Вдавленный въ тѣло животнаго шарикъ, отъ сообщеннаго ему толчка, движется нѣкоторое время по силѣ инерціи, наконецъ останавливается, и, увлеченный круговымъ вращеніемъ всего содержимаго инфузоріи, пробѣгаетъ все тѣло животнаго и извергается наружу чрезъ заднепроходное отверстіе.

Вакуоли эти давно уже были замѣчены микрографами. Глейхенъ (*) принималъ ихъ за яйца животнаго, и видя, что карминъ, которымъ онъ первый началъ кормить инфузоріи, окрашиваетъ ихъ, приписывалъ это окрашиваніе особенному сродству яицъ съ карминомъ. Въ окрашенныхъ карминомъ испражненіяхъ онъ видѣлъ выброшенныя къ наружи яйца животнаго. Онъ давалъ инфузоріямъ кармина, надѣясь по средствомъ его произвести въ нихъ такое же окрашиваніе внутреннихъ органовъ, какое получаемъ мы напр. въ костяхъ голубей, кормя ихъ этою краскою продолжительное время. Эренбергъ первый употребилъ это средство, чтобы уяснить себѣ строеніе органовъ пищеваренія. По его мнѣнію, шарообразныя окрашенныя вакуоли суть отдѣльные желудки животнаго, соединенные каналами съ общимъ, изогнутымъ въ видѣ петли, кишечнымъ каналомъ, идущимъ отъ отверстія рта и оканчивающимся заднепроходнымъ отверстіемъ. Круговращеніе содержимаго животнаго опровергаетъ это воззрѣніе. Въ первый разъ оно было открыто Густавомъ Карусомъ (а не Фоке какъ справедливо замѣчаетъ Leidig) у Loxodes Bursaria. Наблюдая зеленыя частички, проглоченныя этой инфузоріей, онъ замѣтилъ, что одна и таже частичка сдѣлала нѣсколько оборотовъ вдоль внутреннихъ стѣнокъ тѣла животнаго, что вовсе не могло бы имѣть мѣста, если бы каждый отдѣльный шарикъ имѣлъ собственную оболочку. Первоначальное объясненіе Эренберга медленнаго передвиганія содержимаго, перемѣщеніемъ самихъ желудковъ, оказалось теперь неудовлетворительнымъ. Онъ оставилъ его, стараясь объяснить эти явленія болѣзненнымъ состояніемъ желудка, въ которомъ, по его мнѣнію, полости всѣхъ частныхъ желудковъ слились въ одну большую общую полость (**). Это объясненіе неудовлетворительно, потому что пища принятая животнымъ во время этаго

(*) Abhandlungen über die Sonnen-und Infusionsthierchen. pag. 140.
(**) См. Müllers Archiv. 1839 стр. 81.

Digitized by Google

болѣзненнаго состоянія не могла бы, ни въ какомъ случаѣ, принимать формы шарообразной. Мы видимъ однако, что образованіе шарообразныхъ кучекъ пищи происходитъ и въ этомъ случаѣ. Наконецъ, наблюдая Эренберговы желудки, легко замѣтить, что весьма часто одинъ желудокъ распадается на два, на три и болѣе; нѣсколько желудковъ сливаются въ одинъ большой; отдѣльные желудки лопаются совершенно, выливая содержимое свое въ тѣло животнаго; а, съ другой стороны, внезапно въ тѣлѣ животнаго появляются новые желудки. Всѣ эти факты противорѣчатъ, предполагаемому Эренбергомъ, строенію пищепріемнаго канала, и по этому ученіе его о желудкахъ инфузорій должно быть въ настоящее время рѣшительно отвергнуто.

Переходные организмы, не имѣющіе отверстія рта въ тѣлѣ, чрезъ которое моглибы входить внутрь тѣла твердыя частички, питаются всасываніемъ жидкостей всею поверхностію своего тѣла. Иногда всасываемая жидкость собирается внутри тѣла въ шарообразныя вакуоли, которыя неправильно считали за желудки. Лахманъ (*) приписываетъ отверстіе рта и переходнымъ формамъ, какъ то Monadineae, Astasieae, Volvocineae и др. на томъ основаніи, что онъ видѣлъ его у сроднаго съ ними сем. Monadinaea (объ этомъ смотри ниже).

Совершенно особенный способъ питанія представляетъ Acineta. Уже давно замѣтили, что инфузоріи, проходящія мимо лучей Acineta, вдругъ какъ будто прилипаютъ къ концамъ лучей, и если имъ не удается въ скоромъ времени оторваться, то они умираютъ. Въ послѣдствіи оказалось, что Acineta посредствомъ этихъ лучей высасываетъ прилипающихъ къ нимъ инфузоріи. На концѣ каждый лучъ расширенъ въ широкую присасывательную плоскость. Лучи сокращаются и становятся толще. Во время всасыванія число впивающихся въ пойманную инфузорію лучей все болѣе и болѣе увеличивается. Частицы тѣла высасываемаго животнаго двигаются по укоротившимся лучамъ и, вливаясь въ тѣло Acineta слабою струею, собираются въ капли, которыя сливаются въ одну большую. Блѣдно — прозрачная Acineta, отъ перелившагося въ нее большаго количества всосанныхъ частицъ тѣла инфузоріи, темнѣетъ, принимаетъ зернистое строеніе и дѣлается непрозрачною. Образовавшіеся пузырьки и капли, происходятъ не иначе какъ въ самой полости тѣла Acineta, ибо они гораздо больше частицъ протекающихъ по лучамъ. Тѣло высаснаго

(*) См. его ст. Über die Organisation der Infusorien и т. д. въ Müllers Archiv. 1856 г. тетр. 4, ст. 369.

Digitized by Google

животнаго совпадаетъ и животное умираетъ; иногда расплывается уже при самомъ началѣ высасыванія; въ другомъ же случаѣ живетъ очень долго. Изъ большихъ животныхъ напр. Stylonychia mytilus, Paramecium, Aurelia и проч. Acineta высасываетъ содержимое въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Примѣч. Лахманъ отличаетъ у Vorticella нѣсколько отдѣловъ въ полости органовъ пищеваренія: 1) углубленіе, въ которомъ находятся отверстіе рта и заднаго прохода—vestibulum; 2) Короткую трубку идущую отъ отверстія рта—пищеводъ (oesophagus); 3) нѣсколько болѣе широкую веретенообразную часть—глотку (pharynx), изъ которой пища попадаетъ въ большую полость пищеваренія и изъ нее уже выбрасывается чрезъ задне-проходное отверстіе. Глотка, по мнѣнію Лахмана, выстилается оболочкою, отъ которой она сохраняетъ свою форму и не заключая въ себѣ кусковъ пищи. Пищеводъ у Vorticellina и еще у многихъ другихъ инфузоріи (особенно ясно у Paramecium), по наблюденіямъ Лахмана, покрытъ внутри рѣсничками. Расширенія же его въ pharynx онъ ни у какаго другаго семейства кромѣ Vorticellina не видалъ. Существованіе всѣхъ этихъ частей однако весьма еще сомнительно.

Описанныя нами вакуоли не надо смѣшивать, съ такъ называемыми, пульзирующими пространствами, которыхъ иногда также бываетъ нѣсколько. Сокращеніе и расширеніе ихъ происходитъ ритмически. Они или совершенно круглыя или, отъ выходящихъ отъ нихъ канальцевъ, кажутся звѣздообразными напр. у Paramecium. У Vorticella nebulifera Лахманъ наблюдалъ сокращающееся пространство, находящееся тотъ-часъ подъ верхнею площадкою рѣсничнаго аппарата, съ однимъ выходящимъ изъ него каналомъ, который исходилъ въ vestibulum и наполнялся жидкостію при сокращеніи пульзирующаго пространства. Эренбергъ видѣлъ въ нихъ систему сосудовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ нихъ жидкость казалась нѣсколько окрашенной, принималъ ихъ за желудки; тамъ гдѣ они встрѣчались по одному или по два, онъ описываетъ ихъ за сѣмянныя желѣзки, которыя, сокращаясь, должны были разливать сѣмя и оплодотворять яйца инфузоріи, заключенныя въ тѣлѣ инфузорій; наконецъ если ихъ было много вмѣстѣ, то одни, совершенно по произволу, онъ принималъ за сѣмянныя желѣзки, другія же за желудки. Оскаръ Шмидтъ полагалъ, что пульзирующее пространство открывается къ наружи сквозь тѣло животнаго, основываясь на томъ, что во 1-хъ онъ непосредственно видѣлъ это отверстіе у Bursaria и Paramecium и во 2-хъ, по его мнѣнію, по этой же причинѣ пульзирующее пространство начинаетъ расширяться и сокращаться съ края обращеннаго къ наружи. Это мнѣніе опровергается въ первомъ пунктѣ тѣмъ,

Digitized by Google

что Клапаредъ, наблюдая пульзирующее пространство у Actinophrys sol, при самыхъ точныхъ изслѣдованіяхъ, не видѣлъ этого отверстія; далѣе, видимое Шмидтомъ отверстіе у Bursaria есть, по наблюденіямъ Либеркюна, заднепроходное отверстіе, изъ котораго, и во время самой діастолы пульзирующаго пространства, извергаются къ наружи мелкія частички, что никакъ не могло бы имѣть мѣста, если бы это было отверстіе пульзирующаго пространства. По мнѣнію Зибольдта, это суть ничто иное какъ полости слизистаго пласта тѣла животнаго, наполняющіяся по временамъ пластическою жидкостью, вытекающею изъ полостей тѣла, которую они, сокращеніемъ своимъ, распространяютъ опять по тѣлу животнаго; а по этому, онъ видитъ въ нихъ простѣйшее проявленіе системы кровообращенія и круговращенія питательныхъ соковъ. Въ противуположность Зибольдту, Лахманъ (*) разсматриваетъ пульзирующія пространства и ихъ вѣтви, какъ систему сосудовъ; не имѣя однако возможности обнаружить оболочки ни въ сокращающихся пространствахъ, ни въ вѣтвяхъ ихъ, онъ заключаетъ о ея присутствіи по слѣдующимъ двумъ наблюденіямъ: 1-е надъ прохожденіемъ шарообразныхъ массъ испражненій у Spirostomum ambiguum, между пульзирующимъ пространствомъ и поверхностью тѣла, гдѣ, сжатыя въ узкомъ пространствѣ при проходѣ своемъ съ одной стороны, они вдавливаютъ внутрь, въ видѣ полушара, стѣнки пульзирующаго пространства, но не входятъ въ полость его и 2-ое надъ сокращающимся пространствомъ у Actinophrys, которое по его мнѣнію не было-бы въ состояніи противустоять столь сильному сжатію и расширенію и должно было бы лопнуть, если бы не имѣло оболочки. Оба эти довода однако ни мало не указываютъ на необходимость присутствія оболочки, ибо явленія эти могутъ быть объяснены удовлетворительно, если предположить въ самой тягучей массѣ тѣла плотность способную превозмочь, оказываемое на нее давленіе. Слѣдовательно и предполагаемая Лахманомъ кровеносная система у инфузорій теперь не можетъ быть принята. Мнѣніе Зибольдта, хотя весьма вѣроятно, также еще не подтверждено фактами; такъ что, до сихъ поръ, мы знаемъ только о существованіи сокращающихся пространствъ, не имѣя возможности опредѣлить ихъ значенія для организма.

Сокращающіяся пространства находятся болѣе въ наружномъ слоѣ тѣла.

Примѣчаніе. Число сокращающихся пространствъ не постоянно: У Vorticella, Epistylis, Loxodes, Stylonychia mylitus, Eu-

(*) Lachman. Mül. Arch. 1856 тетр. 4, ст. 377 и 378.

Digitized by Google

plotes patella—одно; у Actenophrys, Bursaria, Trichodina—одно или два; у Nassula elegans ихъ 4-е; всѣ лежатъ въ одномъ долевомъ ряду, вдоль спины животнаго; у Trachelius meleagris тянется рядъ изъ 8—12 круглыхъ сокращающихся пространствъ съ боку тѣла; у Amphileptus отъ 5—16 правильно расположенныхъ; у Stentor'a бросается въ глаза пульзирующее пространство на передней части тѣла, и еще нѣсколько ихъ съ боку тѣла, соединенныхъ иногда длиннымъ каналомъ; наконецъ у Spirostomum ambiguum тянется сокращающееся вмѣстилище въ видѣ длиннаго пульзирующаго пространства по всей длинѣ тѣла.

Если будемъ сдавливать постепенно какую нибудь инфузорію между двумя стеклышками, то все тѣло ея расплывается, исключая круглаго или продолговатаго зерна (nucleus). Значеніе его для жизни инфузоріи не вполнѣ извѣстно; мы знаемъ только то, что оно иногда играетъ важную роль при образованіи такъ называемыхъ подвижныхъ зародышей и дѣленіи (объ этомъ смот. ниже). Масса его однообразная или мелкозернистая. Оно окружено, по наблюденію Штейна, особенною оболочкою. Внутри его, или близь него находится еще маленькое круглое тѣло *nucleolus*. Зибольдтъ полагаетъ, что nucleus свободно лежитъ въ слизистой массѣ тѣла животнаго, основываясь на томъ, что часто ему удавалось наблюдать вращеніе его внутри тѣла, спокойно стоящей инфузоріи. По мнѣнію же Лахмана, nucleus вѣроятно прикрѣпленъ неподвижно къ тѣлу инфузоріи (*), ибо еще не видѣли, чтобы онъ участвовалъ въ круговращеніи содержимаго. Выше приведенныя наблюденія онъ предполагаетъ ошибочными потому, что Зибольдтъ принялъ въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, за nucleus одинъ изъ вращающихся зародышей, которые тогда еще не были извѣстны.

У весьма многихъ инфузоріи находится постоянно одно красное пятно. Эренбергъ, первый наблюдавшій его, счелъ его за глазъ. Тщетно однако искали около него преломляющаго чечевицеобразнаго тѣла. Только у Ophryoglena flavicans Либеркюнъ (**) замѣтилъ прозрачное твердое тѣло въ видѣ мениска т. е. диска вогнутаго съ одной стороны и выпуклаго съ другой; это тѣло не имѣетъ однако, какъ кажется, близкаго соотношенія съ окрашеннымъ пятномъ, ибо Ophryoglena atra имѣетъ одно только красное пятно безъ мениска, а у Bursaria flava есть мениск, но нѣтъ окрашеннаго пятна. Открытіе такихъ же пятенъ у подвижныхъ растительныхъ клѣточекъ (см. ниже), ясно доказываетъ, что красныя пятна инфузоріи не суть глаза.

(*) A. Lachman U. die Org. der Inf. стр. 359.

(**) См. Lieberkühn Beiträge zur Anat. d. Infusor. Müll. Arch. стр. 23.

Digitized by Google

Дѣйствуя алькоголемъ на рѣснички инфузорій, Конъ (*) отдѣлялъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ наружную кожицу, cuticula, съ рѣсничками въ видѣ мѣшка, и отличаетъ въ прежде называемой оболочкѣ еще два пласта: 1) внутренній, вращающійся и 2) наружный, довольно толстый слой, совершенно неподвижный, названный корковымъ слоемъ (Rindenschicht). Признавая инфузоріи одноклѣтчатыми организмами, Конъ считаетъ корковый слой за оболочку клѣтки, а внутренній пластъ за содержимое клѣтки.

Наконецъ упомянемъ еще о сократительной ткани у Vorticella и Epistylis plicatilis. У основанія чашки тѣла этихъ животныхъ, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ Эренбергъ рисовалъ два мускула, Лахманъ и Клапаредъ отличили сократительный слой ткани въ видѣ полаго конуса. Особенно ясно, по ихъ словамъ, видѣли они его во время сокращенія Epistylis plicatilis.

Не у всѣхъ инфузоріи находятся однако разсмотрѣнныя нами части. У довольно большой инфузоріи напр. Opalina ranarum нельзя отличить внутри тѣла никакой организаціи.

У цѣлаго отдѣла инфузорій нѣтъ уже отверстія рта. Пульзирующія пространства оказались почти у всѣхъ инфузорій и переходныхъ формъ. Зерно составляетъ принадлежность почти всѣхъ инфузорій, переходныхъ формъ и весьма многихъ водорослей. Красное пятно, столь характерное для нѣкоторыхъ инфузорій, встрѣчается и у большей части переходныхъ формъ и у многихъ подвижныхъ крупинокъ водорослей. Кромѣ означенныхъ частей, у Loxodes Bursaria встрѣчаются зернышки хлорофиля. У Euglena кромѣ хлорофиля есть еще вещество похожее на крахмалъ—paraamylum. Хлорофиль и крахмалъ составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ почти водорослей, за исключеніемъ весьма не многихъ. Cuticula инфузорій, покрытая рѣсничками, вполнѣ соотвѣтствуетъ cuticula водорослей. Непосредственно подъ cuticula слѣдуетъ оболочка, которая выстилается съ внутренней стороны слоемъ густой слизи (Primordialschlauch—первичный мѣшокъ Моля). При значительной толщинѣ слоя, Прингсгеймъ отличаетъ въ немъ два пласта: 1) Hautschicht—наружный, болѣе жидкій, безцвѣтный и 2) Körnerschicht—внутренній, заключающій въ себѣ зерна хлорофиля. Въ клѣткахъ водорослей часто бываетъ замѣтно довольно быстрое вращеніе содержимаго, особенно ясно на границѣ слизистаго слоя и жидкаго содержанія клѣтки. Въ этомъ движеніи нерѣдко участвуетъ и зерно.

(*) Sieb. und Köll Zeitschrift für wiss. Zool. T. 5, стр. 420.

Digitized by Google

Стоитъ только положить въ воду кусокъ мяса или, еще лучше, размочить нѣсколько земли, взятой изъ высохшей канавы, въ которой прежде была вода богатая инфузоріями, чтобы чрезъ нѣсколько времени получить настой богатый инфузоріями и низшими растительными организмами. Для объясненія этаго факта принимали, что появляющіеся организмы образуются непосредственно изъ распадающихся растительныхъ и животныхъ веществъ. Въ послѣдствіи же оказалось, что вовсе не нужно принимать, для большей части случаевъ, добровольнаго зарожденія и что гніющія органическія вещества не превращаются непосредственно въ организмы, но доставляютъ только обильную пищу и матеріалы для развитія изъ внѣ попавшихъ, невидимыхъ простымъ глазомъ, зародышей. Зародыши эти плаваютъ въ воздухѣ, уносимые вѣтромъ, вмѣстѣ съ пылью, съ мѣста гдѣ жили животныя. Какъ странно не кажется съ перваго раза такаго рода положеніе, однако нельзя сомнѣваться въ его существованіи, ибо оно подтверждается несомнѣнными фактами. Гуанцати первый открылъ, что нѣкоторыя инфузоріи, при недостаткѣ воды, свертываются въ шаръ и высачиваютъ вокругъ себя прозрачную оболочку. Онъ видѣлъ въ этомъ—превращеніе животнаго въ яйцо. Штейнъ, изслѣдовавшій этотъ процессъ подробнѣе, далъ ему должное значеніе и назвалъ свернувшіяся въ шары инфузоріи цистами. Въ новѣйшее время особенно занимался этимъ вопросомъ Профессоръ Ценковскій. Онъ распространилъ изслѣдованія свои почти на всѣхъ инфузоріи и открылъ цисты весьма многихъ изъ нихъ. Касательно этаго предмета Профессоръ Ценковскій сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности (*): На поддонникѣ, въ которомъ постоянно находилась вода, онъ ставилъ невысокія подставки и на нихъ предметное стеклышко съ заключенными въ каплѣ воды инфузоріями. Чтобы препятствовать слишкомъ быстрому высыханію, все покрывалось опрокинутымъ стаканомъ. Во влажномъ воздухѣ капля высыхала чрезвычайно медленно и такимъ образомъ, въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, Профессоръ Ценковскій могъ слѣдить, чрезъ короткіе промежутки времени, за всѣми измѣненіями однѣхъ и тѣхъ же формъ. Особенно удобными для изслѣдованія этаго оказались большія, плоскія, простымъ глазомъ ясно замѣтныя, формы.

Цисты имѣютъ совершенно такое же значеніе, какъ покоющіяся крупинки нитчатокъ и одноклѣтчатыхъ водорослей. Тѣ и другія при высыханіи не умираютъ: попавши въ воду, воспроизводятъ организмъ. Въ цистахъ Nassula ambigua Ehr., суще-

(*) См. Дисерт. Пр. Ценков. стр. VII—XII.

Digitized by Google

ныхъ въ продолженіи трехъ недѣль, и вновь облитыхъ водою, уже спустя 2½ часа, замѣтно было вращательное движеніе содержимаго, а еще чрезъ 2 часа, въ разсматриваемой каплѣ двигались многіе экземпляры, освободившіеся изъ заключающихъ ихъ черепковъ. Изъ цистъ Stylonychia pustulata, Chlorogonium euchlorum, собранныхъ Проф. Ценковскимъ вмѣстѣ съ Chlamidococcus pluvialis и Philodina roseola въ Гельсингфорсѣ, въ 1853 г., онъ, при каждомъ смачиваніи водою, получалъ подвижныя формы помянутыхъ организмовъ. Это свойство противустоять дѣйствію засухи, рѣсничныя инфузоріи раздѣляютъ съ молюсками, (*) кружалками, тардиградами и нѣкоторыми изъ внутренностныхъ (Anguilula).

Въ цистахъ рѣсничныхъ инфузорій, въ крупинкахъ одноклѣтчатыхъ водорослей и нитчатокъ, равно какъ въ сушеныхъ кружалкахъ (Philodina roseola), жизненные процессы тѣмъ позже возобновляются, при дѣйствіи воды, чѣмъ дольше продолжалось высушиваніе,—при равныхъ другихъ условіяхъ, легче весною и всего труднѣе въ зимнее время. Такимъ образомъ Philodina roseola, Chlamidococcus pluvialis, смоченныя водою, тотчасъ послѣ высыханія, первая ожила спустя 5 минутъ, второй произвелъ чрезъ нѣсколько часовъ подвижныя формы—сушеныя въ продолженіи 20 мѣсяцевъ требовали для этаго, первая—¾ часа, второй 1½ сутокъ.

Оживаніе сушеныхъ кружалокъ было уже подмѣчено отцемъ микроскопіи—Левенхокомъ. Подтвержденіе этихъ фактовъ опытомъ не представляетъ ни малѣйшихъ трудностей, и, не смотря на то, Эренбергъ почти до послѣдняго времени относилъ ихъ въ область фантазіи, объясняя ихъ самымъ невѣроятнымъ образомъ, пока наконецъ и самъ, въ 1849 году, не убѣдился въ ихъ справедливости (**).

Что происходитъ при этомъ высыханіи: прекращаются ли совершенно всѣ жизненные процессы, или обмѣнъ веществъ совершается съ чрезвычайной медленностію? Слѣдующіе факты, кажется, дѣлаютъ первое предположеніе очень вѣроятнымъ. Изъ изслѣдованій Дойера (***) (Doyère) видно, что кружалки послѣ 28 дневнаго высушиванія въ безвоздушномъ пространствѣ, въ присутствіи $HOSO_3$ и CaCl, оживали при смачиваніи водою. Сушеныя въ сухомъ пескѣ, переносили температуру 56° R,

(*) Gascoin Observ. physiologiques sur Helix lactea An. d. sc. nat. 3-me série T. XVIII, p. 63.

(**) Monatsberichte d. Preus. Akademie zu Berlin 1851. Decembr.

(***) A. v. Humboldt Ansichten d. Natur. 1849 T. II, p. 57,58.

Digitized by Google

во влажномъ умирали при +44° R. Тардиграды выносили даже 96° R. Воспроизводительныя клѣточки грибка o oidium aurantiacum не теряютъ прорастительной способности отъ предварительнаго нагрѣванія въ воздухѣ до 78°, въ продолженіи ½ часа. Собранныя Проф. Ценковскимъ цисты: Nassula ambigua, Chlorogonium euchlorum, Chlamidococcus pluvialis, вмѣстѣ съ Philodina roseola, послѣ пребыванія въ продолженіи двухъ недѣль въ безвоздушномъ пространствѣ, въ присутствіи $HOSO_3$ и послѣ нагрѣванія въ сухомъ воздухѣ, въ продолженіи ¼ часа, до 70°—80° R, не умирали. Цисты Chlorogonium euchlorum производили даже скорѣе подвижныя формы, нежели безъ нагрѣванія. Пробывши въ этой же температурѣ ¾ часа, всѣ, за исключеніемъ Chlorogonium euchlorum, погибали, причемъ ткань подвергнутыхъ испытанію организмовъ, по видимому, не измѣнялась.

Высушиваніе подъ колоколомъ воздушнаго насоса не устраняло, можетъ быть, возможности разрѣженному воздуху поддерживать очень медленные жизненные процессы заключенныхъ въ немъ организмовъ. Для устраненія и этой возможности, сушеныя цисты инфузорій и экземпляры Philodina roseola положены были въ стеклянныя трубки, на концахъ открытыя; чрезъ нихъ пропускался въ продолженіи получаса водородъ, предварительно высушенный концентрированною сѣрною кислотою; во время его прохожденія, трубки были запаены сначала на одномъ, потомъ на другомъ концѣ. (*) Послѣ четырехъ недѣль вынутыя изъ водородной атмосферы цисты Nassula ambigua, Chlamidococcus pluvialis, Chlorogonium euchlorum, будучи смочены водою, произвели чрезъ 24 часа подвижныя формы. Chlorogonium euchlorum и здѣсь оживлялся раньше другихъ. Philodina roseola уже чрезъ 20 минутъ обнаружила явственныя движенія.

Въ пользу того мнѣнія, что въ низшихъ организмахъ могутъ на неопредѣленное время прекращаться всѣ проявленія жизни, говорятъ еще наблюденія Дюмерила надъ дѣйствіемъ пониженія температуры на амфибій. Лягушка, заключенная въ сосудѣ съ воздухомъ при температурѣ—11°—12° показывала въ тѣлѣ своемъ температуру—0, 9, даже—1°. При этой температурѣ она были совершенно неподвижна; всѣ жидкости въ тѣлѣ замерзли; между pericardium и стѣнкою сердца находил-

(*) Эти опыты по просьбѣ Пр. Ценк. производилъ бывшій Проф. С.-Петербургскаго Университета Ильенковъ.

Digitized by Google

ся тонкій слой льда. Не смотря на то, лягушка, пробывъ въ температурѣ—12° два часа, при смачиваніи водою, нагрѣваемою постепенно до +5,° ожила.

Прямое доказательство плавающихъ въ воздухѣ зародышей доставилъ Унгеръ. Онъ положилъ осенью нѣсколько тщательно вымытыхъ стеклышекъ между двойными рамами незанятой ни кѣмъ комнаты и только по прошествіи шести зимнихъ мѣсяцевъ изслѣдовалъ ихъ подъ микроскопомъ. Въ покрывшей ихъ пыли онъ нашелъ четыре довольно сложно организованныя инфузоріи, плодотворную пыль восьми различныхъ видовъ растеній, споры одиннадцати грибовъ, одного лишая и наконецъ живые экземпляры нѣсколькихъ низшихъ водорослей.

При быстромъ высыханіи воды, всѣ рѣсничныя инфузоріи расплываются, если не успѣли превратиться въ цисты, исключеніе составляютъ только Amoeba verrucosa и Acineta sp., которыя при высыханіи, съеживаются вновь смоченныя водою, оживаютъ.

У всѣхъ водорослей и переходныхъ формъ также несомнѣнно существуютъ такаго рода фазы развитія, въ которыхъ жизненный процессъ, по видимому, можетъ совершенно прекратиться на неопредѣленно долгое время (объ этомъ см. ниже).

Попадающія такимъ образомъ въ искуственный настой цисты инфузоріи обнаруживаютъ слѣдующія перемѣны. Неподвижная до тѣхъ поръ инфузорія начинаетъ медленно вращаться и, двигаясь все быстрѣе и быстрѣе, разрываетъ оболочку и выходитъ наружу.

У нѣкоторыхъ инфузорій есть двоякаго рода цисты: 1) съ тонкими стѣнками и 2) съ толстыми стѣнками. Въ первыхъ, тотчасъ же послѣ образованія оболочки, содержаніе дѣлится на двѣ или на четыре части, которыя скоро достигаютъ полнаго развитія и, разорвавъ цисту, плаваютъ въ окружающей жидкости самостоятельно. Изъ цистъ съ толстыми стѣнками выходитъ всегда одна только инфузорія; для развитія ея необходимо предварительное высушиваніе цисты, которая, въ противномъ случаѣ, можетъ оставаться безъ перемѣны неопредѣленно долгое время.

Простѣйшіе организмы размножаются весьма разнообразными способами.

Самый обыкновенный, и довольно уже извѣстный, способъ размноженія ихъ есть дѣленіе. Часто въ глазахъ наблюдателя, инфузорія вдругъ образуетъ поперегъ тѣла своего, на срединѣ длины, перехватъ. Кромѣ перехвата никакихъ другихъ перемѣнъ не замѣтно; животное движется по прежнему. Перехватъ

Digitized by Google

углубляется дальше и дальше, такъ что обѣ половины инфузоріи остаются соединенными только весьма тонкою нитью. Каждая половина инфузоріи начинаетъ обнаруживать самостоятельное движеніе. Соединительная нить разрывается и вмѣсто одной инфузоріи плаваютъ отдѣльно, совершенно самостоятельно, два подобные ей организма.

Не всегда однако бываетъ полное дѣленіе; въ нѣкоторыхъ формахъ постоянно имѣетъ мѣсто дѣленіе не полное, въ слѣдствіе котораго, отдѣлившіяся до половины и болѣе, части недѣлимаго, послѣдовательнымъ дѣленіемъ образуютъ сложныя формы напр. Carchesium, Epistylis.

Полагали сперва, что дѣленіе прежде всего обнаруживается въ nucleus'ѣ. Но, въ новѣйшее время, показана несправедливость этаго предположенія тѣмъ, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, nucleus начинаетъ дѣлиться долгое время спустя, послѣ того какъ начало дѣлиться тѣло инфузоріи. По наблюденіямъ Лахмана, Клапареда, Вагемана, надъ Stentor, первымъ признакомъ дѣленія есть образованіе новыхъ сокращающихся пространствъ.

Дѣленіе происходитъ не только поперегъ, но и вдоль животнаго.

NB. Замѣчательны еще нѣкоторыя аномалическія дѣленія, подмѣченныя Кономъ у Loxodes Bursaria, которую онъ воспитывалъ на плоскомъ стеклышкѣ для микроскопическихъ наблюденій.

У нѣкоторыхъ, по длинѣ дѣлящихся животныхъ, образовалась съ боку выпуклина, которая, разростаясь, превращалась въ совершенное недѣлимое и, отдѣлившись отъ организма матери, плавала самостоятельно. Поперегъ тѣла дѣлящіяся животныя, принимали форму двухъ, обращенныхъ другъ къ другу основаніями, конусовъ. Наконецъ Конъ наблюдалъ нѣсколько разъ тройное дѣленіе, гдѣ отгораживающееся недѣлимое, не отдѣлившись еще отъ другой половины животнаго, уже вновь дѣлилось по длинѣ на два.

Этотъ способъ размноженія былъ наблюдаемъ у всѣхъ почти переходныхъ формъ и у всѣхъ водорослей. По причинѣ болѣе плотной консистенціи составныхъ частей клѣтокъ водорослей и всѣ процессы выражаются яснѣе. Въ тѣхъ водорослях, въ клѣткахъ которыхъ нѣтъ зерна, первымъ признакомъ дѣленія есть всегда образованіе поперечной круговой складки первичнаго мѣшка, по срединѣ длины клѣтки. Въ клѣткахъ гдѣ нашли зерно, образованію перегородки предшествуетъ происхожденіе столькихъ зернъ, на сколько частей разграничивается клѣтка. Зерна эти происходятъ или чрезъ дѣленіе зерна матерней клѣтки, или же образуются вновь изъ плазмы, между тѣмъ какъ старое зерно растворяется. Въ послѣднемъ случаѣ плазма сгущается въ тѣхъ

Digitized by Google

мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи появляются новыя зерна, образуя не ясно оконтурованныя массы, болѣе плотныя въ центрѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, дѣлается замѣтнымъ внутри ихъ круглое, ясно ограниченное тѣло, болѣе свѣтлое нежели остальная масса плазмы—вновь происшедшее зерно. Дѣйствуя на дѣлящуюся клѣтку весьма слабыми реактивами, Прингсгеймъ открылъ во всѣхъ случаяхъ, и при самомъ началѣ образованія складки первичнаго мѣшка, кольцеобразную вдающуюся оболочку.

Доказавъ присутствіе оболочки съ самаго начала образованія перехвата, Прингсгеймъ видѣлъ во всѣхъ этихъ случаяхъ вдающуюся круговую, сначала кольцеобразную, оболочку до того тонкою, что ему не удалось никакими средствами разъединить ее и увидѣть въ видѣ складки. Несмотря на это, однако, онъ разсматриваетъ ее, какъ складку вновь образовавшейся около всего дѣлящагося содержанія оболочки, основываясь на слѣдующіи аномаліи развитія Cladophora fracta и glomerata (*). Во многихъ нитяхъ Cladophora, воспитываемой долгое время въ комнатѣ въ сосудѣ съ водою, образуется много вдающихся, нерѣдко одна въ другую вложенныхъ, круговыхъ складокъ оболочки. Складки эти весьма толстыя, и весьма ясно видны. Онѣ никогда не сходятся и не сливаются въ цѣльную перегородку, какъ это полагалъ Моль, но представляютъ остановившіяся на извѣстноі степени развитія перегородки клѣтокъ, и, слѣдовательно, представляютъ случай, которыіі дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что и всѣ молодыя вдающіяся перегородки суть складки вновь образовавшейся оболочки.

У нѣкоторыхъ водорослей, напр. у Oscillatoria, какъ кажется, размноженіе дѣленіемъ можетъ продолжаться неопредѣленно долгое время, между тѣмъ какъ у Desmidiaceae (**); этотъ процессъ размноженія въ извѣстное время прекращается и замѣняется образованіемъ споръ.

Видоизмѣненныіі процессъ дѣленія, гдѣ отдѣлившаяся часть вовсе не похожа на остальную, представляютъ способы размноженія дѣленіемъ Podophrya fixa. Эту форму Профес. Ценковскіи нашелъ въ большемъ количествѣ въ настоѣ, гдѣ жили рои Stylonychia pustulata и Styl. mytilus (***). «Почти каждыіі экземпляръ Стилонихіи обремененъ былъ впившеюся въ него одною или нѣсколькими Подофріями. Отъ этаго, движенія

(*) Pringsheim Untersuchungen über den Bau und die Bildung der Pflanzenzelle стр. 26.

(**) См. Ralfs the Britan. Desmidieae.

(***) Диссерт. о висш. водорос. и т. д. Пр. Ценковскаго стр. 58.

Digitized by Google

Стилонихіи прекращались и, по мѣрѣ того, какъ ихъ тѣло умень-шалось въ объемѣ, Подофрія увеличивалась; содержаніе ея густѣ-ло, принимая темный цвѣтъ. Во многихъ, такимъ образомъ от-кормленныхъ, экземплярахъ кругомъ тѣла, перпендикулярно къ черешку, образовался едва замѣтный желобъ; чрезъ ½ часа же-лобъ углубился, образуя перехватъ, раздѣляющій тѣло Подофріи на двѣ равныя части. Спустя еще около 10' половина, про-тивуположная черешку, получила цилиндрическая форму, на обоихъ концахъ округленную, по срединѣ нѣсколько изогну-тую. Вскорѣ эта половинка начала обнаруживать слабыя ко-лебанія, которыя постепенно усиливались до того, что нако-нецъ цилиндрическая половинка оторвалась и убѣжала прочь. Во время дѣленія на обѣихъ половинкахъ находились лучи; при началѣ движенія они остались на задней части цилиндрической половинки, а на верхушкѣ, вмѣсто ихъ появились нѣжныя, ко-роткія рѣснички. Отдѣленная часть описывала дугообразныя линіи и приближалась къ освѣщенной сторонѣ капли; лучи со-вершенно исчезли. Сокращающееся круглое пространство на-правлено было во время движенія впередъ. По прошествіи 20 ми-нутъ, движеніе прекратилось и тотчасъ же на поверхности остановившейся Подофріи появились короткіе лучи; еще нѣсколь-ко минутъ спустя, цилиндрическая половинка приняла форму шара, лучи вытянулись, и такимъ образомъ изъ оторвавшейся половинки образовалась совершенная Подофрія».

Размноженіе дѣленіемъ подвижныхъ формъ Chlamidoccocus pluvialis замѣчательно тѣмъ, что въ дѣленіи принимаетъ уча-стіе только одно содержимое клѣтки. Подвижныя формы его останавливаются, обращаютъ рѣсницы внизъ и дрожатъ на одномъ мѣстѣ; содержимое отдѣляется отъ прикрѣпляющихъ его къ цэллюлезной оболочкѣ рѣсницъ и принимаетъ шаро-видную форму; на поверхности его обозначается сперва слабый поперечный желобокъ, чрезъ углубленіе котораго оно получаетъ видъ бисквита; отъ верхняго углубленія къ нижнему идетъ чрез-вычайно слабо обрисованная линія; перехватъ съ одной стороны врѣзывается глубже; красное вещество, въ началѣ общее двумъ возникающимъ клѣточкамъ, раздѣляется также на двѣ половины. Такимъ образомъ первичная клѣточка раздѣлилась на двѣ, касаю-щіяся одна другой, въ которыхъ красныя пятна обращены другъ къ другу. Молодыя клѣточки наконецъ совершенно разъеди-няются; на каждой изъ нихъ образуется цэлюлезная оболочка съ 2-мя рѣсничками. Послѣ непродолжительнаго движенія внут-ри материей оболочки онѣ высвобождаются наружу.

Иногда происходитъ дѣленіе содержанія и на 4 части.

Digitized by Google

Подвижныя формы Chlorogonium'a размножаются дѣленіемъ такимъ же образомъ. И здѣсь, какъ и въ Ch. pluvialis, дѣленію предшествуетъ поперечный перехватъ первичнаго мѣшка. Онъ имѣетъ нѣсколько косвенное направленіе, рѣже перпендикулярное, къ длинной оси тѣла хлерогонія. Поперечнымъ дѣленіемъ, по двумъ перекрещивающимся направленіямъ, все содержимое Chlorogonium'a распадается, въ скоромъ времени, на множество веретенообразныхъ тѣлъ, расположенныхъ по спирали около вдольной оси Chlorogonium'a. Въ продолженіи всего дѣленія замѣтенъ глазъ и рѣсницы. Chlorogonium не перестаетъ двигаться и только тогда пріостанавливается, когда гонидіи внутри его обнаруживаютъ движеніе. Оболочка матерней клѣтки на вершинѣ или съ боку прорывается и гонидіи высвобождаются наружу. Они снабжены двумя рѣсницами и вскорѣ одѣваются наружною безцвѣтною перепонкою, принимая форму взрослаго.

Къ числу способовъ размноженія Podophrya fixa, Chlamidococcus pluvialis, Chlorogonium euchlorum, представляющихъ переходныя явленія къ размноженію посредствомъ подвижныхъ зародышей, присоединяется еще наблюдаемое Докторомъ Вейссе размноженіе Euglena viridis.

Наблюдая долгое время Euglena viridis, Докторъ Вейссе (*) замѣтилъ, что она въ огромномъ числѣ экземпляровъ опустилась на дно сосуда и, принявъ шарообразную форму, высочила вокругъ себя прозрачную оболочку. Густое непрозрачное содержимое шаровъ Euglena вскорѣ распалось на нѣсколько частей. Части эти, сперва неподвижныя, начали обнаруживать сократательное движеніе, которое становилось все быстрѣе и быстрѣе. Наконецъ прозрачная оболочка лопнула, и монадовидныя существа, выйдя наружу, разбѣжались съ необыкновенною быстротою по разнымъ направленіямъ. Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Кромѣ нихъ, въ содержимомъ дѣлящихся шаровъ Докторъ Вейссе подмѣтилъ неподвижные зеленые пузырьки, которые, и по выхожденіи изъ оболочки, оставались неподвижными. Значеніе ихъ вовсе не извѣстно.

Первое наблюденіе, касательно размноженія инфузорій посредствомъ живыхъ зародышей, сдѣлано было Зибольдтомъ въ 1835 году надъ паразитными инфузоріями напр. Opalina, Bursaria (**). Онъ нашелъ въ полости задней части тѣла этой инфузоріи нѣс-

*) См. Mélanges Biologiques T. 11 стр. 52.

(**) Смот. его работу Ueber die Entwickelung des Manostomummutabile. Wiegmanns Archiv. 1835. I.

Digitized by Google

колько маленькихъ зародышей. Это наблюденіе было предано забвенію и, только въ 1844 году, Фоке опять вновь открылъ подподвижныя зародышы въ Loxodes Bursaria. Онъ сообщилъ въ собраніи натуралистовъ въ Берлинѣ, въ 1844 голу, что позднею осенью и зимою онъ нашелъ нѣсколько Loxodes Bursaria съ меньшимъ количествомъ шариковъ хлорофиля блѣдно-зеленаго цвѣта. Въ срединѣ тѣла былъ замѣтенъ какой-то непрозрачный органъ. Въ немъ появились вскорѣ отъ 1 до 3 слабо ограниченныхъ пузырьковъ, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ по два сокращающихся пространства, а въ центрѣ своемъ еще болѣе плотный органъ. Это расположеніе сокращающихся пространствъ и плотнаго органа совершенно соотвѣтствовало расположенію тѣхъ же частей въ организмѣ матери. Зеленый цвѣтъ пузырьковъ дѣлалъ ихъ еще болѣе похожими на организмъ матери.

При дальнѣйшемъ розысканіи, ему удалось видѣть выхожденіе живыхъ зародышей изъ тѣла матери; по этому онъ разсматривалъ центральный темный органъ Loxodes Bursaria, какъ матку, въ которой происходитъ дальнѣйшее развитіе зародышей, образовавшихся по мнѣнію Фоке въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ тѣла.

Наблюденія Фоке были подтверждены Конмъ (*) и Штейномъ (**). Въ нѣсколько другомъ видѣ описываетъ Конъ размноженіе посредствомъ подвижихъ зародышей у Loxodes Bursaria. Между воспитываемыми имъ недѣлимыми Loxodes Bursaria показались сперва только нѣсколько, а потомъ и много такихъ, которыя, по видимому, развились нормально и отличались отъ прочихъ только бѣдностью шариковъ хлорофиля и не рѣдко огромною величиною своею. Внутри этихъ животныхъ находился одинъ или нѣсколько вмѣстѣ большихъ шаровъ, которые Конъ, по отношенію къ ихъ отправленіямъ называлъ зародышами, (Kame oder Embryonen), число ихъ простирается отъ 2 до 6 и 8. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ принимали отъ взаимнаго давленія многогранную форму; поперечникъ каждаго простирался $^1/_{125}$ до $^1/_{100}$''. Они были совершенно безцвѣтны, съ яснымъ очертаніемъ и наполнены мелкими зернышками. Индивидуальность жизни каждаго изъ нихъ обозначалась двумя сокращающимся пузырьками, которые сокращаясь и растягиваясь попеременно или въ одно время были видны или оба вмѣстѣ или же по одиночкѣ. Зародышныя шары лежали свободно въ ясно ограниченной полости тѣ-

(*) Beiträge zur Entwickelungsgeschichte der Infusorien 3 Band Seite 257.
(**) Amtlicher Bericht der Naturforscherversammlung zu Bremen 1844 p. 110.

Digitized by Google

ла, въ которой открывался узкій каналъ, идущій насквозь тѣла животнаго и оканчивающійся къ наружи воронкообразнымъ расширеніемъ. Конъ видѣлъ, что зародышныя шары переходятъ изъ полости тѣла животнаго въ выводящей каналъ, и видѣлъ ихъ медленное движеніе по каналу и наконецъ выхожденіе наружу. Во время прохожденія ихъ, каналъ разширялся, сдавливая однако притомъ и шаръ, который выходилъ наружу въ видѣ продолговатаго узкаго тѣла. Такъ какъ отъ момента вхожденія въ выходящій каналъ зародышнаго шара до окончательнаго освобожденія его наружу проходило около 20 минутъ, то Кону часто удавалось наблюдать животныхъ съ зародышами вполовину только вышедшими къ наружи. Приходя въ прикосновеніе съ водою зародышъ начиналъ обнаруживать по всей свободной поверхности своего тѣла мерцательное движеніе. Совершенно выйдя къ наружи онъ оставался еще нѣсколько времени неподвижно прикрѣпленнымъ къ тѣлу матери, наконецъ отрывался и быстро начиналъ двигаться въ водѣ. Зародыши имѣли форму округленнаго, сплюснутаго на обоихъ концахъ, цилиндра, иногда въ срединѣ нѣсколько перетянутаго и похожаго формою тогда на бисквитъ. Длина зародыша простиралась отъ $^1/_{125}$ до $^1/_{70}'''$, а ширина отъ $^1/_{200}$ до $^1/_{160}'''$. Они были безцвѣтны, мелкозернисты и характеризовались двумя сокращающимся пространствами. На поверхности ихъ часто видны были маленькіе лучи, оканчивающіеся надутіемъ въ видѣ пуговицы, похожіе на нити слизи, сперва вытянувшіяся, а потомъ слившіяся опять на концахъ въ надутія. Зародыши производили всею поверхностію своего тѣла мерцательныя движенія и потому двигались совершенно по произволу, какъ вполнѣ развитыя инфузоріи. Убитые Іо они обнаруживали длинныя рѣснички по всей поверхности своего тѣла. Зерна въ нихъ Конъ не нашелъ; отверстія рта какъ онъ полагаетъ у нихъ небыло. Зародыши до того отличались формою своего тѣла отъ организма матери, что, незная ихъ исторіи развитія, никогда нельзя былобы догадаться о ихъ происхожденіи. Конъ никогда не видѣлъ ихъ зелеными, въ противуположность наблюденіямъ Фоке. Они, напротивъ того напоминали собою инфузорій изъ совершенно другихъ семействъ. Принимая ихъ за самостоятельные организмы можно былобы ихъ поставить между Cyclidina Эренберга и между Encheliens Дюжардэна. По выхожденіи одного зародышнаго шара, тотчасъ же вступалъ другой въ выводящій каналъ и чрезъ короткое время такимъ же точнымъ образомъ выходилъ въ воду. Эластическая полость тѣла, заключавшая эти зародыши, по выходѣ ихъ немедленно стягивалась, плотно

Digitized by Google

обхватывая невышедшіе еще зародышные шары. По этому Конъ предполагаетъ, что тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ только 1 или 2 шара, образовалось сперва нѣсколько шаровъ, которые вышли уже передъ тѣмъ, какъ онъ началъ наблюдать инфузорію. Часто наблюдалъ онъ также, что зародыши, проходя чрезъ выводящій каналъ, не принимали формы сплюснутаго цилиндра, а сохраняли шарообразную форму. Освободившіеся шары эти имѣли до $^1/_{90}$''' въ діаметрѣ; по всей поверхности тѣла были покрыты рѣсничками и отростками, имѣли по два сокращающихся пространства, какъ и продолговатые, но, по большей части, оставались неподвижными и по выхожденіи. Выхожденіе, по Кону, происходитъ не изъ одной опредѣленной точки, а изъ различныхъ сторонъ тѣла животнаго, обыкновенно изъ лѣвой стороны, тотчасъ подъ нижнею выпуклостію заднепроходнаго отверстія, изъ нижней стороны лѣваго и праваго края, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и изъ верхняго. Однажды онъ наблюдалъ выхожденіе двухъ зародышей одновременно изъ двухъ различныхъ мѣстъ, на лѣвомъ краю животнаго. Дальнѣйшая судьба подвижныхъ зародышей неизвѣстна. Во время выхожденія зародышей, сокращающіеся пузырьки организма матери непрестанно продолжали сокращаться; напротивъ того, вращеніе всего содержимаго въ тѣлѣ животнаго совершенно прекращалось, до выхожденія послѣдняго зародышнаго шара. По его выхожденіи, тотчасъ же начиналось снова круговращеніе содержимаго, съ большею силою еще, чѣмъ прежде, какъ казалось Кону. Во время дѣленія, вращеніе содержимаго инфузоріи также прекращалось. Организмъ матери, по временамъ пребывавшій совершенно спокойнымъ, безъ движенія, или только весьма медленно двигавшійся во время выхожденія зародышей; по освобожденіи отъ всѣхъ зародышей, обнаруживалъ опять такуюже быстроту въ плаваніи. Размноженіе посредствомъ зародышей появлялось въ одно и тоже время съ уродливостію формъ животныхъ, дѣлящихся по длинѣ и поперегъ, равно какъ и съ простымъ дѣленіемъ. Далѣе онъ нѣсколько разъ находилъ, что одна изъ половинокъ дѣлящагося животнаго содержала большое число зародышныхъ шаровъ и даже инфузорія дѣлилась во время выхожденія заключенныхъ въ ней подвижныхъ зародышей. Хотя наблюдаемые Кономъ и Фоке факты весьма сходны, однако они приводятъ къ двумъ различнымъ заключеніямъ. Фоке сообщаетъ, что подвижные зародыши не только формою, но и цвѣтомъ совершенно сходны съ организмомъ матери. Онъ видѣлъ въ этомъ фактѣ размноженіе посредствомъ живыхъ дѣтенышей.

Digitized by Google

По наблюденіямъ же Кона, подвижные зародыши вовсе не похожи на мать, слѣдовательно, наблюденія его показываютъ существованіе въ инфузоріяхъ періодичности поколѣній, столь распространенной въ другихъ классахъ животныхъ. Фоке кромѣ того принимаетъ, что подвижные зародыши развиваются въ nucleus и изъ nucleus'a. По наблюденіямъ же Кона, nucleus не участвуетъ въ образованіи подвижныхъ зародышей.

Подвижные зародыши были еще подмѣчены въ Ацинетахъ. Штейнъ, первый наблюдавшій образованіе и выхожденіе ихъ, полагалъ, что они превращаются не въ Acineta, а въ Vorticella, и что послѣдняя, въ свою очередь, превращается опять въ Acineta. Въ этомъ Штейнъ видѣлъ плодосмѣнность поколѣній.

Проф. Ценковскій, положивъ себѣ задачею провѣрить теорію Штейна, нѣсколько разъ слѣдилъ за быстрыми движеніями зародыша Acineta до его пріостановленія, чтобы непосредственно убѣдиться въ его превращеніи въ Vorticella. Для этой цѣли онъ выбралъ нѣсколько большихъ Ацинетъ съ вращающимися зародышами. «Послѣ 4 часовъ, быстрота движеній наблюдаемаго зародыша замѣтно уменьшилась, они сдѣлались болѣе содрогательными, и по временамъ только возвращались быстрые прыжки. Наконецъ зародышъ остановился, его форма сдѣлалась круглою, а на поверхности его появились, въ равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, короткіе, толстые лучи, которые вскорѣ вытянулись въ tentacula: однимъ словомъ образовалась Acineta. И такъ, о превращеніи подвижныхъ зародышей Ацинетъ нельзя имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія. Конечно эти наблюденія не уничтожаютъ возможности превращенія подвижныхъ зародышей Acineta въ Vorticella, и цистъ послѣднихъ въ Acineta; но поле возможности обширно; все возможно, что только подкрѣпляется фактами.»

Наблюденія Проф. Ценковскаго подтверждены были Лахманомъ и Клапаредомъ (*), а ученіе Штейна опровергнуто.

По наблюденіямъ Лахмана и Клапареда, прослѣдившихъ этотъ способъ размноженія не только у Acineta, но и у другихъ животныхъ, nucleus играетъ важную роль при образованіи подвижныхъ зародышей.

Участь и дальнѣйшее развитіе подвижныхъ зародышей для большей части вовсе неизвѣстны.

Подобныя явленія можно легко наблюдать и въ водорослях. Первый наблюдавшій ихъ былъ Унгеръ. Онъ видѣлъ, что въ

(*) Lachman: Ueber die Organ. der Infus. стр. 386 и слѣд.

Digitized by Google

концахъ развѣтвленій клѣтки Vaucheria содержаніе мало по малу густѣетъ и дѣлается непрозрачнымъ. Чрезъ нѣсколько времени оно отгораживается перегородкою отъ остальной полости клѣтки. Въ черной отгородившейся массѣ начинаетъ обнаруживаться движеніе; оболочка, ее окружающая, лопается и, чрезъ образовавшееся отверстіе, густая масса выливается наружу. Въ самый моментъ выхожденія, она принимаетъ шарообразную форму. По всей поверхности ея появляются рѣснички. Освободившись наружу, густая зеленая масса начинаетъ двигаться и, вращаясь, перекатывается съ одной стороны на другую. Послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія, она останавливается; рѣснички ея исчезаютъ. На шарѣ показывается выпуклина, которая, удлиняясь, мало по малу выростаетъ въ новую нить Vaucheria. Пораженный сходствомъ движенія этаго шара съ движеніемъ инфузорій, Унгеръ видѣлъ въ этомъ явленіи: Die Pflanze im Moment der Thierwerdung. Движущійся шаръ называютъ подвижною крупинкою. Между тѣмъ какъ въ Vaucheria только отгородившаяся часть содержанія клѣтки превращается въ большую, подвижную крупинку, у другихъ водорослей все содержаніе клѣтки распадается на множество мелкихъ подвижныхъ крупинокъ. Крупинки эти не покрыты рѣсничками по всей поверхности, но снабжены одною, двумя или четырьмя и болѣе рѣсничками. Рѣснички эти прикрѣплены на прозрачномъ концѣ. Число ихъ бываетъ у различныхъ родовъ различно. Thuret нашелъ двѣ рѣснички у Conferva glomerata, четыре у Chaetophora elegans и цѣлый вѣнчикъ у Oedogonium.

Многія подвижныя клѣтки водорослей имѣютъ одно или нѣсколько красныхъ пятенъ, принимаемыхъ Эренбергомъ за глаза этихъ организмовъ, которыхъ онъ считалъ животными. Форма подвижныхъ клѣтокъ, не такъ какъ полагали прежде, совершенно неподвижная, но напротивъ того весьма измѣнчивая; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только наблюдать выхожденіе ихъ изъ материей клѣтки, гдѣ отверстіе, сквозь которое онѣ должны пройти, весьма узко. Стараясь пролѣзть сквозь него, подвижная крупинка вытягивается въ тонкій весьма отростъ. Въ выдавшуюся къ наружи изъ отверстія часть ея, мало по малу переливается все содержаніе клѣтки. Иногда, не смотря на всѣ усилія подвижной крупинки, ей не удается выдти совершенно наружу. Тогда часть ея, выпятившаяся уже изъ клѣтки, отрывается, на ней появляются рѣснички и она плаваетъ самостоятельно, какъ и цѣлая подвижная крупинка.

Видоизмѣненіе описаннаго способа размноженія посредствомъ подвижныхъ крупинокъ представляетъ Pediastrum —

Digitized by Google

въ этомъ организмѣ выходитъ разомъ цѣлая семья подвижныхъ крупинокъ, окруженныхъ общею прозрачною оболочкою. Растеніе это, описанное Эренбергомъ подъ названіемъ Micrasterias, представляетъ семейство, состоящее изъ 4, 8, 16, 32 или 64 клѣтокъ, расположенныхъ въ оной плоскости въ видѣ диска, или соединенныхъ между собою на подобіе звѣзды. По наблюденіямъ Брауна, содержаніе клѣтокъ Pediastrum granulatum распадается на 4, 8, 16—32 споры, которыя, по разрываніи клѣтки, выходятъ изъ нее, окруженныя общею всѣмъ прозрачною нѣжною оболочкою. Послѣ кратковременнаго быстраго движенія, онѣ останавливаются и, группируясь въ одной плоскости въ видѣ звѣзды, срастаются. Нѣжная окружавшая ихъ оболочка исчезаетъ, вѣроятно растворяясь въ жидкости. Движеніе и расположеніе подвижныхъ клѣтокъ въ извѣстномъ порядкѣ у Pediastrum вполнѣ соотвѣтствуетъ интересному способу размноженія Hydrodictyon pentagonum. Здѣсь также приходятъ въ движеніе, хотя и не столь быстро, образовавшіяся въ клѣткѣ споры; послѣ получасоваго движенія внутри материней клѣтки, они концами своими прилегаютъ другъ къ другу, перестаютъ двигаться и, срастаясь, соединяются въ новую сѣть. Оболочка материней клѣтки мало по малу растворяется и вновь происшедшая сѣтка вскорѣ достигаетъ совершеннаго развитія. Чрезъ три недѣли образуютъ въ ней опять новыя споры, также сгруппировывающіяся въ сѣтку.

Въ Gonium и Volvox также образуется цѣлая семья подвижныхъ клѣтокъ, соединяющихся впослѣдствіи между собою, какъ соотвѣтствующія части организма матери.

Описанныя ниже подвижныя формы Chlorogonium, Chlamidococcus, Chlamidomonas и Euglena соотвѣтствуютъ подвижнымъ крупинкамъ нитчатокъ. Остановившись, онѣ теряютъ также рѣснички и высачиваютъ вокругъ себя прозрачную оболочку. Представляя въ продолженіи всей жизни своей одну шаровидную клѣтку, они переходятъ въ подвижныя формы, дѣлеміемъ содержанія формы неподвижной. Стѣнка материней клѣтки мало по малу вытягивается на одномъ концѣ, наконецъ лопается и, чрезъ образовавшіяся отверстія, молодыя подвижныя крупинки одна за другою выскальзываютъ въ воду.

Этотъ способъ размноженія составляетъ, въ новѣйшее время, по изслѣдованіямъ Проф. Ценковскаго, цѣлый циклъ развитія Monas.

Наблюдая Spirogyra, онъ видѣлъ, какъ монады прикрѣплялись въ большомъ числѣ на наружной поверхности ея и, мало по малу пробуравивъ стѣнку, чрезъ нѣсколько времени проникали

Digitized by Google

внутрь членика. Передвигаясь въ членикѣ, они мало по малу расплывались, контуры ихъ становились неясно ограниченными; превратившись въ Amoeba, они двигались посредствомъ вытяжныхъ отроговъ. По прошествіи нѣкотораго времени форма тѣла ихъ опять превращалась въ круглую, ясно очерченную; наконецъ они останавливались и, высачивъ на поверхность свою прозрачную оболочку, превращались въ неподвижные шары, скопляющіеся особенно вдоль стѣнокъ клѣтокъ. Шары эти увеличивались въ объемѣ и, достигнувъ извѣстной величины, пускали маленькіе отроги, которые и пробивали стѣнку клѣтки. На наружномъ концѣ отроги эти лопались и, сквозь образовавшіяся отверстія, выскакивали во множествѣ маленькія монады. Онѣ, послѣ нѣкотораго времени движенія, также прикрѣплялись къ другимъ членикамъ Spirogyra и съ ними происходили такіяже перемѣны.

Третій способъ размноженія Copulatio или Zygosa—состоитъ у инфузорій въ томъ, что въ двухъ недѣлимыхъ коснувшихся другъ друга, стѣнки прикосновенія сливаются и оба недѣлимыя соединяются, производя тѣло бисквитной формы, которая переходитъ при дальнѣйшемъ слитіи въ шаровидную. Бисквитныя формы были извѣстны и прежнимъ наблюдателямъ, но принимались за размножающихся дѣленіемъ инфузорій. Эти наблюденія подтверждены были Зибольдтомъ и Штейномъ. Copulatio въ Act. Eichornii чрезвычайно (*) легко видѣть, если на предметное стеклышко въ каплю воды положить нѣсколько экземпляровъ этихъ организмовъ и лоскуткомъ бумажки привести ихъ въ прикосновеніе. Еще вѣрнѣе удается опытъ, если съ каждаго экземпляра, которые желаемъ соединить, отдѣлимъ иголкою сегментъ тѣла, и такимъ образомъ обнаженные края двухъ недѣлимыхъ сблизимъ до прикосновенія. Иногда уже чрезъ 8 минутъ перегородка исчезаетъ. Пузыри сталкивающихся краевъ въ глазахъ наблюдателя сливаются другъ съ другомъ, образуя общую обоимъ животнымъ свѣтлую поперечную полосу. Она постепенно принимаетъ цвѣтъ раздѣленныхъ сю темныхъ частей, а бисквитная форма окружности медленно переходитъ въ овальную и потомъ наконецъ въ шаровидную. Такой, изъ соединенія двухъ происшедшій, экземпляръ Проф. Цепковскій соединилъ съ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ и получилъ такимъ образомъ Actinophrys Eichornii огромныхъ размѣровъ. Соединеніе многихъ недѣли-

(*) См. Диссер. Проф. Цепковскаго.

Digitized by Google

мыхъ въ одно, происходитъ и естественнымъ путемъ; когда въ настоящихъ находится множество недѣлимыхъ, то нерѣдко попадаются группы по 2—3—4 и болѣе не вполнѣ соединенныхъ животныхъ. Лучи касающихся экземпляровъ перекрещиваются, сближенныя слизистыя поверхности отдѣльныхъ организмовъ сливаются въ одну массу. При разрѣзываніи экземпляровъ на части, каждая округляется подъ глазами наблюдателя, наружные пузыри свѣтлѣютъ, вытягиваются въ лучи и такимъ образомъ каждая, искуственнымъ образомъ отдѣленная частичка, превращается въ полный организмъ. Экземпляръ, полученный изъ слитія пяти, оставленныхъ на предметномъ стеклышкѣ, въ каплѣ воды, 12 часовъ спустя представлялъ вновь 3-хъ недѣлимыхъ, соединенныхъ свѣтлымъ веществомъ, которое протянуто было между ними въ видѣ тоненькой пузыристой полосы; одно изъ недѣлимыхъ отдѣлилось совершенно, два другія вновь слились.

Оставленные въ другой каплѣ шаровидные экземпляры получили бисквитную форму; по длинѣ короткой оси, однообразная, густая, пѣнистая слизь замѣнилась свѣтлыми прозрачными пузырями; наружный перехватъ, врѣзываясь глубже, раздѣлилъ упомянутую свѣтлую полосу на двѣ части, изъ которыхъ каждая составляла наружное свѣтлое ограниченіе одного новаго животнаго. Слѣдовательно перегородка, разграничивая будущихъ двухъ животныхъ, въ началѣ не представляла касающихся стѣнокъ глубоко врѣзаннаго перехвата, но произошла независимо отъ послѣдняго изъ массы тѣла животнаго. Такимъ образомъ дѣленіе совершается совокупнымъ участіемъ перехвата и распаденіемъ содержимаго на двѣ партіи. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что бисквитныя формы не всегда показываютъ дѣленіе, какъ полагалъ Эренбергъ, и не всегда составляютъ признакъ копуляціи недѣлимыхъ, а могутъ обозначать и то и другое.—Имѣетъ ли слитіе двухъ и большаго числа недѣлимыхъ въ одно значеніе воспроизводительнаго процесса, должна рѣшить исторія развитія. «Впрочемъ то обстоятельство, что слитые экземпляры опять распадаются на нѣсколько недѣлимыхъ, заставляетъ полагать, что copulatio не имѣетъ здѣсь связи съ образованіемъ воспроизводительныхъ клѣточекъ.»

Нѣсколько иначе обнаруживается Copulatio у водорослей. Изъ нитчатокъ, его можно часто наблюдать у Zygnema. Нити ея располагаются параллельно или зигзагами, и, сблизившись, пускаютъ отъ себя, изъ соотвѣтственныхъ клѣтокъ, тупые отроги. Отроги двухъ близлежащихъ нитей сталкиваются, перегородка между ними уничтожается, содержаніе одной изъ двухъ соединяющихся клѣтокъ переливается чрезъ образовавшійся каналъ въ другую и

Digitized by Google

смѣшивается съ ея содержаніемъ, или же содержанія обѣихъ клѣтокъ сливаются въ самомъ каналѣ въ одну шарообразную массу. Слившіяся содержанія клѣтокъ одѣваются клѣтчатою (cellulose) оболочкою и превращаются въ спору. Моренъ открылъ Copulatio у Desmidiaceae напр. въ Closterium, которое происходитъ у однихъ видовъ совершенно такъ какъ у предъидущихъ, у другихъ же оболочки двухъ близлежащихъ недѣлимыхъ разрываются поперегъ, содержанія обѣихъ клѣтокъ выливаются наружу и сливаются въ одинъ или два, другъ надъ другомъ лежащихъ, шара; въ послѣднемъ случаѣ каждый изъ шаровъ образуется чрезъ сліяніе содержимаго двухъ соотвѣтствующихъ половинокъ обоихъ недѣлимыхъ (*). Нѣсколько видоизмѣненную Copulatio открылъ Thwaithes у Diatomaceae въ Eunotia turgida и Epithemia gibba. Два другъ къ другу приблизившіяся недѣлимыя, растрескиваются по срединѣ, по направленію длиннаго діаметра, изъ трещинъ обоихъ появляются четыре отрога расположенныхъ попарно, одинъ противъ другаго. Соотвѣтствующіе отроги сливаются въ два, другъ надъ другомъ лежащіе, шара, которые заключаютъ въ себѣ содержаніе обѣихъ недѣлимыхъ; оба шара удлиняются мало помалу въ два поперегъ лежащихъ цилиндрическихъ тѣла; нѣжная окружающая ихъ оболочка утолщается; они становятся угловатыми и принимаютъ форму двухъ поперегъ бороздчатыхъ Diatomaceae, которыя гораздо больше и длиннѣе нежели имъ предшествовавшія (**).

Процессъ Copulatio весьма загадоченъ; такъ какъ отъ Copulatio одноклѣтчатыхъ водорослей образуется обыкновенно два, а иногда только одно недѣлимое, то и Copulatio имѣетъ слѣдствіемъ не размноженіе недѣлимыхъ, но, на противъ того, уменьшеніе числа ихъ. Такъ какъ у большой части копулирующихъ водорослей не видѣли еще прорастанія образовавшейся при Copulatio массы, то, вѣроятно, что образующіеся шары будутъ не споры, а только спорангіи т. е. клѣтки, въ которыхъ впослѣдствіи разовьется множество воспроизводительныхъ клѣтокъ.

Кромѣ трехъ приведенныхъ, общихъ инфузоріямъ и водорослямъ, способовъ размноженія, извѣстны еще нѣсколько свойственныхъ исключительно только нѣкоторымъ инфузоріямъ или нѣкоторымъ водорослямъ. Къ этой категоріи относится размноженіе почками Vorticella, мало извѣстный еще способъ размноженія Vorticella nebulifera и Nassula viridis и размноженіе посредствомъ половыхъ отношеній у нѣкоторыхъ водорослей.

(*) См. Ehr. T. V и VI и Tab. XXIV до XXX.

(**) См. Annals of natural history XX, 9. 343.

Digitized by Google

Размноженіе почками замѣчено теперь только уVorticella и Acineta. Почки появляются на границѣ тѣла животнаго и стебелька, въ видѣ бородавчатыхъ отростковъ. Разрастаясь, отростки получаютъ яйцевидную форму; спереди вокругъ рта и сзади развивается по кругу рѣсничекъ. Достигнувъ полнаго развитія, почки отрываются отъ организма матери и плаваютъ помощію задняго круга рѣсничекъ. Чрезъ нѣсколько времени останавливаются и пускаютъ отростокъ, выростающій въ стебелекъ; заднiй кругъ рѣсничекъ въ это время исчезаетъ. По причинѣ малой величины животнаго, можно только наблюдать то, что они вырастаютъ въ организмы, похожіе на мать. О процессахъ же происходящихъ внутри ихъ, до сихъ поръ ничего неизвѣстно.

Мало изслѣдованный и наблюдаемой только Штейномъ въ Vorticella nielostoma и nebulifera (*) и Проф. Ценковскимъ въ Nassula viridis (**) способъ размноженія состоитъ въ слѣдующемъ: животное останавливается, высачиваетъ около себя прозрачную оболочку и превращается въ неподвижный шаръ — такъ называемую цисту. Тѣло животнаго превращается внутри оболочки въ однообразную массу, въ которой нельзя отличить никакихъ органовъ. Чрезъ нѣсколько времени однако, появляются въ немъ большія, ясно очертанныя, тѣла, можетъ быть увеличившіеся части nucleus'a, которыя впослѣдствіи пускаютъ отростки, пробивающіе цисту и выходящіе наружу. Наконецъ отростки эти лопаются и чрезъ образовавшіяся отверстія выскакиваетъ наружу множество маленькихъ монадовидныхъ тѣлъ, дальнѣйшая участь которыхъ еще неизвѣстна.

Половыя отправленія въ водорослях найдены теперь только у весьма немногихъ именно: у Vaucheria, Oedogonium, Bulbochoete и Sphaeroplaca annulina и еще у переходной формы Volvox. Оно обусловливается развитіемъ двухъ родовъ клѣтокъ: въ первыхъ образуются большія неподвижныя споры, во вторыхъ маленькія тѣла, подвижныя, освобождающіяся изъ клѣтокъ, въ которыхъ они произошли, въ то самое время когда лопается клѣтка, заключающая большія споры. Подвижныя тѣла (Samenkörper) входятъ въ отверстіе лопнувшей клѣтки, проникаютъ до большой споры и сливаются вскорѣ съ нею въ одну общую массу. Вслѣдствіе этаго слiянія на спорѣ высачивается оболочка, которая становится со временемъ болѣе и болѣе крѣпкою; въ этомъ видѣ большая спора представляетъ неподвижную крупинку, вполнѣ развитую.

(*) Cm. Sieb und Köll. 14 pg. 301.

(**) Cm. Bulletin de l'Academie de St. Petersbourg. 1855 pg. 297.

Digitized by Google

Основываясь на предъидущемъ мы можемъ теперь опредѣлить соотношеніе разсмотрѣнныхъ нами группъ: инфузорій, переходныхъ формъ и водорослей, или, другими словами, указать на степень сходства между низшими представителями обѣихъ царствъ.

Съ одной стороны мы видѣли, что существеннымъ составнымъ частямъ тѣла инфузорій найдены соотвѣтствующія и въ водорослях. Аналогія строенія высказалась всего ясиѣе между подвижными крупинками водорослей и монадами, и чрезъ нихъ, и въ строеніи инфузорій и многоклѣтчатыхъ водорослеи, ибо подвижныя крупинки происходятъ чрезъ непосредственное дѣленіе содержанія клѣтокъ водорослей; а монады организаціей своей подходятъ инфузоріямъ.

Исторія развитія монадъ, на сколько она намъ теперь извѣстна, до того сходна съ развитіемъ Protoccocus, что мы, наблюдая его, могли бы съ равнымъ правомъ описать его за одноклѣтчатую водоросль или монаду, смотря потому, начнемъ ли мы слѣдить за развитіемъ подвижной его формы, принимаемой прежде за монаду, или неподвижной, описываемой прежде за неподвижный одноклѣтчатый растительный организмъ. Неподвижные шары монады нельзя не признать ея цистами, если принять ее за инфузорію. Неподвожныя формы Protoccocus'а нельзя не признать за покоющіяся крупинки, если разсматривать его какъ растительный организмъ. Проводя далѣе тождественность неподвижныхъ шаровъ монады съ покоющимися крупинками Protoccocus, необходимо признать соотвѣтственность цистъ инфузорій съ покоющимися крупинками водорослей.

Съ другой стороны признаки, заимствованные разными учеными для разграниченія инфузорій отъ водорослей, оказались недостаточными. Разберемъ здѣсь отдѣльно каждый изъ важнѣйшихъ признаковъ.

1) Произвольное движеніе. Его нельзя принять за характеристическій признакъ животнаго организма, ибо мы видѣли что и подвижныя крупинки водорослей также двигаются извѣстное время, какъ и инфузоріи. Многіе наблюдатели утверждаютъ, что хотя движеніе подвижныхъ крупинокъ растеній и сходно съ движеніемъ инфузорій, но не тождественно, и что только при поверхностномъ наблюденіи, движенія тѣхъ и другихъ кажутся тождественными. При этомъ, не представляя особенныхъ научныхъ доказательствъ, они руководствуются, такъ называемымъ, тактомъ наблюдателя. Чѣмъ же руководствоваться, если изъ наблюдателей пользующихся авторитетомъ въ наукѣ, и слѣдовательно тщательно изучившихъ низшіе организ-

Digitized by Google

мы, одни относятъ извѣстные организмы къ животнымъ, другіе къ растеніямъ? Эренбергъ, посвятившій всю жизнь свою изученію низшихъ организмовъ, считалъ несомнѣнными инфузоріями воспроизводительныя клѣточки водорослей. Описанная имъ напр, за монаду Microglena monadina есть ничто иное какъ подвижная крупинка Ulotrix Zonata. Далѣе Chlamidoccocus pluvialis, Chlamidomonas pulvisculus, Gonium, Volvox, обладающіе движеніемъ, которое мы привыкли называть произвольнымъ, до того сходны и по строенію, и по исторіи развитія съ водорослями, что Конъ, тщательно изучившій ихъ, относитъ ихъ къ водорослямъ (*).

2) Присутствіе отверстія рта у животныхъ и отсутствіе его у растеній. Въ новѣйшее время открыты однако несомнѣнно животные организмы, безъ отверстія рта, которые питаются всасываніемъ веществъ всею поверхностію своего тѣла. Для примѣра приведемъ довольно большую инфузорію Opalina ranarum. Многіе, даже высоко организованные, внутренностные черви также питаются всасываніемъ жидкости всею поверхностію своего тѣла изъ среды, въ которой живутъ. Принятіе пищи происходитъ здѣсь такимъ-же способомъ какъ у низшихъ растеній, которыя развиваются въ водѣ. Въ новѣйшее время именно въ 1856 г.: (**) Лахманъ утверждаетъ присутствіе рта и у инфузорій Monadina, Cryptomonadina, которыя до сихъ поръ причислены къ безротымъ. Онъ говоритъ, что уже Эренбергъ видѣлъ внутри полости тѣла ихъ крупинки кармина, которымъ онъ кормилъ инфузоріи для изученія органовъ пищеваренія. Впослѣдствіи это же самое было подтверждено Кономъ и самому Лахману удалось два раза видѣть Monadina заключавшихъ въ себѣ маленькую Bacillaria, изверженіе которой по его наблюденію произошло вблизи задняго конца тѣла монады. Въ этой же статьѣ онъ упоминаетъ о томъ, что въ 1855 г. онъ вмѣстѣ съ Мюллеромъ и Клапаредомъ наблюдалъ въ огромномъ числѣ маленькое животное: Bodo grandis или Astasia, которое съѣдало Вибріоновъ въ два или даже четыре раза длиннѣйшихъ. Наблюдаемая Bodo grandis принимала самыя разнообразныя формы и отверстіе рта, по словамъ Лахмана, было видно близъ основанія хоботка ея. Кромѣ того, замѣтивъ во всѣхъ прозрачныхъ Monadineae и Cryptomonadineae сокращающіяся пространства, онъ при-

(*) Подробности объ этомъ смот. Kohn Untersuchungen über die Entwickelungsgeschichte der microskopischen Algen und Pilze Seite 63—109.

(**) См. Müllers Archiv für Anat. und Physiol. (Banb IV, стр. 367). Ueber die Organisation der Infusorien und besonders der Vorticellen.

Digitized by Google

числитъ къ инфузоріямъ Volvocineae, Astasia и Dinobryeae, снабженныхъ также сокращающимися пространствами, хотя еще и не наблюдалъ въ нихъ принятіе пищи внутрь. Присутствіе кармина и другихъ твердыхъ тѣлъ въ тѣлѣ Monadina подтверждено недавно и Проф. Ценковскимъ, но по его изслѣдованіямъ эти факты вовсе не доказываютъ еще присутствія рта, покрайнѣй мѣрѣ у Monas. Онъ видѣлъ, что контуры тѣла Монады дѣлаются менѣе рѣзкими, расплываются, вытягиваются, принимая видъ подвижной, аморфной слизи, въ видѣ Amoeba; частички кармина и другія, попадающіяся имъ на встрѣчу, маленькія тѣла прилипаютъ къ этой слизи, которая вскорѣ опять свертывается, и съеживаясь, превращается снова въ Монаду, въ полости которой и будутъ заключаться прилипшія къ тѣлу ея твердыя частички. Далѣе, хотя Bodo grandis имѣетъ большое отверстіе рта въ видѣ огромной щели спереди тѣла, но и этотъ фактъ не служитъ доказательствомъ существованія рта у Monadineae, ибо этотъ организмъ по мнѣнію Проф. Ценковскаго можно скорѣе разсматривать, какъ форму среднюю между Monas и Oxytricha, а не какъ прототипъ сем. Monadineae.

3) Присутствіе крахмала и хлорофилля въ растеніяхъ и отсутствіе ихъ въ животныхъ не можетъ служить гранью между ними, ибо во 1-хъ, въ Euglena viridis и въ нѣкоторыхъ другихъ инфузоріяхъ найденъ paraamylum—вещество чрезвычайно близко подходящее къ крахмалу, во 2-хъ, Loxodes Bursaria и другія инфузоріи содержатъ хлорофиль; это достовѣрно по крайнѣй мѣрѣ на столько, на сколько мы знаемъ реакціи этаго мало изслѣдованнаго, чрезвычайно сложнаго тѣла; въ 3-хъ наконецъ, цѣлая группа растеній—грибы вовсе не имѣютъ ни того ни другаго (*).

4) Химическій составъ, именно цэллюлозная оболочка растеній и азотистая (изъ O, H, N, C) оболочка животныхъ не суть исключительныя принадлежности каждаго изъ царствъ, ибо цѣлая группа животныхъ, такъ называемыхъ Ascidia, имѣетъ цэллюлозную оболочку. Предположеніе содержанія гораздо большаго количества азота въ животныхъ нежели въ растеніяхъ оказалось несправедливымъ.

5) Положеніе, что только животныя одарены чувствительностью, растенія же безчувственны не выдерживаетъ критики, во 1-хъ, потому что многія инфузоріи не оказываютъ на внѣшнія раздраженія никакой реакціи. Сотрясеніе, внезапно сильное освѣщеніе, сдавливаніе и стискиваніе и тому подобныя впечат-

(*) См. Entwickelungsgeschichte der microskopischen Algen und Pilze. pg. 62 (Nova Acta Acad. Caes. Leopold. Vol. XXIV, P. I, p. 162).

Digitized by Google

ленія не оставляютъ на нихъ ни малѣйшаго слѣда, во 2-хъ потому что если принять въ низшихъ животныхъ чувствительность, то нельзя не принять ее и для низшихъ растительныхъ организмовъ; ибо кругъ жизни первыхъ не шире, чѣмъ у послѣднихъ. Видоизмѣненіе этаго положенія состоитъ въ томъ, что нервную систему, какъ органъ предстоящій умственнымъ отправленіямъ слѣдовательно и сознанію, принимаютъ за несомнѣнный признакъ животнаго организма, и только тѣ организмы, въ которыхъ несомнѣннымъ образомъ обнаруживается ея присутствіе считаютъ животными. Растеніями же называютъ только такихъ, которые носятъ на себѣ ясный отпечатокъ безсознательной жизни. Промежуточныя формы соединяютъ въ особенную группу, составляющую какъ-бы особое третіе царство. Это положеніе было бы справедливо, если бы организмы, имѣющіе сознаніе, обладали бы имъ во всю свою жизнь, между тѣмъ какъ другіе его бы вовсе не имѣли. Мы находимъ однако, что всѣ животныя, въ началѣ развитія, не имѣютъ сознанія, а живутъ только растительною жизнью. Млекопитающія пробѣгаютъ этотъ періодъ развитія въ организмѣ матери. У всѣхъ другихъ животныхъ зародыши покидаютъ организмъ матери весьма рано, представляя только одну или нѣсколько клѣтокъ, безъ всякой диффенцировки тканей. Нервная система вмѣстѣ съ другими органами развивается впослѣдствіи, безъ всякаго участія организма матери, при содѣйствіи только теплоты. Вмѣстѣ съ развитіемъ нервной системы пробуждается и сознаніе и слѣдовательно безсознательная растительная жизнь незамѣтнымъ образомъ превращается въ сознательную животную. Имѣя это въ виду, мы должны разсматривать организмы, въ которыхъ нѣтъ нервной системы напр. полипы, инфузоріи, за животныхъ остановившихся на весьма простой степени организаціи съ незначительною дифференцировкою органовъ.

6) Считали также одно время отличительнымъ признакомъ животнаго организма отсутствіе рѣсничекъ у растеній. У большей части животныхъ полости тѣла облекаются слоемъ мерцательнаго эпителія т. е. слоемъ клѣточекъ, снабженныхъ на свободной поверхности одною или многими рѣсничками, безпрерывно двигающимися. Мерцательныя движенія не зависятъ, у большей части животныхъ, отъ воли ихъ, и продолжаются иногда еще довольно долгое время послѣ смерти животнаго; отдѣльно оторвавшіяся клѣточки мерцательнаго эпителія, посредствомъ рѣсничекъ, плаваютъ въ жидкости. Многія инфузоріи покрыты такаго рода рѣсничками по всей поверхности тѣла или въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ; или же вмѣсто нихъ имѣютъ одинъ

Digitized by Google

или нѣсколько нитевидныхъ рѣсницъ, которыя служатъ имъ для плаванія въ водѣ. Съ тѣхъ поръ однако, какъ открыты подвижныя растительныя клѣтки, съ 1-мъ, 2-мя, 4-мя или цѣлымъ вѣнчикомъ рѣсничекъ, или даже покрытыя ими по всей поверхности тѣла, и этотъ признакъ потерялъ свое значеніе.

7) Зибольдтъ, въ сравнительной Анатоміи своей, принимаетъ сокращаемость животной ткани и несокращаемость растительной за вѣрную поруку животной или растительной природы организма. Въ новѣйшее время открыли слабую сокращаемость и въ подвижныхъ крупинкахъ Chlamidoccocus, такъ что и этотъ признакъ оказался относительнымъ и свойственнымъ обоимъ царствамъ.

8) Въ новѣйшее время нѣкоторые естествоиспытатели искали грань между животными и растеніями въ томъ, что животныя питаются только веществами органическими, растенія же строютъ свое тѣло изъ неорганическихъ веществъ. Но это доказано только для высшихъ организмовъ, на нисшіе же мы не можемъ, какъ уже видѣли, переносить цѣликомъ признаковъ высшихъ организмовъ; а потому и принимать такой грани между животными и растеніями не въ правѣ. Наконецъ, существованіе огромнаго числа растительныхъ явно-брачныхъ паразитовъ, которые опускаютъ корни свои въ ткань другихъ растеній, такъ что иногда сосуды паразита сливаются даже съ сосудами организма на которомъ онъ растетъ, ясно доказываетъ неосновательность этаго положенія.

Эти признаки недостаточны, потому что тѣ изъ нихъ, которые свойственны исключительно одному только царству, не составляютъ необходимой принадлежности всѣхъ его представителей, а только части ихъ, напр. нервная система, отверстіе рта, у животныхъ. Другіе же, хотя и составляютъ достояніе всѣхъ представителей котораго нибудь царства, но встрѣчаются въ тоже время и у такихъ организмовъ, которые по всѣмъ остальнымъ признакамъ обнаруживаютъ полную аналогію съ представителями другаго царства и, слѣдовательно, одни изъ нихъ оказались признаками переходными, другіе частными. На основаніи частныхъ признаковъ не возможно провести рубежа между обоими царствами; ибо если будемъ брать въ соображеніе одинъ только изъ нихъ, то грань наша будетъ произвольная, и именемъ животнаго и растенія будетъ въ этомъ случаѣ обозначаться не природа самаго организма, но присутствіе или отсутствіе избраннаго нами признака. Руководствуясь же совокупностью частныхъ признаковъ, мы не будемъ въ со-

Digitized by Google

стояніи сдѣлать этого, потому что признаки эти въ различныхъ организмахъ смѣшаны во всевозможныхъ пропорціяхъ и сочетаны въ разнообразныхъ отношеніяхъ, такъ что, признавая нѣсколько изъ нихъ первостепенными и болѣе характеристическими, мы бы должны были раздѣлить всѣ организмы на столько царствъ сколько возможно сдѣлать изъ избранныхъ нами признаковъ различныхъ сочетаній.

И такъ изъ всего выше сказаннаго слѣдуютъ три положенія:

1) Всѣ признаки, на которыхъ строили грань между растительнымъ и животнымъ царствомъ оказались недостаточными;

2) между низшими представителями обоихъ царствъ, инфузоріями и водорослями, обнаруживается полная аналогія въ строеніи и развитіи;

3) несомнѣнно животные и растительные организмы связываются непрерывною цѣпью переходныхъ формъ, которыя мы уже на столько знаемъ, что въ состояніи утвердительно сказать, что они, по организаціи своей и развитію, представляютъ существа среднія между несомнѣнно между животными и растительными организмами;

4) этими тремя положеніями вполнѣ опредѣляется заключеніе, что границы между царствами растительнымъ и животнымъ не существуетъ.

Digitized by Google

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГУМБОЛЬДТЪ.

Сочиненіе Студента Дмитрія Писарева.

Баронъ Карлъ Вильгельмъ Фонъ-Гумбольдтъ личность замѣчательная, достойная внимательнаго изученія. Какъ ученый, какъ мыслитель и цѣнитель изящнаго, какъ государственный дѣятель, наконецъ какъ человѣкъ, онъ принадлежитъ къ лучшимъ людямъ великой эпохи, обнимающей конецъ прошлаго столѣтія и начало нынѣшняго. Рядомъ съ братомъ своимъ, Александромъ, онъ занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи развитія человѣчества.

Къ сожалѣнію, онъ мало извѣстенъ русской публикѣ; единственная статья о немъ на русскомъ языкѣ напечатана въ Библіотекѣ для чтенія 1853 года (*); она составлена по книгѣ Шлезіера: Erinnerungen an Wilhelm von Humboldt, (Воспоминанія о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ) которая, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, представляетъ нѣкоторые пробѣлы, на примѣръ рѣшительно оставляетъ безъ вниманія результаты филологическихъ трудовъ Гумбольдта и ограничивается однимъ перечнемъ его сочиненій.

Въ 1857 году вышла книга Гайма: «Wilhelm von Humboldt. Lebensbild und Characteristik», (Вильгельмъ Гумбольдтъ. Біографія и характеристика) въ которой яснѣе опредѣляется личность Гумбольдта, какъ писателя и мыслителя. Здѣсь цѣлый отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію языковѣденія Гумбольдта по классическому сочиненію его: «Ueber die Verschiedenheit des menschli-

(*) Мартъ, Апрѣль: «Баронъ Карлъ Вильгельмъ Фонъ-Гумбольдтъ» статья Д. Б.

Digitized by Google

chen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts» (О различіи строя человѣческихъ языковъ и его вліяніи на духовное развитіе человѣческаго рода), служащему введеніемъ къ его изслѣдованію о языкѣ Кави. Впрочемъ, Гаймъ не всегда вѣрно понимаетъ и истолковываетъ идеи Гумбольдта. Берлинскій ученый Штейнталь (Wissenschaftliche Beilage der Leipziger Zeitung, 1856, NN 94, 95), разбирая книгу Гайма и отдавая справедливость его достоинствамъ, замѣчаетъ нѣкоторыя его погрѣшности. Не рѣшаясь критиковать Гумбольдта, Гаймъ не вполнѣ оцѣниваетъ его заслуги и не замѣчаетъ его недостатковъ.

На этомъ основаніи мы для изложенія филологической теоріи Гумбольдта руководствовались сочиненіемъ Штейнталя: «Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldts und Hegelsche Philosophie (Языковѣденіе Вильгельма Гумбольдта и философія Гегеля.) Первая глава Штейнталя посвящена сравненію философскаго метода Гумбольдта съ методомъ Гегеля; послѣднія двѣ заняты исключительно знаменитымъ твореніемъ Гумбольдта, разсматривающимъ вліяніе языка на духовное развитіе человѣка.

Digitized by Google

Біографія В. Гумбольдта.

I.

Родители Вильгельма.—Его воспитаніе.—Университетскій курсъ.—Якоби.—Дружба съ Форстеромъ.—Поѣздка въ Парижъ и Швейцарію.—Лафатеръ.—Переворотъ въ Берлинѣ.—Служебная дѣятельность В. Г.—Его отставка и женитьба.—Дальбергъ.—Первое политическое сочиненіе В. Г.—Занятія древней филологіею.—Знакомство съ Шиллеромъ.—Дѣятельность В. Г. во время пребыванія въ Іенѣ.—Отъѣздъ въ Берлинъ.—Вторичное пребываніе В. Г. въ Іенѣ.—Сближеніе съ Гете.—Рецензія «Германа и Доротеи».—Смерть матери В. Г.—Путешествіе по Европѣ.—Пребываніе въ Парижѣ.—Поѣздка въ Испанію.—Возвращеніе В. Г. въ Берлинъ и назначеніе его посланникомъ въ Римъ.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія начинаетъ преобладать въ германской наукѣ критическій элементъ, внесенный Кантомъ и Лессингомъ; впрочемъ, подавляя суевѣріе и предразсудки среднихъ вѣковъ, критика ума не исключаетъ еще вѣры, не доводитъ до скептицизма и безвѣрія. Литература того времени, имѣетъ реальное, практическое направленіе; интересы науки тѣсно связываются съ современными, государственными интересами. Ученые не ограничиваются отвлеченными, кабинетными занятіями, но распространяютъ дѣятельность свою на рѣшеніе общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Словомъ, еще не установлено рѣзкихъ границъ между наукою и практическою жизнію. Центромъ умственнаго движенія, представителемъ германской цивилизаціи является въ это время Берлинъ.

Въ эту замѣчательную эпоху, 1767 года, 22 Іюня, родился въ Потсдамѣ Карлъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ. Отецъ его, маіоръ и камергеръ Александръ Георгъ фонъ Гумбольдтъ, былъ родомъ изъ старинной и богатой Померанской фамиліи, служилъ въ военной службѣ во время Семилѣтней войны и пользовался расположеніемъ Прусскаго наслѣднаго принца, будущаго короля Фридриха Вильгельма II. Маіоръ Гумбольдтъ былъ женатъ на вдовѣ барона фонъ Гольведе, урожденной фонъ Коломбъ. Родители Вильгельма жили большею частію въ Берлинѣ и въ помѣстьѣ своемъ Тегелѣ, расположенномъ въ трехъ миляхъ отъ сто-

Digitized by Google

лицы, въ прекрасной и живописной мѣстности на берегу рѣки Гавеля. Здѣсь провели свои младенческіе годы два знаменитые брата Карлъ Вильгельмъ и Фридрихъ Генрихъ Александръ фонъ Гумбольдты.

Первымъ наставникомъ ихъ былъ Іоакимъ Кампе, имѣвшій впрочемъ мало вліянія и оставившій домъ ихъ около 1775 года.

Въ 1779 году умеръ старый маіоръ и всѣ заботы воспитанія пали на мать, женщину слабую и болѣзненную; впрочемъ она нашла себѣ достойнаго помощника въ молодомъ педагогѣ Кунте, замѣнившемъ Кампе. Дѣти жили съ нимъ въ Берлинѣ, пользуясь уроками лучшихъ профессоровъ, слушали лекціи политической экономіи Дома и естественнаго права Клейна и только по воскресеньямъ ѣздили къ матери въ Тегель. Дальнѣйшее образованіе молодыхъ людей и приготовленіе къ университетскому курсу принадлежитъ извѣстному ученому Энгелю, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на характеръ молодаго Вильгельма; онъ сообщилъ ему терпимость, скромность и кротость, качества которыми самъ отличался въ высшей степени; подъ его вліяніемъ Гумбольдтъ написалъ первое свое сочиненіе «Socrates und Plato über die Gottheit, die Vorsehung und die Unsterblichkeit (Сократъ и Платонъ о Божествѣ, промыслѣ и безсмертіи), въ которомъ онъ мритъ взглядъ древнихъ философовъ на Божество, провидѣніе и безсмертіе со взглядомъ современной ему науки.

Энгель ввелъ Гумбольдта въ кругъ своихъ ученыхъ друзей, которые приняли его благосклонно. Но это общество реалистовъ, людей серьезныхъ, сухихъ мыслителей, какъ Бистеръ, Фридлендеръ, Морицъ, Метлеръ, Герцъ и другіе, не могло удовлетворить молодаго человѣка съ пламенной, чувствительной душою. Юношу привлекъ къ себѣ другой, болѣе сантиментальный, идеалистическій кружекъ, душою котораго была Генріэтта Герцъ. Вильгельмъ влюбился въ нее; впрочемъ любовь была самая платоническая, достойная девятнадцатилѣтняго юноши и восторженнаго направленія того общества, которое его окружало.

Осенью 1787 года Гумбольдтъ отправился въ университетъ въ Франкфуртѣ на Одерѣ, но пробылъ тамъ недолго. На другой годъ къ Пасхѣ онъ переѣхалъ въ Геттингенъ, и здѣсь въ первый разъ ему пришлось жить одному, самостоятельно. Онъ поступилъ на юридическій факультетъ, но слушалъ и по философскому факультету лекціи Михаэлиса, Лихтенберга, Блуменберга и Гейне. Съ профессоромъ филологіи Гейне онъ особенно сблизился, бывалъ у него въ домѣ и познакомился съ дочерью его, Терезою, бывшею тогда замужемъ за писателемъ Фор-

Digitized by Google

стеромъ; Тереза была предметомъ второй его страсти, стольже невинной какъ и первая. Съ Генріэттой онъ поддерживалъ дѣятельную переписку, въ которой постоянно говорилъ о Терезѣ.

Въ 1788 году во время осеньихъ каникулъ, онъ отправился путешествовать по Рейну, и по дорогѣ посѣтилъ Мюллера, Гейнзе и Якоби.

Гумбольдтъ всегда съ жадностью ловилъ случай знакомиться съ замѣчательными современниками. «У меня, пишетъ онъ сорокъ лѣтъ спустя, была страсть сближаться съ интересными личностями, часто и внимательно всматриваться въ нихъ, и составлять себѣ въ душѣ картину ихъ образа дѣйствій и мыслей. Главное дѣло для меня заключалось въ знаніи. Я пользовался имъ для общихъ идей, классифицировалъ людей по своему, сравнивалъ ихъ, изучалъ ихъ физіогномію. словомъ, дѣлалъ изъ этого особую науку.» Гумбольдтъ особенно сблизился съ Якоби, не смотря на то что Якоби велъ жаркую полемику съ берлинскими друзьями Вильгельма, расходясь съ ними во взглядѣ на религію и науку. Они провели вмѣстѣ около двухъ недѣль, постоянно разсуждали о философскихъ предметаах и часто спорили; Гумбольдтъ, не смотря на свою молодость, не подчинился взгляду Якоби, и, при всей привязанности къ нему, ясно видѣлъ его личные недостатки и односторонность его философской системы.

Отъ Якоби онъ поѣхалъ въ Майнцъ и сблизился здѣсь съ Форстеромъ, къ которому привязался сильно, безгранично. Форстеръ сдѣлался для него теперь идеаломъ поэта, тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи былъ для него Шиллеръ. Тѣсная дружба между Гумбольдтомъ и Форстеромъ объясняется одинаковымъ взглядомъ на вещи, добытымъ ими впрочемъ при совершенно различныхъ обстоятельствахъ. Что Гумбольдтъ почерпнулъ изъ лекцій и наставленій профессоровъ, то у Форстера выробаталось долговременнымъ, тяжкимъ жизненнымъ опытомъ. Главная сходная черта ихъ—стремленіе къ свободѣ мысли, выразившаяся въ терпимости вѣры и убѣжденій; эта общая черта служитъ основною идеею статьи Ueber Proselytenmacherei (О прозелитизмѣ) написанной, при содѣйствіи Гумбольдта, Форстеромъ и Земмерингомъ, противъ нетерпимаго направленія ежемѣсячной Берлинской Газеты. Впрочемъ, слѣпая, безграничная привязанность Гумбольдта къ Форстеру была только увлеченіемъ молодости. Гумбольдтъ объясняетъ это въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ, въ которомъ съ строгостію и безпристрастіемъ историка разоблачаетъ слабости и недостатки покойнаго друга.

Осенью 1789 года, окончивъ курсъ въ университетѣ, Гум-

Digitized by Google

больдтъ вмѣстѣ съ бывшимъ наставникомъ своимъ Кампе отправился въ Парижъ, гдѣ разгаралась въ то время революція. Французскіе паспорты и трехъцвѣтныя кокарды очистили дороги нашимъ путешественникамъ. Третьяго Августа они были въ Парижѣ. Восторженный Кампе, какъ ребенокъ, радовался картинѣ безпорядка и хаоса, въ которой видѣлъ примѣненіе къ дѣлу словъ: свобода, прогрессъ, цивилизація, которыхъ наслушался въ Германіи.

Гумбольдтъ смотрѣлъ на возникающее движеніе серьезнѣе, что видно изъ писемъ его къ Форстеру. Онъ вообще болѣе занимался изученіемъ замѣчательныхъ личностей, напримѣръ Мирабо, Бартелеми, астронома Лаланда, Мармонтеля, филолога Вальуазона. Его болѣе интересовало, по его словамъ, видѣть то, что изъ Французовъ сдѣлала революція нежели то, что Французы сдѣлали изъ своего государства. Народъ интересовалъ его больше государства, человѣчество и человѣкъ больше народа. Посѣтивъ могилу Ж. Ж. Руссо въ Эрменонвилѣ, Гумбольдтъ изъ Парижа 27 Августа поѣхалъ въ Майнцъ, и, пробывъ тамъ съ Форстеромъ около трехъ недѣль, въ концѣ Сентября отправился въ Швейцарію. Путешествіе по Швейцаріи произвело глубокое впечатлѣніе на Гумбольдта, который живо сочувствовалъ красотамъ природы. Онъ обошелъ половину Швейцаріи пѣшкомъ и познакомился съ Швейцарскими знаменитостями, между прочимъ съ Абелемъ и Лафатеромъ. Цюрихскій пророкъ не удивилъ его замысловатою, таинственною обстановкою своихъ занятій; Гумбольдтъ думалъ найти въ немъ человѣка геніальнаго и совершенно разочаровался; Лафатеръ въ его глазахъ явился самолюбивымъ, напыщеннымъ шарлатаномъ, преклоняющимся предъ собственными, фиктивными достоинствами, и тратящимъ время и способности на мелочныя внѣшности. Наконецъ Гумбольдтъ возвратился въ Майнцъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней у Форстера. 8 Декабря онъ разстался съ нимъ и разстался навсегда.

Между тѣмъ произошолъ переворотъ въ духѣ и направленіи прусскаго правительства. На престолъ Фридриха Великаго вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ II; вмѣсто перваго министра Зедлица занялъ Велльнеръ; религіозный эдиктъ стѣснилъ свободу вѣроисповѣданія; указъ о цензурѣ уничтожилъ свободу мыслей. Все направленіе правительства совершенно измѣнилось; отъ терпимости, приближавшейся къ индифферентизму, оно переходитъ къ фанатизму, вдается въ суевѣріе. Тоже стѣснительное вліяніе обнаруживается во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія; этому вліянію, котораго глав-

Digitized by Google

нымъ виновникомъ былъ Веллнёръ, всѣми силами противился Гумбольдтъ, занявшій должность референдарія въ Каммергерихтѣ. Не разъ, рѣшая съ бывшимъ профессоромъ своимъ, Клейномъ, разныя тяжебныя дѣла, онъ рѣшеніемъ своимъ шелъ прямо на перекоръ принципу и намѣреніямъ новаго правительства. Но служба скоро ему надоѣла: расположеніе къ умственнымъ занятіямъ, къ самопзученію отвлекало его отъ служебныхъ обязанностей. Углубляясь въ самаго себя, трудясь надъ собственнымъ внутреннимъ развитіемъ и совершенствованіемъ, онъ надѣялся принести большую пользу человѣчеству. Вообще въ людяхъ того времени слаба была любовь къ отечеству; связь между государствомъ и отдѣльными личностями еще болѣе ослабѣла отъ системы управленія, которая не пользовалась популярностію и не могла возбудить сочувствія. Гумбольдтъ подчинился общему настроенію вѣка; любовь къ отечеству приняла въ немъ болѣе широкіе размѣры и перешла въ любовь къ человѣчеству; человѣка онъ ставилъ выше гражданина; интересы обще человѣческіе у него всегда являются на первомъ планѣ. Этотъ взглядъ, составлявшій основу всѣхъ его сочиненій и ученыхъ занятій, побудилъ его оставить службу, посвятить себя изученію человѣчества въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ и начать это изученіе съ самаго себя. Въ изслѣдованіяхъ своихъ Гумбольдтъ держится средины между сухимъ, безжизненнымъ методомъ чисто-умозрительной философіи, представителемъ которой является Бистеръ, и необузданными, не логическими порывами фантазіи, преобладающими у Лафатера и его послѣдователей. Онъ не исключаетъ элемента чувства и фантазіи, придающей мысли жизнь, силу и яркость красокъ, но самую фантазію подчиняетъ законамъ разума, требуя отъ нея разумной правды и послѣдовательности. Въ этомъ сходится онъ съ другомъ своимъ Форстеромъ. Вотъ почему онъ восхищается его «Ansichten über den Niederrhein». (Виды Нижняго Рейна), въ которыхъ по его словамъ, господствуетъ строгая правильность идей въ самомъ пылу вдохновенія.

Вскорѣ послѣ выхода Вильгельма изъ службы послѣдовалъ переворотъ въ его судьбѣ. Въ Декабрѣ 1789 года онъ по дѣламъ пріѣхалъ въ Эрфуртъ. Здѣсь онъ былъ представленъ въ домъ президента фонъ Дахереденъ и познакомился съ его дочерью Каролиной. Каролина, которая произвела сильное впечатлѣніе на Шиллера, въ бытность его въ Эрфуртѣ, очаровала и молодаго Гумбольдта.

Въ Іюлѣ 1791 года состоялся ихъ бракъ; а вскорѣ послѣ того молодые уѣхали въ деревню Каролины, лежащую близъ Манс-

Digitized by Google

фельда, чтобы въ уединеніи провести первые мѣсяцы супружества. Каролина не была красавица, но Вильгельма прельстила ея хорошенькая головка, выразительные, полные жизни и энергіи глаза. Въ особенности же привлекли его ея душевныя качества; его благородный образъ мыслей, стремленіе къ свободѣ, любовь къ прекрасному и возвышенному, находили себѣ отголосокъ въ прекрасной душѣ Каролины, и, сливаясь съ врожденною мечтательностью, отражались въ ней въ болѣе нѣжныхъ, женственныхъ формахъ. Живой природный умъ, развитый прекраснымъ воспитаніемъ, обогащенный многосторонними, основательными знаніями, давалъ ей средства сочувствовать благороднымъ стремленіямъ Вильгельма, принимать участіе въ его научныхъ занятіяхъ, помогать ему, и, облегчая трудъ, тѣснѣй и искреннѣй сближаться съ мужемъ. Гумбольдтъ безгранично привязался къ Каролинѣ, полюбилъ ее такъ, какъ любилъ не многихъ, жертвуя собою, не примѣшивая къ этому чувству никакого эгоистическаго оттѣнка. Это чувство пустило глубокіе корни въ его душу, срослось съ его существованіемъ, и продолжалось до самой смерти. Гумбольдтъ поставилъ себѣ задачей жизни составить счастіе любимой женщины и благородно, честно исполнилъ долгъ свой.

Бывши еще женихомъ, Гумбольдтъ познакомился съ коадъюторомъ Епископа Майнцскаго, Далбергомъ, родственникомъ Дахередена, и довольно коротко съ нимъ сошелся. Это знакомство должно быть отмѣчено въ его біографіи, потому что Далбергъ подалъ поводъ къ одному изъ замѣчательныхъ юношескихъ сочиненій Гумбольдта, всего рѣзче очерчивающихъ его нравственную физіогномію. Высказанныя въ немъ задушевныя убѣжденія Гумбольдта, смягченныя жизненнымъ опытомъ и лѣтами, перешли и въ періодъ зрѣлости. Далбергъ былъ человѣкъ добрый и благонамѣренный, покровительствовалъ литераторамъ и ученымъ, самъ любилъ науку и сочувствовалъ ея интересамъ. При своемъ положеніи въ свѣтѣ, онъ могъ принести много пользы; къ несчастію шаткость убѣжденій и слабость характера мѣшали ему приводить въ исполненіе его планы. Намѣреніе было и хорошо, и дѣльно, но большею частію оставалось мечтою. Готовя себя къ епископскому престолу въ Майнцѣ, Далбергъ мечталъ о великихъ обязанностяхъ правителя, составлялъ себѣ системы администраціи, непримѣнимыя къ дѣлу и замѣчательныя только по своему гуманному направленію, системы, которыми онъ думалъ осчастливить подданныхъ даже противъ собственной ихъ воли. Въ это время ему случилось прочесть новое сочиненіе В. Гумбольдта «Ideen über Staatsverfassung durch die neue französische Consti-

Digitized by Google

tution veranlasst» (Идеи о государственномъ устройствѣ по поводу новой французской конституціи). Въ этомъ сочиненіи Гумбольдтъ представляетъ непрочность Французской конституціи, составленной a priori, по отвлеченнымъ законамъ ума, независимо отъ «индивидуальныхъ силъ и стремленій», которымъ Гумбольдтъ придаетъ особенную важность. Уму предоставляется только право возбуждать къ дѣятельности сумму существующихъ въ человѣкѣ индивидуальныхъ силъ и давать имъ извѣстное направленіе. Прочнымъ можетъ быть только такое государственное устройство, которое выходитъ изъ борьбы могучей случайности съ сопротивляющимся ей умомъ. Изъ этой «случайности», т. е. изъ непознанныхъ нами силъ и индивидуальныхъ свойствъ настоящаго, выходитъ окончательный результатъ. Идеи ума, прививаясь къ жизни, получаютъ опредѣленную форму отъ самаго предмета, къ которому онѣ прилагаются. Только при этихъ условіяхъ онѣ могутъ окрѣпнуть и принести пользу. Въ человѣкѣ можетъ процвѣтать только то, что выходитъ изъ глубины его духа, а не то, что прилагается къ нему извнѣ. Государство ничто иное, какъ сумма человѣческихъ силъ, дѣйствительныхъ и страдательныхъ. Каждое дѣйствіе требуетъ соотвѣтствующаго ему обратнаго дѣйствія; каждое творчество требуетъ одинаково дѣятельнаго воспріятія. Вотъ въ чемъ заключается сила «случайности» и вотъ почему настоящее уже должно быть приготовлено къ будущему, которое оно влечетъ за собою; гдѣ будущее чуждо настоящему, тамъ все мертво и холодно. Такъ бываетъ тамъ, гдѣ хочетъ творить заранѣе обдуманное намѣреніе; въ умѣ заключается конечно способность давать извѣстную форму существующему матеріалу, но нѣтъ въ немъ силы создавать новый матеріалъ. Чего не подготовили предварительно время и природа, то будутъ цвѣты, привязанные нитками къ растенію: ихъ засушитъ первое полуденное солнце. Гумбольдтъ подтверждаетъ эту основную мысль ходомъ историческихъ событій и наконецъ выводитъ заключеніе, что «ни одно единичное положеніе человѣка и окружающихъ предметовъ не заслуживаетъ вниманія само по себѣ; оно важно только въ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ порядкомъ вещей; важны не результаты сами по себѣ, но силы, ихъ породившія и въ свою очередь изъ нихъ вытекающія.

Это сочиненіе, называвшее заботливость правительства о физическомъ и моральномъ благосостояніи подданныхъ самымъ тяжелымъ деспотизмомъ, смутило Дальберга, разстроивъ его прекрасные планы. Онъ обратился къ Гумбольдту съ прось-

Digitized by Google

бою объяснить, чѣмъ, по его мнѣнію, долженъ ограничиться кругъ дѣйствій правительства, у котораго будетъ отнято право заботиться о нуждахъ и благосостояніи подданныхъ.

Отвѣтомъ Гумбольдта было замѣчательное сочиненіе «Ideen zu einem Versuche die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen». (Опытъ опредѣлить границы дѣятельности правительства).

Въ этомъ сочиненіи, какъ и вообще у Гумбольдта, на первомъ планѣ стоитъ человѣкъ и его интересы; государственное устройство представляется элементомъ, враждебнымъ индивидуальности человѣка, вредящимъ свободному развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ его. Гумбольдтъ ищетъ идеалъ человѣка, и сперва обращается къ древности; но ни Спартанецъ, ни Аѳинянинъ не удовлетворяютъ его. Его увлекаетъ прелесть и свѣжесть греческой жизни, съ особенности же развитіе индивидуальности, составлявшее одинъ изъ первыхъ, основныхъ ея принциповъ. Но излишняя чувственность греческаго міра мѣшаетъ ему вполнѣ принять за истину развитія человѣка греческій идеалъ. Гумбольдтъ рисуетъ свой идеалъ, смѣшивая краски древняго міра съ новыми, сливая чувственность, пластичность древнихъ съ духовностію современнаго ему человѣка въ одно гармонически - прекрасное цѣлое. Въ этомъ идеалѣ человѣка особенно замѣчательны двѣ стороны,—элементъ религіи и элементъ эстетическій, начало прекраснаго.

Религія, по опредѣленію Гумбольдта, потребность души. Онъ беретъ силу отдѣльно отъ проявленія и во всемъ изслѣдованіи имѣетъ въ виду одну эту силу, идею, потребность души. На этомъ основаніи для него не существуютъ наружныя формы, въ которыхъ эта идея проявляется у различныхъ народовъ; на этомъ основаніи онъ уважаетъ всякую религію, во всякой умѣетъ найти и оцѣнить общую идею то, что онъ собственно и называетъ религіею. Мало того: онъ считаетъ за религію не только всякое поклоненіе Высшему Существу, въ какой бы формѣ оно ни выразилось, но и всякое стремленіе къ идеалу совершенства, хотя бы при этомъ не было даже мысли о Богѣ и безсмертіи души. Въ этомъ-то взглядѣ на религію должно искать причины совершенной, вполнѣ гуманной вѣротерпимости Гумбольдта. То былъ не индифферентизмъ, не холодное равнодушіе въ дѣлѣ вѣры но высшее, болѣе глубокое воззрѣніе на предметъ и значеніе религіи.

Эстетическое чувство, по которому «чувственность должна быть оболочкою духовнаго, и духовное должно быть принципомъ, оживляющимъ чувственный міръ» составляетъ, по мнѣнію Гумбольдта, истинную сущность человѣческой природы.

Digitized by Google

Природа человѣка заключается въ эстетическомъ соединеніи стремленія къ невидимому съ сознаніемъ пріятной необходимости видимаго міра. Изъ этого соединенія выходитъ идея высокаго и идея прекраснаго. Идея высокаго даетъ человѣку средства повиноваться сознательно повелительному голосу нравственнаго закона. Чувство прекраснаго служитъ посредникомъ между отвлеченнымъ закономъ и конкретнымъ примѣненіемъ, отыскивая разнообразные способы приложенія. Гумбольдтъ придаетъ чувственности болѣе глубокое значеніе, нежели Шиллеръ и Кантъ. «Вся сила человѣческой природы, говоритъ Гумбольдтъ, происходитъ отъ чувственности, и, хотя очень удаляется отъ своего корня, все таки, ежели можно такъ выразиться, покоится на немъ. Кто безпрерывно старается возвысить и обновить свои силы частымъ наслажденіемъ, кто часто употребляетъ силу своего характера, чтобы поддерживать независимость свою противъ чувственности, кто старается такимъ образомъ соединить эту независимость съ величайшею воспріимчивостію, чей прямой и глубокій умъ неутомимо ищетъ истины, чье правильное и тонкое чувство къ прекрасному не оставляетъ незамѣченнымъ ни одного привлекательнаго образа, въ комъ есть влеченье принимать въ себя прочувствованное въ внѣшнемъ мірѣ, оплодотворять принятое въ себя для новыхъ созданій, превращать каждую красоту въ свою индивидуальность и, соединяя съ каждой изъ нихъ все свое существо, производить новыя красоты — тотъ можетъ питать успокоительное сознаніе что онъ находится на истинномъ пути къ идеалу, какой только можетъ представить самая смѣлая фантазія человѣка».

Народъ составленный изъ недѣлимыхъ, соотвѣтствующихъ этому идеалу, можетъ пользоваться безграничною свободою. Все, что при обыкновенныхъ условіяхъ производитъ сила закона, мѣры правительства, явилось бы у идеальнаго народа результатомъ нравственнаго чувства долга и чести, которое было бы особенно развито.

Для умственнаго и нравственнаго развитія Гумбольдтъ считаетъ необходимыми три условія: во первыхъ, свободу, которую ограничиваетъ самое либеральное правительство. Эпиграфомъ къ его сочиненію служатъ слова Мирабо, въ которыхъ онъ совѣтуетъ правительствамъ защищаться «contre la fureur de gouverner, la plus funeste maladie des gouvernements modernes.» По этому онъ находитъ, что правительству всего лучше ничего не дѣлать, не употреблять никакихъ положительныхъ мѣръ для благосостоянія гражданъ, совѣтуетъ уничтожить вся-

Digitized by Google

кіе законы нравственности, законы противъ роскоши, законы воспитанія. Вообще законъ онъ старается замѣнить нравственнымъ чувствомъ, хочетъ чтобы всѣ добрыя влеченія гражданъ развивались самостоятельно, безъ внѣшняго гнета и принужденія. Вторымъ необходимымъ условіемъ развитія онъ считаетъ безопасность внѣшнюю и внутреннюю. Для этого необходимо вмѣшательство правительства; но вмѣшательство это Гумбольдтъ допускаетъ только тогда, когда происходитъ явное нарушеніе чужаго права; при наказаніяхъ даже онъ умѣетъ уважать человѣка въ преступникѣ, требуетъ чтобы никогда наказаніе не превышало вины и никогда не доходило до лишенія чести. Необходимостію безопасности обусловливается необходимость правительства. Третье условіе развитія разнообразіе общественнаго положенія. Человѣкъ не долженъ быть изолированъ потому что въ такомъ случаѣ развитіе его всегда будетъ одностороннее. Ослабляя узы правительства, Гумбольдтъ скрѣпляетъ узы народности, узы естественныя, основанныя на взаимномъ, свободномъ сочувствіи; кромѣ того, для развитія общественности онъ находитъ нужнымъ свободное составленіе обществъ, ассоціацій, имѣющихъ какую нибудь благородную, общеполезную цѣль, тѣмъ болѣе, что такія общества могутъ замѣнить собою различныя распоряженія правительства, которое такимъ образомъ у Гумбольдта низводится на степень охранительнаго учрежденія.

Несмотря на многія достоинства, теорія Гумбольдта не примѣнима; Гумбольдтъ противупоставляетъ другъ другу человѣка и правительство, какъ два взаимно враждебные элемента; ставя на первомъ планѣ человѣка, онъ старается не примирить его съ государственнымъ устройствомъ, а только по возможности стѣснить кругъ дѣйствій правительства, и какъ бы сдѣлать его безвреднымъ. Онъ не соединяетъ законной свободы съ государственнымъ устройствомъ, но ставитъ ихъ другъ возлѣ друга, стараясь расширить предѣлы первой въ ущербъ второму.

Въ этомъ же сочиненіи встрѣчаются нѣкоторыя мысли о философіи исторіи, которую Гумбольдтъ понимаетъ какъ самоопредѣленіе одного «общаго человѣческаго духа во времени». Историческіе перевороты объясняются періодическими революціями человѣческаго духа. «Все что происходитъ на землѣ, говоритъ Гумбольдтъ, хорошо и полезно, потому что внутренняя сила человѣка овладѣваетъ всѣмъ, какова бы ни была его природа, а эта внутренняя сила, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, можетъ дѣйствовать только благодѣтельно». Такимъ образомъ у Гум-

Digitized by Google

больдта вездѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ человѣкъ и его индивидуальность.

Въ этомъ сочиненіи, хотя оно написано съ энтузіазмомъ и увлеченіемъ молодости, находятся зародыши всѣхъ его великихъ твореній. Выразившееся въ немъ сочувствіе Гумбольдта къ древнимъ развивалось болѣе и болѣе; ему нужно было только получить побудительный толчокъ, чтобъ войти въ новую сферу занятій, въ область древней филологіи, такимъ толчкомъ было для Гумбольдта знакомство и сближеніе съ Фридрихомъ Августомъ Вольфомъ, профессоромъ филологіи въ Галле. Чтобъ опредѣлить заслуги Вольфа на поприщѣ науки, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что было до него. Бывшій профессоръ Гумбольдта, Гейне оживилъ классическую филологію, подчинивъ древнихъ писателей общимъ законамъ эстетической критики, разсматривая ихъ творенія не какъ мертвую древность, но какъ произведенія, писанныя на языкѣ, нѣкогда живомъ, оцѣнивая ихъ литературное значеніе и достоинство. Онъ былъ эстетическій критикъ среди филологовъ и филологъ среди эстетическихъ критиковъ. Вмѣсто мертвой буквы явилось передъ нимъ живое слово, выраженіе живой мысли. Но Гейне, отдѣлившись отъ схоластиковъ, вдался въ другую крайность; вмѣсто педантизма, у его послѣдователей явилась поверхностность, дилетантизмъ. Вольфъ умѣлъ соединить эстетическую оцѣнку произведеній древности съ строгимъ, точнымъ изслѣдованіемъ; механическая сторона труда соединялась съ опредѣленіемъ общей идеи и значенія науки; Вольфъ понималъ высшее, философское значеніе филологіи, понималъ, что она должна представлять намъ картину развитія человѣчества въ періодъ древности, но не пренебрегалъ низшей, грамматической части, изслѣдованій надъ буквою, необходимыхъ для болѣе обширныхъ, высшихъ результатовъ. Онъ снова обратился къ критикѣ, возвратилъ филологію въ область исторіи и, проникшись духомъ древности, постигши всѣ оттѣнки и изгибы жизни древнихъ Грековъ и Римлянъ, соединилъ въ изображеніи ея увлеченіе поэта съ положительною основательностію ученаго спеціалиста.

Съ этимъ человѣкомъ познакомился Гумбольдтъ еще въ домѣ Дахередена, въ 1790 г., но тогда его занимали другіе интересы и знакомство это сначало не имѣло важныхъ послѣдствій. Но теперь удалившись отъ дѣлъ, занявшись изслѣдованіями надъ человѣчествомъ, Гумбольдтъ не могъ не обратить вниманіе на міръ Грековъ, на развитіе человѣка въ древнемъ мірѣ. Прежнія занятія его Греческимъ языкомъ были довольно поверхностны; онъ читалъ, правда, Платона, Аристотеля, но читалъ, за-

Digitized by Google

ботясь болѣе о содержаніи, о смыслѣ, нежели о формѣ; теперь онъ началъ занятія болѣе серьезныя и спеціальныя съ Пиндара и перевелъ изъ него вторую Олимпійскую Оду. Бывши въ Галле, онъ посѣтилъ Вольфа и сообщилъ ему о своемъ намѣреніи заняться греческимъ языкомъ и литературою.

Страсно любя свою науку, Вольфъ не могъ не обрадоваться, видя, что ей хочетъ посвятить себя человѣкъ богатый, высоко стоящій въ общественномъ мнѣніи, для котораго наука будетъ цѣлью, не средствомъ, не ремесломъ. Отдаться наукѣ, посвятить себя ей, изучать науку для науки, вотъ какъ понималъ Вольфъ призваніе ученаго, и онъ нашелъ въ Гумбольдтѣ сочувствіе, нашелъ тоже благородное безкорыстіе и самоотверженіе. Они поняли, оцѣнили другъ друга, и сблизились скоро, несмотря на различіе характеровъ.

Гумбольдтъ былъ скроменъ, почти застѣнчивъ; его натура, спокойная, болѣе воспріимчивая, нежели сообщительная составляла совершенную противоположность съ пылкимъ, нѣсколько самоувѣреннымъ характеромъ Вольфа; но самое различіе это только ускорило ихъ сближеніе и скрѣпило ихъ дружбу.

Вольфъ сообщилъ Гумбольдту нѣсколько совѣтовъ, далъ ему прочесть Федра, и просилъ отмѣтить мѣста, особенно затруднявшія его. Гумбольдтъ исполнилъ это, какъ заданный урокъ. Съ этихъ поръ онъ вступилъ въ новую сферу занятій, которыхъ однако высшій предметъ и конечную цѣль составляло все таки изученіе человѣка. Гейне обратилъ его вниманіе на поэтическую сторону въ жизни древнихъ, показавъ эстетическую, отчасти эстетико-моральную цѣль изученія древности, вліяніе его на развитіе вкуса, чувства изящнаго. Вольфъ доказалъ Гумбольдту необходимость классическихъ занятій для цѣлостнаго, гармоническаго развитія человѣка, развитія, котораго прекрасный образецъ представляется намъ въ греческомъ мірѣ. «Только въ древней Греціи, говоритъ онъ находится то, чего мы напрасно ищемъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ,—народы и государства, обладавшіе большею частію такихъ качествъ, которыя составляютъ основаніе характера, развитаго до совершенной человѣчественности. Народъ до такой степени воспріимчивъ, что не оставляетъ безъ вниманія ничего такого, къ чему находитъ побужденіе на естественномъ пути своего развитія. Онъ идетъ по этому пути независимо отъ вліянія разномыслящихъ варваровъ и продолжаетъ свое развитіе далѣе, нежели было бы возможно въ послѣдующее время, при измѣненныхъ обстоятельствахъ. Среди стѣсненныхъ и гнетущихъ заботъ гражданина, Грекъ не забывалъ человѣка до такой степени, что самыя государственныя учреж-

Digitized by Google

денія, ко вреду многихъ и со всеобщими пожертвованіями поощряли свободное развитіе человѣческихъ силъ вообще; съ необыкновенно нѣжнымъ чувствомъ къ благородному и прекрасному въ искусствѣ, онъ мало по малу соединилъ такой объемъ и такую глубину научныхъ изслѣдованій, что въ оставшихся отрывкахъ мы видимъ, вмѣстѣ съ живымъ отпечаткомъ этого рѣдкаго качества, замѣчательные образцы идеальнаго умозрѣнія.» Таково было воззрѣніе Вольфа и Гумбольдта на древность.

Гумбольдта занимали древніе народы въ неразвитомъ, даже первобытномъ состояніи; вообще занимали его народы юга, въ которыхъ жизнь природы проявилась съ большею силою и энергіею, нежели въ сѣверныхъ народахъ новѣйшихъ временъ. Придавая, какъ мы видѣли, особенное значаніе чувственности, Гумбольдтъ находилъ слѣды вліянія классической древности, пластической красоты, первобытной близости къ природѣ, въ новѣйшихъ изящныхъ произведеніяхъ по всѣмъ отраслямъ искусства, и въ этомъ вліяніи видѣлъ силу ихъ, полноту и чувственную прелесть, которая должна служить оболочкой идеѣ, живительному духовному принципу. Средоточіемъ этой сильной самородной жизни природы, этого согласія, гармоніи человѣка съ окружающимъ его міромъ, видѣлъ онъ въ древнихъ Грекахъ. Наше теперешнее образованіе, говоритъ онъ, покоится въ существенныхъ своихъ основаніяхъ на принципѣ древности—искусство и наука на Греціи, законы и учрежденія на Римѣ; многіе предметы, окружающіе насъ во вседневной жизни, на томъ и другомъ.

Гумбольдтъ переѣхалъ въ другую деревню своей жены, Аулебенъ, близъ Нордгаузена, и здѣсь совершенно предался своимъ новымъ занятіямъ, которыя имѣли для него тѣмъ болѣе прелести, что въ занятіяхъ его помогала ему Каролина; съ нею переводилъ онъ Пиндара, съ нею читалъ Овидія. На Святкахъ пріѣхалъ къ нимъ Вольфъ; много плановъ составляли они съ Гумбольдтомъ, они задумали издавать журналъ въ духѣ греческой образованности, подъ заглавіемъ «Эллада», который долженъ былъ состоять изъ переводовъ, статей о греческомъ бытѣ, филологическихъ поясненій и пр., и вообще имѣлъ цѣлью расположить публику къ изученію классической древности. Но предположеніе это осталось невыполненнымъ: Гумбольдтъ вообще болѣе заботился о самообразованіи и собственномъ развитіи, нежели о литературной извѣстности.

Оживленныя филологическія бесѣды съ Вольфомъ продолжались послѣ его отъѣзда дѣятельною перепискою, предметомъ которой были разные филологическіе вопросы и замѣтки,

Digitized by Google

перемѣшанные съ дружескимъ разсказомъ о домашнихъ обстоятельствахъ и ежедневныхъ происшествіяхъ. Эти филологическія занятія продолжались до Марта 1793 года. Тутъ Гумбольдтъ переѣхалъ въ Эрфуртъ къ тестю; городская жизнь, сношенія съ знакомыми отвлекли его отъ изученія Грековъ; не было деревенской тишины, не было уединенія, необходимаго для ученыхъ занятій. Но въ Маѣ, того же года онъ опять уѣхалъ въ деревню, въ Тегель, и занятія мало по малу пошли по прежнему: все утро до обѣда посвящалъ онъ изученію древнихъ. Такъ прошло лѣто; осенью онъ черезъ Дрезденъ проѣхалъ въ Аулебенъ, изъ Аулебена въ Бургэрнеръ. На Святки онъ отправился къ Вольфу въ Галле; опять возобновились тѣже дружескія, ученыя бесѣды; переводъ Пиндара шелъ впередъ; по возвращеніи Гумбольдта, занятія пошли обыкновеннымъ порядкомъ. Гумбольдтъ до такой степени погрузился въ созерцаніе и изученіе древности, что совершенно отрѣшился отъ всѣхъ современныхъ вопросовъ и интересовъ. Политическія событія 1793 года прошли мимо него, не производя сильнаго впечатлѣнія. Въ немъ замерло всякое желаніе политической дѣятельности. «Не то время, пишетъ онъ изъ Тегеля, чтобы спокойному, писателю теоретику надѣяться быть понятымъ».

Филологическія занятія его отличались основательностію; его никакъ нельзя было назвать дилетантомъ, человѣкомъ, занявшимся наукою отъ нечего дѣлать; ударенія, придыханія, метрика, всѣ мелочи языка обращали на себя его вниманіе; особеннаго труда стоила ему метрика Пиндара; чтобы вполнѣ вникнуть въ ритмъ его, онъ занялся музыкою, прошелъ съ однимъ органистомъ основныя правила генералъ-баса и перечиталъ нѣсколько сочиненій о древней музыкѣ. Одного этого примѣра достаточно, чтобы убѣдиться въ добросовѣстности его ученыхъ занятій, чтобъ убѣдиться въ томъ, что всѣ выводы его основаны на совершенномъ знаніи фактовъ, изученіе которыхъ онъ, какъ мы видимъ, не считалъ маловажнымъ и излишнимъ. «Трудно опредѣлить, писалъ онъ къ Вольфу, что собственно должно называть мелочами. Для того, кто привыкъ изучать съ философскимъ духомъ какую нибудь отрасль наукъ, никакая отдѣльная часть не представляетъ особенной важности, но каждая получаетъ свое значеніе только по отношенію къ цѣлому.»

Вообще любимыми древними поэтами Гумбольдта были Пиндаръ и Эсхилъ, отличающіеся возвышенностію, глубиною мысли, вполнѣ выражающіе могучую простоту древнихъ

Digitized by Google

Грековъ, представляющіе прекрасное, гармоническое слiяніе пластическаго элемента съ музыкальнымъ, слiяніе полноты содержанія и внѣшней красоты формы.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля 1793 года Гумбольдтъ изъ Эрфурта поѣхалъ въ Іену и видѣлся тамъ съ Шиллеромъ, съ которымъ познакомился еще прежде женитьбы своей, въ домѣ Каролины фонъ Ленгефельдъ, сестры жены Шиллера. Шиллеръ оживленнымъ разговоромъ своимъ объ изящномъ, о значеніи эстетики, объ идеалѣ прекраснаго увлекъ, плѣнилъ Гумбольдта и снова направилъ къ философіи его силы и способности, отвлеченныя на время изученіемъ древней литературы. Съ этого времени Шиллеръ сдѣлался для него идеаломъ поэта и развитаго человѣка, тѣмъ, чѣмъ былъ для него Форстеръ, съ тою разницею, что тутъ не было разочарованія, что Форстеръ увлекъ юношу, а Шиллеръ—человѣка, хотя молодаго, но уже вполнѣ образовавшаго свое сужденіе и взглядъ свой на людей и на вещи. Шиллеру Гумбольдтъ представлялъ на судъ свои первые попытки переводить Пиндара, вполнѣ довѣряясь его приговору; съ Шиллеромъ совѣтовался онъ о средствахъ издать въ свѣтъ свое политическое разсужденіе, котораго не хотѣла пропустить прусская цензура. По возвращеніи домой онъ началъ съ Шиллеромъ дѣятельную, откровенную переписку и только и думалъ о томъ, чтобы снова увидѣться съ знаменитымъ поэтомъ.

Въ Февралѣ 1794 года Гумбольдтъ съ женою переѣхалъ въ Іену и поселился тамъ, намѣреваясь жить тихо, уединенно, принимая только избранный кругъ друзей, ученыхъ и литераторовъ и продолжая начатое дѣло саморазвитія. Шиллера однако еще не было въ городѣ; онъ еще не возвращался изъ поѣздки своей въ Швабію, гдѣ жилъ уже седьмой мѣсяцъ; его ожидали со дня на день, но онъ пріѣхалъ не раньше половины Мая. Тутъ только Гумбольдтъ вполнѣ сблизился съ нимъ; тутъ только была достигнута цѣль переѣзда въ Іену. Семейства Шиллера и Гумбольдта видѣлись непремѣнно каждый день, а иногда и по два раза въ день. Шиллеръ тогда не былъ уже юношей. Онъ по прежнему былъ идеалистомъ, пламеннымъ мыслителемъ и поэтомъ, но первый пылъ молодости уже прошелъ, пламень этотъ умѣрялся и какъ бы смягчался внутреннимъ спокойствіемъ слѣдствіемъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, придававшемъ ему особенную, прелесть, особенное кроткое величіе. «Мысль, говоритъ Гумбольдтъ, была собственно элементомъ его жизни; онъ жилъ не иначе, какъ окруженный высшими идеями и самыми блестящими картинами фантазіи. При неутомимомъ движеніи духа впередъ онъ постоянно смотрѣлъ на жизнь и стремленіе свое, какъ

Digitized by Google

на нѣчто безконечное. Съ глубокой любовью, съ истинною, постоянною страстію онъ былъ погруженъ въ свое творчество и въ предметы избранные имъ для возсозданія; все низкое отвергалъ онъ, а обыкновенное облагораживалъ величіемъ своего взгляда и своей разработки.»

При сравненіи съ Шиллеромъ Гумбольдтъ много потерялъ въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя. Во всемъ существѣ Гумбольдта господствовало равновѣсіе; ни одна сторона не выдавалась рѣзко впередъ не поражала превосходствомъ надъ остальными. Это равновѣсіе, это равномѣрное развитіе, эта цѣлостность могли съ перваго взгляда показаться въ немъ посредственностію.

Шиллеръ стремился выводить изъ себя, создавать и олицетворять свои идеалы; Гумбольдтъ воспринимать въ себя, обращать въ свою собственность все, что приходило съ нимъ въ соприкосновеніе; природа перваго была природа производительная, сообщительная; природа втораго воспріимчивая, была сосредоточенная, углубленная въ самого себя.

Шиллеръ стремился облечь въ художественныя формы, перенести въ область искусства—идеи, добытыя путемъ научнаго изслѣдованія и самоуглубленія, могучее вдохновеніе поэта поглащаетъ въ немъ стремленіе къ отвлеченному размышленію.

Въ Гумбольдтѣ, напротивъ, духъ поэтическаго творчества проявляется рѣдкими, мимолетными проблесками, которые онъ тщательно скрываетъ; въ немъ преобладаетъ научное изслѣдованіе, мыслительная и критическая дѣятельность, которая въ крайнемъ своемъ развитіи подавляетъ самостоятельную производительность. «Я увѣренъ, пишетъ Шиллеръ къ Гумбольдту, что вашимъ авторскимъ успѣхамъ мѣшаетъ единственно перевѣсъ силы сужденія надъ свободнымъ творчествомъ, вліяніе критики, предшествующіе изобрѣтенію, на которое оно всегда дѣйствуетъ разрушительно. Субъектъ вашей мысли слишкомъ скоро обращается въ объектъ между тѣмъ, какъ въ самой наукѣ все должно совершаться субъективною дѣятельностію. Въ этомъ смыслѣ я конечно отказалъ бы вамъ въ истинной геніальности, которой у васъ въ другомъ отношеніи такъ много».

А между тѣмъ и Шиллеръ, и Гумбольдтъ жили въ мірѣ идей, имѣя въ виду не столько сверхъчувственное, чистодуховное, сколько таинственное соединеніе духовнаго и чувственнаго въ одну духовночувственную природу, т. е. въ одно вѣчно-человѣчественное.

Различіе и сходство ихъ отразилось въ ихъ языкѣ; изложеніе Гумбольдта можетъ сравниться съ увлекательнымъ языкомъ

Digitized by Google

Шиллера въ блескѣ и картинности, но при большей простотѣ и спокойствіи не уступаетъ ему въ основательности и глубокомысліи. Различіе это прямо происходитъ отъ различія духа ихъ направленія и служитъ вѣрнымъ отраженіемъ пламеннаго, геніально творческаго характера одного и спокойнаго, хладнокровно-испытующаго ума другаго; оба они особенно любили въ поэтическихъ произведеніяхъ дидактическое направленіе, глубину мысли, философское содержаніе, особенно сочувствовали стремленію къ высокому, стремленію къ законной правильности освобождающей созданія фантазіи отъ всего произвольнаго и случайнаго, стремленію, такъ ярко и рельефно выразившемуся въ твореніяхъ Шиллера.

«Ежели Шиллеръ и Гумбольдтъ, говоритъ Фридрихъ Мюллеръ, гораздо болѣе Гёте были склонны къ отвлеченному размышленію, къ строго философскому разложенію идей, и въ этомъ сходились между собою, то ихъ тѣмъ не менѣе существенно отличали другъ отъ друга энергическій пафосъ одного и безстрастное спокойствіе, кажущаяся холодность другаго».

Вліяніе Шиллера на Гумбольдта выразилось въ пробужденіи послѣдняго къ литературной дѣятельности. Филологическія занятія на время пріостановились, мѣсто ихъ заняли философія и эстетика. «Здѣсь, пишетъ Гумбольдтъ къ Вольфу изъ Іены, гдѣ я имѣю болѣе разнообразныя сношенія и книги по многимъ отраслямъ знанія, я рѣшился приняться за нѣкоторыя прежнія занятія и разработать нѣсколько давнишнихъ идей. Такимъ образомъ, я серьезнѣе возвращаюсь къ философіи, политикѣ и эстетикѣ». Гумбольдтъ и Шиллеръ рѣшили издавать журналъ подъ заглавіемъ «Die Horen», (Горы—часы), въ которомъ должны были принимать участіе Керперъ, Якоби, Александръ и Вильгельмъ Гумбольдты, Гёте и многіе другіе замѣчательные нѣмецкіе писатели. Въ это время Гумбольдтъ получилъ отъ Якоби экземпляръ новаго романа его «Вольдемаръ», и первымъ его литературнымъ трудомъ была рецензія этого романа. Заключая въ себѣ всѣ задушевныя убѣжденія автора, Вольдемаръ вполнѣ выражаетъ его личность, такъ что для Гумбольдта, хорошо знавшаго Якоби, книга эта была не романомъ, а живымъ словомъ, дружескимъ разговоромъ. Рецензія Гумбольдта проникнута тою снисходительностію, съ которою мы отзываемся о недостаткахъ хорошаго знакомаго или друга, хотя вполнѣ сознаемъ и понимаемъ ихъ. Сначала онъ хвалитъ все сочиненіе, такъ что нужно удивляться, какъ Гумбольдтъ, съ своимъ тонкимъ чувствомъ къ изящному, пропускаетъ безъ вниманія или даже хвалитъ недостатки и погрѣшности, очевидныя для всякаго, сколько нибудь знакомаго

Digitized by Google

съ требованіями искусства. «Каждая строка, пишетъ онъ, дышетъ самымъ чистымъ, истинно нравственнымъ чувствомъ, связаннымъ съ мѣстнымъ, тонкимъ чувствомъ прекраснаго..... Характеры романа изваяны изъ крѣпчайшаго и въ тоже время самаго тонкаго матеріала, который только можетъ вынести человѣчество, и вылиты въ благороднѣйшую форму, какую только можетъ оно принять. Рядъ событій идетъ, опредѣляясь только самимъ собою, съ неприкосновенною легкостію, и разсужденіе вплетается какъ бы безъ намѣренія автора.

Далѣе начинаются порицанія легкія, высказанныя съ величайшею скромностію и осторожностію, но показывающія, что отъ внимательнаго взгляда Гумбольдта не ускользнула ни одна изъ слабыхъ сторонъ романа.

Не зная личности Гумбольдта и отношеній его къ Якоби, можно было бы принять эту рецензію за тонкую иронію, потому что почти каждая изъ его похвалъ далѣе опровергается имъ же самимъ. Въ этой рецензіи обнаруживается между прочимъ въ чемъ состоитъ уклоненіе Гумбольдта отъ философіи Канта. Кантъ противопоставилъ другъ другу чувственность и нравственность, наклонность и долгъ, какъ два непримиримые взаимно враждебные другъ другу элемента, и, разорвавъ ихъ естественную связь, составляющую сущность изящнаго, уничтожилъ принципъ, необходимый для изображенія совершенной человѣчественности. Шиллеръ и Гумбольдтъ нашли средство примирить чувственное начало съ нравственнымъ, нашли гуманный принципъ, безкорыстно ведущій къ истинному, благородному и прекрасному, принципъ, который производитъ въ возвышенныхъ характерахъ свободную гармонію, развивающуюся безъ труда и борьбы по врожденному инстинкту. Кантъ принимаетъ добродѣтель за долгъ; уважая человѣческую индивидуальность, Гумбольдтъ смягчаетъ этотъ долгъ въ естественное влеченіе, въ инстинктъ человѣческой природы.

Первое сочиненіе, написанное Гумбольдтомъ для «Горъ», «Ueber den Geschlechtsunterschied und dessen Einfluss auf die organische Natur» (О различіи половъ и его вліяніи на органическую природу), носитъ слѣды вліянія брата Александра, пріѣзжавшаго въ Іену и подстрекнувшаго Вильгельма къ занятіямъ естественными науками. Гумбольдтъ поддался этому толчку, потому что жажда его къ познаніямъ была неутомима; ему хотѣлось обнять всю область человѣческихъ знаній и распространить ее до возможныхъ ея предѣловъ. «Едва могу я, писалъ онъ къ Шиллеру, сопротивляться желанію все видѣть, испытывать на сколько это возможно. Человѣкъ для того, мнѣ кажется, и существуетъ,

Digitized by Google

чтобы превращать въ свою собственность, въ собственность своего разума все, что его окружаетъ; а жизнь коротка. Я бы желалъ, когда придетъ мой часъ, оставить какъ можно меньше предметовъ, съ которыми я не пришелъ бы въ соприкосновеніе».

Изучая человѣка, Гумбольдтъ не ограничивался однимъ духовнымъ элементомъ его существа; онъ разсматривалъ человѣка всего, какъ онъ есть, съ тѣломъ и душей, подобно тому какъ элементъ прекраснаго онъ полагалъ, въ согласіи чувственности съ духовностію.

Въ сочиненіи «О различіи половъ» онъ старается указать на таинственную связь, существующую между тѣломъ и душою, на соотвѣтствіе, въ которомъ находятся явленія міра духовнаго, внутренняго, съ явленіями міра внѣшняго, вещественнаго. Опредѣленіе этой связи, этого соотвѣтствія и взаимнаго вліянія другъ на друга должно бросить новый свѣтъ на обѣ области наукъ, должно свести въ одни результаты—факты и частные выводы, собранные порознь психологомъ и натуралистомъ, привести къ открытію однихъ общихъ законовъ—это должно быть послѣднею ихъ задачею, послѣднею цѣлью ихъ трудовъ и усилій.

Эту основную мысль приводитъ Гумбольдтъ во всемъ сочиненіи, показывая соотвѣтствіе и связь между различіемъ половъ физическимъ и духовнымъ, т. е. между тѣло-сложеніемъ и нравственными особенностями мужчины и женщины. Кромѣ того, онъ олицетворяетъ способности и силы, которыхъ совокупное дѣйствіе необходимо при духовномъ творчествѣ и, отдѣляя способности, въ которыхъ болѣе дѣятельности, энергіи, напряженности отъ тѣхъ, въ которыхъ болѣе воспріимчивости, мягкости, женственности, переноситъ такимъ образомъ различіе половъ вещественнаго міра въ міръ духовный. Недостатки этого разсужденія—растянутость, неясность изложенія и непослѣдовательность—происходятъ отъ того, что Гумбольдтъ хотѣлъ постигнуть умомъ, представить въ систематическомъ порядкѣ и доказать то, что можно только чувствовать, что можетъ изобразить только творческая фантазія поэта. Объ немъ совершенно вѣрно судитъ Кернеръ. «Онъ погрѣшаетъ, пишетъ онъ къ Шиллеру, въ системѣ, не держитъ ожиданія читателя въ напряженіи, утомляетъ излишними, водянистыми подробностями, не умѣетъ распредѣлять свѣта и тѣней».

Другое сочиненіе Гумбольдта на туже тему: «Ueber männliche und weibliche Form» (О мужеской и женской формѣ) совершенно проникнуто идеями Шиллера, высказанными имъ въ сочиненіи «Anmuth und Würde» (Грація и благородство») и въ Aesthetische

Digitized by Google

Briefe (Эстетическія письма), съ которыми совершенно сжился и освоился Гумбольдтъ въ послѣднее время. Гумбольдтъ изображаетъ здѣсь идеалы красоты мужеской и женской, красоты какъ духовной, такъ и тѣлесной, потомъ сравниваетъ свои идеалы съ изображеніями греческихъ боговъ и богинь, которыя близко подходятъ къ нимъ въ отношеніи къ формамъ и красотѣ пластической, и наконецъ соединяетъ оба идеала въ одинъ абсолютный идеалъ, въ которомъ исчезаютъ другъ въ другѣ и сливаются въ одно гармоническое цѣлое характеристическія черты обоихъ первыхъ.

Дружба Гумбольдта съ Шиллеромъ, основанная на тожествѣ убѣжденій, на взаимномъ сочувствіи и уваженіи, съ каждымъ днемъ становилась тѣснѣе и искреннѣе. Гумбольдтъ, съ своей стороны, какъ критикъ и тонкій цѣнитель изящнаго, имѣлъ вліяніе на Шиллера и совѣтами своими указалъ ему истинное поприще, облегчилъ ему выборъ между эпосомъ и драмою и направилъ творческія силы его къ трагедіи, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась почти исключительнымъ предметомъ вдохновеній поэта. Впрочемъ новѣйшіе біографы Шиллера упрекаютъ Гумбольдта въ томъ, что онъ развилъ въ Шиллерѣ наклонность къ философствованію, стремленіе носиться мыслію въ отвлеченной области идей, облекать эти идеи въ поэтическія формы и отвратилъ такимъ образомъ его творческую дѣятельность отъ наивной поэзіи, болѣе конкретной и близкой къ природѣ. Но это не совсѣмъ вѣрно.

Гумбольдтъ не соглашался съ Шиллеромъ въ опредѣленіи наивной и сантиментальной поэзіи, сдѣланномъ послѣднимъ, даже находилъ опредѣленіе это односторонним, считалъ невозможнымъ отдѣлить сантиментальную поэзію отъ наивной, которая всегда должна поддерживать ее и служить ей основаніемъ. Шиллеръ высоко цѣнилъ просвѣщенный взглядъ Гумбольдта и подвергалъ его критическому обсужденію и позднѣйшія произведенія свои даже тогда, когда онъ отъ философіи и эстетики снова всѣми силами души обратился къ чистой поэзіи. «Я бы желалъ, пишетъ онъ къ Гумбольдту въ Римъ въ 1805 г., слышать отъ васъ самихъ, довольны ли вы моимъ Теллемъ; это позволительное желаніе, потому что при всемъ, что я создаю, я думаю о томъ, какъ оно вамъ понравится.» «Въ школѣ Гумбольдта, говоритъ Гофмейстеръ, Шиллеръ созрѣлъ для сближенія съ Гёте.»

Семейныя обстоятельства заставили Гумбольдта выѣхать изъ Іены.

Грустно было ему покидать цѣлый кругъ друзей, съ которыми

Digitized by Google

онъ успѣлъ свыкнуться во время шестнадцатимѣсячнаго своего пребыванія; особенно тяжело ему было разставаться съ Шиллеромъ, котораго онъ любилъ, и какъ мыслителя, и человѣка. Но болѣзнь матери, приближавшейся къ кончинѣ, призывала его въ Тегель, и чувство долга и сыновней любви превозмогло. Разлука съ Шиллеромъ продолжалась гораздо долѣе, чѣмъ думалъ Гумвольдтъ: пятнадцать мѣсяцевъ провелъ онъ то въ Тегелѣ, у постели больной матери, то въ Берлинѣ, въ кругу прежнихъ знакомыхъ и друзей, съ которыми теперь совершенно расходился въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, въ взглядѣ на философію. Отсталая, сухая метафизика берлинскихъ ученыхъ не имѣла ничего общаго съ полною жизни іенскою эстетикою. Изъ всѣхъ прежнихъ знакомыхъ, всего больше сошелся Гумвольдтъ съ Генцомъ, человѣкомъ поверхностнымъ, но одареннымъ блестящими способностями, подражавшимъ въ своихъ сочиненіяхъ духу Шиллера и успѣвшимъ заинтересовать его этимъ подражаніемъ. Въ Берлинѣ и Тегелѣ Гумвольдтъ ничего не дѣлалъ. Задумывалъ онъ многое, но въ немъ не доставало энергіи, чтобы начать дѣло и привести къ концу начатое; не было посторонней возбудительной силы, которая бы поддерживала его въ его предначертаніяхъ, не было, однимъ словомъ, Шиллера. Различіе между Шиллеромъ и Гумвольдтомъ превосходно выказалось въ этой разлукѣ. Въ то время, какъ Гумвольдтъ, лишенный посторонней помощи и обозрительнаго вліянія, бездѣйствовалъ и составлялъ только проекты трудовъ, не приводя ихъ въ исполненіе, Шиллеръ, оставшись почти въ совершенномъ одиночествѣ, потому что и Гёте уѣхалъ изъ Іены, Шиллеръ сталъ писать болѣе обыкновеннаго; производительная сила его, которую только стѣсняло присутствіе друзей, отвлекая его отъ работы, пробудилась съ новою энергіею. Во время отсутствія Гумвольдта написаны: «Сила пѣсни», «Танцы», «Природа и школа», «Царство тѣней», «Достоинство женщинъ,» «Прогулка». Это вполнѣ подтверждаетъ наше положеніе, что природа Гумвольдта—природа воспріимчивая, природа Шиллера—производительная. Гумвольдтъ самъ чувствовалъ свою слабость и зависимость отъ окружающихъ его лицъ. «Чувствую, писалъ Гумвольдтъ къ Шиллеру, что моя духовная дѣятельность, быть можетъ, болѣе нежели слѣдуетъ, нуждается въ чужомъ побужденіи, питаніи и поддержкѣ».

«Такъ какъ вы, отвѣчаетъ ему Шиллеръ, слишкомъ застѣнчивы и стыдливы, чтобы самому производить дѣтей съ музою, то по крайней мѣрѣ, усыновляйте или, лучше сказать, воспитывайте мнѣ моихъ дѣтей; за то вы будете дѣлить со мною радости отца».

Digitized by Google

Гумбольдтъ съ благодарностію принялъ предложеніе Шиллера писать рецензіи на его произведенія; начался рядъ критическихъ статей, имѣвшихъ свой особенный, оригинальный характеръ, отличавшій Гумбольдтову критику отъ всякой другой, напримѣръ отъ критики Кернера, разбиравшаго также произведенія Шиллера. Между тѣмъ какъ критика Кернера остра, строга и справедлива, критика Гумбольдта снисходительна и пристрастна. Гумбольдтъ сочуствовалъ большей части идей Шиллера, смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственныя мысли и убѣжденія и, конечно, поэтому судилъ о нихъ съ невольнымъ пристрастіемъ.

Онъ любилъ въ Шиллерѣ болѣе поэта, нежели человѣка или, лучше сказать, сначала поэта, потомъ человѣка, то есть, его сблизило съ Шиллеромъ болѣе тожество убѣжденій, нежели обстоятельства жизни; поэтому Гумбольдтъ не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнять господствующее направленіе Шиллера, которое всего больше привязывало его къ нему.

Порицанія Гумбольдта относятся къ метрикѣ, къ риѳмамъ, однимъ словомъ, къ внѣшностямъ и почти къ мелочамъ. Похвалы его, напротивъ, вникаютъ въ идею, въ сущность произведенія и открываютъ красоты, которыхъ не увидитъ и не оцѣнитъ обыкновенный, поверхностный наблюдатель. Эта черта критики Гумбольдта имѣетъ связь съ уваженіемъ его къ чужой индивидуальности, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что для самостоятельнаго полнаго развитія необходима свобода, независимость направленія, которую ограничиваетъ и стѣсняетъ всякое постороннее вліяніе, всякій, даже дружескій и благонамѣренный совѣтъ. Отъ рецензіи послѣднихъ сочиненій Шиллера Гумбольдтъ переходитъ къ опредѣленію его поэтической личности и значенія, къ его характеристикѣ, которой требовалъ самъ Шиллеръ.

Гумбольдта особенно поражала легкость, съ которою Шиллеръ переходилъ отъ трактатовъ философіи и эстетики къ твореніямъ поэтическимъ, опредѣлялъ условія и требованія прекраснаго и осуществлялъ эти условія, создавая соотвѣтствующій имъ идеалъ. Поэтому въ Гумбольдтовой характеристикѣ Шиллера господствуетъ мысль, что въ немъ соединяются философъ и поэтъ, что для него не существуетъ преграды, отдѣляющей истину дѣйствительности отъ истины идеи и что эта главная черта его характера основывается на согласномъ, совокупномъ дѣйствіи силы ума и силы воображенія.

Въ силу этой основной идеи, этого исходнаго пункта и цѣли разсужденія, Гумбольдтъ преувеличиваетъ достоинства Шиллера.

Digitized by Google

Онъ считаетъ истиннымъ призваніемъ Шиллера драматическую поэзію и вотъ на какомъ основаніи: въ произведеніяхъ Шиллера высказываются чувства и мысли болѣе идеальныя, нежели близкія къ природѣ; красота чувства преобладаетъ, беретъ верхъ надъ естественностію; истинное поле для такихъ чувствъ—драма вообще и героическая трагедія въ особенности, гдѣ представляется борьба человѣка съ судьбою, и потому человѣкъ необходимо идеализируется.

По поводу характеристики Шиллера, Гумбольдтъ возвращается къ любимому предмету—къ Грекамъ; сравнивая Шиллера съ древне-греческими писателями, онъ старается объяснить себѣ, какимъ образомъ, не смотря на діаметральную противоположность направленія, въ поэзіи Шиллера встрѣчаются всѣ существенныя красоты поэзіи классической древности. Гумбольдтъ разрѣшаетъ это противорѣчіе, придерживаясь идей самого Шиллера, служащихъ основаніемъ его разсужденію «о наивной и сантиментальной поэзіи». По мнѣнію его, уступая древнимъ поэтамъ, изображавшимъ дѣйствительную природу, въ чувственной прелести, опредѣленности, простотѣ и законченности, новѣйшіе, стремящіеся къ идеалу, превосходятъ ихъ богатствомъ, безконечностію матеріала, необъятностію задачи, духовностію своихъ произведеній. Въ духѣ Грековъ—больше воспріимчивости, воспроизводительной силы, въ духѣ новѣйшихъ поэтовъ болѣе самодѣятельности, творчества. Вѣрность изображенія, чувственная полнота Грековъ противополагается глубинѣ мысли и чувства новѣйшихъ поэтовъ и въ особенности Шиллера, который въ этомъ отношеніи называется «новѣйшимъ изъ новѣйшихъ поэтовъ». Это сближеніе съ Греками подало поводъ къ возобновленію филологическихъ занятій, прерванныхъ въ послѣднее время пребываніемъ въ Іенѣ и вытѣсненныхъ занятіями философскими и эстетическими. По дорогѣ изъ Іены въ Берлинъ, Гумбольдтъ заѣхалъ къ Вольфу въ Галле. Свиданіе съ старымъ другомъ, разговоры съ нимъ снова возбудили въ Вильгельмѣ желаніе заняться греческою литературою и языкомъ. Впрочемъ, сравнивая себя, съ одной стороны, съ Вольфомъ, какъ филолога, съ другой съ Шиллеромъ, какъ мыслителя и писателя, Гумбольдтъ сознавалъ и, кажется, преувеличивалъ превосходство ихъ надъ собою. Отказываясь отъ всякой попытки сравниться съ ними въ спеціальности каждаго, онъ задумалъ соединить въ себѣ то и другое, внести въ изученіе греческой литературы элементъ эстетическій и предположилъ составить характеристику народнаго духа и литературы Грековъ, но задача оказалась слишкомъ огромною;

Digitized by Google

Гумбольдтъ измѣнилъ ее и перешелъ къ опредѣленію характера однихъ поэтовъ, но и этого показалось много; онъ ограничился сначала извѣстнымъ періодомъ времени, наконецъ извѣстною личностію и изъ всѣхъ поэтовъ выбралъ одного Пиндара, съ которымъ былъ хорошо знакомъ. Но характеристика Пиндара показалась ему трудомъ слишкомъ частнымъ и спеціальнымъ; словомъ, ничего не было сдѣлано, и предположенія остались предположеніями.

Въ Ноябрѣ 1796 года Гумбольдтъ снова пріѣхалъ въ Іену черезъ Галле, гдѣ еще разъ видѣлся съ Вольфомъ. Въ Іенѣ въ то время кипѣла живая, разнородная литературная и ученая дѣятельность. Шиллеръ обратился къ поэзіи и писалъ болѣе обыкновеннаго; Гёте, пріѣхавши изъ Веймара, трудился надъ «Германомъ и Доротеею» и занимался остеологіею; Александръ Гумбольдтъ—изученіемъ природы, сближаясь родомъ занятій съ авторомъ «Вильгельма Мейстера»; Августъ Шлегель переводилъ Шекспира, Вильгельмъ Гумбольдтъ принялся за переводъ «Агамемнона» Эсхила. Шиллеръ еще прежде подружился съ Гете, и сблизилъ съ нимъ друзей своихъ, Гумбольдта и Кернера. Гумбольдтъ еще до втораго пріѣзда своего въ Іену сообщалъ Гёте замѣтки о вновь выходившихъ его произведеніяхъ, и даже написалъ довольно подробную рецензію «Вильгельма Мейстера»; Керперъ также писалъ критическія статьи о сочиненіяхъ Гете и сообщалъ ихъ ему черезъ Шиллера. Приглашенный участвовать въ «Горахъ», Гёте пріѣзжалъ въ Іену, чтобы переговорить съ Шиллеромъ объ основныхъ положеніяхъ изданія и видѣлся съ Гумбольдтомъ, однимъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ. Съ этого времени начинается ближайшее ихъ знакомство. Гумбольдтъ съ Шиллеромъ ѣздилъ въ Веймаръ къ Гете, нѣсколько разъ видѣлъ его въ Іенѣ, и въ бытность свою въ Берлинѣ велъ съ нимъ постоянную переписку, которая, впрочемъ, не сохранилась и объ общемъ ходѣ которой мы можемъ судить только по дошедшимъ до насъ письмамъ Гумбольдта и Гёте къ Шиллеру.

Второе пребываніе Гумбольдта въ Іенѣ особенно способствовало тѣснѣйшему сближенію его съ Гёте. Оставаясь въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Шиллеромъ, онъ отдалился отъ него образомъ дѣятельности; Шиллеръ бросилъ занятія эстетикою, и, вмѣсто того, чтобы искать условій прекраснаго, и опредѣлять ихъ умозрительными выводами, совершенно предался поэзіи, стараясь создать, осуществить идеалъ чувствомъ и вдохновеніемъ. Гёте, напротивъ того, принималъ живое участіе въ эстетико-филологическихъ трудахъ Гумбольдта, который,

Digitized by Google

между тѣмъ, оставивъ характеристику Пиндара, собиралъ матеріалы для изображенія духа литературы XVIII-го столѣтія. И это предпріятіе впрочемъ остановилось при самомъ началѣ.

Между тѣмъ знаменитая поэма Гёте «Германнъ и Доротея» подвигалась къ концу; Гумбольдтъ слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ ея содержанія, читая отдѣльныя отрывки и сцены, по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ подъ пера поэта, помогалъ ему во внѣшней отдѣлкѣ стиха, въ метрикѣ и наблюдалъ наконецъ за печатаніемъ поэмы въ Берлинѣ. «Поэма произвела сильное впечатлѣніе на Гумбольдта. Гёте, какъ человѣкъ, мыслитель и поэтъ, сталъ въ его глазахъ на ряду съ Шиллеромъ, если не выше его. Ему казалось, что этимъ произведеніемъ авторъ достигалъ высшей степени поэтическаго совершенства. Гёте удовлетворялъ всѣмъ условіямъ Гумбольдтова идеала поэта. Второе пребываніе Гумбольдта въ Іенѣ было непродолжительно; Шиллеру грустно было разставаться съ другомъ; тайное предчувствіе говорило ему что близкія сношенія ихъ кончились, что не возобновятся дружескія бесѣды, философскія пренія. «Гумбольдтъ уѣхалъ, пишетъ Шиллеръ къ Гёте; я нѣсколько лѣтъ не увижу его, да и вообще нельзя ожидать, чтобы мы еще разъ увидались такъ, какъ теперь разстаемся. И такъ, вотъ еще одна связь окончена, и не можетъ болѣе возобновиться. Два года, прожитые при различныхъ условіяхъ во многомъ измѣнятъ и насъ, и наши отношенія.»

На Гумбольдта второе пребываніе въ Іенѣ произвело глубокое впечатлѣніе, затронуло въ немъ многія струны, возбудило много новыхъ идей, которыя развились и созрѣли въ немъ позднѣе, и которыхъ первое проявленіе видимъ мы годъ спустя въ сочиненіи Aesthetische Versuche: I Band (Эстетическіе опыты, часть I), присланномъ Шиллеру въ рукописи. Это сочиненіе выражаетъ образъ мыслей Гумбольдта во второй періодъ его развитія, какъ «Ideen über die Wirksamkeit des Staats» представляютъ юношескія грезы пылкой души его, мечты, еще не созданныя и не вполнѣ сложившіяся. «Эстетическіе опыты» написаны по поводу «Германна и Доротеи» Гёте; это пространная рецензія поэмы и характеристика поэта. Но въ связи съ этой частной задачей Гумбольдтъ представилъ мысли свои о поэтическомъ произведеніи вообще, и изложилъ требованія, которымъ, по его понятіямъ, должно удовлетворять истинно-художественное твореніе. Въ этой эстетической теоріи, носящей слѣды вліянія Канта и Шиллера, Гумбольдтъ обращаетъ преимущественное вниманіе не на сущность изящнаго, а на его происхож-

Digitized by Google

деніе, на самый процессъ созданія художественныхъ произведеній. Главнымъ предметомъ его изслѣдованій является сила воображенія, творческой фантазіи; онъ опредѣляетъ ее какъ единственную изъ нашихъ способностей, которая можетъ соединять и удерживать въ взаимной связи между собою противорѣчащія другъ другу и слѣдовательно несовмѣстныя свойства; при помощи этой силы художникъ превращаетъ дѣйствительность въ картину, выводитъ природу изъ предѣловъ вещественности и, собирая и группируя явленія и признаки, разбросанные въ мірѣ дѣйствительномъ, возстановляетъ единство формы, нарушаемое въ естественномъ порядкѣ вещей, словомъ идеализируетъ существующую и видимую природу. И деальное, по словамъ Гумбольдта, есть то, что никогда не можетъ достигнуть дѣйствительности и чего не можетъ истощить никакое выраженіе. Съ идеальностію тѣсно связана цѣлостность, потому что сила фантазіи уничтожаетъ случайность, ограниченность и разъединенность дѣйствительности. Поэзія превращаетъ «личности въ идеалы», переноситъ природу въ «область идеи» и чрезъ это затрогиваетъ струны человѣческой души, не принадлежащія къ чувственному міру. Общія положенія эти сходны съ положеніями Канта въ сочиненіи его: «Ueber die Kraft der reinen Vernunft» (О силѣ чистаго разума), но Гумбольдту нужно было формулы эти примѣнить къ дѣлу, изъ общаго понятія поэзіи, нужно было вывести естественное и послѣдовательное ея самораздѣленіе. Для этого, онъ принимаетъ два существенно различныя положенія души, во-первыхъ—положеніе «созерцанія» и во вторыхъ—положеніе опредѣленнаго чувствованія; на этомъ основаніи онъ дѣлитъ поэзію на эпическую и лирическую, къ которой причисляетъ и трагедію. Онъ опредѣляетъ эпическое стихотвореніе, какъ «такое поэтическое изображеніе дѣйствія въ разсказѣ, которое ставитъ нашу душу въ положеніе живѣйшаго и самаго общаго чувственнаго созерцанія. Удаляясь отъ Канта, Гумбольдтъ примыкаетъ къ Шиллеру, подражаетъ ему въ опредѣленіи наивнаго и сантиментальнаго характера поэтическихъ произведеній и согласно съ нимъ находитъ въ древней поэзіи преобладаніе наивнаго, въ новѣйшей господство сантиментальнаго направленія.

Примѣняя къ Гёте найденныя категоріи, онъ видитъ въ его направленіи гармоническое сліяніе характеровъ древней и новѣйшей поэзіи, но замѣчаетъ однако болѣе сродства съ древнимъ элементомъ, перевѣсъ наивнаго надъ сантиментальнымъ. Лучшія мѣста этого сочиненія относятся не къ общимъ опредѣленіямъ и изысканіямъ, а къ личности Гёте и къ его поэмѣ, вокругъ кото-

Digitized by Google

рой группируется эстетическая теорія, какъ въ сочиненіи: «О мужеской и женской формѣ»—мысли о красотѣ женщины группировались вокругъ изображеній Афродиты и Геры. Недостатокъ сужденія его о Гёте и его поэмѣ заключается въ излишней восторженности, въ увлеченіи, которыя отнимаетъ у Гумбольдта вѣрность взгляда и необходимое для критика безпристрастіе, онъ ошибается, смѣшивая личность, единичный фактъ съ идеаломъ. «Въ характерѣ этого произведенія, говоритъ онъ, чище, нежели въ какомъ либо другомъ отразилась общая природа поэзіи и искусства».

Превознося объективность поэмы, онъ сравниваетъ ее въ этомъ отношеніи съ древними поэтическими произведеніями, которыя оно превосходитъ глубиною и полнотою чувства. Онъ рисуетъ природу и душу человѣка, но душу живую и получившую образъ. Въ «Германнѣ и Доротеѣ», говоритъ Гумбольдтъ, является намъ человѣчество и судьба; вопросъ въ томъ, какъ соединить общую цѣль всего человѣчества съ естественною индивидуальностію каждаго? отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ вся поэма, въ которой Гёте указываетъ на средства этого соединенія. Сохранять и развивать свой естественный, индивидуальный характеръ, удерживать прямой и здравый умъ въ независимости отъ внѣшнихъ переворотовъ, открывать его всякому высшему и лучшему вліянію и сопротивляться всѣми нравственными силами духу смущенія, и безпокойства, вотъ что совѣтуетъ Гёте человѣчеству, вотъ глубокій, дидактическій смыслъ его поэмы, выводящій ее изъ ряду обыкновенныхъ беллетристическихъ произведеній и придающій ей особенную, высшую цѣну въ глазахъ внимательнаго наблюденія.

Гумбольдта поражаетъ и эстетическое достоинство стихотворенія, и человѣческое значеніе поэта. «Авторъ такого произведенія, говоритъ онъ, можетъ быть названъ въ высшей степени человѣчественнымъ, потому что никто другой не говоритъ нашему сердцу въ такихъ разнообразныхъ, высокихъ, необыкновенныхъ и въ тоже время простыхъ и понятныхъ звукахъ.... Ни въ одномъ древнемъ писателѣ нѣтъ его высокой, тонкой, идеальной сантиментальности, ни въ одномъ новомъ—его чистой истинности, его сердечной, простой задушевности.... Изображая состояніе души даже самое необыкновенное и страстное, онъ, какъ при описаніи внѣшней природы, владѣетъ кистью спокойно и послѣдовательно, крѣпко сплочивая въ одно цѣлое отдѣльныя составныя части. Онъ выводитъ изображаемую индивидуальность въ одно время изъ всѣхъ силъ души, вплетаетъ ее во всѣ мысли, чувства, про-

Digitized by Google

явленія характера, показываетъ тотъ же характеръ въ связи съ другими; онъ такъ живо выставляетъ его передъ нашимъ воображеніемъ въ его бытіи и сущности, что мы видимъ его не только въ одну извѣстную минуту, но въ обыкновенномъ, всегдашнемъ его состояніи, слѣдимъ за его развитіемъ и можемъ судить о его успѣхахъ..... Внутреннія движенія души способны принимать весьма различные оттѣнки, изъ которыхъ особенно замѣчательны слѣдующіе два, образующіе двѣ крайности, высокій, сильный и тихій, спокойный. Мысль принимаетъ различныя формы, съ одной стороны, выходя изъ чистаго размышленія, не опирающагося на внѣшній опытъ, или, являясь изъ области фантазіи въ видѣ блестящей сентенціи и, съ другой стороны, схватывая въ простой истинѣ множество опытовъ и выводя изъ нихъ самородную мудрость. Сердце чувствуетъ различныя движенія, когда его, съ одной стороны, обуреваютъ сильныя страсти и когда оно, съ другой стороны, вовлекши въ свой кругъ все, что можетъ заимствовать изъ природы, тихо и глубоко волнуется, гармонически проникнутое могучими, безконечными, но постоянно согласными между собою чувствами. Это послѣднее настроеніе характера изображаетъ Гёте, и когда онъ вызываетъ страсти, то они поднимаются, какъ волны на безпредѣльномъ морѣ, на приготовленной такимъ образомъ почвѣ, и располагаются снова на свѣтлой, ничѣмъ неограниченной поверхности, легко подвижной на всемъ своемъ пространствѣ. Этимъ отличается онъ отъ новѣйшихъ поэтовъ другихъ націй, которые рисуютъ болѣе страсти нежели душу, въ которыхъ болѣе пыла и огня, нежели искренности и теплоты, и снова приближается этимъ путемъ къ прекрасному равновѣсію къ спокойной гармоніи древнихъ.»

Вообще, разсужденіе о «Германнѣ и Доротеѣ» представляетъ двѣ рѣзко отличающіяся части.

Въ первой Гумбольдтъ доказываетъ, что поэма эта истинно художественное, поэтическое твореніе. Доказавъ это, представивъ объективность необходимымъ условіемъ изящнаго произведенія, онъ отдѣляетъ поэзію Гёте отъ поэзіи Шиллера, болѣе пластическое направленіе отъ болѣе музыкальнаго, наивный стиль отъ сантиментальнаго и наконецъ, описывая болѣе и болѣе тѣсные круги, точно опредѣляетъ поприще дѣятельности автора «Германна и Доротеи».

Это составляетъ переходъ къ второй части, въ которой доказывается что «Германнъ и Доротея» есть образецъ истиннаго эпоса. Изъ общаго роднаго понятія эпоса выдѣляется сначала идиллія, далѣе повѣствовательное стихотвореніе, наконецъ

Digitized by Google

опредѣляется различіе между эпосомъ героическимъ и гражданскимъ, къ которому онъ и относитъ поэму Гёте. Произведеніе свое Гумбольдтъ прислалъ Шиллеру изъ Парижа, прося позаботиться о его напечатаніи; между тѣмъ, въ сочиненіи этомъ, исполненномъ похвалъ Гёте и его произведенію, не упомянуто имени Шиллера. Лучшимъ доказательствомъ благороднаго характера Шиллера можетъ служить поведеніе его въ этомъ случаѣ и въ особенности довѣріе Гумбольдта къ справедливости своего друга и его безпристрастію, составляющему явленіе, рѣдкое въ литературномъ мірѣ. Вполнѣ одобряя и раздѣляя основную мысль сочиненія Гумбольдта, Шиллеръ сдѣлалъ ему еще нѣсколько замѣчаній, касавшихся внѣшняго расположенія идей и слога, который мѣстами тяжелъ и отзывается педантизмомъ, происходившимъ отъ желанія быть яснымъ.

«Заслуга этой работы, пишетъ Шиллеръ, въ строжайшемъ смыслѣ принадлежитъ вамъ. Правда, Гёте, какъ поэтъ, могъ приготовить вамъ матеріалъ, но я, какъ цѣнитель изящнаго и теоретикъ, не много пособилъ вамъ. Мало того. Я долженъ сознаться, что вижу слѣды моего вліянія въ единственной значительной погрѣшности, которую долженъ вамъ замѣтить. Догматическая часть вашего труда, опредѣляющая законы поэзіи, находится въ совершенномъ согласіи съ собою, съ предметомъ и съ чистѣйшими, общими воззрѣніями другихъ и съ философской точки зрѣнія вполнѣ удовлетворительна. Не менѣе вѣрна и безъукоризненна часть критическая, примѣняющая эти законы къ самой поэмѣ и замѣняющаяся его оцѣнкой; но, кажется, не достаетъ средней части, которая примѣняла бы общія положенія, метафизику поэзіи, къ отдѣльнымъ родамъ ея и посредствомъ которой совершился бы переходъ отъ самаго общаго къ единичному. Я замѣтилъ выше, что узнаю въ этой погрѣшности слѣды моего вліянія. Дѣйствительно, стремленіе наше къ элементарнымъ понятіямъ въ эстетическихъ предметахъ привело насъ къ тому, что мы слишкомъ непосредственно примѣняемъ къ предметамъ метафизику искусства и употребляемъ ее, какъ практическое орудіе, къ чему она, конечно не годится; мнѣ это часто случалось дѣлать въ отношеніи къ Бюргеру и Маттисону, въ особенности при статьяхъ для «Горъ».

«Идеямъ Гумбольдта, пишетъ Шиллеръ къ Кернеру, не достаетъ необходимой смѣлости выраженіи, а всему изложенію группировки, столь же необходимой въ научномъ изложеніи какъ и во всякомъ художественномъ произведеніи. Такъ какъ ему не достаетъ этого, то результаты его не легко охватываются

Digitized by Google

разсудкомъ, и еще менѣе производятъ впечатлѣніе на воображеніе; они разсѣяны и ихъ нужно собирать; одинъ періодъ вытѣсняетъ у него другой; онъ развлекаетъ вниманіе въ разныя стороны и ни на чемъ исключительно не позволяетъ ему остановиться.»

Вотъ главные недостатки этого произведенія, которое вообще не имѣло успѣха въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что незадолго за его появленія вышла въ свѣтъ рецензія поэмы «Германнъ и Доротея» Августа Вильгельма Шлегеля, написанная не столь основательно, но языкомъ болѣе живымъ, увлекательнымъ, и потому понравившаяся больше рецензіи Гумбольдта.

Уѣзжая изъ Іены, Гумбольдтъ намѣревался путешествовать, чтобъ довершить свое самообразованіе, познакомиться съ замѣчательными личностями своего времени, изучить физіономіи различныхъ народовъ въ отечествѣ ихъ и на поприщѣ обыкновенной политической и домашней ихъ дѣятельности. Сперва Гумбольдтъ рѣшился посѣтить Сѣверную Германію, чтобы прежде всего вполнѣ познакомиться съ своимъ отечествомъ. Изъ Берлина онъ отправился черезъ Стральзундъ въ Рюгенъ, оттуда черезъ Роштокъ и Любекъ въ Эйтинъ, обыкновенное мѣстопребываніе Фосса, съ которымъ онъ желалъ повидаться и сблизиться. Авторъ «Луизы», честный и добродушный Нѣмецъ, какъ человѣкъ и какъ семьянинъ произвелъ на Гумбольдта самое пріятное впечатлѣніе, и совершенно расположилъ его въ свою пользу.

Пробывъ нѣсколько дней въ Эйтинѣ, Гумбольдтъ проѣхалъ въ Гамбургъ и оттуда возвратился въ Берлинъ, гдѣ никто изъ прежнихъ друзей не могъ замѣнить ему Шиллера. Внутренняя пустота, происходившая отъ разлада со всѣмъ окружающимъ, породила въ Гумбольдтѣ тоску, безпокойство, непреодолимое желаніе перепестись снова въ кружокъ іенскихъ друзей; дѣйствительно, не смотря на безнадежное положеніе больной матери, онъ оставилъ Берлинъ и, черезъ Галле, гдѣ видѣлся съ Вольфомъ, проѣхалъ въ Іену. Это третье пребываніе его было очень непродолжительно; онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ матери, и разныя семейныя дѣла принудили его снова ѣхать въ Берлинъ. Окончивъ дѣла по наслѣдству, Гумбольдтъ съ новою силою ухватился за желаніе свое путешествовать, желаніе, которое можно было еще легче исполнить теперь, по смерти матери. Давно уже привлекала его Италія; и климатъ, и историческія воспоминанія, и произведенія искусствъ, все манило его въ Римъ, представляя ему древнюю столицу міра очарованнымъ городомъ, безъ котораго развитіе будетъ неполно и безсвязно. Обстоятель-

Digitized by Google

ства, казалось, благопріятствовали исполнить давнишнее желаніе. Внутреннее развитіе свое Гумбольдтъ считалъ достаточно оконченнымъ, чтобы въ полной мѣрѣ наслаждаться красотами природы и искусства, понимать и чувствовать истинное значеніе величественныхъ памятниковъ древности. И такъ рѣшено было ѣхать въ Италію.

Въ концѣ Апрѣля Гумбольдтъ изъ Берлина отправился съ женою въ Дрезденъ, гдѣ съѣхался съ братомъ Александромъ, желавшимъ сопутствовать имъ въ путешествіи. Тутъ пробылъ онъ довольно долго, сблизился съ Кернеромъ, видѣлся съ нимъ каждый день и разговаривалъ о великихъ произведеніяхъ Шиллера и Гете, критика которыхъ составляло главное и любимое занятіе обоихъ. Не ранѣе конца Іюля семейство Гумбольдтовъ пустилось въ дальнѣйшій путь по дорогѣ къ Вѣнѣ, куда прибыли они въ началѣ Августа. Здѣсь услышали они о томъ, что въ Италіи начались военныя дѣйствія, что дороги захвачены французскими летучими отрядами, и что путешествіе вообще представляетъ большія неудобства и даже серьезныя опасности. Принужденный отказаться отъ поѣздки въ Италію, Вильгельмъ Гумбольдтъ рѣшился ѣхать въ Францію черезъ Швейцарію и въ началѣ Октября оставилъ Вѣну, а въ концѣ того же мѣсяца прибылъ съ женою въ Мюнхенъ.

Вильгельмъ не оставлялъ безъ вниманія ничего достопримѣчательнаго; онъ путешествовалъ чтобы учиться и вполнѣ достигалъ предположенной цѣли; библіотеки, музеи, общественныя зданія и учрежденія, все обращало на себя его просвѣщенное вниманіе; мало того онъ всматривался въ физіономію и бытъ народа, вслушался въ его языкъ и повѣрія, изучалъ природу и душу человѣка въ самыхъ живыхъ ея проявленіяхъ. Гумбольдтъ не занимался исключительно одною извѣстною стороною, оставляя безъ вниманія всѣ другія. Онъ наслаждался полнымъ впечатлѣніемъ, которое производило на него все, что онъ видѣлъ, въ совокупности, въ цѣлости, въ строгомъ соотвѣтствіи и равновѣсіи отдѣльныхъ составныхъ частей. Изъ Мюнхена онъ проѣхалъ по Швейцаріи и наконецъ прибылъ въ Парижъ въ половинѣ Ноября.

Здѣсь богатый домъ Гумбольдта, оживленный любезностію его жены и открытый для высшаго парижскаго круга, въ особенности для литературныхъ и ученыхъ знаменитостей, сдѣлался, какъ пишетъ Каролина фонъ Гумбольдтъ къ одной изъ своихъ пріятельницъ, Рахили Левинъ, point de ralliement Нѣмцевъ и Французовъ; изъ Парижскихъ знакомыхъ ихъ особенно замѣчатель-

Digitized by Google

ны живописцы Давидъ и Форестье, писатели и ученые Виллуазонъ, Милленъ, Дю-Тейль, Сенъ-Круа, отшельникъ Графъ Шлабрендорфъ, Эльснеръ, Лейхсенрингъ, Бургсдорфъ, M-me Сталь, съ которою коротко познакомились Гумбольдтъ и его супруга. Въ салонахъ M-me Сталь они встрѣчались съ тогдашними парижскими знаменитостями, которыя имѣли вліяніе на современное общество и давали направленіе своему вѣку. Здѣсь видѣлся и сближался Гумбольдтъ съ немногими французскими учеными и писателями, которые интересовались нѣмецкимъ языкомъ и словесностью въ эпоху до реставраціи. Такъ узналъ онъ Бенжамена Констана, Ретифъ де-ла Бретонн, Битобѐ и Сильвестра де Сасѝ. Здѣсь же впервые онъ видѣлся съ знаменитымъ Талейраномъ, съ которымъ ему такъ часто суждено было встрѣчаться впослѣдствіи на дипломатическомъ поприщѣ. Подробности этого перваго знакомства неизвѣстны. Сюда же, весною 1797 года возвратился изъ своихъ путешествій Александръ Гумбольдтъ.

Не отказываясь отъ общества, Вильгельмъ Гумбольдтъ не оставилъ и ученыхъ занятій, для которыхъ въ Парижѣ ему представлялось много новыхъ средствъ; все утро посвящено было трудамъ въ библіотекахъ и музеяхъ, изученію греческой древности, чтенію Гомера, и переводу Пиндара, который успѣшно подвигался впередъ. Впрочемъ, изученіе древности не составляло исключительнаго предмета вниманія Гумбольдта; его столько же интересовала національность новыхъ народовъ. Въ бытность свою во Франціи онъ подмѣчалъ отличительныя черты французскаго характера. Мѣстомъ его наблюденій былъ театръ.

Сравнивая игру Французскихъ актеровъ съ игрою Нѣмцевъ, и замѣчая существенное различіе, онъ выводилъ изъ этого различія заключенія о характерѣ обоихъ народовъ. Замѣчанія его показываютъ тонкую и глубокую наблюдательность. «Французы, говоритъ онъ, любятъ эффектъ, внѣшній блескъ, который въ глазахъ ихъ можетъ замѣнить прочихъ внутреннія достоинства, поддаются впечатлѣнію минуты, увлекаются имъ, но не на долго. Такъ и актеры ихъ лучше выражаютъ страсти, минутныя чувства, нежели характеры; игра ихъ отличается болѣе эффектностью, нежели ровностью, глубиною и обдуманностью, въ которой она уступаетъ драматическому искусству Нѣмцевъ.... Нѣмецъ хочетъ схватить впечатлѣніе прямо чувствомъ и умомъ, хочетъ перескочить черезъ бездну, которая такъ рѣзко отдѣляетъ бытіе отъ бытія и силу отъ силы, что они могутъ сдѣлаться понятными только черезъ посредствующіе знаки. Мысли и чувства не проявляются тотчасъ въ выраженіи, не всегда представляются говорящему въ опредѣленныхъ словахъ,

Digitized by Google

поэту въ гармоніи и ритмѣ, живописцу и ваятелю въ образѣ, особенности же не представляются актеру въ выраженіи лица и въ жестахъ, потому что мы вообще не обладаемъ живою и выразительною мимикою. Вообще нѣмецъ не такъ говорливъ, какъ другіе народы, а между тѣмъ (я говорю откровенно, какъ чувствую) онъ могъ бы высказать больше и лучше другихъ. Это расположеніе духа, безъ сомнѣнія, можетъ вредить искусству. На этомъ основаніи, наши поэты въ богатствѣ и красотѣ ритма, въ чувственной полнотѣ выраженія уступаютъ не только древнимъ, но часто и новѣйшимъ и потому, при одинаковой силѣ, не могутъ сравниться съ ними въ степени поэтическаго воодушевленія. «Эти наблюденія изложены въ систематическомъ порядкѣ въ сочиненіи «О современной французской трагической сценѣ», помѣщенномъ въ «Пропилеяхъ» Гёте.

Во все объемлющее Гумбольдтово изученіе человѣка вошла и физіогномика, не имѣвшая впрочемъ ничего общаго съ наукою Лафатера. Онъ посѣтилъ музей малыхъ Августинцевъ (le musée des petits Augustins) и наблюдалъ типы находящихся въ одной галлереѣ портретовъ и бюстовъ замѣчательныхъ людей Франціи со временъ Хлодвига до Людовика XV; на основаніи этихъ наблюденій онъ, впрочемъ, не составлялъ, какъ Лафатеръ, смѣлыхъ теорій, удивляющихъ своею бездоказательностью, но просто дѣлалъ замѣтки со свойственною ему тонкостью и проницательностію; онъ умѣлъ подмѣтить такія стороны и черты, которыя ускользнули бы отъ обыкновеннаго наблюдателя. Напримѣръ, онъ находитъ, что благороднѣйшій типъ соотвѣтствуетъ времени процвѣтанія литературы, но изъ этого факта не выводитъ никакого произвольнаго заключенія.

Въ концѣ Августа 1799 г. Гумбольдтъ со всѣмъ семействомъ предпринялъ путешествіе въ Испанію; онъ отправился изъ Парижа черезъ Байонну, проѣхалъ въ Бискаію, оттуда по берегамъ Эбро въ Кастилію, въ Мадридъ, потомъ на югъ, въ Кадиксъ и наконецъ назадъ на сѣверъ черезъ Севилью, Сіерру Морену и Валенсію мимо Мурвіедро, (древняго Сагунта) въ Барцелону; пробывъ тамъ нѣсколько времени, онъ черезъ Каталонію отправился къ Пиринеямъ и возвратился въ Парижъ въ Апрѣлѣ 1800 года. Поѣздка эта замѣчательна тѣмъ, что съ нею соединены первыя лингвистическія занятія Гумбольдта, начавшіяся съ изученія баскскаго языка, занятія, которымъ суждено было вытѣснить или по крайней мѣрѣ подчинить себѣ и отодвинуть на второй планъ изученіе древности, философію и эстетику,—и обезсмертить имя Вильгельма Гумбольдта.

Гумбольдтъ нашелъ что въ языкѣ всего чище выражается

Digitized by Google

индивидуальный характеръ народа и что основательное изученіе языка, изученіе, въ которое входятъ элементы всѣхъ наукъ, составлявшихъ до сихъ поръ предметъ его занятій, прямо и вѣрно поведетъ его къ предположенной цѣли, къ познанію человѣка. Труды по баскскому языку задержали его долго въ Испаніи и потомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ нашелъ въ библіотекахъ много памятниковъ и рукописей. Гумбольдту помогали въ Бискаіи два мѣстные священника, хорошо знавшіе баскскія древности.

Впрочемъ, результаты всей поѣздки въ научномъ отношеніи не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. «Главною цѣлью моего путешествія черезъ Бискаію, говоритъ Гумбольдтъ, было отыскать слѣды, которые могли остаться отъ древнѣйшей исторіи и древнѣйшаго быта народа въ старинныхъ преданіяхъ и народныхъ пѣсняхъ. Но вскорѣ я совершенно разочаровался въ ожиданіи найти что нибудь замѣчательное. Быть можетъ, ни въ какой другой странѣ безразсудная ревность первыхъ христіанскихъ жителей не успѣла такъ окончательно уничтожить всѣ остатки языческой древности.»

Въ горахъ Сіерры Морены Гумбольдтъ написалъ элегію; это былъ первый самостоятельный его поэтическій опытъ, написанный подъ вліяніемъ роскошной природы Андалузіи. Въ ней совѣтуетъ онъ человѣку сближаться съ природою, воспринимать ее въ себя и воспринятое воодушевлять и преобразовывать дыханіемъ внутренней жизни.

Сильное впечатлѣніе произвелъ на Гумбольдта уединенный монастырь Монсерратъ близъ Барцелоны, построенный на одинокой скалѣ, въ прекрасномъ, живописномъ мѣстоположеніи. «Когда я всходилъ къ монастырю, пишетъ онъ къ Гёте, по тропинкѣ, медленно извивающейся вдоль склона скалы, когда, прежде нежели я увидѣлъ зданія, зазвучалъ колоколъ, мнѣ представился вашъ благочестивый пилигримъ (въ стихотвореніи «Тайны»); когда я выглянулъ изъ глубокихъ, зеленѣющихъ ущелій и увидѣлъ кресты, водруженные святою отвагою на голыхъ утесахъ, въ неизмѣримой высотѣ, по видимому, недоступной человѣку, то взоръ мой не пронесся равнодушно мимо этого символа, безпрерывно встрѣчающагося въ Испаніи. Величіе природы, глубина одиночества наполняетъ сердце такими чувствами, которыя придаютъ даже пустому іероглифу свой собственный, знаменательный смыслъ Какъ бы мы ни думали о какомъ нибудь вѣрованіи или убѣжденіи, между нимъ и нами стоитъ посредникомъ человѣкъ, изъ чувствованій котораго она вышло. Въ суетѣ свѣта мы часто забываемъ объ этомъ и судимъ рѣзко и поспѣш-

Digitized by Google

но; но въ тиши уединенія, располагающаго насъ къ кротости, мы сильнѣе чувствуемъ сродство свое со всѣмъ человѣческимъ. Долго не могъ я оторваться отъ вершины этой удивительной горы, долго, пристально смотрѣлъ на разстилавшуюся предо мною обширную равнину, которая, съ одной стороны, окаймлена моремъ и снѣжными хребтами горъ, съ другой, сливается съ необозримою далью, на лежавшія подо мною лѣсистыя ущелья, которыхъ глубокая тишина только порою нарушалась отдаленнымъ звономъ монастырскаго колокола. Не вольно подумалъ я, что это мѣсто можетъ служить убѣжищемъ тихаго удаленія отъ свѣта, убѣжищемъ, гдѣ немногимъ совершенно чуждое стремленіе жить съ самимъ собою и съ природою найдетъ полное, невозмутимое удовлетвореніе. Дѣйствительно, для каждаго, истинно человѣческаго чувства должно бы въ природѣ быть благопріятствующее ему мѣсто, въ которомъ человѣкъ могъ-бы искать прибѣжища, если не для себя, то по крайней мѣрѣ, для своихъ чувствъ и своего воображенія.» Прекрасное описаніе это показываетъ живое чувство Гумбольдта къ красотамъ природы, отъ которыхъ онъ постоянно восходитъ къ болѣе возвышенному, внутреннему и духовному.

Изъ Парижа Гумбольдтъ возвратился въ Германію; въ Веймарѣ видѣлся съ Шиллеромъ, но пробылъ съ нимъ недолго, и изъ Веймара, черезъ Бургэрнеръ, проѣхалъ въ Берлинъ и въ Тегель. Берлинская жизнь теперь, какъ и прежде, не имѣла для него ничего привлекательнаго. Онъ снова сталъ часто видаться съ Генцомъ, но съ каждымъ днемъ болѣе понималъ его, видѣлъ пустоту его и отсутствіе прочныхъ нравственныхъ правилъ. Подкупленный австрійскимъ золотомъ, Генцъ въ то время поддерживалъ интересы австрійскаго двора, навлекъ на себя подозрѣніе, и принужденный бѣжать изъ Берлина, перешелъ наконецъ въ австрійскую службу.

Между тѣмъ Гумбольдтъ также выѣхалъ изъ Берлина, получивъ мѣсто, достойное его талантовъ и добросовѣстности. Мы видѣли, какъ Гумбольдтъ въ первой молодости бросилъ службу, думая найти въ саморазвитіи и нравственномъ совершенствованіи болѣе достойный и полезный предметъ дѣятельности.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, особенно во время послѣдняго пребыванія въ Берлинѣ, его тревожило опасеніе, не будетъ ли одностороннимъ развитіе, при которомъ кругъ дѣятельности ограниченъ собственною личностію и не распространяется на окружающій внѣшній міръ, при которомъ составленныя теоріи остаются безъ всякаго практическаго примѣненія; кромѣ того, ему казалось, что цѣна досуга только тогда

Digitized by Google

можетъ быть вполнѣ понята, и что самый досугъ тогда только можетъ принести всю свою пользу, когда онъ смѣняется правильными, положенными занятіями, не зависящими отъ нашего произвола; однимъ словомъ Гумбольдту пришла мысль снова поступить на службу. Знатность рода, сильныя связи и личныя достоинства открывали ему доступъ ко всякой карьерѣ, ко всякому служебному поприщу; счастье благопріятствовало ему; въ это время прусское правительство не имѣло представителя въ Римѣ; Гумбольдтъ сталъ хлопотать о мѣстѣ посланника при дворѣ Папы, такъ какъ эта служба совпадала съ его пламеннымъ, давнишнимъ желаніемъ, получилъ его и осенью 1802 г. со всѣмъ семействомъ отправился въ Римъ.

Digitized by Google

II.

Отъѣздъ въ Римъ.—Тоска по родинѣ.—Смерть старшаго сына В. Г.—Впечатлѣнія, произведенныя Римомъ на В. Г.—Переводы Эсхила и Пиндара.—Дѣятельность В. Г. въ управленіи Департаментомъ—Назначеніе В. Г. посланникомъ въ Вѣну.—Дипломатическая дѣятельность В. Г. 1813—1815 годовъ.—Посольство въ Лондонъ.—Проэктъ конституціи.—Окончательная отставка В. Г.

На пути въ Римъ Гумбольтъ заѣхалъ въ Галле къ Вольфу, у котораго взялъ множество наставленій на счетъ достопримѣчательностей Италіи и въ особенности Рима; потомъ въ Веймаръ, къ Гёте и здѣсь въ послѣдній разъ видѣлся съ Шиллеромъ. Съ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ Римъ Гумбольдтъ умѣлъ своимъ благоразуміемъ и благородствомъ заслужить такое расположеніе папы, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ, и—что всего удивительнѣе—умѣлъ пріобрѣсти любовь народа, не смотря на различіе вѣроисповѣданія. Но ни сочувствіе римскаго народа, ни общество даровитыхъ и образованныхъ людей, литераторовъ, ученыхъ, художниковъ, какъ напримѣръ Бонштеттена, Шлегеля, Г-жи Сталь, Тика, Торвальдсена, Шика, Цоэги, не могли подавить въ Гумбольдтѣ чувства грусти; тяжелы были для него первые годы посланничества, словно ему чего-то не доставало. Не доставало ему іенскихъ друзей, кружка, съ которымъ его связывало единство идей, тожество убѣжденій, не доставало разговоровъ съ Шиллеромъ, съ Гёте, не доставало наконецъ звуковъ родного языка, родного образа мыслей, словомъ нѣмецкаго элемента, который онъ любилъ всѣми силами души. Впрочемъ, онъ, по обыкновенію, поддерживалъ постоянную переписку съ остававшимися на родинѣ друзьями. Шиллеръ по прежнему присылалъ ему на обсужденіе свои созданія, спрашивалъ его дружескаго совѣта и пользовался его замѣчаніями. «Орлеанская дѣва», «Марія Стуартъ», «Мессинская невѣста», «Вильгельмъ Телль» и нѣсколько мелкихъ стихотвореній выдержали такимъ образомъ критику Гумбольдта.

Digitized by Google

Письменныя сношенія эти, облегчая разлуку, не могли, конечно, замѣнить живого слова, не могли производить на Гумбольдта того плодотворнаго, возбудительнаго вліянія, которое имѣло на него общество Шиллера и Гете. Онъ во всѣхъ письмахъ своихъ выражаетъ тоскливое стремленіе къ тому, чего не достовало ему въ Римѣ. Эта особенная, свойственная ему тоска по родинѣ высказалась всего сильнѣе когда онъ получилъ извѣстіе о смерти Шиллера. «Ничто еще не потрясало меня такъ сильно, какъ извѣстіе о смерти Шиллера, пишетъ онъ къ Гёте; я въ первый разъ теряю испытаннаго друга, съ которымъ слились мои мысли и чувства въ годы, прожитые вмѣстѣ; теперь, мнѣ еще ужаснѣе кажется разлука, отдаленіе, въ которомъ мы провели послѣдніе годы..... Какъ часто приходило мнѣ въ голову, что человѣкъ легкомысленно покидаетъ, уничтожаетъ то, въ чемъ заключено его счастіе и необдуманно хватается за новое. Если бы мы всегда имѣли въ виду и ясно сознавали дѣйствительную неизвѣстность человѣческой судьбы, тогда конечно ни одинъ чувствительный человѣкъ, не рѣшился бы оставить то мѣсто, на которомъ впервые обнялъ друзей.»

Въ первый же годъ пребыванія Гумбольдта въ Римѣ, его поразило сильное несчастіе. Въ Арриччіо умеръ старшій сынъ его, подававшій блестящія надежды. «Эта смерть, писалъ Гумбольдтъ къ Шиллеру въ первыя минуты горести, отняла у меня съ одной стороны всякую увѣренность въ жизни; я больше не вѣрю своему счастію, не вѣрю судьбѣ, не вѣрю силѣ бытія. Ежели эта быстрая, цвѣтущая, сильная жизнь могла такъ внезапно погибнуть, то что же послѣ того прочно?»

Впрочемъ время и въ особенности пребываніе, въ такомъ городѣ, какъ Римъ, развлекли Гумбольдта и изгладили не только печаль его, но и чувство одиночества, тоску по родинѣ. Дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствовала картинѣ, которую заранѣе рисовало ему воображеніе; роскошная природа, величественныя воспоминанія былого, безсмертныя произведенія искусствъ, все это вмѣстѣ, въ совокупности образовало для Гумбольдта какой то очарованный міръ; передъ нимъ возставало прошедшее, являлся древній Римъ во всемъ своемъ величіи; Гумбольдтъ совершенно поддался этому обаянію, имѣвшему для него невыразимую прелесть, и спокойно наслаждался общимъ, цѣлостнымъ впечатлѣніемъ всемірнаго города, въ которомъ всѣ чувства его находили себѣ отголосокъ, всѣ потребности души удовлетвореніе. «Все, что въ насъ звучитъ по человѣчески, пишетъ онъ, чрезъ какую бы нить человѣческой и всемірной судьбы оно ни пробуждалось, при этой обстановкѣ звучитъ чище и сильнѣе.»

Digitized by Google

Словомъ, онъ чувствовалъ Римъ, какъ Греки чувствовали весь внѣшній міръ. По этому, для составленія себѣ полнаго понятія о Римѣ, онъ считаетъ недостаточнымъ обозрѣніе всѣхъ его достопримѣчательностей. Римъ, который «остался для насъ, говоритъ онъ, чувственно-живою картиною идеально-созерцаемой древности, Римъ требуетъ спокойствія, требуетъ, чтобы, по возможности, мы отдаляли отъ себя мысль о необходимости отъѣзда, какъ бы рѣшительно онъ ни былъ назначенъ; надобно сначала пожить для самаго себя, а потомъ уже для Рима, и тихо, спокойно предаться впечатлѣнію. Величіе Рима заключается при безконечномъ множествѣ отдѣльныхъ достопримѣчательностей, въ общей картинѣ, въ смѣшеніи древняго и новаго великолѣпія, въ развалинахъ, раскинутыхъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль по растилающейся кругомъ равнинѣ, и окаймляющимъ ее горамъ, въ длинномъ рядѣ историческихъ воспоминаній и темныхъ преданій. Это ясно выказалось въ то время, когда онъ недостойнымъ и постыднымъ образомъ былъ лишенъ драгоцѣнныхъ сокровищъ искусства, замѣчательныхъ памятниковъ древности. Останется вѣчное различіе между странами и городами, которые были театромъ классической древности, и тѣми, которыхъ не коснулось это живительное дыханіе, рано согрѣвшее человѣчество.»

«Пріѣзжайте, пишетъ Гумбольдтъ къ Вольфу, приглашая его на прогулку въ Колизеѣ при лунномъ свѣтѣ, пріѣзжайте и будемъ наслаждаться. Пробудьте здѣсь хоть нѣсколько недѣль, и вы отвѣдаете лотоса. Исчезнутъ тягостныя мысли о трудѣ; вы будете желать одного наслажденія и полюбите его болѣе труда.» Впрочемъ, то высшее наслажденіе, о которомъ говоритъ Гумбольдтъ не исключаетъ труда, напротивъ оно освѣжаетъ силы и располагаетъ къ дѣятельности. Примѣръ этого представляетъ самъ Гумбольдтъ, принявшійся съ новымъ рвеніемъ, подъ вліяніемъ внѣшней обстановки, за давно начатые переводы Пиндара и Эсхила.

Лѣтомъ 1804 года оконченъ въ Альбано переводъ «Агамемнона», занимавшій Гумбольдта въ теченіе восьми лѣтъ. Переводъ этотъ выдержалъ много разныхъ измѣненій и былъ изданъ не въ томъ видѣ, который онъ получилъ въ Римѣ. Скажемъ при этомъ случаѣ нѣсколько словъ о переводахъ Гумбольдта вообще. Первымъ опытомъ его былъ переводъ второй олимпійской оды Пиндара, сдѣланный въ счастливомъ невѣдѣніи трудностей, переводъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ не ученый, а поэтическій интересъ; вѣрность подлиннику принесена въ жертву художественности; это скорѣе вольное, поэтическое переложеніе,

Digitized by Google

нежели добросовѣстный и точный переводъ. Гумбольдтъ заботится только о мысли, оставляя безъ вниманія самый языкъ, колоритъ, характеръ подлинника. О перенесеніи на нѣмецкій языкъ размѣра и метрики Пиндара не могло быть и рѣчи. Сочиненія Шнейдера о Пиндарѣ и разговоры съ Вольфомъ, которому очень не понравились эти переводы, заставили Гумбольдта строже взглянуть на свои первые опыты и заняться ихъ исправленіемъ. Взглядъ Гумбольдта на задачу переводчика древнихъ классиковъ сдѣлался серьезнѣе, требованія его—строже. Рядомъ съ эстетическимъ элементомъ является элементъ ученый, филологическій; чтобы передать духъ поэта, онъ вмѣстѣ съ мыслью старается, по возможности воспроизводить и языкъ, и форму, и метрику. Время пребыванія его въ Римѣ представляетъ періодъ равновѣсія между этими двумя элементами. Къ тому времени относятся лучшіе его переводы изъ Пиндара. Далѣе, подъ вліяніемъ лингвистическихъ занятій, начинается преобладаніе элемента ученаго, доходящее иногда даже до педантизма. Эстетическое достоинство перевода, легкость языка, ясность, даже синтаксическая правильность приносятся въ жертву вѣрности передачи и близости къ оригиналу. Преимущественно обращая вниманіе на внѣшности и мелочи, Гумбольдтъ упускаетъ изъ виду внутреннее, общее достоинство перевода. Такимъ, образомъ, если «Агамемнонъ» его, носящій слѣды такой педантически-тщательной отдѣлки не можетъ быть названъ пріобрѣтеніемъ для литературы, то, конечно, онъ обогащаетъ языкъ, внося въ него новые обороты, увеличивая его гибкость и выразительность и распространяя значеніе словъ. Это и было главною цѣлью его; на первомъ планѣ его ученой дѣятельности стоялъ въ то время языкъ. «Мнѣ всегда казалось, пишетъ онъ, что интеллектуальную, отчасти даже моральную и политическую судьбу націй обозначаетъ въ языкѣ преимущественно то обстоятельство, какъ въ немъ буквы совокупляются въ слоги, а слоги въ слова, и какъ эти слова относятся другъ къ другу въ рѣчи по долготѣ и ударенію.»

«Собственно говоря, пишетъ онъ къ Вольфу, всѣ мои занятія, даже и Пиндаръ, имѣютъ предметомъ изученіе языка. Мнѣ кажется, въ языкѣ я нашелъ средства извѣдать все высочайшее и глубочайшее, все разнообразіе міра; я болѣе и болѣе утверждаюсь въ этомъ мнѣніи. За изслѣдованіями о баскскомъ языкѣ начались изслѣдованія о происхожденіи и средствѣ европейскихъ языковъ; богатый запасъ матеріаловъ и источниковъ представился ему въ библіотекѣ Collegio Romano и другихъ библіотекахъ Рима. Александръ Гумбольдтъ, возвратившись изъ Новаго Свѣ-

Digitized by Google

та въ 1805 году, доставилъ брату много любопытныхъ свѣденій объ американскихъ языкахъ.

Кромѣ этихъ лингвистическихъ изслѣдованій, явно становившихся любимымъ предметомъ его занятій, во время шестилѣтняго пребыванія его въ Римѣ онъ написалъ два стихотворенія, «Элегію», которая сходна по содержанію съ пьесой, написаной въ Сіеррѣ Моренѣ, но слабѣе по поэтическому достоинству, и «Привѣтствіе Александру Гумбольдту», написанное въ 1808 году въ Альбано. Сначала онъ привѣтствуетъ возвратившагося брата, потомъ рисуетъ себѣ картину Новаго Свѣта, сравниваетъ дикихъ жителей Америки съ древними Пелазгами, съ Германцами временъ Тацита и спрашиваетъ о будущей судьбѣ ихъ, о дальнѣйшемъ ходѣ и направленіи ихъ развитія. Стихотвореніе это наполнено глубокими идеями, проникнуто чувствомъ и не лишено поэтическаго достоинства.

Жизнь въ Римѣ имѣла для Гумбольдта такъ много прелести, и представляла такъ много пособій для ученыхъ трудовъ его, что онъ намѣревался остаться тамъ навсегда и готовилъ себѣ могилу возлѣ сына, у пирамиды Кая Цестія. Между тѣмъ политическій горизонтъ Германіи становился мрачнѣй и мрачнѣй. Императоръ Французовъ, располагая судьбою царствъ и народовъ, давно уже предписывалъ законы Курфирсту Майнцскому и мелкимъ прирейнскимъ владѣтелямъ; битва при Іенѣ уничтожила однимъ ударомъ военную силу монархіи Фридриха Великаго и предоставила Пруссію произволу надменнаго побѣдителя. Громъ оружія долетѣлъ и до Гумбольдта и прервалъ его мирныя ученыя занятія; его призывалъ долгъ чести, голосъ любви къ отечеству, на который не можетъ не откликнуться человѣкъ благородный, нормально развитый; пришла пора на дѣлѣ доказать, принесли ли желанный плодъ десятилѣтніе труды его надъ собственнымъ развитіемъ, пришла пора подѣлиться съ обществомъ добытыми результатами, помочь бѣдствующему отечеству своими талантами. Гумбольдтъ не былъ патріотомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; его не привязывала къ нѣмецкой почвѣ слѣпая, болѣзненная любовь—любовь Швейцарца къ своимъ горамъ и родной хижинѣ; онъ не раздѣлялъ восторженныхъ чувствъ древнихъ Грековъ и Римлянъ лучшихъ дней республики къ славѣ оружія отчизны, къ расширенію ея предѣловъ: причины этого видимъ мы отчасти въ общемъ направленіи вѣка къ космополитизму, отчасти въ раздробленномъ состояніи и неестественномъ внутреннемъ раздѣленіи Германіи. Не смотря на то, Гумбольдтъ пламенно любилъ нѣмецкую національность, прояв-

Digitized by Google

леніе которой видѣлъ онъ въ образѣ мыслей, въ характерѣ, наконецъ въ языкѣ, въ произведеніяхъ великихъ современныхъ писателей и въ ученыхъ трудахъ соотечественниковъ, въ томъ, однимъ словомъ, что тогда собственно и составляло единственную естественную связь Нѣмцевъ между собою. Но въ годину бѣдствія, когда отечество нуждалось въ даровитыхъ, полезныхъ и добросовѣстныхъ гражданахъ, Гумбольдтъ не послѣдовалъ примѣру Гёте, который отступилъ отъ интересовъ общества и оставался равнодушнымъ зрителемъ страданій родины, или примѣру Вольфа, который совѣтовалъ ему искать въ мирныхъ занятіяхъ филологіею утѣшенія въ современныхъ несчастіяхъ и переноситься мыслію въ болѣе счастливыя времена. Гумбольдтъ поступилъ благороднѣе, сталъ выше ихъ.

Въ 1808 году, узнавъ о пораженіи при Іенѣ, онъ оставилъ Италію и поспѣшилъ въ Германію; впрочемъ онъ выѣхалъ безъ сожалѣнія изъ Рима, въ которомъ самовластно господствовали Французы, обращавшіеся съ Папой почти какъ съ военноплѣннымъ и дѣлавшіе положеніе Гумбольдта непріятнымъ и затруднительнымъ.

По дорогѣ онъ видѣлся съ Якоби, былъ въ Веймарѣ у Гете, поклонился могилѣ Шиллера и наконецъ прибылъ въ Эрфуртъ. Въ Эрфуртѣ, 6 Января 1809 г. онъ получилъ отъ Короля предложеніе занять мѣсто Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Считая исполненіе обязанностей гражданина новою стороною и продолженіемъ собственнаго развитія, Гумбольдтъ принялъ предлагаемое мѣсто. Но взглядъ его на практическую дѣятельность отличается обыкновеннымъ его идеализмомъ, который однако при тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ не только полезенъ, но и необходимъ. Смотря на перевороты судьбы, какъ на необходимое условіе хода развитія человѣческаго духа, внося такимъ образомъ въ практическую жизнь основныя положенія своей философіи исторіи, Гумбольдтъ находилъ въ этомъ внутреннемъ убѣжденіи силы мужественно противиться бѣдствіямъ, сохранять въ несчастіи присутствіе духа, не терять надежды на лучшія времена и неуклонно идти къ цѣли, которую указывали ему чувство чести и пробудившаяся любовь къ отечеству. Пруссія была въ то время потрясена извнѣ; чтобъ поддержать и упрочить ея существованіе, нужно было укрѣпить просвѣщеніемъ внутреннія силы народа, пробудить въ немъ чувство національности.

Такъ понималъ Гумбольдъ великую обязанность свою, нашедшую въ немъ достойнаго исполнителя. Ему предстояло теперь

Digitized by Google

соединить и примирить свои индивидуальныя убѣжденія, выраженныя въ первомъ юношескомъ сочиненіи съ новыми, возложенными на него обязанностями. Ему нужно было соединять свободу отдѣльной личности съ законами общества, сохранять интересы человѣка, не нарушая интересовъ государства, словомъ, сдѣлать отдѣльное лицо свободнымъ въ государствѣ и для государства.

Первое распоряженіе Гумбольдта, касавшееся измѣненій въ устройствѣ Лигницкой дворянской академіи (Ritterakademie) имѣло предметомъ уничтоженія понятія касть и связаннаго съ этимъ понятіемъ различія воспитанія. Смотря на человѣка съ высшей точки зрѣнія и признавая общее равенство, которое очевидно не согласно съ духомъ исключительности, господствовавшимъ въ учрежденіяхъ этаго заведенія, Гумбольдтъ уничтожилъ особенныя права и привиллегіи академіи, открытой только для высшаго класса, и сдѣлалъ изъ него приготовительное училище для университета и спеціальную школу сельскаго хозяйства. Кромѣ того введенъ былъ лучшій методъ элементарнаго обученія по системѣ Песталоцци. По этому методу образованіе, преподаваніе фактическихъ свѣденій слилось съ воспитаніемъ, съ развитіемъ общечеловѣческихъ нравственныхъ и умственныхъ способностей. Подъ руководствомъ Целлера, ученика Песталоцци, основана нормальная школа по образцу швейцарскихъ; Гумбольдтъ много усовершенствовалъ и высшія учебныя заведенія, между прочимъ позволилъ студентамъ прусскихъ университетовъ посѣщать лекціи университетовъ заграничныхъ. Ему принадлежитъ честь основанія берлинскаго университета. Еще до войны министръ Бейме и ученый Энгель говорили о необходимости такого заведенія. Четвертаго Сентября 1807 года Бейме получилъ даже отъ Короля соизволеніе, на основаніи университета. Но несчастныя событія 1807—1808 годовъ совершенно заняли умы и отвлекли ихъ отъ выполненія предположеннаго дѣла, которое считали безполезнымъ, требующимъ излишнихъ расходовъ, несовмѣстныхъ съ разстроеннымъ положеніемъ финансовъ государства. Гумбольдтъ, проектомъ 1809 г. 10 Іюля, вновь поднялъ оставленный вопросъ, доказывая, что основаніе университета необходимо и принесетъ несомнѣнную пользу, которая совершенно вознаградитъ государство за понесенные убытки. Цѣлью этого учрежденія была централизація просвѣщенія; въ берлинскомъ университетѣ предполагалось соединить все высшее въ наукѣ и искусствѣ. Шестнадцатаго Августа того же года проэктъ былъ утвержденъ, и Гумбольдтъ приступилъ къ его осуществленію. Во взглядѣ его на образованіе проявляется та же

Digitized by Google

гуманность и тотъ же идеализмъ, который руководилъ всѣми его дѣйствіями и служилъ основаніемъ всѣмъ его убѣжденіямъ. Задачу образованія видитъ онъ не въ томъ, чтобы приготовить человѣка къ занятію извѣстнаго мѣста въ обществѣ, къ исполненію извѣстныхъ обязанностей; напротивъ, онъ требуетъ чтобы образованіе развило и облагородило всѣ умственныя и духовныя способности человѣка, чтобы оно сдѣлало его не полезною машиною, а дѣйствительнымъ человѣкомъ, сознающимъ свое достоинства и свое призваніе. На этомъ основаніи Гумбольдтъ преобразовалъ воспитаніе въ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. ввелъ въ нихъ преподаваніе древнихъ языковъ, которые были исключены, какъ неимѣющіе практическаго приложенія, но въ глазахъ Гумбольдта имѣли высокое значеніе для гуманнаго образованія и развитія человѣка. Онъ не считалъ нужнымъ стѣснять объемъ общихъ наукъ для реальнаго образованія, которое только при ихъ содѣйствіи можетъ правильно достигать своей высокой цѣли и дѣйствительно быть образованіемъ, а не простымъ, бездушнымъ пріобрѣтеннымъ фактическихъ свѣденій. Эти же начала руководили Гумбольдтомъ при устройствѣ возникающаго университета; Гумбольдтъ опасался чтобы изученіе естественныхъ наукъ не довело до матеріализма и направленія исключительно практическаго, чтобы съ одной стороны преобладаніе практическаго начала въ наукѣ не превратило ее въ бездушную технику, въ собраніе эмпирическихъ свѣденій, лишенныхъ единства идей, и чтобы, съ другой стороны, противодѣйствіе этому практическому направленію путемъ теологіи не привело къ фанатизму и мистицизму. Въ избѣжаніе подобныхъ слѣдствій, Гумбольдтъ рѣшился, по возможности, ограничить кругъ дѣйствій естественныхъ и богословскихъ наукъ, поставивъ ихъ въ зависимость и какъ бы подъ надзоръ философіи, филологіи, математики и исторіи, наукъ имѣющихъ основаніемъ дѣятельность и критику разума. «Эти науки, говоритъ онъ, заключаютъ въ себѣ ту форму, посредствомъ которой собственно всѣ отдѣльныя познанія возвышаются на степень науки и безъ которой никакая любознательность, направленная къ чему нибудь одному, не можетъ перейти въ истинное общее умственное образованіе и сдѣлаться плодотворнымъ для духа.» Профессоры этихъ только наукъ сдѣланы были ординарными членами университета и составили комитетъ, завѣдывающій дѣлами и управляющій ходомъ развитія юношества. Этотъ комитетъ составляли Фихте, Шлейермахеръ, Беккъ и много другихъ знаменитыхъ ученыхъ. Вольфа Гумбольдтъ хотѣлъ сдѣлать предсѣдателемъ этого комитета, на тяжелый нравъ и

Digitized by Google

надменность знаменитаго филолога, соединенная съ эгоизмомъ, заставили его отказаться отъ этого поста, на которомъ дарованія и ученость его могли принести существенную практическую пользу.

Всѣ эти преобразованія Гумбольдтъ производилъ медленно и осторожно. «Никогда, говоритъ онъ, не должно разрушать стараго учрежденія пока новое не станетъ исподоволь на его мѣсто». Несмотря на эту осторожность, Гумбольдтъ на слѣдующій же годъ своего управленія пришелъ въ столкновеніе съ министерствомъ. Начальникъ его, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дона, человѣкъ слабый и ничтожный, совершенно подчинялся вліянію министра финансовъ Альтенштейна, который, не смотря на ограниченныя способности, былъ крайне гордъ, властолюбивъ и самоувѣренъ. Убѣжденія его отличавшіяся близорукостью и самымъ грубымъ матеріализмомъ, были діаметрально противоположны возвышеннымъ и благороднымъ идеямъ Гумбольдта. Не понимая и не предвидя пользы задуманныхъ имъ преобразованій, онъ считалъ ихъ пустыми мечтами, безполезно истощающими государственные финансы, которые и безъ того пришли въ совершенное разстройство; онъ отказалъ въ деньгахъ и совершенно стѣснилъ такимъ образомъ Гумбольдта въ дѣйствіяхъ. Гумбольдтъ рѣшился перейти на дипломатическое поприще и 29 Апрѣля 1810 года получилъ отставку отъ должности директора. Памятникомъ его кратковременнаго управленія остался основанный имъ берлинскій университетъ. Хотя и Альтенштейнъ вскорѣ послѣ того оставилъ портфель министра и мѣсто его занялъ Гарденбергъ, возведенный въ званіе государственаго канцлера, Гумбольдтъ остался при прежнемъ рѣшеніи. Четырнадцатаго Іюня 1810 года онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ и полномочнымъ министромъ въ Вѣну и въ половинѣ Октября прибылъ на мѣсто своего назначенія.

Въ Вѣнѣ ему было мало дѣла; нужно было заботиться о сближеніи вѣнскаго двора съ берлинскимъ, но для этого слѣдовало болѣе наблюдать и сообщать, нежели дѣйствовать. Обходительностью и свѣтскостью своею онъ вскорѣ умѣлъ поставить себя въ хорошія отношенія съ Меттернихомъ и съ другими значительнѣйшими лицами правительства. Онъ вошелъ въ блестящій кругъ вѣнскаго общества и принималъ его у себя. Въ гостиной Гумбольдта явились между прочимъ Шлегель, Адамъ Мюллеръ, Генцъ, съ которымъ онъ возобновилъ берлинское знакомство, Теодоръ Кернеръ, сынъ знаменитаго критика и многіе другіе. Но тихіе, спокойные кабинетные труды привлекали Гумбольдта болѣе шумныхъ общественныхъ удовольствій. Лингвистическія заня-

Digitized by Google

тія, начатыя въ Испаніи, продолжались и въ Вѣнѣ; къ изученію баскскаго языка присоединилось изученіе венгерскаго, матеріалы котораго въ изобиліи представляло ему теперешнее его мѣстопребываніе.

Въ Ноябрѣ 1811 года пріѣхалъ въ Вѣну Александръ Гумбольдтъ. Отъ него Вильгельмъ получилъ новыя данныя для занятій американскими языками, сталъ сравнивать грамматику ихъ съ баскскою грамматикою и нашелъ между ними замѣчательное сходство. Между тѣмъ произошелъ переворотъ 1812 года, и дѣятельность и положеніе Гумбольдта въ Вѣнѣ измѣнились. Лишь только Пруссія объявила разрывъ Наполеону и возстала поголовно по первому призыву своего Короля, Меттернихъ, вѣрный обыкновенной своей двуличной политикѣ, прекратилъ всѣ видимыя сношенія съ прусскимъ посольствомъ, но не отнималъ у Гумбольдта надежды на содѣйствіе Австріи. Гумбольдтъ съ своей стороны дѣйствовалъ осторожно, стараясь ускорить присоединеніе Австріи, не компромстируя ее преждевременно въ глазахъ Наполеона. Прибытіе въ Вѣну Шарнгорста, который съ благороднымъ жаромъ убѣждалъ Меттерниха объясниться откровенно и приступить къ возникающему союзу, едва не испортило всего дѣла, но осторожность и хладнокровіе Гумбольдта изгладили неблагопріятное впечатленіе, произведенное увлеченіемъ пламеннаго патріота. 1 Іюня 1813 года Императоръ Францъ I выѣхалъ изъ Вѣны и 12-го прибылъ въ замокъ Гичинъ, находившійся ближе къ союзникамъ, нежели къ лагерю Наполеона. Въ то время, здѣсь были сосредоточены всѣ союзныя войска; на пространствѣ 20-ти миль въ длину и 10-ти миль въ ширину находились главныя квартиры сильнѣйшихъ государей Европы. «Въ Гичинѣ, писалъ Генцъ изъ Ратиборцица, на 6 часовъ пути отсюда, находится Императоръ съ Меттернихомъ; въ Опочнѣ, въ трехъ часахъ разстоянія, прожилъ около недѣли Императоръ Александръ съ своими двумя сестрами. Тамъ и я пробылъ два дня и третьяго дня видѣлъ прусскаго короля, обѣдавшаго съ Императоромъ. Со мною былъ Гумбольдтъ; мы провели вмѣстѣ большую часть этихъ незабвенныхъ дней. Сегодня, сей часъ, Императоръ отобѣдалъ съ нами въ Ратиборцицѣ и возвращается въ Рейхенбахъ. Я его часто вижу. Ратиборцицъ-сборное мѣсто. На прошлой недѣли здѣсь перебывали Меттернихъ, Стадіонъ и государственный канцлеръ Гарденбергъ, то порознь, то вмѣстѣ. Здѣсь происходили важныя дѣла. Гумбольдтъ пріѣхалъ сюда съ Гарденбергомъ, поселился здѣсь, и ждетъ пока все созрѣетъ». Въ одно время съ Императоромъ Гумбольдтъ оставилъ Вѣну, и отправился въ Рейхенбахъ, чтобы

Digitized by Google

присутствовать при заключеніи съ Англичанами договора о субсидіяхъ.

Въ Рейхенбахѣ Меттернихъ обѣщалъ союзникамъ содѣйствіе Австріи, но сначала предложилъ посредничество своего правительства для примиренія воюющихъ сторонъ.

Рѣшено было составить въ Прагѣ 12-го Іюля конгрессъ, на которомъ представителемъ Пруссіи явился Гумбольдтъ; со стороны Россіи назначенъ статскій совѣтникъ Анштеттъ, со стороны Франціи Герцогъ Коленкуръ и графъ Нарбоннъ. Ко времени открытія конгресса прибыли княгиня Эстергази и Меттернихъ.

Уполномоченные Франціи явились гораздо позднѣе назначеннаго срока; Коленкуръ пріѣхалъ 27-го Іюля, и конгрессъ открылся. Представители трехъ державъ должны были видѣться между собою на вечерахъ княгини Эстергази и на обѣдахъ Меттерниха. Здѣсь они разсуждали о дѣлахъ; особыхъ засѣданій не назначалось. Гумбольдтъ не ожидалъ прочнаго, искренняго мира и потому, считая настоящее положеніе дѣлъ особенно выгоднымъ для интересовъ своего отечества, не желалъ чтобы переговоры повели къ какому нибудь сомнительному соглашенію.

Французы также выказали нерасположеніе къ миру, принявъ за оскорбленіе назначеніе уполномоченнымъ Анштетта, природнаго Эльзасца и французскаго подданнаго, котораго они считали перебѣжчикомъ. Они дали замѣтить это въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ. Анштеттъ отвѣчалъ на это энергически, но съ достоинствомъ, и наконецъ нота Гумбольдта отъ 7-го Августа за три дня до закрытія конгресса, нота, въ которой упоминаются и просрочка французскихъ уполномоченныхъ и нападки ихъ на Анштетта, показала безполезность попытокъ примиренія и положила конецъ переговорамъ. 10 Августа, Гумбольдтъ письменно отказался отъ временнаго своего полномочія и, получивъ за труды на конгрессѣ орденъ Желѣзнаго Креста, изъ Праги отправился въ Вѣну; простившись здѣсь съ женою, онъ опять черезъ Прагу проѣхалъ въ главную квартиру, въ Теплицъ, гдѣ Австрія 9 Сентября приступила къ прусско-русскому Союзу. Въ Теплицѣ, Гумбольдтъ продолжалъ часто видѣться съ Меттернихомъ и познакомился съ лордомъ Эбердиномъ, любившимъ греческую древность и занимавшимся классиками. Въ это время ему поручено было составленіе проэкта о внутреннемъ устройствѣ Германскаго Союза и объ учрежденіи центральнаго комитета для управленія тѣми землями которыя будутъ завоеваны. Трудъ составленія проекта онъ раздѣлялъ съ бывшимъ прусскимъ министромъ Штейномъ (предшественникомъ Альтенштейномъ и графа Дона), съ которымъ онъ сходился въ политическихъ

Digitized by Google

убѣжденіяхъ. Проэктъ этотъ впрочемъ оставленъ безъ приложенія по происканъ Австріи, желавшей избавить отъ центральнаго управленія нѣкоторыхъ изъ бывшихъ союзниковъ Наполеона, напримѣръ, короля виртембергскаго. Изъ Теплица Гумбольдтъ слѣдовалъ всюду за главною квартирою, вмѣстѣ съ нею былъ въ Веймарѣ и видѣлся тамъ съ Гёте. Въ Франкфуртѣ на Гумбольдта пала тяжелая и непріятная обязанность вести переговоры съ рейнскими князьями, обязанность, принуждавшая его выслушивать многочисленныя, не всегда законныя жалобы и входить въ разбирательство множества различныхъ требованій, которыя часто приходилось отвергать, возбуждая неудовольствіе.

Гумбольдтъ думалъ, что съ вступленіемъ союзниковъ въ предѣлы Францію все кончится и будетъ заключенъ миръ, который приведетъ ее въ прежнія границы. Надежды Гумбольдта не оправдались; на шатильонскомъ конгрессѣ ему еще разъ пришлось быть представителемъ прусскаго правительства, впрочемъ дѣятельность его была ограничена подробными инструкціями, и малозамѣчательна для насъ, потому что не объусловливалась личными его убѣжденіями. Послѣ окончанія войны и взятія Парижа, Гумбольдтъ сталъ ходатайствовать о вознагражденіи Пруссіи за военныя издержки и за потери, понесенныя его въ несчастную войну 1807—1808 годовъ. Онъ требовалъ для Пруссіи Ост-Фрисландіи или Саксоніи, но Гарденбергъ легкомысленно уступилъ и то, и другое, довѣрившись слову другихъ дипломатовъ, обѣщавшихъ заняться интересами Пруссіи впослѣдствіи, на предполагаемомъ вѣнскомъ конгрессѣ. Гарденбергъ, хотя въ сущности человѣкъ благонамѣренный, вообще, во многихъ случаяхъ мѣшалъ Гумбольдту своимъ легкомысліемъ, слабостію характера, тщеславіемъ и самолюбіемъ. Назначенный быть товарищемъ Гумбольдта въ дѣлѣ перговоровъ, Гарденбергъ присвоилъ себѣ первое мѣсто, на занятіе котораго не имѣлъ права по способностамъ и дарованіямъ. Гумбольдтъ далеко превосходилъ его здравымъ умомъ, свѣтлымъ взглядомъ на вещи и развитіемъ, но также не имѣлъ нѣкоторыхъ качествъ необходимымъ для дипломата, не имѣлъ настойчивости, упорства. Излишняя скромность заставила его уступить свое мѣсто Гарденбергу, который часто дѣлалъ неисправимыя ошибки, и во многихъ другихъ случаяхъ заставляла его дѣлать уступки иностраннымъ дипломатамъ, болѣе самоувѣреннымъ и настойчивымъ. Этой уступчивости еще содѣйствовалъ идеальный взглядъ его на политику. Благосостояніе народа Гумбольдтъ полагалъ не въ расширеніи предѣловъ, а въ духовномъ прогрессѣ, въ успѣшномъ развитіи; недостатокъ искренняго убѣжде-

Digitized by Google

нія не позволялъ ему отстаивать матеріальные интересы отечества съ тою твердостью, съ какою онъ защищалъ, напримѣръ, противъ Альтенштейна распоряженія свои, касавшіяся хода образованія народа.

Изъ Парижа Гумбольдтъ отправился въ Лондонъ, былъ у принца регента и у представителей англійской аристократіи и въ концѣ Іюля возвратился въ Парижъ. Оттуда онъ сопровождалъ своего короля въ Вѣну, черезъ Нейенбургъ, Бернъ, Цюрихъ, Баденъ, куда онъ прибылъ въ концѣ Августа и гдѣ находился съ Метернихомъ, Генцомъ и другими, дипломатами. На вѣнскомъ конгрессѣ Гумбольдтъ, какъ уполномочный Пруссіи, держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, переходившимъ даже иногда въ гордую холодность, которая навлекла ему много непріятностей, и разсорила съ нимъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ друзей. Къ такимъ случаямъ относится столкновеніе съ прусскимъ военнымъ министромъ Бойеномъ, который, считая себя оскорбленнымъ Гумбольдтомъ въ одной изъ конференцій, потребовалъ удовлетворенія. Гумбольдтъ принялъ вызовъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Дуэль происходила въ присутствіи князя Гарденберга и доктора Корева и кончилась благополучно, безъ кровопролитія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ конгресса и показалъ себя во многихъ отношеніяхъ отличнымъ дипломатомъ; его знаніе людей, плодъ долгихъ наблюденій и занятій антропологіею, проницательность, тонкій умъ, изворотливость въ разсужденіяхъ и спорахъ, въ которыхъ онъ запутывалъ противника своею діалектикою и побѣждалъ его собственнымъ его оружіемъ,— все это приводило въ изумленіе перваго изъ дипломатовъ того времени, знаменитаго Талейрана, который одолѣвалъ и Гарденберга, и Меттерниха, но не могъ справиться съ Гумбольдтомъ, и назвалъ его «le sophisme incarné» (воплощеннымъ софизмомъ). Но недостатокъ настойчивости и упорства вредилъ всему дѣлу; умѣя убѣждать, Гумбольдтъ не умѣлъ отстаивать своего мнѣнія и несвоевременною уступчивостью терялъ плоды побѣды.

Товарищемъ Гумбольдта по званію уполномоченнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ былъ опять Гарденбергъ, прусскій государственный канцлеръ. Вообще во все время конгресса между ними существовало самое тѣсное, невозмутимое согласіе, и оба они прекрасно помогали другъ другу. Подчиненный Гарденбергу, какъ государственному канцлеру, поставленный съ нимъ наравнѣ, какъ уполномоченный дипломатъ, превосходя его умомъ и дарованіями, Гумбольдтъ добровольно и прекрасно выполнилъ роль, доставшуюся ему чрезъ это смѣшеніе отношеній, роль,

Digitized by Google

которую, стараясь сдѣлать первою, всякій другой поставилъ бы на второй планъ, и которую онъ выдвинулъ наравнѣ съ первою своимъ самоотверженіемъ и внутреннею самостоятельностью... Верховное управленіе Гарденберга въ самой мысли своей было проникнуто содѣйствіемъ Гумбольдта; исполнительная дѣятельность Гумбольдта представляла слѣды вліянія Гарденберга. «Что касается представителей Пруссіи, писали въ Рейнскомъ Меркуріи послѣ втораго парижскаго мира, то Государственный канцлеръ здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, показалъ себя добродушнымъ, миролюбивымъ, безхитростнымъ въ своей политикѣ и охотно принималъ все съ хорошей стороны; Гумбольдтъ холоденъ и ясенъ, какъ декабрьское солнце. Главнымъ предметомъ заботъ Гумбольдта на конгрессѣ было внутреннее устройство Германіи; онъ желалъ возстановленія императорскаго сана и изложилъ это желаніе въ проэктѣ, который составилъ онъ вмѣстѣ съ Штейномъ. Противъ этого проэкта возстали представители второстепенныхъ державъ германскихъ, Ганновера, Баваріи и Виртемберга. Уступая ихъ требованіямъ, Гумбольдтъ измѣнилъ свой планъ, уничтожилъ званіе императора и учредилъ правленіе изъ пяти главныхъ державъ: Австріи, Пруссіи, Виртемберга, Ганновера и Баваріи, подъ контролемъ всѣхъ членовъ германскаго союза. Нельзя не замѣтить, что такое устройство отличается сложностью, не обѣщавшею достаточной прочности, но въ этомъ нельзя обвинять Гумбольдта. Надобно принять въ соображеніе сложность его задачи, множество различныхъ требованій, которымъ онъ долженъ былъ удовлетворить, множество разнородныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу интересовъ, которые должно было согласить вновь проэктированное устройство. Впрочемъ Штейнъ остался при прежнемъ убѣжденіи своемъ о необходимости возстановленія достоинства императора; явился новый защитникъ его мнѣнія — Графъ Капо д' Истріа; онъ представилъ мемуаръ, въ которомъ доказывалъ, что достоинство императора должно сдѣлать наслѣдственнымъ въ домѣ габсбургскомъ, и что императоръ австріискій въ то же время долженъ быть императоромъ германскимъ. Штейнъ также представилъ проэктъ, поддерживавшій туже идею, но разсматривавшій дѣло съ болѣе практической точки зрѣнія, и выражавшій сомнѣніе, чтобы Австрія могла достойно выполнить важную роль свою, слить свои личные интересы съ интересами общими и пользоваться силами Германіи для общаго ея блага, а не для своекорыстныхъ своихъ цѣлей. Онъ сомнѣвался, однимъ словомъ, въ томъ, чтобы Австрія измѣнила себѣ и обыкновенной своей

Digitized by Google

политикѣ, и сомнѣній этихъ нельзя не назвать основательными. Гумбольдтъ отвѣчалъ на эти двѣ статьи мемуаромъ, въ которомъ прямо отвергаетъ возможность императорской власти въ рукахъ Австріи. Пруссія, говоритъ онъ, не можетъ, а Баварія и Виртембергъ не хотятъ ей подчиняться. Сомнѣнія Штейна у него выражены смѣлѣе и утвердительнѣе. Австрія не можетъ никогда соединиться съ Германіей; у нея слишкомъ много своихъ частныхъ интересовъ, отъ которыхъ она не рѣшится отказаться и которые не могутъ совмѣститься съ общими германскими интересами. Мнѣніе Гумбольдта получило перевѣсъ; на его сторону склонилось большинство, тѣмъ болѣе, что нужно было спѣшить окончаніемъ совѣщаній. 7 Марта узнали о возвращеніи Наполеона.

Въ концѣ Марта Гумбольдтъ составилъ еще новый проэктъ. Но, не смотря на грозящую опасность, совѣщанія продолжались однако до начала Іюня. 9-го, дѣла Германіи были окончательно обсужены, а 11-го торжественно заключенъ союзъ. Старанія Гумбольдта о вознагражденіи Пруссіи Саксоніею были совершенно неудачны и безплодны, поставили Пруссію въ непріязненныя отношенія къ другимъ членамъ конгресса и даже повредили Гумбольдту во мнѣніи его друзей и доброжелателей.

Изъ Вѣны Гумбольдтъ отправился въ Берлинъ, изъ Берлина черезъ Франкфуртъ въ Парижъ, послѣ сраженія при Ватерлоо; вѣсть о побѣдѣ и о дѣятельномъ содѣйствіи Пруссаковъ подъ начальствомъ Блюхера, обрадовала Гумбольдта и внушила ему много блестящихъ надеждъ; онъ надѣялся, что союзники справедливо оцѣнятъ заслуги Пруссіи въ общемъ дѣлѣ, и дадутъ ей вознагражденіе, которое соотвѣтствовало бы ея потерямъ и пожертвованіямъ. Но Графъ Капо д' Истріа во второй разъ является противникомъ Гумбольдта и представляетъ императору Александру мемуаръ, въ которомъ старается отдѣлить Францію отъ Наполеона и доказать, что, ведя войну съ узурпаторомъ, союзники не должны требовать вознагражденія отъ французскаго народа, что съ низложеніемъ Наполеона должно быть кончено все, и что нарушеніе границъ Франціи и отдѣленіе отъ нея какихъ либо земель будетъ оскорбленіемъ для короля Людовика XVIII и для его націи. Онъ допускаетъ только денежное вознагражденіе, и, какъ предохранительную мѣру, временное занятіе французскихъ крѣпостей союзными войсками. Этотъ мемуаръ, рѣшительно не выдерживающій критики, подалъ Гумбольдту поводъ написать блестящее опроверженіе: Mémoire devant servir de réfutation à celui du Comte de Capo d'Istria.

По мнѣнію Гумбольдта, неосновательно отдѣлять вождя отъ

Digitized by Google

войска, узурпатора отъ народа. Народъ добровольно шелъ подъ знаменами Наполеона; мгновенно составлялись арміи, готовыя всюду слѣдовать за любимымъ начальникомъ; арміи эти гибли; изъ среды народа возникали новыя; кромѣ того, народъ съ восторгомъ встрѣтилъ Наполеона при возвращеніи его съ Эльбы, съ тріумфомъ привелъ его въ Парижъ; слѣдовательно, народъ сочувствовалъ ему и не можетъ быть представленъ, согласно съ мнѣніемъ Капо д' Истріа, невинною жертвою властолюбія и воинственности узурпатора; такимъ образомъ первое положеніе опровергнуто. Затѣмъ, Гумбольдтъ представляетъ лучшимъ средствомъ обезопасить Европу отъ безпокойнаго духа воинственнаго народа—отдѣленіе отъ Франціи пограничныхъ земель съ крѣпостями, составляющими оплотъ государства и операціонную линію противъ Германіи въ случаѣ наступательной войны. Эта предохранительная мѣра была бы въ тоже время лучшимъ средствомъ вознаградить союзныя державы за военныя издержки и пожертвованія и тѣмъ болѣе можетъ считаться справедливою, что земли эти пріобрѣтены отъ Германіи силою оружія. Сверхъ того, уступка земель, тягостная правда для правительства и всей націи, со временемъ забудется и не произведетъ въ народѣ особенно тяжелаго чувства, озлобленія. Напротивъ опека, которой Капо д' Истріа хочетъ подвергнуть Францію, покажется невыносимою для всякаго свободнаго народа. Постой чужихъ войскъ, подавая поводъ къ притѣсненіямъ, къ безконечнымъ столкновеніямъ и ссорамъ, унижая національную гордость, раздражитъ народъ какъ противъ иностранныхъ державъ, наложившихъ такое иго, такъ и противъ правительства, допускающаго такое вмѣшательство, внушитъ ему недовѣрчивость, ненависть и жажду мщенія, которое найдетъ себѣ исходъ, не смотря ни на какія преграды. Вотъ главный смыслъ опроверженія Гумбольдта со справедливостью котораго должно согласиться. Не смотря на то, всѣ усилія его были тщетны.

Императоръ Александръ, увлеченный великодушіемъ, не хотѣлъ требовать отъ Франціи никакого вознагражденія, кромѣ денежнаго, ни для себя, ни для своихъ союзниковъ. Австрія, соглашаясь съ Александромъ, теряла нѣкоторыя личныя выгоды, но, боясь возвышенія Пруссіи, рѣшалась отказаться отъ незначительныхъ своихъ притязаній, чтобы лишить опасную соперницу территоріальнаго увеличенія. Голосъ Гумбольдта не могъ имѣть вліянія, мнѣніе Капо д' Истріа превозмогло, не смотря на свою неосновательность, и 20 Ноября былъ заключенъ окончательный миръ, на которомъ Пруссія не получила никакихъ существенныхъ выгодъ. 25-го Гумбольдтъ оставилъ Парижъ и отправился въ

Digitized by Google

Франкфуртъ на Майнѣ. Здѣсь собрана была коммисія для рѣшенія территоріальныхъ вопросовъ Германіи, и Гумбольдтъ, назначенный членомъ ея, принялъ дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ. Но задача была слишкомъ запутана. Коммисія продолжала засѣданія свои до Января 1817 г. и закрылась, не разрѣшивъ удовлетворительно предложенныхъ ей вопросовъ и не исполнивъ своего назначенія во всемъ его объемѣ. Въ Франкфуртѣ еще 1 Ноября 1815 г. предполагалось созвать сеймъ для совѣщанія о дѣлахъ Германіи; но прошла зима, прошло лѣто 1816 г. а сейма все еще не было, хотя германскія державы дѣятельно готовились къ его открытію. Гарденбергъ хотѣлъ воспротивиться желанію Австріи предсѣдательствовать на сеймѣ, хотѣлъ заставить ее раздѣлить свое первенство съ Пруссіею; но прусскій депутатъ тайный совѣтникъ Генелейнъ не могъ ничего добиться отъ представителя Австріи, графа Буоль-Шауенштейна, успѣвшаго склонить на свою сторону депутатовъ мелкихъ княжествъ, которымъ онъ представилъ опасность двоевластія. Генелейнъ былъ отозванъ и замѣщенъ Гольцомъ; но непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали ему явиться ко времени открытія засѣданій Сейма, такъ что мѣсто его занялъ на время Гумбольдтъ.

Дѣла приняли другой оборотъ. Стѣснительное вліяніе австрійской политики нашло въ немъ дѣятельнаго противника. Графъ Буоль принужденъ былъ признать равенство правъ Пруссіи и Австріи на сеймѣ, и 5 Ноября 1816 года сеймъ былъ открытъ подъ предсѣдательствомъ Буоля и Гумбольдта.

11 Ноября явился Гольцъ. Благодаря неловкости этого дипломата, Австрія восторжествовала: все, что пріобрѣлъ Гумбольдтъ, потерялъ его преемникъ Между тѣмъ достоинства и заслуги Гумбольдта возбудили подозрѣніе и зависть Гарденберга. Съ этихъ поръ государственный канцлеръ начинаетъ стараться удалить его или, по крайней мѣрѣ, парализовать его вліяніе на дѣла правленія. Мѣсто посланника въ Парижѣ, обѣщанное Гумбольдту, было отдано Гольцу; Гумбольдтъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ, гдѣ не представлялось поприща его дѣятельности. Въ это время ничто еще не требовало его присутствія въ Лондонѣ, и потому онъ со всѣмъ семействомъ отправился изъ Франкфурта въ Берлинъ черезъ Веймаръ, гдѣ видѣлся съ Гёте, и черезъ Бургэрнеръ, въ которомъ сохранилось для него много свѣжихъ, веселыхъ воспоминаній юности. Въ Берлинѣ тогда господствовалъ самый страшный безпорядокъ. Во главѣ правленія стоялъ по прежнему Гарденбергъ; ослабленный трудами, болѣзнями и лѣтами, онъ потерялъ послѣдній остатокъ энергіи, которою отличался въ эпоху своего возвышенія и въ годы отечественной вой-

Digitized by Google

ны. Именемъ его управляли люди недостойные, умѣвшіе льстить его самолюбію и страстямъ, люди, которые, не раздѣляя благородныхъ его убѣжденій, составили оппозицію противъ движенія идеи и стремленія къ свободѣ, впервые выразившагося въ возстаніи за честь и независимость родины. Шаткость его убѣжденій, мелочное тщеславіе, желаніе остаться во главѣ правительства и оставить въ тѣни людей талантливыхъ, которыхъ дарованія могли затмить его померкающую славу, и на конецъ старость, разрушительно дѣйствовавшая на его физическія и духовныя силы, подчинили его вліянію реакціонной партіи, во главѣ которой стоялъ князь Виттенштейнъ. Отдавая справедливость гуманному направленію и рыцарскимъ качествамъ государственнаго канцлера, явившагося въ эпоху всеобщаго воодушевленія и политическаго переворота 1812 года достойнымъ представителемъ своего отечества, и искуснымъ дипломатомъ, нельзя не упрекнуть его въ недостаткѣ энергіи, въ нерѣшительности, въ уклончивости, заставлявшей его уступать и лавировать тамъ, гдѣ надо было дѣйствовать твердо, и, защищая права короля и народа, грудью ломить реакціонное противодѣйствіе аристократіи. Противъ этой оппозиціи вооружился Гумбольдтъ со всѣмъ увлеченіемъ чувства, со всѣмъ жаромъ убѣжденія. Силу и вліяніе далъ ему приказъ 20 Марта, основавшій государственный совѣтъ и включившій его въ число членовъ. Гумбольдтъ рѣшился идти на перекоръ Гарденбергу и его любимцамъ. Изъ государственнаго совѣта назначены были двѣ коммисіи: первая для проэктированія обѣщанной конституціи, вторая для испытанія вновь предложенной министромъ финансовъ системы налоговъ. Гумбольдтъ былъ членомъ обѣихъ этихъ коммисій. Между тѣмъ какъ первая не начинала еще своихъ дѣйствій и только собирала матеріалы въ древнихъ областныхъ и племенныхъ учрежденіяхъ, вторая дѣятельно занялась представленнымъ проэктомъ. 2-го Іюля 1817 г. Гумбольдтъ говорилъ въ полномъ собраніи государственнаго совѣта противъ проэкта министра финансовъ Бюлова, который онъ подвергъ тщательному обсужденію. Рѣчь его имѣла чрезвычайный успѣхъ: она убила въ общественномъ мнѣніи и проэктъ, и министра; Бюловъ былъ смѣненъ и долженъ былъ удовольствоваться портфелемъ министерства торговли, нарочно для него созданнымъ.

Гарденбергъ съ безпокойствомъ въ душѣ и съ затаенной досадой смотрѣлъ на возрастающую популярность Гумбольдта. Въ обществѣ стали даже поговаривать, что Гарденбергъ выйдетъ въ отставку и мѣсто его займетъ Гумбольдтъ. Слухи эти производили всеобщую радость, отголоски которой долетали и до стараго

Digitized by Google

канцлера. Онъ почувствовалъ, что настала пора дѣйствовать и рѣшился удалить Гумбольдта во что бы то ни стало. Онъ отправился лечиться на воды въ Карлсбадъ, куда пріѣхалъ и Гумбольдтъ. Гарденбергъ просилъ его отправиться впередъ въ Франкфуртъ на Майнѣ и подождать его, пока онъ объѣдетъ вновь пріобрѣтенныя прусскія прирейнскія владѣнія, чтобы потомъ вмѣстѣ заняться ихъ устройствомъ. Но въ Франкфуртѣ Гумбольдтъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о болѣзни канцлера, получилъ отъ него предписаніе какъ можно скорѣе ѣхать въ Лондонъ, куда будто бы призываютъ его важныя дѣла. Гумбольдтъ понималъ, что это посольство — почетное изгнаніе, но домогаться высокаго политическаго положенія, соотвѣтствующаго его талантамъ, доискиваться значенія и вліянія въ государствѣ онъ считалъ мелочнымъ, недостойнымъ себя; онъ рѣшился повиноваться и отправился въ Лондонъ, гдѣ былъ отлично принятъ прежними вѣнскими и парижскими знакомыми, но не нашелъ никакихъ важныхъ занятій. Канцлеру хотѣлось только отклонить и по возможности совершенно пресѣчь оффиціальную дѣятельность Гумбольдта. Но оставить въ сторонѣ, въ тѣни человѣка съ его дарованіями и популярностью онъ справедливо считалъ для себя опаснымъ.

Мѣсто посланника въ Лондонѣ, видное по своему внѣшнему положенію, ничтожное по тогдашнимъ обстоятельствамъ, представляло лучшія данныя для осуществленія мысли Гарденберга. Но расчеты его были разстроены: новое назначеніе Гумбольдта не соотвѣтствовало его желаніямъ. Гумбольдтъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, никогда не былъ расположенъ къ исполненію служебныхъ обязанностей. Дипломатическая дѣятельность его была не слѣдствіемъ врожденнаго призванія и расположенія, но пониманія долга, чувства любви къ отечеству и воодушевленія, пролившагося съ особенною силою во время поголовнаго возстанія Пруссіи, и подѣйствовавшаго не только на массы, но и на передовыхъ людей своего вѣка. Къ мирнымъ, уединеннымъ, научнымъ занятіямъ влекли Гумбольдта природныя наклонности; но въ службѣ отечеству онъ видѣлъ обязанность человѣка и гражданина, и исполнялъ ее, но исполнялъ какъ обязанность. Понимая эту обязанность только при добросовѣстномъ ея исполненіи, не примѣшивая къ понятію службы никакихъ постороннихъ, своекорыстныхъ видовъ, видя въ службѣ одну цѣль—пользу отечества, Гумбольдтъ не могъ оставаться на мѣстѣ, на которомъ сознавалъ свою безполезность. Отнимая у него возможность приносить истинную пользу, Гарденбергъ отнималъ у него кромѣ того возможность служить:

Digitized by Google

стремленіе къ покою, къ уединенному созерцанію, отчасти заглушенное, но не вытѣсненное дипломатическими трудами и постоянно таившееся въ глубинѣ его сердца, проснулось съ новою силою, лишь только были устранены другіе, современные и живые интересы. Гумбольдтъ никогда не былъ дипломатомъ въ душѣ; оффиціальный характеръ его не имѣетъ ничего общаго съ настоящею его нравственною физіономіею. Гордость, холодность, скрытность, неприступность, въ которую онъ облекается какъ представитель своего государства, исчезаетъ, не оставляя по себѣ ни малѣйшаго слѣда, какъ только онъ входитъ въ домашній свой кругъ и дѣлается частнымъ человѣкомъ. Нельзя думать, чтобы характеръ его измѣнялся; онъ только понялъ свою роль и превосходно выполнилъ ее, вошелъ въ нее, нисколько не подчинившись ея вліянію. Эта двойственность характера отразилась и на его занятіяхъ; политикой онъ занимался по обязанности; это принадлежность его роли, въ которой поддерживала его надежда быть полезнымъ; наукой занимался по увлеченію, по страсти; это его природа, укорененная воспитаніемъ и самостоятельнымъ развитіемъ. Въ главной квартирѣ, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Франкфуртѣ продолжались его занятія древними классиками; переводъ Агамемнона получалъ послѣднюю отдѣлку, переводъ Пиндара подвигался впередъ. «Вчера, пишетъ онъ изъ Фрейберга, я цѣлый вечеръ спокойно читалъ древнихъ, къ которымъ возвращаюсь всегда и, собственно говоря, ежедневно. Все прекрасное заключается въ прошедшемъ. Я, столько же, сколько другіе, а, быть можетъ, и больше, стараюсь трудиться для настоящаго и будущаго; но, тѣмъ не менѣе, мы живемъ въ желѣзномъ вѣкѣ, и не мы одни, а все новѣйшее. Этотъ вѣкъ можетъ дать достойный матеріалъ для труда, но для наслажденія нужно что нибудь выше и глубже.» Воспоминанія изъ собственнаго прошедшаго, образы минувшей юности составляли также предметъ его размышленій въ часы досуга. «Я сильно люблю прошедшее, пишетъ онъ; только его дары вѣчны и неизмѣнны, какъ смерть, теплы и отрадны, какъ жизнь.» Къ чему же было Гумбольдту стѣснять себя, отказываться отъ наслажденія теперь, когда долгъ гражданина былъ честно исполненъ, когда онъ ясно сознавалъ, что въ настоящемъ положеніи дѣятельность его не можетъ принести обществу никакой пользы? Ко всѣмъ этимъ важнѣйшимъ внутреннимъ побужденіямъ присоединилось еще внѣшнее обстоятельство,—дурное состояніе здоровья Каролины фонъ Гумбольдтъ, принудившее ее ѣхать лечиться въ Италію, и не позволявшее ей жить съ мужемъ въ болѣе суровомъ климатѣ. Продолжительная разлука съ женою

Digitized by Google

была слишкомъ тяжела для любящаго сердца Гумбольдта; въ Апрѣлѣ 1818 года, Гумбольдтъ рѣшительно потребовалъ отставки.

Гарденбергъ вступилъ въ переговоры, просилъ его принять мѣсто при другомъ дворѣ, выбрать любое мѣсто въ дипломатическомъ корпусѣ, но Гумбольдтъ остался непреклоненъ и возвратился изъ Лондона въ Германію въ первыхъ числахъ Ноября, во время засѣданій Ахенскаго конгресса. Канцлеръ предложилъ ему службу въ Министерствѣ, а пока просилъ его, въ качествѣ члена территоріальной коммисіи, заняться на конгрессѣ разсмотрѣніемъ дѣлъ Германіи. Гумбольдтъ согласился.

11 Января 1819 г. министерство внутреннихъ дѣлъ получило особое устройство, и Гумбольдту, по ходатайству генералъ-адьютанта Вицлебена, поручено было завѣдываніе дѣлами государственныхъ сословій и общинъ съ правомъ засѣданія и голоса въ министерствѣ. Для исполненія обязанностей по этой должности особенно полезно было Гумбольдту знакомство съ Штейномъ, съ которымъ онъ поддерживалъ постоянныя сношенія въ бытность свою въ Франкфуртѣ. Штейнъ въ этомъ отношеніи былъ для Гумбольдта тѣмъ же, чѣмъ былъ для него Вольфъ въ дѣлѣ древней филологіи и Шиллеръ въ дѣлѣ эстетики. Дебютомъ Гумбольдта на новомъ поприщѣ былъ мемуаръ Ueber die Verfassungsfrage (Вопросъ о конституціи). Въ мемуарѣ являются тѣже основныя идеи, которыя мы видѣли въ первомъ политическомъ сочиненіи Гумбольдта; но идеи эти переработались подъ вліяніемъ собственнаго опыта и совѣтовъ Штейна, перестали быть утопіею, примирились съ дѣйствительностью и изъ неосуществимой, пламенной мечты обратились въ дѣльный проэктъ. Гумбольдтъ хочетъ уничтожить бюрократію и каждому гражданину дать дѣятельное участіе въ правленіи. Этой цѣли достигаетъ система представительная. Смыслъ представительнаго правленія состоитъ, по мнѣнію Гумбольдта, въ томъ, чтобы доставить націи разумное участіе въ управленіи и, возвысивъ ея самосознаніе, упрочить внѣшнюю самостоятельность и содѣйствовать внутреннему ея развитію. Если опасность угрожаетъ націи извнѣ, то требуются не одни физическія, но и моральныя средства обороны; эти моральныя средства должно искать не въ минутномъ пылу воодушевленія, но въ сознаніи націи, привыкшей принимать участіе въ правленіи. И здѣсь виденъ индивидуализмъ, и здѣсь протестъ «contre la fureur de gouverner».

Но индивидуализмъ соединяется здѣсь съ общимъ государственнымъ интересомъ; личности должны развиваться независимо, но для блага общаго; свобода должна соединяться съ законностью,

Digitized by Google

ностью, примиряться съ государственнымъ устройствомъ, существовать въ государствѣ и для государства. Правительство необходимо, но управлять собою должна сама нація; управляя собою, она остается свободною въ разумныхъ предѣлахъ и избавляется отъ «fureur de gouverner,» стѣсняющей и искажающей самостоятельное ея развитіе. Но всѣ эти предначертанія должно принимать какъ охранительныя мѣры не противъ деспотизма, а противъ бюрократіи. Мысль Гумбольдта не предоставить правленіе массѣ народа, но благоразумнымъ устройствомъ сдѣлать всякое правленіе по возможности излишнимъ Это дѣлаетъ задачу его гораздо обширнѣе; дѣло идетъ не о представительной системѣ, но объ организаціи цѣлаго народа. Но, чтобы новыя начала привялись на чужой почвѣ, пустили корень въ самую жизнь народа, привились къ его характеру, нужно, чтобы начала эти развивались изъ элементовъ, уже существующихъ или существовавшихъ прежде, воспоминаніе которыхъ еще таится въ народѣ, знакомо ему и имѣетъ прелесть роднаго. На этомъ основаніи, Гумбольдтъ считаетъ нужнымъ вызвать на свѣтъ, освѣжить въ памяти народа старинный общинный бытъ, и, измѣнивъ его сообразно съ требованіями и духомъ времени, изъ него создать новѣйшую конституцію, которая тогда вполнѣ будетъ соотвѣтствовать нуждамъ и характеру народа, сольется съ его внутреннею жизнью и сдѣлается однимъ изъ необходимыхъ ея условій. Такое государственное устройство, взятое изъ старинныхъ обычаевъ самаго народа, для Нѣмцевъ исполнитъ свое назначеніе лучше американской и французской представительной системы.

Вотъ общая картина предлагаемой имъ конституціи. Первою степенью, основаніемъ всего государственнаго устройства должны быть сельскія и городскія общины, выбирающія изъ среды себя представителя, который управляетъ дѣлами общины и защищаетъ ея интересы,

Въ большихъ городахъ, вмѣсто одной общины, которой многочисленность нарушила бы единство дѣйствія и въ общей массѣ которой терялись бы отдѣльныя личности, должны, на однихъ правахъ съ общиной, существовать нѣсколько корпорацій, имѣющихъ также своихъ представителей.

Но устройство это не должно мѣшать общему единству, не должно отчуждать другъ отъ друга и разъединять членовъ различныхъ корпорацій; потому, корпораціи не должны быть основаны на одинаковомъ промыслѣ и образѣ жизни, не должны соотвѣтствовать цехамъ и переходить въ понятіе кастъ; каждый горожанинъ долженъ принадлежать къ одной изъ корпорацій,

Digitized by Google

но можетъ выбрать любую. Вторую степень составляютъ провинціальные чины, которые образуются по выбору изъ депутатовъ каждаго сословія. Кромѣ выбранныхъ депутатовъ, есть и наслѣдственные, и на этомъ основаніи провинціальные чины раздѣляются на двѣ палаты, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое особенное назначеніе въ управленіи провинціи и которыя кромѣ того обѣ вмѣстѣ могутъ быть собираемы королемъ для совѣщаній объ общихъ дѣлахъ государства. Но и этихъ двухъ степеней недостаточно. Если остановиться на провинціальныхъ чинахъ, то будетъ нарушено единство государства, которое явится раздробленнымъ на нѣсколько частей, не имѣющихъ между собою достаточной правительственной связи; управленіе каждой провинціи представитъ отдѣльный, замкнутый въ себѣ организмъ, не имѣющій ничего общаго съ остальными частями государства, обращающій вниманіе на собственныя нужды и не заботящійся объ общемъ благѣ, объ интересахъ цѣлаго. Нужно связать между собою эти разрозненныя части, и эту связь составитъ третья, высшая степень, государственные чины. И здѣсь, какъ въ провинціальныхъ чинахъ, одни члены засѣдаютъ по выбору, другіе по праву рожденія. Въ верхней палатѣ засѣдаютъ принцы медіатизированные, Силезскіе дворяне, высшее протестантское и католическое духовенство и представители поземельной аристократіи, въ нижней—выборные представители всѣхъ сословій, не исключая и дворянъ. Этому собранію, кромѣ совѣщательнаго голоса, должно быть предоставлено право рѣшенія. Впрочемъ власть короля Гумбольдтъ ограждаетъ тѣмъ, что ему одному предоставляется право инициативы.

Конечною цѣлью конституціи являются безопасность личности и собственности, вѣротерпимость и свобода книгопечатанія.

Все сочиненіе проникнуто глубокою, живою любовью къ истинной, разумной свободѣ, которая, однако, всегда остается въ предѣлахъ законной умѣренности и, стремясь къ одной цѣли, общему благу, старается только замѣнить внѣшнія понудительныя мѣры возвышеніемъ внутренняго, нравственнаго чувства гражданъ. Гумбольдтъ былъ въ правѣ ожидать отъ своего проэкта многихъ хорошихъ послѣдствій для отечества; правительству былъ указанъ путь, указаны средства предполагаемой, обѣщанной реформы; правительство, во главѣ котораго стоялъ дряхлый старикъ, не имѣвшій никогда твердыхъ убѣжденій и подчинившійся подъ конецъ жизни вліянію австрійской политики, оставило безъ вниманія благонамѣренный совѣтъ.

Интриги Гарденберга задержали Гумбольдта во Франкфуртѣ,

Digitized by Google

чтобы связать ему руки и отвлечь отъ него, хотя на время, вниманіе мыслящей части общества.

Возвращеніе Гумбольдта въ концѣ Іюля 1819 г. мало поправило дѣло; австрійское вліяніе возрастало. Правда, 12 Августа, Гумбольдтъ торжественно былъ введенъ въ свою должность; былъ составленъ подъ предсѣдательствомъ государственнаго канцлера комитетъ для обсужденія его проэкта, но посредникомъ между Гумбольдтомъ и королемъ былъ Гарденбергъ, и дѣло затянулось такъ, что и не предвидѣлось конца.

Въ это время, изъ Вѣны разосланы были къ Германскимъ дворамъ приглашенія участвовать въ карлсбадскихъ конференціяхъ, имѣвшихъ цѣлью подавить всѣ проявленія свободы, послѣдніе отголоски всеобщаго патріотическаго воодушевленія, которымъ воспользовались, которое старались вызвать для войны съ Наполеономъ. Эти конференціи убили свободу книгопечатанія, поразили университеты, погубили начала представительной системы, и, подчинивъ владѣнія Германіи надзору союзной полиціи, нанесли тяжелый ударъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ.

Такого порядка вещей не могъ выдержать Гумбольдтъ.

Подчинить свое государство чужимъ законамъ, отдать его въ опеку—онъ считалъ преступленіемъ, оскорбленіемъ народной гордости. Онъ прямо обвинилъ Берншторфа, министра иностранныхъ дѣлъ въ превышеніи власти и вмѣстѣ съ Беймe и военнымъ министромъ Бойеномъ представилъ энергическую ноту.

На ноту воспослѣдовалъ немилостивый отвѣтъ. Бойенъ между тѣмъ потребовалъ увольненія, когда одно изъ его распоряженій не было одобрено и принято государственнымъ канцлеромъ. Примѣру Бойена послѣдовали сподвижники его Бейме и Гумбольдтъ, и въ концѣ Декабря 1819 г. всѣ трое получили отставку. Такимъ образомъ, кончилась общественная, служебная дѣятельность Вильгельма фонъ Гумбольдта.

Усилія его не всегда, и даже рѣдко увѣнчивались успѣхомъ; обстоятельства, интриги часто мѣшали ему достигать предположенной цѣли, которая всегда была высока, прекрасна, обширна, достойна великой души его. Онъ не подчинялся вліянію обстоятельствъ; всегда оставаясь вѣрнымъ себѣ, вѣрнымъ основной своей идеѣ и принятымъ убѣжденіямъ, онъ открыто, благородно боролся съ встрѣчавшимися препятствіями, никогда не уступалъ имъ и никогда не употреблялъ для ниспроверженія ихъ окольныхъ путей. Цѣль въ его гла-

Digitized by Google

захѣ никогда не извиняла средства. Онъ видѣлъ насквозь хитрости Гарденберга но противодѣйствовать интригѣ интригой, противъ подкопа вести подкопъ считалъ низкимъ, недостойнымъ себя. Но это прямодушіе, благородство, безкорыстіе, всѣ эти высокія чувства вредили Гумбольдту, какъ дипломату и государственному человѣку. При меньшей разборчивости въ средствахъ, при большемъ честолюбіи, онъ могъ бы достигнуть болѣе высокаго положенія, большаго вліянія въ государствѣ, могъ бы лучше успѣть въ своихъ предпріятіяхъ и принести большую пользу отечеству.

Онъ удалился отъ дѣлъ безъ досады, безъ ожесточенія противъ тѣхъ, интриги которыхъ побудили его оставить службу. Онъ всегда съ уваженіемъ отзывался о благородномъ характерѣ государственнаго канцлера. «Чувства мои къ этому человѣку, писалъ онъ къ Фарнгагену, сообщившему ему о своемъ намѣреніи заняться біографіею Гарденберга, постоянно были одни и тѣже, даже въ то время, когда мы шли совершенно различными путями и потому меня радуетъ то, что онъ найдетъ у васъ справедливость и снисходительность, которую онъ заслуживаетъ. Если разсматривать событія 1810—1816 годовъ какъ развязку драмы, то поэтъ, дѣйствительно, не найдетъ другаго характера, который былъ бы такъ способенъ совершить это дѣло для Пруссіи. Я часто чувствовалъ это среди событій и боялся за исходъ ихъ, когда усиливались физическія страданія Гарденберга. Съ другой стороны, должно сознаться, что для себя ему, можетъ быть, лучше было бы отказаться отъ участія въ этой драмѣ, чтобы въ рѣшительномъ величіи и твердости стоять выше событій.»

Съ удаленіемъ Гумбольдта отъ дѣлъ не прекратилась однако многосторонняя дѣятельность его. «Вся сила и напряженіе, говоритъ Фридрихъ Мюллеръ, которыя онъ такъ долго, съ такимъ успѣхомъ обращалъ на внѣшніе предметы, сосредоточились теперь въ наукѣ и искусствѣ; его пытливый умъ проникаетъ въ тончайшія и нѣжнѣйшія особенности нравовъ и преимущественно языковъ отдаленнѣйшихъ частей свѣта, и отыскиваетъ свѣтлымъ умомъ связь ихъ въ исторіи развитія человѣчества; онъ украшаетъ свое родовое помѣстье Тегель собраніемъ величественныхъ произведеній искусствъ и превращаетъ его въ храмъ мысли, въ веселое убѣжище друзьямъ, служащее къ собственному его нравственному и физическому обновленію. Тамъ безпрерывно посѣщаетъ его муза, принося свѣжіе вѣнки днямъ его старости. Довольный и спокойный, съ твердымъ убѣжденіемъ въ вѣчности бытія, тихо отходитъ онъ изъ круга друзей, оставляя по себѣ

Digitized by Google

неизгладимое воспоминаніе въ сердцахъ всѣхъ людей знавшихъ его.»

Со времени послѣдней отставки начинаются важнѣйшія лингвистическія изслѣдованія Гумбольдта, составляющія главный и почти исключительный интересъ послѣднихъ годовъ его жизни.

Digitized by Google

III.

Семейная жизнь В. Г.—Его ученая дѣятельность.—Опредѣленіе народнаго характера древнихъ Грековъ.—Изученіе Индѣйской древности.—Смерть госпожи Гумбольдтъ.—Новыя должности В. Г.—Общество любителей искусствъ.—Новая характеристика Гете.—Изданіе писемъ Шиллера.—Сонеты.—Болѣзнь и смерть В. Г.—Заключеніе.

Со времени удаленія Гумбольдта отъ дѣлъ началась для него тихая, семейная жизнь въ кругу близкихъ и немногихъ знакомыхъ, среди постоянныхъ ученыхъ занятій. Желаніе вспомнить невозвратное былое, годы, проведенные въ Бургэрнерѣ и Аулебенѣ, первые годы супружества, желаніе слить эти воспоминанія съ воспоминаніями первыхъ дней дѣтства заставило Гумбольдта поселиться въ Тегелѣ, мѣстѣ его рожденія, гдѣ онъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ жилъ съ матерью, братомъ и первыми наставниками. Двѣ дочери его вышли за мужъ, одна за Гедемана, другая за барона Бюлова; старшій сынъ, Теодоръ женился и поселился въ Силезіи; только старшая дочь Каролина и младшій сынъ Германъ оставались при родителяхъ. Старый домъ въ Тегелѣ былъ сломанъ и на его мѣстѣ выстроенъ новый, болѣе помѣстительный и изящный.

Въ этомъ домѣ, окончательно отдѣланномъ въ 1824 году Гумбольдтъ окружилъ себя древностями и статуями, пріобрѣтенными въ Римѣ и другихъ мѣстахъ, предметами искусствъ, доставлявшими ему ежедневное, постоянно новое наслажденіе, обратившееся въ потребность. Здѣсь, въ кругу своего семейства, Гумбольдтъ проводилъ большую часть года; только поѣздки зимою въ Берлинъ, осенью и весною въ другія помѣстья и въ особенности въ Оттмахау, (въ Силезіи), гдѣ разныя хозяйственныя распоряженія часто дѣлали необходимымъ личное его присутствіе, заставляли его покидать свой любимый Тегель, измѣнять правильный, спокойный образъ жизни, отрываться отъ занятій, составлявшихъ рѣшительно необходимую часть его существованія.

1828-ый годъ весь прошелъ въ разъѣздахъ. Гумбольдту съ семействомъ Бюлова еще разъ пришлось посѣтить Парижъ и Лон-

Digitized by Google

донъ, пришлось возобновить нѣсколько почти оставленныхъ связей и знакомствъ въ обѣихъ столицахъ. Черезъ Мюнхенъ и Гастэйнъ, гдѣ госпожа Гумбольдтъ пользовалась минеральными водами, наши путешественники возвратились въ Берлинъ и въ Тегель, и здѣсь снова начались обыкновенныя, невозмутимо-спокойныя, правильныя и методическія ученыя занятія. Изслѣдованія надъ языками и философіею языка не заставили Гумбольдта забыть прежній свой любимый предметъ, греческую древность, изученію которой были посвящены лучшіе годы его молодости. Теперь, при помощи языка, онъ постигъ въ тончайшихъ оттѣнкахъ и изгибахъ греческій народный характеръ, который ему не удавалось уловить въ изученіи литературы, религіи и нравовъ. Видя въ словѣ первое движеніе пробудившейся души, видя въ языкѣ полное, вѣрное, хотя таинственное и не всякому доступное отраженіе народнаго характера, обладая громадными лингвистическими свѣдѣніями, Гумбольдтъ легко могъ по одному языку очертить всякую національность. Другія проявленія духовной дѣятельности народа—религія, литература, бытъ и политическая судьба его—проявленія менѣе духовныя и внутреннія, служили только пособіемъ, дополнительными чертами, подтверждавшими результаты языка, дававшими общей картинѣ цѣлостность и законченность. Вотъ его результаты. Направленіе Грековъ было преимущественно внутреннее и интеллектуальное; любознательность ихъ была направлена не столько на практическое значеніе предметовъ въ дѣйствительности, сколько на самую сущность ихъ и на то, какъ они вообще представляются уму. Всѣ внѣшнія формы, выражавшія понятія древнихъ Грековъ, напоминаютъ о внутреннемъ содержаніи часто, съ ущербомъ для практическаго ихъ примѣненія. Стремленіе къ истинно индивидуальному характеру влекло ихъ въ тоже время къ идеальному, къ стремленію «уничтожить индивидуальное, какъ ограниченіе, и оставить его только, какъ легкое очертаніе извѣстнаго образа». На этомъ основаніи греческое искусство есть снимокъ съ дѣйствительной природы, снимокъ, изображающій сущность живаго организма каждаго предмета. Этотъ снимокъ удавался имъ чрезъ соединеніе яснаго созерцанія дѣйствительности съ стремленіемъ къ высшему единству идеала.

Лингвистическія занятія открыли Гумбольдту еще одну богатую литературу, изученіе которой ввело его въ таинственный, фантастическій міръ, въ міръ индѣйской древности. Стихи Мага-Бараты поразили Гумбольдта глубиною мысли, выраженною въ первобытно-простой формѣ, съ младенческою игривостью фантазіи. Что любилъ онъ въ Пиндарѣ и Эсхилѣ, чему удивлялся въ

Digitized by Google

твореніяхъ Шиллера, то нашелъ въ древнѣйшей поэзіи Индіи. Мысли Канта, которымъ онъ такъ глубоко сочувствовалъ, мысли о высокомъ самопожертвованіи, о соблюденіи долга ради долга, объ истинной мудрости, которая должна стоять выше событій и, по возможности, отрѣшаться отъ переворотовъ внѣшняго міра, мысли эти встрѣчались ему здѣсь въ разсужденіяхъ Кришны, въ ученіи объ индійскомъ самоуглубленіи; онѣ примѣнялись къ настоящему его положенію, которое многіе считали опалою, и за которое онъ самъ благословлялъ Провидѣніе. Дѣйствительно, удалившись отъ шума политической дѣятельности, живя наукою, углубляясь въ спокойный міръ мысли и труда, изучая человѣка въ самомъ таинственномъ внутреннемъ его проявленіи, Гумвольдтъ сталъ выше переворотовъ, добровольно разорвалъ все, что связывало его съ внѣшнимъ міромъ, и, какъ индѣйскій іоги, спокойно и безстрастно, безъ волненій и желаній, смотрѣлъ на все окружающее. Этимъ объясняется сочувствіе его къ индѣйской поэзіи, увлеченіе, съ которымъ онъ предался своему новому предмету. Сочувствіе это выразилось въ желаніи воспроизвести нѣкоторыя, особенно поразившія его, мѣста индѣйской поэмы. Къ этому времени относится его сочиненіе: «Объ отрывкѣ изъ Мага-Бараты, извѣстномъ подъ именемъ Багавадъ-Гиты». Даже взглядъ Гумвольдта на науку, быть можетъ, измѣнился подъ вліяніемъ индѣйской философіи. Ученые труды его не имѣли послѣднею, конечною цѣлью самую науку; результаты науки важны для него были не столько сами по себѣ, сколько по вліянію, которое они оказываютъ на умственное и нравственное совершенствованіе человѣка. Созрѣть, развиться въ себѣ и въ своихъ идеяхъ, «идеями вызрѣть изъ жизни», какъ онъ пишетъ къ Генцу, вотъ настоящая цѣль, связывающая интересъ науки съ собственными, личными интересами Гумвольдта.

Трудъ мысли, занятія наукой не вытѣснили, не подавили чувства, котораго искала воспріимчивая душа Гумвольдта, въ которомъ нуждалась нѣжная, почти женственная его природа. Безграничная, но тихая и спокойная привязанность его къ женѣ, дружескія отношенія къ брату, къ Каролинѣ Вольцогенъ, къ Шарлоттѣ Діэде, къ Гёте, къ Вольфу оживляли дни его старости отрадными воспоминаніями былого. Чувство его къ женѣ, основанное на глубокомъ уваженіи, на взаимномъ пониманіи и сочувствіи, никогда не имѣло ничего общаго съ минутнымъ пыломъ юношеской страсти, не могло съ лѣтами охладѣть и угаснуть. Сила привычки могла только скрѣпить узы сознательнаго чувства. Со времени удаленія Гумвольдта отъ дѣлъ, Каро-

Digitized by Google

лина была его неразлучною спутницею; съ Каролиной дѣлился онъ трудами, радостями, надеждами и сомнѣніями, и Каролина понимала его, сочувствовала ему. Гумбольдту нужно было такое сочувствіе; онъ дорожилъ дружбой женщины и, какъ художникъ, какъ идеалистъ, умѣлъ цѣнить прекрасную женственность, полную любви и самоотверженія. «Въ чувствѣ къ прекрасной женственности, писалъ онъ къ Каролинѣ Вольцогенъ, заключается пониманіе всего изящнаго въ человѣчествѣ и природѣ, разоблаченная сущность духовной жизни, на сколько она доступна на землѣ.» Изъ этихъ словъ видно, чѣмъ могла быть, чѣмъ дѣйствительно была для него Каролина, видно, какимъ жестокимъ ударомъ должна была поразить его преждевременная ея кончина. Слабое здоровье госпожи Гумбольдтъ долгое время то поправлялось, то снова разстроивалось; грудная болѣзнь, которою она страдала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, болѣзнь, неоднократно принуждавшая ее пользоваться гастейнскими минеральными водами, въ послѣднее время усилилась и наконецъ свела ее въ могилу 26-го Марта 1829 года. Ни дружба брата, ни нѣжная привязанность дѣтей, ни участіе друзей и близкихъ не могли замѣнить Гумбольдту жестокую утрату. Въ горести его, какъ въ его любви, не было порыва, не было страсти; то была грусть тихая, спокойная, но глубокая и постоянная; онъ не искалъ забвенія, не старался разсѣяться и утѣшиться. Не впадая въ мизантропію, онъ сталъ избѣгать сношеній съ людьми; его тяготило ихъ безсильное участіе; смерть любимой женщины оставила по себѣ такую пустоту въ внѣшней его обстановкѣ, что Гумбольдтъ почувствовалъ потребность уединить себя, отдалиться отъ внѣшняго міра, углубиться въ самаго себя, въ благотворныя истины науки, окружить себя образами отжившихъ друзей, картинами былой юности, былого счастья, словомъ, живѣе прежняго почувствовалъ потребность жить въ мірѣ идей и воспоминаній. «Вы спрашиваете, пишетъ онъ къ Каролинѣ Вольцогенъ, что для меня теперь всего отраднѣе? Признаюсь вамъ, только глубокое, совершенное одиночество. Въ одиночествѣ у человѣка являются чувства, мысли, воспоминанія, которыя укрѣпляютъ и поддерживаютъ его; печаль переходитъ въ какое то тихое, нѣжное, постоянное чувство грусти. Но чтобы я снова могъ находить удовольствіе въ сношеніяхъ съ людьми,— этого я рѣшительно не могу себѣ представить; допускаю только дружескій разговоръ съ глазу на глазъ съ человѣкомъ однихъ убѣжденій со мною.»

Но Гумбольдту не удалось остаться въ сторонѣ отъ дѣлъ, не удалось въ уединеніи насладиться своей горестью. Cabinetsordre

Digitized by Google

отъ 15 Сентября 1830 года снова назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ коммиссіи, которой поручено было заняться внутреннимъ устройствомъ вновь открытаго берлинскаго музея; впрочемъ, первое мѣсто, данное болѣе для виду, какъ возмездіе за удаленіе, походившее на опалу, не возлагало на Гумбольдта трудныхъ и сложныхъ обязанностей и рѣдко вызывало его изъ Тегеля. Второю должностью, требовавшею эстетическаго вкуса и обширныхъ познаній въ дѣлѣ искусства, Гумбольдтъ занимался съ любовью, не смотря на то, что занятія эти нарушали заведенный порядокъ его вседневной жизни и часто приводили его въ соприкосновеніе съ людьми и обществомъ. Кромѣ того, еще съ 1825 года существовало въ Пруссіи Общество любителей искусствъ, имѣвшее цѣлью поощрять молодыхъ художниковъ, давать имъ средства къ образованію, развивать въ нихъ врожденный талантъ и такимъ образомъ содѣйствовать процвѣтанію изящныхъ искусствъ въ Пруссіи. Гумбольдтъ былъ однимъ изъ основателей и дѣятельныхъ членовъ этого общества; изъ подъ его пера выходили годовые отчеты общества, которые въ совокупности представляютъ полный курсъ эстетики, какъ понималъ ее Гумбольдтъ въ послѣдніе годы своей жизни и дѣятельности. Здѣсь, какъ и въ «Эстетическихъ опытахъ», видно пристрастіе къ древнему, классическому міру, связанное впрочемъ съ полнымъ его пониманіемъ. Гумбольдтъ миритъ греческое искусство съ новѣйшимъ, романтическимъ, болѣе сообразнымъ съ духомъ нашего вѣка и требованіями современнаго общества, но, допуская слiяніе обоихъ элементовъ, считаетъ искусство Грековъ единственнымъ, истиннымъ воплощеніемъ идеи изящнаго.

Къ этому времени относится новая характеристика Гёте, предпринятая Гумбольдтомъ по поводу послѣдней части итальянскаго путешествія Гёте, изданной въ 1829 году. И въ этой характеристикѣ проглядываетъ любовь Гумбольдта къ древне-греческому элементу. Сравнивая Гёте съ греческими поэтами Гумбольдтъ превозноситъ его объективность, естественность и вѣрность его картинъ, отражающихъ природу во всей ея изящной простотѣ, во всемъ роскошномъ блескѣ ея свѣжести и жизни; онъ выводитъ творческое стремленіе Гёте изъ одного источника съ его стремленіемъ изслѣдовать сокровенные законы природы, указываетъ на внутреннюю связь, существующую между учеными трудами и поэтическимъ творчествомъ Гёте.

1-го Мая 1832 года, уже по смерти Гете, Гумбольдтъ въ Обществѣ любителей искусствъ прочелъ письмо Гёте къ тайному совѣтнику Бейту, въ которомъ покойный поэтъ благодаритъ за

Digitized by Google

подарокъ, посланный ему отъ имени общества, и обѣщаетъ дать молодымъ художникамъ нѣсколько совѣтовъ насчетъ выбора предмета. «Горестно намъ, продолжаетъ Гумбольдтъ по окончаніи чтенія, отказаться отъ поученія, которое обѣщаетъ покойный въ этихъ строкахъ. Самое обѣщаніе это доказываетъ, какъ старался онъ до послѣднихъ дней своей жизни развивать всякое стремленіе къ изящному и давать ему направленіе. Это желаніе руководить духовную дѣятельность современниковъ, было ему особенно свойственно; можно даже прибавить, что онъ, безъ намѣренія, почти безсознательно, существованіемъ своимъ и дѣйствіемъ на самаго себя, оказывалъ могучее, характеризующее его вліяніе. Оно представляется отдѣльно отъ духовнаго творчества его, какъ мыслителя и поэта, и заключается въ его великой, своеобразной личности. Мы это чувствуемъ въ самой горести, которою поразила насъ его кончина. Мы оплакиваемъ въ немъ не только творца столькихъ геніальныхъ произведеній всякаго рода, не только изслѣдователя, разширившаго область столькихъ наукъ и указавшаго имъ новые пути глубокимъ воззрѣніемъ на внутреннюю природу ихъ, не только дѣятельнаго поборника всякаго стремленія къ духовному развитію, мало того,—у насъ какъ будто вырвано что-то изъ самыхъ завѣтныхъ мыслей и чувствъ въ самомъ возвышенномъ ихъ соединеніи, недостаетъ чего-то, потому единственно, что его нѣтъ между нами. Но, хотя мы горько чувствуемъ нашу потерю, насъ снова оживляетъ то убѣжденіе, что онъ вложилъ въ свой вѣкъ и свой народъ сѣмяна, которыя перейдутъ въ будущія поколѣнія и долго еще будутъ развиваться, когда языкъ его сочиненій уже, быть можетъ, устарѣетъ. У каждой націи, достигшей высокой степени развитія, есть свой особый кругъ мыслей и чувствованій, обнимающій всю ея жизнь. Онъ стоитъ не на твердыхъ и опредѣленныхъ единичныхъ воззрѣніяхъ, но заключается въ общемъ направленіи умовъ, въ формѣ, отъ которой зависятъ во всѣхъ отрасляхъ духовной дѣятельности мѣра и размѣръ, спокойствіе и живость, равновѣсіе и гармонія; онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, черезъ обусловливаемое имъ сліяніе чувственнаго съ нечувственнымъ, на полное созерцаніе внѣшняго и внутренняго міра. Личности Гёте преимущественно суждено было дѣйствовать на эту точку. Въ эту таинственную среду, въ которой одно духовное стремленіе воодушевляетъ цѣлую націю, проникъ Гёте силою своею творчества, посредствомъ языка, который далъ ему возможность выразить свой характеръ, и которому онъ, съ своей стороны, придалъ столько силы и души. Такимъ образомъ, начиная свое поприще въ періодъ литературы, въ которомъ духъ нѣмецкой науки и

Digitized by Google

искусства не получилъ еще яснаго, рѣшительнаго характера, онъ долголѣтними трудами своей жизни наложилъ на него новый, вѣчно напоминающій о немъ отпечатокъ. Постоянно веселая разсудительность, свѣтлая ясность, живое, созерцательное пониманіе природы, всегда подчиненное изящному образу или еще глубже заимствованной формѣ, безконечная гибкость генія, всѣ эти качества, преимущественно отличающія Гете, сами собою привлекали къ нему умы. Ни въ комъ не было болѣе справедливаго, основаннаго на внутреннемъ характерѣ отвращенія ко всему запутанному, туманному, мистически загадочному. Все это въ совокупности придавало его вліянію такое общее, глубокое значеніе. Что представлялось такъ весело и свѣтло, что безъ труда и напряженія вытекало изъ своего источника, то также легко принималось и удерживалось, пускало корни для дальнѣйшаго развитія. Такъ какъ Гёте всегда понималъ природу въ единствѣ ея организма и въ тоже время въ полномъ развитіи ея богатаго разнообразія, то въ немъ никогда не могло быть рѣзкой противоположности между чувственнымъ и идеальнымъ міромъ. Дѣйствительность теряла въ немъ свою форму, чтобы получить новую отъ руки создающей фантазіи. Вотъ почему, скажу я, чтобы возвратиться къ своему предмету, онъ такъ благотворно дѣйствовалъ на искусство; онъ былъ близокъ къ нему въ основныхъ началахъ своего духа и сродился съ нимъ во всѣхъ его отрасляхъ посредствомъ созерцанія, собиранія и упражненія; общее чувство къ изящному укоренилось въ немъ глубже, нежели въ комъ либо другомъ. Онъ безконечно много сдѣлалъ для искусства непосредственно поученіемъ, поощреніемъ и содѣйствіемъ всякаго рода, но все это не могло сравниться съ тѣмъ, чѣмъ оно обязано ему посредственно. Въ продолженіе многолѣтней жизни, тихимъ вліяніемъ своей личности онъ будилъ въ душахъ современниковъ дремлющую искру любви къ изящному, направлялъ наклонность и потребность къ чистому стремленію (къ искусству), которое, одинаково удаляясь отъ принужденія стѣснительныхъ правилъ и отъ фантастическаго произвола, слѣдуетъ свободному ходу природы, управляемому внутренними законами!»

Вслѣдъ за характеристикой Гёте были изданы въ свѣтъ письма Шиллера къ Гумбольдту съ предисловіемъ, въ которомъ авторъ широкой кистью рисуетъ великую личность покойнаго друга. Гумбольдтъ признаетъ въ Шиллерѣ слѣды вліянія Канта и распространяется при этомъ насчетъ философіи Канта, которую ставитъ несравненно выше системы Гегеля, бывшей тогда въ полной силѣ. Стремясь примирить человѣка со всѣмъ окружающимъ, философія Гегеля по своей основной идеѣ соглашалась съ лич-

Digitized by Google

ными убѣжденіями Гумбольдта, но возмущала его своею апріоричностью, отсутствіемъ историческаго изслѣдованія, возмущала его тѣмъ, что путемъ чистаго мышленія хотѣла произвести высшее соединеніе, для котораго Гумбольдтъ требуетъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ силъ души. Гумбольдтъ разсматриваетъ Шиллера, какъ мыслителя, поэта и человѣка; онъ видитъ въ его твореніяхъ отпечатокъ этихъ трехъ сторонъ его существа, взаимно поддерживающихъ и восполняющихъ другъ друга, и преимущественно обращаетъ вниманіе на философское направленіе его стихотвореній, въ которыхъ глубокая, самородная мысль облекается въ художественно прекрасную форму.

Съ именами Шиллера и Гёте связывались для Гумбольдта воспоминанія лучшихъ дней молодости, дней, прожитыхъ съ женою въ Іенѣ, среди семейства, среди друзей, поэтовъ и ученыхъ; характеристика Шиллера глубоко прочувствована; каждая мысль вылилась изъ души и дышитъ неподдѣльною искренностью.

«Состояніе души моей, пишетъ Гумбольдтъ къ Каролинѣ Вольцогенъ, побуждающее меня искать одиночества—невыразимая грусть и въ тоже время тихое спокойствіе — удивительно располагаетъ меня къ откровенности. Что теперь выходитъ изъ подъ моего пера должно носить на себѣ по крайней мѣрѣ отпечатокъ глубокой, задушевной искренности.» Эта тихая грусть, тоскливое стремленіе къ чему то сверхъ естественному, неземному обнаружилось послѣ смерти госпожи Гумбольдтъ и, возрастая съ лѣтами, въ полной мѣрѣ высказалось передъ концомъ его жизни въ сонетахъ, которые изданы Александромъ Гумбольдтомъ въ полномъ собраніи сочиненій брата. У Гумбольдта не было самостоятельнаго поэтическаго таланта; стихотворенія его, написанныя въ Испаніи и въ Римѣ, въ лучшіе годы жизни, подъ вліяніемъ величественной обстановки, замѣчательны не столько по силѣ вдохновенія, сколько по глубинѣ выраженныхъ идей, которыя не всегда укладываются въ поэтическую рамку и постоянно преобладаютъ надъ формою. Въ сонетахъ его также нѣтъ огня, нѣтъ страсти, но много свѣтлыхъ мыслей, много задушевности, теплоты и искренности. Гумбольдтъ писалъ ихъ не для свѣта, даже не для друзей и близкихъ; онъ писалъ ихъ для себя, потому что чувствовалъ потребность высказаться, вызвать наружу то, что таилось въ глубинѣ души, чувства, мысли, желанія, тоскливое стремленіе куда то вдаль, прочь отъ земли, въ прекрасный, сверхъ чувственный міръ. Какъ являлась мысль, такъ и укладывалась она на бумагу, безъ труда, безъ кропотливой отдѣлки и внѣшней обработки. Все, что производило на него впечатлѣніе, прогулка, сновидѣніе, картина природы, новая мысль,

Digitized by Google

воспоминанія,—все въ тотъ же день переходило въ сонеты; это поэтическій дневникъ, исповѣдь старика Гумбольдта, исповѣдь невольная, безсознательная, неприготовленная и потому искренняя, чистосердечная и безъискуственная. Отъ случаевъ вседневной жизни, отъ предмета, вызвавшаго стихотвореніе, Гумбольдтъ переходитъ къ общимъ, отвлеченнымъ идеямъ и часто высказываетъ прекрасныя мысли, проникнутыя теплымъ чувствомъ. И здѣсь выражается уваженіе къ человѣку и его индивидуальности; стремленіе къ нравственному совершенству, руководившее всѣми поступками его жизни, принимаетъ здѣсь какой то мечтательный, таинственный характеръ, какой то оттѣнокъ тихой грусти, разлитой на всѣхъ сонетахъ и придающій имъ особенную, трогательную прелесть.

Сонеты служили Гумбольдту отдохновеніемъ; онъ диктовалъ ихъ своему секретарю вечеромъ, когда все было тихо, когда, послѣ дневныхъ трудовъ, онъ любилъ припомнить прошедшее, задуматься надъ будущимъ и глубже заглянуть къ себѣ въ душу. Ученые труды Гумбольдта шли между тѣмъ своимъ чередомъ; огромное твореніе его о языкѣ Кави, надъ которымъ онъ теперь трудился, подвигалось къ концу; онъ занимался имъ съ тою же любовью и съ обыкновеннымъ постоянствомъ, но старость брала свое; силы стали измѣнять ему, глаза ослабѣвали, голова и руки дрожали; долгій усидчивый трудъ сталъ утомлять его; умственное напряженіе и постоянная, мучительная грусть разрушительно дѣйствовали на его физическія силы. Въ 1831, 1832, 1833 годахъ, онъ ѣздилъ въ Нордерней, и морскія купанья нѣсколько укрѣпили его и поправили его здоровье .Весь 1834 годъ онъ пробылъ въ Тегелѣ, былъ спокоенъ и веселъ, чувствовалъ себя свѣжѣе и крѣпче. «Я не боленъ, пишетъ онъ къ Николовію; напротивъ, провожу спокойные и счастливые дни въ уединеніи, съ дѣтьми, среди трудовъ и грезъ, воспоминая о прошедшемъ и весело размышляя о будущемъ.» Но 23 Февраля 1835 года, въ день рожденія супруги, онъ особенно долго пробылъ на ея могилѣ, простудился и занемогъ. Болѣзненное состояніе продолжалось цѣлый мѣсяцъ, не представляя особенной опасности. Въ концѣ Марта болѣзнь усилилась, а 7-го Апрѣля въ шесть часовъ вечера Вильгельма Гумбольдта не стало. Безполезно было бы изображать горесть дѣтей, брата и друзей покойнаго; они знали ему цѣну, знали что теряли въ немъ. «Третьяго дня вечеромъ, пишетъ Александръ Гумбольдтъ къ Араго, я имѣлъ несчастіе лишиться брата. Я въ глубокомъ унынін. То былъ высокій умъ, душа возвышенная и благородная. Я совсѣмъ осиротѣлъ, и надѣюсь наконецъ имѣть счастіе обнять васъ въ нынѣшнемъ

Digitized by Google

году.» Королевская фамилія и дворъ выразили свое прискорбіе. Общество и наука лишились въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей и чувствовали въ его смерти горестную утрату.

Мы уже знаемъ изъ жизни Вильгельма Гумбольдта какъ сильно чувствовалъ онъ все благородное, возвышенное и прекрасное, какъ неуклонно стремился онъ къ идеалу нравственнаго совершенства; путемъ къ тому служили ему наука, искусство и эстетическія наслажденія, облагороживающія и возвышающія душу. Такой взглядъ на науку представляетъ глубокую, внутреннюю связь съ его уваженіемъ къ человѣку и его индивидуальности, которой благосостояніе онъ ставитъ выше государственныхъ интересовъ, для сохраненія которой готовъ жертвовать всѣмъ, ниспровергать установленный государственный порядокъ и возмущать спокойствіе общества. Это уваженіе къ индивидуальности, выказавшееся съ полною силою въ первомъ его политическомъ сочиненіи, слишкомъ увлекало его въ молодости и доводило его до несбыточныхъ, утопическихъ теорій. Но съ лѣтами индивидуализмъ этотъ смягчился уваженіемъ къ государственному устройству, сознаніемъ его необходимости, стремленіемъ примирить «я» отдѣльной личности со всѣмъ его окружающимъ. Изученіе природы, созерцаніе вѣчной ея гармоніи и соотвѣтствія между цѣлымъ и отдѣльными его составными частями, содѣйствовало этому примиренію, развивая въ Гумбольдтѣ сознаніе его необходимости. Дѣйствительно, весь образъ дѣйствій его на поприщѣ государственной службы, проэктъ новыя конституціи, распоряженія по министерству проникнуты стремленіемъ согласить интересы отдѣльной личности съ выгодами и спокойствіемъ общества, содѣйствовать развитію индивидуальности, не разрушая государственнаго устройства, поставить индивидуальность подъ защиту общества и правительства, не подвергая ее стѣсненію, словомъ, достигнуть разумной законной свободы отдѣльныхъ личностей, свободы, необходимой для развитія и совмѣстной съ благомъ государства. Впрочемъ вообще говоря, характеръ Гумбольдта мало измѣнялся съ лѣтами; въ немъ смолоду господствовало то веселое спокойствіе, которымъ онъ отличался подъ старость, спокойствіе, которое, предохраняя его отъ увлеченія, позволяло ему съ твердостью, терпѣливо переносить несчастіе. «Мое спокойствіе, пишетъ онъ, не достоинство; это счастливое преимущество моего темперамента; терпѣніе мое никогда не стоило мнѣ труда; я могу назвать его врожденнымъ.» Въ минуты горести личность Гумбольдта является въ самомъ чистомъ, поэтическомъ свѣтѣ; онъ самъ сознаетъ возвышающую силу горести и, понимая благотворное ея вліяніе, спокойно

Digitized by Google

и безропотно переноситъ постигающія его несчастія. «Горесть, говоритъ онъ, имѣетъ высокую, очищающую силу, невыразимую прелесть, когда она, какъ плющъ, обвивается вокругъ сердца; она даже разрушая сохраняетъ свою собственную, могучую жизнь.» Стремясь къ нравственному совершенствованію, Гумбольдтъ старается быть равнодушнымъ ко всему внѣшнему и матеріальному, къ славѣ, къ удовольствію, къ счастію и къ несчастію и удивительно успѣваетъ развить въ себѣ это стоическое равнодушіе, этотъ идеальный взглядъ на вещи. Развитію этого идеализма во многомъ содѣйствовало также внѣшнее положеніе Гумбольдта, положеніе, независимое и вполнѣ обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи. При постоянной борьбѣ съ нуждою, при безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ мелочными дрязгами вседневной жизни, трудно было бы отрѣшиться отъ матеріальнаго, стать выше его, выработать себѣ свѣтлый, всеобъемлющій, независимый взглядъ на міръ и его явленія. Изъ перваго политическаго сочиненія Гумбольдта виденъ его взглядъ на религію. Онъ понималъ идею религіи, онъ былъ проникнутъ ею, но понималъ ее во всей ея чистой отвлеченности, не облекая ея въ внѣшнія формы, не придавая этимъ формамъ никакой цѣны, никакого значенія. Онъ вѣритъ въ загробную жизнь, потому что вѣритъ въ силу мысли, въ силу чувства, въ которыхъ видитъ вѣрный залогъ безсмертія, но, сильный сознаніемъ долга, для его исполненія не нуждается въ возбудительныхъ средствахъ и съ спокойною совѣстью, безъ сожаленія готовъ отказаться отъ надежды на награду. И такъ мы видимъ въ Вильгельмѣ Гумбольдтѣ идеалиста, человѣка съ благородными, возвышенными стремленіями, гражданина, умѣвшаго съ горячею любовью къ своей народности соединить полное, безпристрастное уваженіе ко всему истинно прекрасному, истинно человѣчественному, геніальнаго ученаго, который, не сдѣлавшись сухимъ, односторонним спеціалистомъ, широко раздвинулъ область своей науки, создалъ новое направленіе, указалъ своимъ послѣдователямъ безконечную сферу развитія. Такихъ людей не забываетъ исторія.

Digitized by Google

Лингвистическіе труды В. Гумбольдта.

Приступая къ разсмотрѣнію результатовъ лингвистическихъ трудовъ Гумбольдта, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ и цѣли этихъ изслѣдованій, начавшихся очень давно, во время поѣздки его въ Испанію, постепенно получившихъ болѣе обширные размѣры во время пребыванія его въ Римѣ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и Франкфуртѣ, и достигшихъ наконецъ полнаго своего развитія послѣ того, какъ онъ, оставивъ службу, предался уединенному созерцанію и безраздѣльно посвятилъ себя наукѣ. Первыя изслѣдованія въ Испаніи надъ баскскимъ языкомъ были произведены не съ лингвистическою, но съ историко-этнографическою цѣлью. Главнымъ предметомъ изслѣдованія здѣсь является не языкъ, а народъ, жизнь его, бытъ и происхожденіе; изученіе языка служитъ только средствомъ, ключемъ къ разрѣшенію вопросовъ, выходящихъ изъ его области. Послѣ того Гумбольдтъ занялся сравненіемъ его сначала съ американскими, а потомъ съ другими языками. Кругъ занятій его расширился; лингвистическія изслѣдованія получили для него болѣе самостоятельный и живой интересъ; языкъ пересталъ быть вспомогательнымъ средствомъ и мало по малу сдѣлался главною цѣлью, къ которой обратились и въ которой сосредоточились всѣ прежнія занятія его по другимъ предметамъ.

Съ измѣненіемъ характера лингвистическихъ трудовъ Гумбольдта измѣнялось и направленіе, измѣнялись и пріемы его. Отъ одного языка онъ, какъ мы видѣли, перешелъ ко всѣмъ языкамъ, отъ изученія *языковъ* къ *языку вообще*, къ опредѣленію сущности языка, происхожденія и связи его съ внутреннею природою человѣка, перешелъ, однимъ словомъ, къ философіи языка, въ которой нашелъ соотвѣтствіе съ философіею исторіи. Но въ первое время занятій своихъ онъ, по недостатку фактическихъ свѣдѣній въ области языковъ, принужденъ былъ принять за точку исхода баскскій языкъ и въ связи съ нимъ языки американскіе; слѣдствіемъ этого была односторонность взгляда, неопредѣленность, сбивчивость, неясность въ общихъ лингвистическихъ положеніяхъ, проявляющаяся въ первыхъ филологическихъ трудахъ его.

Digitized by Google

Гумбольдтъ увидѣлъ, что онъ ошибся, что онъ не нашелъ въ баскскомъ языкѣ того, чего искалъ, и обратилъ вниманіе на санскритскій. Онъ занимался имъ въ 1814 и 1815 годахъ и въ особенности посвятилъ его изученію первый годъ послѣ выхода своего въ отставку. Лингвистическія разсужденія его, писанныя въ началѣ двадцатыхъ годовъ, отличаются большею глубиною мысли и большею основательностью. 29 Іюня 1820 года было прочитано въ Берлинской Академіи разсужденіе. «Ueber das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwickelung» (о сравнительномъ изученіи языковъ въ отношеніи къ различнымъ эпохамъ развитія языка), опредѣляющее цѣль и достоинство занятій языками; 12 Апрѣля 1821 года «Ueber die Aufgabe des Gechichtschreibers» (о задачѣ историка), показывающее связь и моментъ соприкосновенія исторіи и языка;—24 Января 1822 года—«Ueber das Entstehen grammatischer Formen und deren Einfluss auf die Ideenentwickelung» (о происхожденіи грамматическихъ формъ и ихъ вліяніи на развитіе идей), въ которомъ воззрѣніе на грамматическія формы соединяется съ мыслями объ историческомъ происхожденіи и внутренней природѣ языка вообще. Труды Шамполіона младшаго надъ египетскими іероглифами обратили на себя вниманіе Гумбольдта и побудили его прослѣдить ихъ и заняться безпристрастною ихъ оцѣнкою; для этого необходимо было съ одной стороны опредѣлить отношеніе языка вообще къ письменамъ, а съ другой изучить языкъ Коптовъ. Къ этому времени относятся сочиненія: Ueber den Zusammenhang der Schrift mit der Sprache» (о связи письменъ съ языкомъ) «Ueber die Buchstabenschrift und deren Zusammenhang mit dem Sprachbau» (о буквенныхъ письменахъ и о ихъ связи съ построеніемъ языка), изданныя въ 1824 году и имѣющія предметомъ указать связь между внутреннимъ элементомъ языка и внѣшнимъ его изображеніемъ, зависимость одного отъ другаго и взаимное дѣйствіе ихъ другъ на друга. Между тѣмъ, изученіе санскритскаго языка шло своимъ чередомъ и заставило его заняться сосѣдними съ нимъ языками азіатскихъ и австралійскихъ народовъ. Онъ прочелъ китайскую грамматику Абеля Ремюза и черезъ нее познакомился съ своеобразнымъ строеніемъ и письменами Китайскаго языка. Впрочемъ, его заняло въ особенности изученіе языковъ австралійскихъ и въ тѣснѣйшемъ смыслѣ языковъ малайскихъ, въ которыхъ онъ думалъ найти переходъ отъ санскритскаго къ австралійскимъ языкамъ. Изъ множества малайскихъ нарѣчій онъ выбралъ языкъ острова Явы, потому что на этомъ островѣ всего яснѣе замѣтно вліяніе индѣйской образованности, и остановился

Digitized by Google

преимущественно на языкѣ ученыхъ и поэтовъ, на языкѣ Кави, сохранившемся въ немногихъ отрывкахъ поэмы «Братта-Юда»; этотъ языкъ, въ которомъ сливались малайскій народный элементъ и индѣйская образованность, составилъ предметъ особенныхъ, обширныхъ изслѣдованій Гумбольдта, служилъ ему точкой исхода при опредѣленіи внутренней природы языка вообще и законовъ его происхожденія и сдѣлался основою всѣхъ его общихъ лингвистическихъ положеній. Такимъ образомъ, Гумбольдтъ зналъ почти всѣ извѣстные тогда языки: баскскій и въ связи съ нимъ американскіе языки, санскритскій, зендскій, армянскій, китайскій, австралійскіе языки: и связывающіе ихъ съ санскритскимъ, а чрезъ санскритскій и съ европейскими языками нарѣчія малайскія, въ особенности же языкъ Кави были ему знакомы, не говоря уже о языкахъ греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и италіянскомъ, изученію которыхъ были посвящены годы его юности. Съ такимъ огромнымъ запасомъ матеріаловъ и фактическихъ свѣдѣній, при своей осторожности и вѣрномъ взглядѣ на вещи, Гумбольдтъ могъ смѣло перейти отъ данныхъ къ результатамъ, отъ механической части труда къ интеллектуальной, отъ изученія языковъ къ изслѣдованію ихъ, отъ грамматики къ философіи языка.

Въ сочиненіи своемъ «Ueber den Dualis» (о двойственномъ числѣ), къ несчастію, неоконченномъ, но уже въ неоконченности своей обнаруживающемъ зрѣлость идей и совершенное знакомство съ предметомъ, Гумбольдтъ опредѣляетъ общую задачу и методъ лингвистики, обрисовываетъ свойства разсматриваемой имъ грамматической формы и указываетъ на связь и соотношенія ея съ внутренней сущностью языка. Другое его сочиненіе «Ueber die Verwandschaft der Ortsadverbia mit den Pronomen in einigen Sprachen» (о сродствѣ нарѣчій мѣста съ мѣстоимѣніями въ нѣкоторыхъ языкахъ) доказываетъ сродство личныхъ мѣстоимѣній съ нарѣчіями мѣстъ и, ставя оба понятія въ зависимость отъ общихъ законовъ человѣческаго мышленія, выводитъ ихъ изъ общаго понятія пространства, которое, вмѣстѣ съ понятіемъ времени, составляетъ, по Канту, первый предметъ нашего познаванія.

Собравъ въ одну стройную систему разбросанныя въ этихъ сочиненіяхъ мысли о языкахъ вообще, мы могли бы сдѣлать общій выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ, подвести имъ итогъ и, взсоздавъ передъ собою такимъ образомъ языкознаніе Гумбольдта, взвѣсить и оцѣнить заслуги его на поприщѣ науки, еслибы самъ Гумбольдтъ не представилъ результата всѣмъ своимъ лингвитическимъ трудамъ въ знаменитомъ сочиненіи: «Ueber die Ver-

Digitized by Google

schiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts» (о различіи построенія человѣческихъ языковъ и его вліяніи на духовное развитіе человѣческаго рода), которое служитъ введеніемъ къ громадному, неоконченному его творенію о языкѣ Кави. Въ этомъ введеніи, представляющемъ окончательный и полный результатъ всѣхъ лингвистическихъ трудовъ Гумбольдта, является геній его во всемъ своемъ величіи и блескѣ; самостоятельность взгляда, разумная увѣренность, съ которою онъ обращается съ своимъ матеріаломъ, увѣренность, основанная на строгомъ знаніи фактовъ и никогда не доходящая до произвола и бездоказательности, послѣдовательность, сила и новизна идей, соединенная съ важностію добытыхъ результатовъ, ставитъ этотъ трудъ выше всѣхъ предшествовавшихъ отрывочныхъ разсужденій и дѣлаетъ его истиннымъ основаніемъ славы Гумбольдта, достойнымъ довершеніемъ великихъ его начинаній.

I. НАУЧНЫЙ МЕТОДЪ ГЕГЕЛЯ И В. ГУМБОЛЬДТА.

Философія Гегеля представляетъ совершеннѣйшую изъ всѣхъ до сихъ поръ образовавшихся философскихъ системъ, но и въ ней есть существенный недостатокъ; недостатокъ этотъ состоитъ въ ея апріоричности, въ противоположности ея съ науками опытными. Она сама созналась, что внутреннее существуетъ только во внѣшнемъ, безконечное въ конечномъ, сила въ проявленіи; этимъ сознаніемъ она уничтожила возможность своего существованія независимо отъ наукъ опытныхъ, относящихся къ ней, какъ проявленіе къ силѣ, какъ внѣшнее къ внутреннему; слѣдовательно отвлеченная, умозрительная философія должна погибнуть и слиться съ опытомъ. Отношенія умозрительной философіи къ опыту, по понятію самого Гегеля, неопредѣленны; мыслитель не долженъ принимать въ соображеніе предметовъ внѣшнихъ при самомъ мышленіи, но долженъ по нимъ повѣрять условія, найденныя путемъ апріоричнымъ. Цѣль каждой философской системы—достиженіе истины; къ этой общей цѣли стремится и философія Гегеля путемъ чистаго мышленія. Чистое мышленіе, сбросивъ съ себя все, что есть конечнаго и чувственнаго въ единичныхъ предметахъ и что необходимо примѣшивается къ нашему созерцанію и представленію, выводитъ изъ самаго себя, передумываетъ и возсоздаетъ божественную думу Творца, которая, въ видѣ зародыша, уже заключается въ нашемъ духѣ и составляетъ основаніе истины, въ насъ живущей. Вотъ причина, почему

Digitized by Google

мы, слѣдуя естественному развитію своихъ идей, можемъ воссоздавать изъ самихъ себя вселенную; вотъ почему возможна истинность чистаго мышленія. Возможность эта стремится къ осуществленію, стремится перейти въ дѣйствительное пониманіе; но сама по себѣ она только чистая возможность; это не есть полнота содержанія, не сознающая своей полноты; напротивъ того, по словамъ Гегеля, мы уже имѣемъ въ себѣ истину, которую должны познать и намъ *только* остается сдѣлать свое дѣло, какъ слѣдуетъ, чтобы найти ее въ себѣ въ приличной ей формѣ и опредѣленности. Здѣсь онъ называетъ возможность—врожденною намъ истиной, что, по видимому, противорѣчитъ нашей мысли, но ограниченіе *только* и замѣчаніе, что истина не находится въ приличной ей формѣ и опредѣленности, которой можетъ достигнуть только тогда, когда мы сдѣлаемъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ,—служитъ ей подтвержденіемъ, т. е. высказываетъ туже мысль другими словами.

Чистое мышленіе само по себѣ представляетъ что-то невещественное, отвлеченное; оно въ дѣйствительности безъ опыта существовать не можетъ, потому что необходимо на немъ основано; логика, отвлеченнѣйшее созданіе чистаго мышленія, создана Гегелемъ по опыту, потому что изъ знаній опытныхъ берется матеріалъ для мышленія, которое, чтобы достигнуть своей цѣли, должно въ природѣ отыскивать подобіе нашего духа, а не изъ себя воссоздавать природу. Оно должно лишиться своей чистоты, наполниться примѣсью внѣшняго содержанія. Оно должно быть передумываніемъ божественной думы, но ежели человѣкъ можетъ только передумывать божественную думу, то онъ долженъ постоянно имѣть передъ собою проявленіе этой думы въ природѣ, въ естественномъ ходѣ развитія предметовъ и въ исторіи, въ ходѣ развитія человѣческаго духа. Созерцаніе и мышленіе должны быть неразлучны. Понятіе о предметахъ дѣйствительно существующихъ должны служить ограниченіемъ нашему мышленію. Мы не можемъ, не должны преступать въ нашемъ мышленіи естественнаго порядка вещей. Но не приступаетъ ли его чистое мышленіе, опредѣляясь чисто само изъ себя, не соображаясь съ дѣйствительною природою предметовъ? По словамъ Гегеля напротивъ, природа вещей должна всегда совпадать съ нашимъ субъективнымъ мышленіемъ. «Дѣйствительность, говоритъ онъ, не можетъ быть для насъ ничѣмъ другимъ, какъ только понятіемъ, которое мы себѣ о ней составляемъ.» Слѣдовательно, дѣйствительность, по его словамъ, должна измѣняться по нашимъ понятіямъ. Это не вѣрно; напротивъ того, дѣйствительность всегда должна быть нормою для нашихъ понятій, которыя *должны*

Digitized by Google

быть совершенно согласны съ нею, но *могутъ* и совершенно отступать отъ нея. Чистое мышленіе по себѣ измѣряетъ дѣйствительность, божественную предвѣчную идею, слѣдовательно, ставитъ себя на мѣсто этой предвѣчной идеи. Такимъ образомъ, мыслитель, дѣлая собственное мышленія Промысломъ, себя Богомъ, теряетъ дѣйствительный, великій, истинный міръ и долженъ ограничиться малымъ, отвлеченнымъ, ложнымъ міромъ, который самъ можетъ создать себѣ. Придавъ человѣку такое значеніе, признавъ въ немъ способность выводить изъ себя понятія о предметахъ посредствомъ чистаго мышленія, присвоивъ ему творческую силу, Гегель въ тоже время отнялъ у человѣка эту высшую личность, это высшее «я» и сдѣлалъ его Богомъ.

Въ другомъ мѣстѣ, въ Философіи природы, Гегель прямо отвергаетъ возможность образовать природу изъ собственнаго мышленія и пророчески высказать истину. По словамъ Гегеля, философія здѣсь есть переработка физики. Слѣдовательно, съ одной стороны, гдѣ дѣйствуетъ чистое мышленіе,—тамъ общее, отвлеченное и формальное не переходятъ къ частностямъ; съ другой стороны, гдѣ философія продолжаетъ и переработываетъ физику, тамъ опредѣленное, отдѣльное содержаніе раздроблено и не имѣетъ необходимой связи съ общимъ. «Созерцаніе, говоритъ Гегель, должно также быть предметомъ мышленія.» Эту точку зрѣнія онъ описываетъ ближе и считаетъ ее истинно философскою. Здѣсь слѣдовательно, онъ не принимаетъ, что мы первоначально имѣемъ въ себѣ содержаніе и должны только слѣдовать свободному ходу нашихъ мыслей, чтобъ мыслить о содержаніи. Эта точка зрѣнія существенно отличается отъ точки зрѣнія чистаго, творческаго мышленія. Съ точки зрѣнія мыслящаго созерцанія мы тотчасъ обнимаемъ въ нихъ единствѣ предметы, которые дробитъ и мертвитъ опытная наука. Этимъ путемъ можно всегда идти вѣрнѣе нежели путемъ чистаго мышленія,—здѣсь мыслителю не угрожаетъ опасность найти такія сочетанія идей, которымъ въ мірѣ дѣйствительномъ нѣтъ соотвѣтствующихъ представленій. Впрочемъ вѣрнѣе обоихъ ихъ пойдетъ тотъ, кто въ одно время созерцаетъ и мыслитъ; здѣсь уничтожается противоположенность между понятіемъ и дѣйствительнымъ значеніемъ предмета, между мышленіемъ и созерцаніемъ, которое, переходя въ область нашего разсудка, измѣняясь въ понятіе, лишается своей вещественности и наглядности; здѣсь оба они сливаются въ одномъ моментѣ. Внѣшнія чувства, которыхъ дѣятельность обнаруживается при созерцаніи, необходимо должны также руководить человѣкомъ въ умственныхъ трудахъ; мышленіе не составляетъ единственное истинно—че-

Digitized by Google

ловѣческое свойство человѣка. На этой точкѣ зрѣнія созерцательнаго мышленія мы достигаемъ истиннаго единства дѣйствительности и мысли, находимъ дѣйствительность и объективное понятіе о ней. Чтобы знакомиться съ предметами мы должны пользоваться нашими чувствами, чувствами человѣческими, слѣд. разумными, которыми мы можемъ обнять истину. Нельзя стѣснять въ чистое, отвлеченное понятіе богатую полноту жизни, проявляющуюся въ природѣ и въ исторіи. Только разумно—созерцательнымъ методомъ можно постигнуть предметы въ ихъ истинномъ значеніи, въ полнотѣ, въ цвѣтѣ ихъ жизни.

Такимъ образомъ въ философіи Гегеля удерживается двойственность мышленія и дѣйствительности. Понятіе остается понятіемъ, чуждымъ соотвѣтствующему ему дѣйствительному предмету. Предметовъ нельзя произвольно дѣлить, анатомировать, какъ мертвую массу, вполнѣ зависящую отъ нашего мышленія. Мы должны руководствоваться естественнымъ, свойственнымъ имъ дѣленіемъ; тогда, переходя въ понятіе, предметъ не утратитъ жизни и красокъ, не сдѣлается безцвѣтною, мертвою отвлеченностью. Желая усвоить себѣ, постигнуть предвѣчную думу Творца, мы должны подчинить наше мышленіе мышленію вѣчному, должны читать въ природѣ и исторіи, а не вносить въ нихъ извнѣ категорій, найденныхъ чистымъ мышленіемъ, должны съ фактами ихъ согласовать наше мышленіе, а не подчинять эти факты условіямъ, выведеннымъ a priori. Каждая истинная идея можетъ и должна воплощаться, осуществляться въ внѣшнемъ частномъ проявленіи и достигать въ чувственномъ развитіи своей истины. Эта точка зрѣнія миритъ чувственное созерцаніе съ понятіемъ, философію съ опытною наукою или, лучше сказать, уничтожаетъ и то, и другое и создаетъ новую науку, которая совокупляетъ въ себѣ, какъ въ высшемъ единствѣ, истину обѣихъ первыхъ. Бездушная и опытная наука едва порождаетъ идеи и потому почти не заслуживаетъ имени науки. Философія разработываетъ только общія отвлеченности и, оставляя неприкосновеннымъ истинное содержаніе, допускаетъ только одностороннее примиреніе опыта съ чистымъ мышленіемъ. Истинное же примиреніе происходитъ только въ созерцательномъ мышленіи. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ превосходствѣ нашей точки зрѣнія, разсмотримъ ближе въ чемъ состоитъ различіе между опытною наукою и философіею, какъ понимаетъ ее Гегель. Говоря объ энцеклопедіи философіи, Гегель отличаетъ ее отъ другихъ энциклопедій, называя послѣднія совокупленіемъ наукъ по внѣшнимъ признакамъ безъ системы и строгаго единства, мѣсто котораго занимаетъ внѣшній порядокъ; къ такимъ совокупленіямъ

Digitized by Google

наукъ онъ причисляетъ и филологію. Этого нельзя принять какъ общее правило, хотя большая часть филологическихъ энциклопедій могутъ заслужить этотъ упрекъ. Это не составляетъ неизбѣжнаго свойства самаго предмета, потому что, какъ различныя дѣятельности и образы проявленія человѣческой души, которыя излагаетъ филологія, такъ и различныя отрасли этой науки имѣютъ между собою естественную связь и не образуютъ одного пустаго, случайнаго, несистематическаго собранія. Основанная на такихъ началахъ, филологія исключаетъ, согласно съ философіей Гегеля, вопервыхъ, простое накопленіе свѣдѣній, хотя и пользуется ими какъ матеріаломъ; вовторыхъ, науки, основанныя на одномъ произволѣ и вполнѣ положительныя, напр. геральдику; въ третьихъ, другія науки, которыя называются также положительными, хотя и имѣютъ раціональное начало. Это начало принадлежитъ филологіи. Положительность этихъ наукъ состоитъ, по мнѣнію Гегеля, въ томъ, что раціональное начало ихъ переходитъ въ случайное,—общее унижается до эмпирической единичности и случайности. Но самъ Гегель говорилъ, что общее заключается въ единичности, раціональное—въ эмпирической дѣйствительности. Такъ какъ во внѣшней природѣ вездѣ виденъ проблескъ идеи, а съ другой стороны и самъ Гегель не принимаетъ, чтобы существовали «такіе счастливцы, которымъ непосредственно открыта внутренняя сторона природы», то вѣрнѣе будетъ искать общее въ единичномъ, нежели видѣть единичное въ общемъ. Можетъ ли, слѣдовательно, наука, стремящаяся къ общему, оставить безъ вниманія эмпирическую единичность и дѣйствительность, какъ положительное и случайное. «Исторія, говоритъ Гегель, входитъ въ область философіи въ томъ отношеніи, что сущность ея составляетъ идея, которая однако проявляется въ случайности и произволѣ.» Но Гегель слишкомъ рѣзко отдѣляетъ идею отъ явленія, приписывая истину только первой, а на долю втораго оставляя случайность, между тѣмъ какъ, по его собственнымъ же словамъ, личность человѣка—ничто иное, какъ послѣдовательный рядъ его поступковъ, слѣд. всякая идея обнаруживается и познается только въ явленіи или въ цѣломъ рядѣ явленій. Въ совокупности явленій, фактовъ должно искать этой идеи. Созерцательное мышленіе должно видѣть идею въ этихъ явленіяхъ, выводить ихъ изъ идеи и ею объяснять ихъ происхожденіе, хотя этой цѣли не могутъ достигнуть ни отвлеченная, односторонняя философія, ни сухой бездушный опытъ.

Положительными науками Гегель считаетъ тѣ, которыя не заключаютъ въ себѣ своей конечной цѣли и не указываютъ перехода всей своей сферы въ сферу высшую; но какъ общій ор-

Digitized by Google

ганизмъ природы представляетъ въ себѣ постепенность развитія отъ низшаго къ высшему, такъ и наука, созерцающая это развитіе, по внутреннему побужденію переходитъ отъ низшихъ степеней къ высшимъ, въ которыхъ находитъ въ большей полнотѣ то, чего не доставало въ предъидущихъ. И здѣсь односторонняя философія, которая не умѣетъ распредѣлить дѣйствительные предметы по степенямъ, найденнымъ въ чистомъ мышленіи, и сухой опытъ, который не разсматриваетъ внутренняго значенія и развитія предметовъ, уступаетъ созерцательно мыслящей наукѣ; послѣдняя, облекая мышленіе въ чувственность, сознаетъ и опредѣляетъ въ предметахъ степени и располагаетъ ихъ сообразно съ внутреннимъ ихъ развитіемъ, такъ, однимъ словомъ, какъ размѣщаютъ себя предметы въ самой природѣ. Съ этою конечностью формы связана конечность средствъ познанія,—разсужденія, авторитета другихъ, особенно же собственнаго внутренняго и внѣшняго созерцанія. Но философія, не смотря на свои, по ея мнѣнію, безконечные источники познанія, должна сообразоваться съ тѣмъ, что оказывается на опытѣ. Напротивъ того созерцательно мыслящей наукѣ, источнику познанія въ нѣкоторомъ родѣ конечному, ничто не мѣшаетъ обнять безконечный разумъ въ проявленіи его въ природѣ и въ исторіи. Дальнѣйшее развитіе его состоитъ въ томъ, чтобъ узнавать безконечное въ конечномъ, какъ въ его внѣшнемъ, дѣйствительномъ проявленіи. Наука, съ нашей точки зрѣнія, пользуется всѣмъ матеріаломъ, собраннымъ опытомъ, между тѣмъ какъ философія многаго не принимаетъ, какъ созданнаго произволомъ. Понятія о случайности и положительности матеріала могутъ измѣняться съ каждымъ новымъ открытіемъ опыта. Гегель часто указываетъ на точку зрѣнія воображаемаго созерцанія, по которой сначала смотрятъ и потомъ мыслятъ; она ближе подходитъ къ нашей точкѣ зрѣнія, хотя между ними еще замѣтно существенное различіе. Наша наука не опирается на опытѣ. Она сама опытъ, созерцаніе; въ ней совершенно исчезаетъ противоположность между созерцаніемъ и мышленіемъ, которая все еще имѣетъ мѣсто въ воображаемомъ созерцаніи Гегеля. Въ нашей наукѣ совпадаетъ философія и эмпирія, здѣсь нѣтъ искуственнаго порядка, расположенія; мы принимаемъ только то, чего требуетъ созерцательное мышленіе, сущность самыхъ предметовъ. Гегель зналъ о нашей точкѣ зрѣнія; его взглядъ приближается къ нашему, который служитъ основаніемъ всѣмъ его великимъ мыслямъ; онъ иногда называетъ его своимъ взглядомъ, не смотря на противорѣчіе его съ чистымъ мышленіемъ (Энцикл. III, стр. 22).

Digitized by Google

Таковъ методъ Гегеля; таково его отношеніе къ точкѣ зрѣнія созерцательнаго мышленія. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть научный методъ В. Гумбольдта; сопоставленіе ихъ опредѣлитъ значеніе послѣдняго.

Въ разсужденіи «О задачѣ историка» В. Гумбольдтъ говоритъ слѣдующее: «Чтобы придать изложенію перепутанныхъ событій всемірной исторіи ту форму, въ которой является ихъ истинная связь, историкъ долженъ отвлечь эту форму отъ самыхъ событій.» Съ перваго взгляду въ этихъ словахъ можно видѣть противорѣчіе; на основаніи ихъ можно предположить, что Гумбольдъ безотчетно склоняется на сторону гегелевскаго чистаго мышленія. Но это только кажущееся противорѣчіе: всякое пониманіе предмета предполагаетъ необходимымъ условіемъ своей возможности предварительное соотношеніе между субъектомъ и объектомъ; пониманіе вовсе не есть ни простое развитіе идеи изъ субъекта, слѣд. не есть чистое мышленіе, ни простое отвлеченіе отъ объекта, слѣд. не простое созерцаніе, но соединеніе того и другаго—созерцательное мышленіе. Далѣе: «историкъ прежде всего долженъ остерегаться того, чтобы облекать дѣйствительность въ произвольно созданныя идеи или даже, отыскивая связь цѣлаго, сколько-нибудь жертвовать живымъ богатствомъ индивидуальнаго, потому что ничто не существуетъ совершенно отдѣльно, внѣ общей связи».

Теперь мы должны обратить вниманіе на одну важную особенность Гумбольдта, которая врядъ ли можетъ ускользнуть отъ того, кто изучалъ его сочиненія. Онъ не всегда держится закона мышленія, по которому сила и дѣйствіе, существо и явленіе не могутъ быть разлучены и разсматриваемы порознь; узнавши правильно одно въ другомъ, онъ иногда изслѣдуетъ свойства силы отдѣльно, а между тѣмъ единственное свойство силы то, что она заключается въ своемъ проявленіи. Онъ зналъ, что духъ есть только дѣятельность; не смотря на то, онъ желалъ бы увидѣть въ полномъ блескѣ какое то существо, живущее одною духовною жизнію. Такимъ неестественнымъ разсматриваніемъ силы независимо отъ проявленія онъ создавалъ себѣ въ своемъ предметѣ темныя мѣста, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и удерживалъ эту произвольно созданную неясность въ представленіи силы, которая, конечно, независимо отъ явленія, представляетъ самое темное ничто. Въ этой особенности Гумбольдта можно видѣть остатокъ вліянія Канта. Кромѣ того, она имѣетъ тѣсную связь съ чертою его характера, которая особенно сильно выразилась въ послѣдніе годы его жизни. Въ его сонетахъ трогательно высказывается тоскливое стремленіе къ чему-то высшему не

Digitized by Google

земному. Стремленіе это не позволяло ему довольствоваться добытыми результатами, не позволяло останавливаться на явленіи и, побуждая его идти все далѣе и далѣе въ изысканіяхъ, увлекало его въ безконечную область отвлеченности, гдѣ онъ не находилъ ничего, кромѣ непроницаемаго мрака. Онъ проникъ во всю глубину своего предмета, куда не проникалъ до него никто, но и этимъ не могъ удовольствоваться. Онъ объяснялъ себѣ это стремленіе, происходившее отъ избытка силъ, неудовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Все это кажется, имѣетъ тѣсную связь съ сильнымъ стремленіемъ Гумбольдта къ высшей индивидуальности. Онъ представлялъ себѣ каждую духовную силу въ видѣ самостоятельной личности и ей приписывалъ тотъ блескъ, котораго слабое отраженіе обнаруживается въ проявленіи. Но не должно на этомъ основаніи искать у Гумбольдта чего либо фантастическаго. Правда, онъ не былъ лишенъ поэзіи, былъ проникнутъ теплымъ чувствомъ ко всему высокому, благородному и прекрасному, но не смотря на то отличался самымъ яснымъ самосознаніемъ, холодною осмотрительностью и послѣдовательностью въ изложеніи мыслей, стараніемъ яснѣе высказать и опредѣлить свои положенія. Эти достоинства изложенія вытекаютъ изъ того научнаго метода, котораго держался Гумбольдтъ, изъ созерцательнаго мышленія, которое проникаетъ во всѣ его изслѣдованія. Созерцательное мышленіе объемлетъ матеріалъ въ его движеніи, идею въ естественномъ разчлененіи, не прилагая къ нимъ условій, выведенныхъ a priori, полученныхъ отдѣльно отъ предметовъ.

Это и обнаруживается въ изложеніи Гумбольдта, которое, безъ всякихъ постороннихъ, искусственныхъ прикрасъ, имѣетъ форму, вполнѣ соотвѣтствующую внутреннему значенію матеріала. Этотъ созерцательный методъ, разсматривающій *исторію* матеріала, слѣдящій за его естественнымъ развитіемъ, разрѣшаетъ противорѣчія такъ, какъ разрѣшаетъ ихъ жизнь самихъ предметовъ. Это слѣпокъ, взятый съ метода природы, тогда какъ гегелевскій методъ чистаго мышленія чуждъ ей, приданъ ей извнѣ; онъ стѣсняетъ, мертвитъ ее. Гумбольдтъ, который такимъ образомъ неуклонно держался метода созерцательнаго мышленія, въ этомъ отношеніи стоитъ выше Гегеля, у него не встрѣчается тѣхъ противорѣчій, которыя мы указали въ системѣ перваго. Гумбольдтъ былъ современникъ Гегеля; онъ жилъ въ то время, когда авторитетъ знаменитаго мыслителя увлекъ за собою замѣчательнѣйшихъ представителей германской науки; не смотря на это общее увлеченіе, Гумбольдтъ успѣлъ сохранить свою самостоятельность; онъ внесъ въ современную науку элементъ созерцатель-

Digitized by Google

наго мышленія, другими словами проложилъ путь исторически—сравнительному методу научнаго изслѣдованія.

Неясности, встрѣчающіяся у В. Гумбольдта, происходятъ не отъ метода, а отъ оригинальности, новизны его идей, для которыхъ тѣсно, безсильно слово, не вполнѣ вѣрно, ясно обнявшее выразившее ихъ; въ словахъ его есть что-то не досказанное, какой то затаенный смыслъ, пробуждающій духовныя силы наши къ болѣе напряженному труду; мы все должны бояться, что не вполнѣ поняли Гумбольдта. При чтеніи его необходимо собственная неуклонная работа мысли; чтобы усвоить себѣ богатство и глубину его идей должно возсоздать ихъ передъ собою, понять то, что не досказано, не вполнѣ выразилось въ словѣ.

II. ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ ЯЗЫКОЗНАНІЯ ГУМБОЛЬДТА.

Мы уже сказали, что основныя идеи языкознанія Гумбольдта изложены въ сочиненіи «о различіи построенія человѣческихъ языковъ и его вліяніи на духовное развитіе человѣчества», которое служитъ введеніемъ къ изслѣдованію о языкѣ Кави; это введеніе есть разсужденіе чисто-филологическое.

Подъ именемъ филологіи мы разумѣемъ науку, которая съ историко-философской точки зрѣнія опредѣляетъ развитіе общечеловѣческаго духа (1). По мнѣнію Гейзе (2), филологія должна съ исторической точки зрѣнія разсматривать совокупность духовныхъ побужденій одного извѣстнаго народа, его духовное развитіе и произведенія въ извѣстную эпоху времени, не ограничиваясь притомъ однимъ языкомъ, но распространяя кругъ своихъ изслѣдованій на всѣ остальныя проявленія его духовной жизни, на область религіи, искуства, права и литературы. На этомъ основаніи онъ считаетъ Гримма творцомъ *германской* филологіи. Но Гейзе ограничиваетъ матеріалъ филологіи однимъ извѣстнымъ народомъ и періодомъ времени, слѣд. дробитъ нашу науку на множество отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, по его мнѣнію, отраслей; мы напротивъ того полагаемъ задачею фило-

---

(1) Понятіе объ общо-человѣческомъ духѣ объясняется Штейнталемъ въ его сочиненіи: «Grammatik, Logik und Psychologie».

(2) Штейнталь въ 1857 году, издалъ посмертное сочиненіе Гейзе: «System der Sprachwissenschaft».

Digitized by Google

логіи показать весь ходъ развитія слова (λόγος), духа обще-человѣческаго, и разсматриваемъ отдѣльныя его проявленія въ народѣ и времени какъ составныя части одного всеобъемлющаго организма; въ духѣ различныхъ народовъ и періодовъ времени мы видимъ степени развитія одного обще-человѣческаго духа. Филологія должна держаться метода *философскаго*, потому что имѣетъ цѣлью *постигнуть и изложить идеи*; филологія должна держаться метода *историческаго*, потому что имѣетъ задачею слѣдить за *постепеннымъ развитіемъ* духовной дѣятельности, излагать идеи въ естественной ихъ *послѣдовательности*. Созерцательное мышленіе, необходимое условіе всякой научной дѣятельности, съ полною силою и опредѣленностью проявляется и въ филологіи. Въ самомъ началѣ своего разсужденія Гумбольдтъ обѣщаетъ представить съ точки зрѣнія языка основныя черты исторіи человѣческаго духа. Мы признаемъ его сочиненіе истинно филологическимъ, образцовымъ твореніемъ, потому что истинно-филологическій элементъ заключается въ общемъ воззрѣніи на духъ человѣка, который въ различныхъ степеняхъ проявляется въ отдѣльныхъ языкахъ и народахъ.

Разсматривая ходъ развитія человѣчества, Гумбольдтъ отличаетъ въ немъ два момента, съ одной стороны, спокойную, естественную послѣдовательность фактовъ, основанную на связи причины и слѣдствія, послѣдовательность, въ которой онъ видитъ однако необходимость неслѣпую, но свободную и разумную, такъ какъ все развитіе исторіи представляетъ только самоопредѣленіе одного общаго духа; съ другой — ходъ событій ускоряемый, измѣняемый вліяніемъ посторонней силы, силы геніальной, существованіе и происхожденіе которой не объясняется и не объусловливается тѣмъ, что ей предшествовало. Постепенный ходъ развитія объусловливается дѣятельностью генія, возникая отъ его воспламеняющаго дыханія, изъ котораго получаетъ новыя силы и новое направленіе. Послѣдователи генія идутъ по проложенному имъ пути, развиваютъ идеи, заключавшіяся въ видѣ зародыша въ твореніяхъ ихъ первообраза; каждая отрасль ихъ дѣятельности болѣе или менѣе подготовлена; они только разработываютъ данный матеріалъ. Геній творитъ самобытно, повинуясь собственному самовозбужденію, производитъ все изъ себя и внезапно достигаетъ такой высоты, къ которой не могъ привести проложенный до него путь, но въ дѣятельности его нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго. «Геній выводитъ необходимое изъ глубины своего разума». Геніальная сила таже обще человѣческая духовная сила, заключенная въ одну извѣстную личность и усиленная въ этомъ ограниченіи. Она внезапно

Digitized by Google

возникаетъ и начинаетъ дѣйствовать среди обыкновеннаго хода развитія и, хотя появленія ея нельзя объяснить прежнимъ послѣдовательнымъ ходомъ событій, однако его должно разсматривать какъ явленіе, опредѣленное Промысломъ, какъ нормальную степень духовнаго развитія. Слѣдовательно, принципъ всякой исторіи есть духовная сила, которая проявляется то въ послѣдовательномъ, спокойномъ развитіи, то въ внезапномъ полетѣ генія. Разнообразіе народовъ земнаго шара, какъ современныхъ, такъ и слѣдующихъ другъ за другомъ во времени, Гумбольдтъ понимаетъ какъ самовозрожденіе духовной силы человѣчества въ образахъ постоянно новыхъ, а иногда далеко превышающихъ прежніе. Всякая духовная дѣятельность есть вспышка духа, взятая во всей своей цѣлости, но опредѣленная по одному направленію; такъ и языкъ, взятый какъ общечеловѣческая способность говорить, есть цѣлый общій духъ или общее духовное начало жизни, взятое во всей своей цѣлости, но обращенное на создаваніе языковъ. Въ этомъ случаѣ Гумбольдтъ называетъ общій духъ идеею языка. Идея языка живетъ и осуществляется въ отдѣльныхъ языкахъ, какъ общее въ единичномъ; отдѣльные языки представляютъ частныя вспышки одной духовной силы, частныя проявленія одного принципа. Эта идея языка не отвлеченный идеалъ; она осуществляется и приводится въ дѣйствительность живою дѣятельностью обще-человѣческаго духа со стороны языка. Различіе языковъ есть стремленіе обще-человѣческой способности говорить къ осуществленію въ живомъ словѣ, стремленіе, которое въ различныхъ народахъ прорывается болѣе или менѣе удачно, сообразно съ особенностью народнаго характера, которая можетъ содѣйствовать или препятствовать ея осуществленію. Гумбольдтъ разсматриваетъ различные языки какъ *одинъ*, въ самомъ себѣ различный языкъ, понимаетъ различіе ихъ, какъ *одно* стремленіе, только распространяющееся по разнымъ направленіямъ. Языкъ, какъ отрасль общей человѣческой духовной дѣятельности, находится въ тѣсной связи съ общимъ духовнымъ развитіемъ, и Гумбольдтъ старается изобразить одно въ другомъ, потому что общее проявляется только въ частномъ. Мы всегда видимъ языкъ на степени развитія, соотвѣтствующей состоянію остальныхъ отраслей духовной дѣятельности; онъ идетъ съ ними рука объ руку. Но есть эпоха, когда языкъ совершенно замѣняетъ всякое духовное развитіе и служитъ единственнымъ проявленіемъ духовной дѣятельности. Въ языкѣ народъ впервые является творцомъ; здѣсь впервые развертываются и дѣйствуютъ тѣ силы, которыя находились въ усыпленіи во время безсознательной, почти животной жизни народовъ въ бли-

Digitized by Google

жайшемъ общеніи съ природой и въ непосредственной зависимости отъ нея. Самодѣятельность, обнаруживающаяся въ языкѣ, указываетъ намъ высшее его значеніе; языкъ не есть твореніе народа, это невольное изліяніе духа, даръ, доставшійся ему свыше, въ происхожденіи котораго онъ не можетъ дать себѣ отчета. Окончивъ первобытное созданіе языка въ тотъ періодъ, когда онъ замѣнялъ собою духовное развитіе, народъ можетъ выступить на болѣе обширное поприще духовной дѣятельности; предъ нимъ открываются болѣе возвышенныя и разнообразныя ея направленія. Вотъ понятіе о языкѣ вообще.

Отдѣльныя формы, видоизмѣненія языка вообще составляютъ развитіе идеи языка; правда, каждый языкъ порознь стремится удовлетворить и дѣйствительно удовлетворяетъ идеѣ языка; но найти эту идею вполнѣ можно только въ совокупности всѣхъ различныхъ формъ, въ которыхъ выразилась духовная особенность человѣка. Формы эти измѣняются до безконечности. Для осуществленія идеи языка необходимо разнообразіе языковъ, какъ для духовнаго развитія человѣчества разнообразіе народовъ. Каждый языкъ вполнѣ осуществляетъ одну какую нибудь сторону идеала, какъ отдѣльная личность удовлетворяетъ въ извѣстномъ отношеніи общему типу человѣка. Такимъ образомъ должно указать въ различныхъ, чуждыхъ другъ другу семьяхъ языковъ различные пути, по которымъ стремится къ совершенству дѣло созданія языка. Иногда языки, лишенные исторической связи, представляются различными степенями развитія одного принципа; по тому Гумбольдтъ считаетъ задачею филолога прослѣдить эту связь языковъ въ постепенномъ возвышеніи принципа, котораго внѣшнія явленія могутъ быть разрознены. Разсматривая ходъ развитія этого принципа, онъ видитъ въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ развитіи, два момента. Одни языки можно произвести отъ другихъ и разсматривать какъ высшія степени развитія того-же принципа. Въ другихъ языкахъ видно дѣйствіе возвышенной, особенной творческой силы. Вступленіе ихъ на поприще духовной дѣятельности человѣка начинаетъ въ ней важную эпоху; происхожденія ихъ нельзя объяснить спокойнымъ, послѣдовательнымъ ходомъ развитія; несмотря на то, они могли находиться въ первобытномъ родствѣ съ другими, менѣе совершенными семействами языковъ и дѣйствительно сливаются съ ними въ глубокой, неопредѣлимой древности. Языки Санскритскіе или индо-европейскіе, безспорно принадлежащіе къ высшему разряду языковъ, во времена до-миѳическія составляли одинъ языкъ съ языками Симитическими, съ которыми находились въ нѣкоторомъ родствѣ языки татарскіе,

Digitized by Google

связывающіеся съ китайскимъ языкомъ чрезъ тибетскій. Замѣчая такимъ образомъ сродство языковъ индо-европейскихъ съ языками столь несовершенными, Гумбольдтъ принимаетъ для объясненія ихъ происхожденія, что искра генія, таившаяся въ Санскритскихъ племенахъ, внезапно воспылала, возбужденная какимъ нибудь историческимъ или физическимъ переворотомъ, разорвала связь ихъ съ родственными имъ тогда языками и образовала языкъ новый, вполнѣ отличный отъ прочихъ. Языкъ создался внезапно, съ первою флективною формою, хотя приготовительныя условія существовали, быть можетъ, уже давно въ костюмѣ, въ обрядахъ, въ празднествахъ, которыя, какъ проявленія человѣческаго духа, имѣютъ тѣсную съ языкомъ связь. Но возбуждающее дыханіе генія раздуло искру и переработало существующій матеріалъ такъ, что явилось новое слово, исключительно свойственное именно тѣмъ народамъ, которые оно такимъ образомъ отдѣлило отъ сродныхъ племенъ, оставшихся далеко позади на пути духовнаго развитія. Это объясняетъ намъ, почему Греки такъ возвысились надъ остальными народами древности. Въ общемъ развитіи мы должны еще упомянуть о двухъ фактахъ: объ эпохѣ первобытной жизни народовъ, подчиненной естественнымъ условіямъ жизни растительной, и о переселеніяхъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, какъ средствѣ переносить просвѣщеніе въ другія менѣе образованныя земли. Первый изъ этихъ фактовъ оказываетъ свое вліяніе въ древнѣйшія времена существованія народовъ, но тоже не исключаетъ совершенно присутствія геніальной силы, которая только проявляется не въ личностяхъ, а въ цѣлыхъ народахъ, въ переходѣ ихъ отъ дикости къ гражданственности, отъ звѣроловства къ земледѣлію. Въ эту эпоху возникъ языкъ. Но ежели объяснять его происхожденіе необходимостью взаимной помощи и, въ слѣдствіе того, взаимнаго пониманія, то такой взглядъ будетъ неудовлетворителенъ и даже ошибоченъ. Говоря о переселеніяхъ, Гумбольдтъ упоминаетъ о древне-греческихъ и новѣйшихъ колоніяхъ и видитъ въ нихъ попытки перенести цивилизацію въ отдаленнѣйшія части земнаго шара.

Обозрѣвъ общій послѣдовательный ходъ духовнаго развитія, Гумбольдтъ переходитъ къ разсмотрѣнію этого развитія въ каждомъ отдѣльномъ поколѣніи, къ разсмотрѣнію совокупнаго дѣйствія личностей и народовъ. Онъ смотритъ на каждую націю какъ на человѣческую индивидуальность, слѣдующую свойственному ей одной направленію; впрочемъ, стремленіе къ общей духовной формѣ, къ общимъ идеямъ, выражающееся особенно ярко въ наукѣ и искусствѣ, постепенно сглаживаетъ рѣзкое различіе

Digitized by Google

національностей. Тѣмъ не менѣе, общій духъ проявляется только въ частной формѣ, но его стѣсненіе духовною особенностью народа, народнымъ духомъ только возвышаетъ и напрягаетъ его, придавая ему особенную силу и оригинальность; народный духъ долженъ проникать и поддерживать дѣятельность отдѣльнаго человѣка; геніальная сила нуждается въ его содѣйствіи, но въ свою очередь обратно дѣйствуетъ на него, придаетъ ему новую, особенную силу полета. Эту мысль подтверждаетъ и Гегель, говоря, что «каждый отдѣльный человѣкъ—сынъ своего народа и сынъ своего вѣка.» Это совокупное дѣйствіе личностей и народовъ съ особенною силою обнаруживается при созданіи языка; языкъ не переходитъ отъ отдѣльныхъ людей къ массѣ народа, какъ переходятъ творенія искусства, произведенія литтературы и открытія въ области наукъ.

Въ языкѣ творцомъ является народъ. «Языкъ, говоритъ Гумбольдтъ, возникаетъ отъ общей самодѣятельности всѣхъ.» Языкъ не прививается къ духу извнѣ, но, какъ зародышъ, какъ способность, составляетъ коренное, первобытное его достояніе; эту способность пробуждаютъ, ей даютъ опредѣленную форму, въ которой она можетъ осуществиться. Языкъ связываетъ отдѣльнаго человѣка съ его народомъ, потому что языкъ создаютъ не по соглашенію, но каждый порознь, что предполагаетъ необходимымъ условіемъ возможность пониманія, и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ сознаніе этой возможности. Это объясняется совокупнымъ дѣйствіемъ личностей и народа, т. е. согласнымъ настроеніемъ душевныхъ способностей, по которому всѣ одинаковымъ образомъ принимаютъ и выражаютъ внѣшнія впечатлѣнія, стараясь дѣйствовать другъ на друга по одному извѣстному направленію, съ инстинктивною, но твердою увѣренностью, что ихъ поймутъ, что имъ будутъ сочувствовать. Потому созданіе языка составляетъ для человѣка не только внѣшнюю потребность для поддержанія общественныхъ сношеній, но потребность внутреннюю для духовнаго развитія; посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей, посредствомъ языка человѣкъ открываетъ вокругъ себя разумныя существа, узнаетъ въ нихъ внутреннія побужденія и потребности, которыя нашелъ въ себѣ, находитъ въ нихъ способность сочувствовать его стремленіямъ, естественно выходитъ изъ нравственнаго уединенія и желая быть понятымъ, ища сочувствія сближается съ подобными себѣ. И такъ языкъ созданіе цѣлой массы, въ которой отдѣльныя личности самодѣятельны.

Такимъ образомъ Гумбольдтъ различаетъ интеллектуальность или духъ, т. е. цѣлый образъ мыслей народа, и языкъ, выво-

Digitized by Google

дитъ и то и другое изъ недосягаемой глубины духа и во взаимномъ отношеніи ихъ между собою видитъ собственно дѣятельность языка и вліяніе его на духовное развитіе. Дѣйствіе языка на духъ обнаруживается во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности, которыя въ свою очередь, обратно дѣйствуютъ на языкъ. Не должно однако придавать слишкомъ большой важности обратному вліянію образованности на языкъ. Правда, народъ можетъ сдѣлать орудіемъ развитія высокихъ идей языкъ менѣе совершенный, но не можетъ освободиться отъ внутреннихъ ограниченій, глубоко вкоренившихся въ языкѣ. Хотя, съ одной стороны, народъ, говорящій языкомъ, недостаточно совершеннымъ, можетъ, чрезъ соприкосновеніе съ другими народами, доходить до болѣе высокихъ идей, однако эти идеи, пересаженныя на чужую почву, не приготовленную къ принятію ихъ, не достигаютъ полной своей силы и энергіи. Съ другой стороны, случайныя обстоятельства могутъ правда удерживать на низшей степени умственнаго развитія народы съ превосходными языками; но въ языкѣ ихъ таится зародышъ духовнаго развитія, который ожидаетъ только благопріятнаго случая, чтобъ развернуться въ полной силѣ. Народный духъ и форма языка находятся между собою въ такой тѣсной связи, что, зная одно, можно въ общихъ чертахъ опредѣлить другое. Съ этою мыслью соглашаются многіе авторитеты науки: «Различныя внѣшнія проявленія духовной жизни народа, говоритъ Гегель, по тождественности ихъ существа, содержанія и предмета, находятся въ нераздѣльномъ единствѣ съ народнымъ духомъ; съ извѣстною религіею совмѣстно только извѣстное государственное устройство, въ такомъ то государствѣ можетъ существовать такая только философская система, такое то искусство,» и, прибавимъ съ Гумбольдтомъ, такой только языкъ. Это соотвѣтствіе всѣхъ формъ духовной дѣятельности особенно вѣрно представлено Беккомъ по сравненію характера греческихъ племенъ. Бёкъ полагаетъ даже, что еслибъ для насъ была потеряна какая нибудь отрасль духовной дѣятельности извѣстнаго племени, то мы могли бы apріогі судить о главнѣйшихъ ея свойствахъ по нарѣчію его. Цѣнитель искусствъ опредѣляетъ стиль и размѣръ колонны по одному оставшемуся отъ нея обломку; Кювье по одному данному члену животнаго возсоздаетъ весь его организмъ. Но развѣ животное представляетъ организмъ болѣе стройный въ соотвѣтствіи членовъ, нежели народный характеръ. Но изо всѣхъ проявленій, въ которыхъ обнаруживается духъ и характеръ, одинъ языкъ способенъ выражать и то, и другое въ тончайшихъ изгибахъ и формахъ. Это органъ внутренней жизни народа, это самая внут-

Digitized by Google

мая внутренняя его жизнь, въ томъ видѣ, какъ она мало по малу достигаетъ самосознанія и полнаго внѣшняго проявленія. Беккъ признаетъ языкознаніе высшею частью своей филологической системы, потому что оно всего глубже и полнѣе уясняетъ собою характеръ народа. Но для этого на языкъ должно смотрѣть не какъ на мертвое уже созданіе, но какъ на производительную силу; должно обращать вниманіе не столько на обозначеніе предметовъ въ языкѣ, сколько на самое его происхожденіе, тѣсно связанное съ его духовною дѣятельностью. Гумбольдтъ считаетъ происхожденіе языка въ сущности необъяснимымъ, хотя бы мы знали всѣ приготовительныя условія и составные элементы его. Вообще всякое зарожденіе непостижимо. Гегель говорилъ объ этомъ въ своей «Логикѣ» и въ «Философіи природы» и даже старался объяснить его, но успѣлъ только доказать его необъяснимость; онъ правда, показалъ, что въ зарожденіи сливаются, исчезая другъ въ другѣ, бытіе и небытіе, показалъ, что для зарожденія, необходимы три главныя условія: во первыхъ, приготовительныя условія, вовторыхъ—предметъ, въ третьихъ—дѣятельность; но не могъ объяснить перехода отъ приготовительныхъ условій къ самому предмету, отъ возможности къ дѣйствительности; онъ говоритъ что между приготовительными условіями и существованіемъ лежитъ бездна, чрезъ которую предметъ перескакиваетъ въ дѣйствительность; но эти слова и выраженія ничего не объясняютъ; необъяснимость зарожденія доказывается тѣмъ, что предметъ не можетъ быть выведенъ изъ естественнаго развитія приготовительныхъ условій. Какъ бы точно мы ни опредѣлили предварительное положеніе вещей, моментъ зарожденія, въ которомъ все это пресуществляется, останется для насъ непостижимымъ. Пресуществленія этого нельзя наблюдать, слѣдовательно нельзя и постигнуть. Такимъ образомъ, по словамъ Гумбольдта, происхожденіе языковъ не только первичныхъ (первичной формаціи) (*), во времена доисторическія, но и вторичныхъ, во времена историческія, въ сущности необъяснимо. Мы можемъ знать приготовительныя условія, но намъ останутся неизвѣстны принципъ языка, какъ предмета, и его дѣятельность; слѣдовательно, достигши такимъ образомъ границы, черезъ которую насъ не поведутъ ни историческія изслѣдованія, ни свободная мысль, мы должны, съ возможной точностью опредѣлить фактическое положеніе дѣлъ и вытекающія изъ него слѣдствія. Но происхожденіе языковъ—одинъ изъ фактовъ, существенно опредѣляющихъ ходъ человѣческаго развитія. Не смотря на то, языкъ должно разсма-

(*) Этотъ терминъ заимствовала филологія изъ наукъ естественныхъ.

Digitized by Google

тривать не какъ сдѣланное (ἔργον), но какъ дѣятельность (ἐνεργεία), какъ постоянное, повторяющееся созданіе, во первыхъ, въ племени, которому языкъ обязанъ своею формою, потомъ въ изученіи языка дѣтьми и наконецъ въ ежедневномъ, разговорномъ употребленіи его. Языкъ во всемъ своемъ объемѣ находится въ каждомъ человѣкѣ, т. е. каждый обладаетъ стремленіемъ создавать изъ себя весь языкъ, смотря по своимъ побужденіямъ, стремленіямъ, подчиненнымъ силѣ, слѣдующей извѣстнымъ законамъ. Въ изученіи языка дѣтьми и во вседневномъ употребленіи эта сила есть опредѣленная форма народнаго языка, но въ первобытномъ созданіи она не могла обусловливаться народнымъ характеромъ, который развивался вмѣстѣ съ языкомъ изъ одного, скрытаго для насъ источника. Мы можемъ слѣдить за ходомъ дѣятельности языка, хотя и не знаемъ, какія именно причины дали ей такое или другое направленіе. Кромѣ элементовъ, уже опредѣлившихся и получившихъ постоянную форму, въ составъ языка входятъ мотивы, начала дальнѣйшаго развитія духовной дѣятельности, которой языкъ даетъ направленіе и форму. На этомъ основано двоякое отношеніе между языкомъ и человѣкомъ, отношеніе, по которому языкъ находится въ зависимости отъ отдѣльной личности и въ тоже время оказываетъ на нее обратное дѣйствіе. Во вліяніи языка на человѣка заключается постоянство и правильность формъ, въ дѣйствіи человѣка проявляется принципъ свободы. Въ человѣкѣ можетъ возникнуть то, чему мы не можемъ найти причины въ предъидущихъ обстоятельствахъ, и мы не имѣемъ права исключать изъ языка возможность подобныхъ явленій. На этомъ основаніи твореніе языка необъяснимо со стороны вліянія, оказываемаго на него геніальною силою, которая можетъ проявляться какъ въ духѣ народа, такъ и въ отдѣльной личности; вліяніе это выказывается въ первомъ образованіи языка, въ преобразованіи обветшалаго организма его въ новый, и наконецъ въ частныхъ случаяхъ появленія геніальной личности, дѣйствующей на языкъ. Съ другой стороны, созданіе языка на столько подвержено наблюденію, на сколько языкъ дѣйствуетъ на отдѣльную, говорящую личность и на сколько въ этомъ дѣйствіи выражается организація особенной силы, творчески создавшей языкъ. По этому требованіе Гумбольдта—считать языкъ созданіемъ—ни сколько не противорѣчитъ тому, что, по его же словамъ, процессъ созданія языка непостижимъ. Языкъ—постоянно повторяющееся созданіе, котораго начало и причины мы опредѣлить не можемъ, но тѣмъ не менѣе должны слѣдить за ходомъ этого творенія. По этому, Гумбольдтъ въ своихъ изслѣдованіяхъ особенно обращаетъ внима-

Digitized by Google

ніе на характеристическія особенности языковъ, проходящія чрезъ всѣ ихъ отдѣльныя части и опредѣляющія ихъ форму. Формою языка онъ называетъ взятый во всей полнотѣ и систематически изложенный постоянный и однообразный элементъ, заключающійся въ стремленіи духа возвысить членораздѣльные звуки до выраженія мысли; слѣдовательно, форма языка не ограничивается формами словосочиненія и словообразованія. Самъ Гумбольдтъ, говоря о языкѣ Бирманскомъ, далъ намъ превосходный образецъ изложенія формы языка.

III. ИДЕЯ ЯЗЫКА ИЛИ ИДЕЯ СОВЕРШЕНСТВА ЯЗЫКА.

Гумбольдтъ не полагаетъ нужнымъ искать такъ называемую общую форму языка. Онъ считаетъ это понятіе, созданное позднѣйшими философскими грамматиками, пустою отвлеченностью. Различіе формы возникаетъ съ самой азбукой. Дѣйствительно общее проявляется только въ эмпирической единичности и, разсматриваемое отдѣльно отъ своего проявленія, обращается въ ничто. Такъ и общая форма языка, взятая независимо отъ множества разнообразныхъ языковъ, представляетъ намъ пустую схему, лишенную содержанія. Мало того: эта схема, эта рамка не всѣмъ языкамъ въ пору, потому что многіе изъ нихъ безконечно удалены другъ отъ друга, и подвести ихъ категоріи подъ одинъ уровень нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно, Гумбольдтъ не считалъ нужнымъ и не могъ показать общей формы языка; онъ опредѣлилъ только общее требованіе, возбуждаемое этимъ понятіемъ, требованіе, которое, впрочемъ, различно выполняется въ отдѣльныхъ языкахъ. На этомъ основаніи, Гумбольдтъ считаетъ особенно важнымъ для языковѣдѣнія изученіе отдѣльныхъ языковъ, потому что только въ нихъ выражается идея совершенства языка. Напротивъ, историческія и философскія грамматики навязываютъ всѣмъ языкамъ, не смотря на безконечное ихъ разнообразіе—не исключая даже своего роднаго—несвойственныя имъ категоріи классической греческой грамматики, въ которой, вопреки явной несообразности такого предположенія, они стараются видѣть общую форму языка. Противъ этого направленія возставалъ Гумбольдтъ; онъ доказывалъ, что сильно ошибаются тѣ ученые, которые приступаютъ къ изученію чужаго языка съ своими односторонними понятіями и со своимъ взглядомъ на вещи, между тѣмъ какъ каждый народъ отличается собственнымъ, своеобразнымъ воззрѣніемъ, которое проявляется

Digitized by Google

въ языкѣ и которое мы должны усвоить себѣ при его изученіи. Но историческія грамматики во всѣхъ языкахъ находили въ болѣе или менѣе совершенномъ видѣ форму, данную древне-греческими грамматиками, видѣли слѣдовательно одно количественное различіе; философскія грамматики носились въ неизмѣримой области отвлеченнаго. Ни тѣ, ни другіе не постигали идеи языка. Одни не умѣли понимать, потому что ихъ взглядъ былъ односторонень; другимъ нечего было понимать, потому что они создавали идеи, лишенныя содержанія. Гегель, величайшій изъ новѣйшихъ философовъ, считаетъ философію исторіею философскихъ системъ, изображеніемъ развитія абсолютнаго въ дѣйствительности. Истина предмета есть развитіе его въ дѣйствительности. Самъ Гегель, слѣдовательно, не можетъ требовать, чтобы искали (какъ дѣлаютъ то философскія грамматики) абсолютной формы языка внѣ предѣловъ языковъ, дѣйствительно существующихъ. Создавъ себѣ такую абсолютную форму, философскія грамматики находятъ даже лишнимъ изучать иностранные языки и примѣнять къ нимъ категоріи, найденныя a priori. По ихъ мнѣнію, всѣ существующіе языки должны подчиняться ихъ законамъ, даже языкъ китайскій, въ которомъ, по ихъ словамъ, находятся тѣ же внутреннія, грамматическія отношенія, проявляющіяся только другимъ, менѣе органическимъ образомъ. Но, какъ извѣстно, все внутреннее должно проявляться во внѣшнемъ; что не проявляется, то, слѣдовательно, и не существуетъ. Конечно, всякій языкъ имѣетъ грамматическія опредѣленія, иначе онъ былъ бы наборъ словъ, но эти опредѣленія вѣроятно не всегда соотвѣтствуютъ опредѣленіямъ, найденнымъ философскими грамматиками. Историческія грамматики поступили почти также; они находятъ въ китайской грамматикѣ всѣ наши категоріи, разряды словъ, склоненія, спряженія, степени сравненій, однимъ словомъ всю нашу флексію. Перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію различія языковъ. Языкъ, по опредѣленію Беккера, какъ всякій человѣческій органъ, представляетъ намъ двѣ стороны, внутреннюю, обращенную къ разуму, т. е. мысль, и внѣшнюю, обращенную къ явленію, т. е. звукъ. Первая сторона—логическая, вторая—фонетическая. Мышленіе, логика одинаковы у всѣхъ народовъ; слѣдовательно, различіе можетъ имѣть мѣсто только въ сторонѣ фонетической. Каждый индивидуальный языкъ, по словамъ Беккера, имѣетъ свою индивидуальную жизнь, но можетъ быть понятъ только въ приложеніи къ общимъ законамъ мышленія и созерцанія, которые должны составить предметъ общей грамматики. Слѣдовательно, Беккеръ и его послѣдователи признаютъ возможность и необходимость общей

Digitized by Google

грамматики. Этому взгляду не противорѣчатъ и философскія грамматики. Шаслеръ говоритъ, что общія категоріи должны входить во всѣ языки, на сколько эти категоріи составляютъ необходимую принадлежность нашего мышленія. Гумбольдтъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія высказываетъ мысль, что различіе языковъ заключается преимущественно въ сторонѣ фонетической, и что сторона логическая, какъ обще-человѣческая сила мышленія, у различныхъ народовъ должна быть болѣе однообразна. Изъ этого можно заключить, что Гумбольдтъ, быть можетъ, считаетъ эту болѣе одинаковую сторону предметомъ общей грамматики и что онъ не принимаетъ различіе языковъ въ такихъ обширныхъ предѣлахъ, что могутъ существовать цѣлые отдѣльные разряды языковъ. Чтобы вѣрнѣе понять эти слова Гумбольдта, займемся изслѣдованіемъ сущности языка вообще и въ особенности опредѣлимъ связь мышленія съ словомъ. Для этого должно опредѣлить элементы, заключающіеся въ языкѣ, элементы, которыхъ обыкновенно принимаютъ два, внутренній и внѣшній (Беккеръ), или матерія и форма (Шаслеръ). Гумбольдтъ опредѣляетъ языкъ какъ вѣчно повторяющееся стремленіе духа сдѣлать членораздѣльный звукъ способнымъ къ выраженію мысли. Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ звукъ и мысль, какъ элементы внутренній и внѣшній. Но мысль есть духъ. Слѣдовательно, опредѣленіе наше можно выразить такъ: языкъ есть стремленіе духа выразить самаго себя въ звукѣ, и мы получимъ два противоположные другъ другу элемента: духъ (въ смыслѣ страдательномъ) и звукъ. Впрочемъ, дѣйствительнаго духа нельзя себѣ представить отдѣльно, независимо отъ страдательнаго. Дѣйствительность невещественнаго духа состоитъ въ томъ, что онъ самъ себя превращаетъ въ вещественный, страдательный, т. е. выливается въ мысль, подлежащую нашимъ чувствамъ. Какъ духъ въ самомъ себѣ распадается на дѣйствительный и страдательный, такъ и звукъ представляетъ въ себѣ внутреннее, соотвѣтствующее этому дѣленіе. Съ одной стороны звукъ есть работа, дѣятельность языка; онъ соотвѣтствуетъ здѣсь дѣйствительному духу и составляетъ съ нимъ одно цѣлое. Съ другой стороны, какъ звуковая форма, онъ находится въ соотвѣствіи съ страдательнымъ духомъ, съ мыслью, которой служитъ выраженіемъ. Языкъ никогда нельзя разсматривать какъ нѣчто, окончательно созданное, получившее полное развитіе; онъ, какъ мы видѣли выше, съ одной стороны, опредѣляетъ путь для дальнѣйшаго развитія, съ другой, представляетъ уже установившіяся формы, оказывающія ограничительное вліяніе на этотъ дальнѣйшій ходъ дѣятельности, однимъ сло-

Digitized by Google

вомъ, твореніе языка послѣ образованія звуковой формы есть не самостоятельное создаваніе, а примѣненіе извѣстныхъ законовъ,—образованіе.

Разграничимъ теперь яснѣе два довольно сходныя между собою понятія, форму языка и его характеръ. Форма состоитъ въ звукѣ, принявшемъ извѣстный видъ для выраженія мысли. Характеръ обнаруживается въ приложеніи этой формы. Въ первыя времена творенія языка, когда языкъ считается болѣе цѣлью нежели орудіемъ, на первомъ планѣ стоитъ форма. Вліяніе характера выражается въ употребленіи языка, уже получившаго форму. Форма языка—элементъ относительно твердый, постоянный, почти не подлежащій вліянію цивилизаціи; характеръ языка, напротивъ того, развивается вмѣстѣ съ общимъ духовнымъ развитіемъ народа и съ особенною силою выражается въ періодъ процвѣтанія литературы, въ которомъ языкъ отдѣляется отъ матеріальности вседневной жизни и дѣлается орудіемъ чистаго развитія идей. Звуковая форма представляетъ двѣ стороны; какъ форма, она имѣетъ матеріаломъ самую мысль и, въ свою очередь, служитъ матеріаломъ для формы языка, съ которою не должно ее смѣшивать. Слѣдовательно, матеріалъ формы языка простая дѣятельность, самый языкъ, а не особенный взглядъ на вещи и образъ представленія предметовъ въ народѣ, составляющій творческій принципъ языка и его причину. Гумбольдтъ матеріаломъ формы языка называетъ элементы языка, но собственно этихъ элементовъ нѣтъ; есть только постоянное создаваніе ихъ, дѣятельность, которая и составляетъ матеріалъ формы языка. Гумбольдтъ говоритъ, что опредѣленіе этаго матеріала выводитъ насъ за предѣлы языка вообще; это, быть можетъ, вѣрно въ томъ отношеніи, что за матеріалъ принимаютъ не дѣятельность языка, а факторовъ ея, звукъ и мысль, которые, взятые независимо, дѣйствительно выводятъ насъ за предѣлы языка вообще.

При опредѣленіи матеріала національной формы языка можно поступать двояко. Съ одной стороны, за матеріалъ можно принять народную дѣятельность языка, которая происходитъ въ извѣстной формѣ, обусловливаемой народною особенностью. Съ другой стороны, принимая эту форму за видоизмѣненіе общей формы языка мы получимъ матеріаломъ ея эту общую форму, которая, подъ вліяніемъ народнаго духа, перерабатывается въ частную. Но эта общая форма, составляющая общее достояніе всѣхъ языковъ, достояніе, котораго ищутъ философскія грамматики, есть ничто иное какъ возможность языка, не имѣющая формы, но стремящаяся выразиться въ отдѣльныхъ дѣйствитель-

Digitized by Google

ныхъ формахъ. Опредѣливъ такимъ образомъ отношеніе между языкомъ и мышленіемъ возвратимся снова къ опредѣленію границъ возможнаго различія языковъ. Мы отличали внутри языка три элемента: звукъ, страдательный духъ или мысль и дѣйствительный духъ или дѣятельность языка, въ которомъ оба первые элемента находятся въ движеніи. Кромѣ этихъ опредѣленныхъ элементовъ, при раздѣленіи общаго языка на частные выступаютъ еще два принципа, звуковая форма и ея употребленіе, законы котораго, по словамъ Гумбольдта, ничто иное, какъ пути, по которымъ движется духовная дѣятельность въ твореніи языка. Самые гармоническіе звуки не могутъ образовать языкъ, достойно соотвѣтствующій духу, ежели не будутъ проникнуты и оживлены идеями, имѣющими отношеніе къ языку. Мы получимъ такимъ образомъ два ряда взаимно соотвѣтствующихъ другъ другу понятій, относящихся къ языку. Во первыхъ, мы получаемъ звукъ и мысль, потомъ, со стороны внутренняго элемента, употребленіе и руководящее употребленіемъ внутреннее чувство языка (innere Sprachsinn); со стороны внѣшняго элемента звуковую форму и чувство членораздѣльности, создающее эту форму для удовлетворенія требованіямъ внутренняго чувства языка; это понятіе (чувство членораздѣльности), созданное Гумбольдтомъ, должно строго отличать отъ силы членораздѣльности т. е. общей способности произносить членораздѣльные звуки. Въ чувствѣ членораздѣльности особенно обращаетъ на себя вниманіе отношеніе звуковъ къ значенію (*); сила членораздѣльности, напротивъ того, выказывается въ большей или меньшей чистотѣ орудій слова, въ большей или меньшей членораздѣльности произнесеннаго звука и, слѣдовательно, касается одной внѣшней стороны, механизма звука. И такъ вотъ наши два ряда понятій, первое—звукъ, чувство членораздѣльности, звуковая форма или внѣшняя форма языка, второе—мысль, внутреннее чувство языка, употребленіе или внутренняя форма языка; звуковая форма съ перваго взгляда кажется чисто-страдательною матеріею и потому, по видимому, не можетъ соотвѣтствовать употребленію, но, проникаясь духомъ языка, принимая въ себя интеллектуальную силу, звукъ дѣлается дѣйствительнымъ и оказываетъ вліяніе на дальнѣйшій ходъ созданія языка. Вліяніе это можетъ быть не только ограничительное, по которому звукъ затрудняетъ мысль, не будучи въ состояніи примѣниться къ тончайшимъ ея изгибамъ; часто звукъ возникаетъ раньше мысли, т. е. готовая зву-

(*) Это отношеніе выражается въ выборѣ звуковъ, соотвѣтствующихъ значенію, т. е. производящихъ на органъ слуха впечатлѣніе, сходное съ тѣмъ, которое предметъ производитъ на душу.

Digitized by Google

ковая форма побуждаетъ духъ создать понятіе, къ которому можно было бы примѣнить ее; слѣдовательно, мы дѣйствительно можемъ считать звуковую форму принципомъ образованія языка и противополагать ее употребленію.

Въ другомъ мѣстѣ, Гумбольдтъ опредѣляетъ языкъ, какъ орудіе для выраженія мысли, и отличаетъ въ немъ двѣ стороны, фонетическую и интеллектуальную.

Различіе языковъ не должно ограничиваться большею или меньшею степенью совершенства техники; она можетъ проникать въ самую сущность ея устройства, которое измѣняется до такой степени, что даже сравненіе такихъ языковъ дѣлается невозможнымъ. Сближая теперь принципы языка съ факторами дѣятельности языка, мы найдемъ, что звуковая форма соотвѣтствуетъ звуку; употребленіе и чувство членораздѣльности—дѣятельности языка или дѣйствительному духу; только мысль (страдательный духъ) не находитъ себѣ равносильнаго понятія, потому что дѣятельность языка, не касаясь сущности и содержанія мысли, создаетъ только форму для нея, какъ для матеріала. Слѣдовательно, мысль не принадлежитъ къ языковѣдѣнію, предметъ котораго составляетъ языкъ, какъ форма мысли, отдѣльно отъ нея взятая. Въ этомъ случаѣ, языкъ имѣетъ два элемента: форму звуковую и внутреннюю.

Въ приложеніе языка, въ говоръ входитъ, кромѣ двухъ первыхъ элементовъ третій, мысль, въ которой и заключается то, что одинаково во всѣхъ человѣческихъ языкахъ; но этотъ принципъ не принадлежитъ къ языку; опредѣленіе его категорій относится къ логикѣ. Слѣдовательно, различіе языковъ проникаетъ и въ употребленіе, не ограничиваясь одною звуковою формою. Опредѣлимъ теперь отношеніе между внутреннимъ чувствомъ языка и мыслью. Созерцаніе отъ совокупнаго дѣйствія внѣшнихъ чувствъ и духовныхъ силъ переходитъ въ представленіе, которое созерцается еще разъ и усвоивается субъектомъ. Впрочемъ, для этого усвоенія необходимо, чтобы представленіе было, по возможности, осязательно. Поэтому представленіе переходитъ въ языкъ и, воплощаясь въ звукѣ, возвращается къ уху. Слѣдовательно, слово—отпечатокъ впечатлѣнія, произведеннаго предметомъ на душу, и потому въ каждомъ языкѣ заключается особенный, свойственный ему взглядъ на вещи. Это обстоятельство, впрочемъ, оказываетъ болѣе вліянія на выборъ словъ, нежели на грамматическія формы, неразвитость которыхъ можетъ происходить отъ слабости внутренняго чувства языка или отъ недостаточной гибкости звуковой формы. Предметъ представляется нашему созерцанію съ разныхъ сторонъ въ отдѣльныхъ своихъ

Digitized by Google

свойствахъ, въ своемъ общемъ родовомъ понятіи и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ предметамъ и обстоятельствамъ. Полное, ясное созерцаніе предмета съ совершеннымъ сознаніемъ этихъ отношеній выразилось въ языкѣ и произвело флексію, какъ словесное выраженіе созерцаемаго и чувствуемаго. Слѣдовательно, грамматическія категоріи представляютъ слѣпокъ не съ логическихъ, дѣйствительныхъ категорій, но съ понятія, которое составляетъ себѣ о нихъ народъ; изъ этого видно, что различіе языковъ главнымъ образомъ объусловливается духомъ народа. При твореніи языка, духъ можетъ неполно и даже невѣрно усвоить себѣ понятіе, или же, усвоивъ его, не вложить въ звукъ, не сдѣлать осязательнымъ и чрезъ это снова утратить его. Въ дѣятельности говоренія духъ въ самомъ себѣ дѣлится на дѣйствительный, проявляющійся въ внутреннемъ чувствѣ языка, и страдательный, выказывающійся въ представленіи, которое должно вложить въ звукъ.

Сильный духъ, напр. духъ, создавшій языки индо-европейскіе, не теряется при такомъ самодѣленіи, схватываетъ весь предметъ и со всѣми оттѣнками значенія влагаетъ его въ слово. Но духъ многихъ народовъ при этомъ теряется, какъ страдательный, т. е. не вполнѣ объемлетъ представленіе, чрезъ это сбивается съ пути и или создаетъ неудовлетворяющую понятію звуковую форму, или ошибается въ употребленіи, т. е. образуетъ грамматическія категоріи, не соотвѣтствующія естественнымъ отношеніямъ представленій; по причинѣ этихъ невѣрныхъ или недостаточныхъ соображеній, различіе языковъ распространяется на часть чисто идеальную, зависящую отъ разсчетовъ ума, въ которой однако находятся въ дѣйствіи чувства и фантазія. Внутреннее чувство языка, принципъ, управляющій языкомъ изнутри, въ тоже время составляетъ главный, основной принципъ различія языковъ. Впрочемъ, въ невидимыхъ движеніяхъ духа невозможно отдѣлить того, что относится къ звуку, отъ того, чего требуетъ внутреннее чувство языка. Но ежели раздѣлить эти два понятія, то въ послѣднемъ найдется главная причина различія языковъ. При образованіи внутренней формы языка дѣйствуютъ, сообразно съ народнымъ характеромъ, всѣ силы души, чувство, фантазія и разумъ, который, посредствомъ ложныхъ соображеній, можетъ привести даже къ совершенно-неправильнымъ и произвольнымъ заключеніямъ. И такъ, вотъ почему могутъ происходить языки до такой степени различные, что ихъ невозможно свести въ одинъ разрядъ.

Гумбольдтъ и не требуетъ этого; языкъ рода человѣческаго, по его мнѣнію, образуетъ не одинъ организмъ, но цѣлое царство

Digitized by Google

отдѣльныхъ, замкнутыхъ органическихъ системъ, слѣдующихъ особымъ принципамъ; взглядъ Беккера отличается отъ взгляда Гумбольдта тѣмъ, что онъ принимаетъ въ дѣятельности языка только два элемента, не принимая въ соображеніе матеріала, мысли и смѣшивая это понятіе съ внутреннею формою языка. На этомъ основаніи онъ и философскія грамматики вообще принимаютъ, что общія категоріи языка принадлежатъ мышленію по самой сущности, не отличая такимъ образомъ законовъ внутренняго чувства языка отъ требованій логическаго мышленія, съ которыми они иногда имѣютъ большое сходство, но никогда не бываютъ совершенно тожественны. Грамматическія отношенія касаются первобытныхъ условій звуковаго выраженія, слѣдовательно не могутъ быть тожественны съ категоріями логическими, относящимися къ представленію; Беккеръ допускаетъ различіе между познаваніемъ и представленіемъ, но, принимая содержаніе мысли за внутреннюю форму языка, не можетъ провести этого различія. Опредѣляя, напримѣръ, существительное и глаголъ, какъ категоріи бытія и дѣятельности, философскіе грамматики вовсе не доходятъ до языка, не касаются сущности этихъ понятій и значенія ихъ въ языкѣ. Хотя логическія категоріи могутъ быть изображены въ языкѣ, однако онѣ не всегда выражаются въ опредѣленной, строго соотвѣтствующей имъ формѣ. Предложеніе соотвѣтствуетъ сужденію, но не тожественно съ нимъ; въ предложеніи можетъ быть выражено и умозаключеніе, которому собственно долженъ соотвѣтствовать періодъ.

Различіе значенія логическаго и грамматическаго видно и въ отдѣльныхъ словахъ. Имена отглагольныя логически выражаютъ дѣятельность, грамматически существо или свойство. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ языки должны имѣть выраженіе для извѣстныхъ дѣятельностей и предметовъ, но могутъ выразить эту дѣятельность не только въ видѣ флективнаго глагола, собственно соотвѣтствующаго этому понятію, но въ видѣ отглагольнаго существительнаго или прилагательнаго, т. е. въ формѣ существа или свойства. Обыкновенная ошибка философскихъ грамматиковъ состоитъ въ томъ, что они предполагаютъ, будто въ словесной формѣ должно выразиться все, что заключается въ содержаніи, не обращая вниманія на то, что въ словѣ оно можетъ выразиться совершенно иначе. Вотъ почему они искали во всѣхъ языкахъ однихъ категорій, основываясь на томъ, что всѣ они имѣютъ общее содержаніе, человѣческое мышленіе. Безъ различенія понятій существительнаго и глагола не можетъ быть составлено настоящее предложеніе; а такъ какъ говорятъ

Digitized by Google

предложеніями, то безъ него собственно нельзя и говорить. Слѣдовательно это различеніе составляетъ такой же важный признакъ *для* раздѣленія языковъ какъ спинной хребетъ *для* раздѣленія животныхъ. Искать общей формы всѣхъ языковъ, переносить категоріи языковъ индо-европейскихъ на языки бирманскій и подобные ему такъ же нелѣпо, какъ создавать себѣ общую форму животнаго и искать въ моллюскахъ всѣхъ органовъ обезьяны. Языкъ, хотя и долженъ выражать всѣ логическія категоріи, можетъ однако не отличать каждую изъ нихъ отдѣльною формою. Изъ всего этого слѣдуетъ, что правильное воззрѣніе на языкъ невозможно при чисто логической точкѣ зрѣнія. Гумбольдтъ во многихъ мѣстахъ ясно доказываетъ необходимость историко-философской точки зрѣнія, требуетъ изученія фактовъ, съ которыми связываетъ однако выводы изъ простыхъ понятій, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть односторонности, какъ въ философскомъ такъ и въ историческомъ направленіи. Языкъ выходитъ изъ глубины духа, изъ общихъ законовъ мышленія, но потомъ, проявляясь въ дѣйствительности, требуетъ по самой сущности своей соединенія чистаго логическаго мышленія съ строго историческимъ изслѣдованіемъ. *Языкъ* свободенъ, выходитъ изъ самаго себя, но *языки* зависятъ отъ націй, отъ духовной особенности ихъ, наложившей на нихъ мнѣніе ограниченія. Эти особенности имѣютъ вліяніе на языковѣдѣніе.

Для составленія общей грамматики Гумбольдтъ считаетъ нужнымъ прослѣдить образованіе грамматическихъ формъ въ различныхъ языкахъ и воспользоваться этимъ изученіемъ чтобы представить характеристику языка человѣческаго, взятаго какъ общій идеалъ.

Въ своемъ сочиненіи «о двойственномъ числѣ», онъ говоритъ, что изъ всѣхъ путей, ведущихъ, въ сравнительномъ языкознаніи, къ рѣшенію вопроса, какимъ образомъ общій человѣческій языкъ обнаруживается въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безспорно вѣрнѣе всѣхъ ведетъ къ цѣли разсматриваніе отдѣльной части рѣчи, прослѣженной чрезъ всѣ извѣстные языки земнаго шара. Для общей грамматики имѣютъ несомнѣнную важность даже тѣ частныя воззрѣнія, которыя, хотя не вытекаютъ изъ общихъ законовъ *языка*, однако обрисовываютъ физіогномію отдѣльныхъ *языковъ*.

Напротивъ, Беккеръ и Штернъ, при составленіи общей грамматики, приняли за основаніе формы нѣмецкаго языка, пренебрегая такимъ образомъ историческимъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ языковъ, которое по словамъ Штерна, можетъ только

Digitized by Google

доставить ему «примѣры» для формъ, выведенныхъ изъ ума. Гумбольдтъ возстаетъ противъ такого рода умствованій, не поддержанныхъ фактами, совѣтуя проводить, чрезъ всѣ языки, отдѣльныя ихъ составныя части и посредствомъ этихъ изслѣдованій отъискивать и скрѣплять нити, изъ которыхъ однѣ проходятъ, по его словамъ, въ ширину, чрезъ соотвѣтственныя части различныхъ языковъ, другія въ длину, чрезъ различныя части одного языка. Первыя обозначаютъ общія побужденія *языка* человѣческаго, вторыя обрисовываютъ индивидуальную физіогномію отдѣльныхъ *языковъ*. При такомъ изслѣдованіи ярче выходятъ наружу общій языкъ и характеръ націи; тогда становится возможнымъ рѣшеніе высшихъ вопросовъ о связи языка съ образованностію, о его возбудительномъ вліяніи на духъ, вопросовъ связывающихъ языкознаніе съ филологіею. Принимая родовое различіе языковъ, мы должны разсмотрѣть отношеніе личной свободы человѣка къ законности языка. Законность эта несомнѣнно подвергаетъ ее ограниченію, но ограниченіе это незамѣтно, и дѣлается чувствительнымъ только тогда, когда мы выходимъ за его предѣлы, изучая новый языкъ, сравнивая его съ нашимъ, или, всего лучше, переводя съ другаго языка. Каждый отдѣльный человѣкъ находитъ въ своемъ языкѣ содѣйствіе или препятствіе, смотря по большей или меньшей примѣняемости его къ изложенію идей.

Во вторыхъ, раздѣляя языки по разрядамъ и утверждая, что языки, подобные бирманскому не могутъ быть одного разряда съ языкомъ греческимъ, мы, по видимому, отвергаемъ, чтобы Бирманы были люди на равнѣ съ Греками, такъ какъ въ языкѣ мы видимъ выраженіе духа, самый вѣрный отпечатокъ его. Духъ всѣхъ народовъ одинъ и тотъ же въ томъ отношеніи, что духъ каждаго способенъ возвыситься до познаванія истины, до абсолютнаго духа; но форма, въ которой они понимаютъ абсолютное, часто бываетъ чрезвычайно несовершенна. Несовершенство это не останавливается на одномъ языкѣ, но распространяется на религію, на искусство, на образъ правленія, которые обыкновенно бываютъ еще несовершеннѣе языка.

Языкъ, который, какъ проявленіе духа, представляетъ иногда крайнее несовершенство, всегда достигаетъ своей цѣли, какъ средство выраженія мысли, и содержитъ въ себѣ цѣлое, соотвѣтствующее объему неограниченной человѣческой способности образованія и безконечнаго по себѣ мышленія. Вотъ въ какомъ отношеніи языкъ стоитъ выше искусствъ и государственнаго устройства тѣхъ же народовъ.

Но эти два значенія языка часто находятся между собою въ

Digitized by Google

обратномъ отношеніи. Объяснимъ это примѣромъ. — Классическій римскій языкъ, обогащенный формами греческаго подъ перомъ Цицерона и Горація, сдѣлался болѣе способнымъ къ безконечному употребленію, но римскій языкъ до Эннія представлялъ, безъ сомнѣнія, большую способность развитія, которая потомъ могла снова возродиться только въ производныхъ языкахъ Романскихъ. И въ этомъ отношеніи языкъ стоитъ выше дѣлъ человѣка и представляется намъ созданіемъ идеальнаго міра.

Замѣтимъ еще, что можетъ случиться, что языкъ, при недостаточномъ принципѣ, при нестройности общаго впечатлѣнія, производимаго имъ на духъ, имѣетъ нѣкоторыя частныя преимущества, и оказываетъ побудительное вліяніе на отдѣльныя стороны духа; таковъ языкъ китайскій, который, какъ сознаются въ томъ Гегель, говоря о народѣ, и Гумбольдтъ, разсматривая языкъ, во многихъ отношеніяхъ стоитъ на высокой степени совершенства, хотя не выходитъ за предѣлы корневой формы и не принимаетъ различія между глаголомъ и существительнымъ. Гумбольдтъ говоритъ, что «въ китайскомъ языкѣ именно мнимое отсутствіе всякой грамматики возвышаетъ въ духѣ націи способность познавать формальную связь рѣчи». Китайскій языкъ не образуетъ періода, потому что Китайцы не постигли различія между словомъ и періодомъ, или понятіемъ и сужденіемъ. Слова ихъ—корни, въ которыхъ, какъ въ нашихъ междометіяхъ, находится въ видѣ зародыша цѣлый періодъ. Эти корни ставятся другъ возлѣ друга безъ показанія ихъ связи и взаимныхъ отношеній, но такъ однако, что опредѣляющее понятіе занимаетъ мѣсто передъ опредѣляемымъ. Напримѣръ, наше простое предложеніе «великій государь говорилъ войску» будетъ передано четырьмя корнями, изъ которыхъ каждый можно принять за сомкнутый періодъ, такъ что мы получимъ слова: «который всякъ, это государь, онъ говорилъ, это было войско», стоящія другъ возлѣ друга безъ означенія какой либо грамматической связи, Конечно, въ этой фразѣ, несмотря на странную форму изложенія, можно находить всѣ наши грамматическія категоріи, хотя ихъ вѣроятно не сознаютъ Китайцы. Логическія категоріи останутся тѣ же, хотя могутъ быть облечены въ разнообразнѣйшія формы, и хотя въ китайскомъ нѣтъ соотвѣтствующей имъ отдѣльной формы.

Расположеніе словъ указываетъ на порядокъ опредѣленія совокупленныхъ понятій; для самаго совокупленія нѣтъ звуковъ, такимъ образомъ наше предложеніе можно измѣнить въ слѣдующее: «государь, говорящій къ войску. Рѣчь государя къ войску»; слѣдовательно въ китайскомъ нѣтъ ни одной изъ нашихъ катего-

Digitized by Google

рій. Въ языкѣ проявляется тотъ же принципъ неподвижности и безразличнаго единства, который обнаруживается и въ китайской жизни, гдѣ смѣшиваются понятія закона государственнаго и нравственнаго, государства и семейства, образа правленія и религіи. Въ Китаѣ совершенно уничтожается принципъ свободы, внутреннее самосознаніе, углубленіе духа въ самаго себя; религія, искуства, свободная нравственность, наука, все въ чемъ у насъ проявляется духовность, у нихъ обратилось въ внѣшность, въ рутину, въ обрядъ.

Вмѣсто нравственнаго чувства видимъ мертвую букву закона; вмѣсто вдохновенія художника, поэта—бездушное, холодное подражаніе, умѣніе, искуственность. Тотъ же характеръ внѣшности отразился и на языкѣ, гдѣ значеніе лежитъ не столько на матеріалѣ звука, сколько на его формѣ и объусловливается удареніемъ, гдѣ внутреннее отношеніе понятій выражается внѣшнимъ расположеніемъ словъ. Мало того: Китайцы переносятъ въ пространство бытіе языка, исчезающее во времени, низводятъ языкъ на степень письма, такъ что, не понимая словъ, произносимыхъ на старомъ стилѣ, они могутъ свободно читать его по заученнымъ знакамъ. Не имѣя чувства благозвучія, они дорожатъ красивымъ письмомъ и мало отличаютъ bene scriptum отъ bene pictum. Кромѣ того, наши буквы замѣняютъ звуки, между тѣмъ, какъ китайскія изображаютъ самые предметы, и чрезъ это болѣе нашихъ удалены отъ языка. По словамъ Гумбольдта, форма китайскаго языка болѣе нашей вызываетъ наружу силу чистаго мышленія и съ большимъ напряженіемъ направляетъ его къ предмету, устраняя посторонніе, посредствующіе соединительные звуки. Впрочемъ, сомнительно, чтобы она направляла духъ къ той средѣ, гдѣ одинаково легко развиваются поэзія и философія, научное изслѣдованіе и краснорѣчивое изложеніе. И такъ, нельзя не принять рѣшительной противоположности между языками чисто законной формы и языками, отступающими отъ этой законности, языками, которые могутъ обнаруживать нѣкоторую степень совершенства, искуственность техническаго строя, но не могутъ собственными силами производить на духъ постоянное, стройное и гармоническое впечатлѣніе.

Не смотря на то, каждый языкъ есть слѣпокъ съ первобытной основы для языка вообще, и, чтобы достигать самыхъ простыхъ и необходимыхъ цѣлей, долженъ имѣть такое сложное строеніе, что знаніе языковъ самыхъ несовершенныхъ представляетъ большій интересъ, нежели изученіе литературы, искусства и другихъ отраслей духовной жизни тѣхъ же народовъ.

Digitized by Google

Въ языкѣ заключается самосознаніе народа; потому духъ народа—языкъ, такъ какъ духъ его есть то, чѣмъ онъ сознаетъ себя.

Въ языкѣ заключается логика народа, воззрѣніе его на идею; слѣдовательно, грамматика, въ высшемъ своемъ значеніи есть исторія логики народовъ. Сущность исторіи и всякаго развитія—критика; задача филолога познать эту объективную критику, въ которой каждая высшая степень есть критика низшей.

Критика есть сравненіе предмета съ понятіемъ, которое выводится изъ самаго предмета.

Слѣдовательно, какъ естествоиспытатель распредѣляетъ организмы въ возвышающихся степеняхъ, принимая въ соображеніе степень достиженія общей цѣли организма, и выводя эту цѣль изъ наблюденій надъ самымъ организмомъ, такъ и филологъ долженъ наблюдать въ различныхъ языкахъ постепенность осуществленія идеи языка, не создавая себѣ идеала языка, но принимая только въ соображеніе степень достиженія цѣли языка, большее или меньшее совершенство его органовъ.

Но, для такого труда необходимо значительное число предварительныхъ изслѣдованій, которыя до сихъ подъ еще не были предприняты. Изслѣдованія эти должны быть произведены путемъ индивидуально-историческимъ, который стоитъ на столько же выше общаго философскаго, на сколько единичное выше общаго. Наконецъ, такъ какъ языкъ дѣйствительно существуетъ только тогда, когда на немъ говорятъ, то грамматика ведетъ насъ ко второй части языковѣдѣнія, къ исторіи литературы. Дополнимъ теперь замѣчаніе о матеріалѣ и формѣ языка, которое сдѣлали выше.

Ежели мы опредѣлимъ языкъ какъ форму мышленія, то мы найдемъ въ общей всему человѣчеству способности говорить форму общей способности мыслить, какъ матеріала, и отношеніе это не измѣнится и тогда, когда мы предположимъ, что эта способность въ отдѣльныхъ народахъ формируется и опредѣляется народнымъ характеромъ.

Въ отдѣльной личности, языкъ и мысль достигаютъ дѣйствительности, но независимо отъ нея языкъ имѣетъ свою національную форму, на которую не можетъ распространяться вліяніе отдѣльной личности, и которая должна быть созданіемъ общей массы народа. Принципъ ея—народный характеръ. Но языкъ отдѣльной личности подчиняется двоякому вліянію.

Съ одной стороны, какъ форма мышленія, онъ обусловливается своимъ матеріаломъ и видоизмѣняется имъ въ своемъ характерѣ, хотя остается неизмѣннымъ въ національной

Digitized by Google

формѣ. На этомъ основаніи характеръ языка лирическаго отличается отъ характера языка драматическаго.

Съ другой стороны, какъ словесная форма мысли отдѣльной личности, языкъ подчиняется ея вліянію, получаетъ отъ нея особенный, своеобразный характеръ, отражающій главныя, основныя черты характера этой отдѣльной личности, какъ національная форма языка представляетъ отпечатокъ и выраженіе отличительныхъ свойствъ народнаго характера.

Тогда языкъ получаетъ послѣднюю опредѣленность и превращается въ слогъ, который у различныхъ писателей бываетъ различенъ. Но въ каждомъ языкѣ легокъ и естественъ только тотъ слогъ, который сообразуется съ главнѣйшими свойствами общаго характера языка. Этотъ то слогъ составляетъ предметъ исторіи литературы, которая такимъ образомъ противополагается грамматикѣ, составляя съ нею одну обширную науку о языкѣ.

Грамматика—наука о языкѣ, потому что въ ней заключается сознаніе духа о самомъ себѣ; исторія литературы—наука о языкѣ, въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какимъ образомъ народъ изъ конечныхъ средствъ языка сдѣлалъ безконечное приложеніе. Первая—исторія формъ языковъ; вторая—исторія характеровъ. Включая первую въ область логики, мы должны отнести вторую къ наукѣ абсолютнаго духа, къ исторіи искусства.

«По изслѣдованію грамматики и запаса словъ у всѣхъ народовъ, говоритъ Гумбольдтъ, по изученію литературныхъ памятниковъ народовъ образованныхъ, должно опредѣлить способъ и степень вліянія языковъ на духовное развитіе говорящихъ ими народовъ».

Digitized by Google

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ.

Изслѣдованіе П. П. Шафарика,

Переводъ съ чешскаго Викентія Макушева.

Quum vides, unde ortum est *nomen*, citius *rem* intelligis; omnis enim rei *inspectio* etymologiâ cognitâ plenior est.

Isidorus.

Предисловіе переводчика.

Предлагаемое изслѣдованіе о числительныхъ именахъ, за достоинство котораго ручается имя его автора, принадлежитъ къ числу лингвистическихъ монографій, напечатанныхъ Шафарикомъ во Временникѣ чешскаго музея (Časopis českého Museum). Онѣ представляютъ необходимое пособіе при изученіи славянскаго языка, но къ сожалѣнію у насъ мало извѣстны: вотъ почему я считаю небезполезнымъ напомнить о нихъ.

Во Временникѣ за 1846 г. помѣщены изслѣдованія: 1) объ образованіи словъ посредствомъ удвоенія корня (o tvoření slov zdvojováním kořene) и 2) о распространеніи глагольныхъ корней и стволовъ вставкою и приращеніемъ согласныхъ (o šíření časoslovnich kořenův a kmenův vsauváním a přiřažením sauhlasek).

Во Временникѣ за 1847 годъ: 3) объ измѣненіи гортанныхъ согласныхъ (o přetvorování hrdelních sauhlasek) и 4) объясненіе нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ языкѣ славянскомъ (vyklad nekterých grammatických forem v jazyku Slovanském).

Во Временникѣ за 1848 г. напечатана предлагаемая нами монографія: 5) филологическій разборъ числительныхъ именъ (Mluvozpytný rozbor čísloslova).

Числительныя имена, по сознанію самаго Шафарика, *представляютъ* сравнительно съ другими частями рѣчи *наиболѣе*

Digitized by Google

трудности для этимолога. Своимъ изслѣдованіемъ великій словянскій ученый желалъ не только объяснить темное происхожденіе числительныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказать на опытѣ *возможность и пользу этимологіи, какъ науки;* поэтому онъ долженъ былъ въ началѣ своей монографіи разсмотрѣть *задачу этимологіи* и различныя филологическія системы о *происхожденіи языка.* Шафарикъ относитъ числительныя имена къ отдѣлу *главныхъ категорій словъ*, безъ которыхъ языкъ и мышленіе невозможны. Основныя числа, по его мнѣнію, родственны частію (1—3) съ указательными частицами, изъ которыхъ образовались личныя мѣстоименія, частію (4—10) съ корнями, выражающими понятія, изъ которыхъ произошли имена и глаголъ.

Кромѣ Шафарика, писали о числительныхъ именахъ *Боппъ, Гриммъ, Поттъ, Беккеръ, Штернъ, Павскій* и мн. др. Всѣ эти изслѣдованія, по двумъ господствующимъ системамъ языкознанія, можно раздѣлить на два разряда: философскій и сравнительно-историческій.

Филологи-философы опредѣляютъ числительныя имена довольно темно.

«Числительныя имена, говоритъ *Беккеръ* (1), по значенію своему весьма близки къ мѣстоименіямъ. Они *не выражаютъ понятія* бытія или дѣйствія, но только *обозначаютъ отношенія*, въ которыхъ бытіе представляется въ основѣ мышленія (2). Число *не есть понятіе*, но только *отношеніе понятія*, хотя двойственность и множественность обозначаются особенными флексіями двойств. и множ. ч. (3). Вполнѣ развитая форма числительныхъ не позволяетъ намъ сомнѣваться, что они *первоначально* выражали *понятія* и образовались изъ *глагольныхъ корней* и что только въ послѣдствіи стали обозначать численныя отношенія. При другихъ служебныхъ частяхъ рѣчи (Formwörter) можно еще теперь указать, какое значеніе они имѣли первоначально; доказательствомъ же глубокой древности числительныхъ служитъ то, что никому изъ изслѣдователей не удалось до сихъ поръ дойти до сколько-нибудь правдоподобной догадки касательно понятій, которыя первоначально выражали числительныя. Кажется, что они *сначала были именными названіями* (substantivische Benennungen) предметовъ, обозначавшихъ численное отношеніе; напр. Paar, Mandel, Stock, Stiege.»

(1) Organismus der Sprache, von Becker. Frankfurt am Main. 1841. SS. 209—211.

(2) Die Zahlwörter drücken nicht Begriffe eines Seins oder einer Thätigkeit aus, sondern bezeichnen nur Verhältnisse, in denen das Sein als Individuum seiner Art in einer besonderen Anschauungsform von dem Sprechenden aufgefasst wird. S. 209.

(3) Die Zahl ist nicht ein Begriff, sondern nur ein Beziehungsverhältniss des Begriffes s. 210.

Digitized by Google

«Числительныя имена, по мнѣнію *Штерна*, суть ничто иное, какъ *обособленіе* одной стороны численной категоріи, *множественности*, а потому каждое число, начиная съ одного, требуетъ послѣ себя множеств. ч. (4).

Изслѣдованія о числительныхъ именахъ въ области *сравнительно-историческаго* языкознанія гораздо обильнѣе и важнѣе для науки по своимъ результатамъ. Разсмотримъ важнѣйшія изъ нихъ.

Фр. Боппъ, въ своемъ классическомъ произведеніи. *Сравнительная грамматика*, посвящаетъ большой отдѣлъ образованію числительныхъ 5). По его мнѣнію, числительныя образовались большею частію накопленіемъ: *три* (скр. tri, кор. tr=transgredi) =2 + 1, *четыре* (скр. čatur, čatvar, жен. čatasar=ca (et)+tisar) = 1 + 3, *пять* (скр. pančan = pan + ča = pa (въ мѣст. éka) + ča) = 4 + 1. Числительныя происходятъ не отъ глагольныхъ корней, но отъ мѣстоименныхъ.—Числительныя по своей формѣ раздѣляются на существительныя и прилагательныя, а потому принадлежатъ къ двумъ склоненіямъ—существительному и мѣстоименному; но изъ нихъ весьма многія, первоначально измѣнявшіяся по числамъ и падежамъ, въ послѣдствіи со всѣмъ или только частію потеряли свою склоняемость. Въ Санскритѣ и Зендѣ удержали различіе рода только числительныя 1—4. Уже въ этихъ языкахъ замѣчается неправильность въ скл оненіи числительныхъ: *одинъ* допускаетъ только единственное число, *два*—двойственное, а прочія числительныя только множеств. ч.; 5—10 въ ИВЗ. считаются въ единств. ч., а въ прочихъ падежахъ во множ.

Яковъ Гриммъ указываетъ въ *Исторіи нѣмецкаго языка* 6) на числительныя имена, какъ на одну изъ данныхъ, по которымъ можно судить о степени родства языковъ. Съ этой точки зрѣнія онъ сравниваетъ числительныя во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ, находитъ въ нихъ поразительное сходство и о происхожденіи только трехъ числительныхъ высказываетъ свою догадку, именно: *pančan* (5) означаетъ распростертую руку съ пятью пальцами отъ *pač*—extendere, *dasan* (10)—обѣ руки съ десятью пальцами отъ *das*—monstrare, *navan* (9)—новое число отъ скр. *nava*

---

(4) Das Zahlwort ist nichts weiter, als eine Individualisation der einen Seite der Form des Numerus, die Mehrheit, und jede Zahl von eins an regiert daher gleichsam den Pluralis. *Vorläufige Grundlegung zu einer Sprachphilosophie*, von *Dr. Stern*, Berlin, 1835. S. 77 Штернъ замѣчателенъ въ исторіи филологіи тѣмъ, что примѣнилъ идеи Гегеля къ языку.

5) *Fr. Bopp.* Vergleichende Grammatik, Berlin. 1833 S. S. 428—467.

6) *Jacob Grimm*, Geschichte der deutschen Sprache, Leipzig, 1848 ibd SS. 239—257.—Извѣстны три данныя для узнанія родства языковъ: имена числительныя, мѣстоименія и 3 л. ед. ч. существительнаго глагола—*есть*.

Digitized by Google

(novus, новый)[7]). Объ остальныхъ числительныхъ онъ замѣчаетъ, что можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ выражаютъ понятіе *совокупленія, собранія.*

Августъ-Фридрихъ Поттъ издалъ въ 1847 г. монографію: *Пятиричная и двадцатиричная система счисленія у народовъ всего міра*[8]).

Основаніемъ всѣхъ извѣстныхъ системъ счисленія служитъ *рука* или вѣрнѣе счетъ *пальцевъ*, чаще всего 10, рѣже 5, еще рѣже 20; оттого три различныя системы счисленія: *десятиричная* (самая удобная, почти у всѣхъ образованныхъ народовъ Европы), *пятиричная* (въ сѣв. Азіи, сѣв. и частію въ средней Америкѣ, въ большей части Австраліи и Африки) и *двадцатиричная* (изъ европ. народовъ—у Датчанъ, Кельтовъ и частію у Французовъ).

Во всѣхъ языкахъ находится опредѣленное, весьма ограниченное количество *первообразныхъ* (primitiver) числительныхъ именъ, изъ которыхъ производятся остальныя посредствомъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій: сложенія (лат. undecim=1+10, франц. vingt-quatre=20+4), умноженія (лат. viginti=2×10, франц. quatre-vingts=4×20), вычитанія (лат. undeviginti=20—1) и дѣленія (эстон. poolteist sadda=anderthalb hundert).

Числительныя имена первоначально были *названіями предметовъ*, что очевидно въ языкахъ дикихъ народовъ, гдѣ еще ясно образованіе словъ; напр. въ одномъ изъ африк. языковъ для выраженія 1 употребляется слово *bull* (голова), для выраженія 5—*men* (рука) и т. д. Съ этимъ можно сравнить названія нѣкоторыхъ числительныхъ въ языкахъ европейскихъ: у силезкихъ Нѣмцевъ 12 называется *Schilk* (Schilling=12 Pfening), 15—*Mandel*, 20—*Stiege*. Нѣм. *Schock* тоже что пол. *koppa*, литв. *kappa*=60; у Словаковъ 40 называется *meru* (мѣра).

Вообще численныя представленія, какого бы ни были они рода, имѣютъ *конкретное основаніе*. Такъ мѣра, вѣсъ, пространство, лѣтосчисленіе получали свои названія отъ естественныхъ отношеній; напр. для означенія 14 фунтовъ употребляется у многихъ народовъ слово *камень*: нижнелуж. jaden kamen, нѣм. stein, англ. stone, гэл. clach.—Бразилійцы называютъ *годъ* по имени дерева *acajou*, которое каждый годъ приноситъ плоды.

---

[7]) Доказательство существованія въ нашихъ языкахъ четверичной системѣ. Срв. римскія *nundinae*=novendinae.

[8]) Die quinare und vigesimale Zählmethode bei Völkern aller Welttheile. Nebst ausführlicheren Bemerkungen über die Zahlwörter Indogermanischen Stammes und einem Anhange über Fingernumer. *A. Fr. Pott.* Halle 1847.

Digitized by Google

Въ Тибетѣ для означенія года употребляется слово *lo* (листъ), потому что листья деревъ мѣняются ежегодно (9).

Въ *склоненіи числительныхъ* замѣчается неправильность. Въ греческомъ языкѣ удержали склоненіе и родовое различіе 1—4, а въ латинскомъ 1—3. Въ готскомъ, славянскомъ и литовскомъ языкахъ склоняются всѣ десять основныхъ числительныхъ, между тѣмъ какъ въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ измѣняемость сохранили только 1—3. Французскій и англійскій языки совершенно потеряли склоненіе.

Замѣчательное явленіе представляютъ языки въ отношеніи къ *синтаксическому соединенію существительныхъ съ числительными именами:* я разумѣю здѣсь *употребленіе единственнаго числа вмѣсто множественнаго*. Уже въ Ведахъ встрѣчаемъ такое употребленіе: dvê çatî *gôh*=двѣстѣ *корова*. У Оукидида: διακόσια ἵππος (двѣстѣ *лошадь*).

Въ итальянскомъ языкѣ един. ч. употребляется при числительныхъ сложныхъ, когда послѣднее изъ нихъ есть 1; напр. cent'un *talero*, срв. рус. сто одинъ *рубль*. Въ еврейскомъ языкѣ единств. ч. ставится при всѣхъ числахъ выше 10. Кромѣ того замѣчательную особенность семитическихъ языковъ составляетъ употребленіе числительнаго въ формѣ женской при существ. муж. р. и наоборотъ. Въ Китайскомъ языкѣ при *всѣхъ* числит. и собират. именахъ полагается единств. ч. вм. множ.; въ тибет., монгольскомъ, турецкомъ, персидскомъ, венгерскомъ, эстонскомъ и кельтскомъ языкѣ замѣчаемъ тоже самое явленіе.

Протоіерей Павскій, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, *Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка*, двѣ главы посвятилъ разсмотрѣнію вопроса о числительныхъ именахъ (10). По его мнѣнію, числительныя составляютъ самостоятельную часть рѣчи. Находя нѣкоторое сходство съ семитическими языками, онъ предполагаетъ древнѣйшую связь и родство индоевропейцевъ съ семитами.

Числительныя происходятъ частію отъ мѣстоименныхъ, частію отъ глагольныхъ корней. *Три* и *четыре* образовались посредствомъ накопленія: *три*=осет. *дер*., краин. *тер*. зн. и, еще=

---

(9) И въ нашемъ областномъ языкѣ находятся подобныя же изобразительныя выраженія для измѣреній мѣста и времени; напр. *повалище* (Арх.) зн. пространство земли, достаточное для того, чтобы на немъ повалиться или развлечься; *рыкъ* (Твер.) мычаніе въ знач. мѣры разстоянія; *скокъ* (Влад.)-верста; *трава* (Камч.) въ знач. года *упряжки* (Новг. Твер.)—треть лѣтняго дня и т. п. (Записка *Ѳ. И. Буслаева*. Изв. II Отд. Ак. Н. 1852 I, 173—174).

(10) 2 изд. Спб. 1852. II Отд. 2 разс. 11 и 12 гл.

Digitized by Google

2+1, *чатур*=*ча* зн. *и*, *тур*=тер=3+1. *Одинъ* зн. отдѣльный, особенный, самъ-по-себѣ (ἴδιος). *Два* озн. разщепленіе, развѣтвленіе. Срв. нѣм. *zwei* и *Zweig*—вѣтвь. Семическое *цааф*, *сааф* созвучно съ нѣм. *zweif*, *zweifeln*=разщепать, разодрать, раздвоить, сомнѣваться т. е. думать на двое.—*Сорокъ* сокращено изъ греч. τεσσαράκοντα *Девяносто* сокращено изъ девятьдесать=дева—ст—о=девен—о—ст—о. Окончаніе *о* появилась въ 90 *по вліянію* слѣдующаго за нимъ *сто* (11) (?).—Изслѣдованія объ образованіи составныхъ порядковыхъ числительныхъ, о сочетаніи числительныхъ между собою и съ существительными, о склоненіи числительныхъ, особенно *полтора* и *полтретья*, принадлежатъ къ самымъ удачнымъ страницамъ во всемъ сочиненіи.

Вотъ всѣ, сколько мнѣ извѣстно, замѣчательныя изслѣдованія о вопросѣ, составляющемъ предметъ предлагаемой монографіи. Позволю себѣ упомянуть еще о превосходномъ трудѣ Ѳ. И. *Буслаева*, *О преподаваніи отечественнаго языка*, гдѣ можно найти нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о числительныхъ именахъ русскаго языка.

---

(11) Точно такимъ же образомъ Павскій объясняетъ замѣну *н* звукомъ *д* въ числ. *девять*=*невять*, *повет*, вліяніемъ слѣдующаго за нимъ *десять* (?).

Digitized by Google

Вступленіе.

Предметъ этимологіи или словопроизведенія состоитъ, какъ показываетъ самое названіе, въ изслѣдованіи словъ т. е. въ объясненіи ихъ происхожденія и образованія, съ цѣлію полнѣйшаго опредѣленія и совершеннѣйшаго пониманія какъ языка, такъ и самаго нашего мышленія, необходимаго его условія.

При бѣгломъ взглядѣ на запасъ словъ нашего роднаго языка, легко замѣтимъ что въ немъ подлѣ такихъ, которыхъ происхожденіе и соотношеніе съ предметомъ для насъ очевидны, напр. krejčí a), kowář b), řeznik c), červenka p), bělice e), okaun f), roháč g), hrdlička h), zeměplaz i), kowkop k), náprstek l), prohlubeň m), příwal n), и т. д. находится великое множество иныхъ, въ которыхъ соотношеніе звука съ предметомъ а потому и *поводъ къ наименованію* совершенно темны, неизвѣстны, такъ что такія слова употребляются уже только какъ условные знаки для выраженія извѣстныхъ понятій; напр. zub, čmel, wčela, zlato, srdce, skála, kotew или kotwice, kopřiwa или kropiwa и т. д. Если посредствомъ филологическаго разбора докажемъ, что поводъ къ наименованію вышеозначенныхъ словъ дѣйствительно находится въ родственныхъ имъ zobati и zábsti (срв. нѣм. *beissende* Kälte, die Kälte *beisst* mich) sůměti, wučeti или bučeti, žlutý, střed (слв. срѣдъ), skelitise, откуда skulina (срв. лат. rumpes. и rumpere), kot или kočka (срв. однозначущее дрв. чешск. и слк. mačka «kotwice nebo mačka», венгер. Vas-macska, t. Zelesná kočka), u-krop (срв. лат. carbo и однознач. záhawka, urtica, *Bren*-nesel),—тогда достигнетъ какъ наше мышленіе, такъ и языкъ большей ясности и точности, а потому и познаніе наше будетъ совершеннѣе. А чтобы этимъ способомъ мы могли дойти

---

a) Портной, кор. *кро*-ить.
b) Кузнецъ, кор. *кое*-ать.
c) Мясницкій ножъ. кор. *рез* ать.
d) Красная чашечка у цвѣтка, Кор.-*черв*. Срв. *червон*-ная Русь, *Черм*-ное море.
e) Бѣлуга.
f) Окунь.
g) Рогачъ.
h) Горлица.
i) Пресмыкающіяся животныя; сост. изъ *зем*-ля, и *ползти*.
k) Рудокопъ, kow=руда.
l) Наперстокъ.
m) Глубина.
n) Буря, *вол*-неніе.

Digitized by Google

до ближайшаго повода къ наименованію, мы должны рѣшить новую задачу: откуда образовались слова zobati, šuméti, wučeti или bučeti, žlutý, střed, skeliti или škeřiti se, kot или kočka, ukrop? гдѣ у нихъ поводъ къ наименованію? Такимъ образомъ мы непремѣнно должны приступить къ новому разбору и доискиваться до болѣе глубокихъ основаній до тѣхъ поръ пока дойдемъ до самыхъ глубочайшихъ. Однако и то, что найдется при первомъ разборѣ слова и открытіи ближайшаго повода къ наименованію предмета, для усовершенствованія человѣческихъ познаній всегда важно, часто неоцѣнимо.

Возможность и необходимость этимологіи, какъ науки, опирается на началахъ, извлекаемыхъ отчасти изъ мысли, отчасти изъ опыта. Эти начала принуждаютъ насъ принять за истину, что все предлагаемое нашему познанію какъ внѣшнею природою, такъ и собственнымъ нашимъ духомъ, есть осуществленіе духа самодѣятельнаго и свободнаго, но дѣйствующаго по законамъ и правиламъ а не по слѣпому случаю,—духа постижимаго, если не въ самомъ себѣ и въ своей сущности, то по крайности въ своей дѣятельности (причемъ онъ только легко впадаетъ въ несостоятельность), постижимаго разуму человѣческому (который самъ есть духъ),—и воспринимаемаго его понятіями въ истинномъ объемѣ. Такъ какъ языкъ есть наивысшее, къ сущности духа наиближайшее осуществленіе мысли человѣческой, то не можетъ такое явленіе имѣть причину въ самомъ себѣ и оставаться чужимъ и непроницаемымъ до внѣшняго обнаруженія. Конечно, если бы съ другой стороны внимательно и строго мы разсмотрѣли то несовершенное состояніе, въ которомъ находится этимологія до настоящаго времени, несмотря на многостолѣтнія усилія тысячи ученыхъ изслѣдователей,—если бы вспомнили, какъ ложны, несостоятельны, даже нелѣпы ея результаты, то мы могли бы усумниться въ возможности ея, какъ науки, могли-бы поставить ее на ряду съ астрологіей, хиромантіей, кроніологіей, физіогномикой и т. д. въ число простыхъ грезъ и забавъ воображенія, а также загадочныхъ, не достойныхъ имени науки гаданій. Но судя такъ, мы судили бы необдуманно, несостоятельно и несправедливо. Несовершенство обще этимологіи съ самыми точными и наиболѣе обработанными науками, философіей, физикой, химіей, медициной и др., объемы которыхъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, даже тысячелѣтій не могли быть вполнѣ опредѣлены, и отъ времени до времени появляются еще новыя системы; но по этой причинѣ ни одинъ разумный цѣнитель не будетъ считать ихъ невозможными и ненужными, хорошо зная, что истинная сущность человѣческаго духа заключается

Digitized by Google

не въ вѣденіи того или въ вѣрѣ въ то, чему мы научились, но въ стремленіи къ пріобрѣтенію познаній, въ изысканіи и изслѣдованіи. Ничтожность этимологіи тогда только былабы доказана, когда бы совершенно убѣдились, что все постигнутое и вообще сдѣланное постижимымъ изслѣдованіями ученыхъ нисколько не важнѣе того, что знаетъ и можетъ знать объ языкѣ простой самородный умъ каждаго человѣка. Правда, что касательно послѣдняго результата и, такъ сказать, ядра предмета одно вѣденіе ничѣмъ не превышаетъ другое: но относительно формы различіе между ними велико, безконечно, а на этомъ здѣсь все и основывается. Еслиже мы видимъ въ этимологіи болѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, ошибокъ и заблужденій ученыхъ, то слѣдуетъ вспомнить, что, доходя до глубочайшихъ основъ языка, мы подходимъ къ предѣламъ безконечнымъ необъятнаго царства духа, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если наше слабое зрѣніе ища свѣта уже у самаго приступа къ нему теряетъ силы и тонетъ во мглѣ и мракѣ. Тутъ обыкновенно является на помощь разсудку воображеніе: судьба всѣхъ наукъ, не одной этимологіи. А потому, несмотря на неосновательность *въ цѣломъ*, этимологическая система можетъ быть поучительна *въ частностяхъ* и способствовать къ усовершенствованію человѣческихъ познаній, какъ цѣлаго усовершаемаго, но никогда вполнѣ не усовершимаго.

Задачу этимологіи составляетъ, какъ мы сказали выше, разъисканіе повода къ наименованію предмета или основанія, почему опредѣленныя понятія выражаются опредѣленными звуками человѣческой рѣчи, что достигается только изслѣдованіемъ родства словъ, разборомъ составныхъ ихъ частей. То и другое возможно, потому что всегда большая часть каждаго языка насквозь прозрачна и видима, такъ что происхожденіе и образованіе словъ, а тѣмъ самымъ и поводъ къ наименованію предмета, въ той части языка ясенъ здравому смыслу и не можетъ приводить въ сомнѣніе.

Изощренный наукою умъ опредѣляетъ и здѣсь, какъ и вездѣ, неизвѣстное помощію того, что извѣстно, указываетъ органическое соотношеніе словъ темнаго происхожденія и образованія со словами ясными и такимъ образомъ стремится къ открытію первичныхъ, простыхъ элементовъ, а также послѣднихъ основаній языка. Но такъ какъ языкъ, что было прежде показано, должно разсматривать, какъ наивысшее, наисовершеннѣйшее воплощеніе теоретическаго духа въ природу, мысли въ тѣло, понятія въ звукъ, то само собою разумѣется, что всякое словопроизводство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только вѣчнымъ

Digitized by Google

приравниваніемъ или лучше примѣриваніемъ идеи къ звуку и наоборотъ звука къ идеѣ, т. е. постоянными положеніями и противуположеніями или утвержденіями и отрицаніями, какъ необходимыми условіями нашего мышленія. Что не входитъ въ этотъ объемъ, то и не составляетъ предметъ языка и его науки. То, о чемъ мы здѣсь разсуждаемъ, есть первичный и настоящій синтезъ, который, какъ всему въ природѣ, такъ и языку не только даетъ форму, но и опредѣляетъ его сущность, и безъ него ничто не можетъ быть воспринято, что только находимъ мы въ природѣ для воспріятія, хотя самъ онъ остается непостижимъ для человѣческаго разума.

Есть три ученыя системы,—скажу объ этомъ коротко,—касательно образованія основы или организма человѣческаго языка. По первой, языкъ есть прирожденное, механическое отправленіе человѣческаго организма, точно такое же какъ и дыханіе и т. п., и образовался самостоятельно посредствомъ соединенія членосоставныхъ звуковъ въ большія или меньшія цѣлыя въ слѣдствіе простаго подражанія природѣ т. е. уподобленіемъ звуковъ мертвой и живой природы: это-*атомизмъ* (atomismus), по которому языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ природѣ, а разумъ человѣческій языку. Подобная ему философская система называется *матеріализмомъ* (materialismus) (1).

По другой системѣ языкъ есть истеченіе (emanatio) духа, распространяющагося извнутри наружу и переходящаго въ своемъ образованіи отъ цѣлаго къ частямъ, такъ напр. отдѣльныя слова образуются не внѣшнимъ соединеніемъ звуковъ, но какъ цвѣтокъ и растеніе внутреннимъ развитіемъ или побѣгомъ однихъ изъ другихъ, напр. производныхъ словъ изъ коренныхъ: это-*динамизмъ* (dynamismus), по которому языкъ, а слѣдовательно и весь міръ, созданный языкомъ или мыслимый въ немъ, родился изъ идеи. Соотвѣтствующая философская система называется *идеализмомъ* (idealismus). По третьей системѣ, ни духъ произошелъ изъ языка и ни языкъ изъ духа человѣческаго, но человѣкъ при первомъ своемъ сознаніи открылъ себѣ и слово, органически соединенное съ его духомъ, т. е. образованіе языка синтетическое, положеніе, которое можно себѣ уяснить, но для окончательнаго разрѣшенія котораго необходимыя данныя премудро отказаны провидѣніемъ.

По этой третьей системѣ языкъ человѣческій во всѣхъ своихъ частяхъ и явленіяхъ, начиная отъ наипростѣйшаго общепонятнаго звука до наивысшаго искусносоставленнаго предложенія, есть безпрерывный и безконечный *синтезъ* въ полномъ смыслѣ этого слова т. е. такой, который при каждомъ новомъ во-

Digitized by Google

площеніи мысли въ звукъ, при каждомъ генетическомъ соединеніи матеріи съ формой, при каждомъ органическомъ сращеніи и совокупленіи элемента съ элементомъ, слога со слогомъ, слова со словомъ, нѣчто такое образуетъ, чего не было въ отдѣльновзятыхъ частяхъ и что опять уничтожается по разложеніи формы или разборѣ цѣлаго; напр. *nadoba* изъ *na* и *doba*, *obraz* изъ *ob* и *raz* и т. д.

Что эта третія система одна только истинна и достойна человѣка, было всегда моимъ полнымъ убѣжденіемъ; но я не отвергаю и относительнаго значенія остальныхъ двухъ системъ, въ той степени, какъ духъ человѣческій, иначе не поступающій въ своемъ мышленіи, какъ путемъ утвержденія и отрицанія, пользуется ими, какъ условіями и ступенями къ достиженію чего-то высшаго.

Для объясненія этого необходимо прибавить слѣдующее: каждый языкъ, взятый въ объективномъ смыслѣ, какъ содержаніе всего, что только образовалось отъ воплощенія мыслящаго духа въ форму звука, естественнѣе всего разсматривать, какъ нѣкоторый складъ понятій и словъ разныхъ порядковъ, изъ которыхъ самый низшій, состоящій изъ чувственныхъ словъ и звукоподражаній, основывается на необходимости природы, самый высшій, изъ частныхъ, каждый день творимыхъ и прилагаемыхъ къ предметамъ и лицамъ именъ, теряется въ эоирѣ свободы, а между этими двумя порядками находятся остальные со своими переносами понятій и словъ отъ внѣшнихъ образовъ къ мыслямъ, отъ мыслей къ идеямъ.

Любознательный разумъ человѣка, стремясь къ разрѣшенію вопросовъ своей жизни, ищетъ такихъ точекъ отправленія, откуда бы онъ могъ видѣть чисто, свѣтло и ясно всѣ тайны природы, а слѣдов. и тайны своего языка. Онъ избираетъ прежде всего низшую точку отправленія: тутъ ему представляется языкъ органическимъ необходимымъ произведеніемъ природы. Не успоковшись этимъ, онъ переходитъ на высшую ступень: тутъ ему представляется языкъ чистымъ оттискомъ и отголоскомъ жизненнаго духа. Но и здѣсь онъ не находитъ полнаго удовлетворенія. Тогда обогащенный необходимою опытностію, онъ возвращается на первую точку зрѣнія, изъ которой вышелъ.

Намѣреваясь представить этимологическій разборъ числительнаго имени, чтобы этимъ изслѣдованіемъ, если оно удастся, доказать не только возможность но и пользу этимологіи, какъ науки, я призналъ нужнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о началахъ, которыми буду руководствоваться въ предпринятомъ трудѣ и о предѣлахъ, въ которыхъ я намѣренъ удержаться, чтобы избѣгнуть тѣмъ всѣхъ возможныхъ недоразумѣ-

Digitized by Google

ній и нарѣканій. И такъ скажу какъ можно короче объ этихъ началахъ и положеніяхъ.

1) Образованіе (genesis) языка есть *синтетизмъ* (synthetismus) т. е. такое соединеніе простыхъ элементовъ или членораздѣльныхъ звуковъ, въ которомъ при каждомъ совокупленіи составныхъ частей въ новообразовавшемся цѣломъ касательно понятія ничего такого не прибавляется, чегобы не было въ отдѣльныхъ частяхъ.

2) Словообразованію противополагается *разборъ* (analysis), посредствомъ котораго обнаруживается совокупленіе составныхъ частей, но при разрушеніи формы теряется сущность слова т. е. смыслъ, заключающійся въ синтезѣ.

3) Каждый элементъ слова, каждый членораздѣльный звукъ прежде, нежели онъ синтетически совокупился съ другимъ, былъ самостоятеленъ и выражалъ извѣстное понятіе, ибо выраженіе понятій есть существенное свойство человѣческой рѣчи; безъ этого звукъ человѣческій стоитъ наравнѣ съ звукамъ звѣринымъ.

4) При совершенномъ или синтетическомъ соединеніи составныя части слова теряютъ свою самостоятельность такъ, что ни одна изъ нихъ сама по себѣ не имѣетъ значенія, всѣ же вмѣстѣ *они выражаютъ одно понятіе* (sauznamenaji, consignificant, συσσημαίνουσι), но при этомъ одни изъ нихъ болѣе, а другія менѣе важны, одни сильнѣе, другія слабѣе, одни называются частицами (prwky) и корнями, другія образовательными и флективными слогами или приставками (suffixa).

5) Рядомъ съ синтетическимъ образованіемъ новыхъ словъ изъ простыхъ элементовъ находится въ каждомъ языкѣ тропическій или *образный* способъ, который готовыя слова употребляетъ въ разныхъ смыслахъ, перенося ихъ отъ предмета къ предмету, отъ чувства слуха къ чувствамъ зрѣнія, осязанія, обонянія и вкуса, отъ предметовъ вещественныхъ и чувственныхъ къ отвлеченнымъ и сверхчувственнымъ, отъ понятій къ идеямъ. При этой многозначительности слова часто затемняется первичное, собственное значеніе, даже теряется совершенно; напр., bůh, um, wtip, mysl и т. д. Здѣсь задачу словоизслѣдователя составляетъ изъисканіе первичнаго, собственнаго смысла, а для этого онъ долженъ пробираться по всѣмъ вышеозначеннымъ порядкамъ языка, начиная отъ самыхъ высшихъ, гдѣ ясно образованіе и употребленіе словъ, до самыхъ нисшихъ, гдѣ онъ посредствомъ догадокъ долженъ проникать со своими простыми элементами до необходимаго въ природѣ. Теперь по обнаженія первичнаго, собственнаго значенія слова можно приступить къ

Digitized by Google

разбору составныхъ его частей, если только оно дѣйствительно есть синтетически образованное высшее цѣлое, а не простой, единичный, недѣлимый элементъ.

Между всѣми классами или категоріями словъ, на которыя дѣлится человѣческая рѣчь, едвали какая другая представляетъ для филолога столько трудности въ этимологическомъ отношеніи какъ та, которую мы называемъ *именемъ числительнымъ* (početním nebo číselním slowem, a šetříce krátkosti čísloslowem). Эти слова какъ въ нашемъ славянскомъ, такъ и въ родственныхъ индоевропейскихъ языкахъ, носятъ на себѣ подобіе одиночкихъ корней безъ видимой связи съ другими: доказательство ихъ старобытности. Кажется, что во всѣхъ языкахъ или генетическое соединеніе ихъ составныхъ частей, или первичное и собственное ихъ значеніе, смотря потому тѣмъ или другимъ способомъ они образованы, синтезомъ или метафорою, очень часто затемняются, отчего и поводъ къ ихъ наименованію приходитъ въ забвеніе. Трудность разбора числительнаго имени еще болѣе увеличилась оттого, что александрійская система категорій словъ, обработанная Аристархомъ, Діонисіемъ и Аполлоніемъ, новѣйшими учеными подрыта и ниспровергнута, а на мѣсто ея еще не поставленна новая, стольже твердая и прочная. Тутъ начались и о категоріи числительнаго имена нескончаемые споры: иные стали причислять его къ имени существительному, иные къ прилагательному, иные къ мѣстоименію, иные отдѣлили отъ всѣхъ ихъ и поставили особенно; иные считали его главною частію рѣчи, другіе служебною; иные подводили его подъ категорію реальную, другіи идеальную. Знаменитый берлинскій мыслитель и изслѣдователь Dr. Штернъ, которому мы обязаны большою благодарностію за двѣ прекрасныя книги о философіи языка, объяснивъ много темнаго въ языкѣ, впалъ въ заблужденіе относительно одного числительнаго имени, утверждая, что оно не слово, а неорганническій побѣгъ или лучшее вымыселъ языка, что однозначительно съ выраженіями Аполлонія и Аристарха «flatus vocis «или» flatus aeris». 2) Удивительно, что числительныя, которыя новѣйшіе нѣмецкіе писатели (и сами аугсбургскія всеобщія вѣдомости) пишутъ и печатаютъ безъ отстановки напр. *dreimillionenneunzigtausend siebenhundertfünfzig*, не составляютъ слова по выраженію спекулятивнаго доктора Штерна, тогда какъ мы эмпирики Славяне считаемъ наше *а* или *и* полнымъ, совершеннымъ словомъ! Мы не только не сомнѣваемся въ мѣстѣ, которое занимаютъ числительныя имена въ категоріи словъ, но и утверждаемъ какъ истину, что числительныя принадлежатъ къ отдѣлу главныхъ категорій словъ, наравнѣ съ существитель-

Digitized by Google

нымъ и прилагательнымъ именемъ и глаголомъ, безъ которыхъ языкъ и мышленіе невозможны: такъ какъ мышленіе есть опредѣленіе опредѣлимаго, то безъ трехъ простыхъ опредѣленій и категоріи—количества, качества и пространства—оно не возможно. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что понятія низшихъ чиселъ наравнѣ съ прочими найнизшими понятіями развиваются въ дитяти и вступаютъ въ организмъ мыслей. Итакъ съ этой стороны, касательно категоріи числительнаго имени, ничто болѣе не будетъ препятствовать нашему разбору, если только мы не наткнемся на иныя препятствія.

Такъ какъ основа числительнаго имени въ индоевропейскихъ языкахъ, какъ мы показали, столь стародавна, темна и непроницаема даже для привычнаго взгляда, то возникаетъ вопросъ, какимъ путямъ слѣдовали филологи, пытавшіеся разобрать числительное имя, и что указало имъ эти пути? Отвѣчаемъ: сравненіе высшаго порядка человѣческихъ языковъ и перенесеніе законовъ отъ языковъ, такъ сказать, *явнотканной* организаціи (jawnotkaného austrojí) на языки *скрытнотканной* организаціи (krytotkaného austrojí).

При этомъ замѣчается слѣдующее: 1) Во многихъ языкахъ, особенно народовъ дикихъ, а именно африканскихъ и американскихъ, образованіе числительнаго имени достаточно извѣстно и очевидно; напр. въ языкѣ Фотъ: fok (1), be (2), la (3), nü (4), tan (5), ta-fok (6), ta-be (7), ta-la (8), ta-nü (9), utak (10); въ языкѣ Фулахъ: goh, diddi, tatti, ni, jowi, joa-go, joa-diddi, joa-tatti joa-ni, sappo; въ языкѣ Вей: dóndo, filla, sakwa, nani, sólu, sundondo, sun-filla, sun-sakwa, sun-nani, tan и т. д., гдѣ видно, что числит. отъ *шести* до *девяти* образованы посредствомъ сложенія *пяти* съ основными единицами. 2) Другіе народы, стоящіе еще на низшей степени, Гренландцы, бразилійскіе Индѣйцы, Абипонцы, Тарахумарцы, Кооссане и т. д. считаютъ отъ *одного* до *десяти* или *двадцати* на пальцахъ, сначала лѣвой руки, потомъ правой, на конецъ ногъ, показывая каждый разъ столько пальцевъ, сколько нужно для выраженія даннаго числа, для *пяти* одну руку, для *десяти* обѣ руки или руку и ногу и т. д. Бразилійцы для выраженія числа *пять* показываютъ руку, говоря: *ojeré xé pó одна моя рука* или пять пальцевъ, для *десяти* обѣ руки, со словами: *xé pó* т. е. *мои руки*, для *двадцати* руки и ноги, при чемъ прибавляютъ: *xé pó xé py* т. е. *мои руки мои ноги*. Гренландцы вмѣсто *двадцать* говорятъ *человѣкъ*, а вмѣсто *стопять человѣкъ*. И то и другое т. е. подъятіе нижнихъ числительныхъ именъ на высшія мѣста и движеніе, при счетѣ по пальцамъ, рукою и ногою, какъ основаніе числительной системы,

Digitized by Google

привело естественно къ той мысли, что какъ высшія числа образуются посредствомъ сложенія низшихъ чиселъ, такъ и высшія числительныя имена составляются посредствомъ синтетическаго соединенія низшихъ числительныхъ именъ, и что какъ *человѣкъ* въ иномъ смыслѣ и на иныхъ мѣстахъ составляетъ «*мѣру тѣла*» [срв. палецъ, пядь, ступень (stŕewic), футъ, локоть. сажень (sah)], такъ особенно *рука* его, которая служитъ основаніемъ числительной системы почти во всѣхъ языкахъ.

3) При сравненіи египетской системы численныхъ письменныхъ знаковъ съ числительными словами въ рѣчи замѣчено, что эти послѣднія въ своемъ образованіи представляютъ много аналогіи съ чисельными знаками, т. е. іероглифическіе знаки такъ устроены, что отъ *одного до девяти* отдѣльныя черточки ставятся одна подлѣ другой, однако съ видимыми отдѣленіями въ высшихъ порядкахъ: 1+3=4, 2+3=5, 3+3=6, 3+4=7, 4+4=8, 4+5=9 (т. е. одна черточка и три черточки озн. четыре и т. д.), и это соединеніе открыто болѣе глубокимъ вникнутіемъ въ складъ языка и въ именахъ числительныхъ, напр. коптское *psit*=9 сокращено изъ *psitiv*, сложеннаго изъ *psi*=4 и *tiv*=5.

4) При нѣкоторыхъ, особенно высшихъ числительныхъ, наглядно видно, что слова перенесены отъ означенія предметовъ вещественныхъ, цѣлыхъ или раздѣленныхъ на извѣстныя части, къ означенію опредѣленныхъ чиселъ, и притомъ такъ чтоимена членовъ человѣческаго тѣла измѣняющейся величины (напр. palec, pid, loket, палецъ, пядь, локоть и т. д.) перенесены къ означенію опредѣленнаго количества. Такъ напр. въ Китайскомъ языкѣ словдо *ni* означ. *ухо* и *два*, *bel ухо* и *bel два*, *liu соль* (шестигранно-кристализующуюся) и *liu шесть* (также *олень*, потому что у него 4 ноги и два рога), *kieй луковица* (которая, будучи поперегъ разрѣзана, представляетъ шесть круговыхъ кожичекъ и три срединныхъ) и *девять*; въ малайскомъ языкѣ *lima рука* и *пять*, въ мексиканскомъ *ma-рука* и соединеніе пятковъ т. е. *десять*, *двадцать*, въ турецкомъ *el рука* и *пять* въ словѣ *el-li* (пять десять), въ татарскомъ *timen* мгла и *timan десять тысячъ* и т. д.

5) Наконецъ въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ ученые филологи посредствомъ тщательныхъ изслѣдованій надъ главнѣйшими языками индоевропейскаго племени доказали, что все ихъ словарное богатство можетъ быть выведено изъ двухъ-трехъ элементовъ: изъ *частицъ* (prwkŭw), изъ которыхъ образовались мѣстоименія, предлоги и нарѣчія, и изъ *корней*, изъ которыхъ произошли глаголъ и имена существительныя и прилагательныя. Примѣриваніе числительнаго имени къ этимъ эле-

Digitized by Google

ментамъ показываетъ, что одни изъ нихъ, именно низшія, представляютъ нѣкоторое сходство съ мѣстоименными частицами, другія же напротивъ, и именно высшія, съ именными и глагольными корнями.

Такими и подобными замѣчаніями облегчился приступъ къ изслѣдованію темнаго образованія числительнаго имени въ языкахъ индоевропейскаго племени, и не замѣшкали ученые филологи, особенно нѣмецкіе, мужественно проникнуть чрезъ новорастворенную дверь до найсокровеннѣйшихъ тайниковъ языка, такъ долго бывшихъ для нихъ недоступными. Но не время и не мѣсто теперь не только распространяться о различныхъ опытахъ разбора числительнаго имени *), но даже и въ не многихъ словахъ повторить то, что намъ кажется правдоподобнымъ въ ихъ изслѣдованіяхъ: только одно еще здѣсь припомнимъ.

Всѣ способы счисленія основываются на употребленіи *руки*, такъ что обыкновенно число пальцевъ на обѣихъ рукахъ т. е. *десять* принимается за основную единицу счисленія, рѣже мѣнѣе т. е. счетъ пальцевъ одной руки или *пять*, а еще рѣже счетъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ т. е. *двадцать*;—оттого три различныя системы счисленія: пятиричная, десятиричная и двадцатиричная, въ которыхъ дальнѣйшій счетъ производится посредствомъ соединенія пятковъ, десятковъ или двухъ десятковъ и приложенія къ нимъ единицъ.

Но уже и самыя единицы, исключая первыхъ изъ нихъ, составляютъ весьма часто плодъ или слѣдствіе вычисленія (обыкновеннѣе всего сложенія, часто умноженія); выраженнаго въ языкѣ соотвѣтствующимъ синтетическимъ соединеніемъ корней словъ,—рѣже метафоризма, который образно выражаетъ числа уже готовыми и совершенными словами;—но это еще яснѣе можетъ быть узнано изъ предлагаемаго разбора.

Разборъ имени числительнаго.

1. *Одинъ.*

а) Слв. *инъ* сохранилось только въ производномъ *инокъ* (solivagus, monachus) и въ сложныхъ *инорогъ* (unicornis), *инодушно* (unanimiter), также въ нарѣчіи *выни* т. е. *въ инъ* (semper, in *einem* fort), въ русскомъ *иноходь* (gradus tolutarii, Zelt) и *иноходецъ* (gradarius, tolutarius, Zelter, чеш. однознач. mimochod). Корень *ен* сохранился въ *еден* и чеш. *jen*, *jenom* (solum, *unice*), литв. *wiênas*, лат. *wênus*. скр. *ûna* въ ûna-vinsati (un-de-viginti, 19). Въ прочихъ случаяхъ *êka*, зенд. *aêvô*, греч. εἷς изъ ἑνς, въ др. грч. ἓν. лат. *unus*, др. лат. *oinos*. гот. *ains*. в. сѣв. ein, слв. *единъ*, чеш. *jeden*. скр. *âdi* (primus).

Digitized by Google

Первая древнѣйшая форма ближе всего подходитъ къ мѣстоименіямъ *инъ* (alius) и *онъ* (ille), которыя равняются скр. *anja* (alius) и не вполнѣ сохранившемуся *éna*, вин. *énam* (hunc). Корень слова есть звукъ *н*, въ смыслѣ указательномъ на предметъ присутствующій и видимый, отдѣленный въ пространствѣ, имъ занимаемомъ, отъ прочихъ мысленныхъ предметовъ. Въ языкахъ индоевропейскихъ звукъ этотъ, употребляясь для образованія мѣстоименія перваго лица, сохранился только въ двойственномъ и множественномъ числѣ, слав. *на* или *ны*, *наю*, *нама*, *насъ*, *намъ нами*, и въ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа *мене*, *мнѣ*, *мною* здѣсь сверхъ того только какъ приставка), но въ другихъ языкахъ, а именно финскихъ, находимъ его на первомъ мѣстѣ т. е. въ имен. п. ед. ч., въ венгер. *én* (ego).

Впрочемъ за основаніе своего дальнѣйшаго разбора и изслѣдованія мы принимаемъ, что въ ту незапамятную доисторическую эпоху, въ которую образовались нынѣшнія наши числительныя имена, и въ томъ языкѣ, изъ котораго произошли индоевропейскія языки, звукъ *н*, полнѣе *на* или *ан*, употреблялся для мѣстоименія перваго лица и по родству понятій былъ перенесенъ къ означенію перваго числа.

Наше *инъ* можно сравнить съ Латин. *unus*, дрв. *oinos* и т. д., несмотря на различіе гласныхъ *и* и *у*, потому что слав. *и* соотвѣтствуетъ Лат. *у*, *ю*; напр. иго—jugum, да и въ самомъ слав. яз. переходъ *у* въ *и* и на оборотъ *и* въ *у* (имати-умъ) считается правильнымъ.

Вторая новѣйшая форма т. е. слав. *к-динъ* чеш. *jeden* ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена, кромѣ скр. *ádi* (primus).

Я полагаю, что слово это сложно изъ *к-дм-нъ*, такъ что въ первой части скрывается указательная частица *к*, которая ясно выказывается въ первообразномъ словѣ *к-зъ*, *я* (ego) и въ производномъ *и-же*, *я-же*, *к-же* (срв. нѣм. *je* въ jeder, jemand, jemals и т. д.), а во второй указательная же частица *du* однозначъ съ Греч. δείς. въ смыслѣ τίς, по Мельгорну, въ οὐδείς (nemo), δεν въ выраженіи οὐδὲν ἐκ δενός γένοιτο, ὁ δεῖνα, сиракуз. ὁ δεῖν (чеш. *onsah*, *onseh*, слав. *онсица*, венгер. *ixé*), хотя нѣкоторые отрицаютъ это, разлагая первое въ οὐδέ εἷς, а второе въ οὐδε ἷνα.

Впрочемъ *к-динъ*, *jeden* не можетъ быть непосредственно сравниваемо съ нѣм. *jeder*, потому что это противно аналогіи, по которой слав. *д* обращается въ нѣм. въ т (t) и на оборотъ нѣм. *t* въ слав. *д*, такъ что нѣм. *der* родственно съ чеш. *ten*.

Что *к-динъ*, *jeden* образованы отъ *мѣстоименнаго* корня, а не отъ именнаго или глагольнаго, доказывается его чисто мѣстоименнымъ склоненіемъ: *к-диного*, *jednoho*, какъ *того*, *онаго*, *toho*,

Digitized by Google

onoho и т. д. (О различіи существительнаго и мѣстоименнаго склоненія см. Počatky Staročes. mluwnice въ Wyboru z lit. české D. I str. 28, 76, § 28, 71).

2. *Два.*

a. Слв. *дъва*, ж, *дъвѣ*, чеш. *dwa*, *dwe*. — литв. *du*, *dwe*, лат. *duo*. — скр. *dvau*, *dvé*, зенд. *dva*.—греч. δύω, δύο. — лат. *duo*.— гот. *tvâi*.

b. Слв. *оба* см. ниже.

Это числительное имя видимо родственно къ мѣстоименіемъ втораго лица, слв. и чеш. *ты*, литв. *tù*, скр. *tva*, зенд. *tû*, греч. σύ (др. греч. τούν), лат. *tu*, гот. *thu*. Это родство еще очевиднѣе въ скр. *tvas* (alius, secundus), произвед. отъ *tva* (tu), какъ лат. *tuus* отъ *tu* (въ такомъ же отношеніи стоитъ греч. μία, una, къ лат. *mea*, греч. μόνος, unus, solus, къ гот. *méins*, нѣм. *mein*): во всѣхъ прочихъ случаяхъ первоначальное острое *t* перешло въ тупое д.

Числительное *дъва*, какъ оно написано въ Остром. Ев., или *dwi*, какъ оно переиначено въ литв. яз., сложено изъ двухъ элементовъ: *дъ* и *ва*. Изъ нихъ первый, по своей матеріи, равняется, какъ было выше сказано, мѣстоименію втораго лица *ты*; другой же является въ двойств. ч. мѣст. какъ перваго, такъ и втораго лица, *ва*, жен *вѣ*, равно какъ и въ 1 *л.* глагола: *да-ва*, *дахо-ва*.

Мѣстоименіе *ты*, какъ по своей матеріи, такъ и по понятію, имъ выражаемому, родственно съ указательною частицею слав. и дрв. чеш. *тъ*, *ten* (ille); а мѣстоименіе *ва* опирается на указат. частицу слв. и дрв. чеш. *овъ* (hic). По этому числит. *тъва*, позже *дъва*, образовалось посредствомъ соединенія (synthesis) двухъ элементовъ *ты* и *овъ* или *ва*, такъ что главный смыслъ заключается въ первомъ, а второй служитъ только къ означенію формы т. е. показываетъ отношеніе втораго лица (ты) къ первому (ва), что совершенно правильно.

Этотъ разборъ основывается на двусложности слова *дъва*, литв. *dwi*; но еслибы было справедливѣе разсматривать *е*, какъ измѣненіе гласной *у*, причиненное окончаніемъ *а*, которое иногда, а именно въ существительныхъ именахъ, уже само по себѣ означаетъ двойственность, напр. слв. человѣка, бока и т. п., тотда бы нужно было принять за истину, что въ словѣ *два* совершено соединеніе перваго и втораго лица только по понятію, а не по звуку, т. е. что два не означаетъ *одинъ и одинъ*, но только единицу, которая также непосредственно слѣдуетъ за первою и къ ней относится, какъ *ты* за *я*.

Что каждый изъ элементовъ, *ты* или *тъ* и *ва* или *овъ*, самъ по-

Digitized by Google

себѣ выражаетъ понятіе двойственности, видно въ глагольныхъ формахъ: да-*ва*, да-*та*, гдѣ какъ *ва*, такъ и *та* выражаетъ понятіе двойственности или два, съ тѣмъ только различіемъ, что *ва* относится къ первому, *та* ко второму и третьему лицу.

Но я не могу доказать, что это *ва* сокращено изъ *два*, какъ вторый, wtéry изъ двъторый, dwtéry (срв. греч. δεύτερος) и скр. vinsati изъ dvinsati (20), лат. viginti изъ dviginti, греч. εἴκατι, атт. εἴκοσι изъ δϝείκατι и т. д.

Мѣстоименное происхожденіе числительнаго *два* объясняется тѣмъ, что оно склоняется по мѣстоименному склоненію; впрочемъ напр. род. и мѣст. мн. *двою*=*жену* и т. д.

3. *Три.*

Слв. три, чеш. tri. литв. trys, лат. tris. скр. tri, traja, жен. tisar, зенд. thri, thrâjô. греч. τρεῖς, τρία.—лат. tres. гот. thri.

Каждому съ перваго взгляда представляется очевиднымъ родство этого числительнаго съ окончаніемъ сравнительной степени въ языкахъ индоевропейскихъ, скр. зенд. *tara* (напр. *punjatara* отъ punja, чистый), греч. τερος (напр. σοφώ-τερος отъ σοφός мудрый), лат. *terus*, сокращ. *ter*, которое находится только въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ, напр. *uter*, *neuter*, *alter*, *ceterus*, *exterus*, гот. *thara*, *thar* на тѣхъ же мѣстахъ, напр. *hvathar* (кто изъ двухъ, uter), слв *торъ* и *теръ* только въ мѣстоименіяхъ, напр. *ѥтеръ* (quidam), *которъ*, *къторъ*, *který* (quis) и въ порядочномъ *вторый*, *wterý* вм. *двътерый* (seundus).

Если мы сравнимъ это окончаніе сравнительной степени *tara* съ окончаніемъ превосходной скр. и зенд. *tama* (напр. *punja-tama*), лат. timus (напр. *in-timus*, *ex-timus*), греч. τατος (напр. σοφώτατος), убѣдимся, что то и другое сложено синтетически; потому что слогъ *ta* во всѣхъ трехъ формахъ одинъ и тотъ же, только въ τατος онъ соединенъ самъ съ собою, въ *tama* съ *ma*, въ *tara* съ *ra*, и на этомъ различіи синтеза или соединенія основывается различіе между *tara* и *tama*.

Что касается до слога *ta*, то мы принимаемъ за истину, что онъ и здѣсь, какъ въ числит. *два*, гот. *dvai*, одного происхожденія съ указательною частицею *тъ*, изъ которой образовалось мѣстоименіе втораго лица *ты*. Первое и основное противуположеніе въ языкѣ есть отдѣленіе *я* отъ *нея* или *я* и *ты*, второе отдѣленіе 2-го лица, съ которымъ говорятъ, отъ 3-го, о которомъ говорятъ, и это отдѣленіе есть подраздѣленіе, подчиненное первому. Что различеніе втораго лица отъ третьяго есть подраздѣленіе или что второе лицо раздѣлилось на два, второе и третіе, доказательствомъ тому служитъ между прочимъ и то, что въ

Digitized by Google

древнѣйшихъ индоевропейскихъ языкахъ, санскритскомъ, зендскомъ, греческомъ и славянскомъ, второе и третее лицо въ двойств. числѣ обозначаются одною и тоюже приставкою т. е. *тъ;* скр. въ наст. вр. *thas, tas*, въ прошед. *tam, tám;* греч. въ наст. τον, τον, въ прош. τον, την, слв. *та. бнета, ходита, несета.* Такъ и повелит. накл. въ лат. спряж. имѣетъ во 2 и 3 лицѣ *t: amato monelo, jungito, capito.* Такъ какъ въ отличеніи 2 лица отъ 3 вся сила падаетъ на 2 лицо, какъ на единицу, вычтенную изъ остальной суммы, то естественно послѣдовало заостреніе, а слѣдов. и измѣненіе звука. Оттого въ нѣкоторыхъ языкахъ корень мѣстоименія 2 лица замѣтно переиначался въ выговорѣ, тогда какъ въ третьемъ лицѣ остался въ первоначальной своей чистотѣ и безъ всякой перемѣны; напр. греч. συ (tu) и τον (is-tum). Тоже самое замѣчаемъ и въ числительномъ именп: во второмъ числѣ *t* перешло въ *d* (исключая готскаго языка), въ третьемъ осталось безъ перемѣны: *два* (2), *три* (3). Чтоже касается до втораго элемента т. е. *ra*, то въ ближайшихъ и наиболѣе извѣстныхъ намъ языкахъ индоевропейскаго племени въ отдѣльномъ и самостоятельномъ видѣ его не находимъ, но въ болѣе отдаленныхъ и менѣе извѣстныхъ языкахъ, именно въ георгіанскомъ или грузинскомъ (а слѣд. и въ другихъ кавказскихъ, ему родственныхъ, языкахъ) сохранился онъ вполнѣ не только въ коренной формѣ въ вопросительномъ *ra* (quid?), но и въ производныхъ *a-ra* (non), *ra-tha* (ut, dass), *ra-me* (aliquid), *ro-med* (qui), *wi-tha-ri* (quis?), *wi-tha-r* (quomodo?), чѣмъ достаточно доказывается самостоятельность и первоначальное указательное значеніе этого элемента въ индоевропейскихъ языкахъ, потому что относительныя и вопросительныя мѣстоименія, какъ извѣстно, образуются изъ указательныхъ. Творецъ сравнительной грамматики считаетъ грузинское *ra* за измѣненіе грузин. *wi* (quis?) или скр. *ja*, что по моему убѣжденію совершенно неосновательно и безполезно.

Наше *три* по своей формѣ есть множественное число сущ. жен. рода (какъ *кости* и т. д.), съ чѣмъ случайно согласенъ грузинскій языкъ, который въ единственномъ числѣ имѣетъ мягкое окончаніе *i* въ словѣ *withari* (qui?). Итакъ если въ числительныхъ *два* и *три* основной элементъ одинъ и тотъ же т. е. *тъ мы* (tu), то и синтезъ, какъ въ понятіи, такъ и въ звукахъ не различенъ. Въ словѣ *два* движеніе назадъ къ первому лицу выражается реально, но не обозначается звукомъ, развѣ если бы мы захотѣли принять *w* за указатель этого отношенія, что, какъ было сказано, не совсѣмъ неумѣстно; въ словѣ *три* есть шагъ къ чему-то, лежащему за *тъ, мы*, выражаннпому указательною чатицею *r, ra*, и движеніе впередъ къ первому лицу, вовсе не

Digitized by Google

обозначенное, а только предположенное еще въ мысли, движеніе вполнѣ заключающееся въ синтезѣ числа *dva*.

Что нѣкоторые какъ числительное *три*, такъ и окончаніе сравнительной степени *tara* производятъ отъ скр. корня *tr* (transgredi), откуда лат. *trans*, *terminus* и т. п., достаточно будетъ упомянуть вскользь; выводъ этотъ не находитъ подтвержденія въ нашемъ языкѣ, въ которомъ напротивъ зубнымъ скр. *tr* и лат. *trans* соотвѣтствуютъ гортанные *kr* въ *kročiti*, *kroz*, *skrz* и т. д.

За тѣми предѣлами, которыхъ не смѣетъ перейти историческое языкознаніе, въ ту эпоху, когда глагольные корни и мѣстоименныя частицы составляли одно недѣлимое, могло и *tara* находится въ нѣкоторомъ соотношеніи съ *tr*: но этого мы не хотимъ здѣсь ни подтверждать, ни отрицать.

Нѣкоторые полагаютъ, что окончаніе сравнительной степени tara служитъ къ означенію двойственности, напр. въ скр. *antaras* (alter) изъ *anjas* (alius), гот. *anthar*, греч. ἕτερος вм. ἔντερος, лат. *ceterus*. Но *antaras*, ἕτερος имѣло первоначально иное значеніе, по моему мнѣнію, и теперь только перенесено къ понятію *другой* (secundus).

4) *Четыре*.

Слв. четыри, чеш. čtyři, литв. keturi, лат. četri. скр. čatur, čatvâr, ж. čatasar; зенд. čatvâr. греч. τέτταρες эол. πίσυρες лат. quatuor. гот. fidvôr.

Въ нашемъ славянскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ, очевидно происходящихъ отъ одного корня съ числительнымъ *четыре*, такъ что органическій составъ этого слова, очень уже затемненный въ другихъ родственныхъ языкахъ, у насъ еще вполнѣ извѣстенъ. Такія слова суть: рус. *четъ* (par), пол. *cetno* (par) въ выраженіи *cetno licho* (въ игрѣ, чеш. *lich suda*, рус. *четъ или нечетъ*, срб. *lijo ili tako*, par impar, Grade oder Ungrade), слв. *чета* (agmen, cohors), *четати* въ *со-четати* (conjungere). Поэтому мы полагаемъ, что основной смыслъ, заключающійся въ словѣ *четъ* или *чета* есть соединеніе, совокупленіе, сопряженіе двухъ предметовъ въ одинъ (срв. лат. *jugum* отъ *jungere*) Союзъ *ча* въ чеш. *četworo*, *čtwero*, въ скр. и зенд. *čatvâr*, лат. *quatuor*, гот. *fidvôr* очевидно скрытый, въ *четыре*, *keturi* и τέτταρες уже затемненный и въ скр. жен. *čatasrî* вытѣсненный вставкою жен. *tisras* отъ *tri*, есть безспорно таже самая указательная частица *са*, *съ*, которая обыкновенно употребляется въ нашихъ языкахъ, какъ знакъ двойственности. Итакъ *четва* значитъ двѣ пары, двѣ-четы (duo juga). Наконецъ окончаніе *ри* есть дальнѣйшее измѣненіе указа-

Digitized by Google

тельной частицы *ра*, какъ мѣра склоненія этого такъ сложнаго и въ недѣлимое синтетическое цѣлое слившагося корня.

Нашему *четь*, *чета* въ смыслѣ *par* и *jugum*, вполнѣ соотвѣтствуетъ венг. *két*, *kettö* (duo) и *kötni* (ligare), *kötet* (ligamen), также Нѣм. *Kette* (catena) и *Kitt* (lithocola, caementum), *kitten* въ zusammenkitten (vincere lithocola), съ правильной обмѣной гортаннаго *к* и шипящаго *ч*.

Но такъ какъ слова *четь* и *четати* сами образованы уже изъ синтетическаго соединенія звуковъ *ч* или *k* и *t* (по аналогіи съ чук—чутити, рюк—рютити, трук—трутити, щак сѧ—шатати сѧ, кук—кутити и т. д.), то должно въ разборѣ идти ступенью выше къ элементамъ недѣлимымъ. Первый изъ нихъ находимъ въ скр. *či* (legere, colligere), второй есть извѣстное окончаніе причастія *t*, на пр. питъ, мытъ и т. д. Отъ этого многозначительнаго скр. корня *či* (colligere, congregare, numerare, solvere, aestimare) происходятъ: глаголъ *čâpajâmi*, сущ. *čaja*, *čit*, *čitja* (cumulus), сложныя *wiči* (numerare), *apačita* (expensus, solusas), *apačiti* (honor), *niščі* (mentem colligere, cogitare), удлиненный корень *čit* (cogitare), откуда *čintâ* (cogitatio) и т. п. Ему соотвѣтствуетъ греч. τίω, τίνω (solvere, poenam luere, punire), откуда τιμή (poena, honor); Лат. *aestimare* (aes-*tim*-are) и наше слв. *чьтѫ*, *чту* (lego, numero, honoro), *число*, *чисмо* (numerus), *почьть*, *почесть* (numerus), *цѣна* pretium, срв. литв. *cena* summa, numerus, лат. honor, dignitas), *чьсть*, *честь* (honor), *чета* (agmen), *четати*, *съчетати* (conjungere) и т. д. (Другаго корня суть слк. *licit* numerare, и срб. *broj*—numerus, *brojiti* numerare, которому соотвѣтствуетъ чеш. *brojiti* tumultuari).

Итакъ въ нашемъ *чьтѫ*, *чьсти*, *чьть*, *почьть* и т. д. основное понятіе—*соединеніе* (synthesis); слѣд. тоже самое должно заключаться и въ скр. *čintâjâmi* (cogito) и *činta* (cogitatio), словахъ, какъ мы видѣли, происходящихъ отъ корня *či*.

Изъ всего этого мы видимъ, что числит. *четыре* основывается, первое изъ всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ, на словѣ, выражающемъ понятіе *четь* (par), образовавшемся изъ глагольнаго корня *či* (colligere). Предъидущія *три* основывались на указательныхъ частицахъ *и*, *т*, *в*, *р*, какъ непосредственныхъ звуковыхъ истолкователяхъ воззрѣній духа, наглядно представившаго себѣ формы пространства.

О происхожденіи разности въ произношеніи этого числительнаго въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ, напр. греч. τέτταρες, гот. *fidvôr* и т. д., я не буду распространяться: опытный филологъ можетъ самъ себѣ объяснить, не требуя нашей помощи, а только что начинающаго мы отсылаемъ

Digitized by Google

къ другимъ сочиненіямъ, особенно къ сравнительной грамматикѣ Фр. Боппа.

Иные производятъ *четыре*, скр. *čatur*, отъ скр. *ča* (греч. *kaí*, лат. que) вм. *ка*, собственно относительнаго (первоначально указательнаго) мѣстоименія, употребляющагося въ смыслѣ *одинъ* въ скр. *éka*, греч. ἑκάτερος, и *три*, такъ что *ča-tur*, *че-тыри*=1+3. Однакожъ это объясненіе не естественно.

Въ евр. *'arbâgâh* безъ сомнѣнія отъ *rab* (multus, magnus), откуда и *râbab* (multitudo) и *rbâbâh* (μύριοι, 10000), выражается идея размноженія, увеличенія. Венгер. *négy* (quatuor) отъ одного корня съ *nagy* (multus). Въ обоихъ этихъ языкахъ основаніемъ числительнаго *четыре* служитъ слово, выражающее понятіе, а не указательная частица или мѣстоименіе.

5. *Пять*.

Слв. пать, чеш. pět. литв. penki; лат. pécі. скр. pančan, зенд. pančan. греч. πέντε, дрв. πέμπε, лат. quinque. гот. fimf.

Наблюденіе, что рука, т. е. счетъ пальцевъ на ней, служитъ основаніемъ системы счисленія въ весьма многихъ языкахъ, въ которыхъ образованіе числительнаго имени яснѣе, чѣмъ въ нашихъ индоевропейскихъ, привело естественно этимологовъ къ мысли о родствѣ между скр. *pancan* (5) и *pâni* (рука). Мнѣніе это, прекрасное само по себѣ и идущее къ дѣлу, получаетъ опору изъ нашего богатаго и организованнаго языка въ ожиданіи блестящаго подтвержденія.

Наше *пать*, первоначально *панти*, потомъ измѣненное и сокращенное въ *пать*, по формѣ сущ. собирательное жен. р., подобно прочимъ числительнымъ до *десяти*, съ перваго взгляда обнаруживаетъ родство со словами *пядь* (spithama, Spanne) и *пасть* (pugnus, Faust), которыхъ корень и вѣтви находимъ въ глаголѣ *пьнѫ*, въ скр. *sphâ*, *spha*, откуда *sphâjâmi* (extendere, ducere), также въ кор. *sphar* съ приставкою *r*, откуда *pharparika* (spithama), въ перс. *penc* (pugnus), въ греч. σπάω, откуда σπιδαμή, въ лат. *pando*, откуда *spatium*, въ гот. *Spannan*, въ нѣм. *Spannen*, откуда *Spanne*, и въ иныхъ подобныхъ словахъ. Въ словѣ *пасть* (pugnus) *с* есть такая же вставка, какъ и въ словѣ *пьстунъ* (paedagogus) отъ *питати* (alere), *мьсто* (locus) отъ *мьтати* (jacere, ponere срв. Лот. *mîtu*, habito), *кьстья* (praefurmium, focus) отъ *кьтити* (accendere), *вьсть*, *повьсть* (nuncium, fama) отъ *вьтити* (loqui), *луспъ* (squama) отъ *лупати* (decorticare), н. луж. *corstalo* вм. *чрьпало* (culter aratri) отъ *чрьтати* (incidere) и т. д.

Поэтому основаніемъ числительнаго *пать* служитъ понятіе пальцевъ руки, вмѣстѣ взятыхъ и сжатыхъ въ кулакъ (*пасть*,

Digitized by Google

перс. *penč*, pugnus. manus compressa), чему новое окончательное доказательство увидимъ ниже, при числѣ *шесть*.

Подобно въ евр. *chamš* или *chameš* (5), первоначально тоже что пасть, отъ слова *kaf* (manus), а это послѣднее отъ *qudmex* (capere nehmen).

Примѣры изъ другихъ языковъ, въ которыхъ оба понятія, *рука* и *пять*, обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ, мы привели уже выше; напр. бразил. *pó*, мал. *lima*, мекс. *ma*, тур. *el* и т. д.

О достойномъ вниманія греч. выраженіи πεμπάζειν, т. е. (на пальцахъ) *считать* отъ дрв. греч. πέμπε вм. πέντε, было уже выше сказано.

6. *Шесть*.

Слв. шесть, чеш. šest. литв. лтш. šeši. скр. šaš, зенд. ksvas. греч. ἕξ. лат. sex. гот. saihs. евр. šeš.

Слово, которымъ означается понятіе *шесть* въ языкахъ индоевропейскихъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма отдалилось отъ первоначальной своей формы и измѣнилось.

Можно съ достовѣрностію предполагать, что первоначальною формою была *sakš*, съ которой лат. *sex*, въ произношеніи *seks*, греч. ἕξ, въ произношеніи *heks*, древнезендское *hakṣu*, въ мн. ч. *haksvas*, сокращ. *ksvas*, гот. *saihs* гораздо ближе стоитъ, чѣмъ наше *шесть*, скр. *šaš*, лит. *šeši* и само евр. *šeš*, уже очень измѣненныя смягченіемъ гортаннаго *k* въ шипящую *ш* (о переходѣ *k* въ *š* и наоборотъ *s*, *š* въ *k*. см. Âs XXI roč sw. I, str. 37 sld).

Открытіемъ первоначальной формы *šakš*, за что мы обязаны благодарить остроумнаго Бенфея (Benfey), объясняется близкое родство этого слова съ нашимъ старославянскимъ, во всѣхъ трехъ южныхъ нарѣчіяхъ—сербскомъ, хорватскомъ и хорутанскомъ, употребляющимся до настоящаго времени словомъ *šaka* т. е. горстъ (vola, hohle Hand; manipulus, Handvoll), которое само безъ сомнѣнія происходитъ отъ одного корня съ скр. *šač*, desider. *šakš* (jungere).

Итакъ, теперь ясно отношеніе числительнаго *шесть* къ непосредственно предшествующему *пять:* оно ступенью или единицею выше нежели пять, какъ *šaka* (горсть) т. е. рука или длань съ распростертыми и нѣсколько загнутыми пальцами, приспособленная взять или обхватить что нибудь, больше *пясти* т. е. руки сжатой.

7. *Семь*.

Слв. седмь, чеш. sedm.—литв. septyni, лтш. septini. скр. saptan, зенд. haptan. греч. ἑπτα. лат. septem. гот. sibun. евр. šeba.

Digitized by Google

Первоначальное значеніе этого числительнаго давно уже потеряно во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ: сравненіе съ семитическими языками, особенно евр. *šeba*, ведетъ къ евр. *šâba* (jurare), откуда и *šabat* (dies sacramenti, sacrificii, sabbatum). Поэтому *šaba* первоначально, какъ кажется, значило только присяга, святость, посвященіе (sacramentum, sacratio), но потомъ оно было перенесено, что весьма обычно и естественно, къ означенію числа, которое чаще всего употреблялось при св. обрядахъ т. е. *семи*, напр. семь жертвенныхъ животныхъ, семь свѣтильниковъ и т. д. Извѣстно, что число *семь* отъ начала исторіи рода человѣческаго считалось св. числомъ. Кому бы эта метафора показалась смѣлою и невѣроятною, тотъ пусть обратитъ вниманіе на первоначальное и буквальное значеніе словъ чеш. *týden*, рус. и срб. *недѣля* (hebdomas, septimana, слв. седмина, илл. sedmica) и т. д. и на нынѣшнее ихъ значеніе.

Иные изслѣдователи считаютъ корнемъ словъ *sapta*, *septem*, ἑπτα скр. *sap* (nectere), которое по ихъ объясненію сложено изъ скр. *sa* или *saha* и *ap*, и утверждаютъ, что лат. *cop* въ *copula* родственно ему, чего мы не допускаемъ (греч. ἅπτω однокор. съ скр. *sač*).

Въ нашемъ *седмь*, какъ каждый видитъ, коренное *n* выпало и острое *m* перешло въ тупое *d*. Въ гот. *sibun*, нѣм. *sieben* выпало *m*.

Окончаніе *м* въ нашемъ *седмь*, *осмь* и въ лат. *septem*, *novem*, *decem* кажется появилось вмѣсто первоначальнаго *н*.

Иные думаютъ, по моему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія, что въ *saptamas* (Septimus) *ma* есть суффиксъ порядковыхъ числительныхъ. Едвали это такъ.

8. *Осмь*.

Слв. осмь, чеш. osm. литв. aštûni, aktoinis (octava pars); лот. astoni. скр. aštau, aštan; зенд. astan. греч. ὀκτώ. лат. octo. гот. ahtàu.

Въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ, а именно: въ скр. *aštan*, греч. ὀκτώ, лат. *octo* и гот. *ahtàu*, числительное *осмь* очевидно имѣетъ окончаніе двойственнаго числа. Это замѣчается и въ языкахъ семитическихъ, яснѣе всего въ арабскомъ, также въ эѳіопскомъ, самомъ отдаленномъ изъ нихъ.

Такъ какъ *четыре* удвоенное составляетъ *осмь*, то необходимо предположить, что въ словѣ *осмь* скрывается корень слова *четыре*. Мысль эту по справедливости могъ бы считать простою грёзою каждый, кто только бы сравнилъ слв. *четыре* съ слв. *осмь*: но если поставить литв. *ket-uri* и лат. *quat-uor* рядомъ съ литв. *a-ki-*

Digitized by Google

ainis, греч. ὀ-κτ-ώ и лат. *o-ct-o*, тогда возможность соединенія ихъ сдѣлается вѣроятною и понятною. Ядро обоихъ словъ, *ket* и *kt*, чего нельзя отвергнуть, одно и тоже: все различіе состоитъ въ измѣненіи звуковъ и въ приставкахъ. Переходъ гортаннаго *к* въ шипящіе *ч*, *ш* и въ свистящій *с* совершенно правиленъ и намъ уже извѣстенъ (См. čas. XXI госп. sw I, str. 37 sld). Сильное измѣненіе и окончательное затемнѣніе корня неминуемо ускорено приставкою *а*, которой значеніе до сихъ поръ еще загодочно. Еслиже въ скр. *aštau* и т. д. окончаніе *u* или *v*, сравнительно съ латин. *octavus*, принадлежитъ къ корню (*čatva*, *četva*), то признакъ двойственнаго числа *va* слился съ окончаніемъ корня (который и самъ первоначально означалъ двойственность, срв. *четыри*), что вознаграждено символическимъ означеніемъ двойственности спереди слова т. е. приставкою *а*, вѣроятно тою же самою, которая символизуетъ въ аор. минулость т. е. исполненіе и какъ бы удвоеніе времени, и во множествѣ греческихъ словъ, напр. ἀδελφοί (fratres) отъ δελφός (uterus), ἄλοχος (conjux) отъ λόχος (lectus), ἄκοιτης (maritus) отъ κοίτη (cubile) и т. д. соединеніе, совокупленіе, а тѣмъ самымъ какъ бы удвоеніе.

Насъ не должно приводить въ заблужденіе то обстоятельство, что окончаніе корня *р* въ *четыри*, скр. *čatwâs*, *čatas*, здѣсь отброшено; оно отпало и въ скр. *čatus* вм. *caturs* (наоборотъ въ лат. *quater* вм. *quaters*), будучи вообще приставкою исчезающею, непостоянною.

Попытки нѣкоторыхъ ученыхъ объяснить это числительное производствомъ или отъ вымышленнаго корня скр. *aś* (dividere), по сравненію съ *aṅśa* (pars), или отъ нѣм. *Ecke*, потому что чаще всего встрѣчаются четырехстороннія или четверичныя призмы съ осмью углами (Ecke) и т. д. мы проходимъ молчаніемъ, какъ простое хватаніе съ вѣтру, безъ всякаго прочнаго основанія.

9. *Девять.*

Слв. девѧть, чеш. dewêt. литв. dewyni, лот. dewini; по старопрус. nevints. скр. и зенд. navân; греч. ἐννέα. лат. novem. гот. niun.

Что въ нашемъ слв. *девѧть*, а подобно ему, и въ литв. *dewyni* первоначальное поднебное *н*, находящееся во всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ, вытѣснено изъ своего мѣста позднѣйшимъ зубнымъ *д*, доказывается старопрусскимъ (нарѣчіе литовскаго языка теперь уже вымершее) *nevints*, сохранившемся по счастливому случаю. Этотъ переходъ *н* въ *д* находимъ въ срб. двойныхъ *kon*, *nakon* и *kod* (penes), *ustane* и *ustade* (surrexit).

Digitized by Google

nestane и *nestade* (defecit), равно употребляемыхъ въ той или другой формѣ.

Числит. *невать*, скр. *nava*, лат. *novem* и т. д. родственны съ прилаг. слв. *новъ*, литв. *naujas*, скр. *nava*, греч. νέος, лат. *novus*, гот. *nivis*, нѣм. *neu* и т. д., которое въ свою очередь вмѣстѣ съ превеликимъ множествомъ другихъ однокоренныхъ словъ, каковы *нынѣ*, νῦν, *пипс*, *пит*, скр. *пи*, происходятъ отъ первичной, недѣлимой частицы указательной *па* (на). Иные при словахъ *новъ*, *novus*, указываютъ на евр. *naah*, *navah* (splendere, lucere), считая общимъ ихъ корнемъ *пи* (splendeo, luceo).

Причиною къ наименованію служитъ исполненіе или завершеніе второй четверки, осми, т. е. 4+4, и начало новаго порядка. *Невать* или *девать* означаетъ тогда число, непосредственно (noviter) слѣдующее за осмью. Подобно ему лат. *secundus* (отъ sequor), число слѣдующее за первымъ.

Иные принимаютъ *novus* въ смыслѣ *ultimus*, *postremus*, употребленіе часто встрѣчающееся въ латинскомъ языкѣ; но это мнѣніе мы считаемъ менѣе пригоднымъ. Впрочемъ мы соглашаемся съ тѣми изслѣдователями, которые думаютъ, что въ нашей десятиричной системѣ скрывается въ низшихъ числахъ четверичная, нисколько не измѣненная въ своихъ началахъ, вложенная въ самомъ зародышѣ своемъ въ ту, которая многимъ ея совершеннѣе и удобнѣе, и какъ бы заключенная въ ней. Что касается до измѣненія гласной *о* въ *е* въ нашемъ *девать* вм. *невать* изъ *новъ*, нужно вспомнить *вторый*, *wtorък*, *который* и *wtorý*, *autorý*, *ktorý*, *broskew* и *břeskew*, *hrom* и *hřeměti*, *stonati* и *stenati*, *polyń polyń и palyń*, и *lebeda* и *loboda* и мн. др. Въ языкѣ евреискомъ *tišgdh* (9) означаетъ разширеніе, распространеніе, что довольно аналогично съ нашимъ понятіемъ.

Совершенно иначе, нежели въ индоевроп. языкахъ образованы числит. *осмь* и *девять* въ языкѣ финскомъ, а именно вычитаніемъ *двухъ* и *одного* изъ *десяти;* напр. эстон. осмь, по различіи нарѣчій, *kahheksa* и *kattesa* отъ *kaks*, *katt* два, и *ksa*, *sa* десять, девять; эстон. *ühheksa* и *üttesa*, отъ *üks*, *üss* одинъ, и того же самаго *ksa*, *sa*, такъ сказать duo-de-decem, unum-de-decem (какъ undeviginti).

10. *Десять.*

Слв. десать, чеш. deset.—литв. dẽšimt, лот. desmits.—скр. зенд. dasan.—греч. δέκα.—лат. decem.—гот. taihun.

Въ высшихъ числахъ а) слв. единонадесать, чеш. jedenáct.—Литв. wienolika, лот. wéñ-padesmit.—скр. ékadasa; зенд. aêvan-

Digitized by Google

das. греч. ἔνδεκα.—лат. undecim.—гот. áinlif.—в) слв. двадесать, чеш. dwacet.—литв. dwideszimit; лот. diwidesimit.—скр. vinsati; зенд. visaiti.—греч. εἴκοσι, дрв. ἔνυατι.—лат. viginti.—гот. twáitigus.

Если мы примемъ догадку за истину, что корень этого числительнаго въ первоначальной формѣ былъ *дак* или *дек*, такъ что *das* или *des* есть правильное его измѣненіе, происшедшее отъ перехода гортаннаго *k* въ свистящее *s*, и если обратимъ вниманіе на выраженіе рукою, какъ основаніе всѣхъ извѣстныхъ системъ счисленія, то найдемъ въ языкахъ индоевропейскихъ немало число словъ явнаго родства съ нашимъ корнемъ. На первой ступени находятся: Скр. *dakšas*, *dakšina*, перс. *dest* (*manus*), греч. δεξιός, δεξίτερος; лат. *dexter*, гот. *taihsvô*, слв. *десна*, *десница* (чеш. *prawy*, *prawice*); на второй и на дальнѣйшихъ ступенях скр. *dis* (monstrare), греч. δάκτυλος, δείκνυμι, δέχομαι, δέκομαι, лат. digitus, dicare въ indicare, гот. teihan (nunciare, dicere, *zeigen*); слв. *удесити* или *удосити* (occurere, antreffen), *десть* (liber chartae, срв. франц. une *main* de papier) рус. *досугъ* (otium, Musse) и т. д. Глаголъ *удесити*, *удосити* читается не рѣдко въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ и въ самыхъ извлеченіяхъ изъ нихъ у Карамзина (5).

Родство этихъ словъ съ числит. *десять*, касательно языковъ скр., греч. лат. и готскаго давно признано всѣми дѣльными филологами, что же касается нашего славянскаго языка, то оно для теоретика здравомыслящаго, непредубѣжденнаго основательно, чтобъ не сказать истинно само по себѣ.—Но касательно генетическаго происхожденія корня *дак* или *дек* и равнаго ему *das* или *des*, дѣло не можетъ быть до сихъ поръ положительно рѣшено.

Два противуположные пути избирали изслѣдователи къ рѣшенію этой задачи. Одни утверждаютъ, что *dek* или *des* есть простой, несложный корень, тожественный съ скр. *dis* (monstrare), и что первоначально онъ означалъ руку и именно правую; отсюда *десять* тоже, что указаніе т. е. движеніе правою рукою при десятичномъ счетѣ. На высшихъ мѣстахъ, въ скр. *vinsati* (20), *šasti's* (60), лат. *viginti* и т. д. корень этотъ сокращенъ и затемненъ отпаденіемъ *de*, *des*. Въ этомъ случаѣ слово *десити*, *удесити* точно также относится къ слову *десница*, *десный*, какъ лат. *monstro*, causat. *moneo*, греч. μηνύω къ лат. *manus*. (Наше слв. *рука*, чеш. *ruka*, литв. *rankà* объясняется изъ литв. *rinkti* (colligere).

Другіе полагаютъ что слово *десять* сложное, что по этой причинѣ повода къ наименованію должно искать въ составныхъ его частяхъ, и что слова *десный*, *десница* и т. д. образовались уже позже, перенесеніемъ корня *дес* къ означенію руки. Чтобъ мы

Digitized by Google

могли этотъ способъ объясненія вполнѣ понять и правильно оцѣнить, должно идти выше и разсмотрѣть цѣлый рядъ высшихъ единицъ, опирающихся на словѣ *десять*, какъ основаніи десятичной системы. Такія слова суть: *двадесать* (20), *сто* (100), *тысѫща* и *тысаща* (1000); литв. *dwidesimti* (20) *šimtas* (100), *tukstantis* (1000); скр. *vinsati* (20), *šatam* (100). зенд. *visaiti* (20) *s'ata*, *s'atem* (100); греч. ἴκοσι вм. дрв. ἴκατι (20), τριάκοντα (30) ἑκατόν (100); гот. *tváiligus* (20), *saihstéhund* (60), *taihuntéhund* (100), *thûsundi* (1000) и т. д. Если мы исключимъ слв. и литв. формы *двадесать*, *dwidešimti*, также готскія двойныя *tvailigus* и *saihstéhund*, увидимъ, что во всѣхъ прочихъ числит. *десять* является въ новой формѣ, а именно скр. *s'ati*, зенд. *s'aiti*, греч. κοντα, лат. *ginti*, *ginta*, и догадка, что *десать* могло быть сложено изъ *два* и *сать*, представляется сама собою. Тутъ намъ прійдетъ на встрѣчу гот. *saihs-téhund* (60), *sibun-téhund* (70), *ahtán-téhund* (80), *niun-téhund* (90), *taihun-téhund* (100), въ которыхъ во всѣхъ *téhund* тоже что *taihun* или первоначальное *tai-hund*, а это очевидно сложено изъ *tvái* (duo) и *hand* (manus). 6) Послѣднее слово происходитъ отъ корня *hinthan* (capere), отъ котораго образовано и *hunds* (canis, quia feras captat), и съ которымъ родственно лат. *prehendo*, правильнѣе *praehendo*, греч. γέντο у Гомера (ἕλετο, *cepit*), χανδάνειν, слв. *сѧтити*, чеш. *sahati* (contingere) *сѧжень*, чеш. *sáh*, мор. слк. *sáha* (orgya, hexapeda).

По этому наше *десать* было бы сложно изъ *два* и *сать* и значило бы тоже что *dwa sahy* т. е. два обхвата, двѣ горсти (zwei Griffe), подобно гот. *tái-sund*=*zwei Hände* (zwee Hend, zehend, zehen).—Другая готская форма *tigus*, замѣчу мимоходомъ, вѣроятно переиначена и сокращена изъ *tvái* и *gund*, вм. *hund*, такъ что *gus* равняется греч. κοσι въ ἴκοσι (вмѣсто первоначальнаго δρει-δέκοσι, какъ скр. *vinsati* вм. *dvin-da sati*, лат. *viginti* вм. *dvi-de-ginti*). Срв. н. нѣм. *Stiga*=20 и нѣм. *Stiege*.

Что въ высшихъ числахъ, происшедшихъ чрезъ соединеніе основнаго десятка, сокращеніе весьма употребительно, подтверждается всѣми до сихъ поръ разсмотрѣнными языками, чеш. *dvacet*, произошло изъ *dvadset*, а это изъ *dvadeset* *jedenáct* изъ *jedennadeset*, въ санскритѣ въ формахъ *šaš-tis* (60), *šapta-tis* (70), *aš-tis* (80) и *nava-tis* (90) сверхъ того еще и самъ корень *sati* раздробленъ, такъ что осталось изъ него одно *ti*, подобно тому, какъ во франц. въ *on-ze*, *douze*, *trei-ze* и т. д. сохранилось только *ze* изъ *decem*. Согласно съ этимъ объясненіемъ, представленнымъ Лепсіемъ и достаточно согласнымъ съ духомъ славянскаго языка и организмомъ нашего числительнаго, должно принимать слова, каковы *десный*, *десница*, *удесити* или *удосити*, *десть*, *досуѣ* и

Digitized by Google

т. д. скр. *dis* (monstrare), *daksas*, греч. δεξιός, δάκτυλος лат. *dexter*, *digitus*, гот. *taihsvô* и т. д. уже за вторичный плодъ изъ той позднѣйшей эпохи всеобщаго, еще нераздѣлившагося индоевропейскаго языка, въ которую составъ слова *десять* совершенно затемнился и корень *des*, *dis* сталъ считаться простымъ, несложнымъ. Примѣровъ такого выростанія новыхъ корней изъ сложныхъ словъ темнаго образованія индоевропейскіе языки представляютъ много, но мы не хотимъ на нихъ останавливаться. Въ этомъ случаѣ языкъ уподобляется извѣстному растенію, индійской смоковницѣ, которая погружаетъ въ землю около себя свои вѣтви, и они въ свою очередь даютъ корни, изъ которыхъ выростаютъ новые стволы, совершенно похожіе на первые и отличающіеся отъ нихъ только позднѣйшимъ образованіемъ и отдѣленіемъ.

Этому объясненію нѣсколько противорѣчитъ то, что *десница* (предметъ конкретный) заимствуетъ свое имя отъ числа *десять* (понятія абстрактнаго), но сотни подобныхъ примѣровъ находятся въ языкахъ наиболѣе извѣстныхъ (между прочимъ срв. дрв. чеш. *dwaky*, два пальца, которые кладутъ во время присяги на св. предметъ, сокращ. изъ *dwajáky*, или по обыкновенному переходу *j* въ *h dwaháky*), и еще недавно многіе филологи (Боппъ и Поттъ и др.) не считали невозможнымъ, чтобъ скр. *pani* (manus) получило свое имя отъ числа *pañcan*, лат. *dextra* отъ *decem* и т. д. а не на оборотъ.

Форма числительныхъ *пать*, *девать*, *десать*, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, есть причастная, таже самая, которую мы находимъ и въ нашихъ существительныхъ именахъ на *а*: *дѣвча*, *отроча*, *внуча*, род. *дѣвчате*, *опрочате*, *внучате* и т. д. Въ числит. *шесть* приставка *т* явилась позже вслѣдствіе простаго подраженія числамъ *пать*, *девать* и *десать*. Въ санскритѣ и другихъ родственныхъ языкахъ болѣе полныя формы нежели слв. *девать*, *десать*, а именно *navanti*, *dasanti*, не составляютъ позднѣйшее явленіе: напротивъ аналогія велитъ принять ихъ за основныя. Изъ высшихъ десятичныхъ чиселъ здѣсь будутъ особенно разсмотрѣны только *сто* и *тысяча*: прочіе сами собой въ этимологическомъ отношеніи ясны и вразумительны.

а) Слв. *сто*, чеш. *sto*. литв. *simtas*, лот. *simts*. скр. *satam*. зенд. *satem*, *sata*. греч. ἑκατόν. лат. *centum*. гот. taihuntêhund. осетинское *sadda*.

Въ готскомъ *taihuntehund*, что значитъ двѣ руки умноженныя на двѣ руки (т. е. *tai* и *tê* = двѣ, *hund* вм. *hand* = рука), вполнѣ выраженъ поводъ къ наименованію. Но въ дальнѣйшемъ счетѣ въ готскомъ языкѣ употребляется простое *hunda* въ смыслѣ *сто*;

Digitized by Google

напр. *tva hunda* (200) Въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ *сѣто*, *simtas*, *satam*, *satem*, ἑκατόν и *centum* отличается, отъ основнаго *сѧть*: *simti*, *sati* или *santi*, χατι и *cet* или *genti* вм. *centi* только слабымъ видоизмѣненіемъ корня, окончаніемъ и началомъ, чѣмъ оно какъ бы приспособлено къ выраженію высшаго десятка; въ слв. *сѣто* носовой звукъ ѧ перешелъ въ ѣ, въ чеш. *sto* совсѣмъ исчезъ (подобный переходъ *сѧ* въ *сѣ*, глѧбокъ въ глѣбокъ и т. п.); окончаніе *о* равняется скр. *am*, греч. ον, лат. *um* сред. рода; напр. ζυγόν *jugum иго*, *vinum вино*, *granum зерно* и т. д.

Что касается до этимологическаго разбора этого слова, то здѣсь имѣетъ силу все, замѣченное нами о славѣ *десять*.

Кто въ словѣ *десѧть* признаетъ *дес* за простой и первоначальный корень, тотъ принимаетъ въ славѣ *сѣто* отпаденіе кореннаго *де*. Кто напротивъ того слово *десѧть* считаетъ сложнымъ изъ *два-сѧти* т. е. двѣ горсти, тотъ принимаетъ исчезновеніе первой половины т. е. *два*.

в) Слв. *тысѧща*, *тысѧща*, срб. *tisutja*, чеш. *tisic*. литв. *tukstantis*; лот. *tukstóts*. гот. *thûsundi*. (Въ прочихъ иначе: скр. *sahasram*, зенд. *hazanhra*, греч. χίλιοι, лат. *mille*).

Поводъ къ наименованію затемненъ сокращеніемъ и слитіемъ составныхъ частей слова: должно раздѣлить *тысѧща* на *ты-сѧща*, *túkstantis* на *túk-stantis*, *thûsundi* на *thû-sundi*, и первую часть разсматривать, какъ сокращенную форму изъ *десѧть*, *dešimt* (первонач. *dekimt*), *taihun*, а вторую какъ измѣненіе *santi сѧти*, *hundi* въ смыслѣ *сто*. Большая опредѣлительность и самостоятельность слова достигается и здѣсь только легкимъ видоизмѣненіемъ и какъ бы обновленіемъ корня: у насъ ѧ вм. ѧ, хотя есть и тысѧща, у литв. *ú* и *k* вм. *s*; или только особеннымъ, удлиненнымъ мягкимъ окончаніемъ: срб. *ty-sutja*, блг. *тысѧща*, преобразованная и измѣненная форма вм. тысѧтжа, тысѧтя (См. Časop. ročn. XXI, sw. I. Str. 62).

Иные производятъ это слово отъ лот. *tûkt*, *tûkst* (tumere слв. тыѧ, тыти), чего мы не можемъ допустить.

Въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ число *тысѧча* означается иными словами, которыя не родственны съ нашимъ: греч. χίλιοι, лат. *mile* или *mille*, скр. *sahasram*, зенд. *hazanhra* и т. д.; но здѣсь мы не можемъ заняться разъисканіемъ о поводѣ къ ихъ наименованію и первоначальномъ значеніи.

Припомнимъ только, что лат. *mile*, *mille* обыкновенно сближаютъ съ *multus*. баск. *mola* (multitudo) и греч. μυρίοι, и что скр. и зенд. *sahasram* и *hazanhra* распространены и въ языкахъ турецкихъ, монгольскихъ и финскихъ (Срв. венгер. *ezer*).

Digitized by Google

II. Собирательныя и другія.

До сихъ поръ мы перечли и разобрали, на сколько намъ было можно, основныя числительныя нашего славянскаго языка, на которыхъ зиждется вся система счисленія у нашего племени; теперь намъ должно обратить вниманіе на нѣкоторыя другія, какъ бы отдаляющіяся отъ первыхъ и употребляемыя рѣже и въ болѣе ограниченномъ смыслѣ.

Разобравъ первыя довольно пространно, бросимъ только бѣглый взглядъ на послѣднія. Сначала разсмотримъ тѣ, которыя близки по своему понятію къ основнымъ и которыхъ большій отдѣлъ обыкновенно называютъ *собирательными*, а именно: *самъ, полъ, оба, десть, сорокъ, мьра, копа, тьма, ликъ* или *лика;* потомъ *порядковыя*, каковы: *первый, второй, другой*; наконецъ сложныя и раздѣлительныя, какъ въ формѣ прилагательныхъ, такъ и въ формѣ нарѣчій, а именно: *duch, násoben, губъ, пядь, sbvuk, кратъ, жды, щи* и т. д.

Первое изъ нихъ, *самъ*, есть мѣстоименный корень, только образно перенесенный къ опредѣленному означенію понятія единичности; напр. *sám. jeden, sám jediný, samoten* и т. д. Сюда принадлежитъ скр. *sama* (aequalis, similis), откуда *sámi* (semis) т. е. ровная часть, Лат. *semel, simplex, semi*, греч. ἁμα (simul, cum), ἡμι, нѣм. *samt*. чеш. *samec, samice*, слв. *сѫ*, сокращ. *съ*, чеш. *sau*—и *s* (лат. *cum*, греч. σύν), главные предлоги для означенія понятія совокупленія, *соединенія* и мн. др.

Глубшимъ вникнутіемъ въ основу индоевропейскихъ языковъ уже давно разложено слово *sama* на двѣ мѣстоименныя частицы, изъ которыхъ каждая служитъ къ означенію единичности: на *sa*, греч. ἁ, напр. въ ἁ—παξ, и *ma*, напр. въ μία, μόνος, о чемъ достаточно будетъ только упомянуть.

Полъ, одна изъ двухъ разныхъ частей, сравнивается съ производными словами *police* (armatia), *полено* (segmentum lignosum, lignum ad focum fissum) *и палица*, рус. *палка* (baculus), рус. *плаха*, чурбанъ изъ толстаго дерева на двое расщипленный, лат. *palus*, нѣм. *Pfahl* и н. др. Означаетъ также сторону, напр. объ онъ *полъ* рѣки, т. е. на той сторонѣ рѣки, — и родъ: мужской *полъ*, женскій *полъ* т. е. мужской родъ, женскій родъ. Слово весьма древнее (уже въ венгер. яз., чудскаго поколѣнія, *fele*=полъ, dimidium.) темнаго, загадочнаго происхожденія: скр. *phal* (dissecari, соб. rumpi) не принадлежитъ ли къ одному корню съ нашимъ *плыть?* Если родственны слв. *поле*, лат. *planum*,—то поводъ къ наименованію

Digitized by Google

заключается въ *ровности* (planities) касательно поверхности предмета.—

Оба, ж. обѣ, литв. *abbu*, лот. *abbi*, жен. *abbas;* скр. *kbhau*, зенд. *uba*, *ubê;* греч. ἄμφω; лат. *ambo;* гот. *bái*, *ba*, *bajôths*. Родственно съ предлогомъ слв рус. чеш. *объ*, напр. *ob* druhau stranu (ex adverso), *ob* rok *ob* den, *ob* noc. (alternis annis, diebus, noctibus); греч. ἀμφί; лат. *ambie;* (напр. ambedere, amburere, Ambidravi отъ Dravus, Abisones отъ Sontius) гот. *bi*, древнѣм. *umbi*, нѣм. *um.* вт. *umb.* и т. д. Что *оба*, *ambo* сложено изъ двухъ указательныхъ частицъ, изъ *a* или *am* и *ba* или *bo*, объясняется изъ сравненія съ синтетическими (имѣющими многосложныя слова) языками и подтверждается самостоятельнымъ употребленіемъ словъ *bài*, *ba* (ambo) и *bi* (ambi) въ готскомъ языкѣ. Я полагаю, что и зенд. *bitja* (secundus) лат. *bi-ceps*, *bis*, *binus* гораздо естественнѣе производить непосредственно изъ частицы *ba*, нежели изъ *dva*, *duo* (т. е. потерею зубнаго *д* и отверженіемъ губнаго *ю* въ в). На первомъ мѣстѣ форма *am* вѣроятно уже позже получила характеръ носоваго звука, подобно скр *vinsati*, лат. *quadringenti* и т. д. и простое *a* вѣроятно есть символическое означеніе двойственности, подобно *a*—*šiau* (octo).

Десть слв. рус. срб. тетрадь бумаги (24 листа), такъ сказать «*рука* бумаги» (срв. франц. une *main* de papier) отъ корня *десный десница*, о чемъ было сказано выше при словѣ *десять*.

Сорокъ рус. тоже, что четыредесять (чеш. čtyřicet), изъ новогреческаго σαράκοντα, а это послѣднее изъ древ. греч. τεσσαράκοντα. Уже у древнихъ τράπεζα вш. τετράπεζα. Въ болгар. нар. начальные *to* и *de* именъ греческихъ часто отбрасываются, напр. Меа, нынѣ Mangrad, вм. Tomea, Tomi; Pirus, нынѣ Boár Kalesi вм. Topirus. Welta вм. Develtus или Debeltus и т. д.

Meru у Словаковъ сорокъ въ просторѣчіи, напр. Kúpil *meru* wajec (купилъ сорокъ яицъ),—есть слв. *мѣра*, чеш. *míra* (mensura, Maas).

Кора у Чеховъ, *Кáра* у Литовцевъ, *Kaps* у Лотышей, шестьдесятъ (нѣм. Schok); впрочемъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *кор*, *кора*, *кира* означаетъ тоже, что куча (cumulus), литв. *kaupas*, лот. *kôpa*, лат. *copia*, *cumulus*, нѣм. *Haufen*, швед. *kop* и т. д. Корень тотъ же, что и въ скр. *cápajâmi* т. е. *ci* (colligere). И слв. *кѫпина* (rubas), пол. *kępa*, *kępina*, (frutex; insula in fluvio, Werder) и т. п. непремѣнно принадлежатъ сюдаже не смотря на то, что въ нихъ носовой звукъ *ѫ*, *ę*.

Слв. *тьма* (μύριοι, 10.000) тоже что *тьма* мракъ (tenebrae). Рус. *туманъ* (nebula) первоначально было одинаковаго значенія

Digitized by Google

съ словомъ тьма, и заимствовано въ этой формѣ отъ Татаръ; срв. мандж. *tome* (omnis), *tumen* (10.000), татар. *tuman* (nebula). Мракъ, облако и т. п. употребляются въ весьма многихъ языкахъ, какъ образное представленіе множества; срв. νέφος μαρτύρων (testium nubes) Евр. XII, I, «patriarchuẘ a prorokuẘ *oblak* weliky» Bratv̌i. И греч μύριοι родственно съ μαῦρος (niger), хотя нѣкоторые сравниваютъ его съ лат. *mille* и *multus*, а другіе съ скр. *bhuri* (valde multum).

Ликъ у насъ въ двоякомъ смыслѣ: a) рус. срб. *ликъ*=образъ, видъ (species), удлиненное слв. чеш. пол. хрв. блг. *лице* (facies). b) мрус. пол. сик. *lik*=число (numerus), слв. *ликъ* (chorus), слк. *oblik* (rationes), литовскорусское и словакское *liciti* (computare); у литовцевъ *lika* въ числахъ отъ 11 до 19 тоже, что десять: *wienolika* (11), *dwylika* (12), *trylika* (13) и т. д. Это *lik* или *lika* многоуважаемый творецъ сравнительной грамматики слишкомъ отважно, по моему мнѣнію, основывая на *возможности* перехода согласныхъ *дѣйствительность* его, производитъ вмѣстѣ съ гот. *lif* вм. *libi* отъ скр. *dasan* (decem), отдѣляя его какъ отъ нашего *ликъ*, прил.—*ликій* въ *коликій*, *толикій* и т. д., такъ и отъ гот. *leiks* (similis) въ *galeiks* (aequalis, gleich), *analeiks* (similis *ähnlich*), а это послѣднее *lik* еще отважнѣе, при помощи перемѣны понятій, выдаетъ за простое видоизмѣненіе скр. *drs* (similis) отъ корня *drs*, греч. δέρκω (video) [7]). Другіе литв. *lika* въ *wienolika* (11) и т. д. производятъ отъ литв. *likú* или *liekmi* (linquo), такъ что *wienolika*=*одинъ съ остаткомъ* (jeden a ostatek) и т. д Гораздо ближе, если мы не ошибаемся, скр. *likh* (sribere, pingere), особенно если мы сравнимъ съ чеш. *liciti* (pingere), и лат. *litera* и т. д. Основное понятіе вездѣ *species*, *figura*. Это слово наравнѣ съ словомъ *дова* есть одно изъ наиболѣе распространенныхъ и самыхъ замѣчательныхъ въ языкѣ славянскомъ, а потому заслуживаетъ болѣе полнаго, болѣе точнаго объясненія нежели то, которое мы можемъ здѣсь сообщить. — Впрочемъ мы различаемъ *lik*, *liku* (species, numerus) отъ окончанія—*ликій* въ *іеликій*, *толикій*. *коликій*, *wšeliky* ит. д., греч.—λίκος въ πηλίκος, τηλίκος, считая это послѣднее сложеннымъ изъ *ли* и *къ*, согласно съ мнѣніемъ Добровскаго и вопреки Боппу.

Во всѣхъ языкахъ высшія количественныя и собирательныя числительныя имена происходятъ отъ корней означающихъ *множество;* напр. евр. *elef* (1000) употребляется болѣе въ смыслѣ семейство, первоначально же означало *стадо*, такъ какъ *elef* значитъ также скотъ; *rbabah* (μύριοι, 10000) отъ *rabab* (multitudo), а это послѣднее отъ *rab* (multus, magnus); тоже самое и въ другихъ языкахъ.

Digitized by Google

Изъ порядковыхъ *прьвъ*, *первый prwni*, литв. *pirmas*, лот. *pirms* скр. *purva*, *prathamas*, зенд. *frathimo*, греч. πρῶτος, лат. *primus*, гот. *frum's*, *frumist's*, вмѣстѣ съ прилагат. *правый* и *прямой* имѣютъ своимъ корнемъ предлогъ *пра* (въ *праотецъ*), скр. *pra*, отъ котораго *про*, *прь* и т. п. отличаются только значеніемъ, а не элементарною формою. Родственно по звуку, но отличною понятію, скр. *para*, лат. *par*, т. е. равный, товарищъ, греч. παρά (juxta), собственно ровно, ровномѣрно противуположно ему зенд. *taro* (super), скр. *tiras* (transversim, oblique), лат. *trans*, слв. *крозь*, *чрезъ*. Тамъ понятіе равенства, одинаковости,—здѣсь избытка, излишества; тамъ четъ (*par*), здѣсь нечетъ (*impar*) т. е. *три*.

Вторъ, *вторый*, *втеръ вътерый*, дрв. чеш. *wtory* и *wtery* (secundus) сокращено изъ *двъ терый*, греч. δεύτερος отверженіемъ кореннаго *д*. Подобно въ скр. *vinsati* вм. *dvinsati* (20), греч ἴκατι атт. ἴκοσι вм. δϝείκατι, лат. *viginti* вм. *dviginti*.

Другъ, *другый* (secundus) тожественно съ *другъ* (amicus, sodalis) и одного корня съ *драгъ* (carus).

Изъ сложныхъ и раздѣлительныхъ чеш. *duchy* въ *jednoduchy* (simplex) и *násobní* въ *dwojnásobní* (duplex) ясны сами собой; въ старослав. употреблялось *губъ* напр. *сьгубъ*, *трегубъ* или *тригубъ* (duplex, triplex) литв. *gubas*, напр. *gubaj*, отъ *гыс-бати*, чеш. *hybati* въ *zahybati* (plicare), а это послѣднее изъ корня *gu*, скрытаго въ скр. *guna* (vocalis incrementum, Zulaut), *dviguna* (duplex) и въ пол. *giąć* (flectere); въ иллирскихъ нарѣчіяхъ *put* въ *jedanput*, *dvaputa* (semel, bis) есть Старослав. *пѫть* (via, iter), *red* въ *jedanred* (semel) тоже, что *рядъ* (ordo), *struk* въ *dvostruk* (duplex, отъ струкъ (siliqua, caulis). Изслѣдованіе о болѣе глубокихъ корняхъ этихъ словъ мы оставляемъ въ настоящее время.

Слв. *кратъ*, чеш. *krat* въ *jedenkrat* (semel), литв. *kartas*, скр. *krtvas*, напр. *pañča-krtvas*, пять-кратъ, происходитъ отъ скр. *krt* (faciens), а это отъ корня *kri* (facere, creare) перс. *kerden*, слв. *крѣвати*).

Жды, въ нарѣчіяхъ *дважды*, *трижды* (bis, ter) и т. д. равняется скр. *dhâ* въ *dvidhâ*, *tridhâ* и т. д. потому что *жд* есть болгарское измѣненіе древнѣйшаго *dj*, а наше *j* соотвѣтствуетъ скр. *h*.

Шти, по русскому выговору *щи*, также въ нарѣчіяхъ слв. *двашти*, *тришти* (bis, ter) и т. д. есть болгарская форма древнѣйшаго измѣненія *ti* или *tji*, не знаю, отдѣльнаго первоначально или однокореннаго съ вышеприведеннымъ *dji*.

Digitized by Google

Заключеніе.

Такъ какъ намѣреніе наше состоитъ не въ томъ, чтобъ представить здѣсь полное и подробное изслѣдованіе о числительныхъ именахъ, но только въ томъ, чтобъ разобрать этимологически образованіе основнаго нашего числительнаго, и этимъ путемъ, на сколько возможно, пробраться къ первому, наиближайшему поводу наименованія чиселъ,—то мы можемъ пропустить всѣ другіе грамматическіе вопросы, которые рождаются въ мысли при разсматриваніи этого предмета, и оглянуться назадъ на совершенный нами путь къ предположенной цѣли и собрать въ одно мѣсто всѣ результаты. Вотъ они въ короткихъ словахъ:

I. Основныя наши числительныя имена родственны въ этимологическомъ отношеніи частію съ указательными частицами, изъ которыхъ образовались личныя мѣстоименія, частію съ корнями, выражающими понятія, изъ которыхъ произошли глаголъ и имена, какъ существительныя, такъ и прилагательныя. Съ указательными частицами родственны первыя три числа, согласно раздѣленію трехъ личныхъ мѣстоименій, съ которыми они совершенно одинаковой матеріи: слв. і-*единъ*, чеш. *jeden*, слв. *инъ* (і-а, ны), *два* (ты), *три* (тъ, ten); съ корнями глагольными и именными родственны прочія семь: *четыре*=двѣ четы, двѣ пары, *пять*=*пасть* (у лѣвой руки), *шесть*=шака т. е. горсть, *семь*=обѣтъ или святость, *осмь*=двѣ четверки, *девять*=новое число, *десять*=десница или правая рука, *сто* есть вторая половина слова *десять*, по отпаденіи первой.—*Тысяча* сокращена изъ десать—сать, десять сотъ. Къ тому же результату ведетъ разборъ всѣхъ прочихъ числительныхъ именъ нашего языка и родственныхъ ему индоеврейскихъ. И между этими послѣдними низшія и также элементарныя три числа родственны съ личными мѣстоименіями. а прочія съ глагольными и именными корнями; напр. греч. μία, μόνος съ *tea*, *teins*, чеш. *tme*, *me*, *mi; sa* съ нашимъ *ся* (сѧ), *си*, *себѣ*, *собѣ*, скр. *tvas* съ *tva* (tu); напротивъ *мѣра*, *копа*, *тьма* и т. п. суть существительныя имена, перенесенныя къ означенію опредѣленнаго числа. Замѣчательно и достойно вниманія сходство и въ томъ, что какъ къ означенію понятія перваго лица употребляется много различныхъ частицъ въ прямыхъ и косвенныхъ падежахъ, такъ и къ означенію понятія единичности употребляются тѣже самыя частицы одна возлѣ другой, но изъ нихъ въ самой числительной системѣ обыкновенно одна получаетъ перевѣсъ надъ всѣми другими.

2) Въ томъ показаніи, что первыя, элементарныя три числа родственны съ тремя личными мѣстоимѣніями, а слѣдовательно

Digitized by Google

и съ различеніемъ трехъ лицъ и ихъ значеніемъ,—прочія же образовались посредствомъ болѣе или менѣе свободнаго перенесенія словъ отъ предметовъ вещественныхъ къ означенію отвлеченныхъ понятій т. е. опредѣленнаго количества,—въ этомъ показаніи обнаруживаются свойства и качества какъ цѣлаго языка, такъ и самой человѣческой мысли. Съ одной стороны мы стоимъ на томъ краю дѣятельности человѣческаго разума, гдѣ начальныя и основныя его понятія кажутся погребенными въ внутренности природы; по этому намъ предстоитъ все дальше и дальше разбирать элементы и изслѣдовать ихъ значеніе. Съ другой стороны мы находимся въ области свободной и сознательной дѣятельности духа, именно происхожденія своихъ мыслей и ихъ означенія, перенесеніемъ словъ отъ предмета къ предмету, отъ мысли къ мысли, измѣненіемъ и установленіемъ ихъ значенія по произволу.—Уже изъ этого мы можемъ заключать о несостоятельности мнѣнія тѣхъ впрочемъ ученыхъ и достоуважаемыхъ филологовъ, которые *всякое* числительное, *всякое* мѣстоимѣніе, *всякій* предлогъ выдаютъ за *метафору*, утверждая, что они суть сокращенныя имена предметовъ вещественныхъ, а именно:

одинъ происходитъ отъ какого нибудь слова, которое нѣкогда въ какомъ нибудь языкѣ означало *голову*, потому что голова единична, *два* отъ слова которое означало *очи, уши, руки, ноги, рога*, и т. п., потому что эти предметы двойственны. Заблужденіе явно. Если бы всѣ числа были простымъ перенесеніемъ словъ отъ означенія предметовъ вещественныхъ и чувственныхъ къ понятіямъ отвлеченнымъ и сверхчувственнымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ было бы то, что человѣческое мышленіе и рѣчь могли когдато въ опредѣленныхъ границахъ и могутъ теперь еще производиться безъ опредѣленія количества и различенія лицъ, что противорѣчитъ само себѣ.

Разборъ имени числительнаго, какъ и всего прочаго въ языкѣ, чего нельзя отвергнуть, ведетъ къ дуализму элементовъ и корней. Будемъ знать только, что эта простая антиномія, какъ и всѣ другія, въ которыя впадаетъ духъ человѣческій при своемъ мышленіи, достигаетъ въ чемъ то высшемъ своего соединенія и соглашенія, что эта антиномія, въ которую вдается филологъ при изслѣдованіи основныхъ элементовъ и человѣческихъ понятій, находитъ причину въ чемъ-то высшемъ, но скромному филологу нельзя перескакивать межу, опредѣленную его наукѣ, и обѣщать свѣтъ, который не данъ ему въ удѣлъ.

3) Все, что духъ человѣческій самодѣятельно, хотя подъ вліяніемъ тѣлеснаго своего организма, творитъ и образуетъ, въ области чувственнаго воспріятія воплощеніемъ мысли въ слово,

Digitized by Google

должно,—чтобъ получить истинное существованіе, истинное бытіе,—принять на себя подобіе и видъ природы, слѣдовательно подчиниться законамъ механизма, въ чемъ заключается вся сила и особенность природы какъ прямой противуположности духа. Изученіе же духа доходитъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи до самыхъ глубочайшихъ и недовѣдомыхъ основъ.

Правда, изучая природу, мы тѣмъ самымъ изучаемъ и міръ духовный; но и въ самой душѣ бываетъ смѣна дня и ночи, свѣта и мрака, и она обладаетъ способностію вѣдѣнія, пока свѣтитъ солнце сознающаго разума. Ясное этому доказательство представляютъ и числительныя имена. Искать въ каждомъ случаѣ причинъ, почему духъ человѣческій различеніе трехъ лицъ или трехъ начальныхъ чиселъ назвалъ тѣми, а не другими звуками, составляетъ и для геніальныхъ умовъ задачу неразрѣшимую, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не разрѣшенную: но и на высшихъ, болѣе доступныхъ для нашего вѣденія ступеняхъ числительной системы нашего и вообще каждаго языка,—этого искусно созданнаго міра величинъ и количествъ,—свѣтъ прибываетъ слабо и мало-по-малу, и между предѣлами мрака и свѣта далеко простирается область сумрака. И видимъ тутъ, что слова свободно и сознательно,—и конечно не безъ причины,—перемѣнивъ первоначальное свое значеніе должны были все болѣе и болѣе слагаться и переходить въ простые, самородные знаки понятій, чтобъ достичь права *прирожденности*. Никто не мыслитъ при *пяти* о *пясти*, при *шести о шакъ* или горсти, при *семи объ обѣтъ* или святости, при *девяти* о *новомъ* числѣ, при *десяти* о *десницѣ*, хотя было время, когда все это ясно и чисто должно было приходить на мысль говорящему и быть имъ сознаваемо. Такое отчужденіе по истинѣ было необходимо, неизбѣжно, если только счисленіе съ помощію этихъ словъ входило въ организмъ *прирожденнаго* языка. Сокращеніе и измѣненіе числительныхъ именъ по ихъ матеріи или звуку есть простое слѣдствіе этого.

4) Каждый языкъ заключаетъ въ себѣ безчисленное множество смѣлыхъ и разнообразныхъ сокращеній и измѣненій словъ, и можно найти сотни болѣе смѣлыхъ и разнообразныхъ, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ намъ имена числительныя. Это сокращеніе и измѣненіе достигаетъ высочайшей степени на высшихъ десятичныхъ, сотенныхъ и тысячныхъ мѣстахъ. Изъ многихъ примѣровъ я приведу здѣсь только нѣкоторые, для простого напоминанія. Чеш. *jedenáct* вм. *jedennadeset*, *dwacet* вм. *dwadeset*, *jedenmecitma* вм. *jedenmezidesitma* (10+1+10=21), служитъ намъ ближайшимъ того доказательствомъ. Уже въ скр. мы находимъ

Digitized by Google

šašti вм. *šašdasati* (60), *saptati* вм. *sapladasati* (70) и т. д., въ греч. εἴκοσι вм. δϝειδέκατι, τέτραχμον вм. τετράδραχμον, въ лат. *viginti* вм. *dvideginti*, *duodennis* вм. *duodecennis*, *dodrans* вм. *dequadrans*, *sembella* вм. *semilibella* въ нѣм. *hundert* вм. гот. *taihuntêhund*, во франц. *onze*, *douze*, *treize* и т. д. сократилось такъ, что изъ первоначальнаго *decem (dix)* образовалось простое *ze*, въ англ. *eleven* вм. *one-leven*, въ итал. *venti* вм. *viginti* и т. д. Нашему *сто* вм. *десять×десять*, *тысяча* вм. *десять×сто* аналогично лат. *decies aeris* вм. *decies centena millia aeris*. Подобныхъ примѣровъ во всѣхъ языкахъ множество, чѣмъ въ извѣстной степени оправдывается отважность филолога, восходящаго въ мысли своей отъ разсматриванія кусковъ и обломковъ къ угадыванію цѣлаго.

5) Мы сказали въ самомъ вступленіи къ этому труду, что предметъ этимологіи составляетъ разысканіе причины наименованія предмета, или соотношенія нашихъ понятій съ созначущими имъ звуками,—сказали, что при этомъ непремѣнно должно восходить постепенно отъ причинъ ближайшихъ къ отдаленнѣйшимъ, пока не дойдемъ до самыхъ глубокихъ. Мы старались, на сколько намъ было возможно, добраться только до ближайшихъ причинъ наименованія нашихъ чиселъ; восхожденіе къ болѣе глубокимъ и достиженіе послѣдней мы должны предоставить доброй волѣ, охотѣ и опытности снисходительнаго читателя.

Почтемъ себѣ за счастіе, если намъ удалось пролить изъ богатаго и древняго языка нашего какой нибудь *новый* свѣтъ на этотъ важный и темный предметъ, а чрезъ то доказать предъ лицемъ непредубѣжденныхъ судей право однородства нашего языка съ прочими прославленными индоевропейскими языками.

Мы увѣрены, что и тотъ, кто при помощи его будетъ съ искренностію и постоянствомъ искать дальнѣйшаго и высшаго свѣта, не даромъ будетъ трудиться и не пожалѣетъ своего труда. Заключимъ словами, произнесенными нами двадцатью двумя годами прежде: *языкъ славянскій старъ и богатъ, и изучающій его будетъ щедро вознагражденъ.*

Digitized by Google

Примѣчанія.

1) См. I. M. *Minner* Ansichten von Entstehung, Wesen und Erscheinungen der menschlichen Sprache, Stuttg. 1839. 8°. Здѣсь происхожденіе *всѣхъ* понятій отъ чувственныхъ образовъ и матеріальность ихъ, равно какъ и происхожденіе разума изъ языка ясно выражены, и между прочимъ вотъ что читается о матеріальности понятій: «Einen recht deutlichen Beweis von der tastbaren materiellen Beschaffenheit unserer Begriffe erhalten wir, wenn wir etwas Vergessenem mit unserem Gedächtnisse nachjagen, und es uns ist, als wenn es einen Körper hätte und wir manchmal im Begriffe sind es zu erhaschen, wenn es uns, wie ein Aal, entschlüpft» S. 30.

2) *S. Stern.* Lehrbuch der allgemeinen Grammatik. Berlin 1840. 8° Сочинитель оканчиваетъ свое изслѣдованіе о числительныхъ именахъ слѣдующими замѣчательными словами: «Und so müssen wir also das Resultat als entschieden betrachten, dass das Zahlwort nicht in die Reihe der Wörter als organisches Sprachgebilde gehöre». S. 76.

3) Достойно вниманія въ этомъ отношеніи греческое выраженіе πεμπάζειν т. е. считать на пальцахъ, отъ дрв. греч. πεμπε вм. πέντε (quinque).

4) По этой причинѣ мы отсылаемъ снисходительнаго читателя къ слѣд. сочиненіямъ: *Fr. Wüllner* Über Ursprung und Urbedeutung der sprachlichen Formen, Münster. 1831. 8° *Его же* Über die Verwandtschaft des Indo-germanischen, Semitischen und Tibetanischen. Münster. 1838. 8°

Fr. Bopp. Vergleichende Grammatik. Berlin. 1833 4° S. 428—467.

R, Lepsius Zwei sprachvergleichende Abhandlungen. Berlin 1836 8°

Th. Benfey Griechisches Wurzellexicon. Berlin 1839 8° 2 d.

W. Mohr Dialektik der Sprache. Heidelberg 1840 8°

M. Schasler de pronomine personali. Berol. 1848 8°

A. T. Pott Etymologische Forschungen. Lemgo 1837 8° ч. 2 стр. 276—277.

Его же Die quinare und vigesimale Zählmethode. Halle 1847 8°

5) Ист. Гос. Рос. IV, 53 *неудоси* (незастигъ); IV, 12 *удоси его* (постигъ его, угодилъ ему) и т. д.

Digitized by Google

Находится и въ весьма старомъ словарѣ церковнославянскаго языка.

6) Удивительно, что и въ арабскомъ языкѣ слово *handia*, по Лепсію, имѣетъ значеніе ста.

7) *Fr. Bopp* Vergleichende Grammatik. Berl. 1833 S. 447. 597.

Digitized by Google

О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Сочиненіе студента Ал. Патковскаго.

(Статья первая)

Матеріалы для біографіи Веневитинова.

Имя Веневитинова давно извѣстно въ нашей литературѣ. Талантливый, такъ много обѣщавшій поэтъ, умный критикъ,—онъ конечно не могъ, безъ большой несправедливости, пройти въ ней незамѣченнымъ, а похвалы и сожалѣнія о его ранней утратѣ вполнѣ упрочили за нимъ извѣстность, купленную природными дарованіями.

Бѣлинскій говорилъ объ немъ: «Изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся въ первое время Пушкина, исключая геніальнаго Грибоѣдова, несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе памяти—Полежаевъ и Веневитиновъ». Туманскій, Дельвигъ, Деларю, Кольцовъ, писали ему эпитафіи, избранныя его произведенія вошли въ разнаго рода литературные сборники, а небольшая, поверхностная біографія ввела нашего поэта въ кругъ привилегированныхъ знаменитостей Энц. Словаря (Т. IX).

Казалось бы, со всѣхъ сторонъ оцѣнена эта краткая дѣятельность, которую часто осматривали и высоко поставили... Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Ни одно изъ всѣхъ данныхъ о нашемъ поэтѣ не пошло далѣе того предисловія къ первому изданію его сочиненій, гдѣ говорилось о его ранней смерти, о несомнѣнности его дарованій, о симпатичности его музы. Только одна, серьозная по самому плану, статья И. В. Кирѣевскаго (Денница за 1830 г.), бывшаго друга покойнаго поэта, является исключеніемъ, указывая прямѣй и рѣшительнѣй мѣсто Веневитинова въ литературѣ. Но затрогивая множество лицъ и вопросовъ, статья эта не могла имѣть значенія и отвѣтственности монографіи,—а её то уже пора представить на судъ общества, которому долго

Digitized by Google

твердили, что Веневитиновъ послужилъ его эстетическому образованію, и которое однакожъ беретъ это не иначе какъ «на вѣру». Вѣроятно, было бы интересно узнать ему: на чемъ основываются эти права на его особенное вниманіе, какимъ рѣзкимъ, самобытнымъ характеромъ отмѣчена посвященная ему дѣятельность?

А между тѣмъ—и еще такъ недавно-сочиненія Веневитинова изданы вмѣстѣ съ сочиненіями В. Л. Пушкина, какъ бы весьма близкія къ нимъ по достоинству, или характеру, безъ всякихъ комментаріевъ, безъ группировки, или выбора произнесенныхъ о нихъ сужденій. Неумѣстное сосѣдство удаляетъ отъ Веневитинова менѣе просвѣщенную публику, а отсутствіе подробной характеристики ослабляетъ въ болѣе образованной то сочувствіе къ поэту, которое вызывается ближайшимъ съ нимъ знакомствомъ.

Но Веневитиновъ замѣчателенъ не только какъ литераторъ. Его личная натура представляетъ намъ такое богатство разнообразныхъ дарованій, такое замѣчательное сліяніе строгаго мышленія съ самой нѣжной чувствительностью, наконецъ столько счастливыхъ условій для полнѣйшаго развитія, что, быть можетъ и слабый очеркъ ея заинтересуетъ читателя. Г. Плетневъ былъ совершенно правъ, сказавши, что «природа, какъ бы съ удовольствіемъ, образовала Веневитинова, надѣливъ его талантами самыми увлекательными».

Вполнѣ убѣжденные въ томъ, что частная жизнь подобнаго человѣка—въ видѣ совокупности тѣхъ душевныхъ движеній, которыя только вполовину выражены имъ въ словѣ и безъ указаній не всегда понятны и связны—не лишена хотя относительной важности, мы излагаемъ ее—какъ необходимое поясненіе литературной дѣятельности поэта, необходимое вступленіе къ ней.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ родился въ Москвѣ 14-го Сентября 1805 года (*). Общественное положеніе, избы-

(*) Бо́льшая часть фактовъ, приведенныхъ здѣсь, сообщена намъ словесно лицами ближайшими къ покойному поэту. Спѣшимъ замѣтить, что, въ выборѣ этихъ фактовъ, мы руководились одной идеей-очертить по возможности характеръ и вліятельную обстановку его развитія, а не писать перечень событій, гдѣ бы, за обиліемъ ненужныхъ подробностей, исчезала живая мысль. Съ тѣми же видами мы пользовались въ послѣдней части «Матеріаловъ» до сихъ поръ нетронутымъ сокровищемъ—письмами Веневитинова къ одной близкой особѣ.

Нельзя при этомъ не предупредить читателя насчетъ неизбѣжныхъ пробѣловъ въ нашемъ трудѣ, особливо же въ описаніи первой молодости поэта. Пополнить ихъ—принадлежитъ соединеннымъ усиліямъ всѣхъ лицъ, знавшихъ поэта, и ихъ то воспо-

Digitized by Google

токъ матеріальныхъ средствъ благопріятствовали новорожденному. Онъ принадлежалъ по роду къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, по всей вѣроятности вышедшей изъ Запорожья (въ родословной Д. В. часто упоминаются «есаулы»); большое помѣстье въ Воронежской губерніи ограждало его отъ всѣхъ золъ и искушеній бѣдности.

Въ младенчествѣ потерялъ онъ своего отца,—и весь трудъ первоначальнаго воспитанія ребенка доставался на долю матери (Анны Николаевны). Къ счастію Веневитинова, она не была похожа на тѣхъ классическихъ «матушекъ», по имени которыхъ называютъ цѣлую толпу балованныхъ и вѣчно недозрѣлыхъ сынковъ; она также избѣгала односторонней методы «учить» дѣтей нравственности съ помощью избитой морали и жесткаго обращенія съ возрастомъ, нимало не примѣняемаго къ его свойствамъ и требованіямъ. Постоянное, но не стѣснительное наблюденіе надъ сыномъ, въ духѣ теплой, непедантической религіи, составляло для нея лучшую заботу, а собственный примѣръ христіанской любви и кротости, вѣрнѣе всѣхъ голословныхъ поученій, дѣлалъ благотворнымъ надзоръ ея. Подъ ея то вліяніемъ освоился поэтъ съ тою «нравственною свободой» про которую такъ часто говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Когда ребенку минуло 8 лѣтъ, то мать, уже теряя возможность вести его впередъ одними собственными стараніями, съумѣла найти человѣка, который бы могъ съ такою же любовью и внимательностью направлять его дальнѣйшее образованіе. Это былъ французъ Дорёръ: умный и вполнѣ образованный воспитатель, онъ могъ, какъ нельзя лучше, дѣйствовать на впечатлительнаго мальчика.

Лѣтнія поѣздки въ Кусково или Сокольники пріятно разнообразили учебную жизнь—и тамъ, на волѣ и просторѣ, тѣшился ребенокъ-поэтъ. Всевозможныя игры бывали имъ перепробованы; тамъ же вѣроятно одушевила его впервые и та любовь къ природѣ, которую онъ постоянно сохранялъ въ себѣ. Часто доброму гувернёру приходилось отыскивать въ саду своего питомца, чтобы спросить почти всегда бойко выученный урокъ,—и звонкій голосокъ, а потомъ и книга, слетавшая съ какого нибудь высокаго дерева, давали знать о прихотливо выбранномъ мѣстѣ.

мманія, уже готовыя утратиться, хотѣлось бы пробудить намъ. Если намъ это удастся, если толки о Веневитиновѣ, возбужденные нашей статьею, уяснятъ его, достойную вниманія, личность, то мы будемъ довольны уже тѣмъ, что, первые, подали за нея голосъ.

Авт.

Digitized by Google

Книга эта обыкновенно была латинской грамматикой: съ нея началъ Дореръ, знатокъ римской литературы, классическое образованіе мальчика.

Хотя, въ параллель съ изученіемъ древней литературы, Дорёръ ставилъ изученіе своей родной, ложно классической, но онъ далеко не былъ тѣмъ ограниченнымъ и упрямымъ доктринеромъ, какимъ мы видимъ въ послѣднее время Низара. По крайней мѣрѣ онъ не старался привить своему ученику теоретическаго поклоненія ложному классицизму, и ни въ дѣтствѣ, ни въ позднѣйшихъ лѣтахъ, у Веневитинова не лежало сердце къ франц. поэтамъ. Только Грессѐ и Мильвуà, задушевные болѣе прочихъ, одно время нравились ему. Къ тому же успѣшное занятіе нѣмецкой литературой, (подъ руководствомъ того же гувернера), скоро открыло для его мысли тотъ просторъ, котораго не могли дать однообразныя произведенія французскихъ писателей и указало: какихъ взглядовъ на искусство будетъ держаться молодой поэтъ. Впослѣдствіи, при помощи К. И. Герке, одного изъ друзей дома, занятія нѣмецкой словесностью пошли еще успѣшнѣй. Для греческаго языка былъ найденъ, по совѣту Дорёра, особый преподаватель—грекъ Беіля.

Замѣчательныя способности дитяти, его недѣтская вдумчивость и внимательность много помогали его успѣхамъ. Софоклъ и Эсхилъ скоро увлекли его, и укрѣпившись въ познаніяхъ языка, онъ пробовалъ даже переводить изъ послѣдняго («Прометея»). Вѣроятно съ этого же времени онъ полюбилъ и Платона, въ которомъ находилъ «столько же поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же пищи для чувства, сколько для мысли». (Пис. о Филос. Соч. Вен. изд. 1855 г. стр. 129).

Вообще онъ скоро свыкся съ древнимъ міромъ, гдѣ «мысли.... и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную, въ которомъ философія и всѣ искусства, тѣсно связанныя между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ». (Разб. разс. Мерзл. стр. 136). По другимъ предметамъ, нужнымъ для элементарнаго образованія, были своевременно приглашаемы наставники,—и такимъ образомъ мальчикъ избавился отъ училищнаго воспитанія, конечно представляющаго много практическихъ выгодъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно же въ то время, и много препятствій для правильнаго, постепеннаго развитія.

Впрочемъ никто изъ этихъ учителей не вліялъ замѣтно на мальчика, не исключая и преподавателя русской словесности. Русская литература, еще только расцвѣтавшая тогда, не могла представить много даровитыхъ спеціалистовъ, и нашъ поэтъ самъ долженъ

Digitized by Google

былъ позаботиться объ этой части своего образованія. Изъ русскихъ писателей онъ познакомился прежде всего съ Карамзинымъ. «Исторія Госуд. Россійскаго» и другія сочиненія того же автора были прочтены Веневитиновымъ съ большою жадностью, и, безъ сомнѣнія, съ пользою. Можно думать, что они отчасти развили въ немъ страсть къ познаніямъ и то нѣжное, мечтательное настроеніе духа, которое было прежде возбуждено названными нами французскими писателями.

Объ руку съ литературными занятіями Веневитинова шли другія, столько же освѣжающія и увлекательныя—занятія живописью и музыкой. Его разнообразные таланты и здѣсь выказали себя въ полномъ блескѣ. Позже онъ такъ успѣлъ въ послѣдней, что могъ свободно писать довольно трудныя композиціи и постоянно слылъ въ кругу своихъ знакомыхъ за талантливаго музыканта. Заключительные стихи «къ любителю музыки» показываютъ весьма ясно, какой глубокій, вдохновенный смыслъ имѣла для него поэзія звуковъ. Нѣсколько пьесъ Пушкина было въ ранней молодости переложено имъ на ноты; до насъ не дошли эти переложенія, но сохранились нѣкоторыя другія музыкальныя пьесы.

Мы видѣли также одну его художническую работу (эскизъ головы Медузы) и не могли не признать въ ней смѣлости и выразительности, весьма значительныхъ при томъ маломъ упражненіи, которымъ онъ могъ пользоваться.

Среди такихъ то занятій незамѣтно промелькнуло дѣтство поэта.... Но эта любовь къ размышленію и серьознымъ умственнымъ трудамъ, замѣчаемая въ нашемъ дитяти, нисколько не мѣшала его природной рѣзвости,—и рѣдкій изъ дѣтей такъ непринужденно и добродушно веселился какъ онъ.

Съ 14-ти лѣтъ особенныя наклонности мальчика выразились опредѣленнымъ образомъ: Горацій не сходилъ съ его рабочаго стола и плодомъ такой умственной дружбы были немногіе переводы въ стихахъ изъ римскаго корифея. До насъ не дошелъ этотъ авторскій дебютъ поэта, но мы имѣемъ другой переводъ—изъ Виргиліевыхъ Георгикъ, (Знаменія передъ смертью Цезаря), писанный почти въ одно время. Подобные опыты не пропадаютъ даромъ, и 16-ти лѣтъ Веневитиновъ уже былъ достаточно развитъ, чтобы написать чистымъ и звучнымъ языкомъ маленькое оригинальное посланіе къ друзьямъ (Соч. Вен. стр. 14). Здѣсь подъ именемъ друзей нужно разумѣть дѣйствительныхъ друзей юности поэта. Подобно всякому юношѣ съ нѣжной и пылкой душею, онъ рано искалъ дружеской пріязни и первыя лица, раздѣлявшія ее, были: Скарятинъ, даровитый художникъ, умер-

Digitized by Google

шій въ Италіи на мѣстѣ изученія искуства и Ѳ. С. Хомяковъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Къ этому же времени относится и «Вѣточка» переводъ изъ Грессе (Gresset), единственное стихотвореніе заимствованное Веневитиновымъ изъ французской литературы (*).

Изъ посланія видимъ мы, что юный поэтъ уже успѣлъ усвоить себѣ строгій и здравый взглядъ на вещи. «Пусть — говоритъ онъ—кто хочетъ ищетъ славы, богатства, веселья—я и безъ нихъ счастливъ.

Съ лирой, съ вѣрными друзьями....

---

* Это стихотвореніе помѣщено въ «сочиненіяхъ Веневитинова» безъ указанія заимствованія. По примѣру бо́льшей части тогдашнихъ писателей, Веневитиновъ, прибавивъ въ концѣ пьесы четыре собственныхъ стиха, считалъ себя вправѣ печатать её подъ своимъ именемъ.

Мы приводимъ параллельно оба стихотворенія, отмѣчая курсивомъ тѣ строфы или отдѣльныя выраженія, которыя переданы особенно близко.

Gresset. (Galerie littéraire, par J. B. Maigrot).	Веневитиновъ. (Соч. Вен. стр. 17).
En promenant vos rêveries	Въ безпѣчный часъ уединенья,
Dans le silence des prairies,	Когда пустынною тропой
Vous voyez un faible rameau	Съ живымъ восторгомъ упоенья
Qui par *les jeux du vague Éole,*	Ты бродишь съ милою мечтой
Détaché de quelque arbrissean,	Въ тѣни дубравы молчаливой,—
Quitte sa tige, tombe et vole	Видалъ ли ты, какъ *ветръ игривый*
Sur la surface d'un ruisseau.	Младую вѣточку сорветъ?
Là, par une invincible pente,	Родной кустарникъ *оставляя,*
Forcé d'errer et de changer,	Она вiется, упадая
Il flotte au gré de l'onde errante	*На зеркало ручейныхъ водъ,*
Et d'un mouvement étranger	И, новый житель влаги чистой,
Souvent il paraît, il surnage;	Съ потокомъ плыть *принуждена,*
Souvent il est au fond des eaux.	То надъ струею серебристой
Il rencontre sur son passage	Спокойно носится она,
Tous les jours des pays nouveaux:	То вдругъ предъ взоромъ исчезаетъ
Tantôt un fertile *rivage*	*И кроется на днѣ ручья;*
Bordé de côteaux fortunés;	*Плыветъ—все новое встрѣчаетъ,*
Tantôt une rive sauvage	*Все незнакомые края:*
Et des *déserts* abandonnés.	Усѣянъ нѣжными цвѣтами
Parmi ces erreurs continues,	Здѣсь улыбающійся *брегъ,*
Il fuit, il vogue jusqu'au jour,	А тамъ *пустыни,* вѣчный снѣгъ,
Qui l'ensevelit à son tour	Иль горы съ грозными скалами.
Au sein de ces mers inconnues	Такъ далѣй вѣточка плыветъ
Où tout s'abîme sans retour.	И путь невѣрный свой свершаетъ
	Пока она не утопаетъ
	Въ пучинѣ безпредѣльныхъ водъ
	Вотъ наша жизнь!—такъ къ вѣрной цѣли
	Необоримою волной
	Потокъ насъ всѣхъ отъ колыбели
	Влечетъ до двери гробовой.

Digitized by Google

Взглядъ самъ по себѣ конечно идиллическій, но и самый буколизмъ его уже нѣсколько указывалъ на ту норму понятій, въ которой позже утвердился поэтъ. Послѣдствія доказали, что подобный складъ мыслей былъ не плодомъ расшалившагося воображенія, но первымъ откликомъ пробужденнаго сознанія.

Уже много лѣтъ спустя, Веневитиновъ говорилъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній, обращаясь къ поэтическому образу—«хранителю» своей души:

Не отдавай души моей
На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойно въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей.
Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной осѣни,—
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ
И лучъ тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни....

(Соч. Вен. стр. 43).

Быть можетъ раннее изученіе Байрона, (на франц. языкѣ), помогало развиваться этому взгляду, но самая чуткость, съ которою нашъ поэтъ прислушивался къ мотивамъ англійскаго лирика, уже предполагаетъ собой достаточную душевную зрѣлость и способность «воспринимать» то, что могло вызвать сочувствіе молодаго сердца. А если же впослѣдствіи Веневитиновъ и называлъ себя «ученикомъ» (*) Байрона, то этого никакъ нельзя принимать въ ограниченномъ смыслѣ подражательности. Въ этомъ случаѣ онъ былъ столько же подражателемъ, сколько и тогда когда называлъ Жуковскаго своимъ «наставникомъ» (соч. Вен. стр. 55). Какъ англійскій поэтъ, такъ и знаменитый его переводчикъ, только обогатили поэзію Веневитинова новыми звуками, которые онъ располагалъ и разнообразилъ совершенно по своему.

Подобный взглядъ не подавлялъ собой природной впечатлительности поэта. Чувство, высказанное только вполовину, или переданное ближайшему сердцу, не глохнетъ въ глубокой душѣ, но возбуждая сильную внутреннюю работу, дѣлается полнѣе и плодотворнѣе..... 17-ти лѣтъ Веневитиновъ посѣтилъ впервые театръ. Давали какую то Оперу Россини. Пьеса произвела сильное впечатлѣніе на поэта, и онъ потомъ цѣлый мѣсяцъ твердилъ наизустъ поразившія его мѣста, и примѣнялъ къ себѣ различныя положенія дѣйствующихъ лицъ.

Семнадцати же лѣтъ Веневитиновъ почувствовалъ себя достаточно приготовленнымъ, чтобы слушать лекціи въ своемъ родномъ университетѣ, уже представлявшемъ, въ удостовѣреніе

(*) Въ Посланіи къ Скарятину (Соч. Вен. стр. 25).

Digitized by Google

полезной дѣятельности, имена Мерзлякова, Давыдова, Павлова. Несомнѣнный талантъ перваго изъ нихъ составилъ даже эпоху въ исторіи этого университета. То поэтъ, то ученый, Мерзляковъ имѣлъ сильное вліяніе на слушателей. Его горячая любовь къ успѣхамъ русскаго просвѣщенія, часто выражавшаяся въ увлекательной импровизаціи, много укрѣпила необходимую симпатическую связь между каѳедрой и аудиторіей, а публичныя лекціи, читанныя имъ въ 1812 и 16 годахъ, обратили на университетъ особенное вниманіе общества. Притомъ же и сухой классицизмъ Баттё и Лагарпа, принятый Мерзляковымъ въ основу профессорской и критической дѣятельности, замѣтно смягчался въ немъ эшенбурговыми идеями, и еще болѣе тѣмъ природнымъ чувствомъ изъящнаго, которое нерѣдко проглядывало изъ за механическаго построенія его ученыхъ приговоровъ. Такъ напримѣръ, не смѣя открыто бранить Сумарокова и Хераскова, Мерзляковъ находилъ иногда возможнымъ вставлять среди похвалъ такія замѣчанія, которыя позволяютъ сомнѣваться въ непринужденности его хвалебнаго тона (Тр. Общ. Люб. Рос. Сл. за 1804).

Но ограниченность и отсталость его литературной теоріи уже вызывала дѣятельность Давыдова (И. И.), въ духѣ новыхъ, болѣе широкихъ взглядовъ на искусство. На долю Павлова (М. Ѳ.) выпала та же обязанность вести впередъ своихъ слушателей и современниковъ—именно усвоить точнымъ наукамъ болѣе разумное и вмѣстѣ примѣнимое къ жизни направленіе. Эта замѣчательная черта профессора Сельскаго Домоводства всего яснѣе выразилась впослѣдствіи — и въ его публичныхъ лекціяхъ (въ Февр. 1825 г.), и въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ, гдѣ, по привычкѣ объяснять каждый фактъ какимъ нибудь разумнымъ началомъ, онъ проводилъ «философическій взглядъ» даже на холеру (Телеск. 1831 г.), тогда еще мало разъясненную. Бесѣды съ Павловымъ и слушаніе его лекцій навели Вешевитинова на занятія шеллинговой философіей, которую Павловъ одинъ изъ первыхъ распространялъ въ Россіи. Плодомъ этихъ занятій были извѣстныя публикѣ письма къ Княгинѣ Трубецкой—о Философіи (Графинѣ N).

Посѣщая университетъ, Вешевитиновъ не записывался впрочемъ въ студенты и не обязывалъ себя къ постоянному, регулярному посѣщенію одного факультета. Педагогическія бесѣды, устроенныя для всѣхъ желающихъ профессоромъ Мерзляковымъ, развернули въ юношѣ тѣ качества хорошаго прозаика, которымъ суждено было проявиться только въ весьма не многихъ статьяхъ. Очевидцы говорили намъ, что остроуміе молодаго человѣка и замѣчательная діалектика его доводовъ обращали на себя

Digitized by Google

вниманіе какъ главы ученыхъ диспутовъ, такъ и самихъ диспутантовъ. Здѣсь же, возражая профессору, Веневитиновъ показалъ впервые ту самостоятельность взглядовъ, которую выразилъ впослѣдствіи въ разборѣ разсужденія Мерзлякова: «о началѣ и духѣ древней трагедіи».

Въ самомъ дѣлѣ трудно было бы нашему поэту согласиться съ тѣмъ, что «Жуковскій—это арабскій конь, который бросился въ каменистую степь и хромаетъ на всѣ четыре ноги» (*).

Года два продолжалось это вольное, перерывистое слушаніе университетскихъ лекцій—и къ его то времени относятся многія произведенія Веневитинова, и между ними переводъ изъ Макферсона (съ франц. текста—пѣснь Кольмы), и два отрывка изъ неконченной поэмы. Сюжетъ поэмы заимствованъ изъ исторіи г. Зарайска, жестоко пострадавшаго въ первое нашествіе Монголовъ. Еще въ раннюю молодости поэтъ былъ въ этомъ городѣ и воспользовался устнымъ преданіемъ.

Говорятъ, что Зарайскій Князь Ѳедоръ получилъ отъ Батыя предложеніе достойное азіатца: привести къ нему на ложе свою молодую, прекрасную жену Евпраксію. Въ случаѣ несогласія Батый грозилъ ему окончательнымъ разореніемъ удѣла. Но молодой князь не испугался угрозы и въ порывѣ благороднаго мужества рѣшился отстоять свои супружескія права. Онъ встрѣтилъ Хана передъ стѣнами города и далъ ему роковую битву, имѣвшую одинъ конецъ со всѣми тогдашними битвами. Ѳедоръ былъ убитъ, Батый съ торжествомъ готовился исполнить желаніе. Но Евпраксія не дождалась своего позора: узнавъ о геройской смерти мужа, она бросилась внизъ съ городской стѣны... До сихъ поръ мѣстные жители показываютъ ея могилу, не привлекательную ничѣмъ кромѣ воспоминаній.

Одно лишь темное преданье
Вѣщаетъ о дѣлахъ вѣковъ
И вѣетъ вкругъ нѣмыхъ гробовъ.....
(Соч. Вен. стр. 19).

Простое, но выразительное событіе было оцѣнено по достоинству поэтическимъ чутьемъ Веневитинова, и только скоро начавшееся глубокое изученіе германской литературы отвлекло его отъ тщательной обработки этого сюжета.

Сюда же прилегаютъ: Къ друзьямъ на новый (1823) годъ, Отрывки изъ пролога: Смерть Байрона, Пѣснь Грека, Любимый цвѣтъ и 1-е посланіе къ Рожалину. «Отрывки» показываютъ

(*) Воспоминаніе одного изъ бывшихъ слушателей Мерзлякова.

Авт.

Digitized by Google

намъ, что Веневитиновъ умѣлъ видѣть Байрона въ самомъ поэтическомъ свѣтѣ, какъ бойца за угнетенное человѣчество; «Пѣснь Грека» навѣяна тѣмъ же предметомъ. «Любимый цвѣтъ» посвященъ Веневитиновымъ своей сестрѣ—Софьѣ Владиміровнѣ (С. В. В.). Небрежность нѣкоторыхъ стиховъ въ этой пьесѣ, а равно и во многихъ другихъ,—вредящая поэтической мысли, происходитъ отъ того, что нашъ поэтъ писалъ «сразу», почти безъ варіантовъ.

Посланіе къ Рожалину, носящее на первый взглядъ слѣды какого то насильственнаго байронизма, объясняется тѣмъ, что поэтъ дѣйствительно былъ обманутъ однимъ близкимъ человѣкомъ, долго скрывавшимъ свой настоящій характеръ. Оно начинаетъ въ жизни поэта новую эпоху, о которой мы будемъ говорить въ свое время. Учебныя занятія юноши шли въ уровень съ его поэтическимъ развитіемъ, и черезъ два года послѣ первой прослушанной лекціи, онъ, безъ труда, выдержалъ довольно трудный экзаменъ, требовавшійся тогда по указу 1809 года для полученія нѣкоторыхъ преимуществъ по гражданской службѣ. Недостатокъ реальныхъ познаній поэтъ восполнилъ нѣсколько позже изученіемъ физіологіи подъ руководствомъ знаменитаго Лодера. Въ анатомическомъ театрѣ вѣроятно пришла ему впервые мысль того романа, гдѣ, какъ извѣстно, трупъ хорошенькой женщины играетъ весьма важную роль.

Теперь Веневитиновъ вступалъ уже въ болѣе широкую практическую жизнь. Но не шумными оргіями, не разгульнымъ самозабвеніемъ отпраздновалъ онъ свое вступленіе въ свѣтъ. Московскій Архивъ Коллегіи Иностран. Дѣлъ, (тогда еще не было Министерства) скрылъ его на время отъ всякаго блеску и хлопотъ въ скучномъ сосѣдствѣ съ пыльными хартіями. Развитый юноша не плѣнился привольной жизнью военнаго человѣка, такъ заманчивой въ то время, когда

Любимцамъ гвардіи, гвардейцамъ, гвардіонцамъ,
Ихъ золоту, шитью дивились будто солнцамъ,

и, безъ всякихъ колебаній, предпочелъ ей скромную архивскую службу, представлявшую впереди переводъ въ Коллегію Ин. Дѣлъ. А возможность поѣздки въ русскомъ посольствѣ за границу, гдѣ онъ могъ бы, въ сближеніи съ чужими народностями, дополнить свое умственное образованіе, всегда манила поэта. Вѣроятно, онъ думалъ въ этомъ случаѣ, что «знающій одну свою родину прочелъ только первую страницу книги вселенной» (*).

Конечно не безъ глубокаго сознанія Веневитиновъ рѣшился

(*) Эпиграфъ къ Чайльдъ-Гарольду.

Digitized by Google

на такой выборъ. Его «Жертвоприношеніе» (Соч. Вен. стр. 59) говоритъ довольно убѣдительно, что сходясь весьма близко съ прелестями разсѣянной жизни, онъ всегда умѣлъ предпочесть ей другую жизнь—трудовую и разумную. Благодѣтельное воспитаніе, которое получилъ онъ, объясняетъ вполнѣ удовлетворительно такой образъ мыслей. Нестѣсненный никогда въ своемъ нормальномъ развитіи давленіемъ грубой власти, Веневитиновъ не могъ чувствовать и того желанія «закружиться», хватить черезъ край всякаго рода удовольствій, которое овладѣваетъ иногда молодымъ человѣкомъ, только что вырвавшимся на волю, получившимъ, послѣ долгихъ задержекъ, свободу самоуправленія....

Другаго рода страсти овладѣли теперь юношей: онъ сдѣлался членомъ весьма замѣчательнаго литературнаго кружка, въ который вошли: И. В. Кирѣевскій, Кошелевъ, Мальцовъ, В. П. Титовъ, Рожалинъ, Шевыревъ, Погодинъ, Ѳ. С. Хомяковъ. Каждый вторникъ вся названная молодежь собиралась къ Веневитинову—и въ этой сферѣ докапчивалось развитіе поэта. Философское направленіе, только что возникавшее между образованнѣйшими москвичами, преобладало въ этомъ кружкѣ,—и здѣсь то Веневитиновъ, подкрѣпленный десяткомъ умныхъ и пылкихъ головъ, окончательно вышелъ на тотъ «священный путь» пытливаго, но не узкаго мышленія, который долженъ былъ, безъ большихъ поворотовъ и уклоненій, вести его къ цѣли жизни.

Москва вообще богата всякаго рода кружками: славянская общительность и охота рѣшать всѣ дѣла «міромъ» нигдѣ такъ не развита, какъ въ нашей древней столицѣ. Москвичъ словоохотливъ и любитъ объяснять разумной причиной каждый свой поступокъ, быть можетъ не стоющій объясненія. «При первой встрѣчѣ съ вами—говоритъ Бѣлинскій «въ Физіологіи Петербурга»—Москвичъ непремѣнно заспоритъ и только тогда начнетъ иронически улыбаться, когда увидитъ, что ваши мнѣнія не сходятся съ мнѣніями кружка, въ которомъ онъ ораторствуетъ или слушаетъ, какъ другіе ораторствуютъ.»

Противъ такихъ-то кружковъ многіе возставали и возстаютъ, какъ противъ такой умственной западни, гдѣ гибнетъ свобода мысли и самостоятельное развитіе человѣка и на мѣсто всего этого воцаряется полная послушность «общей» волѣ, «общему» движенію, всегда подчиненнымъ одной сильной волѣ, или двумъ, тремъ даровитымъ людямъ; короче говорятъ, что каждый такой общинникъ вырабатываетъ не свою личность, а личность кружка, къ которому принадлежитъ онъ, и, теряя собственную физіономію, сливается съ дюжиной, или массой. Подобное мнѣніе нельзя назвать безусловно неправильнымъ, но вѣрность его тѣсно

Digitized by Google

опредѣляется бо̀льшимъ или мѐньшимъ объемомъ входящаго въ кружокъ дарованія. Если оно ничтожно-мало, то нѣтъ сомнѣнія что типичность его будетъ совершенно сглажена вліяніемъ болѣе сильныхъ и даровитыхъ натуръ,—и конечно не къ худшему, потому что лучше вовсе не имѣть никакой физіономіи, нежели имѣть ее дикую. Но если же дарованіе это въ самомъ объемѣ своемъ носитъ неистребимый зародышъ своеобразности, то странно предполагать, что какое бы нибыло постороннее вліяніе можетъ унизить его до безличности. Въ самомъ послѣдованіи чужимъ мыслямъ оно останется оригинальнымъ, по тому что въ безконечныхъ примѣненіяхъ мысли и долженъ выказаться особый тонъ, или извѣстная степень ея усвоенія.

Такими то эклектиками являются намъ и члены упомянутаго кружка. Такъ напримѣръ, бывши очень друженъ съ Кирѣевскимъ, Веневитиновъ уберегся отъ той гордой, чуждой всѣхъ сердечныхъ вѣрованій, философіи, которой поддался было сначала его молодой другъ, вѣроятно отъ пристальнаго и черезъ чуръ довѣрчиваго изученія писателей прошлаго вѣка, точно также впослѣдствіи, согласясь съ главными пунктами его новой теоріи, не утратилъ бы своего личнаго, поэтическаго воззрѣнія на предметы, находившаго жизнь и красоту тамъ, гдѣ другой увидѣлъ бы только одно разрушеніе (*).

Кромѣ Кирѣевскаго, Рожалинъ былъ особенно близокъ къ поэту. Умный труженикъ, знатокъ нѣмецкой и древне классической литературъ, и партизанъ новаго, болѣе жизненнаго направленія искуства, Рожалинъ скоро сдѣлался необходимъ для поэта. Природные инстинкты Веневитинова, отвлекавшіе его отъ застоя въ литературѣ и ложно классическихъ авторитетовъ, были закрѣплены тщательнымъ изученіемъ Шекспира, (въ переводахъ Авг. Шлегеля), на котораго Рожалинъ указалъ ему. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ отъ Рожалина только одни, кропотливо отдѣланные, переводы изъ Геерена, (Моск. Вѣстн, 1827 г, «О древней торговлѣ», «О Рамаянѣ», «О Шлёцерѣ»), но при всемъ усердномъ труженичествѣ, составлявшемъ отличительную черту этаго характера, онъ не былъ лишенъ и того поэтическаго элемента, который привлекалъ къ нему Веневитинова. Полной взаимностью отвѣчалъ Рожалинъ нашему поэту и вно-

(*) Сущность новой теоріи Кирѣевскаго, какъ извѣстно, состояла въ томъ, что Европа отжила свою умственную жизнь и что отъ Россіи она ожидаетъ обновленія своихъ силъ. Если съ великимъ назначеніемъ Россіи можно было и тогда согласиться, то перваго положенія Кирѣевскаго нельзя было признать не только тогда, когда гегелизмъ еще не проникалъ въ европейскую науку, а Франція не выработала соціальныхъ началъ, но даже и теперь—въ виду Италіи, готовой начать обновленную историческую жизнь. *Авт.*

Digitized by Google

слѣдствіи, умирая въ чахоткѣ, вспоминалъ объ немъ.... Ко времени этой пріязни относятся переводы Веневитинова — изъ «Эгмонта» Гете и Геерена (отрывокъ «Европа»). Выборъ послѣдней статьи, вѣроятно, былъ сдѣланъ не безъ совѣта Рожалина. Въ ней, между причинами возвышенія Европы, встрѣчаемъ одну, признаніе которой даетъ особенную цѣну труду переводчика—это представительная форма европейскихъ государствъ...

Открытая душа Веневитинова была вполнѣ цѣнима его друзьями. Его блестящее остроуміе, не вездѣ одинаково настроенное, но всегда удачно разыгрывавшееся въ близкомъ пріятельскомъ кружкѣ, много оживляло систематическія засѣданія молодыхъ людей. Замѣчательная физическая красота, выразительные каріе глаза и звучный голосъ довершали очаровательность Веневитинова во всякомъ обществѣ. Съ любовью и глубокой грустью вспоминалъ нашъ поэтъ объ этомъ близкомъ сердцу кружкѣ, оторванный отъ него необходимостью. Онъ говорилъ:

Отдайте мнѣ друзей моихъ,
Отдайте пламень ихъ объятій,
Ихъ тихій, но горячій взоръ,
Языкъ безмолвныхъ рукожатій
И вдохновенный разговоръ.

(Соч. Вен.; Послан. къ Р-ну, стр. 46).

Общество молодыхъ, даровитыхъ людей, со всѣмъ жаромъ своего возраста привязанныхъ ко всѣмъ благороднымъ стремленіямъ, конечно не могло вести безплодныхъ бесѣдъ и неболѣе какъ «шумныхъ» преній. Мы достовѣрно знаемъ по крайней мѣрѣ, что на этихъ мало замѣченныхъ сеймахъ весьма послѣдовательно выработалась идея необходимости такого журнала, который выполнялъ бы всѣ условія «русскаго» періодическаго изданія. Условія эти съ большою ясностью высказаны въ статьѣ Веневитинова: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», которая, въ видѣ проэкта, была прочтена на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ. Въ ней высказывалось много свѣтлыхъ мыслей на счетъ характера русскаго просвѣщенія, русскихъ журналовъ и возникшаго изъ него «чувства подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство». Въ этомъ же кружкѣ были прочтены прозаическіе отрывки: «Скульптура, живопись и музыка», «Утро, полдень, вечеръ и ночь» и «Анаксагоръ». Содержаніе этихъ отрывковъ уже показываетъ многосторонность и живой интересъ бесѣдъ молодыхъ людей. Послѣдній изъ нихъ («Анаксагоръ»), гдѣ высочайшая поэзія полагается въ философіи, обнаруживаетъ разомъ и то, что поэтъ ушелъ очень далеко въ наукѣ познанія, и силу поэтическаго дара, которымъ онъ могъ оживлять самыя отвлеченныя мысли.

Digitized by Google

Программу статьи: «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала» взялся исполнить нѣсколько позже Московскій Вѣстникъ (изд. съ 1827 г.) Веневитиновъ, всегда ожидая отъѣзда въ Петербургъ, не могъ быть редакторомъ Вѣстника, но постоянно бралъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Его содѣйствію обязанъ былъ этотъ журналъ сотрудничествомъ Пушкина. Уже изъ Петербурга Веневитиновъ просилъ: «сказать искренно, что говорятъ о Московскомъ Вѣстникѣ». Въ другомъ мѣстѣ того же письма онъ проситъ передать Погодину, (редактору Вѣстника), что нехудо было бы пригласить въ сотрудники журнала Мицкевича, слывшаго за знатока «литовскихъ древностей, латышскаго и древнеславянскаго языковъ». Также предлагаетъ онъ сразить въ конецъ «треглавую петербургскую гидру»: Пчелу, Архивъ и Сынъ Отечества, мира съ которыми, по его мнѣнію, не могло быть. Въ полемикѣ съ Телеграфомъ онъ совѣтовалъ быть осторожнѣе, указывая на особенныя достоинства этого журнала.

«Скажи Погодину—пишетъ онъ въ письмѣ отъ 24-го Января 1827 года—чтобъ онъ не скупился, прибавилъ листочекъ къ журналу, а то онъ точно въ чахоткѣ. Да что онъ не разнообразитъ его! Я объ нихъ, (издателяхъ Моск. Вѣстника), больше забочусь, чѣмъ они о себѣ».

Большая часть его совѣтовъ исполнилась—и современники оцѣнили прекрасное направленіе журнала. Самый Телеграфъ, забывъ на время свою обычную строгость и сухость похвалъ, говорилъ, что «Московскій Вѣстникъ обращаетъ на себя вниманіе не одною исправностью выхода книжекъ (достоинство далеко не маловажное въ то время), но и самымъ содержаніемъ, благонамѣренностью критики, свѣжестью статей. И такъ мы будемъ вполнѣ правы, если бросимъ впослѣдствіи бѣглый взглядъ на рускую журналистику и укажемъ въ ней мѣсто этому новому органу. Теперь же перейдемъ къ важнѣйшей эпохѣ въ жизни поэта—его первой, юношеской любви.

Ученые труды и философскія бесѣды конечно не могли поглотить всего Веневитинова: его живая, сочная душа не могла остаться при одной жизни ума безъ жизни сердца, чтобы наконецъ представить въ юношѣ одного изъ тѣхъ довременныхъ «старичковъ» надъ которыми недавно такъ зло и удачно подсмѣялся г. Бенедиктовъ (Нов. ст. Бен., стр. 27). Природная впечатлительность поэта не загасла въ этомъ раннемъ умственномъ развитіи и вырвалась таки наружу въ горячей, страстной любви.... Это случилось въ половинѣ 1825-го года, то есть когда Веневитинову было около 20-ти лѣтъ.

Время любви—весьма важный и вмѣстѣ необходимый моментъ

Digitized by Google

въ развитіи каждаго человѣка. Кто не прошелъ этихъ волненій, всегда дорогихъ для памяти, кто не былъ въ той завѣтной порѣ, когда

Безумно сердце проситъ женской ласки.
И чудная мечта нашептываетъ сказки?

Притомъ же особенности натуры Веневитинова много способствовали силѣ и продолжительности его любви,—и потому неудивительно, что она длилась довольно долго и не скоро поддалась холоду жизни. Обладая сердцемъ нѣжнымъ и привязчивымъ, поэтъ не могъ любить вспышкой, съ разсчетомъ, съ arrière pensée,—и любовь сдѣлалась его вдохновеніемъ, цѣлью, привязывавшей его къ жизни.

«Сонетъ» (Соч. Вен. стр.27)—одинъ изъ лучшихъ сонетовъ того времени—предваряетъ эту любовь. Изъ него видимъ мы, что въ груди молодаго поэта было скоплено уже много страсти прежде, чѣмъ онъ встрѣтился съ предметомъ своей любви.

Два стихотворенія: «Элегія» и «Италія», (написанныя уже по отъѣздѣ изъ Москвы), нѣсколько изображаютъ личность любимой особы и характеръ любви къ ней Веневитинова. Изъ перваго мы узнаемъ, что она только вернулась съ юга и «принесла въ очахъ цвѣтъ южнаго неба» Чувство, возбужденное ей, поэтъ называетъ «томительнымъ и мятежнымъ огнемъ»:

Онъ не горитъ любовью тихой, нѣжной,
Нѣтъ! онъ и жжетъ, и мучитъ, и мертвитъ,
Волнуется измѣнчивымъ желаньемъ,
То стихнетъ вдругъ, то бурно закипитъ,
И сердце вновь пробудится страданьемъ.
(Соч. Вен. стр. 64).

Второе стихотвореніе, гдѣ поэтъ самъ надѣется посѣтить «отчизну вдохновенья», позволяетъ думать, что разсказы молодой путешественницы о дальней и чудной сторонѣ были свѣжи и увлекательны...

Пьесы: «Завѣщаніе» и «Къ моему перстню (Соч. Вен. стр. 47 и 49), хотя написанныя уже послѣ, относятся по духу къ этому времени, и какъ слѣдовало ожидать, носятъ на себѣ печать болѣзненности и ѣдкой грусти, такъ сродныхъ всякой нѣжной и глубоко любящей душѣ въ минуты сильнѣйшаго напряженія ея чувства. Къ тому же любимая особа была много старше и развитѣе нашего поэта и не могла отвѣчать его страсти съ одинаковой искренностью и теплотою. Два стиха въ пьесѣ: «Къ моему перстню» наводятъ на мысль, что отношенія ихъ были лишены той взаимности, которая могла бы исключить душевную тревогу поэта. «*Дружба*»—говоритъ онъ своему перстню—

Digitized by Google

..... тебя залогомъ состраданья
Любви рыдающей дала!

Но натура этой женщины,—недаромъ прозванной въ высшемъ кругу «Сѣверной Коринной»,—была весьма даровита и симпатична,—и любовь къ ней Веневитинова продолжалась въ Петербургѣ, сверхъ полутора года, проведеннаго въ Москвѣ. Такъ говорилъ онъ, вспоминая интимныя бесѣды:

Отдайте сладостные звуки,
Они мнѣ счастія поруки:
Такъ тихо вѣяли они
Огнемъ любви въ душѣ невѣжды
И свѣтлой радугой надежды
Мои расписывали дни....

(Соч. Вен. стр. 46).

Но сверхъ этого сильнаго чувства, замыкавшаго собой все нравственное развитіе поэта, московская жизнь подарила его знакомствомъ съ А. С. Пушкинымъ, пріѣзжавшимъ въ 1826-мъ году, по особеннымъ причинамъ, въ Москву.

Еще живши въ Тригорскомъ, Пушкинъ узналъ Веневитинова по разбору 1-й пѣсни Онѣгина въ критикѣ на статью Телеграфа (Соч. Вен. стр. 156). По пріѣздѣ въ Москву, онъ, съ живостью такъ ему свойственной, объявилъ г. Соболевскому, у котораго остановился, желаніе познакомиться съ авторомъ. «Это единственная статья—говорилъ А. С.—которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ. Все остальное или брань, или пересланная дичь» (*).

Въ домѣ Соболевскаго произошло это знакомство, когда Пушкинъ, устроивъ литературную вечеринку для прочтенія «Бориса Годунова», пригласилъ къ ней и Веневитинова. Въ домѣ послѣдняго происходило на другой день вторичное чтеніе той же пьесы.

Геніальный поэтъ не могъ не замѣтить въ Веневитиновѣ тѣхъ особенныхъ достоинствъ, которыя такъ влекли къ нему всѣхъ людей, знавшихъ его, и скоро между ними началась довольно тѣсная связь. Мы имѣемъ одну пьесу, писанную Веневитиновымъ къ своему новому другу и ея почтительный тонъ говоритъ довольно ясно, что Пушкинъ увлекъ нашего юношу широтой и живостью своего ума, гибкостью остроумія, тонкаго и блистательнаго.

Пьеса начинается обращеніемъ къ творцу «Бориса»:

Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
Раздумье творческаго духа

(*) Мы не ручаемся, конечно, за буквальную точность этихъ словъ.
Авт.

Digitized by Google

И снисходительнаго слуха
Младую музу удостой.....

(Соч. Вен. стр. 54).

Впослѣдствіи Пушкинъ былъ глубоко огорченъ смертью своего юнаго друга и раздѣлялъ всѣ хлопоты родныхъ о его погребеніи.

Вскорѣ однако приблизилось для Веневитинова время разлуки съ Москвой. Въ Канцеляріи Коллегіи Иностран. Дѣлъ открылась вакансія—и въ концѣ Сентября 1826 года нашъ поэтъ отправился туда,—съ прежней любовью и недавно начатымъ романомъ. Бутеневъ становился въ Петербургѣ его ближайшимъ начальникомъ; Ѳ. С. Хомяковъ и Французъ Вошѐ, только что вернувшійся изъ Сибири, куда онъ сопровождалъ княгиню Трубецкую, были его попутчиками. Компанія послѣдняго надѣлала остановокъ въ долгомъ и скучномъ переѣздѣ, но прямота и благородство молодаго поэта скоро кончили всю некстати начатую исторію.

Проѣздомъ чрезъ Новгородъ Веневитиновъ вдохновился его грустной судьбой и написалъ стихотвореніе, названное именемъ вольнаго города (Соч. Венев. «Новгородъ»).

«Москву оставилъ я какъ шальной—писалъ Веневитиновъ въ первомъ письмѣ изъ Петербурга—не знаю, какъ не сошелъ съ ума. Сюда пріѣхалъ больной». На просьбу своего корреспондента описать ему Петербургъ, онъ отвѣчалъ, что «описывать Петербургъ не стоитъ. Хотя Москва и не даетъ объ немъ понятія, но онъ говоритъ болѣе глазамъ, чѣмъ сердцу». Любуясь Казанскимъ Соборомъ, поэтъ находилъ въ себѣ склонность къ набожности. «Я люблю, говоритъ онъ, церковь огромную и довольно величественную». Чувство изящнаго и необходимость сильнаго утѣшенія заодно развивали въ немъ эту склонность, но мы не думаемъ, чтобы когда нибудь она перешла ту черту, на которой только возвышаетъ и укрѣпляетъ человѣка, не заразивъ его ни аскетизмомъ, ни презрѣніемъ—достойнымъ тоже презрѣнія—къ силамъ разума.

Таврическій Дворецъ съ своей знаменитой залой и садомъ скоро сдѣлался предметомъ частыхъ посѣщеній поэта: особенно нравилась ему группа Лаокоона. Нева «плѣнила» его и это чувство онъ спѣшилъ заявить въ стихотвореніи: «Къ моей богинѣ». Изъ него видимъ мы, что не одну прогулку по берегамъ «тихоструйной» рѣки сдѣлалъ нашъ поэтъ, вспоминая Москву и виновницу того чувства, которое теперь отравлялось разлукой.

«Обѣдаю за общимъ столомъ у Andrieux—писалъ онъ въ первомъ же письмѣ—гдѣ собираются говоруны и умники Петербурга. Я, разумѣется, молчу и нужно прибавить, что я сталъ очень молчаливъ съ тѣхъ поръ, какъ тебя оставилъ». Здѣсь по-

Digitized by Google

ясняется замѣчательная черта въ характерѣ Веневитинова: онъ не былъ «говоруномъ», не любилъ словесныхъ турнировъ, на которые иной боецъ за-долго запасаетъ стрѣлы и копья,—и, только съ близкими людьми, могъ вступать въ живой, одушевленный разговоръ. Въ этомъ случаѣ, онъ былъ вполнѣ вѣренъ тому идеалу человѣка, который самъ начерталъ въ стихотвореніи: «Поэтъ». Ему трудно было говорить то, чего онъ не чувствовалъ и о томъ, чему не сочувствовалъ, и «слово, сжатое искусствомъ» всегда замирало въ устахъ его. Конечно, при помощи обширной проницательности и способности вызывать на откровенность всякое новое лицо, сближавшееся съ нимъ, онъ скоро находилъ людей, съ которыми бы могъ «отвести душу», но, несмотря и на это, онъ онъ не могъ остаться въ Петербургѣ вполнѣ тѣмъ человѣкомъ, какимъ зналъ себя прежде. Всѣ привязанности сердца, всѣ воспоминанія молодости, влекли его въ покинутый городъ,—онъ, съ полнымъ правомъ, указывалъ на себя Рожалину, какъ на жертву «многолюдной пустыни, не населенной ни единою душою». (Соч. Вен. стр. 45). Въ письмахъ къ одному близкому лицу, онъ часто просилъ передать поклонъ любимой особѣ, или нѣкоторые изъ своихъ стиховъ. Въ Петербургѣ онъ встрѣтилъ одну, тоже весьма привлекательную женщину, но сердце его уже не было свободно и онъ говорилъ, что «любуется ей, какъ Ифигиніей въ Тавридѣ, которая, мимоходомъ сказать, прекрасна». Въ Декабрѣ онъ думалъ развлечься петербургскими маскарадами, но не вынесъ изъ нихъ ничего, кромѣ скуки. Болѣзненное состояніе его духа заранѣе опредѣлило это впечатлѣніе.—Изъ всѣхъ знакомствъ, заведенныхъ Веневитиновымъ въ новомъ мѣстѣ, закомства съ Кн. В., Гр. Л., Дельвигомъ и Козловымъ были для него пріятнѣйшими. Въ домѣ первыхъ двухъ онъ чаще всего проводилъ время, свободное отъ службы и поэтическихъ вдохновеній. Дельвигъ, благодаря своей прямой, честной натурѣ, «привлекавшей его къ возвышеннымъ пѣвцамъ» скоро сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ Веневитинова. Нерѣдко цѣлые вечера проводили они вмѣстѣ «попѣвая пѣсни и швыряя другъ въ друга стихами».

Здѣсь же кстати замѣтить, что, въ минуту увлеченія, поэтъ нашъ былъ самымъ счастливымъ импровизаторомъ и часто даже сочинялъ цѣлую шутливую пьесу на того, кто затрогивалъ въ немъ юмористическую жилу. Сохранилась діатриба, направленная имъ на одного изъ знакомыхъ, большаго мастера на пышныя фразы, человѣка, который самъ себя подслушивалъ въ разговорѣ; ещѣ уцѣлѣлъ водевиль, писанный, подъ веселую руку, для домашняго спектакля

Digitized by Google

Кромѣ Дельвига, нашлись и другіе претенденты на дружбу поэта: два журналиста «увивались около него, какъ около липки», намѣтивъ пользу для себя и для своихъ изданій, но скоро однако потеряли надежду «добыть отъ него меду». Молодость поэта не мѣшала ему разгадать вполнѣ новыхъ пріятелей и ихъ разсчетливыя ласки.

«Я дружусь съ моими дипломатическими занятіями»—писалъ Веневитиновъ въ Декабрѣ, пригоняемый къ нимъ горечью своей внутренней жизни. «Молю Бога, чтобы поскорѣе былъ миръ съ Персіей: хочу отправиться туда и на свободѣ пѣть съ восточными соловьями.» Судьба не дала ему дожить до той печальной катастрофы, которой вскорѣ подверглось наше персидское посольство: оно уже готовило ему болѣе раннюю и мирную смерть.

Таланты молодаго человѣка и его усердіе къ службѣ были скоро замѣчены гр. Лавалемъ, поручавшемъ его перу самыя важныя бумаги. По его же приглашенію, Веневитиновъ разбиралъ сцену изъ «Бориса Годунова» для Journal de S. Pétersbourg (Соч. Вен. стр. 181; Analyse d'une scène, détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin), но, еще нерѣшенная въ то время, участь Пушкина помѣшала этой статьѣ явиться въ правительственномъ журналѣ. Когда же пронесся слухъ, что Улыбышевъ собирается бранить эту сцену, то Веневитиновъ надѣялся опять приняться за перо. «Я очиню перышко-говорилъ онъ-и мы перевѣдаемся».

«Несмотря на множество занятій-сообщалъ онъ въ декабрьскомъ письмѣ- я все таки нахожу время писать». Хотя это случалось довольно часто, но, несмотря на свое обиліе, всѣ произведенія, писанныя имъ въ эту пору, имѣютъ много достоинствъ и ясно выражаютъ тотъ крутой переходъ отъ юношества къ зрѣлости, въ которомъ теперь находился авторъ. Сюда относятся: «Поэтъ», первое стихотвореніе, присланное изъ Петербурга, и всѣ стихотворенія, помѣщенныя въ изданіи послѣ него. Въ нихъ проглядываетъ уже серьозный взглядъ на жизнь, а въ переводахъ изъ Фауста видно желаніе глубже вникать въ вопросы этой жизни. Пьесы: «Три участи» и «Жизнь» показываютъ, что поэтъ не обошелся при этомъ безъ того невольнаго скептицизма, который обусловливаетъ всякое раннее развитіе. Неустоявшаяся мысль еще требуетъ опоры, хотя серце и рвется съ прежней горячностью по однажды избранному пути. Вторая пьеса могла бы даже служить программой поэзіи Баратынскаго, хотя послѣдній нисколько не былъ подражателемъ, но собственнымъ мышленіемъ достигъ того же грустнаго вывода. (*)

(*) Вотъ эта коротенькая пьеска:

Сначала жизнь плѣняетъ насъ,

Стихотвореніе «Домовой» присланное съ однимъ декабрьскимъ письмомъ, тоже имѣетъ цѣну по милой простотѣ и народному колориту, особенно утѣшительному въ то время, когда «солдатъ» Дельвига описывалъ высокимъ слогомъ вліяніе лѣтняго воздуха на свои «суставчики», а рыбакъ Гнѣдича любовался на звѣзды и слышалъ въ тѣниночей какіе то «вѣщіе гласы».

При посылкѣ «Домоваго» выразилась еще одна важная особенность въ характерѣ Веневитинова: онъ запрещаетъ показывать эту пьеску въ дамскомъ обществѣ, хотя въ ней нѣтъ ничего, не только циническаго, но и сколько нибудь оскорбительнаго для самой придирчивой нравственности. Но всего замѣчательнѣй стихи, начинающіеся такъ:

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья.

(Соч. Вен. стр. 67.

Въ нихъ уже видно начало освобожденія поэта отъ всѣхъ исключительныхъ привязанностей въ пользу свѣтлой, глубоко поэтической созерцательности. Онъ не доволенъ однимъ чувствомъ, незрѣлымъ въ самомъ себѣ хотя и обогатившимъ его жизнь новыми впечатлѣніями,—но хочетъ обнять *всю* природу и въ свободномъ вдохновеніи воспроизводить каждый ея фактъ достойный воспроизводить.

Такъ соловей, въ тѣни дубравъ,
Восторгу краткому послушный,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,
Уныло вечеръ воспѣваетъ,
И утромъ весело встрѣчаетъ,
Въ румяномъ небѣ ясный день.

Короткій разговоръ «Поэта и Друга» писанный подъ вліяніемъ какого то пророческаго предчувствія, долженъ остановить на себя все вниманіе біографа. Здѣсь, въ лицѣ «Поэта», мы узнаемъ са-

---

Въ ней все тепло, все серце грѣетъ,
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ:
Кой-что страшитъ издалека,—
Но въ этомъ страхѣ наслажденье.—
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньи
Почная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривый;
Мы привыкаемъ къ чудесамъ,
Потомъ-на все глядимъ лѣниво,
Потомъ—и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

(Соч. Вен. стр. 44).

Digitized by Google

маго Веневитинова въ сокровеннѣйшихъ движеніяхъ его сердца Вспомнимъ строфу:

Душа сказала мнѣ давно,
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Но поэтъ твердо вѣруетъ, что

Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата...

«Земная участь и апоѳеоза художника» дополняетъ впечатлѣніе предъидущаго: ту же вѣру въ безсмертіе, надежду на пониманіе и сочувствіе потомства поэтъ выражаетъ въ образахъ, заимствованныхъ у Гёте. Частныя мысли замѣчательны: въ лицѣ «художника» поэтъ говоритъ:

. . . . . лишь тотъ знакомъ съ душевнымъ наслажденьемъ,
Кто пріобрѣлъ его трудами и терпѣньемъ.

Подъ именемъ «Мастера» онъ сѣтуетъ на то, что

. . . . . въ наши времена всѣ любятъ путь широкій,
Не трудную стезю, не строгіе уроки. (*)

Въ Февралѣ 1827 года мы застаемъ Веневитинова за новой работой, которая должна была рѣшить: «долженъ ли онъ слѣдовать влеченію къ поэзіи или побороть въ себѣ эту страсть». Къ сожалѣнію намъ не осталось ни одного отрывка изъ этого, по всей вѣроятности, прекраснаго произведенія. Романъ, начатый Веневитиновымъ въ Москвѣ, тоже подвигался впередъ. Намъ сохранился отъ него одинъ отрывокъ и еще программа всего сочиненія, изложенная въ предисловіи къ прозаическимъ статьямъ Веневитинова. По ней можно судить, что романъ этотъ всего приличнѣе было бы писать стихами. Его многія длинноты не были бы такъ замѣтны, а иныя подробности вышли бы гораздо эффектнѣй подъ выразительнымъ, краткимъ стихомъ Веневитинова.

Изъ помянутаго отрывка мы убѣждаемся еще положительнѣй, что для поэта проходила уже пора безотчетныхъ восторговъ любви. Усиленная работа мысли, укрѣпленной и направленной опытомъ, уже привела его къ рубежу юношеской страсти—строгой наблюдательности и безъисключительному анализу всякаго чувства. Поэтъ уже не удовлетворялся «первымъ идеаломъ своимъ, тѣмъ образомъ, въ который выливалъ всю душу»,—и смѣло указывалъ себѣ на третью эпоху жизни, эпоху *думъ*. Трудъ

(*) Читатель не удивится смѣлости, съ какой мы усвоиваемъ Веневитинову приведенныя мысли: у такихъ мыслителей-поэтовъ, какъ Веневетиновъ, переводныя пьесы, всегда въ главныхъ чертахъ, выражаютъ собственный духъ переводчика.
Авт.

Digitized by Google

и мышленіе становились его девизомъ.... Но физическія силы поэта, какъ ни были значительны, не вынесли такой жгучей умственной работы. Онъ

. . . . . жизни не щадилъ чувства,—

и надъ нимъ сбывалось его же собственное пророчество. . . . За мѣсяцъ до кончины поэта, Гр. Стурдза уже видѣлъ на его лицѣ признаки близкаго разрушенія. «Я видѣлъ Веневитинова—говорилъ онъ впослѣдствіи Ѳ. С. Хомякову—и съ перваго взгляда призналъ въ немъ геніальность, но тутъ же замѣтилъ я на его лицѣ признаки скорой смерти. Я въ этомъ никогда не ошибался.»

Еще бѣдный поэтъ мечталъ о поѣздкѣ въ Маѣ мѣсяцѣ въ Ревель и Финляндію, какъ вдругъ неотразимая болѣзнь сложила его въ постель. Жестокій тифъ продолжался, по показанію однихъ писемъ до 5, а по другимъ даже до 9 дней. Докторъ Раухъ, славный въ то время въ Петербургѣ, лечилъ больнаго, но безъ успѣха,—и 15 Марта 1827 года Д. В. Веневитиновъ скончался на рукахъ Хомякова, Муханова и другихъ близкихъ людей.

Вѣсть о его смерти поразила ужасомъ всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ. Стоитъ только просмотрѣть разныя письма на этотъ печальный случай, чтобы убѣдиться въ томъ, что только глубоко честная, любящая и обаятельная душа могла возбудить такія сходныя чувства. Отъ матери долго скрывали ея потерю. Хомяковъ заболѣлъ отъ горести. Выражая свою любовь къ покойному, одна дама писала, что «это чувство было обще всѣмъ, кто зналъ поэта». «Душа разрывается—писалъ Кн. О.—я плачу, какъ ребенокъ»!...

Тѣло Веневитинова было перевезено въ Москву, и вотъ какой эпитафіей почтилъ его гробницу старикъ—Дмитріевъ:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской,
Надъ нею роза дышетъ,—
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ!...

На могильной плитѣ, (въ Симоновомъ монастырѣ), вырѣзана краткая надпись:

Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ. (*)

(*) Москва до сихъ поръ не забыла своего поэта какъ видно изъ статьи г. Денисова о похоронахъ С. Т. Аксакова (Русск. В. 1859 года). *Авт.*

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ ОБЪ А. С. ГРИБОѢДОВѢ.

Скудость обнародованныхъ до сихъ поръ свѣдѣній о жизни Грибоѣдова препятствуетъ разъясненію важнаго въ его біографіи вопроса: какъ развилось и окрѣпло его дарованіе и что способствовало этому развитію? Предлагаемъ нѣсколько указаній, хоть отчасти разъясняющихъ этотъ вопросъ.

А. С. Грибоѣдовъ родился 4 Января 1795 года, первоначальное образованіе онъ получилъ въ родномъ семействѣ сперва подъ руководствомъ матери, Настасьи Ѳедоровны, женщины очень просвѣщенной, а потомъ подъ наблюденіемъ иностранцевъ гувернеровъ. Первымъ изъ нихъ былъ извѣстный ученый и энциклопедистъ Петрозиліусъ, вторымъ Богданъ Ивановичъ Іонъ. Послѣдній, человѣкъ очень ученый, образованный, далъ Александру Сергѣевичу классическое образованіе. Въ 1811 году превосходно приготовленный Грибоѣдовъ поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго Университета. Но Іонъ продолжалъ жить у Грибоѣдовыхъ и всегда сопровождалъ своего воспитанника на лекціи; это было тогда въ обычаѣ у молодыхъ людей богатыхъ фамилій. Уже въ это время Грибоѣдовъ говорилъ по французски, нѣмецки, англійски и итальянски (1) и оказывалъ наклонность къ серьезному чтенію. Это чтеніе, вмѣстѣ съ университетскими лекціями, стало въ послѣдствіи главнымъ основаніемъ его образованія. Будучи студентомъ, Грибоѣдовъ съ Іономъ читалъ латинскихъ классиковъ; любимыми его писателями были комики

---

(1) Это показаніе, принадлежащее г. N. (см. ниже), не согласно однако со слѣдующими словами Грибоѣдова: «Les connaissances que je possède se réduisent à celle des langues: Slavonne et Russe, Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au Persan et l'Arabe (Москвитянинъ 1856 г., № 12, изъ черновой рукописи одного письма, писаннаго Грибоѣдова въ 1820 году. См. также изд. Серчевскаго: А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія». СПб. 1858 (8), стр. 48). Быть можетъ скрытность руководила словами поэта. Грибоѣдовъ занимался также греческимъ языкомъ (около 1817 года), какъ увидитъ читатель изъ напечатаннаго ниже письма А. С.

Digitized by Google

Плавтъ и Теренцій. Однажды онъ не поладилъ со своимъ наставникомъ и вмѣсто Іона прислъ одного изъ своихъ товарищей, г. N. (2), помочь ему въ чтеніи Плавтова «Хвастливаго Воина». При этомъ случаѣ г. N. убѣдился, что латынь коротко знакома Грибоѣдову, и г. N. приходилось объяснять Александру Сергѣевичу только нѣкоторыя особенности Плавтова языка.

Благодаря знанію древнихъ языковъ, Грибоѣдовъ почти одинъ изъ русскихъ былъ въ состояніи слѣдить за лекціями нѣмецкихъ профессоровъ, читавшихъ по латини. Недовольствуясь университетскими лекціями, онъ частнымъ образомъ слушалъ эстетику у профессора Буле, на нѣмецкомъ языкѣ.

Литературныя занятія будущаго автора «Горе отъ ума» начались еще въ университетѣ. Нерѣдко читалъ онъ своимъ товарищамъ стихи своего сочиненія, большею частью сатиры и эпиграммы. Однажды, въ началѣ 1812 года, онъ прочелъ Іону и г. N. отрывокъ изъ комедіи, имъ задуманной: это были начатки «Горе отъ «ума». Это извѣстіе, сообщенное г. N., по нашему мнѣнію, такъ важно, что для полной достовѣрности, требуетъ новаго подтвержденія, но во всякомъ случаѣ оно правдоподобнѣе разсказа г. Булгарина о снѣ, видѣнномъ Грибоѣдовымъ въ Персіи и подавшемъ ему поводъ къ созданію знаменитой комедіи (3). Могутъ возразить, что семнадцатилѣтній Грибоѣдовъ не могъ близко знать московское общество, такъ живо имъ изображенное.—Справедливо, но несомнѣнно и то, что комедія была много разъ передѣлываема и исправляема (4). И можетъ быть, въ своемъ первообразѣ, мало походила на полнѣйшую свою форму.

Передъ началомъ войны 1812 года студентамъ Московскаго Университета сдѣланъ былъ вызовъ: не пожелаетъ ли кто поступить въ военную службу? Патріотическое движеніе было всеобщее, и Грибоѣдовъ, подобно многимъ другимъ, оставилъ университетъ для военной службы.

Служебная дѣятельность Грибоѣдова, сперва военная, а потомъ дипломатическая, не помѣшала ему продолжать свое образованіе чтеніемъ, которое было очень разнообразно, какъ это доказывается недавно изданною черновою тетрадью поэта (5). Полагаемъ, что это чтеніе сформировало здравыя литературныя понятія Грибоѣдова, не позволившія ему увлечься сенти-

(2) Г. N. сообщившій намъ всѣ эти свѣдѣнія (за что приносимъ ему полную нашу благодарность) былъ короткимъ знакомымъ Грибоѣдова. Г. N. спеціально изучалъ римское право и латинскую филологію.

(3) Воспоминанія о Грибоѣдовѣ, напечатанныя при «Горѣ отъ ума», изданіе г. Черпохвостова. Спб. 1854 (12), стр. XII и XIII.

(4) Свидѣтельство г. Булгарина тамъ же.

(5) Русское слово на 1859 годъ, книги IV и V.

Digitized by Google

ментальнымъ направленіемъ, которое господствовало въ нашей литературѣ въ послѣдніе годы прошлаго вѣка и въ первыя десять, пятнадцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія. Это направленіе утвердилось у насъ «Письмами Русскаго Путешественника» (1791 г.), повѣстями Карамзина, пѣснями Дмитріева и Нелединскаго-Мелецкаго. Подражатели ихъ довели это направленіе до крайности. Крайности вызвали въ литературѣ насмѣшки и противодѣйствіе: появился «Новый Стернъ» Кн. Шаховскаго (1807), началось изданіе «Благонамѣреннаго», который открылъ жестокую войну съ сентиментальностью (1818 г.). Загоскинъ написалъ «Романъ на большой дорогѣ» (1819). Грибоѣдовъ тоже принялъ участіе въ этой литературной борьбѣ, написавши въ 1817 году, вмѣстѣ съ П. А. Катенинымъ, комедію въ трехъ дѣйствіяхъ «Студентъ». Она не была до сихъ поръ ни напечатана, ни играна на сценѣ (6). Поэтому, предлагаемъ здѣсь краткое обозрѣніе ея содержанія, на основаніи рукописи, принадлежавшей П. А. Катенину.

Его превосходительство г. Звѣздовъ, будучи въ Казани, познакомился съ г. Беневольскимъ, который «предложилъ ему свои услуги и имѣлъ хожденіе за его дѣлами». Въ благодарность за это Звѣздовъ обѣщалъ покровительствовать сыну Беневольскаго, когда онъ, окончивши курсъ въ Казанскомъ Университетѣ, пріѣдетъ, въ Петербургъ, и выдать за него свою воспитанницу Варвару Николаевну. Но Варинька влюблена въ Полюбина, молодаго человѣка, служащаго въ Петербургѣ, и любима имъ взаимно. По этому, когда Евлампій Аристарховичъ Беневольскій (сынъ) пріѣзжаетъ въ домъ Звѣздова (этимъ начинается комедія) и задумываетъ немедленно привести въ исполненіе обѣщаніе своего покровителя, то встрѣчаетъ противодѣйствіе и въ самой Варинькѣ, и въ женѣ Звѣздова, и въ ея братѣ Саблинѣ (пріятелѣ Полюбина). Дѣло въ томъ, что Беневольскій оказывается боль-

(6) Г. Серчевскій въ изданіи сочиненій Грибоѣдова (СПб. 1858 (8), стр. 243) говоритъ, о «Студентѣ» слѣдующее: «Въ этомъ произведеніи выведена тогдашняя борьба классицизма съ романтизмомъ; она наполнена идеями устарѣвшими и заключаетъ въ себѣ личности, недозволившими (должно быть не дозволившія) представить ее на сценѣ и еще менѣе подвергнуть типографскому тисненію» Неизвѣстно, откуда взяты эти свѣдѣнія; не знаемъ также противъ кого направлена комедія (что касается борьбы классицизма съ романтизмомъ и устарѣвшихъ идей, то ихъ вовсе нѣтъ въ пьесѣ: Грибоѣдовъ, какъ и Кн. Шаховской, враждовалъ противъ чувствительности, но былъ горячій защитникъ романтизма, что видно изъ его статьи «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Леонора» помѣщенной въ Сынѣ Отечества 1816 г. № 30, стр. 150», и въ изд. Серчевскаго стр. 18) между тѣмъ какъ Шаховской пытался осмѣять романтизмъ въ «Липецкихъ Водахъ». Вообще Грибоѣдовъ отличался чрезвычайною самостоятельностью литературныхъ понятій.

Digitized by Google

шимъ оригиналомъ; онъ не большаго ума, но страшно честолюбивъ и имѣетъ высокое мнѣніе о своихъ дарованіяхъ, до крайности зараженъ сентиментальностью, господствующею въ нашей литературѣ, и самъ пишетъ стихи. Звѣздовъ сперва не соглашается измѣнить своему обѣщанію, но потомъ убѣжденный хитростію своей жены, уступаетъ общему желанію и женитъ на Варинькѣ Полюбина, а Беневольскій остается ни при чемъ и принужденъ выѣхать изъ дома бывшаго своего покровителя. Этимъ и кончается комедія.

Вотъ обращикъ сатиры автора на литературную чувствительность и литературные нравы эпохи (Беневольскій мечтаетъ о своей столичной жизни тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ): «Вступаю въ новый для меня свѣтъ. Ну, однако, какой же новый? я его знаю, очень хорошо знаю; я прилежалъ особенно къ наблюденіямъ практической философіи, читалъ Мармонтеля, Жанлисъ, плѣнительныя повѣсти новыхъ нашихъ журналовъ..... и кто же ихъ не читалъ? кто не восхищался Эльмирой и Вольписомъ, бѣдной молошницею. Они будутъ водители мои въ этомъ блуждалищѣ, которое называютъ большимъ свѣтомъ.... Здѣсь я увижу эти блестящія собранія, гдѣ вкусъ дружится съ роскошью, въ нихъ найду женщинъ милыхъ, любительницъ талантовъ, какую нибудь Нинону, Севинье; имъ стану посвящать стишки маленькіе, легкіе; ихъ окружаютъ вертопрахи, модники: я устрашу ихъ сатирами, и они станутъ уважать меня. Тутъ же встрѣтятся мнѣ авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себѣ громкую славу, признаны безсмертными—въ двадцати, въ тридцати изъ лучшихъ домовъ: я къ нимъ буду писать посланія, они ко мнѣ; мы будемъ хвалить другъ друга! О, безподобно! Звѣздовъ ѣздитъ во дворецъ—онъ будетъ моимъ меценатомъ, мнѣ дадутъ пенсію, какъ всѣмъ подобнымъ мнѣ талантамъ, я наживусь, разбогатѣю.»

Въ комедіи встрѣчаются черты мѣткой наблюдательности, независимо отъ цѣли пьесы. Вотъ напр, какъ старикъ Звѣздовъ даетъ приказанія своему слугѣ:

«Да отнеси назадъ картины этому шельмѣ итальянцу, вотъ что всегда ко мнѣ ходитъ; сказать ему, что онъ плутъ, воръ; я кому ни показывалъ картины, всѣ говорятъ: мерзость, а онъ съ меня слулъ вексель въ двѣнадцать тысячъ. Чтобъ взялъ назадъ свою дрянь за половинную цѣну, а то подождетъ же денегъ лѣтъ десять, не у него одного есть вексель на мнѣ. Да отправить старосту жениной деревни, наказать ему крѣпко, чтобы Ѳомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку и внесъ бы двадцать пять рублей до копѣйки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ? то рекрутъ для Царя, что оброкъ для господина; такъ

Digitized by Google

чтобы двадцать пять рублей были на готовѣ. Онъ видно шутитъ двадцатью пятью рублями; прошу покорно, да гдѣ жь ихъ сыщешь? кто мнѣ ихъ подаритъ? на улицѣ что ли валяются? Двадцать пять рублей очень дѣлаютъ счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень.... говорятъ, что все подешевѣетъ, а между тѣмъ все вздорожало, такъ чтобъ Ѳомка внесъ двадцать пять рублей, хоть роди да подай»!

Или вотъ финансовой расчетъ Звѣздова:

«Взяткинъ векселя не переписываетъ за то, что я ему за годъ не отдалъ процентовъ, деретъ кожу—проценты безбожные—да я еще ему ихъ стану платить! пусть припишетъ!»

Или вотъ способъ устроить судьбу своей воспитанницы:

«*Звѣздовъ*, Человѣкъ, человѣкъ, позвать Варриньку да Полюбина, коли еще здѣсь!

Звѣздова. За чѣмъ?

З—въ. Варинькѣ объявить, чтобъ она была готова нынѣшній же день къ свадьбѣ.

З—ва. Вѣдь она не крѣпостная твоя! что за презрѣніе ко всему роду человѣческому! надо же сдѣлать помолвку, подумать о приданомъ, какъ вездѣ водится!»

Возникаетъ вопросъ, какъ бы пристроить Беневольскаго на службу. «Ну, да что объ немъ много думать! говоритъ Звѣздовъ; дураки въ Петербургѣ не бываютъ безъ мѣста.»

Вотъ любопытный разговоръ брата съ сестрою:

«*Саблинъ*. Помилуй, матушка! Ты мнѣ вѣкъ свой читаешь проповѣди за все про все, а сама сего дня изволила спать до полудня: я тебя и дожидаться не могъ.

Звѣздова. Я вчера поздно пріѣхала, часу въ четвертомъ; у княжны Дарьи Савишны на дачѣ былъ дѣтскій балъ.

С—нъ. Ты что за дитя?

З—ва. Нельзя же не ѣхать, если зовутъ!

С—нъ. Слыханное ли дѣло! и ты тутъ съ ребятишками расплясалась. Жаль, что меня не было, нахохотался бы!

З—ва. Хохотать вовсе не чему; гораздо лучше забавляться съ дѣтьми, нежели дѣлать то, что вы всѣ, господа военные. Со стороны смотрѣть и смѣшно, и стыдно: пріѣдутъ на вечеръ, обойдутъ всѣ комнаты, иной тутъ же и уѣдетъ, и какъ ему остаться! онъ званъ еще въ три дома, куда тоже гораздо бы лучше совсѣмъ не ѣхать, если только за тѣмъ же; другіе разсядутся стариками, кто за бостонъ, кто за крепсъ, толкуютъ о лошадяхъ, объ мундирахъ, спорятъ въ игрѣ, кричатъ во все горло, или—что еще хуже—при людяхъ шепчутся; хозяйка хочетъ занять гостей, музыканты цѣлый часъ играютъ по пустому, никто и не

Digitized by Google

встанетъ: тотъ не танцуетъ, у того нога болитъ, а все вздоръ: наконецъ иногда упросятъ, онъ удостоитъ выборомъ какую нибудь счастливую дѣвушку, прокружится разъ по залѣ и усталъ до ужина. Тутъ, правда, усталыхъ нѣтъ: наѣдятся, напьются и уѣдутъ спать.

С—нъ. А я тебѣ коротко скажу, что, кромѣ ужина, нѣтъ ничего хорошаго ни на одномъ балѣ; я ихъ терпѣть не могу еще съ десяти лѣтъ, какъ дядюшка заставлялъ меня насильно прыгать со всѣми уродами.

Къ тому же 1817 году относится сатирическое стихотвореніе Грибоѣдова «Лубочный Театръ», направленное противъ Загоскина. Мы печатаемъ это стихотвореніе вмѣстѣ съ письмомъ автора «Горе отъ ума» къ П. А. Катенину, заключающимъ въ себѣ нѣкоторыя объясненія по поводу «Лубочнаго Театра». Правописаніе подлинниковъ сохранено нами вполнѣ.

Октября 19.

Что ты? душа моя Катенинъ, надѣюсь, что не сердишься на меня за письмо, а если сердишься, такъ сдѣлай одолженіе перестань. Ты знаешь, какъ я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никакъ не могли мнѣ быть по сердцу, а притомъ меня взбѣсило, что ихъ читали тѣ, кому бы вовсе не слѣдовало про это знать (7). Впрочемъ я вообще былъ не въ духѣ какъ писалъ, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты можетъ быть не знаешь какъ сильно хорошее и дурное время надо мной дѣйствуютъ, спроси у Бѣгичева (8). Ахъ! поклонись Алексѣю Скуратову, да сажай его чаще за фортепьяно: по настоящему эти вещи пишутся въ концѣ письма; но ужь у меня однажды на всегда никто не на своемъ мѣстѣ. А самое первое голова—И смѣшно сказать отъ чего?—Дуракъ Загоскинъ въ Журналѣ своемъ намаралъ на меня ахинею (9). Коли ты хочешь непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва какъ прочелъ расмѣялся, но послѣ чѣмъ больше объ

---

(7) Надобно замѣтить, что это письмо—только небольшой отрывокъ переписки двухъ друзей писателей.

(8) Другъ Грибоѣдова, полковникъ Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ.

(9) Тутъ разумѣется журналъ, «Сѣверный Наблюдатель», который въ 1817 году издавалъ П. Корсаковъ (СПб. (8) 2 ч.) Загоскинъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе (см. Біографію М. П. Загоскина, сост. С. Т. Аксаковымъ и помѣщ. въ Москвитянинѣ (СПб. 1853 г, № 1, отд. I, стр. 27). Перелистывая Наблюдатель, мы не могли однако найти намековъ, оскорбившихъ Грибоѣдова.

Digitized by Google

этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ, вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости. Я тебѣ ее посылаю, покажи Бѣгичеву;—покажи кому хочешь впрочемъ. Воля твоя нельзя же молчаньемъ отдѣлываться когда глупецъ жужжитъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возмешь, доказательство Шаховской, который вѣчно хранитъ благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями. Ахъ! кстати онъ совершенно окончилъ свою комедію (10), не достаетъ только предисловія, развязка преакуратная: графъ женится на княжнѣ, князь съ княжной уѣзжаютъ въ деревню, дядя и тетка изъясняютъ моральную цѣль всего произшедшаго, Машу и Ваньку устыжаютъ, они хотятъ—стыдятся, хотятъ—нѣтъ, Цаплинъ въ полиціи, Инквартусъ и многіе другіе въ дуракахъ, въ числѣ ихъ будутъ и зрители я думаю, ну да это не мое дѣло, я буду хлопать.—Хочешь ли кое что узнать объ другихъ твоихъ пріятеляхъ. Изволь.—Объ Чепеговѣ, однако я ничего не могу сказать, потому что не видалъ его съ тѣхъ поръ какъ ты отправился въ Москву.—А Андрей Андреевичъ (11) послѣдній вторникъ является на вечеръ къ Шишкову, слушаетъ Тасса въ прозѣ (12), и благополучно спитъ, потомъ приходитъ ко мнѣ и бодрствуетъ до третьяго часа ночи. Я его какъ душу люблю, и жалѣю, а самъ я регулярно каждый вторникъ боленъ. Читалъ ты Жандровъ отрывокъ изъ Гоголи въ *Наблюдатель* (13)?—Безподобная вещь, только одно слово и къ тому же рнема пребогомерзская: *говяда*. Видишь ты въ Библіи это значитъ стадо, да какое мнѣ дѣло? . . . . . Я теперь для него Семелу Шиллерову перевожу слово въ слово, онъ изъ нея вѣрно сдѣлаетъ прелестную вещь (14)—это для бенефиса Семеновой. А я ей же въ бенефисъ отдаю Les fausses infidèlités (15). Для Вальберховой я

(10) Здѣсь разумѣется комедія въ 5 д. «Пустодомы», изданная въ 1820 г. Спб. (8).

(11) Жандръ.

(12) «Освобожденный Іерусалимъ» въ 20 пѣсняхъ; соч. Торквата Тасса, пер. съ Итал. А. С. Шишковъ 2 г. Спб. 1818—1819 (4).

(13) «Сѣверный Наблюдатель» Корсакова, на 1817 годъ.

(14) Въ Сынѣ Отечества на 1817 г. ч. 42, стр. 237 и слѣд., напечатана «Семела (вольный переводъ съ Нѣмецкаго)» А. А. Жандра, при запискѣ Грибоѣдова въ редакцію. Въ запискѣ сказано, что А. А. Жандръ предпринялъ переводъ по усиленной просьбѣ Грибоѣдова и во вставкахъ обогатилъ эту вещь новыми, оригинальными красотами.

(15) Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ А. А. Жандромъ, перевелъ съ французскаго стихами комедію Барта «Притворная невѣрность» (Спб. 1818 (8). Впрочемъ, изъ письма можно заключить, что автору «Горе отъ ума» принадлежитъ большая часть перевода. Г. Серчевскій (А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія стр. 243) говоритъ, что

Digitized by Google

сдѣлалъ четыре сцены, которыми Жандръ очень доволенъ (14). На будущей почтѣ пришлю тебѣ. Скажи Бѣгичеву, что это безстыдное дѣло, онъ мнѣ еще ни строчки не писалъ.—И я ему буду платить тѣмъ же. Прощай сейчасъ ѣду со двора: куда ты думаешь? Учиться погречески. Я отъ этого языка съ ума схожу, каждый божій день съ 12-го часа до 4-го учусь, и ужъ дѣлаю большіе успѣхи. По мнѣ онъ вовсе не трудепъ.

ЛУБОЧНЫЙ ТѢАТРЪ.

Comptable de l'ennui, dont sa Muse m'assomme.
Pourquoi s'est il nommé, s'il ne veut, qu'on le nomme?
Gilbert.

Эй! Господа!
Сюда! Сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ,
Есть тьма у насъ оказій разныхъ:
Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ!
Взойдите къ намъ!
Добро пожаловать, кто баринъ тороватый,
Извольте видѣть—вотъ
Рогатый, нерогатый
И всякій скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и *княжны*, *князь Фольгинъ* и *князь Блесткинъ* (17)
Они хоть не смѣшны, да самъ за то ужь онъ
Куда смѣшонъ!—
Съ нимъ вмѣстѣ быть ей богу! праздникъ.
Вотъ вамъ его *Проказникъ* (18)
Спроказилъ онъ неловко—разъ упалъ,
Да и не всталъ.
Но авторъ таковымъ примѣромъ

«Притворная невѣрность» была играна на СПб. театрѣ 29 Сентября 1815 года; это несправедливо, въ этотъ день играна была первая комедія Грибоѣдова «Молодые супруги». «Притворная невѣрность» представлена была въ Февралѣ 1818 года.

(16) Эти сцены, которыя прибавилъ Грибоѣдовъ въ комедіи Кн. Шаховскаго «Своя семья». Онѣ напечатаны въ первый разъ въ Сынѣ Отечества 1817 года, ч. 42, съ маленькимъ предисловіемъ А. С., объясняющимъ содержаніе комедіи.

(17) Намеки на дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Загоскина.

(18) Комедія Загоскина, ненапечатанная; написана имъ въ 1814 году (См. Москва 853, № 1 статья С. Т. Аксакова о Загоскинѣ, стр. 21).

Digitized by Google

Не наученъ—грѣшитъ передъ партеромъ
Проказитъ до сихъ поръ.
Что видитъ и что слышитъ,
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
И говоритъ и пишетъ.
Вотъ *Богатоновъ* [19] вамъ: особенно онъ милъ,
Богатъ чужимъ добромъ, все крадетъ, что находитъ,
Съ *Транжирина* [20] кафтанъ стащилъ
Да въ немъ и ходитъ
А свѣтскій тонъ
Не только онъ
И вся его бесѣда,
Переняла у *буйнаго сосѣда* [21].
Что вы? неужь-то по домамъ?
Ужь надоѣло вамъ!
И кстати-ль?
Вотъ вамъ *Загоскинъ-Наблюдатель*
Вотъ *Сынъ Отечества*, съ нимъ вѣчный состязатель,
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ,
А разобрать труднѣе
Кто изъ двоихъ глупѣе?.....
Что вы смѣетесь господа?
Писцу насмѣшка не бѣда.
Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
Да ужь давно махнулъ рукою.
Махнулъ перомъ, отдалъ сыграть,
А вы пожалуй разсуждайте.
Махнулъ перомъ, отдалъ въ печать,
А вы читайте!

Какъ ты думаешь? Вѣстникъ Европы не согласится у себя напечатать. Бѣгичевъ съ нимъ пріятель.—Я бы подписалъ свое имя *(коли нельзя иначе)*.

Вмѣсто Загоскина:

Вотъ вамъ *Михайло Моськинъ*.

---

(19) «Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ», ком. въ 5 д. соч. М. Загоскина СПб. 1817 (8).

(20) Главное дѣйствующее лицо въ комедіяхъ Кн. Шаховскаго «Полубарскія Затѣи» и «Чванство Транжирина».

(21) Извѣстное въ рукописи стихотвореніе В. Л. Пушкина.

Digitized by Google

А въ другомъ мѣстѣ:
Вотъ *Москинъ-Наблюдатель*
А стихъ:
Княгини и пр. и пр.
Вотъ какъ раздробить:
Княгини и
Княжны
Князь Фольгинъ и
Князь Блесткинъ
Между тѣмъ обнимаю тебя.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ считаемъ долгомъ выразить искреннюю благодарность М. И. Катенину, сообщившему рукопись «Студента», «Лубочный Театръ» и письмо Грибоѣдова для напечатанія въ студентскомъ «Сборникѣ».

Л. Майковъ.

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ

«НОВОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ НАШИХЪ СТУДЕНТОВЪ»

ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ ПЕРВОМЪ ВЫПУСКѢ «СБОРНИКА»

Съ оживленіемъ современнаго русскаго общества все болѣе чувствуется и сознается необходимость результатовъ науки для примѣненія ихъ къ жизни. Проявленіе этой необходимости особенно ярко отражается на молодомъ поколѣніи, въ ихъ юношескомъ, горячемъ стремленіи къ усвоенію науки по всѣмъ отраслямъ знаній и обнаруживается въ ихъ дѣятельности. Первый выпускъ «Сборника» Студентовъ С. Петербургскаго Университета довольно ясно показалъ начало этой дѣятельности, которая простирается и на изученіе восточныхъ языковъ.

Наукообразное изученіе восточныхъ языковъ въ Россіи, кромѣ цѣли науки, имѣетъ тѣсную связь съ русскою государственною и гражданскою жизнію, потому что Россія находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ соприкосновенными восточными государствами, а главное — въ ея собственныхъ нѣдрахъ обитаютъ милліоны инородцевъ восточнаго происхожденія, знаніе жизни и стремленія которыхъ невозможно безъ знанія языка и исторіи. Эти причины достаточно показываютъ, что изученіе восточныхъ языковъ въ Россіи совпадаетъ съ другими животрепещущими общественными вопросами и что въ этомъ все русское общество необходимо должно содѣйствовать видамъ правительства, представляя изъ среды своей молодыхъ людей, научно знакомыхъ съ восточными языками и проникнутыхъ истинными философскими началами, не разъединяющими чело-

Digitized by Google

вѣка отъ дѣйствительности. Предоставивъ этимъ людямъ кругъ дѣятельности соотвѣтственно силамъ каждаго, правительство дастъ имъ возможность на дѣлѣ осуществить убѣжденія, внушаемыя истиннымъ образованіемъ: эти люди, управляя внѣшнею жизнію инородцевъ, въ тоже время могутъ имѣть благотворное вліяніе и на развитіе ихъ нравственныхъ силъ.

Съ такой точки зрѣнія вновь учрежденному Факультету Восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ *предстоитъ огромное значеніе въ жизни и наукѣ* (1), какъ единственному учрежденію въ Россіи для изученія восточныхъ языковъ и народовъ, учрежденію тѣмъ болѣе важному, что оно сосредоточено въ столицѣ, откуда умственное движеніе и дѣятельность распространяются на всю Имперію. Несмотря на кратковременность своего существованія, Факультетъ Восточныхъ языковъ (открытъ 28 Августа 1855 года) начинаетъ уже обнаруживать свою дѣятельность. Такъ, изданіе нашего «Сборника» преимущественно обязано мысли и стараніямъ одного изъ студентовъ этого Факультета; *новое же предпріятіе нашихъ студентовъ* (2), о чемъ помѣщено извѣстіе въ учено-литературныхъ замѣткахъ «Сборника», есть начало проявленія дѣятельности студентовъ въ изученіи *собственно восточныхъ языковъ*, дѣятельности, которая съ теченіемъ времени должна расширяться все болѣе и болѣе отъ многоразличія вопросовъ, напрашивающихся на наше вниманіе.

Задачею настоящаго предпріятія студентовъ Факультета Восточныхъ языковъ было—положить начало къ основательному изученію восточныхъ языковъ *составленіемъ, переводомъ и изданіемъ* слѣдующаго рода руководствъ:

1) *Пособій для начинающихъ*. Эти пособія имѣютъ въ виду дать средства начинающимъ изученіе восточныхъ языковъ *узнать и усвоить въ короткое время (посредствомъ чтенія) основные элементы изучаемаго языка, занимаясь независимо отъ профессора* (3), и такимъ образомъ, *усвоивъ эти элементы въ стройной, живой органической системѣ, одушевляемой самобытною идеею языка* (4), быть готовымъ сознательно слѣдить за лекціями профессоровъ.

---

(1) Сборникъ Студентовъ С. Петербургскаго Университета выпускъ первый стр. 381.

(2) Мысль изданія «Сборника» и мысль новаго предпріятія студентовъ Факультета Восточныхъ языковъ высказаны впервые однимъ и тѣмъ же Студентомъ, Г. Богушевичемъ.

(3) Тамъ же, стр. 365.

(4) Тамъ же, стр. 366.

Digitized by Google

2) *Составленіе, переводъ и изданіе грамматикъ.* Нѣкоторые восточные языки не представляютъ удовлетворительныхъ для студентовъ грамматикъ или по причинѣ своей краткости, или сложности правилъ, или наконецъ потому, что вовсе нѣтъ печатныхъ грамматикъ,—или если и есть, то недоступны по рѣдкости и дороговизнѣ изданія, или изложены на такомъ языкѣ, которымъ не всѣ владѣютъ. Удовлетворить этимъ требованіямъ составленіемъ, переводомъ и изданіемъ ихъ (если онѣ находятся въ рукописи у г. профессоровъ) было второю задачею предпріятія студентовъ.

3) *Составленіе, переводъ и изданіе* такихъ *словарей* восточныхъ языковъ, какихъ нѣтъ на русскомъ языкѣ.

4) *Составленіе и изданіе христоматій* подъ руководствомъ профессоровъ.

5) *Составленіе и изданіе учебныхъ пособій для разговорнаго языка* подъ руководствомъ практическихъ преподавателей.

Вотъ въ чемъ заключалась, по нашему мнѣнію, задача *новаго предпріятія студентовъ* Восточнаго Факультета. Цѣлью исхода этого предпріятія было: 1) во время университетскаго образованія, основательно изучивъ восточные языки, ознакомиться съ жизнію, исторіею восточныхъ народовъ и умственнымъ развитіемъ ихъ возможно полно и отчетливо, и 2) чтобъ это изученіе шло въ связи съ изученіемъ другихъ наукъ, безъ чего оно въ примѣненіи къ жизни не можетъ представить студентамъ предполагаемыхъ результатовъ. Вѣроятно, съ такой точки зрѣнія и была высказана общая мысль въ проектѣ о составленіи учебниковъ для восточныхъ языковъ: «недостатокъ, или *вѣр-*«*нѣе—совершенное неимѣніе учебниковъ по нашему Факультету,* «дѣлаетъ изученіе восточныхъ яз. въ высшей степени труднымъ «и далеко не позволяетъ студентамъ удовлетворять требованіямъ «программы, составленной для преобразованнаго Факультета «Восточныхъ языковъ» (5).

Вообще вѣрная мысль относительно взгляда студентовъ на изученіе у насъ восточныхъ языковъ, *въ частности* она не вѣрна. Объяснимся. Послѣ этого пункта упомянутаго проекта говорится: «пересмотрѣвши учебники, которыми въ настоящее «время пользуемся, мы увидимъ, что....для *Монгольскаго и Кал-*«*мыцкаго языковъ нѣтъ христоматій, а для послѣдняго и грам-*«*матики* (6). На основаніи чего требуютъ изданія: *Монгольская* «*краткая Грамматика, Калмыцкая Грамматика, Калмыцкая*

(5) Тамъ же, стр. 364.
(6) Тамъ же, стр. 365.

Digitized by Google

«*Христоматія, Словарь Русско-монгольскій, Словарь Русско-калмыцкій, Словарь Калмыцко-русскій*», (7) Изъ этого проекта видно, что для *Монгольскаго и Калмыцкаго яз. нѣтъ ни грамматикъ, ни христоматій, ни словарей*, однимъ словомъ, нашими учеными не сдѣлано ничего для изученія этихъ языковъ.

Ближе знакомые съ трудами Г. г. оріенталистовъ, съ честію и славою подвизавшихся и подвизающихся на обширномъ, многотрудномъ поприщѣ ученой разработки и изслѣдованій Монгольскаго и Калмыцкаго языковъ 1) пересмотримъ то, что они представили и представляютъ намъ для изученія этихъ языковъ, 2) укажемъ средства избѣжать неопредѣленности въ настоящемъ предпріятіи студентовъ Восточнаго Факультета для достиженія прекрасной ихъ цѣли.

Систематическое изученіе Монгольскаго языка положено уроженцемъ г. Амстердама, купеческимъ прикащикомъ въ нашихъ приволжскихъ странахъ, впослѣдствіи знаменитымъ труженикомъ науки Академикомъ нашимъ *Я. Шмидтомъ* (8). Въ 1831 году онъ издалъ *Grammatik der Mongolischen Sprache*, которая въ слѣдующемъ 1832 году была переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ»: *Грамматика Монгольскаго языка. Перев. съ Нѣм. съ литогр. чертежемъ. 1832* (9). Къ концу ея присоединены отрывки *изъ Улигеръ-унъ далай («море притчъ») и Алтанъ-Герелъ («золотой лучъ»)* съ пояснительными примѣчаніями и переводомъ на русскій языкъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1835 году онъ издалъ *Монголо-нѣмецко-русскій Словарь, съ присовокупленіемъ Нѣмецкаго и Русскаго алфавитныхъ списковъ.* (10) Этотъ Словарь достаточно замѣнятъ словари и *Русско-монгольскій и Нѣмецко-монгольскій.* Въ предисловіи къ нему Шмидтъ говоритъ: «я не имѣлъ въ виду составить Словарь, вполнѣ объемлющій все сокровище Монгольскаго языка, а, соображаясь съ настоящею *потребностію*, ограничился только выборомъ нужнѣйшихъ и употребительнѣйшихъ словъ и оборотовъ, которые могли бы

---

(7) Тамъ же, стр. 367.

(8) Некрологъ Шмидта въ журн. Министерства Народ. Просв. часть LI, отд. III, стр. 41.

(9) *Первая* Монгольская граммат. написана протоіереемъ Бобровниковымъ, который, будучи не приготовленъ къ ученымъ занятіямъ, не могъ представить въ системѣ правилъ Монгольскаго языка. Эта Грамматика въ настоящее время библіографическая рѣдкость.

(10) О немъ сказано въ журналѣ Мин. Нар. Пр. Часть VII, стр. 411.

Digitized by Google

служить порядочною основою учащимся, пока со временемъ болѣе развившееся познаніе сего доселѣ еще малоуваженнаго языка не потребуетъ обширнѣйшихъ пособій. Словарь сей— продолжаетъ онъ—должно почитать какъ бы началомъ и основаніемъ другаго подробнѣйшаго лексикона, коего выполненіе предоставлено будущему времени; и мы вправѣ ожидать, что время это не такъ далеко: ибо есть надежда, что систематическое изученіе Монг. яз. не пресѣчется моею смертію, съ тѣхъ поръ какъ два молодые ученые, г. г. *Ковалевскій* и *Поповъ* съ ревностію и отличнымъ успѣхомъ посвятили себя сему предмету и, уже занявъ по оному каѳедры при Казанскомъ Университетѣ, обѣщаютъ принести не маловажную пользу». (предисл. къ словарю стр. III и IV.).

Еще прежде выхода этихъ трудовъ знаменитаго Шмидта, именно въ 1828 году, по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ, на основаніи представленія исправлявшаго должность Попечителя Казанскаго учебнаго округа (Мусинъ-Пушкина) состоявшіе при Казанскомъ Университетѣ, по Восточной словесности, перемѣщенный изъ Вильны кандидатъ *Іосифъ Ковалевскій* и казенно-коштный воспитанникъ Университета дѣйствительный студентъ *Александръ Поповъ*, были отправлены въ Иркутскъ къ служившему тамъ переводчикомъ Статскому Совѣтнику Игумнову для изученія Монгольскаго языка и для занятія, по возвращеніи, мѣстъ преподавателей. Съ разрѣшенія Попечителя тамъ предпринимали они поѣздки въ кочевья Бурятъ, вступая въ сношенія съ учеными ламами и вникая не только въ языкъ какъ книжный, такъ и разговорный, но и въ Литературу, религію и исторію. Для ближайшаго знакомства съ бытомъ внутреннихъ монголовъ *Ковалевскій* въ 1829 году предпринималъ поѣздку въ *Ургу*, столицу Монголіи, а въ 1830 году былъ прикомандированъ къ отправлявшейся въ Китай Пекинской Духовной Миссіи, которую *Поповъ* сопровождалъ до Урги. По возвращеніи въ Кяхту они поселились уже въ стойбищахъ монгольскихъ, сами дополняя пріобрѣтенныя обширныя познанія, и постоянно представляли Попечителю отчеты о своихъ занятіяхъ. Въ 1833 году они возвратились въ Казань, а потомъ, когда Императорская С. Петербургская Академія Наукъ подвергала ихъ строгому испытанію, они заняли каѳедры (11).

Такимъ образомъ русскими учеными было начато изученіе Монгольскаго языка *самостоятельно*: они еще въ 1831 году,

(11) Журн. Мин. Нар. Пр. Часть XL, отд. II, стр. 56—58.

Digitized by Google

до выхода трудовъ Шмидта, занимались въ Иркутскѣ составленіемъ Монгольской грамматики и словаря (12), начало котораго было положено Г. Поповымъ (13). Въ 1835 году Г. Ковалевскій издалъ *Краткую Грамматику Монгольскаго языка* (14), въ которой онъ изложилъ ясно и опредѣлительно самыя основныя начала этого языка. Вслѣдъ за тѣмъ вышли слѣдующія Монгольскія хрестоматіи:

а) *Монгольская Хрестоматія для начинающихъ обучаться Монгольскому языку, изданная Адъюнктъ-Профессоромъ Казанскаго Университета А. Поповымъ. Казань 1836* (15). О цѣли и предназначеніи ея издатель говоритъ въ предисловіи на V и IV стр. «желая сколько возможно содѣйствовать къ успѣшному изученію сего языка въ любезномъ нашемъ отечествѣ, я составилъ Монгольскую хрестоматію съ краткимъ при ней словаремъ. *Отрывки лучшихъ Монгольскихъ сочиненій*, помѣщенные въ ней, я расположилъ въ систематическомъ порядкѣ, сообразно качеству слога. Во время преподаванія этого языка въ Университетѣ и Гимназіи (Казанской), я узналъ на опытѣ, что таковая постепенность скорѣе ознакомливаетъ учащихся съ лучшими произведеніями Монгольской литературы; потому что статьи, входящія въ составъ моей Хрестоматіи, выбраны изъ разнородныхъ сочиненій, какъ по слогу, такъ и самому содержанію». *Объясненія* и *Словарь*, присовокупленныя къ этой прекрасно-составленной Хрестоматіи, также удовлетворяютъ своей задачѣ.

в) *Монгольская Хрестоматія, изданная Экстра-ординарнымъ Профессоромъ Казанскаго Университета О. Ковалевскимъ. Томъ Первый 1836 году. Томъ второй въ 1837 году* (16). Издатель говоритъ въ своемъ предисловіи на страницахъ XIV, XV и XVI, что онъ заботился «о соблюденіи связи и постепенности въ переходѣ отъ легкихъ отрывковъ къ труднѣйшимъ», и что, кромѣ языка,

---

(12) Казанскій Вѣстникъ 1831 года, стр. 170.

(13) Этотъ Словарь г. Попова первоначально состоялъ изъ двухъ томиковъ, а впослѣдствіи былъ увеличенъ до трехъ большихъ томовъ и представленъ въ Императорскую Академію Наукъ, которая сдѣлала о немъ лестный отзывъ. Г. Поповъ не могъ издать этотъ Словарь въ свое время по причинѣ обстоятельствъ отъ него независившихъ. Первоначальный Словарь Поповъ принесъ въ даръ въ библіотекѣ 1-й Казанской Гимназіи въ память полученнаго имъ тамъ образованія, а полный Словарь пожертвовалъ имъ въ библіотеку Казанскаго Университета, какъ мѣста его образованія, и двадцатипятилѣтней служебной его дѣятельности. Оба Словаря находятся теперь въ библіотекѣ С. Петербургскаго Университета; первый въ *студентской библіотекѣ* S. MS. 267 f, а *второй* въ общей университетской библіотекѣ подъ № 25, 578.

(14) Разборъ помѣщенъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. Часть IX, стр. 651.

(15) Разборъ ея тамъ же Часть XIX, стр. 181.

(16) Разборъ ея Ж. М. Н. Пр. Часть XIX, стр. 170—180.

Digitized by Google

въ выборѣ текста онъ обращалъ вниманіе на разнообразіе и самое содержаніе піэсъ. «*Повѣсти*—говоритъ онъ—познакомятъ читателей съ нравственною и догматическою частью Буддизма и приготовятъ ихъ разумѣнію чисто догматическихъ статей, коихъ слогъ и идеи требуютъ уже особеннаго запаса предварительныхъ свѣдѣній. *Отрывки* о судьбѣ вѣры буддійской представятъ рядъ происшествій и подробностей, необходимыхъ для каждаго вникающаго въ сущность событій азійскихъ народовъ, и послужатъ пособіемъ къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Наконецъ извлеченія *изъ Монгольскаго и Тибетскаго уложенія*, также изъ Императорскихъ поученій, облегчатъ доступъ къ новому языку и положенію упомянутыхъ народовъ. *Примѣчанія*, присовокупленныя къ этой учебной книгѣ, принимали также разнообразное направленіе. Въ нихъ объяснены—или свойства языка, разборъ грамматическихъ измѣненій, значеній словъ и оборотовъ (частію съ помощію другихъ книгъ), указаніемъ связи предложеній, или свѣдѣнія, облегчающія понятіе смысла и знакомящія съ духомъ религіи, правами, идеями и исторіей народа». Имѣя такія превосходныя Христоматіи, возможно-ли было говорить, *что нѣтъ Монгольской Христоматіи?* (17)

Этими трудами не ограничились преемники Шмидта, перваго руководителя Европейцевъ въ новой для нихъ области изученія языка и литературы Монголовъ. Г. *Ковалевскій* выполнилъ надежды Шмидта. Онъ издалъ плодъ пятнадцатилѣтнихъ трудовъ своихъ: *Монголо-русско-французскій Словарь* (18) (*Dictionnaire Mongol-russe-français*), Казань. Первый томъ вышелъ въ 1844, второй въ 1846, третій въ 1849 году. Этотъ превосходный Словарь, составленный по 80 источникамъ, изъ этихъ источниковъ главнымъ былъ первоначально составленный Поповымъ краткій Монгольско-русскій Словарь, которымъ пользовался г. Ковалевскій, о чемъ не сказано имъ ни слова въ предисловіи, въ ученомъ мірѣ пріобрѣлъ почетную славу и представилъ богатѣйшіе матеріялы для сравнительнаго изученія языковъ.

Систематическое изученіе собственно Калмыцкаго языка (языка Ойратовъ) обязано г. *Попову*, который въ 1838 году представилъ

---

(17) Есть еще трудъ священника Шергина: «Собраніе нравоученій, молитвъ съ канономъ святыя пасхи, басенъ, повѣстей, изрѣченій, анекдотовъ и разговоровъ, переведенныхъ на Монгольскій языкъ съ *присовокупленіемъ Монголо-Россійскаго Словаря*. Казань, 1841». Переводъ съ русскаго невѣренъ и пользоваться имъ нельзя, кромѣ *Словаря*, въ которомъ до 3,000 словъ.

(18) Разборъ ея помѣщенъ въ Ж. М. П. Пр. Часть L, отд. III, стр. 56. Изъ отчетовъ Казанскаго Универ. видно, что Г. Ковалевскій въ началѣ составлялъ *Монголо-Латинско-Русскій Словарь*.

Digitized by Google

Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа (Мусину-Пушкину) свое предположеніе, что такъ какъ къ изученію Монгольскаго языка уже собрано было много матеріяловъ, то было бы полезно приступить къ собранію такихъ же матеріяловъ и для Калмыцкаго языка по близкому сродству обоихъ языковъ. Г. Поповъ вызвался собрать эти свѣдѣнія на мѣстахъ, гдѣ населеніе Калмыковъ наиболѣе многочисленно, въ губерніяхъ Астраханской, Саратовской и въ Кавказской области. Результатомъ четырехъ мѣсячнаго тамъ пребыванія Г. Попова были: отчетъ (19), заслуживпій лестное одобреніе Министра Народнаго Просвѣщенія (20) и составленная имъ *Сравнительная Грамматика Монголо-Калмыцкаго языка* (21).

Впрочемъ Поповъ издалъ въ свѣтъ *Грамматику* одного только *Калмыцкаго языка* (Казань, 1847), (22) имѣя въ виду дать прежде руководство для этого языка, не имѣвшаго еще ни Грамматики, ни хрестоматіи, ни словаря. «По своему появленію—говоритъ авторъ въ предисловіи къ Грамматикѣ на стр. VIII—она есть первая въ Европѣ и ни одинъ ученый не сдѣлалъ даже попытки къ обработкѣ избраннаго мною предмета. Такъ какъ литература Калмыцкая народными произведеніями обильнѣе литературы Монгольской, потому—продолжаетъ авторъ—если съ одной стороны разработка такой богатой, разнообразной литературы уже сама по себѣ можетъ открыть весьма много новаго, любопытнаго, недосказаннаго Монголами, какъ по части буддизма, такъ и по части политической литературы, то съ другой стороны изученіе *калмыцкаго въ отношеніи административномъ*. Чтобы многочисленное народонаселеніе *Калмыковъ*, находящееся въ предѣлахъ нашего отечества и составляющее особенное управленіе, вывести изъ состоянія полудикости, *сблизить съ гражданственностію*, чтобы вполнѣ дать почувствовать отеческую заботливость благотворнаго нашего Правительства, *надобно прежде приготовить людей, которые бы знали ихъ языкъ, и успѣли вникнуть въ нравы, обычаи и самое ихъ вѣроученіе* (стр. VIII)».— Съ такой точки зрѣнія составлена настоящая Грамматика, отличающаяся яснымъ изложеніемъ правилъ языка, многочисленностію примѣровъ къ каждому грамматическому правилу; сверхъ

---

(19) *Краткія Замѣчанія о Приволжскихъ Калмыкахъ*. Жур. М. Н. Просв. Часть XXII отд. II, стр. 17. Переведено на Нѣмецкій языкъ въ Augsburger Allgemeine Zeitung.

(20) Ж. М. Н. Пр. Часть XL, отд. II, стр. 71.

(21) Ж. М. Н. Пр. Часть XLII, отд. III, стр. 51, и отчеты Казанскаго Университета.

(22) Рецензія Ковалевскаго Ж. М. Н. Пр. Часть LXII, отд. III, стр. 52. Отвѣтъ Попова на эту рецензію, тамъ же, Часть LXVII, отд. VI, стр. 1.

Digitized by Google

того приложено девять отрывковъ Калмыцкихъ произведеній съ переводомъ на русскій языкъ, съ примѣчаніями и указаніями на §§ грамматическихъ правилъ. Все это ставитъ Калмыцкую Грамматику Попова замѣчательнымъ явленіемъ тѣмъ болѣе, что она замѣнила до сихъ поръ Калмыцкую Христоматію, для начинающихъ изученіе этого языка.

Составленная Поповымъ *Сравнительная Грамматика Монголо-калмыцкаго языка* (рукописная) послужила главнымъ основаніемъ къ прекрасному труду ученика его, Баккалавра Казанской Духовной Академіи *Алексѣя Бобровникова: «Грамматика Монгольско-калмыцкаго языка, Казань 1849 года* (23). Въ этомъ учено-филологическомъ трудѣ, составленномъ на основаніи трудовъ предъидущихъ, Бобровниковъ и сдѣлалъ сближеніе, соединивши подъ одинъ обзоръ и книжный и живой Монгольскій языкъ, т. е. онъ разсмотрѣлъ въ ней Монгольскій яз. въ двухъ письменностяхъ Монгольской и Калмыцкой, или, что почти тоже, онъ видитъ въ ней грамматику книжно-разговорнаго Монгольскаго языка. Этою Грамматикою авторъ желалъ доставить также пособіе, которое открыло бы изучающимъ настоящее значеніе Монгольскаго языка, облегчило переходъ отъ изученія языка книжнаго къ разумѣнію живой рѣчи и дало бы изучающимъ Калмыцкій языкъ возможность пользоваться Монгольскимъ Словаремъ Ковалевскаго тогда только что изданнымъ (Предисловіе къ Грам. стр. VII и VIII). Бобровниковъ (сынъ сочинителя *первой* Монгольской грамматики) совершенно съ новой точки зрѣнія, какъ требуетъ духъ этихъ языковъ, превосходно обработалъ этимологію; въ синтаксисѣ же не достигаетъ своей цѣли, силясь возвести каждую въ языкѣ встрѣчающуюся форму въ правило, въ законъ. Однако знатоки съ удовольствіемъ могутъ останавливаться на новыхъ возрѣніяхъ и въ этомъ отдѣлѣ.

Изъ этого обзора видимъ слѣдующія руководства: 1) *Грамматику Монгольскаго языка* Шмидта (на Нѣм. и Рус. яз.). 2) *Краткую Грамматику Монгольскаго книжнаго языка* Ковалевскаго. 3) *Грамматику Калмыцкаго языка* Попова. 4) *Грамматику Монгольско-калмыцкаго языка* А. Бобровникова. 5) *Монгольнѣмецко-русскій Словарь* Шмидта, достаточно замѣняющій

---

(23) Рецензія помѣщ. въ Ж. М. Н. Пр. Часть LXXI, отд. III, стр. 11.

Digitized by Google

6) *Русско-монгольскій и Нѣмецко-монгольскій Словарь*, 7) *Монголо-русско-французскій Словарь* Ковалевскаго, 8) *Монгольскую Христоматію для начинающихъ обучаться Монгольскому языку* Попова и 9) *Монгольскую Христоматію* Ковалевскаго.

Исправивъ такимъ образомъ ошибку проекта, (по которому *не оказывалось ни одного учебника для изученія Монгольскаго и Калмыцкаго языковъ*), должны упомянуть и о тѣхъ трудахъ, которые приготовляются къ печати нашими учеными оріенталистами. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода *Калмыцкой Христоматіи* съ примѣчаніями и *Калмыцко-русскимъ Словаремъ*, и *Русско-Калмыцкаго Словаря* составленнаго исправляющимъ должность адъюнкта-профессора *К. Ѳ. Голстунскаго* (24). Кромѣ этихъ трудовъ подъ руководствомъ практическаго преподавателя Ламы *Галсанъ Гомбоева* готовятся матеріялы для *изученія разговорнаго Монгольскаго языка*.

Вполнѣ сочувствуя предпріятію Студентовъ Факультета Восточныхъ языковъ мы однако думаемъ, что нашимъ трудамъ по составленію учебныхъ пособій долженъ предшествовать въ «Сборникѣ рядъ статей, представляющихъ: 1) исторію изученія и преподаванія восточныхъ языковъ въ Россіи, и 2) обозрѣніе всѣхъ руководствъ для изученія восточныхъ языковъ, изданныхъ при различныхъ требованіяхъ необходимости и науки до настоящаго времени. Такой предварительный обзоръ: 1) представитъ намъ въ настоящемъ свѣтѣ дѣятельность ученыхъ оріенталистовъ и укажетъ намъ, къ чему должна быть обращена наша дѣятельность, 2) желающимъ посвятить себя изученію восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ укажетъ пособія, съ которыми они могутъ уже сознательно слѣдить за лекціями профессоровъ, и 3) дастъ современному русскому обществу случай убѣдиться, какъ необходимо изученіе восточныхъ языковъ въ

---

(24) При изученіи Калмыцкаго языка до настоящаго времени мы пользовались, кромѣ Монгольскаго Словаря Ковалевскаго, рукописнымъ *Калмыко-русскимъ Словаремъ* Шмидта, (привезеннымъ въ 1856 году изъ Калмыцкихъ степей и нынѣ хранящемся въ нашей Университетской Библіотекѣ). Этимъ Словаремъ Шмидта пользовался вѣроятно и *Цвикъ* въ своемъ литографированномъ *Калмыцко-нѣмецкомъ Словарѣ* Handbuch der West-mongolischen Sprache и печатномъ *Нѣмецко-калмыцкомъ алфавитномъ спискѣ* (изданныхъ въ 1855 году). Deutsches Wort-Register zum West-mongolischen Wörterbuch. Со словаремъ Цвика, небрежно изданнымъ, нельзя прочесть ни одной Калмыцкой рукописи; равно и литографированная *Калмыцкая Грамматика* Grammatik der West-mongolischen das ist Oirad oder Kalmükischen Sprache не прибавляетъ ничего новаго къ трудамъ нашихъ ученыхъ. Вышедшій въ 1857 году *Русско-калмыцкій Словарь* священника *Смирнова*, также не можетъ служить пособіемъ потому, что кратокъ (2,000 словъ), невѣренъ въ значеніяхъ словъ и орѳографіи.

Digitized by Google

Россіи и какъ этотъ важный вопросъ тѣсно совпадаетъ съ другими животрепещущими общественными вопросами. При такомъ историческомъ обзорѣ не можетъ быть уже никакой неопредѣленности въ нашемъ предпріятіи, и мы въ состояніи будемъ заявить нашу дѣятельность еще подъ руководствомъ профессоровъ. Такимъ путемъ Факультетъ Восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ Университетѣ съ теченіемъ времени, дѣйствительно можетъ пріобрѣсть *огромное значеніе въ жизни и наукѣ*.

Студенты Монголо-Калмыцкаго разряда.

Декабрь 1857 года.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ УНИВЕРСИТЕТА.

Nugae sunt, fateor, sed nugae ad seria ducunt.

—

Два года прошло со времени появленія 1-го выпуска Сборника, издав. студентами. Многое измѣнилось въ нашей жизни въ эти два года: много отброшено стараго, много принято новаго и теперь, въ краткомъ обзорѣ, мы хотимъ представить читающей публикѣ тѣ изъ фактовъ внутренней жизни Университета, которые имѣютъ право на ея вниманіе.

Мы начнемъ съ того, чѣмъ заканчивалась лѣтопись внутренней жизни 1-го выпуска,—скажемъ нѣсколько словъ о *Кассѣ бѣдныхъ студентовъ*. Надежды, высказанныя въ ту пору, вполнѣ оправдались: мысль помогать недостаточнымъ нашимъ товарищамъ и такимъ образомъ устранять физическія препятствія для ихъ труда, осуществилась и стала въ настоящее время дѣломъ. 3 Декабря 1857 г. было положено: основанною кассою завѣдывать студентамъ-редакторамъ и депутатамъ, выбраннымъ большинствомъ голосовъ отъ каждаго факультета, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлены и приняты студентами правила о кассѣ бѣдныхъ студентовъ. Въ основѣ этихъ правилъ лежатъ два существенныя положенія:

I. Касса студентовъ состоитъ при Сборникѣ, издаваемомъ студентами Петербургскаго Университета.

Digitized by Google

II. Право на вспоможеніе изъ кассы даетъ трудъ. Въ послѣдствіи признано было необходимымъ пояснить это 2-е положеніе такъ: «всякій бѣдный студентъ имѣетъ право на вспоможеніе, если не будетъ доказано, что онъ не трудится.» И дѣйствительно, нуждающіеся изъ вновь поступившихъ студентовъ, хотя и не могутъ представить видимыхъ доказательствъ труда, тѣмъ не менѣе по бѣдности имѣютъ право на полученіе вспоможенія. Этимъ былъ избѣгнутъ формализмъ свидѣтельствованія о бѣдности. Къ этимъ основнымъ положеніямъ, служащимъ исходною точкою въ кругѣ дѣятельности членовъ кассы, присоединены положенія, принятыя студентами, но подвергающіяся, по мѣрѣ надобности, новому обсужденію. Приводимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ: 1-е. Свидѣтельствовать о бѣдности товарища можетъ и нравственно обязанъ каждый студентъ. Для этого заведена особая книга, въ которую каждый студентъ можетъ вносить кандидата на вспоможеніе, означая при этомъ свою фамилію.

2. Узнаютъ о положеніи нуждающихся товарищей и распредѣляютъ (предварительно) вспоможеніе студенты редакторы и студенты—депутаты, каждый по своему факультету.

3. Окончательное назначеніе выдачи производится въ общемъ собраніи студентовъ-редакторовъ и депутатовъ всѣхъ факультетовъ и разрядовъ.

4. Выдачи производятся двоякимъ образомъ: во 1-хъ, въ видѣ занимообразной ссуды; во 2-хъ, въ видѣ вспоможенія или предварительнаго вознагражденія за статью для Сборника. И въ томъ и въ другомъ случаѣ получающій росписывается въ особой книгѣ.

5. Выдачи производятся отдѣльному лицу такъ часто и въ такихъ размѣрахъ, какъ позволяютъ средства кассы.

Правило 4-е получило въ послѣдствіи дальнѣйшее развитіе: а.) Занимообразныя выдачи возможны при ручательствѣ членовъ редакціи. Срокъ зависитъ отъ желанія занимающихъ, однако не простирается далѣе выхода изъ Университета; и b.) Дѣлая занимообразныя выдачи изъ кассы студентовъ должно строго наблюдать, чтобы касса не истощалась подобными выдачами и была въ состояніи удовлетворять просьбамъ о вспомоществованіи.

Digitized by Google

Для того, чтобы редакторы и депутаты не могли въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать произвольно, существуетъ правило, по которому они обязаны давать своему факультету отчетъ въ дѣйствіяхъ по кассѣ.

Перечисливъ главныя положенія кассы студентовъ для вспоможенія, мы перейдемъ къ самымъ источникамъ кассы. Они заключаются:

Во 1-хъ, во взносахъ достаточныхъ студентовъ произвольной суммы, довольно большой или очень малой, для помощи своимъ бѣднымъ товарищамъ. Взносы эти принимаются въ Редакціонной комнатѣ, гдѣ для этой цѣли находится дежурный депутатъ, а сумма и имя вносящаго пишутся его собственной рукой въ особой шнуровой книгѣ.

Во 2-хъ, ежегодныя музыкальныя упражненія, производимыя въ Университетской залѣ, которыя, за покрытіемъ расходовъ, доставляютъ довольно значительныя средства для вспоможеній.

Въ этомъ году произошло во внутреннемъ ихъ составѣ слѣдующее измѣненіе: до сего времени музыкальными упражненіями завѣдывалъ Г. инспекторъ студентовъ, и по окончаніи ихъ оставшаяся сумма раздавалась нѣкоторымъ недостаточнымъ студентамъ. Но, такъ какъ нынѣ при редакціи Сборника учредилась касса для вспоможенія, такъ какъ членамъ редакціи наиболѣе извѣстно положеніе и состояніе своихъ бѣдныхъ товарищей, и какъ отъ этого знанія зависитъ возможная вѣрность и справедливость въ выдачѣ вспоможеній; то и завѣдываніе музыкальными упражненіями передано, по желанію Г. Инспектора и съ утвержденія Г. Попечителя, къ студентамъ редакторамъ и депутатамъ.

Къ этому роду источниковъ мы отнесемъ и одинъ концертъ въ году, по окончаніи всѣхъ музыкальныхъ упражненій, съ участіемъ артистовъ итальянской труппы. Вся сумма, выручаемая отъ этихъ концертовъ, за покрытіемъ издержекъ, идетъ въ кассу и слѣдовательно въ пользу нашихъ недостаточныхъ товарищей.

Говоря объ этихъ концертахъ, мы позволимъ себѣ сказать слово объ Анджелинѣ Бозіо, мы позволимъ себѣ почтить память той, которая съ горячимъ сочувствіемъ принимала въ нихъ участіе. Не

Digitized by Google

задолго до своей смерти, она, какъ и въ прошлые годы, пришла къ намъ принести и свою лепту въ общую сокровищницу. При громкихъ рукоплесканіяхъ, при крикѣ, выражавшемъ общую благодарность, на рукахъ вынесли студенты изъ своего зданія представительницу искусства.... А чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ узналъ весь Петербургъ о ея смерти. Большая часть студентовъ шла въ домъ, гдѣ она жила и теперь лежала мертвая. Почти всѣ мы, студенты, собрались на ея погребеніе. Каждый шелъ туда, влекомый своимъ собственнымъ чувствомъ.... Вотъ что прочли мы въ одномъ журналѣ: «Отсюда (изъ церкви Св. Екатерины), въ «сопровожденіи тысячной толпы, въ которой особенно замѣтно было «огромное множество восторженныхъ и признательныхъ студентовъ, «тѣло Андж. Бозіо отвезено на католическое кладбище Св. Маріи и «предано землѣ. На свѣжую могилу, вмѣстѣ съ землею, падали не«притворныя слезы и цвѣты....»

Наконецъ въ 3-хъ, къ источникамъ кассы относятся и суммы отъ публичныхъ лекцій нашихъ профессоровъ. Говоря ниже объ этомъ полезномъ учрежденіи и прекрасномъ поступкѣ Гг. профессоровъ, въ которомъ высказалось ихъ сочувствіе къ общему дѣлу студентовъ, мы здѣсь только замѣтимъ, публичныя лекціи будутъ читаться и въ этомъ году.

Имѣя такіе источники и средства, касса, начавъ производить свои выдачи съ 31 Декабря 57 г., выдала до 1 Іюня 59 г.— 9000 р. с. въ видѣ вспомоществій и заимообразныхъ ссудъ. Правленіе Университета въ этотъ промежутокъ времени выдало стипендіями и единовременными пособіями 7160 р. с. Г. Инспекторъ студентовъ, изъ суммъ выручаемыхъ за музыкальныя упражненія, роздалъ около 3000 р. с.

Итогъ всѣхъ этихъ пособій уже слишкомъ достаточно свидѣтельствуетъ о количествѣ бѣдныхъ студентовъ; а при этомъ еще недолжно забывать всѣхъ мѣръ, которыя употребляютъ наши товарищи для пріисканія себѣ хлѣба и покрова: одни занимаются извлеченіями (компиляціями) изъ различныхъ сочиненій для журналовъ, другіе—переводными статьями съ иностранныхъ языковъ, корректурою и т. д.; многіе даютъ уроки въ частныхъ домахъ; для доставленія

Digitized by Google

студентамъ этого послѣдняго рода занятій, при редакціи Сборника заведена книга для записыванія лицъ, желающихъ имѣть уроки г.г. студентовъ; но, къ сожалѣнью, эта предпринятая мѣра для удовлетворенія обѣихъ сторонъ пока не дѣйствительна и можетъ быть достигнута тогда только, когда на самомъ дѣлѣ будутъ обращаться съ подобными просьбами въ редакцію.

А между тѣмъ численность студентовъ, которая можетъ свидѣтельствовать о потребности Университетскаго образованія, растетъ съ каждымъ годомъ. Въ 1859 году число студентовъ дошло до 859. Вотъ распредѣленіе этого числа по факультетамъ:

На факультетѣ историко-филологическомъ			50
— — — восточныхъ языковъ			54
— — — физико-математическ.	разрядъ матем. наукъ		147
	—— естеств. —		130
— — — юридическ.	разрядъ юрид. наукъ.		300
	—— камер. —		178

Разность въ числѣ между факультетами не можетъ не обратить на себя вниманія, и прежде всего это вниманіе останавливается на числѣ студентовъ по Историко-Филолог. факультету. Тутъ, разумѣется, существуютъ положительныя причины такой малочисленности. Онѣ высказаны уже въ первомъ выпускѣ нашего Сборника (лѣтопись внутр. жизни Университ., стр. 380.). Мы опять повторяемъ здѣсь, что и на самомъ дѣлѣ, къ сожалѣнью, только весьма немногіе могутъ получить классическое образованіе: одна 3-я гимназія не можетъ служить, достаточнымъ разсадникомъ молодыхъ людей, готовящихся впослѣдствіи къ ученымъ занятіямъ и трудамъ по историческимъ и филологическимъ наукамъ. Мы опять повторяемъ высказанное въ 54 г. обѣщаніе объ устраненіи этого препятствія. Мы ждемъ исполненія этого обѣщанія, и намъ вѣроятно придется ждать недолго, потому что въ настоящую минуту, когда идетъ рѣчь и дѣло о развитіи всѣхъ элементовъ духовной жизни, элементъ классическаго образованія не можетъ остаться въ сторонѣ, время пришло.

Число студентовъ увеличивается, молодое поколѣніе жаждетъ и ищетъ услышать разумное слово объ истинѣ, разрѣшеніи многихъ

Digitized by Google

вопросовъ, накопляющихся въ неокрѣпшихъ еще головахъ, оно ищетъ и находитъ. Каѳедры обогащаются новыми дѣятелями: Въ Сентябрѣ 57 г. началъ свои лекціи по гражданскому праву К. Д. Кавелинъ; въ Январѣ 58 г. вступилъ на каѳедру Уголовнаго права Вл. Д. Спасовичъ; въ Сентябрѣ того же года возвратился изъ-за-границы послѣ двухлѣтняго путешествія профессоръ по каѳедрѣ Исторіи. М. М. Стасюлевичъ. Масса слушателей, постоянно наполняющая большія аудиторіи этихъ профессоровъ, говоритъ громче всѣхъ рукоплесканій о достоинствѣ и живомъ интересѣ ихъ лекцій.

Въ настоящее время, при факультетѣ Восточныхъ языковъ учрежденъ 6-й разрядъ—Санскрито—Персидскій. Вслѣдствіе этого, въ Сентябрѣ 59 г. было объявлено, «что преподаватель Коссовичъ, по приказанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, будетъ читать вступительную лекцію, въ Четвергъ, 24 сего Сентября, въ которой между прочимъ, представитъ историческій очеркъ, трудовъ, совершенныхъ европейскими учеными по части языкознанія Арійскаго Востока.»

Въ тоже время молодые профессора пріобрѣтаютъ богатые запасы знаній въ заграничныхъ Университетахъ. Между другими, въ Маѣ уѣхалъ изъ Петербурга М. И. Сухомлиновъ, превознесенный толпою благодарныхъ ему студентовъ. Эта благодарность была имъ вполнѣ заслужена. Изданіе Сборника было еще мечтою, когда онъ, вмѣстѣ съ студентами, взялся за осуществленіе этой мысли. Онъ дѣйствовалъ, полный энергіи и любви къ общему дѣлу, онъ былъ нашимъ первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ руководителемъ въ новомъ для насъ дѣлѣ; подъ его руководствомъ основалась и касса для вспомоществія нашимъ недостаточнымъ товарищамъ. Такимъ образомъ, избранный студентами въ Профессора—редактора, онъ вполнѣ оправдалъ ихъ довѣріе; они доказывали ему это и фотографіей его портрета и не разъ высказанною общею благодарностью.

Заговоривъ объ одномъ лицѣ, такъ много принимавшемъ участія въ общемъ дѣлѣ студентовъ, мы не можемъ умолчать о другомъ, не можемъ не вспомнить имени, которое въ непродолжительное время студенты привыкли уважать и любить, которое и теперь часто раздается въ стѣнахъ Университета. Мы говоримъ о бывшемъ Не-

Digitized by Google

печителей Петербургскаго Округа, о Князѣ Григорьѣ Алексѣевичѣ Щербатовѣ. Въ первомъ выпускѣ Сборника упомянуто уже о содѣйствіи Кн. Щербатова въ изданіи Сборника. Понимая хорошо значеніе Университета, сознавая потребность его образованія, онъ неутомимо заботился о средствахъ къ развитію внутренней университетской жизни, и его заботы не потрачены даромъ. Онъ любилъ студентовъ, это высказалось во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и студенты платили ему взаимною любовью. Оттого намъ и было такъ грустно услышать вѣсть объ оставленіи имъ должности попечителя.

Такое понятіе объ университетскомъ образованіи, такая потребность его постоянно растетъ и высказывается. Въ подтвержденіе своихъ словъ мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующее предложеніе отъ начальника Могилевской губерніи Г. Бенкендорфа къ Г. Инспектору студентовъ:

«Озабочиваясь замѣщеніемъ различныхъ должностей въ вѣрен-«ной мнѣ управленію губерніи людьми способными, добросовѣстны-«ми и научно-образованными, и принимая въ соображеніе, что нынѣ «предстоятъ значительныя преобразованія какъ по губернскому, такъ и «преимущественно по уѣздному управленію, съ учрежденіемъ долж-«ностей особенныхъ слѣдственныхъ чиновниковъ, я рѣшаюсь обра-«титься къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою «предложить молодымъ людямъ, съ успѣхомъ окончившимъ или окон-«чивающимъ курсъ юридическихъ наукъ въ петербургскомъ универ-«ситетѣ, поступить на службу въ Могилевскую губернію кандидатами «на должности уѣздныхъ стряпчихъ и слѣдственныхъ чиновниковъ. «Къ сему считаю не лишнимъ присовокупить, что содержаніе уѣзд-«ныхъ стряпчихъ предполагается увеличить, но въ какомъ размѣрѣ «еще неизвѣстно; слѣдственнымъ же чиновникамъ предназначается «до 1000 руб. сер. въ годъ. Такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ «предположенныя преобразованія будутъ осуществлены въ весьма «не продолжительномъ времени, то было бы необходимо, чтобъ мо-«лодые люди, желающіе занять означенныя должности, заблаговре-«менно прибыли въ Могилевскую губернію, дабы имѣть возможность «въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ изучить порядокъ службы и хотя «нѣсколько ознакомиться съ практическимъ примѣненіемъ теоритиче-

Digitized by Google

«сихъ познаній, пріобрѣтенныхъ ими въ Университетѣ. Я надѣюсь, «что г. г. студенты Петербургскаго Университета примутъ такое «предложеніе мое, какъ выраженіе живаго сочувствія къ благо-«родному направленію университетскаго юношества, какъ дока-«зательство, что я буду умѣть цѣнить честный, просвѣщенный «трудъ тѣхъ изъ нихъ, которые сдѣлаютъ мнѣ честь поступить на «службу въ ввѣренную мнѣ губернію.»

Мы перейдемъ теперь къ самому нашему изданію и, по установленному правилу, приведемъ здѣсь отзывы Гг. Профессоровъ о нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ,

О статьѣ Дм. Писарева «Вильгельмъ Гумбольдъ» Профессоръ А. В. Никитенко отозвался, что она «по литературному и ученому своему достоинству заслуживаетъ быть напечатанною въ Сборникѣ».

Профессоръ Изм. Ив. Срезневскій далъ слѣдующій отзывъ о переводной статьѣ В. Макушева «Филологическій разборъ числительныхъ именъ». «Съ истиннымъ удовольствіемъ я перечелъ статью П. П. Шафарика въ Русскомъ переводѣ В. В. Макушева. Изъ нея хоть нѣсколько можно познакомиться съ тѣмъ филологическимъ направленіемъ, котораго сталъ держаться Шафарикъ, когда занялся языкомъ Славянскимъ спеціально. Между славистами онъ одинъ изъ первыхъ пошелъ по этому пути,—и выработанное выработалъ самостоятельно. Нельзя не жалѣть, что изъ его работъ на этомъ полѣ напечатаны пока еще очень немногія.»

Статья Г. студента Пятковскаго б. одобрена къ печати въ слѣдующихъ словахъ Г. Професс. Никитенко: «Статья Г. Пятковскаго *о жизни и сочиненіяхъ Веневитинова*, назначеная для сборника, изд. студ. С. Петербургсаго Университета, по литературному своему достоинству, заслуживаетъ быть помѣщенною въ немъ.»

О сочиненіи кандидата А. Фаминцына «Организмы на границѣ животнаго и растительнаго царства» мы не можемъ дать точный отчетъ за отсутствіемъ Проф. Ценковскаго.

Професоръ И. Е. Андреевскій сообщилъ слѣдующее мнѣніе о статьѣ Студ. Генерозова-Смыкова «Робочіе люди.

«Изъ многихъ еще неизслѣдованныхъ вопросовъ Государственнаго Права, на которые я обращалъ вниманіе моихъ слушателей,

Digitized by Google

Студ. *Генерозовъ-Смыковъ* занялся изученіемъ Рабочихъ Людей, какъ класса лицъ весьма кратко опредѣленнаго въ положительномъ законодательствѣ (Т. IX Св. Зак. Гражд.), и представляющаго любопытное историческое происхожденіе, вовсе еще необъясненное въ нашей литературѣ. Въ своей статьѣ, «Рабочіе люди,» г. Генерозовъ-Смыковъ прослѣдилъ по всѣмъ указамъ, начиная со времени Имп. Екатерины II, судьбу рабочихъ людей, и въ своемъ историческомъ анализѣ представилъ задатки хорошо усвоеннаго критическаго метода, бросилъ много справедливыхъ взглядовъ, и въ заключеніи помѣстилъ новые и весьма любопытные выводы объ историческомъ происхожденіи и нынѣшнемъ значеніи рабочихъ людей. По этимъ причинамъ, статья г. Генерозова-Смыкова, не смотря на ея краткость, не пройдетъ незамѣченою въ литературѣ Русскаго государственнаго права. Напрасно только авторъ началъ своей статьи наименьшимъ общими понятіями, и то недостаточно у него развитыми, о наказаніи и исправленіи преступника: его статья не только бы не потеряла, но напротивъ выиграла бы, если бы онъ ее началъ прямо съ историческаго разсмотрѣнія рабочихъ людей.»

Къ сожалѣнію авторъ не могъ воспользоваться справедливыми замѣчаніями Профессора: смерть запретила ему это: онъ умеръ оставивъ по себѣ добрую память между товарищами. Статью свою онъ посвятилъ сестрѣ Аннѣ Аѳан. Смыковой въ слѣдующемъ письмѣ:

Любезная сестра!

Съ младенчества ты замѣняла мнѣ няньку, мать: во время моего дѣтства была моимъ другомъ и первымъ учителемъ, — тебѣ обязанъ я первыми уроками нравственности; наконецъ ты была ангеломъ-утѣшителемъ въ скорбныя минуты моей жизни. Живо помню твои простыя, но исполненныя любви до самоотверженія къ брату, какъ къ другу, слова, которыя ты писала мнѣ, когда я, не видя исхода своему бѣдственному положенію, хотѣлъ оставить Университетъ. Всѣ твои строки: онѣ у меня предъ глазами, — но я сохраню ихъ на всегда въ моемъ сердцѣ, какъ драгоцѣннѣйшій перлъ изъ моихъ воспоминаній. «Ты хочешь оставить Университетъ», писала ты, «что же думаешь предпринять, оставя ученье? Тогда ты

Digitized by Google

тоже не минуешь самъ содержать себя собственными средствами, а это тебѣ будетъ въ тысячу разъ досаднѣе теперешняго. Теперь ты при мѣстѣ, а тогда ты будешь праздникомъ человѣкомъ, которымъ не дорожатъ и котораго презираютъ. Я совѣтовала бы тебѣ продолжать начатое тобою ученье, хоть какъ нибудь, если это возможно и при бѣдственномъ положеніи: за дѣломъ все-таки легче переносить голодъ и холодъ; быть полубосымъ и полунагимъ, да быть при мѣстѣ, — еще сносно. Терпи, — Богъ не посылаетъ намъ крестовъ свыше силъ нашихъ, а внутренно мы должны сознаться что Онъ смотритъ на насъ еще очень милосердія и любви». . . . . .

. . . . . .

«Я сама пріѣду къ тебѣ въ Петербургъ, буду жить для тебя въ *услуженіи*, только бъ ты исполнилъ мое желаніе — учился и былъ хорошимъ человѣкомъ!» — Позволь же мнѣ, любезная сестра, посвятить тебѣ это мое сочиненіе, мой первый опытъ на учено-литературномъ поприщѣ. Онъ посредственности принадлежитъ тебѣ, какъ трудъ того времени, когда ты писала мнѣ, приведенныя мною, строки. Я счастливымъ себя сочту, если ты примешь этотъ трудъ, какъ выраженіе моего совершеннѣйшаго къ тебѣ уваженія и искренней преданности. —

Мы привели здѣсь это письмо: оно имѣетъ право на помѣщеніе въ нашей лѣтописи, какъ по предсмертному желанію автора статьи, такъ и по прекрасному убѣжденію, высказанному въ письмѣ дѣвушки къ брату о необходимости труда и ученія.

Не говоря здѣсь о всѣхъ диссертаціяхъ, писанныхъ на заданныя Гг. Профессорами темы *) въ 1858 и 59 г., мы назовемъ только одну изъ нихъ, которую предполагается помѣстить въ слѣдующемъ выпускѣ Сборника. Эта диссертація студентовъ IV курса Юридическаго факультета *П. Вильямса*, писанная на тему: «Изложить въ систематическомъ единствѣ ученіе Лейбница о правдѣ и о выраженіи ея въ государствѣ и положительныхъ законодательствахъ», и

*) Отчетъ и разборъ объ этихъ диссертаціяхъ помѣщается въ «Годичномъ Актѣ Петерб. Университета, въ Приложеніи.

Digitized by Google

объяснить это учение сравненіемъ съ новѣйшими понятіями о главныхъ основаніяхъ законовѣдѣнія.»

Но кругъ студентскихъ занятій не ограничивается этими трудами. Одни занимаются полезными трудами по факультетскимъ предметамъ, другіе трудятся и помѣщаютъ свои статьи оригинальныя или переводныя въ разныхъ журналахъ, нѣкоторые издаютъ отдѣльныя книги, болѣе или менѣе полезныя. Такъ студентомъ Восточнаго факультета *Цвѣлковымъ* составленъ Маньчжурско-Русскій словарь. Прекрасный этотъ трудъ предполагается помѣстить въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ Сборника. Студентомъ Восточнаго факультета *Воронинскимъ* литографированы Записки Арабской Грамматики, составленныя по лекціямъ М. Т. Навроцкаго.

Студенты Ив. *Лазаревскій* и Як. *Утинъ* издали: *Собраніе современныхъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. СПБ. 1859 г.* Цѣль этой книги объясняется составителями въ предисловіи. Вотъ что говорятъ они: «Источниками исторіи права слушатъ законныя книги, различные юридическіе акты и другіе памятники законодательства. У насъ такихъ памятниковъ изданно въ настоящее время достаточное количество, чтобы на основаніи ихъ начать разработку исторіи права. Но памятники эти разбросаны въ различныхъ изданіяхъ, большею частію недоступныхъ студенту или по своей рѣдкости, или по дороговизнѣ; а между тѣмъ чтеніе этихъ памятниковъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ изъ нихъ, необходимо для каждаго студента, иначе и самыя лекціи исторіи права не принесутъ всей ожидаемой отъ нихъ пользы;—слѣдовательно необходима книга, въ которой были бы собраны эти памятники. «Указатель россійскихъ законовъ» Максимовича (собственно первая его часть) могъ бы удовлетворить этой потребности; но, не говоря уже о томъ, что этотъ сборникъ составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость; въ немъ помѣщены не всѣ памятники, ознакомленіе съ которыми составляетъ, такъ сказать, введеніе въ полное изученіе памятниковъ русскаго права, и самые памятники изданы въ немъ по неполнымъ и неточнымъ спискамъ. И такъ, — повторяемъ, — необходимъ сборникъ, въ которомъ были бы собраны всѣ важнѣйшіе памятники древняго русскаго права и который былъ бы доступенъ каждому

Digitized by Google

студенту. Настоящимъ изданіемъ мы думаемъ удовлетворить этой потребности; насколько мы успѣли въ этомъ, — представляемъ судить преподавателямъ и товарищамъ нашимъ, такъ какъ для послѣднихъ собственно и назначается эта книга.» Изданіе это уже подверглось критической оцѣнки въ разныхъ журналахъ (Ж. Мин. Юстиціи, Архивъ, Н. М. Калачова, Русское Слово).

Всѣ рецензіи признавая пользу труда нашихъ товарищей, находятъ однако и нѣкоторые недостатки. Вѣроятно второе изданіе «Собранія памятниковъ» докажетъ что составители умѣли воспользоваться дѣльными замѣчаніями.

А теперь, пока, во всякомъ случаѣ, книга Ив. Лазаревскаго и Як. Утина составляетъ пріятное явленіе въ Русской юридической литературѣ; польза же ея несомнѣнна,—въ этомъ на опытѣ можетъ убѣдиться каждый, и особенно студентъ, занимающійся хоть сколько нибудь исторіей русскаго права.

Студенты Аверкіевъ и Алексѣевъ перевели на русскомъ языкѣ замѣчательную книгу: *Введеніе къ изученію Химіи по системѣ Шарль Жерара*. Это сочиненіе есть первый химическій трудъ по унитарной системѣ Шарля Жерара и Августа Лорана. Авторъ книги Шарль Жераръ есть въ тоже время и творецъ унитарной системы. Изъ этого уже прямо видно, что унитарная система изложена здѣсь съ полнотою и ясностью и приложена не только къ выдающимся, но и къ мелкимъ фактамъ Химіи. На русскомъ языкѣ теперь это единственное руководство къ изученію унитарной системы.

Студентъ Н. Бенардаки перевелъ на Англійскій языкъ знаменитое «*Горе отъ Ума*» Грибоѣдова, и намъ пріятно сказать здѣсь, что англійскіе журналы отозвались съ похвалою объ этомъ трудѣ нашего товарища. Считаемъ умѣстнымъ упомянуть здѣсь, что кромѣ комедіи Грибоѣдова, студентъ Н. Бенардаки перевелъ нѣсколько повѣстей Гоголя, которыя скоро появятся въ печати въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ.

Кромѣ того, Н. Бенардаки и Ю. Богушевичъ предприняли составленіе и изданіе: *Указателя статей серьезнаго содержанія, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ*. Пока вышло въ свѣтъ пять выпусковъ: 1.) Къ Сыну Отечества (1812—

Digitized by Google

1852.), 2.) Къ Библіотекѣ для Чтенія (1834—1854), 3.) Къ Финскому Вѣстнику и Сѣверному Обозрѣнію (1845—50), 4.) Къ Репертуару и Пантеону (1839—56), 5.) Къ Московскому Телеграфу (1825—34.).

Этотъ трудъ пріобрѣтетъ значеніе въ Русской Литературѣ, если будетъ окончѣнъ въ полномъ объемѣ, т. е. если обниметъ въ своемъ составѣ всѣ замѣчательныя русскіе журналы; потому что всѣ до сихъ поръ предпринимавшіяся подобныя библіографическія изданія или не были доведены до конца (какъ Указатель къ журналамъ *Бестужева*), или касались только спеціальныхъ изданій (какъ Указатель къ Сѣверному Архиву А. Н. Аѳанасьева, Указатель къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія*.—Галанина).

По установленному правилу и порядку въ Январѣ или Февралѣ каждаго новаго года студентами производятся перевыборы редакторовъ и депутатовъ.

Мы указываемъ на это явленіе 1858 и 1859 г. только по отношенію къ тому разногласію, которое проявилось при этомъ случаѣ. Было высказано мнѣніе, что Сборникъ не долженъ существовать. За такимъ убѣжденіемъ, если только такое убѣжденіе возможно, должна слѣдовать апатія, и, если бы эта мрачная апатія проникла въ большую семью студентовъ, — она бы сгубила много хорошаго, она бы принесла съ собою много злаго. Пусть вспомнятъ тѣ, которые рѣшились высказать мнѣніе противъ изданія Сборника, слова нашего извѣстнаго соплеменника В. В. Ганки (въ письмѣ его къ редакторамъ съ благодарностью за сообщеніе 1-го выпуска Сборника) «Друзья мои,» писалъ онъ, употребляйте слово въ духѣ правды, въ духѣ любви, какъ орудіе мира и дружелюбія. Горе употребляющимъ слово во зло!... Ваша мысль соединившая васъ въ одну дружную семью, работать совокупными силами, имѣя въ виду общій интересъ, да занимаетъ Васъ еще долго на пользу, честь и славу Вашего великаго отечества! Да будете увѣрены, что при такомъ стремленіи залетятъ лучи вашего успѣха далеко, за предѣлы къ роднымъ племенамъ.»

Пусть же прочтутъ наши товарищи, охладѣвшіе къ общему дѣлу, слова уважаемаго нами Ректора, пусть прочтутъ они и возвра-

Digitized by Google

тятся въ нашу дружную семью. Число ихъ разумѣется не велико, но въ нашей общинѣ каждый членъ ея долженъ быть дорогъ. На актѣ, давая обществу отчетъ о состояніи и дѣятельности Петербургскаго Университета за 1857 г. П. А. Плетневъ говорилъ:

«Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ возбужденія самостоятельной умственной дѣятельности студентовъ здѣшняго Университета «служитъ предпринятое ими изданіе, подъ названіемъ «Сборника»... И далѣе: «Я готовъ повторить здѣсь и возраженія, въ которыхъ «не бываетъ недостатка противъ всякаго новаго предпріятія... Время, «употребляемое студентами на приготовленное сочиненіе и на самое «ихъ печатаніе, не будетъ ли отнято отъ необходимаго изученія «преподаваемыхъ имъ предметовъ? Университетское изученіе не «есть выучиваніе лекцій на изусть. Оно состоитъ въ ясномъ пони«маніи главныхъ идей науки и въ дополненіи ихъ непосредственнымъ «трудомъ по указаннымъ источникамъ. Идеи только отъ того и «становятся ленѣе, когда вдумываешься въ нихъ, мысленно прохо«дишь ихъ въ послѣдовательности и наконецъ свободно обнимаешь «ихъ въ полномъ составѣ.» Ничѣмъ такъ легко и вѣрно не дойдешь до этого, какъ задуманнымъ трудомъ надъ отдѣльною частію «науки. Этотъ анализъ открывающій уму промелькнувшія отъ него до «сихъ поръ тайны, развертываетъ его силы и подобно гимнастикѣ «укрѣпляетъ ихъ. Что касается до ближайшаго знакомства съ источ«никами, дополняющими схваченныя на лекціи идеи, сама необхо«димость сообщить собственному сочиненію достоинство и полноту «приведетъ къ нимъ и заставитъ изучить ихъ со всею основатель«ностью. Кто испыталъ обаяніе увлеченія кабинетнаго труда, тотъ «конечно знаетъ, какъ въ продолженіе его сосредоточиваются всѣ «мыслительныя наши способности, и до какой зрѣлости доходитъ «умъ въ этой работѣ. Безъ собственныхъ опытовъ ни въ чемъ не «дойдешь до совершенства. Теоретическія знанія подобны въ нѣко«торомъ смыслѣ тѣмъ умственнымъ пріобрѣтеніямъ, которыя напол«няютъ душу при разсказахъ о прекрасныхъ сценахъ, картинахъ и «музыкѣ. Кажется, все чувствуешь, а въ сущности остается ниче«тожное понятіе. Только непосредственное прикосновеніе къ пред«метамъ сообщаетъ намъ истинное, прочное о нихъ знаніе.»

Digitized by Google

Переходя къ изложенію болѣе или менѣе важныхъ явленій въ жизни роднаго нашего Университета за второй семестръ прошлаго академическаго года, намъ пріятно начать нѣсколькими словами о публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ залѣ Университета нѣкоторыми изъ его Гг. Профессоровъ.

Мысль чтенія подобныхъ публичныхъ лекцій по праву принадлежитъ вполнѣ студентамъ: они первые заговорили объ этомъ, они приглашали Гг. Профессоровъ, на ихъ заботливости лежало все устройство этихъ лекцій, наконецъ къ нимъ же перешелъ и конечный результатъ публичныхъ бесѣдъ—сумма выручавшаяся за нихъ должна была быть однимъ изъ источниковъ «кассы бѣдныхъ студентовъ.»

Съ особеннымъ удовольствіемъ упоминаемъ мы о нихъ; совершенно новая мысль эта вполнѣ оправдала надежду студентовъ, — и Гг. Профессора и наше образованное Общество высказали участіе къ своему Университету. Гг. Профессора воспользовались представившимся имъ случаемъ содѣйствовать студентамъ въ ихъ намѣреніи пособить нашимъ недостаточнымъ товарищамъ и чрезъ то и самой наукѣ, на сколько она зависитъ отъ матерьяльныхъ достатковъ ея тружениковъ. Съ другой стороны и Общество, оказало сочувствіе къ этому предпріятію и наполнило собою Университетское зало.

Общество шло съ полною увѣренностію услышать новые результаты науки въ формѣ доступной для каждаго; эту увѣренность гарантировали съ одной стороны выборъ предмета. съ другой стороны имена Гг. Профессоровъ взявшихъ на себя эту не легкую задачу: нашей образованной публикѣ давно было знакомо имя А. В. Никитенко. Старый любимецъ ея выступилъ говорить «о Державинѣ и его времени;» затѣмъ вступилъ на каѳедру молодой. только что вернувшійся изъ-за границы М. М. Стасюлевичъ, съ которымъ общество познакомилось еще такъ недавно, но уже такъ ясно высказало къ нему свое сочувствіе и онъ предлагалъ ему на судъ новые взгляды науки на одну изъ самыхъ интереснѣйшихъ эпохъ, предлагалъ ближе познакомиться съ провинціальнымъ бытомъ Франціи при Людовикѣ XIV. Рядъ публичныхъ лекцій заключилъ Н. М. Благовѣщенскій, желавшій сказать обществу о «Ювеналѣ и его сати-

Digitized by Google

рахъ» и неубоявшійся старыхъ, гнилыхъ предубѣжденій противъ науки, которой онъ былъ представителемъ.

Малочисленность публичныхъ лекцій (числомъ 3) не дозволили Профессору Никитенко выполнить вторую часть своей задачи, но личность и заслуги пѣвца Екатерины желалъ очертить совершенно рельефно нашъ знатокъ русской литературы; не требуя отъ Профессора ничего невозможнаго — обнять всю тему въ нѣсколько часовъ, публика высказала свое полное сочувствіе къ словамъ и мыслямъ Профессора. Отъ временъ Екатерины вниманіе публики было перенесено Профессоромъ Стасюлевичемъ въ другой вѣкъ, далеко на западъ, слѣдить за жизнью другаго народа подъ управленіемъ Людовика XIV, имя котораго въ лѣтописяхъ Франціи составило такую же эпоху, какую въ лѣтописяхъ нашей страны — имя Екатерины Великой. Послѣ лекціи Профессора им могли повторить вмѣстѣ съ нимъ, что «еще однимъ великимъ человѣкомъ меньше!» Еще далѣе откинуто было вниманіе публики, Н. М. Благовѣщенскимъ, къ болѣе отдаленному времени Римскихъ Императоровъ. Темою его лекцій былъ «Ювеналъ», сатирикъ временъ Домиціана, который такъ хорошо зналъ всѣ черныя стороны своего времени и такъ мѣтко поражалъ ихъ.

Двумя лекціями Г. Благовѣщенскаго заключился рядъ публичныхъ лекцій въ залѣ нашего Университета. Въ заключеніе мы должны прибавить, что и другіе Гг. Профессора представили программы лекцій по предметамъ ихъ каѳедръ, но должны были отказаться помочь общему дѣлу, вслѣдствіе обстоятельствъ отъ нихъ не зависѣвшихъ.

Мы просили всѣхъ Гг. Профессоровъ читавшихъ публичныя лекціи позволенія напечатать ихъ при нашемъ «Сборникѣ.» И въ нынѣшнемъ выпускѣ мы предлагаемъ публикѣ подлинный текстъ публичныхъ лекцій Гг. Профессоровъ Стасюлевича и Благовѣщенскаго. Онъ помѣщенъ въ приложеніи къ настоящему выпуску и потому-то мы выше не сказали ничего, ни о ихъ содержаніи, ни о значеніи этого содержанія; относительно лекцій Г. Стасюлевича мы позволимъ себѣ замѣтить только, что при сочувствіи, которое оказала публика, всякая критика по поводу этихъ лекцій,

Digitized by Google

должна была относиться собственно къ публикѣ, а не къ читавшему ихъ Профессору. Въ своемъ письмѣ къ редакціи, которое мы помѣщаемъ предъ лекціями, Профессоръ самъ отвѣтилъ на возможныя возраженія и объяснилъ причины незначительной перестановки въ текстѣ, которую потребовали условія печати. Что же касается до лекцій Н. М. Благовѣщенскаго, то мы можемъ только сказать, что они уже были помѣщены въ одномъ изъ №№ Русскаго Вѣстника за 1859 годъ; но мы просили Г. Профессора дозволить намъ представить читающей публикѣ лекціи въ неискаженномъ видѣ, въ какомъ мы прочли ихъ въ сказанномъ журналѣ.

Въ послѣднее время Совѣтъ Университета принялъ различныя мѣры для произведенія экзаменовъ съ большею и возможною строгостью. Такія мѣры для увеличенія должной строгости и разборчивости при экзаменахъ, не могли показаться странными. Мы входимъ въ университетъ съ вѣрою на вознагражденіе честнаго труда сильнымъ трудомъ; въ послѣднее время молодое поколѣніе очистилось отъ позорной мысли приходить въ Университетъ искать матеріальныхъ интересовъ; грубая ограниченность, которая захотѣла бы искать здѣсь только мундира съ свѣтлыми пуговицами или незаслуженнаго кандидатскаго диплома, была бы громко осмѣяна. Къ сожалѣнію прекрасныя намѣренія Совѣта были дурно и ложно поняты многими; это видно изъ появленія въ послѣднее время нѣкоторыхъ неосновательныхъ статей. Университетъ отнюдь не можетъ въ этомъ дѣлѣ руководствоваться извѣстнымъ текстомъ: «много званныхъ, мало избранныхъ;» его двери должны быть открыты для каждаго, который можетъ войти въ нихъ. Тутъ фактъ, что изъ 300 молодыхъ людей вступило въ Университетъ только 73, далеко не ложится пятномъ на юное поколѣніе, онъ говоритъ о слабости среднихъ учебныхъ заведеній, о необходимости преобразованія и улучшенія этихъ заведеній, для чего, какъ извѣстно, предпринимаются въ настоящее время средства и мѣры. Основываясь же на совершенно мнимой легкости переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ, было бы слишкомъ дерзко и нагло обвинить студентовъ въ небозукоризненномъ поведеніи. Одинъ голый перечень явленій въ жизни Университета, какъ касса бѣдныхъ студентовъ, полныя большія аудиторіи Гг. Профессоровъ, разнообразные труды

Digitized by Google

студентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, труды, которые не могутъ быть работою одного дня, много другихъ фактовъ, громко говорятъ въ пользу студентовъ, ясно свидѣтельствуютъ, что студенты посѣщаютъ преимущественно и безъ строгаго сравненія съ другими «публичными мѣстами», Университетъ; и такимъ образомъ служатъ прямымъ опроверженіемъ многихъ неосновательныхъ мнѣній.

Намъ пріятно закончить нашу лѣтопись извѣстіемъ о тѣхъ пріобрѣтеніяхъ которымъ суждено быть украшеніемъ нашего Университета; мы говоримъ о Гг. Совѣтовѣ, Лагунѣ, Губѣ, Костомаровѣ и Утинѣ, пополнившихъ собою число Профессоровъ нашего Университета. Для большинства нашей публики это уже не новость, живой интересъ возбуждаемый лекціями нѣкоторыхъ изъ Гг. Профессоровъ снялъ съ нашего Университета ту долю исключительнаго, изолированнаго учрежденія, которая тяготѣла надъ нимъ. Мы съ радостію увидѣли среди себя много лицъ не принадлежащихъ къ числу студентовъ, изъ среды всѣхъ сословій нашего отечества; различіемъ возраста, званія, пола лицъ посѣщающихъ лекціи нѣкоторыхъ изъ нашихъ Профессоровъ, Университетъ нашъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ то значеніе въ обществѣ, которое по праву принадлежитъ ему. *)

Обѣщаніемъ сказать подробнѣе, въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ, о дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нашихъ Профессоровъ, мы заканчиваемъ нашу лѣтопись.

Мы по возможности старались привести здѣсь всѣ явленія, совершившіяся въ университетской нашей жизни. Быть можетъ мы многое недосказали, многаго только коснулись, но самое это молчаніе невольно высказываетъ наши убѣжденія, касательно вопросовъ нами незатронутыхъ и предоставленныхъ суду людей, болѣе или менѣе принимающихъ живое участіе въ ходѣ образованія русскаго юношества.

---

*) Вступительныя лекціи Гг. Профессоровъ Костомарова и Утина напечатаны: одна въ «Русскомъ Словѣ», другая — въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Digitized by Google

ско не превышало тридцати пяти тысячъ человѣкъ, имѣя однакожь нѣсколько орудій. Восьмаго сентября 1514 года *считая по Р. Х.*,[60] настлавъ мостъ, Константинъ переправилъ пѣхоту черезъ Борисѳенъ у города Орши, конница же переправилась черезъ узкій бродъ подъ самою оршинскою крѣпостью. Вскорѣ послѣ того какъ половина войска перешла черезъ Борисѳенъ, извѣстили объ этомъ Ивана Андреевича Челядина,[61] которому московскій князь поручилъ главное начальство,—и совѣтовали напасть на эту часть войска и уничтожить ее. Но онъ отвѣчалъ: «если мы разобьемъ эту часть войска *литовскаго*, то останется другая, къ которой могутъ присоединиться другія силы; и такимъ образомъ намъ будетъ грозить *новая* болѣе опасная *война*. Подождемъ немного, пока переправится все войско: у насъ такія силы, что, безъ сомнѣнія, мы можемъ безъ большаго труда или разбить это войско, или окружить его и гнать до самой Москвы, какъ быковъ. Наконецъ намъ останется только занять всю Литву». Между тѣмъ приближалось литовское войско, въ составъ котораго входили поляки и солдаты изъ чужихъ странъ, и когда оно отошло отъ Орши на 4000 шаговъ,—обѣ арміи остановились. У московитовъ два крыла далеко отошли отъ остальнаго войска, для того чтобы обойти непріятеля съ тыла; главное же войско въ боевомъ порядкѣ стояло въ серединѣ, а впереди были поставлены тѣ, которые должны были вызвать непріятеля на бой. Напротивъ нихъ литовцы долго давали диспозицію своимъ разноплеменнымъ силамъ, ибо каждое княжество прислало войско и предводителя своего племени, и такимъ образомъ въ боевой линіи каждому было дано свое мѣсто. Наконецъ, поставивъ нѣсколько отрядовъ впереди, московиты подаютъ сигналъ и первые дѣлаютъ нападеніе на литовцевъ.—Тѣ стоятъ безстрашно и отражаютъ ихъ; но московиты, получивъ подкрѣпленіе, въ свою очередь обращаютъ въ бѣгство литовцевъ. Такимъ образомъ нѣсколько разъ обѣ стороны, усиливаясь свѣжими подкрѣпленіями, опрокидываютъ другъ друга. Наконецъ всѣ силы введены были въ дѣло.

Тогда литовцы, съ намѣреніемъ отступивъ къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ поставлены были орудія, обратили пушки на преслѣдовавшихъ ихъ московитовъ: они стрѣляютъ, разстраиваютъ и разрываютъ густые задніе ряды, стоящіе въ резервѣ. Московиты были устрашены этимъ новымъ образомъ воіины, такъ какъ они думали, что только первые ряды, сражающіеся съ непріятелемъ, находятся въ опасности; они смѣшались и ударились въ бѣгство, считая переднія дружины уже разбитыми.

Digitized by Google

gam capessunt. quos Lithvuani connersi, omnibus copijs effusis insequuntur, fugant, aeduntque. Hanc caedem sola nox ac syluae dirimerunt. Est inter Orsam et Dobrovunam[62] (quae quatuor mil Ger. distant) fluuius Cropivuna[h][63] dictus: in cuius dubijs et altis ripis fugientes, tot Mosci submersi sunt, ut cursus fluminis impediretur. Capti sunt in eo conflictu omnes militiae praefecti ac consiliarij: quorum praestantiores, Constantinus sequenti die lautissimè accepit, dein ad Regem misit: qui per castra Lithvuanica sunt distributi. Ioannes Czeladin[64] cum alijs duobus praecipuis ingrauescentis iam aetatis ducibus, habebatur in ferreis compedibus Vuilnae. [i] hos ego, cum à Caesare Maximiliano legatus in Moscovuiam[j] missus essem, permittente Rege Sigismundo, accessi, eosque consolabar: aureos praeterea aliquot, obsecrantibus mutuò[k] dederam. Princeps porrò accepta[l] suorum clade, Smolenczko continuò relinquens, in Moscovuiam fugit: et ne castrum Drogobusch
cvp 44. Lithvuani occuparent, incendi iubet. Lithvuanicus exercitus rectà Smolenczko ciuitatem contendit. sed capere eam non potuit: quòd praesidijs impositis Moscus eam bene firmatam reliquerat:[m] et quòd hyems impendens obsidionem impediebat: tum quòd plurimi post conflictum praeda onusti, satis se effecisse rati, domum repetebant: denique quòd neque Lithvuani, neque Mosci expugnare arces, aut ui capere norunt.[65] Ex ea autem uictoria, praeter recuperata citra Smolenczko tria castra, Rex nihil reportauerat. Anno post hunc conflictum quarto, misit in Lithvuaniam exercitus Moscus, atque intra meatus Dvuinae[a] fluuij et Poloczko castrum consedit: ac inde bonam exercitus partem, quae Lithvuaniam abacta praeda caede et incendijs depopularetur, dimisit. Albertus Gastold Poloczkij Vuoyuoda[66] una noctium egressus, flumine superato, aceruum faeni,[b] quod ad longam obsidionem congesserant Mosci, incendit, hostem inuadit: quorum alij caesi ferro, alij fugiendo submersi, alij capti, pauci euaserunt. caeteri, qui palantes[c] Lithvuaniam

h) 1563 B. ein Schiffreich wasser (нагнаша цѣть) i) 1557 B. Wilda. j) 1557 B. ам. *leg. in Mosc.* Zu dem khùnig Sigmunden und zu gedachtem Basilio Grossfürsten. k) 1557 B. ам. die mir in der Mosqua auf jre schreiben wider gekhert seind worden. l) 1557 B. erschrack. m) 1557 B. *quòd-reliquerat*—нѣть.

a) 1557 B. Duna. b) 1549 B. acervo vno foeni. c) 1557 B. прпб. im Reisen und raub gewest.

Digitized by Google

Тогда литовцы обращаются назадъ, со всѣми силами настигаютъ ихъ, преслѣдуютъ и убиваютъ. Одна ночь и лѣса прервали эту сѣчу. Между Оршеей и Дубровной [62] (которыя отстоятъ другъ отъ друга на 4 германскихъ мили) есть судоходная рѣка Кропивна [63]: въ ней потонуло столько московитовъ, бѣжавшихъ по ея опаснымъ и высокимъ берегамъ, что теченіе рѣки замедлилось. Взяты были въ этомъ сраженіи всѣ начальники войска и военные совѣтники. На слѣдующій день Константинъ сдѣлалъ великолѣпный пріемъ знатнѣйшимъ изъ нихъ; потомъ отправилъ ихъ къ королю: они были распредѣлены по литовскимъ крѣпостямъ. Иванъ Челядинъ [64], съ другими двумя главными вождями уже преклонныхъ лѣтъ, содержался въ Вильнѣ въ желѣзныхъ кандалахъ; когда я былъ отправленъ посломъ отъ цесаря Максимиліана *къ королю Сигизмунду и къ упомянутому великому князю Василію*, то навѣстилъ ихъ съ позволенія короля Сигизмунда и утѣшалъ ихъ, кромѣ того, по ихъ покорной просьбѣ, далъ въ долгъ нѣсколько золотыхъ, *которые и были уплачены имъ по ихъ запискѣ въ Москвѣ.* Услышавъ о пораженіи своихъ войскъ, князь *испугался* немедленно и оставилъ Смоленскъ и поспѣшно уѣхалъ въ Москву, приказавъ сжечь крѣпость Дорогобужъ, чтобы не завладѣли ею литовцы. Литовское войско направилось прямо къ городу Смоленску, но не могло взять его, потому что московскій князь сильно укрѣпилъ его и оставилъ въ немъ гарнизонъ. Къ тому же приближающаяся зима мѣшала осадѣ. Кромѣ того литовцы были обременены добычей, доставшеюся послѣ сраженія, и многіе требовали возвращенія домой, полагая, что они уже довольно сдѣлали. Наконецъ литовское войско не могло взять Смоленска и потому, что ни литовцы, ни московиты не умѣютъ брать крѣпостей [65]. Но отъ этой побѣды король ничего не выигралъ, кромѣ возвращенія трехъ городовъ по сю сторону Смоленска. На четвертый годъ послѣ этого сраженія московскій князь послалъ войско въ Литву; оно расположилось станомъ между теченіями рѣки Двины и городомъ Полоцкомъ. Отсюда онъ отпустилъ бо́льшую часть своего войска опустошать Литву огнемъ и мечемъ и собирать добычу. Альбертъ Гастолдъ, полоцкій воевода [66], вышедши въ одну ночь и перешедъ рѣку, зажегъ кучу сѣна, которую собрали московиты для долгой осады, и напалъ на непріятелей: одни изъ нихъ погибли отъ меча, другіе потонули въ бѣгствѣ, третьи были взяты въ плѣнъ, немногіе спаслись; изъ остальныхъ, которые, переходя съ одного мѣста на другое, *грабили* и опустошали Литву,—одни побѣждены въ разныхъ мѣстахъ, другіе убиты поселянами, спасаясь въ лѣ-

Digitized by Google

uastabant, pars in locis diuersis deuicti, alij in syluis errantes à colonis trucidati sunt. [d] [67].

Casan regnum [e] Moscus quoque eo tempore, tam nauali quàm equestri exercitu erat aggressus: sed re infecta, amissis quampluribus militibus redijt. [68] [f] Porrò princeps ille Basilius, etsi in bello esset infaelicissimus, nihilominus tamen à suis semper, tanquam res faeliciter gereret, laudatur: et cum nonnunquam uix dimidia militum pars domum redierit, tamen ne unum quidem praelio esse amissum dictitant. Imperio, quod in suos exercet, omnes facilè uniuersi orbis monarchas superat. [69] et id quod pater incaeperat, ipse perfecit: nimirum omnes princepes, et alios quo suis omnibus castris ac munitionibus exuit. Certè fratribus suis germanis nec arces permittit, nec etiam confidit. omnes iuxtà, dura seruitute premit: adeò, ut quemcunque apud se in aula esse, aut in bellum ire, aut legationem aliquam obire iusserit, obire quoduis suis sumptibus cogatur: exceptis adolescentulis filijs Boiaronum [g], hoc est, tenuioris fortunae nobilium, quos paupertate oppressos, quotannis assumere, eosque inaequali stipendio proposito alere solet [70] [h]. Porrò quibus in annum sex [i] aureos numerat, ijs tertio quoque anno stipendium exoluitur: quibus autem in singulos annos dantur XII aurei, ij coguntur ad quoduis munus obeundum suis et sumptibus et equis aliquot, esse parati ac expediti. praestantioribus, qui legationem aut alia grauiora officia obeunt, [j] aut praefecturae, [k] aut uillae, aut praedia, [l] habita cuiusque et dignitatis et laboris ratione, attribuuntur: de quibus tamen singulis certos annuos census Principi pendunt mulcta duntaxat, quam à pauperibus aliquid fortè delinquentibus extorquent, et quaedam alia illis cedunt. Huiusmodi autem possessiones utendas plerunque ad sesquiannum permittit. si quem tamen singulari gratia, seu beneuolentia [n] complectitur, addit menses aliquot: sed elapso eo tempore, cessat omnis gratia, totoque sexennio gratis tibi erit deinceps seruiendum. [o] Erat quidam [p] Basilius Tretyack Dolmatovu, [71] charus Principi, et inter intimos Secretarios habitus: quem cum legatum ad Caesarem Maximilianum decerneret, seque ut praepareret, iuberet: ac cum

---

d) 1550 Ит. приб. et morti restorno. 1557 B. приб. das also von den allen wenig haimbkhumen sein sollenn. e) 1557 приб. Thatterisch. f) 1557 B. amis. quampl. mil. redijt—пѣтъ. g) 1557 B. Boyarn Sun. 1563 Б. jüngling der Boiaronen. h) 1557 B. eosque—solet-пѣтъ. i) 1557 B. вм. *drey je ainem* sechs gulden. j) 1557 B. приб. den gibt man nit gelt. k) 1563 Б. Landtvogtey. l) 1563 Б. meyerhöff. m) 1557 B. вм. aut praedia-ratione: oder andere bestimbte und benonnte einkhomen. n) 1550 Ит. приб. et amicitia. o) 1557 B. Въ предъидущемъ предложеніи измѣненъ порядокъ словъ. p) 1563 Б. es war einer

Digitized by Google

сахъ, *идя и оставались жертвые такъ, что изъ всѣхъ воротились немногіе* [67].

Въ тоже время московскій князь также выступилъ противъ *(татарскаго)* царства казанскаго, съ судовою и конною ратью,— но воротился, не сдѣлавъ дѣла и потерявъ весьма много воиновъ [68]. Хотя этотъ князь Василій въ войнѣ былъ весьма несчастливъ, однако тѣмъ не менѣе свои всегда выхваляютъ его такъ, какъ будто бы онъ велъ дѣла свои счастливо; и хотя иногда ворочалась едва половина воиновъ, однако они утверждаютъ, что въ сраженіи не потеряно ни одного. Властью, которую имѣетъ надъ своими, онъ превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра [69]. Онъ исполнилъ то, что началъ его отецъ,—именно отнялъ у всѣхъ князей и другихъ владѣтелей всѣ ихъ города и укрѣпленія. Даже своимъ роднымъ братьямъ онъ не вѣряетъ крѣпостей, и не позволяетъ имъ въ нихъ жить. Почти всѣхъ гнететъ онъ тяжкимъ рабствомъ, такъ что тотъ, кому онъ приказалъ быть у себя во дворцѣ, или идти на войну, или отправлять какое нибудь посольство, принужденъ отправлять свою должность на своій счетъ, исключая юношей, боярскихъ дѣтей, т. е. благородныхъ людей небольшаго достатка, которыхъ, по ихъ бѣдности, онъ ежегодно беретъ къ себѣ и обыкновенно даетъ жалованье, но не всѣмъ одинаковое [70]. Тѣмъ, которымъ онъ кладетъ *отъ трехъ до* 6 золотыхъ въ годъ, жалованье выдается только на третій годъ; тѣже, которымъ дается каждый годъ по 12 золотыхъ, обязаны быть готовыми ко всякой должности на своихъ издержкахъ и съ нѣсколькими лошадьми. Знатнѣйшимъ, которые отправляютъ посольства или другія важныя должности, даются или управленія областями, или села, или помѣстья, или *другія опредѣленные и означенные доходы*, смотря по труду и достоинству каждаго; однако они платятъ съ нихъ князю извѣстную ежегодную подать: имъ идетъ только денежная пеня, которую они взимаютъ съ бѣдныхъ, чѣмъ либо провинившихся, и нѣкоторые другіе доходы. Князь позволяетъ пользоваться такого рода владѣніями большею частью въ продолженіи полутора года; если же оказываетъ кому особенную милость и благоволеніе *и дружбу*, то прибавляетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ: но по прошествіи этого времени всякое жалованье прекращается, и цѣлые шесть лѣтъ такой человѣкъ долженъ служить даромъ. При княжескомъ дворѣ былъ нѣкто Василій Третьякъ Долматовъ,[71] пользовавшійся милостью князя и бывшій въ числѣ ближнихъ дьяковъ его. Князь назначилъ его посломъ къ цесарю Максимиліану и приказалъ ему приготовляться. Когда Третьякъ говорилъ, что у него нѣтъ

Digitized by Google

uiatico se ac sumptibus [q] carere diceret, mox in Bieloyessero captus, inque perpetuos carceres coniectus, tandem miserrimè perijt. cuius tam mobilia quàm immobilia [r] bona Princeps sibi uendicauit. et quamuis ter mille florenorum in prompta pecunia repererat, fra-
crp. 15. tribus tamen ac haeredibus suis ne terunne teruncium [a] quidem dederat. Hoc ita esse, praeter communem famam, [b] Ioannes scriba [72], qui à Principe, ut mihi res in quotidianos uitae usus necessarios suppeditaret, constitutus erat, fatebetur: et qui illum simul, ubi captus erat, in sua custodia habebat: itidem duo Basilij fratres, Theodorus et Zacharias, [73c] qui nobis redeuntibus ex Mosaisco in Smolenczko procuratores erant dati, sic actam rem affirmabant [d]. Quicquid Oratores ad externos Principes missi, preciosi, [e] reportant, id Princeps in suum fiscum reponit, inquiens, aliam ipsis gratiam se facturum: quae talis est, ut suprà dixi. Oratores enim, Knes Ivuan, Posetzen, Jaroslavuski et Semen, id est Simeon, Trophimovu secretarius, [f 74] à Caesare CAROLO Quinto, ad quem missi erant, donati grauibus torquibus aureis, cathenis [g], Hispanica et ea quidem aurea moneta: item à Caesaris fratre FERDINANDO archiduce Austriae, Domino meo, argenteis poculis, aureis et argenteis pannis, Germanica aurea moneta, [75] cum redeuntes nobiscum [h] in Moscovuiam uenissent, [i] Princeps continuò et cathenas et pocula, [k] atque maiorem partem Hispanicorum aureorum illis ademit. Eius rei ueritatem cum ab Oratoribus inquirerem, alter timens ne Principem suum traduceret, constanter negabat: alter uerò dicebat, Principem iussisse numera Regia ad se deferri, ut ea videat. Pòst cum saepius eius rei meminissem, alter, aut ut mentiendi occasionem, si pernegaret: aut periculum, si fortè ueritatem fateretur, effugeret: me posthac frequentare desierat. Aulici denique factum non negabant, sed respondebant: Quid tum, si alia gratia illis Princeps rependit? Authoritate sua tam in spirituales quàm seculares utitur, liberè ac ex uoluntate sua de omnium et ui-

---

an dess fürsten hoff. q) 1557 B. *uiatico se ac sump.*—zerung u nprб. unnd der Fürst jm zwaymal bevolhen zu raisen, zum dritten mal liess den fahen. r) 1557 B. Clainoter und Parschafft.

a) 1557 B. nichts. 1563 E. Kein pfennig. b) 1557 B. praeter com. famam—цѣтъ. c) 1557 B. nprб. der ain dem Graff Lienharden Nugarolis und der annder mir. d) 1557 B. nprб. und uns gefragt, was für ain recht bey uns were, wann ain Brueder sturb, ob nit seine brüeder desselben verlassen guet erbten. e) 1557 B. nprб. und dieselben mit khetten. Tringkhgeschirren und annderm Verehrt worden. f) 1550 Hr. Knes Jvuan-scerctarius—цѣтъ. g) 1557 B. вм. *torqu. cathenis*-khetten. 1563 E. vil Hispanischer ducaten (вм. сквд. Hisp.—mon.) h) 1557 B. вм. *nobiscum:* mit dem grafen Nugarolis und mit mir. i) 1557 B. nprб. haben sy dem Fürsten alles solches fürtragen unnd bringen müessen. j) 1557 B. *et cath. et poc.*—цѣтъ. k) 1557 B. вм. Gottes Klucznick das ist Schlüsselträger sovil als Camerer.

Digitized by Google

денегъ на дорогу и на издержки, *и когда князь дважды ему приказывалъ, то въ третій разъ*—его тотчасъ схватили, увезли въ Бѣлоозеро и на всю жизнь заключили въ темницу, гдѣ онъ напослѣдокъ и погибъ жалкою смертью. Князь взялъ себѣ его имѣніе, движимое и недвижимое, *драгоцѣнности и подарки*, и пашедши у него 3000 флориновъ чистыми деньгами, не далъ его братьямъ и наслѣдникамъ *ничего, ни одной*, даже четвертей части. Подлинность этого, кромѣ общей молвы, подтвердилъ писецъ Иванъ[73], который былъ ко мнѣ приставленъ княземъ, чтобы доставлять вещи, необходимыя для ежедневнаго употребленія: онъ держалъ Третьяка подъ стражей, когда тотъ былъ взятъ. Два брата Василія Третьяка, Ѳеодоръ и Захарія,[73] которые были даны *одинъ графу Леонгарду Нугаролису, другой мнѣ* приставами на возвратномъ пути изъ Можайска въ Смоленскъ, утверждали тоже самое и *спрашивали, какой законъ у насъ и не наслѣдуетъ-ли у насъ братъ имѣнія, оставшіяся послѣ смерти брата*. Если послы, отправленные къ иностраннымъ государямъ, *которые почтятъ ихъ подарками*, цѣпями (ожерельемъ), *чашами и прочее*, привозятъ *эти* драгоцѣнности, то князь откладываетъ это въ свою казну, говоря, что онъ дастъ имъ другую награду, а она такова, какъ я сказалъ выше. Такъ, когда вмѣстѣ съ *графомъ Леонгардомъ Нугаролисомъ и со мною* возвратились въ Москву послы князь Иванъ Посечень Ярославскій и дьякъ Семенъ (т. е. Симеонъ) Трофимовъ,[74] получивъ въ даръ отъ цесаря Карла V, къ которому были посланы, тяжелыя золотыя ожерелья, цѣпи, *много испанскихъ дукатовъ*,—а отъ брата цесаря, Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго, моего государя, серебряныя чаши, золотыя и серебряныя парчи, и нѣсколько нѣмецкихъ гульденовъ,[75]—*тоони должны были все это представить и принести князю, который* не медля отобралъ у нихъ и цѣпи, и чаши, и большую часть испанскихъ дукатовъ. Когда я спрашивалъ пословъ, справедливо ли это,—то одинъ постоянно отрицалъ, боясь унизить своего князя, другой же говорилъ, что князь приказалъ принести съ себѣ царскіе подарки, чтобы поглядѣть на нихъ. Потомъ, когда я весьма часто вспоминалъ объ этомъ, одинъ изъ нихъ пересталъ послѣ этого посѣщать меня, чтобы не быть принужденнымъ ко лжи, продолжая отпираться, или чтобы избѣжать опасности въ томъ случаѣ, если признается въ истинѣ. Но придворные не отвергали этого факта, а отвѣчали: Такъ что же, если князь вознаградитъ ихъ другою милостью? Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ

Digitized by Google

ta et bonis constituit: consiliariorum quos habet, nullus est tantae authoritatis, qui dissentire, aut sibi in re aliqua resistere audeat. Fatentur publicè, uoluntatem Principis, Dei esse uoluntatem: et quicquid Princeps egerit, ex uoluntate Dei agere. ob id etiam clauigerum et cubicularium Dei[k] appellant, exequutorem denique uoluntatis diuinae credunt. Vnde Princeps ipso, si quando preces interponuntur pro captiuo aliquo, aut re alia graui,[l] respondere solet: Cum Deus iusserit,[m] liberabitur. Ita similiter, si quisqiam de re aliqua incerta et dubia quaerit, respondere communiter solent: Deus scit,[n] et magnus Princeps. Incertum est, an tanta immanitas gentis tyrannum principem exigat: an tyrannide Principis, gens ipsa tam immanis, tamque dura crudelisque reddatur.[76]

Atempore Rurickh[o] usque ad hunc praesentem Principem,[p] non alio titulo[77] usi sunt principes illi, quàm Magnorum Ducum aut Vuolodimeriae, aut Moscovuiae aut Novuogardiae,[q] etc. praeter Ioannem Basilij. qui se dominum totius Russiae, et magnum Ducem Vuolodimeriae, etc[r] appellabant. Hic vero Basilius Ioannis[s] sibi uendicat et titulum et nomen regium, in hunc modum: Magnus Dominus Basilius Dei gratia Rex et Dominus totius Russiae, et magnus Dux Vuolodimeriae, Moscovuiae, Novuo-
стр. 46. gardiae, Plescovuiae, Smolenczkiae, Tvueriae, Jugariae, Permiae, Viackiae,[t] Bulgariae, etc. Dominus et magnus Dux Novuogardiae terrae inferioris, et Czernigovuiae, Rezaniae, Vuolotkiae, Rschovuiae, Beloiae,[a] Rostovuiae, Iaroslavuiae,[b] Bielozeriae, Vdoriae, Obdoriae, Condiniae, etc. Porrò cum omnes[c] hunc Imperatorem nunc appellent,[d] uidetur necessarium, ut et titulum et causam huius erroris exponam. Czar Rhutenica lingua regem significat, cum autem communi Slauonica, apud Polonos, Bohemos, et alios omnes sumpta quadam consonantia, ab ultima, et ea graui quidem syllaba Czar,[e] Imperator seu Caesar[f] intelligatur: unde omnes qui Rhutenicum idioma seu literas non callent, item Bohemi, Poloni, atque etiam Slaui regno Hungarico subditi, alio nomine regem appellant, nempe Kral, alij Kyrall, quidam Koroll: Czar autem solum Caesarem, seu Imperatorem[g] dici existimant: unde factum, ut Rhuteni interpre-

---

l) 1557 B. *aut re al. gr.*—иѣтъ. m) 1557 B. прим. das wirdt on dein leitt. n) 1549 B. fecit—опечатка вм. scit. o) 1550 Ит. Ruridch. p) 1557 B. прим. des blinden Basili Sun. q) 1557 B. союзовъ *aut*—иѣтъ. r) 1557 B. *Vuolodimeriae etc.*—иѣтъ.s) 1557 B. вм. desselben sun Gabriel, der sich Basilium übernente. t) 1550 Ит. Viackhia.

a) 1550 Ит. Balosa. b) 1550 Ит. Larossavuia. c) 1557 B. seine Thulmetschen. d) 1557 B. прим. nicht Khunig, sonder Lateinisch Imperator, das ist Teutsch, Kayser. l) 1563 Б. Keytzar oder Czar. f) 1557 B. прим. das solches wort ainen Khunig ausspricht. g) 1563 Б. Kayszar

Digitized by Google

онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что̀ князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ божіей; потому они даже называютъ его *божьимъ ключникомъ, ключеносцемъ тоже что: Camerer*, и постельникомъ Бога, и наконецъ вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ, *это случится безъ твоей заботы*. Подобно тому, если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ,—обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій князь. Неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана государя; или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ[76].

Со времени Рюрика до нынѣшняго князя, *сына Василія Темнаго*, прежніе государи не употребляли другаго титула,[77] какъ великихъ князей или владимірскихъ или московскихъ или новгородскихъ и пр., кромѣ Іоанна Васильевича, который называлъ себя господиномъ всей Руссіи и великимъ княземъ владимірскимъ и пр. Василій же Іоанновичъ *(прежде Гавріилъ)* присвоиваетъ себѣ титулъ и имя царя слѣдующимъ образомъ: Великій Господинъ Василій; Божіею милостію Царь и Господинъ всей Руссіи, и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и пр., Господинъ и Великій Князь Нижней земли Новгородской, и Черниговскій, Рязанскій, Волоцкій, Ржевскій, Бѣлевскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій, и пр. Такъ какъ нынѣ всѣ *(переводчики, толмачи)* называютъ его *не королемъ, но* императоромъ, *по нѣмецки-Kayser*,—то мнѣ кажется необходимымъ распространиться о титулѣ императора и о причинѣ этой ошибки. Слово царь на русскомъ языкѣ значитъ король, rex. Но на общемъ славянскомъ языкѣ, у поляковъ, богемцевъ и всѣхъ другихъ—подъ словомъ *кейцарь (кесарь)* или царь понимаютъ императора или цесаря *такъ какъ-будто это слово равносильно королю*, отъ созвучія этого слова съ послѣднимъ долгимъ слогомъ слова *Caesar*. Оттого всѣ, которые не понимаютъ русскаго языка, и не знаютъ русскихъ буквъ, какъ то богемцы, поляки и славяне, подвластные венгерскому королевству, называютъ *rex* другимъ именемъ, одни—кралемъ, другіе кираллемъ, нѣкоторые королемъ, и полагаютъ, что царемъ называется только одинъ цезарь или императоръ. Отъ этого произошло, что

Digitized by Google

tes audientes Principem suum ab externis nationibus sic appellari, coeperunt et ipsi deinceps Imperatorem nominare, nomenque Czar dignius esse quàm Regis (licet idem significent) existimant. Caeterùm si euoluas omnes eorum historias, atque sacram scripturam, ubique Regis nomine Czar, Imperatoris uerò Kessar reperies. Eodem errore Imperator Thurcarum Czar appellatur, qui tamen non alio eminentiore quàm Regis, hoc est, Czar titulo ab antiquo est usus. Hinc Constantinopolim Czarigrad, quasi dicas Regiam urbem, Turcae Europaei,[h] qui lingua Slauonica utuntur, appellant. Sunt qui Principem Moscovuiae Album Regem nuncupamt[i][77] Ego quidem causam diligenter quaerebam, cur Regis Albi nomine appelaretur, cum nemo principum Moscovuiae eo titulo antea esset usus: imò consiliarijs ipsis saepe data occasione, et apertè dixi, nos non Regem, sed Magnum ducem agnoscere. Plerique tamen hanc Regij nominis rationem esse putabant, quòd sub imperio suo reges haberet:[j] Albi uerò rationem nullam habebant. Credo autem, ut Persam nunc propter rubea tegumenta capitis Kisilpassa, id est, rubeum caput uocant: ita illos propter alba tegumenta, albos appellari.[k] Regis porrò titulo utitur[l] ad Romanum Imperatorem et Pontificem, regem Suetiae et Daniae, Magistrum Prussiae,[m] Liuoniae: et, ut accepi,[n] ad Turcarum principem. ipse uerò à nemine horum, nisi fortè à Linonien[o]. Rex appellatur[p] Titulis autem antiquitùs, tribus circulis triangulo inclusis,[78] uti solebant, quorum primus in supremo circulo hisce verbis continebatur: Deus noster trinitas, quae fuit ante omnia secula, pater, filius, et spiritus sanctus: non tamen tres dij, sed unus Deus in substantia. In secundo, titulus Imperatoris Thurcarum erat, particula adiecta: Fratri notsro

---

h) 1550 Нт. *Cauuopei* (!). i) 1557 В. вм. *Turcae Europaei etc. u suntqui—nuncupant:* Weisse Reissen oder weissen Khunig nennen etliche, und wollen damit ain underschied der Reyssen machen. j) 1557 В. *imo—haberent*—нѣтъ. k) 1557 В. вм. *Albi vero rationem* и до *albos appel:* Die gemainen leut in der Mosqua, welche höflichen vermainen zu reden, haben den Grossfürsten den weissen Khúnig genent, aber der khainer vrsach gewüsst zu geben, es wäre dann, wie etliche Khúnig nach jren hueten genent werden, als den Persier nent man das Rot huetl, nach ainen andern nennt man das gruen huetl, So fueren die Moscovither all weisse huetl, ob der Fürst auch darnach der weisse hiess. l) 1557 В. приб. wiewol er alle seine Brief mir Reissisch schreibt darin Er ich Czar nent, so schikht Er gemeineklich Lateynische Copeyen darmit oder darinn und anstat des Czar setzen sy Imperator, den wir Theútsch Khayser nennen, des gebraucht Er sich allain zu ferrlendischen, als—m) 1557 В. *Mag. Pr.*—нѣтъ. n) 1557 В. *ut acc.*—нѣтъ. o) 1557 В. *nisi—Livonien*—нѣтъ. 1563 Б. вм. *Livonien:* Grossmeister in Leyfland. p) 1557 В. приб. Wann sich aber der Reiss ein Czar gegen den Khunig zu Polln geschriben, so hat man solche brieff mit angenumen, dann die zwen wollen in den titln, ainer dem anndern nichts neues znelassen. Als auch geschach, so wie den ans autand zwischen jnen beschlossen, setzt der Polnisch in sein titl, Hertzog in der Maass, der vor niche gewest, wie harrt man das erhalten, das die Moscovither dasselb zuegeben haben. Въ Лат. текстѣ см. далѣе на стр. 25. Basilio Ioannis etc.

Digitized by Google

русскіе переводчики, слыша, что иностранцы называютъ ихъ государя императоромъ, начали и сами именовать его такъ, полагая, что имя царя почетнѣе, чѣмъ имя короля (хотя они и значатъ одно и тоже). Но если пересмотрѣть всѣ ихъ лѣтописи и священное писаніе, то вездѣ слово царь соотвѣтствуетъ слову гех, а императоръ—слову кесарь. По такоій же ошибкѣ царь турецкіій назывался императоромъ, хотя онъ издревле не употреблялъ другаго болѣе высокаго титула, чѣмъ титулъ царя т. е. короля. Отъ того европейскіе турки, которые употребляютъ славянскіій языкъ, называютъ Константинополь Цареградомъ, такъ сказать царскимъ городомъ. Нѣкоторые *различаютъ бѣлыхъ русскихъ или бѣлаго царя и хотятъ даже такимъ образомъ раздѣлять русскихъ.*[77] Я тщательно отыскивалъ причину, почему бы онъ назывался бѣлымъ царемъ, когда прежде никто изъ московскихъ князей не употреблялъ этого титула; сверхъ-того часто и открыто говорилъ при случаѣ совѣтникамъ, что мы признаемъ его не царемъ, а великимъ княземъ. Весьма многіе полагали причину царскаго титула въ томъ, что онъ имѣетъ подъ властью царей, но не могли представить никакоій причины названію бѣлый. Я же увѣренъ что московскаго князя называютъ *простолюдины въ Москвѣ* бѣлымъ царемъ, *не имѣя то основанія, кромѣ того, какъ другіе цари называются по своимъ шапкамъ*, отъ своихъ бѣлыхъ шапокъ, какъ теперь Персидскіій Шахъ называется Кизиль-пашеій т. е. красноій головоій—отъ красноій шапки, *другихъ называютъ сѣрой шапкой. Такъ какъ московиты носятъ бѣлыя шапки, то можетъ быть и князь по этому называется бѣлымъ. Хотя великіій князь всѣ свои грамоты ко мнѣ пишетъ по русски, гдѣ называетъ себѣ царемъ; но онъ прилагаетъ обыкновенно латинскія копіи, гдѣ вмѣсто царь пишетъ императоръ, котораго по нѣмецки мы называемъ Kayser. Этотъ титулъ онъ употребляетъ только въ сношеніяхъ иностранныхъ, именно* въ сношеніяхъ съ великимъ императоромъ и папоій, съ королями шведскимъ и датскимъ, съ магистрами прусскимъ и ливонскимъ и, какъ я слышалъ, съ государемъ турецкимъ; его же никто изъ нихъ не называетъ царемъ, развѣ только *великіій ливонскіій магистръ*. Съ давняго времени они (московскіи князья) употребляли титулы, которые были написаны на трехъ кружкахъ,[78] вставленныхъ въ треугольникъ. Первыій изъ нихъ, на верхнемъ кружкѣ, заключался въ слѣдующихъ словахъ: Богъ нашъ есть Святая Троица, которая была прежде всѣхъ вѣковъ, Отецъ и Сынъ и Духъ Святоій; но не три Бога, а по существу одинъ Богъ. На второмъ былъ титулъ императора турецкаго, съ прибавленіемъ: Любезному

Digitized by Google

dilecto. In tertio, titulus Magni ducis Moscovuiae, quo se regem, et haeredem ac dominum totius Russiae orientalis et meridionalis fatebatur, in quo communi formulae subiunctum uidimus: Misimus ad te nostrum fidelem consiliarium[q]. Ad regem autem Poloniae huiusmodi titulo utitur: Magnus Dominus Basilius, De: gratia Dominus totius Russiae, et Magnus dux Vuolodimeriae, Moscovuiae, Novu-
стр. 17. ogardiae, Smolenski, Tvueriae, Iugariae, Permiae, Bolgariae,[r] etc. omisso Regis titulo. neuter enim horum alterius literas nouo titulo auctas, accipere dignatur. Quod quidem nobis Moscovuiae existentibus acciderat, cum regis Sigismundi literas ad se missas, atque titulo ducis Masovuiae auctas, Moscus grauatim acceperat.—

Scribunt [a] quidam, Moscum à Pontifice Romano et à Caesare Maximiliano nomen expetiuisse, et titulum Regium.[79] Mihi uerisimile non uidetur: praesertim cum nulli homini infensior sit, quàm summo Pont. et quem non nisi Doctoris titulo dignatur. Caesarem autem Romanum non maiorem se existimat: ut ex literis suis apparet, in quibus nomen suum Imperatoris titulo praeponit. Nomen item Ducis apud eos dicitur Knes: nec alium maiorem titulum, ut dixi, unquam habuerunt, adiuncta illa dictione, Magnus. nam omnes alij qui unicum principatum habebant, dicebantur Knes: qui uerò plures principatus, atque alios Knes subiectos sub imperio habebant, Vueliki Knesi, id est Magni duces appellabantur. neque alium gradum seu dignitatem habent post Boiaros, qui more nostro locum nobilium (ut suprà dixi) seu equitum tenent [b]. In Croacia uerò primores similiter Knesi uocantur: apud nos uerò, sicuti et in Hungaria, uno nisi Comitum nomen obtinent.[80] [c]

Non dubitarunt [d] mihi uiri quidam principes dicere, imò ceu exprobare, quòd modernus Moscouiae princeps proferre soleat literas sanctae memoriae Imperatoris Maximiliani, quibus nomen Regium tributum sit patri eius Gabrieli, qui postea mutato nomine Basilius uocari maluit: quodque affirmet, me eas literas ad illum

---

q) 1557 B. вм. описанія формы титула—приложено самое изображеніе: въ 3 соединенныхъ между собоіи въ видѣ прямой цѣпи вѣнкахъ, изъ которыхъ средній больше крайнихъ, сдѣланы надписи. Въ среднемъ: Vnser Gott die dreyfaltigkhait die gewest ist von Ewigkhait Vater, Son, Hailiger Geist, doch nit drey Götter, sonder ein Gott im wesen; въ 1-мъ крайнемъ: Hierinn war des Türgkhen Titl gestelt; въ 3-мъ наконецъ: Grosser Herr Basillius Khunig Herr und Erb aller Reissen im anfang und mittag. r) 1557 B. *Ad regem—Bolgariae*—нѣтъ.

a) 1557 B. Scribunt etc. помѣщено въ нѣмецкомъ текстѣ выше (на 9 стр. об.) b) 1557 B. приб. die minndern nennt man der Boyern Sun. Boy nach windischer Sprach haisst Khrieg, aus dem möchten Sy Kriegsleude haissen. c) 1557 B. вм. предыд. предложенія: in Crobaten und Hungern nennt man die Grafen auch die Pfaffen Khuess. Вообще все это мѣсто въ нѣмецкомъ пер. нѣсколько измѣнено въ порядкѣ предложеній. d) Отсюда и до *adducturi* (на 3 строкѣ 19-й стр. лат. текста) нѣтъ въ 1849 B., 1551 Б. и 1550 Ит.

Digitized by Google

брату нашему. На третьемъ титулъ великаго князя московскаго, въ которомъ онъ писался царемъ и наслѣдникомъ и господиномъ всей Руссіи восточной и южной, и въ которомъ я видѣлъ прибавленіе обыкновенной формулы: Посылаемъ къ тебѣ нашего вѣрнаго совѣтника. Въ сношеніяхъ же съ королемъ польскимъ онъ употребляетъ такого рода титулъ: Великій Господинъ Василій, Божіею милостью Господинъ всей Руссіи и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, и пр., пропуская титулъ царя, по тому что ни тотъ, ни другой изъ нихъ не удостоитъ принять грамоту другаго съ прибавленіемъ новаго титула. Это случилось даже въ нашу бытность въ Москвѣ, когда московскій князь наслу принялъ присланныя къ нему грамоты короля Сигизмунда, съ прибавленіемъ титула московскаго князя.

Нѣкоторые пишутъ, что московскій князь домогался отъ римскаго папы и отъ цесаря Максимиліана царскаго имени и титула [79]. Это мнѣ кажется неправдоподобнымъ, преимущественно потому, что московскій князь ни одному человѣку такъ не враждебенъ какъ папѣ, котораго онъ удостоиваетъ только титула учителя. Цесаря же римскаго онъ почитаетъ не выше себя, какъ это явствуетъ изъ его грамотъ, въ которыхъ онъ свое имя ставитъ впереди императорскаго титула. Герцогъ у нихъ называется княземъ, и они, какъ я сказалъ, никогда не имѣли другаго титула больше этого, и только прибавляли къ нему слово великій, ибо всѣ прочіе, которые имѣли только одно княжество, назывались князьями; которые же владѣли большимъ числомъ княжествъ и имѣли подъ своей властью другихъ князей, тѣ назывались великими князьями. Они не имѣютъ другой степени или достоинства, кромѣ бояръ, которые соотвѣтствуютъ, какъ я сказалъ выше, нашимъ дворянамъ или рыцарямъ. *Низшихъ называютъ болярскими дѣтьми. Бой на виндскомъ языкѣ значитъ война, отсюда (бояре) значитъ военные люди.* Въ Кроаціи знатнѣйшіе вельможи *и духовенство* также называются князьями,—а у насъ, какъ и въ Венгріи, даютъ имъ только названіе графовъ [80].

Нѣкоторые знаменитые *мужи въ Польшѣ и Москвѣ* не усомнились обратиться ко мнѣ съ укоромъ за то, *что будто черезъ меня присвоена великому князю такая свобода въ титулѣ, это царское достоинство*, что новѣйшій московскій князь обыкновенно ссылается на грамоты блаженной памяти Максимиліана, которыми присвоенъ царскій титулъ его отцу Гавріилу, который потомъ перемѣнилъ имя и по своему желанію сталъ называться Василіемъ. По словамъ этихъ людей, онъ утверждаетъ, что я

Digitized by Google

pertulisse. [e][81] ea que ob causam factum est, ut in nouissimis cum rege Poloniae tractatibus, aut Rexappllri, aut omnes pactiones irritas esse noluerit. Etsi uerò his sermonibus, tanquam nec ueris, nec uerisimilibus minimè deberem commoueri: tamen eos non tam mea. quàm opti mi et clementissimi principis mei causa cogor refutare, cum uideam etiam pijssimos eius manes temerè in inuidiam uocari. Non est obscurum, fuisse quandoque simultatem aliquam inter Maximilianum Imper. et Sigismundum Poloniae regem, ea nimirum tempestate, qua Sigismundus ducebat Stephani comitis Scepusiensis [82] filiam. Nam id eò fieri quidam interpretabantur, ut frater sponsae Ioannes, nuptijs Annae filiae Vuladislai regis Hungariae, autoritate et opera Sigismundi fratris potiretur: et per hoc impediretur, irritumque fieret ius succ'essionis, quòd Maximiliano, eius' ue nepotibus in regnum Hungariae debebatur. Qua de causa sanè Maximiliànus sua referre existimabat, Moschum perpetuum Lithuanorum et Polonorum hostem, sibi habere coniunctum. At posteaquam conuentu ad Posonium habito, de Annae nuptijs inter Maximilianum et Vuladislaum, praesente et fauente Sigismundo, conuenit, extinctis subitò et sublatis omni'us suspicionibus et simultatibus, tam arctè complexus est Sigismundum Maximilianus, ut non dubi-
стр. 18. (*) taret quandoque dicere, (quòd alibi quoque retulimus) se cum Sigismundo et ad superos et ad inferos esse iturum. Etsi igitur fuit tempus, cum Maximilianus sibi Moschum foederatum esse uellet: tamen ei regium nomen nunquam tribuit: quod literis et instrumentis utrinque datis et acceptis, facilé comprobari potest, si cui fortè testimonium meum, etsi uerum et fidele, minus ponderis habere uideatur. Cur uerò hunc titulum ab Imperatore Maximiliano peteret Moschus, qui antequam quiquam inter eos negocij esset, non modò se ei parem, sed etiam superiorem uideri uoluit, nomen suum et titulum semper Imperatorio praeponens, siue loqueretur, siue scriberet: quod nunc quoque, ut dictum est, ceu mordicus retinetur? At Regium nomen, ne ad Poloniae quidem regem scribens, post meum ex Moscovuia reditum usurpauit. Hoc quidem in confesso est, quod ad Imperatorem. aut summum Pontificem scribens, se Regem et Dominum totius Russiae uocat. Quin ne Imperatorio quidem nomine abstinet, si quas fortè literas ex Ruthena lingua in Latinam

---

e) 1557 В. вм. *Non dubitarunt—pertulisse:* Es haben hernach etliche in Polln (1563 Б. Moscoviten) mich in Verdacht ziehen wollen, als solde ich dem grossfürsten solche freyheit des Titls oder Khunigckliche Wird bracht haben. Затѣмъ отъ *eamque ob causam* и до *adducturi* (19 стр. Лат. текста)—нѣтъ.

(*) *Въ подлинномъ базельскомъ изданіи 1556 г. здѣсь опечатка: см. 18-й стр. 20-я.*

Digitized by Google

привезъ къ нему эти грамоты [81]. По этой причинѣ произошло то, что въ новѣйшихъ трактатахъ съ королемъ польскимъ, онъ захотѣлъ или называться царемъ, или считать недѣйствительными всѣ договоры. Хотя я не долженъ бы былъ нисколько безпокоиться объ этихъ рѣчахъ, какъ о несправедливыхъ и неправдоподобныхъ, однако я принужденъ опровергнуть ихъ не столько для себя, сколько для благочестиваго и милостивѣйшаго моего государя, видя, какъ дерзко призываютъ ненависть на его блаженную память. Довольно извѣстно, что одно время существовала вражда между императоромъ Максимиліаномъ и Сигизмундомъ, королемъ польскимъ, именно когда Сигизмундъ женился на дочери Стефана, графа сцепузіійскаго [82]. Ибо нѣкоторые толковали, что это было сдѣлано для того, чтобы Іоаннъ, братъ невѣсты, могъ получить руку Анны, дочери короля венгерскаго Владислава, черезъ вліяніе и посредство его брата Сигизмунда,—и черезъ то воспрепятствовать и уничтожить права наслѣдства на королевство венгерское, которыя принадлежали Максимиліану и его внукамъ. По этой причинѣ Максимиліанъ справедливо полагалъ, что ему полезно будетъ имѣть союзникомъ московскаго князя, постояннаго врага литовцевъ и поляковъ. Но послѣ того какъ на сеймѣ въ Пресбургѣ Максимиліанъ и Владиславъ уговорились о бракѣ Анны, въ присутствіи и при содѣйствіи Сигизмунда,—съ этого времени всѣ подозрѣнія и несогласія были устранены и уничтожены, и Максимиліанъ такъ крѣпко полюбилъ Сигизмунда, что не усумнился сказать (въ другомъ мѣстѣ мы также объ этомъ говорили), что онъ пойдетъ съ Сигизмундомъ въ рай и въ адъ. Хотя было время, когда Максимиліанъ искалъ союза съ московскимъ княземъ, но однако никогда не присвоивалъ ему царскаго титула, что легко можетъ быть доказано граматами и печатями, обмѣненными съ обѣихъ сторонъ, если мое свидѣтельство, хотя справедливое и вѣрное, покажется кому недостаточнымъ. Для чего же бы московскій князь просилъ этого титула у императора Максимиліана, тогда какъ еще прежде нежели было между ними какое нибудь дѣло, онъ хотѣлъ видѣть себя не только равнымъ, но и высшимъ, ставя свое имя и титулъ въ рѣчахъ и на бумагѣ выше императорскаго, что даже нынѣ, какъ сказано, такъ упорно соблюдается? А послѣ моего возвращенія изъ Московіи онъ не употреблялъ царскаго титула даже въ перепискѣ съ польскимъ королемъ. Извѣстно же, что въ сношеніяхъ съ императоромъ или съ папой онъ называетъ себя царемъ и господиномъ всей Руссіи. Даже и отъ названія императора не отказывается онъ, если присоединятъ переводъ грамотъ съ русскаго на латинскій,

Digitized by Google

uersas adiungit: nimirum ipsis interpretibus uocem Czar, quae Regem significat, Imperatorem uertentibus. Atque hunc in modum idem se et regem et Imperatorem facit. Sed quòd ab Imperatoribus, Maximiliano, eiusue nepotibus, creatus sit Rex, in Poloniae regum iniuriam, id nemo crediderit. Quorsum enim attineret, eum Regiam dignitatem, ut fama est, à summo Pontifice petere, si eam antea ab Imperatoribus accepisset? Atque haec quidem dicta sint pro Maximiliano Augusto, domino meo: qui Sigismundo regi, quoad uixit, certus et syncerus amicus fuit,

De me uerò ipso quid dicam? Qua fronte quaeso fuissem ausus, toties et in Poloniam et in Lithuaniam currere ac recurrere, in regum Poloniae Sigismundi patris et filij conspectum uenire, publicis Polonorum conuentibus interesse, uiros Principes intueri, si commodassem operam hac in re meam Principe meo, cuius nomine ac uerbis, fraternè, amicè, benignè ac beneuolè, et Regi et Ordinibus omnibus frequentissimè detuli, quicquid à coniunctissimo, optimo, et clementissimo Imperatore deferri posset? Si nullum est secretum, quod non reveletur: certè si quid indignum officio meo admisissem, id dudum in lucem erupisset. Sed consolor me recti conscientia, qua nulla est consolatio firmior. Et acquiesco suauiter in Regum Poloniae gratia, ac caeterorum Poloniae ordinum beneuolentia, quam mihi nunquam defuisse recordor.

Fuerunt fortè tempora, quibus talia minore quàm nunc invidia spargi potuissent. Sed haec feri hac tempore, quid est aliud, quàm quaerere modos, ad dissociandas coniunctissimorum Principum voluntates, quae omnibus studijs atque officijs copulandae et consolidandae essent? Videbantur acta transacta esse omnia, quae nemo non putabat ad reliquias Hungariae seruandas, et ad amissa recuperanda, maximum momentum esse habitura. Verùm quibus ea res et antè magno bono fuit, et amplius futura erat, hi sive Turcico, sive alio quopiam malo spiritu afflati, pactorumque et
cfp. 19. conuentorum obliti, res nouas et perniciosas moliuntur: non reputantes secum, in quantum discrimen et se ipsos, et uicinas prouincias, ac in primis Hungariam, de uniuerso nomine Christiano quàm optimè meritam, sint adducturi. [85].

Digitized by Google

такъ какъ сами толмачи переводятъ слово царь, которое значитъ король, словомъ императоръ. Такимъ образомъ, онъ самъ сдѣлалъ себя и царемъ и императоромъ. Но чтобы сдѣлали его царемъ императоры Максимиліанъ и его внуки, въ обиду королямъ польскимъ,—этому никто не повѣритъ. Для какой же нужды онъ, какъ слышно, домогается царскаго достоинства отъ папы, если прежде того получилъ его отъ императоровъ. Пусть это послужитъ въ защиту августѣйшему Максимиліану, моему государю, которыіі до самоіі смерти былъ вѣрнымъ и искреннимъ другомъ королю Сигизмунду.

Что же я скажу о самомъ себѣ? Съ какимъ лицемъ, спрашиваю, осмѣлился бы я столько разъ ѣздить въ Польшу и Литву показываться на глаза королеіі польскихъ, Сигизмунда и его сына, присутствовать на сеіімахъ поляковъ, глядѣть на вельможныхъ пановъ, если бы я помогалъ въ этомъ дѣлѣ моему государю, отъ имени и по порученію котораго я весьма часто говорилъ братски, дружески, благосклонно и доброжелательно и королю и всѣмъ сословіямъ все, что можно говорить отъ самого дружественнаго, самого лучшаго и милостивѣіішаго императора? Если нѣтъ тайны, которая не обнаружится, то вѣрно давно бы вышло на свѣтъ, если бы я позволилъ себѣ что нибудь недостойное моего званія. Но я утѣшаюсь сознаніемъ своеіі правоты, тверже котораго нѣтъ никакого утѣшенія. И я спокойно *полагаюсь* на милость королеіі польскихъ и благосклонность прочихъ сословііі Польши, вспоминая, что я всегда имѣлъ ихъ.

Были времена, когда такія рѣчи могли быть распространяемы, менѣе разжигая ненависть, нежели нынѣ. Но распространять ихъ въ наше время,—это ничто иное, какъ искать способовъ къ разрушенію взаимнаго расположенія самыхъ дружественныхъ государей, тогда какъ его должно было бы скрѣплять и всевозможнымъ стараніемъ. Казалось, что окончены были всѣ дѣла, которыя, по общему мнѣнію, должны были имѣть величаіішую важность для сохраненія остатковъ Венгріи и для возвращенія утраченнаго. Но тѣ, для которыхъ это дѣло и прежде было большимъ добромъ, а въ будущемъ обѣщало еще больше, тѣ, заразясь турецкимъ или какимъ нибудь другимъ злымъ духомъ, и забывъ объ условіяхъ и договорахъ, замышляютъ новое и опасное дѣло, не разсудивъ, въ какое несчастіе они вовлекутъ и самихъ себя и сосѣдей, и преимущественно Венгрію, такъ прекрасно послужившую всему христіанству. [83]

Digitized by Google

MODUS INAUGURANDI Principes. [b]

Morem, quo Principes Moscovuiae inaugurantur, sequens formula, quam non ita facilè consecutus sum,[84] tibi depinget: et qua usus est Magnus Dux Ioannes Basilij, cum suum nepotem Deme-

---

b) 1549 B., 1550 Ит. 1551 Б. заглавія нѣтъ. 1551 B.: Wie die Grossfürsten eingesetzt werden unud sonderlich der Demeter des Hannsen Son eigesetzt ist worden (это замѣняетъ слѣд. *Morem etc.*). 1563 Б. Wie sig ire fürsten einsetzend und bestätigend.

Appendix oder angehengte Historien von der Moscoviten letsten handlungen.

Es hat der Moscoviter Grossfürst Basilius treffendlichen viel land und fursthentum an sich gebracht, und sein reich sehr geweitteret, wie vorhin angezeigt worden. Furnemlich aber als man zalt nach Christe geburt 1513 jar hat er mit künig Sigmund in Poland schwere krieg gefüret und durch Michael Linski hilff und verretterey die nammhaffte statt unnd land Smolentzko an sich gezogen, welche mehr dann vor hundert jaren durch Vitolden den Grossfürsten in Littaun eroberet worden. Ob wol auch inn Volgendem 1514 jar die Polecken mit grosser Rüstung in der Moscoviten grentzen gezogen, und einen gewaltigen sig bekommen, also dass mehr dann dreissig tausent Moscoviten vor Smolentzko auf der wallstatt tod beliben (wie solliches in Pauli Iovij historien nach der lenge beschriben) habend sie doch dise statt unnd gewaltig fürstenthum nicht mehr mögen an sich bringen d. sshalben sy auch biss zu diser zeit in der Moscoviten gewalt beliben.

In volgendem 1518 jar ist Basilius der Moscoviten Grossfürst abermalen mit einem treffenlichen grossen gezeüg in Littaun gefallen, dess vorhaben dasselbig gantze land an sich zu bringen, aber er ist von kunig Sigmunden dermassen mit starcker wehr entpfangen, dass er nicht aussgerichtet, sonder widerhinder sich in sein land ziehen müessen.

Nach diser tath ist durch keyser Maxmilian auch härnch durch keyser Carle und seines brüders Ferdinandi ernstliche unterhandlung ein friden oder anstand zwischen den Christen und Moscoviten angerichtt worden. Mitler zeit aber hatt Basilius gegen Orient und Mittag wilandere landschafften eroberet und sein reich erweytteret. Zu letst aber Anno 1527 sind sy mit den Tartaren abermalen angezogen, also dass es zu einer namhafftigen feldschlacht bey Carionen in Littaun gerathen, da dann auch mehr dann sechs und zwantzig tausent ungleübigen erschlagen worden. Auff welches abermagen ein aust nd gevolget. In dem nachgenden jar ist Basilio dem Grossfürsten sein junder Sun Johannes, erboren, welcher zum volgenden zeyten auff den vatter in das Regiment Kommen.

Anno 1553 hatt Johannes der Grossfürst in Moscauw einen ernstlichen krieg mit de Schwedieren gefüeret, vil land verderbet, und zu letst nach grossem blut vergiesse wider friden angerichtet.

Anno 1562 hatt Johannes der Grossfürst in Moscauw einen ernstlichen feldz ug wideen Teütschen ritters orden in Leyfland zu handen genommen, grausamen tyranney wrin der weib und man, jung und alt geüebet, auch denselbigen in einem streyt ob gelegen und fast das gantz land mit gewalt an sich gebracht. Also dass die Leyfländer von dem Römischen reich hilff begeren, unnd sich Zu letst an Sigmunden dess nammen dene anderen Künig in Poland ergeben müessen.

Desshalben der krieg zwischen den Polecken und jhren angebornen feinden den Moscoviten wider angangen, unnd treffentlich zu genommen. Dann es ist der Moscowit in Littauw gezogen, mehr dann hundert flecken verherget, vil Christen gefangen hingefüeret, un sich doch zu letst. als jm künig Sigmund mit starcker macht begegnet, wi der hinder sich ghen Smolendzko in sein gewarsamme gethon, und bald härnach aber ein Anstand gemachet.

Digitized by Google

Обрядъ вѣнчанія князя на царство (*).

Слѣдующее описаніе, которое я съ трудомъ досталъ, изобразитъ тебѣ обычай вѣнчанія московскихъ князей на царства. Эту форму употребилъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ, когда

(*) *Приложеніе или дополнительная исторія послѣднихъ Московитовъ дѣяній.*

Великій князь Московскій Василій покорилъ себѣ великое множество земель и княжествъ и весьма распространилъ свое царство, какъ о томъ прежде указано. Считая по Р. Х. въ 1513 г. онъ велъ особенно замѣчательную, тяжелую войну съ Сигизмундомъ королемъ польскимъ и покорилъ себѣ съ помощью Михаила Глинскаго и его измѣны извѣстное княжество и городъ Смоленскъ, который былъ взятъ великимъ княземъ Литовскимъ Витольдомъ еще за 100 лѣтъ передъ симъ. Хотя въ слѣдующемъ 1514 г. поляки двинулись съ огромнымъ вооруженіемъ въ предѣлы Московитовъ и одержали сильную побѣду такъ, что на полѣ битвы передъ Смоленскомъ осталось болѣе 30000 убитыхъ московитовъ (какъ это подробно описано въ исторіи Павла Iobus); но все таки они не смогли покорить городъ и княжество, которые и до сихъ поръ остаются во власти Московитовъ.

Въ слѣдующемъ 1518 году Великій Князь Московскій Василій снова вторгся въ Литву съ очень большимъ войскомъ, чтобъ покорить себѣ всю страну. Но онъ былъ встрѣченъ королемъ Сигизмундомъ съ такимъ сильнымъ отпоромъ, что не достигнувъ цѣли долженъ былъ вернуться къ себѣ домой. Послѣ того, благодаря усердному участію Царя Максимиліана, а позже Царя Карла и брата его Фердинанда, заключенъ миръ или перемиріе между христіанами (православными католиками поляками) и московитами. Между тѣмъ Василій покорилъ много другихъ земель къ востоку и къ югу и распространилъ свое царство. Наконецъ въ 1527 г. они снова сразились съ татарами, при чемъ произошла знаменитая битва при Каріонѣ въ Литвѣ, гдѣ было избито болѣе двадцати шести тысячъ невѣрныхъ. За тѣмъ снова послѣдовало перемиріе. Въ слѣдующемъ году у Великаго Князя Василія родился младшій сынъ Іоаннъ, который въ послѣдствіи времени наслѣдовалъ отцу.

Въ 1553 г. Великій Князь Московскій Іоаннъ велъ жестокую войну со Шведами, разорилъ многія страны и наконецъ послѣ большаго кровопролитія заключилъ снова миръ.

Въ 1562 г. Іоаннъ Великій Князь Московскій предпринялъ тяжелый походъ противъ нѣмецкаго рыцарскаго ордена въ Лифляндіи; онъ поступалъ съ жестокой тиранніей съ женщинами и мужчинами, съ молодыми и старыми, и разбивъ непріятеля въ одномъ сраженіи, онъ силой воевалъ почти всю страну. Тогда Лифляндцы просили помощи у римской имперіи и наконецъ должны были отдаться Сигизмунду королю польскому, второму съ этимъ именемъ. Поэтому снова завязалась война между поляками и ихъ враждебными врагами московитами и весьма усиливалась. Московиты пошли въ Литву, разорили тамъ болѣе 100 мѣстечекъ, увели въ плѣнъ многихъ христіанъ *(католиковъ)* и, когда наконецъ имъ вышелъ на встрѣчу король Сигизмундъ съ сильнымъ войскомъ, то они отошли назадъ къ Смоленску въ безопасное мѣсто, и вскорѣ послѣ того заключили перемиріе.

(Въ изд. 1567 г. прибавлено:) Въ 1567 г. въ Январѣ прошелъ общій слухъ, что будто Великій Князь Московскій приготовляетъ сильное вооруженіе, чтобъ въ слѣдующемъ году напасть снова на Литву и на прилежащія страны. Да обратитъ Богъ это къ добру!

Digitized by Google

trium, ut antea memini, Magnum ducem et monarcham Russiae inuestituerat. [c]

In medio templi diuae Virginis, erigitur tabulatum, super quo tria sedilia, Auo scilicet, Nepoti, et Metropolitano [d] collocantur. Constituitur item fuggestum, quod ipsi Nolai uocant: super quo Ducalis pileus, [e] et Barma, hoc est ornamentum Ducale, ponuntur. Pòst, ad constitutum tempus Metropolitanus, Archiepiscopi, Episc - pi, [f] Abbates, Priores, totusque conventus Ecclesiasticorum, solen- nibus [g] ornamentis induti adsunt. Magno itaque Duce cum Nepote templum ingrediente, canunt Diaconi: Multos annos [h] uni Duci magno Ioanni, secundum consuetudinem. Sub haec Metropolitanus cum toto clero canere incipit orationem [i] diuae Virginis, et sancti Petri confessoris, quem ipsi more suo Miraculosum appellant: qua finita, Metropolitanus, Magnus Dux, et Nepos, tabulatum ascen- dunt, inque sedilia collocata sedent, Nepote interim ab initio tabu- lati subsistente. Tandem Magnus Dux in haec verba praefatur: Pa- ter [j] Metropolitane, ex diuina uoluntate, à nostris maioribus Mag- nis Ducibus antiqua et hactenus obseruata consuetudine, patres Magni Duces, filijs suis primogenitis consignabant Magnum Duca- tum: et sicut eorum exemplo, genitor meus Magnus Dux, me co- ram se benedixit Magno Ducatu: ita ego quoque primodenitum me- um Ioannem, coram omnibus Magno Duca'u benedixi. Sed quia diuina uoluntate accidit, ut filius ille meus mortem obierit, super- stes autem sit unigenitus Demetrius, quem mihi Deus loco filij mei dedit: hunc itaque ego pariter coram omnibus benedico, nunc, et post me, Magno Ducatu Vuolodimeriae, Novuogardiae, et caetera. super quibus et patrem eius benedixeram.

Sub haec Metropolitanus iubet Nepotem locum sibi assignatum

(Въ изданіи 1567 г. прибавлено:) Anno 1567 in Jannuario ist ein gemein geschrey aussgangen, das der Grossfürst in Moscauw in treffenlicher rüstung seye, abermalen in Littauw und umstossende lender das volgende jar zufallen. Gott welle es zu gutem wenden.

Durch solliche mannigfaltige feldzug und nammhafftis tathen ist der Moscowitem namm bey allen umliegenden Völcker auch in Teütschem land sehr erschrockenlich worden, also dass man besorgen, es werde uns Gott durch unser vilfaltige sund und Missethat, wor wir uns nicht zu jhm mitt warer buss bekeeren, durch den Moscoviten, Türcken, oder andere grosse Monarchen ernstlichen heimsuchen, unnd schwerlichen straaffen. Wann aber yemand etwas weytleüffiger der Moscoviten historien zu wüssen begeret, der läse der hochwürdigen weyssen herren Pauli jovij unnd Martini Cromeri historien, so sig vonn den Mittnächtischen völckeren fleyssig beschriben, welche erst neüwlich inn nechst verschinen jaren zu gutem gemeiner Teütscher nation durch unus uns?) auch verteütschet, und inn truck verfertiget worden.

c) 1757 B. *Morem-investituerat*—нѣтъ. См. предыд. вар. *b*. d) 1557 B. прив. dem obristen priester. 1563 Б. dem Erzbischoff. e) 1557 B. der huet. f) 1557 B. *Episcopi*—нѣтъ. g) 1557 B. hochzeitlichen. h) 1563 Б. прив. regiere i) 1563 B. Magnificat oder Lobgesang. j) 1563 Б. прив. mein lieber.

Digitized by Google

ставилъ своего внука Димитрія великимъ княземъ и монархомъ Руссіи, какъ я прежде упомянулъ.

Посреди храма Пресвятой Дѣвы воздвигается досчатое возвышеніе, на которомъ помѣщены три сѣдалища, именно для дѣда, внука и митрополита. Ставится также налой, на которомъ положены княжеская шапка и бармы т. е. княжескія украшенія. Потомъ въ назначенное время собираются митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены и все духовенство въ торжественномъ *(свадебномъ)* облаченіи. Когда входитъ въ храмъ великій князь съ внукомъ, діаконы поютъ по обыкновенію многія лѣта *царствовать* одному великому князю Іоанну. Послѣ этого митрополитъ со всѣмъ клиромъ начинаетъ пѣть благодарственный молебенъ, *(канонъ, Magnificat)* Пресвятой Дѣвѣ и св. Петру Исповѣднику, котораго они по своему обычаю называютъ чудотворцемъ. По окончаніи этого митрополитъ, великій князь и внукъ всходятъ на досчатое возвышеніе и садятся на приготовленныя сѣдалища, между тѣмъ какъ внукъ останавливается на краю возвышенія. Тогда великій князь произноситъ слѣдующія слова: Отецъ митрополитъ, по волѣ Божіей, по древнему обычаю соблюденному досель великими князьями, нашими предками, великіе князья—отцы назначали великое княжество своимъ первороднымъ сыновьямъ: и какъ по ихъ примѣру, великій князь родитель мой, при себѣ благословилъ меня на великое княжество, такъ и я передъ всѣми благословилъ на великое княжество моего первенца Іоанна. Но такъ какъ божіею волею случилось, что сынъ мой умеръ, и остался послѣ него единородный сынъ его Димитрій, котораго Богъ далъ мнѣ на мѣсто сына; то я предъ всѣми вами благословляю его, теперь и послѣ меня, на великое княжество владимірское, новгородское и пр , на которыя я благословилъ его отца.

Послѣ этого митрополитъ велитъ внуку сѣсть на назначенное

Отъ этихъ различныхъ походовъ и знаменитыхъ дѣлъ, имя московитовъ сдѣлалось страшнымъ для сосѣднихъ народовъ, а также и для Германіи. Должно стараться, чтобъ Богъ не попустилъ-бы и за многіе грѣхи и злодѣянія наши, въ которыхъ мы каемся Ему не съ истиннымъ раскаяніемъ, не наказалъ-бы насъ тяжко нападеніемъ московитовъ, турковъ или другихъ сильныхъ монарховъ Если же кто нибудь пожелаетъ знать подробнѣе исторію московитовъ, тотъ пусть прочтетъ повѣствованія высокопочтенныхъ ученыхъ мужей Павла Іовія и Мартина Кромера, такъ какъ они прилежно описали восточные народы. Ихъ сочиненія недавно, въ послѣдніе года, переведены нами на нѣмецкій языкъ и приготовлены къ печати для чтенія германскому народу.

Digitized by Google

accedere, et benedicit illi cruce, Diaconumque iubet orationes diaconorum recitare. ipse interim sedendo iuxta illum, capite inclinato quoque, orat: Domine Deus noster, Rex regum, Dominus dominantium, qui per Samuelem prophetam elegisti Dauid seruum tuum, et inunxisti illum in Regem, super populum tuum Israel: tu nunc exaudi preces nostras, tuorum indignorum, et respice à
crp. 20. Sanctuario tuo ad fidelem seruum tuum Demetrium, quem elegisti, exaltare regemtuis gentibus sanctis, quem redemisti praeciosissimo unigeniti filij tui sanguine: et inunge eum oleo laeticiae, protege eum virtute excelsi, pone super caput coronam de lapidibus preciosis, da illi longitudinem dierum, et in dextram sceptrum Regale: pone illum in sedem iustam, circunda illum omnibus armis iusticiae, fortifica illum in brachio, et subijce illi omnes linguas Barbaricas: [a] et sit totum cor eius in timore tuo, qui te humiliter audiat: auerte illum à fide mala, et demonstra illi saluum conseruatorem mandatorum sanctae tuae uniuersalis Ecclesiae, ut udicet populum in iusticia, et iusticiam praestet pauperibus, conseruetque filios pauperum, et consequatur dein regnum coeleste,

Postea clara uoce loquitur: Sicuti est tua potentia, et tuum est regnum: ita et laus et uirtus sit Deo patri, et filio, et spiritui sancto, nunc et in secula seculorum. Finita hac oratione, imperat duobus Abbatib. Metropolitanus, ut sibi barma porrigant, quae unà cum pileo, quodam tegumento serico (quod Schirnikoiu appellant) tecta erat. Mox hanc tradit Magno duci, cruceque nepotem signat. Magnus autem dux eam super nepotem ponit. Dein Metropolitanus inquit: Pax omuibus. Cui diaconus: Domine oremus. tum Metropolitanus orans: Tibi unico regi aeterno, cui terrenum quoque regnum creditum: inclinate vos nobiscum, inquit, et orate omnia regnantem: Conserva illum sub protectione tua, coutine illum in regno, ut semper bona et decentia agat: fac clarescat iusticia in diebus suis, amplificationeque sui dominij, et ut in tranquillitatae eius quietè, sine discordia uiuamus, in omni bonitate et puritate. et haec submissius. Alta autem uoce: Tu es Rex mundi, et sernator animarum nostrarum: laus tibi patri, et filio, spirituique sancto, nunc et in secula seculorum, amen. Tandem pileum Ducalem à duobus Abbatibus mandato sibi allatum, Magno

a) 1563 Б. прибб. oder ausslendische.

Digitized by Google

ему мѣсто и благословляетъ его крестомъ, а діакону велитъ читать молитвы діаконовъ (эктеніи?); самъ между тѣмъ, сидя подлѣ него и наклонивъ голову, произноситъ слѣдующую молитву: Господи Боже нашъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Который чрезъ Самуила пророка избралъ Давида раба Своего и помазалъ его въ цари надъ народомъ Своимъ Израилемъ: Ты и нынѣ услышь мольбы наши, Твоихъ недостойныхъ рабовъ, и воззри отъ Святилища Твоего на вѣрнаго раба Твоего Димитрія, котораго Ты избралъ воздвигнуть царемъ надъ святыми Твоими народами, котораго ты искупилъ драгоцѣннѣйшею кровію Единороднаго Твоего Сына; и помажи его елеемъ радости, покрои его доблестью высокою, положи на его голову вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней, дай ему долгоденствіе и въ десницу его царскій скипетръ; поставь его на престолъ правды, окружи его всѣми орудіями правосудія, укрѣпи его руку, и покори ему всѣ языки *иноплеменные*; и да будетъ сердце его всецѣло въ страхѣ Твоемъ, дабы смиренно послушалъ Тебя; отврати его отъ неправой вѣры, и покажи ему праваго хранителя завѣтовъ святой Твоей вселенской церкви, да судитъ народъ по правдѣ, и даетъ правду бѣднымъ, и хранитъ сыновъ бѣдныхъ, и наслѣдитъ потомъ Царствіе небесное.

Послѣ того онъ говоритъ громкимъ голосомъ: Яко Твоя есть сила и Твое есть царство, да будетъ и хвала и честь Богу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и во вѣки вѣковъ. Окончивъ эту молитву, Митрополитъ приказываетъ двумъ архимандритамъ принести ему бармы, которыя покрыты вмѣстѣ съ шапкой однимъ шолковымъ покрываломъ (которое называется Ширинкою). Потомъ передаетъ ихъ великому князю и осѣняетъ внука знаменіемъ креста. Великій же князь возлагаетъ ихъ на внука. Потомъ Митрополитъ говоритъ: Миръ всѣмъ. Діаконъ говоритъ ему: Владыко помолимся. Тогда Митрополитъ произноситъ молитву: Тебѣ единому Царю вѣчному, которому также земное царство подвластно: преклонитесь вмѣстѣ съ нами и молите Царствующаго надъ всѣмъ: Сохрани его подъ кровомъ Твоимъ, поддержи его на царствѣ, чтобы онъ всегда совершалъ то, что добро и что надлежитъ ему дѣлать; дай, чтобы онъ въ дни свои сіялъ правосудіемъ, и умножь его царства, и чтобы мы жили подъ его тихимъ правленіемъ въ покоѣ, безъ распрей, во всякомъ добрѣ и чистотѣ; это Митрополитъ произноситъ тихо. Потомъ громкимъ голосомъ: Ты еси Царь міра и Спасъ душъ нашихъ: хвала Тебѣ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь. Наконецъ онъ подаетъ великому князю княжескую шапку, принесенную по его приказанію двумя архиман-

Digitized by Google

duci porrigit: ad haec, cruce nepotem in nomine patris, et filij, et spiritus sancti signat. pileum [b] porrò Magno duce capiti nepotis imponente, Metropolitanus primùm, dein archiepiscopus et episcopi accedentes, manu ei benediceb ant. His ordine peractis, Metropolitanus, et Magnus dux, nepotem sibi assidere iubent, paulisperque commorati surgunt. Interea diaconus Letaniam (ut uocant) incipit, Miserere nostri Domine: nominans Ioannem magnum ducem. rursus alter chorus commemorat, magnum ducem Demetrium nepotem, et alios secundum consuetudinem. Finita Letania, orat Metropolitanus: Osanctissima domina uirgo Dei genitrix. et post orationem Metropolitanus et magni duces consident. Sacerdos seu diaconus locum demonstrat, in quo legebatur Euangelium, altaque uoce dicit: Multos annos Magno duci Ioanni, bono fideli Christi dilecto, Deo electo, et Deo honorando, Magno duci Ioanni Basilij Vuolodimeriae, Novuogardiae et totius Russiae monarchae, per multos annos. Sub haec sacerdotes ante altare canunt: Magno duci multos annos. itidem in dextro ac sinistro choro diaconi canunt, Multos annos. tandem rursus diaconus alta uoce, Multos annos Magno duci Demetrio, bono fideli Christi dilecto, Deo electo et honorando: [a] magno duci Demetrio Ioannis Vuolodimeriae, Novuogardiae, et totius Russiae multos annos. Sacerdotes item apud altare, et in utroque choro intonant, Multos annos Demetrio. Quibus peractis, Metropolitanus, Archiepiscopus, Episcopi, et tota congregatio ordine, magnos duces accedunt, eosque honorificè consalutant. accedunt et filij magni ducis, inclinando et salutando magnum ducem.

INSTITUTIONES MAGNI

Ducis iam inaugurati. [b 85]

Simon Metropolitanus [c] inquit: Domini et fili, magne dux Demetri diuina uoluntate, auus tuus magnus dux fecit tibi gratiam, benedixit te ducatu magno: et tu Domine et fili, habe timorem Dei in corde tuo: ama iusticiam, et iustum iudicium: obedias auo tuo magno duci. et nos te Dominum filium suum benedicimus, et Deum oramus pro tua salute. Dein Metropolitanus et magni duces surgunt, Metropolitanusque orans benedicit cruce magno duci.

---

b) 1563 B. das fürstlich parrest.

a) 1557 B. *bono-honorando*—нѣтъ. b) 1557 B. die vundterweisung dem Neuen Grossfürsten füergehalten. 1563 Б. Dess Grossfürsteu ordnungen wann er jetzt erwehelet worden. c) 1563 Б. прп6. oder der oberste Bischoff.

Digitized by Google

дритами; затѣмъ осѣняетъ внука крестомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Потомъ когда великій князь возложилъ шапку *(княжескій вѣнецъ)* на главу внука, сперва Митрополитъ, потомъ архіепископъ, епископы, подходя, благословляютъ его рукою. Когда же было сдѣлано по порядку, Митрополитъ и великій князь приказываютъ внуку сѣсть съ ними и, немного обождавъ, встаютъ. Между тѣмъ діаконъ читаетъ такъ называемую литанію: Помилуй насъ, Господи, и за тѣмъ поминаетъ великаго князя, Іоанна. Ему отвѣчаетъ хоръ и поминаетъ внука, великаго князя Димитрія и другихъ, по обыкновенію. По окончаніи литаніи, митрополитъ произноситъ молитву: О пресвятая Владычица Богородица Дѣва и пр.; послѣ молитвы митрополитъ и великіе князья садятся. Священникъ или діаконъ указываетъ на мѣсто, на которомъ читалось Евангеліе, и говоритъ громкимъ голосомъ: Многія лѣта великому князю Іоанну, благовѣрному, возлюбленному Христа, Богомъ избранному и Богомъ превознесенному, великому князю Іоанну Васильевичу Владимірскому, новгородскому и всеи Руссіи монарху, многія лѣта. Послѣ этого священники предъ олтаремъ поютъ: Великому князю многія лѣта, также на правомъ и лѣвомъ хорѣ діаконы поютъ многія лѣта. Наконецъ снова діаконъ говоритъ громкимъ голосомъ: Многія лѣта великому князю Димитрію, благовѣрному, возлюбленному Христа, Богомъ избранному и превознесенному, великому князю Димитрію Іоанновичу владимірскому, новгородскому и всеи Руссіи, многія лѣта. Также священники у олтаря и на обоихъ хорахъ поютъ: многія лѣта Димитрію. Послѣ чего Митрополитъ, архіепископъ, епископы и все собраніе по порядку подходятъ къ великимъ князьямъ и съ почтеніемъ поздравляютъ ихъ; потомъ подходятъ и сыновья великаго князя, кланяясь и поздравляя новаго великаго князя.

Церемоніалъ послѣ вѣнчанія великаго князя.[85]

Митрополитъ Симонъ *или старшій епископъ* говоритъ: Государь и сынъ, великіи князь Димитріи, дѣдъ твоіи, великій князь, волею Божіею пожаловалъ тебя, благословилъ тебя на великое княжество: и ты, государь и сынъ, имѣи въ сердцѣ твоемъ страхъ божіи, люби справедливость и правыи судъ; повинуйся дѣду твоему, великому князю, и всѣмъ сердцемъ пекись о всѣхъ правовѣрныхъ. И мы тебя, государя сына своего, благословляемъ и молимъ Бога о твоемъ здравіи и благоденствіи. Потомъ Митрополитъ и великіе князья встаютъ, а Митрополитъ съ молитвой благословляетъ крестомъ великого князя и его сыновей.

Digitized by Google

eiusque filijs. tandem Liturgia, hoc est sacro perasto, [d] magnus dux auus se in suam habitationem confert. Demetrius uero in qucali pileo et barma, ex aede diuae Virginis, magna Baiaronum caterua, filjsque comitantibus, ad templum Michaelis archangeli pergit, ubi in uestibulo supra pontem á Georgio magni ducis Ioannis filio, ter [e] dengis aureis aspergitur (per dengam genus monetae [f] intellige) templumque ingresso, Sacerdotes letaniam orantes, secundum consuetudinem, cruce ei benedicebant, et iuxta sepulchra ac monumenta eum signo crucis signabant. Dein templum egrediens, in porta à Georgio rursus dengis aureis aspergitur. Pòst rectà in templum annunciationis Mariae progreditur, ubi Sacerdotes pariter ei benedicebant,et à Georgio dengis ut antea aspergebatur. Peractis tandem ijs, ad auum et matrem se contulit Demetrius. Acta sunt haec anno mundi [g] 7006. à nato autem Christo 1497. die quarta mensis Fe[b]ruarjj. [h]

Interfuerunt autem huic mandato magni ducis, et benedictioni Simonis metropolitani:

Tychon archiepiscopus Rostovuiensis et Ioruslavuiensis: [i] Nyphont Susdaliensis et Toruski: Vuasian episcopus Tvuerensis. Prothasius, Resanensis et Muromski Afranius Columbnensis, Ieufimi, [j] Sarki et Podonski episcopi. [86]

Multi item Abbates et Priores inter quos potiores Serapion, prior monasterij ad sanctam Trinitatem, diui Sergij et Makirij, Prior monasterij [k] sancti Cyrilli: magnus denique conueutus religiosorum et Ecclesiasticorum aderat. Inter prandendum, muneris quasi loco oblatum erat cingulum latum auro, argento, gemmis preciosis
стр 22. p. 22 confectum, quo cingebatur. mox Selgi quoque Pereaslavuski, hoc est, pisciculi ex lacu Pereaslavuiensi, halecibus non dissimiles, quorum et nomen habent. Ideo [a] autem id genus piscium putant afferi, quod Pereaslavu nunquam separabatur à Moscovuia, uel Monarchia.

Barmai est ueluti torques latae formae, ex serico uilloso, [b] extrinsecus tamen auro et omnis generis gemmis concinné confectus: quem Vuolodimerus praefecto cuidam Caphae Januensi profligato ademit.

Pileus ipsorum lingua Schapka dictus, quo Vuolodimerus Monomach usus est, et quem gemmis ornatum, aureis item laminis,

---

d) 1563 Б. вм. *Liturgia h. e. sac. perac.* die Liturgia unnd das Göttlichampt. e) 1663 B. zum dritten mal. f) 1563 Б. вм. jr beste müntz ist. g) 1557 B. nach jrer Raitung (=Rechnung?) h) 1563 Б. Hornung i) 1557 B. приб. die Bischoffe. j) 1563 Б. zu jerifimi, пом. г. человѣческое имя (Ефимій) принято за названіе какой-то мѣстности. k) 1563 Б. вм. St. Sergien und Macherien die fürnempsten auch prior etc.

a) 1557 B. приб. darumb zu solcher hochzeit bringt. b) 1549 B. вм. ex veluto. c) 1550

Digitized by Google

Наконецъ, по совершеніи Литургіи т. е. священно—дѣйствія, великій князь—дѣдъ отправляется въ свое жилище. Димитрій же въ княжеской шапкѣ и въ бармахъ, въ сопровожденіи большой толпы бояръ и боярскихъ дѣтей, шествуетъ изъ храма Пресвятой Дѣвы въ храмъ Михаила архангела, гдѣ Георгій, сынъ великаго князя Іоанна, трижды *(въ третій разъ?)* осыпаетъ его на паперти золотыми деньгами (подъ деньгой надобно понимать *лучшій* родъ *ихъ* монеты), и когда онъ вошелъ въ храмъ, священники служили литанію по обычаю, благословляли его крестомъ, и также осѣняли его крестнымъ знаменіемъ у могилъ и надгробныхъ памятниковъ. Потомъ при выходѣ изъ храма, Георгій снова осыпалъ его золотыми деньгами. Послѣ этого онъ отправился въ храмъ Благовѣщенія, гдѣ священники также благословляли его, а Георгій, какъ прежде, осыпалъ деньгами. По окончаніи этого Димитрій пришелъ къ дѣду и матери. Это происходило въ 7006 году *по ихъ лѣтосчисленію* отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова въ 1497, въ четвертый день мѣсяца февраля.

При этомъ присутствовали по приказанію великаго князя и по благословленію Митрополита Симона.

Тихонъ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, Нифонтъ, суздальскій и торускій (туровскій?); Вассіанъ, епископъ тверской; епископы: Протасій рязанскій и муромскій, Аѳраній коломенскій, Ефимій сарскій и подонскій.[86]

Также многіе архимандриты и игумены, между которыми важнѣйшіе: Серапіонъ, игуменъ троицко-сергіевскаго монастыря и Макарій, игуменъ монастыря св. Кирилла; наконецъ присутствовало большое сборище монаховъ и духовныхъ. За обѣдомъ Димитрію былъ поднесенъ въ даръ широкій поясъ, сдѣланный изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которымъ онъ опоясывался; послѣ этого поднесены были переяславскія сельги т. е. рыбки изъ озера переяславскаго, не отличающіяся отъ нашихъ сельдей, имя которыхъ онѣ и носятъ. Полагаютъ, что этотъ сортъ рыбъ подаютъ *на пирахъ* потому, что Переяславъ никогда не отдѣлялся отъ московскаго княжества или монархіи.

Бармы есть родъ широкаго ожерелья изъ мохнатаго шелку; снаружи прекрасно отдѣланы золотомъ и всякаго рода драгоцѣнными камнями; ихъ Владиміръ отнялъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ.

Pileus называется на ихъ языкѣ *шапка*; ее носилъ Владиміръ Мономахъ; она украшена драгоцѣнными камнями и чудно сдѣлана изъ золотыхъ пластинокъ, которыя извиваются наподобіе

Digitized by Google

quasi quibusdam spirulis subinde sese uibrantibus, mirè concinnatum reliquit. hasctenus dixi de principe, qui maiorem partem Russiae tenet. [87]

[c]Caeteras ussiae part es nunc unus Sigismundus [d] Poloniae rex, magnusque Dux Lithvuaniae tenet. Caeterùm cum regum Poloniae, qui originem suam ex Lithvuanis traxerunt, mentio fit, de genealogia [e] eorum quaedam subiungenda uidentur. [88]

Praefuit magno Ducatui Lithvuaniae princeps quidam Vuitenen, quem cum famulus eius Gedemin, ut Polonorum annales referunt [89 f]. occidisset, mox et ducatu et uxore potitus est: ex eáque inter plures alios, praecipuos duos suscepit filios, Olgird et Kestud. Ex Kestud natus est Vuitoldus [g], quem aliás Vuitovudum appellant: et Anna, Janusij [h] ducis Mazovuiae [i] coniunx.

Vuitoldus reliquit unicam filiam Anastasiam, quae Basilio duci Moscovuiae in matrimonium collocata, Sophiaque nominata est [j]: ex qua natus est Basilius, pater magni illius Joannis [k], auus Basilij Rhutenorum principis, ad quem Orator missus fui. [e]

Kestud porro ab Olgird fratre iu carcerem coniectus, miseré perijt. Vuitoldus quoque, uir, quo maiorem Lithvuania non habuit, et ex baptismo Alexander dictus, 1430 moritur.

Olgird Gedemini filius, ex uxore Maria, principe Tvuerensi Christiana, inter alios filios Jagelonem suscepit. Is regnandi cupiditate non solum regnum Poloniae, sed ipsam Hedvuigim [m] quoque, quae tum diademate insignita regno praefuit, Vuihelmóque duci Austriae desponsata fuit, atque adeo parentibus primatibusque utriusque regni consentientibus, ante nubiles annos [n] Regio more cum eo coucubuisset, affectabat: missisque mox in Poloniam Oratoribus suis, regnum et Hedvuigim uxorem expetit [o]. Yt autem Polonos in suam sententiam pertraheret, uotique compos fieret, inter alia fidem se Christi unà cum fratribus suis, ducatibus item Lithvuaniae et Samogithiae suscepturum pollicetur: alijsque id genus promissionibus, Polonos in suam sententiam permouit, ut Hedvuigis horum authoritate adducta, atque etiam inuita, rescisso priore matrimonij foedere, illi nuberet [p] quo facto, Jagelo ipse continuó Vuoladislai nomine accepto baptisatur, in Regem coronatur, nuptijsque peractis Hedvuige uxore anno Domini 1386 potitur.

Ит. Слѣдующее озаглавлено: Del Re di Polonia. d) 1557 B. *Sigismundus*—пѣтъ. e) 1563 Б. прим. oder geburtslinien. f) 1563 Б. прим. so neüwlich von Heinrich Pantaleon verteütschet worden. g) 1557 B. прим. der gross stritbar fürst. h) 1557 B. Iauvsn. i) 1557 B. Mass. j) 1557 B. *Sophioque nomin. est*—нѣтъ. k) 1557 B. прим. von dem Hanusen Gabriel, der hernach Basilius genannt. l) 1557 B. *arus fui*—нѣтъ. m) 1557 B. прим. Khunig Ludwigs zu Hungern und Poln Tochter. n) 1557 B. прим. zu Hamburg der Thuenaw. o) 1557 B. *missisque—expetit*—нѣтъ. p) 1557 B. *Ut autem—nuberet*—нѣтъ.

Digitized by Google

змѣй. До сихъ поръ я говорилъ о государѣ, который владѣетъ бо́льшею частію Руссіи.[87]

Остальною частью Руссіи въ настоящее время владѣетъ одинъ Сигизмундъ, король польскій и великій князь литовскій. Но такъ какъ рѣчь зашла о королях польскихъ, которые ведутъ свое происхожденіе изъ Литвы, то, кажется, нужно сказать что нибудь объ ихъ родословной.[88]

Въ великомъ княжествѣ литовскомъ властвовалъ нѣкогда князь Витенъ; онъ былъ убитъ своимъ слугою Гедиминомъ, какъ разсказываютъ польскія лѣтописи *(которыя недавно переведены на нѣмецкій языкъ Гейнрихомъ Панталіономъ)*.[89] Гедиминъ овладѣлъ и княжествомъ и супругою Витена, и отъ нея имѣлъ много сыновей; изъ нихъ замѣчательны два; Ольгердъ и Кестудъ. У Кестуда родился *воинственный князь* Витолдъ, который иначе называется Витовтомъ, и Анна, супруга Янузія, князя мазовскаго.

Витолдъ оставилъ единственную дочь Анастэсію, которая была выдана за Василія, князя Московскаго. и названа Софіею; отъ нея родился Василій, отецъ Іоанна Великаго, дѣдъ Василія, князя русскаго, къ которому я былъ отправленъ посломъ.

Кестудъ былъ заключенъ въ темницу братомъ Ольгердомъ и погибъ жалкою смертію. Витолдъ же, въ крещеніи нарѣченный Александромъ, умеръ въ 1430 году; Литва не имѣла мужа, болѣе великаго.

Сынъ Гедимина, Ольгердъ отъ супруги своей Маріи, княжны тверской и христіанки, имѣлъ, кромѣ другихъ сыновей, Ягелона. Властолюбивый Ягеллонъ сильно желалъ получить не только польское королевство, но и руку Гедвиги, *дочери Людвига, короля польскаго и венгерскаго*, которая носила тогда королевскую корону и была обручена съ Вильгельмомъ, герцогомъ австрійскимъ, и по желанію родителей и вельможъ того и другаго государства, сочеталась съ нимъ, *въ Гамбургѣ на Дунаѣ* по царскому обыкновенію, прежде совершеннолѣтія. Отправивъ своихъ пословъ въ Польшу, Ягеллонъ требовалъ государства съ рукою Гедвиги. Для того чтобы склонить поляковъ на свою сторону и получить желаемое, онъ обѣщался между прочимъ принять христіанскую вѣру вмѣстѣ съ своими братьями и съ княжествами литовскимъ и самогитскимъ; такого рода обѣщаніями онъ до того привлекъ къ себѣ поляковъ, что они принудили Гедвигу, противъ ея воли, выйти за него замужъ, разорвавъ узы перваго брака. Послѣ этаго Ягеллонъ немедленно крестился, принявъ имя Владислава, былъ коронованъ и сочетался бракомъ съ Гедвигой въ 1386 году. Когда она вскорѣ пос-

Digitized by Google

qua tamen non longé pòst primo in partu mortua, Annam comitem
стр. 25. Celeiae duxit uxorem: ex qua suscepit unicam filiam Hedvuigim, desponsatam Friderico iuniori Brandenburgensi. Duxerat et anum[a] quandam: qua pariter mortua, Rhutenam Andreae Joannis ducis Chiovuiensis filiam Soncam, quae pòst assumpto ritu Romano, Sophia[50] appellata est, [b] duxit: ex eáque suscepit Valadislaum et Casimirum filios.

Vuladislaus patri in regno successit, inque Hungariae regem, submoto legitimo haerede, Alberti regis defuncti filio Ladislao posthumo, coronatus, ad Vuarnamque pòst à Thurcis oppressus est.[c]

Casimirus, qui tum magnum Lithvuaniae ducatum tenebat, et qui Ladislao posthumo similiter regnum Bohemiae, forté fratris exemplo ductus, adimere uoluit, fratri in regno Poloniae successit. dein eius Ladislai, Hungariae et Bohemiae regis sororem Elisabetham in uxorem duxit: ex qua suscepit filios, Vnladislaum Hungariae et Bohemiae regem, Ioannem Albertum, Alexandrum, Sigismundum, Poloniae reges: Fridericum Cardinalem. et Casimirum[d], qui in Sanctorum numerum relatus est.

[e]Vuladislao erat Ludouicus[f] filius, et Anna filia. Ludauicus in regno successit: Maria Philippi regis Castellae, archiducis Austriae, filia in uxorem ducta, à Thurcis in Mohacz anno 1526[g] oppressus est.

Anna FERDINANDO[h], Romanorum, Hungariae et Bohemiae regi, archiduci Austriae nupsit: quatuor filijs, et undecim filiabus ex ea susceptis, Pragae tandem in puerperio, anno Domini 1547 moritur[i].

Ioannes Albertus sine coniuge obiit.

---

a) 1557 B. прим. des geschlechts Piletzkhj, des die Poln vbl zufridn b) 1563 Б. *quae—est*—пять. c) 1557 B. вм. *Vuladislaus-oppressus est:* Wladislavs kha nach seines vatters Tod in das Khunigreich Poln, und als Albrecht ain Hertzog zu Osterreich, Römiscer, Hungerischer unnd Behaimischer Khúnig abstarb, die Khúnigin schwanger verliess, vil, der Hungern wolten der geburt nit erwarten, schigkhten zu dem Wladislaw gen Poln unnd ehe solche pottn zu dem Khunig khamen, wardt des Khúnig Albrechtn Sun Lasla geborn, solcher wardt den potten zeitlichen verkhundt, Sy verharrten aber in jrer potschafft, begerten dee Wladislaen zu ainem Khúnig, der nam das an, unnd kham in Hungern, verstiess den rechtn Erben macht darnach mit den Türgkhen fryd, liess sich darüber dem Babst bewegen, und brach dem Türgkhen sein gegebnen glauben, umb das unnd das er den rechten Erben enterbte, straft in Gott, der Türgkh hat jne zu Warna erschlagen. 1563 Б. прим. Anno 1444. d) 1557 B. прим. der hat mit seinem Bruder umb das Hungerland Khriegt, и далѣе: ligt zu der Wilda. e) 1557 B. прим. Wladislaus, Casimirj Sun, Khunig zu Hungern und Behamb nam Annam des geschlechts de Foxis unnd Candola aus Frangkhreich. f) 1557 B. прим. ist in des vaters leben zu Hungern und Behamb gecrönt worden. g) 1557 B. прим. am 29 Tag Augusti. h) 1557 B. Къ титулу Ферд. прибавлено: Infantn in Hispanien. i) 1557 B. прим. ain unaussprechlich.

Digitized by Google

лѣ того умерла въ первыхъ родахъ, онъ взялъ въ супруги Анну, графиню целейскую; отъ нея онъ имѣлъ единственную дочь Гедвигу, обрученную съ Фридерикомъ, младшимъ принцемъ бранденбургскимъ. Потомъ онъ женился на какой то старухѣ; *изъ пилецкаго роду, чьмъ поляки были недовольны*; когда и она также умерла, онъ взялъ въ супруги русскую, Сонку, дочь кіевскаго князя Андрея Іоанновича, которая потомъ, принявъ римское исповѣданіе, названа Софіею: [90] отъ нея онъ имѣлъ сыновей Владислава и Казиміра.

Владиславъ вступилъ на польскій престолъ по смерти своего отца, когда Альбрехтъ, герцогъ австрійскій, римскій, венгерскій и богемскій умеръ, оставивъ беременную жену, то многіе изъ венгерцевъ не хотѣли дожидаться рожденія (младенца), послали къ Владиславу въ Польшу; но прежде чѣмъ послы явились къ королю, родился сынъ Альбрехта Лисла, (Ладислава Постума) о чемъ они и были извѣщены. Однако они медлили своимъ посольствомъ и уговорили Владислава быть королемъ. Тотъ принялъ предложеніе, пришелъ въ Венгрію, свергнувъ истиннаго наслѣдника, заключивъ потомъ миръ съ турками; и за то, что свергнулъ истиннаго наслѣдника, былъ наказанъ Богомъ: турки разбили его при Варнѣ въ 1444 году.

Казиміръ, владѣвшій тогда великимъ княжествомъ литовскимъ и по примѣру брата желавшій подобнымъ же образомъ отнять у Ладислава Постума богемское королевство, наслѣдовалъ брату въ Польшѣ; потомъ взялъ въ супруги Елисавету, сестру того же Ладислава, короля венгерскаго и богемскаго: отъ нея онъ имѣлъ многихъ сыновей: Владислава, короля венгерскаго и богемскаго, Іоанна Альберта, Александра, Сигизмунда, королей польскихъ, Фридерика Кардинала и Казиміра, *который воевалъ съ своимъ братомъ за Венгрію, потомъ* причисленъ къ лику святыхъ *и нынѣ покоится въ Вильнѣ.*

У Владислава, *сына Казиміра, короля венгерскаго и богемскаго, женатаго на Аннѣ изъ французскаго рода de Foxis и кандоса* былъ сынъ Лудовикъ и дочь Анна. Лудовикъ *коронованный королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ еще при жизни отца* наслѣдовалъ царство; взялъ въ супруги Марію, дочь Филиппа, короля Кастильскаго и Эрцгерцога Австрійскаго, онъ погибъ въ 1526 году *29 Августа* въ битвѣ съ турками при Могачѣ.

Анна вышла замужъ за Фердинанда *инфанта Испанскаго*, короля Римскаго Венгерскаго и Богемскаго Эрцгерцога Австрійскаго; произведя на свѣтъ четырехъ сыновей и одиннадцать дочерей, она умерла въ родахъ, въ Прагѣ, въ 1547 году. *Невыразимое благочестіе добродѣтельной королевы дѣлало то, что никто не уходилъ отъ лица ея не утѣшенный.*

Іоаннъ Альбертъ умеръ въ безбрачіи.

Digitized by Google

Sigismundus ex priore uxore Barbara, Stephani comitis Zepusiensis filia, suscepit Hedvuigin, Ioachimi Brandenburgensis Electoris coniugem. Ex posteriore Bona, filia Soaunis Ifortiae ducis Mediolani et Barij[j], suscepit Sigismundum[k] secundum Poloniae regem, magnum Lihvuaniae ducem: qui Elizabetham FERDINANDI Romanorum, Hungariae et Bohemiae regis etc. filiam, anno 1543. sexta die Majj uxorem duxit.[r] quae tamen immatura morte, et sine prole, anno 1545. die Iunij[m] decimaquinta decessit.[n]

Duxit deinde Barbaram, ex domo Radsivilorum; quae ante Gastoldo Lithvuano nupta fuerat, inuitis parentibus: et subditis hoc matrimonium tam indignè ferentibus, ut rebellio eorum iam coepta, in perniciosam seditionem abijsset, st FERDINANDUS rex iniurias filiae illatas ulcisci, quàm earum memoriam deponere maluisset.[o] Hac uerò mortua, idem Sigismundus ad redintegrandam cum Ferdinando coniunctionem et affinitatem conuersus, coniugio sibi copulauit Catharinam, germanam sororem Elisabethae, quam Franciscus dux Mantuae uiduam reliquerat. Nuptiae celebratae sunt Cracoviae, 31 Iulij, anno 1553. Ytranque sororem ego, tanquam Magister seu Praefectus Curiae, ad sponsum deduxi.[p]

Semouites Mazovuiae dux, ex Alexandra Iagelonis sorore suscepit multos filios, filiasque. Filij sine liberis decesserunt. Ex filiabus p. 24 Czimburgis[q] nupsit Arnesto austriae Archiduci, ex eòque genuit Fridericum Romanorum Imperatorem, patrem Maximiliani Imperatoris. Maximilianus genuit Philippum, Hispaniarum regem: Philippus CAROLUM V. et FERDINANDUM, Romanorum Imperatores.

стр. 24.

Ovuka Vuoleslao, Thesinensi duci,[a] in matrimonium collocata est.

Amulia, Vuoguslao Stolpensium duci, qui nunc Pomeraniae dux appellatur, nupsit.

Anna uerò, Michaeli duci Lithvuaniae: Catharina innupta obijt.

Porrò Olgird atque Iagelonis fratres, nepotesque, item filiarum eiusdem liberos, Kestudis denique Casimiri, aliorumque Regum

---

Gottsfurchtige guettige Eerliche Khunigin khain mensch ist traurig von jrem angesicht jrenthalben geschaiden. j) 1557 B. прим. der hayrat halben ich nach bevelch Khaiser Maximilians etc. am ersten gehanndelt hab. k) 1557 B. прим. Augustum, der in seines Vatter und Muetter leben zu Khunig zu Polln gekhrönt. l) 1557 B. *anno — duxit* — нѣтъ. m) 1563 Б. Brachmonat. n) 1557 B. *anno—decessit*—нѣтъ; но вм. этого прим. die nit gar wol gehalten worden, и далѣе: welche in Poln in gmain hertzlichen clagtn, nennten sy auch heillig. o) 1557 B. прим. Ich bin ain pot gewest damit der (Frieden) erhalten ist worden. p) 1549 B., 1550 Нт. и 1551 Б. *duxi—deduxi*—нѣтъ. 1557 B. прим. und auff den Khunig Sigmunden allain khomen, hernach von den Töchtern. q) 1549 B. Zimburgis.

a) 1563 Б. fürst zu Thesin oder Stettin. b) 1549 B., 1550 Нт. и 1551 Б. отсюда и до

Digitized by Google

Сигизмундъ отъ первой супруги Барбары, дочери Стефана, графа Зепузійскаго, имѣлъ дочь Гедвигу, впослѣдствіи супругу Іоахима, электора Бранденбургскаго. Отъ другой супруги, Боны, дочери Іоанна Сфорцы, Герцога Медіоланскаго и Барскаго, *о свадьбѣ которыхъ я по приказанію царя Максимиліана первый хлопоталъ*, онъ имѣлъ *августѣйшаго* Сигизмунда втораго, *коронованнаго еще при жизни отца*, королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, который 6 Мая 1543 года вступилъ въ бракъ съ Елисаветою, дочерью Фердинанда, короля Римскаго, Венгерскаго и Богемскаго и пр., но она скончалась въ цвѣтущей юности и безъ потомства, 15 Іюня 1545 года. *О ней всѣ въ Польшѣ жальли отъ всего сердца и прозвали даже святой.* Потомъ Сигизмундъ второй женился, противъ воли родителей, на Барбарѣ, изъ дома Радзивиловъ, которая была прежде замужемъ за однимъ Литовцемъ Гастольдомъ; подданные его съ такимъ негодованіемъ смотрѣли на этотъ бракъ, что начавшееся уже возмущеніе ихъ могло бы перейти въ опасный бунтъ, если бы король Фердинандъ захотѣлъ мстить за обиды, нанесенныя его дочери и не желалъ бы лучше предать ихъ забвенію. *Я былъ тамъ въ качествѣ посла для заключенія міра.* По смерти же Барбары, споса желая возобновить союзъ родства съ Фердинандомъ, Сигизмундъ сочетался бракомъ съ Катериною, родною сестрою Елисаветы, которая оставалась вдовой послѣ Франциска, Герцога Мантуанскаго. Свадьба отпразднована была въ Краковѣ, 31 Іюля 1553 года. Обѣихъ сестеръ я, какъ обергофмейстеръ, отводилъ къ жениху.

Семовитъ, князь Мазовскій, имѣлъ отъ сестры Ягеллона, Александры, многихъ сыновей и дочерей. Сыновья скончались бездѣтными. Изъ дочерей-Чимбурга вышла за Эрцгерцога Австріійскаго Эрнста и родила отъ него Фердинанда, императора Римскаго, отца императора Максимиліана. Максимиліанъ произвелъ на свѣтъ Филиппа, короля Испанскаго, Филиппъ, Карла V и Фердинанда, императоровъ Римскихъ.

Овка была выдана за Волеслава, Герцога Тунискаго *или штетинскаго.*

Амулія вышла за Богуслава, Герцога Столпенскаго, что нынѣ называется Герцогомъ Померанін. Анна же за Михаила, князя Литовскаго; Катарина умерла безбрачною.

Если бы кто нибудь захотѣлъ перечислить по порядку братьевъ, сыновей и внуковъ Ольгерда и Ягеллона, также потомковъ дочерей Ягеллона, наконецъ потомковъ Кестута, Казиміра и другихъ королей, тотъ убѣдился бы, что многочисленное потом-

Digitized by Google

posteros, si quis ordine recensere uellet, in immensum tam numerosa proles excresceret: quae tamen ut subitò aucta est, ita nunc in uno regis Poloniae iam mortui filio, Sigismundo secundo Poloniae rege, masculinus sexus residet.

[b] Quoniam autem in mentionem posteritatis Gedemini, et regum ex ea stirpe incidimus, haud abs re uisum est, si quae regnantibus Vuladislao Hungariae et Boemiae, ac eius fratre Sigismundo Poloniae regibus (Casimiri filijs) euenerunt, subijceremus.

Alexander Helenam, Ioannis magni ducis Moscouiae filiam, duxit uxorem: sine liberis tamen decessit.

---

est absorptus (на стр. 25, лат. текста)—нѣтъ. Въ 1557 В. т. е. въ нѣмецкомъ переводѣ самого Герберштейна все это мѣсто изложено нѣсколько иначе и подробнѣе, а именно слѣдующимъ образомъ:

Khunig Sigmund erzeugt auch mit der Bona vier Töchter, die elter Isabella war Graf hansen im Zips der sich nach Khúnig Ludwigs tot in das Khúnigreich Hungern eengedrungen, Und dan mit thäding bey ainem thail des Reichs Khúnig beliben, die baide geherten Hanns Sigmundn dem das Hertzogthumb Oppl in der Schlesien mit thädiug noch mit seinem Vater beschlossen, damit er hungern abgestanden geben ist worden.

So dann des Gedemin geschlachts gedacht worden, hat mich nit für unütz angesehen, etliche geschichten bey desselben absteigenden Khúnigen Wladislao zu Hungern und Behamb und Sigmunden Khúnig Casimirus zu Poln Súnen, sich zugetragen. Der Wladislaus wardt noch Khünig Iursickhn tod, zu Khúnig in Beham, und nach Khúnig Mathias absterben zu Khúnig in Hungern erwölt. Wiewol Khaiser Maxmilian aus vorgeenden vertragen, weill Mathias Khain leibserben verlassen, des sich die Hungern nottürfftigelichen verschriben hetten, zu Khúnig antzunemen, wol ursach und guet re.ht gehabt, solch Khúnigreich antzufallen. So hat doch der Khaiser zugeben, unnd den zu Khúnig hewilligt. Allain das seinen Sùnen wofern Wladislaus khainen mändlichen Erben verliess, das Khúnigreich zuesteen soldt, Solches abermals mit den geistlichen und weltlicen notturfftigelichen verschriben, und verlübt worden, Wladislaus hette Beatricen Khúnig Mathias witben unfruchtbare verwilligt zunemen, mit der selben hilff unnd auf solchen trost wardt er erwöllt, aber voltzug das nit Namb auss Frannkhreich Annam von dem geschlächt Candale unnd Foyx mit der erzeugt ain Tochter Annam, Khaiser Maxmilian wolt die verträg und der Hungern verschreibung bocrefftigen, Súcht weg, damit die selb tochter Anna ainem seiner Enengkhl Carolo oder Ferdinando Khúnig Philipsen in Hispanien Eertzhertzogen zu Osterreich Súnen ainen vermählt wurde, und handle das mit vleiss, Sowas graff Steffan in Zipps (der bey Khúnig Mathias in grossem gewallt und ansehen gewest ist, dardurch auch vil Reichthumb uberkhomen, gelassne witib ain geborne hertzogin von Teschn, aines grossen gemúets, die understúende sich mit den ansechlichisten hungern in den merern Spanschafften zu handeln mit jargelt (das sy jargeläsch nennen) diensten und in vill annder weg an sich zuziehen, der mainung das sy jren Sun hansen die obgemelt jres Khúnigs tochter zu gemachl der hoffnung darmit auch das Khúnigreich (weil der Khúnig allt unnd khrangkh war) zu bekhomen, Zu den gab Khúnig Sigmunds in Poln heirat, der gemelltes graff Steffans tochter Barbaram ehelichen genomen hette, ain grossen trost, der wurde bey seinem Brúeder solche sachen befürdern, solches gab auch dem Khaiser umb sovil mit mererm ernst sein fürnemen in das werch zubringen vrsach, Desselben gemuettes war auch der Khúnig zu Hungern, der aber nit aller sachen sein selbs gewalltig war, dann die bestelten hungern befürderten auff die ander Parthey, Derhalben der Khaiser sein Khriegsvolgkh versamblete, und zohe für Bresspurg das war im 1506 jar (datzumal ich mein erstes harnasch gebraucht unnd mit getzogen bin), Es war gleichwol die red die Khúnigin wäre schwanger, das etliche nit glauben wolten, So begab es sich das sy in der zeit jren Sun Ludwien geberte, Darauff war ein anstand und dann gantzer frid gemacht, nichts minde

Digitized by Google

ство ихъ разрослось до безконечности. Однако не смотря на то, что оно такъ быстро размножилось, теперь вся мужеская линія заключается въ одномъ королѣ Польскомъ Сигизмундѣ второмъ, сынѣ умершаго короля Польскаго.

Такъ какъ мы упомянули о потомствѣ Гедимина и о королях изъ этаго дома, то, кажется, не будетъ лишнимъ, если мы сюда прибавимъ описаніе того, что произошло въ царствованіе Владислава, короля Венгерскаго и Богемскаго, и его брата Сигизмунда, короля Польскаго, сыновей Казиміра.

Александръ вступилъ въ бракъ съ Еленой, дочерью Іоанна, великаго князя Московскаго, однако скончался бездѣтнымъ.

Digitized by Google

Postesquam Vuladislaus regno Hungariae, concedente, et ius successionis sibi reseruante Maximiliano Romanorum Imp. potitus esset, et unicam tantum filiam iam consenescens haberet: Maximilianus, quo ius successionis aliqua arctiore coniunctione confirmaretur, cum Vuladislao de matrimonio inter alterum nepotum suorum ex filio suo Philippo Hispaniarum rege, et Anna Vuladislai filia contra hendo, tractare coepit. Nam Annae nuptias perditè ambiebat Ioannes Zapolitanus, filius Stephani Scepusiensis comitis: cuius summa fuerat apud Mathiam regem, atque adeò apud ipsum Vuladislaum authoritas. Vehementer adnitente matre uidua, quae

---

handlet jegclicher thail nach seinem besten, Der Ludwig war also junger zu Hungern unnd Behamb gekhronn.

Weil auch Khúnig Sigmund in Poln in verdaaht war, als fürderte der selb seinen schwager, khame mit dem Kayser in ainen unwillen. Aber hernach war sovil gehandelt, das im 1515 jar die drey Khúnig Wladislaus mit seinem Sún Khunig Ludwigen und Sigmunden sein brüeder gen Wienn zu dem Khaiser khamen, Die tochter darumb der stryt, war auch dargebracht. Als die drey Khúnig auff zwo meilwegs gegen Wien Zugen, khame der Khaiser denen entgegen, unnd als der Khaiser uber ain claine höch abtzohe, Schyn die Sun hell inn das geharnascht oder gerüste volgkh, Als das die Hungern ersahen, empfhiengen ain forcht vermainten man bedörffte zu freúntlichen Handlungen sovil eisens nit, Schigkhten zu Khúnig Sigmunden, vermainten sich dem Khaiser nit zu vertrauen, Der Khúnig zu Polln gab die Antwort, Er hab sich in Khaiser vertraut, wolt auch jmezueziehen, wer nit wolt, setzt solches yegelichem zu seinem bedenkhen. Da zu Wien waren die heyratten beschlossen, Dem Khúnig Ludwigen Maria Khúnig Philipsen obgemellt Khaisers Sun tochter, die Anna dauon oben, wardt dem Khoiser Sover seiner obermelter Engkhl khainer die name, vermaehlt, Mit dem wardt die freuntschafft zwischen dem Khaiser unnd Khúnig Sigmundem verneuert, dermassen das ich auss dess Khaisers mund die wort gehört hab, mit dem Khúnig wohin der wolte zu himel oder zur hell faren, Khúnig Ludwig (wie man sagte) war unzeittig geborn, als on ain haut, zu früe jme der part gewachsen, unzeittig verheyrat, unnzeittig in das Regiment khomben, Ist auch vunzeittig gestorben, Sein tod hat grosse beschwärdt und bekhümmernuss nit allain dem Hunger Lannd, Sunder allen anrinenden auch gemainer Christenhoit ptocht, Es ist gleichwol an jme die erfarnhait und merere wissenhait obgangen, So ist er doch aines gar Eerlichen treuen unnd frumen gemúets gewesst, Da Soliman der Thürkhisch Khaiser in sein stúel oder Regimennt zu Constantinopl gesessen, hat nach seiner Eltern gewonhait sein potschafft gen Hungern geschickht, Solche sein erhöhung verkhundt, danebn wer frid oder khrieg begerte, dem stüend sein Portten offen. Die selb potschafft haben die hungern aufgehalten zu Rach, umb das des Türgcken vatter, Ir postehofft auch aufgehalten, unnd in seiner hörfart mit sich gefüert hette, des nit wol bedacht war, ainem mächttigern dermassen zu bewegen, Darumb auch der Türgkh nach Hungern gezogen, Khriechisch weissenburg (welches an der Sau, wie die in die Thüenarn felt, ligt) genomben. So der Türgkh der Hungern thúen unnd múgen, erfarn, ist Er am dritten jar wider khomen, Uber die Saw und Traa in Hungern gerukht, wie Khúnig Ludwig erinderte das der Türgkh mit seiner macht jme zûetzuge, Schigkht seinem hofmaister Trepkha genannt aiu Polägkhn zu Khúnig Sigmunden seinem vettern in Poln, mit höchstem bitt, er wolte sich an die Grenitzen seines Reichs thúen, daselbstn hin wolt er auch khumen zu berathschlagen, wie den sachen zuthun wäre, Der gesandt möchte das nit erbitten, hat er mit zäherendeu augen zu dem Khúnig Sigmund gesagt, du wirdest deinen vetter nimer sehen, auch Khain pottschafft mer von Ime haben, Es ist laider also ergangen, Khúnig Sigmund zohe vorn von der Hungrischen gränitzen nach Dantzkha in Preussen, Khúuig Ludwig sembt seinem treuen Hofmaister zu Mohätsch umbkhumen, Unnd von Jagello der ainig Khúnig Sigmund Augustus obgemels Khúnig Sigmunds des Ersteny Sun mädlichs stammens auff heut noch verhanden.

Digitized by Google

Владиславъ овладѣлъ королевствомъ Венгерскимъ съ согласія Римскаго Императора Максимиліана, который выговорилъ себѣ право наслѣдства. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Владиславъ имѣлъ только одну дочь. Для того чтобы подкрѣпить свое право на наслѣдство болѣе тѣснымъ союзомъ, Максимиліанъ началъ съ Владиславомъ переговоры о заключеніи брака между однимъ изъ его внуковъ, отъ сына Филиппа, короля Испанскаго, и Анною, дочерью Владислава. Руки Анны всѣми средствами домогался Іоаннъ Запольскій, сына Стефана, графа Сцепузійскаго; онъ пользовался большимъ вліяніемъ при королѣ Матвіѣ и даже при самомъ Владиславѣ. Сильно помогала ему его мать,

Digitized by Google

primarios quosque uiros in Comitatibus et prouincijs Hungariae, muneribus atque stipendijs annuis (quae sua lingua Iargalass uocant) inescatos, et ad quaeuis obsequia obuoxios tenebat: nihil dubitans, quin horum studijs et suffragationibus, et matrimonium istud filio conficeret, et per hoc eidem regnum pararet. quibus mulieris machinationibus ingens deinde momentum addidere nuptiae, quae inter eius filiam, Ioannis sororem et Sigismundum Poloniae regem factae sunt. His rebus animaduersis, Maximilianus hoc magis sibi, quod de matrimonio inter nepotem suum et Annam instituerat, urgendum esse ratus, cum exploratum haberet, Vuladislaum idem cupere, sed factione et studijs eorum qui Ioanni Zapolitano deuincti erant, impediri: aleam sibi iaciendam, et Hungariam armis tentandam esse putauit. quo in bello ego primum militiae tyrocinium feci. Sed cum hoc in armorum strepitu Ludouicum Vladislao nasci contigisset, interpositis primùm inducijs, ad solidiorem pacem deuentum est: quae deinde huc exijt, ut Vuladislaus cum filio iam coronato, et filia, ac huius frater Sigismundus Poloniae rex Viennam ad Maximilianum uenirent: ubi factis cum Anna sponsalibus, et extinctis omnibus simultatibus, et suspicionibus, quibsv, ob ambitionem Ioannis Zapolitani indulgebatur, principes isti perpetuo foedere sunt coniuncti. Sic autem Sigismundus rex tum Maximiliano Imp. satisfecit, séque approbauit, ut idem aliquando me audiente diceret: Se cum hoc rege, quacunque intendat, et ad superos et ad inferos esse iturum. De Ludouico uulgò dictum est, quòd immaturo partu editus, immatura aetate uxori iunctus et barbatus fuerit: ac regno quoque immaturus, immaturam mortem obierit. His uerò addi potest, quòd mors eius regno Hungariae, et omnibus uicinis, non minus immatura quàm acerba fuerit. Etsi uerò salutaribus consiliis destituebatur Ludouicus, tamen optima eum in patriam etsubditos suos mente et affectione fuisse, et quibus ea seruarentur rationibus quaesisse, constat Nam ubi cognouisset, Solimanum post Belgradum [a] captum, nouam et formidabilem expeditionem aduersus se moliri, miserat adolescens Curiae suae magistrum Polonum cognomento Trepca, [b] ad patruum suum regem Sigismundum: summis precibus oratum atque obtestatum, ut ne ad regni sui confinia accedere, ac secum caplendorum consiliorum causa conuenire grauaretur. Sed cum hoc praecise r cusatum esset a Sigismundo, Trepca cum lachrymis dixisse fertur: Nepotem tuum rex nunquam deinde uidebis, nec ullam ab eo

стр. 25

a) 1563 Б. Griechischeu weissenburg. b) 1563 Б. Trepla; и далѣе таже опшбка. c) 1563

Digitized by Google

вдова, которая привлекла къ себѣ всѣхъ знатнѣйшихъ людей въ комитатахъ и провинціяхъ Венгріи подарками и годовымъ жалованьемъ (что называется на ихъ языкѣ Iargalass), и могла разсчитывать на ихъ услуги. Она нисколько не сомнѣвалась, что ихъ содѣйствіемъ состоится бракъ ея сына съ наслѣдницею, а черезъ это отойдетъ къ нему и королевство. Интригамъ этой женщины большую важность придалъ бракъ, заключенный между ея дочерью, сестрой Іоанна, и Сигизмундомъ, королемъ Польскимъ. Узнавъ объ этомъ и полагая, что тѣмъ болѣе ему нужно стараться о заключеніи брака между его внукомъ и Анною, Максиміліанъ увѣрился вмѣстѣ съ тѣмъ, что и Владиславъ желаетъ тогоже, но ему препятствуетъ въ этомъ вліяніе партіи, которая была привязана къ Іоанну Запольскому. Потому онъ полагалъ, что ему должно кинуть жребій и домогаться Венгріи оружіемъ. Въ этой войнѣ я сдѣлалъ первый опытъ на военномъ поприщѣ. Но когда во время бранной тревоги у Владислава родился Людовикъ, то сперва было заключено перемиріе, а потомъ и прочный миръ, на которомъ было положено, что Владиславъ съ сыномъ, уже коронованнымъ, и съ дочерью, и его братъ Сигизмундъ, король Польскій, пріѣдутъ къ Максиміліану въ Вѣну. Здѣсь совершено было обрученіе Анны, и уничтожены непріязнь и всѣ подозрѣнія, возбужденныя честолюбіемъ Іоанна Запольскаго, и эти государи заключили вѣчный союзъ и дружбу. Король же Сигизмундъ совершенно оправдался передъ императоромъ Максиміліаномъ и такъ удовлетворилъ его, что Максиміліанъ, въ моемъ присутствіи, однажды сказалъ: За этимъ королемъ я пойду и въ рай и въ адъ. Объ Людовикѣ обыкновенно говорятъ, что, родившись прежде времени, онъ прежде времени возмужалъ, женился, и преждевременно взошедъ на престолъ, также преждевременно и умеръ. Къ этому можно прибавить, что смерть его была нетолько преждевременна, но и горестна для Венгріи и всѣхъ сосѣдей, хотя Людовикъ не могъ сдѣлать ничего полезнаго, однако достовѣрно, что онъ любилъ отечество, былъ добръ съ своими подданными и изыскивалъ средства къ ихъ спасенію. Узнавъ, что Солиманъ, по взятіи Бѣлграда, замышляетъ новый, ужасный походъ противъ него, юный король послалъ своего Гофмейстера Трепку, родомъ поляка, къ своему дядѣ, королю Сигизмунду, и заклиналъ его, чтобы онъ не вмѣнилъ себѣ въ трудъ пріѣхать на границу своего королевства и съѣхаться съ нимъ для совѣщанія. Но когда Сигизмундъ наотрѣзъ отказалъ въ этомъ,—Трепка, говорятъ, сказалъ со слезами: Король, ты никогда уже не увидишь своего племянника, и не будешь больше принимать отъ него посоль-

Digitized by Google

legationem audies. Idque sic euenit. Nam rege Sigismundo ab Hungariae finibus religionis praetextu longius ad Gedanum [c] in Prussiam abeunte, nepos eius unà cum eodem Trepca, illa funestissima clade, quàm à loco Mohaciensem uocant, est absorptus. Sed nunc ad Moscos redeo.

Basilio Ioannis [d] de uxore ducenda deliberanti, consultantique, uisum tandem fuit, ut potius subditi alicuius filiam, quàm externam duceret: tum ut maximis parceret sumptibus, simul ne uxorem peregrinis moribus diuersàque religione imbutam haberet. Huius autem consilij Georgius cognomento Paruus, principis et thesaurarius [e] et consiliarius summus, author fuit. Putabat enim, principem, filiam suam uxorem ducturum. Sed tandem publico de consilio, Boiaronum filiae numero mille et quingentae, cum in unum locum conductae essent, ut ex illis quam uellet, eligeret: [f] delectu princeps habito, Salomeam, Ioannis Sapur Boiaronis filiam, contra Georgij opinionem in uxorem elegerat. [g] Ex eà porrò cum ad unum et uiginti annos liberos non suscepisset, sterilitate uxoris offensus, eam eo anno quo nos Moscouiam ueneramus, nimirum 1526 in monasterium quoddam in Susdali principatu intrusit. huic Metropolitanus in monasterio lachrymanti, eiulantique, capillis primùm abscissis, cum cucullam porrexisset, eam sibi injici haec adeò non patiebatur, ut apprehensam, in terramque proiectam cucullam pedibus calcauerit. qua rei indignitate, Ioannes Schygona, unus ex primarijs consiliarijs, commotus, eam non solum acriter obiurgauit, sed flagello caecidit, superaddens: Tùne uoluntati Domini resistere audes? illiusque iussa capessere moraris? Hunc Salomea cum interrogaret, qua se authoritate caederet? mandato Domini, cum respondisset: animo illa tum fracto coram omnibus, quòd cucullam inuita atque coacta induat, protestatur, tantaeque iniuriae sibi illatae Deum ultorem inuocat. Salomea itaque in monasterium coniecta, cum princeps Helenam filiam Knes Basilij Lintzkij Caeci, iamque uita defuncti, fratris inquam ducis Michaelis Litnzkij, qui tum captiuus detinebatur, uxorem duxisset: continuò fama exoritur, Salomeam grauidam, propeque partum esse rumorem confirmabant duae matronae, primorum consiliariorum, Georgij parui thesaurarij, [a] et Iacobi Mazur cubicularij, uxores; aiebantque sese ex ore ipsius Salomeae audiuisse, ut quae grauidam se et prope partum esse fateretur. Qua re audita, grauiter commotus princeps, utramque à se repulit: alte-

---

B. Dantzge. d) 1557 B. Basilio Joannis etc (см. выше вор. къ ур. 16 лат. текста); это мѣсто въ нѣмец. перев. помѣщено ранѣе. e) 1563 B. Rendtmeister. f) 1557 B. *ut ex illis qu vel. elig.* — нѣтъ. g) 1557 B. *contra Georgii—elegerat*—нѣтъ.

a) 1563 B. Rendtmeister.

Digitized by Google

ства. Такъ это и вышло. Ибо, когда король Сигизмундъ, подъ предлогомъ (пилигримства?) религіи, уѣхалъ далеко отъ границъ Венгріи, въ Пруссію, къ Гданску, племянникъ его, вмѣстѣ съ тѣмже Трепкою, погибъ въ томъ ужасномъ пораженіи, которое по мѣсту называютъ Могачскимъ. Теперь я возвращаюсь къ Московитамъ.

Когда Василій Іоанновичь собирался жениться,—ему казалось, что лучше взять дочь кого нибудь изъ подданныхъ, чѣмъ чужестранку, какъ для того чтобъ избѣжать большихъ издержекъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для того чтобы не имѣть супруги съ чужеземными обычаями и другоій вѣры. Виновникомъ этого намѣренія князя былъ Георгій, по прозванію малыій, казначеі и высшій совѣтникъ князя; онъ полагалъ, что князь возьметъ въ супруги его дочь Съ общаго совѣта были собраны въ одно мѣсто дочери бояръ, числомъ 1500, для того чтобы князь выбралъ изъ нихъ супругу по желанію. По осмотрѣ, противъ ожиданія Георгія, онъ выбралъ Саломею, дочь боярина Іоанна Сабура. В продолженіи 21 года онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей: огорчаясь безплодіемъ супруги, онъ заключилъ ее въ одинъ монастырь въ суздальскомъ княжествѣ, въ тотъ самыій годъ, въ которыій мы пріѣхали въ Москву (т. е. въ 1526 году). Она плакала и кричала, когда митрополитъ въ монастырѣ рѣзалъ ей волоса, а когда онъ подалъ еі кукуль, она не допускала надѣть его на себя и, схвативъ кукуль и бросивъ его на землю, топтала его ногами. Іоаннъ Шигона, одинъ изъ первостепенныхъ совѣтниковъ, негодуя на этотъ поступокъ, не только сильно бранилъ ее, но и ударилъ плетью (flagello), прибавивъ: Смѣешь ли ты противиться волѣ Государя и медлить исполненіемъ его приказаній? Когда Саломея спросила, по какому праву онъ ее бьетъ? онъ отвѣчалъ: По приказанію Государя. Тогда съ растерзаннымъ сердцемъ, она объявила передъ всѣми, что надѣваетъ монашеское платье не по желанію, а по принужденію, и призывала Бога въ мстителя за такую несправедливость. По заключеніи Саломеи въ монастырь, князь вступилъ въ бракъ съ Еленою, дочерью уже умершаго князя Василія Глинскаго-Слѣпаго, брата князя Михаила Глинскаго, которыій тогда содержался въ заключеніи. Вдругъ распространяется слухъ, что Саломея беременна и скоро разрѣшится. Этотъ слухъ подтверждали двѣ боярыни, супруги первостепенныхъ совѣтниковъ, казначея Георгія малаго и постельничаго Якова Мазура; онѣ говорили, что изъ устъ самоіі Саломеи слышали о ея беременности и близкихъ родахъ. Услышавъ это, князь сильно смутился и удалилъ отъ себя обѣихъ боярынь, а одну, супругу

Digitized by Google

am, Georgij uxorem, etiam uerberibus affecit, quòd tempestiuius de hac re ad se non retulisset. Mox ut rem compertam haberet, Theodoricum Rack [b] consiliarium, et Potat secretarium quendam, ad monasterium in quo detinebatur, mittit: illisque, ut ueritatem rei diligenter inquirerent, demandat. Quidam nobis tum Moscouiae existentibus, sanctè affirmabant, Salomeam filium Georgium nomine peperisse: nemini tamen infantem ostendere uoluisse. Quin cognoscendae ueritatis gratia, quibusdam ad se missis, dicitur respondisse, indignos illos esse, quorum oculi infantem uiderent: dum in suam Maiestatem ueniret, matris iniuriam ulturum. quidam uerò eam peperisse, constanter negabant. Ambigua itaque ea de re est fama.

Basilij porrò Linczkij ex Lithvuania profugi filiam, cur uxorem duxerit princeps, duas causas, praeterquam quòd se ex ea liberos suscepturum sperabat, fuisse accepi: tum quòd socrus genus suum duxisset ex familia Petrovuitz, quae magni quondam nominis in Hungaria erat, Graecorumque fidem sequebatur: tum quòd Michaelem Linczkij, singulari dexteritate ac rara quadam fortitudine uirum, patruum liberi habituri essent. [c] Habebat etenim princeps duos germanos fratres superstites, Georgium et Andream: atque ideo si fortè liberos ex aliqua alia uxore susciperet, eos fratribus uiuentibus, parum tutos fore in regni administratione putabat. Michaele autem in gratiam recepto, libertatèque donato, filios ex Helena susceptos, authoritate patrui in maiore quiete futuros non dubitabat, de cuius liberatione nobis praesentibus tractabatur: quem etiam uinculis solutum, liberisque custodijs honestè mandatum, uidimus tandem libertate donatum, interque caeteros Knesos testamentò à principe nominatum, tutorem denique nepotum suorum Ioannis et Georgij institutum fuisse. Sed postea principe mortuo, cum niduam regium thorum continuò cum quodam Boiarone cognomento Ovuczina contaminantem, inque mariti fratres uinculis constrictos saeuientem, crudeliusque imperantem uideret, eam, ut honestius et sanctius uiueret, aliquoties sola pietate ac honestate adductus admonuerat: [d] sed huius illa admonitionem adeò molestè impatienterque tulit, ut mox qua ratione è medio tolleretur, consilium quaereret. causaquae reperta, Michaelem aiunt continuò proditionis crimine fuisse insimulatum, atque in carceres rursus coniectum, miserè tandem perijsse: uiduam quoque non ita

---

b) 1557 B. Прибор. Pheodor das ist Dietrichen Kockh c) 1557 B. *tum quod—essent—* имѣть. d) 1557 B. прибор. Daran sy ain beschwärdt gehabt, ain vrsach gedacht, als wollte derselb die Khinder und das Land dem Khunig zu Polln ubergben.

Digitized by Google

Георгія, высѣкъ, за то что она раньше не доложила ему объ этомъ. Вскорѣ, желая узнать дѣло навѣрно, онъ послалъ совѣтника Ѳеодорика Рака и одного дьяка, Потата, въ монастырь, гдѣ содержалась Саломея, и поручилъ имъ хорошенько развѣдать истину. Нѣкоторые, въ нашу бытность въ Московіи, утверждали намъ за истину (sanctè), что Саломея родила сына, именемъ Георгія, однако никому не хотѣла показывать ребенка. Когда къ ней были присланы люди, чтобы узнать истину, она, говорятъ, отвѣчала, что они недостойны, чтобы глаза ихъ видѣли ребенка, и что когда онъ облечется въ свое Величіе (взойдетъ на престолъ?), то отомститъ за оскорбленіе матери. Нѣкоторые же постоянно не хотѣли признать за истину, что она родила. И такъ слухъ объ этомъ двоякаго рода.

Я слышалъ, что князь по двумъ причинамъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Василія Глинскаго, бѣжавшаго изъ Литвы, сверхъ того, что онъ надѣялся имѣть отъ нея дѣтей: во первыхъ, потому что его тесть велъ свой родъ отъ фамиліи Петровичей, которая нѣкогда въ Венгріи была весьма знаменита, и исповѣдывалъ греческую вѣру; во вторыхъ, потому что дѣти его имѣли бы (въ такомъ случаѣ) дядею Михаила Глинскаго, мужа особенно опытнаго въ дѣлахъ и отличавшагося рѣдкою храбростью. Ибо князь имѣлъ двухъ родныхъ братьевъ еще здравствовавшихъ, Георгія и Андрея, и потому полагалъ, что его дѣти, если онъ будетъ имѣть ихъ отъ другой супруги, при жизни его братьевъ, не будутъ безопасно обладать царствомъ. Снявъ опалу съ Михаила и освободивъ его, онъ не сомнѣвался, что его сыновья отъ Елены, подъ вліяніемъ дяди, будутъ въ большой безопасности; объ освобожденіи Михаила разсуждали въ нашу бытность. При насъ сняли съ него оковы и отдали на поруки, а наконецъ дали и полную свободу; въ завѣщаніи Государя онъ былъ поименованъ между прочими князьями, и наконецъ назначенъ опекуномъ своихъ племянниковъ, Іоанна и Георгія. По смерти князя, видя, что его вдова оскверняетъ царское ложе съ однимъ бояриномъ, Овчиною, безчеловѣчно поступаетъ съ братьями мужа, заключивъ ихъ въ оковы, и управляетъ весьма жестоко—Михаилъ увѣщевалъ ее, чтобы она вела жизнь болѣе честную и добродѣтельную, руководясь при этомъ единственно родственною любовью и своею честностью. Но она худо приняла его увѣщанія, и съ того времени начала искать средствъ къ его погибели. Говорятъ, что Михаилъ скоро былъ обвиненъ въ измѣнѣ, снова брошенъ въ темницу, и наконецъ жалкою смертью погибъ; вдова въ непродолжительномъ времени

Digitized by Google

diu post ueneno sublatum,[e] Ovuczina uerò adulterum in partes dissectum fuisse. Matre itaque è medio sublata, maior natu filius Ioannes 1528, anno natus, in regno successit.[f]

Religio.

Russia ut coepit, ita in hunc usque diem in Fide Christi ritu Graeco perseverat. Habuit Metropolitanum, quondam residentem in Chiovuia, dein in Wuolodimeria, nunc vero in Moscovuia. Post, cum Metropolitae septimo quoque anno Russiam Litvuanorum imperio subjectam inviserent, exactisque nummis inde redirent, hoc Wuitoldus, ne videlicet provinciae suae argento exhavrirentur, ferre noluit. Cavqocatis itaque episcopis, proprium Metropolitanum constituit, qui nunc Wuilnae, metropoli Litvuaniae, suam fidem habet: quae etsi Romanum ritum sequatur, plura tamen templa Ruthenici, quam Romani ritus, in ea cernuntur. Caeterum metropolitae Rhutheni authoritatem suam a patriarcha Constantinopolitano habent.

Rhuteni in Annalibus suis aperte gloriantur, ante Wuolodimerum et Olham, terram Russiae esse baptizatam et benedictam ab Andrea Christi apostolo, quem ex Graecia ad ostia Borysthenis venisse ipsi affirmant: et adverso flumine ad montes, ubi nunc Chiovuia est, navigasse, athque ibi omnem terram benedixisse et baptizasse: crucem suam illic collocasse, praedixisseque magnam ibi Dei gratiam, multasque Ecclesias Christianorum futuras. Post inde usque ad fontes Borysthenis pervenisse in Wuoloklacum magnum, et per fluvium Lovuat descendisse in Ilmer lacum: unde per fluvium Wuolchovu, qui ex eodem lacu fluit, Novoogardiam: inde fluvio eodem in Ladoga lacum, et Heua flu. atque in mare quod ipsi Wuaretzkoiae appellant, nos Germanicum, inter Wuinlandiam et Livuoniam, Romam navigando perrenisse. Postremo in Peloponneso propter Christum, ab Ago Antipatro crucifixum fuisse. Haec Annales ipsorum.

Eligebantur quondam Metropolitae,[a] item Archiepiscopi, convocatis omnibus Archiepiscopis, Episcopis, Abbatibus et Prioribus monasteriorum, inquirebatur vir sanctioris vitae per monasteria et heremos, eligebaturque. Hunc vero principem ajunt ad se certos

---

e) 1557 B. *viduam—sublatum*—нѣтъ. f) 1557 B. приб. (häus) herst—wie man sagt wuetterichisch.

a) 1557. B. Metropolitan.

Digitized by Google

также была отравлена ядомъ, а обольститель ея Овчина разсѣченъ на части. По смерти матери, старшій сынъ Іоаннъ, родившійся въ 1528 году, наслѣдовалъ царство.

Религія.

Руссія, какъ начала такъ и до сего времени, твердо пребываетъ въ вѣрѣ христіанской по греческому закону. Ея митрополитъ, (ihr Metropolitan) нѣкогда имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Кіевѣ, потомъ во Владимірѣ, нынѣ же въ Москвѣ. Митрополиты, каждыя семь лѣтъ, посѣщали Руссію подвластную литовцамъ, и возвращались оттуда съ собранными деньгами. Но Витолдъ не захотѣлъ болѣе допускать этого, именно для того чтобы не вывозилось серебро изъ его областей. Собравъ для того епископовъ, онъ поставилъ собственнаго митрополита, который нынѣ имѣетъ свое пребываніе въ Вильнѣ, столицѣ Литвы. Хотя Литва и слѣдуетъ римскому закону, однако въ ней видно русскихъ храмовъ болѣе, чѣмъ Римскихъ. Впрочемъ русскіе митрополиты имѣютъ свое поставленіе отъ константинопольскаго патріарха (ihr authoritet und ansähen).

Русскіе въ своихъ лѣтописяхъ открыто славятся тѣмъ, что, прежде Владиміра и Ольги, земля русская была крещена и благословлена Андреемъ, Христовымъ апостоломъ. Они говорятъ, что Андрей пришелъ изъ Греціи къ устью Борисѳена и поплылъ вверхъ по рѣкѣ къ тѣмъ горамъ, гдѣ нынѣ Кіевъ, и тамъ благословилъ и крестилъ всю землю (alle einwoner); что онъ поставилъ тамъ свой крестъ и предсказалъ, что на этой землѣ будетъ великая милость Господа и много христіанскихъ церквей, что потомъ оттуда онъ дошелъ до потоковъ Борисѳена, къ большому озеру Волокъ и по рѣкѣ Ловати спустился въ озеро Илмень, оттуда по рѣкѣ Волхову, которая течетъ изъ этого озера, онъ прибылъ въ Новгородъ, оттуда, по тойже рѣкѣ, въ Ладожское озеро, и рѣкой Невою въ море, которое они называютъ Варяжскимъ, мы же, на пространствѣ между Финляндіею и Ливоніею, Германскимъ, и моремъ путемъ прибылъ въ Римъ; наконецъ, что въ Пелопонесѣ онъ былъ распятъ за Христа Агомъ Антипатромъ. Это разсказываютъ ихъ лѣтописи.

Нѣкогда митрополитъ, также архіепископы, были выбираемы на соборы изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: искали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа святой жизни и избирали его. Про нынѣшняго же князя говорятъ, что онъ обыкновенно призываетъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ (ettliche gewüsse personen),

Digitized by Google

convocare solere, atque ex eorum numero unum suo judicio deligere. Erat eo tempore, cum Caesaris Maximiliani Oratorem Moscovuiae agerem, Bartholomaeus [b] Metropolita, vir sanctae vitae: cumque princeps violasset juramentum, per se et ipsum Metropolitam duci Semefitz [c] praestitum, et alia quaedam de ignasset, quae videbantur contra authoritatem illius esse, accessit principem, et inquit: [d] Dum omnem authoritatem [e] tibi usurpas, ideo officio meo praeesse non possum. Porrecto que sibibaculo suo, quem in modum crucis ferebat, officium resignat. Princeps baculum cum officio sine mora suscipit, atque pauperem cathenis vinctum, continuo Bielogesero [f] mittit. Ajunt hunc ibi aliquandiu in vinculis fuisse: liberatum tamen post, priqatumque, in monasterio reliquum vitae exegisse. Huic metropolita Daniel quidam XXX fere annos natus homo corpore robusto atque obaeso, facie rubenti, succesit: qui ne ventri magis quam jejuniis, vigiliis ac orationibus deditus videretur, quoties actum publicum esset celebraturus, sulphuris fumo tum faciem, ut impallesceret, inficere, atque ita pallore imbutus, in publicum prodire solebat.

Sunt et alii duo Archiepiscopi in dominio Mosci, in Novuogardia, scilicet Magrici et Rostoff. [a] item Episcopi Tvuerensis, Resanensis, Smolensis, Permiae, Susdali, Columnae, Czernigovuiae, Sari. [b] Hi omnes Metropolitae Moscovuitico subjecti sunt. habent autem süos proventus certos ex praediis, et aliis extraordinariis, ut vocant, accidentalibus: castra autem, civitates, aut illam administrationem secularem (ut vocant) non habent: carnibus perpetuo abstinent. Abbates duos tantum in Mosco vuia esse reperi: Priores vero monasteriorum plurimos, qui omnes arbitrio ipsius Principis, cui nemo resistere audet, eliquntur.

Priores quomodo eligantur, [c] ex cujusdam Warlami, Prioris Hntteniensis monasterii, anno 7034. instituti, literis, ex quibus capita rerum dun taxat excevpsi, apparet. Principio fratres alicujus monasterii, Magno duci supplicant, ut idoneum Priorem eligat, qui eos divinis praeceptis instituat. Electus autem, priusquam confirmetur a principe, cogitur se juramento atque inscriptione obstringere, quod velit in eo monasterio juxta sanctorum patrum

---

b) 1560. B. Wartholomei. — c) 1549. B. Saemaetitz. — d) 1563. Б. Und so sprach er. — e) 1551. Б. potestatem. 1563. Б. Gewallt. — f) 1551. Belojesero. 1557. B. Bieloosero. 1563. B. weithin.

a) 1563. Б. нѣтъ. 1567. Б. приб. unnd. andere Mehr. b) 1567 Б. отъ *item—Sari*—нѣтъ. c) 1557. B. aussgerucht.

Digitized by Google

и изъ нихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію. Въ то время, когда я былъ въ Московіи въ качествѣ посланника цесаря Максимиліана, митрополитомъ былъ Варѳоломей, мужъ святой жизни. Когда князь нарушилъ клятву, данную имъ и самимъ митрополитомъ клязю Шемячичу, и сдѣлалъ нѣкоторыя другія распоряженія, которыя, по видимому, не приличествовали его власти (auch etwas anders beganden das seiner Authoritet nit wol angestanden), Варѳоломей пришелъ къ князю и сказалъ: Такъ какъ ты присвоиваешь всю власть себѣ, то потому я не могу отправлять мою должность,—и протянувъ къ нему посохъ, который былъ у него сдѣланъ на подобіе креста, онъ отказался отъ своего сана. Князь тотчасъ принялъ посохъ вмѣстѣ съ отказомъ отъ должности и, заключивъ бѣднаго Варѳоломея въ оковы, немедленно отправилъ на Бѣлоозеро. Говорятъ, что онъ нѣкоторое время былъ содержимъ въ оковахъ, потомъ однакожь освобожденъ и частнымъ человѣкомъ провелъ остатокъ жизни въ монастырѣ. Въ митрополіи ему наслѣдовалъ нѣкто Даніилъ, едва тридцати лѣтъ отъ роду, человѣкъ съ здоровымъ и тучнымъ тѣломъ и съ краснымъ лицемъ. Для того чтобы не казаться преданнымъ болѣе желудку, чѣмъ постамъ, бдѣнію и молитвѣ, онъ всякій разъ, какъ намѣревался публично отправлять богослуженіе, обыкновенно дѣлалъ свое лицо блѣднымъ съ помощью сѣрнаго дыма и въ такомъ видѣ выходилъ предъ народъ.

Во владѣніяхъ московскаго князя есть еще два другихъ архіепископа— въ Новгородѣ, именно Магриціи и въ Ростовѣ; также Епископы: Тверской, Рязанскій, Смоленскій, Пермскій, Суздальскій, Коломенскій, Черниговскій, Сарскій. Всѣ они подчинены Московскому митрополиту. Они имѣютъ свои извѣстные доходы отъ помѣстьевъ и другихъ, какъ они называютъ, нечаянныхъ случаевъ; но неимѣютъ замковъ, городовъ и никакаго, какъ они называютъ мірскаго управленія. Отъ мяса [4] постоянно воздерживаются. Я узналъ, что въ Московіи только два Архимандрита, Игуменовъ же очень много и всѣ они избираются по волѣ Князя, которому никто не смѣетъ сопротивляться. Какимъ образомъ избираются игумены, явствуетъ изъ посланія нѣкоего Варлама, игумена Хутынскаго Монастыря, поставленнаго въ 7034 г. отъ С. М. [1526]; изъ посланія я извлекъ только главныя статьи. Сначала братія какаго нибудь монастыря умоляетъ великаго князя избрать имъ способнаго игумена, который бы наставлялъ ихъ въ божественномъ ученіи. Прежде нежели князь утвердитъ избраннаго, тотъ долженъ обязаться клятвою и записью, что будетъ жить въ этомъ монастырѣ благочестиво и свято, по

Digitized by Google

constitutionem pie et sancte vivere: omnes Officiales juxta majorum consvetudinem, consentientibus etiam senioribus fratribus, assumere: singulis officiis fideles praeficere, atque commodum monasterii diligenter procurare: de negotiis et rerum causis, cum tribus aut quatuor senioribus deliberare, factaque deliberatione, negotium ad totum Collegium fratrum referre, atque eorum communi sententia de rebus decernere, constituereque: non lautius privatim vivere, sed in eadem mensa perpetuo esse, et communi cibo cum fratribus uti: omnes census et reditus annuos diligenter colligere, ac in thesaurum monasterii fideliter reponere. Haec sub magna poena, quam sibi infligere Princeps potest, item privatione officii, servaturum se promittit. Obstringunt se jnramento quoque ipsi seniores fratres, praedicta omnia sese servaturos, ac Priori instituto fideliter et fedulo obtemperaturos.

Sacerdotes seculares ut plurimum consecrantur hi, qui diu apud ecclesias tanquam diaconi servierunt. In diaconum autem nemo consecratur, nisi conjugatus. unde plerunque et nuptias celebrare, et in gradum Diaconatus simul ordinari solent. Sivero sponsa alicujus diaconi male audit. tum in diaconum, nisi integrae famae uxorem duxerit, non consecratur. Mortua conjuge, sacerdos a sacris obeundis prorsus suspenditur: si caste tamen vivit, officiis ac aliis rebus divinis, cum caeteris ecclesiae ministris, choro tanquam minister interesse potest. Erat quidem antea consvetudo, ut vidui caste viventes, sine reprehensione sacra peragerent. Sed nunc mos invaluit, ut nullus viduorum ad sacra facienda permittatur, nisi monasterium aliquod ingrediatur, juxtaque regulam vivat.

Quicunque sacerdos viduus, ad secundas nuptias, quod cuique liberum est, transierit, si nihil habet cum clero commune: item nullus sacerdotum aut sacru obire, aut baptizare, aut alio quovis fungi munere audet, nisi diacono praesente.[d]

Sacerdotes in ecclesias primum tenent locum.[e] Et quicunque illorum contra religionem aut officium sacerdotale quavis ratione fecerit, judicio spirituali subjicitur. Si vero furti aut ebrietatis accussatur, aut in aliud id genus vicii inciderit, a seculari magistratu, ut vocant, punitur. Widimus Moscovuiae ebrios sacerdotes publice verberari: qui aliud nihil querebantur, quam sese a servis, et non a Boiarone [a] caesos esse.

Paucis retroactis annis, quidam Principis locum tenens, sacerdotem in furto deprehensum, laqueo suffocari fecit. quam rem Metropolita

d) 2557- A. — вѣтъ. e) 1563. B. Katheder.
a) 1563. B. von Reitterlichem Stande.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

О ПРОВИНЦІАЛЬНОМЪ БЫТѢ

ФРАНЦІИ ВЪ ЭПОХУ ЛУДОВИКА XIV.

Три публичныя лекціи Пр. М. Стасюлевича, читанныя въ залѣ С. П. Университета. 1859.

Digitized by Google

Digitized by Google

Въ Редакцію Сборника, издаваемаго студентами С. П. Б. Университета.

Я имѣлъ честь получить отъ Г. Профессора-Редактора А. В. Никитенко предложеніе Редакціи помѣстить мои публичныя лекціи въ Приложеніи ко II-му тому Сборника. Цѣль, съ которою я читалъ публичныя лекціи, составляетъ одну изъ цѣлей Сборника, и потому я, препровождая при семъ экземпляръ лекцій, спѣшу выразить какъ готовность, такъ и признательность Редакціи за новый случай для меня принять ближайшее участіе въ достиженія ея благородныхъ цѣлей. Самое назначеніе моихъ лекцій даетъ Редакціи полное право на ихъ текстъ.

Передаю Редакціи этотъ текстъ въ томъ первоначальномъ видѣ, какъ были читаны лекціи, за исключеніемъ двухъ мѣстъ. Въ моей заранѣе составленной программѣ начало второй лекціи,

Digitized by Google

какъ она была прочитана, предназначалось для заключенія первой, и только по недостатку времени я долженъ былъ переставить части моей программы. Въ печати я позволяю себѣ возвратить программѣ ея первоначальный видъ. Кромѣ того, въ чтеніи, отнеся заключеніе первой лекціи къ началу второй, весьма естественно я долженъ былъ распространить текстъ и мѣстами измѣнить; въ печати я возвращаю и тексту его первоначальный видъ. Второе измѣненіе относится къ началу второй лекціи, гдѣ я замѣнилъ опущенное и перемѣщенное въ окончаніе первой лекціи небольшою вставкою; это—критическая замѣтка, которая была бы утомительна при чтеніи, и которая сдѣлалась неизбѣжною въ печати.

Digitized by Google

Снисходительное вниманіе публики къ моимъ лекціямъ не давало мнѣ права искать повторенія ихъ типографскимъ станкомъ. Я увѣренъ, что и Редакція Сборника хочетъ воспользоваться своимъ правомъ на мои лекціи не по ихъ достоинству, но по желанію помѣстить въ Сборникѣ живое доказательство того участія, которое принимаетъ наше сословіе не только въ интеллектуальной, но даже и въ матеріальной судьбѣ своихъ адептовъ.

М. Стасюлевичъ.

Октября 12 дня 1859.
С. Петербургъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ.

19 Генваря.

Мм. Гг. Нашъ Университетъ открываетъ въ первый разъ свою аудиторію для публики, готовясь на днях праздновать 40 лѣтъ своего существованія. Университетъ не могъ бы избрать ничего болѣе соотвѣтственнаго своему назначенію для кануна своего сорокалѣтняго юбилея. Мы желали бы въ эту минуту увѣрить общество, что мы, въ своихъ уединенныхъ трудахъ, часто далекихъ отъ насущныхъ его потребностей, никогда не упускаемъ изъ виду, что служеніе обществу должно всегда оставаться для насъ главною и существенною цѣлью труда. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы доказываемъ, что намъ памятна исторія нашего происхожденія и понятно то названіе, которое носитъ на себѣ наше учрежденіе. Университетъ, какъ онъ явился въ первый разъ въ XII-мъ столѣтіи, не былъ основанъ по мысли или волѣ какого нибудь лица, какъ основывается та или другая школа. Университетъ явился прямо изъ общества въ отвѣтъ на потребности, которыя волновали его тогда безсознательно. Нѣсколько лицъ, въ которыхъ голосъ этихъ потребностей говорилъ громче и яснѣе, соединялись между собою съ цѣлью трудиться для познанія истиннаго, добраго и справедливаго, однимъ словомъ для науки, и въ этой-то формѣ явился первый Университетъ. Новѣйшая европейская наука и этотъ главный ея представитель, можно сказать, родились, какъ родилась Минерва въ прекрасномъ и полномъ высокаго смысла миѳѣ древнихъ Грековъ. У Юпитера болѣла голова, какъ болѣло все общество западной Европы послѣ тяжелыхъ трехъ столѣтій IX, X и XI, эпохи грубыхъ нравовъ и еще болѣе грубыхъ насилій. Вулканъ разсѣкъ голову Юпитеру, и изъ его головы вышла Мудрость-Минерва въ своей панопліи, въ своемъ всеоружіи. Такимъ Вулканомъ для XII столѣтія были крестовые походы; мечъ крестоносца разсѣкъ очумленную голову средневѣковаго обще-

Digitized by Google

ства, и изъ его головы въ XII стол. родилась новая жизнь въ новыхъ формахъ; въ XII стол. явилась въ первый разъ городская община и вмѣстѣ съ нею община людей, посвятившихъ себя наукѣ; и та, и другая приняли названіе коммюны (commune), или на латинскомъ языкѣ Universitas, община. Въ новѣйшее время, конечно, мы строимъ, основываемъ университеты; можно назвать годъ и день, когда тотъ или другой университетъ получилъ свое начало; но и до сихъ поръ университетъ долженъ считать настоящимъ временемъ своего основанія ту счастливую эпоху, когда ему предоставлена возможность въ первый разъ получить свое общественное значеніе, а этого онъ можетъ достигнуть, если я не ошибаюсь, удовлетворяя своею дѣятельностью правильнымъ потребностямъ живой жизни окружающаго общества.

Таково назначеніе университетской дѣятельности; но оно достигается путемъ медленнаго развитія науки въ нашихъ скромныхъ аудиторіяхъ. Что же касается до настоящихъ бесѣдъ, то я прошу смотрѣть на нихъ какъ на желаніе Университета засвидѣтельствовать свое уваженіе къ обществу, которое высылаетъ къ намъ изъ среды себя свою юность, свои будущія надежды. Особенная цѣль нашихъ лекцій Вамъ извѣстна самимъ; обязанность каждой общины облегчить несправедливость слѣпой судьбы къ ея членамъ, весьма часто достойнѣйшимъ, но лишеннымъ матеріальныхъ средствъ къ поддержанію своего благороднаго труда: въ достиженіи этой цѣли мы обязаны Вашему участію; что же до меня, то я спѣшу воспользоваться такою прекрасною цѣлью, чтобъ за нею укрыться самому; на этотъ разъ я могу повторить извѣстное начало Макіавели и просить Васъ, ради нашей цѣли, извинить мнѣ мои средства.

Мм. Гг. Предметъ нашихъ бесѣдъ относится къ эпохѣ XVII-го столѣтія. Мы привыкли обыкновенно прошедшее XVIII столѣтіе считать эпохою революціи; но, если мы ближе всмотримся въ характеръ событій XVII-го столѣтія, вѣка Лудовика XIV, то мы безъ сомнѣнія согласимся, что въ XVII столѣтіи произошелъ не менѣе важный переворотъ въ общественныхъ нравахъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Все XVII-ое столѣтіе было продолжительною революціею, въ главѣ которой стояли одинъ за другимъ Генрихъ IV, Ришльё, Мазарини; Лудовикъ XIV воплощаетъ въ себѣ и вмѣстѣ заключаетъ эту столѣтнюю революцію, точно также какъ Наполеонъ воплотилъ въ себѣ революцію прошедшаго столѣтія. До XVII столѣтія во Франціи не было и идеи о той строгой централизаціи государства, которая окончательно сложилась въ эпоху Лудовика XIV. Каждая провинція,

Digitized by Google

каждый городъ имѣли свою отдѣльную жизнь, свою хронику, свои войны, своихъ великихъ людей; хотя еще въ средніе вѣка феодальные бароны признали надъ собою верховную власть королей, но они не вполнѣ утратили свои феодальныя привиллегіи, которыя дѣлали ихъ маленькими деспотами въ своихъ провинціяхъ. При такомъ положеніи Франціи, задача революціи XVII столѣтія была ясна: надобно было уничтожить дробность государственной жизни и вызвать сознаніе ея цѣлости. Но какимъ образомъ была разрѣшена такая задача? Если справедливо обвиняютъ революцію XVIII столѣтія въ утопіи, точно также справедливость требуетъ сознаться, что революція XVII столѣтія не избѣгла общей участи революцій, и, можетъ быть превзошла многія изъ нихъ своимъ утопическимъ направленіемъ. Уничтожить всякое проявленіе недѣлимой жизни во имя общей, отвлеченной жизни государства—вотъ была задача, которую преслѣдовали болѣе или менѣе сознательно Генрихъ IV, Ришльё и Людовикъ XIV. Замѣчательно, что каждое изъ этихъ лицъ характеромъ своей государственной дѣятельности какъ бы осуществляетъ тѣ отдѣльные періоды революціи, въ порядкѣ которыхъ обыкновенно совершаются перевороты. Я сравнилъ бы эпоху Генриха IV съ Національнымъ Собраніемъ Большой Французской революціи; при Генрихѣ IV новыя идеи только что выступаютъ въ борьбу съ старымъ порядкомъ вещей; Ришльё воплощаетъ въ себѣ эпоху терроризма; его палачъ работалъ не менѣе гильотины. При Людовикѣ XIV революція достигаетъ апогея своего развитія, противникъ совершенно истребленъ, и новыя идеи о централизаціи осуществлены такъ, какъ едва ли когда либо удавалось осуществленіе какой нибудь утопіи. Людовикъ XIV совершенно справедливо сравнивалъ себя съ солнцемъ, къ которому тяготѣютъ всѣ остальныя планеты; въ его знаменитой спальнѣ въ Версали кровать была поставлена прямо противъ восточнаго окошка, какъ бы для того, чтобы утромъ солнце неба и земли могли привѣтствовать другъ друга. Въ этомъ сравненіи былъ одинъ недостатокъ, но такой важный, что онъ уничтожаетъ все прочее сходство. Солнце не заимствуетъ свой свѣтъ и тепло у предметовъ имъ освѣщаемыхъ и согрѣваемыхъ, а центральное солнце Франціи заимствовало свой блескъ у тѣхъ же, на кого оно бросало свои лучи. Изъ центра должна была разливаться жизнь на провинціи, а эта центральная жизнь не была чѣмъ нибудь самостоятельнымъ, какъ самостоятеленъ свѣтъ солнца; эта центральная жизнь нуждалась сама въ искуственныхъ мѣрахъ, въ огромной администраціи, огромномъ войскѣ, однимъ словомъ огромныхъ финансахъ; а послѣднее должно было

Digitized by Google

быть извлекаемо изъ экономической жизни провинцій. Тутъ кончается сходство Лудовика XIV съ солнцемъ, и тутъ же начинается утопія. Исторія, ослѣпленная внѣшнимъ блескомъ эпохи Лудовика, предлагаетъ намъ всегда исторію Версали, выдавая ее за исторію Франціи, и потому неудивительно, если наше воображеніе, вслѣдъ за исторіею, представляетъ себѣ Лудовика XIV государемъ съ неограниченною властью, съ непреклонною волею; но на дѣлѣ, и даже въ самомъ центрѣ своего господства, Лудовикъ XIV является намъ въ чрезвычайной зависимости всякій разъ, когда дѣло идетъ о главномъ источникѣ блеска и могущества центральной администраціи, о финансахъ. При централизаціи доходъ составляетъ главный нервъ всего государственнаго организма; выборъ средствъ къ доходу поставляетъ администратора въ самое критическое положеніе: одною рукою надобно уничтожать то, что дѣлаетъ другая. Лудовикъ XIV зналъ напримѣръ, что еретики-протестанты составляютъ самое трудолюбивое и полезное сословіе въ государствѣ; но, съ другой стороны, онъ не менѣе зналъ, что католическое духовенство во Франціи, освобожденное отъ податей, владѣетъ огромными богатствами и въ то же время ненавидитъ протестантовъ, имѣвшихъ причины отказываться быть овцами католической паствы. Лудовику нужны деньги; онъ понимаетъ, что распространеніе промышленности и труда есть лучшій доходъ, но нужно время, чтобъ дождаться плодовъ, а деньги нужны сегодня, иначе административная машина остановится. Государственный смыслъ указываетъ Лудовику настоящій путь; его административныя утопіи увлекаютъ его на другую дорогу. Въ 1670 г. Лудовикъ XIV былъ еще молодъ и находился въ лучшей порѣ своей славы; въ это время Лудовикъ XIV любилъ; при Дворѣ господствовала M-me de Montespan; и молодость и любовь отворачиваются отъ преслѣдованій; но, не смотря на то, непобѣдимый Лудовикъ XIV былъ побѣжденъ. До насъ сохранились протоколы, procès-verbaux, генеральныхъ собраній духовенства Франціи при Лудовикѣ XIV. Они къ сожалѣнью еще не изданы, но ихъ публикація будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для исторической науки. Года три тому назадъ, одинъ изъ современныхъ намъ ученыхъ, О. Лапфрей, воспользовался этими рукописными протоколами и сдѣлалъ изъ нихъ большое извлеченіе въ своемъ сочиненіи: L'église et les philosophes au dix-huitième siècle. Я пользуюсь этимъ извлеченіемъ, чтобы познакомить васъ съ новою и до сихъ поръ малоизвѣстною, но полною интереса стороною правленія Лудовика XIV. Мы увидимъ на этотъ разъ Лудовика въ такой ролѣ, которая никакъ не соотвѣтствуетъ нашимъ идеямъ о его могуществѣ,

Digitized by Google

основанномъ на наружномъ блескѣ его правленія. Быть можетъ, мы тогда придемъ къ иному результату и скажемъ: еще однимъ великимъ человѣкомъ меньше! Лудовику XIV досталось самому быть свидѣтелемъ паденія своей славы. Мы укажемъ на причины такого явленія; такое отступленіе подготовитъ насъ вмѣстѣ къ лучшему уразумѣнію нашего главнаго предмета; явленія общественнаго быта въ провинціи, далеко отъ Версали, будутъ для насъ понятнѣе, когда мы познакомимся съ настоящимъ характеромъ власти Лудовика въ одно время и безпредѣльной и ограниченной до того, что Лудовикъ XIV долженъ былъ заглушить въ себѣ голосъ сердца и лучшіе государственные инстинкты, чтобы оставаться вѣрнымъ своимъ политическимъ принципамъ.

Извѣстно, что во Франціи духовенство собиралось каждые пять лѣтъ, чтобы представлять королю съ своей стороны денежную помощь на государственныя потребности; такая помощь называлась les dons gratuits, добровольныя приношенія. Каждый разъ между собраніемъ и министрами короля, не смотря на названіе приношеній, происходила отчаянная борьба. Духовенство пользовалось удобнымъ случаемъ, чтобы вынудить у Правительства новыя привиллегіи и торговалось; министры хотѣли принудить духовенство нести повинности наравнѣ съ прочими сословіями; въ этомъ случаѣ Лудовикъ не требовалъ ничего болѣе, какъ того же, чего требовала въ послѣдствіи революція. Мы находимся въ 1660 г.; Мазарини только что умеръ; Лудовикъ XIV входитъ съ хлыстомъ въ рукѣ въ Парламентъ. Въ этомъ же году открываются съ обычными церемоніями Генеральныя собранія духовенства; духовенство недовольно; Мазарини его постоянно обманывалъ своими обѣщаніями; духовенство представило молодому королю свои неудовольствія въ формѣ жалобы на протестантовъ. Вотъ отрывокъ изъ обвинительнаго акта: «Мы протестуемъ противъ права реформаторовъ строить храмы, противъ ихъ притязанія имѣть собственныя больницы, свои училища, которыя увеличиваются во многихъ городахъ, свои кладбища и свои академіи. Эти злоупотребленія доказываютъ насиліе, которое претерпѣли католики отъ еретиковъ.» Не забудьте, что еретиковъ въ то время не считалось болѣе 100,000, между тѣмъ какъ католическая паства равнялась нѣсколькимъ милліонамъ; по обвинительному акту милліоны претерпѣваютъ насиліе отъ горсти людей; все это напоминаетъ басню Волкъ и Ягненокъ, съ тѣмъ только различіемъ, что Волкъ по крайней мѣрѣ дѣйствуетъ откровенно и говоритъ безъ обиняковъ:

Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать!

Digitized by Google

Въ заключеніе обвинительный актъ требуетъ, чтобы «еретики были наказываемы тѣлесно, какъ того требуютъ ордонансы Карла IX; были удалены отъ всѣхъ государственныхъ должностей; хотя Нантскій Эдиктъ и допускаетъ еретиковъ въ государственныя должности, но такая привиллегія противна божескимъ, человѣческимъ и церковнымъ правамъ; она противна божескимъ правамъ, потому что вредитъ благоденствію нашей религіи (волкъ былъ гораздо откровеннѣе и прямо сослался на желудокъ); она противна и человѣческимъ, потому что законъ запрещаетъ давать должности врагамъ религіи; все это сказано въ постановленіяхъ Императоровъ Константина, Граціана и Валентиніана». Въ то время интендантомъ финансовъ былъ d'Aligre; онъ явился въ собраніе и настаивалъ на обязанности духовенства нести государственныя повинности безусловно; собраніе раздражено и отказываетъ даже и въ добровольныхъ приношеніяхъ. Министръ уступаетъ и дѣлаетъ обѣщаніе удовлетворить требованіямъ духовенства; духовенство уступаетъ и дѣлаетъ обѣщаніе удовлетворить требованіямъ министра. Проходитъ нѣсколько мѣсяцовъ, но министръ ничего не исполнилъ, за то ничего и не получилъ. Тогда онъ является въ 4-й разъ съ руками, полными ордонансовъ противъ еретиковъ; это его векселя, которые онъ надѣется размѣнять на звонкую монету. Бѣдный Алигръ знаетъ на сколько положеніе короля не выгодно и унизительно; онъ маскируетъ это положеніе цвѣтами риторики: «Messieurs, говоритъ онъ, ваши требованія вовсе не были обязательны для доброй воли его величества; онъ соглашается на нихъ совершенно охотно, предупреждая тѣмъ ваше приношеніе. Облако, которое могло пробѣжать по челу его величества, какъ слѣдствіе небольшаго жара нашихъ преній, не произвело ничего другого кромѣ росы, которая осадилась въ теплый дождь различныхъ постановленій и указовъ, которые мы и представляемъ вамъ въ знакъ своего расположенія къ вамъ». За этимъ слѣдуетъ 15 указовъ противъ протестантовъ. Но это физическое объясненіе происхожденія росы и дождя не произвело большого результата, потому что требованія духовенства были выполнены не всѣ; d'Aligre требовалъ 4 милльона ливровъ; духовенство предлагаетъ 180,000, и послѣ комическаго торга соглашается на 2 милльона. Таковъ былъ первый дебютъ Лудовика. Въ 1665 году новое собраніе; тому же д'Алигру поручаютъ вести торгъ съ духовенствомъ: «Господа, при входѣ въ зало я почувствовалъ подъ вліяніемъ блеска вашихъ лицъ и пурпурныхъ одеждъ, эффектъ лучей рождающейся Авроры на статую Мемнона, ея сына, которыми она одушевляла статую каждое утро и приводила ее въ сотрясеніе, которое вызы-

Digitized by Google

вало гармоническіе звуки на цитрѣ, находившейся въ рукахъ статуи». Далѣе онъ въ прозѣ выразилъ сущность дѣла: «казна его величества пуста», и заключилъ словами: «господа, мы не опредѣляемъ суммы, но вы примите въ соображеніе и качество того, кто требуетъ, и справедливость того, что требуютъ». На этотъ разъ Собраніе поступило весьма энергически: оно представило королю составленный духовенствомъ указъ противъ еретиковъ, по параграфамъ. Такимъ образомъ, почти въ одно и то же время, Людовикъ готовился давать предписанія Европѣ и получилъ предписаніе самъ. Вотъ извлеченіе изъ этого знаменитаго ордонанса 1665 года:

§ 1. Запретить католикамъ отказываться отъ ихъ религіи для обращенія къ реформѣ. (Съ боку помѣчено королемъ: его величество удерживаетъ за собою право подумать объ этомъ).

§ 4. Закрыть университеты, академіи и школы, гдѣ реформаторы обучаютъ наукамъ и своей теологіи, въ Сомюрѣ, Шатильонѣ, Седанѣ и проч. (Замѣтка Короля: Его Величество исполнитъ).

§ 6. Судебныя королевскія должности вручать однимъ католикамъ, точно также какъ и прочія должности въ бюро.—(Помѣчено королемъ: его величество исполнитъ).

§ 7. Отнять у реформаторскихъ консисторій ихъ имущества. (Помѣчено королемъ: поручить это коммиссарамъ.)

§ 18. Его Величество откажется отъ всякаго покровительства реформаторамъ, потому что оно дастъ имъ возможность совращать его подданныхъ съ пути истины.
(Помѣтка короля: его величество обѣщаетъ). (1)

Духовенство на этотъ разъ пришло въ восторгъ, и дало королю 4 милльона ливровъ; въ 1666 году эти параграфы повлекли за собою притѣсненія протестантовъ; какой убытокъ принесли подобныя преслѣдованія въ промышленности, а слѣдовательно и въ общественной экономіи, это вычислить трудно, но едвали это не превышало 4 милльоновъ ливровъ. Третье собраніе было въ 1670 году, когда только что Людовикъ заключилъ блестящій Ахенскій миръ, принесшій ему даромъ нѣсколько крѣпостей на нидерландской границѣ. Тотъ же д'Алигръ является предъ собраніемъ духовенства, и на этотъ разъ превосходитъ себя въ краснорѣчіи: «Господа, я признаюсь, что видъ вашего величественнаго собранія меня смутилъ противъ всякаго ожиданія, потому что я имѣлъ счастіе нѣсколько разъ входить въ ваше собраніе и

(1) О Лаф. 14 стр. и слѣд.

Digitized by Google

пользоваться его расположеніемъ; мои глаза, хотя и слабые, не должны были бы смущаться ослѣпительнымъ блескомъ Вашихъ лицъ и пурпуровыхъ одѣяній. Между тѣмъ я испытываю обратное и признаюсь, что во мнѣ вовсе нѣтъ той прирожденной способности, по которой орлята смотрятъ прямо на солнце. Поразительный свѣтъ столькихъ звѣздъ меня ослѣпилъ, и, въ эту минуту, я потерялъ бы свой даръ слова, если бы не чувствовалъ подкрѣпленія въ благосклонномъ взорѣ нашего верховнаго солнца, которое укрѣпило мое зрѣніе и дало мнѣ рѣшимость представить вамъ его ордонансы. Я называю солнцемъ нашего несравненнаго монарха Франціи, и я полагаю, что я даю ему титулъ справедливо не только въ отношеніи къ Франціи, но и ко всей вселенной; при блестящихъ лучахъ нашего солнца первыя звѣзды другихъ государствъ блѣднѣютъ и теряютъ свой свѣтъ». Всѣ эти метафоры, комическія на языкѣ государственнаго человѣка, кончились обычною просьбою: «Господа, мы просимъ васъ открыть руки вашего огромнаго сословія, чтобы помочь королю частью своихъ богатствъ». Подобными словами можно просить только милостыню, и эти слова сказалъ министръ Лудовика XIV, въ самую блестящую эпоху его славы. Я не буду Васъ утомлять, Милостивые Государи, разсказомъ подробностей результата новаго торга Лудовика XIV съ духовенствомъ; достаточно сказать, что товаромъ были тѣ же протестанты и связанное съ ними благосостояніе государства, менѣе блестящее, но болѣе прочное. Дѣло кончилось къ обоюдному удовольствію; 1 Августа 1670 года изданъ былъ новый эдиктъ противъ еретиковъ; духовенство сдѣлало небольшую уступку, оно не требовало срытія церквей протестантскихъ, но просило ихъ только перенести на другія мѣста, подальше отъ населенныхъ городовъ; впрочемъ, духовенство и при этомъ имѣло въ виду, что зданіе не иначе переносится, какъ прежде срывается; всѣ остальныя условія, менѣе двусмысленныя, были приняты безусловно; въ церквахъ пѣли Hosanna in excelsis; Лудовикъ получилъ 2 милльона 400 т. ливровъ отъ духовенства съ небольшимъ замѣчаніемъ: La séance ordonne qu'il faudra faire savoir à Sa Majesté que l'effort, qu'elle fait est un effet de son entière confiance en sa parole royale, т. е. «Засѣданіе повелѣваетъ дать знать его величеству, что усиліе пожертвованія, которое дѣлаетъ церковь, есть результатъ ея полной увѣренности въ королевскомъ словѣ». Какъ ни ясенъ въ этихъ словахъ намекъ на былое, когда слово не всегда сдерживалось, но это не помѣшало сдѣлать надпись на докладѣ: Le roi, charmé de ce présent, qui dépasse ses espérances, fait répondre que cette confiance ne sera pas trompée et fait abandon de 200,000

Digitized by Google

livres» т. е. король, восхищенный этимъ подаркомъ, который превосходитъ его надежды, приказываетъ отвѣтить, что это довѣріе не будетъ обмануто, и возвращаетъ изъ подарка 200 т. ливровъ». Мы остановимся на этомъ; могущество Лудовика XIV даже въ самомъ центрѣ государства представляется намъ теперь далеко уже не въ томъ блескѣ, какимъ насъ ослѣпляетъ исторія, рисуя намъ его побѣды и версальскія празднества. Теперь насъ менѣе удивитъ въ той эпохѣ и сцена провинціальнаго быта Франціи, который я избралъ предметомъ для нашихъ настоящихъ бесѣдъ. На пути нашего изслѣдованія мы встрѣтимъ явленія болѣе поразительныя тѣхъ, которыя мы встрѣтили въ центрѣ административной жизни Франціи. Вся администрація, мы увидимъ, была направлена къ одной цѣли: сдѣлать провинціи источникомъ дохода и средствомъ къ административной жизни государства; на дѣлѣ всегда выходитъ другое: правительство получаетъ незначительную часть дохода, а самая большая часть остается въ рукахъ сборщиковъ податей: правительство, находясь въ такомъ положеніи, имѣетъ одно средство пополнить недостатокъ: увеличить налоги. Судебная администрація представляетъ тѣже недоразумѣнія; правительство отняло судъ и расправу у феодальныхъ барономъ и взяло на себя контроль надъ правосудіемъ; при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ правительства и тутъ результаты были совершенно обратные. Правительство видѣло себя постоянно въ безвыходномъ положеніи: ему приходилось въ одно и тоже время никому не вѣрить и безпрестанно повѣрять; едва учрежденъ какой нибудь новый контроль, какъ оказывалась необходимость надъ новымъ контролемъ еще болѣе новаго контроля. Въ средневѣковое время судебная власть находилась въ частныхъ рукахъ; баронъ въ своихъ владѣніяхъ былъ почти верховный судья; это было полное self-government, но осуществленное въ самомъ безобразномъ видѣ. Революція XVII-го столѣтія поставила себѣ задачею искоренить такое зло; но уничтожая одну утопію, революція впала въ другую. Участіе въ судѣ было совершенно исторгнуто изъ частныхъ рукъ и сдѣлалось достояніемъ одной администраціи. Мѣсто барономъ заняли les gouverneurs et les intendants; они были представителями правительства, ихъ назначеніе было стереть частное самоуправство барономъ; но они были неограничены, какъ самое правительство; правительство думало держать ихъ въ своихъ рукахъ, какъ свои креатуры; правительство при этомъ преслѣдовало самую высокую цѣль, но въ ней былъ одинъ недостатокъ: она была недостижима. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше такой картины администраціи: правительство стоитъ выше всякаго личнаго

Digitized by Google

интереса и заботится только объ общемъ благѣ; оно избираетъ достойнѣйшихъ для осуществленія своихъ цѣлей; эти достойнѣйшіе избираютъ въ свою очередь людей благонадежныхъ въ свои помощники и т. д., однимъ словомъ образуется цѣлая лѣстница администраторовъ, изъ которыхъ каждый въ одно и тоже время подчиненъ высшей инстанціи и самъ надзираетъ за низшею; государственные интересы, поднимаясь съ самаго дна, восходятъ по этой лѣстницѣ тщательно обдуманными, очищенными до самаго центра администраціи, и на оборотъ по этой же лѣсницѣ сходятъ заботы центральнаго правительства объ общественной жизни. Нельзя себѣ представить болѣе величественной картины государственной жизни и нельзя потому не пожалѣть, что она разсчитана не на людей, и въ практикѣ ея примѣненіе приводитъ прямо къ противоположному результату. Правительство для искорененія злоупотребленій самоуправства находится въ необходимости дать неограниченную власть своимъ агентамъ, но, безъ гласности, не имѣетъ средствъ устранить новыя злоупотребленія, которыя могутъ возникнуть отъ самовластія его же собственныхъ представителей; правительство думаетъ назначить интендантомъ человѣка достойнаго и назначаетъ племянника дяди или что нибудь тому подобное. Чтобы дать Вамъ съ перваго слова идею, напримѣръ, о состояніи суда и расправы при Лудовикѣ XIV, позвольте прочесть письмо, писанное къ министру Лудовика XIV Кольберу изъ одной отдаленной провинціи Франціи, Оверни, и помѣщенное въ любопытномъ собраніи, изданномъ въ 50 годахъ подъ заглавіемъ: Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV, T. I, стр. 9 и 10: «Безпорядки въ Оверни сдѣлались такъ часты и совершаются всѣми такъ обыкновенно, что я счелъ своею обязанностью довести до Вашего свѣдѣнія, что всѣ и въ особенности чиновники, каждый въ своемъ округѣ, укрываютъ виновныхъ вмѣсто того, чтобы ихъ наказать. Я указываю Вамъ на это, Monseigneur, по поводу драки, которая произошла въ прошедшемъ посту, между шестью лицами; изъ нихъ одинъ La Sale, королевскій срубачъ, убилъ Верри, служившаго въ полку Мазарини, занимавшемъ гарнизонъ въ маленькомъ городкѣ пр. Лимузина, называемомъ Бортъ. Мѣстное начальство, освѣдомившись о томъ, нарядило большое слѣдствіе; но при помощи 600 ливровъ, которые были собраны участниками преступленія, La Sale убѣдилъ судью сжечь всѣ протоколы этого дѣла и составить вмѣсто нихъ другіе, изъ которыхъ было бы видно, что это не было убійство а дуель, и что Верри былъ убитъ другимъ. «За тѣмъ корреспондентъ Кольбера сообщаетъ ему новые подвиги La Sale въ этомъ же родѣ и кото-

Digitized by Google

рые остались также безнаказанными и продолжаетъ далѣе»: я умоляю Васъ всенижайше, Monseigneur, дѣйствовать такъ, чтобы это письмо не попало въ руки пріятелей La Sale, которые служатъ при Дворѣ; но будьте увѣрены, что все мною сообщенное совершенно справедливо; отецъ убитаго, получившій недавно извѣстіе о своемъ несчастіи, при первомъ случаѣ отправится жаловаться лично Королю, и подтвердитъ Вамъ все, за что вышеупомянутый La Sale долженъ быть наказанъ. Я прошу Васъ, Monseigneur, принять мое уваженіе, съ которымъ и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ приписка:

P. S. «Всѣ честные люди будутъ Вамъ обязаны, если Вы доведете это дѣло до свѣдѣнія короля, но сдѣлайте то такъ, чтобы это мое письмо осталось въ секретѣ, à cause du seigneur qui a pris l'argent, et qui est à craindre, т. е. потому что того господина, который получилъ взятку, надобно бояться». Смыслъ этой прибавки весьма ясенъ; судья, получившій 600 ливровъ за поддѣлку протокола, очевидно, имѣетъ сильную руку. И такъ, въ то время, когда Людовикъ XIV думалъ, что все трепещетъ предъ, нимъ что боятся только его одного, было много еще и другихъ, которыхъ должно было бояться, надобно было бояться судью въ мѣстечкѣ Бортѣ, и кому нужно было бояться? корреспонденту Кольбера, находившемуся подъ покровительствомъ перваго министра Людовика XIV; надобно было бояться даже и трубача La Sale, если тотъ имѣлъ покровительство въ высшихъ сферахъ.

Мнѣ остается въ заключеніе нашей первой бесѣды сказать нѣсколько словъ объ общемъ планѣ нашего краткаго курса и о главнѣйшихъ источникахъ, изъ которыхъ я буду почерпать данныя для составленія общей картины провинціальнаго быта Франціи въ эпоху Людовика XIV. Избранный мною предметъ могъ бы наполнить собою курсъ несравненно обширнѣе нашего; еще болѣе богато это время источниками, въ числѣ которыхъ много и мемуаровъ и оффиціальныхъ документовъ. Я назвалъ нѣкоторые изъ нихъ; при случаѣ я назову и другіе. Но теперь я остановлюсь на одномъ историческомъ памятникѣ, который обращаетъ на себя особое вниманіе и полнотою картины и интересною личностью самого автора, котораго жизнь могла бы сама по себѣ служить зеркаломъ нравовъ современнаго сй общества. Наконецъ, этотъ памятникъ относится какъ разъ къ тому времени, когда молодой Людовикъ началъ самодержавное управленіе, по смерти Мазарини, и къ одной опредѣленной мѣстности, что очень важно для насъ, когда мы хотимъ сжать картину своего предмета въ самую ограниченную рамку курса. Я разумѣю подъ

Digitized by Google

этимъ памятникомъ весьма интересный и оживленный журналъ путешествія въ Овернь (Auvergne), предпринятый однимъ молодымъ человѣкомъ сопровождавшимъ туда своего питомца вмѣстѣ со всѣмъ его семействомъ, въ качествѣ домашняго учителя. Этотъ домашній учитель былъ знаменитый въ послѣдствіи кардиналъ Flèchier. Его произведеніе осталось извѣстнымъ подъ именемъ Mémoires sur les Grands Jours d'Auvergne. 1665. Сынъ бѣднаго торговца, но получившій прекрасное воспитаніе въ одномъ монастырѣ, Флешье поступилъ въ духовное званіе. Молодой аббатъ, слѣдуя всеобщему увлеченію, явился въ Парижъ; съ своимъ умомъ, образованностью и въ особенности съ поэтическимъ талантомъ онъ сдѣлался скоро извѣстнымъ въ высшемъ кругу Парижа; въ 1662 году ему было только 30 лѣтъ, и онъ получилъ мѣсто домашняго учителя въ одномъ богатомъ семействѣ у Комартена, принадлежавшаго къ высшимъ сферамъ тогдашней бюрократіи. Годъ спустя послѣ своей вторичной женидьбы, Комартенъ долженъ былъ ѣхать по дѣламъ службы въ Овернь; съ нимъ отправилась его вторая жена и молодой аббатъ Флешье. Въ гостинной M-me Комартенъ будущій кардиналъ получилъ свое свѣтское образованіе и пріобрѣлъ тотъ особенный и пріятный характеръ, который сохранялся неизмѣннымъ до конца его жизни. Сдѣлавшись въ послѣдствіи епископомъ и кардиналомъ, Флешье не утратилъ свѣтскихъ привычекъ молодаго аббата; «какъ я былъ обрадованъ, пишетъ онъ одной великосвѣтской дамѣ, когда послѣ скучнаго объѣзда своей эпархіи, я нашелъ у себя такое пріятное чтеніе, какое только могутъ доставить мнѣ Ваши стихи. Я думалъ, что мое вниманіе теперь сосредоточено на заботахъ о паствѣ и выполненіи правилъ церкви, а между тѣмъ я чувствую, что я люблю сонеты, стансы и идиллін».....

Ко всему этому я долженъ присоединить черту изъ политическаго характера нашего будущаго источника. Флешье обнаружилъ въ политической сторонѣ своего характера большую честность, и сдѣлавшись кардиналомъ, не измѣнилъ, что случается рѣдко, убѣжденіямъ молодаго аббата. Получивъ въ управленіе эпархію города Нима, онъ былъ поставленъ въ необходимость преслѣдовать протестантовъ; но Флешье употребилъ все зависѣвшее отъ него къ смягченію жестокихъ мѣръ католическаго духовенства противъ еретиковъ. Не удивительно послѣ того, что и въ журналѣ своего путешестія въ Овернь онъ указываетъ съ полнымъ безпристрастіемъ на недостатки провинціальнаго католическаго духовенства и его пороки, такъ что даже въ настоящее время новѣйшее изданіе журнала Флешье, въ 1844 году,

Digitized by Google

вызвало большое неудовольствіе клерикальной партіи противъ издателя. Послѣ всего сказаннаго нами, можно утверждать положительно, что нашъ руководитель имѣлъ всѣ средства, чтобы сдѣлать интереснымъ свои наблюденія; онъ поѣхалъ въ провинцію съ весьма важнымъ должностнымъ лицемъ, у котораго онъ жилъ и которое отправилось по личному порученію короля; Флешье могъ потому многое знать и былъ вездѣ принятъ. При его аналитическомъ, наблюдательномъ умѣ, ничто не ускользнуло отъ его вниманія; онъ занесъ въ свои мемуары и судебные процессы, и балы, которые давались въ честь его патрона, и разговоры провинціальныхъ дамъ, и описаніе ихъ нарядовъ; онъ дѣлалъ partie de plaisir въ сосѣднія деревни; бытъ помѣщиковъ, ихъ отношенія къ крестьянамъ нашли также себѣ мѣсто въ мемуарахъ остроумнаго аббата. Наконецъ, что въ особенности увеличиваетъ цѣну мемуаровъ Флешье, его мемуары были писаны не съ оффиціальною цѣлью; онъ писалъ ихъ по порученію M-me de Caumartin съ тѣмъ, чтобы вечеромъ въ кругу ближайшихъ друзей сообщать свои путевыя наблюденія; если и можно потому подозрѣвать Флешье иногда въ красномъ словцѣ, то въ его мемуарахъ нельзя встрѣтить за то оффиціальной лжи, которая стóитъ иного краснаго словца. Но Флешье, какъ ловкій человѣкъ, не забылъ, что нужно заплатить дань и современному обществу. Съ этою цѣлью онъ написалъ кромѣ мемуаровъ, гдѣ онъ излагаетъ свое путешествіе и дѣло порученное его патрону для изслѣдованія въ настоящемъ его видѣ, также и поэму на латинскомъ языкѣ на тотъ же самый предметъ. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ сравнить сарказмы, которыми осыпалъ Флешье отправленныхъ вмѣстѣ съ нимъ королевскихъ чиновниковъ и дань удивленія ихъ талантамъ, дѣятельности и честности, которою наполнена латинская поэма; если исключить одного византійскаго писателя, написавшаго двѣ противоположныя картины изъ времени Юстиніана Великаго, то Флешье едва ли не единственный писатель, который съумѣлъ одною рукою написать и истинное и оффиціальное.

Digitized by Google

ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ.

26-го Генваря.

Мм. Гг. Я указалъ причины, которыя побудили меня въ нашемъ краткомъ изслѣдованіи остановиться преимущественно на авторитетѣ Флешье. Конечно его мемуары относятся только къ одной провинціи Франціи, но именно на долю только этой провинціи досталось имѣть такого отчетливаго и полнаго свидѣтеля, какимъ былъ Флешье для Оверни. Представляя отдѣльную провинцію, какъ обращикъ вообще провинціальнаго быта Франціи я никого не ввожу въ заблужденіе, потому что я отъ своихъ слушателей не скрываю процесса своихъ изслѣдованій, тѣхъ посылокъ, на которыхъ я основываю свое заключеніе отъ части къ цѣлому. Наконецъ я не нарушаю общепринятыхъ законовъ исторической критики; или по крайней мѣрѣ я погрѣшаю вмѣстѣ съ такими историками, какъ наприм. Гизо, который для того, чтобы дать понятіе вообще о провинціальномъ управленіи въ Римской Имперіи, разбираетъ управленіе одной изъ префектуръ.

Конечно, сочиненіе Флешье относится къ 1665 году, слѣдовательно только къ пятому году дѣйствительно самостоятельнаго управленія Лудовика XIV. Печальное положеніе Оверни не есть, конечно, результатъ его управленія. Все это справедливо, но еще справедливѣе то, что послѣдующее управленіе Лудовика XIV не улучшило провинціальнаго быта; скорѣе на оборотъ, оно сдѣлалось хуже, особенно со времени уничтоженія Нантскаго эдикта, когда въ систему управленія были введены драгонады. И такъ, если я избираю самое начало правленія Лудовика, то меня скорѣе можно будетъ упрекнуть въ пристрастіи къ Лудовику XIV, но никакъ не въ несправедливости; я выбралъ эпоху относительно лучшаго состоянія провинціальнаго быта во Франціи во второй половинѣ XVII столѣтія. Наконецъ событіе, описанное Флешье, принадлежитъ къ числу тѣхъ административныхъ мѣръ, которыя были приняты именно Лудовикомъ XIV для улучшенія провинціальнаго быта; въ этомъ случаѣ меня нельзя будетъ упрекнуть въ анахронизмѣ.

Овернь, одна изъ самыхъ гористыхъ частей Франціи, перерѣзаная отрогами Севеннъ, менѣе другихъ была доступна для центральной власти. Нынѣ желѣзная дорога приводитъ въ Овернь, въ главный ея городъ Клермонъ, въ 12 часовъ изъ Парижа; въ 10 часовъ утра выходитъ поѣздъ на станціи Орлеанской желѣзной дороги, и въ 10 часовъ 30 минутъ вечера того же дня вы

Digitized by Google

въ Клермонѣ. Но въ то время были нужны иногда цѣлыя недѣли тяжелаго путешествія, и путешествія весьма дорогаго, которое теперь дѣлается за 50 франковъ. Въ XVII столѣтіи на скалахъ еще гнѣздились замки бароновъ, утратившихъ политическую самостоятельность, но обратившихся въ самовластныхъ помѣщиковъ, смѣявшихся надъ всѣми попытками центральной власти положить предѣлъ ихъ деспотизму. Фрондская война при Мазарини въ Оверни произвела болѣе безпорядковъ, чѣмъ гдѣ нибудь; помѣщики вели войну другъ съ другомъ, грабили сосѣднія деревни; королевскіе чиновники или не имѣли средствъ или находили удобнымъ закрывать глаза на все, что дѣлалось въ провинціи. Безнаказанность доходила до того, что королевскія приказанія не имѣли никакой силы, при всемъ могуществѣ Лудовика XIV. Очень часто, разсказываетъ Flechier, смертельный приговоръ былъ произнесенъ и конфирмованъ королемъ, но никто не осмѣливался привести его въ исполненіе. Королевскіе судьи нашли наконецъ средство исполнять буквально королевскія повелѣнія и не вооружать противу себя помѣщиковъ. Если виновный имѣлъ большую силу, то его оставляли въ покоѣ и дѣлали его изображеніе изъ воску; палачъ торжественно на площади казнилъ куклу; при этомъ, замѣчаетъ Флешье, не рѣдко осужденные на смерть сами присутствовали при своей казни, и никто не смѣлъ ихъ схватить. На нашей послѣдней бесѣдѣ мы читали письмо изъ Оверни къ Кольберу; оно дорисовываетъ положеніе французской провинціи въ XVII столѣтіи. Боало сказалъ въ шутку Лудовику XIV: Государь для васъ нѣтъ ничего невозможнаго; Вы хотѣли написать худые стихи и Вы написали ихъ; но Боало не могъ бы сказать того же самаго, если бы дѣло шло объ искорененіи зла въ администраціи и бытѣ самаго общества. Непоколебимая власть Лудовика XIV, подчинившая себѣ всю Европу, очень часто разбивалась о власть какого нибудь интенданта провинціи, какого нибудь даже мелкаго чиновника.

Но такова судьба той утопіи, которую думалъ осуществить Лудовикъ XIV своею государственною дѣятельностью. Ея послѣдствія повторились вездѣ, гдѣ только она была практикована. Система правленія Лудовика XIV не была чѣмъ нибудь новымъ; предъ глазами Лудовика XIV могла быть величественная картина подобной же администраціи въ древнемъ Римѣ и Византіи. Въ Византію явился посолъ изъ Западной Европы къ Императору Никифору, которому въ Византіи пѣли гимны о его непобѣдимости и страхѣ, который онъ наводитъ на невѣрныхъ. На обратномъ пути посолъ получаетъ отъ Императора грамоту, повелѣвавшую оказывать послу на дорогѣ всякую помощь и снаб-

Digitized by Google

жать его лошадьми для подводъ. На отдаленномъ концѣ имперіи близъ границъ, послу случилось у чиновника требовать лошадей, посолъ представилъ Императорскую грамоту, но чиновникъ замѣтилъ въ чемоданѣ кусокъ парчи, который ему понравился. Посолъ не хотѣлъ уступить, и за это простоялъ на мѣстѣ 21 день. Но обратимся къ Оверню и къ Лудовику XIV. Губернаторомъ Оверня былъ герцогъ Бульонъ, мало походившій на предводителя первыхъ крестоносцевъ. Кольберъ и Лудовикъ XIV знали его нравы; Кольберъ получилъ въ одно время съ извѣстнымъ Вамъ письмомъ, другое письмо и также изъ Оверна отъ Интенданта Pomereuil (Correspondance administrative. s. Louis XIV, T. II, 18 и 19). Позвольте мнѣ заставить современника говорить за себя: «Я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени герцогъ Бульонъ, губернаторъ провинціи, слишкомъ интересуется господиномъ Massiac d'Espinschal, который всѣмъ извѣстенъ своими черными поступками. Всѣ дворяне увѣряютъ, что Герцовъ Бульонъ ходатайствуетъ предъ королемъ помиловать Эспиншаля; а я знаю самъ, что клевреты губернатора, шесть недѣль тому назадъ, провожали Эспиншаля для того, чтобы на мѣстѣ повѣрить нѣкоторые пункты его оправданія. Онъ ѣхалъ съ ними въ сопровожденіи 40 всадниковъ, и это обстоятельство мнѣ показалось оскорбительнымъ; но что меня болѣе всего удивило: двѣ недѣли тому назадъ въ Овернь прибылъ коммисаръ съ 5 или 6 жандармами и съ указомъ конфисковать все недвижимое имущество Эспиншаля, вслѣдствіе исполненія смертнаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ, и кромѣ того особый королевскій указъ схватить его, если то возможно, si faire se peut, и заключить. Въ это самое время, не смотря на указъ короля, губернаторъ пишетъ крестьянамъ мѣстечка Массіака, принадлежавшаго Эспиншалю, и приказываетъ имъ сохранять доходы своего помѣщика; онъ возлагаетъ на нихъ отвѣтственность за все, и объявляетъ, что Эспиншаль на возвращеніи потребуетъ отъ нихъ отчета».

«Это прочиворѣчіе королевскихъ указовъ съ одной стороны, и предписаній губернатора провинціи съ другой вынудило меня просить васъ, какъ то я и дѣлаю, чтобъ или увѣдомили меня, дѣйствительно ли король желаетъ, чтобы Эспиншаля преслѣдовали помимо Герцога Бульона, или пусть напомнятъ ему самому о королевской волѣ, съ тѣмъ, чтобы въ провинціи не видѣли, какимъ образомъ онъ дастъ явное покровительство человѣку, противъ котораго Его Величество издало такой строгій указъ. Вы можете себѣ представить дурное вліяніе этого примѣра; вь слѣдствіе того преступникъ выростаетъ въ глазахъ тѣхъ, кото-

Digitized by Google

рые считаютъ его погибшимъ. Все дворянство его укрываетъ; военные отряды, посланные схватить его, сами предупреждаютъ его; онъ не спитъ никогда двухъ ночей въ одномъ мѣстѣ и ходитъ непроходимыми дорогами съ свитою 25 человѣкъ, участниковъ его преступленій; потому и неудивительно, что они отрядами военными не могли его поймать».

«Я произвожу теперь самую строгую ревизію, и трудно сыскать гдѣ нибудь большій безпорядокъ. Я нашелъ налоги, сдѣланные безъ высшихъ предписаній, безъ повелѣній совѣта; множество жестокихъ помѣщиковъ, (des gentilshommes tyrans en quantité) такъ что въ этой странѣ мнѣ есть на чемъ показать свою власть и строгость». Людовикъ XIV и самъ не былъ равнодушенъ къ этимъ безпорядкамъ; онъ писалъ другому интенданту, той же Оверни, и по другому но подобному же случаю: «что касается до помилованія, то не должно бояться, чтобы я давалъ его такъ легко. Я знаю, что этимъ я только поддержу безпорядки, а къ моему сердцу ничто такъ не близко какъ желаніе, чтобы на будущее время въ моемъ государствѣ никакое преступленіе не оставалось безнаказаннымъ, je n'ai rien plus à coeur que d'empêcher qu'à l'avenir il ne s'en commette aucune violence impunément dans mon royaume». Прекрасныя слова и за этимъ послѣдовалъ еще болѣе прекрасный поступокъ: 31-го Августа 1665 года былъ изданъ королевскій указъ о принятіи дѣйствительныхъ мѣръ къ уничтоженію злоупотребленій въ Оверни.

«Людовикъ, милостью Божіей, король Франціи и Наварры и проч. Необузданность войнъ внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя 30 лѣтъ сряду опустошали наше государство, не только ослабили силу закона и дѣйствіе указовъ, но еще ввели многія злоупотребленія, какъ въ управленіи финансовъ, такъ и въ судебномъ, первомъ и главномъ предметѣ нашего вниманія; то, что, послѣ завоеваній, общественной безопасности, возстановленія финансовъ и торговли, особенно занято насъ, это именно воцареніе правосудія; мы убѣждены, что нѣтъ ничего, что обязываетъ насъ такъ предъ подданными и налагаетъ отвѣтственность предъ Богомъ, отъ котораго одного мы получили нашу корону; но такъ какъ насъ извѣстили, что зло особенно сильно въ провинціяхъ удаленныхъ отъ нашего Парламента, что законы тамъ презираются и народъ подверженъ всякого рода притѣсненіямъ и насиліямъ, что люди слабые и беззащитные не находятъ никакого покровительства у правосудія, что дворяне очень часто злоупотребляютъ довѣріе и совершаютъ поступки недостойные ихъ рожденія, и что къ тому слабость чиновниковъ такъ велика, что преступленія оста-

Digitized by Google

ются безнаказанными, то потому для противодѣйствія этимъ безпорядкамъ, которыхъ увеличеніе со временемъ можетъ угрожать нашей королевской власти, ослабить власть нашихъ судовъ и уничтожить значеніе подвѣдомственныхъ мнѣ чиновниковъ, мы опредѣляемъ назначить новый судъ или засѣданіе, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Великихъ-Дней, les Grands-Jours, и открыть ихъ въ нынѣшнемъ году въ Клермонѣ для провинціи верхняго и нижняго Оверня, Бурбонне, Нивернэ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ X параграфовъ инструкціи съ самымъ обстоятельнымъ описаніемъ круга дѣятельности членовъ суда Великихъ-Дней, съ цѣлью предупредить всякое злоупотребленіе, которое въ свою очередь можетъ произойти отъ новаго учрежденія, назначеннаго для искоренія злоупотребленій.

Учрежденіе чрезвычайнаго суда, названнаго народомъ les Grands-Jours, относится еще къ XIII столѣтію, когда королевская власть начала замѣтно возвышаться надъ самовластіемъ феодальныхъ барововъ. Филиппъ Августъ, Людовикъ IX Святой выбирали изъ Парламента членовъ и отправляли ихъ въ провинціи, гдѣ народъ испытывалъ всего болѣе притѣсненій; время такого суда было отдохновеніемъ для беззащитнаго народа, и онъ назвалъ это время Великими Днями. Такіе Великіе дни хотѣлъ сдѣлать и Людовикъ XIV для провинціи, болѣе другихъ пострадавшей отъ самовластія помѣщиковъ и чиновниковъ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, результаты далеко не соотвѣтствовали намѣреніямъ, воодушевлявшимъ правительство. Причины такого явленія мы найдемъ легко, если познакомимся съ главнѣйшими лицами, составлявшими коммиссію Великихъ дней, и которыхъ потому народъ обыкновенно называлъ Messieurs les Grands-Jours. Президентомъ Коммиссіи былъ назначенъ Novion, какъ сказано въ королевскомъ ордонансѣ, «нашъ возлюбленный и вѣрный совѣтникъ, предсѣдатель Парижскаго Парламента». Еще при Мазарини былъ составленъ секретный списокъ всѣхъ членовъ Парламента съ подробными замѣтками о ихъ нравственныхъ качествахъ, способностяхъ и наклонностяхъ; тамъ мы находимъ и характеристику Новіона: «это человѣкъ сомнительный и ненадежный, большой интересанъ и нерѣшителенъ въ поступкахъ: довольно ловкій въ судебныхъ дѣлахъ; имѣетъ свой кружокъ (sa cabale), составленный изъ родственниковъ и друзей; трудился постоянно надъ пріобрѣтеніемъ новыхъ приверженцевъ». Изъ другихъ членовъ замѣтимъ: 1, «Jean Lecoq, также возлюбленный и вѣрный совѣтникъ и членъ Парижскаго Парламента; въ секретныхъ мемуарахъ о немъ сказано: «ханжа и мелочной человѣкъ; тяжелаго ума, но способенъ; хорошій судья, но медлителенъ; большой говорунъ;

Digitized by Google

много думаетъ особѣ и упрямъ». 2, Pressy: честный человѣкъ, но терпѣть не можетъ занятій и труда; любитъ развлеченія; натуры довольно кроткой». 3, Vassan: «добрый человѣкъ, уживчивый, общительный, но слабый, непослѣдовательный; имѣетъ отвращеніе къ службѣ; отличный охотникъ и держитъ при себѣ охоту; не интересанъ. «4. Barillon:» не безъ способностей; но не пріученъ къ судебнымъ дѣламъ; не интересанъ; преданъ Двору; самый лучшій другъ графинь; посѣщаетъ только знатныхъ, къ нему не имѣютъ довѣрія за его тщеславіе и суетность«.5, Achilles Barentin:» человѣкъ грубый, докучливый, честолюбивый, упрямый; хорошій хозяинъ; не имѣетъ въ камерѣ ни друзей, ни довѣрія; весьма богатъ». Очень немногіе изъ этой коммисіи имѣли безукоризненную репутацію; между тѣмъ эта коммиссія получала неограниченную власть на жизнь и имущество, безъ всякой апелляціи. Видно, что Лудовику XIV не были представлены секретныя замѣтки; ему указали въ послѣдствіи на одно только неудобство: предсѣдатель Великихъ-Дней Новіонъ имѣлъ въ Оверни двухъ зятей Ribeyre и Tubeuf, съ которыми былъ въ родствѣ и генеральный прокуроръ Великихъ дней M. de Talon. Cet avis vient trop tard; это извѣстіе опоздало, отвѣтилъ Лудовикъ XIV. Въ эту же Коммисію былъ назначенъ и Caumartin, вицепрезидентомъ. Хотя Флешье весьма натурально не говоритъ ничего дурнаго о своемъ покровителѣ, но изъ его дѣятельности виденъ знатный бюрократъ, который при всякомъ случаѣ показываетъ своею величавою небрежностью, что онъ дѣлаетъ большую честь обществу, посвящая службѣ свои досуги. Такимъ образомъ представился случай и его домашнему учителю Fléchier сопровождать своего патрона въ Овернь, быть свидѣтелемъ засѣданій Великихъ дней и записать въ своемъ дорожномъ журналѣ все видѣнное и слышанное въ провинціи въ теченіи слишкомъ 4 мѣсяцевъ, отъ 25 Сентября 1665 года до 4 Февраля 1666 года. Комартенъ везъ съ собою свою мать и молодую жену; Новіонъ, президентъ, взялъ съ собою двухъ пожилыхъ дочерей, предъ которыми онъ разыгрывалъ всегда роль самаго изящнаго кавалера; Талонъ, генеральный адвокатъ, ѣхалъ въ сопровожденіи матери, которая не могла рѣшиться отпустить своего сына одного, потому что на ней лежала забота о хозяйствѣ, и въ важныхъ случаяхъ она облегчала и его государственныя занятія, такъ что на дѣлѣ она и была генеральнымъ прокуроромъ. Флешье говоритъ о ней, какъ объ одномъ изъ главныхъ лицъ между Messieurs les Grands-Jours. Только что она прибыла въ Клермонъ, какъ взяла на себя устроить городскую полицію и спеціально занялась предметомъ, близкимъ къ домашнимъ интерес-

Digitized by Google

самъ-посѣщеніемъ магазиновъ. M-me de Talon сочла своею обязанностью удешевить цѣну продуктовъ; какъ хорошая хозяйка она не забыла и съѣстныхъ припасовъ. Въ то время, когда Messieurs les Grands-Jours приготовлялись къ обѣдамъ и рѣчамъ, M-me de Talon взяла на себя трудъ заняться составленіемъ таксы, и собрала на этотъ случай всѣхъ Mesdames les Grands Jours. Въ этотъ дамскій комитетъ были представлены городскія вѣсы и мѣры и были позваны содержатели магазиновъ, между которыми Fléchier называетъ въ особенности золотыхъ дѣлъ мастеровъ. M-me de Talon и прочіе члены удостоили своими нѣжными руками брать въ руки грязные вѣсы; но M-me de Talon открыла съ свойственною ей проницательностью, что фунтъ въ Клермонѣ имѣетъ только 13 унцій вмѣсто 16. Это открытіе такъ поразило M-me de Talon, что она по замѣчанію Флешье, сохранила навсегда ненависть къ Клермону. 23 Сентября пріѣхали Messieurs les Grands-Jours, а 30-го была уже публикована такса, составленная M-me de Talon, за подписью одного изъ Messieurs. Результатъ былъ неожиданно противоположный: при новыхъ мѣрахъ и цѣнахъ произошло такое замѣшательство въ экономическихъ соображеніяхъ, что купцы нашли средство еще болѣе прежняго обманывать публику. Не потерялась одна M-me de Talon; она приказывала приносить товары къ себѣ на домъ, и, замѣчаетъ Fléchier, при уваженіи къ ея сыну, она покупала все по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Messieurs les Grands-Jours знали, что подобныя коммисіи встрѣчаются обѣдами и балами; ихъ ожидала на самомъ дѣлѣ всеобщая радость въ провинціи, хотя она и вызывалась различными причинами; провинціальная бюрократія радовалась по наружности и выражала свою радость пиршествами для смягченія гнѣва, кого слѣдуетъ; народъ радовался приближенію небольшаго роздыха и пѣлъ на своемъ провинціальномъ діалектѣ, приглашая поспѣшить весельемъ:

Aughâ, gens, aughâ:
Le ceo vous reprocha
Qu' aquou ei trop pleghâ
Laus Grands-Jours
Ne sont pas toujours.

Слушайте, добрые люди, слушайте:
Небо васъ упрекаетъ,
Что вы слишкомъ гнетесь,
Не всегда бываютъ
Великіе дни.

Опасенія общественнаго мнѣнія были справедливы; Великіе дни продолжались только до 4 Февраля 1666 года, и затѣмъ наступилъ прежній мракъ. Административная машина совершила однимъ оборотомъ больше, приставили новое колесо; но мы успѣли приподнять частицу занавѣса, который отдѣлялъ кажущееся отъ дѣйствительнаго въ этой знаменитой коммисіи les Grands-Jours. Мы познакомились лично съ ея членами, и мнѣ

Digitized by Google

кажется, если бы мы не имѣли Fléchier, если бы я не смѣлъ болѣе надѣяться увидѣть васъ на слѣдующей своей бесѣдѣ, то мнѣ кажется Вы могли бы уже теперь сами представить, какая картина провинціальнаго быта предстоитъ намъ впереди и какимъ образомъ засѣданія Великихъ-Дней смѣнятъ только собою эту трагикомическую картину.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦІЯ.

2-го Февраля.

Мм. Гг. Содержаніе моихъ первыхъ двухъ бесѣдъ и въ особенности отношеніе этого содержанія къ главному предмету моей темы, можетъ заставить подумать, что и я не избѣгнулъ сильнаго вліянія Французской централизаціи временъ Лудовика XIV. Въ самомъ дѣлѣ я обѣщалъ Вамъ представить картину провинціальнаго быта Франціи при Лудовикѣ XIV; сего дня я уже заключаю свой курсъ, а между тѣмъ мы еще въ Парижѣ, вблизи Версаля. Но такое распредѣленіе въ изложеніи можетъ быть было не совершенно произвольно съ моей стороны; оно обусловливалось характеромъ самаго предмета.

Судьба французскихъ провинцій до такой степени зависѣла отъ началъ, руководившихъ центромъ Франціи, что и мнѣ пришлось обратить мой главный предметъ въ заключеніе нашихъ бесѣдъ; и я правъ, если справедливо то, что и самый провинціальный бытъ, зависѣвшій вполнѣ отъ своего центра, былъ въ дѣйствительности заключеніемъ, эхомъ того, что дѣлалось въ Версали. При томъ одностороннемъ понятіи, которое мы составили о вѣкѣ Лудовика XIV и о его личности, я не могъ бы начать тѣмъ, чѣмъ я сегодня кончаю; живыя лица, несомнѣнныя событія, сцены и картины изъ провинціальной жизни, которыя я буду имѣть честь развернуть сегодня предъ Вами, показались бы чѣмъ то баснословнымъ, если бы я въ своей первой бесѣдѣ не указалъ бы тѣхъ секретныхъ пружинъ, которыя приводили въ дѣйствіе искусственный механизмъ государственной жизни Франціи XVII столѣтія. Изъ центра Франціи исходили всѣ мѣры, принимаемыя къ благосостоянію провинцій; я остановился въ моей послѣдней бесѣдѣ на одной изъ такихъ мѣръ, какъ на самой важной, которая, въ противоположность всѣмъ мѣрамъ, принимаемымъ центральной администраціей, по видимому должна была бы привести на этотъ разъ къ желаемой цѣли. Такою мѣрою была судная коммисія, названная народомъ les Grands-

Digitized by Google

Jours. Я объяснилъ Вамъ назначеніе подобнаго учрежденія, я познакомилъ Васъ ближе съ составомъ тѣхъ les Grands Jours, которые были назначены въ 1665 году, для провинціи Оверня, и мнѣ кажется что такія личности, какъ Novion, ухаживавшій болѣе за своими дочерьми, нежели за дѣлами и бывшій въ родствѣ съ главными виновниками народныхъ бѣдствій въ Оверни, или какъ Talon, за котораго его мать устроила въ Оверни полицію и взяла подъ свой надзоръ магазины, или и самъ Caumartin, знатный и богатый бюрюкратъ, служившій изъ снисхожденія къ обществу, такія личности, едвали внушили Вамъ довѣріе къ новой мѣрѣ, не смотря на то, что въ Ордонансѣ, они были названы «любезными и вѣрными совѣтниками короля». Во всякомъ случаѣ для Васъ не будетъ чѣмъ нибудь неожиданнымъ адресъ жителей Оверня королю въ 1667 году, два года спустя послѣ Великихъ-дней. Они просятъ короля «устранить притѣсненія, испытываемыя слабыми отъ насилія владѣтелей, которые подъ именемъ налоговъ, требуютъ всего, что имъ вздумается, отказываются даже отъ приношеній натурой, хлѣбомъ, произведеніями земли, или оцѣниваютъ все это на деньги, по самымъ высокимъ цѣнамъ. Крестьянинъ усиливаетъ работу, и оттого быки и другіе рабочія животныя погибаютъ отъ труда, на который ихъ осуждаетъ безпощадный произволъ; земли остаются невоздѣланными, и фермеры находятся въ невозможности уплатить королевскую подать». Если мы припомнимъ, кто таковы были Messieurs les Grands Jours, то мы не удивимся такому результату ихъ трудовъ, а между тѣмъ они трудились надъ искорененіемъ зла. Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, которые они провели въ Клермонѣ, они рѣшили двѣнадцать тысячъ дѣлъ. Были дни, когда осуждалось на смерть по тридцати человѣкъ. Но мы знаемъ, что казнили не людей, а ихъ изображенія; случалось, что вся площадь была заставлена подобными картинами, и палачъ съ важностью рѣзалъ имъ головы; Флешье съ ироніею замѣчаетъ, что этими картинами лучше было бы украсить залу въ домѣ Талона. Мнѣ остается не много прибавить къ сказанному мною объ этой послѣдней мѣрѣ, предпринятой центральною администраціей для улучшенія провинціальнаго быта; но это не многое сдѣлаетъ для Васъ ясѣе вообще характеръ подобныхъ мѣръ, когда они принимаются центральною администраціею, и причину ихъ безуспѣшности. При Людовикѣ центральная администрація стремилась къ искорененію зла, но она и въ этомъ случаѣ оставалось вѣрною себѣ своимъ принципамъ, а именно, что всякая инициятива, всякое начинаніе должно выходить единственно изъ администраціи; обще-

Digitized by Google

ство не должно само употреблять мѣръ къ самоулучшенію; все это лежитъ на одной администраціи; она научитъ всѣхъ быть добрыми, честными, она одна будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы господствовала справедливость. Флешье разсказываетъ намъ два случая, въ которыхъ было видно, что общество того времени само сознавало свои недостатки, и не ожидая les grands jours торопилось назвать ихъ. Въ одномъ мѣстечкѣ въ Оверни, какой то священникъ—бываютъ и между ними хорошіе люди, замѣчаетъ съ ироніею Флешье—вздумалъ во время проповѣди отозваться неуважительно о Министрахъ, и говорилъ весьма серьезно прихожанамъ, что Франція управляется дурно, что онъ читалъ въ старыхъ книгахъ о государствахъ, въ которыхъ люди жили лучше. Слушатели его въ послѣдствіе догодались, что, напримѣръ, лучше было бы жить безъ сборщиковъ податей. Въ сущности этотъ духовный ораторъ возставалъ противъ тѣхъ же злоупотребленій, для искорененія которыхъ пріѣхали въ Овернь и самые Messieurs les grands jours; но когда Messieurs les grands jours узнали объ этой проповѣди, эта помощь со стороны общественнаго мнѣнія имъ показалось излишнею; священникъ былъ арестованъ и осужденъ въ ссылку.

Вотъ и другой случай, который не былъ нисколько враждебенъ цѣли, которую преслѣдовали les Grands Jours. Я сказалъ Вамъ, что городъ Клермонъ позаботился устроить увеселенія, чтобы развлечь своихъ гостей въ часы ихъ досуга послѣ государственныхъ занятій. Между прочимъ была выписана труппа комедіантовъ. Флешье, Парижанинъ, съ улыбкою сожалѣнія говоритъ о постановкѣ провинціальнаго театра и выполненіи піесъ; но на этой провинціальной сценѣ, замѣчаетъ Флешье, Messieurs могли видѣть вечеромъ то, что имъ случалось слышать утромъ въ судѣ, на сцену выводились сильные, какъ притѣснители слабыхъ, жены, отравлявшіе мужей, и сотни другихъ страстей; иногда на сценѣ читались и сатиры, на нѣкоторыхъ изъ современниковъ. Однако Messieurs les grands jours нашли неудобнымъ такое вмѣшательство въ ихъ дѣла. Caumartin замѣтилъ, что актеры когда нибудь могутъ вывести на сцену и самихъ Messieurs. Онъ предложилъ своимъ товарищамъ запретить сатирическое направленіе сцены и собраніе нашло это предложеніе fort raisonable Этотъ резонъ вытекалъ изъ убѣжденія центральной администраціи временъ Лудовика XIV, что въ ней одной лежитъ источникъ всякаго добра; въ центральной администраціи былъ завязанъ главный узелъ всѣхъ общественныхъ отношеній; провинція жила или лучше сказать прозябала, на столько, на сколько она была удалена

Digitized by Google

отъ центра. Такъ смотрѣли на это и современники Лудовика; Талонъ въ своей рѣчи при открытіи les Grands Jours выставилъ слѣдующее непреложное философское начало: «всѣ вещи дѣйствуютъ съ большею или меньшею силою, смотря потому въ какоіі степени они удалены другъ отъ друга, потому, замѣчаетъ онъ, и дворъ, удаленный отъ провинціи, не можетъ наблюдать за правосудіемъ и посылаетъ насъ временныхъ судей». Въ этихъ немногихъ словахъ заключается самое лучшее обличеніе системы Лудовика XIV; жизнь государственная разсматривается какъ что то матеріальное; отношеніе провинціи къ центру сравнивается съ отношеніемъ матеріальныхъ вещей; когда дѣло идетъ о камнѣ, то весьма справедливо, что его ударъ слабѣетъ вмѣстѣ съ увеличиваніемъ пространства полета; но развѣ цѣль администраціи состоитъ въ метаніи камней, какъ то казалась одному изъ Messieurs les Grands Jours; не имѣетъ ли администрація болѣе высокихъ цѣлеіі, и жизнь государственная не есть ли моральная связь людей, къ которой не должно примѣнять законы движенія бездушныхъ тѣлъ? Все до сихъ поръ сказанное мною о характерѣ центральноіі власти, о власти мѣстноіі, провинціальноіі, и наконецъ о чрезвычайныхъ мѣрахъ къ благосостоянію провинціи, вытекавшихъ изъ центра власти, все это обусловливало быть провинціальнаго общества, составляло его рамку; и такъ какъ эта рамка готова, то мнѣ не остается теперь ничего, какъ вставить въ эту рамку и самую картину провинціальнаго быта при Лудовикѣ XIV. Я представлю эту картину сначала въ общихъ чертахъ, и за тѣмъ перейду къ событіямъ ея ежедневной жизни. При этомъ я ограничусь двумя сторонами оффиціальнаго быта провинціи, а именно финансами и администраціей, какъ главными его рычагами. Въ XVII-мъ столѣтіи была поговорка: un écu qui en vient au roi en coûte plus de dix au peuple, т. е. червонецъ, который доходитъ до короля стоитъ народу 10 червонцевъ; и это было справедливо, потому что сборъ податеіі былъ врученъ особымъ сборщикамъ, которые уплачивали правительству оптомъ и потомъ возвращали свою сумму съ процентами, о которыхъ можно судить по приведенной пословицѣ. При такоіі системѣ, къ увеличенію доходовъ вело одно только увеличеніе налоговъ, и со времени Генриха IV количество подати утроилось; эта подать была тѣмъ тяжелѣе, что многочисленное и вмѣстѣ самое богатое сословіе привиллегированныхъ состояніі освобождалось отъ податеіі. Въ началѣ правленія Лудовика XIV содержалось въ тюрьмахъ до 23,000 за невзносъ повинностей, изъ нихъ 5000 умерло отъ болѣзни. Въ это время Буало воспѣвалъ свой вѣкъ и съ восторгомъ говорилъ:

Digitized by Google

L'univers, sous ton règne, a-t-il des malheureux?

На эти 23 т. приходилось не много счастливцевъ; мы назовемъ двухъ главныхъ и самыхъ знаменитыхъ. Первый Fouquet, surintendant des finances, товарищъ министра финансовъ, а интендантомъ былъ въ то время самъ Кольберъ. Онъ построилъ себѣ замокъ съ паркомъ, для округленія котораго нужно было срыть три населенныхъ деревни, и сдѣлалъ такое помѣщеніе, что въ немъ могли гостить свободно 600 человѣкъ. Это знаменитый замокъ de Vaux; онъ стоилъ 18 милльоновъ франковъ. Одинъ изъ современниковъ оставилъ намъ таблицу приходовъ Фуке и нѣкоторыхъ его расходовъ (Tallemant des Réaux, Historiettes, III, 9): «Фуке, его клевреты и пріятельницы получали съ откуповъ (fermier) огромныя суммы, которыя потомъ уплачивались народомъ. Онъ имѣлъ пенсіи съ соляного откупа (la ferme de gabelles) 120 т. livres, съ откупа на съѣстные припасы (la ferme des aides) 140 т. livres; Бордосскій откупъ платилъ ему 40 т. ливровъ; сверхъ того этотъ откупъ подносилъ 125 т. à Madame du Plessis-Bellière; 10 т. ливровъ à M. Créquy, зятю той дамы, и 10 т. ливровъ à Madame de Charart, дочери Фуке. До построенія замка De Vaux никто не обращалъ вниманія на доходы Фуке, и ему нужно было истратить 18 милльоновъ ливровъ на этотъ замокъ, чтобы заставить говорить о себѣ. Но въ сущности его погубило излишнее честолюбіе; онъ возъимѣлъ виды на Mlle de la Vallière; къ этому присоединилось еще другое обстоятельство, налагающее тѣнь на Кольбера; произвести слѣдствіе надъ Фуке было поручено Пюссору (Pussort) дядѣ Кольбера, которому нужно было очистить мѣсто.

Система финансовъ, отдававшая провинціи въ жертву сборщиковъ податей и интендантовъ, съ которыми первые дѣлились, пугала само правительство; но Людовикъ XIV ни разу не рѣшился измѣнить ее. Извѣстный Кардиналъ Ретцъ, въ своихъ мемуарахъ (I, 134) наглядно изображаетъ безвыходное положеніе современнаго ему правительства, которое сознавало ясно, что требуетъ справедливость, и поставило себя въ необходимость слѣдовать не справедливому: «нельзя преслѣдовать ни интендантовъ, ни сборщиковъ податей, потому что это раззоритъ самую казну; судъ можетъ сдѣлать банкрутами тѣхъ, которые уплачиваютъ правительству сумму вдругъ и вмѣстѣ кредитъ. Въ подобномъ положеніи находилось и правительство Людовика XIV. Если мы къ этому присоединимъ, что губернаторы и индендanты провинціи въ успѣшномъ сборѣ податей имѣли и личныя выгоды, то тогда неудивительно, что имъ никогда не представлялась необходимость измѣнить финансовую систему. Губернаторы и интенданты провинцій

Digitized by Google

дошли до такого самовластія, что налагали подати прямо для собственнаго употребленіи; изъ нихъ нѣкоторыя вошли въ обычай; такъ въ Бретани новому губернатору подносилось, какъ don gratuit 100 т. франковъ. Въ Лангедокѣ одинъ интендантъ дошелъ до такого искуства «что налагалъ подати по различнымъ случаямъ своей семейной жизни, и однажды наложилъ подать на жителей по случаю смерти своей жены для покрытія расходовъ погребенія. Городъ, выведенный изъ терпѣнія, отправилъ къ нему депутацію съ протестомъ. «Конечно, говорилъ одинъ изъ депутатовъ, если бы вы, господинъ интендантъ, изволили умереть, то провинція съ большимъ удовольствіемъ согласилась бы на подать для вашего погребенія, . . . mais pour madame». Однако провинція заплатила требуемое, не смотря на остроуміе своего депутата.

Если мы перейдемъ къ частностямъ картины провинціальнаго быта во Франціи въ эпоху Лудовика XIV, то едва ли можно себѣ вообразить что нибудь болѣе печальное и болѣе мрачное. Во главѣ провинціальнаго общества стояло многочисленное дворянство грубое, необразованное и самовластное; на днѣ его лежало безотвѣтное сословіе поселянъ. Дворянинъ проводилъ молодость въ государственной службѣ и преимущественно военной; это былъ для него случай попасть въ Парижъ и тамъ прожить свое состояніе; разорившись, онъ выходилъ въ отставку и запирался на остальную жизнь въ деревню, гдѣ скука и праздность развивали въ немъ отвратительные пороки. Но для Васъ будетъ нагляднѣе картина жизни провинціальнаго дворянина въ XVII столѣтіи, если я изберу какую нибудь отдѣльную личность изъ того времени, по которой возможно судить приблизительно о цѣломъ сословіи. Я избираю такимъ типомъ Французскаго дворянина въ XVII столѣтіи Маркиза Канильякъ; онъ принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ домовъ въ провинціи Овернь.

Двое изъ его предковъ сидѣли на папскомъ престолѣ, и многіе стояли въ главѣ арміи; ссылаясь на заслуги своихъ предковъ и разстроивъ свои дѣла и хозяйство, онъ просилъ у правительства пенсіи, если ему нужно было предпринять путешествіе для собственнаго развлеченія. Проведя свою молодость въ службѣ и разоривъ въ то время своею безнравственною жизнію все состояніе, онъ вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ на свой манеръ; разсказы о его образѣ жизни и отношеніи къ крестьянамъ и мелкимъ помѣщикамъ превышаютъ всякое вѣроятіе. Онъ налогалъ самыя разнообразныя подати, подъ различными названіями: la taille de Monsieur, обращенныя въ его пользу; la taille de Madame—подать въ пользу его жены, подать въ пользу каждаго

Digitized by Google

сына и каждой дочери; кромѣ того налагались подати по различнымъ семейнымъ случаямъ. Для предупрежденія ропота онъ держалъ при себѣ двѣнадцать молодцевъ, которыхъ онъ называлъ апостолами и каждый изъ нихъ имѣлъ характеристическую кличку: Безнадежный, Ломай-Все и т. п. Недовольствуясь подушнымъ окладомъ, онъ наложилъ подать на говядину; но замѣтивъ, что его крестьяне никогда не ѣдятъ говядины, онъ поправилъ свою ошибку и наложилъ подать на тѣхъ, которые не ѣдятъ говядины. Но главнымъ предметомъ его доходовъ было правосудіе; въ XVII столѣтіи помѣщикъ имѣлъ право низшаго суда; Канильякъ устроилъ свою уголовную систему и опредѣлилъ таксу за каждое преступленіе; для увеличенія судебныхъ доходовъ, онъ продавалъ впередъ позволеніе сдѣлать преступленіе безнаказанно. Messieurs les Grands Jours не могли не обратить вниманія на эту личность; онъ былъ осужденъ на смерть заочно; его изображеніе было казнено на площади, а онъ самъ смотрѣлъ изъ окошка сосѣдняго дома на собственную казнь; Канильякъ былъ родственникъ президента Novion и потому отдѣлался однимъ денежнымъ штрафомъ; его младшій сынъ имѣлъ не лучшую репутацію; ему предстояла смертная казнь; но Лудовикъ XIV по просьбѣ приближенныхъ отмѣнилъ приговоръ и обязалъ его построить на свой счетъ корабль въ пользу Государства, что ему стоило десять тысячъ золотыхъ; въ сущности это былъ оптическій обманъ; этотъ корабль построилъ не онъ, а тѣ, съ кого онъ получалъ подати; а какъ получалъ подати сынъ Канильяка, мы знаемъ. Но помѣщиковъ, подобныхъ Канильяку было весьма много; баронъ Сенегасъ, сосѣдъ Канильяка, былъ не лучше его; его обвиняли во многихъ убійствахъ и еще не задолго предъ пріѣздомъ Судной Коммисіи, онъ посадилъ одного изъ своихъ подчиненныхъ въ сырой ящикъ, гдѣ онъ не могъ ни сидѣть, ни стоять, не лежать; несчастный просидѣлъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, и когда его оттуда вынули полумертваго на немъ не было человѣческаго лица. Близко къ нимъ подходилъ Эспиншаль, на котораго, какъ мы видѣли въ прошедшей бесѣдѣ, жаловался одинъ интендантъ самому Кольберу; но дерзостью онъ превзошелъ всѣхъ. Еще до прибытія les Grands Jours его нѣсколько разъ казнили за его преступленія, разумѣется мысленно; не считая однако себя совершенно безопаснымъ, онъ рѣшился на смѣлый поступокъ: онъ отправился прямо въ Парижъ, гдѣ ему покровительствовали герцоги Гизы; онъ нашелъ такую квартиру изъ которой можно было всегда укрыться въ домѣ Гизовъ, куда полиція не могла проникнуть. Гизамъ удалось бы выхлопотать помилованіе, еслибы Эспиншаль не надѣлалъ новыхъ преступленій въ самомъ Па-

Digitized by Google

ражѣ. Одинъ изъ обиженныхъ имъ нашелъ средство жаловаться королю лично; Людовикъ XIV на этотъ разъ хочетъ показать всю строгость и обѣщаетъ наказать примѣрно преступника; истецъ выходитъ совершенно счастливый отъ короля, но къ величайшему его удивленію у самыхъ дверей двора его схватываютъ полицейскіе, показывая ему королевское повелѣніе арестовать его. Это были переодѣтые сообщники Эспиншаля, который на этотъ разъ подшутилъ надъ самимъ королемъ. Людовикъ XIV подъ вліяніемъ этой послѣдней исторіи и назначилъ въ Овернь извѣстную намъ Судную Коммисію. Быть можетъ, я утомилъ Васъ въ прошедшій разъ, когда я читалъ длинныя извлеченія изъ Ордонанса Людовика XIV, по поводу открытія les Grands-Jours, гдѣ выставлялись государственныя соображенія, какъ причины, побудившія правительство къ искорененію зла въ Оверни и назначенія les Grands Jours; но теперь вы слышали отъ меня настоящую причину вызова такихъ заботъ; надобно было пострадать самому Людовику XIV и въ собственномъ дворцѣ, чтобы наконецъ было обращено вниманіе на провинцію. Если Вы быть можетъ сѣтовали на мою длинную цитату изъ королевскаго ордонанса, то Вы мнѣ простите то за желаніе показать Вамъ огромное различіе, которое такъ часто встрѣчается въ администраціи Людовика XIV между оффиціальнымъ и истиннымъ. Вы желаете знать, чѣмъ кончились похожденія Эспиншаля; онъ преспокойно продолжалъ жить подъ покровительствомъ Герцога Гиза, и только смерть его покровителя заставила Эспиншаля бѣжать въ провинцію, гдѣ его ждали съ нетерпѣніемъ королевскіе судьи. Эспиншалю пришло на мысль осмѣять ихъ до конца; онъ заказалъ великолѣпный ящикъ и вмѣстѣ съ этимъ ящикомъ сдѣлалъ визитъ президенту суда и всѣмъ прочимъ судьямъ, объяснивъ имъ, что онъ получилъ отъ короля помилованіе, которое и хранится въ этомъ ящикѣ; на слѣдующій день онъ обязался имъ представить королевскую грамоту въ присутствіе; рано утромъ Эспиншаль скрылся изъ города, отправивъ ящикъ въ судъ; нѣтъ нужды прибавлять, что по открытіи ящика въ судѣ произошла сцена, напоминающая извѣстное мѣсто изъ комедіи Ревизора. Если мы отъ высшаго сословія, стоявшаго во главѣ провинціальнаго общества, переїдемъ къ низшему сословію, разсѣянному по провинціи, тамъ мы увидимъ другія сцены. Можно смѣло утверждать, что ни одинъ народъ въ своей исторіи не представлялъ сельскаго сословія въ такомъ плачевномъ состояніи, въ какомъ оно находилось во Франціи при Людовикѣ XIV. Но зло никогда не ужасаетъ столько, какъ невоз-

Digitized by Google

можность искоренить зло; герцогъ С. Симонъ, этотъ французскій Тацитъ, говоря о современномъ ему состояніи Государства и о его бѣдствіяхъ, сознается съ нѣкоторымъ отчаяніемъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ вынесъ изъ своей государственной дѣятельности одно печальное убѣжденіе: tout bien à faire c'est impossible, нѣтъ никакой возможности вездѣ дѣлать добро. Людовикъ XIV употреблялъ много мѣръ къ облегченію сельскаго сословія, но всегда подъ условіемъ не измѣнять своимъ политическимъ началамъ. При немъ жилъ геніальный человѣкъ, но его геній стоитъ еще низко въ сравненіи съ величіемъ его сердца. Онъ посвятилъ двадцать лѣтъ неутомимаго труда на то, чтобы развѣдать истинное состояніе провинціи; куда не могъ онъ проникнуть лично, онъ посылалъ на свой счетъ людей свѣдущихъ; преодолѣвая страшныя затрудненія, которыя предстоятъ частному человѣку при подобномъ предпріятіи, онъ изслѣдовалъ подробно цѣнность земли провинціи, ихъ торговлю, промышленность, налоги, способъ ихъ собиранія и т. п. Изучивъ такимъ образомъ государственный бытъ Франціи, онъ написалъ замѣчательный проэктъ новой финансовой системы. Этотъ великодушный патріотъ былъ геніальный инженеръ Vauban; онъ выставилъ два главныя положенія, которыя должны были лечь въ основаніе всего государственнаго зданія: 1. Подданные всѣхъ состояній должны нести государственныя повинности, сообразно съ ихъ приходами или промышленною дѣятельностію и никто не долженъ быть отъ того освобожденъ. 2. Всякая привиллегія, освобождающая отъ государственныхъ повинностей не справедлива, какъ злоупотребленіе, и потому не должна быть раздаваема во вредъ остальному обществу. Восходя изъ этихъ двухъ положеній, Vauban предполагалъ уничтожить всю старую финансовую систему, и вмѣсто безчисленныхъ налоговъ ввелъ однообразную государственную подать, называемую la dîme royale. Въ немногихъ словахъ указываетъ С. Симонъ на достоинства и недостатки новой финансовой системы Вобана: «по этой системѣ король долженъ былъ получать болѣе прежняго доходовъ, для народа же подать уменьшалась; но, прибавляетъ С. Симонъ, это удобство было ничтожно въ сравненіи съ главнымъ неудобствомъ новой финансовой системы: эта система разсорила цѣлую армію чиновниковъ, повѣренныхъ и служащихъ всякаго рода; она мѣтила поставить ихъ въ печальное положеніе жить собственными трудами; это еще не все: при новой системѣ падала власть Министра Финансовъ, а вмѣстѣ съ нимъ власть интендантовъ, ихъ секретарей, и другихъ protégés. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Людовикъ XIV встрѣтилъ дурно Вобана, когда онъ ему

Digitized by Google

поднесъ свою книгу съ новымъ планомъ. Всѣ его заслуги, высокія способности, единственныя въ своемъ родѣ, его доблесть, даже засвидѣтельствованная привязанность къ королю, все это было забыто; Лудовикъ XIV видѣлъ въ немъ человѣка помѣшаннаго на общественномъ благѣ, и преступника, покусившагося на власть Министра, а слѣдовательно и на его власть. Но что болѣе поразительно: Вобана оставило самое общество, для котораго онъ трудился: всѣ видѣли въ немъ человѣка, впавшаго въ немилость, а слѣдовательно недостойнаго; онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, не услышавъ ни отъ кого утѣшительнаго слова, и Лудовикъ XIV показалъ видъ, что онъ и не замѣчаетъ, какого полезнаго и знаменитаго слугу онъ потерялъ въ Вобанѣ. Такова участь геніевъ, и таковы люди! Но при такомъ состояніи общества, въ какомъ оно находилось при Лудовикѣ XIV, надобно было въ самомъ дѣлѣ больше бояться не за тѣхъ, кто дѣлалъ зло, но за тѣхъ, кому приходило на мысль принести обществу пользу.

Во введеніи къ своему плану Вобанъ обрисовываетъ состояніе государства при Лудовикѣ XIV и въ особенности живо изображаетъ состояніе провинціи. Въ его словахъ столько симпатіи и смѣлой откровенности, что я надѣюсь не утомить Вашего вниманія, если сдѣлаю небольшое извлеченіе изъ подлинника:

«Въ результатѣ моихъ изслѣдованій, которымъ я посвятилъ многіе годы, оказалось, что въ послѣднее время десятая часть населенія приведена въ состояніе нищеты и дѣйствительно нищенствуетъ. Изъ девяти остальныхъ частей, пять находятся въ такомъ состояніи, что они не могутъ никому подать милостыни, потому что сами находятся почти въ такомъ же состояніи; изъ четырехъ частей, которыя остаются, три въ весьма дурномъ положеніи, и обременены долгами и процесами. И такъ остается одна десятая часть, куда я отношу военныхъ и статскихъ чиновниковъ, духовныхъ, высшее дворянство, купцовъ, зажиточныхъ горожанъ, что вмѣстѣ все составляетъ сто тысячъ жителей; и я не думаю ошибаться, утверждая, что изъ нихъ нѣтъ и 10000 фамилій, которые были бы дѣйствительно съ состояніемъ; если же отсюда исключить спекуляторовъ и ихъ тайныхъ и явныхъ агентовъ, наконецъ тѣхъ, которыхъ король поддерживаетъ своими милостями, то я увѣренъ, что число людей съ истиннымъ состояніемъ весьма уже не велико». Такова картина экономическаго быта Франціи при Лудовикѣ XIV! Едва $^1/_{10}$ часть $^1/_{10}$ части всего населенія увѣрены въ своемъ кускѣ хлѣба. На одного сытаго приходится 100 голодныхъ. Далѣе Вобанъ краснорѣчиво указываетъ Лудовику XIV на самое дорогое сословіе въ государствѣ:

Digitized by Google

«Честь и совѣсть принуждаютъ меня представить Вашему Величеству, что, какъ мнѣ кажется, во Франціи, во всѣ времена обращали мало вниманія на простой классъ людей; а потому это часть населенія болѣе всего разорена и жалка; между тѣмъ эта часть населенія весьма важна и по своему числу, и по дѣйствительности своихъ заслугъ; она несетъ на себѣ всѣ тяжести, она болѣе всѣхъ переноситъ, и терпитъ еще болѣе, и уменьшеніе населенія всегда падаетъ на нее».

«Нижній классъ населенія своимъ трудомъ, своею промышленностію и своими податями обогащаетъ короля и все его государство; эта же часть населенія поставляетъ солдатъ и матросовъ для сухопутной и морской арміи; изъ нея выходятъ мелкіе торговцы, она ведетъ торговлю и промышленность въ государствѣ; изъ нея выходятъ и земледѣлецъ, и винодѣлъ, и пастухъ, охраняющій и питающіи стада; она сѣетъ и жнетъ, собираетъ виноградъ, дѣлаетъ вино; однимъ словомъ, на этой части населенія лежитъ все большое и мелкое хозяйство, какъ городовъ, такъ и деревень». Показавъ важность сельскаго сословія, Вобанъ доказываетъ, что именно это сословіе выдано на жертву самыхъ жестокихъ притѣсненій.

«Нельзя повѣрить, до чего доходятъ притѣсненія сборщиковъ податей съѣстныхъ припасовъ. Если крестьянинъ для экономіи приливаетъ двѣ части воды въ купленную имъ мѣру вина или сидры изъ яблокъ и грушъ, то онъ рискуетъ не только все потерять, но еще подвергнуться штрафу, и такимъ образомъ заплатить за воду, которую онъ пьетъ».

«Соль вздорожала отъ налоговъ до того, что они, не имѣя возможности сохранять мясо въ прокъ, прекратили разводъ свиней».

«Изъ чиновниковъ, наблюдающихъ за сборомъ податей, на сто не будетъ одного, который оказался бы честнымъ; правда, еще не употребляютъ огня и желѣза для истребленія имуществъ, но за то нѣтъ никакой другой мѣры, къ которой они не прибѣгали бы для разоренія провинцій. И потому всѣ провинціи, изъ которыхъ состоитъ королевство, до тла разорены». Эта картина экономическаго состоянія провинціи, сдѣланная Вобаномъ, находитъ себѣ подтвержденіе во всѣхъ мемуарахъ того времени. Въ 1697 году Герцогъ Бургундскій, наслѣдникъ престола, желая ознакомиться ближе съ истиннымъ состояніемъ Государства далъ секретное предписаніе всѣмъ интендантамъ составить для него мемуары о состояніи провинціи. Отвѣты были всѣ на одну тему; вотъ въ какихъ краткихъ словахъ былъ изображенъ бытъ крестьянина напримѣръ въ Оверни. «Крестьяне живутъ большую часть года въ снѣжныхъ шалашахъ, а остальную часть прово-

Digitized by Google

дать въ хлѣвахъ вмѣстѣ съ своими домашними животными».

Какъ видно, со времени Флешье бытъ провинціи во Франціи не сдѣлалъ большихъ успѣховъ. Но никто не даетъ такаго яснаго до отвращенія понятія о Французскомъ поселянинѣ XVII столѣтія, какъ La Bruyère (1688) въ своихъ Caractères: » въ нашихъ деревняхъ есть какія то животныя мужескаго и женскаго рода, разсѣянныя по полямъ, черныя, грязныя, обожженыя солнцемъ, привязанныя къ землѣ, которую они взрываютъ съ какимъ то страннымъ упорствомъ; они однако умѣютъ подавать голосъ; и когда они поднимаются на ноги, тогда только видишь человѣческое лицо, и въ самомъ дѣлѣ это люди; на ночь они прячутся въ шалаши, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою и корешками, они избавляютъ другихъ отъ труда сѣять, пахать землю, жать и справедливо потому давать имъ хлѣбъ, который они сѣютъ».

При появленіи les Grands-Jours въ Оверни сельское сословіе распространило слухъ, что дѣло идетъ объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ; при этомъ, идеи французскаго крестьянина того времени о свободѣ были такъ узки, что онъ принялъ свободу за освобожденіе отъ всякаго труда. Одна помѣщица въ Оверни должна была жаловаться Messieurs les Grands-Jours на то, что ея крестьяне всѣ купили перчатки, полагая, что les Grands-Jours назначены для того, чтобы освободить ихъ отъ работы, что ихъ теперь будетъ кормить король. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при всеобщемъ нравственномъ паденіи общества, въ этой грубой массѣ народа, лишенной всякаго политическаго смысла, подавленной и уничтоженной, проглядывали самыя свѣтлыя и благородныя черты. Когда случилось одному доброму и честному помѣщику отправляться въ Клермонъ, гдѣ были Messieurs les Grands-Jours, его поселяне, слыша о казни многихъ помѣщиковъ, и боясь за участь своихъ добрыхъ господъ, предлагали имъ свое покровительство и аттестатъ о ихъ хорошей жизни и добрыхъ нравахъ. Читая извѣстія подобныя помѣщенкымъ въ Caractères, думаешь быть гдѣ нибудь среди дикихъ и въ самомъ дѣлѣ это были настоящіе дикари. Если Вашимъ воображеніемъ рисуется изящество эпохи Людовика XIV. времени Корнеля, Расина; то это картина только десятой доли отъ десятой части Франціи, какъ выражается Вобанъ. Но Вы видѣли сей часъ матеріальное положеніе большинства; моральное состояніе массы въ тотъ золотой вѣкъ было не лучше: поселяне были не только звѣри, но еще и запуганные звѣри. Я раскажу вамъ анекдотъ изъ мемуаровъ M-me de Sévigné, который она записала для потѣхи; но для того, кто любитъ человѣка при расказѣ этого анекдота возможна только одна улыбка состраданія. Народъ часто слышалъ изъ ордонан-

Digitized by Google

совъ объ одномъ учрежденіи, называемомъ la gabelle; это была подать на соль; народъ былъ тупъ для того, чтобы понимать отвлеченное значеніе подати; онъ видѣлъ, что послѣ такого ордонанса возвышается цѣна на соль; но въ этомъ добромъ народѣ было столько привязанности къ королю, что онъ не хотѣлъ вѣрить, что la gabelle назначается королемъ, а въ народѣ полудикомъ и варварскомъ ходилъ слухъ, что la gabelle есть чудовище, которое появляется время отъ времени для притѣсненія народа. При такомъ настроеніи умовъ въ одной Бретанской деревнѣ распространился слухъ, что въ приходской церкви появилось невѣдомое чудовище, которое впилось въ стѣну и машетъ только хвостомъ; при этомъ оно шипитъ и по временамъ даже и почью издаетъ звуки похожіе на весеннее мяуканье кошки. Многіе изъ крестьянъ увѣряли, что они видѣли это чудовище собственными глазами. «Синіе колпаки» какъ называли въ то время крестьянъ, собрались на сходку и рѣшили единодушно, что это чудовище и есть именно la gabelle. Толпа вооруженная палками, пошла по направленію къ церкви и встрѣтивъ священника объявила ему, что въ церковь забралась la gabelle, и что они намѣрены убить ее. Священникъ зналъ своихъ прихожанъ и прибѣгнулъ къ хитрости: «нѣтъ, мои дѣти, вы ошибаетесь это не gabelle, а jubilé т. е. явленное чудо» Толпа при этомъ словѣ, поспѣшила снять свои колпаки, бросилась на колѣни и забормотала молитвы, составленныя на подобный случаій. Между тѣмъ это явленное чудо были стѣнные часы, которыя священникъ пріобрѣлъ для своего прихода. Такимъ образомъ въ Бретани, недалеко отъ Версаля, центра всякоій образованности, масса не подозрѣвала о существованіи часовъ.

Въ этомъ анекдотѣ, записанномъ для потѣхи Версальскаго общества, есть много трогательнаго; поселянинъ грубъ и необразованъ: до него не дошли слухи о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ, въ Версали наслаждались всѣми изобрѣтеніями человѣческаго ума до напудреннаго парика включительно; но за то въ деревнѣ сколько было прекрасныхъ инстинктовъ; поселянинъ вѣритъ безотчетно въ истинное назначеніе правительства и создаетъ миѳъ о чудовищѣ, обирающемъ государственную подать; одно слово религіи и онъ падаетъ на колѣни: въ версальскоій капеллѣ, когда за вечерней службоій распространился слухъ о томъ, что Людовикъ XIV не будетъ по болѣзни въ церкви, всѣ потушили свѣчи и разошлись; между тѣмъ Людовикъ XIV пришелъ и увидѣлъ себя одного въ церкви. Отнимите у однихъ ихъ внѣшній лоскъ образованности и вы получите въ остаткѣ нуль: снимите кору суевѣрія съ другихъ и предъ Вами явится во всемъ

Digitized by Google

блескѣ то, что дѣлаетъ счастливымъ и отдѣльнаго человѣка, и цѣлое общество; я разумѣю чистое, неиспорченное сердце. Главными причинами такого бѣдственнаго экономическаго и моральнаго состоянія сельскаго сословія была финансовая система, юридическія отношенія поселянъ къ земле-владѣльцамъ и дурное провинціальное хозяйство. Постоянный денежный голодъ, которымъ томилась администрація, побуждалъ правительство прибѣгать вовсе не къ раціональнымъ средствамъ увеличенія доходовъ. Продажа должностей въ провинціяхъ была однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода и вмѣстѣ народнаго бѣдствія. Каждый разъ, когда правительству нужны были деньги, оно создавало новыя должности и продавало ихъ. Такъ однажды въ одну недѣлю Людовикъ получилъ пять милліоновъ за продажу новыхъ мѣстъ. Такими мѣстами были должности для веденія списка умершимъ, родившимся и т. п. Людовикъ XIV, какъ и всѣ подобные ему великіе люди, любилъ иногда выслушивать голосъ рѣзкой правды; собиратели анекдотовъ видятъ въ подобныхъ случаяхъ великодушіе своихъ героевъ; въ сущности такіе случаи представляютъ капризы великихъ людей, которымъ надоѣдаетъ однообразный голосъ лести. Одинъ изъ приближенныхъ Людовика, по поводу изобрѣтенія имъ новыхъ должностей, замѣтилъ: «всякій разъ когда Ваше Величество творите новую должность, Богъ творитъ новаго дурака, который се непремѣнно купитъ». Но не всегда можно было отзываться такимъ образомъ о покупателяхъ должностей; большею частію это были люди на бѣду весьма смышленые; купившій новую должность платилъ за мѣсто правительству и потомъ возвращалъ затраченую сумму при отправленіи своей должности. Бѣдный крестьянинъ не могъ окрестить сына, ни жениться, ни умереть безъ того, чтобы не было занесено его имя въ списокъ чиновникомъ, который при этомъ бралъ съ него подать; такъ что крестьяне часто принуждены были для экономіи обходиться безъ священниковъ, и заключали браки сами при помощи свидѣтелей, только чтобы не платить чиновнику подати. Однимъ изъ вѣрныхъ признаковъ присутствія жизни въ провинціяхъ служатъ средства къ сообщенію. При Людовикѣ XIV едва поддерживались дороги, которыя были необходимы для движенія войска и для путешествія знатныхъ между большими городами. Но проселочныя дороги были дурны до того, что часто въ одной провинціи умирали съ голода, и въ сосѣдней хлѣбъ гнилъ отъ невозможности доставить его на рынокъ. Когда M-me de Sévigné должна была проѣхать изъ Парижа въ Бретань, она должна была сломать на дорогѣ двѣ коляски, въ которыя впрягалось семь лошадей; почтовый курьеръ привозилъ ей письма изъ Парижа въ

Digitized by Google

Бретань въ девять дней, для чего теперь нужно девять часовъ. Кольберъ понималъ всю важность провинціальныхъ дорогъ и дѣлалъ важныя улучшенія. До него проведеніе и храненіе дорогъ составляло corvée т. е. барщину; крестьяне выгонялись на дорогу и тогда можно было встрѣтить очень часто толпу въ сто, двѣсти человѣкъ, подъ руководительствомъ деревенскаго полицейскаго, расчищающихъ дорогу, по тому или другому случаю. Кольберъ ввелъ налогъ, на поправку дорогъ и мостовъ; но этотъ налогъ имѣлъ странную судьбу. С. Симонъ разсказываетъ, что послѣ Кольбера соединили старую методу съ новой; по старой методѣ барщина продолжала чинить дороги и потому дороги оставались непроходимыми, а мосты переломанными; одинъ интендантъ въ Шампани ввелъ даже усовершенствованіе по этой части: прежде давали на барщинѣ казенный хлѣбъ, онъ отмѣнилъ этотъ обычай; ему подражали другіе и безъ сомнѣнія за ревность къ службѣ, интендантъ Шампани былъ сдѣланъ Conseiller d'Etat; народъ умиралъ съ голоду на дорогѣ, надъ проведеніемъ которой онъ работалъ; а государство наконецъ совершенно отказалось взять на себя обязанность заботиться о дорогахъ. Странно одно, что между тѣмъ подать, назначенная Кольберомъ на содержаніе дорогъ осталась въ полной силѣ; ея настоящее назначеніе было забыто, и она смѣшалась съ другими государственными доходами.

Въ заключеніе нашей общей картины провинціальнаго быта въ деревнѣ при Лудовикѣ XIV, я долженъ представить Вамъ одно замѣчательное явленіе, которое быть можетъ объяснитъ намъ, почему правительство Лудовика оставалось глухо и слѣпо ко всему, что происходило въ провинціи. Мы до сихъ поръ объяснили такое явленіе тѣмъ, что центральная администрація была поставлена разъ навсегда въ такое положеніе, что она по неволѣ видѣла себя осужденною жить тѣмъ порядкомъ вещей, который существовалъ на лице; такая администрація должна была противъ своей воли повторять слова M-me de Pompadour: après nous le déluge! Но была и другая причина, которая закрывала отъ правительства настоящій бытъ провинцій. Каждая провинція во Франціи имѣла свои провинціальные штаты. Эти штаты состояли изъ духовныхъ, дворянъ и зажиточныхъ горожанъ большихъ городовъ (les grands Bourgeois des bonnes villes). Но духовные не платили податей, дворянство также; зажиточные граждане не участвовали въ такъ называемыхъ добровольныхъ приношеніяхъ, платили подать одни крестьяне; но они не имѣли своего представителя въ штатахъ. Каждый разъ когда правительство чрезъ своего интенданта обращалась къ штатамъ за добровольнымъ приношеніемъ, которое и духовные и дворяне окончательно собирали

Digitized by Google

съ своихъ подданныхъ, провинціальное собраніе единодушно соглашалось на всякое приношеніе, потому что его члены ничего не платили. Въ Лангедокѣ палата провинціальная въ одинъ голосъ согласилась поднести королю 2,000,000; черезъ два года 2.400,000; черезъ годъ 3.000.000 ливровъ. Въ глазахъ Людовика XIV такое единодушіе было вызвано патріотическимъ чувствомъ страны, и высшія власти, по свидѣтельству Madame de Sevigné получали отъ короля награду за привязанность къ интересамъ Государства. Разъ въ 1673 году въ одной провинціальной палатѣ нашлись два депутата отъ дворянства, которые вздумали противорѣчить; герцогъ Chaulnes, губернаторъ провинціи, пишетъ по этому случаю Кольберу: «мы опредѣлили выгнать двухъ дворянъ изъ собранія за ихъ слишкомъ патетическія рѣчи о состояніи провинціи. Я исполнилъ это вчера утромъ; призвавъ ихъ къ себѣ, я приказалъ имъ оставить палату и выпроводить ихъ за городъ въ моей коляскѣ въ сопровожденіи офицера и 6 стражей. Мой поступокъ оправдывается тою властію, которую вручилъ мнѣ король; вчерашній день ко мнѣ явились три депутаціи о возвращеніи этихъ дворянъ. Я воспользовался этими тремя депутаціями, чтобы напугать хорошенько палату, и убѣдить ее согласиться немедленно и безъ условій на «*добровольное* приношеніе» потому что слава короля не позволяетъ ему нищенствовать, и приношенія украшаютъ не того, кто ихъ получаетъ, но тѣхъ, которые его дѣлаютъ. Въ самомъ дѣлѣ послѣ нашихъ объясненій относительно необходимости слѣпаго повиновенія, которымъ палата обязана волѣ Его Величества, палата сего дня утромъ прислала депутацію съ покорнѣйшею просьбою принять 2.600.000 ливровъ, которые именно мнѣ и приказано требовать». На этотъ разъ присужденіе этаго добровольнаго приношенія прошло единодушно и безъ всякихъ условій. Это письмо герцога Шоня къ Кольберу, помѣщено въ Correspondance administrative etc., и я не могу сказать, какую награду получилъ герцогъ за такое единодушное и патріотическое согласіе палаты. Я могъ бы Вамъ представить и другіе примѣры подобной государственной комедіи, разыгрываемой въ провинціи, но и этого одного достаточно, чтобы убѣдить Васъ, до какой степени начала администраціи Людовика XIV находили свое наказаніе въ самихъ себѣ. Внѣшняя сторона правленія Людовика XIV, какъ мантіей прикрываетъ несостоятельность внутренней жизни Государства; я приподнялъ эту завѣсу, на сколько мнѣ то позволило время трехъ часовъ нашей бесѣды.

Digitized by Google

Быть можетъ, М. Г., я не сказалъ ничего новаго, ничего, что уже не было бы извѣстно Вамъ; но и въ такомъ случаѣ я надѣюсь по крайней мѣрѣ, что мои воззрѣнія на значеніе провинціи въ государственной жизни, которыя вытекаютъ изъ той картины провинціальнаго быта во Франціи, будутъ ли эти воззрѣнія стары или новы, во всякомъ случаѣ близки къ истинѣ. Провинцію заклеймили Римляне самимъ названіемъ, которое въ переводѣ съ латинскаго языка значитъ: побѣжденная страна. Римляне дорого заплатили за то, что ихъ управленіе провинціями соотвѣтствовало названію самаго предмета; римскіе пропреторы и проконсулы были безпримѣрными деспотами въ провинціяхъ; при Лудовикѣ XIV французская провинція была не въ лучшемъ состояніи; правда, Лудовикъ XIV не завоевывалъ своихъ провинцій, какъ Римляне, но, по прекрасному замѣчанію Вобана, опустошать можно не однимъ желѣзомъ и огнемъ. Администрація Лудовика XIV обратила государственную жизнь въ постоянную войну; армія чиновниковъ стоила римскихъ легіоновъ. Я сравнилъ существованіе французскихъ провинцій съ состояніемъ войны; но оно было еще хуже; война кончается миромъ, но война въ формѣ административной безконечна и безпощадна; одно только истощеніе силъ можетъ окончить такое печальное состояніе общества. Мы въ настоящее время имѣемъ лучшіе взгляды на значеніе провинціи въ общей жизни государства; если и въ наше время можетъ явиться необходимость завоевать провинцію, то къ этому можетъ быть употреблено только одно средство—образованность и то, что обусловливаетъ успѣхи образованности, не той образованности, которая ограничивается, вѣрнѣе сказать, скользитъ по высшимъ слоямъ общества, но той, которая имѣетъ глубокіе корни въ нѣдрахъ самаго общества.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ Г-на Пятковскаго «Матеріалы для біографіи Веневитинова стр. 213—234 вкрались опечатки, изъ которыхъ важнѣйшія.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
220	сверху 21	(М. Ѳ.)	(М. Г.)
232	снизу 10	воспроизводить	воспроизведенія.
234	снизу 14	потерю.	потерю,

Digitized by Google

Digitized by Google

ЮВЕНАЛЪ.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

Н. М. Благовѣщенскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЮВЕНАЛЪ. *)

ЛЕКЦІЯ I.

Въ первый разъ еще русскій профессоръ древней филологіи рѣшается выступить съ публичною лекціею о своемъ предметѣ. Въ первый разъ еще этотъ предметъ привлекаетъ въ аудиторію не обязанныхъ слушателей, а представителей образованнаго общества, не имѣющихъ никакого офиціальнаго отношенія къ Университету. Мм. Гг., я долженъ начать мою лекцію съ откровеннаго признанія въ томъ, что наша филологія едва ли заслужила такую честь. Мы сдѣлали все или почти все для того, чтобы поселить въ нашемъ обществѣ недовѣріе къ древней филологіи и сомнѣніе въ ея пользѣ. До сихъ поръ мы обыкновенно шли въ этой наукѣ не дальше грамматики, на древнихъ писателей смотрѣли, какъ на средство изучить всѣ ея тонкости, — да и тѣхъ не изучили. Я, разумѣется, нисколько не вооружаюсь противъ грамматики. Нѣтъ сомнѣнія, что она необходимое основаніе, безъ котораго невозможно строить зданія филологіи. Я говорю только, что принять фундаментъ за зданіе — большая ошибка, а скорбѣть о томъ, что никто не восхищается такимъ безобразнымъ и только что начатымъ зданіемъ — большая наивность.

*) Лекціи о Ювеналѣ уже были помѣщены въ 19-мъ № «Русскаго Вѣстника» (1859 г.), но съ пропусками, на которые авторъ, однако, не уполномочилъ редакцію означеннаго журнала. Пользуясь выходомъ въ свѣтъ втораго выпуска «Сборника, издаваемаго студентами Императорскаго С. Петербургскаго Университета», авторъ счелъ не лишнимъ снова напечатать свой трудъ въ первоначальномъ его видѣ. *Прим. авт.*

Digitized by Google

Дѣло въ томъ, что живыя стороны древней филологіи до сихъ поръ остаются почти совершенно чуждыми намъ. Удивляться ли послѣ этого, что она находитъ у насъ такъ мало почитателей!

Но не только у насъ, по причинамъ, которыя очень понятны, даже на западѣ Европы раздаются по временамъ голоса противъ классической филологіи, — и тамъ она уже не разъ была объявлена какимъ то вопіющимъ анахронизмомъ. Мы стремимся, говорятъ противники этой науки, приложить всѣ наши знанія къ самой жизни: таково направленіе нашего вѣка. Мы поняли, что наука необходима для жизни и въ прямомъ, т. е. матеріальномъ, непосредственномъ приложеніи къ ней, и какъ лучшее основаніе, какъ твердая опора нашей мысли. Мы поняли, что жизнь безъ науки жалка и постыдна, да, кромѣ того, и опасна въ наше время, потому что лишаетъ государство такого оружія, которымъ хорошо владѣетъ Европа.

Этотъ современный взглядъ на науку вполнѣ разуменъ: онъ обѣщаетъ и для науки, и для общества много хорошаго. Но если это такъ, то невольно возникаетъ вопросъ: какое же значеніе въ сферѣ наукъ имѣетъ въ наше время древняя филологія? Къ чему намъ изучать бытъ какого нибудь давно отжившаго народа, когда мы не имѣемъ достаточно времени, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, что насъ окружаетъ, что намъ близко?

По отношенію къ римской древности, такой взглядъ былъ бы односторонекъ даже и тогда, когда изъ этой науки мы не могли бы извлечь ничего полезнаго для нашей современности. Неужели недостойна нашего вниманія, сама-по-себѣ, жизнь народа, который произвелъ столько великаго и изъ ничего достигъ такой высокой степени политическаго развитія и могущества?

Притомъ не должно забывать, что въ римской древности кончается исторія классическаго міра, на развалинахъ котораго возникаетъ новая жизнь, а это самое придаетъ изученію его интересъ чисто-практическій. Римъ передалъ новой Европѣ результаты греко-римской цивилизаціи и сдѣлался необходимымъ звѣномъ, которое связуетъ міръ живущій съ міромъ древнимъ, отжившимъ. На жизнь обоихъ народовъ такъ называемой классической древности мы необходимо должны смотрѣть, какъ на первое проявленіе современнаго

Digitized by Google

намъ европейскаго быта. Вотъ почему изученіе почти всѣхъ сторонъ жизни Грековъ и Римлянъ, напримѣръ, ихъ литературы, искусства, политическихъ учрежденій и пр., необходимо для полнаго пониманія нашей современности.

Изученіе римской литературы особенно важно для насъ потому, что она оказала огромное вліяніе на развитіе европейскаго слова: она произвела въ Европѣ періодъ классицизма. Римскую словесность очень часто упрекаютъ въ томъ, что она съ самаго начала усвоила себѣ характеръ подражательный, и не создала почти ни одной литературной отрасли. Для оправданія этой науки въ подобныхъ упрекахъ, достаточно спросить: какую же новую отрасль выработали христіанскія литературы? Развѣ онѣ слѣдуютъ не тѣмъ же путемъ, которымъ шло римское слово? Развѣ почти всѣ отрасли новой литературы не тѣ же самыя, какія явились уже у Грековъ?

Но въ римской литературѣ встрѣчается намъ одна чисто національная отрасль: — это сатира. «Сатира вся наша», самодовольно и съ полнымъ правомъ говоритъ Квинтиліанъ.

Вотъ причина, которая заставила меня избрать римскую сатиру или, говоря точнѣе, одного изъ главныхъ представителей ея—Ювенала—темою для моихъ лекцій. Но эта причина не единственная. Мы теперь всѣ понимаемъ, что изученіе отрицательной стороны жизни какого бы то ни было народа такъ же поучительно, какъ и положительной. Чувство ненависти ко всему безчестному и преступному, выносимое человѣкомъ изъ подобнаго изученія, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ на душу его не менѣе благотворно, чѣмъ отрадное успокоеніе на свѣтлыхъ эпохахъ и утѣшительныхъ фактахъ исторіи.

Недавно, въ этой самой аудиторіи, почтенный мой товарищъ *) живо и краснорѣчиво указалъ на мрачную сторону одного вѣка, который до сихъ поръ еще многими считается блестящимъ — это вѣкъ Людовика XIV. Безъ сомнѣнія, этому взгляду суждено со временемъ сдѣлаться историческою аксіомою, но несомнѣнно и то, что упомянутая эпоха богата, по крайней мѣрѣ, наружнымъ, внѣшнимъ блескомъ.

*) М. М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

Вѣкъ, въ который я долженъ ввести васъ, Мм. Гг., лишенъ даже этого мишурнаго ореола. Это, можетъ быть, самое мрачное, самое ужасное время, какое пережилъ міръ, съ тѣхъ поръ какъ онъ существуетъ, — это вѣкъ Домиціана.

Въ исторіи человѣчества не рѣдко встрѣчаются такъ-называемыя мрачныя эпохи, когда правдѣ нѣтъ мѣста, когда честный и живой человѣкъ считается чуть не преступникомъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ безпокойнымъ и положительно вреднымъ для общественнаго порядка.

Такія эпохи чаще всего являются на двухъ предѣлахъ исторической жизни народовъ, передъ наступленіемъ эпохи процвѣтанія и послѣ нея.

Въ первомъ случаѣ, этотъ нравственный застой, озлобляющійся противъ жизни и правды, имѣетъ опору себѣ въ гражданской и умственной незрѣлости народа; а она, особенно при неблагопріятныхъ условіяхъ для народнаго развитія, продолжается иногда цѣлыя столѣтія.

Положеніе людей, зрѣлыхъ умственно и нравственно, бываетъ въ такія времена очень печально. На свои благородныя стремленія они находятъ мало отзыва въ обществѣ; преслѣдуемые то презрѣніемъ, то подозрѣніями, они безплодно тратятъ свои силы въ борьбѣ съ невѣжествомъ и равнодушіемъ къ общественнымъ интересамъ. Но печальная дума этихъ людей умѣряется, по крайней мѣрѣ, при мысли, что они живутъ въ переходную эпоху, что въ ихъ народѣ достаточно умственныхъ и нравственныхъ, хотя и скрытыхъ до времени, силъ, необходимыхъ для того, чтобы наконецъ достигнуть зрѣлости и лучшаго быта.

Всегда и вездѣ, особенно въ такое переходное время, передовые люди не рѣдко обращались къ литературѣ, и въ ней начинали раздаваться живые голоса, проникнутые пламенною любовью къ правдѣ и благу, неподкупнымъ доброжелательствомъ къ родной странѣ. Эту любовь, по выраженію поэта, писатель не рѣдко проповѣдуетъ «холоднымъ словомъ отрицанья». Это —

> **Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,**
> **Что клеймитъ злодѣя и глупца...**

Digitized by Google

Не только любопытно, но и поучительно прислушиваться къ этимъ честнымъ голосамъ: они часто служатъ выраженіемъ народнаго гласа, а «гласъ народа — гласъ Божій».

Во всякомъ случаѣ, однако, безусловный пессимизмъ въ такое переходное время, представляющее историческій выходъ къ лучшему, — явленіе ненормальное, болѣзненное.

Дѣйствительно, гораздо печальнѣе и мрачнѣе эпохи нравственнаго застоя, которыя являются на другомъ, противоположномъ концѣ жизни народа, и заканчиваютъ собой его исторію. Тогда отъ великой поры прошедшаго остаются только одни воспоминанія, настоящее невыносимо тяжело, и нѣтъ уже никакого исхода къ лучшему будущему. Незавидна участь людей съ умомъ возвышеннымъ и благороднымъ, которымъ суждено жить въ такое безотрадное время. Они глубоко чувствуютъ весь ужасъ и всю безвыходность положенія того общества, къ которому сами принадлежатъ, и это дѣлаетъ личность ихъ вполнѣ трагическою. Литература и въ этомъ случаѣ представляетъ для благороднаго человѣка лучшую, хотя и не очень удобную сферу дѣятельности, и вотъ почему, иногда, въ мрачную историческую эпоху, одиноко свѣтитъ имя писателя, не имѣющаго ничего общаго съ окружающимъ его міромъ.

Въ такое безотрадное время суждено было жить Ювеналу. То была самая мрачная пора эпохи римскихъ цезарей. Въ исторіи нѣтъ другаго примѣра такого страшнаго нравственнаго паденія цѣлой націи, пережившей одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ человѣческаго величія. Безконечный рядъ казней, среди безконечныхъ оргій; легіоны рабовъ и ссыльныхъ, — центуріоновъ, готовыхъ всякому продать римскую корону, — доносчиковъ и шпіоновъ, которые тучнѣли на счетъ своихъ жертвъ: вотъ что увидѣлъ поэтъ въ тѣ годы своей жизни, когда западаютъ въ душу человѣка первыя впечатлѣнія.

Къ сожалѣнію, намъ почти неизвѣстна жизнь Ювенала. У древнихъ авторовъ мы напрасно будемъ искать полной и вѣрной характеристики этого писателя. Тогда еще не понимали значенія исторіи литературы. Римскіе филологи, или такъ называемые грамматики, не обращали почти никакого вниманія на личность авторовъ и, при изученіи ихъ, большею частію исключительно останавливались на

Digitized by Google

этимологіи разныхъ словъ, ими случайно употребленныхъ. Грамматики не старались собрать преданія о жизни своихъ литературныхъ знаменитостей, или дѣлали это безъ всякой критики, и не умѣли возвыситься отъ простаго слова или факта до идеи. Впрочемъ, не будемъ обвинять ихъ за это слишкомъ строго, тѣмъ болѣе, что подобные филологи и теперь еще не перевелись на свѣтѣ.

Мы имѣемъ древнюю біографію Ювенала, которая наполнена цѣлымъ рядомъ отрывочныхъ, перепутанныхъ и невѣрныхъ замѣтокъ, такъ что очень трудно отыскать въ нихъ историческую правду *). За то нравственная личность Ювенала очень ярко отражается въ его сатирахъ; онъ вполнѣ оправдываетъ собою слова Лессинга, что жизнь поэта — его творенія.

Ювеналъ родился при императорѣ Клавдіи (въ 42 г. по Р. Х.), въ небольшомъ городѣ Кампаніи, Аквинумѣ (Aquinum), и былъ сынъ или пріемышъ (incertum — filius, an alumnus) богатаго отпущенника. Отъ него, вѣроятно, поэтъ получилъ въ наслѣдство, въ окрестностяхъ Тиволи, помѣстье, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей XI сатирѣ. Ювеналъ (прибавляетъ древній его біографъ) очень долго, до половины своей жизни, упражнялся въ декламаціи, и она, какъ мы увидимъ, не мало повредила его литературнымъ трудамъ.

Декламаціи составляли, особенно въ періодъ имперіи, главный предметъ въ римскомъ воспитаніи. Наставникъ, или риторъ, обыкновенно предлагалъ своимъ ученикамъ тему для сочиненія. Эти школьныя темы большею частію отличались очень страннымъ характеромъ и не имѣли ничего общаго съ окружающимъ міромъ: задавали, напримѣръ, написать рѣчь мага или жреца во время моровой язвы,

*) Въ старинныхъ манускриптахъ, въ которыхъ дошли до нашего времени сатиры Ювенала, сохранились отрывки изъ нѣсколькихъ его біографій. Главная изъ нихъ, обыкновенно печатаемая въ изданіяхъ сатиръ Ювенала, приписывается то грамматику Пробу, то Светонію (изъ его сочиненія de Poëtis), но безъ достаточнаго основанія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта біографія написана въ древности, но несомнѣнно и то, что она дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ позднѣйшемъ и очень неудачномъ извлеченіи. Кромѣ того, у Свиды и въ древнихъ схоліяхъ къ Ювеналу можно найдти нѣсколько скудныхъ извѣстій о его жизни, но авторитетъ ихъ очень шатокъ. Попытки составить изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ полную біографію Ювенала не привели да и не могутъ привести къ удовлетворительному результату.

Digitized by Google

рѣчь пирата къ матросамъ захваченнаго имъ корабля, и т. д. Такую тему молодой человѣкъ долженъ былъ изложить самымъ цвѣтистымъ слогомъ, со всѣми возможными и даже невозможными риторическими украшеніями. Такимъ образомъ Римлянинъ съ самаго ранняго возраста привыкалъ къ напыщенной, неестественной рѣчи, и вотъ одна изъ главныхъ причинъ того непріятнаго риторства, которымъ проникнуты произведенія даже лучшихъ римскихъ авторовъ этой эпохи.

Ювеналъ перешелъ отъ безжизненныхъ декламацій къ живой сатирѣ въ то время, когда другіе передко кончаютъ свою литературную дѣятельность. Онъ уже пережилъ въ эту пору нѣсколько царствованій, — пережилъ Клавдія, Нерона, видѣлъ кровавую усобицу за власть между Гальбою, Отономъ и Вителліемъ. Наконецъ, Римъ отдохнулъ нѣсколько въ правленіе первыхъ Флавіевъ, Веспасіана и Тита, но какъ бы для того, чтобы еще болѣе почувствовать весь ужасъ деспотизма, когда на римскомъ тронѣ явился Домиціанъ.

Это одна изъ самыхъ чудовищныхъ личностей, даже между римскими цезарями. Это былъ человѣкъ очень властолюбивый, тщеславный, свирѣпый, но скрытный, умѣвшій до времени затаивать свою злобу, и въ то же время очень трусливый. Вообще, онъ много напоминаетъ собою Тиберія: не даромъ мемуары его составляли любимое чтеніе Домиціана. Подобно Тиберію и Нерону, онъ не разомъ обнаружилъ свою жестокость. Всѣ эти цезари сначала какъ будто приглядывались къ тому, что ихъ окружало, и потому первые годы ихъ правленія миновали тихо, мирно и даже не безславно. Но не проходило двухъ-трехъ лѣтъ, и они начинали свирѣпствовать. Въ этомъ фактѣ кроется, конечно, историческая причина. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти люди, свирѣпые уже по природѣ, испорченные лестью и воспитаніемъ, очень скоро убѣждались въ томъ, что ихъ народъ — нѣмая толпа рабовъ, готовая терпѣливо и равнодушно сносить самый необузданный произволъ.

Я нахожу глубоко вѣрнымъ слѣдующее, впрочемъ, очень обыкновенное замѣчаніе Гиббона о римской монархіи. Правительственная власть, говоритъ знаменитый англійскій историкъ, съ тѣми элементами, которые вошли въ составъ римскаго принципата, можетъ принять колосальные, ужасающіе размѣры, если въ самомъ обществѣ

Digitized by Google

не будетъ достаточно нравственныхъ средствъ для ея ограниченія. Вотъ почему эпохи страшнаго деспотизма въ то же время эпохи глубокаго нравственнаго паденія цѣлой націи. Клавдій, Неронъ и Домиціанъ, которые ожесточили душу Ювенала, переполнили ее сатирой и злобой, были прямымъ, самымъ логическимъ и необходимымъ результатомъ своего вѣка. Иначе прокураторы, то-есть губернаторы римскихъ провинцій, передавая приказанія Домиціана, не могли бы начинать свои циркуляры словами: «богъ и властелинъ нашъ повелѣваетъ такъ.» Домиціанъ, какъ извѣстно, не дождался своей посмертной апоѳеозы; онъ еще при жизни торжественно объявилъ себя богомъ, а сенатъ и народъ рабольпно преклонились передъ этимъ новымъ для человѣка титуломъ.

Римскій богъ началъ свою политическую карьеру съ того, что привлекъ на свою сторону чернь и войско. Онъ очень легко достигъ этого тѣмъ, что забавлялъ народъ великолѣпными зрѣлищами (въ циркѣ и въ амфитеатрѣ) и даровою раздачей хлѣба, а войску увеличилъ жалованье. Такова обыкновенная политика римскихъ цезарей.

Затѣмъ послѣдовали безпрерывныя казни. Между прочимъ, богатство не рѣдко было въ это время единственною виною человѣка. Богатые люди часто были обвиняемы въ оскорбленіи величества или въ какомъ-нибудь другомъ, небываломъ преступленіи, и выводились на казнь только для того, чтобы деньгами ихъ покрылись расходы на увеселенія народа. Значительная часть конфискованнаго имущества отдавалась обыкновенно доносчикамъ, и это было лучшее средство поощрить ихъ дѣятельность и усердіе.

Особенно въ послѣдніе годы своего пятнадцатилѣтняго царствованія, Домиціанъ свирѣпствовалъ съ такою оскорбительною для человѣчества жестокостію, что и теперь нельзя безъ отвращенія и ужаса читать страшную повѣсть его правленія. Нѣсколько слабыхъ попытокъ освободить Римъ отъ этого тирана только безплодно увеличили число жертвъ и казней. Тяжелое было время!

Въ эту-то пору Ювеналъ началъ писать сатиры. Ему было за сорокъ лѣтъ, и уже изъ этого видно, что его произведенія не служили выраженіемъ минутнаго юношескаго порыва: это было негодованіе вполнѣ зрѣлаго человѣка, невольное проявленіе гнѣва, который накипѣлъ въ душѣ поэта въ долгіе годы отчаянія.

Digitized by Google

Время Домиціана было, конечно, не литературное. Въ этотъ страшный вѣкъ и могли только безопасно писать такіе поэты, какъ Марціалъ и Стацій, которые не стыдились называть Домиціана великимъ человѣкомъ и обращаться къ нему въ своихъ произведеніяхъ съ самою грубою лестью. Казалось бы, что если не нравственное чувство, то простой литературный тактъ могъ удержать отъ подобной низости такого остроумнаго и первокласснаго писателя, какъ Марціалъ, но не такъ было.

И вотъ, среди этой услужливой литературы, неожиданно раздался благородный и гнѣвный голосъ Ювенала. Раздался, впрочемъ, этотъ голосъ сначала не всенародно, для немногихъ. Сатирикъ, не подвергая себя крайней опасности, разумѣется, не могъ открыто выступить съ своимъ бичующимъ протестомъ въ такое время, когда безчестныя дѣла вели къ почестямъ, а задушевное, патріотическое слово считалось преступленіемъ. Припомнимъ здѣсь смерть благородныхъ историковъ: Арулена Рустика и Геренніи Сенеціона, которыхъ Домиціанъ велѣлъ казнить подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ. Въ то же время Эпиктетъ и другіе философы были изгнаны изъ Рима, какъ люди, опасные для общественнаго порядка и спокойствія... Такъ иногда на офиціальномъ языкѣ называется душный и смрадный застой.

Ювеналъ могъ сначала, и то тайкомъ, читать свои сатиры только друзьямъ. Эта осторожность, однако, не помогла. Шпіоны, которые при Домиціанѣ составляли весьма значительную часть римскаго народонаселенія, донесли, кому слѣдуетъ, что явился новый писатель, съ убѣжденіями, несогласными съ видами правительства, что онъ пишетъ сатиры и въ одной изъ нихъ неуважительно отозвался даже о Парисѣ. Парисъ этотъ — личность весьма замѣчательная: это одинъ изъ самыхъ типическихъ клевретовъ Домиціана, отъ которыхъ зависѣла участь почти цѣлаго міра; въ сущности же это былъ пантомимъ, то-есть балетный танцоръ, большой любимецъ римской публики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, временщикъ. Онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ при дворѣ *).

*) При Неронѣ также жилъ въ Римѣ пантомимъ Парисъ и былъ въ большой силѣ, но Ювеналъ, очевидно, не его имѣлъ въ виду въ VII сатирѣ. Поэтъ былъ въ это время

Digitized by Google

Въ одной изъ своихъ сатиръ, именно въ седьмой (ст. 82 и слѣд.), Ювеналъ выставилъ, конечно, очень извѣстный въ Римѣ фактъ, что, при содѣйствіи Париса, легче всего получить почетное и доходное мѣсто. Обращаясь затѣмъ къ современнымъ писателямъ, поэтъ говоритъ, что напрасно они толпятся въ прихожихъ знати, и совѣтуетъ имъ испытать счастья въ прихожей Париса.

Ювеналъ, какъ мы увидимъ, дорого поплатился за свою остроту, но надобно замѣтить, что и танцоръ-вельможа, котораго онъ задѣлъ, вскорѣ кончилъ свою блистательную карьеру очень трагически. Отъ Париса, между прочимъ, были безъ ума римскія дамы, и въ числѣ его почитательницъ самое видное мѣсто занимала супруга цезаря, Доминція. Она, должно-быть, уже слишкомъ далеко простерла свою любовь къ пантомимному искусству, потому что Доминіанъ удалилъ ее отъ двора, а Париса, въ припадкѣ ревности, закололъ на улицѣ кинжаломъ. Цезарь велѣлъ казнить даже тѣхъ, которые усыпали цвѣтами то мѣсто, гдѣ погибъ любимый актеръ.

Впрочемъ, эта катастрофа случилась уже позже, а въ то время какъ Ювеналъ вывелъ въ своей сатирѣ Париса, онъ былъ еще въ полной силѣ, и потому не удивительно, что поэтъ пострадалъ за свое обличительное слово: онъ былъ сосланъ въ Египетъ *).

еще очень молодъ, и если писалъ, то исключительно школьныя декламаціи. Здѣсь необходимо разумѣть Париса Доминіанова вѣка. Подробнѣе объ этихъ Парисахъ говорится въ *Пропилеяхъ*, т. IV, въ моей статьѣ *Римскія пантомимы*. Замѣтимъ еще, что мѣсто о Парисѣ, принадлежавшее первоначально одному изъ раннихъ произведеній Ювенала, уже позже внесено имъ въ VII сатиру, которая, какъ видно изъ перваго стиха, появилась при Траянѣ. Мы держимся того мнѣнія, что именно этого императора нужно разумѣть здѣсь подъ словомъ Caesar.

*) Заподозрѣнный нѣкоторыми учеными фактъ о ссылкѣ Ювенала въ Египетъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и вполнѣ подтверждается пятнадцатой сатирой, гдѣ поэтъ говоритъ объ этой странѣ, какъ очевидецъ. Но въ древней біографіи Ювенала прибавлено еще, что онъ былъ посланъ туда восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, и при томъ съ званіемъ префекта когорты. Такое показаніе съ перваго раза поражаетъ своею невѣрностію и странностію. Очевидно, оно произведеніе фантазіи досужаго грамматика, который перемѣшалъ годъ смерти Ювенала съ годомъ его ссылки. Притомъ, кому же могло придти на умъ сдѣлать префектомъ когорты восьмидесятилѣтняго старика? Трудно даже предположить, что Ювеналъ когда-нибудь служилъ въ войскѣ, если обратить вниманіе на XVI его сатиру. Наконецъ, если вѣрить на слово грамматику, то нужно признать, что Ювеналъ былъ сосланъ при Адріанѣ, но такой выводъ совершенно противорѣчитъ дру-

Digitized by Google

Наконецъ и самъ Доминціанъ сошелъ со сцены: онъ погибъ при одной изъ тѣхъ придворныхъ революцій, которыя были такъ обыкновенны въ Римской имперіи. Нѣсколько клевретовъ Доминціана задушили его въ самомъ дворцѣ. Въ этомъ заговорѣ участвовала Доминція и начальникъ преторіанской гвардіи Петроній Секундъ.

Римъ снова ожилъ, и въ этотъ разъ на довольно долгое время. Между прочимъ, свободно вздохнули и римскіе писатели.

Очень любопытно слѣдить за разными проявленіями того восторга, съ которымъ литература привѣтствовала въ эту пору новую эпоху. Это, конечно, была лучшая эпоха въ исторіи римскаго принципата: она началась Нервою, который вскорѣ взялъ себѣ въ соправители Траяна, и кончилась Маркомъ Аврелiемъ.

Этотъ восторгъ не могъ подавить въ Тацитѣ, современникѣ Ювенала, мрачнаго чувства, при воспоминаніи о прежнемъ тяжеломъ времени. Вотъ что писалъ Тацитъ вслѣдъ за смертью Доминціана:

«Да, мы поистинѣ представили собою большое доказательство терпѣнія, и какъ прежній вѣкъ видѣлъ крайній предѣлъ свободы, такъ мы видѣли крайній предѣлъ рабства, — когда розыски отняли

гимъ показаніямъ, которыя мы находимъ въ древней біографіи римскаго сатирика. Такъ, напримѣръ, біографъ прямо называетъ пантомима Париса виновникомъ ссылки Ювенала, а такого пантомима при Адріанѣ не было. Затѣмъ грамматикъ говоритъ, что Ювеналъ занимался декламаціями почти до половины своей жизни (ad mediam fere aetatem), слѣдовательно — до сорокалѣтняго возраста, когда онъ началъ писать сатиры, а сорокъ лѣтъ поэту исполнилось въ началѣ царствованія Доминціана. Не смотря на явное противорѣчіе и запутанность показаній древняго грамматика, они до сихъ поръ еще повторяются учеными, и при томъ не только Низаромъ и Борбергомъ, но Гейнрихомъ, Франке и др. Нѣтъ сомнѣнія, какъ это утверждалъ уже Юстъ Липсій, что Ювеналъ былъ сосланъ въ Египетъ Доминціаномъ. Къ этому же времени должно отнести первыя шесть сатиръ Ювенала, за исключеніемъ четвертой. Начало VII сатиры явно указываетъ на оживленность, которую римская литература получила при Траянѣ. Это мнѣніе уже принято нѣкоторыми учеными, напримѣръ Веберомъ, и мы увѣрены, что со временемъ оно сдѣлается преобладающимъ въ наукѣ. Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Говоря о заслугахъ Римлянъ въ сатирѣ, Квинтиліанъ (Inst. Or. X, 1 § 95), очевидно, намекаетъ на Ювенала въ слѣдующихъ словахъ: «и теперь есть у насъ знаменитые (въ этомъ родѣ) писатели, имена которыхъ будутъ раздаваться и въ потомствѣ». Изъ этихъ уклончивыхъ словъ ясно видно, что Ювеналъ не пользовался расположеніемъ Доминціана, къ которому Квинтиліанъ былъ близокъ, какъ воспитатель его племянника. Иначе, что же могло заставить римскаго критика умолчать о Ювеналѣ?

Digitized by Google

у насъ возможность даже говорить и слушать. Мы утратили бы, вмѣстѣ съ словомъ, самую память, если бы забвеніе на столько же было въ нашей власти, на сколько — молчаніе.

«Но теперь, продолжаетъ благородный историкъ, бодрость снова къ намъ возвращается. При самомъ зарожденіи новаго, благодатнаго вѣка, Нерва умѣлъ соединить то, что прежде казалось несоединимымъ — императорскую власть и свободу, а Траянъ съ каждымъ днемъ увеличиваетъ благоденствіе государства. Общественное благосостояніе основано теперь не на однихъ только надеждахъ и желаніяхъ, но на твердой увѣренности въ томъ, что эти желанія исполнятся. Однако, по свойству слабости человѣческой, лѣкарство дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ злая немочь, и какъ тѣло укрѣпляется не скоро, а разрушается быстро, такъ точно гораздо легче подавить таланты и науку, чѣмъ воззвать ихъ къ жизни [1])...»

Ювеналъ также ободрился. Онъ, по прежнему, съ тяжелымъ чувствомъ презрѣнія смотритъ на римское общество, но съ довѣріемъ обращается къ новому правительству. «Вся надежда и опора литературы, говоритъ онъ [2]), теперь въ одномъ только цезарѣ. Онъ одинъ въ это трудное время обратилъ вниманіе на печальныхъ Каменъ, послѣ того какъ прославленные и всѣмъ извѣстные наши поэты стали брать на откупъ — кто баню въ Габіяхъ, а кто пекарню въ самомъ Римѣ, и голодная муза, покинувъ долины Аганиппы, переселилась въ прихожія богачей.» Отрадно было поэту обратиться къ молодому поколѣнію съ такими словами [3]): «трудитесь, юноши, на васъ устремлены взоры благодушнаго императора; онъ поощряетъ васъ къ дѣятельности и только ищетъ повода благотворить вамъ.»

Надежды Ювенала на новое правительство оправдались только отчасти. Траянъ былъ, конечно, однимъ изъ лучшихъ цезарей, и вполнѣ заслужилъ титулъ «Optimus», которымъ почтили его Римляне, но онъ почти все время своего царствованія провелъ въ войнахъ, и постоянно стремился къ увеличенію и безъ того необъятнаго

---

1) Agricola, конецъ II и начало III главы.

2) Въ началѣ VII сатиры.

3) Ibid. ст. 20.

Digitized by Google

Римскаго государства. Нельзя отрицать, что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ отличный администраторъ, заботился о воспитаніи своихъ подданныхъ, увеличилъ число школъ въ Римѣ, учредилъ новую общественную библіотеку, но царствованіе его не вызвало къ дѣятельности ни одного замѣчательнаго писателя, потому что Тацитъ, Ювеналъ, Марціалъ и Квинтиліанъ созрѣли для литературы еще въ предшествующую эпоху. За то прежніе дѣятели могли теперь открыто выступить съ тѣми самыми произведеніями, за которыя имъ еще такъ недавно грозила тюрьма, казнь и ссылка.

Вмѣстѣ съ свободой рѣчи исчезла, какъ это обыкновенно бываетъ, тайная литература, которая, составляя запретный плодъ, уже тѣмъ самымъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ литература привилегированная, но въ то же время стѣсненная до самыхъ узкихъ размѣровъ, не допускающихъ ни свѣтлой мысли, ни живаго слова. Ювеналу, который между тѣмъ былъ возвращенъ изъ ссылки, также открылась теперь возможность издать въ свѣтъ свои сатиры. Во всю свою остальную жизнь, которая, по всей вѣроятности, прошла очень спокойно *), онъ не переставалъ трудиться для литературы и, какъ это легко доказать, постоянно просматривалъ прежнія свои произведенія, многое въ нихъ измѣнялъ и дополнялъ. Онъ даже не успѣлъ кончить свой заключительный литературный трудъ: послѣдняя, шестнадцатая сатира Ювенала набросана имъ въ видѣ эскиза, который, безъ сомнѣнія, современемъ долженъ былъ получить болѣе изящную и правильную форму.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что послѣднія произведенія Ювенала, начиная съ двѣнадцатой сатиры, носятъ на себѣ слѣды утомленія и какой-то вялости. Видно, что въ поэтѣ исчезла его прежняя энергія и впечатлительность. Многословіе этихъ сатиръ обличаетъ въ авторѣ человѣка преклонныхъ лѣтъ; съ другой стороны, не только спокойный и умѣренный, но и вялый тонъ этихъ сатиръ объясняется тѣмъ, что онѣ писаны въ такое время, когда душа поэта

*) Мы уже замѣтили, что Ювеналъ умеръ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. Это было въ 121 или 122 г. по Р. Х.

Digitized by Google

уже не раздражалась постоянными оргіями цезарской власти. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшими своими произведеніями, то-есть начальными сатирами, Ювеналъ обязанъ Домиціану: онѣ сложились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его деспотизма и отличаются необыкновенною силой.

Первая сатира, безспорно, одно изъ лучшихъ, изъ самыхъ выдержанныхъ, искреннихъ и глубоко прочувствованныхъ произведеній Ювенала. Онъ рисуетъ здѣсь общую картину римскихъ нравовъ, и въ то же время объясняетъ, что заставило его сдѣлаться сатирикомъ. Мы воспользуемся этою сатирой, чтобы ближе узнать Ювенала, какъ человѣка и писателя.

Поэтъ начинаетъ ее насмѣшкой надъ однимъ обычаемъ, который задолго до него вошелъ въ моду: это публичныя чтенія. Въ древнемъ мірѣ этотъ обычай имѣлъ больше значенія, чѣмъ въ наше время, потому что тогда, при отсутствіи книгопечатанія, авторамъ мало представлялось другихъ средствъ познакомить публику съ своими произведеніями. Правда, что уже въ періодъ Цицерона существовали въ Римѣ книгопродавцы-издатели. Они держали цѣлыя толпы переписчиковъ и выставляли въ своихъ лавкахъ, во множествѣ экземпляровъ, сочиненія любимыхъ авторовъ. Въ вѣкъ Августа особенною дѣятельностію отличались книгопродавцы братья Созіи. Но, во всякомъ случаѣ, знакомство съ новою книгой было въ это время дѣломъ не очень легкимъ. Вотъ почему публичныя чтенія быстро распространились въ Римѣ съ самаго начала періода имперіи. Вскорѣ, однако, это полезное учрежденіе получило въ Римѣ безобразный характеръ. Публичныя чтенія, уже во время Горація, рѣдко представляли образованному человѣку случай провести время пріятно и съ пользой. При отсутствіи публичныхъ интересовъ, литературныя бесѣды сдѣлались поприщемъ для самолюбія и тщеславія. Каждый бездарный поэтъ, написавъ какое-нибудь тощее произведеніе, спѣшилъ пригласить своихъ друзей, родныхъ и кліентовъ на литературную бесѣду, и онѣ, наконецъ, такъ размножились, что иногда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца безъ нихъ не проходило ни одного дня.

Digitized by Google

Не удивительно, что въ вѣкъ Ювенала литературные вечера окончательно всѣмъ наскучили. Къ тому же, это время, какъ мы уже замѣтили, особенно отличалось, за весьма немногими исключеніями, отсутствіемъ оригинальности и творчества въ литературѣ. Поэты или брали содержаніе для своихъ произведеній почти исключительно изъ Гомера и греческихъ трагиковъ, а это были сюжеты, давно знакомые римской публикѣ, или, какъ Папиній Стацій, старались блистать легкими и пустыми импровизаціями. Для того чтобы привлечь слушателей въ аудиторію, употреблялись всѣ возможныя средства. Если читалъ богатый человѣкъ, то зала наполнялась его друзьями, и въ особенности должниками и кліентами. Послѣднимъ нерѣдко платили за это деньгами или натурой. Кромѣ того, есть поводъ думать, что въ Римѣ существовалъ многочисленный классъ особаго рода промышленниковъ, которые, за извѣстную плату, всякому предлагали свои услуги и, вмѣстѣ съ кліентами читающаго, производили въ залѣ страшный шумъ, безпрестанно прерывая чтеца громкими одобрительными восклицаніями и хлопаньемъ. Зато съ писателями, которые не отличались ни богатствомъ, ни знатностію, римская публика не очень церемонилась. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Плиній-Младшій горько жалуется на то, что многіе изъ приглашенныхъ на публичное чтеніе остаются за дверями залы и проводятъ время въ пустыхъ разговорахъ. При этомъ, говоритъ Плиній, они справляются по временамъ, вошелъ ли читающій въ залу, окончилъ ли вступленіе, и лишь когда узнаютъ, что большая часть рукописи прочитана, тогда только, и то медленно и какъ бы нехотя, входятъ въ залу. Но и тутъ они не въ состояніи высидѣть до конца и начинаютъ расходиться, одни украдкой, незамѣтно, другіе открыто и не стѣсняясь приличіями. Такъ ли, прибавляетъ Плиній, бывало въ прежніе годы *)?

Ювеналъ также, по свидѣтельству его біографа, раза два или три, и притомъ съ большимъ успѣхомъ являлся передъ римскою публикой съ своими сатирами, но вообще онъ, какъ видно, не очень жаловалъ эти чтенія.

---

*) См. *Пропилеи*, т. V, стр. 125.

Digitized by Google

«Неужели, такъ начинаетъ поэтъ свою сатиру [1]), я навсегда останусь только слушателемъ? Неужели я никогда не отплачу, я, котораго такъ часто терзала безконечная *Оезеида* съ своимъ охриплымъ авторомъ, Кодромъ? Неужели совершенно безнаказанно одинъ будетъ читать мнѣ свои національныя комедіи, а другой — аллегіи? безнаказанно отнимутъ у меня цѣлый день огромный *Телефъ* или *Орестъ*, который исписанъ и на поляхъ, и на оборотѣ свертка, и все еще не конченъ [2])?

«Никому не знакомъ такъ хорошо свой собственный домъ, какъ мнѣ эти общія мѣста, которыми наполнены произведенія нашихъ поэтовъ, эти рощи Марса и пещеры Вулкана, что въ сосѣдствѣ съ Эоловыми скалами [3]). Какъ воютъ вѣтры, какія тѣни мучитъ въ подземномъ царствѣ Эакъ, откуда Язонъ привезъ похищенное имъ золотое руно, сколько ясеней мечетъ кентавръ Монихъ, вотъ чѣмъ постоянно оглашаются обсаженныя платанами залы Фронтона [4]), гдѣ мраморныя стѣны растрескались, а колонны полопались отъ безпрестанныхъ чтеній. И этого жди отъ лучшаго, и отъ самаго ничтожнаго поэта!

«Но вѣдь и я когда-то отдергивалъ руку изъ-подъ ферулы (линейки), и я когда-то писалъ школьныя декламаціи, въ которыхъ совѣтовалъ Суллѣ, сложивъ съ себя диктаторство, сдѣлаться частнымъ человѣкомъ и спать себѣ спокойно. Глупо скромничать и беречь бумагу, обреченную и безъ того на погибель, когда вездѣ, на каждомъ шагу, встрѣчаешь въ Римѣ столько поэтовъ!

---

1) Необходимость обойдтись по возможности безъ длиннаго комментарія требовала ввести нѣкоторыя объяснительныя слова въ самый текстъ моего перевода. Впрочемъ, я старался передать латинскій подлинникъ съ возможною точностію, и собственныя мои вставки, которыхъ очень немного, надѣюсь, нисколько не измѣнятъ его колорита.

2) Подъ *Оезеидой* разумѣется здѣсь огромная поэма, при чтеніи которой авторъ ея, плохой поэтъ Кодръ, охрипъ. Имя Кодра, вѣроятно, вымышленное. *Телефъ* и *Орестъ* — заглавія трагедій, отъ которыхъ, безъ сомнѣнія, Ювеналу пришлось много страдать на публичныхъ чтеніяхъ.

3) Подъ Эоловыми скалами нужно разумѣть здѣсь Липарскіе острова, а подъ пещерой Вулкана — Гіеру, одинъ изъ острововъ этой группы. Теперь онъ называется Волькано.

4) Фронтонъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ меценатовъ своего вѣка, *благосклонно* предлагавшій поэтамъ свою залу для публичныхъ чтеній.

Digitized by Google

«Отчего же, однако, мнѣ вздумалось ратовать на томъ полѣ, куда направилъ своихъ копей отецъ римской сатиры Луцилій, великій питомецъ Аврунки [1])? Если у васъ есть время, и вы готовы благосклонно выслушать мои доводы, то я вамъ изложу ихъ.

«Когда (все дѣлается противъ природы) безсильный кастратъ женится, а Мевія, римская матрона, всенародно выходитъ, съ обнаженною грудью, на арену амфитеатра, держитъ въ рукѣ охотничье копье и вонзаетъ его въ этрусскаго вепря; когда тотъ самый человѣкъ, подъ бритвой котораго, какъ я былъ еще юношей, скрышѣла моя жесткая борода, какъ бы вызываетъ своими богатствами на споръ съ собой всѣхъ нашихъ патриціевъ; когда Криспинъ [2]), частица нильской черни, рабъ изъ Канопа, поправляетъ плечомъ съѣхавшій плащъ изъ тирскаго пурпура и выставляетъ на показъ свои потные пальцы, обремененные драгоцѣнными лѣтними перстнями [3]),— когда я вижу все это, то трудно не писать сатиру.

«Кто же на столько терпѣливъ въ этомъ безчестномъ городѣ, кто на столько желѣзный человѣкъ, чтобы совладать съ собой, когда повстрѣчается ему новая, пышная лектика [4]), переполненная подъячимъ Маѳономъ [5])? А вотъ и шпіонъ. Онъ сдѣлалъ доносъ на своего сильнаго друга, и вскорѣ отниметъ послѣднее, что еще осталось у нашей обглоданной знати [6]).

---

1) Аврунка, то-есть Суесса-Аврунка, небольшой городъ Кампаніи, откуда былъ родомъ Луцилій, предшественникъ, въ сатирѣ, Горація, Персія и Ювенала.

2) Криспинъ, любимецъ Домиціана, былъ привезенъ рабомъ изъ Египта. Въ Римѣ онъ сдѣлался въ послѣдствіи доносчикомъ, всадникомъ и сенаторомъ. Такимъ онъ является у Ювенала въ IV сатирѣ, ст. 108.

3) Въ подлинникѣ сказано, что Криспинъ «играетъ лѣтними перстнями на потныхъ пальцахъ и не можетъ выносить тяжести другихъ своихъ, еще болѣе огромныхъ, колецъ съ драгоцѣнными камнями». Этими словами Ювеналъ обозначаетъ роскошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изнѣженность Криспина. Кромѣ лѣтнихъ перстней, у него, какъ видно, были еще зимніе, тяжести которыхъ онъ не могъ вынести лѣтомъ. Но и лѣтніе перстни Криспина, то-есть вставленные въ нихъ драгоцѣнные камни, были такъ тяжелы, что отъ нихъ потѣли его руки.

4) То-есть носилки, обыкновенный римскій экипажъ

5) Стряпчій (causidicus) Маѳонъ такъ отъѣлся, что едва умѣщается на своихъ носилкахъ.

6) Неизвѣстно, о комъ здѣсь рѣчь. Можетъ-быть, о Регулѣ, одномъ изъ самыхъ страшныхъ доносчиковъ, которыхъ такъ много было при Домиціанѣ. У Ювенала при-

Digitized by Google

«Говорить ли, какимъ гнѣвомъ горитъ моя изсохшая печень, когда грабитель-опекунъ, который довелъ до слезъ и отчаянія [1]) бѣдныхъ сиротъ, огромною ватагой своей челяди давитъ народъ по римскимъ улицамъ, или когда ссыльный проконсулъ Марій, осужденный безплоднымъ, пустымъ приговоромъ, — что такое безчестіе, если деньги цѣлы? — начинаетъ пировать съ двухъ часовъ пополудни и наслаждается себѣ, при гнѣвѣ боговъ, а ты, побѣдоносная провинція, ты плачешь [2])!..

«И мнѣ не думать, что это достойно сатиры [3])? и мнѣ не карать всего этого? Но чѣмъ же лучше миѳологическіе сюжеты, всѣ эти басни о Геркулесѣ, о Діомедѣ, о мычаніи, которое раздавалось въ критскомъ лабиринтѣ, объ отрокѣ Икарѣ и о летящемъ кудесникѣ Дедалѣ?

«Когда самъ мужъ продаетъ свою жену съ тѣмъ, чтобы получить наслѣдство отъ ея милаго, этотъ мужъ, который порой такъ

бавлено еще, что это такой доносчикъ, «котораго боится Массъ, задабриваетъ подарками Каръ, и къ которому напуганный Латинъ подослалъ Ѳимелу». Массъ и Каръ также доносчики, извѣстные изъ Тацита и писемъ Плинія-Младшаго. Латинъ и Ѳимела, актеръ и актриса, можетъ-быть мужъ и жена. Впрочемъ, происшествіе, на которое дѣлаетъ здѣсь намекъ римскій сатирикъ, намъ неизвѣстно. Затѣмъ слѣдуетъ мѣсто, которое вполнѣ отличается античною безцеремонностію, и потому мы опустили его въ нашемъ переводѣ.

1) Вмѣсто обыкновеннаго чтенія prostantis, мы приняли здѣсь чтеніе plorantis.

2) Марій Приск былъ обвиненъ въ томъ, что ограбилъ провинцію Африку. Этотъ процессъ замѣчателенъ тѣмъ, что его вели Плиній-Младшій и Тацитъ. Они, разумѣется, употребили всѣ усилія, все свое краснорѣчіе для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ преступленія, которыми запятналъ себя Марій Приск. Сенатъ, подъ предсѣдательствомъ Траяна, цѣлые три дня разбиралъ это дѣло (въ январѣ 100 г. по Р. Хр.), и въ одномъ изъ этихъ засѣданій Плиній (онъ описалъ этотъ процессъ въ своихъ письмахъ) говорилъ противъ Приска болѣе пяти часовъ сряду. Приск былъ осужденъ. Его приговорили удалиться изъ Италіи и отдать награбленныя деньги, но онѣ не были возвращены въ провинцію, а поступили въ государственное казначейство. Этимъ объясняются слова Ювенала о побѣдоносной провинціи, которой пришлось плакать. Съ другой стороны у Марія Приска довольно осталось денегъ для того, чтобы вести роскошную жизнь и *блаженствовать въ отставкѣ подъ судомъ*. Этотъ стихъ Грибоѣдова какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ выраженію Ювенала: «fuitur, diis iratis».

3) У Ювенала сказано: «и мнѣ не думать, что все это достойно венузинской лампы», то-есть достойно сатиры, въ родѣ тѣхъ, какія, при свѣтѣ лампы, писалъ Горацій, уроженецъ города Венузіи.

Digitized by Google

хорошо умѣетъ смотрѣть въ потолокъ, или, уткнувъ свой носъ, храпѣть, но не спать за стаканомъ вина [1]); когда смѣетъ разчитывать на почетную должность въ войскѣ человѣкъ, который растратилъ все богатство своихъ предковъ на конюшни и продолжаетъ летать на быстрой колесницѣ по Фламиніевой дорогѣ [2])... то невольно беретъ тебя желаніе тутъ же, на самомъ перекресткѣ, писать огромную сатиру...

«Вотъ шесть рабовъ несутъ открытыя носилки, а на нихъ, въ подражаніе Меценату [3]), развалился дѣлатель фальшивыхъ завѣщаній. Обманомъ, небольшимъ клочкомъ бумаги да наслюненною печатью онъ добылъ себѣ и богатство и счастье... А вотъ и знатная матрона... Когда мужу захочется пить, она подастъ ему мягкаго каленскаго вина и тутъ же подмѣшаетъ въ него ядъ. Лучше всякой Локусты [4])', она учитъ еще неопытныхъ родственницъ, не обращая вниманія на толки въ народѣ, хоронить почернѣлые трупы своихъ мужей.

---

1) Эта торговля женами (lenocinium mariti) была въ Римѣ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Плутархъ разсказываетъ очень забавный анекдотъ, который хорошо рисуетъ римскіе нравы. Однажды, какой-то Гальба угощалъ у себя Мецената, и замѣтивъ, послѣ обѣда, что онъ очень нѣжно посматриваетъ на его жену, притворился спящимъ. Одинъ изъ рабовъ Гальбы вздумалъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы стянуть со стола бутылку вина, но Гальба вдругъ открылъ глаза и гнѣвно сказалъ своему слугѣ: «развѣ ты не знаешь, негодяй, что я сплю только для Мецената?» Это знаменитое «non omnibus dormio» вошло въ Римѣ въ пословицу.

2) Вслѣдъ за этими словами въ подлинникѣ прибавлены еще слѣдующія: «ибо *самъ онъ*, подобно юному Автомедонту, держалъ въ рукахъ вожжи, рисуясь передъ своею *милою въ шинели*». Это одно изъ очень темныхъ мѣстъ въ сатирахъ Ювенала. Отъ перестановки знаковъ препинанія въ древнемъ текстѣ, оно можетъ получить также слѣдующій смыслъ: «ибо юный Автомедонтъ правилъ конями въ то время, какъ *самъ онъ* рисовался передъ своею милою въ шинели». Думаютъ, что подъ словомъ *самъ* должно разумѣть здѣсь Нерона, при которомъ страсть къ лошадямъ и кристалищамъ очень усилилась въ Римѣ, а подъ *милою въ шинели* — Спора. Отношенія къ нему Нерона извѣстны. Замѣтимъ еще, что Фламиніева дорога — теперешнее *Корсо*.

3) Меценатъ былъ извѣстенъ въ Римѣ своею изнѣженностію, которая впрочемъ, отчасти объясняется тѣмъ, что онъ очень долго страдалъ изнурительною лихорадкою и вообще былъ человѣкъ очень болѣзненный. Римскіе денди, какъ видно, подражали, въ своихъ наружныхъ пріемахъ, Меценату даже долгое время спустя послѣ его смерти.

4) Это извѣстная римская отравительница. При ея помощи, Агриппина освободилась отъ Клавдія, а Неронъ — отъ Британника.

Digitized by Google

«Рискни на дѣло, за которое слѣдовало бы тебя сослать на островъ Гіаръ [1]), или посадить въ тюрьму, если ты хочешь сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Честность въ наше время прославляется только риторами... и мерзнетъ. Преступленіямъ обязаны эти люди своими садами, дворцами, дорогими столами, старинным серебромъ и кубками съ богатымъ золотымъ чеканомъ [2]). Кому даютъ спокойно уснуть соблазнители своихъ жадныхъ невѣстокъ, или эти гнусныя невѣсты [3]) и отроки-прелюбодѣи? Если природа отказала мнѣ въ стихѣ, то родитъ его негодованіе, — пусть этотъ стихъ будетъ хоть изъ тѣхъ, какіе пишу я или Клувіенъ [4]).

«Все, что дѣлаютъ люди со времени потопа Девкаліонова: ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета — вотъ что составитъ пестрое содержаніе моей сатиры [5]). И когда же масса пороковъ была обильнѣе? когда большій просторъ открывался для корысти? когда страсть къ игрѣ сильнѣе овладѣвала душой человѣка? Теперь отправляются у насъ къ игральному столу не просто съ кошелькомъ, а мечутъ кости, поставивъ подлѣ себя цѣлый сундукъ съ деньгами. И какія битвы увидишь ты тамъ, гдѣ рабъ-казначей является оруженосцемъ! Развѣ это не больше чѣмъ простое съумасшествіе проигрывать въ одинъ вечеръ по сту тысячъ сестерцій, и отказывать въ одеждѣ продрогшему отъ холода рабу? Кто въ прежн-

---

1) Одинъ изъ Кикладскихъ острововъ, въ Эгейскомъ морѣ, служившій, при императорахъ, мѣстомъ ссылки.

2) Въ подлинникѣ сказано: «и козломъ, который выдается на чеканѣ кубка». Здѣсь, конечно, разумѣется золотой кубокъ съ художественными рельефами, сюжетъ которыхъ былъ заимствованъ изъ вакхическаго культа.

3) Подъ гнусными невѣстами разумѣются здѣсь тѣ самые люди, которыхъ Ювеналъ выше назвалъ «милыми въ *шипели*».

4) Это совершенно неизвѣстный и, разумѣется, бездарный поэтъ, надъ которымъ здѣсь мимоходомъ смѣется Ювеналъ.

5) Мы нѣсколько сократили это мѣсто. Въ подлинникѣ, къ приведеннымъ словамъ прибавлены еще слѣдующія: «Все, что дѣлаютъ люди съ тѣхъ поръ, когда дожди поглотили равнину моря, и Девкаліонъ, поднявшись въ своемъ ковчегѣ на гору, вопросилъ оракула, когда размягченные камни мало-по-малу согрѣлись душой, и Пирра представила нагихъ женщинъ новому поколѣнію мужей» и проч.

Digitized by Google

нее время строилъ столько виллъ? кто изъ нашихъ дѣдовъ одинъ, безъ гостей, имѣлъ за своимъ столомъ по семи перемѣнъ [1])?

«Самый день прекрасно раздѣленъ у насъ по роду занятій: сначала утреннія поздравленія, а потомъ форумъ съ своимъ законовѣдомъ Аполлономъ [2]), и съ статуями тріумфаторовъ, а между ними осмѣлился помѣстить свои титулы не знаю какой-то Египтянинъ или откупщикъ, передъ изображеніемъ котораго позволительно творить всякія пакости. Затѣмъ усталые старинные кліенты расходятся изъ прихожихъ своихъ патроновъ. Приходится бѣднякамъ купить кочанъ капусты да немного дровъ. А между тѣмъ, ихъ патронъ, ихъ царь [3]), будетъ пожирать все лучшее, что только производятъ лѣса и море, и одинъ, безъ гостей, возляжетъ на свои пустыя ложа. Да, наши богачи на одномъ обѣдѣ, гдѣ наставлено столько красивыхъ, огромныхъ и старинныхъ блюдъ, проѣдаютъ отцовское наслѣдство.

«Не будетъ больше параситовъ на свѣтѣ! Но кто же въ состояніи вынести такую грязную роскошь? Какова должна быть глотка, которая влагаетъ въ себя цѣлыхъ кабановъ, животное, созданное для многолюдныхъ пировъ!

«За то и наказаніе не заставляетъ долго себя ждать. Оно настигаетъ тебя въ то время, какъ ты, распухнувъ отъ жирнаго обѣда, тотчасъ послѣ него отправляешься въ баню и несешь туда съ собой непереваренную навлина. Оттого и умираютъ у насъ люди внезапно, и старики не успѣваютъ передъ смертью сдѣлать завѣщанія... И вотъ, разгуливаетъ по всѣмъ обѣдамъ свѣжая, нисколько не печальная новость, и снова тянется погребальная процессія, и глумятся надъ покойникомъ разсерженные друзья (которые разчитывали на наслѣдство).

---

1) Здѣсь мы выпустили превосходную и очень живую сцену раздачи *спортулъ* кліентамъ. Мы еще будемъ имѣть случай воспользоваться этою сценою.

2) Здѣсь идетъ рѣчь о такъ-называемомъ Форумѣ Августа. Между прочими украшеніями этой площади, на ней, при Августѣ, была поставлена статуя Аполлона изъ слоновой кости. Онъ здѣсь, въ шутку, называется законовѣдомъ потому, что подлѣ его изображенія, вѣроятно, находился трибуналъ претора. Бѣдному Аполлону каждый день приходилось выслушивать множество процессовъ, и онъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлаться юристомъ.

3) Это было обыкновенное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ.

Digitized by Google

«Потомству нечего прибавлять къ нашимъ нравамъ. Наши внуки будутъ и желать и дѣлать то же, что и мы. Да, порокъ достигъ крайняго предѣла, дальше онъ идти не можетъ. Пользуйся же, писатель, попутнымъ вѣтромъ, распусти всѣ паруса твоей сатиры!

«Но, можетъ-быть, спросятъ при этомъ: гдѣ же у меня талантъ, равносильный такому содержанію, гдѣ у меня эта простота, эта прямота рѣчи прежнихъ поэтовъ, которые писали все, чего только хотѣлось ихъ душѣ, когда она пылала негодованіемъ, — гдѣ эта прямота, которую я даже не смѣю назвать настоящимъ ея именемъ [1])?

«— Что же за дѣло, скажутъ мнѣ, проститъ или не проститъ твоимъ словамъ какой-нибудь Муцій [2])? Да, попробуй вывести въ сатирѣ Тигеллина [3]), и ты засвѣтишь въ той иллюминаціи, гдѣ люди горятъ, стоя, и дымятъ привязаннымъ къ столбу горломъ, или оставишь за собой широкую борозду на аренѣ амфитеатра [4]).

«Итакъ, какой-нибудь отравитель трехъ своихъ дядей будетъ спокойно лежать на пуховикахъ своей высоко-поднятой лектики и оттуда презрительно смотрѣть на насъ?

«— Да, если онъ встрѣтится съ тобой, то зажми ротъ. Не то онъ сдѣлается твоимъ обвинителемъ; ему довольно сказать одно слово, сказать: вотъ онъ — и ты погибъ! А можешь ты, поэтъ,

---

1) Я думаю, нѣтъ необходимости объяснять, что подъ прямотой рѣчи Ювеналъ разумѣетъ здѣсь свободу слова.

2) Этимъ именемъ сатирикъ означаетъ здѣсь вообще вельможу. Муціи Сцеволы, въ періодъ республики, принадлежали къ очень замѣтнымъ членамъ римской аристократіи. Луцилій не щадилъ ихъ въ своихъ сатирахъ. См. I сатиру Персія, ст. 115.

3) Тигеллинъ пользовался огромнымъ вліяніемъ при Нероновомъ дворѣ. Ювеналъ означаетъ здѣсь его именемъ вообще временщика.

4) Это мѣсто драгоцѣнно, какъ воспоминаніе поэта о мученической смерти первыхъ христіанъ. Это было послѣ огромнаго пожара, при Неронѣ. Tacit. Ann. XV, 44. Христіанъ обвинили въ томъ, будто они подожгли Римъ, и начались свирѣпыя казни. Между прочимъ, Неронъ устраивалъ въ своихъ садахъ иллюминаціи изъ живыхъ людей, при чемъ на нихъ надѣвали рубашки, пропитанныя разными горючими веществами. Эта страшная одежда называлась tunica molesta. Въ слѣдующихъ словахъ говорится о другой казни, очень обыкновенной въ древнемъ Римѣ, а именно о битвахъ людей, осужденныхъ на казнь, съ дикими звѣрями на аренѣ амфитеатра. Растерзанные трупы обыкновенно волочили по аренѣ, при чемъ они, по выраженію поэта, оставляли за собою *широкія борозды;* складывали ихъ въ особое мѣсто, которое называлось spoliarium.

Digitized by Google

безопасно обратиться къ миѳологическимъ сюжетамъ; ты можешь, ничѣмъ не рискуя, свести въ битвѣ Энея съ свирѣпымъ Турномъ. Вѣдь никого не тревожитъ раненый Ахиллъ или Гиласъ, утонувшій вмѣстѣ съ своею урной *). Когда Луцилій гремѣлъ своею сатирой, какъ бы обнаженнымъ мечомъ, то краснѣлъ тотъ, чья совѣсть оцѣпенѣла отъ злодѣйствъ, и потъ выступалъ у него на груди, отъ тайнаго сознанія своихъ преступленій. Вотъ откуда и гнѣвъ, и слезы! Итакъ, поэтъ, обдумай все это до начала битвы. Поздно каяться въ ней тому, кто уже надѣлъ шлемъ.

«Попробую, что позволительно у насъ говорить хоть о тѣхъ, чей прахъ ужъ зарытъ на Фламиніевой или на Латинской дорогѣ» **).

Въ этой сатирѣ личность Ювенала рисуется очень живо, и при томъ съ лучшей своей стороны. Повторимъ, что это одно изъ самыхъ искреннихъ и выдержанныхъ произведеній римскаго сатирика. Всѣ они вызваны благороднымъ негодованіемъ. Смѣлый, честный гнѣвъ сатирика не рѣдко принимаетъ у Ювенала величественные размѣры и грандіозный характеръ; но нельзя не согласиться съ нимъ самимъ, что это еще не поэзія. Одна чистота убѣжденія еще не въ состояніи образовать поэта: для этого требуются иныя условія.

Теперь уже прошло время безотчетнаго поклоненія классической литературѣ. Настала пора спокойнаго анализа древнихъ авторовъ. Потому, при всемъ сочувствіи, которое возбуждаетъ въ насъ благородная личность Ювенала, мы не можемъ не видѣть слабой стороны въ его произведеніяхъ.

Вообще, должно замѣтить, что онъ съ гораздо-большимъ успѣхомъ овладѣлъ матеріаломъ сатиры, чѣмъ ея формой. Въ большей

---

*) Это былъ прекрасный юноша, любимецъ Геркулеса. По греческимъ преданіямъ, Гиласъ былъ похищенъ нимфою въ то время, какъ черпалъ воду изъ одного источника. Древніе поэты очень любили выводить его въ своихъ произведеніяхъ. Cui non dictus Hylas puer? говоритъ Виргилій.

**) Еще законами XII таблицъ запрещено было хоронить въ самомъ городѣ, и уже съ тѣхъ поръ кладбищами въ Римѣ служили большія дороги. Потому, въ особенности вблизи отъ городскихъ воротъ, онѣ были уставлены надгробными памятниками.

Digitized by Google

части произведеній Ювенала нѣтъ и слѣда гармоническаго развитія преобладающей идеи, нѣтъ въ нихъ округленности и художественной цѣльности, которыя составляютъ необходимое условіе созданій искусства. Вмѣсто этого мы не рѣдко встрѣчаемъ въ произведеніяхъ римскаго сатирика цѣлый рядъ общихъ мѣстъ, безъ всякой внутренней связи. Вся сила такой сатиры заключается въ ея рѣзкомъ, гнѣвномъ и грозномъ тонѣ, а это самое придаетъ хотя рельефный, но иногда односторонній характеръ картинамъ, которыя рисуетъ Ювеналъ.

Сатиры Ювенала волнуютъ, дѣйствуютъ на нервы читателя, но не возвышаютъ его надъ грязною дѣйствительностію. Мы видимъ, что страшная эпоха, со всею своею нравственною уродливостію, совершенно какъ бы охватила собою поэта *), и онъ не въ состояніи отрѣшить себя отъ своего вѣка, не въ состояніи возвыситься надъ нимъ, посмотрѣть на него свободными глазами. Сквозь житейскую тину нигдѣ не просвѣчиваетъ у Ювенала идеалъ, который составляетъ такую существенную принадлежность поэзіи. Да и странно было бы требовать идеаловъ отъ писателя Домиціанова вѣка. Въ такую пору не могла процвѣтать поэзія, или она должна была утратить все свое обаяніе, точно такъ, какъ, во время голода, теряютъ всю свою цѣну роскошныя, гастрономическія блюда.

Притомъ изложенію Ювенала, въ большей части его сатиръ, много вредитъ декламація, которая вообще наложила свою печать почти на всѣ произведенія римской литературы. Ювеналъ постоянно увлекается риторическими блестками, или, вѣрнѣе, не можетъ отъ нихъ освободиться. Многословіе, повтореніе, или — употребимъ выраженіе древнихъ риторовъ — *амплификація* одной и

*) Въ особенности непріятно поражаетъ въ Ювеналѣ цинизмъ его, независимо отъ грязныхъ картинъ, которыя онъ долженъ былъ рисовать, чтобы сколько-нибудь исчерпать свою тему. Ювеналъ любитъ циническія выраженія и картины, и не рѣдко прибѣгаетъ къ нимъ даже тамъ, гдѣ вовсе не было въ нихъ нужды. Отзывы его о римской женщинѣ, несмотря на то, что она опозорила себя своимъ развратомъ, постоянно отличаются самою непристойною рѣзкостію (въ особенности въ VI сатирѣ) и какою-то непримиримою ненавистію. Эту черту въ характерѣ Ювенала Веберъ старается извинить тѣмъ, что римскій поэтъ не былъ счастливъ въ супружествѣ. Разумѣется, это одно только предположеніе.

Digitized by Google

той же мысли, все это производитъ не очень пріятное впечатлѣніе на читателя Ювеналовыхъ сатиръ. Но, съ другой стороны, человѣку, который говоритъ отъ души, невозможно постоянно оставаться риторомъ, и приведенная нами первая сатира Ювенала служитъ лучшимъ доказательствомъ того. Его гнѣвъ большею частію не искусственный, не поддѣльный; онъ взятъ не изъ школы, а изъ жизни, и должно прибавить, что этотъ честный гнѣвъ, какъ всякій сильный и благородный порывъ, овладѣвающій душою человѣка, порой возвышается у Ювенала до художественнаго пафоса.

Эта-то смѣсь истиннаго, глубокаго чувства съ реторикой — невольною данью, которую знаменитый писатель заплатилъ своему вѣку — и составляетъ настоящій характеръ Ювеналовой сатиры.

Во всякомъ случаѣ, она не выдерживаетъ строгой эстетической критики. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ глубоко чтить Ювенала, какъ писателя, который, въ эпоху полнаго нравственнаго паденія цѣлой, когда-то великой націи, умѣлъ сохранить въ душѣ чувство чести и правды, и заклеймилъ въ своихъ сатирахъ вѣчнымъ позоромъ Домиціана и его вѣкъ.

Домиціанъ, повидимому, очень заботился о своей репутаціи въ потомствѣ. Онъ строго запрещалъ писать о своихъ казняхъ въ офиціальной газетѣ, которая издавалась въ Римѣ, со времени Юлія Цезаря, и расходилась во множествѣ экземпляровъ по римскимъ провинціямъ. Онъ выгонялъ философовъ изъ Рима, жестоко преслѣдовалъ всякое свободное слово, и могъ надѣяться, что только голоса льстецовъ дойдутъ о немъ до потомства.

Надежды Домиціана, благодаря въ особенности Ювеналу, не сбылись. Уже много вѣковъ прошло со времени царствованія этого цезаря, а нѣтъ мѣста въ цѣломъ образованномъ мірѣ, гдѣ бы имя его до сихъ поръ не возбуждало отвращенія и ужаса.

Никто, конечно, не думалъ въ Римѣ, что, чрезъ много вѣковъ, имя Домиціана вызоветъ слова негодованія и презрѣнія и въ этой таинственной, загадочной землѣ Сарматовъ, Скиѳовъ, Гипербореевъ и Гиппофаговъ, и что сочувственно будутъ внимать этому неподкупному голосу исторіи поздніе ихъ потомки. Никто не думалъ тогда, что они сольются въ одинъ могущественный народъ, но не мате-

Digitized by Google

ріальная сила, которая не спасла Римъ отъ позорнаго паденія, а нравственный ростъ ихъ и способность совершенствоваться въ пониманіи высокихъ цѣлей жизни послужатъ для мыслящихъ людей вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ, что этому народу предстоитъ прекрасная, великая будущность.

ЛЕКЦІЯ II.

Въ числѣ немногихъ любезныхъ намъ именъ, мелькающихъ свѣтлыми точками въ мрачное время, называемое Домиціановымъ вѣкомъ, ярко блеститъ имя Ювенала. Онъ не поэтъ, онъ даже рѣдко является писателемъ—художникомъ, но не имѣя высокихъ качествъ геніальнаго автора, тѣмъ не менѣе занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ во всемірной литературѣ. Вѣковая слава его основана на томъ, что потомство никогда не забываетъ честныхъ голосовъ, особенно, если они раздавались въ эпохи деспотизма и нравственнаго застоя.

Не одни поэты и писатели-художники занимаютъ почетное мѣсто въ литературѣ. Кромѣ идеаловъ, въ ея область входятъ и другіе элементы, и принадлежатъ ей законно и неотъемлемо. На литературѣ лежитъ обязанность служенія не только чистому искусству, но и общественнымъ интересамъ (что, впрочемъ, не исключаетъ художественности), и въ этой сферѣ на первомъ планѣ является сатира. Она можетъ имѣть огромное нравственное значеніе въ особенности тамъ, гдѣ народъ еще не успѣлъ или, вслѣдствіе историческихъ условій, не могъ развить и обнаружить свои внутреннія силы, тамъ, гдѣ эти силы еще дремлютъ.

Я разумѣю, конечно, не ту мелкую, самолюбивую сатиру, въ которой какой-нибудь моралистъ подозрительнаго свойства рисуется передъ публикой и заботится только о томъ, чтобы рельефнѣе выставить на показъ свою собственную, не рѣдко ничтожную и, во всякомъ случаѣ, нисколько не интересную личность; я разумѣю здоровую и сильную сатиру, къ которой мы, Русскіе, скажу это къ

Digitized by Google

нашей чести, постоянно выказывали и выказываемъ едвали не больше сочувствія, чѣмъ всѣ другіе народы Европы. Да, мы любимъ сатиру! Почти всѣ наши лучшіе и замѣчательные писатели были по временамъ сатириками. Даже въ до-петровскій періодъ литературы, лишь только русскій писатель сбрасывалъ съ себя оковы схоластики и условной морали, и обращался къ народу съ живымъ словомъ, оно тотчасъ превращалось въ благородное обличеніе и въ мѣткую сатиру. Мы имѣемъ полное право примѣнить къ себѣ слова Квинтиліана: satira tota nostra est *), и въ этомъ наша сила, наша великая нравственная сила! Она движетъ юное общество впередъ, уничтожаетъ въ немъ возможность самодовольнаго примиренія со всею обстановкой еще не установившейся гражданственности, примиренія, которое необходимо ведетъ къ застою.

Для того чтобы на пути умственнаго и нравственнаго развитія сдѣлать шагъ впередъ, необходимо уяснить себѣ несостоятельность пройденныхъ шаговъ. Это собственно дѣло науки, уясняющей намъ наши взгляды на окружающій міръ, расширяющей нашъ умственный кругозоръ. Но въ этихъ высшихъ своихъ сферахъ наука доступна не многимъ, а для массы, по крайней мѣрѣ у насъ, науку до нѣкоторой степени замѣняетъ сатира. И горе народу, у котораго нѣтъ сатиры, который, особенно въ пору своей гражданской незрѣлости, успокоивается на китайской мысли, что онъ дошелъ до полнаго совершенства!

Въ эпоху Ювенала, когда «порокъ достигъ крайняго предѣла и остановился, потому что дальше идти было ему нельзя», сатира, разумѣется, не могла оказать того вліянія, какое она имѣетъ у народа, подобнаго нашему, у народа съ великими, но еще не вполнѣ заявившими себя нравственными силами. Римское общество, въ вѣкъ Домиціана, представляло собою разлагавшійся трупъ, который не могло оживить даже такое сильное дидактическое лекарство, какъ Ювеналова сатира.

Замѣчательно, что въ подобныя эпохи паденія мораль сатиры обыкновенно дѣлается безпощадною и предъявляетъ такія требованія, которыя выполнить нѣтъ никакой возможности даже нравственно—

*) То-есть, сатира вся наша.

Digitized by Google

развитому обществу. Такая мораль обыкновенно превращается въ пышную, пустую и холодную фразу, и конечно не находитъ никакого отголоска въ обществѣ уже потому, что источникъ ея не въ любящемъ сердцѣ гражданина, а въ головѣ ритора. Онъ и не заботится о томъ, чтобы требованія его были выполнены, и такъ же холодно проповѣдуетъ свою мораль, какъ другіе принимаютъ ее. Таковъ, напримѣръ, Персій, таковъ въ особенности Сенека и цѣлый рядъ римскихъ стоиковъ періода имперіи, которые обратились къ обличительной дидактикѣ и съ мнимой высоты своей безжизненной, условной морали требовали отъ человѣка отвлеченнаго совершенства.

И много нужно было имѣть глубокой любви къ добру и правдѣ, чтобы, подобно Ювеналу, хотя порой устоять въ такую эпоху противъ холоднаго риторства!

Не выдерживая строгой эстетической критики, какъ художественныя созданія, сатиры Ювенала, разумѣется, и своею нравственною стороною невполнѣ удовлетворятъ современнаго человѣка.

Для нашего времени главное значеніе ихъ историческое. Онѣ очень интересны и важны для насъ тѣмъ, что живыми, яркими, хотя и нѣсколько густыми красками рисуютъ почти всѣ стороны римскаго быта въ ту тяжелую эпоху, которой политическій смыслъ такъ проницательно и глубоко-вѣрно разъяснилъ намъ Тацитъ. Эти два писателя служатъ необходимымъ и самымъ лучшимъ дополненіемъ одинъ другаго.

«Все, что дѣлаютъ люди (говоритъ Ювеналъ въ I сатирѣ): «ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета, все это составитъ пестрое, смѣшанное содержаніе моей сатиры.» Ювеналъ сдержалъ свое слово. Въ его произведеніяхъ проходятъ передъ нами, какою-то нестройною, дикою толпой, всѣ сословія, всѣ класы римскаго общества, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше поражаютъ насъ своею, едва вообразимою, нравственною уродливостію.

Тѣсная рамка лекціи, уваженіе къ моей аудиторіи и другія причины не позволяютъ мнѣ, М. М. Г. Г., остановить ваше вниманіе на всѣхъ подробностяхъ этой мрачной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыно-

Digitized by Google

симо грязной картины. Я долженъ ограничиться тѣмъ, что мы видимъ на первомъ ея планѣ—римскимъ правительствомъ и отношеніемъ къ нему народной массы, въ періодъ имперіи.

Я уже опредѣлилъ въ главныхъ чертахъ общій характеръ эпохи Домиціана и личность этого цезаря. Но Ювеналъ не позволяетъ намъ такъ скоро разстаться съ своимъ любимцемъ.

Чтобы дополнить сдѣланный выше очеркъ римскаго правительства въ эпоху Домиціана, я остановлюсь на IV сатирѣ, гдѣ онъ снова выступаетъ на сцену и, рядомъ съ нимъ, римскій сенатъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ какомъ униженномъ положеніи находилась въ это время высшая правительственная коллегія Римскаго государства.

Содержаніе IV сатиры составляетъ разсказъ объ одномъ изъ тѣхъ происшествій, какія, вѣроятно, не рѣдко случались въ царствованіе Домиціана. *)

Поэтъ начинаетъ свой разсказъ пародіею на эпиковъ и, по обычаю ихъ, дѣлаетъ слѣдующее воззваніе къ музамъ: «Начинай, Калліопа! Ты можешь спокойно присѣсть. Нечего выдумывать, дѣло идетъ объ истинномъ происшествіи. Начинайте же вашъ разсказъ, дѣвы Піериды. Пусть мнѣ, о музы, поможетъ хоть то, что я назвалъ васъ дѣвами. **)

«Въ то время, продолжаетъ сатирикъ, какъ послѣдній изъ Флавіевъ терзалъ и безъ того полужившій міръ, и Римъ былъ рабомъ *пьянаго Нерона*», — такъ въ этомъ мѣстѣ Ювеналъ называетъ Домиціана, — одинъ бѣдный рыбакъ поймалъ близъ Анконы, въ Адріатическомъ морѣ, огромнаго ромба... Поймалъ и испугался. Испугался онъ не рыбы, а того, что простой, частный человѣкъ неожи-

---

*) Въ доказательство, что происшествіе, подобное описанному въ этой сатирѣ, было возможно при Домиціанѣ, Зибольдъ, послѣдній, по времени, издатель Ювенала (Лейпцигъ, 1858), очень удачно приводитъ слѣдующее мѣсто изъ писемъ Плинія (VIII, 14): «Quid tunc discі potuit, cum senatus aut ad otium summum, aut ad summum nefas vocaretur, et modo ludibrio, modo dolori retentus nunquam seria, tristia saepe censeret.»

**) Ювеналъ такъ же мало вѣритъ въ свой даръ эпика, какъ и въ дѣвственность музъ. Этотъ дурной комплиментъ музамъ, очевидно, имѣетъ связь съ невысокимъ мнѣніемъ Ювенала о женщинѣ вообще.

Digitized by Google

давно сдѣлался обладателемъ такого сокровища. И вотъ, бѣднякъ рѣшается принести эту лакомую рыбу въ даръ «*первосвященнику-Домиціану*». Да и что было дѣлать? Продать ромба? но никто не осмѣлился бы купить его. «Различные сыщики и шпіоны, которыми наполненъ былъ даже морской берегъ, тотчасъ бы завели дѣло съ бѣднымъ рыбакомъ. Они не задумались бы объявить, что эта рыба бѣглая, что она откормлена въ садкахъ цезаря, исчезла оттуда и должна возвратиться къ прежнему своему господину. Если вѣрить Пальфурію и Арминіату *), то даже всякая дорогая рыба, гдѣ бы она ни плавала, собственность цезаревой казны.»

Домиціанъ жилъ въ это время, по обыкновенію, въ своей альбанской виллѣ. Туда отправляется рыбакъ, и наконецъ его допускаютъ къ цезарю. «Прими, говоритъ ему вѣрноподданный, эту драгоцѣнность, которая слишкомъ огромна для кухни частнаго человѣка. Пусть этотъ день будетъ объявленъ праздникомъ. Приготовь, о цезарь, свой желудокъ для принятія этой пищи и отвѣдай ромба. Ясно, что сама судьба сохранила его для твоихъ дней. Да, эта рыба сама хотѣла того, чтобъ ее поймали.»

Домиціанъ выслушалъ эту рѣчь благосклонно. «Нѣтъ той лести, прибавляетъ поэтъ, которой бы не повѣрилъ человѣкъ, когда власть его признана и объявлена равною божеской власти.»

Дѣло, однако, этимъ не кончилось. Возникъ вопросъ: что дѣлать съ ромбомъ? кромѣ того, для такой огромной рыбы нельзя было отыскать достаточно-большаго блюда. И вотъ, Домиціанъ посылаетъ въ Римъ гонцовъ звать сенаторовъ, для совѣщанія объ этомъ важномъ государственномъ вопросѣ.

Въ Римѣ все пришло въ смятеніе. Лица сенаторовъ, и безъ того блѣдныя, еще болѣе поблѣднѣли.

Затѣмъ слѣдуетъ у Ювенала очень любопытная характеристика римскихъ вельможъ. Онъ называетъ ихъ по именамъ, и все это имена, большею частію опозоренныя въ исторіи.

---

*) Пальфурій Сура и Арминіатъ извѣстные доносщики при Домиціанѣ. Первый изъ нихъ былъ стоикъ. Оба они, говоритъ Гейнрихъ, вѣроятно принадлежали къ законовѣдамъ и старались поддержать самодержавіе цезарей теоріею распространенія такъ-называвшихся jura fisci.

Digitized by Google

«Первый, на крикъ гонца: currite, jam sedit! (бѣгите, онъ уже сѣлъ) схватилъ свою аболлу (плащъ), и спѣшитъ Пегасъ [1]). Онъ только что былъ назначенъ управителемъ (villicus) перепуганной столицы. Что же другое, какъ не прикащики, были въ это время префекты (губернаторы)? Это былъ (по природѣ своей) честный человѣкъ, строгій блюститель закона, хотя и убѣжденный въ томъ, что въ его ужасный вѣкъ справедливость была оружіемъ очень ненадежнымъ. За нимъ является пріятный, добродушный и краснорѣчивый старичокъ Криспъ [2]). И кто могъ быть полезнѣе Криспа для человѣка, подъ властію котораго находились и моря, и земли, и народы, еслибы при Домиціанѣ, этой язвѣ и гибели человѣческаго рода, можно было открыто порицать жестокость и подавать честный совѣтъ? Но что могло быть свирѣпѣе слуха этого тирана? Участь самыхъ близкихъ къ нему людей была сомнительна даже тогда, когда они разговаривали съ нимъ о погодѣ. Вотъ почему Криспъ никогда не старался плыть противъ теченія, и не былъ онъ человѣкъ съ свободною, задушевною рѣчью,—гражданинъ, готовый заплатить жизнью за правду. Такъ прожилъ онъ много лѣтъ и увидѣлъ восьмидесятую весну, обезопасивъ себя этимъ оружіемъ даже при дворѣ Домиціана.»

Вслѣдъ за Криспомъ, поспѣшно прибылъ въ виллу Домиціана Ацилій съ своимъ сыномъ [3]), а за ними — Рубрій [4]). Наконецъ, «является и чрево Монтана» [5]), Монтанъ, весь обратившійся въ

---

1) Пегасъ — знаменитый римскій юристъ.

2) Вибій Криспъ оставилъ по себѣ дурную память. При Неронѣ онъ былъ доносчикомъ. (Tacit. Hist. II, 10; IV, 41). Ювеналъ изображаетъ здѣсь Криспа такимъ, какимъ зналъ его при Домиціанѣ. Отзывъ сатирика совершенно согласенъ съ словами Квинтиліана (V, 13, 48), который называетъ Криспа «vir jucundi et elegantis ingenii».

3) Ацилій, отецъ и сынъ, оба были сенаторы. Послѣдній былъ казненъ Домиціаномъ за годъ до его собственной смерти.

4) Рубрій Галлъ, вѣроятно, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Тацитъ Hist. II, 51 и 99. Ювеналъ прибавляетъ, что на немъ тяготѣло какое-то «давнишнее и тайное преступленіе (offensae veteris reus atque tacendae)». Древній схоліастъ, при объясненіи этого мѣста, говоритъ, что Рубрій когда-то находился въ связи съ племянницею Домиціана, Юліей, дочерью Тита, которая потомъ сдѣлалась любовницей самого цезаря.

5) Монтанъ, какъ видно изъ 136 стиха этой сатиры, уже при Неронѣ былъ знаменитъ своимъ аппетитомъ и гастрономическими наклонностями. Его не должно сѣ-

Digitized by Google

«медленно двигающееся, отъ тучности, чрево», и раздушенный Криспинъ [1]), «отъ котораго несло разными ароматами сильнѣе, чѣмъ отъ двухъ похоронъ» (то-есть набальзамированныхъ покойниковъ).

«Является и Помпей [2]), который еще свирѣпѣе, чѣмъ Криспинъ, губитъ людей и доводитъ ихъ до казни своими доносами. Являются и Фускъ [3]), что берегъ свое тѣло для коршуновъ Дакіи, и хитрый Вейентонъ съ смертоноснымъ Катулломъ» [4]). «Этотъ Катуллъ, прибавляетъ Ювеналъ, ужасное чудовище, замѣчательное даже въ нашъ вѣкъ. Онъ былъ слѣпъ, льстецъ и страшный клеветъ Домиціана,— человѣкъ прямо съ моста, человѣкъ, которому бы просить милостыню гдѣ-нибудь на большой дорогѣ, при повозкахъ, ѣдущихъ въ Арицію, и посылать имъ вслѣдъ воздушные поцѣлуи [5]). Никто больше слѣпаго Катулла не восторгался рыбой. Онъ много наговорилъ, обратясь въ лѣвую сторону, а ромбъ лежалъ отъ него направо. Точно такъ онъ (въ угоду Домиціану) восхищался и битвами гладіаторовъ, и театральными машинами, уносившими отроковъ до самаго навѣса [6]).»

«Не уступаетъ Катуллу и Вейентонъ, и какъ бы пораженный

шивать съ благороднымъ Курціемъ Монтаномъ, о которомъ упоминаетъ Тацитъ Ann. XVI, 28; у Ювенала, по мнѣнію Вебера, рѣчь объ отцѣ этого Монтана.

1) Тотъ самый, о которомъ упомянуто въ I сатирѣ ст. 27.

2) Онъ извѣстенъ только изъ этого мѣста, какъ одинъ изъ страшныхъ доносчиковъ при Домиціанѣ.

3) Корнелій Фускъ былъ, при Домиціанѣ, начальникомъ (префектомъ) преторіанцевъ. Онъ погибъ въ походѣ противъ Даковъ.

4) Фабрицій Вейентонъ и Катуллъ Мессалинъ упоминаются и другими писателями, какъ страшные изверги. О нихъ говоритъ, между прочимъ, Плиній Epp. IV, 22. Здѣсь особенно хороша характеристика слѣпого Катулла, который «ничего не боялся, никогда не краснѣлъ и ни разу не испыталъ чувства жалости».

5) Римскіе нищіе обыкновенно промышляли на мостахъ и на большихъ дорогахъ. Арицію лежала на Аппіевой дорогѣ, при clivus Aricinus, гдѣ экипажи, по необходимости, замедляли свой ходъ. Вотъ почему это мѣсто привлекало множество нищихъ, которые привѣтствовали проѣзжихъ воздушными поцѣлуями. Это былъ обыкновенный жестъ, употреблявшійся для выраженія благоговѣнія къ богамъ и къ знатнымъ лицамъ. Отсюда глаголъ adorare, то-есть manum ori admovere.

6) Римскіе театры строились безъ крышъ. Ихъ замѣнялъ навѣсъ, который охранялъ зрителей отъ солнечныхъ лучей и отъ дождя. Въ этомъ мѣстѣ рѣчь, вѣроятно, идетъ о піесахъ, въ которыхъ представлялось похищеніе Ганимеда или полетъ Икара, и т. п. Вотъ, безъ сомнѣнія, отроки, о которыхъ здѣсь говорится.

Digitized by Google

священнымъ трепетомъ, вдохновленный самою Беллоною, онъ (изъ лести и со страха) начинаетъ даже предсказывать. Эта рыба, говоритъ онъ, пророчитъ тебѣ, Доминіанъ, великій и славный тріумфъ! Ты захватишь въ плѣнъ какого-нибудь царя, или британскій вождь Арвирагъ *), пораженный, упадетъ съ своей боевой колесницы. Эта рыба — звѣрь чужеземный. Развѣ ты не видишь, какъ его боковыя перья вытянулись къ спинѣ? Недоставало только Вейентону упомянуть о родинѣ ромба и о томъ, сколько ему лѣтъ.»

«— Какое же твое мнѣніе?» спрашиваетъ Доминіанъ. — «Разрѣзать ромба что ли? «Да будетъ отъ него далекъ такой позоръ, отвѣчаетъ Монтанъ. — Нужно приготовить глубокое блюдо съ тонкою стѣнкою и обширнымъ круглымъ дномъ. Для такого блюда необходимо найдти немедленно опытнаго художника, какого-нибудь новаго Прометея.»

«Мнѣніе Монтана», продолжаетъ поэтъ, «одержало верхъ, и оно было вполнѣ достойно этого человѣка. Онъ помнилъ еще роскошь прежняго двора, помнилъ полунощные пиры Нерона, когда гости его, разгоряченные фалерномъ, чувствовали все новый и новый позывъ къ наслажденіямъ. Ни у кого въ мое время не было такой опытности во всемъ, что относилось къ съѣстному. Монтану стоило только отвѣдать, чтобы тотчасъ угадать, были ли устрицы съ Цирцейскаго мыса, или изъ Лукринскаго озера, или съ британскаго берега, и взглянувъ на черепаху, онъ тотчасъ же могъ назвать ея родной берегъ.»

«Наконецъ, всѣ встаютъ, совѣщаніе закрыто, и сенаторы получаютъ приказаніе удалиться. *Великій вождь* собралъ ихъ въ свой альбанскій дворецъ. Испуганные, они поспѣшили туда, какъ будто цезарь хотѣлъ сообщить имъ что-нибудь о Каттахъ и дикихъ Сикамбрахъ **); какъ будто, съ разныхъ концовъ міра, привезены были быстрыми гонцами страшныя вѣсти.»

---

*) Римлянъ очень занимали въ это время войны ихъ съ Британцами. Льстивое предсказаніе Вейентона о тріумфѣ надъ ними Доминіана, безъ сомнѣнія, сбылось бы, еслибъ онъ не вызвалъ изъ Британіи Агриколу. (Tacit. Agric. c. 13—40). Объ Арвирагѣ не упоминаетъ ни одинъ изъ древнихъ историковъ. Вѣроятно, онъ сдѣлался британскимъ вождемъ уже послѣ удаленія Агриколы.

**) И тѣ, и другіе принадлежали къ самымъ воинственнымъ племенамъ древней Германіи.

Digitized by Google

«О, къ чему, мрачно заключаетъ Ювеналъ свою сатиру, къ чему Домиціанъ не посвятилъ такимъ ничтожнымъ дѣламъ всѣхъ дней своего свирѣпаго царствованія, въ которое онъ безнаказанно, и не вызвавъ мести, отнялъ у Рима столько доблестныхъ и знаменитыхъ людей! Но онъ и самъ палъ, послѣ того какъ сдѣлался страшенъ для черни. Вотъ что сгубило Домиціана, обагреннаго кровью своихъ вельможъ *)!»

Такое правительство, разумѣется, необходимо должно было возбудить негодованіе въ душѣ каждаго благороднаго человѣка, и намъ вполнѣ понятны слова Ювенала, что въ его время «трудно было не писать сатиры».

Обращаясь затѣмъ къ римскому народу, какимъ онъ является намъ въ сатирахъ Ювенала, мы прежде всего должны замѣтить, что этотъ народъ уже задолго до политической реформы Августа утратилъ свою національность, а вмѣстѣ съ нею, и первобытную чистоту нравовъ, придавшую такой блескъ начальнымъ періодамъ римской республики.

Коренные Римляне, вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ, мало по малу изчезли или затерялись въ огромной массѣ жителей всемірной столицы, и были вытѣснены выходцами со всего свѣта, пригнанными въ Италію военноплѣнными и рабами. Эти послѣдніе, а еще чаще ихъ дѣти и внуки, пріобрѣтали права римскаго гражданина, но труднѣе было для нихъ добыть себѣ старинную римскую доблесть и просвѣщенную любовь къ родинѣ.

Римскій народъ, — этотъ «звѣрь многоголовый», по выраженію Горація, сдѣлался, наконецъ, какою-то чудовищною амальгамою изъ всѣхъ возможныхъ націй. Для этой пестрой, сбродной толпы не существовало преданій старины.

Одной этой причины достаточно было для того, чтобы повести за собою быстрое и глубокое нравственное паденіе римскаго народа.

---

*) О смерти Домиціана мы уже сказали выше

Digitized by Google

Оно, повторимъ еще разъ, началось задолго до Ювенала и необходимо должно было вызвать реформу Августа.

Многіе воображаютъ до сихъ поръ еще, что римская имперія—катастрофа. Но что же это за катастрофа, которая продолжается цѣлыя столѣтія, не вызывая реакціи? Имперія возникла и необходимо должна была возникнуть въ Римѣ потому, что идея самоуправленія потеряла, наконецъ, свой смыслъ для массы народа. Возвратъ къ отжившимъ свой вѣкъ политическимъ формамъ былъ, повидимому, возможенъ и очень легокъ. Римская монархія не была наслѣдственною. Вслѣдъ за смертію каждаго изъ своихъ цезарей, Римляне имѣли законное право и полную возможность возстановить республику. Отчего же этого не случалось? Отчего въ самыя мрачныя эпохи цезарскаго деспотизма почти никто изъ нихъ не думалъ объ этомъ, за исключеніемъ двухъ—трехъ благородныхъ мечтателей? Оттого, что, для выхода изъ этого положенія, кромѣ политической возможности, необходима была возможность нравственная, а ея-то и не доставало Римлянамъ. Они напоминаютъ намъ собою безпутнаго, когда-то богатаго, но промотавшагося барина, который самъ проситъ и требуетъ, чтобы надъ нимъ учредили опеку. Но, въ Римѣ, въ эту пору уже трудно было найдти хорошихъ и добросовѣстныхъ опекуновъ.

Среди такого падшаго общества легко и даже необходимо должны были явиться Тиберіи, Нероны и Домиціаны. Передовые люди древняго Рима, и въ числѣ ихъ Ювеналъ и Тацитъ, хорошо понимали, что не эти цезари были главными виновниками того ужаснаго положенія, въ которомъ находилась ихъ родина. Если бы въ римскомъ народѣ сохранились какіе-нибудь слѣды нравственнаго чувства, то, разумѣется, такіе правители были бы невозможны. Во всякомъ случаѣ, безпощадный судъ потомства, карающій этихъ недостойныхъ правителей, долженъ быть не менѣе строгъ и въ отношеніи къ ихъ подданнымъ.

Печальную, горькую думу возбуждаютъ въ душѣ историка не только Домиціаны, но и такіе цезари, какъ Траянъ и Маркъ-Аврелій. Несмотря на все свое доброе желаніе, несмотря на свою желѣзную волю, они не могли остановить Римъ на краю той бездны, къ которой онъ уже давно стремился, и гдѣ суждено было ему погибнуть.

Digitized by Google

Ювеналъ, вмѣстѣ съ другими благородными людьми своей эпохи, глубоко презиралъ современный ему римскій народъ. Поэтъ особенно сильно выразилъ это чувство въ томъ превосходномъ мѣстѣ десятой сатиры, гдѣ рѣчь идетъ о казни Сеяна.

Это событіе, какъ извѣстно, относится къ царствованію Тиберія. Сеянъ былъ въ это время начальникомъ преторіанской гвардіи и пользовался безграничнымъ довѣріемъ своего монарха. Этотъ подозрительный, хитрый, суевѣрный и развратный старикъ, по совѣту временщика, оставилъ даже Римъ и дѣла, и послѣдніе годы своей жизни провелъ на островѣ Капри, окруженный халдеями, гадателями и женщинами.

Десятилѣтнее пребываніе Тиберія на островѣ Капри представляетъ одну изъ самыхъ скандалезныхъ страницъ въ исторіи римской имперіи. Этимъ временемъ рѣшился воспользоваться Сеянъ и провозгласить себя императоромъ: въ томъ, по крайней мѣрѣ, обвиняли его. Сеянъ, говорятъ, очень разсчитывалъ на народъ, который его любилъ и, разумѣется, былъ не прочь освободиться отъ Тиберія. Но Тиберій перехитрилъ Сеяна, и вмѣстѣ съ нимъ погибло множество его приверженцевъ.

Ювеналъ не былъ очевидцемъ этой катастрофы, но зналъ о ней по свѣжему еще преданію. Онъ чрезвычайно живо и вѣрно описываетъ рабское чувство, обнаруженное при этомъ Римлянами, ихъ непостоянство и вѣроломство, и это внезапное превращеніе любви въ ненависть къ Сеяну, въ ненависть, источникомъ которой былъ страхъ Тиберія.

«Могущество, говоритъ поэтъ, возбуждаетъ много зависти и нерѣдко губитъ человѣка; топитъ (mergit) его длинный перечень почетныхъ титуловъ. Нерѣдко статуи сходятъ съ высокихъ своихъ подножій, и неистово влечетъ ихъ толпа. Тогда топоръ рубитъ самыя колеса тріумфальныхъ колесницъ, рубитъ и ломаетъ голени мѣдныхъ коней. Чѣмъ же они—то, бѣдные, виноваты?»

«Вотъ трещитъ огонь, и въ пламени голова, которую такъ боготворилъ народъ, и съ шумомъ плавится колоссальная статуя Сеяна, а потомъ изъ этой статуи, изъ этого изображенія человѣка, быв-

Digitized by Google

шаго, послѣ Тиберія, первымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, сдѣлаютъ горшки, тазы и сковороды.»

«Укрась твой домъ лавромъ, веди въ Капитолій большаго бѣлаго быка [1]): по римскимъ улицамъ влекутъ крючьями Сеяна на всенародное позорище. Всѣ въ восторгѣ!»

«Какія были у него истерзанныя губы, какое страшное лицо! Повѣрь мнѣ, я никогда не любилъ этого человѣка; но что же, однако, за преступленіе, отъ котораго онъ погибъ? гдѣ доносчикъ на Сеяна, гдѣ доказательства, гдѣ свидѣтели его вины? Ничего этого не было. Съ острова Капри привезено въ сенатъ многорѣчивое, длинное посланіе Тиберія [2]). Прекрасно! послѣ этого нечего спрашивать о преступленіи Сеяна; но что же дѣлаетъ эта толпа, что дѣлаютъ эти потомки великаго Рема? Толпа, какъ всегда, слѣдуетъ за удачей и ненавидитъ осужденныхъ. Еслибы счастье улыбнулось Этруску [3]), если бы ему удалось погубить стараго Тиберія въ безопасномъ его убѣжищѣ, то немедленно тотъ же самый народъ провозгласилъ бы Сеяна цезаремъ. Этотъ народъ уже давно сложилъ съ себя государственное бремя, съ тѣхъ поръ, какъ мы, на выборахъ, никому больше не продаемъ нашихъ голосовъ. Онъ, который когда-то раздавалъ власть, консульскіе пуки и легіоны, теперь онъ живетъ тихо и только озабоченно жаждетъ даровой раздачи хлѣба да зрѣлищъ въ циркѣ.»

«Слышно, что еще многимъ придется погибнуть. Мнѣ повстрѣчался у жертвенника Марса (на Марсовомъ полѣ) пріятель мой Брутидій [4]). Онъ былъ очень блѣденъ. Боюсь я, сказалъ онъ, чтобы Тиберію, какъ побѣжденному Аяксу, не показалось, что народъ не сильно за него вступился, чтобы Тиберій не вздумалъ за это мстить.

---

1) Это были обыкновенные знаки, которыми выражалось сочувствіе къ какому-нибудь событію и вообще радость.

2) Все это исторически вѣрно. Рескриптъ Тиберія сенату дѣйствительно былъ очень длиненъ. Діонъ Кассій, который подробно описываетъ исторію казни Сеяна (LVIII, 2 и слѣд.), говоритъ то же самое и, кромѣ того, обозначаетъ самое содержаніе этого письма.

3) Въ подлинникѣ сказано: «если бы Нурція поблагопріятствовала Этруску», т.-е. Сеяну, который родомъ былъ изъ Вольсиній въ Этруріи. Нурція—этрусское имя Фортуны.

4) Брутидій Нигеръ былъ эдиломъ въ 22 г. и старался открыть себѣ дорогу къ почестямъ доносами. (Tacit. Ann. III, 66). Выраженіе Ювенала «Brutidius meus», очевидно, заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ презрѣнія къ этому человѣку.

Digitized by Google

Поспѣшимъ же на берегъ Тибра и станемъ топтать ногами трупъ цезарева врага, пока онъ тамъ лежитъ *). Но пусть это видятъ наши рабы, а не то кто-нибудь изъ нихъ напугаетъ своего барина и, накинувъ веревку, потащитъ его, за шею, на расправу.»

Говоря о римскомъ народѣ, я имѣлъ до сихъ поръ преимущественно въ виду низшіе его слои; но для того, чтобы вѣрно судить о нравственномъ состояніи общества въ вѣкъ Ювенала, необходимо обратить вниманіе на высшіе, на такъ-называемые образованные классы этого народа, которые были исключительными представителями древней цивилизаціи.

Главная ихъ типическая черта — это кліентство или, вѣрнѣе, огромные размѣры, какіе оно приняло въ разсматриваемое время.

Кліентство является въ Римѣ при самомъ его началѣ. Это учрежденіе имѣло тамъ большое значеніе во все то время, когда только одна часть римскаго народа пользовалась политическими правами, а другая была еще лишена этихъ правъ. Кліентство считалось въ эту пору выше даже родственныхъ связей, и, возникнувъ изъ убѣжденія въ томъ, что сильный долженъ защищать и охранять слабаго, имѣло какъ бы религіозную основу.

Но уже задолго до Ювенала, еще въ періодъ республики, оно утратило свой первоначальный характеръ, и подъ словомъ *кліентъ* начали понимать всякаго бѣднаго и незначительнаго человѣка. Въ Римѣ, каждый изъ такихъ людей непремѣнно имѣлъ своего покровителя, или патрона.

Кліентъ непремѣнно каждый день являлся къ своему милостивцу съ утреннимъ поздравленіемъ, проводилъ нѣсколько часовъ въ его прихожей, а потомъ обыкновенно сопровождалъ своего патрона на форумъ и всюду, куда ему вздумалось бы отправиться. Римскіе богачи имѣли множество такихъ кліентовъ, и потому обыкновенно являлись на улицѣ съ огромною свитой.

---

*) Трупъ Сеяна цѣлые три дня валялся на набережной Тибра и во все это время подвергался поруганію черни.

Digitized by Google

Сначала клиенты обѣдали за столомъ своихъ патроновъ, но потомъ, съ увеличеніемъ числа клиентовъ, это оказалось неудобнымъ, и, вмѣсто обѣда, имъ начали ежедневно выдавать такъ-называвшуюся *спортулу*. Это, какъ показываетъ самое слово, была небольшая корзинка съ съѣстными припасами, а иногда, вмѣсто нихъ, клиентъ получалъ незначительную сумму денегъ.

Чѣмъ ниже падали въ Римѣ нравы, тѣмъ больше развивалось тамъ клиентство и наконецъ охватило собою всѣ классы римскаго общества. Римскіе клиенты, въ вѣкъ Ювенала, имѣли уже не по одному патрону, какъ прежде, а множество патроновъ, и цѣлое утро переходили изъ дома въ домъ, собирая тамъ, не безъ шума и брани, свои обычныя спортулы.

Въ одной изъ своихъ сатиръ *), Ювеналъ живо описываетъ сцену раздачи *спортулъ*: «Вотъ, говоритъ онъ, на самомъ порогѣ выставлены спортулы на расхищеніе толпѣ людей, одѣтыхъ въ тогу. Патронъ, однако, сначала смотритъ тебѣ въ лицо, и дрожитъ, чтобы ты не явился подставнымъ кліентомъ и не потребовалъ себѣ спортулы подъ чужимъ именемъ. Когда тебя признаютъ, ты ее получишь. При этомъ патронъ приказываетъ своему глашатаю вызывать поименно даже нашихъ аристократовъ, этихъ потомковъ баснословныхъ Троянцевъ, потому что и они, вмѣстѣ съ нами, бѣдными кліентами, трутъ пороги богачей. Дай, говоритъ патронъ своему слугѣ, дай сначала претору, а потомъ трибуну.»

«Когда въ концѣ года», продолжаетъ поэтъ **), «даже знатные люди сводятъ счеты, сколько барыша принесла имъ спортула, на сколько увеличила ихъ доходы, то что же остается дѣлать бѣднымъ кліентамъ, у которыхъ отсюда и тога, и обувь, и хлѣбъ, и дрова.»

«Вотъ тянется густой рядъ носилокъ, и самъ мужъ обводитъ по всѣмъ патронамъ свою усталую или беременную жену. Иной требуетъ спортулу для жены, которой тутъ нѣтъ, и хитритъ уже всѣмъ извѣстною продѣлкой, указывая, вмѣсто нея, на закрытую и пустую лектику. «Здѣсь моя Галла», говоритъ онъ раздавателю спортулъ.

---

*) Въ первой сат. ст. 95 и слѣд.

**) Ibid., ст. 117.

Digitized by Google

«Отпусти поскорѣе. Къ чему же ты медлишь?» — Галла, высунь голову. «Не безпокой ея, она спитъ.»

Иногда, впрочемъ, патроны приглашали своихъ кліентовъ къ обѣду, но дѣлали это не изъ участія къ нимъ, а больше для потѣхи. Ювеналъ, въ своей пятой сатирѣ, превосходно описалъ одинъ изъ такихъ обѣдовъ. Поэтъ съ большимъ негодованіемъ говоритъ здѣсь о тѣхъ униженіяхъ и обидахъ, которыя кліенты терпѣли отъ своихъ патроновъ для того, чтобы поѣсть на чужой счетъ.

«Если патрону, пишетъ Ювеналъ *), вздумается пригласить къ себѣ на обѣдъ, въ два мѣсяца разъ, своего забытаго кліента, чтобы за столомъ не оставалось пустаго мѣста, то говоритъ ему: приходи ко мнѣ. И это верхъ желаній для кліента! Для какого-нибудь Требія это достаточный поводъ отправиться къ своему патрону съ ранняго утра. И что же это за обѣдъ? Вино такое, въ какомъ не моютъ даже шерсти. И отъ такого вина ты изъ порядочнаго, приличнаго гостя превращаешься въ пьянаго жреца. Дѣло начинается бранью, а затѣмъ, для потѣхи патрона, между кліентами и ватагой его отпущенниковъ нерѣдко загорается битва на бутылкахъ. И вотъ, ты уже бросаешь стаканами въ своихъ враговъ и, раненый, отираешь скатертью кровь съ своего лица.»

«Самъ патронъ пьетъ старое вино, стаканъ, который у него въ рукахъ, изъ янтаря и украшенъ бериллами, а тебѣ не довѣряютъ золотаго бокала, или если и довѣрятъ, то тутъ же приставятъ къ тебѣ слугу. Онъ сначала сосчитаетъ драгоцѣнные камни, которые вдѣланы въ этотъ бокалъ, а потомъ все время будетъ наблюдать за твоими острыми ногтями.»

«И не только вино, даже воду вы пьете за такимъ обѣдомъ не ту, какую патронъ. Притомъ, подаетъ тебѣ ее какой-нибудь скороходъ изъ Гетуліи или костлявая рука чернаго Мавра, съ которымъ бы тебѣ не захотѣлось встрѣтиться въ полночь, когда ты ѣдешь по

*) Ст. 15 и слѣд. Здѣсь мы опять должны повторить, что, представляя выдержки изъ пятой сатиры Ювенала, мы не имѣли въ виду дословной передачи ея на русскій языкъ, такъ какъ это не согласно съ условіями публичной лекціи. Впрочемъ, мы старались какъ можно точнѣе передать не только мысль поэта, но и способъ его выражаться.

Digitized by Google

Латинской дорогѣ, обставленной надгробными памятниками. Въ то же время патрону прислуживаетъ цвѣтъ Азіи, рабъ, купленный за огромную цѣну. Она больше, чѣмъ сколько стоило все имущество Сервія Туллія и воинственнаго Анка Марція, словомъ, больше, чѣмъ весь скарбъ древнихъ римскихъ царей. Если тебѣ захочется пить, то ты обратись къ своему африканскому Ганимеду, а дорогой рабъ не захочетъ, да и не умѣетъ прислуживать бѣднякамъ.»

«Смотри, съ какимъ ворчаньемъ слуга положилъ передъ тобой хлѣбъ. Его едва можно надломить: это какіе-то заплесневѣлые куски затвердѣвшей муки, отъ которыхъ раскачаются какіе угодно зубы. Раскусить такой хлѣбъ нѣтъ никакой возможности. И тутъ же поставятъ пшеничный хлѣбъ, бѣлый, мягкій,—это для патрона. Смотри, не забудь попридержать свою руку и оказывай должное уваженіе къ этому произведенію пекарнаго искусства. Вообрази, однако, что у тебя достанетъ смѣлости для того, чтобы протянуть руку къ этому лакомству: тотчасъ же явится слуга, который заставитъ тебя положить его назадъ. Не угодно ли тебѣ, дерзкій кліентъ, скажетъ онъ, набивать свой желудокъ вотъ изъ этой корзины? Развѣ ты не знаешь, какого цвѣта твой хлѣбъ?»

«Посмотри, какъ широко растянулся на блюдѣ великолѣпный омаръ, обложенный со всѣхъ сторонъ снаряжей, какъ онъ гордо смотритъ оттуда своимъ хвостомъ на кліентовъ, когда величественно приближается къ столу, несомый на поднятыхъ рукахъ огромнаго слуги. Это для патрона. А тебѣ въ то же время подаютъ на блюдечкѣ небольшаго рака и полъ-яйца — кушанье, въ родѣ того, какое ставятъ на могилахъ для покойниковъ.»

«Патронъ поливаетъ свою рыбу венаферскимъ масломъ *), а тощій кочанъ капусты, который подаютъ тебѣ, сильно отзывается ночникомъ. Да, въ соуженики кліентовъ наливается то самое масло, изъ-за котораго никто не хочетъ мыться въ банѣ съ Нумидійцемъ Бокхаромъ, и которое даже, какъ увѣряютъ, дѣлаетъ тѣло человѣка безопаснымъ отъ укушенія змѣй.»

Затѣмъ Ювеналъ перечисляетъ много и другихъ контрастовъ въ

*) Венаферъ — городъ Кампаніи.

Digitized by Google

кушаньяхъ, подаваемыхъ за столомъ патрону и его кліентамъ, и заключаетъ свою сатиру слѣдующими благородными словами (ст. 156):

«Можетъ-быть, ты думаешь, что патронъ жалѣетъ денегъ на твое угощеніе. Нѣтъ, это онъ дѣлаетъ, чтобъ опечалить тебя. Какой же фарсъ, какой комедіантъ забавнѣе обжоры-парасита, когда онъ плачетъ о томъ, что его не накормили? Все это дѣлается для того, чтобы ты излилъ свою желчь въ слезахъ и наконецъ заскрежеталъ долго стиснутыми зубами. Тебѣ кажется, что ты человѣкъ свободный и гость твоего патрона, а онъ думаетъ, и совершенно справедливо, что ты весь находишься подъ обаяніемъ ароматовъ его кухни...»

«Человѣкъ, который съ тобой такъ обращается, поступаетъ умно. Если ты можешь, то и долженъ все выносить. Современемъ ты самъ станешь подставлять свое лицо для побоевъ, попривыкнешь къ нещаднымъ ударамъ и сдѣлаешься вполнѣ достойнымъ и такого обѣда, и такого патрона.»

Приведенныя подробности изъ римскаго быта невольно поражаютъ насъ своимъ оскорбительнымъ характеромъ. Мы видимъ, что въ Римѣ, въ эпоху Ювенала, не было и тѣни того, даже внѣшняго, наружнаго благородства, которое составляетъ первый признакъ и необходимое условіе европейскаго общества. Тѣмъ безуспѣшнѣе мы будемъ искать въ современникахъ Ювенала, разумѣется, въ массѣ, а не въ отдѣльныхъ, исключительныхъ личностяхъ, чувства чести и человѣческаго достоинства.

Услужливость римскаго кліента—а кліентами были чуть не всѣ Римляне — обратилась въ какое-то раболѣпное прислужничество. Это не та услужливость, составляющая характеръ и Европейца, — услужливость, или учтивость свободная, ровная, которая тотчасъ принимаетъ гордый видъ, если ее разумѣютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и исчезаетъ въ ту минуту, когда перестаетъ быть взаимною, обоюдною.

Въ Римѣ, напротивъ, мы видимъ какой-то поворотъ къ Азіи или, по крайней мѣрѣ, къ Византіи. Рабство, со всѣми своими гнусными видоизмѣненіями и оттѣнками, окончательно заклеймило собою, въ эпоху Ювенала, римское общество и проникло во всѣ его слои. Какимъ другимъ именемъ назвать это униженіе, этотъ позоръ не только

Digitized by Google

бѣдняка, но и человѣка богатаго, знатнаго, который съ шумомъ и бранью собираетъ каждое утро свою обычную дань, нѣчто въ родѣ милостыни, и унижается передъ своими безчисленными патронами и ихъ слугами для того, чтобы получить спортулу?

«Царями» — это самое употребительное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ — царями этой голодной и жадной толпы являются, въ разсматриваемый вѣкъ, нѣсколько спѣсивыхъ богачей, большею частію отпущениковъ, разбогатѣвшихъ всѣми неправдами: это были самые типическіе представители императорскаго Рима.

Къ сожалѣнію, я не могу представить здѣсь съ такою же подробностію всѣхъ другихъ сторонъ римскаго быта, такъ живо и нещадно-ярко выставленныхъ въ сатирахъ Ювенала.

Вотъ, напримѣръ, эгоистъ-богачъ, который тратитъ огромныя деньги на свои нечеловѣческія прихоти, и въ то же время отличается полнымъ, самымъ циническимъ разнодушіемъ ко всему, въ чемъ только проявляется умственная жизнь, начиная съ литературы до воспитанія своего сына. Вотъ любопытный типъ искателя наслѣдствъ, а вотъ и ханжа—философъ. Онъ стоикъ и, разумѣется, безпощадный моралистъ; по выраженію Ювенала, онъ «надѣлъ на себя личину Курія и проводитъ жизнь въ вакханаліяхъ». Вотъ римская женщина, унизившаяся своимъ развратомъ до гетеры; римская знать, благородная тѣломъ, а не духомъ, знать, для которой услужливые Греки выдумали небывалую генеалогію. Все это большею частію потомки баснословныхъ Троянцевъ. Это, однако, не мѣшаетъ имъ грабить провинціи, поддѣлывать завѣщанія, пьянствовать въ таверпахъ «съ палачами, разбойниками, гробовщиками и съ бѣглыми рабами», или выходитъ на арену амфитеатра и тамъ всенародно биться съ дикими звѣрями, — «добровольно», прибавляетъ поэтъ, «когда ихъ не принуждаетъ къ тому никакой Неронъ» *). Вотъ, наконецъ, цѣлый Римъ, совершенно утратившій свою національность и подчинившійся безусловному вліянію Грековъ, а вотъ и самые Греки...

---

*) См. VIII сат. passim.

Digitized by Google

Здѣсь я долженъ остановиться не надолго, и указать на ожесточенную ненависть Ювенала къ этимъ просвѣтителямъ его родины.

Въ этомъ отношеніи онъ служитъ крайнимъ, послѣднимъ представителемъ извѣстной партіи, считавшей родоначальникомъ своимъ Катона-Старшаго. Отъ Катона до эпохи Домиціана, слѣдовательно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, мы постоянно замѣчаемъ въ римской литературѣ борьбу двухъ началъ, — національнаго съ пришлымъ, иноземнымъ. Эта борьба постоянно раздѣляла римскихъ писателей на два враждебные лагеря. Одни изъ нихъ, составлявшіе огромное большинство, не переставали указывать на греческую цивилизацію, какъ на источникъ и необходимую подпору всей умственной жизни Римлянъ, а другіе преслѣдовали это иноземное вліяніе горькимъ упрекомъ, какъ главную причину порчи римскихъ нравовъ.

На чьей сторонѣ была правда? Теперь, относительно Рима, мы можемъ обсудить этотъ интересный для насъ вопросъ безпристрастно и хладнокровно.

Нѣтъ сомнѣнія, что сильное и рѣшительное вліяніе Греціи на Римъ, которое началось съ шестаго вѣка его существованія, имѣло и свои невыгодныя послѣдствія. Къ этому мнѣнію начинаютъ теперь склоняться лучшіе изслѣдователи римской старины *).

Иноземная реформа коснулась только высшихъ классовъ римскаго общества и совершенно подчинила ихъ греческому вліянію, греческой модѣ **). Необходимымъ ея слѣдствіемъ было, между прочимъ, и то, что Греки, которые въ это время были нисколько не похожи на своихъ предковъ, наводнили собою столицу Италіи и совершенно завладѣли воспитаніемъ римскаго юношества. Они поселили въ немъ если не презрѣніе, то, по крайней мѣрѣ, холодность ко всему національ-

*) Напримѣръ, Момизенъ. Въ своей Röm. Gesch. т. I., стр. 860 и слѣд., онъ превосходно говоритъ о вредномъ вліяніи, которое оказала на нравы Римлянъ новая греческая комедія, перенесенная на ихъ сцену.

**) Замѣчательно, напримѣръ, какъ Діонисій Галикарнасскій, во введеніи къ своей *Римской Археологіи*, вездѣ силится доказать, что Римляне тѣ же Греки, что всѣ римскія учрежденія греческаго происхожденія, и что самый латинскій языкъ въ сущности языкъ греческій. Услужливый Грекъ зналъ, что, въ періодъ Августа, можно было сильно угодить Римлянамъ подобными учеными выводами.

Digitized by Google

пому, этотъ первый признакъ народа, еще не достигшаго полной умственной зрѣлости, или уже кончающаго свою историческую жизнь.

Римляне, вслѣдствіе различныхъ политическихъ условій, которыхъ мы уже отчасти коснулись выше, не могли особенно сильно чувствовать это чужеземное иго въ дѣлѣ мысли и народнаго образованія. Кромѣ того, по самому складу своего ума, они отличались необыкновенною способностію усвоивать себѣ все чужое, такъ что не только Греція, но даже Азія и другія страны оказали на Римъ свое вліяніе, а потому самая религія этого государства обратилась подъ конецъ римской исторіи въ какую-то гостепріимную смѣсь всѣхъ возможныхъ вѣрованій.

Вотъ почему, въ Римѣ, рѣдко раздавались благородные голоса въ защиту своего, роднаго, и въ числѣ этихъ немногихъ патріотическихъ голосовъ особенно громко звучала задушевная, сильная и свободная рѣчь Ювенала.

«Не могу я, Квириты», говоритъ онъ *), «не могу я долѣе выносить Рима, послѣ того какъ онъ совершенно превратился въ греческій городъ». И вслѣдъ за тѣмъ поэтъ представляетъ характеристику Грековъ, уже за долго до него завладѣвшихъ вѣчнымъ городомъ: «Одинъ, оставивъ высокій Сикіонъ, другой — Амидонъ, третій — Самосъ, тотъ — Андросъ, а тотъ — Траллы или Алабанду, — всѣ эти люди стремятся въ Римъ, на холмъ Эсквилинскій или на тотъ, что получилъ свое имя отъ поросшаго на немъ кустарника (Виминальскій). Все это нутро (viscera) знатныхъ домовъ и наши будущіе властелины. Умъ ихъ быстръ, дерзость отчаянная и рѣчь текучѣе, чѣмъ у оратора Изея. Скажи мнѣ, за кого ты считаешь такого человѣка? Онъ все, онъ принесъ къ намъ съ собой, кого угодно. Онъ грамматикъ, риторъ, математикъ, живописецъ, парикмахеръ, авгуръ, канатный плясунъ, врачъ, магъ—онъ все знаетъ. Голодный Грекъ, если это тебѣ угодно, полѣзетъ на самое небо.»

Это одинъ изъ тѣхъ патріотическихъ голосовъ, какіе еще въ

*) Въ знаменитой своей III сатирѣ ст. 60. Эти слова говоритъ собственно не Ювеналъ, а другъ его, Умбрицій; но очевидно, что онъ выражаетъ задушевную мысль поэта.

Digitized by Google

прошломъ вѣкѣ, раздавались и въ нашей литературѣ противъ французскихъ и всякихъ другихъ выходцевъ. Почти всѣ наши лучшіе, передовые писатели были въ этомъ случаѣ Ювеналами, хотя они постоянно отдавали полную и должную справедливость просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ иностранцамъ, которые такъ много содѣйствовали сближенію Россіи съ Европой.

Но римскій сатирикъ имѣлъ полное право негодовать на непрошенныхъ образователей своей родины, тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемое время она легко могла обойдтись и безъ нихъ. Притомъ, какъ мы уже замѣтили, Греки, «стремившіеся на холмъ Эсквилинскій», были, — какъ это часто водится, разумѣется, съ исключеніями, — люди никуда негодные въ своемъ отечествѣ, спекулянты и шарлатаны. Многіе изъ нихъ взялись за воспитаніе римскаго юношества только потому, что видѣли въ этомъ свою выгоду. Они вполнѣ достигли своей цѣли: Римлянамъ не суждено было возвратиться къ національности и положить ее въ основу своего развитія. Римское государство представляетъ явленіе поучительное тѣмъ, что, несмотря на свое всемірное владычество, всегда и почти во всемъ носило на себѣ печать подражательности.

Мы должны, однако, замѣтить, что, справедливо вооружаясь противъ преобладанія выродившагося греческаго элемента въ римской жизни, Ювеналъ въ то же время очень ложно понималъ національность. Онъ видѣлъ ее въ отжившей и при томъ въ отдаленной, полумиѳической старинѣ, и постоянно является намъ глашатаемъ и передовымъ бойцомъ той не очень разумной партіи, которая, какъ видно, имѣла въ Римѣ не мало послѣдователей, и которую, для ясности, можно назвать *сабинофильскою*. Ювеналъ самый рѣзкій типъ римскаго сабинофила. Дѣйствительно, хотя онъ вполнѣ сочувствуетъ блестящей порѣ Рима, но постоянно требуетъ возврата къ какой-то древней сабинской простотѣ, къ баснословному золотому вѣку римской патріархальности, и не хочетъ знать, что это патріархальное время было вѣкомъ грубости и дикости нравовъ, вѣкомъ полнаго отсутствія всякой цивилизаціи.

Ювеналъ не понялъ, что развитіе національнаго начала не должно хвататься за явленія, отжившія свое время и несообразныя съ ду-

Digitized by Google

хомъ вѣка. Это, однако, еще не значитъ, что народъ можетъ безнаказанно отрѣшиться отъ своего прошедшаго, рабски слѣдовать чужому и въ великомъ дѣлѣ науки и народнаго образованія отдать преимущество чужеземцу. Вотъ чего не сознавали Римляне, и о чемъ скорбѣлъ Ювеналъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не сочувствовать ему.

Онъ, повторяемъ, имѣлъ полное право негодовать на чужеземное иго, поработившее мысль и чувство его родины, такъ какъ въ его время непосредственное вліяніе Грековъ на Римлянъ способствовало только окончательной порчѣ римскихъ нравовъ. Мы вполнѣ понимаемъ задушевную мысль римскаго поэта, когда онъ говоритъ намъ, что не можетъ быть образователемъ народа тотъ, кто не живетъ съ нимъ одною жизнію, не сочувствуетъ его стремленіямъ, не знаетъ его нуждъ и стоновъ. Кромѣ своего космополитическаго значенія, наука, и въ особенности ея пропаганда черезъ литературу и школу, необходимо имѣютъ значеніе мѣстное, народное. Для того чтобы наука, принадлежащая всему міру, вполнѣ обнаружила свое цивилизующее начало на какомъ бы то ни было отдѣльномъ народѣ, ей должно пройдти черезъ любящую душу человѣка, принадлежащаго къ той же націи, на которую онъ хочетъ дѣйствовать.

Никто изъ людей просвѣщенныхъ не скажетъ въ наше время, что въ дѣлѣ жизни и науки позволительно и разумно отрѣшиться, какому бы то ни было народу, отъ тѣхъ результатовъ, которыхъ онѣ достигли у націй вполнѣ развитыхъ; но несомнѣнно и то, что необходима критическая передача идей и фактовъ, выработанныхъ наукою. Она тогда только можетъ обнаружить полное свое вліяніе, когда являясь результатомъ народныхъ силъ, а не страдательнымъ усвоеніемъ чужихъ идей, въ тоже время выражается на своемъ родномъ, всѣмъ доступномъ языкѣ. Только такая наука приноситъ пользу и честь націи, даетъ ей законное мѣсто среди образованныхъ народовъ. Чужеземную же науку, не имѣющую ничего общаго съ народной жизнію, учредить легко, но за то такую науку легко и во всякое время могутъ имѣть въ своихъ государствахъ и тунисскій бей, и марокскій султанъ.

Діонисій Галикарнасскій, Діонъ Кассій, Плутархъ и другіе Греки, которые, въ періодъ цезарей, искусственно примкнули къ Римлянамъ

Digitized by Google

и едва ли достаточно изучили ихъ языкъ, своими греческими писаніями ничего не могли дать въ наукѣ этому народу, кромѣ простаго факта и дешевой морали. Какъ образователи римскаго народа, они были ничтожны, и во всякомъ случаѣ должны уступить первенство туземнымъ авторамъ.

Титъ Ливій, Тацитъ, Горацій, Ювеналъ — вотъ писатели, изученіе которыхъ и теперь способно возвысить душу человѣка, вотъ люди, которые могли благотворно дѣйствовать и на своихъ соотечественниковъ, еслибы литература вообще могла еще имѣть для нихъ какое-нибудь нравственное значеніе.

Но римскій міръ уже видимо находился въ агоніи. Литература и наука, разумѣется, должны были утратить для него весь свой великій смыслъ въ эту пору. Общій и заключительный выводъ изъ сатиръ Ювенала тотъ, что общество, въ которомъ заглохли идеалы всего святаго и добраго, быстро несется къ паденію и легко можетъ дойти до крайней степени нравственнаго безобразія, до полнаго и самаго отвратительнаго преобладанія плоти надъ духомъ. Міръ не могъ существовать на своихъ прежнихъ основахъ: онъ долженъ былъ или погибнуть, или обновиться новою идеей, новою жизнію.

Ужасная картина римскаго общества, изображенная Ювеналомъ, была бы не полна и невыносимо печальна, если бы, къ счастію и къ чести человѣчества, рядомъ съ Неронами и Домиціанами, рядомъ съ ихъ клевретами и подданными, отупѣвшими отъ эгоизма, разврата и рабства, мы не встрѣтили въ бѣдныхъ, гонимыхъ, страждущихъ классахъ римскаго народа зародыша иной жизни, не встрѣтили другихъ людей, представителей святой идеи, которой суждено было разсѣять ложь и мракъ дряхлаго, отжившаго свое время язычества.

Вотъ, по шумнымъ римскимъ улицамъ боязливо пробирается въ толпѣ бѣдная женщина. Она спѣшитъ въ эргастулу, въ острогъ римскаго сибарита.... Тамъ прикованъ желѣзною цѣпью къ стѣнѣ истерзанный рабъ. Онъ чужой для этой женщины, но онъ человѣкъ — и женщина спѣшитъ, она жаждетъ уврачевать, исцѣлить его раны, омыть ихъ своими слезами...

Digitized by Google

Вы понимаете, вы глубоко чувствуете, что это совершенно новое явленіе среди императорскаго Рима, среди того общества, которое изображаетъ Ювеналъ. Кто же эта женщина? Это не Лида, не Фрина, не роскошная римская матрона, нѣтъ — это существо, блещущее всѣмъ обаяніемъ внутренней красоты, лучшее Божіе созданіе на нашей землѣ, это христіанка!

Христіанство въ вѣкъ Ювенала было уже фактъ очевидный, общенародный, хотя и не понятый еще римскимъ правительствомъ. Скромные, бѣдные христіанскіе храмы были уже разсѣяны въ эту пору на всемъ пространствѣ имперіи, отъ Испаніи до крайнихъ предѣловъ Египта.

Римскіе цезари, хотя еще смутно, но уже почуяли въ этомъ новомъ явленіи опаснаго себѣ врага. Недаромъ Неронъ жегъ въ своихъ садахъ послѣдователей Христова ученія. Уже сдѣлалось очевидно, что оно не могло ужиться и готово было вступить въ открытый бой со всею ложью и позоромъ тогдашняго времени.

Въ мірѣ совершался переворотъ, великаго смысла котораго не постигли лучшіе люди древности. И какъ имъ было понять, что новое, перерожденное общество выйдетъ не изъ ихъ среды, а изъ гонимой, рабствующей народной массы.

Ювеналъ мимоходомъ и довольно равнодушно упоминаетъ въ одномъ только мѣстѣ о страшныхъ казняхъ первыхъ христіанъ, которые, по его выраженію, «горѣли стоя и дымили привязаннымъ къ столбу горломъ» или «оставляли за собою глубокія борозды на аренѣ амфитеатра» [1]). Даже Тацитъ не понялъ этихъ людей и считалъ ихъ какими-то опасными и вредными фанатиками [2]). Современникъ Ювенала и Тацита, Плиній-Младшій, который, по волѣ Траяна, произвелъ слѣдствіе надъ христіанами, писалъ о нихъ, въ донесеніи къ своему императору, между прочимъ, слѣдующія слова [3]): «Они имѣютъ обычай въ извѣстные дни сходиться до разсвѣта, славить Христа, какъ Бога, и другъ друга обязывать клятвой не на преступленіе

1) 1 сат. ст. 155.
2) Tacit. Ann. XV, 44.
3) Plin. Epist. X, XCVII.

Digitized by Google

какое-нибудь, а на то, чтобы не красть, не грабить, не прелюбодѣйствовать, не нарушать даннаго слова, не задерживать обманомъ того, что ввѣрено въ видѣ залога. Потомъ они расходятся и снова сходятся для молитвы и общей трапезы. Впрочемъ, я (продолжаетъ Плиній чрезъ нѣсколько строкъ) не нашелъ ничего въ ихъ ученіи, кромѣ гнуснаго суевѣрія, превышающаго всякую мѣру.» «Зараза этого суевѣрія (говоритъ другъ Траяна въ заключительныхъ словахъ своего письма) распространилась не только по городамъ, но по деревнямъ и селамъ. Это, кажется, можно исправить и остановить.»

Но ни Траянъ, ни Плиній не остановили этой, какъ они выражались, заразы. Ни угрозы, ни казни, ничто не могло поколебать первыхъ христіанъ. Когда Плиній заставлялъ ихъ преклоняться передъ изображеніемъ цезаря или передъ истуканомъ языческаго бога, они упорно отказывались отъ этого и твердо, радостно шли на казнь.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, а свѣточи Нероновыхъ садовъ еще и до сихъ поръ освѣщаютъ міръ; до сихъ поръ еще идея христіанства живитъ и обновляетъ человѣчество.

Въ великіе годы, которые мы переживаемъ, эта святая идея громче, внятнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ когда нибудь, говоритъ нашему сердцу. Не столько благороднымъ и честнымъ усиліямъ нашей науки, все еще слабой и робкой, сколько христіанскому чувству, этому святому чувству любви къ ближнему, суждено подвинуть къ рѣшенію и ту жизненную задачу, къ которой теперь прикованы взоры всей Россіи... Обновленная, — мы твердо вѣруемъ въ это — она вступитъ въ свѣтлый періодъ своей жизни, и тогда смѣло и свободно заговорятъ наши болѣе счастливые Ювеналы; борьба ихъ противъ вѣковой косности и застоя будетъ все болѣе и болѣе успѣшна, миролюбива и плодотворна, и наконецъ все меньше и меньше будутъ они находить пищи для своей сатиры.

Н. Благовѣщенскій.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЦѢНА БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ 1 Р.

Digitized by Google

LBoc3783.85

СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

СТУДЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

14 3

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.
1866.

Digitized by Google

Digitized by Google

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СТУДЕНТАМИ

ИМПЕРАТОРСКАГО ПЕТЕРБУРГСКАГО

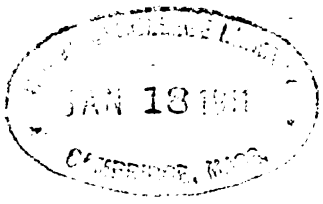
УНИВЕРСИТЕТА.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.
1866.

Digitized by Google

L Soc 3983.85



Library of
University of St. Petersburg

Digitized by Google

ВВЕДЕНІЕ.

Многіе историки, вслѣдъ за Карамзинымъ, утверждаютъ, что призваніе Варяго-Руссовъ сѣверными племенами положило начало Русской исторіи. Не будемъ здѣсь спорить объ этомъ. Положимъ, что Русскіе Князья, призванные для управленія и введенія порядка въ сѣверныхъ земляхъ, основывая Русское государство, дѣйствовали въ духѣ призванія, положимъ, что цѣлью этихъ Князей было благоразумное управленіе и введеніе порядка въ подчиненныхъ имъ земляхъ. Для насъ важно знать, какъ они дѣйствовали для достиженія этой цѣли. Обширность земель, которыя нельзя уже сказать вслѣдствіе приглашенія, но вслѣдствіе завоеванія, подчинились ихъ власти, не дозволяла имъ самимъ лично управлять и судить жителей; они съ самаго начала стали посылать намѣстниковъ. Намѣстники за то, что подчинялись верховной власти Русскаго государя, вѣроятно и за то, что присылали ему дань, получили власть управлять и судить жителей тѣхъ земель, въ которыя были посланы; но кромѣ управленія и суда, они получили также право собирать и для себя дань, въ видѣ кормовъ, получили

Digitized by Google

право налагать на жителей разнаго рода пошлины, такъ что на всякій почти шагъ подвластнаго человѣка наложена была извѣстная пошлина; а какъ намѣстники всѣхъ своихъ обязанностей по суду, управленію и собиранію пошлинъ тоже не могли исполнять сами, то явились служащія имъ лица: тіуны, праветчики, доводчики, мытчики и другія. Эти лица требовали также вознагражденія за свои труды, и конечно намѣстники приказывали имъ брать съ жителей пошлины подъ разными наименованіями не только для князя и для себя, но и въ собственную свою пользу; такъ мы видимъ, что жители обязаны были платить постоянные ежегодные сборы на князя и намѣстника и тіуна и праветчика и доводчика, и разныя пошлины въ пользу тѣхъ же лицъ и въ такомъ же почти порядкѣ, отъ суда, и отъ торговли, и отъ многихъ другихъ дѣлъ. Служилыя лица взимали сборы и пошлины сами, а неопредѣленность этихъ поборовъ, дозволяла какъ намѣстнику, такъ и его служилымъ людямъ собирать ихъ столько, сколько было возможно. Былъ, правда, обычный законъ, который опредѣлялъ величину этихъ сборовъ, но обычай могъ ли удержать пошлинныхъ лицъ отъ злоупотребленій? Могъ ли онъ воздержать и ограничить корыстолюбіе намѣстниковъ, если они въ этомъ отношеніи, не были ограничены государемъ? Нѣтъ. Народъ понялъ это и вотъ мы видимъ, что онъ обращается къ Великимъ Князьямъ, чтобъ они опредѣлили сколько пошлинъ и сборовъ должно платить намѣстнику и тіуну и другимъ его служилымъ лицамъ; кромѣ того онъ проситъ, чтобъ изданы были распоряженія, которыя пресѣкали бы разныя злоупотребленія со стороны управляющихъ и ихъ подчиненныхъ, а также и другихъ лицъ высшаго класса. Вотъ начало уставныхъ грамотъ, изложенныхъ нами въ первомъ раздѣлѣ; характеръ ихъ тотъ, что всѣ онѣ даются въ духѣ облегченія тягостнаго состоянія жителей; вслѣдствіе ихъ изданія не перемѣняется

Digitized by Google

прежній образъ управленія и суда, намѣстникъ и служащія ему лица остаются по прежнему, но власть намѣстника ограничивается въ нѣкоторыхъ случаяхъ; пошлины и налоги остаются прежніе, но величина ихъ опредѣляется, а въ концѣ каждой грамоты сказано, что если кто не станетъ ходить по данной жителямъ грамотѣ, если учнетъ что нибудь брать свыше того что въ грамотѣ опредѣлено, то подвергнется велико-княжескому суду и наказанію.

Если теперь представимъ себѣ намѣстника, котораго единственною цѣлью было взимать какъ можно болѣе сборовъ и пошлинъ съ подвластной ему территоріи, если представимъ себѣ всѣхъ лицъ ему служащихъ, которыя также старались какъ можно болѣе удовлетворить своему корыстолюбію, то легко можемъ догадаться, каково было тогдашнее положеніе жителей, и каковы были послѣдствія этого положенія. Что же удивительнаго, что вслѣдствіе общаго обѣдненія жителей у нихъ стали появляться воры (тати) и разбойники, и что число ихъ при слабомъ управленіи и безнаказанности, начало увеличиваться? Многіе, даже современные намъ примѣры, учатъ, что слѣдомъ за народною бѣдностью, идутъ разбой и воровство. Это обстоятельство даетъ начало губнымъ грамотамъ и наказамъ, которые мы изложили во второмъ раздѣлѣ. Цѣль ихъ — посредствомъ полицейскихъ мѣръ, посредствомъ установленія новаго суда, и предоставленія жителямъ права казни, пресѣчь усиленіе этого рода преступленій.

Во все продолженіе удѣльной системы и Монгольскаго Ига жители были подчинены власти намѣстниковъ, для которыхъ судъ и управленіе были только средствомъ для собиранія налоговъ и пошлинъ. Эта система продолжается еще и при Іоаннѣ III, но Іоаннъ IV основываетъ новую систему управленія и суда. Правда, Іоаннъ III издалъ законы, но не ввелъ ихъ окончательно въ народную жизнь; Іоаннъ IV исправляетъ

Digitized by Google

эти законы, и издаетъ ихъ подъ именемъ Судебника. Но онъ знаетъ хорошо, что для того, чтобъ новые законы проникли въ жизнь народа, надобно поставить новыя лица въ управленіи и судѣ. И вотъ онъ вмѣсто прежнихъ намѣстниковъ, на корыстолюбіе и притѣсненія которыхъ народъ не перестаетъ жаловаться, ставитъ въ главѣ внутренняго управленія и суда лица выборныя отъ самаго народа; и велитъ имъ управлять по указу, по уставнымъ грамотамъ, а судить по тѣмъ же грамотамъ и по Судебнику. Отставленіе намѣстниковъ и введеніе новаго порядка управленія и суда совершилось не вдругъ, а постепенно, и это преобразованіе, котораго начало положилъ Іоаннъ IV, продолжалось до Алексѣя Михайловича. Такъ, весь этотъ періодъ отъ изданія Судебника до Соборнаго Уложенія 1649 года наполненъ уставными и судными грамотами, посредствомъ которыхъ въ разныхъ земляхъ вводится новый порядокъ вещей. Эти то уставныя грамоты, отличныя по своему характеру и назначенію отъ первыхъ, и составляютъ третій раздѣлъ нашего сочиненія.

Цѣлью нашихъ трудовъ не была обработка каждой отдѣльно взятой грамоты, разсматриваемой какъ нѣчто цѣлое, оконченное; иначе намъ пришлось бы отвѣчать неоднократно на вопросы, которыхъ рѣшеніе требуетъ долговременнаго труда, глубокаго и отчетливаго знанія не только обрабатываемыхъ памятниковъ, но и другихъ; пришлось бы изслѣдовать ихъ подлинность и достовѣрность, ихъ происхожденіе, ихъ важность и отношеніе къ другимъ памятникамъ Русскаго законодательства, а такая задача была бы не по нашимъ силамъ. Поэтому мы предположили себѣ другую цѣль. При всемъ своемъ разнообразіи Уставныя, Судныя и Губныя грамоты, принадлежащія къ одной изъ указанныхъ нами трехъ группъ, высказываютъ одну и ту же мысль, построены на однихъ началахъ, говорятъ объ одномъ и томъ же, о нѣкото-

Digitized by Google

рыхъ предметахъ тѣми же словами, о другихъ представляютъ только оттѣнки мѣстности или времени. Многочисленность грамотъ, принадлежащихъ къ каждой отдѣльной группѣ, и не смотря на то, одинаковость предметовъ, о которыхъ въ нихъ говорится, повела насъ къ убѣжденію, что изъ этихъ грамотъ можно выработать понятіе о тогдашнемъ управленіи и судѣ, и это именно мы и поставили себѣ цѣлью. Чтобъ достигнуть ея и представить читателямъ все, что содержится въ грамотахъ, въ видѣ общихъ законовъ, которые болѣе или менѣе видоизмѣнялись, только потребностями разныхъ мѣстностей и времени, мы сочли необходимымъ разложить на составныя части всѣ грамоты, принадлежащія къ одной и той же группѣ, по тѣмъ предметамъ, о которыхъ въ нихъ говорится, по тѣмъ началамъ, которыя въ нихъ выражаются. Послѣ этого намъ уже было легко сличить эти отдѣльныя части грамотъ между собою и чрезъ это сдѣлать для каждаго наглядныхъ, который законъ былъ общимъ въ данное время, и который носитъ на себѣ отпечатокъ мѣстныхъ потребностей. При такомъ сличеніи однородныхъ по содержанію отрывковъ изъ разныхъ грамотъ, недоумѣнія представлявшіяся въ одномъ отрывкѣ, объясняются тѣмъ, что сказано въ другихъ. Судныя и уставныя грамоты мы изложили вмѣстѣ, потому что существенной разницы между тѣми и другими нѣтъ. Есть уставныя грамоты, въ которыхъ подробно изложены составъ суда и судопроизводство и пошлины судебныя; а съ другой стороны нѣтъ судныхъ грамотъ, въ которыхъ бы не было сказано о собираніи Царскихъ оброковъ, и о разкладкѣ ихъ на жителей. Кромѣ того, такъ называемые выборные судьи, не только судили но и чинили управу во всѣхъ земскихъ дѣлахъ; строгаго разграниченія властей судебныхъ отъ административныхъ и исполнительныхъ не было, вслѣдствіе чего не могло быть и существеннаго различія между уставными и судными грамотами. Уставныя же и судныя гра-

Digitized by Google

моты относятся къ губнымъ какъ цѣлое къ части, но къ такой, которая выдѣлившись, развилась и образовала отдѣльное самостоятельное цѣлое. Поэтому мы изложили губныя грамоты въ особомъ раздѣлѣ.

Что касается до уставныхъ грамотъ, данныхъ Русскими Государями духовенству, и духовенствомъ лицамъ духовнымъ о порядкѣ управленія и суда въ подчиненныхъ имъ земляхъ, то онѣ не вошли въ общій составъ излагаемыхъ нами грамотъ.

Digitized by Google

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

УСТАВНЫЯ ГРАМОТЫ ГОРОДАМЪ, СЕЛАМЪ И ДЕРЕВНЯМЪ, НАХОДИВШИМСЯ ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ СВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

№ 1. Уставная Двинская грамота Великаго Князя Василія Димитріевича, 1398 года. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 13). «Се язъ Князь Велики Василей Дмитріевичь всея Руси пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сотского, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ бояръ пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ Двинскихъ бояръ, и мои намѣстници ходятъ по сей по моей грамотѣ Великого Князя.....»

№ 2. Уставная Бѣлозерская грамота, 1488 года. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 123). «Се язъ Князь Велики Иванъ Васильевичь всея Руси пожаловалъ есми своихъ людей Бѣлозерцовъ, горожанъ и становыхъ людей и волостныхъ всѣхъ Бѣлозерцовъ: кто нашихъ намѣстниковъ у нихъ ни будетъ, и они ходятъ по сей по нашей грамотѣ.....»

Digitized by Google

№ 3. Уставная грамота Переславскимъ рыболовамъ, 1506 года Апрѣля 7-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 143). «Се язъ Князь Великій Василей Ивановичь всеа Руси пожаловалъ есми въ Переяславлѣ, въ городѣ, на посадѣ, старосту рыболовля Гридку и всѣхъ рыболовей Переславскихъ столничя пути: кто у нихъ нашъ волостель ни будетъ, и онъ у нихъ ходитъ по сей нашей грамотѣ.....»

№ 4. Уставная грамота Марининской трети Артемоновскаго стана крестьянамъ, 1506 года Апрѣля 9-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 144). «Се язъ Великій Князь Василей Ивановичь всеа Руси пожаловалъ есми въ Переславскомъ уѣздѣ, въ Марининской трети Артемоновского стану старосту и всѣхъ крестьянъ тое волости, черныхъ людей.....»

№ 5. Уставная грамота Дмитровскаго Князя Юрія Іоанновича Каменскаго стана бобровникамъ, 1509 года Іюля 29-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 150). «Се язъ Князь Юрьи Ивановичь пожаловалъ есми Каменского стану бобровыхъ деревень..... хрестьянъ: кто у нихъ мой ловчей ни будетъ, и онъ у нихъ ходитъ по сей по моей грамотѣ.....»

№ 6. Уставная грамота крестьянамъ Моревской слободы, 1530 года Сентября 29-го. (См. Доп. къ Ак. Ист. т. I № 26).

№ 7. Уставная грамота крестьянамъ села Высоцкаго, 1536 года Января 26-го. (См. Ак. Ист. т. I № 137). «Се язъ Князь Великій Иванъ Васильевичь всея Русіи пожаловалъ есми Высоцкого села старосту и всѣхъ крестьянъ, селчанъ и деревеньщиковъ: кто у нихъ нашъ волостель ни будетъ, и онъ у нихъ ходитъ по сей нашей грамотѣ.....»

№ 8. Уставная Онежская грамота, 1536 года Іюня 4-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 181). «Се язъ Князь Великій Иванъ

Digitized by Google

Васильевичь всея Русіи пожаловалъ есми своихъ людей Онежанъ, и верхъ Мегренги въ Настасьинской волости людей, и на усть Емцы въ селцѣ на погостѣ Настасьинскіе жъ волости людей, старостъ и всѣхъ людей Онежскіе земли.....» далѣе какъ въ № 2.

№ 9. Уставная грамота Владимирскаго уѣзда Ильмехотскаго стана бобровникамъ, 1537 года Іюля 16-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 183). «Се язъ Князь Великій Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми своихъ бобровниковъ Володимерскихъ, въ Володимерскомъ уѣздѣ, въ Ылмехотскомъ стану, своими Великого Князя деревнями бобровыми, (исчисленіе бобровниковъ которыхъ въ которой жалуетъ деревнѣ). А кто будетъ волостель на Кривандинѣ волости, и онъ у нихъ ходитъ по сей нашей грамотѣ.....»

№ 10. Уставная грамота Звенигородскаго уѣзда дворцоваго Андреевскаго села крестьянамъ, 1544 года Апр. я 20-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 201). «Се язъ Князь Великій Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми въ Звенигродскомъ уѣздѣ своего дворцового села Ондреевского крестьянъ, селчанъ и деревеньщиковъ пашенныхъ и оброчныхъ, старосту N и всѣхъ крестьянъ. Что мнѣ били челомъ, а сказываютъ, что у нихъ была грамота жалованная несудимая Князя Юрья Ивановича, и та де у нихъ грамота жалованная сгорѣла: и мнѣ бы ихъ пожаловати, дати имъ своя грамота жалованная несудимая. И язъ Князь Великій Иванъ Васильевичь всеа Русіи тѣхъ своихъ дворцового села Ондреевскаго крестьянъ, селчанъ и деревеньщиковъ, пожаловалъ, далъ имъ свою грамоту жалованную несудимую..... А кто у нихъ въ томъ моемъ Великого Князя селѣ мой поселской ни будетъ, и онъ у нихъ ходитъ о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ (писано?).....»

Digitized by Google

№ 11. Уставная грамота дворцовых Аѳанасьевскаго и Васильевскаго сел съ деревнями крестьянамъ, 1554 года Февраля 28-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 240). «Се язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми Ѳеонасьевского да Васильевского села старосту N и крестьянъ (здѣсь говорится, что они изъяты отъ намѣстничей власти и суда, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, а вѣдаетъ ихъ поселской). А кто у нихъ будетъ мой поселской, и онъ у нихъ ходитъ по сей моей грамотѣ.....»

№ 12. Уставная грамота Борисоглѣбской слободы крестьянамъ, 1584 года Августа 15-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I № 324). «Се язъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи пожаловалъ есми своихъ рыболовей, въ Ярославскомъ уѣздѣ, противъ Романова городка, Борисоглѣбской слободки старосту N и всѣхъ крестьянъ Борисоглѣбскіе слободы и оброчниковъ, которые живутъ въ Борисоглѣбской же слободѣ.» (Здѣсь говорится: что у нихъ были уже прежде жалованныя грамоты, но они состарѣлись, и на нихъ имени Князя подписать нельзя, и потому Царь велитъ на свое имя переписать имъ ихъ старыя грамоты).

I. О лицахъ управляющихъ.

Въ числѣ управляющихъ лицъ, въ вышеприведенныхъ грамотахъ мы находимъ: 1) Намѣстника, 2) Волостеля, 3) Ловчаго и 4) Поселскаго. Права ихъ и обязанности будутъ показаны при обозрѣніи содержанія этихъ грамотъ.

Digitized by Google

II. О лицахъ служащихъ.

А) *Наименованіе и опредѣленіе числа оныхъ.*

Въ числѣ лицъ служащихъ у вышеупомянутыхъ управляющихъ лицъ мы находимъ: тіуновъ, праветчиковъ, доводчиковъ и другихъ.

«А намѣстникомъ нашимъ у нихъ (у Бѣлозерцевъ) держати въ городѣ и во станѣхъ два тіуна да десять доводчиковъ, во станѣхъ восмь доводчиковъ, а два въ городѣ; а станы и деревни своимъ доводчикомъ подѣлять.» № 2.

Намѣстникъ Онежскій держитъ: тіуна да четыре доводчика: 1-й въ Каргополѣ, 2-й на усть Моши, 3-й на Турчасовѣ, 4-й на Мегренгѣ и на усть Мехренгѣ въ селцѣ на погостѣ. № 8.

Волостель держитъ: тіуна да праветчика да доводчика. № 3, 4, 5, 7, 9.

При поселскомъ упоминается только доводчикъ.

В) *Ограниченіе перемѣняемости ихъ по сроку.*

Ни намѣстникъ, ни волостель, ни ловчій, тіуна, приветчика и доводчика до году не перемѣняютъ. № 2, 4, 5, 7, 8.

С) *Ограниченіе корыстолюбія доводчика.*

1) «А доводчику изъ своего раздѣлу (или стану) въ другой раздѣлъ (или станъ) не ѣздити.» № 2, 8.

2) «А доводчику ѣздити въ станы (или въ волости) безъ паробка и безъ простые лошади своего дѣля прибытка.» № 2, 8, 9.

«Въ волости доводчику ѣздити самудругу съ паробкомъ, а лошадей съ нимъ трое.» № 4, 7.

Digitized by Google

«А доводчику у нихъ проѣхати по деревнямъ на весь годъ дважды, самому другому съ паробкомъ, а лошадей съ нимъ трое: зимѣ ему проѣхати о Рожествѣ Христовѣ, а лѣтѣ о Петровѣ дни; а опричь того у нихъ доводчику по деревнямъ проѣзда нѣтъ, ни простыхъ лошадей съ собою не гоняетъ.» № 5.

3) «А гдѣ доводчикъ ночуетъ, ту то ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ ту то ему не ночевати.» № 2, 4, 7, 8 9.

III. О кормахъ

ДЛЯ НАМѢСТНИКОВЪ, ВОЛОСТЕЛЕЙ, ПОСЕЛСКИХЪ И ЛОВЧАГО И ИХЪ ТІУНОВЪ (ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ПОСЕЛСКАГО У КОТОРАГО ТІУНА НѢТЪ); И *о поборахъ* ПРАВЕТЧИКОВЪ И ДОВОДЧИКОВЪ.

А) *Величина кормовъ.*

«Възъѣзжаго корму горожане и становые люди намѣстникомъ нашимъ на възъѣздъ кто что принесетъ, то имъ взяти.» № 2.

«На Рожество Христово и на Петровъ день намѣстникомъ нашимъ Бѣлозерскимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, со княжихъ и съ боярьскихъ и съ монастырьскихъ и съ черныхъ и съ грамотниковъ и со всѣхъ безъ омѣнки:» съ сохи на Рожество Христово и на Петровъ день всего вмѣстѣ: полоть мяса (2 алтына), боранъ (8 денегъ), 20 хлѣбовъ (по денгѣ), бочку овса (10 денегъ) и возъ сѣна (2 алтына).»

«А тіуномъ кормъ Рожественскій и Петровскій вполы намѣстнича корму.»

«А доводчикомъ поборъ, со всѣхъ же сохъ, съ сохи всего на оба праздника вмѣстѣ: 2 ковриги (по денгѣ), часть мяса (денга), зобню овса (2 денги), сыръ (денга).» № 2.

«Възъѣзжаго корму, на възъѣздъ, кто что принесетъ, то

Digitized by Google

ему взяти; а на три праздники, на Рожество Христово, на Великъ день, на Петровъ день, намѣстнику нашему имати у нихъ кормъ со всѣхъ сохъ, съ моихъ Великого Князя, и со владычнихъ, и съ боярскихъ, и съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ грамотниковъ и со всѣхъ безъ омѣны, съ десяти сохъ кормъ, а въ сохѣ по три обжи;» и такъ корму съ десяти сохъ на всѣ три праздники вмѣстѣ: 2 полти мяса (по 8 денегъ), боранъ (6 денегъ), 30 хлѣбовъ (по денгѣ), коробь овса (6 денегъ), возъ сѣна (8 денегъ).

«А тіуну кормъ, на тѣжъ три праздники, вполы намѣстнича корму.»

«А доводчику поборъ съ трехъ сохъ» всего на всѣ три праздники вмѣстѣ: 3 ковриги (по денгѣ), 2 части мяса (по денгѣ), зобню овса (2 денги) и сыръ (денга). А не любъ доводчику поборъ и онъ беретъ за свой поборъ денгами, по означенной цѣнѣ.

«А денги за то за все имать намѣстнику нашему, и его тіуну, и доводчику Новогородскія.» № 8.

«На възъѣздъ волостелю кто что принесетъ то ему взяти.» На всѣ три праздники на Рожество Христово на Великъ день и на Петровъ день, вмѣстѣ волостелю корму съ семи деревень: 30 хлѣбовъ (по денгѣ), 2 полти мяса (по 10 денегъ), боранъ (10 денегъ), мѣхъ овса (8 денегъ), возъ сѣна (2 алтына).

«А тіуну его дадутъ кормъ, съ семи жъ деревень, на всѣ три праздники вполы волостелева корму.»

«А праветчику его дадутъ поборъ, съ деревни на Рожество Христово алтынъ, а на Великъ день праветчику дадутъ съ деревни трижъ денги. Всего 9 денегъ.

«А доводчику его дадутъ поборъ съ деревни» на всѣ три праздники вмѣстѣ: 3 ковриги — 2 части мяса — сыръ и

Digitized by Google

дебню овса, (коврига, часть мяса и сыръ — по денгѣ, а зобня овса — 2 денги). № 7, 4 [1]), 5 [2]), 9 [3]).

«А съ починковъ писменыхъ съ непашенныхъ и съ новыхъ починковъ, которые сѣли послѣ писма, волостелю и его тіуну кормовъ и праветчику и доводчику поборовъ не имати до урочныхъ лѣтъ; а отсидятъ свои урочные лѣта, и они волостелю и его тіуну кормовъ и праветчику и доводчику поборовъ платятъ по тому же, какъ и съ старыхъ деревень съ черныхъ.» № 4, 7.

«Даютъ ему (поселскому) кормъ въ годъ на три праздники на Рожество Христово *съ выти* двѣ денги, да на Великъ день съ выти двѣ денги жъ, на Петровъ день съ выти двѣ денги жъ.» Всего 6 денегъ. № 10, 11 [4]).

«На възъѣздъ волостелю со всѣхъ дворовъ рыболовлихъ дадутъ полтину.» № 3.

Примѣчанія.

[1]) Кормъ волостеля и тіуна такой же берется изъ *шести деревень* и разнится въ цѣнѣ нѣкоторыхъ предметовъ, а именно, за боранъ — алтынъ, за мѣхъ овса — алтынъ, за возъ сѣна — алтынъ. А праветчику волостелеву даютъ побору съ деревни на Рожество Христово 8 денегъ, а на Великъ день 4 денги, а на Петровъ день 4 денги.

[2]) Възъѣздный кормъ не упомянутъ. Кормъ ловчаго и его тіуна берется съ *пяти деревень*, и не три но два раза въ годъ на Рожество Христово и на Петровъ день; а хотя величина его такая же, но разнится въ цѣнѣ нѣкоторыхъ предметовъ, а именно: за полоть мяса два алтына, за боранъ — 2 алтына, за мѣхъ овса — 10 денегъ. Кромѣ того ловчему даютъ осеннего со всякія деревни по осминѣ ржи, да по осминѣ овса; то ему за всѣ осенніе пошлины и съ тіуномъ и съ доводчикомъ. О праветчикѣ не сказано ничего. Доводчику вмѣсто 3 ковригъ даютъ 3 хлѣба. Цѣна такая же.

[3]) Възъѣздный кормъ не упомянутъ. Кормъ волостеля и тіуна такой же, но онъ берется съ шести деревень и разнится въ цѣнѣ нѣкоторыхъ предметовъ, а именно: за полоть мяса 2 алтына, за боранъ — 2 алтына. О праветчикѣ ничего не сказано. Доводчику вмѣсто 3 ковригъ даютъ три хлѣба; въ цѣнѣ нѣтъ никакой разницы.

[4]) Поселскому даютъ съ выти на Рожество Христово двѣ денги, на Великъ и на Петровъ день по денгѣ. Всего въ годъ 4 денги.

Digitized by Google

B) *Способъ собиранія этихъ кормовъ и поборовъ, и ограниченія въ этомъ отношеніи.*

«А кормы намѣстничьи и тіуновы и доводчиковы поборы берутъ въ станѣхъ сотцкіе да платятъ намѣстникомъ и тіуномъ и доводчикомъ въ городѣ а побора имъ въ стану не брати.» № 2.

«А кормы намѣстничи и тіуновы, и доводчиковы поборы, старосты берутъ по деревнямъ да платятъ намѣстнику, и его тіуну и доводчику, на стану.»

«А поборовъ своихъ (доводчикамъ) самимъ по деревнямъ не брати.» № 8.

«А кормы ловчего и тіуновъ, и доводчиковъ поборъ, дворской съ десятскими и съ добрыми людми межъ себя мечутъ съ столца, по дани и по пашнѣ: которая деревня болши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню болши корму и поборовъ положатъ, а которая деревня менши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню менши корму и поборовъ положатъ; да собравъ тѣ кормы староста съ десятскими, да платятъ ловчему и его тіуну и доводчику поборъ въ городѣ въ Дмитровѣ по празникомъ; а тіуну у нихъ и доводчику по деревнямъ самимъ не ѣздити, ни кормовъ ни побору не брати.» № 5.

IV. О денежныхъ сборахъ.

A) *Отъ заключенія брака.*

«А кто дасть дочерь за мужъ изъ города въ волость, или изъ волости въ городъ, или изъ волости въ волость, и онъ дасть за выводную куницу алтынъ.»

«А въ городѣ и въ стану и въ волости въ одной, ино сва-

Digitized by Google

дебного за убрусъ двѣ денги, а десятинику владычню знамени три денги.» № 2, 8 [1]).

«А кто дасть дочерь замужъ за рубежъ, въ Московскую землю или въ Новгородскую, и онъ дасть за выводную куницю два алтына.» № 2.

«А кто дочерь дастъ за мужъ изъ столнича пути на посадъ или въ волость, и онъ дастъ за выводную куницу два алтына.»

«А кто за кого, въ столничѣ пути, дочерь дастъ за мужъ, и онъ волостелю дастъ за новоженной убрусъ четыре денги.» № 3.

«А кто за кого въ одной волости дочерь дастъ за мужъ, или сына женитъ, и онъ волостелю или ловчему или поселскому дастъ за новоженный убрусъ четыре денги.»

«А кто дочерь дастъ за мужъ или сына женитъ изъ волости въ волость и онъ волостелю или ловчему или поселскому дастъ за выводную куницу два алтыта.» № 4, 5 [2]), 7, 9 [3]), 11.

«А кто женитъ сына или дочерь за мужъ отдастъ въ селѣ и въ деревняхъ, въ одномъ приказѣ, и ему (поселскому) имати за новоженское убрусъ по три денги.»

«А кто женитъ сына или дочерь дастъ за мужъ изъ села въ село, въ иной приказъ, и ему имати за выводную куницу по два алтына.»

«А митрополичью десятинику имати на нихъ отъ знамени съ холостца алтынъ, а со вдовца два алтына.» № 10

Примѣчанія.

[1]) «Выводная куница шесть денегъ Новогородскую; свадебное за убрусъ денга Новг., а десятиннику владычню отъ знамени полторы денги Новгородскія.»

[2]) За новоженный убрусъ алтынъ, а за выводную куницу *гривну*.

[3]) За выводную куницу гривну; за убрусъ по алтыну.

Digitized by Google

B) *Отъ мѣны, купли и продажи.*

«А кто въ волости купитъ лошадь или продастъ или мѣнитъ и они являютъ волостелю или его пятенщику, а онъ у нихъ кони пятнитъ, а отъ пятна емлетъ съ лошади съ купца денгу Московскую, а съ продавца денгу же Московскую.»

«А старыхъ лошадей и доморощеныхъ (пятенщикъ) у нихъ не пятнитъ.»

«А кто въ волости купитъ лошадь или продастъ или мѣнитъ, а не явитъ волостелю или его пятенщику до того же дни, и онъ уличивъ того возметъ на немъ заповѣди и пропятенъ два рубли Московскіе» № 4, 7, 11 [1]).

«Также есми ихъ пожаловалъ: кто продастъ лошадь или купитъ.... слободчикомъ, а по.... продавца денга жъ Московская, а они тѣ лошади пятнятъ, и въ книги пишутъ памяти для, а тѣ денги слободчики берутъ на меня на великого князя.»

«А кто купитъ лошадь или продастъ или мѣнитъ, а не явитъ моимъ слободчикомъ до того жъ дни, а его въ томъ уличатъ, и слободчики емлютъ на томъ пропятенье на меня на великого князя два рубля Московскую.» № 6.

«А кто продастъ селской или деревенской человѣкъ или купитъ лошадь, или корову, и они дадутъ въ городѣ явку, съ лошади съ купца пятна по три денги, а съ продавца тамги съ рубля по двѣ денги, а съ коровы рогового по полуторѣ денгѣ; а поселскому съ того не даютъ ничего.» № 10.

Примѣчаніе.

[1]) Не сказано сколько и кому платить пятенную пошлину, а сказано только чтобы платить по старинѣ.

C) *Отъ явки съ гостей.*

«А сотскому и подвойскому пошлинка съ лодьи по пузу ржи у гостя.»

Digitized by Google

«А гостю Двинскому гостити въ лодьяхъ или на возѣхъ: съ лодьи на Устюзѣ намѣстникомъ два пуза соли, а съ воза по бѣлкѣ; а того болѣе не емлютъ у нихъ ничего.

«А въ лодьяхъ или на возѣхъ коли поѣдутъ, и намѣстници Устюжскіе и Вологодскіе ихъ не уимаютъ.»

«А куды поѣдутъ Двиняне торговати ино имъ ненадобѣ во всей моей отчинѣ въ Великомъ Княженіи тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостиное, ни явка ни иные никоторые пошлины.» № 1.

«А пошлинъ намѣстникомъ на Бѣлѣозерѣ въ городѣ: явка съ гостей, кои гости приходятъ изъ Московскіе земли, изъ Тверскіе, изъ Новгородскіе, или откуды кто ни пріѣдетъ, съ болшаго судна съ ватамана гривна, а людей на суднѣ сколко ни будетъ, ино съ головы по денгѣ; а кто пріѣдетъ въ малыхъ судѣхъ въ гребныхъ на Бѣлоозеро изъ Московскіе земли или изъ Новгородскіе, ино съ ватамана и съ людей, колко ихъ на суднѣ ни будетъ, ино съ головы по денгѣ.»

«А на Волочкѣ на Словѣнскомъ, намѣстникомъ держать своихъ пошлинниковъ, а явку емлютъ съ гостей по тому же: кто придетъ изъ Московскіе земли, изъ Тверскіе, изъ Новогородскіе земли, и съ Устюга, и съ Вологды.»

«А который гость заплатитъ пошлину на Волочкѣ, а на томъ другіе пошлины на Бѣлѣозерѣ не емлютъ.» № 2.

«А пріѣдетъ кто торговати изъ городовъ и изъ волостей къ нимъ въ слободу, съ какимъ товаромъ ни буди, и они торгуютъ въ слободѣ Новые Соли, а пошлинъ никакихъ не даютъ, до тѣхъ..... етъ слобожанъ..... безпошлинно.» № 6.

Digitized by Google

V. Денежныя взысканія за нѣкоторыя неуголовныя преступленія.

A) *За нарушеніе межевой границы.*

«А другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ на одиномъ полѣ, вины боранъ; а межы селъ межа — тридцать бѣлъ; а княжа межа — три сорока бѣлъ, а вязбы въ томъ нѣтъ.» № 1.

«А кто у кого межу переоретъ или перекоситъ, и намѣстники наши и ихъ тіуны (или ловчей и его тіунъ) возмутъ на виноватомъ за боранъ восьмъ денегъ.» № 2, 5 [1]), 4 [2]), 6 [3]), 8 [4]), 9 [5]), 10 [6]), 11 [7]).

Примѣчанія.

[1]) Волостель не упомянутъ, а сказано только: и тіунъ волостелинъ.
[2]) Возметъ на виноватомъ за боранъ алтынъ.
[3]) За боранъ 2 алтына.
[4]) За боранъ четыре деньги Новгородскія.
[5]) За боранъ алтынъ.
[6]) Съ обѣ стороны 8 денегъ.
[7]) А поселскому за боранъ алтынъ.

B) *За поврежденіе улей съ пчелами и безъ пчелъ.*

«..... пчелами, а уличатъ..... на томъ доправливаютъ четыре гривны да отдаютъ тому чье дерево; а кто посѣчетъ которое дерево выдѣлано безъ пчелъ, а уличатъ его въ томъ, и слободчики на томъ доправливаютъ гривну да отдаютъ тому чье дерево.» № 6.

C) *За отправленіе торга не въ надлежащемъ мѣстѣ.*

«А кого изымаютъ, кто поѣдетъ за озеро, или кто учнетъ торговати по волостемъ и по монастыремъ Бѣлозерскимъ, и они съ куща возмутъ два рубля, рубль намѣстникомъ, а рубль та-

Digitized by Google

можникомъ; а съ продавца возмутъ два же рубля, рубль намѣстникомъ, а рубль таможникомъ; а что у нихъ будетъ товару у купца и у продавца, и тотъ товаръ у нихъ емлютъ таможники на Великого Князя, а ихъ даютъ на поруцѣ намѣстники и таможники да ставятъ передъ Великимъ Княземъ.» № 2.

D) *За содержаніе корчемъ.*

«А питье имъ всякое держати про себя волно, а не на продажу, а корчемъ имъ у себя не держати.... и слодбочик... да у того..... на меня заповѣди рубль Московскій.» № 6.

E) *За принятіе слободчиками на житье къ себѣ тяглыхъ людей.*

«..... тяглой черезъ сю мою грамоту, а слободчики его примутъ къ Солѣ жити, и мнѣ того велѣти опять назадъ отвезти, къ той Соли отъ которой къ нимъ придетъ; а на слободчикѣхъ мнѣ велѣти взяти заповѣди десять рублевъ Московскую.» № 6.

F) *За бой и посварку въ пиру.*

«А учинится бой въ пиру, а возмутъ прощеніе не выйдя изъ пиру, и намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего; а вышедъ изъ пиру возмутъ прощеніе, и нѣ намѣстникомъ дадутъ по куницѣ шерстью.» № 1.

«А въ пиру или въ братчинѣ посварятся или побьются, а не выподъ изъ пиру помирятся, и ловчему и его тіуну въ томъ нѣтъ ничего, а вышедъ изъ пиру помирятся за приставомъ, и ловчему и его тіуну въ томъ нѣтъ ничего опричь хоженого; а хоженого въ городѣ 4 денги, а у нихъ въ деревняхъ хоженого денга.» № 5.

Digitized by Google

VI. Денежныя взысканія за нѣкоторыя уголовныя преступленія.

А) *За побой и кровавыя раны.*

«А за кровавую рану тридцать бѣлъ, а за синюю рану пятнадцать бѣлъ, а вина противу того.» № 1 [1]).

Примѣчаніе.

[1]) «А кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безщестіе.»

В) *Вира за душегубство.*

«Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ, и нѣ душегубца изыщутъ: а не найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ.» № 1.

«А учинится у нихъ въ городѣ (или въ волости) душегубьство, а не доищутся душегубьца, ино вины четыре рубли заплатятъ горожане, а учинится душегубьство въ коемъ стану или въ коей волости, а не до ищутся душегубца, и они виры четыре рубли заплатятъ въ стану или въ волости, въ коей душегубьство учинилося.» № 2 [1]), 3 [2]), 4, 5, 7, 8 [3]), 11, 12.»

«А доищутся душегубца и они его дадутъ намѣстникомъ нашимъ или ихъ тіуномъ, а хрестьяномъ въ томъ продажи нѣтъ.» № 2, 3, 4, 7, 8, 11, 12.

«А кого у нихъ въ лѣсѣ дерево заразитъ, или съ дерева убьется, или звѣрь съѣстъ, или кто въ воду утонетъ, или кого возомъ сотретъ, или кто отъ своихъ рукъ утеряется, а обыщутъ безхитростно, ино въ томъ виры и продажи нѣтъ.» № 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12.

«А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстницы не судятъ ни вины не емлютъ.» № 1.

Digitized by Google

Примѣчанія.

[1]) Вмѣсто *виры* сказано *вины*.
[2]) «А заплатятъ виру всѣми рыболовлими дворами.»
[3]) «Ино за голову вѣры два рубли Новгородскіе.»

C) *Самосудъ и взысканіе за оный.*

«А самосудъ то, кто поимаетъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ его прочь, а намѣстникомъ или волостелю или ловчему и ихъ тіуномъ не явя, а его въ томъ уличатъ, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ.» № 2, 1 [1]) 3, 4, 5, 7, 8.»

«А самосуда наши намѣстники и ихъ тіуны или волостели или ловчій и ихъ тіуны емлютъ два рубля.» № 2, 1 [2]), 3, 4, 5, 7, 8.

Примѣчанія.

[1]) «А самосудъ то, кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а собѣ посулъ возметъ, и намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ.»
[2]) «А самосуда четыре рубли.»

VII. О судѣ.

A) *О судѣ обыкновенномъ. Судныя пошлины. Послѣдствія прекращенія начатаго спора посредствомъ примиренія сторонъ. Послѣдствія рѣшенія дѣла по суду. Послѣдствія не явки въ судъ. Разныя судебныя издержки.*

«А безъ старосты и безъ лутчихъ людей волостелю (или намѣстнику) и его тіуну суда не судити.» № 3, 4, 7, 10.

«А кого утяжутъ въ рублѣ, и намѣстникомъ вины полтина; а того болѣ или менши, ино по тому жъ.» № 1.

«А будетъ судъ передъ намѣстники и передъ тіуны о рублѣ, а восхотятся помирити, и они дадутъ намѣстникомъ (или волостелю — № 12) гривну, и съ тіуны и съ доводчики, за всѣ пошлины.» № 2, 12.

«А случится судъ передъ намѣстникомъ или передъ его тіуномъ, о рублѣ о Новгородскомъ, а восхотятъ помиритись и они дадутъ намѣстнику двадцать денегъ Новгородскую.» № 8.

Digitized by Google

«А досудятъ намѣстники и тіуны до поля, а также берутъ гривну; а будетъ выше рубля или ниже и намѣстники на нихъ емлютъ по тому же розчету.» № 2.

« А досудятъ до поля, да помирятся, ино волостелю имати вполы исцова, то ему и съ тіуномъ». № 3, 4, 5, 7, 9, 11.

«А досудитъ (намѣстникъ) до поля, а всхотятъ помиритись не стоявши у поля, и они дадутъ намѣстнику двадцать же денегъ; — а всхотятъ помиритись стоявши у поля, и они дадутъ намѣстнику съ рубля по четверти; а будетъ судъ выше рубля или ниже, и намѣстникъ и его тіунъ емлетъ у нихъ по тому жъ расчету.» № 8.

«А досудитъ до поля, да не ставъ у поля помирятца, и волостелю имати съ рубля по гривнѣ, а ставъ у поля помирятца, и волостелю имати противень вполы исцова, то ему и съ тіуномъ.» № 12.

«А досудивъ до поля, да у поля ставъ помиритца и слободчики емлютъ съ рубля по алтыну, а полевыхъ пошлинъ не емлютъ ничего.» № 4.

«А похотятъ у поля цомиритися и ему у поля съ рубля гривна, а доводчику его шесть денегъ, а будетъ дѣло выше рубля или ниже, и ему пошлина своя имати по тому жъ росчету.» № 10.

«А побьются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ или въ бою, и намѣстники (или волостели или ловчей) велятъ на виноватомъ истцово доправити, а на себя велятъ взяти противень противу истцова; а ино имъ съ тіуны и съ доводчики за всѣ ихъ пошлины.» № 2[1]), 3, 4, 5[2]), 7, 8, 9.

«А побьются на полѣ, въ заемномъ дѣлѣ, или въ бою и ему имати вполы исцова, и то ему и съ доводчикомъ.» № 12.

«А случится судъ передъ волостелемъ или передъ тіуномъ о рублѣ или выше, а досудитъ до виноватого, и воло-

Digitized by Google

стель нашъ и его тіунъ велитъ на виноватомъ исцево доправити, а собѣ емлетъ противень вполы исцова, то ему и съ тіуномъ.» № 3, 4, 7, 9, 12.

«А случится судъ въ рублѣ, а доищется ищея своего и ему имати съ рубля по гривнѣ; а будетъ дѣло выше рубля или ниже рубля и ему имати на ищеѣ и на отвѣтчикѣ по тому жъ росчету.» № 11.

«А не доищется ищея своего, а будетъ ищея виноватъ, и ему имати на ищеѣ съ рубля по два алтына, а тіуну его съ рубля по осми денегъ; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, ино имати на ищеѣ, по томужъ росчету.» № 3, 4, 7, 9, 11[3]), 12[4]).

«А случится у нихъ передъ ловчимъ или передъ его тіунотъ судъ въ рублѣ, или болши или менши рубля или въ колкѣ ни буди, а досудитъ до виноватого, и ловчей мой велитъ на виноватомъ истцово доправити; а на себя велитъ ловчей взяти на виноватомъ отъ рублевого дѣла противня четверть; то ему и съ тіуномъ и съ доводчикомъ.» № 5, 6[5]), 10[6]).

«А судивъ посылаютъ списки къ докладу передъ меня передъ Великаго Князя или передъ моего казначея, а безъ докладу поль имъ не спускати.» № 6.

«А списки ему посылати къ Москвѣ, къ докладу, съ двѣмя или съ тремя списки, а съ однимъ ему списком къ докладу не посылати.» № 10.

«А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда и на того намѣстници дадутъ грамоту правую безсудную; а кто будетъ нетутошный человѣкъ и нѣ его дадутъ на поруцѣ.»

«А желѣзного четыре бѣлки, только человѣка скуютъ, а не будетъ по немъ поруки, а болѣ того дворянину не взяти ничего; а черезъ поруку не ковати; а посула въ желѣзѣхъ не просити, а что въ желѣзѣхъ посулъ, то не въ посулъ.»

Digitized by Google

«А отъ печати намѣстникомъ по три бѣлки; а дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты двѣ бѣлки.»

«А на Орлецѣ дворяномъ хоженого бѣлка; а ѣзды и позовы отъ Орлеца до Матигоръ двѣ бѣлки.» (Далѣе исчисляются мѣста до которыхъ ѣздъ сколько стоитъ бѣлокъ) № 1.

«А кто у нихъ по кого въ каковѣ дѣлѣ пошлетъ приставствомъ доводчика и доводчику у нихъ имати ѣзду на версту по денгѣ, а на правду вдвое.» № 2[7]), 5, 9 12.

«А въ городѣ хоженого денга, а на правду вдвое». № 2, 3, 6, 10, 12.

«А приставу въ волости хоженого двѣ денги, а на правду вдвое, а ѣзду въ волости на версту по денгѣ, а на правду вдвое.» № 4, 7.

«А ѣзду въ волости и въ станѣ на четыре версты денга Новгородская, а на правду вдвое. А полтина Новгородская правити на погостѣ, ино хоженого денга Новгородская, а отъ рубля отъ Новгородского двѣ денги Новгородскія.» № 8.

«А отъ поруки не даютъ ничего.» № 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12.

Примѣчанія.

[1]) Ничего не говорится въ чемъ побьются, а просто если побьются.
[2]) Къ заемному дѣлу и бою присоединенъ еще лай.
[3]) Съ рубля по алтыну.
[4]) Съ рубля по гривнѣ.
[5]) Слободчики берутъ на виноватомъ отъ рублевого дѣла по алтыну.
[6]) Поселской емлетъ съ рубля по два алтына.
[7]) На двѣ версты денга.

В) *Смѣстной судъ. Лица между которыми споры подлежатъ смѣстному суду. Послѣдствія рѣшенія смѣстнаго суда.*

«А случится судъ смѣсной тѣмъ крестьяномъ съ городскими людми или съ волостными и становыми, и правъ ли будетъ, виноватъ ли, городской человѣкъ или волостной, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ и третчикомъ и тіу-

Digitized by Google

номъ и волостелемъ; а правъ ли будетъ, виноватъ ли, тѣхъ селъ и деревень крестьянинъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ поселскому, у которого поселского тѣ села и съ деревнями въ присудѣ будутъ; а намѣстницы наши и третчики и тіуны и волостели Московскіе тѣхъ селъ и деревень въ крестьянъ не вступаются, ни въ правого ни въ виноватого, а поселской на нихъ пошлину свою емлетъ, по сей нашей жалованной грамотѣ.» № 11.

«А тѣ у нихъ которые.... ни въ виноватаго.... гороцкого человѣка, или.... атъ въ городъ или въ волость, да судятъ вмѣстѣ съ гороцкими тіуны или съ волостными, а въ правдѣ и въ винѣ гороцкой человѣкъ, или волостной, гороцкому судьи или волостному, а слободцкой человѣкъ въ правдѣ и въ винѣ слобожаномъ.» № 6.

C) *Великокняжескій судъ. Жалобы судимыя великокняжескимъ судомъ. О срокахъ.*

«А приставомъ Великого Князя въ Двинскую землю не въѣздити, всему управу чинятъ мои намѣстници: а надъ кѣмъ учинятъ продажу силно, а ударятъ ми на нихъ челомъ и мнѣ Князю Великому велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная и приставъ мой доправитъ.» № 1, 2.

«А пріѣдетъ мой приставъ Великого Князя съ Москвы, по горожанина и по станового и по волостного и онъ имъ пишетъ одинъ срокъ въ году: на заговѣніе на великое на мясное.» № 2, 8[1]), 12[2]).

«А которой мой приставъ по нихъ пріѣдетъ и онъ имъ пишетъ два срока въ году: зимѣ по Крещеньѣ Христовѣ въ той же день, а лѣтѣ уговѣвъ Петрова говѣнія недѣлю.» № 3, 9, 11[3]).

Digitized by Google

«А опричь того сроку кто на нихъ иной срокъ накинетъ, а не по ихъ сроку, или кто по нихъ мою Великого Князя зазывную грамоту принесетъ, и не по ихъ сроку, и язъ Князь Великій имъ къ тѣмъ срокомъ ѣздити не велѣлъ. А хотя кто на нихъ безсудную грамоту возметъ, а не по ихъ сроку, и та грамота безсудная не въ безсудную.» № 2, 3, 8, 9, 11, 12.

Примѣчанія.

[1]) Срокъ на Крещенье Христовѣ въ той же день.

[2]) «Срокъ отъ Николина дни осеннего до Благовѣщеньева дни (для рыболовей). А по оброчниковъ которые живутъ въ Борисоглѣбской слободѣ, которой мой приставъ дворцовой пріѣдетъ и онъ ихъ даетъ на поруки и срокъ имъ чинитъ во весь годъ.»

[3]) 1-й срокъ: зимѣ Сборное Воскресенье, 2-й лѣтѣ Петровъ день и Павловъ.

D) *О подсудности.*

«А на Устюзѣ и на Вологдѣ и на Костромѣ ихъ (Двинянъ) не судятъ, ни на поруки ихъ не даютъ ни въ чемъ.»

«А учинится татьба отъ Двинскихъ людей съ поличнымъ и нѣ поставятъ ихъ съ поличнымъ передо мною, передъ Великимъ Княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу.»

«А чего кто иметъ искати на нихъ (на Двинскихъ гостяхъ), и нѣ учинятъ имъ срокъ передъ моихъ намѣстниковъ передъ Двинскихъ, и нѣ учинятъ исправу имъ на Двинѣ». № 1.

VIII. О нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленіяхъ.

A) *Понятіе о поличномъ.*

«А поличное то что вымутъ изъ клѣти, изъ за замка; а найдутъ что въ дворѣ, или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное.» № 2, 3, 4, 5, 6. 7, 8, 11.

Digitized by Google

B) *Искъ по нѣкоторымъ уголовнымъ преступленіямъ. Начатіе онаго; одно изъ доказательствъ пожоги, душегубства, разбою и татьбы, и послѣдствія онаго.*

«А безъ доклада волостелю и его тіуну бобровника не обвинити.» № 9.

«А побьются (на полѣ) въ пожогѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татьбѣ, и на убитомъ истцово доправити, а самъ убитой, въ казни и въ продажѣ волостелю и его тіуну (или намѣстнику или ловчему и его тіуну).» № 3, 4, 5 [1]), 7, 8, 9 [2]), 11 [3]), 12.

«А побьютца на полѣ въ татьбѣ или въ розбоѣ, или въ пожогѣ, или въ какомъ дѣлѣ ни буди, и слободчики наши емлютъ на убитомъ съ рубля по гривнѣ, а опричь того не емлютъ ничего.» № 6.

Примѣчанія.

[1]) Къ пожогѣ, душегубству, разбою и татьбѣ присоединяется еще ябедничество.

[2]) Нѣтъ пожоги и разбоя.

[3]) «Ино на убитомъ исцово доправити, а о продажѣ и о убитомъ поселскому доложити моего Царева и Великого Князя дворецкого.»

C) *Послѣдствія доведенной татьбы, разбоя и душегубства.*

«А татя впервые продати противу поличного, а въ другіе уличатъ, продадутъ его не жалуя, а уличатъ вътретьие, ино повѣсити.»

«А татя всякого пятнити». № 1.

«А доведутъ на кого татьбу или разбой или душегубство, и намѣстники велятъ на виноватомъ истцово доправити; а тотъ разбойникъ или душегубецъ намѣстникомъ въ продажѣ и въ казни.» № 2.

D) *О сводѣ и его послѣдствіяхъ.*

«А у кого что признаютъ (опознаютъ) татебное, и тотъ

Digitized by Google

съ себя сведетъ сводъ, хотя и до десятого своду (десяти сводовъ) и до чеклого татя, а продажи ему въ томъ нѣтъ.» № 1 [1]), 2 [1]), 3, 4, 5, 6 [1]), 7, 8, 11 [1]).

Примѣчаніе.

[1]) «А намѣстники (и волостели) у нихъ въ томъ не возмутъ ничего.»

Е) *О лихихъ людяхъ. Послѣдствія признанія лихимъ человѣкомъ.*

«А которой будетъ тать, или убойца, или ябедникъ, вѣдомой лихой человѣкъ, и ловчей мой велитъ заплатити истцово изъ его статковъ, а того лихого человѣка велитъ казнити смертною казнью.»

«А не будетъ у которого лихого статка, чѣмъ истцово заплатити, и ловчей мой того лихого человѣка истцу въ его гибели не выдаетъ, а велитъ его казнити смертною казнью.» № 5.

IX. Объ особенныхъ постановленіяхъ касающихся благосостоянія жителей.

А) *Освобожденіе мѣщанъ и крестьянъ отъ прихода, на пиры и на братчины, незванныхъ служилыхъ людей.*

«А тіуномъ и намѣстничьимъ людемъ на пиръ и на братчину незваннымъ не ходити; а кто пріѣдетъ къ нимъ на пиръ и на братчину не званъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно; а кто у нихъ иметъ пить силно, а учинится какова гибель, и тому то гибель платити вдвое безъ суда и безъ исправы, а отъ меня отъ Великого Князя быти въ казни.» № 2 [1]), 3, 4 [2]), 5 [3]), 7 [4]), 8 [5]), 9 [6]), 11 [7]), 12.

«А у которого селчанина или деревеньщика случится пиръ или братчина и ему (доводчику) на пиръ или братчину незвану пити не ходити, а кто его позоветъ въ пиръ или братчину, и ему пивъ ту то не ночевати.» № 10.

Digitized by Google

«А кто позоветъ къ себѣ тіуна или доводчика пити въ пиръ или въ братчину, и они пивши да тутъ не ночуютъ, а ночуютъ въ иной деревнѣ; а насадокъ изъ пировъ и изъ братчинъ у нихъ не емлютъ». № 5.

Примѣчанія.

[1]) Сказано только: «и тому то гибель платити безъ суда.»

[2]) [4]) Прибавлено: «и боярскіе люди.»

[3]) «А на пиры къ нимъ и въ братчины пити не ходитъ не званъ никто;»— словъ: «отъ меня оть Великого Князя быти въ казни» — нѣтъ.

[5]) «А тіуну и инымъ намѣстничимъ людемъ на пиры и на братчины не званнымъ къ нимъ не ѣздити, опричь доводчика.»

[6]) «А на пиры и на братчины къ бобровникамъ не ѣздити пити никому; — а учинится какова гибель, и бобровникамъ та гибель на нихъ имати.»

[7]) «Боярскіе люди на пиры и на братчины незваные къ нимъ не ѣздятъ.»

B) *Запрещеніе проѣзжающимъ лицамъ требовать безплатно кормовъ, подводовъ и проводниковъ у мѣщанъ и крестьянъ.*

«А князи мои и бояре и дѣти боярскіе и всякіе ѣздоки, у горожанъ и у становыхъ людей и у волостныхъ людей, кормовъ и подводъ и проводниковъ и сторожовъ не емлютъ.» № 2.

«Также и гонцы мои Великого Князя, безъ грамоты подводъ и проводниковъ у нихъ не емлютъ.» № 2, 3 [1]).

«А мои князи, и бояре и дѣти боярскіе и воеводы ратные, и всякіе ѣздоки, у нихъ (или въ ихъ дворѣхъ,—въ волости,—у соли,—въ деревняхъ) силно не ставятся, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ у нихъ не емлютъ.» № 3 4, 5 [2]), 6 [2]), 7, 9 [3]), 10.

«А кому у нихъ прилучится стати, и онъ собѣ у нихъ кормъ свой и конской купитъ по цѣнѣ, какъ ему продадутъ.» № 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11.

Примѣчанія.

[1]) «Также и гонцы мои у нихъ подводъ и проводниковъ не емлютъ.»

[2]) «Опричь ратныхъ вѣстей.»

[3]) Князи мои, и бояре и воеводы ратные и всякіе ѣздоки и помѣтчики и заказщики, у бобровниковъ и въ бобровыхъ деревняхъ не ставятся.»

Digitized by Google

C) *О скоморохахъ.*

«А скоморохомъ у нихъ волостель (или ловчей и его тіунъ,—или поселской) въ волости (или по деревнямъ) (силно) играти не ослобожаетъ.» № 4, 5, 7, 11.

«Кто ихъ пуститъ на дворъ доброволно, и они тутъ играютъ; а учнутъ у нихъ скоморохи по деревнямъ играти силно, и они ихъ изъ волости вышлютъ вонъ безпенно.» № 5.

«А скоморохомъ у нихъ въ волости силно не играти; а кто у нихъ учнетъ въ волости играти силно, и старосты и волостные люди вышлютъ ихъ изъ волости вонъ, а пени имъ въ томъ нѣтъ.» № 8.

«А скоморохомъ у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ силно не играти. — А попрошатаемъ, конюхомъ и псаремъ, и инымъ попрошатаемъ по тому селу и деревнямъ, потому же силно не ѣздити, ни просити ничего. — А кто учнетъ по моему селу и по деревнямъ того села силно скоморохи играти, и попрошатые конюхи и псари и кто нибуди, и язъ тѣхъ людѣй велѣлъ поселскому того села давати на поруку, да ставити передъ своимъ дворецкимъ Дмитровскимъ, у кого будетъ Дмитровъ въ приказѣ.» № 10.

D) *О прошатаяхъ.*

«А попрошатаемъ у нихъ въ волости просити не ѣздити.» № 4, 7, 11.

«А попрошатаи у нихъ по деревнямъ не ѣздятъ, ни жита не сбираютъ.—А кто у нихъ учнетъ по деревнямъ ѣздити и жито сбирати силно, и они велятъ того ловчему и его тіуну дать на поруку да учинити срокъ стати передо мною съ хрестьяны очи на очи.» № 5.

Digitized by Google

X. Разныя постановленія.

А) *Постановленія относящіяся къ торговлѣ.*

«А городьскимъ людемъ Бѣлозерскимъ, посажаномъ за озеро ѣздити, и торговати по старинѣ. А кто придетъ изъ Московскіе земли, изъ Тверскіе, изъ Новгородскіе земли, изо всѣхъ монастырей Московскіе земли, и Тверскіе и Новгородскіе земли, и съ Бѣлозерскихъ монастырей: изъ Кирилова, изъ Ѳарафонтіева, изо всѣхъ Бѣлозерскихъ монастырей, торговати имъ всѣмъ на Бѣлѣозерѣ въ городѣ, житомъ и всякимъ товаромъ; а за озеро имъ всѣмъ торговати не ѣздити. А по волостемъ и по монастыремъ не торговати, опричь одное волости Углы; а на Углѣ быти торгу по старинѣ.» № 2.

В) *Постановленія относящіяся къ промышленности.*

1. О соляномъ промыслѣ.

«А кто къ нимъ ѣздятъ на Онегу, къ морю, по соль, Бѣлозерцы и Вологжане, и у нихъ деи ихъ промыслъ отъимаютъ: а язъ имъ Бѣлозерцовъ и Вологжанъ на Онегу, къ морю по соль пропускати не велѣлъ, а велѣлъ есми имъ торговати съ ними въ Каргополѣ.» № 8.

«А наши бояре и дѣти боярьскіе, и помѣсчики и владыки, и монастыремъ, варницъ у ихъ Соли не ставити и соли не варити.» № 6.

«Также есми ихъ пожаловалъ: ослободилъ есми имъ за двадцать верстъ отъ Соли дрова сѣчи и хоромной лѣсъ въ моихъ великого князя лѣсехъ, и въ боярскихъ и во княжихъ, и въ помѣсчиковыхъ, и въ монастырскихъ, и въ своеземцовыхъ, и по рѣкамъ лѣсъ плавити, а явки имъ не давати, а по берегу у рѣкъ дрова имъ класти волно, чья земля ни буди, по обѣ стороны . . . . . жного не давати . . .» № 6.

Digitized by Google

2. О рыбной ловлѣ.

«А кто иметъ рыбу ловити на моемъ озерѣ на Переславскомъ и на Вексѣ неводомъ, или сѣтью, или бредникомъ, или иною рыбною ловлею, мой ли кто Великого Князя, или митрополичь, или боярской, или монастырской, и тѣ всѣ потянутъ въ мою поварню Великого Князя съ моими рыболови во всякіе проторы. А даютъ мнѣ Великому Князю оброкъ, на мой дворецъ, съ году на годъ, по книгамъ, по новому писму по княжу Васильеву Ивановича Голенина; а на поледной ловлѣ ловятъ на дву намѣстниковъ, по ночи на намѣстника, а на волостеля ловятъ ночь на поледной же ловлѣ.» № 3.

«А даютъ тѣ рыболовс мнѣ Царю и Великому Князю оброку съ году на годъ, на Рожество Христово, по книгамъ писцовъ нашихъ, за рыбную ловлю, двадцать алтынъ, да вѣдаютъ на меня Царя и Великого Князя рыбную ловлю по старинѣ; (здѣсь слѣдуетъ изъятіе рыболовей отъ разныхъ повинностей).» № 12.

3. О бобровой ловлѣ.

«А вѣдати съ тѣхъ деревень тѣмъ бобровникомъ моя Великого Князя служба, бобровая ловля, ловити имъ бобры въ рѣкѣ въ Клязмѣ, отъ рѣки отъ Оржавки по рѣцѣ по Клязмѣ внизъ до рѣки до Судогды, да рѣку Судогду отъ устья и до верховья, да рѣку Колахшу отъ устья и до верховья; а что добудутъ бобровъ и имъ бобры возити къ Москвѣ, къ моей Великого Князя казнѣ, шерстью; а не добудутъ бобровъ и имъ давати за бобры оброкомъ, съ году на годъ, полтретья рубля денегъ; а дати имъ тотъ оброкъ впервые у моей казны, моему казначею, по Крещеньѣ Христовѣ тотъ же день лѣта семь тысячь четыредесять девятого; (здѣсь слѣдуетъ изъятіе бобровниковъ отъ разныхъ повинностей).» № 9.

Digitized by Google

XI. Утвержденія выше изложенныхъ грамотъ.

«А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто не иметъ ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ мене отъ Великого Князя въ казни.» № 1.

«А черезъ сю мою грамоту кто что на нихъ возметъ или чѣмъ ихъ изобидитъ, быти ему отъ меня отъ Великого Князя въ казни.» № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЯ.

Первоначальное раздѣленіе

русскаго государства.

Уже въ 947 году мы видимъ, что Ольга раздѣлила землю на *погосты*. Эти погосты Карамзинъ въ своей Исторіи называетъ *волостями* [1]). Соловьевъ говоритъ о погостахъ слѣдующее: «Естественно, что для большаго удобства (въ исправленіи суда и расправы) эти мѣста княжеской стоянки, гощенія, эти погосты, могли быть опредѣлены на всегда, могли быть построены небольшіе дворы, гдѣ могли быть оставлены княжескіе прикащики (тіуны) и такимъ образомъ эти *погосты* могли легко получить значеніе небольшихъ правительственныхъ мѣстъ и передать свое имя *округамъ*.» [2]) Какъ бы то ни было, но какъ Карамзинъ такъ и Соловьевъ согласны въ томъ, что погосты были извѣстныя части Русской земли, только первый говоритъ, что погосты — волости, второй называетъ ихъ округами. Въ первомъ раздѣлѣ изложенныхъ нами грамотъ, объ округахъ ничего не говорится, волости же и волостные люди часто встрѣчаются. Мы думаемъ, что ранѣе возникла волость,

[1]) Исторія Госуд. Рос., изд. V, т. 1, стр. 100.
[2]) Исторія Рос. съ древ. времен. т. 1, стр. 125.

Digitized by Google

чѣмъ образовалось понятіе о округѣ этой волости, и потому согласны съ Карамзинымъ, что погосты положили впослѣдствіи начало волостямъ.

Изъ грамотъ нами приведенныхъ видимъ, что во время ихъ изданія Русское государство раздѣлялось на земли. И такъ встрѣчаемъ: Двинскую землю, и Двинянъ, Бѣлозерскую землю. и Бѣлозерцевъ, Онежскую землю и Онежанъ. Въ этихъ земляхъ находились города и станы, села и деревни.

Города и *станы.* Подъ словомъ станъ мы понимаемъ не часть города, но его предмѣстье; не думаемъ, чтобы городъ самъ раздѣлялся на станы, потому, что даже въ грамотахъ существуетъ различіе города отъ стана; такъ, въ грамотѣ № 2 говорится: «Пожаловалъ есми горожанъ и становыхъ людей»; слѣдовательно горожане не становые люди и на оборотъ. А какъ о станахъ говорится только тогда, когда упоминается какой нибудь городъ, то это даетъ намъ право думать, что станъ есть ничто иное какъ предмѣстье города. Этихъ становъ, этихъ предмѣстій, могло быть нѣсколько возлѣ одного города. Станы, разсматриваемые какъ предмѣстья города, само собою разумѣется, были по управленію и суду приписаны къ городу, возлѣ котораго находились; и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что когда станъ, по данной ему уставной грамотѣ, переходилъ подъ власть волостеля, то передъ этою уставною грамотою помѣщалась несудимая грамота. въ которой говорилось, что такіе-то посадскіе люди такаго-то стана или части его, не тянутъ уже больше къ городу.

Нѣкоторые станы были освобождены отъ городоваго дѣла. и отъ разныхъ городскихъ тяглъ; такіе станы, какъ мы думаемъ, положили начало *слободамъ*, потому, что слово *ослободить* въ нашихъ даже грамотахъ употребляется въ смыслѣ: освободить. Слѣдовательно, слобода — это свободное предмѣстье.

Digitized by Google

Каждый станъ раздѣлялся на *трети;* такъ въ грамотѣ № 4 упоминается Марининская треть Артемоновскаго стана.

Совокупность селъ и деревень, которыя подчинялись въ управленіи и въ судѣ одному лицу. называлась *волостью,* а лица, которымъ было предоставлено управленіе и судъ, назывались *волостелями.*

Въ упомянутыхъ нами грамотахъ говорится о *посадахъ* и посадскихъ людяхъ. Эти посады бываютъ и въ городахъ и въ станахъ. Посадъ, по смыслу въ какомъ о немъ говорится въ изложенныхъ нами грамотахъ. значилъ ничто иное, какъ нѣсколько дворовъ, въ которыхъ помѣщались люди, занимающіеся однимъ какимъ нибудь опредѣленнымъ промысломъ. Крестьянскіе дворы, если и были, то не составляли посада.

I. *Намѣстники,* о которыхъ говорится въ грамотахъ — лица не новыя. Въ лѣтописи Нестора, находимъ, что Рюрикъ уже раздавалъ города мужамъ своимъ. Но современный уставнымъ грамотамъ намѣстникъ получаетъ уже въ управленіе не одни города, но цѣлыя земли.

Намѣстникъ и *волостель* — это два лица, которыя по своимъ правамъ и обязанностямъ, очень сходны между собою. Мы видимъ, что какъ намѣстникъ такъ и волостель берутъ кормы отъ подчиненныхъ имъ жителей, взимаютъ съ нихъ пошлины почти тѣже самыя, судятъ ихъ и берутъ отъ суда своего одинаковыя же пошлины. При всемъ томъ есть и разница между ними. Намѣстникъ беретъ кормъ, судитъ и собираетъ пошлины съ жителей цѣлой подвластной ему земли, волостель только съ своей волости. Волостель, правда, не подчиняется намѣстнику; волость, которая приписана судомъ къ волостелю, не подсудима уже намѣстнику; однако волостель и по суду стоитъ ниже намѣстника; онъ не судитъ душе-

Digitized by Google

губства. Во всѣхъ уставныхъ грамотахъ, которыми власть суда и расправы предоставляется волостелю, изъ подъ суда его изъято душегубство.

Ловчій и *поселской* суть лица стоящія на равнѣ съ волостелями. О ловчемъ упоминается въ одной только грамотѣ. Поселскіе управляютъ и судятъ дворцовыхъ крестьянъ Велико-Княжескихъ селъ.

II. *Тіунъ*, по мнѣнію Соловьева, есть Велико-Княжескій прикащикъ; въ очень отдаленное время, тіунъ можетъ быть и имѣлъ этотъ характеръ; но по уставнымъ грамотамъ тіунъ есть лицо служащее намѣстнику, или волостелю; онъ собственно намѣстникъ намѣстника. Какъ по обширности Русской земли, Великіе Князья посылали своихъ мужей намѣстниками и волостелями, потому, что сами не могли лично управлять и судить въ каждой землѣ, такъ въ свою очередь и намѣстники опредѣляли для суда и расправы тіуновъ, въ тѣ части подвластной имъ земли, въ которой сами лично не могли отправлять суда и управы. Для жителей было все равно судитъ ли ихъ намѣстникъ или его тіунъ. Если что либо по суду и управленію дѣлалъ тіунъ, то онъ дѣлалъ это именемъ своего господина, и на оборотъ, если жители заплатили какую нибудь пошлину намѣстнику, то она шла на намѣстника и его тіуна вмѣстѣ. Слѣдовательно, тіунъ разсматривался какъ частное лицо, какъ слуга намѣстника или волостеля, котораго господинъ, когда захочетъ, можетъ смѣнить; какъ лицо государственное какъ судья, тіунъ, по правамъ и обязанностямъ былъ равенъ своему господину. Вѣроятно съ самаго уже начала тіунъ былъ лицомъ вполнѣ зависящимъ отъ воли своего господина, и считался совершенно частнымъ слугою; такъ въ Двинской грамотѣ о тіунѣ ничего не говорится; впослѣдствіи же, когда намѣстники и волостели, частою перемѣною тіуновъ и безпрестаннымъ увеличеніемъ числа ихъ, стали притѣснять

Digitized by Google

подвластныхъ имъ жителей, Великіе Князья въ уставныхъ грамотахъ, начали обращать на нихъ вниманіе, ограничивать произволъ намѣстниковъ относительно частой перемѣны тіуновъ, назначать кормъ для нихъ (который равнялся половинѣ корма, даваемаго жителями намѣстникамъ и волостелямъ), и опредѣлять ихъ число.

Доводчикъ былъ также намѣстничій и волостелинъ слуга, но онъ стоялъ гораздо ниже тіуна. Доводчикъ не беретъ кормовъ, но поборы. Тіунъ судитъ, доводчику же судъ не вѣряется; во всемъ прочемъ тоже совершенная разница въ предметахъ власти. Доводчикъ лицо исполнительное: онъ приводитъ тяжущіяся стороны, онъ ѣздитъ «на правду» когда намѣстникъ либо тіунъ прикажутъ, даетъ на поруку; однимъ словомъ онъ есть олицетвореніе всей тогдашней исполнительной власти. Доводчики, подобно тіунамъ, должностныя лица постоянныя, которыхъ намѣстникъ или волостель долженъ держать — число ихъ опредѣлено въ уставной грамотѣ; кромѣ того сказано, что какъ тіуна, такъ и доводчика намѣстникъ или волостель, прежде года, перемѣнить не имѣетъ права.

Кромѣ означенныхъ выше находимъ еще *Праветчика*, который есть также должностное лицо постоянное, и котораго намѣстникъ или волостель также не можетъ перемѣнить до истеченія года. Какая разница между праветчикомъ и доводчикомъ, съ точностью изъ грамотъ опредѣлить нельзя. Праветчикъ взимаетъ для себя поборы съ жителей, ѣздитъ «на правду», даетъ на поруки; но всѣ эти обязанности возложены какъ мы видѣли и на доводчика. Замѣтимъ только, что праветчикъ всегда считается старше доводчика: онъ беретъ и больше поборовъ и всегда упоминается прежде доводчика.

III. Говоря о кормахъ и поборахъ, надобно обратить вниманіе на родъ ихъ, величину и способъ собиранія. Кормъ бываетъ двоякій: *постоянный* годовой и *въѣзжій*. Первый по-

Digitized by Google

лучаетъ намѣстникъ или волостель и его тіунъ нѣсколько разъ въ году; второй—въѣзжій, дается одному только намѣстнику или волостелю, тіунамъ же не дается. Такъ какъ этотъ второй кормъ произошелъ отъ добровольныхъ приношеній жителей новоопредѣленнымъ намѣстникамъ или волостелямъ, то онъ и въ уставныхъ грамотахъ удерживаетъ этотъ же самый характеръ. Въ одной только грамотѣ № 3 опредѣлена величина въѣзжаго корма; но по этой же грамотѣ волостель не получаетъ никакаго постояннаго корма; во всѣхъ остальныхъ или объ немъ совсѣмъ не упоминается или сказано: «кто что принесетъ, то ему (намѣстнику или волостелю) взяти.» Эти слова, хотя и не опредѣляютъ величины въѣзжаго корма, однакожъ показываютъ, что означаемыя ими добровольныя приношенія обратились уже въ обязанность приносить что нибудь на въѣздъ намѣстнику или волостелю. О постоянныхъ годовыхъ кормахъ и поборахъ разсматриваемыя грамоты сообщаютъ довольно подробныя и точныя свѣдѣнія; такъ, — величина ихъ опредѣлена съ точностью; сказано даже когда, на какіе праздники и какую часть получаютъ: а намѣстникъ, волостель и тіунъ — годоваго корма, а праветчикъ и доводчикъ — побора. Для пресѣченія злоупотребленій въ собираніи этихъ кормовъ и поборовъ, запрещено лицамъ получающимъ ихъ собирать ихъ съ жителей самимъ, а назначены для этаго старосты и сотскіе, которые, собравъ кормы и поборы, обязаны отдать кому слѣдуетъ въ какомъ нибудь центральномъ мѣстѣ. Сначала кормы и поборы даваемы были въ натурѣ, но въ уставныхъ грамотахъ уже говорится: «а не любъ намѣстнику (или служащимъ ему лицамъ) кормъ, и онъ за кормъ береть деньгами;» за тѣмъ слѣдуетъ подробное опредѣленіе цѣны за каждый предметъ получаемый въ кормъ и поборъ.

Кормы и поборы собирались либо съ сохъ (для намѣстниковъ), либо съ деревень (для волостелей), либо съ выти (для

Digitized by Google

поселскихъ). Точнаго опредѣленія *сохи* дать не льзя; кажется, что сохою называлась извѣстная мѣра поверхности земли; соха же которая здѣсь упоминается, означала вѣроятно часть обработанной земли, соотвѣтствующей величинѣ сохи, принимаемой за мѣру. О сохѣ знаемъ еще то, что она состояла тогда изъ трехъ *обежъ*, а каждая обжа при розводѣ Царскаго оброку за намѣстничь оброкъ, о чемъ говорится въ грамотахъ 3-го раздѣла, равнялась посадскому двору. О *выти* ничего положительнаго не можемъ сказать; думаемъ только что выть замѣняла волость и что подъ вытью надобно разумѣть не только какую нибудь часть земли, но и самое общество людей, жившихъ на этой землѣ, пользующихся извѣстными правами, на которыхъ возложены болѣе или менѣе одинаковыя обязанности, и которые, въ извѣстныхъ случаяхъ, отвѣчаютъ солидарно другъ за друга, нпр: въ случаѣ душегубства за неотысканіе душегубца. Сходство выти съ волостью покажемъ въ другомъ мѣстѣ.

IV. Сборы, присвоенные намѣстниками и волостелями, и о которыхъ упоминается въ уставныхъ грамотахъ, суть: 1) отъ вступленія въ бракъ, 2) отъ купли, мѣны и продажи лошадей и другихъ животныхъ, 3) съ гостей отъ явки. Взимали ли намѣстники другіе какіе нибудь сборы, кромѣ упомянутыхъ? Безъ сомнѣнія да. Такъ, если подвластные имъ жители должны были при вступленіи въ бракъ, платить извѣстную пошлину, то полагаемъ, что не обходилось безъ пошлины и при полученіи наслѣдства; пошлина въ этомъ случаѣ конечно соразмѣрялась съ самою величиною наслѣдства; если крестьянинъ, покупая или мѣняя лошадь, долженъ былъ платить извѣстную пошлину, то какимъ образомъ могъ онъ быть освобожденъ отъ нея, пріобрѣтая лошадь не вслѣдствіе купли, а даромъ, по наслѣдству или отказу? [1]) Правда объ этомъ родѣ

[1]) Съ этими заключеніями и выводами автора едва ли можно согласиться. На-

Digitized by Google

сборовъ не упоминается въ уставныхъ грамотахъ; но мы полагаемъ, что въ нихъ содержатся опредѣленія касающіяся только такихъ сборовъ, которые казались самыми тягостными для жителей, и отъ неопредѣленности которыхъ проистекали очень вредныя для нихъ послѣдствія. Такъ, сначала по обычному праву, намѣстники и волостели, въ случаѣ когда кто выдавалъ дочь за мужъ въ волости, взимали новоженный убрусъ, а когда за волость выводную куницу; но послѣ намѣстники не хотѣли брать новоженнаго убруса и выводной куницы, а требовали съ крестьянъ денегъ; надобно же было установить цѣну за новоженный убрусъ и выводную куницу, безъ чего намѣстникъ или волостель могъ бы требовать денегъ сколько хотѣлъ, и такимъ образомъ вступленіе въ бракъ зависѣло бы единственно отъ его произвола.

О *бракѣ*, кромѣ помянутаго налога, въ уставныхъ грамотахъ не сказано ничего больше. Конечно намѣстники и волостели, смотря на предоставленныя имъ права управленія и суда какъ на средства обогащенія, заботились только объ томъ, чтобъ имъ была уплачена пошлина, предоставляя духовенству рѣшать вопросы, могутъ ли извѣстныя лица вступать въ бракъ. О препятствіяхъ къ заключенію брака, о которыхъ говорится во всѣхъ современныхъ законодательствахъ, въ уставныхъ грамотахъ нѣтъ и помину. И такъ единственнымъ препятствіемъ со стороны государства къ заключенію брака была не уплата извѣстной пошлины. Конечно, это было препятствіе, потому что вѣроятно намѣстникъ не дозволялъ вступать въ бракъ лицамъ, которыя не дали ему новоженнаго убруса или выводной куницы. Мнѣніе это основываемъ на томъ, что ни

слѣдственное право очень рано стало зависѣть отъ Церкви. Самый порядокъ наслѣдованія былъ иной, чѣмъ теперь и, какъ можно заключать изъ Русской Правды, кажется не давалъ индивидуальныхъ правъ наслѣдникамъ на лѣ или другіе вещи оставшіяся послѣ покойнаго. К.

Digitized by Google

въ одной грамотѣ перваго раздѣла не говорится о взысканіи въ томъ случаѣ, еслибы кто нибудь вступилъ въ бракъ не заплатя намѣстнику опредѣленной пошлины; по этому думаемъ, что духовенство не обвѣнчало бы даже такихъ лицъ, которыя не заплатили впередъ надлежащей пошлины.

Говоря о пошлинѣ за вступленіе въ бракъ, замѣтимъ, что въ уставныхъ грамотахъ опредѣлено также сколько новобрачные должны платить «за знамя» десятиннику влодычню. Это заставляетъ думать что и духовенство получало извѣстную пошлину съ новобрачныхъ. *Новоженный убрусъ* платитъ тотъ, кто женитъ сына или выдаетъ за мужъ дочь въ одной волости, или въ одномъ стану или въ одномъ городѣ. Касательно *выводной куницы* мы думаемъ, что ее платилъ родитель или опекунъ того лица, которое вслѣдствіе брака переходило изъ волости въ другую волость; такимъ образомъ, если жена слѣдовала за мужемъ, то она платила выводную куницу своему намѣстнику или волостелю, а мужъ ея платилъ своему намѣстнику новоженный убрусъ; если же мужъ слѣдовалъ за женою, то онъ платилъ выводную куницу, а жена его новоженный убрусъ.

Относительно взиманія пошлины отъ *купли* и *мѣны* лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ, напр. коровъ, соблюдаемо было такое правило: покупающій и продающій лошадь, или мѣняющіеся должны были обратиться къ пятенщику, который «пятналъ» лошадь, и при этомъ взималъ отъ «пятна» опредѣленную пошлину съ купца и продавца. Когда мѣнялись лошади, то пятенщикъ вѣроятно взималъ съ каждой изъ промѣниваемыхъ лошадей за пятно отдѣльно. Лошадей, которыя выросли въ одной деревнѣ съ покупщикомъ и продавцемъ, пятенщикъ не пятнитъ, и никакой съ нихъ пошлины не взимаетъ. Тоже самое относится и къ старымъ лошадямъ. Не соблюденіе этой формальности, т. е. не представленіе поку-

Digitized by Google

наемыхъ и мѣняемыхъ лошадей пятенщику, вѣрно повторялось очень часто, потому что въ уставныхъ грамотахъ опредѣлено весьма большое денежное взысканіе, именно два рубля Московскихъ, въ пользу намѣстника или Великого Князя, въ томъ случаѣ, если покупаемая или обмѣниваемая лошадь не будетъ явлена пятенщику въ тотъ же самый день и кто нибудь уличитъ въ томъ виновныхъ.

Говоря о пошлинѣ взимаемой за *явку съ гостей*, замѣтимъ, что гость — лице торговое, котораго постоянное мѣстопребываніе было въ другой землѣ, и который пріѣзжалъ только по дѣламъ торговли. Явка съ гостей взималась только въ торговыхъ городахъ, и была достояніемъ намѣстниковъ, подъ властью которыхъ эти города находились. Въ грамотѣ № 2 подробно сказано объ этого рода пошлинѣ; когда прійдетъ судно изъ другихъ земель, то ватаманъ (капитанъ) большаго судна платилъ гривну, а всѣ остальные люди, сколько ихъ на суднѣ ни будетъ, платятъ по денгѣ; ватаманъ же малаго судна (гребнаго), наравнѣ со всѣми людьми находящимися на суднѣ, плотятъ по денгѣ. Для взиманія этой пошлины, въ торговыхъ городахъ были установлены особыя лица (пошлинники); а кто заплатилъ ее въ одномъ городѣ, тотъ не былъ уже обязанъ платить ее въ другомъ.

По Двинской грамотѣ, пошлина съ гостей пріѣзжающихъ въ Двинскую землю принадлежала сотскому и подвойскому, и состояла въ пудѣ ржи, взимаемомъ съ каждой ладьи у пріѣзжаго купца (гостя). Въ той же Двинской грамотѣ опредѣлена съ точностью пошлина, которую должны платить Двинской земли купцы, когда поѣдутъ въ ладьяхъ или возами на Устюгъ.

V. Въ числѣ преступленій неуголовныхъ, за которыя назначены денежныя взысканія, упомянуты: A) Нарушеніе межевой границы, B) Поврежденіе улей съ пчелами и безъ пчелъ, C) Отправленіе торга не въ надлежащемъ мѣстѣ, D) Содержа-

Digitized by Google

ніе корчемъ, E) Принятіе слободчиками къ себѣ на житье тяглыхъ людей, F) Бой и свара въ пиру. Денежныя взысканія либо принадлежатъ В. Князю, либо намѣстнику, либо наконецъ той сторонѣ, которой вслѣдствіе преступленія причиненъ убытокъ.

A) Денежное взысканіе за нарушеніе *межевой границы* идетъ въ пользу намѣстника или волостеля и ихъ тіуновъ. Въ Двинской грамотѣ, въ которой уже говорится о нарушеніи межи, при опредѣленіи взысканія за это преступленіе обращается вниманіе на то, кто какую перекоситъ или переоретъ межу, и сказано: «кто другъ у друга (въ одномъ селѣ) межу переоретъ или перекоситъ вины боранъ; а межи селъ межа — тридцать бѣлъ; а княжа межа — три сорока бѣлъ.» Во всѣхъ остальныхъ грамотахъ о разницѣ въ величинѣ взысканія, смотря по тому чью кто межу нарушитъ, ничего не говорится, а сказано только, что если кто у кого межу переоретъ или перекоситъ, то намѣстникъ беретъ на виноватомъ опредѣленное количество денегъ.

B) Касательно поврежденія *улей съ пчелами* и *безъ пчелъ*, находимъ распоряженія въ Русской Правдѣ, по которымъ кто срубитъ борть платитъ 3 гривны пени въ казну, а за дерево хозяину полгривны; за выдраніе пчелъ 3 гривны, а хозяину, буде медъ еще не былъ вынутъ, 10 кунъ, буде же вынутъ — 5 кунъ. По грамотѣ № 6, въ которой говорится о поврежденіи улей, денежное взысканіе употребляется въ видѣ частнаго вознагражденія, а не государственной пени; величина этого взысканія зависитъ отъ того, находились ли пчелы въ ульѣ, или нѣтъ; за посѣченіе (срубку) выдѣланнаго дерева съ пчелами взыскивались четыре гривны и отдавались тому, кому причиненъ этимъ убытокъ; а если не было еще пчелъ, взыскивалась одна только гривна, и отдавалась тому же, чье дерево. Разница между этими двумя постановленіями въ Русской Правдѣ

Digitized by Google

и въ грамотѣ № 6 заключается въ томъ, что по Русской Правдѣ, за поврежденіе ульевъ надобно было вознаградить лице чье дерево, за нанесенный ему убытокъ, и заплатить пеню въ Велико-Княжескую казну; а по грамотѣ № 6 вознаграждается только тотъ, кому нанесенъ убытокъ, а Князю за это ничего не платится.

C) Въ грамотѣ № 2 говорится о томъ, чтобы всѣ пріѣзжіе люди, равно какъ и Бѣлозерцы не городскіе, пріѣзжали *торговать въ городѣ*, а не торговали въ селахъ и монастыряхъ, а также для отправленія торговли не ѣздили за озеро. Въ этой же грамотѣ, для охраненія этого постановленія опредѣлено денежное взысканіе за его нарушеніе, а именно: съ купца берется два рубля, изъ которыхъ одинъ идетъ въ пользу Князя, другой въ пользу таможниковъ; кромѣ того отымается товаръ какъ у купца такъ и у продавца, въ пользу В. Князя, а они сами даются на поруку и ставятся передъ В. Княземъ (вѣроятно для суда и расправы).

D) Касательно *корчемъ*, уставныя грамоты перваго раздѣла не много доставляютъ свѣдѣній, потомъ что въ одной только изъ нихъ, именно въ грамотѣ № 6, полагается денежное взысканіе рубль Московскій, въ пользу В. Князя, съ тѣхъ, которые станутъ содержать корчму. Если однако примемъ во вниманіе все что сказано о корчмахъ въ позднѣйшихъ грамотахъ, то должны будемъ вывести заключеніе, что уже въ этотъ періодъ времени содержаніе корчемъ считалось преступленіемъ, за которое полагалось денежное взысканіе. Изъ словъ: «А питье имъ всякое держати про себя волно, а не на продажу,» слѣдуетъ что другимъ крестьянамъ не льзя было держать питья даже для самихъ себя, безъ именнаго дозволенія В. Князя.

E) Въ грамотѣ № 6 запрещается слободчикамъ принимать къ себѣ на жительство *тяглыхъ людей*, а за нарушеніе этого правила полагается денежное взысканіе со всѣхъ сло-

Digitized by Google

бодчиковъ 10 рублей на Московскую монету. Причина такого запрещенія заключается въ томъ, что слободчики освобождены были отъ многихъ податей, а вслѣдствіе принятія ими тяглаго человѣка, и этотъ тяглый сдѣлался бы наравнѣ съ ними свободнымъ.

F) Если *въ пиру* случится *бой*, то по Двинской грамотѣ обращается вниманіе: помирились ли стороны въ пиру или уже выйдя изъ него; въ первомъ случаѣ они не платятъ ничего, во второмъ же обязаны дать намѣстнику по куницѣ шерстью. Въ остальныхъ грамотахъ о взысканіяхъ за этого рода преступленія либо совсѣмъ не говорится, либо сказано, что въ обоихъ случаяхъ, помирятся ли въ пиру или вышедъ изъ пира, ловчему (который управляетъ съ властью намѣстника) и его тіуну не даютъ ничего; только если они помирились вышедъ изъ пиру и за приставомъ, то даютъ приставу хоженого въ городѣ 4 денги, а въ деревнѣ—денгу. Спрашивается: которое изъ этихъ двухъ постановленій носитъ на себѣ характеръ общаго закона? Мы полагаемъ то, которое помѣщено въ Двинской грамотѣ, потому что если бой или свара случилась публично, была вѣдома всѣмъ и объ ней даже узналъ намѣстникъ, то онъ не могъ оставить такого происшествія безъ всякого взысканія.

Кромѣ упомянутыхъ взысканій, въ уставныхъ грамотахъ уноминаются еще и многія другія, о которыхъ скажемъ ниже въ своемъ мѣстѣ.

VI. Уголовное право въ этомъ періодѣ находится на переходѣ отъ окуповъ къ государственнымъ казнямъ; о мести здѣсь и рѣчи уже нѣтъ. Окупъ играетъ главную роль, казни — прибавочную. Каждый преступникъ, когда доведено на него преступленіе, сверхъ вознагражденія за вредъ причиненный обижённой сторонѣ, остается еще намѣстнику въ продажѣ и въ казни. Есть даже такія преступленія, за которыя

Digitized by Google

полагалось въ то время только денежное взысканіе, между тѣмъ какъ въ послѣдствіи за нихъ назначены довольно строгія наказанія; а именно: за побой и кровавыя раны, и за самосудъ.

1. Въ одной только Двинской грамотѣ опредѣлено взысканіе *за побой и кровавыя раны*, именно: за кровавую рану — тридцать бѣлъ, а за синюю рану пятнадцать бѣлъ, (это вознагражденіе для обиженнаго); слова же «а вина противу того» показываютъ, что и намѣстникъ бралъ столько же отъ обидчика, сколько самъ обиженный; слѣдовательно, взысканіе за побой и кровавую рану взималось въ пользу обиженнаго лица и въ пользу намѣстника по равной части. Если примемъ во вниманіе слова: «а кто кого излаетъ боярина или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, и намѣстници судятъ ему, по его отчеству безчестіе,» то увидимъ, что за побой и кровавыя раны взыскивалось безчестіе и вина (вира): безчестіе въ пользу обиженной стороны, вира въ пользу намѣстника; а величина виры, какъ сказано выше, равна величинѣ безчестья.

2. О *самосудѣ* мы находимъ слѣдующее опредѣленіе: «Самосудъ то кто поймаетъ татя съ поличнымъ да отпуститъ его прочь, не явя намѣстнику или его тіуну, а въ томъ его уличатъ». Такое опредѣленіе мы находимъ во всѣхъ уставныхъ грамотахъ, въ которыхъ упоминается о самосудѣ. Въ Двинской только грамотѣ понятіе о самосудѣ заключено въ болѣе тѣсныя рамки; здѣсь для вмѣненія самосуда должно быть доказано, что кто либо, поймавъ татя съ поличнымъ, *взялъ отъ него посулъ*, и за то отпустилъ его, не явя намѣстнику и его тіуну. Какъ ни замѣчательно опредѣленіе самосуда по Двинской грамотѣ, но мы думаемъ, что опредѣленіе его по другимъ грамотамъ, приведенное нами сначала, было общимъ, и что судъ для вмѣненія самосуда не нуждался въ доказатель-

Digitized by Google

ствѣ—взялъ ли обвиненный въ этомъ преступленіи посулъ отъ татя или нѣтъ.

Самосудъ, почитаемый за преступленіе, подлежалъ наказанію; но это наказаніе заключалось единственно въ денежномъ взысканіи. Такъ въ уставныхъ грамотахъ этого времени сказано: «А самосуда наши намѣстники (или другія лица) емлютъ два рубли», (за исключеніемъ Двинской грамоты, по которой за самосудъ намѣстникъ взималъ съ виновнаго 4 рубли).

Система окупа была развита до такой степени, что въ случаѣ даже душегубства, если убійца не былъ отысканъ и намѣстникъ, вслѣдствіе того, не могъ на немъ доправить продажи, волость или жители того мѣста, въ которомъ случилось душегубство, обязаны были заплатить намѣстнику за голову убитаго виры 4 рубли, (Онежане — два Новгородскихъ рубля, а Двиняне—10 рублей. На Двинянъ вообще наложены самыя большія взысканія). Изъ такой солидарной отвѣтственности цѣлой волости за случившееся въ ней душегубство, были однако допущены нѣкоторыя изъятія, именно когда нельзя было требовать отъ волостныхъ людей чтобъ они нашли и доставили намѣстнику душегубца. Всѣ такіе случаи, когда волость не отвѣчаетъ за голову убитаго, исчислены подробно, именно: если кто отъ рукъ своихъ утеряется, если кого дерево убьетъ, или кто съ дерева убьется, или кого звѣрь съѣстъ, или кого громъ убьетъ, и проч. (все это случаи душегубства въ которыхъ нѣтъ душегубца), или кто утопленникъ или вообще убитой человѣкъ рѣкою приловетъ (одинъ случай въ которомъ можно догадываться о существованіи душегубца, но по которому неизвѣстно въ какой именно волости совершено преступленіе).

VII. *Составъ суда.* По уставнымъ грамотамъ судъ состоялъ изъ намѣстника (или волостеля или ловчаго, а въ двор-

Digitized by Google

цовыхъ селахъ — поселскаго), или въ отсутствіе намѣстника (или упомянутыхъ лицъ) его тіуна. Кромѣ намѣстника или тіуна въ судѣ должны участвовать старосты и лучшіе люди отъ жителей.

Судопроизводство. Для начатія иска, истецъ долженъ былъ принести въ судъ жалобу. По жалобѣ истца приставъ вызывалъ отвѣтчика въ судъ. Какимъ порядкомъ совершался этотъ вызовъ, устно или письменно, какой срокъ назначался истцу для явки въ судъ, былъ ли это срокъ постоянный, или назначался по произволу судьи въ каждомъ вызовѣ различно; на назначенный срокъ обязаны ли были стороны явиться лично или могли прислать вмѣсто себя повѣренныхъ — на всѣ эти вопросы въ изложенныхъ нами грамотахъ прямаго отвѣта нѣтъ. Въ Двинской грамотѣ сказано, что если подвойскій (приставъ) вслѣдствіе жалобы истца, позоветъ (отвѣтчика) въ судъ, а онъ передъ судомъ не станетъ, то намѣстникъ дастъ (истцу) грамоту правую безсудную, а кто будетъ не тутошный человѣкъ, и онъ дастъ его на поруку. Имѣя въ виду важность правой безсудной грамоты, которая предоставляла истцу право взыскать на отвѣтчикѣ то чего онъ искалъ передъ судомъ, мы должны предположить, что въ вызовѣ отвѣтчика срокъ явки его передъ судомъ опредѣлялся съ точностью, если только не былъ постояннымъ; кромѣ того мы думаемъ, что если отвѣтчикъ по какимъ либо причинамъ лично не могъ на означенный въ вызовѣ срокъ стать передъ судомъ, то вѣрно ему было дозволено прислать за себя повѣреннаго. Слѣдовательно, по жалобѣ истца, намѣстничій приставъ вызывалъ отвѣтчика въ судъ, и въ этомъ вызовѣ (совершался ли онъ устно или посредствомъ зазывной грамоты) опредѣлялся съ точностью срокъ, когда отвѣтчикъ долженъ былъ явиться къ суду лично или прислать повѣреннаго. Если онъ въ назначенный срокъ передъ судомъ не сталъ и не прислалъ по-

Digitized by Google

вѣреннаго, то дѣло считалось рѣшеннымъ въ пользу истца, которому давалась правая безсудная грамота, а отвѣтчикъ, если былъ не тутошнымъ человѣкомъ, отдавался на поруку. Если же истецъ подалъ жалобу, а въ назначенный срокъ передъ судомъ не сталъ, то онъ вѣроятно терялъ право иска, на что отвѣтчику выдавалась правая безсудная грамота. Но обѣ стороны, какъ истецъ такъ и отвѣтчикъ, могли явиться въ судъ, да передъ судомъ помириться; въ такомъ случаѣ они обязаны были уплатить намѣстнику извѣстную пошлину съ рубля.

До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ случаяхъ, когда тяжба прекращается въ самомъ началѣ, и дѣло рѣшается либо безсудною грамотою, либо примиреніемъ. Разсмотримъ теперь судопроизводство, судебныя пошлины и издержки, когда тяжба въ самомъ началѣ не прекращается.

Судопроизводство, согласно съ содержаніемъ уставныхъ грамотъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Когда обѣ стороны стали передъ судомъ и не помирились, тогда истецъ доказывалъ свой искъ, посредствомъ свидѣтелей, или «правды.» О послѣдней очень часто упоминается въ нашихъ грамотахъ. Подъ правдою разумѣется въ нихъ слѣдствіе произведенное на мѣстѣ происшествія, напр. если кто ищетъ на другомъ пожеги двора, то вѣроятно доводчикъ ѣхалъ на слѣдствіе въ то мѣсто гдѣ сожженый дворъ стоялъ, и это называлось поѣхать «на правду». Если эти доказательства говорили въ пользу истца, то судья досудивъ (отвѣтчика) до виноватаго приказывалъ на немъ истцово доправити, а себѣ бралъ пошлину, либо по расчету съ каждаго рубля извѣстную долю денегъ, либо «противень вполы истцова иску», то есть, пошлину равную половинѣ того, чего искалъ истецъ на отвѣтчикѣ. Если же доказательства не говорили въ пользу истца, то отвѣтчикъ могъ доказывать несправедливость истцова иска,

Digitized by Google

и если доказывалъ, то не платилъ никакой пошлины, а только истецъ платилъ извѣстную пошлину съ каждаго рубля по расчету. Если истецъ искалъ и доказывалъ что либо, но не могъ доискаться своего иска, а отвѣтчикъ тоже не могъ доказать его несправедливости, то судебная пошлина взималась съ истца и съ отвѣтчика пополамъ.

Кромѣ рѣшенія на основаніи доказательствъ, тяжбы иногда могли быть рѣшаемы только посредствомъ «поля», именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда посредствомъ доказательствъ онѣ рѣшены быть не могли. При такомъ положеніи дѣла тяжущимся сторонамъ присуживалось поле (поединокъ); однако и такія тяжбы могли прекращаться вслѣдствіе примиренія сторонъ, которое происходило или тотчасъ вслѣдъ за присужденіемъ поля, или тогда когда стороны уже стояли у поля, и имъ оставалось только побиться. На эти два момента прекращенія спора, вслѣдствіе примиренія сторонъ, въ уставныхъ грамотахъ обращено вниманіе, по случаю опредѣленія количества судебной пошлины. Если тяжущіеся помирятся «не ставъ у поля» вслѣдъ за его присужденіемъ, то платятъ судьямъ пошлину равную той, какая платится въ случаѣ примиренія вслѣдъ за вызовомъ въ судъ; если же они помирятся стоя уже у поля, то судебная пошлина увеличивается. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ на это различіе не обращается вниманія и пошлина въ обоихъ случаяхъ взимается одинаковая. Если судья досудитъ до поля, а стороны не помирятся, но побьются на полѣ (въ заемномъ дѣлѣ или въ бою или въ лаѣ), тогда судья на убитомъ велитъ истцово доправить, а для себя беретъ противень истцова, (въ одной только грамотѣ № 12 судья беретъ пошлины противень вполы истцова).

Изъ сказаннаго видно, что въ числѣ судебныхъ доказательствъ тогдашняго времени было и *поле*. Оно впослѣдствіи замѣнено присягою.

Digitized by Google

Таковъ былъ порядокъ судопроизводства, самый простой, употребляемый въ судѣ обыкновенномъ, по тяжбамъ гражданскимъ. Кромѣ того существовали еще и другіе суды: Смѣстный и Велико-Княжескій.

Всякій споръ, возникшій между волостными людьми и городскими или становыми, которые были подсудны разнымъ намѣстникамъ или волостелямъ, рѣшался посредствомъ *смѣстнаго* суда. Послѣдствія рѣшенія этого суда были тѣ, что каждый виновный подлежалъ въ винѣ и въ продажѣ своему намѣстнику или волостелю.

На *Велико-Княжескій* судъ поступали всѣ дѣла по жалобамъ на намѣстниковъ и на ихъ служилыхъ лицъ; кромѣ того, многія другія частныя жалобы, которыя однакожъ въ нашихъ грамотахъ не обозначены. О Велико-Княжескомъ судѣ и судопроизводствѣ очень мало сказано въ уставныхъ грамотахъ. Самое замѣчательное постановленіе о немъ относится къ призванію передъ судъ В. Князя, а именно установленіе постоянныхъ для того сроковъ. Для каждой волости отдѣльно, въ данной ей уставной грамотѣ, означенъ одинъ или два срока въ году, когда отвѣтчики должны являться въ Велико-Княжескій судъ къ отвѣту. Въ этотъ срокъ приставъ ѣздилъ по нихъ и давалъ ихъ на поруки. Касательно постоянныхъ сроковъ, сказано также, что если истецъ вызоветъ въ судъ отвѣтчика, посредствомъ Велико-Княжескаго пристава, не на опредѣленный для отвѣтчика срокъ, то послѣдній можетъ не явиться въ судѣ; а еслибъ истецъ, вслѣдствіе неявки отвѣтчика, получилъ отъ Великаго Князя грамоту правую безсудную, а эта грамота дана была не по отвѣтчикову сроку, то она остается безъ дѣйствія.

Судебныя издержки очень разнообразны. Самыя главныя, упоминаемыя въ уставныхъ грамотахъ, суть слѣдующія: доводчику хоженого въ городѣ полагается обыкновенно деньга,

Digitized by Google

а на правду вдвое, за ѣздъ же полагается на версту по деньгѣ, (въ другихъ на двѣ версты деньга), а на правду вдвое. Отъ поруки, доводчикъ и приставъ, вообще не должны брать ничего. Въ Двинской уставной грамотѣ къ судебнымъ издержкамъ принадлежитъ также плата отъ печати, даваемая намѣстнику, и отъ письма дьяку.

Особенный родъ подсудности указанъ въ Двинской грамотѣ. Двинскіе гости, по ихъ уставной грамотѣ, не были подсудны намѣстникамъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ прибывали, а только въ тяжбахъ ихъ съ тамошними жителями судилъ ихъ и чинилъ имъ исправу Двинскій намѣстникъ.

VIII. Въ числѣ уголовныхъ преступленій, Уставныя грамоты называютъ душегубство, пожегъ, разбой, татьбу и ябедничество. Болѣе всѣхъ другихъ преступленій представляетъ сомнительнаго понятіе о татьбѣ и о украденныхъ вещахъ (поличномъ).

По опредѣленію, которое находимъ въ грамотахъ, «поличное то, что вымутъ изъ клѣти, изъ за замка; а найдутъ что въ дворѣ или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное.» И такъ, поличнымъ почитать нельзя только такой вещи, которая найдена въ дворѣ или въ пустой хороминѣ, и не за замкомъ; стало быть вещь находящаяся въ жиломъ дворѣ или хороминѣ, хотябы и не запертая и присвоенная другимъ лицемъ, была поличнымъ; поличнымъ была также вещь вынутая изъ клѣти, изъ за замка. Въ этомъ опредѣленіи поличнаго, видна цѣль законодателя ограничить какъ можно болѣе понятіе о находкѣ, и расширить понятіе о поличномъ. Въ духѣ этого опредѣленія, мы разумѣемъ подъ находкой только такую вещь, которая, своимъ положеніемъ во время ея открытія и пріобрѣтенія другимъ лицемъ свидѣтельствуетъ, что прежній ея хозяинъ отрекся отъ своихъ на нее правъ. Поличнымъ же, какъ мы видимъ изъ Русской

Digitized by Google

Правды, могли быть не только неодушевленныя, но и одушевленныя вещи; въ числѣ послѣднихъ былъ и рабъ. Изъ всѣхъ частныхъ случаевъ выводится слѣдующее общее опредѣленіе поличнаго: поличнымъ почитается всякая вещь, присвоенная другимъ лицемъ, которая въ минуту присвоенія не была отчуждена какимъ бы то ни было образомъ прежнимъ ея хозяиномъ; а всякое присвоеніе чужой неотчужденной собственности, безъ вѣдома ея хозяина, считалось татьбою; если же вещь присвоивалась съ вѣдома хозяина, съ помощью силы, вслѣдствіе борьбы съ нимъ, то такое присвоеніе почиталось разбоемъ. Такимъ образомъ поличное могло быть татебное и разбойное.

Всѣ преступленія уголовныя, наравнѣ съ гражданскими тяжбами, подлежатъ одному и тому же суду. Изъятіе, представляетъ одно только душегубство. Если оно случится въ волости, подсудной волостелю, то волостель душегубства не судитъ, а судитъ намѣстникъ той земли, въ которой волость находится, и то только въ такомъ случаѣ, если душегубство будетъ доведено; когда же оно не будетъ доведено, а дѣло рѣшится посредствомъ поля, то подлежитъ суду волостеля. Впрочемъ такое изъятіе душегубства изъ подсудности волостеля, и предоставленіе его суду намѣстника, было лишь распространеніемъ намѣстничей судебной власти по дѣламъ душегубства и на волости, потому что, какъ сказано, намѣстничій судъ былъ одинъ и для гражданскихъ и для уголовныхъ дѣлъ.

Судопроизводство по дѣламъ уголовнымъ было почти такое же какъ и по гражданскимъ. Были доказательства при помощи которыхъ преступленіе считалось доведеннымъ. Это показываютъ слѣдующія слова: «а доведутъ на кого татьбу или разбой, или душегубство.» Если нельзя было довести преступленія, а дѣло началось вслѣдствіе жалобы обиженной стороны, то присуждалось поле. Когда преступленіе было до-

Digitized by Google

ведено, то судья приказывалъ доправить истцово на виноватомъ, а преступникъ оставался судьѣ въ продажѣ и въ казни; когда же въ уголовной тяжбѣ стороны побились на полѣ, то судья точно также приказывалъ доправить истцово на убитомъ, а самъ убитой оставался судьѣ въ продажѣ и въ казни. По этому постановленію объ уголовныхъ тяжбахъ, рѣшаемыхъ посредствомъ поля, мы заключаемъ слѣдующее: если истецъ искалъ на комъ либо уголовнаго преступленія, котораго никакимъ образомъ не могъ ему доказать, а побившись на полѣ, самъ былъ убитъ отвѣтчикомъ, то подвергался тому же самому наказанію, какому подвергся бы отвѣтчикъ, еслибъ преступленіе было доказано. Это уравненіе въ отвѣтственности обоихъ тяжущихся сторонъ по дѣламъ уголовнымъ воздерживало отъ вчинанія несправедливыхъ уголовныхъ исковъ.

Къ особенностямъ судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ можно причислить *свода*, который былъ дозволенъ по татебнымъ дѣламъ. Если кто нибудь опозналъ у другого украденную у него вещь, то онъ долженъ былъ, поймавъ вора, выдать его надлежащему судьѣ (иначе совершилъ бы самосудъ); но тотъ, у кого опознана украденная (татебная) вещь, долженъ былъ показать того, отъ кого онъ пріобрѣлъ эту вещь, и это называлось «сводомъ.» Послѣдствіемъ свода было то, что указавшій на другого, у кого купилъ украденную вещь, не платилъ ни судьямъ ни истцу никакой пени, а опознавшій свою вещь отбиралъ ее отъ того, у кого она опознана. Такихъ сводовъ могло быть до 10, и до чеклого татя.

Въ Русской Правдѣ, касательно свода или извода, находимъ слѣдующія правила: 1) Въ одномъ городѣ истецъ, посредствомъ свода, долженъ былъ доискиваться настоящаго вора, именно до того, кто уже не въ состояніи будетъ показать ни на кого другого. Но если сыскъ (изъ городскихъ) пойдетъ на уѣздныхъ жителей, то истецъ беретъ за

Digitized by Google

украденное деньги съ третьяго отвѣтчика, а этому отвѣтчику предоставляется право идти съ поличнымъ далѣе, пока наконецъ не отыщетъ истиннаго вора, который долженъ ему заплатить всю пеню [1]). 2) Изъ города въ чужую область сводъ былъ воспрещенъ; въ такомъ случаѣ отвѣтчикъ долженъ былъ представить свидѣтелей или сборщика пошлинъ, въ присутствіи которыхъ купилъ опознанную у него вещь. Если свидѣтели подтвердятъ истину его словъ, то истецъ беретъ самую вещь, но не имѣетъ права требовать прочаго что пропало вмѣстѣ съ нею; равнымъ образомъ и покупщикъ невозвратно лишается денегъ, заплаченныхъ имъ за взятую у него вещь [2]).

Сообразивъ все сказанное о сводѣ въ уставныхъ грамотахъ и въ Русской Правдѣ, мы можемъ составить себѣ о немъ слѣдующее понятіе: Сводъ есть одно изъ средствъ освобожденія себя отъ отвѣтственности за кражу. Сводъ ограниченъ одною областью, одною волостью; изъ области въ область, изъ волости въ волость онъ не переходилъ (кромѣ однако свода объ украденномъ рабѣ). Сводъ не лишалъ истца права возвращенія украденной вещи; напротивъ, онъ доставлялъ ему средство отыскать настоящаго вора, съ котораго могъ получить пеню не только за одну опознанную вещь, но и за всѣ вмѣстѣ съ нею украденныя вещи; если сводъ не могъ довести до истиннаго вора, то все таки истецъ возвращалъ себѣ опознанную вещь отъ послѣдняго отвѣтчика. Выраженіе «хотя и до десяти сводовъ,» не показываетъ, по нашему мнѣнію, ограниченія числа сводовъ; напротивъ, предполагая, что болѣе десяти сводовъ и быть не можетъ, оно означаетъ возможность неограниченнаго ихъ числа.

Въ Двинской грамотѣ, въ опредѣленіи наказанія татей,

---

[1]) Древнее Рус. Право Эверса, въ переводѣ Платонова, 1835 г. стр. 380.

[2]) Тамъ же стр. 383.

Digitized by Google

видимъ уже сознаніе той истины, что повтореніе того же самаго преступленія увеличиваетъ вину преступника. Воръ который въ первый разъ подвергался продажѣ равной по цѣнѣ поличному (украденной вещи), во второй доведенной татьбѣ подвергался уже продажѣ болѣе строгой («не жалуя»), а въ третій разъ смертной казни, посредствомъ повѣшенія [1]). (Должно замѣтить, что Двинская уставная грамота, хотя и первая, но по выраженнымъ въ ней юридическимъ началамъ гораздо выше слѣдующихъ за нею грамотъ). Въ этой же грамотѣ заслуживаетъ вниманія упоминовеніе о клейменіи татей, которое разсматривается какъ мѣра полицейская.

Что касается уголовнаго права, то мы видимъ, что въ періодъ уставныхъ грамотъ разсматриваемаго нами раздѣла, образовалось уже понятіе о лихихъ людяхъ. Это такіе люди, о которыхъ было извѣстно, что они занимаются преступленіями въ видѣ ремесла. По уставной грамотѣ № 5, татей, разбойниковъ и ябедниковъ, которые будутъ вѣдомыми лихими людьми, дозволено судьѣ (ловчему) казнить смертною казнью (родъ смерти не опредѣленъ), а изъ имущества которое останется послѣ ихъ смерти заплатить истцово, но если изъ имущества лихаго человѣка, истцовъ по ихъ искамъ удовлетворить нельзя, то ловчій не долженъ выдавать его головою истцамъ, а казнитъ его.

IX. Притѣсненіямъ жителей низшаго сословія не было границъ. Кормы, поборы, подати, налоги всякого рода, денежныя взысканія за гражданскія и уголовныя преступленія,

---

[1]) Едва ли справедливо видѣть здѣсь намекъ на то начало, что повтореніе преступленія увеличиваетъ вину. Намъ кажется, что здѣсь выражается мысль, что преступникъ, совершившій нѣсколько разъ частное преступленіе тѣмъ самымъ дѣлается уже преступникомъ противъ всего общества, вреднымъ его членомъ, котораго нельзя болѣе терпѣть. Это, если можно такъ выразиться, перегибъ частнаго элемента уголовныхъ преступленій въ общественный. Позднѣе онъ точно такимъ же образомъ совершился и въ Московскомъ Государствѣ, гдѣ для *лихихъ людей* впервые создалась особенная форма уголовнаго процесса. К.

Digitized by Google

пошлины судебныя, продажи и виры, неисчерпывали еще всѣхъ ихъ видовъ; кромѣ нихъ были и другія; крестьянинъ и вообще всякій тяглой человѣкъ не могъ даже отправить братчины либо пира спокойно, потому что кромѣ созванныхъ имъ гостей, приходили незванные служилые люди и пошлинники. Можно себѣ представить какъ пріятно было ихъ присутствіе въ пиру или въ братчинѣ. Запрещеніе служилымъ людямъ приходить незваннымъ на пиръ и на братчину было первымъ шагомъ къ огражденію тяглыхъ людей. Мы встрѣчаемъ его въ уставныхъ грамотахъ, гдѣ сказано: если кто пріѣдетъ къ нимъ (къ тяглымъ людямъ) на пиръ и на братчину незванъ, то они въ правѣ выгнать его вонъ, а если не уйдетъ, но станетъ пить сильно, и вслѣдствіе того случится какой убытокъ тяглому человѣку, то незванный гость долженъ этотъ убытокъ заплатить вдвое, безъ суда и безъ исправы; по нѣкоторымъ грамотамъ, кромѣ двойнаго вознагражденія, такой незванный гость оставался въ казни Великому Князю. Для того, чтобы въ этомъ отношеніи вполнѣ прекратить злоупотребленія служилыхъ людей, постановлено еще, что еслибъ тіунъ или доводчикъ позванъ былъ на пиръ или на братчину, то ему запрещается ночевать тамъ гдѣ пилъ, иными словами: гдѣ ночевалъ (служилый человѣкъ) тамъ онъ не долженъ обѣдать, а гдѣ обѣдалъ, тамъ запрещается ему ночевать.

Запрещеніе проѣзжающимъ лицамъ (высшаго сословія) требовать безплатно кормовъ, подводъ и проводниковъ у лицъ нисшаго сословія (мѣщанъ и крестьянъ), было другимъ важнымъ шагомъ для огражденія нисшихъ классовъ народа. Обязанность лежавшая на крестьянинѣ кормить, давать подводу и проводника пріѣзжему боярину или другому знатному человѣку, была самою тягостною обязанностью; уничтоженіе ея послѣдовало въ уставныхъ грамотахъ, по которымъ всякой проѣзжающій, если принужденъ будетъ остановиться у крестья-

Digitized by Google

нина или взять у него подводу, долженъ за то заплатить по обыкновенной цѣнѣ и не имѣетъ права требовать даромъ какъ своего такъ и конскаго корма или подводы.

Скоморохи и прошатаи принадлежали также къ числу лицъ, обѣднявшихъ народъ. Подъ словомъ *скоморохи*, должно разумѣть шутовъ и комедіянтовъ, которые забавляли народъ своими играми. Въ уставныхъ грамотахъ позволено имъ играть, но только тогда, когда жители этого захотятъ, насильная же, не съ воли жителей игра воспрещалась. О *прошатаяхъ* также сказано въ этихъ грамотахъ. Отвѣта на вопросъ, что такое прошатай, нѣтъ въ тѣхъ грамотахъ; только запрещено имъ ходить и просить (подаянія) въ селахъ и деревняхъ. Прошатаи повидимому не были нищіе, а такіе люди, которые изъ давнихъ временъ, по какимъ либо причинамъ, присвоили себѣ право приходить въ волость и выпрашивать у крестьянъ подаяніе. Въ другихъ странахъ монахи присвоивали себѣ такое право ѣздить по праздникамъ къ землевладѣльцамъ и выпрашивать у нихъ пожертвованія на монастыри.

X. Въ числѣ разныхъ постановленій приведенныхъ нами, находимъ и постановленія о торговлѣ и промышленности. Мы не будемъ объяснять ихъ, потому что для уразумѣнія ихъ и для составленія точнаго, отчетливаго понятія о русской торговлѣ и промышленности того времени необходима спеціальная разработка грамотъ, основанная на сличеніи ихъ со многими другими памятниками, а такой трудъ выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.

XI. Уже въ это время весь государственный организмъ основывался на единодержавіи. Одному лицу, облеченному званіемъ Великаго Князя, принадлежало право верховной власти. Великій Князь издавалъ законы, управлялъ, судилъ въ подвластныхъ ему земляхъ. Намѣстникъ былъ органомъ Велико-Княжеской власти по суду и управленію. Онъ въ пору-

Digitized by Google

ченной ему землѣ долженъ былъ такъ управлять и судить, какъ приказалъ ему Великій Князь, а если не исполнялъ Велико-Княжеской воли, то подвергался его суду и наказанію. Потому мы и встрѣчаемъ слѣдующее утвержденіе выше изложенныхъ грамотъ: «а черезъ сю мою грамоту кто что на нихъ возметъ или чѣмъ ихъ изобидитъ (или не учнетъ ходити по сей по нашей грамотѣ № 1) и тому быти отъ меня отъ Великаго Князя въ казни.» Подъ словомъ «кто» надобно понимать всѣ органы Велико-Княжеской власти, которымъ по изданной грамотѣ ходить (т. е. исполнять) приказано. Такъ мы видимъ, что эти грамоты на столько были исполняемы, на сколько того требовалъ Великій Князь. Чѣмъ болѣе Великій Князь взыскивалъ съ своихъ органовъ за неисполненіе его воли, тѣмъ точнѣе исполнялись грамоты.

Въ какой мѣрѣ намѣстники и ихъ служилые люди отступали отъ правилъ предписанныхъ въ грамотахъ, въ какой мѣрѣ означенныя правила оставались безъ дѣйствія,—это покажутъ намъ результаты намѣстническаго управленія и суда, о которыхъ говорится въ началѣ уставныхъ грамотъ III-го раздѣла.

Digitized by Google

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГУБНЫЯ ГРАМОТЫ И НАКАЗЫ.

№ 1. Губная Бѣлозерская грамота, 1539 года, Октября 23-го (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 187), и

№ 2. Губная Каргопольская грамота, 1539 года, Октября 23-го (См. Доп. къ Ак. Ист. т. I. № 31).

«Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи, въ Бѣлозерской уѣздъ (Каргопольской уѣздъ), княземъ и дѣтемъ боярскимъ, отчинникомъ и помѣсчикомъ, и всѣмъ служилымъ людемъ, и старостамъ, сотцкимъ, и десятцкимъ, и всѣмъ крестьяномъ моимъ Великого Князя, и митрополичимъ, и владычнымъ, княжимъ, и боярскимъ, и помѣсчиковымъ, и монастырскимъ, и чернымъ, и псаремъ, и осочникомъ, и перевѣстникомъ, и бортникомъ, и рыболовемъ, и бобровникомъ, и оброчникомъ и всѣмъ безомѣны, чей кто нибуди.»

№ 3. Губная Соль-Галицкая грамота, 1540 года, Августа 31-го (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 192).

«Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, къ Соли Галицкой на посадъ, сотскимъ и старостамъ и десятскимъ и всѣмъ городскимъ людемъ и слобожаномъ, моимъ Великого Князя дворцовыхъ слободокъ и монастырьскихъ слободокъ и всѣхъ слободокъ городскимъ людемъ, которые живутъ у Соли въ городѣ и на посадѣ.»

Digitized by Google

№ 4. Двѣ губныя грамоты селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергіева монастыря, въ Тверскомъ, Новоторжскомъ, Старицкомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ, 1541 года, Октября 23-го и Ноября 25-го (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 194).

I. «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, во Тверской Уѣздъ Живоначалныя Троицы Сергіева монастыря въ село на Мѣдну съ деревнями, да въ Новоторжской уѣздъ въ село Кумганово, да въ Старицкой уѣздъ въ село Станишно съ деревнями, прикащикомъ и сотскимъ и десятскимъ и всѣмъ крестьяномъ тѣхъ селъ.»

II. «Отъ Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи, въ Бѣжецкой Верхъ, въ Городецкой станъ, въ Живоначалныя Троицы Сергіева монастыря села, въ село въ Присѣки съ деревнями, да въ селцо въ Сукромное, да въ селцо въ Люботицы, да въ селцо во Княже, да въ селцо въ Роготино съ деревнями, да въ Бѣжецкой же уѣздъ въ Заборовье, въ селцо въ Матѳейцово съ деревнями, и всѣмъ крестьяномъ тѣхъ селъ, селчаномъ и деревеньщикомъ, и починковъ.»

№ 5. Приговорная грамота Троицко-Сергіевскаго монастырскаго собора, 1555 года, Октября 31-го (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 244).

«Милости ради Святыя Живоначалныя Троицы и Пречистыя Богородицы и великихъ Чюдотворцовъ Сергія и Никона, се язъ Троицкой Сергіева монастыря игуменъ N. поговоря съ келаремъ съ N. и съ соборными старцы, по соборному уложенью благочестиваго Царя и Государя Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи и пресвященнаго Макарія Митрополита всея Русіи, приказали есмя своимъ крестьяномъ Присѣщикомъ N. N. и всей волости.»

№ 6. Губный наказъ селамъ Кириллова монастыря, 1549 года, Сентября 27-го (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 224).

«Лѣта 7058 Сентября въ 27 день, Царь и Великій Князь

Digitized by Google

Иванъ Васильевичь всея Русіи пожаловалъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Кирилова монастыря села, село Романовское, село Товское, село Рукинское, село Колкачь да селцо Вашкей, старостъ и сотскихъ и десятскихъ и всѣхъ крестьянъ Кириловскаго монастыря селъ.»

№ 7. Царскій наказъ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ, 1571 года Марта 12-го (см. Ак. Ар. Экс. т. I. № 281).

«Лѣта 7079 Марта въ 12 день, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Русіи пожаловалъ есми Бѣлозерцовъ посадскихъ людей, и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ станѣхъ и въ волостѣхъ князей и дѣтей боярскихъ и всѣхъ служивыхъ людей, и старостъ и соцкихъ и пятидесяцкихъ и десяцкихъ и всѣхъ крестьянъ своихъ Царя и Великого Князя дворцовыхъ селъ, и митрополичихъ, и владычныхъ, и княжныхъ, и боярскихъ, и монастырскихъ, и бортниковъ, и перевѣстниковъ, и рыболовей и всѣхъ безомѣны, чей кто нибуди.»

№ 8. I. Губная грамота Троицкому Сергіеву Монастырю, 1586 года (см. Ак. Ар. Экс. т. I. № 330). «Се язъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всея Русіи пожаловалъ есми Живоначалныя Троицы Сергіева монастыря богомолца своего архимарита Митрофана съ братьею, или кто по немъ въ томъ монастырѣ иный архимаритъ будетъ.»

II. Монастырской наказъ, опредѣленному туда губному старостѣ Измирѣ Амосову, 1586 года (см. Ак. Ар. Экс. т. I. № 330).

I. О лицахъ, назначенныхъ для преслѣдованія лихихъ людей, и отправленія суда надъ ними.

«Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ (Бѣлозерцы) свѣстясь всѣ за одинъ, учинили собѣ въ тѣхъ своихъ волостяхъ въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости че-

Digitized by Google

ловѣка три или четыри, которые бы грамотѣ умѣли, и которые пригожи, да съ ними старостъ и десятцкихъ и лутчихъ людей крестьянъ человѣкъ пять или шесть.»

«А которыхъ дѣтей боярскихъ и старостъ и десяцкихъ и лутчихъ людей учините въ головахъ, въ которой волости нибуди, и вы бъ объ томъ отписывали часа того на Москву, къ нашему боярину (князю такому то) съ товарищи.» № 1, 2.

«Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ часа того, учинили промежъ себя у десяти дворовъ десятскаго, а у пятидесяти дворовъ пятидесятскаго, а у ста дворовъ сотскаго, во всѣхъ дворѣхъ чьи нибуди на посадѣ.» № 3, 4 — I.

«И вы бъ межъ собя, свѣстяся всѣ за одно, учинили собѣ приказщика въ головахъ, въ своихъ селѣхъ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ, выбравъ старостъ и сотскихъ и десятскихъ лутчихъ людей, которые бы были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи, да съ прикащики тѣхъ людей къ цѣлованью привели. А которыхъ приказщиковъ, и старостъ, и сотскихъ, и десятскихъ, и лутчихъ людей, учините въ своихъ селѣхъ и въ деревняхъ у собя въ головахъ, въ которомъ селѣ нибуди, и вы бъ о томъ отписали часа того, къ намъ на Москву, къ нашимъ бояромъ (такимъ то) съ товарыщи.» № 4—II.

«И язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь Кириловскаго монастыря села (такіе то) по ихъ челобитью пожаловалъ, велѣлъ есми у нихъ быти въ розбойныхъ дѣлѣхъ, въ губныхъ старостахъ, въ выборныхъ головахъ, дѣтемъ боярскимъ (такимъ то 3 человѣкъ) да съ ними цѣловальникомъ, тѣхъ же селъ крестьяномъ (такимъ то 6-ти человѣкъ) съ товарищи.» № 6.

«Велѣлъ у нихъ быти на Бѣлѣозерѣ и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ станѣхъ и въ волостяхъ, у разбойныхъ и у татиныхъ дѣлъ старостамъ (такимъ то 2-мъ человѣкъ) да съ ними губнымъ цѣловалникомъ и дьякомъ.» № 7.

«Велѣлъ имъ въ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ (исчисленіе

Digitized by Google

селъ и деревень) крестьяномъ выбрать у себя приказщиковъ, и старостъ и цѣловалниковъ, и сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ; да имъ же учинити въ тѣхъ селѣхъ у себя приказщиковъ , губныхъ цѣловалниковъ и дьячковъ.» № 8—I.

«Быти въ губныхъ старостахъ Троицкому служкѣ (такому то) а съ нимъ Троицкихъ вотчинъ губнымъ цѣловалникомъ, а для писма губнымъ дьячкомъ.» № 8—II.

«А какъ приказщиковъ и губныхъ цѣловалниковъ и дьячковъ учинятъ и тѣмъ приказщикомъ и цѣловалникомъ въ своихъ монастырскихъ селѣхъ и въ деревняхъ, лихихъ людей, татей и розбойниковъ, сыскивати и имати и съ истцы судити, да истцемъ въ ихъ искѣхъ управу, а татемъ и розбойникомъ и оговорнымъ людемъ указъ учинити, по наказу.» № 8—I.

II. Постановленія о розысканіи, поимкѣ, и выдачѣ надлежащей власти лихихъ людей.

А) *Постановленія общія.*

«А сотскимъ въ своихъ сотныхъ, у собя лихихъ людей, татей и розбойниковъ, въ волости не таити въ своихъ сотныхъ; а у которого сотского, въ его сотной, явится тать или розбойникъ, и тому сотскому, того татя или розбойника сказати Присѣцкому поселскому да старостамъ, да того татя или розбойника поимавъ отвести къ губнымъ старостамъ.» № 5.

«И того приказщикомъ, и старостамъ, и цѣловалникомъ, и сотскимъ, и пятидесятскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ крестьяномъ межъ собя самимъ сыскивати и беречи накрѣпко, чтобы всякіе люди лихіе не жили никто ни у кого и не пріѣзжали бы ни къ кому, да и пріѣзжіе и прохожіе люди безъявочно не жили ни у кого жъ.» № 8—I.

Digitized by Google

«А сами бы есте межъ себя иззаповѣдовали во всемъ посадѣ у Соли и берегли того накрѣпко, чтобъ розбойники къ Соли Галицкой не пріѣзжали ни къ какому человѣку.» № 3, 4—I, 8—I.

«Да въ которые дворы какіе люди съ чѣмъ нибуди пріѣдутъ торговать соли, или проѣзжіе люди, и вы бъ тѣхъ людей являли межъ себя десятскимъ, а десятскіе бы являли пятидесятскимъ, а пятидесятскіе про тѣхъ людей являли бы сотскимъ; а сотскіе бы тѣхъ людей съ пятидесятскими и десятскими осматривали и записывали, какіе люди въ какомъ дворѣ ставятся.»

«А которые люди проѣзжіе, и необычные, и незнаемые, въ которыхъ дворѣхъ на посадѣ у Соли станутъ, а станутъ сказыватися неимянно и непутно, и вы бъ тѣхъ людей имали, да приводили къ приказщикомъ городовымъ, да про тѣхъ бы есте людей съ приказщики съ городовыми обыскивали вправду, безъ хитрости, по нашему крестному цѣлованью, какіе они люди: а обыщете что они люди добрые, и вы бъ тѣхъ людей имена написавъ на списокъ, да ихъ отпущали не издерживая.» № 3, 4—I [1]).

Примѣчаніе.

[1]) «Которые люди торговые или дѣти боярскіе проѣзжіе учнутъ у васъ ставитися ночевати, или въ которыхъ селѣхъ торговати, и вы бъ межъ себя тѣхъ людей являли десятскимъ.....»

B) *Постановленія особенныя.*

«Гдѣ розобьютъ розбойники село или деревню или кого на дорозѣ розобьютъ, а съ розбоевъ тѣ розбойники куды нибуди поѣдутъ, и въ Новгородцкую землю, а вамъ про тотъ розбой вѣсть учинится, и вы бъ межи собя свѣстяся всѣ заодинъ за тѣми розбойники ѣздили, да гдѣ нибуди тѣхъ розбойниковъ изъѣдете и вы бъ тѣхъ разбойниковъ имали безпенно.» № 1, 2, 4—II, 6.

Digitized by Google

«А который розбойникъ скажетъ своихъ товарищевъ розбойниковъ же въ иныхъ городахъ, и вы бъ о тѣхъ розбойникѣхъ писали грамоты въ тѣ городы къ дѣтемъ боярскимъ, которые дѣти боярскіе въ тѣхъ городѣхъ и волостяхъ, учинены у того дѣла въ головахъ, и гдѣ которой розбойникъ живетъ; въ грамотѣ бы естя писали, чтобы тѣхъ розбойниковъ въ тѣхъ городѣхъ межи собя по тому жъ имали, да обыскавъ ихъ и доведчи, казнили по нашимъ грамотамъ; а обсылалися бы есть о тѣхъ дѣлѣхъ межи себя не измѣшкая.» № 1, 2, 4 — II.

«А взговорятъ языки на кого въ иные губы, въ розбоѣ или въ татбѣ, и старостамъ же и цѣловалникомъ съ губными грамотами посылать цѣловалниковъ, чтобъ про тѣхъ людей, на которыхъ языки говорятъ, обыскати, да тѣхъ людей обыску своего списокъ прислати къ нимъ; а какъ къ нимъ тѣхъ людей пришлютъ, и старостамъ тѣхъ людей ставити съ языки съ очей на очи и управа имъ чинити по обыску и по языку и по сему жъ наказному списку.»

«А которыхъ цѣловалниковъ и старостъ съ грамотами къ старостамъ о оговорныхъ людей пошлютъ, и цѣловалникомъ велѣти съ собою имати сторонныхъ людей, человѣкъ трехъ или четырехъ, да при тѣхъ людехъ старостамъ отдавати грамоты.»

«А не пришлютъ изъ иныхъ губъ старосты оговорныхъ людей по грамотамъ, и тѣмъ старостамъ, у которыхъ языки говорили отписывать къ бояромъ въ Розбойную Избу, котораго цѣловалника именемъ посылали, и передъ которыми людми грамоту отдалъ.» № 7 [1]), 8 — II.

Примѣчаніе.

[1]) Словъ: «передъ которыми людми грамоту отдалъ» — нѣтъ.

Digitized by Google

III. Общій порядокъ судопроизводства по дѣламъ о лихихъ людяхъ.

А) *Въ судѣ надъ разбойниками.*

«Да промежъ бы есте собя въ станѣхъ и въ волостяхъ, лихихъ людей розбойниковъ сами обыскивали, по нашему крестному цѣлованью, вправду безъ хитрости: да гдѣ которыхъ розбойниковъ обыщете, или кто у собя розбойниковъ держитъ, или къ кому розбойники пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь привозятъ, и вы бъ тѣхъ розбойниковъ вѣдомыхъ межъ собя имали да обыскивали ихъ, и доведчи на нихъ и пытали накрѣпко, и допытався у нихъ, что они розбиваютъ, да тѣхъ бы есте розбойниковъ, бивъ кнутьемъ, да казнили смертью; то есми положилъ на душахъ вашихъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ, и отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостелей въ томъ продажи вамъ нѣту.» № 1, 2, 3 [1]), 4—I [2]), 4—II, 6 [3]), 8—I [4]).

«А которые люди (пріѣзжіе) будутъ лихіе, розбойники, и вамъ тѣхъ людей обыскавъ, и доведчи на нихъ, да ихъ съ приказщики городовыми пытати накрѣпко; а у пытки бы стоялъ дворской да цѣловалники и лутчіе люди: а скажутъ тѣ люди, что они розбиваютъ, и тѣ бъ у васъ рѣчи писалъ дьякъ земской, а вы бъ къ тѣмъ рѣчамъ руки свои прикладывали, которой розбойникъ въ каковѣ дѣлѣ скажется, да тѣхъ бы есте розбойниковъ вѣдомыхъ у Соли бивъ кнутьемъ, по всѣмъ торгамъ, да ихъ бы есте казнили смертію, то есми положилъ на вашихъ душахъ.» № 3, 4—I [5]).

«А впередъ въ вашихъ волостяхъ гдѣ розобьютъ розбойники село, или деревню, или кого на дорозѣ, а на которыхъ людей на своихъ товарыщевъ, учнутъ которые розбойники пытаны говорити, что съ ними розбивали, или къ кому пріѣзжали, а тѣ будутъ люди живутъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ,

Digitized by Google

и вы бъ тѣхъ розбойниковъ имали жъ, да обыскавъ и доведчи на нихъ и пытавъ накрѣпко, казнили смертью жъ.» № 1, 2, 4 — II, 6.

«А кого розобьютъ розбойники у Соли на посадѣ или на вспольѣ, подъ посадомъ, и вы бъ межъ себя обыскивали про тотъ розбой сами всѣмъ посадомъ Усолскимъ, и доискався лихихъ людей, и обыскавъ, и доведчи на нихъ, и пытавъ ихъ, казнили смертью жъ.» № 1, 2, 3, 4 - I [6])—II, 6 [7]), 8—I.

«А которыхъ розбойниковъ вѣдомыхъ поимаете и обыскавъ ихъ казните, и тѣхъ бы розбойниковъ подворья, животы и статки, отдавали бы естя тѣмъ людемъ, которыхъ учините у собя въ головахъ, а они бы отдавали тѣмъ людемъ, которыхъ тѣ розбойники розбивали, въ ихъ иски; а сколко у котораго розбойника животовъ возмете и роздадите исцемъ, и вы бъ то собѣ все писали на списки.» № 1, 2, 4—II, 6 [8]).

«А розбойничьи подворья, животы и статки, отдавали бы есте исцомъ, тѣмъ людемъ, которыхъ людей у Соли на посадѣ розбойники розобьютъ.» № 3, 4—I.

«А что будетъ у исцовыхъ исковъ останется розбойничьихъ животовъ, и вы бъ то все, переписавъ на списокъ, да клали гдѣ будетъ пригоже, да о томъ бы естя отписывали на Москву къ нашимъ бояромъ, которымъ розбойные дѣла приказаны.» № 1, 2, 4—II, 6.

«А что розбойничьихъ животовъ у исцовыхъ исковъ останется, и вы бъ то продавали у Соли, по цѣнѣ; да тѣ бъ есте денги держали у себя. А сколко котораго розбойника животовъ и статковъ возмете и роздадите исцомъ, или что розбойничья живота продадите, и сколько на чемъ денегъ возмете, и то бъ у васъ все писалъ на списокъ дьякъ земской, а которые у васъ умѣютъ грамотѣ и вы бъ къ тому списку руки свои прикладывали, да тотъ бы есте списокъ прислали

Digitized by Google

на Москву; къ нашимъ бояромъ, которымъ розбойные дѣла приказаны.»

«А сами бъ есте городскіе люди розбойничьихъ животовъ себѣ не имали и не корыстовались никоторыми дѣлы.» № 3, 4—I.

«А которыхъ розбойниковъ гдѣ поимаете и доведчи на нихъ да ихъ казните, и которыхъ людей тѣхъ розбойниковъ поимаютъ, и въ которыхъ на нихъ дѣлѣхъ доведутъ, и вы бъ то все велѣли собѣ писати на списокъ подлинно, и сами бы естя, которые у васъ умѣютъ грамотѣ, къ тому списку руки свои прикладывали.» № 1, 2, 4—II.

«А кого у Соли казните, и то бъ у васъ записывалъ дьякъ земской, да тотъ бы есте списокъ давали прикащикомъ нашимъ Усолскимъ городовымъ, а которые у васъ городскіе люди грамотѣ умѣютъ, и тѣ бъ люди къ тому списку руки свои прикладывали.» № 3, 4—I.

«А розбойные и татиные дѣла велѣти прикащикомъ и старостамъ и цѣловалникомъ записывати передъ собою губнымъ дьячкомъ, да которые въ старостахъ и въ цѣловальникѣхъ грамотѣ умѣютъ, и тѣмъ къ татинымъ и розбойнымъ дѣломъ руки свои прикладывати.» № 8—I.

Примѣчанія.

[1], [2], [4]) Словъ: «бивъ кнутьемъ» — нѣтъ.

[3]) «Обыскивати про лихихъ людей, про розбойниковъ и про татей, князи, дѣти боярскими и всѣми служилыми людми и старостами и сотскими и десятскими и всѣми крестьяны.»

[5]) Упоминается о земскомъ дьякѣ для записыванія у пытки разбойничьихъ рѣчей.

[6]) «А кого розобьютъ розбойники въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ и вы бъ межъ себя обыскивали про тотъ розбой сами.»

[7]) Къ розбойникамъ присоединены и тати, но за то вмѣсто словъ: «казнили смертью» сказано только: «казнили.»

[8]) Въ ихъ иски: «по вытемъ.»

Digitized by Google

В) *Въ судѣ надъ татьми.*

«А съ татьми бы есте управы чинили: котораго татя поимаютъ и приведутъ къ вамъ къ старостамъ къ губнымъ, а поимаютъ его въ волости или въ которомъ селѣ, и вы бъ старосты губные того татя судили съ волостели тѣхъ волостей; а коли не будетъ въ тѣхъ волостѣхъ волостелей, и волостелиные бы тіуны судили тѣхъ татей, съ вами съ старостами съ губными. И котораго татя поимаютъ на первой татбѣ, а досудите до вины, и вы бъ на томъ татѣ доправя исцовы иски отдавали исцемъ, а въ продажѣ тотъ тать намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ; и какъ намѣстники и волостели и ихъ тіуны, на татѣ продажу свою учинятъ, и вы бъ старосты губные тѣхъ татей велѣли, бивъ кнутьемъ, да выбити ихъ изъ земли вонъ. А доведутъ на него другую татбу, и вы бъ на томъ татѣ велѣли исцевы иски доправити изъ его животовъ и статковъ, да того татя велѣли, бивъ кнутьемъ, да отсѣчь у него руку; а въ продажѣ бы того татя отдавали волостелемъ и ихъ тіуномъ, и какъ тому татю волостели и ихъ тіуны продажу свою учинятъ, и вы бъ старосты губные того татя велѣли выбити изъ земли вонъ. А поимаютъ того жъ татя съ третьею татбою съ поличнымъ, и доведутъ на него третью татбу, и будетъ тотъ тать вѣдомой лихой, и вы бъ исцевы иски дали исцемъ изъ его животовъ и статковъ; а что тѣхъ татиныхъ животовъ останется у исцовыхъ исковъ, и вы бъ досталь тѣхъ татиныхъ животовъ отдавали волостелемъ и ихъ тіуномъ за ихъ пошлину; а того бы естя татя велѣли, бивъ кнутьемъ, да казнивъ смертною казнью, повѣсити въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ котораго татя поимаютъ съ татбою.» № 6.

«А приведутъ къ губному старостѣ Измирѣ татя, а доведутъ на него одну татбу, и губному старостѣ Измирѣ того татя велѣти бити кнутьемъ, а бивъ кнутьемъ дати его на поруку; а

Digitized by Google

не будетъ поруки, ино кинути въ тюрму, до тѣхъ мѣстъ, какъ по немъ порука будетъ. А приведутъ татя и доведутъ на него двѣ татбы, и того татя бити кнутьемъ, да отсѣчи рука, да покинути. А приведутъ татя, а доведутъ на него татьбы три или четыре или свыше, и того татя казнити смертною казнью.» № 8—II.

IV. Отвѣтственность выборныхъ головъ и жителей за не исполненіе обязанностей относительно татей и разбойниковъ.

«А не учнете межъ себя розбойниковъ обыскивати, и имати, и тѣхъ людей, къ которымъ розбойники пріѣзжаютъ, или не учнете за розбойники ѣздити, и имати, и казнити, или станете розбойниковъ пущати, или кто станетъ розбойникомъ норовити, и мнѣ велѣти на васъ на всѣхъ имати иски, тѣхъ людей, которыхъ въ вашей волости розобьютъ, безъ суда вдвое; а самимъ вамъ отъ меня, быти въ казнѣ и въ продажи.» № 1, 2, 4—II, 6 [1]).

Примѣчаніе.

[1]) Къ розбойникамъ присоединены и тати.

«А впередъ которыхъ людей разбойники розобьютъ у Соли на посадѣ и въ слободкахъ, и вы всѣ не учнете межъ себя разбойниковъ обыскивати, и имати, и казнити, или которые люди у васъ на посадѣ, не учнутъ тѣхъ людей являти, которые у нихъ на подворьяхъ ставятся, и вамъ отъ меня отъ Великого Князя, быти въ продажѣ и въ казни; а тѣхъ людей иски, которыхъ разбойники розобьютъ на посадѣ или подъ посадомъ, велѣти мнѣ имати на всѣхъ на васъ, на городскихъ людехъ, и безъ суда вдвое.» № 3, 4—I.

Digitized by Google

«А не учнете монастырскіе приказщики и старосты волостные и цѣловалники въ своихъ монастырскихъ селѣхъ, татей и розбойниковъ сыскивати, а сыщутся лихіе люди мимо ихъ, и на приказщикѣхъ монастырскихъ и на волостныхъ старосталъ и на цѣловалникѣхъ истцовы иски велѣти имати безъ суда, да имъ жѣ отъ насъ быти кажненымъ.» № 8—I.

«А которые сотскіе у собя учнутъ татей или розбойниковъ таити, и обыщутъ тѣхъ лихихъ людей у котораго сотского въ его сотной иною сотною, и тѣхъ татей и розбойниковъ поимавъ отвести къ старостамъ губнымъ, а на томъ сотскомъ и на его сотной, на сто человѣкъ взяти пени десять же рублевъ, а что ся доспѣетъ волости убытка въ татѣ или въ разбойникѣ въ которой сотной, и тѣ убытки поимати на томъ же сотскомъ.» № 5.

V. Судопроизводство въ тѣсномъ смыслѣ по дѣламъ о лихихъ людяхъ и наказанія за оныя.

«Съѣхався имъ губнымъ старостамъ и цѣловалникомъ въ одно мѣсто, да велѣти имъ у собя быти на съѣздѣ изо всее губы Бѣлозерскаго уѣзда княземъ и дѣтемъ боярскимъ и ихъ приказщикомъ, и архимаритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и попомъ и дьякономъ, и Царя и Великого Князя дворцовыхъ селъ и деревень и помѣщиковымъ и вотчинниковымъ и митрополичьимъ и владычнымъ и княжимъ и боярскимъ и монастырскимъ крестьяномъ, и кречетникомъ и соколникомъ, и перевѣсникомъ, и конюхомъ, и псаремъ, и осочникомъ, и рыболовемъ и бобровникомъ, и бортникомъ и слобожаномъ, и оброчныхъ и черныхъ волостей и селъ и деревень крестьяномъ, и грамотчикомъ и всѣмъ безомѣны, чей кто нибуди, съ выти по человѣку; да какъ на съѣздъ многіе люди съѣдутся, и старостамъ обыскати князми и дѣтми боярскими и ихъ при-

Digitized by Google

казщики, и Царя и Великого Князя дворцовыхъ селъ и деревень и черныхъ деревень крестьяны, и митрополичьими и владычными и княжими и боярскими и монастырскими крестьяны, и кречетники, и соколники, и перевѣсники, и конюхи, и псари, и осочники, и риболови, и бортники, и бобровники и слобожаны, и всѣми безомѣны, чей кто нибуди, многими людми, безъ выбору, по Цареву и Великого Князя крестному цѣлованью, архимариты и игумены, и протопопы, и попы и діяконы, по священству: кто у нихъ въ губѣ, на Бѣлѣозерѣ на посадѣ и въ уѣздѣ, лихихъ людей, татей и розбойниковъ, и къ кому розбойники и тати пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь привозятъ, и отъ кого на розбой ѣздятъ, и кому розбойную рухлядь продаютъ за розбойное?» № 7.

«И губному старостѣ Измирѣ, пріѣхавъ въ Троицкую вотчину, въ села и въ деревни, велѣти у себя быти Троицкой вотчины селъ и деревень попомъ, и діякономъ и приказщикомъ и старостамъ, и цѣловалникомъ и крестьяномъ многимъ; а какъ къ нему изо всей Троицкой вотчины попы и дьяконы и приказщики и старосты и крестьяне съѣдутся, и губному старостѣ Измирѣ тѣхъ всѣхъ людей распрашивати и ими обыскивати, попы и дьяконы по священству, а приказщики и крестьяны по Государеву Цареву и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи крестному цѣлованью: кто у нихъ въ Троицкой вотчинѣ въ селѣхъ и въ деревняхъ лихихъ людей, татей и розбойниковъ, и къ кому тати и розбойники пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь привозятъ, и отъ кого на розбой ѣздятъ, и кому розбойную рухлядь продаютъ за розбойное?» № 8—II.

«А на кого имянно на лихихъ людей обыскные люди скажутъ, что они лихіе люди, тати и розбойники, или на кого въ пріѣздѣ розбойниковъ скажутъ, и губному старостѣ Измирѣ про оговорныхъ людей, обыскныхъ людей распрашивати под-

Digitized by Google

линно: что чье лихо?, кто кого розбивалъ? или кто кого кралъ?, и сколь давно, и къ кому съ розбою и на розбой ѣздили? про то про все взяти, у обыскныхъ людей, за ихъ и за отцовъ ихъ духовныхъ руками, обыски да по тѣмъ обыскомъ лихихъ людей, татей и розбойниковъ, и оговорныхъ людей имати, а животы ихъ и статки переписавъ печатати и беречи до указу.» № 8—II.

«А на которыхъ людей въ обыску скажутъ, что они лихіе люди, а исцевъ имъ нѣтъ: и старостамъ по тѣхъ людей по обыску посылати, а велѣти ихъ имати да ставити передъ собою, а животы ихъ и статки переписавъ печатати да приказати беречи до тѣхъ мѣстъ, какъ дѣло вершится; а какъ ихъ передъ старостами поставятъ, и старостамъ тѣхъ людей по обыску въ розбоѣхъ пытати.» № 7.

«И учнутъ (розбойники) на собя и на товарыщевъ говорыти, и старостамъ по тѣхъ людей по языку посылати, а велѣти ихъ ставити передъ собою съ языки, съ очей на очи, а животы ихъ печатати по тому жъ.»

«А съ очей на очи языкъ съ нихъ не сговоритъ, и старостамъ про тѣхъ людей обыскивати многими людми.» № 7, 8—II [1]).

«И назовутъ ихъ многіе люди въ обыску, что они люди добрые, и старостамъ тѣхъ людей давати на чистые поруки за обыскныхъ людей, которые ихъ одобрили; а по розбойничимъ речемъ имати на нихъ выти въ исцовы иски.» № 7, 8—II.

«По сыску и по новому приговору, въ полы исцова иску, что будетъ доведется.» № 7, 8—II [2]).

«А которые люди сами на себя въ розбоѣхъ говорили и тѣхъ казнити.» № 7, 8—II.

«Да о животѣхъ о ихъ отписати на Москву, къ бояромъ, въ Розбойную Избу.» № 7.

Digitized by Google

«А животы ихъ по цѣнѣ отдавати исцемъ въ выти; а что за исцовыми иски останется и о тѣхъ животѣхъ отписывати на Москву въ Розбойный Приказъ.» № 8—II.

«А на которыхъ людей языкъ взговоритъ въ розбоѣ на одной пытки, а съ очей на очи съ него сговоритъ, а въ обыску его назовутъ добрымъ: и старостамъ тѣхъ давати на чистыи поруки, за обыскныхъ людей, безвытно.» № 7, 8—II.

«А на которого человѣка языкъ говоритъ на двухъ пыткахъ, а съ очей на очи, или на третьей пытки, или идучи къ казни, учнетъ съ него сговаривати, а въ обыску назовутъ добрымъ: и того человѣка дати на чистую поруку, а поизы на немъ взяти выть, а тому сговору не вѣрити.» № 7, 8—II.

«А на которыхъ людей языкъ въ розбои сговоритъ, а въ обыску ихъ назовутъ лихими людми, и старостамъ тѣхъ пытати: и учнутъ на себя и на товарищевъ говорити, и старостамъ, по тому жъ, по языкомъ посылати, и съ очей на очи ставити, и про нихъ обыскивати, и управа чинити, по тому жъ, какъ въ семъ наказѣ писано. А которые люди сами на себя въ розбоѣхъ говорили, и тѣхъ казнити смертною казню. А животы ихъ истьцомъ въ выть, въполы истцовыхъ исковъ; а будетъ боярскіе люди, и старостамъ за тѣхъ людей имати выти въ полы истцовъ искъ на государѣхъ ихъ, чьи люди.» № 7, 8—II 3).

«А на которыхъ людей языкъ въ разбоѣхъ говорилъ, а въ обыскахъ ихъ назовутъ лихими людми, а сами тѣ лихіе люди на собя, на пыткахъ, въ разбоѣхъ не учнутъ говорити: и старостамъ тѣхъ людей по обыску казнити смертною казнію, а животы ихъ исцемъ въ полы исцовыхъ исковъ.» № 7, 8—II4).

«А на которыхъ людей въ розбоѣ жъ языкъ говоритъ, а въ обыску его назовутъ половина добрымъ человѣкомъ, а другая половина лихимъ человѣкомъ, и того человѣка пытати: а не учнетъ пытанъ на собя въ розбоѣ говорити, и того че-

Digitized by Google

ловѣка дати на поруку за обыскныхъ людей, которые его одобрыли, а по разбойничимъ речемъ взяти на немъ выть.»

«А будетъ въ той половинѣ больше обыскныхъ людей, которые назовутъ лихимъ человѣкомъ, человѣкъ пятнадцать или двадцать, а пытанъ на собя въ розбоѣ не учнетъ говорити, и того человѣка по языку и по обыску старостамъ посадити въ тюрму на смерть, а животы его отдати исцомъ, въполы исцовыхъ исковъ. А послѣ на него прибудетъ иное лихо въ разбойномъ дѣлѣ, и того человѣка казнити смертною казнію; а на обыскныхъ людехъ, которые его одобрыли взяти выть.» № 7, 8 — II.

«А на котораго человѣка говорятъ въ разбоѣ въ языки два или три, а въ обыску его назовутъ половина добрымъ человѣкомъ, а другая лихимъ человѣкомъ, и того пытати; а пытанъ на собя не учнетъ говорити, и того человѣка посадить въ тюрму на смерть, а животы его отдати исцомъ, въ полы исцовыхъ исковъ. — А послѣ на него прибудетъ иное лихо въ розбойномъ дѣлѣ, и того человѣка казнити смертною казнью, а на обыскныхъ людехъ, которые его одобрили, взяти выть; а сверхъ того обыскныхъ лутшихъ людей дву или трехъ бити кнутьемъ.» № 7, 8 — II.

«А на которыхъ людей языки говорятъ (въ розбоѣ), а исцы на нихъ учнутъ бити челомъ и на пытку ихъ просити, и старостамъ тѣхъ людей до обыску пытати, и управа имъ чинити по сему жъ наказному списку.» № 7, 8 — II.

«А на которыхъ людей языки говорятъ, а они учнутъ бити челомъ о обыску, чтобы про нихъ послали обыскати въ тѣ мѣста, гдѣ они прежъ сего жили: и старостамъ, въ тѣ мѣста, гдѣ они прежъ сего жили послати обыскати; и назовутъ ихъ въ обыску лихими людми, и старостамъ тѣхъ людей пытати и управа имъ чинити, по сему жъ наказному списку; а будутъ пытаны на собя и на своихъ товарищевъ не учнутъ говорити,

Digitized by Google

и старостамъ тѣмъ людемъ управа чинити, по сему въ наказному списку.» № 7, 8 — II.

«А будетъ про тѣхъ людей въ обыску скажутъ, что ихъ не зняютъ, и старостамъ тѣхъ людей пытати же, а не учнутъ пытаны на собя говорити, и старостамъ тѣхъ людей посадити въ тюрму на смерть.» № 7, 8 — II.

«А на которыхъ людей языки учнутъ говорити въ розбоѣ, а съ очей на очи, на ставкѣ учнутъ сговоривати, а въ обыску ихъ назовутъ лихими людми съ доводомъ, и старостамъ тѣхъ людей по обыску пытати: и учнутъ пытаны на собя говорити, и старостамъ ихъ казнити; а не учнутъ пытаны на собя и на своихъ товарищевъ говорити въ розбоѣхъ, и старостамъ тѣхъ людей по обыску казнити же; а будутъ исцы, ино ихъ животы и статки въ полы ихъ исковъ, а не будетъ исцовъ, и старостамъ животы ихъ продавати, да что на чемъ возмутъ, и имъ то писати на списокъ подлинно, по рознь, да о томъ отписывати къ бояромъ въ Розбойную Избу.» № 7, 8 — II.

«А на которыхъ людехъ исцы ищутъ розбоевъ, а на тѣхъ людей языки въ розбоѣхъ не говорятъ, а исцы опричь поля улики не учинятъ никоторые, и старостамъ про тѣхъ людей обыскивати: а скажутъ въ обыску про нихъ, что они лихіе люди, а лиха про нихъ въ обыску имянно не скажутъ, и старостамъ тѣхъ людей по обыску пытати; не скажутъ на себя въ розбоѣ, а въ обыску про нихъ имянно розбою не скажутъ, и старостамъ тѣхъ людей, по обыску посадити въ тюрму на смерть, а животы ихъ оцѣня отдати исцомъ въ полы ихъ исковъ, а что останется тѣхъ животовъ у исцовыхъ исковъ, и старостамъ о тѣхъ животѣхъ отписати на Москву, къ бояромъ, въ Розбойную Избу. А не скажутъ на себя въ розбоѣ, а въ обыску про нихъ розбой имянно скажутъ, ино ихъ

Digitized by Google

по обыску казнити, а животы ихъ оцѣня отдати исцомъ по тому жъ.» № 7, 8 — II.

«А говорити обыскнымъ людемъ накрѣпко, чтобъ они въ обыску рѣчи свои сказывали прямо въ правду, по Государеву Цареву и Великого Князя Ѳедора Ивановича крестному цѣлованью, а не лгали, и лихихъ людей бы не укрывали, а добрыхъ бы людей напрасно не клепали, и семьями бы и заговоры по дружбѣ и по недружбѣ рѣчей своихъ не говорили ни на кого ни въ чемъ, а учнутъ лгати, лихихъ людей укрывати, и добрыхъ людей напрасно учнутъ клепати, а послѣ про то сыщется, и тѣмъ обыскнымъ людемъ которые учнутъ лгати, отъ Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи быти кажненымъ.» № 8 — II.

Примѣчанія.

[1]) Когда разбойники о своихъ товарищахъ на очи учнутъ говорити тоже что и за очи говорили, то Старостѣ Измирѣ приказано подвергать оговорныхъ людей пыткѣ, а если на пыткѣ эти лица на себя не скажутъ ничего, тогда только начать про нихъ обыскъ.

[2]) «А иски исцемъ на вытчикѣхъ правити по розбойничьимъ и по татинымъ рѣчемъ, что у кого скажутъ розбойники на розбоѣ взяли, или что скажутъ тати украли, то и розвытити. А которые тати и розбойники учнутъ на себя и на товарищевъ своихъ говорити, что они крали и розбивали, а того скажутъ не упомнятъ, что у кого татбы и на розбоѣ всякого живота взяли, и тѣхъ исковъ губному старостѣ Измирѣ безъ Государева указу не развычивати, и отписывати о томъ къ Москвѣ къ бояромъ въ Розбойный Приказъ.»

[3]) Словъ: «а животы ихъ истьцомъ въ вытъ, въполы истцовыхъ исковъ,» — нѣтъ.

[4]) Вездѣ вмѣсто словъ «а животы ихъ исцемъ въполы исцовыхъ исковъ» — поставлены слова: «а животы ихъ отдавати исцемъ въ выти.»

VI. Отвѣтственность господъ за недоставленіе губнымъ старостамъ тѣхъ изъ ихъ людей, которыхъ обвинятъ языки въ разбоѣ.

«А на которыхъ на боярскихъ людей языки въ розбоѣ говорятъ, и тѣ князи и дѣти боярскіе такихъ людей у себя скажутъ, а ихъ передъ ними не поставятъ: и старостамъ

Digitized by Google

тѣхъ людей на тѣхъ князѣхъ и на дѣтѣхъ боярскихъ или на ихъ прикащикѣхъ, имати выти въполы исцовыхъ исковъ; а тѣхъ князей и дѣтей боярскихъ, чьи люди, давати на поруку, что имъ тѣхъ людей добывъ передъ старостами поставити, а какъ ихъ поставятъ, и старостомъ про нихъ обыскивати и управа чинити, по сему жъ наказному списку.» № 7, 8 — II.

«А на которого княжего и боярского человѣка въ розбоѣ языки говорятъ, а тотъ князь или сынъ боярской такого человѣка у себя не скажетъ: и старостамъ около ихъ мѣстъ, гдѣ они живутъ, обыскати многими людми, бывалъ ли у него таковъ человѣкъ; и скажутъ въ обыску, что у него таковъ человѣкъ былъ, и старостамъ на томъ князѣ или на сынѣ боярскомъ, за того человѣка, имати выти въполы исцова иску; а того князя или сына боярского дати на поруку, что ему того человѣка добывъ поставити передъ старостами, а какъ его передъ старостами поставятъ, и старостамъ про него обыскати и управа чинити по сему жъ наказному списку; а скажутъ въ обыску, что у него таковъ человѣкъ не бывалъ, на которого языкъ говорилъ, и старостамъ на томъ князѣ или на сынѣ боярскомъ выти не имати.» № 7, 8—II.

«А на которого крестьянина языкъ взговоритъ въ розбоѣ или въ татбѣ, и тотъ крестьянинъ изъ за того сына боярского, за кѣмъ онъ жилъ, побѣжитъ, и губному Старостѣ Измирѣ за того бѣглого крестьянина, на томъ сынѣ боярскомъ выти не имати, а отдати того бѣглого крестьянина животы его исцемъ въ выти, а того сына боярского, за кѣмъ тотъ крестьянинъ жилъ, или его приказщика, дати на поруку, что ему того крестьянина добывати, а добывъ поставити; а какъ того бѣглого крестьянина поставитъ, и губному старостѣ Измирѣ тому бѣглому крестьянину указъ учинити по сему жъ наказу.» № 8—II.

Digitized by Google

VII. О смѣстномъ судѣ и судопроизводствѣ.

«А случится Троицкимъ Сергіева монастыря со княжими и съ боярскими и со чьими нибудь крестьяны, и съ городскими людми, и съ волостными и селчаны, и съ митрополичьи и съ владычними, дѣло каково въ розбойномъ дѣлѣ, и имъ безъ Троицкихъ приказщиковъ, по губскимъ грамотамъ, и безъ сотскихъ тѣхъ селъ и безъ десятскихъ, не судити ни въ каковѣ дѣлѣ; а троицкимъ приказщикомъ и крестьяномъ безъ городскихъ и безъ волостныхъ людей, и безъ митрополичьихъ и безо владычнихъ, не судити жъ вобчихъ дѣлъ никакихъ.» № 4—I—II, 8—I.

«А кого въ татбахъ или въ розбоѣ изымутъ опришнинца въ земскомъ, и земскимъ губнымъ старостамъ, съ тѣми опришнинцы, кого изымутъ, ѣхати въ опришнину къ губнымъ старостамъ, да судити въ опришнинѣ и всякими сыски сыскивати накрѣпко, а управа чинити безволокитно.»

«А изымутъ въ татбахъ и въ розбоѣхъ въ опришнинѣ земскихъ, и губнымъ старостамъ съ тѣми людми, кого изымутъ, изъ опришнины, ѣхати въ земскіе къ губнымъ старостамъ да судити въ земскомъ и всякими сыски сыскивати накрѣпко жъ и управа чинити безволокитно. А съ суда и статковъ оговорныхъ людей опришнинскимъ губнымъ старостамъ имати опришнинцовъ въ опришнину, а земскимъ губнымъ старостамъ имати земскихъ въ земское.»

«А которые случатся не великіе дѣла смѣсные, и о тѣхъ дѣлѣхъ опришнинскихъ съ губными съ земскими ссылатись старостами, да и на ставку оговорныхъ людей посылати изъ опришнины въ земское, а изъ земскихъ въ опрышнину съ губными цѣловалники, и управа чинити по тому жъ безволокитно.» № 7.

Digitized by Google

VIII. Запрещеніе судьямъ судить пристрастно и корыстолюбиво, подъ угрозою наказанія.

«А по не дружбѣ, въ земляномъ дѣлѣ, или въ брани въ какой нибуди, межи собя не мстились ни кто никому, а дѣлати по нашему крестному цѣлованью, и не повинно бы естя не имали и не казнили никакого человѣка; того бы естя межъ собя обыскивали накрѣпко, по нашему крестному цѣлованью, вправду безъ хитрости.» № 1, 2, 3 [1]), 4—I, 4—II, 6, 8—II.

«Посуловъ и поминковъ (старостамъ и цѣловалникомъ) ни у кого ни съ чего не имати же и не норовити никому ни въ чемъ, никоторыми дѣлы;—и другу не дружити, а не другу не мстить; и дѣлати имъ татины и розбойные дѣла во всемъ въ правду, по нашему крестному цѣлованью и по наказу.» № 8 — I.

«А учнутъ приказщики и старосты и губные цѣловалники розбойничи и татины дѣла дѣлати кому норовячи, по посуломъ, или кому мстяся по недружбѣ, и имъ отъ меня Царя и Великого Князя быти самимъ кажненымъ смертью, и исцевы иски ведѣти имати съ ихъ животовъ.» № 8—I—II.

Примѣчаніе.

[1]) О земляномъ дѣлѣ не сказано.

IX. Постановленія о тюрьмахъ, и непродолжительномъ въ нихъ задержаніи при изслѣдованіи дѣла.

«А въ которыхъ селѣхъ или деревняхъ, для розбойныхъ и татиныхъ дѣлъ учинятъ приказщиковъ и губныхъ цѣловалниковъ, и имъ въ тѣхъ селѣхъ или въ деревняхъ, на розбойниковъ и на татей тюрмы подѣлати и сторожей къ тюрмамъ выбрати.» № 8—I.

«А которые тати и розбойники переиманы и пытаны, сами на себя и на товарищевъ своихъ въ татбахъ и въ роз-

Digitized by Google

боѣхъ говорили, и губному старостѣ Измирѣ тѣхъ татей и розбойниковъ, въ тюрмахъ долго не держати, казнити ихъ смертною казнью № 8—II.

«А въ которыхъ дѣлѣхъ поймано будетъ розбойниковъ и татей человѣка по три и по четыре, а учнутъ говорити въ розбоѣхъ и въ татбахъ на одныхъ людей, и губному старостѣ тѣхъ розбойниковъ и татей велѣти казнити жъ; а для очные ставки, оставливати тѣхъ розбойниковъ по одному человѣку до тѣхъ мѣстъ, какъ по ихъ языку оговорныхъ людей сыщутъ, и тѣхъ розбойниковъ и татей велѣти казнити жъ смертною казнью: то Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всея Русіи, положилъ на его душѣ, и ему отъ Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи опалы нѣтъ, и отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ ихъ тіуновъ продажи нѣтъ.» № 8—II.

X. О недозволеніи вреднымъ людямъ имѣть пристанище въ волости.

«Не велѣли есмя имъ въ волости держати скомороховъ, ни волхвей, ни бабъ ворожей, ни татей ни розбойниковъ; а учнутъ держати, и у которого сотского въ его сотной выймутъ скомороха, или волхва, или бабу ворожею, въ его сотной, и на томъ сотскомъ и на его сотной, на стѣ человѣкъ взяти пени 10 рублевъ денегъ, а скомороха или волхва или бабу ворожею бивъ да ограбивъ, да выбити изъ волости вонъ; а прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать.» № 5.

Примѣчаніе.

Въ грамотѣ № 7 мы находимъ слѣдующее особенное постановленіе о пошлинахъ съ розбойныхъ и татиныхъ дѣлъ: «А съ розбойныхъ и съ татиныхъ дѣлъ имати пошлины по два алтына съ рубля, да тѣ пошлины присылати на Москву, въ Розбойный Приказъ къ дьякомъ.» — Подобнаго этому постановленію, нѣтъ ни въ одной изъ упомянутыхъ грамотъ.

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЯ. [1]

Въ губныхъ грамотахъ № 1, 2, 4—II находимъ объясненіе причины, побудившей Великаго Князя предоставить жителямъ право поимки, суда и наказанія лихихъ людей татей и разбойниковъ. Она заключается въ томъ, что прежній порядокъ судопроизводства, — по которому жителямъ безъ обыщика, присылаемаго Великимъ Княземъ, нельзя было брать разбойниковъ — предоставлялъ всегда послѣднимъ возможность освободиться побѣгомъ отъ суда и наказанія. Эта медленность и неудобство прежняго судопроизводства породили много разбоевъ. Вѣроятно образовались шайки разбойниковъ, которыя разбивали и жгли села и деревни, грабили скотъ, разбивали по дорогамъ, и сопротивляющихся убивали [2]). Надо было пред-

---

[1]) Въ объясненіяхъ ко второму раздѣлу мы отступили отъ системы, принятой въ изложеніи самаго текста. Для облегченія пріисканія объясняемаго мѣста мы за каждымъ отдѣльнымъ объясненіемъ поставили римскую цифру, той части изложеннаго текста, въ которой объясняемое мѣсто находится.

[2]) «Били естя намъ челомъ о томъ, что у васъ въ тѣхъ вашихъ волостяхъ многія села и деревни розбойники розбиваютъ, и животы ваши грабятъ, и села и деревни жгутъ, и на дорогахъ многихъ людей грабятъ и розбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные многіе люди у васъ въ волостяхъ розбойниковъ у собя держатъ, а къ инымъ людемъ розбойники съ розбоемъ пріѣзжаютъ и розбойную рухлядь къ нимъ привозятъ: и мы къ вамъ посылали (на Бѣлоозеро) обыщиковъ своихъ, и отъ нашихъ де обыщиковъ и отъ недѣльщиковъ чинятся вамъ великіе убытки, а вы деи съ нашими обыщики лихихъ людей розбойниковъ не имаете для того, что вамъ волокита велика; а сами деи вы розбойниковъ межъ собя, безъ нашего вѣдома, обыскивати и имати розбойниковъ не смѣете.» № 1.

Digitized by Google

принять энергическія мѣры, чтобъ пресѣчь развитіе столь вредныхъ преступленій; потому то жителямъ предоставлено не только право преслѣдовать и брать, но даже судить и казнить разбойниковъ. Такъ какъ татьба (воровство) непосредственно граничитъ съ разбоемъ, то вообще какъ разбойники такъ и тати подчинены одному и тому же суду, съ тою только разницею, что разбойники подлежали одному лишь суду жителей, между тѣмъ какъ въ судѣ надъ татьми участвовалъ намѣстникъ или волостель, которые судили сами, либо высылали своего тіуна. Предоставленіе жителямъ права преслѣдовать и брать, а вмѣстѣ съ тѣмъ судить и наказывать лихихъ людей — татей и разбойниковъ, — вызвало необходимость двухъ новыхъ учрежденій, а именно:

Для преслѣдованія и поимки лихихъ людей, велѣно жителямъ выбрать особыхъ лицъ, которыя совершенно не участвовали въ судѣ надъ лихими людьми, а должны были смотрѣть только за тѣмъ, чтобъ ни одинъ лихой человѣкъ не находилъ пристанища въ ввѣренномъ ихъ надзору городѣ, селѣ или деревнѣ, а также исполнять приказанія суда о розыскѣ и поимкѣ укрывающагося лихаго человѣка, котораго преступленіе сдѣлалось извѣстнымъ вслѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ. Это были лица чисто полицейскія. Къ нимъ принадлежали: *старосты, сотскіе, пятидесятскіе* и *десятскіе.* Кажется, что эти лица, по крайней мѣрѣ старосты, сотскіе и десятскіе существовали и прежде, но вслѣдствіе губныхъ грамотъ къ числу ихъ обязанностей прибавлена была новая — преслѣдовать, брать и доставлять въ судъ лихихъ людей. Здѣсь надобно замѣтить, что къ лихимъ людямъ, подчиненнымъ суду жителей принадлежали не только тати и разбойники, но также и всѣ тѣ, которые скрывали ихъ и которые покупали у разбойниковъ разбоемъ пріобрѣтенныя вещи. Брать и доставлять въ судъ всѣхъ такаго рода преступниковъ было

Digitized by Google

обязанностью упомянутыхъ лицъ. Случаи въ которыхъ обнаруживалась дѣятельность ихъ, разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ.

Для суда надъ лихими людьми велѣно также жителямъ избрать особыхъ лицъ: *губныхъ старостъ, прикащиковъ и губныхъ цѣловальниковъ*. Обязанности ихъ мы постараемся уяснить при изложеніи предписаннаго Губными грамотами и Царскими наказами судопроизводства надъ лихими людьми. Здѣсь скажемъ только, что судъ состоялъ изъ губнаго старосты (выбраннаго изъ дѣтей боярскихъ) или прикащика (выбраннаго изъ крестьянъ); но гдѣ судьею былъ губный староста, тамъ прикащика не было, а въ селахъ и деревняхъ, гдѣ судилъ прикащикъ, губный староста не судилъ. Въ судѣ у губныхъ старостъ и у прикащиковъ сидѣли цѣловальники и *дьякъ*. Особенная обязанность цѣловальниковъ состояла въ томъ, что они стояли у пытки и ѣздили въ другія губы съ грамотами, чтобы старосты къ которымъ грамоты писаны, обыскали и доставили татей и разбойниковъ, поименованныхъ въ тѣхъ грамотахъ. Дьякъ — лице, на которое возложена была обязанность составлять протоколъ слѣдствія, замѣнявшее нынѣ существующія при судахъ канцеляріи.

Вотъ главныя черты обязанностей лицъ назначенныхъ для преслѣдованія, поимки и отправленія суда надъ лихими людьми. При подробномъ разсмотрѣніи этихъ обязанностей мы увидимъ, что нерѣдко обязанность принадлежащая, строго говоря, однимъ лицамъ, возлагалась на другія; но все таки, главныя черты оставались неизмѣнно тѣ же и всегда старостамъ, сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ, предоставлялись обязанности относящіяся къ предупредительной или исполнительной полиціи; а губнымъ старостамъ или прикащикамъ, губнымъ цѣловальникамъ и дьякамъ — обязанности непосредственно относящіяся къ суду, или тѣсно съ нимъ связанныя [1]). (I).

[1]) Въ грамотѣ № 8—I сказано: «а какъ приказщиковъ и губныхъ цѣловал-

Digitized by Google

О преслѣдованіи лихихъ людей, татей и разбойниковъ.

Законъ уголовный охраняетъ всѣ положительные законы, предписывая за нарушеніе ихъ извѣстное наказаніе; но этотъ законъ будетъ мертвою буквою, если самъ не будетъ поддержанъ надлежащимъ устройствомъ суда, порядкомъ уголовнаго судопроизводства и полицейскими мѣрами. Въ приведенныхъ нами губныхъ грамотахъ довольно подробно изложены постановленія относящіяся къ мѣрамъ полицейскимъ и къ уголовному судопроизводству. Намъ предстоитъ теперь рѣшить вопросъ, что составляетъ сущность уголовнаго судопроизводства, и что сущность полицейскихъ мѣръ. Говоря о лицахъ назначенныхъ для преслѣдованія, поимки, суда и наказанія лихихъ людей, мы сказали, что преслѣдованіе и поимка принадлежитъ

никовъ и дьячковъ учинятъ, и тѣмъ приказщикомъ и цѣловалникомъ въ своихъ монастырскихъ селѣхъ и въ деревняхъ лихихъ людей, татей и розбойниковъ, сыскивати и имати и съ истцы судити, да истцемъ въ ихъ искѣхъ управу, а татемъ и розбойникомъ и оговорнымъ людемъ указъ учинити, по наказу.» Казалось бы, что по этимъ словамъ прикащики, губные цѣловальники и дьяки обязаны сами *отыскивать* и *имать* татей и разбойниковъ; на дѣлѣ же выходитъ иначе. Приведенное мѣсто означаетъ только, что прикащикъ и цѣловальники должны приказать сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ сыскать и поймать татя или разбойника, и то только въ такомъ случаѣ, если будетъ истецъ, то есть будетъ лице нуждающееся въ этомъ; но они не могутъ сами сыскивать. Это видно изъ того, что въ той же грамотѣ выше сказано: «а велѣлъ есми въ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ (исчисленіе селъ и деревень) всѣмъ крестьяномъ выбрати у себя приказщиковъ, и старостъ, и цѣловалниковъ, и сотскихъ, и пятидесятскихъ, и десятскихъ, да имъ же учинити въ тѣхъ селѣхъ у себя приказщиковъ, губныхъ цѣловалниковъ и дьячковъ.» (Вѣроятно были двоякаго рода прикащики; одни, которыхъ обязанности были чисто хозяйственныя, административныя, какъ мы это видимъ изъ уставныхъ грамотъ, относящихся къ монастырскимъ землямъ; другой для губныхъ дѣлъ, отличный отъ перваго). Присутствіе старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ не дозволяетъ даже сомнѣваться въ томъ, чтобы они не имѣли тѣхъ же обязанностей, какія возложены были на нихъ по всѣмъ другимъ грамотамъ; слѣдовательно, обязанность сыскать и поймать разбойника или татя, возложенная на губнаго прикащика и цѣловальниковъ, могла заключаться только въ соотвѣтственномъ приказаніи, данномъ сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ. Конечно, и прикащикъ, и губной цѣловальникъ и дьячекъ были обязаны, сыскавъ, поймать и представить въ судъ разбойника или татя, если случай дозволялъ имъ это сдѣлать; но это не составляло ихъ главной обязанности.

Digitized by Google

къ обязанностямъ полиціи; производство суда и опредѣленіе наказанія составляетъ предметъ обязанностей самаго суда. Но этимъ еще не разрѣшается достаточно вопросъ: въ чемъ заключается сущность полицейскихъ мѣръ, и въ чемъ сущность уголовнаго судопроизводства? Полицейскія мѣры въ отношеніи къ преступнику представляютъ совокупность всѣхъ постановленій и сообразныхъ имъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ судьѣ дается возможность подвергнуть наказанію каждое преступное лице. Такъ, розыскать извѣстнаго преступника, узнавъ его мѣстопребываніе поймать его и доставить въ судъ, содержать подъ стражею во время слѣдствія, заботиться о томъ, чтобы ему нельзя было уйдти изъ тюрьмы какъ во время слѣдствія, такъ и посаженнаго въ нее въ видѣ наказанія, отдавать на поруки въ извѣстныхъ случаяхъ, — вотъ обязанности полиціи въ отношеніи къ уголовнымъ преступникамъ. Перечислить всѣ эти обязанности невозможно; упомянутыя здѣсь далеко не обнимаютъ всѣхъ случаевъ, въ которыхъ дѣятельность полиціи необходима для того, чтобы преступнику нельзя было избѣжать заслуженнаго наказанія. Такія мѣры надобно отличать отъ мѣръ, принимаемыхъ предупредительною полиціею, и заключающихся въ томъ, чтобъ лице подозрительное, которое своими дѣйствіями или словами обнаружило готовность къ преступному дѣйствію, поставить въ такое положеніе, чтобъ ему нельзя было совершить преступленія. Объ этого рода полицейскихъ мѣрахъ въ губныхъ грамотахъ непосредственно нѣтъ и помину. Косвенно развѣ можно заключить, что посаженіе въ тюрьму лицъ пріѣзжающихъ, которыя не докажутъ кто они и откуда пріѣхали, препятствовало татямъ и разбойникамъ разбивать и красть въ разныхъ городахъ, въ особенности торговыхъ, переѣзжая изъ города въ городъ, изъ волости въ волость, изъ деревни въ деревню. Судя однакожъ по духу этого предписанія, должно сознаться, что цѣль его

Digitized by Google

была совершенно другая, а именно: пресѣчь возможность тату или разбойнику, въ случаѣ совершеннаго имъ преступленія, скрыться отъ преслѣдованія мѣстныхъ властей побѣгомъ. — Уголовное судопроизводство есть совокупность принимаемыхъ судьею мѣръ для опредѣленія справедливаго наказанія.

Опредѣливъ такимъ образомъ сущность уголовнаго судопроизводства и мѣръ полицейскихъ въ отношеніи къ уголовнымъ преступникамъ, разсмотримъ теперь постановленія губныхъ грамотъ въ этомъ отношеніи по дѣламъ о лихихъ людяхъ.

Полицейскія мѣры въ отношеніи къ лихимъ людямъ, предписанныя губными грамотами.

Прикащики (но не губные), старосты волостные, цѣловальники (также не губные), сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, назначены были для непосредственнаго преслѣдованія лихихъ людей. Каждый изъ членовъ общества обязанъ преслѣдовать лихаго человѣка; наконецъ всѣ жители когда замѣтятъ что въ селѣ или въ деревнѣ явился тать или разбойникъ, обязаны были не скрывать его, а напротивъ, стараться поймать и доставить губному старостѣ. Рядомъ съ этими общими постановленіями находимъ и особенныя, за неисполненіе которыхъ опредѣляется извѣстное наказаніе. Такъ, каждый отдѣльный членъ одной общины, скрывая у себя лихаго человѣка, наказывался на равнѣ съ укрываемымъ имъ татемъ или разбойникомъ. Наказать такое преступное лице было обязанностью той общины, къ которой онъ принадлежалъ. Неисполненіе этой обязанности влекло за собою отвѣтственность цѣлой общины.

Если отъ одного человѣка нельзя было требовать, чтобъ онъ непремѣнно вѣдомаго татя или разбойника поймалъ и доставилъ въ судъ, то отъ цѣлаго общества такое требованіе было возможно. Вслѣдствіе этого, всѣ жители одного города,

Digitized by Google

волости, села или деревни подвергались круговой отвѣтственности не только за укрывательство лихаго человѣка, но и за то, если имѣя возможность поймать его, не поймали; или поймавъ, отпустили безъ наказанія. Отвѣтственность состояла въ томъ, что всѣ они обязаны были удовлетворить, безъ суда и вдвое, иски тѣхъ людей, которыхъ у нихъ разбойники разбили; кромѣ того, всѣ они оставались въ продажѣ и въ казни государю. Когда эти права и обязанности исключительно перешли на выборныхъ головъ, т. е. на губныхъ старостъ, прикащиковъ, цѣловальниковъ, волостныхъ старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, то на исчисленныя лица перешла и отвѣтственность жителей за неотысканіе, не пойманіе, утайку или безнаказанность, какъ татей и разбойниковъ такъ и тѣхъ которые укрывали этихъ лихихъ людей. (II, IV).

По нѣкоторымъ грамотамъ за утайку лихаго человѣка отвѣчали и выборные головы и жители, съ тою только разницею, что отвѣтственность лицъ назначенныхъ для преслѣдованія разбойниковъ и татей была больше, чѣмъ жителей. Такъ въ грамотѣ № 5 сказано: если сотскіе начнутъ татей и разбойниковъ таить, а иною сотнею обыщутъ тѣхъ лихихъ людей, то на сотскомъ и сотнѣ, въ которой утаивались лихіе люди, взыскать пени десять рублей, а отдѣльно на сотскомъ, который утаивалъ ихъ, всѣ убытки причиненные тѣми татьми и разбойниками жителямъ другой сотни. (IV).

Въ тойже грамотѣ № 5, опредѣленъ и порядокъ по которому сотскіе должны брать лихаго человѣка: если у котораго сотскаго въ его сотнѣ явится тать или разбойникъ, то онъ не долженъ самъ брать его, но долженъ увѣдомить объ этомъ лихомъ человѣкѣ посельскаго и старосту, и они, вѣроятно поймавъ этого татя или разбойника, должны были отвести его къ губному старостѣ. Но если кого въ селѣ или въ деревнѣ или на дорогѣ ра-

Digitized by Google

зобьютъ разбойники и съ разбоемъ тѣ разбойники куда нибудь поѣдутъ, то жители села или деревни въ которой разбой случился, узнавъ объ этомъ и провѣдавъ куда разбойники поѣхали, должны были слѣдовать за ними; и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ удастся ихъ встрѣтить, хотябы и въ Новгородской землѣ (какъ сказано въ грам. № 1) имѣютъ право брать и казнить ихъ. Основываясь на выраженіи: «свѣстяся всѣ за одинъ», мы думаемъ что жители того села или деревни гдѣ разбой случился, возлагали обязанность слѣдованія за бѣглыми разбойниками на извѣстныхъ лицъ — цѣловальниковъ. Въ послѣдствіи, по губнымъ наказамъ иначе опредѣленъ способъ преслѣдованія татей и разбойниковъ совершившихъ преступленіе въ одной губѣ, но пребывающихъ въ другой. Разница состояла въ томъ, что губный староста, узнавъ о татѣ или разбойникѣ, посылалъ съ цѣловальникомъ грамоту къ губному старостѣ той губы гдѣ пребывалъ разбойникъ, для того, чтобы староста, поймавъ и обыскавъ оговореннаго татя или разбойника, его самого вмѣстѣ съ обыскнымъ спискомъ отослалъ тому губному старостѣ, у котораго языки оговорили того человѣка въ разбоѣ или въ татьбѣ; а послѣдній староста послѣ очной ставки и пытокъ, уже доправливалъ казнь на такомъ татѣ или разбойникѣ. Приведемъ еще другой случай, въ которомъ употреблялись полицейскія мѣры для того, чтобы воръ или разбойникъ не оставались ненаказанными. Если пойманный разбойникъ назоветъ своихъ товарищей которые живутъ въ иныхъ городахъ, то губный староста, передъ которымъ разбойникъ сдѣлалъ такое признаніе, долженъ былъ грамотою увѣдомить старосту той губы, въ которой находились товарищи пойманнаго, чтобы староста поймавъ ихъ и обыскавъ про нихъ и доведчи, казнилъ ихъ по губнымъ грамотамъ. Различіе этихъ двухъ случаевъ опредѣляется тѣмъ, гдѣ разбойникъ или тать совершилъ преступленіе. Если онъ совершилъ разбой или во-

Digitized by Google

ровство въ той губѣ, въ которой было открыто его мѣстопребываніе, то онъ приводился къ суду того губнаго старосты, передъ которымъ былъ обвиненъ въ разбоѣ; если же разбойникъ или тать не совершилъ въ той губѣ, въ которой обвинили его, никакого преступленія, тогда староста, передъ которымъ состоялось обвиненіе, увѣдомлялъ только другаго губнаго старосту о томъ, что въ его губѣ живетъ тать или разбойникъ, не требуя достявленія его. Къ обоимъ этимъ случаямъ мы еще возвратимся, когда будемъ говорить о подсудности; здѣсь же мы привели ихъ только для того, чтобы показать какъ преслѣдовался лихой человѣкъ пребывавшій въ другой губѣ, а не въ той, въ которой былъ открытъ или въ которой совершилъ преступленіе. (II).

Таковы были мѣры полицейскія, которымъ могъ быть подвергнутъ только лихой человѣкъ. Исполненіе этихъ мѣръ предписано, подъ страхомъ наказанія. Жители, а въ послѣдствіи выборные головы если не ѣздили за преступниками, или узнавъ о мѣстопребываніи лихаго человѣка не посылали губныхъ грамотъ къ старостамъ тѣхъ губъ, въ которыхъ находились лихіе люди, подвергались такой же отвѣтственности какъ и за укрывательство или не наказаніет атя или разбойника. (IV).

Была еще и другая полицейская мѣра, относительно лихихъ людей, которой подчинены были всѣ жители; это — паспорты. Въ губныхъ грамотахъ уже видимъ начало паспортной системы, ибо въ нихъ запрещается каждому, подъ страхомъ наказанія принимать и держать у себя на квартирѣ безъ явки, всякаго пріѣзжаго человѣка. Когда въ городъ пріѣзжалъ не тутошный человѣкъ, заявленіе его совершалось слѣдующимъ образомъ: его являли десятскому, десятскій пятидесятскому, пятидесятскій же сотскому, и всѣ они вмѣстѣ осматривали пріѣзжаго человѣка, записывали его имя и фамилію, а также и мѣсто откуда онъ пріѣхалъ. Ес-

Digitized by Google

ли пріѣзжій передъ десятскимъ, пятидесятскимъ и сотскимъ не сказалъ своего имени и фамиліи, не могъ доказать кто онъ таковъ, и откуда пріѣхалъ, то онъ задерживался, и производился обыскъ о томъ неизвѣстномъ лицѣ. Если въ обыскѣ жители удостовѣряли, что онъ добрый человѣкъ, то его сейчасъ же освобождали; если же въ обыскѣ про него сказывали, что онъ лихой человѣкъ, то онъ отдавался губному старостѣ. Распоряженіе это прямо вело къ паспортной системѣ, потому что всякій переѣзжающій изъ города въ городъ, изъ волости въ волость, долженъ былъ обеспечить себя извѣстнаго рода свидѣтельствомъ, если не хотѣлъ сидѣть въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока не состоится обыскъ, на которомъ обыскные люди его одобрятъ. Въ грамотахъ, правда, ничего не говорится о представленіи свидѣтельствъ пріѣзжими; по буквальному ихъ смыслу достаточно, если они сами скажутъ, кто они таковы и откуда прибыли. Но едва ли можно столковать смыслъ этого распоряженія буквально. Еслибъ не требовалось никакихъ удостовѣреній для подтвержденія того, что говоритъ о себѣ пріѣзжій, то вору или разбойнику (противъ которыхъ и направлено это распоряженіе губныхъ грамотъ), достаточно было бы ложно показать свое имя, фамилію, мѣсто откуда прибылъ, чтобы вполнѣ оградить себя отъ всякихъ преслѣдованій; сверхъ того, какъ иначе можно понять распоряженіе, предписывающее заключать въ тюрьму и обыскивать про такого человѣка, который не сказалъ кто онъ таковъ и откуда пріѣхалъ? Отсюда мы заключаемъ, что пріѣзжему не достаточно было *сказать*, но надобно было *доказать* свое имя, фамилію и мѣсто откуда прибылъ. Если въ грамотахъ ничего не говорится о родѣ доказательствъ, то вѣроятно потому, что законодатель считая невозможнымъ исчислить всѣ, предпочелъ предоставить мѣстнымъ властямъ принимать или отвергать тѣ или другія доказательства на основаніи обычая. Наконецъ мы на-

Digitized by Google

ходимъ въ грамотахъ, что сотскіе съ пятидесятскими и десятскими должны были осмотрѣвъ пріѣзжихъ необычныхъ и незнаемыхъ людей, записать кто они и въ какомъ дворѣ остановились. Слово *осматривать* можно толковать различно, между прочимъ и такъ, что они осматривали *свидѣтельства* представляемыя пріѣзжими людьми. При неопредѣленности доказательствъ, пріѣзжій человѣкъ могъ доказывать справедливость своихъ рѣчей лицами жившими въ томъ городѣ, селѣ или деревнѣ, куда онъ пріѣхалъ, если эти лица знали его; или свидѣтельствомъ другихъ лицъ, которыя хотя и не жили въ томъ мѣстѣ куда онъ пріѣхалъ, однако были извѣстны тутошнимъ жителямъ или властямъ; наконецъ свидѣтельствомъ губнаго старосты или прикащика или иной власти того мѣста гдѣ было его постоянное или временное мѣстопребываніе. Конечно можно бы также принять, что всякому пріѣзжему человѣку вѣрили на слово до тѣхъ поръ, пока не было причины сомнѣваться въ справедливости его показанія; но въ такомъ случаѣ какъ понимать необычность и незнаемость пріѣзжаго лица, когда всѣмъ вѣрили одинаково? Развѣ предположить, что противъ обычнаго и знаемаго человѣка не могло даже возникнуть подозрѣнія въ томъ что онъ показываетъ ложно, и что онъ не подлежалъ задержанію и обыску ни въ какомъ случаѣ. Но если даже принять это толкованіе, на что мы не совсѣмъ согласны, то все таки, лицамъ удаляющимся въ другіе города, села или деревни, почти необходимо было запастись извѣстнаго рода свидѣтельствомъ, которое могло бы предохранить ихъ отъ всякихъ непріятностей вслѣдствіе подозрѣнія, что они показываютъ ложно. Такимъ образомъ, какое толкованіе ни принять, все же нельзя не признать, что приведенное распоряженіе, если и не произвело непосредственно, то по крайней мѣрѣ способствовало къ установленію паспортной системы внутри тогдашней Россіи. (II).

Digitized by Google

Для дополненія предписанныхъ губными грамотами полицейскихъ мѣръ касательно лихихъ людей, укажемъ въ заключеніе еще на одно распоряженіе, о которомъ упоминается въ губной грамотѣ № 5, а именно на запрещеніе держать въ волости и давать проходъ не только лихимъ, но и вреднымъ людямъ, которые, по своему занятію, считались опасными для волости. Къ нимъ принадлежали скоморохи, волхвы, бабы ворожеи. Запретъ держать ихъ въ волости поддерживался угрозою наказанія, — пени одинаковой съ пенею за утайку татя или разбойника, т. е. въ 10 рублей со всей сотни. Сотня, въ которой найдено одно изъ такихъ вредныхъ лицъ, платила пеню, а вредный человѣкъ, послѣ наказанія кнутомъ и лишенія всего имущества (ограбивъ), выгонялся изъ волости. Распоряженіе это можно считать въ отношеніи къ лихимъ людямъ мѣрою предупредительною, потому, что вредный человѣкъ легко можетъ сдѣлаться лихимъ человѣкомъ; но здѣсь взглядъ на вредныя лица церковный (приведенное распоряженіе содержится въ грамотѣ данной отъ монастыря подвластнымъ ему землямъ); съ свѣтской точки зрѣнія скомороха, волхва или бабу ворожею нельзя считать на равнѣ съ разбойникомъ или воромъ; если же тѣ и другіе сопоставляются, то это потому, что церковь смотрѣла на нихъ не только какъ на вредныя лица, но какъ на преступниковъ. (X).

До сихъ поръ мы говорили о полицейскихъ мѣрахъ, имѣя въ виду жителей какъ самостоятельныхъ членовъ общества, независимыхъ другъ отъ друга и отвѣчающихъ только за самихъ себя. Но во время изданія губныхъ грамотъ были уже извѣстны отношенія господина и его подвластныхъ, при чемъ первый вѣроятно имѣлъ полную власть надъ послѣдними. Господинъ въ случаѣ совершенія преступленія подвластными, обязанъ былъ доставить ихъ въ судъ, а за недоставленіе отвѣчалъ самъ. При такихъ отношеніяхъ и полицейскія мѣры

Digitized by Google

были другія. Это видно изъ слѣдующаго постановленія губныхъ грамотъ: если боярскій человѣкъ будетъ обвиненъ въ разбоѣ или воровствѣ [1]) и его господинъ (князь или сынъ боярскій) скажетъ, что у него жилъ такой человѣкъ, то онъ долженъ доставить послѣдняго въ судъ; въ противномъ случаѣ на князѣ или сынѣ боярскомъ, или ихъ прикащикѣ брались *вполы исцовыхъ исковъ выти* подвластныхъ имъ *людей,* а сами князья и дѣти боярскіе давались на поруку въ томъ, что доставятъ виноватыхъ губному старостѣ, какъ скоро ихъ поймаютъ. Если князь или сынъ боярскій скажетъ, что обвиняемаго въ разбоѣ или татьбѣ лица не было, то губной староста долженъ, посредствомъ обыска, разузнать справедливо ли говоритъ князь или сынъ боярскій? Если бы въ обыскѣ оказалось, что онъ говорилъ правду, то онъ освобождался отъ всякой отвѣтственности; но если бы оказалось противное, то отвѣтственность его была бы та же что и въ первомъ случаѣ. Если въ разбоѣ или воровствѣ обвинятъ крестьянина боярскаго, и послѣдній убѣжитъ, то господинъ его дается только на поруку въ томъ что постарается поймать его и поймавъ доставитъ губному старостѣ. Изъ этого распоряженія видимъ, что всѣ мѣры полицейскія касательно людей подвластныхъ князю или сыну боярскому предоставлены были ихъ господину; онъ могъ эту обязанность ввѣрить прикащику, но мѣстнымъ полицейскимъ властямъ до такихъ людей никакаго дѣла не было. За то, если подвластный человѣкъ, совершивъ разбой или воровство, убѣжитъ, то за недоставленіе его въ судъ господинъ его или назначенный имъ прикащикъ подвергался отвѣтственности. (VI).

---

[1]) О воровствѣ, правда, не вездѣ сказано, но какъ въ подобномъ мѣстѣ, касающемся крестьянъ, упоминается не только о разбоѣ но и о воровствѣ, то мы думаемъ, что господинъ отвѣчалъ и за воровство подвластныхъ ему слугъ если не доставлялъ ихъ въ судъ.

Digitized by Google

Если ко всѣмъ этимъ мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью пресѣчь возможность скрыться лихому человѣку, поймать его и доставить въ судъ, прибавимъ, что въ это время, построены были тюрьмы для содержанія его въ продолженіе слѣдствія, или для заключенія въ видѣ наказанія, то убѣдимся, что мѣры полицейскія относительно лихихъ людей по предписаніямъ губныхъ грамотъ были очень развиты.

О подсудности лихихъ людей.

Обыкновенный составъ суда. Подсудность: по роду преступленія (смѣстный судъ); по мѣсту совершенія преступленія; по мѣсту жительства преступника временному и постоянному (смѣстный судъ); по мѣсту обвиненія въ преступленіи. Общее правило о подсудности лихихъ людей.

Судъ, которому подсудны были разбойныя и татебныя дѣла состоялъ обыкновенно изъ губнаго старосты, а по другимъ грамотамъ прикащика, и цѣловальниковъ. Опредѣлить число цѣловальниковъ почти невозможно; оно вѣроятно зависѣло отъ мѣстныхъ потребностей. Касательно ихъ обязанностей въ судѣ нельзя также сказать ничего достовѣрнаго. Были ли они судьями наравнѣ съ губнымъ старостою, или только его помощниками — незнаемъ; полагаемъ однакожъ, что они скорѣе были помощниками губнаго старосты, чѣмъ судьями. При судѣ состоялъ губной дьякъ, или дьячекъ, для записыванія дѣлъ. Этотъ обыкновенный составъ суда надъ лихими людьми въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнялся, какъ сейчасъ покажемъ.

Судъ надъ лихими людьми перешелъ по губнымъ грамотамъ отъ намѣстниковъ и волостелей или ихъ тіуновъ къ губнымъ старостамъ. Но этотъ переходъ совершился не вдругъ. Губные старосты установлялись въ разныхъ мѣстахъ посте-

Digitized by Google

ненно, не общимъ какимъ нибудь распоряженіемъ, но отдѣльными губными грамотами. Такъ въ одномъ мѣстѣ лихія дѣла судилъ намѣстникъ или волостель, а въ отсутствіи намѣстника или волостеля — тіунъ ихъ; въ другомъ же мѣстѣ, которому дана была губная грамота, судилъ лихія дѣла губный староста. Кромѣ того, родъ преступленія имѣлъ вліяніе на подсудность лихаго человѣка. Разбойникъ всегда подлежалъ суду лишь одного губнаго старосты, (тамъ гдѣ этотъ послѣдній былъ установленъ), но тать, какъ видно изъ губнаго наказа № 6, подлежалъ смѣстному суду, составленному изъ губнаго старосты и намѣстника или волостеля той волости, въ которой былъ пойманъ. Въ послѣдующихъ наказахъ такого смѣстнаго суда надъ татьми мы болѣе не встрѣчаемъ; ибо въ нихъ какъ разбойники такъ и тати подлежатъ суду одного лишь губнаго старосты.

Мѣсто совершенія преступленія принималось за основаніе подсудности. Каждый лихой человѣкъ подлежалъ суду губнаго старосты той губы, въ которой совершилъ преступленіе. Это общее правило не нарушалось даже въ томъ случаѣ, когда воръ или разбойникъ, совершивъ преступленіе, успѣлъ бѣжать въ другую губу, а преступленіе было открыто и онъ обвиненъ передъ старостою той губы, въ которой совершилъ преступленіе. Староста этой послѣдней губы, какъ только узналъ о преступникѣ и о его мѣстопребываніи, немедленно писалъ грамоту къ старостѣ той губы, гдѣ проживалъ преступникъ. Содержаніе грамоты состояло въ томъ, чтобы староста, къ кому она писана, поймавъ и обыскавъ названнаго въ ней лихаго человѣка, вмѣстѣ съ обыскнымъ спискомъ отослалъ его къ губному старостѣ, отъ котораго получилъ грамоту. Если староста, къ которому грамота была писана, не присылалъ упомянутаго въ ней лихаго человѣка, то онъ давалъ въ этомъ отчетъ Разбойному Приказу, потому что на такую невыдачу

Digitized by Google

требуемаго лихаго человѣка, староста писавшій грамоту имѣлъ право жаловаться въ Разбойный Приказъ, докладывая при томъ съ которымъ цѣловальникомъ грамота была послана, и въ присутствіи какихъ лицъ онъ ее отдалъ. Такое точное опредѣленіе порядка, въ которомъ староста долженъ требовать выдачи преступника отъ другаго старосты, и предоставленіе права жаловаться въ Разбойный Приказъ въ случаѣ неисполненія его требованія, доказываютъ, что относительно подсудности преобладало мѣсто совершенія преступленія, но тогда лишь, когда мѣсто обвиненія въ преступленіи совпадало съ мѣстомъ совершенія его. (II В).

Мѣсто жительства лихаго человѣка имѣло слѣдующее вліяніе на подсудность: тать или разбойникъ подлежалъ суду старосты той губы, гдѣ жилъ, если даже совершилъ преступленіе въ другой губѣ, но староста той губы не потребовалъ его къ своему суду [1]). Въ этомъ отношеніи не принималось въ расчетъ жилъ ли постоянно такой лихой человѣкъ въ губѣ гдѣ воспослѣдовало его обвиненіе, или имѣлъ въ ней только временное мѣстопребываніе. Есть еще и другой случай, въ которомъ обнаруживается вліяніе мѣста жительства преступника на его подсудность, именно въ такъ называемыхъ дѣлахъ общихъ. Въ грамотахъ № 4 — I — II, 8 — I находимъ распоряженіе, по которому Троицкимъ прикащикамъ запреща-

---

[1]) Это мнѣніе поддерживается слѣдующимъ распоряженіемъ губныхъ грамотъ № 3 и 4 — I: «которые люди (*пріѣзжіе*, слѣдовательно не требовалось даже постояннаго жительства) будутъ лихіе, *разбойники*, и вамъ тѣхъ людей обыскавъ, и доведчи на нихъ, да ихъ съ *приказчики городовыми* (мы знаемъ что прикащикъ городовой въ нѣкоторыхъ грамотахъ замѣнялъ губнаго старосту) пытати накрѣпко, а у пытки бъ стоялъ дворской да цѣловалники и лутчіе люди: (столь многочисленное присутствіе разныхъ лицъ у пытки требуется вѣроятно для обезпеченія правъ пріѣзжаго человѣка, котораго обвиняли въ разбоѣ) и скажутся тѣ люди, что они разбиваютъ, и тѣ бъ у васъ рѣчи писалъ дьякъ земской, а вы бъ къ тѣмъ рѣчемъ руки свои прикладывали, которой разбойникъ въ каковѣ дѣлѣ скажется, да тѣхъ бы есте розбойниковъ вѣдомыхъ бивъ кнутьемъ по всѣмъ торгомъ да ихъ бы есте казнили смертію, то есми положилъ на вашихъ душахъ.» (III А).

Digitized by Google

лось судить разбои, совершенные людьми не принадлежащими Троицкому Сергіеву монастырю, безъ представителей отъ общины, къ которой они принадлежали; и на оборотъ, не дозволялось судить губнымъ старостамъ и городовымъ прикащикамъ, въ такихъ же (вѣроятно) дѣлахъ, лица принадлежащія Троицкому Сергіеву монастырю, безъ Троицкаго прикащика, сотскихъ и десятскихъ. Въ грамотѣ № 7 сказано, что посторонніе, пойманные земскими людьми въ разбоѣ или татьбѣ, судились не иначе какъ судомъ своего губнаго старосты вмѣстѣ съ губнымъ старостой того земства, въ которомъ были пойманы въ преступленіи; и на оборотъ: земскій человѣкъ, пойманный въ разбоѣ или татьбѣ въ другомъ мѣстѣ, судился губнымъ старостою того земства, въ которомъ жилъ лихой человѣкъ, вмѣстѣ съ губнымъ старостою того мѣста, гдѣ совершено преступленіе. Въ первомъ случаѣ губный земской староста ѣхалъ съ пойманнымъ постороннимъ человѣкомъ туда, гдѣ онъ жилъ, а во второмъ губный староста того земства, гдѣ преступникъ совершилъ преступленіе, ѣхалъ съ пойманнымъ земскимъ человѣкомъ въ то земство, къ которому послѣдній принадлежалъ. Въ мелкихъ преступленіяхъ (какихъ?) старосты не ѣздили другъ къ другу и не составляли смѣстнаго суда, но только посылали одинъ къ другому лихихъ людей съ цѣловальниками на ставку. (VII).

Обвиненіе въ преступленіи не давало еще губному старостѣ права суда надъ обвиненнымъ, если онъ не совершилъ этого преступленія въ его губѣ, или по крайней мѣрѣ не имѣлъ въ ней своего пребыванія. Такъ, въ грамотахъ № 1, 2, 4 — II, (II В) сказано, что если пойманный разбойникъ назоветъ своихъ товарищей, которые живутъ въ иныхъ городахъ, то губный староста, передъ которымъ сдѣлано такое признаніе, долженъ былъ грамотою увѣдомить старосту той губы, въ которой находились товарищи пойманнаго, чтобы

Digitized by Google

староста, поймавъ ихъ и обыскавъ про нихъ и доведчи, казнилъ ихъ по губнымъ грамотамъ. Это распоряженіе, какъ видимъ, носитъ на себѣ чисто полицейскій характеръ, не предоставляя старостѣ передъ которымъ воспослѣдовало обвиненіе, ни малѣйшаго права суда надъ обвиненнымъ. (II В).

Вообще говоря, каждый лихой человѣкъ подлежалъ суду того губнаго старосты, который успѣлъ (при помощи мѣстныхъ властей) поймать его; всѣ остальныя распоряженія надобно считать только уклоненіями отъ этого общаго правила. Во время изданія губныхъ грамотъ, при неопредѣленности юридическихъ отношеній, о другомъ какомъ нибудь равносильномъ правилѣ нельзя даже и думать. Губный староста, поймавъ лихаго человѣка, не обращалъ даже вниманія на мѣсто прежняго его жительства, на мѣсто совершенія преступленія; онъ видѣлъ въ пойманномъ только преступника, котораго осудить и подвергнуть наказанію считалъ своею обязанностью.

СУДОПРОИЗВОДСТВО НАДЪ ЛИХИМИ ЛЮДЬМИ.

Искъ есть начало судопроизводства какъ гражданскаго такъ и уголовнаго. Въ гражданскомъ судопроизводствѣ право иска предоставляется всегда частному лицу; въ уголовномъ же оно принадлежитъ не только частному лицу, но и самому обществу. Это право общества съ самаго начала относится обыкновенно къ нѣкоторымъ только преступленіямъ; но по мѣрѣ того, какъ общество слагается крѣпче, право это распространяется болѣе и болѣе, такъ что съ образованіемъ государства остаются не многія лишь уголовныя преступленія, по которымъ право иска предоставлено однимъ частнымъ лицамъ; по большей части общество само преслѣдуетъ преступниковъ, независимо отъ обиженной стороны.

Мы не будемъ здѣсь разсматривать когда и по какимъ причинамъ возникло въ Московскомъ Государствѣ понятіе, что

Digitized by Google

право иска по дѣламъ лихихъ людей принадлежитъ не только частному лицу, но и самому обществу; не будемъ также исчислять тѣхъ уголовныхъ преступленій, по которымъ вчинаніе иска, еще до изданія губныхъ грамотъ и во время ихъ изданія, принадлежало не однимъ лишь частнымъ лицамъ, но и обществу; скажемъ только, что по этимъ грамотамъ разбой и воровство считались такими уголовными преступленіями, по которымъ право вчинать искъ принадлежало цѣлому обществу, а обиженная сторона могла требовать, чтобы вмѣстѣ съ наказаніемъ, которому присуждался лихой человѣкъ, было присуждено и вознагражденіе изъ его имущества за тотъ ущербъ, который она непосредственно протерпѣла вслѣдствіе разбоя или кражи. Такъ, по губнымъ грамотамъ, частное лице даже не начинаетъ иска о разбоѣ и воровствѣ, въ качествѣ обиженной стороны, но начинаетъ его само общество. Истецъ въ продолженіе всего процесса играетъ второстепенную роль. Если онъ доноситъ губному старостѣ о совершившемся разбоѣ или кражѣ, то выступаетъ здѣсь только въ качествѣ члена того общества, которое считается обиженнымъ этимъ преступленіемъ и при помощи истца послѣднее само, посредствомъ особо для того установленныхъ властей, преслѣдуетъ преступника. Истецъ, который приводилъ въ судъ татя съ поличнымъ, исполнялъ только свою обязанность, за неисполненіе которой подвергся бы самъ уголовному наказанію. Мы знаемъ что на всю общину возложена была обязанность преслѣдовать лихихъ людей, подъ угрозою строгой отвѣтственности; слѣдовательно, и каждый частный членъ этой общины не могъ быть освобожденъ отъ этой обязанности. Отсюда вытекаетъ, что тотъ кто поймалъ вора съ поличнымъ или разбойника на разбоѣ, не могъ его отпустить, но долженъ былъ отдать въ руки правосудія; это однакожъ не было его правомъ, но обязанностію,

Digitized by Google

которую онъ, для блага всего общества, долженъ былъ выполнить подъ страхомъ наказанія.

При существованіи такой обязанности преслѣдовать лихихъ людей, возложенной на каждаго частнаго человѣка и на всю общину, началомъ слѣдствія было обвиненіе кого нибудь въ лихомъ дѣлѣ частнымъ лицемъ, какъ отдѣльнымъ членомъ общины, а также и самою общиною. Къ этимъ двумъ первообразнымъ родамъ обвиненій присоединяются еще два другіе, а именно: обвиненіе кого нибудь въ лихомъ дѣлѣ его товарищами сдѣланное во время слѣдствія, и обвиненіе полицейскими властями пріѣзжихъ неизвѣстныхъ лицъ, которыя не могли доказать кто они таковы и откуда пріѣхали.

1. Обвиненіе кого нибудь въ разбоѣ, татьбѣ или другомъ лихѣ, сдѣланное частнымъ лицемъ, могло имѣть двоякій видъ: а) или обвиненіе дѣлалось безъ приведенія вещественныхъ доказательствъ. То оно получало полную силу лишь въ той мѣрѣ, какъ было поддержано мнѣніемъ другихъ лицъ, сочленовъ обвиняющаго. Такое обвиненіе имѣло силу обвиненія сдѣланнаго цѣлою общиною. b) Частное лице, обвиняя кого нибудь въ татьбѣ или разбоѣ, представляло на это вещественныя доказательства. Этотъ видъ обвиненія былъ собственно частный, отдѣльнаго лица. Если такое обвиненіе не было подкрѣплено ни мнѣніемъ другихъ лицъ, ни вещественными доказательствами (поличнымъ, разбойною рухлядью), то не имѣло никакой силы.

2. Обвиненіе сдѣланное многими людьми не нуждалось для начатія слѣдствія, въ вещественныхъ доказательствахъ. Чтобы лучше понять этого рода обвиненіе, разсмотримъ обвинительный обыскъ. Онъ состоялъ изъ показаній лицъ всякаго сословія (по человѣку съ выти, вѣроятно изъ лицъ высшаго сословія), а по царскому наказу № 7 — изъ нѣсколькихъ губъ, на которыя раздѣлялся Бѣлозерскій уѣздъ. На такомъ

Digitized by Google

обыскѣ присутствовалъ губный староста (или нѣсколько губныхъ старостъ) и цѣловальники. Когда на обвинительный обыскъ съѣзжались многіе люди, то губный староста долженъ былъ, приведя ихъ къ присягѣ въ томъ что будутъ говорить справедливо, распрашивалъ ихъ есть ли у нихъ лихіе люди; если обыскные люди говорили, что у нихъ лихіе люди есть, то губный староста долженъ былъ распрашивать тѣхъ обыскныхъ людей, которые кого нибудь обвиняли въ лихомъ дѣлѣ, въ какомъ именно лихѣ и кого обвиняютъ, когда обвиняемый ими совершилъ это лихо и противъ кого? Когда обыскные люди отвѣчали на всѣ вопросы губнаго старосты такъ, что своими отвѣтами дѣйствительно указывали лихаго человѣка, опредѣляли совершенное имъ лихо, время его совершенія и противъ кого оно было направлено, тогда такое обвиненіе обыскныхъ людей давало начало слѣдствію.

Обвинительный обыскъ съ такимъ значеніемъ былъ совершенно согласенъ съ духомъ всѣхъ прочихъ распоряженій въ изложенныхъ нами выше губныхъ грамотахъ. При разсмотрѣніи полицейскихъ мѣръ мы видѣли, что всѣ жители несли обязанность преслѣдовать лихихъ людей, что всѣ они подвергались круговой отвѣтственности въ случаѣ утайки лихаго человѣка; еслибъ было доказано, что онъ дѣйствительно таковъ, то кромѣ *пени*, за его укрывательство, волость или сотня обязаны были вознаградить всѣ причиненные имъ убытки. Отнять при такихъ обстоятельствахъ у волости или сотни право предать суду лице, которое члены ея подозрѣвали въ преступленіи, было бы вопіющею несправедливостью. Это было бы то же самое, что заставить общину держать у себя лихаго человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не совершитъ явнаго преступленія, а когда онъ совершитъ его, подвергнуть ее отвѣтственности. Очевидно, что если жители общины подвергались отвѣтственности за своего вреднаго сочлена, то они должны были имѣть

Digitized by Google

и право предать суду всякое подозрительное лице, тѣмъ болѣе, что ихъ обвиненіе имѣло тогда только силу, когда они могли доказать, что знаютъ о лихѣ обвиняемаго. Такое обвиненіе могло послѣдовать и съ другой стороны (и это вѣроятно случалось чаще чѣмъ первое) т. е. обвинять могла не та община, въ которой проживалъ лихой человѣкъ, но та, въ которой онъ совершилъ преступленіе. Нельзя не согласиться, что и этотъ поводъ для начатія и произведенія слѣдствія надъ обвиненнымъ былъ вполнѣ основателенъ: ибо въ этомъ случаѣ свидѣтельствуютъ многія лица (неопредѣленность числа ихъ можетъ развѣ вести къ злоупотребленіямъ) подъ присягою, что такой то человѣкъ совершилъ такое то преступленіе тогда то и противъ такого то человѣка.

Мы старались доказать справедливость обвинительнаго обыска, въ тогдашнее время, потому что можно пожалуй взглянуть на него какъ на посягательство на личность человѣка, тогда какъ онъ былъ лишь средствомъ для огражденія общества отъ вредныхъ людей, которыхъ лихія дѣла были всѣмъ извѣстны, но которыхъ преступленія нельзя было доказать безспорно, посредствомъ вещественныхъ доказательствъ.

3. Обвиненіямъ сдѣланнымъ пойманными лихими людьми, которые въ продолженіи слѣдствія назвали своихъ товарищей, нельзя было давать такой же вѣры какъ двумъ предыдущимъ родамъ обвиненій. Подобныя обвиненія всего чаще вынуждались у пойманныхъ лихихъ людей пыткою, и всего же чаще, послѣ пытки, лихіе люди отрекались отъ такихъ обвиненій.

4. Всего менѣе справедливыхъ поводовъ къ обвиненію представляло подозрѣніе полиціи, касательно пріѣзжихъ и неизвѣстныхъ людей, не могущихъ доказать кто они таковы и откуда прибыли.

За обвиненіемъ слѣдовало задержаніе подсудимаго лица, описаніе и опечатаніе его имущества. Это мѣра полицейская,

Digitized by Google

о которой мы здѣсь упомянули только для того, чтобъ представить весь ходъ дѣла въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Противъ обвиненнаго и пойманнаго лихаго человѣка собирались доказательства, на основаніи которыхъ можно было бы опредѣлить наказаніе. Эти доказательства были: *поличное, оговоръ, мнѣніе обыскныхъ людей* и *собственное признаніе.*

О поличномъ разъ только упоминается въ губной грамотѣ № 6 (III В), и то по поводу суда надъ татьми; по этому мы думаемъ, что поличное, по изложеннымъ во II раздѣлѣ грамотамъ, было самымъ вѣрнымъ доказательствомъ въ татебныхъ дѣлахъ; но касательно разбойниковъ оно только усиливало другія доказательства, а именно оговоръ и мнѣніе обыскныхъ людей. Поличное имѣло также вліяніе на дѣла о разбоѣ, возникшія вслѣдствіе обвиненія частнымъ лицемъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Оговоръ заключался въ мнѣніи одного, двухъ или трехъ человѣкъ («языкъ взговоритъ» ..... «взговорятъ языки два или три»), что такое то лице занимается разбоемъ или воровствомъ или другимъ лихимъ дѣломъ (разбойниковъ держитъ, разбойники къ нему пріѣзжаютъ, разбойною рухлядью промышляетъ). Такое обвиненіе могло быть или добровольное или вынужденное пыткою. Это различіе имѣло нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшее производство слѣдствія надъ оговоренными въ преступленіи лицами. Какъ бы то ни было, оговоръ скорѣе можно разсматривать какъ средство обвиненія, чѣмъ какъ самостоятельное доказательство. Если мы включили оговоръ въ число доказательствъ, то потому только, что онъ усиливалъ другія доказательства, и потому что оговоренное лице, хотя бы противъ него не было никакихъ доказательствъ, все таки подвергалось, вслѣдствіе оговора, извѣстнымъ невыгодамъ. (Его давали на поруку и брали съ него извѣстную сумму денегъ въ пользу истцовъ).

Digitized by Google

Показаніе обыскныхъ людей имѣло двоякое значеніе; во-первыхъ, оно было доказательствомъ и обвиненіемъ извѣстнаго лица въ лихомъ дѣлѣ; во-вторыхъ, оно было только доказательствомъ, если кто нибудь былъ уже обвиненъ оговоромъ, или полицейскими властями преданъ, какъ подозрительный человѣкъ, суду. Здѣсь мы будемъ разсматривать показаніе обыскныхъ людей какъ доказательство. Оно гораздо важнѣе оговора, но тѣмъ не менѣе лишь въ связи съ другаго рода доказательствами и въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, влекло за собою опредѣленіе столь же тяжкаго наказанія, безъ собственнаго признанія, какъ и вслѣдствіе признанія. Средствомъ для полученія этого доказательства былъ *обыскъ*, который состоялъ въ показаніяхъ обыскныхъ людей того мѣста, гдѣ судился преступникъ, если его здѣсь знали; въ случаѣ обвиненія въ какомъ нибудь лихѣ, подсудный просилъ, чтобы губный староста послалъ цѣловальниковъ обыскать объ немъ на мѣстѣ прежняго его жительства. Обыскные люди могли дать одно показаніе, т. е. всѣ могли говорить что такой то человѣкъ добрый или лихой; но показанія ихъ могли быть и различны: одни могли говорить что подсудимый человѣкъ добрый, а другіе что онъ — лихой; въ такомъ случаѣ обращалось вниманіе на показаніе большинства обыскныхъ людей, но тогда только, когда оно превышало другую сторону 15-ю или 20-ю голосами; въ противномъ случаѣ принималось, что обыскные люди въ своихъ показаніяхъ разнорѣчатъ и обыскъ не составлялъ никакаго доказательства. Показаніе обыскныхъ людей могло быть усилено *доводомъ;* что понимать подъ этимъ выраженіемъ — не сказано [1]). Если по просьбѣ подсудимаго лица

---

[1]) Подъ доводомъ должно, если не ошибаемся, разумѣть доказательство или сильную улику, которыя, независимо отъ показаній обыскныхъ людей, дѣлали преступленіе или преступный промыселъ вѣроятнымъ или очевиднымъ. Это же почти объясненіе даетъ этому выраженію и самъ авторъ ниже. К.

Digitized by Google

или истца, обыскъ производился на мѣстѣ прежняго жительства подсудимаго, на которое онъ указывалъ, то обыскные люди могли отвѣчать что не знаютъ подсудимаго.

Собственное признаніе преступника почиталось самымъ вѣрнымъ доказательствомъ. Послѣ такого признанія, тогдашній судъ не нуждался уже болѣе въ другихъ доказательствахъ. Разумѣется, оно заслуживало такой вѣры только тогда, когда преступникъ сознался во всемъ, въ чемъ былъ обвиняемъ. Чтобъ получить столь важное доказательство, на которое ни одинъ лихой человѣкъ добровольно бы не рѣшился, прибѣгли къ особенному средству — ввели въ губное судопроизводство *пытку*. Пытка, какъ средство достигнуть собственнаго признанія преступника, была рядомъ разнообразныхъ мученій, которыхъ строгость условливалась не величиною преступленія, а твердостью характера обвиняемаго, не сознающагося въ преступленіи. Если преступникъ на одной пыткѣ не сознавался въ винѣ, или не высказывалъ всего, о чемъ его спрашивали, то его подвергали новой пыткѣ, а за тѣмъ и третьей. Подвергались ли преступники пыткѣ болѣе трехъ разъ не видно, но молчаніе о четвертой и послѣдующихъ пыткахъ доказываетъ, что болѣе трехъ разъ преступникъ пытаемъ не былъ. Въ чемъ состояла пытка, какія мученія входили въ составъ ея, перемѣнялся ли родъ мученій съ каждою пыткою или нѣтъ — этого тоже не сказано. Не опредѣлена также степень мученій на пыткѣ; это вѣроятно, зависѣло отъ произвола судьи и цѣловальниковъ, которые были обязаны стоять у пытки и прикладывать руки къ рѣчамъ сказаннымъ преступникомъ подъ пыткою, и записаннымъ губнымъ дьякомъ [1]).

---

[1]) Пытки не надобно смѣшивать съ извѣстнымъ въ прежнее время *испытаніемъ*. Испытаніе желѣзомъ или водою было такимъ же доказательствомъ, какъ и другія, напр. поле, какъ доказательство, оно было обставлено извѣстными условіями, и только при соблюденіи ихъ почиталось доказательствомъ; условія эти были опредѣлены, были одинаковы для всякаго, кто только посредствомъ испытанія

Digitized by Google

Въ собраніи всѣхъ этихъ доказательствъ соблюдаемъ былъ извѣстный порядокъ, цѣлью котораго было охранить подсудное лице отъ пытки, въ случаѣ его невинности. Такъ послѣ оговора, сдѣланнаго однимъ, двумя или даже тремя лицами, въ томъ, что кто либо занимался лихимъ дѣломъ, не требовали вслѣдъ за оговоромъ собственнаго его признанія, но сперва удостовѣрялись въ томъ, что оговоръ справедливъ, потомъ требовали мнѣнія обыскныхъ людей, и если оно одобряло подсудимаго, то на такомъ одобрительномъ отзывѣ обыскныхъ людей судъ останавливался, и подъ извѣстными условіями обвиненный оговоромъ былъ отпускаемъ на волю. Законодатель сознавалъ жестокость пытки, и вводя ее, требовалъ чтобы подсудимый подвергался ей въ такомъ только случаѣ, когда мнѣніе обыскныхъ людей его не одобритъ. Съ другой стороны, лихой человѣкъ, который, по собраннымъ уже противъ него доказательствамъ, былъ доведенъ до пытки, не могъ отъ нея освободиться собственнымъ сознаніемъ въ преступленіи, потому, что судья смотрѣлъ уже на него какъ на преступника, который можетъ быть совершилъ уже не одно преступленіе, могъ дѣйствовать не одинъ, а въ сообществѣ съ другими; а удостовѣриться въ этомъ и открыть всѣхъ его сообщниковъ въ разбойномъ дѣлѣ было обязанностью суда. Слѣдовательно, если лихой человѣкъ даже добровольно сознался въ преступленіи, въ которомъ былъ обвиняемъ, то его все

доказывалъ свои права или оправдывался. Такъ у Чеховъ подсудимый обязанъ былъ простоять извѣстное время на раскаленномъ желѣзѣ, либо держать на немъ два пальца, до совершенія предписанной присяги. У Сербовъ обвиненный долженъ былъ опустить руку въ котелъ съ расплавленнымъ металломъ, либо выхватить желѣзо изъ огня при дверяхъ храма и отнести его къ алтарю. Подвергшійся испытанію водою долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки и если при этомъ робѣлъ и мѣшался, то проигрывалъ дѣло. (Истор. Рус. древ. временъ Соловьева т. I, стр. 235) Болѣе или менѣе тяжкій родъ испытанія опредѣлялся не по субъективнымъ свойствамъ преступника, а по важности преступленія. Испытаніе, какъ доказательство, присуждалось не только отвѣтчику, но и истцу, если онъ обвинялъ кого безъ всякихъ другихъ доказательствъ въ какомъ нибудь преступленіи.

Digitized by Google

тани подвергали пыткѣ для того, чтобъ онъ сознался во всѣхъ совершенныхъ имъ преступленіяхъ, и чтобы назвалъ всѣхъ тѣхъ, которые въ совершенномъ имъ лихѣ принимали участіе.

Покажемъ теперь взаимныя отношенія всѣхъ этихъ доказательствъ между собою и вліяніе ихъ на мѣру наказанія. За исходную точку возьмемъ показанія обыскныхъ людей. Такъ какъ эти показанія могли быть различны, то и отношеніе ихъ къ другимъ доказательствамъ и вліяніе на мѣру наказанія были тоже различны. Обыскные люди могли сказать, что извѣстный человѣкъ добрый или лихой, или что они его не знаютъ; показанія ихъ могли также раздѣлиться на двѣ равныя или неравныя части; въ послѣднемъ случаѣ обращалось вниманіе только на большинство утверждающихъ, что извѣстный человѣкъ лихой человѣкъ.

Если обыскные люди скажутъ, что обвиненный въ лихомъ дѣлѣ добрый человѣкъ, то судъ надъ обвиненнымъ прекращался; обвиненный давался на поруки за тѣхъ обыскныхъ людей, которые его одобрили, и, смотря по собраннымъ противъ него доказательствамъ, съ него взыскивалось или не взыскивалось вознагражденіе въ пользу тѣхъ, которымъ лихіе люди нанесли ущербъ. Такъ, если языкъ оговоритъ на одной пыткѣ а съ очей на очи сговоритъ, то одобренный обыскными людьми не платилъ ничего; а если языкъ оговорилъ на двухъ пыткахъ, а на очной ставкѣ или идучи къ казни начиналъ сговаривать, то на одобренномъ обыскными людьми бралась *пояза* въ выть.

Если обыскные люди говорили о комъ, что онъ лихой человѣкъ, то судъ надъ нимъ не прекращался, но пыткою вынуждалось отъ него собственное признаніе. Если онъ сознавался въ лихомъ дѣлѣ, въ которомъ его обвиняли, то подвергался наказанію на основаніи собственнаго признанія; если же не сознавался на первой пыткѣ, то подвергался второй;

Digitized by Google

если не сознавался и со второй пытки, то подвергался третьей; если же ни на одной изъ пытокъ не сознавался въ совершеніи того лиха, въ которомъ обыскные люди его обвиняли, то обращалось вниманіе на предшествующія обыску доказательства. Такъ, если кромѣ обвиненія обыскныхъ людей не было никакихъ другихъ доказательствъ, а преступникъ въ совершенномъ имъ преступленіи, выдержавъ всѣ пытки, не сознавался, то его освобождали отъ всякаго наказанія; если же обвинительное показаніе обыскныхъ людей подкрѣплялось другими доказательствами, то лихой человѣкъ, даже безъ собственнаго признанія, подвергался наказанію. Обвиненный въ разбоѣ показаніями разбойниковъ, если былъ названъ на обыскѣ лихимъ человѣкомъ, то хотя на пыткѣ и не сознавался въ совершеніи преступленія, однако все таки подвергался смертной казни.

Когда показанія обыскныхъ людей были не одинаковы, именно одни утверждали что обвиняемый въ разбоѣ человѣкъ добрый, а другіе что онъ лихой человѣкъ и на сторонѣ послѣднихъ было опредѣленное большинство, то это обстоятельство имѣло особенное вліяніе на мѣру наказанія, которое впрочемъ опредѣлялось и по другимъ доказательствамъ; такъ, если тотъ, о которомъ большинство обыскныхъ лицъ утверждало, что онъ лихой человѣкъ, будучи подвергнутъ пыткѣ, сознавался въ томъ лихѣ, въ которомъ его обвиняли, то онъ наказывался на основаніи собственнаго признанія; но если тотъ, котораго языки оговорили въ разбоѣ, а большинство обыскныхъ людей назвало лихимъ человѣкомъ, будучи подвергнутъ пыткѣ, не сознавался въ разбоѣ, то его, на основаніи оговора и мнѣнія большинства обыскныхъ людей, подвергали тюремному заключенію на всю жизнь; если же на него взводилось новое лихо, и оно было доказано, то онъ подвергался смертной казни [1]).

[1]) Какія могли быть послѣдствія такого обвиненія большинствомъ обыскныхъ

Digitized by Google

Показанія обыскныхъ людей могли такъ раздѣлиться, что половина называла обвиненнаго добрымъ, а другая половина лихимъ человѣкомъ. Въ такомъ случаѣ отзывы эти приводились почти къ нулю, и наказаніе приговаривалось по другимъ доказательствамъ, или правильнѣе обвиненіямъ. Такое раздѣленіе показаній обыскныхъ людей, вело однакожъ обвиненнаго въ лихомъ дѣлѣ къ пыткѣ. Если на пыткѣ онъ сознавался въ преступленіи, то его наказывали за то лихо, въ которомъ онъ сознался; но если и на пыткѣ онъ не сознавался въ томъ лихѣ, въ которомъ оговорили его языки, то обращалось вниманіе на то, сколько человѣкъ участвовало въ его обвиненіи. Тотъ котораго оговорилъ въ разбоѣ одинъ лишь языкъ давался на поруки тѣмъ обыскнымъ людямъ, которые его одобрили; тотъ же, котораго два или три языка оговорили въ разбоѣ, заключался въ тюрьму на всю жизнь; а если послѣ заключенія въ тюрьмѣ, на него доведено было новое лихо, то его предавали смертной казни.

Мы разсмотрѣли отношеніе показаній обыскныхъ людей къ двумъ другимъ доказательствамъ—оговору и собственному признанію, и вліяніе ихъ на мѣру наказанія, имѣя въ виду тѣ лишь случаи, когда показанія эти не подкрѣплялись никакими другими доказательствами, которыя служили бы ручательствомъ ихъ справедливости. Въ изложенныхъ четырехъ случаяхъ обыскные люди давали свои показанія, не ссылаясь на то, на какихъ доказательствахъ они основаны. Но въ губныхъ грамотахъ упоминается еще и тотъ случай, когда обыск-

---

лицъ, если съ нимъ не соединялись другія доказательства? Подвергался ли обвиненный въ лихомъ дѣлѣ пыткѣ, или нѣтъ? Если онъ на пыткѣ не сознавался въ преступленіи, то подвергался ли наказанію или нѣтъ? Касательно перваго, мы думаемъ, что достаточно было большинства обыскныхъ лицъ, обвинявшихъ въ лихомъ дѣлѣ, чтобы обвиненнаго подвергнуть пыткѣ; но если онъ на пыткѣ не сознавался въ преступленіи, то можно положительно сказать, что его не наказывали.

Digitized by Google

ные люди, въ подкрѣпленіе своихъ показаній, представляли *доводы*. Что есть доводъ?—не сказано. Мы думаемъ однакожъ, что доводомъ почитались всякаго рода факты, которые придавали показаніямъ обыскныхъ людей характеръ не личнаго убѣжденія, а юридическаго доказательства. Если, напримѣръ, обыскные люди въ показаніяхъ своихъ о томъ что такой то человѣкъ лихой, ссылались на какое нибудь его лихое дѣло, на мѣсто въ которомъ онъ его совершилъ, на лице пострадавшее отъ его лиха, то это было показаніе обыскныхъ людей съ *доводомъ*, конечно въ такомъ лишь случаѣ когда показанія ихъ были справедливы. Какимъ же образомъ доказывалась справедливость такихъ показаній? Вѣроятно не обыскомъ, потому что нельзя допустить обыска противъ показаній обыскныхъ людей. Мы думаемъ, что губному старостѣ предоставлено было право принять или отвергнуть доводъ, представленный обыскными людьми; но ему, съ другой стороны, нельзя было произвольно отвергать такой доводъ, потому что противъ него возстало бы общественное мнѣніе, и возбудило бы искъ, который могъ кончиться смертною казнью самаго губнаго старосты.

Если обыскные люди назовутъ обвиненнаго (язычною молвкою) въ разбоѣ (или другомъ лихѣ, равномъ съ разбоемъ) лихимъ человѣкомъ, съ доводомъ т. е. представляя доказательства, на которыхъ основываютъ это свое мнѣніе, то оно считалось полнымъ доказательствомъ противъ лихаго человѣка. Это не освобождало его отъ пытки; но еслибъ онъ съ пытки не сознался даже въ разбоѣ, то по такому показанію обыскныхъ людей, основанному на доказательствахъ, его подвергали смертной казни. Такое послѣдствіе имѣли показанія обыскныхъ людей, съ *доводомъ*, и въ томъ случаѣ, если обвинители, на очной ставкѣ съ обвиняемымъ, отказались отъ взведеннаго противъ него обвиненія.

Digitized by Google

Всѣ разсмотренные нами виды показанія обыскныхъ людей относятся къ тутошнымъ и не тутошнымъ лихимъ людямъ. Но должно замѣтить, что обыскъ о не тутошнемъ лихомъ человѣкѣ, производился на мѣстѣ прежняго его жительства, имъ самимъ указанномъ. Это обстоятельство, что не тутошный человѣкъ, обвиненный въ разбоѣ, судился губнымъ старостою того мѣста, гдѣ былъ обвиненъ и взятъ, а обыскъ производился на томъ мѣстѣ, на которое онъ самъ указывалъ какъ на мѣсто прежняго своего жительства, вызвало новый видъ показаній обыскныхъ людей. Лихой человѣкъ могъ ложно показать мѣсто прежняго жительства, и тогда обыскные люди, присланному къ нимъ цѣловальнику отвѣчали, что не знаютъ такого человѣка. Губный староста, получивъ такой отвѣтъ обыскныхъ людей, подвергалъ обвиненнаго пыткѣ, а если послѣдній на пыткѣ не сознавался въ преступленіи, то заключался въ тюрьму на всю жизнь. Если же на пыткѣ сознавался въ разбоѣ, то его приговаривали къ смертной казни.

Для полноты изложенія судопроизводства по губнымъ грамотамъ и наказамъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ участіи въ немъ истца.

Участіе истца въ губномъ судопроизводствѣ состояло въ слѣдующемъ: онъ могъ положить начало слѣдствію надъ лихимъ человѣкомъ, и могъ имѣть вліяніе на порядокъ, въ какомъ собирались доказательства противъ лихаго человѣка уже обвиненнаго язычною молвкою.

О первомъ сказано: если истецъ ищетъ на комъ нибудь разбоя, а языки не обвиняютъ его въ разбоѣ, истецъ же, кромѣ *поля*, не представитъ никакой другой улики, то объ томъ, кого истецъ обвинилъ въ разбоѣ, обыскивалось многими людьми. Здѣсь разсматриваются только два вида показаній обыскныхъ людей, а именно: если обыскные люди скажутъ, что онъ ли-

Digitized by Google

хой человѣкъ, но именно лиха не скажутъ; другой видъ, когда обыскные люди, говоря, что онъ лихой человѣкъ, укажутъ именно на совершенное имъ лихо. Въ обоихъ случаяхъ, обвиненный истцомъ въ разбоѣ подвергался пыткѣ; но въ первомъ случаѣ, если онъ съ пытки не сознавался въ преступленіи, то на основаніи обвиненія сдѣланнаго истцомъ и показанія обыскныхъ людей его подвергали тюремному заключенію на всю жизнь; во второмъ же случаѣ хотя онъ съ пытки и не сознавался въ разбоѣ, его приговаривали къ смертной казни.

Изъ сказаннаго видно, что обвиненіе сдѣланное истцомъ, на основаніи поля, почиталось доказательствомъ; но оно стояло ниже язычной молвки, потому что послѣднею обвиненный въ разбоѣ, если его не одобряли обыскные люди подвергался смертной казни, а обвиненный въ разбоѣ истцомъ на основаніи поля, въ томъ же самомъ случаѣ, подвергался лишь тюремному заключенію.

Касательно вліянія истца на порядокъ, въ которомъ собирались доказательства противъ обвиненнаго язычною молвкою въ лихомъ дѣлѣ, упомянуто, что по требованію истца, такой человѣкъ до обыска подвергался пыткѣ.

Основываясь на выраженіи «а истцы опричь поля улики не учинятъ никоторые, а старостамъ про тѣхъ (обвиненныхъ истцами) людей обыскивати», мы полагаемъ, что истецъ, представившій кромѣ поля другія улики, имѣлъ право требовать, чтобы староста, не обращаясь къ обыску, подвергнулъ обвиняемаго имъ въ разбоѣ человѣка пыткѣ. Это мнѣніе подкрѣпляется еще тѣмъ, что по приведенному нами другому распоряженію, если языки оговорятъ кого нибудь въ разбоѣ, то истцу предоставлялось право просить старосту, чтобы онъ до обыска, подвергнулъ такое оговоренное лице пыткѣ. Принимая въ соображеніе, что въ губныхъ наказахъ ни разу не

Digitized by Google

упоминается о столкновеніи представляемыхъ истцомъ уликъ съ различными показаніями обыскныхъ людей, мы думаемъ, что истецъ на основаніи поля и другихъ уликъ, могъ прямо требовать отъ губнаго старосты, чтобы онъ подвергнулъ обвиняемаго имъ человѣка пыткѣ; но если онъ выдержитъ всѣ пытки, и ни на одной не сознается въ преступленіи, то не подвергается уже дальнѣйшему слѣдствію. Мы полагаемъ также, что если истецъ, обвинивъ кого либо, представитъ, кромѣ поля и другія улики, а обвиняемаго язычная молвка обвинять не будетъ, то губный староста не могъ прибѣгать къ обыску, а долженъ былъ послѣ пытки наказать или освободить обвиненнаго, смотря по тому, послѣдовало или не послѣдовало за тѣмъ собственное его признаніе.

Такъ производился судъ надъ разбойниками и тѣми лихими людьми, которые поставлены наравнѣ съ ними, именно съ тѣми, которые разбойниковъ держали, къ которымъ разбойники пріѣзжали съ разбоемъ, которые промышляли вещами, пріобрѣтенными разбоемъ. Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о производствѣ суда надъ татьми.

Въ судѣ надъ татьми мы встрѣчаемъ въ грамотахъ нѣкоторыя различія, зависящія отъ состава самаго суда. По однимъ грамотамъ судъ надъ татьми отправлялъ губной староста съ намѣстникомъ или волостелемъ вмѣстѣ (а въ отсутствіи ихъ съ тіуномъ), по другимъ губной староста судилъ татей одинъ. Въ первомъ случаѣ, относительно наказанія осужденнаго татя, существовали слѣдующія различія: 1) если приведутъ татя съ поличнымъ въ первый разъ, и доведутъ на него одну татьбу, то губной староста, доправивъ на немъ истцовы иски, отдавалъ его самаго намѣстнику или волостелю въ продажѣ, а когда намѣстникъ или волостель и ихъ тіунъ продажу доправятъ, тогда губный староста приказывалъ того татя, бивъ кнутомъ, выгнать изъ земли вонъ; 2) если

Digitized by Google

доведутъ на кого вторичную татьбу, то губный староста приказывалъ бить его кнутомъ, отсѣчь ему руку, и послѣ того отдать его въ продажѣ намѣстнику или волостелю и ихъ тіуну, а когда они продажу свою на немъ взыщутъ, тогда губный староста долженъ былъ также велѣть выгнать его вонъ изъ волости; 3) если доведутъ на кого третью татьбу, а будетъ тотъ тать вѣдомой лихой, то губный староста долженъ былъ самаго тата велѣть бить кнутомъ и казнить смертною казнью, посредствомъ повѣшенія въ томъ мѣстѣ, гдѣ его поймали съ (третьею) татьбою; изъ татиныхъ животовъ и статковъ губный староста долженъ былъ удовлетворить истцовъ въ ихъ искахъ, а что останется то отдать намѣстнику или волостелю и ихъ тіуну, за всѣ ихъ пошлины.

Во второмъ случаѣ, когда судилъ губный староста одинъ, за одну доведенную татьбу тать наказывался кнутомъ и давался на поруки, а если по немъ поруки не было, то ввергался въ тюрьму, и содержался тамъ до тѣхъ поръ, пока по немъ не было поруки; за доведенныхъ двѣ татьбы онъ наказывался кнутомъ и отсѣченіемъ руки, а за доведенныхъ три или четыре или больше татебъ — смертною казнью.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о той отвѣтственности, которой подвергались обыскные люди за несправедливыя показанія, а судьи за пристрастный и корыстолюбивый судъ.

Мы видѣли, что показаніе обыскныхъ людей то освобождало преступника отъ наказанія, то ввергало его въ тюрьму на всю жизнь, то, наконецъ, предавало смертной казни. Мы видѣли также, что показаніе обыскныхъ людей выражало ихъ убѣжденіе, въ которомъ они ни предъ кѣмъ не давали отчета. Не ограничить такихъ обыскныхъ людей въ произвольномъ ихъ показаніи, не подвергать ихъ тяжкой отвѣтственности въ случаѣ явной несправедливости, значило бы дать имъ возможность совершать безчисленныя злоупотребленія. Общее поста-

Digitized by Google

новленіе въ этомъ отношеніи состояло въ томъ, что тѣ изъ обыскныхъ людей, которые своими ложными показаніями начнутъ лихихъ людей укрывать, а добрыхъ обвинять, дѣлая это изъ какихъ нибудь видовъ и въ угожденіе какимъ нибудь отношеніямъ къ подсудимому лицу, и такая несправедливость ихъ показаній будетъ доказана, подвергались смертной казни. Рядомъ съ этою общею отвѣтственностью существовала и другая, для того чтобъ обыскные люди воздерживались отъ подачи несправедливыхъ или даже необдуманныхъ одобрительныхъ показаній, а именно: если относительно кого нибудь мнѣнія обыскныхъ людей раздѣлялись, такъ, что одни его одобряли а другіе называли лихимъ человѣкомъ, то въ случаѣ доказательства другимъ путемъ, что такое лице, лихой человѣкъ, обыскные люди, которые его одобрили, подвергались опредѣленной пенѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, два или три лучшихъ человѣка, изъ числа тѣхъ, которые лихаго человѣка одобрили, наказывались кнутомъ. Также подвергались строгой отвѣтственности и губные старосты и цѣловальники, если было доказано, что они, при отправленіи суда и судопроизводства, дѣйствовали пристрастно и корыстолюбиво. Отвѣтственность эта состояла въ томъ, что иски частныхъ лицъ удовлетворялись изъ ихъ имущества, а ихъ самихъ приговаривали къ смертной казни.

О мѣрѣ наказанія и имущественныхъ взысканій.

При разсмотрѣніи этого вопроса, надобно отдѣлить наказаніе за разбой и связанныя съ нимъ лихія дѣла, отъ наказанія за воровство.

За разбой и сопряженныя съ нимъ лихія дѣла, одно было только нормальное наказаніе — смертная казнь, съ которой соединялась конфискація всего имущества. Это наказаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ усиливалось еще наказаніемъ кну-

Digitized by Google

томъ. Послѣднее находитъ свое объясненіе не въ тяжести совершеннаго лиха, но въ какой нибудь особенной цѣли; такъ, напримѣръ, кромѣ смертной казни, подвергались наказанію кнутомъ всѣ пріѣзжіе разбойники. Независимо смертной казни встрѣчаемъ еще пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ, съ которымъ соединялась также конфискація всего имущества и отдача на поруки за тѣхъ обыскныхъ людей, которые одобрили обвиняемаго въ разбоѣ. Отдача на поруки соединялась въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ извѣстнаго рода имущественнымъ взысканіемъ въ выть, для удовлетворенія истцовыхъ исковъ. Какъ тюремное заключеніе, такъ и отдача на поруки, зависѣли не отъ тяжести лиха, въ которомъ кто либо обвинялся, а отъ слабости доказательствъ, вслѣдствіе чего нельзя было подвергнуть обвиненнаго въ разбоѣ или другомъ лихѣ полному наказанію. Отдача на поруки, если не соединялась съ имущественнымъ взысканіемъ, не составляла почти вовсе наказанія; она скорѣе была мѣрою полицейскою, въ томъ смыслѣ, что общество, отдавая обвиненнаго на поруки тѣхъ обыскныхъ людей, которые его одобрили, тѣмъ самимъ возлагало на нихъ обязанность смотрѣть за этимъ человѣкомъ, и доставить его въ судъ, еслибъ впослѣдствіи открылось, что онъ былъ обвиняемъ справедливо. Имущественныя взысканія состояли въ конфискаціи всего имущества, или въ извѣстной пенѣ для удовлетворенія истцовъ въ ихъ искахъ. Когда имѣла мѣсто конфискація, то изъ отнятаго у разбойника имущества удовлетворялись всѣ частные иски, а все что за тѣмъ оставалось, было отсылаемо въ Москву, въ Разбойный Приказъ.

Касательно мѣры наказанія за воровство мы замѣчаемъ два разныхъ начала; въ однѣхъ грамотахъ тать строже наказывался, когда онъ, разъ совершивъ кражу и бывъ уже за нее наказанъ, все таки не исправлялся и совершалъ другую кражу; если и послѣ втораго наказанія тать не исправлялся,

Digitized by Google

а начиналъ опять красть, то считался уже не исправимымъ воромъ, и какъ такой подвергался смертной казни, которая для устрашенія другихъ исполнялась посредствомъ повѣшенія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ пойманъ въ третій разъ на воровствѣ. Въ другихъ грамотахъ наказаніе увеличивалось не по напряженности злой воли въ преступникѣ, котораго ничѣмъ исправить нельзя, а по величинѣ вреда, который онъ наносилъ своимъ преступленіемъ. Такимъ образомъ, тать, на котораго доведутъ одну татьбу, наказывался меньше чѣмъ тотъ, на котораго доведутъ двѣ или три татьбы; по этимъ губнымъ грамотамъ выходитъ, что тать, приведенный хотя и въ первый разъ, если только на него доведутъ три татьбы или больше, подвергался смертной казни. Такое начало основано на очень шаткомъ предположеніи, что воръ, который нѣсколько разъ укралъ, могъ украсть больше другаго, который только разъ совершилъ это преступленіе, и что тотъ, который нѣсколько разъ кралъ, уже тѣмъ доказалъ, что воровство есть для него ремесло, а такихъ вредныхъ людей общество должно было наказывать смертною казнью. Изъ этихъ двухъ началъ, на основаніи которыхъ увеличивалось наказаніе, первое гораздо точнѣе и справедливѣе втораго.

Digitized by Google

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

УСТАВНЫЯ И СУДНЫЯ ГРАМОТЫ ГОРОДАМЪ, СЕЛАМЪ И ДЕРЕВНЯМЪ, НАХОДЯЩИМСЯ ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ СВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

№ 1. Уставная Важская грамота, 1552 г. Марта 21-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 234). «Се язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми Важанъ, Шенкурцовъ и Вельского стану посадскихъ людей и всего Важскаго уѣзда становыхъ и волостныхъ хрестьянъ,...»

№ 2. Уставная грамота Переславскимъ рыболовамъ, 1555 г. Августа 15-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 242). «Се язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми въ Переславлѣ на посадѣ рыболовей Переславскихъ, столнича пути, старосту рыболовля N. да NN. и всѣхъ рыболовей лутчихъ и середнихъ и молодчихъ людей, которые судомъ и кормомъ подданы столнича пути волостелемъ...»

№ 3. Уставная грамота Устюжскаго уѣзда Усецкихъ и Заецкихъ волостей крестьянамъ, 1555 г. Октября 15-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 243). «Се язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми, въ Устюжскомъ уѣздѣ, Усьи и Заечьи рѣки волостныхъ крестьянъ: Усецкіе волости NN., да Чедермскіе волости крестьянъ NN, да Чушевитцкіе волости крестьянъ NN., да Пежемскіе во-

Digitized by Google

лости и Певелцовъ крестьянъ NN., да Ростовскіе волости крестьянъ NN. и всѣхъ Усьи и Заечьи рѣки волостныхъ крестьянъ, лутчихъ и середнихъ и молодчихъ людей, которые судомъ и кормомъ подданы Усьи и Заечьи рѣки волостелемъ...»

№ 4. Уставная грамота Переславскаго уѣзда Царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ, 1556 г. Апрѣля 29-го. (См. Ак. Ист. т. 1 № 165). «Се язъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми, въ Переславскомъ уѣздѣ, своихъ подклѣтныхъ селъ, села Ивановского крестьянъ NN., да села Фалелѣева старосту NN., да трети села Петровского, крестьянъ старосту, NN, и во всѣхъ крестьянъ мѣсто тѣхъ селъ, лутчихъ и середнихъ и молодчихъ людей...»

№ 5. Уставная Двинская грамота 1556 г. Сентября. (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 250). «Се язъ Царь и Великій Князь Иванъ Висильевичь всея Русіи пожаловалъ есми Двинянъ Нижные половины, посадскихъ людей Колмогорцовъ, Ивановского и Николского приходу, сотского и старосту NN. и во всѣхъ христьянъ мѣсто посадскихъ и окологородныхъ всее Двинскіе земли...»

№ 6. Судная грамота Удѣльнаго Князя Владимира Андреевича Замосковной Вохонской волости, бобровничьей полусохи, крестьянамъ, 1561 г. Марта 20-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. I. № 257). «Се язъ Князь Володимеръ Ондреевичь пожаловалъ есми въ Замосковской волости въ Вохнѣ бобровничей полусохи крестьянъ NN., и всѣхъ крестьянъ той полусохи бобровничей...»

№ 7. Уставная грамота посадскимъ людямъ города Шуи, 1606 г. Іюля 7-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. II. № 52). «Божіею милостью мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи пожаловалъ есми Шуянъ посадскихъ людей, соцкого N., да земскихъ цѣловалниковъ NN., и

Digitized by Google

всѣхъ Шуянъ посадскихъ лутчихъ и середнихъ и молодчихъ людей...»

№ 8. Уставная грамота Устюжны — Желѣзопольской, 1614 г. Іюня 5-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. III. № 37). «Божіею милостію мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичь, всеа Русіи Самодержецъ, пожаловали есмя Устюжны Желѣзопольскіе посадскихъ лутчихъ и середнихъ и молодчихъ и всѣхъ черныхъ городскихъ людей...»

№ 9. Судная грамота Устюжны — Желѣзопольской, 1614 г. Іюня 5-го. (См. Ак. Ар. Экс. т. III. № 36). «Божіею милостію мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичь, всеа Русіи Самодержецъ, пожаловали есмя Устюжны Желѣзопольскіе посадскихъ лутчихъ и середнихъ и молодчихъ и всякихъ черныхъ городскихъ людей...»

№ 10. Царская жалованная грамота Устьянскимъ волостямъ, 1622 г. Сентября 8-го. (См Ак. Ар. Экс. т. III. № 126). «Божіею милостію мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичь, всеа Русіи Самодержецъ, и отецъ нашъ Великій Государь святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичь Московскій и всеа Русіи, пожаловали есмя Усьи и Заечьи рѣки волостныхъ крестьянъ NN. и всѣхъ Устьянскихъ волостей крестьянъ, лутчихъ и середнихъ и молодчихъ людей...»

I. О лицахъ назначенныхъ для суда и управленія и о ихъ помощникахъ.

«А велѣлъ есми у нихъ быти излюбленнымъ головамъ, которыхъ людей они себѣ излюбили кому у нихъ на посадѣ въ станѣхъ и въ волостяхъ межъ собя управа чинити во всякихъ дѣлѣхъ земскихъ» № 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9.

«Да списокъ ихъ имянъ за своими руками къ намъ прислали. И мы тѣхъ излюбленныхъ судей велѣли къ цѣлованію

Digitized by Google

привести, чтобъ имъ (въ Переславлѣ на посадѣ, въ Рыболовлей Слободѣ, столнича пути) крестьянъ судити и управа чинити по судебнику и по уставной грамотѣ, какъ есмя уложили о судѣ во всей землѣ, обыскивая вправду, по нашему крестному цѣлованью, безволокитно.» № 2, 3, 7.

«Да и того излюбленнымъ головамъ межъ собя беречи накрѣпко, чтобы отъ нихъ отъ самихъ и отъ сторонних людей отъ кого нибуди посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ силъ и обидъ и продажъ безлѣпичныхъ не было, и посуловъ бы и поминковъ ни въ какихъ дѣлѣхъ на посадскихъ людѣхъ и на становыхъ хрестьянѣхъ (вѣроятно и на волостныхъ) никто не ималъ никоторыми дѣлы; а учнутъ излюбленные головы сами посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ, кому нибуди, силы и обиды и продажи безлѣпичные чинити, и посулы и поминки имати, и тѣмъ отъ меня Царя и Великого Князя быти казненымъ смертною казнію, а животы ихъ и статки велѣть имати да отдавать тѣмъ людемъ, кому отъ нихъ продажи и убытки чинятся.» № 1, 5.

«И всѣмъ рыболовлямъ (Устьянскихъ волостей крестьяномъ № 10), лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ, выбрати у собя въ Рыболовлѣ Слободѣ, кому бы у нихъ мочно съ выборными старостами въ судѣ быти, изъ рыболовей, (тѣхъ же волостей изъ волостныхъ людей—№ 10), въ цѣловалники дву человѣкъ, да дьяка земского, да въ доводчиково мѣсто одного человѣка, кому у нихъ на поруки давати и на судѣ ставити, да и къ цѣлованью ихъ у собя въ Рыболовлей Слободѣ (въ волостяхъ—№ 10) привести по записи, какова имъ запись дана. А кого выберутъ — тѣхъ людей имена написати на списокъ да къ тому ихъ излюбленному списку руки свои приложити, а которые грамотѣ не умѣютъ и въ ихъ мѣсто отцемъ ихъ духовнымъ къ тому списку руки свои приложити, да тотъ списокъ ихъ прислати на Москву къ дьяку нашему N.» № 2, 3, 10.

Digitized by Google

«Да прибрати имъ на посадѣ всѣми посадскими людми и становыми и волостными, дьяка земскаго, кому излюбленныхъ головъ всякіе дѣла писати, кто бъ имъ въ земскіе дьяки любъ былъ, да и къ цѣлованью имъ тѣхъ дьяковъ привести по тойже записи, по которой записи они сами къ цѣлованью приведены, да и запись къ тѣмъ излюбленнымъ головамъ послана.» № 1.

«Да выборнымъ же судьямъ, на Колмогорахъ на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ на Нижней половинѣ, выбрати соцкихъ и пятидесяцкихъ и десяцкихъ, которые бъ были добры и прямы и всѣмъ крестьяномъ любы.» № 5.

II. Царскій оброкъ.

«И оброкъ есми на нихъ, по ихъ челобитью, на посадъ и на станы и на волости положилъ денгами. А давати тѣмъ посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ, за намѣстничь и за тіуновъ кормъ, и за присудъ, и за корчмы, и за пятно, и за праветчиковъ и за доводчиковъ поборъ, и за всѣ намѣстничьи пошлины, и за всѣхъ пошлинныхъ людей поборы, и за всякіе доходы, N. рублевъ на годъ, опричь нашего Царя и Великого Князя оброку и иныхъ нашихъ пошлинъ.» № 1, 5.

«А оброкъ есмя, за волостелины доходы столнича пути, и за присудъ, и за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлины, опричь мыта сухово, на Переславскихъ рыболовей на черные сохи на всѣхъ людей, которые судомъ и кормомъ подданы столнича пути волостелемъ, велѣли положити на годъ денгами по N. рублевъ и по N. алтынъ и по N. денегъ, да пошлинъ съ того оброку съ рубля по 2 алтына.» № 2.

«А за ключничь и за поселничь и за ихъ пошлинныхъ людей присудъ, и за всѣ пошлины села N. крестьяномъ да-

Digitized by Google

вати, со ста да со штинадцати вытей, N. рублевъ и N. гривны, съ выти по двѣ гривны, да пошлинъ съ рубля 2 алтына.» № 4.

«А за волостелинъ кормъ, и его пошлинныхъ людей за всякой доходъ, той полусохи крестьяномъ давати, и за всѣ пошлины и за дѣла, въ мою княжъ Володимерову Ондреевича казну, оброку съ году на годъ съ той полусохи по пятидесять по одному рублю на годъ, да пошлинъ съ рубля по 2 алтына.» № 6.

«А за волостелинъ и за его пошлинныхъ людей присудъ и за дворское, и за всякія пошлины, давати посадскимъ людемъ по сошному розводу съ сохи по пятнадцати рублевъ на годъ, да пошлинъ съ рубля по два алтына.» № 9.

«А сбирати имъ тотъ оброкъ со всего своего присуда, по животомъ и по промысломъ, какъ у нихъ тяглы межъ себя розводятъ; а лишка имъ въ розводѣ того тягла, на дворы ни на чьи оброковъ прибавливати никоторыми дѣлы.» № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10.

«И впередъ выбирати себѣ на Устюжнѣ на посадѣ иныхъ цѣловалниковъ, и сотского и дьячковъ, самимъ и приводити тѣхъ всѣхъ людей къ крестному цѣлованью на томъ, что имъ наши царскіе оброки и пищалныя денги и иные всякіе розметы розволити по животомъ, и по промысломъ, и по позему, на себя и на всѣхъ городскихъ людей класти вправду, по нашему крестному цѣлованью, и другу имъ не дружити, а недругомъ не мстити; а у которыхъ у молодчихъ у посадскихъ людей не будетъ своей собины, а живутъ своими дворы, и имъ на тѣхъ людей розводити всякіе розметы, смотря по ихъ дворомъ, и кто чего стоитъ.»

«А впередъ которые дворы на Устюжнѣ на посадѣ на черныхъ мѣстѣхъ станутъ ново, послѣ писцовъ, и имъ на тѣ

Digitized by Google

прибылные дворы розводити всякіе розметы слегка, какъ пригоже, смотря по людемъ въ пособъ всему городу.»

«А которые дворы опустѣютъ, и тѣ пустые дворы оплачивати всѣмъ городомъ.»

«А что цѣловалники да сотской нашихъ оброковъ и всякихъ розметовъ городскихъ положатъ на себя и на всѣхъ городскихъ людей, и имъ то по розводу платити безъ ослушанья.»

«А которые люди учнутъ ослушаться, не учнутъ платить что на нихъ цѣловалники розведутъ, и на тѣхъ ослушникѣхъ тѣ денги доправливаетъ доводчикъ Устюженского волостеля, кто на Устюжнѣ волостель будетъ.» № 8.

«А дати имъ тотъ оброкъ, въ мою Цареву и Великого Князя казну, казначеемъ NN. да дьяку нашему N. на одинъ срокъ въ году (№ 1, 3, 4, 5, 8) или на два срока.» (№ 2, 6, 9).

«А пріѣхавъ имъ къ Москвѣ, съ тѣмъ оброкомъ, посуловъ и поминковъ не давать никому ничего.»

«А какъ тѣ излюбленные головы, а съ ними посадскіе люди или становые или волостные хрестьяне, поѣдутъ къ намъ, къ Москвѣ, съ нашею казною, за намѣстничь откупъ, или поѣдутъ отъ насъ съ Москвы назадъ, и по городомъ наши намѣстники, и по волостемъ волостели, и наши приказщики, и ихъ тіуны, и мытчики, и перевозщики, и мостовщики, на излюбленныхъ головахъ и на посадскихъ людѣхъ и на становыхъ и на волостныхъ крестьянѣхъ мыта, и явки, и мостовщины, и перевозу, и иныхъ пошлинъ не емлютъ, а пропущаютъ ихъ вездѣ доброволно, по сей нашей грамотѣ.» № 1.

«А на которой срокъ излюбленные головы и лутчіе люди, соцкіе, и пятидесяцкіе, оброковъ сполна, къ Москвѣ, въ нашу казну не привезутъ и не заплатятъ, и мнѣ Царю и Вели-

Digitized by Google

кому Князю въ томъ посылати по нихъ приставовъ да велѣти на нихъ тѣ оброки доправливати вдвое съ ѣздомъ.» № 1, 5.

«А сверхъ намѣстнича оброка платити имъ нашъ оброкъ, за бѣлку и за горностали, и ямскіе и пищалные и полоняничные денги, и иные наши оброки, по писцовымъ книгамъ и по сохамъ давати, и городовое дѣло дѣлати, и всякіе тягла тянути и подати давати по старинѣ, по тому жъ какъ давали преже сего.» № 1.

III. Постановленія относящіяся къ гражданскому праву.

A) *Заключеніе брака.*

«А кто у нихъ на посадѣ, или въ станѣхъ или въ волостѣхъ, женится или дочерь замужъ дастъ за рубежъ, и они, новоженного убруса и выводные куницы не даютъ никому ничего.» № 1.

«А кто у нихъ въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ женится, или кто выдастъ дочерь замужъ въ иную волость, и выборные судьи новоженной убрусъ и выводную куницу емлютъ по старинѣ.» № 4, 6, 7, 9.

«А за выводную куницу (волостель Ужстюжскій) емлетъ у нихъ алтынъ, а новоженного 2 денги.» № 8.

«А кто женится безъявочно и на томъ взяти промыта два рубли.» № 7.

B) *Купля, мѣна и продажа.*

«А кто у нихъ на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, купитъ лошадь, или продастъ или мѣнитъ, и они посадскіе люди и становые и волостные лошади являютъ тѣмъ своимъ выборнымъ головамъ, и тѣ ихъ выборные головы лошади ихъ въ шерсть и имяна людскіе пишутъ въ книги памяти для, и тѣ лошади пятнаютъ, а отъ пятна не емлютъ ничего.» № 1.

Digitized by Google

«А кто въ Шуѣ на посадѣ купитъ лошадь, или продастъ, или мѣнитъ, и посадскіе и всякіе люди тѣ лошади являютъ по нашему указу; а имена людскіе и лошади въ шерсть пишутъ въ книги, для спору.» № 7.

«А будетъ пятно къ тамгѣ и къ инымъ нашимъ пошлинамъ не придано, а дано будетъ ключнику или поселскому: и кто въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ купитъ лошадь и продастъ, или мѣнитъ, и тѣ люди тѣхъ селъ и деревень лошади являютъ выборнымъ судьямъ, и тѣ лошади судьи пятнятъ волостнымъ пятномъ, а отъ пятна емлютъ по старинѣ, какъ имали ключники и поселскіе и ихъ пошлинники; а имяна людскіе, кто купитъ, или кто продастъ, и лошади въ шерсть, пишутъ въ книги, спору для.»

«А которой человѣкъ купитъ и продастъ, или мѣнитъ лошадь, и выборнымъ судіямъ кто въ тѣхъ селѣхъ не явитъ до такова же дни, и выборные судьи уличивъ того, емлютъ на нихъ пропятенье по Судебнику.» № 4, 6, 9.

C) *Относительно займа.*

«А кто займетъ сколко денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ собѣ, а на денги ростъ давати.»

«А кто дастъ денегъ въ займы въ ростъ да того человѣка станетъ у себя держати, и сбѣжитъ отъ него тотъ человѣкъ подкрадчи, и что снесетъ, то у него пропало, а по кабалѣ денегъ лишенъ.» № 4, 6, 7.

D) *Относительно изгородъ между дворами.*

«А про межъ дворовъ городити изгорода по половинамъ; а чьею изгородою учинится убытокъ, и тому платити.» № 4, 6, 7, 9.

Digitized by Google

Е) *Относительно перехода крестьянъ.*

«А крестьяномъ отказыватися изъ города въ волость, и изъ волости въ городъ, на одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дни осеннего и недѣля по Юрьевѣ дни осеннемъ.» № 4, 6.

IV. О судѣ, судопроизводствѣ и управѣ по дѣламъ гражданскимъ и отчасти уголовнымъ, о судебныхъ пошлинахъ и о безчестіи.

А) *О составѣ суда, порядкѣ опредѣленія новыхъ судей и о дѣлопроизводствѣ въ судахъ.*

«А быти у нихъ въ судьяхъ тѣхъ же селъ крестьяномъ, которыхъ они выбрали всѣми крестьяны тѣхъ селъ N. N.» № 4, 6.

«А въ розбойныхъ дѣлѣхъ (Рыболовли Слободы) крестьянъ судити и управливати губнымъ старостамъ, по ихъ губнымъ уставнымъ грамотамъ и по наказнымъ спискамъ.» № 2, 3.

«А на судѣ, въ обыску и во всякихъ дѣлѣхъ, у излюбленныхъ головъ быти посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ лутчимъ людемъ, колкимъ будетъ пригоже, чтобы отъ нихъ никому ни въ чемъ силы и обиды и продажи безлѣпичные не было.» № 1, 5.

«А въ судѣ и у записки у всякихъ дѣлъ, у губныхъ старостъ и у излюбленныхъ судей, сидѣти волостнымъ лутчимъ крестьяномъ.» № 4, 6.

«И будетъ Колмогорцы посадскіе люди и волостные крестьяне похотятъ выборныхъ своихъ судей перемѣнити, и имъ всѣмъ выбирати лутчихъ людей, кому ихъ судити и управа межъ ихъ чинити, да тѣхъ своихъ излюбленныхъ судей присылаютъ къ Москвѣ, къ дьяку нашему N., и излюбленный

Digitized by Google

списокъ по имяномъ, съ поповскими руками и съ дьяконскими и съ своими приписми, дьяку нашему отдаютъ.»

«А дьякъ нашъ, тѣхъ ихъ излюбленныхъ судей приводитъ ко крестному цѣлованью на томъ, что имъ судити и во всякихъ дѣлѣхъ межъ крестьянъ управа чинити вправду, по нашему крестному цѣлованью, и посуловъ и поминковъ не имати ничего ни у кого.» № 5.

«А судные и обыскные списки и всякіе дѣла записывати земскому дьяку (дьячку). А у записки и у всякихъ дѣлъ сидѣти излюбленнымъ ихъ головамъ, а съ ними лутчимъ людемъ посадскимъ и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ.»

«И велѣти имъ всякіе дѣла записывати передъ собою да тѣ записки всякихъ дѣлъ держати за своими печатми.» № 1, 4, 6, 7, 9.

«А земскому дьяку безъ нихъ (безъ излюбленныхъ головъ) судныхъ дѣлъ и обыскныхъ и всякихъ дѣлъ не записывати и у себя не держати никоторыми дѣлы.» № 1, 4 [1]), 5, 6 [2]), 7, 9.

«А учнетъ земской діякъ судные и обыскные и всякіе дѣла записывати одинъ, не при излюбленныхъ головахъ, или которые дѣла учнетъ земской діякъ держати у собя, а кто ихъ въ томъ уличитъ, и излюбленнымъ головамъ и діяку земскому, отъ меня Царя и Великого Князя въ томъ быти казненымъ смертною казнью.» № 1, 4 [3]), 5, 6 [4]), 9 [5]).

«А учнетъ земской діячекъ судные и обыскные и всякіе дѣла записывать одинъ, не передъ ними, или которые дѣла земской діячекъ учнетъ держати у себя, а кто на нихъ доведетъ, и излюбленнымъ судьямъ и тѣмъ земскимъ діячкомъ быти отъ насъ въ великой опалѣ и животы ихъ велимъ имати на насъ.» № 7.

Примѣчанія.

[1]), [2]) Ко всякимъ дѣламъ писаннымъ дьякомъ, губные старосты или

Digitized by Google

излюбленные судьи и лутчіе люди, которые грамотѣ умѣютъ должны руки свои прикладывать.

[3], [4]) Кромѣ смертной казни, животы ихъ отдавались тѣмъ людямъ, которые на нихъ доведутъ.

[5]) «А животы ихъ (т. е. земскаго дьячка и излюбленныхъ судей и губныхъ старостъ, о которыхъ говорится) велѣти имати да отдавати тому, кто на нихъ доведетъ.»

B) *Общія правила относительно суда и судопроизводства.*

«А вѣдаютъ и судятъ посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ, ихъ излюбленные головы, и тѣ межъ ихъ во всякихъ дѣлѣхъ и по кабаламъ управу чинятъ по нашему судебнику, на чемъ они къ крестному цѣлованью приведены, безо всякіе хитрости.» № 1, 5 [1]).

«А судити имъ (выборнымъ судьямъ) по сей нашей грамотѣ. А о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ указу нѣтъ, и тѣ имъ дѣла вершити по Судебнику.» № 4, 6, 7, 9.

«А судити имъ и сыскивати во всякихъ дѣлѣхъ и управа чинити безъ поль.» № 4.

«А судити имъ (излюбленнымъ головамъ) хрестьянъ по ихъ животомъ, по нашей грамотѣ.»

«А кто на кого взыщетъ не по животомъ и не по промысломъ, и тѣ ихъ излюбленные головы, про то обыскавъ, иски отставливаютъ.» № 1, 5.

«А которыхъ дѣлъ излюбленнымъ головамъ безъ нашего вѣдома кончать немочно, и излюбленные головы въ тѣхъ дѣлѣхъ суда своего списки и обыски во всякихъ дѣлѣхъ присылаютъ на Москву, къ казначеемъ нашимъ N. N. да ко діяку нашему N., или иному діяку, кому язъ Царь и Великій Князь Вагу прикажу, а казначеи наши да діякъ нашъ о тѣхъ дѣлѣхъ докладываютъ меня Царя и Великого Князя, и язъ велю тому указъ учинити.» № 1, 5 [2]).

«А въ чемъ имъ будетъ управити невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ исцовъ присылати къ докладу на Москву, къ нашимъ казначеемъ N. N., да къ дьяку

Digitized by Google

нашему N., и они имъ указъ чинятъ безволокитно и списки подписываютъ безпошлинно.» № 2, 3, 4 [3]), 6 [4]), 10.

«А въ которыхъ будетъ дѣлѣхъ излюбленнымъ судьямъ крестьяномъ управы чинити не мочно, и они суда своего списки, обоихъ исцовъ, присылаютъ къ докладу къ намъ, къ Москвѣ.» № 7 [5]), 9.

«А которые иногородцы пріѣдутъ въ тѣ ихъ села, какимъ дѣломъ нибуди, и взыщутъ на тѣхъ селъ крестьянѣхъ бою и грабежу, или иныхъ дѣлъ какихъ нибуди, и имъ управа давати по тому же какъ и селчаномъ межъ собя, по сей грамотѣ.» № 4, 6, 7, 9.

Примѣчанія.

[1]) «А судебникъ по чему судити и управа межъ крестьянъ чинити дать выборнымъ судьямъ N. N. за дьячью приписью.»

[2]) Списки должны быть подписаны судьми и цѣловальниками и лутчими людьми. Списки должны быть присланы немедленно. Они присылались съ казною вмѣстѣ.

[3]), [4]) Излюбленные судьи посылаютъ списки дворецкому Большаго Дворца, а дворецкой у нихъ велитъ тѣ списки подписывать безпошлинно. О безволокитномъ указѣ ничего не сказано.

[5]) Прибавлены слова «въ Четверть, гдѣ (Шуя) будетъ въ приказѣ.»

С) *Судопроизводство и управа по дѣламъ безспорнымъ.*

«А которые посадскіе люди межъ собя или иногородцы на посадского человѣка учнутъ въ судъ класти искати по своимъ кабаламъ, а кабалы будутъ стары, болши пятинадцати лѣтъ, и по тѣмъ по старымъ кабаламъ никому ни на кого суда не давати и денегъ не правити.»

«А кто на кого положитъ выданую кабалу хоти одиного году, а выдана за долгъ, и по той кабалѣ суда нѣтъ.»

«А которыя прямыя кабалы менши пятинадцати лѣтъ, лѣтъ за четырнадцать и за десять, и по тѣмъ кабаламъ на отвѣтчикахъ, которые повинятся, денги правити истину безъ росту.»

Digitized by Google

«А по которымъ кабаламъ лѣтъ за пять, а отвѣтчикъ не лживитъ, и по тѣмъ кабаламъ править денги истину съ росты.» № 7.

«А которые посадскіе люди, или становые или волостные хрестьяне, передъ излюбленными головами учнутъ искати заемныхъ денегъ съ росты, или заемного хлѣба съ наспы, по кабаламъ, а отвѣтчики по тѣмъ кабаламъ скажутся виноваты, а будетъ въ тѣхъ кабалахъ денги обрубные или хлѣбъ обрубной писанъ, или на денги ростъ, или на хлѣбъ насопъ, понедѣлно написанъ, и излюбленные головы по тѣмъ кабаламъ у истцовъ обрубные денги, или хлѣбъ, и понедѣлной ростъ на денги и на хлѣбъ насопъ отставливаютъ, а велятъ имъ имати по кабаламъ истину, денги или хлѣбъ, а на денги ростъ или на хлѣбъ насопъ на пять шестой, по розчету.» № 1.

«А въ тѣхъ бы кабалныхъ дѣлѣхъ выборные судьи судныхъ списковъ къ докладу къ Москвѣ не посылали, и управы выборные судьи по тѣмъ кабалнымъ дѣломъ тѣмъ людемъ чинили по нашей уставной грамотѣ; а не учнутъ выборные судьи въ тѣхъ дѣлѣхъ управы чинити, или учнутъ обоихъ исцовъ, ищея и отвѣтчика, за тѣми списки къ докладу къ Москвѣ волочити, и что обоимъ исцомъ учинится убытка, проѣсти и волокиды, и тѣ убытки велѣти мнѣ доправити на выборныхъ судьяхъ вдвое.» № 6.

«Царь и Великій Князь становымъ и волостнымъ судьямъ, по сей грамотѣ, указалъ чинити: которые люди по кабаламъ и по записемъ и безкабално, въ хлѣбѣ и въ денгахъ, исцомъ своимъ передъ выборными судьями скажутся виноваты, а исцова иску скажутъ заплатити имъ немочно, и выборнымъ судьямъ на тѣхъ людѣхъ исцовы иски велѣти правити послѣ суда шесть недѣль, да будетъ въ ту шесть недѣль исцовыхъ исковъ доправити на нихъ немочно, и выборнымъ судьямъ отвѣтчиковъ въ исцовыхъ искѣхъ (въ истинѣ безъ росту — № 6) вы-

Digitized by Google

давать ищеямъ ихъ головой до искупа и правые имъ грамоты на нихъ давати, за своими печатьми и земскихъ дьяковъ руки; а тѣ ихъ кабалы и записи выборнымъ судьямъ держати у себя въ земскомъ ларцѣ, за своими печатьми, докуда которой отвѣтчикъ, по кабаламъ и по записемъ и безкабално, исцомъ своимъ искупится.»

«А которой отвѣтчикъ, по кабаламъ и по записемъ и безкабално, выборнымъ судьямъ въ исцовы иски въ уплату что привезетъ, хлѣба или денегъ, и выборнымъ судьямъ деньги и хлѣбъ у тѣхъ людей имать въ истину безъ росту, да хлѣбъ и деньги выборнымъ судьямъ держати у собя, докуды которой отвѣтчикъ исцовъ искъ выплатитъ сполна; а уплата выборнымъ судьямъ на кабалахъ и на записехъ подписывати, докуды которой отвѣтчикъ отъ исцова иску искупится сполна; а которой отвѣтчикъ исцова иску, безкабалного долгу, что принесетъ въ уплату, и выборнымъ судьямъ тѣмъ людемъ въ той ихъ уплатѣ давати отписи, земскихъ діяковъ руки; а какъ которой отвѣтчикъ, по кабаламъ и по записемъ и безкабално, исцевъ искъ выплатитъ сполна, и выборнымъ судьямъ хлѣбъ и деньги отдавати исцомъ безъ росту, а кабалы и записи выдавати отвѣтчикомъ, а правые грамоты у исцовъ имати назадъ да тѣхъ людей платежъ на правыхъ грамотахъ подписывати велѣти тѣмъ же земскимъ діякомъ.» № 1, 6.

D) *Судопроизводство и управа по дѣламъ спорнымъ.*

«Взыщетъ кто на комъ бою и грабежу до рубля, или выше того, и имъ того сыскивати всѣми крестьяны тѣхъ селъ: и сыщутъ, что на него бой и грабежъ былъ, и искалъ своего бою и грабежу по животомъ, и имъ по тому отвѣтчика обвинити.» № 4, 6, 7 [1]), 9 [2]).

«А скажутъ, что имъ бой былъ, а о грабежѣ имъ вѣдо-

Digitized by Google

ма нѣтъ, а ищея искалъ не по своимъ животомъ, и имъ ищею тѣмъ винити.» № 4, 6, 7, 9.

«А скажетъ ищея, что у него отняли чужіе животы, и имъ того сыскивати, чьи у него животы были, и обыщутъ того, что у него чужіе животы были, а на грабежъ видоковъ нѣтъ, и имъ въ томъ присужати цѣлованья съ жеребья.» № 4, 6, 9.

«А взыщетъ кто великихъ грабежъ, рублевъ до двадцати или до тридцати, или свыше того, и имъ въ томъ по тому жъ обыскивати накрѣпко, а чего сыскъ не иметъ, и имъ въ томъ по тому жъ присуживати цѣлованья съ жеребья.» № 4, 6, 7, 9.

«А кого послухъ опослушествуетъ въ бою, или въ грабежу, или въ займѣхъ, ино дати имъ (послухамъ) цѣлованье съ жеребья.» № 4, 6 [3]), 7, 9.

«А которой человѣкъ взыщетъ бою и грабежу, а отвѣтчикъ скажетъ, что грабилъ, а не билъ, и на томъ грабежъ доправити; а кто скажетъ билъ а не грабилъ, а въ бою толко не помирятся, ино имъ присужати въ безчестье цѣлованья съ жеребья, ищея поцѣлуетъ и онъ безчестье возметъ, а отвѣтчикъ поцѣлуетъ и онъ не дастъ ничего.»

«А кто взыщетъ поклажея, и того сыскивати межъ собя всѣми людми по тому жъ по животомъ, а чего сыскъ не иметъ и имъ въ томъ присужати цѣлованья; а давати на отвѣтчикову волю, хочетъ самъ поцѣлуетъ, или подъ крестъ денги положитъ, а ищея поцѣловавъ возметъ.» № 4, 6, 7, 9.

«А ищея пошлется на послухи, въ заемномъ дѣлѣ безъ кабалы, или въ каковѣ дѣлѣ нибуди, и послухи ставъ межъ собя порознятъ, иные молвятъ въ истцовы рѣчи, а иные въ истцовы рѣчи не молвятъ, и которые молвятъ въ истцовы рѣчи, а попросятъ съ ними тѣ послухи поля (вѣры — № 7), которые не молвятъ въ истцовы рѣчи, ино имъ присужати цѣлованья съ жеребья: а по жеребью поцѣлуютъ послухи тѣ, которые послушествовали въ истцовы рѣчи, ино тѣхъ послуховъ, ко-

Digitized by Google

торые въ истцовы рѣчи не послушествовали, обвинити, а истцово имати по списку на отвѣтчикѣхъ и на тѣхъ послухѣхъ, которые не послушествовали въ истцовы рѣчи; а не попросятъ поля тѣ послухи, которые послушествовали въ истцовы рѣчи, ино тѣмъ ищея виноватъ.» № 4, 6[4]), 7, 9.

«А по кабалѣ порознятъ послухи и діякъ, ино по тому къ.» № 4, 6, 7, 9.

«А послухъ передъ судьи не придетъ, есть ли за нимъ рѣчи, или нѣтъ, а доведетъ приставъ, и на томъ послухѣ истцово и убытки взяти.» № 4, 9.

«А послухъ передъ судью не придетъ, есть ли за нимъ рѣчи или нѣтъ, и доведетъ на него то и приставъ, ино на томъ послухѣ исцовы убытки взяти.» № 6, 7.

«А будетъ въ послухѣхъ попъ или дьяконъ, и тѣхъ отъ послушества отставливати, а давати исцемъ (межъ себя № 9) правду съ жеребья.»

«А ставъ у креста дастъ отвѣтчикъ цѣловати послуху безъ жеребья, или отвѣтчикъ, не приводя къ цѣлованью, заплатитъ, въ томъ воля, а вины въ томъ отвѣтчику нѣтъ.» № 4, 6, 7, 9.

«А кто взыщетъ человѣкѣхъ на трехъ или на четырехъ по жалобницѣ, а напишетъ въ жалобницѣ человѣкъ десять или пятнадцать, или болши, или меншн, и тѣ два или три за собя и за иныхъ товарыщевъ отвѣчаютъ, а за иныхъ не отвѣчаютъ: и за которыхъ по жалобницѣ отвѣчаютъ, ино тѣхъ судити въ ихъ жеребьѣхъ; а за которыхъ людей по жалобницѣ не отвѣчаютъ, ино въ тѣхъ жеребьѣхъ посылати пристава.» № 4.

«А кто взыщетъ человѣкѣхъ на трехъ или на четырехъ по жалобницѣ, а напишетъ въ жалобницѣ человѣкъ десять или пятнадцать, или болши или меншн: или два или три за себя или за иныхъ товарыщевъ отвѣчаютъ и за иныхъ не

Digitized by Google

отвѣчаютъ, и за которыхъ по жалобницѣ отвѣчаютъ, ино тѣхъ судити въ ихъ жеребьяхъ; а за которыхъ людей по жалобницѣ не отвѣчаютъ, ино въ тѣхъ жеребьяхъ посылати пристава.» № 6, 7, 9.

«А въ иныхъ дѣлѣхъ судити по тому жъ: кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти, а въ достали судъ и правда и крестное цѣлованье.» № 4, 6, 7.

Примѣчанія.

[1] [2] Вмѣсто словъ: «и имъ того сыскивати всѣми крестьяны тѣхъ селъ»—сказано: «и имъ того сыскивати всѣмъ посадомъ всѣми людми.»

[3] Словъ: «или въ займѣхъ»—нѣтъ.

[4] «А ищея пошлется на послухи въ заемномъ дѣлѣ безъ кабалы, или въ каковѣ дѣлѣ кибуди, и послухи ставъ межъ себя порознь, иные молвятъ въ исцовы рѣчи, а иные въ исцовы рѣчи не молвятъ, и которые молвятъ въ исцовы рѣчи, а попросятъ съ ними послуси поля, которые молвятъ въ исцовы рѣчи, ино имъ присуживати цѣлованья съ жеребья: и по жеребью поцѣлуютъ послуси, которые послушествовали въ исцовы рѣчи, тѣхъ послуховъ, которые въ исцовы рѣчи не послушествовали, обвинити.» (далѣе какъ въ № 4).

Е) *О судебныхъ пошлинахъ.*

«А пошлинъ имъ съ судныхъ дѣлъ не имати никоторыхъ.» № 2, 3, 10.

«Лѣта 1556 Марта во 2 день, Государь Царь и Великій Князь всеа Русіи, по сей грамотѣ, Переславцовъ посадскихъ рыболовей столнича пути, лутчихъ и середнихъ и молодчихъ людей, пожаловалъ: пошлины у нихъ выборнымъ старостамъ съ судныхъ дѣлъ, на виноватыхъ, имать велѣлъ съ рубля по гривнѣ, потому что передъ выборными старостами многіе люди ищутъ исковъ великихъ безлѣпичными поклѣпы, надѣючись на то, что съ нихъ на виноватыхъ пошлинъ не емлютъ; а емлючи выборнымъ судьямъ, на виноватыхъ, тѣ пошлины класти, въ тотъ же оброкъ, въ волостелинъ столнича пути, а самимъ судьямъ тѣми пошлинами не корыстоватись и не дружити въ томъ никому никоторыми дѣлы; а что

Digitized by Google

съ которого суда возмутъ пошлинъ и имъ то писати въ книги, счету для.» № 2.

«А пошлинъ съ судныхъ дѣлъ имати съ рубля по гривнѣ, и пересудъ, и правой десятокъ; а ходитъ межъ ихъ же посадской доводчикъ, а хоженого емлетъ на посадскихъ людехъ на посадѣ денга, а на правду вдвое, а въ уѣздъ на версту по денгѣ.» № 7.

F) *О безчестіи.*

«А безчестья посадскимъ торговымъ людемъ и волостнымъ (добрымъ—№ 6) пять рублевъ, а женамъ ихъ безчестья противъ ихъ безчестья вдвое.»

«А крестьянину пашенному и непашенному, безчестья рубль, а женамъ ихъ безчестья два рубля.» № 4, 6.

«А черному молодчему человѣку безчестья рубль же, а женамъ ихъ вдвое.» № 4, 7.

«А увѣчьѣ указывати крестьянину посмотря по увѣчью и по безчестью, и всякимъ указывати за увѣчье, посмотря по человѣку и по увѣчью.» № 4, 6 [1]) 7.

Примѣчаніе.

[1]) Словъ: «и по безчестью, и всякимъ указывати за увѣчье, посмотря по человѣку и по увѣчью»—нѣтъ.

V. Мѣры полицейскія.

A) *О продажѣ горячихъ напитковъ и о выдѣлываніи и держаніи ихъ.*

«А которые люди на посадѣхъ, или въ станѣхъ или въ волостѣхъ, учнутъ корчмы держати, и излюбленные головы берегутъ корчемъ накрѣпко, чтобы посадскіе люди и стано-

Digitized by Google

вые и волостные хрестьяне, которые живутъ близко посадовъ, верстъ за̀ пять и за десять, питья на продажу не держали; а которые люди, или становые или волостные хрестьяне, которые живутъ близко посадовъ, учнутъ питья держать на продажу, и излюбленные ихъ головы у тѣхъ людей питья выймаютъ и заповѣди на нихъ емлютъ на меня Царя и Великого Князя два рубля, а посадскимъ людемъ два ѫ рубля, а съ питуховъ емлютъ по полуполтинѣ съ человѣка.»

«А впередъ излюбленнымъ головамъ говорить тѣмъ людемъ, у которыхъ питья выймутъ, чтобы они впередъ питья на продажу одноличю не держали, а которые люди учнутъ впередъ корчмы держать, и тѣмъ людемъ быти отъ меня Царя и Великого Князя казненымъ.»

«Да и самимъ, излюбленнымъ головамъ питья на продажу не держати.»

«А которымъ людемъ лучится къ празднику канунъ сварити, или родители помянути, или на крестины, или на родины, и тѣ люди докладываютъ о томъ излюбленныхъ головъ, и они тѣмъ людемъ ослобоняютъ питья варити и пити дни на три, или на четыре, или на пять, а какъ тѣ урочные дни минутъ, и излюбленные головы у тѣхъ людей питья выймаютъ и заповѣди на нихъ емлютъ по нашему указу.» № 1.

«А въ городѣ на Устюжнѣ питье держати въ году на четыре праздники: на Великъ день недѣля, на Дмитреевскую суботу недѣля, на Николинъ день осенней недѣля, на Масленой недѣлѣ недѣля; а опроче тѣхъ праздниковъ питья имъ не держати.»

«А кто учнетъ питье держати не на тѣ праздники, или не явясь, и учнетъ пити, и у тѣхъ людей волостель Устюжанской питье выимаетъ да на нихъ доправливаетъ заповѣди два рубли, рубль на насъ Великого Государя, а другой рубль волостелю.» № 8.

Digitized by Google

В) *Относительно лихих людей.*

«А того посадскимъ людемъ, и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ, старостамъ и соцкимъ и пятидесяцкимъ и десяцкимъ и цѣловалникомъ и всѣмъ людемъ, беречи накрѣпко, чтобъ у нихъ на посадѣ, и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, татей, и розбойниковъ, и ябедниковъ, и подписчиковъ, и костарей, и всякихъ лихихъ людей, не было и пріѣзду бъ ни къ кому лихимъ людемъ не было никоторыми дѣлы.»

«А кто у нихъ на посадѣхъ, или въ станѣхъ или въ волостѣхъ, взворуется, учнетъ красти, или розбивати, или кто учнетъ ябедничати, или кто учнетъ руки подписывати, или костари учнутъ воровати, зернью играти, или иное которое лихое дѣло учнетъ чинити, или къ кому лихимъ людемъ пріѣздъ будетъ, и они того лихаво поймавъ да отдадутъ своимъ излюбленнымъ головамъ.»

«А которого лихого человѣка излюбленные головы въ подворьяхъ не извѣдутъ, а учнутъ которые лихіе люди отъ которого дѣла бѣгати или хоронитися, и излюбленнымъ головамъ тѣхъ людей наметывать на тѣхъ людей въ посадѣхъ, кто съ кѣмъ въ одной улицѣ, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ кто съ кѣмъ въ одной деревни живетъ, а велѣти имъ добывая передъ собою ставить.»

«А учнутъ посадскіе люди на посадѣ, а становые или волостные хрестьяне учнутъ держать у собя въ деревняхъ, посадскихъ людей, или костарей, или становыхъ и волостныхъ хрестьянъ лихихъ людей, или за лихихъ людей учнутъ стоять, а излюбленнымъ головамъ, поимавъ ихъ, не учнутъ ихъ отдавати, и обыщется то про лихихъ людей мимо посадскихъ людей и становыхъ и волостныхъ хрестьянъ, и тѣмъ излюбленнымъ головамъ, и посадскимъ лутчимъ людемъ, и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ лутчимъ, отъ меня отъ Царя

Digitized by Google

и Великого Князя быти каженымъ смертною казнью, а животы ихъ и статки велѣти мнѣ емлючи отдавати истцомъ.» № 1.

«И учинити имъ (на Колмогорахъ) на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ (на Нижней половинѣ) сотниковъ, да во всякой сотни дву человѣкъ пятидесятниковъ, десять человѣкъ десятниковъ, и велѣти тѣмъ сотникомъ и пятидесятникомъ и десятникомъ, всякому въ своей сотни и въ пятидесятни и десятни, беречи того накрѣпко, чтобъ у нихъ (на Колмогорахъ) на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ (на Нижней половинѣ) татей и разбойниковъ или къ кому лихимъ людемъ пріѣзду, и корчемъ, и ябедниковъ, и подписчиковъ, и всякихъ лихихъ людей, не было.» № 5, 7 [1]).

А кого лихого человѣка, (Колмогорца) посадского человѣка или волостного, выборные судьи въ подворьяхъ не изъѣдутъ, а учнутъ бѣгати, и выборнымъ судьямъ тѣхъ лихихъ людей взметывати на тѣхъ соцкихъ и на пятидесяцкихъ и на десяцкихъ, въ которой сотной тотъ человѣкъ живетъ, а велѣти имъ того добывая ставити передъ собою.» № 5.

«А которой соцкой и пятидесяцкой и десяцкой лихого человѣка, которой у нихъ въ ихъ сотни жилъ, не добудутъ, а выборные судьи того обыщутъ вправду, что онъ кралъ и розбивалъ: и на тѣхъ соцкихъ и на пятидесяцкихъ и десяцкихъ, въ которой сотной тотъ лихой человѣкъ жилъ, выборнымъ судьямъ доправити истцовы иски да отдати истцомъ, да тѣхъ же соцкихъ и пятидесяцкихъ и десяцкихъ дати имъ на поруку въ нашей пенѣ, чтобъ у нихъ въ ихъ сотной впередъ лихихъ людей не было.» № 5, 7 [2]).

«А который посадской пуститъ проѣзжего человѣка къ себѣ на дворъ ночевать, а старостамъ и цѣловалникомъ и пятидесятскимъ и десятскимъ не явя, и на томъ посадскомъ человѣкѣ имати заповѣди два рубли.» № 7.

«А кто у нихъ взворуется, учнетъ красти или разбивати,

Digitized by Google

или къ кому лихимъ людемъ пріѣзды или у кого корчмы будутъ, и кто учнетъ ябедничати и руки подписывати, и иные которые лихіе дѣла учнетъ чинити, и они того человѣка поимавъ отдадутъ выборнымъ своимъ судьямъ: и выборные ихъ судьи, про его лихо, обыскиваютъ по моему Цареву и Великого Князя крестному цѣлованью, вправду, безъ всякіе хитрости.» № 5.

«А кто въ Шуѣ въ городѣ и на посадѣ учнетъ воровать, корчму и блядню держать, и лихимъ людемъ татемъ и розбойникомъ къ себѣ пріѣздъ чинити, или ябедниковъ и подписниковъ и убойцовъ у себя держати, или кто татиною и розбойною рухлядью учнетъ промышлять и ябедничествомъ продавать, и тѣхъ лихихъ людей имая отдавати губнымъ старостамъ и городовымъ приказщикомъ и всякимъ людемъ, безпенно; а приказные люди посадскимъ людемъ, опричь тѣхъ, кто учнетъ у себя воры держать, пени продажи не чинятъ, а про тѣхъ лихихъ людей обыскиваютъ по нашему крестному цѣлованью.» № 7.

Примѣчанія.

[1]) Кромѣ изложенныхъ обязанностей они, пятидесятники и десятники, должны смотрѣть еще за тѣмъ чтобы посадскіе люди у себя на подворьяхъ корчемъ и блядни не держали.

[2]) О сотскихъ ничего не говорится, а отвѣтственность возложена только на пятидесятскихъ и десятскихъ.

VI. Судъ надъ лихими людьми и управа надъ ними.

«А кто на комъ взыщетъ пожеги, или душегубства, или розбоя, или татбы, и выборнымъ судьямъ съ губными старостами про то сыскивати всѣми крестьяны: и скажутъ на кого крестьяне того села, ино ищеѣ искъ заплатити изъ его статка, изъ отвѣтчиковыхъ животовъ; а что затѣмъ останется животовъ, и то отписывати на меня Царя и Великого Князя.» № 4, 6[1]), 9.

Digitized by Google

«А послушествуетъ на кого въ тѣхъ же дѣлѣхъ, людей добрыхъ человѣкъ до пятьдесять и до ста и болѣ, а иные люди про него лиха не скажутъ никоторого, и на томъ исцово доправити, а самого вкинути въ тюрму до моего Царева и Великого Князя указу.» № 4, 6, 9.

«А кто взыщетъ на комъ тѣхъ же дѣлъ, а волостнымъ людемъ про то будетъ сыскати немочно, и имъ въ томъ присужати цѣлованья съ жеребья: и поцѣлуетъ ищея, ино на отвѣтчикѣ исцово доправити, а самого дати на поруку; а не будетъ по немъ поруки, ино его вкинути въ тюрму доколѣ по немъ порука будетъ.» № 4, 6, 7 [2]), 9.

«А доведутъ на кого розбой, и душегубство, и пожегу, и ябедничество, и подписку, или иное какое лихое дѣло, а будетъ вѣдомой лихой человѣкъ, и выборнымъ судьямъ съ губными старостами тѣхъ людей судити и управу имъ чинити по губнымъ грамотамъ.» 4, 6, 7.

«А учинится у нихъ (у Важанъ) душегубство на посадѣ или въ станѣхъ и въ волостѣхъ, и они вѣдомаго душегубца поимаютъ, посадскіе люди всѣмъ посадомъ, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ поимаютъ становые хрестьяне или волостные хрестьяне, а животы его и статки перепишутъ да запечатаютъ, а душегубца, и живота его переписавъ списокъ, отдадутъ тѣмъ же своимъ излюбленнымъ головамъ: и тѣ ихъ излюбленные головы того душегубца судятъ и обыскиваютъ, да истцомъ изъ душегубцова живота искъ платятъ.»

«А который душегубецъ дойдетъ до казни, по нашему, по новому судебнику, и они (излюбленные головы) того душегубца казнятъ, а исцомъ изъ душегубцова живота искъ заплатятъ.»

«А не доищутся въ которомъ убивствѣ душегубца, а будетъ не хитростнымъ дѣломъ сталося которое душегубство, кто утеряется отъ своихъ рукъ, или озябетъ, или утонетъ,

Digitized by Google

или сгоритъ, или кого водой принесетъ, или кто съ дерева убьется, или кого возомъ сотретъ, или кого громъ убьетъ, или кого звѣрь съѣстъ, или кто подкинетъ мертвымъ незнаемымъ человѣкомъ, а обыщутъ того безхитростно, и они того являютъ излюбленнымъ головамъ своимъ, да того мертваго хоронятъ, а имъ въ томъ продажи нѣтъ ни отъ кого.» № 1.

«А кто у нихъ въ городѣ и на посадѣ отъ своихъ рукъ утеряется, или кого древомъ убьетъ, или съ древа убьется, или кого звѣрь съѣстъ, или кого громъ убьетъ, или кто съ студена умретъ, или вешнею водою лѣтѣ рѣкою принловетъ съ верховья убитой человѣкъ, или утопленикъ противъ городскія земли станетъ къ берегу, или мертвого кто вывезчи изъ города на вспольѣ на городской землѣ покинетъ, про то въ Шуѣ сыскиваютъ, по нашему наказу и по грамотамъ нашимъ, приказные люди и губные старосты и городовые приказщики.» № 7.

«А кого приведутъ съ поличнымъ впервые, ино его судити да про него обыскивати: и назовутъ его въ обыску лихимъ человѣкомъ, ино его пытати, и скажетъ на собя самъ, ино его казнити смертною казнью; а не скажетъ на собя, ино его кинути въ тюрму до смерти, а истцово заплатити изъ его статка; а скажутъ въ обыску, что онъ доброй человѣкъ, и того поличного сыскивати судомъ и дѣло вершити по суду.» № 4, 6, 9.

«А кто излюбленныхъ головъ учнетъ въ розбоѣхъ и въ татьбахъ просити пристава, на поличное или на костарей: и излюбленные головы ѣздятъ на поличное съ истцы сами, и тѣ истцы своихъ поличныхъ передъ ими ищутъ, и у кого поличное выймутъ, и они съ поличнымъ судятъ и обыскиваютъ накрѣпко, всѣ излюбленные головы (Шенкурскіе и Вельскіе вмѣстѣ), а сыскавъ ихъ излюбленные головы (Шенкурскіе) и

Digitized by Google

становые и волостные, управу имъ чинятъ, по нашему, по новому судебнику во всякихъ дѣлѣхъ.» № 1, 5.

«Кто у нихъ (въ Переславлѣ на посадѣ, въ Рыболовлей Слободѣ), пріѣзжихъ людей изъ иныхъ городовъ у ихъ у котораго человѣка (Рыболовли Слободы), у иногородца у пріѣзжего или у проѣзжаго человѣка, познаютъ что поличное свое, лошадь, или платно, или иное что нибуди, и имъ въ томъ на тѣхъ людей пристава давати и управа межъ ихъ чинити по судебнику жъ и по уставной грамотѣ, обыскивая вправду, по нашему крестному цѣлованью, чтобы тѣ дѣла были небезуправны.» № 2, 3, 10.

«А пріѣзжего человѣка торгового, или иного какова человѣка пріѣзжего изымаютъ въ томъ селѣ съ поличнымъ въ татбѣ, или въ розбоѣ, или въ грабежѣ, и въ тѣхъ дѣлѣхъ судити сыскивая по тому жъ указу, да тѣ списки и обоихъ истцовъ за списки присылаютъ къ Москвѣ, къ нашему дворецкому Болшого Дворца; а безъ докладу имъ тѣхъ дѣлъ не вершити.»

«А которые волостные (посадскіе) люди, учнутъ искать на своихъ же волощанѣхъ (посадчанѣхъ), боевъ и грабежевъ и ябедничествомъ двожды или трожды, и доведутъ на нихъ въ томъ всѣми селы (посадомъ), и руки сельскіе (посадскіе) люди къ рѣчемъ своимъ приложатъ, что тѣ люди ябедничаютъ: и тѣхъ ябедниковъ, по тому обыску, бити кнутьемъ да выслати изъ волости вонъ, а животовъ ихъ не грабить.» № 4, 6, 9.

«А которые люди Шуяне учнутъ искати на своихъ же посадскихъ людехъ боевъ и грабежевъ, ябедничествомъ, двожды и трижды, и доведутъ на нихъ въ томъ и въ иномъ въ какомъ воровствѣ всѣмъ посадомъ и сторонними, и посадскимъ людемъ на тѣхъ воровъ бити челомъ намъ великому Государю Царю и Великому Князю и челобитныя на нихъ давати, за своими и за отцовъ своихъ духовныхъ руками, въ Шуѣ,

Digitized by Google

губнымъ старостамъ и городовымъ прикащикомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ, и мы велимъ указъ свой учинити.» № 7.

«И тѣ излюбленные головы (доставъ лихихъ людей) тѣхъ лихихъ людей, по обыскомъ и по судебнику, которые дойдутъ до казни, казнятъ, а изъ животовъ ихъ исцовы иски платятъ, а что розбойничьихъ и татиныхъ животовъ, за исцевыми иски останется, и тѣ розбойничьи и татины животы, тѣ излюбленные ихъ головы, емлютъ, во всѣ посадскіе люди и въ становые и въ волостные, въ тотъ намѣстничь оброкъ.» № 1, 5 [3]).

«А которые (лихіе) люди доведутся до казни, и тѣ ихъ излюбленные головы, обыскавъ вправду, безо всякіе хитрости, по нашему крестному цѣлованью, тѣхъ людей казнятъ по нашему судебнику.» № 1.

«И которые лихіе люди по суду и по обыску дойдутъ до казни, и тѣхъ лихихъ людей казнятъ губные старосты и всякіе наши приказные люди, по нашему указу изъ розбойного приказу.» № 7.

«А излюбленные головы (выборные судьи), исцомъ людей головой безъ Царева и Великого Князя докладу, не выдаютъ.» № 1, 5.

Примѣчанія.

[1]) «Сыскивати всѣми людми вправду: и скажутъ на кого всѣми людми той полусохи, что онъ лихой человѣкъ, ино ищеѣ искъ заплатити изъ ответчиковыхъ животовъ, а что за тѣмъ останется, описати на меня Князь Володимера Ондреевича, а ответчика казнити смертною казнью.»

[2]) Словъ: «и поцѣлуетъ ищея, ино на ответчикѣ исцово доправити, а самого дати на поруку; а не будетъ по немъ поруки, ино его вкинути въ тюрму доколѣ по немъ порука будетъ» — нѣтъ.

[3]) «А что розбойничьихъ и татиныхъ животовъ за исцовыми иски останется, а женъ у нихъ и дѣтей не останется, и тѣ розбойничные и татиные животы тѣ выборные судьи перепишутъ на списокъ подлинно да списки, съ своими приписми, запечатавъ, присылаютъ къ Москвѣ Царю и Великому Князю, и язъ указъ учиню.»

Digitized by Google

VII. Особенное судопроизводство.

A) *Дѣла и лица подсудимыя смѣстному суду.*

«А случится у нихъ каково вобчее дѣло, промежъ посадскихъ людей и волостныхъ съ иными волостными людми, и тѣ ихъ выборные судьи, а съ ними тѣхъ же посадскихъ и волостныхъ людей съѣзжаются лутчіе люди всѣ вмѣстѣ, и тѣхъ людей судятъ вобче во всякихъ дѣлѣхъ и управу межъ ихъ чинятъ по нашему новому судебнику.» № 5.

B) *О царскомъ судѣ.*

«А кому будетъ чего искати опричнымъ людемъ на посадскихъ людѣхъ и на становыхъ хрестьянѣхъ, (вѣроятно и на волостныхъ), и тѣ опричные люди приходятъ о управахъ на Москву, къ казначеемъ нашимъ NN., да къ діяку нашему N., и казначеи наши да діякъ докладывая меня Царя и Великого Князя, на посадскихъ людей и на становыхъ и на волостныхъ хрестьянъ приставовъ нашихъ даютъ и управу имъ на Москвѣ чинятъ по нашему указу.» № 1, ъ [1]).

«А кому будетъ на Шуянехъ посадскихъ людехъ чего искати, опричь посадскихъ людей, стороннимъ людемъ, нашихъ дворцовыхъ и черныхъ селъ и деревень, и патріаршескимъ, и митрополичьимъ, и владычнимъ, и монастырьскимъ, и боярскимъ, и дворянскимъ, и дѣтей боярскихъ, ихъ прикащикомъ и крестьяномъ, и иногороддомъ, въ судахъ, въ заемныхъ дѣлѣхъ и въ грабежѣхъ и въ иныхъ дѣлѣхъ, опричь татбы и розбою съ поличнымъ, и тѣ исцы приходятъ бити челомъ къ намъ, къ Москвѣ, и мы ихъ приказываемъ судити въ четверти, гдѣ Шуя будетъ въ приказѣ, и докладывая насъ

Digitized by Google

межъ ихъ чинятъ управы по нашему царьскому указу и по Судебнику.» № 7.

«А кому будетъ чего искати иныхъ городовъ и волостей, на выборныхъ судьяхъ на крестьянѣхъ, и о тѣхъ дѣлѣхъ бьютъ на нихъ челомъ дворецкому нашему Болшего Дворца, и онъ о томъ, докладывая насъ, пристава на нихъ даетъ и управу имъ чинитъ, по нашему наказу.» № 4, 9.

«А кому будетъ чего искати на самихъ на выборныхъ судьяхъ, ино ихъ сужу язъ Князь или мой дворецкой.» № 6.

Примѣчаніе.

[1]) Прибавлено: «или Колмогорцемъ посадскимъ людемъ и волостнымъ крестьяномъ, на опричныхъ людехъ, и тѣ обои приходятъ о управѣ на Москву.»

VIII. О справедливости въ судѣ. Награды и наказанія выборныхъ судей за хорошую или дурную ихъ службу.

«А другу имъ и роду своему и племени въ судѣ не норовити, а недругу не мстити, и посуловъ и поминковъ не имати ни у кого, ни отъ чего, никоторыми дѣлы, и того имъ беречи и сыскивати накрѣпко, чтобъ у ищей поклепу и ябедничества, а у отвѣтчиковъ запиранья не было никоторыми дѣлы; а кто учнетъ передъ ними искати поклепомъ, или какимъ нибуди ябедничествомъ, и уличатъ его добрыми людми, и имъ того сыскавъ обвинити и безъ докладу.»

«А учнутъ тѣ выборные судьи судити и управу межъ крестьянства чинити прямо по нашему уложенью, по судебнику и по уставной грамотѣ, безволокитно и безпосулно, и оброкъ за волостелины доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити сполна, и впредь только намъ и землѣ управа ихъ будетъ люба, и мы съ ихъ вытей, что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имати не велимъ да и сверхъ того пожалуемъ.» № 2, 3, 10.

Digitized by Google

«А учнутъ излюбленные судьи судити не прямо, по посуломъ, а доведутъ на нихъ то, и излюбленныхъ судей въ томъ казнити смертною казнью, а животы ихъ велѣти имать да отдавати тѣмъ людемъ, кто на нихъ доведетъ.» № 4, 6, 9.

«А учнутъ тѣ выборные старосты, (въ другихъ судьи), и цѣловалники судити непрямо, и другу учнутъ въ судѣ норовити, а недругу мстити, и посулы и поминки имати, и нашего Царьского и земского дѣла по нашему крестному цѣлованью не учнутъ беречи и правити по нашему уложенью, и учинится каково лихо ихъ хитростью или небреженіемъ, а доведутъ на нихъ и уличатъ ихъ въ томъ, и тѣхъ судей и цѣловалниковъ казнити смертною казнью безъ отпросу, а животы ихъ и статки взяти да роздати исцомъ, а досталь тѣмъ людемъ, кто на нихъ доведетъ.» № 2, 10.

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЯ.

Приведенныя нами уставныя и судныя грамоты начали издаваться не ранѣе 1552 года, то есть не ранѣе царствованія Іоанна IV. По этимъ новымъ уставнымъ и суднымъ грамотамъ, вмѣсто прежнихъ намѣстниковъ и волостелей и ихъ служилыхъ людей, по всѣмъ отраслямъ управленія и суда, опредѣлены были новыя лица, выбранныя самими общинами. Причина этой важной перемѣны скрывается въ глубокой политикѣ Іоанна IV. Цѣлью ея было уничтожить боярство въ самомъ зародышѣ и опереться на общины. Съ этою вѣроятно цѣлью Іоаннъ вводитъ постепенно новый способъ управленія и суда, при помощи котораго болѣе и болѣе приближается къ народу, а опредѣляя въ управители и судьи людей низшаго класса, и одинаковаго съ народомъ происхожденія, онъ все болѣе и болѣе ослабляетъ знатные роды, которымъ уже съ тѣхъ поръ перестаетъ давать земли въ кормленіе.

Іоаннъ IV вводитъ новый порядокъ вещей не во всемъ Государствѣ, но въ нѣкоторыхъ земляхъ; и совершаетъ это преобразованіе на основаніи юридическихъ причинъ. Такъ, жители (напр. Важане), жалуются Государю, что намѣстники, волостели и ихъ служилые люди чинятъ имъ продажи и убытки великіе мимо ихъ уставныхъ грамотъ, а вслѣдствіе этихъ злоупотребленій города и села обѣднѣли и большая часть крестьянъ разошлась по городамъ и селамъ церковнымъ, - остальнымъ же жителямъ, положенныхъ даже на нихъ налоговъ платить нельзя. Въ другихъ грамотахъ упоминается также, что

Digitized by Google

намѣстники, съ своей стороны, жалуются Государю на подчиненныхъ имъ жителей, что они кормовъ и пошлинъ имъ не даютъ, а ихъ самихъ и служащихъ имъ лицъ бьютъ. На основаніи этихъ то жалобъ Іоаннъ перестаетъ давать своимъ боярамъ и вельможамъ земли въ кормленіе, а установляетъ другія лица для управленія и суда, лица выборныя отъ самихъ общинъ, лица служащія безвозмездно, которымъ народъ не обязанъ давать ничего въ ихъ пользу; намѣстничьи же кормы и пошлины и за поборы намѣстничьихъ слугъ, жители обязаны вносить въ Государеву казну извѣстный оброкъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что намѣстники, волостели и ихъ служилые люди не довольствовались назначенными имъ кормами, поборами и пошлинами, что продажи намѣстничьи были чрезмѣрно тяжки, что вслѣдствіе корыстолюбія этихъ лицъ народъ обѣднѣлъ, но едва ли чтобъ это одно было причиною отнятія у намѣстниковъ и волостелей суда и управленія. Тутъ конечно дѣйствовали и другія политическія причины, на которыя мы указали выше.

I. Упоминаемыя здѣсь лица для суда и управленія суть *выборные головы* а по другимъ грамотамъ—*выборные судьи*. Мы выборныхъ судей считаемъ наравнѣ съ выборными головами, потому что обязанности ихъ однѣ и тѣже. Выборные судьи обязаны были собирать Царскій оброкъ, такъ же какъ и выборные головы. Гдѣ находились одни, тамъ не было другихъ.

Кромѣ этихъ выборныхъ судей находимъ *цѣловальниковъ*, обязанныхъ присутствовать въ судѣ, прикладывать руки къ судебнымъ спискамъ и проч.

Для дѣлопроизводства въ судѣ избираемъ былъ также *земской дьякъ*, который назывался и земскимъ *дьячкомъ*.

При судѣ находился еще и *доводчикъ*, который былъ обязанъ ставить къ суду и давать на поруки.

Digitized by Google

Для управленія выборнымъ головамъ позволено было выбрать *сотскихъ, пятидесятскихъ* и *десятскихъ.*

Всѣ эти лица приводились къ крестному цѣлованію, — выборные головы или судьи въ Москвѣ, а остальныя лица въ волости гдѣ были выбраны по записи, которая была дана выборнымъ головамъ.

За всякое злоупотребленіе власти, лица эти подвергались строгому наказанію, а во многихъ случаяхъ, какъ послѣ увидимъ, даже смертной казни.

Касательно предметовъ вѣдомства выборныхъ головъ мы должны замѣтить, что кромѣ собиранія царскаго оброка и всѣхъ государственныхъ налоговъ, имъ принадлежала и судебная власть, хотя не всѣмъ имъ былъ предоставленъ уголовный судъ: въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ уже находились губные старосты, выборнымъ судьямъ оставался только судъ по дѣламъ гражданскимъ, и по тѣмъ дѣламъ уголовнымъ, которыя не принадлежали суду губныхъ старостъ, напр. по душегубству, пожегу.

Власть выборныхъ судей простиралась на тяглыхъ жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ они были выбраны; не должно однако думать, чтобы эти новыя выборныя лица заступили мѣсто намѣстниковъ и волостелей во всей Русской землѣ; тѣ и другіе судили и управляли еще во многихъ земляхъ, а совершенное ихъ уничтоженіе не послѣдовало даже до Алексѣя Михайловича.

II. Велико-Княжескій оброкъ платили жители еще и тогда, когда земли ихъ находились въ кормленіи за намѣстниками и волостелями; но прежній оброкъ въ земляхъ, гдѣ намѣстники и волостели были упразднены, увеличился новымъ оброкомъ, съ тяглыхъ жителей, вмѣсто прежнихъ кормовъ, поборовъ и

Digitized by Google

пошлинъ платившихся въ пользу намѣстника, волостеля и ихъ служилыхъ людей.

Относительно собиранія какъ велико-княжескихъ и царскихъ оброковъ, такъ и прежнихъ намѣстничьихъ и волостелиныхъ постоянныхъ годовыхъ кормовъ, замѣтимъ, что они всегда раалагались въ деревняхъ и селахъ по землямъ, а въ посадахъ по дворамъ. И такъ, подъ *тяглыми* людьми должно разумѣть тѣ лица, которыя были обязаны платить извѣстный оброкъ отъ земли, на которой поселились, и отъ двора, въ которомъ жили. Оброкъ этотъ не былъ поголовнымъ налогомъ, лежавшимъ на каждомъ крестьянинѣ особенно, а поземельнымъ; если земля на которой крестьянинъ поселился, была лучше и обширнѣе, то онъ платилъ съ ней больше оброка; тяглый человѣкъ жившій въ городѣ, платилъ оброкъ соразмѣрный съ его состояніемъ и доходами; слѣдовательно, оброкъ взимавшійся съ такихъ людей разкладывался по ихъ имуществу и по промыслу, которымъ они занимались.

III. А) Тамъ гдѣ управителями остались намѣстники и волостели, удержались также выводная куница и убрусъ. Замѣчательно однакожъ, что распоряженія уставныхъ грамотъ относительно пошлины взимаемой при заключеніи брака, не перемѣнились. Въ одной только важской грамотѣ встрѣчаемъ распоряженіе, что Важане освобождаются отъ всякой пошлины въ случаѣ заключенія брака. Напротивъ того, въ шуйской грамотѣ не только сказано, что жители обязаны давать выводную куницу, или новоженный убрусъ, но и опредѣляется еще два рубли промыта, если кто вступитъ въ бракъ безъявочно. Это распоряженіе котораго не встрѣчаемъ въ грамотахъ 1-го раздѣла доказываетъ, что духовенство, при совершеніи бракосочетанія уже не спрашивало, уплатили ли брачущіеся опредѣленную пошлину, или нѣтъ.

Digitized by Google

B) Пошлина за пятно осталась таже, какая была прежде, за исключеніемъ однихъ Важанъ, у которыхъ хотя пятно и осталось, хотя слѣдовательно купля и продажа и требовали по прежнему утвержденія со стороны мѣстныхъ властей, однако пошлина за пятно была уничтожена. Распоряженія о пятнѣ, какъ способѣ утвержденія права собственности на вещь купленную или вымѣненную на другую, нельзя порицать; но въ такомъ случаѣ надлежало бы предоставить приложеніе его волѣ сторонъ, а не принуждать ихъ къ тому; но уставныя грамоты смотрятъ на этотъ предметъ какъ на источникъ дохода, что доказывается упоминаемымъ въ грамотахъ № 4, 6, 9 пропятеньемъ, которое взыскивалось въ томъ случаѣ, когда кто купитъ или вымѣнитъ или продастъ лошадь, и объ этомъ въ тотъ же день не объявитъ выборнымъ судьямъ.

C) Появившаяся между жителями бѣдность, о которой упоминается въ началѣ многихъ уставныхъ грамотъ 3-го раздѣла, развила закладное право. Особенно замѣчательно слѣдующее распоряженіе: если заимодавецъ, давшій деньги въ ростъ, въ случаѣ неуплаты долга, принудитъ должника къ личной службѣ, въ видѣ уплаты процентовъ, а послѣднему удастся бѣжать, то заимодавецъ лишается не только процентовъ, но и данной въ заемъ суммы; бѣглый же должникъ, еслибъ даже обокралъ заимодавца, освобождается отъ всякаго наказанія, а то что онъ укралъ остается его собственностью (пропало). Очевидно законодатель хотѣлъ препятствовать ростовщикамъ обращать своихъ должниковъ въ рабство и обеспечить послѣднимъ средство къ дальнѣйшему существованію послѣ побѣга.

Постановленія объ изгородахъ и переходѣ крестьянъ не нуждаются ни въ какомъ объясненіи.

IV. A) При разсмотрѣніи предидущихъ уставныхъ грамотъ мы видѣли, что судъ находился въ рукахъ одного на-

Digitized by Google

мѣстника или волостеля, или ихъ тіуна; въ грамотахъ же 3-го раздѣла мы читаемъ, что для суда избиралось нѣсколько лицъ. Однако число судей не опредѣлено; въ однѣхъ волостяхъ избиралось до 10 человѣкъ, въ другихъ два или три. Судя по духу другихъ распоряженій, въ особенности же относящихся къ земскому дьяку, можно думать, что судъ отправляли если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣсколько выборныхъ головъ вмѣстѣ. Сколько ихъ должно участвовать въ рѣшеніи дѣла, этого опредѣлить нельзя. Въ судѣ у выборныхъ головъ, должны были присутствовать лучшіе люди, которыхъ обязанность состояла въ наблюденіи за тѣмъ, чтобъ никому отъ выборныхъ головъ несправедливости и беззаконнаго насилія причиняемо не было. Для дѣлопроизводства при этомъ судѣ находился земской дьякъ, который могъ записывать дѣла лишь въ присутствіи выборныхъ головъ и лучшихъ людей. Всякое записанное дѣло (какъ то обыскной или судный списокъ) имѣло надлежащую силу, когда было подтверждено печатью выборныхъ головъ.

Кромѣ упомянутыхъ выборныхъ судей, тамъ гдѣ они еще введены не были, судили намѣстники и волостели, у которыхъ въ судѣ сидѣли старосты и присяжные (цѣловальники), избираемые изъ жителей. Въ намѣстничьемъ судѣ находился также и земскій дьякъ, завѣдывавшій письмоводствомъ. [1]) Выборныхъ головъ дозволено было жителямъ перемѣнять. Перемѣна шла вслѣдъ за выборомъ и утвержденіемъ въ Москвѣ новыхъ головъ. Въ грамотѣ № 5 сказано, что выборъ долженъ быть сдѣланъ съ согласія всѣхъ, чего никогда нельзя было ожидать. Поэтому мы думаемъ, что для перемѣны выборныхъ головъ, достаточно было согласія извѣстнаго числа жителей, такъ, что если большинство или даже меньшинство, избравъ новыхъ судей, представляли ихъ въ Москву, и получали утвержденіе вы-

[1]) Законы и Судебникъ изданные въ Москвѣ 1819 г. Колайдовичемъ и Строевымъ, 61, 63, 64, 65, 67.

Digitized by Google

бора, то прежніе выборные головы отставливались отъ должности, а мѣсто ихъ занимали новые. Надобно еще замѣтить, что выбранные головы, до вступленія въ должность, приводились къ присягѣ въ томъ, что будутъ судить и чинить жителямъ управу справедливо, безпосульно (безъ взятокъ) и безволокитно (безъ промедленія).

В) Дѣло начиналось жалобою истца, а оканчивалось исполненіемъ судебнаго приговора. Жалобы были вѣроятно письменныя или устныя. Въ какихъ случаяхъ выборные головы имѣли право недавать суда по жалобѣ принесенной истцемъ въ грамотахъ не сказано. Въ нихъ упоминаются только четыре случая, когда судьи оставляютъ принесенную жалобу безъ производства, именно: 1) когда истецъ ищетъ чего нибудь по кабалѣ или по записи, выданной за 15 лѣтъ тому назадъ, 2) по кабалѣ выданной за долгъ; 3) если кто далъ денегъ въ займы, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ должникъ за проценты, до уплаты занятой суммы, оставался у него въ услуженіи; 4) когда истецъ не имѣя кабалы, объявлялъ искъ не соразмѣрный съ животами и промыслами отвѣтчика и своими, и на обыскѣ это было доказано. Эти случаи показываютъ, что до вызова отвѣтчика въ судъ разсматривалось заслуживаетъ ли вниманіе поданная истцемъ жалоба, и если она была такого свойства, что нельзя было предполагать благопріятнаго ея рѣшенія, то судъ отклонялъ ее и не вызывалъ отвѣтчика. Въ Судебникѣ мы находимъ, въ VI главѣ, постановленіе, по которому судъ не могъ не принять жалобы отъ челобитчика своего вѣдомства; но замѣтимъ, что въ этой статьѣ говорится о судѣ боярина или дворецкаго или казначея или (царскаго) дьяка, а вовсе не о намѣстничьемъ судѣ. Кромѣ того, упомянутымъ судьямъ позволено было не принять жалобы, если она не имѣла никакихъ основаній (если истецъ билъ челомъ не по дѣлу); истцу хотя и позволено было обратиться въ такомъ случаѣ къ Го-

Digitized by Google

сударю, но онъ подвергался строгой отвѣтственности, именно тюремному заключенію еслибъ по дѣлу оказалось, что жалоба его не имѣетъ основанія. Когда жалоба была принята, то заготовлялась приставная грамота (вызовъ), съ которою за отвѣтчикомъ ѣздилъ приставъ, и бралъ за это извѣстную пошлину. [1])

Касательно срока, который назначался сторонамъ для явки въ судъ, въ Судебникѣ ничего не сказано; даже не извѣстно кто назначалъ этотъ срокъ, судья или самъ отвѣтчикъ. Срокъ само собою разумѣется былъ: отвѣтчикъ давалъ поручительство въ томъ, что онъ станетъ на судъ къ назначенному сроку [2]).

Истцамъ и отвѣтчикамъ давались также отсрочныя отписи, съ платежемъ извѣстныхъ пошлинъ; эти пошлины платилъ обыкновенно тотъ, кто требовалъ отсрочки [3]).

Если одна изъ тяжущихся сторонъ не являлась къ сроку, то ее обвиняли въ искѣ и изготовляли приговоръ, который въ такомъ случаѣ назывался безсудною грамотою [4]).

Судебныя доказательства, были: 1) собственное признаніе, 2) кабалы и записи, 3) показанія свидѣтелей, 4) судебные поединки, и 5) присяга [5]). Что касается до поединка, то по Судебнику, женщины, дѣти, старики, больные, увѣчные, духовные и монахини имѣли право нанимать бойцовъ, а въ этомъ случаѣ и другой сторонѣ предоставлялось тоже самое право [6]). Боецъ сражался съ бойцомъ, а небоецъ съ небойцомъ, развѣ самъ небоецъ пожелаетъ биться съ бойцомъ [7]). Поле и при-

---

[1]) Зак. и Судеб. издан. въ Мос. 1819 г. Колайдовичемъ и Строевымъ: 43, 44, 45.

[2]) Тамъ же: 46, 48, 49.

[3]) Тамъ же: 19, 20, 40, 48.

[4]) Тамъ же: 19, 40.

[5]) Тамъ же: 14, 24, 98, 113, 114.

[6]) Тамъ же: 18.

[7]) Тамъ же: 18.

Digitized by Google

сяга въ Судебникѣ нераздѣльны: гдѣ присяга тамъ и поле; вмѣсто поля можно присягать; но вообще поле предпочиталось присягѣ. Въ уставныхъ грамотахъ видимъ противное тому: главную роль играетъ присяга; она до такой степени вытѣснила судебный поединокъ, что въ грам. № 5 находимъ слѣдующее выраженіе: «а судити имъ (судьямъ) безъ поль,» (посредствомъ присяги) [1]).

Если выборнымъ головамъ по какимъ нибудь причинамъ нельзя было постановить рѣшеніе и учинить управы въ какомъ нибудь дѣлѣ, то они отсылали списки своего суда (т. е. мнѣнія или рѣшенія) вмѣстѣ съ тяжущимися въ Москву къ докладу самому Государю; но такое дѣло сперва переходило черезъ то лицо или власть, которой вѣдомство этихъ дѣлъ было приказано. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ упоминается, что эти судные списки должны быть подписаны судьями и цѣловальниками, и посылаться въ Москву немедленно. Хотя это правило и не встрѣчается во всѣхъ грамотахъ, однако вѣроятно что оно было общее для всѣхъ судовъ. По какимъ именно дѣламъ мѣстные судьи не могли окончательно давать суда и чинить управы — не видно, почему мы и думаемъ, что всѣ дѣла могли быть окончательно судимы земскими судьями, въ Москву же посылались они на докладъ только въ томъ случаѣ, когда особенное стеченіе обстоятельствъ того требовало, напримѣръ, когда судьямъ по недостатку доказательствъ нельзя было въ своемъ рѣшеніи опереться на опредѣленныхъ закономъ основаніяхъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что судьямъ было запрещено отсылать тяжущихся въ Москву для окончательнаго рѣшенія дѣлъ безспорныхъ. Очевидно, что приведенное распоряженіе скорѣе давало судьямъ право въ

[1]) Мы привели здѣсь много мѣстъ изъ Судебника, потому что въ уставныхъ грамотахъ находимъ такое постановленіе: «а о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ указу нѣтъ, и тѣ имъ дѣла вершити по Судебнику.» № 4, 6, 7, 9.

Digitized by Google

случаѣ ихъ сомнѣнія, чѣмъ установляло для нихъ обязанность. При строгой отвѣтственности судей за несправедливыя рѣшенія предоставленіе такого права было необходимо, потому что судьи, рѣшивъ дѣло на основаніи не совсѣмъ ясныхъ доказательствъ, дали бы поводъ сторонѣ, обиженной ихъ рѣшеніемъ, жаловаться на ихъ несправедливость.

Наконецъ, не только тутошные жители въ своихъ тяжбахъ, но и *иногородцы* въ спорахъ съ тутошними жителями имѣли право искать суда и управы у выборныхъ головъ (земскихъ судей).

С) Мы уже говорили, по какимъ кабаламъ суда и управы не давалось. Остается сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ условія, написанныя въ кабалахъ, подлежали управѣ.

Кабалы и записи, выданныя хоть за 14 или 10 лѣтъ назадъ, подлежали управѣ, но на отвѣтчикѣ доправливалась только истина, безъ роста, т. е. отвѣтчикъ долженъ былъ уплатить истцу по кабалѣ или записи только ту сумму, которая въ нихъ была означена; по кабалѣ же выданной за 5 лѣтъ назадъ, но не болѣе, должникъ обязанъ былъ уплатить капитальную сумму, написанную въ кабалѣ и съ ростомъ. Законный ростъ былъ на пять шестой (т. е. 20 процентовъ) [1]).

По кабалѣ или записи, въ которой, сверхъ дѣйствительно занятой суммы, написаны были незаконные проценты (понедѣльный ростъ на деньги или насыпь на хлѣбъ) доправливалось только дѣйствительно занятое съ законными процентами; незаконные проценты, хотя и написанные въ кабалѣ, не обязывали должника.

На судьѣ лежала обязанность удостовѣриться во всѣхъ

---

[1]) Слова: «если отвѣтчикъ не ляпитъ», означаютъ вѣроятно тотъ случай, когда отвѣтчикъ такую кабалу признавалъ справедливою; въ противномъ случаѣ дѣло рѣшалось по правиламъ спорнаго судопроизводства.

Digitized by Google

этихъ обстоятельствахъ, безъ чего онъ не могъ доправливать на отвѣтчикѣ требуемой истцомъ суммы. Судъ убѣдившись, что по кабалѣ слѣдуетъ произвести взысканіе, въ той или другой мѣрѣ, приказывалъ отвѣтчику удовлетворить истца. Если отвѣтчикъ отзывался тѣмъ, что ему уплатить нечѣмъ, то истцу предоставлялось право доправливать свой искъ на отвѣтчикѣ, чрезъ выборныхъ судей въ продолженіи шести недѣль отъ состоянія приговора. Если въ теченіи этого срока доправить искъ на отвѣтчикѣ оказывалось невозможнымъ, то отвѣтчикъ выдавался истцу головою до искупа, на что и давалась истцу *правая грамота*. Мы думаемъ, что истцу давалось право поймать и отдать (или взять) въ услуженіе такого неисправнаго должника, но все что онъ для истца въ теченіи этого времени заработывалъ, зачитывалось въ уплату долга. Порядокъ, въ которомъ производилась уплата, былъ слѣдующій: отвѣтчикъ могъ уплачивать свой долгъ по частямъ, и не самому истцу, а въ судъ, который, если долгъ былъ кабальный, на задержанной у себя кабалѣ отмѣчалъ, сколько именно принято въ уплату; если же долгъ былъ некабальный, то выдавалъ отвѣтчику *отписи*, въ суммѣ, полученной въ уплату долга. Когда такимъ образомъ должникъ уплачивалъ весь долгъ, то судьи, въ случаѣ кабальнаго долга, отдавали ему кабалу, истцу же не прежде выдавали уплаченное, какъ получивъ отъ него выданную ему правую грамоту, на которой дьякъ надписывалъ, что долгъ уплаченъ сполна. Уплата въ такихъ случаяхъ производилась отвѣтчикомъ какъ сказано въ истину безъ роста. Это можно понимать двояко: или отвѣтчикъ вовсе освобождался отъ уплаты роста, который слѣдовало бы ему заплатить, еслибъ платежъ былъ произведенъ во время, и должникъ не былъ выданъ истцу головою, или же онъ освобождался отъ уплаты того только роста, который слѣдовалъ истцу со дня состоянія приговора до дня уплаты долга. Намъ кажется, что

Digitized by Google

первое объясненіе болѣе соотвѣтствуетъ тому времени, чѣмъ второе. И такъ, должникъ на которомъ въ теченіи шести недѣль отъ состоянія приговора, нельзя было доправить долга и который за то былъ выданъ истцу головою, освобождался отъ уплаты роста, и былъ обязанъ взнести только ту сумму, какую занялъ.

D) Судопроизводство какъ въ безспорныхъ такъ и въ спорныхъ дѣлахъ опредѣлено нѣсколькими словами «а въ иныхъ дѣлѣхъ судити по тому жъ; кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти, а въ досталь судъ и правда и крестное цѣлованье.» Эти слова очень ясно показываютъ, что первое мѣсто въ системѣ доказательствъ занимало собственное признаніе. Дѣла, по которымъ оно послѣдовало, не судились. Судъ начинался только въ такомъ случаѣ, когда отвѣтчикъ не признавалъ требованія истца, и прибѣгалъ тогда къ другимъ средствамъ — къ правдѣ и крестному цѣлованью. Замѣтимъ, что только полное собственное признаніе дѣлало судъ ненужнымъ; не полное же, когда отвѣтчикъ сознавался только въ извѣстной части иска, не препятствовало суду, который рѣшалъ вопросъ не о цѣломъ искѣ, а о той только его части, въ которой отвѣтчикъ не сознавался.

Средствами для рѣшенія дѣла въ пользу истца или отвѣтчика, были: правда и крестное цѣлованіе, т. е. свидѣтели и присяга.

Свидѣтели были двоякаго рода: возможные и необходимые, но какъ тѣ такъ и другіе давали свои показанія подъ присягою. Показанія первыхъ получались вслѣдствіе обыска; на нихъ не указывалъ истецъ, а судъ самъ допрашивалъ по извѣстному дѣлу, случилось ли оно или нѣтъ, или тому подобное. Другаго рода свидѣтели были *послухи*, на которыхъ самъ истецъ или отвѣтчикъ указывали передъ судомъ, какъ на лица, которыя могли засвидѣтельствовать справедливость пре-

Digitized by Google

тензіи или же представляемаго отвѣтчикомъ опроверженія. Мы ихъ назвали необходимыми потому, что, разъ указанные истцомъ или отвѣтчикомъ, они должны были непремѣнно явиться въ судъ и свидѣтельствовать; свидѣтели же перваго рода могли вовсе не быть, не были обязаны являться въ судъ, потому что на нихъ никто прямо какъ на свидѣтелей не указывалъ; судъ самъ искалъ ихъ, и они свидѣтельствовали противъ той или другой стороны только по собственному желанію, а не обязывались къ этому [1]).

Если припомнимъ, что по тогдашнему судопроизводству оба рода свидѣтелей должны были подкрѣплять свои показанія присягою, что при недостаткѣ свидѣтелей присуждалась той или другой изъ тяжущихся сторонъ присяга, которая и рѣшала спорный вопросъ, то можемъ сказать безошибочно, что основаніемъ тогдашняго спорнаго судопроизводства была *присяга*.

Примѣры упомянутые въ изложенныхъ нами грамотахъ 3-го раздѣла, очень хорошо изображаютъ весь порядокъ тогдашняго спорнаго судопроизводства, и потому мы очертимъ его въ нѣсколькихъ только словахъ.

Бой, грабежъ, поклажа и заемъ, — вотъ спорные предметы, о которыхъ упоминается въ этихъ грамотахъ.

Мы уже сказали, что собственное признаніе, прекращаетъ дальнѣйшее судопроизводство въ той только части иска, по которой послѣдовало собственное сознаніе отвѣтчика; остальной же части истецъ можетъ искать обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ. Правило это примѣнено къ бою и грабежу слѣдующимъ образомъ: если кто обвинитъ другого въ бою и грабежѣ, а отвѣтчикъ скажетъ, что онъ грабилъ, но не билъ, то грабежъ на немъ доправлялся; касательно же боя истцу или отвѣтчику присуживалась присяга съ жеребья, т. е. тому

[1]) Послѣднее едва ли справедливо. Обыскные люди конечно тоже не могли уклоняться отъ свидѣтельства. К.

Digitized by Google

или другому предоставлялось присягать по жребію. Такъ какъ за бой платилось безчестье, то и сказано: если истецъ присягнетъ (поцѣлуетъ), то онъ получитъ безчестье; а если присягнетъ отвѣтчикъ, то онъ не дастъ ничего. Тоже самое можно сказать и о томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ сознается въ боѣ, но не сознается въ грабежѣ.

О боѣ, грабежѣ и поклажѣ могутъ знать многіе; поэтому, если кто ищетъ боя или грабежа, или боя и гражеба вмѣстѣ, или поклажи, то судъ долженъ сначала удостовѣриться въ томъ, что искъ справедливъ. Средствомъ для этого былъ обыскъ всѣхъ жителей (крестьянъ), которые могли утверждать или отрицать справедливость иска. Если жители показывали въ обыскѣ, что истцу бой и грабежъ былъ, и что онъ искалъ своего боя и грабежа по животамъ, т. е. въ той мѣрѣ, въ какой потерпѣлъ убытокъ [1]), то отвѣтчикъ обвинялся; это значитъ, что въ такомъ случаѣ присуживалось цѣлованіе съ жеребья, т. е. истецъ или отвѣтчикъ приводился къ присягѣ по жребію [2]). Если же въ обыскѣ жители показывали, что истцу дѣйствительно былъ бой, но о грабежѣ имъ неизвѣстно, и что кромѣ того, истецъ ищетъ того грабежа не по своимъ животомъ (вѣроятно, когда онъ искалъ такихъ животовъ, какихъ не имѣлъ никогда), въ такомъ случаѣ обвинялся истецъ. Какое могло быть послѣдствіе такого обвиненія? Истецъ вѣроятно долженъ былъ вознаградить убытки, какіе потерпѣлъ отвѣтчикъ вслѣдствіе несправедливо затѣяннаго иска, и сверхъ того уплатить судебныя пошлины. Вслѣдъ за такимъ показаніемъ жителей,

[1]) Мы думаемъ, что «искать по животомъ» значитъ вообще искать не болѣе того, сколько по вѣроятію могъ присвоить себѣ отвѣтчикъ или потерпѣть убытка истецъ. При простотѣ нравовъ достатокъ отвѣтчика или истца служилъ самымъ наглядным и надежнымъ способомъ для первой повѣрки, имѣетъ ли искъ за себя вѣроятіе или нѣтъ. При помощи такой повѣрки многія претензіи съ перваго же взгляда должны были оказаться невозможными и кляузными. К.

[2]) Послѣ обыска, если рѣчи обыскныхъ людей были въ пользу истца, присяга могла присуждаться только для опредѣленія величины иска, а не правильности его. К.

Digitized by Google

истецъ могъ утверждать, что искалъ хотя и не по своимъ, но по чужимъ животамъ (которые могли у него временно находиться); въ такомъ случаѣ сыскивалось опять чьи у него были животы. Если показаніе его оказывалось справедливымъ, а на грабежъ все таки видоковъ не было, то присуживалась присяга по жребію.

То же самое сказано и о поклажѣ. Въ случаѣ иска, предписывалось сыскивать всѣми крестьянами, а чего обыскъ не откроетъ, въ томъ присуживать присягу, давая на волю отвѣтчика присягнуть самому, или положить деньги подъ крестъ и предоставить истцу присягнувъ, взять ихъ.

Всѣ эти постановленія относятся къ тѣмъ случаямъ, когда истецъ, подавъ жалобу, самъ не представлялъ свидѣтелей (послуховъ).

Послухомъ могъ быть всякій, за исключеніемъ попа и дьякона. Если послухи въ рѣчахъ своихъ не разнятся, то послѣ присяги ихъ выигрываетъ дѣло тотъ, кто на нихъ ссылался, — истецъ или отвѣтчикъ. Если же послухи будутъ давать разнорѣчивыя показанія, одни за истца, другіе противъ него, то никоторому изъ нихъ не давалось предпочтеніе въ допущеніи къ присягѣ; вопросъ кому изъ нихъ присягать рѣшался жребіемъ; если присягали тѣ послухи, которые говорили противъ истца, то отвѣтчикъ освобождался отъ иска, а если тѣ, которые говорили за истца, то отвѣтчикъ вмѣстѣ съ тѣми послухами, которые говорили противъ истца, должны были удовлетворить истца во всемъ его искѣ.

Одинъ послухъ со стороны истца или отвѣтчика не составлялъ еще доказательства, и потому приводился къ присягѣ съ другою стороною по жребію. Такъ, если послухъ (одинъ) будетъ свидѣтельствовать противъ кого нибудь въ боѣ, или грабежѣ или займѣ, то жребій рѣшалъ, кто долженъ первый присягнуть: послухъ или отвѣтчикъ; но отвѣтчикъ могъ либо

Digitized by Google

позволить послуху присягнуть безъ жребія, либо удовлетворить истца, не приводя послуха къ присягѣ; то или другое было предоставлено его волѣ, и онъ не подвергался за то никакой отвѣтственности.

Если было нѣсколько послуховъ съ одной и нѣсколько съ другой стороны, то на количество лицъ не обращалось вниманія.

За неявку въ судъ послухъ приговаривался къ уплатѣ истцу всѣхъ убытковъ, которые послѣдній потерпѣлъ вслѣдствіе неявки послуха въ судъ.

Наконецъ замѣтимъ, что судъ имѣлъ дѣло только съ тѣми отвѣтчиками (если ихъ было много), которые отвѣчали за себя; до тѣхъ же, за которыхъ отвѣчали другіе, ему не было дѣла.

E) Судебныя пошлины опредѣлялись по величинѣ иска (гривна съ рубля). Онѣ не поступали въ пользу судей, но въ пользу общества, и включались въ оброчныя деньги. Платилъ ихъ тотъ, кто по рѣшенію суда оказался виноватымъ въ дѣлѣ.

F) За нанесенныя кому либо побои платилось безчестье, величина котораго опредѣлялась смотря по личности того, кому они были причинены. Посадскимъ торговымъ и волостнымъ добрымъ людямъ платилось безчестья 5 рублей, всѣмъ остальнымъ по рублю, женщинамъ вдвое противъ мужчинъ. Если побоями были нанесены раны, то платилось за увѣчье. Плата за безчестье, какъ мы видѣли, была опредѣлена смотря по личности обиженнаго; относительно же платы за увѣчье, такого опредѣленія не было: сказано только, что судья долженъ осмотрѣть рану, слѣдовательно оцѣнить вредъ нанесенный увѣчьемъ, и смотря по лицу, кому она нанесена, опредѣлить величину вознагражденія за увѣчье.

Digitized by Google

V. А) Ограниченія касательно выдѣлыванія и продажи горячихъ напитковъ могутъ быть разсматриваемы какъ мѣры полицейскія или финансовыя. Ограниченіе числа питейныхъ домовъ въ городѣ будетъ мѣрой полицейской, а отдача на откупъ всѣхъ питейныхъ домовъ одному лицу—мѣрой финансовой; запрещеніе лицамъ подозрительнымъ держать корчмы есть мѣра полицейская, а запрещеніе ввозить въ извѣстный городъ горячіе напитки безпошлинно — мѣра финансовая; но есть и такія ограниченія, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ мѣры полицейскія и въ тоже время финансовыя, наприм. запрещеніе держать питейный дворъ, безъ дозволенія правительства, если при выдачѣ такого дозволенія взимается извѣстная пошлина. — Въ изложенныхъ нами грамотахъ, всѣ ограниченія относящіяся къ выдѣлыванію и продажѣ горячихъ напитковъ носятъ на себѣ характеръ финансовый. Не всѣмъ дозволено было выдѣлывать горячіе напитки, исключая только во время названныхъ въ грамотахъ праздниковъ, или при особенныхъ случаяхъ, когда жителямъ дозволялось приготовлять горячіе напитки, и то въ такомъ только количествѣ, чтобы по истеченіи извѣстнаго срока изъ выдѣланнаго напитка ничего не осталось; въ противномъ случаѣ съ нихъ взималось денежное взысканіе. Имѣющимъ право на выдѣлываніе горячихъ напитковъ, дозволялась только оптовая ихъ продажа, мелочная же принадлежала жителямъ города и проч.

В) Что касается полицейскихъ мѣръ противъ лихихъ людей, то мы ихъ подробно изложили при объясненіи грамотъ 2-го раздѣла; здѣсь прибавимъ только, что излюбленные головы ѣздили въ подворья вынимать поличное разбойное и брать самихъ разбойниковъ, къ чему губные старосты не были обязаны. Замѣтимъ еще, что въ грамотахъ 3-го раздѣла подробно описана обязанность сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ и отвѣтственность ихъ за упущенія относительно лихихъ лю-

Digitized by Google

дей. Названныя лица должны были исключительно преслѣдовать лихихъ людей, а если случится что излюбленные головы, поѣхавъ на поличное, самаго лихаго человѣка не изъѣдутъ, то они этого лихаго человѣка метали (возлагали обязанность отыскать) на тѣхъ дѣсятскихъ, въ чьей десятнѣ онъ жилъ; десятскіе же должны были отыскать, поймать и доставить его излюбленнымъ головамъ. Если сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе не добудутъ лихаго человѣка, который жилъ въ ихъ сотнѣ, а излюбленные головы обыщутъ, что дѣйствительно тотъ человѣкъ разбивалъ или кралъ, то на тѣхъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ взыскивались иски тѣхъ, которыхъ лихой человѣкъ разбилъ или обокралъ. Вообще же всѣ полицейскія мѣры осносительно лихихъ людей, изложенныя въ губныхъ и уставныхъ грамотахъ, не представляютъ существенныхъ различій.

VI. Ко всему тому что мы сказали, при разсмотрѣніи губныхъ грамотъ, о лихихъ людяхъ, судѣ надъ ними и ихъ наказаніи, остается прибавить лишь слѣдующее:

Понятіе о лихихъ людяхъ расширилось. Къ нимъ сверхъ разбойниковъ, причислены душегубцы, занимающіеся грабежемъ, поджигатели, тати, ябедники и подписчики. Лихой человѣкъ судился только тогда по губнымъ грамотамъ, когда обыскные люди говорили, что онъ вѣдомой лихой человѣкъ, что означаетъ что извѣстное лице занимается лихимъ дѣломъ въ видѣ ремесла. Кто разъ совершилъ какое нибудь лихо, объ такомъ обыскные люди не могли сказать, что онъ вѣдомой лихой человѣкъ, и такой преступникъ не подвергался смертной казни. Это видно изъ того, что если даже до 50-ти обыскныхъ людей скажутъ что кто нибудь лихой человѣкъ, а другіе на него никакого лиха не скажутъ, то онъ не подвер-

Digitized by Google

гался смертной казни, а только тюремному заключенію, до тѣхъ поръ, пока о наказаніи его не будетъ Царскаго указа.

Въ уставныхъ грамотахъ встрѣчаемъ также особенное постановленіе, ограждающее иногородныхъ жителей отъ несправедливаго наказанія за лихое дѣло. Если торговаго иногородца, или другого пріѣзжаго человѣка, поймаютъ съ поличнымъ въ татьбѣ, разбоѣ, или грабежѣ, то мѣстные судьи, обсудивъ дѣло по указу, обязаны списки суда своего и обоихъ истцовъ послать къ докладу въ Москву. Такое ограниченіе суда надъ пріѣзжими иногородными лихими людьми не распространялось однако на тутошныхъ жителей; о послѣднихъ во многихъ мѣстахъ сказано: «а дойдутъ до казни и ихъ безъ нашего (Царя и Великого Князя) вѣдома казнити.»

Мы видѣли что по губнымъ грамотамъ судъ надъ лихими людьми принадлежалъ губнымъ старостамъ, городовымъ и монастырскимъ прикащикамъ. Въ уставныхъ же грамотахъ, по которымъ намѣстники и волостели отстранены отъ суда и управленія, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще губныхъ старостъ не было, губныя дѣла, вмѣстѣ со всѣми другими, перешли въ вѣдомство выборныхъ (излюбленныхъ) головъ (или судей).

Кромѣ всѣхъ этихъ постановленій есть еще много другихъ, оставшихся отъ прежняго порядка управленія и суда. Такъ какъ эти постановленія (напр. освобожденіе волостныхъ людей въ извѣстныхъ случаяхъ отъ отвѣтственности за совершившееся въ ихъ волости душегубство) мы уже разсмотрѣли говоря объ уставныхъ грамотахъ 1-го раздѣла, то здѣсь объ нихъ говорить уже не будемъ.

VII. А) О *смѣстномъ судѣ* находимъ распоряженіе, по которому въ тяжбахъ между лицами подвѣдомственными двумъ разнымъ судамъ составлялся общій судъ, на который съѣзжались судьи и лучшіе люди, какъ оберегатели правъ част-

Digitized by Google

ныхъ лицъ въ судѣ, въ одно мѣсто. Такой смѣстный судъ необходимъ тамъ, гдѣ понятія о подсудности еще недостаточно развиты, и части общества не связаны такими тѣсными узами, чтобъ одна могла довѣрять справедливости другой. Съ уничтоженіемъ общиннаго быта, съ подчиненіемъ всѣхъ одному закону, юридическія понятія о подсудности стали развиваться, и смѣстный судъ дѣлался все рѣже и рѣже.

В) *Царскій судъ* по приведеннымъ нами постановленіямъ уставныхъ и судныхъ грамотъ имѣлъ мѣсто:

1. Во всѣхъ искахъ постороннихъ лицъ на посадскихъ, становыхъ крестьянахъ и волостныхъ людяхъ.

2. Въ тяжбахъ (за исключеніемъ разбоя и татьбы) лицъ подвѣдомственныхъ двумъ разнымъ судамъ (если смѣстный судъ не могъ состояться), а также тѣхъ, которые жили на дворцовыхъ черныхъ земляхъ, съ посторонними тяглыми людьми; или крестьянъ, приписанныхъ за лицами высшаго сословія (митрополитами, боярами, дѣтьми боярскими) съ тяглыми людьми.

3. Во всѣхъ тяжбахъ между тяглыми людьми и ихъ судьями (выборными головами).

Царскій судъ отправлялъ тотъ, кому были поручены дѣла или по роду тяжбы или по мѣстности.

VIII. Кругъ дѣятельности выборныхъ головъ (излюбленныхъ судей) не ограничивался однимъ судомъ; они были также и административными властями. Исполненіе этихъ обязанностей, съ надлежащею точностью и справедливостью, было имъ приказано подъ страхомъ строгаго наказанія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже смертной казни. (О другихъ наказаніяхъ, хотя и не упоминается, но мы не думаемъ чтобъ выборный судья наказывался неиначе какъ смертною казнью. Одна смертная казнь упоминается въ уставныхъ грамотахъ, конечно только

Digitized by Google

для устрашенія выборныхъ головъ и предупрежденія возможныхъ съ ихъ стороны злоупотребленій). Но. вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя уставныя грамоты говорятъ и объ извѣстной наградѣ выборныхъ судей, если въ исполненіи ихъ обязанностей не откроется никакого упущенія, а въ судѣ несправедливости. Награда состояла въ томъ, что они освобождались отъ всякихъ пошлинъ съ земель имъ принадлежащихъ; кромѣ того имъ обѣщаны и другія награды, что видно изъ словъ: «да и сверхъ того пожалуемъ.»

Digitized by Google

О ПРОИСХОЖДЕНІИ

ДВОРЯНСТВА И ГЕРБОВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.*)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

КАРЛА ШАЙНОХИ.

(Переводъ съ Польскаго).

Содержаніе: 1) Шляхта одно и тоже что родъ, знатность. — 2) Понятіе рода появляется въ Польшѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ. — 3) Гербъ тоже что erb, вотчина. — 4) Вліяніе Богеміи на Польшу. — 5) Пожалованія jure haereditario. — 6) Вотчина и ленъ. — 7) Дальнѣйшій ходъ событій.

Прибавленія: I. Lecha, lech, шляхта. — II. Родовыя отношенія у древнихъ Германцевъ. — III. Пѣснь о судѣ Либуши.

1. Шляхта одно и тоже что Родъ, Знатность.

Дворянство и гербы пришли къ намъ изъ Богеміи; Чехи же заимствовали ихъ у древнихъ Германцевъ.

Изъ Германіи перешли они въ Богемію въ эпоху принятія Чехами христіанскаго ученія отъ Германцевъ; въ Польшу же эти учрежденія проникнули изъ Богеміи вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Не входя теперь въ историческій разборъ этого явленія, обратимъ предварительно вниманіе на корень и первоначальное значеніе слова *шляхта* (szlachta).

Это слово древне-германское. Оно происходитъ отъ нѣмецкаго корня schlagen, нѣкогда slahen, въ глубокой древности slachan, которое значитъ *ударить* или *рождать*. — Еще и теперь говорятъ: die Bäume schlagen aus, деревья распускаются; aus der Art schlagen, выродиться; von gutem Schlag,

*) Небольшая статья эта была помѣщена въ особомъ сборникѣ „Biblioteka Warszawska," pismo poświęcone naukom, sztukom i przemysłowi. 1857. Nowa serya. Tom drugi, на 321 стр. и озаглавлена — „Nastanie szlachty i herbów w Polszcze. Rozprawa historyczna przez *Karola Szajnochę*."

Digitized by Google

знатнаго рода или породы. Производное отъ этого корня Slahta, иначе Slachta, въ старинномъ нижне-нѣмецкомъ діалектѣ Schlachta, въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ передѣланное на Ge — schlecht, означало *родъ* или *племя* (rodzaj), по латынѣ genus, familia или cognatio.

Для большей ясности, приведемъ нѣсколько примѣровъ: Servorum genus *Scalk slahta*, племя рабовъ. Vestri generis *innuera slahta*, вашего племени, рода [1]). *Abrahamis slahta*, Авраамово племя. *Judor slahta*, поколѣніе Іудино [2]). *Maniger slahte*, varii generis, различнаго племени [3]). *Goter slahte*, знатнаго, хорошаго рода [4]).

Или въ псалмѣ 73-мъ, стихъ 8-ой: Dixerunt in corde suo cognatio eorum inter se . . . . *Chaden in iro herzen diu slahta ze inandern* [5]) — (по переводу Вуйка): сказали въ сердцѣ своемъ *родъ* (rodzaj) ихъ вмѣстѣ, или (въ редакціи Шарфенбергера 1577 г.): сказали въ сердцѣ своемъ *семя* (rodzina) ихъ вмѣстѣ.

И такъ, мы вывели значеніе нѣмецкаго существительнаго Schlachta, равно какъ и Польскаго Szlachta или Ślachta, *(родъ)*, но мы не доискались еще происхожденія понятія szlachetność, *nobilitas* (благородство).

Въ семъ послѣднемъ значеніи Германцы употребляли и употребляютъ по сіе время слова: Adel, edel, собственно aedel.

Разберемъ однако это слово, тогда мы убѣдимся, что и въ немъ коренится тоже понятіе *рода*.

Съ этимъ согласны всѣ изслѣдователи нѣмецкихъ древностей.

---

[1]) Schilter, Thesaurus antiquit. theutonic. III. 744.
[2]) Graff Althochdeutscher Sprachschatz VI, 780.
[3]) Wachter, Glossar. germ. 1419.
[4]) Wackernagel, Deutsches Lesebuch 229.
[5]) Schilter, I. 150.

Digitized by Google

Бывали правда примѣры производства слова adel отъ od, uodal, praedium, поземельная собственность; но этотъ выводъ оказался не основательнымъ, не нашелъ отголоска въ наукѣ, хотя и сбилъ съ дороги многихъ славянскихъ филологовъ [6]).

Болѣе глубокіе изслѣдователи древнихъ и новѣйшихъ временъ приняли за доказанное, что adel, edel, а иногда и aethel, происходятъ отъ древне-германскаго корня aett, — родъ, genus, prosapia, и точно также означаютъ *родъ*, поколѣніе, семейство, genus, cognatio [7]).

У древнихъ авторовъ встрѣчаются на то примѣры въ старинныхъ переводахъ и формулахъ, въ которыхъ: edel, edhili, aedlum, употребляются въ смыслѣ или gens, cognatio, или родины, т. е. происхожденія изъ извѣстнаго мѣста.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ: In carne generis ejus . . . . *in sines edhiles fleische* . . . . въ плоти рода своего. Ex genere Iudae . . . . *fona Iudases edhile* . . . . изъ поколѣнія Іуды. Demonstremus nunc genus et patriam ejus . . . . *chichundimes auh nu dhes edhili endi odhil* (гдѣ слова: *edhil* родъ, genus и *odhil*, земля, очевидно противопоставлены одно другому. . . . .

Укажемъ теперь его родъ и отечество [8]). Ostrogothus prosapia . . . . *Oestgoetskoerat aedlum* . . . . уроженецъ Остроготіи. Gente Anglus . . . . *Aengskoer at aedlum* . . . . уроженецъ Англійскій, Англичанинъ. Gente Danum . . . . *Danskan at aedlum* . . . . уроженецъ Датскій, Датчанинъ [9]).

Новѣйшій изслѣдователь Гриммъ, возстановитель древней германской филологіи, авторъ замѣчательнаго сочиненія о германскихъ юридическихъ древностяхъ, начинаетъ главу о дво-

---

[6]) См. прибавленіе I, Lech, Lecha, Szlachta.
[7]) Ihre Glossarium suio—gotthicum I, 6—14. Wachter 18.
[8]) Wachter 18.
[9]) Ihre I, 11.

Digitized by Google

рянствѣ слѣдующими простыми словами: «*Adal, adel*, значитъ genus, prosapia, съ прибавочнымъ понятіемъ nobilitas [10]).»

Такимъ образомъ оба эти слова slahta и adel имѣютъ собственно одно и тоже значеніе рода, семейства, поколѣнія, и разнятся только этимъ прибавочнымъ понятіемъ nobilitas.

Иными словами: родъ, какой бы онъ ни былъ, родъ простой, родъ вообще, назывался у древнихъ Германцевъ slahta; родъ благородный, родъ особенный, родъ исключительно «родовитыхъ людей», какъ въ Польшѣ титуловались дворяне, называемъ былъ adel.

Мы можемъ даже указать причину этого явленія.

Происходя отъ слова slahan, нынѣ schlagen, имѣющаго двоякое значеніе рождать и бить, слово slahta имѣло равнымъ образомъ двоякое значеніе рода и битвы (въ самыя древнія времена оно означало также и смертоубійство) [11]).

Со временемъ, для большей опредѣлительности, совершенствующійся языкъ, создалъ для каждаго изъ этихъ понятій особенную форму: за битвой осталась первообразная форма Slahta, нынѣ Schlacht, родъ былъ отличенъ посредствомъ обыкновенной приставки ge; такъ и образовалось Geschlacht, перешедшее потомъ въ Geschlecht [12]).

Почтенное же понятіе рода знатнаго, благороднаго, для вящаго избѣжанія всякой двусмысленности, обозначено другимъ словомъ adel.

Впрочемъ оба эти слова Slahta и adel имѣютъ столь одинаковое значеніе рода, что при переводѣ одного и того же латинскаго выраженія ex tribu Iudae или ex genere Iudae, разъ употребляется на древне-германскомъ языкѣ Iudor Slahta, другой разъ Iudases edhile.

---

[10]) Изданіе 1854 г. стр. 265,
[11]) Тамъ же стр. 625.
[12]) Adelung II, 609.

Digitized by Google

Такъ какъ adel, имѣющій въ себѣ тотъ же смыслъ какъ и Slahta, совершенно соотвѣтствуетъ польскому слову «Szlachta» или «Szlachectwo» (дворяне, дворянство), отсюда очевидно, что польское «szlachta» или «ślachta« и нѣмецкое slahta, schlachta, тождественны и по смыслу и по коренному звуку,— то изъ этого слѣдуетъ, что оно одно и тоже слово.

Осталось бы развѣ сомнѣніе, кто отъ кого заимствовалъ это слово, Нѣмцы ли отъ Славянъ или Славяне отъ Нѣмцевъ?

Но въ этомъ случаѣ, серьезное сомнѣніе не возможно, потому что: 1) Славяне для поясненія славянскаго происхожденія слова «szlachta» должны прибѣгать къ толкованію совершенно загадочныхъ корней: lech, lecha, grzęda (гряда), тогда какъ въ нѣмецкомъ языкѣ слово slahta является одною изъ тысячи производныхъ формъ отъ корня slahan, нынѣшняго schlagen, наполняющихъ собою значительную часть нѣмецкаго словаря.

2) Славяне, для избѣжанія затруднительнаго вопроса: откуда столь разительное сходство въ словахъ Slachta и ślachta, должны были предположить, что нѣмцы свое Slachta присвоили отъ Славянъ, при совершенномъ недостаткѣ другихъ производныхъ словъ отъ славянскаго корня lecha; напротивъ же, въ нѣмецкомъ языкѣ, при черезмѣрной многочисленности происходящихъ отъ корня slahen, такое предположеніе оказывается совершенно несостоятельнымъ.

3) Приведенные выше примѣры употребляемости Нѣмцами слова Slahta, относятся по большей части къ самымъ отдаленнымъ временамъ нѣмецкой письменности, т. е. IX и X вѣку, польское же и чешское слово «szlachta» «сдѣлалось гораздо позже извѣстнымъ Славянамъ» [13]), какъ это признаютъ самые ревностные защитники славянскаго ихъ происхожденія.

[13]) Maciejowski Hist. praw. słow. 1832, I, 118.

Digitized by Google

Оно становится извѣстнымъ только тѣмъ Славянамъ, которые непосредственно находятся въ соприкосновеніи съ Нѣмцами; у Германцевъ же оно встрѣчается во всѣхъ нарѣчіяхъ и въ своихъ развѣтвленіяхъ распространилось на многообразнѣйшія понятія.

Напротивъ того, чѣмъ тѣснѣе сближено съ Нѣмцами какое нибудь Славянское племя, употреблявшее это слово, тѣмъ сильнѣе оно разрослось у него на манеръ нѣмецкій.

Такимъ образомъ въ Польшѣ, болѣе удаленной отъ Германіи, слово «szlachta» имѣетъ исключительно славянское значеніе господствующаго въ народѣ сословія, въ смежной же съ Германіею — Богеміи оно кромѣ того сохранило еще нѣмецкое значеніе *какою нибудь* рода вообще.

Вотъ примѣры: «Рече Дарій: всякій изъ васъ знаетъ свою *шляхту* (szlachtę) (свой родъ)!

Нѣтъ столь труднаго положенія, изъ котораго не съумѣлъ бы выпутаться всякій, кто помнитъ свою *шляхту* (свой родъ), или семя этого поколѣнія или этой *шляхты* (szlachty) [14]).»

Мы можемъ даже подмѣтить какъ преобразовывалось постепенно слово *шляхта* (slachta) на пути изъ Германіи въ Польшу.

Въ Германіи означало оно *родъ* и *битву*, но потомъ, принявъ для выраженія рода форму Ge—schlecht, удержало за собою только значеніе битвы.

Въ Богеміи оно вошло въ уотребленіе въ нѣмецкомъ смыслѣ рода вообще, а потомъ уже приняло славянское понятіе знаменитаго рода,—знатности.

Въ Польшѣ оно появилось со значеніемъ исключительно знаменитаго рода — «урожденныхъ, именитыхъ, родовитыхъ.»

По сему можно уже заключить изъ самыхъ филологиче-

---

[14]) Iungmann Слов. подъ выраженіемъ Slechta и Slachta.

Digitized by Google

скихъ доказательствъ, что наше слово шляхта есть германское, и что изъ Богеміи перешло оно въ Польшу.

Но дѣло идетъ не о филологическомъ изслѣдованіи.

Эта статья составлена съ историческою цѣлію.

Посему постараемся вывести исторически, почему и какимъ образомъ нѣмецкое слово шляхта, пріобрѣло у насъ столь важное значеніе.

2. Понятіе рода появляется въ Польшѣ съ христіанствомъ.

Нѣтъ надобности распространяться доказывая, что главное основаніе шляхетства заключается именно въ нѣмецкомъ понятіи Slachta, шляхта т. е. рода, родовитости.

Понятіе *родовитости* проявляется въ названіяхъ, даваемыхъ у всѣхъ народовъ дворянскому сословію: латинское generosus, gentilis, французское gentilhomme, англійское gentry, испанское hydalgo, нѣмецкое adel, имѣютъ всѣ безъ исключенія значеніе gens, genus, рода, знатнаго происхожденія.

Вездѣ гдѣ только было *дворянство* (szlachta), состояло оно изъ привилегированныхъ родовъ.

Спрашивается: что же составляло настоящую связь каждаго рода? Поземельная собственность. Отсюда слѣдуетъ, что земскій владѣлецъ (possessyonat), значилъ тоже что szlachcic (дворянинъ).

Чѣмъ же яснѣе всего выражалась принадлежность къ роду? Правомъ наслѣдованія въ родовомъ имуществѣ.

Что составляло главную привилегію дворянскаго сословія?

— Его наслѣдственность. По этому наслѣдникъ или дѣдичь обыкновенно означалъ тоже, что *панъ* (pan), что *шляхтичъ* (szlachcic).

Отнимемъ у семейства собственность, у членовъ рода право наслѣдованія, у всего рода преемственность, тогда, не

Digitized by Google

смотря на родственную любовь, семейственный союзъ распадется, братья разбредутся по свѣту, родственники забудутъ другъ друга, и такимъ образомъ прежнее значеніе рода исчезнетъ.

Собственность и право наслѣдованія цѣнятся въ настоящее время очень дорого, но въ прежнія времена онѣ цѣнились еще дороже.

Чѣмъ далѣе углубимся въ прошедшія времена, тѣмъ рѣже и цѣннѣе становится право наслѣдственной собственности и наслѣдственности.

Возвращаясь по слѣдамъ юридическихъ документовъ къ самой отдаленной эпохѣ нашей исторіи, мы найдемъ, что древнѣйшіе польскіе акты были — пожалованія jure haereditario, наслѣдственнымъ правомъ, которыя давались въ знакъ особенной милости; они-то и доказываютъ, что до нихъ не было всеобщаго права наслѣдованія.

У насъ нѣтъ законодательныхъ памятниковъ, которые были бы древнѣе этихъ грамотъ; желая составить себѣ понятіе о еще болѣе отдаленной старинѣ, слѣдуетъ прибѣгнуть къ вспомогательнымъ источникамъ.

Такими вспомогательными источниками служатъ намъ письмена сосѣднихъ народовъ, относящіяся къ такому же общественному перевороту, какой произошелъ и у насъ передъ пожалованіями jure haereditario.

Этотъ великій общественный переворотъ состоялъ во введеніи христіанства. Не ограничиваясь однимъ оставленіемъ языческихъ обрядовъ, онъ имѣлъ гораздо важнѣйшія послѣдствія: онъ преобразовалъ всѣ общественныя отношенія гораздо существеннѣе, чѣмъ полагаютъ наши историческіе учебники.

Въ Польшѣ не сохранилось ни одного письменнаго акта, современнаго принятію христіанства, поэтому и не упоминается ничего о тогдашней реформѣ; но у всѣхъ сосѣд-

Digitized by Google

нихъ народовъ, особенно въ Венгріи, Пруссіи и Литвѣ остался цѣлый рядъ самыхъ интересныхъ памятниковъ этой эпохи.

Всматриваясь въ нихъ для извлеченія указаній, которыя уяснили бы вопросъ о собственности и наслѣдственности, мы встрѣчаемъ очень замѣчательные отрывки, имѣющіе большую связь съ нашими документами jure haereditario.

Древнѣйшіе юридическіе польскіе памятники, въ Польшѣ, жалуютъ право наслѣдства отдѣльнымъ только лицамъ, непользовавшимся еще этимъ правомъ, причемъ число пожалованныхъ постепенно возрастаетъ; напротивъ того, у сосѣднихъ народовъ, грамоты, современныя крещенію, даруютъ разомъ это право цѣлому первенствующему въ народѣ классу, причемъ, говоря о томъ самымъ опредѣлительнымъ образомъ, упоминаютъ иногда, что до изданія грамоты, то есть во времена язычества, это право не существовало въ собственномъ, обширномъ смыслѣ слова.

Можно съ достовѣрностію положить, что точно также и въ Польшѣ, въ XII и XIII в. для большинства частныхъ лицъ, а въ языческій періодъ для цѣлаго общества, наслѣдственность собственно не существовала.

Такъ какъ вышеупомянутые документы сосѣднихъ народовъ способствуютъ разъясненію нашей исторіи, то мы можемъ нѣкоторымъ образомъ считать ихъ *нашими собственными*. Поэтому не мѣшаетъ намъ познакомиться съ ними поближе. Начнемъ съ Венгріи. Въ достопамятныхъ постановленіяхъ Св. Стефана относительно ново-крещенцевъ встрѣчаемъ слѣдующее: «Мы приказали нашею королевскою властью, чтобы каждый имѣлъ право дѣлить свое владѣніе, дарить его женѣ, сыновьямъ, дочерямъ, родственникамъ (parentibus) или церкви; послѣ смерти дарителя никто не смѣетъ отмѣнять подобныя распоряженія [15]).»

[15]) Werbőcz, Corpus juris hung. II, 5.

Digitized by Google

Литовское боярство получило при св. крещеніи различныя христіанскія льготы, между которыми король ставитъ на первомъ планѣ слѣдующую милость: «Равнымъ образомъ шляхта, бояре речениыхъ нашихъ Литовскихъ земель, преданные церкви каѳолической римской и получившіе гербовые знаки, будутъ пользоваться и участвуютъ во всѣхъ дареніяхъ, привилегіяхъ и льготахъ Нами имъ данныхъ, удѣленныхъ и пожалованныхъ, точно такимъ же образомъ, какимъ наслаждаются и пользуются своими паны и шляхта короны Польской.»

«Также помянутые паны и шляхта будутъ владѣть имѣніями своими вотчинными на равныхъ правахъ съ панами королевства Польскаго; дарепія Наши, на которыя получены будутъ ими грамоты, будутъ они держать твердо и ненарушимо на вѣчныя времена; они имѣютъ полную свободу эти имѣнія продавать, мѣнять, отчуждать, дарить и обращать въ свою пользу, не иначе однако, какъ по особому Нашему на то разрѣшенію.»

«Такимъ образомъ продажи, мѣны и отчужденія или дарепія они должны совершать передъ Нами или передъ Нашими урядниками, согласно съ обычаями Короны Польской.»

Въ нѣсколько позднѣйшемъ документѣ прибавлено: «Равнымъ образомъ, по смерти отца, дѣти не должны быть лишаемы своихъ вотчинъ, но будутъ владѣть этими вотчинами вмѣстѣ со своими наслѣдниками, какъ владѣютъ своими и пользуются по своему благоусмотрѣнію паны и шляхта Короны Польской [16]).»

Подобную же льготную грамоту пожаловалъ легатъ папскій 1249 г. новообращеннымъ Пруссакамъ.

Въ этой грамотѣ жалуется имъ право наслѣдованія, излагается порядокъ наслѣдованія дальнѣйшихъ родственниковъ, въ концѣ же прибавлено: «Подобную милость приняли ново-

[16]) Działyński, I, 13. Zbiór praw lit.

Digitized by Google

обращенные съ благодарностію, потому что во времена язычества имущества наслѣдовали одни только сыновья [17]).»

Вотъ главное основаніе языческой наслѣдственности. Наслѣдство переходитъ только къ сыновьямъ. Въ случаѣ если ихъ не окажется, дѣлается оно *вымороченнымъ* (puścizną) и достается князю.

На этотъ обычай конфискаціи указываютъ вышеупомянутыя слова въ Уставѣ Св. Стефана: «*никто не смѣетъ отнимать подобныя распоряженія*»; равнымъ образомъ находимъ такое же постановленіе и въ Литовской грамотѣ: «*по смерти отца, дѣти не должны быть лишаемы своихъ вотчинъ*»; подобное же огражденіе встрѣчаемъ и въ грамотѣ Прусской. Наконецъ по всему древнѣйшему польскому праву разбросаны безчисленныя указанія о забираемыхъ Княземъ въ свою пользу puściznach (вымороченныхъ имуществахъ).

Дальнѣйшіе родственники во времена язычества не имѣли никакихъ правъ на родовыя имущества, или собственно говоря, во времена язычества не было дальнѣйшихъ родственниковъ [18]). Вся семья языческая только и состояла изъ отца и сыновей.

Впрочемъ можно утвердительно сказать, что во времена языческія не было ни семьи, ни наслѣдованія въ позднѣйшемъ смыслѣ этихъ понятій.

Только предположеніемъ о такомъ образѣ быта можно объяснить содержаніе памятниковъ историческихъ, всѣ же противныя мнѣнія, въ особенности всѣ утопіи о существовавшей будто бы первобытно весьма широкой общности родовой нашихъ предковъ во времена язычества, суть не что иное, какъ обманъ оптическій, потому что относятся собственно ко вре-

---

[17]) Dogiel, Cod. dipl. R. Pol. IV 17 in paginis ошибочно, вмѣсто in paganismo какъ въ изданіи Дрегера. Wiszn. Hist. lit. II, 349.

[18]) См. Прибавленіе II, Родов. отнош. удревнихъ Германцевъ.

Digitized by Google

менамъ позднѣйшимъ, послѣдовавшимъ за введеніемъ христіанства.

Нѣтъ причины удивляться столь ограниченной узкости собственности и жизни семейной въ языческій періодъ.

Язычеству не доставало санкціи, которая одна только и можетъ вырастить и укрѣпить прочныя семейственныя отношенія — ему недоставало христіанскаго брака.

Многоженство, напрасно опровергаемое защитниками язычества [19]), удерживало семейныя связи въ хаотической неопредѣленности, въ невообразимомъ неустройствѣ.

Мы можемъ въ томъ увѣриться рядомъ разнообразнѣйшихъ свидѣтельствъ современныхъ, единогласіемъ въ этомъ отношеніи грамотъ папскихъ [20]), отечественныхъ лѣтописцевъ [21]) и проповѣдующихъ Евангеліе священниковъ христіанскихъ [22]).

Намъ не слѣдуетъ въ особенности упустить изъ виду яркими красками начертанной картины, которую намъ рисуетъ древнѣйшій чешскій лѣтописецъ.

Отнюдь не увлекаясь нравственнымъ презрѣніемъ въ отношеніи къ языческимъ обрядамъ, напротивъ того, находя въ нихъ нѣкоторыя черты, свойственныя золотому вѣку, разсказываетъ извѣстный чешскій лѣтописецъ Козьма Прагскій, что у его соотечественниковъ не только во времена язычества господствовало «смѣшеніе браковъ» [23]), но что оно довольно долго продолжалось и послѣ введенія христіанства; еще около 1002 г. «дозволялось всякому, смотря по желанію, имѣть двѣ или три жены; не считалось даже предосудительнымъ, если

---

[19]) Maciejowski, Pamiętniki I, 231. Hist. praw. II, 197 — 201.

[20]) Dogiel. Cod. diplom. IV, 19. Item promiserunt quod duas vel plures uxores simul de caetero non habebunt.

[21]) Несторъ. *Имаху же по двѣ и по три жены.*

[22]) Житіе Св. Войтѣха 181, 190, propter plures uxores unius viri.

[23]) Chron. 8.

Digitized by Google

кто либо увезъ чужую жену, или чья нибудь жена жила съ чужимъ мужемъ. Напротивъ того, считалось большимъ позоромъ для мужа, если онъ довольствовался одною только женою, равнымъ образомъ для жены, если она имѣла только одного мужа.»

Еще древнѣе Козьмы авторъ житія Св. Войтѣха (Адальберта) говоритъ опредѣлительно, что «по причинѣ многоженства, родственники жили между собою въ кровосмѣшеніи [24]).»

Такой порядокъ вещей не допускалъ обособляться отдѣльнымъ родамъ въ народѣ, а отсутствіе наслѣдованія въ имуществахъ не возбуждало къ преобразованію этого порядка.

Оба взаимно на себя дѣйствующія обстоятельства, непрочность брачныхъ связей и ограниченность наслѣдованія, препятствовали семьѣ разростаться въ широкій кругъ юридически опредѣленныхъ родовыхъ отношеній, а имуществу укрѣпиться за родомъ посредствомъ наслѣдованія.

Едва только между отцемъ да сыновьями существовала чистая кровная связь; и только отъ отца къ сыновьямъ переходило наслѣдство; внѣ отца съ сыновьями господствовало смѣшеніе «общихъ браковъ» и конфискація.

Только христіанству удалось искоренить это смѣшеніе и эту конфискацію.

Вслѣдствіе упорной борьбы съ языческимъ обычаемъ кровосмѣсительной общности браковъ, вслѣдствіе едва нынѣ понятой строгости, съ которою воспрещаемы были браки между родственниками самыхъ дальнихъ степеней родства, успѣло наконецъ христіанство выяснить родственныя отношенія; одновременно съ этимъ, новокрещенцамъ пожалованы княжескою, участвовавшею въ Евангельской проповѣди, властью, нѣкоторыя льготы и привилегіи христіанскія, между которыми первымъ въ ряду стояло наслѣдованіе.

---

[24]) Vita S. Adalbert. 181, 190.

Digitized by Google

Теперь то стали возникать широковѣтвистые христіанскіе роды съ обезпеченнымъ за ними правомъ христіанскаго наслѣдованія.

Эти явленія были совсѣмъ новы и требовали новыхъ названій.

Названія взяты для ихъ обозначенія оттуда же, откуда заимствовано и само христіанство, т. е. Польшею изъ Богеміи, а Чехами отъ Нѣмцевъ.

На языкѣ общихъ апостоловъ, просвѣтителей богемскаго и польскаго язычества, новыя *наслѣдства* (dziedzictwa) получили германское названіе *erb* или *herb*, а новообразовавшіеся роды, имѣющіе такую наслѣдственную собственность — названіе *шляхты* (slachta), т. е. собственно рода, семейства.

Кто не имѣлъ никакого наслѣдства, которое могъ бы завѣщать родичамъ или же получить послѣ родичей, тотъ и во времена христіанскія не нуждался въ семействѣ, тотъ непринадлежалъ ни къ какой «шляхтѣ.»

Erb, *Herb*, вотчина, наслѣдство, которымъ кто либо или дѣйствительно владѣлъ, или къ которому по роду своему простиралъ свое право, составляло главное условіе шляхты, шляхетства.

Обратимъ теперь вниманіе на это главное условіе.

3. Herb тоже что erb, вотчина.

Прежде всего навязываются сами собою два сомнѣнія: 1) *erb* и *herb*, одно ли тоже слово, не смотря на различіе звука, или нѣтъ? и 2) почему нѣмецкое слово *erb*, означающее вотчину, измѣнило значеніе свое въ польскомъ словѣ *herb*, означающемъ извѣстный знакъ на щитѣ?

Что касается до перваго вопроса, то извѣстно, что какъ и въ настоящее время, такъ особенно въ средніе вѣка звуки

Digitized by Google

e и *he* употреблялись въ началѣ слова безразлично: *ereditas* и *hereditas*, *arfa* и *harfa*, *otd* и *hotd* (поклонъ), *orda* и *horda* (орда), *ussarz* и *hussarz* (гусаръ) и т. п.

Точно такие и *erb* употреблялось когда-то какъ *herb*.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ древнихъ актовъ и рукописей нѣмецкихъ: *afdir herbo prohaeres* [25]), наслѣдникъ 2-й степени; *herbi*, извѣстный видъ вотчинной собственности [26]); въ проповѣди XII ст. читаемъ: «возвратился изгнанникъ въ свою вотчину, *ist der ellinde mennisge uidir chomin zuo sineme herbe* [27]).» По совершенной тождественности словъ, нѣкоторые изъ Славянъ, именно Чехи, приняли болѣе употребительную форму *erb*; прочіе же, какъ то Поляки и Лужицкіе Сербы, сохранили древнѣйшую форму - *herb*.

У Лужичанъ до сихъ поръ употребляются слова: *herba*, *herbnuszcz*, *herbwański*, въ смыслѣ: вотчинъ, вотчина и вотчинный.

Легко можно понять причину преобразованія слова *erb*, вотчина, въ слово *herb*, знакъ на щитѣ.

Въ средніе вѣка, всякому правительственному акту, всякому пожалованію соотвѣтствовалъ извѣстный символическій знакъ. Символически сообщаемо было и право наслѣдованія.

Оно считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ свободою, льготою. Нѣтъ надобности доказывать, что лице, владѣющее извѣстнымъ имѣніемъ пожизненно именемъ третьяго лица, и лице владѣющее тѣмъ же имѣніемъ по праву неограниченной собственности, относятся между собою какъ несвободный къ свободному.

У народовъ Европейскихъ съ древнѣйшихъ временъ символомъ самостоятельности былъ — щитъ.

---

[25]) Graff Althochdeutsch. Sprachschatz I 406.
[26]) Brinckmejer glossar. diplomat. подъ тѣмъ же словомъ.
[27]) Wackernagel Deutsch. Leseb. I 196.

Digitized by Google

Всякое несамостоятельное лице, находившееся въ защитѣ или опекѣ другаго лица, состояло подъ его щитомъ, «sub scuto nostrae potestatis», какъ выражались князья о невольникахъ или неосѣдлыхъ, какъ могъ сказать мужъ о женѣ своей, отецъ о дѣтяхъ и т. д.

Отсюда слѣдуетъ, что при освобожденіи сына отъ опеки у древнихъ Германцевъ [28]), равно какъ и при освобожденіи всего рода пожалованіемъ вотчиннаго права, имъ былъ даваемъ щитъ, въ знакъ того, что освобожденные должны съ тѣхъ поръ сами себя защищать, сами собою опекаться.

Подобно тому и при посвященіи въ рыцари, существо этого обряда состояло въ сообщеніи посвящаемому благословенія и щита; отсюда поговорка: «посвящать кого нибудь въ рыцари» или: «дать ему благословеніе и щитъ» [29]).

Такимъ образомъ одинъ щитъ безъ всякаго на немъ изображенія, былъ уже достаточнымъ знаменемъ благородства.

По этой — то причинѣ многіе старинные акты снабжены шляхетскими печатями, представляющими одинъ щитъ безъ всякаго герба въ теперешнемъ смыслѣ этого слова.

Однако же обыкновенно на щитѣ выставляемо было кромѣ того еще какое нибудь особенное изображеніе, которое, знаменуя неограниченное наслѣдственное право на извѣстный участокъ земли, могло бы отличать вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ членовъ одного и того же *рода*, не только какъ людей свободныхъ и вообще самостоятельныхъ, но и какъ законныхъ сонаслѣдниковъ этого особеннаго участка земли.

Въ этомъ смыслѣ фраза: «имѣть щитъ», означала тоже что «шляхтичъ», выраженіе же въ родѣ слѣдующаго, которое примѣнено нашимъ лѣтописцемъ Мартиномъ Галломъ къ Бо-

---

[28]) Tcitus germ. scuto frameaque.

[29]) Segen und Schild во всѣхъ сочиненіяхъ о Нѣмецкомъ рыцарствѣ.

Digitized by Google

леславу Кривоустому и Моравскому князю Святополку [30]), «имѣть одинъ и тотъ же щитъ съ кѣмъ либо другимъ», означало «быть его родственникомъ, быть его сонаслѣдникомъ», или короче выражаясь «принадлежать къ одному и тому же имени».

Если многія лица имѣли одинъ и тотъ же щитъ, то это значило, что каждый изъ нихъ имѣлъ на своемъ щитѣ одно и тоже общее для всѣхъ изображеніе.

Каждый родъ получалъ отъ Князя, кромѣ дворянскаго щита, еще особенный общій знакъ, свойственный всѣмъ щитамъ одного и того же рода; этотъ же знакъ былъ изображеніемъ предмета, составляющаго общую родовую собственность всѣхъ членовъ рода, т. е. изображеніемъ общаго участка наслѣдственной земли.

Въ этомъ-то смыслѣ выражается общеизвѣстное сочиненіе «О началахъ французскаго права»: «Каждый рыцарь носилъ свою наслѣдственную землю, написанную на своемъ щитѣ. (Michelet. p. XXXVII)».

Нашъ польскій гербъ есть ничто иное, какъ изображаніе на щитѣ дворянскаго участка земли, родовой вотчины, т. е. нѣмецкаго *erb* или *erbe*.

Многія названія польскихъ гербовъ, какъ напр. Богорія, Ястржембецъ, Дзялоша, Лада, Домброва, Годзѣмба, Сулима, Шелига, Бялыня, Пржирова, Кадлубъ и т. п. [31]), суть только названія существующихъ понынѣ деревень.

Всего чаще вотчинная деревня обозначаема была тѣмъ средневѣковымъ символомъ, который употребляемъ былъ въ то время при вводѣ (инвеститурѣ) кого либо во владѣніе поземельное.

---

[30]) Стр. 282, 283.

[31]) Сравнит. таблица городовъ, деревень, поселеній Царства Польскаго, Варшава 1827 г. и т. п.

Digitized by Google

Князь вводилъ обыкновенно во владѣніе передачею даримому лицу сорванной съ жалуемаго грунта вѣтки, глыбы земли, растенія и т. п. [32]); затѣмъ эти предметы переносимы были на щитъ какъ изображенія пожалованной земли.

Послѣ сего понятно, почему нынѣшніе геральдики находятъ на древнѣйшихъ шляхетскихъ печатяхъ «какія-то только деревья, растенія» и т. п. [33]) знаки.

Впрочемъ иногда гербовные знаки заимствовались отъ какихъ нибудь торжествъ, сопровождающихъ пожалованіе вотчиннаго права, какъ то: крещенія, посвященія въ рыцари, пожалованія чиномъ и т. д.

Если такой новый *вотчичъ, дѣдичъ* получалъ свою привилегію въ награду за оставленіе язычества и принятіе христіанства, тогда на его щитѣ писали тотъ поясъ крестный, которымъ онъ былъ опоясываемъ по выходѣ изъ св. купели, который напр. встрѣчаемъ на печатяхъ древняго рода Наленчей.

Весьма часто пожалованіе вотчиннаго права соединяемо было съ посвященіемъ въ рыцари, котораго слѣды встрѣчаются уже при Болеславѣ Храбромъ, но которое потомъ вошло во всеобщее употребленіе [34]).

Главную принадлежность рыцарскаго достоинства составляла лошадь, отъ которой и происходитъ у всѣхъ почти народовъ слово рыцарь, *ritter*, *eques*, *chevalier* и т. п.

И нашъ шляхтичъ, именуемый по латинѣ *miles*, отличался въ особенности тѣмъ, что онъ былъ всадникомъ.

Нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, желая сказать «пѣхота и конница», говоритъ «пѣхота и шляхта» [46]).

---

[32]) Grimm. D. Rechtsalterthümer. 110—133.

[33]) Maciejow. Pismienn. I, 609.

[34]) См. мою статью «О банѣ Болеслава Храбраго» Варшавск. Библ.

[35]) Стр. 189. Nullum peditem sed milites tantum.

Digitized by Google

Какъ для простаго дворянства простой щитъ былъ уже достаточнымъ значеніемъ благородства, такъ точно изображеніе всадника само по себѣ знаменовало высшій, нежели шляхетства чинъ рыцарскій. Этимъ-то изображеніемъ всадника довольствовались мелкіе князья, которые и употребляли на печатяхъ конную фигуру всадника, если они уже посвящены были въ рыцари, и пѣшую, если они посвящены еще не были.

Князья присвоили себѣ цѣлую фигуру всадника верхомъ, шляхта, посвященная въ рыцари, довольствовалась отдѣльными принадлежностями боеваго коня.

Въ числѣ нарядовъ коня боеваго, сѣдло считалось позорнымъ знакомъ, и по тогдашнимъ понятіямъ не льзя было придумать для рыцаря наказанія болѣе позорнаго, какъ заставивъ его нести сѣдло на рукахъ [36]).

Благородными знаками коня были стремена и подковы.

Держать кому нибудь стремя, значило вообще признавать надъ собою чью либо власть, вложить ногу въ чье либо стремя — значило имѣть право наслѣдованія послѣ него, прикоснуться къ чьему либо стремени — значило искать его покровительства; посадить кого нибудь на коня безъ стремянъ — значило нанести ему язвительнѣйшее оскорбленіе [37]).

Подкова имѣла еще гораздо большее значеніе: она составляла главный признакъ коня рыцарскаго. Конь совсѣмъ неподкованный, или подкованный не на всѣ четыре ноги, не считался вовсе рыцарскимъ конемъ, ѣзда на столь подломъ животномъ считалась самымъ чувствительнымъ родомъ наказанія [38]).

Напротивъ того, написанное на щитѣ стремя и свѣтящаяся на немъ подкова свидѣтельствовали о возведеніи простаго шляхтича въ санъ рыцаря.

---

[36]) Michelet Origines du droit fr. 379.

[37]) Np. Dlugosz. Hist. X, 142 съ связанными sub ventrem equae ногами.

[38]) Michelet. 382. Grimm 712.

Digitized by Google

Кажется, что огромное число подковъ, разсыпанныхъ по всѣмъ польскимъ гербамъ, знаменуетъ только рыцарское достоинство украшенныхъ ими шляхетскихъ родовъ.

Можно предположить, что тотъ же смыслъ имѣютъ обыкновенныя гербовыя *стрѣлы* или, собственно говоря, копья.

Правомъ носить копье отличались искони свободные люди [39]), а со временъ распространенія рыцарства, оно составляло почетное рыцарское оружіе.

Сообщеніе кому нибудь копья совпадало или съ возведеніемъ его въ рыцарское достоинство, или съ гражданскимъ его освобожденіемъ, что и потверждалось помѣщеніемъ на щитѣ копья или стрѣлы.

Прибавка къ гербу креста, свидѣтельствовала вѣроятно о крестовомъ походѣ рыцаря, совершеннымъ противъ язычниковъ въ Пруссію съ Болеславомъ Храбрымъ, на Поморье — съ Болеславомъ Смѣлымъ или Кривоустымъ, или почти со всякимъ княземъ на Литву.

Подобныя заслуги оплачивались западно-европейскому рыцарству пожизненными почестями; безъ сомнѣнія онѣ не оставались безъ награды и въ Польшѣ.

Безчисленныя другія случайныя обстоятельства видоизмѣняли до безконечности внѣшнюю обстановку безпрерывно продолжающагося пожалованія шляхетствомъ. Оно жаловалось постоянно новыми владыками новымъ лицамъ и поколѣніямъ, подъ вліяніемъ все болѣе новыхъ обычаевъ.

Разнообразіе геральдики увеличивалось еще болѣе вслѣдствіе возникшей потребности установленія знаковъ иного рода, знаковъ собственно для слуха, или называемыхъ боевыхъ кличей (proclama, zawołanie). Всякій гербъ долженъ былъ сдѣлаться

---

[39]) Ut servi lanceas non portent въ капитулахъ V cap. 247. Eichhorn Deutsche Rechtsgesch. I, 133. — Omnes hastati. Vita S. Ott. Eudev. I, 712. Michelet. Origines. 280.

Digitized by Google

ощутительнымъ слуху, имѣть свой постоянный кличь, по которому бы всѣ одногербовцы могли окликаться и собираться, въ случаѣ нужды въ сраженіи, въ дѣлѣ.

Иногда само названіе герба составляло его *заводаніе* или кличь, однако всего чаще названіе герба и кличь были различны, въ такомъ случаѣ, имя земли вотчинной (erb) употреблялось произвольно какъ названіе герба или какъ родовой кличь.

Въ общій составъ народной геральдики вошли также самые древнѣйшіе изъ всѣхъ гербовъ, т. е. гербы цѣлаго края и отдѣльныхъ его областей и земель, существовавшіе по всему вѣроятію еще во времена языческія, какъ общеупотребительные *военные знаки*, свойственные цѣлому народу, цѣлой землѣ или области. Тѣмъ самимъ эти гербы не имѣли ничего общаго съ частными привилегированными гербами.

Не имѣя надобности входить въ подробности относительно кличей и гербовъ общихъ земскихъ, мы ограничимся одними только частными гербами, которые главнымъ образомъ основывались на понятіи вотчины, вотчинной собственности и предполагали извѣстную родовую общину, которой члены связаны были между собою правомъ взаимнаго другъ послѣ друга наслѣдованія.

По этой же самой причинѣ слово гербъ передаваемо было по латинѣ тѣмъ же терминомъ, которымъ обозначалась *семья*, родъ, т. е. словомъ genealogia, familia, domus, cognatio. Точно такъ, какъ говорятъ теперь «герба Грифъ» «герба Налэнчъ», въ старину говорили повсемѣстно «изъ рода Грифовъ,» изъ рода Налэнчей», de familia Nałęcz, de familia Griffonum, или de cognatione Nałęcz, de cognatione Griffonum [40]), но если бы кто сказалъ: «изъ шляхты Наленчей,» «изъ шляхты Грифовъ,» то въ сущности это было бы одно и то же.

[40]) Bogufal Chron Somersb. II, 57, 63.

Digitized by Google

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни всматривались, оба разбираемыя нами слова, всегда, и въ словѣ *гербъ* и въ словѣ *шляхта*, дойдемъ мы до кореннаго понятія, великаго и новаго въ тогдашнія времена явленія — рода.

Вышеупомянутые нами гербы земскіе происходятъ по всей вѣроятности (какъ уже сказано) отъ временъ язычества; но гербы и *родовое* дворянство выросли въ Польшѣ только одновременно съ христіанствомъ.

Теперь намъ остается искать, слѣдуя теченію вѣковъ, какими остатками преданій, замѣтками лѣтописцевъ, свидѣтельствами, почерпнутыми изъ актовъ, увѣковѣчилось такое, а не иное происхожденіе шляхты.

4. Чешская унія.

Два обстоятельства были причиною тому, что народъ сохранилъ весьма смутную память о томъ, какъ возникло и сложилось шляхетство въ Польшѣ, не смотря на громадное значеніе этого событія.

Первая изъ этихъ причинъ заключается въ очень позднемъ появленіи туземныхъ лѣтописцевъ, изъ которыхъ первый Кадлубекъ писалъ почти 200 лѣтъ послѣ явленія, которое въ его время до такой степени развилось и укоренилось, что совсѣмъ уже потеряло свойство новизны и не требовало никакихъ указаній на его начало.

Другая, несравненно важнѣйшая причина, заключалась въ томъ, что никто не хотѣлъ открыто сознаваться въ заимствованіи чего нибудь отъ сосѣдей, въ занятіи чего нибудь отъ иностранцевъ.

Вспомнимъ что говоритъ уже въ эпоху Сигизмундовъ Оржеховскій [41]), тогда мы убѣдимся какъ было опасно проповѣдывать скромную истину.

[41]) Въ біографіи Ивана Тарновскаго, въ главѣ «о народѣ Тарновскихъ.»

Digitized by Google

Впрочемъ, въ лѣтописяхъ попадаются очень важные намеки, которые свидѣтельствуютъ о не совсѣмъ еще забытомъ истинномъ происхожденіи дворянства и гербовъ въ Польшѣ.

Сюда относится сказаніе въ лѣтописи Бѣльскихъ: «нѣкоторые полагаютъ что только съ христіанствомъ появились у насъ и шляхетство, и гербы» [42]); впрочемъ сами Бѣльскіе этому не вѣрятъ.

Еще болѣе характеристическое сказаніе сохранилось въ русскихъ лѣтописяхъ.

Оно представляетъ въ столь скромномъ видѣ начатки шляхетства въ Польшѣ, оно рѣшительно такъ противорѣчитъ всѣмъ надменнымъ представленіямъ позднѣйшихъ вѣковъ, что нечего удивляться, почему только въ поздней русской лѣтописи сохранено оно отъ забвенія. Это преданіе заключается въ недавно открытой русско-литовской лѣтописи, современной Кромеру [43]), и примыкаетъ къ повѣствованію объ уніи Городельской 1413 г.

Согласно знаменательному намеку Длугоша [44]), который между прочимъ не повторяется ни въ одной хроникѣ современной, Литовскій лѣтописецъ разсказываетъ о вліяніи Императора Сигизмунда на эту польско-литовскую унію, что и сообщаетъ неоспоримую достовѣрность остальнымъ приводимымъ имъ фактамъ.

Императоръ убѣждаетъ литовскихъ вельможей, чтобы они послѣдовали примѣру Поляковъ, которые на такомъ же основаніи заключили когда то унію съ Чехами, чѣмъ и стяжали себѣ огромныя выгоды.

Вотъ весь отрывокъ заимствованный изъ лѣтописи: «И

---

[42]) Въ главѣ о Мечиславѣ I.

[43]) Narbutt T. Pomniki do dziejów litewskich str. 43. Мартинъ Кромеръ (1512—1589) (Ermeland), Епископъ Варминскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ лѣтописцевъ Польскихъ.

[44]) Długosz, Hist. XI, 336. suadente Sigismundo.

Digitized by Google

Цезарь тежъ почалъ панамъ Литовскимъ мовить, ижъ панове Ляцкіи не могли иначей въ покою вчиниты межи королевствамъ Чешскимъ и Польскимъ а завжды межи тыми королевствы вальки бывали, а такъ панове Ляцкіи съ паны Чешскими тымъ сбратилися, ижъ гербы собе Ляхове побрали у пановъ Чешскихъ, и коли гербы побрали, а тымся сбратыли, и отъ тыхъ же мѣстъ валька межи ними перестала и въ покою межи себе живутъ.»

«Панове Литовскіи поведели Цезарю и Князю Великому Витолду тымъ обычаемъ: Милостивый Цезарю и Господарю нашъ Великій Княже Витолде, Ляхове не была шляхта, але были люди простыи, ани мели гербовъ своихъ и великими дары того доходили въ Чеховъ беручи такъ великіи скарбы отъ нихъ и гербовъ своихъ ижъ жичили, и шляхтою ихъ починили, и въ гербы свои ихъ приняли, але мы шляхта старая Римская, которыи предки наши, съ тыми гербы своими зашли до тыхъ паньствъ, и ихъ вживали, а такъ мы теперь ихъ маемъ, и ихъ вживаемъ, яко своихъ, а черезъ нихъ не потребуемъ жадныхъ инныхъ гербовъ новыхъ але ся держимъ старыхъ своихъ што намъ предки наши зоставили.» и т. д.

Если мы спросимъ Бѣльскихъ, относительно сдѣланнаго ими намека о происхожденіи шляхты и гербовъ во время Мечислава, отъ кого заимствовали ихъ Поляки «вмѣстѣ съ христіанствомъ»? то очень естественно получимъ отвѣтъ: отъ того же самаго народа, отъ котораго они заимствовали христіанство, т. е. отъ Чеховъ.

Если мы спросимъ нашего русскаго лѣтописца: когда Поляки вошли въ столь тѣсное братство съ Чехами? то получимъ въ отвѣтъ: тогда же, когда оба народа породнились между собою христіанствомъ.

За исключеніемъ одной только гораздо позднѣйшей эпохи царствованія въ Польшѣ Короля Вацлава, исторія упоминаетъ только однажды о болѣе крѣпкихъ и прочныхъ связяхъ

Digitized by Google

Польши съ Богеміею, а именно — во времена Домбровки и Мечислава.

При слабомъ свѣтѣ лѣтописныхъ сказаній, подкрѣпляющихъ себя взаимно, передъ нами начинаетъ проясняться картина событія, память котораго стерлась почти совершенно, но о которомъ сказаніе, сохранившееся въ нашей русской лѣтописи, тѣмъ болѣе заставляетъ насъ призадуматься, что всѣ остальныя обстоятельства сообщаютъ ему весьма большую вѣроятность.

Императоръ Сигизмундъ, напоминавшій Литовцамъ о союзѣ Польши съ Чехами, былъ Королевичъ Чешскій и притомъ сынъ Польки, онъ могъ основательно знать преданія обоихъ народовъ; вельможи Литовскіе принимаютъ приводимый имъ фактъ, какъ нѣчто всѣмъ извѣстное.

Отзывъ Литвы о панахъ польскихъ до уніи съ Богеміею, какъ «о людяхъ простыхъ» есть въ иной только формѣ высказанное о Полякахъ дохристіанскихъ, мнѣніе которое выражаютъ писатели всего болѣе противныхъ съ нами убѣжденій, называющіе тѣ времена «состояніемъ совершеннаго равенства» [45]), т. е. иными словами, совершенной простоты, необразованности.

Между новокрещенною Польшею и проповѣдывавшими въ ней Евангеліе Чехами, дѣйствительно существовало очень сильное общеніе, которое не могло обойтись безъ такого переворота въ общественномъ устройствѣ, о какомъ упоминаетъ наша русская лѣтопись.

При супругѣ Домбровки, Чехи господствовали довольно долго въ Краковѣ, а при ея сынѣ Болеславѣ Храбромъ, въ свою очередь, Поляки господствовали нѣкоторое время въ Прагѣ и во всей Чехіи и даже, бывъ вытѣснены изъ чешской столицы, не потеряли весь этотъ край, потому что въ теченіи

[45]) Maciejowski, Hist. prawodaw. I, 118.

Digitized by Google

долгаго времени впослѣдствіи они еще обладали Моравіею Чешскою.

Св. Войтѣхъ сдѣлался первымъ апостоломъ Польши, а его соотечественники принесли въ Польшу свою Гербовную Розу, вѣроятно не единственный въ этомъ родѣ подарокъ Чешскій.

Древнѣйшій Польскій гербовникъ Длугоша [46]), утверждаетъ положительно, что въ Польшу перешло много древнихъ польскихъ гербовъ изъ Чехіи и Моравіи, какъ то: Окша, Вѣнява, Равичъ, Огоньчикъ, Одровонжъ, Кушаба, Грабѣ, Помянъ, Пржегоня, Стемборгъ.

И такъ мы имѣемъ несомненые и многочисленные слѣды общественнаго братства обоихъ народовъ, въ которомъ очевидно первенствовалъ народъ крещенный ранѣе.

Допустивъ ипотезу о такомъ братскомъ общеніи, можемъ легко понять, почему собственно въ Богеміи и Польшѣ встрѣчается столько общихъ учрежденій и названій, которыхъ вовсе нѣтъ въ другихъ земляхъ славянскихъ.

Только Богеміи и Польшѣ свойственны столь важныя учрежденія и названія, каковы напр. szlachta, herb, król, pan, seym (*шляхта*, *гербъ*, *король*, *панъ*, *сеймъ*) и т. п.

Вѣроятно отъ этой древней уніи съ Богеміею осталось въ языкѣ Польскомъ слово почтенное и старинное — *обыватель* (помѣщикъ, гражданинъ) [47]) котораго очевидно чешское окончаніе, что и дѣлаетъ его весьма интереснымъ для нашихъ филологовъ.

Дальнѣйшій ходъ событій рѣзко различилъ организацію шляхты въ Польшѣ отъ организаціи шляхты въ Богеміи, но

---

[46]) Insignia seu clenodia regni Poloniae, изд. I. Мучковскимъ.

[47]) Оно находится уже въ переводѣ Библіи XVI в. См. Линде подъ этимъ же словомъ. Тамъ же Скржетускій Пр. П. I. 187. «Самую шляхту нашъ законъ понималъ въ лицахъ обывателей.»

Digitized by Google

въ X и XI вѣкахъ та и другая шляхта сходствовали между собою.

Не входя теперь въ разборъ причинъ этого различія, укажемъ на другой родъ памятниковъ, порожденныхъ распространеніемъ въ Польшѣ дворянства и гербовъ.

5. Пожалованія jure haereditario.

Эти грамоты составляютъ стариннѣйшій видъ польскихъ юридическихъ актовъ.

Онѣ восходятъ, по обще принятому мнѣнію [48]), ко временамъ Болеслава Кривоустаго.

Но мы имѣемъ доказательства существованія подобныхъ пожалованій во времена гораздо еще древнѣйшія.

Сохранился до сихъ поръ еще неизданный актъ, въ которомъ вписана отъ слова до слова грамота 1065 г. объ основаніи Болеславомъ Смѣлымъ монастыря въ Могильно [49]).

Въ этой грамотѣ между прочимъ сказано: Збылютъ miles пожаловалъ церкви, по согласію родственниковъ своихъ, вотчинную деревню Богусино. Miles Magnus Доброгостъ пожаловалъ церкви, по согласію родственниковъ своихъ, вотчинную деревню Паднѣво. Zbylut miles addens eidem ecclesiae haereditatem Bogusino cum consensu amicorum suorum. Miles Magnus Dobrogostius addens eidem ecclesiae haereditatem Padniewo cum consensu amicorum suorum.

Слова haereditatem и cum consensu amicorum доказываютъ очевидно, что уже въ половинѣ XI в. существовали владѣнія jure haereditario, для отчужденія которыхъ посредствомъ дарственной записи требовалось согласіе родственниковъ.

---

[48]) Lelewel Pocz. prawod. 1828 стр. 55.

[49]) Этотъ актъ найденъ почтеннымъ моимъ пріятелемъ А. Белѣвскимъ и въ его обладаніи находится.

Digitized by Google

Съ половины XI в. до утвержденія въ Польшѣ христіанской религіи, то есть до возстановленія ея Казиміромъ Реставраторомъ, прошло столь мало времени, что *одновременное* появленіе христіанства и привилегій jure haereditario не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Впрочемъ, отъ какой бы эпохи ни происходили упоминаемые акты, всѣ они носятъ особенный характеръ, который не можетъ не обратить на себя вниманіе изслѣдователя.

Историки давно уже замѣтили, что жалуемое въ этихъ документахъ, «jus haereditarium, вмѣщало въ себѣ въ Польшѣ кромѣ права наслѣдованія, на которое указываетъ прямой смыслъ этого древне-латинскаго термина, еще нѣчто совершенно иное [50]).»

Оно ровнялось почти полному самодержавію, жалуемаго имъ въ вотчинныхъ его владѣніяхъ. Пожалованные jure haereditario «освобождались отъ многихъ или даже отъ всѣхъ податей и повинностей, имѣли право собирать оброки, пошлины и мыта, освобождались отъ починки дорогъ, замковъ и прочихъ службъ военныхъ [51]), кромѣ того имъ дозволялось строить собственные замки; они освобождались отъ всѣхъ судебныхъ инстанцій, иногда даже отъ суда самого Короля. — Въ своей же вотчинѣ творили судъ и расправу безъ всякой апелляціи. Однимъ словомъ пожалованія jure haereditario были привилегіи, совершенно изъемлющія владѣльцевъ и ихъ вотчины отъ господства общаго земскаго права [52]).»

Всѣ эти преимущества не считались нисколько особенными приставками и прибавленіями къ жалуемому праву наслѣдованія; напротивъ того, они сами собою вытекали изъ тогдашняго понятія *дѣдичности*, вотчины.

---

[50]) Лелевель Нач. законод. стр. 84.

[51]) Всегда только до извѣстной степени и условно, если напр. имущества *церковныя* жаловались этимъ правомъ.

[52]) Тамъ же стр. 83.

Digitized by Google

Какъ *шляхта* и *шляхетство* означали собственно только *родъ*, *родовитость*, такъ и въ словахъ *дѣдичь*, *дѣдичный* (вотчинный) коренилось одно только главное понятіе *самовластія*, независимости.

Оставимъ въ сторонѣ тысячу навязывающихся намъ примѣровъ, и обратимъ вниманіе только на слѣдующій отрывокъ лѣтописца Болеслава Кривоустаго.

«Моравскій князь Святополкъ», разсказываетъ Галлюсъ [53]), былъ первоначально *дѣдичный* (вотчичь); но потомъ Чешскій Князь Борживой, движимый честолибіемъ, подчинилъ его княжество своей власти. Igitur Swathapolc dux moraviensis hereditarius prius extitit; postea vero ducatum Boemie Boriwoij suo dominio plenus ambitione subplautavit.

Иными словами, Святополкъ былъ дѣдичь, потомъ онъ сдѣлался *подвластнымъ*, слѣдовательно дѣдичъ и недѣдичь — тоже что свободный и независимый, удѣльный и ленный, сеньёръ сузеренъ и вассалъ.

Въ томъ-то заключается традиціональный блескъ и сила нашего слова *дѣдичь*, которымъ до сихъ поръ честятъ шляхту поссессіонатовъ (землевладѣльцевъ), но которое цѣнилось уже въ Болеславовскія времена.

Это слово *дѣдичь* до такой степени уже въ то время совпадало съ понятіемъ: *свобода*, свободный человѣкъ, что даже невольникъ, холопъ, осѣдлый на извѣстнотъ участкѣ, получая свободу, пріобрѣталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и титулъ *дѣдича*.

Насъ поражаютъ во многихъ самыхъ древнихъ актахъ упоминаемые haeredes [54]) осѣдлые на кметьихъ участкахъ.

Этотъ терминъ, общеизвѣстый въ юридической западно-

---

[53]) Тамъ же стр. 282.

[54]) Нпр. въ замѣчательномъ документѣ Тынецкомъ 1275 г., заключающемъ въ себѣ повтореніе документа временъ Болеслава Кривоустаго, haeredes Medwed, Klech, Mych, Woyan.

Digitized by Google

европейской литературѣ среднихъ вѣковъ, означаетъ освобожденныхъ крестьянъ [55]).

Современемъ, блистательное имя *дядичь*, сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ дворянскаго сословія, оно обезпечивало за дворянствомъ, кромѣ иныхъ второстепенныхъ выгодъ, слѣдующія коренныя, основныя преимущества: 1) право передавать имущества не только дѣтямъ, но даже дальнѣйшимъ родственникамъ, также право наслѣдованія послѣ самыхъ дальнихъ родственниковъ; — 2) изъятіе всѣхъ крестьянъ, осѣдлыхъ въ вотчинѣ, отъ платежа податей въ казну государственную, съ правомъ взиманія таковыхъ въ свою пользу; 3) изъятіе своихъ владѣній т. е. осѣдлыхъ въ нихъ людей отъ всевозможныхъ княжескихъ судовъ съ правомъ собственнаго надъ ними суда.

Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ преимуществъ. — *Первое* — если кто имѣлъ право отказывать и получать наслѣдство, иными словами, право имѣть извѣстный *родъ* въ обширномъ смыслѣ этого слова, или принадлежать къ извѣстной *шляхтѣ*, — прельщало пользующихся имъ многими явными выгодами, а сопряженныя съ нимъ неудобства еще не были ощутительны.

Каждый членъ такого рода, то есть каждый *шляхтичъ*, (слово производное отъ шляхта, какъ нпр. отъ Кмита Кмитичъ, отъ Славента Славентичъ и т. п.) могъ ежеминутно наслѣдовать извѣстное имѣніе, видѣлъ себя окруженнымъ цѣлою толпою родичей и кліентовъ, смѣло говорилъ съ Королемъ, а еще смѣлѣе со всякимъ человѣкомъ безъ *шляхты* или безроднымъ.

Зато, желая продать или подарить наслѣдственную деревню, онъ долженъ былъ заискивать согласіе у всего рода,

---

[55]) Brinckmejer *Glossarium diplomaticum* I, 949 *Haeredes Hörige.*

Digitized by Google

или по крайней мѣрѣ у ближайшихъ «стрыйцевъ гербовыхъ» (агнатовъ, или буквально переводя, дядичей одного и того же герба); въ противномъ случаѣ, эти родичи всчинали противу пріобрѣтателя искъ, предъявляя первенство предъ нимъ своихъ правъ на наслѣдственную деревню, которая не должна была выходить изъ рода.

Такимъ-то образомъ и возникла та родовая общность, которую многіе считаютъ характеристическою чертою общественнаго быта Славянъ въ дохристіанскія времена [56]), но которая съ этимъ бытомъ несовмѣстна и развилась подъ вліяніемъ христіанства, единовременно со введеніемъ въ земляхъ славянскихъ шляхетства и гербовъ.

Родовая наслѣдственность повлекла за собою необходимость устраненія дочерей отъ наслѣдованія въ родовыхъ имуществахъ, потому что наслѣдованіе обусловливалось единокровіемъ, слѣдовательно, надобно было исключить зятей, чужую кровь, чужеродцевъ, къ роду примкнувшихъ, но не вошедшихъ въ его составъ.

Второе преимущество, вытѣкающее изъ пожалованій jure haereditario, состоявшее въ освобожденіи недвижимаго имущества отъ податей, сначала было, какъ кажется, весьма ограниченно; оно развивалось въ теченіи вѣковъ, видоизмѣнялось смотря по личному настроенію правителей, и наконецъ въ XIV в., по извѣстному Кошицкому договору, заключенному польскими вельможами съ Королемъ Людовикомъ (1374), оно остановилось на томъ, что шляхта обязалась платить по два гроша съ лана (извѣстной мѣры земли) или такъ называемую «королевщину,» каковая подать должна была единственно знаменовать признаніе надъ собою верховной власти Короля.

Третье преимущество, право собственнаго суда надъ народомъ, снабдило «*дядичей*» почтеннымъ титуломъ «паны.»

[56]) См. прибавленіе III, Пѣснь о Судѣ Либуши.

Digitized by Google

По обще принятой нынѣ этимологіи [57]), это слово германское, которое въ древне-германскомъ языкѣ писалось ban, fan и pan; и означало во всѣхъ сихъ формахъ «право суда.»

Въ какой бы формѣ оно ни употреблялось, въ формѣ ли *ban* [58]), или *fan* [59]), или наконецъ *pan* [60]), оно всегда присвоиваемо было извѣстному сановнику королевскому, засѣдающему въ судѣ, или извѣстному поземельному владѣльцу, который пріобрѣлъ права собственнаго суда.

Вѣроятно по этой то причинѣ тѣ именно должностныя коронныя лица въ Польшѣ, которыхъ первоначальное назначеніе было преимущественно судебное, т. е. кастеляны, сохранили до позднѣйшаго времени исключительное названіе *pan*, такъ напр. вмѣсто «кастелянъ краковскій» или «войницкій» обыкновенно говорили «панъ краковскій», «панъ войницкій» и т. п.

Таковы были тѣ главныя коренныя вольности и льготы, которыя, вмѣстѣ съ *вотчинным правомъ*, достались новообразовавшейся *шляхтѣ*, «гербовникамъ», «дѣдичамъ», «панамъ», изъятымъ отъ податей и повинностей.

Иногда съ пожалованіемъ jure haereditario соединялось возведеніе въ извѣстную еще коронную должность.

Въ древности возведеніе въ высшую государственную должность воеводы или кастеляна, совершалось весьма торжественно, подобно позднѣйшему обряду поясанія рыцарскимъ поясомъ.

Прочтемъ напр. древнюю формулу юридическую, произносимую въ VII и VIII вѣкахъ королями франкскими при назна-

---

[57]) Мацѣевскій, Польша по отношенію къ обыч. I, 55. «Это есть слово не славянское, но готское.»

[58]) Brinckmeier Glossar. diplom. I, 263. Gerichtsbarkeit, a) überhaupt, b) peinliche.

[59]) Schilter Thesaur. antiq. teuton. III, 378. Vexillum judiciale.

[60]) Тамъ же подъ выраженіемъ pan.

ченіи воеводъ и кастеляновъ, или какъ по тогдашнему выражались, въ званіе «дюковъ, комесовъ или патриціевъ».

Вотъ эта формула: «Мы тебѣ ввѣрили въ такомъ то уѣздѣ должность комеса, дюка и патриція, дабы ты намъ всегда хранилъ ненарушимую вѣрность; дабы ты правилъ мѣстнымъ народонаселеніемъ по справедливости, законамъ и обычаямъ каждаго народа; дабы ты былъ ревностнымъ защитникомъ вдовъ и сиротъ; дабы ты съ величайшею строгостью преслѣдовалъ злодѣянія, смертоубійцъ и лихихъ людей; дабы добрые люди тебѣ подвѣдомственные пользовались миромъ и благосостояніемъ» [61]).

Въ Англіи и въ государствахъ Скандинавскихъ короли жаловали соотвѣтственныя должности ярловъ, эльдерменовъ или старостъ, опоясывая удостоиваемаго оружіемъ, врученіемъ ему щита и возложеніемъ на голову шлема [62]).

Вѣроятно тѣмъ же порядкомъ, быть можетъ съ прибавкою западно-европейскаго обряда *бани* (łaźni), жалуемъ былъ въ Польшѣ имѣнитѣйшимъ людямъ, напр. извѣстнымъ двѣнадцати «друзьямъ и совѣтникамъ» [63]) Болеслава Храбраго, двойной чинъ шляхетства и извѣстной должности государственной.

Въ позднѣйшія времена, когда число кандидатовъ къ дворянскому сословію стало превышать число государственныхъ должностей, а во всемъ западномъ мірѣ распространился обычай посвящать въ рыцари, тогда эти франкскія формулы и эти англійскіе обряды передачи пояса и щита, означавшіе первоначально пожалованіе государственной должности, потеряли свое прежнее значеніе, опошлѣли и превратились въ простой церемоніалъ опоясанія рыцарскимъ поясомъ, церемоніалъ возлагавшій на производимыхъ въ рыцари нравственныя обя-

---

[61]) Eichhorn, Deutsche Rechtsgesch. 1818. I. 79.

[62]) Lappenberg Gesch. Engl. I, 567. 580. Dahlmann Gesch. Dännem. I. 120.

[63]) Gallus p. 67 amicos.

Digitized by Google

занности комесовъ, и украшавшій ихъ оружіемъ и щитомъ ярловъ.

Тогда то пожалованіямъ jure haereditario или шляхетства стало обыкновенно сопутствовать опоясаніе въ рыцари.

Даже новообращеннымъ Пруссакамъ дозволилъ Папскій легатъ 1249 г., чтобы сыновья зажиточнѣйшихъ родителей въ знакъ достигаемой гражданской самостоятельности, украшались рыцарскимъ поясомъ и оружіемъ [64]).

Въ Польшѣ, преимущественно въ средѣ людей зажиточныхъ, въ особенности же въ княжескомъ сословіи, опоясаніе въ рыцари слилось нераздѣльно съ понятіемъ признанія опоясываемаго *дѣдичемъ*.

«Если сынъ твой уступитъ мнѣ свое княжество» говоритъ въ Лѣтописи Кадлубка [65]) Мечиславъ Старый матери малолѣтняго Лѣшка Бѣлаго, «тогда я приму его вмѣсто сына и украсивъ его съ этою цѣлію рыцарскимъ поясомъ, возвращу ему княжество и признаю его по законному обычаю *дѣдичемъ*.»

По примѣру князей и знатнѣйшихъ пановъ, посвященіе въ рыцари распространилось и между остальною шляхтою, какъ обыкновенный обрядъ, сопутствующій введенію въ права родоваго вотчиннаго владѣнія.

Но когда (по естественному ходу событій) въ одномъ и томъ же шляхетскомъ сословіи образовались современемъ оттѣнки, смотря по зажиточности и значительности состоянія достаточнаго или недостаточнаго, которое позволяло или не позволяло совершеніе дорого стоющей церемоніи [66]) опоясанія, тогда шляхетское сословіе подраздѣлилось по достоинству своему на двѣ ступени, одну дворянства рыцарскаго, *поясаную* (rycerstwo passowane), другую бѣднѣйшую, простой шляхты.

---

[64]) Dogiel Cod. diplom. IV. 18.

[65]) Стр. 817.

[66]) Omissis sumptuosis solemnitatibus. Ducange Gloss. lat. voce Alapa militaris.

Digitized by Google

Вотъ почему нѣкоторыя княжескія постановленія XIV и XV в. упоминая о соизволеніи всего дворянства на издаваемый уставъ, выражаются такимъ образомъ въ предисловіяхъ, сохранившихся въ современномъ польскомъ переводѣ: «Эти законы установлены въ землѣ Мазовецкой, когда собрались *поясанныя* (pasani) и *шляхетные паны*», или: «Мы Божіею милостью Іоаннъ Князь Мазовецкій, вмѣстѣ съ *поясанными панами и шляхетными* [67]),» что въ подлинникѣ латинскомъ: «Haec sunt jura et statuta ducatus Mazoviae ..... cum consensu strenuorum ac nobilium terrae ejusdem consiliariorum» и «Joannes d. gr. dux Mazoviae, praesentibus strenuis nobilibusque dominis» [68]). Слова *strenui* и *nobilis* обозначаютъ здѣсь шляхту зажиточную (*strenuus*, *gestreng*, *Ritter*).

Послѣдующія времена изгладили различія, основанныя на неравенствѣ имущественномъ, поясъ и сабля рыцарская сдѣлались всеобщимъ достояніемъ цѣлой шляхты, они стали столь же явственнымъ символомъ шляхетства, какъ прежде щитъ и изображенное на немъ гербовое «пятно» (piątno, знакъ).

Въ поясѣ въ особенности, въ этомъ, столь драгоцѣнномъ для шляхтича нарядѣ, переходившемъ торжественно отъ отца къ сыну и употребляемомъ при всякомъ торжественномъ случаѣ,—сохранилось любопытное для насъ воспоминаніе о древнемъ обрядѣ возведенія въ шляхетство, имѣвшемъ въ XVIII в. значеніе только нравственное, въ XV в. знаменовавшемъ извѣстное оффиціальное отличіе, но пользовавшемся въ XI и XII в. значеніемъ дѣйствительнаго и рѣдкаго еще достоинства, — именно рыцарства поясаннаго.

Не вдругъ, но напротивъ того, весьма медленно распространялись въ Польшѣ привилегіи jure haereditario и сообщаемое ими шляхетство.

---

[67]) Lelewel, Pomn. jęz. i uchw. 133. 140.

[68]) Bandtke Jus pol. 417. 425.

Digitized by Google

Во времена Болеслава Храбраго, Казиміра Возобновителя и Болеслава Смѣлаго, по всей вѣроятности число участвовавшихъ въ пользованіи jure haereditario, число новыхъ шляхтичей было весьма ограниченно.

Но уже во времена Казиміра Справедливаго, послѣ достопамятнаго въ его правленіе Лэнчицкаго синода, Польша покрылась густою сѣтью шляхты и эрбовъ, густымъ поростомъ свободъ западно-христіанскихъ.

Лэнчицкій синодъ главнымъ образомъ былъ озабоченъ огражденіемъ оставшихся послѣ умершихъ священниковъ имуществъ отъ такъ называемаго права puścizny (вымороченное имѣніе), отъ захвата ихъ княземъ, отъ *княжескаго* разграбленія [69]), конфискаціи.

Эта же конфискація была ничто иное какъ остатокъ древне-языческой старины, какъ старинное право на завладѣніе вымороченнымъ имуществомъ послѣ лица неоставившаго сыновей.

Такъ какъ духовныя лица не оставляли послѣ себя сыновей, то ихъ пусьцизну — грабилъ князь.

Если священникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *шляхтичъ*, то есть человѣкъ родовитый, тогда оставшееся послѣ него имущество должно было переходить по наслѣдству къ дальнѣйшимъ его родственникамъ; но устарѣвшія злоупотребленія, бывшія въ силѣ во всѣхъ странахъ Европейскихъ, допускали князьямъ завладѣвать и въ этомъ даже случаѣ оставшимся послѣ духовнаго лица имуществомъ.

Если покойный не принадлежалъ къ *шляхтѣ*, т. е. былъ безродный, тогда грабежъ считался дѣломъ совершенно справедливымъ и законнымъ. Вотъ почему синодъ Лэнчицкій постановилъ, что имущество умершихъ священниковъ, не подле-

---

[69]) Kadłubek 779, a principibus usurpatum. Boguf. Sommerab. II, 46 fisco principum.

Digitized by Google

житъ разграбленію, но достается церкви, или же переходитъ по наслѣдству къ роднымъ покойнаго, будь они шляхта или даже и не шляхта.

Въ послѣднемъ случаѣ, синодъ призналъ за родственниками покойнаго право *родовой* наслѣдственности, право шляхетства.

Польша наполнилась толпою новыхъ родовъ, новой шляхты и новыхъ гербовъ. Современный Епископъ-лѣтописецъ (Кадлубокъ) прославляетъ Казиміра «Справедливаго» какъ главнаго распространителя свободы народной, свободы наслѣдственнаго шляхетства, болѣе или менѣе соединенной съ выше упомянутыми изъятіями отъ податей, повинностей, княжескихъ судовъ и т. п.

Въ этомъ то смыслѣ говоритъ лѣтописецъ о Казимірѣ: «Онъ расторгнулъ оковы рабства, снялъ иго пошлинныхъ сборовъ, освободилъ отъ даней, уничтожилъ повинности и не только облегчилъ бремя, но даже и совершенно его отмѣнилъ, прекратилъ утѣсненія и принужденія» [70]).

Въ его же время рѣзко обозначилось огромное различіе между шляхетскою организаціею Польши и Германіи.

Когда старшій братъ Казиміра Справедливаго, Владиславъ II, гостилъ въ Германіи какъ изгнанникъ и старался съ помощію Императора возстановить въ Польшѣ свою власть, то въ этой странѣ объ немъ говорили: «Онъ хочетъ Нѣмцамъ запродать нашу свободу» [71]).

Хотя польское шляхетство и названо нѣмецкимъ словомъ, но оно развилось въ формахъ совершенно противоположныхъ формамъ германскаго дворянства.

Станемъ теперь на эту точку зрѣнія и съ ней намъ откроется совершенно новая сторона нашего предмета.

---

[70]) Кадлубокъ 778.

[71]) Тамъ же 783.

Digitized by Google

6. Вотчина и лен'ъ.

Мы сказали выше, что *вотчина и феодъ* — это два совершенные контраста.

Вотчина означала владѣніе свободное и независимое; феодъ, напротивъ того, владѣніе зависимое, условное, ограниченное.

Этимъ облегчается отвѣтъ на вопросъ: господствовалъ ли въ Польшѣ феодализмъ или нѣтъ? — За исключеніемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ и кратковременныхъ явленій въ этомъ родѣ, вотчинно-дворянская Польша не только была совсѣмъ свободна отъ феодализма, но она была устроена на ладъ совершенно противоположный феодализму.

Спрашивается: какимъ же образомъ устройство совершенно противоположное западно-европейской феодальной системѣ, получило въ Польшѣ свое названіе съ запада?

Эту загадку мы можемъ разрѣшить, наблюдая различія между историческими эпохами.

Когда въ Богемію и Польшу, вмѣстѣ съ западными учрежденіями, стало проникать христіанство, въ то время на западѣ феодализмъ еще не развился.

Феодализмъ сдѣлался преобладающимъ въ Германіи только въ XIII столѣтіи [72]). Четырмя вѣками раньше того, т. е. въ IX и X в., онъ былъ въ состояніи первоначальнаго развитія, еще же раньше, т. е. въ V и VI столѣтіяхъ, онъ находился только въ едва еще замѣтномъ зародышѣ.

Въ обществахъ западно-европейскихъ господствовала въ то время совсѣмъ иная система, такъ называемая аллодіальная, т. е., собственно говоря, *вотчинная*.

Если представимъ себѣ это первобытное устройство, то замѣтимъ въ обществѣ феодальномъ, на западѣ, два класса

[72]) Eichhorn, *Deutsche Rechtsgeschichte* II. 1276.

землевладѣльцевъ, или двѣ степени первоначальнаго германскаго дворянства: 1 классъ — аллодіальныхъ или вотчинныхъ, т. е. совершенно свободныхъ землевладѣльцевъ; 2 классъ — ленныхъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ пожизненно княжескими *помѣстіями*, на извѣстныхъ обременительныхъ условіяхъ, именно съ обязанностію безусловной военной службы.

Аллодіальные вотчичи, первообразцы позднѣйшей Польской шляхты, состояли въ обширныхъ родовыхъ гербовыхъ связяхъ, жили большими наслѣдственными общинами [73]), сходились съ княземъ и подавали свободно голоса на вѣчахъ (сеймахъ), платили добровольно и только единовременно устанавливаемыя подати, несли условную военную службу, выступая всеобщимъ земскимъ ополченіемъ, на защиту отечества, но не за границу и не съ завоевательною цѣлію.

Съ такими подданными трудно было ладить западно-европейскимъ князьямъ, особенно же предпріимчивымъ королямъ франкскимъ, точно также какъ и Королямъ Польскимъ, позднѣе, не легко было управиться со своею шляхтою.

Вотъ почему Короли обратили все вниманіе и всѣ милости на другой классъ подданныхъ, на упомянутыхъ служилыхъ феодальныхъ владѣльцевъ, болѣе склонныхъ къ послушанію и болѣе зависимыхъ, привыкшихъ съ давнихъ временъ къ повиновенію, обязанныхъ безусловно являться на войну, и охотно выступавшихъ въ походы во всякое время.

При слабомъ правленіи каролингской династіи послѣ Карла В. въ Италіи, Франціи и Германіи, феодальные владѣльцы, усилившись подъ вліяніемъ оказываемой имъ Князьями поддержки, стали въ IX в. превозмогать аллодіальныхъ владѣльцевъ; впрочемъ они еще не достигли рѣшительнаго перевѣса.

---

[73]) О существованіи подобной имущественной общности у Германскихъ народовъ см. прибавленіе III, Пѣснь о судѣ Либуши.

Digitized by Google

Въ это самое время въ IX в. западно-европейскія учрежденія проникли вмѣстѣ съ христіанствомъ въ Богемію. Они проникли въ старинной много уважаемой еще формѣ аллодіальныхъ или вотчинныхъ обычаевъ.

Богемія сообщила Польшѣ въ X в., вмѣстѣ съ христіанскою религіею, и свое учрежденіе шляхетства въ духѣ аллодіальномъ.

Укоренившись подъ вліяніемъ продолжительнаго единенія съ Богеміею, шляхетство аллодіальное разросталось благополучно на новой почвѣ, которой суждено было сдѣлаться для него современемъ обѣтованною землею.

И такъ, въ одно и тоже время, на небольшомъ разстояніи развивались параллельно двѣ совершенно разнородныя общественныя организаціи: въ Германіи развивалась все болѣе и болѣе феодальная, а въ Польшѣ усиливалась аллодіальная система.

Воспитанница временъ и странъ каролингскихъ, военно-феодальная система, система условнаго владѣнія, опутала въ X и XI столѣтіяхъ всѣ общественныя отношенія столь рѣшительно, что не только подавила послѣдніе остатки аллодіальной собственности, но даже ослабила верховную княжескую власть.

Послѣдніе аллодіальные вотчинники, будучи несравненно слабѣе феодальныхъ магнатовъ, были поставлены въ необходимость искать спасенія подъ покровительствомъ феодализма, ставить свои аллодіальныя вольныя вотчины подъ защиту ближайшихъ феодальныхъ замковъ, а князья и короли западные, привыкшіе къ жалованію феодальныхъ помѣстій сыновьямъ послѣ отцовъ, принуждены были наконецъ признать право условнаго *наслѣдованія* феодовъ.

И такъ, въ XI и XII столѣтіяхъ, съ одной стороны исчезли всѣ аллодіи т. е. вся вольная, полная поземельная *собственность*, съ другой стороны прекратилась личность владѣ-

Digitized by Google

нія и строгость служебной зависимости феодовъ; распространилось же среднее общественное сословіе, которое не было ни классомъ совершенно свободныхъ собственниковъ, ни классомъ только лично пользующихся феодами помѣщиковъ, какъ было въ первыя времена феодализма.

Это было состояніе условной, ограниченной, служилой наслѣдственности; таковъ былъ именно феодализмъ въ позднѣйшемъ своемъ значеніи.

Въ сравненіи съ блестящею судьбою прежнихъ аллодіальныхъ вотчинниковъ, въ сравненіи съ процвѣтающею въ Польшѣ въ полномъ блескѣ аллодіальностію, феодализмъ былъ состояніе далеко незавидное; но такъ какъ торжество его надъ аллодіями имѣло спасительныя послѣдствія, то потому и онъ нашелъ своихъ хвалителей между историками, пріобрѣлъ у людей уваженіе и вѣсъ, и все болѣе и болѣе распространялся на западѣ.

Въ быстромъ своемъ развитіи, при сильномъ *напираніи* германскихъ элементовъ на Востокъ, феодализмъ проникъ въ XI столѣтіи въ Богемію и подавилъ привившуюся тамъ, но неуспѣвшую глубоко укорениться аллодіальность.

Вотъ почему, хотя Поляки и получили свое шляхетство отъ Чеховъ, однако вскорѣ явилась огромная разница между аллодіальнымъ Польскимъ шляхетствомъ и ново-феодальнымъ дворянствомъ Богеміи.

Въ XIII в. въ Германіи феодализмъ достигъ зенита своего господства; напротивъ того, въ Польшѣ, раздробленной на удѣльныя княжества, самостоятельная аристократія аллодіальная разцвѣла въ полной мѣрѣ.

Начиная съ этого момента, феодализмъ на Западѣ сталъ преклоняться передъ королевскою властію, въ Польшѣ же аллодіальное больное шляхетство стало распространяться сверху внизъ, на весь народъ.

Digitized by Google

Такимъ то образомъ, въ теченіи временъ шляхетство польское и дворянство германское обособились совершенно; такимъ то образомъ понятіе, названное въ Польшѣ западно-европейскимъ словомъ, отлилось въ Польшѣ въ формы совершенно противоположныя западно-европейскимъ.

При видѣ совершенной противоположности обѣихъ общественныхъ организацій, ни Поляки ни Нѣмцы не могли предположить, чтобы ихъ различныя учрежденія происходили изъ одного и того же общаго источника.

Поляки считали свое шляхетство чѣмъ то исключительно славянскимъ, выросшимъ самобытно на родной почвѣ, въ свою очередь, Нѣмцы присвоили аллодіально-вотчиннымъ обычаямъ Польской шляхты, въ особенности обычаямъ имущественной общности родовъ, исключительное названіе *Польскаго права*, хотя эти обычаи внесены были въ Польшу съ Запада одновременно съ христіанствомъ.

«Вы Нѣмцы не знаете, что такое Польское право,» говоритъ въ Гейнриховской лѣтописи [74]) польскій юристъ нѣмецкому въ эпоху наибольшаго преобладанія феодализма въ Германіи, и начинаетъ ему толковать о правахъ самыхъ дальнихъ родственниковъ на проданную кому либо *эрбовую* вотчину рода, не смотря на то, что это право, хотя и противоположное узкому понятію феодальнаго германскаго наслѣдованія въ XIII столѣтіи, было однако же общеизвѣстно на западѣ пятью или шестью вѣками раньше, то есть въ VI, VII и VIII столѣтіяхъ.

Равно загадочнымъ стало другое различіе между шляхетствами польскимъ и иностраннымъ, именно различіе геральдическихъ системъ.

Съ давнихъ временъ занимало ученыхъ, откуда взялась у польской шляхты такъ называемая гербовая общность, вслѣд-

[74]) Stenzel, *Liber fundat. claustri in Heinrich.* стр. 43.

Digitized by Google

ствіе которой одинъ и тотъ же гербъ составляетъ общую принадлежность нѣсколькихъ, а иногда и нѣсколькихъ десятковъ отдѣльныхъ родовъ, — явленіе заграничному дворянству совершенно неизвѣстное.

Это явленіе есть ничто иное, какъ остатокъ древней аллодіальности шляхетства въ Польшѣ. Аллодіальная вотчина переходила безъ всякихъ ограниченій къ самымъ дальнимъ родственникамъ, хотя бы они носили и другое фамильное названіе, лишь бы только могли доказать указаніемъ на одинъ и тотъ же гербъ, что они происходятъ отъ одного и того же корня.

Феодальныя помѣстья у другихъ народовъ переходили только къ ближайшимъ родственникамъ, съ устраненіемъ отъ нихъ дальнѣйшихъ степеней, въ особенности же съ устраненіемъ боковыхъ линій, которыя были оставляемы въ сторонѣ, помѣстье же помимо ихъ возвращалось опять въ распоряженіе князя.

Вотъ почему старинный гербъ рода, составляющій доказательство происхожденія отъ извѣстнаго корня, былъ тщательно хранимъ въ Польшѣ родичами даже тогда, когда отдѣльныя вѣтви рода образовали особыя фамиліи съ особыми названіями.

Со временемъ они даже и забывали объ общемъ своемъ источникѣ и только въ одномъ и томъ же гербѣ, служащемъ нѣсколькимъ, или нѣсколькимъ десяткамъ разнофамильныхъ домовъ, хранили они память о единствѣ происхожденія; вотъ почему лица, обладающія одинаковымъ гербомъ, называли себя взаимно до позднѣйшихъ временъ «гербовыми дядями или дядичами» [75]).

---

[75]) Такъ напр. Станиславъ Оржеховскій, единственно по общности герба Окша, называетъ, въ Біографіи Ивана Тарновскаго, Николая Рея изъ Нагловицъ своимъ «дядею.»

Digitized by Google

Напротивъ того, въ феодальномъ дворянствѣ иностранномъ, дальнѣйшія степени родства не приносили никакой пользы, вслѣдствіе чего основатели новыхъ родовъ инофамильныхъ не заботились нисколько о сохраненіи старинныхъ своихъ гербовъ, но получали отъ князя либо совершенно новый гербъ, либо прибавку какихъ либо знаковъ къ своему старинному гербу.

По этой причинѣ заграничные гербы бываютъ очень многосложны, между тѣмъ какъ польскіе весьма просты и однообразны.

По той же самой причинѣ видимъ, что геральдика Чеховъ, пропитанная духомъ феодализма и незнающая общности гербовъ, является потомъ весьма отличною отъ польской, тогда какъ она и служила нѣкогда для польской первообразцомъ.

Такъ видоизмѣняются со временемъ одни и тѣ же учрежденія въ разныхъ эпохахъ и мѣстахъ, такъ видоизмѣняются и самыя понятія народовъ о томъ, что составляетъ честь и славу народныхъ дѣяній. Нынѣ доказательство иностраннаго происхожденія институціи гербовъ покажется обиднымъ для этой институціи, между тѣмъ какъ въ прежнія времена оно составляло славу этой институціи. Разовьемъ эту мысль въ нѣсколькихъ словахъ.

7. Дальнѣйшій ходъ событій.

Вѣкъ нашъ жалуется на излишнюю населенность; новокрещенная Польша жаловалась на недостатокъ народонаселенія.

Недостатокъ въ жителяхъ соотвѣствуетъ малочисленности войска, скудности податей, отсутствію торговли и промышленности, наконецъ отсутствію всякого благосостоянія.

Не даромъ въ продолженіи нѣсколькихъ послѣдующихъ вѣковъ, до временъ великаго устроителя Польши Казиміра, въ

Digitized by Google

400 лѣтъ послѣ принятія христіанства, польскіе князья только и думаютъ о привлеченіи въ свою страну колонистовъ.

При недостаткѣ рабочихъ рукъ, при недостаткѣ простой обработки почвы, тѣмъ понятнѣе и ощутительнѣе былъ недостатокъ умныхъ головъ и образованности умственной.

Но если мало населенность края необходимо совпадала съ необразованностію его, то приливъ заграничныхъ переселенцевъ приносилъ еще и ту несомнѣнную пользу, что вносилъ съ собою въ жизнь общества сѣмена высшей цивилизаціи, болѣе утонченные нравы.

Являлся ли странствующій священникъ съ крестомъ и книгою въ рукахъ, рыцарь ли спѣшившій вступить въ службу при дворѣ Болеславовъ, земледѣлецъ ли селившійся на участкѣ земли, всѣ они были дорогіе «гости»; принесенныя же ими чужеземные нравы, понятія, учрежденія, выросшенные болѣе зрѣлою цивилизаціею, сообщали красу и блескъ и Королю и Государству.

Даже тотъ могучій и богатый Болеславъ Храбрый, въ сравненіи съ которымъ знатнѣйшіе Короли позднѣйшихъ временъ имѣли видъ худыхъ и убогихъ князьковъ, «жаловался безпрестанно на то, что у него недоставало рыцарей, quod solis militibus indigeret [76]).»

Переводя употребленное здѣсь выраженіе militibus настоящимъ словомъ *шляхта,* можемъ заключить, что ему недоставало собственно «*шляхты*», т. е. *рыцарскаго* сословія, или иными словами, онъ хотѣлъ *создать* себѣ *шляхту.*

Съ этимъ выводомъ согласно сказаніе другаго лѣтописца, повѣствующаго о томъ, что Болеславъ Храбрый, «для украшенія своего двора, окружалъ себя не только рыцарствомъ и достойнѣйшими особами, но даже значительною дружиною изъ вольноотпущенныхъ», именно дружиною, составленною изъ не-

[76]) Chron. Mart. Galli p. 74.

Digitized by Google

вольныхъ языческихъ владѣльцевъ — освобожденныхъ пожалованіемъ имъ христіанскаго самовластія jure haereditario — которыхъ изъ «рабства» [77]) возводилъ въ шляхетское сословіе.

Освобожденные туземцы радовались новому для нихъ шляхетству, «всякій же иностранный гость, отличившійся въ рыцарствѣ предъ лицемъ Государя, называемъ былъ уже не рыцаремъ, а сыномъ Королевскимъ. Если ему въ чемъ либо не посчастливилось, тотчасъ Король Болеславъ, осыпалъ его безчисленными милостями и говорилъ къ присутствующимъ: если бы я этого храбраго рыцаря могъ золотомъ искупить отъ смерти, точно такъ какъ я сокровищами моими могу помочь ему въ его нуждѣ, тогда я насытилъ бы богатствами алчность самой смерти» [78]).

Еще разительнѣе высказывается тогдашнее пристрастіе ко всему чужеземному, тогдашняя потребность иностранныхъ элементовъ, въ достопамятномъ завѣщаніи современника и родственника Мечислава I, Венгерскаго Короля Св. Стефана, которое онъ оставилъ своему сыну Емерику.

Тамъ между прочимъ стоятъ слѣдующія слова: «О принятіи иностранцевъ и о щедрости въ отношеніи къ пришельцамъ. Отъ *гостей* и чужестранныхъ пришельцовъ проистекаетъ столь великая польза государству, что по справедливости ее слѣдуетъ считать шестою принадлежностью достоинства Королевскаго. Ибо, что́ же было причиною усиленія Римскаго государства, что́ возвысило до такого величія и славы царей Римскихъ, какъ не приливъ многихъ достойныхъ и умныхъ людей съ разныхъ концовъ свѣта?»

«Римъ по сію пору былъ бы *рабомъ*, еслибы потомство Энея не сдѣлало его свободнымъ.»

«Вмѣстѣ съ приливомъ чужеземныхъ гостей съ различныхъ

---

[77]) Długosz Hist. lib. II, p. 124. *sed et libertorum quos a servitute dissolveat.*
[78]) M. Gall. p. 75.

Digitized by Google

сосѣднихъ странъ, появляются новые языки и нравы, разные уставы, привилегіи и обычаи военные, что украшаетъ и прославляетъ королевскій дворъ и устрашаетъ дерзостныхъ сосѣдей.»

«Всякое государство, въ которомъ господствуетъ только одинъ языкъ и одно право, бываетъ ломко и безсильно. А потому я приказываю тебѣ, сынъ мой, чтобы ты принималъ *гостей* съ удовольствіемъ, чтобы ты не щадилъ для нихъ милостей, и усердно старался о томъ, чтобы они охотнѣе стремились къ тебѣ, чѣмъ къ другимъ государямъ.»

«Но если ты попытаешься разрушить то, что я построилъ, или расточить то, что я собралъ, тогда ты своему государству причинишь величайшій убытокъ» [79]).

Въ томъ же именно духѣ извѣстное «письмо Матильды» ставитъ сыну Болеслава Храбраго въ великую честь, что въ его государствѣ «хвала Всевышняго превозглашается на трехъ языкахъ» [80]).

Еще въ XV столѣтіи современники, не запинаясь, говорятъ о Казимірѣ Великомъ (См. предисловіе къ Статуту Вислицкому), что по примѣру Римскихъ хоругвныхъ пановъ, (progerum) хотѣлъ просвѣтить дѣла свои и своихъ подданныхъ обычаями честными» [81]).

Только въ позднѣйшія времена привыкли мы считать шляхетство плодомъ доморощеннымъ. Это ложное воззрѣніе нашло себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ томъ, что съ теченіемъ времени произошли значительныя перемѣны въ самомъ учрежденіи гербовъ, которое значительно удалилось отъ первоначальнаго своего типа, который оно имѣло, когда шляхетство и крестъ появились въ Польшѣ въ первый разъ.

---

[79]) Werb. *Corpus juris Hung.* II. 4. *Katona Hist.* crit. I, 374.
[80]) Dethier, *Epist. ined.* p. 4. quis in laudem Dei totidem coandunavit linguas?
[81]) Bandtke, *Jus pol.* 25. Lelew. pomn. jęz. 94.

Digitized by Google

Первая главная перемѣна была естественнымъ послѣдствіемъ того самого обстоятельства, которое нѣкогда открыло входъ въ Польшу шляхетству.

Первоначальный недостатокъ народонаселенія благопріятствовалъ (какъ сказано) приливу чужеземныхъ элементовъ, но когда при пособіи иностранцевъ образовалось туземное дворянство родовъ, тогда эти новые роды, эти наслѣдственныя родовыя общины, стали все болѣе и болѣе разширяться и разростаться.

При такомъ разширеніи каждаго рода въ отдѣльности, обнаружились и неудобства *первоначальной* организаціи шляхетства, которая не была нисколько разсчитана на позднѣйшую многочисленность родичей.

Первоначальная вотчина родовая, или erb, была слишкомъ мала въ сравненіи съ огромнымъ числомъ одногербовцевъ; она пришла въ зависимость отъ многочисленныхъ претендентовъ на этотъ erb, потому что владѣлецъ вотчины былъ совершенно связанъ въ управленіи, пользованіи и распоряженіи этимъ родовымъ имуществомъ.

Притомъ современемъ, рядомъ съ вотчиною, возникъ другой родъ собственности — не полученной послѣ предковъ по наслѣдству, но пріобрѣтенной покупкою или дареніемъ, а потому и не подлежащей праву общаго родоваго сонаслѣдованія, но зависимой единственно отъ воли собственника [82]).

Отсюда произошла страшная запутанность въ правахъ владѣнія, во первыхъ — по причинѣ огромной толпы родичей сонаслѣдниковъ, тяготѣющей надъ каждою вотчиною, во вторыхъ — по втсрѣчающемуся часто сомнѣнію: составляетъ ли данное имѣніе родовую вотчину или благопріобрѣтенное имущество.

Настало время повсемѣстнаго ябедничества, нескончае-

---

[82]) Stenzel, *Liber fundationis* Cl. *Heinrich.* p. 43.

Digitized by Google

мыхъ тяжебъ, неисчислимыхъ судебныхъ беззаконій, лихоимства судей, страстнаго разгара склонности къ ябѣдамъ и проискамъ, которые съ тѣхъ поръ стали нѣкоторымъ образомъ характеристическою чертою шляхетской крови.

Реформа въ законодательствѣ была необходима, ее и совершилъ Казиміръ Великій изданіемъ Вислицкаго Статута, который, ратоборствуя съ первой своей статьи до послѣдней противу укоренившагося въ народѣ ябедничества, главнымъ образомъ направленъ былъ противу древней общеродовой наслѣдственности [83]).

Статутъ гласитъ: «Мать всякаго несогласія и раздора [84]) есть общее владѣніе, потому что, при общемъ завѣдываніи имѣніемъ, родные братья впадаютъ въ немалыя ненависти и распри. Для предотвращенія раздоровъ, и даже для предупрежденія взаимныхъ посягательствъ на жизнь, гораздо лучше родичамъ жить отдѣльно, каждый особымъ домомъ, каждый на исключительно ему принадлежащемъ участкѣ вотчины, учинивъ между собою раздѣлъ....»

Это и облегчило дѣлимость родовъ на многіе отдѣльные домы, носящіе обыкновенно разныя фамиліи, а иногда даже и разные гербы.

Любопытное извѣстіе о томъ сохранилось въ другой статьѣ того же статута, рѣшающей вопросъ о гербахъ.

Въ одной статьѣ сказано [85]), что при жизни отца сыновьямъ воспрещается брать новый гербъ или имѣть новую печать; послѣ смерти отца, они вправѣ это дѣлать.

Это постановленіе было ограниченіемъ преждевременнаго обособленія сыновей при жизни отца и обладанія ими родо-

---

[83]) Lelewel Pomn. jęz. 17. „Aby w drapieztwie alybo w ciąży naszego ubóstwa.... obykli są łakomi sędzie....“

[84]) Bandtke *Jus pol.* 95. Lelew. pomn. 67. Jadw. i Jag. II, 96.

[85]) Bandtke Jus pol. 33.

Digitized by Google

вою вотчиною, которая по смерти его могла сдѣлаться предметомъ спора.

Взятіе новаго герба равнялось совершенному разрыву съ родомъ и основанію совсѣмъ новаго дома, а такъ какъ этотъ выходъ изъ рода не могъ правильно совершиться при жизни отца, до воспослѣдованія окончательнаго его распоряженія родовымъ имуществомъ, то только послѣ смерти отца и послѣ окончательнаго раздѣла, дозволялось перемѣнять гербъ.

Однако выдѣлившіеся роды сохраняли обыкновенно старинный свой гербъ.

Такимъ образомъ установилась свойственная польской геральдикѣ *гербовая общность*, которая приводила въ изумленіе иностранныхъ геральдиковъ.

Въ силу этой общности, всѣ члены нѣсколькихъ, иногда же нѣсколькихъ сотенъ домовъ [86]) одного и тогоже герба, считались родственниками или «дядичами гербовыми» и, совокупляясь посредствомъ бракосочетаній съ родами другихъ гербовъ, расширяли все болѣе и болѣе свои родственныя связи.

Вся страна покрылась необозримою сѣтью братства; вся шляхта сдѣлалась одною семьею родныхъ.

Это-то и составляетъ собственно вѣчную заслугу польскаго шляхетства, его несравненную оригинальность.

Коренныя основы учрежденій общественныхъ переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одного народа къ другому, но нѣтъ ни одной націи, которая была-бы въ этомъ отношеніи совершенно самородная.

По сему главная заслуга оригинальности состоитъ въ томъ: что данный народъ умѣлъ сдѣлать изъ заимствованыхъ отъ другихъ народовъ зародышей цивилизаціи? Въ этомъ отношеніи, спрашивается, встрѣтимъ ли мы гдѣ нибудь явленіе историческое, которое могло бы стать на ряду съ громаднымъ

[86]) См. Несѣцкаго подъ гербомъ Ястржембецъ.

Digitized by Google

великолѣпіемъ картины, которую представила міру *шляхетская польская семья?*

Каждый изъ ста тысячъ ея членовъ чувствовалъ въ душѣ и осуществлялъ въ жизни то, что извѣстный Хелмскій Епископъ высказалъ въ нѣсколькихъ словахъ, на которыя не можетъ не откликнуться сердце всякаго шляхтича.

«Я имѣю столько родственниковъ,» сказалъ достопочтенный Епископъ Повала, сражавшійся храбро съ Владиславомъ Варненьскимъ подъ Варною, «что нѣтъ почти ни одного Поляка въ живыхъ, который бы не приходился мнѣ роднею» [87]).

Какая огромная разница между этимъ сродствомъ всего народа, и тѣми скромными зачатками нѣсколькихъ наслѣдственныхъ родовъ *шляхты* или *эрбовой*, которые когда то проникли въ Польшу вмѣстѣ съ христіанствомъ!

---

[87]) Dlugosz Hist. XIII, 576. *singulos fere mortales Polonos stirpe sibi et cognatione conjunctos astruebat.* Niesiecki Kor. Pol. подъ гербомъ Повала.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Шляхта, лехъ, леха.

Г-г. Югманнъ и Шафаржикъ въ Словарѣ чешскаго языка и въ *Aelteste Denkmaeler der bömischen Sprache* стр. 89, говорятъ: что какъ нѣмецкія слова *adeling*, *adel*, происходятъ отъ слова *uodal*, *praedium*—владѣніе, такъ и славянскія *szlachta* и *lech*, происходятъ отъ *lecha*—гряда, полоса (*zagon*). Этотъ выводъ заманчивъ, но едва ли основателенъ. Согласно приведеннымъ въ нашей статьѣ указаніямъ, нынѣшніе Германисты производятъ слова *adeling*, *adel*, не отъ *uodal* владѣніе, но отъ *adal* или *edel* родъ.

Такимъ образомъ аналогія рушится, а славянскую этимологію слѣдуетъ отстаивать на самостоятельныхъ основаніяхъ. Въ такомъ случаѣ нужно имѣть къ нимъ особенное пристрастіе, чтобы не усомниться въ чисто-славянскомъ ихъ происхожденіи.

Если разберемъ которое нибудь изъ этихъ трехъ словъ, то окажется, что каждое изъ нихъ имѣетъ весьма сомнительное значеніе и начало. И такъ, прежде всего относительно слова *szlachta*, раждается вопросъ, какимъ образомъ изъ слова *lech* можетъ образоваться производное *szlachta* съ несвойственною въ подобныхъ производныхъ приставкою *ta?* Гдѣ же найдется другой подобный примѣръ превращенія въ этомъ родѣ?

Digitized by Google

Что касается до другаго слова *lech*, то оно собственно никому непонятно, а поэтому не слѣдуетъ его принимать за корень относительно другихъ извѣстныхъ словъ. Если его считать корнемъ столь важнаго слова, каково szlachta, то оно встрѣчается всего только два раза и то въ значеніи совсѣмъ непонятномъ. Далимиль пишетъ: «У сербскаго народа былъ *лехъ*, который назывался Чехъ.» Уже переписчики Далимиліевы не считали этого термина удобопонятнымъ и объясняли его глоссою *muż* (мужъ).

Позднѣйшимъ филологамъ славянскимъ угодно было найти въ *лехѣ*, юношу, удалаго молодца, витязя, не смотря на то, что этотъ юноша нѣсколькими строками ниже, «несетъ на плечахъ своихъ дѣтей».

Второй разъ встрѣчается слово *lech* въ *Пѣсни о судѣ Либуши*, гдѣ оно равнымъ образомъ имѣетъ загадочное значеніе, да вообще и эпоха и все содержаніе самой пѣсни загадочны. Тоже затрудненіе происходитъ и при объясненіи слова *lecha* (леха). Это слово въ древне-славянскомъ языкѣ должно означать *полосу* вспаханной *земли* между двумя бороздами (*zagon*), а въ переносномъ смыслѣ — *участокъ земли*.

Можно бы заключить, что это слово, повторяемое часто въ рѣчи обыденной, принадлежало къ числу самыхъ обыкновенныхъ. Однако обратимся къ Миклошичу, взглянемъ на его Radices linguae slovenicae, тогда мы увидимъ, что слово *lecha* встрѣчается не болѣе одного раза, именно въ переводѣ Евангелія Св. Марка, въ главѣ 6-й строка 40-я. Въ латинскомъ текстѣ сказано: discubuerunt in partes per centenos et quinquagenos. Въ древне-славянскомъ переводѣ слово *liecha* (ліеха), относится къ выраженію *in partes*, и означаетъ собственно *рядомъ*, во множ. ч. *рядами*.

Это мѣсто имѣетъ одинаковое значеніе во всѣхъ переводахъ библіи на различные языки. Въ нѣмецкомъ переводѣ:

«und sie setzten sich nach Schichten je 100 und 100, 50 und 50.» Во французскомъ: «et ils s'assirent en divers rangs.» Въ польскомъ: «rozsadzili się na części po stu i po pięciudziesiąt», или же «siedli rząd podle rządu.» (Усѣлись *по частямъ*, по сто и по пятидесяти, или сѣли рядъ подлѣ ряда); или сохраняя тоже самое славянское выраженіе, «siedli tłuszcze *lechami* po stu i po pięciudziesiąt.» (Усѣлись толпы *лехами* по сто и по пятидесяти) (см. Линде подъ этимъ выраж.). Такимъ образомъ *lecha* значитъ здѣсь *рядъ* и сохраняетъ это значеніе даже и въ переносномъ смыслѣ, въ значеніи вспаханной полосы; здѣсь оно опять значитъ только *рядъ*, извѣстную форму, продолговатость, но отнюдь не *почву*, не землю, о которой собственно рѣчь идетъ.

Легко въ томъ убѣдиться рядомъ примѣровъ, собранныхъ у Линде, указывающихъ на употребленіе въ Польскомъ языкѣ слова *lecha*. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ: «Długie w lechę (w rzęd) układał zagony.» (Длинныя въ *лехy* (въ рядъ) откладывалъ полосы, гряды).

«Lecha długa albo gruba, ziemia do siania nieco od ziemi podniosła, deszczkami obita.» (Леха длинная или толстая, гряда для сѣянія нѣсколько приподнятая отъ земли, обложенная досками). «Rzodkiew najlepiéj sadzić na wysokich lechach albo zagonach, (t. j. albo na wysokich warstwach czyli pokładach ziemi, albo na zwyczajnych zagonach).» (Рѣдьку всего лучше сѣять на высокихъ лехахъ или полосахъ, т. е. на высокихъ слояхъ земли, или на обыкновенныхъ грядахъ). Вездѣ *lecha* имѣетъ значеніе только извѣстной продолговатой или возвышенной формы, но никакъ не самаго вещества. Однимъ словомъ *lecha* означаетъ *рядъ, шеренгу, слой, шихту* и т. п., но отнюдь не *почву, землю, владѣніе*. Въ смыслѣ слоя земли, встрѣчается это слово и въ древне-германскомъ языкѣ, въ которомъ *leg* и *lech* (Richthofen Altfries

Wörterb. подъ этими словами), *laga* и (въ нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи g—ch) *lacha*, *lecha*, означаетъ именно *уровень*, *постилъ*, *рядъ*, *слой*.

И теперь еще говорится по нѣмецки *eine Lage Kanonen* рядъ пушекъ на кораблѣ; *eine Lage* (на нижне-нѣмецк. яз. *eine Lache*) *Sand*, слой песку; *eine Bienenlache* (Adelung подъ сл. *Lage*) рядъ пней въ лѣсу.

Въ позднѣйшей передѣлкѣ, *leich*, *leche*, (Adelung подъ тѣмъ же сл.) стало означать и означаетъ еще и нынѣ улицу, длинную полосу, окраину пограничной земли и т. п. Притомъ наше слово *lecha* въ смыслѣ *плоскости, слоя*, попадается и въ другихъ языкахъ, именно въ греческомъ словѣ *lech*, *lechos* — ложе, соотвѣтствующее польской *лехъ* какъ продолговатостью вида, такъ и «приподнятіемъ надъ уровнемъ», признаками, свойственными огороднической грядамъ. Всего страннѣе то, что въ обоихъ иностранныхъ языкахъ, т. е. въ нѣмецкомъ и греческомъ, слово *lecha* имѣетъ явственный корень въ глаголахъ *legen*, *lehen*, *λεγομαι*, класть, тогда какъ въ славянскихъ языкахъ оно стоитъ особнякомъ. Слѣдовательно мы можемъ смѣло предполагать, что *lecha* есть слово чужое, неизвѣстно откуда появившееся въ языкахъ славянскихъ, которое современемъ вышло изъ употребленія, не сроднившись съ языкомъ, почему оно и замѣнено словомъ *гряда (grzęda)*, въ которомъ равнымъ образомъ заключается понятіе *ряда*. Во всякомъ случаѣ, наше слово *lecha* столь сомнительнаго происхожденія, что не прилично основывать на немъ какой бы ни было выводъ, тѣмъ болѣе же выводить изъ него цѣлую теорію о происхожденіи у Славянъ *szlachty*.

II. Родовыя отношенія у древнихъ Германцевъ.

Мы говоримъ единственно о семейномъ бытѣ у языческихъ Славянъ и прочихъ современныхъ сосѣдственныхъ на-

Digitized by Google

родовъ. Мы говоримъ объ этомъ бытѣ такъ, какъ намъ этотъ бытъ представляютъ несомнѣнныя доказательства историческія.

Существовали когда то и такіе языческіе народы, у которыхъ было совсѣмъ иное общественное устройство, но намъ до этого дѣла нѣтъ. Вѣдь и Римляне не были хрпстіане, однако же они имѣли точно опредѣленныя родственныя отношенія и законы о наслѣдствѣ. Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и у древнихъ Германцевъ. Хотя они были язычники и варвары, однако они жили въ широко развѣтвленныхъ родственныхъ связяхъ и обращали вниманіе на родственныя отношенія.

У Германцевъ родство было въ нѣкоторомъ смыслѣ основаніемъ всего общественнаго устройства. На немъ основывалось все судопроизводство и система военной организаціи. Что касается до перваго, то всѣмъ извѣстно германское учрежденіе виры, główszczyzny, *wehrgeld*, основа уголовнаго права у Германцевъ, по которому вмѣнялось въ обязанность всему роду убитаго, преслѣдовать убійцу и дѣлиться потомъ полученною съ него вирою. Относительно же способа веденія войны, мы узнаемъ отъ Тацита, что вся военная организація обусловливалась кровными связями, и что «германскіе полки возникали не случайнымъ и безпорядочнымъ совокупленіемъ массъ, но составлялись изъ родичей и свойственниковъ: non casus nec fortuita conglobatio cuneum facit, sed familiae et propinquitates.» И такъ, у германскихъ народовъ представляется совсѣмъ другой общественный порядокъ, который быть можетъ потому только и получилъ столь отличный отъ гражданственности славянской характеръ, что Германцы были народъ воинственный и странствующій, который долженъ былъ по необходимости соединяться въ оборонительные большіе или меньшіе отряды, которые легче всего формировались изъ родственниковъ. Впрочемъ, каковы бы ни были тому причины, во вся-

Digitized by Google

комъ случаѣ для насъ гораздо важнѣе вопросъ, — какимъ образомъ родственный германскій союзъ согласовался съ многоженствомъ, столь обыкновеннымъ у всѣхъ язычниковъ, которое было, какъ мы упомянули въ нашей статьѣ, главнымъ препятствіемъ къ развитію и опредѣленію родовыхъ связей?

Въ этомъ отношеніи наши предположенія получаютъ совершенное потвержденіе *дальнѣйшими* свидѣтельствами о Германцахъ.

Древнимъ Германцамъ неизвѣстно было многоженство, за исключеніемъ развѣ только однихъ князей, которые «не столько по чувственному влеченію, сколько ради чести имѣли по нѣскольку женъ: exceptis admodum paucis, qui non libidine sed ob nobilitatem plurimis nuptiis ambiuntur.» Напротивъ того, единожество было до такой степени свойственно древнимъ Германцамъ, что Тацитъ, описывая ихъ, принимаетъ его за характеристическую черту германскаго язычества. Онъ говоритъ: что «*они почти одни только* изъ варваровъ, которые довольствуются одною женою: nam prope soli barbarorum singulis uxoribus contenti sunt.» Это подтверждается еще слѣдующими двумя изрѣченіями того же автора, изъ которыхъ въ одномъ описывается торжественный обрядъ обрученія у Германцевъ, въ другомъ онъ упоминаетъ, не безъ удивленія, что «не смотря на такое множество народа, рѣдко совершаются у Германцевъ прелюбодѣянія: paucissima in tam numerosa gente adulteria.» И такъ, у Германцевъ родственныя отношенія были развиты потому, что у нихъ господствовало единоженство; у нихъ господствовали и другія общественныя учрежденія, основывавшіяся на связяхъ кровныхъ.

Недостатокъ всего сказаннаго у Славянъ заставляетъ насъ еще болѣе убѣдиться въ отсутствіи у нихъ понятія рода во времена языческія, которое мы приняли въ нашей статьѣ за доказанное.

Digitized by Google

Насъ не заставитъ поколебаться въ нашемъ убѣжденіи даже и свидѣтельство Св. Бонифація о супружескомъ союзѣ у Славянъ. «Венды», говоритъ этотъ Апостолъ Германіи въ своемъ письмѣ къ одному изъ англосаксскихъ королей, «Венды, мерзѣйшіе изъ племенъ человѣческихъ, столь ревностно хранятъ взаимную супружескую любовь, что жена послѣ смерти мужа лишаетъ себя жизни.... дабы сгорѣть на одномъ съ нимъ кострѣ.»—Несмотря на всю силу этихъ словъ, они нисколько не опровергаютъ многоженства у Славянъ. Здѣсь рѣчь идетъ о вѣрности славянскихъ женъ вообще, которыхъ могло быть у одного мужа двѣ, три и болѣе, и каждая могла считать долгомъ умереть вмѣстѣ съ мужемъ.

Впрочемъ сама упоминаемая здѣсь жертвенная смерть, на которую обрекала себя вдова вмѣстѣ съ рабами и конемъ покойнаго, представляетъ намъ жену Славянина, скорѣе въ видѣ рабыни нежели въ видѣ подруги мужа. Такой порядокъ вещей не даетъ намъ хорошаго понятія о нравственности народа, тѣмъ болѣе что и самъ Св. Бонифацій называетъ Вендовъ: «мерзѣйшимъ изъ племенъ человѣческихъ.»

III. Пѣснь о судѣ Либуши.

Въ общественномъ мнѣніи укоренилось повѣріе, будто бы этотъ памятникъ литературный заключалъ въ себѣ картину общественныхъ отношеній Славянъ въ періодъ языческій. Такъ какъ *Судъ Либуши* сочувствуетъ общему сожительству братьевъ и раздѣлу отцовскаго имущества на равныя части между сыновьями, то по сему эти учрежденія и были сочтены отличительными чертами древнѣйшаго законодательства славянскаго. Самое лучшее изданіе этого памятника въ сочиненіи: *Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, kritisch beleuchtet von* P. J. Safarik und Fr. Palacky, Prag, 1840. Относя

его къ IX, или къ первой половины X в., они стараются доказать, что *Пѣснь о Судѣ Либуши* представляетъ борьбу между правомъ славянскимъ, требующимъ ровнаго надѣла сыновей, и германскимъ, предоставляющимъ все наслѣдство старшему сыну.

Внимательное разсмотрѣніе предмета обнаруживаетъ совершенную неосновательность подобнаго воззрѣнія.

Въ *Пѣсни о Судѣ Либуши* нѣтъ вовсе язычества, нѣтъ основаній исключительно славянскаго юридическаго быта, нѣтъ никакой борьбы между правомъ германскимъ и правомъ славянскимъ.—Это просто христіанская поэма, изображающая драматическій эпизодъ христіанскаго судопроизводства, совершающагося по принятымъ въ Чехіи юридическимъ обычаямъ саксонскимъ.

Что касается до времени созданія этого памятника, то мы не рѣшаемся съ точностію опредѣлить эту эпоху, по незнакомству нашему съ подлинникомъ. Однако кажется, несмотря на всѣ противныя тому доказательства, что указанный самими изданіями (Denkmal, стр. 33, 32. № 2.) вѣкъ XII или XIII, въ которомъ, по ихъ собственному сознанію, «дописаны» были нѣкоторыя буквы и вѣроятно проведены чернилами написанныя линіи, и есть настоящая эпоха составленія.

Мы не осмѣливаемся высказать по этому вопросу какое нибудь рѣшительное мнѣніе, но мы имѣемъ весьма много доказательствъ въ пользу того, что *Судъ Либуши* есть судъ христіанско-нѣмецкій.

Чтобы совершенно въ томъ убѣдиться, припомнимъ въ главныхъ чертахъ все содержаніе поэмы.

Родные братья спорятъ объ оставшемся послѣ отца наслѣдствѣ. Княгиня наряжаетъ судъ, собираетъ такъ называемыхъ «кметей,» посылаетъ за лехами и владыками. Затѣмъ въ Вышегородѣ собираются кмети, лехи и владыки; княгиня

Digitized by Google

возсѣдаетъ на тронѣ, а возлѣ нея становятся «дѣвы», держащія книгу законовъ и мечь; огонь и вода — два орудія испытанія Судомъ Божіимъ — приготовлены; судъ начинается.

Либуша склоняется въ пользу нераздѣльнаго сожительства братьевъ или въ пользу ровнаго надѣла ихъ наслѣдствомъ и предлагаетъ собранію избрать одно изъ этихъ двухъ рѣшеній или постановить иной какой либо приговоръ. Тогда лехи и владыки совѣщаются между собою. Потомъ одинъ изъ леховъ извѣщаетъ о томъ, что совѣщаніе кончено, «дѣвы» собираютъ голоса въ сосудъ; лехи считаютъ голоса и объявляютъ приговоръ, состоявшійся по большинству голосовъ, что братья должны состоять въ общемъ владѣніи имуществомъ.

Старшій братъ, недовольный приговоромъ, отвергаетъ его и требуетъ присужденія ему всего наслѣдства.

Княгиня жалуется на свое «*поганеніе*» и добровольно слагаетъ съ себя княжескую власть.

Отрывокъ оканчивается рѣчью одного изъ леховъ, въ которой онъ не совѣтуетъ искать правды у Нѣмцевъ.

Одна изъ главныхъ причинъ ложнаго воззрѣнія на всю основу поэмы, заключается въ неправильномъ толкованіи и оцѣнкѣ слова «*поганеніе.*» Гг. Шафарикъ и Палацкій объясняютъ его неоднократно (стр. 43, 48, 55, 83) словомъ *позоръ*, *безчестіе*, *contumelia*, *schmaeht*, *Schmähung*. Это не точно.—Poganienie, существительное отъ глагола *ганить*, *поганить*, *наганить*, (хулить), есть въ сущности только простой переводъ или синонимъ нѣмецкаго *schelten*, французскаго blamer, среднелатинскаго blasphemare, польскаго poganić, poganienie; всѣ эти слова имѣли въ средніе вѣка одно и тоже значеніе—*апеллировать*.

Въ такомъ значеніи *schelten*, *blamer*, *blasphemare*, можетъ удостовѣрить всякій хорошій лексиконъ или глоссарій французскій, нѣмецкій, латинскій.

Digitized by Google

Польское же naganienie встрѣчается вопервыхъ въ оригиналахъ Вислицкаго статута «cum aliquis arguit alias nagani sententiam castellani Cracoviensis» (Bandtke p. 89); потомъ въ его переводѣ XV в., гдѣ сказано: «kiedy kto *nagani* albo odzowie skazanie pana krakowskiego, co rzeczono jest pospolicie narzeczenie albo *naganienie*» (Lelewel Pomn. str. 62) т. е. когда кто *наганитъ* или обжалуетъ судъ пана Краковскаго, что называется обыкновенно нареканіе или *нагананіе*.

И такъ чешское poganienie есть ничто иное, какъ затерявшійся впослѣдствіи юридическій терминъ, означающій *апелляцію*, или переносъ жалобы на судъ не по иному какому нибудь законодательству, что противорѣчило бы естественному ходу событій, но только въ высшую. инстанцію.

Такою высшею инстанціею относительно Либуши, авторъ поэмы считаетъ власть Короля Нѣмецкаго, чѣмъ и доказывается, что онъ пишетъ свою поэму уже въ то время, когда Богемія подлежала въ дѣлахъ судебныхъ германскому господству, т. е. во времена гораздо позднѣйшія нежели языческій періодъ. — Оканчивающая поэму рѣчь одного изъ леховъ, порицающая отыскиваніе правды у Нѣмцевъ, не касается нисколько различія между нѣмецкимъ и славянскимъ законодательствами, но совѣтуетъ довольствоваться рѣшеніями отечественныхъ инстанцій, не прибѣгая къ суду иностранцевъ, т. е. нѣмецкому. Однимъ словомъ, здѣсь идѣтъ рѣчь о двухъ различныхъ судебныхъ инстанціяхъ одного и того же права, а вовсе не о борьбѣ славянскихъ юридическихъ началъ съ нѣмѣцкими, — тѣмъ болѣе, что на основаніи другихъ данныхъ эта борьба оказывается простымъ призракомъ фантазіи. — То, что сказано въ толкованіяхъ къ *Пѣсни о Судѣ Либуши* о правѣ славянскомъ, какъ о правѣ раздѣла поровну, или *общаго* владѣнія имуществомъ, а о германскомъ, какъ о правѣ наслѣдованія по первородству, основано на простой хронологической ошибкѣ.

Digitized by Google

Идея наслѣдованія по первородству установилась у народовъ германскихъ уже во времена позднѣйшія, въ эпоху процвѣтанія феодализма въ X в.; въ предъидущіе же вѣка, именно IX, VIII, VII и VI, даже въ языческій періодъ у всѣхъ германскихъ народовъ господствовалъ обычай раздѣла поровну и даже общаго владѣнія.

Это мы можемъ подтвердить безчисленными ссылками на всѣ германскіе сборники законовъ до феодальной эпохи. Такъ напр. законъ Визиготовъ предписывалъ: «Si ex uno fratre sit unus filius, et ex alio fratre plures, omnem haereditatem defuncti capiant at aequaliter per capita dividant portiones, раздѣляютъ между собою имущества поровну поголовно — (*Majer Germ. Urverfass.* p. 135).»

Въ законѣ Баварцевъ писано: Ut fratres haereditatem patris aequliter dividant, сыновья должны отцовскимъ достояніемъ раздѣлиться поровну (*Eichhorn Deutsche Staats- und Rechtsgesch.* 1818, I, 188).

Въ томъ же духѣ выражаются законодательства сѣверныя, которыя склоняются даже въ пользу совершенной *общности* и нераздѣльности владѣнія: «*Beisammen wohnen Brüder am besten;* всего лучше братьямъ жить въ *общемъ* владѣніи (*Gejer Geschichte von Schweden* I, 263, 264).»

Такой же совѣтъ относительно пребыванія въ родовомъ общеніи, въ родовыхъ *парентеляхъ,* содержитъ законъ лонгобардскій; «Omnis parentela usque in septimum gradum memoretur, ut parens parenti per gradum et parentelam haeres succedat, sic tamen ut ille qui succedere vult, nominatim unicujusque nomina parentum suorum antecessorum dicat;» парентеля простирается до 7-й степени включительно; родственники наслѣдуютъ послѣ себя по порядку степеней, но тотъ, кто претендуетъ на допущеніе его къ наслѣд-

Digitized by Google

ству, долженъ умѣть назвать по именамъ всѣхъ своихъ родныхъ предмѣстниковъ (*Majer Germ. Urverfass.* 100).»

Подобныя наслѣдственныя общины еще чаще встрѣчаются въ законѣ салійскомъ, гдѣ даже (какъ послѣ и въ нашемъ Вислицкомъ статутѣ) встрѣчаемъ правила о томъ, какимъ образомъ каждый членъ родовой общины можетъ выйти изъ общины, обособиться: Si quis de parentela tollere se voluerit (*Majer Germ. Urverfass* 74). По общеупомянутому началу равнаго надѣла, даже незаконнорожденные были причастны дѣлежу и получали равныя доли съ остальными членами рода (Michelet Origines du droit franç. *67 Adam Brem. Lindenbr. 60*). Напротивъ того, во времена позднѣйшія, въ феодальный періодъ, первобытное равенство долей считаемо было отличительною чертою всѣхъ народовъ и временъ дофеодальныхъ или, какъ выражалось феодальное высокомѣріе, *варварскихъ* временъ и народовъ.

Въ этомъ то смыслѣ говоритъ нпр. извѣстный историкъ XI вѣка Адамъ Бременскій (изд. Линденберга p. 31), «Qui, ut mos est barbaris, aequam tunc inter liberos sortiti sunt partem haereditatis, которые, какъ водится у варваровъ, получили равные участки въ отцовскомъ наслѣдствѣ.»

Ссылка, дѣлаемая чешскимъ коментаторомъ *Ипсни о Судѣ Либуши* (*Denkmäl. p. 100*), на Норманскую лѣтопись: pater adultos filios cunctos a se pellebat, praeter unum, quem haeredem sui juris relinquebat, относится къ извѣстному у Норманновъ обычаю, изгонять не только по нѣсколько сыновей, но даже всю молодежъ изъ края, за море, въ чужія страны.

Однако эта ссылка не доказываетъ нисколько права первородства, о которомъ не можетъ быть здѣсь и рѣчи, тѣмъ болѣе что оставленный дома одинъ сынъ, praeter unum, бывалъ обыкновенно самый младшій, то есть тотъ, который еще не могъ открыть себѣ пути въ свѣтѣ собсвенными силами и

Digitized by Google

средствами. Затѣмъ, всѣ остальныя слова ученаго Филлипса, приводимыя коментаторомъ, содержатъ въ себѣ только указаніе на то, что въ эпоху господства начала дѣлежа на равныя части, во времена дофеодальныя, уже высказывалось въ Германіи стремленіе (*die Richtung*) къ феодальному первородству, одно только простое стремленіе, но, повторяемъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ результатовъ.

И такъ, въ *Пѣсни о Судѣ Либуши* нѣтъ надобности искать какихъ либо слѣдовъ славянскаго права временъ языческихъ, или борьбы этого права съ правомъ германскимъ. *Пѣснь о Судѣ Либуши* до того чужда языческихъ обычаевъ и понятій, что всѣ черты изображенной въ немъ судебной сцены — черты чисто христіанскаго судопроизводства по саксонскому праву.

Все то, что христіанинъ авторъ пѣсни могъ исподоволь изучить въ XII и XIII в. въ Богеміи и Германіи, перенесъ онъ цѣликомъ въ описаніе своей языческой сцены, которую изукрасилъ только однимъ поэтическимъ вымысломъ wecoźznich bogou «безсмертныхъ боговъ,» напоминающимъ миѳологію языческую. За исключеніемъ этой фразы, нѣтъ ни *одной* здѣсь черты, къ которой мы не могли бы подобрать образцовъ въ средневѣковыхъ христіанскихъ обычаяхъ. Мы считаемъ не лишнимъ подкрѣпить это положеніе болѣе подробнымъ анализомъ. Мы уже указали на одинъ технической юридическій терминъ *поганеніе*, о которомъ можно болѣе точнѣйшія объясненія найти у Гримма въ его *Deutsche Rechtsalterthümer* 1854 стр. 805. Подлѣ этого слова встрѣчаемъ другое еще болѣе любопытное. Для передачи *осудить*, *присудить*, законовѣдѣніе среднихъ вѣковъ употребляло слово *находить* (право, правду), *finden* (das Recht), *invenire* (sententiam); вмѣсто *судъ, приговоръ*, говорили *die Findung, находка;* вмѣсто *судья — находчикъ*, — *Finder*. Этотъ оборотъ столь оригиналенъ

и исключителенъ, что легко предположить, будтобы онъ, явившись въ древнегерманскомъ языкѣ, повторялся самъ собою въ славянскомъ. Въ *Судѣ Либуши* въ строкѣ 76-й, вмѣсто *приговоръ*, читаемъ, *nalez*, слово рѣшительно неизвѣстное остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, и составляющее очевидный переводъ нѣмецкаго термина *Finding*.

Мало того, одна изъ труднѣйшихъ загадокъ пѣсни состоитъ въ словѣ «*witizowym*», во фразѣ: «wyuoczone wieszczbam *witizowym*», отнесенной къ «судебнымъ дѣвамъ», которыя сопутствуютъ Либушѣ. Ученые чешскіе комментаторы знаютъ соотвѣтствующее этому слову выраженіе нѣмецкое, но, увлекшись начитанностію, предпочитаютъ выводъ болѣе сложный объясненію простому; они усматриваютъ въ этомъ словѣ какихъ то древне-славянскихъ «витязей» или героевъ, въ своихъ догадкахъ доходятъ до прусскихъ и Требелліоновыхъ Витинговъ (Withingi) и т. п.

Между тѣмъ это просто только третій технической терминъ саксонскаго права, иное названіе тѣхъ же судей или *находчиковъ*. Эти судьи носили оффиціальный титулъ людей *свѣдущихъ*, на древне-германскомъ нарѣчіи назывались они *witzig* или *witig* (*Wachter Glossar.* подъ словомъ *witig*. *Denakmäl* 96), по латинѣ *sapiens*, по славянски, вслѣдствіе обычной перемѣны *g* на *z* (*Denkmäl.* 96) *witiz*, что можно подтвердить безчисленными ссылками на средневѣковыя формулы юридическія, напр. Clotarius cum sapientibus suis invenit, Клотарь рѣшилъ со своими судьями (*Eichhorn Deutsche Staats und Rechtsgesch.* I, 105) «*Witz-geding* (такъ именно пишется извѣстное славянское слово uitz) или *witzig geding* judicum sapientum (Haltaus Glossar. m. aevi подъ словомъ *witzig*)» и т. п. Отсюда мы можемъ заключить, что, «*выученныя вѣщаніямъ витиземымъ*», значитъ понимающія *вѣщанія* или изрѣченія *судей* или *находчиковъ*. Это тѣмъ больше согласуется съ нашими

Digitized by Google

толкованіемъ, что вышеупомянутыя «судебныя дѣвы», которыя исправляютъ должность приставовъ или дьяковъ судебныхъ и которымъ поэтъ, ради дѣвственности княгини Либуши, далъ видъ дѣвицъ, собираютъ потомъ голоса судей, слѣдовательно должны быть свѣдущи въ ихъ изрѣченіяхъ или формулахъ. Такимъ же толкованіемъ техническихъ терминовъ христіанскаго судопроизводства могутъ быть объяснены слѣдующія слова: «*хвалить изрѣченія*», laudare, collaudare sententiam (Grim. *Rechtsalt.* 864), и «*уставить правду*» veritatem dicere. Въ послѣдней фразѣ слово veritas, *правда*, означаетъ данное рѣшеніе или приговоръ, между тѣмъ какъ *законъ* имѣетъ значеніе совокупности всѣхъ древнихъ правъ и обычаевъ; откуда слѣдуетъ, что выраженіе *pochvalichu pravdu po zakonu*, то же что: «похвалили, одобрили (collaudabant) только что послѣдовавшій судъ или приговоръ, состоявшійся сообразно законамъ, освященнымъ вѣками.»

Подобное же повтореніе обыкновенной юридической формулы нѣмецкой встрѣчаемъ въ стихѣ: «*u nas prawda po zakonu swatu, iu że prinesehu otci nasi.*» Эти черты составляютъ обманчивый призракъ какой то древне-славянской народности, въ сущности же онѣ только буквальный переводъ любимой формулы всѣхъ нѣмецкихъ рѣшеній и статутовъ. Эта формула гласитъ обыкновенно: «*законъ этотъ принесли искони отцы наши*, *dys Recht haben vor alter Zeit unser vorfarn herbracht*, или какъ говорится дважды въ предисловіи къ Саксонскому зеркалу: «мы, выше упомянутая община, показываемъ, что эти законы принесли намъ много лѣтъ тому назадъ наши родители и предки», или: «Это принесли отъ вѣка предки наши», *Grimm Rechtalt.* 772, 773 *auf uns gebracht*, какъ въ пѣснѣ *prinesehu).*»

Наконецъ сообщая разсказу своему обыкновенную обстановку всякой судебной средневѣковой сцены, поэтъ помѣстилъ

Digitized by Google

въ своей пѣснѣ средневѣковыя орудія испытаній суда Божія, ордалій — огонь и воду; онъ заставилъ одну изъ «дѣвъ» держать въ рукѣ «доски праводатныя» (доска тоже, что *книга Denkmäl.* стр. 98), необходимыя въ нѣмецкихъ судахъ (*Grimm Rechtsalt.* 784. librum legis, писецъ съ книгою, *der Schreiber bei dem Buch*), другой же дѣвѣ далъ въ руку *мечь*, который равнымъ образомъ былъ обыкновеннымъ аттрибутомъ судилища (Grimm, 852, Michelet, Origines du droit françois стр. 315). Тѣмъ же самымъ путемъ доискиваемся наконецъ значенія *лехов*, главныхъ дѣятелей въ *судѣ Либуши.*

Въ нѣмецкихъ судахъ вышеупоминаемые *находчики*, *Finder*, *Urtheiler*, *Schoeffen*, въ польско-магдебургскихъ же судахъ *лавники*, играли весьма важную роль. Не пользуясь собственно титуломъ и должностію судейскою, они призываемы были для разрѣшенія извѣстныхъ сомнительныхъ вопросовъ, каковое *рѣшеніе* и составляло главное дѣйствіе въ тогдашнемъ судопроизводствѣ. Настоящій судья или настоящіе судьи предсѣдательствовали въ собраніи (Grimm стр. 750, Haltaus Glossar. стр. 1644. a judice praeside), вопрошали *находчиковъ о правдѣ* (veritatem) въ данномъ спорномъ случаѣ и исполняли потомъ ихъ рѣшеніе. «Судебное рѣшеніе, — говоритъ многократно Гриммъ въ упоминаемомъ здѣсь сочиненіи стр. 863, — состояло только въ отвѣтѣ находчиковъ на заданный имъ судьею вопросъ». Если мы вникнемъ пристально въ смыслъ сцены *Суда Либуши*, то найдемъ, что наши лехи суть тѣ же самые отвѣтчики, и что они во всѣхъ чертахъ сходятся съ обыкновенными саксонскими *находчиками.* Такихъ находчиковъ или *Финдеровъ* въ каждомъ судѣ было по семи (Grimm стр. 775, 777, 858, 863; Eichhorn *Deutsche Rechts und Staatsgesch.* I. 211 *der Regel nach sieben*), сосчитавъ леховъ упоминаемыхъ въ *Судѣ Либуши* (*Denkmäl.* стр. 35. no Zutozlau.....) получаемъ, не безъ изумленія, тоже число *семь.*

Digitized by Google

Мѣсто судьи, предсѣдателя, занимаетъ въ торжественномъ собраніи нашей поэмы, какъ это часто видимъ въ судахъ нѣмецкихъ, (Гриммъ стр. 752) сама же княгиня Либуша; — ея вступительная рѣчь къ собранію гласитъ слѣдующее: «Se bratroma rozresite prawdu..... Budeta im oba w jedno wlasti, cі se rozdelita rounu meru? Разрѣшите правду братьямъ — должны ли они оба владѣть сообща, или же раздѣлиться, по равной мѣрѣ?» Это, какъ видимъ, простой *вопросъ*, въ духѣ обычаевъ саксонскаго права, влекущій за собою разныя другія дѣйствія, которыя въ свою очередь составляютъ примѣненіе на практикѣ обычаевъ саксонскихъ. Прослѣдимъ точнѣе это сходство. По выслушаніи вопроса находчики Саксонскіе совѣщались между собою *на единъ* (Grimm 787, 788, *heimlich*, *secretum*), точно также и наши лехи совѣщаются между собою въ *тишинъ* (ticho govoriti). По окончаніи совѣщанія собираемы и пересчитываемы были голоса, рѣшеніе слѣдовало по саксонскому обычаю по *большинству* голосовъ (Grimm, 773, 864, 875, 879).

Въ нашей пѣснѣ *большинство* собранныхъ голосовъ рѣшаетъ тоже *uecinu*, (Denkmäel. 36, 61).

Саксонскіе *находчики* находили это большинство рѣшительное въ числѣ собранныхъ голосовъ и объявляли о немъ, отъ чего имъ и присвоиваемо было само названіе *находчиковъ*.

Точно такую обязанность исполняли и наши *лехи:* i daste je (голоса) lechom provolati .... ie uecinu prouolati w narod, т. е. взявъ изъ рукъ дѣвъ собранные голоса, находятъ большинство и объявляютъ о немъ собранію. Этимъ именно и разрѣшаются сомнѣнія чешскихъ ученыхъ издателей (Denkmäl. стр. 89), «почему въ стихѣ 78-мъ упомянуты лехи и владыки, а въ 89 ст. одни только лехи?» Въ стихѣ 78-мъ (clanehu se lesi i uladiki—кланялись лехи и владыки) слѣдующемъ непосредственно послѣ *вопроса* Либуши, выступаютъ только

Digitized by Google

лехи и владыки, но безъ кметей (судей), потому что они то именно т. е. *находчики*, и присутствующая въ судѣ община, за исключеніемъ настоящихъ судей, которыхъ представляютъ упомянутые *кмети*, должны были дать отвѣтъ на предложенные имъ вопросы, какъ упоминается объ этомъ у Ейхгорна въ Rechtsgeschichte I 211: «*Die Gemeinde, oder: die Urtheiler durch ihre Stimmen*, т. е. собраніе и находчики подачею голосовъ. . . . . »

Въ стихѣ же 89-мъ «i daste je lehom prouclati и дѣвы дали лехомъ обнародовать голоса», поставлены одни лехи, потому что исключительно имъ однимъ, т. е. самимъ *находчикамъ* саксонскимъ, принадлежало право *найти* въ общемъ числѣ голосовъ рѣшающее вопросъ большинство wieczini, и объявить или провозгласить *найденное* рѣшеніе. Равнымъ образомъ въ стихѣ 53: «cda se snehu. lesi i uladyki u uisegrade . . . . когда собрались въ Вышеградѣ лехи и владыки», упоминаются только лехи и владыки, потому что они, т. е. созванные на судъ богатые и бѣднѣйшіе граждане, не жили въ столицѣ, но съѣзжались въ Вышеградѣ по особому вызову княгини, извѣстному также и въ нѣмецкомъ судопроизводствѣ (Grimm 765 Bote. Eichhorn I, 211). Кмети же, т. е. настоящіе судьи извѣстные въ Богеміи подъ этимъ именемъ какъ члены «высшаго королевскаго судилища, *das permanente oberste Tribunal des Reiches* (Denkmal. 69)», жили постоянно въ столицѣ (permanent) и по сему не имѣли надобности съѣзжаться въ городъ вмѣстѣ съ лехами и владыками, потому что за ними княгиня посылала въ городъ требованія свои на домъ. Слѣдовательно теперь рѣшенъ вопросъ: въ какомъ отношеніи стоятъ между собою три различные класса участвующихъ въ судѣ и выводимыхъ въ нѣснѣ на сцену дѣятелей.

Кмети — это извѣстные въ средніе вѣка верховные чешскіе судьи; *лехи* — это взятые изъ среды народа законовѣды

Digitized by Google

или главные *находчики*, единовременно засѣдающіе въ судѣ, или же вообще знатнѣйшіе землевладѣльцы; наконецъ *владыки* эти minus nobiles (Denkmäler стр. 89), составляютъ народную толпу, обыкновенную публику, присущую всякому саксонскому суду. Этимъ путемъ мы наткнулись на весьма любопытное указаніе относительно значенія слова *lech*. Отыскивая всѣ синонимы древне-германскихъ *находчиковъ*, употребляемыя въ разныхъ странахъ, встрѣчаемъ также названіе lah, lah man, законовѣдецъ.

Это названіе коренится въ древне-германскомъ словѣ *lag lög*, въ нижне-германскомъ нарѣчіи *lach* или *lech*, въ нынѣшнемъ англійскомъ языкѣ *law*, въ датскомъ *lowe*, право, законъ.

Имъ обозначаемы были обыкновенно *находчики* у Англосаксовъ, см. Lappenberg *Geschichte Englands* I, 602, *(lah—men)*. А такъ какъ между языкомъ переселившихся въ Британію Саксовъ и оставшихся по теченію Эльбы Саксонцевъ, существовало тѣснѣйшее сродство, то поэтому можно допустить, что это слово употреблялось и въ Эльбской Саксоніи, и что оно вмѣстѣ съ саксонскимъ правомъ проникло и въ Богемію. Есть указанія на то, что слово *lög*, *lech*, законъ, слышалось до позднѣйшихъ временъ въ нижне-эльбскихъ странахъ, и что оно обозначало *Судебное собраніе* (Grimm стр. 837 *loeg* у Фризовъ). Если это слово простиралось на всѣ лица участвовавшія въ собраніи, то тѣмъ болѣе оно приличествовало главнымъ дѣятелямъ судебнымъ, именно нашимъ *находчикамъ*, называемымъ у велико-британскихъ Саксовъ *lah—man*, а у эльбскихъ Саксонцевъ и Чеховъ просто *lech*, лехи.

Во всякомъ случаѣ это названіе относилось не къ извѣстному сословію въ народѣ, но къ самой *должности* судебной, единовременно исправляемой въ судебныхъ собраніяхъ,

Digitized by Google

назначаемыми или избираемыми въ нее изъ образованнѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ лицами.

Если согласимся на тождество саксонскихъ *находчиковъ* и нашихъ леховъ, то не остается въ *пѣсни о Судѣ Либуши* ни одной черты нравовъ, къ которой бы мы не отыскали источника и образца въ средне-вѣковыхъ обычаяхъ христіанскаго судопроизводства.

Въ нашей пѣснѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда язычества, нѣтъ никакихъ исключительно славянскихъ юридическихъ понятій, нѣтъ никакой борьбы между германскимъ и славянскимъ законодательствами. Это просто картина судебной, христіанско-нѣмецкой сцены, относящаяся вѣроятно къ эпохѣ составленія Кроледворской рукописи, перенесенная произвольно поэтомъ въ языческія времена Либуши, и въ такой степени пропитанная началами саксонскаго права, что даже упомянутое будьтобы славянское рѣшеніе о раздѣлѣ поровну вотчины между братьями, совпадаетъ не только съ законодательствомъ нѣмецкимъ дофеодальнымъ, но даже съ буквальнымъ текстомъ Саксонскаго Зерцала. Либуша и лехи велятъ раздѣлиться братьямъ по ровной мѣрѣ, а Саксонское Зерцало повторяетъ тотъ же самый *nalez* нѣсколько разъ, предписывая напр. въ книгѣ I, гл. 5, чтобы каждый изъ братьевъ, даже поступившій въ духовное званіе и слѣдовательно обезпеченный на счетъ своего содержанія, «взялъ равную съ остальными братьями долю въ отцовскомъ наслѣдіи, obtinebit aequam partem cum fratribus in haereditate.» Наконецъ даже и само *poganienie* или апелляція, подаваемая королю нѣмецкому, есть только примѣненіе другой статьи Зерцала, предписывающей въ книгѣ II, гл. 12, «чтобы въ случаѣ обжалованія рѣшенія, дѣло поступало на разсмотрѣніе верховнаго судьи, и наконецъ самаго короля, «an den hogesten richtere unde folest vo den koning (Grimm 865).»

Digitized by Google

Это послѣднее обстоятельство служитъ однимъ изъ доказательствъ противу глубокой древности происхожденія пѣсни, потому что подобныя апелляціи или *поганенія* считаются въ исторіи германскаго права плодомъ позднѣйшихъ вѣковъ. (Eichhorn Deutsche Rechtsgeschichte I, 225, Grimm 865. spaeterhin).

Осипъ Перскевичъ.

Digitized by Google

VIII САТИРА ЮВЕНАЛА.

(Переводъ съ Латинскаго.)

Предварительное замѣчаніе переводчика.

При ничтожномъ знакомствѣ русской публики съ древними литературами, переводчикъ долженъ считать своею обязанностью предварительное ознакомленіе читателей съ личностью автора-классика, съ отношеніемъ его къ современникамъ и съ духомъ и направленіемъ его литературныхъ произведеній. Это — необходимое условіе пользы перевода.

Напечатанныя во 2-мъ томѣ «Сборника» публичныя лекціи о Ювеналѣ профессора Н. М. Благовѣщенскаго совершенно избавляютъ въ настоящемъ случаѣ переводчика отъ высказанной нами обязанности. Авторъ перевода считаетъ нужнымъ только сказать нѣсколько словъ о предлагаемой сатирѣ.

Сатира эта по идеѣ принадлежитъ къ благороднѣйшимъ явленіямъ римской литературы. Не смотря на большую долю риторическаго элемента (необходимое явленіе духа времени), весьма замѣтнаго особенно во второй половинѣ сатиры, въ ней ярко сверкаетъ то неподдѣльное и жгучее негодованіе, съ какимъ Ювеналъ постоянно караетъ нравственное безобразіе своихъ соотечественниковъ. Кое-гдѣ проглядывающій стоицизмъ только возвышаетъ въ нашихъ глазахъ поэта-гражданина, у котораго сердце обливалось кровью, при видѣ глубочайшаго нравственнаго паденія согражданъ. Стоицизмъ былъ единствен-

Digitized by Google

нымъ убѣжищемъ свободнаго духа въ этотъ классическій вѣкъ деспотизма и разврата, гоненія личности и нравственнаго ничтожества.

Предметъ этой сатиры, обращенной, въ формѣ письма, къ Понтику (дѣйствительное, или вымышленное это лицо — неизвѣстно) есть осмѣяніе того нелѣпаго понятія объ истинномъ благородствѣ человѣка, какимъ зараженъ былъ дряхлый Римъ, съ какимъ многіе также дряхлые нравственно люди не хотятъ разстаться и теперь. Энергически доказывая, что благородство заключается не въ обладаніи множествомъ фамильныхъ статуй, которыми уставлены были переднія римскихъ аристократовъ, а въ достоинствѣ души, основанномъ на честности и заслугахъ отечеству, Ювеналъ, съ одной стороны, безпощадно обнажаетъ предъ нами всю мерзость нравовъ этихъ надменныхъ «потомковъ троянцевъ» (Trojugenae), съ другой — выставляетъ нѣсколько замѣчательныхъ личностей, вышедшихъ изъ простаго народа, какъ упрекъ аристократамъ, знаменитымъ на самомъ дѣлѣ только своею безнравственностью. Тутъ же раздается честный голосъ Ювенала въ пользу угнѣтенныхъ провинціаловъ.

Время написанія этой сатиры, какъ и многое касающееся Ювенала, неизвѣстно.

Авторъ перевода счелъ нужнымъ приложить комментаріи къ тексту перевода. Комментаріи важны при чтеніи каждаго древняго классика, тѣмъ болѣе — Ювенала, котораго, при свойственной ему темнотѣ изложенія, происходящей отъ постоянныхъ намековъ на лица и событія, равно какъ отъ риторической вычурности выраженій, рѣшительно нельзя было бы хорошо понимать неимѣющему спеціальнаго знакомства съ римской исторіей.

Digitized by Google

(Посвящается Н. М. Благовѣщенскому.)

Значутъ ли что родословныя? Есть ли что пользы, мой Понтикъ,
Родъ свой отъ древнихъ вести и на видъ выставлять своихъ предковъ
Статуи: на колесницахъ стремящихся Эмиліановъ,
Куріевъ лишь половинки, безплечаго съ ними Корвина,
Тутъ же и Гальбу, который стоитъ безъ ушей и безъ носа?
Есть ли что пользы тебѣ на пространной твоей родословной
Видѣть Корвина, а послѣ диктатора и закопченныхъ
Конницъ начальниковъ вѣтвью широкой сближать межъ собою,
Если ты скверно живешь предъ Лепидами? [1]) Что тебѣ въ бюстахъ
Столькихъ героевъ, когда ты всю ночь предъ лицемъ Нумантиновъ
Въ кости играть не стыдишься, и спать ты ложишься съ восходомъ
Солнца, когда твои предки знамена и станъ поднимали?
Что большой жертвенникъ [2]) Фабію и Аллоброгиковъ имя,
Если, рожденный въ семьѣ геркулесова рода, онъ жаденъ,
Если пустой человѣкъ онъ и слабже овцы Эвганейской?
Если онъ, нѣжную кожу шлифуя [3]) Катанскою пемзой,
Предковъ своихъ выставляетъ запачканныхъ и, отравитель,
Родъ свой несчастный безчеститъ своимъ опозореннымъ бюстомъ?
Хоть и прихожую [4]) всю разукрасишь ты бюстами предковъ,
Но благородство доставитъ тебѣ только личная доблесть.

Будь ты по нравамъ своимъ или Павломъ, иль Коссомъ, иль Друзомъ;
Этихъ мужей изваянья ты ставь впереди твоихъ предковъ;
Ихъ прикажи ты нести впереди твоихъ консульскихъ связокъ. [5])
Прежде всего я на душу смотрю — какова? Если можешь
Честнымъ быть названъ, правдивымъ считаться въ словахъ и на дѣлѣ,
То я признаю вельможу въ тебѣ. Тогда здравствуй, Гетуликъ!
Здравствуй, Силанъ! хоть какого бъ вы ни были рода и крови.

Digitized by Google

Вотъ гражданинъ, какихъ мало; достоинъ онъ родины славной! —
Можно бъ кричать, какъ въ Египтѣ народъ, Озириса нашедши.
Кто жъ назоветъ благороднымъ того человѣка, который
Родъ свой позоритъ и славенъ однимъ только именемъ предковъ?
Станемъ ли мы не шутя называть великаномъ пигмея,
Чернаго бѣлымъ, кривую и гадкую дѣвку Европой?
Тощихъ, паршивыхъ собакъ, безъ волосъ отъ давнишней проказы,
Лижущихъ жадно сухіе края ночника — назоветъ ли
Кто нибудь тиграми, барсами, львами, или хоть инымъ чѣмъ,
Въ родѣ подобныхъ, такъ громкихъ именъ? Берегись же, чтобъ точно
Также тебя не назвали иль Кретикомъ[6]), иль Камериномъ.

Это кому жъ я внушаю? Къ тебѣ моя рѣчь, Бландъ Рубеллій![7])
Ты надмѣваешься древнею кровію Друзовъ, какъ будто
Самъ ты что́ сдѣлалъ такое, чтобъ могъ благороднымъ назваться,
Иль заслужилъ ты родиться отъ женщины Юлія крови
Болѣе, чѣмъ отъ наемной ткачихи подъ небомъ открытымъ.
«Вы», говоришь ты, «плебеи, отребіе въ нашемъ народѣ,
Родины даже отца вы не знаете: я жъ отъ Кекропа
Родъ свой веду!» Такъ живи же и родомъ своимъ наслаждайся,
Сколько угодно: однако оратора въ Римѣ найдешь ты
Въ черномъ народѣ. Его-то зоветъ благородный невѣжда
Быть адвокатомъ. Изъ черни мы ждемъ гражданина, который
Въ правѣ развяжетъ узлы, разрѣшитъ и въ законахъ загадки.
Вотъ этотъ юноша, въ дѣлѣ воинскомъ искусный, къ Евфрату
Путь направляетъ, или сторожитъ усмиренныхъ Батавовъ:
Ты что же? только Кекропидъ, точь въ точь какъ бы статуя Герма.[8])
Чѣмъ же, помилуй, ты лучше ея? Развѣ тѣмъ, что, пожалуй,
Вмѣсто бездушнаго мрамора, носишь ты голову съ жизнью.
Тевкровъ потомокъ! скажи мнѣ, какихъ безсловесныхъ животныхъ,—
Сильныхъ вѣдь только — зовутъ благородными? Вѣдь называемъ
Птицей такого коня мы, который такъ быстръ, что всѣ руки
Въ циркѣ заставитъ горѣть, иль отъ радостныхъ криковъ охрипнуть.

Digitized by Google

Конь благородный есть тотъ, что съ какого бъ онъ пастбища ни былъ,
Явится, вдругъ впереди всѣхъ, и первый онъ пыль поднимаетъ
На площади: но пускаютъ въ продажу породу Кориты,
Иль хоть Гирпина[9]), коль рѣдко Побѣда[10]) на дышло къ нимъ сходитъ.
Тутъ ужъ не смотрятъ на предковъ, ни что здѣсь ихъ тѣни не значутъ.
Но продаютъ такихъ внуковъ у насъ за ничтожную цѣну,
Тянутъ, на ногу тяжелые, лямку истертою шеей,
Ибо они лишь способны ворочать на мельницѣ жерновъ.
Такъ-то, чтобъ я удивлялся тебѣ, ты свое покажи мнѣ
То, что къ наслѣдственнымъ титуламъ можно прибавить, а предкамъ
Должный почетъ воздаемъ мы, которому всѣмъ ты обязанъ.

Этого будетъ однако для юноши, слухъ о которомъ
Носится, будто онъ гордъ, и надутъ, будто только и бредитъ
Родственной связью съ Нерономъ. Но въ этой фортунѣ[11]) нѣтъ смысла.
Стану ль цѣнить тебя, Понтикъ мой, только по дѣдовской славѣ?
Нужно, чтобъ что нибудь самъ совершилъ ты достойное славы.
Жалкая доля на славу другихъ опираться. Смотри же,
Чтобъ необрушилась кровля, когда отдѣлятся колонны.
Также нужна и ползущей лозѣ виноградной подпора.
Будь же ты воиномъ храбрымъ, судьей неподкупнымъ и честнымъ
Опекуномъ; а когда ты въ сомнительномъ, или не ясномъ
Дѣлѣ свидѣтелемъ будешь въ судѣ, тогда пусть хоть Фаларидъ[12])
Лгать принуждаетъ тебя и быка приведетъ, за великой
Грѣхъ почитай своей совѣсти жизнь предпочесть и для жизни
Жертвовать всѣмъ, что всю цѣну и цѣль для нея составляетъ.
Кто же достоинъ забвенья, погибнетъ, хотя бы онъ по сту
Устрицъ Гавранскихъ[13]) съѣдалъ и въ мастяхъ благовонныхъ купался.

Если же ты, наконецъ, въ управленье провинцію примешь,
Коей давно домогался: свой гнѣвъ обуздать постарайся,
Также и жадность свою; пожалѣй ты союзниковъ бѣдныхъ.

Digitized by Google

Видишь, что весь уже высосанъ мозгъ изъ костей тѣхъ провинцій.
Ты наблюдай, что законы велятъ, что Сенатъ поручаетъ:
Знаешь, какія награды готовятся честнымъ и — ту казнь,
Къ коей Сенатъ присудилъ Киликійскихъ пиратовъ, Тутора
И Капитона.[14]) Но что́ же за выгода и въ осужденьи,
Коль скоро Панса все то оберетъ, что осталось отъ Натты?[15])
Лучше молчи ты, Хериннъ[16]), и послѣднюю дай имъ рубашку.
Вѣдь сумашествіе было бы, послѣ всего, еще плату
Въ Римъ за проѣздъ потерять. Не такія стенанья и раны
Прежде бывали, въ то время, когда на цвѣтущія страны
Хлынули Римляне. Каждый домъ былъ, словно полная чаша:
Кучи монетъ, и хламиды изъ Спарты, и Косское платье....
Рядомъ съ картиной Парразія[17]) и изваяньемъ Мирона[18]) —
Фидіи[19]), словно живыя, созданья изъ кости слоновой
И Поликлета[20]) издѣлья, и рѣдкій не Менторовъ[21]) столъ былъ.
Тамъ Долабелла[22]) тянулъ, а отсюда Антоній[23]), оттуда
Бралъ святотатственный Верресъ[24]): въ глубокихъ судахъ увозили
Тайно добычу и много тріумфовъ, доставленныхъ миромъ.
Нынѣ жъ берутъ у союзниковъ развѣ быковъ по немногу
Паръ, да табунъ лошадей небольшой, да коня изъ приплодныхъ,
Развѣ еще изъ домашнихъ боговъ поцѣннѣй изваянье,
Если остался еще хоть одинъ богъ въ часовнѣ. И это
Самое главное, ибо нѣтъ лучшаго. Ты презираешь,
Можетъ быть, слабый Родосъ и Коринѳъ, умащенный духами:
И справедливо. Можетъ ли сдѣлать тебѣ молодежь здѣсь
Что нибудь, волосы вырвавъ на тѣлѣ, натертомъ смолою?[25])
Нужно бояться[26]) однако Испаніи, Гальскаго неба
И Иллирійскаго берега. Ты пощади и жнецовъ тѣхъ,
Что́ насыщаютъ весь городъ, на сценѣ и въ циркѣ живущій.
Много ль добычи получишь отъ Африки послѣ столь лютыхъ
Опустошеній, когда ее Марій[27]) недавно разграбилъ?
Должно стараться особенно бѣднымъ, но храбрымъ обиды
Не причинять: хотя все ты возмешь, сколь тамъ ни нашелъ бы
Золота, иль серебра, но оставишь же ты щитъ и мечь имъ,
Копья и шлемъ, у ограбленныхъ будетъ съ собой ихъ оружье.

Digitized by Google

Что́ я сказалъ, не пустыя слова, но повѣрьте мнѣ также,
Какъ бы Сивилла сама говорила моими устами.
Если честна твоя свита, коли никакой Ацерзекомъ[28])
Не продаетъ твоихъ мнѣній судейскихъ, и если порока
Нѣтъ у жены[29]), и съ кривыми когтями Целено[30]) не ходитъ
По городамъ и селеньямъ за тѣмъ, чтобы золото грабить:
То хоть отъ Пика[31]) веди родословную, и, когда любишь,
Древность именъ, хоть Титановъ все племя въ числѣ твоихъ предковъ
И самаго Прометея считай, изъ какой только хочешь
Книги себѣ выбирай прародителя! Если жъ, напротивъ,
Ты увлекаешься страстію гнѣва, или честолюбья,
Если ты розги ломаешь въ союзничей крови, и видѣть
Радъ, какъ сѣкиры тупятся, и ликторъ изъ силъ вонъ выходитъ;
То благородство самихъ твоихъ предковъ лишь только къ безчестью
Служитъ тебѣ, представляя въ яснѣйшихъ чертахъ твою гнусность.
Всякая слабость души тѣмъ виднѣй и тѣмъ больше порочна,
Чѣмъ стоитъ выше та личность, въ которой ее замѣчаютъ.
Что мнѣ въ твоемъ благородствѣ, коль скоро въ построенныхъ храмахъ
Предками предъ тріумфальной родительской статуей самъ ты
Обыкновенье имѣешь духовныя ложныя дѣлать?
Что въ немъ, когда ты, ночной волокита, въ потемкахъ, покрывшись
Гальскимъ своимъ капишономъ, идешь въ неприличное мѣсто?

Мимо гробовъ и зарытыхъ костей своихъ предковъ несется
Жирный на легкой тележкѣ стрѣлой Дамазиппъ[32]), и, при этомъ,
Будучи консуломъ, самъ тормозитъ колесо у повозки;
Ночью, положимъ, но видитъ луна, и свидѣтели звѣзды
Смотрятъ глазами. А лишь только кончится срокъ его власти,
То Дамазиппъ тотъ же самый возметъ уже днемъ себѣ въ руки
Плеть, и не будетъ бояться онъ съ другомъ почтенныхъ лѣтъ встрѣчи,

Digitized by Google

Первый онъ даже привѣтствія знаки подастъ своей плетью,
Самъ онъ распуститъ пукъ сѣна и всыплетъ пшеницу скотинѣ.
Если овецъ и упрямыхъ телятъ, по обычаю Нумы,
Въ жертву приноситъ Юпитеру,—только Эпоной[33]) клянется,
Или другой намалеванной харей въ вонючихъ конюшняхъ.
Если, когда бы то ни было, вздумаетъ снова зайти онъ
Въ вѣчно открытый трактиръ, то на встрѣчу ему выбѣгаетъ
Мокрый отъ мазей Сирофиникіянинъ, изъ Идумеи,
Какъ иностранецъ, царемъ, господиномъ его величаетъ,
Тутъ же предъ нимъ, подпоясавши платье, Ціана[34]) съ бутылкой.

Скажетъ защитникъ порока: «и мы, когда юноши были,
Дѣлали тоже.» Пусть такъ. Но вѣдь ты пересталъ же и больше
Неподдаешься пороку. Съ дурнымъ разставайся скорѣе.
Съ первымъ пушкомъ бороды пусть не будетъ иныхъ преступленій.
Юношѣ можно простить. Между тѣмъ для войны ужъ созрѣвшій
Въ силахъ уже защищать и Арменію, Сирію, рѣки —
Рейнъ и Дунай, Дамазиппъ ходитъ все таки въ ѳермы[35]), а также
Подъ полонятныя вывѣски[36]) ходитъ: тогда какъ Нерону
Могъ бы защитникомъ быть онъ по лѣтамъ. Пошли ты легата
Въ Остію, Цезарь: найдешь ты его ужъ навѣрно въ харчевнѣ.
Тамъ онъ лежитъ съ палачемъ, и увидишь его непремѣнно
Въ кучѣ съ матросами, или ворами, иль бѣглыми, либо
Средь мясниковъ, мастеровъ похоронныхъ носилокъ и промежъ
Навзничъ лежащаго Галла-жреца ужъ съ замолкшимъ тимпаномъ.
Всюду равенствомъ, свободою дышетъ, — стаканы и ложе —
Все здѣсь для всѣхъ, и особыхъ, почетныхъ столовъ не замѣтно.
Что́ бы ты сдѣлалъ, мой Понтикъ, такого раба получивши?
Да, ты сослалъ бы его или въ Тусскій острогъ, иль къ Луканцамъ.
Вы же, потомки Троянцевъ, себѣ все прощаете; или
То, что для черни постыдно, прилично Волезамъ и Бруту?[37])

Что говорить! хоть бы сколько такъ гнусныхъ, постыдныхъ примѣровъ
Ни приводилъ я, а все впереди еще худшіе будутъ.

Digitized by Google

Ты, Дамазиппъ, промотавши имѣніе, продалъ на сцену
Голосъ свой, чтобъ во все горло кричать въ «Привидѣньи»[38])
Катулла.
Лентулъ проворный прекрасно игралъ также роль «Лавреола».[39])
Стóитъ, по мнѣ, онъ креста настоящаго[40]). Но и народа
Въ этомъ нельзя извинять; вовсе совѣсти нѣтъ у народа, —
Онъ, знай, сидитъ, да на фарсы патриціевъ смотритъ, равно
как
Слушаетъ и босоногихъ[41]) онъ Фабіевъ, можетъ смѣяться,
Если Мамеркъ[42]) получаетъ пощечину. Что мнѣ за нужда
Знать, за какую тамъ цѣну они продаютъ свою гибель?
А продаютъ они не по капризамъ Нерона, а просто,
Если даетъ преторъ игры[43]), они продаютъ, неколеблясь.
Вообрази же однако мечи тутъ, а здѣсь представь сцену:
Что изъ двухъ лучше? Уже ль для кого нибудь смерть такъ
ужасна,
Что онъ скорѣй согласится играть роль ревнивца[44]) «Θимелы»
Съ глупымъ Коринтіемъ? Впрочемъ, когда музыкантъ импера-
торъ[45]),
Мимъ благородный — не диво. Потомъ что? Одно остается
Только арена. И этотъ позоръ у тебя предъ глазами:
Не въ гладіаторскомъ вооруженьи, щитомъ не прикрытый
И безъ меча Гракхъ дерется и шлемомъ лица не прикроетъ
(Онъ презираетъ такіе доспѣхи, онъ ихъ ненавидитъ).
Вотъ онъ махаетъ трезубцемъ и правой рукой размахнувшись,
Сѣтью бросаетъ, и дѣлаетъ промахъ; лице открываетъ
Зрителямъ и, на показъ всѣмъ, онъ бѣгаетъ вдоль по аренѣ.
Что это онъ, по туникѣ узнали бъ, съ ея золотою
Длинной нашивкой и по колпаку, съ его вьющейся лентой.
Но гладіаторъ, который неволей сражается съ Гракхомъ,
Всякую рану скорѣй предпочелъ бы[46]) такому безчестью.

Если бъ народу дать право свободнаго выбора, кто бы
Такъ былъ не годенъ, чтобъ съ перваго раза Сенеку Нерону
Не предпочелъ? Вѣдь для казни Нероновой слишкомъ бы мало
Было одной обезьяны, мѣшка одного, или змѣя.[47])
Тожъ преступленіе сдѣлалъ и сынъ Агамемнона[48]), только

Digitized by Google

Тотъ побужденье другое имѣлъ: онъ, по волѣ боговъ, мстилъ,
Мстилъ за убійство отца, на пиру совершенное. Но онъ
Не запятналъ себя смертью Электры[49]), равно какъ не пролилъ
Крови Спартанки жены, никому изъ родныхъ не подсыпалъ
Яда, на сценѣ Орестъ не пѣвалъ никогда, не писалъ онъ
«Troica».[50]) Что жъ, какъ не это, Вергинія съ Виндикомъ Гальбой
Противъ Нерона возстать и оружье поднять побудило?
Что же другого онъ сдѣлалъ съ жестокой своей тиранніей?
Вотъ они — подвиги, вотъ тѣ таланты, какими прославилъ
Личность свою государь *благородный*, съ восторгомъ плясавшій
Всѣмъ напозоръ[51]) въ иностранныхъ театрахъ, вѣнокъ изъ петрушки
Взявшій отъ Грековъ! Пусть онъ прибавитъ награду за голосъ
Къ изображеніямъ предковъ: такъ, длинное платье Ѳіэсты,
Иль Антигоны[52]), или Меналиппову маску клади ты
Возлѣ Домиція ногъ и повѣсь на колоссъ[53]) его цитру!

Можно ль найти, Катилина, знатнѣйшее происхожденье,
Чѣмъ какъ твое, напримѣръ, иль Цетега? Однако средь ночи
Вы согласились огнемъ и мечемъ истребить наши домы
Съ храмами вмѣстѣ, какъ будто потомки Бракатовъ, иль братья
Галловъ Сенонскихъ: на то вы рѣшились, за что́ сожигаютъ.
Консулъ[54]) не дремлетъ, онъ ваши войска поражаетъ. Не знатный
Этотъ Арпинецъ, небольше какъ всадникъ лишь муниципальный
Въ Римѣ, вездѣ для защиты напуганныхъ гражданъ онъ ставитъ
Вооруженное войско, трудясь къ безопасности общей.
Столько за то онъ, хоть въ тогѣ гражданской, снискалъ себѣ славы,
Сколько Октавій мечемъ, обагреннымъ отъ множества крови
Ни подъ Левкадою, ни на поляхъ Ѳессалійскихъ не добылъ.
Римъ же спасенный «отчизны отцемъ» называлъ Цицерона.

Былъ изъ Арпина другой[55]): онъ работалъ поденно за плату
Въ мѣстности горной у Вольсковъ, томимый чужою сохою.
Послѣ, его голова подъ ударами палокъ страдала[56]),
Если лѣниво вкругъ лагерей землю взрывалъ его заступъ.
Онъ принимаетъ на грудь свою Кимвровъ удары, выноситъ

Digitized by Google

Ужасы всѣ, и одинъ защищаетъ трепещущій городъ.
Послѣ того, какъ слетѣлися на пораженіе Кимвровъ
Коршуны, столь большихъ[57]) труповъ еще не видавши дотолѣ,
Тутъ получаетъ другой лавръ его благородный товарищъ.[58])

Деціи[59]) родомъ плебеи, плебейское имя ихъ было:
Но для подземныхъ боговъ и Земли нашей матери стало
Ихъ вмѣсто всѣхъ легіоновъ и войскъ вспомогательныхъ нашихъ,
Стало ихъ вмѣсто и всей молодежи латинской, и, право,
Деціи стоятъ побольше, чѣмъ всѣ защищенные ими.

Тотъ, что послѣдній изъ добрыхъ царей[60]), отъ рабыни родился,
Но заслужилъ онъ корону, порфиру и пуки Квирина.
Консула жъ дѣти, запоры воротъ разшатавши, тираннамъ
Изгнаннымъ предали городъ, тогда какъ бы имъ надлежало
Что нибудь въ пользу непрочной свободы великое сдѣлать,
Такъ чтобъ дивились и Муцій съ Коклетомъ, и славная дѣва[61]),
Въ плавь перешедшая Тибръ, составлявшій предѣлъ государства.
Рабъ, что Сенату донесъ о злодѣйствахъ, замышленныхъ втайнѣ,
Слезъ долженъ стоить[62]) матронамъ: но тѣ справедливо подверглись
Казни законной и жизнь потеряли подъ первой[63]) сѣкирой.

Лучше хочу, чтобъ отецъ твой Ѳерситъ[64]) былъ, но только бы самъ ты
Былъ на Ахилла похожъ и владѣлъ бы оружьемъ Вулкана,
Чѣмъ, чтобы ты былъ похожъ на Ѳерсита, родясь отъ Ахилла.
Впрочемъ, иди ты все дальше, какъ можешь, искать свое имя
И ты узнаешь, что родъ твой идетъ отъ безславнаго мѣста:
Кто бы тамъ ни былъ первѣйшій изъ предковъ твоихъ, все же былъ онъ
Или пастухъ, иль другой кто[65])... чего и сказать не хочу я.

В. Модестовъ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ эпоху глубокаго нравственнаго паденія римскаго общества, начавшуюся въ концѣ республики и продолжавшуюся чрезъ все время Имперіи, у Римлянъ, развилась сильно страсть присвоивать себѣ множество предковъ, которыхъ или никогда не существовало, или которые вовсе не были предками лицъ, считавшихъ себя ихъ потомками.

2) *Ara magna, maxima*, жертвенникъ посвященный Геркулесу отъ котораго Фабій производилъ свой родъ. Онъ находился возлѣ Фламинскаго цирка. У патриційскихъ фамилій въ Римѣ кромѣ общественной религіи и боговъ, былъ еще фамильный культъ.

3) Изнѣженные люди въ Римѣ имѣли обыкновеніе стирать, или вырывать на тѣлѣ волосы. Мода эта перешла отъ Грековъ. Ниже Ювеналъ упрекаетъ въ этомъ «слабый Родосъ и Коринѳъ, умащенный духами» (ст. 113).

4) Изображенія предковъ обыкновенно помѣщались у Римлянъ въ той части дома, которая называлась *«atrium.»*

5) Чиновники, занимавшіе въ Римѣ высшія должности (*magistratus curules*), какъ: консулы, преторы и т. д. имѣли при себѣ ликторовъ, которые предшествовали имъ, когда они шли по городу. Ликторы эти носили «пучки» (*fasces*), означавшіе курульную должность ихъ господъ; въ то же время они должны были разгонять народъ для прочищенія дороги своему господину.

6) Въ насмѣшку. Кретикъ это прозвище (*cognomen*) Квинта Цецилія Метелла, который въ 684 г. отъ осн. Р. былъ консуломъ, а въ слѣдующемъ году обратилъ Критъ въ Римскую провинцію. Отсюда — *creticus*. Камеринъ *«cognomen»* рода Сульпиціевъ.

7) *К.* Рубеллій Бландъ, по другимъ спискамъ Плавтъ, сынъ Рубеллія Бланда и Юліи, дочери Друза, внуки Тиберія и правнуки Ливіи, супруги Августа.

8) Гермы—статуи на столбахъ, большею частью съ одной головой, иногда и съ грудью. Статуи эти въ Греціи находились при дверяхъ храмовъ, зданій, на перекресткахъ, и въ Римѣ даже въ садахъ, въ поляхъ (см. 1-й т. Пропилеевъ, статью Н. М. Благовѣщенскаго о гіератикѣ въ древне-греческомъ искусствѣ стр. 7).

9) Корита и Гирпинъ — имена знаменитыхъ въ древности коней. Древній схоліастъ Ювенала говоритъ: «во внутренности Сабинской земли есть гора Гирпинъ, гдѣ рождаются наилучшіе кони.»

10) Victoria нужно понимать здѣсь въ смыслѣ лица—богиня Victoria. Иначе выраженіе Ювенала: «Si rara jugo Victoria sedit» было бы слишкомъ вычурно.

11) Происхожденіе отъ знатнаго рода и родство съ императоромъ — дѣло случайное: такъ должно понимать эту мысль.

Digitized by Google

12) Намекается на знаменитаго мѣднаго быка, сдѣланнаго Перилломъ для Агригентскаго тирана Фаларида, который сожигалъ въ немъ медленнымъ огнемъ преступниковъ. Извѣстіе объ этомъ, отнесенное къ области вымысловъ Тимеемъ, Діодоръ считаетъ справедливымъ (XIII, p. 211).

13) Любимыя у Римлянъ Гавранскія устрицы ловились возлѣ береговъ Кампаніи въ Тирренскомъ морѣ. *Gavrus* нынѣ *Gierro*, знаменитая своимъ виномъ гора Кампаніи. Плиній въ своей «Естественной исторіи» (*Historia naturalis* III, 5) говоритъ, что около этихъ мѣстъ «преимущественно предъ прочими въ цѣломъ морѣ» водится много «благородной рыбы и раковинъ.»

14) Коссуціанъ Капитонъ былъ префектомъ Киликіи и осужденъ по закону «о взяткахъ» (*Tacit. annales* XIII, 33). Туторъ, по другимъ чтеніямъ Нумляторъ — темное еще лице. Можетъ о немъ говорить Ювеналъ въ 7-й сатирѣ ст. 74, представляя его человѣкомъ распутнымъ, любителемъ звѣринцевъ и между тѣмъ худымъ патрономъ для своихъ кліентовъ — поэтовъ.

15) Это глубокая историческая истина. Былъ ли Натта именно проконсуломъ и смѣнилъ ли его Панса, мы не знаемъ навѣрное, но Римскія провинціи дѣйствительно находились въ такомъ положеніи, что одинъ проконсулъ былъ для нихъ разорительнѣе другаго. Осужденія тутъ ровно ни къ чему не служили, да и не часто бывали. А между тѣмъ тѣ же провинціи нерѣдко строили храмы въ честь своихъ грабителей — проконсуловъ! Впрочемъ нужно замѣтить, что во время Имперіи участь провинцій была гораздо лучше, чѣмъ въ періодъ республики. Верресы и Саллюстіи становятся уже рѣдки, даже и потому, какъ Ювеналъ объясняетъ ниже, что нечего было ужъ и грабить.

16) Провинціалъ. Ювеналъ не совѣтуетъ ему понапрасну терять деньги на проѣздъ въ Римъ съ жалобой на проконсула. *Lex repetundarum* не всегда былъ тамъ въ силѣ.

17) Парразій — имя знаменитаго живописца (родомъ изъ Эфеса). о которомъ упоминаютъ: Павзаній, Квинтиліанъ, Плиній, Проперцій и Горацій.

18) Миронъ, родомъ изъ Элевѳеровъ, знаменитый ваятель. Особенно хвалятъ древніе его бронзовую корову съ сосущимъ ее теленкомъ.

19) Фидій, извѣстнѣйшій изъ всѣхъ ваятелей древняго міра, создавшій Олимпійскаго Зевса и Палладу—Аѳину—произведенія, совершеннѣе которыхъ древній міръ не видалъ ничего въ этомъ родѣ.

20) Поликлетъ Сикіонскій прославился своей статуей копьеносца (*Δορίφορος*)

21) Менторъ славился особенно искусствомъ вырѣзывать на кубкахъ.

22) Не извѣстно, о какомъ собственно Долабеллѣ говоритъ здѣсь Ювеналъ, извѣстны три Долабеллы: одинъ проконсулъ Македоніи въ 672 г. Кней Корнелій Долабелла, который былъ цезаремъ обвиненъ во взяткахъ и оправданъ Коттой и Гортензіемъ, другой К. Долабелла, преторъ Киликіи, обвиненный также во взяткахъ Скавромъ и признанный виновнымъ; третій, наконецъ, по мнѣнію Манса, зять Цицерона, П. Корнелій Долабелла, извѣстный во время втораго тріумвирата, трибунъ, который, по смерти Цезаря и Требонія, умерщвленнаго имъ вѣроломно въ Смирнѣ въ 712 году, былъ объявленъ врагомъ отечества отъ Сената. Тесть его Цицеронъ напалъ на убійцу, хотя зятя, съ рѣчью, исполненною негодованія. Однако, какъ видно, всѣ Долабеллы одинъ другаго не честнѣе; мы не будемъ несправедливы, разумѣя въ этомъ мѣстѣ любаго изъ нихъ.

Digitized by Google

23) Антоній К., сынъ оратора Марка Антонія, обвиненный во взяткахъ и въ оскорбленіи величества (т. е. въ униженіи чести римскаго народа — это было во время республики), былъ выгнанъ цензорами въ 683 г. изъ Сената; но послѣдующими цензорами былъ возстановленъ въ своей должности и былъ товарищемъ Цицерону въ консульствѣ.

24) Верресъ былъ три года преторомъ Сициліи и такъ безсовѣстно грабилъ провинцію, что не щадилъ ни общественнаго, ни частнаго, ни мірскаго, ни священнаго имущества. По этому онъ получилъ названіе «*Sacrilegus.*» И этого-то злодѣя горячо защищалъ Гортензій противъ Цицерона.

25) Горячей смолой намазывали тѣло для того, чтобы удобнѣе вырывать волосы.

26) Жители этихъ странъ, конечно, не всегда могли терпѣливо выносить злодѣйство проконсуловъ, потому что имѣли силу постоять за себя,—они не были такой изнѣженный и развращенный народъ, какъ Родосцы и Коринѳяне.

27) Марій Приск, проконсулъ Африки, о которомъ упоминаетъ Плиній (Ep. II, 11 и 12), какъ объ ужасномъ грабителѣ.

28) Слово Греческое Ἀκερσεκόμης, значитъ не остриженный (постоянный эпитетъ Вакха и Аполлона). Ацерзекомъ здѣсь означаетъ красиваго мальчика съ прекрасными локонами и, при томъ, распутнаго.

29) Т. е. «если жена твоя не побуждаетъ тебя грабить, и сама не грабитъ твоихъ подвластныхъ.

30) Имя одной изъ гарпій, подъ которою въ настоящемъ случаѣ нужно разумѣть жадную до денегъ свиту проконсула, жену его, а пожалуй и любовницъ.

31) Баснословный царь Итальянскихъ Аборигеновъ, сынъ Сатурна, отецъ Фавна и дѣдъ Латина царя.

32) Нѣкоторые читаютъ *Lateranus*. *Plautius Lateranus*, племянникъ завоевателя Британіи, А. Плавція, богатый мотъ, былъ владѣтелемъ того драгоцѣннаго дома, на мѣстѣ котораго теперь находится древнѣйшая церковь въ Римѣ, подаренная Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру I. Онъ участвовалъ въ извѣстномъ заговорѣ Пизона и былъ казненъ (см. *Annal. Tac.* XI, 30, 36, 49, 60).

33) Богиня погонщиковъ лошаковъ. Дамазипъ клянется тѣми именами, которыя особенно уважаетъ.

34) Трактирная прислужница и, разумѣется, женщина безнравственная.

35) Ѳермами назывались въ Римѣ не только потильныя бани, но и всѣ принадлежащія имъ харчевни, или лучше рестораны, гдѣ вообще Римлянинъ могъ пріятно провести день за деньги.

36) Вывѣски при харчевняхъ съ изображеніемъ предметовъ въ нихъ находящихся для продажи, вѣроятно также съ изображеніемъ безнравственныхъ женщинъ и т. п.

37) Волезъ-Сабинецъ, отецъ Валеріи Публиколы (*Liv.* I, 58, II, 30) и начальникъ рода Валеріевъ. Діонисій Галикарнасскій (II. 46) говоритъ, что онъ пришелъ въ Римъ вмѣстѣ съ Таціемъ (басня). Брутъ изъ древнѣйшаго рода Юніевъ (*ex gente junia*). Волезы и Брутъ здѣсь вообще означаютъ, что называется по Латыни, *viros nobiles* (благородныхъ).

38) Комедія Катулла, «*phasma*» гдѣ юноша, внезапно увидѣвши, красивую

Digitized by Google

дѣвушку, приходитъ въ трепетъ, какъ бы пораженный привидѣніемъ. Мы кое-что только знаемъ о ней.

39) Это названіе мима. Неизвѣстно положительно, кѣмъ написанъ «*Laureolus*».

40) Въ «Лавреолѣ» рабъ уличенный во лжи, распинается на крестѣ. Ювеналъ, какъ видно, не принадлежалъ къ той толпѣ римскаго народа, которая ничего больше не хотѣла, какъ «*panem et circenses.*» Онъ вообще не жалуетъ ни актеровъ, ни танцоровъ и съ чувствомъ омерзѣнія говоритъ объ играхъ гладіаторовъ.

41) Въ числѣ различныхъ видовъ Римской комедіи, былъ одинъ, носившій названіе «босоногой комедіи» на томъ основаніи, что въ ней актеры выходили на сцену не обутые.

42) Паразитъ, шутъ, или рабъ въ комедіи.

43) Преторы, въ числѣ другихъ своихъ обязанностей, должны были на собственный счетъ давать народу игры, во время Ювенала, преимущественно въ циркѣ.

44) «Ревнивецъ» роль мима. Этого ревнивца обманываетъ Ѳимела, его жена.

45) Подразумѣвается Неронъ, о которомъ Ювеналъ говоритъ ниже.

46) Для храбраго и сильнаго бойца славнѣе погибнуть отъ руки подобнаго себѣ, чѣмъ побѣдить слабаго, изнѣженнаго и трусливаго аристократа: вотъ смыслъ этихъ двухъ стиховъ.

47) Это казни для отцеубійцъ. Кровожадность Нерона извѣстна. По его повелѣнію убиты мать его Агриппина, тетка Домиція, двѣ жены—Октавія и Поппея, братъ Британникъ, нѣсколько другихъ родственниковъ и множество подданныхъ особенно христіанъ.

48) Орестъ, который, по преданію, убилъ свою мать Клитемпестру въ отмщеніе за смерть отца—Агамемнона, умерщвленнаго ею вмѣстѣ съ любовникомъ Эгистомъ во время пиршества.

49) Сестра Ореста, дочь Агамемнона.

50) Ювеналъ здѣсь говоритъ о томъ достопамятномъ произведеніи Нерона, поэмѣ о разрушеніи Трои, которую по словамъ Діона Кассія (LXII, 29) Неронъ пѣлъ въ театрѣ предъ народомъ и которую потомъ съ особеннымъ удовольствіемъ распѣвалъ, когда съ Меценатовой башни смотрѣлъ на объятый пламенемъ Римъ, зажженный, говорятъ, по его приказанію для того, чтобы видѣть подобіе разрушенія Трои (*Tacit. annal.* XV, 38 — 39, *Sweton. Nero* 38).

51) Въ Римѣ актеры не пользовались хорошею репутаціей. По этому выйти на сцену считалось большимъ проступкомъ для всякаго патриція, тѣмъ больше для императоровъ.

52) Лица, роли которыхъ любилъ разыгрывать Неронъ.

53) Это знаменитый колоссъ произведеніе Зенодота, величиною 110 — 120 футовъ, поставленный въ предверіи зданія, нынѣ называемаго Колизеемъ. Нѣкоторые впрочемъ разумѣютъ здѣсь не колоссъ Нерона, который былъ мѣдный, а мраморную статую Августа, на основаніи словъ Светонія (*Nero*, 12).

54) Цицеронъ.

55) К. Маріи, извѣстный врагъ Суллы. Онъ былъ Вольскъ по происхожденію и, какъ плебей, не имѣвшій поземельной собственности, работалъ на пашнѣ у другаго (Плиній XXXIII, 11).

Digitized by Google

56) Центуріоны въ Римскихъ легіонахъ обыкновенно не ласково обращались съ солдатами.

57) Кимвры, жившіе въ Сѣверной Германіи, около Эльбы, отличались большимъ ростомъ.

58) К. Лутацій Катуллъ, назначенный консуломъ вмѣстѣ съ Маріемъ въ 651 году отъ О. Р.

59) П. Деціи Муры, отецъ и сынъ, посвятившіе себя на смерть за отечество, одинъ въ войнѣ съ Латинами, другой — съ Галлами.

60) Сервій Туллій, рожденный отъ плѣнницы Окризіи.

61) Ювеналъ говоритъ здѣсь о Горація Коклетѣ и Муціи Сцеволѣ — безстрашныхъ герояхъ древности, и о дѣвицѣ Клеліи, которая, по преданію, переплыла Тибръ на конѣ.

62) Рабъ, котораго Брутъ, какъ спасителя отечества, отпустилъ на волю, но, какъ доносчика на своихъ господъ, распялъ на крестѣ (*Liv.* II, 7).

63) Казнь дѣтей Брута была первою, по изгнаніи царей.

64) Вошедшій въ пословицу между Греками, какъ безобразнѣйшая личность, извѣстный по Гомеру.

65) Ювеналъ здѣсь слѣдуетъ мнѣнію Тита Ливія, по которому первоначальный Римъ былъ заселенъ пастухами, бѣглыми, разбойниками, которымъ Ромулъ открылъ въ немъ убѣжище.

Digitized by Google

АХАРНЯНЕ.

(Комедія Аристофана.)

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ЧТЕНІЕ.

«Ахарняне» — одна изъ лучшихъ комедій великаго комика Греціи — были поставлены на сцену въ праздникъ Линей, на шестомъ году Пелопонисской войны (Олимп. 88, 4, 425). Эта пьеса была третьей драмматической попыткой, которую молодой поэтъ представилъ на судъ публики подъ чужимъ именемъ, но первая, заслужившая первую награду. Двѣ предъидущія «Гуляки» и «Вавилоняне» хотя были приняты также очень благосклонно, но получили вторую премію. Молодой поэтъ, еще не рѣшавшійся самъ стать предъ публикой, поручилъ поставить эту комедію на сцену Каллистрату, тому самому, который въ предъидущемъ году игралъ «Вавилонянъ» и которому позже, когда самъ Аристофанъ былъ на верху славы, удалось выполнить «Лизистрату». Онъ же игралъ и первую роль.

Цѣль «Ахарнянъ» побудить Аѳинянъ къ миру съ Спартой. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ коснуться самаго со-

Digitized by Google

стоянія Аттики въ эту пору, чтобы показать, на сколько въ самомъ дѣлѣ, былъ необходимъ для нея миръ.

Однажды Аѳинская молодежъ, порядочно подгулявши, прибыла въ Мегару и похитила оттуда одну камелію Симеоу. «Разсерженные Мегаряне, по выраженію Аристофана, храб«рятся какъ накормленные чеснокомъ пѣтухи, и, мстя похи«тителямъ, крадутъ двухъ компаньенокъ знаменитой Аспазіи.» Это возбуждаетъ страшное негодованіе въ ея любовникѣ, Периклѣ. «Этотъ Олимпіецъ, по словамъ комика, заблисталъ «гнѣвомъ, загремѣлъ и взволновалъ всю Элладу.» Ближайшимъ слѣдствіемъ его гнѣва былъ декретъ, опредѣлявшій смертную казнь всякому Мегарянину, который будетъ пойманъ на Аѳинской территоріи. Лакедемоняне протестуютъ противъ этого, и царь ихъ Архидамъ отправляетъ къ Аѳинянамъ депутацію съ требованіемъ отмѣнить жестокій декретъ противъ несчастныхъ. Периклъ, стоявшій тогда во главѣ народа и заправлявшій политикой, противится этому требованію и убѣждаетъ Аѳинянъ не уступать Спартанцамъ. Таковъ былъ, по Аристофану и Плутарху, первый поводъ къ Пелопонисской войнѣ.

Нѣтъ нужды прибавлять, что великій комикъ является здѣсь очень близорукимъ, какъ государственный человѣкъ, что истинныя причины этой великой народной вражды далеко не тѣ: онѣ лежатъ гораздо глубже — въ различіи государственнаго устройства и давнишнихъ игемоническихъ тенденціяхъ Аѳинъ и Спарты. Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ причинъ, и, желающихъ познакомиться съ ними, отсылаемъ къ Ѳукидиду, который превосходно раскрылъ этотъ предметъ. Замѣтимъ только, что Периклъ, очень хорошо понимавшій свой народъ и отлично управлявшій имъ болѣе 30 лѣтъ, давно предвидѣлъ Пелопонисскую войну и ревностно готовился къ ней.

Digitized by Google

Наконецъ въ 431 году началась эта роковая борьба. Въ ней рѣшался вопросъ «быть, или не быть» двухъ великихъ державъ Эллады. Всѣ мелкія государства Греціи должны были примкнуть къ которой нибудь изъ нихъ. Планъ войны, которому должны были слѣдовать Аѳиняне, Периклъ указалъ въ рѣчи, которая была произнесена имъ предъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій. «Мы имѣемъ, говоритъ онъ между прочимъ, много большихъ преимуществъ (т. е. предъ Пелопонисцами). Если они пойдутъ на нашу землю сухимъ путемъ, то мы поплывемъ на ихъ землю. А больше значитъ опустошить какую нибудь часть Пелопониса, чѣмъ всю Аттику. Безъ бою имъ негдѣ будетъ достать другой земли, а у насъ много земли и на островахъ, и на материкѣ. Великое дѣло власть надъ моремъ! Если бы мы были островитяне, то кто былъ бы неприступнѣе насъ? И теперь нужно, по возможности, представить себя въ такомъ же положеніи, и, покинувъ землю и дома, стеречъ море и государство. Ни ожесточаться, ни искать битвы съ Пелопонисцами изъ за этого (т. е. изъ за земли и домовъ) не слѣдуетъ; они несравненно многочисленнѣе насъ. Пусть мы и побѣдимъ ихъ: все таки должны будемъ сражаться съ неменьшимъ числомъ непріятелей; если же проиграемъ дѣло, потеряемъ еще и союзниковъ (а въ нихъ то наша сила); потому что Пелопонисцы, если мы не будемъ въ силахъ воевать съ ними, не удовлетворятся этимъ. Мы должны оплакивать потерю не домовъ, или земли, а людей. Не дома пріобрѣтаютъ людей, а люди — дома. И если бы я надѣялся убѣдить васъ, я велѣлъ бы вамъ самимъ вытти изъ отечества и разрушить свои жилища, чтобы показать Пелопонисцамъ, что вы изъ за того только (т е. чтобы спасти землю и дома) не послушаетесь ихъ». Пока живъ былъ Периклъ, онъ строго держался своего плана и успѣвалъ своимъ вліяніемъ сдерживать и обуздывать вспышки разныхъ партій въ

Digitized by Google

Аѳинахъ. Такимъ образомъ ходъ войны въ первые годы былъ самый однообразный: каждогодно повторялись вторженія Пелопонисцевъ въ Аттику сухимъ путемъ и — Аѳинянъ въ Пелопонисъ на корабляхъ. Не нуждаясь въ деньгахъ и владѣя превосходнымъ флотомъ, Периклъ хотѣлъ вести такую войну до тѣхъ поръ, пока она утомитъ самихъ Спартанцевъ и ихъ союзниковъ, терпѣвшихъ большую нужду въ деньгахъ. При такомъ образѣ войны, воюющія стороны никогда не могли бы вступить въ рѣшительную битву; потому что какъ Аѳиняне не могли противостоять Спартанцамъ на сушѣ, такъ эти не смѣли появляться на морѣ. Но этотъ планъ могъ довести до конца только Периклъ.

Между тѣмъ, въ слѣдствіе такого образа войны, всѣ жители Аттики принуждены были оставить свои жилища и съ лучшимъ имуществомъ и скотомъ бѣжать въ городъ. Рабы отправлены были на островъ Эвбею. Такимъ образомъ, въ Аѳинахъ скопилось небывалое множество народа; такъ что помѣститься въ домахъ не было никакой возможности. Поэтому селились, гдѣ кому попало: все пространство между длинными стѣнами было наполнено выселенцами; даже храмы были обращены въ жилища. Тѣснота, неудобство помѣщенія, дороговизна припасовъ, жестокое опустошеніе Спартанцами виноградниковъ и полей Аттики, скоро привели въ уныніе и подвергли страданію ея жителей: но это было только началомъ золъ, которыя вскорѣ обрушились на Аѳины. Во второй годъ войны (430 г.) страшная моровая язва внезапно вторглась въ среду стѣсненнаго народа и начала свои опустошенія съ ужасною быстротою и лютостію. По словамъ Ѳукидида, отъ ней померло столько народа, сколько до того времени не умирало ни отъ одной эпидиміи. Врачи вовсе непонимали этой болѣзни; никакія средства не пособляли; народъ пришелъ въ отчаяніе и вовсе пересталъ заботиться объ ней. Въ

Digitized by Google

страшно-разительной картинѣ изображаетъ великій историкъ эту кару судьбы и положеніе пораженнаго ею народа. «Чрезвычайно губительно было, говоритъ онъ между прочимъ, для Аѳинъ то, что всѣ жители Аттики собрались въ городъ; особенно страдали пришельцы. Домовъ не доставало; жили въ душныхъ шалашахъ во время лѣта; поэтому смертность являлась въ страшныхъ размѣрахъ; умирали другъ на другѣ; трупы валялись на дорогахъ и у всѣхъ колодцевъ; туда ползли полумертвые, томимые жаждою; храмы, въ которыхъ селились, были наполнены мертвыми; тамъ они и умирали. Болѣзнь одолѣвала, и люди съ отчаянія начали попирать все священное и праведное. Всѣ законы, которые прежде исполняли при погребеніи, рушились; погребали — кто какъ могъ. Многіе, схоронивши уже нѣсколько покойниковъ, за недостаткомъ необходимаго, безстыдно клали ихъ въ чужія могилы, — другіе же гдѣ замѣчали приготовлявшихъ костеръ, предупреждали ихъ, клали своего покойника и запаливали костеръ; иные, увидѣвъ уже горящій костеръ, бросали туда своего покойника и уходили».

Самой горестной для Аѳинъ жертвой заразы былъ Периклъ; онъ скончался въ 429 г.; слѣдовательно, почти въ самомъ началѣ Пелопонисской войны. Съ нимъ рушился всякій порядокъ въ Аѳинахъ; толпы риторовъ, никѣмъ не обуздываемыхъ, выступили предъ народомъ и начали еще болѣе распалять вражду его къ Спартѣ. Рьяные димагоги, и во главѣ ихъ Клеонъ, пользуясь этимъ орудіемъ, требовали крутыхъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ враговъ; хотѣли войны не на животъ, а на смерть. — Масса, особенно земледѣльцы, имѣвшіе и сами по себѣ причину ненавидѣть Спартанцевъ за ихъ опустошенія и неистовства, съ готовностію поддерживали безумныхъ энтузіастовъ и воинственныхъ временщиковъ. Ожесточеніе доходило до того, что всякая попытка къ

Digitized by Google

союзу съ Спартой считалась измѣной отечеству. Неистовѣе же всѣхъ кричали противъ мира Ахарняне, тѣ самые, которые, при первомъ вторженіи врага въ Аттику, выставили 3000 оплитовъ, и были весьма жестоко наказаны имъ за свое мужественное и постоянное сопротивленіе.

Между тѣмъ въ 425 г. миръ для блага самой же Аттики былъ необходимъ. Надмѣнный врагъ уже около 6 лѣтъ неистовствовалъ на ея поляхъ и неумолимо опустошалъ виноградники и жатву. Ни одинъ житель Аѳинской территоріи не былъ безопасенъ внѣ города. Зараза, прекратившаяся на нѣсколько времени, въ концѣ 427 г. снова начала свою смертоносную дѣятельность и продолжалась почти вплоть до представленія Ахарнянъ. Поселяне были убиты скорбію, томились въ унынiи, бездѣятельности и бѣдности. Единственное спасеніе отъ всѣхъ этихъ несчастій состояло въ мирѣ. Онъ могъ бы положить конецъ всеобщей нуждѣ и непрерывнымъ воинственнымъ замашкамъ и прискамъ честолюбивыхъ временщиковъ и близорукихъ патріотовъ; могъ бы возвратить поселянъ къ обычной имъ земледѣльческой дѣятельности, спасти ихъ отъ нищеты, а городъ отъ излишняго накопленія народа, которое главнымъ образомъ развило заразу; въ мирѣ только можно было найти защиту отъ безпощаднаго и превосходнаго силами врага. Но, при тогдашнемъ настроеніи умовъ въ Аттикѣ, не было никакой надежды на прекращеніе военныхъ дѣйствій.

Аристофанъ былъ изъ числа не многихъ, ясно понимавшихъ бѣдственное положеніе своей отчизны и расчитывавшихъ на выходъ изъ него, только посредствомъ примиренія съ Спартою. Это-то убѣжденіе въ необходимости для Аттики мира и развилъ онъ въ «Ахарнянахъ». Посредствомъ комическихъ образовъ, онъ представляетъ здѣсь истинные инте-

Digitized by Google

ресы страны и доводитъ до яснаго сознанія самый жизненный вопросъ Аттической политики. Не изъ простаго дилетантизма, а изъ внутренней потребности, изъ пламенной любви къ отечеству, онъ начерталъ планъ этой комедіи, и содержаніе ея стоитъ въ непосредственной связи съ современными поэту отношеніями и историческими событіями.

Чтобы сильнѣе расположить слушателей къ миру, Аристофанъ рисуетъ такую картину: Дикеополидъ, житель Аттики, бѣжавшій изъ деревни въ городъ, — человѣкъ простыхъ нравовъ и прямодушнаго характера, изнуренный бѣдствіями войны, добивается, во что бы ни стало, мира съ Спартою. Для этого онъ является на мѣсто народнаго собранія съ твердою рѣшимостію предложить народу, чтобы онъ позаботился о мирѣ. Время собранія уже наступило, а Пниксъ еще пустъ; Дикеополидъ сидитъ одинъ и горюетъ о равнодушіи народа и притановъ къ судьбѣ государства. Наконецъ приходятъ пританы; но вмѣсто того, чтобы тотчасъ же заняться дѣлами, тратятъ время въ спорѣ о мѣстахъ. Споръ кончился, они усѣлись. Герольдъ приглашаетъ желающихъ говорить. Одинъ изъ гражданъ — Амфитей заводитъ рѣчь о мирѣ; но полицейскіе тотчасъ выгоняютъ его изъ собранія. Напрасны его жалобы на такое самоуправство; пританы и слушать ихъ не хотятъ. Между тѣмъ вводятъ въ собраніе пословъ, возвратившихся изъ Персіи и приведшихъ съ собою Псевдартаваса, посла великаго царя. За ними является Ѳеоръ, бывшій посломъ у Ѳракійскаго царя — Ситалка. Всѣ эти лица, сторонники воинственныхъ временщиковъ, стараются обмануть народъ. Дикеополидъ срываетъ съ нихъ маску и обнаруживаетъ обманъ. Не видя, однако, надежды убѣдить Аѳинянъ къ миру, онъ рѣшается одинъ заключить его для себя и для своего семейства и поручаетъ это Амфитею. Амфитей успѣшно кончаетъ порученіе и, съ опасностію жизни отъ Ахарнянскихъ стари-

Digitized by Google

ковъ, передаетъ Дикеополиду условія тридцатилѣтняго мира. Торжествующій Дикеополидъ открываетъ въ своемъ участкѣ прерванную торговлю съ сосѣдними государствами и привѣтствуетъ страстно желанный миръ празднествомъ въ честь Діониса. Но этими поступками онъ вооружаетъ противъ себя все государство въ лицѣ Ахарнянъ, которые, въ страшномъ негодованіи на Спартанцевъ, не хотятъ и слышать о какомъ бы то ни было договорѣ съ ними. Нѣтъ сомнѣнія, что Дикеополидъ лицо не историческое; потому что, усвояемый ему поэтомъ, образъ мыслей и дѣйствій въ высшей степени химерическій. Правда, онъ находится въ согласіи съ истинными интересами государства: но предполагаетъ характеръ, который никакъ не могъ развиться съ такой силой, при тогдашнемъ всеобщемъ негодованіи жителей Аттики противъ Спарты. Ослѣпленіе ихъ было страшное! Ради комизма только Аристофанъ заставляетъ Дикеополида, среди сильнѣйшаго разгара воинственныхъ страстей, хлопотать о мирѣ съ врагомъ. Это обстоятельство порождаетъ для Дикеополида рядъ опасностей и смѣшныхъ положеній, изъ которыхъ, впрочемъ, онъ освобождается при помощи комизма своего характера. Геніальнѣйшимъ образомъ нарисована сцена, гдѣ онъ практически пародируетъ бѣдныхъ героевъ Еврипидовыхъ трагедій положеніемъ, рѣчами и костюмомъ. Онъ беретъ у своего сосѣда Еврипида, тогда моднаго въ Аѳинахъ трагика, лахмотья Тилефа; облекается въ нихъ и, на мѣстѣ обреченной закланію жертвы, съ протянутой на мясничномъ чурбанѣ шеей, говоритъ предъ хоромъ свои защитительныя рѣчи. Такимъ же неподдѣльнымъ комизмомъ отличается и другая сцена, гдѣ онъ усмиряетъ «распѣтушившихся» Ахарнянъ. Ожесточенные противъ него не менѣе, чѣмъ колонскіе старики въ Эдиппѣ Софокла, они гонятся за мнимымъ измѣнникомъ отечеству и хотятъ умертвить его. Чтобы утишить ихъ ярость, Дикеополидъ самъ гро-

Digitized by Google

зитъ имъ местью, — и надъ кѣмъ же? Надъ коробами угольевъ. Ахарняне, поголовно всѣ угольщики, приходятъ въ ужасъ отъ этой угрозы, называютъ короба своими земляками и друзьями, умоляютъ Дикеополида пощадить ихъ, и, вступивъ съ нимъ въ переговоры, позволяютъ ему свободно высказать мнѣніе о войнѣ. Въ своей простой и ясной рѣчи, которая представляетъ дѣло, какъ оно есть, безъ всякихъ софистическихъ уловокъ, прикрасъ и разныхъ крючковъ, свойственныхъ тогдашнимъ риторамъ, Дикеополидъ разсказываетъ, что не одни Лакедемоняне виноваты въ настоящей войнѣ, и упрекаетъ Аѳинянъ въ легкомыслiи, тщеславiи и воинственныхъ увлеченiяхъ. Уже съ самаго начала этой рѣчи половина хора подается и переходитъ на сторону оратора. Здѣсь начинается весьма яркій контрастъ: одинъ полухоръ еще упорствуетъ, и, какъ защитникъ воинственной партiи, зоветъ къ себѣ на помощь воинолюбиваго героя Ламаха. Какъ воплощенный богъ войны, въ полномъ вооруженiи, потряхивая щитомъ и развивающимся султаномъ, является Ламахъ на сцену. Съ изумительнымъ искусствомъ Аристофанъ противопоставляетъ пламеннаго воителя мирному земледѣльцу, чтобы выставить на видъ въ одномъ безмятежное спокойствiе и выгоды мира, а въ другомъ дикую ярость и бѣдствiя войны. Послѣдній дѣлается предметомъ самыхъ ѣдкихъ, сатирическихъ выходокъ Дикеополида, который, открывъ въ своихъ владѣнiяхъ вольный рынокъ, лишаетъ только этого героя права купли и продажи на немъ. Между тѣмъ сосѣдніе жители спѣшатъ воспользоваться даннымъ имъ правомъ. Прежде всѣхъ является на рынокъ Мегарянинъ; бѣднякъ даетъ понять все бѣдственное положенiе, до котораго довелъ эту страну разрывъ торговыхъ сношенiй съ Аѳинами. Принуждаемый голодомъ пожертвовать своими малолѣтними дочерями, онъ кладетъ ихъ въ мѣшокъ и приноситъ на рынокъ, гдѣ, выдавая за поросятъ, успѣваетъ продать

Digitized by Google

ихъ Дикеополиду за вязанку луку и мѣрку соли и еще благословляетъ свою судьбу за такую удачу. Во время самаго торга вбѣгаетъ на площадь сикофантъ,—сутяга, которыми тогда были полны Аѳины, и грозитъ донести на Мегарянина, какъ на контрабандиста; но Дикеополидъ принуждаетъ его удалиться. Появленіе Віотійца вновь подаетъ Дикеополиду поводъ пустить въ ходъ свой комизмъ; въ замѣнъ покупокъ онъ навязываетъ Віотійцу одного сикофанта — на томъ основаніи, что здѣсь въ Аѳинахъ ихъ очень много, а у нихъ въ Віотіи это сокровище будетъ рѣдкостію, очень цѣнною и выгодною. Віотіецъ соглашается; Дикеополидъ крѣпко стягиваетъ сикофанта, не обращая вниманія на его крики отъ боли, и взваливаетъ этотъ драгоцѣнную ношу слугѣ на плеча. Въ слѣдъ за тѣмъ, предъ самымъ праздникомъ Хитръ, приходитъ сюда и слуга Ламаха съ просьбою продать его господину нѣсколько лакомыхъ блюдъ; но получаетъ отъ хозяина рѣшительный отказъ. За то гораздо снисходительнѣе и уступчивѣе является Дикеополидъ къ одной новобрачной, которая умоляла его сдѣлать ее участницей мира, чтобы ей спокойно провести медовый мѣсяцъ съ молодымъ супругомъ. Дикеополидъ отливаетъ ей мира, прибавляя совѣтъ, какъ пользоваться имъ, — и весело начинаетъ готовиться къ пиру. Все это убѣждаетъ Ахарну въ справедливости политико-экономическихъ воззрѣній поселянина. Собравшійся теперь хоръ уже весь за миръ. Чтобы еще рѣзче представить ловко развитый контрастъ, поэтъ заставляетъ Ламаха, по приказанію стратиговъ, отправиться на войну предъ самымъ праздникомъ. Эта внезапная командировка въ то время, какъ Ламахъ думалъ погулять и повеселиться, возбуждаетъ въ немъ страшную досаду и вмѣстѣ подаетъ Дикеополиду случай снова поглумиться надъ нимъ. И такъ Ламахъ на войнѣ, а Дикеополидъ на пиру у хреда Діониса. И вотъ, въ то время, какъ послѣдній, опьянѣлый отъ

Digitized by Google

чрезмѣрнаго поклоненія богу вина, отводится съ праздника двумя этерами, Ламаха приносятъ съ поля битвы съ изувѣченными ногами и съ разбитымъ черепомъ. Его физическія страданія страшны; но они усиливаются еще нравственными, которыя онъ испытываетъ отъ насмѣшекъ Дикеополида. Между тѣмъ громкіе вопли раненнаго не могутъ заглушить шумной веселости подгулявшаго, мирнаго поселянина; покачиваясь со стороны на сторону, онъ оставляетъ сцену среди побѣдныхъ пѣсней исправившихся Ахарнянъ и.... занавѣсъ опускается.

Какъ ни шуменъ ходъ, какъ ни разнообразенъ тонъ этой пьесы; но онъ не помѣшалъ поэту обратить вниманіе на ея внутреннюю сторону. Въ самомъ дѣлѣ, нужно удивляться богатству мыслей, которыя наполняютъ эту комедію. Обиліе забавныхъ неприличностей, съ которыми невольно прорывается юморъ комика, не помрачаетъ содержанія. И въ этихъ комическихъ вольностяхъ, онъ всегда вѣренъ дѣйствительности. Великій художникъ видѣнъ въ каждой сценѣ, въ каждой мысли, которую онъ заставляетъ высказывать дѣйствующихъ лицъ. Одна сцена, такъ сказать, перебиваетъ другую въ постоянно возрастающемъ комическомъ эффектѣ до того, что, наконецъ, упоеніе поэзіи переходитъ въ истинное опьяненіе шуткой. Кипучая веселость распространяется на все цѣлое, съ прекрасной равномѣрностію; отъ чего важность и острота полемики теряютъ всю свою горечь и ѣдкость. Дикеополидъ, какъ главное лицо комедіи, конечно, составляетъ средоточіе или, такъ сказать, фокусъ комизма. Сквозь его шутки и уловки постоянно проглядываетъ тонкій и хитрый житель Аттики. Объ его проницательный взглядъ быстро сокрушаются всѣ выдумки и обманы, посредствомъ которыхъ послы Аѳинскіе, вмѣстѣ съ Псевдартабасомъ — «царскія очи» — думали пустить пыль въ глаза народу. Точно также ни Ахарнянамъ, ни Ламаху не удается сбить его съ толку и запутать фра-

Digitized by Google

зами; потому что онъ постоянно вѣренъ себѣ и строго преслѣдуетъ цѣль, которую однажды избралъ — благо своего отечества. Превосходно изображено это ясное спокойствіе комической фигуры, — и столь же умны, какъ и смѣшны замѣчанія, которыми сопровождаетъ она донесенія пословъ и наконецъ снимаетъ маску съ лжеперса. Надъ отдѣлкой этой личности Аристофанъ, какъ видно, трудился съ особенной любовью. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ часто не отдѣляетъ себя отъ ней, и устами Дикеополида высказываетъ свои собственныя воззрѣнія и защищаетъ свои личныя убѣжденія. Дикеополидъ — это сторонникъ и адвокатъ той политической партіи, къ которой принадлежалъ самъ поэтъ.

Что касается прочихъ лицъ комедіи, то они обрисованы менѣе ясно. Они ростутъ очень быстро, но большая часть ихъ появляются только въ одной сценѣ, и потомъ исчезаютъ. Таковы — жена и дочь Дикеополида, Мегарянинъ съ дочерями, Еврипидъ и его слуга, Віотіецъ и др. Роль ихъ чисто пассивная; они выступаютъ на сцену главнымъ образомъ для того, чтобы дать возможность самому Дикеополиду яснѣе высказаться и провести свою идею. Важнѣйшую роль послѣ Дикеополида играетъ Ламахъ. На немъ вымещается его собственная глупость. Какъ дерзко, неистово и бѣшено выступаетъ онъ въ началѣ: такъ плачевно и унизительно влекутъ его послѣ, когда онъ израненъ былъ въ битвѣ. Наконецъ замѣтимъ, что каждая сцена, быстро слѣдуя одна за другой, имѣетъ свой собственный комизмъ, и во всѣхъ ихъ эта здоровая, воспламененная Линейскими шалостями, поэзія представляетъ, въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, благодатные дары расторженнаго мира.

Внутренней связи между сценами здѣсь нельзя искать; она непрочна, поверхностна. Сцены рождаются и развиваются одна изъ другой, не изъ внутренней потребности; потому что вну-

Digitized by Google

тренне онѣ не мотивированы. Но великая сила Аристофанова ума состоитъ не въ художественныхъ завязкахъ, не въ изумительныхъ знаніяхъ, не въ психологической истинности постепеннаго развитія и выдержанности характеровъ, а въ комизмѣ положеній, которыхъ требуетъ комизмъ самаго лица. Эти лица уже съ перваго раза являются у Аристофана въ томъ видѣ, въ какомъ они, по соображенію комика, должны быть въ пьесѣ, но не дѣлаются такими въ силу обстоятельствъ въ продолженіи самаго дѣйствія. Рѣшительный, поворотный пунктъ комедіи мы встрѣчаемъ почти въ самомъ ея началѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что Амфитей, посредникъ Дикеополида, дѣйствительно, достигаетъ для одной семьи отдѣльнаго мира съ Спартой. Миръ принимается, и хотя принятіе его основано на глупости, тѣмъ не менѣе этимъ самымъ поэтъ выигрываетъ для своего протагониста, характеръ котораго уже по первому монологу можно изучить въ совершенствѣ, истинно-комическое положеніе. Это положеніе ему нужно, чтобы развить всѣ смѣшныя слѣдствія и препятствія, которыя повсюду вторгались тогда въ дѣйствительность. Они точно также состоятъ въ смѣшныхъ положеніяхъ, выражающихся въ очень забавномъ контрастѣ съ положеніемъ протагониста, и, наконецъ, представленныхъ подъ образомъ величайшаго самодовольства и забавнаго блаженства комическаго учредителя мира. Въ этой связи положеній и нужно искать единства Ахарнянъ, которое въ существѣ дѣла нисколько не нарушается разными случайностями и пѣснями хора.

Другой элементъ комизма въ Ахарнянахъ, общій, впрочемъ, и другимъ комедіямъ Аристофана, составляетъ, съ одной стороны то, что поэтъ влагаетъ въ уста Мегарянина и Віотійца плоскій, простонародный діалектъ и искажаетъ греческій языкъ въ устахъ варвара, а съ другой — съ удиви-

Digitized by Google

тельнымъ искуствомъ образуетъ особенныя слова и выраженія, которыми намекаетъ на личное имя, на пышность трагедіи, на звуки музыки и т. п. Чтобы осязательнѣе выставить на видъ извращеніе всей природы и людскаго свѣта, древняя комедія допускаетъ такую свободу и вольность даже въ словесной формѣ, и какъ прекрасная лирика хора представляетъ рѣзкій контрастъ съ плоскими шутками: такъ въ простонародныхъ и варварскихъ грецизмахъ Аристофана ярко виднѣется противуположность самому изящному и чисто Аттическому нарѣчію, на которомъ поэтъ, обыкновенно, пишетъ діалоги. Художественно расчитанная разница замѣчается даже въ построеніи ямбическаго триметра. Аристофанъ заставляетъ Дикеополида объясняться на немъ совершенно иначе, когда, напримѣръ, этотъ серьезно разсуждаетъ въ Аѳинскомъ собраніи, или излагаетъ причины Пелопонисской войны до Перикловa декрета противъ Мегарянъ, нежели, когда онъ обращается съ плоскими шутками къ Ксанѳію и Діонису. Къ сожалѣнію, передача простонароднаго діалекта на такую же рѣчь другихъ языковъ является чистой невозможностью; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ всѣ попытки переводчиковъ въ этомъ родѣ не удавались. Простонародный языкъ каждаго народа идіотизмъ своего рода; въ подобныхъ случаяхъ переводчикъ можетъ передать только содержаніе. Что касается до образованія Аристофаномъ особыхъ словъ и каламбуровъ, то я старался объяснить ихъ въ примѣчаніяхъ. Объ оттѣнкахъ же, сообщаемыхъ рѣчи самымъ размѣромъ, я только упоминаю; я переводилъ прозой. Желающій познакомиться съ ними долженъ обратиться къ подлиннику.

Наконецъ, что касается до трехъ единствъ, которыя послѣ ложно — классическая школа ставила необходимымъ условіемъ хорошей драмы: то Аристофанъ, строго соблюдая единство дѣйствія и направляя все къ одной цѣли, къ развитію одной

Digitized by Google

и той же идеи, нисколько не стѣсняется относительно двухъ остальныхъ единствъ—времени и мѣста. Да и Аѳинская публика, безъ сомнѣнія, никогда не притязала на эти единства и не считала отступленіе отъ нихъ нарушеніемъ правдоподобія въ дѣйствіи. Она не связывала поэтической свободы автора такими мелочными требованіями. Поэтъ открываетъ дѣйствіе осенью на мѣстѣ народнаго собранія въ Аѳинахъ; отсюда же Дикеополидъ отправляетъ своего приверженца въ Спарту для заключенія съ нею отдѣльнаго мира. Посланный возвращается еще до окончанія засѣданія, и Дикеополидъ тотчасъ же удаляется въ свои владѣнія праздновать Діонисіи и открываетъ тамъ свободный рынокъ. Лишь только это сдѣлалось извѣстнымъ, какъ Мегарянинъ и Віотіецъ уже очутились на площади съ своими товарами. Непосредственно за тѣмъ весна: начинается праздникъ Аѳистерій, на которомъ Дикеополидъ пьетъ и напивается, какъ побѣдитель, а израненный Ламахъ оглашаетъ воздухъ воплями страданія. Такіе скачки во времени Аттическій зритель опускалъ изъ виду, какъ скоро искусство поэта умѣло приковать его вниманіе къ внутренней сторонѣ дѣйствія и выиграть для идеи въ цѣломъ. Отступленія подобнаго рода встрѣчаются и въ древней трагедіи: въ ней, напримѣръ, Агамемнонъ въ одну минуту проходитъ пространство отъ Трои до Аргоса; Орестъ въ одной сценѣ приходитъ въ Дельфы, а въ другой въ Аѳины. Точно также и древнему комику вполнѣ дозволялось подчинять время и пространство цѣли своего искусства. Онъ могъ расчитывать на дѣятельную фантазію образованной публики, если и не выполнялъ всѣхъ условій сценическаго представленія. Произвести множество разнообразныхъ измѣненій въ сценѣ, которыя казались необходимыми судя по быстрому и шумному ходу пьесы, — было бы гораздо неправдоподобнѣе, чѣмъ допустить измѣненія во времени. Поэтъ не стѣсняется

Digitized by Google

и относительно пространства мѣста. Такъ жилища Ламаха и Эврипида, конечно, извѣстны были каждому въ Аѳинахъ; между тѣмъ онъ переселяетъ ихъ въ Холлидскій округъ, рядомъ съ домомъ Дикеополида; а къ концу представленія видишъ даже храмъ Діониса, который собственно лежалъ въ Акрополѣ.

Digitized by Google

АХАРНЯНЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дикеополидъ. Герольдъ. Амфитей. Пританы. Аѳинскіе послы, возвратившіеся отъ Персидскаго царя. Псевдартасъ. Ѳеоръ.

(сцена въ пниксѣ. [1])

Дикеополидъ [2]) *(одинъ)*. Да.... сколько разъ грусть щемила мое сердце! Радовался же я не много, очень не много: только четыре раза! За то скорби мои безчисленны, какъ песокъ морской. А вотъ посмотрю: чему же я радовался, что достойно было радости? Да! Знаю, чѣмъ восхищалось мое сердце: пятью талантами, которые извергъ Клеонъ [3]). Какъ мнѣ было весело тогда! Люблю всадниковъ за это дѣло: «оно достойно Еллады» [4]). За то другое обстоятельство опять огорчило меня: оно касалось трагедіи. Однажды, когда, разиня ротъ, я ждалъ Эсхила [5]), вдругъ герольдъ провозгласилъ: «Ѳеогнисъ! [6]) выводи свой хоръ!» Можно представить себѣ, какъ это потрясло мое сердце! Въ другой разъ порадовался я, когда Дексиѳей [7]) вышелъ какъ то за Мосхомъ [8]) пѣть Віотійку [9]). Зато въ этотъ же годъ я умиралъ отъ скуки, повер-

Digitized by Google

тываясь туда и сюда при видѣ, какъ Херисъ [10]) корчилъ изъ себя Орфея. Но съ тѣхъ поръ, какъ я моюсь щелокомъ [11]), никогда такъ не ѣло у меня глазъ, какъ теперь, когда, не смотря на наступленіе времени обыкновеннаго собранія [12]), вотъ этотъ Пниксъ еще пустъ. А они (т. е. граждане) болтаютъ на площади и скрываются тамъ и сямъ отъ намазанной сурикомъ веревки [13]). Пританы [14]) же и не приходили. Придутъ они не въ пору, да и тогда, по приходѣ то, увидишь, какъ они начнутъ поталкивать другъ друга и толпиться въ кучу, споря за первое мѣсто. А чтобы устроить миръ [15]), этого и въ умѣ у нихъ нѣтъ. «О городъ, городъ!...» [16]) Я же всегда прихожу въ собраніе первымъ и сижу. Тутъ-то, при видѣ себя одного, я вздыхаю, зѣваю, нетерпѣливо озираюсь, покрякиваю, теряюсь въ сомнѣніяхъ, черчу на пескѣ, пощипываю у себя волосы, равсуждаю самъ съ собою, посматривая въ поле: потому что, сочувствуя миру, я ненавижу городъ, страстно люблю свой народъ, который никогда не говаривалъ: «купи угольевъ, купи уксусу, купи масла». Онъ и не зналъ этого «купи», а самъ производилъ все. Самаго слова «купи» не существовало у него. Поэтому-то я сегодня пришелъ сюда съ рѣшительнымъ намѣреніемъ кричать, прерывать другихъ, ругать риторовъ, если заговорятъ о чемъ нибудь другомъ, кромѣ мира. Но вотъ и пританы! Какъ разъ въ полдень: не говорилъ ли я? Какъ сказалъ, такъ и есть: вотъ всѣ проталкиваются на первыя мѣста!

Герольдъ. Подвигайтесь впередъ! Подвигайтесь, чтобы быть внутри освященнаго мѣста [17]).

Амфитей. *(Одинъ изъ гражданъ обращаясь къ другому.)* Уже говорилъ кто нибудь?

Герольдъ. Кто желаетъ говорить рѣчь къ народу?

Амфитей. Я.

Пританъ. Кто ты?

Амфитей. Амфитей.

Пританъ. А не человѣкъ? [18])

Амфитей. Нѣтъ: но безсмертный; потому что Амфитей былъ сынъ Димитры и Триптолема, а отъ него происходитъ Келей. Келей же женился на моей бабушкѣ Фенаретѣ, отъ которой родился Ликиній. А отъ него я безсмертный [19]). И боги поручили мнѣ одному заключить миръ съ Лакедемонянами. Но, будучи безсмертенъ, друзья, я не имѣю необходимаго въ жизни: пританы ничего не даютъ мнѣ [20]).

Пританъ. Стрѣлки!... [21]) (*Стрѣлки схватываютъ и выводятъ Амфитея*).

Амфитей. Триптолемъ и Келей! [22]) Не ужели вы не защитите меня?

Дикеополидъ. Почтенные пританы! Вы оскорбляете собраніе, приказывая вывести отсюда человѣка, который хотѣлъ доставить намъ миръ и повѣсить наши щиты! [23])

Пританъ. Сиди и молчи!

Дикеополидъ. (*Горячится*). Клянусь Аполлономъ — нѣтъ, если вы не поразсудите мнѣ о мирѣ.

Герольдъ. Послы, что воротились отъ царя.... [24])

Дикеополидъ. (*Прерывая*). Отъ какого царя? Несносны мнѣ послы — эти павлины [25]) и нахалы.

Герольдъ. Молчать! (*Входятъ послы*).

Дикеополидъ. Ба, ба, ба! О Экватана! [26]) Что за наружность! [27])

Одинъ изъ Аѳинскихъ пословъ. Въ архонство Евѳимена [28]) вы отправили насъ къ великому царю, давши намъ жалованья по двѣ драхмы на день.

Дикеополидъ. (*Въ полголоса*). Охъ мнѣ эти драхмы!

Посолъ. И ужъ натерпѣлись мы. Блуждая подъ шатрами по Каистрійскимъ [29]) полямъ и лѣниво поваливаясь въ

Digitized by Google

великолѣпныхъ дорожныхъ кибиткахъ, мы были на краю погибели....

Дикеополидъ. А мнѣ такъ очень удобно было лежать на соломѣ у крѣпостнаго вала.

Посолъ. Насъ принимали гостепріимно и заставляли противъ воли пить безпримѣсное и пріятное вино изъ хрустальныхъ и золотыхъ сосудовъ.

Дикеополидъ. (*Въ полголоса*). «Городъ Краная»[30]! Чувствуешь ли, какъ послы смѣются надъ тобой?

Посолъ. Эти варвары только способныхъ много есть и пить считаютъ мужчинами.

Дикеополидъ. (*Въ полголоса*). А мы такъ этихъ—развратниками и блудниками.

Посолъ. На четвертый же годъ мы прибыли въ столицу. Но царь отлучался съ войскомъ въ отхожее мѣсто и испражнялся тамъ восемь мѣсяцевъ на золотыхъ горахъ[31].

Дикеополидъ. А долго ли онъ закрывалъ свой тазъ?

Посолъ. Все полнолуніе[32]. Потомъ возвратился домой: принялъ насъ гостепріимно и предложилъ намъ цѣльныхъ быковъ прямо изъ печи.

Дикеополидъ. Ну, видалиль когда быковъ жаренныхъ въ печи? Экое хвастовство!

Посолъ. И подалъ намъ птицу, — клянусь Зевсомъ, въ три раза больше Клеонима[33]. Называли же ее: Фенаксъ (*насмѣшникъ*).

Дикеополидъ. Отъ того ты и смѣялся надъ нами, получая по двѣ драхмы-то.

Посолъ. И теперь мы прибыли съ Псевдартавасомъ «царскія очи[34].»

Дикеополидъ. О, если бы воронъ вцѣпился въ твои собственныя очи, посолъ, и вырвалъ ихъ у тебя!

Digitized by Google

Герольдъ. «Царскія очи?» (*т. е. явитесь сюда*).

Дикеополидъ. О могучій Иракль! (*Обращаясь къ послу*). Клянусь богами, почтенный: ты глядишь какъ изъ ключицы (*отверстіе, въ которое вкладывается весло*), или какъ будто стараешься высмотрѣть гавань, огибая мысъ. Подъ глазомъ у тебя точно кожа, на которой вертится весло[35]).

Посолъ. Ну, такъ раскажи Псевдартавасъ: что царь поручилъ тебѣ передать Аѳинянамъ?

Псевдартавасъ. «Іертаманъ эксаркъсъ ананиссоне сатра.»

Посолъ. Поняли, что сказалъ онъ?

Дикеополидъ. Я — нѣтъ: клянусь Аполлономъ!

Посолъ. Онъ говоритъ, что царь пришлетъ намъ золота. Говори же громче и яснѣе: золота?

Псевдартавасъ. Не получишь ты золота, распутный[36]) Іоніецъ[37])!

Дикеополидъ. Э! э! Чортъ возми, какъ ясно!

Посолъ. Что же онъ говоритъ?

Дикеополидъ. Вотъ что: онъ говоритъ, что Іоняне развратны и глупы, если ожидаютъ золота отъ варваровъ.

Посолъ. Нѣтъ: напротивъ онъ говоритъ о кулѣхъ золота.

Дикеополидъ. О какихъ кулѣхъ? Да ты страшный хвастунъ! Прочь отсюда! Я одинъ допрошу его. Ну, скажи мнѣ вотъ передъ нимъ[38]) яснѣе, если не хочешь, чтобы я выкрасилъ тебя Сардіанской краской[39]): Великій царь пришлетъ намъ золота? (*Псевдартавасъ дѣлаетъ знакъ, что нѣтъ*). Такъ послы обманываютъ насъ глупцовъ? (*Псевдартавасъ киваетъ утвердительно*).

(Всматриваясь пристально въ Персидскихъ пословъ, Дикеополидъ продолжаетъ).

А эти люди какъ будто на Греческій манеръ дѣлали знаки! Не можетъ быть, чтобы они были вотъ не отсюда[40])! Да одного изъ этихъ эвнуховъ я знаю: это Клисѳенъ, сынъ

Digitized by Google

Сивиртія. Ахъ ты наглецъ развратный![41]) Такъ это ты, такая бородатая обезьяна, пришелъ къ намъ, перерядившись эвнухомъ? А это кто? Уже не Стртаонъ ли?

Герольдъ. Молчать и сидѣть! Совѣтъ приглашаетъ «царскія очи» въ пританію.

Дикеополидъ. Ну не петля ли это?... И послѣ этого, что же я верчусь здѣсь? Для тѣкъ, кого хотятъ угостить, двери нашей пританіи всегда отперты[42]). Ну, сдѣлаю же я великое и достопамятное дѣло! Гдѣ у меня Амфитей?

Амфитей. Здѣсь!

Дикеополидъ. Возьми вотъ эти восемь драхмъ (180 к. с.) и заключи съ Лакедемонянами миръ для меня, дѣтей и жены. А вы (*обращаясь къ народу*) отправляйте пословъ и ротозѣйте здѣсь!

Герольдъ. Пусть предстанетъ Ѳеоръ[43]), что воротился отъ Ситалка!

Ѳеоръ. Здѣсь онъ!

Дикеополидъ. Вотъ и другаго хвастуна зовутъ сюда!

Ѳеоръ. Мы не пробыли бы такъ долго во Ѳракіи....

Дикеополидъ. (*Прерывая*). Конечно нѣтъ, еслибы ты не получалъ огромнаго жалованья.

Ѳеоръ. Если бы снѣгъ не покрылъ всей Ѳракіи, и ледъ-рѣкъ ея въ то самое время, какъ Ѳеогнисъ ставилъ здѣсь на сцену свои трагедіи[44]). Во все это время я пилъ съ Ситалкомъ. Дѣйствительно, онъ чрезвычайный Аѳинофилъ, истинно и страстно влюбленъ въ васъ; такъ что даже на стѣнахъ написалъ: «прекрасные Аѳиняне»[45]). Сынъ же его[46]), котораго мы почтили титломъ Аѳинскаго гражданина, обнаруживалъ пламенное желаніе покушать колбасы въ праздникъ Апатурій[47]) и умолялъ отца помочь «своему отечеству»[48]). И этотъ клялся предъ жертвенникомъ, что придетъ на помощь къ нему съ такимъ огромнымъ войскомъ, что, при видѣ

его, Аѳиняне вскрикнутъ: какая туча саранчи приближается къ намъ!

Дикеополидъ. Пусть я совсѣмъ погибну, если изъ всего, здѣсь сказаннаго тобой, повѣрю чему нибудь, кромѣ рѣчи о саранчѣ!

Ѳеоръ. И теперь онъ послалъ къ вамъ народъ, который считается самымъ воинственнымъ во Ѳракіи.

Дикеополидъ. Это такъ ужь ясно!

Герольдъ. Ѳракійцы, которыхъ привелъ Ѳеоръ, предстаньте сюда!

Дикеополидъ. Что это еще за наказанье!

Ѳеоръ. Войско Одомантовъ[49]).

Дикеополидъ. Какихъ Одомантовъ? *(Оглядывая ихъ).* Скажите мнѣ, какъ это случилось: кто сдѣлалъ этихъ Одомантовъ скопцами[50])?

Ѳеоръ. Пусть дадутъ имъ по двѣ драхмы на день жалованья, и они подымутъ на копья всю Віотію[51]).

Дикеополидъ. (*съ изумленіемъ и сожалѣніемъ*). Двѣ драхмы этимъ эвнухамъ? О, какъ завопятъ наши моряки — эти защитники города!... Горе мнѣ несчастному[52])! Гибну я: Одоманты опустошаютъ чеснокъ у меня. (*Подступая къ Одомантамъ и горячась*). Такъ вы не отдадите назадъ моего чесноку?

Ѳеоръ. Негодяй! Бойся нападать на тѣхъ, кто наѣлся чесноку[53]).

Дикеополидъ. И вы, пританы, знать не хотите, что терплю я въ своемъ отечествѣ и терплю еще отъ варваровъ? Такъ всенародно запрещаю созывать собраніе для разсужденія о жалованьѣ этимъ Ѳракійцамъ. Объявляю вамъ, что сію минуту чудо было: на меня пала капля дождя[54]).

Герольдъ. Пусть Ѳракійцы удалятся и явятся послѣ завтра! Пританы распускаютъ собраніе.

(Собраніе расходится).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дикеополидъ. Амфитей и Хоръ.

Дикеополидъ. (*Одинъ*). Несчастный! Сколько я потерялъ чесночной окрошки! А вотъ Амфитей возвращается изъ Лакедемона! Здравствуй, Амфитей!

Амфитей. (*Продолжая бѣжать*). Нѣтъ — еще, пока не остановлюсь! Мнѣ нужно спасаться отъ преслѣдованія Ахарнянъ.

Дикеополидъ. Что это значитъ?

Амфитей. (*Останавливаясь*). Я спѣшилъ сюда сообщить тебѣ условія мира. Но какія-то Ахарнянскіе старики, народъ плотный, крѣпкій, какъ дубы, мощный, храбрый, какъ бойцы Марѳонскіе, и несокрушимый, пронюхали это и вдругъ разомъ заголосили: «О злодѣй! Ты несешъ миръ въ то время, какъ наши виноградники поломаны» и начали набирать каменья въ свои тривоны[55]). Тутъ я бѣжать, а они съ крикомъ за мною.

Дикеополидъ. Пусть ихъ кричатъ! А миръ то[56]) несешъ?

Амфитей. Говорю же, что несу и въ трехъ видахъ. Вотъ этотъ на пять лѣтъ! Возьми-ка отвѣдай!

Дикеополидъ. (*Пробуя*). Фу-у!

Амфитей. Что?

Дикеополидъ. Не нравится мнѣ: пахнетъ кожей и корабельными принадлежностями[57]).

Амфитей. Такъ вотъ этотъ на десять лѣтъ: на! Попробуй!

Дикеополидъ. (*Нюхая*). И этотъ чрезвычайно тяжело пахнетъ посольствами къ городамъ.... съ жалобой на медленность союзниковъ.

Амфитей. Ну — вотъ этотъ: на тридцать лѣтъ тебѣ на сушѣ и на морѣ!

Дикеополидъ. О, Діонисъ! Отъ этого амврозіей и нектаромъ благоухаетъ; онъ не требуетъ, чтобы мы запасались на три дня хлѣбомъ[58]), и ясно говоритъ: «иди, куда хочешъ». Я принимаю и ратификую эти условія и пью за нихъ: много лѣтъ здравствовать, Ахарняне! (*пьетъ*). Освободившись отъ войны и ея бѣдъ, я уйду въ деревню и буду тамъ праздновать Діонисіи[59]).

Амфитей. А я все таки побѣгу отъ Ахарнянъ. (*Оба уходятъ*).

Хоръ. (*Хоръ стариковъ вбѣгаетъ на сцену*). Бѣгите всѣ вотъ по этой дорогѣ! Ищите, распрашивайте объ этомъ человѣкѣ у каждаго путешественника; для государства необходимо схватить его. (*Обращаясь къ зрителямъ*). Да укажите мнѣ[60]), кто знаетъ: куда бросился этотъ мироносецъ? Онъ убѣгаетъ, ускользаетъ, исчезаетъ. О, несчастные мои годы! Въ пору своей молодости, когда я, съ мѣшкомъ угольевъ[61]), поспѣвалъ, бывало, на бѣгу за Фавломъ[62]), этотъ мироносецъ, тогда преслѣдуемый мною, не убѣжалъ бы такъ легко и не уплелъ бы такъ скоро ногъ отъ меня. Но теперь, когда едва сгибаются мои колѣна, и когда голени стараго Лакратида[63]) уже отяжелѣли, бѣглецъ ускользаетъ. А догнать то нужно; чтобы онъ не посмѣялся когда нибудь, что, по милости стариковъ, убѣжалъ отъ Ахарнянъ, — онъ, — о Зевсъ, отецъ нашъ и вы боги, — вступившій въ союзъ съ врагами, съ которыми у меня разгарается все болѣе и болѣе ожесточенная война за опустошеніе моей страны! Я не прекращу этой войны до тѣхъ поръ, пока не пронжу всѣхъ ихъ острыми, мучительными и смертоносными стрѣлами, (*соб. частоколинами*) чтобы въ другой разъ они никогда не посмѣли топтать моихъ виноградниковъ. Но нужно съискать этого человѣка, посмо-

Digitized by Google

трѣть его въ Паллинѣ[64]) и преслѣдовать съ мѣста на мѣсто до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ найдется: я стараю желаніемъ побить его каменьями. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Дикеополидъ, Хоръ, Жена Дикеополида и его дочь, Кифисофонъ, Еврипидъ и его слуга Ламахъ.

(Здѣсь сцена перемѣняется; на одной сторонѣ видѣнъ сельскій домикъ Дикеополида; на другой — хоромы Ламаха и не много дальше — Еврипида).

Дикеополидъ. Храните благоговѣйно молчаніе! Храните[65])!

Хоръ. Молчать! Вѣдь вы слышите приказаніе благоговѣть? Вотъ тотъ самый, котораго мы ищемъ! Ну, всѣ сюда! Посторонитесь: этотъ человѣкъ, какъ видно, выходитъ совершить жертвоприношеніе.

Дикеополидъ. Храните благоговѣйно молчаніе! Храните! Канифора[66])! Подвинься немножко впередъ: а ты, Ксанѳій[67]), поставь прямѣе фаллъ-то![68])

Жена. Дочь моя! Сложи съ себя корзину; такъ намъ удобнѣе начать жертвоприношеніе.

Дочь. Мама! Подай сюда ложку: я оболью этотъ пирогъ капицей[69]).

Дикеополидъ. Ну, это хорошо! (*Обращаясь съ молитвой къ Діонису*). Могущественный Діонисъ! Помоги мнѣ мнѣ, который изъ чувства благодарности предпринялъ въ честь тебя это празднество и со своей семьей совершилъ жертвоприношеніе, — помоги мнѣ, свободному отъ военной службы, счастливо отпраздновать сельскія Діонисіи и благополучно провести тридцать лѣтъ мира!

Digitized by Google

Жена. Ну, дочь! Смотри неси хорошенько корзину, да не теряй граціи и строгаго вида![70]). (*Оглядывая ее*). О! какъ счастливъ будетъ тотъ, кто женится на тебѣ и по утрамъ будетъ хлопотать вмѣстѣ съ тобой о дѣтяхъ[71])... Пробирайся впередъ, да будь осторожнѣе: чтобы въ толпѣ-то не оборвали тайкомъ у тебя золотыхъ украшеній.

Дикеополидъ. Ксанѳій! Вы[72]) должны прямо держать фаллъ позади Канифоры[73]). А я пойду за вами и запою фаллическій гимнъ. Ты же, (*обращаясь къ посторонней женщинѣ*) почтенная, смотри на меня съ крыши[74]). (*Обращаясь къ Канифорѣ*). Начинай шествіе!

(Процессія двинулась. Дикеополидъ поетъ).

О Фалисъ![75]). Другъ Вакха, собутыльникъ, ночной гуляка, волокита и соблазнитель молодежи! Наконецъ-то спустя пять лѣтъ[76]) я съ радостію вернулся на родину и теперь, заключивъ для себя миръ и избавившись отъ всѣхъ заботъ, битвъ и Ламаховъ[77]), я могу привѣтствовать тебя. Фалисъ, Фалисъ! Вѣдь гораздо пріятнѣе сыскать красивую поселяночку въ родѣ Ѳратты, служанки Стримадоровой, что крадетъ дрова съ горы Феллейской, перехватить ее поперегъ стана, поднять и опустить на-земь и потомъ сполна распорядиться ею! Фалисъ, Фались! Если бы ты пилъ съ нами: такъ ранехонько хлебнулъ бы съ похмѣлья изъ кубка мира. А щитъ будетъ висѣть на трубѣ! (*т. е. безъ употребленія*).

(Вбѣгаетъ хоръ Ахарнскихъ стариковъ и начинаетъ бросать въ Дикеополида каменьями).

Хоръ. Это онъ самый! Онъ! Бросайте, бросайте, бросайте въ него каменья! Бейте всѣ этого негодяя!... (*Обращаясь къ одному старику*). Что къ не бросаешь? Что?

Дикеополидъ. (*Закрывая горшокъ*). О Ираклъ! Что это такое? Вы мнѣ горшки разобьете[78])!

Хоръ. Зароемъ каменьями тебя, мерзавецъ!

Digitized by Google

Дикеополидъ. За что жъ, почтенные Ахарняне?

Хоръ. И ты еще спрашиваешь объ этомъ? Ты безстыдный и зловредный человѣкъ; ты, измѣнникъ отечества, заключилъ отдѣльно отъ насъ миръ, и — еще осмѣливаешся прямо смотрѣть на меня?

Дикеополидъ. Вы не знаете, почему я заключилъ миръ: такъ выслушайте!

Хоръ. Намъ тебя слушать? Ты долженъ погибнуть: мы зароемъ тебя каменьями.

Дикеополидъ. Нѣтъ, нѣтъ: сначала, покрайней мѣрѣ, выслушайте меня. Да успокойтесь, добрые мои!

Хоръ. Ни за что: не говори мнѣ ни слова! Я ненавижу тебя еще болѣе, чѣмъ Клеона[79]), котораго когда нибудь изрѣжу на сандаліи всадникамъ. Не стану слушать длинныхъ рѣчей того, кто сдѣлался другомъ Лакедемонянъ: я буду мстить тебѣ.

Дикеополидъ. О добрые мои! Оставьте въ сторонѣ Лакедемонянъ и выслушайте: хорошо ли я заключилъ миръ?

Хоръ. Какъ же ты говоришь еще «хорошо», когда ни съ того ни съ другаго вступилъ въ союзъ съ народомъ, у котораго нѣтъ ни алтаря, ни вѣры, ни клятвы[80])?

Дикеополидъ. По крайней мѣрѣ я знаю, что Лакедемоняне, на которыхъ мы такъ жестоко нападаемъ, виновники не всѣхъ нашихъ бѣдъ.

Хоръ. Не всѣхъ? О! Злодѣй! Ты осмѣливаешься говорить это прямо въ глаза намъ? И послѣ того я буду щадить тебя?

Дикеополидъ. Не всѣхъ! Не всѣхъ! (*Указывая на себя*). И вотъ я, который говорю здѣсь, могъ бы ясно доказать вамъ, что иногда и сами они были обижаемы.

Хоръ. Это ужъ страшная и возмущающая душу рѣчь, если ты дерзнешь говорить намъ въ защиту враговъ!

Digitized by Google

Дикеополидъ. И если я говорю неправду, если мои слова кажутся народу такими же: то я рѣшусь говорить, даже положа (*указывая на свою голову*) вотъ ее на плаху[81]).

Хоръ. Земляки! Ну чтожъ мы жалѣемъ каменьевъ и не разобьемъ этого человѣка до крови?

Дикеополидъ. (*Въ полголоса*). Вотъ опять какой-то черный уголь разгорѣлся въ васъ[82])! (*Громко*). Такъ не будете слушать меня, Ахарнянушки? Не будете?

Хоръ. (*Отвѣчая за народъ*). Да, не будемъ.

Дикеополидъ. (*Про себя*). А трутно мнѣ приходится.

Хоръ. (*Отвѣчая уже за себя*). Пусть погибну, если я буду слушать тебя!

Дикеополидъ. Этого нельзя, любезные Ахарняне!

Хоръ. (*Горячась*). Такъ знай, что ты теперь же умрешь!

Дикеополидъ. (*Про себя*). Ну кольну же я васъ. (*Громко*). Я умерщвлю самыхъ дорогихъ изъ вашихъ друзей. Вѣдь въ моихъ рукахъ ваши заложники: возьму и разсѣку[83]) ихъ!

Хоръ. Скажите, земляки, чѣмъ это онъ грозитъ намъ, Ахарнянамъ, въ этихъ словахъ? Ужъ не заперты ли у него дома наши дѣти? Иначе отъ чего въ немъ такая дерзость?

Дикеополидъ. Бросайте, если хотите! А я разсѣку вотъ этотъ коробъ! Мнѣ тотчасъ видно будетъ, кто изъ васъ дорожитъ сколько нибудь угольями.

Хоръ. Погибли мы! Этотъ коробъ землякъ мой. Нѣтъ, не выполняй своего замысла! Нѣтъ! Ни подъ какимъ видомъ!

Дикеополидъ. Сейчасъ убью! Блажи, сколько хочешь: я слушать не буду!

Хоръ. Вѣдь ты погубишь моего собрата — вотъ этого любезнаго угольщика!

Дикеополидъ. А вы не давно не хотѣли слушать, когда я говорилъ....

Digitized by Google

Хоръ. Ну, теперь говори, если тебѣ угодно, даже о Лакедемонянахъ, когда они такъ дороги твоему сердцу! Только этого коробочка я никогда не выдамъ.

Дикеополидъ. Такъ выкиньте (*т. е. изъ тривоновъ*) сначала каменья на-земь!

Хоръ. (*Бросая*) Вотъ тебѣ: они на землѣ. И ты въ свою очередь сними съ себя мечь!

Дикеополидъ. А вотъ посмотрю еще: не запрятаны ли у васъ каменья-то гдѣ нибудь въ тривонахъ?

Хоръ. Вытрясены на земь. (*Трясутъ тривоны*). Развѣ не видишь, какъ трясу? Ну, отговорки въ сторону, а сними мечь! Вотъ у меня и пазуха размахивается точь въ точь, какъ во время пляски, при поворотѣ съ одной стороны на другую.

Дикеополидъ. А потрясли бы всѣ вы воздухъ крикани! Чуть было не пропали Парнифійскіе[84]) уголья, и пропали бы они отъ глупости своихъ земляковъ! (*Оглядывая себя*). Кузовъ-то, какъ испуганная каракятица, перепачкалъ меня черной пылью[85]). (*Разсуждая самъ съ собой*). Опасно мужчинамъ быть такъ взбалмошными: бросаться каменьями, кричать и ни хотѣть слушать условій въ родѣ предлагаемыхъ мною, когда я готовъ на плахѣ сказать, что говорю за Лакедемонянъ. Между тѣмъ и жизнь дорога мнѣ.

Хоръ. Такъ что жъ ты, дерзкій, вынесъ плаху, а не говоришь, что представляется тебѣ важнымъ? У меня сильная охота узнать, что ты думаешь. Но такъ какъ ты уже самъ себѣ опредѣлилъ наказаніе: то положи сюда плаху и за тѣмъ начинай рѣчь.

Дикеополидъ. Вотъ видите: это — плаха, а человѣкъ, который будетъ говорить, человѣчекъ маленькій[86]). Но не думайте: клянусь Зевсомъ, не закроюсь щитомъ, — скажу за Лакедемонянъ, что мнѣ вздумается. Конечно, я многаго во-

баиваюсь. Я знаю, въ какой неудержимый восторгъ приходятъ эти мужики, если какой нибудь уличный крикунъ[87]) справедливо, или нѣтъ — скажетъ о государствѣ, или объ нихъ самихъ хорошее слово. И здѣсь не замѣчаютъ они, что продаютъ себя. Знаю я и норовъ стариковъ: они смотрятъ только, какъ бы шкнуть кого нибудь камнемъ[88]). Знаю также, что и самъ я вытерпѣлъ отъ Клеона за свою прежнюю комедію[89]). Притащивъ меня въ сенатъ, онъ лгалъ, ябедничалъ, ругалъ и позорилъ меня; такъ что я чуть не погибъ, завязши въ эту грязь. Такъ теперь, (*обращаясь къ старикамъ*) прежде чѣмъ я начну говорить, позвольте мнѣ нарядиться, какъ самому жалкому человѣку.

Хоръ. Что ты это вертишся, хитришъ и придумываешъ разныя отсрочки? По мнѣ возьми хоть у Іеронима[90]) тѣнистую и косматую шапку Аида[91]) и пусти въ ходъ всѣ хитрости Сизифа[92]): этотъ бой не допуститъ никакихъ отговорокъ.

Дикеополидъ. Такъ теперь пора мнѣ вооружиться твердостію духа и сходить къ Еврипиду. (*Подходитъ къ дому и стучится въ дверь*). Слуга! А слуга!

Слуга. Кто это?

Дикеополидъ. Дома ли Еврипидъ?

Слуга. Не дома и дома[93]), какъ съумѣешь понять....

Дикеополидъ. Какъ дома и не дома?

Слуга. Да, старикъ! Духъ его, который извнѣ собираетъ стишки, недома; самъ же онъ дома, сидитъ на верху и пишетъ трагедію[94]).

Дикеополидъ. О, треблаженный Еврипидъ![95]) У него и слуга такъ тонко отвѣчаетъ[96]). (*Обращаясь къ слугѣ*). Вызови самого!

Слуга. Да нельзя.

Digitized by Google

Дикеополидъ. А однако? Вѣдь я не отойду. Буду въ дверь стучаться: Еврипидъ! Еврипидушка! Выслушай меня если ты когда нибудь слушалъ другихъ. Я, Дикеополидъ-Холлидецъ, [97]) зову тебя.

Еврипидъ. *(показываясь).* Да мнѣ недосугъ!

Дикеополидъ. Такъ прикажи сюда выкатить себя [98])!

Еврипидъ. Да нельзя.

Дикеополидъ. Ну — однако?

Еврипидъ. Пожалуй, выкачусь: но внизъ спускаться некогда. *(Выкатываютъ Еврипида).*

Дикеополидъ. Еврипидъ!

Еврипидъ. Что ты горланишъ?

Дикеополидъ. *(понижая голосъ).* Ты забрался наверхъ и работаешъ тамъ надъ тѣмъ, что можно дѣлать внизу [99]): не даромъ ты и создаешъ въ своихъ трагедіяхъ хромыхъ-то [100]). (*Увидѣвъ Еврипида въ изношенной одеждѣ*). Ну, а за чѣмъ у тебя трагическое рубище-то, эта нищенская одежда? Отъ того ты и вводишъ въ нее нищихъ-то?... Но, Еврипидушка, на колѣняхъ умоляю тебя: дай мнѣ какой нибудь лоскутокъ изъ твоей трагедіи [101])! Я долженъ говорить длинную рѣчь [102]) предъ хоромъ, и мнѣ смерть грозитъ, если я дурно скажу ее.

Еврипидъ. Какого-же тебѣ лохмотья? Развѣ того, въ которомъ сражался несчастный старецъ — Эней [103])?

Дикеополидъ. Нѣтъ, не-Энея, а — того, что понесчастнѣе.

Еврипидъ. Такъ рубище слѣпаго Финикіянина?

Дикеополидъ. Не-Финикіянина, нѣтъ! — Былъ еще кто-то понесчастнѣе Финикіянина.

Еврипидъ. Да какого-же, наконецъ, лохмотья проситъ этотъ человѣкъ? Ужъ не объ одеждѣ ли бѣдняка Филоктита говоришъ ты?

Дикеополидъ. Нѣтъ! А — того, кто былъ много, много бѣднѣе этого.

Еврипидъ. Или ты хочешъ грязнаго лахмотья, которое носилъ вотъ-этотъ хромой Веллерофонтъ?

Дикеополидъ. Не Веллерофонтъ: а тотъ, что былъ хромъ, нищъ, болтливъ и мастеръ говорить.

Еврипидъ. Знаю такого мужа: ты говоришъ о Тилефѣ Мисійскомъ?

Дикеополидъ. Именно о Тилефѣ. Умоляю тебя: дай мнѣ его лоскутье!

Еврипидъ. Мальчикъ! Подай ему изорванныя одежды Тилефа. Они лежатъ повыше Θіестовыхъ между лахмотьями Инуса.

Слуга. (*Отдавая костюмъ Тилефа*). На, возьми его!

Дикеополидъ. (*осматривая его*) О Зевсъ! Ты, взоръ котораго проникаетъ всюду [104]) и который печется обо всемъ! Помоги мнѣ одѣться такъ, чтобы я походилъ на самаго жалкаго нищаго. Еврипидъ! Коли ты подарилъ мнѣ эти лоскутья: такъ ужъ дай и остальныя-то принадлежности ихъ — мизійскую шапочку [105]) на голову!

Сегодня нужно мнѣ явиться нищимъ:
И быть, чѣмъ есмь, и не казаться имъ.

Нужно, чтобы, съ одной стороны, зрители знали, кто я; а съ другой—хоръ стариковъ стоялъ безсмысленно, и я могъ подурачить ихъ своими фразами.

Еврипидъ. Дамъ за твои остроумныя выходки.

Дикеополидъ. Да осчастливятъ тебя боги, и да будетъ съ Телефомъ то.... чего я ему желаю! [106]) (*Самъ съ собою*). А славно! Откуда берутся у меня такія фразы? (*Обращаясь къ Еврипиду*). Но мнѣ нужна и дубинка нищаго.

Еврипидъ. Возьми ее и «отступи отъ каменныхъ портиковъ» [107]).

Digitized by Google

Дикеополидъ. О, мое сердце! Ты чувствуешь, какъ меня гонятъ отъ дома? А между тѣмъ мнѣ недостаетъ еще многаго въ нарядѣ. Такъ будь же теперь не отвязчивѣе, кальячь и докучай, о чемъ тебѣ нужно! — Еврипидушка! Дай мнѣ плетяночку съ зажженной свѣчой. [108]).

Еврипидъ. Несчастный! Да зачѣмъ же тебѣ нужна эта плетяночка?

Дикеополидъ. Нужды-то нѣтъ никакой, а все таки хочется имѣть.

Еврипидъ. Вѣдь ты надоѣлъ мнѣ: удались отъ моего «жилища». *(Даетъ ему плетянку).*

Дикеополидъ. Браво! Да сопутствуетъ тебѣ счастье, какъ нѣкогда твоей матери [109])!

Еврипидъ. Теперь оставь меня!

Дикеополидъ. Нѣтъ еще: дай мнѣ только одну чашечку съ отбитымъ краемъ!

Еврипидъ. На! Возьми ее да згинь съ моихъ глазъ! Вѣдь ты и «хоромамъ-то» надоѣлъ!

Дикеополидъ. Клянусь Зевсомъ: ты и самъ еще не знаешь, сколько зла дѣлаешь мнѣ [110]). Ну, любезный мой Еврипидушка, дай мнѣ только вотъ что: горшочекъ съ губкой [111]).

Еврипидъ. Послушай! Ты отнимаешь у меня всю трагедію.... Возьми ее и ступай!

Дикеополидъ. Ухожу! *(Подумавъ немного).* Но что будетъ дѣлать? Мнѣ нужна одна вещь; не пріобрѣти ея, — я погибъ! Послушай, мой любезнѣйшій Еврипидушка! Если я достану ее, тотчасъ же уйду и ужъ больше не буду къ тебѣ. Дай мнѣ въ эту корзиночку тощенькихъ овощныхъ листиковъ! [112]).

Еврипидъ. Ты погубишь меня; *(подумавъ немного даетъ)* вотъ тебѣ! Пропали мои трагедіи!

Digitized by Google

Дикеополидъ. Ну, больше ничего! Я ухожу. Въ самомъ дѣлѣ я чрезчуръ несносенъ: «невоображаю, что цари ненавидятъ меня.» [113]) *(Одумавшись)* Ахъ, несчастный! Какъ есть, погибъ я! Я забылъ то, въ чемъ заключена моя вся судьба. Дражайшій и любезнѣйшій Еврипидушка! Пусть обрушатся на меня самыя страшныя бѣды, если я спрошу у тебя еще чего нибудь, кромѣ одного только, рѣшительно одного: дай мнѣ немножко скандика, [114]) что наслѣдовалъ ты отъ матери!

Еврипидъ. Онъ дерзости говоритъ: *(обращаясь къ слугѣ)* запри двери дома!

Дикеополидъ. *(Одинъ)*. Экая досада! Приходится уйти безъ скандика. *(Обращаясь къ самому себѣ)*. Знаешъ ли, въ какую борьбу вступаешь ты, рѣшаясь говорить за Лакедемонянъ? Теперь впередъ мое сердце! А вотъ и барьеръ! Что же ты останавливаешься? Нейдешъ? Развѣ ты ненасытилось Еврипидомъ! *(Помолчавъ и ободрившись)*. Хвалю тебя! Ну же, мое бѣдное сердце, иди туда! Клади тамъ (т. е. *на плаху)* свою голову и говори все, что тебѣ вздумается. Дерзай! Иди! Выступай! Я въ восторгѣ отъ своего сердца! [115]) *(Подходитъ къ концу сцены)*.

Хоръ. Что ты затѣваешъ, что ты хочешъ говорить? Такъ знай же, что ты безстыдный и упорный человѣкъ, если, и протянувши шею на плаху, рѣшаешся говорить одинъ противъ всѣхъ.

Второй полухоръ. Этотъ мужъ безтрепетно приступаетъ къ дѣлу. Ну, говори же: вѣдь ты самъ избралъ это!

Дикеополидъ. Не сердитесь на меня, зрители, если я бѣднякъ, въ комедіи, да еще между Аѳинянами, буду говорить о

дѣлахъ государственныхъ [116]). Вѣдь и комедіи знакома правда! Конечно, слова мои будутъ горьки; тѣмъ не менѣе справедливы. Теперь, по крайнѣй мѣрѣ, Клеонъ не обвинитъ меня, что худо отзываюсь о городѣ въ присутствіи чужестранцевъ; потому что мы одни, игры идутъ у насъ въ Линеѣ [117]), и иностранцевъ здѣсь нѣтъ: ни данники, ни союзники изъ городовъ еще не приходили. Теперь мы одни, чистые отъ плевелъ. Плевелами городовъ я называю метиковъ [118]).

Слова нѣтъ — я ненавижу Лакедемонянъ страшно. О! Если бы чтимый въ Тинарѣ [119]) Посидонъ произвелъ землетрясеніе и разрушилъ у нихъ всѣ дома [120])! И у меня они повырубили виноградники! Но за чѣмъ мы (*я буду откровенъ; потому что всѣ слушатели — друзья мои*) винимъ въ этомъ Лакедемонянъ? Нѣкоторые изъ насъ (*я говорю не обо всемъ народѣ, помните: не обо всемъ*), людишки негодные, безнравственные, безчестные и фальшивые, отребіе гражданъ, не разъ ябедничали на Мегарянъ, будто они ввозятъ контрабанду, [121]) и если замѣчали гдѣ нибудь тыкву, или зайчика, или поросенка, или грызенъ чесноку, или крупинку соли [122]): «это Мегарское» — говорили и, схвативъ вещь, тотчасъ же продавали ее. Но пусть это еще мелочь и домашней дѣло! А вотъ есть молодцы, которые, подкутивши на пирушкѣ, при уходѣ изъ Мегары, крадутъ камелію Симеву [123]). Раздраженные Мегаряне храбрятся, какъ накормленные чеснокомъ пѣтухи, и, въ свою очередь, похищаютъ двухъ подругъ Аспазіи [124]). Отсюда-то, изъ за трехъ развратницъ, и начала разгораться война по всей Греціи [125]). Этотъ Олимпіецъ [126]) Периклъ заблисталъ гнѣвомъ, загремѣлъ, взволновалъ всю Элладу и обнародовалъ, написанные на подобіе схолій, [127]) законы. Въ силу этихъ законовъ Мегарянамъ нельзя было оставаться ни въ этой странѣ, ни на рынкѣ, ни на морѣ, ни на сушѣ. Тутъ-то, уже чувствительно про-

гладавшись, Мегаряне обратились къ Лакедемонянамъ съ просьбой: оказать имъ содѣйствіе въ измѣненіи, состоявшагося изъ-за развратницъ, опредѣленія. Но какъ ни часто эти просили насъ: мы и смотрѣть не хотѣли на ихъ просьбы. Отсюда-то уже шумъ оружія [128]). Но «не должно было дѣлать этого,» скажетъ кто нибудь? «Такъ скажите, что же должно?» [129]) Ну, если бы какой нибудь Лакедемонянинъ, отправившись на кораблѣ, утащилъ обманомъ съ острова Серифа [130]) собаченку и сталъ продавать ее, — усидѣли ль бы вы дома? Конечно, нѣтъ! Напротивъ вы тотчасъ спустили бы триста кораблей [131]); въ городѣ поднялся бы шумъ солдатъ, споры объ избраніи тріарховъ [132]), крики при раздачѣ жалованья [133]) и позлащеніи статуй Паллады [134]); народъ столпился бы въ портикѣ, началось бы отмѣриванье хлѣба; — кожанные мѣха, весельные ремни, покупатели урнъ, чеснокъ, оливкое масло, лукъ въ сѣточкахъ, вѣнки, сардинки, маркитанши, рабочіе съ мозолями на рукахъ, загрузили бы городъ; верфь опять покрылась бы годными для выдѣлки веселъ деревьями, звѣнящими гвоздями, прикрѣпленными къ суднамъ веслами, походными флейточками, свирѣлями и свистками [135]). Знаю, что вы это сдѣлали бы: «но мы думаемъ, что Тилефъ не сдѣлалъ бы того же?» [136]) Такъ ума въ насъ нѣтъ! *(Здѣсь хоръ раздѣляется на двѣ стороны).*

Первый полухоръ. Такъ-то ты негодяй и развратникъ! Ты, нищій, осмѣливаешся противъ насъ такъ говорить и позорить насъ, какъ будто здѣсь есть сутяги?

Второй полухоръ. Клянусь Посидономъ: все, что ни говоритъ онъ, говоритъ справедливо и безъ всякой лжи!

Первый полухоръ. Пусть такъ: да его ли это дѣло? Нѣтъ! Онъ не дерзнетъ безнаказанно говорить такъ. *(Одинъ выбѣгаетъ изъ толпы, чтобы ударить Дикеополита).*

Второй полухоръ. Эй ты, куда бѣжишъ? Остановись!

Digitized by Google

(Бѣгущій замахивается на Дикеополита). Такъ если ты ударишь этого мужа, самъ сію же минуту погибнешь. *(Эта угроза останавливаетъ дерзкаго).*

Первый полухоръ. О, Ламахъ молніеносныя очи! Явись сюда! О, Горгоносецъ [137])! Помоги мнѣ! О, Ламахъ, другъ и единоплеменникъ мой! Нѣтъ ли здѣсь кого нибудь изъ военачальниковъ или осадныхъ инженеровъ: поспѣшите ко мнѣ на помощь! Меня одолѣваютъ!

Ламахъ. *(вбѣгая на сцену).* Откуда мнѣ послышался воинскій крикъ? Кому нужна помощь? Гдѣ нужно произвести суматоху? Кто заставляетъ меня вынуть Горгону [138]) изъ футляра?

Дикеополидъ. О, Ламахъ, — герой страшный своими нарядами и отрядами!

Первый полухоръ. Ламахъ! Долголь еще этотъ человѣкъ станетъ поносить весь городъ нашъ?

Ламахъ. Ей ты, нищій? Какъ ты смѣешь говорить такія вещи?

Дикеополидъ. О, Ламахъ.... герой! Ну, прости, если я, нищій, сказалъ что нибудь, или поболталъ о кой-какихъ пустячкахъ!

Ламахъ. Что ты говорилъ противъ насъ? Сказывай!

Дикеополидъ. Я ужь и не помню. Отъ страха оружія у меня голову кружитъ. (*Указывая на щитъ Ламаха*). Умоляю тебя: скрой отъ меня это пугало!

Ламахъ (*скрывая щитъ*). На!

Дикеополидъ. Ну, положи его сюда — позади меня!

Ламахъ. Лежитъ.

Дикеополидъ. Теперь уступи мнѣ султанъ отъ своего шлема!

Ламахъ. Вотъ тебѣ перо!

Digitized by Google

Дикеополидъ. Ну, подержи за голову: чтобы вырвало меня; потому что султаны возбуждаютъ во мнѣ тошноту*).

Ламахъ. Ей! Что ты хочешь дѣлать? Ты собираешся возбудить въ себѣ этимъ перомъ позывъ къ рвотѣ?

Дикеополидъ. Такъ это перо? Скажи мнѣ: отъ какой же оно птицы? Не отъ хвастуна-ли павлина?[139])

Ламахъ. Ей! Вотъ сейчасъ тебѣ смерть!

Дикеополидъ. Ну, ужь нѣтъ, Ламахъ! Это дѣло не силой рѣшается. А если ты силенъ: такъ отъ чего не скопилъ меня?[140]) Вѣдь сабля твоя остра!

Ламахъ. Ты, нищій, о полководцѣ говоришъ такъ?

Дикеополидъ. Такъ я нищій?

Ламахъ. А кто жъ ты?

Дикеополидъ. Кто я? Я честный гражданинъ; я не проныра и сражаюсь за отечество съ тѣхъ поръ, какъ началась война. А ты — такъ вождь наемникъ съ самаго ея начала.

Ламахъ. Меня избрали голосами....

Дикеополидъ. Три кукушки.[141]) Гнушаясь этимъ-то, я и закончилъ миръ; потому что въ рядахъ арміи я только видѣлъ посѣдѣлыхъ стариковъ. Молодежъ же, подобная тебѣ, бѣжала отъ труда: одинъ въ родѣ Тизаменофенипповъ и Панургиппархидовъ во Ѳракію съ ежедневнымъ жалованьемъ въ три драхмы, другіе къ Хариту, иные — Геритоѳеодоры и Діоміалазоны[142]) — къ Хаонамъ[143]), остальные же въ Камерину, Гелу и Катагелу[144]).

Ламахъ. Они были избраны народомъ.

Дикеополидъ. А что за причина, что вы всегда какъ-то получаете жалованье, а вотъ изъ этихъ (*указывая на стариковъ*) никто? Ну, спросимъ: вотъ ты, Мариладъ, уже сѣдъ, а

*) Чтобы больше съѣсть, Греки принимали предъ обѣдомъ рвотное и, между прочимъ, возбуждали въ себѣ тошноту посредствомъ щекотанья перомъ въ горлѣ.

Digitized by Google

былъ когда нибудь посломъ, или нѣтъ? Онъ отказывается. А вѣдь онъ уменъ и трудолюбивъ. А что, Дракиллъ, Евфоридъ, или Принидъ[145]): знаетъ ли кто изъ васъ Эвватану, или Хаоновъ? И эти говорятъ: нѣтъ. А вотъ потомокъ Кисиры[146]) да Ламахъ, — которымъ недавно какъ-то за недоставку подати и неуплату долговъ[147]) всѣ пріятели, выливающіе за окно воду послѣ омытія ногъ, говорили «посторонись,» — знаютъ эти города!

Ламахъ. О, чернь необузданная! Ну, можноли снести это?

Дикеополидъ. Разумѣется нѣтъ, если Ламахъ не получитъ жалованья.

Ламахъ. И такъ я пойду противъ Пелопоннисцевъ войною и буду всячески, на сколько станетъ моихъ силъ, тревожить ихъ и на сушѣ, и на морѣ.

Дикеополидъ. А я такъ объявляю всѣмъ Пелопоннисцамъ, Мегарянамъ и Віотійцамъ: пусть они покупаютъ и продаютъ на моемъ рынкѣ. Ламаху же.... ничего не будетъ!

Хоръ (*оставшись одинъ*). Этотъ мужъ побѣждаетъ насъ силою своего слова и измѣняетъ мысли народа въ пользу мира Но вооружимся[148]) анапестами и выступимъ!

Предводитель хора[149]). Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ поэтъ обратилъ вниманіе на комическіе хоры, онъ не показывался еще на театрѣ, чтобы говорить, какъ онъ искусенъ. Теперь же, когда враги клевещутъ на него предъ легкомысленными Аѳинянами, будто онъ осмѣиваетъ государство и оскорбляетъ народъ, онъ обязанъ дать отвѣтъ непостояннымъ Аѳинянамъ. А поэтъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ для васъ много добра, что, по его старанію, вы уже не позволите себѣ ни легко обмануться словами иноземцевъ, ни увлечься льстецами, ни сдѣлаться зѣваками въ дѣлахъ государства. До того же времени, если послы какихъ нибудь городовъ хотѣли васъ обмануть, то прежде всего называли васъ «увѣнчанные фіал-

ками» [150]); и послѣ того, какъ кто нибудь изъ нихъ произносилъ это, вы тотчасъ при словѣ «вѣнцы» самодовольно опускались на свои сидѣльца [151]). За тѣмъ, если какой нибудь льстецъ говорилъ вамъ «блестящіе и жирные Аѳины [152]),» то за одно это слово «жирные», которымъ онъ приправлялъ васъ, какъ сельдей, вы давали ему все, чего хотѣлъ онъ. Оказавши такія услуги и показавъ союзникамъ, въ чемъ состоитъ народодержавіе, поэтъ является виновникомъ безчисленныхъ благодѣяній для васъ. Поэтому послы союзныхъ государствъ, являющіеся къ намъ съ данью, теперь будутъ приходить сюда, изъ желанія посмотрѣть на этого знаменитѣйшаго поэта, который не побоялся сказать Аѳинянамъ слово правды. А молва объ его смѣлости идетъ уже очень далеко: самъ царь, допытывая Лакедемонскихъ пословъ, послѣ перваго вопроса о томъ, кто владычествуетъ на морѣ, тотчасъ же спросилъ ихъ объ этомъ поэтѣ — «кому изъ Грековъ онъ говоритъ такъ много ѣдкаго» — и замѣтилъ при этомъ, что народъ, имѣющій такого совѣтника, быстро возвысится и далеко превзойдетъ въ войнѣ другіе народы. Отъ того-то Лакедемоняне, предлагая вамъ миръ и требуютъ себѣ Эгины [153]), конечно не потому, чтобы они дорого цѣнили этотъ островъ, а чтобы похитить у васъ этого поэта [154]). Но вы не выпускайте его ни подъ какимъ видомъ; потому что въ своихъ комедіяхъ онъ будетъ говорить правду и, какъ увѣряетъ, научитъ васъ многому хорошему для вашего благополучія, — научитъ безъ лести, безъ подкупа, безъ обмана и хитрости, безъ пышныхъ обѣщаній, но предлагая то, что есть лучшаго.

Поэтому пусть Клеонъ ухищряется и строитъ противъ меня все, что ему угодно! Честность и справедливость останутся моими союзницами, а въ отношеніи государства меня никогда не уличатъ, какъ его, къ трусости и развратѣ.

Первый полухоръ [155]). Приди сюда, о муза свѣтлая, пламенная, огненная, крѣпкая, какъ Ахарнянская поселянка!

Какъ отъ раздуваемыхъ порывистымъ вѣтромъ дубовыхъ угольевъ быстро летятъ горящія искры, въ то время, какъ одни ставятъ на нихъ рыбу, другіе взбалтываютъ Ѳасійскій разсолъ, а третьи мѣсятъ тѣсто: такъ и ты, муза, дай мнѣ, земляку твоему, пламенную и звучную сельскую пѣснь.

Предводитель хора[156]). Мы, дряхлые старики, обвиняемъ согражданъ: «вы-молъ, кормите насъ на старости лѣтъ не по заслугамъ, какія оказали мы въ морскихъ битвахъ[157]).» Терпимъ же мы страшно. Втянувъ насъ—стариковъ въ тяжбы, вы позволяете молокососамъ риторамъ смѣяться надъ нами, теперь ничего не значущими, тупыми и хриплыми, у которыхъ одинъ надежный Посидонъ — палка. Бормоча отъ старости, мы стоимъ у каменной каѳедры и не видимъ ничего, кромѣ распростертаго надъ правосудіемъ мрака. Противникъ же нашъ, постаравшись привлечь на свою сторону этого молокососа, быстро рубитъ и запутываетъ насъ своими округленными фразами. Вытащивъ на средину, онъ закидываетъ вопросами и ловитъ насъ своими рѣчами, какъ ловушкой, терзаетъ, сбиваетъ съ толку и смущаетъ стараго Тиѳона. А этотъ мямлитъ отъ старости и уходитъ, приговоренный къ штрафу. Тутъ онъ ропщетъ, льетъ слезы и говоритъ друзьямъ: «что мнѣ нужно было на покупку гроба, и то проигралъ въ тяжбѣ. Вотъ съ какимъ барышомъ ухожу я!»

Второй полухоръ. Что жъ это за правда? Сгубить у Клепсидры[158]) посѣдѣлаго старика, перенесшаго столько трудовъ съ своими товарищами, отершаго такъ много горячаго и мужественнаго поту и явившаго столько доблести на Мараѳонѣ въ битвѣ за свое государство! Да! Когда были мы на Мараѳонѣ, мы гнали; а теперь злые люди насъ гонятъ и еще ловятъ! Что-то скажетъ вотъ на это Марпсій?[160])

Предводитель хора. Какая же это правда: гибнетъ мужъ, сгорбившійся подъ бременемъ старости, какъ, напримѣръ,

Digitized by Google

Ѳукидидъ [161]), — гибнетъ, будто заблудившись въ Скиѳской пустынѣ, изъ за этого площаднаго болтуна, Кифисодима? [162]) Жалко мнѣ было, и я отеръ слезу, когда увидѣлъ, какъ стрѣлецъ напугалъ этого старика. А вѣдь когда этотъ старикъ былъ настоящимъ Ѳукидидомъ, клянусь Димитрой, онъ не вдругъ уступилъ бы самой Ахеи [163]); тогда одолѣлъ бы онъ десятокъ Эваѳловъ [164]), смѣло перекричалъ бы три тысячи стрѣльцовъ и перебилъ бы отцевскую родню его (т. е. стрѣльца). Но если уже вы не даете намъ, старикамъ, заснуть спокойно: такъ рѣшите, чтобы наши тяжбы велись отдѣльно, чтобы противъ старика и адвокатомъ былъ старикъ беззубый, а противъ молодыхъ — развратникъ, болтунъ и сынъ Клинія [165]). И на будущее время, въ случаѣ виновности, пусть старикъ старика, а молодой молодаго и вызываетъ къ суду, и наказываетъ!

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Дикеополидъ. Мегарянинъ. Двѣ его дочери. Сикофантъ. Хоръ.

Дикеополидъ (*одинъ*). Вотъ границы моего рынка! Здѣсь позволяется торговать всѣмъ Пелопоннисцамъ, Мегарянамъ и Віотійцамъ съ условіемъ, чтобы они мнѣ продавали, а Ламаху нѣтъ. Надзорщиками же за торгующими я назначаю троихъ по жребію: это—три Лепреатскихъ ремня [166]). Ни одинъ сутяга, ни одинъ Фасіанецъ [167]) не долженъ входить сюда. А я пойду за колонной, на которой начертены условія заключеннаго мною мира, и поставлю ее публично на площади. (*Входитъ Мегарянинъ съ двумя дочерями*).

Мегарянинъ. Здраствуй, любезная Мегарянамъ площадь Аѳинская! Клянусь Зевсомъ, покровителемъ дружбы, что я любилъ тебя, какъ свою мать. Ну, вы, злосчастныя дочьки

несчастнаго отца! Ступайте къ хлѣбу, если гдѣ найдете его. Но повернитесь ко мнѣ брюхомъ [168]) и выслушайте: чего изъ двухъ хотите вы — быть проданными, или мучиться отъ жестокаго голода?

Дочери. Продай, продай насъ!

Мегарянинъ. Я и самъ тоже думаю. Но какой же дуракъ, къ явному убытку для себя, купитъ васъ? Да, постой, у меня есть кой-какая Мегарская снаровка: я наряжу васъ по поросячьи и буду говорить, что поросятъ несу. Надѣньте вотъ эти поросячьи копытца, да старайтесь показаться, что вы отъ хорошей свиньи. Смотрите: если воротитесь домой, клянусь Эрмесомъ, натерпитесь величайшаго голода со всѣми его ужасами. Ну, надѣвайте вотъ и эти свиневьи рыльца и полезайте вотъ такъ въ мѣшокъ! (*Сажаетъ дочерей въ мѣшокъ*). Да смотрите, крюхайте, визжите и кричите, какъ жертвенные поросята [169]). А я кликну Дикеополида: гдѣ онъ? Дикеополидъ! Хочешь ли купить поросятъ?

Дикеополидъ. (*Показываясь на площади*). Эй, Мегарянинъ! Что?

Мегарянинъ. Мы пришли торговать.

Дикеополидъ. Какъ поживаете?

Мегарянинъ. Постоянно голодуемъ [170]), сидя у очага.

Дикеополидъ. Ну, сидѣть у очага, ей Богу, пріятно, если при этомъ и музыка есть [171]). А что еще вы, Мегаряне, теперь подѣлываете?

Мегарянинъ. Да вотъ что: когда я отправлялся оттуда на базаръ, такъ народные провулы хлопотали въ городѣ о томъ, какъ бы скорѣе и ужаснѣе погубить насъ.

Дикеополидъ. Значитъ, васъ вдругъ освободятъ отъ бѣдъ и заботъ?

Мегарянинъ. Конечно.

Digitized by Google

Дикеополидъ. А что еще въ Мегарѣ? Какъ хлѣбъ продается?

Мегарянинъ. Онъ у насъ въ такой же цѣнѣ и чести, какъ боги.

Дикеополидъ. Такъ ты соль несешъ?

Мегарянинъ. Да не вы ли владѣете ею?[172])

Дикеополидъ. Такъ не чеснокъ ли?

Мегарянинъ. Какой чеснокъ! Всегда, когда вы вторгаетесь въ наши поля, вы, какъ деревенскія мыши, выкапываете головки его клинками.

Дикеополидъ. Что же ты несешъ?

Мегарянинъ. Я? Жертвенныхъ поросятъ.

Дикеополидъ. Кстати: покажи!

Мегарянинъ. (*Развязывая мѣшокъ*). А какъ они хороши! Вытащи, если хочешъ! (*Дикеополидъ вытаскиваетъ изъ мѣшка одну изъ дочерей Мегарянина, который, указывая на нее, говоритъ*). Смотри, какъ этотъ жиренъ и красивъ!

Дикеополидъ. (*Осматривая*). Что это такое?[173])

Мегарянинъ. Поросенокъ: ей, ей.

Дикеополидъ. Что ты говоришъ? Чей это поросенокъ?

Мегарянинъ. Мегарскій. Что? Развѣ не поросенокъ?[174])

Дикеополидъ. (*Продолжая разсматривать*). Кажется не то.

Мегарянинъ. (*Обращаясь къ зрителямъ*). Не странно ли? Смотрите, какъ недовѣрчивъ этотъ человѣкъ: говоритъ, что это не поросенокъ! Ну, да когда хочешъ, побьемся объ закладъ о стертой съ ѳиміамомъ соли, если, по взгляду Грековъ, это не поросенокъ[175])!

Дикеополидъ. Ну, по крайней мѣрѣ, онъ—хозяйскаго завода.

Мегарянинъ. Да! Клянусь Діокломъ,[176]): моего соб-

Digitized by Google

ственнаго. А ты думаешь: чьего?... Не хочешь ли послушать ихъ голосокъ?

Дикеополидъ. Да, хочу!

Мегарянинъ. Ну, поросеночекъ, хрюкай скорѣй! Не молчать же, негодный! Клянусь Эрмесомъ: опять снесу домой!

Дочь. Хрю, хрю!

Мегарянинъ. Это ли не поросенокъ?

Дикеополидъ. Теперь-то кажется, что поросенокъ. Однако если выкормить его, то будетъ свиньей [177])....

Мегарянинъ. Въ пять лѣтъ, будь увѣренъ, онъ [178]) сравняется съ своей матерью.

Дикеополидъ. А въ жертву онъ негодится [179]).

Мегарянинъ. Что такъ? Отъ чего же негодится?

Дикеополидъ. Хвоста нѣтъ.

Мегарянинъ. Отъ того, что молодъ; а подростетъ, такъ у него будетъ большой, толстый и красный. Если же ты хочешь откармливать его, такъ это славный для тебя поросенокъ!

Дикеополидъ. Какъ родня этотъ поросенокъ тому?

Мегарянинъ. Отъ одной матери и отъ одного отца. Ну, если онъ потолстѣетъ и пообростетъ щетиною, такъ будетъ отличной жертвой Афротидѣ.

Дикеополидъ. Да Афротидѣ не приносятъ въ жертву поросенка [180])!

Мегарянинъ. Афротидѣ не приносятъ поросенка? Именно ей-то одной изъ всѣхъ божествъ и приносятъ! И мясо этихъ поросятъ чрезвычайно пріятно, когда его сажаютъ на рожонъ [181]).

Дикеополидъ. А уже ѣдали они безъ матери?

Мегарянинъ. Да, клянусь Посидономъ: даже и безъ отца.

Дикеополидъ. А что они особенно любятъ?

Мегарянинъ. Все, что ни дай: да спроси самъ!

Дикеополидъ. Поросенокъ! А, поросенокъ!

Дочь. Хрю, хрю!

Дикеополидъ. Поѣлъ бы ты гороху[182])?

Дочь. Хрю, хрю, хрю!

Дикеополидъ. Что же? А смоквы?

Дочь. Хрю, хрю!

Дикеополидъ. Какъ пронзительно хрюкаете вы при словѣ «смоква». Принесите-ко кто нибудь этимъ поросятамъ смоквъ-то! (*Подавая имъ смоквы*). Да станутъ ли они ѣсть-то ихъ? Э! Э! Досточтимый Ираклъ! Какъ они чавкаютъ! Откуда эти поросята? Какъ кажется,—изъ обжорнаго[183])? Однако не можетъ быть, чтобы они съѣли всѣ смоквы?

Мегарянинъ. (*Взявъ у дочерей одну смокву*). Развѣ потому только, что одну изъ нихъ, вотъ эту, я отнялъ.

Дикеополидъ. (*Осматривая дочерей*). Ей, ей! Это-пригожая скотина! А за сколько ты продашь мнѣ этихъ поросятъ? Ну!

Мегарянинъ. Одного, за вязанку луку; а другаго, если хочешь, за одну мѣрку соли[184]).

Дикеополидъ. Я куплю у тебя. Подожди здѣсь! (*Дикеополидъ уходитъ*).

Мегарянинъ. Ну и ладно! Эрмесъ, покровитель торговли! Помоги мнѣ также удачно продать свою жену и мать!

(*Входитъ Сикофантъ*).

Сикофантъ.[185]) Эй, откуда ты?

Мегарянинъ. Я изъ Мегары, продавецъ поросятъ[186]).

Сикофантъ. Такъ я и на поросятъ, и на тебя донесу, какъ на враговъ.

Мегарянинъ. Вотъ оно! Опять начинается тоже, изъ-за чего вышли всѣ наши бѣды!

Сикофантъ. Взвоешь у меня, картавый Мегарянинъ! Сбрось съ себя мѣшокъ!

Digitized by Google

Мегарянинъ. Дикеополидъ! А Дикеополидъ! На меня доносятъ....

(Входитъ Дикеополидъ).

Дикеополидъ. Кто на тебя доноситъ? И вы, агораномы (*рыночные надсмотрщики*), не выгоните вонъ этихъ ябедниковъ! (*Обращаясь къ Сикофанту*). Откуда это пришло въ голову тебѣ свѣтить[187]) безъ свѣтильни?

Сикофантъ. Такъ мнѣ на враговъ не доносить?

Дикеополидъ. Ну, наплачешься ты, если не ускользнешь отсюда для ябедъ въ другое мѣсто.

Мегарянинъ. Что-это за бѣдствіе въ Аѳинахъ[188])!

Дикеополидъ. Не бойся Мегарянинъ! Ну, получай по цѣнѣ, за которую продалъ поросятъ: вотъ тебѣ лукъ, соль, и будь здоровъ на многіе годы!

Мегарянинъ. Да у насъ не въ обычаѣ быть здоровымъ[189])!

Дикеополидъ. Такъ пусть за мою опрометчивость это пожеланіе обратится на мою голову!

Мегарянинъ. (*Отдавая дочерей*). Ну, поросятки, теперь, когда у васъ нѣтъ отца, попробуйте почавкать хлѣба съ солью[190]), если только вамъ дадутъ его.

(И тотъ, и другой уходятъ).

Весь хоръ. А право счастливъ этотъ человѣкъ! Замѣтилъ ли ты, куда клонится его замыселъ? Сидя на рынкѣ, онъ зашибетъ себѣ большой барышъ. А вотъ если явится сюда какой нибудь Ктисій[191]), или другой сутяга; такъ наплачутся они, сидя здѣсь. Теперь ни одинъ кулакъ ни въ чемъ не обманетъ тебя; Препидъ не оскорбитъ своимъ безстыдствомъ и Клеонимъ не толкнетъ въ толпѣ. Напротивъ ты спокойно пройдешъ въ своемъ тонкомъ, блестящемъ плащѣ, и Иперболъ не заведетъ ссоры, при встрѣчѣ съ тобой; не столкнутся съ тобой ни вѣчный посѣтитель форума, какъ во-

Digitized by Google

локита, всегда подъ бритву остриженный Кратинъ, ни этотъ плутъ, импровизаторъ поэтъ Артемонъ, изъ-подъ мышекъ котораго пахнетъ, какъ отъ вонючаго козла. Не осмѣютъ тебя на форумѣ, ни негодяй Павзонъ[192]), ни этотъ позоръ Халаргейцевъ[193]), какъ пурпурою покрытый преступленіями, вѣчно дрожащій отъ стужи и болѣе тридцати дней въ мѣсяцъ голодный — Лизистратъ[194]).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Віотіецъ. Дикеополидъ. Никархъ. Хоръ. Слуга. Ламахъ. Герольдъ. Земледѣлецъ. Дружка. Другой Герольдъ. Вѣстникъ.

Віотіецъ. (*Является на рынокъ*). Ираклу вѣдомо, какъ жестоко страдаю я отъ этой мозоли[195]). Исменихъ! Сними, не торопясь, съ меня мяту-то! А вы, Ѳиванскіе трубачи[197]), сколько васъ есть здѣсь, играйте въ собачью волынку[198])!

(Трубачи играютъ около Дикеополидова дома).

Дикеополидъ. Уймете ли вы: клюй васъ воронъ! Долго ли эти шмели не отлетятъ отъ моихъ дверей? Откуда набрались сюда эти жалкіе и хриплые волынщики изъ труппы Херида[199])?

Віотіецъ. А я такъ, клянусь Іолаемъ[200]), очень благодаренъ имъ за это! Отъ самыхъ Ѳивъ они дули мнѣ въ задъ и сдули на земь цвѣты съ моей мяты[201]). Но чужестранецъ! Не хочешь-ли, купи, чего нибудь изъ моей ноши: — цыплятъ, либо кузнечиковъ?

Дикеополидъ. А! Здравствуй, Віотійская птица! Здравствуй, мякинникъ[202])! Что несешь?

Віотіецъ. Да просто все, что только есть хорошаго у Віотійцевъ: душица, мята, циновки, свѣтильни, утки, галки, рябчики, гагары, турухтаны и нырки.

Digitized by Google

Дикеополидъ. Такъ ты, какъ ураганъ, несешься сюда: весь рынокъ покрылся отъ тебя птицами.

Віотіецъ. Кромѣ этого у меня есть гуси, зайцы, лисицы, кроты, ежи, кошки, хорьки, бобры выдры и озерные угри.

Дикеополидъ. Ты, который доставляешь людямъ самые лакомые куски рыбы! Позволь мнѣ поздороваться съ угрями, если они есть у тебя!

Віотіецъ. Старшая изъ пятидесяти Капаидскихъ дѣвъ[203])! Выди и поласкайся къ этому чужестранцу.

Дикеополидъ. О ты, моя милая, издавна страстно любимая мною! Ты, желанная комическимъ хорамъ и любезная Мориху[204]), пришла сюда! Слуги! Вынесьте мнѣ жаровню и мѣхи! Дѣти! Посмотрите на этого прекраснаго угря, котораго, не смотря на все свое желаніе, я едва могъ дождаться чрезъ пять лѣтъ![205]) Поздоровайтесь съ нимъ, дѣтушки! А я достану вамъ угольевъ для этого гостя. (*Обращаясь къ продавцу*). Ну, подавай же ее! (т. е. эту рыбину) (*Взявши угря въ руки*). Сама смерть не въ силахъ раздѣлить меня съ тобой[206]), пока не сварятъ тебя, приправивъ свеклой.

Віотіецъ. А сколько ты заплатишъ мнѣ за нее?

Дикеополидъ. Ты отдашъ мнѣ ее вмѣсто пошлины за рынокъ. Да скажи, не продашъ ли чего нибудь изъ остальнаго-то?

Віотіецъ. (*Указывая на свой товаръ*). Продаю и это все.

Дикеополидъ. Ну, во сколько ты этотъ товаръ цѣнишъ? Или иное понесешь отсюда домой?

Віотіецъ. Да, все, что есть въ Лѳинахъ и чего нѣтъ у Віотійцевъ.

Дикеополидъ. Значитъ, ты купишъ и отправишъ Фалирскихъ сельдей, либо глиняную посуду?

Віотіецъ. Сельдей, либо посуду? Да это тамъ есть; а я понесу то, чего нѣтъ у насъ, но чего здѣсь много.

Digitized by Google

Дикеополидъ. Ахъ, понимаю: ты возьмешъ отсюда сутягу; только увяжи его, какъ горшокъ!

Віотіецъ. *(Иронически).* А ей Богу: мнѣ былъ бы большой барышъ, если бы я увелъ съ собой, эту полную всякой мерзости обезьяну.

Дикеополидъ. А вотъ, кстати, и Никархъ[207]) идетъ сюда съ доносомъ на кого нибудь.

Віотіецъ. Какой онъ карапузикъ!

Дикеополидъ. Но въ немъ все ядъ.

(Входитъ Никархъ).

Никархъ. Чей это товаръ?

Віотіецъ. Мой — изъ Ѳивъ: Зевсъ въ томъ свидѣтель!

Никархъ. Такъ вотъ я донесу на его, какъ на врага.

Віотіецъ. Да чѣмъ оскорбили тебя, что ты начинаешъ войну и битву съ птицами?

Никархъ. Да за одно: я и на тебя еще донесу.

Віотіецъ. Чѣмъ же я обидѣлъ тебя?

Никархъ. Ради тѣхъ, которые стоятъ здѣсь, я скажу тебѣ: ты приносишъ свѣтильни отъ непріятелей.

Дикеополидъ. Такъ ты и на свѣтильни-то доносишъ?

Никархъ. Да иная изъ нихъ, пожалуй, верфь сожжетъ.

Дикеополитъ. Свѣтильня сожжетъ верфь? Э, э! Это какъ?

Никархъ. Какой нибудь Віотіецъ, воткнувши ее въ таракана, зажжетъ и, при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, пустить ее по заливу къ пристани; и если огонь хоть въ одномъ мѣстѣ коснется кораблей: то они тотчасъ вспыхнутъ.

Дикеополитъ. О негодяй! Такъ они вспыхнутъ отъ таракана и свѣтильни? *(Бьетъ Никарха).*

Digitized by Google

Никархъ. Будьте свидѣтелями....

Дикеополидъ. *(Обращаясь къ слугѣ).* Зажми ему ротъ! Да дай мнѣ веревокъ: я поскорѣе скручу его, какъ глиняный горшокъ, чтобы не разбился во время носки.

Хоръ. (*Обращаясь къ Дикеополиду*). Добрый человѣкъ! Свяжи хорошенько товаръ этому чужестранцу, чтобы онъ не разбилъ его на дорогѣ.

Дикеополидъ. Ужъ постараюсь (*начинаетъ связывать Сикофанта, который кричитъ отъ боли*). Эта покупка звенитъ, какъ трескающійся въ огнѣ горшокъ, и ея звукъ крайне ненавистенъ богамъ.

Хоръ. Какое же употребленіе можно будетъ сдѣлать изъ этого горшка?

Дикеополидъ. Онъ будетъ посудиной, на все пригодной:—чашей золъ, сосудомъ ябедъ, фонаремъ для отысканія отвѣтчиковъ предъ судомъ и стаканомъ смѣшенія дѣлъ. [208])

Хоръ. Но какъ согласятся воспользоваться такимъ горшкомъ, который и дома постоянно дребезжитъ такъ?

Дикеополидъ. Онъ крѣпокъ, пріятели; такъ что, если его повѣсить къ верху ногами, онъ и тогда ни за что не разобьется. *(Продолжаетъ связывать Сикофанта).*

Хоръ. Онъ уже хорошо связанъ у тебя.

Дикеополидъ. Я рѣшился скрутить, какъ снопъ [209]) (т. е. задавить его).

Хоръ. *(Віотійцу).* Ну, почтенный чужестранецъ, возьми этого, на все способнаго сутягу, унеси и брось его, гдѣ тебѣ угодно.

Дикеополидъ. Насилу, наконецъ, я связалъ этого негодяя! Віотіецъ! Бери, подымай этотъ горшокъ!

Віотіецъ. (*Своему слугѣ*). Исменихъ! Поди-нагни свое мозолистое плечо! *(кладетъ ему сутягу на плечо).*

Digitized by Google

Дикеополидъ. Да неси его осторожнѣе. Конечно, въ твоей ношѣ не будетъ ничего хорошаго; а все таки неси,— и отъ этого товара выгодаешь что нибудь. Сутяги дадутъ тебѣ счастье. *(Вѣотецъ уходитъ).*

Слуга Ламахъ. *(Подходя къ Дикеополиду).* Дикеополидъ!

Дикеополидъ. Что? За чѣмъ ты зовешь меня?

Слуга. Вотъ за чѣмъ: Ламахъ приказываетъ тебѣ уступить ему къ празднику Хой [210]) нѣсколько дроздовъ за одну, вотъ эту драхму, да Кападскаго угря за три.

Дикеополидъ. Какому это Ламаху хочется угря?

Слуга. Страшному, неутомимому, ловко повертывающему Горгоной, и потряхивающему тремя густыми перьями на шлемѣ.

Дикеополидъ. Клянусь Зевсомъ: нѣтъ! Отдай онъ мнѣ хоть свой мечь, — не продамъ ему. Пусть онъ вмѣсто солонины потряхиваетъ своими хохлами! А если зашумитъ: такъ я кликну агораномовъ. Самъ же я беру вотъ эти покупки и отправляюсь восвояси, «подъятый на крыльяхъ сѣрыхъ и черныхъ дроздовъ.» [211])

Первой полухоръ. Граждане! Вы всѣ видѣли разсудительность и необыкновенную мудрость этого мужа: онъ заключилъ миръ и теперь можетъ закупать все, чѣмъ торговля снабжаетъ насъ, какъ для удобствъ въ домашней жизни, такъ и для удовольствій роскошнаго стола. Всѣ блага сыплются ему сами собой. Никогда я не приму къ себѣ въ домъ бога войны, никогда собесѣдникъ не запоетъ за моимъ столомъ Армодіи [212]); потому что этотъ пьяный наглецъ, напавъ на насъ, жившихъ дотолѣ въ полномъ довольствѣ, надѣлалъ намъ бездну зла: рушилъ, лилъ, билъ и въ то время, какъ мы не разъ приглашали его на пиръ словами: «пей, садись за столъ, бери этотъ кубокъ дружбы,» онъ ближе и ближе пододвигалъ къ

Digitized by Google

виноградникамъ огонь и разбойнически выливалъ наше вино изъ бочекъ. Этотъ-же (т. е. *Дикеополидъ*) напротивъ: идетъ къ обѣду, а между тѣмъ самъ обдумываетъ великіе планы; и вотъ эти перья выбросилъ предъ своими дверями *(т. е. въ знакъ своей веселой и роскошной жизни).*

Второй полухоръ. О миръ, союзникъ прекрасной Киприды и любезныхъ Харитъ! [213]) За чѣмъ ты скрылъ отъ меня свое прекрасное лице? О! Если бы какой нибудь, увѣнчанный цвѣтами Эротъ, какъ вотъ на этой картинѣ, [214]) взялъ — соединилъ меня съ тобою! Или, можетъ быть, ты думаешь, что я никуда негодный старичишка?... Но если бы я овладѣлъ тобой: то, мнѣ кажется, я прибавилъ бы тебѣ еще три удобства: во первыхъ, насадилъ бы длинный рядъ виноградныхъ деревъ; рядомъ же съ ними молодыя фиги; а на третьемъ мѣстѣ кусты молодаго винограду, — все это я старикъ! Наконецъ, окружилъ бы свое помѣстье оливами, чтобы натираться вмѣстѣ съ тобой масломъ въ праздники новолунія.

(Начинается празднество).

Герольдъ. Слушайте, народъ! По обычаю нашихъ отцевъ, пейте вино чарками подъ звуки трубъ; а кто перепьетъ всѣхъ, получитъ мѣхъ Ктисифонта [215]).

Дикеополидъ. [216]) Дѣти! Жены! Развѣ вы не слыхали? Что вы дѣлаете? Отъ чего не слушаете глашатая? Варите, жарьте, поворачивайте, снимайте скорѣй съ вертела зайчину, плетите вѣнки! Эй вертельца сюда: я насажу дроздовъ.

Хоръ. Завидую, любезный, твоей мудрости, а еще больше настоящему твоему пиру.

Дикеополидъ. Что же вы заговорите, когда увидите жареныхъ дроздовъ?

Хоръ. Пожалуй, и то правда!

Дикеополидъ. *(Слугѣ).* Подгреби огня!

Хоръ. Слышалъ ли ты, какъ мастерски онъ распоряжается точно поваръ во время обѣда!

(Входитъ Земледѣлецъ).

Земледѣлецъ. Горе мнѣ бѣдному!

Дикеополидъ. О Ираклъ! Кто это?

Земледѣлецъ. Самый несчастный человѣкъ.

Дикеополидъ. Такъ ступай своей дорогой!

Земледѣлецъ. Любезнѣйшій! Только у одного тебя и есть «миръ». Такъ удѣли мнѣ его нѣсколько: хоть лѣтъ на пять!

Дикеополидъ. А что за несчастіе у тебя?

Земледѣлецъ. Пропалъ я: потерялъ двухъ воловъ.

Дикеополидъ. Какъ такъ?

Земледѣлецъ. Віотійцы увели изъ Филы. [217])

Дикеополидъ. О, «пренесчастный!» И ты еще безъ траура?

Земледѣлецъ. Отъ этихъ воловъ, клянусь Зевсомъ, я кормился совершенно безбѣдно (соб. всякимъ навозомъ).

Дикеополидъ. Ну, что жъ тебѣ теперь нужно?

Земледѣлецъ. Отъ слезъ объ этихъ волахъ я потерялъ зрѣніе. Такъ если ты сколько нибудь заботишся о Деркетѣ Филасійскомъ: [218]) то вылечи поскорѣе мнѣ глаза миромъ.

Дикеополидъ. Да горемыка ты этакій: я не публичный врачъ! [219])

Земледѣлецъ. Ну, пожалуста вылечи: можетъ статься, я воловъ отыщу.

Дикеополидъ. Нельзя! Плакать же ступай къ ученикамъ Питтала. [220])

Земледѣлецъ. Да влей же мнѣ хотя капельку мира въ эту соломинку!

Дикеополидъ. Ни полкапельки! Ступай, плачь, гдѣ хочешь!

Digitized by Google

Земледѣлецъ. *(Уходя)*. О, я несчастный: безъ обоихъ рабочихъ воловъ!

Хоръ. Миръ доставилъ этому человѣку столько удовольствій, и онъ, кажется, не хочетъ ни съ кѣмъ подѣлиться ими.

Дикеополидъ. (*Громко*). Полей на эти потроха меду да поджарь каракатицу. [221])

Хоръ. Слышали его крикъ?

Дикеополидъ. *(Еще громче)*.Жарьте угрей. [222])

Хоръ. Ты уморишъ меня голодомъ, а сосѣдей — дымомъ и шумомъ, крича такъ!

Дикеополидъ. Жарьте, чтобы зарумянѣли хорошенько!

Дружка. Дикеополидъ! А, Дикеополидъ!

Дикеополидъ. Кто это?

Дружка. Одинъ молодой посылаетъ тебѣ говядины съ свадебнаго пира.

Дикеополидъ. Хорошо дѣлаетъ, кто бы онъ ни былъ.

Дружка. Да проситъ тебя налить ему за говядину одинъ алебастровый бокалъ мира, чтобы не ходить на войну, а проводить медовый мѣсяцъ съ женою дома.

Дикеополидъ. Уноси, уноси говядину: не нужно мнѣ! Дай хоть тысячу драхмъ, не могу отлить! — А это что за женщина?

Дружка. Это сваха; хочетъ шепнуть тебѣ что-то на ухо отъ имени новобрачной.

Дикеополидъ. Ну, посмотримъ, что ты скажешь? *(Сваха шепчетъ Дикеополиду на ухо; выслушавъ ее, онъ продолжаетъ)*. О Боже! Какъ смѣшна просьба этой новобрачной! Она униженно проситъ, чтобъ я оставилъ мужа ея дома. [223]) Подай сюда миръ: я дамъ ей одной; потому что она жена и не должна терпѣть отъ войны. Сваха! Поди сюда, подставь кувшинъ! Знаешь ли, какъ пользоваться имъ? Скажи новобрачной, чтобы, когда объявятъ рекрутскій наборъ, она вы-

Digitized by Google

мазала ногью вотъ эти члены (*указываетъ на ихъ*) своего мужа. Бери же этотъ миръ! — (*Обращаясь къ слугѣ*). Кружку вина сюда! Я возьму, налью его въ эти стаканы.

Хоръ. А вотъ кто-то спѣшитъ сюда, нахмуривъ брови, какъ будто что-то ужасное хочетъ возвѣстить намъ.

Герольдъ. Труды, битвы и Ламахи! [224])

Ламахъ. Кто это шумитъ около блестящаго мѣдными украшеніями жилища? [225])

Герольдъ. Стратиги приказываютъ тебѣ взять «наряди и отряды» и сегодняже отправиться для охраненія входовъ; потому что снѣгъ выпадаетъ. Кто-то, подъ самый праздникъ Хой и Хитръ [226]), извѣстилъ ихъ о вторженіи разбойниковъ Віотійцевъ въ наши поля.

Ламахъ. О стратиги! Чѣмъ васъ больше, тѣмъ вы хуже! Не ужасно ли это — лишить меня возможности попировать на праздникѣ!

Дикеополидъ. О! Войно-ламахическое войско! [227])

Ламахъ. Чортъ возьми! Ты уже надо мной смѣешься?

Дикеополидъ. Хочешъ ли сразиться съ четырех-перымъ Гиріономъ? [228])

Ламахъ. Ой! Ой! Ой! Какую вѣсть принесъ мнѣ посолъ!

Дикеополидъ. Ой! Ой! Какую-то мнѣ несетъ тотъ, что бѣжитъ сюда.

Посолъ. Дикеополидъ!

Дикеополидъ. Что?

Посолъ. Ступай скорѣе на ужинъ, да захвати съ собою корзинку и кубокъ [229]). Жрецъ Діониса приглашаетъ тебя [230]). Ну, проворнѣй! Остановка въ ужинѣ давно изъ за одного тебя. Все же остальное готово: кровати, столы, головныя подушки, одѣяла, вѣнки, благовонное масло, дессертъ. Красавицы также тамъ; пирожное, лепешки, сесамскіе пирож-

Digitized by Google

ки, блины, хорошенькія танцовщицы и всѣ утѣхи Аримодіи [231]) тоже. Ну, немѣнкай!... Иди!

Ламахъ. Несчастный я!

Дикеополидъ. И отъ того, что разукрасилъ мечъ изображеніемъ великой Горгоны. *(Обращаясь къ слугѣ).* Запереть дверь и готовить ужинъ!

Ламахъ. Слуга! Эй слуга! Вынеси мнѣ сюда ранецъ!

Дикеополидъ. Слуга! Эй, Слуга! Вынеси мнѣ сюда корзину!

Ламахъ. Слуга! Принеси стертой съ ониміамомъ соли и луку! [232])

Дикеополидъ. А мнѣ рыбы; я терпѣть не могу луку!

Ламахъ. Слуга! Принеси сюда кусокъ обернутой листомъ тухлой солонины!

Дикеополидъ. А мнѣ кусокъ жиру; я тамъ изжарю его.

Ламахъ. Подай сюда два пера, что отъ шлема.

Дикеополидъ. А мнѣ такъ подай голубей да дроздовъ.

Ламахъ. *(Любуясь перьями).* Красиво и блестяще перо страуса.

Дикеополидъ. Пригоже и румяно мясо голубя!

Ламахъ. Вынеси мнѣ ящикъ съ тремя султанами.

Дикеополидъ. Подай мнѣ тарелочку зайчины.

Ламахъ. *(Осматривая султаны).* А какъ эта волосодная моль источила мои султаны?

Дикеополидъ. А какъ-то съѣмъ я до ужина эти потрошки! [233])

Ламахъ. [234]) Эй, любезный! Неугодно ли тебѣ перестать смѣяться надъ моимъ вооруженіемъ?

Дикеополидъ. Любезный! Не угодно ли тебѣ не смотрѣть на этихъ дроздовъ?

Ламахъ. Не угодно ль тебѣ, любезный, не говорить со мной?

Дикеополидъ. Я не съ тобой и говорю. Я со своимъ слугой давно спорю. *(Обращаясь къ слугѣ).* Такъ побъемся объ закладъ, и пусть Ламахъ рѣшитъ нашъ споръ: кузнечики, или дрозды пріятнѣе? [235])

Ламахъ. Ахъ, ты наглецъ!

Дикеополидъ. Онъ находитъ, что кузнечики пріятнѣе.

Ламахъ. Слуга! Эй, слуга! Вынь мое копье и подай его сюда!

Дикеополидъ. Слуга! А, слуга! Достань колбасу съ огня и подай ее сюда!

Ламахъ. Ну, слуга, держи крѣпче копье; я сниму чехолъ.

Дикеополидъ. Слуга! Держи крѣпче вотъ это *(подаетъ ему вертелъ)!*

Ламахъ. Слуга! Вынеси подставки для моего щита!

Дикеополидъ. Вынь и поддержки моего брюха — хлѣбы изъ печи!

Ламахъ. Принеси сюда кружокъ отъ моего щита, съ изображеніемъ Горгоны позади!

Дикеополидъ. А мнѣ подай кусокъ пирога съ сыромъ!

Ламахъ. Это-ли не жестокая насмѣшка надъ народомъ?

Дикеополидъ. Этотъ-ли пирожокъ не понравится народу?

Ламахъ. Слуга! Полей на мой щитъ масла. *(Смотрясь въ его мѣдную полосу, блестящую отъ масла, онъ продолжаетъ).* Я вижу здѣсь [236]) образъ старика, который будетъ обличенъ въ трусости [237]).

Дикеополидъ. *(Слугѣ).* Полей на мой пирожокъ меду. И здѣсь ясно видѣнъ образъ старика, который заставляетъ Ламаха горгайскаго проливать слезы.

Ламахъ. Слуга! Принеси сюда военный панцырь.

Дикеополидъ. Слуга! Подай и мнѣ столовый панцырь [238]) — кубокъ.

Digitized by Google

Ламахъ. Я облекусь въ него противъ непріятелей.

Дикеополидъ. Я вооружусь имъ противъ собутыльниковъ.

Ламахъ. Слуга! Привяжи къ этому щиту ремни!

Дикеополидъ. Слуга! Завяжи эти блюда въ корзину!

Ламахъ. А самъ я возьму — понесу этотъ ранецъ.

Дикеополидъ. А я возьму это платье и пойду.

Ламахъ. Слуга! Бери мечь и отправляйся! Снѣжитъ.... [239]) Э, э, эхъ, эти зимнія компаніи!

Дикеополидъ. Убирай ужинъ! Эхъ! Гулящее-то дѣло!

(Оба уходятъ).

Хоръ. Веселая вамъ дорога! Какими-же разными путями идете вы оба: [240]) тотъ будетъ пить съ вѣнкомъ на головѣ, а ты, дрожа на стражѣ отъ холода, долженъ будешь слѣдить за непріятелемъ. Тотъ станетъ спать въ прекрасной дѣвушкой.... [241])

Первый полухоръ. Откровенно сказать: да накажетъ жесточайшимъ образомъ Зевсъ этаго жалкаго стихоплета Антимаха, Псакадова сына, который, въ бытность свою хорагомъ, [242]) въ праздникъ Линей, отпустилъ меня несчастнаго безъ ужина [243])! О! Еслибы когда нибудь увидѣть мнѣ, какъ онъ заприхотуетъ корокатицы! Какъ желалъ-бы я, чтобы эта рыбина, изжаренная, была подана на столъ, и шипя на сковородѣ, манила его къ себѣ; но-чтобы песъ схватилъ и убѣжалъ съ нею въ-ту самую минуту, какъ только онъ захочетъ отвѣдать ее.

Второй полухоръ. Вотъ одно зло, котораго я ему желаю! Но мнѣ хотѣлось-бы, чтобы съ нимъ случилась и другая бѣда — ночью: чтобы какой-нибудь пьяный, бѣснующійся Орестъ ударилъ его въ голову, когда, прохваченный лихорадкой, онъ будетъ возвращаться съ коннаго ученья домой, чтобы въ темнотѣ онъ — Антимахъ схватилъ вмѣсто

камня комокъ грязи, напалъ съ такимъ оружіемъ на врага и, промахнувшись, попалъ въ Кратина [244])!

Слуга. Ламахъ. Дикеополидъ. Хоръ.

Слуга. (*Возвращаясь изъ похода, въ которомъ былъ съ Ламахомъ*). Рабы, что служите въ домѣ Ламаха! Воду нагрѣвайте въ горшкѣ, воду! Приготовляйте корпію, мазь, шерсть и перевязку для ногъ! Этого мужа ранили шестоколиной, когда онъ перескакивалъ чрезъ ровъ; сверхъ-того онъ вывихнулъ себѣ ногу; наткнувшись на камень, разбилъ себѣ голову, и — Горгона выскочила изъ щита [245]). Когда это огромное павлинье [246]) перо упало на каменья, оно издало ужасный вопль:

«О, славный блескъ! Въ послѣдній разъ теперь
я зрю тебя;
Прощаюсь съ свѣтомъ я.... Ужъ больше нѣтъ
меня [247])!

Послѣ этихъ словъ Ламахъ падаетъ въ канаву, выбирается оттуда и нападаетъ на бѣглецовъ; преслѣдуетъ и разитъ разбойниковъ копьями. Но вотъ и самъ онъ! Отпирайте дверь!

Ламахъ. Охъ, охъ, охъ! Ужасныя, леденящія душу, страданія! Гибну я бѣдный отъ вражескаго копья! А горе мнѣ будетъ, если Дикеополидъ увидитъ, что я раненъ: онъ осмѣетъ меня несчастнаго.

Дикеополидъ (*подгулявши на праздникъ, входитъ съ двумя этерами*). Та, та, та! Какъ крѣпки и роскошны эти груди — точно квитскіе яблочки! (*Обращаясь къ этерамъ*). Золотыя мои! Поласкайтесь ко мнѣ понѣжнѣе; поцѣлуйте меня поплотнѣе (*цѣлуя ихъ*).... пострастнѣе! Вѣдь я первый выпилъ кубокъ - то!

Ламахъ. О, несчастныя обстоятельства—причина моихъ золъ! (*Охаетъ*). О, мучительныя раны!

Digitized by Google

Дикеополидъ. А, а! Здравствуй, Ламахушка кавалеристъ!

Ламахъ. Несчастный я!

Дикеополидъ. *(Иронически).* Тяжело и мнѣ! *(Цѣлуетъ Ламаха).*

Ламахъ. Зачѣмъ ты цѣлуешъ меня? *(Кусаетъ его).*

Дикеополидъ. А ты что кусаешься?

Ламахъ. Какая жестокая «доля» выпала мнѣ, несчастному, въ этой битвѣ!

Дикеополидъ. Заплатилъ ли кто на праздникъ Хой свою «долю» [248]).

Ламахъ. *(Охаетъ).* Охъ, охъ! Пеанъ, Пеанъ! [249])

Дикеополидъ. Да не сегодня праздникъ Пеанъ!

Ламахъ. *(Падая отъ изнеможенія).* Поддержите мои колѣни! Охъ!... Поддержите меня, друзья мои!

Дикеополидъ. *(Обращаясь къ этерамъ).* Милыя мои! Обнимите меня!...[250]).

Ламахъ. Отъ удара камнемъ у меня кружитъ голову и въ глазахъ рябитъ.

Дикеополидъ. И у меня кружится голова! Пора намъ на кровать!...[251])

Ламахъ. Снесите меня отсюда домой и отдайте на руки Питталу!

Дикеополидъ. Снесите меня отсюда къ судьямъ! Гдѣ Архонтъ? [252]) Отдайте мнѣ мѣхъ!

Ламахъ. *(Продолжая охать).* Какъ жестоко какое-то копье вонзилось въ мои кости!

Дикеополидъ. *(Выпиваетъ и ставитъ кубокъ).* Видите: онъ пустъ. Ура, ура! Побѣда!

Хоръ. Такъ, старикъ! Ура, ура, если ты этого хочешь!

Дикеополидъ. И я однимъ залпомъ опорожнилъ этотъ кубокъ чистаго вина.

Digitized by Google

Хоръ. Еще ура, храбрый питуха! Бери мѣхъ и ступай!

Дикеополидъ. Маршъ за мной, — и пойте въ знакъ побѣды: тра ри ра, тра ри ра.

Хоръ. Такъ и быть. Пойдемъ для тебя и будемъ воспѣвать тебя и твой мѣхъ! Тра ри ра, тра ри ра!

(Расходятся).

Перев. А. Новосѣловъ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Пниксъ (*πνύξ* отъ *πυκνός* густой, частый), мѣсто народнаго собранія въ Аѳинахъ; оно лежало по сосѣдству съ крѣпостью. Такъ названо было оно: или по множеству находившихся на немъ каменьевъ, или по густотѣ собиравшагося тамъ народа. Послѣднее предположеніе отчасти основывается на словахъ самаго Аристофана:

Ἔδοξέ μοι περὶ πρῶτον ὕπνον ἐν τῇ πυκνὶ
Ἐκκλησιάζειν πρώβατα συγκαθημένα, βακτηρίας ἔχοντα καὶ τριβώνια.
(*Σφῆκες* 31—33.)

2) Слово Дикеополидъ (*Δικαιόπολις*) составлено изъ *δίκαιος* справедливый и *πολίτης* гражданинъ. Это нашъ правдодумъ, или вѣрнѣе стародумъ. Онъ житель одного подгороднаго села; запасшись дневной провизіей, онъ явился въ Пниксъ раньше всѣхъ, и, сидя тамъ, разсуждаетъ самъ съ собой.

3) Извергъ, Клеонъ: *ἐξήμεσεν Κλέων* собственно — изблевалъ, изрыгнулъ. Клеонъ извѣстный Аѳинскій димагогъ. Онъ взялъ съ островитянъ пять талантовъ съ обѣщаніемъ убѣдить Аѳинянъ уменьшить дань, которую эти островитяне платили имъ. Но всадники, враждовавшіе съ Клеономъ, обличили его въ этомъ взяточничествѣ и публично принудили возвратить союзническія упомянутыя деньги. Талантъ равнялся нашимъ 1,365 р.

4) Выраженіе *ἄξιον γὰρ Ἑλλάδι* составляетъ пародію на слова Эврипидовой комедіи «Тилефъ»: *κακῶς ὅλοιτ' ἀν' ἄξιον γὰρ Ἑλλάδι*. Изъ частыхъ пародій на Эврипида и колкихъ насмѣшекъ, которыми Аристофанъ осыпаетъ его, видно, что великій комикъ сильно недолюбливалъ трагедій этого поэта. За то объ Эсхилѣ онъ отзывается съ уваженіемъ и похвалой.

5) Ждалъ Эсхила — вмѣсто: «ждалъ представленія трагедіи Эсхила.» Въ это время Эсхила уже не было въ живыхъ. Онъ умеръ за 10 лѣтъ до представленія Ахарнянъ, во 2 годъ 81 Олимпіады. Какъ высоко Аѳиняне цѣнили Эсхила, видно изъ того, что его трагедіи, вопреки обычаю, долгое время давались на сценѣ и послѣ смерти автора.

6) Ѳеогнисъ — трагикъ, котораго Аристофанъ осмѣиваетъ и ниже въ этой же комедіи за холодность и безжизненность.

7) Дексиѳей — отличный игрокъ на кноарѣ, получившій за свое искусство награду на Пиѳійскихъ играхъ.

8) Мосхъ — дурной музыкантъ и пѣвецъ. Нѣкоторые комментаторы принимаютъ *Μόσχος* за нарицательное имя, которое значитъ: быкъ. По мнѣнію Бруна, это была цѣна, платимая кноаристамъ и дифирамбическимъ поэтамъ за ихъ искусство, точно также какъ наградой трагикамъ былъ козелъ. Если принять это послѣднее объясненіе, то смыслъ словъ «*ἐπὶτῷ Μόσχῳ*» будетъ слѣдующій: Дексиѳей, чтобы получить обыкновенную награду, вышелъ и проч....

9) Пѣснь, изобрѣтенная, по словамъ Схоліаста, Віотійцемъ Терпандромъ.

10) Херинъ — бездарный музыкантъ. Аристофанъ упоминаетъ объ немъ ниже въ 860 стихѣ и въ другой своей комедіи *Εἰρήνη*.

Digitized by Google

11) Ювеналъ опредѣляетъ самый возрастъ возмужалости допущеніемъ въ бани:

Nec pueri credunt, nisi qui nondum aere lavantur.
(Sat. II. v. 152.)

12) Обыкновенныя собранія (*κύριαι*) созывались трижды въ мѣсяцъ: 11, 20 и 30 чиселъ. Чрезвычайныя же, собираемыя по особеннымъ обстоятельствамъ, назывались *σύγκληται* (созванныя).

13) Чтобы заставить гражданъ являться въ собраніе, употребляли разныя средства. Между прочимъ брали окрашенную маркой краской веревку, оцѣпляли ею площадь и такимъ образомъ загоняли ихъ въ Пниксъ. На комъ оставались слѣды краски, тотъ платилъ штрафъ.

14) Пританами назывались тѣ 50 членовъ 500-наго Аѳинскаго Сената, которые должны были предсѣдательствовать въ народномъ собраніи и заниматься дѣлами въ продолженіе 35 — 36 дней. По прошествіи этого срока ихъ замѣняли другіе 50 членовъ сената съ тѣмъ же названіемъ.

15) Эта комедія написана во время Пелопоннисской войны, противъ которой Аристофанъ главнымъ образомъ и возстаетъ здѣсь.

16) Это восклицаніе едва ли не пародія на такое же мѣсто одной трагедіи Софокла.

17) Освященіе состояло въ орошеніи мѣста собранія поросячьей кровью (смотри *Ἐκκλησιάζουσαι* ст. 128).

18) Амфитей — имя, составленное изъ *ἀμφί* около и *θεός* богъ, т. е. почти-богъ.

19) Здѣсь Аристофанъ осмѣиваетъ страсть Эврипида къ генеологическимъ подробностямъ. Такъ въ началѣ его трагедіи «Ифигенія въ Тавридѣ» мы встрѣчаемъ:

Πέλοψ δ Ταντάλειος εἰς Πῖσαν μολὼν
Θοαῖσιν ἵπποις Οἰνομάου γαμεῖ κόρην
ἐξ ἧς Ἀτρεὶς ἔβλαστεν· Ἀτρέως δὲ παῖς
Μενέλαος Ἀγαμέμνων-τε, τοῦ δ' ἔφυν ἐγώ.

20) На Пританахъ лежала обязанность заботиться о продовольствіи бѣдныхъ гражданъ.

21) Стрѣлки — это наши полицейскіе. Но въ Аѳинахъ ихъ было только тысяча.

22) Предки Амфитея, къ которымъ онъ и взываетъ о защитѣ.

23) Въ знакъ мира.

24) *Βασιλεύς* и *μέγας βασιλεύς* — названія, усвоенныя Греками, по преимуществу, Персидскимъ царямъ. Въ это время на сцену входятъ Аѳинскіе послы съ Псевдартавасомъ — Персидскимъ посланникомъ, и двумя Евнухами.

25) Вѣроятно Дикеополидъ приравниваетъ этихъ пословъ къ павлинамъ, очень рѣдкимъ тогда въ Греціи. Однажды въ мѣсяцъ ихъ показывали любопытнымъ (*Ὄρνιθες* 102). Только со временъ Александра эти птицы стали чаще появляться въ Греціи. По мнѣнію же другихъ, Дикеополидъ величаетъ такъ самихъ пословъ или потому, что ихъ шапки, по туземному обычаю, были раскрашены павлиньими перьями, или потому, что они, можетъ быть, привезли съ собой павлиновъ.

26) Экватана — лѣтняя резиденція Персидскихъ царей.

27) Послѣднее восклицаніе относится, конечно, къ Псевдартавасу и его спутникамъ.

28) Лѣтъ одиннадцать, или тринадцать тому назадъ: потому что Евменъ

Digitized by Google

былъ архонтомъ въ Аѳинахъ около того времени. Кажется, Аристофанъ выдумалъ это посольство для большаго комизма; потому что ни одинъ древній историкъ не упоминаетъ объ немъ.

29) Каистръ — рѣка въ Лидіи, не далеко отъ Милита.

30) Такъ называли Аѳины и Эсхилъ и Софоклъ. Кранай—древній Аѳинскій царь (Ὄρνιθες 123).

31) Разсказываютъ, что Персидскіе цари, во время своихъ лѣтнихъ путешествій, спали подъ золотымъ деревомъ, похожимъ на яворъ. Такъ, говорятъ, дѣлалъ Ксерксъ и вовремя своихъ походовъ на Грецію. Это-то дерево, можетъ быть, Аристофанъ и имѣетъ въ виду, когда говоритъ о золотыхъ горахъ. Другіе же подъ золотыми горами разумѣютъ—или золотые урыльники, или благородные металлы, которыми были богаты горы Парсиды. Но вѣрнѣе, что это ѣдкая насмѣшка комика надъ корыстолюбіемъ и невѣжествомъ Аѳинянъ, считавшихъ Персію неистощимымъ резервуаромъ золота, которымъ они всегда могутъ пользоваться.

32) Въ этихъ словахъ Аристофанъ, осмѣивая суевѣріе Грековъ вообще, и частности мѣтитъ на Лакедемонянъ, которые, во время похода Датиса и Артаферна, отказались выступить противъ нихъ до наступленія полнолунія.

33) Клеонимъ — Аѳинскій военачальникъ, извѣстный своею тучностью, трусостью и лживостью. Ему не разъ достается отъ Аристофана и въ этой, и въ другихъ комедіяхъ.

34) Псевдартавасъ—собственно значитъ Лжеартавасъ. Царскія очи, царскія уши — обыкновенный тогда титулъ высшихъ сановниковъ при Персидскомъ дворѣ.

35) Актеръ, игравшій «царскія очи,» имѣлъ маску съ однимъ огромнымъ глазомъ. Дикеополидъ сравниваетъ этотъ глазъ съ отверстіемъ въ судахъ, въ которое вкладывались весла. Вообще все это сравненіе взято отъ корабельныхъ принадлежностей.

36) *Χαυνόπρωκτος* собственно значитъ hianti podice.

37) Варвары называли всѣхъ Грековъ Іонійцами.

38) Т. е. предъ Аѳинскимъ посломъ, чтобы онъ могъ вѣрнѣе понять тебя.

39) Сардійская краска—красная. Дикеополидъ хочетъ сказать, что изобьетъ Псевдартаваса до крови, если онъ не скажетъ правды.

40) Т. е. въ Аттики.

41) «Развратный» — такъ перевели мы слова Аристофана «*ὦ θερμόβουλον πρωκτὸν ἐξυρημένε*», которыя дословно значатъ: «имѣющій горячую обритую задницу». Аѳинская молодежъ, чтобы казаться красивѣе, а старики—моложе, брили себѣ бороды и выщипывали волосы на всемъ тѣлѣ. Въ числѣ этихъ былъ Клисоенъ и Стратонъ. Это-то самоизуродованіе и имѣетъ въ виду Аристофанъ, когда называетъ Клисоена евнухомъ. О стратонѣ поэтъ упоминаетъ и въ другой, дошедшей до насъ въ отрывкахъ, комедіи Ὑλκάδες (грузовыя суда).

„*Παῖδες ἀγένειοι Στράτων*,"

говоритъ онъ тамъ. Неестественность же выраженія *ὦ θερμόβουλον πρωκτόν* объясняется только страстью Аристофана пародировать Эврипида, у котораго въ Медеѣ встрѣчаются слова — *ὦ θερμόβουλον σπλάγχνον*. Точно также слѣдующее за тѣмъ выраженіе *τοιόν δε δ' ὦ πίθηκε, τὸν πώγων' ἔχων* составляетъ пародію на слова одной пѣсни Архилога: *τοιήν δε δ' ὦ πίθηκε, τὴν πυγὴν ἔχων*.

42) Дикеополидъ укоряетъ притановъ за то, что они принимаютъ и угощаютъ иностранныхъ пословъ въ Пританіи, но не впускаютъ туда его, сражающагося за отечество. Выраженіе Аристофана *οὐδέποτε γ' ἰσχει θύρα* (никогда не заперта дверь) напоминаетъ намъ Евполида, въ «*Φίλοις*» котораго мы читаемъ:

Νὴ τὸν Ποσειδῶ, οὐδέποτ' ἴσχει ἡ θύρα.

Digitized by Google

— Каллимаха въ Экатѣ (frag. 41).

τῶν δὲ ἑ πάντες ὀδῖται
ἦρα φιλοξενίης· Ἔχε γαρ τέγος ἀκλήϊστον·

и Пиндара (Nem. 94).

Ἔνθ' ἄρα πεπταμέναιν ξείνων ἕνεκεν ταῖν θύραιν·

43) Θеоръ — посолъ, котораго Аѳиняне отправляли къ Ѳракійскому царю Ситалку. Какъ льстецъ и обманщикъ, Ѳеоръ выводится Аристофаномъ и въ комедіяхъ *Νεφέλαι* (309) и *Σφῆκες* (20).

44) Ѳеогнисъ, о которомъ было упомянуто въ самомъ началѣ этой комедіи. Въ разсказѣ Ѳеора о задержавшей его во Ѳракіи зимѣ нельзя не замѣтить намека на холодность и безжизненность трагедій этого поэта.

45) Здѣсь каламбуръ: рѣчь идетъ собственно не о любви Ситалка къ Аѳинянамъ, а о привычкѣ Аѳинской молодежи чертить изображенія и имена любовницъ на стѣнахъ, деревьяхъ и листьяхъ (смотри *Καλλιμάχου* frag. 101 и *Σφῆκες* 99).

46) Сынъ Ситалка получилъ этотъ титулъ въ началѣ Пелопоннисской войны, когда отецъ отправлялъ его съ войскомъ на помощь къ Аѳинянамъ. Одни называютъ его Тиромъ (*Τήρης*), а другіе, какъ и отца, Ситалкомъ. Ѳукидидъ же, упоминая объ этомъ союзникѣ, прибавляетъ: *καὶ Σάδοκον τὸν υἱὸν αὐτοῦ Ἀθηναῖον.* О сношеніяхъ Ситалка съ Аѳинами смотри Ѳук. I. 11, 29, 67, 95 — 107; IV. 101.

47) Знаменитый народный праздникъ, продолжавшійся три дня. Время его — осенній мѣсяцъ Піанепсіонъ, равняющійся послѣдней половинѣ нашего Октября и первой—Ноября. Первый изъ трехъ дней этого праздника назывался днемъ ужина; потому что собиравшіеся члены фратріи открывали этотъ праздникъ вечернимъ пиромъ. Второй — днемъ избавленія, или жертвы; потому что въ этотъ день приносились жертвы Зевсу, покровителю фратрій, и Аѳинѣ. Послѣдній же носилъ названіе дня постриженія. Въ этотъ день Аѳиняне записывали въ фратріи своихъ малолѣтнихъ сыновей и дочерей. Въ одинъ изъ такихъ дней дано было гражданство и сыну Ситалка. Въ этотъ праздникъ часто обманывали Аѳинянъ; отъ того онъ и нравился Садоку.

48) Поэтъ съ умысломъ влагаетъ въ уста Ѳеора выраженіе, изъ котораго сначала невидно ясно, что нужно разумѣть подъ отечествомъ: Аѳины, или Ѳракію. Но изъ послѣдующихъ словъ Дикеополида «это такъ ужъ по крайней мѣрѣ ясно» смыслъ его уже понятенъ и безъ толкованій. Здѣсь Аристофанъ осмѣиваетъ легкомысліе Аѳинянъ и довѣрчивость, съ которой они полагались на чужеземную помощь. Въ послѣдствіи сношенія Аѳинской республики съ Филиппомъ и ихъ печальный результатъ подтвердили справедливость упрека великаго комика.

49) Одоманты — одно изъ племенъ, населявшихъ Ѳракію. Они жили по берегамъ Стримона.

50) Достовѣрно неизвѣстно, что это за народъ былъ. Нѣкоторые называютъ ихъ Іудеями на томъ основаніи, что, какъ у тѣхъ, такъ и удругихъ существовалъ обрядъ обрѣзанія, на который Аристофанъ намекаетъ здѣсь. Но съ этимъ трудно согласиться тѣмъ болѣе, что многіе комментаторы принимаютъ это выраженіе Аристофана въ собственномъ смыслѣ; Еврен же не скопили себя. Къ сожалѣнію, изъ древнихъ никто не говоритъ объ этомъ предметѣ.

51) Въ это время Аѳиняне были во враждѣ съ Віотійцами.

52) Дикеополидъ, стоя съ мѣшкомъ чесноку, негодуетъ на то, что варварамъ хотятъ назначать по двѣ драхмы на день жалованья, между тѣмъ какъ матросамъ, — Аѳинскимъ гражданамъ, — идетъ по одной только драхмѣ. Въ это время голодные чужестранцы окружаютъ его и выбираютъ изъ его мѣшка чеснокъ. Дикеополидъ попытался было отнять у грабителей свою ношу; но эти наста-

Digitized by Google

вляютъ на смѣльчака мечи. Въ эти-то минуты онъ и произноситъ въ отчаяніи: Горе и т. д.

53) Чеснокъ, какъ извѣстно, имѣетъ свойство разгорячать и волновать кровь. Чтобы подзадорить пѣтуховъ къ бою, древніе кормили ихъ чесноком. Поэтому Аристофанъ, остроумно сравнивая разгоряченныхъ отъ чеснока Одоманговъ съ пѣтухами, предостерегаетъ Дикеополида отъ ссоры съ ними.

54) Въ случаѣ неблагопріятныхъ предзнаменованій, каковымъ считался и дождь, собраніе распускалось.

55) Тривонъ — аттическая одежда.

56) Греческое слово *Σπονδαί* значитъ 1) священныя возліянія, которыя совершались при жертвоприношеніяхъ. А такъ какъ заключеніе мира и перемирія всегда сопровождалось жертвоприношеніями: то слово *Σπονδαί* у Грековъ значитъ 2) миръ и мирный договоръ. Аристофанъ употребляетъ это слово въ комедіи нѣсколько разъ, то въ томъ, то въ другомъ значеніи. Въ этомъ и заключается комизмъ этихъ словъ; но въ точности передать его на другой языкъ нѣтъ возможности. Такъ, когда Дикеополидъ спрашиваетъ Амфитея объ условіяхъ мира, этотъ подаетъ ему склянку съ возліяніями.

57) Намекъ на снаряжавшійся для тогдашней войны флотъ.

58) Когда солдаты отправлялись на войну: они обязаны были запасаться на три дня провіантомъ. (Смотри *Σφῆκες* 243; *Εἰρήνη* 312).

59) Сельскія Діонисіи праздновались въ каждой деревнѣ въ шестой мѣсяцъ аттическаго года, называвшійся Посидеономъ и равнявшійся послѣдней половинѣ нашего Декабря и первой—Января. Они были установлены въ честь Діониса—бога винограда. Отъ этихъ Діонисій нужно отличать городскія, которыя отправлялись въ честь того же божества, но лѣтомъ и въ однихъ Аѳинахъ. Опустошительная Пелопоннисская война лишила жителей Аттики возможности спокойно праздновать сельскія Діонисіи тѣмъ болѣе, что месть враговъ, при вторженіи въ эту страну, прежде всего обрушилась на виноградники. Послѣ этого понятна радость и воззваніе Дикеополида къ Діонису, при извѣстіи о мирѣ.

60) Тамъ, гдѣ хоръ стариковъ говоритъ только отъ себя и о себѣ, онъ употребляетъ единственное число; а гдѣ — отъ себя и отъ лица зрителей, тамъ множественное.

61) Главнымъ предметомъ торговли Ахарнянъ были уголья.

62) Фавлъ — Кротонскій скороходъ. Иродотъ говоритъ, что Фавлъ трижды получалъ на Пиѳійскихъ играхъ награду за свое искусство, и въ битвѣ при Саламинѣ командовалъ галерой, которую Кротонцы прислали на помощь Грекамъ. (Ирод. VIII, 47). Этотъ знаменитый скороходъ, котораго называли *ὁδόμετρος* (измѣритель дороги) былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Пентаѳломъ (т. е. зналъ пять родовъ состязанія — *ὅλμος, δίσκος, δρόμος πάλη* и *πυγμή*). Это подтверждаетъ дошедшая до насъ надпись:

Πεντ' ἐπὶ πεντήκοντα πήδησε Φαῦλος
δίσκευσεν δ' ἑκατὸν πεντ' ἀπολειπομένων·

63) По словамъ Схоліаста, Лакратидъ былъ архонтомъ въ Аѳинахъ во время перваго похода Дарія на Грековъ. Нѣкоторые думаютъ, что необыкновенная жестокость тогдашней зимы, доходившая до того, что нельзя было выйти изъ дома безъ опасенія замерзнуть, подала поводъ называть все холодное Лакратидовымъ. Но вѣрнѣе, что одна дряхлая старость и нераздѣльная съ нею неподвижность этого архонта вызвали Аристофана на такой намекъ. Вѣдь у стараго коня не по старому хода!

64) Паллинцы — народъ въ Аттикѣ. Здѣсь завязалась борьба Писистрата

Digitized by Google

съ Аѳинянами, не хотѣвшими признать его тиранніи. Поэтому словомъ *παλληνάδε* хоръ хочетъ сказать, что разсчитывать на заключившаго миръ съ Лакедемонянами также опасно, какъ и на Писистрата, когда мы боролись съ нимъ въ Палинѣ. Схоліастъ же видитъ здѣсь и каламбуръ — именно: если перемѣнить первую букву слова *παλληνάδε* — *π* въ *β*: тогда выдетъ слово, которое означаетъ побіеніе каменьями. Но, кажется, это натяжка.

65) Это обыкновенное обращеніе къ зрителямъ того, кто приступалъ къ жертвоприношенію.

66) Канифоры — благородныя дѣвушки, которыя въ праздникъ Димитры и Діонисій несли на головахъ корзину съ священной утварью. Эти корзины были золотыя и въ нихъ клались начатки тѣхъ плодовъ, которые предназначались въ жертву.

67) Ксанѳій — слуга. Объ немъ упоминается и въ комедіи Аристофана *Βάτραχοι* (271).

68) Фаллъ — продолговатое дерево, къ концу котораго прикрѣплялся кожанный *αἰδοῖον* (penis). Онъ имѣлъ какое-то таинственное значеніе и посвящался Діонису. О происхожденіи этого обряда разсказываютъ слѣдующее: нѣкто Пигасъ, взявши изъ Віотійскаго города Элевѳеръ статую Діониса, прибылъ съ нею въ Аттику. Но Аѳиняне не оказали должнаго почета этому божеству. Раздраженный Діонисъ наказалъ ихъ за это страшной болѣзнью, похожею на нашу венерическую; такъ что всѣ усилія врачей къ излеченію ея оказались безъ успѣшными. Тогда Аѳиняне рѣшились отправить къ оракулу посольство съ просьбою указать имъ средства къ избавленію отъ такой язвы. Оракулъ объявилъ, что единственное для этого средство умилостивить, во чтобы ни стало, разгнѣваннаго бога. Послѣ этого отвѣта Аѳиняне наставили фалловъ и въ домахъ, и въ публичныхъ мѣстахъ. Гордый богъ смягчился, и болѣзнь прекратилась. (Смотри о культѣ фаллу въ Египтѣ и Греціи. Ирод. 11. 48. 49). Можетъ быть, основаніемъ къ посвященію этого предмета послужило и то, что Діонисъ считался покровителемъ дѣторожденія (Евр. Фен. 21).

69) Этотъ пирогъ составлялъ одинъ изъ видовъ жертвоприношеній Діонису и клался на жертвенникъ.

70) «Не теряя серьезнаго вида»: такъ перевели мы слова *βλέπουσα ὑμιβρό-φαγον*. Буквальный же ихъ переводъ: имѣющая взглядъ человѣка, который ѣстъ чаберъ. Чаберъ — ароматическое, но горькое на вкусъ растеніе, которое въ изобиліи росло въ Аттикѣ.

71) Текстъ этого мѣста слишкомъ пластиченъ и грязенъ. Для любопытныхъ мы приводимъ его въ подлинникѣ и латинскомъ переводѣ:

Ὡς μακάριος
Ὑστις σ' ὀπύσει, κἀπ'ποιήσεταί γαλᾶς
Σοῦ μηδὲν ἧττον βδεῖν, ἐπειδὰν ὄρθρος ᾖ·

(O quam beatus erit, qui te inibit facietque, ut mustelae non minus videantur visire, quam tu, sub lucis exortum!)

72) Называя по имени одного изъ двухъ рабовъ, несшихъ фаллъ, Дикеополидъ обращается съ приказаніемъ вмѣстѣ къ обоимъ.

73) Играя значеніемъ слова «фаллъ», Дикеополидъ приказываетъ слугамъ держать ближе къ Канифорѣ ихъ собственный фаллъ.

74) Въ большей части публичныхъ процессій женщины не принимали участія.

75) Фалисъ — богъ рожденія, изображавшійся подъ формой фалла.

76) Это мѣсто ясно указываетъ, что переведенная нами комедія была

Digitized by Google

играна въ 6-й годъ Пелопоннисской войны. Только одна война могла удалить гражданина на 6 лѣтъ отъ роднаго очага. Мы уже говорили, что непріятельскія вторженія въ Аттику принуждали жителей ея убѣгать изъ деревень въ городъ.

77) Ламахъ — Аѳинскій военачальникъ, сынъ Ксенофана, бывшій съ Алкіадомъ и Никіемъ въ Сициліи, — рьяный приверженецъ войны. Въ подлинникѣ каламбуръ: «*μάχων καὶ Λαμάχων*». *Μάχη* значитъ битва; а въ словѣ *Λαμαχων* такое звучитъ (*λα*) *μάχη*. Комикъ очень остроумно даетъ замѣтить, что въ самомъ имени Ламаха видѣнъ намекъ на господствующую въ немъ страсть — войнолюбіе.

78) Комизмъ этого мѣста въ томъ, что Дикеополидъ, не заботясь о своей головѣ, молитъ Иракла только о спасеніи своего горшка. Иракъ — покровитель тяжко страждущихъ и угнѣтенныхъ. Въ церемоніи, совершавшейся въ праздникъ Діониса, обыкновенно несли горшокъ съ огородными овощами. Отъ того одинъ изъ трехъ дней Амфистерій даже и назывался праздникомъ Хитръ, или горшковъ.

79) Этотъ димагогъ имѣлъ кожевенные заводы. Всадники были его жестокіе враги. (Смотри начало комедіи).

80) Здѣсь видѣнъ намекъ на вѣроломство Лакедемонянъ, въ которомъ и Эвринидъ укрекаетъ ихъ въ «Андромахѣ»:

Σπάρτης ἔνοικοι δόλια βουλευτήρια·

(Смотри также *Εἰρήνη* 1007. *Λυσιστράτη* 630; *Θουκ.* 5. 105).

81) Пелаха—на Греческомъ стоитъ *ἐπίξηνος*, что собственно значитъ турбанъ, на которомъ мясники рубятъ говядину.

82) Ахарняне были угольщики; поэтому Дикеополидъ, вмѣсто того, чтобы сказать просто, «какъ вы опять начинаете горячиться,» выражается метафорически: «опять какой-то черный уголь разгорѣлся въ васъ.»

83) Разсѣку. Говоря это, Дикеополидъ схватываетъ коробъ съ угольями и грозитъ разсѣчь его мечемъ. Въ этихъ коробахъ Арханяне носили угли на продажу.

84) Парнисъ — гора въ Аттикѣ, которая была покрыта густымъ лѣсомъ. Близъ нея и стояло селеніе Ахарна.

85) «Оставилъ на мнѣ.... пыли» — на греческомъ *ἐνέλιμμα* sacavit. Когда ловецъ преслѣдуетъ каракатицу, она выпускаетъ изъ себя черную жидкость, чтобы скрыть слѣдъ свой. Изъ этой жидкости приготовляли черную краску.

86) Дикеополидъ говоритъ это о самомъ себѣ.

87) Такъ величаетъ Аристофанъ риторовъ.

88) Нападая на страсть Аѳинскихъ стариковъ къ сутяжничеству, поэтъ указываетъ словами «куснуть, или шкнуть камешкомъ» на самый способъ подачи голосовъ въ Аѳинскихъ трибуналахъ.

89) Эта комедія, отъ которой дошли до насъ только отрывки, была «Вавилоняне.» Такъ какъ она была играна весной въ праздникъ Діонисій, въ присутствіи союзниковъ: то Клеонъ, ѣдко задѣтый въ этой комедіи, обвинилъ Аристофана будто онъ предаетъ Аѳинскій народъ посмѣянію иностранцевъ. Теперь же поэтъ находился въ болѣе выгодномъ положеніи. Ахарняне были поставлены на сцену въ праздникъ Линей, осенью, — когда иностранцевъ еще не было въ городѣ.

90) Іеронимъ — элегическій и трагическій поэтъ, отличавшійся запутанностію и темнотою въ своихъ произведеніяхъ. При томъ онъ носилъ длинные волосы — что въ Аѳинахъ считалось признакомъ хвастовства и легкомыслія.

91) «Шапка Анда» (Плутона) — греческая поговорка, равносильная нашей: «шапка невидимка».

92) На основаніи одного мѣста Омира (*ἔνθα δὲ Σίσυφος ἔσχεν ὃ κέρδιστος γένετ' ἀνδρῶν*) греческіе поэты считали Сизифа образцемъ хитрости и лукавства.

93) Т. е. самъ Эврипидъ дома, но умъ его совершаетъ то, что внѣ дома. Аристофанъ смѣется надъ трагикомъ за его страсть къ противуположеніямъ, и словами «дома и не дома» породируетъ обороты съ подобнымъ характеромъ, за частую встрѣчающіеся въ произведеніяхъ этого поэта. Такъ напримѣръ:

Τεθνᾶσι κ'ου τεθνᾶσι. (Ел. 137.)
Ἐσωφρόνησεν, οὐκ ἔχουσα σωφρονεῖν. (Ипп. 988.)
Πέποιθα μέντοι μητρὶ κ'ου πεποιθ' ἅμα. (Финик.. 247.)
Φεύγω τρόπον γε δή τιν' οὐχ' ἑκὼν ἑκών (Ифиг въ Тав. 463.)
Ἔστιν τε. κοὐκ' ἔτ' ἐστίν. (Алк. 501.)
Καὶ ζῶσαν εἰπεῖν καὶ θανοῦσαν ἔστι σοι. (Тамъ-же 135.)

94) У Эврипида также читаемъ: *ἡ γλῶσσ' ὀμώμοχ', ἡ δὲ φρὴν ἀνώμοτος* (Ипполл. 576). Сидитъ на верху. На Греческомъ: *καθημένος ἀναβάθην* — т. е. сидитъ, поднявши къ верху ноги.

95) Вѣроятно пародія на Омира, у котораго читаемъ:

Τρισμάκαρες Δαναοί (Од. 153.)

96) Это едвали не колкій намекъ на обычай Эврипида давать невольникамъ въ трагедіяхъ важныя мѣста, и на софистическія тонкости самаго поэта.

97) Холиды — димосъ Эгеидской филы. Холисъ — городъ въ Аттикѣ.

98) — Какъ боги и герои, которыхъ онъ заставляетъ въ своихъ трагедіяхъ являться на сцену посредствомъ машинъ.

99) Буквальный переводъ этого мѣста такой: «ты, поднявши ноги, занимаешься тѣмъ, что можно дѣлать, и опустивши ихъ внизъ».

100) Намекъ на многихъ лицъ Эврипидовой трагедіи. Дикеополидъ не удивляется, что у Эврипида выходило много храмыхъ; потому что имъ не разъ приходилось падать сверху, гдѣ сидѣлъ трагикъ.

101) Изъ Тилефа.

102) Намекаетъ на длинные прологи Эврипида.

103) У Эврипида была цѣлая трагедія съ именемъ Эней. «Финикіянинъ Филоктитъ, Беллерофонтъ, Тилефъ и Ѳіестъ» также трагедіи, отъ которыхъ остались намъ одни отрывки. Всѣ эти герои Эврипидовыхъ драмъ — калѣки, убогіе и нищіе. Дикеополидъ проситъ рубищъ Тилефа, потому что этотъ былъ хромъ, нищъ и главное — мастеръ болтать. Это упрекъ Эврипиду за неумѣстныя разглагольствованія и болтовню, которыя встрѣчаются въ его трагедіяхъ.

104) Здѣсь намекъ на данное Эврипидомъ дирявое платье, сквозь которое можно все видѣть.

105) Объ этой шапочкѣ упоминается въ «Тилефѣ», изъ котораго взяты и два послѣдующіе стиха.

106) Это благожеланіе опять взято изъ Тилефа.

107) Буассанадъ думаетъ, что и здѣсь пародія на какое нибудь, потерянное для насъ, мѣсто изъ Тилефа.

108) Хилые старики, у которыхъ трясутся руки и ноги, скрывали подсвѣчникъ въ плетанкахъ, чтобы не погасить огня.

109) Колкая ироніа; потому что мать Эврипида была изъ низкаго сословія, занималась продажей огородныхъ овощей и, какъ кажется, была неправственнѣе нашихъ мелкихъ торговокъ.

110) Т. е. или своими трагедіями, которыя дарятъ мнѣ, или тѣмъ, что отказываешъ въ моей просьбѣ.

111) Цѣль, для которой Дикеополидъ проситъ горшка съ губкой, по мнѣнію комментаторовъ, можетъ быть троякая: 1) Въ горшечкахъ хранилась губка,

Digitized by Google

напитанная медомъ; ее давали сосать младенцамъ, чтобы они не плакали и не просили ѣсть. Значитъ, этой просьбой Дикеополидъ могъ дать знать Эвринду, что она будетъ послѣдняя. 2) Бѣдняки затыкали губками скважины въ старыхъ посудинахъ, — чѣмъ Дикеополидъ могъ указать на свою нищету и пробудить въ трагикѣ состраданіе. 3) Третьи же, преимущественно новѣйшіе комментаторы, предполагаютъ, что Дикеополидъ просилъ горшка, чтобы вмѣсто шлема покрыть имъ голову. Губкой же древніе наполняли пустоту шлема, чтобы, въ случаѣ удара въ голову, ослабить его силу. Въ этихъ же словахъ есть намекъ и на Телефа. Поэтому случаю Воссій предлагаетъ новое и, кажется, лучшее толкованіе—именно что бѣднякъ Телефъ носилъ въ горшкѣ губку, которою отиралъ на себѣ потъ и пыль, какъ Вулканъ у Омира (11, 18, 414).

112) Это—пища бѣдняковъ въ Аѳинахъ (смотри *Πλοῦτος* 554). Дикеополидъ смѣется надъ Эврипидомъ, какъ сыномъ торговки.

113) Это опять пародія на одно мѣсто Эврипидова Энея.

114) Скандикъ—дикая трава, похожая на кервель. Въ «Всадникахъ» упоминается, что мать Эврипида продавала и эту траву. По словамъ же Плиніи (Hist. nat. XXII), Дикеополидъ укоряетъ Эврипида за то, что его мать продавала вмѣсто огородныхъ овощей скандикъ.

115) Этотъ монологъ напоминаетъ Ифигенію въ Тавридѣ Эврипида (ст. 336).

116) Опять пародія на Эврипида.

Μή μοι φθονήσητ' ἄνδρες Ἑλλήνων ἄχροι,
Εἰ πτωχὸς ὢν τέτληκ' ἐν' ἐσθλοῖσι λέγειν.

говоритъ онъ въ Телефѣ.

117) Смотри выше 89-е примѣчаніе.

118) Метикъ.— пришлецъ, переселенецъ, живущій подъ покровительствомъ законовъ того города, въ которой переселился;—противуполагается слову «гражданинъ» (*πολίτης*).

119) Городъ въ Лаконіи, лежавшій на мысѣ Тенарскомъ, гдѣ былъ храмъ Посидона.

120) Поэтъ намекаетъ на землетрясеніе въ Спартѣ, случившееся немного послѣ нарушенія Спартанцами права убѣжища, когда они захватили въ храмѣ Посидона бѣжавшихъ туда Илотовъ (Смотри Ѳук. 1,128; Логист. ст 1142). Ѳукидидъ разсказываетъ, что въ предшествовавшую этому году зиму и слѣдующее лѣто были частыя землетрясенія по всей Греціи.

121) *Χλανίσκιον*—шерстяное верхнее платье, приготовляемое Мегарянами. безпошлинный ввозъ его въ Аѳины былъ запрещенъ.

122) Соль была главнымъ предметомъ торговли Мегарянъ.

123) Симеѳа — Мегарская гулящая женщина. Объ этомъ классѣ Мегарскихъ женщинъ была поговорка: *Μεγαρικαὶ σφίγγες*. Мнѣніе Свиды, будто Перикль былъ виновникомъ упоминаемаго здѣсь похищенія, бездоказательно и опровергается обстоятельствами времени, въ которое оно случилось.

124) Аспазія — знаменитая любовница Перикла, на которой онъ послѣ и женился, была образованнѣйшая женщина своего времени, извѣстная софистка и преподавательница риторики (смотри S. Athen. 13, 3, 569 и т. д.). Что же касается до ея подругъ, то съ одной изъ нихъ, по мнѣнію древнихъ, Перикль дѣйствительно былъ въ связи.

125) Здѣсь видѣнъ близорокій взглядъ поэта на Перикла и на причины Пелопоннисской войны. Древніе комментаторы большею частію повторяли за Аристофаномъ это мнѣніе. Но новѣйшая историческая критика совершенно опровер-

Digitized by Google

гла его (см. Якобс. dissertat. germ. de conditione foeminarum Atheniensium vol. III, partis. 2, pp. 207, Ass. 9).

126) Вотъ что говоритъ Цицеронъ о причинѣ, по которой Периклъ такъ названъ былъ: qui si tenui genere uteretur, nunquam ab Aristophane poeta fulgere, tonare permiscere Graeciam dictus esset (orat. ad M. Brutum. 29). И Плутархъ въ жизнеописаніи Перикла, говоря о характерѣ и силѣ его краснорѣчія, прибавляетъ: «отсюда, безъ сомнѣнія, и прозваніе, которое дали ему». Нѣкоторые же думаютъ, что Периклъ названъ Олимпійцемъ или за возведеніе многихъ великолѣпныхъ зданій въ Аѳинахъ, или за могущество, которое являлъ онъ и въ мирѣ и въ войнѣ. Но изъ контекста этого мѣста видно, что, дѣйствительно, необыкновенная сила рѣчи дала ему это прозвище.

127) Схоліями (*σχόλια* т. е. *μέλη* или *ἄσματα*) назывались застольныя пѣсни, сложенныя Терпандромъ. Другой Греческій поэтъ Тимокреонъ Родосскій написалъ такую же пѣснь противъ богатства. Въ началѣ этой пѣсни находится выраженіе, сходное съ тѣмъ, въ какомъ Периклъ постановилъ рѣшеніе противъ Мегарянъ.

Вотъ слова Тимокреона:

Ὤφελες, ὦ τυφλέ Πλοῦτε
Μήτε γῇ μητ' ἐν θαλάττῃ
Μητ' ἐν ἠπείρῳ φανῆναι
Ἀλλά Τάρταρον τε ναίειν
Καχαίροντα διὰ σὲ γὰρ
Πανθ' ἐν ἀνθρώποις κακά.

А Периклъ въ своемъ опредѣленіи говоритъ: *Μεγαρέας μήτε ἀγορᾶς, μήτε θαλάττης, μήτ' ἠπείρου μετέχειν.*

128) Т. е. война съ Лакедемонянами.

129) Выраженіе, взятое изъ Тилефа.

130) Не большой островокъ, принадлежавшій Аѳинянамъ.

131) Число, которое должны были выставлять Аѳины.

132) Командиры судовъ.

133) Т. е. вступающимъ въ службу морякамъ.

134) По выступленіи въ походъ на носахъ судовъ обыкновенно ставили деревянныя, позолоченныя статуи Паллады (Аѳины), покровительницы города.

135) Предметы, здѣсь перечисленные, составляли богажъ кораблей.

136) Это изъ Тилефа.

137) На щитѣ, который носилъ Ламахъ, было изображеніе Горгоны.

138) Т. е. щитъ съ изображеніемъ Горгоны.

139) Хвастунъ (*κομπολάκυθος*). Здѣсь Аристофанъ выдумываетъ имя птицы, чтобы изобразить тщеславіе и спѣсь Ламаха.

140) Quin me verum facis? Дѣло идетъ о педерастіи.

141) Т. е. Невѣжды и презрѣнные люди.

142) Тизаменофенипны, Панургиппархиды, Геритоѳеодоры и Діоміалазоны—слова составныя, въ которыхъ звучатъ собственныя имена людей, извѣстныхъ тогда распутной жизнью и хвастливостью, Тизимена Фенипна, Ипиархида, Герита, Ѳеодора и Діомія.

143) Харитъ—личность, о которой мы ничего не знаемъ. Хаоны—народъ жившій на континентѣ. Аристофанъ упоминаетъ объ нихъ во Всадникахъ:

ὁ πρωκτός ἐστὶν αὐτάχρημ' ἐν Χαόσιν·

144) Камарина и Гела — города въ Сициліи. На ряду съ ними поэтъ ставитъ вымышленный городъ Катагелу (*κατάγελα*) съ названіемъ, которое означаетъ

Digitized by Google

«обмѣяніе, позоръ». Кажется, эта насмѣшка направлена противъ Лахеса, который командовалъ около этого времени Аѳинскимъ флотомъ, отправленнымъ противъ Сициліи. (Смотри Ѳук. III, 86, 88. 90, 99, 103, 115).

145) Мариладъ и Принидъ — имена, усвоенныя Ахарнянскимъ угольщикамъ. Мариладъ отъ *μαρίλη* уголь, а Принидъ отъ *πρῖνος* дубъ. Евфоридъ—имѣющій силу носить большія тяжести.

146) Извѣстенъ сынъ Кисиры Мегаклъ, современникъ Писистрата и отецъ Клисѳена, который измѣнилъ правленіе въ Аѳинахъ послѣ изгнанія Писистратидовъ. Что же касается до Алкивіада, который происходилъ отъ Кисиры по матери: то острота относительно долговъ дѣлаетъ приложеніе этого мѣста къ нему сомнительнымъ, хотя ниже онъ и будетъ названъ между молодыми ритора ми крикунами (ст. 716).

147) Аѳинскіе граждане обыкновенно платили въ государственную кассу извѣстную подать, и тѣ, которые не исполняли этого постановленія, считались безчестными и были принуждаемы силой къ уплатѣ причитавшейся на нихъ суммы. Поэтъ намекаетъ здѣсь на то, что Мегаклъ и Ламахъ были сначала бѣдны а послѣ разбогатѣли незаконными путями на счетъ города.

148) Вооружиться — *ἀποδύειν*, что собственно значитъ раздѣваться, снимать съ себя одежду. Метафора взята отъ обычая аѳлитовъ снимать съ себя платье для большаго удобства въ пляскѣ и и для увертливости въ состязаніяхъ.

149) Эта часть комедіи называлась «парабасисъ.» Въ ней хоръ, или его предводитель, забывая о томъ, что происходило на сценѣ, обращался къ зрителямъ, чтобы поговорить съ ними, или о самомъ поэтѣ, или о дѣлахъ общественныхъ. Въ рѣчи, здѣсь предлагаемой, Аристофанъ отвѣчаетъ обвинявшимъ его въ ѣдкихъ насмѣшкахъ надъ государствомъ, и развиваетъ мысль, что онъ ставитъ себѣ этотъ упрекъ не въ порокъ, но въ величайшую заслугу, за которую государство должно быть ему благодарнымъ.

150) Увѣнчанные фіалками. Виландъ говоритъ, что Аѳиняне были такіе же любители фіалокъ, какъ Римляне—розъ, и охотно прислушивались къ этому эпитету, данному имъ еще Пиндаромъ. «*Αἱ λιπαραὶ καὶ ἰοστέφανοι Ἀθῆναι*» (fragm. p. 74. Dithyramb. 10, также см. *Εἰρήνη* 563. *Ἱππεῖς* 1329). Этой то слабостію Аѳинянъ пользовались льстецы и вообще всѣ, кому хотѣлось склонить ихъ къ содѣйствію въ своихъ необдуманныхъ и часто преступныхъ замыслахъ.

151) «На свои сидѣльца». *Ἐπ' ἄκρων πυγιδίων ἐκάθησθε* — собственно «на садились на оконечности задницы». Это выраженіе напоминаетъ Софокла, въ «Аяксѣ» котораго (ст. 1141) мы читаемъ: *Ἐπ' ἄκρων τῶν ὀνύχων* (ходить на кончикахъ ногтей, или на цыпочкахъ). Такъ ходили и ходятъ льстецы и вообще нравственно-низенькіе люди предъ сильными міра сего, особенно охотниками до лести. А эти послѣдніе дѣйствительно, выслушивая лесть, отъ восторга часто не сидятъ покойно, но, по мѣткому выраженію Аристофана, *Ἐπ' ἄκρων πυγιδίων*.

152) Аѳиняне получили названіе *λιπαραί*, — что значитъ жирные, блестящіе, — или за свое богатство, или отъ оливъ, которые росли въ этой странѣ (см. Эврип. *Τροαδ.* 776 и *Ἄλκ.* 435).

153) Дѣйствительно, въ числѣ причинъ, породившихъ Пелопоннисскую войну было занятіе Аѳинянами острова Эгины (смотр. Ѳук. 1, 139).

154) Одни говорятъ, что Аѳиняне, по изгнаніи съ острова туземцевъ, населили его своими колонистами и раздѣлили между ними поля его. Въ числѣ получившихъ участокъ, думаютъ, былъ и Аристофанъ. Но на это нѣтъ указаній у древнихъ. По мнѣнію другихъ, поэтъ только писалъ на этомъ островѣ свои комедіи, и потому Лакедемоняне надѣялись тамъ захватить его. Третьи, наконецъ, думаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о самомъ Аристофанѣ, а объ одномъ изъ его

168) Поверните ко мнѣ свое брюхо—*ποτέχετ' ἐμὶν τὸν γαστέρα*—вмѣсто *ποτέχετ' ἐμὶν τὸν νοῦν* обратите на мои слова вниманіе.

169) Поросята приносились въ жертву Димитрѣ.

170) Мегарянинъ говоритъ «*διαπεινάμεν*, или *διαπεινῶμεν* — голодуемъ» вмѣсто того, чтобы сказать: *διαπίνομεν* распиваемъ; потому что пощойка происходила у Аѳинянъ при очагахъ. Отъ того Дикеополидъ, принимая по созвучію слово „*διαπεινῶμεν*" въ послѣдчемъ значеніи, и говоритъ «ну сидѣть....» и т. д.

171) Музыканты составляли у Грековъ принадлежность каждаго пира.

172) Соль получалась съ острова Нисеи, принадлежавшаго Мегарянамъ. Хотя Аѳиняне въ это время еще не владѣли упомянутымъ островомъ, поступившимъ подъ ихъ власть только въ 8-й годъ Пелопоннисской войны (Ѳук. 4, 69): но производство и полученіе оттуда соли уже и въ это время было затруднительно, по причинѣ блокады береговъ этого острова Аѳинскимъ флотомъ.

173) Дикеополидъ, вытащивъ наряженную поросенкомъ дѣвочку, смотритъ на ея *αἰδοῖον* и недовѣрчиво спрашиваетъ, «что это такое»; потому что не находитъ сходства между *αἰδοῖον* обыкновеннаго поросенка и—того, котораго продаетъ ему Мегарянинъ.

174) Говоря—«что развѣ не поросенокъ» Мегарянинъ показываетъ Дикеополиду *αἰδοῖον* своей дочери. Весь комизмъ этой сцены основанъ на словѣ *χοῖρος*, которое значитъ, и поросенокъ и женскій *αἰδοῖον*. Чтобы не оскорбить нравственнаго чувства читателей, мы должны были переводить это слово въ однихъ первомъ значеніи; тѣмъ болѣе, что точный переводъ этой сцены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ невозможенъ, какъ и вообще передача каламбуровъ на другіе языки.

175. Греки, какъ мы выше замѣтили, и поросенка и женскій *αἰδοῖον* называли *χοῖρος*. Здѣсь слово *χοῖρος*, переведенное нами въ первомъ значеніи, должно быть принято во второмъ. Тогда понятны будутъ и послѣдующія слова какъ Дикеополида, такъ и Мегарянина.

176) Діокълъ — какой-то герой, чтимый въ Мегарѣ. Мегаряне совершали въ честь его игры, которыя назывались его именемъ. Ѳеокритъ упоминаетъ объ нихъ:

Νισαῖοι Μεγαρῆες ἀριστεύοντες ἐρετμοῖς,
Ὄλβιοι οἰκείητε τὸν Ἀττικόν, ὡς περίαλλα
Ξεῖνον τιμήσασθε Διοκλέα τὸν φιλόπαιδα (12, 27).

177) Подстрочный Латинскій переводъ этой фразы такой: Sed si probe nutriatur, cunnus (*κύσθος*) fiet.

178) Собственно не поросенокъ; а *κύσθος*, или *αἰδοῖον γυναικῶν*.

179) Потому что это—женщина, а не поросенокъ, который требовался для жертвоприношенія Афродитѣ.

180) Подъ словомъ *χοῖρος* Дикеополидъ опять разумѣетъ *αἰδοῖον*.

181) Изъ предъидущихъ комментарій эта аллегорія понятна безъ объясненій.

182) *Ἐρέβινθος* горохъ. Но Греки называли также и *αἰδοῖον ἀνδρός*. Дикеополидъ употребляетъ здѣсь это слово скорѣе въ послѣднемъ, чѣмъ въ первомъ значеніи.

183) Обжорный — *τραγασᾶια* отъ *τρώγειν* ѣсть. Это имя вымышленнаго самимъ же поэтомъ города.

184) Этими словами Аристофанъ указываетъ на крайнюю бѣдность, до которой довела Мегарянъ Пелопоннисская война. То, что прежде они продавали, теперь сами покупаютъ и — какой цѣной!...

185) Является Сикофантъ, и поэтъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы на-

пасть на Аѳинянъ за то, что они позволяютъ сутягамъ и ябедникамъ размножаться въ городѣ.

186) Кто желаетъ знать, какъ картавили Мегаряне: пусть обратится къ Греческому подлиннику. Удержать же эту черту въ переводѣ нѣтъ возможности.

187) *Φαίνειν* — значитъ: и свѣтить, и доносить на кого нибудь. Игра словомъ, не переводимая на другой языкъ.

189) Намекъ на бѣдственное положеніе жителей Мегары во время войны.

190) За недостаткомъ похлёбки.

191) Ктисій осмѣивается, какъ сутяга; Препидъ, какъ развратникъ; Клеонимъ, какъ обжора, мотъ и трусъ. Кратинъ плохой лирическій поэтъ и волокита. Иперволъ—стратигъ Аѳинскій, извѣстный своею страстью къ тяжбамъ. Онъ втягивалъ въ эти тяжбы преимущественно богатыхъ, чтобы побольше сорвать съ нихъ. Уловка обыкновенная во всѣ времена! Это-то Аристофанъ и имѣетъ въ виду, когда говоритъ: «ты спокойно пройдешь въ своей блестящей одеждѣ».

192) Павзонъ — дурной живописецъ.

193) Холаргейцы — народъ, жившій въ Аттикѣ, Акамантидской филы.

194) Лизистратъ, извѣстный своею изнѣженностію. По другимъ — бѣдный кормчій; его называли *Χηναλωπηξ* (египетскій гусь, живущій въ норахъ подобно лисицамъ).

195) Приходитъ одинъ Віотіецъ и жалуется на боль отъ мозоли, которую натеръ на плечѣ, во время носки груза съ мятой. Это растеніе (mentha, pulegium) Віотійцы разводили въ своихъ садахъ и торговали имъ.

196) Исменихъ — слуга.

197) Ѳиванскіе трубачи, или флейтисты *(αὐλιταί)*, какъ нынѣшніе шарманщики, ходили по всей Греціи, добывая себѣ своимъ искусствомъ кусокъ хлѣба. Аѳиняне, сами заботившіеся о развитіи этого рода музыки, можетъ быть и изъ соперническа ненавидѣли ихъ.

198) Собственно: «дуйте костяными трубочками въ собачій задъ». Эти трубочки, дѣлались изъ слоновой кости и собачьей кожи.... Аристофанъ примѣняетъ къ настоящему случаю насмѣшку, съ которой Греки обращались къ подслѣпымъ и вообще больнымъ глазами. *Εἰς πρωκτὸν κυνὸς βλέπε* (смотр. Ἐκκλησ... 255 ст.), говорили они имъ.

199) Худой Ѳиванскій флейтистъ.

200) Герой, котораго чтили въ Ѳивахъ.

201) Віотіецъ несъ ее за плечами. Онъ благодаритъ музыкантовъ за то, что они отстали отъ него.

202) *Κόλλιξ* — собственно грубый, небольшой хлѣбъ продолговатой формы.

203) Пародія на стихъ Эсхила: *Δέσποινα πεντήκοντα Νηρειδῶν (Νηρηδῶν) κορῶν (ὄπλων). Κωπαΐς* — озеро въ Віотіи, славилось своими угрями.

204) Морихъ — извѣстный роскошью и сибаритствомъ. Отъ Аристофана не разъ достается ему (см. *Εἰρήνη* 1005 — 1015).

205) Это мѣсто показываетъ, что Аристофанъ писалъ «Ахарнянъ» въ шестой годъ Пелопоннисской войны. Прекращеніе торговыхъ сношеній съ Віотійцами не позволяло Аѳинянамъ ѣсть Копаидскихъ угрей (см. выше).

206) Пародируетъ Еврипида, у котораго Адмитъ говоритъ женѣ: *μήδε γαρ θανών ποτε Σοῦ χωρὶς εἶην, τῆς μόνης πιστῆς ἐμοί* (Ἄλκ. 358).

207) Одинъ изъ сикофантовъ.

208) Говоря эти слова, Дикеополидъ стягиваетъ сикофанта, который стонетъ и кричитъ отъ боли. Этотъ крикъ и подаетъ хору поводъ сдѣлать слѣдующій за тѣмъ вопросъ.

209) Дикеополидъ играетъ словомъ „*θερίζω*“, которое значитъ: 1) жну и

Digitized by Google

2) низвергаю, давлю, убиваю. По мнѣнію же другихъ комментаторовъ, словами „*μέλλω θερίζειν*“ Дикеополидъ намекаетъ на дороговизну жнецовъ въ военное время, и, чтобы получить больше заработковъ, спѣшитъ самъ сдѣлаться жнецомъ.

210) Праздникъ Хой установленъ по случаю прихода Ореста въ Паллѣну, послѣ убійства имъ своей матери. Онъ отправлялся, по мнѣнію однихъ, 8-го Піанепсіона (приблизительно соотвѣтствуетъ нашему 22-му октября); а по другимъ — 10-го Анѳестеріона (25-го февраля). Этотъ праздникъ составлялъ часть цѣлаго, называемаго праздникомъ Линей, который посвященъ былъ Діонису. Кромѣ праздника Хой, къ нему принадлежали праздники Хитръ и Пиѳигій. Всѣ они назывались, по словамъ Аполлодора, Анѳестеріями (смотр. схол. и Плутар.)

211) Пародія на какую-то пѣснь.

212) Между пѣснями цикла Аѳинскаго была одна знаменитая въ честь Армодія и Аристогитона, освободителей отечества отъ ига Писистратидовъ. Она считалась принадлежностію каждой пирушки; такъ что «пѣть съ кѣмъ нибудь пѣснь Армодія» сдѣлалось синонимомъ ужина съ кѣмъ нибудь. Къ сожалѣнію, до насъ дошло только ея начало, и вотъ оно: *Φίλτατε Ἁρμόδιε. οὔτι πού τέθνηκας.* Каллистратъ же говоритъ, что она начиналась словами: *Ἐν μύρτου κλάδι τὸ ξίφος φορήσω* (Brunc. Anol. 1 p. 155). Не лишне упомянуть здѣсь и о другой пѣсни, назначавшейся для той же цѣли. Она пѣлась въ честь Адмита и начиналась словами: *Ἀδμήτου λόγον ὦ ταῖρε, μαθὼν τοὺς ἀγαθοὺς φίλει, Τῶν δειλῶν δ' ἀπέχου, γνοὺς, ὅτι δειλοῖς ὀλίγη χάρις.*

Богачи во время раскошныхъ баловъ выкидывали предъ дверями своихъ домовъ куриныя, или какія нибудь другія перья, чтобы проходящіе догадывались по этому знаку, что въ домѣ пиръ-горой.

213) Киприда—богиня мира. Афродита и Хариты—покровительницы брака. Браки и торжества совершаются, по преимуществу, во время мира.

214) Схоліастъ говоритъ, что Аристофанъ здѣсь дѣлаетъ намекъ на картину Зевксиса, которая представляла красавца Эрота украшеннаго розами; она стояла въ Аѳинахъ, въ храмѣ Афродиты (*Плоѵт.* 385; *Αἰσχύλου Εὐμεν.* 50).

215) Ктисифонтъ осмѣивается, какъ толстякъ и брюханъ. Вмѣсто «мѣхъ Ктисифонта» точнѣе было бы сказать: «мѣхъ, величиною съ брюхо Ктисифонта.» Въ праздникъ Хой было въ обычаѣ биться объ закладъ, кто прежде всѣхъ выпьетъ кубокъ. Одержавшій верхъ получалъ вѣнокъ изъ листьевъ и мѣхъ вина. А по другимъ, въ этотъ праздникъ ставили состязующихся на надутый мѣхъ, и тотъ, кто выпивалъ прежде всѣхъ свой кубокъ, получалъ и самый мѣхъ. Исполненіе этихъ закладовъ происходило подъ звуки музыки.

216) Въ это время вѣстникъ посредствомъ трубы приглашаетъ всѣхъ на праздникъ Хой.

217) Фила — названіе деревни и народа. Въ послѣднемъ значеніи мы встрѣчаемъ это слово у Менандра: *νομίζετ' εἶναι τὸν τόπον Φυλήν* (Br. Plut. 1142).

218) Имя поселянина.

219) Народные врачи должны были лечить безмездно. Дикеополидъ говоритъ, что не принадлежитъ къ числу этихъ врачей, намекая на то, что онъ заключилъ миръ не отъ имени всего народа, а отъ своего только — и притомъ для одного себя.

220) Питталъ — врачь, преподававшій своимъ ученикамъ окулистику.

221) Родъ рыбы.

222) Дикеополидъ поддразниваетъ хоръ голодныхъ стариковъ, перечисляя предъ ними лакомыя кушанья, которыя готовитъ для себя, благодаря заключенному миру. По этому-то хоръ и говоритъ ему «ты уморишь и т. д.....»

Digitized by Google

223) Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ: *ὅπως ἂν οἰκουρῇ τὸ πίος τοῦ νυμφίου.*

224) Въ подлинникѣ — каламбуръ, основанный на созвучіи словъ: *Μάχοι καὶ Λαμάχου.*

225) Подъ жилищемъ поэтъ разумѣетъ самаго Ламаха, покрытаго щитомъ и разнымъ оружіемъ. Растянутость и высокопарность фразы намекаетъ на хастливость и склонность Ламаха къ многословію.

226) Хои праздновались во второй, а Хитры въ третій день праздника Линей (см. примѣч. 210). Ѳеопомпъ говоритъ, что въ 1-й день спасавшіеся отъ потопленія варили въ горшкахъ смѣсь разныхъ сѣмянъ; отъ чего этотъ день и получилъ названіе праздника Хитръ (горшковъ). Во второй же приносили умилостивительныя жертвы Эрмесу, какъ богу земли. Дидимъ, впрочемъ, утверждаетъ, что Хитры и Хои совершались въ Аѳинахъ въ одинъ день; при чемъ разнаго рода вареныя сѣмена приносили въ жертву Діонису и Ермесу.

227) Войно — Ламахическое *(πολεμο-λαμαχαϊκον)* войско также, какъ, напримѣръ, Коринѳское, *(κορινθιακόν)*, т. е. иностранное, враждебное Аѳинамъ.

228) «Съ четырехъ-перымъ» вм. съ четырехъ-головымъ. Дикеополидъ намекаетъ на украшенную перьями каску Ламаха. Смыслъ этого мѣста толкуютъ различно. Схоліастъ думаетъ, что оно значитъ: «хочешь ли сразиться съ непобѣдимымъ Геріономъ». Этотъ Геріонъ, по преданію, боролся съ Ираклемъ и въ промежедшемъ поединкѣ былъ имъ убитъ. По контексту же должно быть на оборотъ. При томъ здѣсь не видно никакого комизма. Другіе справедливѣе разумѣютъ подъ четырехъ-перымъ четвероногое животное и именно собаку, которую Дикеополидъ называетъ Геріономъ *(γηρυόνη)* отъ *γήρυς* — крикъ, лай.

229) Приглашавшіе на ужинъ приготовляли вѣнки, благовонныя масти и разныя лакомства. Приглашенные же должны были приносить вареныя кушанья и свои кубки, чтобы не пить изъ чужихъ,— послѣ сдѣланнаго Орестомъ преступленія. Эти кушанья укладывались и носились въ корзинахъ. Поэтому Дикеополидъ и приказываетъ слугѣ взять кубокъ и корзину.

230) Въ праздникъ Вакха жрецъ, обыкновенно, задавалъ публичный пиръ.

231) Т. е. пѣсенники.

232) Дешевая солдатская пища.

233) Въ приготовленіи этихъ потрошковъ комментаторы находятъ сходство съ англійскимъ пудингомъ.

234) Порядокъ дальнѣйшаго разговора Ламаха съ Дикеополидомъ перебитъ. Чтобы объяснить его смыслъ, комментаторы предлагаютъ каждый свою перестановку стиховъ въ этомъ мѣстѣ. Я держался разстановки, принятой въ изданіи Бёте.

235) Кузнечики или акриды — пища бѣдняковъ Аѳинскихъ, а дрозды — богачей. Тайная мысль Дикеополида такая: Ламахъ прежде жилъ въ довольствѣ, а теперь съ своимъ воинственнымъ настроеніемъ дошелъ до нищеты и долженъ питаться кузнечиками. Отъ того-то вопросъ Дикеополида и пробуждаетъ въ немъ такое негодованіе.

236) Одинъ изъ способовъ гаданья.

237) Это противъ Дикеополида.

238) *Θώραξ* значитъ панцырь и кубокъ.

239) Т. е. наступаетъ стужа.

240) Дикеополидъ отправляется на ужинъ, а Ламахъ на войну.

241) Въ переводѣ опущены мною слова: *ἀνατριβομένω τε τὸ δεῖνα* (т. е. *αἰδοῖον*).

242) Обязанность хорага была содержать театръ и актеровъ на свой счетъ.

Digitized by Google

Схоліастъ говоритъ, что Антимахъ, въ бытность свою хорагомъ, издалъ постановленіе, по которому комикъ не имѣлъ права выводить въ комедіи живое лицо подъ его собственнымъ именемъ. Въ слѣдствіе этого многіе поэты отказались брать хоръ; отъ чего участвовавшіе въ немъ *(χορευταί)*, естественно, должны были много потерять. Другіе же думаютъ, что, будучи хорошимъ поэтомъ, Антимахъ отдѣлялъ въ своихъ произведеніяхъ очень не много для хоровъ.

243) Т. е. лишилъ жалованья.

244) Схоліастъ говоритъ, что это не тотъ комическій поэтъ, о которомъ упоминается выше.

245) Вмѣсто того, чтобы сказать: «отъ ушиба у него вскочилъ жолвакъ на головѣ».

246) Подъ павлинымъ перомъ Аристофанъ разумѣетъ или самаго Ламаха извѣстнаго своею хвастливостію, символомъ которой служитъ павлинъ, — или дѣйствительное перо, украшавшее султанъ вождя.

247) Пародія на какого-то трагика.

248) Дикеополидъ играетъ словомъ „доля“ *(συμβολή)*, употребляя его въ другомъ значеніи. У Грековъ былъ обычай, по которому приглашаемые въ торжественные дни на пиръ платили извѣстную сумму.

249) Имя Аполлона, котораго чтили, какъ бога медицины. Раненый Ламахъ зоветъ его на помощь, а Дикеополидъ принимаетъ это восклицаніе въ смыслѣ названія праздника съ тѣмъ же именемъ, который былъ установленъ въ честь Аполлона и Аѳины. (Pausan. att. cap. 34).

250) Собственно: *Ἐμοῦ δὲ σφω τοῦ πέους ἄμφω μέσου προςλάβεσθε* (vos autem meum penem ambae medium praehendite).

251) Въ подлинникѣ: *ἐγὼ καθεύδειν βούλομαι καὶ στύομαι καὶ σκοτοβινιῶ.*

252) Дикеополидъ проситъ отнести его къ судьямъ попойки, чтобы получить отъ нихъ мѣхъ въ премію за то, что перепилъ всѣхъ. Второй архонтъ назыв. *βασιλεὺς* (царь). На немъ лежала обязанность раздавать награды побѣдителямъ на торжественныхъ играхъ. Здѣсь Дикеополидъ или въ пьяномъ бреду примѣняетъ свою побѣду надъ собутыльниками къ упомянутымъ побѣдамъ на играхъ, или высказываетъ тайную мысль самаго Аристофана, считавшаго себя достойнымъ первой награды за эту комедію.

Digitized by Google

ное мѣсто, въ которомъ онѣ легче могутъ дожидаться будущаго суда. Святою водою никто неокропляется самъ, а кропитъ только священникъ; они не освящаютъ кладбищъ для погребенія тѣлъ: потому, что, по ихъ мнѣнію помазанныя и освященныя тѣла освящаютъ самую землю, а не земля (освящаетъ) тѣла.

ПОКЛОНЕНІЕ СВЯТЫМЪ.

Между святыми они преимущественно чтятъ Николая Барскаго и безпрестанно разсказываютъ о многочисленныхъ чудесахъ его: кстати приведу здѣсь одно, которое случилось занѣсколько лѣтъ назадъ. Нѣкто Михаилъ Кизалетскій, человѣкъ знатный и отважный, въ одной стычкѣ съ Татарами погнался за какимъ-то знатнымъ Татариномъ; ускоривъ бѣгъ лошади и все таки немогши догнать его, онъ произнесъ: «Николай, доведи меня до этой собаки!» Услышавъ это Татаринъ, вскричалъ въ страхѣ: «Николай! если онъ нагонитъ меня при твоей помощи: ты не сдѣлаешъ никакого чуда. Если же ты сохранишъ невредимымъ отъ его преслѣдованія меня, чуждаго твоей вѣрѣ, то тогда велико будетъ имя твое». Говорятъ, что лошадь Михаила остановилась, и Татаринъ ускользнулъ. Притомъ прибавляютъ, что съ того времени Татаринъ ежегодно приносилъ Николаю въ даръ за свое спасеніе нѣсколко мѣръ меду и посылалъ, въ память своего избавленія, столко же мѣръ и сверхъ того богатую одежду, изъ мадьярскихъ кожъ Михаилу.

ПОСТЪ.

Въ четыредесятницу они постятся непрерывно семь недѣль. На первой недѣлѣ употребляютъ молочное и называютъ ее Сырною; въ слѣдующія-же недѣли всѣ они, заисключеніемъ путешественниковъ, воздерживаются даже отъ рыбы. Нѣкоторые

Digitized by Google

Sabbato cibum sumunt, reliquis diebus ab omni cibo abstineant. Sunt item, qui diebus Solis, Martis, Jovis et Saturni, cibum sumunt, reliquis tribus quoque abstineant. Reperiuntur etiam plurimi, qui diebus Lunae, Mercurii et Veneris, panis frusto cum aqua sumpto contenti sunt. Reliqua per annum jejunia non ita stricte observant: jejunant autem post octavam Pentecostes, quae illis est dies omnium Sanctorum, usque ad ferias Petri et Pauli: et dicitur jejunium Petri. Deinde habent jejunium Divae Virginis, a prima Augusti usque ad Assumptionem Mariae. Item jejunium Philippi, sex septimanis in adventu Domini, et dicitur Philippi: quod initium ejus jejunii contingit festum Philippi, secundum eorum Calendarium. Si denique festum Petri et Pauli, item Assumptionis, inciderit in diem Mercurii, aut Veneris, tum nec ea die carnibus vescuntur. Nullius sancti vigiliam jejunio venerantur, praeter decollationem S. Joannis, quam XXIX Augusti quotannis observant. Si denique in majori jejunio quadragesimae aliquis solennis dies, ut Annunciationis Mariae, inciderit, eo piscibus utuntur. Monachis autem multo graviora et molestiora jejunia imposita sunt, quos Kvuas, hoc est potu acetoso, et aqua cum fermento mixta, contentos esse oportet. Sacerdotibus quoque aqua mulsa et cervisia eo tempore sunt prohibita: licet nunc omnes leges ac statuta diffluant, vitienturque. Porro extra tempus jejunii, die Sabbato vescuntur carnibus, Mercurii vero abstinent.

Doctores quos sequuntur, sunt: Basilius magnus, Gregorius, et Ioannes Chrysostomus: quem dicunt Slatausta, id

Digitized by Google

принимаютъ пищу въ воскресенье и субботу, а въ остальные дни воздерживаются отъ всякой пищи; другіе принимаютъ пищу въ воскресенье, вторникъ, четвергъ и субботу, а въ остальные три дня не ѣдятъ. Весьма многіе также довольствуются кускомъ хлѣба съ водой въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Остальные посты въ году соблюдаются у нихъ не такъ строго. Они постятся съ восьмаго дня послѣ Пятидесятницы,— это у нихъ день всѣхъ Святыхъ,—и до праздника Петра и Павла. Этотъ постъ называется Петровскимъ. Потомъ унихъ есть постъ Пресвятой Дѣвы, отъ перваго августа до Успенія Богородицы; также постъ Филипповъ шестинедѣльный, продолжающійся до Рождества Господня и называемый Филипповымъ; потому что начало этого поста, по ихъ календарю, падаетъ на день Филиппа. Наконецъ если праздникъ Петра и Павла, а равно Успенія случится въ среду или въ пятницу: то и въ этотъ день они не употребляютъ мяснаго. Они не чествуютъ постомъ ни одного кануна святыхъ, кромѣ усѣкновенія главы Святаго Іоанна, которое сжегодно чтутъ 29 Августа. Сверхъ того, если въ великій постъ четыредесятницы случится какой нибудь праздникъ, какъ напримѣръ Благовѣщеніе Маріи, то въ этотъ день они употребляютъ рыбу. На монаховъ же наложены посты, гораздо труднѣйшіе и тягчайшіе; они должны довольствоваться квасомъ, т. е. кисловатымъ питьемъ и водой смѣшанной съ закваской *). Священникамъ такъ же на это время запрещены медовая вода (сыта) и пиво. Впрочемъ, нынѣ всѣ законы и постановленія падаютъ и нарушаются. Дѣйствительно, когда нѣтъ поста, они употребляютъ мясное въ субботу и воздерживаются въ среду.

Учители, которымъ они слѣдуютъ, суть: Василій Великій, Григорій и Іоаннъ Хризистомъ, котораго они называютъ зла-

*) Вѣроятно разумѣется сухарная вода.

est aureum os. Concionatoribus carent. Satis esse putant, interfuisse Sacris, ac Evangelii, Epistolarum, aliorumque doctorum verba, quae vernacula lingua recitat Sacrificus, audivisse: ad hoc, quod varias opiniones ac haereses, quae ex concionibus plerunque oriuntur, sese effugere credunt, festos dies proximae septimanae die Dominico annunciant, publicamque confessionem recitant. Principem porro ipsum quicquid credere aut opinari vident, id rectum, omnibusque sequendum esse statuunt.

Accepimus Moscovuiae, patriarcham Constantinopolitanum ad petitionem ipsius Mosci, misisse quendam monachum Maximilianum nomine, ut omnes libros, Canones, et singula statuta ad fidem pertinentia, in ordinem recto judicio redigeret. Quod cum fecisset, multisque et gravissimis erroribus animadversis, coram Principe pronunciasset, eum plane esse schismaticum, qui Romanum aut Graecum non sequatur ritum: haec inquam ubi dixisset, non multo post (etsi eum summa prosequeretur Princeps benevolentia) dicitur evanuisse, ac multorum opinione submersum esse. Agebatur tertius annus, dum nos Moscovuiae essemus, quando Marcus Graecus mercator quidam ex Capha, hoc idem dixisse ferebatur: captumque pariter (licet pro eo tum Turcarum orator improbis quodam modo precibus intercederet) sublatum e medio fuisse. Georgius Graecus cognomento Parvus, Thesaurarius, Cancellarius, supremusque consiliarius Principis, cum eandem causam quoque fueret, defenderetque, ab omnibus continuo officiis remotus, gratiaque Principis deciderat. Sedenim ejus opera carere Princeps cum haudquaquam posset, rursus in gratiam receptus, sed diverso erat officio praefectus. fuit enim vir singulari doctrina, et mul-

Digitized by Google

тоустомъ т. е. золотыя уста. Проповѣдниковъ унихъ нѣтъ. Они полагаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать слова Евангелія, посланій и другихъ учителей, которыя читаетъ священно-служитель на отечественномъ языкѣ. Притомъ они думаютъ избѣжать чрезъ это различныхъ толковъ и ересей, раждающихся большею частію отъ проповѣдей. Въ воскресенье объявляютъ праздники будущей недѣли и говорятъ вслухъ общее исповѣданіе вѣры. Далѣе имъ кажется, что все, во что только вѣритъ, или что думаетъ самъ князь, истинно; и потому они считаютъ это обязательнымъ для всѣхъ.

Мы слышали въ Москвѣ, что, по просьбѣ самаго Московскаго Князя, Константинопольскій Патріархъ прислалъ однаго монаха, поименн Максимиліана (т. е. Максима), чтобы онъ по здравомъ обсужденіи привелъ въ порядокъ всѣ книги, правила и отдѣльныя постановленія, касающіяся вѣры. Сдѣлавъ это и замѣтивъ многія, весьма важныя, ошибки, онъ назвалъ князя совершеннымъ схизматикомъ, не слѣдующимъ ни Греческому, ни Римскому обряду. Говорятъ, что вскорѣ послѣ этихъ словъ онъ пропалъ безъ вѣсти, а по мнѣнію многихъ, былъ утопленъ, хотя Князь и оказывалъ ему величайшее благоволеніе. Разсказываютъ, что на третій годъ нашего пребыванія въ Московіи, одинъ греческій купецъ изъ Кафы, Маркъ, говорилъ тоже самое, и точно также былъ схваченъ и приговоренъ къ смерти, хотя Турецкій Посолъ, усиленно ходатайствовалъ за него. Георгій Грекъ, по прозванію Малый, казначей, канцлеръ и высшій совѣтникъ князя немедленно былъ удаленъ отъ всѣхъ должностей и подвергся опалѣ за то, что поддерживалъ и защищалъ тоже самое дѣло. Но такъ какъ князь никакъ немогъ обойтись безъ его помощи, то онъ снова вошелъ въ милость, толко ему дали другую должность. Это былъ человѣкъ не обыкновенно ученый и мно-

Digitized by Google

tarum rerum experientia praeditus, qui cum matre Principis in Moscovuiam venerat: quem tantopere Princeps venerabatur, ut aegrotum semel cum ad se vocasset, primi nominis aliquot suis consiliariis demandaverat, ut illum in vehiculo sedentem, in suam habitationem usque ferrent. Sed cum in aulam esset advectus, ac tot tamque altis gradibus portari se recusaret, depositusque vehiculo, paulatim ad Principem ascenderet, hunc Princeps cum forte videret, stomachari graviter coepit, inque lectica collocatum ad se deferri jussit. tandem communicatis cum eo consiliis, negotioque confecto, in lectica virum per gradus deferendum jubet, semperque deinceps sursum ac deorsum portandum mandavit.

Religiosorum praecipua cura existit, ut quoslibet homines ad fidem suam perducant. Monachi heremitae bonam jam olim idololatrarum partem, diu multumque apud illos verbum Dei seminantes, ad fidem Christi pertraxerunt. Proficiscuntur etiamnum ad varias regiones Septentrionem versus et orientem sitas, quo non nisi maximis laboribus, famae ac vitae periculo perveniunt, neque inde aliquid commodi sperant, nec petunt: quin hoc unicum spectant, ut rem gratam Deo facere, et animas multorum devio errore abductas (morte aliquando doctrinam Christi confirmantes) in viam rectam revocare, ac eos Christo lucrificare queant.

Est etiam in Moscovuia praecipuum monasterium S. Trinitatis, quod XII miliaribus Ger. Occidentem versus a Moscovuia civitate distat, ubi S. Sergius sepultus, multa miracula edere dicitur, admirabilique gentium ac populorum concursu pietate que celebratur. Eo Princeps ipse saepe, vulgus vero quotannis certis diebus confluit, monasteriique liberalitate alitur. Perhibetur olla cuprea ibi esse, in qua certi cibi, et ut plurimum olus coquitur. Fit autem, ut sive pauci,

Digitized by Google

sive multi eo venerint, semper tamen cibi tantum remaneat, quo ejus monasterii familia saturetur: adeo ut nihil unquam desit, neque superfluat.

Gloriantur Mosci, se solos vere Christianos esse: nos vero damnant, tanquam desertores primitivae Ecclesiae, et veterum sanctarum constitutionum. Quod si quis nostrae religionis homo ultro ad Moscos transit, aut etiam invito domino ad eos profugit, quasi discendae et complectendae religionis eorum causa, eum negant dimitti, aut etiam repetenti domino reddi oportere: quod mihi etiam singulari quodam casu est compertum, quem huc inserendum putavi. Civis quidam Cracoviensis primarius, mihi in Moscoviam eunti commendarat, et pene invito tradiderat, quendam ex honesta Bethmanorum familia natum, nomine Erasmum, adolescentem non indoctum: potationi tamen usque adeo deditum, ut nonnunquam usque ad insaniam inebriaretur: meque frequenti sua ingurgitatione quandoque cogeret, ut ei compedes injiciendos curarem. Itaque erroris sui conscientia victus, associatis sibi Moscis tribus, et auriga meo Polono, nocte quadam e Moscovia urbe aufugit: et Occa fluvio tranato, versus Asoph iter intendit. Quo comperto, Princeps continuo suos veredarios, quos illi Gonecz vocant, quoquo versum dimisit, ut ex fuga tetraherentur. Hi cum in excubitores, qui adversus continuas Tartarorum incursiones illis in locis dispositi sunt, incidissent, et exposito eis hoc casu effecissent, ut ipsi quoque ad perquirendos fugitivos obequitarent: in hominem obvium incidunt, qui se beneficio noctis deseruisse diceret quinque equites, qui eum rectum iter ad Asoph sibi commonstrare coegissent. Itaque excubitores vestigiis illorum insistentes, cum noctu ignem, quem incende-

Digitized by Google

шанья, и попредимуществу огородныя овощи. Малоли, многоли соберется въ монастырь, народу: но пищи всегда останется отъ него столько, что ея достаточно для насыщенія монастырскаго причта; такъ что никогда нѣтъ ни излишка, ни недостатка.

Московиты хвалятся, что они одни только истинные христіане, и осуждаютъ насъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ святыхъ установленій. Если какой нибудь человѣкъ нашей вѣры перейдетъ къ Московитамъ добровольно, или даже убѣжитъ къ нимъ противъ воли своего господина, какъ бы для того, что-бы научиться ихъ вѣрѣ и принять ее: то они утверждаютъ, что не слѣдуетъ отсылать его, или даже возвращать по требованію господина. Это я узналъ по одну странному случаю, который и рѣшаюсь разсказать сдѣсь. Когда я ѣхалъ въ Московію, одинъ знатный краковскій гражданинъ отрекомендовалъ и, почти противъ моей воли, отдалъ мнѣ на руки какого-то Эразма, изъ почтенной фамиліи Бетмановъ, юношу образованнаго, но дотого преданнаго пьянству, что онъ напивался иногда до безумія и нерѣдко принуждалъ меня своими частыми попойками сажать его въ кандалы. Наконецъ измученный совѣстью за свой порокъ, онъ соединился съ тремя Московитами и съ моимъ кучеромъ, полякомъ, и въ одну ночь бѣжалъ изъ Москвы, переплылъ рѣку Оку и бросился къ Азову. Узнавъ объ этомъ, князь немедленно разослалъ во всѣ стороны курьеровъ, извѣстныхъ тамъ подъ именемъ гонцовъ, чтобы воротить бѣглецовъ. Гонцы наткнулись на сторожей, которые ставились въ тѣхъ мѣстахъ для помѣхи постояннымъ набѣгамъ Татаръ, и, разсказавъ имъ этотъ случай, склонили и ихъ отправиться на лошадяхъ для отысканія бѣглецовъ. Вскорѣ они встрѣтились съ человѣкомъ, который объявилъ имъ, что даваль ночлегъ пяти всадникамъ, принуждавшимъ его указать имъ прямую дорогу въ Азовъ.

Digitized by Google

rant, essent conspicati, equis illorum in pascuis circa locum pernoctandi errantibus, in modum serpentum taciti adrepunt, eosque longius propellunt. Cum igitur experrectus auriga meus, equos longius digressos reducere vellet, ex herbis in eum prosiliunt: eique mortem, si vel minimam edat vocem, minantur, atque ita vinctum tenent. Cumque rursum equos longius propellerent, cosque unus et alter et tertius reducere vellet, pari modo omnes ordine ex insidiis capiuntur, uno Erasmo excepto: qui se, cum in eum irruerent, stricta framea defendit, et Stanislaum (hoc erat aurigae nomen) inclamavit. At cum is se captum et vinctum esse respondisset, abjecta framea, Erasmus: Nec ego, inquit, vobis captis, liber esse, aut vivere volo. atque ita sese dedidit, cum ab Asoph bidui itinere abessent. Captivis reductis, cum petiissem a Principe, ut mihi mei restituerentur: respondit, Non licere cuiquam reddere hominem, qui ad Moscos percipiendae verae religionis causa (quam, ut dictum est, se solos tenere praedicant) accessit. Aurigam tamen mihi mox restituit. Sed cum Erasmum reddere recusaret, dixi dispensatori nobis adjuncto, quem illi Pristavum vocant, male de Principe sensuros et locuturos homines, si Oratoribus famulos suos adimat. Ne vero vel Princeps, vel ego culpari possemus, rogavi ut eum in conspectum consiliariorum suorum nobis praesentibus venire permitteret, ut illius voluntas ab ipsomet intelligeretur. Hoc ubi assentiente Principe factum esset, percontabar Erasmum, an apud principem religionis ergo manere vellet? Cum annuisset, ego ei: si, inquam, lectum

Digitized by Google

Такимъ образомъ стражи погнались по ихъ слѣдамъ, и ночью увидѣли зажженный ими огонь. Въ молчаніи, какъ змѣи, подползли они къ ихъ лошадямъ, блуждавшимъ на пастбищѣ около мѣста ночлега, и отогнали ихъ дальше. Когда же мой кучеръ, проснувшись, хотѣлъ подвести далеко разбросавшихся лошадей, они выскочили на него изъ травы и, подъ угрозою смерти, въ случаѣ малѣйшаго съ его стороны крика, взяли и связали его; потомъ снова отогнали лошадей и, когда остальные бѣглецы одинъ за другимъ хотѣли привести ихъ назадъ, то точно также всѣ поочередно были переловлены, кромѣ одного Эразма, который съ обнаженнымъ палашемъ защищался отъ ихъ нападеній и звалъ на помощь Станислава это было имя моего кучера. Но когда тотъ отвѣчалъ, что онъ въ плѣну и связанъ: то Эразмъ бросилъ отъ себя палашъ и съ словами — «и я не хочу быть свободнымъ и жить, когда вы въ плѣну», сдался. Въ это время они были въ двухъ дняхъ пути отъ Азова. Когда по возвращеніи плѣнныхъ я просилъ Князя отдать мнѣ моихъ людей, то онъ отвѣчалъ: У насъ никому не позволяется возвращать человѣка, прибывшаго къ Москвитамъ для принятія истинной вѣры; они, какъ было сказано, утверждаютъ, что только ими одними исповѣдается истинная вѣра. Впрочемъ моего кучера онъ вскорѣ отдалъ мнѣ назадъ. Но когда онъ отказывался возвратить Эразма, то я сказалъ данному намъ экономy, котораго они называютъ Приставомъ, что люди будутъ худо думать и говорить о Князѣ, если Князь станетъ отнимать у пословъ ихъ слугъ; то люди будутъ худо думать и говорить объ немъ. А чтобы не обвиняли ни меня ни Князя, я просилъ у него позволенія призвать къ намъ Эразма и въ присутствіи княжескихъ совѣтниковъ узнать отъ него самаго объ его желаніи. Когда это съ согласія Князя состоялось, я спрашивалъ у Эразма, хочетъ ли онъ остаться у Князя для принятія религіи.

Digitized by Google

tibi bene straveris, bene decumbes. Post Lithvuanus quidam, qui se familiae, Comitis Nugarolis adjunxerat, cum eum a proposito dehortatus esset, hoc ab eo responsum tulit, quod meam severitatem timeret. Ibi cum Lithvuanus ei dixisset, Num redire vellet, si eum Comes in familiam suam reciperet? assensit. Relata itaque ad Comitem re, cum idem ex me quaesisset, an consentirem? respondi, id ei per me liberum fore. Cupiebam enim et ipse effingere, ne propinqui ejus aliter hanc rem, atque acciderat, interpretarentur.

Porro ad Moscos raro confugere solent, nisi quibus alibi vivendi locus et securitas non est. Qualis fuit *nostris* temporibus Severinus Nordvued, regis Daniae Christierni praefectus maris, homo quidem militaris, sed quoduis negotium in nomine daemonis auspicari solitus: de quo multa audivi, quae prudens praetereo. Is cum regem ob suam immanitatem Holmiae, quae caput regni Suetiae est, vernaculaque ipsorum lingua Stokholm appellatur, incolis suis exosum esse, suaque sponte Daniae regno cessisse videret, munitum quendam locum in Gothlandia insula (quae duodecim miliaribus Germanicis patet) occupavit, ex qua mare Baltheum diu infestabat, nemini parcens, aeque amicos ac hostes spoliabat. Tandem, ubi contra se tanquam communem quandam pestem omnes timeret, nullumque locum in quo ab insidiis tutus esse posset, videret: assumpto certo praedonum numero ad principem Moscoviae confugit, venitque certis navibus in fluvium Narva, ad arcem Mosci Ivuanowugorod. Inde terrestri itinere Moscoviam, eo anno quo ego illic fui, deductus erat. Caesaris autem Caroli Quinti intercessione dimissus, in obsidione Florentiae Italiae civitatis, in ejus servitio globo ferreo trajectus occubuit.

Digitized by Google

Онъ отвѣчалъ утвердительно, причемъ я замѣтилъ ему: какъ постелишь, такъ и уснешь. Послѣ, когда одинъ Литвинъ, бывшій въ свитѣ Графа Нугарольскаго, отговаривалъ его отъ принятаго имъ намѣренія, то онъ отвѣчалъ, что боится моей строгости. Затѣмъ Литвинъ спросилъ: пожелаетъ-ли онъ вернуться назадъ, если Графъ приметъ его въ свою свиту? Эразмъ согласился.

Когда это дѣло доведено было до свѣденія графа и когда онъ спрашивалъ моего согласія на это, то я отвѣчалъ, что не намѣренъ препятствовать въ этомъ. Ибо и я самъ желалъ устроить это дѣло такъ, чтобы родственники Эразма не истолковали его вопреки истинѣ.

Впрочемъ къ Москвитамъ перебѣгаютъ обыкновенно рѣдко: только тѣ, которымъ въ другомъ мѣстѣ жить нельзя или опасно. Таковъ былъ въ наше время Северинъ Нордведъ адмиралъ Датскаго короля Христіерна, человѣкъ, правда, воинственный, но привыкшій начинать всякое дѣло съ именемъ дьявола; я слышалъ объ немъ многое, но изъ благоразумія умолчу объ этомъ. Узналъ, что король за свои жестокости въ въ столицѣ Шведскаго королества Големіи, называемой на туземномъ языкѣ Стокгольмомъ, сдѣлался ненавистнымъ жителямъ и добровольно удалился въ Данію; онъ занялъ одно укрѣпленное мѣсто на островѣ Готландѣ; этотъ островъ простирается на 12 Герм. миль, и долго производилъ на Балтійскомъ морѣ разбои и грабежи, нещадя ни друга ни недруга. Наконецъ, напугавъ всѣхъ собою, какъ чумой, и ненаходя нигдѣ безопасности отъ преслѣдованія, онъ бежалъ съ нѣсколькими разбойниками къ Московскому князю и на нѣсколькихъ корабляхъ вступилъ въ рѣку Нарву, къ Московской крѣпости къ Иванову городу. Оттуда онъ былъ отправленъ сухимъ путемъ въ Москву, въ самый годъ моего тамъ пребыванія. Выпущенный по ходатайству Цезаря Карла V,

Digitized by Google

DE DECIMIS.

Vuolodimerus mysteriis vivifici lavacri, Anno 6496 initiatus, decimas una cum Leone Metropolita, de omnibus rebus dandas instituit, propter pauperes, pupillos, infirmos, senes, advenas, captivos atque pauperes sepeliendos: juvandos etiam eos, qui numerosam haberent sobolem, quibusve bona igni absumpta essent, ac sublevandam denique miserorum omnium inopiam, Monasteriorum pauperumque Ecclesias, et in primis propter defunctorum et vivorum refrigerium. Idem Vuolodimerus potestati et jurisdictioni Spiritualium subjecit omnes Abbates, Presbyteros, Diaconos, et totum statum clericorum: monachos, moniales, et eas quae proscura ad Sacra conficiunt, quas Proscurnicas vocant: item uxores filiosque Sacerdotum, medicos, viduas, obstetrices, et eos qui miraculum ab aliquo Sanctorum acceperint, quive manumissi essent pro alicujus animae salute: ministros denique singulos monasteriorum et hospitalium, et qui monachorum vestes conficiunt. Quicquid itaque inter praedictas personas simultatis seu discordiae exoritur, Episcopus ipse tanquam competens judex, decernere et constituere potest. Si vero inter laicos et hos, aliquid controversiarum oritur, judicio communi decernitur.

Proscurnicae sunt mulieres jam effoetae, quae amplius menses non patiuntur: et quae panem ad sacrificandum, qui proscura dicitur, coquunt.

Episcopi etiam divortia, tam inter Knesos quam Boiarones, atque omnes seculares qui concubinas fovent, consti-

Digitized by Google

онъ вступилъ къ нему въ службу и былъ убитъ ядромъ, во время осады Итальянскаго города Флоренціи.

О ДЕСЯТИНАХЪ.

Владиміръ, принявшій въ 6496 г. таинство животворящаго Крещенія, установилъ вмѣстѣ съ Митрополитомъ Леономъ давать со всего десятины въ пользу бѣдныхъ, сиротъ, немощныхъ старцевъ, пришельцевъ и плѣнныхъ, для погребенія бѣдныхъ, для вспоможенія обремененнымъ многочисленнымъ семействомъ и лишившимся имущества отъ пожара, наконецъ, для содѣйствія нуждамъ всѣхъ несчастныхъ и бѣдныхъ монастырскихъ церквей, вообще для облегченія участи живыхъ и мертвыхъ. Тотъ же Владиміръ подчинилъ духовной власти и суду всѣхъ Аббатовъ, Пресвитеровъ, Діаконовъ и все духовное сословіе. Монаховъ, монахинь и женщинъ, приготовляющихъ для Божественной службы просфоры, называемыхъ тамъ просфирнями, также женъ и дѣтей священниковъ, врачей, вдовъ, повивальныхъ бабокъ, испытавшихъ на себѣ чудодѣйственную силу какого-нибудь святаго, отпущенныхъ на волю ради спасенія чьей нибудь души, наконецъ, всѣхъ монастырскихъ и больничныхъ служителей и монашескихъ портныхъ. И поэтому, если произойдетъ какая нибудь вражда, или несогласіе между вышеупомянутыми лицами, то самъ Епископъ, какъ полновластный судья, можетъ разсматривать и рѣшать ихъ. Если возникаетъ распря между ними и мірянами, то она рѣшается общимъ судомъ.

Просфирни суть женщины, уже неплодныя, больше не подвергающіяся мѣсячнымъ очищеніямъ; онѣ пекутъ для священнодѣйствія хлѣбъ, который называется просфирой.

Епископы должны даже опредѣлять разводы какъ между князьями, такъ между боярами и всѣми мірянами, которые

Digitized by Google

tuere debent. Item ad Episcopalem jurisdictionem pertinet, si quando uxor marito non obsequatur, si quispiam in adulterio seu fornicatione deprehensus fuerit, si uxorem consanguineam duxerit, si conjunx conjugi quippiam mali machinetur. Item divinationes, incantationes, venena, contentiones propter haeresim vel fornicationem susceptas: aut si filius parentes, sororesve acerbius increpaverit, laeseritve. Praeterea sodomitas, sacrilegos, mortuorum spoliatores, et qui ad incantandum de imaginibus Sanctorum, aut Statua Crucis quicquam avulserint: qui canem, avem, aut aliud aliquod animal immundum in aedem sacram duxerint, aut comederint, punire. Ad haec, singulas rerum mensuras ordinare, statuereque debent. Nemo autem miretur, si praedicta Canonibus istis atque traditionibus diversa reperiantur. Sunt enim non tamen vetustate ipsa, alia quidem in locis aliis mutata, quam pecuniae studio pleraque depravata, vitiataque.

Princeps si quando Metropolitam convivio accipit, solet ei primum in accubitu locum, absentibus fratribus suis, deferre. In funebri sacro, cum Metropolitam atque Episcopos invitaverit, eis ipse ab initio prandii cibum potumque porrigit: dein fratrem suum, vel principem aliquem virum, qui vices suas ad prandii usque finem suppleat, constituit. Caeremonias illorum, quibus solenni tempore in templis utuntur, ut viderem, equidem impetraveram. Atque ita utroque legationis meae tempore, in festo Assumptionis Mariae, XV videlicet die Augusti, cum majus templum in arce frondibus arborum stratum, ingressus fuissem, vidi Principem ad dextram portae, qua ingressus erat, ad parietem aperto capite stantem, Posochque baculo (ut vocant) innitentem, ante se quendam Colpaack dextra tenentem: Consiliarios vero ad

Digitized by Google

columnas templi, quo loci et nos deducti eramus; stantes. In medio templi, super tabulato, Metropolita solenniter vestitus, mitramque rotundam superne imaginibus Sanctorum, inferne vero hermellinis pellibus ornatam gestans, stabat, Posochque baculo (quemadmodum Princeps) innitebatur, atque mox cantantibus aliis, ipse cum ministris suis orabat. dein chorum versus procedens, in laevam contra nostrum morem conversus, per minorem portam egreditur, praecedentibus Cantoribus, Sacerdotibus atpue Diaconis: ex quibus unus in patena super capite, panem jam ad sacrificandum praeparatum, portabat: alter vero, coopertum calicem: caeteri promiscue, sancti Petri, Pauli, Nicolai, Archangeli, imagines magna populi circumstantis acclamatione ac veneratione ferebant. Quidam porro ex circumstantibus acclamamabant, Domine miserere. alii fronte terram, more patrio, tangebant, flebantque. Varia denique veneratione ac cultu circumlata signa vulgus prosequebatur. Post finito circuitu, per mediam chori portam ingressis, Sacrum, seu summum (ut vocant) officium coeptum est fieri. Caeterum totum sacrum, seu Missa, gentili ac vernacula lingua apud illos peragi solet. Epistola praeterea, Evangelium pro tempore, quo magis a populo percipiantur, extra chorum, populo a stanti clara voce recitantur. In priore mea legatione, eodem festo die, ultra centum homines in fossa arcis laborantes vidi: quod feriari non nisi Principes et Boiari, ut infra dicemus, solent.

RATIO CONTRAHENDI MATRIMONIUM.

Inhonestum ac turpe est adolescenti, ambire puellam, ut sibi in matrimonium locetur. Patris est, juvenem alloqui,

Digitized by Google

ut ducat filiam suam. In haec autem verba plerunque proloqui solent: Cum mihi sit filia, vellem equidem te mihi generum. Ad quae juvenis: Si me, inquit, expetis generum, et tibi ita videtur, conveniam parentes meos, et de hac re ad eos referam. Dein si parentes et proximi assensi fuerint, conveniunt, et de his quae pater filiae dotis nomine dare velit, tractant. Mox dote constituta, nuptiis dies praescribitur. Interea temporis sponsus ab aedibus sponsae usque adeo arcetur, ut si forte petierit, eam saltem ut videret, tum parentes respodere solent: Cognosce ex aliis qualis sit, qui eam norunt. certe nisi sponsalia prius maximis poenis firmata fuerint, ita ut sponsus non possit, etiam si vellet, sine gravi poena eam repudiare, alias non datur illi accessus. Dotis nomine dantur plerunque equi, vestes, framea, pecora, servi, et similia. Invitati ad nuptias, pecuniam raro offerunt: munera tamen, seu donaria sponsae mittunt, quae singula sponsus diligenter notata reponit. Finitis nuptiis, deprompta rursus ordine conspicit: atque ex iis, si quae placent, sibique usui futura videntur, ea mittit ad forum, jubetque singula ab his qui rebus praecia imponunt, aestimari: reliqua omnia et singula, singulis remittit, cum gratiarum actione. Ea quae servavit, in anni spacio juxta aestimationem, pecunia, aut alia aliqua re aequalis valoris compensat. Porro si aliquis donum suum pluris fecerit, tum sponsus ad juratos aestimatores continuo recurrit, illumque horum aestimationi standum esse cogit. Item si sponsus post elapsum annum non satisfecerit, aut munus acceptum non restituerit, tum in duplo satisfacere tenetur. Denique si alicujus donum juratis aestimandum dare neglexerit, ex voluntate atque arbitrio

Digitized by Google

ejus qui dedit reponere cogitur. Atque hunc morem vulgus ipsum in omni liberalitate, seu donationis genere observare solet.

Matrimonium ita contrahunt, ut quartum gradum consanguinitatis aut affinitatis non contingant. Haereticum putant, germanos fratres, germanas ducere sorores. Item, nemo sui affinis sororem ducere in uxorem audet. Observant etiam severissime, ne hi matrimonio implicentur, inter quos spiritualis cognatio baptismatis intercessit. Si quis alteram uxorem ducit, fitque bigamus, concedunt id quidem, sed vix legitimum matrimonium esse putant. Tertiam uxorem ducere, sine gravi causa non permittunt. Quartam autem nec concedunt cuipiam, nec etiam Christianum esse judicant. Divortium admittunt, et dant libellum repudii: id tamen maxime celant, quod contra religionem ac statuta esse sciunt. Principem ipsum Salomeam uxorem, propter sterilitatem repudiatam, in monasterium intrusisse, atque Helenam filiam Knes Basilii Lynski duxisse, paulo ante diximus. Ante aliquot annos etiam quidam dux Basilius Bielski ex Lithvuania in Moscovuiam profugerat: ejus uxorem juvenem, et quam paulo ante duxerat, cum amici diutius apud se detinerent (putabant enim illum amore ac desiderio adolescentulae rursus rediturum) Bielski causam uxoris absentis in consilium Metropolitae refert, communicatoque consilio Metropolita inquit: Quando non tua, sed uxoris potius, atque adeo cognatorum culpa fit, ut cum ea esse tibi non liceat, equidem legis gratiam tibi faciam, teque ab ea absolvam. Qua re audita, mox aliam ex principium Resanensium progenie natam duxit, ex qua etiam filios suscepit, quos nunc in magna apud Principem authoritate vidimus.

Adulterium non appellant, nisi quis alterius uxorem

Digitized by Google

habuerit. Tepidus est ut plurimum conjugatorum amor, praesertim nobilium et principum virorum: eo quod puellas nunquam ante visas ducunt: ac servitiis Principis occupati, deserere eas cogantur, aliena interim turpique libidine sese contaminantes.

Mulierum conditio miserrima est. Nullam enim honestam credunt, nisi domi conclusa vivat, adeoque custodiatur, ut nusquam prodeat. Parum inquam pudicam existimant, si ab alienis externisve conspiciatur. Domi autem conclusae, nent duntaxat, et fila trahunt: nihil prorsus juris aut negotii in aedibus habent. Omnes labores domestici servorum opera fiunt. Quicquid mulierum manibus suffocatur, sive gallina, sive aliud aliquod animalium, id abhorrent tanquam impurum. Qui vero pauperiores sunt, eorum uxores domesticos labores obeunt, et coquunt. Caeterum cum viris absentibus forte, et servis, gallinas jugulare volunt, stant pro foribus tenentes gallinam, aut aliud animal, et cultrum: praetereuntesque viros, ut ipsi interficiant, plurimum rogant.

Rarissime in templa, rarius etiam ad amicorum colloquia, nisi senes admodum sint, omnique suspicione careant admittuntur. Certis tamen et festivis diebus animi gratia concedunt uxoribus ac filiabus, ut in pratis amoenissimis conveniant, ubi super quadam rota instar Fortunae insidentes, alternatim sursum ac deorsum moventur: aut alioqui funem appendunt, quo suspensae ac insidentes, hinc inde impulsae feruntur, moventurque: aut denique quibusdam et certis cantilenis, manibus plaudentes se oblectant, choreas prorsus nullas ducunt. Est Moscovuiae quidam Alemanus faber ferrarius, cognomento Jordanus, qui duxerat uxorem

Digitized by Google

Rhutenam. ea cum apud maritum aliquandiu esset, hunc ex occasione quadam amice sic alloquitur: Cur me, conjunx charissime, non amas? Respondit maritus: Ego vero te vehementer amo. Nondum, inquit, signa habeo amoris. Quaerebat igitur maritus, qualia signa vellet? Cui uxor: Nunquam, ait, me verberasti. Mihi sane verbera, inquit maritus, non videbantur signa amoris: sed tamen nec hac parte defero. Atque ita non multo post, crudelissime eam verberavit: fassusque mihi est, longe majore amore se a sua uxore posthac observatum fuisse. quam rem saepius exercuit: nobisque tum Moscovuiae existentibus, cervicem illi tandem et crura praecidit.

Omnes se Principis chlopos, id est servos fatentur. Item praestantiores, ex majore parte emptos aut captos servos habent: quos autem liberos in servitio nutriuut, iis non est liberum quolibet tempore discedere. Si aliquis citra voluntatem domini abit, nemo eum assumit. Si dominus bonum ac commodum famulum non bene tractat, fit quadammodo infamis apud alios, neque postliac alios famulos assequi potest.

Gens illa magis servitute, quam libertate gaudet. nam morituri ut plurimum certos servos manumittunt: qui se tamen continuo aliis dominis, paecunia accepta, in servitutem vendicant. Si pater filium, ut mos est, vendit, et is quocunque tandem modo liber factus, aut manumissus fuerit, pater hunc rursus atque iterum jure patriae potestatis vendere potest. Post quartam autem venditionem, nil juris amplius in filium habet. Ultimo supplicio solus Princeps servos, et alios afficere potest.

Digitized by Google

Princeps altero, aut tertio quoque anno, per provincias delectu habito, filios Bojaronum conscribit: ut numerum illorum, et quot quisque equos ac servitores habeat, cognoscat. Dein singulis stipendia proponit, ut supra dictum est. Qui vero per facultates rei familiaris possunt, stipendio militant. Raro illis datur quies: nam aut bellum infert Lithvuanis, aut Livuoniensibus, aut Suetensibus, aut Tartaris Casanensibus. aut si nullum bellum gerit, praesidia tamen in singulos annos in locis circa Tanaim et Occam, ad reprimendas Tartarorum Praecopensium eruptiones ac depraedationes, viginti milia hominum imponere solet. Solet etiam quotannis ex suis provinciis ordine quosdam vocare, qui Moscovuiae sibi omnia ac quaelibet praestant officia. Belli autem tempore, non annuis ex ordine et alternis officiis inseruire, sed omnes et singuli, tam stipendiarii quam gratiam Principis expectantes, in bellum ire coguntur.

Habent equos parvos, castratos, soleis carentes, levissima frena: tum ephippia in eum usum accommodata, ut se in omnes partes nullo negotio vertere, arcumque intendere queant. Pedibus usque adeo attractis insidentes equo, ut nullum hastae aut teli paulo vehementiorem ictum sustinere queant. Calcaribus paucissimi, flagello plerique utuntur, quod semper minimo digito dextrae inhaeret, ut id quoties opus sit, apprehendant et utantur: rursus si ad arma deventum fuerit, projectum è manu pendeat.

Communia arma sunt, arcus, telum, securis, et baculus, instar coestus, qui Rhutenice Kesteni, Polonice Bassalick dicitur. Framea nobiliores et ditiores utuntur. Pugiones oblongos in modum cultellorum dependentes, in vaginis adeo

Digitized by Google

reconditos habet, ut vix supremam capuli partem attingere, aut necessitate cogente apprehendere possis. Loro pariter freni longo, et in extremitate perforato utuntur, quod digito sinistro annectunt, ut arcum apprehendere, eoque retento uti possint. Porro quanquam simul et eodem tempore manibus teneant frenum, arcum, frameam, telum et flagellum, istis tamen scite et sine ullo impedimento norunt uti.

Nonnulli ex praestantioribus, lorica, thorace affabre ceu ex quibusdam squamis concinnato, et armillis: paucissimi autem crista, instar pyramidis in summitate exornata, utuntur.

Sunt qui habent vestem bombycis lana suffertam, ad sustinendos quoscunque ictus. Lanceis quoque utuntur.

Peditatu vero et tormentis in conflictu nunquam usi sunt. Etenim quicquid agunt, sive adoriuntur, sive insequuntur, sive fugiunt hostem, id repente et celeriter faciunt: atque ita illos nec peditatus, nec tormento subsequi possunt.

Modernus tamen princeps Basilius, cum rex Praecopensis, nepotem suum in Casanense regnum induxisset, et in reditu juxta Moscovuiam tredecim millibus passuum castra metatus esset, anno insequenti circa Occam fluvium castra posuerat. atque peditatu tum primum et tormentis usus est, fortasse ut potentiam suam ostentaret: aut maculam susceptam priori anno, ex turpissima fuga, in qua dicebatur aliquot diebus sub acervo foeni delituisse deleret: aut denique regem, quem ditionem suam rursus invasurum putabat, a fininibus suis arceret. Certe nobis praesentibus

Digitized by Google

habuit ex Lithvuanis, variaque hominum colluvie, mille et quingentos fere pedites.

Hostem primo impetu audacissime aggrediuntur, nec diu perseverant: ac si innuere vellent, Jugite, aut nos fugiemus.

Civitates raro vi, aut impressione acriore expugnare, sed longa magis obsidione, homines fame aut proditione ad deditionem adigere solent. Quanquam Basilius Smolentzko civitatem admotis tormentis, quae partim ex Moscovuia secum adduxerat, partim ibi in obsidione fuderat, oppugnabat, quassabatque: nihil tamen effecerat. Obsederat et Casan magna militum vi, admotis pariter tormentis, quae secundo fluvio eo portaverat: sed tum quoque usque adeo nihil effecerat, ut dum arx incensa funditus conflagraret, atque ex integro rursus aedificaretur: ne nudum quidem collem interim miles ascendere, occupare ve ausus fuerit.

Habet Princeps nunc fusores tormentarios Alemanos et Italos, qui praeter pixides, tormenta bellica, item ferreos globulos, cujusmodi et nostri Principes utuntur, fundunt: quibus tamen in conflictu, quod omnia in celeritate posita habent, neque sciunt neque possunt uti.

Omitto etiam, quod tormentorum discrimen, seu, ut verius dicam, usum ignorare videntur. Nesciunt inquam, quando vel majoribus, quibus muri demoliuntur: vel minoribus, quibus acies impetusque hostium disrumpitur, uti debeant. Id quod cum alias saepe, tum maxime eo tempore accidit, quum Tartari Moscovuiam jamiam oppugnaturi ferebantur. tum enim Locumtenens tanquam in re subita, majus tormentum sub portam castri, ridente bombardario Germanico, collocandum jusserat: cum id tamen vix tridui spacio

Digitized by Google

eo deduci potuisset, ad haec semel duntaxat exoneratum testudinem et portam dissipasset.

Magna est hominum, ut in aliis negotiis, ita in bello gerendo, diversitas ac varietas. Moscus enim quamprimum fugam arripit, nullam salutem cogitat, praeter eam quam fuga habere potest: assecutus, seu apprehensus ab hoste, nec se defendit, nec veniam precatur.

Tartarus vero dejectus ex equo, spoliatus omnib. armis, gravissime etiam vulneratus, manibus, pedibus, dentibus, quoad et quacunque potest ratione, ad extremum usque spiritum se defendere solet.

Thurcus, dum videt se omni auxilio ac spe elabendi destitutum, supplex veniam petit, armis abjectis, ac junctas ad ligandum manus victori porrigit, speratque captivitate vitam se impetraturum.

Castris collocandis amplissimum locum eligunt, ubi praestantiores tentoria erigunt: alii vero ex arbustis veluti arcum in terram figunt, penulisque tegunt, quo ephippia, et id genus alia recondant, seque ab imbre defendant. Equos ad pascua pellunt, quorum causa tam late disjuncta tentoria habent: quae nec curru, nec fossa, nec alio quovis impedimento muniunt: nisi forte locus natura sit, aut sylvis, aut fluminibus, paludibus ve munitus.

Posset forte cuipiam mirum videri, quod se et suos tam exiguo stipendio, et tam diu, ut supra dixi, sustineant: ideo illorum parsimoniam et frugalitatem paucis aperiam. Qui habet sex, aut aliquando plures equos, ex iis uno tanquam

Digitized by Google

bajulo, sive clitellario, qui vitae necessaria portet, utitur. In primis habet milium contritum in sacculo, longitudine duorum aut trium palmitum: deinde suillae carnis falsae libras octo, aut decem. habet et sal in sacculo: et si dives est, mixtum pipere. Praeterea unusquisque secum fert securim, fomitem, lebetes, aut ollam cupream, ut si aliquo forte deveniat, ubi nihil fructuum, allii, caepae, aut carnis ferinae reperiat, tum ignem accendit, ollamque aqua replet, in quam coclear plenum milii, sale addito, injicit, coquitque: eo cibo dominus et serui contenti vivunt. Porro si dominus nimium famelicus fuerit, totum absumit: itaque serui aliquando ad totum biduum aut triduum egregie jejunant. Ad haec, si dominus vult lautinus epulari, tum addit parvam portiunculam carnis suillae. Hoc non loquor de praestantioribus, sed mediocris conditionis hominibus. Duces exercitus, et alii militiae praefecti, invitant aliquando pauperiores illos: qui sumpto bono prandio, interdum post ad biduum, aut triduum cibo abstinent.

Item cum habent fructus, aut allium, aut caepas, tum facile aliis omnibus carere possunt. Ingressuri praelium, plus spei ponunt in multitudine, et quantis copiis hostem adoriantur, quam robore militum, ac instructo quam probe exercitu: feliciusque eminus, quam cominus pugnant. atque ideo hostem circumvenire, et a tergo adoriri, praecipue student.

Tubicines multos habent. hi dum patrio more, omnes una tubas instant, intonantque: mirum tum ac inusitatum quendam concentum audires. Habent et aliud quoddam genus Musices, quod gentili lingua Szurna appellant. Eo si quando utuntur, tum una hora, plus minus, sine ulla respi-

Digitized by Google

Princeps altero, aut tertio quoque anno, per provincias delectu habito, filios Bojaronum conscribit: ut numerum illorum, et quot quisque equos ac servitores habeat, cognoscat. Dein singulis stipendia proponit, ut supra dictum est. Qui vero per facultates rei familiaris possunt, stipendio militant. Raro illis datur quies: nam aut bellum infert Lithvuanis, aut Livuoniensibus, aut Suetensibus, aut Tartaris Casanensibus. aut si nullum bellum gerit, praesidia tamen in singulos annos in locis circa Tanaim et Occam, ad reprimendas Tartarorum Praecopensium eruptiones ac depraedationes, viginti milia hominum imponere solet. Solet etiam quotannis ex suis provinciis ordine quosdam vocare, qui Moscovuiae sibi omnia ac quaelibet praestant officia. Belli autem tempore, non annuis ex ordine et alternis officiis inseruire, sed omnes et singuli, tam stipendiarii quam gratiam Principis expectantes, in bellum ire coguntur.

Habent equos parvos, castratos, soleis carentes, levissima frena: tum ephippia in eum usum accommodata, ut se in omnes partes nullo negotio vertere, arcumque intendere queant. Pedibus usque adeo attractis insidentes equo, ut nullum hastae aut teli paulo vehementiorem ictum sustinere queant. Calcaribus paucissimi, flagello plerique utuntur, quod semper minimo digito dextrae inhaeret, ut id quoties opus sit, apprehendant et utantur: rursus si ad arma deventum fuerit, projectum e manu pendeat.

Communia arma sunt, arcus, telum, securis, et baculus, instar coestus, qui Rhutenice Kesteni, Polonice Bassalick dicitur. Framea nobiliores et ditiores utuntur. Pugiones oblongos in modum cultellorum dependentes, in vaginis adeo

Digitized by Google

reconditos habet, ut vix supremam capuli partem attingere, aut necessitate cogente apprehendere possis. Loro pariter freni longo, et in extremitate perforato utuntur, quod digito sinistro annectunt, ut arcum apprehendere, eoque retento uti possint. Porro quanquam simul et eodem tempore manibus teneant frenum, arcum, frameam, telum et flagellum, istis tamen scite et sine ullo impedimento norunt uti.

Nonnulli ex praestantioribus, lorica, thorace affabre ceu ex quibusdam squamis concinnato, et armillis: paucissimi autem crista, instar pyramidis in summitate exornata, utuntur.

Sunt qui habent vestem bombycis lana suffertam, ad sustinendos quoscunque ictus. Lanceis quoque utuntur.

Peditatu vero et tormentis in conflictu nunquam usi sunt. Etenim quicquid agunt, sive adoriuntur, sive insequuntur, sive fugiunt hostem, id repente et celeriter faciunt: atque ita illos nec peditatus, nec tormento subsequi possunt.

Modernus tamen princeps Basilius, cum rex Praecopensis, nepotem suum in Casanense regnum induxisset, et in reditu juxta Moscovuiam tredecim millibus passuum castra metatus esset, anno insequenti circa Occam fluvium castra posuerat. atque peditatu tum primum et tormentis usus est, fortasse ut potentiam suam ostentaret: aut maculam susceptam priori anno, ex turpissima fuga, in qua dicebatur aliquot diebus sub acervo foeni delituisse deleret: aut denique regem, quem ditionem suam rursus invasurum putabat, a fininibus suis arceret. Certe nobis praesentibus

Digitized by Google

habuit ex Lithvuanis, variaque hominum colluvie, mille et quingentos fere pedites.

Hostem primo impetu audacissime aggrediuntur, nec diu perseverant: ac si innuere vellent, Jugite, aut nos fugiemus.

Civitates raro vi, aut impressione acriore expugnare, sed longa magis obsidione, homines fame aut proditione ad deditionem adigere solent. Quanquam Basilius Smolentzko civitatem admotis tormentis, quae partim ex Moscovuia secum adduxerat, partim ibi in obsidione fuderat, oppugnabat, quassabatque: nihil tamen effecerat. Obsederat et Casan magna militum vi, admotis pariter tormentis, quae secundo fluvio eo portaverat: sed tum quoque usque adeo nihil effecerat, ut dum arx incensa funditus conflagraret, atque ex integro rursus aedificaretur: ne nudum quidem collem interim miles ascendere, occupare ve ausus fuerit.

Habet Princeps nunc fusores tormentarios Alemanos et Italos, qui praeter pixides, tormenta bellica, item ferreos globulos, cujusmodi et nostri Principes utuntur, fundunt: quibus tamen in conflictu, quod omnia in celeritate posita habent, neque sciunt neque possunt uti.

Omitto etiam, quod tormentorum discrimen, seu, ut verius dicam, usum ignorare videntur. Nesciunt inquam, quando vel majoribus, quibus muri demoliuntur: vel minoribus, quibus acies impetusque hostium disrumpitur, uti debeant. Id quod cum alias saepe, tum maxime eo tempore accidit, quum Tartari Moscovuiam jamiam oppugnaturi ferebantur. tum enim Locumtenens tanquam in re subita, majus tormentum sub portam castri, ridente bombardario Germanico, collocandum jusserat: cum id tamen vix tridui spacio

Digitized by Google

eo deduci potuisset, ad haec semel duntaxat exoneratum testudinem et portam dissipasset.

Magna est hominum, ut in aliis negotiis, ita in bello gerendo, diversitas ac varietas. Moscus enim quamprimum fugam arripit, nullam salutem cogitat, praeter eam quam fuga habere potest: assecutus, seu apprehensus ab hoste, nec se defendit, nec veniam precatur.

Tartarus vero dejectus ex equo, spoliatus omnib. armis, gravissime etiam vulneratus, manibus, pedibus, dentibus, quoad et quacunque potest ratione, ad extremum usque spiritum se defendere solet.

Thurcus, dum videt se omni auxilio ac spe elabendi destitutum, supplex veniam petit, armis abjectis, ac junctas ad ligandum manus victori porrigit, speratque captivitate vitam se impetraturum.

Castris collocandis amplissimum locum eligunt, ubi praestantiores tentoria erigunt: alii vero ex arbustis veluti arcum in terram figunt, penulisque tegunt, quo ephippia, et id genus alia recondant, seque ab imbre defendant. Equos ad pascua pellunt, quorum causa tam late disjuncta tentoria habent: quae nec curru, nec fossa, nec alio quovis impedimento muniunt: nisi forte locus natura sit, aut sylvis, aut fluminibus, paludibus ve munitus.

Posset forte cuipiam mirum videri, quod se et suos tam exiguo stipendio, et tam diu, ut supra dixi, sustineant: ideo illorum parsimoniam et frugalitatem paucis aperiam. Qui habet sex, aut aliquando plures equos, ex iis uno tanquam

Digitized by Google

bajulo, sive clitellario, qui vitae necessaria portet, utitur. In primis habet milium contritum in sacculo, longitudine duorum aut trium palmitum: deinde suillae carnis falsae libras octo, aut decem. habet et sal in sacculo: et si dives est, mixtum pipere. Praeterea unusquisque secum fert securim, fomitem, lebetes, aut ollam cupream, ut si aliquo forte deveniat, ubi nihil fructuum, allii, caepae, aut carnis ferinae reperiat, tum ignem accendit, ollamque aqua replet, in quam coclear plenum milii, sale addito, injicit, coquitque: eo cibo dominus et serui contenti vivunt. Porro si dominus nimium famelicus fuerit, totum absumit: itaque serui aliquando ad totum biduum aut triduum egregie jejunant. Ad haec, si dominus vult lautinus epulari, tum addit parvam portiunculam carnis suillae. Hoc non loquor de praestantioribus, sed mediocris conditionis hominibus. Duces exercitus, et alii militiae praefecti, invitant aliquando pauperiores illos: qui sumpto bono prandio, interdum post ad biduum, aut triduum cibo abstinent.

Item cum habent fructus, aut allium, aut caepas, tum facile aliis omnibus carere possunt. Ingressuri praelium, plus spei ponunt in multitudine, et quantis copiis hostem adoriantur, quam robore militum, ac instructo quam probe exercitu: feliciusque eminus, quam cominus pugnant. atque ideo hostem circumvenire, et a tergo adoriri, praecipue student.

Tubicines multos habent. hi dum patrio more, omnes una tubas instant, intonantque: mirum tum ac inusitatum quendam concentum audires. Habent et aliud quoddam genus Musices, quod gentili lingua Szurna appellant. Eo si quando utuntur, tum una hora, plus minus, sine ulla respi-

Digitized by Google

ratione, seu aeris attractione quodammodo canunt. Buccas autem primum aere implere solent: dein naribus spiritum identidem attrahere edocti, tuba vocem absque intermissione edere dicuntur.

Omnes vestitu, seu corporis cultu simili utuntur. tunicas oblongas sine plicis, manicis strictioribus, Hungarorum fere more, gestant: in quibus Christiani nodulos, quib. pectus constringitur in dextro: Tartari vero haut dissimili vestitu utentes, sinistro latere habent. Ocreas fere rubeas, easque breviores, ut quae genua non attingant, soleasque ferreis claviculis munitas gestant. Indusia omnes fere variis coloribus circa collum exornata habent: eaque monilibus seu globulis argenteis, aut cupreis deauratis, additisque ornamenti causa unionibus, constringunt.

Wentrem nequaquam, sed femora cingunt: atque adeo pubetenus, quo magis promineat venter, cingulum demittunt. Quin et nunc Itali et Hispani, imo et Germani ita assueverunt.

Adolescentes et pueri pariter festivis diebus, sed in civitate loco amplo et celebri, unde videri et exaudiri a pluribus queant, convenire solent. quibusdam autem sibilis ceu signo dato, convocantur: convocati illico concurrunt, manusque conserunt. Certamen pugnis ineunt, mox pedibus promiscue ac magno impetu faciem, guttur, pectus, ventrem, genitalia quatiunt: aut quacunque ratione possunt, alios alii inter se de victoria concertantes prosternunt. adeo ut saepe inde exanimati asportentur. Porro quicunque plures vincit, diutius in arena durat, fortissimeque verbera tolerat, is prae caeteris laudatur, victorque celebris habetur. Hoc certaminis genus institutum est, ut assuescant adolescentes verbera ferre, ictusque quoscunque tolerare.

Digitized by Google

Iustitiam strenue exercent in praedones: quibus comprehensis, calcanea primum frangere, dein in biduum aut triduum usque, dum intumescant, quiescere: post, fracta jam ac intumefacta, rursus motare jubent. Non alio genere torquendi et flagitiosos, ad confitenda latrocinia, sociosque scelerum indicandos, utuntur. Caeterum si in quaestionem vocatus, supplicio dignus fuerit repertus, suspenditur. Alio genere poenae sontes raro puniuntur, nisi quid immanius commiserint.

Furta raro capitali poena, imo homicidia raro, nisi praedae gratia facta fuerint, puniuntur. Qui vero furem in furto deprehendit, et occidit, impune id facere potest: ea tamen conditione si occisum in aulam Principis detulerit, et rem ut acta est exposuerit.

Cum brutis congredientes, ne illi quidem ultimo afficiuntur suplicio.

Pauci ex praefectis habent authoritatem, ultimum supplicium irrogandi. Ex subditis nemo aliquem torquere audet. Plerique malefactorum Moscovuiam, seu ad alias principales civitates ducuntur. Hyemali autem tempore ut plurimum in sontes animadvertunt: aestivo enim, bellicis negotiis impediuntur.

SEQUUNTUR ORDINATIONES

A JOANNE BASILII MAGNO DUCE, ANNO MUNDI 7006 FACTAE.

Quum reus fuerit in unum rublum condemnatus, soluat Judici altinos duos, Notario octo dengas. Si vero partes re-

Digitized by Google

этого рода установлена для того, чтобы пріучить молодыхъ людей терпѣть побои и переносить всякіе удары.

Они употребляютъ строгія мѣры противъ разбойниковъ; пойманнымъ ломаютъ пятки, потомъ оставляютъ въ покоѣ на два или на три дня, пока онѣ не вспухнутъ; послѣ этого сломанными и распухшими пятами ихъ заставляютъ опять ходить. Этотъ родъ пытки употребляютъ для того, чтобы заставить преступниковъ сознаться въ разбояхъ и указать на сообщниковъ злодѣяній. Впрочемъ, если призванный къ допросу будетъ найденъ достойнымъ казни, то его вѣшаютъ. Наказанію другаго рода виновные подвергаются рѣдко, если только не сдѣлали чего нибудь слишкомъ жестокаго. Воровство и даже человѣкоубійство, если только оно совершено было не для грабежа, рѣдко наказываются смертною казнью. А кто поймаетъ вора на мѣстѣ преступленія, тотъ можетъ безнаказанно убить его, съ условіемъ только принести убитаго въ княжескій дворецъ и разсказать какъ дѣло было.

Даже и скотоложство не наказывается смертною казнію. Не многіе изъ областныхъ начальниковъ (praefecti) имѣютъ власть осуждать на смерть. Никто изъ поданныхъ не смѣетъ никого пытать. Большая часть злодѣевъ приводится въ Москву, или въ другіе главные города. Виновныхъ большею частью наказываютъ въ зимнее время, потому что лѣтомъ этому мѣшаютъ военныя дѣла.

СЛѢДУЮТЪ ПОСТАНОВЛЕНІЯ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА, СДѢЛАННЫЯ ВЪ 7006 ГОДУ ОТЪ СОТВОРЕНІЯ МІРА.

Когда виновнаго присудятъ къ уплатѣ одного рубля, то онъ долженъ заплатить судьѣ два алтына, писцу восемь де-

Digitized by Google

dentur in gratiam, priusquam in locum duelli venerint, non minus Judici et Notario solvant, ac si judicium factum fuisset. Si venerint in locum duelli, quem Ocolnick et Nedelsnick duntaxat decernere possunt, ibique forte in gratiam redierint, solvant Judici, ut supra, Ocolniko L. dengas, Nedelsnicko similiter L. dengas, et duos altinos: Scribae quatuor altinos, et unam dengam. Si vero venerint ad duellum, et alter victus fuerit, tum judici reus quantum ab eo postulatur, solvat, Ocolniko det poltinam et arma victi, scribae L. dengas, Nedelsniko poltinam et quatuor altinos. Si vero duellum committitur propter aliquod incendium, necem amici, rapinam vel furtum, tunc accusator si vicerit, ab reo accipiat, quod petiit, Ocolniko detur poltina, et arma victi, Scribae L. dengae, Nedelsniko poltina, Westono (est autem Weston, qui ambas partes praescriptis conditionibus ad duellum committit) quatuor altinos: et quicquid victus reliqui habuerit, vendatur, judicibusque detur: corpore autem juxta delicti qualitatem puniatur.

Interfectores dominorum suorum, proditores castri, sacrilegi, plagiarii, item qui res in alterius domum clanculum inferunt, easdemque furto sibi ablatas dicunt, quos Podmetzchek vocant, praeterea qui incendio homines affligunt, quique manifesti malefactores fuerint, ultimo supplicio afficiuntur.

Qui primum furti convictus fuerit, nisi forte sacrilegii aut plagii accusetur, morte non est afficiendus, sed publica poena emendandus: hoc est, baculis caedendus, et poena pecuniaria a judice mulctandus.

Si iterum in furto deprehensus fuerit, et non habuerit unde accusatori aut judici satisfaciat, morte plectatur.

Digitized by Google

Si alioqui fur convictus, non habeat, unde accusatori satisfacere posset, caesus baculis, tradatur accusatori.

Si quis furti accusetur, et honestus aliquis vir jurejurando affirmet, illum antea quoque furti convictum, aut furti causa cuipiam reconciliatum fuisse, neglecto et omisso judicio, morte afficiatur: de bonis ejus fiat, ut supra.

Si aliquis vilis conditionis, aut suspectae vitae, furti insimuletur, vocetur in quaestionem. Si vero furti convinci non potest, datis fidejussoribus, dimittatur ad ulteriorem inquisitionem.

Pro scripto decreto, seu lata sententia, aestimatione unius rubli solvantur Judici novem dengae: Secretario, qui sigillum habet, altinum unum: Notario dengae tres.

Praefecti, qui non habent authoritatem, causa cognita, decernere ac sententiam ferre, hi alteram partium in aliquot rublis condemnent, dein decretum ad Judices ordinarios mittant. quod si justum ac aequitati consonum illis videtur, tum de singulis rublis, singuli altini Judici, Secretario vero IV dengae solvantur.

Quicunque alterum furti, spolii, seu homicidii accusare vult, Moscovuiam proficiscitur, petitque ut talis in jus vocetur. Datur illi Nedelsnick, qui reo diem dicit, eundemque Moscovuiam perducit. Reus porro in judicio constitutus, plerunque crimen sibi objectum negat. Si actor testes producit, tum ambae partes interrogantur, an dictis stare velint. Ad id communiter respondent: Audiantur testes secundum justitiam et consuetudinem. Si contra reum attestantur, tum reus statim se opponit, et contra testimonia et personas

Digitized by Google

excipit, dicens: Peto mihi decerni juramentum, meque justitiae divinae permitto, petoque campum et duellum. Atque illis ita, juxta patriae consuetudinem, duellum decernitur.

Uterque quemvis alium, suo loco ad duellum constituere, armis item uterque instruere se quibuslibet potest, pixide et arcu exceptis. Communiter autem loricas oblongas, aliquando duplices, thoracem, armillas, galeam, lanceam, secûrim, et ferrum quodam in manu, istar pugionis, in utraque tamen extremitate acutum, habent: quo altera manu ita expedite utuntur, ut in quolibet congressu non impediat, neque manu cadat. eo autem in pedestri certamine plerunque utuntur.

Certamen primum ineunt lancea, dein aliis utuntur armis: cum multis annis Mosci cum externis aut Germanis, aut Polonis, aut Lithvuanis certantes, plerunque succubuissent. Novissime autem cum Lithvuanus quidam XXVI annos natus, cum quodam Mosco, qui plusquam XX duellis victor evaserat, congressus, occisus esset: Princeps indignatus, illum ut videret, continuo accersiri jubet. quo viso, in terram expuit, et statuit, ne inposterum ulli externo duellum contra suos decerneretur. Mosci plurimis ac diversis armis se onerant verius, quam armant: externi autem consilio magis quam armis tecti, congrediuntur. Cavent in primis, ne manus conserant: quod Moscos plurimum brachiis lacertisque valere sciunt, sola industria ac agilitate illos tandem lassos vincere solent. Utraque partium habet multos amicos atque fautores, certaminis sui spectatores: sed prorsus inermes, exceptis sudibus, quibus interdum utuntur. Etenim si alteri

Digitized by Google

horum videtur injuria aliqua fieri, tum ad propulsandam ejus injuriam fautores ipsius accurrunt, mox etiam alterius, atque ita utrinque certamen spectantibus exoritur jucundum. agitur enim res capillis, pugnis, fustibus, sudibusque praeustis.

Unius nobilis testimonium plus valet, quam multorum vilis conditionis hominum. Procuratòres rarissime admittuntur, quisque causam suam exponit. Princeps, quanquam severissimus sit, nihilominus tamen omnis justitia, et palam fere, venalis est. Audivi quendam sonsiliarium, qui judiciis praeerat, fuisse deprehensum, quod ab utraque partium in quadam causa munera accepisset: et pro altero, qui plus dederat, judicasset. quod factum, ad Principem delatus, non negabat: illum, pro quo judicasset, hominem dicebat divitem, honesto loco, atque ideo magis huic quam illi inopi et abjecto credendum. Tandem, quamvis Princeps sententiam revocasset, ridens tamen, illum impune dimisit. Fortasse tantae avaritiae ac improbitatis causa et ipsa egestas, qua suos cum sciat Princeps oppressos, ad illorum facinora atque improbitatem, quasi impunitate proposita, connivet. Pauperibus non patet aditus ad Principem, sed ad ipsos consiliarios tantum, et quidem difficillimus.

Okolnick personam Praetoris, seu Judicis a Principe constituti sustinet: alias supremus consiliarius, qui semper

Digitized by Google

ихъ, утомивъ однимъ искусствомъ и ловкостью. У обѣихъ сторонъ есть много друзей и доброжелателей между зрителями ихъ боя; но они не имѣютъ другаго оружія, кромѣ дубинъ, которыми иногда и пользуются. Ибо если замѣтятъ, что одному изъ бойцевъ грозитъ какая нибудь обида, то доброжелатели его тотчасъ сбѣгаются, чтобы отразить ее; тоже дѣлаетъ и другая сторона и такимъ образомъ между ними завязывается интересная для зрителей схватка, потому что дѣло доходитъ до волосъ, кулаковъ, батоговъ и дубинъ съ обожженными концами.

Свидѣтельство одного человѣка изъ благороднаго званія значитъ болѣе, нежели свидѣтельство многихъ низкаго состоянія. Очень рѣдко допускаются повѣренные: каждый излагаетъ свое дѣло самъ. Хотя князь весьма строгъ, но, не смотря на то, всё правосудіе почти явно продажно. Я слышалъ какъ одинъ совѣтникъ, завѣдывавшій судебной частью, былъ уличенъ въ томъ, что за одно дѣло, принялъ подарки отъ обѣихъ сторонъ и рѣшилъ въ пользу того, кто больше далъ. Когда на него донесли князю, онъ не отвергалъ и говорилъ, что тотъ, въ пользу кого онъ рѣшилъ дѣло человѣкъ богатый, занимаетъ почетное мѣсто въ обществѣ и потому ему слѣдуетъ вѣрить болѣе, чѣмъ этому презрѣнному бѣдняку. Въ заключеніе, хотя князь и перемѣнилъ рѣшеніе, но, посмѣявшись, отпустилъ его безъ наказанія. Можетъ причина такой жадности и безчестности — одна нужда; и князь, зная, что она гнететъ его судей, потакаетъ ихъ преступленіямъ и безчестности, когда выставляетъ какъ-бы на видъ ихъ безнаказанность. Доступъ къ князю закрытъ для бѣдныхъ; они получаютъ его только къ этимъ совѣтникамъ и то большими затрудненіями.

Окольникъ представляетъ особу поставленнаго Престора, этимъ же именемъ называется высшій, состоящій при князѣ

Digitized by Google

apud Principem versatur, eo nomine vocatur. Nedelsnick, est commune quoddam eorum officium, qui homines in jus vocant, malefactores capiunt, carceribusque coercent. atque hi Nobilium numero continentur.

Coloni sex dies in septimana domino suo laborant, septimus vero dies privato labori conceditur. Habent aliquot privatos, et a dominis suis attributos agros, et prata ex quibus vivunt: reliqua omnia sunt dominorum. Sunt praeterea miserrimae conditionis, quod illorum bona, nobilium ac militum praedae exposita sunt: a quibus etiam per ignominiam Christiani, aut nigri homunciones vocantur.

Nobilis, quantumvis pauper fuerit, turpe sibi tamen ac ignominiosum esse putat, si manu laboraret. Hoc autem turpe non esse ducit, cortices, seu putamina fructuum, et praesertim melonum, allii, ac caeparum, a nobis et famulis nostris abjecta, de terra levare ac devorare. Caeterum sicuti cibo parce, sic potu, ubicunque se occasio offert, immoderate utuntur. Omnes fere tardi ad iram, item superbi in paupertate: cujus gravem comitem habent, servitutem. Vestes oblongas, pileos albos apicatos ex lana coacta, qua penulas barbaricas confectas videmus, solidosque ex officina gestant. Vestibula aedium satis quidem ampla, et alta: foris vero habitationum humiles habent, ita ut ingressurus quispiam demittere se et inclinare cogatur.

Manuario qui vivunt labore, et operam suam vendunt, mercedem unius diei referunt dengam cum dimidia: artifex duas. neque hi strenue laborant, nisi bene verberati. Audivi servitores aliquando conquestos, quod a dominis non essent probe verberati. Credunt se suis dominis displicere: signumque esse indignationis, si non verberentur.

Digitized by Google

DE INGRESSU IN ALTERIUS DOMUM.

In singulis aedibus et habitationibus habent imagines sanctorum, pictas, aut fusas, loco honorificentiore et cum alius alium accedit, ingressus habitaculum, continuo caput aperit, ac ubi imago sit, circumspicit: qua visa, ter se crucis signo munit, caputque inclinans inquit: Domine miserere. Dein salutat hospitem, his verbis: Deus det sanitatem. Mox porrectis manibus, deosculantur se mutuo, capitaque inclinant. dein continuo alter alterum intuetur, uter nimirum se magis inclinaret, demitteretque: atque ita ter quaterque alternatim caput inclinantes, honoremque mutuo exhibentes, quodammodo concertant. Post sedent, negotioque suo confecto, hospes recta in medium habitaculi procedit. facie ad imaginem conversa: rursusque ter signo se crucis munit, prioraque verba inclinato capite repetit. Postremo data acceptaque prioribus verbis salute, abit. Si est alicujus authoritatis vir, illum tum hospes sequitur ad gradus usque: sin praestantior, longius comitatur, habita et observata cujusque dignitate. Mirabiles observant caeremonias. nulli etenim tenujoris fortunae homini licet intra portam domus alicujus praestantioris equitare. Difficilis quoque pauperioribus ac ignotis aditus est, etiam ad vulgares nobiles: qui vel hoc nomine rarius in publicum prodeunt, quo majorem authoritatem suique observantiam retineant. Nullus etiam nobilis, qui paulo ditior est, ad quartam vel quintam domum pedes progreditur, nisi subsequatur equus. Hyemis tamen tempore, cum equis, soleis carentibus, propter glaciem, absque periculo uti non possunt: aut quando aulam principis, aut Divorum templa forte ingrediuntur, tum equos domi relinquere solent.

Digitized by Google

О ВХОДѢ ВЪ ЧУЖОЙ ДОМЪ.

Въ каждомъ домѣ и въ каждомъ покоѣ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, стоятъ у нихъ изображенія Святыхъ, писанныя или литыя. И когда одинъ приходитъ къ другому, то, при входѣ въ комнату, тотчасъ открываетъ голову и ищетъ глазами, гдѣ образъ. Увидѣвъ его, онъ трижды знаменуется крестомъ и, наклоняя голову, говоритъ: Господи помилуй.. Потомъ здоровается съ хозяиномъ словами: «Дай Богъ здоровья.» За тѣмъ, взявшись за руки, они взаимно цѣлуютъ другъ друга и наклоняютъ головы, потомъ тотчасъ взглядываютъ одинъ на другаго, что-бы видѣть, кто изъ нихъ ниже поклонился; такимъ образомъ, три или четыре раза попеременно наклоняютъ они головы и тѣмъ выражаютъ уваженіе другъ къ двугу, какъ-бы споря въ этомъ между собою. Послѣ этого садится гость; окончивъ свое дѣло, выходитъ прямо на середину комнаты, обращаетъ лицо къ образу, снова крестится три раза и, наклоняя голову, повторяетъ прежнія слова. Потомъ, обмѣнявшись прежними привѣтствіями, онъ уходитъ. Если это человѣкъ довольно важный, то хозяинъ идетъ за нимъ до лѣстницы; если познатнѣе, то провожаетъ дальше, наблюдая такимъ образомъ мѣру по достоинству каждаго. Они соблюдаютъ удивительныя церемоніи: человѣку небольшаго состоянія нельзя въѣзжать на лошади въ ворота дома какого нибудь вельможи. Для людей бѣдныхъ и неизвѣстныхъ труденъ доступъ даже и къ простымъ боярамъ (nobilis). Эти и подобныя имъ показываются въ публику довольно рѣдко съ тѣмъ, что-бы поддержать болѣе вѣсу и уваженія къ себѣ. И ни одинъ благородный, не много побогаче, не пройдетъ пѣшкомъ до четвертаго или пятаго дома, если за нимъ не слѣдуетъ лошадь. Впрочемъ, такъ какъ въ зимнее время имъ нельзя, безъ

Digitized by Google

Domini intra privatos parietes semper sedent, raro aut nunquam inambulando quicquam tractant. Mirabantur plurimum, dum nos deambulantes in diversoriis nostris, atque inter ambulandum negotia frequenter tractare viderent.

Weredarios princeps, ad omnes ditionis suae partes, diversis in locis cum justo equorum numero habet: ut cum cursor Regius aliquo missus fuerit, equum sine mora in promptu habeat. Est autem cursori liberum, ut quemcunque voluerit, eligat equum. Mihi ex Novuogardia magna celeriter Moscovuiam proficiscenti, Magister postarum, qui illorum lingua Jamschnick appellatur, aliquando triginta, nonnunquam quadraginta, quinquagintave adduci mane primo curabat equos, cum ultra duodecim opus non haberem. Unusquisque igitur nostrum, equum qui sibi commodus videbatur, sumebat: defessis dein illis, cum ad aliud in itinere diversorium, quod Jama appellant, pervenimus, continuo ephippio et freno retentis, permutavimus. Licet cuilibet celerrimo uti equorum cursu: et si forte aliquis concidat, aut durare non possit, tum ex proxima quaque domo alium rapere, aut alioqui abs quovis obviam forte occurrente, Principis duntaxat cursore excepto, sumere impune quidem licet. Equum porro in itinere viribus exhaustum, relictumque Jamschnick requirere, item alterum ei cui ereptus erat restituere, pretiumque ratione itineris habita, persolvere solet. Plerunque de X vel XX vuerst, numerantur sex dengae. Ejusmodi porro veredariorum equis, servitor meus ex Novuogardia Moscovuiam, intervallo 600 vuerst, hoc est CXX Ger. miliar. LXXII hóris pervenit. quod quidem eo magis

Digitized by Google

опасности для себя, унотреблять своихъ не подкованныхъ лошадей, по причинѣ гололедицы, то, отправляясь во дворецъ князя, или въ Божій храмъ, они обыкновенно оставляютъ лошадей дома. Дома у себя господа всегда, сидятъ рѣдко и даже никогда не разсуждаютъ ни о чемъ прохаживаясь. Они весьма удивлялись, когда увидѣли, что мы прохаживались въ своихъ квартирахъ и, прохаживаясь часто разсуждали о дѣлахъ.

Въ различныхъ мѣстахъ, по всѣмъ частямъ своихъ владѣній князь держитъ почтмейстеровъ съ извѣстнымъ числомъ лошадей для того, что-бы царскій гонецъ, въ случаѣ его отправленія куда нибудь, безъ задержки имѣлъ готовую лошадь. Гонцу позволено выбирать лошадь, по своему желанію. Когда я торопился изъ Новгорода Великаго въ Москву, то начальникъ почтъ, на ихъ языкѣ называемый *ямщикомъ*, съ ранняго утра постарался привести тридцать-ли, сорокъ, или пятьдесятъ лошадей, между тѣмъ какъ мнѣ нужно было не болѣе двѣнадцати. Такимъ образомъ каждый изъ насъ бралъ ту лошадь, которая казалась ему годною; усталыхъ же мы перемѣняли немедленно по пріѣздѣ на другой постоялый дворъ, который они называютъ *ямомъ;* а сѣдла и узда оставались у насъ прежнія; всякому позволяется ѣздить на лошадяхъ, сколько можно быстро, и если лошадь какъ нибудь падетъ, или не въ силахъ продолжать ѣзды, то совершенно безнаказанно можно увести другую изъ каждаго ближайшаго дома, или взять у перваго встрѣчника, исключая только княжескаго гонца. Обыкновенно ямщикъ отыскиваетъ лошадь, выбившуюся изъ силъ и оставленную на дорогѣ; онъ же возвращаетъ по принадлежности и другую, взятую во время проѣзда, и платитъ деньги за дорогу по разсчету. Большею частью за 10 или 20 верстъ платится шесть денегъ. На такихъ почтовыхъ лошадяхъ мой служитель въ семьдесятъ два часа прибылъ изъ Новгорода

Digitized by Google

mirandum est, cum equuli tam parvi sint, et longe negligentius quam apud nos curentur, tantos tamen labores perferant.

DE MONETA.

Monetam argenteam quadruplicem habent: Moscovuiticam, Novuogardensem, Tvuerensem, et Plescovuiensem. Moscovuiticus nummus non rotunda, sed oblonga et ovali quodammodo forma, Denga dictus, diversas habet imagines. — antiqua, in una rosae: posterior, hominis equo insidentis imaginem. in altera autem parte utraque scripturam habet. Illorum porro centum, unum Hungaricalem aureum: Altinum sex dengae, Grifnam viginti, Poltinam centum, Rublum ducentae faciunt. Novi nunc utrinque characteribus signati cuduntur, et quadringenti valent Rublum.

Tvuerensis utrinque scripturam habet, et valore Moscovuitico aequiparat.

Novuogardensis in una parte Principis in solio sedentis, hominisque ex adverso sese inclinantis imaginem: in altera scripturam habet, atque Moscovuiticum valore in duplo superat. Grifna porro Novuogardensis XIIII, Rublus autem ducentas vinginti duas dengas valet.

Plescovuiensis, caput bovis coronatum, in altera vero scripturam habet. Habent praeterea cupream monetam, quae Polani vocatur. horum sexaginta dengam Moscoviticam valent.

Digitized by Google

въ Москву, а разстояніе между этими городами 600 верстъ т. е. 120 германскихъ миль. Это тѣмъ удивительнѣе, что эти лошадки такъ малы, и уходъ за ними гораздо небрежнѣе, чѣмъ у насъ, и между тѣмъ онѣ переносятъ столько трудовъ.

О МОНЕТѢ.

Они имѣютъ серебряную монету четырехъ родовъ: Московскую, Новгородскую, Тверскую и Псковскую. Московская монета, не круглой, а продолговатой и почти овальной формы, — называется деньгой и имѣетъ различныя изображенія: древняя представляетъ на одной сторонѣ изображеніе розы, а новая изображеніе человѣка, сидящаго на конѣ; на другой же у обѣихъ находится надпись. Сто этихъ монетъ составляютъ одинъ венгерскій золотой, шесть денегъ составляютъ алтынъ, двадцать — гривну, сто — полтину, двѣсти — рубль. Новыя монеты чеканятся теперь съ буквами характеристическими (characteribus) съ обѣихъ сторонъ; въ рублѣ ихъ четыреста.

Тверская съ обѣихъ сторонъ имѣетъ надпись и цѣнностью равняется Московсой.

Новгородская съ одной стороны представляетъ изображенія князя, сидящаго на тронѣ, а противъ его кланяющагося человѣка; съ другой надпись; цѣною она выше Московской. Новгородская гривна содержитъ въ себѣ 14 денегъ; рубль же 222 деньги.

Псковская представляетъ бычачью голову покрытую короной, а на другой сторонѣ надпись. Кромѣ того у нихъ есть мѣдная монета, которая называется «*Полани*»; шестьдесять ихъ составляютъ московскую деньгу.

Digitized by Google

Aureos non habent, nec cudunt ipsi, sed Hungaricalibus fere, interdum etiam Renanis utuntur: preciumque eorum saepe mutant, praesertim cum externus auro aliquid mercaturus sit, tum continuo precium ejus minuunt. si vero aliquo profecturus, auro indigeat, ejus tum rursus precium augent.

Rigenzibusque rublis utuntur propter vicinitatem, quorum unus valet duos Moscovuiticos. Moneta Moscovuitica est ex puro et bono argento: ea quamvis nunc quoque adulteratur. Non audivi tamen, ob hoc facinus in quempiam animadversum esse. Omnes fere aurifabri Moscovuiae nummos cudunt: et quicunque affert massas argenteas puras, nummosque cupit, tum nummos et argentum appendunt, atque aequa lance librant. Exiguum est, et constitutum precium, quod ultra aequale pondus solvendum est aurifabris, parvo alioqui laborem suum vendentibus. Scripserunt quidam, provinciam hanc rarissime abundare argento: Principem praeterea, ne id exportaretur prohibere. Provincia sane argentum nullum habet, nisi quod (ut dictum est) importatur: nec Princeps usqueadeo efferre prohibet, sed cavet verius. atque ideo permutationem rerum facere, et alia, ut pelles, quibus abundant, aut quid aliud ejusmodi, pro aliis rebus dare, recipereque suos jubet, quo argentum et aurum in provincia retineat. Vix centum annis utuntur moneta argentea, praesertim apud illos cusa. Initio cum argentum in provinciam inferebatur, fundebantur portiunculae oblongae argenteae, sine imagine et scriptura, aestimatione unius rubli: quarum nulla nunc apparet. Cudebatur etiam moneta in Galitz principatu. ea autem cum aequabili valore careret, evanuit. Porro ante monetam, proboscide et auriculis aspreolorum, aliorumque animalium, quorum pelles ad nos

Digitized by Google

Червонцевъ они не имѣютъ и не чеканятъ сами; но употребляютъ почти всѣ венгерскіе и иногда римскіе червонцы: часто измѣняютъ ихъ цѣну, особенно, когда чужеземецъ хочетъ купить что нибудь на золото. Въ такомъ случаѣ они тотчасъ уменьшаютъ его цѣну. Если же иностранецъ собирается куда. нибудь выѣхать и ему понадобится золото, то опять подымаютъ цѣну этого металла.

По сосѣдству у нихъ въ ходу также римскіе рубли; одинъ такой рубль стоитъ двухъ московскихъ. Московская монета изъ чистаго и хорошаго серебра, хотя нынѣ ее и поддѣлываютъ. Впрочемъ я не слыхалъ, что-бы кого нибудь наказывали за это преступленіе. Въ Московіи почти всѣ мастера золотѣхъ дѣлъ чеканятъ монету; если кто нибудь приноситъ чистые слитки серебра и желаетъ обмѣнитъ ихъ на монету, то они кладутъ на одну чашку вѣсовъ серебро, на другую деньги и уравниваютъ ихъ вѣсъ. Установлена небольшая плата, которую мѣняющіе, сверхъ равной тяжести серебра, даютъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ, дешево продающимъ свою работу. Нѣкоторые писали, что въ этой странѣ серебро весьма рѣдко и что кромѣ того Князь запрещаетъ вывозить его. Страна дѣйствительно вовсе не имѣетъ серебра, за исключеніемъ какъ было сказано, ввознаго; но князь пока не запрещаетъ, а скорѣе остерегается вывозить его, и потому приказываетъ своимъ подданнымъ вымѣнивать товары, давать и принимать за одни вещи другія, какъ напр. мѣха, которыми они богаты, или что нибудь подобное, что-бы удержать въ въ странѣ серебро и золото. Едва-ли прошло сто лѣтъ, какъ они стали употреблять серебряную монету, особенно туземной чеканки. Въ началѣ, когда стали ввозить серебро въ эту страну, изъ него отливались продолговатыя серебрянныя пластинки, безъ изображенія и надписи, цѣною въ одинъ рубль; ни одной изъ нихъ не существуетъ нынѣ. Чеканилась также

Digitized by Google

afferuntur, utebantur: iisque vitae necessaria, ceu pecunia, emebant.

Numerandi ratione ea utuntur, ut res quascunque per Sorogk, aut Devuenosto, hoc est, aut quadragesimo aut nonagesimo numero, quemadmodum nos centesimo, numerent, dividantque. Numerantes itaque subinde repetunt, multiplicantque, bis Sorogk, ter Sorogk, quater Sorogk: id est, quadraginta. aut bis, ter, quater Devuenosto, hoc est nonaginta. Mille, gentili lingua Tissutzae: item decem millia, una dictione, Tma: viginti millia, Dvuetma: triginti millia, Tritma exprimunt.

Quisquis merces qualescunque Moscovuiam attulerit, eas continuo apud portitores, seu telonii praefectos, profiteri ac indicare cogitur: quas hi stata hora conspiciunt, aestimantque. aestimatas vero, nemo nec vendere nec emere audet, nisi prius fuerint Principi indicatae. Porro Princeps si quicquam emere voluerit, tum mercatori interim res suas nec indicare, nec cuiquam licitari eas integrum est. quo fit, ut mercatores interdum diutius detineantur.

Neque etiam cuivis mercatori, praeter Lithvuanos, Polonos, aut illorum imperio subjectos, Moscovuiam venire liberum est. Nam Suetensibus, Livuoniensibus, et Germanis ex maritimis civitatibus, Novuogardiae duntaxat: Thurcis vero et Tartaris Chloppigrod oppido, quo nundinarum tempore diversi homines ex remotissimis locis confluunt, mercaturam exercere ac mercari concessum est. Quando vero Legati ac Oratores Moscovuiam proficiscuntur, tum omnes undecunque mercatores in illorum fidem ac protectionem

Digitized by Google

монета въ Княжествѣ Галицкомъ, но она изчезла, потому что не имѣла постоянной цѣнности. Прежде же монеты, они употребляли мордки, ушки бѣлокъ и другихъ животныхъ, которыхъ мѣха привозятся къ намъ; на нихъ, какъ на деньги, покупали жизненныя потребности.

Они употребляютъ такой способъ счисленія, по которому всѣ вещи счисляются и дѣлятся по сороку и девяносту, т. е. 40-мъ или 90-мъ подобно тому, какъ у насъ сотней. Такимъ образомъ, считая, они часто повторяютъ эти числа дважды сорокъ, трижды сорокъ, четырежды сорокъ, — или дважды, трижды, четырежды; т. е. 90. Mille на природномъ ихъ языкѣ значитъ тысяча; десять тысячь они выражаютъ однимъ словомъ — тьма, двадцать тысячъ — двѣ тмы, тридцать тысячъ — три тмы.

Всякъ, кто привезетъ въ Москву какіе бы то ни было товары, долженъ немедленно заявить и показать ихъ предъ сборщиками пошлинъ или начальниками таможни. Въ назначенный часъ они осматриваютъ ихъ и оцѣниваютъ; по оцѣнкѣ же товаровъ, никто не смѣетъ ни продать, ни купить ихъ, пока они небудутъ показаны князю. И если князь пожелаетъ купить что нибудь, то въ это время не позволяется ни купцу показывать свои вещи, никому ни будь другому надбавлять на нихъ цѣну. Отъ того купцовъ иногда задерживаютъ очень по долгу. Не всякому купцу также можно ходить въ Московію, за исключеніемъ Литовцевъ, Поляковъ и имъ подвластныхъ. Шведамъ, Ливонцамъ и Германцамъ изъ приморскихъ городовъ позволено производить торговлю и закупать товары только въ Новгородѣ; Туркамъ же и Татарамъ въ Хлопьемъ городѣ, куда во время ярмарки стекаются люди разныхъ племенъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Когда же отправляются въ Москву посланники, то всѣ купцы, взятые ими на по-

Digitized by Google

suscepti, Moscovuiam et libere, et sine portoriis ire possunt, ac etiam consueuerunt.

Major pars mercium sunt massae argenteae, panni, sericum, panni sericei et aurei, uniones, gemmae, aurum filatum. interdum viles etiam quasdam res suo tempore portant, ex quibus non parum lucri referunt. Saepe etiam accidit, ut rei alicujus desiderio omnes teneantur: quam qui primus attulerit, plus justo lucratur. Dein cum plures mercatores earundem rerum magnam copiam aduexerint, tanta nonnunquam vilitas consequitur, ut is qui res suas quamplurimo vendiderat, easdem rursus vilescente precio emat, magnoque suo commodo in patriam reducat. Merces vero quae inde in Germaniam portantur, sunt pelles, et cera: in Lithvuaniam et Turciam, corium, pelles, et albi longi dentes animalium, quae ipsi Mors appellant, quaeque in mari septentrionali degunt, ex quibus manubria pugionum Thurci affabre conficere solent. nostrates piscium dentes esse putant, et nominant. In Tartariam vero sellae, frena, vestes, corium: arma autem et ferrum non nisi furtim, aut ex singulari Praefectorum permissione exportantur, ad alia loca intra Orientem et Septentrionem. Panneas tamen et lineas vestes, cultellos, secures, acus, specula, marsupia, aut quid aliud ejusmodi ducunt. Mercantur fallacissime ac dolosissime: nec paucis verbis, ut quidam scripserunt. Quin dum precium afferunt, ac rem minoris dimidio precio in fraudem venditoris licentur: mercatores nonnunquam non uno tantum aut altero mense suspensos ac incertos detinent, verum ad extremam desperationem quosdam perducere solent. Caeterum qui mores illorum tenet, dolosaque verba, quibus

Digitized by Google

руки и подъ покровительство, свободно и безпошлинно могутъ ѣхать въ Москву, что они обыкновенно и дѣлаютъ.

(Привозные) товары большею частью состоятъ въ слиткахъ серебра, сукнахъ, шелкѣ, шолковыхъ и золотыхъ парчахъ, жемчугѣ, дрягоцѣнныхъ камняхъ, листовомъ золотѣ; иногда, въ извѣстное время, (купцы) привозятъ и дешевые товары, отъ которыхъ получаютъ не мало прибыли. Часто случается даже, что у всѣхъ является желаніе имѣть какую нибудь вещь, — и кто первый привезетъ ее, тотъ получаетъ барыши больше надлежащаго. Потомъ, когда много купцовъ навезутъ большое количество однѣхъ и тѣхъ же вещей, то отъ этого происходитъ такая дешевизна, что продавшій свои вещи за самую высокую цѣну покупаетъ ихъ обратно по удешевленной цѣнѣ и съ большею для себя выгодой отвозитъ ихъ въ отечество. Товары же, вывозимые отсюда въ Германію — мѣха и воскъ, въ Литву и Турцію — кожи, мѣха и длинные бѣлые зубы животныхъ, называемыхъ у нихъ моржами и живущихъ въ сѣверномъ морѣ; изъ этихъ зубовъ обыкновенно Турки искусно дѣлаютъ рукояти кинжаловъ. У насъ думаютъ, что это рыбьи зубы и такъ называютъ ихъ. Въ Татарію вывозятся сѣдла, узды, платья, кожи; оружіе же и желѣзо вывозится только тайкомъ, или съ особеннаго разрѣшенія воеводъ въ другія сѣверо-восточныя страны.

Впрочемъ они возятъ (въ Татарію) суконныя и холщевыя одежды, ножи, топоры, иглы, зеркала, кошельки и тому подобное. Торгуютъ они съ большими обманами и хитростями, и торгъ слаживается не такъ скоро, какъ писали нѣкоторые. При покупкѣ какой нибудь вещи, они даютъ цѣну въ половину провивъ настоящей, желая обмануть продавца; иногда по мѣсяцу или по два держатъ купцовъ въ ожиданіи и неизвѣстности, а нѣкоторыхъ обыкновенно доводятъ до совершеннаго отчаянія. Впрочемъ, кто знаетъ ихъ обычай и не-

Digitized by Google

precium rei imminuunt, tempusque extrahunt, non curat, aut dissimulat: is res suas sine aliquo dispendio vendit.

Civis quidam Cracovuiensis, ducentos centenarios cupri advexerat, quos Princeps emere voluit, et mercatorem tam diu detinuit, ut is tandem fastidio affectus, rursus versus patriam cuprum reduceret. Porro cum aliquot miliaribus ab urbe abesset, subordinati quidam illum sequuntur, ejusque bona, ac si portorium non soluisset, inhibent, interdicuntque. Mercator reversus Moscovuiam, apud consiliarios Principis de injuria sibi illata conqueritur. illi audita causa, mox se ultro constituunt medios: ac negotium sese transacturos, si gratiam petat, pollicentur. Mercator callidus, qui sciebat Principi ignominiosum fore, si ejusmodi merces ex ditione sua reducerentur, ac si non reperiretur quispiam qui tantas merces mercare et exoluere posset, non ullam petit, sed justitiam sibi administrari postulat. Tandem cum viderent adeo obstinatum, ut qui abduci a proposito non posset, neque illorum dolo aut fraude cedere vellet, cuprum Principis nomine emunt: ac persoluto justo precio, hominem dimittunt.

Externis singulas res carius vendunt: ita ut quae uno ducato alioqui emunt, ea quinque, octo, decem, interdum viginti ducatis indicent. Quanquam ipsi vicissim, aliquando rem raram ab externis decem, aut quindecim florenis mercentur, quae vix unum aut alterum valet florenum.

Porro contrahendis rebus, si quid forte dixeris, aut imprudentius promiseris, eorum diligenter meminerunt, praestandaque urgent: ipsi vero, si quid vicissim promiserint,

Digitized by Google

обращаетъ вниманія на ихъ хитрости, которыми они стараются уменьшить цѣну вещи и протянуть время, или дѣлаетъ видъ, будто незаботится объ этихъ хитростяхъ, — тотъ продаетъ свои товары безъ всякаго убытка.

Одинъ Краковскій купецъ привезъ (въ Московію) двѣсти центенаріевъ мѣди. Князь хотѣвшій купить ее продержалъ этого купца до того, что онъ, соскучившись наконецъ, повезъ мѣдь обратно въ отечество. Когда онъ былъ уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, догоняютъ его какіе-то чиновники, задерживаютъ и налагаютъ запрещеніе на его товаръ, подъ предлогомъ неуплаты бутто-бы имъ пошлины. Возвратившись въ Москву, купецъ жалуется на сдѣланное ему притѣсненіе княжескимъ совѣтникамъ; тѣ предлагаютъ свое посредничество и обѣщаются обдѣлать его дѣло, если онъ попроситъ милости. Хитрый купецъ, зная, что князю будетъ стыдно, если изъ его владѣній обратно повезутъ такой товаръ и если не найдется никого, кто бы могъ купить тотъ товаръ и заплатить за него, — не просилъ милости, но только требовалъ, чтобы съ нимъ поступили по справедливости. Наконецъ, убѣдившись, что онъ намѣренъ упорно стоять на своемъ и неподдаваться ихъ хитрости и обману,—они купили мѣдь отъ имени князя и, заплативъ настоящую цѣну, отпустили этого человѣка.

Иноземцамъ они продаютъ все дороже,—такъ что за вещь, которая стоитъ имъ одинъ дукатъ, они спрашиваютъ пять, восемь, десять, иногда двадцать дукатовъ. Зато и сами, въ свою очередь, покупаютъ иногда у иностранцевъ какую нибудь рѣдкую вещь за десять или пятнадцать флориновъ, тогда какъ она едва стоитъ одинъ или два флорина.

Если-же при заключеніи условій неосторожно скажешь что нибудь или дашь какое нибудь обѣщаніе, то они помнятъ это очень хорошо и заставляютъ исполнить, а сами нисколько не

Digitized by Google

minime praestant. Item quamprimum jurare incipiunt, aut obtestari, scias illico dolum subesse. animo enim fallendi ac decipiendi jurant. Rogaveram quendam consiliarium Principis, ut me in emendis certis pellibus, ne deciperer, juvaret: qui ut facile operam mihi suam erat pollicitus, ita rursum diutius me suspensum tenuit. Voluit proprias mihi obtrudere pelles. ad haec alii ad illum concurrebant mercatores, praemia pollicentes, si eorum merces bono mihi venderet precio. Ea est enim mercatorum consuetudo, ut in emptione ac venditione medios se constituant, atque utrique partium acceptis separatim muneribus, operam suam fidelem polliceantur.

Est ampla et murata domus non longe ab arce, Curia dominorum mercatorum dicta, in qua habitant mercatores, mercesque suas reponunt: ubi sane piper, crocus, sericii panni, et id genus aliae merces, longe minoris quam in Germania venduntur. Hoc autem tribuendum est rerum permutationi. Nam dum Mosci pelles alioqui vili pretio comparatas, plurimi aestimant: externi vicissim, forte illorum exemplo, merces suas paruo quoque emptas opponunt, cariusque indicant. quo fit, ut utrique aequali permutatione rerum facta, res praesertim pro pellibus acceptas, mediocri precio, et sine lucro vendere possint.

Pellium magna est diversitas. Zebellinorum enim nigredo, longitudo et densitas pilorum, maturitatem arguunt. Item si congruo tempore, quod in pellibus aliis pariter observatur, capiantur, precium augent. Citra Ustyug et Dvuinam provinciam rarissime, circa Peczoram vero saepius et praestantiores reperiuntur.

Digitized by Google

исполняютъ въ свою очередь обѣщаній. И какъ скоро они начнутъ клясться или божиться, то знай, что тутъ скрывается хитрость, ибо они клянутся съ цѣлію солгать и обмануть. Я просилъ одного княжескаго совѣтника помочь мнѣ при покупкѣ нѣкоторыхъ мѣховъ, чтобы меня не обманули; онъ легко согласился мнѣ содѣйствовать, но за то тѣмъ дольше заставилъ меня ждать. Онъ хотѣлъ навязать мнѣ свои собственные мѣха; кромѣ того, къ нему приходили другіе купцы и обѣщали отблагодарить его, если онъ продастъ мнѣ ихъ товары за хорошую цѣну. Ибо таковъ обычай (тамошнихъ) купцевъ; они посредничаютъ между продавцемъ и покупателемъ и, взявъ съ того и другаго особые подарки, обѣщаютъ каждому соблюдать его интересъ.

Недалеко отъ Кремля есть обширное, окруженное стѣною зданіе,—такъ называемый дворъ господъ купцовъ (гостиный дворъ); въ немъ живутъ и торгуютъ купцы, и здѣсь перецъ, шафранъ, шелковыя матеріи и тому подобныя товары дѣйствительно продаются гораздо дешевле, чѣмъ въ Германіи. Это надобно приписать мѣнѣ товаровъ. Ибо, если Московиты слишкомъ возвышаютъ цѣну мѣховъ, доставшихся имъ не дорого, то иноземцы, съ своей стороны, можетъ быть по ихъ примѣру, дороже спрашиваютъ за свои товары, купленные ими также по дешевой цѣнѣ; отъ этого, по совершеніи равномѣрной мѣны, и тѣ и другіе могутъ продавать посредней цѣнѣ и безъ барыша, вещи, въ особенности полученныя ими за мѣха.

Между мѣхами большая разница. Чернота, длина и густота шерсти въ соболѣ служатъ признаками его доброты. Купцы также набавляютъ цѣну, если соболи пойманы въ настоящую пору; это наблюдается и относительно другихъ мѣховъ. По сю сторону Устюга и Двинской области соболей очень мало; около же Печоры ихъ находятъ чаще, и при томъ отличныхъ.

Digitized by Google

Madauricae pelles ex diversis partibus, ex Sevuera bonae, ex Heluetiis meliores, ex Svuetia vero optimae afferuntur. Illic tamen major est copia. Audivi, aliquando Moscovuiae repertas Zebellinorum pelles fuisse, quarum aliae XXX, aliae vero XX aureis venditae sunt. At ejusmodi ego nullas potui videre.

Hermelinorum pelliculae ex pluribus pariter locis inversae afferuntur, quibus tamen plerisque emptoribus imponitur. Habent signa quaedam circa caput et caudam, ex quibus agnoscuntur, an congruo tempore sint captae. Nam simul ubi hoc animal captum fuerit, excoriatur, pellisque invertitur, ne attritis pilis deterior fiat. Si quod non suo tempore captum fuerit, pellisque ideo bono ac nativo colore careat, tum ex capite (ut dictum est) et cauda, certos pilos tanquam signa, ne incongruo tempore captum agnoscatur, evellunt, extrahuntque, atque ita emptores decipiunt. singulae autem tribus fere, quatuorve dengis venduntur: paulo ampliores carent ea albedine, quae alioqui pura in minoribus apparet.

Wulpinae, et praesertim nigrae, ex quibus plerunque tegmina capitis facere solent, plurimi fiunt. decem enim nonnunquam XV aureis venduntur. Aspreolorum pelliculae ex diversis quoque partibus afferuntur, ampliores tamen ex Sibier provincia: nobiliores vero aliis quibuslibet, ex Schvuuaij, non longe a Cazan. Porro ex Permia, Wuiatka, Ustyug, et Wuolochda, fasciculis semper X numero colligatae afferuntur, quarum in singulis fasciculis duae sunt optimae, quas Litzschna appellant: tres aliquanto deteriores, quas Crasna vocant: quatuor, quas Pocrasna: una, et ea quidem ultima, Moloischna dicta, omnium est vilissima. Harum singulae una, aut duabus dengis emuntur. Ex his meliores et selectas, in

Куньи мѣха привозятся изъ различныхъ странъ: изъ Сѣвера хорошіе, изъ Швейцаріи лучше, изъ Швеціи самые лучшіе. Впрочемъ и здѣсь ихъ довольно много. Я слышалъ, что въ Московіи нѣкогда водились собольи мѣха, изъ которыхъ иные продавались по тридцати, другіе по двадцати червонцевъ. Но я не могъ увидать ни одного такого мѣха.

Горностаевые мѣха также привозятся изъ весьма многихъ мѣстъ, вывороченные наизнанку; ими впрочемъ обманываютъ многихъ покупателей. У нихъ есть какіе-то знаки около головы и хвоста по которымъ узнаютъ въ настоящую-ли пору они пойманы. Тотчасъ какъ горностай пойманъ, съ него сдираютъ шкуру и выворачиваютъ для того, чтобы мѣхъ не сдѣлался хуже отъ тренія. Если горностай будетъ пойманъ не своевременно, и въ слѣдствіе этого мѣхъ потеряетъ хорошій и природный цвѣтъ свой, то они вырываютъ и выдергиваютъ изъ головы и хвоста (какъ сказано) извѣстные волоса, какъ знаки, чтобы нельзя было узнать, что онъ пойманъ не въ пору, — и такимъ образомъ обманываютъ покупателей. Каждый мѣхъ продается по три или по четыре деньги; мѣха, нѣсколько побольше, лишены той бѣлизны, которая такъ чиста напротивъ въ маленькихъ. Лисьи мѣхи, и преимущественно черные, изъ которыхъ большею частію дѣлаютъ шапки, очень дороги, ибо иногда десятокъ продается по 15 червонцевъ. Бѣличьи шкурки также привозятся изъ разныхъ странъ: тѣ, что побольше,—изъ области Сибири, а лучшіе—изъ Схувайи, недалеко отъ Казани. Ихъ также привозятъ изъ Перміи, Вятки, Устюга и Вологды связками по 10 шкурокъ вмѣстѣ; каждая связка состоитъ изъ двухъ самыхъ лучшихъ, называемыхъ личными, трехъ, нѣсколько похуже,—красными четырехъ,—по красными; одна, и эта уже послѣдняя, называемая молошною, хуже всѣхъ. Каждая изъ этихъ связокъ продается по одной, или по двѣ деньги. Лучшія и отборныя изъ нихъ кущы вы-

Digitized by Google

Germaniam et alias provincias, mercatores magno suo commodo portant.

Lyncium pelles, parui: luporum vero, ab eo tempore quo in Germania ac Moscovuia in precio esse coeperunt, plurimi fiunt. Luporum praeterea terga longe in minore, quam apud nos, sunt precio.

Castorum pelles apud illos habentur in magno precio: omnesque juxta ex his, quod nigro, eoque nativo sint colore, fimbrias vestium habent.

Pellibus domesticorum catorum, mulieres utuntur. Est quoddam animal, quod gentili lingua Pessetz vocant: hujus pelle, quod plurimum calores adferre corpori solet, in itinere, seu profectionibus utuntur.

Wectigal, seu portorium omnium mercium, quae vel importantur, vel exportantur, in fiscum refertur. De qualibet re, aestimatione unius rubli, penduntur septem dengae: extra ceram, de qua non solum juxta aestimationem, sed pondus quoque, vectigal exigitur. De quolibet autem pondere, quod gentiliter Pud appellant, quatuor dengae penduntur.

De mercatorum itineribus, quibus in importandis ac exportandis mercibus, ac per diversas Moscovuiae regiones utuntur, infra in Chorographia Moscovuiae, copiose explicabo.

Usura communis est: quam licet magnum peccatum esse dicant, ab ea tamen nemo fere abstinet. Est autem quodammodo intolerabilis, nimirum de quinque semper unum: hoc est, de centum viginti. Ecclesiae mitius, ut dictum est, videntur agere, quae decem pro centum (ut vocant) accipiunt.

Digitized by Google

возятъ въ Германію и другія страны съ большой для себя выгодой.

Рысьи мѣха дешевы, а волчьи напротивъ того продаются весьма дорого, съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ цѣну въ Германіи и въ Московіи. За всѣмъ тѣмъ хребтовые волчьи мѣха стоятъ въ гораздо меньшей цѣнѣ, нежели у насъ.

Бобровые мѣха у нихъ въ большей цѣнѣ и всѣ почти дѣлаютъ опушку платья изъ бобра; потому что у этихъ натуральный цвѣтъ черный.

Шкуры домашнихъ кошекъ, употребляютъ женщины. Есть одно животное, которое на родномъ языкѣ называется песцомъ; его мѣхъ употребляютъ въ дорогѣ и въ путешествія, потому что онъ обыкновенно согрѣваетъ тѣло гораздо больше другихъ. Въ казну вносится денежный сборъ или пошлина со всѣхъ товаровъ, какъ ввозимыхъ, такъ и вывозимыхъ. Со всякой вещи, цѣною въ одинъ рубль, платится семь денегъ, кромѣ воска, съ котораго берется полтина не только по цѣнѣ, но и по вѣсу. Съ каждой вѣсовой мѣры, которая на ихъ языкѣ называется пудомъ, платится четыре деньги.

О торговыхъ путяхъ, которыми ввозятся и вывозятся товары, также о дорогахъ по различнымъ областямъ Московіи, я буду пространно говорить ниже въ орографіи Московіи. Отдача денегъ на проценты во всеобщемъ употребленіи. Хотя они и говорятъ, что это большой грѣхъ, но почти никто не отказывается отъ процентовъ. Проценты-же почти не выносимы, именно: съ 5 всегда одинъ, т. е. 20 со 100. Церкви, какъ было сказано, поступаютъ, кажется, снисходительнѣе, получая, какъ онѣ называютъ, 10 вмѣсто 100.

Digitized by Google

Nunc chorographiam principatus et dominii magni Ducis Moscovuiae aggrediar, puncto in Moscovuia principali civitate constituto: ex qua progressus, circumiacentes atque celebriores duntaxat principatus describam. Etenim in tanta vastitate, provinciarum omnium nomina exacte indagare non potui. Quare civitatum fluminum, montium, quorundamque, locorum celebrium nominibus contentus sit Lector.

Urbs Moscovuia itaque, Russiae caput et metropolis, ipsaque provincia, et qui hanc praeterlabitur fluvius, unum idemque nomen habent, vernaculaque gentis lingua Mosquua appellantur. Quodnam autem caeteris nomen praebuerit, incertum. Werisimile tamen est, ea a fluvio nomen accepisse. Nam etsi urbs ipsa olim caput gentis non fuerit, Moscorum tamen nomen veteribus non ignotum fuisse constat. Porro Mosquua fluvius in Tvuerensi provincia, LXX fere supra Mosaisko vuerst (est autem vuerst, Italicum fere miliare) haud procul a loco qui Oleschno dicitur, fontes suos habet: indeque emenso LXXXX vuerst spacio, ad Moscovuiam civitatem decurrit: receptisque in se aliquot fluviis, Orientem versus, Occam fluvium illabitur. Caeterum sex supra Mosaisko miliaribus, primum navigabilis esse incipit: quo loco materia ad fabricandas domos, aliosque usus ratibus imposita, Moscovuiam defertur. Infra autem civitatem merces aliaque quae ab externis hominibus importantur, navibus advehuntur. Tarda autem in fluvio, atque difficilis, propter gyros, seu maeandros, quibus multis incuruatur, navigatio est: praesertim inter Moscovuiam et Columnam civitatem tribus ab ejus ostiis possuum millibus in littore sitam: ubi CCLXX vuerst spacio, flexionibus multis longisque navigan-

Digitized by Google

Теперь я приступлю къ орографіи государства и владѣнія Великаго Князя Московскаго, поставивъ главнымъ пунктомъ городъ Москву; отправляясь отъ нея, я опишу вкругъ ея лежащія и славнѣйшія только Княжества. На такомъ обширномъ пространствѣ я не могъ изслѣдовать въ точности названіе всѣхъ областей. По этому пусть читатель довольствуется именами городовъ, рѣкъ, горъ и нѣкоторыхъ замѣчательныхъ мѣстъ.

Итакъ городъ Московія,—главный городъ и столица Россіи; самая область и рѣка, чрезъ нее протекающая, носятъ одно и тоже имя и называются на туземномъ языкѣ Москвою. Что-же дало имя прочимъ,—неизвѣстно. Вѣроятно только, что городъ и область получили свое названіе отъ рѣки. Ибо, хотя самый городъ въ древности не былъ столицею народа, но извѣстно, что имя Московитовъ было незнакомо древнимъ. Москва рѣка имѣетъ свой истокъ въ Тверской области, почти на сто верстъ выше Можайска (верста почти равняется итальянской милѣ), недалеко отъ мѣста, называемаго Олешно. Прошедши пространство въ 90 верстъ, она входитъ въ городъ Москву и, принявъ въ себя нѣсколько рѣкъ, съ Востока впадаетъ въ рѣку Оку. Врочемъ только на шесть миль выше Можайска она становится судоходною. Здѣсь складываются на плоты матеріалы для постройка домовъ и для другаго употребленія и привозятся въ Москву. Ниже-жъ города доставка товаровъ и всего, ввозимаго иностранцами, производится на судахъ. Плаваніе по рѣкѣ медленно и трудно, по причинѣ многочисленныхъ изгибовъ или извилинъ, особенно между Москвою и городомъ Коломной, лежащимъ на берегу, въ 3000 шаговъ отъ устья; тамъ, на пространствѣ 270 верстъ (рѣка), затрудняетъ и замедляетъ плаваніе частыми и длинными извилинами.

Digitized by Google

tium cursum impedit atque remoratur. Fluvius non admodum piscosus, ut qui praeter viles et vulgares, nullos pisces habeat. Moscovuia quoque provincia, nec lata nimis, nec fertilis est: cujus foecunditati, ager ubique arenosus, qui mediocri siccitatis aut humiditatis excessu segetes enecat, plurimum obest. Accedit ad haec, immoderata asperaque nimis aeris intemperies, qua hyemis rigore solis calorem superante, sata quandoque ad maturitatem non perveniunt. Etenim tam intensa ibi nonnunquam sunt frigora, ut quemadmodum aestatis tempore apud nos aestu nimio, sic ibi frigore immenso terra in hiatum discedat: aqua etiam tum in aerem effusa, sputumque ex ore projectum, anteaquam terram contingat, congelantur. Nos ipsi, cum anno 1526 eo pervenissemus, ramos fructiferarum arborum. rigore hyemis anni praecedentis prorsus periisse vidimus: quae eo anno adeo duro fuit, ut complures veredarii (quos ipsi Gonecz vocant) in vehiculis gelu concreti, repertis sint. Fuere qui tum pecora Moscovuiam, funibus alligata, ex proximis pagis ducerent: vique frigoris oppressi, una cum pecoribus perierunt. Praeterea multi circulatores, qui cum ursis, ad choreas edoctis, in illis regionibus vagari solent, tum mortui in viis reperti sunt. Quin et ursi ipsi, fame eos stimulante, relictis sylvis, passim per vicinas villas discurrebant, inque domos irruebant: quorum conspectum atque vim cum rustica turba fugeret, frigore foris misere peribat. Atque tanto frigori, aestus quoque nimius quandoque respondet, ut anno Domini 1525, quo immoderato solis ardore omnia fere sata exusta fuerunt, tantaque annonae caritas eam siccitatem consecuta est, ut quod tribus antea dengis emebatur, id XX, aut XXX post emeretur. plurimi pagi et syluae, frumentaque nimio aestu incensa conspiciebantur. Quorum fumus ita regionem oppleverat, ut prodeuntium hominum oculi graviter fumo laede-

Рѣка не слишкомъ рыбна; кромѣ дешевой и обыкновенной, рыбы въ ней нѣтъ никакой. Московская область также не слишкомъ пространна и плодоносна; ея плодородію весьма много препятствуетъ повсюду песчаная почва, которая губитъ посѣвы, то излишней сухостью, то излишней влажностью.

Къ этому присоединяется неумѣренная и слишкомъ жестокая суровость климата, отъ котораго, при перевѣсѣ зимняго холода надъ солнечнымъ жаромъ, посѣвы иногда недостигаютъ зрѣлости. Ибо тамъ бываютъ иногда такіе сильные холода, что отъ ужаснаго мороза трескается земля, подобно какъ у насъ въ лѣтнее время (это бываетъ) отъ чрезвычайнаго жару: тогда даже вода, вылитая на воздухъ, или слюна, выплюнутая изъ рта, — замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ на земь. Мы сами видѣли, когда пріѣзжали въ 1526 году, что вѣтви плодосныхъ деревъ совершенно погибли отъ суровой зимы, предшествовавшаго года. Въ тотъ годъ зима была такъ жестока, что многихъ курьеровъ (ихъ называютъ тамъ гонцами) находили замерзшими въ повозкахъ. Нѣкоторые поселяне, изъ ближайшихъ деревень, гнавшіе въ Москву связанный веревками скотъ, погибали тогда отъ сильнаго холода вмѣстѣ со скотомъ. Кромѣ того, многіе бродяги, странствующіе въ тѣхъ странахъ обыкновенно съ медвѣдями, пріученными къ плискѣ, были находимы тогда мертвыми на дорогахъ. Да и самые медвѣди, подстрекаемые голодомъ, оставивъ лѣса, рыскали то тамъ, то сямъ по сосѣднимъ деревнямъ и врывались въ дома; крестьяне въ испугѣ отъ ихъ вида и насилій, убѣжавшіе толпами, жалкимъ образомъ погибали отъ холода внѣ домовъ. Такой стужѣ иногда также соотвѣтствуетъ чрезвычайный жаръ, какъ напр. бывшій въ 1525 г., когда чрезвычайный солнечный жаръ пожегъ почти всѣ посѣвы. За этой засухой послѣдовала такая дороговизна хлѣба, что за вещь, покупаемую прежде по двѣ или по три деньги, платили потомъ 20 или 30. Отъ чрез-

Digitized by Google

rentur: et absque fumo caligo quaedam oboriebatur, quae multos obcaecaverat.

Totam porro regionem non ita diu admodum sylvosam fuisse, ex magnarum arborum truncis, qui etiamnum extant, apparet: quae quamvis agricolarum studio ac opera saticulta sit, iis tamen quae in agris proveniunt exceptis, reliqua omnia ex circumiacentibus provinciis eo afferuntur. nam frumento quidem, oleribusque communibus abundat: cerasa dulcia, nucesque (avellanis tamen exceptis) in tota regione non reperiuntur. Aliarum arborum fructus habent quidem, verum insuaves. Melones autem singulari cura ac industria seminant. terram fimo permixtam in areolas quasdam altiores componunt, inque eas semen condunt: hac arte calori ac frigori immoderato aeque succurritur. Nam si forte aestus nimius fuerit, rimulas tanquam spiracula quaedam, ne semen calore nimio suffocetur, perfimum terrae mixtum faciunt: in frigore vero nimio, laetaminis calor seminibus reconditis praestat auxilium.

Melle Moscovuia provincia, ferisque (leporibus tamen exceptis) caret. Animalia nostris longe minora sunt, neque tamen cornibus (ut quidam scripsit) carent. Widi enim ibi boves, vaccas, capras, arietes, cornuta omnia. Iam vero civitas Moscovuia, inter alias civitates Septentrionales, Orientem versus multum porrigitur: quod nobis in profectione nostra observatu haud difficile fuit. Nam cum Wienna egressi, recta Cracoviam, atque inde centum fere Ger. miliarium itinere, in Septentrionem progressi fuissemus, itinere tandem in Orientem reflexo, Moscovuiam, si non in Asia, tamen in extremis Europae, quà maxime Asiam contingit, finibus sitam

Digitized by Google

вычайнаго жару сгарали весьма многіе деревни, лѣса и хлѣба. Дымъ отъ нихъ до того наполнялъ окрестность, что у выходящихъ людей сильно ѣло глаза, и отъ дыма, образовался какой-то мракъ, ослѣплявшій многихъ. По пнямъ большихъ деревьевъ, которые существуютъ даже и нынѣ, можно заключить, что вся эта область не такъ давно была очень лѣсиста. Хотя стараніемъ и трудом земледѣльцевъ она довольно обработана, но, за исключеніемъ того, что производятъ поля, все остальное привозится туда изъ окружныхъ областей. Правда, она изобилуетъ хлѣбомъ и обыкновенными овощами: зато во всей области нѣтъ сладкихъ вишень и орѣховъ, кромѣ лѣсныхъ. У нихъ есть другія фруктовыя деревья, но ихъ плоды не вкусны. Они сѣютъ дыни съ особенною заботливостію и искусствомъ: смѣшиваютъ землю съ навозомъ, складываютъ ее въ высокія грядки и зарываютъ туда сѣмя; этимъ способомъ оно предохраняется одинаково отъ излишняго тепла и холода. Ибо, въ случаѣ чрезвычайнаго жара, они дѣлаютъ скважины, какъ бы нѣкоторыя отдушины въ смѣшанной съ навозомъ землѣ, чтобы отъ излишняго тепла не сгорало сѣмя; въ случаѣ же чрезмѣрнаго холода, теплота навоза защищаетъ отъ него зарытыя сѣмена.

Медуи звѣрей (исключая однихъ зайцевъ) въ Московской области нѣтъ. Животныя гораздо меньше нашихъ, но не безъ роговъ (какъ писалъ кто-то). Ибо я видѣлъ быковъ, коровъ, козъ, барановъ, и — всѣхъ съ рогами. Городъ же Московія, между другими сѣверными городами далеко выдается на Востокъ. Это не трудно было намъ замѣтить во время нашей поѣздки. Ибо, когда мы изъ Вѣны отправились прямо въ Краковъ и оттуда проѣхали почти сто германскихъ миль къ Сѣверу, то, перемѣнивъ направленіе къ Востоку, прибыли наконецъ въ Московію, границы которой если не въ Азіи, то на самомъ краю Европы тамъ, гдѣ она очень близка къ Азіи.

Digitized by Google

pervenimus. De qua re infra in Tanais descriptione plura dicam. Urbs ipsa lignea est, satisque ampla: quae procul etiam amplior, quam re ipsa sit, apparet. nam horti, areaeque in qualibet domo spaciosae, magnam civitati accessionem faciunt: quam fabrorum, aliorumque opificum igni utentium, in fine civitatis longo ordine protensae aedes, inter quas sunt prata et agri, etiam magis adaugent. Porro non procul a civitate domunculae quaedam apparent, et trans fluvium villae, ubi non multis retroactis annis, Basilius Princeps satellitibus suis novam Nali civitatem (quod eorum lingua Infunde sonat) exaedificavit, propterea quod cum aliis Ruthenis medonem et cervisiam bibere, exceptis paucis diebus in anno, prohibitum sit, iis solis bibendi potestas a Principe sit permissa: atque eam ob rem, ne caeteri illorum convictu corrumperentur, ab reliquorum consuetudine sunt sejuncti. Haud procul ab urbe sunt aliquot Monasteria, quae vel sola procul spectantibus una quaedam civitas esse videntur. Porro vasta civitatis magnitudo facit, ut nullo certo termino contineatur, nec muro, fossa, propugnaculisque commode sit munita. Plateae tamen quibusdam in locis, trabibus per transversum ductis, obstruuntur: adhibitisque custodibus ad primam noctis facem ita obfirmantur, ut nemini noctu aditus post statam horam illac pateat: post quam qui deprehensi forte fuerint a custodibus, aut verberantur, spolianturque, aut in carcerem conjiciuntur, nisi forte noti honestique viri fuerint. Hi enim a custodibus ad sua deduci solent. Atque tales custodiae qua liberin civitatem patet aditus, locari solent. Nam reliquam urbis partem Mosqua alluit, in quem sub ipsa urbe, Iausa fluvius illabitur, qui ob altas ripas raro vadari potest. In hoc molendina complura, in publicum civitatis usum constructa sunt. hisque fluviis civitas nonni-

Digitized by Google

Болѣе объ этомъ скажу ниже при описаніи Танаиса. Самый городъ — деревянный и довольно обширенъ; вблизи онъ кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ибо пространные сады и огороды при каждомъ домѣ увеличиваютъ городъ; еще болѣе увеличиваютъ его дома ремесленниковъ, употребляющихъ при своемъ мастерствѣ огонь; эти дома тянутся длиннымъ рядомъ на концѣ города, а между ними находятся поля и луга. Не далеко отъ города виднѣются кое-какіе домики и зарѣчныя слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Нали, (что на ихъ языкѣ значитъ упхидеталій); потому, что только этимъ однимъ дана княземъ воля пить; между тѣмъ какъ другимъ Русскимъ, за исключеніемъ немногихъ дней въ году, запрещено пить пиво и медъ. Поэтому они удалены отъ сообщества съ остальными, чтобы прочіе не испортились, живя вмѣстѣ съ ними. Недалеко отъ города есть нѣсколько монастырей, которые, если смотрѣть издали, кажутся однимъ городомъ. Затѣмъ, обширность города производитъ то, что онъ не имѣетъ никакой опредѣленной границы и не укрѣпленъ, какъ слѣдуетъ, рвомъ, стѣною, и башнями. Впрочемъ улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загораживаются накладенными поперегъ бревнами и съ самыхъ сумерекъ стерегутся приставленными сторожами такъ, что ночью, послѣ назначеннаго часа, никому нельзя пройти туда. Кто же послѣ этого срока будетъ взятъ сторожами, того или бьютъ и обираютъ, или сажаютъ въ темницу, если только (это) не будутъ люди извѣстные и почтенные. Этихъ обыкновенно сторожа отводятъ во свояси. Такія стражи обыкновено помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открытъ свободный доступъ въ городъ. Ибо остальную часть города омываетъ Москва, въ которую предъ самымъ городомъ впадаетъ рѣка Яуза, а ее, по причинѣ высокихъ береговъ, рѣдко можно переходить

Digitized by Google

bil munita esse videtur: quae praeter paucas lapideas aedes templa et monasteria, prorsus lignea est. Aedium in ea urbe numerum vix credibilem referunt. Ajebant enim, saxto ante adventum nostrum in Moscovuiam anno, Principis jussu aedes conscriptas fuisse, eorumque numerum 41500 superasse. Civitas haec tam lata ac spaciosa, admodum lutosa est. quamobrem in vicis ac plateis, aliisque celebrioribus locis, pontes passim extructi sunt. Est in ea castrum, ex lateribus coctis constructum, quod ab una parte Mosqvua, ab altera Neglima flumine alluitur. Neglima autem ex paludibus quibusdam manat, qui ante civitatem circa superiorem castri partem ita obstruitur, ut in stagni formam exeat: indeque decurrens, fossas castri replet, in quibus sunt molendina: tandemque sub ipso castro, ut dixi, Mosqvuae fluvio jungitur. Castrum autem tanta magnitudine est, ut praeter amplissimas ac magnifice extructas ex lapide Principis, aedes, Metropolitanus episcopus, item Principis fratres, Proceres, aliique quam plurimi, spaciosas in eo aedes ligneas habeant. Ecclesiae ad haec in eo multae, ut amplitudine sua civitatis propemodum formam referre videantur. Hoc castrum roboribus tantum initio circundabatur: atque ad magni Ducis Joannis, Danielis filii, tempora usque, paruum ac ignobile erat. Is enim Petri Metropolitae suasu, primus sedem Imperii eo transtulit. Nam Petrus amore Alexii cujusdam, qui ibi sepultus claruisse miraculis dicitur, eo loci sedem sibi prius elegerat eoque mortuo, atque ibidem sepulto, cum ad ejus tumulum miracula pariter fierent, locus ipse religionis ac sanctitatis quadam opinione adeo celebris factus est, ut posteri Principes omnes, Joannis successores, ibi Imperii sui sedem habendam esse duxerint. Nam mortuo Joanne, ejusdem nominis filius sedem ibi retinuit: ac post eum Demetrius, post

Digitized by Google

въ бродъ. На ней выстроено много мельницъ для общаго пользованія горожанъ. Этими-то рѣками городъ, кажется, нѣсколько укрѣпленъ; за исключеніемъ немногихъ каменныхъ зданій, храмовъ, монастырей, онъ весь деревянный. Число домовъ въ этомъ городѣ показываютъ едва вѣроятное: намъ говорили, что за 6 лѣтъ до нашего пріѣзда въ Москву дома были переписаны по повелѣнію князя, и что ихъ число превышало 41,500. Этотъ столь обширный и пространный городъ очень грязенъ, — почему на улицахъ и площадяхъ и въ другихъ лучшихъ его мѣстахъ подѣланы то тамъ, то сямъ, мосты. Въ этомъ городѣ есть крѣпость; она построена изъ кирпичей и омывается съ одной стороны Москвою, съ другой рѣкою Неглинной. Неглинна течетъ изъ какихъ-то болотъ; она такъ заперта передъ городомъ, около верхней части крѣпости, что образуетъ видъ пруда и, вытекая оттуда, наполняетъ рвы крѣпости, на которыхъ стоятъ мельницы; наконецъ подъ самой крѣпостью, какъ я сказалъ, сливается съ рѣкой Москвой. Крѣпость же такъ велика, что кромѣ обширнѣйшихъ палатъ князя, великолѣпно выстроенныхъ изъ камня, Митрополитъ, также братья князя, вельможи и весьма многіе другіе имѣютъ въ ней большія деревянныя палаты. Кромѣ того, въ ней много церквей и эта обширность даетъ ей видъ настоящаго города. Сначала эта крѣпость была окружена дубовыми стѣнами и была мала и незначительна до временъ великаго князя Іоанна Даніиловича; онъ первый, по внушенію Митрополита Петра, перенесъ сюда столицу государства. Ибо Петръ, по любви къ нѣкоему Алексію, погребенному тамъ и, какъ говорятъ, прославившемуся чудесами, (еще) прежде избралъ это мѣсто своимъ мѣстопребываніемъ. Здѣсь онъ скончался; здѣсь же былъ и погребенъ. Когда и на его могилѣ стали также совершаться чудеса, — это мѣсто сдѣлалось столь славнымъ молвою о благочестіи и святости, что послѣдующіе

Digitized by Google

Demetrium Basilius, is qui ducta Wuitoldi filia, Basilium Caecum post se reliquit. Ex quo Joannes, ejus Principis pater, apud quem Oratorem egi (qui primus castrum muro cingere coepit) natus est: cui operi tricesimo ferme anno post, supremam manum ejus posteri imposuere. Ejus castri propugnacula basilicae, cum Principis palatio, ex latere ab hominibus Italis, quos propositis magnis praemiis Princeps ex Italia evocaverat, Italico more extructa sunt. Multae autem, ut dixi, in hoc sunt ecclesiae, ligneae ferme omnes: duabus tamen insignioribus, quae ex lateribus extructae sunt, exceptis: quarum altera divae Wirgīni, alera diuo Michaeli est sacra. In templo divae Wirginis sepulta sunt duorum Archiepiscoporum corpora, qui, ut Principes eo suam Imperii sedem transferrent, ibique Metropolim constituerent, autores fuere: eamque maxime ob rem in divorum numerum sunt relati. In altero templo principes vita defuncti humantur. Construebantur, nobis praesentibus, plura etiam templa ex lapide. Regionis coelum adeo salubre est, ut ibi ultra Tanais fontes, praesertim in septentrionem, ac etiam magna ex parte Orientem versus, memoria hominum, nulla unquam pestis saevierit. Habent tamen interdum intestinorum et capitis morbum quendam, pesti haud dissimilem, quem ipsi Calorem appellant. eo qui corripiuntur, paucis diebus pereunt. Is morbus in Moscovuia nobis existentibus, grassabatur, unumque ex familiaribus nostris absumpsit. atque cum in tam salubri regione degant, si quando in Novuogardia, Smolentzko, et Plescovuia pestis saevit, quoslibet illinc ad se venientes, regione sua metu contagii excludunt.

Digitized by Google

князья, наслѣдники Іоанна, положили сдѣлать его столицею своего государства. Ибо, по смерти Іоанна, сынъ его, тоже Іоаннъ, остался жить здѣсь; послѣ него Дмитрій, послѣ Дмитрія Василій, тотъ самый, который женился на дочери Витольда и оставилъ послѣ себя сына Василія Смѣлаго.

Отъ него родился Іоаннъ, отецъ князя, у котораго я былъ посломъ; онъ первый началъ обводить крѣпость стѣною; это дѣло, почти 30 лѣтъ спустя, довершили его потомки. Крѣпостныя укрѣпленія и дворецъ князя выстроены изъ кирпича итальянцами, которыхъ князь вызвалъ къ себѣ изъ Италіи обѣщаніемъ большихъ наградъ. Въ этой крѣпости, какъ я сказалъ, много церквей; почти всѣ онѣ деревянныя, исключая двухъ знаменитѣйшихъ, выстроенныхъ изъ кирпичей: одна изъ нихъ посвящена Святой Дѣвѣ, другая Святому Михаилу. Въ храмѣ Святой Дѣвы, погребены тѣла двухъ Архіепископовъ, виновниковъ перенесенія князьями сюда своей столицы и учрежденія здѣсь Митрополіи; за это-то, преимущественно, они и причислены къ лику святыхъ. Въ другомъ храмѣ погребаются князья. Въ нашу бытность строилось весьма много храмовъ изъ камня. Климатъ этой страны такъ здоровъ, что за истоками Танаиса, въ особенности на Сѣверъ, а также на Востокъ, не запомнятъ, чтобъ когда свирѣпствовала какая нибудь зараза. Впрочемъ по временамъ дѣйствуетъ одна болѣзнь, поражающая голову и внутренности и похожая на заразу; они называютъ ее горячкой и отъ нея умираютъ въ нѣсколько дней. Эта болѣзнь свирѣпствовала въ нашу бытность въ Москвѣ и похитила одного изъ нашей свиты. Живя въ такой здоровой странѣ, они боятся заразы и когда она свирѣпствуетъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ или Псковѣ, то они не впускаютъ въ свою область никого изъ приходящихъ оттуда.

Digitized by Google

Gens Moscovuiae caeteris omnibus astutior et fallacior esse perhibetur, fluxa in primis in contractibus fide: cujus rei ipsi haud ignari, si quando cum externis commercia habent, quo majorem fidem obtineant, non Moscovuitas se, sed advenas esse simulant.

Longissimus in Moscovuia dies in solstitio aestivali XVII horarum, cum tribus quartalibus, esse dicitur. Certam poli elevationem tum ex nemine potui cognoscere: quamvis quidam LVIII graduum se accepisse, incerto tamen autore, diceret. Ipse tandem facto per Astrolabium periculo, utcunque solem nono die Junii in meridie observavi LVIII graduum. Ex qua observatione, computatione hominum harum rerum peritorum, deprehensum est, altitudinem poli L. graduum esse: longissimum autem diem, XVII horarum, et unius quartalis.

Moscovuia loco principali descripta, ad reliquas Magni Ducis Moscovuiae subjectas provincias progrediar, ordine primum Orientem versus servato: dein per Meridiem et Occidentem atque Septentrionem circumeuntes, recta in Orientem aequinoctialem deveniemus.

Wuolodimeria civitas magna primum occurrit, quae castrum ligneum sibi conjunctum habet. Haec a tempore Wuolodimeri qui postea Bassilius dictus est, usque ad Joannem Danielis filium, Russiae metropolis fuit. Est autem inter Wuolgam et Occam, magna duo flumina, triginta sex a Moscovuia in Orientem miliaribus Ger. sita, loco adeo fertili, ut ex uno tritici modio saepe XX, nonnunquam XXX modii proveniant. Eam Clesma fluvius alluit, caetera sylvae magnae vastaeque cingunt. Clesma porro quatuor a Moscovuia miliaribus Ger. oritur, multisque ibi molendinis celebris ac commodus est: qui infra Wuólodimeriam, usque ad Murom oppidum, in Occae littore situm, spacio duodecim miliarib. navigatur,

Digitized by Google

Московиты считаются хитрѣе и лживѣе всѣхъ остальныхъ (русскихъ) и въ особенности нельзя на нихъ положиться въ исполненіи контрактовъ. Они сами знаютъ объ этомъ и когда имъ случится имѣть торговыя дѣла съ иностранцами, то, для возбужденія большей къ себѣ довѣренности, они называютъ себя не Московитами, а пріѣзжими.

Говорятъ, что долгайшій день въ Москвѣ во время лѣтняго солнцестоянія имѣетъ 17 часовъ и три черверти. Настоящую высоту полюса я не могъ узнать тогда ни отъ кого, хотя кто-то говорилъ мнѣ что, по словамъ неизвѣстнаго автора, она равняется 58 градусамъ. Наконецъ, я самъ сдѣлалъ наблюденіе посредствомъ астролябіи, и девятаго іюня, въ полдень, замѣтилъ солнце (на высотѣ) 58 градусовъ. Изъ этого наблюденія по исчисленію опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, заключили, что высота полюса есть 50 градусовъ, а долгайшій день 17 часовъ съ четвертью. Описавъ прежде всего Москву, я приступлю къ остальнымъ областямъ, подвластнымъ Великому Княжеству Московскому. Сначала обойдемъ восточныя области, потомъ южныя, западныя и сѣверныя и, сдѣлавши такой кругъ, придемъ прямо на равноденственный востокъ. Прежде всего встрѣчается намъ большой городъ Владиміръ, съ деревянной крѣпостью. Этотъ городъ былъ главнымъ городомъ Россіи отъ времени Владиміра, который послѣ названъ Василіемъ до Іоанна Даніиловича. Онъ лежитъ между Волгой и Окою, двумя большими рѣками, въ 36 германскихъ миляхъ къ востоку отъ Москвы, въ такой плодоносной странѣ, что изъ одной мѣры пшеницы родится часто 20 а иногда 30 мѣръ. Рѣка Клезма омываетъ его съ одной стороны, а съ прочихъ окружаютъ большіе пространные лѣса. Клезма беретъ начало въ 4 германскихъ миляхъ отъ Москвы и славится множествомъ мельницъ; она впадаетъ въ рѣку Оку и судоходна ниже Владиміра на пространствѣ 12 миль,

Digitized by Google

Occaeque fluvio jungitur. A Wuolodimeria viginti quatuor miliarium recta in Orientem, in vastis sylvis principatus olim fuit: cujus populi Muromani vocabantur, animalium pellibus, melle et piscibus abundantes.

Novuogardia inferior civitas, ampla et lignea, cum castro, quod Basilius praesens monarcha ad Wuolgae et Occae fluviorum confluxum ex lapide in scopulo exaedificavit. Ajunt quadraginta miliaribus Ger. eam a Murom abesse, in Orientem. quod si ita est, centum miliarib. Novuogardia a Moscovuia distabit. Regio fertilitate, rerumque copia Wuolodimeriam aequat. Atque hic Christianae religionis hac quidem parte terminus est. nam licet princeps Moscovuiae ultra Novuogardiam hanc, castrum, cui Sura nomen est, habeat: tamen interjectae gentes, quae Czeremissae appellantur, non Christianam, sed Machumeti sectam sequuntur. Porro ibi et aliae gentes sunt, Mordvua nomine, Czeremissis permixtae, quae cis Wuolgam, ad Suram, bonam regionis partem occupant. Czeremissae enim ultra Wuolgam in Septentrione degunt: ad quorum differentiam, qui circa Novuogardiam habitant, Czeremissae superiores, seu montani, non a montibus quidem, qui ibi nulli sunt, sed a collibus potius, quos accolunt, nuncupantur.

Sura fluvius Mosci et Casanensis regis dominium dividit, qui ex Meridie veniens, vigintiocto miliarib. infra Novuogardiam, cursu in Orientem flexo, Wuolgam influit. in quorum confluxu, ad alterum littus, jis Basilius princeps castrum erexit, idque suo nomine Basilovugorod nominavit: quod postea multórum malorum seminarium extitit. Haud procul inde est Moscha flufius, qui et ipse ex Meridie profluens, Occam supra Murom illabitur, non longe ab oppido Cassimovugorod, quod Moscus Tartaris habitandum concessit. Horum mulieres arte quadam ungues, decoris causa, ni-

Digitized by Google

до города Мурома, стоящаго на Окѣ. Въ 24 миляхъ отъ Владиміра, прямо на востокъ, въ обширныхъ лѣсахъ, въ древности было одно княжество, народы его назывались Муромонами и были богаты мѣхами, медомъ и рыбой.

Нижній Новгородъ обширенъ (и выстроенъ) изъ дерева, съ каменною крѣпостью, построенною нынѣшнимъ государемъ Василіемъ на скатѣ, при сліяніи рѣкъ Волги и Оки. Говорятъ, что онъ отстоитъ отъ Мурома на 40 миль къ востоку; если это такъ, то Новгородъ будетъ отстоять отъ Москвы на 100 миль. Страна плодоносіемъ и обиліемъ произведеній не уступаетъ Володимеріи. Здѣсь предѣлъ христіанской религіи съ этой стороны; ибо хотя князь Московскій за этимъ Новгородомъ имѣетъ крѣпость называемую Сурой; но живущіе между этими пунктами народы, извѣстные подъ именемъ Черемисовъ, слѣдуютъ не Христіанскому, а магометанскому вѣроисповѣданію. Далѣе тамъ есть и другой народъ, Мордва, смѣшанный съ Черемисами и занимающій по сю сторону Волги, около Суры, добрую часть страны. Черемисы живутъ на сѣверѣ за Волгою, для отличія отъ которыхъ живущіе около Новгорода называются верхними или горными Черемисами, — называются не отъ горъ, которыхъ тамъ нѣтъ, но скорѣе отъ холмовъ, на которыхъ они живутъ.

Рѣка Сура раздѣляетъ владѣнія царей Московскаго и Казанскаго; она течетъ съ юга и, уклонившись на востокъ, впадаетъ въ Волгу, на 28 миль ниже Новгорода. При ихъ сліяніи, на другомъ берегу, князь Василій воздвигнулъ крѣпость и назвалъ ее, по своему имени, Василевымъ городомъ; впослѣдствіи она сдѣлалась источникомъ многихъ золъ. Недалеко оттуда есть рѣка Москва, текущая съ юга и впадающая въ Оку выше Мурома, недалеко отъ города Касимова, который Московскій князь уступилъ для жительства татарамъ. Ихъ жены, съ помощью какого-то искусства, для красоты окраши-

Digitized by Google

gro colore inficiunt: ac aperto capite, passisque crinibus perpetuo incedunt. A Moscha fluvio Orientem et Meridiem versus, ingentes occurunt sylvae, quas Mordvua populi, qui proprio idiomate utuntur, ac Principi Moscoviae subjecti sunt, inhabitant. Eos quidam idololatras, alii Mahometanos esse volunt. Hi in pagis passim habitant, agros cólunt, victum ex ferina carne et melle habent, pellibus abundant preciosis: duri in primis homines. nam et Tartaros latrocinantes saepe fortiter a se propulsarunt, pedites fere omnes, arcubus oblongis conspicui, sagittandique peritia praestantes.

Rezan provincia inter Occam et Tanaim fluvium sita, civitatem ligneam non longe a ripa Occae habet. Erat in ea castrum, quod Jaroslavu vocabatur: cujus nunc, praeter vestigia, nihil extat. Haud procul ab ea civitate, Occa fluvius insulam facit, quae Strub dicitur, magnus olim ducatus, cujus Princeps nemini subjectus erat. Columna ex Moscovuia inter Orientem et Meridiem, seu (ut alii volunt) in Orientem hyemalem civitas occurit. Dein Rezan, quae a Moscovuia triginta sex miliaribus Ger. distat. Haec provincia caeteris omnibus Moscovuiae provinciis fertilior est: in qua, ut ajunt, singula grana frumenti binas quandoque, plures que spicas proferunt: quarum culmi tam dense accrescunt, ut nec equi facile transire, nec coturnices inde evolare possint. Mellis, piscium, avium, ferarumque ibi magna copia, arbórumque fructus longe Moscovuiae fructibus nobiliores: gens audacissima bellicosissimaque.

Ex Moscovuia ad hoc usque castrum, ultraque spacio XXIV fere miliarium Ger. fluit Tanais, loco qui Donco dicitur: ubi mercatores in Azoph, Caphum, et Constantinopo-

lim euntes, naves suas onerant: quod plerunque fit in autumnó, pluviosa anni parte. nam Tanais ibi aliis anni temporibus non ita aquis abundat, ut oneratas naves bene ferre queat. Dominabatur Rezan quandoque Basilius magnus dux, qui sorurem Joannis Basilii magni ducis Moscovuiae duxerat. ex ea que Joannem et Theodorum susceperat. Mortuo Bassilio, Joannes filius succedit: qui ex uxore Knes Theodori Babitz filia, Bassilium, Theodorum et Joannem filios genuit. ex quibus, mortuo patre, maximi natu duo filii, dum quisque sibi imperium vendicare nititur, in campis Razanensibus congressi: armis decertarunt: in qua pugna alter occubuit. nec multo post, qui victor fuerat, in eisdem campis moritur, in cujus rei memoriam, signum crucis ex robore ibi erectum est. Minimus natu, qui ex tribus fratribus adhuc supererat, cognita fratrum suorum morte, adjunctis sibi Tartaris, principatu, pro quo fratres decertaverant, quemque mater adhuc possidebat, vi potitur: quibus peractis, cum Duce Moscoviae agit, ut quemadmodum majores sui nemini obstricti, cum principatum libere tenuissent, possedissentque, ita se quoque imperare sineret. Dum haec pacisceretur, ad magnum Principem delatus est, quod regis Tauricae, quo cum Principi bellum erat, filiam uxorem expeteret, quam ob rem cum a Principe vocatus fuisset, metu adventum tardat, protrahitque. Tandem a Simeone Crubin, uno ex consiliariis suis persuasus, in Moscovuiam proficiscitur: ubi Principis jussu captus, liberis custodiis mandatur. Subinde Princeps matre illius ejecta, et in monasterium intrusa, castrum cum principatu occupat: et ne aliqua quandoque secessio Rezanensium fieret. bonam eorum partem per diversas distribuit colonias, qua re totius principatus vires labefactatae corruerunt. Porro cum anno Domini 1521 Tartari prope

Digitized by Google

Moscovuiam castra posuissent, Joannes per tumultum e custodia elapsus, in Lithvuaniam profugit: ubi etiam tum exulabat.

Tulla oppidum quadraginta fere miliaribus Ger. a Rezan distat, a Moscovuia vero in Meridiem triginta sex: estque ultimum oppidum ad campestria deserta, in quo Basilius Joannis castrum ex lapide construxit, quod fluvius ejusdem nominis praeterlabitur. Uppa vero alius fluvius, ab ortu castrum alluit: Tullaeque fluvio junctus, Occam supra Wuorotinski viginti fere miliaribus Ger. influit. a cujus ostiis haud ita procul, Odoyovu castrum situm est. Porro oppidum Tulla, etiam Basilii tempore proprium principem habebat.

Tanais fluvius famosissimus, qui Europam ab Asia disterminat, octo ferme a Tulla in Meridiem miliaribus nonnihil in Orientem deflectendo, oritur, non ex Ripheis montibus, ut quidam prodidere: sed ex Ivuanovuosero, hoc est, Joannis lacu ingenti, qui in longitudine et latitudine circiter 1500 vuerst patet: inque sylva, quam quidam Okonitzkilies, alli Jepiphanovulies appellant, ortum habet. Ex hoc lacu Schat et Tanais, magna duo flumina, emergunt. Schat in Occidentem, Uppa fluvio in se recepto, Occam inter Occidentem et Septentrionem influit. Tanais autem primo cursu recta in Orientem fluit, atque inter Casan et Astrachan regna sex vel septem miliaribus Ger. a Wuolga fluvio labitur: dein reflexo in Meridiem cursu paludes facit, quas Maeotidis vocant. Ad est ejus porro fontes proxima civitas Tulla, supra ostia vero tribus fere in littore miliaribus

Digitized by Google

Asoph civitas, quae prius Tanas vocabatur. supra hanc quatuor dierum itinere Achas oppidum est, ad eundem fluvium situm, quem Rutheni Don appellant. Hunc ab optimorum piscium copia singulari, item amoenitate, quod utraque fluminis ripa diversis herbis, radicibusque suavissimis, ad haec arboribus fructiferis plurimis, variisque in modum horti, quasi industria quadam exculta atque consita sit, satis laudare non possunt. Et quod tanta ferarum, quae parvo negotio sagittis conficiuntur, ibi sit copia: ut per ea loca iter facientes, ad vitam sustentandam nulla alia re, igni tantum saleque excepto, indigeant. In his partibus non miliaria, sed dierum itinera observantur. Ego quantum conjectura assequi potui, a fontibus Tanais ad ejus ostia usque, terrestri itinere recta eundo, sunt octuaginta fere miliaria Ger. A Donco, quo loco Tanaim primum navigabilem esse dixi, vix viginti diebus navigando, pervenitur Asoph, civitatem Turcis tributariam: quae quinque, ut ajunt, diaetis ab Isthmo Tauricae, quem alias Praecop vocant, distat. In ea multarum ex diversis orbis partibus gentium insigne est emporium: quo ut omnibus, cujuscunque nationis sint, liber patet accessus, libera etiam vendendi emendique cuilibet datur copia: ita civitate egressis omnibus, quidlibet impune facere licet. De aris autem Alexandri et Caesaris, quas plerique scriptores in his locis fuisse commemorant, vel earum ruinis, nihil certi ex indigenis, aliisque qui ea loca saepissime peragrarunt, cognoscere potui. Milites quoque, quos Princeps ad Tartarorum excursiones explorandas, et coercendas, quotannis ibi in praesidiis habere solet, super hac re a me interrogati, nihil se unquam tale vel vidisse, vel audivisse responderunt. Circa ostia tamen minoris Tanais, quatuor ab Asoph diaetis, juxta locum Weliki-

Digitized by Google

prevuios ad S. montes, statuas imaginesque quasdam marmoreas et lapideas vidisse se, non negabant. Minor porro Tanais in Sevuerski principatu oritur, unde Donetz Sevuerski vocatur, tribusque diaetis supra Asoph in Tanaim illabitur. Caeterum qui ex Moscovuia in Asoph terrestri itinere proficiscuntur, hi Tanai, circa Donco, vetus et dirutum oppidum, trajecto, a meridie nonnihil in orientem reflectuntur: quo loci, si recta ab Tanais osttiis linea ad ejus fontes ducatur, Moscovuiam in Asia, non in Europa sitam reperies.

Msceneck palustris locus est, in quo olim castrum erat, cujus etiamnum vestigia extant. Circa hunc locum adhuc quidam in tuguriolis habitant, qui necessitate imminente, in paludes illas, ceu castrum refugiunt. Ex Moscovuia in Msceneck, meridiem versus eundo, sexaginta fere miliaria Ger. sunt: ex Tulla fere triginta. A Msceneck decem et octo fere miliaribus ad partem sinistram, Occa fluvius oritur: qui primum in Orientem, dein in Septentrionem, postremo in Orientem aestivalem (ut ipsi vocant) cursum suum dirigit. atque ita Occa, Msceneck forma circuli propemodum dimidiati claudit: multaque subinde oppida, Wuorotin scilicet, Coluga, Cirpach, Corsira, Columna, Rezan, Casimovugorod, et Murom alluit: tandemque Wuolgam infra Novuogardiam inferiorem ingreditur, sylvisque utrinque clauditur, quae melle, aspreolis, hermelis et martibus plurimum abundant. Campi omnes quos alluit, fertilissimi sunt: nobilissimus in primis piscium copia fluvius, cujus pisces caeteris Moscovuiae fluminibus praeferuntur, maxime qui circa Murom

Digitized by Google

ıntur. Habet praeterea pisces quosdam peculiares, quos
sua lingua vocant Beluga, mirae magnitudinis, sine spi-
capite et ore amplo, Sterlet, Schevuriga, Ossetcr: po-
ma tria Sturionum genera: et Bielaribitza, hoc est al-
m pisciculum nobilissimi saporis. horum maximam par-
ı ex Wuolga eo devenire putant. Ex Occae porro fon-
us duos alios fluvios orıriri ajunt, Sem et Schosna: quo-
m Sem, Sevuera principatum perfluit: oppidumque Po-
ulo praeterlapsus. in Desna fluvium, qui Czernigo oppi-
ım interlabitur, atque infra Chiovuiam in Borysthenem
rtur. influit: Schosna autem recta in Tanaim defertur.

Corsira in ripa Occae fluminis oppidum est, sex milia-
[illegible] supra Columnam. Habebat aliquando sui juris domi-
[illegible] ad Principem Basilium, tanquam qui in ne-
[illegible] delatus fuisset, eamque ob rem sub
[illegible] a Principe vocatus fuisset, illeque arma-
[illegible] iret. admonitus fuerat) cum ad
[illegible] neque tum admissus esset, sed
[illegible] Secretario ad vicinum op-
[illegible] operiri jussus esset: ubi a
[illegible] invitatus, idque (ut solet)
[illegible] cum in eas insidias quas
[illegible] se prolapsum esse sentiret: ac-
[illegible] hausstoque poculo moritur. atque ita ne-
[illegible] Basilius Czirpach oppido, octo milia-
ribus a [illegible] ad Occam fluvium sito, ubi etiam loco plano
minerae ferri effodiuntur, potitus est.

[illegible] oppidum ad Occam fluvium triginta sex milia-
ribus a Moscovuia abest, quatuordecim a Czirpach. Fiunt
ibi affabre caelata pocula lignea, aliaeque e ligno res ad
cultum domesticum pertinentes: quae inde in Moscovuiam,
Lithvuaniam, aliasque circumiacentes regiones passim defe-

Digitized by Google

runtur. Solet ibi Princeps quotannis praesidia sua contra incursiones Tartarorum habere.

Wuorotin principatus ejusdem nominis, cum civitate et castro, tribus supra Colugam miliaribus, non procul a littore Occae sito, nomen habet. Hunc principatum Joannes Knes Wuorotinski cognomento possidebat, vir bellicosus, ac multarum rerum experientia excellens, quo duce Basilius princeps praeclaras saepe ex hostibus victorias reportaverat. Sed anno 1521, quo tempore rex Tauricae Occa trajecto, magno exercitu Moscovuiam, ut supra dictum est, invaserat, ad eumque coercendum et reprimendum Demetrius Knes Bielski, homo juvenis, cum exercitu a Principe missus fuisset, isque Joannis Wuorotinski, aliorumque sanis consiliis neglectis, viso hoste turpi se fugae mandasset: Principeque post Tartarorum discessum, de fugae autoribus diligenter inquirente, Andrea Principis fratre (qui revera ejus fugae autor fuerat) aliisque absolutis, Joannes Wuorotinski non solum in summam venit Principis indignationem, sed captus etiam, atque principatu suo exutus est. Postremo dimissus quidem fuit ex custodia, ea tamen conditione, ne Moscovuia unquam egrederetur. Hunc nos quoque inter primarios viros Moscovuiae, in aula Principis vidimus.

Sevuera magnus principatus est, cujus castrum Novugrodek, haud ita diu Sevuerensium principum, priusquam hi ab Basilio principatu exuerentur, sedes erat. eo ex Moscovuia dextrorsum in Meridiem, per Colugam, Wuorotin, Serensko et Branski, centum quinquaginta miliaribus Ger. pervenitur: cujus latitudo ad Borysthenem usque protenditur. Wastos desertosque passim campos habet: circa Branski autem sylvam ingentem. Castra oppidaque in eo sunt complura: inter quae Starodub, Potivulo, Czernigovu, celebriora sunt. Ager quatenus colitur, fertilis est. Sylvae hermellis,

Digitized by Google

aspreolis et martibus, melleque plurimum abundant. Gens propter assidua cum Tartaris praelia, valde bellicosa. Caeterum Basilius Joannis, ut alios plerosque, ita hunc quoque principatum sibi subjecit, hoc modo. Erant duo Basilii ex fratribus nepotes: horum alter cognomento Semetzitz, castrum Novuogrodek: alter vero Starodub civitatem tenebat. Potivulo autem Demetrius quidam Princeps possidebat. Porro Basilium Semetzitz, cum strenuus in armis eamque ob rem Tartaris terrori esset, tanta regnandi libido invaserat, ut principatum solus expeteret. neque quievit, donec Basilium Staradubski afflictissimum redderet: eoque depulso, provinciam suam occuparet. quo ejecto, Demetrium alia via aggressus est: quem apud Principem detulit, tanquam qui animum deficiendi a Principe haberet. Qua re Princeps commotus, Basilio mandat, uti Demetrium, quacunque arte captum, ad se Moscovuiam mitteret. Hujus itaque fraude Demetrius in venatione circumventus fuit. Praemiserat enim Basilius equites quosdam ad castri sui portas, qui eum fuga evadere conantem exciperent, a quibus tum captus, in Moscovuiam deductus, atque in vincula conjectus fuit. Hanc injuriam filius, quem unicum habebat, Demetrius, adeo moleste tulit, ut ad Tartaros confestim confugeret. Utque patri illatam injuriam celerius graviusque ulcisceretur, Christiana fide abnegata, in Machumeti ritum circumciditur. Interim dum apud Tartaros ageret, accidit, ut puellam quandam venustissimam deperiret: qua cum alias potiri non posset, invitis eam parentibus clam abduxit. Eam rem serui, qui cum eo circumcisi fuerant, puellae propinquis clam indicarunt: a quibus quadam nocte subito oppressus, cum puella sagittis conficitur. Basilius Princeps audita filii ipsius Demetrii fuga ad Tartaros, se-

Digitized by Google

nem arctioribus vinculis constringi jubet. qui non multo post morte filii apud Tartaros cognita, carcere moeroreque confectus, eodem anno qui a nato Christo MDXIX erat, obiit. Aque haec omnia Basilio Semetzitz autore facta sunt: cujus impulsu antea quoque Princeps et Corsirae dominum, et germanum suum fratrem, captos in carcere occidit. Caeterum quemadmodum saepe fieri solet, ut qui aliis insidias struunt, in easdem tandem ipsi incidant: ita et huic Semetzitz contigit. Nam ipse quoque apud Principem defectionis crimine insimulatus est. Eam ob rem cum Moscovuiam vocatus fuisset, illeque, nisi publicae fidei literae Principis et Metropolitae juramento confirmatae, sibi prius mitterentur, eo se venturum pernegaret: missis acceptisque ex sententia literis, XVIIII Aprilis, MDXXIII anni Moskovuiam cum venisset, honorifice muneribus etiam oblatis a Principe exceptus fuit: sed paucos post dies captus, in carcerem conjicitur, ubi et tunc detinebatur. Causam captivitatis suae hanc fuisse ajunt, quod literas ad regem Poloniae, quibus se ad eum deficere velle scripserat, praefecto Chiovuiensi misisset: qui resignatis literis, cum iniquum ejus erga principem suum animum cognovisset, continuo eas Principi Moscovuiae misit. Alii vero rationem magis verisimilem afferunt. Solus enim Semetzitz in toto Mosci Imperio supererat, qui castra et principatus possidebat: quibus, ut facilius hunc ejiceret, tutiusque imperaret, perfidiae crimen, quo ille emedio tolleretur, in illum excogitatum est. Ad quod alludens morio quidam, quo tempore Semetzitz Moscovuiam ingrediebatur, scopas et palam circumferebat. qui cum interrogaretur, quid sibi hoc apparatu vellet. Imperium principis nondum prorsus purgatum esse, respondit: nunc vero commodum tempus verrendi adesse, quo foeces omnes ejiciendae forent. Hanc provinciam Joannes Basilii,

Digitized by Google

previos ad S. montes, statuas imaginesque quasdam marmoreas et lapideas vidisse se, non negabant. Minor porro Tanais in Sevuerski principatu oritur, unde Donetz Sevuerski vocatur, tribusque diaetis supra Asoph in Tanaim illabitur. Caeterum qui ex Moscovuia in Asoph terrestri itinere proficiscuntur, hi Tanai, circa Donco, vetus et dirutum oppidum, trajecto, a meridie nonnihil in orientem reflectuntur: quo loci, si recta ab Tanais osttiis linea ad ejus fontes ducatur, Moscovuiam in Asia, non in Europa sitam reperies.

Msceneck palustris locus est, in quo olim castrum erat, cujus etiamnum vestigia extant. Circa hunc locum adhuc quidam in tuguriolis habitant, qui necessitate imminente, in paludes illas, ceu castrum refugiunt. Ex Moscovuia in Msceneck, meridiem versus eundo, sexaginta fere miliaria Ger. sunt: ex Tulla fere triginta. A Msceneck decem et octo fere miliaribus ad partem sinistram, Occa fluvius oritur: qui primum in Orientem, dein in Septentrionem, postremo in Orientem aestivalem (ut ipsi vocant) cursum suum dirigit. atque ita Occa, Msceneck forma circuli propemodum dimidiati claudit: multaque subinde oppida, Wuorotin scilicet, Coluga, Cirpach, Corsira, Columna, Rezan, Casimovugorod, et Murom alluit: tandemque Wuolgam infra Novuogardiam inferiorem ingreditur, sylvisque utrinque clauditur, quae melle, aspreolis, hermelis et martibus plurimum abundant. Campi omnes quos alluit, fertilissimi sunt: nobilissimus in primis piscium copia fluvius, cujus pisces caeteris Moscovuiae fluminibus praeferuntur, maxime qui circa Murom

Digitized by Google

capiuntur. Habet praeterea pisces quosdam peculiares, quos ipsi sua lingua vocant Beluga, mirae magnitudinis, sine spinis, capite et ore amplo, Sterlet, Schevuriga, Osseter: postrema tria Sturionum genera: et Bielaribitza, hoc est, album pisciculum nobilissimi saporis. horum maximam partem ex Wuolga eo devenire putant. Ex Occae porro fontibus duos alios fluvios orirri ajunt, Sem et Schosna: quorum Sem, Sevuera principatum perfluit: oppidumque Potivulo praeterlapsus, in Desna flluvium, qui Czernigo oppidum interlabitur, atque infra Chiovuiam in Borysthenem fertur, influit: Schosna autem recta in Tanaim defertur.

Corsira in ripa Occae fluminis oppidum est, sex miliaribus supra Columnam. Habebat aliquando sui juris dominum: qui cum ad Principem Basilium, tanquam qui in necem ejus conspirasset, delatus fuisset, eamque ob rem sub venationis praetextu a Principe vocatus fuisset, illeque armatus (nam a quodam, ne inermis iret, admonitus fuerat) cum ad Principem in venatione venisset, neque tum admissus esset, sed cum Michaele Georgii Principis Secretario ad vicinum oppidum Czirpach ire, ibique se operiri jussus esset: ubi a Principis Secretario ad bibendum invitatus, idque (ut solet) pro Principis sui incolumitate, cum in eas insidias quas nullo modo evitare posset, se prolapsum esse sentiret: accersito sacerdote, haustoque poculo moritur. atque ita nephario hoc facinore, Basilius Czirpach oppido, octo miliaribus a Corsira ad Occam fluvium sito, ubi etiam loco plano minerae ferri effodiuntur, potitus est.

Coluga oppidum ad Occam fluvium triginta sex miliaribus a Moscovuia abest, quatuordecim a Czirpach. Fiunt ibi affabre caelata pocula lignea, aliaeque e ligno res ad cultum domesticum pertinentes: quae inde in Moscovuiam, Lithvuaniam, aliasque circumiacentes regiones passim defe-

Digitized by Google

runtur. Solet ibi Princeps quotannis praesidia sua contra incursiones Tartarorum habere.

Wuorotin principatus ejusdem nominis, cum civitate et castro, tribus supra Colugam miliaribus, non procul a littore Occae sito, nomen habet. Hunc principatum Joannes Knes Wuorotinski cognomento possidebat, vir bellicosus, ac multarum rerum experientia excellens, quo duce Basilius princeps praeclaras saepe ex hostibus victorias reportaverat. Sed anno 1521, quo tempore rex Tauricae Occa trajecto, magno exercitu Moscovuiam, ut supra dictum est, invaserat, ad eumque coercendum et reprimendum Demetrius Knes Bielski, homo juvenis, cum exercitu a Principe missus fuisset, isque Joannis Wuorotinski, aliorumque sanis consiliis neglectis, viso hoste turpi se fugae mandasset: Principeque post Tartarorum discessum, de fugae autoribus diligenter inquirente, Andrea Principis fratre (qui revera ejus fugae autor fuerat) aliisque absolutis, Joannes Wuorotinski non solum in summam venit Principis indignationem, sed captus etiam, atque principatu suo exutus est. Postremo dimissus quidem fuit ex custodia, ea tamen conditione, ne Moscovuia unquam egrederetur. Hunc nos quoque inter primarios viros Moscovuiae, in aula Principis vidimus.

Sevuera magnus principatus est, cujus castrum Novuogrodek, haud ita diu Sevuerensium principum, priusquam hi ab Basilio principatu exuerentur, sedes erat. eo ex Moscovuia dextrorsum in Meridiem, per Colugam, Wuorotin, Serensko et Branski, centum quinquaginta miliaribus Ger. pervenitur: cujus latitudo ad Borysthenem usque protenditur. Wastos desertosque passim campos habet: circa Branski autem sylvam ingentem. Castra oppidaque in eo sunt complura: inter quae Starodub, Potivulo, Czernigovu, celebriora sunt. Ager quatenus colitur, fertilis est. Sylvae hermellis,

Digitized by Google

ся множество горностаевъ, бѣлокъ, куницъ и меду. Народъ, вслѣдствіе постоянной борьбы съ Татарами, весьма воинственъ. Впрочемъ Василій Іоанновичъ подчинилъ себѣ это княжество, подобно многимъ другимъ, слѣдующимъ образомъ. У Василія были два внука отъ братьевъ: одинъ изъ нихъ, по прозванію Семечичъ, владѣлъ крѣпостью Новогродкомъ, а другой — городомъ Стародубомъ. Путивль же находился во власти нѣкоего князя Димитрія. Василій Семечичъ, знатокъ военнаго дѣла, былъ грозою Татаръ; имъ овладѣло такое властолюбіе, что онъ требовалъ себѣ всего княжества и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не довелъ Василія Стародубскаго до совершеннаго изнеможенія и, изгнавъ его, завладѣлъ его областью. Низвергнувъ этого, онъ обошелъ Димитрія другимъ путемъ: донесъ Князю, будто Димитрій замышляетъ отложиться отъ него. Встревожный этимъ, Князь поручаетъ Василію взять, во что бы то ни стало, Димитрія и доставить въ Москву. Димитрій обманомъ попался на охотѣ, ибо Василій напередъ отправилъ нѣсколько всадниковъ къ воротамъ его крѣпости, чтобы перехватить его, когда онъ будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ; схваченный ими, онъ былъ привезенъ въ Москву и брошенъ въ оковы. Его единственный сынъ Димитрій не снесъ этой обиды и немедленно бѣжалъ къ Татарамъ. Чтобы скорѣе и тяжелѣе отомстить обиду отца, онъ отрекается отъ Христіанской вѣры и принимаетъ обрѣзаніе по Магометанскому закону. Между тѣмъ, во время пребыванія у Татаръ, случилось, что онъ страстно полюбилъ одну дѣвушку, красавицу собой, и, немогши иначе получить ея руку, увезъ ее тайно противъ воли родителей. Рабы, вмѣстѣ съ нимъ перемѣнившіе вѣру, тайно донесли объ этомъ родственникамъ дѣвицы и въ одну ночь онъ застигнутъ былъ ими врасплохъ и убитъ стрѣлами вмѣстѣ съ дѣвицей. Князь Василій, узнавъ о бѣгствѣ Димитрія къ Татарамъ, приказалъ

Digitized by Google

nem arctioribus vinculis constringi jubet. qui non multo post morte filii apud Tartaros cognita, carcere moeroreque confectus, eodem anno qui a nato Christo MDXIX erat, obiit. Aque haec omnia Basilio Semetzitz autore facta sunt: cujus impulsu antea quoque Princeps et Corsirae dominum, et germanum suum fratrem, captos in carcere occidit. Caeterum quemadmodum saepe fieri solet, ut qui aliis insidias struunt, in easdem tandem ipsi incidant: ita et huic Semetzitz contigit. Nam ipse quoque apud Principem defectionis crimine insimulatus est. Eam ob rem cum Moscovuiam vocatus fuisset, illeque, nisi publicae fidei literae Principis et Metropolitae juramento confirmatae, sibi prius mitterentur, eo se venturum pernegaret: missis acceptisque ex sententia literis, XVIIII Aprilis, MDXXIII anni Moskovuiam cum venisset, honorifice muneribus etiam oblatis a Principe exceptus fuit: sed paucos post dies captus, in carcerem conjicitur, ubi et tunc detinebatur. Causam captivitatis suae hanc fuisse ajunt, quod literas ad regem Poloniae, quibus se ad eum deficere velle scripserat, praefecto Chiovuiensi misisset: qui resignatis literis, cum iniquum ejus erga principem suum animum cognovisset, continuo eas Principi Moscovuiae misit. Alii vero rationem magis verisimilem afferunt. Solus enim Semetzitz in toto Mosci Imperio supererat, qui castra et principatus possidebat: quibus, ut facilius hunc ejiceret, tutiusque imperaret, perfidiae crimen, quo ille emedio tolleretur, in illum excogitatum est. Ad quod alludens morio quidam, quo tempore Semetzitz Moscovuiam ingrediebatur, scopas et palam circumferebat. qui cum interrogaretur, quid sibi hoc apparatu vellet. Imperium principis nondum prorsus purgatum esse, respondit: nunc vero commodum tempus verrendi adesse, quo foeces omnes ejiciendae forent. Hanc provinciam Joannes Basilii,

Digitized by Google

Alexandri magni Ducis Lithvuaniae exercitu ad Wuedrosch fluvium profligato, primus imperio suo adjecit. Porro Sevuerenses principes genus suum a Demetrio magno Duce Moscovuiae ducunt. Erat Demetrio filii tres, Basilius, Andreas, et Georgius. Ex his Basilius natu maximus, juxta patrias leges, patri in regno successit. Ex aliis duobus, Andrea videlicet et Georgio, Sevuerenses principes generis sui originem traxerunt.

Czernigovu triginta miliaribus a Chiovuia, totidem vero a Potivulo abest. Potivulo vero distat a Moscovuia centum quadraginta miliaribus Ger. a Chiovuiá sexaginta, a Branski triginta octo. Haec ultra sylvam magnam, quae viginti-quatuor miliaribus in latitudinem protenditur, sita est.

Novuogrodeck decem octo miliaribus distat a Potivulo, a Staradub quatuordecim: Staradub a Potivulo triginta duobus miliaribus.

Euntibus ex Potivulo in Tauricam, per solitudinem fluvii Sua, Samara et Ariel occurrunt: ex quibus posteriores duo latiores, profundioresque sunt: in quibus trajiciendis dum viatores diutius nonunquam detinentur, a Tartaris saepe circumveniuntur, capiunturque post hos Koinskavuoda et Maloscha fluvii occurrunt, quos novo quodam trajectionis genere superant: resectas arbusculas in fasces colligant, quibus se suaque imponunt, atque ita remigantes secundo fluvio in alterum littus deferuntur. Alii hujusmodi fasces equorum caudis alligant, qui flagris impulsi, natantes in ulterius littus, homines secum trahunt, transferuntque.

Ugra fluvius profundus et lutosus, non longe a Drogobusch in sylva quadam oritur, interque Colugam et Wuo-

Digitized by Google

rotin in Occam exoneratur. Is fluvius olim Lithvuaniam a Moscovuia dividebat.

Demetriovuitz oppidum et castrum inter Meridiem et Occidentem, decem et octo miliaribus abest a Wuiesma, a Wuorotim circiter viginti.

Smolentzko civitas Episcopalis, ad Borysthenem fluvium sita, castrum in ulteriore fluminis littore Orientem versus habet, roboribus constructum, quod plurimas domos in civitatis formam complectitur. Hoc qua in collem porrigitur (nam parte alia Borysthene alluitur) fossis, ad haec stipitibus acutis, quibus hostium incursus arcetur, munitum: Basilius Joannis saepius gravissime oppugnavit, nunquam tamen illud vi capere potuit. At postremo militum, praefectique cujusdam Bohemi, de quo supra in historta Michaelis Linski dictum, proditione eo potitus est. Civitas in valle sita, colles circumquaque fertiles habet sylvisque vastissimis cingint, ex quibus pellium diversarum magnus proventus.

Templum in castro divae Wirgini sacrum, alia vero aedificia lignea: in civitatis suburbio Monasteriorum e lapidibus constructorum ruinae complures videntur. Ex Mokovuia porro ad Smolentzkum, inter Meridiem et Occidentem euntibus, decem et octo miliarium itinere, Mosaisko primum occurrit: inde viginti sex, Wuiesma: post decem et octo, Drogobusch: atque inde totidem, in Smolentzko pervenimus, totumque hoc iter octuaginta miliaribus Ger. constat: quamvis Lithvuani et Moskovuitae centum computent. Ego tamen ter loca illa peragravi, nec plura observavi. Hunc principatum Basilio imperante, Wuiltoldus magnus Dux Lithvuaniae Moscis anno 1413 ademerat. Eundem Basilius Joannis anno 1514, die XXX Julii, Sigismundo regi Poloniae eripuit.

Digitized by Google

Drogobusch et Wuiesma, castra et oppida lignea sunt, ad Borysthenem sita, quae olim sub dominio Principum Lithvuaniae erant. Est sub oppido Wuiesma ejusdem nominis fluvius, qui haud procul inde, duobus videlicet vuerst, in Borysthenem fertur: solentque oneratae mercibus naves inde Borysthenem devehi, atqne post vicissim adverso Borysthene Wuiesmam usque portari.

Mosaisko quoque castrum et oppidum ligneum, circa quod magna diversicolorum copia leporum est: soletque Princeps quotannis venationes suas ibi habere, atque nonnunquam diversorum Principum Oratores audire: sicuti nobis in Moscovuia existentibus, Lithvuanos Oratores audivit: nosque eo pariter ex Moscovuia accersitos, ubi mandatis Principum nostrorum confectis dimissi fuimus. Porro inperium principum nostrorum confectis dimissi fuimus. Porro imperium principum Moscovuiae, tempore Wuitoldi, quinque aut sex miliaribus ultra Mosaisko protendebatur.

Biela principatus, cum castro et civitate ejusdem nominis, ad fluvium Opscha, in vastis sylvis sexaginta miliaribus Ger. magis in Occidentem a Moscovuia distat: a Smolentzko triginta sex, a Toropetz triginta. Hujus olim Principes ex Gidemino oriundi erant: sed Casimiro rege Poloniae imperante, Jagellonis filii hunc principatum obtinebant, quo tempore, Basilius princeps Bielae, qui alias Bielski appellatur, ad Joannem patrem Basilii defecit, se suaque illi subdidit: uxoreque sua in eo motu in Lithvuania relicta, aliam, ut supra dictum est, in Moscovuia duxit: ex qua tres suscepit filios, quos nos apud Principem vidimus, e quorum numero Demetrius propter patris sui authoritatem in maguo precio honoreque habebatur. Porro hi tres fratres, quamvis ex Bielski paterna haereditate vivebant, ejusque annuis redditib. alebantur, eo tamen ire non audebant nam Mosco

vuiae princeps, Bielski principatum illis ademit, titulumque sibi usurpabat.

Rsovua Demetrii civitas, cum castro, recta in Occidentem viginti tribus miliaribus abest a Moscovuia: castrum, a quo Princeps titulum sibi usurpat, ad fluvium Wuolga situm est, habetque latissimam ditionem. Est et alia Rsovua centum quadraginta miliaribus a Moscovuia, a Wuelikiluki virginti, totidem a Plescovuia, quae deserta appellatur. Ultra Rsovuam Demetrii, per certa miliaria progrediendo in Occidentem, est sylva Wuolkonzki dicta, ex qua quatuor fluvii oriuntur. In ea sylva est palus, quae Fronovu vocatur: ex qua fluvius non ita magnus duobus fere miliaribus in lacum quendam Wuolgo influit: unde rursus aquarum multitudine adauctus emergit, Wuolgaque sumpto a lacu nomine vocatur: qui multis paludibus emensis, multis etiam fluminibus in se receptis, viginti quinque, vel (ut alii volunt) septuaginta ostiis in mare Caspium, a Ruthenis Chvualinsko morie appellatum, et non in Pontum, ut quidam scripsit, exoneratur. Porro Wuolga a Tartaris Edel, a Ptolemaeo Rha vocatur: tantaque inter hunc et Tanaim in campestribus est vicinitas, ut septem duntaxat miliaribus distare affirment. Quas autem civitates et oppida praeterlabatur, suo loco referemus. In eadem sylva decem fere a palude Fronovuo miliaribus est Dnyepersko pagus: circa quem oritur Borysthenes, qui ab incolis Dnieper vocatur, quem nunc Borysthemem dicimus. Haud procut ab eo loco est monasterium sanctae Trinitatis, ubi oritur alius fluvius priore major, Niepretz per diminutionem dictus. Ambo autem hi fluvii inter fontes Borysthenis et paludem Fronovuo confluunt, quo loco Moscovuitarum et Chloppiensium merces navibus impositae, in Lithvuaniam deferuntur: solentque mercatores ibi in monasterium ceu diversorium

ковскій отнялъ у нихъ княжество Бѣльское и присвоилъ себѣ титулъ ихъ.

Ржевъ Дмитріевъ, городъ съ крѣпостью, въ двадцати трехъ миляхъ отъ Москвы прямо на западъ. Крѣпость, отъ которой князь заимствуетъ титулъ, лежитъ на рѣкѣ Волгѣ и господствуетъ надъ весьма обширной областью. Есть и другой Ржевъ во ста сорока миляхъ отъ Москвы, въ двадцати отъ Великихъ-Лукъ, и въ двадцати же отъ Пскова; онъ называется пустынным. За Ржевомъ Дмитріевымъ, въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу, есть лѣсъ, называемый Волконскимъ, изъ котораго берутъ начало четыре рѣки. Въ этомъ лѣсу есть болото, называемое Фроновымъ; изъ него течетъ не такъ большая рѣка, на пространствѣ почти двухъ миль, и впадаетъ въ какое то озеро Волго. Сдѣлавшись гораздо обильнѣе водою, она снова вытекаетъ оттуда и отъ этого озера получаетъ названіе Волги. Протекши черезъ многіе болота и принявъ въ себя много рѣкъ, она двадцатью пятью или, по другимъ, семьюдесятью устьями изливается въ Каспійское море, извѣстное у Русскихъ подъ именемъ Хвалынскаго моря, а не въ Понтъ, какъ писалъ кто-то. Волга называется у Татаръ—Едель, а у Птолемея -Ра. Волга и Танаисъ такъ сближаются въ степяхъ, что между ними, какъ утверждаютъ, только семь миль разстоянія. О городахъ чрезъ которые она протекаетъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ томъ же лѣсу, почти въ десяти миляхъ отъ Франова болота, есть деревня Днѣперскъ, въ окрестностяхъ которой беретъ начало Борисѳенъ, который у туземцевъ называется Днѣпромъ, (и) мы же и теперь называемъ его Борисѳеномъ. Недалеко отъ этого мѣста есть монастырь Святой Троицы, гдѣ беретъ начало другая рѣка, больше первой, называющаяся уменьшительнымъ именемъ Нѣпреца. Обѣ эти рѣки сливаются между Франовымъ болотомъ и истоками Борисѳена; на этомъ мѣ-

Digitized by Google

divertere. Porro quod Rha et Borysthenes non ex iisdem fontibus, juxta quorundam opinionem, oriantur, cum ex aliis, tum ex complurium mercatorum certa relatione, qui in illis partibus rem fecerunt, compertum habeo. Borysthenis autem cursus hic est, ut primum Wuiesmam Meridiem versus alluat: mox reflexo in Orientem cursu, oppida Drogobusch, Smoleńczko, Orscham, et Mogilef praeterlabatur: indeque rursus in meridiem tendens, Chiovuiam, Circassos, et Otzakovu contingit ubi deinceps in pontum exoneratur, videtur eo loco mare formam lacus habere: et Otzakovu quasi in angulo est ad ostia Borysthenis. Nos enim ex Orscham Smolenczko venimus, ubi impedimenta nostra navibus usque Wuiestmam deduximus: et tantum inundabat, ut Monachus Comitem a Nugaroli, et me scapha piscatoria per sylvas longe devexerit: equi vero natando pluries superarunt itinera.

Dvuina lacus a fontibus Borysthenis decem fere miliaribus, et totidem a palude Fronovuo distat. Ex eo fluvius ejusdem nominis versus Occidentem, qui a Wuilna viginti miliarib. abest, ac dein in Septentrionem decurrit, et prope Rigam metropolim Livuoniae mare Germanicum (quod Rutheni Wuareczkoie morie vocant) illabitur: alluit Wuitepsko, Polotzko, Dunenburg: et non perfluit Plescovuiam, ut quidam scripsit. Livuonienses hunc fluvium ex bona parte navigabilem, Duna appellant.

Lovuat quartus fluvius, caeteris tribus minime comparandus, oritur inter lacum Dvuina, et paludem Fronovuo, aut ex ipsa palude non potui equidem ejus fontes, etsi haud procul a Borysthenis fontibus distant, prorsus explorare. Est autem ille fluvius, ut eorum Annales habent, in quem

Digitized by Google

стѣ товары Московитовъ и Холоповцевъ грузятся на суда и вывозятся въ Литву, а купцы обыкновенно заѣзжаютъ въ этотъ монастырь, какъ на постоялый дворъ. А что Ра и Борисѳенъ берутъ начало не изъ однихъ источниковъ, какъ думаютъ нѣкоторые, это узналъ я какъ изъ достовѣрныхъ донесеній весьма многихъ купцовъ, имѣвшихъ дѣла въ этихъ краяхъ, такъ и отъ многихъ другихъ.

Борисѳенъ течетъ вотъ какъ: сперва къ Югу чрезъ Вязьму, потомъ, поворотивъ на Востокъ, протекаетъ черезъ города Дрогобужъ, Смоленскъ, Оршу и Могилевъ; отсюда снова направляясь на Югъ, касается Кіева, Циркасовъ и Очакова; тамъ гдѣ онъ изливается въ Понтъ, море имѣетъ видъ озера, и Очаковъ стоитъ какъ будто въ углу, у устьевъ Борисѳена. Мы пріѣхали изъ Орши въ Смоленскъ, откуда нашъ багажъ до Вязьмы везли на судахъ: (Борисѳенъ) такъ разлился, что монахъ долго везъ меня съ графомъ Нугарольскимъ въ рыбачей лодкѣ по лѣсамъ, а лошади неоднократно пускались вплавь.

Озеро Двина почти въ десяти миляхъ отъ истоковъ Борисѳена и въ такомъ же разстояніи отъ Франова болота. Изъ него вытекаетъ на Западъ рѣка того же имени. Она находится въ двадцати миляхъ отъ Вильны, потомъ течетъ на Сѣверъ и близъ Риги, столицы Ливоніи, впадаетъ въ Германское море (называемое Русскими Варяжскимъ). Она орошаетъ Витебскъ, Полоцкъ, Диненбургъ, но не протекаетъ черезъ Псковъ, какъ писалъ кто-то. Ливонцы называютъ эту, по большей части судоходную, рѣку Дюною.

Ловать, четвертая рѣка, которую никакъ нельзя сравнивать съ прочими тремя, беретъ начало между озеромъ Двиною и Франовымъ болотомъ, или изъ самаго болота. Я не могъ подлинно узнать объ ея истокахъ, хотя они и недалеко отъ истоковъ Борисѳена. Эта-то рѣка, какъ говорятъ ихъ лѣто-

Digitized by Google

S. Andreas apostolus ex Borysthene per siccum naviculam traduxit, et qui emensis quadraginta fere miliaribus, Wuelikiluki alluit, inque Ilmen lacum influit.

Wuolock civitas et castrum in Occidentem aequinoctialem viginti quatuor miliaribus distat a Moscovuia, a Mosaisko duodecim fere, a Tvuer viginti. Hujus loci titulum Princeps sibi usurpat, soletque quotannis ibi animum, falconibus leporeś insectando, relaxare.

Wuelikiluki castrum et civitas in Occidentem a Moscovuia centum quadraginta miliaribus, a Novuogardia magna sexaginta fere, a Poloczko autem triginta sex miliaribus distat hac etiam itur ex Moscovuia in Lithvuaniam.

Toropecz est castrum, cum civitate, inter Wuelikiluki et Smolenzko, ad confinia Lithvuaniae, distat a Luki decem et octo fere miliaribus.

Tvuer, sive Otvuer, amplissima olim ditio, una ex magnis Russiae principatibus ad Wuolgam fluvium sita, triginta sex miliaribus Occidentem aestivalem versus, distat a Moscovuia: habetque civitatem magnam, quam Wuolga interfluit in altera autem ripa, qua Tvuer Moscovuiam spectat, castrum habet, ex cujus opposito Tvuertza fluvius Wuolgam influit: quo equidem in Otvuer navigio perveni, et altero die Rha flu navigavi. Porro civitas haec Episcopalis sedes erat, vivente Ioanne Basilii patre, quo tempore Tuerensem Principatum magnus Dux Boris moderabatur. Cujus postea filiam Mariam princeps Moscovuiae, Ioannes Basilii uxorem duxerat: ex eaque Ioannem primogenitum, ut supra dictum, susceperat. Boris autem mortuo, Michael filius successit: qui postea a sororio suo magno Duce Moscovuiae principatu depulsus, exul in Lithvuania moritur.

Tersack oppidum decem mil. a Tvuer: ejus dimidia pars sub Novuogardiae, altera Tvuerensi dominio erat, duoque

Digitized by Google

писи, въ которую Св. Андрей Апостолъ переволокъ лодку изъ Борисѳена. Протекши почти сорокъ миль, она орошаетъ Великіе Луки и изливается въ озеро Ильмень.

Волокъ, городъ и крѣпость, на равноденственномъ Западѣ, отстоитъ отъ Московіи на двадцать четыре мили, отъ Можайска почти на двѣнадцать, отъ Твери на двадцать. Князь титулуется по имени этаго мѣста и ежегодно, по обыкновенію, отдыхаетъ здѣсь отъ трудовъ, травя зайцовъ соколами.

Великіе Луки, крѣпость и городъ, находится въ ста сорока миляхъ отъ Москвы на Западъ, почти въ шестидесяти отъ великаго Новгорода, отъ Полоцка — въ тридцати шести. Черезъ это мѣсто идетъ дорога изъ Москвы въ Литву.

Торопецъ — крѣпость съ городомъ, между Великими Луками и Смоленскомъ, у границъ Литвы: онъ находится почти въ восьмнадцати миляхъ отъ Лукъ.

Тверь или Отверь, нѣкогда весьма обширная область, одно изъ великихъ княжествъ Русскихъ, расположено по рѣкѣ Волгѣ, въ тридцати шести миляхъ отъ Москвы на лѣтній Западъ, и имѣетъ обширный городъ, чрезъ который течетъ Волга. На другомъ берегу, которымъ Тверь касается Московіи, стоитъ крѣпость, противъ которой изливается въ Волгу, рѣка Тверца. По этой рѣкѣ я прибылъ на суднѣ въ Отверь и на другой день поплылъ по рѣкѣ Волгѣ. Этотъ городъ былъ мѣстопребываніемъ Епископа, когда Тверскимъ княжествомъ владѣлъ великій князь Борисъ. Съ его дочерью Маріею вступилъ въ бракъ князь Московскій Іоаннъ Васильевичъ и имѣлъ отъ нея, какъ выше было сказано, первенца Іоанна. По смерти же Бориса, наслѣдовалъ сынъ (его) Михаилъ, который впослѣдствіи былъ изгнанъ изъ княжества своимъ зятемъ, княземъ Московскимъ, и умеръ изгнанникомъ въ Литвѣ.

Городъ Терсакъ (Торжокъ) стоитъ въ десяти миляхъ отъ Твери; одна половина его была подъ властью Новагорода,

Digitized by Google

ibi Locumtenentes imperabant. Oriuntur ibi quoque, ut supra dixi, duo fluvii, Tvuertza et Sna: hic Novuogardiam in Occidentem, ille in Orientem decurrit.

Novuogardia magna, amplissimus totius Russiae principatus ast, patrio sermone Novuigorod, quasi Nova civitas, seu Novum castrum dicitur. Quicquid enim muro cinctum, roboribus munitum, aut alioqui septum est, Gorod appellant. Est autem ampla civitas, quam Wuolchovu fluvius navigabilis interfluit, qui ex Ilmen lacu vix duobus vuerst supra civitatem emergens in lacum Neoa, quem nunc Ladoga, ab oppido quod ei adjacet, appellant, illabitur. Novuogardia porro in Occidentem aestivalem, a Moscovuia centum viginti miliaribus abest quanquam sunt qui centum duntaxat computant: a Plescovuia triginta sex, a Wuelikiluki quadraginta, ab Iouanovuogorod totidem. Caeterum civitas haec olim dum floreret, suique juris esset, latissimam ditionem in quinque partes distributam habebat: quorum quaelibet pars non solum de publicis ac privatis rebus cognoscendis ad ordinarium ac competentem suae partis magistratum referebat, verum in sua duntaxat civitatis regione contrahere res quascunque, ac commode cum aliis civibus suis conficere poterat: nec licebat cuiquam, ad aliquem alium ejusdem civitatis magistratum, quacunque in re provocare. Eoque tempore totius Russiae maximum ibi erat emporium ingens enim mercatorum turba undique ex Lithvuania, Polonia, Svuetia, Dania, ipsaque Germania eo confluebat, ciresque ex tam frequenti multarum gentium concursu, opes suas copiasque augebant. Quin et nostra tempestate licet Germanis suos ibi habere quaestores, seu rationarios. Imperium ejus magna ex parte in Orientem et Septentrionem extenditur. Livuoniam, Fin-

Digitized by Google

другая — подъ властью Твери, и управляли тамъ два намѣстника. Здѣсь также берутъ свое начало, какъ сказалъ выше, двѣ рѣки: Тверца и Сна; послѣдняя течетъ на Западъ въ Новогородскую область, а первая на Востокъ.

Новогардія великая — самое обширное княжество всей Руссіи; на ихъ языкѣ оно называется Новгородъ, т. е. новый городъ или новая крѣпость, ибо они называютъ городомъ все, что окружено стѣной, укрѣплено тыномъ или огорожено другимъ способомъ. Этотъ городъ обширенъ; чрезъ него протекаетъ судоходная рѣка Волховъ, вытекающая, почти въ двухъ верстахъ выше города, изъ озера Ильменя и впадающая въ озеро Нева, нынѣ отъ стоящаго при немъ города называемое Ладогой. Новгородъ стоитъ на лѣтній Западъ отъ Московіи, въ ста двадцати миляхъ отъ нея, хотя нѣкоторые насчитываютъ только сто (миль). Отъ Пскова онъ въ тридцати шести, отъ Великихъ Лукъ — въ сорока миляхъ и во столькихъ же отъ Иванова города. Впрочемъ нѣкогда, во время своего процвѣтанія и независимости, этотъ городъ имѣлъ весьма обширную власть и раздѣлялся на пять частей. Въ каждой части не только были свои полноправные начальники, вѣдѣнію которыхъ подлежали всѣ общественныя и частныя дѣла, но и заключеніе сдѣлокъ между согражданами могло быть совершаемо только въ своей части города и никому не позволялось обращаться съ какимъ бы то ни было дѣломъ къ другому начальнику того же города. Тогда здѣсь былъ самый большой рынокъ во всей Руссіи: отвсюду стекалось сюда огромное число купцовъ, изъ Литвы, Польши, Швеціи, Даніи и самой Германіи и граждане богатѣли отъ столь частаго стеченія многихъ народовъ. И въ наше время Германцамъ позволено имѣть тамъ своихъ квесторовъ или раціонаріевъ. Владѣнія его простираются большею частію,

Digitized by Google

landiam, atque Nordvuegiam fere contingebat. Ejus loci mercatores, cum uno eodemque vehiculo Augusta Windelicorum profectus eo pervenissem, me impense rogarunt, ut vehiculum quo tam longum iter emensus fuissem, in aede ipsorum sacra perpetuae memoriae ergo relinquerem. Habuit etiam Novuogardia principatus ad Orientem, Dvuinam et Wuolochdam: ad Meridiem vero dimidiam partem Tersack oppidi, non longe a Tvueria. Et quamvis hae provinciae, quod fluviis et paludibus oppleantur, steriles sint, commodeque habitari non possint: nihilominus ex ferarum pellibus, melle, cera, et piscium copia magnum quaestum faciunt. Principes porro, qui ipsorum Reipub praecessent, suo arbitrio ac voluntate constituebant, imperiumque augebant, vicinas gentes quavis sibi ratione devinciendo, ac stipendio tanquam autoramento quodam proposito in sui defensionem obstringentes. Ex ejusmodi gentium, quarum opera Novuogardenses in conservanda Republica sua utebantur, societate factum est, ut Mosci suos se ibi Praesides habere gloriarentur, Lithvuanique vicissim eos sibi tributarios affererent. Hunc principatum dum Archiepiscopus ipse consilioac autoritate sua administraret, Ioannes Basilii Moscovuiae Dux invaserat, septem perpetuos annos gravi eos bello premens. Tandem mense Novembri, anno Domini 1477 ad fluvium Scholona conflictu Novuogardenses superans, certis quibusdam conditionibus ad deditionem eos compulit, praefectumque suo nomine urbi imposuit. Cum autem absolutum in hosce imperium nondum se habere putaret, neque sine armis id se assequi posse cerneret, sub religionis praetextu, ac si a Ruthenico ritu deficere volentes, in fide contineret, Novuogardiam venit, eamque hac simulatione occupavit, inque servitutem redegit: Archiepiscopum, cives,

Digitized by Google

на Востокъ и Сѣверъ. Они доходили до Ливоніи, Финляндіи и почти до Норвегіи.

Когда я прибылъ въ Новгородъ въ томъ же экипажѣ, въ которомъ выѣхалъ изъ Аугсбурга, то тамошніе купцы усильно просили меня, чтобы я оставилъ, для вѣчной памяти, въ ихъ храмѣ повозку, въ которой совершилъ такое длинное путешествіе. На Востокѣ Новгородъ владѣлъ княжествами Двиной и Вологдой, а на Югѣ половиной города Терсака недалеко отъ Твери. Хотя эти провинціи безплодны, потому что наполнены рѣками и болотами, и жить въ нихъ неудобно; тѣмъ не менѣе они получаютъ большую прибыль отъ звѣриныхъ мѣховъ. меду, воску и множества рыбы. Новгородцы назначали князей для управленія своей республикою по собственной своей волѣ и желанію и увеличивали свои владѣнія всѣми мѣрами, привязывая къ себѣ сосѣдніе народы и побуждая ихъ жалованьемъ, какъ расчитанныхъ обязательствомъ защищать себя. Изъ такого союза съ сосѣдними народами, помощью которыхъ Новгородцы пользовались для сохраненія своей республики, вышло то, что Московиты хвастались, что имѣютъ тамъ своихъ намѣстниковъ, а Литовцы, въ свою очередь. утверждали что Новгородцы ихъ данники Когда самъ Архіепископъ совѣтами и своимъ авторитетомъ управлялъ этимъ княжествомъ: Московскій князь Іоаннъ Васильевичъ вторгнулся въ него и цѣлые семь лѣтъ тѣснилъ Новгородцевъ тяжкою войною. Наконецъ, въ Ноябрѣ 1477 г., побѣдивъ въ сраженіи при рѣкѣ Шолонѣ, онъ принудилъ ихъ къ сдачѣ на извѣстныхъ условіяхъ и своимъ именемъ назначилъ начальника городу.

Между тѣмъ онъ полагалъ, что еще не имѣетъ неограниченной власти надъ Новгородцами и видѣлъ, что не можетъ пріобрѣсти ее безъ помощи оружія; поэтому, подъ предлогомъ религіи, онъ прибылъ въ Новгородъ, какъ будто для

Digitized by Google

mercatores, externos, omnibus bonis spoliavit: trecentosque currus inde auro, argento, gemmisque onustos, ut quidam scripsere, Moscovuiam abduxit. Equidem Moscovuiae diligenter de hac re percontabar, accepique longe plures currus praeda onustos inde abductos fuisse. Neque mirum. Nam capta civitate Archiepiscopum, ditiores et potentiores omnes, secum Moscovuiam abduxerat, inque horum possessiones, subditos suos quasi novas colonias remiserat. Ex illorum itaque possessionibus, praeter communes redditus, maximum quotannis vectigal in Fiscum percipit. De Archiepiscopatus quoque proventibus, cuidam Episcopo tum a se constituto, parvam duntaxat ridditum portionem concesserat: quo mortuo, sedes Episcopalis diu vacabat. Tandem ad maximam civium ac subditorum petitionem, ne perpetuo Episcopo carerent, rursus quendam, nobis tum praesentibus, instituerat.

Novuogardenses olim idolum quoddam, nomine Perun, eo loci quo nunc est monasterium, quod ab eodem idolo Perunzki appellatur, collocatum, in primis colebant. venerabanturque. Dein baptismate assumpto, id loco motum, eum in flumen Wuolchovu dejecissent, adverso dicitur fluvio natasse: et circa pontem auditam fuisse vocem: „Haec vobis Novuogardenses in mei memoriam simulque cum dicto, fustem quendam mox in pontem projectum fuisse. Solet etiamnum contingere, ut certis anni diebus haec vox Perun audiatur: qua audita, subito ejus loci cives concurrunt, seque fustibus mutuo caedunt. tantusque inde tumultus

Digitized by Google

того, чтобы удержать въ вѣрѣ хотѣвшихъ отступить отъ Русскаго закона и, посредствомъ этой хитрости, занялъ и обратилъ его въ рабство, отнялъ у Архіепископа, гражданъ, купцовъ и иностранцевъ все ихъ имущество и, какъ нѣкоторые писали, увезъ оттуда въ Москву триста повозокъ, нагруженныхъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями.

Я старательно разузнавалъ объ этомъ въ Москвѣ и услышалъ, что нагруженныхъ добычею повозокъ отправлено оттуда гораздо больше. И это неудивительно; потому что, по взятіи города, онъ увелъ съ собою въ Москву Архіепископа и всѣхъ богачей и вельможъ и послалъ въ ихъ помѣстья колонистами своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, съ этихъ помѣстьевъ, кромѣ обыкновенныхъ доходовъ, онъ ежегодно взимаетъ весьма большую подать въ казну. И изъ Архіепископскихъ доходовъ онъ уступилъ только небольшую ихъ часть тогда поставленному имъ самимъ Епископу. Послѣ же смерти этого Епископа епископская каѳедра долгое время оставалась вакантною. Наконецъ, по усиленной просьбѣ гражданъ и подданныхъ (умолявшихъ), чтобы ихъ не оставляли навсегда безъ Епископа, онъ снова поставилъ кого-то въ нашу бытность.

Въ древности Новгородцы поклонялись и чтили какого-то идола, именемъ Перуна, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ монастырь, прозванный отъ этаго идола Перунскимъ. Принявъ крещеніе, они стащили его съ этаго мѣста и бросили въ рѣку Волховъ. Говорятъ, что онъ поплылъ противъ теченія и около моста былъ слышенъ голосъ: «Вотъ вамъ, Новгородцы, на память обо мнѣ» и что тотчасъ за этими словами на мостъ была выброшена палка. Даже и нынѣ въ извѣстные дни года бываетъ слышенъ этотъ голосъ Перуна. Услышавъ его, тамошніе граждане тотчасъ сбѣгаются и бьютъ другъ-друга палками, отъ чего происходитъ такое смятеніе, что на-

Digitized by Google

quoque oboritur, ut vix magno Praefecti labore sedari possit. Accidit praeterea, ut Annales eorum referunt, dum Novuogardenses Corsun Graeciae civitatem ad septem perpetuos annos gravi obsidione premerent, interim uxores eorum morae pertaesae, tum etiam de salute ac adventu mariterum dubitantes, servis nuberent. Expugnata tandem civitate, quum victores mariti ex bello reversi, aereas portas superatae urbis, ac magnam quandam campanam, quam ipsi in cathedrali eorum Ecclesia vidimus, secum attulissent: servique dominos, quorum uxores duxerant, vi repellere conarentur: domini indignitate rei commoti, depositis, cujusdam consilio, armis, lora et fustes tanquam in mancipia sriperent: quibus servi territi, inque fugam conversi, loco quodam qui etiamnum Chloppigrod, hoc est Servorum castrum dicitur, se reciperent, defenderentque. Werum victi, meritis a dominis suppliciis affecti fuere. Habet Novuogardia in solstitio aestivali longissimum diem XVIII horarum, et ultra. Regio multo frigidior est, ipsa Moscovuia. Gentem quoque humanissimam ac honestam habebat: sed quae nunc proculdubio peste Moscovuitica, quam eo commeantes Mosci secum invexerunt, corruptissima est.

Ilmen lacus, qui in antiquis Ruthenorum scriptis Ilmer vocatur, et quem alii Limidis lacum appellant, est supra Novuogardiam duobus vuerst: in longitudinem XII, in latitudinem vero VIII miliaribus Germanicis patet: duosque, praeter alios, celebriores fluvios excipit, Louat et Scholona. Is ex quodam lacu emergit unum vero emittit Wuolchovu, qui Novuogardiam interlabitur: emensisque triginta sex mi-

Digitized by Google

чальникъ города съ великимъ трудомъ едва можетъ прекратить его. Кромѣ того, ихъ лѣтописи разсказываютъ слѣдующій случай. Въ то время, когда Новгородцы цѣлые семь лѣтъ тѣснили такою осадою Греческій городъ Корсунь, ихъ жены, соскучившись ждать ихъ, даже сомнѣваясь въ существованіи и возвращеніи своихъ мужей, — вышли замужъ за рабовъ.

Наконецъ, когда, по взятіи города, мужья возвратились побѣдителями съ войны и привезли съ собою мѣдныя ворота побѣжденнаго города и большой колоколъ, который мы сами видѣли въ ихъ соборной церкви, рабы пытались силою отразить (своихъ) господъ, на женахъ которыхъ они женились.

Исполненные негодованія противъ этого господа, по нѣкоему-то совѣту, сложили съ себя оружіе и бросились на нихъ, какъ на рабовъ, съ кнутами и палками. Эти оробѣли и, обратившись въ бѣгство, укрылись въ мѣстѣ, которое и до нынѣ называется холопьимъ городомъ, т. е. крѣпостью рабовъ, и тамъ защищались, но были побѣждены своими господами и, какъ слѣдуетъ, наказаны. Во время лѣтняго солнцестоянія, долгайшій день въ Новгородѣ бываетъ 18 часовъ и болѣе. Эта страна гораздо холоднѣе Московіи. Народъ здѣсь былъ весьма образованъ и нестенъ, но теперь, заразившись безъ сомнѣнія Московскою порчей, которую принесли съ собой приходящіе сюда Московиты, сдѣлался самымъ безнравственнымъ.

Озеро Ильмень, въ древнихъ Русскихъ сочиненіяхъ извѣстное подъ именемъ Ильмера и называемое иными озеромъ Лимиды, находится въ двухъ верстахъ выше Новгорода. Оно простирается на двѣнадцать германскихъ миль въ длину и на восемь въ ширину и принимаетъ, въ числѣ другихъ, двѣ знаменитыя рѣки — Ловать и Шолону. Ловать вытекаетъ изъ какого-то озера. Оно вытекаетъ одинъ Волховъ, кото-

Digitized by Google

liaribus, Ladoga lacum ingreditur. Is in latitudinem sexaginta, longitudinem centum fere miliaribus, insulis tamen quibusdam interjectis, patet: effunditque magnum fluvium Neoa, qui Occidentem versus in Germanicum mare sex fere mil. decurrit ad cujus ostia, sub dominio Mosci, in medio flumine situm est castrum Oreschak, quod Germani Nutenburg appellant.

Russ, olim antiqna Russia dicta, antiquum oppidulum est, sub ditione Novuogardiae, a qua duodecim, ab Ilmen vero lacu tredecim miliaribus distat. Habet salsum fluvium, quem ampla fossa in modum lacus cives coercent, indeque aquam per canales pro se quisque in aedes suas derivant, salque coquunt.

Ivuanovugorod castrum Ioannes Basilii, a quo etiam nomen accepit, ad ripam Nevuae fluvii, lapide exaedificavit. Est ibi quoque ex adverso in altera ripa Livuoniensium castrum, quod ab eodem fluvio Nervua appellatur. Haec duo castra Narvua fluvius interlabitur, dominiumque Novuogardensium ab Livuoniensi dividit. Porro Narvua fluvius navigabilis, ex eo lacu quem Rutheni Czutzko, seu Czudin, Latini Bicis, seu Pelas, Germani vero Pejifues appellant, emergit: duobusque in se receptis fluviis, Plescovuia et Wuelikareca, qui venit ex Meridie, Opotzka oppidum, Plescovuia a dexteris relicta, praeterfluit. Facilis autem ex Plescovuia in mare Baltheum esset navigatio, nisi scopuli quidam, non longe ab Ivuanovugorod et Narvua, impedimento essent.

Plescovuia civitas ad lacum sita est, ex quo ejusdem

Digitized by Google

рый течетъ черезъ Новгородъ и, протекши почти тридцать шесть миль, впадаетъ въ озеро Ладогу. Это озеро простирается въ ширину на шестьдесятъ, а въ длину почти на сто миль, и имѣетъ нѣсколько острововъ. Оно выпускаетъ большую рѣку Неву, которая течетъ на Западъ на пространствѣ почти шести миль и впадаетъ въ Германское море. У ея устьевъ, посереди рѣки, въ Московскомъ владѣніи лежитъ крѣпость Орѣшекъ, которую Германцы называютъ Нутембургомъ.

Русь, прежде называвшаяся старою Руссіею, древній городокъ, подъ владычествомъ Новгорода, отъ котораго отстоитъ на двѣнадцать, а отъ озера Ильменя на тринадцать миль. Въ этомъ городѣ есть соленая рѣка, которую граждане запираютъ въ широкій бассейнъ на подобіе озера, а оттуда каждый для себя проводитъ воду въ свой домъ каналами и вываривaетъ изъ ней соль.

Крѣпость Ивановъ-городъ выстроена изъ камня у берега рѣки Нервы Іоанномъ Васильевичемъ, отъ котораго и получила свое имя.

Тамъ же на противуположномъ берегу (стоитъ) Ливанская крѣпость, называющаяся по имени той же рѣки Нервы. Между этими двумя крѣпостями протекаетъ рѣка Нарва и отдѣляетъ Новгородскія владѣнія отъ Ливонскихъ. Рѣка Нарва судоходна, она вытекаетъ изъ озера, которое Русскіе называютъ Чудскимъ или Чудинымъ, — Латины — Бицисъ или Пеласъ, а Германцы Пейфюсъ. Она принимаетъ въ себя двѣ рѣки, Плесковію и Великую рѣку, которая идетъ съ Юга и, оставивъ вправѣ Плесковъ, течетъ мимо города Опочки. Водное сообщеніе между Плесковомъ и Балтійскимъ моремъ было бы легко, если бы не препятствовали этому пороги близъ Иванова города и Нарвы.

Городъ Плесковъ стоитъ при озерѣ, изъ котораго выхо-

Digitized by Google

nominis fluvius emergit, ac per mediam civitatem decurrit sex mil. in lacum, quem Rutheni Czutzko vocant, exonerat. Sola autem Plescovuia, in toto Mosci dominio, muro cingitur: est que in quatuor partes divisa, quarum singulae suis moenibus continentur. Quae res quibusdam occasionem erroris praebuit, ut eam quadruplici muro cinctam esse dicerent. Hujus civitatis ditio, seu principatus, gentiliter Pskovu, seu Obskovu vocatur. Olim amplissima, suique juris erat: sed eam tandem Ioannes Basilii anno Domini MDIX. quorundam sacerdotum proditione occupavit, atque in servitutem redegit item campanam, ad cujus pulsum Senatus ad rempublicam constituendam cogebatur, abstulit: ipsis que per colonias alio deductis, introductis que in eorum locum Moscis, libertatem eorum prorsus imminuit. Unde factum, ut pro cultioribus, atque adeo humanioribus Plescovuiensium moribus, corruptiores in omnibus fere rebus Moscovuiensium mores sint introducti. Tanta enim in contractibus Plescovuiensium erat integritas, candor, et simplicitas, ut omni verbositate in fraudem emptoris omissa, uno tantum verbo res ipsas indicarent. Plescovuienses autem, ut etiam hoc obiter adjiciam, in hunc usque diem caesariem non Ruthenorum, sed Polonorum more, bifurcata utuntur. Distat autem Plescovuia in Occidentem triginta sex miliaribus a Novuogardia, ab Ivuanovugorod quadraginta, totidem a Wuelikiluki. Per hanc quoque civitatem ex Moscovuia et Novuogardia itur Rigam, Livuoniae metropolim, quae sexaginta miliaribus a Plescovuia distat.

Wuotzka regio inter Occidentem et Septentrionem sita, viginti sex, aut ad summum triginta miliaribus abest a Novuogardia, inque sinistra castrum Ivuanovugorod relinquit. In hac regione hoc prodigii loco refertur animalia, cujus-

Digitized by Google

дитъ рѣка того же имени, течетъ посреди города и на разстояніи шести миль отъ истока изливается въ озеро, называемое у Русскихъ Чудскимъ. Одинъ только Плесковъ во всемъ владѣніи Московскомъ окруженъ стѣною; онъ раздѣленъ на четыре части, изъ которыхъ каждая обнесена своими стѣнами. Это обстоятельство ввело нѣкоторыхъ въ заблужденіе и они говорили, что этотъ городъ окруженъ четверною стѣною. Область этаго города, или княжество называется по народному Псковомъ или Обсковомъ. Въ старину Псковъ былъ весьма обширенъ и независимъ; но наконецъ въ 1509 г. Іоаннъ Васильевичъ, овладѣвъ имъ посредствомъ измѣны нѣкоторыхъ священниковъ, обратилъ его въ рабство и вывезъ оттуда колоколъ, звономъ котораго созывался Сенатъ для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ. Онъ совершенно уничтожилъ свободу жителей, выведши ихъ колоніями въ другія области и водворивши на мѣсто ихъ Московитянъ. Слѣдствіемъ этого было то, что образованность и гуманность Плесковитянъ почти во всемъ замѣнилась испорченными нравами Москвитянъ. Ибо въ купеческихъ сдѣлкахъ Плесковитяне обнаруживали такую правдивость, чистосердечіе и простоту, что цѣна вещи объявлялась однимъ только словомъ, безъ всякаго пустословія въ обманъ покупателя. Псковитяне, мимоходомъ замѣчу я здѣсь, — и доселѣ носятъ проборъ на головѣ не по русски, а по польски. Плесковъ стоитъ въ тридцати шести миляхъ къ Западу отъ Новгорода, въ сорока отъ Иванова города и въ сорока же отъ Великихъ Лукъ. Чрезъ этотъ городъ лежитъ путь изъ Москвы и Новгорода въ столицу Ливоніи Ригу, отстоящую отъ Плескова на шестьдесятъ миль.

Вотская страна лежитъ на Сѣверо Западъ отъ Новгорода въ двадцати шести или, по самой большей мѣрѣ, въ тридцати миляхъ отъ него, оставляя влѣво отъ себя крѣпость

Digitized by Google

cunque generis in eam inducta fuerint, colorem suum in albedinem mutare. Locus hic postulare videtur, ut rationem locorum et fluviorum circa mare, usque ad fines Svuetiae perstringat. Nervua fluvius, quemadmodum supra dixi, Livuoniam a Mosci ditione dividit: a quo si ab Ivuanovugorod secundum littus maris, Septentrionem versus progrediare, Plussa fluvius occurrit, ad cujus ostia Iamma castrum situm est. Duodecim miliaribus ab Ivuanovugorod, a Iamma totidem, spacio quatuor miliarium, occurrit castrum et fluvius ejusdem nominis Coporoia: inde ad fluvium Neoa, et castrum Oreschack, sex miliaria numerantur: ab Oreschack vero ad fluvium Corela, unde civitas nomen accepit, sunt septem miliaria. Atque inde tandem itinere duodecim miliarium pervenitur ad fluvium Polna, qui dominium Mosci a Finlandia, quam Rutheni Chainska Semla vocant, quae sub ditione Regum Svuetiae est, dividit.

Est et alia Corela praeter jam nominatam, provincia, quae suum territorium atque idioma habet, sexaginta fere et amplius miliaribus a Novuogardia in Septentrionem sita. Ea quamvis a finitimis quibusdam gentibus tributum exigit, nihilominus et ipsa regi Svuetiae item, et Mosco, ratione dominii Novuogardensis, tributaria est.

Solovuki insula in Septentrionem, inter Dvuinam et Corelam provinciam, a continenti octo miliaribus in mari sita est: quae quantum a Moscovuia distet, propter crebras paludes, sylvas, et vastas solitudines, certa intervalli ratio non habetur. Quamvis sint qui eam 300 miliaribus a Moscovuia, a Bieloiesero autem 200 abesse dicant. Sal in ea insula copiosus decoquitur. Estque ibi monasterium, in quod mulierem aut virginem ingredi, grande piaculum est.

Digitized by Google

Est etiam ibi piscatio copiosa piscium, quos indigenae Selgi vocant, quos nos haleces esse putamus. Ajunt hic Solem aestivali solstitio perpetuo, duabus tantum horis exceptis, splendere.

Dimitriovu civitas cum castro, a Moscovuia, ab Occidente in Septentrionem parum deflectendo, duodecim miliaribus distat. Hanc Georgius magni Ducis frater, tunc possidebat. Eam Jachroma fluvius, qui Sest fluvium influit, praeterlabitur. Porro Sest Dubnam, qui in Wuolgam exoneratur, excipit. Unde tanta fluviorum commoditate, magnae ibi mercatorum opes, qui merces ex Caspio mari per Wuolgam, labore non ita magno, in diversas partes, atque adeo Moscovuiam usque inducunt.

Bieloiesero civitas sum castro, ad lacum ejusdem nominis sita est. Sonat autem Ruthenis Bieloiesero, albus lacus. Porro civitas non est in ipso lacu sita, ut quidam retulerunt: paludibus tamen ita undequaque cingitur, ut inexpugnabis esse videatur. Qua re ducti Principes Moscovuiae, thesauros ibi suos recondere solent. Abest autem Bieloiesero in Septentrionem centum miliarib. a Moscovuia, totidemque a Novuogardia magna. Duae vero viae sunt, per quas ex Moscovuia itur Bieloiesero. altera propinquior per Uglitz, hyemali tempore, aestate per Iaroslavu altera. Utraque autem via, propter crebras paludes, et sylvas fluviis obsitas, haud commode, nisi stratis pontibus, concretis glacie, conficitur. quo fit, ut ibi locorum difficultate miliaria sint breviora. Accedit ad hanc itineris difficultatem, ut propter crebras paludes, sylvas, ac undique concurrentes fluvios, loca inculta sint, nullisque civitatibus frequentata. Lacus ipse duodecim miliaribus in longitudinem, totidem que in latitudinem patet: in quem trecenti, ut fertur, et sexaginta fluvii

Digitized by Google

exonerantur. Unus autem Schocksna tantum ex eo emergit, qui quindecim miliaribus supra Iaroslavu, et quatuor infra Mologam oppida, Wuolgam influit. Pisces qui ex Wuolga in hunc fluvium ac lacum perveniunt, meliores fiunt: imo tanto nobiliores, quanto diutius in eo fuerint, redduntur. In quibus agnoscendis ea est piscatorum peritia, ut pisces in Wuolgam reversos, captos que, quanto tempore in eo fuerint, agnoscant. Hujus loci indigenae proprium habent idioma: quamvis nunc ferme omnes Ruthenice loquantur. Longissimum hi diem in Solstitio aestivali dicuntur habere, decem et novem horarum. Retulit nobis quidam haud parvi nominis vir, se primo vere, cum arbores jam frondescerent, celeri cursu ex Moscovuia Bieloieserum contendisse: superato que Wuolga fluvio, reliquum itineris, quod omnia ibi nivibus glacieque oppleta essent, vehiculis confecisse. Et quamquam longior ibi hyems sit, fruges tamen eo, quo in Moscovuia, tempore et maturescunt, et colliguntur. A lacu Bieloiesero, intra teli jactum, est alius lacus sulphur proferens: quod fluvius quidam ex eo manans, ceu spumas supernatantes, affatim secum defert. Inscitia tamen populi, ejus ibi nullus usus est.

Uglitz civitas cum castro, ad littus Wuolgae sita est: distatque a Moscovuia viginti quatuor, a Iaroslavu triginta, a Tvuer quadraginta miliaribus. Caeterum haec praedicta castra sunt in meridionali Wuolgae ripa, civitas vero ex utraque parte.

Chloppigrod locus, in quem Novuogardensium servos confugisse supra dixi, duobus miliaribus distat ab Uglitz. Haud procul inde castrum nunc demolitum conspicitur, ad fluvium Mologa, qui ex Novuogardiae magnae ditione octu-

Digitized by Google

aginta miliaribus fluens, Wuolgam ingreditur: in cujus ostiis est ejusdem nominis civitas et castrum, a quo duobus miliaribus in ejusdem fluminis ripa Chloppigrod ecclesia tantum sita est. Eo loci nundinae in toto Mosci dominio, quarum etiam alias memini, sunt frequentissimae. eo etenim, praeter Svuetenses, Livuonienses, atque Moscovuitas, Tartari, aliaeque quam plurimae gentes, ex Orientalibus Septentrionalibusque partibus confluunt, quae rerum tantum permutatione utuntur. Rarus enim, ac ferme nullus apud has gentes est auri, argentive usus. Westes factas, acus, cultellos, cochlearia, secures, aliaque ejusmodi, utplurimum pellibus permutant.

Pereaslavu civitas et castrum, a Septentrione aliquantum vergens in Orientem, viginti quatuor miliaribus abest a Moscovuia: sita autem est ad lacum, in quo, ut in insula Solovuki, Selgi pisciculi, quorum supra memini, capiuntur. Ager satis fertilis est, et copiosus, in quo perceptis frugibus, Princeps venatione tempus fallere solet. Est in eodem agro lacus, ex quo sal decoquitur. Per hanc civitatem proficiscuntur, quibus Novuogardiam inferiorem, Castroma, Iaroslavu, et Uglitz eundum est. In his partibus vera itinerum ratio propter crebras paludes et sylvas haberi non potest. Est etiam ibi Nerel fluvius, ex lacu quodam profluens, qui supra Uglitz Wuolgam influit.

Rostovu civitas et castrum, Archiepiscopalis sedes, cum Bieloiesero et Murom, inter praecipuos et antiquiores Russiae principatus, post Novuogardiam magnam habetur. Eo ex Moscovuia, recta per Pereaslavu itur, a qua decem miliarib distat. Sita est ad lacum, ex quo Cotoroa fluvius, qui Iaroslavu praeterlabitur, emergit, Wuolgamque influit. Soli natura fertilis est, piscibus in primis ac sale abundans.

Digitized by Google

meret. Quare multum errasse videtur, qui scripsit, hunc Principi suo in quacunque necessitate triginta milia equitum ex ditione, seu patrimonio suo mittere posse.

Wuolochda provincia, civitas et castrum, in qua Episcopi Permiae sedem quidem suam, sed sine imperio habent, ab ejusdem nominis fluvio nomen accepere. Sita est inter Orientem et Septentrionem, ad quam ex Moscovuia per Iaroslavu itur. Abest, autem a Iaroslavu quinquaginta miliaribus Ger. a Bieloiesero fere quadraginta. Regio tota palustris et sylvestris est unde fit, ut exactam itineris rationem propter crebras paludes et fluviorum anfractus, hoc quoque in loco viatores observare non possint. Quo enim magis progrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac sylvae occurrunt. Porro Wuolochda fluvius in septentrionem, civitatem praeterlabitur: cui Suchana fluvius ex lacu cui Koinzki nomen est, emergens, octo mil. infra civitatem jungitur, nomenque Suchanae retinet, atque inter septentrionem et Orientem labitur. Wuolochda provincia olim sub ditione Novuogardiae magnae erat, quae cum castrum natura loci firmum habeat, ajunt Principem partem thesauri sui illic reponere solere. Eo anno quo nos Moscovuiae eramus, tanta illic erat annonae caritas, ut unus quo ipsi utuntur frumenti modius, XIIII dengis venderetur: qui alioqui in Moscovuia IIII, V, aut sex dengis emi solet.

Wuaga fluvius piscosus, inter Bieloiesero et Wuolochdam, in paludibus densissimisque sylvis oritur, ac Dvuinam fluvium influit. Fluvii accolae, quod panis usu fere careant, venatione vivunt. Capiuntur autem ibi vulpes nigrae,

Digitized by Google

et coloris cinericei. Porro compendiario itinere inde ad provinciam et fluvium Dvuina pervenitur.

Ustyug provincia, a civitate et castro, quae ad fluvium Suchana sita sunt, nomen accepit. a Wuolochda abest centum miliaribus, a Bieloiesero centum quadraginta. Haec prius ad ostia fluvii Iug, qui ex Meridie in Septentrionem fluit, sita erat. Postea propter loci commoditatem, ad dimidium fere miliare supra ostia posita est, vetusque nomen adhuc retinet. Nam Ruthenis Usteie ostium est: unde Ustyug, quasi ostium Iug dicitur. Haec provincia olim subjecta erat Novuogardiae magnae, in qua rarus et propemodum nullus panis usus: piscibus et feris pro cibo utuntur. Sal ex Dvuina habent. Idioma quoque proprium, quamvis Ruthenico magis utuntur. Zabellinorum ibi pelles nec multae, nec admodum excellentes: aliarum tamen ferarum pellibus abundant, vulpinis praesertim nigris.

Dvuina provincia et fluvius ab Iug et Suchana fluviorum confluxu Dvuinae nomen accepit. nam Dvuina Ruthenis duo, vel bini sonat. Is fluvius emensis centum miliaribus Oceanum Septentrionalem, qua Svuetiam et Nordvuegiam alluit, atque a terra incognita Engraneland dividit, ingreditur. Haec provincia in ipso Septentrione sita, olim Novuogardensium ditionis erat. Numerantur autem a Moscovuia ad Dvuinae ostia trecenta miliaria: quamvis ut antea dixi, in regionibus quae trans Wuolgam sunt, propter crebras paludes, fluvios, ac vastas sylvas, itineris ratio observari non potest: conjectura tamen ducimur, ut vix ducenta miliaria esse putemus quandoquidem ex Moscovuia in Wuolochdam, ex Wuolochda in Ustyug, in Orientem aliquantulum: ex Ustyug postremo per Dvuinam fluvium recta in Septentrionem pervenitur. Haec provincia, praeter Colmogor castrum, et Dvuinam civitatem, quae inter fontes et

Digitized by Google

ostia in medio propemodum sita est, castrumque Pienega in ipsis Dvuinae ostiis situm, oppidis et castris caret. Pagos tamen complures habere dicitur, qui propter terrae sterilitatem longe lateque distant. Victum hi ex piscibus, feris, ferarumque pellibus quaerunt, quibus omnis generis abundant. In maritimis hujus regionis locis, ursos albos, et eos pro majori parte in mari degentes reperiri ajunt: quorum pelles in Moscovuiam saepius deferuntur. Ego binas mecum, prima mea in Moscovuiam legatione, reportavi. Regio haec sale abundat.

ITINERARIUM AD PETZORAM, IUGARIAM, ET OBI USQUE FLUVIUM.

Principis Moscovuiae ditio longe in Orientem, et aliquanto in Septentrionem, ad loca quae sequuntur, protenditur: super qua re scriptum quoddam, quo ejus itineris ratio continebatur, lingua Ruthenica mihi oblatum fuit, quod et transtuli, et hic certa ratione subjunxi. Quanquam qui ex Moscovuia eo proficiscuntur, ab Ustyug et Dvuina, per Permiam, usitato magis et compendiario itinere utantur. A Moscovuia ad Wuolochdam quingenta vuerst numerantur, a Wuolochda ad Ustyug dextrorsum secundo fluvio, et Suchana, cui, jungitur, descendendo, sunt quingenta vuerst, quibus sub Streltze oppido duobus vuerst, sub Ustyug conjungitur fluvio Iug, qui fluit ex Meridie: a cujus ostiis usque ad fontes, ultra quingenta vuerst computantur. Caeterum Suchana et Iug postquam confluxerint, amissis prioribus nominibus, Dvuinae nomen assumunt. Per Dvuinam deinceps quingenta vuerst, ad Colmogor pervenitur: a quo infra itinere sex dierum, Dvuina sex ostiis Oceanum ingre-

Digitized by Google

ditur. Atque hujus itineris maxima pars navigatione constat. nam itinere terrestri a Wuolochda usque ad Colmogor, trajecto Wuaga, sunt mille vuerst. Haud procul a Colmogor, Pienega fluvius, qui ab Oriente a dextris fluit: emensisque septingentis vuerst, Dvuinam illabitur. Ex Dvuina ad locum qui dicitur Nicolai, per Pienegam fluvium ducenta vuerst, pervenitur, ubi itinere dimidii vuerst naves in fluvium Kuluio transferuntur. Kuluio vero fluvius ex ejusdem nominis lacu in Septentrione oritur, a cujus fontibus iter sex dierum est, usque ad ostia, ubi Oceanum ingreditur. Navigatione secundum dexterum littus maris, sequentes possessiones praeterleguntur: Stanuvuische, Calunczscho, et Apnu. Circumnavigata que Chorogoski Nosz promontorio, et Stanuvuische, Camenskh et Tolstickh, tandem in fluvium Mezen, quo sex dievum itinere ad ejusdem nominis pagum in ostiis fluvii Piesza situm pervenitur, per quem rursus a sinistra Orientem aestivalem versus ascendendo, trium hebdomadarum itinere Piescoya fluvius occurrit. Unde translatis per quinque vuerst, in duos lacus navibus, geminae patent viae: quarum altera, parte sinistra in fluvium Rubicho, per quem in fluvium Czircho pervenitur, ducit. Alii via altera, et breviore, ex lacu naves recta in Czircho deferunt: a quo nisi tempestate detineantur, trium hebdomadarum spacio in fluvium ostia que Czilmę, magnum Petzora fluvium, qui eo loci duarum vuerst latitudine extenditur, influentem deveniunt: quo delapsi, sex dierum itinere ad oppidum et castrum Pustoosero, circa quod Petzora sex ostiis Oceanum ingreditur, pervenitur. Hujus loci accolae, simplici ingenio homines, anno Domini M. D. XVIII primum baptismum susceperunt. A Czilmae ostiis, usque ad ostia fluvii Ussa, per Petzoram eundo, est iter unius mensis. Ussa autem fontes suos habet in monte Poyas-Semnoi, qui ab ortu aestivali ad

Digitized by Google

laevam est, fluitque ex ingenti ejusdem montis saxo, quod Camen Bolschoi vocant. Ab Ussae fontibus, usque ad ejus ostia, ultra mille vuerst numerantur. Porro Petzora a Meridionali hac hyemali parte fluit, a quo ex Ussae ostiis ascendendo, usque ad ostia Stzuchogora fluvii, est iter trium hebdomadarum. Qui hoc itinerarium conscripserant, dicebant, inter Stzuchogore et Potzscheriema fluviorum ostia se quievisse: atque ad vicinum castrum Strupili, quod ad littora Ruthenica in montibus ad dextram situm est, comeatum, quem ex Russia secum portaverant, deposuisse. Ultra Petzora et Stzuchogora fluvios ad montem Camenipoias, item mare, insulas vicinas, castrumque Pustoosero, variae et innumerae gentes sunt, quae uno ac communi nomine Samoged (quasi diceres scipsos comedentes) nuncupantur. Apud hos magnus proventus avium, diversorumque animalium, ut sunt zabellini, martes, castores, hermelli, aspreoli, et in Oceano Mors animal, de quo supra, praeterea vess. Item albi ursi, lupi, lepores, equivuoduani, cete, piscisque nomine Semfi, aliique quam plurimi. Hae vero gentes in Moscovuiam non veniunt: sunt enim ferae, quae aliorum hominum coetum, vitaeque societatem refugiunt. Ab Stzuchogorae ostiis adverso flumine usque ad Pojassa, Artavuische, Cameni, majoremque Pojassa, iter trium hebdomadarum. Porro ad montem Camen trium dierum ascensus est, a quo descendendo ad fluvium Artavuischa, inde ad Sibut fluvium, a quo castrum Lepin, a Lepin ad Sossam fluvium pervenitur. Hujus fluvii accolae Wuogolici nuncupantur. Sossa autem a dexteris relicto ad fluvium Oby, qui oritur ex Kitaisko lacu, pervenitur quem vix uno die et celeri cursu trajecerunt, adeo vasta hujus fluvii latitudo est, ut ad octoginta fere vuerst extendatur. Hunc quoque Wuogulici et Ugritzschi gentes accolunt. Ab Obea castello secundum Oby fluvium

Digitized by Google

сѣверный край съ Юга и отсюда три недѣли пути, если подниматься вверхъ отъ устьевъ Усы къ устьямъ рѣки Черхогоры. Писавшіе этотъ дорожникъ говорили, что они отдыхали между устьями рѣкъ Чухогоры и Пащеримы и сложили взятые ими изъ Руссіи запасы у ближней крѣпости Струпилы, которая лежитъ на русскомъ берегу, на — право въ горахъ. За рѣками Печорою и Чухогорою, у горы Каменный Поясъ, и у моря, на сосѣднихъ островахъ и въ крѣпости Пустоозерѣ живутъ различныя и многочисленныя племена съ однемъ общемъ именемъ Самогедовъ (т. е. пожирающихъ самихъ себя). У нихъ большое изобиліе въ птицахъ и разныхъ звѣряхъ, какъ то: соболяхъ, куницахъ, бобрахъ, горностаяхъ и бѣлкахъ, а въ Океанѣ водится животное моржъ, о которомъ сказано выше, кромѣ того вессъ; также бѣлые медвѣди, волки, зайцы, эквиводуаны, киты, рыба, называемая семфи, и весьма много другой. Племена же эти не ходятъ въ Московію; они дики и убѣгаютъ собраній и сообщества съ другими людьми. Отъ устьевъ Чухогоры вверхъ по рѣкѣ до Пояса, Артавиши, Камня, и большаго Пояса - три недѣли пути. Потомъ на гору Камень нужно подымаются три дня. Спустившись же съ ней, приходишь къ рѣкѣ Артавишѣ, потомъ къ рѣкѣ Сибуту, отъ этой къ крѣпости Лепину, отъ Лепина къ рѣкѣ Соссѣ. Жители по этой рѣкѣ называются Воголичи. Оставивъ Соссу вправѣ, можно достигнуть рѣки Оби, берущей свое начало изъ озера Китайскаго. Едва въ день, и при скорой ѣздѣ, могли переправиться они чрезъ эту рѣку. Ширина ея такъ велика, что простирается почти на восемдесятъ верстъ. По ней живутъ также Воголичи и Угричи. Отъ Обской крѣпостцы, вверхъ по рѣкѣ Оби, до устьевъ рѣки Иртыши, въ которую впадаетъ Сосса — трехмѣсячный путь. Въ этихъ мѣстахъ есть двѣ крѣпости, Іерамъ и Тюмень, надъ которыми властвуютъ господа Князья Югорскіе,—данники, какъ говорятъ,

Digitized by Google

ascendendo, usque ad Irtische fluvium, in quem Sossa ingreditur, ostia, est trium mensium iter. In his locis duo castra sunt, Ierom et Tumen, quibus praesunt domini Knesi Iuhorski, magno Duci Mosco (ut ajunt) vectigales. Multa ibi animalia, pellesque quamplurimae.

Ab Irtische fluvii ostiis ad castrum Grustina, duorum mensium iter: a quo ad lacum Kitai, per Obi fluvium, quem fontes suos in hoc lacu habere dixi, est plus quam trium mensium iter. Ab hoc lacu plurimi homines nigri, communis sermonis expertes, veniunt: merces varias, in primis autem uniones, lapides preciosos, secum adferentes, quas populi Grustintzi et Serponovutzi mercantur. hi a castro Serponovu Lucomoryae ultra Obi fluvium in montibus sitae nomen habent. Lucomoryae autem hominibus mirabile quiddam ac incredibile, et fabulae persimile ajunt accidere, quos in singulos annos, nempe XXVII die Novembris, quae apud Ruthenos S. Georgio facta est, mori ajunt: ac vere insequenti maxime ad XXIIII Aprilis, ranarum instar, denuo reviviscere. Cum his quoque Grustintzi et Serponovutzi populi nova, et alias inconsueta habent commercia. Cum enim statum tempus moriendi, seu dormiendi ipsis imminet, merces certo loco deponunt, quas Grustintzi et Serponovutzi, relictis suis interim aequa commutatione mercibus, auferunt: eas illi redivivi, si iniquiore aestimatione abductas esse viderint, rursus repetunt: unde lites plurimae ac bella inter eos oriuntur. Ab Obi fluvio, parte sinistra descendendo, sunt Calami populi, qui ab Obiovua et Pogosa eo commigrarunt. Infra Obi ad Auream anum, ubi Obi Oceanum ingreditur, fluvii sunt, Sossa, Berezvua, et Danadim, qui omnes ex monte Camen, Bolschega, Poiassa, scopulisque conjunctis oriuntur. Ab his fluminibus quaecunque ad Auream anum usque gentes habitant, vectigales dicuntur Principi Moscovuiae.

Digitized by Google

Slata baba, id est Aurea anus, idolum est, ad Obi ostia, in provincia Obdora, in ulteriori ripa situm. Secundum Obi littora, vicinisque circum fluminib. multa passim castra sita sunt, quorum domini omnes Principi Moscovuiae (ut ferunt) subjiciuntur. Narrant, seu, ut verius dicam, fabulantur, hoc idolum Auream anum statuam esse, in formam cujusdam anus, quae filium in gremio teneat: atque ibi jam denuo alterum cerni infantem, quem ejus nepotem esse ajunt. Praeterea instrumenta quaedam ibi posuisse, quae perpetuum sonum in modum tubarum edant. Quod si ita est, equidem ventorum vehementi et perpetuo in ea instrumenta flatu fieri puto.

Cossin fluvius ex montibus Lucomoryae delabitur. in hujus ostiis Cossin castrum est, quod olim Knes vuentza, nunc vero illius filii possident. Eo a Cossin magni fluvii fontibus alter fluvius Cassima oritur, emensaque Lucomorya in magnum fluvium Tachnin influit: ultra quem pro digiosae formae homines habitare dicuntur, quorum alii ferarum more, toto corpore pilis horrent: alii caninis capitibus, alii prorsus sine collo pectus pro capite habent, longasque sine pedibus manus. Est et in Tachnin fluvio piscis quidam, capite, oculis, naso, ore, manibus, pedibus, aliisque humana prorsus forma, nulla tamen voce: qui, ut alii pisces suave ex se praebet obsonium.

Hactenus, quaecunque retuli, ex oblato Itinerario Ruthenico, a me ad verbum traducta sunt: in quibus etsi fabulosa quaedam, vix que credibilia esse videantur, veluti de hominibus mutis, morientibus et reviviscentibus, Aurea anu,

Digitized by Google

щіе отъ этихъ рѣкъ до Золотой *Бабы* считаются данниками князя Московскаго.

Злата Баба, т. е. Золотая старуха, есть идолъ въ провинціи Обдорѣ, у устья Оби, поставленный на правомъберегу.

По берегамъ Оби и около сосѣднихъ рѣкъ разсѣяно много крѣпостей, которыхъ владѣтели, какъ слышно, всѣ подвластны князю Московскому. Разсказываютъ, или справедливѣе баснословятъ, что этотъ идолъ Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ сына на утробѣ, и что тамъ уже снова видѣнъ другой ребенокъ, который, говорятъ, ея внукъ. Кромѣ того, тамъ поставлены какіе-то инструменты, постоянно издающіе звукъ, наподобіе трубнаго. Если это и правда: то звуки, по моему мнѣнію, происходятъ отъ сильнаго и постояннаго дуновенія вѣтровъ въ эти инструменты.

Изъ Лукоморскихъ горъ вытекаетъ рѣка Коссинъ; при устьяхъ ея стоитъ крѣпость Коссинъ, которою прежде владѣлъ князь *Венца* а теперь его сыновья. Туда отъ истоковъ большой рѣки Коссинъ два мѣсяца пути.

Далѣе изъ истоковъ той же рѣки беретъ начало другая рѣка Кассима и, протекши чрезъ Лукоморію, впадаетъ въ большую рѣку Тахнинъ, за которой, по разсказамъ, живутъ люди чудеснаго вида: у однихъ, какъ у дикихъ звѣрей, все тѣло поросло волосами; у другихъ собачьи головы; другіе совершенно безъ шеи, имѣютъ на мѣстѣ головы грудь, и безъ ногъ длинныя руки. Есть и въ рѣкѣ Тахнинѣ одна рыба, съ головою, глазами, носомъ, ртомъ, руками, ногами и пр. — по виду совершенный человѣкъ, но безъ всякаго голоса; подобно другимъ рыбамъ, она доставляетъ пріятную пищу.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ, переведено много дословно изъ доставшагося мнѣ русскаго дорожника. Правда въ этихъ извѣстіяхъ иное кажется баснословнымъ и едва вѣроятнымъ, какъ о нѣмыхъ людяхъ, умирающихъ и оживающихъ,

Digitized by Google

monstrosis hominum formis, pisceque humana effigie: de quibus etsi ipse quoque diligenter investigaverim, nihil tamen certi a quopiam, qui ea oculis suis vidisset (quamvis omnium fama rem ita se habere praedicarent) cognoscere potui: tamen ut aliis ampliorem harum rerum praeberem investigandi occasionem, nolui quicuam obmittere. unde et locorum vocabulis iisdem, quibus a Ruthenis nuncupantur, usus sum.

Noss, Ruthenis nasus dicitur: quo nomine promontoria ad nasi similitudinem in mare prominentia, vulgo appellant.

Montes circa Petzoram fluvium Semnoi poyas, id est Cingulus mundi vel terrae vocantur. Poyas enim Ruthenis cingulum significat. Lacus Kithai: a quo magnus Chan de Chataia, quem Mosci Czar Kythaiski appellant, nomen habet, Chan autem Tartaris regem sonat.

Lucomoryae loca maritima sylvestria sunt, quae ab accolis sine ullis aedibus habitantur. Quamvis autem Itinerarii author plurimas Lucomoryae gentes principi Moscovuiae subjectas esse referebat: tamen cum in propinquo Regnum Tumen sit, cujus princeps Tartarus est, et vernacula eorum lingua Tumenski Czar, id est Rex in Tumen appellatur, magnaque damna haud ita pridem principi Moscovuiae intulit: verisimile est, propter viciniam has gentes ipsi potius subjectas esse.

Ad Petzoram fluvium, cujus in Itinerario mentio fit civitas et castru Papin, seu Papinovugorod situm est: hujus accolae Papini, qui diversum a Ruthenico idioma habent, nuncupantur. Ultra hunc fluvium altissimi montes ad ripas usque protenduntur, quorum vertices ob continuos ventorum flatus omni prorsus materia gramineque fere carent. hi etsi

Digitized by Google

о Золотой Бабѣ, о чудовищныхъ формахъ людей, и о рыбѣ съ человѣческимъ образомъ, — объ чемъ и самъ я старательно разыскивалъ, но не встрѣтилъ ни одного очевидца, отъ котораго бы могъ узнать что нибудь навѣрно (хотя всѣ утверждали, что, согласно общей молвѣ, дѣло дѣйствительно такъ). При всемъ томъ я не хотѣлъ ничего пропустить, чтобы доставить случай другимъ глубже изслѣдовать это дѣло. Оттого я употреблялъ и названія мѣстъ тѣже самыя, которыя въ употребленіи у Русскихъ.

Носомъ у русскихъ называется nasus: этимъ именемъ обыкновенно зовутъ мысы, выдающіеся въ море на подобіе носа.

Горы около рѣки Печоры называются Земной Поясъ, т. е. Поясъ міра или земли; ибо cingulus по русски — поясъ. Отъ озера Китая получилъ названіе Ханъ Хатайскій, котораго Москвиты называютъ царемъ Китайскимъ. Ханъ у татаръ означаетъ царя.

Приморскіе мѣста Лукаморіи лѣсисты; Лукаморцы живутъ, въ нихъ не строя вовсе домовъ. Хотя сочинитель этаго дорожника писалъ, что весьма многія племена Лукаморіи подвластны князю Московскому; но такъ какъ вблизи находится царство Тюменъ, государь котораго Татаринъ и на ихъ языкѣ называется царемъ Тюменскимъ, т. е. властителемъ Тюменя и такъ какъ онъ не очень давно нанесъ большой уронъ князю Московскому, то правдоподобнѣе, что эти племена скорѣе подвластны ему, потому что онъ ближайшій сосѣдъ имъ.

На рѣкѣ Печорѣ, о которой идетъ рѣчь въ дорожникѣ, стоитъ городъ и крѣпость Папинъ или Папиновъ-городъ, жители котораго называются Папинами и имѣютъ языкъ отличный отъ русскаго. За этой рѣкой тянутся до самыхъ береговъ высочайшія горы, которыхъ вершины, по причинѣ постоянныхъ вѣтровъ, совершенно голы, даже не одѣты травой.

Digitized by Google

variis in locis varia habeant nomina, communiter tamen Cingulum mundi vocantur. In his montibus nidificant Gerofalcones, de quibus infra, cum de Principis venatione verba facturus sum. Crescunt etiam illic arbores cedri: circa quas nigerrimi Zebelli reperiuntur. Atque in Principis Moscovuiae ditione hi montes soli visuntur, qui veteribus Rhiphaei forte, vel Hyperborei montes visi sunt: et quod perpetuis nivibus ac glacie rigeant, transirique facile non possint, Engroneland provinciam incognitam faciunt. Basilius Ioannis filius Moscovuiae dux, aliquando ad exploranda ultra hos montes loca, gentesque debellandas, duos Praefectos ex suis per Permiam et Petzoram miserat, Simeonem Pheodorovuitz Kurbski a patrimonio suo ita nuncupatum, ex Iaroslavuski genere oriundum: et Knes Petrum Uschatoi quorum Kurbski me in Moscovuia existente, adhuc in vivis erat: mihique de hac re percontanti, decem et septem in ascendendo monte dies se consumpsisse dicebat: neque tamen montis verticem, qui patrio nomine Stolp, hoc est columna nuncupatur, superare potuisse. Extenditur mons ille in Oceanum, usque ad ostia Dvuinae et Petzora fluviorum. Et haec de Itinerario satis.

AD PRINCIPATUS MOSCOVIAE REDEO.

Susdali principatus, cum ejusdem nominis castro et civitate, in qua sedes Episcopalis est, inter Rostovu et Wuolodimeriam sita est. Quo tempore Mosci imperii sedes Wuolodimeria erat, inter praecipuos hic principatus numerabatur, ac reliquarum adjacentium urbium metropolis erat. Cres-

Digitized by Google

Хотя эти горы въ разныхъ мѣстахъ имѣютъ разныя имена, но вообще называются Земнымъ Поясомъ. На этихъ горахъ вьютъ гнѣзда соколы особой породы, объ этихъ я скажу ниже, когда буду говорить объ охотѣ князя. Растутъ тамъ также кедры, около которыхъ водятся самые черные соболи. Во владѣніи князя Московскаго замѣтны только одни эти горы, онѣ-то, можетъ быть, и слыли у древнихъ подъ именемъ Рифейскихъ или Гиперборейскихъ горъ Такъ, какъ онѣ постоянно покрыты снѣгомъ и льдомъ и переходъ чрезъ нихъ очень труденъ, то вслѣдствіе этаго область Энгронеландъ неизвѣстна. Князь Московскій Василій Іоанновичъ нѣкогда посылалъ черезъ Пермію и Печору двухъ своихъ воеводъ, Симеона Ѳеодоровича Курбскаго, прозывающагося такъ отъ своего наслѣдственнаго помѣстья, изъ рода князей Ярославскихъ, — и князя Петра Ушатаго для изслѣдованія мѣстъ за этими горами и для покоренія (туземныхъ) народовъ. Изъ нихъ Курбскій, въ бытность мою въ Московіи, былъ еще въ живыхъ и на мои разспросы объ этомъ отвѣчалъ, что онъ семнадцать дней взбирался на гору, на ихъ языкѣ называемую Столномъ, т. е. колонной, — и все таки не могъ добраться до ея вершины. Эта гора вдается до самыхъ устьевъ рѣкъ Двины и Печоры. О дорожникѣ и довольно этого.

ВОЗВРАЩАЮСЬ

КЪ МОСКОВСКОМУ КНЯЖЕСТВУ.

Княжество Суздаль съ крѣпостью и городомъ того же имени, гдѣ находится Епископская каѳедра, лежитъ между Ростовомъ и Володимеромъ. Когда Володимеръ былъ столицею Московскаго государства, оно считалось между главными княжествами и было метрополіей другихъ окрестныхъ горо-

Digitized by Google

cente post imperio ejus, sede Moscovuiam translata, Principum secundogenitis est attributus: quorum tandem posteri, ex quibus Basilius Schuiski cum nepote ex fratre (qui dum nos Moscovuiae essemus, adhuc vivebant) per Ioannem Basilii eo sunt exuti. Insigne in ea urbe Westalium monasterium est, in quo Solomea a Basilio repudiata, erat inclusa. Inter omnes Principis Moscovuiae principatus ac provincias, ubertate soli, rerumque omnium copia, Resan primas sibi vindicat: secundum hanc sunt, Iaroslavu, Rostovu, Pereaslavu, Susdali, Wuolodimeria: quae fertilitate terrae, proxime accedunt.

Castromovugorod civitas cum castro, in Wuolgae littore ad orientem aestiualem viginti fere miliaribus abest ab Iaroslavu, Novuogardia inferiori circiter quadraginta. Fluvius, a quo civitas nomen habet, ibi Wuolgam influit.

Galitz alius principatus cum civitate et castro, ex Moscovuia in Orientem per Castromovugorod euntibus occurrit.

Wuiathka provincia ultra Kamam fluvium, in Orientem aestivalem centum quinquaginta fere miliaribus abest a Moscovuia: ad quam itinere breviore quidem, sed difficiliore, per Castromovugorod et Galitz pervenitur. nam praeter paludes ac nemora, quae inter Galitz et Wuiathkam sunt, iterque impediunt, Czeremissae populi passim ibi vagantes latrocinantur. Quare fit, ut itinere per Wuolochdam et Ustyug longiore, sed faciliore tutioreque eo proficiscantur. Distat autem Wuiathka ab Ustyug centum viginti miliaribus, a Cazan sexaginta. Regioni ejusdem nominis fluvius nomen dedit, in cujus littore sunt Chlinovua, Orlo, et Slovuoda.

Digitized by Google

довъ. При усиленіи же власти Московскаго государя и по перенесеніи имъ резиденціи въ Москву, оно сдѣлалось владѣніемъ младшихъ княжескихъ сыновей; наконецъ потомки ихъ, именно Василій Шуйскій съ племянникомъ (они были въ живыхъ еще въ нашу бытность въ Москвѣ), лишены были своего княжества Іоанномъ Васильевичемъ. Въ Суздалѣ находится знаменитый дѣвичій монастырь, въ которомъ была заключена Соломея, отверженная княземъ Василіемъ. Между всѣми княжествами и областями государя Московскаго, по плодородію почвы и обилію произведеній, первое мѣсто занимаетъ Резань; послѣ нея Ярославъ, Ростовъ Переяславъ, Суздаль, Володимеръ, по плодородію почвы немногимъ уступающіе Резани.

Кастромовъ-городъ, городъ съ крѣпостью, на берегу Волги къ лѣтнему Востоку, отстоитъ почти на двадцать миль отъ Ярослава и около сорока отъ Нижняго Новгорода. Рѣка, отъ которой городъ заимствуетъ свое имя впадаетъ тутъ въ Волгу.

Галичъ, другое княжество съ городомъ и крѣпостью, находится на пути чрезъ Кастромовъ-городъ къ Востоку отъ Москвы.

Область Вятка, за рѣкою Камою, лежитъ почти въ ста пятидесяти миляхъ отъ Москвы къ лѣтнему востоку; кратчайшая дорога къ ней идетъ черезъ Костромовъ-городъ и Галичъ; но она затруднительна, ибо кромѣ болотъ и лѣсовъ, находящихся между Галичемъ и Вяткою и замедляющихъ путь, тамъ разбойничаютъ кочующіе повсюду Черемисы. Поэтому туда отправляются черезъ Вологду и Устюгъ путемъ долгайшимъ, но за то болѣе удобнымъ и безопаснымъ. Вятка же отстоитъ отъ Устюга на сто двадцать миль, отъ Казани на шестьдесятъ. Страна эта получила названіе отъ рѣки на берегу которой стоятъ Хлиновъ, Орловъ и Словода. Орловъ по край-

Digitized by Google

Et Orlo quidem quatuor miliaribus est infra Chlinovuam. Dein sex miliaribus Occidentem versus descendendo, Slovuoda. Cotelnitz autem octo a Chlinovua miliaribus, ad Rhecitzan fluvium, qui ex Oriente fluens inter Chlinovua et Orlo, in Wuiathkam exoneratur. Regio palustris et sterilis est, servorum fugitivorum velut asylum quddam: melle, feris, piscibus, aspreolisque abundans Haec olim Tartaricae ditionis erat, adeo ut adhuc hodie ultra citraque Wuiathkam, maxime in ostiis quibus Kamam fluvium ingreditur, Tartari imperent. Itinera illic computantur per Czunckhas. Czunckhas autem continet quinque vuerst. Kama fluvius exoneratur in Wuolgam duodecim miliarib. infra Cazan. huic fluvio adjacet Sibier provincia.

Permia magna et ampla provincia, a Moscovuia ducentis quinquaginta (seu, ut quidam volunt, trecentis) miliaribus recta inter Orientem et Septentrionem distat. Civitatem ejusdem nominis ad Wischora fluvium habet, qui decem miliaribus infra Kamam influit. Eo propter crebras paludes et fluvios, terrestri itinere vix, nisi hyeme, pervenitur: aestate vero per Wuolochdam, Ustyug, Witzechdaque fluvium, qui duodecim ab Ustyug miliaribus Dvuinam influit, navigiis iter hoc facilius conficitur. Caeterum qui ex Permia in Ustyug proficiscuntur, iis adverso Wischora navigandum est: emensisque aliquot fluviis, navibusque terra quandoque in alios fluvios translatis, ad Ustyug tandem trecentis ab Permia miliaribus deveniunt. Rarissimus in ea provincia panis usus: loco tributi equos et pelles quotannis Principi pendunt. Idioma proprium habent: characteres item proprios, quos Stephanus episcopus, qui eos in fide Christi vacillantes confirmarat (nam antea in fide adhuc infantes, episcopum quendam idem attentantem excoriaverant) primus adinvenit. Hic Stephanus postea Demetrio

Digitized by Google

ней мѣрѣ на четыре мили ниже Хлинова. За тѣмъ, пройдя шесть миль къ востоку, встрѣтишь Словоду. Котельничъ же находится въ восьми миляхъ отъ Клинова на рѣкѣ Рецичанѣ, текущей съ Востока между Клиновой и Орломъ и впадающей въ Вятку. Страна болотиста, безплодна и служитъ какъ бы убѣжищемъ для бѣглыхъ рабовъ; изобилуетъ медомъ, дикими звѣрями, рыбой и бѣлками. Прежде она была подвластна Татарамъ да и теперь, по сю и по ту сторону Вятки, въ особенности при впаденіи ея въ Каму, властвуютъ Татары. Дороги измѣряются тамъ чункасами, а чункасъ содержитъ въ себѣ пять верстъ. Рѣка Кама изливается въ Волгу двѣнадцатью милями ниже Казани. Къ этой рѣкѣ прилегаетъ область Сибирь.

Пермія, большая обширная область, отстоитъ отъ Москвы на двѣсти пятьдесятъ или, по другимъ, на триста миль, прямо на Сѣверо-Востокъ. Въ ней находится городъ того же имени, на рѣкѣ Вишорѣ, которая, десятью милями ниже, впадаетъ въ Каму. По причинѣ частыхъ болотъ и рѣкъ, туда едва можно доѣхать сухимъ путемъ, развѣ только зимой; лѣтомъ же легче совершить этотъ путь на судахъ, черезъ Вологду, Устюгъ и рѣку Вычегду, которая въ двѣнадцати миляхъ отъ Устюга впадаетъ въ Двину. Отправляющимся изъ Перми въ Устюгъ надобно плыть вверхъ по Вишорѣ; пройдя нѣсколько рѣкъ и въ иныхъ мѣстахъ перетаскивая суда землею въ другія рѣки, путешественники приходятъ къ Устюгу въ трехъ стахъ миляхъ отъ Перми.

Въ этой области хлѣбъ составляетъ чрезвычайную рѣдкость; вмѣсто подати жители Перміи ежегодно даютъ князю лошадей и мѣха. У нихъ свой языкъ, а также и свои письмена, изобрѣтенныя Епископомъ Стефаномъ, который окончательно утвердилъ ихъ въ христіанской вѣрѣ. (Прежде же еще не проникнутые вѣрою, они содрали кожу съ какого-то

Digitized by Google

Ioannis filio imperante, apud Ruthenos in numerum deorum relatus est. Supersunt adhuc ex iis in sylvis passim plures idololatrae, quos monachi et heremitae eo proficiscentes, non cessant ab errore vanoque cultu revocare. Hyeme in Artach fere, quemadmodum in plurimis Russiae locis, iter faciunt. sunt autem Artach, ligneae quaedam et oblongae soleae, sex ferme palmarum longitudine, quibus in pedes inductis feruntur, magnaque celeritate itinera conficiunt. Canibus, quos in hunc usum magnos habent, pro jumentis utuntur, quibus sarcinas, quemadmodum infra de cervis dicetur, vehiculis circumvehunt. Ajunt eam provinciam Orientem versus, Tartarorum provinciae quae Tumen dicitur, esse conterminam.

Iugariae provinciae situs ex supradictis patet. Rutheni per aspirationem Juhra proferunt, et populos Juhrici vocant. Haec est Juharia, ex qua olim Hungari progressi, Pannoniam occuparunt, Attilaque duce multas Europae provincias debellarunt. Quo nomine Moscovuitae multum gloriantur, quod eorum subditi magnam Europae partem olim *sint* depopulati. Referebat Georgius Paruus dictus, natione Graecus, in priori me a legatione inter tractatus volens jus Principis sui deducere ad magnum Ducatum Lithvuaniae, regnum Poloniae, etc. Juharos subditos magni Ducis Moscovuiae extitisse, et ad paludes Maeotidis confedisse: deinde Pannoniam ad Danubium, et inde nomen Hungariae accepisse: demum Moravuiam, ex fluvio sic nominatam: et Poloniam a Polle, quod est planicies, occupasse: de fratris Attilae nomine Budam nominasse. Relata saltem volui referre. Ajunt Juharos in hunc diem eodem cum Hungaris idiomate uti. quod an verum sit, nescio. Nam etsi diligenter inquisierim,

Digitized by Google

Епископа, который принимался было за тоже дѣло). Этотъ Стефанъ уже въ правленіе Димитрія Іоанновича былъ причисленъ русскими къ лику святыхъ. До сихъ поръ многіе изъ нихъ остаются идолопоклонниками и живутъ разсѣянно въ лѣсахъ; монахи и отшельники, отправляющіеся туда, не престаютъ обращать ихъ отъ заблужденія и суетнаго служенія идоламъ. Зимою они ходятъ на артахъ, что̀ дѣлается въ весьма многихъ мѣстахъ Руссіи; а арты суть деревянныя продолговатыя подошвы почти въ шесть пальмъ длиною; надѣвъ ихъ на ноги, они несутся и совершаютъ путь очень быстро. Они употребляютъ вмѣсто вьючнаго скота большихъ собакъ, на которыхъ перевозятъ тяжести въ повозкахъ, въ родѣ того, какъ ниже будетъ говориться объ оленяхъ. Говорятъ, что эта область на Востокъ пограничена съ Татарскою, называемой Туменъ.

Положеніе области Югаріи видно изъ вышесказаннаго. Русскіе произносятъ Югра съ придыханіемъ и называютъ народъ югричами. Это та Югарія, изъ которой нѣкогда вышли венгры, заняли Паннонію и подъ предводительствомъ Аттилы покорили многія области Европы. Московиты очень гордятся именемъ Югаріи; потому что ихъ подданные нѣкогда опустошили большую часть Европы. Въ первое мое посольство, Георгій, по прозванію малый, родомъ Грекъ, между прочими разсужденіями, желая доказать право своего государя на великое княжество Литовское, на королевство Польское и др., говорилъ, что югары были подданными великаго князя Московскаго и сидѣли у болотъ Меотійскихъ; потомъ заняли Паннонію у Дуная, отчего она и получила имя Гунгаріи; наконецъ Моравію, названную такъ по рѣкѣ, и Польшу отъ слова *поле*, что̀ значитъ равнина; и что они назвали Буды по имени брата Аттилы. Я желаю передать только то, что слышалъ. Говорятъ, что югары до сихъ поръ употреб-

neminem tamen ejus regionis hominem habere potui, quo cum famulus meus linguae Hungaricae peritus colloqui potuisset. Hi quoque pelles pro tributo Principi pendunt. Quamvis uniones gemmaeque illinc in Moscovuiam afferantur. non tamen in eorum Oceano colliguntur, sed aliunde, praecipue vero a littoribus Oceani, ostiis Dvuinae vicinis afferuntur.

Sibier provincia Permiam et Wiathkam contingit, quae an castra et civitates aliquas habeat, compertum non habeo. In hac oritur Jaick fluvius, qui in mare Caspium exonerat. Regionem propter viciniam Tartarorum desertam, aut si qua parte colitur, a Tartaro Schichmamai occupatam esse ajunt. Hujus indigenae proprio idiomate utuntur. quaestum faciunt maxime ex aspreolorum pellibus, quae aliarum provinciarum aspreolos magnitudine et pulchritudine excellunt: quarum tamen copiam in Moscovuia tum nullam habere potuimus.

Czeremissae populi sub Novuogardia inferiore in sylvis habitant propriam hi linguam habent, Machumetique dogma sequuntur. Regi Cazanensi nunc parent, quamvis maxima eorum pars duci Moscovuiae olim tributaria esset: unde subditis Moscovuiae adhuc annumerantur. Adduxerat inde Moscovuiam Princeps illorum multos, defectionis crimine suspectos: quos ibi vidimus. Hi autem cum ad fines Lithvuaniam versus missi fuissent, tandem in varias partes dilapsi sunt. Haec gens a Wuiathka et Wuolochda, ad fluvium Kamam usque, longe lateque sine ullis aedibus habitant. Omnes tam viri quam foeminae cursu sunt velocissimi, sagittarii porro peritissimi omnes, arcu nunquam e manibus

Digitized by Google

ляютъ одинъ и тотъ же языкъ съ венграми; правда-ли это, не знаю. Ибо, не смотря на мои тщательные поиски, не нашлось ни одного человѣка изъ этой страны, съ которымъ бы могъ поговорить мой слуга, знающій по-венгерски. Они также платятъ дань князю мѣхами. Хотя оттуда привозятся въ Москву жемчуги и драгоцѣнные камни, но ихъ собираютъ не на ихъ Океанѣ, но въ другомъ мѣстѣ; главный же привозъ съ береговъ Океана близь устьевъ Двины.

Область Сибирь граничитъ съ Пермью и Вяткою, но имѣетъ ли какіе нибудь крѣпости и города, — навѣрно не знаю. Въ ней беретъ начало рѣка Яикъ, вливающаяся въ Каспійское море. Говорятъ, что эта страна пустынна, по причинѣ близкаго сосѣдства съ Татарами; частями же ея, которыя обработываются, владѣетъ татаринъ Шихмамай. Ея жители имѣютъ собственный языкъ; ихъ главный промыслъ — бѣличьи мѣха, которые больше и красивѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Впрочемъ мы не могли достать тогда ни одного образца такого мѣха въ Москвѣ.

Черемисы живутъ въ лѣсахъ подъ Нижнимъ Новгородомъ. Они имѣютъ собственный языкъ и исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Они подвластны теперь Казанскому царю, хотя большая ихъ часть прежде платила дань князю Московскому; отъ того до сихъ поръ они причисляются къ подданнымъ Московіи. Князь вывелъ въ Московію многихъ изъ нихъ, по подозрѣнію въ измѣнѣ, и мы видѣли ихъ тамъ. Когда же ихъ отправили на литовскую границу, то они разсѣялись въ разныя стороны. Это племя обитаетъ на обширномъ пространствѣ отъ Вятки и Вологды до рѣки Камы, не имѣя никакихъ жилищъ. Всѣ они, какъ женщины такъ и мущины, весьма быстры на бѣгу, всѣ весьма искусны въ метаніи стрѣлъ, потому что никогда не выпускаютъ изъ рукъ лука; они для

Digitized by Google

deposito: quo adeo oblectatur, ut etiam filiis cibum non praebeant, nisi praefixum scopum sagitta feriant.

Duobus miliaribus a Novuogardia inferiore plurimae erant domus ad civitatis oppidique similitudinem, ubi sal decoquebatur. Hae paucos ante annos a Tartaris exustae, Principis jussu restitutae sunt.

Mordvua populi ad Wuolgam sunt, infra Novuogardiam inferiorem in littore Meridionali, Czeremissis, nisi quod frequentiores domos habent, per omnia similes. Atque hic nostrae digressionis, Moscicique imperii terminus esto.

Nunc de vicinis ac conterminis populis certa quaedam subjungam, eodem quo ex Moscovuia egressus sum ordine in Orientem servato. Hac autem parte Tartari Cazanenses primi occurrunt: de quibus, antequam ad peculiaria ipsorum perveniam, in genere quaedam referenda sunt.

DE TARTARIS.

De Tartaris, eorum que origine, praeter ea quae in Annalibus Polonorum, et duobus de Sarmatiis libellis continentur, multi passim multa scripsere: quae hoc loco repetere, magis taediosum quam utile esset. Quae autem ipse in Ruthenorum annalibus, multorumque hominum relatione cognovi, paucis adscribenda censui. Ajunt Moabitenos populos, qui postea Tartari dicti sunt, homines lingua, moribus, habituque a reliquorum hominum ritu consuetudineque dissidentes, ad fluvium Calka pervenisse: qui unde venissent, quo religionis dogmate uterentur, omnibus ignotum fuisse. Quanquam a quibusdam Taurimeni, ab aliis

Digitized by Google

забавы даже не даютъ пищи сыновьямъ, пока эти не попадутъ стрѣлою въ назначенную цѣль.

Въ двухъ миляхъ отъ Нижняго Новгорода находилось множество домовъ, составлявшихъ родъ города или предмѣстья, гдѣ вываривалась соль. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выжённые Татарами, они были выстроены вновь по приказанію Князя.

Мордва живетъ при Волгѣ, на южномъ ея берегу, за Нижнимъ Новгородомъ. Этотъ народъ во всемъ похожъ на Черемисовъ, кромѣ того что у нихъ чаще встрѣчаются жилища. Здѣсь конецъ Московскихъ владѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ мы оканчиваемъ наше путешествіе.

Теперь я приведу нѣкоторыя вѣрныя извѣстія о сосѣднихъ и пограничныхъ народахъ, соблюдая тотъ же порядокъ въ которомъ я шелъ изъ Московіи на Востокъ.

Съ этой стороны первые встрѣчаются Казанскіе татары; прежде, нежели я перейду къ ихъ особенностямъ, должно сказать что нибудь вообще объ нихъ.

О ТАТАРАХЪ.

О Татарахъ и ихъ происхожденіи, кромѣ того, что заключается въ Польскихъ лѣтописяхъ и въ двухъ книжечкахъ о Сармаціяхъ, много повсюду писано; повторять здѣсь это было бы болѣе скучно, чѣмъ полезно. Что же я узналъ изъ Русскихъ лѣтописей и разсказовъ многихъ, объ этомъ нахожу нужнымъ написать вкратцѣ. Говорятъ, что Моавитяне названные послѣ Татарами, люди отличающіеся отъ остальныхъ народовъ языкомъ, обычаями и наружностью, пришли къ Калкѣ, а откуда они пришли, какія у нихъ были правила вѣры — никому было не извѣстно. Впрочемъ одни называли ихъ Таврименами, другіе — Пиченегами, иные — иначе.

Digitized by Google

Pitzenigi, aliis alio nomine appellarentur. Methodius Patanczki episcopus, ex Jeutriskie desertis inter Septentrionem et Orientem eos processisse dicit, causamque migrationis talem refert. Gedeonem quendam, primi nominis virum, terrorem ipsis de fine mundi, quem imminere dicebat, quandoque injecisse: cujus oratione inducti, ne amplissimae orbis opes cum mundo simul interirent, innumera cum multitudine ad spoliandas provincias exivisse: et quicquid ab Oriente ad Euphratem, sinum que Persicum continetur, crudeliter diripuisse atque ita provinciis passim vastatis, Polovutzos gentes, quae adjunctis sibi Ruthenorum auxiliaribus copiis, solae occurrere ausae erant, ad fluvium Calka profligasse: anno mundi 6533. Quo loco autorem libelli de duabus Sarmatiis, de Polovutzis populis, quas venatores interpretatur, errasse clarum est. Polovutzi enim campestres dicuntur. nam Polle campus est: Lovuatz, et Lovutzi, venatores adjuncta autem tzi, vel ksi syllaba, non mutat significationem: neque enim ab ultimis, sed primis syllabis significatio deducenda est. Et quod ejusmodi Ruthenorum dictionibus syllaba generalis ski adjici solet, ea res homini imposuit: atque ita Polovutzi campestres, et non venatores interpretari oportet. Polovutzos Rutheni Gotthos fuisse perhibent: quorum tamen sententiae non accedo. Qui Tartaros describere velit, multas nationes describat necesse est. Nam ex sola secta hoc nomen habent: et diversae nationes sunt, longe ab invicem distantes. Atqui ad institutum redeo. Bathi Tartarorum rex magna manu a meridie in Septentrionem egressus, Bulgariam, quae ad Wuolgam infra Cazan est, occupavit. Anno dein sequenti, qui erat 6745, sequutus victoriam, in Moscovuiam usque pervenit, urbem Regiam aliquandiu obsessam per deditionem tandem accepit: sed fide quam dederat, non servata, omnibus caesis, ultra progressus, vicinas provincias, Wuolodime-

Digitized by Google

Меѳодій Епископъ Патанцкій говоритъ, что они вышли съ Сѣверо-Востока изъ пустынь Ейтрискихъ, и такъ разсказываетъ причину ихъ переселенія. Одинъ знатный человѣкъ Гедеонъ нѣкогда навелъ на нихъ страхъ проповѣдью о близости кончины міра. Увлеченные его рѣчами, въ безчисленномъ множествѣ вышли они изъ своей страны для грабежа, чтобы вмѣстѣ съ міромъ не погибли огромныя богатства земнаго шара, и жестоко разграбили все, что находится отъ Востока къ Евфрату и Персидскому заливу. Такимъ образомъ, опустошивъ повсюду провинціи, они разбили при рѣкѣ Калкѣ племена Половецкія, которыя одни только осмѣлились противустать имъ, въ соединеніи съ вспомогательными Русскими войсками. Это было въ 6533 г. отъ сотворенія міра. Очевидно, что въ этомъ мѣстѣ авторъ книжки о двухъ Сарматіяхъ сдѣлалъ ошибку, сказавъ, что слово Половцы значитъ охотники. Половцы значитъ полевые: ибо *поле* равняется нашему *campus;* ловецъ, ловцы — venatores, охотники. Прибавленіе же слога *tzi* или *ksi* не перемѣняетъ значенія; и значеніе должно выводить не изъ послѣднихъ, а изъ первыхъ слоговъ. И такъ какъ къ подобнымъ Русскимъ рѣченіемъ обыкновенно прибавляется общій слогъ *ski*, то это и ввело его въ обманъ; такимъ образомъ, «Половцы» слѣдуетъ объяснять словомъ «полевые», а не словомъ «охотники». Русскіе утверждаютъ, что Половцы были Готты; но я не соглашаюсь съ ихъ мнѣніемъ. Тому, кто хочетъ отыскивать Татаръ, необходимо описать многіе народы, ибо это имя у нихъ племянное, и имъ называются разные, живущіе въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи народы. Но я возвращаюсь къ начатому разсказу. Батый, Царь Татарскій, пришедшій съ Юга на Сѣверъ съ огромнымъ войскомъ, занялъ Булгарію, что находиттся у Волги, ниже Казани. Потомъ въ слѣдующемъ 6745 году одержавши побѣду, онъ проникъ въ Московію и послѣ не-

Digitized by Google

ram, Pereaslavu, Rostovu, Susdali, compluraque castra et oppida, caesis, aut in servitutem abductis inhabitatoribus, exussit: Georgium magnum Ducem instructo exercitu sibi occurrentem profligavit, et occidit: Basilium item Constantini, captivum secum abduxit, interemitque quae omnia, ut supra dictum est, anno mundi 6745 gesta sunt. Ab eo tempore omnes fere Russiae principes, a Tartaris inaugurabantur, illisque parebant, usque ad Wuitoldum magnum Lithvuaniae Ducem, qui provincias suas, et quae in Russia occupaverat, a Tartarorum armis fortiter defendit, vicinisque omnibus terror fuit. Magni autem duces Wuolodimeriae et Moscovuiae, usque ad modernum Basilium Ducem, semper in praestita semel Tartarorum Principum fide et obedientia permanserunt. Hunc Bathi, annales referunt, ab Wulaslavu Hungarorum rege, qui post baptismum Wuladislaus dictus, inque divorum numerum relatus est, occisum fuisse in Hungaria. nam cum regis sororem, quam in regni depopulatione forte nactus fuerat, secum abduxisset, rexque et sororis pietate, et indignitate rei commotus, hunc insecutus fuisset: impetuque in Bathi facto, cum soror arreptis armis, adultero contra fratrem auxilio esset: iratus rex, sororem una cum Bathi adultero interfecit. Haec gesta sunt anno mundi 6745.

Asbeck ipsi Bathi in imperio successit, moriturque anno mundi 6834. cui filius Zanabeck suffectus est: qui fratribus suis, ut solus sine metu regnatet, occisis, moritur anno 6865. Hunc Berdebeck sequutus, qui fratrib. duodecim pariter occisis, obiit 6867. Post quem Alculpa, a Naruss quodam regulo, cum liberis statim ab inito imperio occisus, non ultra mensem imperavit. Ad hunc regnum jam possidentem, omnes Principes Russiae convenerunt, imperandique in sua quisque provincia potestate imperata, abierunt. Occiditur anno 6868. Cui Chidir in regno succedens,

Digitized by Google

Digitized by Google

Цѣна безъ пересылки 1 р.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google